

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш.МАРДЖАНИ**

**И С Т О Р И Я
ТАТАР
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН**

В СЕМИ ТОМАХ

ТОМ IV

**Татарские государства
XV–XVIII вв.**

**КАЗАНЬ
2014**

УДК 93/99
ББК 63.3
И 90

Подготовка и издание книги осуществлены в соответствии
с Распоряжением Кабинета Министров Республики Татарстан
от 10.03.2014 г. № 466-р

Научный совет издания:

Рафаэль Хакимов (Россия, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Ильнур Миргалеев (Россия, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Вадим Трепавлов (Россия, Институт российской истории РАН)

Илья Зайцев (Россия, Институт востоковедения РАН, Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник)

Юлай Шамильоглу (США, Висконсинский университет)

Дариуш Колодзейчик (Польша, Институт истории Польской академии наук)

Антон Горский (Россия, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова)

Халил Инальджик (Турция, Университет Билкент)

Иштван Вашари (Венгрия, Университет им. Лоранда Этвеша)

Дамир Исхаков (Россия, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Ильяс Кемалоглу (Турция, Университет изящных искусств им. Мимар Синана)

Хатип Миннегулов (Россия, Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Марсель Ахметзянов (Россия, Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ)

Дина Мустафина (Россия, Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Тасин Джамиль (Румыния, Университет Бабеш-Боляя)

Александр Нестеров (Россия, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н.Ельцина)

Алексей Матвеев (Россия, Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А.Врубеля)

Игорь Белич (Россия, Институт проблем освоения Севера СО РАН)

Рафаэль Валеев (Россия, Казанский государственный университет культуры и искусств)

Мария Иванич (Венгрия, Университет Сегеда)

Михаил Горелик (Россия, Институт востоковедения РАН)

Главный редактор

Рафаэль Хакимов (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Научный редактор тома

Ильнур Миргалеев (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Ответственный секретарь тома

Резеда Абызова (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Редакционная коллегия тома:

Рафаэль Хакимов (Россия, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Ильнур Миргалеев (Россия, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Вадим Трепавлов (Россия, Институт российской истории РАН)

Илья Зайцев (Россия, Институт востоковедения РАН, Бахчисарайский историко-

культурный и археологический музей-заповедник)

Дамир Исхаков (Россия, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

Юлай Шамильоглу (США, Висконсинский университет)

Иштван Вашари (Венгрия, Университет им. Лоранда Этвеша)

ISBN 978-5-94981-187-0

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ильнур Миргалеев

Большая татарская нация состоит из разных групп, которые полностью соответствуют средневековым татарским государствам. Казанские, сибирские, крымские, касимовские, астраханские, белорусско-литовские, добруджинские татары... Казанское, Сибирское, Крымское, Астраханское ханства, Ногайская Орда, политические образования в землях Великого княжества Литовского, на Балканах... Из разных местных тюркских племен, прежде всего кыпчаков и болгар, и пришлых, центральноазиатских и среднеазиатских тюрков – из татаро-монгол и восточных кыпчаков в золотоордынский период сформировался татарский народ. Период распада Золотой Орды растянулся на долгие годы и практически весь XV в. шел постепенный распад некогда могучего тюрко-татарского государства и параллельно шло формирование новых государств, татарских юртов. Практически все татарские государства были завоеваны новым, мощным Московским государством, которое несколько столетий находилось в подчинении у татарских ханов Золотой Орды и татарских юртов. Последнее государство – Крымское ханство – было присоединено к России в XVIII в.

Несмотря на достаточно небольшой промежуток времени существования татарских государств (кроме Крыма), они оставили глубокий след в истории Евразии. Это было время господства на большой территории Евразии тюрко-татарского языка. Его влияние сохранялось вплоть до начала XX в. Татары все в большем количестве вовлекались в строительство Московского государства, а когда все они оказались в составе одного государства, как в период Золотой Орды, но уже в Российской империи, то не потерялись и сохранились по сей день и в основном как единая нация. Хотя потери были колоссальными, шла активная ассимиляция, культурно-религиозный прессинг.

Татарские государства были активны во внешней политике. По сути, они оставались той же Золотой Ордой, правда в немного усеченной форме и без единой столицы. Однако понятие Тахт Эли – Тронное место – еще

долго напоминало о былом величественном Сарае – столице Золотой Орды, а название Большая Орда, Великая Орда (собственное название Золотой Орды) было не только названием Большой Орды, но, например, и Крымского ханства. Татарские ханства свои государства называли юртами, т.е. «домами» джучидских правящих родов. Вообще сознание былого единого государства, единой династии, единого народа, единой культуры, религии, языка отчетливо понималось жителями всех татарских ханств и все они продолжали именоваться татарами.

Жители татарских ханств по разным причинам переселялись в другие ханства. Для правления в одни татарские государства приглашались представители других ханских родов. Все правители татарских ханств считались единой династией. Например, на престоле Казанского ханства сидели как потомки последнего правителя единой Золотой Орды – потомки Улуг-Мухаммеда, так и из Крыма, Сибири, Касимова, представители большеордынской династии. Практически из всех татарских ханств.

Татарские ханства занимали огромные территории. Были татары кочевниками, оседлыми и городскими жителями. Они активно торговали, разводили домашний скот, лошадей, обрабатывали земли, строили города, осваивали леса, были прекрасными ювелирами и кузнецами...

Татары оставались хорошими воинами. В них нуждались все усиливающиеся государства Восточной Европы и Анатолии. Татарские государства были вовлечены в различные коалиции, порой и против друга. Попытки объединить татарские ханства в единое государство предпринимали Улуг-Мухаммед, Ахмад-хан, Гирейды. Однако процесс децентрализации усиливался и политикой Осман, и завоеваниями Московского государства. Московское государство с XVI столетия начинает претендовать на политическое наследие Золотой Орды – на «татарские юрты». В итоге все они поодиночке были завоеваны Москвой и полностью прекратили свое существование.

* * *

Целью IV тома «Татарские государства XV–XVIII вв.» семитомной «Истории татар с древнейших времен» было создание объективно изложенной истории татарских государств. Редакторы не ставили цель диктовать какие бы то ни было условия авторам. Авторы были подобраны исключительно по профессиональному уровню.

Первая структура тома была подготовлена Д.М.Исхаковым. После передачи подготовки тома И.М.Миргалееву последним были внесены незначительные изменения в структуру тома, однако в целом она осталась прежней.

Авторами IV тома стали известные специалисты, как российские, так и зарубежные коллеги: В.В.Трепавлов, И.В.Зайцев, А.А.Горский, Д.Колодзейчик,

Д.М.Исхаков, А.Г.Бахтин, И.Л.Измайлов, Х.Ю.Миннегулов, М.И.Ахметзянов, И.К.Фоменко, Б.Р.Рахимзянов, А.Г.Нестеров, А.В.Матвеев, Тасин Джамиль, Р.Ю.Почекаев, Н.Р.Абдульвапов, Ю.С.Худяков и мн. др.

Приложения к тому подготовили: В.В.Трепавлов, Н.С.Сейтягьяев, Д.А.Мустафина, В.В.Грибовский, И.А.Мустакимов, А.Г.Нестеров, М.С.Гатин, Л.Ф.Абзалов, И.Л.Измайлов, И.М.Миргалеев.

Списки источников и литературы, сокращений, именной и политико-географический указатели подготовили Р.Р.Абызова, А.В.Ахтямова, Л.С.Гиниятуллина, М.Р.Исмагилова, Э.Г.Сайфетдинова, З.Т.Хафизов и др.

Рисунки предоставлены авторами, карты выполнены впервые, специально для тома (автор А.А.Астайкин). Карты были согласованы с авторами соответствующих разделов.

ВВОДНЫЙ РАЗДЕЛ. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Глава 1. Общая характеристика поздnezолотоордынского периода

Вадим Трепавлов

В истории многих народов Евразии период XV–XVII вв. отмечен распадом Улуса Джучи и образованием на его месте новых государств. Представляется, что институциональные связи между частями бывшей Золотой Орды в то время были выстроены в некую систему. Эта система основывалась, во-первых, на инерции прежнего единства распавшегося Джучиева Улуса; во-вторых, на царственных прерогативах фамилии Джучи, не ограниченных конкретными «постордынскими» юртами и стольными резиденциями; в-третьих, на относительной этнической однородности населения на громадном пространстве Дешт-и Кипчака и некоторых сопредельных регионов¹.

Историки уже высказывали сходные суждения. Так, М.А.Усманов писал о единстве правящего дома Джучи для всего бывшего золотоордынского пространства, отчего крымские ханы приглашались в Казань, казанские принцессы выходили замуж за Гиреев, а ногайские княжны – за правителей Казани [Усманов, 1997, с.43].

Д.М.Исхаков предполагает относительно однотипное устройство ханств, где существовали юрты правящих племен, и представители этих племен могли свободно перемещаться из одного ханства в другое, оседая на территории соответствующих родовых владений [Исхаков, 2009в, с.7–9].

¹ Возможно, в данную межгосударственную (и надгосударственную) парадигму отношений каким-то образом оказался встроен и бывший чагатайский Мавераннахр – после от-

теснения Тимуром от власти улусных ханов Чагатаидов и последующей реставрации владычества потомков Чингис-хана Мухаммедом Шейбани.

О.Гайворонский видит попытки восстановления единства Ордынского государства в активной политике крымского хана Менгли-Гирея по отношению к его татарским соседям и соперникам. Самым главным успехом его на этом поприще был разгром Большой Орды в 1502 г., присоединение части ее территории и увод населения в Крым [Гайворонский, 2007, ч. II]. Правда, развить эту политику в дальнейшем его сыну Мухаммед-Гирею не удалось, т.к. вскоре после взятия Астрахани в 1523 г. он был убит ногаями, и претензии Крыма на главенство в бывшей Золотой Орде впоследствии уже были чисто номинальными.

И.В.Зайцев убедительно продемонстрировал тесные культурные связи между поволжскими ханствами, Крымом, Ногайской Ордой и Средней Азией, показал, что «несмотря на политический развал, постзолотоордынские государства представляли собой единое культурное пространство, связанное общностью традиций, языка, науки, литературы и образованности» [Зайцев, 2009а, с.33].

Следует подчеркнуть, что речь должна идти об инерции, пережитках единой государственности, т.к. в действительности никаких центростремительных процессов в государствах-наследниках Золотой Орды не было заметно. Хотя и возможно, что ностальгия по ордынским временам существовала. По ряду источников можно судить, что «золотым веком» считался апогей стабильности великой державы – ханствования Узбека и Джанибека.

Вероятно, современные историки излишне абсолютизируют (или модернизируют) межгосударственные отношения, в том числе границы между юртами XV–XVI вв. В историографии утвердилось мнение о четком делении Джучиева Улуса на два крыла с загадочными, «плавающими», трудно атрибуруемыми цветовыми обозначениями. Из источников, повествующих о событиях XIII в. (Рубрук, Рашид-ад-Дин), можно вывести существование там двух автономных ханств и ханов. Однако относительно следующего столетия такой же ясной картины уже нет. То есть продолжают действовать беки правого и левого крыльев, но насколько эта принадлежность соотносится с реальным разделением государства, непонятно.

В трудах тюркских хронистов XVI–XVII вв. (Абу-л-Гази, Кадыр Али-бека, Утемиш-хаджи, анонимных авторов «Дафтар-и Чингиз-наме») крыльевая территориальная структура практически не отразилась. Разве что у Утемиш-хаджи говорится о выделении Чингиз-ханом Саину~Бату правого крыла по Итилю, а Иджану~Орду – левого крыла по Сырдарье; да приводится похোжая на легенду история о распределении юрт разного цвета между его внуками – сыновьями Джучи [Утемиш-хаджи, 1992, с.92, 93]. Однако у того же Утемиш-хаджи отношения между правителями и жителями крыльев вовсе не напоминают сосуществование двух соседних государств.

Представляется, что в истории Улуса Джучи однажды наступило время, когда деление его на крылья превратилось в номинальную абстракцию, обозначение ранга племен и их предводителей. Возможно, такую перемену следует связывать с чрезвычайным усилением правого крыла государства в первой половине XIV в. Начало данному процессу было положено, очевидно, при хане Токте, который выдал Баяну ярлык на царствование в левом крыле в 701 г.х. (1301–1302) [Рашид-ад-Дин, 1960, с.68]. Затем последовали попытка совместных действий Узбека и Баяна против Хулагуидов, свержение войсками Узбека сыгнакского хана Мубарака (который попытался выйти из повиновения Сараю), правление Тинибек б. Узбека в Сыгнаке, ярлык Джанибека Чимтаю и военная поддержка последнего в борьбе за Сыгнак... (подробно см.: [Ускенбай, 2002, с.25–31]). В той ситуации были проигнорированы номинальные принципы старшинства левой стороны над правой и первенства потомков Орду-ичена перед потомками Бату. Произошло фактическое объединение территории государства под верховенством сарайских правителей. Это иллюстрируется борьбой восточной аристократии именно за столицу на Нижней Волге во второй половине XIV в. Впоследствии, в XVI в., когда на фоне полного распада ханства правого крыла довольно сильными стали выглядеть восточно-джучидские монархи, у иноземных наблюдателей (Иран) сложилось впечатление, что главный трон Джучидов находится на востоке Дешт-и Кипчака: «Касим-хан (казахский. – В.Т.)...

стал царем Дешта... Хакк-Назар-хан, сын Касим-хана, после отца его сел на царство и теперь является повелителем Дешта» [Сборник, 1941, с.212].

Более близкие к татарским владениям и, несомненно, более компетентные русские современники не распространяли единство Орды на столь долгий срок. В летописных списках «царей ардинских», составленных во второй половине XV в., последним из ханов назван «Зеди-салтан» [ПСРЛ, 23, 1910, с.168], т.е. Джелал ад-Дин б. Токтамыш, или «Зеди-салтан Булхартан» [ПСРЛ, 28, 1963, с.143]¹.

Крымцы смотрели на преемственность власти, естественно, с собственных позиций и выстраивали свою цепь правителей. В 1506 г. на пиру у короля польского и великого князя литовского Александра Ягеллона послы крымского хана вспоминали о традиционных связях между тагарами и литовцами, приводя имена предшественников своего государя Менгли-Гирея: «Тактамышша, Чжелегдиня, Перберди, Кебек, Керемьберди, Кадерберди (все это искаженные имена сыновей Токтамышша. – *В.Т.*), Магметъ Силехмат (т.е. Улуг-Мухаммед² и Сеид-Ахмед. – *В.Т.*), Ажи Кгирей, Мордовлат (Нурдевет. – *В.Т.*), Менди Кгирей» [Lietuvos, 1994, с.53]. Таким образом, к легитимным монархам не причислялись ни ставленники Идегея 1400–1410-х гг., ни ханы Большой Орды – потомки Кучук-Мухаммеда, ни тем более правители отколовшихся от Орды областей в Среднем Поволжье и за Волгой. В представлении бахчисарайских политиков законная ордынская власть находилась с се-

редины XV в. в руках Хаджи-Гирея («Ажи Кгирея») и его потомков.

Самостоятельные государства, которые образовались на территории Улуса Джучи, обычно обозначались в тюркских языках как «юрты», в московских и литовских источниках это – «орды». В историографии замечен хронологический рубеж, после которого русское обозначение Джучиева Улуса как Орды сменяется Ордами во множественном числе. Это договорная грамота Ивана III с его братом, волоцким князем Борисом Васильевичем от 13 февраля 1473 г.: «А Орды (вместо прежнего «Орда». – *В.Т.*), брате, ведати и знати нам, великим князем. А тебе Орды не знати... А коли яз в Орды не дам, и мне у тебя не взяти» [Духовные, 1950, с.226]. Подобные обороты встречаются в межкняжеских dokonчаниях 70–80-х гг. XV в., причем в этих документах множественность татарских юртов уже не оставляет сомнения («Орды ведати», «Орд не знати», «в Орды не дам»), т.к. не совпадает с формой родительного падежа единственного числа «Орды не знати» (как в цитированной выше грамоте 1473 г.).

Правда, в отдельных документах того же периода встречаются и фразы с одной «Ордой»: «А Орда знати и ведати нам, великим князем, а тебе Орды не знати... а коли яз князь велики выхода в Орду не дам, и мне и у тебя не взяти» [Там же, с.279 – договор между Иваном III и князем Михаилом Андреевичем Верейским и Белозерским 1482 г.; почти то же см. с.333 – договор между великим князем рязанским Иваном Васильевичем и его братом Федором 1496 г.]; «А коли ти будет к Орде послати, и тебе послати по думе с нами... а без нашии ти думы в Орду не слати» [Там же, с.297 – московско-тверской договор 1484–1485 гг.]. Но это представляется механическим повтором клишированных оборотов, выработавшихся в течение прошлых десятилетий, до 1473 г., или же (что менее вероятно) выделением Большой Орды среди прочих юртов в качестве получателя выхода.

В соглашении между сыновьями Ивана III, заключенном по его требованию в 1504 г., перечислены те татарские государства, которые считались на Руси самостоятельными: «выходы в ординские, и в Крым,

¹ В более ранних русских текстах Джелал ад-Дин, который погиб в 1413 г., упоминается как Зелени-салтан. Возможно, «Бултархан» – это искаженное имя восточно-джучидского хана Абу-л-Хайра, умершего в 1468 г.

² Из двух тезоименных ханов соответствующего периода – Улуг-Мухаммеда и Кучук-Мухаммеда – здесь скорее всего ведется речь о первом. В грамотах крымского царевича Ахмед-Гирея польскому королю Сигизмунду I 1511 и 1514 гг. содержатся ссылки на времена «великого князя Витовта и... царя Тактамышша и... великого царя Магометя», упоминаются «першии отцы и деды наши Тохтамыш (так. – *Авт.*) царь и велики Магмет царь» [РГАДА, ф.389, оп.1, д.7, л.371, 538]. «Великий Магометь~Магмет» – явный перевод имени-прозвища Улуг-Мухаммеда.

и в Асторохань, и в Казань, и во Царевичев городок...» [Там же, с.366; то же см. в духовной грамоте Ивана III того же года, с.362]. Следовательно, к тому времени оформились Крымское, Казанское, Астраханское и Касимовское ханства; Ногайская Орда тогда считалась «казачьим» образованием без определенного статуса; с Сибирским (Тюменским) юртом и Казахским ханством Москва в то время почти не поддерживала отношений (подробнее см.: [Черепнин, 1948, с.212, 223; Горский, 2000, с.165–167]).

Однако межгосударственное разграничение постордынского пространства являлось в определенной степени условным. Одним из показателей такой условности служит статус правящих династий. Ни один хан в Казани, Хаджи-Тархане, Чинги-Туре, Сыгнаке, узбекских и казахских кочевых ставках не обозначал свое географическое местонахождение. В глазах подданных и в исходящих официальных документах это был просто «хан» – не казанский, не тюменский и т.п. Исключение составляют Гирейи. Их пышная титулатура с перечислением подвластных территорий и народов, с одной стороны, обнаруживает явное подражание османам, но с другой – демонстрирует притязания и нереализованные амбиции этой периферийной ветви Джучидского дома. Прочие правители на бывших землях Улуса Джучи считали свою принадлежность к «золотому роду» Чингизидов достаточным основанием для декларирования своих монархических прерогатив, без привязки к конкретному стольному городу и тем более к общности подвластных подданных («татарский», «узбекский», «казахский»).

Деградация золотоордынской государственности при всех ностальгических реминисценциях сопровождалась постепенным и неизбежным угасанием харизмы правящего рода. Чингизиды повторили судьбу многих царских домов: как только династия теряет престол, ее монополия на власть перестает признаваться. Период конца XIV – первой половины XV в. был, очевидно, переходным, когда государственная власть начала Чингизидами утрачиваться, и в реальной политике происхождение от Чингис-хана уже переставало играть решающую роль.

Такой переход проявлялся по-разному. Во-первых, появились «гурганские» династии, когда для доступа к трону оказывалось достаточным породнение с «золотым родом» по женской линии.

Во-вторых, дорогу к власти проложила себе нединастическая аристократия – беки тюркских племен, которые до середины XIV в. были почти не заметны в политике. В течение XV в. феномен возрастающего социального авторитета племенных предводителей оформился в виде постоянного института карачи-беков – лидеров ведущих элей, которые составляли неперменный совещательный орган при правящем хане в поздней Золотой Орде, Крымском ханстве и Касимовском царстве.

В-третьих, правление осуществлялось от лица безвластных марионеток-Чингизидов. Многие из них не известны историкам – настолько они были незаметны и ничтожны. Предназначение их заключалось только в том, чтобы своей сакральной персоной и молчаливым присутствием освящать, оправдывать всевластие действительного правителя.

Институт таких подставных ханов практиковался в 1360–1370-х гг. в западной части правого крыла Улуса Джучи («Мамаевой Орде»). В 1390–1410-х гг. Золотой Ордой от имени безвластных монархов управлял беклербек Идегей. В середине XIV – начале XV в. это явление получило распространение в Чагатайском улусе и в государстве Тимуридов, где марионеточных Чингизидов возводили на трон местные эмиры. Аналогичное явление возродилось впоследствии в Хивинском ханстве, где оно получило характерное название «ханбази» (игра в ханы).

Однако при этом повсюду сохранялось признание высокородности, иерархического старшинства «золотого рода» – даже после отхода его от верховной власти. Общеизвестны торе у казахов. Дом Османов тоже признавал свой номинально младший статус по отношению к Чингизидам (в частности, к своим вассалам – крымским ханам). Правда, в реальной, повседневной политической практике это никак не проявлялось. Память о царственных правах Чингизова рода проявилась во время башкирских восстаний второй половины XVII – первой половины

XVIII в. Предложения принять башкир под свою власть получали тогда, наряду с турецкими султанами и калмыцкими тайшами, крымские и казахские ханы, «казачествующие» царевичи Кучумовичи.

Воспоминание о единстве и родстве всех Джучидов поддерживалось некоторое время на постордынском пространстве, иногда проявляясь в неожиданных ситуациях. Так, Менгли-Гирей официально называл братом, т.е. равноправным монархом, не только казанского хана Мухаммед-Амина, живущего, по выражению крымского правителя (в русском переводе), «на своем государстве», но и своего злейшего врага, большеордынского Ахмеда – правда, уже после его смерти, в общении с польским королем [Сборник РИО, 1884, с.108; Сборник, 1856, с.29]. Впрочем, сам Джучи остался в исторической памяти скорее лишь как генеалогическое звено между его отцом и сыновьями. Указания на общность Джучидов в источниках чрезвычайно редки (см., например, ссылку на традиционные посольские связи с Москвой «Ечуевых детей», т.е. потомков Джучи, в грамоте шибанидского хана Абд ал-Фатха Ивану III [Посольские книги, 1995, с.33]; или отзыв крымского хана Саадет-Гирея об астраханском монархе Хусейне: «С тым мы есмо от [о]дного отца дети» [РГАДА, ф.389, оп.1, д.7, л.895 (896)] – общим «отцом» (предком) для этих представителей разных ответвлений огромного клана мог быть, очевидно, только старший сын Чингизов).

В сознании жителей тюрко-татарских юртов сохранялось представление о былом центре единого государства, освященном сакральным образом второго Джучиева сына – Бату (Саин-хана). Захват ставки большеордынского хана расценивался его соперниками-победителями как обретение священного Саинова трона. Именно таким образом в XV – начале XVI в. Джучиды трактовали свои успехи в борьбе с Большой Ордой: «Ино мне счастье дал Бог, Тимер Кутлуева сына убивши, Саинской есми стул взял» (тюменский хан Ибрагим – Ивану III, 1494 г., по поводу разгрома хана Ахмеда в 1481 г.); «Отца (предка. – *В.Т.*) нашего Саина царя золотой столец в руках в нас» (царевич Ахмед-Гирей, сын победителя Большой Орды Менгли-Гирея, – королю Сигизмун-

ду, 1514 г.) [Посольские книги, 1995, с.46; РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 539]. Главной заслугой мангытского бека Ваккаса (вторая четверть XV в.) восточные хронисты считали то, что для своего патрона, хана Абу-л-Хайра, он «дважды завоевал трон Саин-хана», после чего с именем Абу-л-Хайра начала читаться хутба, чеканиться монета, и его персоной «украсился трон Саин-хана» [Материалы, 1969, с.67, 155]. Причем все упомянутые троны-стола-стольцы (ханские резиденции) находились в разных местах, что указывает на условность и символичность данного понятия в идеологических конструктах позднесредневекового Дешт-и Кипчака.

Возможно, общеджучидскую символическую ценность сохранял и династический некрополь (курук) в районе города Сарайчика на Яике.

Однако при всех реликтах единства Золотой Орды нельзя не видеть все более нарастающую тенденцию к отдалению постордынских государств друг от друга. Процесс дезинтеграции оказался сильнее. В различных юртах образовались местные ханские династии, которые рассматривали свои владения только как собственное достояние, вне связи с рухнувшей общеджучидской державой. Так, Гирей заявляли свои династические права на Касимов после воцарения там выходцев из Большой Орды: раньше-де «наш род был на Мещере», а ныне «не наш род на Мещере государь» [Сборник РИО, 1895, с.378]. Подобные ожидавшиеся претензии крымцев относительно Казани русскому послу предписывалось парировать утверждением, будто «изначала Казань юрт не их, а были на Казани опришные (т.е. особые, отдельные. – *В.Т.*) цари» [Там же, с.696].

В посланиях тюркских аристократов XVI в. неоднократно встречаются наименования юртов посредством эпонимов – как правило, государей, положивших начало правящей в данном юрте династии. Если в XIII–XIV вв. в качестве эпонимов использовались исторические персонажи относительно недавнего прошлого (Джучи, Берке, Узбек) и при этом одинаково значимые для всех частей империи, то впоследствии таковыми становились лица, которые, во-

первых, давным-давно отошли в мир иной, и, во-вторых, действовавшие в довольно локальных пространственных пределах.

Так, Крымское ханство неоднократно предстает в источниках как «Тохтамышев царев юрт», т.е. владение потомков, наследников и династических преемников хана Тохтамыша¹; Астраханское ханство – «Темир-Кутлуев царев юрт», т.е. от хана Тимур-Кутлуга; Казахское ханство – «Урусов царев юрт» и «Бараков царев Казатцкой юрт», т.е. от золотоордынских и кокордынских ханов Уруса и Барака.

В отношении Казанского ханства подобная номинация встречается в виде «Алибаев и Алгыбаев юрт» (по именам беков-правителей первой половины XV в.; см.: [Посольская книга, 2003, с.47, 82]) и «Магмет Киреев царев юрт». Контекст последнего обозначения следующей. В 1552 г. «вся земля Казанская» без консультаций с Москвой призвала к себе на престол жившего у ногаев астраханского царевича Ядгар-Мухаммеда. Ногайский мирза Исмаил в послании к своему патрону и союзнику царю Ивану IV указывал, в частности, что такое приглашение в принципе нелегитимно и казанцы не вправе распоряжаться своим тронном, поскольку «юрт не их – Магметкиреев царев юрт был» [Посольские книги, 2006, с.105].

Здесь явно фигурирует крымский хан Мухаммед-Гирей I, царствовавший в 1515–1521 гг. Вероятно, из-за родства с местной династией через свою мать, ханшу Нур-Султан именно он считал Казанский юрт своим наследственным достоянием. Во всяком случае это следует из его письма к астраханскому хану: «Казань была юрт наш, а теперь он (великий князь московский Василий III. – *В.Т.*) посадил там султана из своей руки (речь о хане Шах-Али. – *В.Т.*)» [Худяков, 1991, с.85]. Примечательно, что казанская знать разделяла такую трактовку. После смерти хана Мухаммед-Амина (конец 1518 г.) в Бахчисарай прибыло посольство «ото всех казанцовъ» с обращением к Мухаммед-Гирею: «...Отчина ваша Казань, и вы съ своихъ детии або з братьи которого одного обравши и до нас пришлите, нехай

в нас царемъ будетъ» [РГАДА, ф.389, оп.1, д.7, л.796]².

Подобное обращение к Мухаммед-Гирею в начале 1520-х гг. поступило даже от казахских беков, погрязших в распрях и раздорах: «...Тыи князи вси козацкии зо всим воиском своим за меня ся закладывают и мне хотят служити, и с тым до мене человека своего прислали» [РГАДА, ф.389, оп.1, д.7, л.865 (866)]. Впрочем, в отношениях Крыма с восточными юртами это был единственный эпизод.

Все это отражало процесс оформления и закрепления за отдельными аристократическими группировками (в том числе семьями, позднее династиями) нового типа земельных держаний – процесса, начавшегося в Золотой Орде в XIV в. (см.: [Федоров-Давыдов, 1973, с.111, 112, 135–138]).

Завоевание соседнего юрта теперь расценивалось уже не как восстановление некоего единства, а как объединение самостоятельных владений. «С вашим юртом (Крымом. – *В.Т.*) наш юрт как бы один учинил... святой Ахмат царь», – писал в 1487 г. крымскому царевичу Нурдевлеу хан Большой Орды Муртаза б. Ахмед [Сборник РИО, 1884, с.108], вспоминая, очевидно, большеордынские завоевания Крыма в 1471 и 1476 гг. В начале XVI в. Гирей, хотя и ввели в свой титул формулу «Великой Орды великий хан», впоследствии, наряду с «Великой Ордой», стали упоминать в титуле и Крым. Следовательно, здесь имела место не только претензия на управление всем Улусом Джучи («Великой Ордой»), но и напоминание о завоевании Большой (resp. Великой) Орды в 1502 г. О восприятии этих двух владений как отдельных уже после 1502 г. свидетельствует присяга крымского посла, данная Александру Ягеллону в 1506 г. от лица хана Менгли-Гирея «со всеми солтаны, братьею и с(ы)ны своими, и со всеми вланы и кн(я)зи, и со всеми мурзы, и со всеми людьми

¹ Происхождение клана Гиреев от Тохтамыша считается спорным.

² Послы прельщали хана значительным пополнением его подданных и воинов: «А мы маем отецких детии двадцать тысяч, а с черемеша зь мордвою и числа нет». Как известно, Мухаммед-Гирей отправил царствовать в Казань своего младшего брата Сахиб-Гирея. С аналогичной просьбой казанцы обратились в Крым после смерти своего хана Сафа-Гирея в 1549 г.

обеих (так. – В.Т.) ордь, Заволское и Перекопское, которые подьданы ему (курсив наш. – В.Т.)» [Lietuvos, 1994, с.53].

Правда, разгромив Большую Орду, Менгли-Гирей все-таки включил ее в состав своих владений. Но в других подобных случаях в завоеванном юрте назначался младший и зависимый от победителя государь (Джанибек – ставленник большеордынского Ахмеда в Крыму в 1476 г.; Бахадур-Гирей – ставленник крымского Мухаммед-Гирея в Астрахани в 1523 г.; в определенном отношении в этом же ряду находился Мухаммед-Амин, посаженный на казанский престол Иваном III после взятия Казани московскими воеводами в 1487 г.).

Распад Улуса Джучи сопровождался и соответствующими этнокультурными процессами. Этническая консолидация, формирование золотоордынской татарской народности явно наблюдались в правом крыле Улуса, где существовали развитая городская цивилизация и мощные очаги старой оседлой культуры (Булгария, Крым, Молдавия), действовали оживленные межрегиональные связи. Однако сначала эпидемия чумы, а затем войны и миграции кочевников с востока прервали этот процесс. Носители архаичных

социальных и культурных норм, «узбеки» левого крыла свято соблюдали племенной строй в своей среде и стимулировали ретрибализацию на западе Джучиева Улуса. В nasledовавших ему государствах (Казанском, Крымском, Сибирском и, возможно, Астраханском ханствах) стали формироваться локальные этнические общности на основе золотоордынского, ранее относительно единого татарского этноса.

Среди важнейших консолидирующих факторов было сохранение прежних социально-политических структур, клановой системы, объединявшей военно-служилую знать, а также общая религия – ислам. Мусульмане Золотой Орды (видимо, в особенности аристократия и кочевники) были объединены не только самим фактом принятия ислама, но и через особый институт сеидов. Далеко не случайно, что в ряде постзолотоордынских ханств сеиды – главы местного мусульманского духовенства – возводили свои генеалогии к общим предкам, жившим в эпоху Улуса Джучи [Исхаков, 1997, с.21]. Однако в реальной политике XV–XVII вв. ислам не играл заметной роли, оставаясь на уровне официальных идеологов и не препятствуя междоусобным конфликтам.

Глава 2. Источники по истории татарских государств XV–XVIII вв.

§ 1. Письменные источники

1. Нарративные источники

Арабографичные источники

Ильяс Мустакимов

Подавляющее большинство восточных источников по истории постзолотоордынских (позднеджучидских) тюрко-татарских государств составляют источники арабографичные, причем большая часть из них написана на тюркских языках.

Распад Джучиева Улуса на отдельные «юрты» (государственные и протогосударственные образования), фактически завершившийся к середине XV в., привел к постепенному формированию в них локаль-

ных историографических традиций или их зачатков. Существовали оживленные политические, культурные и экономические контакты между тюрко-татарскими юртами, возникшими на развалинах империи Джучидов. Среди прочего происходил обмен устными и письменными историческими нарративами, поэтому в хрониках, созданных в том или ином постордынском юрте, нередко встречаются сведения, относящиеся к истории всего Джучиева Улуса или ранней истории других юртов.

Другой особенностью локальных историографических традиций, распространен-

ных на территории постзолотоордынских тюрко-татарских государств, была большая, иногда ведущая, роль в их формировании устных источников (исторических преданий¹, реже, при описании более близких автору той или иной хроники событий – свидетельств очевидцев). В первую очередь это относится к источникам, созданным в Волго-Уральском регионе. В связи с этой особенностью хроник, созданных в русле позднеджучидских традиций, находится и редкость использования в них конкретных дат применительно к событиям позднего и постзолотоордынского периода. Если же даты каких-либо событий этого времени и упоминаются, они часто бывают неточны. В плане хронологии, как правило, более информативны сочинения, созданные османскими авторами или крымцами, испытавшими влияние османского историописания («Таварих-и Дешт-и Кипчак» Абдуллаха б. Ризвана, «Ас-саб‘ ас-сайяр» сеида Мухаммед-Ризы и др.).

В отличие от золотоордынского периода, когда среди арабографичных источников по истории и географии Джучиева Улуса преобладали сочинения, составленные вне Золотой Орды персидскими и арабскими (в первую очередь египетскими) авторами соответственно на персидском и арабском языках, от постзолотоордынского периода мы имеем значительное число источников, составленных на территории бывшей Золотой Орды на тюркском языке, и сравнительно небольшое число сочинений, написанных вне тюрко-татарских юртов (в основном османских).

Для большего удобства мы предполагаем рассмотреть дошедшие до нас арабографичные источники, разбив их на три группы по принципу происхождения: среднеазиатские и хорасанские, поволжские, крымские и османские. Разумеется, деление это во многом условное.

¹ Последняя особенность, по-видимому, была характерна и для золотоордынской (и, шире, монгольской), и домонгольской тюркской (в том числе болгарской) историографических традиций. Как отмечал В.В.Бартольд, «до понимания различия между историей и легендой из всех тюркских народов дошли только Османы» [Бартольд, 1963б, с.100–101].

Среднеазиатские и хорасанские источники

В начале XVI в. внук Абу-л-Хайр-хана Мухаммед-Шейбани вытесняет Тимуридов из Мавераннахра и Хорасана и создает государство Шибанидов. Мухаммед-Шейбанихан выступил инициатором написания ряда сочинений «шейбанидского круга», задачей которых было его возвеличение [Юдин, 2001, с.48; Миргалеев, 2011, с.14–19]. В создании некоторых из них он принимал непосредственное участие.

Одним из самых ранних и крупных дошедших до нас тюркоязычных источников, доносящих чингизидскую традицию (в ее «джучидско-шибанидском изводе»), является составленная в начале XVI в. (предположительно в 1502–1504 гг.) анонимная хроника «Таварих-и гузида – Нусрат-наме», составленная по указанию и при участии создателя государства Шибанидов в Мавераннахре и части Хорасана. В сочинении приводятся ценные (хотя часто лапидарные) сведения о предыстории и ранней политической истории Сибирского юрта, Большой и Ногайской Орд, Булгарского вилайета. Особо следует отметить содержащуюся в «Таварих-и гузида» подробную информацию о генеалогии Джучидов до начала XVI в., в том числе правителей постордынских юртов. «Таварих-и гузида» послужила основным источником сведений о периоде правления восточнорусского хана Абу-л-Хайра и его внука Мухаммед-Шейбани-хана для позднейших памятников шейбанидской и, частично, аштарханидской историографии [Юдин, 2001, с.36–37]. В частности, уникальное сообщение «Таварих-и гузида» о том, что власть Абу-л-Хайра распространялась на Среднее Поволжье, в несколько видоизмененном виде содержится в хронике придворного историографа бухарского хана Абдуллы II Хафиз-и Таньша «Шарафнаме-йи шахи» (или «Абдулла-наме», сост. в 1580-х гг.) и сочинении аштарханидского хрониста Мухаммед-Юсуф-мунши «Тарих-и Мукум-хани» (сост. в начале XVIII в.) [Мустахимов, 2010, с.25–27]. При описании событий XV – начала XVI в. составитель «Таварих-и гузида», как видно, пользовался воспоминаниями очевидцев, в том числе самого заказчика этого сочинения – Мухаммед-Шейбани-хана. А.М.Акрамовым был

подготовлен критический текст [Таварих, 1967], С.К.Ибрагимовым [Ибрагимов, 1956, с.108–111], В.П.Юдиным [Таварих, 1969], И.А.Мустакимовым [Мустакимов, 2009, с.214–232; Мустакимов, 2011, с.228–248] – переводы извлечений из «Таварих-и гузида» на русский язык.

Сокращенным вариантом «Таварих-и гузида» некоторые исследователи считают анонимное тюркоязычное сочинение «Шейбани-наме», впервые опубликованное И.Н.Березиным [Библиотека, 1849]. Составителем «Шейбаниады» добавлены более подробные сведения о представителях племени кунграт.

Между 1504 и 1510 гг. персоязычный писатель и музыкант Камал ад-Дин Бинаи (Камал ад-Дин (Шир-)Али Бинаи Устад Мухаммадхан-(сабз)ми'мар Харави) составил хроники «Шейбани-наме» и «Футухат-и хани», причем последнее сочинение является расширенной редакцией его же «Шейбани-наме». Сведения о Восточном Дашт-и Кипчаке в «Шайбани-наме» в основном совпадают с известиями «Таварих-и гузида». Однако «Шайбани-наме» содержит и некоторые уникальные известия, по-видимому, заимствованные из каких-то иных источников [Юдин, 1969б, с.91–96].

Сюжет и информацию «Таварих-и гузида» во многом повторяет персоязычная стихотворная хроника придворного литератора Мухаммед-Шейбани-хана Муллы Шади «Фатх-наме», также составленная в начале XVI в. (изложение событий доводится до 1501 г.). Однако «Фатх-наме» содержит и такие сведения, которые отсутствуют в «Таварих-и гузида». Это тем более удивительно, что обе хроники были составлены по личному указанию и, очевидно, под непосредственным контролем самого Шейбани-хана [Юдин, 1969а, с.44–50]. Между прочим, В.П.Юдин высказал не лишнее вероятности предположение о том, что автор «Фатх-наме» мог быть той же личностью, что и музыкант Гулям Шади, по воспоминаниям Бабура, отправленный Мухаммед-Шейбани-ханом ко двору казанского хана Мухаммед-Амина [Там же, с.44–45]¹.

¹ О направлении Мухаммед-Шейбани-ханом Гуляма Шади ко двору Мухаммед-Амина см.: [Бабернамэ, 1857, с.230].

Составленный в середине XVI в. на персидском языке труд Масуда б. Усмана Кухистани «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» в заключительной своей части также во многом повторяет сведения «Таварих-и гузида». Вместе с тем, хроника Кухистани содержит более полные сведения о представителях династийной и родоплеменной аристократии (огланах и беках) – приближенных Абу-л-Хайра, а также отсутствующие в «Таварих» подробности политической истории Восточного Дешта XV в. [Юдин, 1969, с.136–138]. К таковому, например, относится сообщение Кухистани о деталях вступления правителя Восточного Дешт-и Кипчака XV в. Абу-л-Хайр-хана в Туру (Чимги-Туру, сибирскую Тюмень), которую этот хан сделал своей столицей [Кухистани, 1969, с.144–145].

В Хорезме, на престоле которого укрепилась иная, нежели в Мавераннахре и Хорасане, ветвь Шибанидов, сложилась своя историография. В середине XVI в. Утемишем-хаджи б. мавлана Мухаммедом-Дости была составлена хроника, известная в историографии под названиями «Чингиз-наме» и «Тарих-и Дост-султан»². В настоящее время известно всего два списка этого сочинения. Один из них – ташкентский – неполон; его транскрипция, перевод на русский язык и факсимиле, подготовленные В.П.Юдиным, были опубликованы после его смерти [Утемиш-хаджи, 1992]. На основе ташкентского списка подготовлены издания этого источника в Казахстане [Қазақстан, 2005], Японии [Ötämiš, 2008], Узбекистане [Ўтамиш Хожи, 2009] и Турции [Ötemiş, 2009]. Другой список находился в личной библиотеке Ахмет-Заки Валиди (З.В.Тогана). В настоящее время эта рукопись находится в одном из частных собраний в Турции. Копию этого списка, который называется «Кара таварих», от учеников З.В.Тогана смог заполучить казанский исследователь И.М.Миргалеев. Более того, по его утверждению, автор этого списка является продолжателем Утемиш-хаджи [Миргалеев, 2014]. Этот список, названный И.М.Миргалеевым «списком Ризы Фахретдина», скоро будет издан.

² О проблеме источников хроники, ее названии и месте среди других произведений постордынской историографии см.: [Кавагучи, Нагаминэ, 2010, с.44–52; Миргалеев, 2011, с.14–19].

Как пишет сам Утемиш-хаджи, он старался собрать и записать сведения, отсутствовавшие в письменных хрониках. Однако использовал он и письменные источники, которые скорее всего (по крайней мере в части, касающейся золотоордынской истории) в основном также представляли собой запись произведений устного творчества – дастанов, легенд и преданий.

Ташкентский список сочинения Утемиш-хаджи обрывается на сообщении о восшествии хана Токтамыша на золотоордынский престол, однако содержит пусть и краткие, но ценные сведения по истории Большой Орды и Астраханского ханства. Судя по работам исследователей, имевших возможность использовать находившийся у З.В.Тогана список «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи, он более полный и содержит ценнейшие сведения о событиях периода распада Улуса Джучи и становления постзолотоордынских юртов [Туған, 1994, с.25–26, 149, примеч. 98; Togan, 1981a, с.136, 161; Togan, 1981b, с.353, 492, примеч. 176; Togan, 1999, с.39–64]. Сопоставление сведений «тогановского» списка «Чингиз-наме» с наиболее крупными произведениями крымской историографии XVIII в. – «Ассеб о-ссейяр» Мухаммед-Ризы и «Умдат ал-ахбар» Абд ал-Гаффара Кырыми показало, что при описании событий золотоордынского периода и периода образования отдельных тюрко-татарских государств крымские историографы могли широко использовать хронику Утемиша-хаджи.

Писавший веком позже царственный земляк Утемиша-хаджи – хивинский хан Абу-л-Гази (1603–1663) – является автором двух исторических сочинений, одно из которых («Шаджара-и тюрк ва могул») содержит ценный материал по истории Хивинского ханства; его сведения о других постордынских юртах носят фрагментарный характер [Aboul-Ghazi, 1871; Абуль-Гази, 1906; Эбелгазый, 2007].

Несколько особняком стоит хроника основателя династии Великих Моголов Захир ад-Дина Мухаммеда Бабура (1483–1530). Сочинение Бабура, за которым утвердилось название «Бабур-наме», написано на чагатайском языке. Оно носит в основном автобиографический характер и отражает

историю народов Средней Азии, Афганистана и Индии в конце XV – начале XVI в. В этой хронике имеются и некоторые сведения о тюрко-татарских государствах того времени. В частности, говорится о брачных связях правителей Большой Орды с Тимуридами [Бабур-наме, 1958, с.189–190], содержится небольшая, но ценная информация о тесных связях между правителем «кочевых узбеков» Мухаммед-Шейбани-ханом и казанским ханом Мухаммед-Амином [Бабер-наме, 1857, с.230]¹.

В 1438 г. – в год изгнания с золотоордынского престола Улуг-Мухаммеда, когда обозначился окончательный распад Улуса Джучи и началось формирование Большой Орды, город Сарай с торговой поездкой посетил ширазский купец Шамс ад-Дин Мухаммад. Отчет о его поездке, содержащий сведения о ценах и ассортименте товаров на сарайском рынке, включил в свое персоязычное сочинение «Шамс ас-сийак» гератский автор Али б. Мухаммад ал-Куми (содержание этого отчета см.: [Заходер, 1967a, с.166–167]).

Некоторую информацию о ногаях («узбеках»), Астраханском и Крымском ханствах содержит персоязычное агиографическое сочинение Шариф ад-Дина Хусайна Шарифи «Джаддат ал-ашикин» (сост. в 966/1573 г.), посвященное жизнеописанию своего отца Хусайна Хорезми – шейха суфийского братства Кубравийа (ум. в 958/1551 г.) [Муминов, 2012]. В 957/1550 г., направляясь в хадж, шейх со своими приближенными проехал через Сарайчук, Астрахань и Крым, о пребывании в которых лаконично сообщает автор сочинения [Шарифи, 1390, с.39–43].

Поволжские источники

...Зимой 1550 г. русские войска в очередной раз осадили Казань. Однако мужественная и умелая оборона города (по данным русских летописей – плохие погодные условия) заставили царское войско отступить. Эти события нашли отражение в литературно-публицистическом сочинении «Зафар-наме-и

¹ Еще одним свидетельством тесных контактов между двумя этими правителями является стихотворение Мухаммед-Шейбани-хана, посвященное победе Мухаммед-Амина над войском московского великого князя в 1505 г. [Togan, 1981a, с.133].

вилайет-и Казан» («Реляция о победе Казанского государства»¹). Автором «Реляции» был некий Шариф Хаджи-Тархани, рядом исследователей отождествляемый с последним казанским сеидом Кул-Шарифом. Как показывает нисба «Хаджи-Тархани», автор «Зафар-наме» был как-то связан с Астраханью (возможно, происходил оттуда). Единственный дошедший до нас, сравнительно ранний (XVI в.) список данного сочинения был обнаружен в составе рукописного сборника в библиотеке Зейтиногуллары, что в уезде Тавшанлы (провинция Кютахья в Турции) и опубликован З.В.Тоганом в восточном наборном тексте с введением и историческим комментарием [Togan, 1965, с.179–204]. Работа З.В.Тогана послужила основой для сокращенной публикации этого источника и публикации его сокращенного перевода на турецкий язык А.Н.Курата [Kurat, 1972, с.361–372] и работы современной турецкой исследовательницы А.М.Озйетгин, подготовившей современную турецкую транскрипцию, турецкий перевод и филологическое исследование источника [Özyetgin, 1993, с.321–413]. В свою очередь, турецкий перевод А.М.Озйетгин стал основой для русского перевода этого источника, подготовленного Ф.С.Хакимяновым [Шерифи, 1995, с.83–92], а сокращенная публикация А.Н.Курата – основой для современного татарского перевода, подготовленного М.И.Ахметзяновым [Шәриф, 1995, 12–16 б.; Кол Шәриф, 1997, 76–93 б.; Кол Шәриф, 2005, 16–22 б.; Мәңгелеккә, 2006, 16–23 б.]. В последнее время был опубликован татарский перевод источника, осуществленный с турецкого перевода А.М.Озйетгин [Үзйәтгин, 2013, 7–13 б.]. «Зафар-наме-и вилайет-и Казан» является самым ранним дошедшим до нас историческим нарративом, созданным в Поволжье.

В целом мусульманская историографическая традиция Волго-Уральского регио-

на появилась только в XVII в., т.е. после вхождения этого региона в состав России [Франк, 2008, с.27]. По крайней мере, к этому времени относятся наиболее ранние дошедшие до нас произведения поволжской мусульманской историографии. В то же время, как отмечается исследователями, местные хронисты опирались на более ранние источники. Очевидно, прав А.Франк в своем предположении о том, что исламская историография в Волго-Уральском регионе «основана на народных исторических преданиях, которые были постепенно записаны и объединены в... исторические трактаты» [Там же]. Использовались авторами местных хроник и письменные источники. В то же время для этих источников представляется справедливым замечание А.Франка, характеризующее источники самого раннего дошедшего до нас сочинения поволжской мусульманской историографии: «даже если [Кадыр-Али-бек]... использовал в своей работе письменные источники, ясно то, что они, в свою очередь, в значительной степени были основаны на народных исторических преданиях» [Там же, с.29].

В 1602 г. приближенным касимовского хана Ураз-Мухаммеда, выходцем из племени джалаир Кадыр-Али-беком было написано историческое сочинение, оригинальное название которого не сохранилось. В науку вошло его условное название, предложенное первым исследователем источника И.Н.Березиным – «Сборник летописей». Хроника состоит из введения, посвящения царю Борису Годунову, сокращенного переложения «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина и 9 дастанов-повестей – оригинальных повествований, посвященных личностям и родам ханов Уруса, Токтамышша, Тимур-Кутлуга, Хаджи-Гирея, Хаджи-Мухаммеда, Абу-л-Хайра, Ядгара, Ураз-Мухаммеда и бека Эдиге (в дастане о Тимур-Кутлуге приведены также сведения о потомках Улуг-Мухаммеда). Оригинальные дастаны «Сборника летописей» дают лапидарные, но ценные сведения по истории постордынских юртов (кроме «Дастана о Токтамыш-хане», повествование в котором прерывается описанием событий первой четверти XV в.). По-видимому, эти дастаны в значительной степени основаны на дан-

¹ Термин «вилайет» применительно к территории обычно имеет значение «область, страна». Однако в данном контексте выражение «вилайет-и Казан», несомненно, является официальным наименованием Казанского ханства, и его следует интерпретировать именно как «Казанское государство» («Царство Казанское» средневековых русских источников).

ных устных источников (см. приведенное выше замечание А.Франка). М.А.Усманов считает, что в основе оригинальных дастанов «Сборника» лежат тюркоязычные исторические сочинения; в то же время памятники фольклора служили «большим подспорьем для автора» [Усманов, 1972, с.53]. Последний дастан, посвященный Ураз-Мухаммед-хану, написан Кадыр-Алибеком в качестве очевидца. Эта часть является основной, остальные части служат для нее фоном (подробнее об источнике см. [Там же, с.33–96]). Первая публикация на языке оригинала (тюрко-татарском) была подготовлена И.Н.Березиным [Библиотека, 1854]. За последнюю четверть века увидели свет переложения этого сочинения на современные казахский и татарский алфавиты и его переводы на казахский и татарский языки [Кадырғали, 1997; Сыздыкова, 1989; Сыздыкова, Қойгелдиев, 1991; Мирастан биш сәхифә, 2011, 8–36 б.]¹.

Другим крупным произведением поволжской мусульманской историографии является анонимный сборник «Дафтар-и Чингиз-наме» (конец XVII в.). Он состоит из 6 глав-дастанов: «Глава повести о роде Чингиз-хана», «Глава повести об Аксак-Тимуре», «Глава повести об Амате сыне 'Айсы», «Глава повести об Идиге-беке», «Глава повести о местопребываниях и владениях», «Глава повести по истории» (подробнее об источнике см. [Усманов, 1972, с.97–133]). Основу «Дафтар...» составили устные источники. 3, 5 и 6-я «главы» содержат некоторые сведения по истории Казанского юрта.

Текст «Дафтар...» неоднократно публиковался в оригинале и переводе на татарский язык, также публиковались тексты и переводы его отдельных дастанов². В 2002 г. М.А.Усмановым и М.Иванич был издан критический текст «Дафтар-и Чингиз-наме» [Ivanics, Usmanov, 2002].

Недавно на основании одного из списков «Дафтар...» было высказано предположе-

ние о том, что существует еще одна версия (редакция?) этой хроники, отличающаяся от более распространенной версии количеством и содержанием дастанов (в том числе содержащей иные сведения по истории тюрко-татарских государств, в частности о предыстории Крымского юрта: «Когда [хан] Токтамыш попал в трудное положение, двух его сыновей воспитывал [некто] по имени Гирей-бай. Взяв этих двух его сыновей, возвел на ханство в Крыму. Имена этих двух сыновей – Исскандер и Абу Са'ид») [Мустакимов, 2009б, с.122–131]. Данное предположение подтверждается существованием еще одной рукописи «Дафтар-и Чингиз-наме», отложившейся в древлехранилище ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, которая по содержанию весьма похожа на вышеупомянутый список «Дафтар...». В частности, в этой версии зафиксированы оригинальные, хотя и путаные, сведения по истории Астраханского ханства (к сожалению, список дефектен): «...Астрахань неверные взяли у хана Уз-Тимура, Казань взяли у хана Саф[а]-Гирея. Когда неверные брали Астрахань, Хаджим-султан с тридцатью людьми ушел казаковать³. Они сели на судно, [но] оно утонуло. Хаджим-султан остался один [с] тремя людьми, он направился к бухарскому хану. Бухарский хан пожаловал (букв. «дал») Хаджим-султану Ургенч. Что касается [ханов] Аккубека и Ямгу[рчи]...⁴ Битва хана Уз-Тимура произошла в день [нрзб.]. Погибло девять султанов и девяносто карачей. Все это произошло из-за Исмаила⁵. Исмаил помог неверным» [ОРНАФ, л.44а, б].

Интересным памятником поволжско-мусульманской историографии является анонимная хроника на персидском языке под условным названием «Хикайат» [Салахетдинова, 1965, с.147–154], составленная во второй половине XVIII в. Существовал и ее тюркский вариант, перевод двух отрывков из которого на русский язык и несколько фрагментов факсимиле были опубликованы [История Татарии, 1937, с.122–124; 402–406]. Начальная часть названного памятни-

¹ В последнем издании опущены разделы, представляющие собой переложение «Джами аттаварих» Рашид ад-Дина.

² Последнюю публикацию см. [Мирастан биш сәхифә, 2011, с.38–94]. Обзор более ранних публикаций и выявленных списков «Дафтар-и Чингиз-наме» см. [Усманов, 1972, с.98–104].

³ То есть «скитаться».

⁴ Фраза обрывается.

⁵ Имеется в виду ногайский правитель Исмаил (в 1545–1554 гг. – Нурадин, в 1554–1563 гг. – бий Ногайской Орды).

ка имеет сходство с некоторыми дастанами «Дафтар-и Чингиз-наме», однако содержит и оригинальную информацию, отсутствующую в других известных нам мусульманских источниках. А.Франк рассматривает «Хикайат» как одну из «более локализованных (нежели «Сборник летописей» Кадыр-Алибека и анонимное «Дафтар-и Чингиз-наме». – И.М.) повествовательных историй», которые появились в течение XVIII в. [Франк, 2008, с.35]. Было также высказано мнение о том, что это сочинение является списком не дошедшей до нас хроники «Фарханг-наме», упоминаемой в качестве одного из своих источников хронистом начала XIX в. Таджетдином Ялчигулом [Мустакимов, 2008, с.144–145].

Распространенными памятниками татарского летописания являются хроникальные записи (как правило, весьма лаконичные), не имеющие общепринятого обозначения (в источниках они именуются «таварих» или «тарихлар»; в исследованиях их обычно называют «вакаи'-наме» или, по-русски, «летописями»). Фактические сведения, содержащиеся в большинстве таких «летописей», представляют самостоятельный интерес для периода не ранее XVII в. Один из ранних образцов «вакаи'-наме» вошел в качестве последней главы в рассмотренный выше сборник «Дафтар-и Чингиз-наме». Ряд образцов «летописей» опубликован в специальной работе А. Рахима [Рахим, 2008, с.125–192].

В качестве комментария к хронике начала XIX в. «Таварих-и Булгария» Хисамутдина Муслими казанский мулла Хусаин Амирханов написал свое сочинение под тем же названием, в котором содержатся и сюжеты из истории Казани и казанских ханов [Эмирхан, 1883; Амирханов, 2010]. Однако приводимые в нем сведения в подавляющем своем большинстве легендарны, поэтому, по-видимому, представляют лишь историографический интерес.

Мы оставляем за пределами нашего рассмотрения такие памятники волгоуральской мусульманской историографии, как «Таварих-и Булгария» Хисамутдина Муслими и «Тарих-наме-и Булгар» Таджетдина Ялчигула, как практически не содержащие сведений, относящихся к истории тюрко-татарских государств XV–XVIII вв.

(подробнее об этих источниках см. [Усманов, 1972; Кемпер, 2008; Франк, 2008]).

Крымские и османские источники

Наибольшее количество дошедших до нас письменных источников по истории постзолотоордынских государств связано с Крымским ханством. Одной из причин этого является длительный период существования Крымского ханства сравнительно с другими тюрко-татарскими государствами. Другой причиной является мощное культурное влияние на ханство Османской империи с ее развитой историографической традицией¹. Кроме того, важное геополитическое положение и долгое время сохранявшийся военный потенциал этого татарского владения привлекали внимание османских и европейских авторов.

Самым ранним дошедшим до нас нарративным источником, посвященным истории Крымского ханства, является хроника «Тарих-и Сахиб-Гирай-хан» («История Сахиб-Гирей-хана»), посвященная эпохе правления хана Сахиб-Гирея в Крыму (1532–1551). Автор сочинения – Бадр ад-Дин Мухаммед б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди, известный под именем Реммаль-ходжа – служил у хана Сахиб-Гирея в качестве личного врача с 1532 г. вплоть до убийства хана в 1551 г. Степень его близости к Сахиб-Гирею была очень велика [Зайцев, 2009а, с.69]. По словам Реммаль-ходжи, свою «Историю» он написал по просьбе дочери Сахиб-Гирея, после убийства последнего. Труд был закончен в 1553 г. Основу хроники составили свидетельства автора как очевидца, а также, по-видимому, сведения других участников событий [Остапчук, 2001, с.395]. Использовались Реммаль-ходжой и письменные источники: фетх-наме, официальные документы и др. [Зайцев, 2009а, с.76–78]. Труд Реммаль-ходжи, хотя и скуп на конкретные даты, содержит ценнейшие сведения по истории не только Крымского, но отчасти Казанского и Астраханского ханств, Ногайской Орды. И.В. Зайцев высказал мнение о

¹ Османское влияние на Крымский юрт начало поступательно усиливаться с последней четверти XV в., когда ханство попало в вассальную зависимость от Османской империи.

наличии двух или трех редакций «Тарих-и Сахиб-Гирай-хан» [Там же, с.75]. Сводный текст хроники на основе двух старейших списков был подготовлен и опубликован О.Гекбилгином [Tarih-i Sahib, 1973].

В 1556 г. через Дешт-и Кипчак проезжал османский флотоводец Сиди Али-реис, в своих записках оставивший некоторые сведения о ногах [Seydi, 1313, с.71–73; Seydi, 1999, с.137–139].

Ценные сведения по истории тюрко-татарских государств, почерпнутые из разных письменных источников, содержит хроника османского автора ал-Джаннаби (ум. в 999/1590–1591), написанная на арабском языке. В частности, для периода до середины XV в. он пользовался недошедшей до нас персоязычной хроникой хафиза Мухаммеда Ташкенди «Тарих-и ал-и Чингиз». Извлечения из сочинения ал-Джаннаби были опубликованы В.В.Вельяминовым-Зерновым и В.Г.Тизенгаузенем [Вельяминов-Зернов, 1863, с.374–376; ал-Джаннаби, 1884, с.535–538].

Очень краткие сведения о хане Кучуме и Сибирском ханстве содержатся в сочинении «Таварих» османского историка XVI в. Сейфи Челеби. Перевод извлечения из его труда, содержащий сведения об «области Тура», опубликован Т.И. Султановым [Султанов, 2005, с.261].

Ценный и оригинальный источник по истории Крыма и Крымского ханства до 1635 г. представляет собой хроника Абдуллаха б. Ризвана «Теварих-и Дешт-и Кипчак», законченная написанием в 1638 г.¹ Отец автора хроники в 1611 г. был назначен наместником Каффы. Таким образом, Абдуллах б. Ризван мог быть свидетелем событий, происходивших в Крыму в начале XVII в. [Зайончковский, 1969, с.18]. По замечанию А.Зайончковского, особенно ценны известия «Теварих-и Дешт-и Кипчак», относящиеся к первой четверти XVII в.: периоду междоусобных войн между претендентами на крымско-ханский престол – Мухаммед-Гиреем и Джанибек-Гиреем [Там же, с.18–19]. Польским исследователем А.Зайончковским было подготовле-

но критическое издание этого памятника [Zajaczkowski, 1966].

Сугубо формально к османским источникам можно отнести сочинение Павла Алеппского «Путешествие патриарха Макария» [Крачковский, 2004, с.687 и сл.]. Павел Алеппский вместе со своим отцом, антиохийским патриархом Макарием, дважды бывал в Московском государстве. О первой своей поездке он оставил путевые заметки на арабском языке. Направляясь в Россию в 1653 г. и возвращаясь в 1656 г., Макарий и Павел проезжали по территории Молдавии и Украины. В своих записях Павел Алеппский приводит некоторые сведения о крымских татарах, крымско-казацких и крымско-московских отношениях, как со слов очевидцев из христиан, так и бесед с татарами и собственных наблюдений. Как очевидец он приводит краткие, но интересные сведения о Касимовском царстве, о крещении касимовского правителя Сеид-Бурхана [Муркос, 1898].

Некоторые сведения по истории и географии татарских юртов приводит османский полигистор XVII в. Мустафа б. Абдуллах Кятиб-челеби (Хаджи-халифа) в своем географическом труде «Джихан-ньюма» («Мироуказатель»). Между прочим, он сообщает об обращении казанских татар к султану Селиму II (1566–1574) с просьбой о помощи против «неверных московитов» и приписывает им идею соединения Дона и Волги каналом с целью завоевания «тех земель» (сведения о канале он повторяет в историческом трактате «Тухфат ал-кибар фи асфар ал-бихар») [Кятиб, 1145, с.375–376; Кятиб, 1141, л. 39].

Одним из ценных османских источников по истории Крымского ханства является «Сейахат-наме» («Книга путешествий») турецкого путешественника XVII в. Эвлии Челеби (о нем см.: [Крачковский, 2004, с.624 и сл.]). «Неоднократно бывавший на [Крымском] полуострове, Эвлия в целом очень точно передавал увиденное и услышанное» [Зайцев, 2009а, с.218]. Автор приводит сведения о современном ему Крымском ханстве, а также пересказывает услышанные им предания [Эвлия Челеби, 1996; 1999; 2008].

Некоторые важные сведения о Крымском ханстве содержатся в сочинении османского

¹ Подробную характеристику источника см.: [Зайончковский, 1969].

автора второй половины XVII в. Хюсейна Хезарфенна «Телхис ал-бейан фи каванин-и ал-и Осман» («Изложение сути законов османской династии») [Орешкова, 1990, с.228–305; Hezarfen, 1998].

В.Д.Смирнов отмечает выдающееся значение для изучения истории Крымского ханства, в особенности крымско-османских отношений, труда османского историка конца XVII – начала XVIII в. Мехмеда Фындыклылы [Findiklilı, 1928].

Наиболее значимым произведением крымской (или крымско-османской) историографии по праву считается хроника сеида Мухаммед-Ризы «Ас-саб' ас-сайяр фи ахбар мулук татар» («Семь планет в известиях о татарских царях»). Труд Мухаммед-Ризы, законченный в 1737 г., в основном посвящен описанию исторических событий в Крымском ханстве в период правления ханов от Менгли-Гирея I до Менгли-Гирея II (с 1466 по 1737 г.). Кроме того, в «Семи планетах» приводятся краткие, но ценные сведения по истории Золотой Орды. Оценивая роль хроники Мухаммед-Ризы для изучения истории Крыма, В.Д. Смирнов писал: «Это сочинение по богатству и разнообразию своего содержания превосходит все, что только у нас было под руками по части турецких источников для истории Крымского ханства; это, можно сказать, есть энциклопедический сборник по части крымско-татарской старины» [Смирнов, 2005, с.35]. С видным ориенталистом вполне солидарны и современные исследователи [Зайцев, 2009а, с.97]. Сочинение было издано в Казани в 1832 г. М.А.Казем-беком по одному списку [Сеид, 1832].

«Крайне тяжеловесный, цветистый язык сочинения Сейид Мухаммеда Ризы породил трудности в восприятии текста, что вызвало к жизни своего рода краткую редакцию его труда» [Зайцев, 2009а, с.21]. Ее автором является житель Крыма Хурреми-челеби Акай-эфенди, составившим свой труд не ранее 1161/1748 г. [Там же, с.121]. Сочинение не имеет оригинального названия. В.Д.Смирнов обозначал его как «Краткую историю». Характеризуя эту работу, В.Д.Смирнов отмечает: «В... краткой истории встречаются факты или подробности, которых не находим в “Семи планетах”, и

это придает ему значение самостоятельного источника: заметно, что автор, делая извлечение из “Семи планет”, пользовался в некоторых случаях и другими памятниками, которыми дополнял свое повествование» [Смирнов, 2005, с.36; Зайцев, 2009а, с.106]. Несколько отрывков из труда Хурреми-челеби в переводе на русский язык были опубликованы А. Негри [Негри, 1844].

В конце XVII–XVIII в. жил крымский хронист ал-Хаджж Абд ал-Гаффар б. ал-Хаджж Хасан б. ал-Хаджж Махмуд б. ал-Хаджж Абд ал-Ваххаб ал-Кырыми, сочинение которого «Умдат ал-ахбар ал-мутабар» (или «Умдат ал-ахбар фи тарих ат-татар») (закончено в 1157/1744 г.) – по сути являясь «всеобщей историей» [Зайцев, 2009а, с.179] – содержит довольно краткую, но не встречающуюся в других источниках информацию о начальном периоде истории постзолотоордынских тюрко-татарских юртов, а также значительные сведения по истории Крымского ханства. Абд ал-Гаффар Кырыми являлся влиятельным представителем и «патриотом» татарского клана Ширин, поэтому в своем сочинении он уделил большое внимание истории этого родоплеменного образования. Приводимые Кырыми сведения по золотоордынской и постзолотоордынской истории, несомненно, в той или иной мере подверглись фольклоризации. Отдельные сообщения «Умдат ал-ахбар», относящиеся к золотоордынскому периоду, обнаруживают сходство с хроникой хорезмского автора середины XVI в. Утемиш-хаджи «Чингизнаме» («Тарих-и Дост-султан»).

К настоящему времени известен один наиболее полный список «Умдат ал-ахбар» (отсутствуют 5 листов) и одна рукопись, по предположению И.В.Зайцева, являющаяся редакцией этого труда [Там же]. Части полного списка, относящиеся к истории Золотой Орды и Крымского ханства, в 1924–1925 гг. были опубликованы турецким историком Неджибом Асымом [Кырыми, 1343]. В этом году в Казани опубликована транскрипция исторической части труда Кырыми [Кырыми, 2014].

Последним крупным источником по истории Крымского ханства является хроника султана Халим-Гирея «Гульбун-и ханан» («Розовый куст ханов»), законченная

в 1226/1811 г. Автор хроники принадлежал к династии крымских ханов. Халим-Гирей описывает историю ханства через историю правивших в Крыму ханов от Хаджи-Гирея (ок. 1426–1466) до Бахт-Гирея, хана Кубани (1789–1792) [Зайцев, 2009а, с.183–186].

Труд Халим-Гирея дважды издавался, причем аутентичным в плане стиля и полноты является лишь его первое издание (1870 г.)¹ [Халим-Гирай, 1287/1870; Халим-Гирай, 1327/1909]. Издание 1909 г. было переиздано в латинской транскрипции с переводом на русский язык в 2004 г. [Халим-Гирай Султан, 2004]. В 2014 году труд издан и в Турции.

Русские нарративные источники XV–XVI вв. по истории поздней Орды и государств, сложившихся после ее распада

Антон Горский

События начала XV столетия, связанные с отношениями русских княжеств с Ордой в период правления Идегея, освещены в Троицкой летописи (создана около 1409 г.) и Рогожском летописце (1440-е гг.) [Приселков, 1950; ПСРЛ, 15, 1922]. Новгородская IV и Новгородская Карамзинская летописи (вторая четверть XV в.) донесли текст т.н. «ярлыка Едигея» – послания правителя Орды московскому великому князю Василию Дмитриевичу, написанного во время похода Идегея на Москву в конце 1408 г. [ПСРЛ, 4, 1915; 4, 1925; 42, 2002]. Ряд уникальных известий (тверских по происхождению) о взаимоотношениях русских князей (московских, тверских, рязанских) в первые два десятилетия XV в. с Ордой донесены так называемым Тверским сборником или Тверской летописью (XVI в.) [ПСРЛ, 15, 1863].

Дальнейшая история русско-ордынских взаимоотношений в XV столетии отражена главным образом в московском великокняжеском летописании. Оно представлено Московским летописным сводом 1479 г. и его продолжением до конца XV в., Никаноровской и Вологодско-Пермской летописями. В этих памятниках отмечены походы ханов Борака и Худайдата на Одоев в пер-

вой половине 1420-х гг., ордынский набег из Булгарского улуса на Галич и Кострому в 1428–1429 гг., перипетии отношений великого князя Василия II и его родственников (дядя Юрия Дмитриевича и двоюродных братьев) с ханом Улуг-Мухаммедом – как до его изгнания из Орды (1437), так и в период скитаний, окончившихся основанием Казанского ханства (1438–1445), борьба с набегами на Московское великое княжество орды Сеид-Ахмета (конец 1440-х – 1450-е гг.), поход на Рязань хана Махмуда, сына Кичи-Мухаммеда, в 1460 г., сборы Василия II в поход на Казань в 1461 г., войны Ивана III с Казанским ханством в конце 1460-х гг. (о военных действиях рассказано весьма детально), переговоры хана Большой Орды Ахмата с великим князем литовским и королем польским Казимиром IV в начале 1470-х гг. об антимосковском союзе, набег вятчан на Сарай в 1471 г., поход Ахмата на Москву в 1472 г., посольства Ахмата в Москву в 1474 и 1476 гг. и посольства Ивана III в Большую Орду в 1474–1476 гг., переговоры Москвы с Крымским ханством, положившие начало длительному союзу двух государств [ПСРЛ, 25, 1949; 26, 1959; 27, 1962]. Некоторые из этих событий упоминаются и в т.н. «северорусском» летописном своде, чей текст дошел в составе Ермолинской летописи и Сокрытых летописных сводов конца XV в. [ПСРЛ, 23, 1910; 27, 1962].

Типографская летопись (конец XV в.), отражающая ростовскую летописную традицию, сохранила уникальные известия о попытке похода на Русь хана Большой Орды Махмуда в 1465 г. и о набегах на Рязанскую землю и московские владения на правобережье Оки в 1468 г., а также о вторжении Ахмата в 1476 г. в Крым [ПСРЛ, 24, 1921].

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина содержит сведения об ордынских населенных пунктах на Волжском пути во второй половине 1460-х гг., о пребывании царевича Касыма, сына Махмуда, в Астрахани [Хождение, 1986].

Событиям 1480 г. – так называемого «стоянию на Угре» – посвящены летописные повести в составе Софийской II – Львовской летописей [ПСРЛ, 6, 1853; 20, 1910] (повесть носит черты оппозиционности велико-

¹ См.: [Зайцев, 2009а, с.184].

му князю), Вологодско-Пермской летописи [ПСРЛ, 26, 1959], Типографской летописи [ПСРЛ, 24, 1921], Московского свода конца XV в. [ПСРЛ, 25, 1949], так называемого Лихачевского летописца [Назаров, 1983]. Помимо этого, сохранился ряд посланий великому князю Ивану III представителей русского духовенства (архиепископа ростовского Вассиана Рыло, митрополита Геронтия, архимандрита Троице-Сергиева монастыря Паисия), призывавших к сопротивлению Ахмату [Памятники, 1982; Русский, 2008].

Информация об отношениях Московского государства с ханствами – наследниками Орды в конце XV – начале XVI в. (Большой Ордой сыновей Ахмата, Крымским и Казанским ханствами, Ногайской Ордой) содержится в летописях первой половины XVI столетия – Иоасафовской, Уваровской, Никоновской, Воскресенской [Иоасафовская летопись, 1957; ПСРЛ, 28, 1963; 12, 1901; 8, 1859].

В Устюжской летописи начала XVI в. присутствует ряд уникальных подробностей из истории татарских ханств (в частности, подробности об убийстве Ахмата ногаями и сибирскими татарами в январе 1481 г.) [ПСРЛ, 37, 1982].

События, связанные с отношениями России с Казанским, Крымским, Астраханским ханствами, Ногайской Ордой в правление Ивана Грозного, изложены в «Летописце начала царства Ивана Васильевича» и Лицевом летописном своде; особенно подробно повествуется об осаде и взятии Казани в 1552 г. [ПСРЛ, 29, 1965; 13, 1904]. Взятию Казани посвящены особые «Сказание» и «Повесть», созданные в середине XVI в., по-видимому, в Троице-Сергиевом монастыре [Насонов, 1962], а также несколько страниц в «Истории о великом князе Московском Андрея Курбского» [Памятники, 1986].

Своеобразным источником является «Казанская история», созданная, скорее всего, в 1560-е гг. В этом памятнике излагается история отношений Руси с Ордой со времен Батые и Казанским ханством со времени его основания до взятия Казани в 1552 г. При рассказе о событиях XV столетия «Казанская история» содержит ряд неточностей (в частности, обстоятельства падения зависимости Москвы от Большой Орды расцвечены несколькими легендарными эпизодами – о «потоптании» Иваном III ханской «бас-

мы», о разорении Орды касимовским ханом Нурдовлатом и московскими войсками), но что касается ее сведений о московско-казанских отношениях при Василии III и Иване IV, они представляют несомненную ценность [Казанская история, 1954].

Битве с войсками крымского хана Девлет-Гирея при Молодях 1572 г. посвящена особая повесть, созданная по свежим следам событий и отличающаяся точностью их изложения [Буганов, 1962].

Западноевропейские источники

Марат Гатин

Под западноевропейскими источниками следует понимать сочинения, вышедшие из под пера европейских авторов, происходящих из стран западнохристианского (католического и протестантского) мира. Эти авторы при написании своих трудов помимо латыни пользовались немецким, итальянским, польским, французским, английским, испанским, голландским и другими языками.

При этом нужно отметить, что степень информативности этих источников различна. Татары и их государства являются главным объектом повествования у немногих западноевропейских авторов. В основном их сочинения рассматриваемого периода посвящены все усиливающейся Московской Руси – России. В этих работах сведения о татарах даны достаточно отрывочно и являются фоном рассказа внешнеполитических событий Московского государства.

В основу классификации западноевропейских нарративных источников следует положить лингвистический принцип, т.е. язык на котором было написано сочинение вне зависимости от этнического происхождения автора. Следует иметь в виду, что в этом кратком обзоре мы можем охватить лишь наиболее значимые источники. Итак, можно выделить следующие группы нарративов: латинские, немецкие, польские, французские, английские, испанские и голландские источники.

Латинские источники

Матвей Меховский (1457–1523) – ректор Краковского университета, придворный врач и астролог королей Сигизмунда I польского и Владислава II чешско-венгерского,

является автором «Трактата о двух Сарматиях» («Tractatus de duabus Sarmatiis», 1517 г.). Начиная с XVI столетия «Трактат о двух Сарматиях» Матвея из Мехова имел большую популярность среди западноевропейских писателей, писавших о татарах и русских. Сочинение, изданное на латыне, уже в XVI в. было переведено на немецкий, польский и итальянский языки. Автор под Сарматиями подразумевает две страны: Тарию (Золотую Орду), которая раскололась на несколько самостоятельных государств, и Московию, стремительно набиравшую мощь. «Трактат» в исторической части по преимуществу представляет собой компилятивное произведение, в части же географии и этнографии он почти всегда оригинален и целиком является первоисточником [Меховский, 1936].

Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) родился на территории современной Словении, понимал славянскую речь, что помогло ему затем в общении и получении различных сведений в Московской Руси. В 1515 г. Сигизмунд фон Герберштейн поступил на дипломатическую службу Габсбургского дома, принял участие в более чем шестидесяти посольствах. Габсбурги, заинтересованные в упрочении связей с Московской Русью, дважды – в 1517 и 1526 гг. направляли туда Сигизмунда фон Герберштейна в качестве посредника на переговорах советников великого князя всея Руси Василия III с послами великого князя литовского и короля польского Сигизмунда I. В 1549 г. Сигизмунд фон Герберштейн опубликовал на латинском языке «Записки о Московии», которые вскоре были переведены и на немецкий язык.

Сигизмунд фон Герберштейн, живя в Москве, пользовался расположением Василия III, был знаком с представителями самых разных социальных кругов – придворными, слугами великого князя, его приверженцами и противниками, как явными, так и тайными, с русскими и иностранными купцами, общался он и с простым людом страны. Очевидно, часть сведений была получена непосредственно от татар [Сигизмунд Герберштейн, 1988; Сигизмунд Герберштейн, 2008].

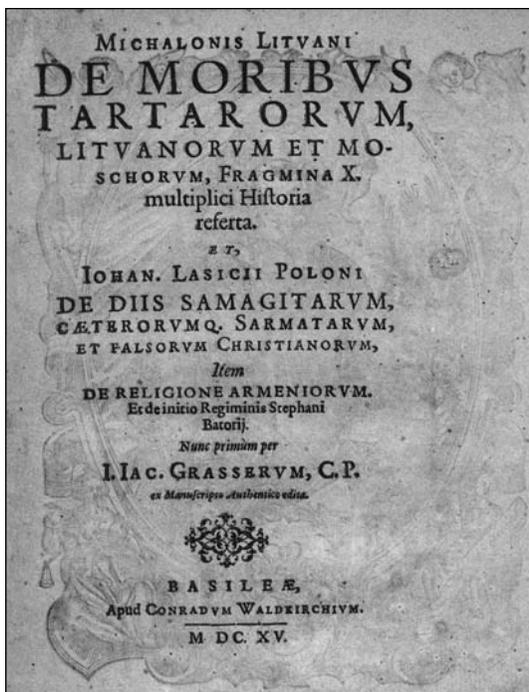
Павел Иовий Новокомский (Паоло Джовио, 1483–1552) – епископ Ночерский, итальянский ученый-гуманист, придворный врач римских пап, историк, биограф и географ. Павел Иовий опубликовал подробные сведения о Московской Руси из первых рук, познакомившись в июне-июле 1525 г. с Дмитрием Герасимовым – посланником Василия III к римскому папе Клименту VII. Полученные от Герасимова сведения, записанные Павлом Иовием, составили целую книгу, вскоре изданную в том же году в Риме с пространным, характерным для своего времени, заглавием: «Книга о посольстве Василия Великого, Государя Московского к папе Клименту VII, в которой с особой достоверностью описано положение страны, неизвестное древним, религия и обычаи народа и причины посольства. Кроме того, указывается заблуждение Страбона, Птолемея и других, писавших о географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно, нигде не существуют». Эта книга еще в XVI в. была переведена на итальянский и немецкий языки. В работе Павла Иовия представлены сведения о Казани, Астрахани и татарах [Павел Иовий Новокомский, 1908].

Альберт Пиггиус (Альберто Кампензе, около 1490–1542) – нидерландский писатель, теолог, математик и астроном, переселившийся в Италию. Автор послания к римскому папе Клименту VII («Lettera d'Alberto Campense»), в котором призывал к объединению церковью. Письмо было опубликовано в Венеции в 1543 г. В письме даны сведения о татарах, их истории и культуре на основе рассказов торговавших в Московии купцов [Альберт Кампензе, 1836].

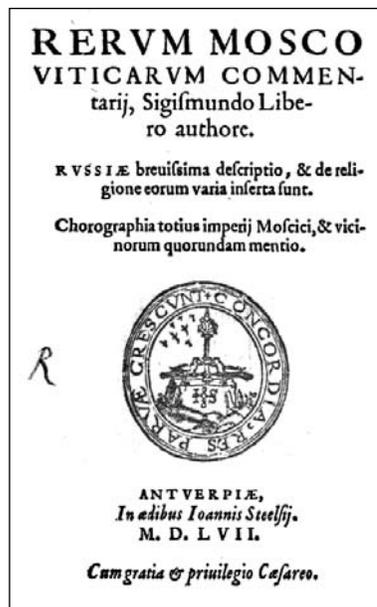
Михалон Литвин – посол Великого княжества Литовского в Крымском ханстве, автор записок «О нравах татар, литовцев и москвитян» («De moribus tartarorum, lituanorum et moscorum», 1548–1551), изданных в 1615 г. в Базеле. Трактат Михалона Литвина – полемическое сочинение, которое должно было прозвучать грозным предупреждением для политических руководителей Великого княжества Литовского. Поэтому естественны некоторые перекосы в оценке татар, на долю которых достался панегирик [Литвин, 1994].

Карта России Сигизмунда фон Герберштейна
из латинского издания «Записок о Московии». Базель, 1549 г.

Титульный лист сочинения
Михалона Литвина. 1615 г.

Титульный лист сочинения Сигизмунда
фон Герберштейна. 1549 г.

Александр (Алессандро) Гваньини (1538–1614) – итальянец, который с 1550-х гг. служил в войсках Польши-Литвы. Является автором «Описания Европейской Сарматии» («Sarmatiae Europaeae descriptio», 1578), куда вошли его очерки по истории, географии, этнографии Восточной Европы, в том числе и татарских государств [Александр Гваньини, 1997].

Даниил Принц из Бухова (1546–1608) в качестве посла Священной Римской империи в 1570-е гг. побывал в Московском царстве. Является автором сочинения «Начало возвышения Москвы», изданное после смерти автора. В этом сочинении на основе сведений русских современников дана информация и о политической истории и культуре татар [Даниил Принц, 1877].

Рейнгольд Гейденштейн (1553–1620) – немец на польской службе, дипломат, юрист и историк, секретарь польских королей Стефана Батория и Сигизмунда III. Автор «Записок о Московской войне» («Regiidebello Moscovitico quod Stephanus rex Poloniae gessit commentariorum libri»), изданных в Кракове в 1584 г. В сочинении описывается ситуация на восточных границах Речи Посполитой, в том числе и отношения с Крымским ханством. Представлены сведения об истории и культуре татар [Рейнгольд Гейденштейн, 1889].

Немецкие источники

Георг Тектандер фон дер Ябель (около 1570 – около 1620) – участник посольства Стефана Какаша, отправленного императором Священной Римской империи Рудольфом II в Персию (1602–1604). В этом посольстве на Тектандера были, по-видимому, возложены обязанности секретаря. Однако через год после начала путешествия, уже на территории Персии, руководитель посольства Какаш умер, после чего миссию возглавил Георг Тектандер. По возвращении на родину в январе 1605 г. Георг Тектандер представил императору отчет о путешествии. Этот отчет стал основой для опубликованной в 1609 г. в Майсене книги «Iterpersicam. Kuertze doch auszfuehrliche und warhafftige Beschreibung der Persianischen Reise [...]» – «Iterpersicum. Краткое, но обстоятельное и правдивое описание

Портрет Адама Олеария из 3-го издания его сочинения (1663 г.)

путешествия в Персию [...]», более известную в России как «Путешествие в Персию через Московию». В книге дано описание Татарии, Казани и Астрахани, культуры и быта поволжских и ногайских татар [Какаш и Тектандер, 1896].

Адам Олеарий (Адам Ольшлегель, Адам Эльшлегер, 1599–1671) – известный немецкий географ, ориенталист, историк, математик и физик. В 1633–1639 гг. Адам Олеарий в качестве секретаря и, главным образом, переводчика, находился в составе шлезвиг-голштинского посольства в Персию. В 1647 г. в Шлезвиге было издано «Описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию» («Offtbekehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Rejse [...] an den Königin Persien etc.»), в котором даны не только сведения о татарах, но и представлены рисунки с изображениями народов и городов Поволжья [Олеарий, 2003].

Йоганн Эрих Тунманн (1746–1778) – шведский историк, профессор Галльского

Титульный лист сочинения Адама Олеария.
Третье издание. 1663 г.

университета, является автором сочинения об истории Крымского ханства, вышедшей в 1784 г. в «Большом землеописании Бюшинга» («Bueschingsgrosse Erdbeschreibung»), которое затем было переведено и на французский язык. Труд Тунманна – это по сути первое систематическое и всестороннее описание Крымского ханства. Автор, находясь под влиянием французских просветителей, в своей работе несколько идеализирует человеческие качества крымских татар [Иоганн Тунманн, 1991].

Итальянские источники

Иосафат Барбаро (1413–1494) – крупный политический деятель Венецианской республики, дипломат. В 1436 г. Иосафат Барбаро покидает Венецию по торговым делам и отправляется в Тану (Азак, современный Азов), венецианскую колонию в устье Дона. Здесь прожив 16 лет, Иосафат выучил татарский язык. Вернувшись в Венецию, Иосафат Барбаро написал свой труд в его окончательном виде в конце 1488 или в 1489 г. – «Здесь начинается рассказ о вещах,

виденных и слышанных мною, Иосафатом Барбаро, гражданином Венеции, во время двух моих путешествий – одного в Тану и другого в Персию» («Quivicomenciano le cosevedute et aldite per mi, Iosaphath Barbaro, citadin de Venetia, in doviazi, cheio ho fatti – unoalaTana et uno in Persia»). В работе даны достаточно подробные сведения о географии и этнографии Приазовья, Поволжья и Кавказа, политической ситуации в Татарии в первой половине XV столетия [Барбаро и Контарини, 1971].

Амброджо Контарини (1429–1499) – венецианский посол в Персию (1474–1477). В ходе своего посольства он посетил Крым и Поволжье. Вернувшись в 1477 г. в Венецию, Амброджо Контарини опубликовал описание своего путешествия «Viaggiodemisier Ambrogio C., ambadoralgran-signore Ussum-Cassan, redi Persia», более известного в русском переводе как «Путешествие в Персию». В своем сочинении автор дает сведения о политической ситуации в Восточной Европе, о татарах Крыма и Поволжья, их культуре [Там же].

Франческо Тьеполо (1509–1580) – итальянский автор «Описания Московии» (около 1560). Франческо Тьеполо в Московии никогда не был, он написал свое сочинение, пользуясь только чужими, письменными и устными известиями. Основным книжным источником произведения была крупнейшая в то время по значению и богатству фактами работа о России – «Записки о Московитских делах» Сигизмунда фон Герберштейна, к 1560 г. выдержавшее уже пять изданий на латинском и одно на итальянском языке. В сочинении даны также сведения о татарах, об их влиянии на Московскую Русь, о Казани («Кассане»), Астрахани («Читрокане») и «Кумании» [Франческо Тьеполо, 1940].

Рафаэль Барберини принадлежал к известной итальянской купеческой фамилии; он был дядей римского папы Урбана VIII. С целью получения права торговли в Московском царстве Рафаэль Барберини посетил Москву, получив аудиенцию у Ивана IV Грозного. Вернувшись, он оставил свои записки о своем путешествии в Московию, которые столетие спустя, в 1658 г., были изданы Николаем Барберини, внуком Рафаэля, под заглавием «Relazione di Moscovia scrittada Raffaello Barberinoalcontedi Nugarola,

Anversa, 1e 16 Ottobre 1565». В сочинении даны сведения о казанских, ногайских, астраханских и сибирских татарах [Рафаэль Барберини, 1842].

Франческо да Колло (ум. в 1571 г.) – дипломат Священной Римской империи, император которой Максимилиан I отправил его в Москву для умиротворения польского и литовского короля Сигизмунда и великого князя московского Василия III (1518–1519). Здесь Франческо да Колло собрал различные сведения о Московской Руси. Вернувшись на родину, да Колло составил отчет, который лег в основу книги, известной как «Доношение о Московии» («Relationesulla Moscovia»), опубликованной лишь восемьдесят лет спустя в Падуе в 1603 г. В сочинении даны сведения по географии, обычаям и быту татар [Франческо да Колло, 1996].

Польские источники

Станислав Жолкевский (1547–1620) – польский полководец, разбивший в 1610 г. при Клушине войска Дмитрия Шуйского, после чего захватил Москву. За московскую кампанию Жолкевский получил в 1613 г. сан великого гетмана коронного, а через несколько лет был назначен и великим канцлером коронным. Последние годы своей жизни он провел в защите южных границ Речи Посполитой от татарских и турецких нападений и пал в 1620 г. в битве с турками под Цецорой. Станислав Жолкевский является автором сочинения «Начало и успех Московской войны», которое было опубликовано лишь в 1835 г. в Москве. В этом произведении есть сведения об участии касимовских татар в событиях Смутного времени [Станислав Жолкевский, 1871].

Французские источники

Жильбер де Ланнуа (Жильбер де Ланноа, 1386–1462) – фламандский рыцарь, советник и камергер герцога Бургундского Жана Бесстрашного, дипломат. Был сторонником активной борьбы против мусульман. В 1407–1410 гг. участвовал в Реконкисте. В 1413 г. Жильбер де Ланнуа участвовал в войне Тевтонского ордена против Польши. В 1421–1423 гг. рыцарь посетил Пруссию, Литву, Польшу, Молдавию, Крым, Константинополь, Египет, Сирию и Палестину.

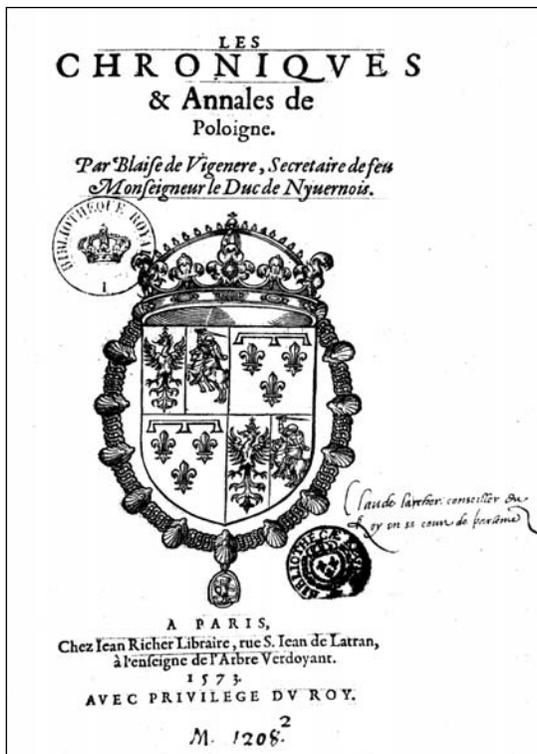
Портрет Станислава Жолкевского.
Неизвестный автор

Портрет Блеза де Виженера.
Художник Томас де Лю

Жильбер де Ланноа оставил мемуары «Путешествия и посольства», которые представляют собой дневниковые записи на старофранцузском языке, по-видимому, отредактированные самим автором незадолго до смерти. В своих мемуарах де Ланноа дает сведения о быте и культуре татар, в том числе известия и о татарах, переселившихся в Литву [Путешествие Гильбера де-Ланноа, 1873; Кудрявцев, 2003].

Блез де Вижнер (1523–1596) – французский дипломат, криптограф и алхимик.

Титульный лист Описания Польского королевства Блеза де Виженера. 1573 г.

Титульный лист сочинения Джэйлса Флетчера «История России». 1643 г.

На сейме, состоявшемся в Варшаве в апреле 1573 г., польским королем и великим князем литовским был избран герцог Анжуйский Генрих Валуа, брат французского короля Карла IX. Для ознакомления нового короля с государством необходимо было составить обстоятельную записку. Составление ее было поручено Блезу де Виженеру. Уже в июле 1573 г. обширная записка, составленная Виженером, поступила в печать. Сочинение получило следующее заглавие: «La description dy Royaume de Pologne et pays adjacens, avec les statuts, constitutions, moeurs, et fasons de faire d'iceux. Par Blaise de Vigenere, secretaire de feu Monseigneur le Duc de Nivernois. A Paris, cher Jean Richr libraire, rue saint Jean de Latran, a l'enseigne de l'arbre Verdoyant. 1573. Avec privilege du roi», которое у нас более известно, как «Описание Польского королевства». Отдельный раздел сочинения Виженера посвящен татарам – их истории и культуре [Блез де Виженер, 1890].

Жак Маржере (Жак Маржерет, 1550–е – после 1618) – профессиональный французский офицер-наемник, поступивший в 1600 г. на русскую службу в чине капитана. Находясь в России Жак Маржере попеременно служил русским царям, царям-самозванцам и польскому королю Сигизмунду III. Осенью 1611 г. Жак Маржере покинул Россию. Вернувшись во Францию, он написал и опубликовал свое сочинение «Состояние Российской империи» («Estat de l'empire de Russie»). В этом сочинении есть сведения об истории и культуре поволжских и крымских татар, об их участии в событиях Смутного времени [Жак Маржерет, 2007].

Гийом Левассер де Боплан (Гийом ле Вассер де Боплан, около 1595–1685) – французский инженер и военный картограф. Гийом де Боплан был приглашен польским королем Сигизмундом III на службу в Польшу как старший капитан артиллерии и военный инженер, где и находился с 1630 по 1648 г. Гийом де Боплан, строя крепости на Украине, занимался укреплением южных рубе-

жей Речи Посполитой. Вернувшись домой, Гийом де Боплан издал в 1651 г. сочинение об Украине под названием «Description des contrées du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie, insques aux limites de la Transilvanie. Par le Sieur de Beauplan», более известного после второго издания как «Описание Украины» («Description d'Ukraine»). Гийом де Боплан в своей работе уделяет место и татарам, описывая их нравы и быт в XVII в., в том числе и в графической форме [Гийом Леваскар де Боплан, 2004].

Фуа де ла Невилль – французский дипломат на польской службе, посетивший в 1689 г. Россию и опубликовавший в 1698 г. в Париже «Записки о Московии». В этом сочинении кроме всего прочего дано описание крымских походов В.В. Голицына [Де ла Невилль, 1996].

Английские источники

Энтони (Антоний) Дженкинсон (1529–1610) – английский дипломат, который четырежды, с 1557 по 1571 г., побывал в Московском царстве в качестве посла английских государей и представителя Московской компании, основанной лондонскими купцами в 1555 г. Главной задачей Дженкинсона было получить охранные грамоты и право на беспрепятственный путь по Волге до Каспийского моря. Энтони Дженкинсон совершил путешествия в Среднюю Азию и Персию, в ходе которых он посетил Казань и Астрахань. Записки о путешествиях Дженкинсона были опубликованы в 1598–1600 гг. в собрании Гаклэйта: «The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the english nation». В своих записках о поездках Дженкинсон дает сведения о поволжских и крымских татарах, ногаях, их хозяйстве и культуре середины XVI в. [Энтони Дженкинсон, 1937].

Джайлс (Джилльс) Флетчер (1548–1611) – английский поэт, парламентарий и дипломат. В 1588 г. Дайлс Флетчер в качестве посланника английской королевы Елизаветы был отправлен в Москву к царю Федору Иоанновичу для поддержания перед русским царем ходатайства Московской компании о монополии на торговлю с северно-русскими портами. Посольство Флетчера потерпело

неудачу: в даровании Московской компании монополии было отказано; у компании было отнято право беспошлинной торговли в пределах России. Летом 1589 г. Джайлс Флетчер покинул Россию. Вернувшись на родину в 1591 г., Джайлс Флетчер издал свое сочинение «О государстве Русском» («Of the Russe Common Wealth»), в котором есть отрывочные сведения о крымских, ногайских и поволжских татарах. Затем около 1610 г. Джайлс Флетчер написал также исторический трактат о происхождении татар – «Essay upon some probable grounds that the tartars... are the Posterity of the ten Tribes of Israel», напечатанный после смерти автора в 1677 г. [Джайлс Флетчер, 2002].

Джером Горсей (около 1550–1626) – английский дворянин, парламентарий и дипломат. В 1573–1591 гг. жил (с перерывами) в России, управлял конторой Московской компании. Джером Горсей является автором трех сочинений мемуарного характера, содержащих ценные сведения по истории Московского царства: «Путешествия сэра Джерома Горсея», «Торжественная... коронация Федора Ивановича» и «Трактат о втором и третьем посольствах мистера Джерома Горсея». В этих работах кроме всего прочего представлены сведения о взаимоотношениях царей Ивана IV Грозного и Федора Иоанновича с татарами [Джером Горсей, 1990].

Испанские источники

Дон Жуан Персидский (до крещения – Орудж-бек Баят) (1560–1604) – посол дипломатической миссии персидской династии Сефевидов ко двору испанского короля. В 1599 г. прибыв в Испанию, принял католицизм и в 1604 г. написал книгу «История Дон Жуана Персидского». Сочинение состоит из трех книг. В первой и второй книгах дается описание государства Сефевидов. Третья книга посвящена непосредственно описанию путешествия в Испанию, где приводятся данные о посещениях разных стран и городов. Здесь даны сведения о территории Золотой Орды («Великой Татарии»), об участии крымских татар в войне Османской империи против Ирана, о быте и культуре поволжских татар [Россия и Европа, 2007].

Портрет Исаака Массы. Художник
Франс Халс. 1626 г.

Голландские источники

Исаак Масса (1586–1643) – голландский купец, путешественник и дипломат. С 1601 по 1609 г. жил в Москве. Затем посещал Россию в качестве посланника Генеральных штатов. Вернувшись на родину, написал «Краткие известия о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года», которые были опубликованы в Брюсселе лишь в 1866 г. В сочинении Исаака Массы представлены сведения об истории русско-татарских отношений второй половины XVI – начала XVII в. [Исаак Масса, 1997].

2. Арабиграфичные документальные источники

Ленар Абзалов, Ильяс Мустакимов

Особую значимость для изучения истории татарских государств XV–XVIII вв. имеют документальные источники, которые содержат богатый материал об общественно-политическом и социальном устройстве, хозяйстве, налогах и сборах, фискальном аппарате, канцелярской и письменной культуре, а также языке делопроизводства. Татарские акты привлекли внимание исследователей уже на этапе становления зарубежной и российской ориенталистики. Особую ценность, при слабой сохранности тюрко-татарских нарративных источников, имели материалы ханских канцелярий, документы частнопроводного характера, которые являлись наиболее достоверными и надежными при изучении вышеуказанных аспектов истории.

На протяжении всего XIX столетия идет поиск и анализ татарских документальных источников. Отдельные образцы крымских ярлыков были введены в научный оборот еще в первой половине и середине XIX в. [Ярцов, 1848; Ярцов, 1849; Березин, 1851а]. Начавшаяся Крымская война вызвала возрастающий интерес к письменному наследию крымских татар. С этого времени археографическая работа и источниковедческая характеристика крымскотатарских документальных материалов становится

одной из традиционных тем российской исторической науки. Среди исследователей, плодотворно занимавшихся проблемами татарского актоведения, следует назвать И.Н.Березина, В.В.Вельяминова-Зернова и Х.Фаизханова, А.Ф.Малиновского, Ф.Ф.Лашкова, В.В.Радлова, В.Д.Смирнова, А.Н.Самойловича. Если в первые годы советской власти традиция издания и изучения татарских актовых документов продолжается, то с конца 20-х гг. XX столетия эта традиция прерывается. В дальнейшем данное направление исследований успешно развивают зарубежные ученые, среди которых следует выделить Ф.Куртоглу, А.Н.Курата, А.А.Зайончковского, Ш.Лемерсье-Келькеже, В.П.Остапчука, Х.Иналджыка, А.П.Григорьева, И.Вашари, М.Иванич, Д.Колодзейчика¹.

¹ Наиболее крупные публикации жалованных актов см.: [Березин, 1872, приложение № 22, с.1–9; Березин, 1872а, приложение № 22, с.10–23; Смирнов, 1913, с.140–178; Смирнов, 1918, с.1–19]. Информацию о публикациях жалованных актов XV–XVI вв. см.: [Усманов, 1979, с.31–56]. Перечень важнейших публикаций дипломатической переписки (в подавляющем большинстве крымской) см.: [Иванич, 2006, с.169, примеч. 1]. Сюда же следует добавить недавно вышедшую работу Д.Колодзейчика [Kołodziejczyk, 2011].

Значительный вклад в источниковедческое обобщение и систематизацию татарских актов внес профессор Казанского университета М.А.Усманов. В своей монографии «Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.» исследователь на основе анализа широкого круга источников дает общую источниковедческую характеристику, и дипломатическую в частности, татарских документальных источников, в указанных хронологических рамках.

К сожалению, оригиналы документов, происходящих из Казанского, Астраханского, Сибирского, Касимовского ханств, Большой и Ногайской Орд дошли до нас в чрезвычайно малом количестве. Малочисленность дошедшего до наших дней татарского актового материала объясняется различными причинами. Документы массами погибали в многочисленных пожарах, которые были весьма частым явлением в жизни общества того времени. Наиболее трагическими были последствия завоевания Казани 1552 г. Не последнюю роль играл фактор времени и отсутствие надлежащих условий хранения. Ликвидация татарских политико-юридических институтов, изменение социально-политической и экономической структуры общества приводит к утрате прежней правовой силы этих документов, держатели которых, несмотря на отдельные случаи, не имели особой социальной и материальной потребности в их сохранности. Учитывая неблагоприятные условия хранения, многие татарские актовые материалы сохранились лишь в копиях, в той или иной степени отражающих форму или просто содержание оригиналов. Кроме того, в посольских книгах Московского государства и Метрике Великого княжества Литовского сохранились переводы посланий и писем правителей Крымского, Казанского ханств, Большой и Ногайской Орд.

Гораздо лучше обстоит дело с актами бывшего Крымского ханства: до нас дошли довольно богатый актовый материал, дипломатическая переписка крымских государей и их приближенных, судебные документы. Связано это с несколькими факторами: длительным периодом существования Крымского ханства и сравнительной устойчивостью в нем государственной власти; активной дипломатической перепиской с соседними

государствами; наличием в Крымском юрте развитой городской культуры, позволявшей лучше сохранять документальные памятники; влиянием на делопроизводственные традиции Крымского ханства высокоразвитой канцелярской культуры Османской империи, под сюзеренитетом которой ханство находилось с 1475 г. Кроме того, после аннексии Крымского ханства русское правительство в целом признало сословные и имущественные права крымскотатарских феодалов, что помимо прочего (имеются в виду более благоприятные, по сравнению с остальными татарскими государствами, условия хранения документов и достаточно высокий уровень архивного дела и науки в Российской империи XVIII–XIX вв.) способствовало лучшей сохранности крымскотатарских официальных документов. В Российской Федерации большинство подлинных крымских актов сконцентрировано в документальном фонде Рукописного отдела Института восточных рукописей РАН, копий крымско-ханских ярлыков – в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки. Кроме того, большое количество крымскотатарских документов сохранилось в древлехранилищах Турции, Польши, Венгрии, Австрии, Румынии, Украины. Сохранился и такой ценный комплекс документальных источников, как собрание Казы-аскерских книг, являющееся частью архива крымских ханов. В эти книги-реестры (дефтеры, сакки), ныне хранящиеся в Российской национальной библиотеке, заносились копии официальных документов, находящиеся в ведении верховных мусульманских судей Крыма юридические и административные дела. До наших дней дошел 121 дефтер, содержащих записи за 1608–1810 гг. [Васильева, 1993, с.44–45; Cihan, Yilmaz, 2004, S.131–176]. Один дефтер, относящийся к Карасубазарскому кадийскому округу (кадылык) и содержащий записи за 1752–1753 гг., отложился в фондах Ялтинского историко-литературного музея [Cihan, Yilmaz, 2004, S.132, not 4].

Татарские государства XV–XVIII вв. продолжили золотоордынские канцелярские традиции, которые нашли свое применение в новых политических условиях. С течением времени эти условия стали оказывать свое влияние и на развитие делопроизводства. Речь здесь, прежде всего, идет о крымскота-

тарской канцелярской традиции, в которой со второй половины XVI столетия все более проявлялись элементы османской делопроизводственной культуры, ставшей определяющей с началом XVII в. Несмотря на это обстоятельство, отдельные реликты традиционного делопроизводства встречаются здесь и позднее. Формирование и развитие собственно крымского делопроизводства, полностью отличающегося от традиционного золотоордынского-джучидского, падает в целом на XVII–XVIII вв., на период, когда завершилось формирование крымскотатарской народности, оформился собственно крымскотатарский деловой язык, существенно отличающийся от языка письменности XV – первой половины XVI в. Результаты влияния османско-турецкого делопроизводства сказались прежде всего в языке, стиле изложения и внешнем оформлении. Между прочим, М.А.Усмановым отмечена такая особенность крымских дипломатических документов после попадания ханства под сюзеренитет Высокой Порты: послания крымских правителей русским и европейским государям долгое время составлялись по форме и на языке, близком использовавшемуся в золотоордынских документах, тогда как письма и донесения, направлявшиеся правителям Османской империи – сюзерена Крымского ханства, составлялись в форме, близкой правилам османского делопроизводства [Усманов, 1979, с.108–109].

Ограниченность аутентичных делопроизводственных и актовых источников по другим татарским государствам не позволяет делать конкретных выводов о характере развития их канцелярской культуры.

Представляют интерес немногие дошедшие до нас частноправовые акты. В частности, речь идет о двух завещаниях представителей аристократии Касимовского ханства: Аликей-аталыка (1639 г.) и Кишбике-бикеч (XVII в.) [Вельяминов-Зернов, 1866, с.231–267; 447–459].

Большой интерес представляют татарские и османские документы, отложившиеся в турецких древлехранилищах. Наиболее крупными собраниями документов, имеющих отношение к истории постзолотоордынских тюрко-татарских государств, обладают Османский архив при Премьер-министре Турции (Başbakanlık Osmanlı Arşivi) и архив

музея дворца Топкапы (Торкарı Sarayı Müzesi Arşivi). Большинство из них имеют отношение к истории Крымского ханства.

Первой большой публикацией посланий и ярлыков позднезолотоордынского, крымского и большеордынских государей стал труд А.Н.Курата [Kurat, 1940]. Большой комплекс документов, в основном по истории Крымского ханства, отложившихся в Османском архиве, в архиве и библиотеке музея дворца Топкапы, в 60–70-е гг. XX в. был выявлен, изучен и опубликован группой французских исследователей под руководством профессора А.Беннигсена [Le khanat, 1978].

Вышел в свет сборник документов, содержащий публикацию факсимиле, текста и перевода на русский язык 37 документов татарского и османского происхождения по истории тюрко-татарских государств XVI в. [Документы, 2008, с.49–253].

Большим, но пока мало используемым информативным потенциалом обладает такая разновидность источника, как «Реестры важных дел» (*Умур-и мюхимме дефтерлери*, сокращенное наименование – *Мюхимме дефтерлери*). В них регистрировались тексты султанских посланий иноземным и вассальным правителям и султанских же указов османским чиновникам¹. Наиболее ранний из дошедших до нас Реестров относится к 951–952/1544–1545 гг. Несколько томов Реестров опубликовано [Торкарı, 2002]².

В конце XVII в. для регистрации международной переписки в Высокой Порте отдельно от «Реестров важных дел» начали вестись «Реестры августейших посланий» (*Наме-и Хумаюн дефтерлери*). В отличие от «Мюхимме дефтерлери», в «Реестрах августейших посланий» регистрировались не только тексты исходящих от Порты посланий и писем, но и переводы грамот иноземных правителей в Порту и устные доклады их послов.

Лапидарную, но интересную информацию о прибытии татарских (большеордынских и крымских) посольств и гонцов ко двору османских султанов в XV–XVI вв. и расходах на их содержание дают приходно-расходные книги султанских дворцов [Barkan, 1979].

¹ Подробнее о «Мюхимме дефтерлери» как источнике см.: [Мустакимов, 2008а, с.27–31].

² Перечень других публикаций «Мюхимме дефтерлери» см.: [Мустакимов, 2007, с.299, 302–303].

3. Художественные произведения

Хатип Миннегулов

Татарское словесное искусство XV–XVIII вв., охватывающее более трех столетий, представляет собой очень сложный, противоречивый, трагичный периоды истории татарского народа. Это время распада Золотой Орды и образования на ее огромной территории Крымского, Казанского, Астраханского, Сибирского, Касимовского ханств, а также Ногайской Орды; это время существования, расцвета и завоевания татарских государств; это время жесточайшего колониального гнета, утери значительной части накопленных веками духовных и материальных ценностей. Кроме того, на этом этапе истории, особенно после ликвидаций Казанского, Астраханского государств, в относительно едином языковом, культурном и этническом пространстве татар начинает постепенно обособляться, османализироваться население, проживающее в Крымском ханстве. Поэтому словесное искусство данной эпохи целесообразно рассмотреть в трех аспектах, под тремя пунктами: 1) татарская литература периода Казанского ханства (середина XV в. – середина XVI в.); 2) Крымско-татарское словесное искусство XV–XVIII вв., т.е. Крымского государства; 3) XVII–XVIII вв. Конечно, такое разделение более чем трехвекового литературного процесса носит в известной степени условный характер. В то же время оно способствует созданию определенного представления о татарском словесном искусстве указанных столетий.

Литература периода Казанского ханства

Письменная литература, словесное искусство – важнейшие факторы, доминирующие критерии определения, оценки характера того или иного государства, общества. С одной стороны, наличие книг, художественных произведений само по себе показывает достаточно высокий уровень культуры. С другой – словесное искусство дает надежный ключ к пониманию духовной жизни этого общества, к выяснению интеллектуального, морально-психологического состояния людей. Исходя из такого подхода, постараемся

кратко охарактеризовать татарскую литературу периода Казанского ханства. Прежде чем приступить к поставленной теме, необходимо выяснить два частных вопроса. В некоторых научных трудах, да и в практической жизни татарская литература второй половины XV и первой половины XVI в. отождествляется со словесным искусством только Казанского ханства. Но такое утверждение отражает лишь часть истины. Почему? Потому что татарская литература данного периода функционировала, развивалась не только в Казанском ханстве, но и в других татарских государствах, в частности в Астраханском, Сибирском, Ногайском, Крымском, Касимовском царствах, а также в Большой Орде. Татарское словесное искусство данного периода, как и в эпоху Золотой Орды, было относительно единой, неделимой литературой. Она создавалась и распространялась почти на одном и том же языке. Конечно, в литературе, созданной на большой территории Евразии, произведения поволжских, особенно казанских авторов занимали ведущее положение. Имея в виду Казань, Мухаммедьяр писал, что «этот город полон поэтами».

Другой вопрос заключается в том, что из написанных в XV–XVI вв. произведений лишь небольшая часть дошла до наших дней. Особенно плохо мы знаем о литературной жизни некоторых других татарских ханств. Поэтому суждения о словесном искусстве периода Казанского ханства носят неполный, иногда даже фрагментарный характер. Но ради справедливости все-таки следует отметить, что по сравнению с историками, лингвистами, обществоведами, литературоведами, несмотря на различные политические препятствия, уже в советское время проделали значительную работу по изучению и пропаганде литературы периода Казанского ханства.

Татарское словесное искусство второй половины XV – первой половины XVI в. и по языку, и по идейно-тематическим, и по поэтическим особенностям является прямым наследником и продолжателем традиций

литературы Золотой Орды. Оно пропитано мусульманской идеологией, суфийскими мотивами и образами. В нем, как и в литературе предыдущих веков, заметно сильнее влияние арабо-персидской и тюркских литератур. Например, Мухаммедьяр творчески использует сюжеты и образы из «1001 ночи», «Калилы и Димны», произведений Аттара и Саади. Средневековые татарские читатели в той или иной степени владели арабским, персидским и тюркскими языками. Поэтому в Поволжье и Приуралье широко распространялись произведения восточных авторов, они читались и в оригинале, и в различных переводах и комментариях. В частности, имеется перевод знаменитого сборника «Калила и Димна», относящегося к данному периоду [Кәлилә вә Димнә, 1996]. Литературный, да и письменный татарский язык Средневековья богат заимствованиями из восточных языков.

Татарская литература периода Казанского ханства представлена произведениями различного характера: там есть образцы поэзии и прозы, поэм и дастанов, газелей и касыд, сатиры и юмора. В отдельных памятниках тесно переплетаются мотивы и стили письменной и устной литературы. В частности, в дастане «Идегей» использованы некоторые достижения и опыт многовековой письменной поэзии. Шарифи в «Зафарнамаи вилаяти Казан», т.е. «Книге о победе казанцев», при изображении защитников Казани часто употребляет характерные для фольклора приемы и средства.

В произведениях данного периода нашли отражение различные вопросы человеческого бытия и общества. Особенно преобладает тематика нравственного характера. Просвещенный, нравственно чистый, воспитанный, религиозный человек – вот идеал многих авторов. Кроме того, в литературе отражены социальные, философские проблемы. По мнению Мухаммедьяра, например, счастье человека зависит и от социального устройства общества, и от правителей. Дастан «Идегей» ясно показывает, что эгоистические, личные интересы ведут к разрушению основ государства. Некоторые сочинения могут служить надежным источником при исследовании реальной жизни того времени. В частности, Шарифи

в своем «Зафарнамаи...» (1550) описывает поход Ивана IV против Казани, осаду города и сражение между казанцами и русскими. Интересно то, что автор данного произведения – очевидец и участник событий.

В поэме Мухаммедьяра встречаются образы реальных исторических личностей того времени, таких, например, как Сахибгерей и др.

* * *

Теперь кратко остановимся на отдельных произведениях авторов периода Казанского ханства.

Стихотворениям **Хасана Кайгы**, **Дусмамбета**, **Казтугана**, **Чалгиз Жырау** присущи близость к фольклору, эпическим традициям сказателей, любовь к родной природе, воспевание единства, дружбы людей. Они, в основном, жили в Нижнем Поволжье, у реки Яик и были тесно связаны с тюрко-татарами, ведущими кочевой или полукочевой образ жизни. Их стихотворения широко распространялись не только среди татар, но и среди некоторых других тюркских народов.

Казанский хан **Мухаммед Амин** (1469–1518) в своем стихотворении «Гыйкаб» («Меть»), как и его предшественники Саиф Сараи и Ахмед Ургенджи, критикует антигуманную, агрессивную политику среднеазиатского правителя Аксак Тимура.

Следует отметить, что недавно обнаружено очень ценное в историческом отношении послание (1506) Мухаммед Амин-хана польскому королю Александру I, в котором отражены реальные события начала XVI в. (взаимоотношения московских, казанских, крымских и польских правителей; походы Ивана III на Казань и поражение московских войск и др.) [Миңнегулов, 2010, 34–41 б.].

Среди читателей татарских ханств широко распространяются романтические поэмы среднеазиатского поэта **Маджлиси** (XV–XVI вв.) о возвышенной любви Сейфульмулюка к Бадигульджалал, **Сайяди** о Тахире и Зухре. Эти произведения, хотя время и место создания их точно не установлены, и в последующие века были любимыми книгами татар. Поэма «Кыйссаи Сейфульмулюк» Маджлиси, созданная на основе сюжета из «1001 ночи», является

одной из первых тюрко-татарских светских книг, напечатанных в типографии Казани (в 1807 г.). Имеются многочисленные фольклорные и письменные варианты сюжетов о Сейфульмулке и Бадигульджамале, о Тахире и Зухре.

В 1501–1510 гг. в далеком мамлюкском Египте, где правили выходцы из Поволжья и Приуралья, **Татар Гали Эфенди** (или, по-другому, Шарифом Гамиди) создается громадное по объему «Тюркское Шахнаме», которое считается общим достоянием тюркоязычных народов. Это произведение не только перевод знаменитой эпопеи Фирдоуси. Оно содержит в себе много интересных событий, деталей оригинального характера.

В стихотворениях и поэмах **Умми Камала** (Исмагила) (последняя треть XIV в. – 1475) воплощены идеалы суфия-аскета о совершенном человеке, отображено сложное, противоречивое состояние лирического героя. Хотя Умми Камал считается османским поэтом, однако он какую-то часть своей жизни жил в Поволжье и в Крыму. Он размышляет над такими вечными вопросами, как смысл человеческой жизни, соотношение жизни и смерти. По его мнению, перед лицом смерти все равны. Смерть одинаково властна над могущественным шахом и над невольником. Творчество этого талантливого поэта оказало большое влияние на поэтическую деятельность Кулшарифа (XVI в.), Мавля Кулья (XVII в.), Ш.Заки (1821–1865), Дердменда (1859–1921) и других татарских авторов. Произведения Умми Камала широко распространялись в рукописях, затем в печатной форме.

Кулшариф [Мэнгелеккэ аяк басканда, 2006] вошел в историю татарского народа как поэт, религиозный лидер, общественный деятель и патриот своей Родины. Он героически погиб 2 октября 1552 г. при защите Казани от чужеземных захватчиков. Его эмоциональные стихи религиозно-философского содержания в течение нескольких веков включались в школьные хрестоматии. А поэма «Кыйссаи Хубби Худжа» способствовала воспитанию у читателей высоких нравственных качеств.

До нас дошло произведение под названием «Зафарнамаи вилаяти Казан» («Сочинение о победе Казанского государства»),

написанное осенью 1550 г. Автор этого с вкрапленными в текст поэтическими строками прозаического памятника – **Шарифи** (Шарифи Хаджитархани). Исследователи его отождествляют с Кулшарифом.

Как известно, в начале 1550 г. Иван Грозный, с целью захвата города, окружил Казань. После почти двухнедельной осады, не достигнув поставленной цели, он был вынужден отступить и оставить город. В основу сочинения Шарифи положены эти исторические события. Автор осуждает захватнические войны, называет Ивана Грозного «чванливым», «смутьяном», «злодеем», с восхищением изображает героизм защитников города. Он выступает как истинный патриот своей Родины. В сочинении Шарифи имеется следующее стихотворение, восхваляющее красоту и историческую роль города Казани в судьбе татарского народа (в подстрочном переводе Фаарида Хакимзянова):

Диво! Место увеселенья в мире этот город Казань,

В мире нет больше такого города, дающего кров.

В мире нет нигде такого цветущего города, как Казань,

В Казани еду-питье найдут всегда, таков он город Вселенной!

От пращура-хана осталась нам наша власть,

Это место – на земле есть всегда ханский город, место ханского сына.

Продав свою землю и дом, не оплатит отцовский налог,

Почему же здесь этот злодей, это не город Ивана!

Шарифи, не покидай ее, коль веришь в газават,

Пусть скажут с этого дня, это он хозяин Казани.

К сожалению, через два года этот «цветущий» город – столица большого ханства – был превращен в руины и пепелище. Среди многочисленных жертв кровавой бойни был и автор этих проникновенных строк.

Мухаммедьяр (1497–1549) – один из последних поэтов периода Казанского ханства. Жизнь и творческая деятельность его органически связаны с судьбой татарского народа, с Казанью. Этот талантливый и вы-

сокообразованный человек в своей жизни испытывал и почет, и невзгоды. Не зря его образ привлекает внимание современных писателей, художников, музыкантов.

Из солидного творческого наследия Мухаммедьяра известны лишь две поэмы – «Тухфай мардан» («Подарок мужчин», 1540), «Нуры содур» («Светоч души», 1542) и одно стихотворение – «Насихат» («Наставление») [Мөхәммәдьяр, 1997]. Все они лиро-эпического характера, дидактического содержания. В них отчетливо проявляются сокровенные мысли и переживания самого автора.

Мухаммедьяр написал свои произведения в тревожное для Казанского ханства время. В результате внешних и внутренних конфликтов татарское государство буквально лихорадило. Осознав всю эту сложную ситуацию, поэт размышлял о путях выхода из кризисного положения, о судьбе своего народа и своей Родины. Как и его предшественники, он мечтал о справедливом, просвещенном правителе, возлагал на него большие надежды. Это – во-первых. Во-вторых, Мухаммедьяр считал, что для того, чтобы воцарились мир и спокойствие в государстве, жители его должны быть воспитанными. Вот поэтому автор исключительно много внимания уделяет изображению нравственных качеств и поступков человека, приводит поучительные сюжеты, житейские примеры. Для поэта справедливость, милосердие, щедрость, верность превыше всего. Он оценивает людей не по богатству, сану, вероисповеданию, а по благородным, гуманным поступкам. Его представления об обществе, о роли и месте человека в мире созвучны с воззрениями великих представителей Ренессанса и западноевропейских утопистов Средневековья.

Мухаммедьяр, будучи в составе делегации Казанского ханства в Москве «толмачем», несмотря на дипломатическую неприкосновенность, по указанию Ивана IV был зверски убит. **Адниш Хафиза** – «члена посольства» – сделали невольником» [Средневековая, 1999, с.141–147]. В такие трудные дни он написал свое сочинение «Сираджель-кулюб» («Светоч сердец», 1554), которое широко распространялось среди татарских читателей: имеются и его печатные издания.

По утверждению В.Бартольда и А.Щербака, книга под таким названием первоначально написана на арабском языке. Затем переложена на фарси. Были и его тюркоязычные версии. Аднаш Хафиз создал свое сочинение на основе его разноязычных текстов и вариантов [Миннегулов, 2010, с.100–104]. В «Сираджель-кулюб» использованы материалы из Корана, хадисы пророка и другие тексты. В книге отражены различные религиозно-нравственные вопросы. Автор особо подчеркивает громадную роль веры, знаний в сохранении национального менталитета. В изложении своих мыслей Аднаш Хафиз широко использует формы диалога, противопоставлений, приводит различные сюжеты, поучительные примеры.

Литература Крымского ханства

Среди постзолотоордынских татарских государств и по времени существования, и по военно-политической мощи Крымское ханство занимает одно из ведущих мест. Когда говорят об этом государстве, многие отождествляют его лишь с полуостровом Крым. Но оно занимало, кроме Крыма, значительные территории Западного Предкавказья, Северного Причерноморья, а также районы Приазовья. В XIII–XV вв. Крым был своего рода форпостом в связях Золотой Орды с европейскими государствами и народами.

Несмотря на некоторые особенности бытования, крымчане являлись полноправными представителями единой золотоордынской политической и духовной культуры, языка, литературы. Такая традиция в известной степени продолжалась и в Крымском ханстве. Но в нем, особенно с середины XVI в., усиливается влияние Османской империи. Это проявляется не только в общественно-политической сфере, но и в языке, литературе, искусстве, в частности – в музыке, танцах. Несмотря на некоторое обособление крымчан, они продолжают оставаться татарами; их литература, духовные ценности считаются важнейшей частью относительно единой татарской культуры. Важно и то, что Крымское ханство просуществовало дольше других татарских ханств, до конца XVIII в., являлось наследником предшествующих татарских государств. Поэтому изучение

его дает ключ к раскрытию многих сторон истории и духовной жизни нашего народа. Необходимо подчеркнуть, что со времен крымского ханства сохранилось значительное количество памятников материальной и духовной культуры, в большинстве случаев – арабграфичной литературы; есть и сочинения, написанные латинской, армянской графиками, кириллицей. Многие произведения, независимо от места их создания, распространялись по всей татарской земле. Например, знаменитое сочинение Сейида Мухаммеда Ризы (ум. в 1756 г.) в Стамбуле «Семь планет» («Ассеб ас-сейяр»), посвященное истории средневекового Крыма, было хорошо известно и поволжским татарам; в 1832 г. оно было издано в Казани М.Казембеком.

Значительную часть письменной литературы, относящейся к Крымскому ханству, составляет так называемая «историческая проза» [Зайцев, 2009а], представленная следующими сочинениями: «История хана Сахиб-Гирея» («Тарихе Сэхибгэрэй хан») Бадр ад-Дина Мухаммеда б. Мухаммед Кайсунизале Нидаи-эфенди, известного под именем Реммала-ходжи (Рэммэл Хужа) (ум. в 1569 г. в Стамбуле); «Летописи Дешт-и Кипчака» («Тэварихе Дэште-Кыпчак») Абдуллы б. Ризвана (Абди) (составленного около 30-х гг. XVII в.); «Тарихи Ислам – Гирей хан» (завершено в 1651 г.) Ходжи Мухаммеда («Сенаи», «Кырымлы»); «История татарских ханов Дагестана, Москвы и народов Дешт-и Кипчака» (середина XVIII в.), Ибрахима б. Али Кефеви (личный секретарь Крымского хана Фатх-Гирея II (1736–1737); «Розовый куст ханов» («Гөлбуне-ханан») Халим-Гирея (в 1756–1758 гг. правил Крымом) и др. Хотя такие произведения называют историческими, но они в той или иной степени являются и художественными. Их язык, манера изложения часто приближаются к литературному, образному стилю; есть образцы рифмованной, ритмической прозы. В таких сочинениях встречаются поэтические строки. Наряду с изложением реальных событий и деяний, в них находят место и описание вымышленных обстоятельств, легенд. Некоторые истории ханов воспринимаются как панегирические жанры. Поэтому такие произведения с определенной условностью

можно называть историко-литературными сочинениями. По структуре и по содержанию они напоминают хорошо известные татарскому читателю книги «Джамиг ат-таварих» (1602) Кадир Алибека, «Дафтари Чингизнаме» (около 1679 г.) неизвестного автора, а также «Таварихе Болгария» Хисамеддина Муслими [Усманов, 1972]. Таким сочинениям и крымских, и поволжских авторов присущи интертекстуальный, в определенной степени и эклектичный способ составления своих книг. В них обильно использованы тексты из сочинений предшествовавших авторов, особенно Закарии Казвини (1203–1283), Рашид ад-Дина (1247–1318). Следует заметить, что в Крымском ханстве «сочинительство», «письменное занятие» высоко оценивались, ими занимались даже ханы, чиновники высокого ранга. И.В.Зайцев отмечает, что «многие представители ханского семейства писали стихи... Упражнения в написании поэтических произведений составляли, наряду с обучением военному искусству, непременную часть образования отпрысков Гирейской династии. В окружении ханов служили высокообразованные люди, вошедшие в историю османской и мировой литературы» [Зайцев, 2009а, с.25].

Некоторые авторы вышеупомянутых «исторических» сочинений выступали и как поэты. В частности, у Реммала-ходжи есть даже поэтическое произведение по медицине [Там же, с.69].

По данным сегодняшней науки, в Крымском ханстве было около двухсот поэтов, ученых, литераторов [Там же, с.37]. К сожалению, большинство созданных ими сочинений до нас не дошло или пока не обнаружено. Необходимо иметь в виду и то, что в 1735 г. царский генерал Миних сжег город Бахчисарай, в том числе ханскую библиотеку. Во время крымских, гражданских войн, в период депортации в 1944 г. уничтожено огромное количество духовных и материальных ценностей крымско-татарского народа.

Сохранившаяся часть письменной литературы Крымского государства представлена поэтическими и прозаическими произведениями различного жанра, такими как дастан, газель, рубаи, касыда, мадхия, марсия, наме, мунаджат, хикаят, сая-

хатнаме (сефернаме), шаджара, ярлык и др. В ней отображены различные аспекты человеческой жизни и бытия, в том числе нравственные, философские, социально-политические, бытовые вопросы, конечно же и тема любви. Как и в других регионах Мусульманского Востока, так и в духовной жизни Крымского ханства значительную роль сыграли суфизм, особенно «Месневи» (своего рода «поэтическая энциклопедия суфизма»), автором которого является великий Джалаледдин Руми (1207–1273). Наряду с классиками арабо-персидской литературы, в Крыму были очень популярны сочинения османских авторов, таких как «Мухаммадия» (1449) Языджоглу (Челеби), «Искандернаме» (1390) Ахмеди Гирмияни, «Рождение пророка» («Мавлюден-нэби») Сулеймана Челеби (ум. в 1422 г.), путевые записи Эвлия Челеби (1611–1670) и др.

Среди читателей и слушателей Крыма широко распространялись версии и варианты общих тюрко-татарских дастанов, таких как «Идегей», «Тагир-Зухра», «Чура батыр»...

Наряду с вышеупомянутыми авторами письменной литературы Крымского ханства творили и другие мастера пера, такие как Джанмухаммед (XV в.), Менгли-Гирей (XV в.), Мудами (ум. в 1540 г.), Бакайи (умер в 1591 г.), Лейля Бикеч, Ашык Ариф и др. Самым крупным и известным поэтом Крымского ханства является Ашык Умер (Гашыйк Гомэр, 1621–1707). (К сожалению, в «Краткой литературной энциклопедии» [Краткая, 1962, с.381], видимо, исходя из османизированного языка, он представлен как «турецкий поэт-ашуг»). Родом он из города Гезлева (ныне г. Евпатория). Много путешествовал, побывал во многих уголках Османской империи. По преданию, этот вы-

дающийся представитель «бардовской» – «ашыкской» поэзии умер в родном городе.

Ашык Умер – ярко одаренный и высоко-профессиональный поэт – оставил после себя богатое творческое наследие. В общих рамках традиционной классической поэзии Востока, а также «ашыкской» лирики он создавал великолепные образцы словесного искусства. Его стихотворения, созданные в жанрах газели, мураббага, мусадджа, кошмы, касыды, рубаи, характеризуются глубиной и искренностью чувств и переживаний лирического героя, четкостью и стройностью поэтической структуры, изяществом и музыкальностью стиля. Проникновенные стихи Ашыка Умера и сопровождали войска в походах и сражениях, и звучали в кельях суфиев-аскетов, и исполнялись влюбленными. Его произведения оказали большое влияние на творчество последующих поэтов не только Крыма, но и всего тюркоязычного мира, особенно Турции. Имеются многочисленные рукописи. За последние сто лет стихотворения Ашыка Умера печатались в Стамбуле, Ташкенте, Симферополе, Москве и в других городах. Имеются переводы и на русский язык. Среди поволжских татар произведения этого поэта читались и на языке оригинала, и в переводах на современный татарский язык. Его иногда называют «татарским Есениным» и «Крымским Тукаем». Стихотворения поэта и поныне звучат актуально, современно. Одно из стихотворений Ашыка Умера заканчивается такими словами:

Совершенство в нужде, а ничтожество в славе.

Торжествует любовь лишь в богатой оправе,

Но, Омер, ведь на Бога пенять мы не вправе,

Люди сами в несчастьях своих виноваты.

4. Татарские родословные (шеджере)

Марсель Ахметзянов

Сила и живучесть татарского народа в его богатой и многообразной культуре и истории, которые сохранились на материалах родословных памятников. К сожалению, в условиях национально-религиозного гнета в Российской империи татарская исто-

рическая литература находилась в сложных условиях. Однако с XVII в. татарские фамильные родословные стали служить русским властям своего рода паспортами для служилого сословия, перешедшего на службу русским князьям и царям. На основе тех

родословных утверждались их сословные положения в российском обществе (в 1654, 1686 гг. и т.д.) [Ахметзянов, 1991а, с.8–9].

Научный интерес к татарским родословным в XVIII–XIX вв. проявляли такие ученые, как П.Рычков, Х.Френ, Н.Березин, В.В.Вельяминов-Зернов, П.И.Небольсин, С.М.Шпилевский, Н.Катанов, В.В.Радлов [Рычков, 2001, с.181–182; Березин, 1853; Вельяминов-Зернов, 1864, с.414–415; Небольсин, с.198; Шпилевский, 1877, с.585; Катанов, 1904, с.28] и др.

Со стороны татарских ученых и религиозных деятелей интерес к родословным народа вплоть до 1930-х гг. никогда не угасал. В рукописных книгах переписчики очень часто записывали и образцы своих родословных, невзирая на объем материала.

В связи с возникновением татарского книгопечатания в Казани возникли и возможности публикаций текстов родословных. Первая татарская родословная из книги «Дафтари Чингиз-наме» была опубликована Х.Френом в 1816 г. в г. Вене с комментариями на латинском языке [Fraehn, 1816, s.205–216].

Татарский просветитель И. Хальфин издал рукописный памятник XVII в. «Дафтари Чингизнаме» в 1819 г. в Казани, с комментариями и словарем для архаических слов. Книга служила учебным пособием для изучающих татарский язык в Казанском университете. Родословные, опубликованные в данной книге, в большинстве своем являются образцами татарских генеалогий XII–XVII вв.

Известные просветители Каюм Насыри [Насыри, 1881] и Хусаин Амирхан в свое время занимались сбором списков татарских генеалогий, часть которых дошла до наших дней в рукописях, часть была опубликована в книге Х.Амирхана в 1883 г. в Казани [Амирхан, 1883, 88 б.]. В его работе имеются фрагменты древних родословных XV–XVIII вв. Однако они в качестве исторических источников неполноценны.

В последней трети XIX в. сбором и изучением текстов древних татарских родословных занимался видный татарский историк Ш. Марджани (1818–1889). Им была собрана большая коллекция татарских родословных из многих окраин прожива-

ния татар. К большому сожалению, лишь немногая часть этих рукописных списков сохранилась в научных учреждениях. Однако большинство собранных Ш. Марджани списков татарских шеджере использованы в его двухтомном труде на татарском языке, изданном в Казани 1897, 1900 гг. Первый опыт перевода этого исторического научно ценного труда был осуществлен в 2005 г. [Марджани, 2005].

Известный татарский ученый Ризаэддин бин Фахретдин также начал свою деятельность в области сбора татарских рукописных родословных. Он их использовал в качестве источников в своей энциклопедической книге «Асар» в четырех томах. Конечно, такая форма публикации не представляет читателю всю ценность источника. Однако у Р.Фахреддина сохранился его архив из личных бумаг в Петербурге среди бумаг тюрколога А.Н.Самойловича. В данной коллекции, принадлежащей этому ученому, накоплено около двухсот татарских родословных, большинство которых присланы ему в виде копий, сделанных в XIX в. Среди них есть копии XVIII в. Ризаэддин бин Фахретдин сам при жизни составил сборник из 47 текстов, 46 из которых принадлежали татарским родословным, один отмечен как башкирский текст. Адресаты ученого писали при посылке ему своих копий даты составления своих подлинников. Дата составленного подлинника, с которого снималась копия, отмечалась ими в сопроводительных письмах. Судя по данным таких писем, ученый получал копии в основном с подлинников, датированных XIX в. Среди копий есть только один текст, в котором сообщается, что подлинник имел дату 1797 г. [Әхмәтжанов, 2002, 180 б.]. Наши поиски археографического характера, проведенные в форме полевых экспедиций, дополнили представления о списках татарских родословных документов.

Обнаруженные списки рукописей родословных XVIII в. составлялись на небольших листах среднего книжного формата, размером 16x20 см. И некоторые родословные тексты, написанные в XVIII в., помещены на листах рукописных книг, кстати, данная традиция сохраняется и в XIX в. Однако родословные XIX в. начали писать в амбар-

ных журналах, формат которых превышает формат обычных книг почти в два раза.

При сравнении текстов татарских родословных XVIII и XIX вв. мы пришли к следующим выводам:

1. Объемы родословных текстов XVIII в. невелики.

2. В XIX в. объемы текстов значительно увеличились, и теперь они не помещались на листках тетрадей.

Ознакомление с подлинными текстами татарских родословных, обнаруженных во время археографических поисков, дополнили наши представления о развитии исследуемого документа по форме и содержанию.

Фамильные татарские родословные тексты XVIII в. записывались на листах рукописных книг средних размеров (16,5х20 см). В начале XIX в. появляются родословные, написанные на листах размером примерно 25х35 см, где даются уже более полные комментарии и легенды. Большинство текстов шеджере в списках XVIII в. имеют краткие исторические примечания.

Дополнения к родословным таблицам в списках XIX в. свидетельствуют о том, что они изначально передавались из поколения в поколение устно. Историческими справками изобилуют лишь родословные Карабика и потомков Идегей-бия. Фамилии мурз в родословных частенько сопровождаются краткими примечаниями вплоть до конца XIX в.

Исторически значимые родословные обычно при основном предке содержат краткое историческое примечание, которое имеет важное значение для всей фамилии. Например, при основном предке в фамильной родословной в одном варианте имелось следующее примечание: «Сын Буркут бия Таргай би прибыл из Крыма» [Эхмэтжанов, 2012, 199 б.]. Наличие среди предков знатных имен позволяет относительно правильно определить хронологию и место происхождения рода. Здесь непременно раскрывается связь фамилии Буркут-бия с Кара-биком, жившим в конце XIV в.

Наличие при антропонимах титулов бек, мурза, тархан и т.д. и упоминание названия «Казань», «хан», «ярлык» также облегчает раскрытие исторической ценности документа. Например, если в родословном

списке указывается на связь с конкретным историческим местом, этот факт позволяет еще более конкретизировать место проживания и даже в комплексе региональных источников определить основную родину происхождения фамилии.

Например, в родословной «Караужа» легенда сообщает, что их самый дальний предок Кара-би жил возле Казани в Караваево. В дальнейшем потомки Кара-бия – Чура-би и Чура-батыр также, согласно легенде, связаны с ханской Казанью и получается, что они на рубеже XIV–XV вв. из Крыма переехали в Казань [Эхмэтжанов, 2011в, 109 б.].

В фамилии родословной «Див Манкуф» даже антропоним основателя фамилии указывает на крымское происхождение. Имя *Див* относится к семье крымских ханов [Татар энциклопедиясе, 2010, 261 б.]. В Благоварском и Чекмагушском районах РБ сохранились татарские мурзы и князья – Дивеевы, выходцы из Крыма [Там же].

Связь с Крымом татар Поволжья и Крымского региона в прошлых веках была регулярной. Например, если первая волна появления татар была в 1380-х гг., то второй наплыв был во время оседания на Средней Волге хана Улуг-Мухаммеда в 1445 г. Данный случай этнической истории татарского народа в Татарстане подтверждается и многочисленными родословными.

Ко времени правления в Казани Мухаммед Амина появляется на Горной стороне выходец из Крыма Асылхожа тархан Мизяков, из рода которого вышли просветитель Каюм Насыри, Хабира Насырия, Ризаэтдин Фахретдинов, первый нефтепромышленник в России Надир Уразметов, академик Миркасым Усманов и др. Представителями этого рода основаны селения Зямаки, Илеково, Б. Карамали, Ст. Салманова, Новые Надирово, Кирлигач, Сугушла и др. Родословная Асылхожи Тарханова опубликована [Эхмэтжанов, 1995, 120–122 б.].

Судя по данным шеджере, второй по количеству этнической группой татар, оседавших на землях Булгарского Улуса в прошлом, были кочевые татары, вышедшие из Ногайской Орды.

Оседавшие выходцы из Ногайской Орды до наших дней сохранили и свои генеалогические памятники. Они оседали на этих

землях со второй половины XV в. и далее до XVIII в. Они представляли племена *Мингар* (Мангыты), Гираеты, Табынцы, Гарайцы, Кунгратцы, Тамъйанцы, Бадраки, Кыргызы, Катайцы и др., родословные которых опубликованы в татарских генеалогических сборниках [Әхмәтжанов, 2002, 29–75, 91–175 б.; 2009а, 65–172 б.; 2011в, 182–205 б. и т.д.].

Третий, значительный, компонент, принявший участие в формировании современной татарской нации, согласно шеджере, это выходцы сергачской группы татар, переселившиеся в Казанский юрт в XVI–XVIII вв. Сергачские татары после падения Казанского ханства пережили выселения из своих родных юртов. Согласно генеалогическим материалам, они сперва были переведены на границу Московского государства с Ногайской Ордой, в частности вокруг крепостей Алатыря и Темникова, в дальнейшем они освоили уже районы Симбирского уезда, Закамья Татарстана. В родословных касимовских татар отмечены следы поселения выходцев также из Хорезма, Крыма [Әхмәтжанов, 2012, 314–315 б.].

В XVIII в. многие татарские фамилии покинули земли Касимовского ханства, по-

селились на землях Казанского уезда. Например, татарские мирзы Сююндуковы, Макуловы, Алишевы, Енайдаровы, Кармышевы, Бурнашевы, Мустафины, Сюкиевы, Еникеевы, Будалеевы, Богдановы, Биккуловы, Чапуновы, Бурнаевы, Ишмаковы и мн. др. в XVII в. оказались на землях бывшего Казанского ханства [Ахметзянов, Шарифуллина, 2010, с.6–77].

По мере развала Ногайской Орды в XVII в. часть татар Ногайской Орды растворилась в среде татар Поволжья. Вопрос этот рассматривается в многочисленных списках татарских родословных Волжско-Уральского региона [Әхмәтжанов, 2002, 343 б.; 2009а, 351 б.]. О значительной роли в этнической истории сибирских татар, племен ногайцев и кара-кипчаков рассказывают также родословные сибирских татар [Әхмәтжанов, 2012, 304 б.].

Завершая обзор текстов татарских письменных родословных, опубликованных в печати на татарском и русском языках, приходим к выводу, что данные источники на основе многочисленных фактов указывают на тесную генетическую связь между татарами Крымского, Касимовского, Казанского, Сибирского ханств и Ногайской Орды.

5. Татарские эпитафийные памятники

Марсель Ахметзянов

Культура эпитафийных памятников на территории Золотой Орды по некоторым письменным источникам была распространена во всех ее Улусах, однако это большое культурное наследие было уничтожено в XVI–XVIII вв. в ходе завоевания и последующей колонизации татарских земель Московским государством. Известно, что над мусульманским кладбищем развалин Булгара с последней четверти XVII в. работал казенный селитренный завод под управлением дворянина Т.Ледаговского, который остановил свое производство только в 1730 г. [История ТАССР, 1951, с.273].

Однако русское правительство своим указом от 16 февраля 1741 г. дало разрешение на разрушение мусульманских средневековых кладбищ Золотой Орды, находившихся в Астраханской, Царицынской,

Казанской губерниях и Малороссии с целью изготовления селитры для получения пороха. Историк В.Ф.Смолин пишет, что разрушение мусульманских могил продолжалось еще и во второй половине XIX в. [Смолин, 1926, с.16].

Вследствии этого на территории бывшей Золотой Орды немногочисленные образцы древних эпитафийных памятников сохранились лишь в трех губерниях Российской империи: Казанской, Крымской, Дагестанской. Из названных трех регионов существование мусульманских кладбищ по результатам археологических раскопок известно с X в. [Халикова, 1986, с.43–107]. Установление над могилами усопших мусульман Булгарского Улуса эпитафийных надгробий начинается с 1281 г.

В Дагестане эпитафийные памятники начинают устанавливаться в XII–XIII вв. Однако в ту пору они были весьма редкими случаями [Шихсаидов, 1984, с.162–163]. В Крыму самый ранний эпитафийный памятник известен с 1273 г. [Акчокраклы, 2006, с.237 (№ 142)]. Тексты крымских эпитафий до конца XIV в. оформлялись почерками куфи и сульс. Например, текст эпитафий Нанкаджана, дочери Токтамыш-хана, написан почерком арабского письма сульс и отдельные слова – на куфи.

В Булгарском Улусе до 1361 г. эпитафийные тексты составлялись чаще всего на куфи и реже – почерком сульс. В языковом отношении эпитафийные тексты составлялись на арабском, болгарском и татарском языках.

В Крыму эпитафийные тексты до начала XV в. составлены в основном на арабском языке, в очень редких случаях есть тексты, написанные на татарском языке [Там же, с.231 (№ 47)]. Начиная с начала XV в., конкретнее – с 1415, 1424 гг. в Крыму встречаются тексты на татарском языке [Там же, с.237 (№ 139), 248 (№ 235), 250 (№ 315)].

В дальнейшем в Крыму вплоть до конца XVIII в. обычай установления эпитафийных плит продолжается. Языком эпитафий служили арабский и арабско-татарский. С XVIII в. хорошо сохранились надгробия крымских ханов и их родственников.

Надписи эпиграфического характера на стенах мечетей в Крыму и ханского дворца, у фонтанов Бахчисарая известны с XIV в., тексты этих надписей были зафиксированы исследователями в XIX в. на языке оригинала и в переводе на русский язык [Мурзакевич, 1850, с.489–551].

Хотя Н.Мурзакевич определяет язык этих эпитафий как турецкий, его мнение в лингвистическом отношении не соответствует истине. Поэтому для примера приведем эпитафийный текст усопшего Девлеть-Гирей-султана-гази, сына Мубарекь-Гирей-султана, сына Девлеть-Гирей-хана: *«Тэрк идуб бу дөнъйа фани чүн гыйзем бака эһле дэллэр жэмгийг улуб ажюуб идуб газасин дидилэр рухына рэхмэт. Тарихны даимэ жэмади эл-дүвэлнең горрәсендә вафат эйләди сәнә-и 1041»*.

Перевод: «Оставив этот суетный мир, он переселился в вечность. Люди сь душою, собравшись погоревать и поплакать обь немь, написали его хронограмму: да будет надь нимь вечно милосердие Божие. Скончался в началъ джемазиуль-ула. 1041 г». (1631 г. по григорианскому стилю).

На территории Крымского полуострова с 1287 по 1392 г., по данным исследователей середины XIX в., известно всего 47 эпитафийных надписей. С 1409 по 1477 г. – всего 11 эпитафийных текстов. По остальным векам в печати пока исследований более подробного характера не обнаружено.

Исследования казанских ученых в области татарско-мусульманских эпитафийных текстов Средневековья дают более полное представление об объеме сохранности этих исторических письменных источников на Среднем Поволжье.

На территории Булгарского Улуса Золотой Орды с 1281 по 1399 г. было выявлено 60 эпитафийных текстов; с 1400 по 1500 г. – 6 памятников; в 1501–1600 гг. учтено 300 единиц [Гариф, 2010, 12–28 б.].

Общее число татарских эпитафийных надписей, установленных с 1601 по 1801 г., насчитывается около 170 единиц [Әхмәтжанов, 2011а, 260 б.]. В указанный период расширяется географический круг татарских поселений. Появляются сотни татарских поселений между Волгой и Уралом, в Сибири и т.д.

В системе национальных культурных ценностей совершенствуются и духовные достижения, наблюдается подъем художественных качеств татарских эпитафий впервые после принятия ислама в Золотоордынском государстве. Установление надгробных памятников это одно из направлений духовной культуры татарского народа.

Татарская эпиграфика – явление уникальное в культуре народов Восточной Европы. Корнями она уходит в тюркское Караханидское государство, на территорию Иссык-Куля. Тюрки пользовались тюркским, руническим, уйгурским, согдо-тюркским, арабским алфавитами. Следы надписей, составленных на основе этих алфавитов, были выявлены на многочисленных каменных памятниках с территории Киргизии [Джумагулов, 1987, с.8–16].

Караханидские мусульмане в XII в. в качестве надгробных памятников стали использовать кайраки с надписями относительно личности усопшего. Они находятся на кладбищах, около гумбезов, мавзолеев [Там же, с.60]. Тексты на арабской графике изложены в письме кувфическим стилем арабского алфавита [Там же]. Структура эпитафийного текста на кайраки, на арабском языке очень схожа с самыми ранними эпитафийными надписями Булгарского Улуса Золотой Орды.

Например, памятник № 1 из селения Янги Наукат. Надпись на арабском языке из четырех строк заключена в рамку с завершением в виде михраба. Размер рамки 38x31 см [Там же, с.63].

Текст:	Перевод:
هذا قبر عمر بن ا بو بكر عفر الله	1. Это могила 2. Омара, сына А 3. бу Бакра. Да простит Аллах
له و لو والديه	4. его и его родителей.

Памятник № 45

Дымчатый камень. Надпись из шести строк выполнена небрежно. Камень находится у мазара Тешик-Таш, у подножия горы возле Сахаба-Мазара. Размер надписи 40x40 см.

Текст:	Перевод:
بسم الله الرحمن الرحيم	1. Во имя Аллаха милостивого
هذا قبر علي بن يعقوب بن الياسي	2. это могила Али, 3. сына Якуба, сына Ильяса
لا اله الا الله	4. Нет бога, кроме Аллаха,
محمد رسول الله	5. Мухаммед – посланник Аллаха.

Традиции написания эпитафийных текстов на куфи, известные в Крыму и Булгарском Улусе на Волге, идентичны, поэтому можно прийти к выводу, что эта традиция была присуща культуре Золотой Орды в начальном периоде ее истории в XIII–XIV вв. Данная традиция далее сохранилась и развивалась в татарских государствах в XV–XVIII вв.

6. Джучидская нумизматика XV в.

Павел Петров, Роман Рева

Изучение нумизматического источника всегда проходит одни и те же определенные стадии: обнаружение первых монет, их фиксация и введение в научный оборот; процесс накопления информации об интересующей монетной продукции, выявление имен эмитентов и центров чеканки; каталогизация известного материала; накопление информации о находках монет и кладов, их топографии, а также попытка анализа состава этих находок с привязкой к местности и историческим событиям; создание практически полного каталога монет, анализ работы монетных дворов (оценка метрологических параметров в динамике), оценка денежного обращения на территории активного использования изучаемых монет и реконструкция этапов экономического развития областей, регионов и государств в условиях использования монетного обращения. То есть нумизматический источник только тогда становится полномасштабно

информативным, когда накоплена и введена в научный оборот критическая масса фактических данных.

В отношении джучидской нумизматики XV в. можно констатировать отсутствие системных полномасштабных исследований, которые могли бы послужить опорой для дальнейшего углубленного проникновения в проблемы политической и экономической истории. Если для династии Гиреев Крыма в начале XX в. О.Ретовским были составлены каталоги монет, причем не только для XV в. [Retowski, 1905; Ретовский, 1906, с.1–72; 1914, с.1–16], то ничего подобного для монетной продукции XV в. Поволжского региона, Кавказа, Приазовья и других территорий, не говоря уже о Приаралье, никто не составлял.

Публикация джучидских монет XV в. была начата Х.М.Френом [Fraehn, 1826, р.360–398; Френ, 1832], и продолжена П.С.Савельевым [Савельев, 1857, с.1–180; Савельев, 1858,

с.181–342], В.В.Григорьевым [Григорьев, 1864], А.К.Марковым [Марков, 1896; 1898; 1901; 1904; 1906] и другими нумизматами. Благодаря этим и некоторым другим работам стали известны имена большинства правителей-эмитентов посттоктамышевского времени: Таш-Тимур, Тимур-Кутлуг, Шадибек, Пулад, Тимур, Джалал ад-Дин, Керим-Бирди, Кибак, Чекре, Джаббар-Бирди, Дервиш, Улуг-Мухаммад, Кичи-Мухаммад (б. Тимур), Давлет-Бирди, Гийас ад-Дин б. Шадибек, Мустафа б. Гийас ад-Дин, Сайид-Ахмад, Махмуд б. Кичи-Мухаммад, Ахмад б. Кичи-Мухаммад, Хаджи-Гирей, Нур-Давлет, Менгли-Гирей. Перечень монетных дворов, на которых были прочтены имена эмитентов, выглядит следующим образом: Крым, Крым ал-Джадид, Орду, Орду Му'аззам, Орду Базар, Бик Базар, Тимур Бек Базар, Сарайчук, Булгар, Булгар ал-Джадид, Хаджи Тархан, Хаджи Тархан ал-Джадид, Сарай, Сарай ал-Джадид, Хваризм (Хорезм), Шемахи, Дербенд, Баку, Азак, Шехр Азак, Азак ал-Махруса, Каффа, Каффа ал-Джадид, Кырк-Йер. Начался длительный этап сбора фактической нумизматической информации, заложивший основу джучидской нумизматики XV в. Не всегда публикуемые атрибуции монет были верны вследствие недостатка сравнительного нумизматического материала, его качества и сведений исторического характера из письменных источников.

Надо сказать, что XX в. не отличался особой активностью в изучении монет XV в., как Золотой Орды, так и выпусков ее осколков – самостоятельных ханств второй половины XV в. Самый большой вклад в развитие этого раздела джучидской нумизматики был сделан А.Г.Мухамадиевым и Г.А.Федоровым-Давыдовым. Так, в их совместной работе был опубликован неизвестный до этого монетный двор «Иль Уй Муаззам» (*Дом Страны Высочайший*) сразу у двух правителей Улуг-Мухаммеда и Давлет-Бирди [Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1972, с.41–66]. Работами А.Г.Мухамадиева был введен в научный оборот многочисленный иллюстративный материал для болгарского чекана XV в., в том числе до того времени неизвестный болгарский чекан Дервиша, Мухаммада-Барака, Гийас

ад-Дина, чекан Барака в новых монетных дворах Хелбирди-Базари и Джидибик-Базари, а также чекан в Джидибик-Базари Улуг-Мухаммеда и Давлет-Бирди. Чтение «Джидибик-Базари» ошибочно было исправлено позднее Е.Ю.Гончаровым на Джунди-Базари (*Воинский базар*) [Гончаров, 2005а, с.100].

Следует обратить внимание на тот факт, что более-менее хорошо читаемые монеты встречаются в эмиссиях лишь первой четверти XV в., качество чеканки более поздних выпусков становилось все хуже. Джучидская чеканка XV в. характеризуется постепенным уменьшением размеров и веса монет, ухудшением качества монетного металла. Указание года чеканки монет становится уже не правилом, а скорее исключением из него. Часто размеры штемпеля значительно превосходят размеры самих монет, вследствие чего практически не встречаются экземпляры монет этого периода с полностью читаемой легендой. Постоянная борьба между множеством претендентов за власть предопределила присутствие многих имен эмитентов на серебряных монетах XV в. Не все из этих эмитентов до сих пор выявлены, или верно отождествлены.

Несмотря на то что некоторая часть джучидских монет XV в. была правильно атрибутирована исследователями в XIX и XX вв., настоящий прорыв в изучении этих исторических памятников материальной культуры произошел в текущем столетии. Связано это, прежде всего, с возможностью компьютерной реконструкции штемпелей. Существенную, а иногда и единственную помощь в корректной атрибуции монет оказывает поштемпельный анализ, позволяющий создавать сетки штемпельных связей. Эти сетки помогают устанавливать хронологический порядок смены монетных типов и, следовательно, помогают определять очередность появления имен эмитентов для каждого монетного двора. В настоящее время уже накоплен некоторый объем фактической нумизматической информации, который позволяет проводить точечные исследования, обнаруживать имена ранее неизвестных эмитентов, центры и годы чеканки.

Так М.Б.Северова прочла имя эмитента крымских (822/1419–20 и 823/1420–21 гг.) и генуэзско-татарских монет, которое безуспешно пытались прочесть еще со времен О.Ретовского и Р.Р.Фасмера – Бек-Суфи [Северова, 1994, с.98–100]. К.К.Хромов в 2002 г. с помощью нумизматических данных рассмотрел вопрос, связанный с распределением власти в Крыму в период с 822/1419 по 825/1422 г., как последовательно сменялись эмитенты: Дервиш, Бек-Суфи, Давлет-Бирди [Хромов, 2002, с.92–94]. Уже в 2013 г. вышла статья этого же автора о монетах Давлет-Бирди, где изданы крымские монеты 827/1424–1425 г. и несколько новых вариантов монет, битых в Каффе Джадид, проведен поштемпельный анализ [Хромов, 2013, с.378–416].

А.Г.Гаев опубликовал монеты Махмуд-Ходжи-хана, которого он сопоставил с Махмудеком, сыном Улуг-Мухаммеда. Впоследствии он пересмотрел свое определение в пользу Махмуд-Ходжи сына Каганбека [Гаев, 2002, с.28–30]. Монетный двор, выпустивший эту продукцию, был определен как Орду [Гаев, 1999, с.70–73; Гаев, 1999а, с.82–84]. Были введены в научный оборот болгарские пулы (чеканены они были одним лицевым штемпелем с «тарак-тамгой», а оборотные их стороны были биты штемпелями серебряных монет болгарского Шадибека 807/1404–1405 г. и Дервиша, т.е. монетными штемпелями, изготовленными с интервалом не менее чем в 10 лет!) [Гончаров, Тростьянский, 2004, с.94–95]. Вопросу перемещения штемпелей между монетными дворами было посвящено исследование двух новых типов монет хана Тимура. Было установлено, что чеканены они общим лицевым штемпелем с именем хана Тимура, но разными штемпелями оборотной стороны: Азака 814 г.х. и Каффы Джадид 809 г.х. (sic!) [Казаров, Горлов, 2011, с.77–79].

Стал известен болгарский чекан 812–813/1409–1411 гг. некоего хана Махмуда (ранее эти монеты относились исследователями к чекану Тимура [Fraehn, 1826, р.374–375, №9, 10]), которого авторы сопоставили с неким царевичем, пытавшимся согнать Пулад-хана с престола во время знаменитого похода Едигея на Москву в декабре 1408 г. [Гончаров, Тростьянский, 2004а, с.39–42]. В 2005 г.

вышла статья О.В.Тростьянского, где был представлен любопытный неопубликованный чекан с именем хана Мухаммада, которого автор сопоставил с Улуг-Мухаммедом [Тростьянский, 2005, с.57–158].

Хана с именем, прочтенным как «Гийас ад-Дин Сар(?) хан», обнаружил И.В.Евстратов на монетах Сарая «824 или 829 г.х.» [Евстратов, 2003, с.91–93]. В 2005 г. Р.Ю.Ревой и Н.М.Шарафеевым на монетах 819/1416 г. в Орду-Му'аззам и Хаджи Тархане обнаружен до того времени неизвестный эмитент Сайид Ахмад I, который, как выяснили авторы, являлся ставленником Идегея [Рева, Шарафеев, 2005, с.57–59]. В 2012 г. В.П.Лебедевым и В.Г.Ситник были опубликованы несколько новых типов монет XV в., в том числе с новым типом тамги, крымский данг Мухаммада-Барака и азакская монета Давлет-Бирди [Лебедев, Ситник, 2012, с.192–210].

Серебряные двуязычные монеты XV в. с Т-образной тамгой, которые О. Ретовский считал аспрами Таны, в последнее время вызывают жаркие дискуссии о месте их возможного чекана [Кирилко, 1999, с.137–141; Волков, 2003, с.17–29; Козубовский, 2006, с.188–195; Авраменко, 2013, с.51–59].

В.Н.Настич ввел в научный оборот сведения о неизвестных до этого хорезмских монетах Шадибека 806/1403–04 г. и Джалал ад-Дина 815/1412–13 г. [Настич, 2000, с.78–80; Настич, 2002, с.90–92]. Еще несколько ранее неизвестных типов серебряных и медных монет Хорезма XV в. опубликовал Е.Ю.Гончаров [Гончаров, 2011, с.71–85].

Особый интерес представляют медные пулы XV в. Е.Ю.Гончаров опубликовал несколько доселе неизвестных монетных типов медного чекана XV в. для монетных дворов Сарая и Орду-Базара [Гончаров, 2000, с.84–86]. В.П.Лебедев, В.В.Смирнов показали несколько интересных, в том числе неопубликованных монет XV в., в частности пул Орды 807 г.х. [Лебедев, Смирнов, 2008, с.145–152]. В 2004 г. стали известны два типа азакских пулов XV в. [Пипериди, 2005, с.9, илл. на с.107], а в 2005 г. серебряный выпуск Тимур-Кутлуга этого же монетного двора [Пипериди, 2008, с.74, илл. на с.213]. В 2001 г. впервые Е.Ю.Гончаровым на конференции было доложено о существовании ранее неопубликованного пула,

битого на монетном дворе «... Бик Базар» [Гончаров, 2005, с.9–12, илл. на с.185].

А.В.Пачкалов впервые привел изображения монет, ранее известных только по описаниям в инвентарном каталоге А.К.Маркова, чеканенных на монетном дворе «Тимур Бик Базар» с именем хана Ахмата [Пачкалов, 2005, с.67–68]. Он же в 2004 г. сообщил о некоторых новых типах пулов Орду-Базара [Пачкалов, 2004, с.96–97]. Но подробнейший каталог монет Орду-Базара был представлен К.К.Хромовым, где приведены как серебряные, так и медные монеты, многие из них были опубликованы впервые [Хромов, 2004, с.34–66].

Е.В.Панин описал медную монету Хаджи Тархана, которую он небезосновательно отнес ко времени Пулада [Панин, 2008, с.73, илл. на с.213]. Надо сказать, что медная продукция монетных дворов XV в. встречается во много раз реже, чем серебряных монет, и ее роль в денежном обращении того периода еще предстоит осмыслить.

Не всегда корректные определения монет XV в. в работах исследователей, как правило, объясняются плохим состоянием монет и отсутствием штемпельных аналогов для сравнения. Например, в 2002 г. В.Б.Клоков, В.П.Лебедев опубликовали объемную статью по находкам монет с Селитренного городища, в которой было показано несколько новых экземпляров XV в., к сожалению, некоторые определения этих монет ошибочны [Клоков, Лебедев, 2002, с.73–165]. Позднее те же авторы ввели в научный оборот еще большее количество неопубликованных типов золотоордынских монет [Лебедев, Клоков, 2004, с.23–75], но и эта работа также грешит неправильной атрибуцией нескольких типов монет XV в. В монографии В.В.Майко, в которой был описан клад из более чем четырех тысяч джучидских монет XV в., приведены фотографии многих экземпляров, в том числе ранее не опубликованных [Майко, 2007]. К сожалению, и в этом случае приходится констатировать, что часть монет определена неверно. Подобные факты лишний раз подчеркивают, насколько осторожно надо подходить к вопросу атрибуции новых, ранее не встречавшихся исследователю типов монет XV в.

В 2005 г. Р.Ю.Ревай был рассмотрен чекан хана Дервиша, впервые были опубликованы описания и прорисовки для нескольких монетных типов этого правителя, было установлено время чеканки 818–822/1415–1420 гг. [Рева, 2005, с.159–164, илл. на с.207–209]. В 2008 г. опубликована штемпельная сетка болгарского чекана хана Кибака и показана связь монет Булгара с мифическим «Биналиханом» [Рева, 2008, с.126–127]. В 2008 г. Р.Ю.Ревай также был прочитан доклад о результатах поштемпельного анализа болгарских монет Шадибека, где были сделаны важные выводы: чеканка в Булгаре возобновилась в XV в. лишь в 805 г.х., были отброшены многие даты (которые предыдущие исследователи читали на монетах), так как штемпеля с этими «годами» оказались «зажатыми» между штемпелями с хорошо читаемыми датами [Рева Р.Ю. Поштемпельный анализ болгарских монет Шадибека. (Новый взгляд). Прочитано на VII МНК Бахчисарай – 2008. Материалы МНК не публиковались].

Эффективность метода поштемпельного анализа для атрибуции нумизматического материала XV в. оказалась невероятно высока, и это подтверждают и другие исследования. Этим методом воспользовался В.П.Лебедев, изучая Новобулгарские серебряные монеты Шадибека и Пулада [Лебедев, 2007, с.19]. Методом поштемпельного анализа исследовались несколько новых типов монет Керим-Бирди, время чекана ограничено 815/1412–1413 г., установлена штемпельная связь для анонимных монет типа: *Султан справедливый – бит [в] Сарае* [Рева, Шарафеев, 2004, с.91–93].

Используя этот метод, Н.М.Шарафеев на МНК IV, проходившей в Болгаре в 2005 г., поставил вопрос о тождестве монетных дворов Иль Уй Му'аззам и Орду Му'аззам, имеющих, по его выкладкам, штемпельные связи [Шарафеев, 2008, с.55–56].

Р.Ю.Рева, А.А.Казаров и В.Б.Клоков опубликовали реконструкции штемпелей Джаббар-Бирди в Хаджи Тархане 817/1414–1415 г., штемпели и штемпельные связи до этого неизвестного чекана Джаббар-Бирди и Сайид-Ахмада I в Сарае, а также чекан в Орду Му'аззам в 819/1416 г. некоего Гийас ад-Дина, на роль которого могут претен-

довать два правителя: либо Гийас ад-Дин – сын Шадибека, либо Гийас ад-Дин – отец Хаджи-Гирея [Рева и др., 2009, с.78–80; Рева, Казаров, 2013, с.60–75].

На конференции в Санкт-Петербурге был прочитан доклад «Монеты хана Ибрахима» (2012 г.), в котором исправлены некоторые неточности в работах А.Г.Нестерова [Нестеров, 1990, с.29–30; Нестеров, 2001, с.274]. Монеты отнесены к чекану хана Ибрахима, внука Хаджи-Мухаммада, представлены новые неописанные типы монет, предложены варианты прочтения одного из его монетных дворов, указано примерное время чеканки. В 2013 г. одновременно увидели свет статьи, посвященные чекану до того незамеченного эмитента хана Муртазы, сына Ахмата [Казаров и др., 2013, с.53–58, 148–149; 2013а, с.340–377]. В этом же году были опубликованы компьютерные реконструкции штемпелей монет шибанидских правителей джучидского улуса: Махмуда-Ходжи, Махмуда сына Хаджи-Мухаммада, его сына Ибрахима (Ибака) и Абул-Хайра [Рева, 2013, с.56–58]. Поднят вопрос о вероятности существования чекана и самого Хаджи-Мухаммада, также приведены ссылки на опубликованные монеты Мухаммада Шейбани в Бухаре и Самарканде в 906 г.х., которые соответствуют 1500–1501 г. н.э., т.е. последнему году XV в. [SNAT XVa, 2008, №368, 1159].

В течение двух последних десятилетий введены в научный оборот и сведения о находках кладов монет XV в. [Гончаров, Алексеенко, 1998, с.77; Волков, 2011, с.64–68; Гончаров, Тростьянский, 2004, с.94–95; Колызин, 2003, с.95–97; Лебедев, Тростьянский, 1997, с.78–86; Лебедев, Мухаметшин, 1997, с.75–77; Лебедев и др., 2011, с.89–93; Лебедев, Клоков, 2012, с.138–142; Майко, 2003, с.97–98; Майко, 2007; Настич, 2000, с.78–80; Настич, 2002, с.90–92; Пачкалов, 2000, с.19–23; Сингатуллина, 2006, с.215–216; Тростьянский, 2005, с.157–158; Фомичев, 1999, с.69–70; Федоров-Давыдов, Фомичев, 2004, с.270–278; Фомин, 2012, с.66–80 и т.д.]. Конечно, это не все опубликованные клады, и тем более далеко не все известные нумизматам клады джучидских серебряных монет XV в. Информация об основ-

ной массе кладов опубликована в сводках Г.А.Федорова-Давыдова и А.В.Пачкалова, а также в отдельных публикациях других авторов [Федоров-Давыдов, 1960, с.94–192; Федоров-Давыдов, 1963; Федоров-Давыдов, 1974; Федоров-Давыдов, 1965, с.179–219; Федоров-Давыдов, 1990, с.102–103; Пачкалов, 2002, с.178–210; Пачкалов, 2004, с.158–171; Пачкалов, 2012, с.124–130; Пипериди, 2008, с.70–72]. Однако подавляющее большинство кладов опубликовано кратко, т.е. без изображений (фотографий) монет, что делает невозможным проверку правильности атрибуций. Это очень существенный момент для изучения данного вида нумизматического источника, поскольку накопленная на настоящий момент информация позволяет существенно корректнее атрибутировать чеканное серебро, а, значит, и точнее оценить не только состав клада, но и время его сокрытия. В результате в научный оборот оказалось введено не так много кладов, пригодных для полноценного анализа, и работу по их фиксации и качественной публикации необходимо продолжать. Кроме того, еще много кладов в неразобранном состоянии находится в различных местных музеях, и они ждут своих исследователей.

Нумизматика Крыма XV в. – это особый раздел джучидской нумизматики. Несмотря на существование упомянутых выше работ О.Ретовского, нумизматы иногда находят новые монеты с именами неизвестных ранее эмитентов, а также неизвестными прежде названиями монетных дворов или годов чеканки. В качестве примера можно привести несколько работ К.К.Хромова [Хромов, 1997, с.21–22; 1997а, с.25; 2005, с.101–106; 2013, с.378–416]. Большой вклад в развитие крымской нумизматики XV в. внес В.П.Лебедев. В ряде работ он показал все известные на момент публикации типы монет Крыма [Лебедев, 2000, с.10–23; Он же, 2000а, с.32–35; Он же, 2000б, с.10–14; Он же, 2000в, с.1–48; Он же, 2002, с.139–149].

Как видим, по приведенным материалам отчетливо прослеживается отсутствие нумизматических исследований по второй половине XV в. Это нетронутый пока пласт нумизматической информации.

§ 2. Лингвистические источники

Энзе Кадилова

Письменные источники представляют особую ценность для изучения наиболее полной картины состояния языка в определенные периоды его функционирования. Исследователи, обращающиеся к истории татарского народа XV–XVI вв., констатируют скудность источников этого периода, дошедших до наших дней.

Поэмы «Тухфа-и мардан» (1539) и «Нур-и содур» (1542) поэта Мухаммедьяра, крупнейшего представителя татарской литературы XVI в. – хорошо известные и в целом неплохо изученные произведения периода Казанского ханства. При рассмотрении языка данного этапа, многие ученые обращаются к поэмам Мухаммедьяра как к самым значительным произведениям того времени. Эти произведения отражают широкую картину лексического состава, фонетической системы и морфологического строя татарского литературного языка XVI в.

Творчество Мухаммедьяра давно привлекло внимание ряда серьезных исследователей. Он стал известен ученому миру в первой половине XIX в., когда профессор Казанского университета И.Н.Березин (1846) нашел в рукописном отделе Ленинградского музея его поэму «Тухфа-и мардан» («Дар мужчинам») и опубликовал некоторые отрывки. Вторая поэма Мухаммедьяра «Нур-и содур» («Свет сердец») была обнаружена татарским писателем и ученым Н.Исанбетом лишь в 1940 г., который опубликовал отрывки из найденной рукописи и дал атрибуцию. К сожалению, произведения Мухаммедьяра дошли до нас не в авторском оригинале. В рукописных хранилищах разных городов нашей страны имеется несколько списков. Три списка поэмы «Нур-и содур» и один список «Тухфа-и мардан» хранятся в Санкт-Петербургском филиале института востоковедения Российской академии наук. Там обнаружены самые полные рукописи обеих поэм.

В поэтическом сборнике «Бакырган китабы», своего рода антологии средневековой тюркской суфийской поэзии, представлено и творчество татарского поэта-суфи Кул Шарифа. Творческое наследие Кул Шарифа известно нам по нескольким памятникам.

Описанием, исследованием и публикацией его произведений занимался А.Шарипов [Кол Шәриф, 1997]. Авторы первого тома «Татар әдәбияты тарихы» приводят сведения о татарском писателе Мухаммедшарифе, жившем в Казани в XVI в. [Татар әдәбияты, 1984, 294 б.]. Ученые М.Ахметзянов (1995), А.Шарипов (1997), Д.Исхаков (1998) считают, что вышеупомянутый Мухаммедшариф – автор «Зафәрнамәи вилаяте Казан» и Кул Шариф – один и тот же человек. В 1965 г. в Турции в фондах библиотеки «Зьетин огуллары» в Тавшанлы, около города Кутахия, была обнаружена рукопись, где на листах 60а–64б приведено сочинение «Зафәрнамәи вилаяте Казан». М. Ахметзянов считает, что стихи памятника написаны на татарском литературном языке того времени, в них мало непонятных слов, но есть места, которые написаны на арабском и персидском языках [Әхмәтҗанов, 1995а, 12 б.].

В истории Казанского ханства одним из ханов, покровительствующих литературе, был Мухаммад Амин, который сам был поэтом.

В воссоздании более точной и объективной картины состояния татарского языка на определенных этапах его развития памятники деловой письменности играют не последнюю роль. Традиции делового стиля старотатарского литературного языка, ставшего в Средние века одним из активных стилей языка, своими корнями уходят далеко в историю. Необходимость изучения документов делового языка и значительность его воздействия на процессы формирования и становления норм татарского языка неоднократно подчеркивались в трудах ученых, посвященных данной проблеме (М.Усманов, Ф.Хисамова, А.Маннапова и др.).

Памятники деловой письменности периода Казанского ханства часто оказываются в поле зрения ученых. Среди них достойны внимания ярлыки Ибрагим-хана и Сахиб-Гирей-хана. Первым заметил ярлык Ибрагим-хана в Государственном архиве в Москве аспирант КГУ Р.Степанов. Описанием, исследованием и публикацией данной рукописи занимались

М.Усманов, Ш.Мухаммедьяров, Ф.Фасеев, И.Мустакимов. В 1965 г. М.Усманов, Ш.Мухаммедьяров, Р.Степанов публикуют в журнале «Казан утлары» статью «Яна ярлык». О языке и о некоторых терминах ярлыка была дискуссия в прессе [Госманов, 1965]. Транскрипция ярлыка и русский перевод были выполнены Ф.С.Фасеевым [Старотатарская, 1982], далее И.А.Мустакимовым [Мустакимов, 2010а].

Второй ярлык – знаменитый ярлык Сахиб-Гирей-хана, который являлся в 1521–1524 гг. Казанским, а в 1532–1551 гг. Крымским ханом. Данный памятник привлекал внимание многих ученых, таких как М.Худяков, Г.Рахим, Г.Губайдуллин, А.Баттал-Таймас, Ш.Мухаммедьяров, М.Усманов и др., которые оценили этот памятник как ценный источник для изучения истории Казанского ханства. Первые сведения о языке ярлыка приводит С.Вахиди, который и нашел его. Ученый, сравнивая данный ярлык с ярлыком Тимур-Кутлуга, определяет, что «язык Тимур-Кутлуга походит на язык Сахиб-Гирейя, т.е. написан на кыпчакском языке. Конечно, в стиле заметно влияние османско-арабское». В «Вестнике научного общества татароведения» автор уточняет свое мнение о языке памятника, пишет, что «кроме названий должностей, еще некоторые названия податей и налогов в ярлыке выражены также по-арабски и по-персидски. Остальные слова общетюркские» [Вахидов, 1925а, с.36]. Отдельные аспекты изучения ярлыка освещены в работах М.Усманова, Ф.Хисамовой, И.Мустакимова [Мөстәкыймов, 2003; Мустакимов, 2013б] и др. И.Мустакимов, рассматривая ярлык Казанского хана Сахиб-Гирейя в контексте официальных актов Золотой Орды, Крымского ханства, а также державы Ильханов и государств Тимуридов, отмечает, что «ярлык Сахиб-Гирей-хана написан на литературном языке Золотой Орды – “поволжском тюрки”» и обращает внимание на то, что в нем больше арабско-персидских слов по сравнению с другими ярлыками ханов Золотой Орды и Крыма» [Мөстәкыймов, 2003, 19 б.]. Укрепить полученные результаты также дает возможность изучения исторических документов, написанных в Крымском, Касимовском, Астраханском и Сибирском

ханствах и Османской Империи [Le khanat, 1978; Документы, 2008; Зайцев, 2009а].

Эпиграфические памятники предстают как составная часть огромного историко-культурного и духовного наследия татарского народа, они отражают высокую культуру народа и цивилизованность общества. Результаты исследований эпиграфических памятников периода Казанского ханства послужат ценным материалом в деле изучения старотатарского языка данного периода [Рахим, 2008; Мухаметшин, 2008; Гариф, 2010].

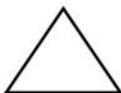
Для определения языковой ситуации, языковых процессов этого периода, бесспорно, не последнюю роль играют внесенные извне памятники, созданные в XV–XVI вв. Такие памятники распространялись среди татарского народа и «играли важную роль в создании общего культурного фона эпохи, а также существенным образом влияли и на языковую ситуацию» [Хисамова, 2012, с.35].

Важную роль играли двуязычные словари, они предназначались для того, чтобы облегчить толкование текстов. Использование их известно с древних времен. Исследование глоссариев имеет большое значение, так как дает основу для изучения лексических, фонетических и грамматических явлений старотатарского языка; дает возможность исследовать текст памятников того периода; показывает лексикографическое описание языка того времени. «Арабско-тюрко-татарский словарь» обнаружил известный татарский археограф С.Вахиди в 1928 г. в деревне Куюк Спасского кантона. Рукопись состоит из 294 страниц по 7 строк на странице. Список памятника в настоящее время хранится в отделе редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского. В «Арабско-тюрко-татарском словаре» арабские слова пишутся горизонтально, а под ними под наклоном – перевод на тюркский язык. Слова расположены в алфавитном порядке. Данный порядок относится не только к начальной букве слов, но и к последующим. Есть предположение, что данный словарь – словарь к Корану. В 1965 г. И.Авхадиев опубликовал статью «Арабско-тюркский словарь XVI века» [Авхадиев, 1965], в дальнейшем данный словарь не был объектом специального изучения. Лишь в 2003 г. мы в несколь-

ких статьях затрагивали некоторые аспекты языка данного памятника [Кадырова, 2003, Кадирова, 2012].

Остается малоизученным еще один памятник XVI в. – «Маджмаг ал-кавагыд» («Сборник правил»), который написан в 1542 г. [Дмитриева, 2002, с.115]. Он долгое время использовался как учебник в казанских медресе и свидетельствует о высоком развитии математического образования в Казанском ханстве. Это редкое сочинение содержит свод почти всех арифметических правил, бытовавших в древности. Книга состоит из трех частей, и каждая часть делится на главы. В.Беркутов в статье «Борынгы кульязма» утверждает, что автор трактата – один из кипчаков, который жил в Поволжье, а потом по каким-то причинам переселился за Дунай.

(۲۲) ھز نة وارسه و قلم تمام اولچق ھب بنة يازھسن
و من بعد اشكال باقي دخي بواستلوب اورزه
يورده سن و حاصل ضربدن ھز نة واقع اولورسنه
راد نك تحتنه يازسن و بوندن صخره شكلي
ثاني دخي بيان ايده لم مثال شكل ثاني

ويو شكل ثاني كه ضرب تحتنا نيدر غير مرفوعه
بونك دخي قاعده سي بونركه يسارندن يورز
اما بونده عشرات نوع دن نسنه دافع اولسنه
اول مرفوعه دوتوب ائده دنلمز احازدن و عشراتدن
في الجمله ھز نة اشكال واقع اولورسنه
تمام يازھ سن اما عشرات نك اولن اشكال
ھز نة اولورسنه اول يسارندن طرفه بر خانه
كرويه يازلز مشلا بر كره بر و بر كره
بيش و بر كره اكي و بنة بر كره بيش بونلري
ھب على الترتيب رادنك تحتنه يازسن و قلم
ثابته كه بش كره بشدن بكرم بيش عدد
اولور اول بيش قاعده بسيط اورزه موقعنده
يازوب و عشراتدن اولان اكي عددن
يسارندن طرفه بر خانه كيروي يازسن
و همان بوندن اجتنان ايده سن كه بو محلهده سھو
خانه ايميه تاكه خريوكة خلل كلوب نقصان اورزه
اولميه و باقيسن بو طريق اورزه يوربده سن

По мнению В.Беркутова, «рукопись написана на древнем тюрко-кыпчакском языке» [Беркутов, 1968, 28 б.]. А.Хайруллина, исследуя формирование и развитие математических терминов в татарском языке, также упоминает данный памятник и отмечает, что «арифметический трактат Ахмаджа Хаджи Мухетдин Мухаммата написан на древнетюркском языке, основные арифметические понятия выражены арабско-персидскими единицами» [Хайруллина, 1996, с.8].

Следующий памятник – Тафсир Корана – был обнаружен в 1958 г. в Казани, в настоя-

щее время хранится в фонде Национального музея Республики Татарстан. Памятник написан в 913 г. по хиджре, по григорианскому календарю – в 1508 г. Рукопись хорошо сохранилась, содержит 856 листов.

Об этом памятнике культуры в научной литературе упоминается мало. Авторы труда «Борынгы татар әдәбияты» («Древняя татарская литература») относят его к «произведениям разного содержания, которые были привнесены с Востока и Средней Азии, вследствие экономических и культурных отношений с ними, и были распространены путем переписывания образованными людьми из рук в руки», и подчеркивают, что этот источник важен тем, что «он написан на старотюркском языке татар» [Борынгы, с.340–341]. Эта рукопись упоминается в отдельных трудах известного филолога Дж.Зайнуллина, информация о ней приводится и в докладе его докторской диссертации [Зайнуллин, 1999, с.30].

Автор Тафсира Корана сначала дает разъяснение причины написания данного труда. Он сам же спрашивает: «*Белгел, ай гәзиз қардәш. Бу kitab шәриф вә дәррилатиф җәмг идуб тәрҗемә қылма нә сәбәб*» («Знай же, любезный брат, по какой причине я перевел и сделал достоянием общности эту великую и прекрасную, как жемчуг, книгу»). И далее продолжает: «Так как море слов Всевышнего и Справедливого и жемчужин в нем было ниспослано на арабском языке, воспользоваться ими смогут не все желающие, а я, раб божий, перевел ее на тюркский язык для всеобщей пользы. И радуюсь, что все люди, и стар и млад, смогут познакомиться с этими жемчужинами» [Кадирова, 2012, с.303]. Об этом автор пишет на 8-й странице рукописи.

Арабская часть аятов написана красными чернилами, только в отдельных случаях харакаты (вспомогательные значки, огласовки) – черными чернилами. В начале каждой суры, на слове «бисмиллях», в каждом случае, буква *س* (син) написана на всю длину строки, а это дает возможность легко найти каждую суру.

В рукописи почти нет исправлений, текст написан аккуратно, и заметно, что это почерк одного человека. Все же имеется несколько исправлений. Например, 41-й лист написан наполовину и перечеркнут, но его

не выбросили, текст продолжается с нового листа. В некоторых листах наблюдается присутствие записей другими почерками. Выражение «Бине Гильметдин Ибрагим оглы» («Ибраһим углы бине Гыйльметдин торыр») на 3-й странице приведено в двух местах. Мы считаем, что такие записи оставили хозяева рукописи. На полях имеются строки другого содержания. К примеру, на 48-й странице написано: «*Шуһаб дийу логатъдә һәд ак нәснәйә дирләр ки нурлу ла*» («Луч звезды – бел и сверкающ»).

В тафсире даются разъяснения всем сурам, начиная от суры «Йа-син» и до послед-

ней суры «Ан-Нас». Таким образом, можно предположить, что данная рукопись – вторая часть единого труда, который состоит из двух частей. Разъяснения аятам даны подробные, точные и дополнены отдельными событиями. Например, в тафсире разъяснения к суре «Йа-син» даются на 6–44-й страницах, а последующий аят «Ас-Сафат» занимает страницы 44–86.

Результаты исследования языковых материалов данных источников дают возможность представить состояние и функционирование старотатарского языка периода Казанского ханства.

§ 3. Вещественные источники

Айрат Ситдиков

Изучение материальной культуры татарских государств XV–XVIII вв. тесно связано с археологическими, эпиграфическими и нумизматическими исследованиями. Степень исследованности вещественных источников для каждого из татарских государственных образований неравномерна. Наиболее хорошо изученными являются объекты материальной культуры Сибирского и Казанского ханств [Ситдиков, 2013; Матвеев, Татауров, 2011; 2011а]. Имеются обширные данные о материальной культуре отдельных городов: Сарайчик, Солхат, Бахчисарай, Хаджи Тарахан, Касимов и др. В целом вещественные источники по истории татарских государств находятся на разной стадии систематизации и носят в значительной степени фрагментарный характер.

Большая часть источников по истории Казанского ханства обобщена и введена в научный оборот. Впервые материалы археологических исследований Казанского ханства публикуются в работах Н.Ф.Калинина в 1920–1950-е гг. [Ситдиков, 1999б]. Им была собрана обширная информация о культурном слое Казани, совместно с Г.В.Юсуповым, А.Х.Халиковым организовано обследование памятников эпохи Казанского ханства, изучен эпиграфический материал [Калинин, 1927; 1954; Юсупов, 1960].

Во второй половине XX в. проводятся планомерные археологические исследования многих памятников болгаро-татарского

времени, что позволило получить новые сведения о материальной культуре Казанского ханства. В числе изученных такие известные памятники, как Казанский Кремль и прилегающие территории, Камаевское городище и Русско-Урматское селище, Елабужское городище, Болгарское городище и др.

В начале 1970-х гг. Р.Г.Фахрутдиновым были определены приоритетные задачи по изучению материальной культуры Казанского ханства [Фахрутдинов, 1973]. Многие высказанные им проблемы были реализованы в последующих исследованиях, некоторые вопросы в свете новых данных получили иное звучание, ряд поставленных задач остался не решенным и сохраняет свою актуальность и сейчас.

Уникальную информацию о материальной культуре Казанского ханства дает изучение Казани. Исследования культурных напластований города были начаты казанскими археологами Казанского университета еще в 70-е гг. XIX в. [Халиков, 1983]. Значительные результаты были достигнуты в 1920–1970-е гг. Огромный вклад внесли Н.Ф.Калинин, А.Х.Халиков [Ситдиков, 1999, 1999б, 2006; Халиков, 1983]. Благодаря их работам были выявлены слои болгаро-татарского времени, установлено домонгольское время возникновения города, открыты крупные архитектурные объекты ханской Казани [История Казани, 1988].

Новый уровень в изучении Казани связан с археологическими исследованиями 1990-х гг. Под руководством Ф.Ш.Хузина была разработана программа изучения города [Хузин и др., 1995]. В рамках ее реализации до 2005 г. раскопами было изучено более 50 тыс. кв.м. Были вскрыты ханский дворец, мавзолей, ханская мечеть и мечеть Кул Шарифа, а также каменные фортификационные сооружения ханского двора. В результате исследований был получен материал, проливающий свет на прошлое башни Сююмбеки [Егерев, 1928; Ситдинов, 2013; Саначин, 2002].

Несмотря на достигнутые успехи, в изучении ханской Казани сохраняется и ряд существенных проблем, связанных с изучением материальной культуры, архитектуры и планиграфии средневекового города [Егерев, 1928; Ситдинов, 2013; Дульский, 1943; Дульский, 1929; Губайдуллин, 2002]. Выявленные в ходе раскопок крупные ранее неизвестные сооружения и уличная застройка Кремля показывают градостроительные особенности города и этапы его реконструкций.

Принципиальное значение имеет изучение керамического материала, а также выявление производственных сооружений по ее изготовлению на территории Казани и других памятниках этого времени. По данной проблеме имеются публикации, сделанные по материалам других поселений Т.А.Хлебниковой и Н.А.Кокориной [Хлебникова, 1978; Хлебникова, 1988; Кокорина, 1995 и др.]. Для напластований эпохи Казанского ханства характерна керамика, сформировавшаяся на основе традиционных форм болгарского времени. Отмечается реминисценция домонгольских традиций.

Производственные сооружения по изготовлению керамики этого времени в Казани пока не выявлены. Относительно неплохо изученными являются материалы гончарной мастерской XV в. на Русско-Урматском селище [Кокорина, 1995; Кокорина, 1999; Кокорина, Фахрутдинов, 1999]. По мнению Н.А. Кокориной, в период Казанского ханства на основе предшествующих традиций идет формирование новых черт.

Особой проблемой в изучении керамического производства является вопрос о местном изготовлении поливной посуды.

Возможно, местом ее производства является Казанское ханство, но окончательное решение вопроса требуют более глубокого исследования. В числе основных производств, представленных большим количеством находок, можно назвать изготовление кожи и кожевенных изделий, которые в последние годы стали объектом значительных обобщений. Остаются открытыми и вопросы о металлургическом производстве Казанского ханства, представленных большим разнообразием изделий из культурных слоев памятников этого времени. Отдельным объектом исследований становились изделия казанских ювелиров и резчиков по металлу.

К сожалению, специальных исследований изделий из цветного и черного металла, а также технологии их производства пока не проводилось. Изучение проблем металлургии и связанной с ней продукцией дали бы возможность раскрыть уровень развития одного из ключевых производств, иллюстрирующего состояние развития общества в целом.

Решение широкого круга задач по археологии Казанского ханства предполагает осуществление исследований, направленных на выявление археологических объектов эпохи Казанского ханства. Благодаря анализу письменных источников, Е.И.Чернышеву удалось локализовать около 700 селений этого времени [Чернышев, 1971]. Многие из населенных пунктов существуют и поныне. Археологически выявлено около 130 объектов, значительная часть которых – это некрополи [Археологическая карта, 1981; Фахрутдинов, 1975].

Развитие Казанского ханства как любого государства было связано с четкой структурой управления, в которой важное место, несомненно, занимали города [Ермолаев, 1982]. В отечественной историографии данный вопрос всегда имел неоднозначное решение, доходя до полного отрицания существования городов [Шавохин, 1988]. Последние десятилетия исследований позволили выявить наличие культурных напластований ханского времени в Лаишеве, Болгаре, Биляре, Свияжске, Алабуге, Русско-Ураматском селище и др. [Ситдинов, 2013; Руденко, 2004; Валиуллина, 2004; Хлебникова, 1978 и др.]. Благодаря раскопкам уда-

лось установить и преемственный характер развития этих поселений с домонгольского времени, в том числе и Арска. Данные наблюдения позволяют говорить о формировании городской культуры ханского времени на основе традиций болгарского и золотоордынского времени. Несмотря на значительные политические, экономические и социальные потрясения поселения продолжали свое существование. Это свидетельствует об устойчивой социально-экономической структуре и системе расселения, сложившейся еще в домонгольское время. Можно предположить, что и система управления Казанским ханством сохраняла предшествующие традиции. Именно городские центры являлись военно-административным и экономическим сосредоточением государственной власти, а преемственность их размещения указывает на сохранение традиционных форм управления. Изучение ранее выявленных поселений Казанского ханства и позднезолотоордынского времени позволит расширить понимание системы управления ханством.

Аналогичные исследования по изучению поселенческих комплексов на территориях других татарских государств не значительны. Наиболее полный материал представлен по изучению Сибирского ханства, где археологически исследованы многие городища [Матвеев, Татауров, 2011; 2011а; Адамов, 1995; 1998; 2000 и др.]. Результаты изучения позволили создать более полную картину об организации хозяйственной жизни Сибирского ханства и ее границах.

К числу городов других татарских государств, по которым накоплен обширный археологический материал, относятся Сарайчик, Касимов, Бахчисарай и Хаджи Тархан [Гузейров, 2004; Грибов, Ахметгалин, 2010; Самашев и др., 2008 и др.]. К сожалению, хронология вещевых комплексов из этих памятников XV–XVI вв. плохо представлена. Это ограничивает возможности анализа и сопоставления материальной культуры этих городов.

Экономическое положение средневековых государств в значительной степени зависело от уровня развития торговых отношений. Одним из его показателей является монетная чеканка, позволяющая изучить денежное обращение и характер экономических связей.

К сожалению, анализ регионального чекана татарских государств отсутствует. Имеются только публикации отдельных монет или кладов без общего анализа их денежной системы и типологии монет [Самашев и др., 2006; Мухамадиев, 2005 и др.].

Спорным многие годы был вопрос о наличии собственной монетной чеканки Казанского ханства. В последние годы было высказано предположение о существовании казанских денег до середины XVI в. [Мухамадиев, 2005]. Монет более поздней чеканки пока не обнаружено. Имеющиеся находки из раскопок показывают, что в первоначальный период присутствовали и монеты Крыма и Астрахани, Улуг-Мухаммеда, чеканенные в Крыму. Монеты казанской чеканки второй половины XV и XVI в. в культурных напластованиях ханского времени не выявлены. Обнаруженные на сегодня клады говорят о полном господстве монет русской чеканки с начала XVI в., что является показателем экономического доминирования Московского государства в регионе [Мухаметшин, Ситдииков, 2001].

Вещевые комплексы с археологических памятников отражают широкие торговые связи регионов. В Казани они представлены западноевропейскими монетами, китайским фарфором, поливной керамикой из Испании, попавшей вероятнее всего из Крыма, русских княжеств и других регионов [Коваль, 2006]. Показателем уровня проникновения крымских традиций является и приезд бахчисарайских архитекторов в Казань для строительства ханского двора и его укреплений, что упоминается в письменных источниках [Ситдииков, 2006; 2013]. Это находит отражение и в особенностях архитектуры зданий и фортификационных сооружений, выявленных археологически. Каменные башни ханского двора аналогичны крымским. Каменные здания двора и прилегающая к ним мечеть Кул-Шарифа должны стать предметом детального изучения строительной техники и возможной в последующем реконструкции облика самих сооружений.

Значительными возможностями в изучении архитектуры этого времени обладают хорошо сохранившиеся архитектурные памятники на территории Крыма [Червоная, 1995]. Данные сооружения становились

объектом целенаправленных исследований многих специалистов. Объекты Крымского ханства дают уникальную возможность проследить формирование и развитие строительного дела мусульманского мира Восточной Европы.

Археологически в последние годы изучены несколько некрополей ханского времени в Казани [Ситдинов, 2013]. В их числе ханский мавзолей и прилегающие к нему погребения, мусульманский некрополь в южной оконечности кремля и могильник в районе Гостиного двора [Мавзолей, 1997; Ситдинов, 2006]. Во всех захоронениях имеются мусульманские погребения с деревянными гробами-табутами, окованные железом, а также встречаются обломки надгробных камней. Выявленный материал требует более тщательного антропологического изучения, что позволит представить более полную картину населения средневековой Казани.

Особенности формирования казанских татар этого района. Значительное место в исследованиях занимает изучение так называемых «черемисских кладбищ». Необходимость подобных исследований отмечалась и в работе Р.Г. Фахрутдинова [Фахрутдинов, 1973]. В 80–90-е годы XX в. был прослежен мусульманский обряд захоронений. К сожалению, в опубликованной археологической карте Заказанья отсутствует описание расположения подобных могильников, что снижает полноту понимания размещения и количества этого круга памятников [Археологическая карта, 1981; Фахрутдинов, 1975].

В других регионах целенаправленные исследования в этом направлении осуществлялись только по памятникам Сибирского ханства [Корусенко, 2003]. В работах исследователей этого региона хорошо прослежена традиция погребального обряда и его развитие на протяжении длительного времени у татар этого региона. При этом отмечается наличие у татар элементов культурной традиции угорского населения.

Информация надгробий также является важным источником и в изучении особенностей мусульманской культуры татар [Борзенко, 1850; Червоная, 1997; Дульский, 1929; Эхмэтжанов, 2002–2003; Катанов, 1921; Керейтов, Червоная, 2002–2003; Корнилов, 1929; Мухаметшин, 2008]. Исследования эпиграфических памятников Поволжья и

Крыма дали уникальные материалы о письменной культуре и высоком профессиональном уровне развития ремесла камнетесов. Систематические работы в этой области в Поволжье представлены в работах казанских ученых [Юсупов, 1960; 1963]. Имеется региональная специфика, выразившаяся в сложении традиций в установке каменных надгробий. Отмечается также преемственность с традициями, сложившимися в золотоордынский период.

Одной из острых проблем, выпадавших из сферы активного изучения казанскими учеными, является вопрос становления татар Волго-Окского региона. Объектами изучения являются поселения Касимовского ханства, мест компактного проживания темниковских и нижегородских групп татар. При этом надо учитывать, что тюркизация этих районов начинается с домонгольского времени. Известны десятки болгарских могильников и поселений на данной территории. Не прекращалось проникновение тюрок и в период Золотой Орды. Длительное сосуществование в этом регионе тюрок, славян и финнов стало значительным фактором в этногенезе этих народов. Предварительные материалы изучения поселений этого региона указывают на значительную интеграцию в материальную культуру татарского населения традиций поволжско-финских народов.

В последние годы накоплен огромный археологический материал по истории татарских ханств, имеются многочисленные публикации. Но проблемы, обозначенные вокруг вопроса, к сожалению, до последнего времени не решены, и, несмотря на понимание важности изучения данной проблемы, последовательных работ по их решению не проводилось. На современном этапе исследований возникла необходимость выработать иные подходы изучения актуальных задач археологии этих государств. Вещевые источники, к сожалению, опубликованы лишь частично. Требуется проведение более детального типологического анализа и классификации каждой из категорий вещевого материала, что позволило бы скорректировать и конкретизировать ранее сделанные наблюдения о своеобразии материальной культуры этого времени.

§ 4. Татарские государства в европейской картографии XV–XVIII вв.

Игорь Фоменко

Чтобы не утонуть в море графического материала и не сбиться на простое перечисление источников, которое само по себе может занять десятки страниц, уделим внимание лишь знаковым памятникам картографии¹.

Как правило, иностранные авторы, писавшие о России до XVI в., получали информацию о Московии и различных «Татарских царствах» из вторых рук, черпая сведения из литературы, летописных свидетельств, документов и устных рассказов. Так работали Матфей Меховский, Павел Иовий Новокомский, Паоло Кампани, Иоганн Фабри и др. «Записки о Московитских делах» Сигизмунда Герберштейна – одно из первых описаний страны очевидцем. Но сколько бы ни посещали Московию различные представители Европы, стереотипы восприятия Тартарии-России оставались в основном неизменными.

XV в. Итак, обратимся к языку графики и посмотрим, какие знания европейцев о далекой и загадочной Тартарии нашли воплощение на средневековых картах. Отметим, что для XV–XVI вв. важным источником являются морские карты-портоланы, наиболее точные картографические материалы.

На морских картах XV в., вышедших из мастерских разных картографических школ Европы, отмечены главные золотоордынские города Причерноморья. Наиболее значимые топонимы сопровождаются миниатюрами флагов с джучидской тамгой и стилизованными изображениями городов. Территория, над которой реют флаги с джучидской тамгой, совпадает с границами Золотой Орды, которые прослеживаются по письменным источникам. Крайний западный пункт – город Вичина, крупная гавань в нижнем течении Дуная; на Востоке – Тана (Азак). Золотоордынский город Азак отмечен на портоланах наибольшим в Северном Причерноморье количеством флагов с джучидской тамгой различного дизайна. Это

свидетельствует о том, что город являлся крупнейшим центром как региональной, так и международной торговли. По флагам, на которых имеется золотоордынская тамга, можно проследить также, какие государства находились в вассальных отношениях с Джучидами. Все золотоордынские города, над которыми мастера помещают миниатюры флагов, были как минимум административными центрами [Фоменко, 2011].

Рассмотрим медную круглую карту мира – «Планисферу Стефана Борджа» (1440/1450 гг. – XVII в.) из Ватиканской Апостолической Библиотеки [Джурова, Димитров, 1978, Таб. LVII (Borgiano XVI)]. На планисфере, которая являлась в первую очередь настенным украшением, встречается одно из первых упоминаний этнонима *Тартария*. На миниатюре в Среднем Поволжье (левобережье) изображен кочевой город, возможно, это резиденция хана Большой Орды. Шатры, чередуясь с повозками, образуют каре, в центре которого бьет источник воды, рядом пасутся распряженные кони, на миниатюрах показан быт кочевников; близ кочевого стана присутствует текст, который с небольшими изменениями часто встречается и в картографии XVI в. на том же месте: «Царство Великой Тартарии: когда тартары перемещаются в какое-либо место, они запрягают быков и других вьючных животных и ищут такое место, где хорошие пастбища. Город же их состоит из многих шатров, повозок и др.».

На планисфере 1448 г. бенедиктинского монаха из Зальцбурга Андреаса Валшпергера [Almagià, 1944, p.31–32] мы также встречаем одно из ранних названий, связанных с именем «тартары». Государство *Тартарская империя* находится выше *Команского царства*, что в среднем Подонье. На правом берегу Дона (у брата Андрея наблюдается некая путаница с реками) расположен город, а рядом текст: «*Сарай – столица тартар, где живет император*». В Среднем Поволжье в земле *Кумания* – огромная миниатюра города, обнесенного высокой крепостной стеной, рядом находится комментарий:

¹ Информация картографических источников (топонимы, легенды, тексты) приводятся в тексте курсивом.

«*Это город (Сарай) джедит татарского Батайа, где великий хан и помер*». Надо заметить, что имя хана Золотой Орды, упомянутое на карте 1448 г., встретилось первый и единственный раз в известных мне картографических легендах.

На некоторых портоланах демонстрируются отношения вассалитета внутри Золотой Орды. К примеру, на морской карте 1482 г. Хайме Бертрана над Крымом помещена фигура правителя, восседающего на подушках с кривым мечом и круглым щитом с тамгой, рядом подпись *Царь Тартарию*. Восточнее присутствует изображение правителя гораздо большего размера со скипетром и державой, именуемого *La Gran chan Amperator de Tartaria* [Roncière, 1925, N. 1–2. Pl. 19].

На анонимной планисфере середины XV в. из Модены (т.н. «Моденский аноним») [Kretschmer, 1968, h. 358] в *Великой Тартарию*, ближе к северу близ зеленых холмов покоится огромная царская корона, которая отмечает место избрания Тэмуджина ханом с титулом «Чингис», прокомментированное следующей легендой: «*В 1187 году здесь был коронован Первый Тартарский Король*».

Обратимся к карте мира 1459 г., изготовленной Фра Мауро в Венеции (хранится в библиотеке Марчиано). Автор, несомненно, использовал материалы Птолемея, сведения восточных купцов, русские источники и записки европейских путешественников. Карта являлась заказом португальского монарха Афонсу V. Надо отметить, что до появления этого шедевра средневековой картографии на европейских картах мы не видим дорог. У Фра Мауро дороги проложены, и они соединяют регионы и города России, что является еще одним аргументом в пользу того, что он черпал сведения у путешественников там побывавших. Информаторами, вероятно, были «гости-сурожане», купцы, торговавшие в итальянских факториях Северного Причерноморья.

На венецианской космографии имеется этноним «*Тартария*» – в названии регионов, где раньше картографы изображали Аланию и Куманию (южнорусские степи) в междуречье Днепра, Дона и Волги. Имеется на этой карте и город *Тартария* – ниже устья р. Медведицы, которая впадает в Дон. Этот город пока не поддается локализации

из-за слабой археологической изученности региона.

Миниатюра первой столицы Золотой Орды – города *Сарай* – на карте Фра Мауро значительно уступает обнесенному мощной крепостной стеной *Сараю*, которому художник Андреа Бьянко не зря дал определение «*Грандо*». Близ *Sarayu Grandu* присутствует миниатюра роскошной усыпальницы с сопроводительным текстом-эпитафией, который восходит к событиям 1395 г. «*Тартарская Гробница: в которой находится 18 погребений, сделанных по воле Тамерлана, который учинил здесь им (татарам) величайший разгром. И распорядился похоронить он тут только самых знатных, и этот погребальный мавзолей подобен тому, что изображено (на карте)*»¹. Ценность карты 1459 г. еще и в том, что автор поместил на ней сразу две столицы Золотой Орды на левом берегу Эдила (Волги): *Сарай* на левом берегу реки *Кара Сарай*, при впадении ее в Эдиль, соответствует городу Сарай-Бату, и *Сарай Грандо* (Сарай ал-Джедид). На карте присутствует и третий Сарай – *Сарай Калмуков*, который расположен на правобережье Волги.

XVI в. На планисфере 1505 г. Николо Каверио [Wigal, 2000, map № 26] в центре Золотой Орды, именуемой на карте *Tartaria*, в красно-синем роскошном шатре, над которым развевается красный двухконечный стяг с золотой джучидской тамгой, на низком троне восседает правитель. Это единственное антропоморфное изображение на карте, что свидетельствует о его особой значимости.

С ослаблением Монгольской империи и государства Золотая Орда изображение сарайского правителя на картах постепенно уменьшается в размерах, изменяется также и его титулатура – слово «император» редуцируется. Агрессивный образ «*Tartaro*», вооруженного мечом, мы видим в Северном Причерноморье на навигационной карте из морского атласа 1512 г. Весконтэ Маджоло, а также на портолане другого представителя знаменитого генуэзского клана картографов

¹ Здесь, несомненно, идет речь о погребальном комплексе, в котором были захоронены «знатные татары» из армии Токтамыша, потерпевшей поражение от Аксак Тимура в битве при Кондурче.

второй половины XVI в. Джакомо Маджоло [Portolani, 1994, p.88–89; Frabetti, 1978].

При описании стран и народов, удаленных от картографических центров Европы, авторы широко использовали сочинения античности (Страбон, Плиний и др.). Поэтому зачастую складывается парадоксальная ситуация – на карте нередко соседствуют античные и средневековые названия одной и той же страны. Продолжала расти популярность «Географии» Клавдия Птолемея, к середине XVI в. в различных типографиях Европы вышло множество изданий этого сочинения.

Рассмотрим несколько значимых картографических приложений к «Географии» Птолемея, уделив внимание «тартарской» ономастике.

На карте итальянского монаха Марка Беневентана (Рим, 1507 г.), который взял за основу карту Николая Кузанского [Lithuania, 2002, p.18–19], самая западная ветвь «тартарских» народов – *Перекопская Тартария* – размещена на восточном берегу реки Днепр. На карте мира Йохана Рюйша (Рим, 1508 г.) [Nordenskiöld, MDCCCLXXXIX, Tab.XXXII] земли за «полярным кругом» именуется «Темная Провинция», восточнее располагается *Великая Тартария*. Южнее Северного полюса разместились Московия, *Руссия Альба* (правобережье Днепра), *Казан*, *Страхан*, земля *Тартария* (между *Понтом Эвксинским* и *Гирканским морями*). На карте мира 1513 г. (Страсбург) [Ibid. Tab. XXXV], озаглавленной «*Гидрографическая, или морская карта*», земля *Тартария* помещена в предгорьях Северного Кавказа, в Среднем Поволжье и на левобережье *р. Ра* (Волги). Вся Западная Сибирь именуется «*Тартария*». Карта 1515 г. Грегора Рейша, аббата картезианского монастыря из Фрайбурга [Ibid. Tab.XXXVIII] очень схематична. Примечательно, что картограф уделил особое внимание различным «*Тартариям*» в «*Азии*»: *Тартария перекопская*; *Тартария Куманов* (Среднее Поволжье); *Тартария Воронья* (Западная Сибирь); *Тартария Torquesten* (Восточный Урал); *Тартария Изобильнейшая Siit* (Восточная Сибирь); *Тартария Тангут* (северо-восток Евразии).

Картограф Мартин Вальдземюллер изготавил и опубликовал в 1516 г. свою знаме-

нитую «морскую карту» («*Carta Marina...*») на 12 листах [Багров, 2004, с.119–121], из которой, несмотря на многочисленные архаизмы, европейцы могли получить хоть какие-то сведения о почти неведомой для них Тартарии. Самое примечательное для нашей темы – это 3-й лист ее первого ряда, где изображены «*Руссия Альба*» и значительная часть азиатской России, простирающаяся до 65° восточной долготы [Кордт, 1906, с.3–5, Табл.I]. Сведения о землях, изображенных на карте, Вальдземюллер почерпнул из сочинений Одорико Порденоне, Плано Карпини, Марко Поло и других путешественников.

За *Рифейскими горами* раскинулась безбрежная *TARTARIA*, состоящая из множества различных царств (*regio*). Вдоль восточного склона *Рифейских гор* с севера на юг размещаются следующие области: *Mordvani* с легендой: «*Здесь в этом регионе обитает народ, прозываемый “Билеры” и они находятся в вассальной зависимости от Тартар*»; затем следует регион *Великая Булгария*; в нижнем течении Дона (левобережье) раскинулась страна *Казана*, а выше земля – *Нагай*. В земле *Нагай* в междуречье *Танаиса* и реки *Ра* в шатре на низком троне с мечом в руке восседает «*великий кочующий правитель над Великими императорами, царь Казаны и император над многими народами*». За Волгой, которая протекает через всю Россию по диагонали от Каспийского моря до Балтийского, пересекает озера Ильмень и впадает в Финский залив¹, над Каспием, который именуется «*Море Абак, или Соленое Море*», раскинулась обширная земля «*Кумания*». На востоке, за рекой *Яксарт* лежит *Сарацинская Тартария*; выше расположены «*Земля Бисерменов*» и «*Царство Кангитов*». В центре *Тартарии*, среди разбросанных по полю карты шатров, в рамке приведена традиционная легенда об образе жизни *тартаров*: они не живут в городах, а кочуют со своими стадами, питаются молоком и мясом.

В XVI в. итальянская картографическая школа занимала ведущее место в мире, в основном благодаря морским картам. В

¹ Во времена позднего Средневековья р. Волхов отождествлялась с р. Ра, как в данном случае на карте 1516 г. Мартина Вальдземюллера.

1525 г. картограф Баттиста Аньезе изготовил карту Московии, опираясь на информацию из первых рук. Это «*Карта Московии, основанная на свидетельствах, полученных от самого посла Дмитрия (Герасимова)*» [Фоменко, 2006, с.213]. Карта составлялась в качестве приложения к книге о Московии и Тартарии епископа Павла Иовия. Информатором являлся толмач (в титуле карты – «*посол*») Великого князя Василия III.

На сравнительно небольшой карте присутствует семь этнонимов *тартария* и одно изображение «*MAGNUS TARTARUS OCCIDENTALIS*». Великий Правитель Восточной Тартарии восседает на троне в 3/4 оборота к зрителю. Облачен он в длинные одеяния, на голове высокий головной убор, в правой руке – скипетр. Позади правителя помещен город из шагров, раскинувшихся в «пустыне», пронизанной лишь румбовыми линиями. На карте имеются *Тартария Перекопская* (расположена между эстуариями Днепра и Дона); просто *Тартария* (между нижним течением Днепра и Дона); *Тартария Азиатская* (по обоим берегам Волги); *Тартария* (расположена над единственным на карте «тартарским» городом – *Casanum Tartarum*); напротив *Казани тартаров* за Волгой обитают *тартары Шейбаниды*. Выше по реке (по всей видимости, Каме) расположена земля «*nogai tartari*», а седьмая *Тартария* находится в Западной Сибири, где и восседает *MAGNUS TARTARUS*.

Обратимся к карте Московии Антона Вида [Кордт, 1931, карта № 39-41]. Художник из Данцига изготовил эту карту по материалам, предоставленным беглым московским воеводой и окольным Иваном Васильевичем Ляцким [Ваггов, 1975, р.64–68]. В 1542 г. Вид создал манускрипт, а известная гравюра Франца Хогенберга датируется 1555 г. Топонимика на карте двуязычная: латинская транслитерация русских топонимов и их дублиаж кириллицей. Севернее *Козаки Орда*, в водоразделе реки *Дейк* (Яик) и *Волги* показаны кочевья *Орды Нагай*; у нагайцев самые многочисленные в Тартарии стада овец и лошадей. *Перекопская Орда* находится на своем традиционном месте в Крыму, стада их пасутся севернее, доходя до истоков *Сосны реки*. Близ вооруженных

фигур перекопских татар помещена легенда: «*Тартары эти сильно враждуют с христианами*».

Незатухающий русско-литовский конфликт санкционировал посольство в Россию 1526 г. Сигизмунда Герберштейна, снабженного инструкциями австрийского эрцгерцога Фердинанда. Карта «*Moscovia Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein Neiperg et Gutenhag MDXLVI*» [Там же, табл. XI] (1546), которая должна была стать приложением к его книге, вышла в свет за 3 года до появления «Записок» Герберштейна. Она была изготовлена известным гравером Августином Гиршфогелем, который плодотворно работал с Герберштейном в течение 1546 и 1547 гг. [Кордт, 1899, с.6–8]. На эту небольшую карту попали: *Нагайские тартары, народ Черемисса, народ Мордва, Чиркасские народы, чиркасы Пятигорские*.

Одним из наиболее ярких представителей итальянской школы картографии эпохи Возрождения является Джакомо Гастальдо. Современники наградили его эпитетом «*excellentissimo cosmografo Piemontese*». В 1548 г. он составил «*Новую карту Московии*» [Там же, карта № IV]. Восточную и юго-восточную части карты составляют: регион *Курианацор* (на Северном Кавказе); область *Тартакосия* к востоку от Меотиды, выше – *Чиркассия* и *Алания*. По правобережью *La Volga fl.* расположены области: *Кунчак* (над Астраханью); *Паластра* (на средней Волге); *Кабата* близ города *Cassan*. На левом берегу Волги находится *Чагамай* (близ эстуария); выше помещены *Тартары Шамбаниды*.

Крупнейшее значение для развития исторической географии имели работы знаменитого фламандского географа и картографа Абрахама Ортелия. Его «*Theatrum Orbis Terrarum*» имел огромный успех. Работа состояла из 70 карт на 53 листах; от издания к изданию объем увеличивался, став первым систематическим собранием карт. Среди изданных Ортелием карт была и карта Московии 1562 г., которая без изменений переиздавалась до 1612 г., а также карта восточной Азии – «*Тартария, или царство Великого Хама*» [Abrahamus Ortelius, 1964. Tav.46–47].

Автором карты Московии, а точнее «*Описания России, Московии и Тартарии*»¹, является Антоний Дженкинсон, выдающийся дипломат и купец, который представлял английскую Московскую торговую Компанию при дворе Ивана Грозного. Примечательно, что Казанское ханство включено в Московское государство, а Астраханское показано еще независимым, хотя Дженкинсон знал о покорении Астрахани Москвой, о чем он упоминает в своем сочинении (нередкое расхождение между автором и издателем). На севере от области *Кондора* до земли *Байда* протянулся регион *Самоеда*; среднюю часть карты, до реки *Volga* занимает *Руссия*; на юге – от региона *Мордва* до области *Boghar* (Бухара) присутствует этноним *TARTARI*, а южнее реки *Самар* – *NAGAIA*. Среди этих областей расставлены шатры, кочевники пасут стада верблюдов. Географическая достоверность показанной на карте территории, по которой проходил Антоний Дженкинсон, возглавивший в 1557 г. экспедицию для отыскания торговых путей в Бухару и Персию², достаточно велика, что во многом достигнуто благодаря определению им широт отдельных пунктов. Ниже региона *Байда*, справа от большого *Китайского озера*, из которого берет свои истоки река *Обь*, присутствует легенда о чудесах, которые имели место в *Тартарии*. Комментарий к миниатюре оформлен в роскошный картуш, который дополнен соответствующей картиной. Зритель может видеть, как по восточным склонам горы *Имаус*³ движется внушительная вооруженная колонна в окружении многочисленных стад овец и верблюдов. Легенда гласит: «Скалы эти имеют человеческое подобие, а также верблюдов и других животных с различной поклажей, а также мелкого скота. Когда-то, в далекие времена, это была орда, представители которой занимались скотоводством, пасли мелкий и крупный скот; но в один момент, по какому-то волшебству, они все обрати-

лись в камень и стали скалами, сохранив за собой подобие людей и животных. Это чудесное превращение имело место 300 лет тому назад».

Карта «*Тартария, или царство Велико-го Хама*» увидела свет в Антверпене в 1570 г. [Abrahamus Ortelius, 1964. Tav.46–47]. Ее предваряет текст историко-этнологического характера. Приведем некоторые выдержки, которые характеризуют устойчивые представления европейцев о «тартарах», а также источники этих знаний. «*Тех, кого мы величаем Тартарами, включают в себя множество народов, которые проживают на огромной территории. Так как Тартария в настоящее время простирается от Восточного Океана или Mangiso, земли ее раскинулись от Северного Океана до Южных районов Синама, части Индии, а также заходят за реки Ганг, Сакос, Окс..., море Каспий и Меотидское болото; на Западе граница Тартарии соприкасается с Московией, которая вся когда-то была занята Тартарами, и в ее городах у них были ставки. В древних сочинениях Тартария именовалась “Сарматия Азиатская”, а также “Скифия” и “Серика” (которую на сегодняшний день приблизительно занимает Китай). Услышали в Европе впервые это ужасное имя в 1212 г. “Орды”, с их языка, означает множество. И несмотря на то что они обитают в различных Провинциях, на значительных расстояниях друг от друга, тем не менее, в общем, в их нравах и жизненном укладе много общего. Телосложение у них квадратное, наружность приземистая, глаза у них глубоко посажены и узкие, борода ужасная, в остальном же тело у них мощное, а дух отважный; лошадей, а также других животных они умерщвляют, и они служат им пищей, свиней же есть у них не принято... О Тартарах, их нравах и обычаях можно получить информацию у Сигизмунда Герберштейна. Также смотрите Антония Бонфиния и его commentaria Hungarica; М(арко) Поло Венецианца, который среди них (тартар) постоянно жил. Об их происхождении читайте Матфея из Мехова; (сочинение) Хетума Армянского; Сарацинскую историю Целия Куриона, а также сочинения Иезуита Иакова Наварского. Не помешает также информация о*

¹ «Theatrum Orbis Terrarum». Антверпен, 1588–1612(7). ГИМ, ГО-5926. Карта происходит из испаноязычного издания атласа Абрахама Ортелиуса.

² См.: [Готье, 1906; Готье, 1937].

³ Гора Имаус со времен Клавдия Птолемея отождествлялась с Уралом; позднее с Алтаем, Тянь-Шанем и Гималаями.

Тартарах, которую можно почерпнуть у Никифора, в кн. 18, гл. 30». Тексты, помещенные на карте, изобилуют сведениями, восходящими традиционно к античным и средневековым авторам и содержат много легендарных и мифологических сюжетов.

Во владения *Великого Хана* на карте Ортелия 1570 г. входят следующие земли и народы: *Астракан, Казан, Туркестан – Царство, где... количество племен достигает цифры 900, Мавераннахр, Чагатай, Самарканд, Чарсиан, Istigias, Tacalistan, Камул, Тангут, Chiorsa*; на севере, в основном, «орды». На полуострове Таймыр показано место обитания двух потерянных в незапамятные времена израильских народа – *колена Данова и колена Нефталимова*, которые в государстве *Императора Тартарии* также именуется «ордами». Помещение в «Скифскую пустыню» иудейских народов – неслучайная дань средневековым представлениям о вассалах Антихриста, народах Гог и Магог. Сосредоточены с иудейскими «ордами» – *Черемисская орда, Турбонимская орда, орда Мекритов*, а также: *Uezucanorum horda, Chiesanorum horda* (видимо, Казанская орда), *Баширская орда, Сибирская орда; царства Табор; земля Chiorsa, Баргу*. Вблизи каждой «орды» на карте (кроме иудейских и черемисской) присутствуют миниатюры шатров.

На так называемом «Вроцлавском Дженкинсоне»¹ в районе *Тартарии*, на юго-западе от *Китайского озера* в области *Tumen, Nagaiа* и *Cassakia*, близ миниатюры кочевого стана, окруженного многочисленными стадами овец, коней и верблюдов, в картуше дана обширная легенда, повествующая об образе жизни народов там обитающих: «*Жители региона Тюмень, Казаки и Нагайцы суть Тартары-Магометане, которые живут общинами. И куда бы они ни отправились, они берут с собой своих многочисленных жен, которыми дорожат. Тартары – это народ, который питается кониной, а от некоторых лошадей они получают также и молоко. Они также используют в пищу плоды, растущие на деревьях. Денег у*

них в обращении никаких нет. Народ этот имеет пристрастие к занятию магией и заклинанию бесов. Если наступит для них вражеская угроза или небеса потемнеют вследствие грозы, то они собирают совет для того, чтобы принять решение по поводу этого знамения или вражеской угрозы. И тогда кто-либо из них (жрец, шаман), используя заклинания, травы, коренья, а также (специальные) камни, демонстрирует свое искусство в толковании различных знамений».

Для гравированной карты братьев Детекумов «*Новое описание Северных регионов, включая Московию, Рутенов, Тартар, а также Орд тартарских, окружающих эти земли...*» (до 1572 г.)² неизвестным составителем были собраны материалы выдающихся путешественников и картографов первой половины XVI в.: Сигизмунда Герберштейна; Ивана Ляцкого; Герарда Меркатора; Антония Дженкинсона; Джакомо Гастальдо, Олауса Магнуса, мастера Каспара Фопеллия. На юго-востоке от *Китайского озера* в области *Югория* и *Cassakia* близ миниатюры кочевого стана читаем легенду с обобщающей характеристикой татарского этноса: «*Татарский народ во все времена отличался воинственностью и вел кочевой образ жизни, а разделяется он на Орды*». Перечислим наиболее значимые из них: *Орда* в земле *Булгария*; *Орда* в земле *Кассакия* (юго-восток Телецкого озера); *Орда* в районе среднего Урала; *Орда* в земле *Нагай* (между Волгой и Яиком); *Орда* в верховьях *Яика*; *Орда* в *Туркестане*.

Между реками Яик и Волга близ изображения кочующей Орды присутствует пояснительный комментарий: «*“Орда” на Тартарском языке означает объединение людей, которое составляет, таким образом, единую общину. И это сообщество (Орда) постоянно ведет кочевой образ жизни, перемещаясь из одного региона в другой*». На карте много информации о войнах прошедших лет и современных авторам карты.

¹ «Новое Полное Описание Руссии, Московии и Тартарии. Антоний Дженкинсон. Климент Адамс». Гравюра иллюминированная. Лондон, 1562/1568 г. Университетская библиотека, г. Вроцлав. См.: [Фоменко, 2010, с.12].

² Regionem Septentrionalium, Moscoviam, Rutenos, Tartaros, Eorumque Hordas Comprehendentium, Ex Antonii Jenkesonii Et Sigismundi Liberi Baronis Ab Herberstein Itinerariis, Nova Descriptio. Ioannes, Lucas Dueticum. (1563–1572 г.). Единственный известный в мире экземпляр. ГИМ, ГО-6350.

Приведем легенды, относящиеся к исследуемой теме. В Северном Приазовье в области *Crimea*: «Крымцы суть Магометане, они совершают набеги на Московитов, с которыми постоянно ведут боевые действия». Над городом Казаня: «В 1551 году Татарское Казанское Царство было разгромлено и включено в державу Императора Руси». Близ города Астрахань: «В 1554 г. Астраханское Татарское царство было подчинено и к империи Русской присоединено». Как мы видим, картографы опережают реальные события на 1–2 года. Близ города Малый Хорасан: «Вот город Хорасан, который находится в Персидском Царстве, в 1558 г. он был захвачен татарами».

XVII в. «Сарматия Прима», или «Европейская Тартария», по-прежнему ассоциировалась у европейцев с дикостью и варварством, а также с масштабами территории, описать которую крайне затруднительно. В этот период образ «Царя Тартарии» окончательно утрачивает свои агрессивные черты. На портолане арагонского картографа Плачидо Калоиро-и-Олива начала XVII в. причерноморский «Король Тартарии» является вассалом «Великого Турка» [Cartografia, 2000, p.172.]. В отличие от других «царей», вооруженных мечами и щитами, тартарский правитель восседает в низовьях Волги на подушках, а вместо кривого меча держит в своих руках чашу.

Обратимся к карте «Тартарии»¹, изготовленной в начале XVII в. Йодокусом Хондиусом, знаменитым фламандским картографом и гравером. Территория Тартарии (Московия – ее органичная западная часть) на этой карте представляет собой остров, отгороженный от остального мира. С севера его омывают Северное море, Море Ньярен, которое суть Спокойное, Море Русское, Татарское море, которое покрыто льдами. С востока Тартария ограничена Морем Пасифик. С южной стороны от древних цивилизаций Востока Тартария отгорожена Великим Китайским Муромом, то бишь стеной, и морями песчаными: Пустыней Лоп, Пустыней Мукс, Черной пустыней, а также поясом различных «орд» – Татарами Калмуками, Татарами

Нагаями, Заволжскими татарами и Перекопскими татарами.

Карта сопровождается текстом на французском языке, написанном географом из Амстердама Питером ван ден Бергом. «Тартария по великим стенам Скифии простирается в сторону Севера. Ее населяют тартары, привыкшие прославляться умеренностью и древностью своего народа. Говорят, что они происходят от Авраама, и никогда и никому не служили, сколько бы на них не шли войной Александр Великий, Дарий, Кир, Ксеркс и другие могущественные государи и народы. Ранее они служили одному только Хаму, или Господину, но сейчас их царство разделено, и им правят множество князей. Имя страны происходит от названия реки Тартар, у нас называют ее “Магог”, а местные жители именуют “Мунгул”, по имени страны, граничащей с ней с севера. Тартария граничит на Востоке с Китайским царством, на Юге с Индией по рекам Ганг и Окс, на Западе с Каспийским морем и Польшей, а также Московией, на Севере – с Ледовитым морем.

Первым царем тартар они звали “Канги, или Хама”, Павел Венет называет его “Кинхин”. Его сына звали “Екухам”, третьего царя, которого некоторые также называют “Бату”, “Зайхам”; четвертого – “Темур Кутлу, или Тамерлан”, который взял в плен турецкого императора Баязета, заковал его в золотые цепи и возил в клетке по Азии...

Страна по большей части представляет собой пустыню, печальную и невозделанную... Тартария делится на две части, а именно на Европейскую и Азиатскую. Европейская называется “Малой Тартарией”, здесь расположено Царство Перекопских тартар. Она занимает ту часть Европейской Скифии, что между реками Борисфен, Псел и Десна, впадающими в Борисфен, малой рекой Танаис, обычно называемой “Донец”, и самим Танаисом, а также Меотидском болотом и Понтом Евксинским...

Ранее здесь господствовали Скифы..., но с тех пор, как из Азии пришли и воцарились здесь тартары, земля стала именоваться “Тартарией”, а название “Малая”, она получила, чтобы отличаться от “Великой Тартарии”, которая находится в Азии...

¹ Josse de Hondt. Tartaria.. Amsterdam. [Начало XVII в.] ГИМ, ГО-6074. Гравюра иллюминированная.

Великая, или Азиатская, Тартария делится на пять основных частей, а именно: пустынную Тартарию, Тартарию Чагатай, царство Туркестан, царство Великого Господина Кантена (Императора Китая) и Старую Тартарию».

Пустынная Тартария расположена между реками Танаис, Волга, Яксарт и горами Тапир, Себий и Имаус. «Она охватывает часть азиатской Сарматии и большую часть Скифии, что между горами Имаус. Она разделена на многочисленные Орды, среди которых важнейшие суть следующие: Заволжская, также называемая “ордой буларских тартар”, орды Казанская, Ногайская, Тюменская, Шилбанская, Казацкая, Астраханская, которую также называют “царством”, и Башкирская. Все они названы по имени городов. Их жители, ранее бывшие свободными, сейчас подчинены царству Московитов, кроме Тюмени, которая признает власть Великого Хама Катяна...

Последняя часть Тартарии – Старая Тартария, расположенная между реками Паропамис и Серик, или Китайским царством и Северным океаном, и проливом Аниан. Старой Тартарией ее называют потому, что именно отсюда пришло само имя “Тартар”... Здесь есть много провинций, или орд, названия которых нам почти неизвестны. Ученые люди считают, что страны Унг и Монгул суть Гог и Магог, о которых говорится в Священном Писании».

Европейский читатель о тартарах мог узнать также, что «это народ жестокий, дикий, и свирепого нрава... Тартары всегда верхом, они не пользуются повозками на войне, у них множество сильных лошадей, у них нет никаких городов, на защиту которых они использовали бы свои войска...

Жен они всегда прячут. Следуя указанию природы, по примеру древних, о которых говорится в Библии, им разрешается иметь несколько жен. У каждого (тартарина) много детей и наложниц; и чем больше у них жен, тем больше те их любят, и их браки счастливы. Они не стремятся жениться на богатых, или женищинах редкостной красоты, или из знатного дома. Очень часто знатные князья женятся на рабынях, которых они купили...»

О боевом облачении татар говорится следующее: «Они носят длинные халаты без складок, приспособленные для боя и езды верхом. Во время боя они надевают большие длинные остроконечные белые клобуки, сверкающие так сильно, что они повергают в ужас их врагов, даже, несмотря на то, что они не носят шлем...» В дополнение к текстам на карте Хондиуса представлена зарисовка «тартарского» быта: шатры, крупнорогатый скот, оседланный конь, повозка, а также вооруженные копьями воины.

Карта «Московии, или Белой России» Гесселя Герарда Герритса 1613 г. базируется в основном на подлинных русских чертежах XVI в.¹ К нашей теме имеет непосредственное отношение часть латинского текста, помещенного на обороте переграивровки 1614 г.: «Также под властью Великого Князя Московского в его империи находятся некоторые Азиатские народы, которые обитают в Тартарских степях и кочуют в составе своих орд: Заволочские и Казанские тартары, Ногайцы, Шейбаниды, Козаки, Астраханские тартары, которые некогда имели свое государство, а также Башкиры».

«Новейшая карта России в исполнении Исаака Массы» [Russiae, 1638], голландского путешественника и картографа, увидела свет в 1636 г. На ней также присутствует тартарский ономастикон. Земля, простирающаяся от Волги до истоков Оби называется «Tartariae Pars», в эту «часть» входят следующие территории и народы: Тунгусы, Самойеда, Байда, Обдора, Сибирия, Лукоморье, Югория, Пегая орда, Казан, Колмаки, Булгария, Нагай орда, Колмаки, Астракан. На запад от Астраканской земли – Nagayski, южнее Дикого Поля над Меотидой располагается «Крimea, или Тартария Пржекопская».

Европейские картографы традиционно отмечали на просторах европейской Тар-

¹ Hessel Gerard (Herrits). Tabula Russiae. Amsterdam. 1613. ГИМ, ГО-6523. Считается, что если карта Московии, использованная Герритсом, была вычерчена царевичем Федором Годуновым, который имел доступ к официальным секретным русским картам, в том числе и к «Большому чертежу», то карта Герритса – своего рода римейк несохранившейся графики Большого чертежа. См.: [Багров, 2005, с.258].

тарии «Царство Сибирское», «Царство Астраханское» и «Царство Казанское»¹.

«Генеральная карта Украины, или демонстрация земель, изображенных по новым данным...» Иоганна ван Кейлен (вторая половина XVII в.)² дает нам следующий материал по *Малой Тартарии*. Государство *Крымчаков*, или *Тартар Крыма* или *Перекопа* ограничено полуостровом *Таврикой*, на северной границе этого государства находится сторожевое поселение *Ор*, или *Перекоп*; южнее – показан ров (*Fossa*), соединяющий Каркинитский залив с Сивашем.

На карте реки Волги 1665 г. Адама Олеария³ на левобережье между городами *Soratof* и *Zariza* помещена большая миниатюра, на которой показан быт и нравы жителей этих степных земель – ногайцев и калмыков. Художник изобразил, как кочевые народы перевозят на верблюдах свои жилища-юрты; как они одеты; какие плоды произрастают на их земле (миниатюры диковинных для европейцев арбузов и дынь внушительных размеров); как выглядит конструкция юрты снаружи и внутри, и как в ней устроен очаг.

Татарский ономастикон на карте «Белая Россия, или Московия» 1688 г.⁴ Гийома Сансона составляют: *Крымские Тартары* и *Ногайские Тартары*. Кочевья последних находятся в области *Малая Тартария* (северный берег *Меотидского Болота*). *Чиркасские Тартары* на карте помещены между реками Дон и Кубань. *Мордовские Тартары* локализируются между городами *Морума* и *Алатер*. А от северо-восточного берега *Mar Caspio* до области *Тингу(т)ы* начинается территория *Великой Тартарии*.

Карта Николая Витсена, человека близкого к Петру I, является графическим дополнением к его труду «Северная и Восточная

Тартария», опубликованному в Амстердаме в 1692 г. В ее основу легли русские картографические материалы. Карта Витсена – первая реальная печатная карта Сибири, по своей информативности она превосходит даже русские чертежи той эпохи⁵.

Через всю Сибирь протянулась надпись: «Все Московское Царство с Великой Тартарией». *Черкесские Тартары* занимают левобережье р. Терек; *Тартары-Шафкали* – Дагестан; *Башкирские Тартары* живут к востоку от Саратова; *Нагайские Тартары* – между Царицыном и Саратовом, на левобережье Волги; *Уфимские Тартары* расположились от р. Камы до Саратова; *Великая Тартария* простирается от Селенги и Орхона до *Восточного Океана*; от Амура до Великой Китайской Стены.

XVIII в. При Петре I Россия далеко шагнула в области картографии. В Сибирском приказе уже к концу предыдущего столетия было накоплено несколько сот листов «чертежей», и в 1696 г. правительство озабочилось составлением новой карты Сибири. Во все сибирские города были отправлены указы, где воеводам предписывалось составление отдельных планов городов и местностей, которые потом должен был свести в один чертеж изограф и исследователь края Семен Ремезов. В 1701 г. он составил первый русский рукописный атлас Сибири (до наших дней дошел 1 экземпляр и 2 рукописные копии), состоящий из 24 карт и именуемый «*Чертежной книгой Сибири*» [Чертежная, 2003]. 23-й лист этой книги представляет собой первую этнографическую карту Сибири. Подробно показаны границы расселения племен, места обитания каждого этноса выделены цветовой маркировкой. В *Великой Тартарии* отмечено 87 различных народов! [Чертежная, 2003, т. 1, лист 23; т. 2, с. 143–144].

На европейских же картах и в век Просвещения Россию продолжали именовать, как и двести лет тому назад, «*Тартарией Московитов*».

«*Новая географическая карта великого Королевства Московии, представляющая южную часть*» Николая Висхера была изго-

¹ N. Sanson le fils. Etats du Czar ou Grand Duc de la Russie Blanche ou Moscovie. Paris. [Первая половина XVII в.] ГИМ, ГО-6363.

² Gerardus Valk et Petrus Schenk. Typus Generalis Ukrainae sive Palatinatum Podoliae, Kioviensis et Braczlaviensis terras nova delineatione exhibens. Amsterdam. Конец XVII в. ГИМ, ГО-2400/18.

³ Adam Olearius. Accurata delineatio Nobilissimi toti Eúropae flúminis Wolgae olim Rha dictae. Sculps Christ Rothiesser. (Шлезвиг). 1665 г. ГИМ, ГО-6171.

⁴ Gulielmo Sanson, Hubertus Jaillot. La Russie Blanche ou Moscovie. Paris. 1692. ГИМ, ГО-5712/25.

⁵ Nicolaas Witsen. Lant Kaarte, vant Oost Tartarie. Amsterdam. [Конец XVII в.] ГИМ, ГО-6068.

товлена в Амстердаме в 1706 г.¹ Поволжье от Нижнего Новгорода до Астрахани на карте названо «Московитской Тартарией» и состоит из: Царства Казанского, или Королевство Казан, Герцогства Булгар, Царства Астраханского, или Королевства Астрахан, которое включает в себя также земли Золотой Орды, или *Horde d' Or*, ограниченные реками Ахтубой и Ерусланом.

В Поволжье отмечены земли Народа Мордва, Черемиссы Луговой, или Равнинной, Черемиссы Нагорной, или Горной, Калмуков (кочевья между реками Иртыш и Самара); Орда *Orlokouri*, земли Великих Нагаев, или *Grand Nagay*, в которые включены земли *Метак* на правом берегу р. Еруслан (больше всего кочевых шатров изображено именно в землях Великих Нагаев); в низовьях Волги (правобережье) отмечены земли Гребенских казаков, а ниже находятся владения Тартаров Астраханских, или Ногаев.

На «Генеральной карте России» Анри Шателена 1714 г.² в Сибири к западу от Енисея расположены Самогезия, или страна Самоедов; Кондория; Ободрия; Лукоморье; Пестрая орда; Тюменские тартары и барабинские тартары.

Иоганн Баптист Хоманн изготовил в Нюрнберге в 1725 г. «Новейшую генеральную карту всей Российской империи, показывающую великую часть земного шара от Арктического полюса вплоть до Японского моря и северных границ Китая, а также недавнюю дорогу царских Послов из города Москвы через всю Тартарию в великую Китайскую Империю...»³. Источниками послужили русские картографические материалы. Следует подчеркнуть, что на этой карте впервые, вместо расхожего в Европе наименования «Московское царство», появляется название «Российская империя». Границы России показаны в соответствии с Ништадтским мирным договором. На юге Российская империя

граничит с Малой Тартарией; Черкесскими Тартарами; Аральским герцогством; многочисленными племенными объединениями Бродячих Калмыков; регионом Найда и Китайской Тартарией.

На карте Фацциуса 1769 г., отпечатанной в Бонне [Кордт, 1931, табл. 19], все земли за Окой, как и в XIV в., названы «Tartarie».

Проанализируем ряд карт из «Универсального Географического атласа первых географов Гийома Делиля и Филиппа Бюаши (Французской) Академии Наук...», изданного в Париже в 1789 г.⁴ Под номером 116 значится «Карта Тартарии... 1766», декорированная миниатюрами шатров и бытовыми сценами. В Малой Тартарии (Северное Причерноморье) преобладает народ Нагаи; земли Малых Нагаев, именуемых также Черными Нагаями, или Черными Тартарами, входят во Владения, зависящие от Кана Тартарского (водораздел Дона и Кубани); отмечены также Кубанские тартары; Азиатская Россия, или Русская Тартария, разделенная на *gouvernet* на западе и *province* на востоке. Границы Тартарии протянулись от реки Дон до Камчатского Моря, которое именуется также Море Лама; Независимая Тартария (от Арала до Гоби) включает в себя Калмуков Елюя, центр кочевий которого в виде шатров изображен по обоим берегам р. Или. В Независимую Тартарию входит также Казачья Орда (по берегам р. Сырдарья). Кроме того, отмечены Тюменские Тартары; Тартартуны (Северный Кавказ); Великая Тартария (от каракалпаков до народа гиляков, ниже южной границы России); Китайская Тартария (от области Халка до р. Амур). Центр *Tartarie Chinoise* расположен в Урге, или Поле. Рядом с миниатюрами шатров присутствует легенда: «На этом месте, или поблизости был Каракум – Столица Ченгискана». Север и северо-восток Тартарии Московитов омывают *Mer de Len*, *Mer d'Amour* – индикатор того, что

¹ Nicolas Visscher. Nouvelle Carte Geographique Du Grand Royaume De Moscovie Representant La Partie Meridionale... Amsterdam. 1706 г. ГИМ, ГО-2400/5.

² Henry Schatelen. Carte Generale des Etats du Czar, ou Empereur de Moscovie. Amsterdam. 1714. ГИМ, ГО-5944.

³ Iogann Baptist Homann. Generalis Totius Imperii Russorum Novissima Tabula. Norimberg. 1725. ГИМ, ГО-6368.

⁴ Atlas Géographique et Universel, par et Guil. Delisle Phil. Buaché Premiers Géographes de l'Académie des Sciences. Et par Dezauche Ingénieur Géographe, et Successeur des S-rs Delisle et Buaché. A Paris chez Dezauche rue des Noyers. Avec Privilège d'Auteur. Paris. 1789. Карта № 118 (1723); № 116 (1766); № 117 (1780); № 120 (1781 г.); № 119 (1785); № 114 – 115 (1788).

авторы были знакомы с русскими чертежами Сибири.

На замечательной карте Северного Причерноморья 1772 г. Рицци Дзаннони¹ показана граница между Россией и Турцией, установленная после русско-турецкой войны 1735–1739 гг., снабженная укрепленной линией, построенной в 1740 г. против набегов ногайских и очаковских татар, которая протянулась от крепости Ивановской на правобережье Днепра до крепости Старой Архангельской (22 укрепления!). На карте показаны многочисленные становища очаковских, буджакских и ногайских татар. На левобережье Днепра в *Земле Ногайских Татар* отмечены: *Орда Югури* (севернее Конских вод); *Орда Ивак* (верховья р. Крынка); *Орда Телиак* (верховья р. Ак Сую); *Орда Кжиджуит* (среднее течение р. Кара Дерези); *Орда Ногайская Ямбулук* (верховья р. Кара Дерези); *Орда Канглы Аргаклы* (западнее озера Куру-Гелю); *Орда Хаджи Керай* (в бассейне р. Хейян Дерези). На правобережье Днепра в *Земле Татар Озю-Кала* (очаковских татар) присутствуют: *Орда Мир-Али* (напротив крепости Богузин); *Орда Он-Чадыр* (верховья р. Румили Дерези); *Орда Казай-Мирзы* (близ озера Кук-Куйю); *Орда Ягы Запезаклы Ислам Керай* (в среднем течении р. Тана-Идель); *Орда Кротоякы* (истоки р. Салкан-Дере); *Орда Истра* (напротив крепости Степановской); *Орда Татар-Меджет* (напротив крепости Геремолейской); *Орда Генеviz* (истоки р. Тузлы); *Стан Кеви* (севернее впадения речки Грамоклейки в Ингул); *Орда Ирган Канглы* (напротив крепости Богоюл); *Орда Алах-Мирзы* (северо-восточнее Очакова); *Орда Исмаил-Мирзы* (близ устья р. Олю-Кагальниг); *Ногайская Орда Йедсаны* (у истоков р. Урманы-Идель). Близ этой кочевой ставки нарисована самая большая миниатюра кочевого города, в центре которого возвышается ханский шатер в окружении многочисленных шатров поменьше (12

штук), увенчанных полумесяцами. Западнее земель очаковских татар, за рекой Олу-Тели Гелю простираются земли Буджакской орды (*Budziak Tatarlerinugn*).

Рассмотрим уникальную карту Сибири – «*Новое географическое описание Великой Тартарии*» 1730 г.², составленную картографом с необычной судьбой. Шведский офицер Филипп Юхан Табберт фон Страленберг попал в плен под Полтавой в 1709 г. и находился в Тобольске с 1711 по 1723 г., получив свободу после Ништадтского мирного договора. В основу работы легли русские материалы. Русская топонимика дана в латинской транслитерации. В титуле карты выгравировано не стереотипное европейское написание «Тартария», а русский вариант – «Таттария»!

Насыщение карты топонимами не имеет прецедентов в западноевропейской картографической традиции. Показаны границы *Царства Казанского* и *Царства Астраханского*. Сибирь именуется *Сибирским Царством*. Средняя и Центральная Азия названы, как обычно, «*Великая Таттария*», на западе ее границу составляют низовья Волги и «*Астраханское Царство*», на востоке – эстуарий Амура. Перечислим земли и народы, населяющие «*Великую Таттарию*»: *Восточная часть Астраханского царства, Племя Кабдер, Яицкие козаки, Каракалпаки, Каракум, Аракум, Козачья Орда, Племя Джелчеклы, Племя Джусс, Племя Кунгат, Туркомания* (северная часть), *Белые Туркмены, Племя Кардери, Племя Джамакаю, Племя Мингастаган, Туркустан, Калмыки Елюя* (верховья Иртыша), *Джунгарские Калмыки, Дикие Киргизские Дикие Таттары, Племя Караган, Степь, или Иртышская Пустыня, Народы Канкагаи, народы Телеуты, Земля Куманда, Мула Гойа, Степь, или Пустыня Карангузаган, Алтайская Степь Тала, которая также именуется “Белой Долиной”, Провинция Камул, Мунгалы, Халка, Мунгалия, Безводная Пустыня Гоби, или как ее еще называют пустыня “Хамо”, Пустыня*

¹ Rizzi Zannoni. Carte des Frontières de Pologne depuis Balta jusques à la Riviere de Sina-Woda; contenant le Territoire des Kosaks de Human et de Zaporow; kes Deserts des Tatares d'Oczakow, de Bessarabie et du Nogai avec leurs Hordes telles qu'elles furent situées à la fin de 1767, par les ordres du Khan de Krimée... // Carte de la Pologne. London. 1772. ГИМ, ГО-170.

² Philipp Johann von Strahlenberg. Nova Descriptio Geographica Tattariae Magnae iam orientalis quam occidentalis in particularibus et generalibus Territoriis una cum Delineatione totius Imperii Russici imprimis Siberiae accurate ostensa. Stocholm. 1730. ГИМ, ГО-5951.

Тола, Монгольская Пустыня, Нивхия, Нивхи Картзин, Земля Гиляков, Юпи Таффары, Таргузинцы, Мунгалы Захар Найман. Близ каждого названия кочевого племени художник поместил миниатюры шатров.

В европейской части России и прилегающих к ней южных регионах живут: *Возуличи дикие, Сираены (Великая Пермь), Пермьяки, Вотьяки, Черемисы, Таттары Казанские, Мордва, Племя Юканское, Племя Тирса, Племя Сингран, Племя Салгат, Племя Джагатайское, Племя Бучзар, Племя Бигатин, Племя Айюглы, Племя Зелюр, Племя Катайск, Племя Назарамулы, Кипчаки, Великие Ногаи, Мамаева Степь, где находится ставка Племени Кабдерсай (в земле Великих Ногаев между Ахтубой и Яиком), Кубанские Тартары, Нагаи Малые (степи северного Приазовья). Кара Чиркассы* проживают близ *Куликова поля!* Насколько мне известно, это самое раннее упоминание данного топонима в картографии.

В 1745 г. Российской академией наук был издан *«Атлас российский, состоящий из 19 специальных карт, представляющих*

*Всероссийскую империю с пограничными землями»*¹. Лист № VII представляет *«Малую Татарю с пограничною Киевскою и Белгородскою Губерниями. Сия карта содержит лежащая около Днепра, Дону и Донца земли, також весь Крым и часть Кубани с Черным морем. Утверждается на вышереченном треугольнике, сочиненном между Киевом, Очаковым и Азовом, и на достоверных известиях о течении рек Днепра, Донца и Дону»*. Лист № IX демонстрирует *«Царство Казанское с окольными провинциями и частию реки Волги; содержит большую часть царства Казанского и ближния места по рекам Волге и Каме. Сия карта утверждается на треугольнике исчисленном между Москвою, Казанью, и Астраханью, также и на обретающихся в Географическом Департаменте о реке Волге достоверных известиях»*.

Топонимы «Великая» и «Малая Тартария», которые неизменно присутствовали на картах Европы вплоть до начала XIX в., свидетельствуют о том, что память об империи Чингиз-хана и государств – ее наследников не стерты неумолимым временем.

Глава 3. Историография татарских государств XV–XVIII вв.

§ 1. Отечественная историография

Илья Зайцев

Едва ли не первым крупным русским произведением историографического характера, посвященным истории Золотой Орды и русско-ордынским отношениям, стала так называемая «Казанская история» [Памятники, 1985]. Этот публицистический памятник был написан в 1564–1565 гг. и представляет собой беллетризованный рассказ, охватывающий время с монгольского похода на Русь (1237 г.) вплоть до падения Казанского ханства в 1552 г. После 1592 г. текст «Казанской истории» был переработан за счет замены последних пятидесяти глав о походе 1552 г. компиляцией из «Степенной книги» и летописных источников. Именно этот вариант памятника и дошел до нас в наибольшем количестве списков (всего списков первой и второй редакций памятника более 200). Согласно тексту сочинения, его автор, по происхождению русский, около 20 лет (с 1532

по 1551 г.) прожил в Казани как пленник. Как отмечают исследователи памятника, в тексте «Казанской истории» были использованы достижения всех известных на Руси к XVI в. литературных жанров и стилей, однако этот пестрый материал был подчинен одному художественному замыслу – показать победу над Казанским ханством как закономерный итог борьбы русских с ханами Золотой Орды и Казани. Вследствие этого реальные исторические события в тексте не только художественно трансформируются, но зачастую и намеренно искажаются

¹ Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями, сочиненной по правилам Географическим и новейшим обсервациям, с приложенною притом Генеральною Картою Великия всея Империи, старанием и трудами Императорской Академии Наук. СПб., 1745.

ся в угоду общей идее. Однако особенностью «Казанской истории» была не только главенствующая мысль о торжестве Российского государства и православия. В тексте памятника можно найти не только нотки сочувствия казанцам, но и прямое осуждение великих князей. Так, в главе о победе «Улу-Ахмета» над московским князем Василием автор «Казанской истории» пишет: «Так покорность и смирение пересилили и победили свирепое сердце нашего великого князя, дабы не преступал он клятву, даже если дал ее поганым... Ибо не только христианам помогает бог, но и поганым содействует». Многие идеи «Казанской истории» предопределили на долгое время пути развития русской историографии относительно Золотой Орды и татарских постордынских ханств.

Через сто лет после переработки «Казанской истории», в 1692 г. московский служилый человек Андрей Лызлов закончил текст своей «Скифской истории» – очень значимого русского памятника, в котором много места было уделено татарской истории. Основной идеей А.Лызлова также стала борьба христианской Европы с «восточной» агрессией. В «Скифской истории» эта мысль под влиянием польской историографии была модернизирована в концепцию борьбы с турками. Особое внимание в «Скифской истории» уделяется русско-татарским отношениям, которые Лызлов прослеживает со времени монгольских завоеваний Руси вплоть до 1506 г., когда, по его мнению, закончилось «иго». Сущность последнего А.Лызлов сводил к подданству, сбору дани и подсудности населения ханам: «...окаянный Батый по всем градам учинил своих властителей, их же называху баскаки, яко бы атаманы или старосты, иже всегда от оставльшихся христиан дань собирали и по изволению своему россианом христианом судили и повелевали» [Лызлов, 1990, с.27]. Основными его источниками в этой части были «Степенная книга» и «Синописис», однако А.Лызлов в той части своего труда, где речь шла о татарах, использовал и другие источники, в том числе и личные наблюдения [Богданов, 1990, с.403 и далее].

Весомый для своего времени вклад в изучение татарской истории внес В.Н.Татищев

(1686–1750). Именно он в своем незавершенном толковом словаре «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» (1744–1746 гг.; впервые опубликован в 1793 г.) в кратких статьях об Астрахани и Казани впервые попытался дать сведения об этимологии названий этих городов и их дорусской истории¹.

Одним из крупнейших русских «тюркологов-татароведов» XVIII в. был Петр Иванович Рычков (1712–1777). В августе 1744 г. П.И.Рычков завершил «Известие о начале и о состоянии Оренбургской комиссии по самое то время, как она комиссия целой губернией учинена, с некоторыми историческими и географическими примечаниями». Это сочинение в дополненном виде было издано в 1759 г. в академическом журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» под названием «История оренбургская по учреждению Оренбургской губернии...». В «Истории...» затрагиваются вопросы этногенеза и древней истории башкир, казахов, каракалпаков, калмыков; тема их отношений с Россией. П.И.Рычков дает краткое изложение истории городов и государств Средней Азии, а также ряд этимологий, в том числе этнонима «башкир». В 1750 г. он закончил другое свое сочинение под названием «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются, собрано в Оренбурге из книг турецких и персидских и по сказкам бывалых в тех местах людей к рассмотрению при сочинении обстоятельного о сих народах описания». Познакомившись с этой работой еще в 1749 г., В.Н.Татищев включил часть материалов из этого сочинения в первую книгу «Истории российской». Сам П.И.Рычков широко использовал «Краткое известие о татарах» при написании другого своего труда – «Топографии Оренбургской». Обширный материал по истории народов Поволжья он систематизировал в «Опыте Казанской истории древних и средних веков» (1767) и «Введении к Астраханской топографии» (1774).

¹ [Лексикон, 1793]. Следует отметить, что В.Н.Татищев впервые в русской науке составил краткий очерк о Коране, который был сделан «на уровне лучшего европейского ориентального знания того времени» [Арапов, 2000, с.213].

В XIX в. развитие историографии татарских государств связано как с именами классиков отечественной историографии, авторами крупных историй России, среди которых следует назвать прежде всего, Н.М.Карамзина (1766–1826) и С.М.Соловьева (1820–1879), так и с именами казанских историков К.Ф.Фукса (1776–1846), М.С.Рыбушкина (1792–1849), Н.А.Фирсова (1831–1896) и др.

Именно в это время зарождается и активно развивается такое важное направление, как публикация и критика татарских средневековых источников по истории ордынских юртов. Эта деятельность связана с именами А.К.Казембека (1802–1870)¹, И.Н.Березина (1818–1896) и особенно В.В.Вельяминова-Зернова (1830–1904) – автора «Исследования о касимовских царях и царевичах» (вышло в Санкт-Петербурге в 4 томах, 1863–1887), опубликовавшего также (совместно с Х.Фаизхановым) первый сборник оригинальных крымских дипломатических текстов.

Отдельный этап в изучении Крымского ханства связан с именем В.Д.Смирнова. Его двухтомный труд «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты» (1887, 1889) является классическим и до сих пор не утратил своей научной значимости. По словам самого В.Д.Смирнова, исследование не претендовало на то, чтобы «представить полную историческую картину Крымского ханства, а только свод тех известий, которые находятся в турецких письменных источниках, литературных и документальных, и которые могут или окончательно, категорически подтвердить факты, уже ранее констатированные наукой, но только предположительно, и без достаточных данных; или же пролить свет на явления, доселе пока мало выясненные; или же, наконец, обратить внимание на такие стороны исследуемого предмета, которые оставались вовсе незамеченными» [Смирнов, 2005, с.29].

В изучении крымских историографических текстов, а также османских сочинений, имеющих отношение к Крыму и состоит главная заслуга В.Д.Смирнова. Именно

он впервые обратился к одному из основных сочинений по истории Крыма XVI в. – «Истории хана Сахиб-Гирея». Поначалу в переводах отрывков из данного сочинения он использовал дефектный Санкт-Петербургский список (ныне в Отделе рукописей восточного факультета СПбГУ) [Смирнов, 1913, с.145; Некрасов, 1997, с.95]². Однако впоследствии привлек и старейший (1651) парижский. В.Д.Смирнов подготовил русский перевод этого сочинения, однако он не увидел свет. Помимо «Истории Сахиб-Гирея» В.Д.Смирнов был настоящим первооткрывателем целого ряда других крымских исторических текстов – прежде всего, так называемой «Краткой истории». В.Д.Смирнову принадлежит и название этого источника (сочинение не имеет оригинального названия). Это произведение было известно к тому времени в двух списках, и до сих пор большинство отечественных авторов, пишущих о Крыме, используют этот текст в отрывках-переводах, подготовленных В.Д.Смирновым. Ученому удалось также обнаружить еще один список анонимной истории, изданной к тому времени на французском языке Казимирским и Жобером. Он также обнаружил и издал в 1881 г. редкий текст, созданный около 1790 г. и содержащий краткий обзор истории ханства от его возникновения до XVII в. В сочинение было включено большое количество копий договоров и других официальных бумаг относительно Крыма, что позволило В.Д.Смирнову назвать его «Сборником». До настоящего времени известно только два списка сочинения (парижский и его Санкт-Петербургская копия, выполненная, вероятно, рукой Х. Фаизханова). Сочинение было издано В.Д.Смирновым по Санкт-Петербургской рукописи, причем текст исправлен и восполнен по Парижскому списку [Сборник, 1881]. Пользуясь рукописью Азиатского музея и манускриптом, принадлежавшему драгоману Российского генерального консульства С.И.Чахотину,

² Еще до В.Д.Смирнова к сведениям Реммала обратился Ф.Хартахай, однако он сочинение явно недооценил и, скорее всего, не знал о всех его списках и редакциях. В 1867 г. в одной из своих работ по истории Крыма он даже заметил: «Историческая литература крымских татар бедна» [Хартахай, 1867, с.157]. Ныне эти слова с полным основанием можно отвергнуть.

¹ Именно А.Казембек издал в 1832 г. в Казани одну из важнейших крымских хроник – «Семь планет в известиях о татарских царях».

В.Д.Смирнов переводит на русский язык и издает в «Русской старине» «Историю Крыма» Мехмеда Неджати [Смирнов, 1894]. Плодотворная деятельность В.Д.Смирнова, к сожалению, почти не имела продолжения на российской почве. В начале XX в. только А.Н.Самойлович продолжал заниматься крымским источниковедением, издав значимые заметки «Предварительное сообщение о новом списке сокращения «Семи планет» Мухаммеда Ризы» [Самойлович, 1913].

* * *

Отечественная историография истории татарских государств давно уже стала предметом самостоятельного изучения. Исчерпывающе охарактеризованы труды по истории Крымского ханства¹; Астрахани [Зайцев, 2006, с.4 и далее], Казани [Хамидуллин и др., 2012, с.92–113] и Ногайской Орды [Трепавлов, 2001, с.6–25], а также отдельные аспекты этой истории (например, отношения ордынских юртов с Османской империей [Зайцев, 2004а, с.11–48]).

§ 2. Зарубежная историография

Англо-американская историография тюрко-татарских государств XV–XVIII вв.

Булат Рахимзянов

История тюрко-татарских государств XV–XVIII вв. привлекала внимание зарубежных историков еще начиная с конца XIX – начала XX в. [Howorth, 1970; Curtin, 1908], однако усиление интереса к проблематике наблюдается начиная со второй половины XX в. Безусловно, это было связано с осознанием военной угрозы, исходящей от СССР. После известной речи, произнесенной 5 марта 1946 г. сэром Уинстоном Черчиллем в Вестминстерском колледже в Фултоне (США), СССР стал восприниматься как потенциальный противник для стран Западной Европы и США. Чтобы знать методы и средства борьбы с потенциальным противником, необходимо было знать и его историю, в том числе и средневековую. Именно поэтому зарубежная историческая наука в течение 1940–2000-х гг. уделяла значительное внимание истории Руси-России-СССР, в частности теме территориального расширения Российского государства. Пристальное внимание данная проблематика получила в США и Великобритании. Изучение истории внешней политики России и поиск ее преемственности с экспансионизмом внешней политики СССР стали одним из важных направлений исследования англо-американской русистики и советологии. Особо актуальной признавалась проблема восточной политики Московского государства в середине XVI в. [Пету-

хов, 2003, с.3]. Именно в контексте истории Руси-России, как правило, шло и изучение тюрко-татарских государств XV–XVIII вв.

Георгий Владимирович Вернадский, работавший в разные периоды его жизни в России, Европе и США, стал пионером изучения Касимовского ханства на Западе. В своем труде «Начертание русской истории» он датирует окончание монгольского владычества не 1480 г., а годом образования Касимовского ханства – 1452 [Вернадский, 1927, с.67–111]. Эта оригинальная мысль была многократно повторена в трудах зарубежных коллег.

Эдвард Л.Кинан, долгое время проработавший деканом отделения истории, профессором, директором Русского исследовательского центра (ныне Дейвис-центр) в Гарварде, затрагивает взаимоотношения между Московским государством и Казанским ханством в своей докторской (Ph.D.) диссертации «Московия и Казань, 1445–1552 гг.: исследование степной политики» [Keenan, 1965]. Отдельные ее части и концептуальные выдержки были опубликованы позднее в виде статей [Keenan, 1967;

¹ Западноевропейская и отчасти русская историография (досмирновская) была упомянута и проанализирована еще В.Д.Смирновым [Смирнов, 2005, с.29–31]. См. также: [Хорошкевич, 2001, с.34–72; Маврина, 2002, с.135–137; Прохоров, 1999, с.136–148].

Keenan, 1969; Keenan, 1964–1968; Keenan, 1986]. Диссертация была защищена в Гарварде в 1965 г. К сожалению, этот фундаментальный труд, показывающий недюжинную эрудицию и провокационный ум автора, а также глубокое знание им источников, так и не был опубликован.

Кинан правильно отметил, что доверять русским летописям в вопросе реконструкции политических реалий, царивших в отношении между Москвой и татарами, непродуктивно и даже ошибочно. Он обратил свое внимание на посольские дела как на документы, которые, по его мнению, были незаслуженно отброшены тенденциозными русскими и советскими историками как шедшие вразрез с излагаемыми ими (и авторами летописей) идеями. Автор акцентировал внимание на роли Ногайской Орды в позднезолотоордынском мире. По его мнению, именно ногаи являлись тем компонентом, который зачастую играл ведущую роль в отношении Казанского ханства, да и не только его, являясь средством военного устрашения и воздействия на соседей (как других татар, так и русских). Причиной этого была мощнейшая военная сила ногаев, сконцентрированная в их огромной коннице. Сквозь призму московско-казанских отношений автор показывает, по сути, все имевшиеся в позднезолотоордынском мире взаимосвязи, их образование, развитие и упадок. Кинан проводит мысль о том, что изначально отношения между Москвой и татарским миром были не враждебными, а вполне дружественными, и что вследствие этого именно Москва стала основным наследником «трона Саина», поглотив в дальнейшем другие «осколки» Золотой Орды. В завоевании Казани Москвой Кинан видит упадок кочевого общества в целом.

В большой дискуссии, развернувшейся в 1967 г. на страницах американского журнала «Славянское обозрение» («Slavic Review») по поводу взаимоотношений Москвы и Казани в Средние века, американский историк украинского происхождения, основоположник школы украинских исследований в Гарварде Омелян Прицак высказал интересные и крайне важные наблюдения по поводу изменения политического положения Касимовского ханства и всего позднезо-

лотоордынского мира в целом. Он считает, что вассальный статус Касимовское ханство приобрело не сразу при его образовании в середине XV в., а только после смены представителей династии Гиреев на потомков Ахмада [Pritsak, 1967, p. 579–580].

В этой же дискуссии участвовали Э.Кинан [Keenan, 1967], еще один американский историк украинского происхождения Игорь Шевченко [Sevcenco, 1967] и поляк по происхождению, гражданин США Ярослав Пеленски [Pelenski, 1967]. И. Шевченко отметил, что тезис Э.Кинана в отношении русских летописей верен лишь отчасти: их действительно непродуктивно использовать для реконструкции политических реалий XV–XVI вв. из-за их ангажированности, однако если мы хотим узнать, как происходила легитимация тех или иных событий со стороны Москвы, они вполне репрезентативны.

Ярослав Пеленски в своей статье «Имперские претензии Москвы к Казанскому ханству» [Pelenski, 1967] изложил идеи, позже развитые в его книге «Россия и Казань. Завоевание и имперская идеология» [Pelenski, 1974]. Им был проанализирован идеологический аспект взаимоотношений Московии и Казанского ханства. В своих работах историк опирался на анализ той базы источников, которая была так низко оценена Э.Кинаном, – московских летописей XV–XVI вв., а также литературных произведений и дипломатических документов периода. В трудах Я. Пеленски был поставлен вопрос о роли российского завоевания Казанского и Астраханского ханств в процессе складывания России как государства имперского типа [Петухов, 2003, с.15]. Основное внимание Пеленски уделяет теориям-претензиям Москвы на Казанское ханство, которые должны были обосновать и оправдать присоединение Казани к Московии, их классификации, сущности и теоретическому обоснованию, а также характеристике рождавшейся в России XVI в. официальной имперской идеологии [Петухов, 2003б, с.95, 160].

Что касается собственно истории татарских ханств, историк делает вывод, что политическая система Казанского ханства строилась по классической кочевой модели. Он избегает оценок Казани как государства «феодального» или «военно-феодального».

Впрочем, в этом автор не одинок – в англо-саксонской исторической традиции в целом ставится под сомнение наличие феодализма на территории Московского государства и его предшественников. В экономическом отношении американский исследователь рассматривает Казанское ханство прежде всего как центр международной транзитной торговли. Причиной падения ханства Пеленски видит несоответствие между кочевой моделью политической системы, внедренной на эту территорию извне, из Улуса Джучи, и оседлым образом жизни основной массы населения ханства, унаследованным от Волжской Булгарии.

Ученица Э. Кинана профессор университета Майами Джанет Мартин касается истории тюрко-татарских государств в их взаимосвязи: история Казанского, Крымского и Касимовского ханств, а также Московского государства выступают у нее как компоненты истории политического союза «Степи», т.е. всех наследников Золотой Орды. По сути, автор развивает мысли своего учителя на более широком фактическом материале, с привлечением источниковых доказательств своей концепции. Как и у Кинана, делается упор на «дружественности» отношений Москвы с татарским миром. Этим проблемам посвящены ее статьи «Отношения Москвы с Казанским и Крымским ханствами (1460–1521 гг.)» и «Московская политика фронта: случай Касимовского ханства» [Martin, 1983; Martin, 1992]. Также автор касается истории татарских ханств в своей большой монографии «Средневековая Россия, 980–1584 гг.» [Martin, 1995].

Американский автор Роберт Кроски в 1987 г. выпустил монографию «Московская дипломатическая практика в период правления Ивана III» [Croskey, 1987], которая изначально была защищена им как докторская (Ph.D.) диссертация в 1980 г. в известном своими исследованиями средневековой истории России университете Вашингтона в Ситтле. Научным руководителем диссертации был известный медиевист Дэниел Во (Daniel Waugh). Идеи диссертации были ранее изложены автором в статье «Дипломатические формы взаимоотношений Ивана III с крымским ханом» [Croskey, 1984]. Основная идея как книги, так и статьи – дипломатические

документы периода недвусмысленно говорят нам о том, что ни о каком «равенстве», «братстве», «партнерстве» в отношениях между указанными правителями не может быть и речи – крымский хан был однозначно как статусно (в рамках «правовых» норм позднезолотоордынского пространства той эпохи), так и фактически (в военном отношении) выше московского правителя. Идеи автора в основном почерпнуты из книги М. Усманова [Усманов, 1979], о чем он сам сообщает в тексте книги, однако творчески развиты на материале периода Ивана III.

Историк Л. Коллинз в основательной статье «По поводу утверждаемого «разгрома» Большой Орды в 1502 г.» [Collins, 1991] выдвигает совершенно справедливую мысль о том, что как такового «разгрома» Большой Орды (государство, которое в т.н. «западной» историографии принято называть «Великой Ордой», что точнее в плане аналогий с «Золотой Ордой» – Улусом Джучи) не было. Произошла лишь смена ветвей династии с изначально «сарайской» на крымскую, и переход властных регалий и улусов от большеордынского к крымскому хану. Данная мысль вполне обоснована всей логикой позднезолотоордынской истории XV–XVI вв.

Крейг Кеннеди затрагивает историю позднезолотоордынского мира в своей докторской (Ph.D.) диссертации «Джучиды Московии: изучение персональных связей между знатными татарскими эмигрантами и московскими великими князьями в XV–XVI веках» [Kennedy, 1994]. Она была защищена в Гарварде в 1994 г. Основные идеи диссертации были изложены им годом позже в рамках небольшой статьи [Kennedy, 1995]. Научным консультантом являлся Эдвард Л. Кинан: его научное влияние постоянно ощущается в работе. Как и диссертация Кинана, этот достаточно серьезный труд, показывающий глубокое знание автором русских (и не только) источников, так и не был опубликован. Автор, вслед за Э. Кинаном, отказывается летописям в репрезентативности: его труд построен на анализе опубликованных дипломатических документов. Основное внимание Кеннеди сосредоточил на рассмотрении эволюции «политической мощи» Московии на протяжении XV–XVI вв., показывая ее развитие

сквозь призму дипломатических отношений московского нобилитета, в первую очередь московского великого князя, с татарскими выходцами (как фактическими, так и потенциальными) на московской службе. В работе имеются важные наблюдения по поводу взаимоотношений татарских государств как между собой, так и с Московией. Труд весьма полезен читателям при комплексном изучении геополитической и социокультурной ситуации в Евразии в указанный период.

Доналд Островски, работающий в Гарвардском университете, в 1998 г. опубликовал провокационную монографию «Москва и Монголы: межкультурные влияния на степной границе, 1304–1589 гг.» [Ostrowski, 1998], концептуальные построения которой были приняты далеко не всеми исследователями, работающими на поле средневековой истории России. Основные идеи монографии были им изложены восемью годами ранее на страницах журнала «Slavic Review» [Ostrowski, 1990]. Написанная на хорошем источниковом материале и предлагающая альтернативные взгляды на многие проблемы, она в числе прочих рассматривает и вопросы, связанные с татарскими средневековыми государствами. Однако данная проблематика для автора не была первостепенной. Островски больше занимали вопросы влияния татарского мира на формирование московской государственности. Д. Островски считает переселенцев из татарских ханств, в совокупности с двором великого князя, основным источником татаро-монгольского влияния на Русь [Петухов, 2003б, с.98]. Заимствование у монголов системы управления было вызвано частыми поездками московских князей в Сарай. По мнению Островски, «светская администрация продолжала рассматривать практику степных ханств как образец даже после 1502 г., когда Кыпчакское ханство (Золотая Орда. – *Б.П.*) признала суверенитет крымского хана».

Профессор университета Лойола в Чикаго Михаил Ходарковский, получивший базовое образование в СССР, затрагивает историю позднелазотоордынских государств в совокупности в своей работе «Степная граница России: создание колониальной империи, 1500–1800 гг.» [Khodarkovsky, 2002], одна из глав которой была им опубликована как

большая статья «Приручая Дикую Степь: южная граница Московского государства, 1480–1600 гг.» [Khodarkovsky, 1999]. Автор попытался перенести концептуальные разработки так называемых Colonial Studies (колониальные исследования), принятые и признанные в «западной» историографии, на почву взаимоотношений Московии с татарским миром в XV–XVIII вв. Это ему не очень удалось, что отмечалось в рецензии В.В.Трепавлова [Трепавлов, 2003]. Фактографическая часть работы «хрестоматийна» (В.В.Трепавлов), т.е. не содержит ничего принципиально нового; в плане же мыслей автора по поводу изначальной невозможности мирного сосуществования между Степью и Московским государством в Средние века с М.Ходарковским можно поспорить, хотя его аргументы и имеют право на существование. Сильной стороной работы является попытка систематизации связей Москвы с татарским миром в указанный период.

Итак, период с начала 1950-х гг. характеризуется началом научных штудий интересующей нас проблематики зарубежными исследователями. Американские и английские историки рассматривали историю позднелазотоордынских государств преимущественно в контексте взаимосвязей с Московским государством, а именно истории российской имперской и колониальной экспансии, которую они начинают с завоевания Казани и Астрахани в середине XVI в., в некоторых трудах – с аннексии Новгорода в 1478 г.

Американские историки, бывшие в разное время аффилированными с Дейвисовским центром в Гарвардском университете (ранее Русский исследовательский центр) (Э.Кинан, Я.Пеленски, О.Прицак, Р.Пайпс, Д.Островски и др.), историю позднелазотоордынских государств рассматривали в тесной связи с проблемой происхождения российской государственности. В их работах 1960–1980-х гг. был сделан акцент на монголо-татарском и византийском наследии в политической истории Московского государства XV–XVI вв. Данные исследователи опирались преимущественно на анализ первоисточников, а не на работы русских историков XIX в., иногда фактически выступающие как источники для некоторых зарубежных коллег. В методологическом плане они испытали влияние школы исторической

антропологии, что выразилось в их акценте на выявлении особенностей изучаемой культуры и подходе к источнику как продукту культуры [Петухов, 2003, с.15]. В работах данной группы историков был выдвинут тезис о принадлежности Московии XV–XVI вв. к системе государств-наследников Золотой Орды и ее причастности к татаро-монгольской политической культуре. По мнению этих историков, московские князья рассматривали себя в этот период в качестве наследников золотоордынских ханов.

В вопросе завоевания Казанского и Астраханского ханств Россией в англо-американской историографии имеются две основные позиции, которые отражают две разные модели русско-татарских отношений [Там же, с.18]. Первая модель подчеркивает враждебность отношений русских и татар в XV–XVI вв., обусловленную наследием монголо-татарского ига и религиозной разницей двух сторон. Согласно этой модели, отношения между татарскими ханствами и Россией были в целом враждебными, а территория Поволжья на протяжении рассматриваемого периода представляла собой объект русской экспансии. Первый шаг к установлению русского господства в Среднем и Нижнем Поволжье был сделан еще по меньшей мере в середине XV в. с основанием Касимовского ханства, к началу же XVI в. Казанское ханство уже представляло

собой московский протекторат. Обострение в первой половине XVI в. борьбы с Крымом подтолкнуло Российское государство к проведению активной завоевательной политики на своих восточных рубежах. Российское завоевание Казанского и Астраханского ханств стало закономерным результатом длительной политики экспансии на востоке [Там же].

Согласно второй модели, отношения Российского государства и татарских ханств были основаны не только и не столько на религиозной и национальной вражде, сколько на прагматизме и взаимопонимании, обусловленном принадлежностью обеих сторон к одной политической культуре. Это отнюдь не исключало военных конфликтов между ними. Однако эти конфликты были вызваны преимущественно экономическим и политическим соперничеством государств-преемников Золотой Орды, главную роль среди которых с конца XV в. играли Москва и Крым. Распад московско-крымского союза в начале XVI в. привел к ожесточенной борьбе между московскими князьями и крымскими Гиреями за главенство на пространстве бывшей Золотой Орды, созданию теоретической базы, обосновывавшей претензии московских правителей, и, в конечном счете, к российскому завоеванию Казанского и Астраханского ханств в 50-е гг. XVI в. [Там же, с.18–19].

Немецкая историография

Марат Гатин

В зарубежной исторической науке германская историография занимает особое положение. Интерес к татарской истории уже обнаруживается у таких известных средневековых историков Германии, как Иоганн (Ханс) Шильтбергер¹ и Сигизмунд фон Герберштейн². На протяжении столетий немецкой исторической науке, по крайней мере, до 70-х гг. XX в. на Западе принадлежало лидерство в исследовании вопросов, связанных с историей татарских государств.

Начало научного изучения проблем истории Золотой Орды и государств – ее наследников было положено в 1826 г., когда Российская Императорская академия наук предложила ученым представить на конкурс работу о монголо-татарских завоеваниях. Академией была получена работа австрийского востоковеда Й. Хаммера фон Пургшталя [Hammer-Purgstall, 1840].

С именем профессора Берлинского университета А. Эрмана было связано основание в 1841 г. специального органа для изучения России (Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland). В 1841 же г. в Берлине, а на следующий год и в Бреслау были

¹ См. русский перевод: [Путешествия, 1867] (перевод осуществлен с издания: Schiltberger J. Reisebuch. Tübingen, 1858).

² См. русский перевод: [Герберштейн, 1988].

основаны кафедры по изучению славянских языков, что послужило для некоторых исследователей поводом отнестись зарождение «остфоршунга» к середине XIX в.

Немецкий термин «*Ostforschung*» означает в переводе буквально «востоковедение», но принимается в немецкоязычной науке к изучению не Востока вообще, а только европейских стран, расположенных к востоку от Германии. Естественной аналогии в русском языке термин «остфоршунг» иметь не может, так как, с одной стороны, к востоку от России нет европейских стран, а с другой – немецкий термин исторически сложился с двойной спецификой: изучение, как стран Восточной Европы, так и немецких национальных меньшинств в этих странах.

В 1845 г. в Лейпциге было организовано «Германское восточное общество» («*Deutsche Morgenländische Gesellschaft*»), которое стало издавать свой «Журнал Германского восточного общества» («*Zeitschrift für Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*»), где время от времени публиковались статьи, связанные с татарской проблематикой¹.

Крымская война (1853–1856) вызвала особый интерес к проблемам истории русско-крымско-татарских и русско-турецких отношений [Schuselka, 1854; Mundt, 1855; Ders, 1855; Hammer-Purgstall, 1856]. В этих работах исследователи характеризовали Россию в целом как агрессивное государство, трагически описывали гибель Крымского ханства.

Раздел Азии между европейскими империями в конце XIX в. обусловили появление нового интереса к татарской истории. К рубежу XIX–XX вв., когда германский империализм осознал необходимость в идеологическом обосновании своей агрессивной политики, консервативные немецкие историки были заняты созданием образа России как потенциального врага и возможного объекта экономической эксплуатации. Именно к этому времени оформилось научное направление – «остфоршунг».

В этот период вышла работа профессора Берлинского университета А.Брюкнера

«История России до конца XVIII века» [Brückner, 1896]. Главной чертой истории России А.Брюкнер считал борьбу с внешними культурными влияниями. Он впервые последовательно развил идею дуализма Европы и Азии, Запада и Востока, рассматривал их «борьбу за душу России».

В 1913 г. возникло «Германское общество по изучению России» (переименованное после Первой мировой войны в «Германское общество по изучению Восточной Европы» («*Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde*»)). В предвоенные годы вышли работы Н.Эрнста, посвященные отношениям Польши, Великих княжеств Литовского и Московского с Крымским ханством [Ernst, 1911; Ders, 1913, S.1–58].

Несмотря на поражение Германии в Первой мировой войне в 1920-х и начале 1930-х гг., постоянно возрастало число организаций и институтов «остфоршунга». С 1922 г. в Висбадене начали выходить «Урало-алтайские ежегодники» («*Ural-Altäische Jahrbücher*»), посвященные филологии, истории и культуре урало-алтайских народов².

Новым этапом в развитии немецкой историографии стал приход к власти в стране А.Гитлера и национал-социалистов. Большинство историков рассматривало национал-социализм как радикальное выражение национальных немецких традиций. Поэтому они не видели особых причин для отказа от сотрудничества с новым режимом.

В годы нацизма для немецких историков была характерна такая деятельность, как подготовка специалистов для будущей работы на оккупированном Востоке и пропагандистская помощь перед началом фашистской агрессии. Так, например, в 1935 г. вышла работа М.Фасмера, посвященная этнографии и истории мери и марийцев [Vasmer, 1935]. В исследовании представлен довольно подробный материал об административно-территориальном расселении марийцев, а также о влиянии на них татар.

В национал-социалистической теории многие народы Восточной Европы относились к категории «унтерменш» («*Untermensch*» с немецкого дословно можно перевести как «недочеловек»), которым

¹ См. полнотекстовые номера журнала на сайте: <http://menadoc.bibliothek.uni-halle.de/dmg/periodical/structure/2327>.

² См. содержание номеров ежегодника: <http://s-u-a.de/jahrbuecher.html>

приписывались чаще монголоидные черты. Отсюда следовало, что славяне стали «недочеловеками» из-за многовекового господства монголов и татар (оба народа в нацистской литературе практически всегда выступали как синонимы).

С конца 1930-х гг. ведущим исследователем татарской истории в Германии, да и вообще на Западе становится Б.Шпулер, защитивший в 1938 г. докторскую диссертацию «Монголы в Иране» [Spuler, 1939]¹. Отношение к татарам в «III рейхе» по ходу войны постепенно менялось, с 1942 г. наметился серьезный интерес к истории тюркских народов СССР. В разгар ожесточенных боев на Восточном фронте в 1942 г. вышла работа Б.Шпулера «Идель-Урал» [Spuler, 1942]. В этой книге, вышедшей с грифом «Только для служебного пользования», содержались сведения по истории народов Волго-Уральского региона. Особое внимание уделялось истории татарских государств и русско-татарским взаимоотношениям. В 1943 г. вышла в свет книга Б.Шпулера «Золотая Орда. Монголы в России, 1223–1502 гг.» [Ders, 1943]. Второе, расширенное издание вышло в 1965 г.: [Spuler, 1965]. В работе Б.Шпулер описал внутреннюю и внешнюю политику, административное устройство, государственный аппарат и культуру Улуса Джучи, представлена также подробная генеалогия золотоордынских ханов. Центральное место в книге занимают положения о взаимопроникновении номадизма и оседлости, симбиозе кочевых структур Улуса Джучи с оседлым обществом Руси. Список литературы насчитывает более 600 работ, автор использовал тюрко-татарские, арабские, персидские, русские, византийские, грузинские, литовские, польские и венгерские источники. Помимо политической истории Б.Шпулер рассматривает религиозные отношения, государственный строй, право, военное дело, экономику, науку, искусство, питание и одежду татар.

В конце 1943 г. «тотальная война» привела к закрытию большинства научных изданий, историческая наука практически прекратила свое существование до окончания Второй мировой войны.

Новый интерес к татарской истории, возникший в послевоенное время, был в первую очередь продиктован политическими устремлениями. Немецкие историки нередко видели в своих работах по истории России одно из средств политической борьбы против идеологии коммунизма. Немалая роль при этом отводилась медиэвистике. В русской истории искали корни большевизма. Эти корни часто находили и в татарском влиянии на историческую судьбу России.

В 1949 г. в Штуттгарте было воссоздано «Германское общество по изучению Восточной Европы». Главным печатным органом общества является журнал «Восточная Европа» («Osteuropa»). Кроме того, как при университетах, так и самостоятельно стали возникать институты Восточной Европы.

С конца 1950-х гг. в Западной Германии наблюдалось дальнейшее развитие ориенталистики. Востоковедческие отделения, кафедры или семинары открылись почти при всех университетах. В эти годы проводится работа по составлению единого центрального каталога библиотечных востоковедческих фондов. Ученые активно участвуют в подготовке многих важнейших энциклопедий и справочных изданий, в таких, например, как «Энциклопедии исламика» или «Philologiae Turcicae Fundamenta».

В 1961 г. вышла в свет работа Э. Саркисянца «История восточных народов России до 1917 года», в которой главное внимание уделено истории народов до вхождения в состав Российского государства [Sarkissjanz, 1961].

В 60-е – первой половине 70-х гг. XX в. в связи с открытием новых университетов почти в три раза увеличилось число профессоров и других преподавателей истории. В эти годы появилось специальное международное серийное издание – «Средневековая Русь» («Russia mediaevalis»). В это время выходит множество работ, среди которых необходимо отметить исследование Б.Шпулера по истории Средней Азии [Spuler, 1966, S.123–310], перевод «Казанской истории» на немецкий язык Ф.Кемпфера и его же монография, посвященная советской историографии завоевания Казанского ханства [Historie, 1969; Kämpfer, 1969, S.7–161].

¹ Второе издание вышло в Западном Берлине в 1955 г., третье в 1968 г., четвертое в 1983 г. Работа была переведена на турецкий и персидский языки.

С конца 1970-х гг. в ФРГ начал выходить обобщающий труд по русской истории – «Очерки русской истории» («Handbuch der russischen Geschichte»). По замыслу составителей многотомное издание должно было представить связанную картину русской истории от древности до современности. В серии вышли все наиболее крупные работы этого времени по истории русского Средневековья, где подробно рассматривались русско-татарские отношения – труды К Герке, Х Рюсса и Г.Штекля [Handbuch, 1982].

В 1982 г. была опубликована крупная работа швейцарского историка, профессора Кельнского университета А.Каппелера, посвященная взаимоотношениям Российского государства и народов Среднего Поволжья в XVI–XIX вв. [Karpeier, 1982]. Автор в своем исследовании описывает золотоор-

дынский период истории Среднего Поволжья, анализирует характер взаимоотношений Казанского ханства и Московской Руси. Подробно останавливается на завоевании и присоединении татарского государства к России.

Объединение Германии в 1990 г. стало началом нового этапа в развитии немецкой историографии. Интерес к российской истории принял характер взрыва. Однако сегодня, когда окончилась «холодная война» и произошло ослабление правопреемника СССР – Российской Федерации на международной арене, когда взаимоотношения федерального центра с Татарстаном потеряли свою остроту, ситуация привела к тому, что в начале XXI в. интерес немецкой исторической науки к проблемам истории татарского народа стал снижаться.

Турецкая историография

Ильяс Мустакимов

В центре внимания большинства турецких исследователей, занимающихся историей тюрко-татарских юртов, традиционно находится история Крымского ханства и его взаимоотношений с Османской империей [Acar, 2013f; Ahmet, 1940; Arslangiray, 1959; Aziz, 1938; Ertaylan, 1958; Gökbilgin, 1973; Gözaydın, 1948; Hasan, 1932; Kurdoğlu, 1937; Ortekin, 1938; Özcan, 2006; Sabit, 1934; Togan, 1999; Ülküsal, 1980; Ürekli, 1989].

Среди турецких исследователей истории Крымского ханства и османско-крымских отношений выделяются работы Х. Иналджика, рассматривающего эти проблемы на широком фоне истории Османской империи [İnalçık, 1944; İnalçık, 1948; İnalçık, 1985; İnalçık, 1986].

Отдельные вопросы взаимодействия Крымского ханства с Османской империей рассмотрены в работе Ю.Озтюрка, посвященной административной и социально-экономической истории Кафинского сандажа (позднее – эялета) [Öztürk, 2000].

Есть ряд работ научного и научно-популярного характера и по истории других тюрко-татарских государств. Турецкий филолог и историк казанско-татарского происхождения А.Баттал Таймас является

автором книги, излагающей краткую историю казанских татар, в том числе периода Казанского ханства, в основном на основе известных источников [Battal, 1966; Battal, 1988; Баттал, 1996]. В последние годы выходят работы турецких исследователей, посвященные и другим тюрко-татарским государствам [Alpargu, 1996; Nogay, 1997; Topsakal, 2011; Koç, 2012; Acar, 2008; Acar, 2013a; Acar, 2013b; Acar, 2013c; Acar, 2013d; Acar, 2013e].

Особое место в турецкой историографии тюрко-татарских юртов занимают работы российских эмигрантов Заки Валиди Тогана и Акдеса Нимета Курата.

Привлекая широкий источниковый материал, З.В.Тоган в своих работах создал широкую панораму истории тюркских народов с древности до начала XX в. Особую важность его исследования представляют с точки зрения изучения истории Джучиева Улуса и тюрко-татарских государств. З.В.Тоган, опираясь на имевшиеся в его распоряжении или открытые им в древлехранилищах Турции источники, приводит ценные сведения по истории постордынских юртов [Togan, 1965; Togan, 1981a; Togan, 1981b; Туған, 1994].

А.Н.Куратом в научный оборот введен пласт уникальных документов по истории Золотой Орды и Большой Орды [Kurat, 1937; Kurat, 1940], рассмотрено место Крымского ханства в системе османско-русских отношений [Kurat, 1966], составлены очерки по истории некоторых тюрко-татарских государств Восточной Европы [Kurat, 1954; Kurat, 1972; Kurat, 1976].

Значимый вклад в изучение истории тюрко-татарских государств внесли работы французских исследователей А.Беннигсена, Ш.Лемерсье-Келькеже, Э.Каррер д'Анкос, Ж.Вайнштейна, М.Бериндея и др. В 1960-х гг. ими были исследованы документы ту-

рецких древлехранилищ – Османского архива при Премьер-министре Турции, архива и библиотеки Музея дворца Топкапы [Трепавлов, 2009б]. Результатом их изысканий стала серия публикаций, посвященных международным отношениям в Евразии XV–XVIII вв.¹, а также сборник документов «Крымское ханство по архиву Музея дворца Топкапы» [Le khanat, 1978]. В научный оборот были введены источники, содержащие важные сведения о внешней политике и торгово-экономических связях Османской империи, тюркских государств Восточной Европы и Центральной Азии, России и соседних стран.

Польские исследования польско-литовских татар

Анджей Закжевски

Первым польским исследователем литовских татар был Тадеуш Чацки, который в 1810 г. опубликовал работу «*O татарах*», в дальнейшем несколько раз перепечатанную [Czacki, 1845], раньше же он посвятил татарам небольшой фрагмент своего основного труда «*O литовских и польских правах*» (Варшава, 1800). Однако это были работы почти любительские. Серьезный же вклад в исследования внес ориенталист, профессор университета в Петербурге Антони Мухлинский. В первой работе, первоначально лекции во время годовичного торжественного акта в годовщину открытия этого университета 8 февраля 1857 г., представил историю поселения татар и их правовое состояние с XIV в. по современность. Достоинством работы было прибавление нескольких источников, не только летописей, но и переводов парафразов Корана на языки польский и белорусский – арабским алфавитом [Мухлинский, 1857, с.70]. Во второй же диссертации впервые представил великолепный источник: рассказ неизвестного литовского татарина с 1558 г., который должен был описать султану ситуацию литовских мусульман [Muchliński, 1858, № 4, 5, 6]. Только недавно наука начала сомневаться в оригинальности этого источника [Rowell, 1998, с.127–132; Łapicz, Jankowski, 2000, с.25, прим. 30; Drozd, 2000, с.16].

Век XIX принес несколько не критических работ, которые в науку ничего не внесли. Новый же импульс принесло возникновение независимого польского государства. Татары организовались, начали тоже издавать несколько журналов, среди которых самым серьезным был «*Rocznik Tatarski*» («Татарский ежегодник»), его три тома принесли серьезное количество материалов по истории татарских поселений в давней Речи Посполитой. Последний том содержал первый синтез: «*Литовские татары. Попытка историко-этнографической монографии*» – работу варшавского исследователя Станислава Крычинского [Kruczyński, 1938], происходившего, кстати, из татарской семьи. До сих пор эта работа незаменимая, поэтому дождалась перепечатки (Гданск, 2000), а также литовского перевода (Вильнюс, 1993). Важные работы, посвященные им, приносил также иногда «*Ateneum Wileńskie*» («Вильнюсский атеней»), журнал, издаваемый в Вильнюсе, посвященный прошлому исторической Литвы. Там же Станислав Дзядулевич издал в 1929 г. гербовник литовских татар [Dziadulewicz, 1929], работу, возможно, и не выдающуюся, но на долгие годы единственную.

Период после Второй мировой войны долгое время не отмечался ничем особен-

¹ Перевод ряда статей см.: [Восточная Европа, 2009].

ным. В начале 80-х гг. XX в. начал много публиковать Петр Боравски, а его действительно оригинальной работой была диссертация о татарских хоругвях, следующие работы имели, скорее всего, компилятивный характер [Borawski, 1986] и были основаны на довоенной литературе. Нельзя, однако, отказать им в популяризаторской ценности: опубликованные большими тиражами, они широко распространяли знания о прошлом татарского населения в давней Речи Посполитой. В некоторой степени переломной была работа Яцека Собчака о правовом состоянии татар в Великом княжестве Литовском [Sobczak, 1984]. В ней представлен критический подход к некоторым постоянно повторяемым взглядам и указывается их неосновательность. Научная полемика, которая разгорелась вокруг нее, хорошо послужила исследованиям: главный полемист Петр Боравски соединил свои силы с отличным знатоком архивов – Витольдом Сенкевичем [Borawski, Sienkiewicz, 1986, № 1; Sobczak, 1987, № 2].

Петр Боравски и Витольд Сенкевич вместе с Тадеушем Василевским издали неопубликованный источник: пересмотр татарских имений в Литве от 1631 г., представляющий усадьбы, имения, мечети и обязанности тамошних мусульман [Borawski, Sienkiewicz, Wasilewski, 1991].

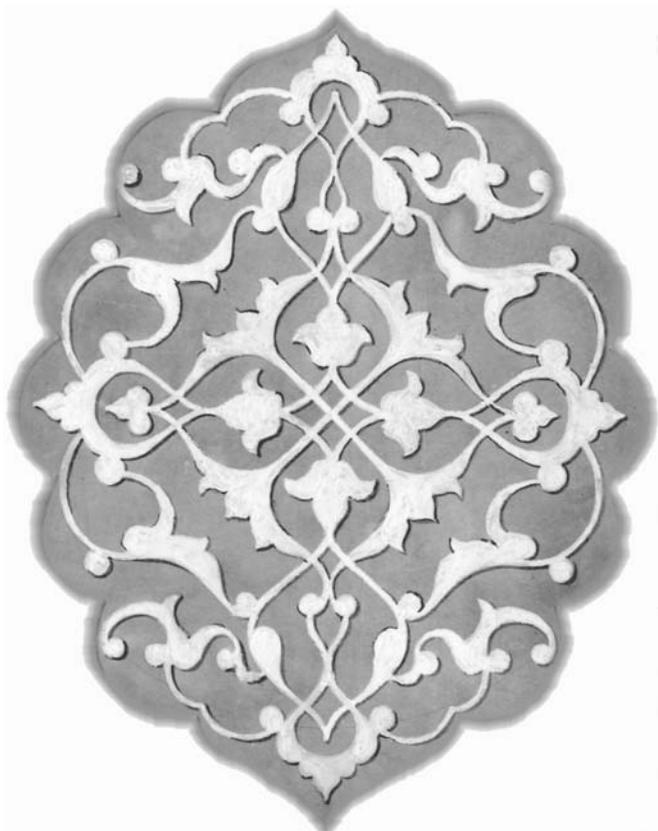
Следующей серьезной работой была работа Яна Тышкевича о татарах как в Поль-

ше, так и в Литве [Tyszkiewicz, 1989]. Этот исследователь представил несколько источников XVI в., между прочим касающееся татар письмо султана Мурада III королю Речи Посполитой от 1591 г. [Tyszkiewicz, 1987, с.75–97]. Можно сказать, что история поселения, имущественное и правовое состояние мусульман – в основном исследованы. Последним словом науки является очерк Адама Монюшко о правовой культуре татар в Речи Посполитой [Moniuszko, 2009]. Татарин Артур Конопачки дал недавно интересный образ религиозной жизни мусульман, особенно в XIX в. [Konopacki, 2010]. Везде, однако, можно ожидать исправлений.

Особенно интересные перспективы имеют исследования культуры литовских мусульман. Пионером на польской почве был Чеслав Лапич, который разработал язык одной из татарских рукописей (китаб) [Łapicz, 1986], дальше издал – вместе с ориенталистом Генриком Янковским – этот памятник [Łapicz, Jankowski, 2000]. Три исследователя разработали каталог татарских рукописей [Drozd, Dziekan, Majda, 2000]. Интересных результатов добился Генрик Янковски, поставивший под сомнение существовавшие до сих пор взгляды, касающиеся языка, которым пользовались мусульмане в давней Речи Посполитой [Jankowski, 2003]. Это может привести к новому пониманию истории поселения и контактов с Турцией.

Раздел I

**Формирование
позднесолотоордынских государств**

ГЛАВА 1

Борьба за передел золотоордынского политического наследия

§ 1. Предпосылки и особенности дезинтеграции Улуса Джучи

Искандер Измайлов, Дамир Исаков, Вадим Трепавлов

В первой половине XV в. Улус Джучи вступил в стадию необратимого распада и образования на его месте новых государств. Причины этих процессов коренились в особенностях политического и социально-политического развития государства на протяжении предыдущего столетия. В пору своего расцвета Улус Джучи представлял собой средневековую империю с жесткой иерархической структурой управления провинциями и покоренными народами, слаженной машиной подавления любого недовольства. Все это требовало содержания огромного штата чиновников, а частые войны на границах, междоусобицы и мятежи аристократии – наличия огромной и боеспособной армии, что тяжким грузом ложилось на население страны. Однако во второй половине XIV в. перед Улусом Джучи встали сложные проблемы, и он должен был претерпеть изменения, чтобы соответствовать требованиям времени.

Каковы были основные черты этого «вызова»? В советской историографии наиболее распространенным объяснением распада Золотой Орды был рост сепаратизма отдельных феодалов, чье стремление к власти разорвало страну на враждующие области. Механизм этого процесса вполне ясно описан историками. Главный конфликт, по их мнению, протекал между владельцами экономически и политически самодостаточных улусов и группировками знати, которые выдвигали своих претендентов на ханский трон, стремясь овладеть центральным административным аппаратом и оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику Орды. Все это ослабляло центральную власть и вело к сокращению внешнеполи-

тической активности, что в свою очередь усиливало сепаратизм кочевой знати, видевшей в военных походах основной источник своего обогащения [Федоров-Давыдов, 1973, гл. VI, VII; Греков, Якубовский, 1998, с. 297–299; Егоров, 1980; Егоров, 1985].

Данный подход получил развитие в позднейших исследовательских разработках исторической роли кочевой элиты на завершающей стадии развития Улуса Джучи (см. [Исаков, Измайлов, 2007, с. 140–168; Трепавлов, 2007а, с. 346–348]).

Представляется однако, что социальными факторами не исчерпывались причины кризиса. Преувеличение их значения ведет к парадоксальному выводу: центральная власть слабела от сепаратизма феодалов, в то время как главным их стремлением был захват сарайского престола! Вряд ли только одним сепаратизмом можно объяснить ослабление империи Джучидов и усиление в ней центробежных тенденций.

Прежде всего следует указать на природные факторы, самый важный из которых – резкое усыхание западной зоны евразийских степей в XIV–XV вв., исследованное геологами, географами и историками (см., например: [Мордкович и др., 1997; Кульпин, 1998, с. 77–105]). Аридизация климата в Дешт-и Кипчаке вела к уменьшению количества осадков и установлению малоснежных зим, что приводило к постепенному наступлению песков на некогда благоприятные пастбища.

Одновременно началась трансгрессия (повышение уровня) Каспийского моря, волны которого затопили значительную часть дельты Волги и многие поселения в ней, вплотную подступив к нижневолжским

городам. По словам итальянского географа Марино Мануто (1320 г.), «море каждый год прибывает на одну ладонь и уже многие хорошие города уничтожены». Все это нанесло сильнейший удар не столько по кочевым областям Улуса Джучи, сколько по районам земледелия, что способствовало подрыву ордынской экономики.

В то же время всю Европу – как Западную, так и Восточную – постиг тяжелый демографический удар. Благоприятные климатические условия и улучшение жизни вызвали рост народонаселения. На территории Золотой Орды он стимулировался политической стабильностью, появлением крупных городов и множества поселений. Ухудшение же природных условий все чаще приводило к периодическим продовольственным кризисам. Голод гнал людей в города, где они вынуждены были даже продавать детей [Сборник, 1884, с.231, 235]. Скопление людей в городах Поволжья, Крыма и Хорезма оказалось благоприятной почвой для болезней.

Наиболее страшной оказалась эпидемия бубонной чумы, которая к середине XIV в. несколько раз кругами возвращалась в Дешт-и Кипчак, буквально выкашивая население, особенно в перенаселенных городах. Русский летописец писал об этом «великом море» под 1346 г.: «Бысть от Бога на люди под восточную страну, на город Орначь и на Хозторокань и на Сарай и на Бездеж и на прочие грады в странах их, бысть мор силен на Бесермены и на Татарове и на Ормены и на Обезы и на Жиды и на Фрязы и на Черкасы и на всех тамо живущих, яко не бе кому их погребати» [ПСРЛ, 4, 1848, с.57; ПСРЛ, 5, 1851, с.225; ПСРЛ, 15, 1863, с.76–77]. Не исключено, что именно с последствиями «черной смерти» (как назвали эту эпидемию в Западной Европе) связано исчезновение городской болгарской знати, которая сохраняла древний огурский язык, употреблявшийся, в частности, как сакральный язык эпитафий в XIV в., поскольку после 1360-х гг. данная традиция исчезает [Shamiloglu, 1991].

Для Улуса Джучи этот удар оказался особенно ощутимым. По словам современника, арабского историка и географа Ибн ал-Варди, «в землях Узбековых» произошла эпидемия чумы, от которой «обезлюдели

деревни и города». Он же пишет, что ежедневно в Крыму умирало до тысячи человек, а всего там умерло более 85 тысяч жителей [Сборник, 1884, с.530]. Последствия шестивия «черной смерти» по Золотой Орде, судя по этим данным, были просто катастрофическими. Можно сказать, что именно с этого времени начался закат городской жизни в Нижнем Поволжье.

Упадку хозяйства в Улусе Джучи во многом способствовал также кризис трансазийской торговли. По знаменитому торговому пути, начинавшемуся в Китае и проходившему частично через Золотую Орду, поступали многие необходимые для Западной Европы товары: пряности, шелк, хлопок, драгоценные камни, хлеб и рабы [Петров, 1995, с.60–91]. Этот поток ценных товаров обогащал посредников и служил одной из основ благосостояния городов Дешт-и Кипчака. С торговлей были связаны не только поступления в казну от торговых пошлин, но и благополучие многочисленной obsługi: караванщиков, проводников, охранников, владельцев караван-сараяв, ремесленников и т.д. Кроме того, многие мастерские занимались изготовлением продукции на продажу и переработкой полуфабрикатов. Все они очень чутко реагировали на любые изменения торговой активности.

Спад в международной торговле начался еще в 40-х гг. XIV в. и достиг пика во второй его половине. Вызван он был рядом причин, среди которых освободительное движение против монгольской династии Юань в Китае, нестабильное положение в Средней Азии и Моголистане, эпидемия чумы, смута в Анатолии после распада государства Ильханов, а также вспышка войны между основными средиземноморскими торговыми державами – Генуей и Венецией. Все это вызвало ограничение товарооборота между Востоком и Западом, резко подорвав положение золотоордынских городов. Только в конце XIV в. наметился медленный выход из кризиса, ожививший мировую торговлю [Карпов, 1990, с.60–63, 300–303].

Нельзя сбрасывать со счетов, конечно, и социально-политические процессы. За сто лет своего существования Улус Джучи не только пережил становление, но и достиг высокого уровня развития общества.

Многие, особенно процветающие области (Крым, Хорезм, Мохша), не нуждались в едином государстве, тяготея к обособлению. Стремление к децентрализации находило поддержку и в полунезависимых вассальных владениях, где всегда была сильна тенденция к отделению от Орды. Наиболее ярко это прослеживается на Руси и в Булгарии. Долгое время тенденция к дезинтеграции сдерживалась сильной центральной властью, и государственная система была достаточно стабильной. Но в неблагоприятных условиях она стала быстро трансформироваться и распадаться.

По письменным источникам явно заметен рост могущества как улусбеков, так и владельцев более мелких ленных владений – икта и суюргалов. Их экономическая мощь базировалась на развитом скотоводстве и земледелии, а также на дележе государственных налогов и других доходов. Сильная судебная и административная власть в пределах подчиненных им областей давала им для этого важные политические рычаги. Кроме того, многие крупные феодалы становились во второй половине XIV в. тарханами, т.е. владельцами безусловных держаний, освобожденных от налогов и повинностей [Федоров-Давыдов, 1973, с.124–134]. Городская столичная знать и чиновничество также имели солидные доходы от сбора податей и пошлин, чему способствовала развитая внутренняя и международная транзитная торговля и ремесленное производство.

В XIV в. все чаще бывали случаи превращения беками (эмирами) своих улусов, включавших города и кочевья, в полунезависимые владения. С одной стороны, мелкие феодалы и города, бывшие опорой ханской власти, стали подпадать под власть крупных беков и улусбеков, видя в этом единственную возможность ослабить влияние неблагоприятных природных и социальных факторов. С другой – эти объединения стали претендовать на прерогативы центральной власти, дабы поставить на службу себе ордынскую казну и вооруженные силы.

При этом большинство эмиров боролось между собой за овладение сарайским престолом. Это ярко демонстрирует, что сила инерции к централизации государства была еще очень велика. Однако в окраинных ре-

гионах – в Булгарии, Крыму, Сибири, Кок-Орде – уже возникли и укрепились группы, стремившиеся сохранить власть в пределах своих владений, но получить перевес они смогли только в начале XV в.

С начала предыдущего столетия эта категория подданных становилась с каждым десятилетием все более заметной. Здесь сказались несколько факторов.

К тому времени в основном закончилась этническая консолидация тюркских кочевников Золотой Орды. Сумятица, внесенная монгольским завоеванием и отстранением от власти прежней кипчакской знати, уступила место мирной и стабильной жизни в могущественной и богатой империи. На просторах бывшего половецкого «Дикого поля» установилась жесткая и стройная улусная система с десятичным делением населения. Ордынское правительство не допускало самовольных переходов из одного улуса в другой, чтобы не нарушать стройной организации налогообложения и военной мобилизации. Относительно мирная и сытая жизнь на протяжении десятилетий имела благоприятные демографические последствия. Степные эли множились, делились и ветвились, и их беки обретали все больше подданных. В кочевом мире это означало повышение социальной значимости и политического влияния нединастической знати.

Первые признаки этого проявились при хане Тохте (1291–1312), когда неродовитые сановники были допущены на высшие административные посты. То же продолжилось при Узбеке и Джанибеке. А уже после Джанибека предводители элей (племен) выступили как самостоятельные субъекты государственной политики, которым было по силам соперничать с ханской властью.

Несомненными стимулами выхода беков на политическую арену были особенности экономического развития Золотой Орды, формирование замкнутых экономических провинций. Это явление давно отмечено историками, но обычно интерпретируется как основа для сепаратизма и неповиновения центральному правительству. Однако при определенных условиях опора на ресурсы провинциальных улусов могла помочь не только отделению от Сарая, но и давлению на правительство или даже манипулированию им.

Вхождению беков во власть парадоксальным образом помогла, очевидно, и «черная смерть». Она поразила прежде всего места массового скопления оседлого населения. В условиях ослабления и уменьшения высших городских сословий, которые до того доминировали в государственном управлении, их место частично заняли представители другого социального сегмента – аристократии кочевых степей.

Дополнительным подспорьем в получении доступа беков-нечингисидов к государственным делам были кризисы в доме Джучи, когда происходили массовые казни принцев крови. Окруженные враждебной и интригующей родней, ханы зачастую предпочитали опираться на сторонников, не имевших с ними кровных династических уз.

До тех пор, пока сохранялись единая политическая власть (хан и его администрация) и экономические связи, Улус Джучи оставался единым. Поводом для взрыва центробежных сил послужила борьба за ханский престол сразу нескольких Чингизидов, каждый из которых имел право на царствование и опирался на многочисленные отряды сторонников. Не исключено, что эта борьба была вызвана нарушением принципов престолонаследия в условиях массовой гибели населения, в том числе и знати. Ухудшение природных условий, упадок земледелия и скотоводства, затухание торговли и ремесла, уменьшение притока дани и военной добычи в Поволжье, разлад денежного обращения, ослабление влияния центральных органов управления, служившие фоном для усиления отдельных владельцев улусов и стремления их к рычагам центральной власти – все это стало чертами нарастающего кризиса. Именно эти причины неумолимо поставили вопрос о существовании империи.

В 60-е гг. XIV в. в Улусе Джучи началась внутренняя война. Ханский престол, ставший объектом борьбы между различными группировками аристократии Сарая, Ак-Орды и Кок-Орды, много раз переходил из рук в руки. За период с 1359 по 1380 г. в Сарая сменилось по меньшей мере 17 ханов (некоторые занимали трон по несколько раз), причем о многих из них историки не знают практически ничего, кроме имен на

чеканенных ими монетах, и до сих пор спорят об их историчности и последовательности правлений (см., например: [Егоров, 1980, с.190–192; Мухамадиев, 1983, с.88–99; Григорьев, 1983]).

Наступил длительный период упадка, начался распад единого государства. Развернувшаяся междоусобица несла с собой ухудшение финансового положения и углубление спада в торговле и ремесленном производстве. Из-за опасности нападений прекратилось регулярное функционирование караванных путей, и, следовательно, нарушился ввоз сырья и вывоз продукции ремесла. Происходил постепенный упадок земледелия и запустение оседлых поселений в Поволжье. Столичные города стали обноситься стенами. На волне ослабления центральной власти укрепляли свою самостоятельность правители Руси, Булгарии, Хорезма и других улусов. В условиях междоусобицы именно стабильно развивавшиеся области стали объектами борьбы ханов за выплату дани и карательных походов. Все эти явления разрушали привычный порядок и вызывали у местного населения желание отстоять свои земли от посягательств самозванных ордынских правителей. Наиболее яркими свидетельствами этого стало появление собственной правящей династии Суфи в Хорезме, фактическая независимость Болгара при Булат-Тимуре (1360–1366), Хасане и Мухаммед-Султане (1370–1376), а также война московского князя Дмитрия Ивановича против Мамая [Федоров-Давыдов, 1965, с.183–184; Фахрутдинов, 1984а, с.119–123; Кучкин, 1980; Мухамадиев, 1983, с.88–99; Горский, 2000, гл. 6].

Между тем стремление к объединению страны и возрождению ее великодержавия не потеряло своей исторической инерции. Выразителем этих интересов стал хан Токтамыш (1380–1396), опиравшийся на аристократию Кок-Орды и Сарая. Он не только завоевал ханский престол, одолев своих врагов, в том числе грозного Мамая, но и укрепил власть Центра над улусами, подавив сепаратизм Руси и других регионов (разорение Москвы и Булгарии в 1382 г.). Однако спустя некоторое время все реформы вылились в гонения на клановую аристократию, отстранение ее от управления государ-

ством и подавление непокорных провинций, что вновь привело к возникновению недовольства и открытым выступлениям против усиления централизации. Кроме того, иллюзорные желания Тохтамыша вернуть дряхлеющей Золотой Орде былую военную славу привели к военным катастрофам в его войнах с Тимуром (1391 и 1396 гг.).

Вполне возможно, что распад Улуса Джучи был закономерным процессом его развития, но некоторые политические деятели не желали с этим мириться. Небольшой шанс сохранить целостность державы еще существовал. Новые попытки вернуть стабильность Улусу путем успешных государственных, идеологических и экономических реформ (укрепление централизации, денежная реформа, распространение ислама), предпринятые талантливым военачальником и дипломатом, беклербеком Идегеем [Бартольд, 1963а, с.797–804; Якубовский, 1947; Сафаргалиев, 1960, с.178–195, 227–229; Измайлов, 1992, 1994], на некоторое время действительно укрепили Золотую Орду и сняли внутреннее напряжение. Его правление при номинальных ханах ознаменовалось и рядом внешнеполитических успехов (особенно яркими были разгром

великого князя литовского Витовта на реке Ворскле в 1399 г. и осада Москвы в 1408 г.).

Однако эти усилия оказались напрасны. Развязка наступила в 1419 г., когда Идегей потерпел поражение и погиб в борьбе с мятежными Джучидами. Падение Улуса Джучи стало неизбежным. Об этой эпохе образно и красноречиво повествуется в татарском дастане «Идегей»:

...Темный день на землю пришел.
Сотворенный Чингисом престол
Стал престолом, где кровь лилась.
Ханский дворец исчез из глаз.
Край разоренный стал пустым.
Самостоятельными илями стали
Аждаракан, Казань и Крым,
Золотая распалась Орда
[Идегей, 1990, с.240].

Но даже после распада Улуса Джучи его историческая судьба не прекратилась, поскольку остался переживший этот период татарский народ, сохранились лучшие образцы его богатой культуры, а на территории Улуса возникли постзолотоордынские ханства, продолжавшие его этнополитические и культурно-цивилизационные традиции.

§ 2. Татаро-русские отношения

Орда и Русь в XV столетии

Антон Горский

К началу XV в. на политической карте Руси место более десятка самостоятельных земель заняла структура, в которой доминировали два крупных государства: Великое княжество Литовское (с территориальным ядром в этнической Литве, но включившее в свой состав несколько русских земель – Киевскую, большую часть Черниговской, Смоленскую, Волынскую, Полоцкую, Пинскую) и Великое княжество Московское. Помимо них продолжали существовать Рязанская, Новгородская и Псковская земли (все – в зависимости от Москвы), а в Северо-Восточной Руси – Тверское и Ярославское княжества. Из трех главных атрибутов зависимости русских земель от Орды (утверждения князей на их столах ханом, выплаты

дани и обязанности предоставлять военную помощь) сохранялись к тому времени два – практика выдачи ярлыков на княжение и обязанность платить «выход». С «великого княжения» московские князья были обязаны выплачивать 7000 рублей в год. Русские земли, вошедшие в состав Литовского государства, также продолжали платить дань в Орду [Горский, 2004, с.273–275, 293; Русина, 1998, с.58–61].

В ситуации, когда после разгрома Орды Аксак Тимуром ее фактическим правителем стал эмир Идегей, великий князь московский Василий Дмитриевич прекратил выплату «выхода». В Москве нормой признавалось положение, когда хан (по-русски *царь*) обладает реальной властью. При этом

прямого конфликта Василий стремился избежать, более того – ордынские войска привлекались в качестве союзников в войнах с Литвой, шедших в 1406–1408 гг. В конце 1408 г. (когда дань не платилась уже 13 лет) Едигей совершил поход на Москву. Взять столицу правителю Орды не удалось, но его войска совершили масштабное разорение владений Василия I. После этого состояние войны между Московским государством и Ордой сохранялось вплоть до свержения Едигея (1411). Приход к власти сыновей Токтамыша изменил ситуацию, и в 1412 г. Василий Дмитриевич даже совершил поездку в Орду. Но с 1414 г., когда Идегей вернулся к власти, конфликт разгорелся вновь: Идегей поддерживал претензии князей суздальского дома на Нижний Новгород, переданный Токтамышем Василию в 1392 г. С гибелью Идегея (1419) и со стабилизацией положения в Орде ко второй половине 1420-х гг. традиционные (даннические) отношения с ней возобновились. Около 1423 г. Василий I, по-видимому, добился от хана Улуг-Мухаммеда, изгнанного тогда противниками из Орды и находившегося в Литве у великого князя Витовта, ярлыка на великое княжение для своего сына Василия [Горский, 2000, с.119–140].

В 1431 г. 16-летний великий князь Василий Васильевич и его дядя и соперник Юрий Дмитриевич отправились по собственной инициативе в Орду к хану Улуг-Мухаммеду для разрешения их спора о великом княжении. Таким образом, ордынский «царь» по-прежнему рассматривался как законный сюзерен русских князей. С другой стороны, решение хана, подтвердившего в 1432 г. великокняжеский статус Василия, было фактически проигнорировано Юрием, дважды – в 1433 и 1434 гг. – захватывавшим московский престол [ПСРЛ, 25, 1949, с.249–252; Горский, 2000, с.141–143].

В конце 1430-х гг. фактический раскол Орды на две части – под властью ханов Кичи-Мухаммеда и Сеид-Ахмета – привел к изменениям в порядке выплаты дани. В Москве признавали «царями» обоих правителей [Духовные, 1950, №38, с.108, 111, 113, 116]. Позднейший документ – ярлык-послание сына Кичи-Мухаммеда Ахмата Ивану III (1480) указывает размер требуе-

мой ханом от великого князя дани – 120000 алтын, т.е. 3600 рублей (см. издание ярлыка по наиболее раннему списку: [Горский, 2012]). Это составляет фактически половину от 7000-го «выхода», которым были обязаны московские князья до начала 1430-х гг. [Духовные, 1950, №29, с.74]. Очевидно, Кичи-Мухаммеду и Сеид-Ахмету выплачивали по ½ полного «выхода», причем после распада орды Сеид-Ахмета (1450-е гг.) дань Кичи-Мухаммеду, а позже его сыновьям до прежней, 7000-й не возросла.

Изгнанный из Орды в 1437 г. Улуг-Мухаммед попытался обосноваться на окраинных русских территориях, что привело к его конфликту с Василием II. В конце 1438 г. хан разгромил московское войско под Белевом в верховьях Оки. Летом следующего года Улуг-Мухаммед подходил к стенам Москвы. В 1444 г. он попытался обосноваться уже в низовьях Оки, в Нижнем Новгороде. Летом 1445 г. войска Улуг-Мухаммеда разбили московскую рать под Суздалем, сам великий князь Василий попал в плен, откуда был отпущен под обязательство огромного выкупа. Затем орда Улуг-Мухаммеда ушла в Казань, где его сын Махмутек, убивший отца, стал правителем Казанского ханства. Эти события, а также свержение Василия II в начале 1446 г. его двоюродным братом Дмитрием Юрьевичем Шемякой привели к тому, что даннические отношения между Москвой и ордой Улуг-Мухаммеда и его сыновей не получили развития. В 1447 г. казанский хан Махмутек выступал уже союзником Дмитрия Шемяки против вернувшегося на престол Василия II [Горский, 2000, с.143–146].

К концу 1440-х гг. в Москве перестали выплачивать дань в орду Сеид-Ахмета; возможно, в 1449 г. был получен ярлык на великое княжение от Кичи-Мухаммеда для сына Василия II Ивана. В результате начались набеги татар Сеид-Ахмета на московские владения (1449, 1451 – в этом году войско во главе с сыном хана подходило к самой Москве, 1455, 1459), прекратившиеся после распада его орды во второй половине 1450-х гг. [Там же, с.146–148, 153–154].

В 1450-е гг. в пределах владений московских князей было создано вассальное княжество во главе с перешедшим на службу к Ва-

силию II сыном Улуг-Мухаммеда Касимом. Центром его стал Городец Мещерский на Оке; позже по имени Касима за ним закрепилось название Касимов, соответственно политическое образование, во главе которого московские князья ставили служилых Чингизидов (существовало до конца XVII в.), принята именоваться «Касимовским ханством». Существует мнение, что его создание было одним из условий отпуска Василия Васильевича из плена Улуг-Мухаммедом в 1445 г. [Сафаргалиев, 1960, с.26–27; Рахимзянов, 2009, с.54–61]. Первоначальное предоставление Касиму кормления в Московском великом княжестве, возможно, действительно предусматривалось как составная часть выкупа Василия, но в Городце Мещерском он был помещен только в середине 1450-х гг., когда обязательства великого князя перед Улуг-Мухаммедом давно утратили силу [Зимин, 1991, с.171–172].

Через три года после вступления на великое княжение Ивана Васильевича (1462) впервые со времен Токтамыша сам хан Орды отправился в поход на Москву: в 1465 г. такую попытку предпринял Махмуд – сын Кичи-Мухаммеда. Поход сорвался, т.к. на Дону на Махмуда напал крымский хан Хаджи-Гирей и нанес ему поражение [ПСРЛ, 24, с.186; Горский 2000, с.154–155]. Скорее всего, причиной гнева правителя Орды на московского князя было присоединение Иваном III к своим владениям в 1463 г. Ярославского княжества без ханской санкции [Горский, 2010, с.131–132].

В конце 1460-х гг. Московское великое княжество в течение нескольких лет воевало с Казанским ханством, причем предпринимало наступательные действия. Походы московских войск на Казань поначалу не приносили успеха, но в конце 1469 г. удалось заключить мир на выгодных условиях [Алексеев, 2007, с.36–95].

В ситуации фактического распада Орды на несколько политических образований ее «центральная» часть (между Доном и Волгой), чей правитель признавался на Руси сюзереном, с 1470-х гг. определяется в источниках как *Большая Орда* ([ПСРЛ, 25, 1949, с.277, 291, 292, 299, 302, 303, 308]; применение этого термина к более ранним временам, начиная с 1430-х гг., отмечает-

ся только в позднейшей – 1520-х гг. – Никоновской летописи, и являет собой явную ретроспекцию). Традиционно предполагается, что это перевод татарского *улуг орда* – «великая орда» [Трепавлов, 2010, с.7–8]. Но *улуг орда* на Руси переводили именно как «великая орда» (это определение входило с начала XVI в. в состав титула крымских ханов и встречается в переводах их посланий, дошедших в составе посольских книг по связям с Крымом – [Сборник РИО, 1895, с.19, 21, 27, 29, 70, 75–77, 80]; при этом Орда детей Ахмата в посольских книгах определяется как *большая* [Сборник РИО, 1884, с.119, 157, 170, 214, 255]). Кроме того, прилагательное *большии* нечасто употреблялось в значении «крупный», для этого использовалось, как правило, именно слово *великийи*. Одним же из распространенных значений лексемы *большии* было прилагательное сравнительной степени – со значением «более высокий по положению», «главный» (в современном русском языке передающееся через слово «большой» с ударением на первом слоге) [Срезневский, 1893, стб.147–148; Словарь, 1988, с.289–290, 384–386]. Скорее всего, название «Большая Орда» возникло на Руси тогда, когда распад Орды стал очевиден и нужно было выделить «главное» из постордынских государств [Горский, 2014, с.123–125]. Примечательно в связи с этим, что этот термин появляется в летописании одновременно с переходом в актовом источнике (с 1473 г.) к упоминанию «орд» во множественном числе [Духовные, 1950, №69–70, с.226, 228, 231, 234, 236, 238, 240, 244, 246, 249; Горский, 2000, с.165–167] – и то и другое отражало стремление приспособиться к новой политической ситуации в степях Восточной Европы.

Летом 1472 г. хан Большой Орды Ахмат совершил поход на Москву. Войска Ивана III встретили противника на Оке у г. Алексина. Ахмат не решился форсировать реку и возвратился в степь [ПСРЛ, 25, 1949, с.297–298; Алексеев, 2007, с.146–181]. Скорее всего, причиной выступления хана было приведение московским князем в покорность в 1471 г. Новгорода: Ахмат поддержал претензии на верховенство над Новгородской республикой польского короля и великого князя литовского Казимира IV, и поход Ива-

на III на Новгород в свете этого смотрелся как нарушение воли сюзерена [Горский, 2000, с.156–158].

Отражение похода «самого царя» имело серьезные последствия: в Москве возобладало мнение о необходимости прекратить отношения зависимости с Большой Ордой. Это выразилось в первую очередь в прекращении выплаты дани: к 1480 г. она не платилась «девятый год» [ПСРЛ, 26, 1959, с.265], т.е. как раз с 1472 г. Кроме того, Иван III начал переговоры с врагом Ахмата – крымским ханом Менгли-Гиреем. Отношения с ним изначально строились как отношения «братьев и друзей», выплата каких-либо традиционных податей, восходивших к временам ордынского единства, исключалась. В 1480 г. был заключен московско-крымский договор, в котором были поименованы два «вопчих недруга» договаривающихся сторон – Ахмат и Казимир [Сборник РИО, 1884, с.1–25].

Что касается Большой Орды, то Иван III некоторое время продолжал обмен с ней послами, стремясь не доводить дело до военного столкновения. Но в 1476 г., когда пошел уже пятый год неуплаты дани, посол Ахмата привез требование хана великому князю явиться к нему в Орду (чего не бывало со времен Токтамыша) [ПСРЛ, 25, 1949, с.308–309]. Иван III не подчинился, после чего конфликт стал неизбежным. Ахмат отправился в новый поход на Москву только в 1480 г., договорившись о союзе с Казимиром IV. Противоборствующие войска два месяца простояли на берегах реки Угры, левого притока Оки (служившей границей между Московским и Литовским государствами). В окружении великого князя звучали голоса людей, склонных согласиться признать власть «царя». Но возобладало мнение сторонников ее отрицания. В ноябре, с наступлением холодов, Ахмат ушел восвояси, и попытка восстановить ордынскую власть над Московским великим княжеством не удалась [Назаров, 1983, Алексеев, 1989; Алексеев, 2007, с.216–266]. Гибель Ахмата в январе 1481 г. от рук сибирских татар и ногаев окончательно похоронила подобные планы.

Таким образом, в течение 1472–1480 гг. произошло обретение Московским государством (с конца XV в. начавшим именоваться

Россией) независимости от хана Орды. Следствием этого стало нередкое применение к Ивану III титула *царь* (в дипломатическом документе – впервые в 1474 г., вскоре после отражения первого похода Ахмата – [Грамоты, 1949, №78, с.133, 135]), равного титулу правителей Орды и «постордынских» ханств (хотя официального венчания на царство не произошло ни при Иване III, ни при Василии III).

В последующие годы Иван III сохранял союз с Крымским ханством с целью противостояния Большой Орде, где боролись за первенство сыновья Ахмата. Трижды – в 1487, 1490 и 1491 гг. – великий князь, выполняя союзнические обязательства перед Менгли-Гиреем, посылал войска (в основном состоявшие из касимовских татар) «под Орду», но до серьезных военных действий дело не доходило [Горский, 2000, с.179].

В отношениях с Казанским ханством в 1480-е гг. Иван III использовал политику вмешательства в шедшую там династическую борьбу. В 1487 г. московские войска взяли Казань, хан Алегам был захвачен в плен, а на казанский престол возведен Мухаммед-Эмин, сын казанской ханши-вдовы Нурсултан, годом ранее ставшей женой союзника Ивана III крымского хана Менгли-Гирея [Алексеев, 2007, с.280–293]. Казанское ханство на два десятилетия стало зависимым от Московского государства (казанские войска, в частности, участвовали в походе на Большую Орду 1491 г.). Иван III поддерживал дипломатические контакты также с Ногайской Ордой и Сибирским ханством [Сборник РИО, 1884].

В первые годы XVI столетия, когда Москва вела войну с Великим княжеством Литовским и одновременно с Ливонским Орденом, отношения с Большой Ордой вновь обострились. В 1501 г. хан Шейх-Ахмет (сын Ахмата), действуя как союзник Литвы, двинулся на Верхний Дон. Сюда же пришел московский союзник Менгли-Гирей, а в помощь ему двинулись московские войска. Но до битвы дело не дошло, Менгли-Гирей вернулся в Крым, а Шейх-Ахмет разорил города Северщины (только что отвоеванные москвичами у Литвы). В этой ситуации Иван III зимой 1501–1502 гг. в качестве дипломатического хода пошел на формальное

признание зависимости от Шейх-Ахмета, московский посол привез хану дань. Целью было расстроить литовско-большеордынский союз. Одновременно Москва активно побуждала Менгли-Гирея к походу для нанесения решающего удара Большой Орде. В мае 1502 г. крымский хан наконец выступил и в начале июня в районе днепровских притоков Самары и Сулы «взял» Орду Шейх-Ахмета. Бежавший хан отправил в Москву посла с предложением: в обмен на отход от союза с Литвой и нейтральное отношение к Крыму Шейх-Ахмет просил Ивана III «достать» ему престол Астраханского ханства. Результата это обращение не имело, и зимой 1503–1504 гг. Шейх-Ахмет укрылся в Вели-

ком княжестве Литовском [Горский, 2000, с.181–184].

Падение Большой Орды создало новую конфигурацию в отношениях молодого Российского государства с «постордынскими» политическими образованиями. Теперь главным из них стало Крымское ханство. Отношения Москвы с Крымом к этому времени уже устоялись как отношения равных партнеров (при сохранении элементов, связанных с признанием более высокого международного статуса крымского хана как носителя «царского» титула, см.: [Усманов, 1979, с.186–205]). Сложились условия для начала борьбы России с Крымским ханством за влияние на остальные государства, сложившиеся на развалинах Орды.

Татаро-русские отношения (XVI–XVIII вв.)

Илья Зайцев

Русские и татары (а шире – славяне и тюрки), живя бок о бок на протяжении столетий, не могли не зафиксировать в собственном сознании и творчестве противоречивые образы друг друга. Попробуем увидеть эти образы и по возможности проследить динамику изменений этих взаимных представлений. В этом нам могут помочь исторические хроники, летописи, фольклор и особенно пословицы и поговорки, которые едва ли не лучше и ярче всего отражают взаимные симпатии, претензии и неприятия. Совершенно очевидно, что нужно сразу же отказаться от попыток определить некий стабильный и неизменный образ одного народа в сознании другого: конечно, в зависимости от исторических обстоятельств эти конкретные представления колебались в очень большой амплитуде от образа врага до образа друга.

Вопрос об *имени* татар, эсхатологическом смысле их появления был чрезвычайно актуален в контексте концепций русских книжников XIII в. Особенно показателен в этой связи текст, которым открывается повесть о битве на Калке (Лавр. лет., л.153): с одной стороны – «их же (т.е. татар. – *И.З.*) никто же добре ясно не весть, кто суть...», с другой стороны, «премудрии мужи ведать я добре, кто книги разумно умееть» [Гарькавий, 1998, с.89]. В этом отрывке хорошо

видно, как, столкнувшись с новым, дотоле неизвестным народом, русский летописец заранее пытается определить его место в знакомой картине мира: для этого нужно было определить предка этого народа среди сыновей Ноя. Именно от этого зависело определение места этого народа в этой картине: «измаильтяне» (т.е. потомки Измаила, в конечном счете народ, вписывающийся в картину библейской истории) или «нечистые человеки».

Проходит каких-то 15 лет, и Русь сталкивается с новым народом уже вплотную. И в той же Лаврентьевской летописи появляется эпизод об осаде Владимира войсками Бату. В описании этих событий летописец особо подчеркивает отказ сыновей владимирского князя от борьбы, причем этот отказ не осуждается автором. Если проанализировать это известие и интерпретацию этого события в более поздних летописных произведениях, можно прийти к выводу, что во второй половине XIII в. нашествие воспринималось как «наказание Божие за грехи людские», и в соответствии с этим восприятием книжники моделировали поведение своих персонажей: отказ от сопротивления, вызванный не трусостью, а подлинным христианским смирением перед карой господней. Татары в XIII–XIV вв. для русского сознания это по

преимуществу «бич Божий» (можно было бы привести в качестве примера и произведения Серапиона Владимирского – церковного иерарха, писания которого – реакция современника на события). Момент наказания за грехи, в котором татары – инструмент Божьей кары, явно преобладает в оценке и практически снимает собственно восприятие татар как таковых, по крайней мере, враждебность к ним значительно ниже, чем позже. Как мне кажется, важным здесь было то, что русские столкнулись с язычниками (возможно, до XIV в. в среде русского духовенства существовала надежда на успех миссии среди татар, причем не столь уж иллюзорная надежда, вспомним хотя бы сарайскую епископию, покровительство церкви, ярлыки митрополитам, переход татар в православие и складывание целого слоя служивых татар и проч.). Принятие Ордой ислама резко усилило противостояние (хотя крещение выходцев из Орды продолжалось). Теперь вражда распространялась на сферу религии, а примирить ислам с христианством тогда – несомненная утопия, после этого до разрешения конфликта было уже очень далеко. В XV–XVI вв. отказ от борьбы с татарами начал восприниматься как недостойный поступок, и вместе с этим новым восприятием подверглось «пересмотру и редакции» и поведение исторических лиц – героев летописей [Рудаков, 1998, с.193]¹.

Изменение образов татар в русском общественном сознании XV–XVI вв. подробно проследил А.О.Амелькин. Согласно его исследованию, уже в «Повести о Меркурии Смоленском» «образы врага... отличаются от известных ранее по житиям XIII–XIV вв. Это отличие обусловлено отчасти влиянием фольклорных традиций, отчасти же изменением представлений о противнике в сторону усиления его негативной характеристики именно как противостоящего России иного в культурно-историческом отношении со-

общества». В русском общественном сознании конца XV – первой половины XVI в. «используемые в качестве орудия наказания татары оцениваются как неразумная, разрушительная, безликая, некультурная стихия. Особо подчеркивается их коварство и стремление изменить уклад жизни покоренных народов» [Амелькин, 1992, с.7–8].

Вместе с тем, следы русско-татарского синтета, двойственность восприятия татар и их оценок можно обнаружить еще в памятниках литературы XVI–XVII вв., затем эта линия будет по-разному проявляться вплоть до сегодняшнего дня. Так, в «Казанской истории» – довольно загадочном произведении второй половины XVI в. автор, который в целом разделял «традиционно-православные взгляды своего времени», контрастно изображает казанцев, то сочувствуя им, то признавая их антагонистами Русского государства» [Солодкин, 2001, с.199]². По мнению Я.Г.Солодкина, автор этого сочинения, «проведя 20 лет в Казани, ...мог проникнуться симпатиями к ее жителям. Он видел положение там изнутри, и этот взгляд побудил его изобразить людей иначе, чем диктовала традиция» [Солодкин, 2001, с.206]. Согласно исследованию А.О.Амелькина, в первой половине XVI в. в русской литературе даже Батый «наделяется некоторыми чертами мудрого и грозного царя» [Амелькин, 1992, с.9].

«Корни озлобления, которое определяло отношение правящих кругов феодально-дворянской России к казанским татарам, – пишет Г.С.Сабирзянов, – в трех десятилетиях после 1521 г., когда в Казани господствовали ханы крымской династии» [Сабирзянов, 1993, с.21]. Однако, и в XVI в. в отношениях двух народов не наблюдается национально-расового противостояния, а только политическое и религиозное³.

Изучая Жития Петра и Иоанна Казанских, А.О.Амелькин приходит к обоснованному выводу: «Для агиографа не имеет значения этническая сторона вопроса. Русский полоняник из Нижнего Новгорода и при-

¹ Между прочим, схожее представление мы обнаружим и в малороссийских думах XVI–XVII вв. Турки и татары, которые отождествлялись в украинском фольклоре, – недруги Украины, они действуют заодно. Татары, по думам, – Божья кара за неуважение к родителям, к роду, односельчанам, «громаде», за несоблюдение постов и обрядов (см.: [Ерофеев, 1908, с.77–78]).

² См. также: [Keenan, 1967a].

³ По мнению И.Ерофеева, еще в первой половине XV в. в Крыму не наблюдалось враждебных отношений между русскими и татарами, но все изменилось после 1475 г. (см.: [Ерофеев, 1908, с.85]).

нявший православие житель Казани, находящийся на службе у великого князя, равнозначны для него» [Амелькин, 1992, с.10]. Во взаимоотношениях русских и татар в конце XV – первой половине XVI в. доминировали не этнические, а религиозно-политические моменты, важен был религиозный и политический аспекты, а не этнос.

Прекрасным источником для нас могли бы служить пословицы того времени, однако записи русских пословиц известны только с XVII в.¹ И вот в одной из самых ранних записей мы встречаем огромное количество пословиц и поговорок, так или иначе связанных с татарской темой (что само по себе уже свидетельствует о ее значимости и важности в русском сознании). Среди них можно выделить несколько групп. Преобладают, безусловно, оценочные с отрицательным оттенком: «Алай булай крымские песни, там их и тресни» (с.74), «Гонец из Крыму что таракан из дыму» (с.92); «Жить в Крыму что суме в дыму» (с.101); «Рано Татаром на Русь ити» (с.136); «Целование татарское назад руки задрав буди» (с.154), «Азов не о сте глазов, а Крым не крив», «Азов был славен, Смоленск страшен, а Вилня дивна» (с.76). Довольно большое их число отражает различия в хозяйственно-бытовом укладе двух великих народов с русской точки зрения: «Татарскому мясоеду конца нет» (с.143 – в смысле отсутствия постов в исламе и того, что есть *ураза* с точки зрения православного). Есть достаточно нейтральные, в которых крымская, татарская тема – лишь повод, инструмент для иллюстрации каких-то общечеловеческих тем: «Большой в дому, что хан в Крыму» (с.82), «Женские умы что татарские сумы» (с.103), «Тетива порветца и Татарин не бьётца» (с.143, т.е. подчеркивается роль лучников в татарском войске). С другой стороны, совершенно доброжелательные, показывающие относительность этнических, религиозных и государственных ценностей и абсолют морали: «Жил бы и в Орде, только бы в добре» (с.104; вар. «Хотя бы в орде тако бы в добре» – с.148), «Отнимается дьявол окоянными Турки» (с.152), «Царь турской противник русской» (с.154), «Штаны сняли турские, а батоги

кладут русские» (с.157), «Ежь медведь Татарина, а ока не надобе» (с.160); «Мажет Клим телегу, едет в Крым по репу» (с.120).

Эта двойственность в восприятии татар и зависимость образа и оценки от времени бытования пословицы хорошо видна в тех пословицах, которые до сих пор существуют в русском языке. С одной стороны, до сих пор бытующая русская пословица – «Незванный гость хуже татарина» (при том, что в XVII в. был вариант «Не зван гость лутче и званова» (с.127), где, как видим, этнический момент вовсе отсутствует). С другой стороны, сочувственное или даже чрезвычайно теплое, дружественное отношение к татарам авторов некоторых литературных и публицистических сочинений эпохи Средневековья.

Религиозная подоплека взаимоотношений хорошо видна в фольклоре. Видимо, очень старым и традиционным следует считать отождествление татарин – «свинья». Это отождествление (от русских детских дразнилок до устойчивых представлений, адаптированных в государственном строительстве и идеологии), безусловно, связано с запретом свинины в исламе. Скорее всего, это представление, отличает отношение русских к мусульманам вообще (в империи – татарам разного рода, за границей чаще всего – к туркам). А.С.Пушкин писал в своем «Путешествии в Арзрум», как встретил по дороге казаков, поддерживавших товарища, раненого в перестрелке у Саган-лу под Карсом: «Много ли турков?» – спросил Семичев. «Свиньем валит, ваше благородие», – отвечал один из них². Между прочим, напрасно Г.С.Сабирзянов называл «отголосками лживой историографии, лженауки», реплику, например, деревенских ребятишек из «Мужиков и баб» Б.А.Можаева: «Ты, татарин гололобий, не ходи чужой дорогой» [Сабирзянов, 1993, с.36].

Боюсь, это не имеет к науке никакого отношения, а, скорее, является отголоском

¹ См.: [Старинные, 1899]. Далее при цитировании – в скобках номера страниц этого издания.

² То, что это отношение явно связано с пищевыми запретами (наиболее заметными и бросающимися в глаза в повседневном общении) ясно видно и в отношении русских к евреям. Все у того же Александра Сергеевича («История села Горюхина»): «...безумцы глумились над еврейским возницею и восклицали смехотворно: «Жид, жид, ешь свиное ухо!..» [Пушкин, 1969, с.65].

устойчивых представлений народов друг о друге (как бы пристрастны они при этом ни были). Это эпитет *гололобий* – вполне прозрачный с точки зрения своего происхождения: вероятно, от обычая мусульман брить голову, – неоднократно встречается даже в татарской публицистике конца позапрошлого века – начала прошлого как прозвище тартина среди русских, настолько устойчив был этот эпитет (фельетон Г.Тукая «Духовники возродились», впервые опубликованный в журнале «Ялт-юлт» в 1912 г. в № 43 [Тукай, 1975, с.112]).

Еще одно отождествление: татарин – князь. Можно найти его у В.И.Ленина (в статье «Письмо по национальному вопросу»). Но, между прочим, если отвлечься от этого курьеза, представление отразилось и в русской художественной литературе. В «Очарованном страннике» Н.С.Лескова Иван Северьянович после «перепора» с Савакиреем прячется от полиции за спины татар: «Спасайте, князья: сами видели, все это было на честном бою...» [Лесков, 1957, с.427]. Сошлюсь еще раз на все тот же фельетон Г.Тукая. Тукай пародирует диалог жандарма с мусульманином: «Князь, иди молиться, мулла кричит. – Ни магу, таргавать надо. – Да иди же, гололобий» [Тукай, 1975, с.112]. А вот отрывок из разговора старого московского букиниста со старьевщиком-татаринном (дело происходит в дореволюционной Москве): «Князь, – говорит он, – вы мне деньги верите?» [Иванов, 1982, с.73].

Откуда это прозвище? Думаю, что достаточно логичным объяснением выглядит устойчивая связь (реальная или мнимая, отраженная в дворянских родословных по принципу престижности) значительной части российского дворянства с джучидской аристократией.

Н.С.Лесков позволяет нам постепенно перейти к противоположному полюсу оценок. В том же произведении герой рассказывает о татарах: «У них все если взрослый русский человек – так *Иван*, а женщина – *Наташа*, а мальчиков они *Кольками* кличут, так и моих жен, хоть они и татарки были, но по мне их все уже русскими числили и Наташками звали, а мальчишек Кольками. Однако все это, разумеется, только поверхностно, потому что они были без всех цер-

ковных таинств, и я их за своих детей не почитал.

– Как же не почитали за своих? почему же это так?

– Да что же их считать, когда они некрещеные-с и миром не мазаны» [Лесков, 1957, с.433].

В этом пассаже хорошо видно, насколько в обыденном сознании русского человека (в данном случае – первой половины XIX в.) религиозная принадлежность определяет этническую и, в конечном счете, влияет даже на родственные чувства. У лесковских же татар (это, скорее всего, казахи или туркмены) этническая принадлежность определяется даже не религией, а семейно-родовой принадлежностью: жена русского – русская.

В этом смысле интересна самоидентификация Ивана Северьяновича: «крестятся и водку пьют, – ну, значит, русские» [Там же, с.447] (некая комбинация «этнических» признаков – религиозно-обрядового и пищевого). Религия доминирует: без того, чтобы разобрать, какой человек религии «на степи страшно». У чуваша, встреченного главным героем, еще более концентрированный взгляд на этно-религиозную принадлежность, по его мнению: «это у тартина бока (т.е. бога. – *И.З.*) нет, он кобылу ест, а у меня есть бок [...] и солнце бок, и месяц бок, и звезды бок... все бок». Причем бог при этом и Иисус, и богородица и Николай Угодник тоже Бог [Там же, с.446]. Любопытно, что, по данным современных социологических опросов, этническая идентичность поволжских татар реализуется в основном через родной язык, во вторую очередь через знание культуры и истории, причастности к ней. Религиозный момент в этнической самоидентификации не преобладает [Хабенская, 2002, с.196].

Рассмотрим теперь образ русских в татарском фольклоре и литературе. Конечно, сразу оговорюсь, в этом разделе совершенно невозможно исчерпать тему. Поэтому мои наблюдения следует расценивать как первое к ней приближение.

Интересно отметить, что у татар, как и у русских, встречались, конечно, в этнических определениях и дефиниции, составленные по внешним, антропологическим признакам.

Так, крымские татары всех русских называли «сары Иван», т.е. рыжий Иван [Олесницкий, 1910, с.60]. Между прочим, это *сары* можно встретить очень часто в крымских документах (например, в одном из *хюджетов*) по отношению к славянским рабам. Называние определенным личным именем социальной или этнической группы очень распространено в языках мира (ср. русское «Фриц» или «Ганс» по отношению к немцам, «Иван» по отношению к русским, или турецкое «Мехметчик» – ласковое прозвище солдата). Московские конские барышники на Конной площади в районе Серпуховской заставы XIX в., цыгане по преимуществу, в лексиконе которых было, однако, множество татарских слов и которые вообще претерпели сильное культурное влияние татар, также использовали этот принцип: «Одно время они каждого мужика звали почему-то «Фролка» [Богатырев, 1989, с.127]¹.

Рассмотрим отражение межнациональных стереотипов в крымской средневековой историографии. Хороший материал для этого дает «История хана Ислам-Гирея III» крымского автора, чиновника ханской канцелярии, а потом кади, ханского историографа Хаджи Мехмеда, известного под поэтическим псевдонимом Сенаи и носившего нисбу Кырымлы. Автор закончил труд, написанный по просьбе Сефер Гази-аги, ханского везира, 1 августа 1651 г. (начат он был, вероятно, после 1648 г.) [Hadży, 1971]. Сенаи по отношению к неверным употребляет термин «собака» (он вместо распространенных в турецком слов *ит* или *кёпек*, использует персидское по происхождению слово *сег*, *сеглер* во множественном числе, рифмуя его со словом *беглер*, т.е. князя, как он называет польскую шляхту [Ibid. S.17]), часто называет противников *кюффар*, т.е. просто неверные, гяуры, или *мелаин*, т.е. проклятые). Вообще по отношению к другим народам хронисты не стеснялись, рифмуя этнонимы с уничижительными эпитетами. Так, по отношению к казакам употреблялось слово «упрямый, строптивый» (*казак – акк*), русским – «приносящий несчастье, гибельный»

¹ Возможно, это как то связано с тем, что Фрол и Лавр считались у русских покровителями скота, в том числе лошадей.

(*рус – менхус*), калмыкам – «зло сотворенным» (*калмук – бед махлюк*) [Ibid. S.62].

Посмотрим на поговорки. Среди пословиц и поговорок крымских тюрок (татар) Добруджи (Румыния) имеется несколько и о русских: **Urustan dost bolmaz domuzdan post** (tur. *Rustan dost olmaz domuzdan post*), т.е. «Из русского друга не бывает, как шубы из свиньи»; **Urusman dos bolsañ baltañ katiñda bolsun** (tur. *Rusla dost olursan baltan yanında olsun*), т.е. «Дружить с русским – быть на лезвии топора» [Ülküsal, 1970, s.93].

Весьма показательны такие крымскотатарские пословицы, как **Казакны зафтрасы битмес**, т.е. «Русское завтра не кончается».

С другой стороны, критичное отношение к собственному народу: **Татарынг акла сонунда келюр** («Татарский ум поздно приходит (в конце)»). Практически полное соответствие этой пословице есть и у русских: «Русский человек задним умом крепок».

Совмещение двух полюсов: русские плохие, но среди татар есть и хуже. Последний крымский хан Шахин-Гирей остался в памяти татар персонажем отрицательным. Сохранилась крымскотатарская пословица **«Камчы боюнда казакка хизмет идерим, Шагин Гирей ханга хизмет итмем»**, т.е. «Буду служить лучше русскому ростом с кнут, чем Шахин-Гирей-хану» [Пословицы, 1915, с.55 (№484)].

У татар мы видим в традиционных оскорблениях русских те же моменты. «Татары ныне живут в большом согласии с Русскими, и уже не слышно от Русских некоторых жестких, на счет Татар, слов, которые часто употреблялись, лет сорок тому назад. Однакож иногда кучера Русские по улицам бранят Татарина, называя его *собакой*, ежели он не скоро своротит с дороги, чтоб дать место проехать. Но Татарин, в таком случае, тихо бормочет себе под нос: *донгус*², а про себя думает: ты *алкафер*»³ [Фукс, 1991, с.143–144].

Таким образом, в значительной своей части динамика изменений взаимных представлений русских и татар отражала религиозную преемственность и развитие религиозной политики в евразийских им-

² Т.е. «свинья».

³ Т.е. «аль-кафир» (неверный).

перях – Золотой Орде и ее наследниках. В эпоху Чингиза и долгое время после него среди монголов был распространен шаманизм, а часть монгольских племен (найманы и кирейты) исповедовала несторианское христианство. Между тем, еще в ранний период монгольской экспансии на запад на монгольской службе находилось множество мусульман. Сам Чингиз и первые поколения его потомков, в том числе и Джучиды были весьма веротерпимы: политическая лояльность правящему роду была много важнее, чем единство вер. Завоевание не сопровождалось религиозными репрессиями: политическая целесообразность диктовала необходимость уравнивания представителей всех религий в рамках империи. Приверженность шаманизму представителей Чингизидов на первых порах служила своего рода необходимым атрибутом принадлежности к династии. Религиозная принадлежность правящего Чингизида к тому времени в большей степени еще является его личным, а не государственным выбором: ханамусульманина может сменить язычник. Значительная масса населения Улуса Джучи, в том числе и элита, продолжает оставаться неисламизированной, а в государственном устройстве, управлении и делопроизводстве господствуют традиционные монгольские нормы. Только в эпоху Узбека ислам стал не делом личного выбора, а религией династии, религией государства. Между тем принятие ислама на государственном уровне не сопровождалось репрессиями по отношению к иноверцам и к церковной организации. Еще в 1257 г. на Руси в рамках общеимперских мероприятий каана Менгу проходит перепись [ПСРЛ, 1, 1997, стб.474–475.]. Главной ее целью была фискальная – организованный сбор дани. При этом церковь от ее выплаты была освобождена. Эта политика продолжилась в XIV–XV вв.

В Московском царстве, которое оказалось, как считается, преемницей Чингизидской империи, это «чингизидское» (resp. имперское) отношение к представителям религиозных меньшинств, т.е. прежде всего к мусульманам, как наиболее многочисленной их группе, существенно не изменилось. Исследователи давно обратили внимание на то, что несмотря на то, что Русское государ-

ство, начиная с конца XV в. и особенно в XVI и XVII вв., официально провозглашает себя воплощением православного царства на земле, защитником и хранителем православия как истинного христианства, однако ни само государство, ни его церковь не предпринимают почти никаких попыток обращения в православие мусульман и не ведут планомерной миссионерской деятельности¹. Историки по-разному объясняли это: простым отсутствием источников по теме, по меньшей мере до XVIII в. (Йозеф Глазик)²; спецификой складывания Московского царства, а потом и Российского государства как своего рода до-модерной империи, которая не вписывается в общепринятые каноны колониальных империй (Андреас Каппелер); восприятием мусульман как «иноземцев», а не «иноверцев» (Хайнц-Г. Нольте); особенностями византийско-православного осмысления отношения к иноверцам, т.е. специфической православной моделью религиозно-культурного плюрализма (М.В.Дмитриев)³. Мне представляется, что

¹ См., например, последнюю по времени издания литературу: [Dmitriev, 2007, S.121–134]; [Дмитриев, 2012, с. 114–125] (где указана и литература вопроса). В последние два года в Москве под руководством проф. М.В.Дмитриева действует постоянный семинар под названием «Ислам, восточное христианство и иудаизм на Европейском Востоке в средние века и новое время: особая модель религиозно-культурного плюрализма?».

² Й.Глазик делит всю историю православного миссионерства на четыре больших эпохи: «спонтанного» миссионерства (XI–XV вв.) на Русском Севере и среди татар; возглавляемого церковью миссионерства в Сибири и азиатской России (с XVI в.); период миссии, которую контролировало государство с тенденцией к русификации (с эпохи Петра); возвращение к церковной миссионерской практике в азиатской России (со времени правления Екатерины II). См. [Die Russisch-Orthodoxe, 1954. S.1–3].

³ На эту особенность православия (отсутствие общественной деятельности во вне, следовательно в том числе и миссионерской) по сравнению с западным христианством обращали внимание еще П.Я.Чаадаев, а вслед за ним и В.С.Соловьев. Для П.Я.Чаадаева восточное христианство сохранило византийскую чистоту и аскетичность, однако утратило политическую свободу, было подчинено политической власти и не стало дрожжами социальной жизни. «Сохранение церковной истины было преимущественно задачей православного Востока; организация церковной деятельности под

скорее можно говорить об имперской евразийской преемственности религиозно-языковой интеграции, которая наиболее ярко проявилась в ордынский и русский периоды евразийской истории.

Уже в конце XIII–XIV в. на Руси на службе русских князей, по семейным, торговым и иным делам появляются иноверцы (иудеи, представители других ветвей христианства, мусульмане). Их пребывание на Руси в разных статусах очень часто предполагало обращение в православие. Чаще всего такой переход осуществлялся при брачных союзах, а также при выезде на службу. В 1302 г. белоозерский князь Федор Михайлович женился на дочери царевича Ильбасмыша, в 1317 г. Юрий Данилович женится на Кончаке (родной сестре хана Узбека), крещеной под именем Агафья [ПСРЛ, 1, 1997, стб.528; ПСРЛ, 24, 2000, с.108]. К 1318 г. относится самый ранний зафиксированный случай перехода ордынца на московскую службу, когда из Орды к московскому князю Юрию Даниловичу выехал Телебуга [Кузьмин, 2002, с.10]. Скорее всего, большинство из этих вновь крещеных к моменту перехода были мусульманами. Естественно, что обращение в православие должно было привести к появлению особых текстов, которые определяли бы процедуру крещения. Действительно, с XIV в. начинают распространяться так называемые Чины принятия в православие, по которым этот переход и осуществлялся: «Чин принятия приходящих от жидов», «Чин обращения крещеных в ереси», «Чин над обращающимся от срачин». В их основе лежали греческие тексты, которые переводились на славянские языки, начиная с XIII в. Чины принятия инославных в славянской традиции впервые появляются в Сербии на рубеже XII–XIII вв., в сербской редакции Кормчей книги, которая попадает на Русь в 1262 г. Чин принятия мусульман по структуре представляет перечень проклятий разных элементов исламского вероучения (как реальных, так и мнимых), и лишь упоминание в начале текста о том, что все это происходит в «крестилище» перед купелью гово-

рит о том, что вслед за проклятиями следует крещение. Этот Чин известен по греческим рукописям с XII в. и в славянской традиции появился в той же сербской редакции Кормчей. Когда в конце XIII в. на основе сербской и древнеславянской редакций составляется первоначальная русская редакция, этот чин в нее не вошел. Однако уже в XIV в. при составлении новых канонических компиляций чин принятия мусульман входит в Кормчую, а затем и в Требник (старший его список датируется концом XIV в.). Причем редактор русского текста Чина в Требнике, как показала М.В.Корогодина, не просто взял за основу ранний сербский перевод с греческого, а параллельно обращался к греческому тексту для прояснения темных мест [Корогодина, 2013, с.100].

Самое важное, что русский текст Чина в Требнике в нескольких случаях оказался подробнее оригинала. Так, если в Сербской редакции есть фраза «Проклинаю Алима по дщери зети Моамедова, и Апоупикерта», т.е. Али, действительного зятя пророка, мужа его дочери Фатимы и Абу Бакра ас-Сиддика (первого праведного халифа и тестя Мухаммада), то в русской версии Требника это проклятие звучит так: «Проклинаю Алима, еже по дщери зятъ Моамедова, и Хасана, и Хоусена, с(ы)новъ его, и Апоупикера». В русской редакции Кормчей – Чудовской – имя Абу Бакра искажено до почти неузнаваемости: «Апутикер», а в другой статье этой редакции его имя «Апопукрий Садокийский» (которое есть в греческих и сербских оригиналах) вообще пропущено. Перечисление сыновей Мухаммада в Сербской редакции и зависящей от нее русской отсутствовало, однако в части греческих списков оно есть [Там же, с.101].

В Требнике есть и другие, индивидуальные чтения, не характерные для Сербской и ранних русских редакций Кормчей. Это означает, что русский редактор Чина в Требнике по какой-то причине предпочел расширить Чин, обращенный в своем греческом оригинале в первую очередь к суннитам («Апопукрий Садокийский»), за счет шиитов. Почему это произошло именно на Руси, сказать пока сложно, однако очевидно, что исходный текст в русских условиях подстраивался под обстоятельства.

руководством единой и безусловно самостоятельной духовной власти являлась преимущественной задачей католического Запада» [Соловьев, 1883]. См.: [Гершензон, 1908, с.166–169].

§ 3. Татарские юрты и Османская империя

Илья Зайцев

Возникновение османско-золотоордынских дипломатических связей восходит к XIV в. Однако самым ранним дошедшим до нас текстом золотоордынско-османской переписки является подлинник письма хана Улуг-Мухаммеда султану Мураду II [TSMА, №10202], датированного 14 мартом 1428 г. Документ этот написан на чагатайском языке. Письмо было найдено А.Н.Куратом в архиве дворца-музея Топкапы и опубликовано им в 1937 г.¹ Я.Пеленский относил документ к числу казанских текстов. По его справедливому замечанию, поскольку это послание было написано, когда Улуг-Мухаммед был все еще на троне Золотой Орды, т.е. до того, как он стал первым правителем нового Казанского ханства, то могут возникнуть возражения против включения письма в число казанских документов. Однако, тот факт, что «Казанское ханство было основано «отколовшимися» (dissident) элементами из Золотой Орды и Улуг-Мухаммед стал первым ханом нового татарского государства, позволяет рассматривать этот ярлык по меньшей мере в качестве пограничного случая» [Pelenski, 1974, p.14]².

¹ См. [Kurat, 1937]. Эта публикация, как отмечал сам издатель, представляла собой «выполненную в течение короткого, едва ли не трехнедельного срока», работу и содержала ошибки. Поправки к этому изданию с указанием разночтений и конъектур см.: [Halasi Kun, 1942, p.144–145]. Более надежные издания: [Kurat, 1940, s.6–36; Halasi Kun, 1949, S.609–626; Султанов, 1975, с.53–61]. Приложение, поправки к тексту и переводу, а также описание внешнего вида документа см.: [Султанов, 1978, с.237–239]. Конъектуры к изданию А.Н.Курата см.: [Малов, 1953, с.188]. Русский перевод публикации письма А.Н. Куратом 1940 г. см.: [Письмо, 1996, с.28–34]. Практически полное повторение издания 1940 г. (правда, без воспроизведения текста и комментариев) предприняла в 1996 г. А.Мелек Озьетгин, но по сравнению с изданием А.Н.Курата эта публикация ценна гораздо менее [Özyetgin Melek, 1996]. О внешнем виде и особенностях документа см. также: [Zajączkowski, 1948, s.214–215]. См. также: [Зайцев, 2004а, с.49–50].

² Употребление Я.Пеленским термина «ярлык» по отношению к письму Улуг-Мухаммеда представляется неверным и является результатом непоследовательности в классификации документов Золотой Орды и постордынского времени А.Н.Куратом.

Оборотная сторона листа занята текстом, на первый взгляд не имеющим отношения к письму Улуг-Мухаммеда. Это копия *фетх-наме*³ Мурада II о завоевании крепости Гюверджинлик («Голубятня»)⁴, написанного на арабском в 831 г.х. и направленного в Египет некоему беку Акбуге [Kurat, 1940, s.7]⁵. 831 г.х. соответствует периоду времени с 22 октября 1427 г. по 10 октября 1428 г. Название *Gügercinlik* – турецкая калька сербского названия Голубац – крепости на правом берегу Дуная к востоку от Белграда [Kołodziejczyk, 2000, p.106]⁶. Османские войска дважды овладевали этой крепостью: первый раз в ноябре 1427 г., когда Голубац, который по договору сербского деспота с королем Сигизмундом⁷ должен был быть пере-

«Когда речь идет о ярлыках, то здесь имеются в виду приказного характера письма (nameler) золотоордынских, крымских, казанских ханов, адресованные ими правителям иноземных государств; также [ярлыками] называются жалованные грамоты (yazılar), выданные ханами своим подданным или какому-либо лицу вообще» [Kurat, 1940, s.3; Усманов, 1979]. С другой стороны, А.Н.Курат совершенно правильно называл письмами или посланиями (bitikler) ханские документы, адресованные, например, турецким султанам [Kurat, 1940, s.4]. При использовании в дальнейшем терминов «ярлык», «послание», «письмо» и др. я полностью следую определениям, данным М.А.Усмановым, кроме случаев цитирования других авторов.

³ Об османских *фетх-наме* см.: [Lewis, 1962, p.192–196].

⁴ Такое же название этой крепости упомянуто и в османском таквиме (календаре-летописи), т.н. списка А, см.: [Turan, 1984, s.24], а также в одном османском документе 1487 г., см.: [Hazai, 2001, p.180] (*Ve bir dahi Gügercin-lik karşısında Varadın adlı hisarlık vardır*). Несколько иное написание (*Gügercinlik*) в османском дефтере 1549/1550 гг. см.: [Ottoman, 1996, p.13]. О трансформации *кеф-и фарси* в живом произношении в звук «в» см. [Самойлович, 2002, с.34].

⁵ Сокращенный текст этого документа см.: [Feridun Bey, 1275/1858, s.201–202]. Там же и ответ Мураду.

⁶ О средневековом городе см.: [Тирковић, 1968].

⁷ Сигизмунд (15. II. 1368 г. – 9. XII. 1437 г.) – сын Карла IV, король венгерский (1387–1437), немецкий (1410–1437), богемский (1419–1436), германский кайзер (1433–1437). См. о нем: [Biographisches, 1981, s.122].

дан венграм, вместо этого был добровольно сдан туркам комендантом города Иеремией [Hammer, 1827, s.430; Jireček, 1918, s.163–164; Историја, 1982, с.220–221; Торовић, 1993, с.300–301]. Второй раз, согласно *Тарих-и Абу-л Фатх* Турсун Бега, город был взят войсками Махмуда-паши в июле 1458 г. [The History, 1978, p.81a]¹. Окончательное завоевание Голубца сделало город стратегически важной пограничной крепостью, жители которой охраняли османские суда на реке, а также обеспечивали охрану самого города от набегов венгров и гайдуков [Зиорович, 1990]². С начала 1428 г. по июнь этого же года крепость была осаждена войсками Сигизмунда, вокруг города велись ожесточенные бои, видинский санджак-бей Синанбей неожиданной вылазкой существенно потрепал венгерские войска [Öztuna, 1964, s.151–152]. Ясно, что оригинал *фетх-наме* относится к первому взятию османами Голубца, т.е. написан после ноября 1427 г., когда турки овладели городом.

В Египте в это время – с 1422 по 1438 г. – правил Ашраф Сейф-ад-Дин Барсбай³. Мурад II обменивался с ним посольствами и письмами. Сохранилось письмо Мурада Барсбаю от 10 зуль-хиджа 831 г.х.⁴ и ответ мамлюкского султана [Feridun Bey, 1275/1858, s.195–198]. Падение Гюверджинлика и поражение венгров в 1428 г., естественно, послужили поводом для продолжения османско-мамлюкских контактов, и в 1430 г. османский посланец доставил в Египет сообщение о взятии турками Салоник [Darrag, 1961, p.389]⁵. Видимо, Акбу-

га, которому было направлено *фетх-наме* Мурада II, – это эмир Барсбая, «инспектор» Верхнего Египта, полное имя которого – Акбуга Джамали [Darrag, 1961, p.46–47, 149]. В тексте *фетх-наме* он назван «эмиром правоверных» и «опорой государства и веры». В любом случае, текст *фетх-наме* оказался на оборотной стороне письма Улуг-Мухаммеда, видимо, уже после его получения в Стамбуле, т.е. оригинал послания хана был переиспользован в султанской канцелярии. Зачем понадобилось создавать копию *фетх-наме* на обороте письма Улуг-Мухаммеда, не совсем ясно. Трудно предположить, что сделано это было из-за нехватки писчего материала. Между тем, прямой связи, кроме года написания (1428), между этими документами как будто бы нет⁶.

Текст письма Улуг-Мухаммеда сохранился не полностью: отдельные места пострадали от сырости и не поддаются прочтению. В письме Мураду II хан коснулся истории османско-ордынских отношений: «Наши прежние братья-ханы и ваши отцы, султаны вилайета Рум и старшие братья неоднократно посылали друг другу послов, обменивались подарками и приветствиями, вели торг через купцов-уртаков и находились в хороших отношениях. Затем наш брат-хан Токтамышхан и ваш великий дед гази Баязид-бек в соответствии с добрым старым обычаем обменивались послами, подарками, приветствиями и, пребывая в дружбе и согласии, удостоились милости господней» [Kurat, 1940, s.8–9, 161–165; Султанов, 1975, с.54]. Этот документ свидетельствует «не только об обмене посольствами между сараевскими ханами и турецкими султанами в 20–30-х гг. XIV в., но и сообщает, что подобные контакты имели место во времена султана Баязида и хана Тохтамышана накануне известных походов Тимура в Поволжье и Малую Азию, т.е. еще в ту пору, когда и сарайские ханы, и турецкие султаны были заинтересованы в

¹ У Хюсейна завоевание «Кёкюрджинлика» и поражение сербов и венгров под крепостью относится к 831–832 г.х. (1427/29 г.). См.: [Хюсейн, 1961, л.169а, 171а]. Этим же годом историк датирует и завоевание Джан-овасы. У Хюсейна упоминается и еще какой-то «Кёкюрджинлик», возможно, в Иране [Там же, л.143а], хотя, скорее, это город в санджаке Худавендигяр (см., напр.: [Das osmanische, 1984, 90 b.6]).

² В XVII в. Голубац – рядовой судебной-административный округ (*каза*) в санджаке Семендре Будинского эйалета (см.: [Stojkov, 1970, p.227]).

³ Именно его имя упомянуто в заголовке *фетх-наме*. Заголовок письма называет его (письмо *наме-и хумаюн* (т.е. августейшее послание).

⁴ Дата соответствует 21 сентября 1428 г.

⁵ Салоники были взяты османскими войсками 13 марта 1430 г. (см.: [Öztuna, 1964, s.152]).

⁶ В принципе, случаи написания на оборотной стороне документа еще одного текста встречаются в дипломатической практике. Так, например, письмо азовского *диздара* в Москву в 1521 г. было написано на обороте грамоты кафинского санджакбея Мухаммеда [РГАДА, ф.89, оп.1, ед.хр.1, л.146]. Однако здесь оба текста – подлинники. В нашем случае на оборот подлинника нанесли копию другого текста.

создании антитимуровского союза. Из письма также ясно, что переписка Джучидов с турецкими султанами имеет еще более раннюю традицию» [Усманов, 1988, с.128].

Действительно, слова Улуг-Мухаммеда о древности осmano-ордынских связей, скорее всего, «имеют не просто декларативный, а документальный характер» [Там же, с.132]. Импульсом для продолжения официальных контактов послужили общие внешнеполитические интересы двух государств в конце XIV в. М.Г.Сафаргалиев предположил, что сближение Тохтамышом с Баязидом могло произойти в 1394 г., когда Тохтамыш активно искал союзников против Тимура. «На этот счет нет прямого указания, но косвенные данные говорят о возможности такого союза» [Сафаргалиев, 1996, с.418]. Представляется возможным уточнить это предположение. В 1394 г. в Дамаске египетский султан аз-Захир Баркук принимал послов Тохтамышом, Баязида и Бурхан ад-Дина Ахмада, правителя Сиваса. Рассказ об этом сохранился у мамлюкского историографа Тагри Бирди: «Туда прибыли к султану послы Тохтамыш-хана, правителя земли Кыпчак (Кыфджак), предлагая союз против Тимурленка, предложение которых султан принял. За ними прибыли послы османского султана Йылдырыма Баязида, правителя Малой Азии, сообщая, что он послал 200 000 дирхемов в помощь аз-Захиру и что он будет ждать ответа султана, чтобы поступить соответственно...» [Taghri Birdi, 1954, p.148; Закиров, 1966, с.95–96]¹. Баркук с благодарностью воспринял эти предложения. Возможно, что первые официальные контакты представителей Тохтамышом и Баязида произошли именно в августе 1394 г. в Дамаске, где представители четырех стран обсуждали перспективы войны с Тимуром².

¹ Посольство Тохтамышом, согласно сочинениям Ибн аль-Фората, аль-Макризи и Ибн Шохба аль-Асади, прибыло в Дамаск 26 марта 1394 г. (23 джумада I 796 г.х., в четверг) или, по аль-Аскалани и аль-Айни, 20 джумада I того же года (т.е. 23 марта). См.: [Тизенгаузен, 1884, с.356 (363), 428 (442), 445 (448), 450 (453), 531]. Следовательно, переговоры состоялись там до 28 августа, когда султан переехал в Алеппо.

² Этому событию был посвящен специальный доклад Эхера Мухаммеда на 13 конгрессе Турецкого исторического общества. Правда, исследователь

Поражение Тохтамышом в 1395 г. и катастрофа 28 июля 1402 г. (битва при Анкаре) на какое-то время приостановили развитие отношений двух государств. И Османская империя, и Золотая Орда испытывали тяжелейшие внутренние потрясения, временно снявшие актуальность контактов друг с другом. Однако у двух придворных летописцев Тимура Шараф ад-Дина Йезди и Низам ад-Дина Шами, а также у византийского историка Лаоника Халкокондила сохранились известия, что часть Орды, разгромленной Тимуром на Ворскле, под предводительством эмира Актава в 1397 г. бежала в низовья Днепра, откуда, двинувшись далее на запад, вероятно, в 1398 г. попала в османские владения на Дунае. Актав вынужден был волей-неволей вступить в переговоры с Баязидом, результатом которых стало поселение беженцев на юге Дуная и Балканах. Возможно, именно эта группа разграбила в феврале 1399 г. Варну. Однако вскоре Баязид изменил решение и устроил кровавую бойню татарских вождей, которая не могла не вызвать сопротивления татар. Оставшиеся в живых были поселены вокруг Эдирне³.

К сожалению, мы не имеем сведений о развитии осmano-ордынских дипломатических отношений в самом начале XV в. Т.Халаша-Кун в одной из своих ранних статей относил посольство Улуг-Мухаммеда к Мураду в Адрианополь к 1424 г. [Halasi Kun, 1942, p.143]. Видимо, это ошибка. В феврале 1424 г. Мурад после поездки по малоазийским городам принимал в Эфесе послов сопредельных держав [Жуков, 1988, с.73]. Сведений о посольстве Улуг-Мухаммеда к Мураду в 1424 г. в известных мне источни-

называл этот союз «тройственным», т.к. не учитывал правителя Сиваса. См.: [Muhammedi, 1999, s.136]. Между прочим, в диване Кади Бурханеддина (1345–1398 гг.) сохранились такие строки: İki âlemde Hak'a sığınmışız // Tohtamış ne ola ya ahsah Temur (см.: [Yücel, 1986, s.5]). Т.е. «в двух мирах (на том и на этом свете), уповаем на Истину (т.е. Бога), что (нам) Тохтамыш или Аксак Тимур». Эти строки поэта в свое время вызвали интерес А.Е.Крымского (см. [Галенко, 1998, с.73]).

³ Такова реконструкция событий, предложенная на основании сведений Халкокондила, Бадр ад-Дина Айни и хроник Шами и Йезди. См.: [Desei, 1950–1955, p.77–92]. См. также: [Ахмедова, Мургузалиев, 2001, с.155; Ditten, 1968, s.13–14].

ках нет. Письмо Улуг-Мухаммеда выглядит как первое официальное послание, призванное восстановить дипломатические отношения после длительного перерыва. Причину этого разрыва следует, видимо, искать в возобновлении союза Тохтамыша с Тимуром в самом начале XV в.

Из письма Улуг-Мухаммеда становится ясным, что существовало два пути, по которым осуществлялся посольский обмен между двумя странами. Один – сухопутный – проходил через Причерноморские степи и Валахию, второй шел через Черное море: «Мы не снарядили к вам человека, полагая, что, если мы его пошлем, Афлак¹ его не пропустит. Мы знали, что от вас водным путем к нам отправлен человек. Как случилось, что он не прибыл?» [Kurat, 1940, s.8–9, 161–166; Султанов, 1975, с.54; Султанов, 1978, с.239].

В это время в европейской дипломатии зреет идея антиосманской коалиции с участием азиатских государств. Одно из первых мест в этом возможном союзе отводится ханам Джучиева Улуса. Мысль о привлечении «кипчакских» ханов к антиосманскому союзу к началу XV в. уже имела свою историю, т.к. еще в 80–90-х гг. XIV в. европейские государства и, в частности, Византия² и Венеция предпринимали подобные попытки [Silberschmidt, 1923].

Осенью 1411 г. до встречи между Сигизмундом (1387–1437 гг.) и королем Польши, польская делегация в Риме просила папу Иоанна XXII объявить крестовый поход против татар. Послы Сигизмунда к папскому престолу, однако, убеждали папу, что организация такого похода будет смертельной ошибкой. Сигизмунд считал, что татары – естественные союзники европейских государств против Османской империи. Владислав был готов разделить взгляды Сигизмунда: в 1412 г., когда в Буду прибыли послы татарского хана и предложили польскому королю заключить союз против всех его врагов, он, как и Сигизмунд, принял это предложение. В начале 1412 г. Сигизмунд посылал послов (Николауса де Геретца) через генуэзскую Кафу к хану Джалал-ад-Дину (сыну Тохтамыша), правившему в 1411–

1412 гг., с предложением присоединиться к антиосманской лиге вместе с Византией, на что был получен положительный ответ [Stromer von Reichenbach, 1972, s.591].

В списке даров (*litterae donationis*) – пожаловании, выданном Сигизмундом в г. Надьсомбат 6 февраля 1428 г., описана миссия двух венгерских послов (получателей пожалования) к азиатским правителям с целью заключения союза против Турции. Этот документ хранится в Венгерском Национальном Архиве (*Magyar Országos Levéltár, Diplomatikai Levéltár: 100.445*). Имена послов – Miklos Szerecsen (*Nicolaus Sarachenus*) и Josza Török (*Iosa Turcus*). Миклош Гереша – *Nicolaus de Geretz* (один из послов Сигизмунда) попал в плен к туркам при Никополе и 12 лет провел в неволе. После того, как он обрел свободу в 1408 г., он поступает на службу к Сигизмунду. «Сараценусом» он назван, возможно, потому, что был в плену у мусульман. При его возвращении в Венгрию из плена, на обратном пути к нему присоединяется турок, впоследствии крестившийся (*Jozsa Török*), также поступивший на службу к Сигизмунду и выполнявший с Миклошем Сараценусом дипломатические поручения монарха [Agoston, 1995, p.273].

Помимо прочего в списке сказано: «... Йожа Тёрёк был послан в качестве нашего посла принцу Магомету, господину Татар Орды; принц тоже намеревается против гнусных турок со всей своей мощью, так что, таким образом, он (т.е. посол) привез от этого Магомета ответ, желаемый нами...» [Katona, 1790, p.503–507; Tardy, 1978, p.10–13]. Магомет, «господин (правитель) Татар Орды», к которому ездили послы Сигизмунда, по предположению Л.Тарди, – Улуг-Мухаммед [Tardy, 1978, p.18–19]. Однако Л.Тарди исходил из датировки упомянутых в списке посольств тем же 1428 г. (т.е. датой написания самого списка). Не так давно Д.Агостон, обратившись к архивному подлиннику документа, показал, что список упоминает миссию Миклоша Гереша не в Караманию в 1428 г.³, а посольство Сигизмунда к Кара-Юлюку Ак-Коюнлу в 1419 г. [Agoston, 1995, p.273–274].

¹ Эфлак/Афлак – Валахия.

² Особенно активно Византия пытается найти противовес туркам в лице Тимура.

³ Как считал Н.Йорга [Jorga, 1909, s.406], а за ним и Л.Тарди.

Таким образом, посольство Сигизмунда к «Магомету, Господину Татар Орды» (т.е. к Улуг-Мухаммеду) имело место между 1419 и 1428 гг. Штромер фон Райхенбах относил посольства Тёрёка к Улуг-Мухаммеду к 1419–1423 гг. [Stromer von Reichenbach, 1972, s.596]. Поскольку воцарение Мухаммеда относится, согласно вычислениям М.Г.Сафаргалиева, к концу 1421 г., следовательно, время совершения посольства можно сузить. Йоза Тёрёк был у Улуг-Мухаммеда и получил удовлетворительный ответ на предложение Сигизмунда до 1423 г. В связи с вышеизложенным становится более понятным, почему на султанской канцелярии связывали переписку Улуг-Мухаммеда с документами о ведении боевых действий против Сигизмунда, почему на обороте письма хана султану Мураду II появилась копия *фетх-наме* 831 г.х. (конец 1427–1428 г.) с сообщением о взятии сербской крепости Голубац (Güvercinlik).

Согласно договору в Тати в мае 1426 г., сербского деспота Стефана с Сигизмундом, наследником сербского трона был утвержден Георгий Бранкович, племянник Стефана (сын Вука I, внук Лазаря по материнской линии). Договор предполагал, что, в случае смерти Лазаревича без мужского потомства (что, учитывая состояние его здоровья, было совершенно очевидно), Белград и Голубац должны были отойти Сигизмунду. Если бы и Георгий умер без наследников, сербские земли также бы перешли Сигизмунду. Фактически договор означал принятие сербами венгерского диктата в обмен на помощь в обороне от турок. Сербия, которая считалась вассалом султана, как бы вошла в антиосманскую коалицию¹.

19 июля 1427 г. после соколиной охоты деспот Стефан Лазаревич скончался. На царство, как и предполагалось, был помазан Георгий Бранкович. Он вззошел на престол без уведомления султана Мурада II. Бранкович едет в Голубац, и именно воевода Голубаца Иеремия возлагает на помазанного руку и оружие в знак признания прав Георгия.

Между тем османы, недовольные выходом вассала из-под контроля, посылают на Сербию мощный экспедиционный кор-

пус: османская армия под командованием Иса-бега 3 сентября осадила Ново Брдо. На помощь корпусу Исы двигался сам Мурад. Вскоре был взят Крушевац. В этой критической ситуации Бранкович начал осуществлять обещания Татинского договора, надеясь на венгерскую помощь против турок. Вероятно, уже в сентябре или даже в конце октября 1427 г. Сигизмунду был передан Белград. Очередь была за Голубацем. Однако в дело вмешался воевода крепости Иеремия, который потребовал 12 000 дукатов за передачу ее венграм. Скорее всего, именно эту сумму он выплачивал ранее деспоту за право управлять городом². В доказательство Иеремия приволил документ, однако король оспаривал подлинность печати и сумму выплаты. Оказавшись между двух огней (турками и королем Сигизмундом) и видя бесперспективность переговоров с последним, Иеремия обращается с аналогичным предложением к султану и находит у него понимание. Едва наступила зима, Голубац был сдан Иеремией туркам без боя (вероятно, требуемая сумма была выплачена сполна). До мая 1428 г. события вокруг крепости почти не развиваются: Георгий поддерживает мир с султаном и исправно платит *харадж*. Однако ситуация сильно осложнилась вмешательством Сигизмунда, который с 30-тысячным венгерским войском в конце апреля 1428 г. осадил турецкий гарнизон крепости. До июня 1428 г., когда противоборствующие стороны заключили при посредстве Синан-бея перемирие сроком на три года, турецкий гарнизон Голубца был осажден венгерскими войсками Сигизмунда со стороны Дуная и с поля и активно подвергался бомбардировкам [Jireček, 1918, s.163–164; Радонић, 1905, с.54–55; Историја, 1982, с.220–221; Ћоровић, 1993, с.300–301; Динић, 1978, с.106, 108, 338; Спремић, 1994, с.71, 90–92, 96, 99, 101].

В Стамбуле, возможно, опасались участия Улуг-Мухаммеда в сербско-венгерских

¹ Подробнее о договоре см.: [Prleuder, 1992].

² Турецкий историк И.Х.Узунчаршылы природу этих 12 тысяч дукатов объяснял схожим образом (как долг наместника города, или что-то вроде откупной суммы). Сигизмунд даже как будто бы заплатил эти деньги, но крепость досталась Османам (см.: [Uzunçarşılı, 1988, s.407]. Ср. досадную опечатку – 831 г.х. – 1425 г. (!) [Ibid]).

событиях, или же, наоборот, раздумывали о возможности привлечения хана, зимовавшего, как это следует из его письма Мураду, на Днестре (Озю), к военным действиям на Дунае. К сожалению, определенного ответа на этот вопрос пока дать нельзя.

В европейские планы привлечения исламских государств к антиосманской коалиции входил и мамлюкский Египет. Чтобы предотвратить возобновление дружественных отношений между ним и османами, Венеция посылает египетскому султану двух послов. Улуг-Мухаммед сам вел весьма активную внешнюю политику. По сообщению аль-Айни 21 апреля 1429 г. (т.е. через год после написания письма Мураду II), его послы прибыли в Египет, имея при себе подарок и два письма (на арабском языке и монгольском, уйгурским алфавитом) [Тизенгаузен, 1884, с.502; Spuler, 1943, s.158]. Возможно, в составе именно этого посольства к султану ал-Малику ал-Ашрафу Барсбаю находился И.Шильбергер, который упоминает посольство Улуг-Мухаммеда к мамлюкскому султану по случаю свадьбы дочери последнего [Шильбергер, 1984, с.36, 46].

К сожалению, результаты и действительные цели этих посольств неизвестны. Неясно, насколько реальна была «антиосманская» позиция Улуг-Мухаммеда. Скудость источников не позволяет ответить на этот вопрос с определенностью. Документы сношений Улуг-Мухаммеда с турецкими султанами в более поздний период неизвестны. Возможно, это объясняется тем, что с основанием Казанского ханства круг внешнеполитических интересов Улуг-Мухаммеда несколько изменился, Османская империя не играла главную роль в его внешней политике. Это место занимало сначала Великое княжество Литовское, а затем и Московское княжество.

Улуг-Мухаммед еще в первой половине 1420-х гг. активно сносился с великим князем литовским Витовтом. В 1424 г. к Витовту приезжало посольство Улуг-Мухаммеда. 1 января 1425 г. Витовт писал великому магистру: «...Мы Вам сообщаем, что татарское государство раздвоено и разделено, так что теперь там 6 государей, которые и борются за власть. Один из них Махмет, находится при нас, а другие живут в разных ме-

стах, так как их земли велики и обширны» [Барбашев, 1891, с.189–190].

В последних числах января 1429 г. в Луцке собрались великий князь литовский и русский Витовт, король польский Владислав (Ягелло), король римский и германский Сигизмунд, представители папы, византийского императора, датского короля, великого магистра Тевтонского Ордена в Пруссии и Ливонии, господаря Молдавии, мелкие русские и литовские князья, герцоги Мазовецкие и т.д. Заседания конгресса длились около двух недель. Основным вопросом съезда была общеевропейская борьба с турками [Таубе, 1898, с.139]. По некоторым, впрочем, маловероятным данным, на съезде присутствовал перекопский хан [Чешихин, 1887, с.60.]. А.Е.Крымский считал, что это был Хаджи-Гирей – «недавно поставленный вассал Витовта и враг Турции» [Крымский, 1916, с.43, 177]. Присутствие на конгрессе Хаджи-Гирея в качестве крымского хана маловероятно. Ханом Крыма и джучидских земель на западе был тогда Улуг-Мухаммед. Витовт в письме Ливонскому ордену от 9 сентября 1429 г. (незадолго до съезда) писал: «Царь Махмет, наш друг, писал нам, что он владеет теперь всем царством и Ордой и через посла своего предложил нам прочный союз» [Сафаргалиев, 1996, с.486]. Вряд ли хан лично присутствовал на конгрессе, но его представители там быть могли¹. Особенно остро на конгрессе обсуждался молдавский вопрос. Сигизмунд, до которого дошли слухи, что господарь Александр сносится с турками, требует от Ягайло приступить к разделу Молдавии или приказать Александру (как своему леннику) отстать от турок и помогать императору в борьбе с ними. Сигизмунд ведет переговоры с послами Ордена об учреждении особой его ветви на Дунае в качестве постоянной военной колонии для борьбы с турками. Этот замысел не осуществился [Таубе, 1898, с.145]. Император просил Ягайло и Витовта оказать ему помощь против турок. Ягайло собрал отряд (в основном из выходцев с русских земель, что вызвало

¹ В донесении прусских командоров со съезда в Луцке (15 января 1429 г.) сказано, что на съезде у Витовта искал покровительства бургомистр города Kassar. А.Барбашев считал, что речь идет не о Казани, а о кашинском князе [Барбашев, 1891, с.201, прим. 23].

там большое неудовольствие), но отряд, соединившись с господарем, не дождался сил Сигизмунда и вернулся в Литву [Барбашев, 1891, с.233]. В августе 1430 г. перекопский хан лично был в Вильне на несостоявшейся коронации Витовта [Таубе, 1898, с.151].

Важным источником по истории восточноевропейской политики Улуг-Мухаммеда являются документы переписки хана с Ливонским орденом. Судьба этих материалов, собранных Геннигом и хранившихся в Кенигсбергском архиве, неизвестна. Скорее всего, они не сохранились (подобно материалам из этого собрания, которые использовал в своей работе над Историей Государства Российского Н.М.Карамзин)¹. Среди копий документов Кенигсбергского архива в РГАДА (ф.147) их нет. Единственным источником служат пересказы писем Свидригайло и Улуг-Мухаммеда (например, очень темного немецкого перевода письмо Улуг-Мухаммеда гроссмейстеру Ливонского ордена, датированное 1433 г. (Секретный Архив № LXXVII), в монографии А.Коцебу [Коцебу, 1835, с.168–169] и труде Н.М.Карамзина. А.Коцебу, работавший в Кенигсбергском архиве в 1813 г., имел этот документ, как и письма Свидригайло гроссмейстеру ордена, в которых содержится уникальная информация об участии Улуг-Мухаммеда в литовских междоусобицах, в своем распоряжении. Н.М.Карамзин пользовался копиями, присланными ему и министру внутренних дел О.П.Козодавлеву Экспедицией прибалтийского дворянства [Карамзин, 1998, с.357].

Улуг-Мухаммед вступает в союз со Свидригайло, который вместе с Орденом борется против Ягайло за престол ВКЛ, и, видимо, в начале 1431 г. дает ему шерть. 9 мая 1431 г. Свидригайло пишет из Смоленска ливонскому магистру Павлу, что его посол, «Строгий рыцарь Петр, воевода Новгородский, возвратился от Татарского хана с уверением, что сей последний желает пребыть с ним в истинной любви и дружбе, как и с предместниками его, и готов вспомоществовать ему не токмо всем войском, но и личным даже присутствием своим, где и

когда нужда того потребует; в чем и дал ему от себя письменное обязательство в такой силе, как прежние ханы давали предместникам Свитригайловым; для вящего же подтверждения дружбы своей прислал к нему четырех знатнейших князей, в том числе и своего тестя, и даровал свободу Григорию Протасию, воеводе Мчаскому, вместе с многими другими взятыми в плен» [Коцебу, 1835, с.94; Секретный архив № XXI]². Текст письма (видимо, более точный) Свидригайло, по Н.М.Карамзину, следующей: «...послали есмо Боярина нашего, на имя Михаила Арбанасса, ко Царю Магметю к Орде, а после опять перед Великою ночью послали есмо к Орде жь Пана Ивашка Монивидовича, прося Царя, штобы нам такожь от себя помогл. Тот жо Михайло Арбанас приехал к нам к Смоленску того жь дни, как Кунтуров слуга Климок: приказал с тым Михайлом к нам Царь Магметь Ордыский, молвя, как есми взял братство за-одно стояти с тобою, с своим братом с Великим Князем Швитригайлом, то так держу полно свое слово, свое докончанье. А послал был есмь сее зимы к тебе брату на помочь своих людей дванадцать тысяч, а с ними многих в головах Уланов Князей, и дошодшо до Киева вернулись опять: за снегом не могли далее пойти: снега были велики; а нынечи шлю к своему брату, к тебе к Великому Князю Швитригайлу, на помочь сына своего большого Мамутяка Царевича³, а правую руку зятя, Князя Айдара, а другого зятя, Князя Елбердея, со многими людьми... и на ярлыце псал на своем: будеть тых людей моих мало, а будет самого мене надобе со всеми моими людьми, готов есим к тебе...» [Карамзин, 1993, с.334].

13 декабря 1432 г. Магистр Лифляндский сообщал орденскому гроссмейстеру со слов комнатного (приближенного слуги) Свидригайло Юшки, что хан татарский прислал в помощь Свидригайло «зятя своего с 20 000 войска, присоединив к тому 50 000 «волохов» и другие 50 000 под началом воеводы Кивенского (Киевского?). Силы сии должны совокупно действовать против поля-

¹ О бумагах Кенигсбергского архива, которыми пользовался Карамзин, см.: [Карамзин, 1998, с.357–358].

² Мценский воевода Г.Протасев был обманом схвачен зятем Улуг-Мухаммеда Айдаром под Мценском в октябре 1430 г. [Зимин, 1991, с.43, 44, 227].

³ Махмудек, преемник Улуг-Мухаммеда в Казани.

ков» [Коцебу, 1835, с.153; Секретный архив №LXXI]. Численность войск, присланных Улуг-Мухаммедом, Свидригайло явно завышена, но сообщение о присылке какого-то количества «волохов»¹ само по себе интересно. Валахия и Молдавия играли важную роль в антиосманских планах европейских монархов. Валашский господарь Мирча (1386–1418) впервые заплатил туркам харадж в 1394 г., а затем в 1415 г., но сохранил независимость. Однако, Александру Альдеа (1431–1436) в 1431 г. (т.е. за год до предполагаемой посылки войск ханом) вынужден был начать посылку заложников и ежегодные выплаты дани в Османскую империю, что означало начало валашского вассалитета [Hitchins, 1967, p.124]. См. также: [Matei, 1972, p.65–81; Matei, 1973, p.81–95].

Свидригайло через своего посланника С.Рота предлагал римскому императору, чтобы он, Свидригайло, женился на дочери молдавского воеводы, дабы отвлечь его от союза с турками и поляками. Император согласился и выразил благодарность за намерение князя оказать ему помощь против турок [Коцебу, 1835, с.203]. Естественно, участие валахов в военных операциях Улуг-Мухаммеда, если таковое имело место, не могло пройти незамеченным османами. Насколько согласованы были действия хана по отношению к вассалу Турции с самой Османской империей неясно. Письмо Улуг-Мухаммеда Мураду II от 1428 г. свидетельствует о явно дружественных связях двух государств. Из письма следует, что отношения Улуг-Мухаммеда с Валахией были достаточно напряженными: «Вот уже в течение одного – двух (последних) лет для зимовки мы прикочевываем к Озю². Мы не снарядили к вам человека, полагая, что если мы его пошлем, Афлак его не пропустит ...Сообщите, как лучше удалить ту часть подвластных Афлаку неверных, которые находятся между нами» [Kurat, 1940, s.8–9; Султанов, 1975, с.54–55; Султанов, 1978, с.239]. Возможно, что имела место совместная военная операция османов и Улуг-Мухаммеда против Валахии, в результате чего страна стала

вассалом империи, а в 1432 г. хан мог направить Свидригайло какое-то количество валашского войска (вассалов султана, а значит союзников хана) в виде помощи.

6 января 1433 г. командор Людвик Ланце (посол гроссмейстера к Свидригайло) из Вейтвиска препроводил гроссмейстеру немецкий перевод письма хана Свидригайлу. По словам А.Коцебу, письмо это, «вероятно, по неведению переводчика, совершенно непонятно. Можно только догадываться из онаго, что хан Махмет намерен сам придти на помощь к Свидригайлу, или же прислать к нему многих своих военачальников и союзников. Да благоволит только Великий князь, не медля, объявить ему, какая нужна ему помощь, и Махмет готов со всем войском своим «сесть на коней». И что он Хан повелел также Князю Кивенскому (Киевскому?) Михаилу явиться к нему» [Коцебу, 1835, с.168–169; Секретный архив № LXXVII]. Тот же Ланце в письме гроссмейстеру от 11 февраля из Лукелина пишет, что «хан татарский прислал пятерых князей [Ulaen]³, ближайших родственников своих, с 10 000 войска [Bogen]», с которыми Свидригайло в ту же зиму собирался идти на Литву [Коцебу, 1835, с.169; Секретный архив № LXXVIII.]. 11 апреля 1434 г. Свидригайло сообщал из Вязьмы, что к нему прибыл посол хана с известием, что хан двинулся со всем своим войском в Киевскую область [Там же, с.192]. В 1436 г. (24 февраля) Свидригайло пишет гроссмейстеру из Киева, что сам хан татарский прибыл к нему на помощь и стоит лагерем у Киева [Там же, с.220], но уже 29 ноября того же года в письме из Луцка (Секретный архив № CXVI) он говорит, что дела идут хорошо, что татарский хан Седахмет, его друг и союзник, победив хана Махмета, покорил оружие своему Орду и обещал ему скорую помощь [Там же, с.223–224]. Разгром Улуг-Мухаммеда Сейид-Ахмедом в 1436 г. и Кучук-Мухаммедом в 1437 г. привел к тому, что он был вынужден бежать в пределы Руси – к Белеву. Последующие события (Белевская битва, основание Казанского ханства, сражение у Спасо-Евфимьева монастыря и пленение Василия II) выходят за рамки нашей темы (они подробно описаны в русской

¹ Об этимологии и соотношении форм *валах-влах-волох* см.: [Иванов, Топоров, 1979, с.61–85]. См. также: [Королюк, 1979, с.5–17].

² Днепр.

³ Т.е. уланов.

историографии, что избавляет от их пересказа) [Зимин, 1991, с.81–83, 101–108]¹.

Развал единого золотоордынского государства привел к образованию на его окраинах новых независимых политических организмов — Казанского ханства (1438 или 1445 г.), Крымского ханства (около 1441 г.), так называемого Касимовского царства (1452 г.), а затем и Астраханского ханства (около 1502 г.). Главным наследником Золотой Орды стала так называемая Большая Орда (или Большая, т.е. самая большая из всех) Орда (Таht Eli, т.е. Тронное, или Престольное владение, как официально именовалось это государство). Вероятнее всего, Османская империя устанавливает дипломатические контакты с некоторыми из них уже в 50-е гг. XV в. (за исключением, видимо, Касимова и Казани). Важнейшими из них была Большая Орда и Крымское ханство. Документы дипломатического обмена между ханами Большой Орды и османскими султанами дошли до нас явно в неполном виде. Хронологически первым является письмо хана Махмуда османскому падишаху Мехмеду II от 10 апреля 1466 г. с упоминанием каких-то «важных дел», которые помешали хану прислать султану людей ранее. Этот документ (являвшийся ответом на османское посольство в Орду) выглядит как попытка наладить союз с османами против некой третьей силы, под которой, скорее всего, имелся в виду независимый Крым [Зайцев, 2004а, с.84–86]. Ответ на это послание не сохранился. Следующие по хронологии документы ордынско-османского дипломатического обмена датируются уже второй половиной 70-х гг. XV в., когда ситуация в регионе существенно изменилась (в 1475 г. османы захватили Южный берег Крымского полуострова и заключили с крымскими Чингизидами некое вассально-протекторатное соглашение). Это два послания хана Ахмеда Мехмеду II (881/1476–1477 гг. и сафар 882/май – июнь 1477 г.) и не датированный текст Мехмеда II, время написания которого можно определить периодом между июлем 1475 и апрелем 1477 г. [Там же, с.92].

С этого времени положение Большой Орды определялось не просто конфликтом с растущим могуществом Крымского ханства, но и с Османской империей, стоявшей за спиной хана. Кроме того, союзником Крыма выступало и Московское государство. Возможно, что в 80-е гг. XV в., после гибели хана Ахмеда и начавшихся в Орде неурядиц, османы не поддерживали прямых контактов с большеордынскими Чингизидами. Об этом косвенно может свидетельствовать письмо Менгли-Гирея Баязиду (1486), в котором говорилось о кризисе в Престольном владении и о том, что крымский хан намеревался уведомить султана о событиях там [Там же, с.93].

Между тем, в отношении Великого княжества Литовского и Орды «братство и прыязнь» царили «от великого царя Батгья». Хан прочно держался за этот союз. Временно потеряв контакты с Литвой, хан Шейх-Ахмед в середине 90-х гг. XV в. просил литовского князя Александра (взошел на престол ВКЛ в 1492 г., а с 1501 г. стал одновременно и польским королем) уведомить его о расстановке сил, противниках и союзниках Литвы. Александр не спешил восстанавливать прерванные смертью Ахмеда (отца Шейх-Ахмеда) контакты с Ордой: на целых 8 лет в Литве был задержан посол Тагир, а брат Шейх-Ахмеда Коджак не был признан литовским князем [Хорошкевич, 2001, с.153].

В 1497 г. Шейх-Ахмед снова выступил инициатором возобновления ордынско-литовских связей. Посольство от него, его брата Коджака, князей Хаджи-Гирея и Аеги выдвинуло предложение помочь Александру в борьбе против крымского хана Менгли-Гирея. Реакция Литвы была достаточно сдержанной и выжидательной: в 1498 г. Шейх-Ахмед упрекал Александра в несоблюдении обещания воевать против Крыма совместно [Там же].

Между тем, непростое международное положение Престольного Владения и острая внутридинастийная распря усугублялись не менее острым экологическим кризисом: неурожаи и падеж скота ставили государство на край гибели².

¹ Взаимоотношения Орды с государствами Восточной Европы в это время посвящена также статья Б.Н.Флоря [Флоря, 2001а].

² О событиях 1500–1502 г. и, в частности, о некоторых причинах крымской победы см.: [Зайцев, 1999, с.49–51; Zaytsev, 1999, s.253–258].

Летом 1498 г. московский посланец «в Волохи» Борис Одинцов доносил великому князю: «А нынеча, государь, ко царю к Менли-Гирею пришли вести из Орды из Ши-Ахметевы, а сказывают, государь, Орда та велми голодна и охудела. Да еще, государь, сказывают, приходили Черкасы на Большую Орду, да побили, государь, сказывают, татар Большой Орды добре много» [Сборник РИО, 1884, с.255]. Стремление ханов в плодородные районы Прикубанья наталкивалось на сопротивление «Черкас». Сам Менгли-Гирей в июле 1498 г. писал в Москву, что готовит поход на Орду весной следующего года (время наибольшей бескормицы в степи), и что «Ахматовы дети истомны учинилися» [Там же, с.263].

В конце ноября 1500 г. киевский воевода Дмитрий Путятич был направлен из Литвы посольством в Крым. Задачей миссии было отвлечь Менгли-Гирея от союза с Москвой, однако привлечь хана на свою сторону литовцам не удалось¹.

В переводе устного посольства Менгли-Гирея польскому королю Яну Ольбрахту (22 апреля 1500 г.), сохранившегося в составе так называемого Загребского кодекса, ситуация в Заволжской Орде (так поляки называли «Большую Орду») в это время описывается как крайне тяжелая: там царили рознь и голод [Hamm, 1952, s.175; Materiały, 1966, s.97–99, №33].

Летом 1500 г., по сведениям Менгли-Гирея, Орда собиралась пасти скот между Доном и Днепром – т.е. на территории, формально принадлежащей Крымскому хану и далекой от мест собственно ордынских кочевий [Сборник РИО, 1884, с.301]. Орда столкнулась с весьма серьезной проблемой: этот жизненно важный для Орды шаг угрожал столкновением с османами – сюзеренами крымского хана. В отказе Менгли-Гирея от уступок в Орде совершенно справедливо не сомневались. В этой непростой ситуации Шейх-Ахмед, один из сыновей хана Ахмеда, решает обратиться непосредственно к туркам, чтобы получить разрешение из первых рук. В августе 1500 г. в Москву прибывают письма Менгли со следующей информацией: «Да пришел от Ших-Ахмет царя из

Орды посол в Кафу к Шахзоде², Куюком зовут, с тем, чтобы еси велел нам покочевати к Непру; а там нам недобро кочевать, многие с нами брани чинят от Нагай и от Черкес. И ты бы нам велел к Непру покочевать; а не велишь нам к Непру кочевать и нам таки кочевать ж. И Шагзода ему отвечал так: то земли и воды не мои, а земли и воды волного человека царя Менли-Гирея; будешь царю Менли-Гирею брат и друг, и ты и мне брат и друг; а яз тебе не велю кочевать к Непру; а то ведает отец мой» [Там же, с.321]. По версии И.Кубенского, наследник Баязида отвечал Куюку так: «яз тебе к Непру не велю кочевать, а то ведает отец мой да царь Менли-Гирей, земли и воды ко Непру пришли Менли-Гиреевы» [Там же, с.323]. Османы, верные своей ставке на Менгли-Гирея, не пожелали менять ситуацию в пользу врагов крымского хана.

Социально-экологический кризис в «Престольном владении» привел к бегству населения из ордынских улусов в Крым (так было и 1465 г., когда победа Хаджи-Гирея на Дону привела к оттоку большого количества населения из Орды в Крым). В августе того же 1500 г. Иван Кубенский доносил в Москву: «Да пришел, государь, из Орды к Менли-Гирею ко царю служить Ебага улан с братом, Ченбулат улановы дети, до Кирей Менглишиков сын Китай; а с ними, государь, пришло душ с три тысячи, а голодны и наги добре. А Орду, государь, сказывают в Пяти-Горах под Черкасы, о голодну кажут и безконну добре; а между себя деи царь не мирен с братьею» [Там же, с.322–323]. В послании И.Кубенского, которое привезли в Москву в октябре 1500 г., московский наблюдатель повторял эти сведения: «А Орду, государь, кажут в Пяти-Горах под Черкасы, а голодна деи и безконна добре» [Там же, с.332–333].

Осенью 1500 г. бегство из Орды в Крым продолжается: по сведениям И.Мамонова, к Менгли-Гирею приходит «Молзозода большой молна базарской Ахматовых детей», т.е. главный мулла ставки потомков Ахмеда [Там же, с.354]. Он сообщил хану, что Шейх-Ахмед готовит грядущей зимой («а ныне на синем леду Дон перейдем», т.е. зиму 1500–1501 гг. Шейх-Ахмед готовил-

¹ Воевода уехал 23 или 27 ноября. См. [Хорошкевич, 2001, с.154, 161].

² То есть к сыну султана Баязида Мехмеду, наместнику Кафы.

ся провести на Дону) совместный поход на Крым с литовским великим князем, а также снова пытается обойти Крым в вопросе о кочевьях на Днепре. На этот раз Шейх-Ахмед решил направить посла непосредственно к султану Баязиду. К нему он «посылал о том, чтобы им кочевать за Днепром на том поле от Белгорода». Но «турецкой на том поле Ши-Ахметю кочевать не велел и посла сказывает Ши-Ахметева не чтив отпустил» [Там же]. Отношения ордынского хана с падишахом явно не складывались.

Менгли-Гирей объявляет на полуострове мобилизацию всех воинов старше 15 лет в пятнадцатидневный срок, при этом призванные «доспеху и корму бы есте с собою имали много». Крымский хан спешит заручиться поддержкой Баязида. Согласно информации все того же И.Мамонова, «Менли-Гирей... царь сказывал..., что посылал к турецкому к Баязыт салтану, да и кафинский салтан к отцу своему к Баязыт салтану, сказывает царь посылал о том, что Ши-Ахмет царь хочет кочевать на их сторону к Непру. И турецкой ко царю грамоту прислал с тем: пойдет Орда, Ши-Ахмет царь, к вам, и ты бы с ним один на бой не поспешил. Да того бы еси отведаль, каковы и колко их; да послал бы еси ко мне весть. А перейдет Орда за Днепр, и яз своих людей от Белгорода на них пошлю, а вы бы в ту пору с своей стороны на них пошли» [Там же, с.356–357]. В третьей грамоте И. Мамонова говорилось: «Орда нынеча худа, хотя то ся язали литовскому; а большое сказывают и без воли прикочевали к Дону за тем, что Муртоза ныне в Тюмени¹, а с Муртозою Азика² князь; а Тюмень и Черкасы Орде недруги, и там ся Орда отвсяля блюдет, затем там и не пахали. А слух, государь, таков, что Ши-Ахмет сюды и не хотел, да улусы не захотели быти под Черкасы, и Ши-Ахмет с ними покочевал к Дону» [Там же, с.358].

В августе 1501 г. войска Менгли-Гирея и Шейх-Ахмеда встретились на Дону у устья реки Тихая Сосна. Однако столкновения не произошло. Менгли-Гирей, сам испытав недостаток корма для коней («а конь устал, а корму не стало», нынеча есмья потомилися,

да и коне у нас истомлены добре и голодны есмья»), не торопился вступать в битву со все еще сильным, хотя и в значительной мере обескровленным противником. «Ши-Ахмет, недруг наш, охудел... а худы нынеча добре и пеши, и наги», – писал крымский хан в Москову, оценивая обстановку в Орде [Там же, с.368].

Между тем, 17 июня 1501 г. умер польский король Ян Альбрехт, а 23 октября в Мельнике великий князь литовский Александр принимает унию с Польшей и подтверждает ее присягой [Любавский, 1900, с.143–145]. Затишье после противостояния в устье Тихой Сосны Шейх-Ахмед использовал для продолжения контактов с Литвой. К Александру был направлен посол Довлетек «просити Киева» [Хорошкевич, 2001, с.155].

Осенью 1501 г. после безуспешного «стояния» на Дону Менгли-Гирей получил сведения, что зимовать Орда будет «на Усть Семи, а около Белгорода». В послании Ивану III крымский хан пишет: «И яз велел пожары пускати, чтобы им негде зимовати; ино рать моя готова вся» [Сборник РИО, 1884, с.377]. Тактика выжженной земли была не нова в степной войне. Еще в начале 80-х гг. XV в. Менгли-Гирей советовал киевскому наместнику Ивану Ходкевичу пустить пожар на Самаре и Орле – местах кочевий Большой Орды («доколь весна не зайдет, около Олера³ а около Самара пожар вели пустити») [Сборник, 1866, с.24; Литовская метрика, 1910, с.327].

В качестве помощи от османского султана крымский хан получает в Кафе пушки, десять пушкарей и 100 человек «на пособ».

После 40-дневного стояния под Каневым Шейх-Ахмед двинулся к Чернигову, где умер его брат Джанай [Хорошкевич, 2001, с.156]. Бегство из Орды усиливается, к Менгли-Гирею бегут даже пешие, семьями, с женами и детьми. По сообщению И.Мамонова, в ордынских улусах господствует голод и страх; вымирает скот: «а хотели, сказывают, добре от них многие люди, чтобы как бежати назад, ино не на чем, безконны добре, а сказывают и охудали и кочюют на рознь» [Сборник РИО, 1884, с.381].

¹ Имеется в виду Тюменское шевкальство в Предкавказье, а не сибирская Тюмень.

² Хаджике.

³ Нужно «Орела» (т.е. Орла).

В поисках выхода Шейх-Ахмед пытается заключить с Москвой сепаратный мир, однако это ему не удается. Московско-ордынские переговоры в ходе обмена посольствами декабря 1501 – марта 1502 г. заканчиваются почти ничем [Хорошкевич, 2001, с.156]. К коалиции Москвы и Крыма, направленной против обескровленной голодом и рознью Большой Орды, готов примкнуть волошский воевода Стефан [Сборник РИО, 1884, с.384, 414].

Зимой 1502 г. Орда стояла у Киева на левом берегу Днепра. Необычно суровая зима окончательно измотала Шейх-Ахмеда. Его поражение стало делом нескольких дней. Приближенный Шейх-Ахмеда тщетно взывал к Литве: «Межы дву воин стоим: любо Меньдли-Кгеря воевати, а любо холопа Ивана... Естли борззо воиском не прыидете, тогда межы дву воин не можем постояти» [Хорошкевич, 2001, с.156].

В начале мая посол крымского хана говорил от лица Менгли-Гирея великому князю в Москве: «Нынешние дни у нас завсе о те поры жнут, жаворонки гнезда вьют, и ныне зима пришла необычна; коли Ази-Гирей царь Орду взял, такова ж была зима; а опричь того, яз такой зимы не помню» [Сборник РИО, 1884, с.414]. Любопытно, что Менгли-Гирей сравнивает положение в 1465 г. (победа его отца Хаджи-Гирея над «Престольным владением») с ситуацией зимы – весны 1502 г. Действительно, сын словно действовал по сценарию отца, чем и обеспечил себе победу.

Весной бегство из Орды к Менгли-Гирею продолжается. В мае Шейх-Ахмед стоял на «Турпаче Воде» и на Суле [Там же, с.416–417]. Голод в ордынских улусах сопровождается благоприятным положением в лагере Менгли у Кобыльей Воды: «ныне у нас дал Бог корму много, в месяц и другой не чай того, что нам от него (от Шейх-Ахмеда. – И.З.) воротится», – писал он Ивану III. Оптимизм Менгли вскоре оправдался: Орда рухнула под его ударом.

После разгрома лета 1502 г. крымский хан Менгли-Гирей в ноябре того же года пишет своему союзнику московскому великому князю Ивану: «...отца своего цареву Орду достал еси... А нынеча из Асторокани человек мой приехал, Шиг-Ахмет в Асторо-

кань приехал, Багатырь царевич, да Аблекеримова брат, а вышед, с ним коршевались; а к Сеит-Махмуту царевичу человека послали. А в нагаи к салтан Ахмат мырзе человека послав, говорили с ними» [Там же, с.445]¹.

Перед Шейх-Ахмедом стояла цель создать коалицию, в которую вошли бы нагаи и представители астраханской династии, зависимой от ногаев [Сафаргалиев, 1952, с.39]. Как доносил в Москву русский посол в Крыму Алексей Заболотский, «А про Ши-Ахмата, государь, весть ко царю к Менли-Гирею, что рекши царь Ши-Ахмат содиначился с своею братьею и с дядею с своим со царем с Аблекеримом, да и с Нагаи; а хочет ийти на Менли-Гирея» [Сборник РИО, 1884, с.451]. Однако сил для этого у Шейх-Ахмеда было явно мало [Там же, с.456–457].

В этих условиях он, видимо, решает прибегнуть к дипломатической поддержке со стороны Османской империи. Свидетельство об этом сохранилось в документах московской дипломатической документации. «А царь, государь, Ши-Ахмат, кажут, послал своего посла во Царьгород к турецкому», – писал Заболотский в Москву [Там же, с.451].

Это указание полностью подтверждается османскими источниками. В так называемой «Тетради для записи благодеяний, почестей, отправок и проч.» (Defter-i müsevvedât-ı in'âm ve tasaddukat ve teşrifât ve irsâliyât ve 'âdet ve nukeriye Gayruhu vâcib-i Sene Tis'a

¹ Необходимо внести поправку в чтение этого отрывка, предложенное публикаторами текста. Вероятно, всю фразу следует читать: «Шиг-Ахмет в Асторокань приехал. Багатырь царевич да Аблекеримова брата вышед, с ним коршевались...». «Аблекеримова брата» упоминается после в материалах несостоявшегося посольства Ивана III к Менгли-Гирею с И.Н.Беклемишевым (конец февраля 1503 г.): «...а что тебе сказывал про Шиг-Ахмета царя твой человек, – писал великий князь хану, – что будто содиначился с ним Багатырь царевич и Аблекеримова брата (курсив наш. – И.З.) и нагаи, а хотят ийти на тебя; и к нам на зиме сей пришли наши люди из Азторокани, Копил с товарищи; и они сказывают, что Шиг-Ахмет царь и Хозяк царевич у Азторокани, тут де им и зимовати; а у них деи их людей мало, толко с пять сот человек; а большие деи люди у Хозяка у царевича, и Хозяк царевич хочет к нам ехати, а Багатырь деи царевич хочет в Азторокань Сеит Махмута царя, или Шиг-Ахмета царя; а Аблекерима деи не хотят в Азторокани» [Сборник РИО, 1884, с.456].

ve Tis'a Mie) за 909 г.х. (т.е. 26 июня 1503 г. – 13 июня 1504 г.) за месяц мухарам аль-харам (26 июня – 25 июля 1503 г.) сохранилась запись расходов послу Шейх-Ахмеда по имени Мухиддин (Be-cihet-i Muhiddin, Kaasid-ı Şeyh Ahmed Han) [Barkan, 1979, s.300]. Всего учтено было шесть позиций. Он получил: 1) наличными (nakdiye) 5000 [акче]; 2) сукно, бархат, позолоченную шелковую материю из Бурсы, а также платье; 3) платье конюшего из алого бархата из Бурсы (Câme-i mîrahorî, 'an Kadîfe-i alasa-i Bursa, sevb)¹. Кроме того, ему было пожаловано: 4) серебряное блюдо; 5) два кубка *лари* (Kadeh-i Lârî; луристанских – ?)²; 6) тканый бархат из Бурсы (Kadîfe-i rişte-i Bursa), а также 7) два отреза материи *нешавери* (Peşaverî)³. Каждому из его свиты (количество человек осталось неизвестным) было выдано платье из красной материи и платье из материи *нешавери* (Câme-i peşaverî, sevb).

Посол Шейх-Ахмеда прибыл в столицу Османского государства, скорее всего, в сопровождении другого ордынского дипломата – посла брата и калги Шейх-Ахмеда – Коджака. Его имя не указано в документе. Выдача послу султана Коджака была скромнее и составила: три тысячи наличными, платье конюшего из крапчатого бархата, произведенного в Бурсе, кубок *лари*, два тканых бархата из Бурсы (Kadîfe-i rişte-i Bursa), два отреза *нешавери*. Его свите было выдано красное платье (Câme-i kırmızı, sevb), выплачено казенное содержание ('Âdet-i Hazînedârî – 1 982), а также жалованье, положенное гонцам ('Âdet-i Çavuşî – 4040).

Казалось бы, падение Шейх-Ахмеда должно было негативно сказаться на его отношениях с Баязидом. Султан и ранее, как мы видели из материалов московско-крымского посольского обмена, не благоволил хану. Однако сравнение размеров выдач послам Шейх-Ахмеда и Коджака с выдачей

послу хана Менгли-Гирея⁴, по имени Лютфи, который также пребывал в столице империи в этом месяце, показывают, что выдача последнему почти равнялась (несколько уступая) тому, что получил безымянный посол Коджака. Мухиддин получил от двора намного больше. Лютфи было выдано: 3000 наличными, узорную *джаме* из Бурсы (Câme-i mûnakkaş-ı Bursa), а также положенное казенное содержание и выплату для гонца ('Âdet-i Hazînedârî ve Çavuşî – всего 4 500) [Barkan, 1979, s.301].

Скорее всего, разница в выплатах послу Шейх-Ахмеда и Менгли-Гирея (в пользу первого) определялась статусом дипломата. Лютфи наверняка был не послом, а гонцом (он привез письмо хана и невольника – гуляма), именно поэтому его ранг был равен рангу посла Коджак-султана. Наше предположение косвенно подтверждается указанием на размеры пожалований, полученных несколько позднее (в джемази-эль-ахире того же 909 г.х.) слугами (nukeriye) Менгли-Гирея: выплата наличными составила всего лишь 1000 [акче], знакомую уже нам узорную *джаме* из Бурсы (Câme-i mûnakkaş-ı Bursa), а также традиционные 'Âdet-i Hazînedârî ve Çavuşî – всего лишь 250 [Ibid. S.328].

Разгром Орды летом 1502 г., как видим, не окончательно выбил Шейх-Ахмеда из седла: кое-где с ним еще считались. Иван III, отвечая на просьбу Менгли-Гирея помочь против Шейх-Ахмеда, обещает поддержку, однако этим конфликтом московский великий князь был, по-видимому, озабочен не столь сильно. Гораздо больше его интересовали планы Менгли-Гирея относительно Литвы.

Тем временем астраханцы не стесняли себя ни в отношении московских послов в Кафу, ни (несмотря на дружественные отношения с османами) в отношении к послам кафинского шахзаде: они были ограблены, а много турков побито насмерть [Сборник РИО, 1884, с.462].

В 1503 г. Шейх-Ахмед, видимо, отчаявшись сплотить вокруг себя антикрымские силы, вновь присылал к Ивану с просьбой «достать» ему Астрахань в обмен на отказ от союза с королем. Первый раз он просит об этом у Ивана еще в 1502 г. (до октября) [Сборник РИО, 1884, с.435, 482; Карам-

¹ Câme – в широком смысле, любая одежда, одеваемая на спину, накидка. См. [Pakalın, 1947, s.255].

² Так в тексте. Это вызвало обоснованное недоумение публикатора [Barkan, 1979, s. 300].

³ Скорее всего, это слово обозначает такие понятия, как «ветошь, тряпка, платок, салфетка». См.: [Будагов, 1869, с.307]. То есть, возможно, здесь имеется в виду просто некий платок.

⁴ Менгли назван «ханом татар» (Hân-ı Tatarân).

зин, 1998, с.189, 307–308, прим.527]. Но дожидаться помощи Москвы Шейх-Ахмед не стал и в начале июля 1503 г. (т.е. как раз, когда его посол находился в Стамбуле) осадил Астрахань вместе с Султан-Ахмед-мирзой: «а с Багатырем царевичем и с Аблекеримом царем ратны», – писал Иван III в Крым Менгли-Гирею в августе того же года [Сборник РИО, 1884, с.486]. В сентябре 1503 г. в наказе московскому послу в Крым И.И.Ощерину предписывалось говорить Менгли-Гирею наедине: «А яз (т.е. Иван III. – И.З.), аж дат Бог, хочю ему (Шейх-Ахмеду. – И.З.) Азторокани доставати большое твоего для дела, брата моего, чтобы от него тебе и твоему юрту лиха никоторого не было» [Там же, с.489].

Перспективе обрести Астрахань с помощью великого князя Шейх-Ахмед вновь предпочел попытку найти понимание у Баязида II. В августе 1504 г. Менгли-Гирей писал Ивану: «Ших-Ахмет царь з братьею своею, с Хозяком¹ и с Халеком со царевичи, оное осени вмести приехали из Нагай в Киев, и от Киева к Белугороду поехали, а от Белугорода хотели к Баазит салтану ехать. И Баазит салтан, послышел то, что Ших-Ахмет царь с братиею к нему едут, и он против их пашу послал с тем: коим путем к нам есте пришли, тем путем и назад пойдите, вас мы не знаем, нам друг и брат Менли-Гирей царь; кто Менли-Гирею царю друг, и мы тому друзи, а кто Менли-Гирею царю недруг, и мы тому недрузи; вы Менли-Гирею царю недрузи стоите, в нашу отчину вам пути нет, куды вам въехать. Так молвя. И преведчи его в Белгород салтановы люди, да из Бела города их выбили. И сее зимы, с первозимья, наши дети были в Новомгородке; и они, послышев Шиг-Ахметя, за ним гонялися... И Шиг-Ахмет, и Хозяк, и Халек, и Алчин² Тактамыш, восемь их, в Киев при-

¹ Это уже знакомый нам Коджак.

² Это не имя, а клановая принадлежность Тохтамыша. Он был из *алчинов* (ср. с «алчиновым местом» в Золотой Орде, аналогичном «Айдарову месту» при крымском хане. См.: [Сыроечковский, 1940, с.36]. Если сопоставить эти отрывочные данные с традицией, связывающей Астрахань с беглербегами / беклербеками? (*амир аль-умара*) Золотой Орды, происходившими из *кунгратов* (она нашла отражение, например, у Муниса, см.: [Vregel, 1982, s.369]), получается, что именно *кунграты* составляли при

бегли; и киевский воевода князь Дмитрий поймав, их на Вышгород ввел» [Сборник РИО, 1884, с.509]³.

Бегство Шейх-Ахмеда и его братьев в Белгород за помощью султана было чистой авантюрой. Возможно, братья апеллировали к старинной дружбе, связывавшей их отца и Мехмеда II Фатиха. Вряд ли это растрогало османов. Турция никогда бы не пошла на смену хорошо знакомого и удобного Менгли-Гирея кем-либо из Ахмедовых сыновей, поведение которых было трудно прогнозировать⁴. Именно поэтому в Стамбуле решили остаться безучастными к просьбам Шейх-Ахмеда и фактически нейтральными к сложившейся ситуации, не предпринимая резких шагов. Турция предоставила возможность событиям развиваться практически без собственного участия. Распри Чингизидов ее не интересовали. Авантюра сына Ахмеда закончилась плачевно.

По М.Меховскому, история Шейх-Ахмеда выглядит несколько иначе. К началу зимы 1500 г. хан, вызванный королем

астраханских ханах главенствующую клановую группу. Помимо них, в ханстве жили представители кланов *алчин* и *мангыт*. *Алчином* был астраханский князь Тиниш (см.: [Исхаков, 2001б, с.115–117]). *Алчины* – старый ордынский род, представители которого были беглербеками (например, беглербег Большой Орды Темир б. Мансур так писал Казимиру: «...а с прирощенья царов слуга есть, от предков царей Альчиново место есть, великий человек есть». См.: [Литовская метрика, 1910, стб.357]).

³ Киевский воевода князь Дмитрий Путятич в том же 1503 г., согласно Бартошевичу, умер. Еще один Дмитрий Путятич был послом в Османскую империю в 70-х гг. XV в. и умер во время посольства [Bartoszewicz, 1860, s.149–150].

⁴ Хвастливый тон письма Менгли Ивану, в котором он писал, что турки называли его «другом и братом» был не оправдан. Анализ посланий Менгли в Турцию и ответных посланий в Крым показывает, что так называть его султан не мог. Если еще в 1469 г. Менгли-Гирей называл султана братом, не называя его имени и ставя подробную дату на документе, то последующие послания хана демонстрируют полное падение его значения в глазах адресата: исчезает квадратная тамга, подпись хана становится все более уничижительной («Раб Ваш Менгли-Гирей»), дата все менее конкретна, а затем и совсем исчезает [Григорьев, 1987, с.130–132]. Тон письма был демонстрацией силы «старшего брата», готового помочь в беде, и одновременно собственного равноправия по отношению к султану. В Москве знали реальное положение вещей и вряд ли обольщались на этот счет.

польским Альбертом и великим князем литовским Александром для борьбы против Менгли-Гирея, пришел к литовским пределам с 60 000 бойцов, «жещин же и детей с ним было свыше ста тысяч». Зима того года выдалась необычайно суровой: не выдержав холода и бескормицы в степи, жена Шейх-Ахмеда, по предварительному сговору с Менгли-Гиреем, бежала с большей частью ордынского войска в Крым. Убыль воинов, сильнейший холод и наступление Менгли привели к тому, что Шейх-Ахмед «был разбит и с тремястами коней бежал к Баязету, императору турок. Когда он прибыл в Бялыгород у Понтийского моря, что значит белый замок, он узнал, что по приказу императора Баязета его должны взять в плен. Тогда он стремглав бежал назад с пятьюдесятью конями и вышел на поле близ Киева. Правитель Киевский, узнав о нем через разведчиков, окружил его, захватил и отправил в Вильну к литовцам. Оттуда он несколько раз бежал, его догоняли, схватывали и приводили обратно» [Меховский, 1936, с.65]. Однако вскоре, на сейме в Бресте, хан был торжественно принят Александром, «вышедшим навстречу ему на милю из города. Затем в Радоме поляки решили отправить его обратно в Татарию за Волгу с несколькими тысячами легковооруженных, а чтобы возвращение его было удобнее и более приемлемо для его соотечественников, послали вперед Казака Солтана, брата Шиахмета». Хан прибыл за Волгу, однако вскоре, «идя в Литву для отправки воинов, был снова схвачен литовцами, по наущению Мендлигера, императора Перекопского, и заключен в Ковно, крепости близ Балтийского моря» [Там же, с.66]. В своем трактате, составленном до 1514 г. и впервые напечатанном в 1517 г., Меховиус писал о хане как о пребывающем в заключении в Ковно [Там же, с.65]¹.

Сигизмунд Герберштейн почти полностью повторяет рассказ Меховского. Однако в его описании ряд деталей отсутствует, а ряд – не совпадает с «Трактатом о двух Сар-

матиях»: Шейх-Ахмед (Scheachmet) прибыл к литовским пределам, чтобы заключить союз с Александром против Менгли-Гирея. Литовцы, «по своему обыкновению», тянут с войною дольше, чем положено, между тем, устав от голода и стужи, супруга хана и его войско просят Шейх-Ахмеда оставить короля и заботиться о своих делах. Хан не внял этим убеждениям, и жена с частью войска покидает его, перейдя к крымскому хану Менгли-Гирею. Последний по наущению жены Шейх-Ахмеда разбивает его войска. Хан вынужден бежать с примерно 600² всадниками в Альбу на р. Тирас (т.е. в Аккерман – Белгород Днестровский. – *И.З.*) «в надежде вымолить помощь у турок. Заметив, что в этом городе на него устроена засада, он изменил маршрут и едва с половиной всадников прибыл в Киев. Здесь он был окружен и захвачен литовцами, а затем [по приказу польского короля] отвезен в Вильну. Там король встретил его, принял с почетом, и повел с собой на польский сейм³...; на этом сейме было решено начать войну против Менгли-Гирея». Поляки долее, чем следовало бы, тянут со сбором войска, и хан, «сильно оскорбившись, стал снова помышлять о бегстве, но при этом был пойман и доставлен в крепость Троки, в четырех милях от Вильны». Там Шейх-Ахмед содержался с почетом, но как бы под домашним арестом [Герберштейн, 1988, с.182–183]. 30 декабря 1517 г. Герберштейн обедал с ханом в Тракайском замке. За обедом, как пишет Герберштейн, «он толковал со мной через толмача о всевозможных делах, именуя цесаря своим братом и говоря, что все государи и цари – братья между собой» [Там же, с.183]⁴.

² Как отмечают комментаторы Герберштейна, в латинском тексте стоит неясное *sexingentis*. У Меховского, как мы видели, число бежавших с ханом коней (т.е. садников) – 300.

³ Сейм в Бресте, где король находился с 8 февраля по 15 марта 1505 г. См.: [Герберштейн, 1988, с.344]. По Стрыйковскому, на сейме в Бресте, Александр торжественно принял Шейх-Ахмеда; сидя с ним в богатом шатре, он возвел в рыцарское достоинство множество поляков, литовцев и татар, причем хан тоже принимал в этом участие. См.: [Любавский, 1900, с.454].

⁴ Комментаторы Меховского считали, что это происходило весной 1517 г. См.: [Меховский, 1936, с.240].

¹ Меховский, как известно, путал Шейх-Ахмеда с Сеид-Ахмедом, который несколько десятилетий до этого действительно томился в Ковно. См.: [Меховский, 1936, с.91 и прим. на с.240], поэтому здесь название Ковенской крепости, скорее всего, часть биографии Сеид-Ахмеда.

Рассказ Меховиуса о Шейх-Ахмеде без существенных изменений был повторен Блезом де Виженером [Виженер де Блез, 1890, с.83–84]¹, а также Бернардом Ваповским [Kroniki, 1874, s.47–48]².

Вероятно, в 1505 г. отношения Александра с Шейх-Ахмедом были вполне дружественными. Так, в этом году король выдал привилею пану Яну Заберезинскому «маршалку найвыжшому» ВКЛ «на прозбу Ахматъ цара Завольского, брата нашего» [Акты, 1897, с.152 (№698)]. Однако вскоре отношения осложнились.

В 1506 г. татарская свита Шейх-Ахмед была частично обращена в невольников, а частично выкуплена литовскими татарами (взята на поруки)³. В этой связи напрашивается предположение: не были ли эти действия своего рода репрессивными мерами за проступки хана, т.е., скорее всего, за попытку бегства или сношений с третьей стороной? Возможно, что поворот в отношении власти к хану определялся и иными обстоятельствами: 19 августа 1506 г. в Вильне умер Александр [Любовский, 1900, с.148]. Смерть покровителя Шейх-Ахмеда могла многое изменить в его положении в Литве.

Великий князь литовский Александр II пытался оказать давление на Менгли-Гирея, используя то, что дети Ахмеда оказались в его руках. Иван успокаивал хана, напоминая ему судьбу Сейид-Ахмеда: «Ино у Литвы того обычаа нет, чтобы кого поймав, да пустили» [Сборник РИО, 1884, с.552]. Шейх-Ахмед на сейме в 1505 г. в Радоме произнес оправдательную речь перед панами и королем Александром и был отпущен из заключения в Заволжскую (Ногайскую Орду) до Каспийского моря искать помощи против Крыма и Москвы [Bielski, 1830, p.79; Strykowski, 1978, p.577–578]. В «Чингиз-

наме» Утемиш-хаджи сказано, что хан вернулся в свой улус – Астрахань («пришел в свой вилайет Хаджи-Тархан») [Утемиш-хаджи, 1992, л.41а].

В 1506 г. в письме литовского посольства в Крым радные паны успокаивали Менгли-Гирея: «Теж што твоя млсть к нам в ярлыках своих пишеш, припоминаючи Шахметя, цара, и брата его Хожак-Солтана, ино, што ся тычет езду Хожак-Солтана, и твоя млсть зрозумееш з ярлыков и с поселства брата своего, гсдра нашего; а што ся дотычет цара Шихг-Ахмитя, мы завжды перед тым гсдру нашому радили и тепере радим, аж бы цар Шихг-Ахметъ на твое лихо николи пусчон был» [Малиновский, 1901, с.123–124 (№XIX)]. Тогда же радные паны Великого княжества Литовского в письме радам рады «коруны Полские» беспокоились о здоровье и дееспособности Шейх-Ахмеда и его окружения: «Теж припомянути их млсти о Шиг-Ахмата, царя Завольского, и о сыновъца, и о люди его, и о Нагайских татар, абы в живности помощни были» [Там же, с.128 (№XXI)].

Хан-невольник был для Литвы прежде всего средством устрашения южного соседа – Крымского ханства. В 1509 г. (28 октября) Сигизмунд⁴ в ответе на посольство прелатов и панов рады ВКЛ, отвечая на вопрос – выдавать или не выдавать Шейх-Ахмеда в Крым? – задавался другим вопросом: «Так жо, естли бы не был подан, которою мерою на лето мела бы оборона от царя Менъдли-Кгирея быти?» [Малиновский, 1901, с.144 (№XXVIII)]. Шейх-Ахмед тем временем посылал к королю послов с просьбами отправить посольство к матери и братьям, которые находились в Ногайской Орде. В цитированном письме Сигизмунд писал панам: «Тыми часы тым жо Обьдулою, которого к нам прислал цар Шиг-Ахъматъ, всказывал к нам, абыхъмо посла нашего и его, к нему прилучивъши, послали к матце его и теж к брати его к Нагаем. Ино и то естли бы ся паном их млсти видело за подобно, их млсть нехай бы такова нашли и наменили, который бы там в наших делех ехал. Але иж бы тая речь, с которыми мает ехати, замкну-

¹ Блез де Виженер – автор компилятивной записки о Польше и ее соседях, написанной и отпечатанной в 1573 г. в Париже для Генриха Валуа, избранного польским королем. Рассказ отнесен к 1500 г.

² Рассказ отнесен к 1501 г.

³ См.: [Там же, с.172 (№730, Описание татар Заволжских, которые на поруку розданы); с.197 (№772, Описание татар, которых по розных дворах роздано)]. Так, некий «Ахмет улан» за сто коп грошей выкупил посла Коджака-султана «Всейна» (т.е. Хусейна) и др.

⁴ Сигизмунд (по-польски, Zygmunt) I Старый Казимирович (1467–1548) – с 6 декабря 1506 по 1545 г. король польский из династии Ягеллонов, великий князь литовский (с 20 декабря 1506 по 1544 г.).

та была в таемницах великих, яко бы царю Менъдли-Кгирею таковой слух не дошел, а бы напотом поледняя злость не была горши первое. Какъжо и часу панованья славьное памяти Александра короля его млсти и первой, коли его млсть слал Василя старого Глинъского з дрожчаю (?) до нынешнего царя Шиг-Ахъмата, коли онъ еще на своем царстве был, и потом коли Хожакъ-Солтана отпустили, вси тые поселства и справы царю Менъдли-Кгирею в руки попали; для чого ж видит ся нам, абы и тое дело справовано было после послов перекопских за нужи Перекопскому. Яко бачим, не велми бы любо было, абыхъмо з Нагайскими которое звязане приязни вчинили, бо не радъ бы, абы мимо его инъде приязни исканы» [Там же, с.145–146]¹.

Шейх-Ахмед, даже столь долго находясь в Литве, не переставал беспокоить своим существованием Крым. В письме крымского хана Мухаммад-Гирея (сына Менгли-Гирея) османскому падишаху Сулейману Кануни, написанном весной 1521 г., его судьбе было уделено специальное внимание: «Наш старый притеснитель и враг хан Престольного Владения Шейх-Ахмед-хан удерживается Королем»². Далее хан сообщал, что опасается того, что в случае враждебных действий, король отпустит Шейх-Ахмеда [Lemercier-Quellejeau, 1971, p.487; Le Khanat, 1978, p.113]³.

Хан официально считался в Литве не пленником, а «гостем» короля. Этот статус не позволял ему получать какие-либо земельные пожалования в Литве.

¹ Таким образом, Сигизмунд особо настаивал на строжайшей секретности посольства, ибо предыдущие (что для нас особенно важно – посольство брата Шейх-Ахмеда Коджака) были перехвачены крымцами.

² Это название польского монарха (а также польских и украинских земель) было довольно распространено в османских, крымских и среднеазиатских источниках. См. например: [Утемиш-хаджи, 1992, л.41а, с.96 перевода], см. также экскурс В.П.Григорьева [Григорьев, 1987, с.133]. Страной «Король» называл украинские земли во владении Польши, например, Эвлия Челеби [Эвлия Челеби, 1996, с.197, 214, прим.80 и 311]. См. также: [Oeuvres, 1949, p.115–162].

³ Шифр Е.1308(1301)/2). Поправка к переводу и дополнения к описанию см.: [Ostapchuk, 1987, p.262, 269].

Менгли-Гирей

Столь долгое пребывание Шейх-Ахмеда в Литве, вероятно, сильно тяготило как литовцев, так и самого царственного пленника. Держать хана в заточении при полном его военном бездействии было довольно бесполезно, ибо многолетние угрозы Крыму со временем утрачивали убедительность (угрозы требуют подтверждения, иначе они остаются пустыми), с другой стороны, при условии освобождения Шейх-Ахмеда у Литвы не было почти никаких рычагов давления на него (кроме, пожалуй, родственников-заложников) и гарантий его дружелюбной позиции к Литве (resp. враждебной Крыму). Как бы то ни было, в первой половине 1520-х гг. в Литве смиряются с необходимостью отпустить хана⁴. Хан был отпущен на родину в 1527 г. и вскоре, видимо, скончался⁵.

С падением Престольного Владения и смертью Шейх-Ахмеда спектр османских интересов на постзолотоордынском пространстве значительно сужается. Создав своего рода буферную территорию в виде Крымского ханства между собственными владениями и землями далекого для них севера, османы именно крымским ханам оставили посредническую роль в дипломатических сношениях с золотоордынскими наследниками, сами оставаясь совершенно безучастными к их судьбе.

⁴ Вероятно, косвенным образом это было связано и с изменением положения в Крыму (смерть в астраханском походе крымского хана Мухаммед-Гирея, ногайское вторжение на полуостров, кратковременное занятие трона Гази-Гиреем и османское вмешательство – постановка Саадет-Гирея).

⁵ Подробнее см.: [Зайцев, 2004а, с.110–113].

§ 4. Отношения татарских государств с Польшей-Литвой

Дариуш Колодзейчик

Характер взаимоотношений между Золотой Ордой и Литвой (с 1386 г. соединенной с Польшей из-за выбора Ягайлы на польский трон) изменился после 1395 г., когда Токтамыш потерял трон из-за нашествия Аксак Тимура и должен был искать убежища в Великом Княжестве Литовском. Из пышного монарха, претендующего на литовского сюзерена, он превратился в беженца, ищущего помощи. Великий князь Витовт, который по договору с королем Ягайлом держал автономную власть в Литве, решил восстановить Токтамыша на золотоордынском троне и свергнуть с него ставленника Аксак Тимура – Тимура Кутлуга. Грандиозный план Витовта предусматривал, что он станет фактически сюзереном Золотой Орды и самым крупным монархом Восточной Европы. Русский летописец, вспоминая о планах Витовта, вложил в его уста следующую декларацию: «Пойдем пленить землю татарскую, победим царя Темир Кутлуя, возьмем царство его и разделим богатство и имение его, и посадим в Орде на царстве его царя Тахтамыша, и на Кафе, и на Озове, и на Крыму и на Азтаракани, и на Заяицкой Орде, и на всем Примории, и на Казани; и то будет все наше и царь наш» [ПСРЛ, 11, 1965, с.172; Греков, Якубовский, 1950, с.381–382]. 12 августа 1399 г. литовско-татарская армия под руководством Витовта и Токтамыша, в которой также находились польские рыцари, потерпела решительный разгром на р. Ворскле (левый приток Днепра) от войск Тимура Кутлуга и его эмира Идегея. Токтамыш уже никогда не вернулся на золотоордынский трон и через несколько лет нашел смерть в Сибири, но его многие родственники и сторонники не потеряли надежды на помощь Витовта и остались при его дворе. Часть из них поселилась в Великом Княжестве и до сих пор они известны как Литовские Татары или Липки [Abrahamowicz, 1986, с.765]. Один из сыновей Токтамыша, Джалаледдин, принимал участие в Грюнвальдской битве между союзным польско-литовским и тевтонскими войсками (1410), а в 1412 г. вступил на золотоордынский трон с помощью Витовта.

Вследствие внутренней борьбы между сыновьями Токтамыша, через несколько лет они потеряли шанс на консолидацию своей власти в Орде, а в 1420-х гг. сам Витовт оказал поддержку другому чингизидскому претенденту, Улуг-Мухаммеду, который после длительной борьбы за золотоордынский трон в конце жизни поселился в Казани, заложив фундамент отдельного ханства, которое просуществовало до 1552 г.

Одновременно Витовт оказывал поддержку Хаджи-Гирею, молодому Чингизиду, отец которого прибыл в Литву в числе сторонников Токтамыша и который, вероятно, родился в литовском городе Тракай. Уже после смерти Витовта, Хаджи-Гирей добился самостоятельной власти в Крыму и в 845 г.х. (1441–1442) начал чеканить монету, создавая отдельное ханство на части территории Золотой Орды. До смерти в 1466 г. Хаджи-Гирей имел дружеские отношения с польским королем и литовским великим князем Казимиром [Kołodziejczyk, 2011, с.11–16]. Память о помощи, которую Токтамыш и его сыновья, а затем Хаджи-Гирей получили со стороны Витовта, служила ещё в XVI в. как легитимный мотив «старинной дружбы» в корреспонденции крымских ханов с литовско-польскими Ягеллонами, где мы часто находим воспоминание, что изгнанные Чингизиды, «коли им кони потны были до литовского паньства, до князя великого Витовта [...] гостемъ бывали» [Kołodziejczyk, 2011, с.595]. В своих ярлыках, присланных Ягеллоном, крымские ханы подтверждали пожалования русских земель в пользу Витовта, сделанные Токтамышем в обмен на гостеприимство, хотя в XVI в. все это было чисто фиктивным, а «пожалованные» земли находились вне контроля крымских ханов. В 1454 г. Хаджи-Гирей с помощью Казимира победил Сейид-Ахмеда, который до конца жизни остался в литовской неволе [Kołodziejczyk, 2011, с.13].

В 70-х гг. XV в. борьбу за наследство Улуса Джучи в Восточной Европе вели с одной стороны внук Тимура Кутлуга Ахмед, государство которого, называемое в современной

историографии Большой Орды, а в средневековых литовских источниках Заволжской Ордой, имело центр на Нижней Волге, а со второй стороны – амбициозный сын Хаджи-Гирея, крымский хан Менгли-Гирей. Сначала казалось, что Менгли-Гирей будет держать дружественные связи с Вильнюсом, но великий князь Казимир рассердил крымского хана, вступая в антимосковский союз с его соперником Ахмедом. В ответ в 1474 г. Менгли-Гирей вступил в союз с Иваном III [Хорошкевич, 2001]. В результате через 30 лет крымские татары многократно опустошали земли Литвы и юго-восточной Польши (например, в 1498 г.).

С другой стороны, Ягеллоны не сумели использовать союза с Большой Ордой. В 1480 г., когда хан Ахмед подошел к реке Угре, чтобы вместе с литовцами ударить на Москву, Казимир не сумел собрать армию, и союзник безуспешно вернулся домой. В 1501 г. этот сценарий повторился, когда сын и наследник Ахмеда, Шейх-Ахмед, не дождался в степи литовского союзника, потому что сын Казимира, великий князь Александр, был занят обеспечением польского трона после смерти брата – Яна Ольбрахта. Проведя суровую зиму в днепровских степях, в июле 1502 г. армия Шейх-Ахмеда была полностью уничтожена войсками Менгли-Гирея на р. Суле, а уцелевшие воины вместе с семьями подчинились власти крымского хана. После безуспешных стремлений собрать новую армию Шейх-Ахмед приехал в Киев, где он был задержан бывшим союзником и сослан в Вильнюс. Только в 1527 г. он был выпущен на волю и последний год своей жизни провел на престоле Астраханского ханства [Зайцев, 2003; Kołodziejczyk, 2011, с.577–578].

Бой литовцев с татарами. Миниатюра польской хроники. XVI–XVII вв.

Гибель Большой Орды парадоксально ослабила противостояние в отношениях Литвы и Крыма. Менгли-Гирей уже не боялся литовско-большееордынского окружения, а задержание Шейх-Ахмеда стало сильным аргументом Вильнюса в разговорах с ханом, опасаящимся, чтобы его смертельный враг не вышел на свободу. С другой стороны, Менгли-Гирей уже не нуждался в московском союзнике против Большой Орды, а московские планы подчинения Казанского ханства начали беспокоить хана, считающего себя законным наследником правителей Улуса Джучи. Все эти причины привели к переворачиванию альянсов и крымско-литовскому сближению. Через несколько лет Менгли-Гирей еще лавировал между Вильнюсом и Москвой, заключая мир с Сигизмундом в 1507 г., а в 1508 г. с Василием III, тогда как крымские всадники не переставали опустошать земли и одного, и другого соседа. В конце концов в 1512 г. Менгли-Гирей согласился выслать своего внука Джалалед-

дина, как почётного заложника в Вильнюс, а польско-литовская сторона согласилась присылать хану ежегодно 15 000 золотых, половину из Литвы и половину из Польши, чтобы за это он держал «старинную дружбу» и вел войну против Москвы и других неприятелей Ягеллонов. Обмен мирными договорами между ханом и королем Сигизмундом, отдельно с Литвой и с Польшей, хотя там правил тот же монарх, прошел в 1513–1514 гг. [Kołodziejczyk, 2011, с.37–49]. Хотя Менгли-Гирей умер в следующем году, его сын и наследник Мехмед-Гирей обновил союз и в 1515 г. татарско-литовские силы сотрудничали в инвазии московских окраин. После временного кризиса в крымско-литовских взаимоотношениях в 1518–1519 гг., союз и мир снова в 1520 г. были обновлены, и король Сигизмунд, который в то же время вел войну с Тевтонским орденом, с облегчением наблюдал за татарским походом против Москвы в 1521 г., в котором принимал участие и литовский контингент.

Ежегодные «поминки», которые, хотя нерегулярно, польско-литовская сторона высылала крымским ханам с 1512 г. почти до конца XVII столетия (последний раз в 1682 г.), считались в Вильнюсе и Кракове добровольной платой за милитарную помощь против Москвы и других королевских врагов, но в Крыму они считались как трибут. В ханской корреспонденции они упоминаются как «подарки» (*bölek, hedaya, pişkeş*), «казна» (*hazine*), но иногда как «налог» (*vergü*), «выход» (*harac*) и даже как «джизия» (*cizya*) – ежегодная дань, которую по Корану должны были платить немусульманские подданные мусульманским монархам. Например, в 1521 г. Мехмед-Гирей отказался от приглашения султана Сулеймана, чтобы татары ударили на Польшу, аргументируя, что «некоторое время назад польский король направил к этому смиренному рабу (т.е. хану) посла и, чтобы эта страна не подвергалась набегам, обязался выплачивать ежегодную дань (*cizya*) в пятнадцать тысяч флоринов (т.е. золотых), на чем мы утвердили клятву (*yemin*) и помирились» [Лемерсье-Келькеже, 2009, с.55; Kołodziejczyk, 2011, с.59, 445–446, 497–499, 504–506]. Как указывает вышеописанный пример, факт выплаты «поминков» татарам тоже играл большую роль

в польско-османских взаимоотношениях. Он облегчил исламским юристам легитимизацию «вечного мира», который с 1533 г. связал польских королей и османских султанов. Хотя полезный для обеих сторон, имея в виду политическое сотрудничество Ягеллонов и Османов против Габсбургов, такой постоянный мир между мусульманским и христианским монархами был запрещен шариатом, пока христианский монарх не согласится платить трибут. Хотя польские короли отказались платить трибут султану, они высылали «поминки» крымскому хану, которого с 1475 г. Османы считали своим вассалом. Не случайно статья о ежегодной выплате традиционных подарков (*'adetler*) хану как об условии держания мира вписывалась во все договорные грамоты, высланные османскими султанами польским королям с 1553 до 1678 г. Только Карловицкий мир (1699) отменил эту статью и запретил татарские набеги на территорию Польши, даже если король откажется высылать поминки [Kołodziejczyk, 2006, с.125–136].

Гибель амбициозного Мехмеда-Гирея, который в 1521–1523 гг. временно объединил большую часть территории бывшего Улуса Джучи, и внутренняя борьба в Крыму за его наследство ободрили польско-литовский двор к смене политики. Высылка подарков в Крым прервалась, в 1523 г. литовские войска сожгли Исламкермен, татарский городок на Нижнем Днепре, а в 1527 г. Шейх-Ахмед был выпущен на волю и вступил на трон Астраханского ханства, примирясь с ногаями против Крыма. Польско-литовский двор поддерживал также крымских малконтентов, прежде всего Ислам-Гирея, который с 1524 г. до смерти в 1537 г. вел борьбу за трон против Саадет-Гирея, а затем Сахиб-Гирея. Эти шаги, конечно, вели к дальнейшим татарским набегам, но из-за внутренней борьбы ханы не смогли реагировать достаточно мощно, и даже осада Черкас Саадет-Гирейханом (1532 г.) оказалась безуспешной [Черкас, 2006, с.151–198].

На примирение между королем и ханом влияла политика османской Порты, с которой Сигизмунд с 1533 г. имел «вечный мир», и шанс нового союза против Москвы, открывшийся после смерти Василия III в том же самом году. Мир и союз были

обновлены в 1535 г., что принесло эффект в антимосковской кампании того же года: захват Гомля и Стародуба литовцами и восстановление власти Гиреев в Казани. Хотя в следующих годах король помирился с Москвой, мир с Крымом тоже был продолжен, а в 1542 г. поехал в Крым литовский посол Венцлав Николаевич, автор известного описания татар, изданного в 1615 г. на латинском языке под псевдонимом Михалона Литвина [Дмитриев др., 1994, с.14–25].

В первой половине XVI в. на Северном Причерноморье усилилось присутствие Османской империи. В 1538 г. Османы отняли у крымского хана замок Джанкермен (Очаков), построенный еще в 1494 г. Менгли-Гиреем, а в 1551 г. сместили с трона Сахиб-Гирея, которого подозревали в стремлении добиться большей независимости от Порты. Новый хан Девлет-Гирей начал свое правление с набега на литовские земли, во время которого захватил и сжег Брацлав, но вскоре помирился с королем, имея в виду большую опасность, связанную с походом Ивана Грозного на Поволжье. Хотя крымско-литовско-польский союз был обновлен, это не приостановило подчинения Казани, Астрахани, и Ногайской Орды Москве в 1552–1556 гг. Вскоре крымско-литовские отношения снова испортились из-за деятельности черкасского старосты и козацкого вождя Дмитрия Вишневецкого, который постоянно нападал на татарско-турецкие пограничные земли.

Во время Ливонской войны (1558–1583), хотя и Крымское ханство и Польско-Литовское государство находились в состоянии войны с Москвой, тяжело говорить о какой-либо координации их военных действий. Среди причин отсутствия военного сотрудничества нужно иметь в виду умелую дипломатию Москвы, которой довелось несколько раз заключить перемирие с Крымом, отсутствие части татарских сил, которые были принуждены принимать участие в османских кампаниях против Габсбургов (1566) и Сефевидов (1578–1583) и разногласия между татарами и турками во время астраханского похода 1569 г., свидетелем которых был польский посол Андрей Тарановский, приглашенный в поход в роли наблюдателя из союзной страны. Сами татары, хотя и беспокоились из-за московской

экспансии в Поволжье, не менее боялись османской гегемонии, угрожающей автономии Крыма.

В 1569 г., накануне смерти последнего Ягеллона, персональную унию Литвы и Польши заменила уния реальная. Несколько раньше, чтобы сломить литовскую оппозицию, Сигизмунд II Август отделил от Литвы украинские провинции и присоединил их к Польской Короне. Таким образом Литва потеряла общую границу с Крымом и с этих пор за крымскую политику Речи Посполитой отвечали прежде всего польская канцелярия и польские гетманы.

Правление Гази II Гирея (1588–1596 и 1597–1607), одного из самых выдающихся крымских ханов, совпало с 15-летней османско-габсбургской войной (1593–1606), в которой татары принимали участие и почти ежегодно переходили через Молдавию по дороге на венгерский фронт. Интересы Речи Посполитой, Порты и Крыма скрещивались именно в Молдавии, но когда армии обеих (точнее трех) сторон встретились в 1595 г. под Цецорой, достигнут был компромисс и на несколько лет установлен фактический кондоминиум, утверждая на молдавском троне Иеремию Могилу [Kortepeter, 1972, с.142–146; Kołodziejczyk, 2011, с.111–112, 512]. Хотя хан постоянно обвинял польского короля за казацкие набеги и опоздание выплаты поминков, а польская сторона обвиняла татар за опустошение Украины, удалось сохранить относительно мирные взаимоотношения. В этот период ездили в Крым польские послы, которые написали ценные репортажи о жителях полуострова и о церемониале ханского дворца: Мартин Броневский (поездки в 1578, 1584, 1587 и 1591–1592 гг.) и Лаврын Писочинский (1601–1603) [Broniowski, 1595; Броневский, 1867; Pułaski, 1911].

В начале XVII в., в первые годы польской интервенции в Москве, возобновились и татарские набеги на Московию. Хотя Алексей Новосельский считал эти набеги доказательством существования крымско-польского союза против Москвы [Новосельский, 1948, с.50–55], другие авторы подчеркивали, что в то же самое время татары осуществляли набеги против Польши. Их набеги против Москвы не надо объяснять каким-либо политическим союзом, а просто желанием

использования ослабления московской обороны [Skojura, 2004, с.159–162]. Дмитрий Лисейцев утверждал, что если в это время существовал какой-либо союз, это был союз между ханом и Василием Шуйским [Лисейцев, 2006, с.265, 269–271, 278]. Не подлежит сомнению, что с течением лет Смутного времени татары начали беспокоиться возраставшим гегемонией Польши в Восточной Европе, и в 1614 г. хан Джанибек-Гирей решил заключить мир с новым российским царем, Михаилом Романовым [Новосельский, 1948, с.83–84]. Это знаменательно, что стандартная формула о милитарном сотрудничестве против Москвы, которую находим во всех договорах о мире, которыми обменивались крымские ханы и польско-литовские монархи с 1507 до 1609 г., исчезла из ханских документов, изданных после 1609 г., чтобы снова появиться только в документах польско-крымского союза, заключенного в 1654 г. [Kołodziejczyk, 2011, с.126, 498–500].

Вторая декада XVII в. принесла напряжения не только в польско-крымских, но и в польско-османских отношениях, спровоцированные казацкими набегами в Причерноморье, интервенциями польских магнатов в Молдавии и секретной поддержкой Габсбургов польским королем Сигизмундом III в начале Тридцатилетней войны. Татарские войны поддерживали Османов в турецко-польской войне 1620–1621 гг., а хан Джанибек-Гирей принял личное участие в хотинской кампании султана Османа II (1621).

После окончания хотинской войны обновлением мира в следующие годы в Крыму начался внутренний конфликт за ханский престол между Джанибек-Гиреем и соединившимися братьями Мехмедом и Шахин-Гиреями, в котором эти последние временно стремились получить поддержку польского короля, запорожских казаков и даже персидского шаха Аббаса Великого [Baranowski, 1948a, с.29–31, 36–38; Kołodziejczyk, 2011, с.133–135]. Конфликт за крымский престол принес ослабление позиции хана и рост роли Кантемира, мангытского бей, который с поддержкой османской Порты укрепил автономную власть среди ногаев Буджака. Вторжения буджакской орды Кантемира приносили в 20-х гг. XVII в. более большие людские потери в Речи Посполитой, чем

вторжения крымских татар. Только в 1628 г. Джанибек-Гирей получил обратно трон с поддержкой Порты и изгнал с Крыма Мехмеда и Шахин-Гирея, а в 1637 г. Порты казнила мятежного бей Кантемира. Боясь репрессии со стороны нового крымского хана, буджакские ногаи даже стремились принять польскую протекцию, но этого не произошло из-за взаимного недоверия [Kołodziejczyk, 2011, с.147–148].

Хотя внутренний кризис ослабил международную позицию Крымского ханства и все более подчинял ханов османским султанам, этот процесс не остановил татарских вторжений в Польшу, а ослабевшие ханы не были даже в состоянии гарантировать мир. В таких условиях после разгрома под Охматовым (30 января 1644 г.) одного из татарских нашествий великим гетманом Станиславом Конецпольским, польско-литовский Сенат решил перестать платить подарки ханам, а гетман вместе с королем Владиславом IV начали планировать союз с Москвой, цель которого было уничтожение Крымского ханства и раздел его земель между Россией и Польшей. С 1645 г. король развил свои планы и хотел, чтобы Речь Посполитая и Россия поддержали Венецию в ее войне с османской Портой, но все эти военные планы были уничтожены из-за сопротивления Сейма. Весьма иронично, что украинские казаки, которым король ранее обещал венецкие деньги за участие в войне, вместо удара против Крыма соединились в 1648 г. с татарами и начали великое восстание против Польши. По Зборовскому договору, завершённому в 1649 г. между польским королем и ханом Ислам III Гиреем, который принял роль покровителя казаков, последние получили значительную автономию, а Речь Посполитая должна была обновить выплату подарков хану [Baranowski, 1949, с.131–190; Baranowski, 1948; Kołodziejczyk, 2011, с.154–161, 954–963; Senai, 1971].

Радикальную смену крымской политики принес Переяславский договор января 1654 г., когда казаки приняли покровительство российского царя. Опасаясь российской гегемонии в Восточной Европе, Ислам III Гирей и его брат и наследник Мехмед IV Гирей вступили в военный союз с королем Янем Казимиром, который продолжался до 1666 г.

В этот период крымские татары помогли Речи Посполитой не только против России, но также и против Швеции, а их участие во второй Северной войне (1655–1660) привело к активизации дипломатических контактов со Швецией, Бранденбургом, и даже с Данией. О польско-татарских культурных связях в этих годах свидетельствует широкое употребление крымской одежды, оружия и конской сбруи среди польской шляхты, а с другой стороны, употребление польского языка в дипломатической корреспонденции крымской канцелярии [Baranowski, 1957; Augustowicz, 2009; Wójcik, 1966; Kołodziejczyk, 2011, с.163–174, 237–239].

Раздел Украины между Польшей и Россией, установленный Андрусовском договором (30 января/9 февраля 1667 г.), рассердил не только казаков, но также и татар, опасющихся союза северных соседей. В 1667 г. татары и казаки вели общий поход против Речи Посполитой, окончившийся компромиссным Подгаецким договором (16 октября), но вскоре в конфликт вмешалась османская Порта, освобожденная от войны с Венецией после завоевания Крита (1669) и решившая активизировать свою политику в Восточной Европе под руководством везиров с семьей Кепрюлю. Османско-польская война началась в 1672 г. завоеванием турками Каменца-Подольского и продолжалась до 1676 г., а затем – после короткого перерыва, в котором турки боролись за Украину с Россией, – началась снова в 1683 г., но на этот раз Речь Посполитая оказалась в широкой антиосманской коалиции, в состав которой входили Империя Габсбургов, Венеция, и – с 1686 г. – Россия. Крымские татары принимали участие в османских военных походах, но ханы не один раз предлагали договориться между сторонами, сначала опасаясь, что укрепление позиции Порты в Восточной Европе ограничит автономию Крыма, а позже, вслед за османскими поражениями в войне с коалицией, опасаясь завоевания Крыма Россией.

Карловицкий договор (январь 1699 г.), в котором татарские дипломаты не принимали участия, принудил хана отказаться от традиционных подарков и запретил татарские набеги на польские земли. Османский султан гарантировал исполнение этих условий со стороны хана, который в договоре не считался суверенным монархом. Ослабление международной позиции Речи Посполитой и Крымского ханства в XVIII в. ограничило возможность непосредственных контактов и ведения независимой активной политики обеих держав, а аннексия Запорожья Россией привела и к географическому «удалению» Польши и Крыма. Опасаясь российской экспансии, татары все более акцентировали покровительство османской Порты, а внешнюю политику Речи Посполитой парализовало присутствие русских войск и постоянная конфронтация сторонников и противников российской ориентации. Несмотря на это, несколько раз поляки и татары предпринимали инициативы сотрудничества против Российской империи, видные на примерах поддержки ханами Девлетом II Гиреем и Капланом Гиреем сторонников Станислава Лещинского (1709–1714) или поддержки ханом Кырымом Гиреем Барской конфедерации (1768–1769). После турецко-русской войны 1736–1739 гг., во время которой армия фельдмаршала Миниха сожгла Бахчисарай, хан Селямет II Гирей не только восстановил дворец своих предков, но и стремился воскресить чингизидскую традицию и в 1742 г. выслал польскому королю «ярлык», состоящий из семи статей нового мира [Kołodziejczyk, 2011, с.202–203, 1001–1008].

Межгосударственные контакты Крыма, Литвы и Польши, датирующиеся с XV в., прервала аннексия Крымского ханства Россией в 1783 г., которая только на несколько лет опередила последний раздел Речи Посполитой.

ГЛАВА 2

Образование позднезолотоордынских государств

§ 1. Шибанидское (Шейбанидское) Узбекское ханство –
государство кочевых узбеков

Александр Нестеров

Шейбаниды (Шибаниды) – потомки Шыбана, пятого сына Джучи-хана. Точные границы улуса Шыбана представляются неясными. За исключением сочинений Абу-л-Гази-хана и Махмуда бен Вали, источники не дают информации о владениях Шыбана и его потомков. По данным Абу-л-Гази-хана, Бату-хан в 1238 г. выделил Шыбану для кочевья обширный удел на Южном Урале и в Казахстане: «...юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата Ичена: летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Ирғизсувук, Орь, Илек до горы Урала, а во время зимы живи в Аракуме, Каракуме и по берегам Сыр-Дарьи при устьях рек Чуй-су и Сары-су» [Абу-л-Гази, 1906, с.160]. Аналогичные сведения содержатся и в труде Махмуда бен Вали [Ахмедов, 1965, с.41]. Таким образом, по данным этих источников, первоначальные владения Шыбана охватывали исключительно территории Южного Урала и Западного Казахстана. Этими землями, вероятно, владели и потомки Шыбана. Их власть утверждалась правителями правого крыла Джучидского государства: например, Менгу Тимур-хан утвердил владение этим районом за сыном Шыбана Бахадуром [Абу-л-Гази, 1906, с.152]. Одновременно порядок утверждения правителей Шейбанидского улуса свидетельствует о вхождении его в состав правого крыла Джучидского государства.

К сожалению, источники практически не освещают историю Шейбанидов во второй половине XIII – XIV в. (подробнее см.: [Костюков, 2010, с.83–109]). Можно только предполагать, что постепенно Шейбаниды присоединяли к своим владениям территории современного Казахстана и Западной

Сибири. Источники только перечисляют правителей Шейбанидского улуса, не сообщая никакой информации об их деятельности. По данным Абу-л-Гази-хана и Махмуда бен Вали, преемниками Шыбана были Бахадур, Джучи Бука, Бадакул (Бадагул), Минг Тимур и Пулад (Фулад). По сообщению Махмуда ибн Вали, Джучи Бука существенно расширил территорию улуса Шыбана («присоединил к Богом хранимым вилайетам много стран» [Материалы, 1969, с.347]). Абу-л-Гази-хан сообщает, что после смерти Пулада его сыновья Ибрахим (Аба-оглан) и Арабшах поделили отцовские владения [Абу-л-Гази, 1906, с.162]. Однако по данным Махмуда ибн Вали, раздел улуса Шыбана между отдельными представителями дома Шейбанидов начал осуществляться раньше, после смерти Минг Тимур-хана, когда свой удел получил Ибрахим (Ибак), сын Минг Тимур-хана [Материалы, 1969, с.348].

К началу XV в. территория, занятая шейбанидскими ханами и султанами, распространялась от владений мангытов на юго-западе до Барабинской степи на северо-востоке и от устья Иртыша на севере до Аральского моря на юге. Эта территория была разделена между отдельными представителями дома Шейбанидов. Однако развитие исторических событий свидетельствует, что владения этих правителей можно рассматривать как единое регионально-политическое образование: шейбанидские правители, прежде чем пытаться завоевать какие-либо владения вне пределов исторической территории улуса Шыбана, настойчиво боролись за верховенство именно среди Шейбанидов.

Формирование Шейбанидского ханства, по отношению к которому в исследователь-

ской литературе используется также термин «государство кочевых узбеков», относится к началу XV в. К этому времени в большей или меньшей степени четко определилась территория этого государственного образования: собственно земли улуса Шыбана, ограниченные с запада и юго-запада владениями ханов Поволжья и мангытских (ногайских) эмиров, а на юге примыкавшие к тимуридским владениям в Хорезме и на Сыр-Дарье. Северные и восточные границы улуса определены не были: реально владения Шейбанидов распространялись на степную и лесостепную зону Урала и Западной Сибири от территории современной Башкирии вплоть до Оби. Вероятно, под контролем Шейбанидов находилась и значительная часть современного Казахстана. Необходимо подчеркнуть, что именно Шейбанидское ханство стало основой для формирования ряда государственных образований тюркских народов – Тюменского и Сибирского ханств, Узбекского (Бухарского) ханства, Казахского ханства и последующих казахских государств [Нестеров, 2003].

Население Шейбанидского улуса составляли разнообразные тюркские племена, обитавшие в восточной части Дешт-и Кипчака. По данным Масуда ибн Усмана Кухистани, Махмуда ибн Вали и других источников, к числу племен, подвластных шейбанидским правителям, относились племена буркут, кият, кошчи, ийджан, кунграт, кенегес, ушун, утаджи, найман, джат, чимбай, карлук, дурман, курлаут, тубай, мангыт, нукуз, тангут, уйгур, хитай, таймас, эчки, туманминг, шадбакли, шункарли, уйрат, маджар, кипчак [Ахмедов, 1965, с.16]. Названия перечисленных племен показывают, что среди них были племена не только тюркского, но и тибетского (тангуты), и монгольского (кунграт, нукуз, кият), и киданьского (хитай) происхождения.

Начиная с середины XIV в. для наименования населения восточной части Дешт-и Кипчака использовался термин «узбеки», не имевший в этот период определенного этнического значения. В описаниях событий конца XIV в., приведенных в сочинениях Муин ад-дина Наганзи и Хондемира, термин «узбек» применяется именно в таком значении [Сборник, 1941, с.133]. Фаз-

лаллах ибн Рузбехан Исфাহани разделяет узбеков на три группы – узбеков-казахов (اوزبكان قزاق), узбеков, относящихся к улусу Шыбана (اوزبكان شباني), и мангытов: «три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингис-хана. Одно – шибаницы, и Его Ханское Величество (Мухаммад Шейбани хан) после ряда предков был и есть их повелитель. Второе племя – казахи, которые славны во всем мире силой и неустрашимостью, и третье племя – мангыты, из них цари астраханские. Один край владений узбеков граничит с океаном, другой – с Туркестаном, третий – с Дербендом, четвертый – с Хорезмом и пятый – с Астрабадом» [Рузбехан, 1976, с.62]. Этническое значение термин «узбек» приобрел только в XVI в., после завоевания Мухаммадом Шейбани-ханом Мавераннахра и создания Шейбанидского Узбекского государства с центром в Бухаре.

В начале XV в. существовало несколько кочевых шейбанидских ханств: территории между Ишимом и Тоболом входили в состав владений Мустафа-хана, к западу от Ишима лежали владения Ибрахима бен Пулада, в Северном Казахстане господствовал Джумадук хан бен Суфи [Материалы, 1969, с.352]. После смерти Ибрахима бен Пулада его владения перешли к его сыну Даулат Шайх-оглану, который овладел и крепостью Чимги-Турой (چيمگى تورا), в конце XIV в. находившейся под властью Гийас ад-дин Токтамыш-хана. Даулат Шайх не был сильным шейбанидским правителем: он даже не принял ханский титул (в отличие от своих соперников Мустафа-хана и Джумадук-хана и от своего старшего брата, Хизр-хана, власть которого распространялась на земли Южного Урала).

В 1426 г. Даулат Шайх умер и его владения оказались под контролем эмиров племени буркут. Наследник владений Даулат Шайх-оглана Абу-л-Хайр Убайдаллах-султан (родившийся в 1412 г.) был отправлен к Джумадук-хану и оставался в его владениях [Материалы, 1969, с.141]. Абу-л-Хайр-султан участвовал во многих военных походах Джумадук-хана. В 1428 г. Абу-л-Хайр-султан участвовал в походе Джумадук-хана против мангытов, в ходе которого Джумадук-хан потерпел поражение и был убит. Абу-л-Хайр-султан попал в плен

к Сарыг Усман-беку мангыту [Материалы, 1969, с.142], однако не только не был убит, но и получил реальную возможность установления хороших отношений с мангытскими эмирами, что сыграло существенную роль позднее, в период борьбы Абу-л-Хайра за верховенство среди Шейбанидов.

Поддержка мангытских эмиров имела большое значение для Абу-л-Хайр-султана практически сразу же после гибели Джумадук-хана. Абу-л-Хайр-султан начал деятельность с попытки подчинить себе утраченные владения отца – Даулат Шайх-оглана – с центром в Чимги-Туре. При помощи одного из мангытских эмиров – Алаша-бахадур – Абу-л-Хайр-султан собрал значительный отряд и направился к Чимги-Туре.

Буркунские эмиры Кибек Ходжа-бек и Адад-бек, правившие в Чимги-Туре, подчинились без сопротивления [Материалы, 1969, с.144–146]. В Чимги-Туре весной 1429 г. Абу-л-Хайр-султан принял ханский титул (Абу-л-Хайр Убайдаллах-хан, ابو الخير اوبيدالله خان). По данным Махмуда бен Вали, Абу-л-Хайр-хана поддержала значительная часть высшей аристократии племен, родов, а также султанов и огланов из числа потомков Джучи-хана [Ахмедов, 1965, с.46].

Абу-л-Хайр Убайдаллах-хан б. Даулат Шайх-оглан б. Ибрахим б. Пулад считается первым ханом Шейбанидского Узбекского ханства (иначе называемого государством кочевых узбеков), сложившегося на территории Западной Сибири и Казахстана. Одновременно Абу-л-Хайр-хана можно считать основателем династии Узбекских Шейбанидов, которая в 1500 г. в лице Мухаммада Шейбани-хана утвердилась в Мавераннахре, где и господствовала вплоть до конца XVI в.

После восстановления шейбанидской власти над Чимги-Турой перед Абу-л-Хайром в качестве основной задачи встала необходимость объединения под своей властью разрозненных шейбанидских улусов. Абу-л-Хайр-хан немедленно декларировал свои претензии на верховную власть, выпустив в Чимги-Туре монету и потребовав подчинения от других шейбанидских ханов

и султанов. Фактически программа деятельности Абу-л-Хайр-хана предусматривала не только восстановление единого Шейбанидского улуса, но и восстановление Джучидского государства на всей территории Дешт-и Кипчака – от Поволжья до Восточного Казахстана.

Чимги-Тура стала первоначальным центром нового Шейбанидского государства. Город Чимги-Тура представлял собой типичную для данного региона крепость, построенную у слияния двух рек – Тавды и Тюменки. Как правило, городища Сибирского юрта, оставленные тюркским населением, располагались на высоких обрывистых берегах рек или озер. Подобное расположение позволяло оставить, по крайней мере, одну сторону крепости неукрепленной: роль оборонительных укреплений играли естественные препятствия – береговые обрывы, овраги и т.п. Обычно городища имели достаточно сложные системы рвов и валов; два вала были почти обязательной чертой сибирского укрепленного поселения. Даже на провинциальных городищах валы и рвы были достаточно мощными: например, на городище Тюменка заплывшие рвы имеют глубину 2–2,5 м при ширине до 9 м; валы Чиняевского городища при высоте 1,5 м имеют толщину около 5 м. Возможно, рвы многих городищ заполнялись водой. Валы дополнительно укреплялись частоколом.

На территории городищ и рядом с ними располагались жилища, которые, как правило, представляли собой полуземлянки или неглубокие землянки с бревенчатыми или дощатыми стенами, укрепленными столбиками. В центре жилища располагался очаг. Вероятно, стены жилищ обмазывались глиной: следы глиняной обмазки стен сохранились на многих городищах. Какие-либо строения из более прочных материалов практически на всех городищах, кроме Чимги-Туры и Искера, вероятно, отсутствовали; в Чимги-Туре и Искере обнаружен в значительных количествах кирпич XV–XVI вв. К сожалению, археологических исследований Чимги-Туры современными методами не производилось; в настоящее время город частично размыт реками, частично находится под современной застройкой города Тюмени.

Чимги-Тура оставалась основной резиденцией Абу-л-Хайр-хана вплоть до переноса центра государства на юг, в Сыгнак. Развалины города Сыгнака, исследованные А.Ю.Якубовским (см.: [Якубовский, 1929]), показывают, что Сыгнак был типичным центральноазиатским городом-крепостью, крупным ремесленным и торговым центром. Город был хорошо укреплен глинобитными стенами, внутри которых располагались многочисленные здания и сооружения – официальные здания и частные дома, караван-сарай, мастерские и т.д. Археологические находки на территории Сыгнака показывают, что ремесленное производство города во многом ориентировалось на потребности кочевого населения степи: в городе выпускались разнообразные металлические изделия, в том числе ювелирные, оружие, изделия из кожи, а также разнообразные повозки, телеги и т.п. Центральное укрепление Сыгнака – арк – занимал ханский двор.

Со временем формирования государства Абу-л-Хайр-хана можно с рядом оговорок связать одно из наиболее загадочных сооружений Южного Урала – так называемую «Башню Тамерлана». «Башня Тамерлана» расположена у поселка Варна Челябинской области. В плане она представляет собой квадратное сооружение из крупных квадратных кирпичей, увенчанное 12-гранной пирамидальной башней высотой 16 м. Памятник раскапывался Э.Ю.Петри в 1889 г. [Сальников, 1952, с.144–146] и подробно изучался экспедицией Челябинского университета под руководством С.Г.Боталова в 1982–1984 гг. Внутри памятника выявлено несколько погребений, совершенных по мусульманскому обряду и лишенных какого-либо вещевого материала. Предварительная датировка памятника, по мнению С.Г.Боталова, – XIV–XV вв., наиболее вероятно первая половина XV в. Архитектура памятника напоминает постройки Ургенча. Вопрос о принадлежности и назначении «Башни Тамерлана» является одним из наиболее сложных вопросов, связанных с культурными памятниками Сибирского юрта. Никаких преданий, связанных с данным памятником, у местного населения не сохранилось (это связано с полным вытеснением

тюркского населения из района местонахождения памятника); название «Башня Тамерлана» носит условный характер. Никаких текстов в башне не сохранилось. Датировка сооружения временем возникновения Шейбанидского ханства как самостоятельного государственного образования, тем не менее, не оставляет возможности предполагать, при каких условиях и по какому поводу было построено это сооружение. В письменных источниках сведений о «Башне Тамерлана» не сохранилось.

Реальной столицей Шейбанидского государства была кочевая ханская ставка – Орду-Базар. Впервые этот термин встречается в государстве Шейбанидов в связи с захватом Нижнего Поволжья в 1431 г. Кочевая резиденция сопровождала хана во всех его перемещениях; именно в кочевой резиденции был убит наследник Абу-л-Хайр-хана Шайх Хайдар-хан (1469).

Подчинение Чимги-Туры не означало завершения формирования Шейбанидского ханства. Абу-л-Хайр-хан продолжил деятельность по объединению Восточного Дашт-и Кипчака.

Первым серьезным противником Абу-л-Хайр-хана стал Махмуд Ходжа-хан б. Каанбек б. Ильбак б. Минг Тимур-хан, троюродный дядя Абу-л-Хайра, владения которого располагались в Южном Притоболье. По данным Адб ар-Раззака Самарканди, Махмуд Ходжа-хан был одним из основных претендентов на верховную власть в Шейбанидском улусе. В 1430 г. на берегах Тобола Махмуд Ходжа-хан был разбит войсками Абу-л-Хайр-хана, попал в плен и был убит. В результате этой победы под властью Абу-л-Хайр-хана оказалась вся западная часть Сибирского юрта, от слияния Оби и Иртыша на севере до мангытского улуса на юге – бывшие владения Шейбанидов Даулат Шайх-оглана, Джумадук-хана и Махмуд Ходжа-хана. Для формального закрепления победы над основным соперником Абу-л-Хайр-хан женился на вдове Махмуд Ходжа-хана Аганак-Бике [Материалы, 1969, с.147–148]. По словам Махмуда бен Вали, после разгрома Махмуд Ходжа-хана Абу-л-Хайр-хан объявил о своей независимости от потомков Туга Тимур-хана, считавших себя верховными правителями Джучид-

ского государства [Ахмедов, 1965, с.48]. С этого времени ближайшим сподвижником Абу-л-Хайр-хана стал его двоюродный брат Бахтийар-султан, сын Хизр-хана ибн Ибрахима. Как правило, во время военных действий Бахтийар-султан возглавлял авангард армии Абу-л-Хайр-хана.

Стремление установить свою верховную власть над всем Джучидским государством побуждало Абу-л-Хайр-хана к захвату территорий Средней Азии и Поволжья.

В 1431 г., сразу же после разгрома Махмуд Ходжа-хана, Абу-л-Хайр осуществил поход на Хорезм. Тимуридский правитель Хорезма эмир Ибрахим и его войско не оказали сопротивления наступающему войску Абу-л-Хайр-хана и сдали хорезмийскую столицу – Ургенч [Материалы, 1969, с.149–151]. По сообщению Масуда ибн Усмана Кухистани, после взятия Ургенча Абу-л-Хайр-хан «приказал открыть казну, которую прежние правители собрали с таким трудом и заботами, и отдал распоряжение двум эмирам из числа великих, чтобы они сели у двери казнохранилища, а все командиры, люди из свиты хана и прочие солдаты по двое входили бы в казнохранилище, ...каждый брал столько, сколько мог унести, и выходили» [Там же, с.152].

Однако пребывание Абу-л-Хайр-хана в Хорезме оказалось непродолжительным. Вскоре ханские войска покинули Ургенч и Хорезм в целом. Отход войск Абу-л-Хайр-хана из Хорезма был вызван несколькими причинами. Первой, упоминаемой всеми источниками, была чума, вызванная, по мнению автора «Тарих-и Абу-л-Хайр хани», «гнилостью воздуха» Хорезма [Там же]. Другими основаниями для отступления были активизация действий правителей Нижнего Поволжья Ахмад-хана и Махмуд-хана, а также угроза вторжения войск главы Тимуридского государства эмира Шахруха [Ахмедов, 1965, с.51]. Военно-политическая обстановка вынуждала Абу-л-Хайр-хана, прежде чем пытаться закрепиться в Мавераннахре, ликвидировать угрозу, исходившую из Поволжья.

В 1431–1432 гг. Абу-л-Хайр-хан двинул свои войска в Нижнее Поволжье против Ахмад-хана и Махмуд-хана. Сражение между противниками произошло в местности Икри-туб, местонахождение которой

не установлено [Там же, с.52]. Правители Большой Орды были разбиты и бежали, Абу-л-Хайр-хан захватил их кочевую ставку Орду-Базар и выпустил там монету как верховный хан Джучидского государства [Материалы, 1969, с.154–156; Нестеров, 2001, с.275]. Тем не менее, утверждать, что Абу-л-Хайр-хан установил контроль над Нижним Поволжьем, было невозможно. Вероятно, Ахмад-хан и Махмуд-хан укрылись в Хаджи-Тархане, а власть Абу-л-Хайр-хана распространялась только на территории восточнее Волги.

Вмешательство Абу-л-Хайр-хана в дела Нижнего Поволжья было кратковременным и не сыграло существенной роли в истории ожесточенной борьбы за сарайский престол, развернувшейся в первые десятилетия XV в. По всей вероятности, власть Абу-л-Хайра распространялась недолгое время только на район восточнее Хаджи-Тархана, и на более северные земли он не претендовал. Поход в Нижнее Поволжье преследовал иные цели – ликвидировать угрозу, исходившую от ханов Большой Орды, а также представить себя в качестве законного верховного правителя Джучидского государства.

Вторжение Абу-л-Хайр-хана в Поволжье и победа над Ахмад-ханом и Махмуд-ханом привели к резкому усилению внутренней борьбы среди джучидских правителей этого региона. Междоусобицы правителей Поволжья привели к усилению влияния Абу-л-Хайр-хана в регионе, причем влияние не требовалось непрерывно подкреплять военной силой. Расширять собственные владения Абу-л-Хайр-хан стремился в этот период прежде всего за счет других шейбанидских правителей Западной Сибири, сохранивших самостоятельность. В частности, определенную самостоятельность сохраняли Шейбаниды Сибири (Хаджи Мухаммад-хан), Мустафа-хан, а также Туга-тимуриды Джанибек-хан и Гирей-хан. Важнейшим из противников Абу-л-Хайр-хана был Шейбанид Мустафа-хан б. Муса б. Киран б. Баян-кедзар. В 1428 г. Мустафа-хан поддержал Абу-л-Хайра в его борьбе за Чимги-Туру, но после похода 1430–1431 гг., гибели Махмуд Ходжа-хана и провозглашения Абу-л-Хайра верховным ханом Джучидов Мустафа-хан был встревожен появлением столь сильного

соседа и ясно представлял себе возможность нападения Абу-л-Хайра на свои владения. Мустафе удалось привлечь на свою сторону правителя мангытского улуса Ваккас-бека, одного из сильнейших кочевых феодалов в государстве Абу-л-Хайра, поддержка которого имела огромное значение в развитии успехов Абу-л-Хайра в 1428–1431 гг. Возникновение коалиции Мустафа-хана и мангытов поставило под угрозу целостность владений Абу-л-Хайр-хана, и он немедленно выступил против Мустафа-хана. Решающее столкновение произошло в 1446 г. на Атбасаре – притоке Ишима. Мустафа-хан был разбит и бежал на полуостров Мангышлак во владения мангытов [Материалы, 1969, с.157–158]. Вероятно, Мустафа-хан все же признал верховную власть Абу-л-Хайр-хана и дальнейшие действия осуществлял уже под верховной властью последнего.

Разгром Мустафа-хана означал ликвидацию последнего самостоятельного шейбанидского ханства на территории Сибирского юрта. Отныне весь юрт оказался под властью Абу-л-Хайр Убайдаллах-хана. Однако и в этой ситуации Абу-л-Хайр не решился пойти на конфликт с мангытами: он сделал вид, что прощает Ваккас-беку союз с Мустафа-ханом, и вновь назначил его предводителем ханского войска. Ваккас-бек был одним из участников Туркестанского похода Абу-л-Хайр-хана и впоследствии стал хакимом Узгенда.

После разгрома Мустафа-хана Абу-л-Хайр-хан продолжил борьбу за Мавераннахр. Задача Абу-л-Хайр-хана облегчалась сложностями положения эмира Шахруха и политической раздробленностью тимуридских владений. Направлением похода Абу-л-Хайр-хана, предпринятого в том же 1446 г., стала крепость Сыгнак на Сыр-Дарье. По сообщению «Тарих-и Абу-л-Хайр хани», «хаким города Сыгнака увидел многочисленность и величественность войска хакана, и, выйдя к нему с повиновением и послушанием, вручил город эмирам и слугам хакана» [Там же, с.159]. Одновременно Абу-л-Хайр-хану подчинились город Сузак, а также крепости Ак-Курган, Аркук и Узгенд, расположенные на левом берегу Сыр-Дарьи. В Сыгнак Абу-л-Хайр-хан перенес свою ставку, окончательно покинув Чимги-Туру

(вероятно, Чимги-Тура с этого времени перешла под власть Хаджи Мухаммад-хана и стала центром Тюменского ханства – государства Сибирских Шейбанидов).

Мустафа-хан поддержал поход Абу-л-Хайр-хана активными действиями в Хорезме. Ему удалось подчинить себе юго-западную часть Хорезма, в том числе город Ургенч. Мустафа-хан основал южнее Ургенча новую крепость Вазир, куда переселил значительную часть жителей Ургенча. Мустафа-хан правил в Хорезме до 1460/1461 г. и участвовал в войне Абу-л-Хайр-хана с джунгарами (калмаками) в 1457 г.; позднее, после восстания населения Вазира, поддержанного племенем кунграт, Мустафа-хан вновь откочевал на Мангышлак. Дальнейшая его судьба неизвестна [Ахмедов, 1965, с.64–65].

Смерть эмира Шахруха (1447) и усиление междоусобиц в Тимуридском государстве привели Абу-л-Хайр-хана к решению двинуть войска на тимуридскую столицу – Самарканд, поскольку преемник Шахруха в качестве верховного правителя Тимуридского государства Мухаммад Тарагай Улугбек вынужден был направиться с армией в Хорасан. По сообщению «Тарих-и Абу-л-Хайр хани», Абу-л-Хайр-хан заявил, что «город Самарканд пуст, и Мирза Улугбек направился в Хорасан и Ирак, и я хочу обратить поводья решимости в сторону хранимого Богом города Самарканда» [Материалы, 1969, с.159–160]. Армия Абу-л-Хайр-хана дошла до селения Шираз (около Самарканда). В Ширазе к Абу-л-Хайр-хану прибыли послы хакима Самарканда эмира Джелал ад-дин Баязида, который предложил хану Абу-л-Хайру мир, ссылаясь на то, что «султан Улугбек... не сотворил еще никакой вины» по отношению к Абу-л-Хайр-хану [Там же, с.160]. Можно предполагать, что Абу-л-Хайр-хан в это время еще не ощущал достаточной силы, чтобы пытаться завоевать тимуридскую столицу, вступив тем самым в конфликт с основными силами Тимуридского государства, и предпочел отступить. Однако с этого времени вмешательство Абу-л-Хайр-хана во внутренние дела Тимуридского государства стало постоянным.

Как правило, такое вмешательство было обусловлено внутренними распрями среди Тимуридов. Так, после убийства Улугбека

(1449) его сын и преемник Мирза Абд ал-Латиф попытался убить правителя Бухары Мирзу Абу Саида, что вынудило последнего попросить помощи у Абу-л-Хайр-хана. За исключением Масуда ибн Усмана Кухистани, центральноазиатские источники сообщают, что Мирза Абу Саид направил к Абу-л-Хайр-хану высокопоставленного человека из своего окружения с просьбой о помощи [Ахмедов, 1965, с.130]. Автор «Тарих-и Абу-л-Хайр хани» утверждает, что Абу Саид лично прибыл к Абу-л-Хайр-хану просить его о помощи в борьбе за власть [Материалы, 1969, с.162]. По обоснованному мнению Б.А. Ахмедова, только личное обращение Абу Саида могло повлиять на Абу-л-Хайр-хана и привести к тому, что хан поддержал войсками одного из претендентов на власть среди Тимуридов [Ахмедов, 1965, с.130]. Мирза Абу Саид был принят ханом. После совещания с членами ханского дома и высшей аристократией и полководцами Абу-л-Хайр принял решение поддержать Мирзу Абу Саида и выступить на Самарканд [Материалы, 1969, с.163]. Совместный поход состоялся летом 1451 г. 10 июня 1451 г. правитель Самарканда Мирза Абдаллах был разбит и убит. Самарканд оказался под властью Абу Саида, который принял меры, чтобы не пустить войска Абу-л-Хайр-хана в город, опасаясь разграбления Самарканда. Одной из жен Абу-л-Хайр-хана стала дочь Мирзы Улугбека. По данным Масуда ибн Усмана Кухистани, в Самарканде была прочитана хутба на имя хана и отчеканены монеты с именем Абу-л-Хайр Убайдаллах-хана, однако реально такие монеты неизвестны [Там же, с.168–169]. Историки эпохи Тимуридов сообщают, что многие тимуридские эмиры неоднократно обращались к Абу-л-Хайр-хану с просьбами о помощи; среди них перечисляются Мухаммад Джуки ибн Абд ал-Латиф, Ала ад-даула (живший в государстве Абу-л-Хайр-хана с 1452 до 1457 г.), Султан Хусайн, Мирза Манучехр [Ахмедов, 1965, с.130]. По сообщениям историков, отряды Абу-л-Хайр-хана вторгались не только в Мавераннахр, но и в Северный Иран [Там же, с.133], однако вопрос о присоединении этих областей к государству Шейбанидов не ставился.

Перенос центра Шейбанидского государства в Южный Казахстан оказался связан и с формированием новых структур государственного управления, характерных для Мавераннахра и Джучидского государства. Завоеванные области Абу-л-Хайр-хан передавал в управление членам своей семьи или представителям племенной знати. Так, после подчинения земель Южного Казахстана город Сузак был передан в удел Бахтийар-султану, Сыгнаком управлял Манадан-оглан, Узгенд получил Ваккабий [Материалы, 1969, с.159]. Существовали и тарханские владения (упоминаются в «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме»).

Политический строй Шейбанидского государства изучен в недостаточной степени. Отрывочные сведения источников позволяют установить, что во главе государства находился хан, который, тем не менее, не пользовался абсолютной властью: для того, чтобы организовать какое-либо крупное государственное мероприятие, хан должен был провести совет с участием глав племен, членов правящего дома Шейбанидов, а также представителей высшего духовенства [Рузбехан, 1976, с.62]. Племена составляли основу государства – его войско состояло из ополчения племен. Большим влиянием пользовались представители духовенства (в частности, при Абу-л-Хайр-хане советниками были Кул Мухаммад-сайид и Карасайид). Именно их голос оказался определяющим для принятия решения о походе на Хорезм в 1431 г.

Структура государственного аппарата Шейбанидского государства нам неизвестна.

Среди государственных должностей упоминаются аталыки, ответственные за воспитание несовершеннолетних царевичей (султанов); должность аталыка соответствовала должностям регента и воспитателя, аталыки управляли делами султанов до их совершеннолетия. Так, эмир Байшейх был аталыком наследника Абу-л-Хайр-хана Шах Будаг-султана, а после его ранней смерти – сыновей Шах Будаг-султана Мухаммада Шейбани-султана и Махмуд-султана.

Другая должность – диван, упомянутая в источниках (в «Тарих-и Абу-л-Хайр хани» упоминаются Даулат Ходжа диван кошчи и Ябагу диван уйгур), не вполне ясна по сво-

им функциям. Можно предполагать, что диван возглавлял своеобразную группу советников, готовившую для хана информацию по определенным вопросам. К началу XVI в. должность дивана превратилась в должность «начальника дивана» и в таком качестве зафиксирована в Бухарском Шейбанидском государстве.

Верховный казий ведал религиозными и судебными делами. При Абу-л-Хайр-хане эти обязанности исполнял Кул Мухаммад-сайид.

Неоднократно упоминаются в источниках такие должности, как ички (ишик-ага-баши), ведавший жизнью ханского двора (на первом этапе правления Абу-л-Хайр-хана эти обязанности исполнял Конгурбай бахадур кошчи); инак, бывший советником хана (как правило, инаками становились эмиры основных племен ханства). Можно предполагать, что в Шейбанидском государстве существовали такие должности, как йасавул (служащий ханского двора, «исполнитель повелений»), мубашир (вестовой, доставлявший ханские указы в различные области государства) и др. На завоеванные территории назначались правители, получавшие традиционное монгольское звание «даруга». Управители городов в Центральной Азии сохраняли звание «хаким». В источниках отмечается, что основную часть государственных должностей занимали представители племен уйгур и кошчи.

Важнейшую роль в государстве играло войско, сохранявшее, по данным источников, строй и принципы, восходящие ко временам монгольского войска Чингис-хана и Бату-хана. Оно в основном состояло из ополчений племен и делилось на правое и левое крыло. Часть войска составляла передовой отряд (каравул); правители Шейбанидского государства активно использовали разведку [Ахмедов, 1965, с.105–107].

Таким образом, можно отметить, что даже ограниченная информация о государственной структуре Шейбанидского ханства позволяет увидеть ее постепенную эволюцию: к государственным формам, принятым в Джучидском государстве, Шейбанидское ханство постепенно добавляло государственные структуры, характерные для Мавераннахра.

Середина 1450-х гг. стала временем кризиса для Шейбанидского государства. В 1455–1456 гг. от государства Абу-л-Хайр-хана отделились кочевники, подчинявшиеся Гирей-хану и Джанибек-хану – наследникам Борак-султана, одного из соперников Абу-л-Хайр-хана в 20-х гг. XV в. Откочевавшие султаны, племена которых вошли в историю как узбек-казаки, или казахи, подчинились Чагатаиду Иса Бука-хану, правителю Моголистана. Джанибек-хан и Гирей-хан традиционно считаются основателями Казахского ханства; датой его основания обычно считается 1465/1466 г. [Там же, с.62–63].

Существенное влияние на дальнейшее развитие Шейбанидского государства оказала война с калмаками (калмыками). К середине XV в. калмыки уже контролировали северные области Моголистана, долину р. Чу и Семиречье. Весной 1457 г. войска калмыков под командованием Уз Тимуртайши появились на берегах Сыр-Дарьи и направились в сторону Сыгнака. В местечке Нур-Тукай недалеко от Сыгнака и древнего некрополя ханов Кок-Орды – Кок-Кашане – произошло кровопролитное сражение между Абу-л-Хайр-ханом и отрядами калмыков. В сражении участвовали не только Абу-л-Хайр-хан и его ближайшие сподвижники, такие как Бахтийар-султан, но и шейбанидские правители, лишь признававшие верховную власть Абу-л-Хайр-хана, такие как Мустафа-хан, правивший в Хорезме, или Ахмад-султан, правивший в низовьях Аму-Дарьи. Битва завершилась поражением войска Абу-л-Хайр-хана – первым крупным поражением за весь период его правления. В сражении погибли Бахтийар-султан и Ахмад-султан, Абу-л-Хайр-хан с остатками войска вынужден был укрыться в хорошо укрепленном Сыгнаке. Калмыки разграбили окрестности тимуридских городов Ташкента, Шахрухии, Туркестана (Ясы). Автор «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» упоминает, что в плен к калмыкам попал внук Абу-л-Хайр-хана, трехлетний Махмуд-султан б. Шах Будаг-султан, который провел в калмыцком плену 7 лет, но, по мнению Б.А.Ахмедова, речь скорее может идти о заложнике (аманате), который тем самым гарантировал достигнутое мирное соглашение [Там же, с.67]. Вопрос о том, признал

ли тем самым Абу-л-Хайр-хан верховную власть правителя калмыков (как предполагает Б.А.Ахмедов), остается открытым.

Ослабление государства Шейбанидов после поражения от калмыков в 1457 г. привело к тому, что Абу-л-Хайр-хан на какое-то время резко сократил участие своих войск в распрях среди Тимуридов (в частности, фактически отказавшись помочь Мирзе Алад-даула в борьбе за верховную власть). Сокращению вмешательства хана в дела Мавераннахра способствовало и то, что Мирза Абу Саид, пришедший в 1451 г. к власти при поддержке Абу-л-Хайр-хана, сумел к 1460 г. объединить под своей властью большую часть территории Тимуридского государства. Усиление Абу Саида вынудило Абу-л-Хайр-хана считаться с тимуридским правителем как с реальной силой.

Распад Калмыкского государства на многочисленные мелкие улусы в 1460 г. на какое-то время устранил калмыкскую угрозу от владений Абу-л-Хайр-хана, и он вновь обратил внимание на события в Мавераннахре. В это время в ставке Абу-л-Хайр-хана в Сыгнаке находился Мирза Мухаммад Джуки, тимуридский царевич, племянник жены Абу-л-Хайр-хана Раби'а-султан-бегим. Воспользовавшись тем, что силы Абу Саида были отвлечены в Хорасан, Мухаммад Джуки при поддержке отрядов Абу-л-Хайр-хана вторгся в Мавераннахр. Ему удалось овладеть Ташкентом, Шахрухией, Сайрамом, Ахсикентом, затем продвинулся дальше вглубь Мавераннахра и овладел почти всей его территорией, за исключением Самарканда и Бухары [Материалы, 1969, с.170–171]. Отряды Абу-л-Хайр-хана разбились выступивший против них гарнизон Самарканда, но взять город не смогли, ограничившись разграблением его окрестностей.

В начале 1461 г. Мирза Абу Саид выступил против Мухаммада Джуки и его узбекских союзников. Разногласия среди сторонников Мухаммада Джуки привели к тому, что план руководителей войска Абу-л-Хайр-хана – султанов Бурка и Пишкэдэ – встретить наступающие силы Абу Саида на переправе через Аму-Дарью – был отвергнут, и войска Мухаммада Джуки начали отступление на север к Шахрухии. Бурка-султан и Пишкэдэ-оглан отвели войска узбеков к Сыгнаку, пре-

кратив военные действия против Абу Саида. Отступление Мухаммада Джуки привело к длительной осаде Шахрухии, ее сдаче (1463) и гибели Мухаммада Джуки в тюрьме в 1464 г. [Ахмедов, 1965, с.141].

Участие Шейбанидского государства в междоусобицах в Мавераннахре в 1464–1469 гг. сводилось в основном к поддержке Тимурида Мирзы Султан Хусейна, которому после изгнания Мустафа-хана удалось овладеть большей частью Хорезма. В 1465 г. Абу Саиду удалось изгнать Султан Хусейна из Хорезма, но уже в 1467 г. Султан Хусейн вновь занял Хорезм при поддержке Абу-л-Хайр-хана, но вскоре снова был изгнан. Обращение Султан Хусейна за поддержкой к шейбанидскому хану, предпринятое в 1469 г., оказалось неудачным в связи со смертью Абу-л-Хайр Убайдаллах-хана, последовавшей после непродолжительной болезни.

Необходимо отметить, что внешнеполитические интересы Абу-л-Хайр-хана после переноса столицы государства в Сыгнак практически полностью были переориентированы на Центральную Азию. Поволжье оказалось вне сферы интересов Шейбанидского государства, и отношения с этим регионом оставались эпизодическими. Можно засвидетельствовать существование контактов между Ахмад-ханом, правителем Большой Орды, и Мустафа-ханом, правившим в Хорезме и на Мангышлаке. Брат Мустафа-хана Пир Будаг-султан, враждовавший со старшим братом и женатый на сестре Мирзы Султан Хусейна Бади ал-Джамал-бегим, погиб в войне с Ахмад-ханом, Бади ал-Джамал-бегим стала одной из жен Ахмад-хана [Там же, с.142–143].

Смерть Абу-л-Хайр-хана резко изменила внутривосточную ситуацию в Шейбанидском Узбекском ханстве и фактически привела к его краху. Государство, объединенное почти исключительно благодаря воле и власти его создателя, немедленно превратилось в арену междоусобиц многочисленных ханов и султанов.

Не вполне ясен даже вопрос о непосредственных преемниках Абу-л-Хайр-хана. Большая часть источников считает наследником умершего хана его второго сына Шайх Хайдар-хана (старший сын Абу-л-Хайр-хана Шах Будаг-султан умер рань-

ше отца). Только в стихотворной хронике «Фатх-наме» упоминается, что власть после Абу-л-Хайр-хана перешла к Йадгар-хану, сыну Буреке-султана и внуку Тимур Шайха б. Арабшаха [Материалы, 1969, с.53–56]. Правление Йадгар-хана, в соответствии с данными «Фатх-наме», сопровождалось конфликтом с правителем Могулистана и продолжалось очень недолго. Однако достоверно подтвердить правление Йадгар-хана в Шейбанидском государстве невозможно. По мнению Р.Ю.Почекаева, правление Йадгар-хана было кратковременным в связи с преклонным возрастом этого правителя, который умер в том же 1469 г., успев, тем не менее, изменить внешнеполитический курс Узбекского улуса и заключить союз с правителем Поволжья Ахмад-ханом [Почекаев, 2012, с.255]. Тем не менее, вероятно, для большинства населения Шейбанидского государства реальным преемником Абу-л-Хайр-хана был все же Шайх Хайдар-хан, а захват власти в Сыгнаке Йадгар-ханом, даже если он и имел место в действительности, остался кратковременным эпизодом.

Шайх Хайдар-хан не сумел сохранить государство, созданное его отцом. Как отметил в своем произведении «Шейбани-наме» Камал ад-дин Шир Али Бинаи, «султаны всех окрестных стран, найдя момент удобным, отправились воевать против Шайх Хайдар-хана» [Материалы, 1969, с.99], которого источники характеризуют как «мягкотелого и слабовольного» [Там же, с.393] (впрочем, возможно, такую характеристику хан заслужил только благодаря краткости и неудачливости своего правления).

Среди правителей, развернувших войну против Шайх Хайдар-хана, были правитель Тюменского ханства Саййид Ибрахим-хан, казахские ханы Джанибек и Гирей, мангытские эмиры Аббас-бек, Муса-бек, Йамгурчи-бек и др. Еще до нападения противников многие племена, поддерживавшие прежде Абу-л-Хайр-хана, покинули его преемника; многие племена предпочли перейти на сторону казахских ханов. Однако даже оставшиеся силы Шайх Хайдар-хана были достаточно значительны, и ему удавалось отражать нападения врагов. В этой ситуации Саййид Ибрахим-хан и мангытские эмиры заключили союз с Ахмад-ханом, правите-

лем Большой Орды, не забывшим о поражении, нанесенном ему Абу-л-Хайр-ханом в 1431–1432 гг. Соединенные силы врагов Шейбанидского государства нанесли поражение Шайх Хайдар-хану. Описание гибели Шайх Хайдар-хана в разных источниках не совпадает: в «Шайбани-наме» сообщается, что хан был убит «саблями и стрелами» [Там же, с.99], «Фатх-наме» и Махмуд ибн Вали отмечают только факт мученической гибели Шайх Хайдар-хана [Там же, с.58, 362], «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» упоминает о том, что Шайх Хайдар-хан был лично убит Саййид Ибрахим-ханом, перерезавшим ему горло [Там же, с.20].

Гибель Шайх Хайдар-хана привела к окончательному краху Шейбанидского Узбекского государства. Вопрос о преемниках больше не стоял: государство фактически прекратило существование. Законный наследник Абу-л-Хайр Убайдаллах-хана, его старший внук Абу-л-Фатх Мухаммад Шейбани-султан б. Шах Будаг-султан, вынужден был покинуть владения деда и укрыться в Хаджи-Тархане. Спасаясь от врагов и покинув Хаджи-Тархан, Мухаммад Шейбани-султан с несколькими родственниками добрался до города Туркестана и укрылся во владениях Тимурида Мирзы Мухаммада Мазиды [Там же, с.20–21].

Отдельные улусы разгромленного государства еще тем не менее существовали в бассейне Сыр-Дарьи и на прилегающих территориях. Так, до 1472 г., по данным Махмуда ибн Вали, действовал некий Бурунч-оглан (Бурудж-оглан), вступивший в конфликт с ханом Могулистана Юнусом [Нестеров, 2010, с.87]. Некоторые историки XVII в. (Хафиз-и Таныш Бухари, Мухаммад Хайдар) считают Бурунч-оглана сыном Абу-л-Хайра; Махмуд ибн Вали называет его просто «потомком Джучи»; отдельные авторы отождествляют его с Буреке-султаном б. Йадгаром, внуком Шейбанида Тимур Шайха б. Арабшаха. Б.А.Ахмедов предполагает возможность его отождествления с Бузунджар-бием-кыятом [Ахмедов, 1965, с.69], но достоверных оснований для такого отождествления нет. Можно предполагать, что постепенно происходило объединение племен прежнего Шейбанидского государства вокруг Мухаммада Шейбани-султана.

Этому способствовали крах Большой Орды и убийство Ахмад-хана Саййид Ибрахим-ханом, а затем и крушение государства Сибирских Шейбанидов после гибели Саййид Ибрахим-хана (около 1495 г.). Объединение

узбекских племен привело к вторжению Мухаммада Шейбани-хана в Мавераннахр (1500) и созданию нового Шейбанидского Узбекского государства, просуществовавшего до конца XVI в.

Казахское ханство

Александр Нестеров

Казахское ханство занимает особое место среди государств, возникших в ходе распада Джучидской державы, в то же время процесс его возникновения и раннего развития есть неотъемлемая часть процессов этнополитического развития, происходивших в Восточном Дешт-и Кипчаке в XV–XVI вв. и бывших прямым следствием распада Золотой Орды. В то же время необходимо подчеркнуть, что Казахское ханство просуществовало дольше других позднеджучидских государств (до начала XIX в.) и стало основой для формирования тюркского казахского этноса. При этом хотелось бы отметить, что говорить о четкой этнической принадлежности населения Казахского ханства (равно как и Государства кочевых узбеков или Сибирского ханства) невозможно – население этих государственных образований представляло собой совокупность тюркских племен и этнических групп, с включением отдельных этносов нетюркского происхождения, объединенных под властью различных ветвей династии Джучидов.

Формирование Казахского ханства непосредственно связано с процессом формирования Узбекского ханства Абу-л-Хайр Убайдаллах-хана. Возникновение Казахского ханства связано с деятельностью ханов Джанибека и Гирея. Существует несколько версий происхождения данных ханов, возводящих их родословную к Орда Ичену, старшему сыну Джучи, или к Тука Тимуру, тринадцатому сыну Джучи. Большая часть источников свидетельствует о тука-тимуридском происхождении Джанибека и Гирея. Так, Абу-л-Гази Мухаммад-хан в «Родословной туркмен» пишет: «У Чингис хана сын Джучи хан, его сын Тукай Тимур, его сын Уз Тимур, его сын Ходжа, его сын Бадакул углан, его сын Урус хан, его сын Ко-

ирчак хан, его сын Барак хан, его сын Абу Саид по прозванию Джанибек хан. У этого было девять сынов в таком порядке: Иранджи, Махмуд, Касим, за ним следовали Итик, Джаниш, Канабар, Тениш, Усук, Джуак» [Абу-л-Гази, 1906, с.157]. Махмуд ибн Вали в сочинении «Бахр ал-асрар» сообщает, что «некоторые из потомков Тукай-Тимур-хана, например Кирей-хан и Джанибек-хан, имена отцов которых будут подробно упомянуты в перечне имен хаканов [происходящих от] Тукай-Тимура, вышли из круга подчинения и повиновения [Абу-л-Хайр-хану и] предпочли покинуть родину» [Материалы, 1969, с.352]. Мухаммад Хайдар-дуглат в «Тарих-и Рашиди» пишет: «В то время в Дашт-и Кипчаке владычествовал Абу-л-Хайр-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Джанибек-хан и Кирей-хан бежали от него в Могулистан. Исан-Буга-хан охотно принял их и предоставил им округ Чу и Козы-Баши, который составляет западную окраину Могулистана. В то время, как они благоденствовали там, узбекский улус после смерти Абу-л-Хайр-хана пришел в расстройство; [в нем] начались большие неурядицы. Большая часть [его подданных] откочевала к Кирей-хану и Джанибек-хану, так что число [собранных] около них [людей] достигло двухсот тысяч человек. За ними утвердилось название узбеки-казахи [узбак-казак]. Начало правления казахских султанов с восьмисот семидесятого года (1465/1466), а Аллах лучше знает». Таким образом, реальное основание Казахского ханства во главе с потомками Тука Тимура произошло после крушения государства кочевых узбеков в период, когда в Восточном Дешт-и Кипчаке воцарилась междоусобица среди джучидских султанов и ханов, претендовавших на наследие Абу-л-Хайр-хана.

Среди исследователей нет единого мнения о месте и времени формирования раннего Казахского ханства. Можно отметить точку зрения М.Х.Абусейтовой о том, что Казахское ханство как отдельное политическое образование сформировалось только на рубеже XV–XVI вв., а откочевка Джанибека и Гирея и их возвращение из Могулистана были лишь эпизодом борьбы за власть в Восточном Дешт-и Кипчаке и этапом в формировании Казахского ханства [Абусейтова, 1985, с.40]. Однако по традиции Гирей (Кирей, Кирай) хан считается первым ханом Казахского ханства; в казахстанской историографии датами его правления считаются 1459–1473 гг., хотя очевидно, что до 1468 г. – года смерти Абу-л-Хайр-хана и возвращения Гирея и Джанибека из Могулистана – утверждать, что в Восточном Дешт-и Кипчаке существовало самостоятельное Казахское ханство представляется преувеличением. Столь же неясной вырисовывается история деятельности Джанибек-хана. По установившейся традиции датами его правления считаются 1466–1480 гг., в то же время отмечается, что после 1474 г. его имя в источниках не упоминается. Таким образом, можно с уверенностью утверждать только, что после 1468 г. в восточной части Дешт-и Кипчака – параллельно укреплявшему свою самостоятельность при Сайид Ибрахим-хане Тюменскому ханству – формируется Казахское ханство. При этом можно предполагать, что правители Казахского ханства в этот период рассматривали себя исключительно как правопреемники ханов восточной части Джучидского государства, а не как самостоятельных правителей, не связанных с традицией Золотой Орды.

80–90-е гг. XV в. стали временем ожесточенной борьбы казахских ханов за присырдарьинские города, бывшие при Абу-л-Хайр-хане центрами государства кочевых узбеков – Сыгнак, Сузак и др. Основным противником казахских ханов был наследник Абу-л-Хайра Мухаммад Шейбани-хан (который в 1500 г. покорил тимуридские владения в Центральной Азии и стал основателем новой Шейбанидской державы – Узбекского ханства с центрами в Самарканде и Бухаре). В ходе военных столкновений преемник Джанибек-хана и Гирей-хана, сын

Гирей-хана Бурундук-хан (около 1480 – около 1511 гг.) сумел подчинить себе присырдарьинские территории. Таким образом, территория Казахского ханства расширилась и отныне включала в свой состав исторические столицы государства Абу-л-Хайр-хана, что повысило престиж казахских ханов.

В 1511 г. Бурундук-хан был низложен сыном Джанибек-хана Касим-ханом, правившим в восточной части Казахского ханства, свергнутый хан удалился в Мавераннахр и умер в Самарканде. Свержение Бурундук-хана привело к окончательному устранению от власти в Казахском ханстве потомков Гирей-хана, власть закрепилась за ветвью Джанибек-хана.

Время правления Касим-хана (1511–1518/1521/1523) стало временем расцвета раннего Казахского ханства. Ему удалось подчинить ряд городов в современном Южном Казахстане, расширить владения в регионах, примыкающих к Каспийскому морю (Касим-хан подчинил себе город Сарайчик, одну из исторических столиц восточной части Золотой Орды). Частью владений Казахского ханства стала территория Семиречья, прежде входившая в состав Чагатайского улуса. Держава Касим-хана стала одним из сильнейших политических образований в Восточном Дешт-и Кипчаке.

Точная дата смерти Касим-хана остается под вопросом. Различные источники указывают на период от 1518 по 1524 г.; по мнению В.В.Трепавлова, наиболее близкой к реальности датой смерти Касим-хана является 1521 г. [Трепавлов, 2001, с.161].

Смерть Касим-хана привела к междоусобице в Казахском ханстве; в ней погиб сын и преемник Касим-хана Мамаш-хан (1521–1522/1523). Сменивший его Тахир-хан (1523–1533), сын Адик-султана, расширил владения Казахского ханства на земли современной Киргизии; основные политические интересы ханства в этот период были связаны с Могулистаном, поскольку присырдарьинские города были потеряны. Годы правления Тахир-хана стали временем ослабления ханства; применительно к периоду правления следующего хана – Буйдаш-хана (1533 – около 1560 г.) источники (Мухаммад Хайдар-дуглат) говорят о «совершенном исчезновении казахов», что было связано с

тем фактом, что ханство разделилось на два десятка улусов, правители не менее пяти из которых носили ханский титул.

Объединителем ханства стал один из сыновей Касим-хана – Хакк Назар-хан (около 1538–1580), чья деятельность была связана с войнами в восточной части ханства; союзником Хакк Назар-хана стал Абдаллах-хан II Шейбанид, на годы правления которого в Мавераннахре приходится расцвет Шейбанидской державы. Фактически в это время Казахское ханство стало одним из вассальных ханств государства Шейбанидов (наравне с Балхским ханством и Сибирским ханством). Подобная ситуация сохранялась и при Шигай-хане (1580–1582).

Последующая история Казахского ханства показывает, что Казахское ханство окончательно утратило связи с золотоордынским наследием, за исключением династической традиции. В ходе развития в начале XVII в. за правителями Казахского ханства окончательно были закреплены присырдарьинские города. При Тауке-хане (1680–1715) Казахское ханство было разделено на жузы, в каждом из которых правила своя ветвь потомков Джанибек-хана. С 1770-х гг. казахские ханства оказались в зависимости от Российской империи. В 1847 г. ханская власть в казахских жузах была упразднена, и территория бывшего Казахского ханства была административно включена в состав Российской империи.

§ 2. Татарские политические образования на территории Великого княжества Литовского (*Яголдаева «тьма»*)

Илья Зайцев

Название «Яголдаева «тьма» появляется в ярлыке крымского Менгли-Гирея королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду (2 июля 1507 г.), где сказано: «Дали... Курскую тьму з выходы и даньми, и з землями, и водами; Сараева сына Егалтеву тьму, Милолюб, з выходы и даньми, и з землями, и водами; Мужеч, Оскол; Стародуб и Брянск со всеми их выходы и данми, и з землями, и водами...» [Акты, 1848, с.5; Насонов, 1940, с.28–29, прим.2; Русина, 2001, с.150; Kołodziejczyk, 2011, с.557]. В схожем контексте «Сараева сына Егалтева тьма» упоминается в ярлыке Менгли-Гирея 1513 г. [Kołodziejczyk, 2011, с.595]. Слово «тьма», как известно, является русской адаптацией монгольского термина «тумен». Туменами назывались военно-административные округа, способные выставить десять тысяч боеспособных мужчин. Именно на такие «тумены» монгольские власти делили подвластное кочевое, а часто и оседлое население. Тумены подразделялись в свою очередь на тысячи, сотни и десятки. Десятичная система была введена монголами и на завоеванных землях оседлого населения, в частности, на Руси после общеимперской переписи второй половины 50-х гг. XIII в. Однако там деление на «тьмы», скорее все-

го, было не военным, а фискальным институтом, т.е. было основой для налогообложения, а не для мобилизации. Со временем, в позднеордынскую эпоху термин «тьма» стал синонимом территориальной единицы, а также получаемых с нее доходов; и, видимо, именно в этом последнем смысле его и следует понимать применительно к Яголдаевой «тьме»¹.

¹ Ср. упомянутый ярлык Менгли-Гирея 1513 г. [Kołodziejczyk, 2011, с.595]. Ср. в ярлыке Менгли-Гирея 1514 г.: «Што ж явно чиним, тым то нашим листом, иж здавна предков наших царей и отца нашего Ачжикгирея, царя, кони коли потны были, тогда к великому князю Витовту, к королю и великому князю Казимеру, в Литовскую землю гостем приходили и честь великую и доброту видевши, подле стародавнего обычая земли Рускии з городы и мesty, и волости со **тмами**, и з землями, и з водами, и з доходы записали, ничего не вменшивая от тых ярлыков, которые ж с початьку от первых царей выписаны к Великому князьству». Ср. в ярлыке Сахиб-Гирея (1535): «Штож наши предки цари и отец мой Магьмитгирей, царь, коли кони потные были до великого князя Витовта и до короля и великого князя Казимира, до паньства Великого князьства Литовьского в гостину приезждчали и велики чти видали, такеж подлуг первого обычая русских земли з городами з мestами, з волостями, **тьмами** и со вьсими доходы записали». Цит. по: [Шабульдо, 2005, с.106, 108–109]. Правда, существует несколько иное понимание термина «тьма», которое пред-

Время образования ее точно не выяснено. По мнению Ст.Кучиньского (которое впоследствии разделил Б.Шпулер, а также Б.Греков и А.Якубовский) [Греков, Якубовский, 1950, с.418], образование Яголдаевой «тьмы» относится к периоду времени после 1438 г., когда часть сопровождавших Улуг-Мухаммеда татар под предводительством некоего Яголдая Сараевича покинула хана и осела на территории Литовского великого княжества, получив около 1440 г. на его юго-восточной окраине своего рода феодал. В обмен на пожалованные земли Яголдай должен был защищать литовские границы от набегов татар. Таким образом, по мнению Ст.Кучиньского, Яголдаева «тьма» стала своего рода аналогом образовавшегося почти одновременно Касимовского «ханства» [Kuczyński, 1936, с.184–185]. Ф.Петрунь (а за ним и современные украинские историки) усматривал в Яголдаевщине татарский феодал, который со временем был включен в состав Литовского великого княжества, правители которого постепенно переводили татарскую знать на положение обычных землевладельцев [Петрунь, 1928, с.177; Яковенко, 1993, с.171–172]. А.Насонов не видел оснований «предполагать образования местных феодалов землевладельцев из татар по порубежью Литвы и Московского государства помимо политики этих государств» и не считал возможным «оседание землевладельцев-феодалов из татар по порубежью не в порядке правительственной деятельности» литовских князей, а применительно к Касимову – московских великих князей [Насонов, 1940, с.28–29, прим.2]. Современные польские историки (например, Дариуш Колодзейчик) также считают, что эта территория была пожалована Витовтом самому Улуг-Мухаммеду когда он искал убежища в Литве, а после того, как последний вернулся к борьбе за трон, перешла к его приближенному Яголдаю [Kołodziejczyk, 2011, с.562].

ложил К.А.Аверьянов на основании упоминания пяти нижегородских «тем»: «под термином “тьма” следует понимать мелкую административно-территориальную единицу, аналогичную волости, на землях, населенных по преимуществу нерусским населением, и сохраняющую определенную самостоятельность во внутреннем управлении» [Аверьянов, 2001, с.39].

Однако, ярлык Менгли-Гирея, содержащий упоминание о «тьме», восходит, как показали исследования Ф.Петруня, к протографу конца XIV в. – ярлыку, выданному Тохтамышем Витовту в канун битвы на Ворскле (1399), причем само упоминание содержалось как раз в протографе документа [Петрунь, 1928, с.177]. Из этого следует, что сама Яголдаева «тьма» должна была к этому времени существовать. Тогда Яголдай Сараевич – эпоним «тьмы» – мог быть дедом Яголдая, имя которого дважды упомянуто в Литовской метрике между 1440 и 1486 гг. (хотя и эти упоминания, строго говоря, могут относиться не к одному человеку). С.Кричинский отождествлял этого Яголдая-деда с беком Ягалтаем, находившимся при золотоордынском дворе при заключении договоров с Венецией в 1347 и 1358 гг. Он впоследствии мог оказаться на Северщине либо вместе с предком Глинских *кыятом* Мансуром в 1380 г., либо в 1397 г. с Тохтамышем [Русина, 2001, с.147, 150, прим.26]. Действительно, некий Ягалтай упоминается в двух ярлыках венецианским купцам Азова: Джанибека (1347) и Бердибека (1358) в качестве одного из ходатаев [Григорьевы, 2002, с.115–118, 121]. А.П. и В.П.Григорьевы считали его везиром при дворе Джанибека [Там же, с.163].

Таким образом, происхождение самого Яголдая также с точностью нам не известно. Ст.Кучиньский, исходя из времени образования «тьмы», считал его братом приближенного Улуг-Мухаммеда Усейна Сараева¹, а их отцом – упомянутого под 1408 г. в московском летописном своде конца XV в. некоего Сарая Урусахова сына [Московский свод, 1949, с.260]. А.Н.Насонов писал прямо: «К сожалению, мы не знаем, существовал ли Еголдай в эпоху литовского владычества и был ли он выходцем из Золотой орды, посаженным Литвою на землю; неизвестно, равным образом, отражает ли данное название отношения древнего (долитовского) времени, являясь следом деятельности какого-то лица,

¹ Сохранились формулярные изводы тарханно-проезжих грамот митрополита Ионы казанскому хану Махмуду и казанскому князю Шаптяку Сараевичу о торговле митрополичьей рухлядью, т.е. мехами. Возможно, этот Шаптяк был братом Усейна (Хусейна) и Яголдая [Русский, 1986, с.154–155].

деятельности военно-административного характера или финансового» [Насонов, 1940, с.28–29, прим.2].

Территория Яголдаевой «тьмы», видимо, охватывала верховья рек Оскол, Северский Донец и южную часть бассейна Десны с городами Мужеч (на Псле между совр. Суджей и Обоянью), Милолюбль (волость в пределах совр. Белгородского, Яковлевского и Прохоровского районов Белгородской области) и Оскол (совр. Старый Оскол Белгородской области) [Русина, 2001, с.148]. Ф.Петрунь, анализируя ярлык Менгли-Гирея, считал Яголтаева «тьму» «синонимом» Курской «тьмы», ибо Курск был в 1278 г. разрушен, а значит, его более поздние упоминания «мемориальны» [Петрунь, 1928, с.176–177, 186].

На правах вассального владения (о сути которого мы, правда, ничего не знаем) Яголдаевичина просуществовала до 1497 г., когда была расчленена. Потомок первого владель-

ца феода князь Роман Яголдаевич² «одну дочку в себе мел, и тая его дочка была за князем Юрьем Борисовичом Вяземским, и князь Роман записал был той дочке своей именья свои отчинные» [РГАДА, ф.389, оп.1, д.6, л.138об.–139], цит. по: [Акты, 2012, с.150; Русина, 2001, с.145]. После перехода Вяземского около 1494 г. на службу к великому князю московскому Ивану его земельные имения были конфискованы и перешли к великому князю литовскому Александру. После 1497 г. территория бывшего татарского феода была разделена между киевскими боярами – родственниками Романа Яголдаевича по женской линии, а вскоре (1503) отошла Москве. Как замечает А.Г.Бахтин, «о политическом статусе Яголдаевского княжества или «тьмы» можно спорить, источники не дают возможности решить этот вопрос точнее, но несомненно, что это было татарское государственное образование» [Бахтин, 2008, с.153].

§ 3. Образование Крымского ханства

Илья Зайцев

После монгольского завоевания большая часть Крыма стала одним из улусов Золотой Орды, однако итальянские владения на Южном берегу сохранили самостоятельность и стали (подобно русским княжествам) платить дань в Орду. Рубрук, побывавший в Солдае (Судаке) в 1253 г., не мог общаться с «начальниками (capitaneos) города», а вынужден был вести переговоры с их заместителями, так как «начальники отправились зимою к Батыю с данью и еще не вернулись» [Путешествия, 1997, с.90]. По сообщению ал-Муфаддала, доходы с Судак делились между четырьмя татарскими правителями [Тизенгаузен, 1884, с.183–184, 195]. Эта часть Крымского полуострова платила полагающуюся дань сначала в Орду, затем Крымскому ханству как ордынскому наследнику, до тех пор, пока не вошла в 1475 г. в состав Османского государства на правах *ливы* или вилайета Кефе [Fisher, 1978, с.191–205]¹.

В XIII в. степной Крым и некоторые земли в Крымских горах вошли в состав собственно золотоордынской территории и оказались разделены на традиционные ордынские тумены («тьмы») во главе с наместниками (эмирами) из числа племенной ордынской знати. Первые ярлыки, касающиеся Крыма (Тохтамыш от 19 февраля 1381г.,

времено и османскому падишаху (3000 венецианских дукатов в год, потом 4000, а с 1468 г. – 6000 и вскоре 8000) и крымскому хану (600 сомов или 4000 червонцев, а потом 8000 червонцев) [Волков, 1872, с.113; Колли, 1918, с.132–133, 155; Чиперис, 1960, с.137–145]. Сумма дани являлась постоянным предметом торгов. Неслучайно Хаджи-Гирей в своем ярлыке 1453 г. называет Кафу среди подвластных владений [Kurat, 1940, с.64–67; Малов, 1953], а московский великий князь Иван III в наказе Алексею Старкову (1475) велел говорить Менгли-Гирею: «...говорил еси моему боярину Миките о Кафе, а зовешь Кафу своими людьми» [Сборник РИО, 1884, с.12]. Вместе с тем сам Менгли-Гирей в письме Мехмеду Фатиху (19 раби II 874 / 25 октября 1469 г.) прямо писал, что Османы берут харадж с Кафы [Kurat, 1940, с.84–85].

¹ Впрочем, после осады Кафы в 1454 г. османской эскадрой Демир-кяхья город платил одно-

² Был и другой потомок Яголдаевича, брат Романа по имени Зиновий [Русина, 2001, с.145, 148].

Улуг-Мухаммеда от 15–24 апреля 1420 г., Хаджи-Гирея 1453 г., Менгли-Гирея 1468 г.), содержат в обращении название «Крымский тумен» [Григорьев, 1987а, с.43–44]. Судя по ярлыку Тимур-Кутлуга (24 апреля 1398 г.), этот тумен назывался также туменом Крыма и Кырк-Йера [Григорьев, 2006, с.97–112]. Впрочем, в других ярлыках крымский тумен – однозначно не весь полуостров, а только Солхат (т.е. г. Крым, а не Крым как государство), в то время как Кырк-Йер – отдельный самостоятельный тумен (ярлыки Хаджи-Гирея населению Кырк-Йера, 1459 г.; Мухаммед-Гирея населению Кырк-Йера и даруга-бекам в главе с Аппаком)¹. Таким образом, мы можем предположить наличие во второй половине XV в. и начале XVI в. двух туменов – Солхата, которым правит даруга-бек (из ширинов), и Кырк-Йера, которым тоже правят наместники-даруги².

Наряду с такой десятичной системой административного деления крымские земли входили (видимо, параллельно) в более традиционную улусную систему, в которой наделы-улусы связывались с конкретными их обладателями³. По мнению ряда исследователей, в XIII в. Крым составлял отдельный единый улус в рамках общеджучидского правого крыла [Трепавлов, 2010а, с.31]. Но, как мы уже видели, это вряд ли так: очевидно, что итальянские колонии Южного берега и поздневизантийские княжества (Мангуп-Феодоро и, возможно, аланский Кырк-Йер) сохранили автономию. В XIV в., по сведениям ал-Калкашанди (1355–1418), Золотая Орда делилась на десять округов-климатов (*иклим*). Три из них имели непосредственное отношение к Крымскому полуострову – собственно Крым, Азак (Азов) и Ас. Крым перечисляется ал-Калкашанди как четвертый округ с центром в г. Солхат (Сулгат), но в его состав входили еще Судак, Кафа и поволжский Укек (Увек)⁴. В пятый,

Азакский округ входила, помимо его столицы Азака (Азова), еще Керчь (ал-Карш). Девятый климат – «страна Ас» с центром в Кырк-Йере. Таким образом, полуостров в целом был разделен между тремя улусами. Главные итальянские порты на Южном берегу (Судак и Кафа) имели самую прямую связь с Солхатом, куда платили выход и торговые налоги, и, видимо, именно в этом смысле и составляли с ним один административный округ. Важно отметить столичный статус улусного Кырк-Йера.

Владельцами Крымского тумена в XIV в. были Тулук-Тимур (упомянут в 1358 г. как «сеньор Солхата») и его сын Тимур-Кутлуг. Плита с надписью (вероятно, строительной – об устройстве колодца неким Идрисом б. Хаджи-Яхья б. Мухаммед Ираки), найденная О. Акчокраклы в Отузах, имеет дату 760 г.х. (1358) и, безусловно, содержит имя тогдашнего крымского «великого эмира» Тимур-Кутлуг-бека [Акчокраклы, 1927, с.9]. Видимо, эти солхатские беки XIV в. были по клановой принадлежности кыйатами.

Как замечает Д.М.Исхаков, с ними как-то родственно был связан всесильный кыйат Мамай [Исхаков, Измайлов, 2007, с.151]. Уже его отец, возможно, был даругой Солхата. Захват Мамаем Крыма относится к началу или середине 60-х гг. XIV в. Симеоновская летопись относит убийство Мамаем преемника и сына хана Хызра хана Тимура-Ходжи, переправу Мамаея через Волгу и захват им Крыма к 1361 г. [ПСРЛ, 18, 1913,

очевидно, что тут мы имеем дело с округом, состоящим из двух (минимум) территориальных единиц, не имеющих общей границы. Примеры таких улусов, которые располагались на территории двух туменов, отдаленных друг от друга, известны [Почкаев, 2011, с.178]. Ал-Калкашанди четко пишет о том, что Укек из числа городов, которые приписаны к *иклиму* Крым [Григорьев, Фролова, 1999, с.72; Григорьев, Фролова, 2002, с. 287]. И здесь можно было бы предположить, что ал-Калкашанди спутал Улак и Укак (Укек/Увек) (اولاك ~ اوкак) (форма اوкак широко представлена на монетах: [Недашковский, 2000, с.21, рис. 2]), тем более, что часть округов ал-Калкашанди (Джулат Черкес, Кара Улак, Кырк-йер) в других источниках упоминаются как тумены, пожалованные Бату своему брату Шибану [Мустакимов, 2011, с.231]. Однако это вряд ли так, поскольку ал-Калкашанди четко разделяет Укак и Улак, считая последний отдельным округом-климом.

¹ То есть текст ярлыков здесь не испорчен, как думал М.А.Усманов, а просто передает иное административное деление [Усманов, 1979, с.206–207].

² Этими даругами-наместниками Кырк-Йера были потомки брата Хаджи-Гирея Мустафы (см. ниже).

³ См.: [Почкаев, 2011, с.177–178].

⁴ Названная ал-Калкашанди крайняя восточная точка этого округа в районе г. Укек у В.П.Гулевича вызывает сомнение [Гулевич, 2013, с.116]. Однако,

с.101; Григорьев, 1983]¹. Об этом пишет и Утемиш-хаджи в «Чингиз-наме» («Тарих-и Дост-султан»): во время правления Бердибека (1357–1359) «было много смут. Кыйат Мамай забрал правое крыло и ушел с племенами в Крым, [а] левое крыло увел на берег реки Сыр Тенгиз-Буга, сын Кыйата Джир-Кутлы» [Утемиш-хаджи, 1992, с.108, 135 (табл. ххх)]².

Эти данные подтверждают и памятные записи на полях армянских богослужебных книг крымского происхождения: Мамай силой овладел Солхатом, а потом и всем полуостровом в конце августа 1365 г. [Саргсян, 2004, с.153, 156; Галенко, 2005, с.153]. ал-Калкашанди упоминал, что Мамай правил в Крыму в 776 г.х. (1374/5) [Тизенгаузен, 1884, с.413]. Оплотом Мамаю перед походом на Крым мог быть Азов, где ставленник Мамаю хан Абдулла чеканил монеты (с небольшими перерывами) с осени 1362 по 1370 г. [Григорьев, 1983, с.37 и табл.], или же город Орда (место чеканки Абдуллы с 765/1363/64 г.), который отождествляется А.П.Григорьевым с Запорожским городищем в 30 км южнее современного Запорожья [Григорьев, 1983, с.37; Григорьев, 2007, с.117]. В 1363 г. мы снова видим Тулук-тимуридов на посту крымских правителей-наместников: после Зейнаддина Рамазана упомянут Коджа Алибек б. Иса б. Тулук-Тимур (переписка египетских султанов с ним, по ал-Муhibби, была начата в 765/1363–1364 гг.) [Тизенгаузен, 1884, с.349–350]. Известный ярлык Тохтамыша от 19 февраля 1381 г. о Сюткуле³ адресован главе Крымского тумена, правителю Солхата Кутлу-Буге. Похожее имя носил и один из трех братьев, разбитых Ольгердом в битве у Синих Вод в 1362 г. (Дмитрий, Кутлубуга и Хачебей). Улус Кутлубуги А.Галенко совершенно правдоподобно помещает в Солхате, отождествляя его с родственником (скорее всего, зятем) и приближенным хана Джанибека Инаком Кутлубугой [Галенко, 2005, с.136].

¹ См. также: [Трепавлов, 2001, с.59].

² Последний был сыном Исатая (зятя и тестя хана Узбека Исы-бека).

³ Сюткюль («Молочное озеро») – место между Феодосией и Арабатом [Григорьев, 1979, с.181; Протоколы, 1913, с.231].

В эпоху становления Крымского ханства (в 30–50-е гг. XV в.) это разделение полуострова на разные по статусу государственно-административные единицы сохранится. Унаследовав всю полноту власти главы тумена, однако уже в другом качестве полноправных независимых владык, территориально ханы довольствовались степным Крымом с его столицей в Солхате. Границей ханства на юге были крымские горы. На севере ханские рубежи выходили за пределы полуострова и простирались примерно до района Конских вод, на северо-западе до р. Синяя Вода; на востоке, со стороны Астрахани и ногаев, какое-то время границей был Миус («Молочная Вода»). Западная граница простиралась за Очаков к османскому Аккерману [Хартахай, 1866, с.189–190].

* * *

До недавнего времени хронология правлений ханов в Крымском улусе в 20-е – начале 30-х гг. XV в. оставалась весьма неточной и путаной. А.Л.Пономарев [2013] на основании данных счетов генуэзского казначейства Кафы за 1420–1428 гг. предложил следующую последовательность царствований этого смутного времени:

Бек Суфи (1419 – весна 1420 г.)

Улуг-Мухаммед – весна 1420 г.

Бек Суфи (лето 1420 – сентябрь 1421 г.)

междущарствие (сентябрь 1421 – ноябрь 1422 г.)

Девлет-Берди (ноябрь 1422 – ноябрь 1423 г.)

междущарствие (ноябрь 1423 – 11 января 1424 г.)

Девлет-Берди (11 января – 12 июня 1424 г.)

Улуг-Мухаммед (12 июня – 23 (?) августа 1424 г.)

Девлет-Берди (23 (?) августа 1424 – 14 мая 1425 г.)

Улуг-Мухаммед (14 мая 1425 – февраль 1426 г.)

междущарствие (февраль – апрель 1426 г.)

Девлет-Берди (12 (?) апреля 1426 – июнь 1427 г.)

Улуг-Мухаммед (июнь-июль 1427 – 1436 г.).

Приходится признать, что этот источник дает нам на сегодняшний день, видимо, наиболее подробные данные о хронологии правлений в Крыму в то время¹.

Как и в других золотоордынских ханствах, в Крыму правили представители одного рода – Джучидов (потомков сына Чингиза Джучи). Хань были потомками младшего сына Джучи Тукай-Тимура. Один из сыновей последнего – Уран-Тимур получил от Менгу (1266–1280) Крым в качестве юрта. Позднее джучидская традиция, в том числе и историографическая, связывала Крым с потомством Тохтамышша [Краткая, л.25], и полуостров считался «Тохтамышевым царевым юртом» [Некрасов, 1999, с.49; Трепавлов, 2011, с.375].

Например, в 1506 г. послы Менгли-Гирея к польскому королю Александру «припоминали стародавних Господарей и Великих Князей и от Витовта и далее (т.е. ханов, владевших Крымом от Тохтамышша. – *И.З.*) ино Таптамьша, Гжелиньдинья, Перебурди, Кебик, Керем, Берди, Магъмет, Ажи-Кгирей, Мордовлат, Менди-Кгирей, вси дейтые цари были с Великими князи Литовскими ино теперь верном братстве, у присязе на всякого неприятеля заодин» [Сборник, 1838, с.27]². Очевидно, что здесь мы имеем Тохтамышша, Джелал ад-Дина, Кепека (Кебека), Керемберди, (Улуг) Мухаммеда, Хаджи-Гирея, Нурдевлета и самого Менгли. Этот перечень, вероятно, можно считать официальной точкой зрения на смену правителей в Крыму – официальной Гирейской версией образования «Тохтамышева юрта». Вероятно, в Крыму даже сохранялась часть казны Тохтамышша. В 1489 г. великий князь Иван просил Нурсултан бинт Темир через своего посла Грибца: «сказывали ми у тобя зерно жемчужное велико, хорошо, Тахтамышевское цареву; и ты бы того зерна нам не заборонила; а что будет тебе у нас надобе, и мы тебе того не забороним» [Сборник РИО, 1884, с.80].

¹ Эти подробные сведения лишь отчасти подтверждаются более общей схемой хронологии правлений ханов Бек-Суфи, Девлет-Берди и Улуг-Мухаммеда, которую составил по данным нумизматики К.К.Хромов [Хромов, 2013, с.402].

² Более точную цитату см.: [Трепавлов, 2010, с.50; Kolodziejchuk, 2011, с.13, прим.32].

В ханстве сложилась династия Гиреев³ – потомков золотоордынского хана Хаджи-Гирея. Происхождение династийного имени Гиреев до конца не выяснено. Уже средневековые историки недоумевали по этому поводу. Так, османский автор Мюнедджимбаши писал о Хаджи-Гирее: «Он же присовокупил в конце своего имени и слово “Герай”»; но зачем он присоединил это слово, и отчего это стало после него необходимо и детям его, причина этого нам неизвестна» [Смирнов, 2005, с.184, 199–200]. Возможно, само слово связано с названием одного из монгольских племен – *киреит* (где *кэрэ* – монгольское слово «ворон», а *-т-* показатель множественного числа). Едва ли не первым, кто предположил подобную связь, был Н.И.Веселовский [Веселовский, 1889, с.176]. Но еще до него это предположение с сомнением высказывал В.Д.Смирнов. Критикуя Й. фон Хаммера, он писал: «если не совсем тождественное с именем “Герай”, то все же несколько близкое к нему встречается еще у Рашид-эд-Дина название одного тюркского племени “Кераит”. Но чтобы признать генетическую связь между обоими именами, пришлось бы допустить сокращение вышеприведенной формы старинного собственного имени» [Смирнов, 2005, с.192]⁴. Ю.Немет также сопоставлял название «Гирей» с племенем киреитов (монгольская форма множественного числа из *кирей*), из которого будто бы происходили крымские ханы, а само слово *кирей* (*гирей*, *гирай*) возводил к древнему тюркскому *кер* («огромный, гигантский»). В этой изначальной форме оно, возможно, отразилось в названии одного из венгерских племен у Константина Багрянородного [Немет, 1963, с.133; Nemeth, 1965, с.360–365]. Х.Иналджик также предпола-

³ Я продолжаю придерживаться утвердившегося на сей момент написания фамильного имени крымской династии в форме *Гирей* (а не *Гирай*, или *Герай*, как это принято в украинской, западной и турецкой литературе, а иной раз проскакивает и в современной русской, так или иначе зависящей от западной). Причины этого написания достаточно изложены Н.И.Веселовским [Веселовский, 1889, с.176].

⁴ Вопрос о тюркской или монгольской принадлежности киреитов, а также их связи с предполагаемыми потомками в родоплеменных группах разных тюркских и монгольских народов до сих пор не решен [Ушницкий, 2011, с.30–33].

гал связь имени Гирей/Гирай с племенем керейтов. Исследователь обратил внимание на то, что среди среднеазиатских керейтов имеется отдельная группа под названием *тараклы* («гребенчатые»). Это дало ему основание предположить связь между этой группой и крымскими ханами, поскольку тамга последних называлась «тарак». Само слово Гирей/Герай/Керей Х.Иналджик произвел от тюркского *кер* — «самое сильное существо» [Кангиева, 2007, с.80–81]. Впрочем, как совершенно справедливо замечает Мария Иванич, «трудно представить себе происхождение династического имени из родового потому, что это полностью противоречило монгольской социальной иерархии: потомки Чингиз-хана, члены золотого рода (*алтын урук*) сознательно выделяли себя из простых людей (*кара киши* ‘чернь’). Они считали всех других, даже людей высокого ранга или происхождения, *кара киши*. Для членов *алтын урук* члены рода Киреев, даже самые заслуженные, оставались *кара киши*. Поэтому исключено, что они взяли в качестве династического имени имя этого рода» [Иванич, 2012, с.479].

Турецкий лексикограф Ахмед Вефик-паша в своем словаре «Лахджа-йи усманийа» возводил крымское династическое имя к монгольскому «гарай» в значении «заслуженный», «достойный», «обладающий правами» [Султанов, 2001, с.144–145]¹. Как замечал А.Гафуров, «случай присвоения царевичу прозвища по названию рода его наставника, пожалуй, редчайший и едва ли правдоподобен. Но утверждение о том, что это монгольское имя, не лишено оснований. Имя Гирай или Герай у монголов встречалось нередко. Это имя носили два внука Хулагу и два монгольских военачальника. ...основу имени Герай может составлять корень *кер* с семантикой ‘упорство, стойкость’, ‘оспаривать’. Имена с таким значением составляют большую группу в тюркской и монгольской антропонимии. Вполне возможно, что имя Герай/Керай/Гирей означает ‘упорный, стойкий’» [Гафуров, 1987, с.28–29]. Ф.Хартахай утверждал, что настоящим именем первого

хана было Девлет-Гирей. Приставку к имени он получил по просьбе своего воспитателя-литвина, которого звали Гирей. «Умный и набожный Девлет-Гирей, без сомнения, сделал много в деле изучения новой религии. Он путешествовал к гробу Магомета, за что и назван *Хаджи*, т.е. паломник. Но самое важное влияние на окончательное развитие магометанства у татар произвело падение Константинополя и торжество исламизма над христианством» [Хартахай, 2003, с.23; Хартахай, 1866, с.198–199]. Эту идею развил О.Гайворонский, который считает, что первоначальным именем Хаджи-Гирея и было Гирей (Герай), а потом, после совершенного хаджа («это могло произойти предположительно в 1419 г.») к имени добавилось почетное *хаджи* [Гайворонский, 2003, с.105]². По рассказу Сейида Мухаммеда Ризы, Хаджи-Гирей будто бы принял его потому, что его отец Гийас-ад-Дин воспитывался среди племени Гирей и имел там *аталыка*, совершившего *хадж* [Смирнов, 2005, с.186–187].

Еще одну версию происхождения династического имени крымских ханов сохранило для нас сочинение раббинита из Карасубазара Давида б. Элиазара Лехно (или Ляхну; ум. в 1735 г.) «Устное повествование» (רַבִּי שְׁפָתַי) написано на древнееврейском языке между 1681–1731 гг. [Финкель, 1848, с.693–704]. Этот труд состоит из 53 глав, им предпослано предисловие, в котором содержится история крымских ханов до 1681 г. Предисловие оканчивается воцарением в третий раз Каплан-Гирея в 1143/1730–1731 гг. Оба списка сочинения (они хранились в Одесском обществе истории и древностей) после этого события имели лауну в 5 листов. Далее шел фрагмент второй главы. Третья глава начиналась воцарением Хаджи-Гирея в 1094 г.х., а 35-я гла-

¹ Мария Иванич считает, что это слово в действительности ни в одном словаре не зафиксировано и является словом-призраком [Иванич, 2012, с.478].

² Теоретически это возможно. Но, скорее всего, у близких родственников Хаджи-Гирея слово *хаджи* использовалось все же как имя. Например, тетку основателя Крымского ханства (дочь Таш-Тимура и сестру Гийас ад-Дина) звали Хаджи-султан [Материалы, 1969, с.40]. Кроме того, факт совершения хаджа для исламских правителей (в том числе и в Дешт-и Кипчаке) почти всегда означал добровольный отказ от престола. Поэтому сами ханы *хадж* никогда не совершали (всегда только их близкие родственники – братья, матери, жены).

ва – 2490 г. еврейского летосчисления, или 1143 г.х., – низвержением Менгли-Гирея султаном Махмудом [Финкель, 1848, с.693–704; Гаркави, 1884, с.1–41; Маркон, 1910, с.599–602; Маркон, 1916, с.XI, XII; Markon, 1938, с.547, 548; Боровой, 1941, с.295–299]. И.Маркон частично издал текст хроники на языке оригинала. Во введении Лехно сообщает, что восьмым ханом в Крыму был Нур-Девлет, который был в Киркоре (караимск. Кале), девятым Хайдар, 10-й Гелдыш-хан, против которого взбунтовались вельможи из дома Мансур-оглы и умертвили его вместе со всеми сыновьями, за исключением одного, который скрылся и, переодевшись в лохмотья, получил место пастуха у Гирай-бая. Дочь Гирай-бая увидела, что он ест хлеб на подосланный скатерти, и отец ее догадался, что он наследник престола. Пастух с помощью ее отца восходит на престол под именем Мухаммед-хан, убивает Эдигамурзу (убийцу отца). В благодарность к Гиразу прибавляет к своему имени имя Гирай [Гаркави, 1884, с.2–3]. Несмотря на нарушенную хронологию, эта версия ранней истории ханства заслуживает пристального внимания. Очевидно, что автор пользовался каким-то тюркским текстом (близким к тексту Сейида Мухаммеда Ризы), который он называет «История крымских царей» [Зайцев, 2013а, с.164].

В одной из редакций «Дафтар-и Чингизнаме» (скорее всего, ранней) вслед за перечислением шести сыновей Тохтамыша сказано: «Когда Тохтамыш попал в трудное положение (букв.: разорился), двух его сыновей воспитывал (некто) по имени Гирей-бай. Взяв этих двух его сыновей, возвели на ханство в Крыму. Имена этих двух его сыновей – Искандер и Абу Са'ид». В оригинале (как его передает И.А.Мустакимов), последняя фраза может читаться, скорее как «Имя его сына Искандер Абу Саид» [Мустакимов, 2009б, с.127–128]¹.

В «Сборнике летописей» Кадыр-Алибека эта история представлена несколько иначе: «После убиения старшего бра-

та Хаджи-Гирей-хана Джан-Гирей-султана [конратскими беками] он в бегах будя у Ча-кырганбая в услужении... находился; беки между собою [не имея согласия] в несогласии идя, нашед его, Хаджи-Гирей-султана, в ханы избрали року... 906...» (перевод Чокана Валиханова [Заатов, 2011, с.550]). Дастан о Хаджи-Гирее – один из самых запутанных и загадочных в «Сборнике летописей», прежде всего с точки зрения хронологии (призвание Хаджи-Гирея в версиях Ч.Валиханова, А.Рахима и хальфинской датировано соответственно 906, 954 и 956 гг.х) и географических несовпадений (в нем встречаются названия селений на территории бывшего Казанского ханства) [Зайцев, 2004а, с.168–169; Зайцев, 2009а, с.231–232].

В искаженном виде версия о происхождении династийного имени от имени пастуха попала даже в документы ГПУ начала 20-х гг. XX в. В справке за подписью Председателя Крымского политического управления С.Ф.Реденса, датируемой 1922–1923 гг., читаем: «Первым ханом был Гаджи-Гирей (от слова «Гирей» – пастух, потому что он якобы в детстве во время татарских смут был спасен пастухом), отсюда все татарские ханы носили название Гирей – пастух» [Ефимов, Белоглазов, 2002, с.149].

В.Д.Смирнов предполагал и другую связь названия династии: «Не понравилось ли это имя Менгли-Герая своим созвучием с греческим Κύριος = «господин, владыка», которого он мог слышать от греков и в самом Крыму, и в Константинополе, где он проживал некоторое время в качестве пленника?» [Смирнов, 2005, с.201, прим.1]. В последнее время эта идея была поддержана Марией Иванович. Венгерская исследовательница несколько усложнила мысль В.Д.Смирнова, предположив, что *кирей* происходит не непосредственно от *кириос*, а от формы звательного падежа этого слова – *кирие* (подобно тому, как именно в форме вокатива турецкий язык заимствовал греческое слово *эфенди*) [Иванич, 2012, с.482–483].

Хаджи-Гирей в действительности, скорее всего, был не первым из ханов, которые владели Крымом, кто носил это имя. Например, османский историк Мустафа Али-эфенди (1541–1600) называет одного из преемников Узбека на золотоордынском

¹ В краткой рукописной заметке по истории Крымского ханства, опубликованной Н.С.Сейтягьяевым по рукописи НБУВ им. В.Вернадского (рук. 3780) эти же два (или все же один?) персонажа также указаны среди потомков Тохтамыша [Сейтягьяев, 2011, с.344].

престоле Джанибек-Гиреем [Али-эфенди, л.87]. Это можно было бы счесть недоразумением (Мустафа Али Гелиболулу, который пользовался сведениями Мухаммеда Ташкенди, мог, например, спутать двух персонажей – Джанибека и Гирея, объединив их в одного)¹. Однако, есть несколько независимых друг от друга свидетельств, согласно которым уже Улуг-Мухаммед имел эту приставку к имени.

В записи последовательности правлений крымских ханов из собрания Матенадарана обращает на себя внимание, что среди предшественников Хаджи-Гирея назван некий Мухаммед-Гирей [Зайцев, 2009а, с.205–206]. Очевидно, имеется в виду Улуг-Мухаммед, который традицион-

¹ Тем более, что вопреки истине, у Мустафы Али после Узбека правит некий Калан-оглан (قلان اوغلان), а потом Джанибек-Гирей-хан [Али-эфенди, л. 87]. Об этой рукописи Али-эфенди см.: [Вейси, 1976, с.19–21]. Нет сомнений, что последовательность золотоордынских ханов в этом фрагменте изложена Али-эфенди по Ташкенди. У Абдуллы б. Ризван (20-е гг. XVII в.), чьим источником было сочинение Али (или же непосредственно текст Ташкенди), между Джанибеком и Узбеком правит какой-то Инсан-оглан [Зайцев, 2009а, с.84–85, 87–88, 216–217]. Этот же Инсан-оглан (إنسان اوغلان) из потомства Бату назван правителем Дешта (отобравшим власть в потомков Шибана) у Абу Мухаммеда Мустафы ал-Дженнаби (ум. в 999/1590/91 г.), который также пользовался текстом Ташкенди [Тизенгаузен, 1884, с.536]. Наконец, встречаем Инсан-оглана (опять между Узбеком и Джанибеком) и в тексте Хюсейна Хезарфенна, который в своем крымском разделе ссылается и на Ташкенди, и на «Суть известий» Мустафы Али [Хезарфенн, л.28 об.]. Таким образом, у Ташкенди определенно имелся этот пассаж. Однако ни у Дженнаби, ни у Абдуллы, ни у Хезарфенна нет никакого Джанибек-Гирея. В тексте Дженнаби Джанибек назван «великим» (الكبير) [Тизенгаузен, 1884, с.536]. Может быть, приставка «Гирей» могла возникнуть у Али из неправильно прочитанного арабского эпитета? Эпоха правления Джанибека считалась золотым веком в истории Золотой Орды. Например, Абу-л-Гази называл его «справедливым» [Кононов, 1958, стр.1299]. Известен и еще один его эпитет («азиз» – «святой»), сохранившийся в тексте «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» [Мустакимов, 2013а, с.235]. Я уже высказывал предположение о том, что текст Ташкенди (дошедший в османском изложении), имел про-шибанидскую направленность [Зайцев, 2009а, с. 88] и, возможно, был отчасти посвящен противостоянию шибанидов и тукай-тимуридов, отразившемуся в «Чингиз-наме» [Утемиш-хаджи, 1992, с.92, VII; Ötāmiš, 2008, с.10, 69].

но включался в список ханов, правивших Крымом². Любопытно, что в его имени мы видим династийную приставку – Гирей, которая утвердилась за крымскими ханами. Это не единственный случай, когда Улуг-Мухаммед называется Мухаммед-Гиреем. Точно так же в качестве преемника Кадыр-берди он назван в родословной Ширинских беев [Лашков, 1889, с.98–100]³.

Более того, зная об этом, можно иначе понимать некоторые другие данные источников. Так, в одной из грамот ногайского нурадина Исмаила, которую доставили в Москву в сентябре 1552 г., он рассуждал о возможностях занятия свободного на тот момент Казанского трона во избежание самовольного выбора хана казанскими «черными людьми», т.е. простонародьем: «Юрт не их – Магмет Киреев царев юрт был, обем нам поровну было» [Посольские книги, 2006, с.105]. Эти слова грамоты Исмаила традиционно связываются с Крымом [Трепавлов, 2001, с.253] и Мухаммед-Гиреем I [Трепавлов, 2011, с.375] (правил в 1515–1523 гг.), однако, как замечал В.В.Трепавлов, «связь Казанского ханства с этим правителем неясна: Мухаммед-Гирей никогда не претендовал на казанский трон» [Посольские книги, 2006, с.229, прим.120]. Понимая это, И.А.Мустакимов попытался объяснить слова Исмаила тем, что после пресечения династии Улуг-Мухаммедовичей в Казани Гиреи, являвшиеся их близкими родственниками, стали рассматриваться правителями татарских государств в качестве законных преемников потомков Улуг-Мухаммеда [Мустакимов, 2009а, с.188–189]. Действительно, в Крыму хорошо помнили Улуг-Мухаммеда, а крымские ханы считали его прямым родственником. Например, в грамоте Сахиб-Гирея (доставлена в Москву в мае

² Ср. цитированные слова послон Менгли-Гирея королю Александру в 1506 г.

³ Исследователи уже неоднократно обращали внимание на то, что родословная традиция тесно связывала род Гиреев с Улуг-Мухаммедом, и в «Родословной Ширинских», составленной в октябре 1820 г. главным образом на основании устных преданий, говорилось о том, что ширинский бей Тегене в 820 г.х. (18 февраля 1417 – 7 февраля 1418) избрал на крымский престол Улуг-Мухаммед-Гирей-хана [Лашков, 1897, с. 38; Григорьев 2006, с. 118; Акчурин, 2013, с. 6].

1538 г.) хан писал: «Да еще еси к нам писал про Казань, рекши, на Казань царя посадил. Ино Магмед-Аминь царь з братом своим з большим с Алехам-царем о юрте спирались, и того для Магмед-Амин царь к Москве пришел, и отец твой помочь ему свою дал, и он, шед, на Казани сел. То правда есть и межи государем коли таково дело не бывает, ино тем ли он его на царство посадил, что помочь свою ему дал. С великим царем с Магмедом с упокойником, з дедом нашим из Суздаля прадед твой Василей бился с ним да и в руки ему попал жив. И в тем время на мочно было нашему деду твоего прадеда убить, а Московское государство с сею землею взяти, ино такова ему сила была и мочь. А он его простил, и горсти крови пощадел, и все то презрел и Москву ему опять отдал. И того прошлого добра не поминаешь...» [Флоря, 2001, с.239]¹. В другом тексте – ярлыке 1535 г., выданном от имени Сахиб-Гирея, хан прямо называет Улуг-Мухаммеда «Мухаммед-Гиреем»: «Штож наши предки цари и отец мой Магъмиткгией, царь, коли кони потныи были до великого князя Витовта и до короля и великого князя Казимира, до паньства Великого князьства Литовского в гостину приезждчали и велики чти видали...»².

Таким образом, и упомянутое письмо Исмаила, и запись последовательности правлений крымских ханов из собрания Матенадарана, и ширинская родословная, и ярлык Сахиб-Гирея применяют приставку Гирей к Улуг-Мухаммеду. Сложно предположить, что сразу в четырех независимых друг от друга источниках приставка Гирей употреблена по отношению к Улуг-Мухаммеду по недоразумению. Некоторые средневековые авторы иногда включали Улуг-Мухаммеда в число сыновей Тохтамышша (хотя в действительности Улуг-Мухаммед был сыном

Ичкеле Хасана, и Тохтамыш приходился ему дядей по отцу)³. Тогда можно было бы предположить, что прозвище Гирей закрепилось за одной из ветвей потомков Тохтамышша, или даже на более древние родственные связи первых крымских ханов и Улуг-Мухаммеда, а именно их общее родство как потомков Тукай-Тимура. В русских родословных записях, которые имели татарский источник, это родство подчеркивалось особо [Vásáry, 2008, с.369–370]. Согласно «Му'изз ал-ансаб» брат Хаджи-Гирея также имел в составе имени эту приставку (его звали Джан-Гирей) [Муизз, 2006, с.45].

Согласно «Таварих-и гузида-Нусрат-наме» Крым (т.е. город Старый Крым – Солхат) и Кафа были первоначально пожалованы Чингиз-ханом своему сыну Джучи [Мустакимов, 2013а, с.239]⁴. Тукай-Тимур был тринадцатым сыном Джучи [Рашид-ад-Дин, 1960, с.66, 77]. «Му'изз ал-ансаб» называет его матерью наложницу Кагри-хатун из племени меркит [Султанов, 2001, с.142; Муизз, 2006, с.38]. Возможно, именно это обстоятельство и стало причиной того, что потомки Тукай-Тимура имели как будто бы несколько более низкий статус среди остальных джучидов. Согласно «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, потомки Шибана якобы попрекали Тукай-Тимуридов тем, что Тукай-Тимур в отличие от других братьев (сыновей Джучи) не получил улуса после смерти отца в 1226 г. «Когда после смерти нашего отца Иочи-хана наши отцы отправились к нашему великому деду Чингиз-хану, то он после Иджана и Саина [т.е. после Орды и Бату. – И.З.] поставил юрту [и] для нашего отца Шайбан-хана. Для вашего [же] отца [он] не поставил даже и [крытой] телеги» [Утемиш-хаджи, 1992, с.92, VII; Ötāmiš, 2008, с.10, 69]. Согласно Махмуду ибн Вали («Море тайн, относительно доблестей благородных»), потомки Тукай-Тимура получили прозвание «Ханских сыновей» (*Хан-оглы*) [Султанов, 2001, с.142]. Действительно, среди его по-

¹ Очевидно, что «великий царь Магмет» из письма Сахиб-Гирея – это русский перевод титула «Улуг хан Мухаммед».

² Цит. по: [Шабурьдо, 2005, с. 108–109]. Этот «Магъмиткгией» ярлыка не может быть сыном Менгли-Гирея, поскольку этот Мухаммед-Гирей был не отцом Сахиба, а приходился ему братом. Кроме того, ссылка ярлыка на эпоху Витовта (ум. в 1430 г.) и Казимира (ум. в 1492 г.) исключает возможность того, что Сахиб-Гирей писал о Мухаммед-Гирее б. Менгли-Гирее.

³ О причинах см.: [Исхаков, 2002б, с.73].

⁴ Этот текст «Таварих-и гузида-Нусрат-наме» о пожалованиях сыновьям Чингиза, по мнению И.А.Мустакимова, был заимствован из какого-то тюркского эпического произведения, скорее всего, созданного в улусе Чагатай [Мустакимов, 2013а, с.237].

томков мы встречаем много Чингизидов, которые имели приставку «оглан» («углан») в имени [Исхаков, 2002б, с.70]¹.

Согласно Махмуду б. Вали, потомки Тукай-Тимура «по воле Бату» властвовали над асами (*вилайет-и ас*), а также на Мангышлаке и в Хаджи-Тархане. Сын Тукай-Тимура Уран(Оран)-Тимур был пожалован вилайетом Крым и Кафой в самом начале правления Менгу-Тимура (1267–1280). До этого, при Берке, степным Крымом распоряжался темник Тук-Буга [Султанов, 2006, с.218–219; Некрасов, 1999, с.48]. Может быть, что Уран-Тимур получил Крым по наследству от отца. Улус потомков Тукай-Тимура, выделенный им после западного похода включал Мангышлак, Хаджи-Тархан и область асов, а в 1266 г., как сообщает Абу-л-Гази, Менгу-Тимур пожаловал Бахадур-хану (сыну Шибан-хана) область (*мамлакат*) под названием Ак-Орда, а Кафу и вилайет Крым передал Уран-Тимуру, который был сыном Тукай-Тимура, а сам отправился в поход на страну Булгар. По прошествии двух лет он вернулся оттуда победителем [Aboul-Ghazi, 1871, с.173; Aboul-Ghazi, 1874, с.182; Кляшторный, Султанов, 1992, с.191]. Если исходить из того, что Бахадур унаследовал эту область от отца, то получается, что Уран-Тимур тоже был утвержден верховным ханом в наследстве. В.Д.Смирнов, ссылаясь на Абу-л-Гази, также считал: «Самым ранним формально признанным властителем в Крыму обыкновенно считается Оран-Тимур, сын Токай-Тимура, младшего брата Бату, получивший эту область в удел от Менгу-Темира» [Смирнов, 2005, с.80].

Область асов в данном случае может означать асов, живших в низовьях Дона и приазовских степях.

¹ Даже если бы Тука-Тимур происходил от керитки (например, матерью его была бы старшая жена Джучи Никтимиш-фуджин – племянница керейтского Онг-хана, дочь его брата Джакамбо [Рашид-ад-Дин, 1960, с.65]), то и тогда возникновение приставки «Гирей» у кого-то (далеко не у всех) из его потомков не стало бы более объяснимо. Мы, к сожалению, знаем племенное происхождение только нескольких сыновей Джучи из его потомства, которое насчитывало около 40 сыновей: Орда был сыном Сартаки из рода кунгират, Бату – сыном Уки-фуджин-хатун (также кунгиратки) [Рашид-ад-Дин, 1960, с.66, 71].

Вполне вероятно, что принадлежность Крыма и указанных областей потомкам Тукай-Тимура отразилась и в том, что между наместниками Крыма и Хорезма существовали родственные отношения, подмеченные И.А.Мустакимовым. Так, наместник Хорезма кунграт Ак-Хусейн б. Нагадай был дядей по женской линии сына седжиута Али-бия Хасана. Согласно, «Маджму' аттаварих» (начало XVI в.) Сайф ад-Дина и Нур-Мухаммада Ахсикенти Ак-Хусейн был наместником Крыма, а затем бежал от Мама в Булгар, а потом в Туркестан и Хорезм [Мустакимов, 2011, с.235–236, прим.51].

Помимо династической приставки есть еще один атрибут, который связывал потомков Тукай-Тимура. Это – тамга. Изображение трехногой тамги (так называемая «тарак-тамга») прочно вошло в историографическую традицию как родовой знак крымской династии Гиреев, однако он встречается на монетах Токтамышша, Шадибека, Пулада, Чебре, Улуг-Мухаммеда (также, как и на его ярлыке от 15–24 апреля 1420 г. [Григорьев, 2006, с.115–116]), Гийас ад-Дина, Кичи-Мухаммада, Муртазы (сына большеордынского хана Ахмеда) и некоторых других ханов. Все перечисленные правители, как и Муртаза, ведут свое происхождение от Тукай-Тимура, таким образом, «тарак-тамга» могла быть общим родовым знаком представителей именно этой ветви Джучидов. Однако дело осложняется тем, что на монетах ханов XV в. – потомков Тука-Тимура – встречается и другая тамга, по форме напоминающая «двузубую вилку» [Казаров и др., 2013, с.348]. Более того, один и тот же хан мог на монетах помещать разные тамги (в зависимости от места чеканки). Например, Улуг-Мухаммед чеканил «тарак-тамгу» на своих сарайских монетах, хотя на его же монетах из Хаджи-Тархана и Орду-Базара тамга совершенно иная. Трехногая тамга чеканилась и на татаро-генуэзских монетах Кафы (1421–1445). Вариант такой тамги Хаджи-Гирей б. Гийас ад-Дин выбрал в качестве родовой тамги Гиреев, и с 845 г.х. (1441/42 г.) она чеканилась на монетах [Лебедев, 1990, с.149]. А.П.Григорьев утверждал, что тамгой-трезубцем пользовались золотоордынские

ханы из потомков Джансы¹, которые правили задолго до времени утверждения в Крыму династии Гиреев [Григорьев, 2006, с.115–116].

Таким образом, приходится признать, что ни этимология династического имени ханов Крыма, ни исторический контекст его происхождения нам до конца не ясны. Наконец, для первых двух поколений крымских ханов не совсем понятна логика присвоения приставки «Гирей» представителем династии. Мы твердо знаем, по меньшей мере, трех братьев Менгли-Гирея I (Нурдевлета, Ай-дара и Кельди-бая (Кельдиша), правивших в Крыму), а также не правивших братьев и племянников, которые этого прозвища не носили². Учитывая все вышеизложенное, возможно, следует отказаться от монгольской этимологии и этнической или клановой привязки династического имени ханов, а искать этимологию в тюркских языках и родственных связях. Тогда, возможно, имя Гирей (كرای) происходит от османского и крымскотатарского диалектного *гери* (كرو ; كرى) со значением «порода, род, дед» [Севортян, 1980, с.27] и аффикса *-ай* (-эй), который употребляется в некоторых тюркских языках для образования уменьшительных, главным образом, ласкательных имен существительных, связанных с обозначением различных степеней родства (по типу *бабай* – «дедушка», *анай* – «матушка», *атай* – «ба-тюшка», *абай* – «тетушка») [Серебрянников, Гаджиева, 1979, с.104]. Тогда Герай будет значить «дедушка», что неплохо сочетается с легендой о воспитателе хана, в честь которого он принял свое имя. Тогда полное имя первого крымского хана можно было бы перевести на русский как «Дедушка-паломник (хаджи)»³.

¹ Джанса (Джине или Ченте-оглан) был отцом Ичкеле-Хасана (Хасан-оглана), т.е. дедом Улуг-Мухаммеда [Исхаков, 2002б].

² Это косвенным образом может говорить о том, что в XV в. приставка «Гирей» все же имела какое-то отношение к племенному происхождению (по матери?), а не к самому факту занятия крымского престола, и только позже, уже в XVI в. стала однозначно определять потомков Менгли-Гирея вне зависимости от происхождения их матерей.

³ Отсюда и производное личное имя Герейли, которое мы встречаем у Абу-л-Гази среди внуков Огуз-хана [Кононов, 1958, стр.527].

Отцом Хаджи-Гирея по свидетельствам источников был Гийас-ад-Дин б. Таш-Тимур б. Джанай б. Тула-Тимур б. Кунджек б. Рук-Темур б. Тука-Тимур б. Джучи б. Чингиз [Halim Giray, 2013, с.31]⁴. Имени матери Хаджи-Гирея мы не знаем. Достоверно известно о брате Хаджи-Гирея Джанай-оглане [Смирнов, 2005, с.186]. Согласно «Му‘изз ал-ансаб», его звали Джан-Гирей [Муизз, 2006, с.45]. В «Ассеб ас-Сейар» и сокращенных редакциях этого труда упомянут и племянник («сын брата») Хаджи-Гирея Джанай-оглан [Ассеб о-ссейар, 1832, с.72; Краткая, л.26; Смирнов, 2005, с.188; Ortekin, 1938, с.8]. Он был назван так, видимо, в честь прадеда (Джанай б. Тула-Тимур). На мусульманском Востоке существовала и существует традиция называть внуков и правнуков именами дедов и прадедов, повторяя через несколько поколений соотношение имен. Вероятно, помня об этом, спустя несколько десятков лет одного из братьев Хаджи-Гирея II назвали Джихан-Гиреем [Kara Mustafa, 1973, с.315, 392]. Возможно, что у Хаджи-Гирея было и прозвище (или еще одно имя?) – «Малик» (ملك; «Царь») ⁵. Так называют его османские историки круга Ташкенди-Али [Хезарфенн, л.29], а также крымские авторы [Halim-Geray, 1909, с.11; Halim Giray, 2013, с.31].

Независимое государство (ханство) в Крыму, согласно традиционной точке зрения, было основано Хаджи-Гиреем при поддержке Польско-Литовского государства в начале 40-х гг. XV в. [Некрасов, 1999, с.49]. Причем эта роль Польши и Литвы в становлении ханства и судьбе Хаджи-Гирея потом подчеркивалась не только польско-литовскими средневековыми авторами, но и отмечалась крымскими текстами, адре-

⁴ См., например, список «Ассеб ос-Сейар» в собрании библиотеки Сюлейманийе (Reşid Efendi 664), в котором, правда, допущено две описки: пропущено слово *ибн* между именами Гийас ад-Дин и Таш-Тимур (описка из-за схожести написания концовки имени и слова *ибн*) и допущено искажение *Джатай* (вместо *Джанай*). Подробнее см.: [Смирнов, 2005, с.183 и далее]. См. также: [Гайворонский, 2003, с.10].

⁵ Теоретически, с другими огласовками можно прочитать и как «малак», т.е. «ангел».

сованными в Литву, например, ярлыками Менгли-Гирея и Сахиб-Гирея¹.

Исследователями предлагается несколько дат воцарения Хаджи-Гирея: 1441 г. (по монете 845 г.х.)² [Ürekli, 1989, с.13; Гайворонский, 2007, с.19; Kolodziejchuk, 2011, с.11] или даже еще более точно: март – апрель 1442 г. [Гулевич, 2013, с.128–129]; 1443 г. [Сахаров, 1965, стб.208]. Если принять последнюю датировку, то придется признать первым Крымским ханом Улуг-Мухаммеда, поскольку в 847 г.х. (май 1443 – апрель 1444 г.) именно он правил в Крыму [Тизенгаузен, 1884, с.501–502, 533–534]. Ряд ученых относят начало правления Хаджи-Гирея в Крыму и, таким образом, начало существования Крымского ханства к 1449 г. [Kolankowski, 1930, с.264–266; Kolankowski, 1935, с.288; Vásáry, 2012, с.15–16; Трепавлов, 2010, с.50].

Еще Ф.Хартахай предположил, что столицей татар в Крыму сначала был Эски-Крым, «потом, в эпоху междоусобий, перед династией Гиреев, – Карасубазар и, на-

конец, при Менгли-Гирее – Бахчисарай, ставший вместе и центром татарской цивилизации» [Хартахай, 2003, с.22]. Эта точка зрения была потом поддержана и другими учеными: «есть основание думать, что при Хаджи-Гирее столица из г.Крым была перенесена не в Бахчисарай, которого тогда еще не было, а в существовавший к этому времени г.Кырк, причём укрепленной цитаделью его была крепость “Кырк-йери”» [Боданинский, Засыпкин, 1929, с.181].

Важнейшим подтверждением переноса столичного центра из Солхата (Крыма) в Кырк-Йер являются монетные эмиссии. Самая ранняя несомненная монета Хаджи-Гирея, чеканенная в городе Крым (Солхате), относится к 845/1441/42 г. [Ретовский, 1893, с.76–77; Ürekli, 1989, с.13]. В 858/1454 г. Хаджи-Гирей бьет монету уже в Кырк-Йере [Ретовский, 1893, с.79 и далее]. Там же чеканена и монета, видимо, датированная 867/1462/63 г. Однако к этому же году, скорее всего, относится монета Хаджи-Гирея, битая все еще в Солхате [Ретовский, 1893, с.86–88]. Таким образом, начиная с 858/1454 г. и, по меньшей мере, вплоть до 867/1462–63 гг., хан чеканит монеты параллельно в двух городах: старой ставке – г. Крыме (Солхате) и новой (Кырк-Йере).

Значение Солхата, как старой столицы, очевидно, сохранялось и в 868/1463/64 г. Именно тогда умер, видимо, отец основателя ханства Гийас ад-Дин. Похоронен он был именно в Солхате. На северной окраине города к началу 80-х гг. XIX в., по сведениям Г. Караулова, сохранялся его мавзолей [Караулов, 1883, с.46]. Впервые (1794) его описал еще П.С.Паллас: «От Старого Крыма опускаются с последней возвышенности известняка в долину, богатую травой, где в семи верстах расстояния находится поместье гостеприимного и бодрого генерала фон Шютца у деревни Кара-Гоз. Сейчас за ней видим старый вал, но я не заметил его направления и не измерил протяжения. В этой местности находят остатки памятника, построенного из тесаного камня с готическим сводом и татарской надписью [868] 1454, указывающей, что это мавзолей Гиасс-эдин Султана, сына хана Килай-Темира» [Паллас, 1999, с.116]. По сведениям Г.Караулова, этот «могильный памятник из тесаных камней,

¹ Например, в ярлыке Менгли-Гирея 1514 г.: «Што ж явно чиним, тым то нашим листом, иж здавна предков наших царей и отца нашего Ачжик-гирея, царя, кони коли потны были, тогда к великому князю Витовту, к королю и великому князю Казимеру, в Литовскую землю гостем приходили и честь великую и доброту видевши...». Цит. по: [Шабульдо, 2005, с.106]. Несмотря на то, что сами эти крымские ярлыки на русские земли, по словам историков, не имели большого практического значения для тех, кого наделяли [Kolankowski, 1935, с.290], они говорят о претензиях крымских ханов на золотоордынское наследие.

² Оставляем пока в стороне некоторые неподтвержденные данные о более ранней крымской (солхатской) чеканке Хаджи. Серебряная монета Хаджи-Гирея б. Гийас ад-Дина, чеканенная в Крыму с *тарак*-гамгой в малом кругу с датой 841 г.х., т.е. 1437 г., хранилась до Великой Отечественной войны в Музее Тюрко-Татарской культуры (ныне Бахчисарайский историко-культурный заповедник) в двух экземплярах (под шифром 715), однако в 1938 г. была украдена. Об этом был составлен акт № 2 об утрате экземпляров от 12 октября 1938 г. (Инвентарная книга государственного дворца и музея Тюрко-Татарской культуры (БГИКЗ н/в 10307). Автограф У. Боданинского (?), 1920-е годы. № 504а и б.). Учитывая квалификацию Усейна Боданинского, сложно представить, что монета была интерпретирована неправильно, однако впредь до обнаружения самой монеты, какие-либо выводы делать преждевременно.

с готическим сводом и татарскою надписью 868 года (1454)», которая показывала, что в мавзолее этом был похоронен некий «Хиязэдин-султан сын Килай-Темир-хана», был цел еще, по меньшей мере, в 1883 г. [Караулов, 1883, с.46]¹.

А вот В.Д.Смирнов, который посетил Солхат летом 1886 г., уже не нашел мавзолея: «Теперь и следов его не осталось, и даже на расспросы мои никто не смог указать места, где был этот памятник» [Смирнов, 1887, с.278]².

В действительности, 868 г.х. соответствует периоду времени между 15 сентября 1463 г. и 2 сентября 1464 г. А 858 г.х. на самом деле полностью укладывается в 1454 г. (с 1 января по 21 декабря). Неясно, в какой дате у П.С.Палласа и Г.Караулова вкралась ошибка³.

Между тем последующие представители династии погребались уже у подножия плато, которое ныне носит название Чуфут-Кале, а некоторые, возможно, и на самом плато. Высказывалась точка зрения, что Кырк-Йер был местом первоначального захоронения Хаджи-Гирея [Герцен, Могаричев, 1993, с.64]. Жильбер Ромм, посетивший крепость в 1786 г., отметил в своих записках, что Айдар (сын Хаджи-Гирея), занявший на короткое время крымский трон в 1456 г., похоронен был именно там: «В центре го-

рода посреди домов видны остатки гробницы, воздвигнутой над прахом Гайдар-хана, умершего лет 300 назад». Там же была похоронена и знаменитая Джанике-ханум, умершая в 1437 г., чей мавзолей до сих пор возвышается на плато, причем рядом с ним еще в начале XIX в., безусловно, существовали и другие захоронения [Акчокраклы, 2006, с.263–268, 273]. Таким образом, Кырк-Йер почти сразу же превратился в священный родовый некрополь.

Тарханный ярлык Хаджи-Гирея, датированный сафаром 857/мартом 1453 г., когда ставка хана находилась «во дворце» в Кырк-Йере [Kuray, 1940, с.64–65]⁴, заставляет нас отодвинуть перенос столицы ханства из Солхата в Кырк-Йер именно на период не позднее весны 1453 г. (как мы помним, в 858/1454 г. в Кырк-Йере уже бьют монету).

Перенос столицы из Эски-Крыма, скорее всего, был связан с попыткой избежать влияния могущественного клана Ширинов [Williams, 2001, с.45]. Однако, почему был выбран именно Кырк-Йер?

Впервые Кырк-Йер/Киркор упоминается у сирийца Абу-л-Фиды (1273–1331) в форме Киркри (قرقری) и размещается в стране асов (من بلاد الاصح), т.е. алан [Коновалова, 2009, с.101, 121]. По мнению И.Г.Коноваловой, сообщение Абу-л-Фиды о Киркоре «относится ко времени автономного существования города под властью местных аланских князей». Крепость устойчиво связывается с аланами и готами (готаланами) и в других источниках. Баварский солдат Иоганнес Шильтпергер, посетивший между 1394 и 1427 гг. Крым, отмечал: «Затем один город называется Каркери и имеет хорошую землю, и называется Сутти, а язычники называют его Тат» (цит. по: [Ганина, 2011, с.78]). Сутти, видимо, искаженное Kuthi (Guti), т.е. Готия.

⁴ Несмотря на то что тарханный ярлык Хаджи-Гирея не является подлинником, а представляет собой, по определению М.А.Усманова, вольную, местами искаженную копию-версию, составленную в Турции на основе нескольких подобных актов и объединяющую индивидуальные качества разных документов в одном образце-шаблоне [Усманов, 1988, с.129], дата этого шаблона особых сомнений не вызывает (хотя, как заметил еще Акдес Нимет Курат, число месяца в дате не совпадает с днем недели и нуждается в исправлении).

¹ Хотя, сведения Караулова выглядят почти дословной цитатой из Палласа. Видел ли он памятник в действительности, или же просто процитировал великого предшественника? Еще более подозрительным выглядит его свидетельство в свете того, что уже через три (!) года, в 1886 г. о мавзолее никто не помнил и даже место его показать не мог.

² Возможно, именно это сооружение (так называемый Мавзолей № 6; его координаты см. на археологической карте Старого Крыма А.Смекалова http://www.archaeology.ru/ONLINE/Smekalov/solchat_map.html) были изучены в 80-х гг. прошлого века Золотоордынской (Старокрымской) экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Марка Григорьевича Крамаровского (устное сообщение М.Г. Крамаровского автору).

³ Удивляет еще одно обстоятельство. Согласно другим источникам, Гийас ад-Дин скончался в 841/1437/38 г. после годовичного царствования в Крыму [Смирнов, 2005, с.179, 189]. Это не согласуется с солхатским мавзолеем ни по дате, ни по содержанию (сколь бы короток ни был срок его пребывания на престоле, в надгробной надписи он должен был быть упомянут как хан).

В «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (начало XVI в.) Кырк-Йер упомянут в числе туменов (т.е. областей, способных выставить или содержать 10 000 воинов), данных Бату своему младшему брату Шибану после завоевания последним Крыма и Кафы [Мустакимов, 2011, с.231], т.е. входил в число домениальных владений потомков Джучи. Рассказ о захвате Кырк-Йера Шибаном сохранился в сочинении Утемиш-хаджи, а также в несколько искаженном виде у крымского историка XVIII в. Сейида Мухаммеда-Ризы и сокращенной версии его труда.

Утемиш-хаджи передает этот эпизод так: «В вилайете Крыма есть мощная крепость из гранита под названием Кыр(к)-Йер [اقير یری], мощь и неприступность которой известны во [всем] мире. Несколько лет [Шайбан-хан] осаждал [ее и] штурмовал, [но] взять не смог. Наконец он повелел: “С вечера и до зари бейте друг о друга любые предметы, которые издают звон!”. [Люди его] взяли [такие вещи] в обе руки и начали бить [ими] одна о другую, и начали бить они в медные котлы, подносы и чаши. Среди войска поднялись такие гвалт и грохот, что задрожали земля [и] небо [и] оглохли уши. Осажденные в страшной панике начали метаться во все стороны, вопрошая, что же случилось. В ту ночь тот гвалт и грохот не стихали до зари, а осажденные не ложились спать. Когда заря занялась, [осаждающие] перестали [шуметь]. Когда опять настал вечер, они опять как прежде учинили гвалт и грохот. Неделю [или] около десяти дней поступали они так. От бессонницы осажденные до такой степени изнемогли, [что] начали говорить: “Если бы они намеревались что-то предпринять, [то уже] предприняли бы. Вероятно, есть у них в такое время года такой обряд и [такой] обычай”, – и успокоились. Когда Шайбан-хан узнал, что они успокоились, он собрал свое войско. Говорят, что та крепость находилась на голой скале. В эту ночь [осаждающие] шумели и кричали больше [чем обычно]. С четырех сторон крепости заложили подкопы. До зари проложили [такой] подкоп, через который мог бы пройти человек. Осажденные из-за гвалта и грохота не расслышали стука кирок [и] не сумели обнаружить [подкопа]. Когда подкоп был готов, [осаждающие] бросились

на штурм ворот. Осажденные прибежали к воротам. Один отряд бахадуров назначили на тот подкоп. [Бахадур] выбежали из того подкопа, бросились в крепость и взяли ее. Мы расспрашивали путешественников, видевших ту крепость; они сказали, что [и сейчас] еще сохранились следы того подкопа» [Утемиш-хаджи, 1992, с.95, 173, xi; Ötamiş Nhājī, 2008, с.13, 72].

Вероятно, именно версия Утемиш-хаджи прямо или косвенно (через тексты посредники) повлияла на версию взятия Кырк-Йера у Сейида Мухаммеда Ризы. Ссылаясь на Абул-Фиду в географических координатах крепости (причем неверно!), Риза сообщает: «В прежние времена непохвальный народ из племени *Могольских*¹, называемый *Ас*, вследствие полной своей уверенности в неприступности замка, проявлял непокорность и сопротивление Крымским ханам. Один из потомков Чингиз-хановых, Шейбек-хан, напрягал все усилия, чтобы осадить и стеснить его, но не в состоянии был завоевать и покорить его. Тогда один из эмиров племени Яшлау, сметливый человек, подал блестящую мысль вооружиться новым и крепким оружием изречения “Война – хитрость”. Он велел собрать все, сколько было в ханском лагере, барабаны, дудки и вообще все музыкальные инструменты, а также тазы, горшки и прочую медную посуду, и колотить в них в течение трех дней и ночей. По поговорке: “Таз упал с крыши”, произведенный шум, точно светопреставление, ошеломил и привел в остолбенение жителей крепости. Они думали, что уже происходит атака, и с оружием в руках трое суток не спали: все караулили в указанных им местах, стоя на ногах, точно кладбищенские надгробные памятники. Когда не стало у них мочи, на четвертый день они все поневоле мертвецки заснули. Хитрый мирза, воспользовавшись этим случаем, развернул свое победоносное знамя и со своими приверженцами, именитыми татарами, произвел атаку. Скверные гяуры спали и не чуяли нападения татар, которые без боя и сражения овладели ключами означенной крепости» [Смирнов,

¹ В.Д.Смирнов, обратил внимание, что в сокращенной версии *асы* названы народом из «родов татарских» [Смирнов, 2005, с.117].

2005, с.117; Асеб о-ссейяр, 1832, с.76–77; Герцен, Могаричев, 1993, с.54–55]. Относительно имени Шейбака В.Д.Смирнов некогда заметил: «Тут в предании или обмолвка, или анахронизм» [Смирнов, 2005, с.126]¹. Очевидно, что переписчик Рызы (или сам Рыза?) искажил незнакомое ему имя Шибана, превратив его в Шейбака (شيباك → شيبان), поэтому В.Д.Смирнов, не располагая ни исходным для этого пассажа текстом Утемиш-хаджи, ни более исправным списком «Семи планет» (впрочем, у меня нет уверенности, что эта ошибка-описка не присутствовала в протографе Рызы).

У Рашид ад-Дина в рассказе о завоевании Крыма монголами (события 1238 г.) сказано: «Шибан, Бучек и Бури выступили в поход в страну Крым и у племени чинчакан захватили Таткару» [Рашид ад-Дин, 1952, с.39]. «Чинчакан» – видимо, искаженное «кипчакан», т.е. этноним кипчак в персидском множественном числе. Что это за город (местность?). Таткар, по мнению биографа Батыя А.Ю. Карпова, «горный хребет недалеко от крымского Судака» [Карпов, 2011]². Это предположение имеет право на существование (такой топоним там действительно есть), однако контекст сообщения Рашид ад-Дина свидетельствует о захвате не хребта, а скорее крепости³. Ввиду того, что текст очевидно искажен, можно было бы видеть в названии Таткара топоним, относящийся все к тому же Кырк-Йеру (вспомним название *Tam* у Шильдпергера).

Однако, по мнению В.Л.Егорова, на протяжении XIII в. город представлял собой автономное феодальное владение, полузависимое от Золотой Орды. В 1299 г. после разрушения войсками Ногая автономность его была ликвидирована, а в XV в. после упадка Солхата-Крыма в него на короткое время был перенесен административный центр Гиреев. Упадок Кырк-Йера связан с возникновением новой ханской резиденции – Бахчисарая [Егоров, 1985, с.88]. Эта точка зрения была справедливо подвергнута кри-

тике А.Г.Герценом и Ю.М.Могаричевым. Согласно их мнению, как минимум до конца правления хана Узбека (1342) Кырк-Йер находился вне золотоордынской территории, а первым письменным свидетельством о вхождении крепости «во владения татар» и ее статусе одного из уделов Золотой Орды является упоминание «киркельского» хана в известии о синеводской битве 1363 г.⁴ Так делается вывод о взятии Кырк-Йера татарами между 1342 и 1363 гг., точнее в эпоху правления Джанибека. Любопытно, что при этом даже мусульманские эпиграфические памятники XIV в., происходящие с плато, тракуются как попавшие туда позже [Герцен, Могаричев, 1993, с.56–57]⁵. Как мы увидели, крепость была взята Шибаном уже в 1238 г., и скорее всего, все-таки представляла собой полуавтономное аланское владение с ханским наместником-даругой, обложенное выходом (на манер русских княжеств и итальянских колоний Южного берега), который поступал лично ханам.

Мы с большой долей вероятности можем предположить, что Менгли-Гирей, родившийся около 850 г.х. (1446/1447 гг.), был сыном Хаджи-Гирея от аланской княжны, дочери князя Индиаву. О происхождении своей матери Менгли-Гирей сам писал так: «...моей матери царицин отец Индиаву князь» [Сборник РИО, 1884, с.270]. Сколько мне известно, ее имя в доступных источниках, не фигурирует. А вот имя ее отца (т.е. деда Менгли-Гирея) встречается в одном тексте, причем довольно неожиданным.

Как сообщал Иосафат Барбаро, разрытый им с товарищами в начале 1438 г.⁶ курган Контебе в 60 миль от Таны у самой реки (Дона) (Кумтепе – возможно, Кобяково городище), принадлежал некоему предводителю аланов по имени Индиабу. Барбаро отмечал: «Я полагаю, что человек, приказавший устроить такую могилу, – его имя

¹ Однако же не счел все предание сплошным вымыслом, как думают А.Г.Герцен и Ю.М.Могаричев [Герцен, Могаричев, 1993, с.55].

² См. также [Белянский и др., 1997].

³ Как предполагал и Б.А.Ахмедов [Ахмедов, 1992, с.8].

⁴ А.Галенко справедливо предостерегал от подобных отождествлений, который рискнул сделать еще Ф.Брун.

⁵ См. подробнее: [Ачкочраклы, 2006, с.267, 273].

⁶ Раскопки венецианских купцов на холме Контебе прекратились в понедельник 14 апреля 1438 г.

было Индиабу, – и желавший выполнить все многочисленные церемонии, которые соблюдались в те времена, должен был заранее подумать о том, чтобы собрать и сложить на место все эти вещи». Клад, «если он там был на самом деле – причиной его сокрытия было следующее обстоятельство: когда предводитель аланов, уже упоминавшийся Индиабу, услышал, что татарский хан идет на него войной, он решил захоронить сокровище, но так, чтобы никто этого не заметил; поэтому он сделал вид, что готовится для себя могилу по местному обычаю, и приказал потайно положить туда сначала то, что он считал нужным, а потом насыпать этот курган» [Барбаро и Контарини, 1971, с.139–140].

Эта легенда традиционно относится ко времени монгольского вторжения в приазовские степи, т.е. к XIII в. Однако, возможна иная интерпретация. Князь Индиабу, упоминаемый Барбаро, мог быть его старшим современником и действительным тестем Хаджи-Гирея. Татарский хан, упоминаемый Барбаро, – не обязательно Чингиз или его ближайшие потомки, а один из Чингизидов рубежа XIV–XV вв. Исходя из даты рождения Менгли-Гирея, его мать, скорее всего, могла родиться в 1420-х или самом начале 1430-х гг., а ее отец Индиаву, таким образом, родился, вероятно, в конце XIV в. Вопрос до обнаружения новых источников следует считать открытым, но возможность того, что в жилах Менгли-Гирея текла как минимум четверть аланской крови (неизвестно, кто была бабушка хана с материнской стороны), существует.

Среди тюркских имен имя Индиабу/Индиаву не зафиксировано, но это не повод считать его действительно аланским. Упоминаются имена Инди, Ынды/Ынду, а также различные производные. Имя деда Менгли-Гирея могло быть образовано от этих основ по типу имени Истиэбэ [Baski, 1986, с.58, 60, 61].

В сентябре 1486 г. Менгли-Гирей писал в Москву о том, что мать его умерла, когда в Крыму умер московский купец Иван Жеглов, который торговал «за морем». Посольство из Москвы с делом о зауморщине, т.е. о попытке вернуть товары Жеглова, датировано мартом 1486 г. Таким образом, умерла

мать Менгли-Гирея до марта 1686 г.: скорее всего, в 1484 или 1485 г. [Сборник РИО, 1884, с.47–48, 51].

Таким образом, татарско-аланский союз, скрепленный династическим браком, был оформлен незадолго до рождения Менгли-Гирея в 850 г.х., видимо, в начале 1440-х гг. [Зайцев, 2007а, с.64–71]¹. В рамках идеи о татарско-аланском (готаланском) династическом союзе перенос столицы из космополитичного многонационального Солхата в неприступную аланскую крепость на каменном плато выглядит очень логично и оправданно.

Это, однако, не означает, что крепость населяли одни аланы (готаланы). Часть плато принадлежала Яшлавским беям и, видимо, заселена была мусульманами. Старейший ханский ярлык этому роду датирован 1637 г. и выдан ханом Бахадыр-Гиреем. В нем беи названы «древними владетелями города Керки, ныне именуемого Жидовским городом». Как отмечал В.Д. Смирнов, «таких вещей просто не вписали бы самые завзятые восточные риторы, писцы ханской канцелярии, в жалованно-подтвердительные грамоты» [Смирнов, 2005, с.126–127]². Сами Яшлавские, однако, жили не в крепости, а лишь обладали правом сбора налогов с ее населения. Кроме того, значительную часть населения Кырк-Йера в XIV–XV вв. составляли армяне. Ярлыки населению Кырк-Йера Хаджи-Гирея от 864 г.х. (1459) и его сына Нур-Девлета от 872 г.х. (1467), а также договор горожан с Менгли-Гиреем 1478–1479 гг. ясно свидетельствуют о том, что в городе проживали мусульмане, христиане и иудеи [Акчокраклы, 2006, с.269; Vásáry, 1982].

Видимо, ко времени переезда Хаджи-Гирея в новую резиденцию относится и строительство мавзолея Джанике-ханум, останки которой, скорее всего, перенесли из другой усыпальницы. На Кырк-Йере рядом с существовавшей к тому времени мечетью

¹ Неслучайно Лаоник Халкокондил (жил между 1432 или 1423 и 1490 гг.) писал между 1480–1490 гг., что Ατζιερής, т.е. Хаджи-Гирей, склонил к выплате дани народы, в том числе крымских готов и генуэзцев Кафы, а также часть сармат (русских) [Ditten, 1968, с. 13–14].

² О легендах, связывающих Чуфут-Кале и Яшлавских, см. [Зайцев, 2009а].

Хаджи-Гирей основал медресе. В результате раскопок в 20-х гг. XX в. в 6 м от северо-западного угла мечети был найден осколок каменной плиты с остатками надписи, в которой угадывается имя хана Хаджи-Гирея сына Гийас-ад-Дина [Акчокраклы, 1929, с.185, № 1; Боданинский, Засыпкин, 1929, с.181, рис.15]. На мысу Бурунчак, видимо, еще первые ханы создают зверинец – своего рода заповедник для облавных охот, принадлежавший лично ханам и содержавшийся из средств казны [Паллас, 1999, с.33]. В центре мыса вырубается два бассейна для дождевой воды (в 1970-х гг. они были исследованы археологами), а сам мыс отгораживается от жилых кварталов стеной [Герцен, Могаричев, 1993, с.30]. Охотиться в этом зоопарке могли только члены правящего дома. После присоединения полуострова к Империи российской администрация еще долго не знала, что делать с оставшимися там оленями.

Долгое время Кырк-Йер служил местом, где находился монетный двор Гиреев и хранилась казна династии [Сыроечковский, 1940, с.5, 23]¹. Причем там же хранились и военные трофеи ханов. По словам хана Шейх-Ахмеда (ок. 1527 г.), его имущество и казна Большой Орды (которые крымцы захватили в 1502 г.) содержались в неприкосновенности именно там: «...базар мой в Перекопи в Киркели загнан в твердое место, абых его в целости достал, ино я не хочу того престати, абых свое отчызны базару не доставал под царем Перекопским» (цит. по: [Трепавлов, 2010, с.34; Трепавлов, 2011, с.378])².

¹ Еще Девлет-Гирей I чеканил там монету [Муралевич, 1928, с.141].

² Отголосок столичного статуса Кырк-Йера можно найти и в хронике Матая Стрыйковского (1582), где говорится о том, что Витовт, который, как считал В.Д.Смирнов, имел к возвышению Улуг-Мухаммеда-хана прямое отношение, дал перекопским татарам двух султанов. Одного из них – Мухаммеда – в Кырк-Йер: «на царство Киркельское»; другим же был Девлет-Гирей [Смирнов, 2005, с.178–179]. Правда, воспоминания о столичном статусе Солхата-Крыма еще долго жили в умах и сердцах его уроженцев. Много позже, в 1581 г. в сочинении хорошо знакомого нам османского историка Мустафы Али Гелиболулу мы встречаем своего рода нравоучительный плач о разорении и упадке города Крым, который вложен в уста османского падишаха Мехмеда II и его собеседника солхатско-

Таким образом, Кырк-Йер выглядит как классический центрально-азиатский *курук* – запретное место, заповедник. У Махмуда Кашгарского (XI в.) это слово неоднократно появляется в форме *قرغ* (*куруг* или *корыг*) и означает «укрытие правителя». Любое уединенное место, по Кашгари, называется *куруг* [Махмуд ал-Кашгари, 2005, с.356]. В переводе А.Р.Рустамова слово переведено как «заповедные [уголья]», «заповедник бега или кого-либо другого. Всякое заповедное место есть *قرغ*» [Махмуд ал-Кашгари, 2010, с.65, 312]. Имелись такие ханские заповедники и в Золотой Орде, в частности, у Узбека³. Абу-л-Фида, говоря об аланском городе, передает значение названия города: по-тюркски оно будто бы значит «сорок мужчин» (*اسمها بالترکی ار بعون رجلا*). Еще В.В.Бартольд заметил, что этому значению должна была бы соответствовать форма Кырк-эр, а не Киркри, как у Абу-л-Фиды. В.В.Бартольд упоминал и предложенную другими исследователями этимологию Кирк-ор («Сорок могил») [Бартольд, 2002, с.369]. Однако на крымских монетах встречается только форма Кырк-Йер (т.е. «Сорок мест»). У.А.Боданинский и Б.Н.Засыпкин считали, что слово «кырк» в его названии – не числительное «сорок», а название рода, который основал этот город и обитал в нем. Соответственно и вилообразную (рогатую) тамгу, которая часто встречается на камнях Чуфут-Кале исследователи считали принадлежащей «одной из ветвей рода кырк», т.к. она же была тамгой деревни Кырк-Чолпан [Боданинский, Засыпкин, 1929, с.185]. В действительности эта тамга является тамгой рода Яшлов (которым, видимо, принадлежала и деревня Кырк-Чолпан). Любопытно, что эти символы впоследствии были использованы караимами для обоснования преемственности власти и владения Чуфут-Кале.

А.Я.Гаркави отрицал тюркскую этимологию названия и предлагал видеть в его основе индоевропейский корень *кар*, нашедший

го уроженца, знаменитого Мевляны Сейида Ахмеда б. Абдуллы Кырыми (ум. в 879/1474/75) [Tietze, 1979, с. 101–103, 25–26]. См. также текст Ташкёпризаде: [Шакаи, л.109 об.–111].

³ Я принимаю поправку Девина ДеВиза к тексту Утемиш-хаджи в описании принятия ислама Узбеком, где, скорее всего, и упоминается такой *курук* [De Weese, 1994, с.544–546].

отражение в иранском названии крепости Керкери в Гиляне [Бертъе-Делагард, 1920, с.106; Смирнов, 2005, с.119; Герцен, Могаичев, 1993, с.52].

В.Д.Смирнов предложил свою версию возникновения названия: из греч. *Καλλιάκρα* под влиянием тюркской народной этимологии.

А.П.Григорьев предположил, что Абу-л-Фида воспользовался названием крепости Кырк-Йер, которое было написано с ошибкой, и это ошибочное название пытался этимологизировать [Григорьев, 2007, с.140]. Сам А.П.Григорьев предложил свою этимологию: от «кырык» (*расселина*).

Учитывая роль Кырк-Йера как классического *курука* (ханского заповедника/некрополя), можно осторожно предложить еще одну вероятную этимологию названия: «кырык/кырык-йер» – «заповедное, святое место» [Зайцев, 2013, с.494–503].

С переносом ханской резиденции в Бахчисарай Кырк-Йер теряет значение, но остается местом заповедных ханских охот, а долина у подножия Бурунчака становится местом последнего пристанища первых четырех поколений династии Гиреев [Гаврилюк, Ибрагимов, 2010]. Вскоре город отдается целиком в качестве держания беям Яшлавским и заселяется караимами.

§ 4. Казанское ханство

Анвар Аксанов

В XV в. в результате многочисленных междоусобных конфликтов начался распад Золотой Орды, на просторах которой стали появляться новые татарские государства. На месте Булгарского улуса Дешт-и Кипчак в середине XV столетия сложилось Казанское ханство. Казань стала самостоятельным политическим центром Среднего Поволжья после появления в городе представителей правящего рода Чингизидов. Однако в силу недостаточности сведений историческая наука не дает однозначных ответов на вопросы: кто, когда и при каких обстоятельствах основал Казанское ханство?

Еще в конце XVII в. А.И.Лызлов высказал мнение о том, что Казанское ханство было основано бывшим ордынским ханом Улуг-Мухаммедом [Лызлов, 1776, с.68–69]. Данная точка зрения закрепились и в работах историков XVIII–XIX вв. [Рычков, 1767, с.81; Карамзин, 1819, с.273; Соловьев, 1988, с.392]. Такое представление было сформировано на основе известий «Казанского летописца». В.В.Вельяминов-Зернов больше доверял сведениям Воскресенской и Никоновской летописей и считал, что ханство основал сын Улуг-Мухаммеда Махмуд, в 1445 г. захвативший Казань [Вельяминов-Зернов, 1863, с.6–10]. Однако автор первой монографии о Казанском ханстве М.Г.Худяков вернулся к мнению о том, что

ханство было образовано в 1437–1438 гг. Улуг-Мухаммедом [Худяков, 1991, с.22–25]. Схожим образом мыслил и А.А.Зимин, подтвердивший свои соображения тем, что известия Воскресенской, Никоновской летописей и «Государева родословца», лежащие в основе гипотезы В.В.Вельяминова-Зернова, имеют позднее происхождение и противоречат данным других источников [Зимин, 1991, с.105]. Но А.А.Зимин, как и последовавшие за ним исследователи [Алишев, 2001, с.34; Рахимзянов, 2009, с.52–53], не уточнил, каким «другим источникам» противоречат официальные летописи XVI в. Ш.Ф.Мухамедьяров и вовсе отказался от однозначных суждений по данному вопросу. По нему, первым казанским ханом был Улу-Мухаммед или его сын Махмуд [Мухамедьяров, 2012, с.98].

Новое слово в данной дискуссии сказал Б.Л.Хамидуллин, указавший на то, что ни один источник XV–XVI вв., кроме «Казанской истории», не называет Улу-Мухаммеда первым казанским ханом. Согласно заключению исследователя, более достоверными можно считать родословные книги, Воскресенскую и Никоновскую летописи, сообщающие, что первым ханом Казани был сын Улуг-Мухаммеда Махмуд, в 1445 г. подчинивший город [Хамидуллин, 2002, с.128–130; Мухамедьяров, Хамидуллин, 2010,

с.56]. К той же мысли сводятся рассуждения Д.А.Котлярова, который писал, что после смерти хана Улуг-Мухаммеда Махмуд с основной частью татар отправился вниз по Волге и захватил Казань [Котляров, 2005, с.102].

По мнению А.Г.Бахтина, именно Махмуд, свергнув местного князя Алим-бека, обосновался в Среднем Поволжье, тогда как Улуг-Мухаммед, намереваясь вернуться в Сарай, не претендовал на прямое правление Булгарским улусом. Ученый пришел к выводу, что основателем казанской династии был Улуг-Мухаммед, а первым казанским ханом – его сын Махмуд [Бахтин, 2008, с.140, 231].

Таким образом, историки выдвигали разные гипотезы относительно воцарения Махмуда в Казани, для прояснения ситуации рассмотрим сообщения источников, исходя из их генеалогии. Наиболее ранние известия сохранились в Московском летописном своде конца XV в., Летописном своде 1497 г., Никаноровской, Ермолинской, Симеоновской, Типографской и Тверской летописях.

В основополагающем для официального русского летописания Московском летописном своде конца XV в. сохранился следующий рассказ об интересующих нас событиях. Осенью 1437 г. свергнутый ордынский хан Улуг-Мухаммед, спасаясь от погони, пришел в г. Белев. Василий II отправил к Белеву «многочислены полкы», при виде которых Улуг-Мухаммед «убоявся... и начат даватися во всю волю князем Русским». Но воеводы «не послуша царевых речей» – у стен крепости «бысть им бой силен... и Татар... в город вгониша». На следующий день хан Улуг-Мухаммед сделал еще одно мирное предложение, обещая после возвращения на престол «земли Русские стеричь» и не брать с них «выхода», а «в закладе на том» намеревался выдать воеводам своего сына Махмуда «и князи своих детеи». Когда русские не согласились и на это предложение, их полки, «ником не гонимы», дрогнули и обратились в бегство. В результате «малое безбожных воинство бесчисленное христиан воинство съодоле и изби, яко единому Агарину десяти нашим и выше того одолети». Причины небывалого поражения

летописец видел во многих прегрешениях, совершенных православными воинами в отношении своих единоверцев по дороге в Белев [ПСРЛ, 25, 1949, с.260].

По данным того же источника, в июле 1439 г. на Москву неожиданно напал Улуг-Мухаммед. Город он не взял, но «зла много учени земли Русской». Зимой 1444/45 г. Улуг-Мухаммед «пришел бо сел в Новгороде Нижнем старом и оттуду поиде к Мурову». Узнав о приближении великокняжеских войск, хан выехал из Муром в Нижний Новгород, а Василий II, «побив» татар под Муромом и Гороховцем, вернулся в Москву. Весной 1445 г. сыновья Улуг-Мухаммеда, Махмуд и Якуб, под Суздалем разбили русское войско, пленили Василия II, дошли до Владимира и, не взяв город, через Муром вернулись к Нижнему Новгороду. 25 августа 1445 г. Улуг-Мухаммед «з детьми своими и со всею Ордою своею поидоша из Новгорода к Курмышу, а князя великого с собою поведоша». В октябре того же года татары, взяв выкуп и крестное целование, отпустили Василия II в Москву в сопровождении «послов своих многих» [Там же, с.260, 262–263, 394–365].

Московский летописный свод конца XV в. ничего не говорит о дальнейшей судьбе Улуг-Мухаммеда, а под 1447 г. информирует: «...царь Казаньскы Махмутек послал всех князей своих со многою силою воевати отчину великого князя, Володимерь и Муром и прочаа грады, слышав же то князь велики посла противу их» [Там же, с.269]. Заслуживает внимания не только то, что здесь «казанским царем» называется Махмуд, но и то, что летописец впервые соотносит казанский престол с династией Улуг-Мухаммеда. До этого события дислокация ханской орды связывалась с Белевым, Нижним Новгородом, Муромом и другими населенными пунктами, но никак не с Казанью.

Похожие известия сохранились в Ермолинской, Никаноровской и Симеоновской летописях [ПСРЛ, 23, 2004, с.149–152; ПСРЛ, 27, 1962, с.106–107, 109–110, 114; ПСРЛ, 18, 2007, с.188–190, 193–195, 203], Летописном своде 1497 г. [ПСРЛ, 28, 1963, с.101–102] и, в сокращенном виде, в Тверской и Типографской летописях [ПСРЛ, 15, 1863, стб.491; ПСРЛ, 24, 2000, с.183]. При-

мерно в том же ключе об этих событиях повествуют летописные своды XVI в. [ПСРЛ, 6, 2001, стб.69–70, 102, 104–106; ПСРЛ, 8, 1859, с.107, 111–114; ПСРЛ, 12, 1901, с.24–25, 30, 63–66; ПСРЛ, 20, 2004, с.240–241, 256–259; ПСРЛ, 21-II, 1913, с.460, 463–464, 471; ПСРЛ, 26, 1959, с.192–193, 196–199, 207; ПСРЛ, 37, 1982, с.43–44; ПСРЛ, 43, 2004, с.180–181]. Следовательно, современники и ближайшие потомки не считали Улуг-Мухаммеда казанским ханом, т.е. походы хана на Русские земли в сознании летописцев не ассоциировались с действиями казанцев. На основе представленных известий можно лишь заключить, что в 1437 г. хан лишился сарайского престола и в последующие годы, не имея своего «юрта», захватывал русские города и зимовал в них.

Автор Никоновской летописи, созданной в середине XVI в., уточняет, что Улуг-Мухаммед бежал из Большой Орды от хана Кичи-Мухаммеда в Белев и после разгрома русских войск «засяде» в Нижнем Новгороде, «в нем же живяше» [ПСРЛ, 12, 1901, с.64]. То есть, по мнению летописца, Улуг-Мухаммед с 1437 по 1445 г. жил в Нижнем Новгороде, откуда организовывал набеги на другие русские земли. В статье под 1555 г. составитель Никоновской летописи, обращаясь к истории распространения православия в Среднем Поволжье, писал о возникновении Казанского ханства. Согласно ему, в 1445 г. после освобождения Василия II «царь Мамутяк, пришед ис Курмыша, Казань взял, а Казаньского князя Азыа убил и сам на Казани въцарился» [ПСРЛ, 12, 1901, с.251]. Еще одно уникальное дополнение к обозначенным известиям сохранилось в Воскресенской летописи, согласно которой осенью 1445 г. Махмуд, убив местного князя Либяя, захватил Казань и «сам сел... царствовать» [ПСРЛ, 8, 1859, с.114]. Таким образом, даже текстуально близкие летописи по-разному описывают воцарение Махмуда в Казани.

Автор «Казанской истории» в начале повествования пояснил, что он не обнаружил в русских летописях сообщений об основании Казанского ханства, однако кое-что видел в казанских летописях. В поисках информации книжник обращался даже к «искуснейшим русским людям», но они, не зная исти-

ны, отвечали по-разному. Иначе говоря, уже в 60-е гг. XVI в. в России не существовало ясных и однозначных представлений о возникновении Казанского ханства. Вероятнее всего, создатель «Истории» привел лишь одну из наиболее распространенных версий о «начале Казани».

Согласно «Казанской истории», хан Улуг-Мухаммед в декабре 1397 г., разгромив 40-тысячную рать Василия II у Белева, отправился к запустевшей от русских набегов Казани, где возвел новые крепостные стены и начал царствовать. Со временем в город стали стекаться «варвары» из Золотой Орды, Азова, Астрахани и Крыма. «И преиде царская слава и честь велья Болшия Орды старые премудрые ордамъ всем на преокаянную младую дщерь Казань».

Улуг-Мухаммед осаждал многие русские города, в том числе и Москву. По заключению книжника, бед от него было больше, чем от любого другого хана. «И умре (Улуг-Мухаммед. – А.А.) в Казани и со юнейшим своим сыном с Ягупом: оба ножем зарезаны от болшаго сына своего Мамотяка. А царствова на Казани 7 лет» [Казанская история, 2001, с.254–276].

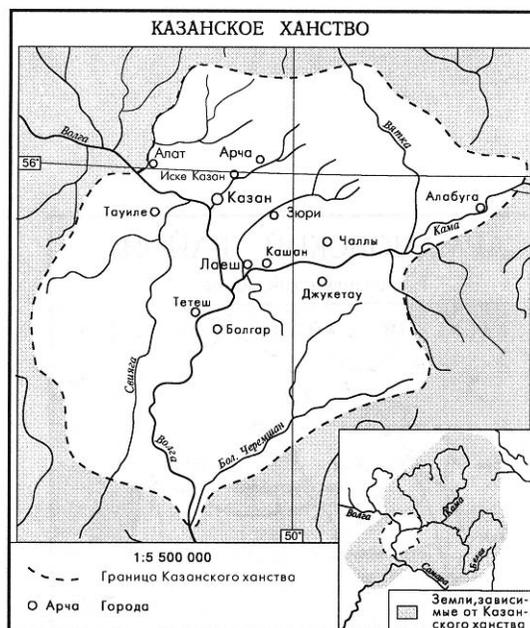
Сообщение «Казанской истории» о том, что Улуг-Мухаммед основал Казанское ханство и погиб от рук своего сына уникально. В.В.Вельяминов-Зернов и Н.П.Загоскин приняли на веру рассказ об убийстве Махмудом своего отца Улуг-Мухаммеда [Вельяминов-Зернов, 1863, с.11; Загоскин, 1895, с.36–37], тогда как М.Г.Худяков посчитал это «нелепым вымыслом» [Худяков, 1991, с.34]. Отталкиваясь от этого известия, Л.Н.Гумилев заключил, что Касим взял «на себя бремя мести за убийство своего отца». Согласно ему, борьба между Касимом и Махмудом сказалась и на дальнейших событиях: в 1467 г. Касим, при поддержке Ивана III, выступил в поход против молодого казанского хана Ибрагима – сына Махмуда [Гумилев, 2004, с.183]. А.Г.Бахтин рассуждал следующим образом: поскольку многие татарские ханы той поры «погибали в ходе борьбы за власть», «насильственное устранение с политической сцены Улуг-Мухаммеда выглядит вполне традиционно для Золотой Орды». При этом исследователь посчитал, что именно Махмуд после убийства Улуг-Мухаммеда

в 1445 г. основал Казанское ханство [Бахтин, 2008, с.135–140]. То есть он представил сообщения Никоновской и Воскресенской летописей в свете обстоятельств, переданных автором «Казанской истории».

Еще Г.З.Кунцевич отметил то, что известие об убийстве Улуг-Мухаммеда не подтверждено ни одним другим источником, кроме позднейшего упоминания казанского муллы [Кунцевич, 1905, с.251]. Необходимо учитывать, что автор «Истории» часто прибегал к широко распространенным в средневековой литературе приемам иносказательности. Достаточно вспомнить его сообщение о Сююмбике, описание похода Ивана IV на Казань в 1552 г. и другие известия, созданные на основе реминисценций из библейских книг и несущие символический смысл [Плюханова, 1995, с.193, 200]. Возможно, и в данном случае автор «Истории», предавшись аллегорическому толкованию событий, обратился к популярному сюжету царевубийства. Семантику подобного известия проясняет ветхозаветный рассказ, в котором от рук своих сыновей принял смерть жестокий ассирийский царь Сеннахирим, преследовавший праведных людей и пытавшийся покорить Иерусалим [4 Цар. 19: 37; Тов. 1: 2; Ис. 37:38]. Следовательно, средневековыми знатоками Священного Писания такая смерть воспринималась как воздаяние за несправедливое царствование и угнетение богобоязненных людей.

Вместе с тем, автор «Казанской истории» использовал прямые и косвенные цитаты из других памятников, подчеркивая замысел своего произведения. На протяжении всего повествования он неоднократно повторял мысль, что «мечем и на крови зачаса Казань, также и скончася мечем и кровию» [Казанская история, 2001, с.203]. Вероятно, картину царевубийства книжник заимствовал из наиболее авторитетных сочинений своего времени, поскольку она хорошо вписалась в его концепцию кровавого зарождения и кровавой гибели «Казанского царства».

Как видим, повествование «Казанской истории» разительно отличается от предыдущих сообщений. Схожи лишь известия о разгроме великокняжеских войск под Белевом и походах Улуг-Мухаммеда на Русь. Таким образом, мнение о том, что ханство

Автор карты И.Л.Измайлов

основано Улуг-Мухаммедом в 1437–1438 гг., составлено историками на основе соединения противоречивых сведений. За основу этой гипотезы взято сообщение «Казанской истории» о приходе ордынского хана в Казань в 1397 г. При этом ученые отвергли явно ошибочную датировку, почерпнув хронологию событий из официальных летописей, вовсе не связывавших имя Улуг-Мухаммеда с Казанским ханством.

В итоге ни одна из рассмотренных версий образования Казанского ханства не подтверждается хотя бы двумя независимыми источниками. Заметим, что долгое время данный вопрос не интересовал русских книжников – только в середине XVI в. в связи с известными событиями летописцы задумались об обстоятельствах появления ханства. Причем осмысление событий строилось в русле официальной позиции Москвы, суть которой отражает грамота, адресованная крымскому хану Сахиб-Гирею. Русские дипломаты, обосновывая права Ивана IV на Казанский юрт, отвечали крымскому хану, что «которой государь придет ратью да возьмет которого государя, да его сведет, а землю его даст кому всховет, не тово ли земля будет, хто ее взял?». По их словам, еще Иван III взял Казань, как «цари, которые лишася своих юртов ордынских пришед на Казань».

ской юрт войнами, неправдами что имали» [РГАДА, ф.123; Сношения России с Крымом, кн.8, л.480]. Иначе говоря, в XVI в. представление о военном подчинении Казани ордынскими ханами могло появиться в силу того, что оно объясняло правомерность политических притязаний Москвы и оправдывало походы русских на восток.

На то, что первым казанским ханом был Махмуд, указывают и другие источники [Сборник РИО, 1895, с.696; Родословная книга, 1787, ч.1, с.26], однако датируют появление хана в Казани 1445 г. только Никонская и Воскресенская летописи. Все вы-

шеизложенное заставляет весьма осторожно рассуждать о датировке и обстоятельствах возникновения Казанского ханства.

Вероятнее всего, после смерти Улуг-Мухаммеда его кочевая орда распалась: старший сын Махмуд утвердился на казанском престоле, а младшие – Касим и Якуб, заняв «Мещерский юрт», остались на великокняжеской службе. Как бы то ни было, выходцы из орды объединили земли Среднего Поволжья вокруг Казани. Татарские военно-политические традиции легли на болгарскую социокультурную почву, и появилось новое тюркское государство.

§ 5. Касимовское ханство

Булат Рахимзянов

В 30–50-х гг. XV в. Золотая Орда, некогда чрезвычайно сильное и могущественное государство, доживает в своем прежнем статусе последние годы, постепенно распадаясь на ряд самостоятельных государств. После ухода беклярибека Идегея (являлся фактическим правителем в Орде с 1396 по 1410 г.) Золотая Орда уже не могла играть прежней значительной роли в Восточной Европе и Азии. На периферии Джучиева Улуса, которой являлась и территория Среднего Поволжья, центробежные тенденции проявились особенно явственно. Здесь в 30–40-е гг. XV в. образовывается один из наследников Золотой Орды – Казанское ханство.

Применительно к середине XV в. говорить о Русском государстве нельзя, этот термин относительно этого периода – не более, чем абстракция. Русского государства не существовало ни юридически, ни фактически. На территории будущего Русского государства находились следующие независимые княжества: Московское, Ярославское, Ростовское, Рязанское, Тверское; Псковская и Новгородская феодальные республики также сохраняли независимость. Усилившееся Московское княжество претендовало на господство над остальными русскими землями, однако процесс вовлечения их в орбиту московской политики еще не был завершен.

Каковы были отношения Москвы и Рязанского княжества? Великий князь Рязанский Иван Федорович (правил в Рязани в

1427–1456 гг.) в начале своего правления ориентировался не на Москву, а на Великое княжество Литовское в лице его правителя Витовта. По договору с ним рязанский князь признает над собой покровительство Витовта и обещает только в том случае помогать Москве, если этого захочет Витовт [Духовные, 1950, с.67–68]. Ситуация изменилась после смерти Витовта в 1430 г. Рязань стала прочно ориентироваться на Москву, признавая ее старейшинство. Во время борьбы Василия II и Юрия Дмитриевича рязанский князь колебался между тем и другим (см. его договор с Юрием Дмитриевичем: [Там же, с.83–87]); в 1447 г. Иван Федорович заключил договор с Василием II, по которому Василий II обещает ему защиту от Литвы [Там же, с.142–145]. Зависимость Рязани от Москвы видна из договора Василия II с Казимиром [Там же, с.160–163].

Мещерский Городок и прилегающая к нему территория (будущее Касимовское ханство) располагались в той части Рязанского княжества, которая носила название «Мещерские места», «Мещера». Ее статус в договорных грамотах оговаривался особо [Там же, с.144]. Несмотря на то что «Мещерские места» в свое время были приобретены рязанскими князьями, к 1447 г. эти места являлись собственностью московского великого князя не позднее 1382 г. [Там же, с.29].

Итак, к середине 40-х гг. XV в. Золотая Орда была уже ослаблена центробежными

тенденциями, но еще осознавалась в понимании современников как единое целое. Московское княжество, ввергнутое в кровопролитную феодальную войну, было еще недостаточно сильно, чтобы задумываться о будущем своей внешней политики и международного положения. Казанское ханство как независимое политическое образование еще не оформилось, но уже заявило о себе как об агрессивном и сильном соседе русских земель, зачастую использовавшем благоприятно складывающуюся для него конъюнктуру в своих целях.

В 1437 г. в Золотой Орде произошел очередной переворот. Сарайский хан Улуг-Мухаммед был лишен престола Кучук-Мухаммедом. Одновременно в западной части Орды (к западу то Днепра) хозяином стал хан Сеид-Ахмад [Барбаро и Контарини, 1971, с.117–118, 126, 140–141, 150; Сафаргалиев, 1960, с.242–244, 258–260].

Утвердившись в Казани, Улуг-Мухаммед намеревался, как и в 1420-е гг., бороться за возвращение себе общеордынского престола. Он начал свои набеги на русские земли уже с 1439 г. Их целью, по всей видимости, было восстановление прежних отношений «сюзерен-вассал» между царем – Улуг-Мухаммедом – и его вассалом, получившем ярлык из его рук – великим князем Василием II. Улуг-Мухаммед особенно активизировал свои действия к середине 40-х гг. XV в. [ПСРЛ, 12, 1901, с.62]. Зимой 1444 г. он не только вошел в «старый» Нижний Новгород, но и взял Муром, затем «седе в Муроме» [ПСРЛ, 23, 1910, с.151; 26, 1959, с.196–197; 12, 1901, с.64]. Василий II, будучи в это время великим князем московским, решил выйти из повиновения сюзерену, которому был обязан ярлыком, и выдворить хана за пределы Московского великого княжества. Его поход против Улуг-Мухаммеда закончился успешно, и 26 марта 1445 г. Василий II вернулся в Москву [ПСРЛ, 26, 1959, с.197; 4, 1915, с.454].

Весной 1445 г. Улуг-Мухаммед посылает на Русь своих сыновей Махмуда и Якуба [ПСРЛ, 25, 1949, с.395; 23, 1910, с.151; 28, 1963, с.103]. 6 июля 1445 г. русские войска вышли к р. Калинке и остановились у Спасо-Евфимиева монастыря, в непосредственной близости от Суздаля (об этом свидетельствует то, что 6 июля 1445 г. Василий II вы-

дал жалованную грамоту Спасо-Евфимиеву монастырю, которую скрепил Алексей Игнатьевич [Акты, 1958, с.488]). Как отмечают многие летописи, вечером этого дня у великого князя была продолжительная пирушка. На следующий день, 7 июля, в битве с сыновьями Улуг-Мухаммеда русское войско было полностью разгромлено, а сам Василий II, князь Михаил Андреевич и множество других князей, бояр и детей боярских попало в татарский плен [ПСРЛ, 15, 1863, стб.492; Новгородская первая летопись, 1950, с.426]. Все они были отвезены в Нижний Новгород к Улуг-Мухаммеду.

В Москве, после того как было получено известие о плене Василия II, великокняжеская власть перешла к его сопернику Дмитрию Юрьевичу Шемяке. Он стал на Руси старшим в роде Калиты и до тех пор, пока Василий II находился в плену, обладал великокняжеским престолом согласно традиционным представлениям о порядке наследования.

Василий II находился в плену достаточно длительное время – с 7 июля по 1 октября 1445 г. [ПСРЛ, 26, 1959, с.199; 23, 1910, с.151–152]. По всей видимости, в это время у Василия установились неплохие отношения с младшими сыновьями Улуг-Мухаммеда – Касимом и Якубом (в дальнейшем, в 1446 г., татары из войска этих султанов говорили, что «много бо добра его было до нас» [ПСРЛ, 6, 1853, с.177; 8, 1859, с.120; 26, 1959, с.206]). Старший же сын Улуг-Мухаммеда султан Махмуд выступает в текстах летописей как непримиримый противник русских.

После недоразумения с послом Бегичем Улуг-Мухаммед отпустил Василия II и других пленников в Москву [ПСРЛ, 26, 1959, с.199; 23, 1910, с.151–152]. При этом, по материалам русских летописей, Улуг-Мухаммед обязал Василия II выплатить ему большой «выкуп», в оценке размеров которого летописцы расходятся. Выкуп являлся, по всей видимости, своеобразной «компенсацией» за неповиновение ему как сюзерену. Кроме того, Василий II возвращался в сопровождении значительного татарского отряда.

Московские летописцы 70-х гг. XV в. тактично умалчивали о размерах выкупа Василия Васильевича и татарах, писали только, что великий князь отпущен был с ордынца-

ми с обещанием дать им «окуп», «сколько может» [ПСРЛ, 26, 1959, с.199]. При этом новгородские данные говорят, что выкуп составлял 200 000 руб., «а иное Бог весть да они» [Новгородская первая летопись, 1950, с.426]. Псковские летописи сообщают, что Василий II только пообещал татарам 25 000 руб. (соответственно, мог и ничего им не дать), хотя также отмечают, что он привел с собой 500 татар [Псковские летописи, 1941, с.47]. Тверской летописец записал, что с Василием II пришли «татарове дани имати великие, с себе окуп давати татаром» [ПСРЛ, 15, 1863, стб.492].

Таким образом, можно отметить, что выкуп за освобождение Василия II и прибытие с ним на Русь татар фиксируют практически все доступные исследователю русского Средневековья источники.

М.Г.Худяков считал, что при отпуске Василия II из плена Улуг-Мухаммед составил с ним мирный договор (условия освобождения великого князя). Так же полагает современный американский исследователь Крейг Кеннеди [Kennedy, 1994, 1.39]. Однако исследователи недоумевали по поводу юридической неоформленности этого большого по значению «межгосударственного» акта. Здесь нет ничего странного. Необходимо рассматривать ситуацию, имея в виду особенности международных «правовых» норм той эпохи, когда ордынские ханы были общепризнанными сюзеренами, а московские великие князья являлись их бесспорными вассалами. Василий II при вступлении на великокняжеский престол (в 1432 г.) получил из рук хана («царя») Улуг-Мухаммеда ярлык на правление в Москве. После изгнания Улуг-Мухаммеда из Сарая и Крыма Василий, желая воспользоваться смутой в Орде, решил переметнуться на сторону другого хана, т.е. попытался восстать против своего прежнего сюзерена. Однако, потерпев в 1445 г. сокрушительное поражение от войск Улуг-Мухаммеда, оказавшись в плену, надо полагать, покаялся и признал законность, а может быть, даже «незыблемость» своей вассальной зависимости от Улуг-Мухаммеда. Поэтому юридически не было никакой надобности создавать подобный договор. Никакой новый «межгосударственный» акт не требовался, происходило

лишь подтверждение прежних право порядков. Ярлык Улуг-Мухаммеда, выданный им Василию II на великое княжение, сохранил свою силу.

Таким образом, для Василия II Улуг-Мухаммед был, и оставался им и в 1445 г., как и прежде, ордынским ханом, а не только казанским правителем. Казань в то время для Василия II не являлась центром самостоятельного государства, а продолжала оставаться частью Золотой Орды. Такое положение было выгодно как для Василия II при его длительной борьбе за власть с Дмитрием Шемякой, так и для Улуг-Мухаммеда, считавшего себя законным правителем всей Золотой Орды и мечтавшего, согласно элементарной логике, возратить утраченные владения. Признание Казани центром суверенного государства, а Улуг-Мухаммеда – главою этого нового ханства автоматически сделало бы великое княжение Василия II нелегитимным. Вот почему московские политики и отражающие их взгляды и устремления русские летописцы вели себя по отношению к фактическому основателю казанской династии, т.е. ханства, очень корректно, не изображая его правителем лишь небольшой части великой империи. Поэтому-то договора 1445 г. и не было, а была лишь, по всей видимости, устная договоренность о передаче некоторых русских городов «в кормление» татарам и о выкупе за отпуск великого князя.

Вопрос относительно загадочного отсутствия письменного «договора» от 1445 г., следовательно, надо решать не в плане локальных проблем, в частности, проблем взаимоотношений Москвы с Мещерским городком, будущим Касимовым, даже с Казанью. Он получает полноценный ответ лишь при рассмотрении его в контексте более крупных явлений, а именно – ордынско-русских взаимоотношений в целом.

Вероятно, одним из пунктов устной договоренности между Улуг-Мухаммедом и Василием была раздача русских городов «в кормление» татарам. Об этом говорят более поздние данные: после «поймания» Василия II Шемякой в феврале 1446 г. ему вменялось в вину то, что он привел на Русь татар (эти сведения содержат новгородские летописи, незаинтересованные в приукрашивании

московского великого князя и московской политики вообще): «Чему еси татар привел на Рускую землю, и города дал еси им, и волости подавал еси в кормление? А татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, и злато и серебро и имене даешь татаром» [ПСРЛ, 4, 1915, с.443]. В упреке о раздаче городов и волостей в кормление татарам речь, скорее всего, шла о татарских султанах.

Очень вероятно, что одним из этих султанов был Касим – сын Улуг-Мухаммеда. Ему достался в своеобразный «удел» Мещерский городок на Оке (территория Рязанского княжества). В дальнейшем за этим городом закрепилось название имени его первого владельца.

Итак, первоначальное выделение Касиму Городца (так тоже назывался «Городец Мещерский», в будущем город Касимов) не являлось добровольной мерой московского руководства. Ни о каких далеко идущих целях оно в 40–50-х гг. XV в. не думало. В мыслях Василия II были не стратегические планы по завоеванию Казанского ханства, а желание откупиться от Улуг-Мухаммеда.

В пользу данной версии образования Касимовского ханства на политической карте Восточной Европы говорят и материалы более позднего источника – договорных грамот. Одной из наиболее важных является договорная грамота Ивана III с рязанским великим князем Иваном Васильевичем (датированная 9 июня 1483 г.) [Духовные, 1950, с.284]. Традиция установления особых отношений с касимовскими татарами возводится к временам рязанского великого князя Ивана Федоровича, умершего в 1456 г. Логично предположить, что к 1456 г. Касимовское ханство уже существовало.

Все, что говорится в грамоте применительно к Данияру, сыну Касима, может быть отнесено и к нему самому. Запрет на установление контактов («ни съсылатися») и заключение договоров («не канчивати») ясно говорит нам о том, что московское правительство видело в Касиме какую-то силу, раз не разрешало своему вассалу – рязанскому князю «съсылатися» с ним. В отношении Касима явно чувствуются опасения со стороны Москвы, недоверие и крайняя осторожность. Вряд ли такое отношение могло

быть к царевичу, которому Василий II, исходя из своей воли, пожаловал город в русской земле. Такой опасный жилец на Руси мог появиться только в силу невыгодных для Москвы обстоятельств, когда выбора у московского правительства просто не было. Такая ситуация наблюдалась в 1445 г., при отпуске Василия II из татарского плена.

В тексте грамоты говорится о каких-то денежных выплатах, которые совершались Касиму рязанской стороной. Причем договаривался о порядке этих выплат московский великий князь Василий II, а не рязанский великий князь Василий Иванович (Василий II договаривался «за великого князя Василия Ивановича», т.е. вместо него). Из грамоты не ясен характер этих выплат. Однако этот вопрос проясняют другие договорные и некоторые духовные грамоты. В завещании удельного вологодского князя Андрея Васильевича (духовная грамота, датированная не позднее марта 1481 г.), говорится: «...Дати ми своему господину, своему брату старейшему, великому князю Ивану Васильевичю, тридцать тысяч рублей, что за меня в Орды давал, и в Казань, и в Городок царевичю, и что есми у него себе имал» [Там же, с.275]. Из текста становится ясно, что Иван III платил какое-то время «выход» в Касимов вместо Андрея Васильевича, и последний отдает ему долг. Итак, выход в Касимов платился вне всякого сомнения.

В договорной грамоте великого князя Василия Ивановича (будущий Василий III) с князем Юрием Ивановичем (16 июня 1504 г.) читаем: «...А Орды ведати и знати мне, великому князю. А тебе Орд не знати. А в выходы ти в ордынские, и в Крым, и в Асторохонь, и в Казань, и во Царевичев городок (так тоже в XV–XVI вв. назывался Касимов. – *Б.Р.*), и в иные цари и во царевичи, которые будут у меня в земле, или у моего сына, у великого князя, и во все татарские проторы давати ти мне и моему сыну, великому князю, со всеи своеи отчины по тому, как отец наш, князь велики, в своеи духовной грамоте написал. А коли мы в выходы в ордынские и в татарские проторы не дадим, и нам и у тебя не взятии» [Там же, с.367]. Из документа становится ясно, что за выплаты совершались Касиму и следующим за ним касимовским владельцам. Это был «выход»,

т.е. дань, которая платилась в Касимов как со стороны Московского княжества, так и Рязанского. Дань в Касимов платилась наравне с данью в Крым, в Астрахань, в Казань, как раньше платила Русь дань Золотой Орде. В данном случае отношение Москвы к касимовскому царевичу может быть сравнено с отношением Москвы к наследникам Золотой Орды, так как любые сношения с ними также особо оговаривались и московские правители зорко следили за тем, чтобы вассальные им князья не имели контактов с этими государствами. Дань не может платиться слуге, каковыми историки часто представляют касимовских ханов и султанов, перенося реалии XVI в. на век XV. Из текста данной грамоты Касимовское ханство выступает как еще один наследник Золотой Орды, в совокупности с Большой Ордой, Крымским, Казанским, Астраханским и Сибирским ханствами.

В завещании Ивана III (духовная грамота, датированная ранее 16 июня 1504 г.) мы находим подтверждение информации предыдущего источника о выплате дани в Касимов [Там же, 1950, с.362]. Еще одно подтверждение содержится в договорной грамоте Василия III с дмитровским князем Юрием Ивановичем (датирована 24 августом 1531 г.) [Там же, с.417, 419], а также в договоре между Владимиром Андреевичем старицким и царем Иваном IV (датирована 12 мартом 1553 г.) [СГГД, ч.1, с.461]. Дань в Касимов платилась всю первую половину XVI в.: такова была сила традиции.

Видимо, требования Улуг-Мухаммеда после суздальской победы не ограничивались получением большого «окупа» за возвращение свободы великому князю, а касались более постоянных даннических обязательств – исправного платежа «выхода» [Базилевич, 1952, с.55]. Факт систематического сбора дани с земель великого княжества для отсылки в Орду не подлежит сомнению; вопрос о платеже «выхода» включался во все договорные грамоты великого князя с удельными князьями этого времени, как мы видели выше. Труднее установить, в какую Орду вносился этот «выход». В некоторых грамотах в числе тех, кто являлся получателем дани, наряду с Казанским, Крымским, Астраханским ханствами и Большой Ордой названо и Касимовское ханство.

Следовательно, в начале своего пребывания в русских землях, с 1445 г., Касим вряд ли мог быть пешкой в руках московского великого князя и скорее всего получил Мещерский Городок по невыгодным для Москвы условиям устной договоренности 1445 г. между Улуг-Мухаммедом и Василием II. Однако в дальнейшем, по мере прогрессирующего усиления Московского княжества и образования Русского государства, укрепления его международного положения, статус Касима и других следовавших за ним правителей Касимова изменился.

Это изменение не было внешним – владельцы, стоявшие во главе Касимовского ханства после Касима, все так же получали «выход», официально являлись царями и царевичами в ханстве. Это изменение было в том, что зависимость формирующегося Русского государства от Казанского ханства, обусловленная ситуацией 1445 г., с усилением Русского государства прекратилась; теперь не могло быть и речи о какой-либо зависимости и от касимовских ханов и султанов, как своеобразных «кормленщиков», помещенных в Русь по условиям 1445 г.

Однако московское правительство не упразднило Касимовское ханство. Этот шаг являлся дальновидным. Причины, по которым московский великий князь считал дальнейшее существование Касимовского ханства на территории русского княжества возможным, представляются следующим образом.

Во-первых, это использование касимовских правителей как претендентов на престолы других татарских ханств. Великий князь, имея в своем распоряжении султана, который являлся Чингизидом, мог воспользоваться им как своей марионеткой на казанском или каком-либо другом татарском ханском престоле, формально не неся за его действия никакой ответственности. Если бы царевич оказался на престоле, к примеру, Казани (а на это у Касима были династические основания), тогда великий князь с его помощью мог бы проводить промосковскую политику в Казанском ханстве. Решение любых вопросов с Казанью было бы значительно облегчено, будь там ханом бывший касимовский владлец. К тому же с помощью Касима (как уже говорилось, у него были династические основания для

претензий на казанский престол) можно было бы поддерживать различные распри и беспорядки внутри Казанского ханства, ослабляя его изнутри.

Во-вторых, географическое положение Касимова было также очень выгодно для московской политики. Касимовское ханство в этом отношении было как бы «буферным государством» между Москвой и Казанью. При выступлении казанских войск на Москву первый удар приходился на Касимов, касимовские татары давали отпор казанцам. Рязанская земля, занимавшая среднее течение р. Оки, была защищена с востока и с юга полосой лесов и больших рек [Каргалов, 1974, с.37]. На востоке эти леса уходили далеко к Волге. Притоки Дона были препятствием для нападения на Рязанскую землю с юга и с запада. Еще недоступней для татар была Мещерская сторона, расположенная к северу от Оки. Там стояли сплошной стеной большие непроходимые леса. Поэтому на «казанской украине» и на Волге сторожевую службу и «поручили» касимовским татарам («городецким казакам»), т.е. отрядам касимовских султанов, стоявших в Городце (Касимове) [Там же, с.75]. «Городецкие казаки» не только охраняли границу и перехватывали посольства из Казани в Крым и обратно, но и сами предпринимали нападения на татарские «улусы».

Третьей причиной можно назвать желание московского правительства напрямую, самому управлять «инородческим» населением (мордва, мещера, которые еще были язычниками), которое жило в Мещерской земле; для этих целей и использовался касимовский правитель. Американская исследовательница А.Рорлих придает факту мультиэтничности населения Касимовского ханства большое значение, отмечая: «из таких городов, как Серпухов, Звенигород, Кашира, Юрьев, Сурожик, только Касимов стал центром ханства, так как его население, в отличие от населения других подобных территорий, было нерусским: татары и финно-угры поселились здесь задолго до того, как он стал дарственным владением татарских князей» [Rorlich, 1986, p.25].

Наконец, Москва стала основным политическим наследником Золотой Орды, чары, образ, пример которой был тем сво-

еобразным маяком, к которому стремилась Москва. Русские князья воссоздавали ту систему, структуру, модель золотоордынского государства, на роль которой претендовала Московская Русь. В Золотой Орде тюркоязычное население было объединено на одних условиях, а русские земли имели особый статус. Они были частью Орды, но государством в государстве. Таковую же участь Василий II и Иван III уготовили и Касимовскому ханству, да и не только ему. К тому же стратификация дворянства в Русском государстве определилась в последней трети XV в., принцип «работал» и менять что-либо в социальном, материальном, организационном устройстве дворянства из-за постоянных войн было просто некогда.

К 1480 г. Москва окончательно осознала все плюсы нахождения у себя на службе представителей золотоордынской династии, как удобных пешек в своей гибкой политической игре. Об этом свидетельствует грамота Ивана III к крымскому хану Менгли-Гирею, где русский государь предлагает в случае каких-либо неприятностей на родине хана убежище в Московском государстве [СГГД, ч. 5, с.2].

Одним из субъективных результатов гражданской войны на территории будущего Русского государства второй четверти XV в. оказалось образование в 1445 г. на смежных землях Рязанского и Московского княжеств Касимовского ханства. Оно могло появиться лишь в обстановке вражды и непримиримости в Московском великокняжеском доме, достаточно частой смены великих князей. Анализ данных договорных и духовных грамот великих и удельных князей за период 1481–1553 гг., экстраполированных на вторую четверть – середину XV в., позволяет сделать вывод о том, что Касимовское ханство возникло в силу условий выкупа, который был обещан московским великим князем Василием II хану Улуг-Мухаммеду в 1445 г. после поражения русских войск под Суздалем. Тексты грамот недвусмысленно говорят о том, что в Касимов, так же как и в Казанское, Крымское, Астраханское ханства и в Большую Орду, платился «выход» (дань) как с земель Московского, так и Рязанского великого княжества. Следовательно-

но, Касимовское ханство являлось весьма существенной финансовой «обузой» для подданных русских княжеств. Его образование не было добровольной мерой со стороны Московского княжества. В первые годы своего существования оно было свидетельством поражения Москвы, кусочком татар-

ской территории на русской земле. Распад Золотой Орды выразился не только в отрыве от нее наиболее культурных областей и образования из них самостоятельных ханств, но и в появлении на территории формирующегося Русского государства специальных татарских образований.

§ 6. Ногайская Орда

Вадим Трепавлов

В конце XV в. на территории западного Казахстана и левобережного Поволжья сформировалось политическое объединение, которое возглавляла знать тюрко-кипчакского племени мангытов. Официально это объединение называлось Мангытским юртом. В русских средневековых источниках и в современной научной литературе Мангытский юрт получает название Ногайской Орды, по общему наименованию многоплеменного населения юрта – ногаев.

В различных источниках разбросаны свидетельства о местопребывании предков ногаев до их появления на Яике, в будущей Ногайской Орде. В исторических преданиях разных народов разбросаны рассказы об их перемещениях из восточного Дешта на Волгу, с Волги в Крым, а из Крыма на Северный Кавказ – в долины Кубани и Терека.

Мангыты приняли участия в бурных событиях «великой замятни» – гражданской войны, которая разразилась в Золотой Орде во второй половине XIV в. Конец XIV в. в истории Улуса Джучи отмечен нашествиями Тимура. В 1391 г. он прошел через Центральный и Западный Казахстан, пересек Яик и разорил левобережье Волги. В 1395 г. армия Тимура из Азербайджана вторглась на Северный Кавказ. В битве на берегах Терека ордынский хан Токтамыш потерпел полное поражение. После этого Тимур опустошил Волго-Донское междуречье и Нижнее Поволжье. В промежутке между этими двумя кампаниями произошли события, которые многими историками трактуется как основание Ногайской Орды. Связаны они с предводителем мангытов Идегеем.

Он сопровождал своего нового покровителя Аксак Тимура в походе на Золотую Орду в 1391 г. Когда тот возвращался из по-

хода, Идегей тайком послал гонца к элям левого крыла (очевидно, на Северный Кавказ), с приказанием, чтобы они «ушли из своих мест и откочевали из своих родных краев, направляясь туда, где и самый центр и местности до него (представляют) трудное сообщение и много опасностей; чтобы они... на одном привале не оставались 2 дня... иначе Тимур, застигнув их, рассеет их и погубит всех» [Сборник, 1884, с.467]. Племена подчинились и откочевали в степную глушь. Дождавшись этого, Идегей под благовидным предлогом уехал из ставки Тимура в Дешт (более подробно см.: [Миргалеев, 2003]).

Авторы XV–XVI вв. застают мангытов – эль Идегея – в районе рек Яика и Эмбы. Очевидно, это междуречье и оказалось теми самыми местами, «добираться до которых тяжело и опасно». Очувтившись среди соплеменников, вне досягаемости армий Мавераннахра, Идегей смог укрепиться в западноказахстанских степях и положить начало долговечному владению – Мангытскому юрту.

Мнение о том, будто Идегей основал Ногайскую Орду, распространено и популярно среди современных ногайцев. Немало исследователей придерживается такой же точки зрения, считая, что после разрыва с Тимуром глава мангытов обособился от Золотой Орды и образовал самостоятельное владение.

Едва ли можно согласиться с такой трактовкой событий. Междуречье Яика и Эмбы составляло часть Золотой Орды, и Мангытский юрт был автономным образованием внутри Улуса Джучи. А сам Идегей был вовсе не основателем суверенной степной ногайской державы, а лишь родоначальником мангытского правящего дома. И каких-либо

признаков независимости мангытских кочевий в это время не заметно.

Надо полагать, что не только мангыты стремились удалиться подальше от Нижнего Поволжья, Северного Причерноморья и Северного Кавказа, охваченных смутами. Поэтому можно догадываться, что изначально в Мангытском юрте проживали и другие эли. Но именно мангыты оказались костяком нового образования – как в силу авторитета своего бека, так и по причине многочисленности.

Вдали от Тимура племена левого крыла под властью Идегея смогли оправиться от последствий внутренних усобиц и вражеских нашествий и вскоре стали мощной опорой своему предводителю. Идегей стал возводить на трон послушных ханов и вытребовал у них для себя высший ранг беклербека. В ослабленной Золотой Орде найти покорных царевичей, согласных на царствование под покровительством могущественного и умелого полководца, не составляло труда. Наверное, сама эта практика посажения марионеток, была заимствована Идегеем от Тимура, при дворе которого он прожил много лет.

В должности беклербека Идегей управлял всеми государственными делами Золотой Орды. Непосредственно Мангытский юрт он, судя по всему, доверил сыновьям. Ближайшим его соратником в разных источниках выступает старший – Нур ад-Дин. На склоне лет Идегея между ними разразился тяжелый конфликт. О нем сохранились противоречивые и лаконичные сведения. Во всяком случае, ногайский фольклор сохранил память о периоде самостоятельного правления Нур ад-Дина, точнее, его соправительства с разными ханами. По источникам выстраивается следующая цепь событий. Земли между Яиком и Волгой Идегей передал в управление Нур ад-Дину. В пользу этого мирзы в годы ханствования Тимур-Кутлуга собиралась подать на сумму 40 000 алтын. Нур ад-Дин сохранял свой ранг при последующих ханах даже после отъезда отца в Хорезм в 1410 г.

Но ни в одном документе Нур ад-Дин не назван беком или князем, он всегда *мирза*. По данным татарского хрониста Кадыр Али-бека (начало XVII в.), он умер еще при

жизни отца от болезни живота. Эпос приводит более подобающую богатырю причину смерти – от потери крови, когда у мирзы открылись старые раны при возвращении из очередного похода.

Идегей не смог удержать власть. После ссоры с одним из своих ставленников он пробовал осесть в Хорезме, затем на некоторое время обосновался в Западной Сибири и снова стал возводиться на престол преданных царевичей. В 1419 г. в районе Сарайчика Идегей подвергся нападению войска хана Кадыр-Берди и погиб.

После гибели Идегея его сыновья смогли удержать влияние мангытов в Улусе Джучи. Основная причина их удачной карьеры – это явно пример и авторитет их предшественника-отца. Традиция влияния Идегея была столь сильна, что после его гибели ранг беклербека остался в его семье.

Мангытский юрт достался в управление его сыну Гази. Известно, что он, «по примеру своего отца, стал предводителем народа и племени и привел под десницу своего господства аймак и племена». Видимо, Гази проявил себя как достаточно самовластный правитель, хотя числился беклербеком у некоего хана Джумадука. Это вызвало недовольство кочевой аристократии, уже отвыкшей от жесткой единоличной власти. В 1428 г. Гази был убит мятежниками.

В том же году ханом был провозглашен Чингизид Абу-л-Хайр. Он умел ладить с мангытами, за которыми стояло многолюдное и многоплеменное население их юрта. Во время его ханствования (1428–1468) они поначалу сохраняли верность хану. Из потомков Идегея в державе Абу-л-Хайра – так называемом ханстве кочевых узбеков – на первый план выдвинулся Ваккас, сын Нур ад-Дина.

В течение, по крайней мере, двух десятилетий между ним и ханом существовало тесное сотрудничество: «Они пили из одной чаши – один с одного края, другой с другого; одновременно были один ханом, другой беком». До Европы докатилась репутация мангытского бия как «выдающегося слуги и воина великого хана» [Сборник, 1854, с.157; Меховский, 1936, с.92, 171]. Главной заслугой Ваккаса мусульманские хронисты считали то, что он для своего патрона «дважды

завоевал трон Саин-хана» – т.е. Бату, фактического основателя Улуса Джучи. Видимо, имеется в виду участие Ваккаса в занятии Орду-Базара, бывшей кочевой ставки Бату, и в разгроме соперников Абу-л-Хайра, ханов Большой Орды.

Ваккас как беклербек по должности возглавлял вооруженные силы ханства и участвовал во всех крупнейших кампаниях 1430 – начала 1440-х гг. В награду за преданность в удел Ваккасу был пожалован город Узгенд на Сырдарье.

Мангыты принадлежали к правому крылу узбекской державы. Высокий ранг эля и благоволение к нему государя подтвердились и брачным союзом: мать двух сыновей Абу-л-Хайра принадлежала к этому племени. При этом Мангытский юрт не растворился среди подчиненных Абу-л-Хайру улусов. Самостоятельность мангытских владений эпохи Ваккаса проявилась, например, в их противостоянии с Большой Ордой, в котором Абу-л-Хайр не принимал заметного участия. Занятый войнами со среднеазиатскими Тимуридами, владыка кочевых узбеков не вмешивался в дела своих западных подданных и не препятствовал самостоятельному существованию и постепенному усилению юрта мангытов.

Польский хронист Матвей Меховский записал, что «Оккас, выдающийся воин и слуга великого хана... был убит». После этого «сыновья его отделились от главной заволжской орды и поселились около замка Сарай (т.е. Сарайчик. – В.Т.), примерно лет за семьдесят до нынешнего 1517 г. Вскоре они до чрезвычайности разрослись, так что в наше время стали уже наиболее многочисленной и самой крупной ордой». Примерная датировка этого события по «Трактату о двух Сарматиях» – 1447 г. «или немного меньше», как оговаривает автор [Меховский, 1936, с.92, 93, 171].

Документы, повествующие о событиях второй половины XV в., называют несколько имен мангытских биев, действовавших одновременно: 1) брат Ваккаса Аббас. Он активен в 1470-х гг., затем исчезает из поля зрения хронистов и вновь появляется в 1490-х; 2) сын Ваккаса Хорезми, известный лишь по единичным упоминаниям; 3) сын Ваккаса Муса – истинный создатель неза-

висимого Мангытского юрта, т.е. Ногайской Орды. Одновременное существование нескольких мангытских биев – и при этом не противостоящих, а сотрудничающих друг с другом – приводит к мысли, что кто-то из них был племенным главой мангытов, а остальные состояли беклербеками при одновременно царствующим монархам.

Представляется, что сразу по смерти Ваккаса, еще до разрыва с его сыновьями, Абу-л-Хайр, по уже утвердившейся к тому времени традиции, должен был назначить другого мангытского вельможу на вакантный пост верховного бека. Кандидатура Аббаса, младшего брата Ваккаса, наилучшим образом подходила для этого. Ведь по обычным кочевым нормам, дядя при наследовании статуса обладал преимуществом перед племянниками (в данном случае перед детьми Ваккаса).

При этом Кадыр Али-бек пишет, что после Ваккаса «был Хорезми-бек». Скорее всего, во главе мангытского эля встал именно Хорезми.

Однако диктовать политику мангытов в восточных степях стал другой сын Ваккаса – Муса. В сражении с одним из царевичей-Чингизидов Муса потерпел поражение. В поисках подмоги и союзников взор его обратился к некоему Буреке – сыну Ядгара. Визит Мусы вызвал у того прилив радости, поскольку внимание высокородного мангытского аристократа открывало перспективу обретения ханского ранга. Сформировавшийся порядок диктовал обязательное условие: при хане должен быть беклербек из мангытов. То есть при ком из бесчисленных Джучидов мангытский лидер соглашался стать беклербеком, тот Джучид при поддержке мангытов и становился ханом. Ядгара «посадили на белый войлок и подняли ханом» [Абу-л-Гази, 1906, с.167]. Так неожиданно для себя ничем не выдающийся принц крови получил монаршее достоинство. Мусе тут же было даровано звание беклербека (бия). Хан был необходим мангытам только для того, чтобы освятить их растущее политическое влияние.

Личность и власть Абу-л-Хайра в течение сорока лет скрепляли узбекскую державу. Его сыну и преемнику Шейх-Хайдару не захотел подчиняться никто. Во имя свержения

династии объединились лидеры с разных концов Дешт-и Кипчака: хан Ибак (Ибрагим) из Тюменского юрта; давний антагонист Абу-л-Хайра, один из основателей Казахского ханства Джанибек; знакомый нам Буреке; мангыты Аббас-бий и Муса-бий со своим неразлучным братом Ямгурчи. Вскоре Шейх-Хайдар был убит Ибаком, и Дешт-и Кипчак остался без государя. Однако беклербек-бий в то время мог находиться только при хане. Следовало ожидать от Мусы партнерства еще с каким-нибудь правителем.

В 1470–1490-х гг. мангытские предводители признавали формальное главенство над собой казахского хана Джанибека, затем тюменского хана Ибака.

В восточных источниках владения Мусы обозначались, как правило, *омак мангытов, эль и улус мангытов*. Под мангытами теперь понимались уже не только те кипчаки, что населяли в XIII в. кочевые пожалования монголов-мангутов, а потом оказались на Яике. В годы распада Золотой Орды, после нашествия Тимура, Идегей воспользовался кризисом ханской власти и сумел собрать у себя за Волгой огромные массы ордынского населения. Стабильная и безопасная жизнь в заволжских степях, надо полагать, привлекала кочевников и позже, в конце XIV и первых десятилетиях XV в.

Постепенно в кочевьях, подвластных мангытским биям, собрались семьи и целые общины из множества элей. Эти разноплеменные кочевники вместе боролись с детьми Токтамышша, ходили на Тимуридов с Абу-л-Хайром, воевали против Шейх-Хайдара и Бурундука. Крупные войны и стихийные бедствия почти не задевали Мангытский юрт. К концу XV в. в степях между Волгой и Эмбой обитало уже третье или четвертое поколение его жителей. Общая историческая судьба и политические интересы породили у них осознание единой общности.

Показателем этого стало слово *ногай*. Так стали называть всех подчинявшихся мангытскому бию кочевников, независимо от их племенной принадлежности. Ногаями отныне были и сами мангыты, и найманы, и керей, и десятки прочих элей.

Многие (если не все) эли имели во главе своих биев собственную «природную» знать. Держать ее в единстве можно было

лишь обладая чрезвычайным умом и тактом. Судя по всему, такие данные были присущи Мусе. Умение договариваться с лидерами элей было особенно необходимо в обстановке жестокой борьбы за «узбекское наследство» в Дешт-и Кипчаке. Вся власть Мусы держалась на успешной внешней политике и на его ранге главного военачальника-беклербека (бия), который он когда-то получил от марионеточного хана Ядгара.

К концу жизни Муса, очевидно, склонился к идее об избавлении от фигуры вышестоящего государя в принципе. Полновластие в Мангытском юрте давало ему возможность управлять и без декоративного подставного сюзерена. Авторитет старого бия и могущество созданного им юрта позволяли обойтись собственными силами и действовать без маскировки под беклербекство при каком-нибудь хане. Умер бий Муса около 1502 г. Своим младшим братьям и сыновьям он оставил уже не маленькое кочевое владение с зависимым статусом, а могущественную степную державу – Ногайскую Орду.

Во второй половине XV в. отношения Ногайской Орды с поволжскими татарскими ханствами только зарождались. Эта эпоха была прелюдией к активной политике ногаев первой половины следующего столетия в сопредельных западных юртах. Казань находилась в отдалении от бурных событий, связанных с коллапсом «Престольной державы» (Большой Орды), и контакты ногаев с нею в первое время были не очень значительны. Думается, предельно логично высказался по этому поводу М.Г.Сафаргалиев: «Когда ногайцы дали о себе знать своим западным соседям, формирование Казанского ханства было уже закончено. Отношения Улуг-Мухаммеда (первого из казанских ханов. – В.Т.) с детьми Едыгея после измены Новруза не могли быть дружественными. Новруз, будучи военачальником Улуг-Мухаммеда, изменил ему, перейдя на сторону Кичимухаммеда, в результате чего Улуг-Мухаммед был изгнан из своих владений и направился в Казань. Участие ногайцев в завоевании Казани Улуг-Мухаммедом при таком положении дел было исключено. При первых своих ханах Казанское ханство было еще достаточно сильным и не нуждалось в помощи соседей» [Сафаргалиев, 1938, с.126–127].

По источникам трудно судить, влияло ли как-нибудь на ногайско-казанские связи родство ханской династии с большеордынскими мангытами (дочь беклербека Тимура б. Мансура Нур-Султан была женой хана Ибрагима б. Махмуда б. Улуг-Мухаммеда и матерью будущих ханов Мухаммед-Амина и Абд ал-Латифа). Во всяком случае, поддержка Мусой и Ямгурчи казанского государя Али б. Ибрагима объяснялась скорее всего тем фактом, что Нур-Султан после смерти мужа уехала в Крым и вышла за Менгли-Гирея; следовательно, Крымский юрт вместе с Московским великим княжеством оказывал покровительство детям Нур-Султан. В противовес этому ногаи взяли сторону Али.

Активизация отношений Ногайской Орды с Казанью заметна с начала 1480-х гг., т.е. сразу после убийства Ибаком и Ямгурчи Ахмеда и одновременно с выходом ногаев на политическую арену Восточной Европы. Данное оживление контактов Г.И.Перетяткович связал со смертью казанского хана Ибрагима в 1478 г., но, кажется, усиление казанского фактора в ногайской политике находилось в одном ряду с прочими событиями эпохи распада Большой Орды. Г.И.Перетяткович и М.И.Худяков, очевидно, корректно относили к тем временам окончательное оформление промосковской и проногайской партий казанской знати. Первая поддерживала Мухаммед-Амина б. Ибрагима, вторая – его брата Али [Перетяткович, 1877, с.151, 152; Худяков, 1991, с.45].

Политическим дебютом ногайской партии Казани можно считать участие Мусы и Ямгурчи в дворцовых переворотах 1480-х гг. Проществовавший пять лет после смерти отца Али в 1484 г. был смещен, и на казанском троне очутился его брат Мухаммед-Амин. Через год Али вернулся к власти, вновь был смещен, а в 1487 г. появился с ногайскими войсками и «согнал с Казани» брата. В июле этого же года русские воеводы взяли город и опять водворили в ханском дворце Мухаммед-Амина – на сей раз надолго. Али с семьей был увезен на Русь, где оказался сослан в Белоозеро. Такое решительное поведение московского правительства в некоторой степени на время отрезвило ногаев и побудило их действовать на Сред-

ней Волге более осторожно. От демаршей их удерживала и непреклонная жесткость русских властей: в ответ на неоднократные просьбы отпустить Али в Ногайскую Орду каждый раз следовал твердый отказ. Когда казанские князья, прибывшие к Мусе, осмелились напасть на ханство, слуги Али в России были казнены, а посол Ямгурчи задержан как заложник.

Пыл ногаев сдерживался и тем обстоятельством, что жена Али, «царица Каракушь», сидевшая в Белоозере, доводилась дочерью Ямгурчи. От последнего Иван III требовал умертвить лидера казанской эмиграции в Ногайской Орде бека Алгази. Тот, узнав об этом и не желая рисковать, уехал к Ибаку в Тюмень. Вообще гнездо оппозиции на востоке очень беспокоило Мухаммед-Амина и его русских покровителей. Не добившись репрессий против казанских беженцев, русские пытались уговорить Мусу, чтобы он убедил беков Алгази, Бегиша с сыном Утешем и саида Касима переехать в Москву с гарантией щедрого жалованья. Те отказались и продолжали требовать освобождения Али.

Из двух братьев, стоявших во главе Ногайской Орды, Муса более рассчитывал на сотрудничество с Москвой; Ямгурчи же склонялся к военному решению казанского вопроса. Именно в таких условиях и обстановке Муса по смерти Аббаса возглавил ногаев и, вернувшись из «Туркмен», смог остановить большой поход на Казань, подготовленный ханом Ибаком и Ямгурчи. Вдохновителями и этой авантюры были татарские беки. Тем не менее мелкие набеги и пограничные стычки ногаев с казанцами в конце 1480-х – начале 1490-х гг. происходили «ежелет», о чем сетовал в обращении к Менгли-Гирею Мухаммед-Амин.

Временно отказавшись от попыток силовой поддержки ногайской партии, Муса и Ямгурчи стали предпринимать усилия по мирному внедрению и расширению своего влияния в ханстве, в частности, путем династических браков. Некоторые историки приписывают инициативу породнения Казанского дома с мангытами Мухаммед-Амину, который тем самым решил себя обезопасить от ногайских вторжений. На первый взгляд, действительно, именно Мухаммед-Амин

в 1486 г. просил выдать за него, хана, дочь Мусы Фатиму. Но ведь подобные браки мангытских княжон в то время стали уже традиционными: дочь Ямгурчи Каракуш была женой хана Али; мать Мухаммед-Амина Нур-Султан – это правнучка Эдиге; Шибаниды восточного Дешта, включая Абу-л-Хайра, тоже в XV в. женились на мангытках. Так что едва ли правомерно представлять данную инициативу как некую хитроумную комбинацию казанского хана. Муса же размышлял и медлил несколько лет. Породниться с русским ставленником означало бы предать ногайскую партию Казанского юрта и ее знамя – свергнутого и сосланного Али-хана. К тому же в Москве породнение двух тюркских династий могли воспринять как закулисный сговор.

Наконец только летом 1490 г. бий решил посоветоваться с русским государем, ведь тот был для Мухаммед-Амина «и отец, и брат, и друг» [Посольская книга, 1984, с.29]. Забрасывал Москву просьбами о разрешении на женитьбу и сам хан. Русское правительство имело свои интересы в данной династической комбинации, рассчитывая распространить свое влияние на Ногайскую Орду через Казань. Иван Васильевич позволил своему протеже сочетаться с ногайской княжной, «чтобы тебе Муса прямой слуга и друг был». Мусе тоже был отправлен благожелательный ответ: поскольку, дескать, мы желаем твоей дружбы с Мухаммед-Амином, то выдай за него дочь [Там же, с.30, 32].

Однако дело тянулось еще долго. Муса оправдывал задержку конфликтом с Большой Ордой. Лишь смерть Али в северном заточении позволила бию отбросить сомнения и отпустить Фатиму в Казань. По московской указке за Мухаммед-Амина тут же была выдана и вдова Али, дочь Ямгурчи Каракуш. Иван III пытался нащупать рычаги давления на ногаев через брачные союзы. В 1489 г. он запретил Мухаммед-Амину выдавать сестру за мирзу Алача б. Ямгурчи до тех пор, пока ногаи не компенсируют награбленное в недавнем набеге на казанцев.

Беки-эмигранты, проживавшие у Ямгурчи и Ибака (затем Мамука), не разделяли примирительных настроений Мусы. Попытка переломить ситуацию в Казани в пользу проногайской партии вылилась в авантюри-

стический захват города Мамуком в 1496 г. и бесславный отъезд его оттуда через год, о чем мы уже рассказывали. Муса, естественно, выступил против этой кампании и пытался противодействовать ей. Однако когда в Казань из России был привезен и посажен на ханский трон младший брат Мухаммед-Амина Абд ал-Латиф, не выдержал и он: Москва слишком явно пренебрегала интересами ногаев, организовав новое воцарение без консультаций с ними и руководствуясь только своими соображениями. В 1500 г. ногайские отряды во второй раз (после 1496 г.) обступили столицу юрта. Возглавлял поход на этот раз сам Муса вместе с Ямгурчи, а претендентом на престол от них был очередной сибирский Шибанид Агалак б. Махмудек, младший брат Ибака и Мамука. Казань выдержала трехнедельную блокаду, молодой хан Абд ал-Латиф ежедневно совершал вылазки. Не добившись никакого успеха, Муса и Ямгурчи с сибирским царевичем ушли в степи.

Двукратный провал попыток интронизации своих креатур надолго отбил у лидеров Ногайской Орды охоту к военным действиям на Средней Волге. Посрамленная партия войны затихла. Бий Муса и Ямгурчи-мирза через послов заключили с Иваном III договор о ненападении на Казань. В марте 1502 г. русскому послу, снаряжавшемуся в Крым, было велено известить хана Менгли-Гирея о том, что «ныне ногаи Казанской земле мирны», а ногайские послы от лица своих государей обещали ей «не чинить лиха» [Сборник РИО, 1884, с.386].

Степень проникновения ногаев на территорию Казанского ханства дискуссионна. Мы отмечали малую вероятность изначального присутствия их в Юрте, во времена Улуг-Мухаммеда. Вместе с тем едва ли можно сомневаться в наличии ногайского компонента среди населения государства. Во-первых, об этом свидетельствует топонимика: Ногайские ворота в столичной крепости, Ногайская даруга – одна из пяти провинций Юрта и проч. Во-вторых, приток переселенцев из Ногайской Орды фиксируется башкирскими и татарскими генеалогиями-шеджере. Но по фольклорным источникам затруднительно судить о том, насколько фигурирующие там ногаи

соответствовали ногаям историческим, выходцам из Ногайской Орды. Ни большее, по сравнению с окружающим населением, количество кипчакских элементов в языке, ни совпадения в названиях родов (элей) еще не позволяют отождествлять пришлых кипчаков с ногаями. Кипчакские миграции продолжались сотни лет, а ногаи консолидировались в Мангытском юрте лишь во второй половине XV в., и хотя тоже были кипчакоязычными, не могут «нести ответственность» за все передвижения кипчакоговорящих жителей Восточной Европы.

Другое дело, что время от времени ногайские войска прибывали на территорию ханства для решения политических задач и, случалось, надолго задерживались там. Допустим, известно, что при вторичном царствовании Мухаммед-Амина (1502–1518) в его владениях располагалась 20-тысячная ногайская конница. С некоторыми оговорка-

ми можно согласиться с В.М.Жирмунским: ногаи служили ханам за дань и прочие денежные выплаты [Жирмунский, 1974, с.425].

В целом уже на событиях XV и первых лет XVI в. можно убедиться, что ногайско-казанские отношения были весьма неровными: активное участие сменялось многолетним безразличием, военные авантюры – мирными заверениями и сотрудничеством. Наверное, имеет смысл вслед за С.Х.Алишевым учесть сезонный характер кочеваний ногаев, которые то углублялись в степи, то подходили к границам Казанского ханства. К этому следует добавить и фактор политической обстановки в послеордынской Восточной Европе: ногаи отвлекались от средневожских дел не только из-за откочевок на южные зимовки, но и по причине внутренних распрей, походов на Большую Орду и позднее на Крым и Астрахань, миграций части населения в Сибирский юрт, Казахское и Узбекское ханства.

§ 7. Тюменское и Сибирское ханства в XV в.

Александр Нестеров

Сибирский юрт

Тюрко-татарские государства Урала и Западной Сибири – государства Сибирских Шейбанидов и Тайбугидов – являются, пожалуй, наименее исследованными из числа государственных образований, возникших в результате распада Джучидского государства в XV в. В исторической литературе с XVIII в. за этими государствами закрепилось наименование «Сибирское ханство», носящее, однако, условный характер: ни в одном историческом источнике XV–XVI вв. это название не употребляется. Несколько позднее появляется термин «Тюменское ханство», который был отнесен к государству Сибирских Шейбанидов XV в., центром которого был город Чимги-Тура (Тюмень), однако и это название носит условный характер. Отсутствие достоверных свидетельств о наименовании тюркских государств Сибирско-Уральского региона ставит вопрос о правомочности использования по отношению к ним любого из известных наименований. Кроме того, использование терминов «Тюменское ханство» или «Сибирское

ханство» объективно связано с достаточно узким хронологическим периодом. В связи с этим более достоверным представляется использование по отношению к государственным образованиям данного региона термина «Сибирский юрт»: термин «юрт» (يورث) в тюрко-татарской исторической традиции, как и в московских приказах, употреблялся в качестве синонима независимого государства. Этот термин также является условным, но не имеет жесткой хронологической привязки и может служить для наименования всех татарских государственных образований, существовавших на территории Урала и Западной Сибири.

В истории государств Сибирского юрта выделяются следующие хронологические периоды:

1. Формирование Шейбанидского государства в Западной Сибири и создание государства кочевых узбеков (первая половина XV в.). Данный период охватывает период борьбы за власть в Сибирском юрте представителей нескольких ветвей династии Шейбанидов, в частности, Махмуд Ходжа

хана (около 1422–1430 гг.), Даулат Шайх-оглана (конец XIV в. – 1426) и Абу-л-Хайр Убайдаллах-хана I (в Сибири – 1428–1446). Центром государства в этот период была Чимги-Тура. Период завершается откочевкой большей части кочевников на юг, к границам Мавераннахра.

2. Государство Сибирских Шейбанидов (около 1446 – начало XVI в.), созданное после откочевки «Узбекских» Шейбанидов на юг. Центр государства – Чимги-Тура, поэтому данное государство условно можно называть 65 лет существования государства в нем сменились правители: Хаджи Мухаммад-хан (около 1444 – около 1460 гг.), Махмуд-хан (около 1460 – около 1465 гг.), Сайид Ибрахим-хан (около 1465 – около 1495 гг.), Мамук-хан (около 1495 – после 1499 гг.) и Кутлук-хан (около 1500 – после 1505 г.).

3. Первая половина XVI в., время, когда на территории Западной Сибири существовало государство Тайбугидов с центром в Искере. Правители этого государства носили титул беков (князей), поэтому правомерно именовать его Искерским княжеством Тайбугидов. Наследники Сибирских Шейбанидов оставались под покровительством Шейбанидов Центральной Азии; возможно, в Западном Казахстане сохранялись какие-то сибирско-шейбанидские владения. Сибирский юрт в этот период представлял собой сложный конгломерат владений, во главе которых находились представители местной татарской аристократии, мансийской и хантыйской племенной знати.

4. Сибирское ханство Шейбанидов в составе Шейбанидской державы (1563–1598) – период, когда восстановленное государство Сибирских Шейбанидов находилось в зависимости от Шейбанидов Бухары. Правители этого периода: Кучум-хан (1563–1598), его брат Ахмад Гирей-хан (1560-е гг.). Период завершается русским завоеванием региона.

5. Завершающий период истории династии (первая треть XVII в.), когда наследники Кучум-хана Али-хан, затем Иш Мухаммад-хан и их преемники безуспешно пытались восстановить свою власть в Западной Сибири. Последние Шейбаниды выдвигали претензии на Западную Сибирь вплоть до 1660-х гг.

Сложность исследования истории государств Сибирского юрта связана с крайней бедностью источников: письменные источники, непосредственно посвященные государствам Сибирского юрта, имеются только для периода правления Абу-л-Хайр Убайдаллах-хана (1428–1468) и для периода присоединения Урала и Западной Сибири к Московскому государству во второй половине XVI – начале XVII в. Весь остальной период существования Сибирского юрта известен лишь по отдельным упоминаниям в русских и восточных исторических произведениях, документах и т.п. Археологические источники по истории государств Сибирского юрта также отличаются значительной бедностью; кроме того, открыто очень мало памятников этого периода, причем наиболее важные из них были раскопаны еще в конце XIX – начале XX в. В послереволюционное время исследованию подвергались в основном периферийные памятники, не дающие представления о культуре Сибирского юрта в целом.

Территория Сибирского юрта

Территория Сибирского юрта – обширно-регионально-политического образования XV–XVII вв. – складывалась исторически и в различные временные периоды довольно существенно изменялась.

В период, предшествовавший монгольскому завоеванию Западной Сибири, во время возникновения и расцвета Джучидского государства в XIII и XIV вв. термин «Сибирский юрт» по отношению к какой-либо территории не употреблялся, хотя в источниках Сибирь упоминается уже в период походов Чингиз-хана: так, Рашид ад-дин сообщает, что «Сибирь» была одним из первых объектов похода Джучи-хана и Бату-хана на запад [Рашид ад-дин, 1960, с.71]; позднее отмечалось, что юрт Джучи-хана находился на реке Иртыш [Там же, с.78]. Муин ад-дин Натанзи отметил, что правители Сибири относились к правому крылу Джучидов [Сборник, 1941, с.127]. Видимо, уже в начале XIV в. – в период, когда писал Муин ад-дин Натанзи – власть над территорией будущего Сибирского юрта получили Шейбаниды.

Шейбаниды (Шибаниды) – потомки Шыбана, пятого сына Джучи-хана, которо-

му Бату-хан в 1238 г. выделил для кочевья обширный удел на Южном Урале и в Казахстане: «...юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата Ичена: летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до горы Урала, а во время зимы живи в Аракуме, Каракуме и по берегам Сыр-Дарьи при устьях рек Чуй-су и Сары-су» [Абу-л-Гази, 1906, с.160]. Таким образом, первоначальные владения Шыбана охватывали исключительно территории Южного Урала и Западного Казахстана. Этими землями владели и потомки Шыбана. Их власть утверждалась правителями правого крыла Джучидского государства: например, Менгу Тимур-хан утвердил владение этим районом за сыном Шыбана Бахадуром [Там же, с.152]. Одновременно порядок утверждения правителей Шейбанидского улуса свидетельствует о вхождении его в состав правого крыла Джучидского государства.

Кому принадлежала в этот период территория позднейшего Сибирского юрта, в настоящий момент остается неясным. Вероятнее всего, Западная Сибирь находилась во владении левого крыла Джучидов – потомков Орда-ичена или Тука-Тимура. Косвенным свидетельством этого может служить и факт бегства Токтамыш-хана в Сибирь после разгрома его Тимуром в конце XIV в. Но в XIII и в первой половине XIV в. понятия «Сибирский юрт» еще не существовало: оно возникает одновременно с возникновением самостоятельных или полусамостоятельных государственных образований на территории Западной Сибири и Северного Казахстана.

Складывание Сибирского юрта неразрывно связано с развитием Шейбанидского улуса Джучидского государства. К сожалению, источники совершенно не освещают историю Шейбанидов во второй половине XIII–XIV в., можно только предполагать, что постепенно Шейбаниды присоединяли к своим владениям территории Казахстана и Западной Сибири. Окончательно Сибирский юрт сложился к началу XV в. как территория, занятая шейбанидскими ханами и султанами: от владений мангытов на юго-западе до Барабинской степи на северо-востоке и от устья Иртыша на севере до Аральско-

го моря на юге [Ахмедов, 1965, с.29]. Эта территория была разделена между отдельными представителями дома Шейбанидов: Мустафа-ханом, Даулат Шайх-огланом, Джумадук-ханом, Махмуд Ходжа-ханом. Однако развитие исторических событий свидетельствует, что владения этих правителей можно рассматривать как единое целое – сложившееся регионально-политическое образование «Сибирский юрт»: прежде, чем пытаться завоевать какие-либо владения вне пределов территории Сибирского юрта, шейбанидские правители настойчиво боролись за единовластие именно в Сибирском юрте среди Шейбанидов.

Постепенно на протяжении XV–XVI вв. понятие «Сибирский юрт» неуклонно сужалось. Важнейшей его особенностью, отличающей его от других государственных образований, возникших на развалинах Джучидского государства, стало своеобразие его природных условий и населения: наряду со степными районами, Сибирский юрт включал обширные лесостепные и таежные пространства, населенные народами угорской семьи. Центр Сибирского юрта также постепенно перемещался к северу, и в конечном итоге оказался в районе современного г. Тобольска (г. Искер).

На территории Сибирского юрта сложилось несколько тюркских по своей основе государственных образований: в начале XV в. одна из ветвей рода Шейбанидов основала Узбекское ханство; после откочевки Абу-л-Хайр-хана на юг в Западной Сибири к власти пришла другая ветвь Шейбанидов, создавшая Шейбанидское государство на территории Сибирского юрта. В начале XVI в. это государство погибло, и на его месте возникла своеобразная федерация их владений отдельных сибирско-татарских феодалов и угорских племенных «князей» во главе с беками Искера – государство Тайбугидов. Поражение Тайбугидов в войне с Шейбанидами в середине XVI в. привело к включению территории Сибирского юрта в состав Шейбанидской державы в качестве ее северного улуса – Сибирского ханства. В этот период Сибирское ханство включало обширные территории вплоть до Нижней Оби на севере, однако все эти области, особенно населенные уграми (хантами и

манси), ограничивались лишь признанием верховенства ханов Сибири, сохраняя фактически независимость от них.

Внутреннее деление территории Сибирского юрта в XVI в. связано с народами, населявшими юрт: в рамках владений Сибирских ханов можно выделить обширные лесные районы Прииртышья и Приобья с преобладающим угорским населением, Барабинскую степь, Восточный Урал, Ишимские степи, Северный Казахстан с преобладающим тюркским населением. Именно в этих пределах Сибирский юрт и вошел в состав Русского государства.

Таким образом, исторический смысл понятия «Сибирский юрт» по отношению к XV и XVI вв. несколько различен: если в XV в. Сибирский юрт – центр тюркского по своей основе Шейбанидского государства, несколько расплывчатый территориально, то в XVI в. Сибирский юрт – достаточно четко ограниченная территория, составляющая сперва Тайбугидское государство, а затем вошедшая в состав Шейбанидского государства в качестве его северного улуса. В этот период Сибирский юрт – регионально-государственное образование со смешанным тюркским и угорским населением, состоящее из отдельных мелких владений, слабо связанных друг с другом и почти не контролируемых центральной властью.

Население Сибирского юрта

Население Сибирского юрта относилось к тюркской и угорской языковым семьям. На протяжении предыстории и истории Сибирского юрта оно не оставалось неизменным. Основные элементы его появились на территории будущего Сибирского юрта в IX–X вв., когда основная масса венгерского (мадьярского) населения откочевала на запад, а господствующими народами в степях Восточного Дешт-и Кипчака стали тюркские племена, прежде всего кипчаки [История Венгрии, 1971, с.89; Кумеков, 1972, с.55; Савинов, 1979, с.103–104]. Тюркизация лесостепной зоны Сибирского юрта происходит на протяжении XI–XIII вв.: постепенно оттесняя угров на север, тюркские племена продвигаются в таежные районы Прииртышья и Приобья [Могильников, 1965, с.281]. Дополнительный толчок этому про-

цессу дало монгольское завоевание, после которого на территории Западной Сибири появляются тюрки – племена узбеков и казахов [Ахмедов, 1965; Султанов, 1982]. Однако и в XVI в. значительную часть населения Сибирского юрта составляли угорские племена – предшественники ханты и манси.

На протяжении XV–XVI вв. у ханты и манси складывались племенные объединения, находящиеся на стадии формирования государственности [Бахрушин, 1935, с.34–84]. Во второй половине XVI в. можно отметить существование ряда угорских племенных «княжеств» на территории Сибирского юрта: *Кодское* княжество на Северном Урале и в Приобье (возникло не позднее середины XV в.; единственное среди всех хантыйских «княжеств», развившееся до феодального владения рода князей Алачевых и просуществовавшее почти до середины XVII в.); *Обдорское* «княжество» на Нижней Оби; *Ляпинское* «княжество» на Северной Сосьве; *Сосьвинское* «княжество» на Северной Сосьве; *Казымское* «княжество» на р. Казыме, правом притоке Оби; *Белогорское* «княжество» у слияния Иртыша и Оби; *Демьянские* «княжества» на р. Демьянке; *Сургутские* «княжества» в районе г. Сургута, прежде всего, *Бардаково княжество*. Все названные выше «княжества» были населены хантами. Манси жили южнее и юго-западнее хантов, их владением был *Пельм* – триединое протогосударственное образование, наиболее развитое среди угорских «княжеств». Пельм состоял из собственно Пельмского «княжества» с центром на одноименной реке, Кондинского «княжества» на р. Большая Конда и Таборинской волости – юго-западной части Пельма. Правители Пельма отличались воинственностью, источники упоминают многочисленные набеги их на русские владения в Приуралье в XV и XVI вв. Таборинская волость Сибирского юрта была единственным в Западной Сибири районом, где существовало примитивное земледелие [Там же, с.83].

В основном население угорской части Сибирского юрта занималось охотой и рыболовством (эти занятия обские угры сохранили вплоть до начала XX в.), что резко отличало его от скотоводов-тюрков. Более развитые традиции тюркской государствен-

ности оказали влияние и на правящие круги угорских «княжеств», особенно Пельма: у правителей Пельма, Таборинской волости появляются тюркские племена (например, Аблегирим – последний князь Пельма), тюркские титулы мурз и т.д.

Наряду с угорскими, на территории Сибирского юрта существовал целый ряд тюркских феодальных владений. Среди них в первую очередь следует назвать *Ишимский* улус с центром в Кызыл-Туре – один из исторических центров сибирских татар [Миллер, 1937, с.190.]; *Барабинский* улус на северо-востоке Сибирского юрта; *Джалаирский* улус по среднему течению Тобола, а также ряд других.

Поселений Сибирского юрта известно сравнительно немного. Первоначальными центрами государства были Чимги-Тура (на месте современного г. Тюмени) и Кызыл-Тура в устье р. Ишим – по преданиям, первая столица беков из династии Тайбугидов [Небольсин, 1849, с.12, 36, 38]. Позднее (в XVI в.) центр государства переместился на север, в район слияния Тобола и Иртыша, где возникла новая столица. Ее название указывается в различных источниках по-разному: встречаются три наименования этого города – Искер, Кашлык и Сибирь (Старая Сибирь). Вероятно, первоначальным наименованием этого центра было «Кашлык»; термин «Сибирь», скорее всего, обозначал государство, а «Искер», имеющий значение «старого города», скорее всего, стал описательным названием данного центра во второй половине XVI в.

Кроме названных, известно еще несколько укрепленных центров на территории Сибирского юрта. Так, в районе последней столицы юрта – Искера – располагался ряд крепостей – Сузге-Тура, Бицик-Тура, Касим-Тура; в районе современного Ялуторовска находилась крепость Ялу-Тура, защищавшая торговые пути в Центральную Азию. Сибирские летописи упоминают и центры отдельных улусов Сибирского юрта. Среди них следует выделить городок мурзы Япанчи на месте современного г. Туринска – укрепление, контролировавшее путь через Уральские горы, и Карачин городок – центр Джалаирского улуса. К сожалению, раскопки на Карачинном острове на р. Тобол, где по

преданиям располагался данный городок, выявили только остатки русского поселения XVII в., следов джалаирского городища пока не обнаружено.

Как правило, городища Сибирского юрта, оставленные тюркским населением, располагались на высоких обрывистых берегах рек или озер. Подобное расположение позволяло оставить, по крайней мере, одну сторону городища неукрепленной: роль оборонительных укреплений играли естественные препятствия – береговые обрывы, овраги и т.п. Обычно городища имели достаточно сложные системы рвов и валов; два вала были почти обязательным элементом сибирского укрепленного поселения. Даже на провинциальных городищах валы и рвы были достаточно мощными: например, на городище Тюменка (на оз. Чаны, в современной Новосибирской обл.) заплывшие рвы имеют глубину 2–2,5 м при ширине до 9 м; валы Чиняевского городища (на острове Чиняха на оз. Чаны) при высоте 1,5 м имеют толщину около 5 м. Возможно, рвы многих городищ заполнялись водой. Валы дополнительно укреплялись частоколом.

На территории городищ и рядом с ними находились жилища, которые, как правило, представляли собой полуземлянки или неглубокие землянки с бревенчатыми или дощатыми стенами, укрепленными столбиками. В центре жилища располагался очаг. Вероятно, стены жилищ обмазывались глиной: следы глиняной обмазки стен сохранились на многих городищах. Какие-либо строения из более прочных материалов практически на всех городищах, кроме Искера, вероятно, отсутствовали; только на Искере обнаружен в значительных количествах кирпич XVI в. (известно, что из сырцового кирпича была построена главная мечеть Искера [Пигнатти, 1915, с.35]).

К сожалению, в настоящее время полная характеристика населенных пунктов Сибирского юрта невозможна: исследованиями охвачена лишь незначительная часть территории юрта; наиболее подробно изучены памятники Барабинского улуса Сибирского юрта, который в XV–XVI вв. был отдаленной восточной окраиной государства. Существенным фактором, мешающим исследованиям, является и то, что расположение

городищ Сибирского юрта способствует интенсивному их размыванию: наиболее интересные памятники, такие как Искер и Чимги-Тура, в настоящее время практически полностью смыты. К тому же оставшиеся памятники исторической столицы юрта – Чимги-Туры – находятся на территории современного г. Тюмени, и их изучение также невозможно из-за существующей современной застройки.

Подводя итог, можно отметить, что Сибирский юрт и располагавшиеся на его территории государственные образования представляли собой периферийный слабо развитый в экономическом и политическом отношении регион распавшегося Джучидского государства, заселенный в основном финно-угорским населением, находящимся на стадии распада родового строя и формирования ранней государственности. Тюркское население занимало в основном южную, лесостепную и степную часть региона. Основными занятиями населения в северной и центральной частях юрта были таежная охота и рыболовство, в южной – скотоводство; земледелие на территории Сибирского юрта было крайне неразвито.

Тюменское ханство: государство Сибирских Шейбанидов (XV – начало XVI в.).

В конце XIV в. территория Урала и Западной Сибири находилась, по-видимому, во владении Гийас ад-дин Тохтамыш-хана; по крайней мере, Аноним Искандера сообщает, что Тохтамыш «умер естественной смертью в 800/1397–1398 гг. в пределах Тюмени» [Сборник, 1941, с.133]. С этим сообщением согласуются и русские источники, но, вероятно, смерть Тохтамыш-хана должна быть отнесена к более позднему времени: Шараф ад-дин Али Йезди сообщает о посольстве Тохтамыш-хана к Тимуру в реджебе 807/январе 1405 г., при этом Шараф ад-дин Али Йезди рисует Тохтамыш-хана как человека, скитающегося по степям и брошенного соратниками [Там же, с.189]. Мы можем предполагать, что укрывался Тохтамыш-хан в своих владениях, но когда Западная Сибирь перешла под власть к потомкам Туга-Тимура, остается неизвестным. Вероятно, правление Туга-Тимуридов на этих землях было сравнительно непродолжительным:

уже в первом десятилетии XV в. территорию Сибирского юрта занимают правители из различных ветвей дома Шейбанидов. Вероятнее всего, власть Тохтамыш-хана распространялась только на Чимги-Туру (Тюмень), другие же территории западносибирских степей занимали Шейбаниды. По крайней мере, уже в начале XV в. существовало несколько кочевых шейбанидских ханств: территории между Ишимом и Тоболом входили в состав владений Мустафа-хана, к западу от Ишима лежали владения Ибрахима бен Пулада, в Северном Казахстане господствовал Джумадук-хан бен Суфи [Ахмедов, 1965, с.33]. В Южном Притоболье располагались владения Махмуд Ходжа-хана бен Каанбека. В то же время мнение, сформулированное В.В.Похлебкиным, о том, что Тохтамыш-хан был основателем Сибирского ханства [Похлебкин, 2000, с.155] представляется неправомерным.

Можно предполагать, что после смерти Ибрахима бен Пулада его владения перешли к его сыну Даулат Шайх-оглану, который овладел и Чимги-Турой. Именно Даулат Шайх-оглана можно считать первым правителем государства Сибирских Шейбанидов с центром в Чимги-Туре («Тюменского ханства»); вероятно, власть Даулат Шайх-оглана признали и некоторые местные родовые «князья» манси и хантов, но на данном этапе доказательств для данного положения нет. Тем не менее Даулат Шайх не был сильнейшим шейбанидским правителем: в отличие от своих соперников Мустафа-хана и Джумадук-хана он даже не принял ханский титул; о реальной деятельности Даулат Шайх-оглана практически ничего не известно; в источниках он фигурирует в основном как отец основателя государства кочевых узбеков – Абу-л-Хайр-хана. В то же время другой правитель, чьи владения располагались в непосредственной близости от Чимги-Туры – Махмуд Ходжа – принял ханский титул, и его также можно считать владельцем Сибирского юрта («Тюменского ханства»).

В 1426 г. Даулат Шайх умер, и его владения оказались под контролем эмиров племени буркут, господствующего в Чимги-Туре. Наследник Даулат Шайха – Абу-л-Хайр Убайдаллах бен Даулат Шайх был отправ-

лен к Джумадук-хану [Материалы, 1969, с.141]. Такое положение сохранялось до 1428 г., когда Джумадук-хан погиб, а Абу-л-Хайр-хан с помощью мангытских эмиров вновь подчинил себе Чимги-Туру и весь улус своего отца. Буркутские эмиры Кибек Ходжа-бек и Адад-бек подчинились без сопротивления [Там же, с.144–146].

1429 г. стал началом создания независимого сильного государства Шибанидов (Шейбанидов), правители которого претендовали на верховную власть в Джучидском государстве. Его основатель – Абу-л-Хайр Убайдаллах-хан б. Даулат Шайх-оглан б. Ибрахим б. Пулад – считается первым ханом Узбекского ханства (так называемого государства кочевых узбеков, или Шибанидского ханства), сложившегося на территории Западной Сибири и Казахстана. Одновременно Абу-л-Хайр-хана можно считать основателем династии Узбекских Шейбанидов, которая в 1500 г. в лице Мухаммада Шейбани-хана утвердилась в Мавераннахре, где и господствовала вплоть до конца XVI в.

После восстановления шейбанидской власти над Чимги-Турой перед Абу-л-Хайром в качестве основной задачи встала необходимость объединения под своей властью разрозненных шейбанидских улусов. Абу-л-Хайр-хан немедленно декларировал свои претензии на верховную власть, выпустив в Чимги-Туре монету и потребовав подчинения от других шейбанидских ханов и султанов. К сожалению, монеты Абу-л-Хайр-хана, выпущенные в столице Сибирского юрта, до нас не дошли, они известны только из упоминаний в источниках. Так, Масуд бен Усман Кухистани в своем сочинении «Та'рих-и Абу-л-Хайр хани» сообщает, что Абу-л-Хайр-хан осуществил, по крайней мере, два выпуска монет: в 1429 г. после подчинения Чимги-Туры, и в 1431 г., после разгрома большеордынского Ахмад-хана и захвата его кочевой ставки Орду-Базара [Там же, с.48, 52].

Первым противником Абу-л-Хайр-хана стал Махмуд Ходжа-хан б. Каан-бек б. Ильбак б. Минг Тимур-хан, троюродный дядя Абу-л-Хайра. По данным Абд ар-Раззака Самарканди, Махмуд Ходжа-хан был одним из основных претендентов на верховную

власть в Шейбанидском улусе. В 1430 г. на берегах Тобола Махмуд Ходжа-хан был разбит войсками Абу-л-Хайр-хана, попал в плен и был убит. В результате этой победы под властью Абу-л-Хайр-хана оказалась вся западная часть Сибирского юрта, от слияния Оби и Иртыша на севере до мангытского улуса на юге – бывшие владения Шейбанидов Даулат Шайх-оглана, Джумадук-хана и Махмуд Ходжа-хана [Там же, с.146–148; Маслюженко, 2012, с.102–103].

Желание установить свою верховную власть над всем Джучидским государством побуждало Абу-л-Хайр-хана к захвату территорий Средней Азии и Поволжья. Уже в 1430 г., сразу же после разгрома Махмуд Ходжа-хана, Абу-л-Хайр подчинил своей власти Хорезм, а в 1431 г. двинул свои войска против ханов Нижнего Поволжья – Ахмад-хана и Махмуд-хана. Правители Большой Орды были разбиты и бежали, Абу-л-Хайр-хан захватил их кочевую ставку Орду-Базар и выпустил там монету как верховный хан Джучидского государства [Материалы, 1969, с.156–158].

После провозглашения своей верховной власти над Джучидским государством Абу-л-Хайр-хан начал борьбу против своих последних соперников в Сибирском юрте, важнейшим из которых был Шейбанид Мустафа-хан б. Муса б. Киран б. Баянкеджар. В 1428 г. Мустафа-хан поддержал Абу-л-Хайра в его борьбе за Чимги-Туру, но после похода 1430–1431 гг., гибели Махмуд Ходжа-хана и провозглашения Абу-л-Хайра верховным ханом Джучидов Мустафа-хан был встревожен появлением столь сильного соседа и ясно представлял себе возможность нападения Абу-л-Хайра на свои владения. Мустафе удалось привлечь на свою сторону правителя мангытского улуса Ваккас-бека, одного из сильнейших кочевых феодалов в государстве Абу-л-Хайра, поддержка которого имела огромное значение в развитии успехов Абу-л-Хайра в 1428–1431 гг. Возникновение коалиции Мустафа-хана и мангытов поставило под угрозу целостность владений Абу-л-Хайр-хана, и он немедленно выступил против Мустафа-хана. Решающее столкновение произошло на Атбасаре – притоке Ишима. Мустафа-хан был разбит и бежал на полуостров Мангышлак во владения мангытов [Там же, с.157–158].

Разгром Мустафа-хана означал ликвидацию последнего самостоятельного шейбанидского ханства на территории Сибирского юрта. Отныне весь юрт оказался под властью Абу-л-Хайр Убайдаллах-хана. Однако и в этой ситуации Абу-л-Хайр не решился пойти на конфликт с мангытами: он сделал вид, что прощает Ваккас-беку союз с Мустафа-ханом, и вновь назначил его предводителем ханского войска. Ваккас-бек был одним из участников Туркестанского похода Абу-л-Хайр-хана и впоследствии стал хакимом Узгенда.

В результате Туркестанского похода, предпринятого Абу-л-Хайром после разгрома Мустафа-хана, им были покорены Сыгнак, Сузак, Узгенж и Ак-Курган. Впоследствии, уже в 40-е гг. XV в., Абу-л-Хайр-хан продолжил борьбу за Среднюю Азию: в 1444–1445 гг. был окончательно подчинен Сыгнак, куда в 1446 г. была перенесена из Чимги-Туры резиденция шейбанидского хана, а в 1447 г. Абу-л-Хайр-хан начал поход на Самарканд.

Дальнейшая деятельность Абу-л-Хайр-хана и история созданного им на территории Сибирского юрта Узбекского ханства в значительной степени связана с историей Средней Азии и не рассматривается в данном исследовании. Отметим только, что перенос центра тяжести державы Абу-л-Хайра на юг уже в 50-е гг. XV в. привел к распаду государства: от Абу-л-Хайра отделились казахские Гирей-хан и Джанибек-хан, а северные районы – собственно Сибирских Шейбанидов. Основателем этой династии был Хаджи Мухаммад-хан б. Али б. Бек Хванди-оглан б. Минг Тимур-хан – как и Махмуд Ходжа-хан, Хаджи Мухаммад-хан приходился Абу-л-Хайр-хану троюродным дядей.

Деятельность Хаджи Мухаммад-хана во многом остается загадочной. Советские исследователи З.Я.Бояршинова и Н.Н.Степанов считали, что Хаджи Мухаммад уже в 1420-х гг. покорил приишимских татар и основал город Кызыл-Туру у слияния Ишима и Иртыша; при этом З.Я.Бояршинова и Н.Н.Степанов вслед за М.Г.Сафаргалиевым считают Сайид Ибрахим-хана внуком Хаджи Мухаммада [Бояршинова, Степанов, 1964, с.475–504]. Сходной точки зрения придерживается ряд исследователей. Можно

предполагать, что возникла путаница между деятельностью Хаджи Мухаммад-хана (خاجى محمدخان), правившего в 40-х гг. XV в., и Махмуд Ходжа-хана (محمود خاجه خان), чье правление относится к середине – второй половине 1420-х гг. К тому же, основание Кызыл-Туры – исторического центра Тайбугидского улуса – не может быть соотнесено с деятельностью Хаджи Мухаммад-хана (равно как и с деятельностью фактического основателя Тайбугидского государства Мухаммад-бека, правившего в конце XV в.); источники относят возникновение этого города с деятельностью Она (Онсома), полулегендарного предка Тайбугидов, даже по родословной легенде отстоявшего от Мухаммад-бека, по крайней мере, на пять поколений. Скорее всего, соотнесение деятельности Хаджи Мухаммад-хана с 1420-ми гг. связано с ошибкой в книге Хафиза-и Таныша Бухари «Шараф-нама-йи шахи» («Книга шахской славы»), созданной на рубеже XVI и XVII вв., где при описании деяний Абу-л-Хайр-хана на месте Махмуд Ходжа-хана упомянут именно Хаджи Мухаммад-хан [Хафиз-и Таныш, 1983, с.76]. В то же время нельзя исключать возможность того, что Хаджи Мухаммад-хан был одним из шейбанидских правителей, подчиненных Абу-л-Хайр-ханом на рубеже 20–30-х гг. XV в. Тем не менее, существующая точка зрения о том, что Хаджи Мухаммад-хан погиб в 1429 г. и его преемником стал Махмуд Ходжа-хан (см., например: [Маслюженко, 2011, с.59]), не представляется достаточно обоснованной.

К сожалению, о дальнейшей деятельности Хаджи Мухаммад-хана источники не сохранили никаких подробностей. Нам неизвестна и дата смерти этого правителя. Возможно, Хаджи Мухаммад-хан в 1430-х гг. был одним из зависимых от Абу-л-Хайр Убайдаллах-хана правителей, а после перенесения центра Узбекского государства на юг Хаджи Мухаммад, как и мангыты, обрел фактическую независимость. В целом можно отметить, что вопрос о деятельности Хаджи Мухаммад-хана во многом остается открытым из-за скудности источников.

Кто наследовал Хаджи Мухаммад-хану? Из трех его сыновей, известных по имени, двое – Сайид Ибрахим(Ибак)-хан

и Махмуд-хан – именуется ханами, третий – Шейбан Гази-султан – известен только по родословным и ханского титула не имел (возможно, именно он и был тем младшим братом Саййид Ибрахима, которого, в соответствии с «Таварих-и гузида-йи нусрат-намэ» убили в качестве мести за убитого Шайх Хайдар-хана в 1469 г.). Поскольку деятельность Ибак-хана развернулась несколько позднее, можно предполагать, что непосредственным наследником Хаджжи Мухаммад-хана был именно Махмуд-хан (محمود خان), правивший сравнительно недолго. В то же время ряд исследователей (прежде всего М.Г.Сафаргалиев, З.Н.Бояршинова и Н.Н.Степанов) считают Махмуд-хана (Махмутека) преемником Хаджжи Мухаммад-хана, но поскольку они относят деятельность Хаджжи Мухаммад-хана к более раннему периоду, то выстраивают иную генеалогическую схему, в соответствии с которой Саййид Ибрахим-хан оказывается сыном не Хаджжи Мухаммад-хана, а Махмуд-хана (такая схема, предполагающая, что Хаджжи Мухаммад-хан погиб в 1429/1430 г., позволяет без хронологических натяжек отнести период 1440–1450-х гг. ко времени правления Махмуд-хана). Абу-л-Гази-хан считает Махмуд-хана и Саййид Ибрахим-хана братьями, сыновьями Хаджжи Мухаммад-хана. Можно предполагать, что Махмуд-хан и Саййид Ибрахим-хан были соправителями, но достоверных данных об этом нет. В то же время Д.И.Маслюженко, следуя за Махмудом бен Вали, считает Саййидек-хана и Ибак-хана разными правителями, что позволяет ему выстроить такую хронологическую и генеалогическую схему: Хаджжи Мухаммад-хан – его наследники братья Саййидек-хан и Махмудек-хан – их наследник Ибак-хан бен Махмудек-хан [Там же, с.59]. Можно признать, что вопрос о ранних правителях Тюменского ханства во многом остается открытым, и перечень правителей Тюменского ханства XV в. восстанавливается только предположительно. По нашему мнению, преемственность ханов выглядела следующим образом: Хаджжи Мухаммад-хан – Махмуд-хан и Саййид Ибрахим-хан – Мамук-хан – Агалак-хан – Кутлук-хан.

В середине XV в. Московское государство впервые предприняло попытку втор-

жения на территорию Сибирского юрта. В 1465 г. московский отряд воеводы Василия Скрябы ходил из Перми Великой «в Югру» и собирал там дань в пользу великого князя Московского. Правители Тюменского ханства на московский поход не отреагировали, вероятно, в связи со сменой правителя на престоле ханства. В то же время для Московского государства поход 1465 г. стал своего рода прецедентом, юридическим основанием для претензий на Северное Зауралье, формально подчиненное ханам Тюмени, т.к. правители угорских княжеств региона признали зависимость от Москвы.

Достоверно известно, что в конце 1460-х гг. во главе государства Сибирских Шейбанидов находился наиболее выдающийся правитель этой династии – Саййид Ибрахим-хан (سید ابراهیم خان), или Ибак-хан, впервые упомянутый в источниках при описании разгрома Узбекского ханства в 1469 г.

Саййид Ибрахим-хан был враждебно настроен к дому Абу-л-Хайр-хана. Источники называют его непосредственным убийцей преемника Абу-л-Хайр-хана Шайх Хайдар-хана [Материалы, 1969, с.99–100]. Возможно, что последовательная враждебность, проявленная Саййид Ибрахим-ханом по отношению к Узбекским Шейбанидам, связана еще со временем Хаджжи Мухаммад-хана, когда Абу-л-Хайр-хан подчинил себе владения Сибирских Шейбанидов. Ибак-хан длительное время преследовал наследника Узбекских Шейбанидов Мухаммада Шейбани-султана, осаждал Хаджи-Тархан, где укрылся Мухаммад Шейбани, но последнему удалось прорваться через ряды осаждавших и уйти в Приаралье (1471).

Вновь на арену политической борьбы Саййид Ибрахим-хан выступил только через девять лет, в 1480 г. Именно в это время шейбанидский хан заключил союз с великим князем Московским Иваном III, направленный против большеордынского Ахмад-хана, который претендовал на верховенство в Джучидском государстве. В период борьбы Саййид Ибрахим-хана против Шайх Хайдар-хана б. Абу-л-Хайр Убайдаллах-хана правитель Большой Орды Ахмад-хан – старый противник Абу-л-Хайр-хана – оказался единственным союзником Саййид Ибрахим-хана. Его войска участвовали в

разгроме Шайх Хайдар-хана в 1469 г. и в осаде Хаджи-Тархана. Однако после разгрома Узбекского ханства, правители которого также считали себя первыми среди Джучидов, на наследие Узбекских Шейбанидов стали претендовать и Сибирские Шейбаниды, и ханы Большой Орды.

Время установления первоначальных контактов русского государства с правителями Сибирского юрта остается неясным. Видимо, первые связи с Москвой наладили еще Хаджи Муххаммад-хан: в своем письме к Ивану III Саййид Ибрахим-хан писал: «Отец мой стоит с твоим юртом в опришнину, и друг и брат был» [Карамзин, 1846, с.393]. Союз Ивана III с Ибак-ханом сыграл свою роль во время «стояния на Угре»: в союзе с мангытскими эмирами Мусой и Ямгурчи Саййид Ибрахим-хан разорвал приволжские улусы в тылу у Ахмад-хана, а в январе 1481 г., неожиданно напав на ставку Ахмад-хана, собственноручно убил его.

Убийство Ахмад-хана – наиболее значимого претендента на верховенство среди ханов Улуса Джучи – позволило тюменскому хану выдвинуть свои претензии на верховную власть в Джучидском государстве.

Позднее, в 1494 г., Саййид Ибрахим-хан писал Ивану III: «Мне счастье дал Бог: Тимер Кутлуева сын убивши, Саинский есми стул взял, да ещо с братьями и с детми условившыся... детей на княжение учинил» [Памятники, 1884, с.199]. Таким образом, после гибели Ахмад-хана Саййид Ибрахим-хан объявил себя верховным ханом Джучидского государства: соперников у него в это время практически не осталось. Наследники Абу-л-Хайр-хана кочевали у северных пределов Мавераннахра, не имея сил для борьбы с Саййид Ибрахимом, Большая Орда была разбита, Крымское ханство давно уже обособилось от других джучидских государств, а казанский Али-хан был сторонником союза с Саййид Ибрахим-ханом. Наследники Ахмад-хана признали верховенство Саййид Ибрахима, кочевая ставка Орду-Базар была переведена в Чимги-Туру, где от имени Саййид Ибрахим-хана были выпущены монеты.

Существование монетной эмиссии от имени Саййид Ибрахим-хана доказано сравнительно недавно. Необходимо отме-

тить, что неразвитость товарно-денежных отношений на территории Сибирского юрта оставалась очевидной для всех исследователей, кроме того, в целом существование монет, выпущенных от имени поздних джучидских ханов ставилось под сомнение даже Г.А.Федоровым-Давыдовым, хотя именно он выявил монеты, чеканенные от имени Ахмад-хана в 862/1457–1458 и 886/1481–1482 гг. [Мухамадиев, Федоров-Давыдов, с.315]. В то же время находки монет на территории Сибирского юрта позволяют сделать определенные выводы о монетных эмиссиях тюменских ханов.

Среди монетных находок особый интерес представляет для нас монета, найденная на городище Искер в начале XX в. с легендой «Ас-султан ал-адил...» (السلطان العادل) [Пигнагги, 1915, с.6], три монеты, обнаруженные известным уральским краеведом, директором Шадринского музея В.П.Бирюколым на дюнах Татарский Бор у деревни Барсуковой Шадринского уезда Пермской губернии, одну из которых В.К.Трутовский определил как монету Джанибек-хана середины XIV в., чеканенную в «Сибире» (اسبر ذرب) [Бирюков, 1926, с.40], а также четыре монеты, найденные Ю.А.Аргентовским в 1912 г. на дюнах у деревни Могилевой Шадринского уезда [Аргентовский, 1912, с.39–40].

Вероятно, все эти монеты остались в частных коллекциях; в музеях Екатеринбурга, Тобольска, Тюмени, Кургана и Шадринска обнаружить их не удалось. О монетах, найденных на Искере и дюнах Татарский Бор, ничего определенного в настоящее время сказать нельзя, поскольку дополнительной информации о них не имеется. Находка Ю.А.Аргентовского документирована в большей степени: нам удалось обнаружить фотографии этих монет, сделанные известным уральским археологом В.Я.Толмачевым. По этим фотографиям можно восстановить легенды на данных монетах.

На всех монетах на аверсе читается строчная легенда, легко восстанавливаемая как «Султан верховный Ибрахим-хан» (سلطان عظم ابراهيم خان), или «Султан Ибрахим-хан» (سلطان ابراهيم خان). На реверсе в центре монеты изображена тамга в виде двузубца, ориентированного вниз зубцами, между которыми вертикально раз-

мещены две точки; вокруг тамги – круговая легенда «Отчеканено в Орду-Базаре» (اوردو بازار ذرّب). По определению известного российского нумизмата проф. А.К.Маркова (бывшего в начале XX в. хранителем нумизматической коллекции Императорского Эрмитажа), монеты, найденные Ю.А.Аргентовским, были выпущены казанским ханом Ибрахимом бен Махмудом бен Мухаммадом (1467–1479); при этом А.К.Марков отметил, что чекан этого правителя был до данной находки абсолютно неизвестен. Однако данная атрибуция сразу же вызывает сомнение: единственным основанием для нее послужило «то благоприятное обстоятельство, что имя Ибрагим и вообще имена с окончанием «агим» не встречаются совсем ни у крымских ханов, ни в Золотой Орде» [Там же, с.39]. Однако тамга в виде двузубца с двумя точками между зубцами встречалась только на монетах ханов первой половины XV в., отчеканенных в Нижнем Поволжье – в Хаджи-Тархане и в кочевой ставке Орду-Базаре: Мухаммада бен Тимура (Кичи-Мухаммада), Махмуда бен Мухаммада бен Тимура, Мустафы бен Гийас ад-дина, Даулат Бирди. Все эти ханы принадлежат к разным ветвям Джучидов: Мухаммад и Махмуд – потомки Орда Ичена, Даулат Бирди и Мустафа – потомки Туга Тимура. Единственное, что объединяет этих правителей – владение Хаджи-Тарханом и его областью, где, видимо, и располагалась их кочевая ставка Орду-Базар. На этом основании можно предположить, что уже в первой половине XV в. тамги стали приобретать не столько родовой, сколько локальный характер, и владение Хаджи-Тарханом и его областью уже само по себе давало право помещать на монетах тамгу в виде двузубца с точками между зубцами. Тем самым атрибуцию А.К.Маркова можно отвергнуть: казанский Ибрахим-хан не имел никакой власти на территории Нижнего Поволжья.

Среди Джучидов имя Ибрахим было, действительно, довольно редким, однако А.К.Марков был неправ, считая его единственным носителем Ибрахим-хана Казанского. Это имя носили также потомок Туга Тимура Ибрахим бен Муслике бен Гийас ад-дин и шейбаниды Ибрахим бен Пулад, дед Абу-л-Хайр Убайдаллах-хана, и Сайид Ибрахим-хан бен Хаджи Мухаммад-

хан. Ни Ибрахим бен Муслике, ни Ибрахим бен Пулад никакого отношения к Хаджи-Тархану и к Нижнему Поволжью в целом не имели. Единственным возможным кандидатом на выпуск интересующих нас монет остается правитель Сибирского юрта Сайид Ибрахим-хан, который, как упоминалось выше, неоднократно участвовал в войнах на территории Нижнего Поволжья и в 1481 г., разгромив правителя Большой Орды Ахмад-хана, увел с собой в туру его кочевую ставку Орду-Базар.

Известно, что Джучиды продолжали выпуск монет и в период полного упадка Джучидского государства в середине и во второй половине XV в. Как уже отмечалось, до нас дошли монеты Ахмад-хана, чеканенные в Хаджи-Тархане и Бек-Базаре, в том числе монеты 862/1457–1458 гг. и 886/1481–1482 гг. – последнего года правления Ахмад-хана. В кладях были найдены монеты брата Ахмад-хана Махмуд-хана, правившего в Хаджи-Тархане, и монеты Сайид Ахмад-хана бен Ахмад-хана, выпущенные в Хаджи-Тархане, Орду-Базаре, Бек-Базаре [Федоров-Давыдов, 1960, с.167, 168, 175–177]. По данным письменных источников известно, что ханы XV в., в том числе и правители Сибирского юрта, выпускали свою монету, приурочив, как правило, выпуск монеты к каким-либо крупным событиям своего правления. Так, например, Масуд бен Усман Кухистани в своем сочинении «Та'рих-и Абу-л-Хайр хани» сообщает, что Абу-л-Хайр-хан осуществил, по крайней мере, два выпуска монет: в 1429 г. после подчинения Чимги-Туры, и в 1431 г., после разгрома большеордынского Ахмад-хана и захвата его кочевой ставки Орду-Базара. К сожалению, монеты, выпущенные Абу-л-Хайр-ханом, до настоящего времени не обнаружены.

Вероятно, во второй половине XV в. эмиссии отдельных ханов приобрели чисто декларативный характер и имели значение одного их атрибутов верховной власти в Джучидском государстве: не случайно, что известны монеты правителей Большой Орды второй половины XV в. Ахмад-хана и его сына Сайид Ахмад-хана, претендовавших на то, чтобы считаться прямыми наследниками ханов Джучидского государства

XIII–XIV вв. Поэтому наиболее вероятным представляется, что Саййид Ибрахим-хан осуществил выпуск своей монеты в 1481 г., после разгрома Ахмад-хана, когда Саййид Ибрахим-хан заявил, что он «Саинский стул взял». Возможно даже, что монеты Саййид Ибрахим-хана были отчеканены в Орду-Базаре, переведенном в Чимги-Туру, но сохранившим свою тамгу. На время после 1481 г. указывает и эпитет «верховный», сохранившийся в легенде одной из монет: до этого времени у Ибак-хана не было никаких оснований претендовать на верховенство среди джучидских ханов и султанов.

Монеты Саййид Ибрахим-хана – свидетельство претензий Сибирских Шейбанидов на верховенство в Джучидском государстве. В то же время эфемерность объединения Джучидского государства Саййид Ибрахим-ханом была очевидна: реально под его контролем находились только земли Сибирского юрта. Формально Сибирское Шейбанидское государство (Тюменское ханство) в первой половине 1480-х гг. охватывало территории Западной Сибири, Западного Казахстана и Нижнего Поволжья, включая владения угорской и сибирско-татарской аристократии, в том числе Искерское княжество Тайбугидов и Пелымское государство, Мангытский улус, Большую Орду в Поволжье; тесным союзником Саййид Ибрахим-хана был казанский хан Али. Большая часть этих земель оставалась под шейбанидским контролем только номинально, и, не успев возникнуть, Шейбанидское Тюменское государство стало распадаться.

Стремление Саййид Ибрахим-хана утвердиться в Поволжье привело к значительному ослаблению влияния Шейбанидского государства в «Югре» – среди финно-угорских «княжеств» Западной Сибири и Северного Зауралья: Коды, Конды, Пелыма, Обдорска и др. В 1483 г. с Вишеры на Лозьву и Пелым были направлены воинские люди под командованием воевод князя Федора Курбского и Ивана Салтыкова. По сообщению Устюжского летописного свода, русские воеводы рассеяли отряды пелымского князя Юмшана и двинулись «вниз по Тавде реке мимо Тюмени в Сибирскую землю» [Устюжский, 1950, с.94]. После похода русских войск в Зауралье в 1483 г., пелымский

князь Юмшан признал зависимость своих владений от Русского государства. Последующее движение русских отрядов с Тавды на Тобол, далее вниз по Иртышу и Оби привело к подчинению кодского князя Молдана и других князей кодских хантов.

Русский поход 1483 г. не вызвал серьезного конфликта между Русским и Шейбанидским государствами, хотя русские войска проследовали по р. Тавда прямо мимо Чимги-Туры: Саййид Ибрахим-хан в этот период находился в поволжских степях. Кроме того, возможно, что для Саййид Ибрахи́ма разгром фактически самостоятельных угорских княжеств был даже выгоден, поскольку ослабил их в военном отношении и давал возможность впоследствии установить над ними более эффективный контроль. Наконец, хан Тюмени не был заинтересован в конфликте с Московским государством, доказавшим свою силу.

В то же время поход 1483 г. имел достаточно существенные последствия для Тюменского ханства: угорские территории Сибирского юрта стали выходить из-под влияния Чимги-Туры. Уже в конце 1483 г. пелымский князь Юмшан направил к Ивану III своего родственника Юргу и сотника Анфима с просьбой об «опасной грамоте» и разрешении прибыть в Москву. В 1485 г. визит Юмшана в Москву состоялся, и Пелым признал зависимость от Московского государства. В 1484 г. зависимость от Москвы признали кодские князья Молдан, Пыткей и Сонта, посетившие Усть-Вымь [Бахрушин, 1955, с.113, 114]. В итоге Сибирские Шейбаниды потеряли контроль над северной, таежной частью Сибирского юрта, бывшей источником пушнины – главного богатства региона.

Еще большей неприятностью было для Саййид Ибрахи́ма взятие Казани русскими войсками в 1487 г. В результате этого похода союзник Саййид Ибрахи́м-хана Али-хан (Алегам) был низложен, а на его место был назначен русский ставленник Мухаммад Амин-хан. Многие казанские аристократы – сторонники «восточной ориентации» – оказались в ставке Саййид Ибрахи́м-хана. В ноябре 1489 г. в Московское государство прибыл посол Ибак-хана Чумгур, передавший Ивану III битик с протестом против

низложения и ареста Али-хана. В письме Саййид Ибрахим-хан, ссылаясь на дружеские отношения между московским и сибирским государями, просил отпустить к нему низложенного казанского хана Али [Посольские книги, 1995, с.20; Исхаков, 2006, с.176–177]. Положительного ответа на требования Саййид Ибрахим-хана не последовало. Возможно, это привело к ухудшению отношений между Московским государством, зависимым от него Казанским ханством с одной стороны и Тюменским ханством с другой. Уже в 1491 г. казанский хан Мухаммад Амин сообщал хану Крыма Менгли Гирею I, что против него «Ивак да Мамук да Муса да Ямгурчей, еже лет войной приходят» [Там же, с.106]. Очевидно, что в конце 1480-х гг. союз между Тюменским ханством и мангытами укрепился; кроме того, в Чимги-Туре стала концентрироваться казанская оппозиция, недовольная правлением в Казанском ханстве русских ставленников. Саййид Ибрахим-хан признавался мангытами в качестве верховного хана, но внутренние распри в Мангытском юрте привели к тому, что ряд мангытских беков отказались от признания правителем тюменского хана и провозгласили ханом Абд ал-Фатха [Посольские книги, 1995, с.33]. В 1492 г. Саййид Ибрахим-хан вместе с Мамук-ханом разграбил Хаджи-Тархан, мангыты вновь признали верховную власть Саййид Ибрахим-хана, и в русском переводе битки, обращенного к Ивану III в 1494 г., Саййид Ибрахим-хан именуется «царем ногайским». В этом документе Саййид Ибрахим-хан вновь предлагает выдать ему свергнутого казанского хана Али, и упоминает, что его резиденция в данное время находится в Поволжье. Можно предполагать, что собственно Тюменский вилайет (Чимги-Тура) находился в этот период под управлением Мамук-хана (брата или племянника Саййид Ибрахим-хана, см. ниже).

Слишком активное отвлечение сил тюменского хана на участие в политической борьбе в Поволжье привело к ослаблению его влияния собственно в Западной Сибири, где усилились позиции местной татарской и угорской аристократии.

Точная дата завершения правления Саййид Ибрахим-хана остается неизвестной.

Известно, что он был убит сибирским беком Мухаммадом из рода Тайбугидов, правителем Искерского улуса и фактическим основателем Сибирского (Искерского) княжества Тайбугидов. Время гибели Саййид Ибрахим-хана восстанавливается гипотетически: в 1494 г. он еще выступает в качестве действующего хана Тюмени, а в 1496 г. престол Тюмени занимает уже Мамук-хан. Поэтому в качестве условной даты гибели Саййид Ибрахим-хана можно считать 1494/1495 г. Где именно был убит Саййид Ибрахим-хан, также остается неясным. Можно однозначно предполагать, что местом его гибели не была Чимги-Тура, т.к. этот город контролировал Мамук-хан, а не Мухаммад-бек. В то же время Тайбугиды не имели в Поволжье никакой власти и не выдвигали претензий на нее. Поэтому возможны две версии: либо Мухаммад-бек Тайбугид участвовал в каких-либо военных действиях в Поволжье и воспользовался сложившейся ситуацией, либо Саййид Ибрахим-хан решил усилить контроль над сибирским беком и посетил один из центров Тайбугидского княжества (Искер или Кызыл-Туру), где и был убит. Обе версии являются возможными, хотя, учитывая основные направления политической деятельности Саййид Ибрахим-хана на последнем этапе его правления, более вероятной представляется его гибель на территории Поволжья, где оказался и Мухаммад-бек Тайбугид. С другой стороны, в Сибирских летописях, созданных значительно позднее рассматриваемых событий, указывается, что Мухаммад-бек, убив царя Ибака, разрушил «град Чингиден», т.е. Чимги-Туру [ПСРЛ, 36, 1987, с.47]. Однако краткая информация Есиповской летописи, равно как и других Сибирских летописей, показывает лишь последовательность, а не точную хронологическую взаимосвязь событий (тем более, что преемник Саййид Ибрахим-хана Мамук-хан правил именно в Чимги-Туре; вероятно, Мухаммад-бек только разорил город, но не разрушил его).

Деятельность Саййид Ибрахим-хана оказалась последней попыткой воссоздания Джучидской державы под властью одного хана; при этом Саййид Ибрахим фактически довольствовался признанием своего верховенства другими ханами и султанами,

не добиваясь эффективного контроля над всем государством. Но в таком виде данная политическая линия была заранее обречена на провал всем ходом исторического развития. После гибели Саййид Ибрахим-хана ни один правитель Сибирского юрта, равно как и других джучидских государств – Казанского, Крымского, Узбекского, Казахского ханств – не мог претендовать на верховенство в Джучидском государстве, да и само понятие Улуса Джучи отошло в историю.

Кроме того, политика и «имперские» амбиции Саййид Ибрахим-хана фактически привели и к распаду его собственного государства: борьба за власть над Поволжьем заставила его забыть о исконных землях Шейбанидов и поставила под угрозу шейбанидскую власть в Западной Сибири. В конечном итоге все это привело к гибели Шейбанидского государства в Сибири в начале XVI в.

Преемником Саййид Ибрахим-хана был Мамук-хан (مامك خان), сын (?) Махмуд-хана, племянник Саййид Ибрахи́ма. Ряд источников считает Мамук-хана сыном Саййид Ибрахи́ма-хана; отдельные авторы полагают, что Мамук-хан мог быть даже братом Саййид Ибрахи́ма-хана. Естественно, что надежные сведения о его родословной отсутствуют. По данным Кадыр Али-бека карачи джалаира и «Шайбани-наме» можно предполагать, что Мамук-хан был племянником Саййид Ибрахи́ма-хана, сыном его брата (т.е., вероятно, Махмуд-хана); по мнению Д.И. Маслюженко, считающего Саййид Ибрахи́ма-хана сыном Махмуд-хана, Мамук-хан (как и его преемник Агалак-хан) были младшими братьями Ибак-хана [Маслюженко, 2011, с.59]. Имя «Мамук» представляется лишь ласкательной формой или прозвищем данного правителя (подобно тому, как Саййид Ибрахи́м-хан часто именовался Ибаком или Иваком). Каково было полное имя этого правителя, неясно, но вполне допустимо предположить, что полностью Мамук-хана звали «Махмуд». Вступление Мамук-хана на престол Тюменского ханства особых споров не вызвало, т.к., в соответствии со сведениями источников, к этому времени он уже прочно контролировал Чимги-Туру.

По всей вероятности, еще Саййид Ибрахи́м-хан предполагал сделать Маму-

ка ханом Казани; после смерти Саййид Ибрахи́ма-хана Мамук-хан продолжил его политическую линию. Уже весной 1495 г. часть казанской аристократии – беки Кель Ахмад, Урак, Садыр и Агиш – призвали Мамук-хана занять Казань. Мамук-хан организовал поход на Казань, но сторонники Мухаммад Амин-хана и русской ориентации призвали в Казань русские войска. Сторонники «восточной ориентации» бежали из Казани к Мамук-хану, который прекратил поход.

В начале 1496 г. русские войска были выведены из Казани. Узнав об этом, Мамук-хан стремительным маршем занял город. Мухаммад Амин-хан бежал в Россию.

Мамук-хан распоряжался в Казани как в завоеванном городе, явно считая центром своего государства Чимги-Туру. «Восточная» группировка казанской аристократии, рассчитывавшая что власть после переворота перейдет в ее руки, быстро разочаровалась в своем ставленнике: Мамук ввел какие-то чрезвычайные налоги и практически не считался с местной аристократией. Дело дошло до ареста одного из руководителей «восточной» группировки – Кель Ахмад-бека. Стремясь расширить свои владения, Мамук-хан выступил против вассального Казани Арского княжества. Воспользовавшись отсутствием хана, Кель Ахмад-бек и его сторонники осуществили государственный переворот. Мамук-хан был объявлен низложенным, на его место был приглашен брат Мухаммад Амин-хана Абд ал-Латиф-хан. Сторонники Мамук-хана – значительная группа аристократии во главе с Урак-беком – бежали из Казани к Мамук-хану, который, видя невозможность немедленной реставрации своей власти в Казани, вернулся в Сибирь. Попытка вернуться в Казань, изгнать Абд ал-Латиф-хана и восстановить свою власть Мамуку не удалась, осада Казани завершилась безуспешно. По сообщению Никоновской летописи, на пути из Казани в Сибирь Мамук умер [ПСРЛ, 11–12, 1965, с.242–243]. Дата смерти Мамук-хана неизвестна.

Кто был преемником Мамук-хана в Тюменском ханстве, неясно. Источники сохранили сведения, по крайней мере, о двух правителях, выступающих руководителями Тюменского ханства на рубеже XV и XVI вв.: Агалаке и Кутлуке. Не вполне достоверны

даже сведения о титулах этих правителей: так, Агалак обычно именуется «султаном», хотя в «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» он упоминается в качестве хана [Материалы, 1969, с.347–350]. В русских летописях он именуется «царевичем, братом царя Мамука». Видимо, Агалак-султан некоторое время (около 1497 – около 1500?) рассматривался в качестве верховного правителя Тюменского ханства.

В 1499 г. Агалак-султан при поддержке казанских эмигрантов сделал попытку отвоевать Казань, но Абд ал-Латиф-хан при помощи русского отряда отразил нападение. Одновременно (в 1499 г.) русский отряд пересек Уральские горы на севере и вторгся в пределы Пелымского княжества, правители которого признали зависимость «Югры» от Московского государства. По сообщению Устюжского летописного свода, в ходе похода было взято 42 укрепленных городка и захвачено 58 князей [Устюжский, 1950, с.100]. Великий князь Иван III принял после 1499 г. титул «князя Кондинского и Обдорского», что обозначало формальное провозглашение русского суверенитета над Северным Зауральем. Можно предполагать, что именно в это время распада государства и была разрушена Чимги-Тура. Время завершения правления Агалак-султана над Тюменским ханством неизвестно.

Последним правителем Тюменского ханства с центром в Чимги-Туре – государства Сибирских Шейбанидов, правившим

самостоятельно или параллельно с Агалак-султаном, был Кутлук-хан или султан (كطلوك سلطان كطلوك خان), известный прежде всего по набегу на русские владения в 1505 или 1506 гг. Потерпев поражение, Кутлук-хан отступил в Сибирь. Интересно, что его статус не был ясен даже авторам летописных сообщений: так, в Вычегодско-Вымской летописи он упоминается как «сибирский царь Кулук Салтан» [Документы по истории Коми, 1958, с.264], таким образом, Кутлук именуется одновременно ханом и султаном. Данное противоречие может быть разрешено, если предположить, что «Султан» было частью имени хана, полностью звучавшего как «Кутлук Султан-хан».

Вероятно, Кутлук-султан, потерпев поражение, окончательно утратил власть в историческом центре Сибирского юрта, где к этому времени уже была разрушена столица Чимги-Тура. Дата смерти Кутлук-хана неизвестна. Возможно, после смерти Мухаммада Шейбани-хана в 1510 г. Кутлук-султан вместе с братом Муртаза-султаном и другими родственниками откочевал из Сибирского юрта к северным пределам Шейбанидского государства в Центральной Азии. В любом случае можно считать, что в конце первого десятилетия XVI в. Тюменское ханство исчезает со страниц истории, и его место занимает новое государственное образование – Искерское княжество Тайбугидов, которое в русских источниках именовалось чаще всего «Сибирским царством».

§ 8. Возникновение Астраханского ханства

Илья Зайцев

Астраханское ханство – одно из государств, возникших в результате распада Улуса Джучи (Золотой Орды), со столицей в Хаджи-Тархане (рус. Астрахань)¹.

Согласно традиционной точке зрения Хаджи-Тархан возник в XIII в. «Город этот, – писал Ибн Баттута, – получил название свое от тюркского хаджи, одного из благодетелей, поселившегося в этом месте. Султан отдал ему это место беспошлинно (т.е. в

тархан. – И.З.), и оно стало деревней, потом оно увеличилось и сделалось городом» [Тизенгаузен, 1884, с.301; Battuta, 1962, с.496–497]. Золотоордынский Хаджи-Тархан был разрушен Тимуром зимой 1395–1396 гг. Этот город традиционно отождествляется с поселением на Шареном Бугре – части обширного золотоордынского комплекса на правом берегу Волги несколько выше современной Астрахани (сейчас почти полностью смыт водой или разрушен при современных строительных работах). Вскоре

¹ О названиях города см.: [Zaytsev, 2011, с.607–632].

после взятия города Тимуром он пришел в запустение и в XV в. уже существовал как относительно небольшой, но важный в торговом отношении населенный пункт.

Основная часть жителей города сформировалась на основе тюркских племен (кипчакской группы); в этническом и языковом отношении население, вероятно, было весьма разнородным, хотя и немногочисленным (к середине XVI в. в Астрахани насчитывалось около 10 тыс. жителей или чуть более). Наряду с тюркоязычными жителями, в городе в разные периоды его истории, наверняка, проживали персы, армяне, русские. Этнической основой позднейших астраханских татар послужили потомки старого тюркского населения и ногаи (а потом и приток тюркского населения со средней Волги)¹.

В первой половине XV в. город неоднократно переходил из рук в руки многочисленных ханов-Чингизидов, претендовавших на власть в Улусе Джучи. Основателем новой Астрахани взамен города, разрушенного Тимуром, был Тимур-Кутлуг (сын Тимур-Мелика сына Уруса), контролировавший этот район после ухода Тимура в 1396 г. Ногайские мирзы в XVI в. считали, что Астрахань – «Темир-Кутлуев царев юрт». Связь города с Тимур-Кутлугом (потомками Туга (Тукай)-Тимура) подчеркивается не только в сочинениях позднейших татарских историков, но и среднеазиатских авторов [Трепавлов, 2009, с.373]. Преемник Тимур-Кутлуга, Шадибек, при котором в последний раз в истории Золотой Орды произошло объединение всех прежних улусов дома Джучи, с 805 г.х. (1402/1403 гг.) чеканит в Астрахани монеты, в которых уже появляется название «Хаджи-Тархан ал-Джедид», т.е. «Новый». В последующие несколько лет город переходит из рук в руки (монеты там чеканит сын Тохтамышша Джелал ад-Дин; сын Шадибека Пулад; дядя последнего Тимур-хан; другой сын Тохтамышша – Кепек; Чекре; Дервиш, Кучук-Мухаммед; Улуг-Мухаммед; Девлет-Берди (сын Таш-Тимура; дядя Хаджи-Гирея) и др. [Зайцев, 2006].

¹ Неслучайно в Астрахани вплоть до XIX в. существовал даже «казанский квартал» [Зайцев, 2009].

Астраханское ханство образовалось на основе удела эмира Хаджи-Черкеса, который владел городом во второй половине 60-х – середине 70-х гг. XIV в. О времени основания ханства единого мнения в историографии не сложилось: дату возникновения самостоятельного

Автор карты И.Л.Измайлов

государства относили то к 1459–1460-м гг., то к 1465 или 1466 г. Скорее всего, в 50–70-х гг. XV в. город представлял собой один из центров Большой Орды, т.е. был частью «Намаганского юрта» (удела Номагана, в данном случае – второе имя или прозвище хана Тимура сына Тимур-Кутлуга, а также его деда Тимур-Мелика). О самостоятельном государстве можно говорить лишь начиная с 1502 г. (разгром Большой Орды крымским ханом Менгли-Гиреем). Астрахань в политическом отношении становится наследницей Большой Орды. Не случайно специальная дипломатическая документация (посольские книги), фиксирующая отношения Москвы с вновь возникшим государством, появляется только в начале XVI в. Очевидно, до правления московского великого князя Василия Ивановича существовали лишь «ордынские» тетради (книги, в которых отражалось развитие отношений с Большой Ордой). Так, 11 июня 1508 г. из Москвы был отпущен посол ногайского мирзы Джан-Мухаммеда, «а отпустил князь велики того... человека... вместе с азтороканскими послы». Если послы были отпущены из Москвы в начале июня, следовательно, прибыли они туда скорее всего в конце весны. Это первое зафиксированное источниками астраханское посольство в Москву. Интересно, что пропускная грамота послам через русские города и Казань была записана в канцелярии великого князя в «ордынских татратех» [Посольская книга, 1984, с.76]. Возможно, это косвенное свиде-

тельство того, что отдельных астраханских тетрадей тогда еще не было. С другой стороны, в архиве Посольского приказа хранились «Книги астороханские с лета 7016-го по лето 7025-го, при великом князе Василье Ивановиче всеа Руси, как был в Асторохани Обдыл-Керим царь» [Описи, 1960, с.106], т.е. начальным их годом был все тот же 1508 г. Таким образом, вполне вероятно, что специальные книги, отражавшие развитие отношений Москвы и Астрахани, появились именно в 1508 г. (возможно, после июня).

Именно в начале XVI в. в Москве Астрахань начинают расценивать как самостоятельное государство. В двух сборниках Софийского собрания Российской национальной библиотеки сохранилась статья, начинающаяся словами «Татарским землям имена...» и являющаяся перечнем различных мусульманских стран. Источником статьи была «Повесть о Темир-Аксаке» (начало XV в.), где приводится список земель, завоеванных Тимуром. Список «Повести...» был переработан с учетом политических реалий начала XVI в., когда создавалась статья «Татарским землям имена...». Список был дополнен рядом названий «татарских» земель, которые отсутствовали в источнике статьи. В число этих названий, наряду с Большой Ордой, Крымом, Азовом, Казанью, калмыками, ногаями, Сараем и «Шибанами» (Сибирью), была включена и «Васьторокан» [Казакова, 1979, с.253–254], т.е. Астрахань.

Наконец, еще одно свидетельство в пользу образования ханства именно в начале XVI в., а не ранее – духовная грамота Ивана III. Иван умер 27 октября 1505 г., оста-

вив завещание, в котором среди ордынского выхода, оцененного в 1000 рублей, наряду с Крымом, Касимовым и Казанью числилась и Астрахань [Духовные, 1950, с.362]. Духовная Ивана III датируется временем не позднее 16 июня 1504 г. по докончанию великого князя Василия Ивановича с князем Юрием Ивановичем, в котором также упоминается о выходе и проторах в Астрахань [Там же, с.365, 367, 369]. Как показал С.М.Каштанов, проект завещания был составлен в начале ноября 1503 г. (до смерти князя Ивана Борисовича Рузского), а окончательный вариант появился после смерти последнего, наступившей 28 ноября [Каштанов, 1967, с.200]. Безусловно, в это время Хаджи-Тархан был самостоятельным юртом и как наследник Орды имел право на свою долю выхода. Какова была эта доля, сказать трудно. Рядовые поминки начала века могли составлять и меньшую сумму (например, 500 рублей).

Границы ханства на севере простирались примерно до района современного Волгограда, хотя в какой-то период астраханские земли могли заканчиваться и выше, возле Увека (в черте совр. Саратова), на юге естественным рубежом был Каспий (возможно, по побережью моря до р. Кумы), на западе граница могла доходить до верховьев Дона (возможно, с Крымским юртом какое-то время границей был Миус («Молочная Вода»). Скорее же всего, на правой стороне Волги астраханские владения ограничивались узкой прибрежной полосой реки. Восточная (ногайская) граница астраханских владений в дельте р. Бузан [Зайцев, 2006, с.243–248; Zaytsev, 2009, с.171–178].

Раздел II

Политическое развитие татарских государств в XV–XVIII вв.

ГЛАВА 1

Большая Орда

Вадим Трепавлов

Большой Ордой в историографии принято называть часть Улуса Джучи XV в. на юге Восточной Европы. Фактически это была южная область правого крыла Золотой Орды, оставшаяся под контролем «центрального» (сарайского) правительства после отпадения вновь образовавшихся ханств. В литературе встречается утверждение, будто впервые в русских источниках понятие «Большая Орда» употреблено в рассказе о набеге хана Махмуда на Рязань в 1460 г. На самом же деле в Никоновской летописи имеются более ранние упоминания. Под 1438 г.: «Тое иже осени прииде царь Улу-Махметь Болшіа Орды къ граду Белеву и сяде въ Белеве, бежавъ отъ брата своего отъ Кичи-Ахмета царя Болшіа же Орды»; под 1440 г.: «Тоя же осени царь Махметь Болшіа Орды убилъ болшаго своего князя ордыньскаго Мансупа»; под 1442/43 г.: «В лето 6950 приходиша татарове Болшіа Орды на Рязаньскія украины и много зла сотвориша и отъидоша съ полономъ» [ПСРЛ, 12, 2000, с.24, 30, 42].

Точную дату начала существования Большой Орды определить затруднительно. Можно обозначить ее событием, которое представляется наиболее удобным для исследования, – это воцарение в степях Восточной Европы Кучук-Мухаммеда в 1438 г. Династический цикл ханствования его самого и его потомков и составил историю Большой Орды 1438–1502 гг.

Русское выражение «Большая Орда» – это несомненная калька тюркского словосочетания *Улуг Орду*, которое являлось, по словам М.А.Усманова, «исконно татарским названием Золотой Орды» – Улуса Джучи [Усманов, 1979, с.193]. В источниках польско-литовского происхождения русская «Большая Орда» неукоснительно именовалась Заволжской Ордой.

Тюркскими названиями, принятыми как в самой Орде, так и в окрестных тюркских владениях, были словосочетания, включавшие термин *тахт* (трон, престол) и неоднократно встречающиеся в хрониках и дипломатической переписке: *Тахт эли*, *Тахт мемлекети*, *Тахт вилайети*. Все они переводятся приблизительно как «Тронное владение», «Престольная область», «Столичная область».

Территория и население. Пределы Большой Орды очерчивались в историографии нечасто, т.к. это государство не являлось предметом специального изучения. Д.М.Исхакову принадлежит наиболее подробное на сегодняшний день описание территориального расположения «Тронного владения»: между Волгой и Днепром и от Северного Кавказа до границ Русского государства и Казанского ханства с рубежом в районе рек Сура, Мокша, Цна, верховьев Дона; восточнее Днепра татары кочевали по рекам Самара, Овечья Вода, Кобылья Вода; на Северном Кавказе граница проходила «под черкасами» – в районе Пятигорья, по р. Куме; Большой Орде принадлежали земли по Дону (район Азова), Хопру и Медведице; восточная граница скорее всего располагалась восточнее Волги – может быть, по волжской протоке Бузан, но не исключено, что до продвижения ногаев к Волге Большая Орда контролировала на востоке более обширные территории [Исхаков, 2009в, с.42, 43].

Утверждение о восточных владениях Орды представляется весьма резонным. Если опираться на наши основные источники по этой теме – московские и литовские, то создается впечатление, будто все события, связанные с Большой Ордой во второй половине XV в., происходили к западу от Волги. Однако не случайно в польско-литовских текстах этот юрт имел стойкое обозначение «Заволжская Орда», и оно, конечно, возникло не без оснований.

В самом деле, иногда встречаются указания на заволжские владения. В 1480 г. в наказе московскому послу в Бахчисарай предписывалось уговаривать крымского хана Менгли-Гирея напасть на Большую Орду, если ее хан Ахмед «на сей стороне Волги, а покочует под Русь»; «а будет Ахмат царь за Волгою, ино о том не говорити» [Сборник РИО, 1884, с.19, 20]. В таком же наказе 1486 г. пересказывались речи крымского посла в Москве о том, что хан просит Ивана III послать свою рать на ордынцев в случае, если «будут на сей стороне Волги Муртоза и Седехмат цари» [Там же, с.46]. То есть была вероятность пребывания этих «царей» – ханов-соправителей, преемников Ахмеда, и на волжском левобережье. На такую же вероятность указывалось в инструкции следующему послу из Москвы (1487 г.): «А пойдут Муртоза и Седехмат цари за Волгу, а на великого князя не пойдут...» и т.д. [Там же, с.66].

В 1509 г. Менгли-Гирей сообщал панам рады Великого княжества Литовского, что «зъдавна Тимир Кутлу ц(а)ревых детеи¹ житлу за Волгою подле Яика» [Lietuvos, 1995, s.60]. Через три года он же писал королю Сигизмунду I, опровергая претензии свергнутых «Ахматовичей» на причерноморские степи: «Шигахматовы отцы и дети за Волгою кочовывали, а в сих сторонах николи не бывали» [РГАДА, ф.389, оп.1, д.7, л.188] – и это при том, что практически вся известная нам история Большой Орды разворачивалась как раз «в сих сторонах» от Волги.

О расположении ханской ставки на востоке ясно свидетельствует указание на место написания послания хана Махмуда турецкому султану 1466 г.: «Великая Орда была на берегу Азуглы Узен», что объясняется исследователями как реки Большой и Малый Узень в северной части Волго-Уральского междуречья, на территории современных Саратовской области РФ и Уральской области Казахстана [Kurat, 1940, s.170; Султанов, 1978, с.242].

На правый волжский берег основная масса большеордынцев вынуждена была пере-

меститься из-за конфликта с усилившимися племенами Мангытского юрта, располагавшегося в Яицко-Эмбинском междуречье, – будущими ногаями.

Основная масса ордынцев пасла стада и сеяла хлеб на степных просторах Предкавказья, Приазовья и Северного Причерноморья. А.Контарини определенно пишет, что главный хан «правит в настоящее время (1476 г. – *В.Т.*) татарами, которые живут в степях Черкесии и около Таны. Летом... они уходят к пределам России в поисках прохлады и травы» [Барбаро и Контарини, 1971, с.220]. Для последних двух десятилетий XV в. в разных источниках отмечены передвижения Орды «межи Дону и Крыма», «межи Дону и Днепра», «на сей (здесь – восточной. – *В.Т.*) стороне Днепра», «на Орел и на Самару и на Овечью Воду», «к Орелю а к Самару» [Сборник РИО, 1884, с.67, 88, 113, 140, 301; Lietuvos, 2004, s.90]. В начале 1481 г. ногаи и сибирцы разгромили «Ахматову Орду» «меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова» [Летописец, 1819, с.188; ПСРЛ, 37, 1982, с.95].

Политическая ситуация к концу XV в. складывалась таким образом, что стремительно слабеющая Орда старалась держаться подальше от наиболее опасных противников – ногаев, черкесов и крымцев. Недаром в польских документах начала следующего столетия появляются синонимы «заволжских татар» – *Tatarzy Zadońsky* и *Transtanaitani* [Materiały, 1966, см. Index]. Местность между Доном и Волгой (включая предкавказские степи) до поры до времени играла роль относительно безопасного убежища. Но в 1497 г. хан Шейх-Ахмед объявил о намерении «через Дон всю Ордую своею переити», чтобы быть ближе к союзным литовцам [Lietuvos, 2007, s.84]. Следовательно, «вся Орда» базировалась тогда на восточной стороне Дона, воспринимая его как некий пограничный рубеж.

Однако на территории между Доном и Днепром Орда оказывалась в опасной близости от еще одного своего злейшего врага – Крыма (в 1500 г. османский наместник Кафы отказал большеордынцам в разрешении переселиться за Днепр, т.к. там – «земли и воды волного человека царя Менли-Гирея» [Сборник РИО, 1884, с.321]). Окруженное со

¹ Потомки золотоордынского хана Тимур-Кутлуга (1391–1399) – правители Большой Орды и позднее Астраханского ханства.

всех сторон непримиримыми противниками и малонадежными союзниками, «Тронное владение» в конце концов превратилась в группу улусов, кочующих по довольно небольшому пространству на берегах Дона.

Пытаясь определить численность населения Большой Орды, историки сталкиваются с обычными трудностями, возникающими при изучении демографии средневековых кочевников. В источниках или приводятся несообразно завышенные цифры, или указывается только количество воинов-ополченцев. В последнем случае исследователи обычно вычисляют общее количество жителей кочевого владения, устанавливая приблизительное соотношение числа военного контингента и мирного населения как 1:4. Принято считать, что кочевое общество выставляет в ополчение на время войны примерно четверть народа; половина народа приходится на женщин, пятая часть – на мальчиков до пятнадцати-шестнадцати лет и дряхлых стариков, 5% – на лиц, остающихся для поддержания скотоводческого хозяйства.

Обратимся к конкретным цифрам, которые встречаются в источниках. В 1438 г. венецианский посланник Иосафат Барбаро наблюдал со стен Таны (Азака~Азова) захватывающую и устрашающую картину переселения с востока подданных Кучук-Мухаммеда. Татары со своими семьями, их караваны вьючных верблюдов, отары и табуны сходились в низовья Дона в течение шести дней и в итоге заняли равнину, равную в поперечнике 120 милям. Пересчитать кочевников-степняков было невозможно, но «я уверен и твердо держусь этого, – пишет Барбаро, – что их было триста тысяч душ во всей орде, когда они собраны воедино» [Барбаро и Контарини, 1971, с.146]. К.В.Базилевич справедливо усомнился в точности приведенной итальянцем цифры 300 тыс. чел.; М.Г.Сафаргалиев допустил, что если у Кучук-Мухаммеда на самом деле было под началом столько народа, то вскоре большая часть его ушла вместе со свергнувшим Улуг-Мухаммедом в Среднее Поволжье, часть – с Махмудом б. Кучук-Мухаммедом в Хаджи-Тархан [Сафаргалиев, 1996, с.515; Базилевич, 2001, с.51].

Сведения о войске одного из преемников Кучук-Мухаммеда – его сына Ахмеда встречаются в рассказах восточных хронистов о его участии в разгроме ханства кочевых узбеков после смерти Абу-л-Хайр-хана. Во время этой войны рубежа 1460–1470-х гг. внук Абу-л-Хайра Мухаммед Шейбани вознамерился напасть на армию Ахмеда, которая состояла, по одним данным, из 100 тыс., по другим – из 150 тыс. всадников; причем Молла Шади в своей хронике «Фатх-наме» ссылается на некое «исчисление сего войска» [Шейбаниада, 1849, с. LVI; Материалы, 1969, с. 20, 65, 101, 363]. Примерно в то же время, в 1472 г., сам Ахмед через своего посла в Венеции, которая пыталась втянуть его в войну с турками, заявлял о находящемся под его началом 200-тысячном воинстве [Зайцев, 2004а, с.89].

Если принять на веру сведения восточных источников (о 100–150-тысячной рати), то получится, что в Большой Орде в начале 1470-х гг., т.е. в период ее могущества, проживало около 400–600 тыс. чел. В целом мы не находим такое количество невероятным. Ведь правое крыло Улуса Джучи на протяжении предыдущих полутора столетий представляло собой многолюдное и богатое ханство. От междоусобных конфликтов и внешних нашествий (Тимур) страдали в первую очередь города, а кочевники, как мы полагаем, не несли в них фатального численного урона.

Даже на закате истории Большой Орды в хрониках и дипломатической переписке встречаются упоминания о значительном количестве татар. Несмотря на голод среди них и при полном обнищании, как докладывал в Москву из Крыма посол Ивана III в 1498 г., «сказывают, татар большой Орды добре много» [Сборник РИО, 1884, с.255]. По Мацею Меховскому, в начале зимы 1500 г. войско хана Шейх-Ахмеда насчитывало 60 тыс. чел., а женщин и детей было в Орде 100 тыс. [Меховский, 1936, с.65]. Через год Шейх-Ахмед привел своих подданных в Северскую землю, на литовско-московское пограничье, «и стал под Новгородом Северским и под другими городами, землю же всю, почти до самого Брянска, заполнил своим бесчисленным воинством» [Хроника, 1966, с.115]. Мацей Стрыйковский допол-

няет, что в то время Шейх-Ахмед, планируя напасть на московские владения, призвал на помощь литовцев, которым сообщил о 100 тыс. конников под его началом [Kronika, 1846, s.313].

Но это был уже период коллапса и агонии Орды. Подданные уходили от своих неудачливых правителей в соседние юрты. Брат и соправитель Шейх-Ахмеда Саид-Махмуд увел своих людей к Хаджи-Тархану. В итоге накануне губительного нападения крымцев осталось «со царем с Ши-Ахметом и с салтаны и со князми все конных и пеших тысячью с двадцать» [Сборник РИО, 1884, с.367].

Государственность. Административная структура Большой Орды в целом была унаследована от управленческой системы единого Джучиева Улуса и во многом повторяла ее. Но исторические обстоятельства XV в. привели к упрощению, свертыванию некогда разветвленного государственного механизма. В историографии отмечался регресс государственности после распада Золотой Орды в восточных юртах – Узбекском ханстве Абу-л-Хайра и Ногайской Орде [Трепавлов, 2001, с.548–558]. Вывод о «постепенном угасании кипчакско-золотоордынской государственности» кажется возможным применить сейчас и к Большой Орде.

Так же как и во владениях Абу-л-Хайра, внутренней жизнью Тахт эли ведала администрация ханской ставки, типичная для любой кочевой структуры; небольшая земельная периферия (у кочевых узбеков – побережье Сырдарьи, у большеордынских татар – Приднепровье и Пятигорье) была слишком мала и слаба, чтобы составить экономическую базу кочевой империи. К тому же эти районы стали местом частых конфликтов: узбеков с Тимуридами, татар – с черкесами.

Главное же отличие двух ханств от Золотой Орды заключалось в отсутствии у их правителей эффективных средств принуждения по отношению к непокорным подданным. Недовольные их политикой беки могли безнаказанно увести свои улусы на другие земли или обособиться от хана, даже не трогаясь с места. Единственным способом для него привлечь к себе эли и их лидеров были частые и желательные победоносные войны с соседями. Такой военной активности не

могли себе позволить – да и не нуждались в ней – золотоордынские падишахи, существовавшие в условиях государственной стабильности.

С почти полной утратой земледельческой подпитки экономики своего ханства, с утратой государственных властных рычагов Кучук-Мухаммед и его преемники оказались во главе образования, которое едва ли можно считать полноценным государством. Тем не менее довольно сложная иерархия элей и их предводителей, надплеменные территориальные деления, пережитки золотоордынской городской цивилизации (ислам, старая урбанизированная культурная область на Нижней Волге) не позволяют также видеть в Большой Орде и такую относительно примитивную социальную структуру, как составное вождество. Вероятно, по аналогии с ханством кочевых узбеков ее можно определить как раннее зачаточное государство – как переходную стадию между составным вождеством и типичным ранним государством¹.

Во главе этого государства стоял монарх, носивший титул хана. На рубеже столетий в Орде появился заранее объявленный наследник престола – *калга*. Им стал младший брат хана Шейх-Ахмеда Хаджи-Ахмед (Хаджике, Коджак, Хозяк).

Следом за *калгой* в иерархии власти стоял *беклербек* (*улуг бек*). Как говорилось выше, эта должность в Большой Орде была монополизирована мангытами из семьи золотоордынского беклербека Эдиге. При Кучук-Мухаммеде в разное время ее занимали сыновья Эдиге Мансур, Науруз и Гази, при Ахмеде – Тимур б. Мансур, при преемниках Ахмеда – сын Тимура Таваккул, внуки Мансура Джанкувват и Хаджике б. Дин-Суфи. Хан, *калга* и беклербек составляли триаду верховных правителей юрта.

Имеется прямое указание на наличие в Большой Орде четырех карачи-беков. В литературе эта четверка обычно трактуется как непременный совещательный орган при хане, состоящий из глав ведущих татарских кланов. В послании хана Шейх-Ахмеда к живущим в Литве трем князьям Глинским, направленном летом 1502 г. говорится:

¹ Используется типология ранних государств, разработанная Х.Классеном и П.Скальником.

«Кият князья Мамаевы есте правьи дети¹, там есте подле брата моего², а тут есте подле мене, у моем царстве и справа и злева вланы князи, **чотыры корачи** болшы киятовъ князеи и братии вашео слугъ, а у мене нетути болшыыхъ и лепшихъ» [Lietuvos, 1994, s.180]³. Хан ясно пишет о четырех карачах, которые «больше» киятов, хотя последние являются его «большими и лепшими» слугами⁴. Таким образом, этот эль утратил первенствующее положение, о чем уже упоминалось, уступив свое место другому.

Состав большеордынской правящей элиты чаще всего обозначается в источниках выражением «улары князи», т.е. огланы и беки. Огланы в то время – это представители дома Джучи, не принадлежащие к семье правящего хана (мужчины-члены этой семьи титуловались султанами). На собрании огланов и беков решались важнейшие государственные вопросы. В дипломатической переписке имеются сведения о том, что то или иное решение хан принял после совета («рады») со своими знатными соотечественниками: «...мы вси вланы и кн(я)зи к собе собрали и межи собою радили», «...мы со князми, улары порадивъ и к тому есмо делу прыступили», «...нашы улары и кн(я)зи отцу нашому молвили...» и т.п. [Lietuvos, 1994, s.125, 138; Lietuvos, 2007, s.84, 88].

Информация о чиновниках в Большой Орде мизерна. Ханом Шейх-Ахмедом был отправлен послом в Крым «Молзозода большой молна базарской Ахматовых детей», который собственноручно писал грамоты от

лица хана [Сборник РИО, 1884, с.354]. Этот «молна» (*маулана* – ученый богослов) был, очевидно, еще и начальником-смотрителем ханской ставки (*ордобазара*). В списке литовских пожалований приближенным Шейх-Ахмеда предусмотрены выплаты «Обьдуле, марьшалку ц(а)ря Шиг Ахматову» [Lietuvos, 1995, s.430]⁵. В «Описании татар заволжских, которые на поруку розданы», составленном в Великом княжестве Литовском в 1506 г., значатся «царевы» *komorniki* [AGAD, f. Metrika Litewska, sygn.191d, l.18]. Это слово обычно означало бездомных нищих крестьян, но также являлось званием младшего судейского чиновника.

Такой обязательный элемент ордынского чиновничьего аппарата, как *даруга* (наместник города или области – как правило, с оседлым населением), упомянут единственный раз. В 1470 г. хана Ахмеда настраивали против Ивана III во время переговоров с поляками «князь Темир, дорога Рязанской, и прочи» [ПСРЛ, 18, 2007, с.224]. Видимо, этот чиновник отвечал за дела, связанные с Великим княжеством Рязанским, так же как при дворе Улуг-Мухаммеда состоял московский даруга (см.: [ПСРЛ, 12, 2000, с.15]).

Мусульмане Золотой Орды (видимо, в особенности аристократия и кочевники) были объединены как самим фактом принятия ислама, так и через особый институт *сеидов*. Далекое не случайно, что в ряде постзолотоордынских ханств сеиды – главы местного мусульманского духовенства – вводили свои генеалогии к общим предкам, жившим в эпоху Улуса Джучи [Исхаков, 1995, с.105–107; Исхаков, 1997а; Исхаков, Измайлов, 2007, с.205, 206].

Однако если посмотреть на события в Золотой Орде во время и после ее распада, то о религиозном единстве говорить не приходится. Ислам никогда не играл заметной роли в политике, оставался на уровне официальных идеологов и не препятствовал междоусобным конфликтам. При этом заметная роль духовных лиц во внутренней жизни и внешней политике татарских юртов несомненна. Выше говорилось о маулане, возглавлявшем ордобазар. В источниках о

¹ Это убедительное свидетельство истинности происхождения Глинских от беклербека Мамаю опровергает сомнения тех историков, которые видят в их генеалогии искусственную генеалогическую легенду.

² То есть в Литве при великом князе Александре Казимировиче.

³ Нами немного изменена пунктуация данного фрагмента, т.к. наше понимание его, видимо, несколько отличается от версии публикатора. Удалены точка с запятой после слов «у моем царстве», точка после «и злева», запятые после «и справа» и «князи чотыры»; поставлена запятая после «вланы князи».

⁴ Такая лесть в адрес киятов – соплеменников Глинских – объясняется тем, что в цитируемом послании Шейх-Ахмед просит трех братьев выступить посредниками в его контактах с великим князем Александром.

⁵ Маршалок в Польско-Литовском государстве – придворный чин, исполнявший церемониальские и судейские обязанности.

Большой Орде фиксируются сеиды и хаджи как главы посольских миссий в соседние государства [Lietuvos, 1994, s.138, 178, 179; Lietuvos, 2007, s.88]. В числе «добрых людей»-ордынцев, оказавшихся в разное время в московском плену, как сказано в одном послании хана Шейх-Ахмеда, «и Сеит есть, и попы ордыньский» [Lietuvos, 1994, s.181].

Среди деятелей такого рода особенно выделялся сеид Хаджи-Ахмед. Он пользовался одинаковым почетом в Большой Орде и в Крыму, но постоянно жил, очевидно, в Тахт эли. После разгрома государства крымцами в 1502 г. Хаджи-Ахмед вместе с массой татар-беженцев оказался в литовских владениях. По словам Менгли-Гирея, «тот сеит наш озле мене и озле Шахмата у почетности был» – и следовала просьба отпустить его в Крымский юрт. Сын Менгли-Гирея характеризовал Хаджи-Ахмеда как «от дедов и отцов наших наш пошлого богомольца». Гиреи требовали отпустить сеида из Литвы не только из-за почтения к его авторитету и учености, но и по причине раздражавшего их покровительства, которое Хаджи-Ахмед оказывал ордынцам-эмигрантам, в том числе приближенным Шейх-Ахмеда [Сборник РИО, 1895, с.511; Lietuvos, 1995, s.73].

Зачаточное раннее государство Большая Орда, очевидно, не имело стройного административно-территориального деления, присущего своему великому предшественнику – Улусу Джучи XIII–XIV вв. А вот типично кочевническая система двух крыльев, несомненно, присутствовала в этом ханстве. Более того, в условиях отмирания золотоордынской цивилизации, когда степной социум возвращался на предыдущую стадию развития, к своим «матричным» формам существования, двухкрыльное членение народа и, соответственно, кочевий было естественным для кочевых татар. Но в данном случае мы вновь испытываем недостаток информации об устройстве крыльевой системы, не имеем представления о географическом положении правого (традиционно западного) и левого (восточного) крыла. Можно лишь догадываться, что границей между ними изначально была Волга, но последующие миграции массы народа на ее правый берег изменили этот порядок.

Шейх-Ахмед писал о своих беках: «и справа и злева вланы князи» [Lietuvos, 1994, s.1180], т.е. в Орде находились огланы и беки правого и левого крыла. Кроме того, известно, что делилось на два крыла большеордынское ополчение – и, следовательно, население. В 1484 г. хан Муртаза обещал королю Казимиру IV, что постарается не допустить убытка его владениям «от правое руки, або от левое, або которые подле мене стоять, от братьий мои[x], от детей моих...» [Литовская метрика, 1910, стб.348–349]. «Правая рука» и «левая рука» (тюркские обозначения крыльев – *он кол* и *сол кол*), встречающиеся в разновременных ярлыках и других источниках, являлись непременным атрибутом независимого кочевого владения, каковым, несмотря на всю неразвитость своей государственности, являлась Большая Орда.

Кочевое население Орды объединялось в улусные общины. Мы не знаем наверняка, но можем догадываться, что в этих «низах» татарского общества шла своя жизнь, велась борьба за существование в условиях постоянных экономических неурядиц и вражеских нападений. Тахт эли вовсе не представлял собой монолитный социальный организм. Изредка средневековые тексты доносят отголоски разногласий между высшей элитой и массой рядового населения (впрочем, возглавляемого племенными беками и ведомого ими).

По аналогии с другими кочевыми владениями мы можем предполагать, что в ханстве находились районы, закрепленные за определенными элями. Достоверно это известно лишь о мангытах. На территории Большой Орды располагался юрт мангытов. При хане Ахмеде, т.е. в 1460–1470-х гг., им управлял беклербек Тимур, там же находилась его постоянная ставка. На «князев Темирив улус» в 1485 г. напал Менгли-Гирей [ПСРЛ, 8, 1859, с.216]. Мангыты кочевали на западе государства – в приднепровских степях (см.: [Сборник РИО, 1884, с.119]), составляя правое крыло государства – в полном соответствии с рангом беклербека. Тимур умер в середине 1480-х гг., и его ранг и юрт были унаследованы младшими родственниками. Один из них, Хаджике (Азика), стал беклербеком при хане Шейх-Ахмеде; о событиях «в Орде во улусех в

Мангитех в Азикине улусе» упоминал хан Менгли-Гирей в 1491 г. [Там же, с.124].

Экономика. Номадный уклад жизни большеордынских татар описал в 1476 г. А.Контарини: они «кочуют в поисках свежей травы и воды и никогда не живут оседло. У них не бывает иной пищи, кроме молока и мяса» [Барбаро и Контарини, 1971, с.223]. Как и в любом кочевом социуме, улусные общины перемещались по степи не хаотично и стихийно, а в соответствии с налаженными маршрутами между сезонными пастбищами. В нашем распоряжении есть некоторые данные о летовьях и зимовьях лишь на территории к западу от Волги. В 1500 г. Менгли-Гирей сообщал в Москву о ханах Большой Орды: «...недругом нашим Ахматовым детям летовати межы Доном и Днепром» [Сборник РИО, 1884, с.301]. Тремя годами ранее в наказе послу Ивана III запрещалось возвращаться из Крыма «ни с весны, ни в лете», т.к. была опасность встретить Орду «на сей стороне Дону»; надлежало дожидаться, когда она «пойдет... за Дон, да перелезши Дон учнет кочевати к Волзе» [Там же, с.67]. В январе 1481 г. ногаи и сибирцы разгромили улусы хана Ахмеда на территории «меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова» [ПСРЛ, 37, 1982, с.95].

Из этих сообщений можно заключить, что летние пастбища находились в районе Дона, зимние – в Волго-Донском междуречье, и, таким образом, действовал широтный цикл кочевания. Однако для этой зоны Дешт-и Кипчака традиционно (еще с домонгольских времен) был характерен меридиональный цикл с летованием на севере и зимованием на юге. Это было связано с состоянием травостоя в разные сезоны, возможностью прокорма скота зимой и т.д. Возможно, волго-донской цикл кочевания также предусматривал передвижения народа и скота не с запада на восток и обратно, а на северо-запад, к московским и литовским границам (летом) и на юго-запад к волжским низовьям (зимой).

Состав стада был обычным для евразийских номадов. О нем известно из описания И.Барбаро прихода подданных Кучук-Мухаммеда к Тане в 1438 г.: «Сначала шли табуны лошадей по шестьдесят, сто, двести

и более голов в табуне; потом появились верблюды и волы, а позади них стада мелкого скота». Причем итальянец удостаивает татарских домашних животных лестными эпитетами – «прекрасные крупные быки», «высокие мохнатые двугорбые верблюды», «огромнейшие бараны на высоких ногах, с длинной шерстью и такими хвостами, что некоторые весят до 12 фунтов каждый» [Барбаро и Контарини, 1971, с.142–143, 149].

Земледелие в этом кочевом обществе отмечено многими источниками, несмотря на его второстепенную и вспомогательную роль в экономике. Самое подробное описание принадлежит тому же Иосафату Барбаро. Он пишет, что в дни февральского полнолуния «устраивается клич по всей орде» с призывом готовиться к севу во время мартовского новолуния, с объявлением точного срока и места работ. В назначенное время татары нагружают телеги семенами и с пахотными животными, иногда целыми семьями, направляются в район будущей пашни, который располагается, как правило, в двух днях пути от кочевых стойбищ. Отсевшись, возвращаются домой. За произрастанием урожая следит хан, который лично объезжает поля. Жатву производят те же люди, которые занимались севом. С ними в район полей отправляются желающие купить зерно. Барбаро указывает, что татары выращивают пшеницу (с урожаем сам-50) и просо (сам-100). «Иногда получают урожай столь обильный, что оставляют его в степи» (т.е. вообще не жнут?) [Там же, с.150].

Данный автор не называет местности, в которой татары занимались земледелием. На этот счет имеются сведения в других источниках. Пашни Большой Орды находились на берегах левых днепровских притоков Орела (Орели) и Самары, а также на р. Куме – в степях, примыкавших к области Пятигорье (см.: [Сборник РИО, 1884, с.113, 119, 149]). Неурожаи или срыв пахоты из-за вражеских набегов ставили татар в очень тяжелое положение, вызывали социальную напряженность и конфликты по поводу путей миграций.

Помимо скотоводства и земледелия татары занимались изготовлением ремесленных изделий («В их войске есть ремесленники – ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и во-

обще есть все необходимые ремесла» [Барбаро и Контарини, 1971, с.147]). Важным подспорьем в пропитании служила охота («Татары прекрасные охотники с соколами и у них много кречетов... ходят на оленей и другого крупного зверя» [Там же, с.148]).

Как любое кочевническое образование, Большая Орда нуждалась в товарообмене с оседлыми соседями. И как большинство каганатов, ханств и орд, она выставляла на рынок продукцию скотоводческого хозяйства. Главным и самым ценным предметом торговли были татарские кони. Их многотысячные табуны гнали на продажу в Московскую Русь и Персию. Кроме коней, в Польшу и Трансильванию вывозили быков (оттуда они переправлялись в Италию и Германию), в Персию – верблюдов. Для ведения коммерческих операций за границей десятки купцов присоединялись к ханским посольствам [ПСРЛ, 12, 2000, с.156, 168; Барбаро и Контарини, 1971, с.149].

Значительную статью доходов составляла работорговля. Захваченных в набегах пленников продавали «за море» – туркам [Сборник РИО, 1884, с.225, 230], которым рабы были нужны в качестве гребцов для огромного гребного флота. Как отмечает Б.Н.Флоря, в условиях, когда восточноевропейские государства стремились ограничить ордынское вмешательство в свои дела, раздраженные татары стали нападать на соседей – прежде всего Московское государство и Великое княжество Литовское. В середине XV в. начались регулярные набеги большеордынцев с захватом полона. «Именно в эти годы работорговля становилась одним из главных источников существования Орды» [Флоря, 2001а, с.191].

До конца ханствования Ахмеда Московская Русь сохраняла даннические отношения с Ордой. Неясно, насколько заметным в экономике последней был приток средств в виде дани (выхода)¹. Во всяком случае его роль сошла на нет, когда Иван III прекратил выплаты [Горский, 2000, с.160–163].

Убеждение в полностью кочевой природе государственности и экономики Большой Орды порой приводит историков к полному

отрицанию в ней городской жизни (см., например: [Федоров-Давыдов, 1973, с.166; Сафаргалиев, 1996, с.17]). В качестве дополнительного аргумента приводят слова некоего татарина-собеседника И.Барбаро по поводу укреплений Таны: «Кто боится, тот и строит башни» [Барбаро и Контарини, 1971, с.148]. В этой связи возникает вопрос о том, как соотносились с Большой Ордой Сарай и Хаджи-Тархан – бывшие золотоордынские мегаполисы на Нижней Волге? В XV в. они продолжали существовать и, очевидно, служили пунктами активной коммерции. Во всяком случае вятчане, захватившие Сарай в 1471 г., «много товара взяша и плень многъ поимаша» [ПСРЛ, 12, 2000, с.141], что говорит об оживленной торговле и многочисленном населении города.

Известная нам история Большой Орды не позволяет однозначно видеть ни в одном из городов ее столицу или постоянную ханскую резиденцию. Ханы предпочитали жить в своих кочевых ставках, и только там их застают источники. Полагаю, что Сарай и Хаджи-Тархан, исходя их своего географического положения, все-таки принадлежали Большой Орде, но не являлись ее стольными городами. Ликвидация Большой Орды в 1502 г. произошла, когда крымцы захватили кочевую ставку и ордобазар хана Шейх-Ахмеда. Сарай же они не тронули, т.е. символической значимости для государственного суверенитета он в то время уже не имел.

Политическая история. Кучук-Мухаммед, сын хана Тимура б. Тимур-Кутлуга (1410–1412), начал свой путь к власти в восточных степях. По Кырьми, после гибели золотоордынского беклербека Эдиге (1421 г.) сын последнего Мансур скрылся в «Русском юрте». Затем вернулся на Волгу, где стал бием (беклербекком) при хане Гияс ад-Дине б. Шадибеке. Через два года тот умер, и Мансур возвел на трон Кучук-Мухаммеда. Однако вскоре охладел к своему малолетнему протеже и решил поддержать восточного хана Барака б. Куйручака б. Уруса [Кырьми, 1343/1924–1925, с.84, 85].

Скорее всего Мансур при Бараке также стал беклербекком, т.к. они вместе ходили воевать с очередным претендентом на престол правого крыла Улуг-Мухаммедом. Из письма последнего турецкому султану от 14

¹ В начале XV в. размер выхода с Великого княжения Владимирского составлял 5000 рублей (см.: [Духовные, 1950, с.49]).

марта 1428 г. известно, что в 1426 г. их войско из восточных степей было разбито, «и мы обратили в бегство Барака и Мансура» [Султанов, 1975, с.54, 282; Kurat, 1940, p.8, 9, 14]. Вскоре после этого разгрома между соратниками произошел разрыв. Кадыр Али-бек пишет об убийстве Мансура Бараком [Библиотека, 1854, с.156] (видимо, в 1426 или 1427 г.). Находившиеся при Бараке сыновья Эдиге Гази и Науруз тут же бежали на запад к Кучук-Мухаммеду. Вскоре (около 1428 г.) они вернулись с его войском, разгромили и убили Барака, в чем получили помощь бывших подданных Мансура [Langles, 1802, p.395; Кырыми, 1343/1924-1925, с.89, 90; Усманов, 1972, с.75].

Сразу после этих событий Гази стал беклербеком Кучук-Мухаммеда, а Науруз – бием одновременно царствовавшего Улуг-Мухаммеда [Shamiloglu, 1986, p.195]. Деятельность последнего тандема продолжалась около десяти лет, пока не начались разногласия – настолько глубокие, что Науруз решил перейти в стан Кучук-Мухаммеда (Гази к тому времени уже не было в живых). Тот сразу же сделал мангытского вельможу своим беклербеком, в каковой должности и застал его в 1438 г. Иосафат Барбаро. Вместе они напали на ставку Улуг-Мухаммеда и свергли его [Барбаро и Контарини, 1971, с.140–142, 150, 151].

Очевидно, Кучук-Мухаммед был тесно связан с многолюдным и могущественным семейством мангытов-Едигеевичей. Известно, что сын Эдиге Нур-ад-Дин выдал дочь за будущего хана Тимура – отца Кучук-Мухаммеда [Натанзи, 1957, с.99]. Не она ли стала матерью последнего? И.Л.Измайлов даже предположил, что он воспитывался в семье Эдиге [История татар, 2009, с.726].

Восточные хронисты отмечают молодость Кучук-Мухаммеда во время его воцарения. Когда он подошел к Дону в 1438 г., венецианский консул Таны направил к татарскому принцу И.Барбаро с дарами и изъявлением покорности. Посланец предстал перед Кучук-Мухаммедом, восседавшим, опираясь на плечо своего беклербека. Барбаро записал: «Царевичу было года 22, Новрузу – лет 25» [Барбаро и Контарини, 1971, с.42].

Получается, что борьбу за власть Кучук-Мухаммед начал, едва выйдя из отроческого

возраста. Полагаю, что толчком к активным действиям был переход на его сторону Науруза – беклербека Улуг-Мухаммеда. В соответствии со своим статусом Науруз командовал ордынской армией, значительную часть которой увлек за собой. Барбаро определенно пишет, что он ушел к «царевичу Кезимахмету» «с тем войском, которое захотело за ним следовать» [Там же, с.141].

Причины разрыва беклербека с ханом не названы в источниках. Зато есть летописное упоминание о недовольстве Улуг-Мухаммедом могущественного вельможи – ширинского бека Тегины. В 1432 г. в ставке Улуг-Мухаммеда произошел знаменитый спор о правах на великокняжеский ярлык между Василием Васильевичем московским и его дядей Юрием Дмитриевичем звенигородским. Уверенный в своем всеохватном влиянии, Тегина твердо обещал Юрию успешное разрешение тяжбы, но хан принял сторону московского князя. Оскорбленный «Ширинь-Тегиня ста о томъ же противу царя и хоте отступити отъ него, понеже бо въ то время пришель бяше на Махметя Кичи-Ахметъ царь» [ПСРЛ, 12, 2000, с.16].

14-летний «царь», надо полагать, двинулся на Сарай по наущению перебежчиков во главе с Наурузом. До того он обретался где-то на востоке или в Хаджи-Тархане – юрте своего деда Тимур-Кутлуга. Первые столкновения не принесли победы ни одной из сторон. В конце концов, «Большой» и «Малый» Мухаммеды пришли к соглашению о разделе подвластных территорий. Первый оставлял за собой Поволжье, второму доставался Крым [Смирнов, 2005, с.180]. Очевидно, более вероятно видеть здесь – и так увидел эту ситуацию О.Гайворонский – разграничение ханства по крыльям: один получил правое западное крыло от Дона до Дуная, второй – левое восточное от Дона до Каспия [Гайворонский, 2007, с.17, 33].

Окончательно противостояние разрешилось в 1438 г. Может быть, смена власти произошла бескровно. У Улуг-Мухаммеда не выдержали нервы от нарастающей опасности со стороны младшего родича, который все усиливался. Барбаро наблюдал впечатляющую картину массовой миграции подданных Кучук-Мухаммеда к Дону и об исходе борьбы за трон написал: «Улумаха-

мет... после того, как в пределы его владений пришел Кезимахумет, – видя, что не сможет ему сопротивляться, покинул орду и бежал вместе со своими сыновьями и другими своими людьми» [Барбаро и Контарини, 1971, с.150]. В конце концов, ему удалось закрепиться в Казани, и Среднее Поволжье, таким образом, уже не входило в состав Большой Орды.

О ее внутренней истории при Кучук-Мухаммеде нет никаких сведений, за исключением летописного сообщения под 1440 г.: «Тоя же осени царь Махметъ Болшіа Орды убилъ болшаго своего князя Ордыньскаго Мансупа и много татар тогда избіено бысть в Орде» [ПСРЛ, 12, 2000, с.30]. Речь ведется явно о каком-то мятеже, возглавлявшемся беклербеком. Мансуп – это, конечно, Мансур б. Эдиге. Но поскольку он был убит ханом Бараком за тринадцать-четырнадцать лет до этого, то можно полагать, что до летописца дошли вести о казни брата Мансура, «большого князя» Науруза, вступившего в конфликт с Кучук-Мухаммедом. Еще недавно этот бек с многочисленной вооруженной силой явился к молодому династу и сопровождал его в борьбе за власть. Возможно, со временем всевластие Науруза стало тяготить хана, и он решил избавиться от мангытского вельможи, а заодно и от «множества татар» – его сторонников.

В целом в 1430–1440-х гг. в Дешт-и Кипчаке наступила некоторая стабильность. На востоке бывшего Улуса Джучи, за Яиком, ханствовал могущественный Абу-л-Хайр, лояльность которому в целом соблюдали мангыты. Нижнее Поволжье и степное Предкавказье находилось под властью Кучук-Мухаммеда. За Доном кочевала Орда Саид-Ахмеда. Крупных конфликтов между ними не заметно, если не считать притязаний обоих ханов на Крым и степи по Северскому Донцу. В 1434 г. Василий II в договоре с Дмитрием Шемякой напоминал, как «если посылал кичичеев своих ко ц(а)ремь х Кичим-Агнетю и к Сиди-Ахметю» [Духовные, 1950, с.116]. То есть московитяне признавали зыбкое равновесие сил в степях и законность двух соседних ханов.

Кучук-Мухаммед умер в 1459 г., оставив сыновьям, Махмуду и Ахмеду, свое ханство если не процветающим, то довольно устой-

чивым и способным соперничать с соседними юртами за первенство во владениях бывшей Золотой Орды.

В сочинении Махмуда б. Вали рассказывается, что после смерти Кучук-Мухаммеда остались его сыновья: унаследовавший трон 11-летний Махмуд, 8-летний Ахмед и 5-летний Мангышлак. На них двинулся с войсками хан Абу-л-Хайр, братья испугались и укрылись в некоей крепости. Там они смиренно жили до тех пор, пока Абу-л-Хайра не постигла неудача в войне с калмаками. Махмуд выбрался из своего укрытия и «натянул поводья выступления в сторону наследственных владений». Затем Абу-л-Хайр умер, и Махмуд стал полновластным ханом [Алексеев, 2006, с.84, 85].

Это повествование в общем соответствует хронологии событий, известных из других источников. Поражение узбекской рати от ойратов («калмаков») произошло в 1457 г. [Ахмедов, 1965, с.65–67], смерть Абу-л-Хайра наступила в 1468/1469 г. Возможно, здесь отразились некоторые подробности истории Большой Орды рубежа 1450–1460-х гг. и ее отношений с Узбекским ханством (тем более, что о них ничего не известно для более раннего периода).

От ханов Махмуда и Ахмеда сохранились недатированные монеты. От имени Махмуда они чеканились в Орду-Базаре, Бек-Базаре, Крым ал-Мансуре, Хаджи-Тархане, Укеке и Булгаре, от имени Ахмеда – в Бек-Базаре, а также в Хаджи-Тархане [Зайцев, 2006, с.39, 40].

В русских источниках Махмуд известен по единственному поводу. В 1460 г. он попытался приступить к Рязани, но натолкнулся на сопротивление и отступил, понеся большие потери. Некоторые летописи передают имя хана как Ахмут (т.е. можно принять и за Ахмада~Ахмеда), но в Типографской летописи он – «царь Махмутъ» [ПСРЛ, 24, 1921, с.184]. В свите Махмуда во время этого похода поименованы беклербек Тимур и его брат Дин-Суфи (Тенсуфуй) [ПСРЛ, 5, 1851, с.272; ПСРЛ, 20, 1910, с.271; ПСРЛ, 23, 1910, с.156]. Позже Тимур станет ближайшим соратником хана Ахмеда, а Дин-Суфи унаследует его высокий ранг.

Отношения между Ахмедом и Махмудом истории характеризуют как борьбу

за власть (см., например: [Григорьев, 1987, с.544; Зайцев, 2004а, с.84]). Фатальным рубжом, после которого Махмуд уже не смог отстаивать свое первенство, было, очевидно, его поражение от крымского хана Хаджи-Гирея. В 1465 г. ордынский хан вознамерился напасть на русские земли и двинулся к Дону. Там на него неожиданно обрушились крымцы и «би его и Орду взя». Планы похода пришлось оставить, силы Большой Орды обратились на отражение нападения: «начаша воеватися промежь себе» [ПСРЛ, 24, 1921, с.186]. Хаджи-Гирея удалось отогнать, но после этого Махмуд прекратил активную политическую жизнь.

Даже отстраненный от реального управления государством, он, похоже, пользовался авторитетом, подобающим его статусу. В наказе московском к послу в Крым в марте 1475 г. было велено сказать хану Менгли-Гирею о том, что издавна московские государи отправляли послов к ордынским царям, потому «осподарь мой князь велики и **ныне ча...** своих послов шлет к Ахмату царю и к **брату его к Махмуту**, и они своих послов к моему государю посылают» [Сборник РИО, 1884, с.10]. Показательно употребление титулатуры: трепетно относившиеся к нюансам чинов и званий русские не называют Махмуда царем, несмотря на его родство с ханом и посольские связи с Москвой.

В том же или следующем году Махмуд скончался, т.к. А.Контарини в 1476 г. описывает Хаджи-Тархан под управлением уже его сына и преемника Касима – кстати, обладавшего ханским рангом: «Главный хан (Ахмед. – *В.Т.*) находится в состоянии войны с Касим-ханом, своим племянником (а этот Касим считал, что он сам должен быть главным ханом, т.к. таковым был его отец, раньше правивший Ордой, и потому между ними шла большая война» [Барбаро и Контарини, 1971, с.221]. Перед нами очевидный случай соправительства – явления, довольно распространенного в кочевой истории. Статус младшего соправителя был унаследован сыном от отца, при сохранении подчиненности старшему соправителю, Ахмеду, несмотря на недовольство Касима.

Впрочем, ему пришлось, в конце концов, признать верховенство дяди. В 1480 г. он находился в составе ордынской армии, по-

дошедшей к Угре: «...а съ царемъ вся Орда и **братаничь его царь Касым**, да б сынов царевых, и безчисленно множество татар с ними» [ПСРЛ, 27, 1962, с.282]. Касим в источниках определенно связывается с городом Хаджи-Тарханом. Может быть, он выбрал его для постоянного проживания сам или обрелся там, подчиняясь приказу Ахмеда.

Укрепившаяся Большая Орда начала активные контакты с ближними и дальними монархами¹. После долгого перерыва ханские посланцы появились в Стамбуле. Известны два послания султану Мухаммеду II (Мехмеду Фатиху), направленных Махмудом (от 10 апреля 1466 г.) и Ахмедом (май – июнь 1477 г.). Приблизительно в 1475–1477 гг. Мехмед Фатих в своем письме оповестил Ахмеда о завоевании Кафы и походе турок на Молдавию. По форме это был типичный *сююнч* (радостная весть о победах), но в подтексте скрывалось предупреждение Большой Орде не враждовать с Менгли-Гиреем – османским ставленником в Крыму [Султанов, 1978, с.244].

Соперничество между Большой Ордой и новообразованным Крымским ханством началось, едва первый династ-Гирей утвердился у власти. Смысл этой борьбы заключался не только в установлении гегемонии на территории бывшей Золотой Орды – хотя бы ее правого крыла (левое было далеко и не по зубам большеордынцам и Гиреям: там набирали силу «бесчисленные ногаи»). Благородная Таврида с ее полями, пастбищами, богатыми городами и торговыми портами привлекала большеордынцев, прозябавших по воле судьбы в скудных степях Западного Дешта.

Ахмед действовал в отношении Крыма достаточно осторожно, дожидаясь стечения обстоятельств, когда внутри ханства оформятся силы, на которые Большая Орда могла бы опереться. Такой случай представился летом 1466 г., когда сыновья скончавшегося Хаджи-Гирея вступили в противоборство за престол. Царевич Нурдевет попросил у Ахмеда ярлык на Крымский юрт. Очевидно,

¹ Эпизодические связи с тимуридскими владениями иллюстрируются женитьбой Ахмеда на Бадке-бегим, сестре правителя Хорасана Султан-Хусейна Байкары [Бабур-наме, 1993, с.172].

он пытался придать своему правлению легитимность посредством этой чисто ордынской процедуры. Лестная просьба, означавшая признание большеордынского хана верховным государем, была тут же с радостью удовлетворена Ахмедом. Ярлык превращал Крым в его подвассальное владение. Однако местная знать вовсе не желала подчиняться правителю Тахт эли. В результате долгих интриг и после вспышки вооруженной борьбы в Крыму Нурдевлет лишился трона. Ханом был провозглашен Менгли-Гирей.

Еще одну попытку включить Крым в сферу своего господства Ахмед предпринял через десять лет. В то время среди тамашных беков назрели столь глубокие противоречия, что некоторые из них решили прибегнуть к помощи Большой Орды. Лидеры ширинского эля Аминек и Хаджике оказались в противоборствующих лагерях. Хаджике и глава эля барынов Абдулла привели из Орды царевича Джанибека (б. Ахмеда?), но были отбиты войсками, собранными Аминекком. Дождавшись, когда летом 1476 г. крымское войско во главе с Аминекком по приказу османского падишаха отправится в поход на Молдавию, Джанибек во главе большой рати, данной ему Ахмедом, ворвался на полуостров и занялся грабежами. Спешно вернувшийся Аминек, столкнувшись с большим перевесом сил у противника, укрылся в крепости. Вместо свергнутого Нурдевлета (он в тогдашней сумятице смог на короткое время занять престол) ханом стал Джанибек. Фактически произошло кратковременное объединение двух ханств. В 1486 г. Муртаза б. Ахмед писал о тех временах Нурдевлету, обретавшемуся в Касимове: Ахмед «с вашим юртом наш юрт как бы один учинил» [Сборник РИО, 1884, с.69].

О правлении большеордынского ставленника ничего не известно, но положение его было очень шатким. Джанибек выяснял у Ивана III возможность поселиться в московских владениях на случай, если придется оставить Крым. Уже весной 1478 г. Нурдевлет, вернувшийся к власти, отправил послов в Польско-Литовское государство.

Отношения Большой Орды с Польско-Литовским государством – покровителем ненавистных Гиреев – складывались поначалу враждебные, но впоследствии между

ними наметилось коалиционное партнерство. Противостояние с Московским государством толкало Ахмеда и короля Казимира к военному союзу. В 1470 г. из Кракова в Орду приехал посол Кирей Кривой с предложением совместного удара по Руси. Но от продолжения целенаправленного сколачивания антимосковской коалиции короля отвлек конфликт с Венгрией, и следующий цикл переговоров с Большой Ордой прошел в 1479–1480 гг.

Отношения Большой Орды с Московским государством поначалу складывались традиционно, исходя из двухвековой даннической зависимости (так называемого «ига») русских земель от Улуса Джучи. В XV в. постепенно отошли в прошлое визиты великих князей в Орду, и с 1440-х гг. контакты между двумя государствами поддерживались через послов. Московские правители объясняли регулярные взаимные визиты посольств не фактом выплаты выхода или получения ярлыков (что было бесспорным для соседей), а установлением таких порядков «от отцов и от дед и от прадед» или географической близостью владений (см.: [Сборник РИО, 1884, с.4, 10]).

Летописи зафиксировали довольно активный обмен посольствами в 1470-х гг. Наиболее показателен приезд в Москву посланца Ахмеда Бочуки в июле 1476 г. с требованием к Ивану III явиться «къ царю въ Орду» [ПСРЛ, 8, 1859, с.183; ПСРЛ, 12, 2000, с.108]. Не случайно сообщение об этом посольстве помещено сразу за упоминанием войны Ахмеда с Менгли-Гиреем. Думается, правы те историки, которые увидели связь между этими событиями, а именно: стремление Ахмеда восстановить прежнюю, золотоордынскую государственность – собрать под своей властью отпавшие юрты и заставить русских данников приезжать в Орду с изъявлением покорности и за ярлыками [Назаров, 1983, с.34; Горский, 2000, с.162].

Если это так, то Ахмед просчитался. Московское государство набирало силу и все более тяготилось обязанностью собирать для хана выход. При Иване III выплата дани была прекращена. Последние исследования показывают, что к освобождению от исполнения даннических обязанностей Москва шла постепенно. В 1440–1460-х гг. выход

отправлялся в Орду с большими перерывами, а окончательно перестал выплачиваться в 1471 г. [Горский, 2000, с.153–162]. Этим и объясняются сравнительно частые наезды Ахмедовых послов к Ивану III: «царь» требовал положенной и завещанной предками дани.

Кульминацией нарастающего конфликта стало «Стояние на Угре» 1480 г. – самый известный и досконально изученный эпизод русско-ордынских отношений XV в. Осень и зиму 1480 г. Ахмед провел в бесплодном и бессильном стоянии на берегу Угры, притока Оки, напротив московской армии Ивана III, не решаясь напасть на русских и тщетно ожидая союзное польское войско. В конце года изможденная и изголодавшаяся ордынская рать была отведена ханом восвояси на юг и распущена по улусам.

Траговка исхода «Угорщины» среди татар и поляков существенно отличалась от московской версии. Сын Ахмеда, хан Шейх-Ахмед в послании Александру Казимировичу 1497 г. называл причиной отступления ордынских войск настойчивость ханского окружения, которое отговаривало своего повелителя от боевых действий из-за неприбытия поляков: «На Ивана гневаючысе, царь, отецъ нашъ, всел на конь, и вашъ отец, король, на тот рокъ не пошоль. Ино наши уланы и кн(я)зи отцу нашему молвили: Иван и твои холопъ, и королевъ есть, ино корол на тот рокъ с тобою не пошол, и ты вернися... И взяли отца моего за повод и вернули. А потом на отца нашего Божья ся воля стала» [Lietuvos, 1994, s.125].

Мацей Стрыйковский в своей хронике объясняет провал кампании алчностью и интригами беклербека. Заволжский царь стал-де на реке Уграе, ожидая вестей от короля Казимира, а тем временем московский князь прислал богатые дары и поминки «гетману царскому князю Тимиру». Тот стал убеждать царя отступить. Хан послушался, и «тогда Тымир гетман его, за подарки князя великого, зарезал» [Kronika, 1846, s.284].

Во всех других источниках гибель Ахмеда описана совсем иначе. В январе 1481 г. сибирско-ногайское войско разгромило ставку Ахмеда, а самого хана убил ногайский мирза Ямгурчи б. Ваккас [Июасафова, 1957, с.122; ПСРЛ, 6, 1853,

с.232; ПСРЛ, 12, 2000, с.20, 23; ПСРЛ, 18, 2007, с.268; ПСРЛ, 19, 2000, с.39; ПСРЛ, 25, 1949, с.328; ПСРЛ, 39, 1994, с.268]. В некоторых летописях указывается, что Ахмеда убил тюменский хан Ибак, возглавлявший этот поход [ПСРЛ, 26, 1959, с.274; ПСРЛ, 28, 1963, с.315; ПСРЛ, 33, 1977, с.124]. По мнению А.А.Горского, это разночтение может объясняться стремлением каждого из партнеров по коалиции в переписке с Москвой приписать убийство хана себе [Горский, 2000, с.177, 178]. Из отдельных летописных текстов можно почерпнуть любопытные детали: численность сибирско-ногайской армии (16 тысяч), указание на убийство Ахмеда рано поутру, пленение Ибаком дочери Ахмеда [Летописец, 1819, с.188; ПСРЛ, 26, 1959, с.274; ПСРЛ, 33, 1977, с.124].

Татары Большой Орды, оставшись без правителя, кочевали по степи под пристальным вниманием враждебных соседей. Менгли-Гирей в послании к Казимиру 1482 г. сообщал о присутствии «неприятелей наших сильных» «на той стороне», но при этом с удовлетворением отмечал, что «голодны и худы сии люди». По его сведениям, эти «столечные улусы» намереваются переместиться к днепровским притокам Орелу и Самаре, и королю надо бы на всякий случай приказать выжечь в той местности степь, чтобы не пускать ордынцев к своим границам [Lietuvos, 2004, s.90]. В то время Орда оставалась безначальной. Уцелевшая правящая элита пребывала в растерянности и пыталась найти поддержку в окрестных государствах. Ни весной 1481 г., ни через год в Москве не знали, кто возглавляет Тахт эли, и отправлявшимся в Бахчисарай послан было велено выведывать, «кто будет на том юрте на Ахматове месте царь», «которой царь будет на Ахматове месте» [Сборник РИО, 1884, с.26–28, 31].

Беклербеку Тимуру удалось уйти невредимым от сибирско-ногайского набега. Прихватив с собой детей Ахмеда, он направился к хану Менгли-Гирею в Крым. Его не остановила принадлежность того к враждебному лагерю (крымцы приняли сторону Москвы против Орды и Польско-Литовского государства). Ордынские беженцы нашли на Таврическом полуострове приют и достаток. Крымский хан решил принять

еще недавно могущественного беклербека и окружил его почетом. Но «Ахматовых детей» – царевичей Муртазу и Саид-Махмуда – вовсе не прельщала участь почетных приживалок в Бахчисарае. Через некоторое время (вероятно, через два-три года) Саид-Махмуд вместе с Тимуром вернулся в Большую Орду. Там Тимур занял свой прежний высокий пост. Муртазу успел захватить в заложники Менгли-Гирей, разгадавший реэмигрантские замыслы «гостей». В отместку беглецам отряд хана направился на север и последний «останок Орды розгонял». Собрав по степи большеордынское ополчение, новый хан Саид-Махмуд с главным беком решили идти выручать Муртазу. Первой задачей было узнать, стоят ли в Крыму турецкие войска. Когда выяснилось, что нет, кавалерия Большой Орды двинулась на Менгли-Гирея. Муртаза был освобожден, а сам хан тайком бежал от своей армии и срочно вызвал на подмогу османов. Не дожидаясь подхода воинов султана, ордынцы спешно удалились восвояси [ПСРЛ, 8, 1859, с.216; ПСРЛ, 12, 2000, с.217; ПСРЛ, 28, 1963, с.318; Сборник РИО, 1884, с.53].

Оказавшись в Дешт-и Кипчаке, ордынцы наконец занялись восстановлением своей государственности. На ханский трон были возведены сразу двое – Муртаза и Саид-Махмуд. В текстах московского происхождения они впервые упомянуты в грамоте Ивана III, посланной послу в Бахчисарае В.Ноздреватову в июне 1484 г. [Сборник РИО, 1884, с.43]. В августе того же года Муртаза оповестил короля Казимира: «Первеи Охмать царь, одинъ царь былъ, а нине два цари есмо з братомъ моимъ Седихматомъ...» В другом письме он подчеркивал свой легитимный монархический ранг: «... ты, как еси ц(а)ра Ахмата видель, мене по тому же видь...» [Lietuvos, 2004, s.98, 99]. Но и в этом, и в других его посланиях 1484 г. просматриваются конфликтные отношения в Орде. Муртаза неоднократно заявляет, будто не имеет представления, где находятся сейчас его брат и соправитель, а также главный бек Тимур [Ibid., s.98, 100].

В конце концов Муртаза полностью рассорился с братьями. Его место на троне занял Шейх-Ахмед; ханом-соправителем оставался Саид-Махмуд. Муртаза вынужден был

демонстративно отделиться от родичей («от нихъ отъехал... в поле», как формулировал Казимир) и проситься на жительство в Великое княжество Литовское [Ibid., s.144].

После смерти опытного политика Тимура (между 1484 и 1486 гг.), сдерживавшего амбиции царевичей, в ханском семействе разгорелись ссоры, и ханы стали меняться с удивительной быстротой. Порой сложно разобраться в соправительственных комбинациях, ведь до конца истории Большой Орды единого государя в ней уже не было.

На самом рубеже XV и XVI столетий Большая Орда стала погружаться в хаос. Развал ее и без того примитивной государственности наглядно проявился в увеличении количества одновременно царствующих династий. Причем не заметно, чтобы между ними велись какие-то споры о территориях. Каждый хан управлял доставшимся ему контингентом улусников и уже не претендовал на абсолютное верховенство (что не исключало жестоких конфликтов).

Главной внешнеполитической проблемой для Большой Орды на последнем этапе ее истории были отношения с Крымским ханством. Самостоятельную политику по отношению к Бахчисараю вел беклербек Тимур, дочь которого стала женой Менгли-Гирея. Последний высоко ценил мангытского вельможу и, судя по всему, видел в нем и его соплеменниках противовес могущественным ширинам и барынам, окружившим престол Гиреев.

В середине 1480-х гг. накал в ордыно-крымских отношениях несколько снизился, но вскоре вражда разгорелась с новой силой. В сентябре 1490 г. ордынское посольство от лица ханов Шейх-Ахмеда и Саид-Махмуда, а также «мангыта Азики князя в головах, от всех карачеев и от добрых людей» заключило мир с Менгли-Гиреем. Когда крымский хан, поверив в искренность намерений ордынцев, распустил татар-ополченцев «на пашни и на жито», ордыно-мангытская армия вторглась на полуостров и разграбила улусы барынского эля, одного из наиболее знатных там. После этого нападавшие отошли на север, зазимовав в устье Днепра. Иван III, соблюдая партнерские отношения с Менгли-Гиреем, отверг предложение Хаджике о «братстве» с соправителями Большой

Орды – на основании их вражды с Крымом [Сборник РИО, 1884, с.108, 160, 161].

При ответном набеге зимой 1490/91 г. крымцы сумели угнать у противника огромное количество лошадей, «у недруга ноги подрезав» [Там же, с.105]. Боеспособность Орды резко снизилась. Крымский хан хотел закрепить успех новым походом, для чего выпросил у турецкого султана янычар. Кроме того, с севера ордынцам постоянно угрожала нарастающая сила Москвы. В 1491 г. после переговоров с турецким наместником в Азове Большая Орда прекратила военные действия.

Открытые столкновения уступили место закулисной политике. «Ахматовы дети царевы» не присылали в Бахчисарай официальные посольства, а действовали через вездесущих купцов, которым поручали передавать Менгли-Гирею свои намерения вступить с ним в союз – при условии его разрыва с Москвой; хан расценивал эти заверения как сплошную ложь [Сборник РИО, 1884, с.218]. И был прав: одновременно (в 1495 г.) Шейх-Ахмед в переписке с королем Казимиром раскрывал свое истинное отношение к южному соседу: «Ино вамъ бы звездо было: лише Менгдли Кгерея цара иного неприятеля не маем» [Lietuvos, 1994, s.97; Lietuvos, 2007, s.75]. Примирение между двумя «постордынскими» государствами было уже невозможным. Да Менгли-Гирей и не стремился к этому. В последние годы XV в. был достаточно очевидным надвигающийся коллапс Большой Орды. Крымские отряды стали выходить в степь, как правило, уже не для сражений с ханскими войсками, а для грабежа незащищенных улусов и угона пленных.

Отношения Большой Орды с христианским Польско-Литовским государством (а во время его разделения – особенно с Великим княжеством Литовским) складывались гораздо теснее и теплее, чем с любым из мусульманских владений. Литовско-московские пограничные споры и стычки продолжались, и Казимир IV продолжал рассматривать татар Тахт эли как союзников в борьбе против Ивана III. В 1482 г. великий князь известил Менгли-Гирея, что король «нынеча со мною любви и докончания не хочет, а в Орду послал, да подымает на меня моих недругов» –

сыновой Ахмеда [Сборник РИО, 1884, с.29]. Через два года ханы-соправители Муртаза и Саид-Махмуд приняли очередное посольство из Кракова во главе со Стретом. В своем послании королю Муртаза заверил, что никакого вреда его владениям не причинит [Там же, с.43; Литовская метрика, 1910, стб.348, 349]. Когда Муртаза рассорился с братьями, Казимир приглашал его на жительство в свою землю, «а мы быхмо тебе, брату нашому, хлеба нашего и соли не боронили» [Lietuvos, 2004, s.144].

Из Москвы и Бахчисарая настороженно следили за этой дипломатией, справедливо чувствуя опасность для себя. Иван III и Менгли-Гирей договаривались ловить в степи польско-литовских и ордынских послов [Сборник РИО, 1884, с.202, 210], чтобы помешать действию враждебной коалиции. Крымский хан раздраженно пенял Александру Ягеллону, сменившему Казимира, в обмене посольствами с врагами Крыма, на что получал ответы с экскурсами в историю, напоминания о традиционности литовско-ордынских отношений, о близости татарских кочевий к Литве и проч.

На самом деле эти отношения вовсе не были безоблачными. Один из ордынских послов несколько лет удерживался в Литве, за другим не признали надлежащего дипломатического статуса. Все-таки Александр Казимирович вел себя по отношению к большеордынцам более отстраненно и осторожно, чем его покойный отец. Да и обстановка в Орде все менее способствовала тесной коалиции с ней. Непрерывно ссорящиеся между собой и часто меняющиеся соправители угасающего государства являлись в глазах литовских политиков все менее ценными союзниками. Тем не менее татарская конница еще была способна отвлечь на себя значительную часть московской рати и тем самым помочь Вильне в противостоянии с московским великим князем.

Осенью 1500 г. в ставке Шейх-Ахмеда объявился посол Александра Михаил Халецкий. От лица своего государя он убеждал хана начать военные действия против москвитян. В этой войне, говорил посол, у Орды будут могучие союзники: польский король Ян Ольбрахт и венгерский и чешский король Владислав; Шейх-Ахмеду же

предлагалось привлечь к походам на Русь ногаев. Уговоры подкреплялись богатыми дарами и огромными упоминками – *ординициной* [Акты, 1846, с.213; ПСРЛ, 32, 1975, с.101; Хорошкевич, 2001, с.154, 155; Lietuvos, 1994, s.147, 148, 159].

Хан согласился на военные действия и в 1500–1501 гг. дважды нападал на московские «украины». Помимо всего обещанного на переговорах, он наивно рассчитывал, что союзники отдадут ему в управление Киев. В сопровождении Халецкого татарская конница двинулась на Северскую землю, недавно отвоеванную Иваном III у литовцев. Рьльск и Новгород Северский были взяты, но не разорены: хан считал их достоянием Александра Казимировича. С вестью об успешной кампании и с приглашением присоединиться для совместных боев Шейх-Ахмед отправил Халецкого в Вильно. Сорок дней войско Орды стояло под Каневом, дожидаясь литовской рати, затем отошло к Чернигову. Ожидание затягивалось. У Александра Казимировича не было возможности, да, может быть, и желания принять участие в походе. После смерти Яна Ольбрахта он был избран польским королем и вместо Чернигова отбыл в Краков на коронацию, «оставив свои дела с царем Заволжским» [Kronika, 1846, s.313; Сборник РИО, 1882, с.520; Хроника, 1966, с.115; Lietuvos, 1994, s.170, 172, 178].

Шейх-Ахмед и беклербек Таваккул в конце 1501 или в начале 1502 г. пришли к мысли, что союз с Литвой не дает им никакой выгоды. Московский посол с удовлетворением доносил из Крыма летом 1502 г., что «с литовским... Ши-Ахмат царь в розни» [Сборник РИО, 1884, с.418]. Правители Орды вознамерились склонить к антикрымскому союзу Москву, при этом обещая «от литовского отстать» [Там же, с.384]. Иван III не пожелал ради этого сомнительного приобретения рвать устоявшиеся связи с Менгли-Гиреем и сообщил тому об ордынском посольстве.

В отличие от польско-литовских монархов, московские государи не имели планов по созданию коалиций с Большой Ордой. Наоборот, перемещаясь вдоль южного пограничья она представляла собой постоянную угрозу московским владениям. Поэтому

усилия русской дипломатии были направлены на создание антиордынских альянсов, с привлечением Крыма, Казани, ногаев и использованием все увеличивающихся военных сил служилых татар на Руси. Несколько раз войска Ивана III под командованием русских воевод и служилого касимовского царя Нурдевлета выходили в степь, чтобы погромить ордынские улусы и отогнать их от границ.

Посольские связи между двумя соседними государствами были довольно редкими. В 1480-х г. в умах ордынских политиков зрела идея залучить к себе Нурдевлета, чтобы сделать его знаменем борьбы против его ненавистного брата Менгли-Гирея. Для обсуждения условий переезда бывшего крымского хана в Тахт эли в августе 1487 г. в Москву прибыло посольство от Муртазы и Саид-Махмуда [Там же, с.63, 68, 69]. Но из этого ничего не получилось: ни Иван III, ни Нурдевет не пожелали ввязываться в мало-перспективные авантюры «Ахматовичей».

В конце 1501 г. Шейх-Ахмед и Таваккул прислали своих представителей в Кремль для переговоров «о дружбе и любви», а конкретно – для объявления о своей переориентации с Вильны на Москву ради совместной борьбы с Крымом. Как говорилось выше, и на сей раз большеордынцев постигла неудача. Впрочем, в Орду был отправлен великокняжеский посол Д.Лихорев с задачей объявить хану «о любви же» [ПСРЛ, 8, 1859, с.241; ПСРЛ, 12, 2000, с.255]. Он вернулся на родину уже после падения Орды.

Над отношениями Московского государства с Большой Ордой всегда висела тень прежних даннических обязанностей Руси эпохи «ига». При общении с Иваном III татары не решались даже упоминать об этом. В начальном протоколе ханских грамот теперь употреблялось выражение «(такого-то хана) слово Ивану», без прежнего повелительного «слово мое», т.е. просто с обозначением разного ранга правителей – хана («царя») и великого князя [Горский, 2000, с.179, 180]. Но в переписке с Вильной и Краковом они давали волю ностальгии, сопровождая упоминания Ивана Васильевича непременно добавлением «холоп наш» (см., например: [Lietuvos, 1994, s.172, 173, 175, 179, 181]).

Единственный раз Иван III решил заплатить некое подобие дани, причем, насколько можно судить по источникам, без каких-либо особых настояний с татарской стороны. В 1502 г. Шейх-Ахмед написал Александру Казимировичу, вне себя от радости: московский князь «прислалъ к намъ тые датки, чога жь отцу нашому и братьи нашой не давал». Ему вторил Таваккул: «...чога предкомъ царевымъ и нашымъ не давал, то намъ тое дорога прислалъ» [Ibid., s.181]. Во-первых, обращает на себя внимание подчеркивание беспрецедентности выплат. Похоже, ордынцы уже успели забыть, сколько должны были платить русские в Орду, да и сам факт платежа воспринимался ими как возрождение порядков далекой старины – еще до «отца нашего» и «предков царевых». Во-вторых, для выплат употреблено понятие *датки*, которое, кажется, не употреблялось в практике русско-ордынских даннических отношений. Его использование, вместо ожидаемых *дани*, *выхода*, *ясака* также свидетельствует об уникальности ситуации.

В XVI в. Большая Орда вступила на последнем издыхании. В ходе смут и войн истощились ее табуны, уменьшились стада, расстроилась аграрная система. В кочевьях начался голод. Обо всем этом было известно в Бахчисарае: агентура Менгли-Гирея обосновалась в ставке Таваккула [Сборник РИО, 1884, с.354]. Остатки домена Джучиева Улуса на глазах превращались в легкую добычу для крымцев.

Ханский ордобазар хаотично перемещался по степи. Теперь его маршруты ограничивались полосой степей между Волгой и Днепром, за Волгой же «заволжские цари» уже не показывались. Источники застают ханов-соправителей то под Астраханью, то в Северо-Восточном Прикаспии, то на донских берегах и притоках (Медведица), то на днепровских (Десна, Орель, Самара, Сула)... В 1500–1501 гг. главным устремлением Шейх-Ахмеда (не разделявшимися его братьями) было перебраться на правый берег Днепра, пускай даже в литовские или османские владения, лишь бы иметь гарантии пропитания и безопасности. Наглядным

показателем надвигающегося краха стало массовое переселение кочевников в соседние страны. Разоренные татары оставляли своих неудачливых ханов и устремлялись под защиту более надежных покровителей.

В мае 1502 г. Менгли-Гирей во главе крымской конницы выступил в поход на Большую Орду. Навстречу армии то и дело попадались переселенцы: «люди многие... идут к нему (Менгли-Гирею. – В.Т.) в Перекоп», «улус из Большие Орды, а идет тот улус в Перекоп» [Там же, с.419]. Наступающим было известно, что Шейх-Ахмед рассорился со своим беклербеком Таваккулом, и под его началом сейчас осталось около двадцати тысяч татар. Приблизительно 15 июня 1502 г. при впадении р. Сулы в Днепр¹ состоялось последнее сражение в истории Тахт эли, полностью проигранное Шейх-Ахмедом. Он бежал, его казна и ордобазар достались победителю. В подданство к нему теперь перешли и улусы большеордынских татар, которые Менгли-Гирей планировал переселить южнее, ближе к собственно Крыму.

Окрестные правители были тут же оповещены об этом. Гонцы из Бахчисарая доставили в Москву и Краков (и наверняка в другие столицы) сююнч, составленный в сходных выражениях: «Слава Богу, Ших-Ахмета, недруга нашего, розогонив, орду его и все его улусы Бог в наши руки дал»; «Божьею милостью отца своего большую Орду взял... да и люди»; «Хвала Богу, на непрятеля своего на Шы Ахмата цара прышод со многим войском, Шы Ахмата цара прогнал, цара отца столец взял, и вси люди Богъ намъ дал» [Акты, 1846, с.344; Уляницкий, 1887, с.193; Сборник РИО, 1884, с.420].

На этом принято заканчивать историю Большой Орды (хотя впоследствии предпринимались тщетные попытки ее возрождения). Ее бывшие владения к западу от Волги были поделены между Крымским юртом и новообразованным Астраханским юртом; по берегам степных рек селилось все более многолюдное вольное казачество, не желавшее подчиняться каким-либо правителям; восточные области давно были заняты ногами.

¹ Определение места и расчет времени битвы см.: [Гайворонский, 2007, с.79, 111, 112].

ГЛАВА 2

Астраханское ханство

Илья Зайцев

Как и в Казанском и Крымском ханствах, в Астрахани правили представители одного рода – Джучидов (потомков сына Чингиза Джучи). В ханстве сложилась династия потомков золотоордынского хана Тимур-Кутлуга. Скучность и фрагментарность источников не позволяет воссоздать исчерпы-

вающую картину правлений ханов. Исходя из имеющегося материала (в основном посольских книг по связям Московского великого княжества с Крымским ханством и Ногайской Ордой), эту последовательность можно представить в виде таблицы [Zaytsev, 2010, с.110].

Таблица

Имя хана	Предполагаемые даты правления
‘Абд ал-Керим ибн Махмуд	1502 (1508?)–1514
Джанибек ибн Махмуд	1514 – лето 1521 (не позднее 15 августа)
Хусейн б. Джанибек	не ранее октября 1521–?
Шайх-Ахмед б. Ахмед	?–? (между 1525 и 1528)
Касим б. Сайид-Ахмед	? – лето 1532 (с перерывом)
Ислам-Гирей б. Мухаммед-Гирей	1531 (не позднее мая) – 1532 (не позднее января)
Аккубек б. Муртаза	лето 1532–1533
‘Абд ар-Рахман б. ‘Абд ал-Керим (калга – «Абли-салтан» б. Хусейн)	1533 – не ранее конца октября 1537
Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар	октябрь 1537 – лето 1539
‘Абд ар-Рахман б. ‘Абд ал-Керим (вторично)	лето 1539 –1543 (?)
Аккубек б. Муртаза (вторично)*	1545–1546
Ямгурчи б. Бирдибек (с перерывом) (калга – «Такбилди»)	1546–1550 / 1551–1554
Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар (вторично) (калга – его сын Джан-Тимур ?; потом Казбулат б. Девлет-Гирей)	1554–1556

* Его сын Баки еще до завоевания города московскими войсками искал пристанища в Ногайской Орде.

Астраханское ханство почти на всем протяжении своей истории находилось в зависимом положении. В роли сюзеренов выступали то Ногайская Орда, то северокавказские княжества, то Крымское ханство. Ханы нередко менялись в результате кровопролитных нашествий и переворотов с участием внешних сил. Отрывочные данные позволяют предположить, что ветвь потомков Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда поддержи-

вали кабардинцы, а Махмудовичей – ногаи: две ветви династии опирались на разные этнополитические силы и были тесно связаны с ними родственными узами.

Еще при Тимур-Кутлуге в пользу сына Эдиге Нур ад-Дина с Астрахани взималась подать (*караснап*) в размере 40 тыс. алтын: «со всякие избы по алтыну, а с ногайских продажных лошадей с лошади по алтыну, с коровы по три денги, с овцы по денге» (цит. по: [Посольская книга, 2003, с.47, 80–81]).

Наиболее разрушительными были крымские набеги на Астрахань (Мухаммед-Гирей в 1523 г. и Сахиб-Гирей в 1546 г.). По Реммалу-ходже, последний поход был вызван тем, что Ягмурджи (Ямгурчи), занявший астраханский трон, захватил торговый караван на пути из Казани в Крым. Обиженные купцы пожаловались Сахиб-Гирею, и тот, возмущенный вмешательством в торговлю Казани с Крымом (ведь он занимал казанский престол в первой половине 1520-х гг., и столь важная для Казани торговля с Крымом была ему хорошо знакома), стал готовить полномасштабный поход на город. Для астраханской экспедиции была объявлена полная мобилизация, в ярлыке, изданном ханом, было сказано, «что никто не может остаться на земле, весь народ, или армия (*халк*) должны привести себя в боевую готовность (*сефер айагын эдюб*), и если есть кто-нибудь, кто не станет рядом с ханом сразу после Ор Агзы (Перекопа), то его собственность должна быть разграблена, а голова сражена». Диван хана был отложен, а во все уголки страны отправлены послания о том, что если какой-либо мужчина от 15 до 70 лет не успел присоединиться к походу, то он столкнется с жестоким смертельным наказанием (*мюхкем сийасет*). Крымские войска в походе насчитывали от 200 до 1000 *тюфенкчи* (воины, вооруженные, по османскому образцу, ружьями – *тюфенк*), силы хана достигали 10 000 (включая подразделения беев), племенное ополчение достигало будто бы 250 000. После того, как крымские войска в течение суток форсировали Дон (единственное крупное препятствие на пути), судьба города была решена. Астрахань была захвачена благодаря полевой артиллерии и отрядам *тюфенкчи*. Ягмурджи бежал, а часть его свиты и окружения взята в плен и доставлена в Крым с обещанием, что им не будет причинен вред [Tarih-i Sahib, 1973, s.97–105; Остапчук, 2001, с.399–405].

В конце 1549 или начале 1550 г. на какое-то время город был захвачен московскими казаками. В 1551 г. московский посол в Ногайской Орде Петр Тургенев писал: «Да присылал, государь, турецкой царь к Исмаил мирзе посла своего, Чевушем зовут, сее весны. А сказывают, государь, с тем присылал: в наших, деи, в бусурманских книгах пишется, что те лета пришли, что руского царя Ивана лета пришли, рука ево над бусурманы висо-

ка. Уже, деи, и мне от нево обида великая. Поле, деи, все да и реки у меня поотымал, да и Дон у меня отнял, да и Озов город упуст у меня доспел, поотымал всю волю. В Азове казаки ево с Озова оброк емлют и воды из Дону пит[ь] не дадут... Да ево же, деи, казаки Астарахан[ь] взяли и какую грубость учинили. Да царя же, деи, Ивана казаки у вас Волги оба берега отняли и волю у вас отняли, и ваши улусы воюют, да у вас же, деи, пришед городетцкие казаки в улусы ваши, воевали, да Дервиша царя Астараханского полонили. И то, деи, вам не сорому ли учинили, как, деи, за то стать не умеете» [РГАДА, ф.127, оп.1, ед.хр.4, л.39–40]. Информация о взятии казаками города подтверждается еще одним источником. Московскому послу в Литву Никите Семеновичу Сушеву, прибывшему к великому князю литовскому в начале 1553 г. (из Москвы он уехал 15 января), был дан наказ сообщить: «Тому три годы минуло, как Астарахань взяли государя нашего казаки; а царь астраханской Ямгурчей из Астарахани ушел был в Черкасы, да из Черкас присылал государю нашему бити челом, чтоб ево государь пожаловал посадил опять на Астарахани. И государь его пожаловал, посадил опять на Астарахани, и ныне на Астарахани сидит царь из государя нашего руки и смотрит во всем на государя нашего» [Сборник РИО, 1887, с.375–376].

Отношения Астараханского ханства с Московским великим княжеством до 50-х г. XVI в. носили дружественный характер, обусловленный наличием общего врага – Крыма (конфликт с крымскими ханами Астрахань унаследовала от Большой Орды). До 1551 г. астраханцы, приезжавшие в Москву, появлялись здесь вместе с ногайцами. В 1552–1557 гг. упоминается уже и отдельный Астараханский двор в Москве, но о его местоположении ничего неизвестно. Вероятно, после взятия города он был ликвидирован: доставленный из Астарахани в 1558 г. царевич Ибак «поставлен был» на Рождественской улице «на крестьянском дворе» [Хайретдинов, 2002, с.53].

После завоевания в 1552 г. Казани в Москве созрел план овладения всем Волжским торговым путем. Иван IV борьбу с Астараханским ханством в 1554 г. мотивировал нарушением ханом Ямгурчи достигнутых договоренностей и обидой московского посла. Подспорьем в оправдательной идее служи-

ла «Тмутараканская» легенда (фантастическое отождествление Астрахани с Тмутараканью, которая во времена кн. Владимира была дана им в удел сыну Мстиславу). В апреле 1554 г. из Москвы в Астрахань была послана военная экспедиция (воевода князь Ю.И.Пронский Шемякин «с товарищи» – около 30 000 человек.). Хаджи-Тархан был взят без боя 2 июля, «в городе в то время были люди немногие» [ПСРЛ, 13, 1904, с.242]. Ямгурчи бежал в северокавказскую Тюмень (женой Ямгурчи была дочь кумыкского владетеля в Дагестане). В городе был поставлен хан Дервиш-Али, который до этого долго жил в Москве. При хане («готовать», как сказано в источниках) с небольшим гарнизоном был оставлен наместник П.Д.Тургенев. На Астрахань была наложена ежегодная дань. Сведения о ее размерах рознятся. В шерти (род договора-клятвы) астраханцев фигурируют 1000 рублей деньгами¹ и 3000 рыб «а собирать им тое дань меж себя самим и по вся годы присылать к нему великому государю и ево государским детям и наследником их к Москве, докележе благоволит господь Бог вселенней стояти со своими послы и полон российского царствия из кого ни есть купленной или взятой весь отдать безо всякого остатку и ухоронки» [ОР РНБ, Собр. Погодина №1490, л.86–86 об.; РГАДА, ф.181, оп.1, ед. хр. 49, л.180]. В другом источнике о дани сказано иначе: «по десяти тысяч лошадей на год, да по дватцети тысяч овец, да по тритцати тысяч рыб осетров и белуг» [Сборник РИО, 1887, с.450]. Шерть предусматривала в случае смерти Дервиша прямое обращение астраханцев в Москву к великому князю.

Дервиш-Али, однако, вскоре стал склоняться к союзу с Крымом и отослал П.Тургенева из города. Летом 1555 г. посланные из Москвы стрелецкий голова Г.Кафтырев и казачий атаман Ф.Павлов вновь занимают Астрахань, оставленную ханом и жителями. Дервиша удалось вскоре вернуть, причем дань за год была ему прощена, а в качестве московского представителя в городе оставлен Л.Мансуров. В ханстве сложилось фактическое двоевластие, а вскоре Дервиш в союзе с детьми ногайского мирзы Юсуфа осадили Мансурова в его резиденции

– небольшой крепостце. Мансурову все же удалось уйти. В марте 1556 г. на Астрахань вновь была отпущена стрелецкая рать под командованием головы И.Черемисинова и казаки во главе с М.Колупаевым. Еще ранее в поход был отпущен казачий атаман Л.Филимонов. Подойдя летом к городу, воеводы снова никого не обнаружили: «царь из Астарахани побегал, а город выжет» [Разрядная книга, 1975, с.37].

Части астраханской аристократии удалось бежать в Крым и Османскую империю. Какого-то астраханского царевича московские войска взяли «жива» 30 июля 1572 г. в ходе Молодинской битвы. Сын Дервиш-Али Мухаммед в начале 1570-х гг. жил в Османской империи, получая содержание от султана². В реестре № IV так называемых *Реестров важных дел (Mühimme Defterleri)* имеется краткая запись в 3 строки от 23 джумада I 967 г.х. (20 марта 1560 г.) о выплате тридцати акче сыновьям Дервиша-Али, укрывшимся в Турции (см.: [Bennigsen 1967]). Как сообщал И.П.Новосильцев в 1570 г., «У Турского ж салтана астороханской Дервиш Алеев сын Магмет-царевич, а живет в Урюмском городке за сторожи, а из города его вон не выпускают, а ест Турского олафу, а к себе ему Турской ездити не велит» [Путешествия, 1954, с.89 (389)]. В том же источнике упомянуты и некие «астороханский Семен-мурза да Тенимом зовут Теребердеев с товарищи, которые наперед прибежали из Асторохани в Азов» [Там же, с.67], а потом принимали активное участие в астраханском походе османских и крымских войск 1569 г.

В Стамбуле оказались и сторонники Ямгурчи. В мухарраме 976 г. (июнь – июль 1568 г.) был написан ответ Селима II на послание Девлет-Гирея, в котором хан сообщил, что он готов начать военную кампанию для отвоевания Астрахани. В первой части султанского письма речь шла о подготовке астраханского похода. Вторая часть послания посвящена больше вопросу сложных отношений хана Девлет-Гирея с другими ханами из династии Гиреев. Падишах обещает

² В историографии часто встречается утверждение, что потомки астраханских ханов бежали в Среднюю Азию, основав там собственную династию – Джанидов (Аштарханидов). О реальной связи потомков Темир-Кутлуга с династией Аштарханидов см.: [Трепавлов, 2009а].

¹ Или 40 000 алтын (по три копейки), т.е. 1200 рублей.

ему, в частности, изгнать в Алжир некоторых особенно ярых сторонников астраханского хана Ямгурчи (см.: [Bennigsen, 1967]).

В Крыму очень долго не могли смириться с завоеванием Казани и Астрахани. Москва фактически предложила выкуп за переход волжских ханств под свою юрисдикцию – надбавки к наибольшей, ранее имевшей место сумме поминок, и крымская сторона после длительного сопротивления согласилась на это.

Как и в других джучидских государствах вторым лицом в ханстве считался калга (наследник хана, как правило, его сын, или брат, или племянник). Знать состояла из султанов, огланов (уланов), беков и мурз (по русским источникам их в 1554 г. было не менее 500), многие из которых владели уделами. Не вызывает особых сомнений и существование в Астраханском ханстве института беев-карачи. Вероятно, главенствующую клановую группу составляли при астраханских ханах кунграты. Помимо них, в ханстве жили представители клана мангыт. Скорее всего, структура властной элиты ханства была организована традиционным для Джучидских государств XV–XVI вв. образом: четыре правящих клана (при различиях в наборе конкретных кланов), к которым позже добавился еще один – мангыты. Мы вправе предположить, что структура деления астраханской ветви мангытов была аналогичной ветвям в других ханствах (имелся калга, нуреддин, а также простые беки и мирзы). Податное, зависимое население составляли так называемые «черные люди». После присоединения «мурзы и черные татары», оставшиеся в городе, были записаны в службу и должны были платить ясак. Они получили название юртовые или домовные. Оставшиеся в степях под управлением покорившихся князей, получили название кочевных. Последние очень скоро исчезают с исторической арены. В домашнем хозяйстве, скорее всего, широко использовался труд рабов (вероятно, по большей части пленников славянского и кавказского происхождения). В источниках упоминается и астраханское духовенство – «муллы и ахуны и сеиты и абызы». В 1554 г. их было около 3000 человек.

Астраханское ханство имело тесные культурные связи со Средней Азией, Ираном, Османской империей, землями Дешт-и Кипчака. Эти связи обуславливались не

только торговыми интересами, но и религиозным единством: Хаджи-Тархан лежал на одном из традиционных путей среднеазиатских паломников в Мекку. Сами астраханцы также совершали хадж, и их связи с Меккой не прерывались даже в первые годы после присоединения города к Московскому государству. Мусульмане начинают заселять уже русский город Астрахань и поступать на русскую службу. В 1561 г. ногайский бий Исмаил просил у Ивана Грозного некоего холопа по имени Табич, который служил в Астрахани: «...а он пост держит и намаз правит, а в вере он в нашей», – писал Исмаил.

Видимо, в период независимости мусульманское духовенство города весьма активно вело миссионерскую деятельность в землях к востоку от Астрахани, распространяя и укрепляя ислам и мусульманскую культуру среди казахов. В начале XVI в. улемы из Хаджи-Тархана искореняли язычество у казахов [Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани, 1976, с.106]. Ханифитский мазхаб, как и везде в городах Золотой Орды, доминировал, но были и шафииты и маликиты. Знали в Астрахани и классические труды по мусульманскому законоведению (фикху), в частности Хафиз ад-Дина Несефи (ум. в 1310 или 1320 г.). Нет сомнения в том, что основная часть мусульман в Нижнем Поволжье исповедовала ислам суннитского толка, однако, возможно, встречались и шииты (ввиду близости сефевидского Ирана). В целом для Астраханского ханства, вероятно, была характерна ситуация, свойственная Золотой Орде в более ранний период: сам город был оплотом ислама в государстве, а степь и вообще окрестности города были исламизированы очень слабо. Знакомы были в Хаджи-Тархане и с суфизмом. Возможно, что первоначально в Астрахани был весьма распространен тарикат Ясавийа. Позднее наиболее популярен, вероятно, как и в Казани, был тарикат Накшбандийа, но было известно и братство Кубравийа. Так же как и в Средней Азии, Крыму и Казани, существовали шейхи (или ишаны) – особо почитаемые и уважаемые лица, религиозные авторитеты, руководители духовных братств.

Создавались в городе литературные и исторические сочинения: уроженцем Астрахани поэтом и писателем Шерифом Хаджитархани было написано сочинение «Зафер наме-и Вилайет-и Казан», посвященное

неудачному походу русских войск на Казань в 1550 г. Безусловно, в Астрахани существовала и собственная историографическая традиция. Информаторы Утемиш-хаджи, астраханцы Баба-Али и Хаджи Нияз, были образованными людьми своего времени. Последний, видимо, купец, «знаменитый своим богатством», рассказывал Утемиш-хаджи об эпохе войн между Берке и Хулагу, причем этот рассказ он сопровождал собственными комментариями относительно местностей, в которых происходили эти события. Хаджи Нияз под именем «Хонез» упоминается в письме московского дипломата Кубенского (октябрь 1500 г.). Его брат Ак-молла («Ахмолна») также был крупным торговым деятелем: с другими астраханцами он вел торговые операции в Москве, и, вероятно, какое-то время провел там в заключении. Аблез-бакши (московский приказной деятель, ведавший в Посольском приказе переводами с татарского и других восточных языков) как будто бы написал «Хонезу» письмо, в котором предлагал ему, чтобы хан Абд ал-Керим, выдвинувшись к Дону, стерел московского посла и гостей. Захватив дипломата и купцов, Хонез мог бы обменять их на Ак-моллу [Сборник РИО, 1884, с.333–334].

Можно предположить, что в ханстве существовали письменные фиксации событий золотоордынской истории, по всей видимости, наличествовала весьма устойчивая устная традиция, связанная с самой Астраханью, как бы включающая ее в общий ход истории. Скорее всего, бытовали в городе и имели известную популярность классические произведения мусульманской историографии (например, труд Рашид ад-Дина). Однако татарские исторические сочинения, специально посвященные истории Хаджи-Тархана, в существовании которых можно не сомневаться, не сохранились. Книга Джиханшаха б. Абд ал-Джаббара ал-Нижгарути ал-Хаджитархани «История Астрахани», к сожалению, не касается ханского периода в истории города [Хаджитархани, 1907; см. также: Frank, 2001]. При дворе астраханских ханов работали писцы (бакши), ведавшие деловой, дипломатической перепиской, а также, вероятно, перепиской книг. Об одном из таких писцов-бакши хана 'Абд ар-Рахмана, входившего в состав посольства в Москву в 1540 г., упоминают русские

летописи¹. Знали в Хаджи-Тархане классические произведения арабской и персидской словесности (например, «Шах-наме» Фирдоуси), образцы сочинений по точным наукам, например, математике, географии, астрономии. Не исчезли с приходом ислама в город и языческие пережитки.

Ни одной достоверной исламской рукописи из Хаджи-Тархана до присоединения города к Русскому государству нам неизвестно. От времени существования русской Астрахани дошло несколько манускриптов. Их можно условно разделить на две группы: рукописи, изготовленные по собственной инициативе членами мусульманской общины города внутри нее; и списки, выполненные астраханскими мусульманами по заказу христиан-миссионеров. Среди книжной продукции астраханских мусульман встречаются как списки сугубо прикладного религиозного содержания (трактат об отменяющих и отмененных сурах Корана), так и рукописи «светского» характера (поэтические диваны и отдельные поэтические тексты, «Юсуф и Зулейха» 'Али), среди которых преобладает история («Дастан-и насл-и Чингиз-хан», «Шаджара-и турки», «Тарих-и Надири»). Наблюдается классическая картина: коранические науки представлены исключительно на арабском; на фарси выполнены рукописи большей жанровой широты (этика, поэзия, история); тюрки почти полностью вытеснен в «светскую» сферу поэзии и истории [Зайцев, 2009, с.206–210].

С XIV в. Хаджи-Тархан – один из важнейших торговых пунктов на Нижней Волге, через который проходил великий караванный путь, соединявший средиземноморскую торговлю с Востоком. Вероятно, особенно интенсивно развивалась торговля Хаджи-Тархана с городами Северного Азербайджана, а также с Азаком и черноморскими портами. Очень тесными были связи Нижнего Поволжья и Хаджи-Тархана, в частности, с Хорезмом. Неслучайно, в начале второй четверти XIV в. на торговом пути с низовьев великой реки в Среднюю Азию – на Устурте одновременно возникает целый комплекс караван-сараев, который прекратил действовать в 70-е гг. XIV в. в связи с разрушительными походами

¹ Употребление этого слова косвенно свидетельствует о том, что астраханская канцелярия еще не была до конца исламизирована.

Тимура на Хорезм. Походы Тимура 1391 и 1395 гг., безусловно, нанесли большой урон и другому направлению торговли Астрахани – азакскому. Этот путь, в конечном счете, связывал иранские берега Каспия (через Астрахань и Азак) с Кафой, а затем с внутренними районами Османской империи. Шелк и пряности являлись основным товаром на этом пути. В конце XV в. значение торговли специями через Астрахань с востока (прежде всего из Индии через Шемаху и Баку) было все еще весьма велико. Хаджи-Тархан на всем протяжении своей истории вплоть до русского завоевания был и крупным центром работорговли. Рабы продавались в Крым, Казань, Среднюю Азию и Иран. После присоединения города к Московскому государству русские рабы еще очень долго продолжали возвращаться на родину.

Экономика Астрахани, видимо, складывалась из двух составляющих – транзитной торговли и экспорта местных продуктов [Зайцев, 2006]. Основными товарами собственно астраханской экономики были рыба и соль, которыми торговали как с волжскими городами, так и, вероятно, в значительно меньшей степени, со странами каспийского бассейна. Соль в окрестностях города добывалась из озер (т.н. «самосадочная» соль), ее выгребали лопатами из воды, сушили на солнце и грузили на транспортные средства. В буграх соль могла сохраняться весьма значительное время, лишь уплотняясь со временем, отчего глыбу приходилось потом колоть топорами и ломанами.

Рыба добывалась в Хаджи-Тархане издавна. Русская рыболовная терминология низовьев Волги почти вся тюркского происхождения, что указывает на ее заимствование русскими рыбаками в готовом виде от местного населения (татарская лексика очень частотна, например, в описании устройства учуга). Рыбы осетровых пород (севрюги?) (вероятно, символ зодиакального созвездия Рыб) даже изображены на одном из типов хаджитарханских монет XIV в. Лов осетров осуществлялся три месяца в году – с конца мая по конец августа. Рыба солилась на месте, грузилась на суда и вывозилась вверх по Волге. Ассортимент вывозимой рыбы был, видимо, не столь разнообразен: в русских документах упоминаются в основном осетры, белуги и севрюги. Терминология засолки рыбы также почти сплошь

тюркского происхождения, что позволяет предположить, что и в ханское время рыбу в Хаджи-Тархане солили приблизительно так же. Рыбу также сушили (она употреблялась иногда вместо хлеба). Рыбные учуги, скорее всего, в первой половине XVI в. принадлежали хаджитарханской аристократии. Часть учугов на рукавах волжской дельты и ериков принадлежала лично хану.

Хлеб в Астрахань приходилось ввозить. Вероятно, город должен был постоянно страдать от нехватки зерна, в таких условиях мор и голод среди местного населения должны были быть явлением отнюдь не редким.

В экономике ханства весьма велика была роль скотоводства. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакани писал, что «из Хаджи-Тархана доставляют множество благ, жирных овец, коней, верблюдов и другие ценные товары». Неслучайно до сего дня сохранилась татарская пословица «*Aŭtarqanda sǟjǟr bǟr aqça, kilä-kilä mǟñ aqça*» [Ramstedt, 1991, s.63] («В Астрахани корова [стоит] одну денежку, [а если] отъедешь [уже] тысячу»¹). Вероятно, какую-то роль в хозяйстве ханства играли садоводство, огородничество и охота, однако их доля не могла быть очень велика (существование в Астрахани развитого садоводства в ханский период весьма вероятно). В русских пословицах XVII в. арбузы – то, чем Астрахань славна: «Астрахань арбузами, а мы гологузами».

Можно достаточно уверенно полагать существование в ханстве уделов хана и калги (*калгалык*). Последний давался калге только в пользование. Крестьяне, жившие на землях *калгалыка*, как и ханские, работали на них из 1/10 части. Данных о бейликах, подобных крымским и казанским, в Астрахани нет, хотя, скорее всего, они были также и там. Весьма вероятно наличие поземельных владений духовных лиц и учителей (*ходжалык*). Какая-то часть пахотных земель, вероятно, находилась в общинном владении. Скорее всего, существовал в Астрахани и институт сойургала (условного военно-ленного землевладения, права взимать в течение известного времени в свою пользу ренту – налог, ранее поступавший в пользу хана).

На всем протяжении своей многовековой истории город оставался крупным культурным и торговым центром Нижней Волги.

¹ Приблизительный аналог русского выражения «за морем телушка полушка, да дорог перевоз».

ГЛАВА 3

Сибирское ханство

§ 1. Сибирское ханство в составе Шейбанидского государства (вторая половина XVI в.)

Александр Нестеров

После гибели Шейбанидского государства в Сибирском юрте в начале XVI в. потомки Саййид Ибрахим-хана нашли убежище у своих дальних родственников в Центральной Азии, где с 1500 г. существовало Шейбанидское государство, основанное Мухаммадом Шейбани-ханом б. Шах Будаг-султаном б. Абу-л-Хайр Убайдаллах-ханом. Возможно, что представители сибирской ветви Шейбанидов сохранили и какие-то владения в Западном Казахстане, но достоверных данных об этом в источниках нет. Единственным упоминанием о наследнике Саййид Ибрахима (Муртаза-султана?) является направленная в 1535 г. в Москву грамота ногайского бия Саййид Ахмада, в которой сообщается, что «Иваков царев сын и тот нам повинился со всеми своими товарищи и слугами» [Посольские книги, 1995, с.131]. Видимо, в этот период наследники Сибирских Шейбанидов кочевали между владениями Узбекских Шейбанидов и Ногайской Ордой.

В начале 1550-х гг. среди шейбанидских султанов выделились наиболее реальные претенденты на наследие Сибирских Шейбанидов: сыновья Муртаза-султана б. Саййид Ибрахим-хана Кучум-султан и Ахмад Гирей-султан. Их отец Муртаза-султан, по видимому, не играл никакой существенной политической роли, но русские сибирские летописи и сибирско-татарский фольклор обычно именуют его владетельной особой; записанные Г.Ф.Миллером исторические предания сибирских татар называют Муртазу даже «ханом Большой Бухарии» [Миллер, 1937, с.196]. Естественно, что у нас нет никаких оснований предполагать существование не отмеченного в многочисленных среднеазиатских источниках XVI–XVII вв.

сильного владения Муртаза-султана в Средней Азии или Южном Казахстане. Наиболее вероятным остается предположение, что Муртаза-султан владел незначительным улусом на северных границах Шейбанидского государства в Средней Азии.

Можно предполагать, что Муртаза-султан умер около 1555 г. Именно в это время на ведущую роль среди четырех известных сыновей выдвинулся Кучум-султан.

Видимо, сразу же после смерти отца Кучум-султан начал войну против Тайбугидов. Основанием для такого предположения служит не только обращение Йадигар-бека в 1555 г. за помощью к Ивану IV, но и датировка, приведенная в «Шаджара-и тюрк» Абу-л-Гази-хана: он относит начало правления Кучум-хана именно к 1555 г. [Абуль-Гази, 1906, с.156]. Кто из шейбанидских правителей Средней Азии оказал поддержку Кучум-хану, установить с достоверностью в настоящее время невозможно: ясно только, что такая поддержка была оказана, и сыновья Муртаза-султана превратились в реальную угрозу для Тайбугидского государства. Положение Кучума и его братьев значительно укрепилось после прихода к власти в Бухаре в 1557 г. энергичного хана Абдаллаха II (в 1583 г. стал верховным ханом всего Шейбанидского государства). Война продолжалась успешно для Шейбанидов. В 1563 г. Тайбугидское государство было уничтожено, и Сибирский юрт вновь перешел под власть Шейбанидов.

Однако реставрированный шейбанидский Сибирский юрт ничем не напоминал Шейбанидское государство XV в. Теперь это было вассальное Сибирское ханство, входившее в состав Шейбанидской державы, подобно, например, Балхскому ханству.

Правитель Сибирского ханства признавал свою зависимость от верховного хана Шейбанидского государства, который в значительной степени контролировал положение в своем новом владении и имел право назначения ханов: например, в 1564 г. на место Кучум-хана был назначен его старший брат Ахмад Гирей-хан, а Кучум-хан стал его соправителем. Однако Сибирские Шейбаниды не стремились к независимости: получение постоянной поддержки с юга было для них жизненно необходимым. Шейбанидское Сибирское ханство без поддержки со стороны Шейбанидского государства в Центральной Азии не смогло бы существовать из-за непрекращающегося сопротивления местной сибирско-татарской знати и угорской родовой аристократии. В борьбе с этой знатью в 1567 г. погиб Ахмад Гирей-хан, которому наследовал Кучум-хан. В конечном итоге Сибирское ханство Шейбанидов наследовало структуру Тайбугидского государства: оно состояло из отдельных фактически независимых владений местной знати номинально подчинившихся хану. Центром государства остался Искер: Чимги-Тура после гибели Шейбанидского государства в начале XVI в. была заброшена и не восстанавливалась.

Население ханства было сравнительно невелико – в 1555 г. в нем насчитывалось 30700 черных людей [Долгих, 1960, с.28–77] – и расселено на значительной площади. Эффективного административного аппарата создано не было. В источниках засвидетельствовано только две должности, существовавшие в Сибирском юрте: карачи – «думный царев», первое лицо после хана, вероятно, представлявший интересы местной аристократии (на этот пост был назначен правитель Джалаирского улуса на Нижнем Тоболе Кадыр Али-бек), и даруга, отвечавший за сбор дани. Чтобы сохранить хоть какой-то контроль за местными феодалами, строились укрепленные пункты на важных путях и в центрах отдельных улусов. К числу таких крепостей относились укрепления, защищавшие непосредственные подступы к Искеру: Бицик-Тура, Сузге-Тура; Яулу-Тура, ставшая опорным пунктом на пути в Среднюю Азию, Кызыл-Тура – древний центр приишимских татар, заново укрепленный во второй половине XVI в.;

ряд безмянанных крепостей в Барабе, на р. Туре и др.

Военной опорой Кучум-хана были среднеазиатские наемники: доверять местному войску хан не мог. Их отряды размещались в основных укрепленных пунктах на территории ханства. Кроме того, целям укрепления своей власти, по мнению Кучум-хана, должно было служить присвоение местной знати званий и должностей (мурз и сотников – насколько можно проследить, эти должности не были связаны ни с какими конкретными обязанностями и носили характер почетных званий) – это касалось как татарской, так и угорской, прежде всего, Пелымской аристократии, – а также усиленное внедрение ислама на территории Сибирского ханства.

Изменилась и внешнеполитическая линия сибирских правителей. Во второй половине XVI в. она приобрела ярко выраженную антирусскую направленность. Если в 1557 г. Ахмад Гирей-султан направил миссию в Москву, пытаясь нейтрализовать русское государство в условиях борьбы с Тайбугидами [Небольсин, 1849, с.35–36], то после победы отношения резко ухудшились. Уже 2 января 1564 г. Иван IV писал об угрозе шейбанидского нападения на пермские земли [Дополнения, 1846, №117]. Формально Ахмад Гирей и Кучум подтвердили даннические обязательства Йадигар-бека по отношению к Русскому государству, но выполнять они их не собирались: отныне Сибирский юрт был вассалом не Русского, а Шейбанидского государства, а правители его ориентировались на Центральную Азию.

Политика исламизации Сибирского юрта получила решительную поддержку центральных властей Шейбанидского государства, прежде всего самого Абдаллаха II. В 1572 г. им была направлена первая духовная миссия в Сибирь.

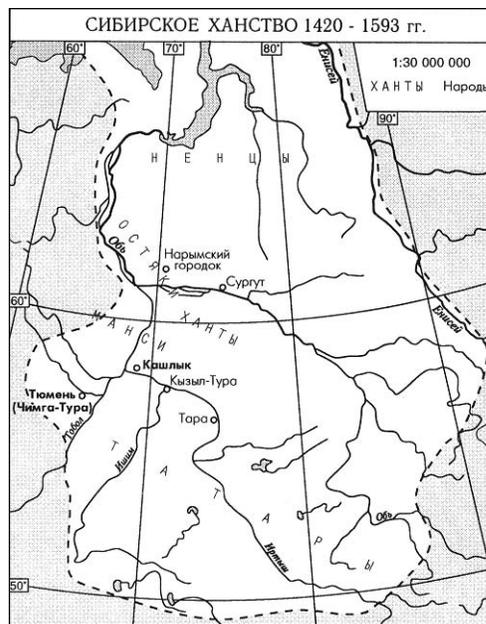
В сибирско-татарском историческом произведении XVII в. «Шаджара рисаласи» сохранилась история этой миссии: «980/1572 г. искерский Кучум хана отправил к бухарскому Абдаллах хану посольство с просьбой прислать еще одного шейха... Потом Абдаллах хан приказал хакиму: Хан Саййиду ургенчскому хакиму еще одно письмо пошли, путь от саййидов Йарым саййида, а от шейхов Шербети шейха пошлет для обучения

вере ислама (народа сибирского)» [Радлов, 1877, с.118]. После прибытия миссии в Искер Йарым-сайид был назначен хакимом – управителем государства – и оставался при хане вплоть до смерти в 1574 г. Таким образом, в 1572 г. в Сибирском ханстве была введена новая должность, которая в известной степени должна была противостоять карачи.

После смерти Йарым-сайида в 1574 г. Шербети-шейх покинул Искер и вернулся в Ургенч. В 1575 г. Абдаллах II вновь направил Шербети-шейха в Искер во главе духовной миссии, в которую был также включен Дин Али-ходжа, племянник Йарым-сайида. На этот раз и Шербети, и Дин Али остались в Искере, а Дин Али был приближен к Кучум-хану, который выдал за него свою дочь Лейле [Там же, с.220]. Потомки Дин Али и Шербети-шейха жили в нескольких татарских селах близ Тобольска еще в XVIII в. [Миллер, 1937, с.201].

Члены духовной миссии начали интенсивную пропаганду ислама среди населения Сибирского ханства. Было «открыто» множество мест захоронения «сибирских борцов за веру ислама», на этих местах были воздвигнуты мавзолеи. Для активизации исламской проповеди члены духовных миссий были расселены по территории ханства: например, член миссии 1575 г. Якуб-мулла по данным сибирско-татарской родословной хроники «Ыльяс мулла атасындан ишиткэни» поселился в Саргатском улусе у устья Ишима [Радлов, 1877, с.212]. Тем не менее исламизация шла с большим трудом; местное население, особенно в окраинных областях государства, в значительной степени сохранило доисламские верования. Это касается не только угорского населения, которое так и не приняло ислам, но и тюркского, для которого, например, в Барабе, остатки доисламских верований прослеживались и в XIX в.

Русско-сибирские отношения, фактически разорванные после 1563 г., были возобновлены после 1569 г. Но если русское правительство настаивало на исполнении Сибирским ханством своих вассальных обязательств по отношению к Русскому государству, то правители Сибири рассматривали теперь отношения с Русским государством в лучшем случае как отношения равных между собой стран (хотя, по мне-

Автор карты И.Л.Измайлов

нию русских дипломатов, Кучум-хан и был готов признать Ивана IV «братом старейшим») [Собрание, 1819, с.52, 63, 64], однако верховный хан Шейбанидского государства признавался Кучум-ханом в качестве сюзерена, – таким образом, с точки зрения дипломатического протокола Русское государство рассматривалось сибирскими дипломатами ниже Шейбанидской державы. Документы, направленные из канцелярии Сибирского ханства русскому царю в 1569 г., по форме соответствовали грамоте (*hatt*), направляемой равноправному государю. Фактически Кучум-хан направил в Москву предложения о мире и о разграничении территорий обоих государств по линии Уральских гор, а не выражение покорности и признание зависимости, как этого хотелось русской дипломатии. Ответное письмо Ивана Грозного содержало требование о признании такой зависимости со ссылкой на исторический прецедент: по мнению русского царя, основанием для этого является просьба Тайбугидского князя Едигера о принятии Сибири в русское подданство [Нестеров, 2004, с.280]. Естественно, что такая позиция России не способствовала улучшению русско-сибирских отношений.

Это стало еще более ярко выраженным после поражения, которое нанесло Русскому государству войско крымского хана

Даулат Гирея I в 1571 г., и выразилось в направлении в Москву послания Кучум-хана, составленного в форме ярлыка. Текст документа не сохранился: русские источники сохранили лишь начальный и конечный протоколы документа и кратко пересказали его содержание: «Послал о том, чтоб его Царь и Великий Князь взял в свои руки, а дань со всея сибирския земли имал по прежнему обычаю». Однако протокол документа противоречит такому толкованию русских дипломатов. Документ начинался формулой «Кучум богатырь царь – слово наше», легко реконструируемой как «Köçüm bahadur han sözüim». Подобная форма характерна именно для ярлыков, направляемых от высшего по положению правителя к низшему, зависимому. О форме документа свидетельствует и конечная формула «писано с нишаном» («usbu nişan arlıq»), что также соответствует посланию в форме ярлыка. Вероятно, Кучум-хан решил показать высокомерному русскому правителю, что он является законным наследником Джучидской державы, а русские земли – лишь ордынским улусом; во всяком случае, толкование этого документа как признания зависимости Сибирского ханства от Москвы было явным преувеличением русских дипломатов. Русское правительство направило в Сибирь в качестве посланника Третьяка Чубукова с текстом присяги, которую должны были принести Кучум-хан и сибирские «лучшие люди». Миссия провалилась: само направление ее показало, что московское правительство не понимало реальной ситуации, сложившейся в отношениях между Москвой и Искером. Кучум-хан отверг претензии русского правительства, и отношения между Сибирским ханством и Российским государством фактически были разорваны.

В 1573 г. племянник Кучум-хана Мухаммад Кули-султан совершил набег на пермские земли и разграбил чувовские волости; был захвачен и убит Третьяк Чубуков, направленный московским правительством к казахскому Хакк Назар-хану – противнику Шейбанидов. Этот набег положил начало вооруженным конфликтам, которые завершились походом Ермака и других русских воевод и гибелью Сибирского ханства. Возможно, провоцируя конфликт, Кучум-хан

недооценивал реальную силу Российского государства и полагал, что международная обстановка благоприятствует изгнанию русских с Урала. В конце 1570-х – начале 1580-х гг. Мухаммад Кули-султан и сын Кучум-хана Али-султан совершили несколько набегов на пермские земли, основательно разорив их. Однако трудно предполагать, что Кучум-хан ставил задачу покорения русских владений на Западном Урале: скорее речь шла о предотвращении возможного удара со стороны сильного противника. Однако в конечном итоге политика Кучум-хана привела к противоположному результату: постоянные нападения войск сибирского хана на русские границы стали одним из предлогов для развязывания русско-сибирской войны 1581–1598 гг.

В 1570-х гг. осложнилось положение на южных границах Сибирского юрта, где усилилось враждебное Шейбанидам Казахское ханство. Один из наиболее последовательных врагов Шейбанидской державы Хакк Назар-хан казахский попытался отрезать Сибирское ханство от Средней Азии. Успех этого предприятия привел бы к падению шейбанидской власти в Западной Сибири, поскольку, как уже указывалось, сохранение этой власти было возможно только при условии постоянной поддержки с юга. Гибель Хакк Назар-хана в 1580 г. в войне с Абдаллахом II привела к установлению мира: сменивший Хакк Назар-хана Шигай-хан б. Джадик-султан был давним союзником Абдаллаха II; одной из жен Кучум-хана была дочь Шигай-хана [Султанов, 1982, с.118]. Джалаиры во главе с Кадыр Али-беком карачи были одним из сильнейших племен Сибирского ханства, – тем большую важность для Кучум-хана имел союз с Шигай-ханом, покровительствовавшим джалаирам. Шигай-хан признав себя вассалом Абдаллаха II, в 1581 г. Абдаллах II выделил Шигай-хану в удел г. Ходжент. Казахское ханство, как и Сибирское, стало составной частью Шейбанидского государства.

Период 1580–1582 гг. – время наибольшего территориального расширения Шейбанидской державы, охватывавшей в эти годы территории Средней Азии, Казахстана, Западной Сибири, Восточного Ирана и Северного Афганистана. Однако это могуще-

ство оказалось непрочным. Началом краха стали казаться бы незначительные события 1581–1582 гг.: начало движения малочисленного казачьего отряда Ермака на западной границе Сибирского юрта и переход власти в Казахском ханстве к Таваккул-хану б. Шигай-хану (в 1581–1582 гг. был правителем Афаринкентского вилайета Шейбанидского государства) [Султанов, 1982, с.120]. Таваккул-хан вскоре выступил против Абдаллаха II: он заподозрил Абдаллаха II в недоброжелательности по отношению к себе и воспринял как угрозу представление Кучум-ханом убежища в Искере Ураз Мухаммад-султану б. Ундан-султану б. Шигай-хану, законному наследнику Казахского ханства.

После 1582 г. начался новый этап в истории Сибирского юрта – период присоединения его к Русскому государству.

Внешнеполитическая обстановка в 1582 г. складывалась для Кучум-хана исключительно неблагоприятно. Казахское ханство Таваккул-хана стало противником Шейбанидов. Абдаллах II увяз в продолжительной войне против Баба-султана, затем вступил в длительные войны в Хорасане и Восточном Туркестане. Фактически Кучум-хан мог рассчитывать исключительно на силы Сибирского ханства: ополчения отдельных феодальных владений сибирско-татарского происхождения, ополчения угорских племенных объединений и немногочисленную гвардию среднеазиатского происхождения. Положение еще больше обострилось после бегства из Сыгнака, где он проживал в почетном плену, Саййид Ахмад-бека Тайбугида – законного наследника династии Тайбугидов, которая для местной аристократии была олицетворением независимого Сибирского государства. Саййид Ахмад-бек с небольшим отрядом вторгся на территорию владений Кучум-хана и начал военные действия против Шейбанидов.

Как уже указывалось, Сибирский юрт не представлял собой сколь либо целостного государственного объединения. Непосредственно под властью хана находились только несколько крепостей на стратегически важных путях – Искер, Яулу-Тура, Сузге-Тура, Кызыл-Тура, Тон-Тура и др. Большая часть территории государства находилась во власти угорских племенных объединений,

важнейшими из которых были мансийский Пелым и хантыйская Кода.

Пелым во второй половине XVI в. уже находился на грани складывания феодальных отношений и был наиболее тюркизированным из всех племенных объединений ургов Зауралья. Трехединая территория Пелыма (собственно Пелымское княжество, Кондинское княжество и Таборы) по татарскому образцу делилась на сотни и десятки. Местная мансийская знать, равно как и татарская аристократия Западной Сибири, носила титул мурз [Бахрушин, 1935, с.34–36], широко были распространены имена тюркского происхождения. Не случайно, что именно пелымский правитель князь Патлик был одним из наиболее последовательных сторонников Кучум-хана и в борьбе против русских. Сходную позицию занимал и кодский князь Алач – сильнейший среди хантыйских правителей этого времени.

Вторжение незначительного по численности казачьего отряда Ермака в первый момент не казалось хану серьезной угрозой для Сибирского юрта: он считал, что вторжение это не может быть продолжительным, т.к. войска Сибирского ханства во главе с Али-султаном б. Кучум-ханом и пелымским князем Патликом перешли Уральский хребет и начали военные действия в Перми. Хан рассчитывал, что Строгановым, владевшим огромным массивом земель в Приуралье и оказавшим огромную поддержку казакам Ермака, придется отозвать казачий отряд на защиту своих владений. Тем не менее поход продолжался.

Русское правительство потребовало от Строгановых остановить поход: в условиях войны со Швецией, постоянных столкновений с Крымом и ногами начинать новую войну на восточных границах государства представлялось Ивану IV нецелесообразным. Однако царская «опальная грамота» запоздала: 1 сентября 1582 г. отряд уже покинул владения Строгановых (грамота датирована ноябрем 1582 г.).

Поход отряда Ермака носил молниеносный характер. Во многом судьбу первого этапа войны решил именно фактор стремительности: Ермак наступал на Искер, не задерживался для упрочнения своей власти на пройденных землях. Возможно, что пер-

воначальный план похода предусматривал только разграбление центральных районов Сибирского ханства для того, чтобы на продолжительное время парализовать активность ханства по отношению к пермским землям Русского государства. Кучум-хан передал руководство военными действиями Мухаммад Кули-султану, который рассчитывал использовать преимущества конницы сибирских татар. Несомненная распорядительность и военный талант Мухаммада Кули-султана помогли на какое-то время консолидировать разрозненные вооруженные силы северных татарских и угорских феодалов (южные, прежде всего Кадыр Али-бек карачи джалаир, защищали свои владения, оказавшиеся на пути отряда Ермака). Однако и Мухаммад Кули-султан не смог преодолеть враждебность местной аристократии по отношению к Шейбанидам, что выяснилось при первых же крупных столкновениях казаков с сибирцами: во время ничейного по своему результату Чувашского сражения (в районе Искера в урочище Чувашский мыс) Мухаммад Кули-султан был ранен, что вызвало немедленное бегство хантйских князей и их отрядов с поля боя. Лишившийся армии Кучум-хан вынужден был покинуть крепость Искер, где не было источников питьевой воды, и 26 октября 1582 г. Искер был занят казаками, захватившими при этом огромные запасы пушнины, хранившиеся в крепости.

Реально владения казаков в конце октября 1582 г. ограничивались только самыми ближними окрестностями Искера. Но уже 30 октября князец Бояр с р. Демьянки прибыл с данью к новому беку Искера – Ермаку (Йармак-бек). Примеру Бояра последовал еще ряд местных угорских князцов.

Положение казаков осложнилось в декабре 1582 г. – после возвращения войска Али-султана из набега на Чердынь. Кучум-хан передал это войско Мухаммад Кули-султану и приказал выбить противника из Искера. Однако сражение под Абалаком 5 декабря 1582 г. принесло новый успех Ермаку: Мухаммад Кули-султан был разбит, после чего последовало признание власти Ермака – искерского бека – татарскими феодалами как района Искера, так и более отдаленных районов – например, Ермака признавали мурзы

с р. Тавды Иш Берди и Суклем. На подчинившихся Ермак налагал ясак, чаще всего соболями шкурами.

Однако положение Ермака как бека Искера было еще более непрочно, чем положение Кучум-хана. Фактически взятие Искера и Абалакское сражение привели к распаду Сибирского ханства на отдельные феодальные владения, существовавшие независимо от Искера. В этих условиях Ермак принял решение обратиться за помощью к русскому правительству.

Эта акция Ермака перевела военные действия в новый разряд: из полуразбойничьего набега небольшого казачьего отряда война перешла в ранг межгосударственной русско-сибирской войны, направленной на присоединение к Русскому государству обширного лесного края.

После поражения под Абалаком Кучум-хан отступил к Кызыл-Туре на Ишиме. Утрата контроля над Искером и на иртышском речном пути привела к фактической независимости Пельма, Коды и других угорских объединений. Именно против слабых «княжества» обских угров и был направлен поход Ермака из Искера на север летом 1583 г., в результате которого к Русскому государству были присоединены территории по Нижнему Иртышу и Нижней Оби.

Военные неудачи сразу же усилили разброд среди татарских аристократов Сибирского юрта. В своих междоусобицах они были готовы даже обращаться за помощью к Ермаку: например, мурза Саинбахт (судя по имени, возможно, он был родственником Тайбугидов) из вражды к шейбаниду Мухаммад Кули-султану организовал поход казачьего отряда на Вагай против ставки султана. В результате этого неожиданного набега Мухаммад Кули-султан был взят в плен и немедленно отправлен в Москву. Впоследствии Мухаммад Кули-султан находился на военной службе у Бориса Годунова, Василия Шуйского, касимовских ханов Ураз Мухаммад-хана и Алп Арслан-хана б. Али-хана б. Кучум-хана и умер в Касимове в 1618 г. (где сохранилось его надгробная плита) [Вельяминов-Зернов, 1866, с.47].

Пленение Мухаммад Кули-султана резко пошатнуло опору Кучум-хана. От подчинения хану отказался Кадыр Али-бек джалаир,

который заключил союз с Тайбугидом Саййид Ахмад-беком (князем Сейдяком русских летописей) и Ураз Мухаммад-султаном б. Ундан-султаном б. Шигаи-ханом – казахским султаном, нашедшим убежище при дворе Кучум-хана. Этот союз оформился окончательно к 1584 г., когда его члены начали активную борьбу против казаков Ермака.

Силы казачьего отряда таяли в столкновениях с сибирскими феодалами, существенной помощи из России не поступало. В этой обстановке в 1584 г. Ермак предпринял поход на Пелым. Вероятно, главной целью этого похода было открытие наиболее удобного – Лозьвинского – пути из Перми в Сибирь, однако поход, хотя и завершившийся разгромом и гибелью пелымского князя Патлика, не достиг цели: водный путь по Тавлде и Лозьве остался закрыт для казаков, а новый правитель Пельма Аблегириим был настроен столь же враждебно к русскому отряду, как и его предшественник.

В планах 1585 г. для Ермака главным было пленить Кучум-хана: пока хан не находился в плену, власть Ермака в Сибирском юрте оставалась непрочной. В походе 1585 г., направленном вверх по Иртышу, Ермак погиб, а остатки его отряда (к 1585 г. уцелело 90 из 500 казаков, пришедших в Сибирь в 1582 г.) приняли решение покинуть Сибирь. Искер был оставлен казаками и вскоре был занят отрядом Али-султана б. Кучум-хана. Однако война продолжалась: пришедший (и опоздавший) на помощь Ермаку отряд воеводы И. Мансурова основал осенью 1585 г. Обский городок – первый опорный пункт русских в Зауралье. В 1586 г. воевода В.Сукин на месте древней Чимги-Туры основал Тюменский острог, а в 1587 г. Д.Чулков основал Тобольск – укрепление в 15 верстах от Искера. Русские практически беспрепятственно закреплялись в Западной Сибири.

Этому способствовала развернувшаяся в Сибирском юрте междоусобная война. После гибели атамана Ермака, в условиях фактического распада Шейбанидского Сибирского ханства, наследник Тайбугидов сделал попытку восстановить свое государство. В 1586 г. Саййид Ахмад-бек захватил Искер, изгнав оттуда шейбанидского правителя Али-султана, старшего сына Кучум-хана. Правители «княжеств» Западной Сибири

охотно поддержали восстановление «своей» династии. Фактически у власти в новом Тайбугидском государстве встал триумvirат: Саййид Ахмад-бек Тайбугид; Кадыр Али-бек карачи джалаир, правитель влиятельного Джалаирского улуса, расположенного на нижнем течении Тобола; Ураз Мухаммад-султан, внук казахского хана, впоследствии хан касимовский (видимо, признанный остальными членами триумvirата в качестве хана Сибири). Однако русское правительство не было склонно ожидать окончательной реставрации Искерского бекства или нового возвращения Шейбанидов в Искер: его программа предусматривала окончательное присоединение территории Сибирского юрта к Русскому государству. Реализации этих планов способствовали возникшие в 1585–1587 гг. остроги в центральной части юрта на стратегически выгодных местах, прежде всего Тобольск. Уже в начале 1588 г. тобольский воевода Д. Чулков сумел хитростью пленить Саййид Ахмад-бека, Кадыр Али-бека и Ураз Мухаммад-султана – всю верхушку сибирско-татарской знати реставрированного Тайбугидского государства. Захваченные в плен сибирские аристократы были высланы в Москву, а Искерское княжество было ликвидировано. Тем не менее война продолжалась: оставался непокоренным Кучум-хан, сохранялись независимые Пелым и Кода.

Вероятно, около 1589 г. Кучум-хан получил, наконец, какую-то помощь от Абдаллаха II. Это вызвало резкую тревогу Таваккул-хана казахского и в конечном итоге привело его к решению обратиться за помощью против Шейбанидов в Москву. Таваккул-хан предложил русскому правительству признать Казахское ханство зависимым от Русского государства при условии заключения антишейбанидского союза, направленного против Абдаллаха II и Кучум-хана [Казахско-русские, 1961, №1–5]. Кодское княжество было нейтрализовано: его правитель Игичей Алачев был признан кодским князем и участвовал в 1594–1595 гг. в разгроме Пельма и Конды.

Наиболее серьезным противником оставался Кучум-хан. Он неоднократно совершал набеги на русские владения в Сибири, хотя, судя по всему, к концу жизни при-

мирился с падением шейбанидской власти на большей части территории Сибирского юрта и вел борьбу уже не за территорию, а за население, стремясь вынудить его к откочевке за пределы русских владений. Русские воеводы принимали соответствующие контрмеры: например, в августе 1591 г. на р. Ишим был разбит большой татарский отряд, в плен попал сын Кучум-хана Абу-л-Хайр-султан. Положение хана оставалось очень сложным: татарским воеводам постоянно предписывалось вести против него боевые действия, а Абдаллах II смирился с мыслью об утрате далекого сибирского вассала и перестал оказывать помощь Кучум-хану. Из повиновения хану стали выходить отдельные члены многочисленной ханской семьи, прежде всего Али-султан и Канай-султан. Сибирский юрт Шейбанидов окончательно развалился.

В 1593–1594 г. Кучум-хан обратился к русскому правительству с предложением мира. Он гарантировал свое подчинение при условиях возвращения ему Сибирского юрта «под царскою высокою рукою» отпуска из плена Мухаммада Кули-султана. Русское правительство игнорировало мирные заверения Кучум-хана, отнеся их за счет его вероломства: зачем, если не для войны, нужен Кучуму Мухаммад Кули-султан? [Собрание, 1819, с.9–10]. В 1595–1596 г. Кучум-хан в последний раз обратился за помощью к Абдаллаху II, но Абдаллах II, занятый борьбой за Хорезм и, кроме того, возмущенный захватом Кучум-ханом мангытского владения Аулия-бека – вассала Абдаллаха II – отказал Кучуму в непосредственной помощи и потребовал от него немедленно вернуть Аулия-беку все его владения и заключить с ним союз для совместной борьбы против русских [Зияев, 1968, с.9–10].

В 1596 г. русский воевода князь Федор Елецкий разбил Кучум-хана у городка Тунус. Главным результатом этого поражения был отход от хана значительной группы сибирско-татарских феодалов, увидевших бесперспективность продолжения борьбы [Собрание, 1819, с.134]. Узнав об этом, русское правительство через пленного Абу-л-Хайр-султана б. Кучум-хана обратилось к хану с предложением вступить в русское подданство [Там же, с.121]. Кучум-хан не от-

реагировал на этот демарш московского правительства. В 1597 г. по поручению русского правительства Кучум-хану было направлено совместное письмо Абу-л-Хайр-султана и Мухаммад Кули-султана, в котором хану, в случае перехода в русское подданство, гарантировалось либо обширные владения в Москве, либо власть над Сибирским юртом под верховной властью царя. Русское правительство выписало Кучум-хану «опасную грамоту» с гарантией свободного проезда в Москву, но Кучум-хан, вероятно, не доверявший таким русским предложениям, отказался от мирных переговоров. В 1597 г. ему удалось восстановить свою власть в некоторых районах Западной Сибири, уже подчинившихся Москве. Ответное письмо Кучум-хана русскому правительству, датированное 1597 г., показывает, что хан в любом случае не желает подчиниться Москве: по сути, в его послании содержалось предложение о равноправном мире [Нестеров, 2004, с.281]. Естественно, что для русского правительства такое предложение оказалось неприемлемым: ему была необходима капитуляция Кучум-хана.

После этого русское правительство решило покончить с угрозой, которую представляло собой само существование «законного» хана Сибири. В августе 1598 г. была организована специальная экспедиция, во главе которой был поставлен Андрей Воейков. В решающем сражении Кучум-хан был разгромлен. Во время битвы погибли брат Кучум-хана Илитен-султан, два неизвестных по имени сына Али-султана, Шейбанид Усман-султан. В русский плен попали сыновья Кучум-хана Кумыш-султан, Молла-султан, Бибад Шах-султан, Асманак-султан, Шайх Мухаммад-султан, 8 жен и 8 дочерей Кучум-хана, сын Али-султана Янсюзр-султан, Шейбаниды Джура-султан и Осмей-султан, 5 сановников Кучум-хана и 50 гвардейцев. Все они были доставлены в Москву [Акты, 1841а, №2–14]. Кучум-хан с небольшим отрядом сумел спастись от плена. Однако борьба его за власть в Сибирском юрте была практически завершена: разгром 1598 г. не оставил никаких надежд на реставрацию шейбанидской власти.

В том же 1598 г. умер покровитель Кучума Абдаллах II. Его преемник Абд

ал-Мумин-хан не был заинтересован в сохранении северных владений своих родственников. Кучум-хан решил обратиться за помощью к мангытам, а сына Канай-султана отправил просить помощь у Абд ал-Мумин-хана. Однако Канай-султан не застал Абд ал-Мумин-хана в живых; в Средней Азии вспыхнула междоусобная борьба между последними Шейбанидом Пир Мухаммадом II и представителями новой династии Аштарханидов. Одновременно Кучум-хан погиб в стычке с мангытами (1598). Обстоятельства смерти Кучум-хана неизвестны.

Смерть Кучум-хана полностью изменила ситуацию: отныне отсутствовал «законный» правитель Сибирского юрта. Среди шейбанидских султанов встал вопрос о наследовании власти над остатками государства. Кроме того, Сибирским Шейбанидам следовало учитывать, что реальную поддержку в борьбе с русскими они могут получить только у калмыков – единственной реальной силы в казахских степях в XVII в. Основными претендентами на власть выступали Канай-султан и Али-султан. В пользу Канай-султана говорила знатность его матери и поддержка со стороны торговых кругов Туркестана. Хотя Али-султан и был сыном незнатной матери, но он был старше и, после получения в 1601 г. достоверного известия о смерти отца, объявил себя ханом. Али-хана поддержали другие сыновья Кучума, кроме Канай-султана. Русское правительство фактически также признало нового хана Сибирского юрта (поскольку в документах отныне он именовался «царем Алеем»). Али-хан предложил русскому правительству мир на условиях 1597 г.: в обмен на передачу хану власти над Сибирским юртом хан признает свое государство уделом Русского государства. В ответ Али-хану было предложено сдаться и иметь великие милости в Москве.

Али-хан предпочел продолжать борьбу. Он призвал к восстанию народы Сибирского ханства, уже ощутившие тяжелую руку русского царя. На сторону хана перешли многие татарские и угорские правители юрта, в том числе и такие значительные, как обдорский князь Василий и ляпинский князь Шатров,

однако восстание было подавлено в 1607 г., а князья казнены. В 1608 г. русскими войсками удалось захватить в плен Али-хана (ум. в 1646 г.) [Трепавлов, 2011в, с.95–100; Несеров, 2011а, с.77].

Новым ханом Сибирского юрта объявил себя брат Али-хана Иш Мухаммад-султан, но ему не удалось добиться признания своего ханского достоинства ни от еще независимых сибирско-татарских феодалов, ни от русского правительства. Реальной силы для борьбы против русских Иш Мухаммад-хан не имел, хотя и продолжал партизанскую борьбу вплоть до своей смерти в 1624 г.

Последние претенденты на шейбанидское наследие в Сибирском юрте – Аблай Карим-султан б. Кучум-хан фактически возглавляли калмыцкие набеги на русские владения в Сибири и организовали восстания среди татарского и угорского населения. Память о Сибирских Шейбанидах сохранялась еще в середине XVII в.: в 1650-х гг. березовские ханты обратились к Даулат Гирей-султану с предложением начать серьезные военные действия против русского правительства, обещая начать широкое восстание и содействовать восстановлению шейбанидской власти в Западной Сибири. Даулат Гирей-султан вел партизанскую войну вплоть до 1660-х гг., однако к этому времени Сибирский юрт окончательно ушел в историю [Почекаев, 2011а, с.100–104; Худяков, 2011, с.105–109].

Род Сибирских Шейбанидов продолжался и в России. Старшая ветвь этого рода – Алп Арслан-хан б. Али-хан и Саййид Бурхан-хан б. Алп Арслан-хан до 1679 г. правили Касимовским ханством; Саййид Бурхан принял христианство под именем Василия. Его потомки – царевичи Касимовские – существовали до конца первой четверти XVIII в. Потомки Алтанай-султана б. Кучум-хана получили титул царевичей Сибирских; уже сыновья Алтанай-султана были крещены. Потомки Иш Мухаммад-султана (Алексея) Алтанаевича в 1717 г. были лишены титула царевича и поименованы князьями Сибирскими. Род князей Сибирских прекратился в конце XIX в.

Искерское княжество Тайбугидов (первая половина XVI в.)

Как мы упоминали в предыдущем разделе, в конце первого десятилетия XVI в. Тюменское ханство исчезает со страниц истории, и его место занимает новое государственное образование – Искерское княжество Тайбугидов, которое в русских источниках именовалось чаще всего «Сибирским царством».

Тайбугидское княжество представляло собой относительно слабое государственное образование, фактически – непрочный конгломерат сибирско-татарских улусов и угорских племенных княжеств, возглавленный беком из рода Тайбугидов.

Род Тайбугидов был, несомненно, местного, сибирско-татарского происхождения. Родословные предания сибирских татар, сохранившиеся в сибирских летописях или зафиксированные Г.Ф.Миллером, называют основателем этого рода некоего Она (Онсома), жившего на Ишиме в первой половине XIII в. (летописи называют его современником Чингис-хана). По мнению Г.Л.Файзрахманова, ранние Тайбугиды – Онсом и Тайбуга – были правителями процветавшего в XIII в. в Западной Сибири Ишимского ханства, однако данное мнение не находит никакого подтверждения в сохранившихся источниках и остается умозрительной конструкцией. Реальных сведений не только об истории, но и о самом факте существования Ишимского ханства в источниках нет.

Сын Она Тайбуга считался основателем Тайбугидского княжества; по предположениям ряда исследователей, вероятнее всего, «тайбуга» – не имя, а титул правителя этого сибирско-татарского улуса. По преданиям, сын Тайбуги Ходжа (Ходша) имел владения с центром в городке Кызыл-Туре у слияния Ишима и Иртыша; после Ходжи владения Тайбугидов унаследовал Мар, который был убит неким «казанским ханом Упаком», сыновья Мара Адер и Абалак погибли в казанском плену, но власть в улусе Тайбугидов перешла к сыну Адера Мухаммаду, основателю Искер и отомстившему за смерть отца (по летописи, Мухаммад убил Упака).

Шеджере (родословие) Тайбугидов, зафиксированное в различных вариантах в

Есиповской, Строгановской и других сибирских летописях, а также в «Истории Сибири» Г.Ф.Миллера, имеет единственный хронологический ориентир: предок Тайбугидов Он жил в первой половине XIII в. Легко определяется и вторая опорная точка в хронологии Тайбугидов: единственным кандидатом на роль «казанского царя Упака» выступает правитель государства Сибирских Шейбанидов Саййид Ибрахим (Ибак)-хан – именно его убил Мухаммад-бек Тайбугид в конце 1494 – начале 1495 г. Таким образом, получается, что за период приблизительно в 275 лет (1220–1495) сменилось шесть поколений Тайбугидов. Многочисленные исследования по генеалогии, в том числе и тюркских народов, показывают, что в среднем происходит смена пяти поколений в столетие. Наиболее вероятным решением проблемы тайбугидской родословной является предположение, что в источниках были утрачены средние звенья родословной, тем более, что к моменту записи шеджере род Тайбугидов прекратил существование, а народные предания сохранили лишь имена предков-основателей рода (Она и Тайбуги) и имена князей Искерского княжества конца XV – первой половины XVI в. Возможно и иное толкование текста шеджере: родословная Тайбугидов искусственно растянута с целью привязки ее к столь значимому событию, как монгольские завоевания начала XIII в. К настоящему времени вопрос остается открытым. Достоверно можно предполагать только, что уже в первой половине XV в. Тайбугидское княжество с центром в Кызыл-Туре существовало и было подчинено Саййид Ибрахим-ханом, сохранившись в качестве зависимого владения. При этом хочется отметить, что, вероятно, в XIV в., правители Тайбугидского княжества приняли ислам: свидетелем являются имена его правителей – Мар (Умар), Ходша (Ходжа), Адер (Хайдар), Мухаммад. В конце XV в. этим княжеством правил Мухаммад-бек, который перенес центр владения из Кызыл-Туры в Искер (Сибирь, Кашлык).

К сожалению, история Тайбугидского государства вплоть до середины XVI в. остается практически неизвестной. Единственны-

ми «летописными» актами Мухаммад-бека были основание Искера и убийство Саййид Ибрахим-хана.

Искер, по данным археологии, существовал и до правления Мухаммад-бека, – по крайней мере, с начала XV в.; вероятнее всего, Мухаммад просто перенес резиденцию тайбугидского князя в данный укрепленный пункт. Точное название тайбугидской столицы также неизвестно. Различные источники называют этот город «Кашлык», «Искер», «Сибирь» или «Старая Сибирь». Наиболее вероятно, что название этого городка было «Кашлык»: под словом «Сибирь» или «Ибир» в истории известны центральные районы Сибирского юрта, т.е. земли Среднего и севера Южного Урала и части Западной Сибири, прежде всего древняя Чимги-Тура (близ современной Тюмени) и прилегающие к ней территории. «Искер» (тюрк. *Iski, Eski*) может быть переведено как «Старый [город]» («Старая [крепость]») и вряд ли может считаться исконным названием столицы Тайбугидов. Скорее всего, название «Искер» в XVI в. стало разговорным наименованием города-крепости Кашлыка (так же как и тюркское разговорное «Istanbul» [от греч. *eis tin polin* – «в город»] заменило официальное турецкое название Константинополя – «Куастантиния»), в то же время название «Сибирь» для города было обычным наименованием столицы по названию страны.

Убийство Саййид Ибрахим-хана – последнего объединителя земель Джучидского государства, претендовавшего на верховенство среди ордынских правителей, – по сути не только окончательно закрыло историю Джучидской державы, но и положило начало самостоятельному существованию государства Тайбугидов – первого государственного образования на территории региона, сформированного местными народами. Правление Мухаммад-бека (конец XV – начало XVI в.) прошло в относительно выгодной политической ситуации: преемники Саййид Ибрахим-хана Мамук-хан и Агалак-султан вели трудную борьбу за власть в Казанском ханстве (в конечном итоге проигранную Шейбанидами); последний правитель Сибирского Шейбанидского ханства Кутлук-хан в 1505 г. потерпел поражение от

русских и вынужден был отступить в свои сибирские владения. Вскоре потомки Сибирских Шейбанидов оказались при дворе своих родственников, правивших в Средней Азии (Мавераннахре). Можно предполагать, что Мухаммад-бек или его ближайший преемник Казый (Касим?) окончательно изгнали Сибирских Шейбанидов из их земель в Сибирь.

Преемники Мухаммад-бека перечислены в грамоте, направленной царем Феодором I правителю восстановленного Шейбанидского Сибирского ханства Кучум-хану: «После деда твоего Ибака царя были на Сибирском государстве князи Тайбугина роду Магмет князь, а после него Казый князь». Русские дипломаты точно зафиксировали титулы правителей Сибири: потомки Чингис-хана Саййид Ибрахим и Кучум названы царями (ханами), а для Тайбугидов использован титул «князь» (= «бек»), т.к. они, не являясь Чингизидами, права на ханский титул не имели. Поэтому часто встречающееся в литературе наименование Тайбугидского государства «Сибирским ханством» неправомерно; точным названием этого сибирско-татарского государственного образования является «Сибирское княжество Тайбугидов».

Установить точную последовательность правителей Тайбугидского государства довольно сложно. Упомянутая грамота Феодора I называет Мухаммад-бека, его сына Казыя (Касим? Казы?) и его сыновей Едигера (Йадигар-бек) и Бекбулата. Есиповская и Строгановская летописи упоминают бека Агуша (Ангиша, Агаша), сына Абалака (т.е. двоюродного брата Мухаммад-бека), который правил между Мухаммадом и Казыем. Ремезовская летопись помещает после Казыя его брата Саинбахта, а также Саусканбека, отношение которого к предшествующим правителям остается неясным. Имена Абалака и Саускана совпадают с названиями урочищ в районе Искера и, возможно, возникли как народные этимологии для объяснения этих названий. Такое предположение тем более основательно, что имена эти встречаются в Ремезовской летописи, автор которой С.У.Ремезов, живший в начале XVIII в., сам прибежал к подобным этимологиям: так, для объяснения названия хол-

ма Сузге-Тура им была «изобретена» жена Кучум-хана по имени Сузге, якобы жившая на этом холме.

Внутренняя структура Тайбугидского государства остается в значительной степени неясной. Очевидно существование в рамках этого государства нескольких тюркских кланов (прежде всего джалаирав и, вероятно, мангытов), существование должностей бека (бекларибека) и карачи. Возможно, что именование Тайбугидского княжества Сибирским ханством, встречающееся в источниках русского происхождения, не является случайностью: можно предполагать, что беки из рода Тайбугидов управляли от имени какого-либо формально провозглашенного ханом представителя Джучидской династии. На роль таких подставных ханов могли быть выдвинуты упомянутые в «Джами аттава'рих» Кадыр Али-бека карачи джалаира дети Агалак-султана – Бутур-султан, Кулук-султан, Мусеке-султан, Мухаммад-султан и Кумач Мухаммад-султан, а также Ак Курт-султан, происхождение которого не вполне ясно (возможно, сын Саййид Ибрахим-хана или Махмуд-хана). Из перечисленных представителей династии Сибирских Шейбанидов двое, как нам представляется, не являются реальными: вероятно, Кулук-султана можно отождествить с Кутлук-ханом, а в роли Мухаммад-султана оказался Мухаммад-бек Тайбугид. Учитывая фактор кровной враждебности, можно предполагать, что представители ветви Саййид Ибрахим-хана, убитого Мухаммад-беком, не могли быть выдвинуты на престол нового государства, в то время, как потомки Махмуд-хана, к числу которых, скорее всего, относился и Агалак-султан, вполне могли оказаться на троне нового государства. С другой стороны, в качестве верховного хана для Искерского княжества могли выступать и правители Шейбанидского государства в Центральной Азии, но эта версия вызывает определенные сомнения.

Политическая история государства Тайбугидов в период 1495–1555 гг. остается полностью неизвестной. Тайбугидское государство этого времени представляло собой своеобразную федерацию владений угорских племенных князей и сибирско-татарских улусных владетелей (беков, мурз

и т.д.) с крайне слабой центральной властью. Вероятно, власть тайбугидских беков реально распространялась только на район Искера и на Ишимский улус – родовое владение Тайбугидов. Можно предполагать, что многочисленные племенные княжества манси и хантов (в том числе Пелым, Конда, Кода, Таборинская волость и др.) признавали верховенство бека Искера. Население земель, подвластных Тайбугидам, по русской оценке достигало в середине XVI в. 30 000 взрослых мужчин (т.е. общая численность населения составляла около 120–180 тыс. чел.; вероятно, цифра преувеличена). Распространение ислама в Сибирском княжестве только начиналось. Вероятно, правители государства считали себя мусульманами; население же, в том числе татарское, сохраняло древние языческие верования. Активных распространителей ислама среди тайбугидских правителей не нашлось.

Середина XVI в. стала переломной в истории Сибирского юрта в целом и Тайбугидского государства в частности. Присоединение ханств Поволжья к Российскому государству в 1552–1556 гг. превратило Сибирский юрт в непосредственного соседа русских владений не только на Северном Урале, но и на протяжении всей западной границы. Тайбугиды утратили возможность прямой связи с мусульманскими государствами Крыма и Турции, а также потеряли поддержку правителей Казани, не заинтересованных в восстановлении власти Шейбанидов в Сибири. Угроза шейбанидского вторжения резко усилилась, особенно после сближения наследников Сибирских Шейбанидов Кучум-хана и Ахмад Гирей-хана с правителями Мангытского (Ногайского) улуса и Казахского ханства.

В этих условиях Йадигар-бек Тайбугид попытался заручиться поддержкой русского правительства: в январе 1555 г. в Москву прибыла сибирская миссия с просьбой о принятии Сибирского государства в русское подданство. По числу взрослых мужчин послы согласились выплачивать России ежегодную дань в 30 000 соболей. Иван IV торжественно согласился принять Сибирь «под свою государеву руку». Иван IV включил в свой титул слова «и всея Сибирския земли повелитель» [ПСРЛ, 13, 1957, с.248], но реальной помощи сибирским бекам не оказал.

Однако расчеты обеих сторон соглашения не оправдались. На протяжении 1556–1557 гг. Россия и Сибирь обменивались миссиями, причем русские послы ограничивались требованиями выплаты дани и задолженности по дани, а сибирские послы требовали военной помощи и привозили дань в очень небольших размерах (всего было доставлено 1870 соблей вместо 60 000), ссылаясь на то, что Сибирь «воевал шибанской царевич и людей поимал многих». В 1557 г. посол Йадигар-бека Истемир доставил в Москву грамоту бека, который гарантировал выплату дани и сохранение вассальной зависимости Сибирского княжества от Москвы, а также вновь обращался с просьбой о военной помощи. В дальнейшем пере-

говоры не велись: правительство Ивана IV ограничилось включением в царский титул слов «и вся Сибирская земли повелитель» и, убедившись в невозможности получения значительной дани, фактически отказало Тайбугидам в помощи. Со своей стороны, тайбугидские правители вели борьбу с наступлением Шейбанидов на Западную Сибирь и не имели возможности продолжать бесплодный диалог с Москвой.

В 1563 г. Искер пал. Беки Йадигар и Бекбулат были убиты, их наследник Саййид Ахмад-бек (Сейдяк русских летописей – сын Бекбулата) был отправлен в Среднюю Азию. Тайбугидское государство прекратило существование.

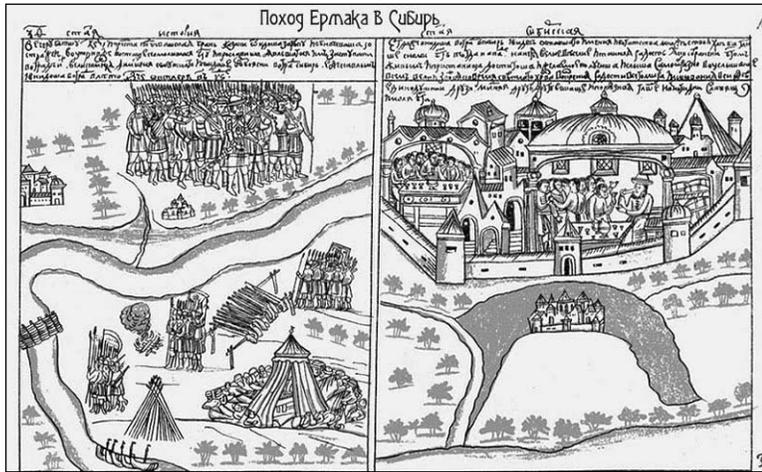
§ 2. Сибирское ханство в конце XVI – начале XVII в.

Алексей Матвеев, Сергей Татауров

Поход отряда атамана Ермака не был чем-то необычным ни для населения Западной Сибири, ни для правящей элиты Сибирского ханства. Многие жители этого государства слышали от своих предков историю о большом походе, который по приказу Ивана III в 1483 г. совершила судовая рать воевод Федора Курбского и Ивана Салтыкова Травина. Наверняка и в XVI в. отряды московитов пересекали Уральские горы и грабили местное население, отнимая у него самое ценное – сибирские меха. С другой стороны, и отряды татар, вместе с союзными им хантыйскими и мансийскими князьками также регулярно пересекали Камень в противоположном направлении и грабили проживавшее там местное население. Поэтому вести о движении отряда Ермака были первоначально восприняты местным населением достаточно спокойно, что подтверждает мирный приход казаков в Тарханский городок и встреча Ермака с Кутугаем, знатным татаринном, присланным туда ханом Кучумом для сбора налогов. Г.Ф.Миллер трактовал действия Ермака как хитрость для того, чтобы хан не боялся прихода Ермака и не готовился к боевым действиям, но якобы эта хитрость не удалась [Миллер, 1999, с.218]. Однако то обстоятельство, что Кучум не приказал вернуть из

похода на камские городки войско Сибирского ханства под руководством Маметкула, говорит нам о том, что хан действительно рассчитывал на мирный исход дела. Только после того, как Ермак стал захватывать и грабить собственно татарские городки по рекам Тура и Тобол, стало очевидным, что цель у этого похода несколько иная. Вместе с тем, вполне возможно, что Ермак и его воины первоначально собирались пройти привычным для новгородцев и московитов путем на север, но какие-то другие причины стали причиной для изменения их планов и переходу к грабежу населения Сибирского ханства, т.е. к прямым военным действиям против этого государства.

Фактическое начало открытой войны должно было сплотить население Сибирского ханства. Однако трагизм ситуации для хана Кучума как раз и заключался в том, что этого не произошло. Наоборот, с этого момента население государства разделилось на два непримиримых лагеря, причем более многочисленная часть населения ханства выразила поддержку Ермаку. Причина этого парадокса крылась в событиях, которые произошли в Западной Сибири в 1560-х гг., после того, как в 1563 г. Шейбанид Кучум занял Искер и захватил власть в Сибирском княжестве Тайбугидов. В череде последую-

Поход Ермака в Сибирь. Литография
[Краткая сибирская летопись, 1880]

щих событий братьям Ахмед-Гирею и Кучуму удалось создать здесь новое государство — Сибирское ханство, а родовая тайбугидская знать потеряла львиную долю своих земельных владений и авторитет при дворе новых ханов. Естественно, что Тайбугиды лелеяли мечту о возвращении прежних порядков, но хан Кучум, опиравшийся на сильные, лично преданные ему вооруженные силы таких возможностей ей не предоставлял. Более того, он проводил целенаправленную политику передачи земель своим сторонникам из числа служилых татар, поэтому количество земель и влияние старой родовой знати постоянно падало. Тайбугидам был крайне необходим лидер, способный противостоять Кучуму.

Еще одной причиной, которая привела к расколу среди населения Сибирского ханства, стал религиозный вопрос. В 1560–1570-е гг. Кучум, в процессе целенаправленного выстраивания своего государства, наверняка понял, что без единой религии — ислама (включавшего в себя и основу единой судебной системы) — будет очень трудно объединить население ханства, которое состояло из бесчисленного количества мелких этнических групп. Поэтому, в начале 1570-х гг. он пригласил к себе исламских проповедников из Средней Азии. Известно, что в результате в Искер прибыли две мусульманские миссии, которые начали активную и трудную работу среди населения хан-

ства. После поражения Кучума и его ухода из Искера мусульманские проповедники, а именно возглавлявший миссию Дин-Аул-Ходжа со своей семьей, были вынуждены переселиться подальше от родовых тайбугидских земель и осесть в Омском Прииртышье в одном из поселений аялыньских татар. Таким образом, Кучум своей политикой исламизации населения Сибирского ханства нажил себе врагов среди служителей прежнего культа, кото-

рые наверняка активизировались после первых же его поражений.

Вероятно, было еще несколько обстоятельств, вызванных активным государственным строительством, которые раздражали отдельные группы населения государства. Например, после переселения на южные и восточные окраины государства новых групп населения из Ногайской, Казахской орд, и негласного провозглашения их «опорой государства» прежняя родовая тайбугидская знать была вынуждена терпеть социальное унижение, что приводило к росту межэтнической конфронтации.

В итоге приход из-за Камня вооруженного отряда Ермака стал первым после 1563 г. шансом Тайбугидов свергнуть ненавистного хана Кучума и вернуть свои владения. В этой ситуации становится неудивительным тот факт, что Ермак не задержался на р. Туре и вскоре штурмовал городки кучумовой знати уже собственно в Притоболье (например, Карачин городок) в то время, когда тайбугидские владения оказались почти не тронутыми. При этом Тайбугиды действовали совершенно логично и в духе существовавшей политической расстановки сил. Согласно ей еще в 1555 г. во время правления Едигера Сибирское княжество Тайбугидов приняло подданство Московского государства и платило ему дань. Хан же Кучум в 1570-х гг. прекратил эти отношения. Недовольные правлением Кучума Тайбугиды, своим мя-

тежом восстанавливали статус-кво в пользу московского царя. Вероятно, оппозиционеры справедливо полагали, что лучше иметь государя за многие тысячи километров и ограничивать эти отношения выплатой ежегодной дани, чем терпеть рядом с собой хана-реформатора, который с каждым днем укрепляет свою власть в ущерб социально-экономическим и политическим статусам прежней родовой знати. Вероятно, Тайбугиды рассчитывали, что после смерти Кучума, они приведут к власти нового хана/князя, который будет выражать их интересы, являясь наместником Московского царя. Появление в конце 1580-х гг. на территории Сибирского ханства тайбугида Сейдяка, который имел претензии на возвращение искерского престола, подтверждает наши предположения.

На наш взгляд, именно пассивные действия Тайбугидов предопределили поражение войск Кучума в битве на Чувашском мысу. В сибирских летописях, описывающих это событие, кроме имени Маметкула, который действительно бился до последней возможности, нет упоминаний имени ни одного знатного татарина. Под руководством Маметкула оказались лишь преданная ханская гвардия, а также хантыйские и мансийские князцы со своими слабовооруженными воинами, которые сбежали в первую же ночь. Очень возможно, что тайбугидская знать, сделав ставку на Ермака, под разными предложениями не пришла на помощь Кучуму и не привела на Чувашский мыс своих воинов, что существенно ослабило силы хана. После ранения, которое Маметкул получил в ходе сражения, хан был вынужден отвести свою гвардию, поскольку как опытный военачальник и политик не имел права уничтожить в битве с Ермаком свою единственную опору. Наверняка, он прекрасно понимал, что даже если ценой этой потери он справится с Ермаком, то останется ни с чем против военных отрядов Тайбугидов. Такое положение вещей объясняет и то обстоятельство, что после сражения на Чувашском мысу Кучум сразу же отступил с оказавшейся враждебной ему территории – Тобольского Прииртышья. Татарская знать, напротив, сразу после занятия Ермаком Искера пошла к нему на службу [Тычинских, 2010, с.46]. Сибирские летописи прямо пи-

шут о том, что только предательство татарина Сеибохты (Сенбахты Тагина) стало причиной, по которой в плен на р. Вагай был взят Маметкул.

Гораздо позднее, в 1588 г. хан Кучум совершил военный поход на г. Тобольск. Кучум и не рассчитывал на взятие города, поскольку истинной целью этого похода была месть родовой татарской знати, которая предала его в самый ответственный момент. Об этой же задаче писал Г.Ф.Миллер, когда рассказывал про набег Кучума на Каурдакскую и Салымскую волости в 1590 г.: «Это было его мстью тем татарам, которые не признавали его своим государем и подчинились русским» [Миллер, 1999, с.272].

Таким образом, мы считаем, что именно антигосударственная политическая деятельность представителей родовой татарской тайбугидской знати стала одной из основных причин поражения хана Кучума в войне с Московским царством. Как известно, с отрядом Ермака хан Кучум со временем все же справился.

Кроме противников Кучума, в его государстве были и те группы населения, для которых Ермак и его воины были неприемлемыми противниками. Благодаря этим людям война Кучума за независимость продолжалась долгих 17 лет, а затем более 50 лет под руководством его детей. Прежде всего, верными сторонниками Кучума были казанские татары, покинувшие Поволжье в 1550–1570-х гг. Уже в 1552 г. в ходе жестокого взятия г. Казани были уничтожены ее мусульманские святыни и медресе, погибло большое число защитников города и его мирных жителей. Из города были изгнаны жители-мусульмане. Высшая церковная мусульманская элита в страхе бежала. Отношения между сибирскими тюрко-татарскими государствами и Казанским ханством имели к тому периоду достаточно длительную историю политических, торговых и религиозных взаимодействий, поэтому беженцы быстро нашли здесь себе место. Они поддерживали Шейбанида Кучума в проведении религиозной реформы и организации новой системы управления. Естественно, что этим людям некуда было отступать, и они до конца поддерживали сибирского хана. Именно около городка Чуваш, «за-

Бой на Чувашском мысу. Рис. Л.А.Боброва

селенного, по всей вероятности чувашами, которых хан когда-то вывез из Казани» [Там же, с.224] и расположенного на одноименном мысу и состоялась самая ожесточенная битва между Ермаком и Кучумом. Казаки, кстати, овладеть городком перед сражением не смогли.

Второй группой населения государства, преданной Кучуму, было население Прииртышья и Барабы. Это были переселенные ханом Кучумом на территорию своего государства представители родовых подразделений Ногайской и Казахской орд, узбеки [Абдиров, 1993, с.207]. Причины, по которой это население было предано Кучуму, достаточно прозрачны – хан дал ему новую родину, новые возможности для своей жизни и на первых порах был единственной защитой и опорой. Переселенцы получили столько земель, сколько могли освоить, да еще и право собирать ясак с хантыйского населения, участвовать в военных походах на соседние территории. Они не были мирными скотоводами и хлебопашцами, поскольку все мирные остались на их пра-

родине. Население Прииртышья и Барабы формировало самую боеспособную часть войск Сибирского ханства. Эта часть вооруженных сил (по сути – гвардия) численностью около 2–3 тыс. чел. постоянно находилась при хане, за исключением отдельных походов, например, в Прикамье, когда ею руководили Маметкул или Алей. Эти воины оставались верными Кучуму практически до самого конца. Б.О.Долгих писал о том, что когда разбитый Ермаком Кучум бежал в степь, то его сопровождали в основном те же люди, которые пришли с ним из Средней Азии, а не коренные сибирские татары [Долгих, 1960, с.62]. Преданность этого населения подтверждается хрестоматийными примерами. В 1590-х гг. аялынды бросали свои поселения и по приказу хана строили новые городки на другой территории [Миллер, 1999, с.288]. После того, как Кучум был вынужден под напором русских воевод уйти на восток в Барабу, часть этого населения все же вернулась на свои прежние места проживания. На протяжении XVII в. они не только неоднократно поддерживали набеги Кучумовичей на российские селения, стремились переселиться на независимые от России территории, но и становились участниками крупных антирусских восстаний. Наиболее масштабными были восстания барабинских татар 1628 г., барабинских и тарских татар 1629 г.

Таким образом, в борьбе с отрядом Ермака Кучум опирался преимущественно на некоренное население Западной Сибири. После поражения на Чувашском мысу и ухода от Искера хан уже не мог оказывать полноценного сопротивления Ермаку и его последователям. Оставшаяся у него в подчинении восточная часть ханства не имела достаточных ресурсов, чтобы содержать значительные по численности военные отряды. Так, например, низкая плотность населения Прииртышья и Барабы делала невозможным обеспечение продовольствием крупных военных соединений. Поэтому Кучуму приходилось постоянно дробить свои войска и отправлять их «на постой» в разные улусы, что естественно снижало их общую боеспособность. Все это привело к тому, что, несмотря на локальные военные успехи, в противостоянии с Ермаком он проиграл Московскому царству и вставшей

на сторону «русских» тайбугидской оппозиции. Два его основных военачальника – Маметкул и Карача – потерпели поражение, первый был захвачен в плен и отправлен в Москву, второй после неудавшейся осады Искера ушел от хана Кучума. И, тем не менее, хан Кучум победил атамана Ермака в ночь с 5 на 6 августа 1584 г. недалеко от устья Вагая.

Согласно Ремезовской летописи, после физической смерти Ермак был объявлен татарами Богом и похоронен на Баишевском кладбище по мусульманскому обряду. Процесс похорон сопровождался целым рядом метафизических обстоятельств. Самым удивительным из них является тот факт, что на ритуал погребения Ермака собрались вместе все ранее непримиримые стороны конфликта: убиенный Ермак, Шейбанид хан Кучум, Тайбугид князь Сейдяк и присоединившийся к нему Карача, а также хантыйские и мансийские князьки. Чем были похороны Ермака? Может быть, неудачной попыткой объединения Кучума и Тайбугидов? Мы никогда не узнаем ответ на этот вопрос.

Между 1584 и 1598 гг. – полтора десятка лет – значительный временной отрезок, чтобы все это время Кучум – деятельный амбициозный правитель, имея за плечами политическую, военную и материальную опору со стороны Бухары, ничем не занимался. Более того, все это время геополитическая ситуация в Западной Сибири складывалась для Кучума благоприятно. С одной стороны, после гибели Ермака русские «взяли паузу» и вместо продвижения на юг по рекам Иртыш и Ишим обратили свое внимание на север. С другой стороны, воевода Дмитрий Чулков в 1588 г., пленив в г. Тобольске Тайбугида Сейдяка и Карачу, ликвидировал Кучуму соперников в борьбе за власть в Сибирском ханстве. Кучум использовал сложившееся положение и уже к лету 1590 г. восстановил свою власть над значительной территорией Сибирского хан-

Татары находят тело Ермака. 13 августа 1584 г.
Литография [Краткая сибирская летопись, 1880]

ства. Под его контроль вновь попали земли лесостепного и степного поясов от р. Ишим до р. Обь. «Реставрация» потребовала от Кучума огромного напряжения сил. Новые географические рамки Сибирского ханства требовали проведения мероприятий по его внутреннему переустройству и укреплению границ. В конце 1580-х гг. Кучум осуществил массовое переселение податного населения с севера на юг, по долине р. Иртыш. В результате этого процесса в центре «нового» Сибирского ханства, по р. Иртыш и его притокам от устья р. Ишим до устья р. Омь появились укрепленные татарские населенные пункты, среди которых были известные нам по документам XVII–XVIII вв. деревни Тартамак, Айткулово, Киргап, Атак (Отак), Сайтово, Курманово, Черталы, Бергамак, Инцисс, Молодцово, Чиплярова [Томилов, 1996, с.192]. Доказательством этого факта являются обнаруженные рядом с этими населенными пунктами и частично исследованные памятники позднего Средневековья (городища Екатерининское V, Крапивка II в Тарском районе Омской обл.).

Другой задачей, потребовавшей перераспределения военных сил ханства, было удержание в подчинении южнохантыйских общин, проживавших в глубине правобережной Иртышской террасы. Прииртышские ханты в это время были фактически единственным населением, платившим хану ясак. Для обеспечения поставок пушнины в среднем течении правых притоков р. Ир-

тыш – рек Туй, Шиш, Уй и Тара – Кучум использовал небольшие военные гарнизоны. Свидетельством в пользу такого развития событий служат результаты работ омских археологов 2003–2006 гг., когда на крупных правобережных притоках р. Иртыш, на расстоянии 50–100 км от их устья были исследованы небольшие, но хорошо укрепленные татарские городки (городища Надеждинка VII на р. Тара в Муромцевском, Кошкуль IV на р. Уй в Тарском, Ямсыса III и IV на р. Туй в Тевризском, Линевская сопка, Большая Пристань I на р. Шиш в Знаменском районах Омской обл.) [Чагаева, 1966, с.118–130; Матвеев, Трофимов, 2006, с.69–86; Тагауров, 2005, с.210–212; Матвеев, Тагауров, 2008, с.149–152].

На юго-востоке, в Барабинской степи, государственную границу Сибирского ханства продолжали прикрывать пограничные городки и кочевья «недавних» переселенцев. На юго-западе границы государства были усилены с помощью нескольких династических браков, которые Кучум заключил с родовой верхушкой кочевников. Одной из жен хана Кучума была дочь казахского хана Шигая, ставшего влиятельным лидером в Казахской Орде после гибели хана Хак-Назара. Вместе с тем, пошатнувшиеся позиции Кучума наверняка активизировали калмыков и казахов, желавших поучаствовать в грабеже его подданных. По этой причине Кучум должен был усиливать свои пограничные вооруженные силы.

Таким образом, в ходе проведения административных и политических мероприятий второй половины 1580-х гг. Кучум был вынужден перераспределить свои военные силы. Их рассредоточение больше не позволяло ему совершать крупные наступательные операции против русских. Справедливости ради надо отметить, что и русские до строительства в 1587 г. г. Тобольска не представляли для Кучума серьезной опасности, и ему было важнее отстроить сложный механизм внутренней и внешней политики своего государства. Немаловажной причиной относительной слабости вооруженных сил Сибирского ханства в этот период стал переход части татарского населения на сторону русских.

Сильным ударом по политике «собира-ния земель» Кучума стало резкое снижение численности тюркского населения в ряде районов Западной Сибири. Петр Буцинский сравнил количество ясачных людей в середине XVI в. и в начале XVII в., и пришел к выводу, что во время завоевания русскими Сибирского ханства погибла масса инородцев [Буцинский, 1999, с.26]. Так, П.Буцинский писал о том, что на момент основания г. Тары (1594) в округе было 23 крупных населенных пункта сибирских татар. Дозорная книга Василия Тыркова 1624 г. описывает нам в районе города лишь три татарские деревни на правом берегу р. Иртыш.

Несмотря ни на что Кучум воссоздал свое государство. Его поход на Тобольск в конце 80-х гг. XVI в. показал русским властям необходимость строительства мощного пограничного пункта, максимально приближенного к новым границам Сибирского ханства. В 1592 г. тобольские казаки подготовили и провели разведку среднего течения р. Иртыш до устья р. Тара, а в 1594 г. построили острог нового русского города – Тары, который и сыграл главную роль в уничтожении Сибирского ханства.

Хроника последующих военных действий между отрядами Сибирского ханства и тарскими служилыми людьми выглядит следующим образом.

В 1594 г. состоялась «разведка боем» Гриши Ясыря из г. Тары вверх по Иртышу. Из этого похода стало очевидно, что Кучум, потеряв Тарское Прииртышье, создает на юге новые укрепленные городки и переселяет сюда часть аялыных татар. Чтобы не допустить возможности нового укрепления хана в следующем 1595 г. был совершен поход письменного головы Бориса Доможирова на Черный городок, расположенный в междуречье рек Тара и Омь. Городок был разрушен, аялыные татары были возвращены на место своего прежнего проживания – на р. Тару. Несмотря на эти удачные походы Кучум контролировал практически все земли южнее р. Тары, переместив свою ставку с Иртыша на р. Тару в городок Тунус. Поэтому в 1596 г. по приказу тарского воеводы князя Андрея Елецкого был совершен «барабинский поход», который имел целью подчинить татар волостей Чангула, Лугуй,

Люба, Келема, Тураш, Барма и Кирпики. Отряд вновь возглавил письменный голова Борис Доможиров. Городок Тунус был разрушен, татары западных барабинских волостей были частью истреблены, частью – бежали, сопротивление их было полностью сломлено.

Походы тарских казаков 1594–1596 гг. вынудили Кучума уйти из Прииртышья на восток, и в 1598 г. крупный отряд воеводы А.Воейкова окончательно разгромил хана уже на р. Оби. Хан Кучум перестал быть военным соперником России в Сибири, его государство распалось окончательно, а премникам понадобилось определенное время, чтобы восстановить иерархию власти и создать себе определенный экономический и военный потенциал. В 1601 г. сын Кучума Али принял ханский титул, и с этого времени начался следующий этап в противостоянии Сибирского ханства и Московского царства, в котором одну из главных ролей играли уже сыновья и внуки Кучума, заручившиеся поддержкой калмыков. В научной и научно-популярной литературе их часто именуют «бродячими царевичами» [Вершинин, 1998, с.60–63], что, на наш взгляд, не совсем правомерно. Еще более неправомерно изображение сыновей и внуков хана Кучума вечными скитальцами, обитающими на южном пограничье, не имеющими своей земли и живущими только тем, что они награбят на принадлежащих Московскому царству землях. Кучумовичи очень часто в имперской литературе XIX–XX вв. представлялись не законными претендентами на власть в своей стране, а «предателями», способными ради наживы заключить союз с калмыками, казаками.

Мы считаем, что Кучумовичей нельзя называть бездомными скитальцами. Известно, что ведение кочевого или полукочевого хозяйства, которое было распространено в лесостепной и степной зонах Сибири и Казахстана, сформировалось за много веков до описываемых нами событий. К концу XVI в. это была четко отработанная система передвижения конкретных кочевых родов по своим маршрутам от зимних пастбищ на летние и обратно. По этой причине Кучумовичи, находясь в Западной Сибири на южном российском порубежье, занимали **свою**

территорию и вели привычный для себя образ жизни. В противном случае они были бы вынуждены вести постоянную борьбу с другими кочевыми родами, которым истари принадлежали эти пастбища. В этом случае времени и сил для борьбы с русскими у них бы просто не было. Но мы знаем, что все обстояло совсем не так.

Владения Кучумовичей протянулись с запада на восток вдоль южных русских границ практически через всю Западную Сибирь. Именно эти земли так поспешно и легко были переданы российской администрации в пользование прикочевывавшими сюда в 1606 г. калмыкам, наверняка надевавшейся, что калмыки самостоятельно изведут Кучумовичей. Известно, что границей между владениями Московского царства и калмыками к 1610 г. стали Камышловский лог в междуречье Ишима и Иртыша, и р. Омь в междуречье Иртыша и Оби. Известно, что Московское царство не смогло удержать эту границу в 1620-х гг., после восстаний барабинских и тарских татар – бывших подданных Кучума. В результате этих событий граница сместилась в Среднем Прииртышье и в Барабе на 100–200 км на север, а оставшееся за этой границей население стало платить дань и русским и калмыкам, союзным с Кучумовичами. К границе 1610 г. Россия смогла вернуться лишь к 1720-м гг., а уже накрепко встать на ней – в 1750-е гг. постройкой Новоишимской линии укреплений [Матвеев, 2014, с.38–66]. Таким образом, территория, подчиненная Кучумовичам, существенно расширилась после их военных успехов в конце 1620-х гг.

Практически все крупные набеги Кучумовичей были совершены при поддержке калмыцких тайшей. Калмыки совсем недавно пришли на эти земли, но по обычаям степного права (на первых порах точно) рассматривали их не как свою родовую территорию, а как определенный плацдарм для военных походов. Поэтому никаких земельных споров у них с Кучумовичами не было.

Свои территории Кучумовичи старались заселить бывшими подданными Кучума, не желавшими жить на сибирских территориях Московского царства. Записки тарских воевод, начиная с 1594 г., свидетельствуют о частом уходе с прииртышских земель ая-

лынских татар на юг на неконтролируемые русскими земли. Это явление приняло массовый характер практически для всех территорий к востоку от Иртыша. Наиболее значительным был уход барабинского князя Когутая со своими подданными после поражения восстания 1628–1630 гг. Обрато он вернулся только в 1635 г. [Томилов, 1981, с.171]. Из г. Тары вслед за беженцами регулярно отправлялись специальные военные отряды, задачей которых было найти и вернуть «налогоплательщика». Поэтому мы призываем весьма осторожно относиться к хрестоматийным сведениям о набегах Кучумовичей на поселения аялыньских татар, в результате которых якобы гибло большое количество жителей, а еще большее их число было угнано в степи. Население порой само сжигало свои жилища и уходило на неподвластные России земли. Причин такому процессу было множество, но самая главная – это крайне неблагоприятные условия для проживания, которые создала русская администрация для аборигенного населения.

Фактически весь XVII в. в лесостепной зоне Западной Сибири шла непрекращающаяся война между русским и тюркским населением. В результате этого противостояния численность аборигенов сократилась в несколько раз. Они были изгнаны со своих лучших земель и были вынуждены переселиться на неудобья или на указанные местной администрацией места. Так, например, была основана подгородная (Бухарская) слобода в г. Таре, которая располагалась на низкой иртышской пойме и ежегодно затопивалась во время паводков. Канцелярия тобольского воеводы была завалена челобитными сибирских татар о самовольном захвате их земель русскими. Русские постоянно использовали в своих целях и промысловые уголья татар.

Еще одним гнетом татарского населения были налоги. Русские воеводы превратили сбор ясака в целую систему поборов, принуждая местное население помимо обязательных налогов платить большое количество налогов «подарочных», связанных с различными праздниками и именинами царствующей се-

мьи. Зачастую эти косвенные налоги значительно превышали размеры ясака.

Еще одним аспектом противостояния Московского царства и бывших подданных Сибирского ханства был религиозный вопрос. Местная российская администрация яростно сопротивлялась распространению ислама среди тюркского населения, понимая этот процесс как форму протеста против русской колонизации. По этой причине, частым явлением в Западной Сибири было сжигание мечетей, убийство проповедников, насильственное крещение [Томилов, 1992, с.142].

Все эти негативные условия проживания бывших подданных Сибирского ханства в Московском царстве обеспечивали постоянный приток населения на земли Кучумовичей. Из числа беженцев они набирали воинов в свои отряды.

На протяжении первой половины XVII в. у Кучумовичей были свои постоянные населенные пункты – городки, поставленные ханом Кучумом на Чановских озерах и прикрывавшие в свое время границу Сибирского ханства от набегов калмыков. Под их защитой находилась часть беженцев, а другая селилась на обширных просторах Барабинской лесостепи. Это были группы оседлого населения. Оставшиеся на южном порубежье кочевники также не «скитались без дома». Они продолжали вести свой традиционный кочевой образ жизни. Трудно представить лучший дом для кочевника, чем его юрта.

Таким образом, по крайней мере, сыновья Кучума не были «бездомными», «бродячими», «казачествующими» царевичами. На протяжении первой половины XVII в. они в условиях беспокойного порубежья правили на своей земле, облагая налогом своих подданных, проживая в своих населенных пунктах. В них текла священная кровь Чингис-хана, которая, несмотря на все междоусобицы между различными этническими группами тюрков, поднимала их статус очень высоко и позволяла практически в любом уголке азиатских степей найти себе помощь и союзников.

ГЛАВА 4

Ногайская Орда

Вадим Трепавлов

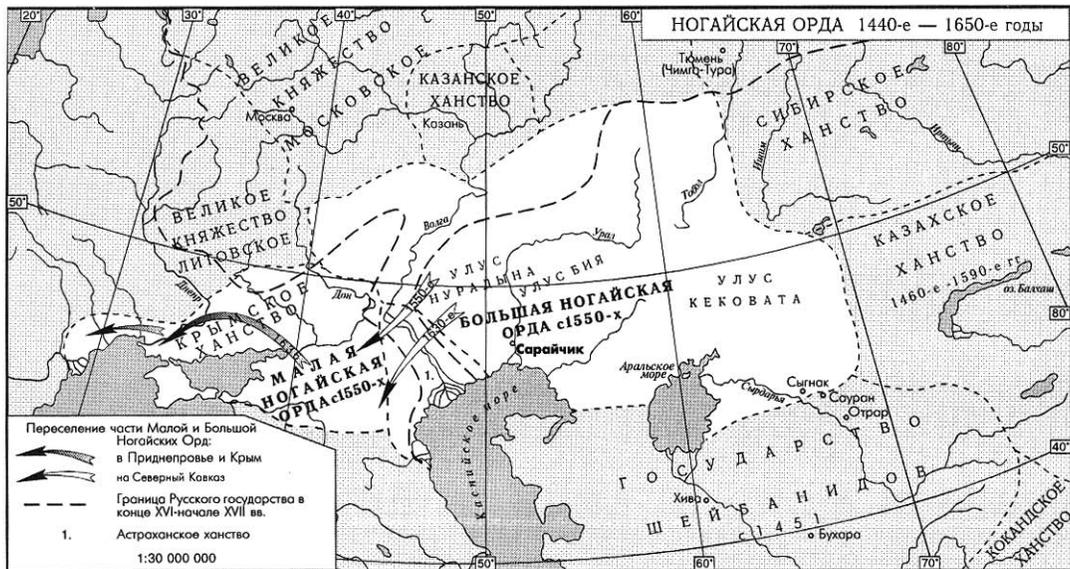
Государственный строй. В период своего расцвета (XVI в.) Ногайская Орда занимала огромную территорию восточного Дешт-и Кипчака. На востоке и юге граница подходила к верховьям Тобола и Нуры, шла по р. Сарысу и затем по Сырдарье к Аральскому морю. Западным рубежом долго служила Волга. Со временем ногаи стали осваивать и ее правобережные пастбища. В XVII в. они расселялись по Причерноморью и Северному Кавказу, покидая родные заволжские степи. Северные пределы Орды можно определить очень условно: мангытским биям подчинялась большая часть нынешней Башкирии.

Титулом ногайского правителя служило понятие *бий*, или *улубий*. Это поздняя восточно-кипчакская форма общетюркского *бек*. В тюркских политических образованиях XIV–XVI вв. бек (бий) служил синонимом арабо-персидского *эмир* и монгольского *нойон*. Все эти термины обозначали принадлежность к знати, стоящей рангом ниже династической правящей аристократии (которая практиковала титулы *хан*, *султан*, *оглан*, *торе*). В разных регионах бий мог означать и родового старейшину (у башкир и казахов), и главу племени, номинально представляющего это племя при хане (Крымское и Касимовские ханства), и высшее должностное лицо после хана (Золотая Орда, Узбекское ханство), и просто «начальство» в широком смысле.

Все племена Ногайской Орды первоначально возглавлялись биями, а над всеми ними стоял бий племени мангытов. Кроме того, существовали «служилые» бии при дворе верховного правителя. В этой парадоксальной ситуации, когда сюзерен имеет одинаковый титул с множеством нижестоящих подданных, требовалось искать способы выделить мангытского лидера.

Ногайский нобилитет (мирзы) обращался к главе Орды, используя выражение *бий-хазрат*, т.е. «княжое величество», в средневековом русском переводе. Ногайские послания к соседним государям наиболее наглядно демонстрируют отличие верховного бийства (хотя почти все подобные адресаты сохранились не в оригинале, а в переводах). Достаточно скромная формула «болшово в князях Сид Ахматово княжое слово» в 1535 г. обнаруживает лишь первенство Саид-Ахмеда в ряду прочих биев. Более развернуто рекомендовался племянник Саид-Ахмеда Урус, занявший престол в 1578 г.: «Мангытцкого государя от Уруса князя» (1578, 1581). В данном случае титулатура уже очерчивает территориальный и этнический пределы властвования. «Мангытцкий» здесь является синонимом «ногайского», т.к. тот же Урус в 1579 г. заявил русскому послу: «Яз в нагаиской земле князь и государь всеи земле нагаиской». Гораздо претенциознее оказался словесный антураж бия Исмаила в письме Ивану IV 1560 г.: «Всем татаром государя от Исмаила князя [РГАДА, ф.127, оп.1, д.5, л.4 об., 190 об.; д.8, л.230 об.; д.9, л.152 об.; д.10, л.86 об.]».

Однако ни у самих биев, ни у их русских корреспондентов не было иллюзий насчет реального объема власти «в Ногаях». Самые пышные звания бии присваивали себе в те времена, когда их Орда находилась в относительно стабильном состоянии, была сильна и влиятельна. Апогеем могущества можно считать период «княжения» Саид-Ахмеда и Шейх-Мамая, т.е. 30–40-е годы XVI в. Шейх-Мамай даже осмелился заимствовать обозначение своего престола (*баб-и али*) у османского султана. В русском переводе грамоты 1548 г. значит: «Высочайшего порога государя и повелителя, от воина от благочестнаго Ших Мамай князя» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.3, л.18–18об.]».

Автор карты И.Л.Измайлов

Официальным полным титулом правителя Ногайской Орды служило понятие *улубий*. «Великий князь» (улубий) сопровождает, как правило, в русских текстах имя беклербека Эдиге, предка мангыто-ногайских биев. «Великим князем» в переводах ногайских документов назван также Саид-Ахмед, а сам пост бия – «большое княженье».

Подобным же образом иногда титуловали главу Ногайской Орды и крымцы. Но в глазах Гиреев ногайский правитель никогда не являлся равновеликим им монархом. Княжеский ранг формально отводил ему место у подножия трона, а не рядом с ним. Бахчисарайская канцелярия многократно подчеркивала, что улубий есть не более чем слуга (карачи) крымского хана. А в 1620 г. хан Джанибек-Гирей попытался в обход русского царя назначить одного из мирз на вакантное место верховного бия и при этом его же «учинил себе болшим своим боярином и добрым к себе другом» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1616 г., д.2, л.239].

Столь же невысоко ценили ранг улубия и в Турции. Стамбульские депеши к Урусу в 1570–1580-х гг. титуловали его всего лишь «бег-мирзой», «хакимом ногаев», «беем, мирзой страны Больших Ногаев», а Юсуфа за глаза обозначали и вовсе как «одного из ногайских беев» [Bennigsen, Lemerrier-Quelquejau, 1976, p.227].

Русские государи всегда называли ногайского лидера только князем и, в зависимо-

сти от конъюнктуры межгосударственных отношений, то своим братом, то другом, то холопом. До середины XVI в. и в Москве, и в столице Ногайской Орды Сарайчике правили «великие князья». Принципиальным рубежом в ликвидации номинального равенства между ними послужило обретение Иваном Грозным царского достоинства. Рядом с «царями» Казанским, Астраханским, Сибирским и позднее Московским заволжские правители воспринимались не иначе как только «княжата ногайские», т.е. потомки «великого князя» Эдиге.

Бликие родственные отношения в недрах правящего клана Эдиге придавали связям между его членами видимость патриархальности. Несмотря на самые разные степени кровного родства с бием, мирзы расценивали его как своего «отца и дядю». То есть формально он занимал место старшего в роде, родового старейшины, патриарха ногаев. В глазах же соседей он стремился предстать как абсолютный суверен: выше цитировались слова Уруса о том, что он государь всей земле Ногайской; в том же документе он характеризует мирз как «холопей моих».

Но в действительности в распоряжении бия не оказывалось практических средств, чтобы заставить родичей-мирз подчиниться своей воле. В 1611 г. в ответ на предложение русского правительства послать ногайские войска на помощь против поляков, причем

мобилизовать «не все охотников, иное и неволников» (т.е. обязать силой) бий Иштерек откровенно отвечал, что «у них Орда самоволная... что захочет, тот и едет, а силою никою послать нелзе». Единственное, чем мог пригрозить Иштерек в ту пору непокорным мирзам, – это его эмиграции, откочевка «казаком с улусом своим» и призыв на помощь Бога и русский рати. Мирзы же терпели его властные полномочий «за старость (т.е. старшинство в роде. – *В.Т.*) и «покаместа он... силен улусными людьми» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1617 г., д.1, л.48; Акты, 1918, с.18, 21]. Как только мирза обзаводился собственным сильным и многолюдным улусом, он начинал проводить независимую политику. Это явление существовало как тенденция в XVI в. и в полной мере обнаружилась в начале XVII в. столетия, в период распада Ногайской Орды.

Не удивительно, что важнейшие политические вопросы решались бием не единолично, а в совете с самыми могущественными аристократами. К числу таких проблем относились, в частности, общеордынские военные действия, отношения с иностранными монархами, международные союзы и коалиции.

Все прочие юрты, что возникли на развалинах Золотой Орды, управлялись сюзеренами из разветвленного клана Чингизидов. Не принадлежавшие к этому клану главы ногаев не смели претендовать на ханское звание. В принципе был еще один путь к утверждению монархического статуса – создание «сверхдержавы», удачные войны, которые заставили бы соседей признать за ногайскими правителями любой угодный ногаям ранг. Судя по некоторым отголоскам в источниках, такая попытка была предпринята в Ногайской Орде в конце 30-х гг. XVI в. Разгромив и убив крымского хана на западе, одолев казахского хана на востоке, ногаи сочли себя вправе сформировать у себя пирамиду власти, аналогичную структурам управления в побежденных ханствах. Бий Саид-Ахмед в грамоте Ивану IV объявил о своем намерении заступить на место хана; тут же были названы наследник престола-калга и главный военачальник беклербек. Однако никто в сопредельных странах этих притязаний не признал: глава Орды так и

остался «великим князем», а не ханом. Бии были вынуждены смириться с этим.

Во главе правого (западного) крыла ополчения и населения поволжских кочевий стоял мирза в должности нурадина, во главе левого (восточного) крыла и населения казахстанских кочевий – мирза в должности кековата. Титулы *нурадин* и *кековат* произошли от имен сыновей Эдиге. В 1580-х гг. в Ногайской Орде появилась еще наместническая должность тайбуги – для управления переселенцами из Сибирского ханства, разгромленного Ермаком.

Для обоснования законности правления мангытских предводителей в их придворном окружении была составлена фантастическая версия происхождения рода Эдиге от халифа Абу Бекра, тестя и преемника Пророка, через святого проповедника Ходжа-Ахмеда Баба-Туклеса. В мусульманском ногайском обществе такая легитимность «княжения» оказалась приемлемой и достаточной. В Ногайской Орде данная концепция стала официальной, и мирзы считали свои родовые от эпохи Мухаммеда и первых халифов. «Роспись мурзам ногайским, сколко в Малом Ногае мурз», составленная в августе 1638 г., гласит: «А роду нашему по нынешней по 146-й (т.е. 1637/38. – *В.Т.*) год ровно тысяча сорок семь лет» [РГАДА, ф.127, оп.2, д.32, л.16]. Стало быть, начало рода отсчитывалось с 591 г.

Скорее всего разработка этой идеологической концепции произошла еще при Эдиге. Ведь он столкнулся с необходимостью узаконивания своей власти в державе Джучидов, своего господства над Джучидами на рубеже XIV–XV вв. Не принадлежа к династической знати, «делатель королей» вынужден был искать доводы в пользу своих преимуществ перед ней. А доказывать происхождение от халифа тысячелетней давности легче, чем претендовать на родство с Чингис-ханом.

Однако объявить себя потомком первого халифа было недостаточно для всеобщего признания. Требовалось, во-первых, сделать фигуру Абу Бекра значимой для массы населения Золотой Орды, во-вторых, превратить генеалогическую легенду в орудие сплочения народа вокруг беклербека. Этим целям способствовала активная мусульманизация

кипчакского населения, которую Эдиге развернул на подвластных землях.

Другим важным средством освящения гегемонии мангытского вождя стала эпизация его облика. Уже в первые десятилетия после смерти Эдиге его личность и биография стали обрастать легендарными подробностями. Память о нем долго сохранялась у кочевников Дешт-и Кипчака. Гора Идигетау в хребте Улутаяу (Центральный Казахстан), где, по преданию, был похоронен знаменитый правитель, была увенчана обо (каменной насыпью), там совершались моления и жертвоприношения в его честь. Со временем его образ оказался по-настоящему сакрализован, и Эдиге превратился в святого героя древности для казахов, а каракалпаки чтили его еще и как покровителя лошадей.

Эпический ореол основателя мангытоногайской бийской династии бросал отсвет и на его потомков. Среди казахов потомки Эдиге слыли аристократией – «белой костью» (ак суяж), что объяснялось буквально: предок Эдиге Баба-Туклес был рожден женщиной, которая забеременела оттого, что попробовала белый порошок, приготовленный из волшебного черепа.

Религиозно-генеалогическая комбинация подняла престиж ногайских династов в глазах собственных подданных, но не добавила веса за рубежом. Вымышленное происхождение от первого халифа все равно не давало оснований для занятия ханского трона. Ведь бий официально не представлял собой самостоятельного государя, этот пост должен был дароваться от вышестоящего правителя. Ногаи сами выбирали себе «великого князя». В источниках не сохранилось описания подробностей такого ритуала. Есть лишь некоторые сведения о принципе «вокняжения»: «А выбирали на нагайское княженье мурзы меж себя по степени и по болшеству, и садились на княженье в Нагаех» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1641 г., д.5, л.27]. Формально считалось, что улубий избирался «по степени и по болшеству» (т.е. старшинству). Претенденты на «вокняжение» в качестве основного довода выдвигали тезис «я старее всех». Однако на деле каждый бий стремился закрепить власть за своими сыновьями.

Однако просто отбросить вековой порядок, по которому законным правом на власть обладал хан-Чингизид, ногаи не могли. Поэтому до 1550-х гг. у них применялось провозглашение фиктивного, марионеточного хана. Имена таких «правителей» очень редко встречаются в источниках, т.к. никакого влияния в Орде они не имели. Единственной их задачей было освящать своим присутствием реальные полномочия главы мангытов. Во второй половине XVI в. бии Дин-Ахмед, Урус, Ураз-Мухаммед и Дин-Мухаммед правили уже без подставных монархов.

А с начала XVII в. была восстановлена санкция иноземного государя на «княжение». Теперь русский царь своей грамотой подтверждал избрание нового бия мирзами, а астраханские воеводы разработали торжественный церемониал введения его в должность. В 1600 г. новоизбранному Иштереку вместе со знатнейшими мирзами было предложено приехать в Астрахань для вручения жалованных грамот из Москвы. По прибытии ногаи узнали, что им предстоит совершить действие самого настоящего воцарения – поднятие на ханство. Воеводы придумали, чтобы мирзы подняли Иштерека на войлоке, подобно тому, как провозглашали ханов-Чингизидов в независимых кочевых державах – Золотой Орде и татарских ханствах. Мирзы задумались: «А того де они не ведали, что ево, Иштерек мурзу, на княженье поднять на епанче... И из давних де лет николи того не было». Однако, посоветовавшись целый день, согласились, и улубий впервые в ногайской истории был «поднят на епанче» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1641 г., д.5, л.32–33]. Следующий и последний бий, Канай, в 1622 г. воспринял этот акт уже без всяких возражений.

Тюркские и славянские правители осознавали силу Ногайской Орды и до начала XVII в. не стремились посягнуть на суверенитет ее лидеров. В пределах своих кочевий улубий осуществлял административные функции, присущие любому самостоятельному кочевому правителю. Он после совета со знатью объявлял ежегодные маршруты передвижений стад и населения, указывал места для поселения подвластным илям (племенным общинам), подтверждал на-

следственные права мирз на подданных, «улусных людей». Традиционно за ним оставалась обязанность верховного военачальника, ведь прежде, во времена Золотой Орды бий (беклербек) являлся главой вооруженных сил государства. Правда, у ногаев в ходе оформления административной системы появился свой аналог военачальника-беклербека – нурадин.

На бие, кроме того, лежала обязанность обеспечивать своему народу безбедное существование или хотя бы доступ к обогащению. Евразийские кочевники нередко добивались этого набегами на оседлых соседей. Ногаи же чаще использовали мирные средства – меновую торговлю и взимание традиционных периодических платежей, «мангытских доходов», которые поступали к ним из Казанского и Астраханского ханств и, возможно, из Сибирского юрта. Попав в зависимость от России, руководители Орды все более полагались на «государево жалованье» – деньги и подарки из Москвы. Умение бия организовать приток подобных доходов служило одним из критериев его компетентности. Не раз бывало, что ногайский лидер просил царя, дьяков и воевод не отправлять дары мирзам в обход его, бия, чтобы «я бы из рук своих то свое царское жалованье братье своеи и племянником, и детем роздал». Поскольку «они все у мене казны просят, а у меня казны нет, и дати им нечево. И в том мне бывает великой сором». [РГАДА, ф.127, оп.1, 1617 г., д.3, л.11–12].

Двор правителя Ногайской Орды представлял собой совокупность нескольких чиновных органов с канцеляриями, которые занимались в основном финансовыми вопросами. Управление осуществлялось при помощи довольно слабо развитой структуры: немногочисленных чиновников (карадуван, теку-дуван), писцов, грамотных представителей мусульманского духовенства. Такие «функционеры» действовали как при дворе бия и в стольном Сарайчике, так и при ставках главных мирз.

Но с начала XVII в. биям приходилось полагаться уже только на ближайших родственников и нескольких писцов; все остальные инстанции исчезли в ходе смут. Вообще развитие институтов управления у ногаев происходило крайне противоречиво. Достигнув

апогея к середине XVI в., административная конструкция Орды вошла в стадию кризиса, начала уменьшаться и упрощаться. По мере распада Орды объем власти центральных органов все сужался и к исходу второго десятилетия XVII в. сошел на нет.

Политическая история. Ранг Ногайской Орды как «казачьего» образования в первые годы XVI в. сохранялся. В 1501 г. бий Ямгурчи (1502–1504) обращался к Ивану III «дядя», признавая свое неравенство с московским государем. В глазах же крымского хана он, очевидно, не мог считаться бием, подобным Мусе, который, напомним, получил бийский (беклербекский) пост из рук хана Ядгара. Ямгурчи же провозгласила таковым мангыто-ногайская знать. Поэтому хан Менгли-Гирей продолжал титуловать его мирзой, в то время как Мусу прежде неизменно величал «князем» (бием).

По Кадыр Али-беку, следующим после Ямгурчи беком стал Хасан. Влияние и положение этого бия не могли даже отдаленно сравниться с огромным авторитетом, которым в свое время обладали оба его брата, покойные бии Муса и Ямгурчи. В условиях борьбы за власть и постепенно нарастающей смуты не все мирзы соглашались признавать первенство Хасана.

В 1508 г. в Ногайской Орде разгорелся открытый конфликт. Некоторые авторы сводят междоусобицу 1510-х гг. к личному противоборству двух сыновей Мусы. Однако личными обидами мирз причины вражды, конечно, не ограничивались. Муса в конце жизни, а за ним и Ямгурчи с Хасаном принимали главенство над ногаями по решению совещаний знати. Воля же вышестоящих государей, ранее назначавших беклербеков, теперь отсутствовала – и не стало официального арбитра при разрешении династических споров. Как только из жизни ушло поколение детей Ваккаса, и на политическую арену вступили его внуки, сразу начались разногласия по вопросу о наследовании бийства. Старшие сыновья Мусы от двух жен не смогли договориться о разделении полномочий. И Алчагир, и Шейх-Мухаммед провозгласили себя биями.

В середине 1510-х гг. Ногайская Орда оказалась накануне распада. Улусы ногаев разбрелись в разные стороны, против-

борствующие группировки мирз сражались, истребляли и грабили друг друга. Ослабевшие в усобицах противники пытались опереться на Астраханское и Крымское ханства, будучи готовыми в любой момент предать союзников.

В этом ослабленном состоянии Орда оказалась завоеванной казахами. Хан Касим решил восстановить владычество восточных Джучидов над юртом мангытов. В 1519 г. его войска вышли к Волге, а ногайские мирзы бежали на запад, под покровительство крымского Мухаммед-Гирея.

В 1521 г. Касим скончался и был погребен в Сарайчике в усыпальнице. Все достигнутое и завоеванное им стало рушиться. Узнав о смерти могущественного хана, ногаи воспрянули духом. Дети Мусы Мамай, Саид-Ахмед, Шейх-Мамай, Юсуф и прочие, а также сыновья Алчагира сумели собрать разбросанных по правобережным пастбищам кочевников и вдохновить их на реванш. Началась ногайская «реконкиста». Пришлое казахское население под ударами ногаев начало быстро откатываться на юго-восток, а преемник Касима, хан Тахир, бежал в Моголистан. Теперь растерянность и раздробленность охватили уже казахов. Ногаи регулярно врываются в их кочевья и мстили за недавние поражения.

После отступления Тахира в Семиречье бескрайние пространства Восточного Дешта оказались беззащитными перед ногайскими отрядами. Сыновья Мусы быстро восстанавливали свое господство над заволжскими и заяицкими степями. С этих пор из источников на долгое время, почти на столетие, практически исчезают упоминания о племенной знати у ногаев, помимо мангытской. Похоже, в ходе «реконкисты» иноплеменные кипчакские беки, поддерживавшие Касима, были изгнаны, или истреблены, или оттеснены от управления. Мангыты окончательно взяли в свои руки управление ногаями из всех элей (племен) своей возрожденной Орды.

В первые два десятилетия XVI в. Ногайская Орда испытала настоящее потрясение. Унаследовав от Мусы влиятельный и могущественный Мангытский юрт, его братья и сыновья едва не лишились подвластных земель и подданных. Распри между мирзами,

появление сразу нескольких биев, выдвинутых борющимися группировками знати, крымские и казахские нашествия – все это поставило кочевую державу на грань гибели. Однако исторические обстоятельства, в конце концов, стали складываться благоприятно для нее. На востоке ногаям удалось воспользоваться смятением в Казахском ханстве после смерти хана Касима, собраться с силами и развернуть наступление на восточный Дешт-и Кипчак. Вскоре казахи были отброшены к узбекским границам, а бывшие их территории стали переходить под управление ногайских мирз. На западе, после нескольких вынужденных и унижительных признаний своей подчиненности Крыму предводители ногаев тоже сумели переломить ситуацию. Одновременно с антиказахской «реконкистой» ими был разгромлен Крымский юрт (1523), существенно ослаблено и поставлено в зависимость Астраханское ханство. После Алчагира на первое место в Ногайской Орде выдвинулся его брат Мамай. Он не решился (или не сумел) организовать свое «вокняжение». Это был прежде всего военный лидер, полководец. Именно под его началом ногаи смогли одержать решающие победы 1520-х гг., которые позволили им в следующем десятилетии превратить свою державу в могучую и независимую кочевую империю.

Приблизительно с начала 1530-х гг. в качестве главы Ногайской Орды в документах называется Саид-Ахмед (Шейдяк). Он явно был провозглашен бием на совещании знати, т.е. в глазах ортодоксальной мангытской верхушки не имел полноценного ранга главы ногаев, поскольку не получил назначения беклербеком от какого-нибудь хана.

То и дело отпрыски прежних биев, общепризнанных и непризнанных, поднимали мятежи. В распоряжении Саид-Ахмеда не было никаких средств, дабы смирить и привлечь к себе огромный клан Нур ад-Дина. Необходимо было разработать систему каких-то стимулов, призванных заинтересовать мирз как в прочной верховной власти бия, так и в стабильности на ногайских землях. Важнейшей задачей являлось удовлетворить амбиции ведущих аристократов, старейшин правящего рода – Мамаея и Шейх-Мамаея. Первым шагом должно было

стать конструктивное обсуждение ситуации, а для этого следовало все же добиться собрания мирз.

К преодолению раздоров располагала и внешняя обстановка. Триумфальные победы в 1520-х гг. над Крымским и Казахским ханствами позволили ногаям возродить свое могущество, как во времена Мусы. Саид-Ахмед, вероятно, не очень приукрасил положение, когда сообщил великому князю Ивану Васильевичу в мае 1535 г.: «Темир-Кутлуевы царевы дети (т.е. астраханские ханы. – *В.Т.*) нам повинилися; Иваков царев сын и тот нам повинился со всеми своими товарищи и слугами. Казатцкой царь Хозя Махмет царь с пятьюнацатью сыньми у нас живет, триста тысяч моих казаков» [Посольские книги, 1995, с.131]. Смертельный ужас перед заволжскими кочевниками испытывали ныне Гирей, заискивала перед «бесчисленными ногаями» Казань... Повсеместное признание силы и влияния Ногайской Орды никак не означало дружелюбия к ней. Окрестные владетели по большей части боялись и ненавидели мангытских биев – фактических узурпаторов древних царственных прав рода Чингис-хана. Поэтому абсолютно истинной выглядит констатация посла Данилы Губина той поры: «Со все... стороны недрузи нагаем». Такая обстановка требовала обязательного единения мирз – как для поддержания военно-политического доминирования в степях, так и для обороны от возможных контратак разномастных «недрузей».

Осознание этих задач, актуальных для всего правящего дома ногаев, побудило большинство самых влиятельных мирз приостановить конфликты. Весной или летом 1537 г. наконец собрался съезд примирения. Основной задачей было сплочение различных группировок знати и их лидеров. С этой целью в Ногайской Орде произошла реформа управления.

Саид-Ахмед был признан равным по положению хану (но не ханом – это было невозможно для не-Чингизида). Его наследником, т.е. вторым лицом в пирамиде власти, наподобие татарского калги, объявлялся Шейх-Мамай. Место беклербека предоставили Хаджи-Мухаммеду. У него тоже был предусмотрен преемник в должности, как бы калга беклербека; данный пост предло-

жили Мамаю, но тот, озлобленный крахом своей давней идеи рассчитаться с русскими, отказался участвовать в распределении власти. Тогда должность «калги беклербека» занял следующий по старшинству сын Мусы Юсуф. Так почти все высшие мирзы оказались наделенными почетными функциями. Отныне два из трех самых авторитетных предводителей, Саид-Ахмед и Шейх-Мамай, стали действовать в унисон. Остальные мирзы присоединились к соглашению, несмотря на скепсис Мамаю и игнорирование им новых порядков.

Посягательство на управленческую монополию Чингизидов выглядело рискованным. Ведь полноценным государем в послезолотоордынских юртах мог считаться только потомок Джучи. Однако если вспомнить предыдущую историю мангытов и ногаев, то можно проследить, как шло постепенное преодоление этой стойкой традиции. В разное время и в разных владениях ханы часто становились мангытскими марионетками, и бии Мангытского юрта управляли самостоятельно, лишь маскируя свое полномочие декоративной фигурой ими же поставленного династа. Муса-бий в конце XV в. уже решил обойтись без подставного монарха – и закончил жизнь и правление на вершине славы и мощи; никто не решался оспорить его властные (фактически ханские) полномочия. Тот же порядок по инерции старались сохранить бии Ямгурчи и Хасан. Затем смута и казахская экспансия прервали государственное оформление Орды, но после «реконкисты» и осознания необходимости единства прежняя тенденция вновь ожила.

Отсутствие генеалогической связи с Джучи оставалось единственным препятствием для превращения Ногайской Орды в ханство. Да и легитимность она обретала лишь имея во главе чингизидского династа. Упоминание о нем промелькнуло лишь однажды. В сентябре 1537 г. бий сообщил в Москву о поставлении нового государя: «Шурина своего Хан Булат салтана, царем его чиню. И ты, как на нашего посла смотришь, так бы еси на его посла смотрил. Также и самого («царя». – *В.Т.*), как меня, смотри» [Там же, с.205]. Царевич Хан-Булат не известен по другим источникам. Возмож-

но, это был казахский султан Хакк-Назар, сын покойного хана Касима.

Примирение мирз сопровождалось не только распределением иерархических степеней, но и, что более важно, реальной компетенции и уделов внутри Ногайской Орды. За Шейх-Мамаем было официально закреплено управление восточными, заяицкими кочевьями. Под его контролем находились степи Казахстана и Юго-Западной Сибири. Подвластные ему земли простирались от Яика до Сырдарьи и Иртыша.

Западной группировке мирз были доверены поволжские степи. Старшим на этой территории стал Хаджи-Мухаммед (Кошум). Он с удовольствием вступил в новую должность и подумывал о том, чтобы прочно обосноваться на волжском правобережье. У Ивана Васильевича он запросил «топорников и пищальников» с намерением поставить на Волге собственный город (шестилетний великий князь мастеров не дал, сославшись на занятость).

Так Ногайская Орда оказалась разделенной на три части: восточную во главе с Шейх-Мамаем, центральную во главе с Саид-Ахмедом и западную во главе с Хаджи-Мухаммедом. Такая структура представляла собой классическое кочевое (и не только) деление на крылья и центр. В ордынской политической традиции главой левого (восточного) крыла являлся хан, главой правого (западного) – беклербек. Но бийским, равным беклербекскому, рангом обладал Саид-Ахмед, а ханом его никто не признавал. Шейх-Мамай тоже отнюдь не был настоящим калгой, ведь этот титул предполагал наследование монаршего престола, а не «княжеской» должности мангытского бия.

Ногаям пришлось изобретать собственную титулатуру. Для обозначения глав крыльев были использованы в нарицательном значении имена сыновей Эдиге Нур ад-Дина и Кей-Кавада, которые некогда владели улусами на соответствующих территориях. Глава правого крыла получил название *нуредин*, левого – *кековат*. В соответствии с той же древней традицией, лидер западного крыла занимал второе место в иерархии после верховного правителя. Нурединство досталось Хаджи-Мухаммеду, восточным наместником-кековатом стал Шейх-Мамай.

Крыльевая реформа сразу внесла четкость в обязанности и функции множества мангытских аристократов. Шейх-Мамай с братьями, приписанными к левому крылу, взял на себя задачу стоять «в заставе за Яиком на реке на Еме» (Эмбе), держа оборону от казахов. Западные мирзы Хаджи-Мухаммед, Мамай, Исмаил и Кель-Мухаммед с Ураком «стояли в заставе от Крыму» и иногда отправлялись в походы на Северный Кавказ. Не санкционированные тремя высшими иерархами набеги теперь не допускались, и иерархов этих чрезвычайно устраивал новый порядок власти.

Административные преобразования периода правления Саид-Ахмеда обозначили качественный поворот в ногайской истории. Рыхлое объединение «казаков»-ногаев с неясным статусом на глазах обрело черты стабильного юрта, кочевого владения-ханства. Пусть династическая титульная «номенклатура» и оказалась недоступной для сыновей Мусы, но они обошли это препятствие введением собственных оригинальных титулов. Ногайская Орда обзавелась территориальным делением и более-менее упорядоченной системой власти. Поэтому окончательное оформление ногайской державы должно датироваться, очевидно, именно этой эпохой – второй половиной 1530-х гг.

* * *

7 ноября 1541 г. в Москву прибыло посольство «от Шихмамая князя да от Кошум мурзы, да Исмаил мурзы и от иных мурз». Это означало, что в то время Саид-Ахмеда сменил брат. Из фрагментарных сведений можно определить, что произошло это не естественным путем – наследованием по смерти предшественника, а в результате свержения его. По причине каких-то драматических событий Саид-Ахмед оказался в Средней Азии. Вместе с ним отправились в эмиграцию его дети и ближайшие соратники-мирзы. Саид-Ахмед был жив, и руководители Орды на съезде совещались, «как им оборониться от Шиидьяка князя и от его детей, и от мамаевых детей. А Шиидьяк... и дети ево и иные мурзы с ним в Юргенче». Сам бывший бий, похоже, не проявлял агрессивности (из-за старости?), но сыновья его то и дело совершали набеги на роди-

ну и угоняли скот. Более поздние памятники – Родословцы XVII в. указывают на другое место жительства: «А Шидяк в Бухарех». Возможно, он в самом деле перебрался в окрестности Бухары, на территорию юрта узбеков-мангытов в Шейбанидском государстве.

Мы можем догадываться, что в правящих кругах Ногайской Орды вспыхнул конфликт. Очевидно, через три-четыре года после разверстки крыльев на съезде примирения и раздачи новых титулов Шейх-Мамай перестал удовлетворять статус второго лица ногайской державы, и он захотел стать первым. Надо сказать, что определенные основания для такой карьеры у него имелись. Из всех ногайских иерархов он стал наиболее могущественным и влиятельным. Шейх-Мамаю как наместнику восточных кочевий достались функции управления башкирами, связей с казахами и Сибирским юртом. Он был женат на дочери бывшего завоевателя Ногайской Орды, казахского хана Касима. Башкирией Шейх-Мамай правил сурово и умело, ввел там налогообложение и полностью подчинил своей воле местную знать. При дворе мирзы воспитывались высокородные принцы – казахский царевич Хакк-Назар и сибирские султаны Кучум и Ахмед-Гирей, внуки Ибака. Это давало возможность Шейх-Мамаю в будущем посадить в соседних ханствах зависимых от себя монархов. Для своих целей он мог мобилизовать огромные массы кочевников, ведь в его распоряжении был весь Восточный Дешт-и Кипчак. Подчиняться старшему брату, хотя и признанному верховным правителем в 1536 г., он, в конце концов, не пожелал. Соратниками его по этой интриге оказались его младшие братья Юсуф и Исмаил.

1530–1540-е гг. были апогеем могущества и влияния Ногайской Орды. Разгромив или запугав соседей, потомки Нур ад-Дина и Мусы смогли наконец обезопасить свою державу от внешних посягательств. Несмотря на зыбкость единства правящего клана и свержение бия Саид-Ахмеда, перед окружающими народами Ногайская Орда того времени выступала как грозная и относительно монолитная сила. Ногаи сумели включить в сферу своего влияния Казахское ханство, утвердить и упорядочить свое господство

над Башкирией. Как равные они состязались в борьбе за влияние на Астрахань с Крымом и на Казань (хотя и в неявной форме) с Россией. Бий по своему положению и авторитету внутри (но не вне) державы приблизился к монарху-хану. Правление Шейх-Мамай было высшей точкой развития политической и социальной структуры ногаев.

Шейх-Мамай умер весной 1549 г. Новым бием мирзы выбрали следующего по старшинству сына Мусы – Юсуфа. В первые же месяцы бийства Юсуфа в документах вновь мелькнула фигура декоративного хана-Чингизида. О нем сообщил Исмаил в письме, доставленном в июне 1549 г.: «Темир Кутлуева царева сына царем себе учинили есмя. Один царем учинился, а другой князем». Вероятно, именно этот персонаж фигурирует и в майском послании Юсуфа 1551 г.: «Царь у нас Янай. Чтоб еси нас для его призывал» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.4, л.11; Посольские книги, 1995, с.287]. Кто такой Джанай, неизвестно. Однако ясно, что он принадлежал к потомкам большеордынского хана Ахмеда и скорее всего к Астраханскому дому – «Темир Кутлуевым царевым детям».

С середины 1540-х гг. все большее место во внешней политике Ногайской Орды начинает занимать Россия. Московское государство росло и усиливалось. Оно давно оказывало решающее влияние на Казань и готово было распространить его на Астрахань. Это заставляло Юсуфа настороженно относиться к русским. Настороженность степного владыки проявилась сразу же по «вокняжению», когда бий отказался утвердить шертный договор, заключенный ногайским посольством в Москве в начале 1549 г. от лица покойного Шейх-Мамай и мирз (в том числе и самого Юсуфа). Хотя он и подтвердил устно намерение находиться в дружбе с Иваном IV, но требовал от царя признания себя и своих посольств равными по рангу золотоордынским и крымским ханам и посольствам.

Отказ русской стороны выполнять эти притязания вызывал у бия ярость, выливался в оскорбления и грабеж московских посланцев в его владениях. Русские редко отвечали тем же, но в июле 1551 г. были вынуждены заявить, что с Юсуфом отныне «в дружбе быть не хотим». Несколько раз бий

собирался в большой поход на Русь; именно в эти годы, на рубеже 1540–1550-х, отмечается потепление отношений ногаев с Крымом и их контакты с Портой на основе противостояния с Россией. Ногайско-русские отношения при Юсуфе стали превращаться в существенный фактор уже внутриногайской ситуации, отношений в среде потомков Нур ад-Дина и Мусы.

Нурадином и предводителем правого крыла стал Исмаил, второе лицо после бия Юсуфа. Это был подлинный соправитель бия. Вместе с Юсуфом он в конце 1540-х – начале 1550-х гг. в основном справлялся с сонмом сородичей и по праву считал себя одним из гарантов их сплоченности и послушания: «И братья наши меньшие, и дети наши из брата нашего княжова слова и из моего слова не выступят, и воины не зат(е) вати» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.4, л.53].

Кочевья нурадина, в соответствии с его рангом начальника правого крыла, располагались вдоль Волги. Время от времени он подкочевывал к Казани, а южным, зимним рубежом сезонных маршрутов были низовья реки.

Как во внутренней, так и во внешней политике нурадин был вполне самостоятелен. Он независимо от бия ссылался с Крымом и Турцией, планировал карательные операции против мирзы Гази, который перебрался на Крымскую сторону Волги и превратился в бродячего «казака». Исмаил успешно контролировал подвластные улусы, каждый случай неповиновения считался чрезвычайным происшествием и вызывал тщательное разбирательство. В то же время он реально оценивал свои властные возможности и понимал, что не обладает никакими средствами, кроме личного авторитета, чтобы, допустим, воспрепятствовать авантюрным попыткам мирз устроить несанкционированные набеги.

Правое крыло находилось ближе прочих ногайских владений к России, поэтому с его предводителем московское правительство общалось гораздо активнее, чем с лидером восточного крыла и даже с бием. Если для османского двора Исмаил был просто «мирзой, одним из ногайских беев», не заслуживающим персонального внимания «Блистающего Порога», то для русских он к началу

1550-х гг. стал основным дипломатическим партнером среди мирз и потенциальным союзником. С ним – отдельно от Юсуфа – велись переговоры о планах военных кампаний, к нему направлялись московские послы высокого ранга для заключения особого (фактически сепаратного) соглашения о дружбе. А когда отношения Юсуфа с царем стали приобретать характер откровенной неприязни, Иван Васильевич известил нурадина, что отныне с бием «в дружбе быть не хотим», но при этом соблюдает «крепкую дружбу» с Исмаилом. Разница в отношении могущественного и богатого соседа к двум высшим правителям ногаев вносила дополнительный раскол между ними.

Их сотрудничество и без того осложнялось многими факторами, прежде всего внешнеполитическими. Получая щедрые подарки из Москвы, направляя туда табуны «продажных лошадей» и торговые караваны, нурадин желал как можно более прочных, частых и дружеских контактов с Россией. Исмаил предпочитал регулярные поставки необходимых товаров и сбыт коней – основного богатства кочевников – разовому и хлопотному обогащению в набегах. В целом эту политику разделяли и поддерживали его соратники и подчиненные – мирзы правого крыла.

В «партию Юсуфа» – противников сближения с Россией – входили воинственные сыновья Шейх-Мамая. Кроме того, на стороне бия были, конечно, его собственные дети, из которых в начале 1550-х гг. чаще прочих упоминаются Юнус (старший) и Али. Судя по всему, семья Юсуфа и Шимамаевичи проигрывали численно «ведомству» Исмаила. Если предположить, что у каждого из мирз находился под началом улус примерно одинаковой численности, то и количество подданных («улусных людей») было в то время на востоке державы гораздо меньшим, чем на западе.

К 1554 г. отношения Исмаила со старшим братом Юсуфом обострились до предела. Тот не мог простить ему постоянных препон в антимосковских акциях. Дважды срывал Исмаил большие военные экспедиции бия. В среде мирз нарастало возмущение слишком тесной связью второго лица державы с «неверными», завоевателями Казани; это

возмущение разделяли и некоторые соратники Исмаила по правому крылу.

Когда до Сарайчика донеслась весть, что Исмаил собирается принять участие в завоевании русскими Астраханского татарского юрта, бий не выдержал. Собранные им войска двинулись к Волге. Навстречу с отрядами нескольких преданных мирз выступил Исмаил. В грамоте мирзы Арслана, доставленной в Москву 25 января 1555 г., говорилось: «Дядя мои Исмаил князем учинился... А мы... Юсуфа князя убили, а Исмаила князем учинили». Позднее из-за Волги вернулся гонец С.Тулусупов и рассказал некоторые подробности. Исмаил и Арслан повели кавалерию на Юсуфа и сражались много дней. «Сперва побивал Юсуф Смаиля и улусы его поимал». Но Исмаил в конце концов одолел. Бия и его окружение убили, остальных изгнали. Сеча, видимо, была жестокой: «А людеи нагайских на обе стороны многое множество побито; как и стала Орда Нагайская, такой падежи над ними не бывало» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.4, л.263 об.; Летописец русский, 1895, с.29, 30; ПСРЛ, 13, 1904, с.249].

В Орде разразилась еще одна смута. Противостояние различных группировок клана Эдиге в середине XVI в. привело в итоге к расколу державы ногаев и перелому всей ногайской истории. Поэтому события с такими глобальными последствиями, конечно, привлекали внимание исследователей, сопровождалась объяснениями и размышлениями. Первопричина смуты видится в усилении Московского царства и одном из проявлений этого процесса – завоевании Казани. Подобная же участь, наметившаяся для Астрахани, означала в перспективе переход всей Волги под власть русских, расчленение степного мусульманского Дешт-и Кипчака надвое, отрезание Ногайской Орды от привольных пастбищ Крымской стороны Волги (которую ногаи не теряли надежды когда-нибудь оспорить у Гиреев).

Активизацию пророссийской «партии» можно проследить с середины 1540-х гг., когда из Башкирии в Поволжье прибыл на нурадинство Исмаил. Ордой тогда фактически управлял Шейх-Мамай. Уже при этом грозном ногайском владыке, т.е. еще до «вокняжения» Юсуфа, Исмаил начал вызывать

неудовольствие своими явными политическими предпочтениями в пользу России.

Причины смуты лежали также в экономической плоскости, в привязке части мирз (правого крыла) к российскому рынку. Однако при этом невозможно отрицать и причастность Москвы к сознательному раздвиганию распри между Исмаилом и Юсуфом. При ногайско-русских переговорах о совместных действиях против Хаджи-Тархана летом 1554 г. разработанный в Москве план предусматривал выступление Исмаила против бия сразу по захвате города.

В летописях начало конфликта представлено как инициатива Исмаила (и, стало быть, успешный результат дипломатических усилий русского посла Бровцына): «По цареву и великого князя приказу пошел Исмаил на брата своего Есупа князя». Эта версия о том, что не бий выступил в поход на зарвавшегося брата, а наоборот, последний «по указу великого государя, по своему договору, з братом своим Исупом князем завоевался», четко отложилась и в официальных документах Посольского приказа. Точно такая же трактовка утвердилась и в описании решающей схватки конца 1554 г. И русские гонцы, и ногайские послы, и мирзы в своих грамотах уверяли Ивана IV, будто Юсуфа прикончили по царскому приказу, ревностно исполненному Исмаилом. В это уверовал и сам царь Иван. В 1581 г. он напоминал бию Урусу, сыну Исмаила, что «Исмаил князь то учинил, чего нигде не ведетца: отстав от родного брата своего от Исупа князя, *а нас для*, и его убил, *а нам способствуя*» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.10, л.20 об.]. Следовательно, хотя Иван IV и не брал на себя ответственность за разработку заговора, но признавал его выгодность для своей политики.

Объективно государственный переворот несомненно сыграл ему на руку. В ноябре 1555 г. царь направил новым бию, нурадину и кековату свое наградное жалованье – «за то, что Юсуфа князя побили». Он благодарил их за создание выгодной для Москвы новой внутренней ситуации в Ногайской Орде. Ведь Россия теперь избавилась от угрозы кочевого нашествия, которое то и дело принимался готовить прежний бий. Степнякам стало не до нападений на Русь: в случае окончательной победы Исмаила в

Сарайчике утвердился бы союзник царя; в случае борьбы сторонников Юсуфа и Исмаила Орда оказывалась охваченной междоусобицами, тоже что позволило бы России беспрепятственно осуществлять экспансию в Поволжье.

Убийство бия вызвало гнев и негодование у многих мирз, и в первую очередь у его детей. Автоматически вступили в действие законы кровной мести. Перед Исмаилом теперь оказывался не задумчивый, склонный к уговорам и внушению Юсуф, а его озлобленные сыновья. Вместо одного политического оппонента новый бий нажил себе множество злейших врагов. Когда начались сражения и взаимное истребление, число кровников в противоборствующих лагерях возрастало, охватывая постепенно все большее количество отпрысков клана Эдиге. И теперь прежняя политическая и экономическая первооснова вражды уже подкреплялась мощным стимулом к борьбе из взаимных претензий, ненависти, жажды возмездия за погибших близких.

Лагерь сторонников Исмаила был слишком разнороден, чтобы его сплочение можно было объяснять только экономической ориентацией на Россию. Если бы это было так, то теоретически дети Шейх-Мамая, кочевавшие на крайнем востоке Ногайской Орды, должны были бы выступать против промосковски настроенного победителя. А произошло как раз наоборот. Мирзы же правого крыла далеко не все последовали за своим вождем, некоторые оказались в оппозиции к нему. И это опять объясняется не торговыми интересами, а логикой политической борьбы и психологическим фактором – возмущением от вероломства Исмаила по отношению к Юсуфу.

Вместе с покинувшим Астрахань в преддверии русского наступления Ямгурчи-ханом противники Исмаила «пристали к крымскому царю», перебравшись на правый берег Волги. Возглавляли это движение во семь Юсуфовичей во главе с Юнусом.

Междоусобицы и конфликты случались в Ногайской Орде и раньше. После умиротворения (победы одной из враждующих группировок мирз) спокойная жизнь восстанавливалась, и ногаи возрождали могущество своей державы. Однако кризис середины

XVI в. имел более болезненные последствия. Ногайская Орда вышла из него не только с уменьшившимися населением и территорией, но и экономически ослабленной. Война Исмаила с сыновьями Юсуфа сопровождалась взаимным разорением, ломкой традиционных кочевых маршрутов и стихийными бедствиями. Во второй половине 1550-х гг. у ногаев разразился великий голод.

Главная причина этой катастрофы заключалась в вымирании стад, отар и табунов, их взаимных угонах. Это лишило множество ногаев главного источника существования. Те кочевники, что сумели сохранить скот, тоже попали в тяжелое положение, потому что из-за усобиц традиционные маршруты сезонных передвижений оказались перерезанными или занятыми другими хозяевами. Во время таких изменений, когда степные эли метались по заволжским пространствам, не успевая разведать на новых местах пути кочевания и водопои, зимние укрытия и летние выпасы, рухнула устоявшаяся за столетие номадная хозяйственная система.

Дополнительную сложность внесло и русское завоевание Астрахани 1556 г., когда главная волжская переправа попала под контроль воевод. В сочетании с голодом, чумой, вражескими набегами все это создавало невыносимые для жизни в степях условия.

К концу 1550-х гг. экономика развалилась полностью, деморализованные и растерянные ногаи утратили собственные средства пропитания. По словам Исмаила, Орде приходится жить тем, что посылает царь Иван, а тот посылал мизерное количество продовольствия.

Другой разновидностью русской помощи, о которой молил Исмаил, была охрана переправ, чтобы обезопаситься от набегов «казаков» и остановить бегство подданных на запад. В 1557–1558 гг. царь распорядился учредить заставы на главных «перевозах» и посылал в ставку бия стрелецкий отряд. Но уже в 1559 г. войска ушли из Сарайчика и с переправ. Во-первых, в Кремле решили, что бий достаточно овладел ситуацией и способен править самостоятельно; во-вторых, у Москвы появились новые заботы: в 1558 г. началась Ливонская война.

К рубежу 1550–1560-х гг. «заворошняя» утихла. Дело заключалось не только в

том, что разоренные ногаи обессилели или пресытились набегами. В последние годы правления Исмаила практически все его противники выехали за пределы Ногайской Орды. Это сыграло ему на руку и позволило наконец стабилизировать обстановку. Но первоначально он стремился сохранить в подвластных степях как можно больше народу. Русские заставы на переправах, в том числе на главной – астраханской, исправно старались перекрыть ногаям пути движения через Волгу. Посол Е. Мальцов, досконально изучивший положение, предрекал: «Да толко твоего к Исмаилу береженья не будет, ино, государь, улусом их разоитися», а позже доносил слова Исмаила: «Улусы деи наши мешающа, в Крым хотят» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.10, л.20 об.].

Исход населения начался, как только царь и астраханские воеводы сняли охрану с переправ. Многочисленные мирзы хлынули на правобережье. Ясно, что уходили те, кто находился в оппозиции к бию; меньшая, вероятно, часть прорывалась сквозь улусы сыновей Шейх-Мамаю в Казахское ханство. Те и другие ненавидели Исмаила и клялись когда-нибудь свергнуть узурпатора-интригана. Тот оказывался со всех сторон окруженным врагами и надеялся найти поддержку лишь у соседних монархов. Был шанс добиться расположения султана, но в соответствии с принципами османской северной политики, для этого было необходимо мириться с Бахчисараем, куда стекались мирзы-беженцы. Исмаил справедливо опасался, что многочисленные и озлобленные эмигранты замышляют недоброе и вот-вот «на нас приведут царя» Девлет-Гирея.

Виновниками концентрации врагов в Крымском ханстве бий считал русских. Едва переправы лишились стрелецких заслонов, «многие люди и отошли в Крым», – негодовал он, приписывая оголение «перевозов» небрежению астраханского воеводы Ивана Выродкова.

Тем не менее к началу 1560-х гг. Исмаил избавился от главных противников и смог заняться налаживанием жизни в разоренной державе. В самом начале его правления вновь промелькнула фигура таинственного «царя»-хана, подобная той, что вскользь упоминалась в эпоху Юсуфа. «Как меня

смотришь, так бы еси Ибишея царя смотрил», – обращался Исмаил к московскому государю в начале 1555 г. [РГАДА, ф.127, оп.1, д.4, л.262, 303 об. – 304]. Кто это такой, неизвестно, и нигде больше Ибишей не упоминается. Как и прежние такие ханы, он представлял собой сугубо декоративного, подставного монарха, от имени которого осуществлялись административные полномочия очередного ногайского бия.

Эти полномочия сводились во внутриордынских делах, главным образом, к налаживанию отношений со множеством мирз, взбудораженных смутой. Те из них, что решили в конце концов подчиниться Исмаилу, вели себя уже не так покорно и дружелюбно, как при предыдущих властителях. К 1560-м гг. под его началом оставалось неизмеримо меньше подданных, «улусных людей», чем прежде у Юсуфа или Шейх-Мамаю. Да и тех удерживала за Волгой скорее не привязанность к бию, а необходимость жить и кочевать на родине, невозможность обрести свободные, безопасные пастбища на Крымской стороне или у казахов. Кроме того, способность время от времени выпрашивать у московского царя деньги, продовольственный «запас» и стрелецкие отряды обеспечивала Исмаилу определенный вес среди малоуправляемых мангытских аристократов.

Бий со своими улусами кочевал между Яиком (зимую на его западной стороне) и Волгой. Маршруты своих передвижений он объяснял тем, что опасается бегства подданных на Крымскую сторону по зимнему волжскому льду. Впрочем, в его глазах берега и Волги, и Яика одинаково годились для проживания, т.к. обе реки являлись юртами предков Исмаила. Различными ухищрениями и изворотливостью ему удавалось понемногу увеличивать численность «улусных людей»; многие мирзы, устав от смуты, потянулись в Волго-Яицкое междуречье. Вскоре бий мог с достаточным основанием заявлять, что мирзы и рядовые кочевники «которых ещо отец мой собрал, правыя и левыя стороны, около... меня, вблизи моего двора ставятца» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.4, л.376 об.].

К финалу жизни Исмаил подошел в полном внешнеполитическом одиночестве. Единственным союзником его оставался

царь московский. Тем острее бий воспринимал признаки невнимания или охлаждения к нему Ивана IV. Он неоднократно напоминал о жертвах, на которые вынужден был пойти во имя союза с Россией. – «Ото всех людей тебя для есми отстал. Изначальные наших четырех царев дети и нашего отечества (т.е. Мусы. – *В.Т.*) дети, братья наши, отстали от меня, потому что яз от тебя не отстал»; «От племянников и от детеи своих отстал есми, потому что была мне рота и правда с тобою»; «Отец и брат мне был стареишеи Юсуф князь, и от тово (т.е. от Юсуфа. – *В.Т.*) тебя для отстал есми, и от племени есми отстал тебя же дя, и от сынов своих отстал тебя ж дя. А молвили мне: ты деи будешь русин! – да потому от меня отстали. Учинил еси меня в укоре недругом мом» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.5, л.89 об. – 90, 91 об., 128 об.].

В последней цитате содержится ясное указание на причину изоляции Исмаила. Это его пророссийская ориентация и политика. Оказывается, во время перепалок родственники бросали ему в лицо обвинения в превращении в неверного, «русина». Интересно, что сын и преемник Исмаила бий Дин-Ахмед в 1566 г. сообщал крымскому хану (через посла), будто «Исмаил был в дружбе с московским государем и хотел... на себя крест положить» [РГАДА, ф.123, оп.1, д.12, л.343 об.]. Если Исмаил когда-нибудь и задумывался о переходе в православие, то наверняка лишь в моменты депрессии, во времена великого голода или поражений от Юсуфовичей. Вся обширная ногайско-русская переписка 1550-х – начала 1560-х гг. не содержит ни единого намека на подобные его намерения.

Скончался Исмаил приблизительно в сентябре 1563 г. К тому времени ему удалось преодолеть всеобщий кризис. Понемногу восстанавливались пути кочеваний, вновь двинулись через Сарайчик торговые караваны, установленная в 1530-х гг. система администрации пошатнулась, но уцелела; и главное – рассеянные во время смуты ногаи возвращались на прежние места и возобновляли привычный образ жизни. Начинало казаться, что катастрофа осталась в прошлом и кочевая держава готова вернуть себе положение гегемона Дешт-и Кипчака.

Смута 1550-х гг. жестоко потрясла Ногайскую Орду. Разногласия мирз вокруг экономической и политической ориентации вылились в долгую междоусобную войну, к которой во второй половине 1550-х гг. добавилась великий голод. По степям бродили отряды ногаев-«казаков», не желавших присоединяться ни к одному юрту; некоторых из них впоследствии занесло в Россию и в польские владения. Все более независимо вели себя отпрыски Шейх-Мамаю. На Северо-Западном Кавказе формировалась еще одна Ногайская Орда – Малая.

Победа Исмаила была воистину пирровой: множество подданных его старших братьев, предыдущих биев, ушло из Орды в соседние юрты, огромное число ногаев полегло в сражениях, вымерло от голода и чумы. Хотя к концу правления Исмаила конфликты несколько утихли, он смог передать наследникам уже не сильную кочевую империю, а лишь ее уменьшившееся подобие – Орду так называемых Больших Ногаев.

Преемником Исмаила стал его сын Дин-Ахмед. Уже с первым своим посольством в Москву он пересказывал Ивану Грозному предсмертную волю отца, который завещал будущему бию соблюдать верность договорам («правду») с Россией и якобы просил, чтобы царь простил проступки мирз, «учинил их тебе (Ивану IV. – *В.Т.*) холопством, кому на котором улусе велишь быть, то положился на тебе. И о всем о том велел им (сыновьям. – *В.Т.*) смотри на тебя и слушати во всем»; кроме того, умирающий Исмаил передавал в Москву просьбу беречь ногаев от всяческих недругов [РГАДА, ф.127, оп.1, д.6, л.207, 207 об.].

Однако в письмах нового бия и в речах его посланников вовсе не заметно стремления к столь всеохватному «холопству»; тем более ни разу не заходило разговора о том, чтобы передоверить московскому государю распределение улусов – главнейшую функцию кочевого владыки. На деле Дин-Ахмед держался довольно независимо уже с самого начала.

Этому способствовало и переплетение семейных уз. Дин-Ахмед взял в жены кабардинку Малхуруб, дочь князя Темрюка и сестру московской царицы Марии (Гошаней). В определенной мере породнение помогло

«приземлить» образ далекого и свирепого (началась опричнина!) «белого падишаха» в глазах ногаев. Тем более что Мария Темрюковна являлась его единственной супругой, а Малхуруб – только одной из четырех насельниц бийского гарема.

Соответственно и свой статус глава Орды стремился повысить в глазах русского «коллеги». Он просил чтить его, бия, «свыше отца моего», послать «слуг у меня много, потому что отца моего слуги остались у меня... и мои (собственные. – В.Т.) слуги у меня же» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.7, л.35 об.]. В Кремле и Александровской слободе (опричной «столице») не видели причин отличать преемника Исмаила каким-то особым образом и продолжали направлять миссии в Сарайчик в соответствии с установившимися к тому времени нормами отношений. Игнорирование притязаний бия натолкнулось на его жесткую реакцию. Уже летом 1565 г. он требовал от царского посла М.Сунбулова «задалеко сойти с коня», а сам слушал речь от лица государя, оставаясь в седле; в степной ставке был избит служилый татарин из сунбуловской свиты, а у самого посла Дин-Ахмед отнял шатер. Другой посол, В.Вышеславцев, тогда же лишился шатра по произволу «княгини» Малхуруб.

Как видим, настоящий настрой Дин-Ахмеда был далек от слепой покорности Москве (и, стало быть, от буквального выполнения отцовского завета). Бий проявлял весьма твердые намерения утвердить себя как самостоятельного сюзерена – в том числе в отношениях с самым могучим и грозным соседом. Конечно, о каком-то конфликте с русскими он не помышлял, но и находиться в тени православного монарха не собирался. Притязания на равенство с царем обретались в его сознании до конца его правления, и в 1577 г. выразились в предложении направить ему огромное жалованье в пятнадцать тысяч алтын, т.е. около четырехсот пятидесяти рублей. Фактически это был запрос стародавнего ордынского выхода.

Правой рукой и преданным соратником бия на протяжении почти всех пятнадцати лет его правления был нурадин Урус. Он не единожды подчеркивал свою лояльность к старшему брату и готовность подчиняться ему («слово и душа у нас одна»). Прочная

солидарность бия и нурадина, несомненно, служила дополнительным средством сплочения аристократии.

Однако полного единства знати и «улученных людей» она не смогла обеспечить. Кочевники Урусовых улусов осмеливались отправляться в набеги на российские владения без ведома своего патрона. Да и Дин-Ахмед ревниво следил за ростом влияния брата и укорял Ивана IV в «сверстании» (уравнивании) двух главных ногайских иерархов, в более щедром оделении детей Уруса по сравнению с Динахмедовыми.

Одним из главных достижений внутренней дипломатии наследников Исмаила было примирение их с Шихмамаевичами. Столкнувшись с угрозой казахских и калмыцких набегов, те решили вернуться в подданство улубию, и в 1577 г. последний писал, что «Шихмамаевых княжих детей четырнадцать сынов (т.е. потомков. – В.Т.) в службу поспели... А они все... мне прямят» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.8, л.38 об.–39]. Старший из живших в то время сыновей Шейх-Мамаея, Ак, просил царя уравнивать его в размере жалованья и ранге послов с Дин-Ахмедом и Урусом. Этому мирзе был дан пост кековата – правителя и военачальника левого крыла.

Семья Шейх-Мамаея принимала знаки внимания, но в особо тесные контакты с Дин-Ахмедом и Урусом не вступала. Она кочевала далеко от главных большеногайских предводителей, и московские посланцы в конце 1570-х гг. не могли разузнать о восточных ногах ничего определенного.

Дин-Ахмед, очевидно, не обладал дарованиями выдающегося политика и дипломата, и подчинение ему мирз основывалось, во-первых, на традиции – уважении к посту бия и признании авторитета потомства Исмаила; во-вторых, на том обстоятельстве, что Дин-Ахмед оказался правителем наиболее многочисленных *собственных* элей. Собираемые улусов, рассеянных в ходе смуты, было политикой, унаследованной от предыдущего «княжения». Свою задачу Дин-Ахмед видел в постепенной концентрации мирз-потомков Мусы вокруг своей ставки. «Отца своего родства братью свою зберу, и нас будет много, – раскрывал он свои планы Ивану IV, прося при этом отправить «в Нагаи» мирз, обретавшихся на Руси. – И то не тебе ли лутчи?

Друзей своих умножает, и то тебе же лутчи» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.7, л.37–38]. Одним из стимулов сплачиваться вокруг бия было его умение сохранять добрососедские отношения с Россией и выгораживать тех родичей, которые решались нападать на «украины» или бесчестить послов.

Примирительная политика наталкивалась на самостоятельные интересы и амбиции отдельных аристократов. Единства не ощущалось даже среди Исмаиловых сыновей. Солидарность Больших Ногаев была довольно зыбкой. Множество мирз прибивалось к соседним владениям или «казаквало» в степях, не желая возвращаться за Волгу. К этому располагала и внутренняя обстановка в Орде. Клан Исмаила крепко держался за власть, стремясь устранить любые возможности посягательств на нее со стороны сонма кузенов.

Дин-Ахмед скончался в начале мая 1578 г. На совете мирз бием был провозглашен Урус. Он сумел встать во главе Больших Ногаев, минуя череду претендентов. Эту свою удачу он оценивал очень высоко и постоянно стремился подчеркнуть значимость своего положения. Правда, в отличие, например, от Юсуфа, он обычно не прибегал к вычурной титулатуре, но зато твердо настаивал на статусе независимого сюзерена: как и при Дин-Ахмеди, в источниках не содержится ни единого намека на существование какого-нибудь марионеточного хана в Сарайчике. Уже в первом своем послании Ивану IV в качестве бия он рекомендует как «мангытский государь». Урус считал себя владыкой всех пространств Дешт-и Кипчака, собранных в Мангытский юрт его предками: «А которые улусы отец мой и брат собрали, и те в моих руках. А отца моего юрт Волга и Я[ик], и Емь в моих же руках».

О внутренней истории Больших Ногаев эпохи Уруса сохранились очень лаконичные сведения. Бий и большинство мирз в то время начали ужесточать политику по отношению к России, боясь окончательного закабаления ногаев царем.

В русле этой стратегии предпринимались дипломатические демарши наподобие задержки посольств. Старший сын покойного Дин-Ахмеда, Ураз-Мухаммед, не разделял антимосковских настроений. Он один из

высших мирз согласился соблюдать прежние шерти и лояльность к царю, который высоко оценил такой его шаг, посылая ему большое жалованье. Ураз-Мухаммед как облеченный особым расположением русского монарха поднялся на несколько иерархических ступеней выше. В перечнях мирз в письмах Ивана Васильевича Урусу и в боярском приговоре о росписи «жалованья» его имя помещалось сразу после Уруса и перед своим дядей, нурадином Динбаем.

Так постепенно стала назревать конфликтная ситуация. При могущественном и авторитетном Урусе появился богатый и поддерживаемый Кремлем мирза, оттеснивший нурадина и явно претендовавший на исключительное место в Орде. Опасность для единства ногайской державы заключалась не в амбициях Ураз-Мухаммеда, а в перспективе очередного раскола мирз на противоборствующие группировки.

Подобные шаги Ураз-Мухаммеда могут расцениваться как акт личного мужества, ведь мирза оказывался в оппозиции не только законному и властному бию, но в его лице всей официальной политике Ногайской Орды – и значит, всей Орде. Взбешенный загадочным исчезновением своего посольства на Руси, Урус собрался было поднять в поход всех Больших Ногаев, и практически все мирзы были готовы подчиниться. «И мне... одному как против Орды стояти?!» – риторически вопрошал Ураз-Мухаммед царя.

Тем не менее его риск оказался оправданным, и плоды промосковской ориентации начали сказываться довольно быстро. Начался постепенный приток ногаев, стремившихся к сытой и спокойной жизни, в поволжские кочевья. Ураз-Мухаммед отказывался стоящим уже не в одиночку против всей Орды. Осенью 1580 г. он смог обещать царю Ивану если не отговорить мирз от намеченного похода на «украины», то хотя бы сдержат их до зимы. Данное решение тоже выглядело мужественным и рискованным, потому что вердикт о нападении на Русь был вынесен совместно бием, нурадином и кековатом на общем съезде (Ураз-Мухаммед единственный из верховных мирз не участвовал в нем). Мирза начал сепаратный обмен посольствами с Кремлем, чем вновь вызвал раздражение ногайской верхушки. Москва,

пользуясь назревающим расколом, подстрекала лояльного аристократа включиться в политику помимо Уруса и Динбая – в частности, самостоятельно шертовать, посылать свое ополчение на помощь русским в Ливонской войне без ведома бия и нурадина; «жалованье» ему обещали «без оскуденья, мимо братья твои и дядь твоих».

Излишне говорить, что бия такой поворот событий возмутил. Ты «учал меньшому моему брату (строго говоря, племяннику. – *В.Т.*) присылати свыше моего, а ныне учал присылати [мне еще] меньше того, – взывал он к царю. – И мне то стало досадно пуще смерти» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.10, л.9 об., 119 об., 144–144 об., 210, 210 об.].

Обида и ревность Уруса были тем более понятны, если учесть его стремление к полновластному правлению, без зависимости от кого-либо. Бий мнил себя наследником великих биев первой половины XVI столетия и старался держать себя на политической арене соответственно. Но все больше мирз понимало, что после роковой смуты середины столетия могущество Орды стало угасать, и насущной задачей становилось не возрождение политических реалий полувекковой давности, а поиск надежного патрона и своего места в новых обстоятельствах. Этим и объясняется быстрый рост числа знатных сторонников Ураз-Мухаммеда – и, следовательно, «улусных людей» под его началом – и, значит, его личного могущества и влияния.

Ураз-Мухаммед чувствовал себя вполне правомочным владыкой в своих западных кочевьях и даже изымал у приезжавших к нему русских послов подарки для родичей и союзников с целью раздать их самому, из своих рук, как от сюзерена подданным.

В обстоятельствах, когда к нему как к царскому протеже начинало стекаться все больше кочевников, от правителей ногаев требовалось, во-первых, обеспечить его лояльность к бию и нурадину, во-вторых, наделить его формальным административным постом. Но кековатство тоже было занято Аком, сыном Шейх-Мамая, и отобрать его означало рассориться с многочисленными и воинственными Шихмамаевичами, защитниками восточных рубежей. Но тут как раз в начале 1580-х гг. к северо-востоку от Боль-

ших Ногаев произошли события, позволившие найти выход.

26 октября 1582 г. сибирский хан Кучум был разбит Ермаком, и начался стремительный распад сибирско-татарского государства. Часть его населения – жители ханского домена (Тайбугина юрта) откочевала в ногайские степи. Приток новых подданных заставил мангытских лидеров заняться их размещением и обустройством. На совещании мирз было решено выделить им наместника и обложить ясачной податью. Это была удобная возможность утолить властолюбивые амбиции Ураз-Мухаммеда.

Весной или летом 1584 г. он писал царю Федору Ивановичу: «А нас... на Мангытском юрте третьим государем учинили и удел мне дали Таибугинском жеребеи» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1585 г., д.1, л.8]. «Учинение третьим государем» по торжественности формулировки демонстрирует, пожалуй, новизну ситуации – принятие под начало новых подданных и включение их в среду ногаев.

Удел «Тайбугинского жеребья» (т.е. наследия Тайбуги – полупоупендарного основателя сибирской династии биев) разместили где-то в северо-восточных пределах Большой Ногайской Орды – может быть, в верховьях Тобола и Ишима, поскольку еще восточнее кочевали калмыки и Кучум, южнее потомки Шейх-Мамая, а севернее располагалось завоеванное казаками Сибирское ханство.

По точной аналогии с нурадином и кековатом, новому наместнику над эмигрантами из Сибири придумали титул по имени первого владельца их улуса – Тайбуги. Отныне Ураз-Мухаммед не только обладал группировкой единомышленников и их улусов, но и обзавелся собственной должностью и вдобавок ополчением из многочисленных сибирских переселенцев. Предоставление ему ранга тайбуги было тем более уместно, что он был женат на дочери Кучума.

Авторитет и сила новоявленного тайбуги возросли неимоверно. Он обоснованно считал себя самым влиятельным вельможей: «Осми моих братьев и семи сынов и всех моих улусов и дву дядь моих, Уруса князя да Сеит Ахмет мирзы (нурадина приблизительно с 1584 г. – *В.Т.*) узды их повод у меня в руках, – бахвалился он перед царем Федо-

ром. – Куды их ни поворочю – на мир или на войну, то в моеи воле; так бы еси ведал!» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1586 г., д.9, л.15].

Обретя подобающие ранг и вес, Ураз-Мухаммед несколько изменил тон в общении с царем (да и царь на Руси, конечно, был теперь не чета своему грозному отцу). Рассуждая о гипотетической возможности охлаждения Кремля к ногаям, он – как бы без угрозы, для сведения – ронял фразы о том, что «мангытцких людей» наберется сорок тем, а вместе с казыевцами и *крымцами* – и все сто; «С такую со мною ратью учнем искати. Кому што Бог даст, то и будет» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1586 г., д.9, л.18]. Вместе с тем он не помышлял о разрыве с Россией, исправно шертовал от лица своего, младших братьев и сыновей, которые чем дальше, тем больше сплывались вокруг своего удачливого вождя.

Наиболее актуальными для Больших Ногаев оставались отношения с Московским государством, которое все усиливалось и продвигалось все дальше на восток. При Дин-Ахмеде сложился и обыкновенно соблюдался порядок, по которому ногайский адресат царского послания обязан был вставать, выслушивая государевы вопросы о здоровье и решение о жалованьи, а после этого бить челом перед послом в знак благодарности. При переговорах с русскими послами в июле 1578 г. этим протоколом пренебрегли почти все ногайские сановники. Лишь Ураз-Мухаммед исправно вставал и кланялся на встречах с послами.

Примерного отношения к России показывал сам бий. Он принял посла С.Зубатова сидя «у себя перед избою», не встал «против государева жалованного слова и поклону» и на поминки «не бил челом». На недоуменные вопросы посла «ничего не отказал». Вскоре посольство подверглось грабежу при явном попустительстве Уруса. Лишь при отпуске Зубатова домой тот снизошел до объяснения, процедив: «Как... будешь у своего государя, и ты скажи: не учнет деи государь твои ко мне поминков посылати, как к отцу моему Исмаилу и к брату моему Тинехмату, и государь б твои ко мне и послов своих не посылал – то у меня с ним последнее слово». Такое же недовольство размерами «жалованья» высказали и мирзы [РГАДА, ф.127, оп.1, оп.1, д.10, л.338 об., 339].

Русское правительство оказалось в непростом положении: с одной стороны, нельзя было рвать отношения с ногаями, которые продолжали владеть огромным заволжским пространством и обладали сильной конницей (ее в то время царь постоянно старался привлечь к сражениям с литовцами); с другой стороны, невозможно было пойти на поводу державных настроений Уруса, удовлетворив его неожиданные запросы.

В 1579 г. следующий посол в ставке Уруса обратился к бию, не спешившись. Бий возмутился: «Тот сын боярский мне, сидя на коне, хотел посольство править!!! И коли он меня обезчестил – и он кобы (т.е. как бы. – *В.Т.*) тебя (царя. – *В.Т.*) обезчестил!» Московский посланник простодушно выложил, что сам «государь наш велел мне к тебе ехать челом ударить на коне» [РГАДА, ф.127, оп.1, оп.1, д.9, л.25; д.10, л.5]. Естественно, Урус отказался от переговоров. То же повторилось в 1581 г. Бий устроил аудиенцию прибывшему из Москвы В.Перепелицыну, восседая в седле. Перепелицын тоже отказался спешиться и был стащен с коня «сило», отчего решил не передавать царское послание и поминки. Разъяренный Урус приказал изъять все содержимое посольского обоза; татарскую свиту Перепелицына продали в рабство в Мавераннахр. Дважды русские послы насильно задерживались в главной ногайской ставке – зимой 1579/80 и зимой 1585/86 гг., фактически в заложниках (в первый раз из подозрения в задержке урусовой делегации в Москве, во второй в качестве отместки и в ожидании объяснений по поводу разрушения казаками Сарайчика, а также из-за строительства русских крепостей на Волге и в Башкирии).

Убедившись в нежелании Ивана IV видеть в себе равноправного партнера, Урус решился на свертывание отношений с Россией и нагнетание враждебности. Он не посмел применить карательные меры против промосковски настроенных мирз (впрочем, он и не располагал средствами для репрессий), но пробовал расколоть их группировку, переманив от них подданных и союзников. «Урус князь и Тинбаи мирза хотят братью мою меншую и дети мои оманом от меня... отвести», – тут же донес Ураз-Мухаммед [РГАДА, ф.127, оп.1, оп.1, д.9,

л.166]. В вестях от него в 1580 г. сообщалось также, будто бий и нурадин начали налаживать связи с Крымом на предмет совместных действий против Московского царства. Уже летом 1580 г. ногайские отряды вместе с крымцами совершили ряд нападений на «украины». Интриги Уруса распространялись и на Среднее Поволжье, где он в 1580 г. пытался поднять на царя черемисов.

Такой резкий поворот в политике вызывал резкое противодействие русских – в том числе в отношении к ногайским посольствам. Их стали откровенно бесчестить, а одно «мало не побили насмерть», что еще больше выводило из себя Уруса. Увещевания мирз-приверженцев союза с царем тонули в хоре голосов сторонников Уруса. Однако «урусные лучшие люди» (незнатные богатые ногаи) доверительно делились с приезжими дипломатами своим видением опасности от конфликта с Иваном IV: «А толко государь велит казаком у нас Волгу и Самар, и Еик отнять, и нам... всем от казаков пропасти, улусы наши и жон, и дети е поемлют, и нам... где ся дети?» [РГАДА, ф.127, оп.1, оп.1, д.9, л.157–157 об.].

Российское правительство не шло на формальный разрыв с Большими Ногаями, но и спускать им набеги и бесчестье послов не собиралось. В феврале 1581 г. в наказе очередному послу к Урусу содержалось требование вернуть награбленное имущество и вызволить из рабства служилых татар; а в противном случае «государеву послу никак не бывать у Уруса вперед». А в мае пришла весть о нападении ногайско-крымских войск на пограничье. Ожидания объяснений от Уруса оказались напрасными. Бий не снизошел до них.

Степная политика России в тех условиях сфокусировалась на трех главных направлениях: строительстве крепостей на востоке, использовании крымского царевича-эмигранта Мурад-Гирея и привлечении военной силы казаков.

Еще Исмаил в середине 1550-х гг. просил установить заставы и крепости на основных ногайских переправах через Волгу (на Переволоке, устьях Самары и Большого Иргиза), чтобы воспрепятствовать бегству народа из Орды и нападениям «казаков»-Юсуфовичей. В ту пору русское правитель-

ство предпочло выжидать. Иван Васильевич не отказывался помочь своему союзнику, но и не спешил с практическими действиями. Ситуация, как мы помним, была сложная: Исмаила несколько раз изгоняли из Сарайчика, окончательно он закрепился у власти только к 1559 г., но тут уже царю стало не до охраны ногайских границ, т.к. началась Ливонская война.

К идее контроля над переправами вернулись во второй половине 1580-х гг., когда начались ногайские набеги. Подданные Уруса шли в походы, форсируя Волгу на тех самых трех «перевозах». Именно там было наконец решено возвести города.

Осенью 1585 г. князь Г.О.Засекин получил указание возводить крепость в устье Самары. Город был основан в 1586 г. В 1589 г. этот же воевода заложил Царицын на Переволоке – в месте, где ногайские и крымские отряды имели наилучшую возможность соединения для набегов. В 1590 г. возник Саратов – в районе устья Большого Иргиза, или, как иногда говорили ногаи, «на Увек», т.е. в окрестностях развалин золотоордынского города Укек.

Ногайские переправы оказались надежно запертыми. Урус поначалу был вне себя от ярости. Кроме строительства в Поволжье, его возмущало возведение крепостей на Белой Волжке (Уфа) и на нижнем Яике. Именно появление русских и казачьих поселений на исконно ногайских землях (Яик), в башкирском наместничестве и на волжском рубеже заставило его задержать у себя одно из московских посольств. Проекты широкого крепостного строительства бий воспринимал как «досадные слова» и задавал Федору Ивановичу резонный вопрос: «А теми местами твои отцы и деды владели ли?!»

Московское правительство не собиралось отступать от планов постепенной восточной экспансии, да и не видело уже в лидере Больших Ногаев деятеля, с мнением которого следовало считаться. Однако просто проигнорировать негодование бия тоже не годилось. В переписке с ним и с мирзами посольские дьяки объясняли, что Самара, Уфа и прочие города поставлены как раз в интересах ногаев, дабы беречь их от казачьих нападений; кочевники, дескать, нисколько не будут стеснены таким сосед-

ством, они могут беспрепятственно перемещаться со стадами по степи и приходиться торговать в эти крепости.

Еще одним средством нажима на Больших Ногаев было направление в Астрахань Мурад-Гирея. Изгнанный из Крыма вместе с братьями Саадет-Гиреем и Сафа-Гиреем их дядей, ханом Ислам-Гиреем II, он перешел под покровительство московского царя. Царевичам дозволили поселиться на Нижней Волге: Саадету и Сафе в ногайских улусах под Астраханью, а Мураду в самом городе. Целью направления царевичей на юг было сдерживание воинственного пыла Ислам-Гирей-хана и содействие восстановлению дружественных отношений России с Большими Ногаями. Последние, обеспокоенные неожиданным соседством татарских династий, наводили справки, и из Москвы мирзам объясняли, что эти Гиреи призваны защищать заволжские кочевья от крымских и османских вторжений.

От крымца требовалось убедить Больших Ногаев «от крымсково отстати», а также от Малых Ногаев, если те начнут воевать Россию; вместо этого направить кавалерию в помощь русским на польскую границу; находиться в поле зрения царевича и астраханских властей, и для этого «от Волги прочь не кочевати».

Мурад-Гирей выступил как умелый посредник в привлечении Уруса к переговорам, а впоследствии и к шертованию его в пользу царя. 2 ноября 1586 г. в Астрахань явилось посольство от бия. Привезенные им грамоты содержали ставшее уже обычным требование о недопустимости строительства крепостей в степи и встретили столь же традиционный ответ воевод: «Поставил... государь те города, оберегаячи Уруса князя и мирз, для казачьего воровства» и «чтоб вперед того дела о городах не всчинали».

К этому вопросу стороны вернулись на торжественном пире в честь ногайской миссии. Мурад-Гирей вдруг заявил, что города поставлены царем по его просьбе и находятся ныне, вместе с Волгой, Яиком и Тереком, под его, царевича, надзором («в моеи воле»). А просил он, мол, государя основать города только для того, чтобы уберечь ногайские кочевья и улусы от разбойных набегов казаков. Крымчанин упирал на то, что ему

прекрасно известны все дипломатические хитрости ногаев и истинное положение дел в их владениях. – «Я... сам мусульманской государь, да и чин ведаю и обычеи, – толковывал он послам бия. – Он (Урус. – *В.Т.*) хвалитца Крымом или турским, или бухарским, и я... ведаю: там де Урус князь не добре похвален» (т.е. не вызывает большого одобрения). Куда лучше будет для него, продолжал Мурад-Гирей, оставить ложную гордыню и вновь помириться с московским властителем. А чтобы стремление Уруса к миру выглядело доказательно, пусть-ка он отправит на постоянное жительство в Астрахань своего сына Джан-Арслана.

Послы внимательно выслушали эту речь и точно передали своему патрону. Тот уже и сам искал выход из политического тупика. Ощущая надвигающийся кризис и крах своей державы, он решил восстановить мир с наиболее могучим соседом. В конце 1586 г. перед царским послом шертовали, обещая не воевать с Россией и не присоединяться к ее недругам, дети Уруса Хан и Джан-Арслан, который остался в «закладе», а вскоре и сам глава Орды прикочевал с мирзами к Астрахани и объявил воеводам и царевичу Мурад-Гирею о намерении «быти в... твои государевой воле... где ты, государь, велишь мирзам с нагайскими людьми на недруга итти, и им ходити». Чтобы русские поверили им, ногаи передали Мурад-Гирею и воеводам двух крымских послов и заявили о готовности ближайшим летом двинуться на Крым, а также послать рать на «литовского короля» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1586 г., д.1, л.25–26; 83:58, 59].

Царь выразил полное удовлетворение таким поворотом дел и обещал бию такое же «жалованье», какое направлялось в свое время Исмаилу. Уже в начале 1587 г. воевода Лобанов-Ростовский рапортовал Посольскому приказу, что бий с мирзами смиренно кочует у Астрахани.

Среди многих причин умирения воинственных настроений ногайского лидера была резкая активизация волжских казаков в степях. Отношения Больших Ногаев с вольным казачеством постоянно ухудшались. Общины и ватаги на Волге становились все многочисленнее и агрессивнее. Казаки угоняли из улусов лошадей и грабили население.

Мирзы жаловались в Москву, считая волжан царскими подданными. Посольский приказ от имени государя отписывал «в Нагаи» о репрессиях против грабителей и при этом заверял, что эти разбойники никому, в том числе и царю, не подчиняются.

Вместе с тем вскоре, в начале 1580-х гг., выяснилось, что правительство все-таки способно воздействовать на казаков. На них возлагалась задача стоять на переправах и помогать послам и гонцам с востока (прежде всего из Ногайской Орды) перебираться на правый берег и обратно.

Однако нередко перевозчики не гнушались грабежом посольств или не защищали их от грабителей, налетавших из степи. Ногаи возмущались, правительство обещало разобраться и «свести с Волги» виновных, но до поры до времени воздерживалось от массовых карательных мероприятий: непричастных к разбою казаков «за што сводить?». К тому же у русской стороны находились встречные претензии. – Волжане перевозят ногаев на противоположный берег, «как своих», а те, очутившись на Крымской стороне, объединяются с азовцами и крымцами и нападают на «украины».

Как бы там ни было, из источников явствует, что вольница соглашалась следовать царским указаниям лишь в тех случаях, когда они сулили выгоду, обогащение. В 1580–1581 гг. в нападениях на ногаев участвовал знаменитый впоследствии Ермак. Обстановка накалялась, осложненная антирусской политикой бия. Кульминацией казацко-ногайского противостояния стал разгром стольного Сарайчика.

Историки приписывают нападение на степную столицу в 1581 г. вольным казакам, которые были вытеснены с Волги карательной экспедицией стольника И.Мурашкина 1577 г. Иван Грозный повелел выбить разбойников с волжских берегов, и те стали расходиться по окраинам степи или дальше в степь. Один из маршрутов переселения пролегал в сторону Яика – основных, доминирующих ногайских кочевий. Возможно, эти то яички новоселы и разгромили Сарайчик.

Московское правительство, с одной стороны, не слишком старалось разубеждать степняков в подчиненности казаков царю, но с другой – отказывалось брать на себя ответ-

ственность. Боярский приговор в сентябре 1581 г. определенно формулировал: «А мы к Сарачику и на Волгу не посылавали; сами козаки своровали». Та же версия содержалась и в рекомендациях царя астраханскому воеводе В.Бахтеярову-Ростовскому, который на возможные вопросы Уруса должен был отвечать: «Наши козаки на Сарайчик не хаживали, а воровали будет на Сарайчик приходили беглые козаки, которые, бегая от нас, живут на Терке, на море, на Еике». Предпринимались попытки свалить набег и на пришлых с Днепра «литовских» казаков [РГАДА, ф.127, оп.1, д.10, л.29, 37 об., 120, 155, 247 об.].

Однако как ни старался Кремль использовать новую ситуацию для усмирения ногаев, сам факт самовольной агрессии волжан был настолько дерзок и грозил столь тяжким обострением отношений со степью, что Иван IV решил все-таки покарать казаков. Было велено послать войска из Казани и из Астрахани на Волгу и Дон, разыскивать и казнить «воров», освобождать полоненных ногаев, возвращать в улусы угнанный казаками скот. Царь выразил недовольство пермскими купцами Строгановыми, которые приютили в своих лесных владениях тех атаманов и казаков, что «ссорили нас с Нагайскою Ордою, послов нагайских на Волге на перевозех побивали и ордобазарцев грабили и побивали, и нашим людям многие грабежи и убытки чинили».

Урусу предлагалось направлять свои отряды для истребления разбойников на Волге и Яике. Бий с готовностью соглашался, и в заготовленной для него шертной записи 1581 г. содержались взаимные обязательства русской и ногайской сторон «тех воров, сыскивая, казнити... над теми воры... промышляти заодин».

Репрессии заставили волжан умерить воинственный пыл, но грабежи и разбои против караванов и посольств продолжались. На смену «сбитым» с Волги казакам приходили новые беженцы из Руси, разоренной опричниной и Ливонской войной, и все новые ватаги выходили «шалить» в степь и на переправы.

По-прежнему считая их московскими подданными, власти Ногайской Орды расценивали это как целенаправленную политику

западного соседа. Ногайские послы жаловались крымскому хану в начале 1586 г.: «И московской... ныне с нами завоевался, и от московского нам учинилась теснота великая. Ныне московской учинил на Волге казакв многих, а улусы нагайские погромили многие, и от Волги их (улусы. – *В.Т.*) отбили всех... А ныне ходили воиной казаки на нагаи за Бузан реку и за Ейком днища с три воевали по реку по Емь (Эмбу. – *В.Т.*). И им (ногаям. – *В.Т.*) от московских людей вперед прожить немочно» [РГАДА, ф.89, оп.1, д.2, л.404 об.]. Пленных кочевников продавали в Астрахани среднеазиатским купцам, которые переправляли их «в Бухары».

Казаки послужили мощным орудием Москвы по замирению ногаев. Во-первых, основные улусы во главе с бием отошли за Яик, т.к. «у Волги боятца жити от волских козаков воины» – и тем самым уменьшилась опасность их набегов на русские территории. Во-вторых, обнаружив у себя под боком беспощадного и неутомимого врага, который если и прислушивался к чьим-то указаниям, то только к московским, высшие мирзы склонились к мысли о восстановлении союза с Москвой, чтобы обезопасить себя от грабительских вторжений. Знаменательную фразу услышал от «улусных людей» посол Т.Аристов в 1580 г.: «А толко государь велит казаком у нас Волгу и Самар, и Еик отняти, и нам... всем от казаков пропасти – улусы наши и жон и дети поемлют, и нам... где ся дети?» Такие же улусники через год говорили другому послу, В.Глебову: «На Волге... и на Еике многие козаки, теснота нам от них великая самим и животине. И толко... вперед на Волге и на Еику будут козаки, и нам... от них будет добре тесно» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.9, л.157–157 об.; д.10, л.265 об.]. Как уже говорилось выше, к концу 1580-х гг. Урус и его ближайшие соратники восстановили добрососедские отношения с Россией.

Но казачья проблема оставалась. Главной головной болью для Больших Ногаев в конце XVI в. стали поселения казаков на Яике. Казачьи общины концентрировались вокруг укрепленных поселений-городков. Это спокойное соседство вызывало у бия и мирз страх и тревогу. В Москву сыпались просьбы удалить новоселов с Яика. Царь обещал,

но предпринять ничего не мог: слишком далеко пока находились уральские степи от Руси, да и принадлежали они формально в то время все же Большим Ногаям. И тогда последние вознамерились взяться за решение вопроса самостоятельно.

Непосредственной причиной конфликта был налет казаков в 1586 г. на улусы в районе руин Сарайчика, массовые убийства людей и угон скота. Бий объявил о мобилизации всего ногайского ополчения, чтобы с максимальными силами обрушиться на врагов («станем вместе промышлять над казаки!»). Нурадин Саид-Ахмед, безотлагательно подчинившись, с войсками правого крыла двинулся с запада к местности Кош-Яик, где располагался казачий Голубой городок. С другой стороны планировался подход армии Уруса. До исхода кампании тот и другой держали у себя московские посольства. В случае победы ногаи собирались освободить послов и идти кочевать под Астрахань, под надзор тамошних воевод. Если же степных воинов постигнет поражение, то послов намеревались продать в рабство и откочевать к Сырдарье. Целью похода были не только разгром и уничтожение казаков, но и разрушение Голубого городка.

Городок был окружен ногаями, но его обитатели не собирались сдаваться («а около их вода и суды, и лошади, и животина у них есть», так что голод им не грозил). Казаки успешно отбивались пальбой из деревянных, наскоро сделанных пушек, заряжая их камнями, костями и прочими тяжестями. Казачьи предания добавляют, что по ночам ногаи пытались подобраться к островному городку на лодках. Увидев, что взять крепостцу измором не удастся, Урус распорядился городить «примет», при помощи которого собирался зажечь деревянные стены. Но хлынул ливень, и с этой затеей пришлось расстаться. Под дождем стало не до боя. Ногаи «омокли да почали были сушиться». В этот момент казаки сделали вылазку, «разделяся на шестеро», полностью разбили войско бия, да еще и отогнали в степь его табуны [РГАДА, ф.127, оп.1, 1586 г., д.1, л.21, 22, 32; д.5, л.2, 3; Карпов, 1911, с.42].

Вопреки первоначальным проектам, Урус не пошел к Сырдарье. Унизительный и полный разгром полностью перевернул его

планы. Он отпустил послов и двинулся шествовать к Астрахани.

Другим важным следствием было потепление отношений между ногаями и казаками. Первые поняли, что уже не располагают достаточной силой, чтобы вернуть себе Яик, вторые нуждались в экономическом сотрудничестве с кочевниками, давно освоившими эти степные пространства. Объективно к мирному сосуществованию подвигало и то обстоятельство, что хозяйственные уклады тех и других почти не пересекались, и это создавало почву как для отсутствия вражды из-за угодий, так и для взаимовыгодного обмена.

В целом ногайско-казацкие отношения колебались между открытой враждебностью и вынужденным нейтралитетом. Как бы ни складывались контакты с отдельными общинами, степняки воспринимали казаков как чуждую силу, обосновавшуюся на их исконных землях.

Относительная стабилизация в эпоху правления Дин-Ахмеда и начала «княжения» Уруса породила надежды на возрождение былой мощи и авторитета «хакимов Дешт-и Кипчака». Бии сплотили вокруг себя многих мирз, пытались придержать независимой политики. Но не рассчитали силы. В отличие от конца XV и первой половины XVI в., когда Мангытский юрт был окружен врагами, боровшимися с ногаями не на жизнь, а на смерть, теперь для его обитателей появилась возможность эмиграции в поисках более сытого и безопасного существования. Сначала это были Малая Ногайская Орда и узбекские ханства, затем к ним добавились Россия и Крым. Народ стал расходиться из заволжских степей. В борьбе за власть над уменьшающимся числом подданных в конце столетия схватились наследники нескольких биев. Началась очередная и последняя ногайская смута.

После убийства Уруса Малыми Ногаями в 1590 г. потомство бия Дин-Ахмеда оказалось наиболее сплоченным и подготовленным для борьбы за «большое княжество». Двое старших сыновей, Ураз-Мухаммед и Дин-Мухаммед, возглавили Больших Ногаев в 90-х гг., после Уруса.

Обстоятельства «вокняжения» Ураз-Мухаммеда абсолютно неизвестны. Лишь одна

фраза из наказа (май 1590 г.) А.Звенигородскому позволяет догадываться, что не обошлось без московской протекции: «А на княжение... в Нагайской Орде в заволжских Нагаех князи из государя нашего рук сядятца» [Памятники, 1890, с.267]. Поскольку провозглашение бием Уруса в 1578 г. происходило явно без русского вмешательства, то речь идет, надо полагать, только об Ураз-Мухаммеде. Видимо, Москва не забыла пророссийской ориентации его во время самого напряженного противостояния Уруса с царем.

Последнего около 1598 г. сменил его младший брат нурадин Дин-Мухаммед. Об этом бие его потомки тоже вспоминали как о протее московского государя: «Отец мой Тинмаметь князь служил тебе, государю, и чести дослужился – пожалован был от вас княжеством» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1644 г., д.2, л.4, 11]. Он возглавлял остатки Ногайской Орды не больше двух лет и не оставил заметного следа. В начале XVII в. астраханские воеводы, приводя в пример очередному бию его предков, даже не считали нужным упомянуть этого правителя, деятельность которого пришлось на разгар междоусобицы.

Причины этой смуты были многообразны и назревали на протяжении четырех предшествующих десятилетий. Непосредственным поводом для вражды стала кровная месть. Мирза Кара Кель-Мухаммед позднее объяснял так: «Как отца моего Урмаметя князя у[били] недруги, и я... ту о[тца] моего кровь отмстил вскоре». Шли годы, но взаимная ненависть кланов не утихала. «И по се время, – писал он же через семь лет, – с Тинбаевым и с Урусовым родством слово наше и мысль соединена не бывала, и учинились есми в розне. И отец мой Урмамет князь от Урусовых дети умер; за то и Тин Махаммет князь умер; за то ж и Байтерек мурза от тех же недрузей за то ж умер» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1619 г., д.2, л.295; 1626 г., д.2, л.183]. Наблюдавшие за распрей из Астрахани русские наместники были в курсе ее причин, и тоже считали, что они сводились к возмездию за погибших родичей.

Впрочем, в документах приводится и другой, более существенный стимул, – борьба за «большое княжество» семьи Уруса во главе с его сыном Джан-Арсланом. Он объ-

яснял впоследствии, что выступал за справедливое, по его мнению, наследование власти: «Въ их Нагаи[скои Орд]е ведетца, что живет (т.е. бывает. – *В.Т.*) сперва болш[ого бра]та болшой сын на княженье, а после того живет другого брата сын на княженье; и толко по их нагаискому обычею и доведетца быть нынеча на княженье ему, Ян Араслану. А преж сего меж их с Ыштереком князем з братьею за нагаиское княженье многая кровь пролилася» [Акты, 1918, с.88].

Однако была еще одна причина, которая слабо отражена в Ногайских делах, но откровенно формулируется в сочинениях, созданных в глубине России далеко от Больших Ногаев, – сознательное провоцирование раздоров русской стороной. Летописи приписывают истоки смуты царю Б.Ф.Годуну. Он, зная о многочисленности и относительной сплоченности ногаев при Уресе и отчасти при Ураз-Мухаммеде, стал опасаться, что «Астрахани от них быти в тесноте и приходу на Московское государство начая войны»; поэтому приказал астраханским воеводам ссорить заволжских мирз между собой [Новый летописец, 1853, с.51, 52; ПСРЛ, 14, 1910, с.52].

Определенно говорить о начале открытого столкновения возможно только после гибели Ураз-Мухаммеда, т.к. этот правитель еще номинально держал под своей властью сонм ближних и дальних сородичей. Но и он уже был вынужден признаваться на съезде мирз в 1594 или 1595 г.: «Мы все не в одном совете меж собою стали». Однако формально единство Большой Ногайской Орды сохранялось, и мирза Канай, повествуя о том времени, оговаривал: «И в те... поры мы все з Болшими Нагаи были в соединенье в одном месте» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1619, д.2, л.100, 115]. В сознании народа, в эпических сказаниях распад и крушение Ногайской Орды отнесено к эпохе после того, как скончался Ураз-Мухаммед.

Скудные источники позволяют узнать об очень немногих событиях смуты. Одно из них – сражение между Урусовыми и их оппонентами, с которого, вероятно, и началась открытая кровавая рознь. Татарское родословное предание рассказывает, что после Урус-хана правил Урмамбет, который вступил в распрю с сыном Уруса Яр Арсланом;

ногайский народ раскололся на две части – одни стали за хана, другие за Яр Арслана; последний начал войну; на берегу р. Сакмары произошло кровопролитное побоище, где «Урмамбет-хана убили» [Ахметзянов, 1991, с.84; Ахметзянов, 1995, с.52]. Через некоторое время Урусовы вместе с Тинбаевыми прикончили и бия Дин-Мухаммеда, разграбив и полонив улусы его семьи.

Из-за Яика на волжские кочевья Больших Ногаев обрушилась конница Алтыулов (так стало называться потомство Шейх-Мамай) – союзников Джан-Арслана. Родня только что погибшего Дин-Мухаммеда срочно обратилась за помощью в Астрахань и Москву. Царь приказал воеводам послать рать с «огненным боем» «и Иштереку з братьей велел их посмирить». Подключение к конфликту русских войск сразу изменило соотношение сил. Мирзы и улусы лагеря Урусовых спешно отступили на восток. Джан-Арслан попал в плен к астраханским стрельцам и был увезен в Москву.

Нурадин Иштерек неожиданно оказался победителем на развалинах ногайской державы. Но досталась ему уже не степная империя, а совокупность раздробленных кочевых улусов на относительно небольшой территории Волго-Яицкого междуречья. Большие Ногаи вступили в последнюю стадию своего политического существования – стадию разложения и распада. На протяжении последних четырех десятилетий XVI в. эти явления неуклонно нарастали. Различные кланы и группировки мирз выходили из подчинения верховному бию и начинали вести самостоятельное существование.

Царю Борису Годуну победители направили прошение о пожаловании Иштерека рангом бия, а его брата Кучука нурадинством. Оставшиеся без лидера (пленного Джан-Арслана) Урусовы и Тинбаевы были вынуждены смириться. В 1600 г. в Астрахани состоялась церемония «вокняжения».

Персона Иштерека как лидера ногаев историками оценивается критически. Исследователи, не отказывая ему в уме и ловкости, не считали его человеком, способным предотвратить ее распад. Это, впрочем, едва ли было уже возможно, учитывая необратимый распад Орды и раскольническую политику Москвы. Современники тоже отмечали из-

воротливость бия (как недостаток): «Живет лукавством и переметчиком, а никому правды не совершит»; «Иштерек непостоянен, на все стороны манит, а владеют им добрые улусные люди и слушают ево мало» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1616 г., д.1, л.10, 57]. В лавировании между могущественными соседними правителями и собственными соотечественниками – мирзами и богатыми улусниками прошло все «княжение» Иштерека.

Русская смута поначалу обходила владения Больших Ногаев стороной. Свержение династии Годуновых, воцарение и гибель «Расстриги» в первое время никак не сказались на внутреннем положении Орды и ее отношениях с астраханской администрацией. Поэтому после восшествия на московский трон В.И.Шуйского в мае 1606 г. правительство было уверено в лояльности степняков. Иштерек и мирзы прислали ему поздравление с подтверждением своей преданности.

Но отстраненность Больших Ногаев от внутрироссийских дел продолжалась лишь до тех пор, пока была лояльна или нейтральна к царскому престолу Астрахань. В июне 1606 г. тамошний воевода князь И.Хворостинин поднял мятеж против Василия Шуйского и принял сторону Лжедмитрия II. Приверженцы Шуйского бежали из города. Иштерек находил любые поводы, чтобы не участвовать в столкновениях русских противоборствующих сторон. Он объяснял свою пассивность то «худым льдом» на Волге, то слухами о замирении московского правительства с «ворами», то боязнью нападения мятежных астраханцев. С последними он тоже предпочитал не вступать в тесный контакт, выжидая, кто одержит верх в схватке за власть в России. Царь и тушинские военачальники, сражаясь между собой, пытались привлечь к себе в союзники и Больших Ногаев. Но за Волгой разгорались противоречия среди мирз, и русская смута отступала для них на второй план.

Хотя мирзы пока заявляли о своей верности бию, на самом деле посторонние наблюдатели замечали, что они своего предводителя «о государеве деле не слушают и о своем деле они ни в чем ево не слушают». Единственное, чем мог им пригрозить Иштерек за непокорность – это его откочевка

«казаком» из Орды и призыв на помощь русских войск. Однако последнее намерение выглядело в то время уже не устрашающим, а двусмысленным. Из охваченной смутой России царские войска не способны были оказать какую-либо поддержку заволожскому властителю. Более того, рядом с Большими Ногаями находилась Астрахань, в которой укрепился мятежный князь Хворостинин.

Именно с ним и решили завязать отношения те мирзы, которые перекочевали на Крымскую сторону Волги. На совещании у нурадина было решено «шертовать вору, который называетца царевичем Дмитрием», т.е. Лжедмитрию II, а после этого кочевать под Астрахань чем». Иштерек поначалу соблюдал шерти, принесенные Василию Шуйскому, и отвергал призывы Хворостинина присягнуть «государю Дмитрию Ивановичу». К царицынским воеводам он даже доставил (правда, после серьезных колебаний) хворостининских гонцов. Однако не получая никакой реальной помощи от русской стороны, он стал охладевать к сотрудничеству с Москвой. Зная о польской интервенции, бий подумывал о налаживании контактов с королем. В июле 1611 г. он отказался, при поддержке придворных, встать и обнажить голову при оглашении царской грамоты («правда де у него, Иштерека, к... государю в сердце, а не в шапке»), а после сведения Шуйского с престола принял у себя польского посла и направил в Варшаву своего. Впоследствии мирзы ставили Иштереку в вину заключение шерти с Сигизмундом. Некоторые виды на Больших Ногаев имел и королевич Владислав, приглашенный боярами в августе 1610 г. на московский трон.

В этих условиях Иштерек не видел (да и не имел) возможности удерживать улусников и немногих подчинявшихся ему мирз от набегов на русские владения. В 1611–1612 гг. окраины Московского царства подверглись атакам ногайской конницы. Степняки приходили под Тулу и Самару, сожгли Саратов; семитысячное (по другим данным, двенадцатитысячное) войско во главе с Сарыке-агой направил на Рязанщину нурадин Шайтерек. Причем, когда русские требовали объяснений, ногаи оправдывались, будто разоряют только «воровские» города.

Завершение смуты в центре России оказалось для заволжских степняков довольно неожиданным. В марте 1613 г. бояре от имени Земского собора известили Иштерека об избрании на царство М.Ф.Романова. Бий направил в Москву посольство с поздравлением, извинениями за отступничество от шертей, с заверениями в своей непричастности к ногайским набегам и с обещаниями впредь «служити и прямити» по примеру прежних биев.

Русские дипломаты, побывавшие в кочевьях, доносили, что ногаи раскололись на враждебные группировки, однако больших конфликтов между ними нет. Мирзы понимали, что смуты ослабляют степняков, уменьшают их силы, «а московские люди тому будут и ради: мы сами меж себя исседемся, а достальных... нас московские люди посекут» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1613 г., д.5, л.200, 243, 244]. Подобные соображения до поры до времени предотвращали окончательный раскол и распад Ногайской Орды.

Ни воеводы, ни правительство не видели необходимости в единстве Больших Ногаев. Появление сильной кочевой державы на южных российских рубежах могло воспрепятствовать политическим планам Москвы на Кавказе и в Дешт-и Кипчаке. Постепенно ставка на углубление распрей становилась доминирующей линией. Воеводы и послы старались поспорить бия с Тинмаметевыми, нурадина с Урмаметевыми, а комментируя просьбы доверчивого Иштерека, стать посредниками в примирении вконец озлобленных мангытов, откровенно отписывали в Посольский приказ: «В миру их твоему государеву делу некоторые прибыли не чаем. А чаем тово толко: они тое свою недружбу меж себя замирят и вперед от них, от нагаи, твоим государевым украинам без войны не быть» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1619 г., д.1, л.2, 11, 12].

Весной 1619 г. почти одновременно умерли бий Иштерек (от болезни) и нурадин Шайтерек (разбившись при падении с коня). Освободились оба верховных поста. Для раздробленной Ногайской Орды это означало вступление в период полного распада.

Оказавшись без формальных лидеров, мирзы решили военной силой, без съездов, отнять друг у друга и поделить пастбища.

В степях развернулась череда взаимных набегов, убийств и разорений. Русское правительство и местные власти на Волге злорадно наблюдали за всеохватным истреблением и стремились раздувать ненависть мирз друг к другу. Об этом откровенно рапортовали воеводы Астрахани А.Хованский и А.Львов на имя государя. Узнав об убийстве Мамай-мирзы, они просили столичных функционеров не мешать ногаям «тое недружбу свою и до конца совершить». Хованский и Львов, «видя к тои их ссоре и недружбе хотенье, наговаривали их и тое их недружбу подкрепляли... и на воину нем меж себя поводили». «И мы... видя у них такую многую недружбу, – отписывали они в Москву, – меж их на обе стороны [с]сорили порознь, таясь от них друг от друга, чтоб та наша ссора была неявна. И недружбу... им подкрепляем всякими обычайи и приводим... х тому, чтоб ту их рознь и воину привести к конечному их разоренью» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1619 г., д.1, л.29; 1620 г., д.1, л.13].

Для разжигания распри в противоборствующие лагеря посылались стрелецкие отряды якобы в помощь против их врагов. Каждая группировка, думая, что расположение царских наместников находится на ее стороне, вела сражения с удвоенной энергией. Однако стрельцы никогда не вмешивались в эти бои, получив приказ лишь демонстрировать видимость военного присутствия, «маня ногаем помочью на обе стороны... чтоб они, видя... государевых люди, болши к бою ссорилися, и на то (т.е. на помощь стрельцов. – *В.Т.*) обнадежась, многую кровь всчали» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1619 г., д.1, л.13; 1620 г., д.1, л.13, 20]. Конечной целью замысла было максимальное ослабление кочевников и обращение их, обессиленных, в полное подданство царю.

В Кремле полностью разделяли такую тактику воевод, предписывая им и впредь стравливать «половины» с перспективой приведения их «под высокую руку» Михаила Федоровича. Кроме того, указывалось внушать мирзам не избирать без царского повеления бия и нурадина.

Вопрос о кандидатурах на высшие должности Большой Ногайской Орды постоянно присутствовал в дипломатической переписке и в переговорах. У разных объединений

мирз имелись лидеры, о которых сторонники собирались ходатайствовать перед царем для посажения на «большое княженье». Среди сонма мангытской знати более привлекательным для астраханской администрации казался Канай.

Во время междоусобиц 1619–1620 гг. этот мирза с пятью тысячами улусников обосновался в окрестностях Астрахани, заявив о своей верности государю. Он уже давно не скрывал своей промосковской приверженности и не был замечен в антироссийских интригах. Сын Каная Гази крестился в Михаила и отлично зарекомендовал себя в годы борьбы с польскими интервентами. Уже в 1620 г. воеводы писали, что Канай окажется самым удобным для Москвы в должности бия. Во-первых, он по пересчету родственных линий старше прочих мирз; во-вторых, у него налажены дружеские связи с Алтыулами, и, следовательно, существует шанс привлечь их под русское покровительство; в-третьих, он является наиболее последовательным сторонником ориентации на Россию; в-четвертых, его клан Тинбаевых не связан кровной враждой ни с одним из конфликтующих лагерей Больших Ногаев и потому относительно нейтрален и равноудален от них.

В отношении кандидатуры нурадина астраханцы колебались, но в конце концов остановились на Кара Кель-Мухаммеде, сыне бия Ураз-Мухаммеда.

10 ноября 1622 г. в тамошнюю Съезжую избу прибыли двести ногайских аристократов. Им была объявлена государева воля о назначении Каная бием и Кара Кель-Мухаммеда нурадином. После намаза Канай, как и Иштерек в 1600 г., был «поднят на полсти». В церемонии участвовали главы всех основных группировок.

Перед Большими Ногаями открывалась перспектива восстановления единства и, может быть, возрождения их державы. Впервые за долгие годы отпрыски различных ветвей потомства Исмаила объединились и фактически признали свое подчинение единому правителю. Однако незнатные ногаи – разбогатевшие «улусные люди» – не испытывали никакого пиетета перед показным примирением знати. Улусники Каная постоянно задирали кочевников, подчинявшихся

Татарин (ногаец). Немецкая гравюра. XVII в.

нурадину, угоняли скот, во время набегов грабили становища. Улусники пострадавшей стороны тут же снаряжались «Каная князю мстить свои прежние недружбы». Утихшая было распря разгоралась с новой силой.

Но теперь московские и астраханские политики стремились, в отличие от предыдущих лет, предотвращать усобицы в среде шертовавших мирз, чтобы не допустить их откочевки в дальние страны и удержать под присмотром воевод. Стрелецкие отряды теперь предлагалось выделять мирзам не для провоцирования столкновений, а для реальной демонстрации военной поддержки со стороны России.

Несмотря на эпизодические попытки примирения отдельных ногайских вельмож и все усиливающееся давление калмыков, достичь единства Большие Ногаи были уже, похоже, не способны. В 1629 г. бий, нурадин и кековат, чувствуя приближение финальной катастрофы, обратились через воевод к царю с прошением взять ему на себя управление Ногайской Ордой – «розправлять своим царским милостивым указом и виноватым чинити наказание, смотря по винам – так же, как и руским людям»; в противном

случае мирзам «досталь меж себя розоритца, и улусные люди от них розбредутца». Но правительство отвечало равнодушным молчанием на призыв погибающей Орды. В его планы не входил разбор запутанных конфликтов среди кочевников [РГАДА, ф.127, оп.1, 1629 г., д.1, л.137, 138]. Конфликты продолжались и нарастали.

Тем временем из-за Яика наступали калмыки. Несколько раз они громили приволжские улусы, отходя затем восвояси. Большие Ногаи надеялись теперь только на помощь воевод и старались держаться ближе к Астрахани или уйти на правобережье. Набеги калмыков становились все более жестокими. В сентябре 1633 г. они обрушились на кочевья кековата Джан-Мухаммеда. Он во главе всех своих подданных перебрался на западный берег. В январе 1634 г. произошло нападение на оставшихся ногаев – канаевских. Едва отбившись от войск калмыцких тайшей, они тоже потянулись на Крымскую сторону. Государственная территория оказалась ногаями утрачена. Абсолютное их большинство очутилось теперь по правую сторону реки (левую, бывшую Ногайскую, они сами отныне стали называть Калмыцкой).

Впоследствии калмыцкое нашествие фигурировало в ряде документов как единственная причина ухода ногаев на запад. Об этом писали и мирзы, и «улусные люди» («от калмыцких воинских людей», «от калмыцких частых приходов», «от войны калмыцких людей» и т.п.). В ногайских исторических песнях XIX–XX вв. тоже связывался исход с экспансией тайшей. Эта же причина приводилась и в официальных государственных документах, исходивших из Посольского приказа, что не удивительно: информация о ногаях поступала от астраханских наместников, а те были заинтересованы в подчеркивании калмыцкой первопричины ногайской миграции. Такое же представление о ногайском исходе 1634 г. укоренилось и в исторической литературе.

Однако существовала и другая, не менее серьезная причина, – притеснения со стороны астраханцев. Русские и ногаи часто ссорились из-за мест рыбной ловли, стрельцы и посадские люди отбирали у кочевников лошадей и полон, который добывался в набегах на Казыев улус. Мирзы жаловались

воеводам, пытался привлечь внимание наместников к этим бесчинствам и Посольский приказ («От астороханских людей чинятца многие обиды и насилства, лошади у них (ногаев. – *В. Т.*) крадут и насилством отнимают, и робят и жон, и девок крадут, а у вас сыску и управы нет!»), но без видимого успеха. Как раз с двадцатилетними унижениями и оскорблениями от русских соседей и были во многом связаны как переселение ногаев, так и их упорные отказы вернуться на левый берег («Мы... отошли от обиды, и от неправды воевоцки пошли мы, заплакав»).

Претензии находились и к стрелецким головам, и к боярским детям, и к служилым людям... Одни вместе с калмыками отгоняли лошадей, резали овец и коров, другие избивали плетьюми мирз («чего николи не бывало – с ыных и кожу збили»), третьи захватывали женщин и девушек и «держали их на постеле». По улусам прокатился слух, будто в Астрахань привезена царская грамота с приказом взять в аманаты сто пятьдесят знатнейших мирз, а остальных «худых татар» увезти в стругах на север, на Русь [РГАДА, ф.1274, оп.1, 1626 г., д.1, л.377–380; 1628 г., д.4, л.50–53; 1634 г., д.1, л.1–6; д.3, л.175; д.6, л.4; 1635 г., д.2, л.159, 160; д.4, л.41, 56 и сл.].

Особое возмущение вызывало поведение воеводы князя А.Н.Трубецкого и его потворство злодеяниям. «Яз... родился и состарился на Волге... и такового... бою над мурзами и над черными улусными людьми ни при коих воеводах не видал, как при нынешнем воеводе, князе Алексее Трубецком!» – говорил послу Т.Желябужскому кековат Джан-Мухаммед. Мало того, что Трубецкой поощрял бесчинства своих подчиненных, но еще и сам хвастался: «Пашут... хлеб казанские татаровя, и яз... зделаю вас, мурз и черных людей, так жа, что казанские татаровя, – станете и вы хлеб пахать». А указывая на урочище Кровавый Овраг, названное так по одной жестокой битве древности, грозил мирзам: «Опять... тот [о]враг вашею кровью нальетца!» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1634 г., д.3, л.166].

К концу 1633 г. терпение кочевников иссякло. Не получив никакой помощи против калмыцкого нашествия, они повели улусы на запад. Разразился скандал. Царский гнев

обрушился и на стрелецких начальников, которых побросали в тюрьмы, и на воевод с дьяками, смещенных и вызванных в столицу для объяснений. Во время следствия предписывалось виновных «сыскивать жестоким обычаем, чтоб нагнем тот сыск был ведом». Однако было уже поздно. Озлобленные и напуганные степняки в большинстве своем, не веря очередным уверениям и гарантиям государевой защиты, не желали возвращаться назад.

Канай, оставшийся на правобережных кочевьях с ничтожным числом улусников, был, очевидно, полностью раздавлен новыми обстоятельствами. Подданные ушли, русские власти не только не защитили от калмыков, но и выступили чуть ли не заодно с ними, фактически вытеснив ногаев на Крымскую сторону. Бий еще пытался убедить князя Трубецкого наладить оборону от тайшей и затем уговорить эмигрантов вернуться, не то те окончательно переберутся в Крым. Но воевода не прислушался. Тем временем калмыки продолжали набеги, убили канаева брата Хан-мирзу. Канай продолжал отчаянные переговоры с астраханскими властями... и оказался в астраханской тюрьме.

В административной переписке причиной этого поворота в его судьбе называются ссылки с калмыками. Сам бий в челобитных на государево имя недоумевал, за что заточен, и клялся, что сидит безвинно, оговоренный изменниками – теми, что «пошли прочь» на Крымскую сторону, давно замыслившими «Каная известь». Кроме того, он объяснял свое заточение злостью воеводы

за то, что все вышло по словам бия: и калмыки напали, и тридцать мирз во главе с кековатом удалились с улусами за Волгу.

Так или иначе, уже в 1634 г. глава Большой Ногайской Орды находился под стражей «в калмыцком деле, что он ссылался с калмыки». Наверное, в Москве понимали несообразность обвинений против него, однако освободить не спешили, приказывая беречь его «накрепко», никому не отдавать и ни на кого не обменивать.

Разумеется, никакого авторитета среди соотечественников у Каная не осталось. С 1634 г. мирзы Большой Орды шертовали и клялись в верности царю, даже не упоминая бия. Имя Каная надолго исчезает из документов. В начале 1639 г. мирзы сообщили царю, что «судом... Божиим тово князь Каная в Асторохани не стало» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1639 г., д.2, л.1, 6, 8]. Вероятно, смерть настигла последнего правителя Больших Ногаев в середине 1638 г.

Осколки Больших и Малых Ногаев рассеялись на огромном пространстве евразийской степи. Лишившиеся единого центра кочевники образовали улусные структуры Орды. Крупнейшими и наиболее долговечными из них оказались Едисан, Едишкуль и объединение в Буджаке (Северо-Западном Причерноморье). Российскому, османскому, польскому и другим правительствам с середины XVII в. пришлось иметь дело с этими разрозненными образованиями. На востоке из кочевников Ногайской Орды сформировался народ каракалпаков. Многие ногаи влились в Младший жуз казахов.

ГЛАВА 5

Крымское ханство

§ 1. Крымское ханство

Илья Зайцев

Крымское ханство с середины XV в. до конца правления Менгли-Гирея

Правление Хаджи-Гирея на короткий срок прервалось летом 1456 г., когда к власти на полуострове, видимо, пришел Айдар (Хайдар) б. Хаджи-Гирей. Однако удержаться на престоле ему не удалось: после ноября он бежал в Литву, а на трон вернулся его отец [Колли, 1913, с. 132–135]¹. Впрочем, как справедливо замечал А.М.Некрасов, связывать «царский» титул Айдара именно с событиями 1456 г. можно только предположительно [Некрасов, 1999, с.50]. Например, в армянских источниках смещение Хаджи-Гирея в 1456 г. связывается с неким султаном Махмудеком, которого Т.Э.Саргсян

отождествляет с золотоордынским ханом Махмудом [Саргсян, 2004, с.45, 251–253]².

Согласно сведениям «Теварих-и Дешт-и Кипчак» Абдуллаха б. Ризвана, «Исправления истории царей» Хюсейна Хезарфенна и анонимного сборника В.Д.Смирнова, хан скончался в 880 г.х. [Сборник, 1881, с.12; Zajączkowski, 1966, с.32 (f.5v); Хезарфенн, л.29], т.е. в промежуток времени между 7 мая 1475 г. и 25 апреля 1476 г. Эта дата османских авторов, безусловно, неверна. Ее появление является опiskeй из 870 г.х. (24 августа 1465 – 12 августа 1466)³. Согласно «Ассеб ас-Сейар» и ее редакциям-сокращениям, а также труду Халим-Гирея, Хаджи-Гирей умер в 871 г.х. [Ассеб, 1832, с.73; Краткая, л.27; Halim Giray, 2013, с.31]⁴. Однако, как указывал М.Урекли, этим годом хиджры датирована монета, битая от имени хана [Ürekli, 1989, с.13]. Сведения о смерти Хаджи-Гирея пришли в Кафу в конце августа 1466 г. [Колли, 1913, с.137; Колли, 1918, с.129], это значит, что хан умер, видимо, незадолго до этого (в середине месяца или ближе к его концу, т.е. после 12 августа, поскольку успели отчеканить монету с датой 871 г.х.). Основателя Крымского государства похоронили в Салачике рядом с ханской столицей у подножья Кырк-Йера [Halim Giray, 2013, с.31]⁵.

¹ Айдар еще был жив в начале 80-х гг. XV в. В русском переводе сохранилось его письмо от марта 1483 г. из Москвы в Крым к жене Бараш-султан, которая жила там вместе с сыном Даниялом. Айдар звал жену и сына к себе. В тексте посольской книги Айдар назван царем, это означает, что он действительно занимал ханский престол (скорее всего, в Крыму) до этого [Сборник РИО, 1884, с.37]. Иногда в русских документах этот хан писался как «Айдар Газы» (т.е. имел приставку «Газы» – «борец за веру»). Вскоре Айдар скончался. В ноябре 1491 г. в Москву были доставлены письма Менгли-Гирея, в одном из которых он просил Ивана III прислать ему доспех Айдара («Айдаров пансырь») [Там же, с.124]. Другая жена Айдара, по имени Девлет-султан принимала участие в воспитании будущих казанских ханов Абд ал-Латыфа и Мухаммед-Эмина и их сестры Гаухаршад. Девлет-султан, видимо, разделила судьбу мужа и переехала в Московское государство (она пережила супруга и была еще жива в 1498 г., когда даже собиралась в хадж). В 1498 г. Нур-султан писала Ивану III в Москву: «...сам гораздо знаешь, Айдар Газы моего сына кормил, его жена Довлет салтан моим детям сиску давала, и ныне к Мяжке ехати обрелася; жаловавши к нам пришлешь; а мы человека прикошевав к Мяке пошлем, и молитва ее и молба с тобою будет...» [Там же, с.273].

² Это весьма вероятно. Однако, можно сделать и другое предположение. Махмудеком звали сына Улуг-Мухаммеда, который в то время правил в Казани.

³ Несмотря на то, что в ряде текстов (например, у Хезарфенна) эта дата написана не цифрами, а словами.

⁴ По С.Шарафутдинову, Хаджи-Гирей на престол вступил в 841/1437/38 г., а умер в 871/1466/67 г. [Шарафутдинов, 1906].

⁵ Дюрбе (мавзолей) Хаджи-Гирея в Салачике, ставший местом последнего упокоения четырех

Османские и крымские хроники едины во мнении, что после смерти Хаджи-Гирея на власть претендовали 12 его сыновей. Так пишет Мустафа Али-эфенди [Али-эфенди, л.87 об.]. В «Теварих-и Дешт-и Кипчак» Абдуллаха б. Ризвана также указывается, что после смерти Хаджи осталось 12 его сыновей, «годных на ханство» [Zajaczkowski, 1966, с.32 (fol.5v); Зайончковский, 1969, с.17]. Анонимная «История Крыма» (сборник, опубликованный В.Д.Смирновым) также упоминает 12 сыновей «годных на ханство» [Сборник, 1881, с.12]. Хюсейн Хезарфенн, близкий текстуально этим источникам, также пишет о двенадцати сыновьях [Хезарфенн, л.29].

«Теварих-и гузида – Нусрат-наме» свидетельствует о восьми сыновьях Хаджи-Гирея, называя при этом только семерых: Даулат-Йар, Наур-Даулат-хан, Кутлук-хан, Келдиш, Менгли-Кирай, Йамгурчи, Уз-Тимур [Материалы, 1969, с.40]. В других источниках встречаются имена всех семерых (правившие выделены жирным шрифтом)¹: **Менгли-Гирей**; **Айдар**²; **Ямгурчи**; **Нурдевлет**³; **Оздемир**⁴; **Девлетъяр**; **Кутлуг-Заман**; **Кильдиш** (Килдибай).

Особняком стоят данные краткой рукописной заметки по истории Крымского хан-

ства, опубликованной Н.С.Сейтягьяевым по рукописи НБУВ им. В.Вернадского (рук. 3780). В ней указано, что у Хаджи-Гирея было восемь сыновей, причем из восьми упомянутых пятеро названы ханами (Нурдевлет, Айдар, Менгли, и, как ни странно, Ягмурчи и Озтимур), а трое (Девлетъяр, Кельдиш и «Токълукъ Заман», т.е., видимо, Кутлуг-Заман) этой приставки в имени не имеют [Сейтягьяев, 2011, с.344].

Очевидно, что Менгли-Гирей не был старшим из сыновей Хаджи-Гирея. Так, в источниках он называет Нурдевлета «большим», т.е. старшим братом [Сборник РИО, 1884, с.278]. Менгли-Гирей был вроде бы шестым сыном Хаджи [Смирнов, 1887, с.330]. В год смерти (921 г.х.) Менгли-Гирею было 71 год от роду⁵. Значит, родился он в 850 г.х. (29 марта 1446 г. – 18 марта 1447 г.). Как писал А.М.Некрасов, Менгли, вероятно, был четвертым сыном Хаджи-Гирея. Он мог им оказаться, если двое из пяти старших сыновей умерли при жизни отца. Тогда и получение Менгли отцовского родового прозвища Гирей могло быть связано с древней монгольской традицией наследования «коренного юрта» четвертым сыном и получением им в этой связи наименованием «эджен» [Некрасов, 1999, с.50–51].

Имелась у Хаджи-Гирея и дочь. Менгли-Гирей упоминал о ее замужестве, однако имени ее избранника мы не знаем (в подарок к свадьбе сестры от османского султана Баязида хан получил серебряную посуду). В июле 1494 г. Менгли-Гирей писал московскому великому князю: «Да ещо прошенье наше то: сестру твою царевну свадьбу чиним, чтобы еси близко был, и мы бы то дело доброе с тобою вместе видели. А в сю сторону есми к салтану приказывал, и мы ся его добру взрадовали, с добрым своим послом на свадьбу в пособ прислал, молвил, и денег и суды серебряные и блюда да пор-

поколений ханов и султанов, сохранился до наших дней [Боданинский, 1927, с.198–199; Гаврилюк, Ибрагимова, 2010].

¹ Об их сыновьях см.: [Zaytsev, 2006, с.342–353].

² Правил, по Шарафутдинову, в 873/1468/69 г. [Шарафутдинов, 1906].

³ Правил, по Шарафутдинову, с 871/1466/67 г. по 873 /1468/69 г. В 1478 г. Нурдевлет с братом Айдаром прибыл в Литву [Думин, 1989, с.108]. Осенью 1479 г. вместе с братом Айдаром и собственным сыном Бир-Девлетом выехал в Москву из Литвы. Литовский посол в Крыму должен был в 1479 г. говорить хану от имени польского короля и великого князя литовского: «А Нурдывлат а Ойдар пришли до его милости земли и его милости Господарь наш им хлеба и соли не боронил, и как добровольно пришли, так добровольно и отошли и тепере живут где им любо» [Сборник, 1866, с.25]. Вскоре Нурдевлет был помещен на Мещере (Касимов) [Беляков, 2011, с.57]. Весной 1480 г. Айдар был сослан в Вологду.

⁴ И Оздемир, и его племянник Девлеш покинули Крым и женились в Литве еще в начале 1490-х. Там им было дано от короля, по словам Посольской книги, «поместие» [Сборник РИО, 1884, с.151, 167; Думин, 1989, с.108].

⁵ Эту цифру дают списки анонимной истории крымских ханов [ИВР РАН, рук. С 861, л.5; Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского, Киев (Національна бібліотека України імені В.І.Вернадського, Київ), ф. V (Одесское общество истории и древностей), № 3804, л.3 об.] См. также французский перевод по списку BNF (Supplément Turc 515. Французский список, привезенный из Крыма в 1819 г. А.Жобером) [Précis, 1833, с.359].

тища с золотом прислал...» [Сборник РИО, 1884, с.211].

Девлетъяр (отец уехавшего в Литву Девлеша) и Кутлуг-Заман, скорее всего, умерли еще при жизни отца [Колли, 1918, с.130; Некрасов, 1999, с.50]. Кильдиш упоминается еще в 1470-х гг. в генуэзских документах в связи с Кафой [Гайворонский, 2007, с.103]. Кильдиш (Кильдибай) [Ассеб, 1832, с.74], или Йани Киди-хан (так его называет Марджани, считая при этом двоюродным братом Менгли (как, впрочем, и Нурдевлета) [Очерки, 2003, с.125], возможно, на короткий срок занял крымский трон в 878/1473/74 гг. [Шарафутдинов, 1906]. Возможно, как свидетельствует хроника Давида Лехно, Кильдиша действительно убили *мансуры* [Гаркави, 1884, с.2–3], т.е. крымские ногаи. В так называемой «Краткой истории» различаются Бай-Гельди (т.е. Кельдиш-Кельдибай) и Бай-Девлет (Девлет-яр?). Бай-Девлета вместе с его сыновьями убивает при вступлении на престол Нурдевлет, однако его в свою очередь убивает (?) другой брат – Бай-Гельди, который ханствовал всего 15 дней и вскоре бежал, при этом все его приверженцы были истреблены, а ставка на Днепре захвачена [Негри, 1844, с.382; Краткая, л.27 об.].

Согласно А.П.Григорьеву, хронология правлений крымских ханов в 50–70-х гг. XV в. выглядит так. Разгромивший Ахмета в 1465 г. Хаджи-Гирей скончался в 1466 г. Ему наследовал Менгли-Гирей, однако престол у него отобрал его брат Нурдевлет, который и правил между 1466 и 1468 гг.¹ В сентябре 1467 г. он шертовал польскому королю Казимиру [Kolodziejchuk, 2011, с.536–537].

Нурдевлета сверг Менгли-Гирей, царствовавший до весны 1475 г., когда он снова уступил трон Нурдевету и Айдару. Сам же

Менгли-Гирей в самом конце 1475 или начале 1476 г. был вывезен в Турцию, где проживал до конца 1478 г. Нурдевлет и Айдар остались на полуострове сопровителями. К июню 1476 г. в ханстве вспыхнула гражданская война. Одну из противоборствующих сторон поддерживал и номинально возглавлял Чингизид Джанибек. Эта группировка в конце июня 1476 г. осадила в крепости Крым (Солхат) главу рода Ширин Эминека и его сторонников, но взять город штурмом не удалось. Нурдевлет и Айдар вынуждены были бежать, и осенью 1476 г. власть в Крыму перешла в руки Джанибека [Григорьев, 1987а, с.77–78]. Краткий период его правления фактически означал объединение Крымского ханства и Большой Орды в единый политический организм [Трепавлов, 2010, с.69].

Кто был Джанибек, который на короткое время овладел Крымом в середине 70-х гг. XV в.? У нас нет однозначного ответа на этот вопрос. Вероятнее всего, он был сыном Махмуда б. Кучук-Мухаммеда и впоследствии (с 1514 г.) занимал астраханский престол. «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» называет одного хана по имени Джанибек из потомков Тимур-Кутлука. Последний, по этой версии, имел четырех сыновей: Пулада, Тимура, Насира и Йадгара. Сыном Тимура был Мухаммед-хан (т.е. хорошо известный Кучук-Мухаммед), также имевший четырех сыновей: Касим-хана, Боз-Торгая, Абд-ал-Карима и Кельдибека. Его сыновья – Ак-Бобай, Меде-Мамадж, Ак-Будал и Музаффар. Сыном Музаффара и был хан Джанибек [Материалы, 1969, с.40]. Но, во-первых, из этого текста неясно, чьим сыном был Музаффар (Кельдибека?); во-вторых, генеалогия потомков Кучук-Мухаммед-хана, скорее всего, сильно спутана.

Османское завоевание Южного берега Крыма определило всю последующую жизнь региона, оказав огромное влияние на дальнейшую судьбу ханства.

Специальное рассмотрение истории османского Крыма не входит в нашу задачу. Она с успехом выполнена Ю.Озтюркком [Öztürk, 2000]. Несмотря на то что османское завоевание Южного берега изучено еще явно недостаточно (в том числе и в источниковедческом плане [Веселовский,

¹ Точнее время его правления позволяют определить монеты. От Нурдевлета сохранилась серебряная акче, битое в г. Крым в 871/1466/67 гг. (<http://www.zeno.ru/search.php?searchid=214492>). Эта монета встречается в кладах далеко за пределами Крыма. В кладе 1930 г. из Московского Кремля (возможно, он связан с торговлей купцов «сурожан» в Москве в правление Ивана III) имелись монеты Хаджи-Гирея, битые в Кырк-Ере в 858 г.х. (1 января – 21 декабря 1454 г.), в Крыму в 867 г.х. (26 сентября 1462 г. – 14 сентября 1463 г.), а также монеты Нурдевлета (Крым, 871 г.х. – 13 августа 1466 г. – 1 августа 1467 г.) [Зверев, 2006, с.208].

1889, с.183; Зайцев, 2009а, с.93–95]), здесь мы касаться этих событий не будем. Заметим лишь, что земли Южного берега полуострова находились под прямым управлением падишаха¹. Земли эти делились по османской системе управления на судебно- административные округа – *кадылыки*² (Кефе, Мангуп, Судак, Керчь, Тамань, Азов), к которым позднее добавилось еще три (крепость Тат; Балаклава, которая первоначально относилась к мангупскому *кадылыку*, и Темрюк), а также восемь административных единиц, к ним, относящиеся. *Каза (када)* в свою очередь делились на *нахие* – сельскую округу. Стоит отметить, что османское завоевание Южного берега не было разрушительным нашествием, как это иногда представляется [Хартахай, 1866, с.201]. Вряд ли захват Кафы сопровождался массовой убылью населения и поголовной резней: источники нам об этом не сообщают [Мыц, 2009, с.250]. В большинстве случаев жизнь в крепостях и прилегающей округе продолжалась, причем не произошло резкой смены населения этой округи: лишь в самих крепостях появились османские гарнизоны. Так было, например, в Судаке [Джанов, 2006, с.328]. Некоторые укрепления, которые принадлежали кня-

жеству Феодоро (Мангуп), также не были разрушены в ходе нашествия, а были просто оставлены защитниками и впоследствии османами не использовались [Бочаров, 2009]. Согласно сведениям папского протонотария Доминика, полученным им при дворе воеводы Стефана³, добыча турок после взятия города составила 1011 кожаных мешков денег, не считая остального (мешок вмещал 600 дукатов). Вся знать была увезена в Стамбул, а в городе оставлен простой народ и гарнизон в 10 тыс. пехоты во главе с «каким-то греком из Трапезунта» [Юргевич, 1894, с.1–2].

С 1475 г. Крымское ханство оказалось по отношению к Османской империи в сложном положении, которое нельзя однозначно трактовать ни как полный вассалитет, ни как полную независимость. Политическая практика свидетельствовала в пользу подчиненности ханов Крыма османским падишахам, тогда как с точки зрения исламской теории государственной власти крымские ханы оставались независимыми и суверенными монархами [Зайцев, 2010, с.288–296; Zaytsev, 2010а, с.25–27]⁴. Это положение было зафиксировано каким-то соглашением (рода *шерти*), которое заверили новый крымский хан Менгли-Гирей и завоеватель Кафы Ахмед Гедик-паша (от лица Мехмеда II). Текст этого соглашения дошел до нас в форме, вероятно, довольно близкой к первоначальной [Зайцев, 2009а, с.142–157]⁵.

В 1478 г. на какое-то время власть в ханстве снова захватил Нурдевет. Именно в этом году в Польшу к Казимиру в сопровождении османского дипломата прибывает его посол [Зайцев, 2004а, с.93]. Однако уже в следующем году на троне сидел Менгли-Гирей. В списке *шерт-наме* между мусуль-

¹ Между прочим, значительно позже Сахиб-Гирей подозревался османами в попытках снова вернуть эту территорию ханам, за что и был снят [Inalcik, 1980, с.187].

² Например, Алушта – крайняя к западу деревня Судацкого кадылыка. Далее шел Мангупский *кадылык* [Коркунов, 1837, с.135]. Права владения на этой территории утверждались актами-*худжетами*. Некоторые из них сохранились, например, *худжет* 1097 г.х. (1686) из мангупского *кадылыка* деревне Партенит на владение ей землями, в том числе горой Кастелем (т.е. Аюдагом) [Кеппен, 1837, с.167]. Правда, граница между собственно ханской землей и османскими владениями была довольно условной. В сборнике решений *кадиаскера* Мустафы, служившего при хане Джанибек-Гирее (дефтеры 1608/9–1613 гг.) читаем: «...каждый из нас имеет известное количество овец и ходят они... а иногда переходят и на землю *худавендигяр* (выделено мною. – И.З.), и никогда за это никто со времен отцов и дедов не брал платы» [Лашков, 1897, с.28]. Ф.Ф.Лашков предположил, что это земля *мирие*, т.е. фиска. В действительности это, конечно, османская территория (от перс. *худавендигяр* – титул османского падишаха). Сам Менгли-Гирей, как свидетельствует Посольская книга, иногда подолгу жил в Кафе [Сборник РИО, 1884, с.152].

³ Доменик был членом посольства венгерского короля Матфея к Стефану.

⁴ См. также [Некрасов, 1999, с.53–55].

⁵ Впрочем, со времен В.Д.Смирнова отечественные историки в существовании такого договора сомневаются [Некрасов, 1999, с.53]. Датировать заключение этого соглашения трудно. Возможно, что договор был заключен и позже, после выработки необходимых условий. Так, некоторые османские авторы (например, Мустафа Али Гелиболулу в «Кюнх ал-ахбар») датируют «спасение крымской династии» и установление османского суверенитета над ханами 1478 г. [Schmidt, 1991, с.149].

манской, караимской и армянской общинами Кырк-Йера и Менгли-Гиреем, которое было составлено между январем и концом марта 1479 г., было оговорено условие, по которому жители Кырк-Йера обязывались не давать убежище («впускать в крепость») сыновей Хаджи-Гирея или Сейд-Ахмеда. И.Вашари в первом видел Нурдевлета, а во втором Джанибека [Vásáry, 1982, с.294, 298–299; Зайцев, 2004а, с.93]. Хотя под сыном Хаджи-Гирея мог подразумеваться любой из живых на то время сыновей хана, кроме самого Менгли-Гирея.

Важно отметить, что вплоть до конца XV в. (а, возможно, и позже) в Крыму живут представители боковой ветви потомков Гийас ад-Дина б. Таш-Тимура – братья и племянники Хаджи-Гирея по мужской линии¹. Как известно, у Гийас ад-Дина был сын Мустафа, который вероятно довольно короткий срок бил от своего имени монеты в Хаджи-Тархане: в нашем распоряжении имеются оттиски экземпляры монеты, отчеканенной в Хаджи-Тархане Мустафой, сыном Гийас ад-Дина, без обозначения года [Зайцев, 2006а, с.29; <http://www.zeno.ru/showgallery.php?cat=1189>; Майко, 2007, с.143, 156, 164]. Вероятно, его сыном был царевич «Мамышак» или «Мамишек» («Мустофин царев сын»), попавшийся в руки московских казаков². В 1489 г. по просьбе Менгли-Гирея, который направлял об этом специальное письмо в Москву, его вроде бы отпустили в Крым [Сборник РИО, 1884, с.76, 79], но в 1492 г. он все еще был в Москве. Его млад-

ший брат Мухаммед в том же 1492 г. вместе с женой был у Менгли-Гирея («малой брат его Маамедъ царевичъ съ женою съ всемъ у меня», – писал Менгли-Гирей) [Там же, с.151]. Менгли вновь просил отпустить Мамышека, а Мухаммеда прислать в Москву: для него он просил у Ивана III Каширу (она была до этого у Нурдевлета): «моим недругом и твоим недругом велми недружбу доведет, таков молодец» [Там же]³. Хотя в том же 1492 г. Лобан Колычев сообщал в Москву: «А Мамышека, государь, царевича царь послал под Орду; и которой человек приехал ко царю с вестми; и тот, сказывают, что Мамышек под Ордою, а ждет, сказывает, поры, чтобы ему улус взять» [Там же, с.167]. В 1493 г. и Мухаммед и Мамыш были в Крыму (упомянуты в числе тех, кому не доходят поминки) [Там же, с.173]. Вскоре Мамыш снова принимает участие в военных действиях: на этот раз у Аккермана (Белгорода) против литовцев [Там же, с.209]. Исходя из косвенного упоминания его (?) сына («Да киркорского наместника сын Мамышев») [Там же, с.230], можно осторожно предположить, что Мамыш был наместником родового гнезда Гиреев – Кырк-Йера (нынешней крепости Чуфут-Кале недалеко от Бахчисарая), в долине возле которого нашли свой последний приют Хаджи-Гирей и Менгли-Гирей. В 1496 г. сын Мамыша ограбил людей московского великого князя, а вскоре в Москве передавали слова Менгли-Гирея: «А что в кыркорского наместника да в Муртозине бакшеее деле, и царь отвечал: пришли те москвичи Нахир с жидовы с кеевскими с выбитыми, кои выбиты и с женами и с детми, оне против их приехали, и оне им дали поминка по десятку стрел, да колпак, да саблю; и оне того воли ищут» [Там же, с.255]⁴.

¹ Согласно «Му'изз ал-ансаб» у Хаджи-Гирея были еще и сестры – Султан-насаб и Шах-насаб [История Казахстана, 2006, с.45]. Об их судьбе и возможных потомках я ничего не знаю.

² В посольских книгах упоминается еще и некий царевич «Мустофар», не называемый ни братом, ни сыном Менгли-Гирея, однако названный в документе 1486 г. «своим царевичем» по отношению к Менгли-Гирею [Сборник РИО, 1884, с.47]. Мустафу и Мустофара, видимо, не следует считать одним персонажем (как это я позволил себе сделать ранее). Во-первых, у них разный статус: Мустофар – царевич (т.е. султан), а Мустафа – царь (т.е. хан, успевший где-то поцарствовать). Во-вторых, и формы имени у них все же разные. Мустофара можно осторожно причислить к потомкам Кичи-Мухаммеда и отождествить с неким Музаффаром из их числа [Материалы, 1969, с.40]. Как он попал в Крым?

³ «и которые села дашь ему»; «на мое дело и на твое дело велми пригож молодец».

⁴ Думаю, что вместо «Нахир» в тексте надо читать «на Хир [хор или кор]», т.е. в Кыркор. Все дело выглядело, вероятно, так: московские купцы приехали в Кырк-Йер вместе с евреями, изгнанными из Киева вместе с семьями. Последние дали наместнику крепости (скорее всего, за право поселиться) поминок (стрелы, саблю и колпак). Вероятно, вместе с этими дарами с евреев и москвичей взяли еще и побор.

Если Мустафа был дядей Менгли-Гирея, и наше отождествление верно, то Мамышак и Мухаммед – его двоюродные братья. Скорее всего, оба рано ушли из жизни и не оставили потомства, т.к. их имена более в источниках не встречаются¹. Между прочим, именно то, что брат Хаджи-Гирея владел Астраханью (а не только завоевание этого города Мухаммед-Гиреем в 1523 г.) и послужило, видимо, для последующих Гиреев правовым основанием считать, будто «тот юрт изстари прародителей наших»². Кроме того, это обстоятельство многое объясняет и в легенде о юности Хаджи-Гирея, в частности стремление сыновей Гийас ад-Дина попасть именно в Астрахань [Смирнов, 2005, с.186–187].

И ханы, и их сыновья были связаны с родовой аристократией Крыма и Большой Орды крепкими брачными и кровными узами. Крепко связан с ширинцами (в частности, с беим Тегене) был еще Улуг-Мухаммед. Его постельничим был племянник Тегене. Зятем Улуг-Мухаммеда был кунградский князь Айдар [Зайцев, 2004а, с.58; Акчурина, 2013, с.6–7]. Браки ханов с представителями клановой знати стали основой династии, кровно соединив Гиреев с кунградцами, мангытцами, ширинцами, седжиутами и др. По сути, представители Гирейской фамилии были не только Чингизидами, но и потомками разных золотоордынских крымских кланов [Zaytsev, 2006]. Женой Нурдевлета была представительница клана *курат* (кунград), дочь Джумадыка (Юмадыка) [Сборник РИО, 1884, с.544]. Старшей женой Менгли-Гирея поначалу была дочь седжиутского князя Едигера [Там же, с.56]. Однако в августе – сентябре 1486 г. старшей женой хана (потеснив с этого места седжеутку) становится Нурсултан – дочь мангытского бека Темира б. Мансура б. Едиге и жена казанских ханов Халиля б. Махмуда (с 1466 г.) и Ибрагима б. Махмуда (ум. в 1479 г.)³.

¹ В 1501 г. Мамышек б. Мустафа был еще жив. Вместе с ним упоминается некий Абач-салтан «братанич Мамышеков» (т.е. племянник; скорее всего сын его брата Мухаммеда) [Сборник РИО, 1884, с.360].

² Ср.: [Трепавлов, 2011, с.376].

³ От Ибрагима б. Махмуда Нурсултан имела двух сыновей, также казанских ханов Абд-ал-

Сыновья и дочери Менгли-Гирея также роднились с кланами ханства. Например, его второй сын, Ахмет-Гирей, был женат на дочери старшего ширинского князя Бараша (Байраш или Бураш – сын знаменитого Эминека б. Тегене) [Там же, с.274, 49, 68]⁴. Одна дочь Менгли-Гирея замужем за мангытом Хусейном б. Темиром (брат Нурсултан) [Там же, с.256].

В ноябре 1491 г. *калга* Менгли-Гирея и его брат Ямгурчи женился на дочери мангыта Янкувата (племянника Темира), а сына (Япанчи) женил на дочери Кудайяра – сына карачмирзы [Там же, с.122]⁵.

Хан Менгли-Гирей умер «в великую субботу», т.е. перед Пасхой (8 апреля 1515 г.)⁶. Как справедливо пишет А.В.Виноградов, 36-летнее правление Менгли-Гирея можно охарактеризовать как период создания Крымского государства в том виде, в котором оно просуществовало на протяжении всего XVI в. Именно в годы его правления

Латыфа (правил в 1497–1502 гг., ум. в 1517 г.) и Мухаммед-Эмина (правил в 1484–1485, 1487–1496, 1502–1518 гг.; ум. в 1518 г.), и дочь Гаухаршад (ум. не ранее 1546 г.). Нурсултан – весьма заметная фигура не только в истории Казанской и Крымской ханств, но в целом в истории Восточной Европы той эпохи. В 900 г.х. (лето – осень 1495 г.) она вместе с братом Хусейном совершила *хадж*. В июле 1510–11 гг. вместе с пасынком (сыном Менгли-Гирея Сахиб-Гиреем) посетила Москву и Казань. Умерла в 1519 г. или вскоре после.

⁴ Он занял это место после смерти Азики (Хаджике б. Тегене) в июне – августе 1486 г. [Сборник РИО, 1884, с.54, 56].

⁵ Это, безусловно, внук Тегене – ширин Кудайяр [Акчурина, 2013, с.7]. У Ямгурчи жен было как минимум две, что следует не только из количества его сыновей, но и из прямого указания источника: «царь [Менгли-Гирей] хочет ехать с сего байрама к тому к новому городу; а едет... с собою брата своего Ямгурча царевича и с женами и с детьми и с его людьми» [Сборник РИО, 1884, с.166].

⁶ Это установил А.Ф.Малиновский [Малиновский, 1863, с.198]. Во всяком случае, это произошло не в январе 1515 г., как писал А.В.Виноградов [Виноградов, 1999, с.60]. По Марджани, это произошло в зульхидже 919 г.х. [Очерки, 2003, с.124]. Х.Иналджик смерть Менгли и восшествие на престол Мухаммеда датировал началом 1514 г., что, как видим, неверно [Inalcik, 1948a, с.355, n.20]. В краткой рукописной заметке по истории Крымского ханства, опубликованной Н.С.Сейтягяевым по рукописи НБУВ им. В.Вернадского (рук. 3780) смерть Менгли-Гирея датирована 920 г.х. (7 марта 1514 г. – 24 февраля 1515 г.) [Сейтягяев, 2011, с.344].

Карта Крыма. Западная Европа. XVI–XVII вв.

были заложены основы крымской политики, осуществлявшейся на протяжении большей части этого века [Виноградов, 1999, с.60].

Внешнеполитические связи Крымского ханства во второй половине XV в.

Главным соперником крымских ханов на заре существования ханства являлась Большая Орда. В 1490-х гг. между двумя государствами не утихает война, которая завершилась разгромом Орды в 1502 г. [Зайцев, 2004а, с.82–113]. В результате этой победы крымские ханы включают титул ханов Большой Орды в свою титулатуру и начинают выступать как преемники бывшего могущества Золотой Орды. Следствием этой преемственности стали претензии на постзолотоордынские престолы Астрахани и Казани (причина крылась не только в абстрактной борьбе за гегемонию на этом пространстве, но и в родственных связях: как мы уже видели, один из крымских ханов стал основателем Казанского ханства, а брат Хаджи-Гирея занимал некоторое время астраханский престол). Именно в эпоху Менгли-Гирея I проявилась важная роль Крыма в международных отношениях в Восточной Европе. При Менгли-Гирее устанавливается регулярный дипломатический обмен ханства с Москвой, Краковом, Вильно и рядом других европейских столиц¹, вырабатывается практика заключения межгосударственных союзных договоров (шертей).

¹ Политико-географический горизонт ханства на западе, видимо, не ограничивался Молдавией, Венгрией и Чехией. См., например: [Сборник РИО, 1884, с.151].

В 1480-е – начале 1490-х гг. внешняя политика Менгли-Гирея определялась противостоянием с Большой Ордой, а также сближением с Москвой с целью создания коалиции против Большой Орды и Ягеллонов. Основным источником для реконструкции московско-крымских отношений служат посольская книга открывается посольством Никиты Белемишева марта 1474 г. к Менгли-Гирею. Московское посольство было ответным. Это был ответ на миссию Ази-Бабы (Хаджи-Бабы) с предложением братства, дружбы и любви. Сам текст Посольской книги говорит о том, что эти контакты были к тому времени традиционными. Беклемишеву следовало говорить крымским князьям: «издавна наши передние с вашими передними же меж себя правду и дружбу держивали» [Сборник РИО, 1884, с.6]. Инициатива поддержания московско-крымских контактов, как свидетельствует посольство Н.Беклемишева, принадлежала видному представителю кафинского купечества Ходже-Кокосу (как он назван в русских документах). Именно он прислал в Москву перед миссией Хаджи-Бабы своего шурина Исупа (Юсуфа) с ярлыком царевым «верющим», а также грамоту ширинского князя Мамака [Там же, с.6–7].

Ходжа-Кокос – тот самый Гёкгёз (т.е. «Голубоглазый»), сын которого Ходжа-Бикеш/Бикиш упоминается в Таможенном Регистре Кафы 1487–1490 гг. [Inalcik, 1996, с.45, 74; Kizilov, 2005, с.227]. Гёкгёз был, вероятно, крайне влиятельным финансистом, не раз сам Менгли-Гирей прибегал к его услугам [Сборник, 1866, с.38; Литовская метрика, 1910, стб.361]. В 1484 г. великий князь Иван наказывал Василию Ивановичу Ноздроватому, посланному к Менгли-Гирею: «...Кокосу ...говорити от великого князя, чтобы купил великому князю лалы да яхонты, да зерна жемчужные великие, да прислали бы к великому князю; а цену им князь велики за то заплатит, да сверх того еще своим жалованием пожалует» [Сборник РИО, 1884, с.40].

Беклемишев вернулся 13 ноября 6983 г. (1474 г.) «А того же дни пришел из Крыму посол великого князя Никита Беклемишев от царя Менли Гирея, Ачи Гереева сына

Крымского, а с ним посол царев Довлетек Мурза с многими поминки. А правил посольство того же месяца 16: “Великому князю от царя любовь и братство. И кто будет тебе, великому князю, друг, тот и мне, царю, друг; а кто тебе недруг, той и мне недруг. Также и дети наши и внучата на той любви и братстве да будут”» [Иосафовская летопись, 1957, с.89].

Следующее московское посольство Алексея Старкова датируется мартом 1475 г. Кокос снова оказывает посреднические услуги, на этот раз по сватовству сына московского великого князя с дочерью мангупского князя Исайей¹. Таким образом, посредниками в установлении московско-крымских отношений были представители кафинского купечества – высшего его слоя, задействованного в торговых операциях с Москвой. В Таможенном регистре Кафы конца 1480-х гг. сын Гёкгёза (Кокоса) назван иудеем (*ia-xudu*) [Inalcik, 1996, с.45, 74]. Исходя из того, что сам Кокос писал в Москву «жидовским письмом», также можно сделать вывод, что он, безусловно, был иудеем.

Следующее посольство из Москвы в Крым планировалось в сентябре 1477 г. к Джанибеку. Однако османское завоевание и гражданская война на полуострове сильно затянули дело. Это посольство с татаринцом Темешом также было ответным (миссия Яфар Бердея с просьбой оказать Джанибеку услугу и предоставить ему «опочив» в случае бегства из Крыма).

К апрелю 1479 г., когда Менгли-Гирей окончательно утвердился на престоле, относится посольство Иванчи Белого в ответ на присылку Алача и Сырпяка.

В начале XVI в. после краха польско-литовско-ордынского союза и разгрома Большой Орды происходит медленное уси-

ление враждебности Крыма по отношению к Москве, а в 1510-х гг. сложился союз ханства с Великим княжеством литовским, отмеченный договорами 1516 и 1518 гг.

Важным внешнеполитическим партнером Крыма был Египет. Крымские связи с Египтом, безусловно, имели своим истоком тесные отношения Египта с Золотой Ордой [Зайцев, 2006а, с.49–51]. В отсутствии крымских и египетских источников по теме, основным материалом для реконструкции крымско-египетских отношений остаются посольские книги по связям Московского государства с Крымским ханством.

В конце апреля 1491 г. в Москву прибыл некий молла Багаутдин с грамотой Менгли-Гирея, в которой хан писал Ивану III: «Мисюрской салтан ко мне, к брату к твоему, прислал с своим человеком: яз у отца у твоего Ази-Гирея царя лице есми его видел и хлеб есми его ел; Бог нас так на Мисюри салтаном учинил. Отец твой царь прежним салтаном с добрым с своим человеком добрые поминки присылывал; и мы, что у нас добрых коней и доброво товару и добрых сабель с золотом посылавали есмя беспрестанно. И ты бы ко мне прислал своего доброго человека борзо, безпереводно. Какова поминка мы хотим от него, и он к нам хочет послати. Что, брат мой, нынеча ко мне прислал поминки, и яз те поминки послал к салтан Баязыту с Ямгурчеем с царевичем. И нынеча мисюрскому салтану меня брата своего в сороме не учинишь, сего Багавадын, богомолца моего, к мисюрскому салтану которые пригожие поминки от соболя, от рыбьих зубов пришлешь, ино братство свое свыше учинишь; пошлого своего молну богомолца Багавадына, того же хочю послати к мисюрскому салтану. Тебе брату моему в той стороне, что ти будет надобно, прикажешь; Бог донесет, ты брат мой, как накажешь, по твоему приказу может добыти; тот человек мисюрского салтана человек, пришел в Кафе стоит» [Сборник РИО, 1884, с.107]. Ясно, что активные дипломатические и торговые контакты между Крымским ханством и мамлюкским Египтом установились еще при Хаджи-Гирее. Кое-что можно сказать и о характере товарооборота: из Египта в Крым вывозились кони и оружие. Крымские купцы-«ордобазарцы», как писал в

¹ Другая дочь мангупского князя Мария (согласно данным Бистрицкой летописи) была с сентября 1471 г. замужем за молдавским воеводой Стефаном Великим. Она умерла в декабре 1476 г. [Славяно-молдавские летописи, 1976, с.27, 29, 64]. Молдавско-немецкая летопись 1457–1499 гг. называет ее княжной из Мангупа (*furstyn auss Maugor*) и почему-то черкешенкой (*ein Zerkassin*) [Славяно-молдавские летописи, 1976, с.39, 49]. Часть беженцев, уцелевших после взятия османами Кафы и Мангупа, осела именно в молдавской столице Суцаве [Там же, с.41, 51; Зайцев, 2004а, с.87].

Москву Менгли-Гирей, «и в Аземе, и в Мисюрь, и в Шам, и в Рим [т.е. в Иран-Аджем, Египет, Сирию (Дамаск) и в Рум – Европейскую Турцию. – И.З.] ходят» [Сборник РИО, 1895, с.28, 74]. Египетские посланцы и купцы прибывали в османскую Кафу, а, значит, крымско-египетские связи были хорошо известны османам. Некоторые крымцы покупали в Египте товары по заказу из Москвы: так некий Чабак купил для московского великого князя Василия армагака за 100 золотых [Там же, с.41]. Менгли-Гирей предлагал Ивану в обмен на поминки для египетского султана (соболя и рыбий зуб, т.е. моржовый клык) заказать что-либо в Египте молле Багаутдину. В мае 1491 г. Менгли-Гирей просит отпустить Багаутдина из Москвы в Египет побыстрее, ибо «товарищи его борзо едут» [Сборник РИО, 1884, с.111].

В октябре 1493 г. в Москву снова прибывают грамоты Менгли-Гирея, написанные в сентября на Днепре. В одной из них хан опять упоминает о своих связях с Египтом: «Молная малово брату тезику одному человеку ярлык давши, к тебе к брату своему послал есми с Мынюрем да с Оюсом, что было живота, то твои казначеи взяли, а денги его не дошли, так есми слышел, как тому убогому куны его ему давши, Мынуря да Оюса не оставишь, велми мне брату твоему за честь на сердце учинишь. К тебе есми к брату своему о кречетех молвил был есми поминка послал, мисюрсково дея салтана, а посол его приходит стоит, которому послу итти не оставя пошлешь, братство ведает» [Там же, с.193–194]. Не ясно, говорит ли хан в этом письме все о том же Багаутдине или о его брате «тезике» Мехмете.

Следствием посольства Багаутдина была ответная египетская миссия в Крым. Менгли-Гирей 5 октября 1495 г. писал в Москву следующее: «...а ныне от мисюрского салтана человек приехал, кречатов да рыба зубья просить». Для их покупки хан послал в Москву деньги через своего человека Касыма. В другой грамоте (от 8 октября) хан сообщал: «...мисюрской салтан писан и шит узорчат шатер прислал» [Там же, с.220]. Присылка шатров – неотъемлемая часть дипломатического этикета, дань уважения правителю. В шатрах хан устраивал пиршества и приемы, в летнее время шатер – место почти постоянного его пребывания.

Эти посольства совершались на фоне серьезного османо-египетского конфликта. В 1481 г. в Египте приняли султана Джема – брата Баязида и претендента на османский престол. В 1486 г. началась первая османомамлюкская война: египтяне нанесли османам сокрушительное поражение. Вторично мамлюки разгромили османов в 1487 г. Несмотря на то что формально при посредничестве Туниса в 1491 г. был заключен крайне непрочный мир, в отношениях османов и мамлюков царил напряженность.

При последнем мамлюкском султанин ал-Ашрафе Кансухе ал-Гури (1501–1517) контакты продолжались. В 1508 г. брат Менгли-Гирея Ямгурчи просил у Василия III рысью шубу специально для отправки в Египет [Сборник РИО, 1895, с.31; Хорошкевич, 2001, с.265]. Пожалуй, последнее упоминание Египта в крымско-московской переписке приходится на август 1515 г., когда Мухаммед-Гирей сообщал: «А после того пришли к нам послы от Салим-шага салтана, и от мисюрского салтана, и мы им на поминки кречетов не добудем». В запросе о кречатах хан писал: «от арапов, и от азямов, и от мисюри, и от Царягорода отовселе нам от государей добрые люди на государство здоровати идут» [Сборник РИО, 1895, с.156; Хорошкевич, 2001, с.265]. Египетский поход Селима Явуза (1517) положил конец связям двух государств.

Менгли-Гирей имел дипломатические отношения с государством Ак-Коюнлу: имеются сведения о крымском посольстве (не позднее 1490 г.) в Тебриз к султану Якубу б. Узун-Хасану (1478–1490) [Сборник РИО, 1884, с.106].

Помимо Московского великого княжества крымские ханы поддерживали дипломатические отношения и с другими русскими княжествами до момента их поглощения Москвой. К ним относится прежде всего Рязанское княжество. В ноябре 1491 г. на Русь приехали крымские гонцы с письмами, в одном из которых Менгли-Гирей уведомлял Ивана III о своих связях с Рязанью, куда он отправил своего человека Шемердена [Там же, с.125–126]. В материалах московского посольства в Крым марта 1492 г. (И.А.Лобана Кольчева) упоминается о миссии ханского человека Шемердена к великому князю рязанскому, «сестричию» мос-

ковского великого князя [Там же, с.139]¹. Это посольство относится, таким образом, к 1491 г. Скорее всего, оно было не первым. В ряде случаев московские великие князья обращались к рязанским для оказания помощи в проводах послов и гонцов в Крым через рязанские земли [Там же, с.365–366]².

Вместе с тем ряд русских земель, не присоединенных еще окончательно к Москве (существовавших на правах уделов), при Менгли-Гирее, видимо, находился в прямой даннической (ясачной) зависимости от Крымского ханства, что признавалось Московскими великими князьями. Так, в 1498 г. Менгли-Гирей писал Ивану III: «Из старины Одоевских городов князи, по старине к нам, что давали ясаку тысячу алтын,

а дарагам другую тысячу алтын давали, по той пошлине дарагу их Бахшеиша послал есми; как сесь писан ясак наш две тысячи алтын пошлину нашу безубыточно и дати нам не похотят, и ты б взяв на них да дал... А Одоевских князей, Иван в головах, а люди его учнут лычити, сам свое крепкое слово молвив сполна, что се и писано, Бахшеишу взявши велишь отдати, братство твое ведает» [Там же, с.269]. Даруге Бехшеишу в деле сбора одоевского ясака наследовал его старший сын Девлетъяр, а после смерти последнего в 1518 г., младший сын Бахшеиша – Алдияр и сын Девлетъяра Илеман [Сборник РИО, 1895, с.638–639; Сыроечковский, 1940, с.47]. Какова была природа этих выплат, еще предстоит выяснить.

§ 2. Казачество во внешней и внутренней политике Крымского ханства

Дмитрий Сень

Казачество на протяжении веков играло важную роль во внешней и внутренней политике мусульманских государств Причерноморья – Крымского ханства и Османской империи. Среди других казачьих сообществ, наиболее активно контактировавших со Стамбулом и с Бахчисараем, особенно интересовавших эти державы, в истории отмечены два: казаки-запорожцы (Войско Запорожское Низовое) и донские казаки (Войско Донское). При этом в источниках, например, исходивших от турок-османов, казаки запорожские и казаки донские длительное время могли не различаться. Подчеркнем, что многие характеристики османско-казачьих отношений могут быть применены при исследовании вопроса об истории крымско-казачьих отношений. Пристальное внимание крымских ханов и османских падишахов к казакам находило постоянную «подпитку» в

связи с разнообразными формами пограничной жизни, в условиях которой стороны активно контактировали, воевали и мирились. По мнению В.А.Брехуненко, конфликтная составляющая казачье-мусульманских отношений была заложена самой природой Степной Границы, как, в конце концов, и неконфронтационная. Укорененная в сознании казаков благодаря постоянной борьбе с мусульманскими соседями на «здобычницкой ниве», идея противостояния приобрела функции всеохватывающего объяснения самого существования казачьего мира [Брехуненко, 2011, с.348]. Не подлежит сомнению вывод о том, что Крым и Османская империя оказали огромное влияние на становление и развитие казачьих сообществ, на формирование системы ценностей, на военную культуру казачьих мужских союзов. Борьба против Крыма и Османской империи активно содействовала формированию запорожско-донского боевого содружества, в целом прошедшего проверку временем. У донцов и запорожцев существовал едва ли не совместный флот (по В.Н.Королеву), а их планы по нападению на Крымское ханство или на владения Османов часто носили согласованный характер, далеко не всегда определяемый одними лишь «зипунными интересами». Здесь уместно отметить, что

¹ Речь идет о племяннике Ивана III Иване Васильевиче (1467–1500) великом князе рязанском (1483–1500). Он был сыном великого князя рязанского Василия Ивановича от брака с сестрой великого князя Московского Ивана III Анной.

² Например, в 1501 г. из Москвы для этого писали в Рязань княжне Аграфене Васильевне (жене рязанского князя Ивана Васильевича и матери последнего рязанского князя Ивана. Она была дочерью друцкого князя Василия Бабича) и дяде Ивана Ивановича князю Федору Васильевичу.

живанию казаков в пограничье, порождая такие явления, как торговые связи, военно-политические союзы, обмен информацией и даже «обмен населением» [Брехуненко, 2011, с.407–412; Сень, 2009, с.20–57], включая переходы казаков в иное подданство. В указанной связи несколько прямолинейным может показаться мнение Н.А.Мининкова о характере «перманентной войны» между казаками и азовцами, «прерывавшейся лишь на короткое время путем установления неустойчивого перемирия, когда это необходимо было для пропуска с Дона в Азов или обратно русских и турецких послов... в Турции» [Мининков, 1998, с.349]. Абсолютизация глубины и масштаба крымско-казачьего и османско-казачьего противостояния в отечественной историографии неизбежно отражается на объяснении других форм пограничного взаимодействия сторон. Неконфронтационное сотрудничество в таком случае часто рисуется явлением маргинальным в истории сопротивления казаков «крымско-османской агрессии». Мирные отношения не всегда были дополнением к военным акциям, например, донских казаков и Азова друг против друга. Они отражали более сложную картину социального взаимодействия во *фронтальном пространстве*, когда умение договариваться положительно сказывалось на способности казаков, их мусульманских соседей, к выживанию в условиях пограничья, к разрешению конфликтов на территории Крымского ханства или внутри самих казачьих сообществ.

В XVII в. запорожцы и донцы развивали неконфронтационные отношения с мусульманскими государствами Причерноморья, хотя с разной степенью интенсивности. В середине 1620-х гг. запорожские казаки приняли активное участие в династических распрях на территории Крымского ханства, поддержав хана Мухаммед-Гирея и калгу Шагин-Гирея, бросивших вызов Османам. Вторая половина 1620-х гг., пишет Б.Н.Флоря, «прошла под флагом участия запорожцев в междоусобной войне в Крыму, куда они неоднократно совершали походы вместе со сторонниками Шагин-Гирея» [Флоря, 1995, с.73]. Показательно, как в будущем задумают и казаки-булавицы, некоторые запорожцы рассматривали Крым

как место убежища в случае поражения. Объясняя события, связанные с заключением первого крымско-запорожского договора 1624 г. [Фаизов, 2005, с.197–209], можно обратиться к анализу такого явления, как совпадение антиосманских интересов Крыма и Войска Запорожского. Недаром в конце 1640-х гг. среди современников распространились сведения, имевшие собой определенную почву, о готовящемся нападении крымско-запорожского войска на Стамбул. Интенсивно развивались в XVII–XVIII вв. торговые отношения между Крымом и Запорожьем. Активные контакты с Бахчисараем, помимо Войска Запорожского, поддерживали гетманы Правобережной и Левобережной Украины – Б.Хмельницкий, И.Выговский, П.Дорошенко. Даже после Переяславской Рады, оказавшей шокирующее воздействие на крымско-татарскую знать, татарские и украинские войска нередко уклонялись от столкновений друг с другом, стараясь атаковать основного противника: крымские войска – полки россиян, украинские – хоругви Речи Посполитой [Фаизов, 2003, с.8]. Хорошо известно о дружбе Б.Хмельницкого и крымского хана Ислам-Гирея III. Стремился к упрочению отношений с Крымом И.Выговский [Горобець, 2008, с.88–105]. П.Дорошенко использовал крымский фактор в достижении своих интересов на Левобережье Украины, в своих попытках «замирить» Москву и Стамбул (чтобы создать антипольский блок), вынашивая к тому же планы стать подданным султана Мухаммеда IV, что произошло в 1669 г. [Чухліб, 2010, с.127, 130–131, 139, 145; Колодзейчик, 2008, с.67–80]. Противником П.Дорошенко по вопросу сотрудничества с Крымом выступал кошевой атаман И.Сирко, прославившийся своими походами на Крым, имя которого наводило ужас на крымских татар. Запорожцы, ставшие подданными России по условиям «Вечного мира» (1686), приняли участие в Крымских походах 1687 и 1689 гг. При этом запорожцы по-прежнему поддерживали мирные отношения с Крымом, будучи сильно заинтересованы в их экономической составляющей [Станіславський, 2006, с.573–574]. Перемирия (договоры), заключенные Войском Запорожским с Крымом и начальниками османских крепостей, заклю-

чались часто: источники фиксируют их еще в период 1686–1695 гг. [Там же, с.574].

В Украине никогда не возникало ситуации, при которой казаки ощущали бы в лице татар и турок угрозу самому своему существованию [Брехуненко, 2011, с.374], в отличие от донских казаков с непримиримым к ним отношением тех же татар и турок-османов. Кстати, сами донцы негативно оценивали сотрудничество запорожцев с Крымом. Последние попытки реанимировать традиции украинско-крымских отношений можно связать с деятельностью К.Гордиенко и П.Орлика начала XVIII в. Именно К.Гордиенко, перешедший на сторону Карла XII, увел запорожцев на территорию Крымского ханства, где была образована новая, Олешковская Сечь [Мильчев, 2006, с.588–589]. Судьба запорожцев, ставших подданными крымских ханов только в 1711 г., сложилась непросто. Особых восторгов от появления казаков в пределах ханства не выразили ни крымские власти, ни власти османских крепостей Западного Причерноморья – крымский хан Девлет-Гирей II намеревался даже разрушить Сечь в 1711 г. В русско-турецкой войне 1710–1711 гг. запорожцы приняли активное участие на стороне крымско-татарских войск в сражениях на Украине. Позже они активно использовались ханами в качестве военной силы на других направлениях; возвращение же Запорожского Войска под скипетр России произошло только в 1734 г. [Мильчев, 2006, с.597–603].

На пути сближения Крыма и Османской империи с донскими казаками стояло гораздо больше проблем, чем в случае с казаками-запорожцами. Это было связано, считает Н.А.Мининков, с основаниями психологического свойства, подкрепляемыми многолетней традицией конфронтационных отношений. Преодоление исторического груза такой традиции – события уже второй половины XVII в. Особая роль принадлежала здесь выступлению донских казаков под предводительством С.Т.Разина и событиям Раскола на Дону в 1680-е гг. [Сень, 2009, с.100–138]. Свое письмо направил атаману хан Адиль-Гирей в 1670 г. [Кравець, 1991, с.21–25]. Позже хан Селим-Гирей I намеревался даже объединиться с казаками

С.Т.Разина. Во время Крымских походов представители донских старообрядцев заговорили о том, что «...у нас-де свои горше Крыму... лучше-де ныне крымской, нежели наши цари на Москве»; «если роззорят Крым, то-де и... им... житья не будет» [Дружинин, 1889, с.180, 182]. Бои старообрядцев и сторонников Москвы на Дону были ожесточенными, доходило до массового уничтожения противника: кровавую жатву собирала первая в истории Дона «братоубийственная война» (по Н.А.Мининкову). Пик противостояния пришелся на вторую половину 1680-х гг. Последний оплот старообрядцев на р. Медведице пал 4 апреля 1689 г. Однако еще до этого события сотни донских казаков, часто возглавляемые духовными лидерами, устремились на Кавказ (в том числе Кубань), в османский Азов, а некоторые казаки – сразу в Крым.

В конце 1680-х – начале 1690-х гг. произошло исключительное событие – *впервые в истории Крымского ханства Гирей обрели новых подданных в лице нескольких сот казаков-старообрядцев, выходцев с Дона* [Архив СПбИИ РАН, ф.178, оп.1, д.12366, 12449, 12450, 12348], вытесненных с Дона в конце 1680-х гг. на Кубань, Куму и на Аграхань. В 1692 г. на Кубани объединились разные группы донских по происхождению казаков-старообрядцев, а главным событием здесь стало отступление на Кубань с р. Аграхани казаков во главе с атаманом Л.Манюком. Казачий исход на Кубань носил в значительной степени семейный характер, что знаменовало качественные изменения в восприятии казаками-старообрядцами земель Крымского ханства как «нормальных», не «богопротивных». В феврале 1693 г. казачья депутация посетила Бахчисарай, после чего правовой статус «беглецов» изменился. В результате челобитной о принятии в «холопство», «крымской хан принял их (казаков. – Д.С.)... с великою любовью и велел им жить... казыева улусу татаром (т.е. среди Малых ногайцев. – Д.С.)» [Архив СПбИИ РАН, ф.178, оп.1, д.12348, л.1]. Уже вскоре после описанных событий хан велел прислать из Азова на Кубань азовского татарина Кубек-агу «для береженья тех расколщиков», чтобы ногайские и иные орды «тем расколщиком» никаких обид не

чинили [РГАДА, ф.210, столбцы Белгородского стола, стлб.1406, л.178]. В результате пополнения кубанского казачества за счет «аграханцев» его численность возросла: «И ныне де их роскошников живет на Кубани человек со двести и болши» [РГАДА, ф.210, столбцы Белгородского стола, стлб.1406, л.177].

К осени 1693 г. казаки уже проживали в укрепленном городке, возведенном в междуречье Кубани и Лабы. Они стали получать жалованье от хана и от азовского бея, успешно реализуя запросы путем обращений к хану [РГАДА, ф.119, оп.1, 1697 г., д.9, л.4], периодически отправляя своих посыльчиков в Бахчисарай. Примечательно, что просьбы этих подданных Гиреев оперативно стали рассматриваться в крымском Диване. Первые казаки Кубани оставили заметный след в военно-политической истории Северного Кавказа [Усенко, 2000; Сень, 2011, Сень, 2011а], заложив настолько *прочные* основы отношений с правящими ханами, какими воспользовались затем казаки-некрасовцы. Свои удары кубанские казаки наносили на обширном пространстве от Подонья до Прикаспия, а также по «внутренним» российским территориям. Казаки активно занимались работоторговлей, сбывая полон на Кубани и в Азове. Согласно данным за 1697 г., среди кубанских казаков находился «поп белой» с р. Медведицы, «да чернецов человек з дватцать живут с ними казаками особно куренем, а сказывают те чернецы, что они ушли для того, что их в вере неволят по-новому» [РГАДА, ф.119, оп.1, 1697 г., д.9, л.8]. В начале XVIII в. казаки массово переселились в крепость Копыл. Кубанские казаки, всемерно поддержанные крымскими ханами, превратились в мощное военизированное сообщество, традиции которого, пройдя становление на Дону, получили системное развитие на Кубани. В 1702 г. казаки, проживавшие в Копыле, отправили от себя через Крым на Северский Донец «восм человек казаков к роскошнику Авилу для взятъя ево к себе в городок и о пропуске ис Крыму взяли у хана проезжий лист» [Усенко, 2000, с.74]. На рубеже XVII–XVIII вв. кубанское казачество стало играть заметную роль в новых переходах донцов (в том числе старообрядцев)

на Кавказ, в набегах кубанцев на окраины Российского государства, а также в политике Крыма, Османской империи и России по отношению к казачеству как к важному игроку на пограничье.

В начале XVIII в. сообщество кубанских казаков резко усилилось, причиной чему вновь послужили события на Дону. Активные участники Булавинского выступления, возглавляемые атаманом И.Некрасовым, в конце 1708 г. отступили на Кубань. Отступление казаков стало вариантом осуществления плана, разработанного еще К.А.Булавиным [Сень, 2009а]. Какое-то время крымский хан Каплан-Гирей не знал о появлении новой группы казаков в своих владениях – поэтому риски пребывания группы И.Некрасова на территории ногайской Кубани изначально были высоки. Период 1708–1778 г. – ключевой этап в истории казаков Крымского ханства, больше известных в истории под именем казаков-некрасовцев [Сень, 2002]. Данное казачье сообщество состоялось потому, прежде всего, что его в полной мере поддержали правители Крымского ханства и Османской империи. В истории этого периода, в свою очередь, особую роль занимает время 1708–1712 гг. [Сень, 2008, с.78–83; Сень, 2012, с.10–18]. Казаки-некрасовцы быстро избрали путь *верноподданнического* отношения к правящим ханам, что в числе других оснований определило их *массовое* участие в военных кампаниях Крымского ханства, а не в «воровских», самостоятельных набегах на российские земли. В таком случае казаков ждала бы расправа либо выдача. Напротив, широта маневра, которую обрели казаки-некрасовцы, организуя свою жизнь в 1708–1712 гг., успешно пользуясь этим в последующие годы, была напрямую связана с добровольно принятым решением найти в лице крымских ханов новых правителей, которым можно служить верой и правдой. Гирей такой подход оценили сполна. При этом лишь небольшая часть казаков ушла обратно на Дон. Очевидно, что ханы держали некрасовцев на исключительном положении, системно поддерживая их на протяжении десятилетий. На протяжении всего XVIII в. история не зафиксировала случаев измены и неповиновения казаков своим грозным покровителям – крымским ханам.

Показательным является пребывание в 1730-е гг. при хане Менгли-Гирее сотни некрасовских казаков во главе с А.Черкесом [Фелицын, 1904, с.147], не исключено, в качестве телохранителей. Следует согласиться со словами П.П.Короленко о том, что «крымские ханы *уважали* (выделено нами. – Д.С.) некрасовцев, любили и доверяли им более, чем своим татарам, за которыми казаки даже присматривали на Кубани, и в случае какого-либо волнения кубанских жителей принимали меры к усмирению недовольных» [Короленко, 1900, с.18]. Все крымские ханы (за исключением, вероятно, Шагин-Гирея) видели в казаках не опасных «кяфилов», а верных защитников трона, правящего режима, что не осталось незамеченным самими казаками. Политика правящих Гиреев по отношению к казакам-некрасовцам привела к нескольким примечательным последствиям – к созданию Кубанского (ханского) казачьего войска и к превращению Кубани в один из крупнейших центров тогдашнего «старообрядческого мира» [Сень, 2010а, Сень, 2010]. Во всех русско-турецких войнах XVIII в. казаки-некрасовцы принимали активное участие на стороне Крыма. Независимость Крыма, обретенную ханством в последние годы своего существования, казаки-некрасовцы не приняли, отказавшись повиноваться хану Шагин-Гирею. Казачьи городки российские военные полагали пунктами сбора татарских отрядов, намеревавшихся выступить против Шагин-Гирея и российских войск [АВПРИ, ф.89, оп.8, 1777 г., д.1991, л.4]. В сентябре 1777 г. против казаков-некрасовцев

была проведена военная операция, карательная направленность которой определена заранее [АВПРИ, ф.89, оп.8, 1777 г., д.1991, л.6–6 об.]. Оставшиеся в живых казаки бежали в Закубанье, откуда в 1777–1778 гг. несколькими партиями они переправились в Анатолию и Румелию. Дальнейшая судьба осколков Кубанского (ханского) оказалась связана до начала XX в. с пребыванием казаков в османском подданстве.

На протяжении веков Крымское ханство активно взаимодействовало с разными казачьими сообществами, тщательно вырабатывая богатейший политический, военный и культурный опыт. Нередко случалось, что отношения Бахчисарая с казаками определялись единством (совпадением) крымско-османских интересов и противостоянием Крыма с Москвой. Но часто случалось так, что неконфронтационные связи с казаками активно поддерживались в силу других причин, порождая настоящую традицию (в случае с Войском Запорожским). Наконец, Крымское ханство, менявшее свое отношение к соседям, оказалось способно пересмотреть и свои взгляды на возможности сотрудничества с Войском Донским и с донскими казаками. Без обращения к актуальным вопросам, отражающим богатейшую палитру крымско-казачьих отношений, трудно будет ожидать новых результатов, объясняющих поведение сторон в условиях менявшихся международных отношений, эволюции всевозможных стереотипов и, наконец, изменения состава участников исторического процесса и их приоритетов.

§ 3. Крымское ханство в период 1772–1783 гг. и судьба крымскотатарской государственности

Владислав Грибовский, Дмитрий Сень

В одном российском документе начала 1770-х гг. о независимости Крыма говорилось: «...сие требование наше есть прямой узл Гордианский». Сформулированное исключительно в контексте внешнеполитических задач России, это требование мало согласовалось с интересами крымских татар и изначально закладывало противоречия как внутреннего, так и внешнего порядка. Один разрубленный гордиев узел завязывал мас-

су других, в конечном счете образовавших большую проблему Крыма, которая обострялась во время всех крупных войн, что вела Россия с конца XVIII до начала XX в., давая знать о себе в период Второй мировой войны. Недаром В.Е.Возгрин писал об ошибках и даже тупиковых вариантах решения царской дипломатией крымского вопроса [Возгрин, 1992, с.263]. Важнейшим его элементом стал внутренний рас-

кол крымскотатарского общества. Большая часть татар стремилась законсервировать традиционный уклад своей жизни, отвергая какие бы то ни было изменения, связывая их с насаждаемым Россией миропорядком, не оставляя при этом надежду восстановить существовавший до 1771 г. status quo. Меньшая его часть, уставшая от груза исторического пребывания в составе Османской империи, стремилась к модернизации жизни с помощью России.

В самом начале войны с Османской империей правительство Екатерины II не могло сполна заглянуть в перспективу крымской проблемы. 15 марта 1770 г. Совет при ее дворе определил главную цель России в этой войне: отторжение Крыма от Османской империи, превращение его в независимое государство, добровольное предоставление им «некоторых своих крепостей» для размещения российских гарнизонов, а также передача России одной морской гавани для обеспечения прохода ее кораблей из Азовского в Черное море и защиты крымского побережья от Турции. Высказанное еще тогда частью российского генералитета предложение о присоединения Крыма к России было отвергнуто как такое, что может крайне осложнить отношения с европейскими державами и потребует огромных усилий для удержания крымских татар в подчинении [Архив, 1869, с.43–45]. Избран менее радикальный вариант решения проблемы – путем создания в Крыму независимого государства – екатерининский кабинет усилил закладываемую в него «инструменталистскую» составляющую. Она была четко заявлена в декабре 1770 г. руководителем внешнеполитического ведомства России Н.И.Паниным: «...независимость Крыма обеспечит границы государства на будущее, поставит Порту в сущую невозможность непосредственного впредь воевания с Россией» [Сборник РИО, 1896, с.248]. Было бы удивительно, если бы Россия, затрачивая огромные человеческие и материальные ресурсы, вела бы войну не в своих интересах, а в интересах Крымского ханства.

Военно-политическая ситуация в Причерноморье 1770–1771 гг. благоприятствовала достижению намеченной Екатериной II цели. Важным успехом России стало заклю-

чение «союза» с Едисанской и Буджацкой ногайскими ордами в сентябре 1770 г. [Кочкаев, 1988, с.167–171]. Появилась возможность сформировать у них отдельную администрацию, находящуюся под протекторатом России и при этом использующую политические традиции Крымского ханства для своей легитимации. А далее – от имени администрации вмешиваться в дела Крыма и добиваться изменения его устройства [Грибовский, 2008, с.26–29]. Но все же крымскотатарское общество оказалось способным в течение длительного времени сопротивляться осуществлению этого плана. Летом 1770 г., когда крымский хан Каплан-Гирей II находился в Молдавии, организация обороны Крыма находилась в руках калги Ислам-Гирея. Он провел всеобщую мобилизацию – «всех крымских жителей мужеска полу, кои совершенных лет, сколько в семье ни есть, в службу позаписывано». Крымские татары были полны решимости «когда армия российская к Перекопу придет, то все силы противу их употреблять, отбиваться» [ЦГИАУК, ф.229, оп.1, д.257, л.32–32 об.]. Разгромленному на р. Ларге Каплан-Гирею удалось усыпить бдительность командующего Второй русской армии П.И.Панина, вступив с ним в переговоры о заключении союза [РГВИА, ф.846, оп.16, д.1852, л.53], пробраться в блокированный русскими Очаков, собрать свои разрозненные отряды и уйти в Крым [Записки, 2004, с.367–391]. Появление хана в Бахчисарае ослабило влияние части крымской знати, склонявшейся к заключению союза с Россией по примеру едисанцев и буджакцев, и удержало на некоторое время от соединения с ними едичкульцев и джембуйлукцев. Более того, Каплан-Гирею удалось склонить на свою сторону братьев начальника союзных России ногайских орд Джан-Мамбет-бия, которые откочевали со своими аулами в Крым и стали разведывать передвижение российских войск [ЦГИАУК, ф.229, оп.1, д.252, л.18, 44 об.]. Возможно, он также способствовал уходу калмыков из России, тем самым лишив ее армию значительной части легкой кавалерии [Халим-Гирай Султан, 2008, с.166].

Российское правительство нейтрализовало временные успехи Каплан-Гирея уси-

лением агитации и широко применяемым подкупом ногайских мурз [Высочайшие рескрипты, 1872, с.26–27, 31, 36]. Брожение среди ногаев и крымцев усилилось. В январе 1771 г. «многия татара, вдавшиесь в протекцию российскую, ежечасто в Крыму за Перекопом бывають. А крымские между ими» [ЦГИАУК, ф.229, оп.1, д.251, л.65–65 об.]. Крымцы разделились на две части, «каждая... другой не сильнее»: одни сгруппировалась вокруг хана, хранившего верность Османам, другие, во главе с Ширинами, стремились заключить сепаратный мир с Россией [ЦГИАУК, ф.229, оп.1, д.252, л.27]. Российское правительство поручило союзным ногаем вызывать из Крыма своих сородичей, поощряя их щедрыми подарками и обещанием «составить особую державу из союзных орд... пока весь Крым не будет принужден приступить к общему татарскому союзу». В конце осени 1770 г. едичкульцы и джембулулукцы попытались переправиться через Керченский пролив на Кубань, запертый османскими кораблями [Кидырниязов, 1988, с.106–109]. В свете этих событий становится понятным, почему отказ Порты прислать по требованию Каплан-Гирея большую сумму денег стал причиной его самоустранения от дел и отставки, состоявшейся 23 ноября 1770 г. [Смирнов, 1889, с.273–274]. С этого времени Бахчисарай утратил контроль над основной массой ногаев; влияние ханского правительства уже почти не выходило за пределы Крымского полуострова. 18 января 1771 г. Екатерина II приказала переселить всех союзных ногаев из Перекопской степи на правый берег Кубани, полагая, таким образом, отдалить их от крымского влияния и заменить ими ушедших в Джунгарию калмыков с целью поддержания противовеса местному населению, остающемуся на стороне Турции [Высочайшие рескрипты, 1872, с.17, 38, 47]. Но Петербург не сполна добился желаемого, поскольку не смог дипломатическими средствами вывести Бахчисарай из-под влияния Стамбула, а потому начал подготовку военной экспедиции.

Новый хан, Селим-Гирей III, оттягивал свой проезд в Крым, доверив управление своему калге Мухаммед-Гирею. В январе 1771 г. в Бахчисарай прибыл представитель

командующего Второй армией Н. Мавроени с предложением о заключении союза с Россией. Калга приказал казнить российского посланника, но по просьбе бывшего едисанского сераскера Шагин-Гирея отменил свое решение и отпустил его с ответом, не содержащим никаких обязательств [Лашков, 1886а, с.40–41]. С этого момента в Санкт-Петербурге знали, что Шагин-Гирей является первым среди крымских султанов доброжелателем России. Он, как бывший сераскер Едисанской орды, наладил общение с Джан-Мамбет-бием, воспользовавшись слабостью ханской администрации. 8 апреля ногаи заявили о желании избрать Шагин-Гирея своим ханом. Екатерина II сначала согласилась, но 13 мая изменила решение, полагая, что возведение хана одними только ногаями будет нелегитимным, и потому надеялась осуществить это с участием крымских татар «по мере наших в Крыму успехов» [Высочайшие рескрипты, 1872, с.48, 55]. На возможность избрания Шагин-Гирея ногаями в Петербурге уже смотрели как на запасной план, актуальный в случае осложнений в Крыму.

Хан Селим-Гирей прибыл в Крым накануне наступления на полуостров Второй армии под командованием В.М.Долгорукова, не успев организовать его оборону. 14–15 июня под Перекопом было сломлено сопротивление основных сил крымских татар; в течение двух недель русские войска заняли основные стратегические пункты полуострова, а 29 июня была взята Кафа, в которой сосредоточились все османские войска, расположенные на полуострове [Петров, 1874, с.181–189]. Последнее событие определило исход кампании и вынудило крымские элиты начать переговоры о заключении союза с Россией. Как писал В.М.Долгоруков, «крымцы теперь серьезно к настоящему делу приступают, сообразуясь во всем моим предписаниям» [РГВИА, ф.271, оп.1, д.19, л.1 об.]. Победенный хан просил о принятии его «под высочайшую протекцию». Екатерина II не возражала, но требовала, чтобы он отрешился от Порты [Архив, 1869, с.98]. Однако ширинские беи, возглавившие временную гражданскую администрацию Крыма, были категорически против Селим-Гирея. Созванный ими 27

июля в Карасу-базаре совет подписал предварительное соглашение о дружбе с Россией и разрыве с Османской империей, а также постановил выслать действующего хана за пределы полуострова и, согласно древним традициям, приступить к выборам нового хана [Записки, 2004, с.408–413].

Сравнительно легкая оккупация Крыма укрепила Екатерину II в намерении оставить союзных ногаев в одном государстве с крымскими татарами [Архив, 1869, с.97]. Поскольку за Шагин-Гиреем уже закрепились «амплуа» активного сторонника России, в Санкт-Петербурге сочли слишком рискованным навязывать крымским татарам его избрание на ханский престол. Кандидатура его брата, бывшего ор-бея Сахиб-Гирея, выглядела для них более привлекательной. И потому комбинация с возведением Сахиб-Гирея в ханы, а Шагин-Гирея в калги должна была составить компромисс. Но этот компромисс оказался изначально ассиметричным, поскольку Екатерина II сразу подтвердила статус дружественного Шагин-Гирея, а признание полномочий Сахиб-Гирея отложила до времени подписания окончательного договора с Крымом. Хану и его правительству было разрешено «действительно вступить в правление Крымского полуострова со всеми... прежними обыкновениями», однако лишь после подписания «акта своего отрицания... от Порты с обязательством никогда... оной не подчиняться»; в Крым посылался российский представитель П.Веселицкий для «приобучения» хана к независимости. Также предусматривалось, что ханская казна сохраняет все свои прежние доходы и, в качестве дружеского акта, получает Кафу [Высочайшие рескрипты, 1872, с.66–69].

Предпринятые Екатериной II действия в Крыму во многом опирались на опыт включения в состав России Гетманской Украины и Калмыцкого ханства. Намерение Екатерины II «освободить татар от турецкого ига», конечно, выглядело вполне привлекательным в свете идей Просвещения. Однако таковым оно не казалось крымским татарам. И не потому, что они, как писал В.Измайлов, «живут в тени от светила Просвещения» [Путешествие, 1802, с.251] (утверждения подобного рода, к сожалению, еще встречаются в современной литературе), а в

Лист из рукописного документа «Ал-сукук аш-шарийят ва с-сиджилят аль-марийят» 1750–1751 гг. Т.72 (Крымскотатарская библиотека им. Исмаила Гаспринского, сектор рукописных и архивных материалов)

силу прочности их исторических связей с Османской империей. Крымские татары сравнивали происходившее с их отечеством с судьбой Казанского ханства («предвидют они себе жребий казанских татар» [Из дел Московского отделения, 1914, с.19–20]), а также с тем, что происходило с их соседями: раздел Речи Посполитой в 1772 г., ограничение автономии Войска Донского, ликвидация Войска Запорожского. Именно этими примерами в августе 1775 г. крымскотатарская депутация убеждала Порту продолжить войну до полного уничтожения навязанной русскими «независимости» [Архив, 1869, с.317–318]. Немаловажно, что набранные из казанских татар солдаты бежали из находящихся в Крыму российских гарнизонов [Из дел Московского отделения, 1914, с.24]. Еще в самом начале оккупации Крыма В.М.Долгоруков писал, что нет никакой надежды убедить крымцев в пользу добытой для них независимости – «столь злобной и коварной народ единственно только страхом оружия до желаемого доведен быть может» [РГВИА, ф.271, оп.1, д.19, л.1 об.]. Он же в мае 1773 г. предлагал Екатерине II отказаться от идеи создания независимого крымскотатарского государства под российским протекторатом и считать, что «весь полуостров принадлежит по военному праву вашему величеству» [Записки, 2004, с.549].

Несмотря на подписание крымскими мурзами «присяжного листа», значительная часть населения Крыма долго скрывалась в горах, а жители приморских деревень, собрав свое имущество, дрейфовали на лодках вдоль берега, надеясь таким образом переждать нашествие русских. Крымцы отказывались что-либо продавать русским, пускать их на постой и всеми способами вредили им – испортили все лодки, дабы не дать наладить коммуникацию по морю, запирали гатями речки в горах, чтобы низинные пастбища имели недород травы и ими не воспользовалась вражеская кавалерия, портили воду в колодцах и ручьях и пр. Подобным образом вели себя не только татары, но и греки, которые «татарам... подобострастны, ибо без их позволения ничего сделать не имеют» [Там же, с.415–420, 447]. Тактика «выжженной земли» производила свой эффект, препятствуя концентрации на полуострове крупных сил России [Там же, с.423].

Конечно, при таких настроениях среди населения Крыма ни Екатерина II, ни Сахиб-Гирей II не могли питать больших иллюзий по поводу независимости ханства, лишенной всякой социальной базы (примечательно, что во внутренних документах российского правительства с июля 1771 г. почти исчезают формулировки вроде «освобождения крымских татар из под ига турецкого», которые постоянно использовались с апреля 1770 г.). И если императрица могла и дальше полагаться на силу российского оружия, то прорвавшийся хан удерживал постоянно шатающийся под ним трон исключительно гибкой балансировкой между возрастающим военным присутствием России, неубывающими антироссийскими настроениями крымцев и напряженными усилиями Османов восстановить свой военно-политический потенциал.

Проблема легитимации независимого Крымского ханства и получения Россией международного признания на его опеку было первоочередной задачей Екатерины II. Для подготовки союзного договора Крыма с Россией 25 августа 1771 г. в Санкт-Петербург выехала крымскотатарская делегация во главе с калгой Шагин-Гиреем [Лашков, 1886а, с.43]. Калга-султан повел себя в российской столице как представитель действительно независимой державы и добился принятия его по церемониалу приема послов Османской империи и Персии [Архив, 1869, с.125]. Пожалуй, это было единственным достижением крымской дипломатии. Обеспокоенное поведением калги, российское правительство решило задержать его в Санкт-Петербурге «для вразумления» [Высочайшие рескрипты, 1872, с.105]. Это делалось ненавязчиво, но последовательно. При этом его контакты были жестко ограничены, особенно с ногайскими представителями, находящимися в то же время в российской столице [Там же, 1872, с.109]. Допуская проявление внешних атрибутов независимости Крымского ханства, Екатерина II тщательно продумывала способы, которыми можно было «непосредственно участвовать во внутренних сих народов распоряжениях» [Там же, с.100]. Важнейшим инструментом ее влияния в Крыму оставались ногаи, отношения которых с крымцами она намеренно обостряла своими неоднократными заявлениями о намерении

установить для них отдельного хана и старалась ограничить власть Бахчисарая над степными ордами «некоторыми точными правилами» [Там же, с.73]. Ногайские послы принимались в Петербурге отдельно от крымских, причем не как представители независимой державы, а почти как подданные России [Архив, 1869, с.74]. Целям разобщения крымских подданных служила задача «ласкать всех их начальников». Нарушая сложившуюся у ногаев субординацию, Екатерина II направляла свои послания не только их начальнику Джан-Мамбету-бию, но и главным мурзам каждой отдельной орды [Высочайшие рескрипты, 1872, с.94–96, 102–104, 106 и др.].

Накануне открытия конгресса в Фокшанах Россия и Османская империя усилили давление на Крым. Порта обнадежила крымцев обещанием скорого десанта, вследствие чего в Крыму стали собираться отряды и на побережье появились маяки для сигнализации османским судам [Записки, 2004, с.453–458]. 27 мая 1772 г. императрица отправила в Бахчисарай полномочного представителя Е.А.Щербинина, который, зная о военных сборах крымцев, ехал «с воплем и слезами» [Там же, с.446]. 11 июля Сахиб-Гирей принял Е.А.Щербинина и при дальнейшем обсуждении заявленных им предложений опротестовал формулировку о том, что крымцы с целью своей защиты «просят» Россию принять под свою власть Керчь и Еникале [Дружинина, 1955, с.170]. Чтобы выйти из создавшегося тупика, Екатерина II 12 августа подписала грамоту о признании хана «независимым владетелем», не упомянув о крепостях [Высочайшие рескрипты, 1872, с.124]. Тем не менее, договор с Крымом так и не был подписан до срыва конгресса в Фокшанах 22 августа. Это укрепило надежду крымцев на продолжение войны турками и побудило их ускорить собственные военные приготовления. Но, поскольку ожидаемый десант не появлялся, крымские татары воздерживались от выступления. 20 сентября российские войска принудили хана распустить свое 20-тысячное войско и с применением артиллерии разогнали отряды крымских мурз [Записки, 2004, с.458–464].

Заручившись поддержкой ногаев, Е.А.Щербинин вынудил крымскотатарское

собрание в Карасу-базаре 1 ноября подписать договор о союзе Крыма с Россией [Кочекаев, 1988, с.183]. 29 января 1773 г. Екатерина II ратифицировала этот договор, содержащий следующие условия: между Российской империей и «Татарскою областью» провозглашается союз и дружба «без притеснения вер и законов»; ни Россия, ни Турция, третье государство не имеют права вмешиваться во внутренние дела Крыма. Все прежде бывшие под властью Крымского ханства народы, включая ногаев, черкесов, «таманцев» и некрасовцев, остаются его подданными, за исключением кабардинцев. Признавались довоенные границы между обоими государствами и оговаривалось, что крымскотатарские войска не обязаны принимать участие в войне на стороне России, но они не могут выступать против нее. Оговаривалось и многое другое: от судебных российских пленных до территориальных вопросов [Высочайшие рескрипты, 1872, с.143–149].

О неравноправности договора свидетельствует следующее: односторонняя ратификация, наличие в Бахчисарае российского резидента и отсутствие такого же представителя Крыма в Петербурге, расположение российских войск в Крыму без регламентации их действий в отношении крымского населения, декларация свободной торговли на территории ханства, не предусматривавшая применение его правительством таких же протекционистских мер и таможенной регуляции, какие действовали на территории России. Это дает основание для определения Карасубазарского договора как колониального, типологически сходного с договорами, которые европейские государства того времени заключали со странами Востока. Его последствия для экономики Крыма еще не изучены, но по отдельным данным можно полагать, что весной 1773 г. торговля Левобережной Украины с Крымом чрезвычайно оживилась [ЦГИАУК, ф.229, оп.1, д.321, л.143]. Судя по случившимся в следующем году убийствам украинских чумаков в Крыму (как и других торговцев из Российской империи), эта торговля не очень нравилась крымским татарам. Еще больше их раздражали действия российской военной администрации, которая с целью усиления пограничного контроля конфисковала

рыболовецкие суда крымцев и перекрыла сообщение между Керчью и Таманью [Записки, 2004, с.481, 518].

Вернувшийся в феврале 1773 г. из Санкт-Петербурга в Бахчисарай калга Шагин-Гирей был встречен напряженно. 13 марта он выступил на заседании дивана с оглашением 11-й статьи проекта мирного договора с Османской империей, в котором оговаривалась независимость Крыма. Шагин упрекал соотечественников в нарушении союза с Россией. Не встретив поддержки в диване, калга удалился [Там же, с.488–490, 503–506]. Но т.к. османский десант не появлялся, крымцы не рискнули отрешить Шагин-Гирея от достоинства калги. Он продолжал исполнять свои обязанности, и, к своей чести, действовал как убежденный сторонник независимости Крыма. В частности, к немалому раздражению оккупационных властей, он в мае 1773 г. опротестовал строительство новой церкви в Георгиевском монастыре [Там же, с.543–544].

В июне 1773 г. турки-османы остановили наступление П.А.Румянцева в Силистрии; полагаясь на возникшее в России замешательство из-за восстания Е.Пугачева, Порты отважилась на решительные действия в отношении Крыма. В Стамбуле было принято решение действовать через ногаев Кубани, которые до того считались оплотом российского влияния в Крыму. Не поставив в известность назначенного в 1771 г. крымским ханом Максуд-Гирея, Порты отправила Девлет-Гирея, бывшего ханом в 1769 г., вместе с Джаныклы Али-пашой в Тамань, куда они прибыли осенью 1773 г. [Там же, с.568; Архив, 1869, с.262]. Весной 1774 г. под властью Девлета оказалась вся Едичкульская орда, что усилило брожение в других ордах и дало новые надежды крымским татарам [Архив, 1869, с.274, 280]. Однако исход этих событий был предreshен не в Крыму, а в Болгарии: 20 июня 1774 г. в битве при Козлудже турки-османы потерпели последнее в этой войне крупное поражение. 15 июля Порты приступила к подготовке мирного договора [Дружинина, 1955, с.268]. Тем не менее, Джаныклы Али-паша продолжал военные действия и 18 июля высадил десант в Алуште [Записки, 2004, с.573–580]. Соотношение сил было в пользу турок – 50 000 против 2400

чел., находящихся в распоряжении Долгорукова [Из дел Московского отделения, 1914, с.15]. Это побудило хана Сахиб-Гирея открыто выступить против русских, истребить штат П.Веселицкого, а самого резидента передать Али-паше [РГАДА, ф.1261, оп.1, д.2789, л.3 об.]. Крымскотатарской коннице удалось частично нарушить коммуникацию противника и разбить некоторые его посты, но крымцы не могли устоять перед картечными залпами российских пушек. К 26 июля основная часть крымских и турецких войск была разгромлена, а на следующий день пришло сообщение о заключении мира в Кючук-Кайнарджи [Записки, 2004, с.587–608].

В тексте Кючук-Кайнарджийского договора нашли отражение принципы, заложенные в договоре от 1 ноября 1772 г. Добавлением к ним стало внесение пункта о том, что все мусульмане Крымского ханства «в рассуждении его султанского величества, яко верховного калифа магометанского закона, имеют сообразоваться правилам, законом их предписанным» [Дружинина 1955, с.280]. Российская сторона не сразу оценила возможные последствия сохранения религиозной власти над мусульманами Крыма, поскольку в исламских государствах не было «разграничения между бытом религиозно-обрядовым и чисто гражданственно-юридическим» [Смирнов, 1889, с.299]. В последующие пять лет Османская империя пыталась оказывать влияние не только на религиозную жизнь крымцев, но и связывать с ней вопросы инвеституры крымских ханов. И все же, при рассмотрении оказываемого Османами влияния на Крым после 1774 г., нужно принять во внимание противоречия складывавшихся к тому времени трех центров власти в османской столице – султанского двора, Порты и улемов, взаимодействовавших с янычарским корпусом [Мейер, 1991, с.133–154].

Россия вышла победительницей в войне 1768–1774 г. и потому ее интересы были продиктованы Крымскому ханству, которое именно в силу этого должно было стать своеобразным буфером, обеспечивавшим безопасность южных границ Российской империи [Санин, 1999, с.75]. Последний крымский хан Шагин-Гирей предпринял попытку преобразования ханства в реаль-

но независимое государство. Однако на его пути к «халве властительства» стал еще один претендент, поддержанный Стамбулом – Девлет-Гирей, занимавший престол в 1769–1770 гг. То положение, в котором оказался Крым к концу 1774 г., не могло удовлетворить ни Россию, ни Османскую империю, ни самих крымских татар. Россия, казалось бы, добилась главной цели войны – признания Османами независимости Крыма, получив при этом крепости Керчь и Еникале в свое владение и установив фактический контроль над Правобережьем Кубани. Но возведение на ханский престол Девлет-Гирея, открыто симпатизировавшего Османам и создававшего на своей территории режим максимального неблагоприятия для русских, в значительной степени нейтрализовало влияние России на полуостров. Крымские татары ратовали за возвращение привычного порядка вещей, освященного религией и упроченного всем комплексом политических, экономических, социальных и культурных связей Крымского ханства с Османами. Разрыв этих связей они воспринимали болезненно, с эсхатологическим чувством крушения единственно известного им миропорядка. Поэтому навязанная им россиянами независимость, преподнесенная, казалось, в самом привлекательном виде, не могла не восприниматься ими как обман, прикрывающий реальную зависимость ханства от России.

После ратификации султаном Абдул-Хамидом I Кючук-Кайнарджийского мирного договора (январь 1775 г.) ситуация вокруг Крыма не разрядилась. Весной 1775 г. Девлет-Гирей при неофициальной османской поддержке захватил крымский престол после отречения от него хана Сахиб-Гирея. Сами татары, на основании условий самостоятельности, в апреле 1775 г. предложили Девлету ханский трон, а из Стамбула ему доставили высочайшую грамоту и инвестиру [Смирнов, 2005а, с.138]. Хан апеллировал к Порте, считая, что она сняла «вольность с татар», заявляя, что российский двор обратит крымцев в «подобие казанских татар» [Присоединение Крыма, 1885, с.325]. В этих условиях Россия вернулась к плану возведения на крымский престол Шагин-Гирея. При этом рассматривался уже наме-

ченный ранее запасной вариант, предполагавший, в случае неудачи в самом Крыму, «составить из ногайцев самостоятельную область, которая бы могла противовесить во всем области Крымской» [Там же, с.129]. Турки-османы также отводили известную роль Северному Кавказу и, надо думать, Кубани, в своих планах по созданию «удельного ханства» для Девлет-Гирея [Очерки, 1996, с.155].

Девлет-Гирей III не смог добиться консолидации крымскотатарского общества, несмотря на рост антирусских настроений и на возраставшую неприязнь местного общества к Шагин-Гирею [Из дел Московского отделения, 1914, с.44–46; Смирнов, 2005а, с.152–153]. Намерение хана «что-нибудь сделать» с российскими войсками не приветствовалось духовенством Крыма, а попытки избавиться от русских с помощью «волшебников», конечно, не могли принести результата. После избрания ногаями своим ханом Шагин-Гирея российские военные стали разрабатывать план переправки его в Крым, предполагая, кроме «жестокости и неприязни все другие способы посредством ли самих татар или денег вытеснить Девлет-Гирея из Крыму» [Присоединение Крыма, 1885, с.252]. 11 марта 1777 г. при поддержке российских войск Шагин-Гирей высадился на полуострове. Предприняв несколько попыток остановить продвижение, Девлет-Гирей 29 марта покинул Бахчисарай 1777 г. и отплыл в Стамбул. 30 марта крымские беи и мурзы прислали к Шагин-Гирею депутацию, «прося единым гласом всего народа, чтобы принял он генеральное владычество над всеми племенами татар». Официальная церемония присяги крымского общества своему новому хану состоялась 22 апреля [Там же, с.482, 574].

Эффективность правления Шагин-Гирея в литературе зачастую ставится под сомнение. В.Д.Смирнов назвал последнего хана «злополучным татаринном», соединявшим в себе «дикие инстинкты азиатского деспота с самыми легкомысленными приемами и затеями на европейский манер». При этом ученый неслестно отзывался о перспективах существования Крымского ханства в XVIII в., считая, что «буйно прожитые их предками два века пропали даром для внутреннего

развития и для упрочения международного положения их государства» [Смирнов, 2005а, с.8]. Такого рода колониальный дискурс, в той или иной степени апеллирующий к неспособности татар сохранить свою государственность в изменившихся условиях, сильно затрудняет видение реально существовавших причинно-следственных связей. Поздняя история Крыма в российской науке, к сожалению, часто рассматривается как *предопределенная*, окрашенная в тона «справедливого возмездия» за столетия татарских набегов на территорию России. Исходить из предопределенности событий, выносить заключение о нежизнеспособности Крымского ханства со ссылкой на факт его ликвидации в 1783 г., малопродуктивно. Столь же сомнительна апологетика крымскотатарской государственности, выстраивающая свои оценки последнего периода ее истории на тезисе о «предательстве» последнего хана (так, В.Е.Возгрин назвал Шагин-Гирея «клеветом» Екатерины II, «предавшим интересы Крыма» [Возгрин, 1992, с.264]). С.Ф.Орешкова резонно отметила, что господствующий в науке иронический взгляд на независимость Крыма «не должен закрывать проблему альтернативных возможностей дальнейшего развития Крымского ханства»; по ее мнению, Шагин-Гирей «первым принял тот европейский вызов, который был тогда брошен странам Востока, и начал проводить прогрессивные по своей сути реформы» [Орешкова, 2008, с.121, 126]. Как обозначение одной из вероятных таких альтернатив может служить предположение о том, что в Петербурге с целью не допустить возврата Крыма под власть Османов созревало решение возвести на ханский трон своего ставленника, «способного реформировать экономику и социальную сферу Крыма»; в этом свете деятельность Шагин-Гирея видится как осуществление «целого ряда серьезных преобразований» [Крючков, 2006, с.16–18]. Тема вестернизационного (модернизационного) проекта хана Шагин-Гирея [Сень, 2012а, с.134] далека от окончательного решения, хотя основательный задел в изучении сделан многими учеными.

Основательный анализ реформ Шагин-Гирея проведен А.У.Фишером, считавшим,

что образцом для реформирования Крыма послужила Российская империя» [Fisher, 1970, p.83]. В присяге, данной крымскотатарским обществом Шагин-Гирею 30 марта 1777 г., зафиксирован отказ от принципа избрания хана, право определения преемника (калги) закрепляется исключительно за ханом. Этот пункт противоречил условиям Кючук-Кайнарджийского мира, но российские власти приняли его, считая при этом необходимым не упоминать о нем в официальной переписке с Портой [Присоединение Крыма, 1885, с.493–500, 576–581]. Шагин-Гирей восстановил работу дивана, который при Девлете не собирался, и ввел в его состав 12 представителей от Ширинов и Мансуров, оказавших ему поддержку в овладении Крымом; остальные роды карачи-беев остались не у дел [Fisher, 1970, p.84–85]. Вся территория ханства была разделена на 6 административно-территориальных округов во главе с каймакамами, назначаемыми ханом; каймакамства подразделялись на кадылыки (общим числом – 44) [Лашков, 1886а, с.58]. Реформа была направлена на ломку прежней системы управления территориями государства, основанной на родовом принципе. Однако скоро обнаружилось, что эта система не работает, поскольку назначаемые ханом должностные лица не имеют власти на местах [Жиленков, 1883, с.12]. Это вынудило Шагин-Гирея вернуться к родовой организации, распределив управление территориями между Ширинами и Мансурами, оставив под собственным контролем Бахчисарай и Кафу [Fisher, 1970, p.86].

Вынужденный возврат к родовому принципу управления территориями во многом обусловил половинчатость, неудачу остальных реформ. Сохранение власти беев и мурз над большей частью территории Крыма ограничивало поступления в государственную казну, а, значит, серьезно сковывало реформатора в действиях. Выход Шагин-Гирей попытался найти в конфискации владений бежавших беев и мурз, а также в изъятии вакуфных земель из ведения мусульманского духовенства. Предприняты меры по упорядочению налогообложения [Присоединение Крыма, 1885, с.597]. Однако и здесь возникли трудности с созданием аппарата местного управления, подчинявшегося хану;

в итоге Шагин был вынужден вернуться к прежней практике передачи ханских владений на откуп [Fisher, 1970, p.88–89]. Причем та же участь постигла богатый портовый город Кафу и весь южный берег Крыма, где последний крымский хан не смог создать администрацию, равную по эффективности бывшей османской. Незаконченным остался ханский дворец [Паллас, 1999, с.157], который должен был стать центром обновленного управления Крымом. В финансовом отношении Шагин-Гирей оставался зависим от России, поскольку «он никогда не был способен создать систематическое налогообложение» [Fisher, 1970, p.117].

Военная реформа, которой Шагин-Гирей придавал наибольшее значение, не имела ни малейших перспектив в силу провальности прочих реформ, призванных обеспечить ее в материальном и социальном отношении. Собранный еще на Кубани отряд бешлеев, с которым Шагин вступил в Крым в 1777 г., представлялся ему ядром будущей армии [Присоединение Крыма, 1885, с.711–712], численность которой он пытался довести до 20 тыс. чел. путем введения рекрутского набора по 1 чел. от 5 домовладельцев. Однако реально на ханской службе находилось 800 бешлеев, к которым прибавилось несколько тысяч крымскотатарских юношей. Ссылаясь на возможное «взволнование» всей «татарской нации» и на готовность России «всякий раз подкреплять и защищать его», он старался отговорить Шагина от его мобилизационных экспериментов [Там же, с.637]. Татары-новобранцы, не выдерживая муштры со стороны приставленных к ним молодых мурз, массово бежали со словами: «Хотя бы весь Крым остался пуст, то мы никогда не согласимся к регулярной службе, в которую нас хан набирать стал» [Там же, с.790]. Реформаторская деятельность последнего крымского хана уже через полгода вызвала шквал протеста его подданных, в котором соединилось и раздражение оторванных от влияния на государственные дела карачи-беев, и недовольство духовенства из-за секуляризации вакуфов, и общее озлобление мусульман намерением ханских властей заставить их платить налоги наравне с христианами. Наибольшим презрением пользовались одетые в российское армей-

ское сукно бешлеи Шагина, которые стали «осязаемым образом» заведенных им российских порядков в Крыму. Во всех нововведениях хана «татары видели... скандальное отклонение от своей религии, а в своей религии они были более уверены, чем в Шагине» [Fisher, 1978, p.65]. В октябре 1777 г. они требовали от российского командования выдачи хана вместе «с первейшими мурзами и чиновниками», заявляя при этом, что «ежели их не получают, то лучше хотя бы до последнего человека пропасть, нежели покориться хану» [Присоединение Крыма, 1885, с.793].

Разразившееся восстание против Шагин-Гирея вскрыло не только отсутствие заметной социальной базы его правления, но и пошатнуло традиционный баланс отношений, выдерживавшийся между мусульманским и христианским населением Крыма. Намерение хана уравнивать крымских христиан в правах с мусульманами создало почву для возникновения вражды на конфессиональной основе. А.А.Прозоровский предложил воспользоваться этим новым для Крыма явлением и направить оружие крымских христиан на борьбу с татарами [Там же, с.811]. Однако подавлявшие восстание в Крыму российские войска получили другой приказ – о немедленном выведении всех христиан с территории полуострова. Это событие, по оценкам А.Фишера, положило конец мечте Шагина о «сильном вестернизованном Крымском государстве»; вместе с христианами его государство утратило наиболее продуктивную часть своего населения, которое определяло наполнение ханской казны [Fisher, 1970, p.100–101]. Не стоит преувеличивать «всенародность» борьбы с реформами Шагин-Гирея – недовольство было связано и с требованиями об оставлении российскими войсками Крыма, «после чего они будто бы намерены были разойтись по домам и покориться хану» [Дубровин, 1885, с.800]. Хотя неприятие реформ было почти повсеместным, внесем ясность: возмущение недовольных питалось и интригами крымской знати, и частично было связано с привычным сопротивлением татар власти крымских ханов, которые ими «никак... уважаемы не были» [Там же, с.788]. Поэтому активность народного возмущения необязательно свя-

зывать с радикальным неприятием реформ Шагин-Гирея. Ф.Ф.Лашков полагает, что «одряхлевшее ханство» было «не способно возродиться» [Лашков, 1886а, с.63]. При этом часто забывают, что Шагин-Гирею, которому явно не доставало и управленческого опыта, и терпения, и сподвижников, активно мешали и провоцировали на поспешность в реформаторских делах.

В феврале 1778 г. власть Шагин-Гирея была восстановлена, однако, несмотря на предпринятые им репрессивные действия, с этого момента она держалась исключительно на российских штыках и российских субсидиях. Хотя он и получил признание от турецкого султана, закрепленное при заключении Айналы-Кавакской конвенции 1779 г., но как только по требованию этой конвенции российские войска были выведены с территории полуострова, ситуация в Крыму снова стала постепенно выходить из-под контроля. При этом, как отметил российский наблюдатель И.Цебриков, в отношении Шагина к России произошла перемена, причиной которой стало его недовольство выселением христиан из Крыма. В свою очередь, менялось и отношение к нему Екатерины II, которая не только не находила в нем проводника своих интересов в Крыму, но и все больше убеждалась, что именно он составляет главное препятствие для их реализации. Возникла «странная» ситуация, заключающаяся в том, что зависимый от России в военно-политическом, в финансово-экономическом отношении правитель, который не смог создать стабильное управление внутри своих владений (что на данном этапе вполне устроило бы Россию), пытался вести себя независимо от нее. Причем это выражалось не только в эпатажных выходках хана по отношению к российским резидентам, но и в проведении меркантилистских мероприятий – издании указа о том, что ни одна монета не должна уйти за пределы Крыма. В итоге оказалось, что если в 1776 г. российский экспорт в Крым производился на сумму 370 тыс. руб., то в 1780 г. он сократился до 130 тыс. руб.; в то же время импорт крымских товаров вырос за это время с 87 тыс. до 105 тыс. руб. [Fisher, 1970, p.119]. Следует отметить, что Шагин-Гирею удалось добиться некоторого успеха в устройстве собственного монетного дво-

ра, чистая выручка от которого с 1780 по 1783 г. составила более 17 тыс. руб. [Лашков, 1886а, с.64].

После очередного выступления против Шагин-Гирея в сентябре – октябре 1782 г. в Крыму сложилась ситуация, о неизбежности которой говорил Г.А.Потемкин в своей записке «О Крыме». Екатерина II признала убедительность его аргументов о том, что поддержание независимости Крыма стоит России дороже, чем может стоить его непосредственная оккупация, и 14 декабря 1782 г. подписала секретный рескрипт о присоединении Крыма к России «при первом к тому поводе» [Елисеева, 2005, с.277]. Приступив к подготовке этого акта, Потемкин при посредстве Якуба-аги (Рудзевича), переводчика российского резидента при крымском хане, добился согласия части крымских элит на ликвидацию Крымского ханства [РГАДА, ф.1261, оп.1, д.2789, л.11]. 8 апреля 1783 г. последовал императорский манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую Державу» [Полное собрание, 1830, с.897–898]. Присоединение Крыма к России в 1783 г. не потребовало от екатерининского правительства значительных военных усилий и не привело к восстанию крымских татар, неоднократно восстававших в период независимости Крыма. Во многом это объясняется поведением крымских элит, получивших от российской власти больше гарантий своему социальному положению, чем это могло обеспечить их собственное государство. Во имя получения прав российского дворянства крымская родовая и служилая знать легко согласилась с ликвидацией Крымского ханства [Жиленков, 1883, с.10]. Однако в совсем другом положении оказалась большая часть населения Крыма. Новый порядок перевернул их привычный мир и сделал их чужими в собственном отечестве, оставив почти без защиты их имущественные права и став причиной утраты их прежнего социального положения. Именно поэтому в конце XVIII в. началась массовая эмиграция крымских татар в Османскую империю, усиливавшаяся во время каждой последующей российско-турецкой войны. И именно поэтому в каждой крупной войне России значительная часть крымских татар выступала не на ее стороне.

§ 4. Причерноморские ногаи

Владислав Грибовский

Северное Причерноморье изначально не было охвачено процессами формирования ногайского этноса, происходившими в междуречье Яика, Илека и Эмбы в XV в. Тем не менее простиравшееся от низовий Дуная до правобережья Кубани пространство на протяжении XVI – первой трети XVIII в. выступало одним из основных центров притяжения ногаев, в силу разных причин мигрировавших из своей первоначальной территории и создававших за ее пределами крупные потестарные объединения.

Для первых ногайских мигрантов причерноморская степь не была совершенно чужой. Родовая знать эля Мангытов, сыгравшего главную роль в создании Ногайской Орды, удерживала за собой титул бек-лербек в Большой Орде (Тахт эли) и во второй половине XV в. контролировала ее правое крыло, расположенное в Нижнем Приднепровье [Трепавлов, 2010, с.37]. После разгрома Большой Орды в 1502 г. Мангыты оказались под властью крымского хана Менгли-Гирея и к середине XVI в. потеряли контроль над приднепровской степью. Об этом свидетельствует напоминание правителю Крыма, высказанное в 1546 г. мурзами Ногайской Орды на основании своего родства с причерноморскими Мангытами: «Буди тебе ведомо: Днепр... наш коч, твои татаровы по Непру не кочевали» (цит. по: [Трепавлов, 2001, с.60]). Впрочем, Мангыты сохранили свое высокое положение, войдя в число крымских карачи-беев как Мансур-оглу («дети» Мансура, сына Эдиге) и заняв среди них вторую позицию (после Ширин-беев), дающую право «жениться на принцессах Герай» [Пейссонель, 2009, с.28]. Кроме того, они удержали за собой прерогативу включения приходящих с Волги ногаев в свой бейлык.

Упрочение власти Гиреев за пределами Крымского полуострова достигалось благодаря строительству крепостей Очаков, Тягиня, Феррах-Кермен, Перекоп (Ор) и Арабат, начавшемуся на рубеже XV–XVI вв. [Смирнов, 1887, с.334–341]. Хоть эти крепости не представляли серьезного препятствия для экспансии Польско-Литовского

государства и неоднократно добывались отрядами его пограничных губернаторов, а позднее – запорожских казаков, тем не менее они были важным условием, которое позволило Гиреям концентрировать под своей властью кочевое население и выступало в роли своеобразного «клапана», пропускающего мигрантов с востока на запад и препятствующего их движению в обратном направлении. Те же функции в низовьях Кубани выполняли крепости Тамань и Темрюк, прикрывавшие переправу через Керченский пролив и служившие форпостом Крымского ханства на Северо-Западном Кавказе. К концу XVI в. большинство крепостей Северного Причерноморья перешло в управление турецкой военной администрации, значительно повысившей их военное значение, а вместе с тем и возможности Крыма собирать под своей властью кочевников [Davies, 2007, с.8], которых можно было направлять против усиливающихся соседей – России и Речи Посполитой. Именно от этого зависела не только безопасность Крыма, но и его способность влиять на расстановку сил в Восточной Европе посредством осуществления набегов. Таким образом, вокруг крупных крепостей формировались территориальные объединения кочевников, получавшие названия по месту локализации: Перекопская, Очаковская и Белгородская (Ак-Керменская) «орды», которые постепенно наполнялись ногайскими мигрантами.

Итак, первый массовый приток родственных ногаям мангытовцев в Крымское ханство произошел в 1502 г. Семь лет спустя Менгли-Гирей вывел из Поволжья около 70 тыс.¹ «жен и детей» ногайских, за которыми последовало «множество ногайцев... к перекопскому хану, чем он очень укрепился» [Гваньіні, 2009, с.363]. Следующее большое перемещение ногаев произошло в 1516 г., когда «цар перекопський ногайських татар под себе подбил» [Бевзо, 1971, с.125]. Но в целом к середине XVI в. ногайское население в Крымском ханстве еще не составляло заметную величину для современников.

¹ Вероятно, их численность преувеличена.

Так, Михалон Литвин вместе с Перекопской (Крымской) ордой упоминает «татар белгородских и добруджских», а ногаев помещает в отдельный ряд «сильных орд», враждебных Крыму [Литвин, 1994, с.62, 107].

Миграции ногаев на территорию Крымского ханства активизировались в середине XVI в., когда отделившиеся от Ногайской Орды группы образовали Малый Ногай во главе с Казы-мурзой [Трепавлов, 2011а, с.43–44]. Преследуемые большими ногаями казыевцы откочевали под защиту турецкой крепости Азов, позднее сместились на правобережье Кубани. В 1635 г. вспыхнувшая у малых ногаев усобица вытолкнула значительную их часть в Перекопскую степь. В следующем году ханские властям удалось завести в Крым около 12 тыс. казыевцев, многие из которых были расселены «врознь по пяти человек на деревню», остальные же вскоре оказались в Буджаке [Новосельский, 1948, с.239–240, 254]. Значительно сократившиеся в численности, малые ногаи еще долго оставались самостоятельным ответвлением ногайского этноса. Со временем устоялось их подданство Крымскому ханству, в составе которого они в конце XVII в. упоминаются как Кубанская орда, которая в следующем столетии занимала «все земли, находящиеся между Азовским морем и рекой Кубань» [Пейссонель, 2009, с.39]. Нахождение Малого Ногайя на Правобережье Кубани позволило Гиреям использовать этот регион как «транзитный коридор», через который ногаи перемещались в Северное Причерноморье, следуя через Таманскую переправу в Крым или через Дон в Перекопскую степь и далее на запад.

Концентрация кочевого населения в крайней западной части причерноморской степи – Буджаке – составляла важную стратегическую задачу Крымского ханства, обязанного регулярно посылать свою легкую кавалерию для участия в войнах Османской империи в Центрально-Восточной Европе [Veszprémy, 2010, с.96]. К проживавшему здесь смешанному населению печенежско-кипчакского происхождения, с которым отождествляют «татар белгородских и добруджских» [Паламарчук, 2008, с.122], в начале XVI в. добавились улусы Большой Орды, возглавляемые Мангытами, традици-

онно включавшими ногайских мигрантов в свои улусы [Трепавлов, 2001, с.450]. После похода на Астрахань 1569 г. крымский хан расселил в Буджаке до 30 тыс. «астраханско-ногайских семей» [Тунманн, 1991, с.55].

Поселение в Северо-Западном Причерноморье, в сравнении с другими районами Крымского ханства, было для ногаев более привлекательным, ввиду возможности получения богатой добычи в соседних густонаселенных странах и отсутствия постоянного контроля со стороны Бахчисарая. В самом же Крыму, запираемом крепостью в Перекопе, кочевники моментально ограничивались в свободе передвижения (вплоть до седентаризации [Смирнов, 1887, с.413]) и облагались налогами, а кочевание в Перекопской степи было опасным из-за нападений запорожских казаков [Литвин, 1994, с.62, 107; Броневский, 1867, с.338]. Значительное увеличившееся к началу XVII в. ногайское население составило основу для образования крупного потестарного образования во главе с Кантемир-мурзой, происходившим из ответвления рода крымских Мангытов – Дивеевых.

Возвышение Кантемира произошло благодаря его участию в Хотинской кампании 1621 г. Недовольная поведением властей Крыма во время этой неудачной для себя войны Порты передала представительство своей власти в данном регионе Кантемир-мурзе, назначив его правителем Силистрии и Бессарабии [История Хотинского похода, 1896, с.73]. Тем самым глава буджацких ногаев выводился из подчинения Бахчисарая и становился подотчетным только турецкому султану. Это был огромный удар по властным прерогативам Крымского ханства, приведший не только к фактическому отторжению его северо-западных владений, но и к усилению влияния рода Мангыт в Бахчисарае, опорой которому служили умножившиеся в Крыму ногаи [Новосельский, 1948, с.185]. Засилье агентов влияния Кантемира в Крыму стало главной причиной антиосманского выступления хана Мехмед-Гирея и калги Шагин-Гирея. В 1624 г. они предложили польскому королю занять контролируемые Кантемиром крепости Аккермен, Тягиню и Килию, а ногаев совместными усилиями выселить из Буджака в Крым. Король хоть

и отклонил этот план, но не препятствовал запорожским казакам заключить с крымцами договор о совместных действиях против Османов и Кантемира [Грушевский, 1995, с.516–517]. Кантемир вышел победителем в этой борьбе и посадил на ханский трон назначенного Портой Джанибек-Гирея, правление которого (1628–1635) отмечено самым усилением его влияния в Крыму.

С интронизацией Инает-Гирея в 1635 г. вновь вспыхнул конфликт крымской знати с группировкой Кантемира. Как и в 1624 г., крымцы вышли из-под контроля Османов и заключили союз с запорожскими казаками; новым было то, что для борьбы с Кантемиром Инает привлек больших ногаев. Выгнанные из родных степей калмыками, они к 1636 г. сосредоточились в междуречье Волги и Дона, истокая силы в распре между своими главными родами – Тинмаметевыми и Урмаметевыми. Сложная перипетия усобицы вывела улусы обеих родов на правый берег Дона, где они оказались во власти крымского хана, вынудившего их выступить против Кантемира. Он же, несколько укрепившись за счет выведенных из Крыма малых ногаев, все-таки не мог противостоять войскам, собранным Инает-Гиреем, и потому удалился в Стамбул. Хан опустошил Буджак, однако не смог закрепить свой успех из-за внезапного выступления ногаев, убивших его калгу. Опасаясь разгрома Крыма ногаями, крымская знать договорилась с Портой о выдаче Инаета и согласилась принять назначенного ею нового хана. Тем временем донские казаки, воспользовавшись крымской смутой, захватили Азов, лишенный прикрытия со стороны Крыма и малых ногаев. Кантемир и Инает были казнены по приказу султана Мурада IV как виновники пошатнувшегося могущества Османской империи в Северном Причерноморье [Новосельский, 1948, с.240–255].

Попытка Порты укрепить свою власть в регионе посредством возвышения Буджацкой орды в противовес Крыму создала для нее больше проблем, чем преимуществ. Устранение Кантемира и возвращение Буджака под власть Гиреев уже не могло восстановить status quo, поскольку следствием событий 1620–1630-х гг. стала большая концентрация ногаев в причерноморских

степях; крымские ханы с этого момента должны были научиться управлять небывалой ранее в их подчинении массой кочевников. Во второй половине XVII в. крымским властям удалось седентаризовать основную часть буджакских ногайцев и к 1663 г. создать в Буджаке постоянную администрацию во главе с ханским ялы-агасы («наместник побережья»), резиденция которого находилась в селении Ханкишла [Эвлия Челеби, 1961, с.264]. Кроме Буджака, значительное количество ногаев сосредоточилось в Очаковской степи и упоминались современниками как «Очаковская орда» [Описание, 1879, с.485]. Известные нам источники фрагментарно освещают состав этой «орды»; так, Эвлия Челеби свидетельствует о нахождении возле Очакова трех сотен общин «каратаяк» [Эвлия Челеби, 1961, с.114], не конкретизируя их связь с неким ответвлением ногаев. Можно предположить, что это была какая-то группа больших ногаев, появившихся в Причерноморье в 1636 г. и кочевавших отдельно от Буджацкой орды.

Как отметил А.Фишер, увеличение численности кочевников одновременно и усиливало Крым, и «закладывало основу его внутренней слабости» [Fisher, 1978, p.6–7]. Управлять номадами было гораздо сложнее, чем оседлым населением; отсюда – стремление ханской администрации седентаризовать мигрировавших ногаев, что было возможным внутри Крымского полуострова и стоило больших усилий в Буджаке. В остальных регионах Крымского ханства о седентаризации кочевников не могло быть и речи; едва ли не единственным способом удержания их под ханской властью оставалась организация набегов на северных соседей, к тому времени значительно усилившихся. Если раньше Гиреи собирали под своей властью номадов для того, чтобы быть в состоянии вести войны с сильными соседями, то теперь они были вынуждены вести эти войны, чтобы быть в состоянии удерживать свою власть над номадами. Такое превращение средства в самоцель обуславливалось сочетанием политических и экономических условий. Пастбищный фонд Степного Причерноморья хоть и был не менее обширным, чем в Волго-Эмбинском междуречье, и, очевидно, имел лучшие кормовые качества, од-

нако значительная его часть не могла быть использована кочевническим хозяйством из-за активности запорожцев. В любом случае, дефицит пастбищ был довольно острым и мог быть «покрыт» не иначе как за счет набегов, проведения которых постоянно требовали кочевые подданные хана. Их бунт для Гиреев был страшнее, чем гнев Порты. Это хорошо видно по реплике одного из придворных Ислам-Гирея III (1644–1654), который отстаивал решение своего сюзерена поддержать восстание Б.Хмельницкого и ответил на упрек представителя Порты следующим: «У нас есть больше ста тысяч татар, у которых нет возможности заниматься ни земледелием, ни торговлей. Если они не воевали бы, то откуда имели бы средства для прожития?» [Туранли, 2010, с.50].

Сосредоточившиеся в Крымском ханстве ногаи приняли деятельное участие в событиях в Украине середины и второй половины XVII в. [Санин, 1987, с.240–243; Літопис, 1971, с.97–159]. Участие крымских ханов в борьбе за Украину позволяло им вплоть до начала XVIII в. организовывать систематическое ограбление обширной земледельческой территории и потому успешно управлять большой массой ногаев. Переломным этапом как для всей системы управления ногаями, так и для самого Крымского ханства стало заключение Константинопольского мирного договора 1700 г., лишившего Гиреев права осуществления самостоятельной политики в отношении России, в основе которой лежало широкое использование набеговых практик [Иналджик, 1995, с.128–129]. Запрещение Портой набегов крымских подданных на земли Речи Посполитой и России вызвало взрыв недовольства в Крыму и стало причиной восстаний ногаев [Санин, 1993].

Противодействие крымских и ногайских элит не смогло прервать процесс становления стабильных границ между Российской и Османской империями, хотя и привносило в него серьезные осложнения в течение первых трех десятилетий XVIII в. Одним из таких стало размещение на территории Крымского ханства в 1724–1725 гг. до 40 тыс. семей едисанских, едичкульских и джембуйлукских ногаев [Эварницкий, 1903, с.1113–1114], которые перед этим находились в подчинении калмыков и потому счита-

лись российскими подданными. Основную их часть осенью 1724 г. привел с Кубани в Крым Бахты-Гирей, сын хана Девлет-Гирея III (1699–1702, 1708–1713), намеревавшийся с их помощью занять крымский престол. Укрепившийся в Бахчисарае, хан Менгли-Гирей II (1724–1730) вытеснил Бахты из Крыма на Кавказ, а ногаев, составлявших его основную силу, разместил на землях запорожцев, которые, согласно Прутскому миру 1711 г., считались подданными Крымского ханства. Это стало одной из причин возвращения запорожцев в российское подданство и нарастания их конфликта с ногаями, с особенной силой проявившегося накануне и во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. [Грибовский, 2001, с.63–65].

Заключенный между Россией и Турцией Белградский мирный договор 1739 г. создал условия для реализации принципов, задекларированных Константинопольским миром 1700 г. Их главным содержанием было установление мирных границ между двумя империями, фиксация подданства пограничного населения (исключающая его самовольные миграции) и устранение возникающих у него конфликтов на пограничных комиссиях, возглавляемых представителями Стамбула и Петербурга, которые инициировали наложение штрафных санкций на виновников грабежей.

В 1739–1768 гг. на степном порубежье выстраивался реально действующий механизм, направленный на устранение набеговых практик, издавна существовавших в регионе. Под усиленным нажимом Порты ханские власти были вынуждены формировать постояннодействующие органы своего представительства у причерноморских ногаев, задачей которых было удержание этих кочевников от набегов на молдавские, украинские и российские земли, а также регуляция отношений внутри кочевых коллективов. Основой для создания ханской администрации у ногаев стал орган управления, сформировавшийся в Буджацкой орде во второй половине XVII – первой трети XVIII в., во главе которого сначала находился ханский ялы-агасы, а во время военных действий – сераскер-султаном из рода Гиреев. После 1739 г. буджацкий сераскер, будучи ранее только военным командиром, сосредоточил

в своих руках функции гражданского управления [Хайдарлы, 2003–2004, с.253–269]. Его власть первоначально распространялась не только на Буджак, но и на Едисанскую орду, кочевья которой стабилизировались в междуречье Южного Буга и Днестра. Несмотря на то, что к 1753 г. у едисанцев появился отдельный сераскер, буджацкий сераскер продолжал вмешиваться в их управление. Усиление власти ханского наместника в Буджаке (как и злоупотребление ею) стало причиной крупного восстания едисанских и буджацких ногайцев 1758 г., приведшего к ханскому трону Крым-Гирея. Во время своего первого правления (1758–1764) он расположил свою «летнюю» резиденцию в Каушанах и постоянно перемещался между ею и Бахчисараем, таким образом инспектируя подвластных ногаев. В 1759 г. Крым-Гирей сформировал из кочевавших в Буджаке едикчульцев отдельную орду во главе с собственным сераскером, расположив ее на нижнем левобережье Днепра. Джембуйлуцкая орда, к тому времени расположенная в Перекопской степи, не имела своего сераскера и управлялась ор-беєм – ханским губернатором Перекопа, также назначаемым из Гиреев [Грибовский, 2009, с.77–89].

Создание постоянного представительства ханской власти у ногаев, имевшее прямым следствием распространение на них систематического налогообложения и государственных повинностей, не могло не вызвать раздражение у этих кочевников, всегда стремившихся к пребыванию на территории, где государственная регламентация была минимальной. Этими мотивами во многом объясняются неоднократные попытки причерноморских ногаев перейти в российское подданство [Кочакаев, 1988, с.134–141, 158–162]. В Петербурге хоть и считали их своими давними подданными, предательски ушедшими в Крым, однако допускали возможность возвращения ногаев при удобном случае. Такой случай представился во время русско-турецкой войны 1768–1774 г. В

сентябре 1770 г. едисанцы и часть буджаццев заключили договор о союзе с Россией и к началу 1772 г. около 80 тыс. ногайских семей (или, приблизительно, 400 тыс. чел.) были переселены из Северного Причерноморья на междуречье Еи и Кубани. Находясь здесь под протекторатом России, ногайские мурзы выступили сторонниками «независимости» Крымского ханства и во многом содействовали вступлению на ханский трон Шагин-Гирея в 1777 г. Однако произведенное им усиление административного контроля поселенных на Кубани ногаев, как и их нахождение под российским военным надзором, привело к тому, что значительная часть ногайских мурз стала поддерживать турецких ставленников на крымский престол. В ходе ликвидации Крымского ханства 28 июня 1783 г. ногаи дали присягу о подданстве России. Но намерение российского правительства переселить ногаев с Кубани на междуречье Волги и Урала вызвало их восстание, подавление которого привело к массовой миграции ногайского населения в турецкие владения и гибели значительной его части [Грибовский, 2008, с.26–36].

В 1790 г. 3 тыс. ногайских семей, оставшихся под властью России, были переселены к р. Молочной, что в Северном Приазовье. Позднее к ним присоединялись ногаи, возвращавшиеся из Турции. В июле 1801 г. этой группе ногаев был предоставлен статус казачьего войска, но внутренние распри, сделавшие невозможным создание иррегулярного военного формирования, привели к ликвидации этого статуса осенью 1804 г. и созданию приставства [Грибовский, 2002, с.156–159], просуществовавшего до 1832 г. В 1860 г. почти все причерноморские ногаи, включая и тех, которые ранее селились на Крымском полуострове, выехали в Турцию; регионами их компактного проживания стали Добруджа, а также Брусский и Коккийский вилайеты в Малой Азии [Сергеев, 1913, с.180, 216–222].

§ 5. Буджакские и добруджинские татары

Тасин Джамиль

Располагающиеся сегодня на юго-востоке Румынии Добруджа и на юго-западе Украины Буджак могут быть охарактеризованы как своего рода продолжение широких равнин, которые раньше называли Кипчакскими степями. Возможно, по этой причине на добруджских и буджакских землях на протяжении 1500 лет основывали свои поселения и безраздельно господствовали тюркские народы и государства. Добруджа и Буджак неотделимы друг от друга как с географической точки зрения, так и с исторической. Татары, являющиеся наследниками древних тюрков, а точнее кыпчаков, воспитывают в сознании свою коренную принадлежность к этим территориям [Tahsin Gemil, 2010, s.9–22]. В восточных и южных частях нынешней румынской территории, включая и области Добруджи и Буджака, татары продолжали господствовать на этих землях до конца XIV в. В опиравшемся на надежные источники труде «История сельджуков», законченном в 1424 г., о северной Добрудже, которая со второй половины XIII в. находилась под властью Золотой Орды, Али Языджида писал следующее: «Большую часть времени в иле Добруджа было 2–3 мусульманских города и 30–40 тюркских кочевий» [Торкар Сарай, 1390/91, s.234]. Тот же автор сообщил очень интересную информацию о периоде правления Берке (1257–1266), касающуюся Буджака и территорий, расположенных восточнее: «Долгое время земли от Крыма и Черной Богдании до вилайета были территорией ислама. В Черной Богдании стоит мечеть <Берке Хана>, которую позже неверные превратили в хлев для свиней» [Ibid., s.235]. Территория между реками Прут и Днестр, включая Буджак, примерно в 1370 г. была отделена Молдавским государством (Черная Богдания) от Золотой Орды. Посетивший Добруджу в 1330 г. знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута называл татар Золотой Орды тюрками и писал следующее: «Наконец добрались до небольшого города, известного по имени Баба Салтука, где заканчивалась земля тюрков... Между Баба Салтуком и первым византийским вилайетом простирается совершенно пустая степь, преодоление которой занимает 18

дней пешего пути» [Ibn Battuta, 2005, s.331]. Городок Баба Салтука сегодня известен как село Баба-Даг, располагающееся на севере Добруджи. В XIII–XIV вв., в эпоху Золотой Орды, Добруджа в действительности не была пустыней землей [Aurel Decei, 1978, s.191; Inalçik, 1986a, s.610]. В конце XIII в. принц Ногай, основавший центр независимого государства, поселился в Добрудже, в городе Исакчы [Ernest Oberlander-Târnoveanu, 1997, s.49–63]. В середине XIV в. снова в Добрудже, в крепости Ени-Сала расположился центр другого государства татар¹. Присутствие татар на землях Добруджи и Буджака в XIV в. подтверждают различные письменные источники и археологические находки. С 80-х гг. XIII в. в европейских источниках упоминаются «дунайские скифы» «paristrion skydon», т.е. начинают появляться сведения [Fontes, 1975, s.510–511; Alexandru Gonța, 1983, s.98]. Должно быть, эти татары не были малочисленными, поскольку их вооруженное войско успешно вмешивалось в междоусобицы и беспорядки, происходившие в Болгарском государстве, а также защищало границы Золотой Орды от любых вторжений с Балкан [Spinei, 1982, s.176–177]. В середине XIII в., во времена правления Берке-хана, миссионеры из Средней Азии принесли на территорию Добруджи ислам. Имена этих мусульманских миссионеров сохранились до наших дней в названиях некоторых городов Добруджи: Баба-Даг (Баба Салтук/ Мухаммад аль-Бухари), Мачин (Баба Мачин), Исакча (Баба Исхак), Тулча (Баба Тулчи/ Кулчи). Распространение ислама в Добрудже окончательно доказал арабский географ Абу-ль-Феда (1273–1323) [Aurel Decei, 1945, s.632–633].

В конце XIV в., когда османы впервые посетили Добруджу, они обнаружили здесь одну мусульманскую общину татар. После

¹ 22 июня в 1368 г. король Венгрии Людовик I предоставил документ татарскому купцу, где написано: «dominus Demetrius princeps Tartarorum» [Documenta, 1977]. Румынский историк Н.Йорга перевел ее как «Хан татар Те<й>мур» [Iorga, 1937, s.264]. Другие румынские историки это татарское государство размещали в Буджаке [Spinei, 1982, s.274–278].

разрушительного нашествия Амира Тимура в Поволжье в 1395 г. многие татары бежали в Добруджу и Румелию [Gresov, 1953, s.342–344]. Следовательно, между татарами Волги и Дуная существует достаточно сильная связь. Актау, один из главных эмиров Токтамыш-хана, вместе с воинами участвовал в сражениях на службе Османского государства и Валахии. Судя по сведениям османских и византийских историков XV в., численность этих татар составляла 35 000. В битве при Никополе (1396) они пополнили османский фронт, чем сильно повлияли на исход сражения [Cronici, 1966, s.40 (Enveri), 50 (Oruc); Laonic Chalcocondil, 1958, s.75]. В XVI в. «Татары Актава» снова фигурируют в официальных документах в качестве воинов на службе Османского государства [Таууиб Гökбилгин, 1957, s.87]. Во времена правления султана Мехмеда I (1413–1421) татары из Анатолии были перевезены в Румелию [Orudj bin Adil, 1925, s.110]. Вполне вероятно, что часть из них расположилась в Добрудже.

В 1417 г. на долгий 460-летний период Добруджа полностью перешла под власть осман. До сих пор не найдено никаких значимых сведений о татарах Добруджи, относящихся к XV в. Область, называемая Буджак, в этот период, т.е. в XV в., находилась в пределах границ Молдавского государства, однако там численность татар была совсем незначительной. В XV в. в собственности Молдавского государства находились «татарские рабы» [Beldiceanu et I.Beldiceanu-Steinherr, 1986, s.7–14]. С конца того же века это выражение начали уничтожать из официальных бумаг. Примерно в 1370 г. при поддержке Польши и Литвы Молдова положила конец господству Золотой Орды на территории между Прутом и Днестром. В течение этих войн город современной республики Молдова, Оргеев, деревня Костешти и два близлежащих развитых татарских города были уничтожены, а жители уничтожены или забраны в рабство [Eugen Nicolae, 1995, s.197–200; Gheorghe Postică, 2006]. Вероятно, выражение «татарские рабы» осталось с тех времен. Однако, на мой взгляд, этими рабами должны были быть цыгане, приведенные татаро-монголами. В любом случае эти «татарские рабы», большинство которых находилось в Молдове, исчезли, смешавшись с «цыганскими рабами».

С конца XV в. татары снова начали приходить на территорию Буджака, заранее зная, что там уже проживают их земляки. Хотя они здесь и не были очень многочисленными, тем не менее они оставили след в европейских источниках как храбрые воины на службе польского короля и молдавского воеводы [Iorga, 1899, s.73]. В 1484 г. в результате политического и военного сотрудничества между османским султаном Баязидом II и крымским ханом Менгли-Гиреем I юго-восточная область Молдовы, т.е. Буджак, перешла под власть Османского и Крымского государств. Османский султан захватил крепости Килия и Аккерман с прилежащими территориями, а крымскому хану отошли города Каушаны, Дубоссары и их окрестности [Inalçık, 1960, s.1253; Tahsin Gemil, 1983, s.225–238]. Здесь расселились татары. О том, что на земле между перешедшими под власть Муртазы-хана крепостями Килия и Аккерман проживало «много татар», мы узнаем из источника этого периода [Orudj bin Adil, 1925, s.132.]. Поселившиеся в Буджаке татары были подчинены крымскому хану. То есть в отличие от Добруджи, Буджак стал совместным османо-крымским владением (кондоминиумом). Как сообщается в польском источнике 1502 г., османский султан позвал волжских татар в Буджак и пообещал крымскому хану вместе с пошлиной крепости Аккерман и пошлины от работоторговли. Этот факт можно расценивать как показатель роста стратегической значимости Буджака [Hurmuzaki, s.493]. По мере ослабления и после окончательного исчезновения Золотой Орды часть волжских татар была вовлечена в миграционные потоки. Буджак и Добруджа стали привлекательными территориями для ногайских татар, кочующих между реками Яик (нынешний Урал) и Доном, ввиду того, что эти территории были давно населены татарами. С 1512–1514 гг. в европейских источниках, в первую очередь в источниках польского происхождения, с тревогой отмечается постоянный рост численности татар в Добрудже [Hurmuzaki, s.170]. В 1521 г. 20-тысячное войско добруджанских татар под командованием ханзаде Саадет и Химмет Гиреев было отправлено в османское войско, собранное недалеко от Эдирне [Sroeckovsky, 1979, s.175].

Татарская мечеть в Констанце, Румыния

В 1538 г. снова в результате сотрудничества османского султана и крымского хана совместное осmano-крымское владение в Буджаке расширялось (была взята Тигинская/Бендерская крепость и окрестность) и усиливалось. В это время название Буджак начинает становиться известным. Вероятно, это название может принадлежать 1484 г. и крымскому хану Менгли-Гирею. Буджак, расположенный между устьями Дуная и Днестра, протяженностью в длину 70 и в ширину 34 часа пешего пути, возник на местности, имеющей форму угла [Ismail Nakki, 1954, s.41]. Судя по официальным османским документам, находившиеся в XVI–XVIII вв. под османской властью Буджак и Добруджа вместе с Дунайским районом относились к санджаку Силистра, который с конца XVI в. упоминается как санджак Силистра-Очаков. В Буджаке в течение долгого времени существовали следующие области: Аккерман (затем стал санджаком), Бендер, Килия, Переправа Исмаиля, Сарата/Татарбунары; в XVIII в. возникли Томарова, или Тимурабад (Рени), Дубоссары, район Картал; со временем названия и границы некоторых районов были изменены. Известные районы Добруджи: Силистра, Добрич, Хаджиоглу Назарджик) Балчик, Мангалия, Карасу/Сакарья, Баба-Даг, Хырсово, Мэчин, Исакча, Тулча [Tahsin Gemil, 2004, s.53; Tahsin Gemil, 1984; Valeriu Veliman, 1984; Aleksandr Sereda, 2009].

С середины XVI в. много кочевых или полукочевых татарских (ногайских) племен было собрано в Буджаке и Добрудже. Крымский хан Сахиб-Гирей (1532–1551), начиная

с 1546 г., предпринимает суровые меры против ногайских племен, кочующих в степях. Он принудил их к повиновению и переселил в Буджак и частично в Добруджу [Tevarih-i Sahib Giray Han, 1973, s.72]. В то же время, по мере постоянного расширения границ Московии, ногайцы вытеснялись со своих прежних территорий [Kurat, 1972, s.280–289], и вплоть до второй половины XVIII в. их племена были вынуждены постоянно переселяться все западнее, в особенности на территорию Буджака и Добруджи. Основными этими племенами были следующие: Мансур, Орак, Кассай, Мамай, Ор-Мамбет (Мехмет), Джембойлык, Джедисан, Джетишкул, Кунграт и др. [Inalçik, 1986a, s.1287; Mamut Enver, 1964, s.326–327; Giuseppe Cossuto, 2001, s.71]. Переселяя татарские племена в Буджак и Добруджу, османское правительство преследовало свои политические и экономические цели. Буджак и Добруджа были окраинными территориями империи и должны были экономически укрепить ввиду переселения сюда новых кочевников. В то же время размещенные здесь татарские войска могли быть использованы как политическое и военное оружие против румынских княжеств, Польши и даже Крымского ханства. Крымский хан также считал полезным переселение многочисленных ногайских племен с полуострова на более удаленные территории.

Имевший татарские корни молдавский князь и ученый Дмитрий Кантемир сообщает, что в 1568 г. в Буджаке проживало 30 000 татар [Dimitrie Cantemir, 1876, s.326]. В указе султана Ахмеда I от 1608 г. написано следующее: «Вот уже несколько лет как крымские и ногайские татары, перейдя Очаков и Днестр, пять-десять тысяч татар Аккермана, Бендера и Килии в своих степях обрели Родину» [Tahsin Gemil, 2009, s.123–124]. В дипломатическом отчете 1618 г., отправленном из Стамбула в Париж, сообщалось, что на западном берегу Днестра с недавних пор проживает 15 000 татар [Iorga, 1899, s.220]. Итальянский путешественник Марко Бандини в середине XVII в. нашел здесь 60 татарских деревень [Ibid., s.260], а побывавший в

те же годы и в той же области османский путешественник Эвлия Челеби сообщает о 200 процветающих татарских деревнях [Inalcik, 1986a, s.1287]. В 1691 г. известный инженер-генерал и шпион Л.Ф.Марсигли насчитал в Буджаке 300 татарских деревень [Hurmuzaki, s.368]. В середине XVIII в. консул Ч. де Пейссонел, отправленный французским королем в Бахчисарай, на той же территории обнаружил уже 500 татарских сел [Ch.de Peyssonel, 1787, s.258].

Судя по рузنامه, написанному во время похода Сулеймана Кануни на Кара-Богданию в 1538 г., в этот период турецко-татарские деревни и небольшие города были почти заполнены [Aurel Decei, 1945, s.636]. Находившийся в Добрудже в конце XVI в. венецианец Марко Вениер сообщил, что ханзаде с 40 000 татар недавно обосновался в Добрудже [Călători, 1971, s.392]. В середине XVII в., будучи в Добрудже, Халепли Пауль писал, что здесь «народ целиком состоит из татар-мусульман» [Călători, 1976, s.22–23]. В XVI–XVIII вв. Добруджу и Буджак называли «Тартария», «Татарская равнина», «Татарская земля/местность» и т.д. [Gabriel Andreescu, 2005, s.98–99; Tahsin Gemil, 2010, s.21].

Начиная с XVII в. Буджак становится тесным для постоянно прибывающих татар, тогда буджакцы начали пасти скот на окрестных территориях, особенно на молдавских землях. В связи с этим в османском архиве обнаруживается большое количество жалоб. Однако до второй половины XVII в. и крымский хан, и османский падишах игнорировали такого рода жалобы. В этот период османский султан использовал буджакских татар как противопоставление запорожским казакам, находившимся в руках Польши в качестве политического и военного орудия. Даже мирза Кантемир, предводитель племен Мансур, сначала был санджакбеом Силистры, а затем в 1620 г. назначен на должность бейлербея Очакова. Армия Кантимир-паши, состоявшая в своем большинстве из добруджанских и буджакских татар, была настолько сильной, что смогла победить крымскую армию в 1624 г., и до того, как он был казнен в Стамбуле в 1624 г., держала в страхе Польшу, Валахию и Молдову [Tahsin Gemil, 1979, s.50–99]. Во второй половине XVII в. Буджак был перенаселен до предела. В ответ на на-

стойчивые жалобы беев Молдавии и Валахии крымский хан Мехмед Гирей-Софу IV (1641–1644; 1654–1666) в 1665 г. решил переселить часть ногайских татар из Буджака на восточный берег Днестра. Но ногайцы оказали сопротивление и попросили помощи у османского султана. В сентябре 1666 г. присланный из Стамбула Ал-Хадж Халилага официально предложил буджакским татарам перейти в османское подданство (стать райа) и расселиться по территории Аккермана, Килии, Измаила, Бендер и Сарата. Другими словами, татары Буджака выводились из-под власти крымского хана и становились подданными Османской империи. Еще точнее, буджакские татары переходили под власть бейлербея Очакова. Возражения крымского хана завершились его отдалением от трона. Проблема, получившая название «родина Халиля паши», очень занимала Молдавию и Крымское ханство. Для перехода под покровительство осман у ногайских татар была очень значимая причина: перенаселение Буджака. Буджакские татары стали даже одной из тем обсуждения в Карловице. Шестой пункт Осmano-польского договора, подписанного 24 ноября 1698 г., требовал возвращения на прежние земли татар, перешедших границу «родины Халиля паши» [Hurmuzaki, s.226, 494–495]. Воспользовавшись войной 1710–1711 гг., ногайцы перешли границы Буджака и официально расположились на новой местности на молдавских землях. Но вскоре и этой территории стало не хватать. После середины XVIII в. некоторые из ногайцев Буджака под влиянием русской пропаганды во время и после войны 1768–1774 гг., мигрировали на восточный берег Днестра, в Россию, некоторые из них – на юг Дуная, в Добруджу [Iorga, 1899, s.251]. Но Буджак так и остался густонаселен татарами. Уклад жизни в XVIII в. сильно изменился по сравнению с XVI в. Буджакцы хотя и приняли оседлый образ жизни и начали заниматься земледелием, не могли отказаться от скотоводства. Для бесчисленного количества стад лошадей, овец и крупного рогатого скота требовались обширные пастбища с сочной травой. По этой причине стали возникать конфликты с соседями и в первую очередь с молдаванами [Tahsin Gemil, 1996, s.149–152; Tahsin Gemil, 2009, s.93–100]. Несмотря на это, буджакские

Татарская деревня в Добрудже.
Гравюра 1853 г.
(J.Laurens
«Village tatar».
Paris, 1853)

ногайцы налаживали дружественные отношения с румынами Молдовы и Валахии и даже помогали им зерном в неурожайное время [Tahsin Gemil, 2008, s.677–685; Iorga, 1899, s.263]. Многие европейские путешественники и дипломаты (Kleeman, Bruce, Peyssonel, Tott, Sestrencevicz и др.) отмечали такие особенности буджакских татар, как гостеприимство, дружелюбие и трудолюбие [Iorga, 1899, s.263].

Миграция, начавшаяся после присоединения в 1783 г. Крыма, несомненно, отразилась на Буджаке и особенно на Добрудже. Так как после подписания Ясского мирного договора (1792 г.) не оставалось надежды избежать русской оккупации, миграция татар усилилась. Судя по цифрам, в этот год в Османской империи нашли убежище от 30 000 до 100 000 крымских переселенцев [Fisher, 1987, s.78]. Сколько из них пришли в Буджак и Добруджу до сих пор неизвестно, в любом случае их должно было быть много, т.к. эти территории привлекали своей непосредственной близостью к Крыму всех тех, кто сохранял надежду вернуться домой.

Согласно седьмому пункту подписанного в Бухаресте 28 мая 1812 г. османо-русского договора, Буджак отходил к России, а за населявшими его татарами признавалось право переселения на османские земли. Точнее говоря, татарам давалось 18 месяцев, чтобы покинуть Буджак, а на их место должны были переселиться христиане, находившиеся в подданстве Османской империи [Mustafa A.Mehmet, 1986, s.363–364]. Значительная часть буджакских татар была переселена на другие территории Российской империи (в губернии Екатеринослав

и Херсон, в Крым и на Северный Кавказ) [Калмыков и др., 1988]. Но большинство татар Буджака перешли в Добруджу, откуда некоторые мигрировали в Турцию. После 1812 г. татар в Буджаке не осталось.

Численность одних только татар, пришедших в Добруджу из Буджака и Крыма до 1840 г., составила около 30 000 человек. После Крымской войны (1853–1856) Добруджа снова стала территорией проживания татар. По указу Абдул-Меджида от 2 сентября 1856 г. для крымских переселенцев основывалась новая касаба Меджидие (современная Меджидия), а в 1857–1860 гг. была построена железная дорога Дунай – Черное море. В результате войны 1877–1878 гг. Добруджа отошла к Румынии. В 1878 г. румынские власти произвели перепись, согласно которой только на северной половине Добруджи проживало в общей сложности 225 753 чел., из них 71 146 татар, 48 784 турка, 46 504 румына, 30 237 болгар, 6 994 черкеса и др. [Karpat, 2003, s.209–230]¹. Вообще, численность татар, вероятно, была гораздо больше, т.к. в те времена значительная часть татар (предположительно 30%) была записана как турки. В 1905 г. в брошюре, выпущенной с целью румынской пропаганды, с удивлением признавалось, что в Добрудже до сих пор можно найти более чем 700 татарских кладбищ и что их количество превышает количество татарских деревень [Pariado, 1905, s.39].

¹ Согласно русским переписям от 1877 года в Меджидия проживало 21200 человек, 12000 татар, 4100 румын, 2800 турок, 1600 славян, 500 черкесов, 200 немцев [Karpat, 2003, s.228–229].

* * *

В период с 1417 по 1878 гг. Добруджа находилась под властью Османской империи. Живущие здесь татары, как османские подданные, были вынуждены подчиняться существующему порядку и законам. Однако особенностью являлось то, что добруджанские татары и особенно ногайцы участвовали в войнах под руководством своего командующего. В то же время было немало татар, которые извлекли пользу из установленной в Добрудже тимарной системы. Это можно отследить по использованию титула «мирза» или по именам, названиям деревень, напоминающим золотоордынские или крымские [Tahsin Gemil, 2004]. Несмотря на то, что со стороны Османской империи не предпринималось никаких дискриминационных мер, до недавних пор татарские деревни Добруджи отличались от турецких, ввиду того, что хотя татары и турки Добруджи относились друг к другу как к братским народам, веками те и другие продолжали сохранять собственный уклад жизни. Отличия в быту годами сохранялись даже между оседлыми татарами (крымскими) и татарами-кочевниками (ногайцами). Кроме того, имели место и чисто ногайские деревни [Müstecib Ülküsal, 1966; Frederick De Jong, 1986, s.164–189].

В 1484 и 1538 гг. османский правитель предпринял походы на Молдову, в которых участвовали также и крымские ханы со своими войсками. В результате этих походов юго-восточная область молдавского воеводства отошла к османам и Крыму. На этой территории, названной Буджаком, османский падишах подчинил пять районов, а крымский хан, в свою очередь, овладел некоторыми областями на правом берегу Днестра. Важнейшими из них были Дубоссары, Каушан и Хан кышлясы. Однако проживающие в Буджаке десятки тысяч татар, будучи подданными крымского хана, находились под его властью. Для того чтобы осуществлять правление крымский хан назначил в Буджак своего сераскера. Самый высший представитель хана, сераскер, выбирался из правящего рода Гиреев, обычно это был сын или брат хана. Сераскер Буджака был членом дивана крымского хана и обладал большим авторитетом. Будучи предводителем армии Буджака, сераскер сосредоточивал в своих руках большую мощь. Он управлял Буджа-

ком почти как хан, ставка его располагалась в городке Каушан, недалеко от Днестра. У сераскера был собственный диван, везир, дефтердар, секретарь и др. За пределами османских ильче буджакские татары подчинялись сераскеру и кадиям. Диван сераскера для истцов в Буджаке был судом последней инстанции, в том числе здесь выносились и смертные приговоры. Для государственных же дел функции суда последней инстанции носил диван хана. Буджакские татары были обязаны ежегодно давать сераскеру с каждого дом куруш, с каждой деревни по одному барану. Когда сераскер вступал в должность, необходимо было преподнести ему в подарок 500 голов рогатого скота. Сераскер, в свою очередь, должен был советоваться с местным главным мирзой. Крымский хан держал буджакских татар под контролем посредством высокого чиновника – Йалы-ага [начальника береговой охраны]. Йалы-ага смотрел за областью Днестра, сам он жил в Ханкышласы. В одном ряду с крымским ханом, сераскером Буджака и Йалы-агой стоял представитель от молдавского воеводы. В то же время рядом с молдавским воеводой находились и представители татарской знати. Они занимались проблемами молдаван, живущих в Крыму и Буджаке, и татар, живущих в Молдове [Peyssonel, 1787, I, s.301–303, II, s.240–241ö, 254, 262, 308 v.s.; Iorga, 1899, s.260; Iorga, 1904, s.237, 302, 342, 375, 408 v.s.; İnalçık, 1986a, s.1287].

С целью уничтожения самостоятельности, которая заметно усилилась у ногайцев Буджака, Менгли Гирей II (1724–1730; 1737–1740) хотел силой насадить здесь крымские порядки. То есть он считал крымский жизненный уклад подходящим и для татар Буджака. Хан хотел, чтобы вместо шатров были построены дома, а также, чтобы они перестали кочевать вслед за своими стадами, поэтому он посоветовал в первую очередь заниматься земледелием. Буджакские мирзы же предпринимали необходимые меры, чтобы владеть землей в форме *суюргал*. Чтобы положить конец конфликтам с Молдовой, были налажены отношения с воеводой (господарем) Григорием Гика и объявлено, что все территории, захваченные ногайцами, кроме «Халил Паша Йурду», возвращаются Молдове, вышедшим из этой территории ногайцам выделялась территория Аккермана и Измаила, а те, кто пожелал остаться там,

должны были платить дань владетелям земли. Причиной попытки осуществления этих реформ в Буджаке стало мощное восстание 1727–1728 гг. Совместными силами Крыма, Османской империи, Молдовы и Валахии это ногайское восстание было подавлено. Хотя планы Менгли-Гирея II и не были всегда успешными, после этого восстания самостоятельность Буджака сильно пошатнулась, и этот регион потерял свою военную и политическую значимость. Однако вместе с тем после этих событий начался серьезный экономический рост Буджака [Cronici, 1966, s.249–250; Peyssonel, 1787, s.339 ve dev.; Mihordea, 1979, s.1087; Tahsin Gemil, 2009; Dan Ion Haidarlı, 2003, s.165–170].

Татары занимают важное место в истории юго-восточной Европы, однако большинство местных историков преуменьшали значимость татар, и эта тенденция имеет место и сегодня. Причиной этому в первую очередь является тот факт, что татар путали с монголами, и из-за этого ошибочного восприятия христианская церковь веками вела пропаганду против татар. К сожалению, в современном веке многие государства, включая Россию, умышленно обвиняя татар, таким образом, прикрывали собственные государственные неудачи и захватнические стремления. В этой связи, для примера, хочется коснуться темы манеры преподнесения информации о татарах в наиболее известной мне румынской исторической традиции. Румынские историки так же подходят к темам, имеющим отношение к татарам, с предубеждением. Справедливости ради нужно сказать, что сначала известный историк Николае Йорга и несколько румынских историков старались показать важную роль, которую сыграли татары в истории Румынии. Самым важным из исторических фактов является то, что татары и их предки кипчаки/половцы (куманы) возымели большое значение в формировании румынской народности и государственности и в их последующем развитии. И действительно, в 1320-х гг. главными строителями Валахии, первого румынского государства, стали половцы (куманы). Более того, основателем государства Валахии был Токтемир-оглу Басараба. Династия Басараба правила Валахией до XVI в. В 1330 г. Валахия спаслась от венгерского господства только благодаря кипчакам-татарам, т.е. Золотой Орде. Появление на исторической аре-

не другого румынского государства – Молдовы – тоже связано с татарами. В письме, отправленном из Крыма папе римскому 10 апреля 1287 г., католический монах (епископ) восхваляет Ногая по имени «*Ymor filius Molday*». Хотя эти важные исторические данные и были обнаружены уже давно, румынские историки до сих пор не принимают их в расчет, потому что в противном случае им нужно будет принять и тот факт, что основателями Молдавского государства были и татары. В любом случае, некоторые румынские историки признают, что эти два государства могли существовать на прочных основах, только пользуясь помощью Золотой Орды. В румынских средневековых источниках много личных имен, которые по происхождению являются кипчако-татарскими. Эти имена в большинстве своем принадлежали представителям румынского высшего сословия, представителям власти. В румынском языке немало кипчако-татарских по происхождению слов, в том числе и некоторых терминов, связанных с организацией государства. До сих пор в любой области Румынии встречаются тюркские по происхождению топонимы (названия рек, озер, местностей). Большинство из них остались со времен 300-летней кипчако-татарской эпохи. Непрерывное существование румынского народа и государства было возможно именно благодаря татарам и османам. На протяжении таких длительных отношений с татарами и османами румыны совершали нападения и наносили ущерб. Но и буджакцы нанесли немало вреда Молдове. И это правда. Как правда и то, что в румынской истории татары и османы выступают в качестве защитников. Именно силами татар и осман румынская национальная и политическая идентичность была защищена сначала от нападений крупных католических государств (Венгрии и Польши), а затем от разрушительных нашествий православной России. Татары Крыма, Добруджи и Буджака не раз исполняли этот защитнический долг. Если однажды будут взвешены все положительные и отрицательные события и поступки, имевшие место в отношениях между румынами и татарами, я уверен, что чаша с положительными окажется куда весомее¹.

¹ Более подробно см.: [Tahsin Gemil, 2012].

ГЛАВА 6

Политическая история Казанского ханства

Александр Бахтин, Булат Хамидуллин

Казанское ханство при хане Махмутеке было занято преимущественно внутренними делами. Он прилагал много усилий к объединению под своей властью болгарских эмиратов и подавления сепаратизма. Опираясь хан рассчитывал не столько на местное население, сколько на привлекаемых из степей татар. «И начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран: от Златяя Орды, от Асторохани, и от Азова и от Крыма», – сообщает Казанский летописец [Казанская история, 1954, с.53; Лызлов, 1990, с.50]. В целом хану удалось создать единое государство, но централизованным оно так и не стало. Не сложилось единства и между казанской знатью.

Внутренняя и внешняя политика страны во многом определялась борьбой родов и групп знати. Противоборство уходит корнями в историю Золотой Орды. Разрушительным последствием этого соперничества стало ослабление и распад великого степного государства. Столь же негативные последствия оно имело и для судьбы Казанского ханства. Н.А.Фирсов и вслед за ним Г.И.Перетяткович выделили в Казани так называемые «партии» [Фирсов, 1866, с.73; Перетяткович, 1877, с.151–176]. Определение было подхвачено историками [Худяков, 1990, с.35–44]. Иногда «партии» называют группировками [Алишев, 1990, с.53–54; Исаков, Измайлов, 2005, с.94]. Они боролись за власть и независимость ханства. Изначально борьба казанской знати была тесно связана с иностранными государствами, у которых они искали поддержки и которые сами активно вмешивались в политическую жизнь ханства. Пришлые ногайские, ордынские, сибирские, а затем и крымские феодалы составили основу провосточной группы. Выходцы из степей сохраняли традиционное для кочевников представление об отношениях с оседлыми народами. На-

беги, грабежи и захват пленных, с целью последующей продажи на восточных невольничьих рынках были составной частью их экономического уклада. Эта группа феодалов выступала за конфронтацию с Россией. Их поддержала та часть казанских феодалов, которая была заинтересована в работоторговле с восточными странами. Их популярность обуславливалась тем, что они выступали с патриотических позиций под зеленым знаменем ислама, за независимость страны, союз с мусульманскими юртами и священную борьбу против христианской России. Это воздействовало на национальное сознание татар, но неизбежно вело к обострению отношений с Россией и было губельно для ханства и трагично для населяющих его народов. Восточная партия была кровно связана с другими татарскими государствами – Ногайской Ордой, Тюменским, Сибирским, Астраханским и Крымским ханствами. Оттуда ее сторонники получали постоянную поддержку и проводили угодную им политику.

Одновременно оформилась *московская* партия. Ее основу составляла коренная казанская знать, опирающаяся на торговоремесленные круги, заинтересованные в мирных отношениях с Россией и в экономическом сотрудничестве. Она объективно выражала интересы большинства населения ханства, однако была слабее восточной и менее популярна. Ее лидерам было трудно находить компромисс с Россией, которая всегда стремилась добиться большей степени зависимости ханства, чем это могли допустить в Казани. Кроме того, сказывалось конфессиональное различие двух стран, мусульманам было сложно психологически пойти на союз с христианским государством, если даже это отвечало интересам большинства, чем с единоверцами из других юртов, которые на деле заботились

только о своекорыстных интересах. Что касается экономических связей, то они были еще весьма слабыми и не могли заметно влиять на устойчивость мирных отношений с Россией [Смирнов, 1948, с.19; Базилевич, 1952, с.200].

Вся история Казанского ханства представляет собой метание между двумя политическими крайностями от соглашения с христианской Россией к поиску контакта с мусульманскими государствами – Сибирским ханством, Ногайской Ордой, Крымом, а на последнем этапе существования и с Турцией. Это оказывало влияние на политическую борьбу в Казани, делало неустойчивым положение партий.

И.И.Смирнов предлагает «рассматривать внутривнутриполитическую борьбу в Казани как типичное проявление феодальных усобиц, как борьбу феодальных родов за власть, причем эта борьба осложнялась тем, что внутривнутриполитические группировки использовались соседними с Казанью государствами – Русским государством, Крымом, шибанскими ханами – для облегчения осуществления своих внешнеполитических планов. С другой стороны, сами эти группировки пытались укрепить свои позиции в борьбе за власть при помощи блокирования с тем или иным соседним с Казанью государством, рассчитывая облегчить себе приход к власти при помощи внешней силы» [Смирнов, 1948, с.19].

В известной мере на возникновение промосковских настроений среди татар влияли усилия Посольского приказа России. Практика была отработана еще Иваном Калитой, при котором под видом одаривания начался широкомасштабный подкуп ордынской знати. Русская дипломатия, не жалея средств, вербовала себе сторонников из числа татарской знати. Часть феодалов привыкала получать «жалованье» и отрабатывала его проведением угодной Москве политики и предоставлением важной информации. Однако завербованные феодалы никогда не стояли в надежной и прямой зависимости от Москвы. Представители промосковски настроенной знати всегда подчеркивали, что они служат в первую очередь своему хану, а уже потом великому князю московскому и руководствуются в своих действиях желанием установления мирных, дружеских и

союзных отношений между странами. Поддержка Москвы использовалась феодалами в первую очередь в собственных интересах, если же они расходились с московскими, то отказывались следовать в фарватере политики России, и тогда происходили случаи тех «измен», по поводу которых так часто сетуют летописцы.

Состав сторонников политических партий не был постоянным, феодалы переходили из лагеря в лагерь в зависимости от изменений политической конъюнктуры. Между партиями постоянно происходила политическая борьба, нередко доходившая до вооруженных столкновений. Успех ее сильно зависел от настроений широких слоев татарского населения. Уровень общественного сознания в Казани был еще таковым, что народные массы связывали надежды на улучшение своего положения с победой той или иной политической партии. Вмешательство в эту борьбу иностранных государств усугубляло драматические последствия и страдания населения ханства.

Во внешней политике ханство имело дипломатические, экономические, культурные отношения и военные конфликты как с соседями, так и отдаленными государствами. Ногайцы беспешинно торговали с Казанью лошадьми и овцами [Кочеев, 1988а, с.15]. Их кочевья порою подходили к Каме и оказывались на территории ханства. Ханские семьи часто заключали династические браки с ногайцами. Ногайские степи, наряду с Русью, служили местом эмиграции казанской оппозиции. В Казани имелось «мангытское княжое место». Из Казани ногайцам шла ежегодная дань медом, шубами, сукнами и деньгами – 10 кадей меда и 60 рублей денег [ПДРВ, 1793а, с.168, 220, 241; ПДРВ, 1795, с.27; ПДРВ, 1801, с.182, 233, 291]. Форма выплаты дани не была фиксированной, есть упоминание о годовой дани с Казани в размере 100 батманов меда и 9 шуб [ПДРВ, 1793а, с.241]. В другой раз речь идет о 100 батманах меда и 100 рублях [ПДРВ, 1795, с.27]. В 1577 г. князь Урус писал о том, что в Ногайскую Орду из Казани шли шубы, сукна и мед, или взамен 40 000 алтын деньгами [ПДРВ, 1801, с.182, 233, 291]. Ногайцы часто выступали союзниками казанцев и воевали совместно с ними против русских,

однако отношения, случалось, портились, и они нападали на ханство.

Разнообразные контакты существовали с Тюменским (Сибирским) ханством. Сибирские царевичи и ханы до начала XVI в. пытались влиять на Казань и претендовали на политическую власть.

С Астраханским ханством в основном поддерживались благоприятные отношения, астраханцы оказывали хотя и небольшую, но военную помощь казанским ханам.

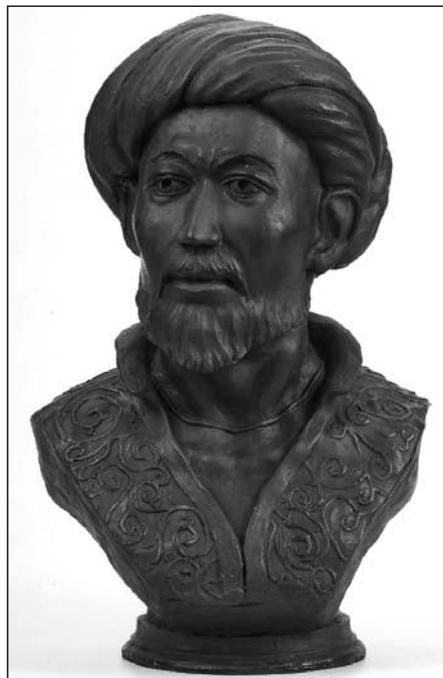
С Большой Ордой ханство находилось во враждебных отношениях, но активных боевых столкновений между ними не происходило.

Очень тесные союзнические отношения сложились с Крымским ханством, представители правящих династий находились в родственных связях с Гиреями, влияние крымской знати являлось существенным. Через Крым казанцы пытались установить отношения с Турцией. Но той помощи, на которую рассчитывали в Казани, получить ни от Крыма, ни от Турции не удалось.

Имелись дипломатические контакты с Великим княжеством Литовским, в основном они были связаны с попыткой заключения антимосковского союза.

Главным внешнеполитическим партнером Казанского ханства являлись сначала отдельные русские княжества и земли, а затем Московское государство – Россия.

На отношения между Московским княжеством и Казанским ханством влияли унаследованные ордынские традиции многовекового господства над Русью и давнее соперничество между Северо-Восточной Русью и Волжской Булгарией за контроль над Средним Поволжьем. В Средние века не существовало принципа «мирного существования» и отношения между соседями строились с позиции силы, поэтому состояние войны было обычным, а мир непродолжительным. Если военный и экономический потенциал был приблизительно равным, то какое-то время могли сохраняться равноправные отношения. Если же такой паритет нарушался, то более сильный сосед обычно пытался поставить слабого в какую-либо степень зависимости с целью создания буфера безопасности и получения экономических выгод (взимание дани и создание благоприятных условий для торговой

Казанский хан Махмутек.
Реконструкция Т.С.Балуевой. 1994 г.

и хозяйственной деятельности). Для этого использовались всевозможные средства, включая дипломатические, экономические и военные. Элита Казанского ханства не всегда адекватно воспринимала произошедшие политические изменения и, памятуя о прежнем величии некогда единой и могучей Золотой Орды, пыталась сохранить над русскими землями свою власть. Однако стремящаяся к объединению и набирающая силу Россия превращалась в мощное государство, способное вернуть и отстоять собственную независимость. Неспособность татар удержать русские земли в зависимости приводила к частым межгосударственным конфликтам.

После поражения русских под Суздалем в 1445 г. и пленения великого князя Василия II Московское княжество оказалось в даннической зависимости от Казани [Бахтин, 2008, с.156–157]. Видимо, великий князь не сразу начал выплату обещанной дани. Этим можно объяснить неоднократные вторжения казанцев в русские пределы в 1446 и 1447 гг.¹

В 50-е гг. XV в. на очередь встал вопрос об окончательном объединении русских зе-

¹ ПСРЛ. Т.XXXVII. С.44, 87–88, 113.

мель и освобождении от иностранной зависимости. Обозначилось несоответствие установившихся политических отношений реальному соотношению сил – набирающее силу Русское государство, обладавшее значительными материальными и людскими ресурсами и военным потенциалом, вынуждено было подчиняться более слабому Казанскому ханству. Это противоречие неизбежно должно было привести к конфликту. Видимо, уже на рубеже 50–60-х гг. Москва прекратила выплату дани Казанскому ханству и Большой Орде.

Другая причина ухудшения русско-казанских отношений заключается в необходимости прекращения казанских нападений и освобождения многочисленных русских пленных. М.Г.Худяков признает, что «в течение всего существования Казанского ханства русское правительство добивалось отмены христианского рабства...» [Худяков, 1990, с.42].

Одновременно обозначилось столкновение русско-казанских интересов в Вятской земле и Перми. Приступая к завершению объединения страны, Москва в 1458–1459 гг. предприняла походы против вятчан и вынудила их признать свою власть [Варнавинская старина, 1993, с.16]¹. Казань не устраивало усиление московского влияния на границах ханства и тем более переход Вятской земли под власть Москвы. Типографская и Вычегодско-Вымская летописи и письма хана Сафа-Гирея польско-литовскому королю Сигизмунду I свидетельствуют, что Казанское ханство рассматривало Вятку как сферу своего влияния и получало от туда дань. Имелись у Казани интересы и в Пермской земле [Мустафина, 1997а, с.32; Вычегодско-Вымская, 1958, с.262]².

Еще на одну причину ухудшения русско-казанских отношений обратил внимание К.В.Базилевич, отметив, что русское правительство путем установления контроля над Казанским ханством предполагало не допустить его сближения с враждебной России Большой Ордой и превратить ханство в своего стратегического союзника [Базилевич, 1952, с.199–200].

Проблему можно было решить тремя способами: 1) наладить дружеские и союзнические отношения посредством заключения выгодного договора; 2) поставить ханство в вассальную зависимость; 3) ликвидировать его путем завоевания или мирного присоединения [Ковин, 1995, с.40].

Противоречия между странами вылились в конфликт. В марте 1461 г. русские войска предприняли поход на Казань. Однако войну удалось временно предотвратить. Во Владимире Василия II встретили казанские послы, предложившие мир, поход отменили³. Однако нападения подвластных казанцам черемисов не прекратились. В 1462 г. против них была направлена ладейная рать устюжан, вологжан и галичан. Повоевав марийские селения по Вятке и Каме, русские ушли в Великую Пермь. Тем временем «рать черемиская с тотары казанскими приходила на Устюжский уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоивали; в полон повели много русских голов... Устюжане ходили за ними в погоню; сугнав их, побили всех, а полон назад отполонили весь»⁴.

Следующий вооруженный конфликт произошел в 1467–1469 гг. и был связан с борьбой за ханский престол в Казани.

Где-то в середине 60-х гг. в Казани умер хан Махмутек. В ханстве в это время жил его брат Мустафа. Он был четвертым сыном Улуг-Мухаммеда и упоминается в тюркском сочинении 1504 г. «Таварихи гузиде носрат-наме» [Материалы, 1969, с.39–40] и косвенно в русских летописях. Там рассказывается о его сыне Муртазе, который скитался по степям. В 1471 г. Иван III пригласил царевича на службу. Известно, что в 1472 г. он находился в Серпухове. 31 декабря 1473 г. «царевич Муртоза, сын казанского царя Мустофы» был принят Иваном III в Москве «и князь великий его пожаловал, дал ему Новгородок на Оце со многими волостми»⁵. Д.М.Исхаков допускает, что Мустафа остался кочевать в степях по-

³ ПСРЛ. Т.ХІІ. С.114; Т.ХVІІІ. С.214; Т.ХХV. С.277.

⁴ ПСРЛ. Т.ХХХVІІ. С.46, 90.

⁵ ПСРЛ. Т.ІІІ. С.242–243; Т.ІV. С.133, 151; Т.VI. С.9, 31–32; Т.VІІІ. С.167–168, 178; Т.ХІІ. С.141, 154; Т.ХVІІІ. С.243, 247; Т.ХХ. Ч.1. С.290, 298; Т.ХХI. С.54, 552; Т.ХХІІ. Ч.1. С.483, 492; Т.ХХV. С.291, 301; Т.ХХVІ. С.241, 253; Т.ХХVІІ. С.135, 279, 353;

¹ ПСРЛ. Т.ХІІ. С.112; Т.ХХІІІ. С.156; Т.ХХVІ. С.217; Т.ХХVІІ. С.120–121, 275, 349.

² ПСРЛ. Т.ХХІV. С.188.

сле ухода отца и братьев в Казань [Татары, 2001, с.132; Исхаков, 2002б, с.65], но не объясняет, почему его сын царевич Муртаза в русских летописях называется сыном казанского царя. В Мазуринском летописце говорится, что «к великому князю Ивану Васильевичу приидоша служить... казанских царей дети: Мустофин сын Муртоза, да Обреймов сын Абдылетив...»¹ Не исключено, что в Москве рассчитывали заполучить законного претендента на казанский престол и воспользоваться им в дальнейшей борьбе за распространение московского политического влияния на Казанское ханство.

У Махмутека было два сына – Халиль и Ибрагим. На русской службе находился их дядя, царевич Касим, приходившийся Ибрагиму одновременно отчимом². Все они могли претендовать на ханский престол. Между претендентами разгорелась ожесточенная борьба, выгоду из которой решила извлечь Москва. Сначала ханом мог стать Мустафа, однако очень скоро его, видимо, устранили. В сочинении конца XVIII в. «Таварих-и Булгария» Хисам ад-Дина Булгарского рассказывается, что Аксак-Тимура в 869 г. ездил по городам Среднего Поволжья и «был гостем у Мустафы хана» [Татарские сказания, 2009, с.947–948]. 869 г.х. соответствует периоду с 3 сентября 1464 по 23 августа 1465 г. Дата совпадает с возможным временем нахождения на ханском престоле Мустафы б. Улуг-Мухаммеда. Его сын Муртаза вынужден был спасаться в степях пока не получил приглашение на русскую службу³. Заместивший Мустафу Халиль тоже не долго проханствовал. Занятие же престола Ибрагимом (1467–1479) не устраивало часть представителей казанской знати. Делегация от оппозиции во главе с князем Абдулой-Муэмином (Авдул-Мавна) прибыла к царевичу Касиму и пригласила его на ханство. По старшинству он имел преимуществен-

ные права для занятия казанского трона. У самого Касима сил для борьбы с Ибрагимом было недостаточно, он располагал всего лишь 500–700 воинами. Царевич обратился за помощью к своему сюзеру Ивану III. В Москве не удержались от соблазна возвести на казанский престол своего вассала. Ему выделили войско – конную и судовую рати. Однако предприятие потерпело полный провал и обернулось для Москвы двухлетней кровопролитной войной.

14 сентября войско во главе с царевичем Касимом и князьями Иваном Васильевичем Стрига-Оболенским, Иваном Юрьевичем Патрикеевым и молодым талантливым полководцем Даниилом Дмитриевичем Холмским выступило в поход на Казань⁴. Сам Иван III находился во Владимире, намереваясь оттуда осуществлять руководство. Из-за поспешности поход не был подготовлен надлежащим образом ни в военном, ни в политическом отношении. Сил для успешных боевых действий оказалось недостаточно. Не благоприятствовала походу и холодная дождливая осень. Оппозиция, пригласившая Касима на ханство, не имела в Казани необходимой поддержки. Она не смогла помешать утверждению на троне Ибрагима и организации противодействия приближающемуся русско-касимовскому войску. Появление на территории ханства вражеских войск способствовало прекращению междоусобицы, упрочению позиций Ибрагима и сплочению вокруг него татар. Русские и касимовцы столкнулись с сопротивлением. Когда они, пройдя через Горную сторону, попытались переправиться на противоположный берег Волги, там их уже поджидало большое казанское войско во главе с ханом Ибрагимом. Касим вынужден был повернуть назад. На обратном пути холодные дожди и бескормица (местные жители укрывались в лесах и не давали провизии) измотали воинов, многие лишились лошадей, побросали доспехи, немало простудилось⁵. После этих событий имя Касима навсегда исчезает из летописей, вероятно, престарелый царевич

Т.XXXI. С.117; Т.XXXIII. С.124; Т.XXXVII. С.93; Татищев, 1966, с.37, 44.

¹ ПСРЛ. Т.XXXI. С.117.

² По существующему у татар обычаю левирата вдова могла стать женой следующего по старшинству брата. Поэтому жена умершего хана Махмутека, мать Ибрагима, уехала в Россию и вышла замуж за Касима.

³ ПСРЛ. Т.XXVII. С.279, 353.

⁴ ПСРЛ. Т.XXXIX. С.148.

⁵ ПСРЛ. Т.IV. С.132; Т.V. С.274; Т.VI. С.187; Т.VIII. С.152; Т.XII. С.118; Т.XXII. Ч.1. С.533; Т.XXVII. С.124; Т.XXXI. С.110; Т.XXXIII. С.120; Татищев, 1966, с.25.

простудился во время неудачного похода и вскоре умер.

Летописцы объясняли неудачу «лестью» казанцев, изначально предполагавших обмануть царевича и великого князя¹. Но если казанские феодалы в чем и обманули царевича Касима, то только в том, что переоценили свои возможности и неверно определили политическую обстановку в ханстве.

Смерть Касима превратила междоусобное столкновение за власть в ханстве в ожесточенную войну двух государств. Хан Ибрагим не простил Москве оказания помощи Касиму. Казанцы вскоре напали на Галич, но захватить его не сумели. Севшие в осаду галичане стойко оборонялись от татар, «выходя из града и бишася с ними крепко...»².

Великий князь не ограничился только оборонительными мероприятиями. В набеге на Галич, несомненно, активное участие приняли марийские отряды. Поэтому против них Иван III направил карательное войско во главе с князем Семеном Романовичем, которое выступило из Галича 6 декабря 1467 г. Зима тогда выдалась студеной, и русское войско смогло по бездорожью через замерзшие болота и реки пройти из Галича в глубь населенной марийцами территории. Для марийцев появление русских было полной неожиданностью, организованного сопротивления оказать они не смогли. В соответствии с военной практикой Средневековья было произведено опустошение марийских земель. Рать великого князя «много зла учиниша земли той, люди изсекоша, а иные в полон поведоша, а иных изожгоша, а кони их, всякую животину, чего нелзе с собою имати, то все иссекоша, а что было живота их, то все взяша; повоеваша всю землю ту, досталь пожгоша». Русские могли продвигаться до р. Илети. В летописи сказано, что они «за один день до Казани не доходили»³.

Другое войско, сформированное из нижегородцев и муромцев, в то же время про-

извело разорение селений марийцев и чувашей вдоль Волги⁴.

В марте – апреле 1468 г. черемисы и татары совершили ответный набег на Устюжский уезд, сожгли Кичменгский городок, частью уничтожив, а частью пленив жителей. Запоздавая попытка нападавших не увенчалась успехом⁵. Другое нападение казанцев произошло на Вербной неделе (27 марта – 2 апреля) на две костромские волости в бассейне Унжи. Они «множество полону взяша, а иных изсекоша». Костромской воевода И.В.Стрига-Оболенский пытался настичь татар, но и на этот раз они сумели благополучно уйти. Окрыленные удачей татары уже 17 апреля разграбили окрестности Муром, захватив большой полон. И на этот раз им удалось ускользнуть от преследователей⁶. В житии епископа Ионы Великопермского говорится, что в том же году пермские земли сильно пострадали от набегов казанских татар [Жития русских святых, 1993, с.333–334].

Лишь только вскрылись реки, в глубокий рейд по землям Казанского ханства была отправлена судовая рать во главе с воеводами Иваном Дмитриевичем Руном, Глебом и Иваном Семеновыми и Василием Губой. Выступив из Москвы, отряд прошел через Галич, Вологду, Устюг и вышел в Вятку. «Воеводы великого князя повоеваша черемису по Вятке реце» вышли в Каму. В Казани о русской судовой рати узнали с запозданием, и высланное войско не успело ее перехватить. После этого татары проследовали к Хлынову, оставшемуся без прикрытия. Татары смогли вынудить вятчан отказаться от признания зависимости от Москвы и объявить о нейтралитете: «...не помогати ни царю на великого князя, ни князю великого на царя»⁷. В Типографской летописи содержится интересное известие о том, что одним из условий мира между вятчанами и казанцами было согласие вятчан «дань да-

¹ ПСРЛ. Т.XXV. С.279.

² ПСРЛ. Т.VI. С.187; Т.VIII. С.152; Т.XII. С.118; Т.XXIV. С.187; Т.XXVII. С.124; Татищев, 1966, с.25.

³ ПСРЛ. Т.VI. С.187–188; Т.VIII. С.153; Т.XII. С.118–119; Т.XVIII. С.217–218; Т.XXIV. С.187; Т.XXVII. С.124; Т.XXXI. С.111; Татищев, 1966, с.25.

⁴ ПСРЛ. Т.VI. С.187–188; Т.VIII. С.153; Т.XII. С.118–119; Т.XVIII. С.217–218; Т.XXIV. С.187; Т.XXVII. С.124–125.

⁵ ПСРЛ. Т.VIII. С.153; Т.XII. С.119; Т.XVIII. С.218; Т.XXIV. С.187; Т.XXV. С.280; Т.XXVII. С.125; Т.XXXVII. С.12, 46, 91; Татищев, 1966, с.26.

⁶ ПСРЛ. Т.XXIV. С.187.

⁷ ПСРЛ. Т.VIII. С.153; Т.XII. С.119; Т.XXV. С.280; Т.XXXIII. С.120; Татищев, 1966, с.26.

вати гобины деля, огняша бо у них гобину», т.е. платить дань в Казань при условии возобновления поставок хлеба из Казанского ханства. Однако казанцы свое обязательство не выполнили, не стали платить дань и вятчане¹. В условиях войны нейтралитет Вятки отвечал интересам Казани.

Тем временем судовая русская рать, пограбив казанских купцов и побережье на Каме, вплоть до самых низовьев, заплывла в р. Белую. Здесь они «черемису повоевали, а люди изсекоша и кони и всякую животиину». От пленных черемисов они узнали о движении на ладьях вверх по Каме отряда из 200 татарских воинов. Отправившись вслед за ними, русские настигли татар. После ожесточенной схватки весь татарский отряд был уничтожен или пленен. В числе пленных оказались и предводители – князья Тулазий Тарханов и Берды-Ишик. Поднявшись вверх по Каме и перетащив свои насады через водораздел в один из верхних притоков Вычегды, отряд благополучно добрался до Устюга и далее до Москвы².

Военные действия происходили и на Волге. Там «татарове казанский пограбиса гостей русских»³. На Волгу была немедленно послана застава, возглавляемая князем Федором Семеновичем Хрипуном-Ряполовским. 4 июня в 40 верстах от Казани на Звенич Бору ему удалось полностью уничтожить принадлежащий к ханскому двору большой татарский отряд. Среди погибших было несколько князей, в том числе известный богатырь князь Колупай. В Ермолинской летописи о нем сказано, что он был «всех пуще татар, и ординских и казанских». Князь Хозум-Бердей был захвачен в плен и доставлен в Москву⁴.

Казанцы не заставили себя долго ждать с ответом. Тем же летом они появились «около Муроме и много полону взяша». Однако на этот раз безнаказанно уйти им

уже не удалось. Стоящий в Муроме князь Д.Д.Холмский возглавил погоню и настиг татар. Он смог освободить пленных и уничтожить часть отряда, другие татары, бросив коней, сумели скрыться в густом лесу⁵.

В 1469 г. состоялся большой поход на Казань. Войска возглавил воевода Константин Александрович Беззубцев. Митрополит Филипп благословил воинство идти в поход против «безбожных агарян на Казань... за святых божия церкви и за православное христьянство...» [Русский, 1986, с.180]. Предполагалось нанести комбинированный удар двумя группами войск по Волге, Вятке и Каме. Операция разрабатывалась с учетом результатов рейдов по этим рекам годом раньше. Вятчане отказались присоединиться к московской рати, мотивируя свой отказ договором с казанским ханом. «Изволил нас царь, и право есмь свое дали ему, что нам не помогаги ни царю на великого князя, ни князю великого на царя», – говорили вятчане московским воеводам. Без участия вятчан северная группировка русских войск не располагала необходимыми для успешных действий силами. Вследствие этого общее наступление на Казань задержалось. Находившийся в Хлынове казанский посол успел сообщить в Казань о готовящемся вторжении. «Отселе от Вятки, рать идет великого князя судовая, но не во мнозе», – сообщил он⁶. Фактор внезапности был утрачен, и сама операция против Казани оказалась под угрозой срыва.

В этих условиях осторожный Иван III не решился на крупномасштабное наступление имеющимися силами. В войска был послан приказ об отмене похода. Однако учитывая высокий воинский дух, великий князь разрешил добровольцам «воевати казанские места по обе стороны Волги».

В набеге вызвались участвовать практически все русские войны, томившиеся от безделья в Нижнем Новгороде. Они сказали воеводе: «Все хотим идти на окаянных татар за святые церкви и за своего государя, великого князя Ивана, и за православное христианство». К.А.Беззубцев с частью воинов по распоряжению Ивана III остался в

¹ ПСРЛ. Т.XXIV. С.188.

² ПСРЛ. Т.VI. С.188; Т.VIII. С.153–154; Т.XII. С.120; Т.XXV. С.280–281; Т.XXVI. С.224; Т.XXVII. С.125; Т.XXXIII. С.120; Т.XXXVII. С.91; Тагицев, 1966, с.26.

³ ПСРЛ. Т.VI. С.188; Т.XX. Ч.1. С.279.

⁴ ПСРЛ. Т.VIII. С.154; Т.XII. С.120; Т.XXII. Ч.1. С.533; Т.XXIII. С.158; Т.XXIV. С.187, 225; Т.XXV. С.281; Т.XXVII. С.125, 277; Тагицев, 1966, с.26, 29.

⁵ ПСРЛ. Т.XXIV. С.187.

⁶ ПСРЛ. Т.XXV. С.282.

Нижнем Новгороде. Во главе войска встал И.Д.Руно¹, проявивший себя во время рейда в 1468 г.

Смелый и решительный полководец избрал главной своей целью Казань. Рано утром 21 мая русские неожиданно для татар ворвались в городской посад и «начаша сечи и грабити, и в плен имати». Жители пытались укрыться в своих домах и мечетях, но гибли в огне вместе с имуществом: «Мнози же бесермяни и татары, не хотяще ся дати в руки християном, а болшим, желяще по мнозеи богатстве своём, и запирающе над своим добром во храмах своих и з жёнами и з детми, и со всем, что у них есть, и тако изгореша»². На посаде было освобождено много русских пленников. Интересно перечисление мест, откуда они были: «... московской, рязанской, литовской, вяцкой и устюжской и пермьской, и иных городов...»³ Отойдя на остров Коровнич, русские целую неделю оставались хозяевами положения. Лишь после этого казанцам удалось собраться с силами и выступить против них. Кроме татар в войске были марийцы, удмурты, башкиры и другие народы Поволжья и Приуралья. Казанцы предполагали неожиданно обрушиться всею силою на русских, но этого не случилось. Перебежавший русский пленник успел предупредить о их намерениях. Несмотря на превосходство в силах, успеха казанцам достигнуть так и не удалось, русские не только отразили нападение, но и сами перешли в контратаку и преследовали татар до самых городских стен⁴.

Тем временем в Нижнем Новгороде стало известно об успешности действий русских войск под Казанью. Воевода К.А.Беззубцев выступил на помощь с находившимся при нем отрядом и встал во главе войска. Вятчане же по-прежнему не соглашались нарушить нейтралитет и тем срывали успешно начатую операцию.

Бессмысленно простояв под Казанью семь недель, так и не дождавшись прихода северной рати, русские начали остро испытывать недостаток в продовольствии: «...у

них уже начат не стати корму, немного бо со собою запаса имали, понеже шли изгоном». Раздобыть провизию у местных жителей не представлялось возможным из-за засад и нападений. Русские чувствовали себя уверенно только на реке, где они оставались хозяевами, поэтому могли довольствоваться лишь рыбой и тем немногим, что можно было найти на островах. К.А.Беззубцев принял решение об отходе. Направив казанцам предложение о мире, войско поплыло в сторону Нижнего Новгорода. По пути им встретила едущая в Казань вдова царевича Касима, она же мать хана Ибрагима. От нее узнали, что великий князь хочет завершить конфликт и направляет старую царицу к хану с предложением о мире. Она говорила воеводам: «Князь великий отпустил меня к моему сыну со всем добром и с честью, то уже не будет никоего же лиха меж их, но все добро будет». В Казани, однако, мирную инициативу Ивана III и отход судовой рати посчитали за проявление слабости и пустились в погоню за русскими. 23 июля, во время остановки на Звенич Бору, русские были настигнуты большим конным и судовым казанским войском: «...приидоша на них судовую ратию и конною по берегу». Русские, впрочем, не растерялись, они смело контратаковали казанскую судовую рать и вынудили ее отступить. Под покровом ночи русские смогли оторваться от противника и уйти к Нижнему Новгороду⁵.

Тем временем удалось уговорить вятчан участвовать в походе. Длительная задержка стала губельной для северной рати. Спустившись вниз по Вятке и Каме, войско вышло в Волгу. Казанцы заблаговременно узнали о приближении русских, ввели их в заблуждение и успели устроить засаду. Разыгравшееся вблизи Казани речное сражение стало самым крупнейшим в истории русско-казанских конфликтов. Обе стороны бились ожесточенно и несли большие потери, доходило до абордажа. «И бысть бой силен и сеча зла, множество же от обоих ту убьено бысть...» – сообщает летописец⁶. Отчаян-

¹ ПСРЛ. Т.XXXVII. С.46.

² ПСРЛ. Т.XXVII. С.127.

³ ПСРЛ. Т.VIII. С.156; Т.XII. С.122; Т.XXV. С.282; Т.XXVII. С.126; Татищев, 1966, с.28.

⁴ ПСРЛ. Т.XXV. С.282; Т.XXVII. С.126.

⁵ ПСРЛ. Т.XXVII. С.127–128; Татищев, 1966, с.27–29.

⁶ ПСРЛ. Т.XXIV. С.188.

ный героизм проявили устюжане. По словам летописца, князь Василий Ухтомский, сражаясь с татарами, «бил их, скачючи по судом, ослопом». В то же время воевода «Григорий Перхушков пробежал, не бився». Потеряв 430 человек убитыми и много пленными, русские все же сумели прорваться и соединиться под Нижним Новгородом с основными силами¹.

Несмотря на неудачу и большие потери, воины хотели немедленно повторить поход на Казань. Учитывая настроение войска и отказ казанцев от перемирия, Иван III решил продолжить военные действия и тотчас отправить войска в новый поход на Казань.

Возглавленные братьями великого князя Юрием и Андреем, конная и судовая рати 1 сентября вновь подошли к Казани и атаковали ее. Удалось сжечь посад, но ворваться в город русские не смогли. Казанцы осуществили вылазку, отбросили русских и «побившеся мало, бежавше в град...». Русские перешли к осаде, построили острог. Вскоре они смогли отсечь казанцам доступ к воде, что значительно осложнило положение обороняющихся. На переговорах хан Ибрагим согласился на мир «на всей воли великого князя и на воевоцкой»². В Архангелогородском летописце уточняется, что был выдан весь, захваченный за 40 предшествующих лет русский полон³. Туманность формулировки об условиях мира свидетельствует о скромных успехах русских. Не было и шертного договора, закреплявшего вассальные отношения. Война завершилась без явной победы какой-либо стороны. Назревало новое столкновение.

В последующие восемь лет мир между Москвой и Казанью не нарушался, хотя и сохранялась напряженность. В эти годы Иван III был занят борьбой за подчинение Новгорода и свержением зависимости от Большой Орды хана Ахмата. Хана Ибрагима не устраивало ослабление позиций в регионе. Более всего он был недоволен вят-

чанами, которые нарушили клятву и снова приняли сторону Москвы. В 1471 г. вятчане совершили удачный набег на столицу Большой Орды Сарай ал-Махруса. На обратном пути возвращавшихся с добычей вятчан безуспешно пытались перехватить казанцы⁴. В 1475 г. татарами на Каме было уничтожено 40 устюжских купцов⁵. Война началась зимой 1477/78 г. Во время похода Ивана III против Новгорода в Казань поступило ложное известие о поражении московских войск. Поверив этому, хан Ибрагим выступил в поход против Вятки. Казанцы смогли захватить много пленных, но ни один городок не был взят. Месячная осада Хлынова не увенчалась успехом и обернулась для казанцев лишь большими потерями. В конце февраля 1478 г. Ибрагим решил попытать счастье возле Устюга. Однако время было упущено, устюжане заблаговременно успели подготовиться к встрече противника, а ранняя весна воспрепятствовала продвижению войск. Достигнув разлившейся р. Моломы, татары остановились. Здесь их настигло известие о победе Ивана III над Новгородом. Оно произвело столь сильное впечатление на татар, что те, бросив котлы с варившейся пищей, поспешили в беззащитную Казань⁶.

Вятка входила в сферу интересов Москвы и любое посягательство на русские земли рассматривали как враждебное проявление. К тому же хан не ограничился Вяткой, а попытался напасть на подчиненный Москве Устюг. В мае 1478 г. на Казань было послано две ладейные рати. Их возглавляли воеводы Василий Федорович Образец, Борис Слепой и князь Семен Иванович. Удар наносился по Волге и с севера по Вятке и Каме. 26 мая судовая рать покинула Нижний Новгород и двинулась к Казани, попутно разоряя прибрежные селения марийцев и чувашей. Действуя аналогичным образом, вторая рать продвигалась к Казани по Вятке и Каме. Однако поход не был хорошо подготовлен; когда войска приблизились к Казани, произошла сильная буря, разбившая

¹ ПСРЛ. Т.ХХVII. С.277; Т.ХХХVII. С.46–47, 92; Татищев, 1966, с.29.

² ПСРЛ. Т.IV. С.132–133; Т.V. С.275; Т.VI. С.188; Т.VIII. С.158; Т.XII. С.123; Т.ХХII. Ч.1. С.533; Т.ХХIV. С.188; Т.ХХVII. С.277; Т.ХХХI. С.111; Т.ХХХVII. С.47; Татищев, 1966, с.29.

³ ПСРЛ. Т.ХХХVII. С.47.

⁴ ПСРЛ. Т.VI. С.193; Т.XII. С.141; Т.ХХII. Ч.1. С.460, 483–484.

⁵ ПСРЛ. Т.XII. С.158; Т.ХХIX. С.195.

⁶ ПСРЛ. Т.VI. С.221; Т.XII. С.189; Т.ХХII. Ч.1. С.469; Т.ХХIII. С.178; Т.ХХV. С.323; Т.ХХХVII. С.48.

Казанский хан Мухаммед-Эмин.
Реконструкция Т.С.Балуевой. 1995 г.

суда с боезапасом и провиантом, а в Казани успели подготовиться к осаде. Русским пришлось заключить с казанцами мир, «якоже угодно бысть великому князю»¹. Об условиях договора упоминает только В.Н.Татищев, пишущий, что воеводы взяли «из Казани полон русский и дары...» [Татищев, 1966, с.65]. Война 1477–1478 гг. привела к дальнейшему усилению противоречий между Москвой и Казанью.

Время смерти хана Ибрагима точно не известно. Некоторые исследователи полагают, что он умер в 1479 г. [Алишев, 1995, с.37; Худяков, 1990, с.43]. После него остались три сына от ногайской княжны Фатимы Али (Алегам), Худайкул и Мелик-Тагир. Еще двух сыновей Мухаммед-Эмина и Абдул-Латифа родила Ибрагиму другая жена, тоже ногайская княжна Нур-Салтан. Ханом стал Али. Нур-Салтан с сыновьями выехала в Москву. Там Мухаммед-Эмин был определен на службу, сама же вдовья царица с малолетним Абдул-Латифом уехала в Крым и вышла замуж за хана Менгли-Гирея. Это со-

бытие серьезно повлияло на политические взаимоотношения между Казанью и Москвой. У Москвы снова оказался законный претендент на казанский престол.

Хан Али пользовался поддержкой Ногайской Орды. В Москве и Крыму, напротив, вынашивали планы поселения на казанский престол Мухаммед-Эмина. Для Ивана III он был вассалом, а для крымского хана пасынком. Как великий московский князь, так и крымский хан хотели распространения на Казань своего влияния, в этом их интересы временно сходились.

Безрезультатное для обеих сторон завершение войны 1477–1478 гг. оставляло напряженность между государствами. Вмешательству в казанские дела благоприятствовали непрекращающиеся нападения на границах. По Кажировскому и Ветлужскому летописцам в 1479 г. татары и черемисы вторглись в Ветлужскую область и разорили Корельско-Якшангский Никольский монастырь и церкви, убили или пленили многих жителей [Дементьев, 1892, с.9; Дементьев, 1894, с.41]. В писцовой книге по Чухломе за 1615 г. описывается поросшая лесом пашня, которая «запустела от войны казанских людей 130 лет» [Источниковедение, 1981, с.122]. Летом 1481 г. защищать Пермскую и Вятскую землю от вторжений казанцев было направлено войско во главе с Андреем Мишневым [Шишонко, 1881, с.31]. Эти нападения и другие инциденты послужили причиной новой войны.

В 1482 г. Иван III направил против казанцев войска. Ладейная рать приблизилась к Казани, но до большой войны не дошло, снова удалось заключить мир². Однако хан Али не соблюдал навязанных ему договоренностей. Позднее, в ноябре 1489 г. на запрос ногайских послов великий князь велел отвечать так: «Ино Алегам царь был с нами в правде, и грамоты были меж нас с ним записаны, другу другом быти, а недругу недругом быти; да на чём нам молвил и как нам в грамотах записал, в том ни в чем не стоял, а нам не правил» [Сборник РИО, 1884, с.83, 95, 97].

¹ ПСРЛ. Т.VI. С.221; Т.XII. С.189; Т.XXIII. С.178; Т.XXV. С.323; Разрядная книга, 1977, с.20.

² ПСРЛ. Т.XX. Ч.1. С.348–349; Т.XXIV. С.202; Т.XXXVII. С.49; Разрядная книга, 1977, с.24–25.

Как и прежде для вмешательства в казанские дела в Москве воспользовались междоусобицей среди казанской знати. В 1485 г. «прислаша казанци к великому князю, а ркучи так: «Что есмя отпустили к тебе царевича (Мухаммед-Эмина. – А.Б.) на том, что почнет наш царевич (Али. – А.Б.), царя нашего, а меншицин сын, над нами чинить лихо, и ты опять отпусти царевича нашего к нам: и нынеча наш царевич, а меншицин сын, услышав то да зазвавши нас к себе на пир хотел нас перетеряти, и мы в поле убежали, и он, ехавши в город да окрепивши город да за нами пошёл в поле»¹. Следовательно, вмешательство Москвы во внутренние дела Казанского ханства было обусловлено не только ее интересами, но и части казанской знати, отстаивавшей свое привилегированное положение по отношению к ханской власти.

В том же 1485 г. русские войска совершили поход на Казань. Али успел заблаговременно бежать к ногайцам. На казанский престол возвели Мухаммед-Эмина, при нем оставили советников и воинский отряд «для сбережения»².

Смена хана усилила междоусобную борьбу внутри ханства. Кроме того, произошло прямое столкновение интересов России, Ногайской Орды и Тюменского ханства. Мухаммед-Эмин попытался арестовать и выслать в Москву своих братьев Худайкула и Мелик-Тагира и концентрирующуюся вокруг них оппозицию. Однако осуществить арест не удалось. Попытка вызвала недовольство населения Казани, которое было так велико, что только присутствие русского отряда спасло хана от расправы, он вынужден был даже покинуть город. Казанцы били челом хану, «и он с ними помирился, сел опять на царство на Казани»³.

Оппозиция поспешила воспользоваться настроением масс и направила своего посланца в Ногайскую Орду к скрывающемуся там хану Али. Вскоре он во главе большого ногайского войска появился под Казанью. Мухаммед-Эмин, состоящие при нем московские советники и небольшой русский

отряд охраны вынуждены были покинуть страну, Али вступил в Казань.

Прямое вмешательство Ногайской Орды вынудило Ивана III организовать большой поход с целью восстановления на престоле Мухаммед-Эмина. 11 апреля 1487 г. русское войско выступило в направлении Казани⁴.

Пытаясь предотвратить вторжение, хан Али направил в Москву посольство во главе с Бахтияр-уланом, Мангушем и Тевекелем. Однако дипломатическая миссия не удалась. Иван III не захотел вступать в переговоры и арестовал послов [Сборник РИО, 1884, с.64–65]. В Казани тем временем приготовились к осаде. Вокруг посада был возведен острог, стянуты значительные силы. На помощь прибыли отряды ногайцев. После большого сражения на берегу Свяги татары отступили к Казани [Казанская история, 1954, с.58]. 18 мая русское войско приступило к осаде города, продолжавшейся 52 дня. С тыла против русских действовало большое союзное войско во главе с казанским князем Али-газы (Ольгаза). Из города осажденные совершали смелые вылазки. Русским удалось отразить все нападения и наголову разбить войско Али-газы. Его остатки были вытеснены за Каму. После этого положение осажденной Казани стало критическим, и 9 июля сторонники московской партии вынудили Али капитулировать. Архангелогородский летописец, содержащий наиболее подробный рассказ о событиях, сообщает, что «царь сам выеде из города неволею, и в руки воеводам великого князя впаде»⁵. Герберштейн также пишет о том, что хан Али против своей воли был выдан русским воеводам своими приближенными [Герберштейн, 1988, с.170]. Свергнутого хана сослали в Вологду, где и умер, а его мать, сестру и братьев сослали на Белоозеро.

На ханство во второй раз возвели Мухаммед-Эмина (1487–1496). Начиная с этого времени, над ханством был установлен русский протекторат, а хан стал вассалом великого московского князя. Наиглавнейшие вопросы внутренней и вся внешняя политика ханства были поставлены под

¹ ПСРЛ. Т.VI. С.237.

² Разрядная книга, 1977, с.26; Разрядная книга, 1966, с.20; ПСРЛ. Т.V. С.44.

³ Разрядная книга, 1977, с.26–27.

⁴ ПСРЛ. Т.VIII. С.217; Т.XXIV. С.205; Разрядная книга, 1977, с.27–28.

⁵ ПСРЛ. Т.XXXVII. С.50, 96.

контроль России. Ханство обязывалось выплачивать дань. При казанском хане постоянно находились советники великого князя, рядом с городом размещался русский воинский отряд.

Установление протектората над Казанским ханством позволило Москве приступить к окончательному подчинению Вятской земли, еще сохранявшей самостоятельность. Летом 1489 г. на Вятку было направлено московское войско. Под Котельничем к москвичам присоединился казанский отряд в 700 воинов во главе с князем Ураком. Вятка капитулировала¹.

Желая урегулировать отношения с Ногайской Ордой, в Москве санкционировали женитьбу Мухаммед-Эмина на дочери ногайского князя Мусы. Однако прибывшие в составе многочисленной свиты невесты ногайцы усилили ослабевшую было восточную партию. Окрепнув, она исподволь стала готовить переворот. Весной 1496 г. заговорщиками Калиметом, Ураком, Садырем и Агишем был приглашен сибирский царевич Мамук. О движении сибирско-ногайского войска своевременно стало известно в Москве, и в Казань успели прибыть русские полки, Мамук отступил. Полагая, что опасность миновала, русские войска покинули ханство. Тут же весть об этом дошла до Мамука, который «приде ратью под Казань со мною силою нагайскою и с князи казанскими». Мухаммед-Эмин не имел надежной опоры среди казанцев, поэтому поспешил убежать в Россию.

Однако восшествие на престол Мамука (1496–1497), воспитанного на степных традициях, лишь ухудшило положение казанцев. Желая одарить своих воинов, он не ограничился опустошением казны, а стал грабить казанцев. Никакого ограничения своей деспотической власти он не признавал и бросал в тюрьму всех, кто как-либо противился ему. Такие действия новоявленного хана очень быстро настроили население против него. Первыми выступили арские князья. Для подавления восстания Мамук организовал карательный поход с участием как своих войск, так и с привлечением отрядов казанских феодалов, которых для этого при-

шло выпустить из тюрьмы. Однако Арск взять так и не удалось, а казанские князья увели свои отряды. Возвратившись к Казани, Мамук увидел закрытые ворота и изготовившихся к битве горожан. Какое-то время хан стоял под городскими стенами и пытался захватить Казань, пока до него не дошли известия о том, что казанцы предусмотрительно послали делегацию в Москву. Угроза появления в тылу многочисленного русского войска вынудила Мамука уйти от города еще до разлива рек. Переживая неудачу, изгнанный хан по дороге в Сибирь умер².

По просьбе казанцев в апреле 1497 г. на казанский престол был возведен брат Мухаммед-Эмина Абдул-Латиф, выросший в Крыму и к тому времени поступивший на службу в Россию³. Однако крымское воспитание очень быстро проявило себя, своенравный хан не подчинялся Москве и настроил против себя многих казанцев: «начал лгати и ни в какие делах не учал управы чинити, да и земле казанской учал лих быти» [Сборник РИО, 1884, с.461]. В январе 1502 г. Абдул-Латиф по просьбе казанцев был смещен и отправлен в ссылку. На ханство в третий раз возвели Мухаммед-Эмина (1502–1518) [Татищев, 1966, с.65].

Однако на этот раз подверженный влиянию Мухаммед-Эмин оказался под воздействием сторонников восточной партии. По установившейся традиции вдова умершего хана Али, ногайская княжна Урбетъ, с разрешения великого московского князя была освобождена из ссылки и вышла замуж за Мухаммед-Эмина. Она очень полюбилась хану и имела на него сильное влияние. С ее помощью сторонники восточной партии добивались устранения явных московских сторонников. Оставаясь в тени, оппозиция смогла вызвать недовольство казанцев репрессиями. Когда для разбирательства из Москвы был прислан Михаил Клепик, возмущенные вмешательством во внутренние дела ханства члены дивана высказались за немедленное избиение всех русских, находящихся в стране. Заговорщики предложили выступить 24 июня, обосновав это

² ПСРЛ. Т.VIII. С.232; Т.XII. С.243.

³ Разрядная книга, 1977, с.50; Татищев, 1966, с.87.

¹ ПСРЛ. Т.XXXIII. С.125; Татищев, 1966, с.76.

тем, что «не добро, аще ныне сие учиним, то мнози гости, иже к Иванову дни на базар приезжают, услышавше, убогут с пути, идущие сему». Среди верхушки казанской знати, впрочем, остались «вернии доброты русские». Князь Алачей даже успел предупредить русского посла М.Клепика, но трагедии предотвратить не удалось. 24 июня 1505 г., во время открытия ежегодной ярмарки, татары неожиданно «начаша русских всех имати, убивати и грабити, иже не чаяху никакого зла на себе и опасения не имеша. И бысть избиено множество руси». По Ермолинской летописи, погибло около 15 000 русских людей¹. Убежавших «побили черемиса на дорозе, а иных в избу насажав, да зажгли, и много зла сотвори Руси»².

В августе Мухаммед-Эмин во главе 40-тысячного казанского войска, к которому присоединилось 20 тысяч ногайцев, выступил в поход на Русь. С запозданием в Муром были посланы войска во главе с И.И.Горбатовым, С.И.Воронцовым и В.Д.Холмским. Туда же направлялись служилые татарские царевичи Салтанак и Зеналей³. 6 сентября казанско-ногайское войско осадило Нижний Новгород, а загонные отряды рассеялись по окрестностям вплоть до Муромы. Казанцам и ногайцам удалось захватить большую добычу, однако этим их успех и ограничился. Идти за Оку было уже нельзя, там сконцентрировалось 60 тысяч русских воинов. Однако наступать воеводы не спешили, предаваясь пьянству и веселью. В то время как «татарове от Нижняго ездяче до Муромы, волости пленяху и воеводам тем ругахуся», т.е. татары выезжали на берег Оки напротив русских и выкрикивали оскорбления по поводу их трусости.

Воеводой в Нижнем Новгороде был талантливый и решительный полководец Иван Васильевич Хабар-Симский, сумевший организовать оборону надлежащим образом. Не имея достаточно сил, он вооружил 300 пленных литовских жолнеров в обмен на обещание освобождения. Русские и литовцы производили удачные вылазки и отбивали яростные приступы.

Отсутствие успеха и большие потери внесли разлад в ряды союзников. Когда погиб предводитель ногайского войска и несколько их мурз, между ногайцами и казанцами возникла ссора, переросшая в вооруженную стычку. 6 октября ногайцы оставили своих союзников и ушли в Орду. Вынужден был покинуть Россию и Мухаммед-Эмин [Казанская история, 1954, с.60; Татищев, 1966, с.99–100]. Только под Нижним Новгородом союзники потеряли более 5000 воинов, многие попали в плен. Вопрос о судьбе пленённых долгое время был предметом обсуждения дипломатов [Посольские книги, 1995, с.54–55, 58–59, 65–66, 75–76, 78–79, 81].

Смерть Ивана III, последовавшая 27 октября, и наступившая осень помешали организовать поход против Казани. Великим князем стал Василий III (1505–1533). Им в апреле 1506 г. была направлена на Казань ладейная и конная рати. Воеводы действовали крайне несогласованно и вопреки всем инструкциям. Приплывшая к Казани ладейная рать не стала дожидаться конницу и сразу же, с ходу 22 мая атаковала город. Казанцы заранее устроили засаду, отсекали русских от судов, окружили и разгромили [Татищев, 1966, с.101]. Когда Василий III узнал о случившемся, то послал по Волге подкрепление, строго запретив возглавлявшему войска брату князю Дмитрию Жилке штурмовать Казань до соединения всех сил. Однако тот не послушал распоряжения великого князя и, лишь только под Казань прибыла конная рать, отдал распоряжение о новом штурме. Он начался 25 июня и обернулся еще большей трагедией для русских войск. Как и в первый раз, казанцы применили военную хитрость, тщательно организовав засаду. Как раз в эти дни обычно возле Казани проходила ежегодная ярмарка. На просторном Арском поле были расставлены шатры и велся торг. Однако ярмарка на самом деле являлась хорошо организованной ловушкой. Ее охранял лишь небольшой отряд, основные же силы казанцев, среди которых летописцы выделяют черемисских лучников, располагались наготове в городе и в засаде в ближайшем лесу. Не распознавшее замысла противника русское командование приказало атаковать ярмарку. Находившиеся там татары инсценировали паническое

¹ ПСРЛ. Т.XXIII. С.197; Т.XXXIV. С.8.

² ПСРЛ. Т.XXX. С.140.

³ Разрядная книга, 1977, с.87.

бегство. Русские, долгое время оторванные от своих баз и испытывавшие острый недостаток провизии, заняв ярмарку и обнаружив там много съестного и вина, позабыв об опасности «начаша без страха ясти и пити, и упиватися без ведания скверным ядением и питием варварским, и глумитися и играти и спати до полудня» [Казанская история, 1954, с.62]. Выждав момент, татары и черемисы со всех сторон атаковали размолввших и дезорганизованных русских. Сопротивление было слабым, и сражение скоро превратилось в жестокую резню, русское войско потерпело позорное поражение. Уцелевшие остатки русской рати, с трудом отбиваясь от наседавших со всех сторон преследователей, уплыли на Русь¹.

Предполагая продолжить войну, хан попытался заключить антимосковский союз с Крымом и Литвой. Для этого туда направили посольства [Lietuvos, 1995, р.51–57, 59–60; Сборник РИО, 1895, с.56, 71, 75, 77.]. В Литве заинтересовались и послали в Казань посольством пана Сороку. В Крыму же, напротив, изыскивали возможность для примирения сторон. Крымские послы прибыли в Казань и Москву и убеждали враждующие стороны прекратить конфликт. В Казани произошел переворот в пользу московской партии. Литовский посол Сорока и активные сторонники войны погибли [РГАДА, ф.389. Литовская метрика. Кн. записей №7, с.578, 662; Lietuvos, 1995, р.394; Сборник РИО, 1895, с.77–78]. После этого стали возможны мирные переговоры. Казанская мирная делегация прибыла в Москву в марте 1507 г., предупредив тем самым новый русский поход на Казань. В ходе переговоров обе стороны пришли к компромиссу: были возвращены все русские пленные, захваченные в ходе войны, и Мухаммед-Эмин формально признал вассальную зависимость ханства от России. Однако фактически Казанское ханство восстановило суверенитет, могло проводить относительно самостоятельную внешнюю политику, вмешательство во внутренние дела ханства было устранено, русские войска не вводились в страну, не посылались в Казань и советники.

¹ ПСРЛ. Т.VI. С.245; Т.VIII. С.246; Т.XIII. С.4; Татищев, 1966, с.102.

В последующие годы отношения между государствами развивались в целом благоприятно, как и прежде возобновилось взаимовыгодное экономическое сотрудничество. В 1510–1511 гг. Москву и Казань посетила крымская царица Нур-Салтан и царевич Сахиб-Гирей². Целью поездки являлось укрепление дружественных отношений между странами. В марте 1512 г. Москвой и Казанью был заключён «вечный мир»³. Тем не менее обострения на границах происходили не раз. К этим годам относится сообщение Герберштейна о разбоях черемисов между Галичем и Вяткой [Герберштейн, 1988, с.162]. В Разрядной книге имеются записи о том, что в 1513 и 1517/18 гг. в пограничные города были направлены дополнительные силы «для козанских людей приходу»⁴.

В первой четверти XVI в. произошли значительные изменения в расстановке политических сил в Восточной Европе. Набирало силу Российское государство, внешнеполитическое влияние которого быстро росло. Одновременно произошло значительное усиление Крымского ханства, с 1475 г. ставшего вассалом Османской империи. Крымские феодалы задались целью распространить свою власть на все пространство, ранее подчиненное Золотой Орде, возродить «юрт отцов». Начиная с 1507 г. крымские татары стали нападать на южные окраины России. Особенно участились набеги после смерти в 1515 г. хана Менгли-Гирея, который являлся союзником России, и восшествия на престол ее яркого противника Магмед-Гирея I (1515–1523)⁵.

Известие о смертельной болезни бездетного казанского хана Мухаммед-Эмина давало повод для вмешательства во внутренние дела Казанского ханства как России, так и Крыму. Братья Мухаммед-Эмина – Худайкул и Мелик-Тагир – давно приняли православие и поэтому утратили право на казанский престол. Казанцы просили у великого князя отпустить к ним на ханство опального Абдул-Латифа, однако его прокрымская ори-

² ПСРЛ. Т.VI. С.251–252; Т.XIII. С.13–14; Татищев, 1966, с.107–108.

³ ПСРЛ. Т.VI. С.252; Татищев, 1966, с.108.

⁴ Разрядная книга, 1977, с.131, 156.

⁵ ПСРЛ. Т.XIII. С.5, 15; Татищев, 1966, с.103, 108–109, 115, 117.

ентация была хорошо известна в Москве. В ноябре 1517 г., перед отъездом в Казань, он умер при загадочных обстоятельствах. Не исключено, что тут не обошлось без отравления. Предложенная Бахчисараем кандидатура крымского царевича Сахиб-Гирея Московской была отклонена. На освободившееся в декабре 1518 г. место казанского хана Московской был направлен касимовский царевич Шигалей (Шах-Али Шейх-Аулиярович). Он родился в России в 1505 г. Его отец приходился племянником хану Большой Орды Ахмату, и потому Шах-Али являлся кровным врагом крымцев. Остановившись на этой кандидатуре, Боярская дума рассчитывала тем самым застраховать себя от нового антирусского сговора.

В апреле 1519 г. 13-летний Шах-Али (1519–1521) прибыл в Казань в сопровождении русского посла Ф.И.Карпова и воинского отряда. При новом хане позиции России в Поволжье временно укрепились.

Воцарение русского ставленника устраивало далеко не всех, предпринимались попытки склонить Шах-Али к антирусским действиям. Хану говорили: «Да владеши ты един Казанию и всеми нами и, укрепився во орде своей, будеш с руси дань емляти, яко же и прежде деда наши; и будем, пленя землю Рускую, богатети». Шах-Али, несмотря на свой юный возраст, отличался умом. Выслушав казанскую знать, он возразил им, сказав, что теперь ситуация сильно изменилась, и слабое Казанское ханство никогда не сможет подчинить более сильную Россию. Зная о контактах казанской знати с крымцами, он предостерегал: «На крымских нам надежды нет, той бо хосчет вся себе покорити» [Гатищев, 1966, с.122]. Тем не менее контакты сторонников восточной партии с крымцами и ногайцами не прекращались. Шах-Али стал заключать представителей оппозиции в тюрьму и предавать казни. Репрессии оттолкнули казанцев от русского ставленника, подготовив почву для государственного переворота.

Весной 1521 г. крымское и ногайское войско предприняли вторжение на Русь. Перед этим в Казань был послан с 300 воинами царевич Сахиб-Гирей [Сборник РИО, 1895, с.678]. В Казани с приходом крымцев вспыхнуло восстание, арестовывались или

убивались все русские, касимовцы и явные сторонники Шах-Али из числа казанцев. Казанский летописец указывает, что только татар было убито 5000 и еще 1000 русских [Казанская история, 1954, с.65]. Самому Шах-Али вместе с женой, русским послом и 300 касимовским татарам удалось покинуть страну. На казанском престоле утвердился представитель крымской династии Сахиб-Гирей (1521–1524).

Сразу же после переворота началась война с Россией. Казанцы прошли через нижегородские, муромские, мещерские и владимирские места и 1 августа соединились с ногайцами и крымцами в Коломне под Москвой. Основательно разорив Подмоскovie, союзники с большой добычей и полонем ушли обратно¹. На других направлениях также происходили вторжения казанских отрядов. Галицкий летописец сообщает, что 26 мая «приходили татаровя казанския с черемисою на Унжеския волости и на парфян и много зла учинили и в полон поведоша, а иных иссекоша и поидоша прочь». Русские погнались за ними и «много с татары бишася, и много татар и черемисы побиша и плен весь отгьяша, и на костях сташа». Однако уже 4 июня в эти же места вторгся уже намного больший отряд. Казанцы долго осаждали Унжу и грабили окрестные волости. Летопись сообщает, что «того же лета приходили татаровя в Жегово и Найду и в Шартаново и на Толшму». Нашествие распространилось вплоть до р. Сухона. Только из одной волости Толшмы было уведено в плен 6500 человек [Кунцевич, 1905, с.601–602]. Подвергалась нападению и Вятская земля [Документы по истории Удмуртии, 1958, с.349–350]. Пленных казанцами русских людей с большой выгодой впоследствии продали на базарах Астрахани и Кафы.

В следующем году нападения казанцев продолжились. «15 сентября 1522 г. «приходили татаровя и черемиса на Галецкая волости и поплениша их много, а люди иссекоша и заставу великого князя в Парфенева разгнаша, а воевод съсекоша, а иных в полон поведоша», а 28 сентября «ударилася татаровя на Южно безвестно на монастырь, и

¹ ПСРЛ. Т.ХХII. Ч.1. С.518; Герберштейн, 1988, с.173, 175; Кунцевич, 1905, с.602; ДРВ, 1791а, с.84.

церковь Николы Чудотворца ожьгоша и людей в полон поведоша, а иных иссекоша», – сообщает летописец [Кунцевич, 1905, с.602].

Зимой 1522/23 г. Сахиб-Гирей начал мирные переговоры с Москвой. Однако когда весной крымский хан Магмед-Гирей и ногайский князь Мамай заняли Астрахань и изгнали оттуда союзника России хана Хусейна, Сахиб-Гирей прервал переговоры и приказал казнить русского посла В.Ю.Поджогина, перебить всю его свиту и русских купцов, рискнувших возобновить торговые операции с Казанью. По словам летописца, Сахиб-Гирей «много зла христианству навёл и кровь пролил, яко воду»¹.

Тем временем на юге произошли важнейшие события, основательно изменившие политическую ситуацию в Восточной Европе. Ногайские князья Мамай и Агиш после совместной с крымцами победы над астраханским ханом Хусейном обеспокоились усилением влияния Магмед-Гирея в Поволжье. Неожиданно они напали на крымцев, убили самого хана и его сына Батыра и много воинов, после чего совершили поход на Крым [Герберштейн, 1988, с.176]. Военные силы и экономика Крымского ханства оказались существенно подорваны. Надежда на установление крымской гегемонии над Средним и Нижним Поволжьем в одночасье рухнула.

Новый крымский хан Саадет-Гирей (1524–1532) не был враждебно настроен против России и возможности вести с ней войну не имел. Послав в Москву своего гонца Кудояра, хан писал: «Да послал есми гонца своего в Казань к брату своему к Саип-Гирею царь с кем яз в дружбе буду. А ты б с тем в дружбе же был, а тот из моего слова не выступит. И ты б ся с Казанью помирил, рати бы еси своей на них не посылал, однолично братству твоему примета то» [РГАДА, ф.123. Сношения России с Крымом. Кн. №6, л.8–9 об., 11–11 об.]. Однако в Москве поспешили воспользоваться удобным моментом. В сентябре 1523 г. русское войско вторглось на Горную сторону, судовая рать доплыла до Казани [РГАДА, ф.201. Рукописное собрание М.А.Оболенского,

№42, л.20; Тихомиров, 1930, с.110]. В устье Суры на правом казанском берегу была построена крепость Васильсурск. Окрестное население, «мордву и черемису казанскую за государя всяя Руси к шерти привели»². Васильсурск был построен одновременно как пограничная крепость и как база для наступления на Казань. Строительство Васильсурска неоднозначно расценили уже современники. Герберштейн полагал, что целью походов русских войск покорение Казанского ханства, и указывал, что возведение Васильсурска «явилось источником многих бедствий» [Герберштейн, 1988, с.134, 176]. Крепость поставили на правом казанском берегу, и это вызывало недоумение даже среди русской знати. Сын боярский И.Н.Берсень-Беклемишев в сентябре 1523 г. в разговоре с Федькой Жареным говорил: «Почто князь великий ходил в Новгород, поставил на их стороне лукно³, ино как ся с ними помирити?... и поставити было город, ино было поставити на своей стороне, ино бы и миру быти». Другие представители знати, напротив, одобрили строительство Васильсурска. Митрополит Даниил хвалил Василия III, за то «что город поставил» и говорил, что великий князь «тем деи городом всю землю казанскую возьмёт» [Акты, 1836, с.144]. Итальянец Павел Иовий писал, что «при впадении реки Суры царствующий ныне Василий основал город Сурцик с той целью, чтобы устроить в этом пустынном месте надёжное и безопасное пристанище с гостиницами и лавками для купцов и путников, которые ставят в известность ближайших порубежных начальников о татарских делах и движениях этого беспокойного племени» [Россия, 1997, с.273].

17 октября произошел ответный набег казанцев. Татары подошли к Галичу, сожгли посад, но города взять не смогли и отступили⁴.

Сахиб-Гирей просил помощи у Крыма, но оттуда был послан лишь небольшой от-

¹ ПСРЛ. Т.VI. С.264; Т.VIII. С.270; Т.XXXI. С.127; Татищев, 1966, с.124; Шмидт, 1951, с.281.

² ПСРЛ. Т.VI. С.264, 281; Т.VIII. С.270; Т.XIII. С.43–44; Т.XXII. Ч.1. С.538; Герберштейн, 1988, с.176.

³ Лукном или лукошком Берсень-Беклемишев иронично называл новую крепость Васильсурск из-за ее небольшого размера.

⁴ ПСРЛ. Т.IV. С.541; Т.VI. С.281–282.

ряд во главе с 13-летним царевичем Сафа-Гиреем, племянником Сахиб-Гирея. Но и тот был перехвачен каисмовцами и понес потери, хотя царевич сумел прорваться в Казань [Тихомиров, 1930, с.109]. Не получив помощи из Крыма, весной 1524 г. Сахиб-Гирей направил своего посла непосредственно к турецкому султану с просьбой об оказании помощи и намерении признать турецкий вассалитет. Однако в Стамбуле тогда еще мало интересовались делами в далеком Среднем Поволжье. Действенной помощи Казань так и не получила. Турция ограничилась лишь дипломатическими мерами. Летом 1524 г. в Москву прибыл турецкий посол грек Искиндер Сака. Статус его был невысоким, он являлся купцом и посольские функции выполнял попутно. Кроме вопросов о дружбе и торговле, коснулся он и казанской проблемы. Посол заявил, что «Саип-Гирей царь присылал ко государю нашему сее весны бити челом, а заложился за государя нашего: и то юрт государя нашего, и князь бы великий х Казани рати не посылал». Посольский дьяк Шыгоня невозмутимо отвечал: «Посылал Саип-Гирей царь к салтану – ино то он ведает, а то изначала юрт государя нашего» [Документы, 1916, с.76–77]. После этого вопрос о турецком вассалитете больше не поднимался.

В исторической литературе в связи с этим фактом появились утверждения о распространении турецкого вассалитета на Казанское ханство. Сахиб-Гирей-хан даже стал именоваться турецким ставленником [Шмидт, 1954, с.187–257; Бурдей, 1954, с.27–36; Айплатов, 1967, с.19; Котляров, 1999, л.202; Зорин, 2001, с.9]. Конечно же, никаких, даже формальных, проявлений вассалитета не было, все ограничилось простой декларацией. Факт турецкого вассалитета убедительно опровергается С.Х.Алишевым [Алишев, 1990, с.15]. Вместе с тем попытка установления вассальных отношений Казанского ханства к Турции знаменовала собой поворот в истории русско-турецких отношений XVI в. – от дружественных, какими они были во времена Селима I, к враждебным.

В то время когда Искиндер Сака прибыл в Москву, русские войска уже выступили в поход на Казань. Правительство Василия III рассчитывало нанести решающий удар Ка-

занскому ханству. Для этого были собраны значительные силы¹. Судовая рать отплыла 14 мая. Номинально её возглавлял Шах-Али. По Казанскому летописцу, численность войск достигала 150 000 воинов [Казанская история, 1954, с.67], Герберштейн пишет, что число русских «судов было так велико, что река [Волга], пусть и широкая, всюду казалась покрытой множеством кораблей» [Герберштейн, 1988, с.176–177, 179].

В Казани были в панике, Сахиб-Гирей покинул Казань, передав престол племяннику. Русские источники единодушно утверждают, что Сахиб-Гирей покинул ханский престол и Казань, испугавшись русской рати². Восточные источники умалчивают о причине бегства Сахиб-Гирея из Казани. Сейид Мухаммед Риза, например, заявляет, что Сахиб-Гирей, «просидев пять лет на ханском троне при непрерывных мятежах и смутах, счел за благо уступить свое беспокойное место бывшему при нем племяннику своему, сыну Махамед-Гирея, Сафа-Гирею, а сам, под предлогом благочестивого путешествия к святым местам, удалился к порогу могущества султана Сулеймана, где он и был милостиво принят» [Смирнов, 2005, с.399]. Личный врач и биограф Сахиб-Гирея турок Бадр ад-Дин Мухаммед б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди, известный как Реммал Ходжа, в 1553 г. написал сочинение «Тарих-и Сахиб-Гирей» («История Сахиб-Гирей-хана»). Касаясь обстоятельств отъезда хана из Казани, он пишет, что Сахиб-Гирей был «ханом в Казани, но по собственной воле оставил... прибыл сюда, чтобы ехать к святой Каабе»³. Герберштейн сообщает, что Сахиб-Гирей оставил престол временно и только для того, чтобы выпросить помощь у турецкого султана [Герберштейн, 1988, с.176]. Однако предположение Герберштейна не находит подтверждения.

¹ Разрядная книга, 1977а, с.189–190; Татищев, 1966, с.124.

² РГАДА, ф.201. Рукописное собрание М.А.Оболенского. № 42, л.20 об.; ПСРЛ. Т.VIII. С.270; Т.XIII. С.44; Т.XXI. С.127; Разрядная книга, 1977а, с.190; Шмидт, 1951, с.282; Документы, 1916, с.58.

³ Архив востоковедов. Институт восточных рукописей РАН, ф.50 (Василий Дмитриевич Смирнов), оп.1, ед.хр.114. Повествование о событиях царствования Сахиб-Гирея, хана крымского. Сочинение Раммаль-Ходжи-Кедаи-Кайсуни, л.2.

Прибыв в Крым, Сахиб-Гирей не выезжал в Стамбул и не проявлял какой-либо активности в решении казанских дел, напротив, он включился в борьбу за власть в Крымском ханстве и по прошествии времени занял ханский престол. В 1538 г. Сахиб-Гирей, будучи уже крымским ханом, в письме Ивану IV отрицал факт своего изгнания из Казани и объяснял отъезд единственно желанием возвратиться в Крым. «Коли есми в Казани был и в день и в ночь за всё есми мыслил про свой юрт, – писал он, – николи у меня из мысли не выхаживал. А мысль наша была х Крыму итти на свою землю. А казанские люди и добрые и худые так нам говорили, чтобы мы у них были, да так ся не стало. От таковы мысли от них пошли есмя, а не они нас от себя отослали. Таково божья величества судеб дело, землю нашу нам в мысль вложил, от того юрта нас отвёл, слава богу» [РГАДА, ф.123. Сношения России с Крымом. Кн. №8, л.534–534 об.]. Ясно, что Сахиб-Гирей не привлекала расположенная на отшибе мусульманского мира Казань с ее суровым северным климатом и чрезвычайно опасным русским соседом. Но, скорее всего, Сахиб-Гирей скрывал истину, и его отъезд являлся не только собственной инициативой, но и следствием противоречий с казанской знатью. В Пафнутиевском летописце сказано, что «князи казанские Саап-Кирей с царства збили, того ради, что посылал на великого князя украину без их ведома» [Тихомиров, 1930, с.109].

Новый казанский хан Сафа-Гирей (1524–1532) был энергичным и мужественным, упрямым и резким, решительным и настойчивым человеком с авантюристическим складом характера, обладал несомненным талантом полководца и организатора, был изворотливым политиком и дипломатом. Турецкий хронист XVI в. Мустафа аль-Дженнаби называет его «одним из величайших и могущественных государей» [Худяков, 1990, с.113]. Ему вторит его современник астраханский поэт Ходжи Тархани Шерифи, который называет Сафа-Гирейя обладателем сабли и пера, источником благородства и щедрости, т.е. указывает, что он был не только воинственным, но и образованным [Шерифи, 1995, с.87]. Сообщение восточного источника полно-

стью подтверждаются словами Казанского летописца, который поведал о том, что, будучи в услужении у хана, часто беседовал с ним по вопросам татарской истории и то, что хан рассказал ему, впоследствии вошло в его сочинение [Казанская история, 1954, с.44]. Такой человек встал во главе Казанского государства в ответственный момент, когда к столице приближалось несметное вражеское войско.

Сафа-Гирей, проявив незаурядные способности, организовал отпор русскому наступлению, сумев отстоять независимость ханства. Лишь только 7 июля русские появились под Казанью, татары сразу же стали совершать вылазки из города, а марийцы развернули против них настоящую партизанскую войну. Они перекрыли все дороги и не давали русским не только пополнять продовольственные запасы, но и лишили их всякой связи. Казанцы же, через своих марийских разведчиков, были в курсе всех действий русских войск.

Василий III, обеспокоенный длительным отсутствием известий из-под Казани, направил Волгой суда с провиантом, вооружением, боеприпасами и жалованьем. Командующим флотилией был назначен боярин Иван Палецкий. Сушей для подкрепления был послан отряд из 500 всадников. Однако как этому отряду, так и флотилии не суждено было соединиться с главными силами. Всадники были окружены на Горной стороне черемисами и разгромлены. Прорваться к своим смогли только девять воинов.

Более страшную трагедию пришлось пережить флотилии, плившей по Волге. Уже в пределах ханства часть ее судов пристала на ночлег к левому берегу. Перед восходом солнца, скрытые густым туманом, марийцы незаметно подкрались к расположившимся на берегу русским и стремительно атаковали их. Около 90 судов и 2700 человек или погибли, или были захвачены нападавшими. Сам воевода И.Палецкий в числе немногих сумел добраться до ладьи и отплыть от берега. После столь дерзкого нападения оставшиеся суда флотилии начали прижиматься к противоположному правому берегу. На это и рассчитывали марийцы и чувашаи. В узком месте реки, где острова разделяли русло на несколько протоков, ими были за-

ранее сооружены запруды из стволов деревьев. Большинство историков соотносит эти события с местом у Важнангерского (Мало-Сундарского) городища, известного еще и как Аламнер [Никитина, Михеева, 2006]. Столкнувшись с непредвиденным препятствием русские суда скопились под высоким обрывистым берегом. Черемисы, выждав момент, стали сбрасывать на них сверху заблаговременно срубленные могучие дубы и большие камни, до поры удерживаемые на веревках. Срывающиеся с кручи огромные деревья и камни падали на сгрудившиеся суда, топя их: «...погражати-ся от единого древа ладьям 5 и боле с людьми, и з запасом, и стенобитным нарядом». В начавшейся панике суда сталкивались, люди оказывались в воде и тонули. С берега русских осыпали тучами стрел меткие черемисские лучники. Разгром флотилии был полным. Русские потеряли почти все суда, погибло 25–30 тыс. чел. Лишь небольшой группе судов, на одном из которых находился и воевода И.Палецкий, удалось прорваться к Казани. Черемисам достались богатые трофеи. Несколько дней они поднимали со дна реки пушки, порох, ядра, воинскую амуницию, оружие, серебро, золото, жемчуг и другие драгоценности [Герберштейн, 1988, с.177–178; Татищев, 1966, с.124; Казанская история, 1954, с.67–68].

Намного удачнее действовала конная рать, возглавляемая И.В.Хабаром-Симским. Преодолевая сопротивление горных людей, она 24 июля вышла на Итяково поле возле реки Свияги. Здесь ее уже поджидало большое казанское войско, усиленное чувашско-марийским ополчением. Казанцами командовали князь Отуч (Отун) и аталык Талыш. Последний был известным казанским воеводой. Яркую характеристику ему дал Казанский летописец. Он называет его храбрым и решительным воином, без страха нападавшим с небольшим отрядом «на велик полк бойцев удалых», наносившим поражение русским и всегда остающимся неуязвимым. Внешне Талыш производил впечатление богатыря из тюркского эпоса, был величественный, широкоплечий. Он обладал невиданной силой, мог одним ударом меча разрубить противника надвое. От его разящего меча не спасал ни шлем, ни панцирь. Стре-

ля из лука, он мог послать стрелу более чем за версту. Без промаха поражал любую цель – птицу, зверя или человека. В бою русские воины опасались вступать с ним в единоборство и спасались бегством. Храбрейшие русские воины не отваживались выезжать с ним на поединки. Даже воевода Иван Бельский не чувствовал уверенности в своих силах и не принимал вызовов Талыша [Казанская история, 1954, с.70].

Первыми атаковали казанцы, согласно Пафнутиеvскому летописцу, они «пришли на воевод безвестно». Волоколамский летописец указывает, что в атаке участвовало 2000 «избранных татар», их поддерживало татарское ополчение, марийцы, чуваш и мордва. Сражение приняло ожесточенный характер и с перерывами с переменным успехом продолжалось три дня. В конце концов сражение завершилось полной победой русских: «...на том бою многих князей и мурз и татар и черемису и чувашу избиша, и иных князей и мурз многих живых поимаша». Бегущих преследовали и убивали, многие утонули в Свияге и Волге. Лишь некоторым удалось спастись в ладьях или рассеяться по лесу. По словам воевод, казанцы потеряли около 42 000 чел., велики были потери и у русских¹.

Воины Хабар-Симского жестоко отомстили горным людям за уничтожение конного отряда и флотилии И.Палецкого. Они лавиной прошли по беззащитным селениям Горной стороны, «воююще улусы казанския» и «повоеваша нагорную черемису» [Казанская история, 1954, с.68; Герберштейн, 1988, с.179; Татищев, 1966, с.124–125].

Обе воюющие стороны понесли большие потери, поэтому быстро согласились на перемирие. Война завершилась в целом благоприятно для Казанского ханства. Оно сумело отстоять свою независимость, а на ханском престоле остался Сафа-Гирей. До-

¹ РГАДА, ф.201. Рукописное собрание М.А.Оболенского. № 42, л.20 об.; ПСРЛ. Т.VI. С.264; Т.VIII. С.270; Т.XIII. С.44; Т.XX. Ч.1. С.403; Т.XXII. Ч.1. С.520, 538; Т.XXIII. С.203; Т.XXIV. С.222; Т.XXXI. С.127; Разрядная книга, 1977а, с.189–191; Татищев, 1966, с.124; Казанская история, 1954, с.68; Шмидт, 1951, с.282; Герберштейн, 1988, с.179; Тихомиров, 1930, с.111; Зимин, 1972, с.262–263.

стигнутым успехом Казань во многом была обязана действиям черемисских отрядов, т.е. марийцам и чувашам. Однако эта же война показала, что Казань не в состоянии защитить своих подданных на Горной стороне. В дальнейшем это обстоятельство сыграло важную роль в политической переориентации горных марийцев, чувашей и мордвы.

Заключить перемирие с русскими казанцев вынудили не только тяжелые потери и усталость от войны, но и осложнения с Ногайской Ордой. Ногайские отряды появились на казанских границах. Бежавший из Казани в Крым Сахиб-Гирей столкнулся с людьми князя Агиша и едва не был убит [Документы, 1916, с.58]. Вскоре после ухода русской рати из-под Казани в конце августа ногайцы вторглись на земли ханства и подвергли их сильному разорению [Тихомиров, 1930, с.111].

Начавшиеся с 1525 г. мирные переговоры между Москвой и Казанью затянулись и были безрезультатными. Русское правительство никак не хотело смириться с восстановлением Казанским ханством полного суверенитета и безуспешно добивалось хотя бы формального признания зависимости ханства. Оказывалось экономическое давление. Ярмарка из-под Казани была перенесена под Нижний Новгород к Макарьеву монастырю¹. Между Казанью и Москвой началась торговая война, от которой страдали обе стороны. Произошло нарушение русско-казанских торговых связей. Герберштейн пишет, что Василий III пригрозил «тяжкой карой всякому из своих подданных, кто отправится впредь торговать» в Казань. Очевидно, то же самое сделал и Сафа-Гирей, «... следствием этого явились дороговизна и недостаток очень многих товаров...». В Казани не получали русские товары и, в первую очередь, соль, русские лишились «очень многих товаров, которые привозились по Волге от Каспийского моря с астраханского рынка, а также из Персии и Армении, в особенности же превосходной рыбы, в том числе белуги, которую ловят в Волге выше и ниже Казани» [Герберштейн, 1988, с.179]. В Казани было много желающих продолжать

нападения на русские поселения. На границах возникали инциденты. Против русских дипломатов устраивались провокации. Все это мешало заключению мира. Герберштейн писал, что во время его второй поездки в Москву в 1526–1527 гг. казанские послы «все еще находились в Москве, но и тогда было никакой надежды на заключение в будущем мира между нами» [Герберштейн, 1988, с.179]. Переговоры неоднократно заходили в тупик, и стороны стояли перед возобновлением боевых действий. Ситуация обострилась в 1529 г., когда хан подверг посла А.Ф.Пильмова оскорблениям и отказался от дачи шертной грамоты².

Правительство Василия III снова попыталось решить проблему военным путем. В апреле 1530 г. две рати: судовая во главе с Ф.И.Бельским и М.В.Горбатым и конная во главе с М.Л.Глинским и В.А.Шереметевым – были направлены на Казань. На этот раз русские усвоили преподанный им шесть лет назад урок и сумели беспрепятственно провести свои суда к Казани. Двигавшейся через Горную сторону коннице, напротив, пришлось преодолевать ожесточенное противодействие со стороны марийцев, чувашей и татар. Только 10 июля конное войско вышло к Казани.

Но и в Казани уже успели подготовиться к осаде. Сафа-Гирей «посла во вся улусы казанския по князи и мурзы, веля им в Казань собратися изо отчин своих». Среди прибывших для защиты города заметную часть составляли марийские отряды. Марийцами вокруг казанского посада были возведены деревянные стены, которые им же поручили защищать. На подмогу казанцам пришло 30 000 ногайских воинов во главе со старшим сыном князя Ших-Мамаю мурзой Касаем и братом Яглызом (Агишем). Прибыл астраханский отряд.

Противостоящие силы были значительными, и события разворачивались динамично. Русские приступили к обстрелу города из пушек, а казанцы стали предпринимать многочисленные вылазки. У стен города с утра до вечера происходили ожесточенные столкновения. Лишь на короткую летнюю ночь противники отходили на отдых в свои

¹ ПСРЛ. Т.XXII. Ч.1. С.520; Тихомиров, 1930, с.111–112; Шмидт, 1951, с.282.

² ПСРЛ. Т.VIII. С.272; Татищев, 1966, с.126.

лагеря. В ночь на 15 июля десятеро русских смельчаков незаметно подкрались к стенам острога и, воспользовавшись тем, что утомленные стражники задремали, убили их и подожгли деревянные стены. Прежде чем был подан сигнал тревоги, огонь успел охватить значительную часть острога и русские смогли ворваться в посад. В начавшейся панике защитники посада гибли, не успевая одеться и взять в руки оружие. Тогда же погиб знаменитый казанский воевода аталык Талыш. Его настигли безоружного, раздетого и босого и закололи копьями. Лишь отчаянное самоотверженное сопротивление группы воинов позволило некоторым укрыться за городскими стенами. В этом сражении погибло более 15 000 защитников посада, преимущественно марийцы и ногайцы.

После потери посада положение защитников Казани стало критическим. Русские поставили возле городских стен гуляй-город и начали вести непрерывный пищальный и пушечный обстрел. В переполненной людьми Казани ядра и пули легко находили себе жертву.

В один из дней началась сильная буря с ураганным ветром и проливным дождем. Русские воины поспешили укрыться от непогоды, покинув позиции. Этим сразу же воспользовался Сафа-Гирей, удобный момент они решили использовать для бегства. Забрав всех имевшихся лошадей, они пошли на прорыв. Отсыревший порох не дал русским возможности воспользоваться огнестрельным оружием, с большими потерями Сафа-Гирею и его людям удалось прорваться сквозь кольцо осады. Брошенные своим ханом и преданные союзниками казанцы впали в депрессивное состояние. Несмотря на то что в городе оставалось еще 12 000 воинов, никакого желания сопротивляться не было. Даже крепостные ворота три часа оставались открытыми. Занять Казань русским не позволил лишь местнический спор, возникший между князьями И.Ф.Бельским и М.Л.Глинским. Каждому из них хотелось первому вступить в город.

В Казани не потеряли присутствия духа лишь одни марийцы. Воспользовавшись неразберихой и странным поведением русских, они сделали дерзкую вылазку и захватили 80 городен (щитов) из гуляй-города, 7 пу-

шек, пищали и целый обоз с боеприпасами. Все это марийцы смогли беспрепятственно увезти в город и закрыть за собою ворота. Наблюдая со стен героические действия марийских воинов, казанцы воспрянули духом и изготовились к обороне. Опомнившиеся русские еще много дней обстреливали город, но победа выскользнула из их рук. 30 июля воеводы согласились на перемирие и, удовлетворившись данью за три года, приказали войскам возвращаться в Россию¹.

После ухода русских войск в Казань вернулся Сафа-Гирей. Казанцы не выказали открыто своего отношения к хану, но настроения горожан сильно изменились в пользу мира с Россией. Они были недовольны предательским бегством хана и союзников, устали от затянувшегося десятилетнего конфликта, последствия которого отрицательно сказывались на экономике ханства, препятствовали торговле с Россией.

Осенью того же года в Москве возобновились мирные переговоры. Казанскую делегацию возглавляли князья Табай, Тевекель и бакшей Ибрагим. Казанцам и русским на этот раз удалось прийти к соглашению. Остановились на формулировке, признававшей казанского хана «братом и сыном великого князя», что ставило Сафа-Гирея почти в равное положение с московским государем. Казанцы обязывались возвратить захваченную марийцами артиллерию и произвести обмен пленными. Однако с трудом достигнутое соглашение не было утверждено Сафа-Гиреем. Он выдвинул предварительным условием для заключения мира возвращение делегации, передачу в одностороннем порядке всех казанских пленных и захваченной казанской артиллерии. Отказ от ратификации мирных договоренностей стал неприятным сюрпризом не только для русских, но и для казанской делегации. «А ныне царь в своем слове не устоял, – говорили казанцы, – на чем великому государю бити челом послал, и он то все презрел, а нас забыл, а того не похотел, на чем мы сделали». Непоследовательность хана они объяснили тем, что «пристали к нему крымцы

¹ ПСРЛ. Т.III. С.199; Т.IV. С.16; Т.VIII. С.273; Т.XIII. С.47; Т.XXI. С.605; Т.XXII. Ч.1. С.538; Т.XXVI. С.314; Разрядная книга, 1977а, с.197–199, 215; Тагицев, 1966, с.127–128.

да нагаи да тутошние люди лихие». Срыв мирных переговоров однозначно вел к возобновлению военных действий, что противоречило желаниям основной массы казанцев. Выражая их настроения, послы заявили боярам о том, что Сафа-Гирей не пользуется поддержкой народа: «...а земля с ним однолично не вместе...», и что они не хотят больше служить предавшему их хану. «Царю казанскому служить не хотим... коли мы царю ненадобны, и нам царь ненадобен», – заявили они. После чего послы неожиданно для русских объявили о своем желании организовать переворот в Казани и попросили Василия III оказать военную поддержку¹.

Тем временем Сафа-Гирей возобновил военные действия. В январе – феврале 1532 г. татары и черемисы предприняли крупномасштабное вторжение в русские северные волости Толшму, Тиксну, Сянжему, Товто, Городишную, Унжу и мн. др. Нападения принесли много бедствий русскому народу. Масса людей погибла или была захвачена в плен, сгорели многие селения и церкви. Сохранился рассказ о длительной осаде 14-тысячным татарско-черемисским войском Солигалича. Вторжение было столь значительным, что в Тотьме, Устюге и Вологде началась паника. Лишь посланные из Чухломы войска вынудили казанцев отступить².

Одновременно с возобновлением войны в Казани по распоряжению хана была арестована русская делегация, которая вела мирные переговоры. Стремясь сделать примирение с Россией невозможным, Сафа-Гирей, невзирая на протест многих казанских князей и мурз, намеревался казнить переговорщиков. Недовольство ханом достигло крайнего предела, и весной 1532 г. в Казани произошел переворот. Многие крымцы и ногайцы из окружения хана были перебиты. Погиб сибирский князь Растов с детьми, князь Али Шакуров и др. Прочих вместе с ханом выгнали прочь из города. Новое правительство возглавил князь Булат Ширин и дочь хана Ибрагима царевна Ковгоршад (Гаухаршад). По их просьбе 29 июня

1532 г. на ханство был посажен брат Шах-Али 15-летний касимовский царевич Джан-Али (1532–1535)³. Шах-Али был недоволен тем, что его проигнорировали и даже начал вести переговоры с казанцами и иными странами. Скоро это стало известно великому князю. Попытку вести самостоятельную политическую игру жестко пресекли. Служилого хана и его приближенных арестовали и отправили в ссылку на Белоозеро⁴.

Над Казанским ханством, хотя и в несколько смягченной форме, вновь был восстановлен российский протекторат. При Джан-Али постоянно находились русские советники, в городе размещался отряд русских воинов. Внешнюю политику страны поставили под контроль. Хан должен был испрашивать у великого князя разрешение на женитьбу на дочери ногайского мурзы Юсуфа Сююмбике [ПДРВ, 1791, с.267]. Вооруженные силы ханства обязывались принимать участие в военных мероприятиях России. Зимой 1534 г. казанское войско участвовало в войне с Литвой на стороне России [Зимин, 1950, с.13]. При нем ханство выплачивало России дань, в посольской книге она именуется «оброком» [РГАДА, ф.123. Сношения России с Крымом. Кн. № 8, л.475].

В то же время Василий III счел возможным проводить более гибкую компромиссную политику и шел на уступки в решении некоторых вопросов. Казанский хан был признан «братом и сыном» великого князя, т.е. почти равным с ним. Были освобождены и возвращены на родину казанские пленные. Когда в феврале 1533 г. из Казани поступила просьба оставить там трофейные русские пушки и пищали для защиты от врагов, Василий III согласился и на это⁵.

Джан-Али был неопытным и слабым правителем, и реальная власть находилась в руках князя Булат Ширин и царевны Ковгоршад, сторонников мира с Россией, но выступавших за самостоятельность страны и ограничение русского влияния в ханстве. Существенно изменилась и политическая обстановка в Восточной Европе. Женитьба Джан-Али на Сююмбике усилила ногайское

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 53–56; Татищев, 1966, с. 128–130.

² ПСРЛ. Т. XXVIII. С. 162; Разрядная книга, 1977а, с. 230; Летопись, 1913, с. 303; Апушкин, 1901, с. 502–505.

³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 56–57; Казанская история, 1954, с. 71; Татищев, 1966, с. 130–131.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. С. 67.

⁵ ПСРЛ. Т. XIII. С. 57; Татищев, 1966, с. 131, 135.

влияние в Казани. В 1532 г. в Крыму лояльный к Москве хан Саадет-Гирей был заменен ее ярым противником Сахиб-Гиреем (1533–1550), который считал Казань своим юртом и готов был помочь племяннику Сафа-Гирею, прибежавшему в Крым, вернуть ханский трон. Сафа-Гирей писал Василию III: «Мне тебя воевати не перестати и тебе мстити хочу, и где будет твой недруг, и яз с ним соединячуся» [РГАДА, ф.123. Сношения России с Крымом. Кн. 7, л.69 об.70].

3 декабря 1533 г. скончался Василий III. Великим князем стал 3-летний Иван IV (1533–1584), впоследствии получивший прозвище Грозный. Малолетством великого князя воспользовались бояре, начавшие между собой борьбу за власть. В период боярского правления Россия ослабла и утратила многие внешнеполитические позиции. К тому же начало очередной русско-литовской войны отвлекло внимание правительства и воинские силы на запад. Этим воспользовались сторонники восточной партии в Казани. Уже летом 1534 г. казанцы начали нападения на Вятку. Галицкий летописец содержит известие о набегах татар и черемисов осенью 1534 г. [Кунцевич, 1905, с.603]. Разрядная книга сообщает о том, что в 1534 г. в Галиче стояли воеводы Ю.И.Темкин-Ростовский и Д.И.Курлятев. «И тогда у них было дело на Унже с козанскими людьми»¹. «Зимой 1534/35 г. «приходили многие казанские люди к Нижнему Новгороду и Новгородские места многие пусты учиниша... полону без числа много поимали, жен и детей боярских да и черных людей с женами и з детьми многих поимали», – записал летописец [Шмидт, 1951, с.286].

Джан-Али, не обладая реальной властью, не мог прекратить самовольные набеги, а, возможно, и не хотел. За его спиной велись тайные переговоры с Сафа-Гиреем. Однако и крымское засилье не устраивало казанское правительство, поэтому приглашение Сафа-Гирея на ханство, очевидно, было оговорено какими-то условиями. Ослабление Русского государства внушало казанской аристократии надежду на избавление ханства от вассальной зависимости.

25 сентября 1535 г. в Иски-Казани Джан-Али был зарезан спящим, «с ним же убиша

воеводу его, московскаго, воздержателя царева, и вся воя их»². Вскоре в столицу ханства возвратился Сафа-Гирей (1535–1546). Сююмбике стала его младшей женой. Очевидно, это было одним из условий воцарения, иначе можно было ожидать нежелательных осложнений с Ногайской Ордой.

Не всем в Казани пришелся по душе переворот. В октябре 1535 г. князя Шабаз и Шабалат Япончины, братья Карамыш и Евлуш Хасрулловы и «с ними князей и мырз и казаков 60 человек» вступили в переговоры с касимовскими татарами, охранявшими границу. Казанцы просили передать русскому государю их просьбу о направлении к ним на ханствование Шах-Али, обещали оказать содействие в занятии престола, уверяли, что их «в заговоре казанцов князей и мырз с пятьсот человек»³. Однако бояре, увлеченные внутренней борьбой, не откликнулись на обращение оппозиционных казанских феодалов. Помешала этому и начавшаяся в сентябре очередная война с Литвой [Татищев, 1966, с.140].

После возвращения на ханство Сафа-Гирей и не думал в чем-то ограничивать свою власть. Сразу же он мобилизовал казанцев на войну с Россией. Уже 8 октября 1535 г. «приходили татарове и черемиса на Унжу, да на Шишкилево, да на пустыню на Большую, да на Чюхлому, да на Глазуново, да к Галичу городу с волостями, да в Галиче половину посада сожгли, а другие отняли, да оттуду посла сила на двое в землю пошли на селца митрополии, а стояла матица близко Усоля на Пупчеве да на Дорку на Достоевее, а воевали Кургу, да Чермагсму, да Романцов, да Залесье, да Чюдцу, да Жилино, да два Березовца, да Холм Шареев, да Слуду, да Лосево Рамение, да Жохово, да Турдеево, да вывоевали волости около Галича»⁴.

В декабре на Казань послали войско во главе с воеводами Семеном Гундоровым и Василием Замыцким. Воеводы вышли к пограничной р. Суре и наткнулись на оставленную направляющимся в набег казанским

² ПСРЛ. Т. XIII. С. 88, 100, 106; XX. Ч. 2. С. 436; Т. XXVIII. С. 62; Т. XXIX. С. 23; Казанская история, 1954, с. 72; Сборник РИО, 1887, с. 40; Татищев, 1966, с. 144.

³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 100–101, 425; Т. XXIX. С. 20.

⁴ ПСРЛ. Т. XXVIII. С. 62.

¹ Разрядная книга, 1977а, с. 264.

войском сакму (следы). Стало ясно, что татары идут на нижегородские места. Воеводы повели себя малодушно, они «на татар не поворотили, ни казанских улусов не пошли воевать, ни великому князю с вестью вскоре не послали, но возвратились в Мещеру». Ночью 24 декабря татары «безвестно» появились под Нижним Новгородом и обрушились на спящих людей. Они сожгли посад и несколько недель грабили близлежащие волости и «беглых людей на Волге много посекали». Лишь после уничтожения 50 татарских загонщиков казанцы начали отступление. Воеводы стали преследовать отступавших с полоном татар. К вечеру они смогли догнать казанцев вблизи Лыскова острова на Волге. Однако в наступившей темноте татарам все-таки удалось ускользнуть от погони¹.

6 января 1536 г. казанцы неожиданно напали на Балахну. Силы у татар были значительными, по утверждению разрядной книги, во главе их стоял сам хан. В Балахне, напротив, находился лишь небольшой гарнизон. Однако воеводой там был боярин И.В.Хабар-Симский. Он сумел организовать горожан и вместе с ними вышел навстречу татарам. Но на этот раз военное счастье изменило знаменитому полководцу, смелости и полководческого таланта для победы оказалось недостаточно. Более искусные в военном деле и многочисленные казанцы одержали победу. «И бой им с козанским царём был, и Ивана Хобара тогда побили, а Иван утёк на Болохону в мале силе», – кратко сообщается в разрядной книге. Преследуя отступающих, татары ворвались в посад, сожгли его и «множество христиан побили». Крепость казанцам захватить не удалось. Лишь только стало известно о приближении русских полков из Нижнего Новгорода, татары «прочь пошли с полоном со многым»².

В ту же зиму «приходили татарове казаньские и черемиса, многие люди, в Коряково». На этот раз воеводы С.Д.Сабуров и И.С.Карпов «татар и черемису многих побили, а иных живых переимали и к великому

князю на Москву прислали; и князь великий велел тех татар на Москве казнити»³.

30 июля большой отряд казанцев вторгся в костромские и галицкие места. Русские воеводы, не дожидаясь подкреплений, вышли навстречу им. Битва произошла на р. Куси и завершилась поражением русских. Казанцы князей П.В.Засекина-Пестрого и Меншика Полева «убили, и многих детей боярских побили». Только приближение значительных русских сил вынудило татар отступить⁴.

Русское правительство пыталось скрыть истинные масштабы казанских вторжений. Отъезжающему в феврале 1536 г. в Литву послу Якову Снозину был дан наказ отвечать на вопрос о войне с казанцами так: «Государя нашего земля сошлася с казанскою землёю, мордва и черемиса; и черемиса с мордвою с рубежа промеж себя бранят и грабят: великого князя мордва у них возмут, а черемиса у мордвы емлют, а больших войн не бывало, государь наш на казанские места воевод своих не посылывал, а казанцы на великого князя землю не прихаживали» [Сборник РИО, 1887, с.26]. А посол Иван Тарасов должен был объяснить, что хана Джан-Али убили лихие и съезжие люди и что они же пригласили в Казань Сафа-Гирея. Послу необходимо было уверить литовцев в том, что Сафа-Гирей «царь прислал ко государю, чтоб его государь в Казани держал в своем имяни, а князи и все люди казанские также присылают ко государю, чтоб им государь опалу отдал, а царя бы у них того не заимал. А и неодинова казанцы так делают: зиме подуруют, а к весне бьют челом: и государь лихих казнит, а добрых жалует» [Там же, с.40]. Впоследствии, до 1542 г., такой же наказ постоянно давался всем направляемым в Литву и Крым дипломатам [Там же, с.54, 116–117; РГАДА, ф.123. Сношения России с Крымом. Кн. № 8, л.267 об.–268, 298–298 об.]. С 1538 г., когда скрывать истинные масштабы конфликта стало уже невозможно, в наказы было добавлено уточнение, что на русские земли «казанцы

¹ ПСРЛ. Т.VIII. С.291; Т.XIII. С.88–89; 105–106; Т.XX. Ч.2. С.435–436; Т.XXIX. С.23; Тагицев, 1966, с.144; ЦК. С.59; Разрядная книга, 1977а, с.259–260.

² ПСРЛ. Т.XIII. С.106–107; Т.XX. Ч.2. С.436; Т.XXIX. С.24; Разрядная книга, 1977а, с.260.

³ ПСРЛ. Т.VIII. С.7, 291; Т.XIII. С.89, 106–107; Т.XX. Ч.2. С.436; Т.XXIX. С.24; ЦК. С.59.

⁴ ПСРЛ. Т.VIII. С.7, 291–292; Т.XIII. С.90; Т.XX. Ч.2. С.440; Т.XXIX. С.27; Разрядная книга, 1977а, с.270; ДРВ, 1791, с.114; Тагицев, 1966, с.144.

большим делом не прихаживали» [Сборник РИО, 1887, с.136–137, 179–180.].

Зимой 1536/37 г. сам Сафа-Гирей, по образному выражению летописца, «якоже змий вынырнув из хвастаи», подошел к Мурому, сжег посад и начал штурм города. Муромцы стойко оборонялись, метко стреляя из пушек и производя удачные вылазки. Через три дня, узнав о приближении русских войск, хан снял осаду и отступил¹.

Той же зимой казанцы предпринимали набеги и в северные русские волости, на костромские и галицкие места, «волости и села многие воевали и полону много безчисленно имали, и галичские места пусты учиниша»².

«В 1537 г. казанский хан «приходил вновь под Муром и посады около города пожег, а при том пошел к Нижнему Новгороду, и стоя три дни, нижегородцы с татары бились от третьяго до девятого часа и татары верхний посад выжгли, и сгорело 200 дворов», – сообщает летописец [ДРВ, 1791а, с.85]. Мазуринский летописец добавляет, что татары понесли значительные потери убитыми и ранеными, после чего «поиде царь в Казань мимо Новогород Нижний со срамом великим»³.

Зимой 1537/38 г. «ходиша татарове по московским городом, в Костромщины, и в Муромщины, и в Галич, и в Вологде, и монастыри честные многи пограбиша и пожгоша, и боярынь, и дочерей боярских, и житых людей, и жен младых, и отроков поведоша во свою землю в бесерменскую веру»⁴. Подверглась нападению и нижегородская земля. Большая татарская рать добралась даже до отдаленной р. Комелы на Вологодчине [Кунцевич, 1905, с.603]. О разорении вологодских волостей татарами и черемисами имеются известия в агиографической литературе. Многие монастыри были разорены, а монахи вынуждены спасаться в дальних лесах [Верюжский, 1993, с.256–259; Шмидт, 1954, с.230–231; Лопарев, 1892, с.16; Кунцевич, 1905, с.308–309; Жития русских святых, 1993, с.210, 387;

Минеи-Четьи, 1875, л.152–152 об.]. Опустошая русские волости, казанцы не дошли до Вологды всего 6 верст и «собра полона безчислено отоидоша прочь». Везде казанцам сопутствовал успех. Только близ Костромы русские смогли разбить татар «полон великого князя отполониша весь»⁵.

Русское государство сосредоточило на восточных границах войска⁶. 9 сентября 1537 г. состоялось новое заседание Боярской думы. Решено было весной направить на Казань судовую и конную рати. Но задуманный поход так и не состоялся. В разрядной книге по этому поводу имеется такая запись: «И тот поход х Козани не был, потому что царь козанской – Сафа-Кирей прислал к великому князю своево человека Усеина о миру»⁷. Не исключено, что в Казань поступило известие о подготовке похода.

Немаловажную роль в предотвращении русского вторжения сыграла позиция крымского хана. 24 ноября через своего посланника Дербыш-Алея он передал в Москву грамоту, в которой писал о том, чтобы «князь бы велики помирился нас для с Сафа-Киреем царевичем, что он на Казани»⁸. «Казанская земля мой юрт, – писал Сахиб-Гирей, – а Сафа-Гирей царь брат мне. И после бы еси сего дня войны на казанскую землю не чинил, также и недружбу делая, рати своей не посылал бы еси, как было в предние времена, послов своих и гостей посылал бы еси. Межи бы вас доброй мир был. А как до тебя сей наш ярлык дойдёт, а ты на него войною пойдешь, а после сего нашего ярлыка речем между собою миру не учините, и милосердного бога милостью меня на Москве смотри. А не помысли себе того, что с одними татары буду. Оприм тех, которые в наших полях татарские рати, а опроч пушечного и пищального наряду, счастливаго хандыкерея вселенского величества конную рать и янычен холопов взяв, иду. И дружба и недружба от кого придёт, толды уведаешь... куны и поминки пошлешь к нам, а с Казанью не помиришься, и ты не посылай. Також с казанским юртом помиришься, и ты посылай,

¹ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.116; ХХ. Ч.2. С.441–442; Т.ХХVІ. С.317, 322; Т.ХХІХ. С.28.

² ПСРЛ. Т.ХХІІ. Ч.1. С.524; Шмидт, 1951, с.288.

³ ПСРЛ. Т.ХХХІ. С.129.

⁴ ПСРЛ. Т.ІV. С.302.

⁵ ПСРЛ. Т.ХХІV. С.318, 324.

⁶ Разрядная книга 1977а, с.268–270, 284, 291–293, 295.

⁷ Там же, с.271–272.

⁸ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.121; Т.ХХІХ. С.31.

занже кто ему друг, тот и мне друг, а кто ему недруг, тот и мне недруг, так бы еси ведал... Казань мой стол, земля моя. А учнёшь ее воевати и ты мне друг ли будешь? И только доброво миру с ним не учинишь, и ты бы себе никоторого иного мнения в мысли не держал, милосердного бога милостью на Москве нас смотри... И только что в ярлыке писаны которые речи, и ты их не применишь, и ты худ будешь, и недруг твой над тобою будет. Никакой в мысли хитроси не держи, а опосле в думе не будет помочи. Нечто по первому реку Оку хребет себе хочешь держати. И ты на воду не надейся, Оки реки тебе не покажу. И ты б ранее себе прямо помыслил про своё дело, а не помысли себе того, что как Магмет-Кирей приходил. Боле того со мною будет силы и рати и мочи, так бы еси ведал. Опримь мое братии будет со мною сто тысяч турецкой рати да пять тысяч янычен, так бы еси ведал» [РГАДА, ф.123. Сношения России с Крымом. Кн. № 8, л.419 об.–421 об.]. Сахиб-Гирей, таким образом, призывал Москву признать правомерность занятия Сафа-Гиреем ханского престола в Казани и грозил вторжением в случае отклонения его условий. Приказные дьяки с достоинством отвечали Дербыш-Алею: «Ведает царь и сам, что как пришел Сафа-Гирей царь на Казань, и он какие государю нашему недружбы поделал. И государю нашему чего доля в Казань к Сафа-Гирей царю посылати. А пришлет Сафа-Гирей царь ко государю нашему, а захочет со государем нашим миру и государь наш с ним миру хочет как пригоже» [Там же, л.423 об.–424.]. Этим русское правительство определенно заявляло о том, что в начавшейся войне виноват Сафа-Гирей, и поэтому он и должен первым присылать послов с предложением мира, а Москва готова к таким переговорам.

10 марта 1538 г. начались мирные русско-казанские переговоры. Заинтересованным посредником выступал Крым. Крымские дипломаты оказывали давление на русскую сторону. Сахиб-Гирей писал великому князю: «И в нашем здоровье Казанская земля нам своя земля. И толко той земле учнёшь лихо чинити и с нами тебе какой мир, а учнёшь ей шод лихо и недружбу чинити и ты так ведай: опримь нашего походу, взяв хандыкерево величество да шод на твою землю

и левовати и зимовати понудимся не так как Магмед-Кирей царь шед да воротился, того себе не мысли сколько наши силы лихо чинити потщимся, так бы еси ведал. Сам еси молод, а старые твои знают сколко от отцов и от дядь твоих времён хаживали х Казани да что учинивали. Сколко не идут, и рать свою истомят, опримь убытка людям и кунам иного нет. А которой твой юрт от отца тебе достался, тот у тебя в руках. И бесерменом недружба чинити, что тебе прибудет. И ты б ныне наше слово принял, тому юрту лиха не чинив, гораздо бы еси помирился с ним... А учнёшь Казань воевати и ты не помысли себе, что тебе нас кунами утолити. Ни всего света богатства мысли моей от того не утолити, и ты так то ведай» [РГАДА, ф.123. Сношения России с Крымом. Кн. № 8, л.535–536]. Из характера ханских требований вполне очевидно, что Сахиб-Гирей хотел, чтобы великий князь отказался от притязаний на вассалитет над Казанским ханством, а как раз на этом настаивала русская сторона. Казанцы, видимо, тоже не соглашались на признание выдвигаемых условий. «И казанской царь с государем нашим миру не потому хочет как годно двема государством», – заявлял дьяк Федор Карпов крымскому послу мурзе Сулешу [Там же, л.600]. Переговоры затянулись. Стало очевидно, что между Крымом и Москвой разворачивается борьба за преобладающее влияние в Казанском ханстве [Ермушев, 1997, с.24].

3 апреля при загадочных обстоятельствах умерла мать малолетнего Ивана IV. Современники не без основания полагали, что еще совсем молодая княгиня была отравлена. Проведенные в настоящее время исследования ее останков подтверждают это – в ее волосах обнаружено повышенное содержание ртути [Панова, Пежемский, 2004, с.26–31; Панова, Самойлова, 2004, с.35]. Смерть регентши вызвала новый виток борьбы между боярскими группировками, приведшей к параличу государственной власти.

За всем происходящим внимательно наблюдали казанские дипломаты. Не желая заключения мира, Сафа-Гирей выдвигал заведомо неприемлемые требования о выплате Москвою дани – «поминоку казанцам». Русские дипломаты с возмущением отвечали: «А в прежних летах того не бывало, что-

бы поминки казанскому царю посылавали прежние государи великие князи» [РГАДА, ф.123. Сношения России с Крымом. Кн. 8. л.643]. При этом нападения казанцев на русские границы не прекращались и во время мирных переговоров. Дьяк Федор Карпов говорил крымскому послу мурзе Сулешу о том, что как начались переговоры «и после того государя нашего люди его [казанского хана] землям никоторого лиха не чинивали, а его люди казанские государя нашего украини городом в те два года много лиха учинили» [Там же, л.594–594 об., 616 об.–617].

Осенью 1539 г. Сафа-Гирей прервал мирные переговоры и возобновил вторжения на Русь. Казанский отряд во главе с князем Чюрой Нарыковым 20 сентября захватил Жиланский городок [Кунцевич, 1905, с.311, 326, 603.]. В ноябре казанские войска вместе с ханом подходили к Мурому и опустошали нижегородские земли¹.

В феврале – марте 1540 г. тот же Чюра Нарыков с 8-тысячным войском, в котором были татары, черемисы и чувашаи, опустошил костромские места. Русские воеводы смогли догнать казанцев, однако те не только отбились, но и нанесли русским поражение. В бою погибли князья Б.Сисеев и В.Ф.Кожин-Замыцкий².

В декабре возглавленное Сафа-Гиреем войско вновь подошло к Мурому, но на этот раз успех не сопутствовал казанцам. Уже через два дня после начала осады русские предприняли вылазку и нанесли татарам ощутимые потери. Тем временем касимовские татары разгромили промышлявших грабежом ногайцев и освободили много пленных. Узнав о приближении русских войск и касимовцев, Сафа-Гирей снял осаду с Муромы и поспешил возвратиться в Казань, увозя с собой значительный полон³.

В том же году «пришедшу на Великую Пермь с ратью тотары казанские, князя великого вотчину пограбили, пожгли, а люди пермские посекали многие» [Вычегодско-Вымская, 1958, с.265].

«В сентябре 1541 г. «приходили казанские татарове к Нижнему Новуграду и убили под посадом нижегородских 36 человек, а иных живых плениша и отидоша паки в Казань», – написано в летописи⁴.

Зимой 1541/42 г. произошло вторжение 30-тысячного войска. В его составе, кроме казанцев, находились крымцы и ногайцы. На этот раз Сафа-Гирей разорил муромские волости, вотчины князей Пожарских, половину владимирских волостей, напал на Стародуб и Ряполов. Со значительным полоном ему и на этот раз беспрепятственно удалось покинуть пределы России⁵.

В 1542 г. 4000 татар и черемис напали на Вятскую землю, а затем подошли к Устюгу и «повоевали все устюжские волости и городки». В Дымкове ими было сожжено 73 двора и 2 церкви. Награбленной добычи было так много, что они не могли все увезти с собой на лошадях. Решено было возвращаться по рекам на плотках. Погрузив на них всю добычу и пленных, татары и марийцы отплыли восвояси. Однако под Котельничем попали в засаду, устроенную вятчанами. Татары были уничтожены полностью, марийцам же удалось прорваться в лес и уйти на р. Пижму [Титов, 1903, с.5; Спицын, 1883, с.35].

В 1543 г. последовал очередной поход Сафа-Гирея против Муромы. Настойчивость казанского хана, вне всякого сомнения, не была случайной. Падение Муромы открывало казанцам путь в центральные области России. Но и на этот раз пришлось ограничиться лишь разорением волостей и уводом в плен жителей⁶. В 1544 г. произошло нападение казанцев на нижегородские места [Кунцевич, 1905, с.311; Сборник РИО, 1887, с.239].

Зимой 1544/45 г. «приходили на Володимирские места с казанскими людьми в головах Амонак князь казанской да Чюра Нарыков и воевал Пожарских князей отчину и полону много имали». Посланная за ними погоня догнала татар, однако те смогли отбиться. Неожиданная неудача постигла та-

¹ Разрядная книга, 1977а, с.281–282.

² ПСРЛ. Т.ХХII. Ч.1. С.524; Разрядная книга, 1977а, с.284; Шмидт, 1951, с.288.

³ ПСРЛ. Т.ХIV. С.135; Т.ХХ. Ч.2. С.455–456; Т.ХХII. Ч.1. С.38–39; ДРВ, 1791, с.126–127; Разрядная книга, 1977а, с.290; РГАДА, ф.281. Грамоты Коллегии Экономии. № 7738.

⁴ ПСРЛ. Т.ХХVII. С.142; Т.ХХIX. С.130; Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Далее: РГБ ОР). Ф. 236. Попова А.Н. (Музейный), № 6 (2399), Хронограф XVII в. Л. 387.

⁵ ПСРЛ. Т.ХХII. Ч.1. С.521; Шмидт, 1951, с.289.

⁶ ПСРЛ. Т.ХХII. Ч.1. С.525; Шмидт, 1951, с.289.

тар возле Гороховца: «...у острогу с казанскими людьми травилися мужики гороховцы, да взяли у казанских людей голову их Амана князя...»¹

Сафа-Гирей в борьбе с Русским государством умело использовал не только имеющийся в его руках военный потенциал, но и дипломатию. Он стремился заручиться поддержкой Ногайской Орды, Астрахани, Крыма и Литвы, координировал с ними свои действия против России. Когда было выгодно, затевал «мирные» переговоры, срывая тем самым готовившиеся ответные походы русских войск на Казань. Когда угроза вторжения исчезала, прерывал переговоры и посылал свои многочисленные отряды на разграбление русских земель. Примечательно, что предложения о мирных переговорах хан делал в конце зимы – начале весны, когда русские готовили свою судовую рагь для движения по полой воде. Весьма точная характеристика применяемой Сафа-Гиреем политики в отношении России дана в письме астраханского поэта Ходжи Тархани Шерифи турецкому султану Сулейману II. Он писал, что «в соответствии с необходимостью эпохи, в целях обеспечения богатства и благополучия страны, спокойствия и безопасности народа, для обеспечения мира правители прекрасного города Казани прикидывались друзьями, обменивались послами и государственными людьми. Спокойствие мира зиждется на понимании смысла этих двух слов: быть верным с друзьями и притворно радушным с врагами» [Шерифи, 1995, с.87].

Весьма интересны письма казанского хана Сафа-Гирея польско-литовскому королю Сигизмунду I Старому [Мустафина, 1997а, с.26–38]. Содержание позволяет датировать их между ноябрем 1542 и декабрем 1545 г. Письма свидетельствуют о непримиримо-враждебном отношении хана к России. Сафа-Гирей сообщает своему адресату о том, какие опустошения он причинил русской земле. «Землю московского звоевал и спустошил сам своею головою: зо всим своим войском был и замки есми иншии побрал, а иншии попалил, и со всем войском своим был есми за Окою рекою далеко в земли неприятельской», – пишет хан.

Он указывает, что в походах участвовало по 10, 40 и даже 70 тысяч воинов. В некоторых случаях войска возглавлял он сам, в других ими командовали Козучак(Кошак)-улан, Ямурч-аталык и Ахмагма-улан. Хан пишет о том, что вместе с ним в походах на Русь участвует ногайский мурза Алей с 10 000 воинов и 1000 астраханцев, присланных ханом Абдул-Рахманом. Из писем следует, что казанцы и их союзники многократно выжигали город Борсуму (очевидно Муром), опустошили и сожгли Балахану (Балахну), Касимов, Кострому, подходили к Владимиру. Хан подчеркивает, что его воинство неоднократно проникало далеко за Оку. Не имея четкого представления о разоренных казанцами северных территориях, Сафа-Гирей написал: «И теперь тоя земля та есть пуста... до Студеного моря». Под Студеным морем, хан, очевидно, имел в виду Белое море, но до него казанцы не доходили, хотя не исключено, что татарско-черемисские отряды могли проникать значительно дальше, чем это зафиксировано русскими источниками. Принципиально новые сведения содержит одно из ханских писем о Вятской земле. «И землю есми его взял, – пишет хан, – которую землю его взял у свою мощь, и дань ми теперь с тое земли идет, которая земля есть Нократская, с тое земли предком нашим царем казанским дань хаживала». Хан пишет, что к нему «присылали старшии тое земли Нократской, хотячи... дань давати тую, которую давали предком нашим царем казанским». Очевидно, не получая помощи из центра вятчане сами не были в состоянии противостоять казанским вторжениям и постарались заключить с Казанью сепаратный договор, соглашаясь на уплату дани и еще на какие-то требования хана.

Достигнув значительных успехов в опустошении России, Сафа-Гирей не думал останавливаться на достигнутом и не отвечал на мирные инициативы русских. «Князь великий московский, – писал он королю, – присылал до нас послов и гонцов своих, просячи и жадаючи мене, а быху з ним валки не мел и мир быху з ним принял. И я того не хотел и миру з ним не принял».

Практически во всех походах на Русь принимали участие марийцы. Они были смелыми воинами и отличными проводни-

¹ ПСРЛ. Т.XXXII. Ч.1. С.525; Шмидт, 1951, с.290.

ками и разведчиками. Источники не всегда фиксируют их участие, но под обобщенным наименованием *казанцы* следует понимать не только татар, но и представителей иных народов ханства и, в первую очередь, марийцев. В Соловецком патерике сохранился интересный рассказ о набегах казанцев в конце 30 – начале 40-х гг. XVI в. Описав причиненные татарами бедствия, автор продолжает: «...по Сухоне даже и до Устюга протече необузданное их стремление, и неизбежное воинство, черемиса же, с ними везде жодаше» (курсив наш. – А.Б.) [Кунцевич, 1905, с.310]. О участии марийцев в так называемой «малой войне» на границах имеется много сообщений в дипломатических документах Посольского приказа [Сборник РИО, 1887, с.26, 39–40, 54, 116–117, 136–137, 239.]. Казанский летописец сообщает о том, что «черемиса кокшаская и ветлужская живут в пустынях лесных, ни сеют, ни орют, но ловом звериным и рыбным, и войною питаются» [Казанская история, 1954, с.86]. Описывая «казанскую украину», Герберштейн пишет, что «там повсюду бродит и разбойничает народ черемисов» и это стало причиной затруднения сообщений между Галичем и Вяткой [Герберштейн, 1988, с.162]. О частых разбойных нападениях черемисов сообщают Адам Олеарий [Олеарий, 1906, с.364], Петр Петрей и др. [Петрей, 1865, с.44.]. Много аналогичных известий содержится в русских источниках¹. Столкновения с марийцами были обычны для Вятской земли. В повести о Николае Великорецком говорится, что «Вяцкую страну воевали почасту казанские черемиса» [Верещагин, 1905,

с.40]. В 1556 г. Дема и Патрикей Челищевы заявляли вятскому наместнику Семену Сукину, что их семья еще в 1511 г. получила южнее Котельнича на оброк речки и «как деи те речки на оброк взяли Сидорко с товарищи, и в тех реках они рыбы на оброк не лавливали для казанские черемисы войны, и оброку не плачивали» (цит. по: [Каштанов, 1970, с.183]).

Современники напрямую связывали активизацию казанских набегов с боярской междоусобицей. В Соловецком патерике написано, что в то время, когда умер Василий III и великим князем стал «юный отрок», «вельможам же приимшим время самовластия, много зла сотворися между ими: многи от многих безгодною смертию скончашася. Сия же видевше безбожнии татарове казанцы, яко змии исползше из тины, многи страны Российскаго царства зле уязвиша» [Кунцевич, 1905, с.310]. У Казанского летописца об этом написано так: «Всем тогда князем и бояром, и велможам, и судьям градским самовластием живущим, не по правде судящим, по мзде, и насилствуя людем, никоже блюдущимся, – бе бо князь великий юн, – ни страха божия имущим, и не брегушим от супостат своих Руския земли: везде погании крестьян воеваху и губяху, и велможи крестьян губяху продажею великою» [Казанская история, 1954, с.72–73]. И хотя Казанский летописец выступает явным апологетом Ивана Грозного, его характеристика сложившейся в годы малолетства великого князя обстановки соответствует действительности. Летописец с горечью восклицал: «...увидев за грех наш нестроение на Москве, и воевали казанцы в те годы по украинам государя нашего, никым взбранями, и много христианства погубиша и грады пусты створиша. А воевали казанцы и грады пусты створили: Новгород Нижний, Муром, Мещеру, Гороховец, Балахну, Заволжье, Галич с всем, Вологду, Тотму, Устюг, Пермь, Вятку, многими приходы в многие лета...»². Другие источники к перечисленным городам и областям добавляют Владимир, Шую, Юрьевец Вольский, Кострому, Кинешму, Унжу, Касимов, Темников и др. [ДРВ, 1791, с.123–124]. Позднее,

¹ Документы по истории Удмуртии, 1958, с.350; Кунцевич, 1905, с.308–309, 311, 326, 603; Разрядная книга, 1977а, с.221, 232, 246, 259–260, 270, 281–282, 284, 290–291; Татищев, 1966, с.144; ПСРЛ. Т.IV. С.302; Т.VIII. С.7, 291–292; Т.XIII. С.88–90, 105–107, 116; Т.XIV. С.135; Т.XX. Ч.2. С.435–436, 440–442, 455–456; Т.XXII. Ч.1. С.38–39, 521, 524, 525; Т.XXIV. С.318, 324; Т.XXVI. С.317, 322; Т.XXVII. С.142; Т.XXVIII. С.62; Т.XXIX. С.23–24, 27–28, 38–39; Т.XXXI. С.129–130; ДРВ, 1791, с.114–115, 126–127; ДРВ, 1791а, с.85; Шмидт, 1951, с.288–290; Верюжский, 1880, с.83, 256–259, 386, 454, 466; Лопарев, 1892, с.16; Жития русских святых, 1993, с.210, 387; Минеи-Четьи, 1875, л.152–152 об.; Вычегодско-Вымская, 1958, с.265. РГБ ОР. Ф.236 Попова А.Н. (Музейный), № 6 (2399). Хронограф XVII в., л.387; Титов, 1903, с.5; Спицын, 1883, с.35.

² ПСРЛ. Т.XIII. С.129; Казанская история, 1954, с.74.

вспоминая об этих тревожных годах, Иван Грозный писал: «От Крыма и от Казани почти половина земли пустовала» [Послания, 1951, с.47, 316.]. Князь А.М.Курбский в своем знаменитом сочинении «История о великом князе московском» пишет о том, что казанцами все было опустошено даже в 18 милях от Москвы, тогда как все земли за Окой разорались крымцами и ногайцами [Сказания, 1833, с.8].

В повести о житии царя Федора Иоановича говорится о том, что казанцы «многие пакости деюще православным христианом, брани составляюще непрестанно; по все лета воеваху и православнаго христианства кровь, яко речные быстрины, изливаеися мнози же православнии христьяне от нечестивых побиени быша, ови же в плен отведени и различные муки претерпеша»¹.

Наиболее полную и яркую картину последствий казанских вторжений оставил непосредственный свидетель описанных им событий, безымянный Казанский летописец, который отмечал более разорительный характер частых казанских вторжений, нежели Батыево нашествие. «И много крови проливающе ово же казанцев, ово же наипаче руския болши. Овогда мало державнии наши побеждаху казанцев, ово же сами от них болши сугубо побеждаеми бываху, никоего же зла могуще сотворити агаряном, внуком измаиловым, но сами паче множае безделны посрамлены возвращахуся от них», – писал он [Казанская история, 1954, с.75–77].

Напротив, эти же годы были наиболее успешными для Казанского ханства в войне с Русским государством. Казанские отряды нападали на русские земли и почти беспрепятственно грабили селения и деревни, угоняли в рабство толпы русских, которых с выгодой продавали на восточных невольничьих рынках. Это приносило значительный доход крымской знати и их сторонникам из казанцев. Безнаказанность и манящая легкость обогащения увлекла значительную часть татар и луговых марийцев, которые принимали активное участие в набегах. Вторжения на русские земли объявлялись в Казани и во всем мусульманском мире священной борьбой с неверными – газаватом.

Имя Сафа-Гирея возвеличивалось, его называли «алгазыем», т.е. великим воителем, борцом за веру [Алишев, 1990, с.53–54]. С восторгом об успехах Сафа-Гирея в деле борьбы с неверными писали современники астраханский поэт Ходжи Тархани Шерифи и турецкий хронист Дженнаби [Шерифи, 1995, с.87–89]. Казанский поэт Мухамедьяр (1497–1549) в поэме «Нур-и-содур» («Свет сердца») с похвалой отзывался о газавате [Амирханов, 1993, с.91]. Сафа-Гирей выступал защитником ислама и независимости страны, что до поры обеспечивало ему популярность и поддержку у казанского населения. Внешнеполитические успехи снимали внутренние противоречия.

В 1545 г., повзрослевший великий князь Иван IV взял бразды правления государством в свои руки. Казнив нескольких бояр, он проявил свой крутой нрав и поставил преграду ослаблявшему страну боярскому самоуправству. Одним из первых самостоятельных действий 14-летнего российского правителя стала организация похода против Казани. 2 апреля 1545 г. по Волге, Вятке и Каме на Казань были направлены судовые рати². Десятилетие казанских вторжений в русские земли являлись достаточным основанием для ответных действий. В столице ханства уже успели позабыть о том времени, когда русские войска подходили к городу, поэтому атака с реки была неожиданностью. Русские «людей казанских многих побили и кабаки царевы пожгли»³. Казанский летописец пишет, что воеводы «шед повоеваше многия казанския области, кровью наполниша черемиския поля и земли варварския побитыми мертвецы, а Казань град мимо идоша, неподалече, токмо силу свою показаша казанцем, не приступающе ко граду». По его мнению, «велми было мощно тогда невеликим трудом Казань взяти; пришли бо воеводы неведомо в землю казанскую, а во граде бе мало людей: все велможи разъехашася по селом гуляти з жёнами и з детми, и царя во граде не бе. Обретоша его на поле со птицами ловящъ и со псы, впросте, в мале

² Разрядная книга 1977а, с.316–317; Казанская история, 1954, с.83–84.

³ ПСРЛ. Т.ХIII. С.146–147, 445–446; Т.ХХ. Ч.2. С.464–465; Т.ХХII. Ч.1. С.525; Т.ХХIX. С.46; ЦК. С.117–118; Татищев, 1966, с.158.

¹ ПСРЛ. Т.ХIV. С.3.

дружине». Много казанцев также было побито возле города и по рекам Волге, Свияге, Вятке и Каме. По свидетельству Казанского летописца, в результате нападения казанцы потеряли 3000 человек убитыми [Казанская история, 1954, с.84]. Однако в целом успех был незначительным, а с учетом того, что татарам удалось разбить запоздавший отряд пермичей, даже сомнительным. Тем не менее для судьбы ханства он имел самые драматические последствия. Неожиданное нападение подозрительный хан посчитал результатом предательства казанцев, ранее находившихся к нему в оппозиции. Противоречия между казанцами и крымцами обострились. Сафа-Гирей не доверял казанцам и старался опираться в правлении на свое крымское окружение. Летопись об этом сообщает так: «И оттоле нача рознь быти во Казани: царь почал на князей неверку держати; и они поехали многие ис Казани к великому князю, а иные по иным землям»¹.

Еще в 1536 г. началось бегство из Казани представителей оппозиции. В октябре от имени Ивана IV в Ногайскую Орду была послана грамота казанскому князю Черкесу, в которой он и иные выехавшие из Казани князья, мурзы и казаки приглашались на службу к великому князю [Посольские книги, 1995, с.189]. Отъезжающий в июне 1536 г. в Литву посол Иван Тарасов получил наказ говорить о том, что казанские «ныне князи и мурзы многие ко государю нашему едут; перед моим поездом на Москву приехали Шабаз князь Япанчин и брат его Шабат Казымов сын, брат его Чекай мурза, Кучюен Карачев, Ивашка Шарвархозин, Евлуш Чингилдеев и многие князи и мурзы» [Сборник РИО, 1887, с.40]². В мае 1541 г. «Булат князь и вся земля Казанская» тайно прислали в Москву своих представителей. Они просили направить к Казани войска и обещали убить или арестовать хана, как только русские рати появятся у стен города. Посланцы жаловались боярам: «...а от царя ныне казанским людем вельми тяжко, у многих князей яски поотнимал да крымцом подавал; а зем-

ским людем великая продажа; копит казну да в Крым посылает»³. Факты отправления крымцами своих доходов из Казани в Крым известны и ранее, например, в 1521 г. [РГАДА, ф.89. Сношения России с Турцией. Кн. № 1, л.194 об.]. Это показывает, что крымцы не собирались навсегда осесть в Казанском ханстве и использовали свое пребывание там для максимального обогащения посредством эксплуатации казанского населения и ограбления русских земель.

Некоторые историки изображают Сафа-Гирея настоящим патриотом, стремившимся «проводить политику, независимую как от Москвы, так и от Крыма», утверждают, что он будто бы вместе с Сююмбике пытался создать в противовес московской и крымской казанскую партию [Тагиров, 2000, с.117; История Татарстана, 2001, с.100]. Однако имеются свидетельства, указывающие, что Сафа-Гирей и его крымское окружение преследовали исключительно меркантильные интересы. Казанский летописец пишет о Сафа-Гирее, «что он приемляше свояземца, крымских срацын, приходяще к нему в Казань, велможам им быти устрояше, и богатяше их, и почиташе, и власть велику обидети казанцев, любяше и брежаше их паче казанцев» [Казанская история, 1954, с.78]. Ногайский князь Юсуф в 1549 г. писал в Москву о Сафа-Гирее, что он «привел многих нагих и голодных людей крымцов. Да почал над казанскими людьми насильство чинити» [Посольские книги, 1995, с.293]. Об этом же писали в июле 1551 г. русскому царю ногайские мурзы: Сафа-Гирей «над казанскими людьми учал насильство делати. У ково отца не стало, и он отцова доходу не давал. А у ково брата болшова не станет, и он тово доходу меньшому брату не давал. А и с тобою долго завоевався жил. И тех его дел казанские люди и князи не могли терпети...» [ПДРВ, 1793, с.271]. Поэт Мухамедьяр, крайне озабоченный усиливавшимся в стране засильем крымцев и ухудшением положения казанцев, неурядицами и междоусобием в Казани, писал:

*Неверие не разрушит государство
А от гнета развалится страна,*

¹ Казанская история, 1954, с.147, 445–446; ПСРЛ. Т.ХХIX. С.46; ЦК. С.117–118.

² О переходе князя Шабаз на русскую службу см. также: [РГАДА, ф.123. Сношения России с Крымом. Кн. № 8, л.609–610, 621–622, 659 об.].

³ ПСРЛ. Т.ХIII. С.99; Т.ХХIX. С.135; Тагичев, 1966, с.148; ЦК. С.78.

Неверие и неверующий лишь себе вредят,

А гнет состояние страны делает невыносимым [Абилов, 1979, с.60].

Вряд ли допустимо говорить и о финансовой или налоговой реформе, будто бы проводимой Сафа-Гиреем, потому что в источниках сообщается о передаче ясаков крымцам, а не о централизации сбора налогов. Можно согласиться с С.Х.Алишевым в том, что хан «мало интересовался самой Казанью и жизнью казанцев» [Алишев, 1995, с.80].

Нежелание далее терпеть авантюристический режим крымского правительства Сафа-Гирея подтолкнуло казанских феодалов к осознанию необходимости переговоров с Россией. 29 июля 1545 г. влиятельные казанские князья Кадыш и Чюра Нарыков обратились в Москву с просьбой о присылке рати для поддержки готовящегося переворота. Русские пообещали поддержать заговорщиков¹.

Переворот произошел в начале января 1546 г., вылившись в поистине всенародное антикрымское восстание. Автор «Казанской истории» так описал произошедшее событие: «Воста в Казани в вельможах и во всем народе, и во всем люду казанском смятение великое; воздвигоша бо крамолу, все соединившись болшие с меншими, на царя своего Сапкирея и свергоша его с царства, и выгнаша ис Казани со царицами его, и мало не убиша» [Казанская история, 1954, с.78]. В ходе переворота многие крымцы были перебиты².

Покинув Казань, Сафа-Гирей встретился с астраханским послом Мансырь-сеитом, едущим к нему в Казань, и вместе с ним уехал в Астрахань. Обратившись за помощью к астраханскому хану, Сафа-Гирей вскоре ее получил и с астраханским войском пришел под Казань. Сафа-Гирей ожидал, что «князи и лутчие люди его похотят», но из «казанских князей и лутчих людей никто к Сафа-Кирею царю не пошел». Два месяца изгнанный хан пытался взять город, однако без осадной техники «единою стрелою» ничего сделать не смог. «Землю повоева и

поплени», Сафа-Гирей вынужден был уйти в Ногайскую Орду к своему тестю князю Юсуфу [РГАДА, ф.123. Сношения России с Крымом. Кн. № 9, л.27 об.; ПДРВ, 1793, с.271–272].

Но и единству казанцев сразу же пришел конец, как только стал обсуждаться вопрос о кандидатуре нового хана. По словам Казанского летописца, «ови же хотяще в Крым послати по царевича, ови же за турскаго заложитися хотят, да брежет их и пришлет им своего царя; ови же заложитися хотяще за московскаго царя, но боятся мшчения от него о старом преступление; ови же старого царя, согнаннаго Сапкирея, из Нагаи привести его, и того бояхуся: мало его не убили» [Казанская история, 1954, с.78]. Мы видим достаточно четкое разделение казанцев на две партии – московскую и восточную, преимущественно крымскую. Как таковой турецкой партии не было, но протурецкие настроения существовали. Возобладало мнение в пользу повторного приглашения на ханство Шах-Али. Это ясно свидетельствует о том, что казанцы осознавали необходимость нормализации отношений с Россией. Население устало от бесконечной войны и желало установления мира со своим главным соседом: «И встужиша казанцы от частых воинах, находящих на них...» [Там же]. Однако, учитывая предыдущий опыт, казанцы решили максимально ограничить его власть и русское влияние. Когда 13 июня 1546 г. Шах-Али в сопровождении касимовских татар и тысячного русского отряда во главе с князем Д.Ф.Бельским прибыл к Казани, ему разрешили оставить при себе только сотню приближенных. Бельский вместе с русскими и касимовскими воинами был размещен на посаде и лишен возможности общения с ханом.

Второе ханствование Шах-Али Казанский летописец сравнивает с пленением, подчеркивая, что он был в Казани «не яко царь, но яко пленник, изыман и крепко брегом». Шах-Али не имел реальной власти, не мог опираться на воинский контингент и не пользовался авторитетом среди казанцев. При нем противоречия между различными группами казанцев не только не прекратились, но и усилились. Казанцы не скрывали своего презрения к хану и несколько раз

¹ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.446.

² ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.148, 447; Т.ХХІХ. С.47; ЦК. С.120.

даже порывались убить его. Лишь заступничество эмира Чюры Нарыкова спасло Шах-Али от неминуемой расправы. Проханствовав всего месяц, под угрозой заговора, Шах-Али с помощью Чюры Нарыкова бежал в Россию, убив перед этим 20 наиболее ненавистных ему казанских вельмож, еще 20 взял с собой заложниками. Действия Чюры Нарыкова Казанский летописец объясняет нежеланием из-за убийства московского ставленника вновь ввергать страну в кровавый водоворот войны с Россией. Коварная расправа, учиненная Шах-Али, и его тайное бегство настолько возмутили казанское общество, что все явные или мнимые сторонники московской партии подверглись преследованиям и казни. «И много избиша между собою неповинных», – замечает Казанский летописец по этому поводу. Дело дошло даже до вооруженных столкновений. При попытке бегства в Россию был задержан и уничтожен отряд Чюры Нарыкова, а сам он казнен [Там же, с.80–82].

Узнав о начавшейся междоусобице, Сафа-Гирей обратился к ногайскому князю и мурзам с просьбой о выделении ему воинов. Ногайцы относились к Сафе-Гирею неоднозначно и даже помышляли убить его, однако, будучи настоящим авантюристом, он не скупился на обещания. «А в Казани дей тех людей много, которые нас хотят, – говорил Сафа-Гирей ногайским мурзам, – только дей с мангытскою¹ силою пойду, и они дей меня возмут. А возму дей Казань, и язь дей Юсуфу князю да и вам дам Горную сторону, да и Арскую». Ногайские мурзы обдумывали сказанное, а Сафа-Гирей щедро обещал им большое денежное вознаграждение, а также взять мурзу Юнуса, старшего сына правителя Ногайской Орды князя Юсуфа, князем в Казань «на мангытское место». Ради достижения своей цели он даже выразил готовность признать вассальную зависимость от Ногайской Орды. «По твоему дей жалованью только Казань возму. Яз дей в твоей воле учиню», – заверял он князя Юсуфа. Наконец, ему удалось убедить князя и мурз дать ему войско. Перед этим хан принес присягу в верности своих слов. Примечательно, что Сафа-Гирей обещал не прово-

дить репрессий против казанской знати: «А убью деи человека или дву, а боле деи того не убью. А опричь деи того, никому никоторого убытка не учиню» [Посольские книги, 1995, с.293; ПДРВ, 1793, с.272–274].

Однако возвращение изгнанного полгода назад хана устраивало далеко не всех. Только после восьми дней боев Сафа-Гирей смог войти в город [ПДРВ, 1793, с.143, 271–272]. Но и после этого потребовалось еще некоторое время для подавления сопротивления. Князю Хосрову удалось даже собрать отряд, с помощью которого он попытался ворваться в Казань, однако соотношение сил не было равным. Ногайцам удалось рассеять его отряд [Там же, с.163]. Став ханом в третий раз, Сафа-Гирей (1546–1549) решил навсегда покончить с какой-либо оппозицией своей власти. Физическому истреблению подверглись все, кто открыто не встал на его сторону. Среди погибших были князья Баубек и Кадыш и даже глава мусульман сеит, посмевавший осуждать Сафа-Гирея. Столь массовые репрессии вызвали порицание даже в союзной ему Ногайской Орде. Князь Юсуф с возмущением писал Ивану IV, что Сафа-Гирей, «что было лутчих людей казанских, то всех побил» [Там же, с.144]. Оставшиеся в живых поспешно эмигрировали в Россию и Ногайскую Орду. Летописи фиксируют прибытие в Москву в сентябре 1546 г. 76 казанцев, среди которых находились князья Кулуш, Тереул, Бурнаш и братья Чюры Нарыкова². Казанские эмигранты были приняты на русскую службу и использовались в дальнейшем в борьбе против Казани. Сафа-Гирею удалось разгромить оппозицию, однако в канун возобновления военных действий с русскими это значительно обескровило и ослабило Казанское ханство и в то же время предоставило правительству Ивана IV дополнительные основания для вмешательства во внутренние дела страны и сотни опытных татарских воинов.

Добившись с помощью ногайских сабель возвращения на ханский престол, Сафа-Гирей не выполнил ни одного обещания, данного ногайским феодалам. Обманутые ногайцы из союзников превратились в про-

¹ Имеются в виду ногайцы.

² ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.148, 449–450; Т.ХХ. Ч.2. С.467–468; Т.ХХІХ. С.49.

тивников и начали нападения на казанские пределы. Мурзе Юнусу весной 1548 г. удалось даже подойти к Казани. Понеся большие потери, он вынужден был отступить [Посольские книги, 1995, с.294, 304, 318; ПДРВ, 1793, с.274–275]. Авантюризм Сафа-Гирея поставил Казанское ханство на грань войны сразу на два фронта: на западе – с Россией и на юго-востоке – с Ногайской Ордой.

События, произошедшие в Казани, имели самые серьезные последствия для нетатарского населения ханства. Особенно внимательно за происходящим наблюдали жители Горной стороны. Возвращение Сафа-Гирея и разгром оппозиции неотвратимо должны были вызвать возобновление войны с Россией и новое разорение Горной стороны, которая в русско-казанских конфликтах окazyвалась между «молотом и наковальной». В.Д.Димитриев допускает, что намерения Сафа-Гирея передать Горную сторону под власть ногайцев могли стать известны горным людям, что не сулило им ничего хорошего [Димитриев, 1986, с.34]. В данной ситуации народы Горной стороны не могли больше оставаться безучастными наблюдателями и послушными исполнителями безрассудных приказов казанского правителя. Необходимо было срочно действовать. О том, как происходил поиск нужного решения, рассказывается в уникальном горномарийском предании об Акпарсе, записанном в XIX в.

Старейшины и гадатели – «мужаны» сошлись на «великое собрание». Они хорошо понимали, что возобновившаяся война не обойдет стороной их селения и что их жилища будут сожжены, имущество разграблено, посева вытоптаны, а все, не успевшее укрыться население, захвачено в плен или перебито. После долгих размышлений и споров «великое собрание» решило направить в Казань и Москву разведчиков, именуемых в предании как «глаза и уши». Им было поручено собрать как можно больше информации о каждой из сторон и доложить затем старейшинам. «Глаза и уши» отлично справились с заданием. По их возвращении вновь было созвано «великое собрание». Первыми выступили прибывшие из Москвы. Они доложили: «Царь московский крепко сидит на престоле, подданных слуг и войска у него много и все почитают его

за земного бога; казною богат, закон у них один и закон соблюдается». Разведчики, побывавшие в Казани, сказали: «На казанском престоле сидит царь не крепко; царей в Казани часто меняют, происходят там бунты, закон у них не соблюдается... плохо там... А главное то, что им против Москвы не устоять. Скоро опять между Москвой и Казанью начнется война». «Великое собрание» постановило искать кровителя среди у России и направило для этого в Москву специальное посольство [Айплатов, 1967, с.88–90]. На выбор горных марийцев не могло не повлиять массовое бегство казанских феодалов, оппозиционного режиму Сафа-Гирея.

Известия о посольстве горных людей в Москву зафиксированы несколькими письменными источниками. Они имеются в Никоновской и Львовской летописях, «Летописце начала царства», в «Продолжении хронографа редакции 1512 г.», в Царственной и разрядной книгах. Из них мы узнаем, что 6 и 7 декабря 1546 г. «прислали к великому князю бити челом горная черемиса Тугай с товарищи дву черемисинов, чтобы государь пожаловал, послал рать на Казань, а они с воеводами государю служити хотят»¹. Разрядная книга добавляет, что посольство было послано горной черемисой и сотником Атачиком «с товарищи». Далее запись в разрядной книге раскрывает цель прибытия посольства горных людей: «...оне похотели государю и великому князю служить и великого князя воевод встретить за Василем городом и с воеводами итти х Казани»². Еще более проясняет характер обращения горных людей «Продолжение хронографа редакции 1512 г.», где говорится о том, что «просила горная черемиса царя Шигалея, а хотели итти х Казани и царя с Казани сослати»³.

Горные люди могли вести переговоры с приказными дьяками и боярами, сам же Иван IV в это время совершал поездку по монастырям и в Москве отсутствовал. Постниковский летописец 60-х гг. XVI в. сообщает, что Иван IV «пригнал на Москву на подводах декабря в 10 день в третьем часу ночи с субботы на неделю безвестно.

¹ ПСРЛ. Т.ХIII. С.150, 450; Т.ХХ. Ч.2. С.468; Т.ХХIX. С.49; ЦК. С.126.

² Разрядная книга, 1977а, с.330.

³ ПСРЛ. Т.ХХII. Ч.1. С.526.

От Пречистые от Тихвинские к Москве в пол-4 дни переждал для того, что чаяли по полоняниковым вестем крымского царя или царевичев к Москве. Да и того для, что ис Казани Кадыш князь и вся земля прислали к великому князю к Москве трех татариннов с тем, что оне царя казанского Сафа-Кирея в городе в Казани осадили, только у него его людей 70 человек. И князь великий прислал бы к ним своих людей. А велит им князь велики поймав царя к себе прислати, и оне пришлют. А велит его в Казани убита, и они его убьют»¹.

Прибытие в Москву горномарийско-чувашского посольства совпало с массовым притоком туда казанских беженцев. Интересы казанских эмигрантов и горных людей совпали. И те и другие рассчитывали при поддержке русских войск свергнуть Сафа-Гирея и посадить на ханский престол московского ставленника Шах-Али. Успешная реализация задуманного привела бы к возобновлению российского протектората над Казанским ханством, неизбежно сняла бы напряженность между странами, создала благоприятные условия для длительного мира и взаимовыгодного экономического сотрудничества, т.е. дала бы народам Горной стороны то, чего они больше всего желали.

Очевидно, русское правительство не спешило проникнуться доверием к горным марийцам и чувашам, ранее воевавшим против России. Этим можно объяснить тот факт, что предложение горных людей, несмотря на всю очевидную выгоду, полностью русским правительством принято не было.

В феврале 1547 г. Суру перешло русское войско. Однако оно не было большим и имело ограниченную разведывательную задачу: «...казанских мест воевати луговые стороны, а к городу ходити не велели...». Русское войско продвинулось только до р. Свяги, не дойдя до Казани 30 верст. В соответствии с указанием, воеводы не разоряли селений горных людей, а наносили удары по Луговой стороне. Как и было обещано, русские нигде на Горной стороне не встретили сопротивления. Более того, отряды горных людей, в соответствии с договоренностью, хотели даже присоединиться к русским: «Череми-

са горная стороны пришла было многая к воеводам», однако «разведав то, что с воеводами царя Шигалея нет, и оне поворотились назад, а иную черемису воеводы у себя оставили и к Москве привели»².

Таким образом, можно заключить, что горные люди искренне хотели присоединиться к русским войскам, но, поняв, что они не собираются предпринимать серьезных действий против Казани, сразу же потеряли всякий интерес и не приняли участия в походе, ибо Москва не выполнила условий договоренности, а открытая поддержка русских войск вызвала бы сразу же после их ухода жестокие репрессии со стороны Казани. В то же время русским не было оказано никакого сопротивления.

На окончательное определение политической ориентации народов Горной стороны повлиял удачный для России ход войны. В сентябре 1548 г. русские пресекли попытку татар опустошить костромские места, в марте следующего 1549 г. отразили последний набег казанских татар на Муром, после чего военная инициатива полностью перешла к России. Этому благоприятствовала неожиданная смерть Сафа-Гирея, наступившая в результате несчастного случая в начале марта³.

Со смертью Сафа-Гирея в Казани произошел династический кризис. Взрослые сыновья почившего хана, Мубарек и Булюк, находились в Крыму, в Казани были 2-летний сын Сююмбике Утемыш-Гирей и 12-летний сын от русской пленницы. Ни тот ни другой не подходили на роль казанского хана. Один был мал, второго браковали за его русское происхождение, впрочем, совершенно напрасно, позднее он погиб при защите города на крепостной стене. Приглашать одного из царевичей в Крым направили специальное посольство, однако по дороге его перехватили касимовцы. Ханом вынуждены были провозгласить младенца Утемыш-Гирея (1549–1551) при регентстве Сююмбеки.

Смерть Сафа-Гирея означала для Казани окончание достигнутого путем жестоких казней единства. Казанский летописец со-

² Там же.

³ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.459; Т.ХХІІ. Ч.І. С.529; Шмидт, 1951, с.296.

¹ ПСРЛ. Т.ХХХІV. С.28.

общает, что «по смерти царёве воста брань велика в Казани, в велможах его крамола и губителство зло: не хотят бо казанцы меньшие болших слушати и покарятися им, коим царьство приказано бысть брещи; и вси бо творяхуся велики, и властвовать в Казани хотяще, за сие друг друга убиваше...» [Казанская история, 1954, с.83]. Все осознавали пагубность продолжения войны с Русским государством, однако выход из ситуации понимали по-разному. Одни уповали на помощь мусульманских стран и допускали возможность мирных переговоров с Россией только с тактической целью, чтобы избежать русского наступления. По сути, это была линия на продолжение войны. Другие видели выход в заключении мира с Россией и готовы были пойти на компромисс и принять ханом ставленника Москвы. Обсуждая создавшееся положение, они говорили: «Нам деи без Москвы нельзя быти, а Москве деи без Казани. Крымцы деи бы деи вышли и поехали прочь» [Посольские книги, 1995, с.301–302, 321, 323]. Провосточные настроения оказались сильнее. Сторонники оппозиции вынуждены были бежать из Казани в Россию и Ногайскую Орду. Казанский летописец сообщает, что многие татары «ис Казани убежаху к Москве, на имя самодержцво, служити ему» [Казанская история, 1954, с.83]. Царь с радостью принимал эмигрантов, назначал их на службу и давал большое жалованье. Это стимулировало дальнейшую эмиграцию. Русское правительство было заинтересовано в привлечении на службу казанской знати. В Ногайскую Орду посылались письма к находившимся там представителям казанской знати с приглашением на службу. Например, в феврале 1549 г. такие письма были направлены с послом И.Б.Федцовым Беюрган-сеиду, Илеману князю и бакшею Абдулле. «А что есте к нам писали в своей грамоте, что вам в Нагаех жити истомно, и вы б поехали к нам с нашим послом с Ъваном. А как приедете к нам, и мы вас пожалуем своим великим жалованьем и устроим вас, как вам мочно у нас жити доколе ож даст Бог нам, и Казанской юрт устроитца», – писал Иван IV беженцам [Посольские книги, 1995, с.276, 297, 301–303]. Результаты не заставили себя ждать: в 1551 г. в Москве находилось уже более 500

казанских князей, мурз и казаков¹. В 1552 г. численность казанских беженцев в России, с учетом членов семей и слуг, приблизилась к 10 000 [Казанская история, 1954, с.83]. От них в 1549 г. поступило челобитье царю с просьбой о посылке на ханское место в Казань Шах-Али. Иван IV внимательно следил за происходящим в Казани, узнавая, что после смерти Сафа-Гирея «в велможах его и во всех казанцах возмущение, и брань, и самоволие велико...» [Там же, с.85]. Он решил незамедлительно воспользоваться ослаблением ханства и начавшимся брожением в Казани для нанесения удара с целью поселения на трон Шах-Али и восстановления протектората. Многочисленные эмигранты, по замыслу царя, должны были составить опору московскому ставленнику [Посольские книги, 1995, с.301–302]. В июле состоялось заседание Боярской думы, на котором присутствовал митрополит Макарий. Обсуждался вопрос о продолжении войны с Казанью. Решено было идти в поход «по первому зимнему пути» самому Ивану IV².

23 января 1550 г. 60-тысячное русское войско двинулось к Казани. По пути они «многие места по Горной стороне воевали и по Арской и по Луговой стороне воевали много и полону имали»³. Однако зимний поход 1549/50 г. не принес победы. Правительство в Казани возглавил крымский улан Кошак, который сумел организовать оборону города. Русские источники по-разному объясняют причины ухода войск из-под Казани. Некоторые летописи указывали на потепление [Татищев, 1966, с.169]. Сам Иван IV в письме ногайскому князю Юсуфу писал: «А сее зимы казанскую землю воевали есмя сами, и в городе есмя в Казани многих людей побили, а иных есмя казанских людей многих в полон взяли. А пошли есмя от города в борзе потому, что пришла тепль великая, и река Казань прошла. И для теплоты города Казани достовати было нельзе» [Посольские книги, 1995, с.327]. Резкое потепление действительно было, об этом со-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 163, 465; Т. XXXIV. С. 398; ЦК. С. 164.

² Разрядная книга, 1977а, с. 363–364; Татищев, 1966, с. 168.

³ ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 1. С. 531; Шмидт, 1951, с. 299.

общают многие летописи¹. Однако не только плохой погодой объясняется отступление русских войск от Казани. Ряд летописей и А.М.Курбский кратко констатируют, что во время неудачного приступа русские «града не взяша, а множество много людей на обе страны побито»². Принимавший участие в обороне Казани астраханец Ходжи Тархани Шерифи свидетельствует о значительных потерях как среди казанцев, особенно страдавших от русской артиллерии, так и о неисчислимых потерях среди русских. По его словам, «два войска, утонув в железе, одинаково дрались и воевали один против другого... Это было такое сражение – будто Судный день, мир заполнился звуками кинжалов, в городе Казани кровь текла рекой». Победа досталась казанцам. «Грешные неверные, погибнув таким образом, на двух равнинах крепости лежали пищей для собак, куском для волков и гиен. Не было места, куда можно было бы ступить ногой», – пишет Шерифи [Шерифи, 1995, с.92].

Неудача похода показала следующее: 1) зимой успешность действий русских войск во многом зависит от капризов погоды; 2) отрицательно сказывалась оторванность от баз; 3) русские смогли еще раз убедиться, что казанцы, несмотря на внутренние неурядицы и слабость ханской власти, обладают достаточным военным и материальным потенциалом и волей к сопротивлению. Все эти обстоятельства препятствовали России достичь решительной победы. В то же время казанцы понесли столь существенные потери, что стала очевидна неизбежность падения города при менее благоприятных стечениях обстоятельств. На это указывает и чисто оборонительная тактика казанцев. Они уже не были в состоянии давать полевые сражения и преследовать отступающего неприятеля.

Готовиться к новой кампании против Казани Иван IV начал еще по дороге в Москву. Было ясно, что русским необходима

база вблизи Казани. Царь принял решение воздвигнуть таковую на Горной стороне. Построение крепости в непосредственной близости от Казани позволяло, по словам Ивана IV, «тесноту бы учинити казаньской земле»³. Царь обсудил этот вопрос с воеводами, Шах-Али и казанскими князьями-эмигрантами. Идея строительства крепости была одобрена всеми. Казанские князья и Шах-Али даже указали Ивану IV удобное для строительства крепости место в устье Свяги на Круглой горе⁴.

В течение зимы 1550/51 г. в угличских лесах под руководством талантливого инженера дьяка И.Г.Выродкова был заготовлен необходимый для возведения крепости материал. Предполагалось срубленные заранее крепостные стены и дома разобрать, на судах спустить Волгой до нужного места и возвести крепость под носом у противника.

К апрелю 1551 г. все было готово к проведению новой кампании против Казани. Ключевым моментом в ней должна была стать не осада Казани, как это было прежде, а построение крепости на Свяге. Для прикрытия строительных работ сформировали несколько войсковых групп. Судовая рать под командованием П.С.Серебряного должна была выступить первая и занять место будущего строительства, а затем атаковать Казань и тем самым связать силы ханства. Вслед должны были двигаться суда с разобранными срубами. Охрану судов и строительство крепости поручалось осуществлять полками под формальным командованием Шах-Али и Ю.М.Булгакова. В составе войска двигался отряд из 500 казанских эмигрантов. Летописец замечает, что «много бо их тогда бяше у государя». С юга от возможного нападения крымцев и ногайцев строительство прикрывало выдвинутое в степи войско Д.И.Хилкова. Вятку и Каму брали под контроль вятчане во главе с Бахтеяром Зюзиным. Переправы на Волге поручалось занять казакам, «чтобы воинские люди ис Казани и в Казань не ездили»⁵. Войскам

¹ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.159, 461; Т.ХХ. Ч.2. С.477; Т.ХХІХ. С.58; Казанская история, 1954, с.85.

² ПСРЛ. Т.ІV. С.621; Т.ХІІІ. С.158, 461; Т.ХХ. Ч.2. С.477; Т.ХХІІ. Ч.1. С.531; Т.ХХІХ. С.58; ЦК. С.158; Казанская история, 1954, с.85; Сказания, 1833, с.14; Разрядная книга, 1977а, с.377–378; Шмидт, 1951, с.299.

³ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.159, 461; Т.ХХ. Ч.2. С.477; Т.ХХІХ. С.59; ЦК. С.158–159.

⁴ ПСРЛ. Т.ХХІХ. С.59 Татищев, 1966, с.169–170; Казанская история, 1954, с.85.

⁵ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.163–164, 464–465; ЦК. С.165; Разрядная книга, 1977а, с.397–399; Татищев, 1966, с.172–173.

было приказано «казанския улусы пленити и воевати, и не щадити ни жен, ни детей, ни старых, ни юных, но всех под мечь клонити» [Казанская история, 1954, с.86–87]. Таким образом, одновременно со строительством крепости предполагалось осуществить отвлекающие удары и блокаду центра ханства для деморализации противника.

Наступление началось 16 мая 1551 г. и развивалось успешно. Уже к вечеру следующего дня русские вышли к Круглой горе на Свяиге, а утром 18 мая, под прикрытием густого тумана, незаметно приблизились к Казани и удачно атаковали посад. Появление П.С.Серебряного под городом было полной неожиданностью для татар. «А на посад пришел безвестно и божию милостью побил многих людей; и живых поимали, и полону русского много отполонили, а князей и мурз великих болши ста побили, и многих мелких людей и жен и робят побили», – повествует летописец¹.

Подверглись атакам и улусы ханства. Казанский летописец сообщает, что русские воеводы «распустиша воя по улусом казанским воевати, и пленити горния черемиса и нижния» [Казанская история, 1954, с.87]. Этим была обеспечена возможность прибывшим 24 мая строителям беспрепятственно заниматься своим делом. Уже через четыре недели после начала работ были возведены крепостные стены, а к 30 июля завершено строительство города, названного Ивангородом на Свяиге. Однако название не закрепилось и город стали именовать по реке – Свяжском.

Столь неожиданное и быстрое возведение русской крепости вблизи центра Казанского ханства произвело ошеломляющее впечатление на современников. В Казани долго не могли поверить в этот факт, полагая, что русские поставили лишь гуляй-город. «Егда же истину уведаша казанцы, что поставлен бысть великий град, и почаша тужити и тосковати», – сообщает Казанский летописец [Казанская история, 1954, с.92]. Причины для переживаний были весьма серьезные, казанцы хорошо представляли, какие преимущества получают русские для ведения войны с построением базы недалеко

от Казани. В татарской летописи говорится, что «иноверцы русские у устья реки Свяиги поставили крепость: в ней сложили свои пушки, деньги и крепостные запасы» [Катанов, Покровский, 1905, с.7, 11, 16, 21].

Возведение крепости подняло дух русского воинства: «И от сего прияха вся воя руская известно дерзновение на враги своя казанцы и на всю черемису их» [Казанская история, 1954, с.88].

Политическая обстановка на Горной стороне, несомненно, принималась в расчет при разработке плана кампании лета 1551 г. В целом она была благоприятна для России. С 1547 г. население Горной стороны находилось перед выбором и занимало выжидательную, нейтральную позицию, формально сохраняло покорность казанскому хану, и в то же время уклонялось от участия в войне против русских. На окончательное определение политической ориентации народов Горной стороны повлиял удачный для России ход войны. Возведение на Свяиге крепости с многочисленным гарнизоном и начало нового опустошения Горной стороны русскими войсками окончательно склонили настроения основной массы местного населения в пользу России. Этому благоприятствовало и то, что татарские феодалы, жившие на Горной стороне, поспешили убежать в Казань и не могли оказывать влияние на колеблющуюся часть населения. «Горние же люди, видев то, что город царя православного стал в их земле, и почаша ко царю² и воеводам приезжати, и бити челом, чтобы их государь пожаловал гнев свой отдал; а велел бы им быти у Свяжского города, и воевати их не велел»³. Казанский летописец добавляет, что «старейшины и сотники горния черемисы» пришли с челобитьем на третий день после начала строительства, т.е. 26 мая [Казанская история, 1954, с.88]. В Степенной книге сообщается, что жившие в окрестностях строящегося города «горнии

² В данном случае речь идет о Шах-Али, формально возглавлявшем воинскую группировку, занимавшуюся строительством Свяжска. Очевидно, нахождение Шах-Али в составе войск сыграло не последнюю роль в решении горных людей принять русское подданство.

³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 164, 466; Т. XXIX. С. 61–62; ЦК. С. 170.

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 164, 465.

люди начаша присягати и град делати помагаху, хлеб же и мед и скот и всякую потребу во град привожаху»¹.

Сообщение об удачных действиях русских войск, возведении новой крепости и челобитье горных людей («а горние люди государю хотят служить»), было направлено в Москву с касимовским князем Шабасом Шамовым и боярином И.Ф.Шишкиным. Вскоре горные люди от «всех Горнее стороны» снова били челом боярам и Шах-Али, прося разрешения на поездку их делегации в Москву. При очевидной неизбежности включения Горной стороны в состав России местные старейшины посчитали необходимым обговорить с русским царем условия этого акта. Разрешение было получено, и их делегация во главе с Магметом Бозубовым и Ахкубеком Тогаевым выехала в Москву. В Москве «Магмет с товарищи государю били челом ото все Горние стороны, от князей и мурз и сотных князей и десятных и чувашей и черемиса и казаков, чтобы им государь гнев свой отдал, а велел бы у Свяжского города быти; и правду государю на том по своей вере дают, что им от государя и их детем неотступным быти и к Казани от Свяжского города никак не отложитися; и пожаловал бы их государь, в ясаках полегчил и дал бы им жаловальную свою грамоту, как им вперед быть». «Государь их пожаловал, гнев свой им отдал и воевати их не велел и взял их к своему Свяжскому городу; и дал им грамоту жаловальную з золотою печатью, а ясаки им отдал на три годы; да Магмета с таварыщи пожаловал великим жалованием, шубами и деньгами». Но и Иван IV, в свою очередь, потребовал от горных людей «государю царю и великому князю служить и хотети во всем добра, и от города от Свяжского неотступным быти, и дани и оброки черным людем всякие платить, как их государь пожалует и как прежним царем платили, а полону им руского никак у себя не держать, весь освобожати». На этих условиях в июне 1551 г. «воеводы горных людей, князей и мурз и сотных князей и десятных и чувашу и черемису и мордву и жогаров и тарханов, привели к правде»². Таким обра-

зом, в июне 1551 г. произошло мирное присоединение Горной стороны к Российскому государству.

Судя по летописным известиям, инициаторами челобитья были горные марийцы и чуваша, присягу же принимали также мордва и местные татары. Среди последних было немало тех, кто оппозиционно относился к правившему в Казани режиму. В одном из чувашских преданий рассказывается, что еще в декабре 1546 г. во время переговоров в Москве сотник Анчик уверял русских бояр в том, что «и татары будут рады русским, потому что и между ними есть много недовольных ханом за то, что его слуги, богатыри-воины, разбойничают над всеми» [Димитриев, 1983, с.62]. Это предание реально отражает существовавшие среди казанских татар антикрымские настроения.

Однако в Москве имели богатый и разнообразный опыт взаимоотношений с народами Среднего Поволжья и опасались коварного предательства. Необходимо было принять меры к укреплению новых подданных за русским государем. Решили испытать горных людей на верность. Им было заявлено: «Правду есте государю учинили, пойдите же, покажите свою правду государю, воуйте его недруга». Горные марийцы и чуваша вооружились и атаковали Казань. С военной точки зрения операция была неудачна. Когда отряд подошел к городу, «вышли к ним все казанские люди крымцы и казанцы; да с ними билися крепко, и от обоих падоша. Казанцы ж вывезли на них из города пушки, и пищали, да учили на них стреляти; и горние люди чуваша и черемиса дрогнули и побежали; и убили у них казанцы человек со сто, а с пятьдесят живых поимали»³. Однако поход продемонстрировал искренность народов Горной стороны в принятии российского подданства.

Следующей мерой, призванной закрепить население Горной стороны за Россией, стало одаривание или подкуп местной знати. Это было одно из традиционных средств, используемых русским правительством в отношениях с татарскими государствами. Летопись об этом повествует так: «Горние

¹ ПСРЛ. Т. XXI. С. 641.

² ПСРЛ. Т. XIII. С. 164–165, 466.

³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 165, 466; Т. XXIX. С. 62; ЦК. С. 174.

же люди ездили ко государю во все лето человек по пяти сот и по шти сот; а государь их пожаловал великим жалованием, кормил и поил у себя за столом. Князей и мурз и сотных казаков жаловал шубами с бархаты; а иным чуваше и черемисе камчаты и отласныя; а молодым однорядки, и сукна, и шубы бельи; а всех государь пожаловал доспехи, и коньми, и деньгами». Такая небывалая царская щедрость вызвала всеобщее удивление среди московского люда. Даже летописец не удержался от восклицания: «А государеве жалование к ним не оскудевает, но паче государь прибавливает: многое множество раздаваше, паче же своих воинов жалуючи. В прежних бо летописцах таковых расходов не пишет, каково государь жалование к своим, и ко всем приходящим показывает». Действия русского правительства скоро принесли свои положительные результаты. Горные люди «прямить почали; и служити правдою и на Луговую сторону ходити воевати, и языков добывати»¹.

Присоединение Горной стороны к России было сложным и противоречивым событием. Давние связи с Россией и ослабление контактов с Казанью создали социально-экономические и политические предпосылки для мирного вхождения этой части ханства в состав Русского государства. Но отторжение части территории от единого государства не могло произойти безболезненно. Население воспринимало происходящее неоднозначно, были сторонники и противники присоединения, основная же масса, очевидно, колебалась и пребывала в нерешительности. В условиях затянувшейся войны горные люди наиболее страдали от ее последствий и не получали при этом действительной защиты из Казани. Как только обозначился явный перевес сил в пользу России, основная масса населения склонилась в сторону России. Присоединение Горной стороны к России произошло хотя и мирно, но отнюдь не добровольно, а вынужденно, под воздействием внешних обстоятельств. Челобитье горных людей с просьбой о принятии их в подданство последовало лишь после введения на Горную сторону значи-

тельного контингента русских войск и начала строительства Свяжской крепости. На мирный и одновременно сложный характер присоединения народов Горной стороны указывал и А.М.Курбский, подчеркивая, что горные люди «хотяще и не хотяще, покоришася» русскому царю [Сказания, 1833, с.19]. Аналогичным образом можно истолковать и слова русских дипломатов на начавшихся вскоре в Казани мирных переговорах, где они заявляли, что Горную сторону государь «божием милосердием да саблюю взял до их челобития»². Тем не менее вооруженного завоевания Горной стороны не было, активные действия русских лишь ускорили наметившийся процесс мирного вхождения местных народов в состав России. В «Летописчике» Игнатия Зайцева, составленном в 1555–1556 гг., отмечается, что «горняя черемиса мирна заложила за великого князя в лето 7059 (1551) июня, как поставили город на Свяге» [Зимин, 1950, с.18]. Присоединение Горной стороны к Российскому государству предопределило дальнейшую судьбу Казанского ханства и положило начало вхождению всего Поволжья и Приуралья в состав России.

Успешные действия русских войск во время кампании 1551 г. наглядно продемонстрировали, что правительство крымского улана Кошача и царицы Сююмбике не в состоянии обеспечить безопасность страны, вследствие чего противоречия между казанцами и крымцами заметно обострились: «...начаша рознити казанцы с крымцы». Дошло до того, что «чуваша арская» пришла «з боем на крымцов, о чем де не биют челом государю». Мятежников удалось рассеять, однако казанцы больше не хотели им подчиняться. Среди них началось брожение, многие князья и мурзы уезжали на службу к русскому государю³. Потеряв всякую надежду удержаться в Казани и опасаясь переворота, 300 крымцев во главе с уланом Кошачом, бросив свои семьи и слуг, попытались покинуть страну, однако при переправе через Вятку были перехвачены русской заставой, частью перебиты, а частью взяты в плен и

¹ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.165–166, 466–467; Т.ХХІХ. С.63; ЦК. С.174–175.

² ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.167, 468.

³ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.166; Т.ХХІХ. С.63; ЦК. С.175; Тагищев, 1966, с.175.

отправлены в Москву и там, после отказа креститься, казнены¹.

Бегство из Казани крымцев создало условия для начала мирных переговоров. Чтобы избежать полного поражения в войне, казанцы вынуждены были пойти на существенные уступки. Русские дипломаты настояли на том, чтобы 5-летний хан Утемыш-Гирей и его мать – регентша Сююмбике – были смещены и депортированы в Россию. Ханом уже в третий раз объявили русского ставленника Шах-Али (1551–1552). По условиям договора казанцы обязались выдать также всех оставшихся в ханстве крымцев и освободить русских пленных. Неожиданным для казанцев стало объявление Горной стороны российской территорией, что вызвало особое неудовольствие. Условия мирного договора, продиктованные российской стороной, оказались весьма жесткими. Казанская знать, а под ее давлением и сам хан Шах-Али, стали настоятельно требовать возвращения отторгнутой территории: «И они все стали о Горней стороне говорить, что тово им учинити не мощно, что земля разделить». На что бояре «по государеву приказу отмовили, что тому делу инако не быть, что государю бог дал, то ся ему не поступить»². Так и не добившись никаких уступок, казанцы с большой неохотой вынуждены были принять условия мирного договора. Летописец замечает, что «к правде пошли все люди казанские, по сту человек и по двести и по триста, а не вдруг»³. В сентябре 1551 г. казанская знать вновь возвратилась к этому вопросу, попытавшись склонить русское правительство к компромиссу. Соглашаясь признать переход Горной стороны под власть русского государя, они просили, чтобы он хотя бы им «придал ясаков з Горние стороны»⁴. Однако и на этот раз последовал решительный отказ. Иван IV рассчитывал не только оставить за Россией стратегически важный плацдарм, позволявший держать под контролем все Поволжье, но и ослабить этим Казанское ханство экономически, лишив его основных поступлений

ясака. Это неизбежно усилило бы зависимость ханства от России. Казанским послам было категорично заявлено, что государю с «Горние стороны х Казани ни одной денги не отдаывати...»⁵.

Неуступчивость российского правительства заметно ухудшила межгосударственные отношения. Марионеточный правитель Шах-Али не мог отстаивать интересы казанцев и поэтому быстро утратил и без того низкий авторитет. Его распоряжения саботировались, казанцы не торопились освобождать русских пленных. Даже касимовские татары из окружения хана стали обзаводиться русскими рабами. Из-за опасения восстания он не был в состоянии выполнять и все требования русских, что вызывало раздражение в Москве. Неустойчивостью положения Шах-Али поспешили воспользоваться сторонники восточной партии, начавшие активную работу, направленную против русского присутствия и неудобного хана. Многие казанские князья, мурзы и уланы выехали в Ногайскую Орду, где подбивали ногайцев к нападениям на Россию. В самой Казани полным ходом шла подготовка к государственному перевороту. Пытаясь упредить своих недругов, Шах-Али перешел к репрессиям, действуя по привычному для него коварному сценарию. Пригласив своих противников на пир, он приказал их перебить: «...кои были в ызбе, царевы князи порезали их, а многих на цареве дворе побили стрелцы великого князя, а иных велел стрелцом по подворием побить...» Всего было убито 70 князей, мурз и уланов. Однако избивение знати лишь накалило атмосферу, после чего падение режима Шах-Али стало неизбежным. В декабре 1551 г. он с отчаянием говорил русским боярам: «Прожить де мне в Казани не мощно, загрузил есми казанцом добре»⁶. Хану предложили укрепить власть посредством русских людей. Шах-Али возразил: «Бусурман де есми, не хочю на свою веру стати, а государю своему царю великому князю изменить не хочю же...»⁷

В январе 1552 г. промосковски настроенной частью казанской знати князьями Нур-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 166, 468; Казанская история, 1954, с. 94.

² ПСРЛ. Т. XIII. С. 167, 468–469.

³ Там же. С. 169.

⁴ Там же. С. 171.

⁵ Там же. С. 172, 472.

⁶ Там же. С. 167–173, 472.

⁷ ПСРЛ. Т. XIII. С. 173.

Али Ширином, Хосровым и Алемердином-азеем было сделано предложение о смещении хана Шах-Али, принятии Казанского ханства в подданство России с направлением к ним наместником русского боярина. При этом Казань должна была сохранять определенную автономию¹. Не исключено, что обращение казанской знати к Ивану IV было инспирировано правящими кругами России. Такое мнение высказывается некоторыми историками [Фахрутдинов, 1995, с.229; Флоря, 1999, с.39]. С.Х.Алишев допускает инициативу принятия такого решения самими казанцами, желающими спасти Казань от завоевания «путем добровольного, но терпимого подданства» [Алишев, 1995, с.108–109].

Политика России в отношении Казанского ханства выстраивалась постепенно под влиянием обстоятельств. Никакого четкого продуманного заранее плана по завоеванию не существовало. Все попытки некоторых историков реконструировать его исходя из событий являются лишь сомнительной ретроспекцией. Результаты, достигнутые во время кампании 1551 г., т.е. посадение на ханство вассального правителя Шах-Али, освобождение пленных и подчинение Горной стороны уже считалось окончательным решением поставленной задачи, и современники воспринимали этот успех, как «светлую без крови победу»². По мнению русского правительства, «казанский вопрос» был решен. До января 1552 г. русское правительство пыталось превратить Казанское ханство в формально самостоятельное вассальное государство, возглавляемое «послушным» ханом, близкое по типу к Касимовскому царству. Еще в сентябре 1551 г. Шах-Али рекомендовали, чтобы он «укрепил бы Казань крепко государю да и себе, как Касимов городок, чтобы при нем и после его была неподвижна, и кровь бы на обе стороны престала на веки»³. Обратим внимание на предполагаемую долгую перспективу существования ханства. Русские бояре считали, что ханство будет оставаться самостоятельным не только при Шах-Али,

но и при его преемниках. В ноябре был дан наказ, «чтобы царь Казань крепко устроил государю, как Городок, чтобы кровь христианская не лилася»⁴. Принятие же ханства в состав России было нежелательно, т.к. влекло значительные материальные издержки, отодвигало русские границы к кочевьям беспокойных восточных орд, что неизбежно бы вызвало ослабление отношений с мусульманскими странами. Лишь только в январе 1552 г., когда стало очевидно, что Шах-Али не контролирует обстановку, она усугубляется, и возникла угроза восстания, русское правительство приняло решение о мирном включении ханства в состав России по договору с казанцами и на правах широкой автономии с заменой хана русским наместником.

В качестве наместника в Казань назначили князя С.И.Микулинского. По распоряжению из Москвы 6 марта 1552 г., под предлогом отправления на рыбалку, Шах-Али покинул Казань. При этом ему удалось обманом увезти с собою в Свияжск еще 84 представителя оппозиционно настроенной казанской знати, испортить порох и пушки⁵.

Известие о смещении ненавистного Шах-Али и присоединении к России было встречено значительной частью казанцев со сдержанным одобрением. Из Казани сообщали, «что вся земля Казанская государеву жалованию ради, правду дают, и к бояром едут лутчие люди». В то же время событие было настолько неординарным, что вызвало противоречивую неоднозначную реакцию. Выражая согласие подчиниться России, казанцы ожидали предстоящие перемены со смутной тревогой. Этим воспользовалась оппозиция. Когда 9 марта 1552 г. русский наместник приблизился к Казани, от его свиты отделились татарские князья Ислам, Кебяк и мурза Алексей Нарыков. Они прискакали в город, закрыли ворота и объявили, что русские будто бы хотят перебить всех татар. При этом они ссылались на слова касимовцев и даже самого Шах-Али. Не исключено, что, озлобившись против казанцев, касимовские татары могли

¹ Там же. С.173–174, 473; Татищев, 1966, с.181.

² ПСРЛ. Т.ХIII. С.193.

³ Там же. С.171, 472; ЦК. С.188–189.

⁴ ПСРЛ. Т.ХIII. С.172, 473.

⁵ Там же. С.174, 474; Казанская история, 1954, с.109.

говорить что-то подобное, но это не имело ничего общего с замыслами русского правительства. Расправы, учиненные Шах-Али, были свежи в памяти и участие в них русских стрельцов тоже. Слова перебежчиков, подобно упавшим на сухую солому искрам, разожгли пожар в Казани. Возможно сами перебежчики стали жертвой обмана со стороны касимовцев и произвольно обрекли население Казани на гибель. Казанцы взялись за оружие, желая отстоять свободу и независимость своего государства¹. С.И.Микулинскому было заявлено, что «Казань бо царство волное и держат царя по воли своей, брегущаго людей своих, а злаго отсылают или убивают» [Казанская история, 1954, с.111]. Источники свидетельствуют, что у русских не имелось никаких планов о проведении репрессий против населения Казани и сил у наместника для этого было недостаточно. Они пытались разрешить недоразумение и поэтому долго не предпринимали никаких силовых действий в отношении Казани. Сторонники же войны среди казанцев, напротив, действовали решительно, опасаясь возможного примирения. Они «в Нагаи послали царя просити, а на Горную сторону стали войною приходити и отводити их от государя. Горние люди одну их посылку побили, дву князей Шахчюру, и Шамаю мурзу. И к воеводам изымав привели и воеводы горных пожаловали, а изменников казнили»². Однако нападения казанцев продолжались, а русские не предпринимали ответных мер. Среди воинов свияжского гарнизона вспыхнула эпидемия: «...пришла немочь великая на государевы люди цынга, и язвами многие померли; и иные мрут, и больны лежат, дети боярские, и стрельцы и казаки»³. Провал мирной попытки присоединения Казанского ханства во многом был обусловлен отсутствием предпосылок для этого.

Население Горной стороны подчинилось России хотя и мирно, но вынужденно, поэтому относилось к своему новому положению неоднозначно. Когда русское военное

присутствие на Горной стороне ослабло, часть населения под влиянием казанской пропаганды подняла восстание. Восставшие подходили к Свияжску и захватывали стада скота и брали в плен детей боярских. Им удалось разбить два отряда казаков, уничтожив 101 человека⁴. По мнению академика М.Н.Тихомирова, «главная роль в этом восстании горных людей принадлежала татарам» [Тихомиров, 1973, с.113]. Следует добавить, что в восстании, видимо, приняла участие и какая-то часть чувашей, живших по Цивили. Однако повсеместного вовлечения населения в восстание не произошло. С наступлением весны эпидемия в Свияжске прекратилась, из Нижнего Новгорода прибыли войска. Восставшие, не имея надежной опоры среди местного населения и поддержки из Казани, быстро потерпели поражение⁵.

Прибывшее в Ногайскую Орду казанское посольство просило оказать военную помощь и прислать к ним на ханство царевича. Под рукой у князя Юсуфа оказался астраханский царевич Едигер-Магмед Касаевич. Его он и направил в Казань, дав в помощь мурз Зейнеша (Дзнеша) и Торуя с отрядом воинов [ПДРВ, 1793а, с.30]. Из другого сообщения следует, что Едигер-Магмед пошел в Казань будто бы без ведома князя Юсуфа и сопровождал его отряд только в 200 воинов, но и тот вернулся от Камы назад, а в Казань с царевичем пошли всего 30 человек [Там же, с.32–33]. Следует доверять все же первому сообщению. Антирусская позиция князя Юсуфа хорошо известна, а из донесения служилого татарина Сююндука Тулусупова известно, что вместе с царевичем в Казань выехал доверенный человек князя Юсуфа Джан-Магмет [Там же, с.53]. После прибытия Едигер-Магмета в Казань и провозглашения его ханом возобновление войны стало неизбежным.

В апреле в Москве состоялось совещание царя Ивана IV с боярами «о своем походе к Казани», на котором было решено предпринять поход немедленно, не дожидаясь зимы. 16 июня многочисленная русская

¹ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.173–176, 473–476.

² ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.177; Т.ХХІХ. С.73; ЦК. С.201–202.

³ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.178, 477; Т.ХХ. Ч.2. С.494; Т.ХХІХ. С.73–74; ЦК. С.205–206.

⁴ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.179; Т.ХХ. Ч.2. С.494; Т.ХХІХ. С.74; ЦК. С.206–207.

⁵ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.198; Т.ХХІХ. С.91; ЦК. С.250–251; Разрядная книга, 1978, с.417–418.

рать во главе с царем выступила в поход на Казань. Крымский хан Девлет-Гирей сделал все, чтобы сорвать его. Татарская конница, усиленная турецкими янычарами и артиллерией, появилась под Тулой. Однако крымчаки поторопились, русские войска не успели еще далеко уйти и смогли без труда отразить нападение и вынудить врагов покинуть русские пределы¹. После чего войска несколькими группами продолжили движение в направлении Казани. 4 августа они достигли Суры, где царя встретили свияжские воеводы с известием о том, что с помощью присланных подкреплений удалось подавить восстание на Горной стороне. Среди встречавших присутствовали «горные люди Янгуду мырза, да Бужкей да Кудабердей с товарищи». «Горных людей государь ести звал да удоволив их и словом пожаловал, вины им отдал и отпустил в Свиазской город, а велел на реках мосты мостить и тесные места чистити по дорозе». Несколькими днями позже царя встретили те, кто участвовал в восстании. Они «били челом о своем отступлении» и оправдывались тем, что «страхом от государя отступили, что их воевали казанцы». И этих посланцев «государь пожаловал», простил и пригласил к себе за стол. Отпуская же, царь указал «им готовым быти с собою, государем, на Казань». Горные люди выразили желание служить русскому царю².

Проходившие по Горной стороне русские войска всюду встречали радушный прием. Местные жители расширяли и расчищали дороги и «на всех реках мосты мостили». Участник похода князь А.М.Курбский позднее вспоминал, что встречавшие их чуваша и черемисы «радующеся цареву пришествию», продавали хлеб и скот. «Черемисский же хлеб сладостнейший, паче драгоценных калачей, обретесе», – восхищался даже спустя много лет князь [Сказания, 1833, с.18–19]. Но только поставкой продовольствия и ремонтом дорог и мостов помощь не ограничилась, 4000 воинов из горных марийцев и чувашей влились в один из полков войска Ивана IV³.

Соединившись под Свияжском, русские рати переправились через Волгу. Небольшой татарский отряд пытался воспрепятствовать переправе, но вынужден был отступить. Русские войска 23 августа приступили к осаде Казани. Численность их была значительной, чаще всего историки указывают на 150 000 [Алишев, 1995, с.127]. Вероятно, эти данные завышены. И.Л.Измайлов определяет русское войска в 50–60 тыс., включая 3 тыс. татар Шах-Али [Исхаков, Измайлов, 2005, с.96–97]. В русском войска была темниковская мордва во главе с князем Еникеем, касимовские татары с ханом Шах-Али и городецкие служилые татары под руководством Ак-сеита Черевсева, чуваша и горные марийцы⁴.

Казанские войска разделялись на три группировки. Самая внушительная защищала столицу ханства. По свидетельству Курбского, она насчитывала 30 000 воинов [Сказания, 1833, с.24]. Казанский летописец указывает на 40 000 воинов, и добавляет, что в городе была проведена тотальная мобилизация всего мужского населения, включая больных и немощных, вооружена даже часть женщин и принудительно мобилизовано около 5000 находящихся в тот момент в Казани восточных купцов. Это дало еще 10000 защитников [Казанская история, 1954, с.133,135]. На Волге находилась казанская флотилия.

Вторая группировка из 15–30 тыс. воинов, возглавляемая князем Япанчей, Шунак-мурзой и арским князем Евушем, прикрывала дорогу на Арск и, находясь в непосредственной близости от Казани, должна была наносить удары по осаждающим войскам со стороны Арского поля. Кроме татар, удмуртов и марийцев в его составе находилось 2700 ногайцев, пришедших на помощь ханству⁵. Марийское ополчение действовало самостоятельно со стороны Галицкой дороги. На Волге находилась их ладейная флотилия. И.Л.Измайлов пишет о том, что казанцы могли располагать силами более чем в 20 тыс. (3 тыс. ногайцев, 10 тыс. татарского ополчения, 5 тыс. войска Япанчи и черемисы) [Исхаков, Измайлов, 2005, с.96–97].

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 187–191.

² Там же. С. 200, 496.

³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 200.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. С. 199–200, 210; Сказания, 1833, с. 19.

⁵ ПСРЛ. Т. VI. С. 307; Казанская история, 1954, с. 131–133.

Не вызывает сомнения, что русские превосходили своего противника по численности в 2–2,5 раза.

Иван IV послал казанскому хану предложение капитуляции, обещая сохранить казанцам жизнь и имущество, но получил решительный отказ.

Передовой и большой полки наступали со стороны Арского поля, полк правой руки с казаками занимал правый берег р. Казанки, сторожевой размещался в устье Булака, полк левой руки располагался вдоль Булака. Поволжское ополчение с ханом Шах-Али стояло тут же. За ними в резерве находился царский полк, там же размещалась ставка Ивана IV. Казань была окружена сплошным кольцом траншей, тыном и турами (корзины с землей). С возведенных валов и осадной 13-метровой башни с 50 пушками, которую подкатили к крепостной стене, по городу вели постоянный обстрел из пищалей и орудий, нанося осажденным большие потери.

Взаимодействуя друг с другом, все три казанские группировки с первых же дней битвы за Казань стали наносить ощутимый урон русским войскам. По условному сигналу с минарета городской мечети казанцы предпринимали вылазку, а из лесов одновременно нападали марийцы и татары. Первая такая вылазка силами в 15 тыс. человек произошла 23 августа. Казанцам удалось нанести поражение русскому ертаулу, но контратака стрельцов вынудила их отступить. Особенно беспокоили нападения с тыла, они подрывали моральный дух и физические силы русских воинов. «От частого наезжания черемисского» особенно сильно страдали обозы и тылы русских войск. Даже много лет спустя А.М.Курбский восклицал: «А горче всех было, от их наезжания, тем христианским полком, яже стояли на Арском поле, яко и нам, с Галицкия дороги, яже суть от луговья черемисы» [Сказания, 1833, с.24, 27]. Аналогичным образом о партизанских нападениях черемисов отзывается и Казанский летописец: «Но злее предних градцких, созади выезжая из острогов лесных, стужаше полком руским черемиса наезжая на станы, возмущающи в нощи и в день, убивающи от вои, и хватающи живых, и стада конская отгоняющи» [Казанская история, 1954, с.131]. Особенно значительное нападение произошло 28 августа: «...

Сражение под стенами Казани. 1552 г. Миниатюра. Лицевой летописный свод. Конец XVI в.

приидоша с лесу многие люди казанцы на Арское поле и нападоша внезапно на передовой полк...»¹

Русские воеводы на своем горьком опыте знали, насколько катастрофичными для всей кампании могут стать регулярные нападения на тылы осаждающих Казань войск. «И в печали бысть о том царь князь великий, и воеводы его все» [Казанская история, 1954, с.131]. На совещании воевод было принято решение о проведении операций против нападавшего с тыла противника. 30 августа воеводы А.Б.Горбатый и П.С.Серебряный притворным отступлением выманили казанцев из леса, затем отсекали их от опушки и, окружив, разгромили. Бегущих преследовали 15 верст до речки Килири. У В.Н.Татищева записано, что в результате боя в плен попало 140 человек. В летописях и разрядных книгах указывается на 340, 440, 740, а Курбский называет максимальное число – около 1000 пленных².

¹ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.207, 504.

² ПСРЛ. Т.VI. С.307; Т.ХІІІ. С.208–209, 505; Разрядная книга, 1978, с.425; Татищев, 1966, с.210; Сказания, 1833, с.28–30.

Сражение под стенами Казани. 1552 г. Миниатюра. Лицевой летописный свод. Конец XVI в.

Однако уцелевшие казанские воины собрались на укрепленной Высокой Горе, недалеко от Казани, перегруппировались и возобновили нападения на русских. Потребовалось проведение против них еще одной операции. 6 сентября группа войск во главе с воеводами А.Б.Горбатым, А.М.Курбским, С.И.Микулинским и др. начала наступление на Высокую Гору. Русским частям были приданы служилые татары, мордва и отряды горных людей. Укрепления на Высокой Горе были взяты после ожесточенного, но скоротечного боя. На третий день наступления русские без боя заняли Арск. «И повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, а жены их и дети в полон поимали и многое множество христианского полону свободили»¹. Казанский летописец так описывает победоносный поход русских войск по Казанской земле: «И наполни всю казанскую землю воями своими, конники и пешцы; и покрывшася ратью поля и горы и подолия, и разлетешася аки птица по всей земли

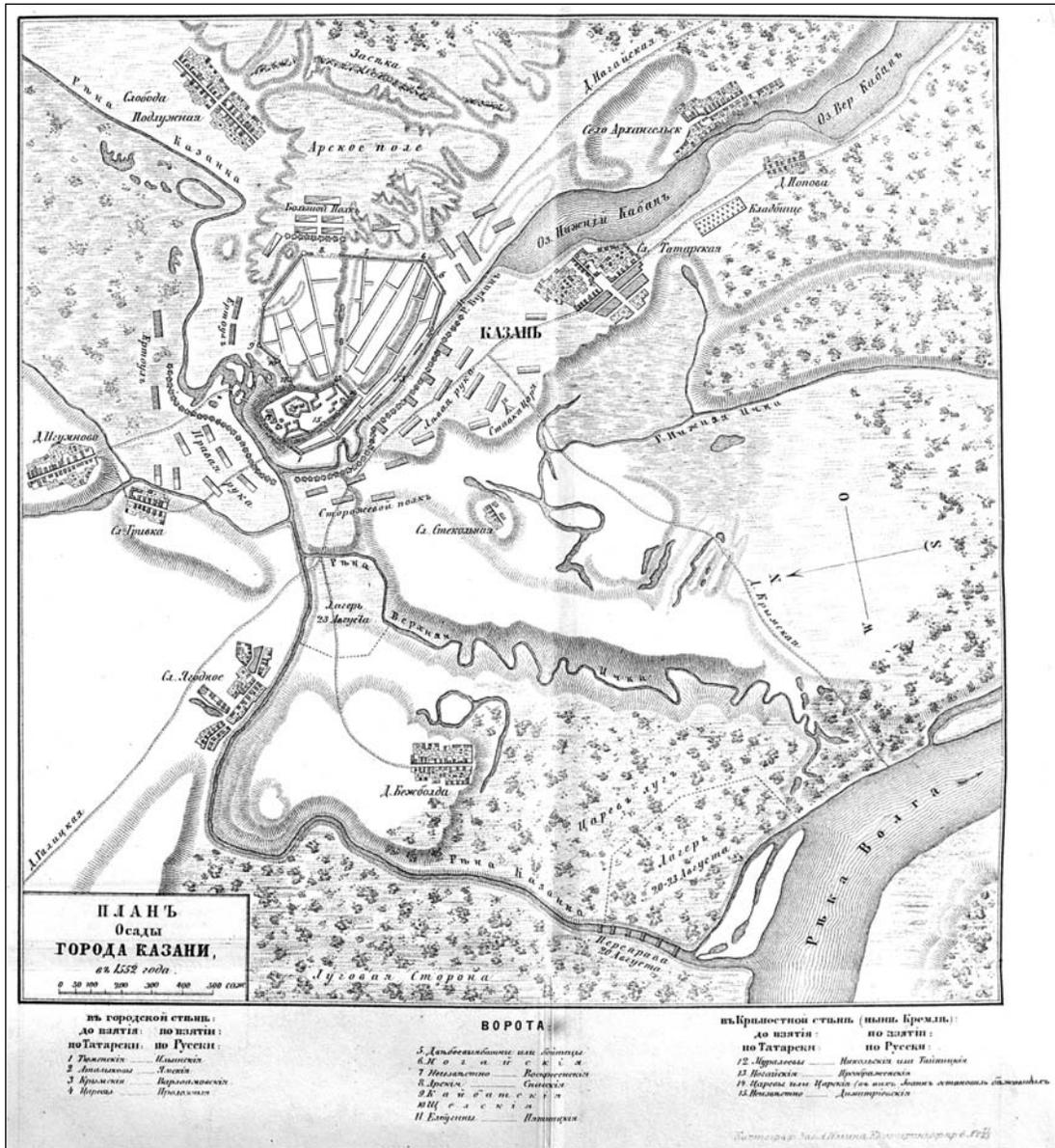
той, и воеваху, и пленяху Казанскую землю и область всюде, невозбранно ходяще на вся страны около Казани и до конец ея. И быша убиения человеческая велика, и кровми поляся варварская земля; блага и дебри, и езера и реки намостишася черемисскими костми» [Казанская история, 1954, с.127]. Русские сожгли несколько марийских острогов «и воевод черемисских 5 взяша живых, а с ними 500 добрых черемисинов приведоша, и жены их и дети плениша» [Там же, с.132]. За 10 дней войсками было взято 30 больших и малых острогов, общее число пленных достигло 5000 человек, захвачена богатая добыча: «...всякого их рухла и скота взяша без числа...» [Там же]. А.М.Курбский также пишет о большом количестве взятого хлеба, скота и мехов [Сказания, 1833, с.31–32].

Казалось бы, победоносный поход должен был положить конец партизанским действиям в тылу русских войск, тем не менее уже через четыре дня после завершения операции, как сообщает Курбский, «собрался черемисы луговья немало, и ударили на ниши станы задние, с Галицкие дороги, и немало стад коней наших отгромили». Посланная вслед за ними погоня настигла марийцев «и овых избиша, других живых поимаша» [Там же, с.32]. Только после этого «черемиса преста выезжати из лесов» [Казанская история, 1954, с.132].

Успехи русских войск по разгрому арской группировки и отрядов марийцев значительно осложнили положение осажденных, они вынуждены были отказаться от вылазок.

При осаде применялось новшество европейского военного дела. Под руководством итальянских, немецких, литовских и русских специалистов осуществлялись минные подкопы под стены. Казанский летописец сообщает, что некий калужский служилый человек Юрий Булгаков, задействованный в охране работ, пытался сообщить казанцам о направлении подкопов, посылал в город стрелы с письмами. Казанцы не знали, как с этим бороться и не смогли воспрепятствовать. После взятия города пособничество Булгакова вскрылось, и он был казнен [Там же, с.141, 159]. 4 сентября 11 бочками пороха был взорван главный городской колодец, это затруднило снабжение осажденных водой, повысило заболеваемость и смерт-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 211, 507; Т. XXIX. С. 187; Татищев, 1966, с. 211.

Осада Казани войсками Ивана Грозного [Голицын, 1877–1878]

ность. В прочих колодцах города вода оказалась некачественной.

Положение еще более ухудшилось после получения известия о том, что ни ногайцы, ни башкиры не собираются прийти к ним на помощь. Часть казанцев стала склоняться к мысли о капитуляции, некоторые перебежали в русский стан, среди них мурза Камай [Там же, с.134; Башкирские шежере, 1960, с.217].

Иван IV посчитал, что наступил удобный момент для переговоров и попытался склонить татар к сдаче города. Для ведения переговоров к крепостным стенам семь раз направлялись перешедший на русскую сторону мурза Камай и горные люди. В доспехах простого воина, чтобы не быть узнанным, присутствовал даже сам царь¹. К

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 214, 509; Татищев, 1966, с. 214; Казанская история, 1954, с. 145.

стенам неоднократно подводили группами пленников, которых набралось к тому времени до 7000, чтобы они уговаривали казанцев сложить оружие. Царь Иван предлагал казанцам сносные условия сдачи города [Казанская история, 1954, с.133; Олеарий, 2003, с.321]. Однако никакие уговоры не помогли, большинство казанцев были полны решимости сражаться до последнего.

Раздосадованный стойкостью защитников Казани, царь Иван приказал предать пленников казни на виду у осажденных. По словам Казанского летописца, он приказал «инех около града на колия посади, а инех стремглав за едину ногу повешати, а инех за выя, инех же оружием убивати на устрашение казанцем, да видевшэ злогоркую тое смерть своих и убоятся, град здадут ему и смирятсэ». Часть пленных привязали перед русскими осадными укреплениями с тем, чтобы они умоляли защитников города сдаться. Их расстреляли сами же казанцы из луков, чтобы прекратить мучения. По сообщению Казанского летописца, пленные черемисы будто бы «умирающи кленяху казанцев: «Дабы и вам по нас та же горкая смерть прияти и женам вашим и детем» [Казанская история, 1954, с.135; Сказания, 1833, с.30]. Однако показательная суровая расправа с пленными имела обратный эффект – казанцы укрепились в мысли сражаться до конца.

30 сентября взорвали стены у Арских и Царских ворот. Русские ворвались в город и заняли стены и башни. Отчаянной контраатакой казанцы вынудили противника отступить, но Арская башня осталась за стрельцами. На месте разрушенных стен были наспех построены новые. 1 октября Иван IV предъявил ультиматум, предлагая сдаться на милость победителя. Казанцы отвергли его, заявив: «или все умрем или отседимся»¹.

К этому времени защитники Казани были в значительной степени обескровлены, укрепления сильно разрушены, из-за отсутствия хорошей воды начались болезни, и лишь отчаяние придавало решимость сражаться до последнего. На 2 октября был назначен решительный штурм, который должен был последовать сразу же после подрыва подко-

пов. Значительные силы были выделены в резерв и на прикрытие со стороны леса. На Арской и Чувашской дорогах вместе с воеводой И.Ф.Мстиславским были поставлены Шах-Али с татарами и горные люди².

Утром 2 (12) октября были взорваны стены у Аталыковых и Ногайских ворот. В образовавшиеся проломы под прикрытием артиллерии, огня стрельцов и лучников б колоннами ворвались штурмующие. Осажденные стреляли из пушек, пищалей и луков, обливали нападавших кипящей смолой, сбрасывали на них бревна и камни, но татары были сбиты со стен, бой закипел в городе. Воспользовавшись тем, что многие русские занялись грабежом, защитники контраатакой смогли отбросить нападавших к стенам, победа татар была близка. Только введение в бой свежих сил царского полка изменило ситуацию. Медленно отступая, казанцы сосредоточились у ханского дворца. В последнем бою принимали участие отряды, сформированные из духовенства во главе сеидом Кул Шерифом и женщин. Видя безнадежность положения, хан Едигер-Магмед и мурза Зайнаш сдались. 6 тыс. казанцам удалось прорваться через русские заслоны у Елбугиных ворот и переправиться через Казанку, однако скрыться в лесу смогли только несколько сотен. Защитники города были перебиты, имущество разграблено. В живых по приказу Ивана IV оставляли лишь женщин и детей. Однако рассвирепевшие в битве и опьяненные от крови воины убивали без разбора, из-за чего погибли и женщины, и дети. Всего в день штурма, по подсчету Назара Глебова, пало около 20 тыс. казанцев. Псковская I летопись сообщает, что «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси взя город Казань, октября во 2 день, подкопом и многими приступы; и высекоша всех татар во граде до 20 000, а прочих розплениша, а город весь выгорел от зелия...»³ На такую же численность погибших казанцев указывает и Казанский летописец, увеличив только для эффекта в 10 раз. Среди погибших были и «мала и велика, стара и млада, мужска полу и женска...» [Казанская исто-

² ПСРЛ. Т. XIII. С. 214–215, 510; Татищев, 1966, с. 214.

³ ПСРЛ. Т. IV. С. 308–309.

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 214, 509.

рия, 1954, с.159]. Погибших казанцев, по свидетельству Г.Штадена, привязывали к лошадям, волокли к Волге и бросали в реку [Штаден, 1925, с.113–114]. Какая-то часть казанцев погибла в ходе осады. Уцелевшие женщины и дети, которых оказалось больше, чем погибших, были пленены: одних продали «в иные земли», других обратили в холопов, многие молодые женщины были крещены и выданы замуж¹.

Русские тоже понесли существенные потери, подсчет Назара Глебова показал 15 355 человек [Казанская история, 1954, с.159]. «Синодик по убиенных во брани» содержит имена 185 князей и служилых людей, убитых при казанском взятии [Синодик, 1986, с.175–178]. Погибшие были погребены на Зилантовой горе у города. Убитых татар, мордвов, чувашей и горных марийцев, воевавших на стороне Ивана IV, должны были похоронить отдельно.

Закрепилось мнение, что все мужское население Казани было уничтожено. Но, например, Московский летописец упоминает захваченных в Казани «князей, и мурз, и всяких чиновных татар». По его словам, царь предложил им «служити и прямити так же, как нам служат ваша братья, которые у нас пожалованы в московских городах»². Депортацию в Россию многочисленных «улановой и мурз и князей казанских з жёнами и з детми» подтверждают Казанский летописец³ и татарская летопись [История Татарии, 1937, с.123].

В первые же дни после взятия Казани, возможно, уже 3 октября, состоялся «совет» с целью организации системы управления завоеванным краем и выработки политической линии в отношении коренного населения. На нем присутствовали царь, воеводы и священнослужители. Если первый вопрос решили единодушно, то при определении курса в отношении народов Поволжья обнаружился принципиальный расхождение. Большая часть воевод, по определению А.М.Курбского, «все мудрые

и разумные», и сам князь советовали царю задержаться в Казани до весны для того, чтобы он «до конца выгубил бы воинство бусурманское и царство оное себе покорил и усмирил землю на веки» [Сказания, 1833, с.47]. Метод жестокого террора в отношении завоеванных народов преследовал цель подавления воли к сопротивлению и был традиционен для средневековой Азии и Европы. Повсеместно победители либо истребляли побежденных полностью, либо ограничивались уничтожением феодальной верхушки и сами занимали ее место. В этом случае народ-победитель и народ-господин ставил между собой и покоренными кастовые преграды [Нестеров, 1987, с.89]. Крайние радикальные настроения были присущи значительной части русского воинства. Сторонники такой позиции стояли за чисто военное силовое решение проблемы. Еще в 1549 г. дворянин И.С.Пересветов в своих челобитных рекомендовал царю после завоевания Казанского царства немедленно насильно крестить все население, а на тех, кто не подчинится, «воинники удалые послати на улусы казанские, да велети жеши и людей сечи и пленити» [Сочинения, 1956, с.182, 208, 245].

Противоположная точка зрения была у братьев царицы Анастасии Данилы и Никиты Романовичей Захарьиных, еще нескольких воевод и священников. Они предлагали воздержаться от военных акций в отношении местного населения, вывести основные силы русских войск из завоеванного ханства и решать все вопросы мирным путем на переговорах с местным населением.

Умеренный подход ориентировал правительство на сочетание мирных и карательных мер с целью интеграции завоеванных народов в систему Русского государства. Такой подход основывался на ставшей уже традиционной политике Руси по привлечению представителей соседних народов на свою сторону.

Вопреки мнению большинства, царь принял вторую точку зрения, являющуюся логичным продолжением политики России в отношении Казанского ханства. Раньше пытались договориться с независимыми казанцами, теперь хотели договориться с уже побежденными. Мирное подчинение края

¹ ПСРЛ. Т.ХІХ. С.160; Т.ХХІ. С.627; Казанская история, 1954, с.155–156; Зимин, 1950, с.17; Сборник РИО, 1887, с.372, 375.

² ПСРЛ. Т.ХХХІV. С.224.

³ ПСРЛ. Т.ХІХ. С.175; Казанская история, 1954, с.165.

избавляло от трудной, дорогостоящей и кровопролитной войны и отвечало фискальным интересам государства. История взаимоотношений с ханством позволяла надеяться на его мирное подчинение. В 1487–1505 и 1508–1521 гг. Казань находилась в той или иной степени вассальной зависимости от России. Среди татар было немало сторонников соглашения с Москвой. Часть нетатарского населения также была готова пойти навстречу русскому царю (жители Горной стороны, часть удмуртов).

По улусам ко всем черным людям были разосланы «жаловальные грамоты опасные, чтобы шли ко государю, не бояся ничего; а хто лихо чинил, тем бог мстил; а их государь пожалует». «И прислали ко государю арские люди бити челом казаков Шемая да Кубиша з грамотою, чтобы государь их черных людей пожаловал, гнев свой отдал и велел ясаки имати, как и прежние цари, и прислал бы к ним сына боярского, хто бы им сказал цареву жаловальное слово, а их собрал, понеже они со страху разбежались, и они бы, учиня государю правду, дав шертъ, поехали ко государю». Вскоре «с Луговой стороны также черемиса приехала ко государю бити челом, и государь их пожаловал». По приказу царя по улусам были направлены сын боярский Никита Казаринов и служилый татарский мурза Камай. 10 октября они возвратились в Казань вместе со многими арскими людьми. Одновременно и «луговые люди из Як и изо многих мест к государю приехали». Состоялись переговоры, на которых представители местного населения просили, «чтобы им государь милость показал, а они всею землею государю бьют челом и ясаки дают»¹. Иван IV приказал взимать ясак в размерах, существовавших в конце XV – начале XVI в. при московском вассале хане Мухаммед-Эмине, т.е. произошло сокращение норм ясака. Отменялось и сюрральное право, население впредь обязывалось платить «прямые ясаки» непосредственно в пользу феодального государства², что тоже должно было облегчить положение народа.

В соответствии со сложившейся в ханстве традицией решался и вопрос о землев-

ладении – верховным собственником всей земли становился русский царь. Непосредственное же владение землей сохранялось за крестьянскими общинами и местными феодалами при условии их лояльности к новому режиму. После падения Казани не последовало ни раздачи земель русским людям, ни закрепощения коренных жителей за русскими феодалами. Местные крестьяне впоследствии по-своему объясняли, почему они не были закрепощены русскими боярами и дворянами. В одном чувашском предании рассказывается о том, что Иван Грозный, проезжая по Горной стороне, очень удивлялся хорошей обработке полей, отсутствию сорняков на них, высокому урожаю хлебов. Бояре, жадно взирая на колосющиеся нивы, будто бы просили царя закрепить за ними чувашских крестьян, на что царь Иван им отвечал: «Нет уж! Пусть будут царевы люди» [Димитриев, 1983, с.90].

В ознаменование наступившего мира был устроен пир, на котором присутствовали как русские воины и их союзники из числа поволжских жителей, так и прибывшие на переговоры представители луговых марийцев, татар и удмуртов. После пира царь приказал «дать им семена земныя, и коня, и волы на орание, инем же и одеяние дать и сребрениц понемногу» и «отпусти их по местом своим жити без боязни, наказав воеводам, да закажут воем своим не обидети их ничим же»³.

Таким образом, 10 (20) октября весь край юридически покорился русскому царю. Необходимо отметить, что за несколько дней в Казань не могли, из-за опасения и удаленности, приехать многие представители отдельных родов. Следует учесть и то, что население пошло на признание подданства в обстановке реальной угрозы возможного наступления высвободившихся после взятия Казани войск. Поэтому челобитье 10 октября не во всём адекватно отражало настроения населения. Да и царские подарки вряд ли произвели сильное впечатление на удмуртов, татар и марийцев. Они всего лишь получили назад часть разграбленного у них же имущества.

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 221, 515–516; Т. XX. Ч. 2. С. 532; Т. XXIX. С. 110; ЦК. С. 315.

² ПСРЛ. Т. XIII. С. 222, 516.

³ ПСРЛ. Т. XIX. С. 169; Казанская история, 1954, с. 161.

В течение нескольких дней после взятия Казани была осуществлена большая работа по налаживанию системы управления краем. Не ломая традиционных принципов управления, сложившихся в Среднем Поволжье, Иван IV пошел по пути создания системы воеводского управления с полным отказом от изживших себя в центре страны принципов кормления. Предполагалось управлять краем с помощью лояльной национальной знати, но под строгим контролем со стороны русских чиновников. За местной знатью, признавшей новый режим, сохранялась власть на местах, она допускалась к работе судебных органов, выполнению ряда административных функций, несению полицейской и военной службы [Ермолаев, 1982, с.11–28]. В Казани были оставлены на воеводстве Александр Борисович Горбатый, Василий Семенович Серебряный, окольный Алексей Данилович Басманов. Им отводилась важнейшая роль по поддержанию порядка в крае – «бытию на вылоске». Заниматься городскими делами предписывалось окольному Ивану Безсонову. С ними оставили 7050 детей боярских, стрельцов и казаков. Гарнизон Свияжска установили меньше по численности ввиду лояльности населения Горной стороны. «На вылоске» были определены князья Петр Иванович Шуйский, Борис Иванович Салтыков-Морозов и Григорий Петрович Звенигородский. Город находился в управлении боярина Семена Константиновича Заболотского и князя Дмитрия Михайловича Жижемского¹.

Уже 11 октября Иван IV по Волге отплыл из Казани в Свияжск и на следующий день в Москву, куда вступил с триумфом 29 октября. Вслед за ним потянулось отягощенное добычей и полоном войско. Осенняя распутица сильно испортила дороги, и обратный путь был долог и труден. Только в начале ноября войска добрались до Нижнего Новгорода и были распущены по домам. Спустя несколько недель в Среднем Поволжье началось восстание за освобождение Казанского государства.

В советской историографии сложились три точки зрения в отношении характера

восстания 1552–1557 гг. Странники первой полагают, что восстание являлось сепаратистским выступлением казанских феодалов. Крестьянство же на первых порах будто бы слепо следовало за своими вождями и лишь потом, осознав реакционный характер восстания, отошло от него [Тихомиров, 1973, с.91–115; Наякшин, 1951, с.108–111; Коробов, 1957, с.11–14; Айплатов, 1967, с.69–84; Димитриев, 1959, с.129; Дубровина, 1980, с.11–14; Макаров, 1959, с.61–72; Ермолаев, 1982, с.16–37]. Ряд других авторов утверждает, что восстание являлось крестьянским и было направлено против установившихся феодальных порядков [Бурдей, 1954, с.27–36; История СССР, 1966, с.175; История Татарской АССР, 1968, с.107–110]. Есть мнение и о том, что восстание одновременно развивалось и как крестьянское антифеодальное, и как сепаратистский мятеж феодальной знати [Очерки, 1955, с.364–365, 668–669; Шмидт, 1977, с.56; Алишев, 1990, с.237].

Проведенные в последние годы исследования позволяют сделать вывод о народно-освободительном характере восстания 1552–1557 гг., движущими силами которого выступили широкие слои марийского, татарского и удмуртского населения, организованные и возглавленные татарскими феодалами и марийско-удмуртской родовой старшиной. При этом основной ударной силой восстания стали левобережные марийцы. Впоследствии их роль в повстанческом движении неизменно повышалась. Это послужило причиной того, что уже современники называли эти восстания «черемисскими войнами». По сути, это было даже не восстание, а продолжение Казанской войны. Восстанием события 1552–1557 гг. можно называть только на основании формального вхождения Среднего Поволжья в состав Российского государства.

В условиях борьбы с захватчиками имевшиеся противоречия отступили перед общей задачей освобождения родины. Это позволило представителям различных социальных и этнических групп объединить свои усилия и выступить единым фронтом.

Катализирующей и организующей силой восстания стали татарские феодалы, родоплеменная марийско-удмуртская знать, мусульманское и языческое духовенство.

¹ ПСРЛ. Т.VI. С.314; Разрядная книга, 1978, с.443.

Татарских феодалов и племенную верхушку марийцев и удмуртов не устраивало подчинение русскому царю. Их положение в Казанском ханстве и Российском государстве имело принципиальные отличия. В условиях феодальной анархии, царившей в Казанском ханстве, они чувствовали себя более самостоятельно, царская же администрация требовала от них беспрекословного полного подчинения. Не желая повиноваться русскому царю, казанские феодалы говорили: «Мы ли хотим подручники быти московскому держателю и его князем и воеводам, всегда нас боящимся! Им достоит бо; и лепо есть нам итти владети и дани у них взимати, яко и прежде; оне бо царем нашим присягали и дани давали, и мы есмь тем изначала господие и оне раби наши; и како смеют или могут наши раби нам, господам своим, противитися, многажды им победенным от нас бывшим? Мы бо искони обладани не быхом никем же, кроме царя нашего, но и служаще ему волны есмь в себе: камо щем, тамо идем, и ту живем и волею своею служим; и в велицей неволе жити не обыкохом, яко же на Москве у него живут людие, велики скорби терпяще от него...» [Казанская история, 1954, с.89–90]. Несмотря даже на большие потери вследствие войны, в Среднем Поволжье оставались тысячи князей, мурз, огланов и казаков, всех тех, для кого война была привычным делом. Татарские феодалы и марийско-удмуртская знать «была народу ближе по крови и понятнее по языку и вере, чем русское дворянство, с оружием в руках пришедшее на их родину» [Ермолаев, 1982, с.17].

Определенное влияние на развитие восстания оказали мусульманские и языческие служители культа. Хотя Иван IV и декларировал невмешательство в вероисповедание местного населения, разрушение мечетей, возведение на их месте православных храмов и истребление мусульманского духовенства не могло не вызвать серьезных опасений за будущее ислама и язычества. Лишенное своего привилегированного положения мусульманское духовенство призвало к священной войне – джихаду против неверных. Не отличающийся кротостью ислам стал движущей национально-политической силой. Священный Коран вдохновлял мусульман на борьбу

с гяурами. Война с ними являлась одной из основных заповедей мусульманина [Цветков, 1912, с.14–21; Ислам, 1986, с.50]. Вслед за муллами призвали к войне с христианами языческие марийские и удмуртские карты.

Определенное влияние в разжигании восстания в Среднем Поволжье оказали татарские государства. Ногайский князь Юсуф не скрывал своего недовольства успехами русских. Под Казанью должны были уцелеть остатки из разгромленного ногайского отряда. Крымский хан при поддержке турецкого султана еще до падения Казани предпринимал усилия по установлению своего влияния в Поволжье и противодействию России. Конечно, не нужно преувеличивать это влияние, скорее всего никаких организованных действий не велось, вряд ли присутствовала в регионе и иностранная агентура. Правильней будет говорить об ожидании повстанцами политической и военной поддержки от этих стран. С такой надеждой и подниматься на восстание было легче.

Широко распространенное в советской историографии мнение о том, что основной причиной восстания якобы стал социальный, национальный и культурный гнет при научном анализе не нашло подтверждения. Ни один источник не содержит доказательств этого. Шаблонные повторения утверждений о будто бы имевшемся гнете опираются на два отрывка из «Царственной книги». В первом говорится о том, что отъезжавший в декабре 1552 г. на моление в Троице-Сергиев монастырь Иван IV приказал боярам «без себя о казанском деле промышляти да и о кормлениях сидети; они же от великаго такого подвига и труда утомившася и малого подвига и труда не стерпеша докончати и возжелеша богатства и начаша о кормлениях сидети, а казанское строение поотложиша»¹. В другом месте летописец сетует: «И за нашу разность и неединомышление, инде же явися и превзношение и гордые слова: понеже бог милосердие свое показал над Казанью, и в нас явилися гордые слова и высокия и на богатство уклонихомся, а бога о сем не благодарихом, и почали о себе мудри быти и храбри, а строения ни о чем не смышляху, но токмо в гордости

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 523.

своей хвальяхомся»¹. Ошибка заключается в неверном истолковании выражения «о кормлениях сидети». Прочитированные отрывки из «Царственной книги» отнюдь не свидетельствуют о беззастенчивом выколачивании «кормов» из населения Среднего Поволжья. Во-первых, жители Левобережья должны были платить «прямые ясаки» непосредственно в пользу феодального государства, а не «кормленникам». Население же Правобережья вообще было освобождено от ясака на три года. Во-вторых, воеводская система управления, введенная в Среднем Поволжье, предусматривала полную отмену изживших себя кормлений [Ермолаев, 1982, с.11]. В-третьих, приведенные выше летописные отрывки свидетельствуют лишь о том, что покидавший Москву царь дал Боярской думе распоряжение приступить к созданию особого органа управления Казанским краем (будущего приказа Казанского дворца) и оказанием помощи оставленным в Среднем Поволжье гарнизонам. Однако, по словам летописца, этого-то бояре как раз и не сделали, занятые более важным для них делом – распределением кормлений, еще сохранявшихся в центре страны. Вот о каком уклонении на богатство сетует летописец. Следует учесть и то, что содержащиеся в тексте «Царственной книги» нападки на боярство были внесены в виде приписок на полях лично Иваном Грозным или по его прямому распоряжению. Так царь пытался возложить вину за многие собственные просчеты на бояр². В-четвертых, после взятия Казани не была произведена раздача земель в поместное и вотчинное владение русским служилым людям, что также не давало администрации условий для сколько-нибудь серьезного притеснения местного населения. Не было необходимости и в проведении реквизиций продовольствия и фуража на нужды гарнизонов, ибо, как сообщает А.М.Курбский, в Казани «запасов было всяких множество с русския земли галиями напривожено». По словам князя, даже все войско, участвовавшее в походе на Казань, могло бы кормиться этими припасами до весны [Сказания, 1833, с.47]. Кроме того,

по сообщению Казанского летописца, еще во время операций на Арской стороне русские в селениях татар, удмуртов и марийцев «всякого их рухла и скота взяша без числа» [Казанская история, 1954, с.132]. Захваченного скота было так много, что он продавался по бросовым ценам и даже дарился тем же марийцам, татарам и удмуртам во время мирных переговоров [Сказания, 1833, с.32; Казанская история, 1954, с.161].

Сбор ясака явился не причиной восстания, как можно подумать, а поводом. Как уже говорилось выше, нормы ясака даже несколько сократили. Уплата его была привычна для населения и символизировала подчинение новой власти. Желавшие сохранить независимость в первую очередь должны были отказаться от его уплаты. Первыми это сделали левобережные марийцы.

Опроверяют антифеодальный характер восстания и сами сроки его начала. Восстание вспыхнуло в ноябре 1552 г., вскоре после вывода русских войск из Среднего Поволжья. За несколько недель русского господства не могло установиться никакого феодального угнетения, тем более в национальной и культурной сферах. Социальные возмущения всегда вызревают постепенно и долго и никогда не возникают неожиданно и быстро. Следовательно, восстание 1552–1557 гг., известное еще и как Первая черемисская война, являлось народно-освободительным движением.

Первое сообщение о восстании в Среднем Поволжье поступило в Москву 20 декабря 1552 г. от васьилсурского воеводы. В нем говорилось, «что на Волге побили гонцов и гостей и боярских людей з запасы луговые люди, да и горние с ними были»³. Примечательно, что царю потребовалось издать специальный указ о проведении карательной акции против восставших, сами воеводы были связаны инструкцией и не решались на активные репрессивные действия. Несомненно, это определялось мирным характером присоединения Горной стороны к России, опасением испортить отношения с местным населением. По приказу царя свияжский воевода Б.И.Салтыков-Морозов произвел расследование происшествия. Со-

¹ Там же. С.528.

² О приписках см.: [Шмидт, 1984, с.190–216; Альшиц, 1947, с.251–289].

³ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.228, 526; ХХ. Ч.2. С.538–539; ЦК. С.331.

хранявшее лояльность местное население помогло арестовать соучастников нападений из числа соплеменников. Таковых оказалось 74 человека. Часть из них повесили на месте, остальных казнили аналогичным образом возле Свяжска. Имущество казненных было конфисковано и передано «истцам»¹.

В некоторых исторических работах встречается ошибочное истолкование данного термина и делаются неверные выводы. Под «истцами» подразумеваются те люди, которые помогли отыскать и арестовать участников нападений. Будто бы им в награду за услугу было передано конфискованное имущество. За этим обычно следует вывод о целенаправленной политике царизма по натравливанию одной части поволжского населения против другой по принципу «разделяй и властвуй» [Худяков, 1990, с.154; Ермолаев, 1982, с.16; Алишев, 1995, с.146 и др.]. Однако термин «истец» как для XVI, так и для XXI в. остается неизменным и означает лицо, предъявляющее судебный иск в связи с нанесением ему какого-либо ущерба. Разбойные нападения луговых марийцев и примкнувших к ним горных людей были квалифицированы царской администрацией не как политическое, а как уголовное деяние. Адекватно совершенному, в полном соответствии с нормами средневекового уголовного права, была и кара. Виновных казнили, а их имущество передали пострадавшим, т.е. истцам. Однако с учетом последующих событий нападения на Волге следует рассматривать как начало народно-освободительного восстания, проявившегося первоначально в форме обыкновенного грабежа.

О второй вспышке восстания сообщил прибывший из Казани в Москву Никита Казаринов. Он доложил, что «Тугаевы дети с товарищи», собрав на Арской стороне отряд единомышленников, «хотели лихо чинити», однако направленный против них отряд во главе с мурзой Камаем и им, Никитой Казариновым, разгромил мятежников, 38 плененных повесили возле Казани². Это выступление больше напоминает мятеж оппозиционных татарских феодалов, который не

был поддержан народными массами, и по этой причине царской администрации без труда удалось его подавить.

Тот же Казаринов сообщил, что сразу же после наведения порядка начался сбор ясака с населения Арской и Побережной сторон и завершил свой доклад известием, что «дети боярские ясаки собрали сполна, и привезли к воеводам, а на Луговую послали же»³. Это известие позволяет высчитать, когда началось восстание. Если сложить затраченное время на путь от Казани до Москвы (приблизительно две недели), и время, которое понадобилось на подавление мятежа «Тугаевых детей» и сбор ясака, то начало восстания следует отнести к концу ноября или даже ранее.

Никита Казаринов отбыл в Москву еще до возвращения сборщиков ясака с Луговой стороны и поэтому не знал, что обстановка в крае резко изменилась в худшую сторону. Луговые марийцы отказались от уплаты ясака и убили сборщиков Мисюрю Лихорева и Ивана Скуратова. Расправа со служилыми людьми послужила сигналом к восстанию и положила конец имевшимся сомнениям и разногласиям среди марийцев.

Взявшись за оружие, марийцы перешли к активным действиям, вторгнувшись на Арскую и Побережную стороны. Местное татарское и удмуртское население сразу же присоединилось к восстанию.

Характер и движущие силы в повстанческом движении претерпели изменения. Восстание, начавшееся как выступление небольшой группы татарских феодалов и не связанный с ним черемисский грабеж на дорогах, быстро превращается в общенародное освободительное движение, в котором приняли участие все социальные слои марийского, удмуртского и татарского общества.

Русское командование первоначально недоценило степень опасности, угрожающей русскому присутствию в крае. Изначально царские воеводы совершили несколько ошибок. Не была занята засека на Высокой Горе, а она являлась отличной позицией, откуда можно было наблюдать за Казанью и прикрывать Арскую дорогу. Попытка раз-

¹ ПСРЛ. Т.ХIII. С.228–229, 526–527; Т.ХХ. Ч.2. С.538–539; ЦК. С.331–332.

² ПСРЛ. Т.ХIII. С.229, 526–527; Т.ХХ. Ч.2. С.539; ЦК. С.331–332.

³ Там же.

грома повстанцев была плохо организована. Воеводы, не располагая данными о противнике и не представляя размаха восстания, недооценили их численность. Против восставших выслали лишь два отряда стрельцов и казаков численностью в 1000 человек, которые действовали к тому же несогласованно. Плохо организованный поход окончился катастрофой. Двигавшиеся по разным дорогам русские отряды были окружены превосходящими силами повстанцев и уничтожены по отдельности. Погибло 350 стрельцов и 450 казаков¹. Успех окрылил повстанцев, инициатива полностью оказалась у них. Поставив под свой контроль все левобережье, они блокировали Казань, вынудив русских сесть в осаду. Казанский летописец записал, что восставшие «хотящи град свой восприяти, не дающе гражаном русином на дела своя из града исходити»². Положение усугублялось вспыхнувшей в Казани эпидемией, повлекшей случаи смертельного исхода. Однако восставшие не имели для взятия хорошо укрепленных городов ни умения, ни соответствующего вооружения и техники. Противостояние обещало затянуться.

Развивая достигнутый успех, повстанцы уже в феврале 1553 г. перенесли боевые действия на Горную сторону. Возглавляемое татарскими феодалами Усеин сеитом (Зен-Зеитом, Зейзетом) и Сарыем богатырем повстанческое войско появилось в окрестностях Свияжска. Против них был направлен «не с великою силою» отряд Б.И.Салтыкова-Морозова, состоявший из детей боярских и горных людей. Однако он не подготовился к операции должным образом, не была учтена многоснежная зима. Погода не благоприятствовала воеводе, выпавший снег сильно затруднял передвижение. Увязших в снегах и выбившихся из сил воинов неожиданно окружили повстанцы, легко передвигавшиеся на лыжах. Царский отряд разбили наголову. В ходе боя погибло 36 детей боярских и еще 50 русских и 170 горных людей, 200 человек попали в плен. В руках восставших оказался и сам воевода

Б.И.Салтыков-Морозов, которого как важного пленника отправили «в башкирские улусы, в далнюю черемису за 700 вёрст за Казань». Это поражение сковало действия русских на Горной стороне и позволило повстанцам блокировать Свияжск, Васильсурск и начать нападения на муромскую, нижегородскую и вятскую земли, доходило даже до атак на некоторые русские города³. Возникла реальная перспектива возрождения Казанского ханства.

Но реставрации Казанского ханства так и не произошло. Этому помешала стойкость русских гарнизонов Казани и Свияжска, выдержавших многомесячную блокаду и, самое главное, лояльность населения Горной стороны к власти. Горные люди даже оказывали сопротивление проникшим на Горную сторону повстанцам. Восстановление Казанского ханства ничего не могло дать горным людям, а лишь воспроизводило то положение, которое было ранее, население Горной стороны могло снова оказаться между «молотом и наковальней». Русские тоже не во всем устраивали горных людей, но жизнь под властью русского царя показалась им более привлекательной, чем в составе Казанского ханства. Население получило трехгодичное освобождение от ясака и надежду на политическую стабильность, защиту и законность. Негативные стороны царизма еще не успели проявиться, а с ханской децентрализованной системой власти, с безграничным произволом татарских феодалов и бесконечными разорительными войнами между Москвой и Казанью горные люди были очень хорошо знакомы и не желали возврата к старому. О том, что на Горной стороне не было восстания, подтверждает и отсутствие там карательных операций царских войск. В то же время в источниках содержится немало известий об участии горных людей в боевых действиях против повстанцев. Имеются такие сюжеты и в фольклоре [Димитриев, 1983, с.85, 89]. И это несмотря на то, что после разгрома отряда Б.И.Салтыкова-Морозова в феврале – апреле повстанцы были хозяевами поло-

¹ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.230, 528; Т.ХІХ. С.186; Т.ХХ. Ч.2. С.540; Казанская история, 1954, с.174; ЦК. С.335.

² ПСРЛ. Т.ХІХ. С.186; Казанская история, 1954, с.174.

³ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.230, 528; Т.ХХ. Ч.2. С.540; Т.ХІХ. С.186; Казанская история, 1954, с.174; ЦК. С.335–336; Сказания, 1833, с.59.

жения – русские отсиживались в городах, а помощь из центра еще не подошла. Сопровитвлением жителей Горной стороны можно объяснить отступление Усеин-сеита и Сарыя богатыря при известии о приближении отрядов казаков.

Изначально прослеживается стремление повстанцев к объединению и организованности, планомерным стратегическим и тактическим действиям. Во главе движения становятся татарские феодалы. Повстанцы, несмотря на принесение присяги русскому царю, не считали себя подданными Русского государства и стремились к восстановлению Казанского ханства. Они желали воссоздать присущие этому атрибуты. Не имея возможности захватить Казань, в 70 верстах от нее на р. Мёше они построили новую, укрепленную рвом и земляным валом столицу, которая стала политическим центром повстанцев. Незавершенность в организации руководства отразилась на стратегии повстанцев. В то время как часть повстанцев осаждала города и пыталась поднять на борьбу Горную сторону, что являлось единственным путем к достижению победы, другие отправлялись грабить русские земли, что только распыляло силы, усиливало у российского руководства понимание необходимости ликвидации очага напряженности на востоке страны и не было вызвано военной необходимостью.

Существование у повстанцев организационного начала чувствуется и в попытках получить помощь со стороны. Весной и летом 1553 г. делегации повстанцев направляются в Башкирию и Ногайскую Орду. Если проживавшие в Башкирии восточные мариетцы присоединились к восставшим, то заинтересованные в русском покровительстве и поддержке против ногайцев башкиры прогнали от себя мурз [Фирсов, 1866, с.119]. Летом три посланца повстанцев во главе с Шибаном появляются в Ногайской Орде. Самым влиятельным из мурз считался Исмаил, к нему и прибыли первым делом посланники. Они «просили у него на княженье сына его Магмед мирзы». В качестве подарка и демонстрации своих успехов они преподнесли Исмаилу доспехи, снятые с пленного Б.И.Салтыкова-Морозова. Исмаил, оставаясь последовательным сторонником Москвы, отказал им «и отпустил их в Казань

ни с чем» [ПДРВ, 1793а, с.106–107; Посольские книги, 2006, с.131]. Служилый татарин Карамыш Мустояпов, сообщая Ивану IV о результатах этих переговоров, рассказывал: «... которые казанские люди были у нево, и он тех людей всех пограбил, и жёны и дети у них поотнимал» и угрожал пойти «воевать арских людей» [ПДРВ, 1793а, с.103; Посольские книги, 2006, с.130].

Начало восстания обеспокоило правительство. Видимо, с восстанием связано поспешное крещение находящихся в плену казанских ханов. Крещение Утемыш-Гирея, получившего имя Александр, состоялось 8 января, а Едигер-Магмета, нареченного Семионом, 26 февраля 1553 г.¹

Сразу же среагировать на известия о восстании в Москве не могли. В это время в столице происходил династический кризис. В начале марта царь Иван серьезно занемог «тяжелым огненным недугом»². Состояние больного было настолько плохим, что его кончины ждали со дня на день. Встал вопрос о престолонаследии. Часть бояр стояла за родившегося 26 октября 1552 г. сына Дмитрия и целовала ему крест. Другие были против «пеленочника» и хотели поддержать кандидатуру двоюродного брата государя Владимира Старицкого [Скрынников, 1983, с.48–51]. В такой сложной внутривластной ситуации принять меры по оказанию помощи ослабленным и блокированным восставшими гарнизонам в Поволжье в правительстве не могли.

Успешное развитие восстания создало реальную угрозу потери всех русских приобретений в Среднем Поволжье, восставшим оставалось только выбить русских из городов. В правящих кругах России дискутировался вопрос о целесообразности оставления войск в Казани и Свияжске. Доминировало неверие в возможность удержания Среднего Поволжья. Князь Семен Ростовский во время тайных переговоров с литовским послом заверял его: «...а Казани царю и великому князю не здержать, ужжо ее покинет» [Летописец русский, 1895, с.14]. А.М.Курбский пишет, что многие советовали царю: «...да покинет место казан-

¹ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.229; Т.ХХ. Ч.2. С.539–540; ЦК. С.332, 334.

² ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.237.

ское и град, и воинство христианское сведет оттуда» [Сказания, 1833, с.66–67]. В пользу этого приводился ряд доводов. Война с казанцами уже привела к упадку хозяйства из-за оторванности служилых людей от поместий, в Казанском крае часто случались эпидемии, а освоение новых территорий требовало привлечения больших людских и материальных ресурсов [Щербатов, 1789, с.12]. К этому следует добавить, что участие в казанских походах воспринималось без энтузиазма, т.к. они всегда были трудны и часто неудачны. В письме к А.М.Курбскому царь с горечью восклицал: «Бывали ли такие походы на Казанскую землю, когда бы вы ходили не по принуждению? Но всегда словно в тяжкий путь отправлялись!» [Переписка, 1979, с.146].

Сторонники решительных и жестких мер, и в первую очередь князь А.М.Курбский, с негодованием отвергли возможность отказа от завоеваний. Преступной представлялась даже мысль об оставлении Казани, под стенами которой было пролито столько русской крови. В своей «Истории о великом князе Московском» А.М.Курбский восклицает: «Добре бывает, кому родити, тому и кормити младенца, или попечение о нём имети, сиречь: кто тружался зело; и болезновать тому достойно и советовати о таких» [Сказания, 1833, с.67].

Но и царь покидать Среднее Поволжье, даже имея перспективу тяжелой войны, не собирался. Присоединение Среднего Поволжья было важным шагом в ряду мероприятий Ивана IV, поражение нанесло бы сильный удар по престижу царской власти и государства.

Весной 1553 г. на Вятку, Каму и Волгу была послана судовая рать окольничего Даниила Федоровича Адашева с детьми боярскими и казаками, которые должны были занять переправы и локализовать восстание. Это сковало действия повстанцев и затруднило их связь с Ногайской Ордой, была снята блокада с Васильурска, Свяжска и Казани. В течение лета заставы уничтожили немало «казанских и ногайских людей, а живых в Казань к воеводам прислали во все лето 240 человек»¹.

Одновременно усиливается административная и военная власть в крае. Увеличено количество воевод и численность гарнизонов [Разрядная книга, 1978, с.445–448].

Правительство принимает меры по обеспечению спокойствия на границах и нейтрализации возможных союзников повстанцев. Сложно складывалась обстановка на южных границах, где Турция, Крымское и Астраханское ханства и Ногайская Орда готовились оказать поддержку повстанцам. В Астраханское ханство и Ногайскую Орду было направлено очередное крымское посольство. Девлет-Гирей прислал «с тем, чтобы они все соединячая воевали царя и великого князя украины». Ногайский князь Юсуф откликнулся на предложение хана и стал уговаривать мурз на участие в совместном походе [ПДРВ, 1793а, с.90–91; Посольские книги, 2006, с.125]. Соглашение было почти достигнуто. Посетившие Орду служилые татары доносили царю, что князь Юсуф собрал 120 000 воинов. Астраханский хан Ямгурчей вызвался переправить их через Волгу и присоединить отряд в 500 человек. Уже была выслана разведка на реки Хопёр и Дон. «И Юсуф приговорил ити ему Крымскою дорогою на Дон. И з Дону ему прити на резанскую украину, как Ока станет». Для похода готовились лошади, верблюды и овцы. У арестованных русских послов Юсуф выпрашивал: «...мочно ли ему Ока перелезчи под Москвою прокормитца?» Однако возникшие между мурзами разногласия и дипломатические усилия России сорвали планы крымского хана. Намерения Исмаила и других мурз не совпадали с интересами Юсуфа. Исмаил заявил князю: «...твои деи люди ходят торговати в Бухару, а мои люди ходят к Москве. И только мне завоеватца, и мне самому ходити нагу. А которые люди учнут мерети, и тем и саванов не будет» [ПДРВ, 1793а, с.101–103; Посольские книги, 2006, с.129–130]. Кочевья Исмаила обычно располагались вблизи Волги и Камы, поэтому у него были более натянутые отношения с казанцами и его людям действительно было ближе ходить с торгов в Москву и Казань, в то время как улусникам кочующего близ Яика князя Юсуфа было удобнее торговать со Средней Азией.

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 231; Т. XX. Ч. 2. С. 540–541.

Юсуф пытался войти в союз с Крымом, давним противником ногайцев. Исмаил заявил Юсуфу, что к нему будто бы из Крыма прибежал полоняник с известием, «что крымской царь идёт на них, и ему затем итти нельзя. А пойдёшь дей ты на государеву украину и мне дей против крымсково не стаивати, а пойдю дей за Яик». Заявление Исмаила не соответствовало действительности, т.к. он «про крымсково вставил дружечи царю и великому князю». Влияние Исмаила в Орде было весьма велико, а недоверие к крымцам сохранялось столь значительным, что этого было достаточно, чтобы Юсуф отменил поход [ПДРВ, 1793а, с.105–106]. Не стоит сбрасывать со счетов и большую дипломатическую работу, проводимую Посольским приказом, массу подарков, которыми русское правительство щедро одаривало своих сторонников. В Ногайской Орде существовала своя московская партия.

Узнав об отмене ногайско-астраханского наступления и сосредоточении русских войск на Украине, крымский хан не рискнул в одиночку нападать на Россию¹. Срыв ногайско-астраханско-крымского наступления стал важнейшей победой русской дипломатии, позволившей надолго нейтрализовать эти страны, расстроить их союз и существенно сократить помощь повстанцам.

Слета шла подготовка к большому походу на восставших. 6 декабря 1553 г. рать выступила из Нижнего Новгорода. Уже на месте к войску присоединились отряды лояльных горных марийцев, чувашей, мордвы и татар². В последующих операциях против восставших участие горных людей и служилых татар постоянно возрастало. Н.П.Загоскин писал, что «это был поход как бы для нового завоевания» [Загоскин, 1891, с.2]. Войско возглавляли лучшие русские полководцы. А.М.Курбский называет И.В.Шереметева мужем zelo мудрым и острозрительным «со молодых лет в богатырских вещах искусным». О других воеводах А.М.Курбский отзывался как о светлых и храбрых и великородных мужах [Сказания, 1833, с.60]. Они участвовали в казанском взятии и были знакомы с условиями предстоящей кампании.

Наступление против повстанцев началось в январе 1554 г. из Казани. Войско было разделено на три корпуса, каждый из которых делился на три полка – большой, передовой и сторожевой. Большие воеводы наступали на Высокую Гору, на Арск и далее к Вятке. На Луговую сторону было послано второе войско. На Побережную сторону в направлении на Мёшинский городок и к Каме направлялось третье войско³. 30-тысячному российскому воинству противостало 15 000 восставших, организованных и вооруженных значительно хуже. По свидетельству А.М.Курбского, войскам пришлось выдержать около 20 ожесточенных сражений, в которых повстанцы «сопротивляющисея нам крепце». Царским войскам благоприятствовала морозная малоснежная зима, облегчавшая передвижение через леса, болота и реки [Сказания, 1833, с.60]. Во всех битвах повстанцы потерпели поражение. В ходе 10-дневного наступления русские заняли Высокую Гору, Арск и вышли к рекам Нурме, Уржумке. Летописи сообщают, что они «воевали и жгли во всех местах». Понесены значительные потери, повстанцы начали отступление по всем направлениям. Когда посланное на Побережную сторону войско подошло к столице восставших – Мёшинскому городку, большого сопротивления они там не встретили, почти все воинские люди ушли. Русские «город на Мёше сожгли и людей в нем немногих застав, побили, и город до основания разорили», укрепления были срыты. «Окрестные тут села, – бесстрашно продолжает летописец, – все повыжгли и людей повыбили». Далее войско проследовало по Каме на расстояние в 250 верст от Казани «аж до башкирска языка, иже по Каме реке вверх ко Сибири протяжается»⁴.

Войско, направленное на Луговую сторону, успешно действовало по рекам Ашит и Илеть, перешло за Уржумку и далеко продвинулось по Вятке «под Вятские волости» за 200 верст от Казани⁵.

В результате месячной карательной операции было уничтожено «больше десяти ты-

³ Разрядная книга, 1978, с.462–463.

⁴ Сказания, 1833, с.60; ПСРЛ. Т.ХIII. С.239; Т.ХХ. Ч.2. С.547.

⁵ ПСРЛ. Т.ХIII. С.239; Т.ХХ. Ч.2. С.547; Т.ХХIX. С.227.

¹ ПСРЛ. Т.ХХIX. С.226.

² Разрядная книга, 1978, с.461–462.

сящей воинства бусурманского», убит предводитель повстанцев Янчура Измаильянин, марийский вождь Алека Черемисьянин, шесть военных предводителей захвачено в плен. Кроме того, «в полон взяли робят и женок татарского плону осмь (8) тысяч»¹. Военные неудачи раскололи повстанцев. Татары и удмурты предпочли прекратить дальнейшее сопротивление. Их предводители Усеин-сеит, Таокмыш Шихзяда и Сарый богатырь пришли к воеводам и «за всю Арскую сторону и Побережную добили челом, что им государю дань давать и от Казани неотступным быти и до своего живота; и на том воеводам правду дали». В соответствии с царскими инструкциями, воеводы хорошо встретили лидеров повстанцев. Это ободрило остальных и «многие люди у воевод были и правду давали, арские и побережные, все без выбора»². 25 марта 1554 г. русские войска возвратились «во отечество со пресветлою победою и со множайшими корыстями» [Сказания, 1833, с.61]. Сдавшиеся татарские феодалы были выведены из края и испомещены в Псковской, Новгородской, Рязанской и Мещерской землях. Большинство впоследствии верно служило царю, наиболее зарекомендовавшие себя смогли вернуться на родину.

Царь Иван высоко оценил результаты похода и послал награды еще находящемуся в походе войску. Все – от воевод до боярских детей – щедро были пожалованы золотыми деньгами³.

Несмотря на очевидный успех карательной акции, окончательно подавить восстание не удалось. Марийцы не сложили оружие. Их силы не были подорваны, т.к. населенные ими территории почти не подверглись вторжению. Докладывая о действиях войск, воеводы указали, что «не была война вверх по Волге по Кокшагам и по Руткам»⁴. Марийский край по-прежнему оставался незавоеванным. Вызвала недовольство царя и излишняя жестокость, допущенная воевода-

ми в ходе подавления восстания. В Москве было проведено тщательное расследование обстоятельств и результатов похода. Сам царь принимал участие в допросах пленных. Выяснилось, что произошел отход от царских инструкций, которые «праведные милувати веляше, а злых наказывати». Налицо было продолжение борьбы двух линий в отношении поволжского населения – репрессивной и умеренной. Поход против восставших возглавляли сторонники самых крутых и решительных мер, в результате кровавого погрома жестокого разорения подверглись не только участники восстания, но и мирное население. Царская установка на сочетание военных и умеренных методов в умиротворении края осуществлена не была. Любопытно, что Иван Грозный, которого никак нельзя заподозрить в чрезмерной чувствительности и человеколюбии, позднее в известной полемической переписке с А.М.Курбским упрекал его: «Какие же светлые победы ты совершал и когда ты со славой одолевал наших врагов? Когда мы послали тебя, в нашу вотчину, в Казань, привести к повиновению непослушных, ты, вместо виноватых, привел к нам невинных, обвинив их в измене, а тем, против кого ты был послан, не причинил никакого вреда». Однако упреки грозного царя не во всем справедливы. Войска во время зимней кампании 1553/54 г. не имели возможности для разгрома восставших марийцев. Во-первых, наступление вглубь марийских земель стало возможно только после разгрома повстанцев на Побережной и Арской сторонах, со снятием угрозы для Казани и обеспечения тыла. На это потребовалось время. В ходе месячной наступательной операции войска понесли потери и устали, а марийские отряды, отступившие в свои леса, сохранили силы. Во-вторых, наступление против повстанцев велось по трем расходящимся направлениям, что затрудняло возможность взаимодействия. В-третьих, с приближением весны, с неизбежными оттепелями, действовать в незнакомых марийских лесах было бы затруднительно, боеспособность и маневренность войск заметно снижались. Воеводы разумно решили не рисковать.

Хотя восстание и не было полностью подавлено, наметился его спад. Еще

¹ ПСРЛ. Т.ХХІХ. С.227; Сказания, 1833, с.61. В некоторых источниках говорится о 15000 пленных. Ср.: ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.239; Т.ХХ. Ч.2. С.547; Разрядная книга, 1978, с.463.

² ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.239; Т.ХХ. Ч.2. С.547.

³ Разрядная книга, 1978, с.463–466.

⁴ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.239; Т.ХХ. Ч.2. С.547.

А.М.Курбский подметил, что «оттуды начала усмиряться и покоряться казанская земля» [Сказания, 1833, с.61]. Поражение восставших в ходе боев января – февраля 1554 г. завершило второй этап Первой черемисской войны, характеризующийся наивысшим подъемом, наибольшим количеством участников и самым широким территориальным охватом. В дальнейшем восстание даже в период наивысшей активности никогда не достигало размаха 1553 – начала 1554 г. Третий этап восстания был драматической историей отчаянной и ожесточенной борьбы, кровавыми вспышками озарявшей медленное приближение поражения.

Восстание продолжалось, а его центр окончательно сместился на Луговую сторону. Марийцы стали основной движущей силой восстания, а их вожди возглавили сопротивление. Признанным лидером повстанцев выступил сотенный князь Мамич-Бердей, проявивший себя как талантливый организатор, политик и военный предводитель. Ему удалось объединить всех левобережных марийцев в союз, который смог мобилизовать, по свидетельству А.М.Курбского, 20000 «зело кровопийственных воинов» [Там же, с.67].

Весной 1554 г. администрация, воспользовавшись некоторым затишьем, предприняла попытку переговоров, пытаясь склонить восставших к прекращению сопротивления и размену пленными. Особо внимание уделялось освобождению воеводы Б.И.Салтыкова-Морозова. Но ни большой выкуп, ни выгодный обмен пленными не были приняты восставшими, складывать оружие они отказались тем более. Неудача на переговорах продемонстрировала царскому правительству решимость левобережных марийцев продолжать восстание. Необходим был новый поход.

Внешнеполитическая обстановка благоприятствовала России. Из-за внутренних неурядиц крымский хан Девлет-Гирей не имел возможности для активных действий против России¹. В Ногайской Орде противоречия между мурзами – сторонниками московской и восточной ориентации – выли-

лись в продолжительную кровопролитную междоусобную войну. Это создавало условия для нанесения удара по самому слабому из возможных участников антирусского союза – Астраханскому ханству, занимавшему важное геополитическое положение. Контроль над Астраханью позволил бы существенно ограничить возможность общения ногайцев с крымцами. Поход на Астрахань не был обусловлен только интересами русского правительства, к нему, начиная с 1551 г., подбивал Ивана IV враждовавший с астраханским ханом Ямгурчеем ногайский мурза Исмаил. Предполагалось посадить на ханство находившегося на русской службе бывшего астраханского хана Дервиш-Али, приходившегося Исмаилу племянником. Исмаил выражал готовность принять в походе на Астрахань самое активное участие [ПДРВ, 1793, с.283, 288, 318–319, 332; ПДРВ, 1793а, с.110–111, 122]. Осенью 1553 г. между Иваном IV и мурзой было достигнуто соглашение: «царю и государю великому князю послати Дербыша царя на Асторохань да воевод своих в судех Волгою многих и с нарядом, а Исмаилу быти полем или детей и племянников своих послати ко Асторохани». Тогда же договорились и о выступлении Исмаила против князя Юсуфа «войною за то, что он царю и великому князю не прямит»².

Пользуясь тем, что наиболее могущественные противники были нейтрализованы, царь послал по Волге 30-тысячное войско во главе с князем Юрием Ивановичем Шемякиным-Пронским. 29 июня оно достигло границ ханства в районе Переволоки. Тут судебное войско должно было объединиться с конницей мурзы Исмаила, но ногайцев на условленном месте не оказалось. Противоречия в Орде поставили братьев на грань войны, и поэтому Исмаил писал царю, что «ко Азсторохани ему не возможно ийти, потому что з братом завоевался...»³ Прибывшему к нему послу Микуле Бровцыну Исмаил говорил, «что ему не до Астарахани, до себя» и советовал отменить поход. Готовую вспыхнуть междоусобную войну всеми силами

² ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.235; Т.ХХ. Ч.2. С.544; Т.ХХІХ. С.225; ПДРВ, 1793а, с.122–126.

³ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.241; Т.ХХ. Ч. – С.545; Т.ХХІХ. С.228–229; Татищев, 1966, с.234.

¹ ПСРЛ. Т.ХХХІ. С.228; Сборник РИО, 1887, с.435.

пытался остановить крымский посол Тогонаш [Сборник РИО, 1887, с.150–151]. На его глазах рушилась надежда на создание антирусской коалиции мусульманских государств. С большим трудом конфликт удалось на время предотвратить, но Юсуф не смог помешать русским занять Астрахань. 2 июля город был занят без боя, астраханцы разбежались, едва завидев русских. В руки русским попала богатая добыча, включая пушки и пищали. Хан Ямгурчей бежал в Азов. Новым ханом в Астрахани был посажен московский ставленник Дервиш-Али (1554–1556)¹.

Хан и вернувшиеся астраханцы принесли присягу на верность русскому царю. Астраханское ханство признало протекторат от Москвы и обязалось платить дань. При хане был оставлен советником Петр Тургенев с отрядом казаков [Сборник РИО, 1887, с.449–450; Татищев, 1966, с.234, 236–237; Валишевский, 1989, с.190].

Крымское влияние в регионе уменьшилось, а зависимость ногайцев от России возросла. Это обстоятельство в значительной мере способствовало усилению противоречий в Ногайской Орде. В январе 1555 г. Исмаил писал в Москву: «А брат мой старшей взбринил на меня про то, што язъ с тобою поусловился» [ПДРВ, 1793а, с.167]. Весьма интересное объяснение перехода ногайцев на сторону русского царя имеется в наказе русскому послу в Литву Федору Васильевичу Вокшерину. Он должен был объяснить литовцам, что после взятия Астрахани ногайцам невозможно зимовать вблизи этого города «не приложась ко государю нашему...», ногайцы всегда кочуют врозь и служилым людям в случае их неподчинения потребуется всего неделя, чтобы захватить всех поодиночке [Сборник РИО, 1887, с.450]. Исмаил и его сторонники, чувствуя русскую поддержку, решительно выступили против князя Юсуфа. Междоусобная война была ожесточенной и длительной. Юсуф погиб, но борьбу продолжили его сыновья. Она принесла ногайцам неисчислимые бедствия. Служилый татарин Сююндук Тулу-

супов сообщал, что «людей ногайских на обе стороны многое множество побито: как и стала орда Нагайская, таковой падежи над ними не бывало»².

Летом 1554 г. была предпринята попытка нанести поражение левобережным марийцам. Против них послали только что присягнувших татар и удмуртов во главе с князем Кебеняком и мурзой Кулаем. Еще были приданы отряды из горных марийцев и чувашей. Для контроля послан Никита Кушелев. Однако эксперимент не удался, попытка подавить восстание исключительно силами местного населения провалилась, «казанцы солгали, царю государю изменили, на изменников не пошли, сложася с ними». В этих событиях примечательно то, что на сторону восставших перешли только татарские феодалы и казаки, крестьянство же отказалось участвовать в мятеже. За что мятежники «тех арьских людей черных, которые государю прямы были, побии многих»³. Интересы феодальной верхушки и крестьянства начали расходиться. По сути, произошел мятеж татарских феодалов, который не поддержало крестьянство. Это и предопределило его поражение.

Неудачная попытка Глинского покончить с повстанцами привела к дестабилизации положения в крае. Отряды восставших подступали к Казани и «приходить начали на сенокосы», продвигались по Арской и Побережной сторонам, на Каме были побиты русские рыбаки⁴.

О новой вспышке восстания скоро узнали за границей. Находящемуся в сентябре в Польше русскому послу Ф.В.Вокшерину задавали вопрос: «Казань от вашего государя опять отложила?» Посол должен был скрывать истинное положение дел, поэтому отвечал: «Гораздо говорите; которые люди побиты, те ся отложили, назад им не бывати, которые ж не побиты, и яз тех ведаю, что государю дань дают. А то нам о ваших речах диво, кому ся откладывати, ведь остались одни черные люди да казаки, а князи и мирзы и болшова человека никакова нет, все побиты» [Сборник РИО, 1887, с.449].

¹ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.241–244; Т.ХХІХ. С.229; ХХХІ. С.132; Татищев, 1966, с.234–237; Разрядная книга, 1978, с.467–469.

² ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.247; Т.ХХ. Ч.2. С.560; Т.ХХІХ. С.232; Татищев, 1966, с.240.

³ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.243; Т.ХХ. Ч.2. С.552.

⁴ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.245; Т.ХХ. Ч.2. С.552.

Посол лукавил и предвосхищал события, но оказался прав. В октябре из Казани поступило сообщение о существенном улучшении ситуации в крае. Против восставших было направлено войско, состоявшее преимущественно из лояльных правительству татар под руководством князей Еналея Чигасова и Еналея Моматова (Монатова). Однако на этот раз к нему были присоединены значительные по численности отряды стрельцов во главе с Афанасием Бортневым и Иван Мохнев с «жилци казанскими», а также новокрещены. Русская администрация стремилась замирить край прежде всего силами самих же казанских людей. Не имея поддержки населения, восставшие быстро потерпели поражение: «побили изменников наголову». Князя Кебеняк, Курман-Али, мурза Кулай Данин и Чебак Базгаргаев (Базгаргаев) и многие другие мятежные князья, мурзы, огланы, казаки и сотные князья были захвачены в плен, «и воеводы их велели всех побити». Сами «арские люди и побережные переимали многих татар, которые не прямили государю, да иных сами побивали, а иных к воеводам приводили да сами резали их и побивали перед воеводами». За осень 1554 г. было уничтожено 1560 князей, мурз, сотных князей и лучших казаков, после чего «все укрепилися у государя и ясаки все сполна заплатили»¹. Это избиение нанесло невосполнимый урон классу татарских феодалов, от которого он уже не смог оправиться.

Советские историки описанные события интерпретировали как классовую борьбу, утверждали что народ поднялся на борьбу не только против феодальных порядков Русского государства, но и против своих собственных феодалов [Айплатов, 1967, с.75; Коровов, 1957, с.13; История СССР, 1966, с.175]. Конечно же, никакого антифеодального восстания не произошло. Мотивы поведения татарских и удмуртских крестьян были совсем не классовые. Они сильно пострадали во время зимнего похода и не хотели повторения. Их территории находились недалеко от Казани и были уязвимы. В отличие от князей и мурз, крестьяне меньше теряли в случае покорности, у них не было власти и богатства, а желанная независимость стоила очень доро-

го. Мусульманские государства не оказывали помощи повстанцам, а марийцы всегда могли отступить в свои леса и болота, и татарским крестьянам пришлось бы иметь дело с карателями. Влияние промосковских настроений в крае усилилось, а террор восставших князей против нежелавших примкнуть к ним «черных арских людей» обострил отношения между местным населением и повстанцами. Исчезло прежнее внутреннее единство. Восставших князей, мурз и огланов поддерживали только казаки, и то не все, а только «лутшие» и верхушка удмуртской родовой знати – «сотные князья». Восстание на Арской и Побережной сторонах летом и осенью 1554 г. является феодальным мятежом. Обращает на себя внимание и то, что крестьяне выступали не против феодального класса как такового, а только против тех, «которые не прямили государю». Разделение населения Среднего Поволжья в ходе восстания произошло не по классовому или этническому признаку, а по политическому. Представители знати и крестьянства были как среди повстанцев, так и среди поддерживавших царскую власть. Осенью 1554 г. гражданская война в Среднем Поволжье приобрела законченную форму. Царь поощрил тех, кто остался ему верен, «тем татаром, которые прямо служат государю» были пожалованы золотые монеты².

Осенью 1554 г. русское правительство направило усилия на устранение оппозиционной феодальной и родовой верхушки поволжских народов как самой активной и организующей силы восстания. Интересный факт, позволяющий лучше понять царскую политику, сообщает немец-опричник Г.Штаден. В своем сочинении он пишет, что «русские воеводы завязывали дружбу с некоторыми татарами, звали их в гости и дарили их золотыми вещами и серебряными чарками, как если бы эти татары были высокого рода или чина, и отпускали их обратно в их земли, с тем, чтобы они показывали другим подарки великого князя – тем, которые не думали даже подчиняться великому князю, а не то, чтобы служить ему. Видя, однако, что их людям даже и много более низкого происхождения, нежели они, выпала такая великая честь и подарки от воевод и началь-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 247; Т. XX. Ч. 2. С. 554.

² ПСРЛ. Т. XIII. С. 247; Т. XX. Ч. 2. С. 554.

ных людей, знатные татары думали, что они получают еще больше. На это-то и рассчитывали начальные люди в Казани... Они послали просить к себе всех знатнейших мурз-князей... пусть те придут и получают милость и подарки великого князя. Знатнейшие мурзы пришли в Казань, были хорошо приняты и думали, что им будет то же, что и их предшественникам, что, получив подарки, они смогут вернуться домой. Но, когда они, выпив слишком много вина и меда, – к чему не так они были привычны, как русские, – достаточно опьянели, пришло несколько сот стрелков и перестреляли этих татарских гостей, которые у себя были самыми знатными» [Штаден, 1925, с.114–115]. Политика царского правительства была не только жесткой, но и коварной – в борьбе с врагами хороши все средства.

Однако операции против восставших и на этот раз не затронули марийцев. Из Казани сообщали, что «Мамич-Бердей с товарищи в город не пошли и воруют по-старому на Волге, приходя на суды»¹. Восстание продолжалось.

В сентябре в Москве был составлен ряд нового зимнего похода «в Казанские места черемисы воевать на Луговую сторону в Кокшагу». В походе приняли участие служилые татары и мордва. Городецких татар возглавляли Федор Васильевич Сисев и мурза Ак-Сеит, касимовские татары шли в поход во главе с князем Араем, темниковскую мордву возглавлял князь Еникей Тенишев, служилых татар вел Темка Федорович Игнатьев. 6 декабря 1554 г., в Николин день, войско выступило из Владимира в Казань².

В январе 1555 г. царские войска через замерзшие реки и болота вторглись вглубь марийских земель. Прийдя «в волость в Ошлу», воеводы направили в различные стороны три войсковые группы, каждая из которых разделялась на три полка. На этот поход, несомненно, возлагались большие надежды. Летописец даже подробно перечислил все марийские волости, подвергшиеся разорению. Так, он пишет, что «была война в волостях в Шумурше, да в Хозякове да в Ошли да в Мазарех в обоих, да в дву волостях во Оршах, в Малой да в Большой, да

в Биште да в Кукшуле, в Сороках Куншах, да Василюкове белаке да Мамич-Бердеевы волости да Килееву волость да Кикину волость да Кухтуял Кокшах, в Большой да в Малой, и волость Сызал да Дмаши да Монам да Кемерчи да Улыязы. И в тех во всех волостях от воевод война была, и многих людей поимали и побили». Воеводу И.П.Хирона-Яковлева «отпущали по государеву наказу в Ветлугу и в Руткы». На Ветлуге, воспользовавшись отрывом сторожевого полка В.И.Токмакова-Ноздреватого от основных сил, восставшие предприняли нападение, однако воевода сумел не только отразить атаку, но и разбить их³.

Две недели русские войска опустошали марийские земли, разорив 22 волости. Однако желаемого результата экспедиция не принесла: применяя партизанскую тактику, марийцы уклонялись от столкновения с превосходящими силами противника и отступали в ветлужские леса.

В целом же марийцам удалось сохранить свои силы и на этот раз. Уже в феврале того же года они предприняли ответное нападение на Арскую сторону, намереваясь поднять на восстание татар и удмуртов, однако те укрылись вместе с русскими стрельцами в острогах и «от них отбились». Меткая пищальная стрельба вырвала из рядов марийцев немало воинов. Озлобленные неудачей и в большей степени тем, что татары не только не присоединились к ним, но и помогли русским «луговые воевали села татарские и пошли на Луговую». Отступить их заставил и успешно проведенный рейд Федора Баскакова, который во главе отряда лыжников из 700 горных людей со стороны Свияжска неожиданно проник в глубокий тыл повстанцев. «Повоевав, людей побили и в полон поимали и животину побили и пришли дал бог здорово»⁴. Разъяренные неудачей повстанцы расправились с пленными, был зарезан и томившийся два года в плену Б.И.Салтыков-Морозов [Карамзин, 1989, с.124].

Весной и летом 1555 г. активных боевых действий не велось, но марийцы продолжали нападать на коммуникации. Русский посланник в Литве Совлук Турпеев признавал,

¹ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.247; Т.ХХ. Ч.2. С.553–554.

² Разрядная книга, 1978, с.475–478.

³ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.246; Т.ХХ. Ч.2. С.553; ХХІХ. С.232.

⁴ Там же.

что «лесные люди на дорога приходя розбивали, и тех сыскав казанские воеводы казнили» [Сборник РИО, 1887, с.479].

Воспользовавшись относительным затишьем в крае, царское правительство провело целый комплекс мероприятий по упрочению своей власти. В первую очередь начали с укрепления позиций церкви. В январе 1555 г. крестили сидящих по тюрьмам пленных казанских татар, тех, «которые не захотели креститься, ино их метали в воду»¹. Тогда же в Москве состоялся Священный Собор, на котором присутствовали высшие иерархи церкви и сам царь. На соборе приговорили основать в Казани новую епархию. 3 февраля архиепископом туда был избран игумен Селикарова монастыря Гурий². Отправляя Гурия в Казань, царь существенно урезал полномочия воевод, в частности, их власть над нерусским населением. Интерес представляет выданная при отъезде Гурия царская инструкция. Часть наказной грамоты посвящена отношению с местным населением. Гурию предписывалось обращать нерусское население в православие, «новокрещеных всегда поучати страху божию, и к себе приучати, и кормити, и поити, и жаловати, и беречи во всем», для того чтобы «прочии, видя невернии таковое благочестие и брежение и жалование новокрещенным, поревнуют христьянскому праведному закону и просветятся святым крещением». Разрешалось крестить только тех татар, которые пожелают это сделать «своею волею, а не от неволи», при этом «лутчих держати у себя..., а иных роздати крестити по монастырем». Новокрещеных архиепископ должен был «звати к себе ясти почасту, а поити их у себя за столы квасы, а после стола посылати их поити медом». Челобитчиков из татар также нужно было встречать ласково и, накормив, «кротостию с ними говорити и со умилением, а жестостию с ними не говорити». Цель была та же: «приводити их к христьянскому закону». Царь давал Гурию право освобождения от наказания в случае крещения: «...а которой татарин до вины дойдет и убежит к нему от опалы, от каковы нибуди, и похочет кре-

ститись, и ему того воеводам назад никак не отдавати, и крестити его». В случае неадекватности новокрещена его необходимо было отправить к государю, т.е. выслать из края. Архиепископ также должен был «отпрашивати» и тех татар, которых воеводы приговаривали к казни. Воеводы должны были сообщать о татарах, на которых «будет у них опала невелика», но которых они захотят «острастити казнию, а до казни не дойдут». Архиепископу рекомендовалось «тех от вины отпрашивати, хотя ему от них и челобитья не будет». Задача, поставленная перед Гурием, формулировалась так: «всякими обычаи, как возможно, так архиепископу татар к себе приучати и приводити их любовию на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводити» [Акты, 1836, с.256–261].

Новой архиепископской кафедре жаловались обширные земельные владения в Казани в Свияжске и их окрестностях [Акты, 1841, №162; Каштанов, 1970, с.171]. С.М.Каштанов делает вывод о том, что «церковно-монастырское землевладение внедрялось там, откуда удобнее всего было наступать на Казань», чтобы устранить возможность «найти здесь опору при попытках захвата Казани» [Каштанов, 1970, с.174].

На Горной стороне, на берегу Волги между Свияжском и Васильсурском, на месте чувашского поселения основывается город Чебоксары. Необходимость строительства новой крепости диктовалась тем, что повстанцы успешно действовали на Волге – важнейшей коммуникации, связывающей завоеванный край с Москвой, – и не прекращали попыток проникнуть на Горную сторону и спровоцировать там восстание. По пути в Казань архиепископ Гурий освятил строящийся новый город [Акты, 1836, с.258].

В 1555 г. признали власть царя западные башкиры [Очерки, 1955, с.676–679; Очерки, 1956, с.61–63; Башкирские шежере, 1960, с.67, 78–80, 101, 108, 117, 127, 150, 165; Усманов, 1982, с.94–97]. Они были заинтересованы в русском покровительстве и защите от ногайцев и сибирцев. Вплоть до 1580-х гг. Башкирия находилась лишь в номинальной зависимости от России. Ясак, который оттуда получался, являлся не формой налогообложения, а юридическим признанием подданства [Очерки, 2010, с.47].

¹ ПСРЛ. Т.III. С.157.

² ПСРЛ. Т.XIII. С.249–250,259; Т.XX. Ч.2. С.555–556, 562; Т.XXI. С.650–651.

В том же году в расчете на русскую поддержку против многочисленных врагов признал вассальную зависимость сибирский князь Едигер, находившийся в тот момент во главе Сибирского ханства¹.

Сложно складывалась обстановка на юге, где сыновья погибшего ногайского князя Юсуфа наступали на русское союзника Исмаила, а астраханский хан Дервиш-Али вступил в стовор с крымцами². Русские в Астрахани подверглись нападению и вынуждены были покинуть город.

Мамич-Бердей настойчиво искал союзников в Поволжье и за его пределами. Он понимал, что без помощи извне ему не изгнать русских захватчиков. От ногайцев ему удалось добиться направления к восставшим царевича Ахполбея, с которым прибыло 100 ногайских воинов. Впоследствии этот отряд вырос до 300 человек³. Приглашением царевича Мамич-Бердей, видимо, рассчитывал привлечь к восстанию татар и получить поддержку от мусульманских государств. Царевича предполагалось провозгласить ханом в освобожденной Казани.

Осенью и зимой между Девлет-Гиреем, Дервиш-Али, ногайским мурзой Юнусом, его братьями и представителями повстанцев из Среднего Поволжья велись переговоры о совместном выступлении против России⁴. В Москву поступали известия о готовящемся крымском вторжении⁵.

Ободряла противников России и безрезультатность действий русских войск против поволжских повстанцев. 8 сентября был составлен разряд «воевать луговой черемисы». Против повстанцев направили неоднократно воевавших с черемисами А.М.Курбского и Ф.И.Троекурова⁶. Поход не принес победы. Мамич-Бердей сумел уклониться от столкновения с царскими войсками.

Принимаются меры для изоляции высланных из края неблагонадежных татар от связи с повстанцами. В феврале 1556 г. в

новгородские монастыри послали наказную грамоту, требующую строго «беречь казанских татар и новокрещенов», чтобы «воровства б от них не было никакого»⁷.

Начавшемуся в феврале 1556 г. наступлению повстанцев предшествовала большая подготовительная работа, поэтому при появлении марийских отрядов на Арской и Побережной сторонах татарское и удмуртское население перебило стоящих гарнизоны стрельцов и присоединилось к восстанию⁸. К сожалению, дошедшие до нас источники не дают объяснения причин присоединения к восстанию населения Арской и Побережной сторон. Действия татар и удмуртов тем более непонятны, если учесть, что перед этим они два года сохраняли лояльность в отношении правительства и даже воевали против луговых марийцев. Вне всякого сомнения, здесь не обошлось без деятельности марийской, ногайской и крымской агентуры. Видимо, использовались уговоры, подкуп, провокации и угрозы. Однако основная причина присоединения татар и удмуртов к восстанию видится в ином. За два года подчинения царской администрации крестьяне с лихвой испытали на себе все тяготы произвола и злоупотреблений чиновных и служилых людей, получивших такое широкое распространение в России, что даже возникла угроза успеху правительственного курса. Находившиеся в крае служилые люди в массе своей были сторонниками жестких карательных мер в отношении коренного населения, далекими от понимания принципов государственной национальной политики, более всего заботившиеся о своекорыстных интересах. Из-за продолжительной службы, нерегулярной и неполной выплаты жалованья многие служилые люди находились в сложном материальном положении [Андреев, 1997, с.37–43]. В ходе военных действий дворяне могли восполнить недостачу за счет трофеев и продажи пленных, однако в условиях мира открыто грабить было нельзя, и многие служилые люди прибегали к разного рода вымогательствам и произволу в отношении коренного населения. Из-за недостаточной дисциплины администрация не всегда могла, а порой и не хотела пресе-

¹ ПСРЛ. Т. XX. Ч. 2. С. 554; Т. XXIX. С. 233.

² ПСРЛ. Т. XIII. С. 255; Т. XX. Ч. 2. С. 560; Татищев, 1966, с. 245.

³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 255; Т. XX. Ч. 2. С. 568–569; Сказания, 1833, с. 67.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. С. 262; ПДРВ, 1793а, с. 190, 195–197; Соловьёв, 1989, с. 471.

⁵ Разрядная книга, 1978, с. 501.

⁶ Там же. С. 500–501.

⁷ Дополнения, 1846, с. 148, 149.

⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 265; Т. XX. Ч. 2. С. 568.

кать самоуправство, на местное население смотрели как на врагов. Недовольство населения постепенно накапливалось и, наконец, вылилось в восстание, которое по своим мотивам уже можно отнести к антифеодальным.

Поставив под контроль Левобережье, и блокировав Казань, Мамич-Бердей в марте 1556 г. с войском в 2000 воинов пришел на Горную сторону, осадил одно из городищ и стал склонять горных марийцев и чувашей к участию в восстании. Сотник Алтыш притворно изъявил согласие. Однако, когда потерявший бдительность Мамич-Бердей в окружении 200 своих сторонников прибыл на пир, их напоили и устроили резню. Мамич-Бердей был схвачен, и 21 марта сами горные люди привезли его в Москву. Поимка руководителя повстанцев вызвала всплеск воодушевления в русской столице. На допросах прославленного марийского вождя присутствовали многие бояре, в том числе А.М.Курбский и сам царь Иван IV. О дальнейшей судьбе Мамич-Бердея ничего не известно. Возможно, этот незаурядный человек был казнен или замучен палачами в застенках. Не исключено, что мог быть крещен, получил другое имя и служил на западных границах. Такая практика в отношении пленных врагов имела распространение у русского правительства. Что касается Алтыша и его людей, то Иван IV по достоинству оценил их услугу. Летописец сообщает, что «царь и государь горних людей пожаловал великим своим жалованьем и всяких им пошлин полегчил»¹.

В ходе допросов Мамич-Бердея вскрылась история взаимоотношений марийцев и приглашенного из Ногайской Орды царевича Ахполбея. Он был весьма заурядной личностью и ничего примечательного не сделал. Вопреки зафиксированному в летописи имени *Ахполбей* историки стали называть царевича *Али-Акрамом* – братом казанской царицы Сююмбике и сыном ногайского князя Юсуфа. Видимо, первым ошибочную идентификацию этого человека сделал М.Г.Худяков в своей знаменитой книге «Очерки по истории Казанского ханства» [Худяков, 1990, с.156]. Впоследствии

эта ошибка от многократного повторения получила широкое распространение в исторической литературе [Жирмунский, 1974, с.433, 463]. При этом никто не обратил внимания на то, что мурза Али не был Чингизидом, т.е. прямым потомком Чингиз-хана, и поэтому ни при каких обстоятельствах не мог быть царевичем, ни тем более ханом. Правители Ногайской Орды вели свой род от князя Едигея и всегда именовались только князьями и никогда не претендовали ни на казанский, ни на астраханский престол. Ошибка М.Г.Худякова, вероятно, связана с тем, что есть сведения о выезде мурзы Али б. Юсуфа на помощь казанским повстанцам. 26 декабря 1553 г. к Ивану IV из Ногайской Орды вернулся служилый татарин Девлетхозя Резанов, который в докладе Посольскому приказу сообщил, что «к Юсуфу приехал ис Казани Кулай князь. А просил у князя сына его Али мирзы на княженье. И Юсуф де был его отпустил да опять велел воротити. А того не ведает за чё его воротил» [Посольские книги, 2006, с.135]. В.В.Трепавлов обоснованно полагает, что Юсуф сначала поддался на уговоры казанцев, но потом одумался и не захотел посылать сына на верную смерть. Возможно, не обошлось без нурадина Исмаила, который всегда расстраивал антирусские акции своего брата [Трепавлов, 2001, с.259].

Кроме того, приглашенный марийцами царевич Ахполбей погиб в самом начале 1556 г., а мурза Али продолжал здравствовать и позднее. В 1556–1557 гг. он активно участвовал в политической жизни Орды и даже писал письма Ивану IV². После 1557 г. имя Али б. Юсуфа больше не упоминается. Схоронен он в месте традиционного погребения ногайской знати в г. Сарайчике [Трепавлов, 2001, с.590].

Судьба же царевича Ахполбея, как уже указывалось выше, была трагична. Степные наездники не вникли в ситуацию и не уяснили, какое место занимали марийцы в Казанском ханстве, поэтому относились к ним как к подвластному народу, занима-

¹ ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.266; Т.ХХ. Ч.2. С.569.

² ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.276; Т.ХХХІ. С.134; ПДРВ, 1793а, с.238, 246, 248, 261, 278; Посольская книга, 2003; Посольские книги, 2006, с.214, 217, 219, 234, 236, 237, 239–242, 245, 247, 248, 250; Гагишев, 1966, с. 261–262, 268.

лись бесчинствами и грабежами. Однако более всего марийцев возмутило уклонение ногайцев от участия в боевых действиях. Когда зимой 1555/56 г. русские предприняли очередной поход против повстанцев, они не смогли удачно противостоять карателям¹. Это переполнило чашу терпения и вызвало восстание марийцев. Они перебили всех незадачливых союзников и отрубили голову царевичу Ахполбею. Приказав водрузить ее на кол, Мамич-Бердей произнес: «Мы было взяли тебя того ради на царство, с двором твоим, да обороняеши нас; а ты и сущие с тобою не сотворил нам помощи столько, сколько волов и коров наших поел; а ныне глава твоя да царствует на высоком коле»².

Полного успеха добились русские войска на Нижней Волге. Астраханцы и крымцы покинули город, и Астрахань вновь удалось занять без боя. Рассеявшиеся по степям и островам астраханцы постепенно возвратились в город и признали власть русского царя. Астраханское ханство перестало существовать³.

На 1556 г. приходится максимальное участие в боях на стороне Москвы народов Среднего Поволжья. Чуваши, мордва, горные марийцы и татары внесли существенный вклад в подчинение края Московскому государству. По писцовой книге г. Казани 1565–1568 гг. известно, что в Татарской слободе имелось 150 дворов, в которых проживало до 6000 татар и чувашей. Это были сторонники администрации, на которых опиралось царское правительство в борьбе с повстанцами. «В заворошню» (во время восстаний) татары и чувашаи укрывались в Татарской слободе. Возле города им были выделены покосы. Писцам они заявляли, «что им дано тут косити на убог для того, коли на них приходят воевати кокшайские и луговая черемиса»⁴. Особой группой были новокрещены, по большей части из татар. Крещеные татары после изменения веры оказывались в лагере Москвы. Появление вольных или невольных сторонников рус-

ского правительства стало закономерным следствием политики Москвы по привлечению поволжского населения на свою сторону. Известно о сложных отношениях новокрещенов и служилых татар с противниками новой власти. Степенная книга повествует об арском крещеном татарине, по имени Стефан. Единоплеменники «много увещевающее его и укаряюще и претящее, развращающее его отступить от веры християньския». Затем «сурово нападаша на нь и всяцем оружии немилостливо изсекоша тело его и кости его надробно разметаша и дом его пограбиша»⁵.

В апреле казанский воевода П.В.Морозов во главе детей боярских, казаков, стрельцов, служилых татар и новокрещенов предпринял поход на Побережную сторону и занял Чалымский городок, служивший центром повстанцев, перебил защитников и сжег его. В мае этот же воевода совершил поход на Арскую сторону. На Мёше произошла встреча с войском восставших, которым руководил мурза Девляк Данин – брат погибшего в 1554 г. мурзы Кулая Данина. С ними вступили в бой П.Г.Засекин и Р.Пивов с детьми боярскими, стрельцами и новокрещеными. Служилых татар возглавляли уже зарекомендовавшие себя как верные сторонники царя Еналей Чигасов и Еналей Моматов. Повстанцы потерпели сокрушительное поражение, многие были захвачены в плен, в том числе и их предводитель мурза Девляк. «И после того Петр воевал десять ден и все Арские места повоевал и побил многих людей и полону вывел безчисленно много»⁶.

В июне воеводы П.В.Морозов и Ф.И.Салтыков совершают новый поход на Арскую сторону. Боевые действия на этот раз происходили за Арском и реками Ашит и Уржумка. Причем войска продвинулись так далеко, что всего лишь 50 верст не дошли до г. Вятки и «воевали безчисленно много и полон имали, женки да робят, а мужиков всех побивали». Повстанцы терпели поражение за поражением, но отчаянно сражались. Потребовался еще один удар по Арской и Побережной сторонам, чтобы сломить сопротивление. Русские воины и их поволжские

¹ Разрядная книга, 1978, с.500–501.

² ПСРЛ. Т.ХIII. С.265–266; Т.ХХ. Ч.2. С.568; Сказания, 1833, с.67.

³ ПСРЛ. Т.ХIII. С.274–275, 277; Татищев, 1966, с.259, 261–262.

⁴ Переписка, 1979, с.48, 52.

⁵ ПСРЛ. Т.ХХI. С.649–650.

⁶ ПСРЛ. Т.ХIII. С.269; Т.ХХ. Ч.2. С.571–572.

союзники во «многих местех воевали и побивали, и Арскую сторону и Побережную до конца в нуже учинили»¹.

Систематические походы правительственных войск, сопровождавшиеся тотальным разорением, привели к тому, что к осени восставшие татары и удмурты сложили оружие и боевые действия были перенесены на марийские земли. Марийцы вновь остались без союзников, к тому времени понесли существенные потери и лишились своего авторитетного предводителя Мамич-Бердея. Однако теснимые со всех сторон продолжали отчаянно сопротивляться объединенным силам могучего государства и его союзников из поволжского населения и даже предпринимали дерзкие набеги вглубь русских земель. Так, зимой 1556/57 г. один из марийских отрядов пытался захватить Солигалич. Город взять не удалось, но Воскресенский монастырь был сожжен, а его монахи перебиты [Акты, 1836а, с.177]. Подвергались многочисленным вторжениям нижегородские земли. В Унжеском уезде марийцами были перебиты русские крестьяне [Акты, 1848а, №5, с.19–20; №15, с.59; Акты, 1838, с.192]².

В апреле 1557 г. марийцы предприняли последнюю отчаянную попытку перехватить инициативу. Их отряды начали вторжения на Арскую и Горную стороны, однако все они были отбиты с большим уроном. На Горной стороне Иосифом Ковровым, командовавшим отрядом детей боярских, стрельцов и горных людей, был разгромлен отряд Ахмачека (Ахматека) богатыря, возглавлявшего после пленения Мамич-Бердея марийских повстанцев. Сам он попал в плен. Ответные удары правительственных войск и их союзников привели к полной потере восставшими возможности для дальнейшего сопротивления. Истощив свои материальные и людские ресурсы, марийцы вынуждены были в мае 1557 г. прекратить сопротивление и прислать к русским воеводам своих парламентаров. Сотники Абыз, Енебяк, Мамич-Бердеевы дети и другие вожди били челом царю «о своих винах, чтобы государь

пожаловал их, вину их отдал и учинил в холопстве, как и горных людей, и ясаки велел имати, как прежние цари имали». Иван IV с готовностью согласился на предложения марийцев. Для приведения их к присяге из Москвы прислали стряпчего Семена Степановича Ярцева. В Свяжск для принесения присяги прибыл сотник Абыз «с товарищи», в Казань пришел «Енебяк с товарищи... и за свои вины добили челом». В Чебоксарах принесли присягу Мамич-Бердеевы дети и сотник Кака. Для приведения к присяге «черных людей» были отправлены Данила Чулков и Образец Рогатов «и черные люди все правду дали». Вожди Казимир, Кака и Янтемир «с товарищи» ездили в Москву для челобитья непосредственно Ивану IV. «И царь и великий князь их пожаловал, вины им отдал и грамоту жаловальную дал, как им государю вперед служить»³.

Подавление восстания 1552–1557 гг., вошедшего в историю как Первая черемисская война, позволило России окончательно включить все Поволжье в свой состав. Победа далась нелегко. А.М.Курбский в своих воспоминаниях отмечал: «...толикое множество в то время погиге войска христианского, биущесе и воющесе с ними безпрестанно, иже вере неподобно» [Сказания, 1833, с.59]. Восстание было народно-освободительным по своему характеру, и все русские воспринимались как враги, по этой причине пострадало немало крестьян, монахов и прочих, не имеющих к войне отношения русских людей. Несравненно больший урон понесли народы Среднего Поволжья. Ожесточение дошло до того, что в восставших районах каратели выжигали селения, нарушали хозяйство и убивали все взрослое мужское население, а женщин и детей уводили в плен и обращали в холопов. После прекращения военных действий была проведена перепись. К сожалению, ее результаты приводит только Казанский летописец: «И сосчиташа же сами себя изоставшиися казанцы и черемиса воех побитых своих во взятие казанское, и преже взятия и по взятии, татар и черемисы, во граде и в острогах, и в полон сведенных, и

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 270; Т. XX. Ч. 2. С. 571–572.

² Большинство историков ошибочно относит последнее событие к 1587 г., исходя из даты написания грамоты.

³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 281–283; Т. XX. Ч. 2. С. 582–583; Т. XXIX. С. 256.

от глада умерших, и мразом измерзших, и всячески и везде побитых, ведомых ими и писанных, кроме неведомых и неписанных 757 270»¹. Однако приведенное число явно завышено. Скорее всего, автор «Казанской истории», для того чтобы поразить воображение читателей, произвел обычное в период Средневековья в среде летописцев десятикратное увеличение. Если наша догадка верна, то потери марийцев, татар и удмуртов погибшими, уведёнными в плен и пропавшими без вести за период Казанской и Первой Черемисской войн равняются 75 727 чел. Сюда же, видимо, включены и потери поволжских жителей, сражавшихся на стороне правительственных войск. Необходимо еще прибавить как минимум несколько тысяч «неведомых и неписанных».

Причины поражения восстания 1552–1557 гг., или Первой черемисской войны, заключаются в следующем. Начиная с зимы 1553/54 г., против восставших направлялись правительственные войска, превосходившие их в силах в 2–4 раза, во главе с лучшими русскими полководцами. Повстанцы были хуже вооружены и не могли противостоять пушкам и пищалям. Они с успехом применяли тактику партизанской войны, устраивали засады, но в открытых полевых сражениях с царскими войсками терпели поражения. Стрельцы успевали из пищалей расстрелять атакующих повстанцев до того, как те могли вступить в ближний бой. Повстанцы не умели захватывать города, ставшие опорными пунктами царской администрации, в то время как свои городки долго удерживать им тоже не получалось, их укрепления быстро разбивались артиллерией. На распространение восстания и его успешность серьезно влияла неспособность повстанцев контролировать крупнейшие реки, на которых полными хозяевами были русские судовые рати, блокировавшие районы восстания и мешавшие связям с союзниками.

Поражению восстания способствовала ликвидация оппозиционной феодальной верхушки и авторитетных племенных вождей. Представители власти заявляли, что

«казанские люди лутчие, их князи и мурзы и казаки, которые лихо делали, все извелися, а черные люди все с одного в холопстве учинилися»². Казанский летописец, сообщая о потерях повстанцев, говорит: «Мало же их живых остана во всей земли Казанской, и разве простых живых людей и худых и немощных и убозех земледелец»³. Конечно, автор не обошелся без традиционных приемов в летописании преувеличения и усугубления. Однако факт ликвидации большей части знати не вызывает сомнения. Русские дипломаты в Польше говорили: «Оставлены одни люди чёрные, а князи и мурзы и всякие служилые люди побиты, а достальные выведены к Москве и в Новгород по их челобитью, чтоб им волнения не было, а чёрным людям как одним откладыватися?» [Сборник РИО, 1887, с.615; Сборник РИО, 1892, с.8].

Успешно сработала русская дипломатия по внешнеполитической изоляции восставших и расстройству планов создания антирусского союза мусульманских государств и оказания помощи восставшим. Как следствие, Астраханское ханство было ликвидировано, Ногайская Орда, Сибирское ханство и башкиры признали вассалитет от России, Турция не сочла возможным самостоятельно вмешаться в происходящее, а крымский хан не смог сколько-нибудь действенно повлиять на события в Поволжье.

Важнейшей причиной поражения восстания было то, что царскому правительству не только удалось удержать от участия в восстании жителей Горной стороны, но и создать опору среди татар в лице служилых и новокрещеных и привлечь их к активным действиям по подавлению восстания.

Первая черемисская война имела большее влияние на политику русского государства, чем это принято считать в отечественной историографии. Вся внешнеполитическая деятельность России этого периода была теснейшим образом увязана с обстановкой в Казанском крае. Отношения с Ногайской Ордой, Астраханью, Крымом и Турцией имели задачу противодействовать попыткам создания антирусского союза и оказа-

¹ ПСРЛ. Т.ХІХ. С.186; Казанская история, 1954, с.174.

² ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.282; Т.ХХ. Ч.2. С.583; Сборник РИО, 1887, с.526.

³ ПСРЛ. Т.ХІХ. С.186; Казанская история, 1954, с.174.

ния этими странами поддержки повстанцев. Только после подавления восстания в Поволжье Русское государство приступило к осуществлению своих планов в Прибалтике, в 1558 г. начинает Ливонскую войну и вновь возвращается к вопросу о признании европейскими монархами царского титула за русским государем.

Победа Московского царства над Казанским ханством объясняются экономическими военными и политическими причинами. Московское государство превосходило ханство по военно-экономическому потенциалу. Русское государство располагало в 3–4 раза превосходящими силами и более современной тактикой и вооружением.

Холодное вооружение сторон в целом соответствовало времени, но у русских было явное превосходство в огнестрельном оружии. В Казани его было мало и практика применения не находилась на должном уровне, использовалось только при обороне Казани, других случаев не зафиксировано. Татары недооценили огнестрельное оружие. Привычный лук на первых порах во многом превосходил несовершенные пищали и пушки. Они сложно и долго заряжались, вообще не стреляли в сырую погоду. Лук мог поспорить с пищалью и в меткости. Однако огнестрельное оружие обладало несравненной дальностью и убойной силой. В

инженерном отношении русские использовали европейские и свои достижения (гуляй-города, подкопы, тарасы, туры и др.).

Татарские войны имели лучшую, чем средний русский воин выучку. Защищая Казань, они сражались смело и отчаянно. У русских по воинскому мастерству татарам были сопоставимы дети боярские, стрельцы и наемники. Однако в русском войске была лучше организована система управления и взаимодействия. Кроме того, для русского народа разгром Казани стал общим делом как продолжение войны с Золотой Ордой за обеспечение безопасности страны от беспокойного соседства. В разгроме Казани были заинтересованы все слои русского общества.

Русские дипломаты везде переигрывали татар, расстраивали союзы и вербовали сторонников из вражеского лагеря. Русским удалось расколоть и перетянуть на свою сторону часть населения ханства. В ходе боев за Казань татарам пришли на помощь лишь немного ногайцев, луговые марийцы, часть удмуртов, в то время как на русской стороне сражались тысячи татар, мордвы, чувашей и горных марийцев. Отсутствие единства, противоречия ослабляли страну, невозможность тюрко-татар договориться между собой перед усиливающейся мощью России стали основной причиной их поражения, как в Казани, так и позднее.

ГЛАВА 7

Политическое развитие Касимовского ханства

Булат Рахимзянов

Говоря о более чем двухсотлетнем существовании этнополитической единицы, в историографии получившей наименование «Касимовское царство», следует ли это понимать так, что она сохранялась в течение своей истории в неизменном виде или же эволюционировала в каком-то направлении? Было ли это «царство» ханством или княжеством? Возможно, его вообще надо рассматривать как обычную административную часть Русского государства под названием «Мещера»?

В историческом развитии Касимовского ханства достаточно четко выделяются два периода. Первый, от образования ханства в 1445 г. и до падения Казанского «юрта» в 1552 г., отличается тем, что Касимовскому ханству придавалось большое значение как династическому противовесу Казани и Крыму. Поэтому московское правительство было крайне заинтересовано в существовании этого «питомника ханов», в особенности для казанского престола. Второй период, от падения Казани до фактической ликвидации Касимовского «царства» в середине XVII в., характеризуется тем, что это политическое образование постепенно становится анахронизмом, и российское руководство предпринимает планомерные шаги по «растворению» Касимовского «удела» в России. Особый научный интерес вызывает первый период. На этом этапе существования Касимовское ханство отличалось большей автономией в своих внутренних делах. Изменение геополитической ситуации в Восточной Европе в связи с завоеванием Московским государством Казанского и Астраханского ханств приводит к резкому изменению положения Касимовского ханства. Оно приближается к положению удельного княжества, быстро теряет свою территорию и остатки суверенитета. После Смуты Касимов окончательно превратился в глухое провинци-

альное захолустье и уже почти не попадал на страницы летописей и разрядов.

Казанская династия в Мещерском городке. В самом начале завершающегося этапа гражданской войны в Московском великом княжестве, в 1445–1446 гг., султаны Касим и Якуб служат в Московии проводниками политики Улуг-Мухаммеда, исходя из которой один из них, Касим, получил во владение Мещерский городок на Оке, в результате чего было образовано Касимовское ханство. Так как договоренность была заключена Улуг-Мухаммедом с Василием II и именно он был данником и вассалом ордынского царя, то царевичи в этот период поддерживают именно его. Однако в 1447 г. политическая ситуация меняется, и новый казанский хан Махмуд решает сделать ставку на Дмитрия Шемяку, как на более слабого. Царевичи остались верны Василию II, т.к. за два года партнерства с ним они, по всей видимости, нашли более перспективным поддержать усилившегося великого князя и прочно связать свои политические судьбы с его судьбой. Их расчет был верным. В войне победил Василий II, и, по всей видимости, он не забыл о поддержке царевичей. Возможно, земельные владения царевичей еще более увеличились.

Полярность позиций родных братьев – казанского хана Махмуда и султанов Касима и Якуба – отчасти объясняется их различными политическими судьбами: Махмуд находился во главе враждебного Москве Казанского ханства, царевичи же волею исторических судеб оказались в рядах партнеров Василия II и находились в Московском княжестве, и, соответственно, просто по объективным причинам не могли быть врагами Москвы. Фактом убийства Улуг-Мухаммеда руки Василия II были развязаны. Отсутствие поддержки со стороны Казани, а, может быть, и нежелание прини-

мать ее из рук отцеубийцы, ставило Касима и Якуба в двусмысленное положение. Из посланников-контролеров касимовские правители превращаются в зависимых от Ивана III и последующих русских государей политических персон, теряя некоторые из прав, которыми они обладали на раннем этапе существования ханства. Правда, они все еще продолжали пользоваться значительной долей самостоятельности, особенно в делах внутреннего управления ханством.

Первый владелец Мещерского городка (будущий г. Касимов) султан Касим (1445–1469 гг. – годы правления в Касимовском ханстве) после 1462 г. всего один раз появляется в источниках, а именно в 1467 г. [ПСРЛ, 12, 1901, с.118; ПСРЛ, 6, 1853, с.87; ПСРЛ, 8, 1859, с.152; ПСРЛ, 4, 1848, с.132, 149; ПСРЛ, 5, 1851, с.274]. В этом году в Казани скончался хан Халил, и неразбериха с вопросами престолонаследия в Казанском ханстве привела к тому, что часть знати выдвинула претендентом на ханский престол царевича Касима, проживавшего в Мещере. Этим предложением решил воспользоваться Иван III, предоставивший Касиму мощную военную поддержку. Через верного ему касимовского царевича великий князь надеялся достигнуть благоприятного для себя влияния на дела соседнего государства. Однако поход окончился неудачно, и Касиму пришлось вернуться в Мещерский городок, где он и провел последние годы жизни.

Относительно внутренней политической жизни Касимовского ханства при его первом правителе данных крайне мало. Лишь в договорной грамоте Ивана III с великим князем рязанским Иваном Федоровичем, датированной 9 июня 1483 г., мы узнаем о двух государственных деятелях времени правления Касима – князьях Кобяке (сын Айдара) и Исаке (сын Ахмада) [Духовные, 1950, с.284, 287–288]. Великий князь московский Василий II договаривался с ними о денежных выплатах, которые шли с рязанской земли как касимовскому царевичу, так и его должностным лицам – князьям, дарагам (сборщики дани) и казначеям. Таким образом, высшее политическое окружение царевича («князья» – по всей видимости, карача-беки – Кобяк и Исак в данном случае) играло заметную роль в контактах с Москвой.

В памяти касимовских татар Касим слышит за строителя мечети и первого дворца в Мещерском городке. В дальнейшем этот городок был назван в честь своего первого владельца – Касимовым. По некоторым данным, Мещерский городок был переименован в Касимов в 1471 г. [Шишкин, 1891, с.9], однако в широкое употребление это название вошло только в XVII в.

Сын Касима султан Данияр (1469–1486) также активно используется Москвой, но уже в военных операциях: он находится вместе с великим князем в походе на Новгород в 1471 г. и активно доказывает ему свою преданность [ПСРЛ, 6, 1853, с.192; ПСРЛ, 8, 1859, с.162; ПСРЛ, 12, 1901, с.130], вместе с другими русскими войсками держит оборону границы по Оке от нападения хана Большой Орды Ахмада в 1472 г. [ПСРЛ, 4, 1848, с.151; ПСРЛ, 6, 1853, с.31–32, 195; ПСРЛ, 8, 1859, с.174–175; ПСРЛ, 12, 1901, с.149–150], в 1477 г. участвует в окончательном падении Новгородской республики [Разрядная книга, 1966, с.18–19; Милуков, 1901, с.13; ПСРЛ, 4, 1848, с.259–260; ПСРЛ, 6, 1853, с.207, 213; ПСРЛ, 8, 1859, с.185, 191; ПСРЛ, 12, 1901, с.172, 179]. Москва ограничила его помощь военной службой касимовских татар. Вероятно, что Данияр умер в 1486 г. [Духовные, 1950, с.318, 321, 325, 328].

Внутреннее положение Касимовского ханства в структуре формирующегося Русского государства в правление Данияра проясняют данные договорных грамот (подробнее см.: [Рахимзянов, 2009, с.115–116]). Из текста грамот можно сделать следующие выводы. Во-первых, опять-таки идет речь о «выходе», который платился и из казны Рязанского великого княжества. Таким образом, деньги в «выход» вносились из казны Московского великого княжества, удельных княжеств Московского великого княжества, а также из казны Рязанского великого княжества, на территории которого и располагалось Касимовское ханство. Во-вторых, кроме «выхода», султан и его беки собирали подати – ясак как с местного языческого населения (мордва, мещера), так и с татарского («бесерменин», т.е. мусульманин). В-третьих, одновременно с царевичем с этого же населения собирались пошлины и рязанским великим князем. Таким обра-

зом, Касимовское ханство было весьма существенной финансовой «обузой» как для Москвы, так и для Рязани.

Венецианский путешественник Амброджо Контарини, посетивший Россию в 1476 г. при Иване III, пишет, что великий князь имел обыкновение ежегодно совершать поездки в разные области своих владений и в особенности посещает одного татарина, которого содержал на своем жаловании с 500 всадниками на границе с татарами, для защиты своего государства от их нападений [Барбаро и Контарини, 1971, с.226]. Возможно, что под этим татаринном Контарини имел в виду касимовского царевича Данияра.

Важные данные относительно статуса касимовского правителя и Мещерского юрта при первых правителях содержит дипломатическая переписка. Когда в 1474 г. разбиралось обычное для Средневековья дело о «грабеже» русских купцов на территории Кафы, кафинцы предъявляли ответные претензии о таком же «грабеже» на территории Руси – «что их пограбили царевичевы казаки (касимовские татары. – *Б.Р.*)». Великий князь Иван III отвечал: «Ино яз к вам и первое сего приказывал, *царевич* (имеется в виду Данияр. – *Б.Р.*) *великого царя род Тахтамышев* (выделено нами. – *Б.Р.*), а уланов и князей и казаков у него много; как к нему приежжают люди многие на службу, так от него отъезжают люди многие; и нам почему ведати, хто будет ваших купцов пограбил? А у нас тот грабеж не бывал» [Сборник РИО, 1884, с.8].

Во-первых, можно сделать вывод о некоторых элементах независимости Мещеры – великий князь дает понять кафинцам, что не несет ответственности за то, что происходит на территории юрта – территория является в некотором роде автономной. Вряд ли можно представить себе, чтобы так же московский правитель мог говорить о происходящем в русском удельном княжестве. Конечно, это могло быть простым лукавством, но, возможно, данная запись отражает средневековые реалии. Во-вторых, выделенные строки недвусмысленно говорят о том, что в рамках тех правовых норм, которые господствовали на территории позднезолотоордынского *Pax Mongolica*, формальный статус касимовского правителя как Чингизида

был существенно выше покоренной Бату династии Рюриковичей. Присутствующие в историографии рассуждения об однозначной «марионетчности» касимовских правителей есть не что иное, как перенесение значительно более поздних реалий на XV, да и на XVI вв.

Касим и его сын Данияр, первые два правителя Касимовского ханства, были потомками Улуг-Мухаммеда. Со смертью в 1486 г. Данияра эта династия прекращается на касимовском престоле. Следующий правитель Касимова, Нур-Даулет, хотя и имел с ними родственные связи (все они были Джучидами, к тому же из одной ветви этой династии – Тукай-Тимура), но все же их прямым потомком не являлся. Московское правительство назначало касимовских правителей произвольно, по своему усмотрению, не заботясь о поддержании единой династии касимовских ханов и султанов. Лишь иногда (довольно редко) правители имели близкие родственные связи друг с другом (обычно отец и сын, иногда – братья). Это случалось, видимо, когда у скончавшегося владельца имелись прямые наследники. Во всех остальных случаях (а их много больше) касимовские правители назначались исходя из планов московского правительства. Даже условно говорить о единой династии касимовских правителей нельзя. Ее попросту не существовало.

Крымская династия в Касимовском ханстве. Крымская династия, т.е. потомки первого крымского хана Хаджи-Гирея, в Касимове была представлена ханом Нур-Даулетом (1486–1490) и его сыновьями султанами Сатылганом (1490–1506 гг. с перерывом) и Джанаем (1506–1512) (подробнее о правлении Гиреев в Касимове см.: [Рахимзянов, 2009, с.118–138]).

Нур-Даулет и родоначальник касимовских султанов Улуг-Мухаммед являлись по тюркской традиции довольно близкими родственниками не только как Джучиды вообще, но и как представители конкретной ветви внутри этой династии. Улуг-Мухаммед был двоюродным дядей Хаджи-Гирея, отца Нур-Даулета. Крымская и казанская ветви Джучидов были сходны и в своей политической судьбе: и Хаджи-Гирей (первый крымский хан), и Улуг-Мухаммед (фактически первый

казанский правитель) являлись изгнанниками из Сарая, и поэтому, по всей видимости, питали к представителям большеордынской и астраханской династий не самые теплые чувства. Видимо, именно поэтому источники не содержат никакой информации о недовольстве среди касимовской высшей знати в связи со сменой потомков Улуг-Мухаммеда на Гиреев, чего не скажешь о последующей смене династии на большеордынскую.

К середине 80-х гг. XV в. внешнеполитическая ситуация несколько изменилась. На территории Дешт-и Кипчака создается и успешно действует союз Великого княжества всея Руси (Москвы), Крымского ханства и Казани. Основной целью этого союза было восстановление стабильности в Восточной Европе и контроль над объединением кочевников, известным под названием «Большая Орда» [Кеenan, 1967, р.554]. После «стояния на Угре» прекращается выплата туда дани. Это значительно усилило положение формирующегося Русского государства на международной арене. В 1487 г. была взята Казань, и на казанский престол был посажен московский ставленник Мухаммед-Амин, который правил в Казани до 1495 г. Ханство фактически было превращено в российский протекторат. Иван III смог уже формально, а не только фактически повысить свой государственный статус. Выплата дани в Казань была прекращена; московский государь добавил в титул формулу «князь Болгарский»; в переписке казанский хан – Чингизид стал называться его братом, т.е. равновеликим монархом. «Казанский вопрос» временно отошел на второй план.

Настало время более плотно заняться сотрудничеством с Крымским ханством. Несмотря на заключенный еще в 1480 г. московско-крымский союз, Менгли-Гирей лавировал между Москвой и Литвой. Задачей московской внешней политики было склонить крымского хана в свою сторону.

Поэтому Москва использовала правление крымских выходцев в двух направлениях: политическом и военном. Нур-Даулет, бывший сыном Хаджи-Гирея и родным братом правящего в то время в Крыму хана Менгли-Гирея, являлся грозным оружием московской внешней политики по отношению к Крымскому ханству. Он мог предъ-

являть на ханский престол династические претензии, и это позволяло оказывать давление на политику Крымского ханства, заставляя Менгли-Гирея корректировать свои действия в связи с линией московского великого князя. Причем реально пытаться усадить Нур-Даулета на крымский престол было совершенно не обязательно.

Военное значение Касимовского ханства для Русского государства в период правления крымской династии также трудно недооценивать. Располагаясь на границе, прекрасная боевая конница касимовских татар являлась ударной силой в борьбе как против Большой Орды, так и против Казанского ханства. В 1486–1512 гг. основные силы Касимовского ханства были брошены на помощь Менгли-Гирею в разгроме Большой Орды. В ее падении в 1502 г. Касимовское ханство сыграло не последнюю роль. Зачастую касимовские правители вместе с руководящей высшей прослойкой государства длительное время находились не на территории подвластного им «удела», а на границе с ордой «Ахматовых детей» и с Казанским ханством.

В связи с изменившейся внешнеполитической обстановкой меняется и направление использования касимовских правителей с их татарами. На первый план выходят походы против Казанского ханства и выставления претендентов на казанский престол. Также касимовцы используются в военных акциях против ногаев и в локальных конфликтах.

Некоторые факты говорят нам об элементах независимости крымских выходцев в Касимове, о неоднозначности статуса Мещеры в системе позднезолотоордынских государств. По всей видимости, ханы и султаны получали за каждое участие в военных походах и действиях и одноразовые компенсации [Хорошкевич, 2001, с.300]. Так, возможно, следует трактовать «запись», сделанную, скорее всего, Федорым Карповым в 1492 г.: «Да колкижды князь велики царя Нурдоулата посыльвал на Поле царева для дела Менгли-Гиреева, и колко Саталгана царевица, Нурдоулатова царева сына, посыльвал да и рузскую рать *и колко татар и русь жалует, того дея и гибели им полские платит* (выделено нами. – Б.Р.), ино колко того разоидется» [Сборник РИО,

1884, с.370]. Возмещающая проторы и убытки, связанные с выходом в Поле в августе 1492 г., великий князь поручал данную миссию не специальным лицам, а послу в Крым (что очень показательно), который одновременно со своими дипломатическими функциями должен был выполнять обязанности финансового агента государя внутри страны.

Дипломатическая переписка содержит интересные данные о статусе Мещерского юрта. Сторонними тюркскими правителями (теми, кто никогда не правил ни в Мещере, ни в Казани) конца XV – начала XVI в. Мещера (Касимовское ханство) и Казань (Казанское ханство) зачастую воспринимались как равнозначные «места», что говорит нам о некоем сходстве в статусе этих образований. Так, «ногайский» царевич Ах-Курт писал Василию III в 1508 г.: «И коли пожалуешь *из тех из дву юртов* (выделено нами. – *Б.Р.*) меня, и ты бы...» [Сборник РИО, 1895, с.11–15]. Из контекста документа становится ясно, что Ах-Курт просит «дать» ему либо Казань, либо Мещеру («два юрта»). Мещера названа «юртом», что является в тюркской традиции синонимом слова «государство». Соответственно, Касимовское ханство представлялось тюркским современникам как государственное образование. Русские уделы, к которым часто относят Касимовское ханство, таковыми не являлись и соответственно не воспринимались. Казань в указанный период была под российским протекторатом, а Мещера была под сюзеренитетом великого князя московского все время своего существования.

Как равнозначные «места» пыталось представить Казань и Касимов и московское руководство. В общении с Литвой Василий III так объяснял в 1517 г. польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду Казимировичу обстановку вокруг Казани: «...ино, Жигимонте (Сигизмунд. – *Б.Р.*), то говоришь негораздо ведая, что отец наш великий государь (Иван III. – *Б.Р.*) землю Казанскую отдал неверным. Ино то делается так: еще было от прародителей наших и при предках наших и при отце нашем и ныне при нас, в *наших государствах* по тем местам живут цари и царевичи *нашим жалованьем*, да иным многим царем и царевичем, которые нам служат, даем в *своих госу-*

дарствех места свое жалованье» [Сборник РИО, 1882, с.530].

Сравните с тем, что говорится о Мещере: «...А Мещерская земля в *нашем государстве*, и тем местом жалует мы царей и царевичев, и они на тех местех на *нашем жалованье* живут, а нам служат» [Там же, с.531]. И казанцы, и касимовцы «живут» московским «жалованьем» и «служат» Москве, и Казань, и Касимов являются московской собственностью («наши государства») – такая картина вырисовывается, исходя из данных дипломатической переписки с Литвой.

Правление Гиреев оставило существенный след в истории Мещерского юрта. Даже через пять лет после окончания пребывания этой династии в Мещере, в 1517 г., крымский хан Мухаммед-Гирей воспринимал ее как свой «юрт» – «а из старины тот юрт наш» [Сборник РИО, 1895, с.377], заявлял хан заменявшему посла подъячему Мите Иванову (так же Гирей смотрели и на Казань [Там же, с.679, 696]). Так же воспринималось Касимовское ханство и крымской знатью (в 1516 г. крымский мирза Бахтияр писал Василию III: «...сам гораздо знаешь, что *Мещерской юрт государя моего царев* (выделено нами. – *Б.Р.*)» [Там же, с.251]. Когда в 1512 г. Василий III посадил в Касимове представителя враждебной Крыму большеордынской династии, это вызвало общее возмущение в «Тахтамышевом царевом юрте» – «Над Нур-Довлатовыми и над Касымовыми слугами на нашем юрте недруга нашего сына Шаг-Влияра, того ли тебе пригоже, взяв, держати?» [Там же, с.520].

Клан Ширин, занимавший в Мещере по знатности и по влиянию первое место среди других четырех кланов, имел к ней особо «ревнивое» отношение. По преданию, когда-то именно Ширинами была покорена Мещера. В родословной князей Мещерских содержится информация о том, что «князь Ширинской Бахмет Усеинов сын пришел из Большие Орды в Мещеру и Мещеру воевал и засел ее» [Временник, 1851, с.75]. В связи со сменой династии Ширины начали по сути настоящую локальную войну против Москвы, двинувшись в поход на Мещеру [Сборник РИО, 1895, с.377, 520].

Мухаммед-Гирей писал Василию III в 1517 г.: «...а что наши люди летось и ныне-

ча Мещеру воевали, и за то яз и вперед не имаюся, хотя яз с братом своим с великим князем буду в дружбе и в братстве, ино мне самому на Мещеру не думати, и хотя и детей своих уйму, а людей ми своих не мочи уняти: пришли на меня землю все, что им меня не слушати в том. А Ширины опричь меня здумали, что им вперед Мещера воевати, за то что нынеча на Мещере наш недруг, *а из старины тот юрт наш* (выделено нами. – *Б.Р.*). И нынеча брат мой князь великий о чем у меня на Мещеру не просит брата или сына; ...и толко то по старине не будет, и то всегды быти воеваной Мещере. А ведь мы ведаем, что нынеча на Мещере не человек, и людей в Мещере бесерменьи (мусульман. – *Б.Р.*) нет никого, ино не у кого жити, и то б брату моему великому князю внятны мои речи были. А колко о том царевиче не пишу к великому князю, и он ко мне не отпишет. А то пак слыхано ли, что бесерменину бесерменин бесерменина в полон взяти, ино наши люди и бесерменью в полон поймали в Мещере, а того у нас и в писанье нет, что бесермена продати, а наши люди мещерскую бесерменью и попродали, а все тому рняяся, *что не наш род на Мещере государь*. ...А князи городетцкие и мне приказывали, и не одинова, *чтоб наш род был им государь*» [Там же, с.377–378].

По всей видимости, после смены династии в Касимове значительная часть касимовской знати крымского происхождения отъехала обратно в Крым – «и людей в Мещере бесерменьи нет никого, ино не у кого жити». При походе Ширинов на Мещеру в плен бралось не только русское население, но и мусульманское, на что сетует крымский хан, как на вынужденную меру. Видимо, какая-то часть населения (верхней страты) – «Нур-Довлатовы и Касымовы слуги» – «князи городетцкие», уже привыкшая к крымцам и нашедшая с ними общий язык, была недовольна сменой династии в Касимове и хотела возвращения Гиреев.

В 1517 г. диван (совет карача-беков) отказал в согласии на союз с Москвой, выставив одним из условий коалиции смещение с Мещеры «недруга» Шах-Али и замены его одним из сыновей Менгли-Гирея. Об этом отказе Мухаммед-Гирей писал Василию III: «...и Шырын, и Аргын и Барын и Кипчак

карачи князи наши в головах и все уланы и князи роты и правды не учинили» [Там же, с.388].

В этом же году в связи с давней распрей между ханом Мухаммед-Гиреем и его братом султаном Ахмад-Гиреем поднялся вопрос об «опочиве» для Ахмада в России. Еще в 1515 г. Василий III обещал принять Ахмада с детьми и со всеми людьми, обещая ему и свободный отъезд в случае его желания [Там же, с.211–212]. В декабре 1517 г. вопрос ставился определеннее: Ахмаду была обещана Мещера [Там же, с.419–420]. Правда, Василий III готов был принять Ахмада только в крайнем случае: «если на царевича будет нужна велика, и нелзе ему там дотоле быти», только в этом случае посол должен был решительно говорить с Ахмадом об «опочиве». Учитывая враждебные в целом в этот период отношения с Крымом, в Москве не доверяли даже противникам хана (противниками они могли оставаться недолго, а недоверие в отношении «неверных» – факт для Средневековья очень устойчивый). Василий III таким шагом намеревался как предоставить «место» в своей земле оппозиционному хану султану, так и удовлетворить требования Мухаммед-Гирея о предоставлении Мещеры во владение одному из его сыновей [Там же, с.419].

Общий настрой Крыма в отношении Касимовского ханства в первой четверти XVI в. Мухаммед-Гирей выразил так: «...а будет на Мещере не нашему роду быти, *ино у нас на то миру нет*» [Там же, с.380]. При всем этом бесспорным являлся факт принадлежности Мещеры Москве как «вотчины» московского великого князя (в договоре великого князя московского Ивана Васильевича (Ивана III) с великим князем литовским Александром Казимировичем от 1494 г. последний признавал, что Мещера является вотчиной Ивана Васильевича [Духовные, 1950, с.330]; см. также: [Сборник РИО, 1882, с.127, 130]).

Большеордынская династия в Мещере и Казани. Несмотря на то что возникновение Касимовского ханства было явно не запланировано московским правительством, его историческая судьба с определенного момента складывается так, что оно является зависимым, вассальным от Москвы об-

разованием, используемым для различных целей московской внешней политики. Своего «апофеоза», наибольшего значения для Русского государства Касимовское ханство достигло в 20–50-х гг. XVI в., когда основной целью московской внешней политики становится «восточный вопрос» – подчинение Казанского ханства. Одним из средств достижения контроля над политикой ханства было выдвигание своих ставленников на казанский престол.

Разгром Большой Орды в 1502 г. крымским ханом Менгли-Гиреем привел к образованию в степи «вакуума», что вызвало конфликт прежних союзников – Москвы и Крыма [Кеenan, 1967, р.554]. Союз Москва – Крым – Казань распался. Казанское ханство, как более слабое звено этого треугольника, стало очагом интриг и борьбы между промосковской и прокрымской фракциями местной аристократии.

После смерти последнего представителя крымской династии в Касимове султана Джаная выбор Москвы в назначении на касимовский престол пал на Шейх-Аулияра, сына султана Бахтияра, большеордынского Джучида. Он был племянником хана Большой Орды Ахмада и соответственно одним из потомков Чингис-хана [Государственный архив, 1978, с.39] (подробнее о происхождении Шейх-Аулияра см.: [Вельяминов-Зернов, 1863, с.224–244]). Крым враждебно воспринял назначение потомка Ахмада на касимовский престол: «...Ахматовы и Махмутовы царевы дети наши недрузи, а и ты брат наш (Василий III. – *Б.Р.*) зовешь их себе недрузи и в грамотах в своих завсе к нам о них пишешь, и ты от их же детей нашего недруга Шиг-Овляяру царевичу Мещерской юрт дал еси и гораздо ему честь чинишь» [Сборник РИО, 1895, с.296].

Будучи касимовским султаном, Шейх-Аулияр принимал участие в походе Василия III под Смоленск (1512); Шейх-Аулияр присоединился к нему в Можайске, будучи с касимовскими татарами [Милуков, 1901, с.49].

Предположительно Шейх-Аулияр скончался в 1516 г. [Карамзин, 1994, с.42]. Годы его правления в Касимовском ханстве – 1512–1516. Шейх-Аулияр запомнился и современникам, и историкам прежде всего

тем, что являлся отцом двух ханов, оставивших заметный след в истории как Мещеры, так и Казанского ханства. Это были ханы Шах-Али и Джан-Али.

В 1505 г. у Шейх-Аулияра родился сын Шах-Али. В 1516 г. в этой семье родился второй сын, Джан-Али. В этом же году Шейх-Аулияр скончался, и управление Касимовским ханством перешло к его старшему сыну Шах-Али.

Крымские ханы питали непримиримую ненависть к родственникам хана Ахмада, изгнанным из Сарая и нашедшим убежище в Московском государстве (именно таким и был Шейх-Аулияр). В 1516 г. крымское правительство протестовало против назначения Шах-Али владетельным царевичем касимовским и ходатайствовало о предоставлении Касимовского ханства султану Сахибу, однако московское правительство не удовлетворило ходатайства [Вельяминов-Зернов, 1863, с.247, 250].

Смена династии в Касимовском ханстве являлась немаловажным и очень чувствительным фактором международных отношений Восточной Европы XVI в. Американский исследователь О.Прицак полагает, что «только теперь касимовские Чингизиды стали марионетками в руках московских правителей, передавая им харизму династии, необходимую для создания нового государственного организма» [Pritsak, 1967, р.580]. По сути, это был открытый вызов Крымскому ханству, которое после разгрома Большой Орды считало себя «Тахтамышевым царевым юртом», т.е. прямым наследником бывшего могущества золотоордынского государства. В рамках тех правовых норм, которые господствовали на территории поздnezолотоордынского Дешт-и Кипчака, это выглядело вполне легитимным. Однако по своему экономическому и военному потенциалу в XVI в. уже и Московия близится к статусу сильнейшего члена этой системы. Но в то же время ее фактическое положение резко контрастировало с формальным статусом в рамках поздnezолотоордынских «юридических норм», т.к. московский государь не принадлежал к династии Чингис-хана.

В декабре 1518 г. умирает казанский хан Мухаммед-Амин [ПСРЛ, 6, 1853, с.263; ПСРЛ, 8, 1859, с.266]. Это событие имело

много последствий. С Мухаммед-Амином прекратилась династия Улуг-Мухаммеда на казанском престоле, т.е. династия, которой казанский престол принадлежал по праву завоевания.

Ни Мухаммед-Амин, ни Абдул-Латиф (на основании особого договора он должен был получить казанский престол после смерти Мухаммед-Амина, однако он умер еще раньше него, 19 ноября 1517 г. [ПСРЛ, 6, 1853, с.260]) не оставили после себя сыновей. Царевна Гаухаршад (в русских источниках – Ковгоршад) в тот период проживала в Казани, но вопроса о ее кандидатуре не поднималось. Последний представитель ханского рода царевич Худайкул, живший более 30 лет в Русском государстве, давно обрусел. Он, как и сыновья царевича Мелик-Тагира, крестился, женился на русской и утратил свои права на казанский престол. Таким образом, династия Улуг-Мухаммеда пресеклась, и для Казанского ханства вновь остро встал вопрос о престолонаследии.

Ближайшими родственниками угасшей династии являлись сводные братья последних двух ханов – крымские царевичи, сыновья хана Менгли-Гирея, за которого вышла замуж царица Нур-Султан. Крымское правительство давно смотрело на них, как на законных наследников Казанского ханства, и наметило кандидатуру царевича Сахиб-Гирея.

Позиция крымского правительства нашла свое отражение в заявлении, сделанном Василию III от имени Мухаммед-Гирея князем Аппаком через русского посла в Крыму И.Челищева (еще до смерти Мухаммед-Амина): «Казанский Магмед-Аминь царь, сказывают, болен, и яз брата своего Сагип-Гирея на тот юрт нарядив изготавил; и нечто теперво какво над Магмед-Амином царем сстанетца, и мы Сагиб-Кирея на тот юрт царем учиним, так молвья сдумали; а нечто из инова юрта некто пришед царем ся учинит, ино и ты брат мой князь великий в истоме будешь, и нам будет недоброе имя» [Сборник РИО, 1895, с.520]. Мухаммед-Гирей открыто заявлял притязания на распоряжение судьбами Казани и предreshал вопрос о новом хане, «нарядив» и «изготавив» своего кандидата, лишь ставя в известность о своих решениях Московское государство, под-

черкивая в то же время, что всякая попытка посадить в Казани ханом другое лицо, кроме Сахиб-Гирея, будет рассматриваться Крымом как враждебный акт.

Однако временной отрезок 1487–1521 гг. был временем российского протектората. Вполне понятно, что кандидатура царевича Сахиба, поддержанная крымским правительством, была отклонена, т.к. Москве совсем не нужно было династическое единение двух мусульманских государств под властью враждебных теперь ей Гиреев. Москва в это время назначала ханов в Казани по своему усмотрению, исходя из своих политических выгод и интересов. Обязательства, взятые с Казани в 1516 г. («без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакова не взяти»), давали правительству Василия III «юридические» основания для вмешательства в казанские дела. Поэтому-то и была выдвинута кандидатура касимовского царевича Шах-Али, который фактически никаких прав на казанский престол не имел (если не считать того факта, применительно к этой ситуации больше формального, что Шах-Али являлся Джучидом-Чингизидом).

Шах-Али было всего 13 лет, он родился и воспитывался в Московской Руси. Безусловно, в таком юном возрасте человек не может управлять государством самостоятельно. Московское правительство рассчитывало через него воздействовать на внутреннюю политику Казанского ханства и подчинить его своему влиянию. Джанет Мартин считает, что «поддержав кандидатуру представителя астраханской династии на казанский трон, Василий III создал новую коалицию для доминирования в степи. Эта коалиция включала Москву, Казанское и Астраханское ханства, и, конечно, Касимов» [Martin, 1995, p.324].

Крым заявил решительный протест против данного назначения. Крымский посол в Москве князь Аппак на приеме его Василием III так сформулировал позицию Крымского ханства: «изстари недруг ординские цари государю нашему, а ты ныне того юрта послал на Казань царя» [Сборник РИО, 1895, с.661].

Отношения между великим князем и Шах-Али в его первое правление в Казани регулировались шертными грамотами

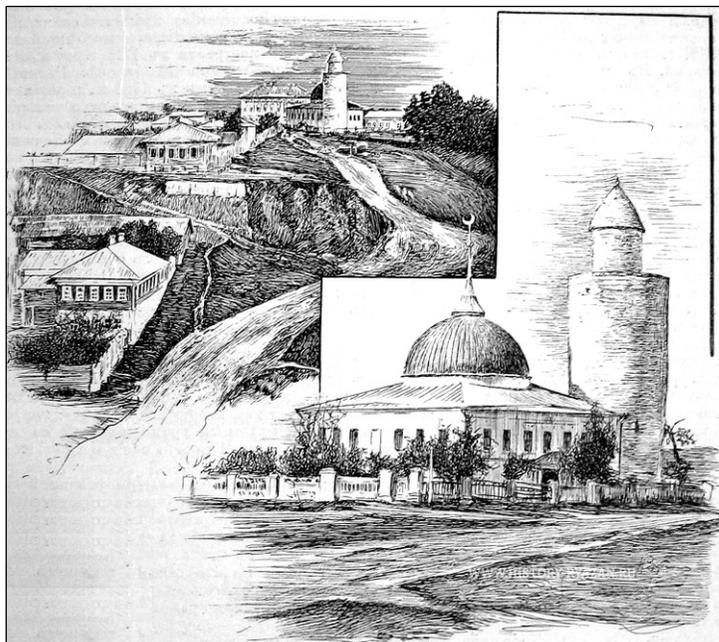
Мечеть в г. Касимов
[Россия. Полное географическое
описание, 1902]

[ПСРЛ, 8, 1859, 66; ПСРЛ, 13-1, 1904, с.32]. Основным обязательством как с его стороны, так и со стороны казанского правительства было охранение интересов московских подданных, проживавших в Казани. Отдельным обязательством со стороны казанского правительства был отказ от права самостоятельно выбирать себе хана.

Касимовские татары в указанный временной отрезок занимались теми же делами, что и обычно – охраной восточных границ Московского государства. Объясняя, почему его сын султан Бахадур («Багатырь-салтан») «воевал» рязанскую «украину» в 1517 г., крымский хан Мухаммед-Гирей говорил посланцам великого князя Василию Шадрина и Мите Иванову: «...сына есми своего Багатыря послал был на Нагаи, и он был на великого князя украине, и яз его бранил, и он молвил мне, итти было ему на Нагаи, да которых людей вперед себя послал отведывати на Волзе, и они кажут, что и берегом и в судех все мещерские казаки ходят, ино нелзе за Волгу. И сын мой чаял, что то князь великий велел так казакам мещерским беречь, и он того для ходил на Рязань» [Сборник РИО, 1895, с.376, 379].

Интересные данные относительно ранга Касимова в системе российских территорий XVI в. содержит московская переписка с Крымом. В ней имеется такая фраза: «...Мещерской городок, которой *живет за цари и за царевичи* (выделено нами. – *Б.Р.*)» (1518) [Там же, с.571]. Здесь подчеркивается, что Касимов, в отличие от других татарских «уделов» на территории Руси, предоставлялся только Чингизидам (конкретнее – Джучидам, ветвь Тукай-Тимура).

Кроме промосковски ориентированных феодалов, в Казани была и крымская груп-

пировка, недовольная российским присутствием. Прокрымская группировка установила связь с крымским двором и составила заговор против Шах-Али. Весной 1521 г. Сахиб-Гирей со своим отрядом в 300 человек [Там же, с.678] подошел к Казани. Город сдался без сопротивления.

В период с 1524 по 1530 г. между Московским государством и Казанским ханством не происходило вооруженных столкновений. Однако представитель Крыма хан Сафа-Гирей проводил политику, явно не устраивающую великого князя, и в 1530 г. против Казани было послано значительное войско, участвовало «всех воевод до 30». 10 июля 1530 г. московские войска – пехота, конница, судовая рать, артиллерия – объединились и обложили Казань со всех сторон. В битве российские войска одержали победу. В результате активных действий московских послов в Казани начались выступления против Сафа-Гирея, и в конце концов он бежал.

Ханский престол в Казани освободился. По грамотам нового правительства Казани явствовало, что оно согласно быть послушным воле великого князя, только бы он дал им в правители не Шах-Али, а его младшего брата Джан-Али [ПСРЛ, 8, 1859, с.277; ПСРЛ, 13-1, 1904, с.57]. Фактически над Казанским ханством был вновь восстановлен протекторат Русского государства. При хане

постоянно находились советники великого князя. По всей видимости, какая-то часть доходов шла в пользу московской казны. Казанское ханство без ведома Василия III не имело права вести самостоятельную внешнюю политику. В годы правления Джан-Али оно должно было отправлять свое войско против внешних врагов Русского государства. Такая практика всегда присутствовала в годы протектората.

25 сентября 1536 г. в Казани произошел внутренний переворот. «Ковгоршад царевна и Булат-князь и вся земля Казанская великому князю Ивану Васильевичу изменили, Аналея царя убили, которого им князь великий Василий Иванович дал им царем на Казань» [ПСРЛ, 8, 1859, с.291; ПСРЛ, 13-1, 1904, с.88] – так кратко сообщают об этом перевороте Воскресенская и Никоновская летописи. Люди московской ориентации, не разделявшие крутого поворота в политике, были недовольны и эмигрировали из Казани.

Итак, правление Джан-Али закончилось трагически. Джан-Али правил в Казани с 29 июня 1532 г. по 25 сентября 1535 г. До этого он правил в Касимове с 1519 г. по июнь 1532 г.

Касимовское ханство в период с июня 1532 г. по начало 1536 г. оставалось без хана. Сведения о нем стандартны: «...А из Асторокани шли послы казанские, которые были в Крыме, а иные из Крыма у короля были; и государя нашего казаки Городетские тех людей подстерегли, да их побиили, а иных многих живых переимали и ко государю нашему привели человек с пятьдесят» (1536) [Сборник РИО, 1887, с.54, 117]. Более всего касимовские татары в это время беспокоили ногаев, отбивая у них скот, перехватывая ногайские посольства в Казань, брали в плен ногайских подданных, которые зачастую содержались затем в Касимове [ПДРВ, 1791, с.240, 249, 250, 320, 321, 308, 314, 229, 340, 341]. Некоторые касимовцы сами попадали в плен к ногаям и долго содержались в заточении [Там же, с.243]. Кроме военных акций, касимовские татары участвовали и в деле российской дипломатии: их командировали проводниками к послам, ездившим в восточные страны, а иногда и их одних посылали туда с грамотами и для переговоров [Там же, с.233, 279, 290, 291, 298, 254, 307, 257, 259].

Статус вассального государства в отношении Касимовского ханства в вышеописанной ситуации проявлялся явно: само ханство оставалось без владельца, что не мешало московскому правительству использовать его жителей в своих целях. Однако ханство без хана – нонсенс. Фактически российскому руководству было нужно не Касимовское ханство, а звание касимовского хана (султана), чтобы выдвигать его на казанский престол. Вопрос престолонаследия в Казани, как и в других постзолотоордынских юртах, не был четко определен, поэтому любой мусульманский правитель-Чингизид в принципе мог на него рассчитывать. Очень вероятно, что высшая правящая прослойка знати государств – наследников Золотой Орды даже в XVI в. продолжала осознавать себя как нечто единое, и поэтому рассматривала все эти юрты как общую собственность, завещанную всем им Чингис-ханом. В силу этого претензии, например, крымских властителей на Казань и Мещеру выглядят вполне обоснованными и в реалиях XVI в. вполне легитимными. Поэтому Москве и нужен был титул касимовского государя. Использовать же касимовских служилых татар в своих целях Москва могла в принципе и без существования самого ханства, просто как жителей Мещеры (что мы и видим на примере других татар, проживавших в Кашире, Звенигороде, Юрьеве-Польском и некоторых других российских городах).

По мнению большинства историков, с 1530-х гг. великие князья московские начинают постепенно вмешиваться во внутренние дела Касимовского ханства, вводя элементы подчиняющейся Москве администрации. Постоянный представитель в ранге окольничего известен в Касимове с ноября 1542 г.

В 1545 г. в Казани вновь усиливаются оппозиционные настроения крымскому ставленнику хану Сафа-Гирею. Это привело к тому, что в начале января 1546 г. был совершен дворцовый переворот. Хан Сафа-Гирей был вторично низложен с престола. При перевороте в Казани произошел погром, направленный против крымцев: «...казанцы Сафа Кирея царя с Казани согнали, а крымских людей многих побиили» [ПСРЛ, 29, 1965, с.49]. В Казани вновь образовалось

временное правительство. В марте 1546 г. на престол был избран хан Шах-Али [ПСРЛ, 13-1, 1904, с.148].

Казанский летописец сообщает интересные сведения об условиях, заключенных казанским правительством с Шах-Али при его вступлении на престол в 1546 г.: хан не должен был вводить с собою в Казань московского гарнизона и обязался не мстить и не преследовать за прежние вины, а казанские правящие круги гарантировали ему личную безопасность. В общем, условия сводились к взаимному обеспечению личной неприкосновенности.

Шах-Али продержался на престоле всего 1 месяц [ПСРЛ, 13-2, 1906, с.149]. Сафа-Гирей успел заключить договор с Ногаями, получил в свое распоряжение значительный военный отряд и сделал попытку вернуть себе казанский престол. Бессильное правительство не смогло оказать ему никакого сопротивления и пророссийской партии, по всей видимости, пришлось пожалеть о том, что 4-тысячная гвардия Шах-Али в свое время не была впущена в город. Беззащитному хану пришлось бежать из Казани. Он поселился в Касимове. Шах-Али правил в Казани с 13 июня по 13 июля 1546 г. Московский ставленник оказался совершенно бесполезным великому князю и царю без военного отряда Москвы и без привычного российского окружения – воеводы и посла.

В мае 1551 г. предпринимается большой поход против Казани. 24 мая при устье Свияги, на территории Казанского ханства, была заложена крепость Свияжск, которая фактически становится форпостом продвижения русских на Восток. В дальнейшем московское правительство блокировало водные пути вокруг Казани, практически парализовав жизнь в городе. В Казани произошел политический переворот, и власть перешла к сторонникам мира с Россией. В Свияжск была отправлена делегация приглашать Шах-Али на престол. Он вновь (в третий раз) становится казанским ханом.

По условиям проекта московского правительства, Казанское ханство должно былоделиться на две части – Горной стороной должно было управлять полностью российское правительство, а Луговой стороной и Арской землей должен был управлять хан

Шах-Али. Таким образом, Шах-Али должен был управлять не всем Казанским ханством, а всего лишь его половиной. 14 августа 1551 г. так называемый «курултай» под грозным видом московских войск решил, что казанцам в Горную сторону «не вступатися и половины Волги, а ловцам ловити по своим половинам» [ПСРЛ, 13-1, 1904, с.169], т.е. не только нельзя было переходить Волгу, но и Волга сама была разделена пополам. Вторым важным пунктом договора было освобождение всех русских пленных на всей территории Казанского ханства [ПСРЛ, 13-1, 1904, с.169; ПСРЛ, 13-2, 1906, с.470].

6 марта 1552 г. Шах-Али вывел московский гарнизон из Казани и вместе с ним уехал в Свияжск [ПСРЛ, 13-1, 1904, с.174; ПСРЛ, 13-2, 1906, с.474]. Под фальшивым предлогом ему удалось вывести с собой из Казани 84 человека князей и мурз; их он передал московским властям в качестве заложников. Так закончилось последнее, третье правление Шах-Али в качестве казанского хана. В дальнейшем Шах-Али участвует в завоевании Казани, находясь в войсках великого князя (подробнее см.: [Худяков, 1991, с.143–173; Алишев, 1995, с.112–142]). С ним находились его касимовские татары. После падения Казанского ханства Шах-Али поселился в Касимове.

Итак, представители большеордынской династии в Касимове братья Джан-Али и Шах-Али неоднократно сидели в Казани в качестве ханов. Джан-Али правил в Казани в 1532–1535 гг., Шах-Али трижды (в 1519–1521, 1546, 1551) сидел в Казани «государевым жалованием», как указывают русские летописи. Степень влияния Москвы на Казань в эти четыре правления была разной, поэтому колебалась и политика московских ставленников – в каких-то случаях они действовали довольно жестко, в других – приходилось балансировать между различными политическими силами. В целом оба хана являлись послушными марионетками Москвы, и ни в одно правление в Казани с их стороны не было «ослушания» великого князя.

Для самих ханов казанский престол был значительно престижнее, чем управление Касимовским ханством, и к его обладанию стремились, несмотря на то, что зачастую это было связано со смертельной опасно-

стью. Однако привести Казань к той степени зависимости, к которой стремилась Москва, – «как Городок», с их помощью оказалось невозможным: Джан-Али был убит в Казани, а Шах-Али трижды изгонялся оттуда. Мирными средствами подчинить своему влиянию Казань московскому правительству не удалось. Казанское ханство было завоевано силой российского оружия, и свою лепту в его падение внесло и Касимовское ханство.

После падения Казани и Астрахани. После завоевания Казани Касимовское ханство, существуя юридически, фактически стало обычной административной частью Русского государства, состоящей из нескольких уездов. Его специфика стремительно исчезала. Фактически оно не являлось более ханством, и изучать его в этот период (середина XVI в. – середина XVII в.) (о датировке см.: [Беляков, 2011, с.274, 277–278, 396–398]) как Касимовское ханство представляется неверным. Реальный политический статус этого образования менялся со временем. Теперь этот этнополитический организм, скорее всего, был ближе к удельному княжеству, к тому же быстро теряющему свою территорию и остатки суверенитета [Исхаков, 1998, с.198].

С завоеванием Русским государством татарских ханств – наследников Золотой Орды – геополитическая ситуация на территории постзолотоордынского Дешт-и Кипчака, да и в целом в Восточной Европе, кардинально меняется (подробнее о геополитической ситуации в Дешт-и Кипчаке в XIII–XVI вв. см.: [Рахимзянов, 2005]). В руках русских властей оказались бывшие ханские поместья, включая «царево место» – руины Сарая. После завоевания Казани и Астрахани Иван IV стал титуловаться «царем Казанским» и «царем Астраханским» и использовать это обстоятельство для признания за собой титула царя при дипломатических переговорах. Московский правитель встал в один ряд с полновластными крымскими ханами – Гиреями.

В этой сложной международной ситуации хорошим козырем Москвы во внешней политике становится Касимовское ханство, существование которого используется в дипломатической игре с Крымом и особенно с Турцией. Касимовское ханство как бы

занимает вакуум всех покоренных Россией мусульманских государств. На все обвинения своих внешнеполитических оппонентов о притеснении мусульман, разрушении их устоев, обычаях, веры, Москва смело указывает на присутствие прямо в православной России мусульманского «государства», жители которого свободно придерживаются своей веры и установленных временем порядков. К тому же после взятия Казани и Астрахани перед Москвой возникли новые проблемы – проблемы завоевания Урала, Сибири, далее – взаимоотношений с казахскими ханствами. Доказательство тому – «царствования» в Касимове в дальнейшем султанов и ханов из Сибири и казахских степей.

Шах-Али был касимовским ханом до конца своих дней. С осени 1553 до конца 1557 г. он безвыездно жил в Касимове [Худяков, 1991, с.170; Шишкин, 1891, с.22]. Касимовские татары использовались при усмирении восстаний в бывшем Казанском ханстве (1553, 1554) [Разрядная книга, 1966, с.148]. В конце 1557 г. Шах-Али был назначен главным начальником московского войска, шедшего против Ливонского ордена [ПСРЛ, 4, 1848, с.309]; в его составе находились и касимовские татары [Разрядная книга, 1966, с.176]. Он зарекомендовал себя очень активным участником Ливонской войны [Там же, с.196–197, 208–209]. Летом 1558 г. хан был вызван в Москву, и здесь ему был оказан почетный прием, как герою победоносной войны, а затем он возвратился в Касимов.

Шах-Али скончался 20 апреля 1567 г. «Царственная книга» констатирует: «Того же месяца апреля в 22 день не стало в животе на государеве жалование на Касимове городке Шигалея царя Шихавляевровича, а на Казанском юрте сидел государевым жалованием трижды» [ПСРЛ, 13-2, 1906, с.401]. Он был похоронен в своей резиденции, Касимове; в начале XX в. был еще цел его надгробный памятник. За время правления Шах-Али Касимовым было построено здание, которое служило усыпальницей касимовским владельцам; касимовскими татарами оно называется также «текие Шах-Али» [Шишкин, 1891, с.25].

Со смертью Шах-Али перед московским правительством вновь встал вопрос, кого

же поставить касимовским владельцем (Шах-Али умер в 61 год бездетным). Выбор пал на родственника Шах-Али султана Саин-Булата. К сожалению, не ясен точный год назначения Саин-Булата касимовским владельцем. По всей видимости, это произошло либо сразу после смерти Шах-Али (т.е. в 1567 г.), либо чуть позже (но до 1570 г.).

Иван IV сделал для юного, нигде не бывшего на престоле Саин-Булата, исключение и личной властью сделал его царем (ханом); после него начался ряд царей, или ханов, собственно касимовских. Смена обозначения правителя Касимова с 1570-х гг. (ранее – «султан» («царевич»)), теперь – «хан» («царь»)) показывает не расширение прав этих «царей» в Касимовском ханстве, а наоборот, усиление влияния Москвы в Касимове. После завоевания поволжских ханств Иван IV, «как царь Московии и хан Казани и Астрахани, теперь мог легитимно осуществлять свое право на назначение зависимого хана в пределах своего государства» [Kennedy, 1994, p.150].

В 1570 г. Саин-Булат уже являлся касимовским ханом. После того как пало Казанское ханство, Москва стала использовать существование мусульманского государства на территории православного (Московского) как показатель веротерпимости московского царя, при каждом удобном случае сообщая об этом иностранцам. Русский посол И.П.Новосильцев, посланный в Османскую империю в 1577 г., заявлял в своей речи к турецкому паше: «...весе у государя нашего в его государстве Саинбулат-царь, Кайбула-царевич, Ибак-царевич и многие мирзы нагайские, и за Саин-булатом-царем город Касимов и к нему многие городы, а за Кайбулою-царевичем город Юрьев, а за Ибаком-царевичем место великое Суражек, а за нагайскими мирзами город Романов, и в тех городех мусульманские веры люди по своему обычаю и мизгити и кишени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольбищ их не рушит — всякой иноземец в своей вере живет» [Путешествия, 1954, с.77]. Учитывая, что основой средневековой ментальности была религия, этот факт имел немалое значение для успехов московской дипломатии.

Мавзолей Шах-Али в г. Касимов

В конце 1571 г. российское правительство готовится к войне со Швецией. Иван Грозный едет в Новгород; сюда же 5 января 1572 г. прибыл и касимовский «царь» Саин-Булат, который со своим двором находился в сторожевом полку [ПСРЛ, 3, 1841, с.168]. В конце 1572 г. Иван IV лично двинулся с войском к Новгороду, а оттуда – на территорию современной Эстонии. Касимовский царь все это время находился вместе с Грозным в большом полку. После отъезда московского царя Саин-Булат остался с герцогом Магнусом продолжать военные действия; каждому из них был «поручен» свой отряд; главным был отряд касимовского «царя» [Вельяминов-Зернов, 1864, с.15]. Как мы видим, российское правительство так же активно, как и в первый период существования Касимовского ханства, использует касимовских правителей в военных действиях.

Летом 1573 г. Саин-Булат принял христианство и был наречен Симеоном. После этого Саин-Булат был лишен города Касимова и Касимовского «царства», т.к. оно и до него, и после него давалось в правление исключительно мусульманам. Жизнь Саин-Булата после принятия христианства заслуживает отдельного внимания: в этом периоде его жизни много спорных моментов. Он был орудием политики Ивана Грозного, владел титулами Великого князя всея Руси, Великого князя Тверского, его имя звучало в политической борьбе за власть в годы Смутного времени. Умер он простым монахом под именем инок Стефана в 1616 г. [Сорина, 1978, с.47]. Итак, Саин-Булат царствовал в Касимове до лета 1573 г.

У Саин-Булата был брат (либо двоюродный, либо троюродный) Мустафа-Али, сын султана Абдуллы. Он и становится следующим касимовским владельцем. Когда произошла смена царствования, точно сказать трудно. Это произошло либо сразу же в 1573 г., либо, как предполагает Вельяминов-Зернов, в 1577 г. [Вельяминов-Зернов, 1864, с.27], либо в 1584 г. – в этом году московский посланник в Константинополе Борис Благов должен был объявить султану Амурату, что в Касимове «мечети владеет там магометанин Мустафалей» [Соловьев, 1989а, с.262]. Он владел Касимовом примерно до 1590 г. [Беляков, 2011, с.274]. В середине 1570-х гг. представителей в ранге окольных в Касимове сменили осадные головы, что говорит о падении значения города.

После смерти Мустафа-Али московское правительство назначает касимовским «царем» Ураз-Мухаммеда, сына киргизкайсацкого (казахского) султана Ондана и племянника киргизкайсацкого хана Тевкаля. Ураз-Мухаммед прибыл в Россию при Федоре Ивановиче и поступил к нему на службу в 1588 г. [Вельяминов-Зернов, 1864, с.97–102]. Борис Годунов пожаловал Ураз-Мухаммеду Касимов 20 марта 1600 г. [ПСРЛ, 14, 1910, с.28]. Вновь назначенному касимовскому «царю» было всего 28 лет [Вельяминов-Зернов, 1864, с.451]. Он «прцарствовал» до декабря 1610 г.

Смута и Касимовское «царство». Летом 1606 г. служилый холоп Иван Болотников объявил себя воеводой «царя Дмитрия Ивановича», возглавил народное движение и двинулся к Москве. Касимовский правитель Ураз-Мухаммед и служилые татары Касимова установили связи с одним из центров восстания и на определенном этапе примкнули к нему. В ноябре 1606 г. к Ураз-Мухаммеду была прислана грамота «царя Дмитрия Ивановича», в которой ему приказано «свестись за один с кадомскими, и с арземаскими дворяны те города воевать, которые государю царю и великому князю Дмитрию Ивановичу всеа Русии крест не целовали» [Восстание, 1959, с.207–208]. В Касимове был назначен сборный пункт «ратных людей» (руководил им Ураз-Мухаммед), откуда они, очевидно, должны были быть отправлены на соединение с главными силами восставших, стоявшими под Москвой.

После появления второго самозванца, Лжедмитрия II, касимовский «царь» встал на его сторону вместе с жителями города Касимова [Палицын, 1955, с.120–121]. При этом касимовский царь сразу стал играть роль центра, вокруг которого собирались мусульмане, недовольные В.Шуйским или его политикой [Беляков, 2011, с.224]. Летом 1608 г. Лжедмитрий II стал укрепленным лагерем около Москвы, в пригородном селе Тушине. Вскоре туда же двинулся и Ураз-Мухаммед [Жолкевский, 1871, с.111]. Однако не все касимовцы были единомышленны в поддержке самозванца [Хилков, 1879, с.29–31].

Что же послужило той причиной, которая сподвигла Ураз-Мухаммеда перейти со стороны московского правительства, даровавшего ему сам титул «касимовского царя», в лагерь самозванца? Материал для размышлений по этому поводу дают письма касимовского правителя воеводе Лжедмитрия II Яну Сапеге. Как многочисленная родня касимовского царя, так и он сам за время Смуты существенно поправили свое материальное положение за счет щедрых земельных «дач» от Лжедмитрия II [Там же, с.47–48; Акты, 1841а, с.195–196]. Не исключено, что это направляло политическую ориентацию Ураз-Мухаммеда. Вероятно, Чингизид не был свободен в своих действиях. Возможно, что он считался с настроениями касимовских татар и татар всей Мещеры, а может быть, и других регионов [Беляков, 2011, с.225]. При этом позиция Чингизиды не была неизменной. На определенном этапе ему пришлось замирился с В.Шуйским. Для сравнения можно отметить, что сибирские Шибаниды (потомки и родственники хана Кучума) в отличие от Ураз-Мухаммеда все время находились на стороне В.Шуйского, а затем ополчений. Возможно, такое «предусмотрительное» поведение Шибанидов связано с недавним выездом большинства из них и достаточно юным возрастом многих. Скорее всего, они подчас просто плыли по течению, отдав свою жизнь и судьбу на волю случая [Беляков, 2011, с.232].

По всей видимости, население Касимовского ханства, так же как и их правитель, поддержало «тушинского вора» [Устрялов, 1859, с.82; Акты, 1836а, с.217]. Впрочем, о

всеобщей поддержке населением Касимова Лжедмитрия II говорить не приходится – самозванец отпустил в Касимов против своих противников казачьего атамана Ивана Федорова с 100 казаками [Хилков, 1879, с.59–60]. За поддержку Лжедмитрия Касимов неоднократно осаждался войсками, поддерживавшими Василия Шуйского. Причем, по всей видимости, как и многие другие российские города в это время, город в 1609–1610 гг. периодически переходил из рук сторонников Шуйского в руки приверженцев «тушинского вора», и наоборот [Акты 1841а, с.210, 263; Акты, 1836а, с.250].

27 декабря 1609 г. Лжедмитрий II, опасаясь измены, бежал из Тушино в Калугу. Узнав о бегстве самозванца, в Тушино заволновались: кое-кто перешел на сторону польского короля Сигизмунда, который в это время осаждал Смоленск. Среди этих людей был и Ураз-Мухаммед. Чингизид с верхушкой тушинцев присягнул королевичу Владиславу [Беляков, 2011, с.228]. 25 января 1610 г. касимовский царь уже присутствует на совещании поляков. 8 и 18 апреля Ураз-Мухаммед принимает участие в военных действиях на стороне короля. Однако вскоре, по данным Жолкевского, Ураз-Мухаммед, «соскучившись по жене и по сыне», вновь перешел на сторону Лжедмитрия и отправился в Калугу.

Касимовские татары же уже в конце января – начале февраля 1610 г. неожиданно для своего предводителя Ураз-Мухаммеда ушли в Калугу к Лжедмитрию II. Это проявило усложнение отношений между царем и его отрядом: у них оказались различные интересы. Причины постоянных «перебегов» Ураз-Мухаммеда, по-видимому, имели следующую природу: желание сохранить свое положение любой ценой, с одной стороны, и невозможность забыть свое прежнее высокое положение потомка Чингис-хана [Там же, с.229]. Именно в этом следует видеть одну из причин отъезда касимовского царя от Сигизмунда III. В Речи Посполитой, в отличие от Московской Руси, давно прошли времена, когда в Чингизидах были заинтересованы, и ради этого готовы были обеспечить их высоким социальным и материальным статусом.

Дата смерти Ураз-Мухаммеда точно не ясна. Некоторые источники датируют это событие 1 декабря 1610 г. [Акты, 1841а, с.364–365]; надгробный памятник Ураз-Мухаммеда, сохранившийся в Касимове на древнем Старопосадском кладбище, содержит дату 22 ноября 1610 г.

Касимовские татары и их царь Ураз-Мухаммед принимали активное участие в смуте, переходя от одного лагеря к другому; их позиция не отличалась стабильностью. Сам город Касимов в результате событий Смутного времени сильно пострадал. Возможно, он полностью выгорел. Значительная часть посадского населения бежала или была убита [Беляков, 2011, с.228]. Возможно, какие-то разгадки нюансов смуты в Касимове (или, напротив, новые загадки?) может дать тот факт, что после данных событий воеводой в Касимове становится мусульманин Исинея Карамышев (упоминается как воевода в 1613 г.). Не исключено, что Карамышев некоторое время руководил всей территорией Мещеры. Может быть, данный факт надо рассматривать как своеобразный знак примирения с местным татарским населением со стороны Москвы?

Политический закат. После смерти Ураз-Мухаммеда в Касимовском «царстве» наступило время междуцарствия, которое продолжалось с 1611 по 1614 г. Вероятно, московскому правительству было попросту не до того, чтобы назначать «царя» в Касимове. У него в это время были совсем другие проблемы.

Ураз-Мухаммед был единственным представителем «казахской» династии, сидевшим на касимовском престоле. Следующая, сибирская династия, стала последней в истории Касимовского политического образования. Первым ее представителем был Арслан, сын сибирского хана Али, внук хана Кучума. Касимовским владельцем Арслан стал 6 июля 1614 г. Правил до 2 апреля 1626 г. [Там же, с.274].

Относительно внутреннего устройства и управления города Касимова при «царе» Арслане имеется важный документ, который помогает выяснить историю быта и положение города в начале XVII столетия. Это указ от 16 октября 1621 г. о порядке судопроизводства и взимание пошлин в Касимове [Со-

брание, 1822, с.234–235; см. также: Беляков, 2011, с.276–277]. Отличие судопроизводства в Касимове от общероссийского было обусловлено тем, что начиная с 30-х гг. XVI в. власть в Касимове принадлежала как касимовскому «царю», так и назначаемому туда Московской воеводе. Из документа становится совершенно ясно, что власть «царя» (хана) в Касимове при Арслане была далеко не полной, и распространялась, и то с большими ограничениями, на одних касимовских татар и посадских людей. При Арслане право разбирать вместе с воеводой все взаимные иски князей, мурз и татар Царева двора и Сеитова полка, сначала принадлежавшее приказным людям Ураз-Мухаммеда, а затем по жалованной грамоте предоставленное в том же виде Арслану, было отнято указом 1621 г. Отныне воевода единолично разбирал все эти иски, без присутствия касимовского правителя.

Этот факт имеет большое значение. Исходя из него, становится ясна система, которой московское правительство придерживалось по отношению к касимовским владельцам: Москва старалась все больше сузить круг их компетенции. Главным учреждением, проводившим эту систему в жизнь, в начале XVII в. был, судя по указу 1621 г., Посольский приказ в Москве, как высшая инстанция; а также это воевода в самом Касимове. Воевода, судя по указу, должен был наблюдать за правильностью действий касимовских «царей», сообщать обо всех важных событиях в Москву.

Из документов XVII в. становится ясно, что посадские люди города Касимова при «царе» Арслане чувствовали себя достаточно вольно, и боялись прежде всего не касимовского правителя, а воеводу.

Московское правительство тщательно следило за тем, чтобы ни касимовский владелец, ни касимовские татары не имели никаких контактов с иноземными мусульманами без его санкций. В качестве доказательства этого можно привести дело 12 ноября 1621 г. [Шишкин, 1891, с.61–63], когда по информации касимовского воеводы в Москву был привезен касимовский татарин Байбек Танчурин для выяснения, не имел ли касимовский «царь» переписки с ногайскими мурзами и с какой целью он (т.е. Байбек Танчурин) ездил в Астрахань?

Арслан был женат на Фатиме, дочери сеида Ак-Мухаммеда, внуке сеида Буляка. Она значительно пережила своего мужа. Хан Арслан скончался в 1626 г. [Беляков, 2011, с.274]. После смерти Арслана б. Али можно говорить об окончательной ликвидации «царства», хотя фактически, как татарского «юрта», его не было уже давно. С этого момента татарские цари и царевичи в своем подавляющем большинстве стали кормовыми и поместными; при этом первые явно находились в большинстве [Там же, с.396]. Сын Арслана Сеит-Бурхан остался только царевичем касимовским, но не был провозглашен «царем». Невладельческих же «царевичей» в Московской Руси того времени было немало, достаточно вспомнить хотя бы сибирских Шибанидов.

Одновременно с решением о формальной «ликвидации» титула царя касимовского произошло и сокращение доходов малолетнего царевича по решению московских властей [Там же, с.277]. По мнению А.В.Белякова, с этого момента можно говорить о ликвидации Касимовского «царства». Однако крупные поместья в Касимовском и Елатомском уездах были оставлены за Сеит-Бурханом. В 1636 г. частично восстановили доходы Сеит-Бурхана (с посада, таможен и кабаков; в 1654 г. все кабаки отписаны на русского царя). При этом судебные татарские пошлины Сеид-Бурхану возвращены не были. Статус касимовского царевича сравнился с иными служилыми Чингизидами, и он потерял положение безусловного старшинства среди иных служилых царей и царевичей.

Как и при «царе» Арслане, московское правительство тщательно наблюдало, чтобы ни царевич, ни его подданные не могли видеться и переговариваться с мусульманами-иноземцами. Считалось, что они даже способны выкрасть царевича.

Вскоре Сеид-Бурган б. Арслан «принял православную веру, крестился и назван во святом крещении Василием, во время первого своего пребывания в Москве в последней половине 1653 года» [Вельяминов-Зернов, 1866, с.207]. Можно предположить, что данное действие было полностью инициировано Москвой. Для подтверждения этой точки зрения можно привести цитату из мусульманского источника. Это грамота

крымского визиря Сефер-газы-аги, написанная при хане Мухаммед-Гирее ко двору Алексея Михайловича. Впервые она была издана в сборнике Вельяминова-Зернова «Материалы для истории Крымского ханства» [СПб., 1864]. Датирована грамота 1660–1661 гг.: «Если хотите знать, почему войска ваши понесли поражение, то вот почему. Уже сто лет как Казань и Астрахань, со времен отцов и дедов ваших, находятся у вас в руках; до сих пор тамошние мусульмане не терпели никаких притеснений; нынешний же царь Ваш вообразил себя умнее прежних царей, отцов и дедов своих, и вы разорили мечети и медресы, передали огню слово Господа Всевышнего. Поэтому войска ваши и понесли поражение. За тем, каждый год мы давали на окуп от шестидесяти до семидесяти пленных ваших; вы же если попадет к вам в руки пленный, не отдаете его на окуп, а насильно делаете его христианином; через это христиан под властью много, но мы их насильно христианами не делаем; силою и против воли крестить или обращать в мусульманство не годится. Поэтому ваши пленные и были перебиты. Вообще у нас все жалеют, что вы задерживаете пленных и обращаете их в христианство; в укор вам у нас ставят и то, что вы насильно окрестили султана Хан-Кирманского (Хан-Кирман – татарское название г. Касимова. – *Б.Р.*)» (цит. по: [Вельяминов-Зернов, 1866, с.218]).

После принятия православия Сеид-Бурган становится Василием Арслановичем. Московское правительство тем не менее оставило его касимовским царевичем. Это весьма важная мера для понимания процессов, происходивших в «царстве» в XVII в. До этого все цари и царевичи (ханы и султаны), владевшие Касимовским ханством, были мусульманами. Принявший в 1573 г. христианство Саин-Булат тут же был лишен Касимова. Процессы эти закономерны. Практической необходимости в существовании мусульманского островка в самом центре православной России давно уже не было, «царство» выглядело анахронизмом. Российское правительство хорошо это понимало и уже с первой трети XVII столетия старалось урезать права касимовских владельцев. В 1627 г. Сеид-Бурган пользовался еще меньшими преимуществами и доходам, чем его отец Арслан б. Али. При нем мо-

сковское правительство проводит политику активного заселения территории Касимовского ханства русскими (до этого периода они также присутствовали в ханстве, но в XVII в. их становится значительно больше). Начинают активнее строиться христианские церкви, в самом Касимове основывается Казанский девичий монастырь [Шишкин, 1891, с.104].

В «правление» Василия Арслановича главной заботой Москвы в отношении населения Касимовского «царства» было обращение мусульман в христианство [Вельяминов-Зернов, 1866, с.425]. Крещение «иноверцев» – явление весьма важное в истории Касимова. Это был шаг к окончательному «растворению» Касимовского «царства» в России, который российское правительство могло предпринять только при крещеном «владельце» Касимова. Тем татарам, которые принимали христианство, выдавалось вознаграждение в виде денег и кормов.

Василий Арсланович скончался в Москве в 1679 г. После его смерти поместья царевича и доходы с Касимова достались его сыновьям Семену и Ивану. В 1681 г. за ними остались только поместья, что стало концом существования Касимовского «царства».

В период правления Василия Арслановича явно ощущается резкое падение значимости звания касимовского «владельца». Василий проводил целые годы в Москве, приезжая в Касимов лишь на короткое время. Василий и его сыновья, нося титул царевичей, довольно часто в официальных документах именовались не «царевичами», а просто «князьями»; раньше такое пренебрежение к титулам касимовских владельцев было невозможно. Московское правительство, постепенно лишая Василия значения и власти, в то же время одаривало его земельными владениями. Кроме наследственных сел Ерахтура, Мышц, Белякова и Ермолова с деревнями и пустошами, которыми Василий Арсланович владел в Касимовском и Елатомском уездах, у него были и другие поместья. В 1677–1678 гг. за Василием Арслановичем в Керенском уезде числилось 25 дворов, в Касимовском уезде 3 двора [Дополнения, 1862а, с.130].

После смерти вдовы «царя» Арслана б. Али Фатимы-салтан в 1681 г. [Вельяминов-

Зернов, 1866, с.491] о Касимовском «царстве» более нигде не упоминается.

Итак, в XVII столетии Российское государство заметно усилило свои позиции во внешней политике. Функция Касимовского «царства» как козыря в дипломатической борьбе с Османской империей становится в связи с усилением Москвы не столь важной. Само существование «царства» становится анахронизмом, и вопрос его окончательно упразднения становится лишь вопросом времени. Компетенция касимовского «царя» постепенно сужается, основной властной фигурой в Касимове становится назначаемый туда Москвой воевода. Он полностью контролирует деятельность касимовского владельца, которому были запрещены любые контакты с иноземцами-мусульманами. В середине века касимовский царевич был крещен, сохранив за собой звание владетельного «правителя» Касимова. Все это входило в планомерную политику Москвы по окончательному устранению последних признаков самостоятельности Касимовского «царства» (подробнее о втором этапе развития Касимовского ханства см.: [Вельяминов-Зернов, 1863–1866; Шишкин, 1891; Рахимзянов, 2000; Беляков, 2011]).

Главной отличительной особенностью касимовской «государственности» в XVII в. является то, что в документах регулярно говорится о касимовских царях и царевичах, но ни разу о царстве (ханстве). В это время оно уже было неким эфемерным образованием, параллельным общегосударственному административно-территориальному делению. Территория «царства» ограничивалась исключительно владениями царя или царевича. И даже здесь он был вынужден постоянно оглядываться на местного воеводу, которому предписывалось следить во всем за Чингизидом. Данные выводы полностью соответствуют реалиям XVII в., однако их вряд ли можно экстраполировать на XV–XVI вв. [Беляков, 2011, с.278].

Касимовское ханство, безусловно, являлось одним из продуктов распада Золотой

Орды. Образовавшись как ордынский улус на территории формирующейся Московской Руси, оно достаточно быстро превратилось в вассальное московскому великому князю образование. Его владельцы фактически являлись вассалами московского великого князя и царя и самостоятельной политической роли практически не играли.

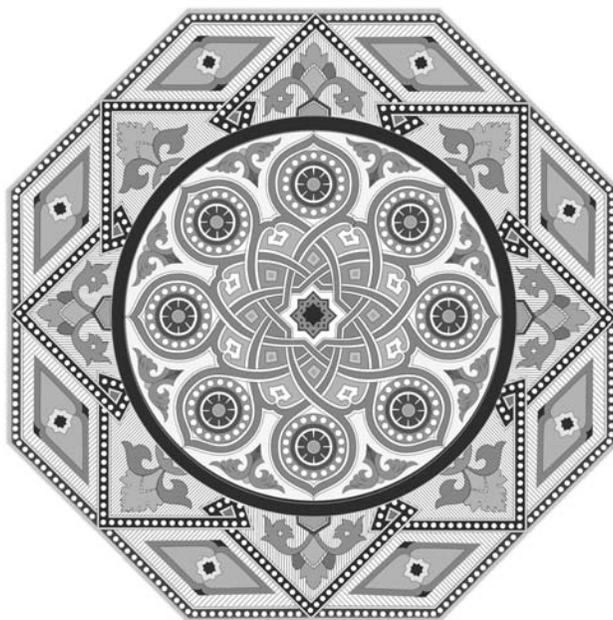
Однако не стоит преувеличивать степень зависимости этого ханства от Русского государства. В XV – начале XVI в. для государств-наследников Золотой Орды – русских княжеств, а также для сложившейся на их основе Московской Руси была характерна сложная система взаимосвязей, в которой доминирующей чертой их отношений была взаимозависимость. Именно поэтому Касимовское ханство, будучи частью «вотчины» московского великого князя, даже в 1517 г. могло одновременно восприниматься крымским ханом Мухаммед-Гиреем как свой «юрт». Да и тюркское население Мещеры, в лице прежде всего представителей крупных мусульманских феодальных кланов со своими людьми, до ликвидации ближайших татарских ханств и упрочения границ Русского государства, обладало правом свободного отъезда.

Некоторые данные говорят нам о равнозначности статусов Касимовского и Казанского ханств. При этом никем не ставится под сомнение важная роль Казани в системе позднезолотоордынских государств. Не следует забывать и того факта, что в рамках тех правовых норм, которые доминировали на пространствах Восточно-Европейской равнины в XV – первой половине XVI в., московский государь формально имел более низкий статус, нежели касимовский правитель, т.к. не являлся, в отличие от последнего, Чингизидом.

В целом Мещерский юрт можно признать одним из государственных образований волго-уральских татар, в рамках которого сформировались такие существующие до сих пор этнические общности, как касимовские татары и мишаре.

Раздел III

Татарский мир в XV–XVIII вв.

ГЛАВА 1

Населенные пункты

§ 1. Поселения Казанского ханства

Айрат Ситдиков

Поселенческая структура Казанского ханства исторически преемственна и во многом схожа с размещением болгарского и золотоордынского времени. Ее устойчивость объясняется государственной структурой управления на основе сложившихся торгово-экономических связей.

В Среднем Поволжье исследования этих поселений пока малочисленны и носят разрозненный характер [Фахрутдинов, 2004; Кокорина, 2006; Очертин, 1994; Грибов, 2007; Валиулина, 2009; Ситдиков, Ахметгалин, 2009]. Исследования последних лет в округе Касимова, Курмыша, Наровчата, Мурзиц, Билярска и др. [Очертин, 1994; Грибов, 2007; Валиулина, 2009; Ситдиков, Ахметгалин, 2009], а также данные предшествующих лет изучения дают представить достаточно развитую структуру поселений периода Казанского ханства. В целом характерно уменьшение их численности относительно болгарского и золотоордынского времени.

Об этом свидетельствуют материалы археологических исследований Воронежской, Тульской, Липецкой областей и др. [Цыбин, 2004, с.317–319]. В период расцвета золотоордынских городов в Поволжье отмечается увеличение жителей лесостепной и лесной зон [Грибов, 2008; Тропин, 2006; Недашковский, 2010]. В пограничные лесостепные и степные районы переселяются волжские и пермские финны, что находит отражение в материалах золотоордынских городов (Болгар, Наровчат, Курмыш, Джукетау, Биляр-Торецкое, Самара, Увек и др.). Торговые связи и проникновение традиций приобретают устойчивый характер. Одним из показателей этого процесса становится мусульманизация и христианизация финского населения региона.

Находившиеся на подъеме крупные золотоордынские города в Среднем Поволжье

и Посурье в первой половине XVI в. переживают упадок, а некоторые прекращают свое существование как городские поселения (Наровчат, Болгар, Биляр, Джукетау, Курмыш, Мурзицы, Иске-Казань и др.) [Очертин, 1994; Грибов, 2007; Валиулина, 2009; Ситдиков, 2009; Федулов, 2009; Фахрутдинов, 1975, Никитина, 2009]. Во второй половине XIV – начале XV в. после эпохи «большой замятни» идет отток населения на север в лесную зону. Происходит затухание поселенческой жизни в степной и лесостепной зоне. Вероятно, оседлое население региона, в том числе и тюркское, покидало ранее освоенные территории степной зоны в поисках более безопасных мест. Об этом свидетельствуют и русские летописания, описывающие не только запустение в степи и лесостепи и приход на службу русским князьям служилых татар и заселение ими нетрадиционной для них лесной зоны. Обстоятельства, вероятно, усугублялись ухудшением положения населения региона с изменениями природно-климатических условий и в связи с эпидемиями в южных урбанизированных районах.

К этому времени относится возникновение предпосылок к появлению в лесной полосе самостоятельных тюрко-татарских государств в пограничной зоне с русскими княжествами. Новые государства, представленные Казанским и Касимовским ханствами, занимают важное место в лесостепной зоне региона.

В результате проникновения еще с болгарского времени в регион значительного тюркского населения здесь возникают самостоятельные удельные татарские княжества – бейляки, вероятно, политически и кланово интегрированные в структуру Касимовского и Казанского ханств. В значительной степени именно с этим населением в после-

дующем связано образование татарских поселений в Мещерском крае, Примокшанье и Посурье. Территория размещения этих образований формирует непрерывную полосу граничащих друг с другом княжеств, расположенных в лесостепной и лесной полосе между Касимовским и Казанским ханствами. Административными центрами становятся Темников, Кадом, Кузнецк и др.

Благодаря исследованиям последнего десятилетия в Волго-Камье удалось получить новые материалы из культурных напластований поселений Казанского ханства: Казань, Арск, Алабуга, Лаишево, Тетюши, Свияжск и др. Установлен преемственный характер развития этих поселений с домонгольского времени. Данные наблюдения позволяют говорить о формировании городской культуры ханского времени на основе болгарских и золотоордынских традиций и о значительном влиянии на его сложение элементов материальной культуры поволжско-финского и русского населения.

В конце золотоордынского периода Казань из окраинного города превратилась в один из заметных экономических и политических центров Среднего Поволжья. Она начинает играть все большую роль в политической и экономической жизни Болгарского улуса Золотой Орды.

В середине XV в. Казань становится административно-политическим центром Казанского ханства. Казань представляла собой крупный торгово-ремесленный город с международной ярмаркой на Гостином острове и значительной ролью в международной транзитной торговле. На ее территории располагались торговые районы (на площади в районе Южных/Ханских ворот крепости, на ул. Ташаяк) и слободы (Армянская, Кураишева, Биш-Балта и др.), а также концентрировалось разнообразное ремесленное производство. Усилившись экономически и политически, Казань к середине XV в. превратилась в самостоятельный региональный центр. Эти объективные причины во многом и определили выбор первых казанских ханов, сделавших ее своей столицей, а укрепленную крепость на холме – местом своего постоянного пребывания.

Территориальное развитие города второй половины XV – первой половины XVI

столетия характеризуется расширением не только ханской крепости, но и торгово-ремесленного посада, а также дальнейшим развитием за пределами укрепленного города. Освоение территорий происходит по возвышенной части Кремлевского холма и прилегающих низин. Осваиваются районы за Черноозерской протокой и р. Булак. Укрепленная часть города охватывает почти всю верхнюю площадку Кремлевского холма до современной ул. Лобачевского.

Как и прежде, важной составной частью фортификационной системы города был Кремль, площадь его увеличилась почти в два раза и достигла 10 га. Южной линией его укрепления был ров, выявленный в районе церкви Киприана и Устины. Планировка этой части города относительно позднего золотоордынского застройки существенно не изменилась. Продолжали функционировать ранее возникшие улицы. Во вновь застраиваемых и ранее освоенных территориях выравниваются естественные углубления оврагов. Засыпается ров домонгольской крепости в центре Кремля. Начинается интенсивное строительство каменных зданий в древней части города.

Сосредоточием всей власти государства становится Ханский двор. В этом районе в Писцовой книге 1565–1568 гг. упоминаются каменные мечети. Сведения этого документа совпадают с археологическими материалами, полученными в последние годы раскопками на этой территории. Остатки двух крупных каменных зданий были обнаружены на территории ханской резиденции. Одно из них предположительно является Ханской мечетью. Другой крупный объект сопоставим с Ханским дворцом, известным по Писцовой книге под именем «Большой палаты». В ходе археологических исследований на территории бывшего Архиерейского двора выявлены руины здания, идентифицируемого по историческим источникам мечетью Кул-Шариф.

К середине XVI в. были освоены новые территории и плотно застроены ранее заселенные. В границы укрепленного посада была включена территория до современной ул. Астрономической, ограниченная с востока Черноозерской протокой, а с запада – р. Булак.

Казань. Гравюра из книги А.Олеария
«Описание путешествия в Московию...». 1630–1640-е гг.

Кураишева слобода с каменной Отучевой мечетью в центре локализуется в пределах современных ул. Т.Гиззата и Татарстан, ограничивающих его с севера и юга, и ул. Ш.Камала и Левобулачной – с запада и востока. Местоположение мечети, к сожалению, пока не установлено. Возможно, она находилась в районе бывшей Варлаамской церкви, располагавшейся на месте нынешнего Центрального рынка. Биш-Балта, упоминаемая в источниках при штурме города, и сегодня увязывается с Адмиралтейской слободой, основанной на этом месте в начале XVIII столетия.

К середине XVI в. Казань относилась к числу крупных городов Восточной Европы. К середине XVI в. Казань занимала площадь около 70 га с населением около 10–12 тыс. чел. По средневековым меркам, она относилась к числу крупных городов Восточной Европы.

Немаловажное место в экономической жизни города занимало ремесленное производство. Следует заметить, что статус ранней Казани как военной крепости и торгового центра на Волге наложил отпечаток и на характер ремесленного производства. В городе жили металлурги, кузнецы, гончары, ювелиры, плотники, каменщики, кожевники, сапожники, представители других профессий.

Расположение Казани на одном из выгоднейших транзитных торговых путей на Волге, несомненно, предопределило прогресс развития. Из небольшой пограничной болгарской крепости преимущественно с военно-торговыми функциями она в период Золотой Орды превратилась в крупный региональный центр, а в середине XV в. – в столицу ханства.

В период ханства Казань, по словам одного из западноевропейских купцов и

путешественников И.Барбаро, – «это торговый город; отсюда вывозят громадное количество мехов, которые идут в Москву, в Польшу, в Персию и во Фландрию. Меха получают с севера и северо-востока, из областей Дзагатаев и из Мордовии». О значительности торговли свидетельствуют не только многочисленные изделия и монеты западноевропейских, китайских, русских, среднеазиатских и других мастеров на территории Казани. В культурных напластованиях встречаются кости верблюда, указывающие на их присутствие в городе.

В Казани функционировала международная ярмарка, ежегодно проводимая на Гостином острове в устье р. Казанки. Сюда приезжали купцы из многих мест и стран. Активно развивалась региональная торговля с Верхним Прикамьем и Южным Уралом, а также с Московским государством, Астраханским, Крымским, Бухарским и Сибирским ханствами, Ногайской Ордой, Персией, Османской Турцией и т.д. Основой экспорта Казанского ханства были меха, кожевенные изделия, скот, рыба, хлеб и пленники, а ввоза – предметы роскоши, дорогое оружие, ткани, пряности, скот и др. В Казанское ханство ввозились соль, лен (из Московской Руси), западноевропейские шерстяные ткани, шелковые и хлопчатобумажные ткани,

ювелирные изделия, книги, предметы быта (из Бухарского ханства, Персии), фрукты, вина, сталь (из стран Закавказья).

Часть населения Казани занималась земледелием, скотоводством и промыслами. Имеются находки, связанные с сельскохозяйственной и промысловой деятельностью населения. Зерновой хлеб и скот для забоя возили в большом количестве из близлежащих деревень и даже более отдаленных областей ханства, т.к. немалая часть поступающей продукции шла, помимо повседневных нужд города, на внешний рынок.

Установлено, что формирование городской культуры Казанского ханства происходит на основе традиций предшествующих культур Волжской Болгарии и Золотой Орды. Традиционные представления о населении Казани расширились новыми данными антропогенетических исследований по материалам средневековых некрополей города. Они подтверждают незначительные изменения антропологического облика населения Казани в рассматриваемый период Средневековья. Хорошо известное по историческим сведениям преобладание мусульманских традиций в городской культуре средневековой Казани прослеживается и в материальной культуре, выявленной археологически.

В целом материальная культура горожан соответствует уровню крупных городов Восточной Европы этого времени. Потребности экономически обеспеченного населения удовлетворялись качественным ремесленным производством и разнообразной сельскохозяйственной и промысловой продукцией. Ремесленные центры в городе и сельскохозяйственная округа создавали устойчивые экономические контакты для динамичного развития города. Проявлением этого является вовлеченность Казани в международные экономические связи. Город был хорошо известен в Европе и Азии как один из крупнейших международных торговых центров.

Особое место в средневековой истории Волго-Камского региона занимает г. Арск. Город, расположенный в зоне культурных контактов финно-угров и тюрок, сыграл важную роль в этногенезе народов Поволжья. Его изучение позволяет понять

сложные социально-экономические и политические процессы, протекавшие в эпоху Средневековья в регионе.

Арск находится в 60 км от Казани на правом берегу р. Казанки. В центре современного города расположено средневековое городище, с которым и связана история его возникновения. В научной литературе, посвященной проблемам средневековой истории Арска, большое внимание уделяется этнокультурной идентификации первоначального поселения, обоснованию времени и места его возникновения и происхождения названия. Основой исторических реконструкций служат фрагментарные и противоречивые письменные источники, активно привлекаются поздние фольклорные данные, результаты лингвистических исследований, а также материалы археологических раскопок.

Полемика вокруг ранней истории Арска началась еще в XIX в. Современные интерпретации происхождения поселения больше ориентированы на его этнокультурную идентификацию с местным тюркским, славянским, поволжским или прикамским населением. Наиболее распространенной является концепция, приписывающая основание Арска удмуртам. Основой построения служит наличие в написании названия города этнонима «ар» – трактуемого как указание удмуртского происхождения поселения, существовавшего в качестве центра самостоятельного удмуртского княжества с XII в. до периода Казанского ханства. Согласно другой гипотезе основание в XII в. Арска приписывается чувашским племенам, появившимся в бассейнах рек Казанки, Вятки, Чепцы в домонгольское время и в последствии ассимилированных татарами.

В концепциях, обосновывающих тюрко-татарское происхождение Арска, возникновение города увязывается с появлением в XII–XIII вв. болгарского населения. Появление крепости объяснялось процессом политического и экономического включения региона в структуру Волжской Болгарии. Последующее развитие города связывается с этногенезом тюрко-татар Волго-Вятского региона.

О существовании области аров известно по трудам восточных авторов домонголь-

ского времени, описывающих территории, находящихся севернее Волжской Болгарии. На страницах русских летописей Арская земля впервые упоминается под 1379 г. при описании похода вятчан, затем под 1489 г. при упоминании похода русских князей на Вятскую землю и подчинении ими местных арских вождей.

Впервые в летописях Арск упоминается как город при описании попытки захвата казанского престола сибирским ханом Мамуком в ноябре 1496 г. Последующее упоминание города в русских летописях относится к середине XVI в. – периоду активного участия арских князей в московско-казанском противостоянии. Арские князья, вероятно, были полиэтничны и включали в себя как тюркскую, так поволжско-финскую родовую элиту, возможно, частично мусульманизированную.

Важным элементом для реконструкции истории развития региона являются данные археологии. Средневековые болгарские памятники домонгольского времени сконцентрированы в бассейне рек Казанки и Мёши. В этом регионе локализуется более 150 поселений болгаро-татарского времени, при этом с домонгольским временем связано более 50 памятников, в их числе Русско-Урматское, Бужинское селища, Арское, Камаевское, Чалымское городище, Казань и др. Необходимо отметить, что на территории самого Арска и рядом с ним сосредоточена большая часть надгробных камней периода Казанского ханства. Этим еще раз отчетливо подчеркивается наличие обширного мусульманско-татарского населения в регионе, о чем свидетельствуют и письменные источники.

Болгарское заселение бассейна р. Казанки начинается не позднее XI в. Наиболее ранним болгарским поселением здесь является г. Казань. В последующее время освоение региона шло по долине р. Казанки – удобной для сельскохозяйственного освоения и привлекательной торговой артерии.

Обращает на себя внимание вещевой материал, происходящий из раскопок средневековых памятников в бассейне р. Казанки. Наиболее массовыми являются находки традиционной болгарской керамики конца XII – XIII вв. Аналогичные находки происходят и из раскопок Арского городища.

В культурных слоях дорусского времени на территории городища почти полностью отсутствуют материалы прикамских и поволжско-финских культур. Появление подобной керамики и гончарной русской керамики отмечено в слоях, датированных не ранее середины – второй половины XVI в. Подобная закономерность отмечается и на других памятниках долины р. Казанки.

Археологические материалы свидетельствуют о сложных этнокультурных процессах, протекавших в этом регионе в XI–XVI вв. Вероятно, сближение проживавших здесь народов обусловило интенсивность социально-экономических и политических отношений. Появление болгар, возможно, стало катализатором развития социальных отношений, активизировавшим выделение родовой знати и сложении крупных торгово-административных центров.

Арск в системе болгарских населенных пунктов на р. Казанке является крайним северо-восточным укрепленным поселением, каким он оставался до присоединения края к Московскому государству. В 3 км западнее города располагается значительное по своим размерам Бужинское селище, вероятно, формировавшее округу Арска.

При описании Казанского похода особое место занимает сюжет штурма Арска 6 сентября 1552 г. Город на страницах летописи предстает как «острог стары, Ареск зовом, зделан аки град тверд и з башнями, из боиницы, и живет людей много в нем, и берегут велми, и не бе взиман ни от коих же ратеи никакого же, стоить от Казани 60 верстах, в местех зело крепких и в непроходимых, дребех и в блатах, едином путем к нему прити и отоити».

Средневековая история Арска, возникшего в домонгольское время не позднее начала XIII в., характеризует процесс развития поселения, основанного болгарскими в тесном взаимодействии с народами Предкамья, объединившихся в рамках государственных традиций Волжской Болгарии, Казанского ханства и России. Историко-культурное наследие Арска и его округа – это наследие всех проживающих здесь народов, созданное усилиями многих поколений их предков и требующего кропотливого изучения и бережного сохранения.

Другим крупным городом, хорошо известным по письменным источникам, является Алабуга. Он возникает также в болгарское время до монгольского нашествия. О нем упоминается и в Казанском летописце как одном из центров. Существование поселения периода Казанского ханства подтверждается и археологическими материалами на Чертовом городище в районе мечети XII в. Возникают важные духовные центры как объекты паломничества, которые займут важное место в истории татарского народа. Наиболее значимыми и почитаемыми станут Болгар и Биляр. Их значение будет играть важную роль в формировании культурной общности татар.

§ 2. Населенные пункты Северного Прикаспия XV – начала XVII в.

Дмитрий Васильев

Экономическая и политическая ситуация, которая сложилась в степях Северного Прикаспия в XV–XVII вв., значительно изменилась по сравнению с золотоордынским периодом. Политическое влияние в регионе поделили Ногайская Орда и Астраханское ханство.

После походов Тимура и разрушения городов караванная торговля, которая являлась залогом стабильности экономики Улуса Джучи, ослабла. Значительная часть населения была пленена и уведена в Среднюю Азию, часть откочевала в Литву, Турцию или в Россию [Сафаргалиев, 1960, с.172]. Ибн-Арабшах писал после посещения им Золотой Орды: «Дела племен дештских стали ухудшаться да расстраиваться и, вследствие малочисленности убежищ и крепостей, подвергались разъединению и розни... По этим причинам живущие в довольстве обитатели Дешта дошли до оскудения и разорения, до разорения и безлюдства, до нищеты и совершенного извращения» [Тизенгаузен, 1884, с.470]. Именно в эту эпоху происходит смещение торговых маршрутов к югу от Каспийского моря [Сафаргалиев, 1960, с.173]. Иосафато Барбаро писал: «До разрушения Цитрахани (Астрахани) Тамерланом пряные корни и шёлк, отправляемый ныне через Сирию, доставлялись в Цитрахань, и потом уже на шести или семи вене-

Несмотря на значительные политические, экономические и социальные потрясения, многие поселения, возникшие в дозолотоордынский период, продолжили свое существование. Это свидетельствует об устойчивой политической и социально-экономической структуре в системе расселения, сложившейся еще в домонгольское время. Именно города являлись военно-административными и экономическими центрами государственной власти, а преемственность их размещения указывает на сохранение традиционных форм хозяйственной жизни и управления.

цианских галерах перевозились в Италию, ибо в то время ни венецианцы, ни другие приморские жители не производили ещё в Сирии никакой торговли» [Семенов, 1836, с.56]. Тем не менее продолжал действовать Волжский торговый путь.

Города Северного Прикаспия, особенно центральные города Золотой Орды, располагавшиеся на левом берегу Ахтубы, после 1396 г. находились в жалком состоянии. Город Сарай, хотя и был частично восстановлен, но потерял свое значение как важнейший экономический и политический центр. Так, например, в XV в. исчезают сведения о епархии в Сарае, которая, возможно, уже не возродилась после походов Тимура [Мальшев, 2000, с.214]. Число монет, чеканившихся в Сарае после 1396 г., гораздо меньше того, что чеканилось, например, в Хаджи-Тархане. Это значит, что восстановленный после разрушения Хаджи-Тархан играл несравненно большую роль, чем столица государства. Если раньше ханы боролись за Сарай, то теперь борьба переместилась к окраинам. Это объясняется тем, что Сарай и его окрестности подверглись большему разорению, чем окраины государства [Сафаргалиев, 1960, с.173].

Монетная чеканка XV в. дает нам возможность определить, какие города сохраняли свое значение. Монеты выпускались

в Сарае, в Хаджи-Тархане, а также в «Орду ал-Муаззам» и «Иль Уй Муаззам» [Пачкалов, 2008, с.59]. Главным образом чеканились серебряные монеты, медных выпущено меньше. Во второй половине XV в. медные монеты уже в Нижнем Поволжье не чеканятся, что само по себе говорит о регрессе в экономике и разрушении внутреннего рынка.

К 1438 г. относятся сведения ширазского купца Шамс ад-Дина Мухаммада, который посетил Сарай с торговым караваном из Хорезма и продал товары со средней прибылью 50%, приобретая многочисленные русские, европейские и китайские товары [Заходер, 1967, с.166–172]. Это является свидетельством существования города и торговли в нем в первой половине XV в.

К 1471 г. относится упоминание о взятии Сарая «вятчанами», захвате большого полоня и «товара» [Татищев, 2003, с.12]. Следующие сообщения о Сарае относятся к 1480 г. (захват города русским отрядом) [Пачкалов, 2008, с.62], к 1502 г. (в связи с походом хана Менгли-Гирея) [Le khanat, 1978, с.323] и к 1520 г., когда по просьбе крымского хана был организован поход на Ахтубу «низовых людей» великого князя московского. «Низовые люди» «... пришедши до Ахтубы, много воевав, Сарая не взяша и возвратилися с многим полоном» [Татищев, 2003, с.84]. По археологическим данным, в XVI в. город еще частично функционировал – на Селитренном городище обнаружены турецкие изразцы типа «дамаск», которые датируются XVI в.) [Воскресенский, 1967, с.89].

В настоящее время большое число исследователей склонны локализовать город Сарай XIV–XV вв. на Селитренном городище в Астраханской области. Это подтверждается как археологией, так и нумизматикой Селитренного, где имеются материалы XV в., тем не менее сама площадь города сильно сокращается, городище покрывается некролями [Пачкалов, 2008, с.62]. Г.А.Федоров-Давыдов полагал, что в начале XV в. населенным оставался только участок в районе Кучугур [Федоров-Давыдов, 1994, с.26].

Экономическая и политическая деградация Сарая приходится на вторую половину XV в., что связано с возвышением Хаджи-Тархана. Как свидетельствует русская лето-

пись, «...и почали те цари ординские жить в Асторахани, а Большая орда опустела, а место ея области близ города Асторахани, два днища по Волге вверх, имянуется Сарай Большие» [Татищев, 2003, с.175].

Возможно, что жизнь из Сарая перемещается на городище Каменный Бугор (на 5 км к юго-востоку от Селитренного). Здесь обнаружено большое количество монет XV в. [Лебедев, Клоков, 2001, с.22–52]. По мнению В.П.Лебедева и В.П.Клокова, здесь локализуется пункт чеканки монет Иль Уй Муаззам («Дом страны высочайшей») – монетный двор Джучидов XV в. [Там же, с.43–44]. Чекан монетного двора Иль Уй Муаззам был выделен А.Г.Мухамадиевым, который соотносил его со ставкой хана Давлет-Бирди [Мухамадиев, 1966; Мухамадиев, 1983, с.132]. Однако существует также точка зрения, что «Иль Уй Муаззам» – это ошибочное прочтение названия двора «Орду Муаззам» [Петров, 2005, с.6]. В настоящее время А.Г.Мухамадиев и ряд астраханских археологов полагают, что Орда ал-Муаззам – это город, который располагался возле пос. Комсомольский в Астраханской области (Комсомольское или Аксарайское городище) [Мухамадиев, 1995, с.167; Гречкина, Шнайдштейн, 2001, с.1; Павленко, 2001, с.75; Пигарев, 1998, с.45–46]. Городище и его монетное обращение изучены недостаточно. Монеты в Орде ал-Муаззам чеканились как в конце XIV, так и в начале XV в.

Нельзя исключать и существование в XV в. такого города, как Ак-Сарай. Известно, например, что он упоминается в списке францисканских монастырей, находившихся на территории Золотой Орды (Аквилонский викариат), среди местностей кустодии – епископства Сарая, где в 1400 г. находились члены ордена [Пачкалов, 2007, с.139].

Что же касается города Хаджи-Тархана постзолотоордынского периода, то здесь наблюдается период восстановления и некоторого подъема. На протяжении большей части XV в. тут чеканятся медные и серебряные монеты. Известны также немногочисленные серебряные монеты, выпущенные в Хаджи-Тархане ал-Джедид [Пачкалов, 2008, с.64]. Что это за пункт чеканки, как он соотносится с Хаджи-Тарханом, – до сих пор не вполне ясно. Вероятно, именно здесь

кроется причина спора о местоположении и количестве «татарских Астраханей» в XV – первой половине XVI в. Основной точкой зрения считается расположение города на городище Шареный Бугор вплоть до 1556 г., т.е. до переноса его на левый берег русскими [Малиновский, 1892, с.8; Васильев, 2012, с.230].

Среди астраханских краеведов бытует мнение, что Ас-Тархан и Хаджи-Тархан – наименования двух разных городов, т.е. старого и нового города (скорее всего, Ас-Тархан и Хаджи-Тархан – это разные огласовки названия одного и того же города) [Там же, с.232]. Якобы Ас-Тархан располагался на правом берегу, на Шареном бугре, а второй город – Хаджи-Тархан – возник на левом берегу после нашествия Тимура. Согласно этой версии, войска Ивана Грозного брали именно этот, второй город. Сторонники данной версии Р.Джуманов и С.Низаметдинова писали, что после 1395 г. город возродился на левом берегу, а именно на Шабан-тюбе и в его окрестностях, т.е. там, где сейчас стоит Астраханский кремль [Крепость, 2009, с.20]. Именно на месте старого татарского города и была якобы потом основана русская Астрахань.

В число предтеч нынешней Астрахани включается и самое древнее поселение левобережья у поселка Мошаик. П.Небольсин, а ранее Самуил-Георг Гмелин упоминали о существовании городка Чунгур недалеко от селения Мошаик, в 7 верстах от Астрахани, за Казачьим Бугром [Небольсин, 1952, с.59].

Астраханский краевед М.Конonenko пытался расположить «третью» Астрахань где-то на левом берегу Волги, севернее Астрахани, за протокой Кривая Болда [Васильев, 2012, с.233]. Ю.А.Макаренко также писал, что город Хаджи-Тархан отличается от Ас-Тархана местоположением. Он был перенесен татарами на левый берег в XIV в., и оба города какое-то время сосуществовали [Крепость, 2009, с.20].

Эти «версии» родились довольно давно. Еще В.В.Бартольд полагал, что пострадавший в результате похода Тимура город возродился не на старом месте (Шареный Бугор), а на месте современного г. Астрахани (на левом берегу Волги) [Бартольд, 1963, с.740]. Такого же мнения придерживался и

М.Г.Сафаргалиев [Сафаргалиев, 1952, с.29, 32]. Основателем Новой Астрахани он считал хана Тимур-Кутлуга. В XIX в. сторонником версии о запустении места Шареного Бугра со времени похода Тимура являлись А.Архипов и С.Лен-Пуль [Архипов, 1866, с.2; Lane-Pool, 1881]. Одним из оснований для такого предположения явились серебряные монеты хана Шадибека, выпущенные в 805 г.х. (1402–1403) в Хаджи-Тархане ал-Джедид [Марков, 1896, с.594].

Согласно мнению И.В.Зайцева, в 1554–1555 гг., скорее всего, одновременно функционировали две камышово-земляные крепости: в одном из этих «городков» разместился хан Дервиш-Али, в другом – московский наместник Леонтий Мансуров, между ними были столкновения после ухода основных московских сил первого астраханского похода. Обе они находились на правом берегу – одна в районе современного пос. Стрелецкое, а другая – у пос. Карантинное [Зайцев, 2004, с.166–168]. Однако об этом также нет прямых исторических свидетельств. У П.Небольсина имеются сведения о городке на правом берегу Волги, «на седьмой версте выше селения Солянки»; городок этот звался «Куюк-Кала», Горелый городок [Небольсин, 1852, с.58]. Это могла быть резиденция Ямгурчя. (Однако народное наименование одного из районов современного города – Ямгурчев – возможно, содержит свидетельство о местоположении ставки хана Ямгурчя на левом, низовом берегу).

По поводу названия «Куюк-Кала» или «Горелый город» (от которого произошел русский топоним «Жареный Бугор») интересное мнение высказал астраханский краевед А.И.Богатырев [Крепость, 2009, с.20]. Он считает, что это остатки сожженного татарского города на Шареном Бугре или сожженного татарами казачьего укрепления. Членами Петровского общества исследователей Астраханского края неоднократно отмечались обнажившиеся в обрыве Шареного Бугра слои мощного пожара. Связать достоверно этот пожар либо со временем русского завоевания, либо со временем нашествия Тамерлана, когда город точно был подожжен, не представляется возможным.

П.Небольсин передает астраханские легенды тюркского происхождения, соглас-

но которым на территории Астраханского кремля в свое время находилась «ногайская крепость», а также «мазарки», т.е. могилы. «Мазарки» располагались и в исторической части Белого города – астраханского посада, на Рождественной площади ветер развеивал немощеную землю, обнажая древние захоронения [Небольсин, 1852, с.60].

Из вышеприведенных версий мы вычленим следующую – все они указывают на наличие в окрестностях татарского Хаджи-Тархана каких-то дополнительных населенных пунктов в период до русского завоевания. Возможно, поселения в левобережной части существовали, поскольку город на правом берегу был открыт для нападений с запада, со стороны Крымского ханства. Левобережье было безопаснее, оно было защищено рекой. Наверняка существовало поселение на Кутуме в окрестностях нынешнего городского района Ямгурчев (к сожалению, археологические исследования здесь не проводились). Достоверно известно, что поселение Мошаик возникло еще в предмонгольское время и существовало в эпоху Золотой Орды – об этом свидетельствуют материалы раскопок разных лет на данном памятнике [Шнайдштейн, 1978; Шнайдштейн, 1992, с.3; Рябичкин, 1999; Пантелев, 2010, с.92–106; Васильев, 2001, с.48].

Но имелось ли действительно татарское поселение на бугре, который был избран в качестве местоположения русской Астрахани в 1556 г.? Археологические исследования на территории Астраханского Кремля и Белого города проливают свет на этот вопрос. Первые серьезные раскопки были предприняты в Астраханском кремле в 1959–1974 гг. в ходе подготовки и проведения фундаментальной его реставрации. Следующие масштабные раскопки на территории Кремля были проведены в 2006–2013 гг. в ходе подготовки к реконструкции кремлевской территории в связи с 450-летием Астрахани. Результаты данных исследований еще в полной мере не опубликованы, однако уже сейчас можно констатировать, что значительной глубины (некоторые свыше 5 м) шурфы и раскопы на территории Кремля не выявили сколько-нибудь серьезных культурных отложений дорусского времени на кремлевском бугре. Конечно, в ходе раскопок были выяв-

лены предметы явно золотоордынского или ханского периодов – отдельные фрагменты керамики, ряд костяных изделий, монеты. Большое количество золотоордынского кирпича и изразцов в культурных отложениях Кремля свидетельствует о том, что при его строительстве действительно использовался кирпич из развалин городов эпохи Золотой Орды. В одном из шурфов зафиксированы остатки конструкции, напоминающей по своей планировке отопительную систему золотоордынского дома, состоящую из печи-тандыра и канов – дымоходных каналов. Конструкция предположительно датирована исследователями периодом Астраханского ханства [Васильев, 2012, с.233, 234]. Выявлено небольшое число целых и разрушенных мусульманских захоронений, которые могут относиться как к эпохе Золотой Орды, так и к ханскому периоду.

Кроме того, в ходе раскопок в историческом центре Астрахани вне кремлевской территории также были обнаружены единичные фрагменты керамики, изразцы и монета золотоордынского времени. Таким образом, можно сказать однозначно – Долгий (Заячий, Шабан) Бугор был частично заселен еще до 1556–1558 гг., т.е. до установления русской власти в Нижнем Поволжье и переноса Астрахани на левый берег.

Однако если сравнить качество и количество археологического материала, обнаруженного здесь и, скажем, на городище Шареный Бугор, то мы убедимся, что для утверждения о существовании татарского города на Шабан-бугре после 1395 г. нет никаких оснований. Культурного слоя, характерного для города, здесь не зафиксировано.

Основной трудностью в вопросе определения количества и местоположения поселений – предшественников нынешней Астрахани, является малоизученность городища Шареный Бугор (ныне территория застроева г. Астраханью). В 1893 г. А.А.Спицын обследовал на Шареном Бугре следы золотоордынского города, тянувшегося по берегу Волги «полосою до 70 сажен ширины» и нашел характерные для Золотой Орды вещи и монеты [Отчет, 1895, с.76–97].

В 1966 г., накануне строительства Астраханского целлюлозно-картонного комбината, были проведены первые серьезные и

масштабные археологические раскопки под руководством А.М.Мандельштама. Был обнаружен целый квартал жилищ – землянок, производственных сооружений – гончарных горнов и кладбище, которые находились на окраине золотоордынского города [Гузейров, 2004, с.14]. В 1984 г. в 3 км к востоку от центральной части городища астраханским археологом В.В.Плаховым был раскопан комплекс усадьбы, состоящей из центрального многокомнатного дома и четырех землянок, существовавший в XIV–XV вв. Археологические разведки, проводившиеся с охраняемыми целями в 1990-х гг., выявили большое количество поселений-спутников Хаджи-Тархана, загородных усадеб и сельских поселений, входивших в его ближнюю округу [Там же, с.14, 15]. Несмотря на относительную обследованность окрестностей Хаджи-Тархана и его территории, археологическая информация о поздних слоях города имеется минимальная.

Судя по свидетельствам современников, город XV–XVI вв. частично лежал в руинах. Вот, например, что писал А.Контарини, который побывал в Астрахани в 1476 г.: «Город невелик, расположен на берегу Волги; домов там мало, и они глинобитные, но город защищен низкой каменной стеной; видно, что совсем недавно в нем были еще хорошие здания» [Барбаро и Контарини, 1971, с.220]. Венецианец Иосафат Барбаро специально отмечает, что значение Астрахани ослабло после похода Тимура [Там же, с.157]. Однако, город продолжал оставаться важным центром на пути из Хорезма в Тану и Крым. Барбаро отмечает общий упадок, спад торговли, но все же сообщает, что «ежегодно люди из Москвы плывут на своих судах в Астрахань за солью» [Там же]. Зачастую даже ханская власть стремилась извлечь выгоду уже не из обеспечения безопасности торговли, а из грабежа караванов торговцев, захвата рабов. В XV в. Астрахань по-прежнему оставалась значительным центром работорговли. Например, известен афонский монах Герасим, пойманный татарами и, проданный в Астрахани в конце XV в. [Акты, 1841, с.146]. Чуть было не попал в рабство в Хаджи-Тархане венецианец Амброджо Контарини в конце XV в. [Пачкалов, 2008, с.65]. В 1466 г. караван

судов, с которым плыл в Персию тверской купец Афанасий Никитин, был специально заманен в засаду и ограблен людьми астраханского правителя [Хождение, 1948, с.53].

Необходимо отметить, что в XV в. возрастает, в связи с упадком Сарая, религиозное значение Хаджи-Тархана. В книге «Сведений, привлеченных для истории Казани и Булгара» Ш.Марджани содержатся указания о выдающихся мусульманских богословах и ученых, проживавших в городе Хаджи-Тархан в XV в. [Пачкалов, 2008, с.65]. Вероятно, именно здесь базировалась католическая францисканская миссия, центр Сарматской епархии [Мальшев, 2000, с.214].

Падение экономического значения г. Астрахани выразилось в превращении его в сезонное поселение. По данным Амброджо Контарини, три брата, правители города, проводили в Астрахани только несколько зимних месяцев, а в остальное время поступали «также, как и остальные татары» [Барбаро и Контарини, 1971, с.220]. Вместе с тем известно, что в городе Контарини купил в дорогу сухарей из хорошей пшеничной муки [Барбаро и Контарини, 1971, с.241], что дало возможность А.В.Пачкалову предположить, что в окрестностях Астрахани какая-то часть населения могла заниматься и земледелием [Пачкалов, 2008, с.66].

Нам известен еще ряд населенных пунктов Нижнего Поволжья XV–XVI вв. Которые упоминаются в исторических источниках, но не локализованы до сих пор. Так, например, Афанасий Никитин упоминает «Услань», «Сарай», «Берекезаны» [Хождение, 1948, с.8–9]. Если «Сарай» – это остатки золотоордынской столицы на месте Селитренного городища, то по поводу остальных пунктов имеются большие сомнения даже насчет того, являлись ли они городами [Пачкалов, 2008, с.67]. Настолько же неточны сведения карты Фра-Мауро относительно населенных пунктов Нижнего Поволжья в XV в., поскольку карта, составленная в 1459 г., отражает сведения более раннего времени. Фра-Мауро сообщает в одной из легенд на карте: «Заметьте, что Кумания когда-то была очень большой провинцией и на большое расстояние простиралась внутри своих границ. Но сейчас эти земли пустынно и не представляют большого ин-

тереса. Населения здесь не больше, чем в Венгрии» [Фоменко, 2007, с.143].

Тем не менее, помимо Хаджи-Тархана, в Низовьях Волги существовало некоторое количество небольших населенных пунктов, поскольку население ханства занималось не только кочевым скотоводством. Значительная его часть была занята земледелием и рыбной ловлей. Об этом можно судить, исходя из того факта, что астраханские воеводы после присоединения ханства к России «раздавали острова и пашни по старине, и приказали ясак платить по старине, как прежним царям платили, а князи от себя прислали, чтобы их государь в Крым и в ноги не выдал и в холопстве у себя учинил» [Татищев, 2003, с.204]. Обращает на себя внимание слово «пашни» – свидетельство бытования земледелия до прихода русских поселенцев. Это указание на существование оседлости у астраханских татар, традиция которой тянулась в волжской дельте еще с хазарских времен [Шнайдштейн, 1998, с.17–22].

После переноса русскими воеводами города на левый берег, который случился вследствие его незащищенности от возможного нападения со стороны Крыма, в его окрестностях продолжали существовать татарские поселения, часть из которых, возможно, сохранялась с ханских времен (в настоящее время, до проведения археологических исследований, судить об этом сложно). Так, на плане города Астрахани, который приписывается Адаму Олеарию, к юго-востоку от города обозначен татарский город – обнесенная глинобитной стеной крепостица с квадратными башнями, застроенная внутри округлыми переносными жилищами. На этом месте располагается в настоящее время исторический район Астрахани «Татар-базар». Астраханский краевед Г.Э.Гибшман предположил, что этот план выполнен в Москве по заданию властей голландским инженером и был выдан в царствование Федора Иоанновича астраханским воеводам [Гибшман, 2011, с.467–470]. Запрет селиться татарам в русском городе к 1636 г. уже утратил актуальность, поскольку татары, одна из основных составляющих населения края, к этому времени уже сами начали нуждаться в защите от калмыков, появившихся в низовьях Волги за несколько

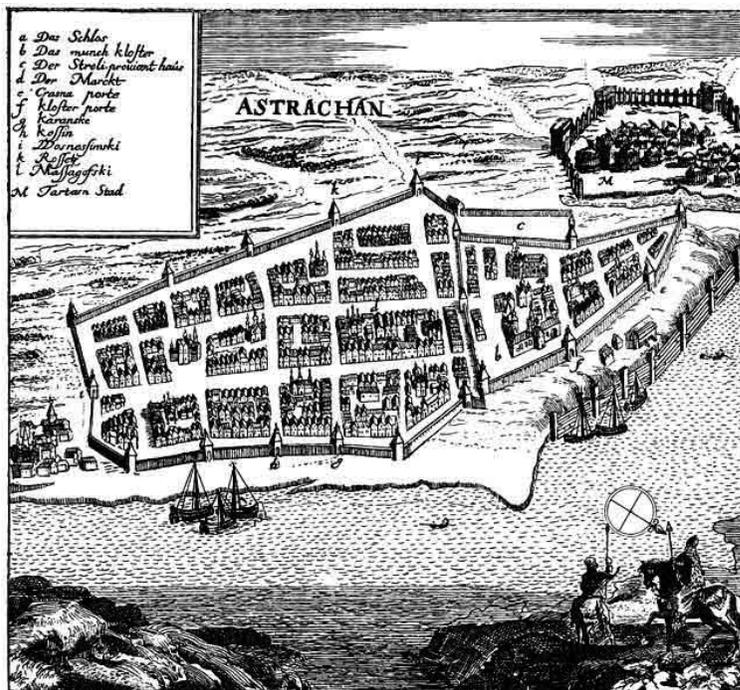
лет до этого. Кроме того, сам же Олеарий пишет о татарах, свободно торгующих в Астрахани своей огородной продукцией [Там же, с.469].

Тем не менее, следует признать реальность существования татарского поселения около Астрахани. Дело в том, что так называемый «план Олеария» – не единственное о нем свидетельство. Вот как описывает ближнюю Астрахани купец Федот Котов, который проездом был здесь по пути в Персию в 1623 г.: «...А по нижнюю сторону города и около города тотарские юрты, живут все тотарове, вкопався в землю, да кругом плетнем оплетено и глиною обмазаны. А по степям кругом города кочуют нагаи, а послушны Государю. А в городе торгуют после обеда, а до обеда торгуют за городом в надолбах с тотары, с ногаем, а жилецких и стрелецких дворов за городом нет, толко с верхнего конца монастырь на взгорочке. А под ним вниз к Кутумовке пошли сады» [Хожение, 1958, с.31]. Здесь мы видим то же описание татарского городка немного ниже по течению от Астрахани, на месте нынешнего Татар-базара. Причем тут как раз и отмечается раздельность торговли – до обеда в городе, а после обеда – торговля за стенами города, с татарами и ногайцами. При этом практически все русское население, кроме насельников монастырей, также изолировано – оно сконцентрировано внутри городских стен. Далее Ф.Котов сообщает: «...А в садах овощи, яблока, дыни, арбузы, тыквы, огурцы, изюм, дикой перец, капуста. ...А затем пошли юрты да сады. От Астрахани вниз три версты на луговой стороне, на которой Астрахань стоит, Царева протока – пошла из Волги и пала своим устьем в море. А по обе стороны тое протоки тотарские юрты, чтобы наши русские деревни. От Царевы Протоки на той же стороне рыбная ловля астраханьского монастыря какараузик, по русскому тоня, а в Астрахани зовут илым четыре версты от Протоки» [Там же]. Для нас в этом свидетельстве интересно упоминание татарских деревень – «юртов» по р. Цареву, а также указания на занятия пригородных астраханских татар – овощеводство, рыбную ловлю, на тюркскую этимологию некоторых рыболовецких терминов Нижнего Поволжья.

К сожалению, археологические остатки негородских поселений XV–XVII вв. в низовьях Волги не исследованы и даже не идентифицированы. Также слабо обследована и территория самого г. Астрахани. Дальнейшее развитие археологических исследований в этих направлениях может дать интересные результаты по части материальной культуры населения как Астраханского ханства, так и населения дельты Волги раннего русского периода.

История города Сарайчика (Сарайчука), столицы Ногайской Орды, была наиболее подробно описана В.В.Трепавловым [Трепавлов, 2002, с.583–598]. Город располагался на правом берегу Яика, в 48 км от современного г. Атырау (Гурьева), неподалеку от села Сарайчик. Город являлся одним из наиболее значительных региональных центров, обслуживая переправу через р. Яик на пути из Ургенча в Сарай [Утемиш-Хаджи, 1992]. Возможно, что город не был разрушен войсками Тимура во время похода на Золотую Орду, поскольку являлся владением союзника Тимура – эмира Эдиге [Егоров, 1985, с.124]. Здесь чеканились монеты хана Дервиша, которого поддерживал Эдиге [Сафаргалиев, 1960, с.231; Федоров-Давыдов, 1973, с.192]. Тут же, в окрестностях Сарайчика, Эдиге потерпел свое последнее поражение в 1419 г. Несмотря на фактическую подчиненность ногаям, влияние на него пытались впоследствии распространить казахские ханы. Здесь находились ставки ханов Джанибека, Бурундука и Касима [Трепавлов, 2002, с.585].

Область Сарайчика входила в личный домен правителя Орды, являлась его юртом. Историки обычно видят в Сарайчике зимнюю ставку ногайского бия. Городская жизнь была организована на самом низком уровне и сводилась к обеспечению

Астрахань. Гравюра из книги А.Олеария «Описание путешествия в Московию...». 1630–1640-е гг.

минимальных объемов торговли, работы административных учреждений, тюрьмы и огромного кладбища [Жирмунский, 1974, с.415; Маргулан, 1950, с.86; Перетяткович, 1877, с.137–139]. Г.А.Федоров-Давыдов и М.Г.Сафаргалиев считали, что Сарайчик был разрушен Тимуром и лежал в руинах [Федоров-Давыдов, 1973, с.167; Сафаргалиев, 1960, с.231]. По мнению В.В.Трепавлова, Сарайчик мог являться не столько зимовкой, сколько летовкой ногайских биев, причем сам бий мог появляться здесь по мере необходимости. Бий Исмаил, например, в конце жизни стал «годовать» в Сарайчике, т.е. проводил там время постоянно [Трепавлов, 2002, с.586–587]. В г. Сарайчике функционировали органы управления – здесь находился командующий гарнизоном, даруга (градоначальник и наместник всей округи). Здесь же проживали высшие духовные лица Ногайской Орды.

По части внутренней застройки сохранилось мало сведений. Известно, что бий Исмаил хотел возвести там ханский дворец, и что имелась в Сарайчике тюрьма. Кроме того, из результатов археологических исследований известно, что в Сарайчике име-

лись укрепления. Остатки внешней стены сохранялись вплоть до 1860-х гг. В 1824 г. еще видны были главный въезд в крепость с двумя треугольными бастионами. В целом городище имело почти правильную прямоугольную форму, за исключением извилистой стороны, примыкавшей к берегу р. Сарачинки [Там же, с.594; Левшин, 1824, с.188; Маргулан, 1950, с.87]. Территория городища была покрыта битым кирпичом, свидетельствующем о значительности кирпичных построек, кусками мрамора, изразцов, слюды. В центральной части крепости, ближе к западу, сохранялись остатки холма-цитадели («арка», характерного для среднеазиатских городов) [Трепавлов, 2002, с.594]. И в крепости, и на всей территории города, и за его пределами, располагались мусульманские кладбища и мавзолеи, которые считались священными («аулие») у местных жителей [О развалинах, 1867, с.3–6].

Постоянное оседлое население Сарайчика, занимавшееся торговлей, ремеслом и земледелием, было немногочисленно [Маргулан, 1950, с.88]. Эти люди являлись ясачными плательщиками бия, и в этом заключалась их функция и предназначение в Ногайской Орде. Каким образом формировалось оседлое население – достоверно неизвестно. Скорее всего, какая-то часть являлась старожилками города с золотоордынских времен, какая-то часть формировалась из обедневших кочевников. Но постоянное население обеспечивало бесперебойность торговли. Даже во время неурядиц гости из Сарайчика приезжали в Астрахань и торговали там с купцами из Шемахи, Дербента и Ургенча [Трепавлов, 2002, с.588].

Город постепенно угасал, теряя свое значение с кризисом Ногайской Орды. Роковым временем стали для столицы Мангытского юрта 1570-е гг. Город несколько раз разорялся казаками. Окончательному же разгрому он подвергся в 1581 г. [Там же, с.589; Маргулан, 1950, с.86, 87].

Важнейшей функцией Сарайчика являлась функция мемориальная – обслуживание династических гробниц. Город постепенно превращался в огромный некрополь. Известно об устройстве в городе ханских усыпальниц с золотоордынских времен. Воз-

можно, если верить Абу-л-Гази, здесь были погребены золотоордынские ханы Токта и Джанибек. В начале XVI в. здесь воздвигнуты гробницы казахских ханов Джанибека и Касима [История Казахстана, 1993, с.164]. Возможно, что именно к некрополю Сарайчика относятся обозначения гробниц и мест захоронения на картах братьев Пицигани, на каталонском атласе 1375 г. и на карте Фра-Мауро 1459 г., где правый берег р. Яик украшен изображением мавзолея и словами *Sepulchura Imperial* (имперская усыпальница) [Трепавлов, 2002, с.589; Багров, 1912, рис.16; Варваровский, Евстигнеев, 1998, с.175; Чекалин, 1890, с.249].

В.В.Трепавлов считает, что Сарайчик и его окрестности являлись «куруком», т.е. родовым ханским кладбищем Джучидов, говоря, что даже само название – Сарайчик, т.е. «Малый дворец», вызывает в памяти дворцеобразную постройку над могилой правителя. Сакральная значимость города была очень высока. Именно здесь восходили на престол Джанибек. Бердибек и, возможно, Узбек. Сохранялась значимость города как традиционной погребальной местности и в ногайское время. Ногайцы почитали ханские мавзолеи [Османов, 1883, с.47]. Есть много свидетельств об использовании сарайчиковских кладбищ для захоронения представителей ногайской аристократии [Трепавлов, 2002, с.590].

Имелись ли другие города в Ногайской Орде? Исследователи на этот вопрос дают однозначно отрицательный ответ. В.В.Трепавлов приводит упоминания в дастанах «городов» Кумлы-кала и Сырлы-кала, где действуют герои ногайского эпоса, сопоставляя их с соответственно городами Кумкент в (Шымкентской области Казахстана) и Сырлы-там (неподалеку от Кызыл-Орды) [Там же, с.595–596]. В настоящий момент невозможно соотнести археологические остатки нескольких городов и поселений в окрестностях Сарайчика и вдоль Яика (например, неукрепленное поселение на р. Солянке, Темирово городище, поселение у озера Карабау, Тендыкское городище, Кырык-Арба) с постзолотоордынским временем без планомерного исследования их раскопками [Там же, с.596; О развалинах, 1867, с.6].

§ 3. Города и городки Сибирского ханства

Алексей Матвеев, Сергей Татауров

Превратности истории таковы, что сейчас мы не имеем ни одного описания города Сибирского ханства. Как говорил в свое время В.Н.Пигнатти, «ни в одной из сибирских летописей, при самом внимательном их обозрении, нет рассказа о том, каков был при Кучуме Искер, и что с ним сделалось после падения: представлял ли он из себя военную лишь крепость, населенную лишь ратными людьми, или это был город в обычном смысле слова – человеческое поселение. Не только внутреннего содержания поселения, кто жил и как жили, – но и чисто внешнего описания остатков разгромленного города в летописях нет» [Пигнатти, 2010, с.186]. Пожалуй, только археологические исследования в какой-то мере могут отчасти компенсировать нам отсутствие этих данных, но, как мы увидим в дальнейшем, судьба сибирских городов такова, что и археология чаще всего бессильна показать нам их облик.

Тем не менее некоторую информацию о городах и городках Сибирского ханства содержат летописные сведения, путевые дневники, записки и другие письменные сообщения авторов эпохи Средневековья и Нового времени, современные научные исследования [Плано Карпини, 1957; Ремезов, 1989; Кастрен, 1999 и др.].

В.И.Соболев подметил, что авторы сибирских летописей четко разделяли укрепленные поселенческие комплексы на «грады» и «городки». Так, например, Есиповская летопись говорит о том, что на р. Оби казаки Ермака «Назимной город взяша» или «...взяша городок Аты мурзы»; Румянцевская летопись сообщает: «...прибежа во град и взя мало нечто от сокровищ своих, и побежа со своими. Град же Сибирь остави пуст» [Соболев, 2008, с.232]. Интересно, что в летописях сибирские «грады» и «города» в своем названии уравниваются с «царствующим градом Москвой». Едва ли какой-либо незначительный населенный пункт авторы летописей могли сравнить со столицей Московского царства [Там же].

В разное время столицами тюрко-татарских государственных образований Западной Сибири были три города: Кизыл-

Тура, Чимги-Тура (Тюмень), Сибирь (Кашлык, Искер).

Город Кизыл-Тура был расположен недалеко от устья р. Ишим и в разные периоды своей истории имел различный статус. Согласно Ремезовской летописи, Кизыл-Тура была первым стольным градом Сибири, и в незапамятные времена здесь правил царь Иртышак. Г.Л.Файзрахманов считает, что именно Кизыл-Тура была столицей легендарного Ишимского ханства [Файзрахманов, 2002, с.117–120]. Г.Ф.Миллер так описывает историю возникновения в Среднем Прииртышье Кизыл-Туры: «Вначале на Ишиме правил Он-Сом-хан, который близ устья Ишима, при впадении ее в Иртыш, на крутом красном яру (по-татарски «кизыль-яр») имел свою резиденцию – укрепленный городок, окруженный тремя валами. По тому месту город этот назывался Кизыл-Тура. Преемник Он-Сомы назывался Иртышак, от него река Иртыш получила свое название. На Иртышака напал тюменский хан Чингис и его победил. После него правил на реке Ишиме Саргачик, по имени которого некоторые ишимские татары называют себя саргачиками» [Миллер, 1999, с.186].

Р.Г.Скрынников полагал, что в 1420-х гг. г. Кизыл-Тура мог быть ставкой шейбанида Мухаммеда [Скрынников, 1986, с.82]. В.И.Соболев отмечал, что согласно Абулгази в середине XV в. узбеки Абулхаир-хана вторглись в земли западно-сибирских татар и захватили Кизыл-Туру, которая на некоторое время стала их ставкой [Соболев, 2008, с.227]. Тюменские князья Тайбугины были вассалами Шейбанидов и исправно поставляли в Кизыл-Туру ясак из Чимги-Туры (Тюмени). В 1480 г. Шейбанид Ибрагим-хан неожиданно нагрянул с войском в Тюмень, убил своего вассала и зятя Мара Тайбугина. Объединив два престола, он перенес ставку из Кизыл-Туры в Тюмень. Л.Р.Кызласов писал о том, что в конце XIV – XV вв. в государстве Шейбанидов, центром которого был город Чимги-Тура, город Кизыл-Тура являлся уездным городом, одним из военно-административных центров Сибирского юрта [Кызласов, 1992, с.47].

История гибели города Кызыл-Тура пока остается загадкой. Вероятно, этот крупный военно-административный центр потерял свое значение в ходе междоусобной войны Шейбанидов и Тайбугинов, еще до похода в Сибирь отряда Ермака. В описании последнего похода Ермака вверх по р. Иртыш в числе упомянутых татарских городков (Ташеткан, Тебендя, Куллары), прямых сведений о Кызыл-Туре нет, хотя есть упоминание о том, что «при устье реки Ишима казакам пришлось опять встретить сильное сопротивление» [Миллер, 1999, с.255].

Побывавший на развалинах крепости Кызыл-Туры во второй половине XVIII в. И.П.Фальк видел разрушенную башню мечети и остатки каменного дома. На территории городища к тому времени уже никто не жил.

Кызыл-Тура – единственная столица, которая нашла свое отражение в достаточно ранних изобразительных источниках. Этот город нарисовал для своей летописи в конце XVII в. С.У.Ремезов. На рисунке видны три ряда укреплений со сложной системой проходов, наземные жилища и, возможно, дом правителя или мечеть (рис. 1).

В настоящее время остатки города Кызыл-Тура соотносятся с археологическим памятником городище Красноярка II, открытым в 1961 г. В.А.Могильниковым в Усть-Ишимском районе Омской области (рис. 2). Площадка городища, укрепленная тремя рядами валов и рвов, имела площадь около 1500 м². Высота валов относительно дна рвов достигала 2 м, а с напольной стороны – 0,75 м. В 1966 г. В.А.Могильников исследовал городище раскопом площадью 100 м², после чего стал считать, что более вероятно Кызыл-Турой было другое городище – Новоникольское I (Голая Сопка), которое по своей планиграфии очень похоже на Искер [Могильников, 2001, с.258–261].

Со второй половины 1990-х гг. исследованием Красноярского городища занимается археологическая экспедиция Омского государственного педагогического университета под руководством Е.М.Данченко, который считает, что Кызыл-Туру можно уверенно соотносить с Красноярским городищем. Одним из доказательств в пользу этого предположения является чертеж С.У.Ремезова, на котором «город царя Иртышака» поме-

щен на правом берегу Иртыша, выше устья Ишима, между местом, обозначенным как «Красный Яр» и устьем небольшой речки. Означенная география совпадает с расположением Красноярского городища, которое находится ниже современной д. Красноярки и выше устья р. Утускун, протекающей у подножия мыса. Совпадение топонимов «Кызыл-Тура» и «Красный Яр», по мнению Е.М.Данченко, также вряд ли носит случайный характер [Данченко, Грачев, 2003, с.277–278]. Во множестве разновременных культурных напластований Красноярского городища Е.М.Данченко и его коллегам удалось выявить комплекс предметов, соотносимый со временем Сибирского ханства. Коллекция находок эпохи Средневековья включает глиняную и металлическую посуду, железные ножи и наконечники стрел, импортные бронзовые перстни, стеклянные бусы, бронзовые пряжки и обоймы, бронзовые фигурки, пряслица, изделия из кости. Все эти материалы позволили автору утверждать, что, «таким образом, локализация Кызыл-Туры достаточно надежно устанавливается на основе исторических источников разных видов, что, впрочем, не снимает ряда других вопросов изучения памятника» [Данченко, 2008, с.221–224].

Сибирь/Искер/Капшык (рис. 3). В «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина отмечается город «Ибирь-Сибирь», который якобы был отдан во владение старшему сыну Чингисхана Джучи [Рашид-ад-Дин, 1952, с.73, 150]. В 1405–1406 гг. баварец Иоган Шильтбергер в составе войска Едигея попал в Сибирь, где побывал в одноименном городе [Сафаргалиев, 1960, с.218]. В русских текстах, описывающих поход московских войск 1483 г. «на вогулич и угру», Д.М.Исхаков видит Сибирь наряду с Тюменью (Чимги-Турой) самостоятельным градом [Исхаков, 2010а, с.18]. На карте, составленной в 1542 г. литовским боярином Антонием Видом со слов русского эмигранта И.В.Ляцкого и опубликованной в 1555 г., показаны наиболее крупные города – Сибир (Sybir), Великий Иером (Wilky Ierom) и Тумень Великий (Tumen Wilky). О городе Сибирь Румянцевская летопись сообщает: «[Кучум]... прибежа во град и взя мало нечто от сокровищ своих, и побежа со своими. Град же Сибирь остави пуст» [Соболев, 2008, с.232].

Рис. 1. Кизыл-Тура на рисунке С.У.Ремезова

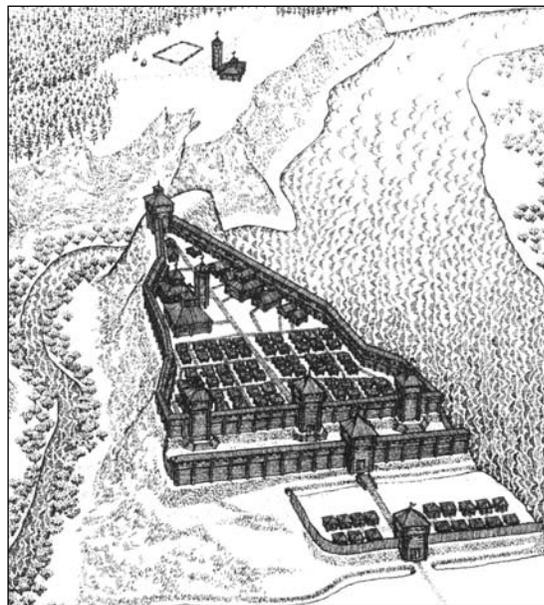

Рис. 3. Искер

Рис. 2. Кизыл-Тура.
Городище Красноярка II

Город Сибирь одновременно имел еще два названия «Искер» и «Кашлык». Х.Ч.Алишина считает, что название города «Сибирь» ввели русские. Другое имя города «Искер» обнаруживается в татарских архивных документах, написанных арабской графикой и переведенных на русский язык. По мнению исследователя, топоним произошел от этнонима «эскел», имеющий булгаро-татарское происхождение. Еще одно имя города – «Кашлык» – имеет тюркское происхождение и связан с узбекскими «кишлак» – селение, «кышлак» – зимовье, «кашлык» – нагорная [Алишина, 2010, с.159–166]. В

соответствии с целым рядом источников город Искер (по-татарски – «Искер» – «Иске + ор», т.н. «Старая крепость») был основан в 1480–1490-х гг. сибирским ханом Махметом (Махмутом, Маметом) Тайбугидом, стремившимся отодвинуть свою ставку на север, подальше от ханских владений Шейбанидов [Соболев, 2008, с.232; Исхаков, Измайлов, 2007, с.227]. В 1563 г. Искер стал столицей Сибирского ханства Кучума, а в начале 1580-х гг. – центром казачьих владений атамана Ермака. После основания в 1587 г. близ устья р. Тобол российского г. Тобольска Искер был заброшен.

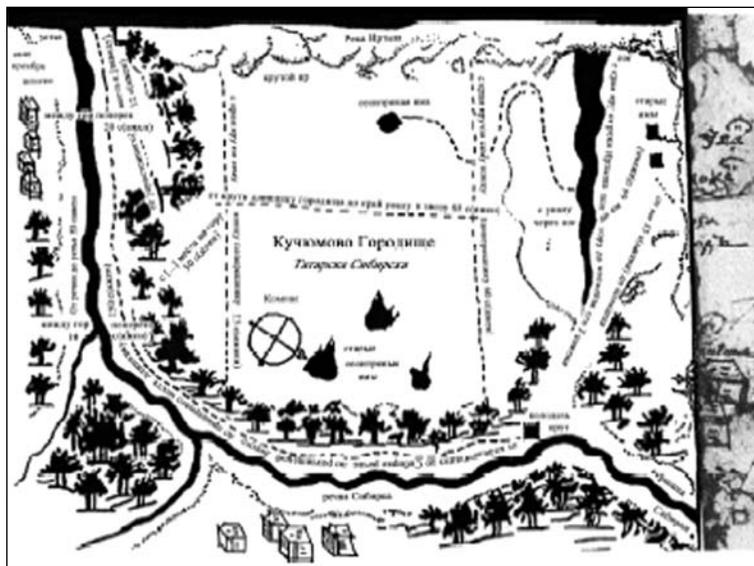

Рис. 4. Чертеж «Кучумово городище» С.У.Ремезова
(по [Белич, 2009, с.93])

Искеру по части интенсивных археологических исследований «повезло» больше, чем остальным столицам сибирских тюркско-татарских государств. Его неоднократно осматривали, описывали и проводили археологические раскопки известные ученые, путешественники и краеведы Н.Спафарий, Г.Ф.Миллер, И.П.Фальк, П.А.Словцов, М.С.Знаменский, И.И.Бутаков, С.И.Мамеев, В.Н.Пигнатти, А.Ф.Палашенков, Б.Б.Овчинникова, И.В.Белич, А.А.Адамов, А.П.Зыков и т.д. Но обобщающей публикации по результатам этих работ, в силу разбросанности имеющихся в научном обороте коллекций и материалов, нет, и мы вряд ли увидим ее в ближайшее время.

Первый чертеж столицы Сибирского ханства под названием «Кучумово Городище и Старая Сибирь» изобразил С.У.Ремезов в 1703 г. [Белич, 2010б, с.122–158] (рис. 4). Из всех имеющихся в литературе описаний городища [Белич, 2010, с.72–93] приведем данные Г.Ф.Миллера, который обследовал довольно большое количество татарских и остяцких городков и имел возможность для их сравнения. «Развалины этого бывшего столичного города, если только такое место, каким, по-видимому, было оно прежде вообще можно назвать городом, видны еще до сих пор. Высокий восточный берег реки Иртыш имеет там большую, чем обычно, высоту. Как это вообще бывает в тех местах,

где река, протекая, подмывает берег, так и здесь часть горы обвалилась, и потому берег поднимается здесь со стороны реки почти перпендикулярно. На верху горы, если смотреть по течению реки, имеется буерак, по которому течет небольшая речка, которая по имени города носит по-русски название Сибирка. Ввиду крутизны с этой стороны совсем нет восхода. С третьей, степной стороны горы имеется долина, которая спускается сверху в буерак к речке Сибирке; отсюда можно было, пожалуй, добраться до того

места, где находился город, но так как и здесь довольно крутое место, то подъем требовал больших усилий. Только четвертая сторона постепенно спускается к берегу, и отсюда, должно быть, был доступ к городу. Оно представляет небольшую круглую гору, которая по уступам была укреплена тройным валом и расположенными между ними рвами, причем один вал был выше другого. Эти валы окружают город только со стороны долины и со стороны, доступной для подъема. Обе другие стороны, от Иртыша и от буерака, где протекает Сибирка, не требовали каких-то укреплений. В некоторых местах валы и рвы с течением времени так заросли, что они едва видны. Внутреннее пространство имеет приблизительно 50 саж. в диаметре. Из этого можно заключить, что, кроме хана, его семьи и людей, там могли жить только немногие знатные татары, если не предполагать, что это место в то время было значительно больше. Уверяют, что со стороны реки часть площади, много или мало – неизвестно, была подмыта водой и обвалилась. От домов или постоянных жилищ не осталось там никаких следов, кроме некой неровности почвы в разных местах, почему и можно заключить, что здесь когда-то стояли жилища» [Миллер, 1999, с.227–228].

Г.И.Спасский, гораздо позже побывавший на месте Искера, подробнее описал его укрепления. «Искер расположен был на бе-

реку Иртыша и при впадающей в оной речке Сибирке... Крутизна берега с Иртыша не позволяет взойти на него, ниже приступить ноге человеческой. ...Здесь находятся вал в 15 сажень длины, а за ним ров шириною не более 2 аршин; от сих, вала и рва до самого возвышенного местоположения Искера высоты до 5 сажень. В ложине видны также остатки рвов, а к речке Сибирке и по ложине до самой почти воды был, как кажется, спуск к колодцу, приметной по остающемуся помосту. Все вообще здесь местоположение не ровное и в ямах: три из сих последних подобны погребным, весьма глубоки и, по словесному татар преданию, служили темницами для виновных» [Спаский, 1818, с.28–30].

Еще раз с сожалением отметим, что обобщающей работы, которая бы собрала воедино все материалы, накопленные за полтора века археологических изысканий Искера, на настоящий момент нет. А ведь даже частичная публикация тобольскими учеными А.А.Адамовым, И.В.Балуновым и П.Г.Даниловым предметов, найденных в ходе разновременных исследований на месте столицы Сибирского ханства, наглядно показывает, что Искер мог и должен был стать базовым археологическим комплексом для изучения сибирских государственных образований [Адамов и др., 2008]. При этом определяющим обстоятельством является тот факт, что городище Искер было однослойным. Исследования А.П.Зыкова 1988, 1993 гг. дали бесценные наблюдения за стратиграфией культурного слоя и позволили исследователю выделить шесть строительных горизонтов¹, которые он увязал с известными историческими событиями [Зыков, 2010, с.112–122]. Важным результатом работ был вывод о том, что Искер был построен в конце XV в., и до этого времени на его месте других городищ не было [Зыков, 1998, с.22–24].

Наконец, в 2010 г. вышел сборник «Искер-столица Сибирского ханства» [Искер, 2010], где Д.М.Исхаковым и З.А.Тычинских были собраны работы практически всех современных ученых, которые так или иначе занимались судьбой этого города. В книге были представлены исторические, археоло-

гические, лингвистические и этнографические данные, посвященные Искеру. Данное издание во многом дополнило наши представления об этой сибирской столице.

Тюмень/Чинги-Тура (рис. 5). Возникновение в низовьях р. Туры г. Чинги-Туры, ставшего затем столицей Тюменского ханства, связывалось Г.Ф.Миллером с полулегендарными событиями. Так, согласно данным русских летописей, Тайбуга (основатель княжеской династии Тайбугидов) получил Притоболье в дар от хана Чинги (Чингисхана) [Миллер, 1999, с.186–189]. «Изыде же князь Тайбуга со всем домом своим на реку Туру и тамо созда град и нарече Чингиден, ныне же на сем месте город Тюмень», – говорится в Есиповской летописи [ПСРЛ, 36, 1987, с.46, 236]. Г.Л.Файзрахманов считает, что эти события происходили в 1220-х гг. [Файзрахманов, 2002, с.64–69].

Достоверно известно, что г. Чинги-Тура впервые был обозначен на карте 1367 г. итальянских купцов Франциски и Доминико Пицигани [Кызласов, 1992, с.130–131]. По другим сведениям город впервые появился на карте Каталонского атласа в 1375 г. как «*Singui*», центр Тюменского вилайета. Он известен в Устюжских летописях как место, в котором якобы в 1406 г. был убит хан Тохтамыш [Соболев, 2008, с.232; Исхаков, Измайлов, 2007, с.227]. В 1428–1429 гг. основатель государства кочевых узбеков Шейбанид Абулхаир захватил Чинги-Туру, убил Тайбугида Хаджи Мухаммеда и сде-

Рис. 5. Схема укреплений Чинги-Туры с плана Тюмени 1766 г. (по [Матвеева и др., 1994. с.168])

¹ Подробное описание исследований А.П.Зыкова представлены нами далее.

лал город своей ставкой. Одновременно город был центром одноименного вилайета большого государства кочевых узбеков [Там же, с.220]. Столицей Чинги-Тура была до 1446 г., пока хан не перенес свою ставку далеко на юг в г. Сыгнак. Все это время согласно «Тарих-и гузидэ, Нусрат-наме» (около 1505 г.) жители Жанги-Туры (т.е. Чинги-Туры) и Булгара платили ханской казне ясак [Исхаков, 2010а, с.20]. В 1481–1495 гг. (с перерывами) город был столицей Большой Орды, которой правил Шейбанид хан Ибак. Именно в г. Тюмень согласно «Архангелогородскому летописцу» он привел из Большой Орды ордобазар [ПСРЛ, 37, 1982, с.95; Исхаков, 2010а, с.21]. В 1489–1491 гг. в г. Тюмень нашла пристанище группа казанской знати, бежавшая от промосковски настроенного хана Мухаммед-Амина. В 1493 (1495) г. Ибак был убит представителем династии Тайбугидов Муххамедом, который перенес столицу ханства в свою ставку в г. Кашлык (Искер). Несмотря на сведения «Сибирских летописей» о том, что князь Мухаммед Тайбугид разрушил г. Чингиден (Чинги-Тура), видимо, город продолжал жить. Под именем Тюмень Великий (Tumen Wilky) он был отмечена на карте Антония Вида, составленной в 1542 г. [Рыбаков, 1974, с.11, карты № 2, 3]. Считается, что в начале 1580-х гг. Чинги-Тура был разграблен и сожжен отрядом Ермака. На его месте в 1586 г. была построена русская Тюмень.

Современные тюменские и тобольские ученые И.В.Белич, Т.С.Измер, А.В.Матвеев, Н.П.Матвеева, Е.Ю.Молявина, опираясь на картографические материалы XVII–XX вв. и описания остатков легендарной Чинги-Туры, опубликованные И.Лепехиным, Г.Ф.Миллером, Н.А.Абрамовым и другими учеными XVIII–XIX вв., пишут о значительных размерах г. Чинги-Туры [Белич, 2009, с.142–164; Измер, Молявина, 2005, с.152–154; Матвеева и др., 1994]. Наиболее укрепленной частью города, по их мнению, являлась цитадель Чинги-Туры, расположенная в исторической части современной Тюмени, на трапециевидном мысу, ограниченном улицами Ф.Энгельса и Коммуны. С трех сторон мыс окружен оврагами (Вишневым, р. Тюменка и ее приток), с napольной же стороны, по сведениям И.Лепехина, был «...обведен земляным двойным валом, которой от долговре-

менности обветшал и почти со всем сравнялся» [Лепехин, 1814, с.2]. Г.Ф.Миллер писал: «...Между такими буераками, а не на самом берегу реки Туры был старинный татарский городок, от которого еще и поныне видны земляной вал и ров, от буерака до буерака проведенные...» [Миллер, 1750, с.213]. На карте Тюмени XVII–XVIII вв., помещенной П.М.Головачевым в книгу «Тюмень в XVII столетии», в данном месте отмечен только ров [Тюмень, 1903]. К сожалению, мерные характеристики валов нам не известны. По экспликации к плану 1766 г. ров был «глубиной 3 сажени шириною 15 сажень». Столь значительные размеры ров приобрел, скорее всего, в результате эрозии почвы.

Н.А.Абрамов описал остатки прежней столицы. «Укрепление города... состояло из валов и рвов... Первый ров, глубиной до одной сажени, с земляным валом, начинается от озера Лямина... (Лямин-Куль), вблизи Спасской улицы, до берега реки Туры, длиною до 600 сажень. Второй ров, против древняго, так называемого большого городища, глубиной до 2 ½ аршин с валом, вышиною более 2 аршин, на пространстве 70 сажень. Кроме того, город почти со всех сторон был окружен буераками: первый, простирающийся почти прямо вниз по реке Туре, называемой Тюменькою и в старину был наполнен водою; второй, идущий параллельно с первым, назван Русскими Вишневым... третий носит имя Делилова. Глубина их равняется поверхности реки Туры, которой русло лежит ниже берега более трех сажень. Между Тюменькою и Вишневым буераками находится город Чинги-Тура, и место это называется Царевым городищем» [Абрамов, 1998, с.576]. И.В.Белич, писал, что при описании внешней защитной линии Н.А.Абрамовым была допущена ошибка. Протяженность внешней линии обороны не могла составлять 600 сажень, поскольку не соответствует географическим реалиям. Локализация внутренней обороны затруднительна. Судя по ее протяженности – 70 сажень, это могли быть только укрепления Царева городища (цитадели Чинги-Туры). Другие мерные характеристики, а именно глубина рва 2,5 аршин и высота вала «более двух аршин» противоречат сведениям, содержащимся в экспликации к плану Тюмени 1766 г. [Белич, 2009, с.142–164].

Западнее и юго-западнее Царева располагалось Большое городище, южнее, на соседнем мысу – Малое. Укрепления Большого городища, судя по плану 1766 г., были представлены тремя оборонительными линиями. Две первые вал-ров линии, протяженностью около 270 м каждая, с проходом в середине состояли из валов шириной около 1,5 м («2 аршина») и рвов шириной до 2 м («1 сажень»), глубиной до 2,5 м (1,5 сажени). Последняя вал-ров линия защищала полностью Большое городище. Ширина вала составила 3,5 м («2 сажени»), высота 1,5 м («2 аршина», ширина рва – 2,5 м («1,5 сажени»), глубина чуть более 1 м («1,5 аршина»). Малое городище, судя по плану, не имело укреплений. Не исключено, что они были уничтожены к моменту составления карты города [Рафикова, 2011, с.12].

Археологическое изучение Чинги-Туры началось в 2005 г., когда А.В.Матвеевым было проведено зонирование территории ранней застройки исторической части Тюмени с целью выявления степени сохранности и историко-культурной ценности участков археологического культурного слоя. Результатом исследований стало отнесение Царева городища к зоне особого внимания и выработка рекомендаций о необходимости проведения постоянного археологического надзора на данной территории и планомерного изучения участков, не занятых под постройки [Матвеев, 2005]. Начало спасательным работам положено в 2006 г. Т.С.Измер, в 2007–2009 гг. исследование продолжено Т.Н.Рафиковой [Рафикова, 2010, с.95–99; Рафикова, 2011, с.11–15]. В результате исследований ею было установлено, что до городища сибирских татар на мысу существовало поселение или городище развитого Средневековья (бакальская археологическая культура). Сильная испорченность верхних слоев памятника не позволяет стратиграфически расчленить данные периоды. Более того, сооружения датируются в широких хронологических диапазонах. Так, жилище 1а функционировало в XIII–XVI вв. н.э., сооружение 3 – в XIV–XVII вв. н.э. К постройкам сибирских татар было отнесено сооружение 24 в центральной площадке памятника, надежно датированное углем (СОАН–7981) из расположенной рядом хозяйственной ямы XVI–XVII вв. н.э. с вероятностью в 68,2%.

Жилища татарского времени, обнаруженные Т.Н.Рафиковой, представлены наземными или слабоуглубленными (до 10–15 см), каркасно-столбовыми постройками подпрямоугольной формы. Пол двух сооружений был посыпан белым песком. Инвентарь памятника, представленный костяными наконечниками стрел и многочисленными орудиями труда (проколки, ножи, пряслица и т.д.), не позволяет внести ясности в датировку объектов. Единственный железный наконечник стрелы, плоский, с упором относится к периоду развитого Средневековья. Результаты радиоуглеродного датирования памятника позволили получить цепочку из 14 дат, указывающих на его непрерывное функционирование с IX в. н.э. до XVII вв. н.э. [Рафикова, 2010, с.95–96]. По мнению А.В.Матвеева и С.Ф.Татаурова керамические комплексы, обнаруженные Т.Н.Рафиковой в верхних культурных слоях Чинги-Туры, однозначно имеют прямые аналогии в памятниках Среднего Прииртышья, Барабы и Притомья.

Кроме трех «столиц», в Сибирском ханстве Кучума существовало много других населенных пунктов. Так, Г.Ф.Миллер только в двух округах – Тобольском и Березовском – насчитывал более 100 «городков» угросамодийского и тюркоязычного населения XIV–XVI вв. [Миллер, 1937, с.335].

Р.Г.Скрынников при описании эпопеи атамана Ермака упоминает следующие татарские и хантыйские городки: Кашлык, крепкий татарский городок на р. Аремзянке, Нарымский городок, Колпухов городок, укрепленное городище князя Самара, 12 кодских городков, Карачино городище на р. Тобол, городище Чандырь на р. Тавде, Бегишево городище, городище Тебендя, крепость Кулары [Скрынников, 1982, с.160–199].

Хади Атласи и З.А.Тычинских перечислили следующие городки Сибирского ханства:

- на р. Туре – Япанчин городок, Чинки-Тура (Чимги-Тура), Киныр городок в верховьях р. Туры;
- на р. Тобол – город Тархан Кала, Яулы-Тура (Явлу-Тура), Карачин городок;
- на р. Тавда – город Табура, городок Атык-мурзы;
- на р. Ницца – старинный город Чубар-Тура;

– на р. Иртыш – маленький городок на мысу Чуаш (Чуваш), Искер, Кызым-Тура, Бичек-Тура (Бичик-Тура), Сусган (Сузгун-Тура), Ябалак (Абалак), Баеш (Бикеш), Тибенде, Коллар, Кызыл-Тура, Таш-Аткан, Ялым, Кара-Атау, Кечкене, «крепкий татарский городок» в устье р. Аримзянка, городок Туртас, остояцкие городки Рачу, Нарым, два города князца Самара;

– по берегам оз. Кунда – городки;

– на р. Тайда – мансийские городки Лобото;

– на р. Тара – городок Тунус;

– в Барабе – Лиуба и Мирзагали [Атласи, 2005, с.40–87].

Кроме того, по данным З.А.Тычинских в Сибирском ханстве располагались Зубар-Тура, городок есаула Алышная, город мурзы Чангулы, Цыгырлы, Акцибар-кала, «городки» мурзы Аттика, Атый-мурзы, «княжев городок», «заставный город на холме Ятман», Махметкулов городок, Иленский, Черноярский, Катаргулов, Малый город, Обухов городок [Тычинских, 2010а, с.54]. К этому списку еще необходимо добавить Черный городок на р. Иртыш, Тон-Туру – в Барабе, где проживал наместник Кучума – Буян-Бий. Г.Ф.Миллер писал, что «в Томском уезде были населенные татарами укрепленные места, или так называемые городки, которые должны были служить защитой от калмыков.... неподалеку от города Томска, на острове на реке Томи, лежал Тоянов городок» [Миллер, 2000, с.106].

Таким образом, на территории Сибирского ханства в 1580-х гг. было более 50 городов и городков. З.А.Тычинских считает, что большинство из этих городков были резиденциями местной улусной знати. Располагаясь на стратегически важных рубежах ханства, они были снабжены надежными оборонительными сооружениями [Тычинских, 2010а, с.55].

Из обширного перечня городов и городков можно выделить те, которые в источниках называются городами, и те, которые содержат в своем названии тюркское слово «тура» – город: Тархан Кала, Яулы-Тура (Явлу-Тура), город Табура, старинный город Чубар-Тура, Кызым-Тура, Бичек-Тура (Бичик-Тура), Сусган (Сузгун-Тура), два города князца Самара, Зубар-Тура, город мурзы Чангулы, «заставный город на холме

Ятман», Малый город. Таким образом, кроме трех столиц, в Сибирском ханстве было известно около 13 городов.

До настоящего времени в науке отсутствуют обобщающие материалы по результатам археологических исследований столиц сибирских тюркско-татарских государственных образований. Не лучшим образом обстоят дела с публикацией археологических исследований других городов и городков сибирских государств XV–XVI вв., известных по летописным источникам.

Город **Явлу-Тура** впервые в 1861 г. описал в Известиях Императорского Русского Географического общества Н.А.Абрамов: «Местность города была длиною в 70, а шириною в 50 сажень. Она с двух сторон была окружена водою Тобола, с третьей находилось озеро Чать, с четвертой – два рва, глубиною в три сажени, а между ними – земляной вал до р. Тобола. Для въезда в это укрепление была одна дорога – через рвы и вал, а водою через ров от Тобола» [Абрамов, 1861, с.222]. В конце XIX в. на памятнике побывал и составил его описание В.М.Флоринский [Флоринский, 1894, с.234]. Более ничего мы об этом комплексе сказать не можем. В монографии «Археологическое наследие Тюменской области» говорится о том, что степень сохранности укреплений Явлу-Туры и культурного слоя неизвестна [Археологическое наследие, 1995, с.58].

Остатки города **Тон-Тура** в Барабинской лесостепи были описаны во второй половине XVIII в. И.П.Фальком. Тон-Тура располагалась на мысу и имела три укрепленных линии, состоящие из рвов и валов, которые защищали жилую часть, вытянутую в длину на 150 сажен [Фальк, 1824, с.336]. В 1925 г. Е.А.Клодт и А.М.Жихарев провели предварительную разведку Вознесенского городища, а в 1926 г. начались его систематические раскопки, давшие материалы позднего Средневековья. Исследования проводились П.А.Дмитриевым и В.П.Левашевой. На городище было исследовано несколько жилищ и хозяйственных сооружений (рис. 6, 7) [Левашева, 1928, с.87–97]. В течение 1974–1976 гг. остатки этого татарского города исследовал Венгеровский отряд Новосибирской археологической экспедиции НГПИ под руководством В.И.Соболева. Им было сделано подробное описание городища. На

момент исследований сохранившаяся часть памятника была вытянута на 500 м. Тремя линиями рвов и валов городище было разделено на четыре участка. Между первым и вторым участком – мощная система укреплений, которая состояла из двух валов высотой до 1,5 м и шириной до 3 м и рва глубиной до 4 м и шириной до 19 м. По западному склону первого участка прослеживался въезд на городище. Длина участка достигала 145 м. Между вторым и третьим участками проходила вторая линия укреплений, состоявшая из вала высотой 0,77 м и рва глубиной 0,5 м. Третья система укрепления была удалена от второй на 110 м, представлена рвом глубиной 0,4 м и валом высотой 0,3 м. Четвертый участок длиной 138 м имел ряд западин [Соболев, 2008, с.234]. Материалы раскопок Воскресенского городища легли в основу коллективной монографии новосибирских ученых «Бараба в эпоху позднего Средневе-

ковья» [Молодин и др., 1990]. На сегодняшний день Воскресенское городище является самым изученным и опубликованным населенным пунктом Сибирского ханства, в чем большая заслуга В.И.Соболева.

Раскопки *Тоянова городка* периодически проводились с 1887 г. такими учеными, как С.К.Кузнецов, Ф.Мартин [Яковлев, 2009], Ж. де Бай, С.М.Чугунов, М.П.Грязнов. Частично материалы раскопок М.П.Грязнова в 1976 г. опубликовала Л.М. Плетнева [Плетнева, 1976, с.65–89], однако следует заметить, что в этой публикации под «Тояновым городком» скрывается не укрепленное поселение, а курганный могильник у детского санатория в п. Тимирязево. А.П.Дульзон считал, что Тоянов городок датируется примерно XVII в. и был оставлен чулымско-томскими тюрками. Он так же находил аналогии артефактам, обнаруженным в культурном слое городка, в ма-

Рис. 6. Тон-тура. Вознесенское городище (по [Левашова, 1928, с.40])

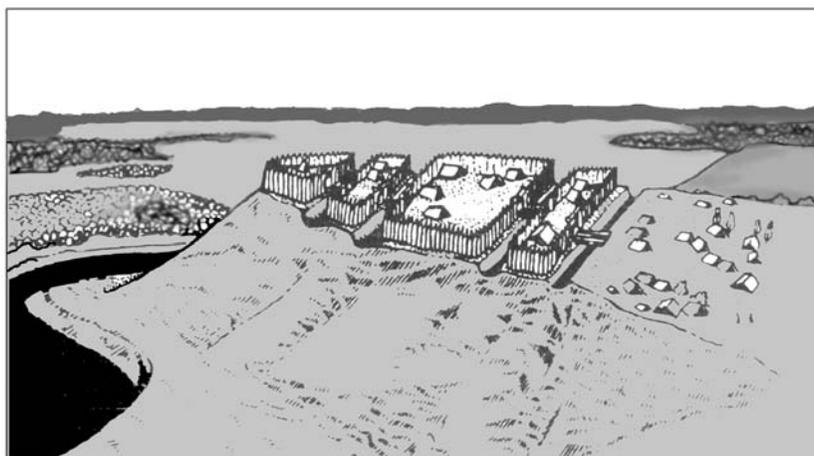
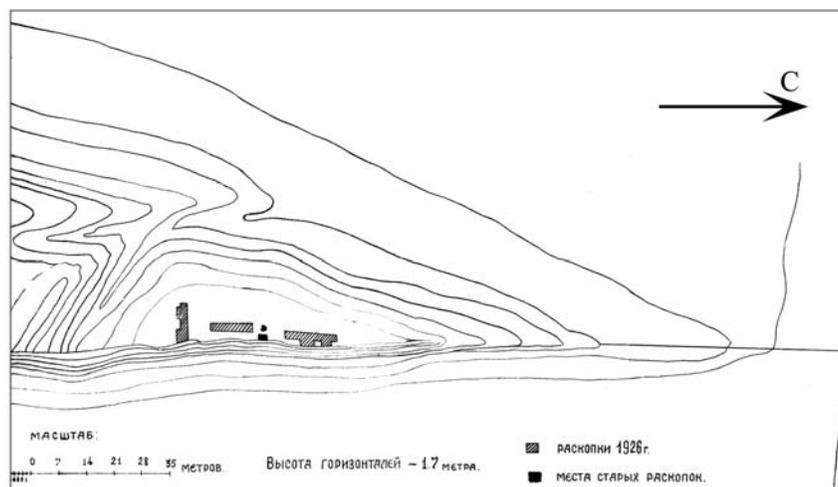

Рис. 7. Городище Тон-Тура. Реконструкция (по [Троицкая, Соболев, 1996, с.101])

териалах археологических памятников западносибирской лесостепи [Дульзон, 1953, с.162]. Детальная проработка материалов всех раскопок, проводившихся на Тояновом городке, помогла бы решить вопрос о месте чулымско-томских тюрок на политической карте Сибирского ханства. Стоит отметить, что в архиве М.П.Грязнова, хранящемся в фонде III Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М.Достоевского, есть папка под №26, в которой находится подборка материалов о раскопках Тоянова городка, Басандайки, Архиерейской заимки и др. памятников Томского Приобья в контексте их схожести с материалами прииртышских памятников позднего Средневековья. М.П.Грязнов так и не успел обобщить собранный материал.

В 2010 г. экспедиция НПЦ «Архаика» под руководством О.Зайцевой провела сборы на месте предполагаемого расположения Тоянова городка. Полученные материалы позволяют предположить, что культурный слой этого памятника, несмотря на многочисленные строительные работы, сохранился до настоящего времени и представляет интерес для исследования.

Таким образом, столицы и административные центры сибирских тюркско-татарских государственных образований в разной степени были исследованы археологами. Материалы Искера и Тоянова городка, несмотря на обилие археологических изысканий на них, так и не были обобщены и осмыслены. Тон-Тура (Воскресенское городище) заслужила наиболее представительную публикацию материалов раскопок, проведенных В.П.Левашевой и В.И.Соболевым. Кизыл-Тура была тщательно исследована экспедициями ОмГПУ под руководством Е.М.Данченко и в ближайшее время будет монографически представлена научной общественности. Чимги-Тура и Явлу-Тура так и остались за пределами археологических изысканий.

Все вышеперечисленные «столицы» и города Сибирского ханства хорошо коррелируются со схемой расположения этнических групп сибирских татар в конце XVI в., которую предложил Н.А.Томилов [Томилов, 1981]. При этом получается, что города занимали центры ареалов расселения известных этнических групп. Так, Искер являлся

административным центром групп сибирских татар, которых позднее ученые назвали «тобольскими», Чимги-Тура – заглавным городом предков тюменско-туринских татар, Тоянов городок – томских, Тон-Тура – барабинских, Кизыл-Тура – курдакско-саргатских татар. Вопрос об административном центре предков тарских татар остается открытым. Крупных городищ аналогичных Кизыл-Туре или Тон-Туре, наполненных артефактами XVI в., здесь пока не обнаружено.

Интерпретация других военных, административных центров сибирских татар XVI в. осложнена двумя обстоятельствами. С одной стороны, используя только тексты русских летописей, мы не можем определить их точное количество и месторасположение. По этой причине многие из них еще не открыты археологами (например, Черный городок – последний населенный пункт, основанный ханом Кучумом в Омском Прииртышье). Только некоторые из летописных городков исследовались археологически. Например, Турусский городок — Городище Надеждинка VII в Муромцевском районе Омской области, раскопки С.Ф.Татаурова (рис. 8). С другой стороны, для многих исследованных археологами позднесредневековых городищ недостаточно письменных или этнографических материалов, которые бы позволили соотнести их с легендарными городами и городками Сибирского ханства. Например, городище Кипо-Кулары (Кип IV) (рис. 9) в Тевризском районе Омской области (раскопки Б.А.Коникова) пока нельзя напрямую соотнести со знаменитым военным городком Куллары, который так и не смог взять Ермак. Городище «Большой Лог» (рис. 10) на р. Омь (раскопки В.Н.Чернецова, В.Ф.Генинга, Б.А.Коникова), Кучумово городище (рис. 11) на р. Ишим (раскопки Р.Д.Голдиной), городища Кошкуль IV (рис. 12), Крапивка II на р. Уй (рис. 13), Екатерининское V (рис. 14) на р. Таре (раскопки А.В.Матвеева) пока не могут быть связаны с известными по летописям населенными пунктами Сибирского ханства [Матвеев, Татауров, 2008, с.149–152]. Вместе с тем даже условная локализация легендарных городков и картографирование их совокупности вместе с известными науке археологическими памятниками сибирских татар XIV–XVI вв., создают условия для реконструкции струк-

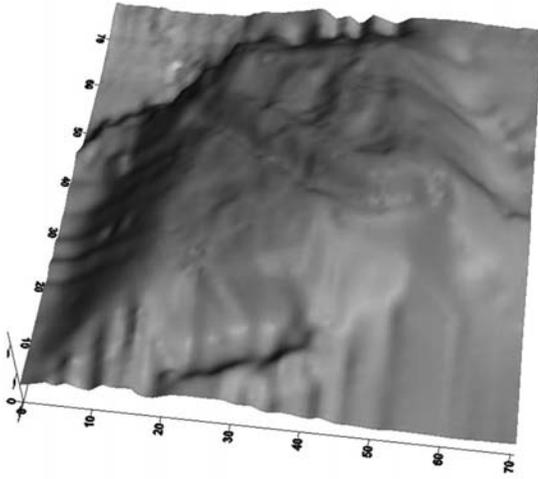

Рис. 8. Городище Надеждинка VII (городок Тунус)

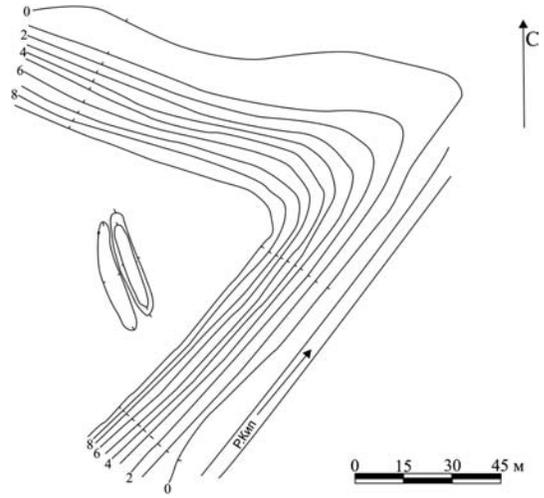

Рис. 9. Городище Кипо-Кулары (Кип IV)

Рис. 11. Городище
Кучум-гора

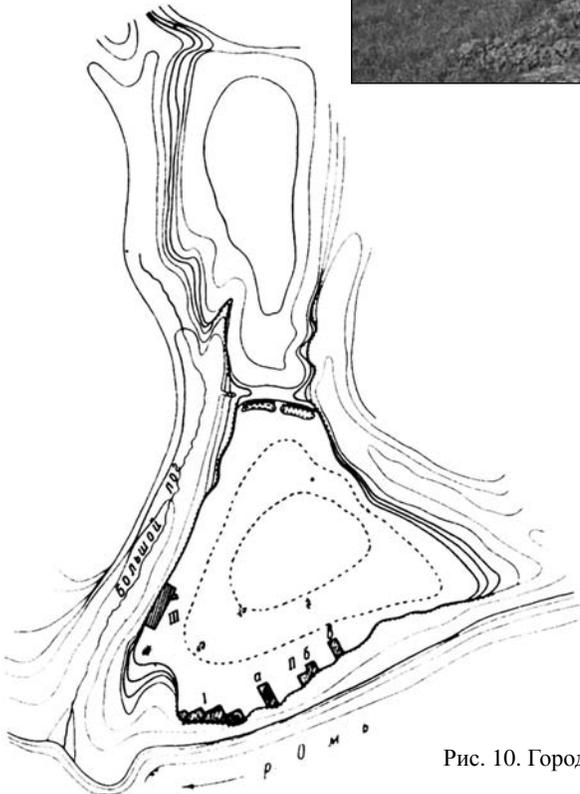

Рис. 10. Городище Большой Лог

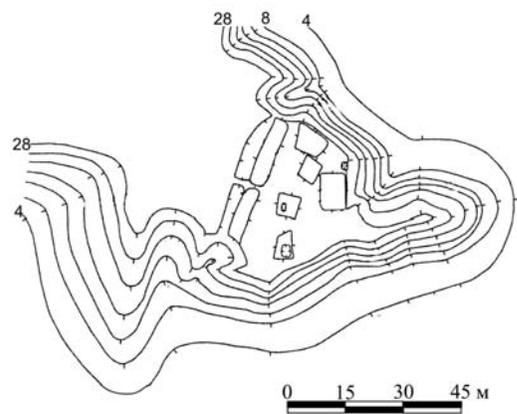

Рис. 12. Городище Кошкуль IV

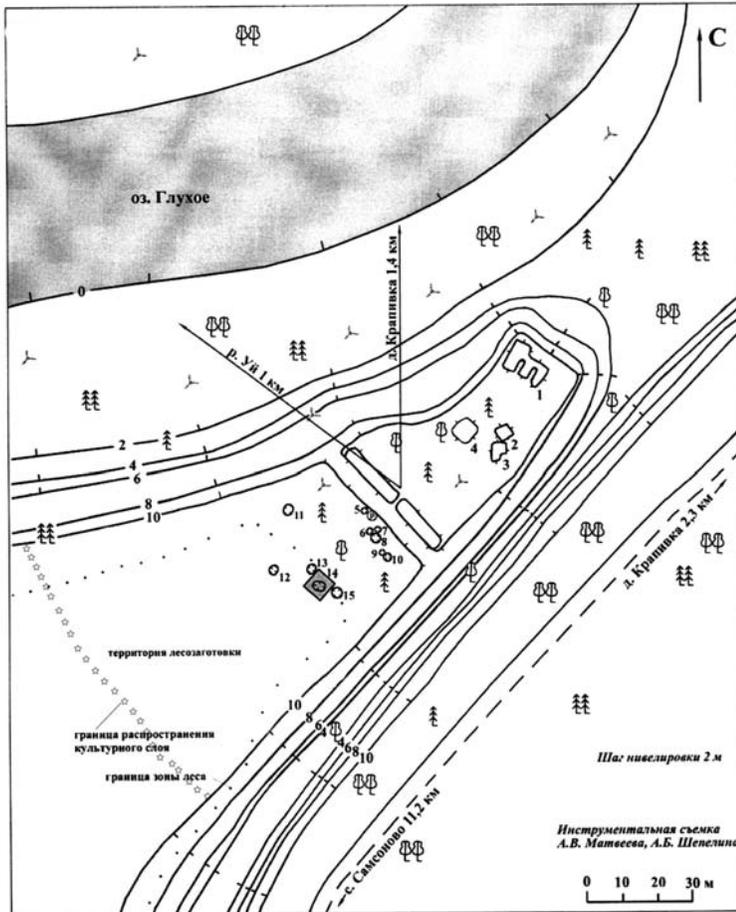

Рис. 13. Городище Крапивка II

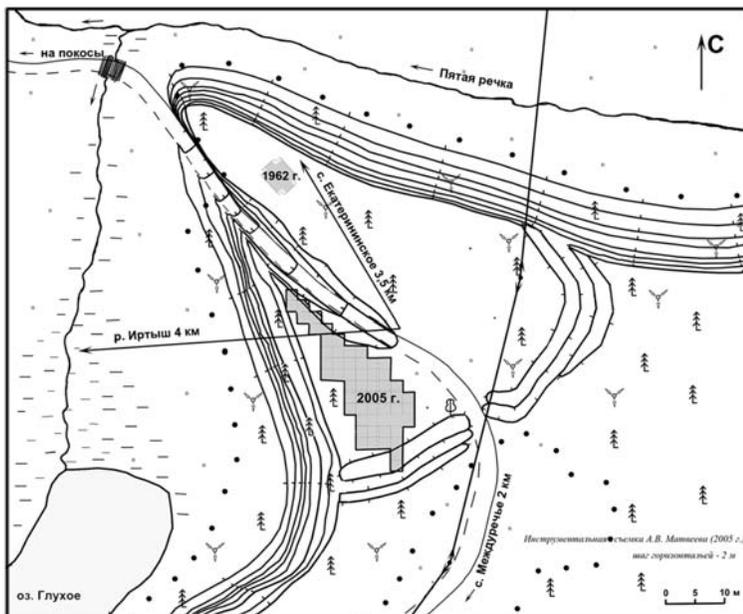

Рис. 14. Городище Екатерининское V (Ананьинское)

туры расселения и административного устройства государства Кучума [Матвеев, Татауров, 2012].

По результатам археологических изысканий были опубликованы работы по фортификации комплексов этого времени, для некоторых из них сделаны графические реконструкции [Зыков, 2010, с.113; Троицкая, Соболев, 1996, с.121]; разработано несколько классификаций городищ, среди которых наиболее актуальной представляется классификация В.И.Соболева [Соболев, 2008, с.226]. В качестве критериев он избрал местоположение и планиграфию – особенности рельефа, позволявшие обеспечить защиту населения, наличие водных ресурсов, удобство земельных угодий и др. На этом основании он выделил три типа городищ: мысовые (82,5%), возведенные на мысу, образованном естественными берегами рек и оврагов; равнинные (12,5%), сооруженные на равнинной местности или на гривах, но не имеющие доминирующего положения над окружающей местностью; островные (5%) сосредоточивались на островах Чановского озера.

Классификация В.И.Соболева и приведенная им статистика позволяют представить основные инженерно-фортификационные модели городищ Сибирского ханства. Вместе с тем, мы предлагаем рассмотреть

городища Сибирского ханства в более широком, историческом контексте, когда учитывается вопрос о месте каждого памятника в границах определенной территории и населения, его военно-политической и социальной роли. В этом случае многообразие городищ можно разделить на четыре категории:

1. Города – центры «провинций» Сибирского ханства («столицы»): Искер, Чинги-Тура, Кизыл-Тура, Тон-Тура.

2. Военно-административные центры и рядовые укрепленные поселения на территории «провинций» (центры родовых подразделений). Например, в Среднем Прииртышье: Большая Пристань I (рис. 15), Крапивка II, Екатерининское V (Ананьинское), Айткулово XI, Безымянное II и др.

3. Пограничные городки. В таежном Среднем Прииртышье: Надежинка VII, Бергамак XV, Кошкуль IV, Ямсыса XIV. В степной Барабе: Мальково, Новорозино I, Тюменка, Чиняиха, Большой Чуланкуль I.

4. Укрепленные военные лагеря, например, летописный Черный городок.

Этот подход видится нам более актуальным, поскольку в интересующие нас XV–XVI вв. на первый план в определении места расположения конкретного укрепленного комплекса и уровня его желаемой фортификации вышли определенные политические обстоятельства.

Столица и «центры провинций» – Искер, Чинги-Тура, Кизыл-Тура, Тон-Тура (Вознесенское городище) имели принципиальные отличия от остальных укрепленных поселений ханства. Все они обладали значительными размерами, имели по четыре площадки, разделенные тремя мощными линиями обороны. Например, один из рвов Вознесенского городища имел ширину около 19 м, глубину более 6 м [Соболев, 2008, с.77]. После 1563 г., согласно исследованиям А.П.Зыкова, ров на дне восточного лога города Искер достигал максимальных размеров – ширина до 12–13 м, глубина до 2,5 м.

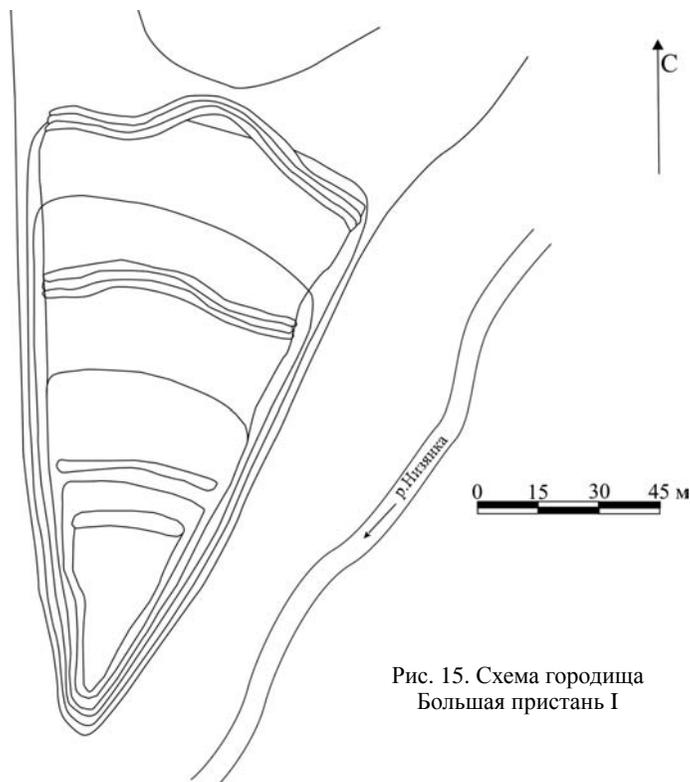

Рис. 15. Схема городища Большая пристань I

Военно-административные центры и рядовые укрепленные поселения на территории «провинций» (центры родовых подразделений) Сибирского ханства отличались более скромными размерами. Они чаще всего ограничивались одной линией оборонительных сооружений, состоящей из рва и вала, на котором обычно стоял частокол. Компенсировать меньшую эффективность оборонительной линии приходилось возведением дополнительных фортификационных комплексов, состоявших из отдельно стоящих башен (Безымянное I), выступающих вперед за линию обороны бастионов (Бергамак V, Айткулово XI, Екатерининское V). Количество бастионов зависело от протяженности оборонительной линии, их могло быть два фланговых, как на Бергамак V, и четыре фронтальных, как на Айткулово XI. Единственный бастион в северной части линии рва и вала на городище Екатерининское V (Ананьинское) прикрывал спуск к воде.

Пограничные городки на юге Сибирского ханства, располагались, как правило, на небольших возвышенностях и на открытой местности. По форме они выделяются строгим геометризмом – все они представляют

собой прямоугольник, иногда поделенный на две части (Черноозерье XII, Александровка VI, Чиняиха, Тюменка, Тентис II). На одной из частей содержались боевые и предназначенные для пропитания лошади, или располагалась хозяйственная часть. На другой части проживал гарнизон. У всех городищ стандартная оборонительная система, состоящая из рва шириной около 5 м и глубиной 2,5 м и вала шириной до 5 м и высотой до 2,5 м. К сожалению, на многих из них не проводились археологические исследования, поэтому мы не можем сказать, имелись ли на валах частоколы или другие деревянные сооружения. Размеры у южных памятников варьируются в пределах 7–10 тыс. м², но есть и большие до 30 тыс. м², как на Тюменке, что объясняется стратегической значимостью этого комплекса.

Северные пограничные городки Сибирского ханства также имели свою специфику. Чаще всего они не были построены на местах расположения более ранних военно-фортификационных комплексов. На городках Кошкуль IV и Надеждинка VII было зафиксировано небольшое количество жилищ, на первом – 6, на втором – 4. Численность гарнизонов таких городков составляла 30–40 человек. Площадки некоторых городков (Кошкуль IV) искусственно подняты на 1–1,5 м над окружающей территорией, что увеличивало их защищенность. До 80–90% периметра северных пограничных городков приходилось на склоны террасы, которые эскарпировались, и подняться по ним было практически невозможно. Наиболее яркий пример – городок Тунус (Надеждинка VII), который располагался на останце р. Нижняя Тунуска и практически по всему периметру склоны останца были эскарпированы.

Временные укрепленные военные лагеря. Этот тип укреплений в Сибирском ханстве выделил в своей работе Л.Р.Кызласов. Он на основании описания Г.Ф.Миллером Черного городка, поставленного сыном Кучума Алеем в Прииртышье в 1594 г., говорил о существовании в Сибирском ханстве кольцевых деревянных крепостей, где оборонительную линию составляли поставленные близко друг к другу несколько десятков срубов жилищ. В каждой из таких изб, по

мнению Л.Р.Кызласова, проживало по 4–5 воинов [Кызласов, 1999, с.122].

Особое внимание при строительстве оборонительной линии на городищах Сибирского ханства уделялось входам/въездам на городища, т.к. это, как правило, самое уязвимое место в оборонительном комплексе. На небольших городищах, особенно на узких мысовых комплексах, таких проходов зачастую просто не было, т.к. не было необходимости переброски на ограниченную территорию большого количества грузов. В Среднем Прииртышье значительное количество городищ не имеют визуальных следов проходов через линию обороны: Александровка VII, Ашеваны III (Лиственный увал), Айткулово XI, Айткулово XIV, Большая пристань I и др. Переход через ров в городище вероятнее всего осуществлялся при помощи навесного или легкого свайного моста.

Однако для больших укрепленных поселений проезд был жизненно необходим, т.к. по нему доставлялось продовольствие и корм для животных. Причем для татарских городков это должен быть именно проезд.

Интересна система обороны проездов на городище Безымянное I. Здесь напротив проездов в первой линии укреплений во второй линии были выдвинуты бастионы, и неприятель после взятия ворот попадал под перекрестную стрельбу лучников. На городище Надеждинка VII (Тунус) у места прохода-подъема на верх останца у его подножья был поставлен небольшой редут, высота стен которого в настоящий момент достигает 2 м, а внутренняя часть стен выложена сырцовым кирпичом.

Въезды на степных пограничных городках вообще не были укреплены. Вероятно, они в буквальном смысле слова были пограничными заставами, т.е. укрепленными лагерями для конных отрядов. Гарнизон городков и не был предназначен для пассивной обороны, поскольку состоял из кавалерии, которая выходила биться в чистое поле. Исключением в ряду пограничных городков представляет комплекс Большой Чуланкуль I, где у въездов на городище фиксируется подобие бастионов.

Фортификационное искусство в Сибирском ханстве строилось на «трех китах».

Во-первых, определенные навыки фортификации сибирские правители переняли у проживавших ранее на этой территории народов. Особенно это касалось выбора мест для создания укрепленных комплексов и использование особенностей природного рельефа для строительства фортификационных сооружений. Во-вторых, строители использовали навыки постройки укреплений, принесенные из Средней Азии. Видимо, на их основе были построены пограничные городки в Барабе. Наконец, еще одной слагаемой фортификационного искусства в Сибирском ханстве стали знания, почерпнутые при знакомстве с укреплениями городов и городков в Казанском ханстве. Наиболее наглядно этих «китов» видно в оборонительной системе Искера, реконструированной А.П.Зыковым, который выявил шесть строительных горизонтов, соответствовавших шести периодам существования крепости с конца XV в. до 1586 г. Фортификационные системы других крупных городов – Кизыл-Туры и Тон-Туры (Вознесенского городища), вероятно, очень близки второму горизонту Искера.

В настоящий момент трудно оценить эффективность фортификационных сооружений Сибирского ханства. Однако тот факт, что Ермак при штурме даже небольших городков сталкивался с серьезными проблемами, а некоторые городки, как, например, Куллары, он так взять и не смог, говорит о достаточно высоком уровне сибирской фортификации в XVI в. В то же время, анализируя укрепления городищ и городков Сибирского ханства вкпе с описаниями боевых столкновений русских и татарских отрядов и комплекса

оружия ханского воина, мы приходим к выводу, что фортификационные сооружения в ханстве играли второстепенную роль. По своей тактике и стратегии армия у хана Кучума была создана по подобию кочевых государственных образований, где почти 100% всех боевых действий осуществляла кавалерия. Показательны в этом плане пограничные городки, которые служили скорее базой для дислокации небольших конных отрядов, чем фортификационными твердынями.

Значительная часть укрепленных поселений служила защитой от внезапного нападения, для того, чтобы продержаться до подхода помощи со стороны военно-административных центров. За исключением городов и 4–5 крупных центров провинций (улусов) укрепленные поселения не были в состоянии выдержать длительную осаду. Некоторое число городищ, в силу их расположения, вообще являлись укрытиями, где население могло отсидеться в случае военной опасности. В целом же изучение укрепленных комплексов Сибирского ханства позволяет нам говорить о том, что фортификация этого государства развивалась в общем контексте развития военного искусства Северной Евразии. Несмотря на имеющиеся в науке классификации городищ Сибирского ханства, до настоящего времени не решен ряд актуальных проблем. Отсутствие абсолютной хронологии этих комплексов не позволяет решить вопрос о культурной и/или этнической атрибуции населения городищ, и соответственно построить общую схему развития городищ для этого исторического этапа и искомой территории [Татауров, 2010, с.30–31].

ГЛАВА 2

Экономика в татарских государствах

Рафаэль Валеев

Экономическая история татарских государств в XV–XVIII вв. изучена, к сожалению, недостаточно. Это связано с целым рядом факторов. Наиболее существенными из них, на наш взгляд, являются следующие:

1. Излишняя политизированность процессов взаимодействий Московского государства с Казанским ханством и другими татарскими государственными образованиями, а также идеологическое обоснование, подготовленное в период правления Ивана IV для «Казанского взятия» и последующего завоевания татарских территорий. Это касается и той официальной историографии, которая сложилась по сообщениям русских летописей, «Истории Казанского царства», описаниям тех событий современниками [Алишев, 1995, с.3–6].

2. Различные природно-географические условия этой части Евразии – от Крыма и Нижнего Поволжья до Сибири и Прикаспия; горные системы, протянувшиеся вдоль всего материка: Уральские горы, отроги Южного Урала, западные хребты горных систем Тянь-Шаня и Алтая. С юга степную зону между Черным и Каспийским морями перекрывали Кавказские горы. Все это придавало своеобразию жизнедеятельности населения и диктовало разные способы хозяйствования и экономические модели развития в татарских государствах.

3. Недостаток документальных источников, раскрывающих особенности и общие закономерности экономического развития татарских государств. «Письменные источники на восточных языках по истории Казанского ханства почти полностью погибли при взятии Казани в 1552 году», – писал еще в середине XX вв. выдающийся отечественный источниковед С.О.Шмидт [Шмидт, 1954, с.189]. Ситуация с этого времени изменилась незначительно. Документальных источников по истории Казанского ханства

сохранилось очень мало, всего около десятка. Чуть лучше обстоит дело с письменными источниками по Крымскому ханству, это связано с тем, что оно просуществовало до XVIII в.

Исследование экономики татарских государств требует не просто общего анализа источников, а изучение конкретных хозяйственных и правовых документов, указов и предписаний ханской власти (за исключением нескольких ярлыков они почти не сохранились), городских книг и других материалов, которые позволили бы раскрыть соотношение разных производящих отраслей, таких как земледелие и скотоводство, промыслы и ремесла города и сельских поселенческих агломераций, рыболовство и охота, представленность товаров этих отраслей на рынке; соотношение разных экономических типов хозяйства – натурального, смешанного или простого товарного; разных типов хозяйства – крестьянского, ремесленного, тех 13 категорий должностных лиц и чиновников, перечисленных в ярлыке Казанского хана Сахиб-Гирея и, естественно, имевших свои хозяйства, а также разных субъектов рынка – профессиональных купцов, производителей-ремесленников, крестьян и других групп городского, сельского и кочевого населения, относящихся к податному сословию.

К сожалению, отсутствие исторических источников, в первую очередь, письменных документов, не позволяет ответить на эти вопросы, которые раскрыли бы относительно полную картину истории экономики татарских государств и осветили бы проблемы рассматриваемого периода.

Для раскрытия этих проблем – описания ремесел, промыслов, номенклатуры товаров внутренней и внешней торговли – важное значение имеют археологические исследования; нумизматические, метрологические

материалы, значение которых неопределимо для характеристики торговых связей, средств обращения и торгового инструментария, маршрутов торговых путей как внутригосударственных, так и межрегиональных и межгосударственных, ярмарок и торжищ внутри и вне городов.

Однако следует заметить, что археологическое исследование памятников татарских государств сопряжено с необходимостью масштабных археологических раскопок и анализа материалов. К сожалению, за исключением Казанского Кремля, Русско-Урматского селища, Арска и ряда других памятников такие работы не проводились.

4. Важное обстоятельство, осложняющее исследование экономики, это методика, предполагающая сочетание приемов качественного и количественного анализа. Известно, что государственная власть, преследуя фискальные цели, направленные на пополнение ханской казны, покрыла всю страну сетью податных учреждений, ведавших сборами в данном пункте, районе, даруге. Книжники, уставосодержальники, данщики, таможенники, весовщики и другие категории проводили большую работу по учету и сбору налогов. Страна была усеяна таможенными заставами, на перевозах через реки стояли поборники и лодейники, взимающие пошлину в казну за переезд и перевоз грузов. На заставах проезжих купцов поджидали заставщики и таможенники, собиравшие пошлину с провозимых товаров. Вся общественная и частная жизнь была строго регламентирована, деловые отношения между отдельными лицами облекались в форму договоров и контрактов, которые скреплялись тамгами и печатями, а в особо важных случаях – присягой и клятвой [Худяков, 1990, с.206–207]. Однако эти материалы, особенно касающиеся таможенных пошлин, отсутствуют. В свою очередь, они могли бы представить объем, ассортимент, динамику развития экономики и, в частности, торговли в городах татарских государств. Отсутствуют и статистические данные о соотношении товарной и натуральной продукции в отдельных усадьбах, хозяйствах, экономических отраслях, рыночном товарообороте, состоянии и движении цен, соотношении спроса и предложения, размерах купеческой

прибыли. Материалы по этим темам невозможно качественно проанализировать, они появляются в XVIII–XIX вв. и характеризуют уже новое время. Поэтому возможен лишь сравнительно-исторический анализ.

Экономика татарских государств XV–XVIII вв. во многом унаследовала уровень, который был достигнут в первой половине II тыс. н.э. существовавшими суверенными государствами – Волжской Булгарией, Дешт-и Кипчаком, Крымом, а также успехами различных народов, проживавших на этой части территории Евразии. Симбиоз оседло-земледельческого и кочевого компонентов, который существовал в Золотой Орде, являлся мощным фактором развития ее экономики и длительное время определял экономическое благосостояние Улуса Джучи [Егоров, 1974, с.37].

Но даже в период существования единого централизованного государства развитие экономики Улуса Джучи определялось особенностями конкретных географических регионов, входивших в его состав, преобладанием земледелия или скотоводства, оседло-городского, кочевого и разных категорий населения, дифференциацией внутренней структуры, методов ведения хозяйства и характером организации общественных и культурных традиций и связей [Валеев, 2012, с.68–80]. Распад Золотой Орды и появление новых ханств, хоть и с различной степенью суверенности, еще больше подчеркнули как особенности экономики каждого из этих государств, так и общие закономерности экономического развития, сложившиеся в рамках евразийского пространства Улуса Джучи.

Экономика татарских государств была многоотраслевой: земледелие, скотоводство, разные виды ремесленных производств, такие как металлургическое, гончарное, ювелирное, кожевенное, косторезное, строительное, а также промыслы и торговля. Налицо было общественное разделение труда, которое привело к активному развитию простого товарного производства, существовавшего одновременно с натуральным хозяйством.

Экономическому развитию татарских государств способствовали следующие факторы:

1. Территория этих государственных образований отличалась богатыми природными ресурсами. Так, природу Среднего Поволжья и Приуралья характеризовали леса на севере, лесостепи и степи на юге с обширными лугами и черноземными почвами, большое количество рек и озер. Широкие поймы рек были богаты кормами для скота, охотничьими угодьями и другими природными ресурсами. Земли Астраханского ханства, Большой и Ногайской Орды, отчасти Крымского и Сибирского ханств выходили к Черному и Каспийскому морям и находились в степной зоне с обилием трав и пастбищ, озер, рек, зверей и птиц.

2. Значительный потенциал ремесленных производств и технологий, особенно городских, достигнутый в X–XV вв. в Волжской Булгарии, Хорезме, Крыму, Золотой Орде, который отличался от продукции других средневековых государств. Активное развитие ремесел, отдельные из которых, в частности, обработка цветного металла, чугуна, ювелирное дело, производство поливной керамики, строительного кирпича, резьба по камню и стеклоделие, являлись сугубо городскими видами ремесла. Такие ремесла, как кузнечное производство, гончарное, кожевенное и косторезное дело, также получили наибольшее развитие в городах, хотя виды этих производств зафиксированы и в сельских поселенческих агломерациях.

3. Благоприятное географическое расположение татарских государств на стыке международных, межрегиональных торговых путей Евразии, соединявших Запад и Восток, Север и Юг. В результате происходило присоединение внутрис государственного и межгосударственного товарообмена к международной торговле. Волга, Кама, Вятка, Иртыш и другие крупнейшие водные магистрали, а также караванные маршруты определили значение этих средневековых государств в истории Евразии. Еще в рамках Золотой Орды начал создаваться прообраз единого экономического пространства. В XIII–XV вв. международная торговля, приобретая новые функции, в частности внутри-

региональный товарообмен, основывалась не столько на природно-географическом различии отдельных регионов, сколько на их территориально-хозяйственной дифференциации. Общие рыночные механизмы функционировали на пространствах от Италии до Константинополя, Крыма, Сирии, Северной Африки, Испании [Карпов, 1990, с.4–5]. С расширением сферы обмена складывалась относительно унифицированная коммерческая система и обнаруживалась взаимосвязь разных торговых центров Южной и Северной (Балтийско-Североморской) зон [Сванидзе, 1987, с.29–51].

Золотоордынские ханы, обеспечив безопасность торговых путей из Западной Европы до Китая, смогли поддержать экономическое процветание государства. После разгрома Тимуром волжских городов Золотой Орды торговые пути на Восток изменились. Пряности и шелк в Средиземноморье стали доставлять южным путем через страны Среднего и Переднего Востока [Федоров-Давыдов, 2001, с.213–220], о чем писал Иосафат Барборо: «Ведь до того, как он был разрушен Тамерланом, все специи и шелк шли в Астрахань, а из Астрахани – в Тану (теперь они идут в Сирию). Только из одной Венеции в Тану посылали шесть-семь больших галей, чтобы забирать эти специи и шелк. И в те времена ни венецианцы, ни представители других заморских наций не торговали в Сирии» [Барбаро и Контарини, 1971, с.157].

В XV–XVIII вв. изменились политические условия, обеспечивавшие безопасность международных торговых путей, но благоприятные географические факторы продолжали существовать, правда, потеряв при этом широту евразийского пространства. И в самом деле, упадок сильной центральной власти золотоордынских ханов и вслед за этим упадок городов обуславливался тем, что основные трассы Великого шелкового пути были перенесены на юг и вновь прошли по старым маршрутам через Среднюю Азию, Иран и Левант [Федоров-Давыдов, 2001, с.224].

§ 1. Земледелие, скотоводство, ремесла и промыслы

Земледелие в ряде татарских государств, таких как Казанское, Крымское, Касимовское, отчасти Астраханское, имело прочную основу и давние традиции, восходящие к началу I тыс. н.э. Но даже в таких государственных образованиях, как Большая и Ногайская Орда, Крымское ханство, чьи территории находились в степных районах и экономическая жизнь которых базировалась на кочевом скотоводстве, существовало земледелие. Но оно было незначительным и неразвитым. Так, Иосафат Барбаро отмечает наличие фактов хлебозаготовок у кочевников Приазовья и поддержку ханами населения для получения богатых урожаев проса и пшеницы [Барбаро и Контарини, 1971, с.150]. Известно также сообщение крымского хана Менгли-Гирея о том, что значительная часть татар Большой Орды в 1501 г. в условиях кризиса «принуждена была оставить поневоле свое прежнее кочевье, не заготовив для себя хлеба» [Малиновский, ф.36, л.93]. В Ногайской Орде существовало земледелие в районе Сарайчука, а позже на Северном Кавказе [Трепавлов, 2002, с.507–544].

Наиболее развитым земледелие было в Казанском, Крымском и других татарских государствах. Еще до прихода болгар на Среднюю Волгу и Прикамье местное население, прежде всего именьковские племена, в III–VII вв. были земледельческими. У них существовало пашенное земледелие с применением тягловых животных и упряжных пахотных орудий. Булгарское земледелие частично базировалось и на собственных традициях, приобретенных в предшествующее время, когда они находились в составе Великой Болгарии, Хазарского каганата и более древних тюркских государств [Валеев, 2007, с.12–17].

В рамках Золотой Орды отмечается высокая роль земледелия для Хорезма, Болгарского региона, Северного Кавказа и Крыма [Якубовский, 1931, с.11]. На основе сопоставления различных источников Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский отмечают, что Булгария с ее окружением являлась самым важным в Золотой Орде земледельческим регионом [Греков, Якубовский, 1950, с.104]. В сооб-

щениях Ибн-Русте, Ибн-Фадлана, русских летописей и других авторов отмечаются различные земледельческие культуры – пшеница, ячмень, просо и всякого рода зерновой хлеб [Хвольсон, 1870, с.224; Ковалевский, с.136; Валеев, 2012, с.49–50].

В истории Казанского ханства сельское хозяйство и, в первую очередь, земледелие играло первостепенную роль, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и археологические материалы. Автор «Истории о Казанском царстве», который, как известно, длительное время жил в Казани, сообщал, что территория Казанского государства «красна всеми, и скотопажно, и пчелисто, и всяцами семены редимо, и овощами преизобильно, и зверисто и рыбно, и всякого много угодыя» [ПСРЛ, 19, 2000, с.10]. Князь А.М. Курбский, сыгравший активную роль во взятии Казани и за время пребывания увидевший многие регионы ханства и особенно Арскую землю, пишет: «В земле той поля великие и зело преизобильные и гобзующие (т.е. плодородные) на всякие плоды; ...и села часты; хлебов же всяких такое там множество... также и скотов различных стад бесчисленное множества...» Один из идеологов «Казанского взятия» И. Пересветов называл Казанскую землю «подрайской землицей» [Сочинения, 1956, с.182].

Данные письменных источников по развитию земледелия в Казанском ханстве подтверждаются археологическими материалами. Находки почвообрабатывающих и уборочных орудий, орудий переработки урожая, палеоботанических остатков зерен культурных растений и сорняков позволяют раскрыть применявшуюся систему земледелия и состав сельскохозяйственных культур.

К основным видам пахотных орудий относятся соха (сука) и плуг (сабан). На всей территории татарских государств они принадлежали к одним и тем же типам. Железные сошники от двузубых сох с перекидной полицей встречаются достаточно часто. Соха предназначалась для работ на относительно легких старопашотных почвах и на землях, недавно освобожденных от леса. Существует мнение, что соха как

особый вид пахотного орудия возникла в восточнославянской среде не раньше конца I тыс. н.э. и только где-то в XII в. появилась на земле волжских булгар. Впрочем этнограф Н.А.Халиков, специалист по болгаро-татарскому земледелию, не исключает и самостоятельного появления такого орудия у булгар от местного беспашенного рала [Халиков, 1981, с.50].

Однако основным орудием у татар для обработки тяжелой задернованной почвы служил однолемешный плуг-сабан с резаком-приспособлением для регулирования глубины вспашки. По справедливому утверждению Н.А.Халикова, «почти полное сходство металлических частей болгарского плуга и позднего татарского сабана свидетельствует об их генетическом родстве» [Там же, с.59]. Железный лемех от сабана имеет вид массивного полотна с овальной несомкнутой трубицей с подтреугольной симметричной или ассиметричной лопастью. Следует при этом заметить, что совершенствование формы лемеха от симметричного в виде равнобедренного треугольника к ассиметричному в форме разностороннего треугольника свидетельствовало о развитии плугов. Ассиметричные появились в золотоордынский период и были более совершенными и лучше приспособленными к работе с односторонним отвалом [Краснов, 1987, с.207–211]. Обязательной принадлежностью сабана были резаки-чересла, или плужные ножи, которые прикреплялись к оглобле слева перед лемехом и предназначались для резания верхнего слоя почвы – дерна. Такими сабанами, влекомыми парой лошадей или волов, обычно поднимали целину и успешно обрабатывали тяжелые, плотно задернованные степные и лесостепные почвы.

Для уборки урожая использовали серпы (урак) и косы-горбушу (чалгы), существовавшие еще у булгар, и эти названия едины для всех групп татар на огромной территории, а также для тюркоязычных народов Средней Азии. По своей форме, пропорциям, размерам они восходят к северокавказской и среднеазиатской традиции и практически в неизменном виде сохранились до нового времени [Халиков, 2006, с.238].

Подобного рода орудия пахоты и уборки были характерны для населения Каси-

мовского, Сибирского и Крымского ханств, Ногайской Орды и имели более широкое территориальное распространение. Однако продуктивность земледелия зависит не только от состояния сельскохозяйственной техники, но и от естественного плодородия почвы. Поэтому из агротехнических приемов восстановления ее плодородия важное место принадлежало севооборотам. Приемы различались в зависимости от чередования культур, периодов отдыха и возделывания полей.

Татары применяли в основном паровую систему земледелия с трехпольным севооборотом (озимые – яровые – пар), но в зависимости от климата и географического расположения применялись залежно-переложная и подсечно-огневая системы земледелия, либо их сочетание. При залежно-переложной системе использовавшийся в течение нескольких лет и потому утративший плодородие участок земли забрасывался и спустя несколько лет вновь вводился в севооборот. Подсечно-огневая система применялась при освоении залесенных регионов – в Казанском, Касимовском и особенно в Сибирском ханствах. У татар близ Тобольска до начала XX в., впрочем как и у русских крестьян этого же района, сохранялись следы подсечно-огневой системы земледелия [Татары, 2001, с.165]. Даже в начале XVII в. в Казанском крае достаточно широко использовалась подсека и лесной перелог [Писцовая книга, 1978].

Палеоботанические находки и карпологический анализ позволяют представить состав сельскохозяйственных культур, которые выращивались татарами. В зерновых материалах выявлено около 20 видов культурных растений. Сеяли рожь, пшеницу, ячмень, просо, овес, горох и другие культуры. При раскопках на территории Казанского Кремля в слое эпохи Казанского ханства было найдено много зерен ржи. Показателем преобладания ржи является и слабая засоренность зернового материала, что объясняется способностью ржи подавлять сильнее других культур рост сорняков и спецификой его посева после чистого пара. В одной из проб зафиксированы зерна южной туранской пшеницы.

При описании города Казани упоминаются мельницы, а в ходе раскопок во многих постройках обнаружено большое количество обугленного зерна, что свидетельствует о значительном развитии товарного производства зерна на селе и существовании в городе ремесленников, занимающихся обмолотом зерна и выпечкой хлеба.

В Сибирском ханстве пашенное земледелие было распространено в Тоболе, Пышме, Туре, Томи, Вагае, Ишиме, на Иртыше, Оби. У барабинских татар было развито мотыжное земледелие. Каждая семья «черных людей, каждое хозяйство феодалов, даже сам Кучум имели свою пашню, где выращивали хлеб» [Файзрахманов, 2002, с.155]. В 1598 г. Тарский воевода А.Воейков сообщает в Москву, что «Кучум с черных вод ушел на Обь с детьми и всеми людьми, где у него хлеб засеян... Кучум имеет посевы хлеба между Иртышом и верхней Обью» [Отписка, 1842]. Ремезовская летопись пять раз упоминает о хлебных запасах татар в период похода Ермака. Есть упоминания о пашне у татарского мурзы Епанчи [Шунков, 1956, с.13; Сибирские летописи, 1907, с.321–333].

Археологические раскопки городища Искер в окрестностях Тобольска выявили железные серпы, остатки жерновов ручной зернотерки, железный сошник татарского типа [Валеев, 1993, с.64–65].

В Астраханском ханстве применялось лиманное земледелие: хлеба выращивали на обвалованных и осушенных участках мелководных заливов – ильменях. Удобренные плодородным илом в теплом климате пашни давали богатые урожаи, в основном проса, но их подготовка и обслуживание требовали больших трудозатрат. Поэтому земледелие здесь занимало скромное место [Татары, 2001, с.166].

На территории Крымского ханства земледельческие хозяйственные традиции были определяющими на юге Крыма и в районе Керчи [Сыроечковский, 1940, с.10–11]. Однако и в других частях полуострова и за пределами Перекопа, где длительный период времени господствующей формой хозяйствования было кочевое скотоводство, у крымских татар постоянно упоминаются посевы «жита», находившиеся в районах традиционных зимников [Исхаков, 2009в, с.65; Сыроечковский, 1940, с.12].

Интересное сообщение о том, как осуществлялись посевы татарами-кочевниками, оставил Иосафат Барбаро, проживший с 1436 по 1452 г. в Тане и побывавший на многих землях: «...чтобы каждый желающий сеять приготовил себе все необходимое, потому что каждый в мартовское новолуние будет происходить сев в таком-то месте, и что в такой-то день каждого-то все отправятся в путь. После этого те, кто намерен сеять... нагружают телеги семенами, приводят нужных им животных и вместе с женами и детьми... направляются к назначенному месту, обычно расположенному на расстоянии двух дней пути от того места, где в момент клича о севе стояла орда. Там они пашут, сеют и живут до тех пор, пока не выполнят всего, что хотели сделать... Хан... объезжает эти посева... так продолжается, пока хлеба не созреют... уходят туда лишь те, кто сеял и те, кто хочет закупить пшеницу. Едут с телегами, волами, верблюдами и со всем необходимым, как при переезде в свои поместья» [Барбаро и Контарини, 1971, с.150]. Эту характеристику процесса посевов и уборки зерна, занятия земледелием в степных районах вполне можно отнести не только к населению Большой и Ногайской Орды, но и Крымского и Сибирского ханств.

В середине XVI в. Крымский хан Сахиб-Гирей принудил кочевников перейти к оседлому образу жизни. В 1570-х гг. современник М.Броневский пишет: «Та часть полуострова, в которой хан живет со своими татарами, от Перекопа к озеру до Крыма обработана, ровная, плодородная» и в Крыму преобладают «сидячие люди» [Исхаков, 2009в, с.65; Сыроечковский, 1940, с.12]. Сеяли пшеницу, ячмень, полбу, лен. Было развитым садоводство, но кочевые группы продолжали сохраняться, особенно за пределами Перекопа, даже усилившись после присоединения к Крымскому ханству ногайских и большеордынских татар [Исхаков, 2009в, с.65; Сыроечковский, 1940, с.13–14].

Интересным является вопрос о результатах земледельческого труда. И.Барбаро о южном географическом регионе сообщает: «Земли там плодородны и приносят урожай пшеницы сам-пятьдесят – причем она высотой равна падуанской пшенице, а урожай проса – сам-сто. Иногда урожай получают

настолько обильный, что оставляют его в степи» [Барбаро и Контарини, 1971, с.150]. Эти высокие цифры И.Барбаро подтверждаются свидетельством Э.Челеби (XVII в.), писавшем о народах Нижнего Поволжья и степей Северного Кавказа: «Они занимаются еще земледелием, то есть они сеятели и поселяне. Сеют они большей частью просо, потому что одно киле проса в этих краях дает сто-сто киле» [Эвлия Челеби, 2007].

Некоторые исследователи считают, что в северных лесных и лесостепных районах урожайность зерновых в середине XV в. составляла 1:3 – 1:5, что почти не отличается от средневропейских показателей [Нефедов, 2007]. Понятно, что в Касимовском, Казанском ханствах речь могла идти об урожаях применительно к этой зоне, а не о пятидесяти или стократном превышении.

Скотоводство было другой важной отраслью сельского хозяйства в татарских государствах. Оно стабильно обеспечивало население мясо-молочными продуктами. Еще в XIV в. окончательно сложилось взаимовыгодное сотрудничество кочевого скотоводства и земледелия, в том числе, как видели мы выше у И.Барбаро, «кочевого земледелия». Турко-татарские кочевники, занимавшие степи Заволжья, Южного Урала и Сибири в XV–XVII вв., продолжали совершать сезонные перекочевки. Для этого они использовали Бугульминское плато и Южный Урал в качестве летних пастбищ, а зимовать перекочевывали со своими многочисленными стадами в низовья Сырдарьи, Волги и Приаралья. Подобный способ кочевания у скотоводческого населения заволжских и южноуральских степей сохранился вплоть до XVIII в. [История татар, 2009, с.264]. Но традиционная кочевая система была нарушена в ходе выхода части Ногайской Орды на правый берег Волги, в результате которого возникли новые маршруты передвижений [Исхаков, 2009в, с.78].

Экономическая жизнь Большой и Ногайской Орды, Крымского, Астраханского и Сибирского ханств основывалась в значительной степени на кочевом скотоводстве, хотя, как мы видели выше, существовали земледелие и другие хозяйственные отрасли. Преобладание скотоводства было связано с природно-ландшафтной степной зоной

обитания их населения. Разводили овец, коней, верблюдов, коров, ослов и другие виды скота. И. Барбаро с удивлением описывает огромное количество скота, которое он увидел: «Что же рассказать о великом, даже бесчисленном множестве животных в этой орде? Поверят ли мне?» Автор подробно сообщает и о торговле продукцией: «Среди этого народа есть торговцы лошадьми, они выводят лошадей из орды и гонят их в различные места... мне встречалось встречать в пути купцов, гнавших лошадей в таком количестве, что они покрывали пространство целых степей... Второй вид животных, которых имеет этот народ, – прекрасные крупные быки, причем в таком количестве, что их прекрасно хватает даже на итальянские бойни. Их гонят в Польшу, а некоторых направляют через Валахию в Трансильванию; кроме того – в Германию, а оттуда уже ведут в Италию... Третий вид животных, которых держит этот народ, – высокие мохнатые двугорбые верблюды. Их гонят в Персию и продают там по двадцать пять дукатов за каждого» [Барбаро и Контарини, 1971, с.149]. Известно и сообщение о 3200 купцах из Астраханского ханства, пригнавших 40 тысяч лошадей в Москву [Назаров, 1983, с.33]. Среди товаров, доставляемых в Сынгак со стороны Дешта Фазлаллах Ибн Рузбиханом в начале XVI в., отмечаются «жирные овцы, кони, верблюды» [Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани, 1976, с.11]. Бараны и лошади из Астраханского ханства названы и в османских документах из Азака [Зайцев, 2006, с.208]. В значительном количестве крупный и мелкий рогатый скот поставлялся в Среднее Поволжье [Петренко, 1988, с.258, 260, 271] и на Русь [Цалкин, 1967, с.120].

Во многом экономический кризис, связанный с недостаточностью пастбищных угодий и засухой, привел к распаду Большой Орды. Послы Московского государства и Крымского ханства в начале XVI в. отмечали, что большеордынцы были «худы... добре, и пеши, и наги или безконны добре... и охудали и кочуют на рознь» [Зайцев, 2006, с.109].

Скотоводство развивалось в отгонно-стойловом виде в Касимовском, Казанском и Сибирском ханствах. А.М.Курбский называет в Казанском ханстве «также и ско-

тов различных стад бесчисленные множества». Наличие таежных лесов и болот в Сибирском ханстве затрудняло развитие скотоводства кочевого типа в широких размерах. А степные просторы по среднему течению Тобола и Иртыша, левобережью Оби, Барабы были очень удобны для разведения скота. Барабинцы-татары разводили лошадей и овец. Иртышские и тобольские татары занимались полуседлым и оседлым скотоводством, разводили лошадей, крупный рогатый скот, меньше – овец. Одной из главных отраслей сибирских татар было коневодство. Лошади использовались для верховой езды, в упряжке, а с развитием земледелия – как рабочий скот. Коневодство было источником мяса и кобыльего молока для кумыса [Файзрахманов, 2002, с.153–154]. В степных юго-восточных ареалах Казанского ханства и на южных окраинах Касимовского ханства, где жили ногайские группы, могло существовать и кочевое скотоводство [Исхаков, 2009в, с.57, 63].

В татарских государствах, особенно с оседлым образом жизни, население активно разводило домашних птиц – кур, уток и гусей. Среди остеологических материалов многих поселений обнаружены их кости и яичная скорлупа в значительных количествах.

Важной, но не главной частью экономики татарских государств были охота, рыболовство и бортничество. Наиболее сильное развитие охота и рыбная ловля получили в Сибирском ханстве. Охота в таежных и лесных зонах, особенно у ясколбинских татар и в северной части Барабы, наряду с рыболовством была одним из основных видов хозяйственной деятельности и источником существования. Охота на крупных животных и птиц обеспечивала семью мясом. Охота на пушных зверей обеспечивала одеждой и служила средством обмена и торговли. Туринские, тюменские и тобольские татары охотились на крупного зверя артелью, иногда в одиночку. Охота была пешей, зимой охотились на лыжах. Охотились и с кречетом. Зайцев, уток, куропаток, косачей ловили петлями. На горностаев ставили западню [Файзрахманов, 2002, с.156].

В тех районах Казанского, Крымского, Касимовского ханств, в Зауралье, которые

были богаты лесом, население также занималось охотой. На раскопках в слоях этого времени найдены костные остатки диких животных – лисицы, волка, медведя, зайца и др.; птиц – гуся, тетерева, серой куропатки и др. Сообщения путешественников, восточные и западные источники IX–XV вв. пестрят сообщениями о поставке мехов пушных зверей. Территории татарских государств в рассматриваемый период были активными поставщиками этого товара. Охотились на куниц, бобров, соболей, белок, горностаев, лисиц, зайцев, и их мех активно экспортировался. Охота была излюбленным развлечением хана и его окружения. Так, в ходе раскопок Казанского Кремля вблизи ханского двора обнаружена большая доля охотничьей промысловой фауны (лось, кося, кабан, медведь, заяц).

Рыболовство, так же как и бортничество, занимало подчиненное положение в хозяйственной деятельности татар. В то же время оно играло весьма существенную роль в жизни населения прибрежных районов Волги, Камы, Вятки, Иртыша, Тобола и других крупных и небольших рек, а также Черного моря – татар Крымского ханства. Особенно масштабным было рыболовство в Астраханском ханстве, где часть рыболовных участков принадлежала хану и знатым татарам. Ловили осетровых, белуг, севрюгу. Икра была важной статьей местной и внешней торговли. В 1554 г., после захвата ханства русскими, была наложена дань в 30 тысяч (в других источниках 3 тысячи) белуг и осетров [Исхаков, 2009в, с.71; Зайцев, 2006, с.224].

Многочисленные находки чешуи и костей осетра, стерляди, гарпунов (сома, судака, сазана и других рыб), железных рыболовных крючков, блесен для ловли крупной рыбы, а также каменных и глиняных грузил для сетей и неводов – обычное явление при раскопках прибрежных поселений. Потребление рыбы заметно влияло на питание жителей этих поселений, о чем свидетельствует значительная доля костей на раскопках целого ряда памятников.

И.Барбаро, описывая Волгу и Каспийское море, пишет, что «в реке, как и в море, неисчислимое количество рыбы», вяленая рыба, а также икра вывозились итальянскими купцами в больших объемах [Барбаро и Конта-

рини, 1971, с.50– 52; 57–58, 157]. Рыбным промыслом на Волге занималось не только местное население, он привлекал и заграничных, а именно русских рыбопромышленников. Известный указ русского правительства в 1523 г. вызвал острую дороговизну и недостаток преимущественно в отличной рыбе, в том числе и в белуге, которая ловится в Волге по эту и другую сторону Казани; зависимость русского рынка от волжского рыболовства тем более ощутима, что в данную эпоху русские исправно соблюдали посты [Худяков, 1990, с.220]. Составитель «Казанского летописца» говорит о русских рыбаках: «Ловяще рыбу на Волге под горами девичьими и до Змиева камня и до Увека от Казани верст 1000 – захавши бе тамо живяще лето все, на диких водах ловяща, и в осень на Русь возвращахуся, наловящесея и обогатившесея» [ПСРЛ, 19, 2000, с.33]. Он определяет число русских рыбаков, работавших в Казанском ханстве в 1521 г., в 10 тысяч человек [Худяков, 1990, с.223].

Необходимо также отметить особое отношение татар к пчеловодству и бортничеству. Мед и сегодня входит в состав ритуального свадебного обычая «бал-май». Н.Баженов отмечал: «Татары занимаются пчеловодством преимущественно в сравнении с другими» [Баженов, 1847, с.11]. Если первоначально пчеловодство существовало в форме собирательства меда диких пчел, то в рассматриваемый период активно развивалось бортничество, т.е. искусственное изготовление бортей в дуплах больших деревьев, и лишь в XIX в. пчеловодство приобрело пасечную форму [Сочинения, 1956, с.178]. Мед и воск не только активно употреблялись в пищу населением, но и были важной статьёй торговли.

В экономике татарских государств важную роль играло ремесло. Уровень и технологии производства, которые были достигнуты в рамках Волжской Булгарии, Крыма, Хорезма, Золотой Орды, стали базой для развития и совершенствования ремесла, организации различных видов производства в XV–XVIII вв. Остатки производственных объектов (металлургические и гончарные горны, кузнечные, ювелирные, косторезные, кожевенные и другие мастерские), ремесленного инструментария, разных групп из-

готовленной продукции и полуфабрикатов, а также отходов производства позволяют представить в общих чертах уровень развития основных ремесел, а для Крымского ханства в XVII–XVIII вв. – развивающейся промышленности.

Состояние и развитие многих отраслей экономики и социально-общественных отношений: земледелия, скотоводства, различных промыслов и ремесел, вооружения, военного дела и обороноспособности – во многом зависело от уровня черной и цветной металлургии и кузнечного производства. В Волжской Булгарии и Золотой Орде железообработка достигла высокого уровня. Работы, связанные с металлургией железа и сплавов, состояли из ряда самостоятельных операций:

- разведки и добычи различных руд;
- заготовки топлива, рубки дров и выжигания древесного угля;
- изготовления металлургического горна, его сушки и обжига;
- разжигания и протапливания горна, его загрузки углем и рудой (шахтой);
- регулирования подачи воздуха и слежения за протеканием сыродутного металлургического процесса;
- извлечения из горного пространства образовавшейся крицы, ее первичной проковки с целью уплотнения железа и выжимания из нее шлаков [Семькин, 2006, с.249].

Начало производства чугуна в XIV в. в Золотой Орде, одной из первых стран в Европе, определило его дальнейшее развитие в татарских государствах. Так, при раскопках Казанского Кремля в слоях XV–XVIII вв. найдено около 50 обломков чугунных котлов.

Металлургические горны и другие сооружения, связанные с обработкой железа и сплавов, известны не только в городах, но и в сельских поселениях. В городах существовали специализированные мастерские, состоявшие из нескольких металлургических горнов и кузнечного горна. Эти комплексные мастерские обладали необходимым оборудованием и инструментарием. Они применяли различные технологические схемы, позволяющие изготавливать железо из кричного железа, сырцовый и цельный стали, пакетного металла, цементацию, за-

калку и пайку медью и другие усовершенствованные приемы.

Роль и значение кузнечного производства заметно возрастает, увеличивается и номенклатура продукции, позволявшей обеспечить развитие экономики татарских государств и, соответственно, населения необходимыми изделиями из черного металла. Ассортимент был достаточно широк – лемехи, сошники, мотыги, серпы, косы, топоры, ножи, приспособления для клеймения скота, удила, стремена, наконечники стрел, копий, сабли и т.д. Из чугуна отливались котлы, чаши и другая продукция.

Кузнечное производство существовало отдельно от металлургического. Оно существовало среди мастеров-кузнецов как узкая специализация, во многом связанная с рыночным спросом на ту или иную продукцию, так и среди универсальных кузнецов, особенно на селе.

Усовершенствованная технология обработки цветных металлов давала возможность изготавливать различную продукцию из меди, бронзы, сплавов, серебра и золота: детали оружия, бытовые и культовые предметы, посуду, каламы (палочки для письма), замки, ключи, разные типы украшений – серьги, перстни, бусины и др. Цветная металлообработка играла весьма важную роль в экономической жизни татарских государств. При раскопках Казанского Кремля у Северо-Восточной башни обнаружены остатки металлургического производства эпохи Казанского ханства. Это были деревянные постройки с кирпичными печами и горн. В заполнении горна найдено большое количество обломков кирпича, кусков медного шлака, слитки меди, свидетельствующие о том, что этот объект является медеплавильной мастерской.

Мастера при изготовлении изделий из цветных металлов широко применяли такие приемы обработки, как тиснение, штамповка, волочение, позволявшие создавать различную по количеству и качеству продукцию. Отдельным направлением было изготовление металлической посуды – кумганов, тазов, кружек, светильников, различной тары. Большой интерес представляет медный кумган, находящийся в фондах Национального музея РТ. Он представляет

высокохудожественное произведение. Искусствоведы описывают его так: «Стройное изящество его формы с узким высоким горлом, отделенным от тулова рельефным венчиком, плавно изогнутой ручкой, каплевидным силуэтом, расширяющимся книзу тулова, и круглой подставкой дополнялось щедрым и виртуозно исполненным в комбинированной технике чеканки, насечки и гравировки растительным и каллиграфическим орнаментом – надписью, заполняющей легким летящим рисунком графированных арабских письменных знаков овалом-каплевидный бордюр по обеим сторонам слегка уплощенного бордюра» [Червоная, 1987, с.154]. Этот пример свидетельствует о значительных технологических возможностях татарского ювелирного ремесла.

Обработка цветных металлов теснейшим образом связана с ювелирным ремеслом, которое на основе успехов, достигнутых в домонгольский и золотоордынский периоды, достигло высокого совершенства. Ювелирные мастерские располагались, как правило, в центральной части городов, ближе к заказчику и потенциальному потребителю. Специальных мастерских археологически пока не выявлено, но известно достаточно много следов производства в виде тиглей и литейных форм, ремесленного инструментария и великолепных образцов готовой продукции. Часто встречаются металлические матрицы, которые служили для массового изготовления ювелирных изделий с применением техники тиснения, штамповки и чеканки. Они представляли из себя массовые литые пластины с нанесенными орнаментальными узорами. На них накладывали тонкую пластину из меди, серебра или золота, и при помощи осторожных ударов деревянным молотком по штампу получали четкий рельефный оттиск на металл. Деятельность ювелиров представлена разнообразным инструментарием: молотки-чеканы, наковальни, напильники, пуансоны, пинцеты, мелкие пробойники и зубила.

Татарские ювелиры владели всеми техническими приемами художественной обработки драгоценных металлов и камней. Виртуозным мастерством отличались создаваемые золотые и серебряные изделия с применением филигранны, зерни, плоской,

накладной и бугорчатой скани. С особенной любовью и вкусом инкрустировали мастера свои изделия аметистами, синей бирюзой, зеленым малахитом, сердоликом, жемчугом, яшмой и другими камнями и цветными гранеными стеклами, отчего татарское ювелирное искусство обрело исключительную живописность, основанную на богатой полихромии, и праздничную красочность. Также освоили ювелиры технику черни по серебру, прежде в болгарском ювелирном искусстве не развитую, а в последующем народном творчестве весьма популярную [Там же, с.152]. В арсенал ювелиров входили гравировка, глубокая и плоская чеканка, штамповка, инкрустация драгоценными металлами, гравировка на самоцветах и искусство огранки камней, литье и др. [Валеева-Сулейманова, Шагеева, 1990, с.77].

Следовательно, татарские ювелиры изготавливали продукцию различного качества. В мастерских работали ремесленники разной квалификации, а сами изделия были рассчитаны на разного потребителя. Высокопрофессиональные мастера знали сложнейшие приемы обработки драгоценных металлов. Высокий уровень ювелирного ремесла подтверждается «казанской шапкой» (в собрании Государственной Оружейной Палаты) – короной Ивана Грозного из чеканного золота с самоцветами и меховой опушкой; массивными золотыми застежками – украшениями пояса, инкрустированными драгоценными и полудрагоценными камнями (в коллекции Государственного музея этнографии), а также серебряными декоративными пуговицами, выполненными в басманой и сканой техниках [Червоная, 1987, с.153; Валеева-Сулейманова, Шагеева, 1990, с.77]. Поэтому близость к ювелирному искусству не по технологическим приемам, а по функциональному назначению производимой продукции определяет такое направление, как обработка драгоценных и полудрагоценных камней.

Гончарное ремесло относилось к числу основных производств в татарских государствах с оседлым населением и развитым урбанизмом. Это наглядно демонстрируют найденные в ходе раскопок горны для обжига посуды, целые сосуды и их обломки – самый массовый вид археологических находок на городских и сельских поселениях.

В ремесленном производстве татарские мастера продолжают традиции болгарского, хорезмского, крымского, золотоордынского этапов развития этого ремесла. Разнообразие, практическая целесообразность форм, изящество орнамента, хороший обжиг, приятный глазу внешний вид характеризуют их продукцию. Широкий ассортимент гончарной продукции в сочетании со стандартизованностью форм свидетельствует о работе мастеров не только на заказ, но и на рынок. Кувшины, горшки, чашки, миски, тарелки и другая керамика – далеко не полный перечень товаров, и они находили сбыт как на территории самих ханств, так и за их пределами.

Наиболее яркую характеристику керамики ханского периода XV–XVI вв. дают материалы археологических раскопок Казанского Кремля, осуществленных наиболее масштабно в 90-е гг. XX – начале XXI в. Они типологизированы в отчетах и работах Н.Ф.Калинина, А.Х.Халикова, Т.А.Хлебниковой, Л.С.Шавохина и в докторской диссертации А.Г.Ситдикова.

По типологии Т.А.Хлебниковой, из более чем 200 тыс. фрагментов неполивной керамики и 2 тыс. графических реконструкций ее форм выделено шесть историко-культурных групп керамики. Более 20% болгарской керамики найдено в слое эпохи Казанского ханства. Керамика в болгарских традициях в этом слое, на который приходится более всего находок, составляет от 6,1% до 34% от общего количества керамики.

Особый интерес составляет казанская керамика – песочного цвета с шероховатой поверхностью, окислительного обжига с хорошим проколом черепка, без лощения. Реконструированы формы-кувшины и кружкообразные сосуды, горшки, чашевидные сосуды и плошки, крышечки и водопроводная труба. Технологически она сопоставима с позднебулгарской керамикой, но по технике изготовления ближе к керамике золотоордынских памятников Нижнего Поволжья. Она появляется в Кремле в слое золотоордынского времени, а в слое ханского периода эта группа керамики составляет больше половины от общего количества керамики.

В Казанском Кремле найдена керамика, связанная с русским населением города. Она представлена белоглиняной привозной

керамикой (80%) и из гончарного песочно-дресвяного теста (20%): горшками, фрагментами корчаг, кувшинами, блюдами и крышкой. Эта группа керамики составляет от 10% до 41% в слое ханского периода и рубежа XVI–XVII вв.

В XV–XVI вв. в Казани начинается производство керамики группы «татарско-русская». Она составляет от 10,8% до 42% в слое ханского периода и постепенно увеличивается в период после взятия г. Казани, в слоях второй половины XVI – XVIII вв. Эта керамика – мелкопесочная – изготавливалась из местных железистых глин. По обжигу и обработке с учетом форм выделено пять групп: от серой лощенной и nelloщенной керамики (60%), черной (2,8–9,6%), красной (15–16%), буро-серой или коричневой до красноглиняной с глазурованным покрытием в развитии форм белоглиняной и песочно-дресвяной русской керамики. В этой группе прослеживаются традиции местного гончарства, привнесенного русскими и развивавшегося в их тесном взаимодействии. Эта керамика была широко распространена как у татарского, так и русского населения.

Производилась в мастерских и поливная керамика, которая в период Улуса Джучи достигла высокой степени, и эта продукция является наиболее характерным проявлением золотоордынской цивилизации и городской культуры. Поливная керамика в этот период считалась элитной и в то же время достаточно распространенной художественной продукцией. Орнаментация этих изделий была выполнена достаточно богато. При раскопках Казанского Кремля были найдены две группы поливной керамики. Первая из них представляет красно-глиняную керамику с белым подглазурным ангобом с монохромной глазурью, а вторая – декорированную монохромную полумайолику с зеленой и коричневой поливкой с врезным орнаментом на белоглиняной или красноглиняной основе с ангобом. Изготавливалась она по среднеазиатской и не исключено, что и по крымской рецептуре. В Кремле значительная часть поливной посуды обнаружена у ханского дворца, из чего можно предположить, что именно представители ханской власти были основными потребителями этой продукции. Сле-

дует отметить, что на Камаевском и Арском городищах поливная керамика составляет до 10,5–11% от общего числа керамики, и это позволяет говорить о достаточно широком использовании этой посуды. Аналогичная керамика имеется и в синхронных Казанскому Кремлю слоях Москвы, Твери.

Кожевенное дело – обработка шкур животных и изготовление из них различных изделий – относится также к традиционной области экономики татарских государств, характерно как для кочевого, так и оседлого образа жизни. Из отдельных отраслей экономической жизни и видов ремесленных производств татарских государств, сравнительно малоизученных, исследованию кожевенно-сапожного ремесла как наиболее присущего для бывших кочевых народов значительно повезло. Начиная с работ А.П.Смирнова [Смирнов, 1951, с.129–130], О.С.Хованской [Хованская, 1958, с.123–126], Т.А.Хлебниковой [Хлебникова, 1988, с.244–253], в работах которых появились специальные разделы, посвященные теме кожевенного дела в Волжской Булгарии и Золотой Орде, и кандидатской диссертации Р.Р.Валиева [Валиев, 2010], исследовавшего уровень развития кожевенно-сапожного дела у населения ханской Казани второй половины XV в. – первой половины XVI в., появилась возможность изучения проблем преемственности в этом виде ремесла на протяжении 800 лет у домонгольских булгар, золотоордынских и казанских татар.

Во многих странах Востока и Запада чрезвычайно высоко ценился особый сорт тонко обработанной кожи (юфть), называемой «булгари». Высокосортная кожа вывозилась далеко за пределы страны не только в X–XIV вв., но и в рассматриваемый период, а также значительно позже, в новое время, в XVIII–XX вв. Технология выделки кожи и изготовления обуви были заимствованы соседями.

Кожаная продукция в татарских государствах была представлена богатым ассортиментом: детская и взрослая обувь самых различных размеров и форм, головные уборы, одежда, куртки, тулупы, ремни, сумки, кошельки, предметы конского снаряжения, сопутствующие предметы вооружения, колчаны, саадаки и т.д. При раскопках хан-

ской Казани в так называемом «мокром» культурном слое, где неплохо сохраняются органические остатки, найдено огромное количество кожаных отходов производства в виде обрезков раскроя, деталей и целых форм обуви, предметов вооружения, а также орудий труда (колодки, ножи, скребки и т.д.) Здесь в северо-восточной части Кремля, у протоки р. Казанки раскопаны кожаные и сапожные мастерские. В раскопе, кроме кожи и большого количества дубовой и другой коры, желудей, обнаружены сапожные инструменты, колодки и колотушки, что подтверждает существование мастерских по выделке кожи и изготовлению кожаной продукции. Такие же две мастерские были обнаружены А.Х.Халиковым в 1988 г. на пересечении улиц Баумана и Кремлевской.

Сырьем для ремесленников служили шкуры крупного и мелкого рогатого скота, лошадей. Более мягкая и эластичная юфтевая кожа изготавливалась из шкур молодых особей крупного рогатого скота. Овчина в основном шла на изготовление зимней одежды – шуб, тулупов, головных уборов. В пошивке использовались также шкуры пушных зверей – куниц, соболей, белок и др. Выделка кожи производилась традиционными способами (дубление, крашение, жирование и т.д.). Анализ археологической кожи выделил пять видов сложносоставной обуви: сапоги «жесткой конструкции» (итек), мягкие сапоги (ичетыги), полусапожки (чеботы), низкие туфли или галоши (башмаки) и специализированная высокая обувь (бахилы). О специализации кожаного ремесла свидетельствуют бытовые изделия – кошельки, сумки, чехлы, вместилища, футляры для гребней; предметы вооружения – чехлы ножей, ножны, колчаны, саадаки; другие изделия – конское снаряжение, завязки, обшивки края, а также обрезки раскроя и отходы производства. Найдены и изделия из металла, войлока и других материалов, являющихся составными частями вышеперечисленной продукции – подковки, гвоздики, стельки, накладки и т.д. [Там же, с.12–22].

Следовательно, являясь самостоятельной отраслью производства, кожаное и сапожное ремесло достигло высокого уровня, и их продукция составляла важный раздел экспорта.

Существенной частью экономики ряда татарских государств, таких как Казанское, Крымское ханства, в городах и там, где была развита урбанизация, было строительное дело и градостроительство. Они включали целый ряд производств – строительного кирпича, обработку и искусство резьбы по камню, плотничное и столярное дело, производство богато декорированных изразцов из керамики, придающих городам восточный колорит и поражающих воображение путешественников. Найденные в ходе раскопок архитектурно-археологические остатки крепостных сооружений, кирпичных и каменных зданий, мавзолеев-дюрбе, мечетей, деревянных срубных домов и хозяйственных построек, разнообразного строительного инструментария свидетельствуют о высоком уровне строительного дела в татарских городах. Их архитектура, несомненно, была результатом развитого урбанизма и культурных традиций и преемственности.

Ориентируясь на контакты со странами Средней Азии, Переднего Востока, Османского и Московского государств, архитектура вобрала в себя прогрессивные черты монументального зодчества XV–XVIII вв., свойственные данным регионам. Это заложило основу для своеобразного монументального стиля городов Казанского, Касимовского, Крымского, Астраханского и Сибирского ханств. Сочетание деревянных срубных сооружений, кирпичных и каменных жилых зданий, мечетей османского типа в городах с кочевыми юртами в степных районах Ногайской и Большой Орды, Крымского ханства, применение купольных и ярусных форм, скатных и многоскатных покрытий, сохранение своеобразного типа минарета свидетельствуют о том, что татары, принимая новомодные творческие концепции, адаптировали их к привычным им традициям местных региональных школ. Некоторые исторические данные свидетельствуют и о возможном участии итальянских мастеров в возведении в конце XV в. ханского двора Казанского Кремля и его укреплений. [Халитов, 2001, с.379].

О высоком уровне градостроительства свидетельствует централизованное водоснабжение и дренажная система, создававшие запасы воды. Система дренажа отво-

дила воду из тех конструкций и заведений, где потреблялось много воды, в частности из общественных бань типа хаммам.

Деятельность строителей отразилась не только на крупных архитектурных сооружениях, но и в изготовлении резных декоративных элементов для зданий, надгробий, орнаментов, гипсовых украшений, внутреннем убранстве зданий с использованием вязи и арабского шрифта, растительного и геометрического орнамента. Так, произведением искусства можно назвать изготовленные мастерами украшения саркофага одного из казанских ханов, найденные при раскопках Кремля. Деревянная конструкция гроба была обита кожей с использованием серебряных накладок и гвоздей с рельефным растительным орнаментом.

Кроме крупных и средних городских центров сформировалось множество сельских торгово-ремесленных центров. Прямо на месте производили гончарную, кузнечную, кожевенную и другую необходимую продукцию. Богатство и состоятельность жителей этих мест выражались в возможности использовать недешевые услуги мастеров-камнетесов, которые изготавливали каменные надгробия для увековечения памяти об умерших – яркие образцы не только эпиграфического, но и литературного искусства того периода. Среди археологических находок в городах и сельских поселениях есть много бытовых предметов из камня – пряслицы, точильные камни и т.д.

Получило развитие и косторезное ремесло. Изготавливался значительный ассортимент продукции, необходимой в жизни и в быту. Это предметы вооружения и охотничьего снаряжения (наконечники стрел, руко-

яти нагаек, колчаные петли и пр.), бытовые предметы и украшения (рукоятки ножей, проколки, иголки, гребни, пуговицы, застежки и т.д.), игрушки, шахматные фигурки и другие предметы из костей домашних и диких животных.

В экономике Большой и Ногайской Орды, кочевых групп Астраханского, Крымского и Сибирского ханств ремесло существовало в виде домашних промыслов, составлявших существенную часть натурального хозяйства. Необходимую для жизни продукцию, технологически несложную они изготавливали сами. И.Барбаро сообщает, что у кочевников имелись следующие ремесла: сукновальное, кузнечное и оружейное. Ремесленники были заняты обслуживанием нужд ханского двора и неотлучно находились при дворе [Барбаро и Контарини, 1971, с.471].

Итак, экономика татарских государств была многоотраслевой и, в зависимости от географических факторов и территориального расположения, связана с сочетанием разных компонентов. Основу составляло земледелие и скотоводство, разные виды ремесленных производств и промыслов. Если в экономике Большой и Ногайской Орды, Крымского и Астраханского ханства определяющим было кочевое скотоводство, то в Касимовском, Казанском ханствах и по мере седентеризации в Астраханском, Крымском и Сибирском ханствах высокий уровень экономики определяло земледелие. Несмотря на то, что многие виды рассмотренных нами ремесленных производств получили активное развитие в городах и являлись сугубо городскими видами ремесла, ряд направлений развивался и в сельских оседлых поселениях, а также в степных регионах.

§ 2. Торговля в татарских государствах

Составной частью экономики и социальных отношений татарских государств, активно влиявших на социально-политическую жизнь, являлась торговля и денежно-весовая система. Торговля объединяла разорванные в политическом отношении, но существовавшие в XIII – начале XV в. в едином государстве постзолотордынские образования. Во многом благодаря внешней торговле

сохранилось, правда, со значительными проблемами и изъянами, то единое экономическое пространство, которое существовало раньше. В историографии периода IX–XVI вв. подчеркивается значение торговли и роль Волжской Булгарии и Золотой Орды [Валеев, 1995, с.21, с.289–334; Валеев, 2007; История татар, 2009, с.277–309; Валеев, 2012]. В период существования та-

тарских государств и позже, в XVIII–XX вв., татары известны в Евразии как «торговый» народ. Во второй половине XVIII – начале XX в. роль большого количества татарских купцов и предпринимателей в организации торговли Российской империи со странами Средней Азии, Ираном, Китаем и Кавказом общеизвестна и, учитывая большое количество сохранившихся источников, достаточно неплохо изучена в исторической литературе. Однако монографическое исследование по истории развития торговли даже Казанского ханства, не говоря о других татарских государствах, мы, к сожалению, не имеем. А ведь истоки такого важного экономического и социокультурного явления, как появление большого количества татарских купцов и огромный размах торговли в XVIII–XIX вв. во многом были связаны с периодом Средневековья.

История развития торговли как составной части экономики и социальной структуры, ее активность и спады в различные периоды, направленность торговых связей отражают как внутренние потребности общества, так и историческую ситуацию, в которой функционировал и развивался данный социум. Особенно ярко это проявлялось во время изменения социально-экономического и политического устройства общества – при переходе от раннебулгарского этапа к домонгольскому, затем к золотоордынскому, во время завоеваний и нашествий, а впоследствии – к постзолотоордынским татарским государствам. Каждый из них имеет не только свою специфику, но и значительные особенности в характере, направлениях и тенденциях развития торговли, монетно-весовых систем и денежного обращения.

Возникновение ремесла и городов в X в. в Булгарском государстве, в Крыму, в прибрежных к морю районах, которые с периода античности являлись центрами урбанизации, привело к возникновению простого товарного производства, являвшегося составной частью феодальных отношений в период Средневековья. Положение экономической теории о соединении господствующего натурального и негосподствующего товарного экономического уклада исключает абсолютизацию натурального производства и его механическое противопо-

ставление товарно-денежным отношениям в период Средневековья, а, следовательно, переоценку масштабов их развития и роли торговли. Рассматривая этапы развития торговли, можно констатировать, что обмен ограничивался незначительным проникновением товарного производства по сравнению с производством натуральным. В обеспечении условий жизни главными были результаты своего хозяйства. Даже городские ремесленники, которые производили товары для рынка, использовали часть производимых предметов в своем хозяйстве.

Однако несмотря на преобладание натурального хозяйства, в татарских государствах происходит значительное развитие торговли и товарно-денежных отношений. Торговля, являясь фундаментом развития болгарской и золотоордынской цивилизации, продолжала оставаться таковой и в последующий период. Развитие оседлости, процессов градообразования, создание системы поселений и ямов, особенно вдоль международных и внутренних торговых путей внутри страны и за ее пределами, создание системы торговли и товарообмена с большими объемами и масштабами, с включением в нее новых этнических и социальных групп населения, развитие системы торговых связей в евразийском масштабе, а также высокий уровень монетного обращения являются яркой характеристикой болгарской и татарской торговли периода Средневековья. Сочетание периода активного монетного обращения в X в., во второй половине XIII – начале XV в., с «безмонетным» периодом XI–XII вв., сокращение татарского монетного обращения во второй половине XV в. и переход к обращению монет русских княжеств во второй половине XV–XVI в. в Казани, продолжение активного обращения татарских и начала использования турецких монет в Крыму в XV–XVIII вв., использование в качестве средств платежа для оптовой торговли серебряных слитков – «сомов» их сокращение во второй половине XV в. являются весьма важными показателями и компонентами расширяющейся, а временами и сокращающейся торговли.

Преимущество и изменения денежно-весовых систем и норм, использовавшихся для организации торговли, формы их раз-

вития, роль и политика государств являются весьма важными и требуют анализа и выявления их особенностей в отношении влияния на экономику татарских государств, развития их производительных сил.

При явном недостатке письменных, особенно нарративных источников, отражающих экономическую историю рассматриваемого периода, материалы позволяют раскрыть как общие черты и закономерности, так и особенности, характерные для татарских государств. Имеющиеся данные свидетельствуют, что торговля существовала не сама по себе, а служила для обеспечения потребностей общества в сырье, товарах, рабочей силе. Во многом внутренний потенциал государств и включенность в систему международных торговых путей определяли прогресс ремесленных технологий в Казанском, Крымском, Астраханском и отчасти в Сибирском ханствах, в Ногайской и Большой Орде, сформировали социально-экономические отношения, базирующиеся на комплексном сельскохозяйственном, ремесленном производствах и торговле.

Сильное влияние на торговлю оказывали природно-географические, политические и миграционные факторы: удобное географическое расположение татарских государств в центре торговых путей, соединяющих Север и Юг, Запад и Восток; расцвет евроазиатской работорговли в XV–XVI вв.; миграция различных народов; политика ханской власти в поддержку торговли и ряд других. Основные международные торговые связи, имевшие место в Волжской Булгарии и Золотой Орде, продолжали сохраняться и в XV–XVI вв., но по сравнению с золотоордынским периодом, когда торговля была организована в рамках огромной империи и она была во многом безопасной, торговля в татарских государствах потеряла размах, увеличилось число таможенных застав и, соответственно, торговых пошлин. Учитывая зависимость развития торговли от сельскохозяйственного и ремесленного производств, следует подчеркнуть, что она, в свою очередь, содействовала их развитию.

Развитию торговли активно содействовали купцы, как местные, так и приезжие. В 1552 г. во время осады Казани русскими войсками в городе оставались купцы из дру-

гих стран: «Казанцы... пять тысяч с собою затвориша иноземских купцов – бухар и шамохен, и турчан и армян и инех» [ПСРЛ, 19, 2000, с.130]. И в самом деле, развивающаяся внутренняя торговля, налаженное товарное производство, обширная внешняя торговля, оставившая после себя много ярких свидетельств – все эти черты экономики татарских государств нашли отражение и в социальной сфере, сформировали купечество как особую социальную группу.

Сохранившееся от периода Золотой Орды организационное оформление купечества в виде торговых уртакств (товариществ), в татарских государствах активно развивалось. Письменные источники, при всей их скудности, сохранили для нас сведения, в которых само упоминание торговой деятельности в татарских государствах, как самой обыденной, весьма показательны. Это явление как нельзя лучше отвечало тем отношениям, которые складывались в тот период на огромной территории Евразии. Различия национальных, культурных, географических и хозяйственных условий не препятствовали населению Восточной Европы и восточных стран интегрироваться в своеобразное торгово-экономическое сообщество, объединяемое интересами международной судоходной торговли. Уровень, достигнутый в одних местах, распространялся и на соседние, порой друг от друга далеко отстоящие территории. В подобных центрах на достигнутом технически передовом уровне развивалось производство изделий, пользовавшихся мировым спросом, таких как украшения, меха, предметы туалета, оружие и ряд других. Купцы, нередко объединявшие в одном лице воина, морехода и мастера, образовывали сплоченные, скрепленные клятвой товарищества, набирали гребцов и пускались в странствия на нескольких кораблях. Дорога была им известной, и, учитывая дальность пути, они могли зимовать в одном из придорожных мест [Кирпичников, 2001, с.15]. Естественно, в процессе они прибегали к денежному расчету и к натуральному обмену.

В развитии торговли были заинтересованы сами государства, поскольку она не только давала необходимую для жизни продукцию, предметы роскоши, но и приносила

значительную экономическую выгоду для государственной казны. Так, в Ногайской Орде торговля осуществлялась по ярлыку правителя, с купцов брали пошлины: приезжие платили 1/3 из 9 частей бию, 1 часть – карачам; ногайские купцы, гнавшие отары овец в Бухару, платили по 500 овец, а приезжие бухарские купцы – по 1 тысяче «азямских кафтанов» [Трепавлов, 2002, с. 507–544; Исхаков, 2009в, с. 78–79]. В числе должностных лиц татарских государств, занимавшихся учетом и организацией торговли, названы весовщики, туткагулы, тамгачи. Существовал торговый налог (харадж хараджат) и ряд торговых пошлин [Худяков, 1990, с. 209–212]. Значение торговли понимали правители. Так, Ногайский бий Исмаил в ответ на предложение начать войну против русских пишет: «Только мне завоеваться, и мне самому ходити наги, в которые люди умирать станут, тем и саванов не будет» [Перетяткович, 1877, с. 209–210]. Это во многом было связано с поставками из Московского государства льняных изделий и тканей.

Торговля Казанского ханства с Московским государством контролировалась правительством, были введены меры, связанные с обложением экспорта пошлинами. Товары ввозились на Русь через два пограничных пункта: Нижний Новгород на волжском пути и Муром на пути через «поле», где были учреждены таможи и собирались пошлины. Внутри Московского государства для восточных купцов была организована ярмарка в холмопьем городе при устье р. Мологи, находившейся недалеко от Рыбинска [Худяков, 1990, с. 221]. С. Герберштейн сообщает: «На этом месте бывает ярмарка, наиболее посещаемая во всем владении московского государя; сюда стекаются кроме шведов, ливонцев, московитов еще и татары и весьма многие люди из восточных и северных стран. Они ведут только меховую торговлю, потому что эти народы редко или почти совсем не употребляют золота и серебра. Готовые платья, иглы, ножики, кастрюли, топоры и т.п. они обменивают большей частью на меха» [Герберштейн, 1866, с. 119].

Создание Макарьевской ярмарки и запрет 1525 г. Василия III русским купцам ездить на Казанскую ярмарку во многом были связаны с желанием подорвать экономическую

мощь Казанского ханства. Однако в развитии торговли были заинтересованы не только сами государства. Татарские и приезжие купцы также нуждались в силе государств и желательно без войн и потрясений, которые бы гарантировали им безопасность торговли и торговых путей, развитие товарно-денежных отношений через предоставление определенных тарханов. Государства получали от развития торговли прямую выгоду в виде торговых пошлин, естественно регламентировали организацию торговли, ввоз и вывоз серебра, которое являлось в тот период основным драгоценным металлом при чеканке монет, а также монетное дело, которое первоначально в Казанском, Астраханском ханствах осуществлялось в XV в., а в Крымском ханстве – на всем протяжении существования этого государства. Купцы, обладая определенными полномочиями, становились тарханами. Они были полезны государству в разных функциях: как компаньоны в торговых предприятиях-уртаках, как шпионы, как дипломаты и др.

Важным для политики татарских государств было упорядочение времени, мест и организации торговли. Письменные источники и археологические материалы по более раннему времени X – началу XV в. довольно скудно освещают этот вопрос. На развитие форм торговли татарских государств в XV–XVI вв. значительное влияние продолжает оказывать ряд факторов: характер феодального производства (господство натурального хозяйства над простым товарным производством и, соответственно, торговли над промышленностью); определенная узость внутренних рынков и рынков сбыта; строгая регламентация торговли. Были и другие факторы, осложняющие развитие торговли. К ним в первую очередь относится уровень развитости мелкотоварного производства, межгосударственной, внутrigосударственной и межрегиональной торговли товарами и продуктами широкого потребления; степень вовлечения городского, сельского и кочевого населения в товарно-денежные отношения; организация денежного хозяйства и, конечно же, политическая стабильность в самих татарских государствах, отсутствие войн и иных межгосударственных катаклизмов в Евразии.

Одной из наиболее важных организационных форм торговли стали ярмарки, составная часть внешней, межгосударственной и внутренней торговли. Наиболее известной среди них стала ежегодная ярмарка, перенесенная в XV в. из Ага-Базара Булгара в Гостиный остров на р. Волге около Казани и получившая международное значение. Она раскрывала преемственность посреднической домонгольской и золотоордынской торговли между Севером и Югом, Западом и Востоком, Европой и Азией. Ярмарка ежегодно начиналась 24 июня и, по сообщению «Казанского летописца», «на той же съезжаяхуся в Казань изо всеи Русския земля богати купцы и многие иноземцы дальние и торговаху с Русью великими драгими товары, не ведующи русские люди беды на себя никакия, без боязни живущи в Казани, надеющееся яко на своего царя и не боящегося его» [ПСРЛ, 19, 2000, с.23]. С.Герберштейн пишет, что ярмарка проходила на Гостином острове, «который называется островом купцов, находящимся на Волге недалеко от казанской крепости» [Герберштейн, 1866, с.146,150]. Сохранилось красочное описание этой ярмарки: «Гражани все, мужи с женами, гуляюще по их, пьюще в корчменицах царевых, покупающе на цены, прохлажахуся. Много же народу обирающесе, черемисы на праздники тья с рухлом своим из дальних улусов и торговаху с градскими людьми, продающее, и купюще, и меняюще» [ПСРЛ, 9, 1965, с.26].

Ярмарки проводились и в самом городе, и около него. Известно сообщение «Казанского летописца» об установлении в 1508 г. на Арском поле во время праздника «до тысячи царевых шатров и каторгов вельмож... с царскими вещами златыми... одеждой многоценной и постелями» [Там же, с.27, 30].

Ярмарки проводились и в других татарских государствах. В Касимове, например, торговали хлебом, медом, воском, мехами, кожевенными изделиями, включая юфть, сукном, мылом, солью и др. [Рахимзянов, 2001, с.60; Исхаков, 2009в, с.62] в Астрахани торговали специями, мехами, рабами, шелком, парчой, атласом, тканями, драгоценными камнями и ювелирными изделиями, рыбой и т.д. [Зайцев, 2006, с.210–226] в Бахчисарае, Карасу-Базаре, Акмечети, Гоз-

леу – зерном, кожевенными изделиями, мехами и т.д. [Сыроечковский, 1940, с.17–18]. Проходили ярмарки в Сарайчуке, Искере, Тюмени, Арске и других крупных и средних городах, центрах княжений (даруг) татарских государственных образований. По своим масштабам, представленности купцов из других татарских государств, из Московского государства, стран Средней Азии, Ирана, Кавказа, по активности внутреннего рынка они отличались, что во многом зависело от близости к речным, морским и сухопутным торговым путям, в первую очередь, таким как Волга, Кама, Иртыш, Тобол, Черное и Каспийское моря.

Имеющиеся материалы показывают, что ярмарки были весьма важной формой организации развития внутренней и внешней торговли, способствовали росту активности торговых операций и занимали важное место в системе сложившихся торговых путей. Ярмарки были постоянным местом торговли, разрешенными государственной властью и подчинялись рыночному праву, т.е. регламентации уплаты определенной пошлины, мер веса, платежных средств. Близкое расположение ярмарок к рекам или морям, крупным городам, большей частью к столицам ханств облегчало их посещение русскими, мусульманскими, армянскими, индийскими и европейскими купцами, которые приезжали надолго, на срок действия ярмарки или окончательной продажи своего товара. Кроме того, это было удобно купцам, поскольку не надо было совершать больших перегрузочных операций. Сеть ярмарок постоянно росла, и они тяготели к водным путям, центрам административной власти. Широкое распространение имели ярмарки скота, рыбы и ряда других востребованных товаров.

Другой формой организации торговли в тех государствах, где продолжали существовать традиции кочевой жизни – в Большой и Ногайской Орде, Крымском, Астраханском и Сибирском ханствах, стали так называемые Ордабазары, рынки в кочевых улусах, являвшиеся торговыми центрами. Существовала даже особая группа купцов – ордабазарцы, которые обслуживали хана и знать (мурз, бия и др.) [Исхаков, 2009в, с.78]. Все необходимое для жизни, мелкий

и крупный рогатый скот, продукция скотоводства, зерно, вооружение, ткани и другие товары, поступавшие из других татарских государств, Московской Руси, Бухары, Ургенча и других центров, продавалось здесь. «Возвращаясь к нашему предмету, а именно татарскому войску, скажу, что при нем всегда находятся купцы; они различными путями привозят через орду с намерением идти в иные страны» [Барбаро и Контарини, 1971, с.148]. Известно и сообщение Джона (Ианна) Султантаского: «...все необходимое доставляется им и покупается и продается» [Хукхэм, 1995, с.63], относящееся к Орде Сахибкерана, одного из эмиров Тимура, что подтверждает общую закономерность организации торговли, характерную для кочевых сообществ.

Торговля была сосредоточена в значительной степени в городах и носила денежно-вещевую форму, что является характерным признаком урбанизации и общей закономерностью развития торговли. Татарские города в Казанском, Крымском и других образованиях были центрами развития ремесел, внутренней и внешней торговли. Городское ремесло развивалось как мелкое производство и отличалось от хозяйства полусвободных крестьян: оно основывалось на собственности самого работника производства и являлось товарным. При этом сама торговля выступала и катализатором организации городов, ремесла, путей сообщения и транспорта, международных рынков и в целом развития экономики татарских государств.

В Большой Орде, где в XV в. продолжали сохраняться города, известен отчет купца из Шираза Шамс ад-Дин Мухаммада о продаже им в Сарае в 1438 г. своих товаров и закупке там китайского шелка-сырца, шелковой камки, атласа, европейского сукна и русского полотна [Заходер, 1955, с.14–19].

В Казанском Кремле при археологических раскопках найдена в значительном количестве парадная импортная посуда. Основная ее масса поступала из Ирана, Средней Азии, полумайолика – из Причерноморья, полуфаянсы – из Турции, селадон – из Китая. И.Барбаро пишет о Казани, что это торговый город, что оттуда вывозят громадное количество мехов в Москву, Польшу, Персию

и во Фландрию. Меха получают с севера и северо-востока; из областей Дзагатаев и из Мордовии [Барбаро и Контарини, 1971].

В Астрахани продавали пушнину (соболь, белку), которую вывозили в Дербент и Сыгнак. Из Ирана, Турции привозили шелк, парчу, атлас, шелковые нити, ковры, драгоценности, краски, кольчуги, луки, мечи, грецкий орех; из Армении – жемчуг, бирюзу, кожу; из Аравии – пряности; из русских земель – сафьян, овчину, деревянную посуду, бумагу, уздечки, седла, ножи; из других татарских ханств – шерстяные, хлопчатобумажные, шелковые ткани [Зайцев, 2006, с.210–226; Исаков, 2009в, с.72].

Можно и дальше перечислять татарские города, особенно столичные центры, другие крупные и небольшие города. Анализ источников по экономической и социальной структуре татарских государств указывает на ведущую роль города в товарном обращении и товарном производстве, уровне развития товарно-денежных отношений. Это было характерно и для средневековой Руси, и для Европы. С.П.Карпов, описывая европейский кризис, связанный с эпидемией чумы, поразившей буквально все страны Европы, сообщает, что в городах Италии от 30 до 50% населения умерло. Этот кризис подорвал традиционные пути торговли и привел в Причерноморье к кризису торговли, и она начинает менять ориентацию. «Торговля начала просто резко сокращаться в масштабах. На некоторое время она вообще замирает после кризиса. А потом возрождается как торговля местными продуктами и происходит перемена самой структуры торговли. Если раньше торговля приносила сотни процентов прибыли, то теперь она приносит не сотни, а десятки процентов... Но вместе с тем образуются постоянные торговые представительства компаний. Происходит более глубокое внедрение в инфраструктуру городов итальянского предпринимательского капитала. Торговля теряет большие масштабы, но приобретает большую стабильность» [Карпов, 2011].

Анализ динамики развития городов болгарского, золотоордынского и татарских ханств XV–XVI вв. показывает, что в X в. болгарские города, включившись в систему трансевроазиатской торговли по водным, в

первую очередь, Великому Волжскому, Камскому, другим речным и сухопутным путям, стали центрами международной посреднической торговли с Востоком, Русью, Северной и Западной Европой. В XIII–XIV вв. в связи с обеспечением государством Джучидов безопасности торговых путей эти направления внешней торговли значительно расширяются и достигают имперского размаха, но происходит переориентация евроазиатской международной торговли в сторону итальянских городов на побережье Черного моря, основанных Генуей и Венецией. С XI в. и вплоть до XVI в. города Булгарии, Золотой Орды и татарских государств, находясь на пересечении межконтинентальных евроазиатских торговых путей и оставаясь центрами внешней торговли, приобретают новый характер, здесь активнее развиваются формы локальной и региональной торговли. От посреднического характера торговля в городах переходит к продаже товаров широкого спроса и потребления, а не только предметов роскоши и элитарного запроса, углубляется специализация товарного производства внутри татарских государств. Локальная и региональная форма торговли раскрывается в обмене между оседлыми и кочевыми районами, государствами, скажем, между Ногайской Ордой и Казанским ханством, а после ее падения с Московским государством, Бухарским и Хивинскими ханствами. Усиливается расширение товарных отношений между городом и селом, финно-уграми Поволжья, Прикамья, Приуралья и Сибири, другими этническими группами населения.

К сожалению, отсутствие источников не позволяет нам нарисовать облик городского рынка. Но сохранившиеся базары в городах Крымского ханства позволяют предполагать, что они имели достаточно выраженный восточный облик. Рядом с рынком располагались ремесленные мастерские, ибо неполное отделение торговых функций от ремесленных было характерно и для рассматриваемого периода, т.е. ремесленник зачастую сам продавал свою продукцию. Торговые точки в мастерских, в зависимости от их специализации, по всей видимости, были и на улицах городов, а не только на рынках.

На рынке происходило слияние ассортимента внешней и внутренней торговли. Но каждый из них имел свою специфику. Здесь выделялись две формы – локальная и региональная, отличающиеся друг от друга ассортиментом продаваемых товаров и протяженностью дорог. Так, в локальной торговле разнообразнее были представлены товары повседневного спроса: продукция сельского хозяйства, ремесленные изделия. Локальная торговля развивалась не только на рынках городов, но и между городом и деревней и имела бытовое повседневное значение, т.к. продавались изделия ремесла – орудия труда, ювелирные украшения, хлеб и другие продукты сельского хозяйства. Обмен между городом и сельским поселением был также одним из компонентов региональной торговли. Она связывала дальние города с деревнями, различные этнические группы и сословия внутри государств, оседлые районы с городским урбанизированным населением, с кочевыми районами, с соседями.

Интересен еще один аспект, имеющий отношение к формам организации торговли в Большой Ногайской Орде, Астраханском, Сибирском и отчасти Крымском ханствах. Н.Н.Крадин назвал еще один момент «городской» жизни – Орда – «город на колесах». Движущаяся Орда имела не менее устойчивую структуру, чем оседлый населенный пункт [Крадин, 2006, с.430–442]. И.Барбаро пишет: «Лишь только правитель остановился, **они сразу раскидывают базар** (выделено нами. – *P.B.*), оставляя широкие дороги... Тут же, немедленно после того, как поставлены базары, они устраивают свои очаги, жарят и варят мясо и готовят свои кушанья из молока, масла, сыра. У них всегда бывает дичина, особенно же олени... в их войске есть ремесленники – ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла... Если бы ты спросил меня: «Они, значит, бродят как цыгане?» – я отвечу отрицательно, так как за исключением того, что их станы не окружены стенами, – они представляются **огромнейшими и красивейшими городами** (выделено нами. – *P.B.*).

Сохраняющим свое значение являлась меновая форма торговли, широко известная по источникам с X в. [Валеев, 1995, с.38–39;

Валеев, 2012, с.110]. В силу недостаточности товарно-денежных отношений, она сохраняла свои позиции в Ногайской Орде, Сибирском ханстве. В той или иной мере меновая форма торговли существовала в торговых операциях во всех ханствах и, как мы видели выше, и в Московском государстве.

Активно развивалась в татарских государствах внутренняя торговля, т.е. торговля внутри города и села, среди кочевых групп населения, обмен между ними и различными районами этих государств. Базой для ускоренного развития внутренней торговли стало развитие земледелия, скотоводства, ремесленных производств. В целом следует отметить, что внутренняя торговля отражала экономическое развитие каждого из этих государств, объединенных когда-то единым экономическим пространством и политическим устройством. Общественное разделение труда, специализация ремесленных производств влияли на активное развитие внутреннего рынка и привели к значительному усилению товарооборота в городе, значительно меньше – на селе, где продавались товары повседневного спроса и, прежде всего, изделия ремесла. Рыночный спрос на различные виды ремесленной продукции определял стандартизацию и удешевление изделий, рассчитанных на достаточно широкий круг потребителей, и, соответственно, приводил к дальнейшему развитию технологий производства, что, в свою очередь, способствовало росту ремесла и объема торговых операций.

Города становились важнейшим рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов – зерна, мяса и т.д., поскольку городское население предъявляло значительный спрос на них. Так, к примеру, Казань не могла покрыть своей потребности в сельскохозяйственных продуктах за счет их привоза из ближайших к городу сел и деревень, поэтому торговля обслуживала товарное обращение между отдельными городами Казанского ханства и тем самым позволяла обеспечивать сельскохозяйственными продуктами крупнейший город страны – Казань [Мухамедьяров, 2012, с.178–179].

Другую тенденцию развития внутренней торговли характеризует Ногайская Орда с господством кочевой скотоводческой

экономики. Она жизненно нуждалась в получении продукции земледелия и ремесла от оседлых соседей – Казанского ханства, Московского государства, среднеазиатских ханств. Эти товары она приобретала чаще путем обмена, а не военных походов. Торговые караваны ногаев отправлялись во все окрестные страны, и развитию коммерции во многом способствовало расселение улусов вдоль старых караванных маршрутов. Ими ногайцы пользовались не только для собственного обмена, но и для сбора пошлин с транзитных торговцев. В Орде существовали районы с различной экономической ориентацией и, соответственно, с различным набором ввозимых-вывозимых товаров [Трепавлов, 2002, с.522–523].

Накопленная и введенная в научный оборот база письменных и археологических источников позволяет нам назвать основной ассортимент внутреннего рынка. Кроме товаров повседневного спроса, связанных с сельскохозяйственной продукцией, активно торговали гончарной посудой – тарной и столовой: корчаги, кувшины, горшки, кружки. Городской продукцией были изделия, требующие высоких профессиональных навыков, и соответствующие технические средства. При раскопках Казанского Кремля в слое ханства найдена керамика в болгарских традициях (от 6,1% до 34% от общего количества керамики в слое); казанская керамика, технологически сопоставимая с позднеболгарской керамикой, а по технике изготовления близкая к керамике золотоордынских городов Нижнего Поволжья (в слое составляет от 24% до 55%); русская керамика, представленная белоглиняной привозной или из привозного сырья (до 10% керамики слоя), а также финская керамика. Из сосудов найдены кувшины и кувшинчики, кумганы, кружкообразные сосуды, горшки, корчаги, чаши, блюда, туваки, сфероконусы. Найдена и поливная посуда – белоглиняная и красноглиняная с зеленой и коричневой поливой местного производства. Аналогичные предметы обнаружены и на Камаевском, и Арском городищах и датируются XV в. На Камаевском городище эта керамика составляет 10,5–11% от общего числа керамики. Такая же керамика имеется и в синхронных Казанскому Кремлю слоях Москвы и Твери.

Находки поливной керамики и в городах и на селе свидетельствуют как о значительном объеме производства посуды такого вида, так и о процессах, связанных с развитием товарно-денежных отношений на селе.

Прозвела и малая торговля между сельскими поселениями, торговля изделиями деревенских гончаров. Глиняная посуда, изготавливаемая на одном из поселений, могла распространяться в близлежащих поселениях и через небольшие базары обслуживать достаточно отдаленные селения.

Изделия из железа для земледелия, скотоводства, бортичества, рыболовства, охоты, оружие, сырье, полуфабрикаты становились важной частью внутренней торговли. Но если продукция гончарного ремесла сравнима с домашним производством, то кузнечное, в силу его сложности, для ремесленников стало основным видом деятельности и доходом. Обмен товарами или операции купли-продажи происходили, вероятнее всего, в натуральной форме, т.е. с кузнецом расплачивались за работу продуктами сельского хозяйства – зерном, мясом, рыбой и др. Кузнецы жили и производили продукцию как в городах, так и в селах, в Казанском, Крымском, Астраханском ханствах, при ханском дворе или бийской орде в Сибирском ханстве и Ногайской Орде. В число товаров входили также котлы, в том числе чугунные, мелкие изделия из меди и бронзы, предметы вооружения. В отношении последнего Московское государство ввело список запрещенных (запрещенных к вывозу) товаров в татарские государства. К ним относились оружие, доспехи и в целом ремесленные изделия из металла, вещества для изготовления пороха [Там же, с.534, прим. 15].

Учитывая высокий уровень кожевенного производства во всех татарских государствах на внутреннем рынке, население было обеспечено его продукцией в достаточном объеме – обувью, тулупами, шубами, рукавицами, ремнями и шапками. Эти товары активно вывозились в другие страны. Так, тулупы вывозили в турецкий Азов и в сырдарьинские города, и в Москву [Новосельский, 1948, с.214]. Фазлаллах Исфакани пишет о привозимых в Сыгнак в начале XVI в. «со стороны Дешта» шубах из «меха киша и типа», т.е. соболя и белки [Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакани, 1976, с.116, 117, 273].

Но в большей степени на рынке торговали украшениями. Это были как достаточно простенькие и дешевые поделки, так и дорогие, сложные в изготовлении ювелирные изделия. Они изготавливались и самими татарскими мастерами, и продавались ювелирные изделия из Ирана, Крыма, Турции, Средней Азии и др. Движение товара, в данном случае предметов ювелирного искусства и литейного производства, меди, серебра, золота характеризовало их интенсивность. Речь идет о воспроизводстве товара, что как нельзя лучше характеризует экономическое состояние татарских государств, динамику развития их товарного производства и основных тенденций развития торговли и товарно-денежных отношений не только в этих государствах, но и на евроазиатском пространстве.

Предметом внутренней торговли становились и те товары, которые поступали в результате межрегиональной и внешней торговли из соседних и дальних стран. М.Ф.Фехнер называет целый набор товаров, отправляемых в Ногайскую Орду: сбура, обувь, деревянные ларцы, «коробы, русские и западноевропейские ткани, бумага, седла, стремена, рукомоиники, стекло, ртуть, краски, ловчие птицы, моржовая кость, а также хлебные товары» [Фехнер, 1956, с.53–56, 64–66, 83–84, 97].

Внутренняя торговля связывала крупные и небольшие городские центры, сельскую округу и районные поселенческие агломерации, ордобазары и другие организационные формы торговли в татарских государствах в единую структуру, что подтверждается находками однотипных изделий, произведенных в том или ином центре, характерных форм сосудов или деталей и других товаров. Хотя внутренняя торговля во многом связана с экономическим потенциалом общества и непосредственно вытекает из внешней торговли, все же они взаимодополняют друг друга.

Внешняя торговля татарских государств охватывала как бы несколько пространственно-территориальных зон, и они различались протяженностью торговых путей и средств сообщения, организационными действиями купцов, уртачеств (товариществ) и государств. Первая (малый круг) – это непосредственная зона контакта в бли-

жайшем пограничье между прилегающими государствами, входившими когда-то в Золотую Орду и продолжающими ее наследие: Казанское ханство и Ногайская Орда, Казанское ханство и Астраханское ханство и т.д. Вторая (средний круг) – это дальние области соседних государств, объединенные сферой торговых интересов, например, русские княжества до создания единого Московского государства или территории «открытой» торговли («страны Мрака»). Третья, транзитная (дальний круг) – это отдаленные страны и регионы, находившиеся вне зоны непосредственно пограничного контакта и отдаленные огромными пространствами: Иран, Средняя Азия, Северная и Западная Европа, Индия, Китай, Египет.

Нахождение татарских государств на стыке международных торговых путей, известных с глубокой древности, определило роль и значение их внешней торговли. Учитывая огромную территориальную расположенность на территории Евразии этих государств и близость к тем или иным торговым партнерам, внешняя торговля имела свою специфику. Но одно было несомненным – то, что международная торговля и внешние рынки имели большое значение для государств, их политической и административной власти. Хотя международная торговля потеряла свою широту, мощь и блеск, характерную для второй половины XIII – первой половины XIV в. периода расцвета Золотой Орды и во многом связанную с безопасностью торговых путей в Евразии, она продолжала существовать и была востребована. Укреплению этой торговли способствовали различные факторы: разветвленная система сухопутных, речных и морских коммуникаций, товарный характер сельскохозяйственного и особенно ремесленных производств, наличие в городах достаточных возможностей и средств обеспечения международной торговли. Вместе с тем были и неблагоприятные обстоятельства: военное соперничество между Большой Ордой и Крымским ханством, Казанью, Крымом и Сибирским ханством, Москвой, отсутствие безопасности сухопутных караванных путей на Среднюю Азию, узость внутреннего рынка, районов, лежащих вдали от городов, сухопутных, речных и морских торговых путей,

различные феодальные поборы и таможенные заставы.

Международная торговля развивалась в нескольких внешнеторговых направлениях и во многом продолжала те же закономерности и тенденции, характерные для более раннего периода времени. Одним из важных направлений этой торговли стал взаимобмен товарами и ценностями между самими татарскими государствами, входившими когда-то в единый Улус Джучи. Известно достаточно материалов о тесном взаимодействии между Казанским ханством, Ногайской Ордой, Сибирским, Астраханским и Крымским ханствами.

Другим важным направлением стала торговля с русскими княжествами и единым Московским государством, а через нее с Центральной, Западной и Северной Европой.

Третьим направлением внешней торговли были связи с восточными странами – Ираном, Средней Азией, Кавказом, Китаем и т.д.

В исследовании внешней торговли татарских государств интересной является характеристика ведущих статей экспорта и импорта, позволяющая показать систему татарской торговли, структуру ее товарооборота, соотношение местных и привозных товаров и эволюцию товарообмена. Изучение ассортимента товара позволяет также разобраться в природе торговли, ее направлениях и социальной ориентированности.

Характеристику товаров, вывозимых из Восточной Болгарии на Восток, определил в X в. ал-Мукаддаси: «Что касается купеческих товаров, то из Хорезма вывозятся меха собольи, беличьи, горностаевые, куницы и лесных куниц, лисьи, бобровые, козьи шкуры, воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбы кости, бобровая струя, юфть, мед, орехи, барсы (или гончие собаки), мечи, кольчуги, березовый лес, славянские невольники, овцы, рогатый скот» [Гаркави, 1870, с.282]. Для рассматриваемого периода она изменилась незначительно. Так же как и раньше, на этой территории перекрещивались интересы восточных и западных купцов, стремившихся получить доступ к «мягкому золоту». Именно пушнина, так же как и раньше, в X–XIV вв., являлась наиболее известным для восточных авторов пред-

метом торговли. Так, для Ногайской Орды, территория которой не отличалась большим количеством лесов, а в значительной мере степными просторами, Ж. де Люк пишет: «...очень водится у них... диких лошадей, волков, медведей, лисиц, оленей... и лосей. Ногайцы их бьют и продают шкуры, составляющие... самый обыкновенный их товар» [Люк, 1879, с.487]. Для Сибирского ханства, где леса составляли основную часть территории, за исключением степных регионов, меха являлись главным товаром. Казанское ханство, продолжая традицию Болгарского государства, стало перевалочным пунктом и сумело поставить на широкую основу продажу мехов, получая от этого значительную выгоду. Поэтому торговля мехами во многом определяла характер торговых контактов.

Продолжая традицию, появившуюся в Улусе Джучи из Большой Орды, Крымского ханства и Ногайской Орды, в Казанское ханство, Турцию, Русь вывозились активно лошади, овцы и крупный рогатый скот. Масштабы экспорта коней из Ногайской Орды в XV–XVI вв. были столь значительны, что создавалось впечатление, будто словом «конь» обозначались только лошади ногайской породы [Денисова, 1946, с.40; 75, 528]. В.В.Трепавлов утверждал, что дворянская конница формировалась в основном из них и, по мнению западных историков, именно ногайские лошади послужили инструментом преобразования прежней феодальной московской пешей армии в современную, соответствующую эре огнестрельного оружия... и без кавалерии русские никогда бы не смогли завоевать мусульманские территории [Трепавлов, 2002, с.528]. Цены на лошадей и скот только в русском государстве за XVI в. выросли в 2–2,5 раза [Там же, с.529].

Важной статьёй экспорта были кожевенные изделия и среди них наивысшего качества юфть и сафьян, которые в больших объемах вывозились в восточные страны, где назывались «булгари», и на Русь.

Работорговля в Евразии, принявшая широкий размах в IX–XI вв. и получившая значительный импульс в XIII–XIV вв., не прекратилась в рассматриваемый период, рабы были весьма доходной статьёй экспорта. В Ногайской Орде в XVI – первых десятилетиях XVII в. кочевники, разоряясь, продавали

своих родственников. «У них один продает другого... и за небольшую, к тому же еще, цену. В Астрахани во время нашего пребывания можно было, по причине господствовавшего голода, купить татарина за 4–5 флоринов, а то и дешевле», – сообщают Какаш и Тектандер. Продавали и детей, при этом мальчики стоили более 8 рублей, девочки – 1,5 рубля, девушки – 3 рубля [Там же, с.536, прим. 19; Какаш, Тектандер, 1896, с.26–27].

Однако в большей степени предметом работорговли служили пленные. Русские летописи отмечали: «А воевали Казанцы грады и пусты сотворили: Новгород Нижний, Муром, Володимирия, Шую, Юрьев, Вольской, Къстрому, заволожские Галичь с всем, Вологду, Тотьму, Устюг, Пермь, Вятку, многими приходы в многие лета, доне леже, Бог государем нашим избави от них» [ПСРЛ, 13, 1965, с.129]. В период Средневековья военные походы давали возможность получения не только материальных богатств, но и значительного количества пленных, продаваемых затем на рынках Астрахани, Казани, Крыма, Турции, восточных стран. Павел Иовий в 1545 г. писал, что после похода крымского хана Муххамед-Гирея на Москву летом в 1521 г. пленных «москов» продавали «и в Таврии туркам, и в Цитрахе разным обитателям берегов Каспийского моря» [Иовий Павел, 1997, с.354–355]. Крупными центрами продажи рабов были Азак, Кафа, Стамбул, Бухара. Средняя Азия была также важным направлением сбыта рабов. Именно туда везли захваченных русских послов, гонцов, толмачей, служилых людей, направлявшихся в Ногайскую Орду. Невольников, захваченных в набегах, особенно много было в 1608–1612 гг., когда бий Иштерьяк фактически начал войну с раздираемым смутой Московским государством. Из Мавераннахра и Каракумов добраться до родины русским людям оказывалось неизмеримо труднее, чем из Крыма и Анатолии [Трепавлов, 2002, с.538; Новосельский, 1948, с.65, 79, 80]. Когда набег удавался, пленники шли «дешевою ценою: человека золотых в десять и пятнадцать, а доброго и молодого в двадцать золотых». Если же добыча оказывалась слишком многочисленной, то «имали... за молодого человека по чаше проса» [Трепавлов, 2002, с.536–537]. Происходил и

обратный обмен рабами. В 1560–1570-х гг. московское правительство торговало с ордобазарцами «литовским» или «немецким» полоном – европейскими воинами, угодившими в руки воевод на фронтах Ливонской войны [Там же, с.536].

Огромное значение для внешней торговли имел вывоз из Казанского, Астраханского и Крымского ханств рыбы, которую, как мы видели выше, ловили в огромных количествах. Особенно много торговали белугой, осетром, севрюгой и др.

Через территорию татарских государств поступала значительная часть импорта и реэкспортируемых товаров – шелковые и хлопчатобумажные ткани, среднеазиатский текстиль, богато декорированная поливная восточная керамика, ювелирные изделия, китайский селадон, фрукты, изюм, виноград, предметы роскоши. С.Герберштейн, говоря о восточном ввозе в Москву, пишет: «Товары большею частью состоят из серебряных слитков, сукон, шелку, шелковых и золотых материй, жемчуга, драгоценных камней, золотой канители» [Герберштейн, 1866, с.90]. В качестве импорта и реэкспорта можно также называть поступавший из Ирана йеменский сердолик, из более южных стран – мадагаскарский горный хрусталь, из Мавераннахра – согдийский хрусталь и среднеазиатскую бирюзу, из Индии – горный хрусталь, из Бадахшана (Северный Афганистан) привозили лазурит.

В татарские государства импортировались товары, необходимые населению для жизни, предметы роскоши, специи. Импорт во многом зависел от уровня развития их экономики и, прежде всего, от уровня и развитости технологий ремесленных производств. В.В.Трепавлов отмечает, что для торговли России и Ногайской Орды характерным было то, что набор вывозимых в степь товаров был намного больше ввозимых, и со ссылкой на А.Беннигсена и Ж.Вайнштейна подразделяет импорт на предметы повседневной необходимости, «предметы цивилизации» (ремесленного производства) и предметы роскоши [Трепавлов, 2002, с.535]. С.Герберштейн сообщает: «В Татарию ввозятся седла, узды, одежды, кожи, оружие же и железо вывозятся только украдкой или по особому позволению областных начальни-

ков в другие северо-восточные страны. Однако они (русские) возят к татарам суконные и полотняные одежды, ножи, топоры, иглы, зеркала и т.д.» [Герберштейн, 1866, с.90].

Ввозили соль, западноевропейские ткани и фабрикатy. Соль и рыба из Астраханского ханства вывозилась не только в другие татарские государства, но и в русские княжества, Московское государство, в страны Каспийского бассейна. И.Барбаро сообщает: «Ежегодно люди из Москвы плывут на своих судах в Астрахань за солью» [Барбаро и Контарини, 1971, с.157]. И.В.Зайцев приводит и другие сообщения о торговле солью в более позднее время. В 1599 г. Орудж-бек Байат отмечал, что в Астрахани для купцов из Москвы, Армении, Персии и Турции главным предметом вывоза была соль и приводит данные о масштабах торговли рыбой и солью. Так, добыча соли во второй половине XVI в. составляла несколько сотен пудов и в XVII в. достигла 1–1,5 млн пудов [Зайцев, 2006, с.216–217].

Учитывая нахождение татарских государств на стыке международных торговых путей, важную роль в их экономике играла транзитная торговля, в ходе которой происходило слияние экспорта и импорта, и она была одним из главных источников доходов и богатств этих государств. Имеется достаточно много свидетельств об этом. В 20-х гг. XVI в. П.Иовий писал, что в торжище Цитраха (т.е. Астрахани) «индийские, персидские и армянские купцы устраивают славную ярмарку» [Иовий Павел, с.273]. И.В.Зайцев приводит сообщение И.Массы, жителя из Нидерландов для конца XVI – начала XVII в. о том, что Астрахань «всегда была большим и людным торговым городом, куда стекалось для торговли множество купцов из Персии, Аравии, Индии, Шемахи и Турции, привозивших из Армении жемчуг, бирюзу и дорогие кожи, из Шемахи, Персии и Турции – парчу, дорогие ковры, различные шелка и драгоценности, из Аравии – много пряностей, от московитов, в свою очередь, они получали кожи, сукно, шерстяные материи, бумагу, другие подобные сырые товары, а также икру, которую помногу скупали турки и отправляли в Константинополь; эта икра, добываемая из осетров, которых невероятно много налавливают в Волге, каковая

икра весьма нравится туркам, равно как в настоящее время итальянцам» [Зайцев, 2006, с.225–226; Исаак Масса, 1937, с.23]. Как мы видим, импорт касался не только готовых товаров, но и сырья, которое отсутствовало в тех или иных татарских государствах или регионах (драгоценные и полудрагоценные камни, янтарь, олово, серебро, золото и т.д.), заготовок изделий, а также ремесленных технологий и приемов, т.е. всего того, что формирует материальную культуру.

Таким образом, можно констатировать, что в татарских государствах было значительное движение товаров внутренней и внешней торговли, предметов экспорта и

импорта, форм их организации и в целом осуществлялось активное развитие товарных отношений. В соответствии с экономической теорией и практикой товар являлся одновременно благом, поскольку нужен потребителю, и затратами, т.к. для его производства нужны ресурсы и соответствующие технологии. Но товар обладает не только свойством удовлетворять человеческие потребности, но и свойством вступать в отношения с другими предметами, обмениваться на другие товары. Эта способность товара к обмену в определенных количественных пропорциях и есть меновая стоимость [Экономическая теория, 1997, с.68–71].

§ 3. Монетное обращение и денежно-весовая система

Быстрый рост хозяйственных связей, рост внешней и внутренней торговли требовали удобных для обращения средств платежа. Денежно-весовая система как исторически сложившаяся форма и практика организации обращения монет сформировалась еще в раннем Средневековье [Валеев, 1995; Валеев, 2012; Мухамадиев, 1990; Мухамадиев, 2005]. В ее основе лежал определенный денежный товар, являвшийся всеобщим эквивалентом, его фиксированный вес равнялся металлическому содержанию денежной единицы. Поэтому денежное обращение рассматривается как процесс обмена на рынке государств, обеспечиваемый всеми видами платежа. В экономике татарских государств и в такой важной ее сфере как торговля, платежные знаки, и в первую очередь монеты и серебряные слитки, играли весьма важную роль. Они не ограничивались только сферой внутреннего обмена, но и выполняли роль посредника в международной торговле. При этом в момент перехода из одной экономической среды в другую они обретали свойства товара, а в новой среде либо в полной мере возвращались к роли денег – товара товаров, либо использовались как один из видов сырья.

Благодаря более чем трехсотлетнему изучению болгарских и джучидских монет, многими поколениями нумизматов, археологов и историков денежное дело и денежное обращение Улуса Джучи сравнительно

неплохо изучено. Получены результаты по четырем периодам монетного обращения, распространения серебряных монет, медных пулов и районах их обращения, денежных реформах, типологии монет, общих и местных особенностях денежного дела, «нумизматических провинциях», городах чеканки, метрологических данных и других важных проблемах [Федоров-Давыдов, 2003; Мухамадиев, 1983; Валеев, 2012; Сингагуллина, 2009]. В результате был осуществлен серьезный научный анализ нумизматического материала, выработка на его основе серьезных представлений об истории монетного обращения Золотой Орды и превращении его в комплексный источник реконструкции экономической истории этого государства. В последние годы интерес к проблематике монетного обращения Улуса Джучи растет, что связано с новыми находками кладов золотоордынских монет на территории империи. Происходит активизация координации деятельности ученых-нумизматов и коллекционеров, использование в сфере научного анализа частных коллекций, подключение возможностей Интернета. Дальнейшее развитие исследований по средневековой восточной нумизматике прослеживается не только на региональном, российском, но и на международном уровнях. Объединяются усилия исследователей разных направлений и междисциплинарных подходов в джучидской и монгольской нумизматике. Они на-

правлены на характеристику динамики денежного обращения, проблем экономики с решением задач генеалогии, права, исторической географии, искусствоведения и других сложнейших вопросов истории Улуса Джучи и улусов Монгольской империи.

История монетного обращения и денежно-весовых систем татарских государств монографического изучения в таком объеме, как это сделано для Улуса Джучи, к сожалению, не получила. Денежное дело в Золотой Орде следовало общим закономерностям, но, несмотря на это, каждый из регионов имел свои особенности, во многом связанные с той ролью и местом в истории Евразии домонгольского периода. Татарские государства во многом наследовали традиции монетной чеканки периода Золотой Орды, но организовать в таком объеме как прежде монетный чекан не могли, что во многом связано с экономическими и политическими факторами. Чекан монет осуществлялся в незначительных объемах в Большой Орде, Булгаре аль Джадид (Казань), в Астраханском и Сибирском ханствах и в достаточно больших объемах в XV–XVIII вв. в Крымском ханстве. В Ногайской Орде чекана не было, потому что здесь ханы не правили.

Вопрос о монетном чекане от имени правителей в этих государствах достаточно интересен, поскольку чеканка является свидетельством политического и экономического суверенитета. Тем более, что эти государства были исламскими, а в «...мусульманском мире монета играла двойную роль, будучи не только средством денежного обращения, но и средством политической агитации» [Янина, 1962, с.158].

Крымский монетный чекан продолжал тип золотоордынских монет. Их характерным признаком является тамга, производная от старой тамги рода Бату, и она появляется на монетах Золотой Орды, чеканенных на Крымских монетных дворах еще при хане Шадибеке (1399–1407). Монеты первого крымского хана Хаджи-Гирея и последующих ханов продолжали этот тип. На рубеже XVI–XVII вв. происходит изменение типа монеты, что связано с усилением влияния Османской империи. Крымские монеты становятся все более похожими на турецкие, и это становится заметным осо-

бенно в XVIII в. [Исламские монеты, 2006, с.146–149].

Монетный чекан в Булгаре (Казани) связан с именем Гияс-ад-Дина и Улуг-Мухаммеда [Мухаммадиев, 2005, с.185–190]. По мнению ряда исследователей, работа монетного двора после них была прекращена, хотя известны заготовки для монетного чекана, найденные при раскопках Казанского Кремля. Существует другая версия, высказанная В.В.Зайцевым, о том, что так называемые «мордовки», волжские подражания монетам Московской Руси, являются чеканом Казани, и он осуществлялся в XV–XVI вв. Подтверждением может служить регулярное попадание «мордовок» в клады вместе с русскими монетами и с позднеджучидскими дирхемами, а также наличие большого числа не пробитых «мордовок», т.е. не подготовленных для использования в качестве украшения. Затрудняет датировку «мордовок» многообразие их типов и различная техника изготовления: чеканка сменяется литьем. Изменяется и качество металла – от хорошего серебра до плохого биллона, а также значительно колеблется вес [Исламские монеты, 2006, с.144–145].

Чеканка монет в Сибирском ханстве, по всей видимости, существовала, но нам известно лишь о чеканке монет тюменским ханом Сайид-Ибрагимом. Место чеканки обозначено как «Орду Базар» и было связано с захватом им в 1481 г. торгового центра Большой Орды «Ордобазара» [Нестеров, 2001, с.276]. Другие денежные знаки, принадлежавшие сибирским политическим объединениям, неизвестны, хотя В.И.Соболев сообщает об обнаруженных в ряде могильников русских монет и европейских счетных жетонов, попавших в Западную Сибирь в XIV–XVII вв. и использовавшихся в качестве украшений, а также об использовании в качестве платежа денег среднеазиатских государств. Но эквивалентом обмена здесь в основном являлась пушнина – валюта того времени [Соболев, 2008, с.218].

Монеты, чеканенные в Астрахани в первой четверти XV в. от имени постоянно меняющихся золотоордынских ханов, достаточно хорошо представлены в каталогах и исследованиях. Город переходил из рук одного хана в руки другого. На моне-

тах Кучук-Мухаммеда и его сына Махмуда встречается тамга в виде двузубца с двумя точками. По мнению А.Г.Нестерова, в первой половине XV в. тамги на джучидских монетах стали приобретать не столько родовой, сколько локальный характер, и «владение Хаджи Тарханом и Орду Базаром само по себе уже давало право помещать на монетах тамгу в виде двузубца с двумя точками» [Зайцев, 2006, с.29; Нестеров, 2001, с.275–276]. Анализ кладов джучидских монет позволил Г.А.Федорову-Давыдову сделать вывод о том, что во второй четверти XV в. в Нижнем Поволжье полностью прекращается денежное обращение, и Хаджи-Тархан является единственным местом в регионе, где было налажено производство монеты. Но отсутствие экономических условий для ее обращения привело к тому, что вся продукция денежного двора Хаджи-Тархана осела в основном на территории Среднего Поволжья [Федоров-Давыдов, 1960, с.119; Зайцев, 2006, с.24–25]. Большое количество хаджи-тарханских монет и в целом южной весовой нормы обнаружено в кладах второй половины XV в. на территории Казанского ханства. Хаджи-тарханские монеты порядка 60–62% обнаружены в кладах в с. Большой Шикши-Олуяз, № 189; Казани, №195; Именькове, №202д [Федоров-Давыдов, 1960, с.122, табл.9; Федоров-Давыдов, 2003, с.55].

Монетное обращение в XV в. продолжало развиваться в Казанском ханстве, где для торговых операций использовались позднеджучидские монеты. Если проанализировать количество кладов XV в. на территории Среднего и Нижнего Поволжья, то получается интересная картина. На территории Среднего Поволжья и Прикамья обнаружено 26 кладов, а с учетом мордовских земель по рекам Сура, Цна и Мокша – 34 клада. В Нижнем Поволжье кладов XV в. обнаружено всего 10, из них 6 кладов найдено на территории Селитренного городища (Сараяль-Махруса). А на территории Казанского ханства монеты найдены в разных его частях [Там же, с.150–151]. Как видим, объем монетного обращения явно превалирует на территории Казанского ханства и по формальным признакам по сравнению с Нижним Поволжьем – в 2,5–3,5 раза. Если сравнить эти цифры с материалами XIII–XIV вв.,

то можно увидеть следующую динамику: 13 кладов и отдельных находок монет, относящихся к XIII – началу XIV в., обнаружены только на территории Волжской Булгарии, а в Нижнем Поволжье кладов конца XIII – начала XIV в. – только 4,78 кладов, относящихся к 1310–1380 гг., найдено в Среднем Поволжье вместе с Приуральем, а в Нижнем Поволжье – 71. Соотношение кладов 1380–1400 гг. следующее: в Среднем Поволжье 18 кладов (в Приуралье не обнаружено), а в Нижнем Поволжье – 12 кладов [Там же, с.139–149]. Эти цифры свидетельствуют об экономической и торговой активности Среднего Поволжья в рассматриваемый период. Если во второй половине XIII в. тенденции активной торговли связываются в основном со Средним Поволжьем, то в XIV в. происходит значительный всплеск развития экономики в Нижнем Поволжье, но Среднее Поволжье не теряет своей роли. В XV в. снова происходит усиление монетного обращения на территории Казанского ханства. Конечно, сложно по объемам монетного серебра сравнивать XIV и XV вв. Однако монетное обращение джучидских и других монет на территории Казанского ханства было достаточно активным. Следует заметить, что находки кладов монет продолжают, и последние находки кладов монет в Тукаевском, Рыбно-Слободском, Апастовском и ряде других районов Татарстана позволяют говорить о том, что обращение джучидских монет в Казанском ханстве в XV в. продолжалось.

Однако в первой четверти XV в. с появлением нового монетного чекана в Булгаре (Казани) происходит окончательный процесс дробления единого монетного обращения Улуса Джучи и обособление монетного дела и чекана в Среднем Поволжье. Клад XV в., найденный в 2003 г. около с. Рыбная Слобода, показывает происходящие изменения в составе монетного обращения и основные тенденции денежного дела XV в. Из 6 тыс. монет, оказавшихся доступными для изучения, более 4 тыс. ярмаков болгарской чеканки XV в. и около 2 тыс. монет конца XIV – начала XV в. южных монетных дворов Золотой Орды: Хаджи-Тархана, Сарая, Сарая аль-Джадида, Иль Уй Му аз-зама, Хорезма, Азака, Сарайчука, Крыма, Кафы, Орды, Орды Му' аз-зама, а также 61

монета, отчеканенная в русских землях, в основном в Суздальско-Нижегородском княжестве. Взвешивание монет этого клада, а также материалы других кладов показали, что произошло понижение весовой нормы чеканки монет с 0,62 до 0,57 г, что уравнило вес Казанских монет с суздальско-нижегородскими и способствовало их проникновению на рынок Казанского ханства [Мухамадиев, 2005, с.183–187; Тростянский, 2005, с.157–158].

Нехватка джучидских монет, в том числе болгарского чекана, и желание восполнить нехватку монет для торговых операций привели к тому, что начавшееся в конце XIV – начале XV в. проникновение монет из русских княжеств во второй половине XV в. увеличивается. Анализ кладов с русскими монетами показывает, что первоначально они появились на землях мордвы, мари, а затем произошло их постепенное внедрение – в начале в пограничные с Нижегородским княжеством земли, а затем вглубь Казанского ханства. Так, клад, найденный в с. Светино Республики Марий Эл, был зарыт в начале XV в. Вместе с джучидскими монетами здесь были найдены русские монеты, чеканенные в Московском, Дмитровском, Серпуховском, Можайском, Галицко-Звенигородском, Нижегородском, Ростовском, Тверском княжествах. Клад в с. Сосновка Казанского уезда содержал джучидские (булгарского чекана) и русские монеты (0,3%), чеканенные в Московском и Нижегородском княжествах. Тетюшский клад джучидских и русских (15 экз.) монет зарыт в начале XV в., и русские монеты были чеканены в Новгородском и Рязанском княжествах. В с. Караульная Гора Нурлат-Октябрьского района Татарстана клад состоял из джучидских (в основном булгарского чекана) и русских (16 экз.) монет, он был зарыт в 20-е гг. XV в., русские монеты были чеканены в Московском и Нижегородском княжествах [Полубояринова, 1993, с.92].

Во II половине XV в. основным средством платежа становятся монеты русских княжеств и формирующегося единого Московского государства. Ценная сводка кладов русских монет так называемого удельного периода по Казанской губернии составлена А.А.Ильиным. [Ильин, 1924, с.31–38]. Им

учтено 12 таких кладов. Первым по времени открытия таким кладом является описанный П.С.Савельевым клад, найденный летом 1854 г. недалеко от г. Казани. Клад заключал в себе значительное количество монет великого князя Василия Васильевича Темного, Ивана III и некоторых удельных князей, и, по определению Савельева, был зарыт между 1487 и 1505 гг. На территории г. Казани было найдено еще три клада: 1) В 1861 г. – у кафедрального собора с монетами Ивана III и, частично, Василия Васильевича Темного; 2) в 1878 г. – на территории Кремля найден клад с монетами Новгорода, Василия Васильевича Темного и Ивана III; 3) в 1909 г. – также в Кремле найден клад из 284 русских монет Ивана III и Ивана IV. Значительные клады русских монет были найдены и в уездах Казанской губернии. П.С.Савельевым были описаны 154 монеты от Василия Васильевича Темного до Ивана IV из клада, найденного в Лаишевском уезде против села Красновидова, в дер. Карташихе.

Характерно отметить, что все клады русских монет, найденные на территории Казанского ханства, по времени своего чекана относятся к эпохе существования Казанского ханства. Таковы клад из дер. Кибячи Лаишевского уезда (1903 г., 1700 экз. русских монет), из дер. Средняя Куланга Свияжского уезда (1900 г., 2869 экз. русских монет XV–XVI вв.), из дер. Азбаба Свияжского уезда (1899 г., найдена кубышка из бересты, залитая воском, содержащая около шести фунтов серебряных русских монет XV и начала XVI в.). Широкое распространение русской монеты на территории Казанского ханства связано, во-первых, с той широкой торговлей, которую вели в то время русские с татарами, и, во-вторых, из-за отсутствия достаточного количества монет собственной чеканки в ханстве [Мухамедьяров, 2012, с.191–192].

Срез монетного обращения в Казани ярко показывает последние 5 кладов, найденные в ходе раскопок Казанского Кремля в 90-е гг. XX – начала XXI в. Клад серебряных монет № 1 обнаружен под северо-восточным углом каменного здания периода Казанского ханства. Непосредственно в районе клада были зафиксированы кусочки берестяного туеска (некоторые с прилипшими монетками).

ми). Клад содержал 556 монет-«чешук» довольно хорошей сохранности. Клад № 2 был найден под северо-западным углом того же здания, и состоял из 1449 монет-«чешук». Монеты, видимо, находились в кожаном кошеле, от которого сохранились лишь мелкие обрывки.

Большой клад (№ 2) содержал по одной монете Ярославского и Можайского княжеств, 16 монет чеканены в Рязани. Города Тверь и Новгород представлены соответственно 32 и 42 монетами, Псков – 181 монетой. Остальные монеты чеканены в Москве. Самыми ранними, старшими, монетами следует считать, по заключению Д.Г.Мухаметшина, монеты Ивана Дмитриевича, Федора Васильевича и Александра Федоровича (до 1450 г.), а также монеты Новгорода и Пскова периода самостоятельности. Около 90% монет клада чеканены в период правления великого князя московского Ивана III (1462–1505). Младшими являются монеты великого князя Василия III (1505–1533).

Малый клад (№ 1) по составу монет не сильно отличается от Большого. Это свидетельствует об одновременности их накопления. Однако в Малом нет именных монет Василия III (они считаются более поздними) и больше монет удельных княжеств. Таким образом, Малый клад формировался чуть раньше Большого. Следует подчеркнуть, что в обоих кладах отсутствуют монеты Ивана IV и обрезанные новгородские и псковские монеты, появившиеся в начале 30-х гг. XVI в. Монеты обоих кладов хронологически синхронны и датируются концом XV – первой третью XVI в., относятся к Великокняжескому периоду.

Отдельно в III слое выделяется клад, представляющий собой комплекс спрятанных в кожаном кошеле двух нательных крестов, двух сердоликовых бусин и 68 серебряных монет-«чешук», младшая из которых датируется 1505 г. Клад содержал 2 монеты, чеканенные в Новгороде. Остальные монеты чеканены в Москве. Самыми ранними, старшими 13%, монетами следует считать монеты Новгородской республики в 1420–1456 гг. 2 экз. и Василия II (Темного) Васильевича 1446–1462 гг. 6 экз. 85% монет клада чеканены с 1462 по 1505 г. в период

правления великого князя московского Ивана III Васильевича, эти монеты являются младшими. Две целых и четыре фрагментированных монеты определить не удалось.

Новгородские монеты представлены двумя типами, на одной из которых на лицевой стороне изображена одетая фигура, сидящая в кресле, пред ней другая фигура с согнутыми в коленях ногами и протянутой к сидящей фигуре рукой, между фигурами буква П, на другом типе между такими же фигурами буква С.

Монеты Василия II (Темного) Васильевича чекана Москвы также представлены двумя типами. Один экземпляр – с головой человека и вертикальной чертой перед ней, внутри ободка из точек на лицевой стороне и с трехстрочной надписью в рамке на оборотной; 6 экз. конца правления Василия II (Темного) 1450-е – 1462 г., с двумя звездочками и розеткой внутри ободка из точек, а также круговой надписью на лицевой стороне и цветком с пятью лепестками и круговой надписью на оборотной. Монеты Ивана III Васильевича, чеканенные в Москве, представлены тринадцатью типами 1462–1505 гг. Клад содержал две монеты, чеканенные в Новгороде, две – в Рязани. Остальные монеты чеканены в Москве. Самыми ранними, старшими 16%, монетами следует считать монеты новгородской республики в 1420–1456 гг. и Великого княжества Рязанского времени правления князя Василия Ивановича после 1456 г. Московские деньги – 48% монет клада – чеканены в период правления великого князя московского Ивана III Васильевича 1462–1505 гг. Монеты Василия III Ивановича 1505–1533 гг. представлены 4 экз., эти монеты являются младшими. 5 монет определить не удалось.

Следующий клад русских монет периода Казанского ханства, был обнаружен на раскопе № XXXIV 2000 г. на территории бывшего Ханского двора. Основная масса клада состоит из монет Москвы, Твери, Новгорода начала 40-х гг. XVI в. Это копейка Новгорода с буквами ФС под копьём, чеканившаяся после 1542 г., деньга Твери с буквой Д, копьём и деньгами Москвы, с надписью: «Князь великий Иван». К начальному периоду реформы 1534–1535 гг. относятся копейки Пскова, в количестве 3 шт., с буквой А под копьём.

В 1547 г. Иван IV получил царский титул, поэтому легенда на монетах размещалась в виде: «Царь и Князь великий Иван». В кладе имеются 6 таких монет чекана Новгорода и Москвы. В связи с принятием титула изменился головной убор всадника, теперь он имеет форму царской короны. В 1547 г. начался выпуск новых типов денег Москвы, с буквой ДЕ, таких в кладе не оказалось. Нет в кладе и копеек Новгорода и Пскова, входящих за рамки 1547 г. Таким образом, можно говорить, что формирование этого комплекса монет завершается в 1547 г., в основном из монет Москвы, и в том же году монеты оказались в Казанском Кремле.

Казанский клад с учетом неопределенных монет и фрагментов составляет сумму приблизительно в 2 рубля. Принимая во внимание, что клад не является специально спрятанным и на объекте обнаружены разбитые кубышки крупных размеров, надо полагать, в данном случае это остатки большой суммы денег, которые находились в одной из построек Ханского двора. В момент попытки забрать накопленные богатства часть монет, находившихся в кубышках, видимо, была рассыпана и была погребена под сгоревшими конструкциями дома, что и было обнаружено в ходе раскопок.

Найденные в ходе работ Казанской археологической экспедиции 1994–2006 гг. клады ярко иллюстрируют период зарождения общерусской денежной системы. В начале XV в. самостоятельно чеканили монеты Псков, Великий Новгород, Великие княжества Тверское, Рязанское, Ярославское, Москва и ее уделы (Можайск). В конце XV в. с усилением Москвы количество центров чеканки сокращается, а к концу первой трети XVI в. чеканить монеты разрешалось только на государственных монетных дворах. Все монетное производство сконцентрировалось на трех монетных дворах Москвы, Новгорода, Пскова. Все эти монеты представлены в найденных кладах. Также по материалам кладов хочется отметить, что к концу XV в. на территории Казанского ханства доминирующими становятся монеты, чеканенные в Москве и на подчиненных ей территориях [Ситдинов и др., 2010, с.309–313].

В Ногайской Орде, степенных районах Большой Орды, Астраханского и Сибир-

ского ханств экономика ориентировалась на безденежных операциях. Средневековые путешественники объясняли отсутствие монетного обращения в Ногайской Орде по большей части ненужностью его в кочевой среде, потребностью степняков в натуральном обмене, даже нежеланием ногаев отдавать продукцию своего хозяйства и рабов за золото и серебро. Эвлия Челеби видел причину неразвитости финансовой системы в отсутствии серебряных рудников в Дешт-и Кипчаке [Трепавлов, 2002, с.539]. Однако в то же время В.В.Трепавлов и ряд исследователей отмечают периодическое использование иностранной валюты кочевниками – для приобретения товаров в русских городах за русские деньги и приводят достаточно много сообщений источников об интересе правящей верхушки к денежной форме взаимоотношений с московским государством. Деньги были нужны для покупки товаров на рынках Астрахани, Казани, Московского государства в период падежа скота и смут расчетов со строителями мавзолеев из Мавераннахра, строителями, возрождающими Сарайчук, взаиморасчетов с транзитными купцами. Интересно еще одно явление с денежным эквивалентом. Ногайцы и другие кочевые группы татар не испытывали затруднений при переводе цен из одной системы в другую, и В.В.Трепавлов приводит конкретные примеры таких расчетов [Там же, с.539–542].

В Казани, продолжая традиции золотоордынского времени, в XV в. в обращение находились джучидские монеты, генуэзско-татарские и Крымские монеты Гиреев XV–XVI вв. Первый клад был обнаружен в 1837 г., здесь содержалось 400 экз. монет, большинство из которых составляли подражания джучидским монетам. К сожалению, полный состав клада остался неизвестным. Другой клад XV в. из 595 серебрянных монет, включая в основном джучидские монеты XV в., часть которых была выбита в Болгаре, а большинство в Хаджи-Тархане и Орда-Базаре, чеканенные от имени Давлет-Бирди, Мухаммада, Махмуда, Махмуда б. Мухаммада, Мустафы, Сайид-Ахмада, Ахмада, Мухаммада б. Сайид-Ахмада [Федоров-Давыдов, 2003; Пачкалов, 2005]. А.В.Пачкалов предполагает, что клад был

сокрыт на рубеже XV–XVI вв. [Пачкалов, 2005, с.39].

Среди единичных находок во время раскопок в Кремле отмечены находки джичудских монет с именем Мухаммада, чеканенных в Болгаре в 1421–1445 гг., тверской пул 1420-х гг., а также на территории Архиерейской дачи серебряной монеты Мухаммада Борака, чеканенной в Болгаре в 1420-е гг. [Там же, с.39–40]. При археологических исследованиях Р.Г.Фахрутдиновым Камаевского городища и Р. Урматского селища, было обнаружено большое количество монет XV в., а также заготовки для чеканки серебряных монет [Фахрутдинов, 1975]. При раскопках С.И.Валиуллиной Торецкого поселения рядом с Билярском найдено более 400 монет, в числе которых четыре клада и пять комплексных находок монет, большинство из которых составляют джучидские монеты конца XIV – первой трети XV в. и 6 русских монет. Интересно, что здесь встречаются заготовки и большинство монет очень стертые. Д.Г.Мухаметшин предполагает возможность чеканки монет Улуг-Мухаммеда и Гийас ад-Дина, относимые им к VI группе, и монет с «особым знаком» – к Торецкому поселению [Мухаметшин, 2011, с.65–71].

Науке известны также клады с монетами XV в. в Измерях 1962 г., Караульной горе 1957 г., Войкино, Бураково, Рыбной Слободе 2003 г. и в целом 12 кладов с монетами, чеканенными в Болгаре. Монеты XV в. четко показывают не только постоянное снижение веса монет, но и снижение серебра в составе монетного металла. Наравне с серебряными в денежном обращении участвовали и медные посеребренные и медные монеты [Там же, с.70–71].

Среди монет русских князей, выделенных в VII группу на Торецком поселении можно назвать чекан нижегородского княжества Даниила Борисовича (1423–1429), деньгу Великого княжества Московского Василия II Темного (1425–1446). Найдена также монета с арабо-графической надписью (ас-султан) на одной стороне, а на оборотной стороне с надчеканкой – рисунок «четвероногое животное» [Там же, с.69].

Интересную группу русских монет, найденных в двух кладах при раскопках Казанского Кремля последних лет, составляют

монеты, чеканенные в 1462–1533 гг. во время правления Ивана III и Василия III. Имеются группы монет, на оборотной стороне которых располагались арабские надписи «эта монета московская акча» (4 варианта штемпелей), «Ибан» (= Иван) и по-русски «Осподарь всея Руси» (3 варианта штемпелей) и вязью в арабском стиле – «Государь всея Руси» (3 варианта штемпелей). Д.Г.Мухаметшин предполагает, что монеты с арабскими надписями типа «денга московская» и «Ибан» свидетельствуют об участии после 1487 г. татарских мастеров в денежном деле Москвы и Новгорода. Многие исследователи считают, что русские монеты, которые во второй половине XV в. начали активно проникать в Среднее и Нижнее Поволжье и использование для этих групп арабских легенд, способствовало узнаванию ее татарским населением и облегчало ее обращение, укрепляло доверие к ней [Зайцев, 2006в; Шакиров, 2011, с.83]. Следовательно, можно констатировать, что в условиях отсутствия собственной чеканки в Казани, Астрахани в конце XV в., возможности дальнейшего использования джучидских монет, из-за их изношенности, включение татарских государств в единое экономическое пространство и сферу политических интересов Московского государства, дефицита серебряных монет, стали важными причинами определившими распространение русских монет и их активное включение в монетное обращение татарских государств.

В XV в. в Нижнем Поволжье монетный чекан, наиболее интенсивно проводившийся в первой половине столетия, во второй половине чеканка серебряных монет продолжалось вплоть до времени правления Ахмада, но медные монеты уже не чеканятся [Пачкалов, 2008, с.59]. В сохранившихся городах, хотя и значительно сократившихся территориально, монетное обращение джучидских и русских чеканов в XV в. существует. А.В.Пачкалов, проанализировав монетные клады и находки на территории Нижнего Поволжья, называет целый ряд городов и поселений, которые упоминаются в письменных источниках и где найдены клады и комплекты монет. Среди них наиболее известный Сарай аль-Махруса (не менее 5 комплексов, 0,3% медных монет, 6,5% сере-

бряных монет из раскопок и 2,17% медных монет, 12,6% серебряных монет, по данным В.Б.Клокова и В.П.Лебедева из сборов верхнего слоя) [Там же, с.61–63; Клоков, Лебедев, 2002].

Чрезвычайно важным и редким для территории Нижнего Поволжья населенным пунктом, активно существовавшим в XV в. являлось городище Каменный Бугор в 5 км к юго-востоку от с. Селитренное (Сарай аль-Махруса). Здесь найдено четыре монетных клада XV в. и серия отдельных монет. В 1998–1999 гг. на территории поселения собрано 407 экз. монет [Лебедев, Клоков, 2001, с.22–52]. Интересно, что на поселении найдены только серебряные монеты XV в., но встречаются медные пулы XIV в., что легко объясняется тем, что медь XIV в. продолжала обращаться в XV в. По данным сборов на Каменном Бугре, медные монеты XV в. насчитывают 15,3%, а серебряные монеты дают исключительно XV в. и их найдено 150 экз. [Пачкалов, 2008, с.63–64]. На Селитренном городище и Каменном Бугре встречались также тимуридские монеты XV в., татаро-генуэзские монеты и Хаджи-Гирея (1466–1467), а также русские монеты.

В XV в. интенсивная монетная чеканка осуществлялась в Хаджи-Тархане, причем медные пулы чеканились в первой половине столетия, а серебряные монеты и во второй половине XV в. и по предположению А.В.Пачкалова, последние монеты были выпущены в период правления хана Ахмада. Известны также немногочисленные монеты, выпущенные в Хаджи-Тархане ал-Джадид. Местоположение Хаджи-Тархана в XV – первой половине XVI в. является спорным. Большинство исследователей считают, что город располагался на городище Шареный Бугор вплоть до 1556 г. Однако, есть точка зрения, поддержанная В.В.Бартольдом и М.Г.Сафаргалиевым в том, что в результате похода Тимура город возродился на месте современного г. Астрахани (на левом берегу Волги). Основная трудность в этом вопросе малоизученность городища Шареный Бугор, где найдены монеты и значительный клад XV в. [Пачкалов, 2008, с.64–66].

Серебряные монеты XV в. и медные монеты XIV–XV вв. были найдены при раскопках археологических памятников XV в. у

поселка Тинаки, расположенного недалеко от Астрахани [52, с.66]. Итак, можно констатировать, что на территории сохранившихся городов Большой Орды и Астраханского ханства монетное обращение существовало, но сократился его объем и экономические условия для денежной торговли.

На территории Крымского ханства в обращении в XV в. находились джучидские монеты XV в., генуэзско-татарские серебряные монеты Каффы от 1419 до 1442 г., в том числе аспры с именем Хаджи-Гирея и медные выпуски генуэзско-татарских фоллеро с 1428 до 1442 г. и позднее – выпуски последних годов правления Улуг-Мухаммеда, а также первых годов правления Хаджи-Гирея [Хромов, 2005, с.6–8]. Чекан собственно крымских монет, начатый Хаджи-Гиреем, определил их широкое распространение на территории Крымского ханства, а также в небольших объемах – поступление в Астраханское, Казанское ханства и Ногайскую Орду. Анализ кладов и находок монет Крымского ханства показывает, что монеты были в обращении на территории городов, в местах пересечения торговых путей, переправ и укреплений. Так, в районе крепости, на месте торговых рядов на Перекопском перешейке или Турецком вале было найдено значительное количество монет Крымского ханства. Наиболее часто находили здесь монеты Менгли-Гирея I (1466–1514), Давлет-Гирея I (1550–1577) и Арслан-Гирея (1748–1756). Монеты других ханов встречаются значительно реже. Из с. Любимовка Херсонской области в районе расположения крепости Арслан Керман, где находилась переправа через р. Днепр и пристань, происходят групповые находки Менгли-Гирея I, Мухаммед-Гирея (1515–1523), Сахиб-Гирея (1532–1551), некоторое количество латунных посеребренных кружков, видимо, монетных заготовок фальшивых монет, а также часть литейной формы для отливок фальшивых монет Менгли-Гирея I и Арслан-Гирея, а также серебряные русские монеты Ивана IV и Петра I. Здесь находилась крепость, пристань для переправы соли с левого берега на правый, где проходили торговые пути на Россию и Польшу.

Отмечены и другие места поселений и крепостей, где в массовом количестве на-

ходили крымские и русские монеты. Однако на местах многих поселений и кочевий, собственные крымские монеты встречаются в единичных экземплярах, и они применялись здесь значительно реже, а натуральное хозяйство и товарообмен обеспечивали нужды сельского и кочевого населения Крымского ханства. Развитый товарообмен, когда монета была не так нужна, и бедность основной массы населения также свидетельствует об основных тенденциях экономической жизни. В обращении на территории Крымского ханства находились также турецкие монеты [Пиворович, 2008, с.5; Пипериди, 2008, с.70–72].

На территории татарских государств в качестве средств платежа в XV в. продолжали использоваться и серебряные слитки-сомы, которые имели длительную историю своего бытования начиная с X–XI вв., а если брать латунные слитки Поволжья и Прикамья, то с V в. н.э. [Валеев, 2012, с.322–330], как мы видели выше. С.Герберштейн называет серебряные слитки в списке ввозимых товаров в Московское государство из восточных стран. Как очень крупным денежным единицам, слиткам-сомам было свойственно медленное обращение, и они большей частью использовались в крупных оптовых торговых операциях XV–XVI в. в татарских государствах. Также они свидетельствовали о возросшей потребности экономики в металлических средствах платежа.

В денежном обращении таких татарских государств, как Сибирское, Казанское ханства, Ногайская Орда и при переправе через Черное море важную роль играли меха пушных зверей, которые использовались не только как предмет торговли, но и как средство обращения. Меха в этой функции использовались финно-угорскими и славянскими народами. Казанское ханство было огромным перевалочным рынком пушнины, уходящим в восточные страны. Важную роль мехов подчеркивают и татарские пословицы: «*Акча күн ягы белән килә, илэк ягы белән китә*» (Деньги приходят меховой стороной, а уходят через сито), «*Тиен агачтан агачка, тиен (акча) кулдан кулган сикерә*» (Белка прыгает с дерева на дерево, деньги из рук в руки) [Исәнбэт, 1967, 157 б.]. Как

видим, распространенность мехов пушных зверей, в том числе беличьих шкурок (тиен) как эквивалента денежных единиц и мелких разменных монет сохранилось в современном татарском языке).

В качестве средства платежа особенно в степных районах, а также, по сути, во всех татарских государствах продолжали использоваться «достояние, имущество, богатство». Татарские пословицы гласят: «*Мал башы – бер акча*» (Каждая голова скота стоит одну деньгу), «*Акча сезнеке – мал безнеке*» (Деньги ваши, скот наш), «*Акчага эйләндереп булган һәрбәр нәрсә – мал*» (Все что можно превратить в деньги – достояние), «*Акча алма, малын ал*» (Деньгами не бери, возьми скотом) [Ibid., 141–151 б.]. Эти и многие другие пословицы подчеркивают роль продукции скотоводства в экономике и как платежных средств в торговле.

В Ногайской Орде было обращение позднетимуридских монет в г. Сарайчук. Так, здесь найдены серебряные монеты 1420-х гг. и большая группа медных пулов чекана монетного города Орда-Базар. На рубеже XV–XVI вв. в заселенной части города обращаются крымские монеты Хаджи и Менгли-Гиреев, чеканенные в Крыму и Кырк-Йере, турецкие медные монеты и среднеазиатские монеты позднетимуридского и шейбанидского времени [Гончаров, 2005, с.12].

Таким образом, преемственность, динамика и эволюция монетного обращения в татарских государствах отражали состояние и основные тенденции в евразийском пространстве, потребности населения этих государств, масштабы товарно-денежных отношений внутри каждой из стран, оптовой и розничной форм торговли и в целом новые аспекты экономического развития. Монетные и немонетные средства платежа являются свидетельством уровня и объемов торговли в татарских государствах, динамики роста внешней, межгосударственной, внутренней и межрегиональной торговли, а также особенности денежного обращения в них. Развитому уровню торговли соответствовала соответствующая денежно-весовая система, являющаяся важным индикатором экономических процессов.

ГЛАВА 3

Ислам на постордынском пространстве

§ 1. Исламские институты в татарских государствах

Дамир Исхаков

Исламский характер позднезолотоордынских этнополитических формирований не вызывает сомнений (см., например: [Velidi Togan, 1966, s.179–204; De Veese, 1994; Исхаков, 1997а; Исхаков, 2009б]). Во всех тюрко-татарских государствах XV–XVIII вв. ислам являлся государственной религией и, как видно из источников, у политической элиты этих владений существовало отчетливое понимание собственной принадлежности к мусульманскому миру. Так, в послании правителя Тюменского ханства хана Сайида-Ибрагима, присланного московскому великому князю Ивану III в 1489 г. из Ногайской Орды, сказано: «Яз (т.е. хан Сайид-Ибрагим. – *Д.И.*) – бесерменский государь, а ты – христианской государь» [Посольские книги, 1995, с.19]. О том же писал и князь Юсуф, правитель Ногайской Орды, в своем послании от 1551 г., адресованному Ивану IV: «...мы мусульманы, а ты христианин» [ПДРВ, 1793, с.302]. Или, в таком аутентичном источнике, как «Зафер-нама-и вилаяти Казан» (1550), написанном верховным сейидом Казанского ханства Кул-Шарифом, есть строки о том, что Казань «с давних времен являлась мусульманским городом», расположенном «далеко от мусульманских областей, на границе с областью кяфиров» [Кол Шәриф, 1997, 77 б.]. Тут есть ясное понимание религиозных отличий казанцев от населения соседних русских земель. Крымский хан Менгли-Гирей также прекрасно понимал значение вхождения своего государства в мусульманский мир. В частности, в его послании неизвестному турецкому савоннику, отправленному в июле 1475 г. (после захвата г. Кафы турками), содержатся такие строки: «Кафа сделалась *исламским* городом (выделено нами. – *Д.И.*). Мы благодарим Бога, что освободились из темницы» [Некрасов, 1990, с.43].

Хотя состояние имеющихся источников пока не позволяет в полной мере осветить проблему ислама в татарских государствах XV–XVI вв. – особенно это касается собственно богословских аспектов тогдашней религиозной ситуации – тем не менее, многие институциональные аспекты функционирования ислама в них как государственной религии могут быть восстановлены.

Казанское ханство. Казанское ханство, унаследовавшее культурные традиции Булгарского вилайета Улуса Джучи, с самого начала своего образования выступало как мусульманское государство. Это подчеркивается и в татарских преданиях, отложившихся в так называемых «летописях». В частности, в одной из них приводится рассказ об основании г. Казани (Нового Булгара) и подчеркивается: «На этом месте под знаменем ислама остались. ...Во всех своих поступках и событиях жизни обращались к правилам шариата... споры и судебные дела разрешали согласно шариату» [Из татарской летописи, 1937, с.122–123]. Население ханства в отмеченных «летописях» также характеризуется как мусульманское: «...когда род мусульманских ханов пресекался и в г. Казани хана не было, мусульмане привезли его (хана Шах-Гали. – *Д.И.*) (и) избрали на ханство» [Катанов, Покровский, 1905, с.318]. Русские летописи, имея в виду казанских татар, в сообщениях, относящихся к XV в., также подчеркивают, что они являлись «бесерменами», т.е. исповедовали ислам [ПСРЛ, 28, 1963, с.98]. Например: в Летописном своде 1497 г. под 1429 г. указывается на поход казанских татар к Галичу и говорится, что русские «погнаша за татары... побита татар и бусорман» [Там же]. При описании штурма русскими войсками в 1469 г. г. Казани, летописец пишет о «мно-

зи же бесермени и татары» [ПСРЛ, 13, 1965, с.122]. Такой относительно поздний источник, как «Казанская история», там, где речь идет о периоде формирования Казанского ханства, не забывает указать, что в Казань «нача збираться... срачини» [Казанская история, 1954, с.53], т.е. мусульмане, ибо для автора этого сочинения, ислам был «сарацинской», т.е. «арабской» верой [Там же, с.58]. В Патриаршей (Никоновской) летописи, подводя итог завоеванию Казанского ханства, также подчеркивается: «...предаде ему (Ивану IV. – Д.И.) Господь Бог безбожных татар Казанских и безсерменьскую их веру» [ПСРЛ, 13, 1965, с.251].

Надо иметь в виду, что в составе государства имелось и многочисленное языческое население (чуваши, марийцы, удмурты, частично и мордва). Здесь не ставится цель рассмотрения религиозной жизни этих народов. Но одна группа населения, расселенная в XV–XVI вв. в Приуралье, а именно в бассейне рек Сылвы, Ирени и Тулвы и входившая в состав Казанского ханства, не может быть оставлена вне поля зрения, т.к. она позже оформилась в группу пермских татар (частично – башкир). Между тем, по сохранившимся источникам, это население (оно именовалось «татарами» и «остяками») к середине XVI в. еще не было окончательно исламизировано. [Исхаков, 1998, с.114–140; Исхаков, 2004а, с.223–233]. Поздняя исламизация тюрко-татарского населения Пермского Приуралья объясняется двумя факторами: во-первых, одним из их этнических компонентов были тюркизированные угры, исламизация которых даже в более западных районах произошла лишь в XIV в.; во-вторых, в конце XV в. в Среднее Приуралье из Западной Сибири, где религиозная ситуация характеризовалась относительно поздним завершением в Сибирском ханстве исламизации, проникло значительное по численности, еще явно не вполне мусульманизированное население [Исхаков, 1998, с.78–93; Исхаков, 2004а, с.223–233].

В ханстве имелось разветвленное сословие мусульманского духовенства во главе с верховным сеидом. Кроме самого верховного сеида и других сеидов из его рода (все они считались сеидами), в государстве отмечены следующие группы духовных лиц

(в скобках даны написания, характерные для русскоязычных источников): шейхи (шихи), шейхаде (шихзоде, шизоты), муллы (молны), мулло-заде (моллозоде), казии (кады), мавали (мамы) или данишменды (долышманы), хаджии (азии), хафизы (афызы, афазы), дервиши (дербыши) [ПСРЛ, 8, 1859, с.266; ПСРЛ, 13, 1965, с.25, 33, 333, 148, 167, 169, 202, 218, 239; Вахидов, 1925а, с.33, Вахидов, 1925, с.85]. Не исключено, что к этому перечню еще следует добавить суфиев, которые отмечаются в «Зафер-нама-и вилаяти Казан» вместе с дервишами («*яшь дәрвишләрне һәм суфыйларны туплап*») [Кол Шәриф, 1997, 80 б.]. Требуется и небольшой комментарий к данному перечню. Термин «казый» (в форме «кады») в русских летописях встречается лишь однажды. Но в ярлыке хана Сахиб-Гирея (1523) это понятие присутствует в виде выражения «*кузате ~ казати ислам*» [Борынгы, 1963, 354 б.; Вахидов, 1925а, с.33; Вахидов, 1925, с.85]. Ясно, что присутствие казая в перечне духовных лиц ханства свидетельствует о существовании их судебной ветви. Лишь однажды встречается в источниках и слово «данишменды» в написании «долышманы». С.Г.Вахидов полагал, что встречающиеся в ярлыке Сахиб-Гирея выражение «*ва мавали-завиль ихтирам*» в русских летописях передавалось как «малы» или «мамы», применяясь по отношению к духовенству, означая «почетных хозяев». Похоже, что два понятия – «данишменды» и «мавали», обозначали одну и ту же группу – учителей (наставников).

Остановимся на руководителе духовного сословия Казанского ханства, бывшего одним из представителей рода сеййидов. Того, кто возглавлял мусульманское духовенство ханства, источники выделяют особыми эпитетами. Например, С.Герберштейн, рассказывающий о событиях весны 1524 г., называет занимавшего эту должность сеида, «верховным жрецом татар» [Герберштейн, 1988, с.176]. А.Курбский в 1552 г. главу мусульманского духовенства ханства определяет как «великого бискупа» [Курбский, 1914, с.198]. Очевидно, существовали мусульманские термины, аналогом которого выступали отмеченные понятия. Действительно, Ш.Марджани того, кто являлся старшим из сеидов, характеризует эпитетом

«*накыйбел эшраф*» [Мәржани, 1989, 200 б.], т.е. «руководитель великих». Хотя источник Ш.Марджани в данном случае неизвестен, его информация заслуживает внимания. Дело в том, что перевод на русский язык аналогичного понятия известен из крымского «дефтера» 1524 г., где о крымских сеидах сказано: «а се величество учителей великих» [Исхаков, 1997а, с.45]. Кроме того, в грамоте казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. присутствует понятие «*судат гызам*» ~ «*сатати гозам*», означающее «великий сеид» [Там же, с.40]. В свете этих данных сообщение Ш.Марджани о титуле верховного сейида в Казанском ханстве, несмотря на то, что его источники неизвестны, не выглядит уникальным. За этим понятием явно скрываются термины «накиб» и «шериф», восходящие по меньшей мере к эпохе Улуса Джучи [Исхаков, 2011, с.73–77]. Когда А.Курбский, говоря о «великом бискупе» Казанского ханства, отмечает, что по татарским представлениям занимавшего эту должность именуют «великим анарьи, або Амиром» [Курбский, 1914, с.198] – он явно имеет в виду приведенные эпитеты. Скорее всего, «анарый» в данном случае, это латинское *honor* (честь, почесть, почет) или *honorus* (почетный, уважаемый), а «амир» с арабского переводится как «повелитель» или «руководитель». Эти пышные эпитеты были связаны с возведением рода казанских сейидов к пророку Мухаммеду, о чем весьма ценные сведения сохранились в «Зафер-нама-и вилаяти Казан». Там сейид Кул-Мухаммед, ставший верховным сейидом, представляется так: «внук Кутби-ль-актаба Сейид Ата из рода господина Пророка» [Хаджитархани, 1995, с.90; Кол Шәриф, 1997, 80 б.].

Отметим и сохранившиеся в источниках имена казанских сеидов (анализ источников по этому вопросу см.: [Исхаков, 1997а, с.75–77]). Первое упоминание имен двух сеидов (Тевеккеля и Касима), относится в 1487 г. Не исключено, что Тевеккель являлся до 1487 г. верховным сеидом. Затем в источниках появляется имя сеида Бораша (1491), который до 1524 г. явно являлся верховным сеидом. Другой представитель рода казанских сеидов – Шаусейн (Шах-Хусаин?), упоминаемый в 1512–1523 гг., скорее всего, не был верховным сеидом. После верховного сеида

Бораша, в 1524 г. казенного ханом Сафа-Гиреем за промосковскую ориентацию, его место, скорее всего, занял Буюрган-сеид. Правда, его имя в источниках появляется только в 1546 г. После его бегства по политическим причинам в Ногайскую Орду (он там был до 1549 г., затем оттуда ушел в Бухару), верховным сеидом в ханстве стал Кул-Мухаммед, сын сеида Мансура (про последнего сохранились сведения, что он в 1545 г. пришел в Казань «из Астрахани», куда он в том же году удалился вместе с ханом Сафа-Гиреем). Кул-Мухаммед-сеид, пребывавший на этой должности до 1551 г., когда он, по-видимому, был казнен ханом Шах-Гали за «ссылку в Нагаи», т.е. обращение в Ногайскую Орду, и за то, что он, наряду с другими, хотел «царя (хана. – Д.И.) убить». После него должность главы духовенства Казанского ханства перешла к уже известному нам сеиду Кул-Шарифу, бывшему, возможно, сыном упомянутого выше сейида Мансура, т.е. он приходился братом убитому верховному сеиду Кул-Мухаммеду. Как уже отмечалось, Кул-Шариф был убит при взятии Казани русскими в 1552 г. [ПСРЛ, 13, 1965, с.218; Казанская история, 1954, с.160] В последний раз человек с титулом «сеид» на территории Казанского хана отмечается в 1554 г., когда после упорного сопротивления русским завоевателям «за всю Арскую сторону и Побережную» пришли к воеводам и «добили челом... Усеин-сеит, да Таокмыш шихъязда, да Сарый Богатырь...» [ПСРЛ, 13, 1965, с.183]. Был ли упоминаемый в источниках Усеин верховным сейидом, не известно. Это летописное сообщение лишь показывает, что оставшиеся в живых после штурма Казани религиозные деятели принимали активное участие в движении сопротивления.

Вопреки ожиданиям, в источниках какие-либо сведения о выборности верховного сейида в Казанском ханстве обнаружить не удалось, хотя известно, что одновременно в этом государстве имелись несколько лиц из рода, восходящего к Пророку. Поэтому этот вопрос пока остается открытым.

Мусульманское духовенство ханства играло активную роль в государственных делах, особенно это касается сейидов. Кроме того, сведений о деятельности сейидов,

особенно общегосударственного характера, в источниках сохранилось больше. Прежде всего, сеййиды участвовали в решении вопроса о претенденте на ханский трон. Из источников известно, что в переговорах с Москвой относительно кандидата на казанский престол, сеййиды участвовали в 1497 г. (Бураш ~ Бораш сеййид), в 1519 г. (грамота из Казани по этому поводу начинается с выражения «от сеита в головах»), в 1532 г. (во время переговоров о «даче» султана Яналия упоминается «сеит»), в 1546 г. (грамота о повторном приглашении на престол хана Шах-Гали начинается с имени Буюрган-сеййида), в 1551 г. (переговоры о замене малолетнего хана Утемиш-Гирея на казанском троне велись на основе специальной грамоты с упоминанием сеййидов) [Исхаков, 1997а, с.36]. Сеййиды присутствовали среди казанской знати и в том случае, когда хан приглашался на престол минуя Москву. Так было, например, в 1521 г. Русские летописи об этом сообщают следующее: «Тое же весны Казанстии сеиты и уланы и князи, взяли ис Крыму царевича Сап-Гирея царем в Казани» [ПСРЛ, 13, 1965, с.37]. Тесная вовлеченность сеййидов в дела государственной политики видна и из того, что среди тех, кто в мае 1531 г. помешал хану Сафа-Гирею убить русских послов, были и сеййиды [Там же, с.57]. В некоторых случаях активное участие сеййидов в делах, связанных с тронном, заканчивались в Казанском ханстве для них весьма плачевно – по меньшей мере двое верховных сеййидов были казнены за поддержку одного из претендентов на ханский престол (1524 г. – Бораш-сеид, в 1551 г. – Кул-Мухаммед-сеййид [Исхаков, 1997а, с.30]. Возможно, еще одна казнь произошла в 1546 г. [Там же, с.27, 33], но этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении).

Значимой была и роль сеидов в процедуре присяги («шертования») [Там же; ПСРЛ, 13, 1965, с.25]. Еще один случай дипломатической деятельности одного из казанских сеидов – Кул-Шарифа, приходится на 1551 г. На нем следует остановиться отдельно, т.к. он был связан с выдачей русским ханши Сююмбике и малолетнего хана Утемиш-Гирея и в литературе не всегда трактуется правильно. В апреле 1551 г. началось наступление русских войск против Казанско-

го ханства и в июне они обступили Казань [ПСРЛ, 13, 1965, с.165, 166–167]. Настали тяжелые времена и казанцы дрогнули: они послали «к Шигалею и к воеводам бити челом, чтобы государь, т.е. (Иван IV. – *Д.И.*) пожаловал, гнев свой им отдал, а пленити их не велел, а дал бы им на государство царя Шигалея, а Утемешь-Гирея государь к себе взял с материю Сююмбика-царицей». С таким предложением к хану Шах-Гали и русским воеводам приезжали «мулла» (он был из рода сеидов) Кул-Шариф и князь Бибарс Ростов. Но они действовали не самостоятельно, а выполняли волю «всей земли Казанской», что отчетливо видно из грамоты казанцев, отправленной тогда Ивану IV [Там же, с.167]. Кроме того, послы не сразу приняли условия Москвы – в летописном сообщении от 9 августа 1551 г. говорится о том, что во время переговоров они «во многом заперлися», т.е. не соглашались. Хронист дальше пишет о татарах: «...обычай бо их бяше изначала лукавствовати». Заставить казанцев принять столь тяжелые условия, какие выдвигала московская сторона, можно было лишь силой. И завоеватели пригрозили: если казанцы «не учинять на государеве воле, на ту же осень... государь... хочет ратию съ всеми людьми» [Там же, с.168]. Лишь после таких угроз послы приняли условия Москвы, среди которых было и требование выдать Сююмбике с сыном. Ясно, что никакой личной вины у Кул-Шарифа с князем Бибарсом, согласившимися на условия противоположной стороны, не было – они выполняли общегосударственное решение как дипломаты. Что это было так, видно и из того, как 14 августа 1551 г. происходило принятие условий русской стороны казанцами. В летописи сказано: «...приехали къ царю (хану Шах-Гали. – *Д.И.*) и бояромъ Кул-Шерифъ – молна и Мааметъ-сеить, Мансырь – сеитовъ сынъ, и все съ нимъ шихы и шихзады, имамы и молозады и азии и дербыши, да Кудайгуль-уланъ, а с нимъ уланы все, да Муралей-князь (беклярибек Нургали князь Ширин. – *Д.И.*), а с нимъ многие князи и мурзы» [Там же, с.169]. Тут, как видно из источника, присутствует вся социальная верхушка ханства.

В дипломатическую деятельность были вовлечены и другие представители мусуль-

манского духовенства ханства. К примеру, в составе казанских послов в 1519 г. отмечен Абиб-«азей» [Там же, с.32]. В том же году из Казани в Москву, также по государственными делам, прибыл Кул-дербыш, возможно из группы дервишей [ПСРЛ, 8, 1859, с.266]. В 1534 г. в Москве появился «человек» хана Яналия Чюра-моллазаде [ПСРЛ, 13, 1965, с.81]. В составе казанских послов в 1546 г. числился Андрычей «афыз» [Там же, с.148]. В том же году среди послов хана Шах-Гали отмечен Агиш-моллазаде, названный бахшием [Там же], т.е. писцом. Он же фигурирует и в группе казанских послов и гонцов в 1549 г. (назван там «муллою») [ПДРВ, 1793, с.144]. В начале августа 1551 г. переговоры с ханом Шах-Гали в Свяжской крепости вместе с князем Бибарсом вел Касым-мулла [ПСРЛ, 13, 1965, с.167]. Тогда же в эту крепость 11 августа с известием о том, что хана Утемиш-Гирея и его мать везут в Свяжск, прибыл Ангильдей-«афыз» [Там же, с.168]. Среди сопровождающих Сююмбике и ее малолетнего сына в эту крепость был и Алимердень-«азий» [Там же].

Мусульманское духовенство ханства участвовало и в военных операциях. В первую очередь это относится к сейидам. В частности, в 1491 г. сейид Бораш (Бураш) отмечен в составе войск казанского хана, пришедшего на помощь крымскому хану Менгли-Гирею во время его борьбы против Большой Орды совместно с русскими войсками [ПСРЛ, 12, 1965, с.228]. Не исключено, что в ханстве существовало даже особое воинское подразделение, подчиненное, возможно, верховному сейиду. Во-всяком случае, в Патриаршей (Никоновской) летописи сообщается о «Кулшерифе с его полком» [Там же, с.218], а у А.Курбского это сообщение расшифровывается так: «изыдоша в сретение наших (т.е. русских. – Д.И.) абазы их, сеиты, молвы, перед великим бискупом их...» [Курбский, 1914, с.198]. Таким же образом в 1549 г. при обороне Казани от наступавших русских, одни из ворот города защищал сейид Кул-Мухаммед, выступавший во главе молодых дервишей и суфиев «оседлав коня священной войны (т.е. газа. – Д.И.), приготовившись к сражению, надев боевые доспехи» [Кол Шәриф, 1997, 80 б.]. Можно полагать, что и в других случаях этот «полк» состоял из дервишей и суфиев.

Дипломатическая деятельность и в целом участие в государственных делах были сопряжены с прочтением и составлением письменных текстов. Естественно, от мусульманского духовенства это требовало достаточного уровня грамотности, а от дипломатов высокого ранга и глубоких знаний во многих областях. Не случайно, последний верховный сейид Казанского ханства – Кул-Шариф, хорошо разбирался в астрономии, истории (не только татарской, но и русской), военных и государственных делах, к тому же был блестящим писателем и поэтом [Исхаков, 1999а с.46–47; Кол Шәриф, 1997, 90–91 б.]. Такая образованность во многом приобреталась в местных медресе. Скажем, Ш.Марджани, опираясь, видимо, на татарские предания, приводит сведения о последнем бое верховного сеида Кул-Шарифа внутри и на крыше медресе, находившемся в Казанском Кремле [Мәржани, 1989, 200 б.]. Именно об этом бое в Патриаршей (Никоновской) летописи сказано: «...и приближа христиане к мечети к Кулшерифу х Тезитьскому врагу и тут с Кулшерифом молною многие неверные совокупившеся и зле биующеся...» [ПСРЛ, 13, 1965, с.218]. Очевидно, это медресе находилось при «мечете Кул-Шарифа» [Там же]. Уместно будет отметить, что к середине XVI в. в Казани только в Кремле было не менее 5 мечетей [Курбский, 1914, с.181, 196, 198]. Об этом пишет А.Курбский: «...от Казани реки гора... на ней же град стоит и палаты царския и мечети, зело высокия, мурованныя, иде же их умершие цари клались: числом, памятамыя, пять их» [Там же, с.181]. Затем А.Курбский еще два раза упоминает эти кремлевские мечети, правда, не называя их числа [Там же, с.181, 196, 198]. При этих мечетях могли существовать и другие медресе.

Авторитет мусульманского духовенства ханства был весьма высоким. Ш.Марджани, в частности, опираясь на устные предания, пишет о том, что верховный сеид Кул-Шариф «пользовался у исламских ханов и жителей города уважением и (ему) оказывались большие почести» [Мәржани, 1989, 200 б.]. Сведения, приводимые С.Герберштейном, позволяют с доверием отнестись к этому сообщению. Еще одна интересная информация, сохранившаяся в исторической памяти та-

тар, приводится Ш.Марджани, отметившим, что при присылке из Москвы писем казанским ханам, посылали «отдельное письмо и подарки» указанному выше верховному сейду Кул-Шарифу [Ibid.]. Это сообщение явно отражает какие-то исторические реалии, т.к. переписка крымских сейдов с московскими великими князьями, например, частично сохранилась (образцы этой переписки см.: [Исхаков, 1997а, с.75–77]).

Теперь остановимся на малоразработанном вопросе о принадлежности мусульман Казанского ханства к конкретному суфийскому ордену (тарикату). Хотя информации на этот счет не так много, она все же позволяет прийти к конкретному выводу на этот счет. Некоторые детали, содержащиеся в послании от 1550 г. Шарифа Хаджитархани, отождествленного мной [Исхаков, 2008, с.129–136] с казанским верховным сейидом Кул-Шарифом, к турецкому султану Сулейману Кануни, позволяют говорить о том, что этот сейид был связан с тарикатом Ясавийа и происходил от рода Сайида-Ата. В частности, при описании защиты от русских войск ворот г. Казани автор послания приводит следующие строки: «...А на других воротах крепости стоял, став во главе молодых дервишей и суфиев, воссев на коня газа, закалив [людей] на войну, одев воинские одежды, готовясь против кяфиров, наблюдая [за ними], внук Кутби-ль-актаба Сейид Ата из рода господина Пророка, сын покойного Сейида, Кул Мухаммед Сейид – да продолжится его величие» [Кол Шәриф, 1997, 803 б.]. Характеристика Кул-Мухаммеда как «внука Сайида Ата», происходящего «из рода Пророка», является показателем принадлежности этой личности к тарикату Ясавийа. Известный турецкий историк А.-З.Валиди Тоган, опубликовавший в Турции рукопись сочинения «Зафер-наме-и виляте Казан», в комментариях к нему также привел некоторые документы в пользу того, что Кул-Мухаммед-сейид (следовательно, и его брат Кул-Шариф) имел отношение к последователям «известного суфия Ахмеда Ясави из Хорезма» [Velidi Togan, 1966, s. 196]. Впоследствии к этому мнению присоединился и М.И.Ахметзянов [Кол Шәриф, 1997, 907 б.]. Упоминание в «Зафер-наме-и виляте Казан» суфиев и дервишей в Ка-

занском ханстве позволяет согласиться с этим мнением. Ряд суфийских тенденций исследователями отмечается и в творчестве видного татарского поэта Мухаммедьяра, жившего и творившего в Казанском ханстве в первой половине XVI в. [Очерки, 2000, с.72–78]. Далее, важно и участие этого сейида – тогда верховного сейида Казанского ханства – в военных событиях 1549 г. Именно такая традиция наблюдалась у сейидов из тариката Ясавийа еще со времен ставшего «накибом» при хане Узбеке Сайида-Ата [Исхаков, 2011, с.72–73]. Заслуживают внимания и отдельные произведения последнего верховного сейида Казанского ханства Кул-Шарифа, скорее всего, как уже отмечалось, бывшего в родстве с названным выше сейидом Кул-Мухаммедом. Так вот, в его «Кыйссаи Хубби Ходжа» упоминаются «радость тысячи шейхов» ходжа Ахмед Ясави, его «заместитель» Хаким-Ата Сулейман, (т.е. Сулейман Бакыргани), дети последнего, родившиеся от «бухарской (или «бугра-хана») ханской дочери», Асхар, Махмуд (Мухаммад), Султан Хубби. Затем в данном произведении речь идет о том, что перед смертью Хаким-Ата Сулейман сообщает двоим своим детям и жене – Гамбар-Ана, что после его смерти появятся «мужи, которые скрылись от взгляда», и среди которых будет человек по имени «Занги», которому он завещает свою жену. После своей женитьбы на Гамбар-Ана, говорится в указанном сочинении, этот человек – «Занги-баба», «пас коров» [Кол Шәриф, 1997, 43–65 б.]. В плане дальнейшего прояснения вопроса о присутствии в высшем эшелоне мусульманских деятелей Казанского ханства представителей указанного тариката на это уже обращал внимание М.И.Ахметзянов (см.: [Ibid., 90 б.]). Между тем, согласно традиции среднеазиатских источников, сын Араслана-Ата Занги-Ата являлся учеником Хаким-Ата, а тот, в свою очередь, учеником Ахмада Ясави. Как указывает Девин Де Виз, по поэме Ходжи Хасана «Нитари» – Бухари «Мудхакир-и ахбаб» (1566/67 г.), «племена «улуса Саин хана» были «наследственными последователями» (мюридами), связанными линией, идущей от Занги Ата до самого Нитари» [De Weese, 1996, p.179]. По мнению Девина Де Виза, известные по источникам

линии тариката Ясавийа связаны с несколькими учениками Занги-Ата, с неясной фигурой Кёк-Ата, но особенно, «наиболее важной для ранней истории традиции Ясавийа, фигурой Исмагиль-Ата». Последний восходит к Ахмаду Ясави следующим образом: Исмагиль-Ата ← Ибрагим-Ата (его отец) ← Сүксүк-Ата ← Суфи Мухаммед Данишменд ← Ахмад Ясави. По генеалогическим данным, Исмагиль-Ата жил в конце XIII – начале XIV в. [Ibid., p.175]. Сюда следует добавить и прекрасную осведомленность последнего верховного сеййида Казанского ханства Кул-Шарифа в дипломатических делах [Исхаков, 2007, с.42], опять-таки находящую параллель с институтом накيبов в Улусе Джучи, государствах Аштарханидов и Шибанидов в Средней Азии.

Надо также иметь в виду, что автора сочинения «Джиддад аль-Ашикин» Маулану Шариф ад-Дина Хусайна Шарифа И.В.Зайцев отождествляет с мауляна Шарифом, чей сборник сохранился в Средней Азии. В свою очередь, он считает возможным, что под этими именами был известен Шариф Хаджитархани [Зайцев, 2004, с.180]. В таком случае вряд ли случайно, что в сочинении Мауляна Шарифа «Джиддад аль-Ашикин» речь идет о Хорезме и Астрахани, а также о муршиде автора, шейхе Кутб-ад-Дине, умершем в 1551 г. [Там же]. Имея в виду «астраханский след» Кул-Шарифа и особую роль улемов столицы Астраханского ханства в мусульманском просвещении казахов [Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани, 1976, с.106], скорее всего мы опять обнаруживаем следы тариката Ясавийа.

Относительно суфийского характера ислама в Казанском ханстве свидетельствует не только упоминание в русских источниках применительно к этому государству суфиев и дервишей (о последних говорит и топоним «Дербышки» (*Дәрвишләр бистәсе*) в пригороде Казани), но и прежде всего шейхов (с «шейхаде»), являвшихся руководителями тарикатов. К сожалению, о казанских шейхах известно крайне мало. Но имя одного из них – Касим-шейха, сына Ибрагим-хаджи, сохранилось. Судя по сохранившимся данным он до 1552 г. жил в Казани [Әхмәтжанов, 2008]. Не исключено, что это тот самый «Касим-мулла», который вместе с

казанской стороной участвовал в переговорах в августе 1551 г. с русскими воеводами и ханом Шах-Гали в Свияжской крепости [ПСРЛ, 13, 1965, с.167]. О Касыйм-шейхе сохранились разные предания, в том числе и свидетельствующие о его чудодейственных возможностях [Әхмәтжанов, 2008, 14–15, 25 б.]. Согласно же Р. Фахретдинову, шейх Касыйм б. Ибрагим ал-Казани умер в Средней Азии в г. Кермине в 1589/1591 г. [Ibid., 14 б.]. Можно полагать, что этот «среднеазиатский» след шейха вовсе не случаен, что видно из одной татарской рукописи XIX в., содержащей суфийскую родословную. Обнаруживший данную родословную Д.Г.Мухаметшин заметил, что прерывающееся на шейхе Касыйме сильсиле через ряд звеньев восходит к Ахмеду Ясави и к его ученику Хакиму-Ата [Мөхәммәтшин, 2007]. Показательно также, что сохранившиеся в позднем источнике «Рисали-я Болгария» татарские предания отмечают, что родственники данного шейха жили во время Тимура в «шахри Булгаре» и в «Биляре», в том числе и легендарная «*Рабиға хажсия*» [Әхмәтжанов, 2008, 13, 21 б.]. Другие детали родословной также указывают на ее связь с тарикатом Ясавийа [Исхаков, 2011, с.101]. Похоже, что в лице Касыйм-шейха мы имеем дело с крупным мусульманским деятелем периода Казанского ханства, возможно, руководителем тариката Ясавийа в этом государстве.

Приведенные сведения, указывающие на активное участие мусульманского духовенства Казанского ханства в государственных делах, а также существования в ханстве исламских институтов (институты сеййидов, тариката Ясавийа во главе с шейхами, судебной системой во главе с казием), безусловно, являются подтверждениями государственного характера ислама в этом ханстве. Ярлык хана Сахиб-Гирея (1523), в вводной части, содержащий обращение к «эмирам, хакимам, великим сеидам, кадиям, почетным хозяевам» (*мавали-завиль ихтирам*) [Вахидов, 1925, с.82–83], свидетельствует о том же. Хорошей иллюстрацией к сказанному могут быть и наблюдения автора «Казанской истории», который, рассказывая о штурме русскими Казани в 1552 г., приводит распоряжение хана Едигер-Мухаммеда: «...и

заповеда царь (т.е. хан. – *Д. И.*) молбы творити..., новому сеиту (Кул-Шарифу. – *Д.И.*) казанскому, и муллам и афизам и дербышам, по всему граду Казани людем всем...» [Казанская история, 1954, с.148–149].

Касимовское ханство. Небольшое Касимовское ханство, известное и как Мещерский юрт, находилось в зависимости от Московского государства и примыкало к русским землям, тем не менее оставаясь мусульманским государством. Столица его – г. Касимов (первоначальное название – «Мещерский городок») – возникла около середины XV в., причем рядом с ханским дворцом была воздвигнута и белокаменная мечеть, сохранившаяся по настоящее время (по некоторым данным, она была построена при султанах Касиме в 1467 г.) [Шарифуллина, 1991, с.49–50]. Население ханства, несмотря на его многоэтничность, в источниках XV–XVI вв. также именуется мусульманами: в грамоте крымского хана Мухаммед-Гирея от 1517 г. говорится о «мещерской бесермьне» или «бесермьне в Мещере» [Сборник РИО, 1895, с.378]. А в грамоте правителя Касимовского ханства – султана Данияра за 1483 г. – среди его ясачных людей упоминается и «бесерменин» [Бахрушин, 1959, с.121]. Хотя этот термин можно трактовать и как указание на этническую группу [Исхаков, 1998, с.218–219], его связь с исповеданием ислама очевидна.

Мусульманское духовенство ханства возглавлялось сеййидом. Кроме него в государстве отмечены такие ответвления духовенства, как абызы (хафизы), муллы, дашишменды [Исхаков, 1997а, с.20]. Несмотря на то что сведения о сеидах в Касимовском ханстве отрывочны, сохранилась их генеалогия [Эхмэтжанов, 1995б], т.к. потомки этих сеййидов – Шакуловы – до сих пор живут в г. Касимове. Ближайшим родоначальником Шакуловых выступает сеййид Шах-Кули (*Шах-Колый*), живший приблизительно в последней четверти XV в. Затем уже из документов известен Ак-сеййид (1552, 1555), являвшийся сыном Шерефа. Правда, эти два сеййида в генеалогии Шакуловых отсутствуют. Зато там упоминается Кашка (Кашкей) сеййид, внук Шах-Кули, известный между 1521–1587 гг. и сын последнего, Булак-сеййид (упоминается в документах

в 1600 и 1613 гг.) [Исхаков, 1997а, с.14–18; 1998, с.192–193]. Ранняя часть генеалогии Шакуловых восходит к пророку Мухаммеду. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в родословной Шакуловых, опубликованной М.И.Ахметзяновым, имеется приписка о распространении потомков сеййида Шагхана (*Шагхан*), жившего в первой половине XV в. и стоящего в названной генеалогии в звене дедов упомянутого выше Шах-Кули, в «Крымском вилайате, на Кубани и в Дагестане», а потомков его брата Шахбая (*Шахбай*) – в «Булгарском вилайате, Хан-Кирмени, Хаджи Тархане и в Поволжье». Эти материалы позволяют говорить о родственных связях домов сеййидов во всех ханствах бывшей западной части Золотой Орды. Косвенные данные подтверждают возможность контактов между сеййидами Касимовского и Крымского ханств [Исхаков, 1997а, с.22; 2011, с.113–114; Трепавлов, 2010, с.35, 68]. О сохранении в XVIII в. каких-то контактов касимовских сеййидов с Крымским ханством свидетельствует и то, что один из них – Сейид-Ахмед-сеййид, умер в Крыму в 1681 г. [Вельяминов-Зернов, 1866, с.498–499]. О высоком статусе сеййидов в этом государстве говорят случаи брачных связей лиц из рода сеййидов с касимовскими ханами. Например, последняя правительница Касимовского ханства – Фатима-бикем, бывшей женой хана Алп – Арслана (правил в 1614–1626 гг.), происходила из рода сеййидов [Там же, с.192]. Известны и аналогичные браки потомков сеййидов со знатью ханства. Так на дочери сеййида был женат Аликей-аталык, происходивший, скорее всего, из клана Ширинов [Исхаков, 2011, с.110].

Сохранились относительно поздние свидетельства (они относятся к XVII в.) о существовании у касимовских сеййидов права судебной расправы [Исхаков, 1997а, с.21], что говорит о былой власти представителей этой группы в Касимовском ханстве. В этом плане интересна следующая приписка к родословной Шакуловых о сыне умершего в Крыму сеййида Сейид-Ахмеда «...предок наш Якуб-сеййид был знатным лицом в г. Елатье. Однажды какая-то женщина из Старого посада (Иске юрт, часть г. Касимова. – *Д.И.*), забравшись под текию,

где покоились Арслан-хан и Фатима-султан, украла с царей саваны и другие вещи. Якуб-сейид повесил эту женщину на этой же самой текие» [Вельяминов-Зернов, 1866, с.497]. Похоже, что сейиды, считавшиеся «приказными людьми» касимовских ханов, во всяком случае, в XVII в., [Там же, с.64–65, 82, 146], занимались, по-видимому, реализацией права «суда» над «касимовскими князьями, мурзами и татарами», пожалованного хану Али-Арслану грамотой Михаила Федоровича от 1622 г. [Там же, с.34]. До этого они это право могли получать и от касимовских ханов.

Известно также, что в конце XVI – начале XVII в. в Касимовском ханстве существовало особое воинское подразделение, называемое «Сеитов полк». Оно возглавлялось касимовскими сейидами, которые участвовали в военных походах [Исхаков, 1997а, с.17–18]. Так, при походе русских войск на Казань в 1552 г. около р. Пьяны к ним присоединился «Ак сеит Черевсеев» (по В.В.Вельяминову-Зернову – сын сейида Шерефа) со всеми «Городецкими князьями, и мурзами, и татарами» [ПСРЛ, 11–12, 1965, с.199]. Под 1555 г. отмечаются «с Городецкими князьями и мурзами и казаки Ф.А.Сисеев, да Ак-сеит мурза» [Вельяминов-Зернов, 1863, с.410]. Несмотря на титул «мурза», речь в данном случае идет все о том же Ак-сейиде, т.к. под 1558 г. можно прочесть еще одно сообщение, гласящее: «Городецкие люди, сеит и князья и мурзы» [Там же, с.421]. Аналогичное известие встречается и под 1563 г.: «...да и Городецкие сеиты и уланы и князи и мурзы и казаки и кадомские и Темниковские князья и мурзы и казаки» [ПСРЛ, 13, 1965, с.364]. Это же известие в другой редакции выглядит так: «...в большом полку ...князь Семен... Дмитриев сын Палецкого, а сним сеит и князи и мурзы и казаки Городецкие и царь Шигалеев двор и Темниковские князья и мурзы и казаки» [Там же, с.349]. Не исключено, что и Кашкей-сейид из рода Шакуловых тоже ходил в военные походы, ибо в грамоте царя Бориса за 1587 г. про него говорится: «...всех князей, и мурз, и казаков, Городецких татар, служилых князей и мурз и казаков, которые хаживали (в походы. – Д.И.) с Кошкой сеитом... А им впредь наши всякие службы... служитьи»

[Вельяминов-Зернов, 1864, с.93–94]. В связи с участием касимовских сейидов в военных походах еще В.В. Вельяминов-Зернов высказал мнение о том, что Кашкей-сейид имел «свой двор или полк» [Там же, с.443]. Действительно, за 1579 г. имеется информация о двух воинских подразделениях касимовских татар – «Цареве дворе» и «Сейтова полку» [Там же, с.81; Вельяминов-Зернов, 1866, с.25]. В последующие годы (в 1621, 1622, 1628–1629 гг.) опять сообщается о разделении «касимовских князей, и мурз и татар» на «Царев двор» и «Сеитов полк» [Там же, с.34; Шишкин, 1891, с.515]. Очевидно, «двор» или «полк» касимовских сейидов были каким-то устойчивым воинским формированием, возможно, связанным с делением войск ханства на два «крыла» (вторым «крылом» в таком случае окажется «Царев двор»). Но в целом участие касимовских сейидов в военных делах имеет полную аналогию с ситуацией в Казанском ханстве, что вряд ли случайно – между этими государствами существовали давние династические и политические связи [Исхаков, 1998, с.45–47, 189–190, 202, 211, 218–219, 223].

О роли сейидов при интронизации хана в Касимовском ханстве говорится в историческом сочинении Кадыр-Али-бека «Сборник летописей» (1602) при описании процедуры возведения в 1600 г. на ханский престол султана Ураз-Мухаммеда, происходившей в мечети Старого Посада г. Касимова: «...Толпа народа была огромная. Муллы, данишменды, хафизы, беки, мурзы, словом все мусульмане, собрались в каменной мечети, построенной Шейх-Али ханом. Внесли и разостлали золотую кошму... Из Старого юрта (Иске йорт – Старый Посад г. Касимова. – Д.И.)... Булак сеид начал провозглашать хотбу. Затем четыре человека (карачи-беки. – Д.И.), взявшись за четыре конца золотой кошмы, подняли на ней хана... Все мусульмане... огласили мечеть радостными криками. Потом карачи, атальки и имильдаши осыпали хана деньгами, и все присутствовавшие принесли ему поздравления» [Березин, 1851, с.551; Вельяминов-Зернов, 1864, с.402–404]. Этот обряд имеет определенное сходство с тем, который был описан путешественником И.Шильтбергером на рубеже XIV–XV вв. при наблюдении им

интронизации хана в «Золотой Татарии» [Шильтбергер, 1984, с.44], что подтверждает продолжение в Касимовском ханстве данной золотоордынской традиции.

Сведений о распространении в этом ханстве конкретного направления суфийского тариката не сохранилось. Но приведенная выше информация о «родстве» касимовских сеййидов с сеййидами из «Булгарского вилайета», «Хаджи-Тархана», «Крымского вилайета», скорее всего, говорит о следах тариката Ясави́я в этом государстве.

Большая Орда и Астраханское ханство. Астраханское ханство возникло лишь тогда, когда Большая Орда перестала существовать и часть ее населения и территории трансформировались в самостоятельное владение, правда, управляемое ханами из рода большеордынских правителей [Зайцев, 2004, с.55]. Столицей Большой Орды первоначально являлся г. Сарай («Большие Сарай»), но временами эта функция переходила и к г. Хаджи-Тархану, особенно после ее поражения в 1481 г. от шибанидско-ногайской коалиции [Там же, с.39–40, 52–53]. При такой ситуации мусульманские институты в Большой Орде и Астраханском ханстве наверняка обладали преемственностью, но источники об этом пока молчат.

То, что Большая Орда была мусульманским государством, подтверждается и письмом соправителя этого государства хана Махмуда от 10 апреля 1466 г. турецкому султану Мехмеду Фатиху. В этом послании, написанном в «Великой Орде» (*Олуҧ Урда*), есть следующее введение: «Он мощью (своей) неповторимую и чудодеяниями мухамедовыми и бесспорностью укрепляющей в [роду] Махмудовым, [приписка] да увековечит Аллах царствование его!» [Султанов, 1978, с.240]. В послании другого правителя Большой Орды – хана Ахмата за 1477 г. тому же турецкому султану, после слов восхвалений Мехмеда Фатиха как мусульманского правителя, есть строки: «...да увековечит Аллах его царство и его власть и да вознесет его место и дворец его выше звезд Малой Медведицы! Я славословлю Бога..., да делает Всевышний и Всесильный долгой [его] жизнь...» [Там же, с.243].

Существование института сеййидов в Большой Орде несомненно, но информация

о нем крайне скудна. В этой связи следует обратить внимание на «бежавшего» от «короля» сеййида Хозяку, о котором в 1509 г. довольно упорно перед великим московским князем хлопотал крымский правитель [Сборник РИО, 1895, с.68, 72–73]. Как установил В.В.Трепавлов, это был большеордынский сеййид Хаджи-Ахмед, после разгрома Большой Орды (Тахт эли) вместе с людьми хана Шейх-Ахмада оказавшийся в литовских владениях [Трепавлов, 2010, с.35]. Затем он, как известно, перебрался с семьей (или с ее частью) в Касимовское ханство, где и умер – в 1515 г. его уже в живых не было. Крымский хан Менгли-Гирей вначале у польско-литовской стороны требовал его отправки к себе, заявив, что «тот сеить наш озле мене и озле Шахмата (хана Шейх-Ахмада. – *Д.И.*) у почести был» [Там же], а после с такой же просьбой обращался к московскому великому князю [Сборник РИО, 1895, с.68]. Да и сын хана Менгли-Гирея султан Ахмед-Гирей, женатый на дочери этого сеййида, в 1518 г. просил у великого князя московского прислать оставшееся в его владениях имущество сеййида Хаджи-Ахмеда, объявив его «от дедов и отцов наших пошлым (старинным. – *Д.И.*) богомольцем» [Там же, с.511]. Возможно, в последнем случае имелось в виду то, что Хаджи-Гирей некоторое время после разгрома им в 1452 г. Орды хана Саида-Ахмада претендовал на более широкое владение, чем Крымское ханство, отсюда и ссылки его потомков на давние связи с большеордынскими сеййидами. Но на самом деле сеййид Хаджи-Ахмед являлся, скорее всего, верховным сеййидом Большой Орды и именно как влиятельная персона раздражал крымских правителей, сделавших все, чтобы Тахт эли больше не восстановилось [Трепавлов, 2010, с.35, 90–100]. Об этом может свидетельствовать и одно высказывание хана Большой Орды Шейха-Ахмада, сохранившееся в «Литовской метрике» и гласящее, что в московском плену из его «добрых людей» «и сеит есть, и попы ордынський» [Там же, с.35]. Если в «сеите», скорее всего, надо видеть Хозяку (Хаджи-Ахмеда), то в «попах», надо думать, мулл или иных мусульманских священнослужителей. То, что муллы в Большой Орде имелись, явствует из грамоты за 1501 г. рус-

ского посланника в Крыму И.Мамонтова, сообщающего, что крымский хан Менгли-Гирей извещал о приходе к нему от хана Шейх-Ахмада его посла «молзоды большого молны базарского Ахматовых детей» [Сборник РИО, 1884, с.351]. В.В.Трепавлов, отметивший этот факт, считает, что данный «моллазаде» являлся «начальником-смотрителем ордобазара» [Трепавлов, 2010, с.33]. Раз в этом государстве были дети мулл, стало быть, имелись и сами муллы. Надо принять во внимание и вывод В.В.Трепавлова, основанный на анализе «Литовских метрик», что большеордынскими послами являлись сеййиды и хаджи [Там же, с.35].

Таким образом, в целом можно говорить о существовании в Большой Орде института сеййидов, в том числе, скорее всего, верховного сеййида, возглавлявшего мусульманское духовенство из мулл, муллазаде и хаджиев. Относительно других групп мусульманских священнослужителей и распространенного в Большой Орде тариката пока ничего не известно. Но пассаж, присутствующий в родословной касимовских сеййидов о том, что их родственники находились и в «Поволжье», скорее всего, подразумевающее Большую Орду, с некоторой осторожностью кажется позволяет говорить о тарикате Ясавийа и в «Тахт эли».

О глубине проникновения ислама в среду населения Астраханского ханства говорит то, что Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани в своем труде «Михман-наме-йи Бухара» (1509) говоря о тех улемах и ученых, которые приезжают к казахам «со всех сторон» для обучения основам веры, упоминает и выходцев из «Хаджи-Тархана» [Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани, 1976, с.106]. Не случайно и сосредоточение в г. Астрахани и его окрестностях значительного числа могил мусульманских святых, к именам которых добавлялись определения «баба», «хаджи» («ази»), «ата», «хазрат». О наличии около Астрахани «кишеней» (кашэнэ), т.е. гробниц, известно из источников 1570-х гг. [Зайцев, 2004, с.193–195]. Следует иметь в виду и расположение Астрахани на одном из традиционных путей движения среднеазиатских паломников в Мекку [Там же, с.182].

Татарские предания говорят о существовании мечетей в г. Астрахани. Точное число

их в ханское время неизвестно, но в 1670-х гг. в городе имелось семь мечетей [Там же, с.178–202]. О существовании в государстве системы мусульманского образования говорят сохранившиеся от периода Астраханского ханства письменные памятники (детальнее см.: [Зайцев, 2004]), упоминание в источниках «хафизов», присутствие в составе Астраханского посольства в Москву в 1540 г. бахши, т.е. писца [Там же, с.182].

При ограниченности сведений об институте сеййидов в Астраханском ханстве вопрос о нем можно поставить на историческую почву лишь при привлечении всей совокупности данных о духовенстве этого государства. Наиболее ранняя информация такого рода восходит не далее 1554 г., когда с помощью русских войск хан Дербыш-Али одержал победу над астраханским ханом Ямгурчеем. Рассеявшиеся во время наступления противника астраханские татары позже начали возвращаться и «бити челом». Среди последних пришел «...и Енгуват азей...», а с ним многи моллы и азеи и всяких 3000 человек» [ПСРЛ, 13, 1965, с.244]. Еще одного хаджия по имени Нияз, богатого человека из «вилайета Хаджи-Тархана», знал Утемиш-хаджи [Утемиш-хаджи, 1992, с.97–98]. Хотя, если первая часть его имени не связана с религиозной принадлежностью (Хаджи Нияз), это был просто образованный человек (см.: [Зайцев, 2004, с.181]). Далее, в 1558 г. А.Дженкинсон отмечает некоего татарина, с которым он отплыл из Астрахани, как человека, который пользовался «славой святого человека, потому что он побывал в Мекке» [Там же], т.е. речь идет опять о хаджи.

Из приведенного выше летописного сообщения начинает вырисовываться структура мусульманского духовенства ханства. Она еще более детально показывается в другом летописном известии, относящемся к 1557 г. В том году хан Дербыш-Али «шерть свою», данную русским, «изменил» и выехал из Астрахани, но в июне 1557 г. до Москвы дошло сообщение, что часть астраханских татар вернулась: «Астороханские люди, Чалым улан в головах, и моллы, и хаджии, и шихы, и шихзады и князи и все мурзы и казаки и вся чернь, Астороханская земля... добила челом и правду дали» [Там же, с.281, 283]. Существование шейхов в

ханстве подтверждается и названием селения «Мошаик» (от «машаих», т.е. от арабского множественного числа от «шейха»), вошедшем из-за близости затем в состав г. Астрахани [Зайцев, 2004, с.185]. В грамоте ногайского князя Исмагила Ивану IV (1561) в связи с Астраханским ханством упоминается еще одно духовное лицо. Он пишет: «... лиха учат 8 человек Астраханские: в начале Достай Афыз (т.е. хафиз. – *Д.И.*), да Тиниш князь, да Чалым улан, да Иванча князь, да Девеш, да Девлет Килдей, да Курьян князь, да Кудай Берди» [ПДРВ, 1795, с.55]. Перед нами довольно полное описание духовенства Астраханского ханства последних лет его существования: муллы (моллы, мольлы), хаджи (азеи, хаджьи), шейхи (шихы), шейхаде (шихзады), хафизы (афызы). Как видим, среди духовенства ханства сеййиды не упомянуты. В одном случае во главе бежавших татар, включая и «многих мулл и азеев», стоит Енгуват-хаджи (азей). В другом случае во главе («в начале») той астраханской знати, которая «лиха учит», назван Достай-хафиз (афыз).

Быть может, в Астраханском ханстве сеййидов вообще не было? Думается, что такой вывод был бы ошибочным, ибо некоторые источники в Астраханском юрте сеййидов знают, в частности, рукописная история, озаглавленная «Взятие царства Астраханского» (о ней см.: [Исхаков, 1997а, с.66–67]), позволяет обнаружить факт существования в ханстве института сеййидов. В этой рукописи дается описание событий 1554 г., связанных с воцарением в Астрахани хана Дербыш-Али: «...татарина Дербыша Алея царя Касимовского посадили и всего Астраханского царства и земли татар, князей и мурз, и *сеитов* (выделено нами. – *Д.И.*), и мулл, и уланов, и абызов, и улусных, и кочевых, и черных людей всех до одного по их бесермянской вере и закону на куране агаренском к шерти и правде привели» [Собрание Погодина, л.92]. Достоверность уникального сообщения, содержащегося в названной рукописи, частично поддается перепроверке на основе других источников. Скажем, факт «шертования» астраханцев в 1554 г. во главе с ханом Дербыш-Али находит подтверждение в Патриаршей (Никоновской) летописи, где под этим годом

написано: «...и царь Дербыш-Алей и вся земля Азьстороханская, содиначася, государю царю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его детям правду и шертную грамоту, написав, послали, укрепив ее печатями, к царю и государю» [ПСРЛ, 13, 1965, с.244]. Деление же населения ханства на «улусы», состоявшие из «черных людей» и возглавляемые князьями, мурзами, о котором идет речь в названной выше рукописи, прослеживается в 1554 г. по Патриаршей (Никоновской) летописи. [Там же]. В 1557 г. в летописи «черные люди» именуется «вся чернь» [Там же, с.283]. А ногайские дела за 1561 г. говорят об «Астраханских улусах» [ПДРВ, 1795, с.160]. Кроме того, в той же Патриаршей (Никоновской) летописи параллельно понятию «Астороханское царство» используется равнозначный термин «земля Астороханская» [ПСРЛ, 13, 1965, с.242, 244]. Как было только что показано, оба термина употребляются в рукописной истории из «Собрания Погодина». Эти данные позволяют считать сведения из рукописной истории вполне достоверными. Следовательно, данное заключение распространяется и на ту часть рассматриваемого источника, в которой речь идет о мусульманском духовенстве ханства, включая и «сеитов». Еще одно, правда, не вполне ясное известие об астраханских сейидах, встречается в послании бывшего (он правил в Астраханском ханстве вначале между октябрём 1537 – летом 1539 г.) астраханского хана Дербыш-Али, отправленного из Ногайской Орды в 1551 г. в Москву через своего человека. Тогда вытесненный из Астраханского ханства ханом Ямгурчеем Дербыш-Али, надо полагать, находился в Ногайской Орде. В письме Дербыш-Али речь идет о некоем сеййиде, который «отселева пришел, да молвил [ему] доброе слово». Скорее всего, это был сеййид из Ногайской Орды, т.к. он сообщил, что «Юсуфу дей, да Исмаилу мирзе моево дей (т.е. Дербыш-Али. – *Д.И.*), да твоего (московского великого князя. – *Д.И.*) юрта искати». Причем сеййид сказал: «Живи дей туту», т.е. в Ногайской Орде. Далее хан указывает, что он до того «два года измолчал», с Москвой не связывался, а после обращения к нему сеййида «хотел есми Сейтя же послушати да поити». Но в итоге не пошел.

В конечном счете выясняется, что султан Ямгурчи «убил Сейтя, и толды и его сына доброво убил». Оказывается, «и того для Сейт бил челом Юсуфу князю, чтобы дей есми недруга моево воевал» [ПДРВ, 1793, с.313–314]. Не исключено, что в убитых ханом Ямгурчеем сейидах надо видеть верховного сейида Астраханского ханства и его сына, а в сеййиде, который обращался к Дербыш-Али, представителя Дома сеййидов Ногайской Орды, после убийства астраханским ханом Ямгурчеем названного выше сейида и его сына, решившего отомстить этому хану. Возможно, это было, кроме прочего, связано с существованием родственных связей между Домами сеййидов в двух рассматриваемых государствах.

При тщательном анализе источников удается расшифровать имена некоторых из сеййидов Астраханского ханства. Например, про Енгуват-хаджия (азея) в летописном сообщении 1554 г. сказано: «...тот у них в то время был большей человек» [Там же]. Если принять во внимание, что в 1554 г. с ним было много мулл и хаджиев, возникает вопрос, а не являлся ли он главой мусульманского духовенства ханства? Вполне возможно и нас не должно смущать то обстоятельство, что он в летописи назван «азем». Скажем, в Сибирском ханстве, как мы далее увидим, сеййид Дин-Али постоянно назывался «хаджием». Такая же традиция была характерна и для государства Шибанидов. Следует полагать поэтому, что хаджи Енгуват был не единственным сеййидом в Астраханском ханстве, и в рукописной истории, на которую я уже ссылался, термин «сеййид» употреблен во множественном числе (в форме «сеиты»).

Более чем вероятно, что до сейида Енгувата-хаджи главой духовенства ханства являлся Мансур-сеййид, о котором уже говорилось. В пользу такого заключения, во-первых, говорит сам факт его прихода в 1545 г. в Казань «из Астрахани» и уход туда обратно через несколько дней вместе с ханом Сафа-Гиреем. Да и общая историческая ситуация в Крымском и Астраханском ханствах в 1520–1530-х гг. не противоречит этому выводу. Дело в том, что после жестокого поражения крымцев, захвативших в 1523 г. г. Астрахань благодаря предатель-

ству ногайской знати, хан Мухаммед-Гирей был убит [Сыроечковский, 1940, с.57–58]. В ходе длительной борьбы за крымский престол, один из претендентов на него – султан Ислам-Гирей, после своего очередного поражения около 1531 г., вместе с Ислам-Гиреем оказался в Астрахани, где «по слухам» был и «на царство посажен». Он ушел туда не один – с ним находились до 100 человек крымской знати. В то же время сеййид по имени Мансур в Крыму в последний раз упоминается в 1524 г. [Малиновский, л.259, 412] Поэтому допустимо предположить, что сеййид Мансур в 1531 г. оказался в Астрахани (напомню, что именно в 1531 г. в Крымском ханстве в качестве верховного сейида фигурирует Куртка-сеййид). Несмотря на то что Ислам-Гирей в Астрахани находился недолго (около года или даже меньше), сеййид Мансур мог остаться в Астрахани и после 1531 г. О крымском происхождении сейида Мансура, скорее всего, говорит и его появление на короткое время в Казани в 1545 г., когда он фактически прибыл туда для спасения попавшего в безвыходное положение представителя крымской династии – хана Сафа-Гирея.

Пока других сведений об астраханских сейидах не обнаружено. Тем не менее интерес представляет информация о существовании в начале XIX в. среди юртовских татар – прямых наследников населения Астраханского ханства – деления на три группы, одна из которых состояла из «ахунов и казыев» [Хозяйственное, 1809, с.171]. По-видимому, эти данные восходят к работе С.Г.Гмелина, отмечавшего среди юртовских татар такую группу, включающую казья, мулл и абызов. Важно отметить, что про казья у него есть замечание, что он – «один в своем роде...» и является казыем «*по праву породы*» [Гмелин, 1777, с.180]. Не исключено, что этот казый и являлся потомком сеййидов периода Астраханского ханства. В этой связи надо иметь в виду, что И.В.Зайцев приводит и сообщение Эвлия Челеби о правоведах – кадиях из среды хешдеков [Зайцев, 2004, с.183], возможно, свидетельствующее о наличии в Астраханском ханстве представителей этой группы.

Теперь о суфийском тарикате, распространенном в Астраханском ханстве. Тарикат или тарикаты в ханстве, несомненно,

существовали – об этом говорит упоминание применительно к этому государству шейхов. И.В.Зайцев утверждал о возможном распространении в Хаджи-Тархане тариката Накшбандийа (наряду с братством Кубравийа, но по поводу последнего источники им не приводятся) [Там же, с.185]. Однако легендарные сведения, приводимые Эвлия Челеби о прибытии Мехмеда Бухари Сары Салтык-султана в «Эждерхан иле» и приобщении им части «хешдеков», живших в окрестностях г. Астрахани, к исламу [Там же, с.187–189], говорят на самом деле о первоначальном распространении в Астраханском ханстве тариката Ясавийа, ибо Сары Салтык был дервишем тариката Ясавийа. Об этом же свидетельствуют и предания о строительстве в Астрахани мечети «хазратом Хамет-Ата» и наличие в окрестностях города почитаемых захоронений людей с приставкой «Ата» (Нур-Ата, Ак-Ата, Мансур-Ата, Хызр-Ата) [Там же, с.194]. В данном случае под «Ата», скорее всего, надо понимать представителей дома сеййидов. Наличие в с. Красный Яр на кладбище могилы «Сеййида-бабы» [Там же], как и само название села *Сеитово*, говорит, скорее всего, о захоронении тут представителей линии астраханских сеййидов, если, конечно, эти захоронения не связаны с населением более поздней Ногайской Орды.

Ногайская Орда. Несмотря на то что население Ногайской Орды иногда в описаниях отдельных, не слишком осведомленных наблюдателей предстает как «невежественное в делах религии» [Из рассказов дон Хуана Персидского, 1899, с.8; Описание, 1879, с.485], оно, вне всякого сомнения, придерживалось ислама уже с XIV в. Далеко не случайно Руи Гонсалес де Клавихо в своем известном описании путешествия к Тимуру, относящемся к началу XV в., заявляет: «...А... Едигей обращал и обращает татар в магометанскую веру, еще недавно они ни во что не верили, пока не приняли веру Магомета» [Де Клавихо Руи Гонсалес, 1990, с.144]. Скорее всего, этот пассаж относится не к самому Идигею и его племени (мангытам), принявшим ислам раньше. Во всяком случае, у Ал-Макризи и Ал-Аскалани сохранилась информация о «прибытии» в 1416 (1417) г. жены (хатун) «эмира Идику, госуда-

ря Дештского», имевшей намерение из Дамаска совершить хадж [Тизенгаузен, 1884, с.442, 454]. Да и один из сыновей правителя Ногайской Орды Идигея – Нуретдин, согласно историческим преданиям караногайцев, считал себя мусульманином [Ананьев, 1900, с.12]. Поэтому в высказывании Клавихо надо искать некоторые другие моменты конфессиональных отношений при Идигее. Во-первых, оно может отражать реальную прозелитическую деятельность Идигея, но на окраинных территориях Золотой Орды. Например, это могло быть в Западной Сибири – известен поход Идигея совместно с султаном Чекре (Чингис-оглан?) «в страну Сибирь», совершенный около 1405–1406 гг. [Шильбергер, 1984, с.35]. Именно в этой «стране» к началу XV в. еще могли находиться неисламизированные группы тюрок, о чем еще будет сказано далее. Во-вторых, у Идигея эта деятельность может быть связана с определенными политическими целями. По этому поводу полезно обратиться к преданию «Тохтамыш-хан», сохранившемуся у караногайцев. Там сказано: «После смерти Тохтамыша возвратился Нурадил (сын Идигея Нур-ад-Дин. – *Д.И.*) и стал управлять Ордою. Через несколько лет народ стал высказывать сомнения насчет происхождения (Нур-ад-Дина. – *Д.И.*),... толковать о том, что родословная Тохтамыша... от... Чингис-хана, а Нурадил не из этого племени». В такой ситуации Нур-ад-Дин вынужден был заявить: «...Я от рождения верил и признавал единого Бога, сам Бог мне всюду покровительствовал, читал я много священных наших книг, а что я не из рода Чингис-хана, то это меня ничуть не унижает, ибо я из племени славного турецкого богатыря Хочахмат-Бабатуклы» [Ананьев, 1900, с.12]. Как видно из этого предания, Нур-ад-Дин для легитимации своей власти в Ногайской Орде использовал отношение к мусульманским святым, ибо «Хочахмат-Бабатуклы» – это хаджа Ахмет Ясави и Баба-Туклес [Жирмунский, 1974, с.355–356, 383]. И, надо сказать, в генеалогии правителей Ногайской Орды возведение своего рода к этому последнему святому (Баба-Туклас ~ Баба-Тохты Чачли Азиз), а через него и к тестю Пророка Мухаммада, Абу-Бекру, было традиционным [Ананьев, 1900, с.12;

Небольсин, 1852, с.224–225]. Хотя ясно, что таким образом потомки Идигея стремились обосновать свое право на власть [Жирмунский, 1974, с.283–284], нельзя упускать из виду, что сам Идигей (или его предки), а затем и его потомки, могли заключать браки с духовными лицами высокого статуса – сеййидами. Во всяком случае, известна традиция выдачи замуж дочерей ногайских князей и мурз за сеййидов [Кочекаев, 1988, с.46], что повышает вероятность перекрестных браков между светской и духовной знатью в Ногайской Орде. При этом генеалогия правителей Ногайской Орды приобретает определенную историчность, становится более понятной и их роль «борцов за веру».

В целом к XVI в. Ногайская Орда представляла из себя уже мусульманское общество. Так, в начале XVI в. польский путешественник М.Меховский о ногайцах писал, что они – «последователи и поклонники Магомета..., совершают обрезание, соблюдают свой закон..., считают себя измаэлитами» [Меховский, 1936, с.58–59]. Английский путешественник А.Джекинсон в конце 1550-х гг. в ходе своего путешествия в Среднюю Азию указывал: «...страна Мангыт или Ногаев, жители ее держатся закона Магомета» [Джекинсон, 1937, с.169]. Мусульманское самосознание князя Ногайской Орды Юсуфа (1551) уже отмечалось. Правители Ногайской Орды и позже подчеркивали свою принадлежность к исламскому миру. Например, ногайский князь Иштиряк в 1608 г. на требование московского посла выдать двоих послов из Астрахани, ответил: «Ис предков тово не повелось... в их бусурманских законах не ведетца, что послов выдавати» [Акты, 1914, с.192–193.]. Там же русский посол упрекал князя Иштиряка в том, что тот нарушает свою присягу, ибо «шертовал на Куране великому государю» [Там же, с.193]. Правители соседних мусульманских государств также рассматривали Ногайскую Орду как часть исламского мира. Если, в частности, в 1549 г. Иван IV литовским послам говорил о том, чтобы «нашим осмотрением христианство в тишине и в упокое было и бесермянская бы рука не высыласа» [Сборник РИО, 1887, с.271], то посланник турецкого султана к ногайскому мурзе Исмагилю, ставшему затем и князем, в 1551 г.,

наоборот, передал слова султана: «...наша ж вера бусурманская. И мы смольылись все бусурмане и станем... заодин» против Московского государства [Бурдей, 1956, с.191].

Что касается мусульманских институтов в этом государстве, бесспорным представляется существование в Ногайской Орде института сеййидов, что видно, например, из послания мурзы Тиналея (Дин-Алея) Ивану IV (1564). Мурза пишет: «...от прадеда моего Тинбай сеит ших мой» [ПДРВ, 1801, с.135]. Хотя это сообщение содержит неясные моменты, например не совсем понятно, что означает выражение «сеит-ших мой», из него вытекает, что сеййиды в Ногайской Орде имелись уже в последней четверти XV в. (данный вывод делается на основе подсчетов генеалогических звеньев предков Тин-Алея [Сборник РИО, 1884, с.61]). Сеййиды в Ногайской Орде, правда, бежавшие из Казанского ханства, как было показано выше, отмечались еще в 1487–1491 гг. Причем про одного из них – Касима-сеййида, мурза Муса писал в 1491 г.: «Касим сеит нынеча у нас живет» [Посольские книги, 1995, с.38]. Несмотря на то что этот казанский сеййид хотел вернуться на свою родину, ему это вряд ли удалось.

Более развернутую информацию о сеййидах в этом государстве можно найти в ногайских делах за 1549 г. при описании событий, связанных со смертью в Ногайской Орде его правителя – князя Ших-Мамая. После смерти последнего князем там стал Юсуф, который, как писали русские посланники, с целью того, чтобы московский «государь... их держал с собою в дружбе», отправил в Москву своих послов. В их составе находился и посол «от Сейтя» Байшаш [Там же, с.305]. Еще один неназванный сеййид, при всей неясности сообщения, в Ногайской Орде фиксируется, как было показано выше, в 1551 г. [ПДРВ, 1793, с.314].

Как видно из документа за 1549 г., где сказано: «...Юсуф... послал послы..., да с ними же из Сарайчика от Сейтя посол» [Посольские книги, 1995, с.305], резиденция главы мусульманского духовенства Ногайской Орды находилась в столице – в г. Сарайчике. Из ногайских дел за 1617 г. известен еще один сеййид – «на Сарачике болшой сеит Икисат» [Трепавлов, 2001, с.587]. Так как

в документе за 1549 г. речь идет о важной внешнеполитической акции, участие в ней сейида наряду с правителем Орды, его братьями и детьми, свидетельствует о его высоком положении в государстве. Не случайна и традиция выдачи дочерей ногайских князей и мурз за сейидов, о чем говорится в работах Б.-А.Б.Кочекаева и В.В.Трепавлова – это тоже признание особого статуса сейидов в Мангытском юрте. Мы знаем имена еще нескольких сейидов, находившихся в Ногайской Орде. Один из них – Урас/Ураз/Урыс-сейид (*сеит*), в 1507 г. упоминаемый среди плененных, попавших в руки русских [Посольские книги, 1995, с.81]. О Тинбай-сейиде уже говорилось. Но последний вряд ли являлся верховным сейидом, иначе он не был бы около мурзы Тин-Алея в качестве его шейха. Тем не менее данный факт на самом деле является доказательством одновременного нахождения в Ногайской Орде нескольких лиц, имеющих титул «сейида». Кроме него имелись другие духовные лица, имевшие титул «сеидов». В связи с тем, что в 1585 г. во время нападения казаков на «Хозины улусы на богомолцовы – на Кара хозин, и на Бабе хозин, и на Кара Асман хозин», когда были погромлены их улусы, становится известно, что женой одного из упомянутых ходжей была сестра бия Уруса; скорее всего, в данном случае также имеются в виду сейиды. Хотя возможно, что Кара-хаджа (хозя) являлся шейхом. Во всяком случае, при бие Мусе (1491–1502) известен зять бия Малум-шейх, он же ходжа, чьим сыном и являлся, скорее всего, Кара-ходжа [см.: Трепавлов, 2001, с.573–574]. Упомянувшегося выше Икисат-сейида, находившегося в Сарайчике, В.В.Трепавлов считает также верховным сейидом Ногайской Орды [Трепавлов, 2010, с.587], с чем следует согласиться.

Более поздние данные о сейидах в этом государстве содержатся в работе В.В.Трепавлова. Как отмечает этот исследователь, при дворе бия Ногайской Орды в начале XVII в. было несколько сейидов, один из которых являлся «старшим». Не вполне, правда, ясно утверждение этого автора о том, что кроме «старшего сейида» в государстве еще был «главный сейид Сарайчука». По моему мнению, на самом деле это было одно

и то же лицо. В 1614 г. «старшим сейидом» был Ибрагим (*Ибреим б. Калеват*), затем – Сайф ад-Дин б. Калеват [Там же, с.567, 570]. Около 1604 г. четыре сейида участвовали на церемонии примирения Иштерека и Джан-Али б. Уруса. Это мероприятие было организовано астраханскими властями, и сейиды должны были перед «шертью» князя Иштерека и Джан-Али «по их закону проговорить молитву». При этом подразумевалось, что «сеиты... по их бусурманской вере, думам их будут свидетели» [Там же, с.571, 573], т.е. они несли ответственность за договаривающиеся стороны. Само примирение сторон выглядело так: «Иштерек князь и Янараслан, сеитом велели по своей бусурманской вере молитвы говорить, а сами в ту пору... стояли, зажав руки. И как сеиты по своему бусурманскому закону молитвы проговорили, и Иштерек князь и Янараслан, сподчись, меж себя корошевались и обнялись, и поцеловались» [Там же].

В Ногайской Орде было известно, что сейиды это «Божия посланника Магамметева корени» люди [Там же, с.570]. По мнению В.В.Трепавлова, семьи сейидов в Ногайской Орде вели кочевой образ жизни. В подкрепление этого вывода он приводит слова главного сейида князя Иштерека, сообщавшего, что «исстари... отцы и деды кочевали по Волге реке и по Еику. А после отцов своих и я... живучи на тех же отца своего юртех в кочевьях... Бога молю» [Там же]. Об этом же говорят и актовые материалы начала XVII в., указывающие на то, что у ногайцев «на поле... по их бусурманскому закону, по всякой правде, меж их те ж сеиты живут» [Там же]. Однако эти «полевые» условия жизни, скорее всего, не всегда были характерны для сейидов из Ногайской Орды, о чем говорят сообщения XV в. о приходе людей, связанных с главой мусульманского духовенства государства, из г. Сарайчика. Да и отмеченный выше сейид Сайф ад-Дин около 1615 г. переехал на жительство в г. Астрахань, где в конце 1610-х гг. насчитывалось уже 12 человек из рода сейидов. В итоге ногайский сейид Сайф ад-Дин в 1620 г. начал в г. Астрахани с позволения местных властей строительство новой мечети, чтобы «приходя, всякие люди про твое государево (царя Михаила Федо-

ровича. – Д.И.) многолетнее здоровье Бога молили» [Там же, с.569, 573]. Более того, этот сеййид намеревался там заняться и благотворительностью – «всяких наших людей поить и кормить» [Там же, с.572].

В Ногайской Орде у сеййидов в первой трети XVII в., как полагает В.В.Трепавлов, имелись кочевья и собственные «улусные люди». Скажем, у «старшего» сеййида Сайф ад-Дина отмечены десять семей, которые «при его отце, при деде... [ему] служили». В 1633 г. в росписях населения астраханских юртов эти люди перечислены подробнее: дворовых – 10, захребетник – 1; «прожиточных» улусников – 18, их братьев – 3, детей – 6, захребетник – 1; «прожитком средних» – 12, их братьев – 2, детей – 30, захребетник – 1; «бедных людей» – 40, их братьев – 6, детей – 5 [Там же, с.573]. Показательно, что лично главе Ногайской Орды подчинялись 4 «улуса» под характерными названиями: «Сеит», «Хоза», «Базар» и «Сарайчук», два первых из которых были связаны с владениями сеййидов и ходжей (последние именовались «хозины улусы»), по предположению В.В.Трепавлова, являвшимися аналогом вакуфного владения [Там же].

Сеййиды в Ногайской Орде возглавляли довольно разветвленную структурно группу духовенства. Кроме самих сеййидов, один из которых был высшим должностным лицом (главный, старший) и находился в г. Сарайчике, в составе духовенства были: шейхи (ших, шиик), муллы (молна, молла), хаджи (хозя, козя), хафизы (афыз, абыз), суфии (суфуй, суфа) [Посольские книги, 1995, с.20, 30, 32–36, 72, 76, 79, 131–132, 156, 162–163, 192, 203, 212, 246, 248–250, 295–296, 308, 315–316]. Возможно, имелись и дервиши [Исхаков, 1997а]. Для конца XV – первой трети XVII в. к этому списку В.В.Трепавлов добавляет еще садров, по его мнению, бывших в Ногайской Орде или «отпрысками бухарской династии перво-священников, или держателями вакуфных владений». Эта разновидность духовных лиц в источнике за 1617 г. упоминается лишь однажды: «богомolec... Иштереков княжеи садыр хадзи Джеилев» [Трепавлов, 2010, с.571]. Ссылаясь на извлеченные А.И.-М.Сикалиевым из эпических произведений данные, В.В.Трепавлов приводит

не встречающиеся в других источниках названия служителей культа в Ногайской Орде (мыфты/муфтий, кади, эфенди), с указанием, что эти поздние реалии вряд ли можно отнести к более раннему периоду [Там же, с.570]. С этим выводом следует согласиться, но иметь в виду, что полностью исключить их существование у ногайцев в XV–XVIII вв. тоже нельзя, особенно имея в виду усиление влияния Крымского ханства на ногайцев в более позднее время. Добавим также, что хаджи в Ногайской Орде упоминались вместе с сеййидами в качестве их «братьев» [Там же, с.570–571]. Наконец, шейхи у ногайцев явно обладали достаточно важным статусом, о чем свидетельствует женитьба сына шейха Малум-Ходжи на дочери бия Мусы [Там же, с.571]. В этом плане шейхи по статусу были близки к сеййидам – известно, что бий Ногайской Орды Иштерек был женат на дочери сеййида Ибрагима б. Калевата [Там же, с.570]. Вообще, проникновение в генеалогию высшей ногайской знати, т.е. мангытов линии Идегея, звеньев, имеющих отношение к Пророку Мухаммаду, скорее всего, связано с их матримонильными отношениями с представительницами из рода сеййидов. Так, Девин Де Виз приводит сведения о ходже Муртазе, женатом на дочери «падишаха мангытов» Муса-бия. Происходивший от них по отцовской линии хаджи Таж-ад-Дин Хасан по женской линии имел бабушку Михр-Нигарханум, приходившуюся племянницей хану Дин-Мухаммеду (линия Арабшаха) и бывшую дочерью мангыта Мухаммеда-Мансурмурзы (от линии бия Аббаса/Габбаса). Так вот, эта ханум была замужем за сеййидом Хашимом-хаджой (1506–1568) [De Weese, 1994, p.394–396]. Возможно, это была достаточно старая традиция, не случайно сын Едигея Нур-ад-Дин, согласно преданиям, имел особое рвение в мусульманских делах, говоря о своей близости к Пророку [Трепавлов, 1995, с.86].

У мусульманского духовенства Ногайской Орды была своя иерархия, не поддающаяся в настоящее время полной расшифровке. Тут отмечу только, что в послании мурзы Урака (1537 г.), например, мулла Дервыш-Алей (Али) назван «нашим великим» или «добрым человеком» [Трепавлов,

2001, с.192, 203], т.е. как-то выделен из состава других лиц духовного звания. Возможно, статусные различия среди них были как-то связаны с их участием в государственных делах: послами выступали шейхи, хаджи и суфии, некоторые из хафизов отмечены при сборе дани. В частности, выражение «Аслатай Абыз еже год ездил воевати остяки», встречающееся в ногайских делах, можно трактовать и как сбор дани при помощи применения военной силы [ПДРВ, 1801, с.225; Акты, 1914, с.196]. Духовенство занималось и другими государственными делами. Мы уже видели среди послов, отправленных в Москву, посла-сеййида. Так как в Ногайской Орде существовала достаточно развитая система управления, духовные лица часто занимали должности чиновников – абызов (хафизов), которых русские источники называют дьяками, бакшиев, именуемых пи-сарями (как указывалось, бакшиями были и муллы) [Кочекаев, 1988, с.42–43]. Разнообразная деятельность духовенства, в том числе и как государственных чиновников, требовала определенного уровня грамотности. Кроме того, если муллы выполняли функцию бакшиев, то шейхи, хаджи и суфии выполняли роли послов [Там же, с.20, 35, 72, 76, 79, 131–132, 249–250]. В 1490 г. отмечается и посол «царев ногайский Ебелек Еменеков» по имени Кутлук(Кутлу)-шейх (шиик, шеик). Некоторые из хафизов отмечаются и в военных походах [Там же, с.203]. Добавим также, что дошедшие до нас грамоты мурз и князей (биев) Ногайской Орды XVI–XVII вв. написаны на языке, достаточно отличном от современного ногайского языка. Этот язык был уже в период получения этих документов в Москве совершенно правильно маркирован как «татарский» [Там же, с.22]. Понятно, что наличие в государстве слоя грамотных людей предполагает какую-то организацию образовательного процесса в Ногайской Орде, но, к сожалению, сведений такого рода пока не обнаружено.

Особенностью Ногайской Орды было рассредоточение власти в руках отдельных мурз, являвшихся владельцами подчиненных им улусов. Каждый мурза имел собственную администрацию, аналогичную княжеской. Таким же образом распределялось и духо-

венство. Кроме сведений о Тинбай-сеййиде, находившемся при Тин-Алее мурзе как его «шейх», на этот счет есть и другие данные. Так, Урак мурза называет муллу Дервыш-Алея «своим человеком». Под грамотой уже названного Тин-Алея (1550) стоит такое примечание: «писал Тин-Али мырзин афыз Тау-черкес Афыз». В послании мурзы Мусы (1490 г.) среди его «людей» отмечается Исмаиль (Смаиль) суфи (*суфуй*). От мурзы Мама (Ших-Мама) в 1508 г. в качестве посла прибыл «его человек» Курман(Курмай)-хаджи (*ходжа*). В грамоте, отправленной мурзой Касаем в Москву (1549), хафиз (*афыз*) Давлет Яр назван: «мой имельдяш». В грамоте Юсуф-мурзы, посланной через год туда же, хафиз (*афыз*) Кантуган определен как «его паробок» [Исхаков, 1997а].

Очевидно, существовал механизм взаимодействия духовенства, находившегося в улусах, с центральным управленческим звеном во главе с сеййидом. Но ответа на этот вопрос пока нет.

Наличие в Ногайской Орде шейхов свидетельствует о распространении там определенного тариката – безусловно, это был тарикат Ясавийа. Об этом говорит постоянно подчеркиваемая связь мангытской знати с Баба-Туклесом (Хочахмат Бабатуклы, Баба-Тохты Чачли Азиз), за легендарной фигурой которого, скорее всего, скрывается Садр-Ата – один из сподвижников исламизатора Улуса Джучи Саййида-Ата. Сам же Садр-Ата находился в числе преемников Ахмата Ясави (через Хаким-Ата, Занги-Ата) (об этой сложной проблеме см: [Исхаков, 2011, с.61–66]). Тем более, что в хронике кокандского историка XIX в. Аваз-Мухаммед ‘Аттар Хуканди «Тарих-и Джахан-нумай» при указании на перечень пиров известных тюркских племен, в качестве «святого» (бузург) клана Мангыт фигурирует именно Баба-Туклес (Баба Туклик). Надо полагать, что тарикат Ясавийа в Ногайской Орде удерживал свои позиции вплоть до второй половины XVI в. В дальнейшем ситуация с господствовавшим в Ногайском обществе тарикатом могла измениться, но этот вопрос еще требует дальнейшего исследования.

Крымское ханство. Крымский улус Золотой Орды уже к концу XIV в. являлся значительным мусульманским центром и до

начала правления в Крыму династии Гиреев его столица – г. Солхат, где сидели наместники сарайских ханов, оставался центром распространения ислама – там функционировали мечети, дервишские обители и медресе [Fisher, 1978, p. 3]. По ярлыкам конца XIV в. в «Крымском тумене» («*Крым төмәне*» или «*Крым белә Крым-Ер төмәне*») известны ведущие группы мусульманского духовенства: в ярлыке хана Тохтамыша (1381–1392) упоминаются «кази-муфтии, шейхи-машайхи» (*казы мөфтилар, шәех мәшәихләр*), в ярлыке Тимур-Кутлука (1397–1398) – «казы муфтии, машаих-суфии» (*казы мөфтилар, мәшәех суфилар*) [Исхаков, 1997а, с.73]. Эти же группы мусульманских священнослужителей упоминаются и в ярлыках основателя Крымского ханства Хаджи-Гирея (см. далее). Крымская знать прекрасно осознавала свою причастность к исламскому сообществу. В частности, сохранилось послание беклярибека Эминек-бея Ширина из Крыма турецкому султану от 1476 г. с извещением о том, что при возвращении из похода в Молдавию на них напали «неверные» [Некрасов, 1990, с.46], т.е. православные жители Молдавии. Понятно, что определение «неверные» в данном случае – это результат противопоставления молдаван-христиан мусульманам. Еще более красочное описание принадлежности бывшего крымского хана Нур-Давлета (он уже был тогда правителем Касимовского ханства) к мусульманской умме имеется в послании за 1487 г. хана, Большой Орды Муртазы к нему: «...Милосердный государь, ты на сем свете вере нашей подпора, бесерменем и бесерменьству нашему помочь, ты еси и закону наказатель, милосердного Бога милостью истинной еси прямой осподарь... Велика бы и счастна была твоя держава до второго пришествия Магометовы доля молитвы и учеников его...» Далее хан заключает: «...ты живешь промеж неверных, непригож ся видит так... Нечто из тое из поганые земли избыти захочешь...» [Сборник РИО, 1884, с.69].

Весьма красочные описания «вплетенности» ислама в каждодневную общественно-политическую и бытовую жизнь крымских татар в XVI в. дает историк первой половины XVI в. Реммаль-ходжа, в Крыму написавший «Историю Сахиб-Гирей-хана»

(«*Тарих-и Сахиб Гәрәй хан*»). Вот как он описывает церемонию отправления войск хана Сахиб-Гирея из Бахчисарая против черкесов в 1539 г.: «Хан вышел «...из ворот своего дворца в церемониальной одежде и опоясанный мечом. Направился по направлению к Мекке, были произнесены молитвы... Толпа народа распевала молитвы...» Поход оценивался как «газа». Реммаль-ходжа, бывший участником этого похода, рассказывает, как люди в его ходе отдыхали: «Здесь и там зажгли огонь. Некоторые из гази заняты рассказом историй, другие распевают Коран (*таләвәт*), пока остальные заняты молитвой (*убадәт*)». Во время подготовки к походу 1541 г. против Московского государства, согласно этому же источнику, хан «в своей комнате всю ночь молился... Утром совершил утреннюю (*сабах*) молитву (*намаз*)». По возвращении в 1545 г. из астраханского похода, в Крыму состоялся большой праздник, на котором были «улемы, имамы, хатибы. Все возносили молитвы» (примеры взяты: [Остапчук, 2001]).

В первой половине XVI в. Крымское ханство уже предстает как развитое мусульманское государство, в котором ислам пронизывал все стороны общественной жизни. В городах, судя по сохранившимся отрывочным сведениям переписи населения 1529 и 1545 гг., имелось большое число мечетей, причем они делились на маленькие квартальные и большие (*жамигь*). Так, в г. Кафе (Кефе) в 1529 г. в части города, под названием «Френк Хисар», существовали 9 квартальных мечетей и 1 большая мечеть (в 1545 г. – столько же), в части «Кале-и Бирун» – 15 квартальных и 1 большая (1545 г. – 17 и 2 соответственно), в части «Кале-и Хакк» – 10 квартальных и 1 большая (в 1545 г. – столько же). Замечу, что численность мусульман в городе в 1545 г. составляла около 8,1 тыс. чел. В других городах дело обстоит так: в г. Согдак имелась 1 мечеть (в 1529 и 1545 гг.), в г. Манкупе – 2 квартальные и 1 большая, в г. Балыклы – 1 квартальная (в 1545 г. – 1 квартальная и 1 большая), в г. Инкирмане – 1 мечеть, в г. Керчи – 1 большая (в 1545 г. – 2 большие), в г. Тамани – 1 квартальная мечеть [Fisher, 1981–1982]. К сожалению, данных о медресе при мечетях в этот период у нас нет. Однако участие мусульманского духо-

венства в государственных делах, включая и дипломатическую деятельность, связанную с составлением текстов договоров, требовало достаточно высокого уровня образования. Относительно мусульманских учебных заведений в Крыму сохранились лишь данные периода завоевания Крымского ханства русскими (1783) – тогда существовали 25 медресе и 35 мектебе. Как указывает И.Ф.Александров, тогда в Крыму имелись 1531 мечеть и 21 текие [Александров, 1914, с.212].

Из Крыма ходили совершать хадж, о чем сохранилась довольно любопытная информация, имеющая отношение и к Казанскому ханству. В 1516 г. в составе грамот, отправленных в Москву, была и грамота «Азеи царицы» – матери казанского хана Абдул-Латифа, тогда находившегося в Московском государстве. Она пишет: «...А сына своего Абдыл-Летифа царя... просим... к Меке хочу итти, и наши нам моллы сказывают..., не будет родного сына или мужа, ино итти нелзе...» Эта же просьба содержится и в грамоте султана Богатырь-Гирея [Сборник РИО, 1895, с.303, 306]. Хотя сама просьба могла иметь и политическое содержание (тогда казанский хан Мухаммед-Амин был болен), но сам факт указания на совершение хаджа, несомненно, отражает существовавшие реалии.

Наконец, имеются наблюдения доминиканского монаха де Люка первой четверти XVII в. о бытовой стороне жизни «перекопских татар» [Описание, 1879, с.473–493]. Он сообщает, что они «строго соблюдают обряды своей веры и совершают намаз, посещают мечеть 5 раз в день... стараются принудить своих рабов принять магометанство... Покойников обертывают в табу (*tabus*) или кладут в деревянный гроб, накрывая их лица чем-то вроде полотна (*кези*)... Покойника несут на кладбище, причем ходжа (*мулла*) с родными провожают его..., [кладут] в... яму... с словами «Алла-рахет-иля»..., бросают... земли... кладут в головах большой камень и в ногах другой...» Когда «татарин берет девушку в замужество по обряду кабэнь..., при этом [бывает] ходжа с тремя свидетелями... Ходжа записывает предметы, которые обещаны ей и вносит имена свидетелей... Гражданский иск решается

при участии свидетелей кадиаскерами». Единственный немусульманский элемент, присутствующий у де Люка, это обычай класть у покойниц-девушек «в ногах и головах... ветви деревьев с разноцветными лентами или букеты цветов».

Далее обратимся к исламским институтам в Крымском ханстве. Прежде всего это, конечно, институт сеййидов. Материалы о сейидах в этом ханстве достаточно многочисленны, но плохо систематизированы. В первую очередь, целесообразно разобраться с именами сеййидов и по возможности установить последовательность нахождения того или иного из них в должности верховного сеййида в государстве. Но до этого надо найти ответ на один вопрос – речь идет об остающемся спорным вопросе о соотношении понятий «главный сеййид» и «кады большой». А.Е.Сыроечковский полагал [Сыроечковский, 1940, с.38], что «главный сеид» в Крымском ханстве одновременно являлся и «кады большим». Несмотря на то что иногда такой вывод из источников напрашивается, позиция А.Е.Сыроечкового не может быть принята. Кроме того, его высказывание о том, что главный кади назывался «большим муллой» или «старшим над всеми муллами», требует документального подкрепления, что им не было сделано. Между тем, в опубликованных источниках мне удалось найти только одно высказывание о «большом кадии», причем он вряд ли был главным сеййидом: в грамоте крымского хана Менгли-Гирея в Москву (1516) относительно «поминок» сказано: «Молла Алей, мой большой молла, надо всеми нашими моллами старейший, также мой и кадый большей» [Сборник РИО, 1895, с.299]. Хотя выражение «над всеми нашими молами старейший» заставляет задуматься, не исключено, что тут просто имеется ввиду его возраст, поэтому можно полагать, что, скорее всего, большой кади и верховный сеййид в Крымском ханстве были разными должностями, хотя Султан-Али мог также происходить из рода крымских сеййидов. Кстати, полное имя этого кадия – Султан-Али Абдулгани, и он считался «великим муллой» [Kolodziejczyk, 2001, p.483]. Теперь вернемся к вопросу о крымских сеййидах.

В грамоте, отправленной в 1508 г. от имени Баба-шейха (шиха) из Крыма в Москву, указывается: «...шерт пили Магмед-Гирей в головах и все царевичи, и мы в головах, и сеит, и молна, и все уланы, и князи, и четыре карача, и все знатные люди шерт дали» [Там же, с.39]. Очевидно, упоминаемый тут Баба-шейх являлся сеййидом. В доказательство я могу привести отрывок из послания султана Мухаммед-Гирея, написанного в том же году, но раньше первого документа, и посвященное подготовке к отмеченной выше «шерти». Сообщив, что великий князь московский «шерт велел дати», султан перечисляет имена большого числа знатных лиц Крымского ханства, начав перечень с Баубек-сеййида [Там же, с.33]. В принципе, имена «Баба» и «Баубек» достаточно близки («Баба» – это сокращенное от *Бабак* ~ *Баубак* ~ *Баубаһ*). Есть и другие основания считать Баубек-сеййида и Баба-шейха одним и тем же лицом. В перечне имен знати, содержащейся в послании султана Мухаммед-Гирея, после Баубек-сеййида названо имя Гази-Мухаммеда-шейхзаде (шихзоды) [Там же]. Так звали именно сына Баба-шейха. Кроме того, в документах ни разу имена Баба-шейха и Баубек-сеййида вместе не встречаются.

Особое положение сеййида Баубека (он же шейх Баба) в Крымском ханстве прослеживается по нескольким документам. Во-первых, султан Мухаммед-Гирей в 1508 г. называет его так: «отца моего пошлой богомолец» [Там же]. Эта странная на первый взгляд конструкция расшифровывается как «моего отца давний богомолец». Действительно, хан Менгли-Гирей называет его в 1508 г. «Баба ших мой» [Малиновский, л.132 об.]. Во-вторых, об особом статусе этой личности в Крыму свидетельствуют и дипломатические документы. Одно послание Баба шейха великому князю Василию в Москву цитировалось выше. От его имени другая грамота была отправлена в Москву в 1509 г. В ней есть такие строки: «...а яз богомолец твой (Василия. – Д.И.)... пособь чиню с сватом своим Магмедшою» [Сборник РИО, 1895, с.79]. В ответном послании московского великого князя Баба-шейху (1509) написано: «...а мы вперед к тебе свое добро хотим держати и жалованье свое чинити» [Там же, с.80].

Некоторые сеййиды в начале XVI в. находились и при дворах султанов. Об этом свидетельствует послание султана Ахмат-Гирея 1509 г., в котором сказано: «Уланы и князи есть, и добрые сеиты есть» [Сыроечковский, 1940, с.28]. Естественно, эти сеййиды были не главными.

До 1516 г. других известий о сеййидах в Крымском ханстве пока не обнаружено. Но в 1516 г. в грамоте Мухаммед-Гирея в Москву относительно присылки московским великим князем «поминоком» в Крым упоминаются Мансур-сеййид (сиит) и сын Баба-шейха Наурь-л-ло (его имя более точно передано в другом документе – «Насыр-Оллог») шейх (ших) [Сыроечковский, 1940, с.28, 161]. По видимому, сеййида Баубека к этому времени уже не было в живых. Однако на вопрос о том, кто ему наследовал высшую духовную власть в ханстве, ответить непросто. С одной стороны, источники свидетельствуют о высоком положении сына сеййида Баубека Насыр-Оллох-шейха [Там же, с.161–162; Малиновский, л.258]. В частности, в грамоте Мухаммед-Гирея о «поминках» из Москвы (1515) Насыр-Оллох-шейх назван «начальным шихом» и его имя в списке знати идет раньше имени Ябачь-султана [Сыроечковский, 1940, с.161–162]. Далее, в послании московского дипломата в Крымском ханстве И.Мамонова (1516) отмечается, что при его приеме у крымского хана Мухаммед-Гирея, у «...царя были сын его Алп-царевич, да Сур-Алла (искаженное от Насыр-Олла. – Д.И.) ших Баба шихов сын, да Абдел-Альших, да Азбяз царевич..., да Мамыш улан Сарман уланов сын, да Абдыла улан, да Азика князь, да Давлет-Бахты Барын, да Бахтеяр мурза Довлетиков сын Шырын, да Асан мурза Темиров сын» [Сборник РИО, 1895, с.280]. Как видно, Насыр-Оллох-шейх фигурирует среди высшей знати Крыма. Но в глазах хана Мухаммед-Гирея статусы сеййида Мансура и шейха Насыр-Оллоха были идентичны: в 1516 г. он дал им в счет будущего московского «поминка» одинаковое жалованье – по 2 «поминка» [Там же, с.299]. Поэтому можно говорить и о высоком статусе сеййида Мансура. Например, в сообщении московского посланника В. Шадрина из Крыма (1518), рассказывающего о его аудиенции у крымского хана Мухаммед-Гирея,

говорится: «...царь приказывал... к великому князю, а тут у него сидели Агыш князь, Азика князь, Мансыр сеит, Апак, а на другой стороне сидели Халиль князь, Мамыш улан, Мамыш Чечеут, Абдула улан, Япанча князь, Мемеш мурза» [Там же, с.500]. Документ отчетливо показывает нахождение сейида Мансура среди высшей знати ханства. Ситуация еще больше запутывается источниками 1519 г. Прежде всего, в «Дефтере», который был зашит «в большой грамоте во цареве о запросе» (очевидно, речь шла о присылке «поминоку», для чего и был приложен список знати), перечень крымской знати открывается именами «Газы сеита» и «Билат (Билал) сеита» [Там же, с.636; Малиновский, л.258]. Похоже, что первый из них – это тот самый «Гази-Махмед»-шейхзаде, сын сейида Баубека. Таким образом, сейидов, могущих быть главой духовенства Крыма, оказывается несколько человек. Но лишь один из них мог занимать эту должность.

Думаю, что этим сейидом был Газы (Гази-Мухаммед). Приведу аргументы в пользу данной точки зрения. Показательно, прежде всего, что имя Газы-сейида в приложении к «большой» грамоте хана Мухаммед-Гирея (1519) называется первым. Далее, содержание послания Газы-сейида к великому князю Василию (1519) имеет явное сходство с аналогичным посланием сейида Баубека (1509): «...Великии орды великого царя Магмед-Гирееву цареву брату многие Руси государю великому князю Василию Ивановичу от Газы сеитя поклон. Как государю своему царю, так и тебе, брату его, меж дву вас братьев ходячи, добра хотим, богомолец есми и ныне, сколько наши силы добра твоего хочу» [Сборник РИО, 1895, с.654]. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в цитированном послании имеется место, указывающее на участие Газы-сейида в процедуре «шертования»: «...Да перед твоим слугою перед Остапом с людьми в одном месте роту и шерть дали есми, и ныне меж дву государей каково добро ссталось, и яз на том добре стою» [Там же]. Именно отсутствие в хронологически одновременном послании сейида Мансура схождения с грамотой сейида Баубека и ссылки на «шертование» выводит Мансура при жизни Газы-Мухаммеда за рамки пре-

тендентов на должность главы духовенства в Крыму [Там же, с.655]. Обычно в присяге участвовали именно те сейиды, которые возглавляли духовенство, поэтому на этот момент следует обратить внимание. Наконец, как видно из грамоты за 1508 г., Газы-Мухаммед в тот период являлся «богомольцем» султана Мухаммед-Гирея, тогда как у его отца – хана Менгли-Гирея – таким «богомольцем» считался отец Газы-Мухаммеда сейид Баубек [Там же, с.33]. Вполне допустимо, что после смерти хана Менгли-Гирея и сейида Баубека шансы занять должность главы духовенства ханства были больше именно у «богомольца» нового хана.

Следующее упоминание сейидов в Крыму содержится в весьма интересном документе, озаглавленном «Образец дефтеру. А се салтаны и сеиты, ших зоди, моллы, уланы, князи, мырзы; а ичкам ведомо учинили». А.Малиновский датировал его 1524 г., определив как «Именной список крымским царевичам, князьям, мурзам и всяким чиновным людям, которые шертовали великому князю Ивану Васильевичу с царем Саидет-Гиреем пред посланником О. Андреевым» [Малиновский, л.258]. Документ начинается с имен (при разделении некоторых имен знаками препинания, которых в основном тексте нет или правильность их расстановки вызывает сомнения, они взяты в квадратные скобки) сейидов: «А се величество учителей великих: Салтан-Али сеитов брат Мансур сеит, Салтан Али сеитов сын Куртка сеит, Баба шихов сын Насыр-оллог ших, Абдыл-Рахманов моллин сын Баба-ших молла, Алядин кады сеит Газыев сын, сеит Мурза Фарсей Билялов сын сеит Хыдыр». Все перечисленные лица по происхождению были сейидами, о чем говорят как их титулы «сеит» так и эпитет «величество учителей великих» (из перечисленных фигур сеит Хыдыр, скорее всего, был сыном упомянутого выше Билал(Билат)-сейида (1519), а Абдыл-Рахман являлся сыном Ази-Махмуд шейхзаде, т.е. Газы-сейида) [Сборник РИО, 1895, с.636]. В указанном списке после сейидов идут имена султанов, князей и мурз. Очевидно, к 1524 г. главой духовенства Крымского ханства стал Мансур-сейид, ибо его имя в списке приводится первым. Надо полагать, что Газы-сейида

к этому времени в живых уже не было, т.к. в «Дефтере» говорится только о его сыне Алядин казые (кады).

Около 1531–1532 гг. крымский хан Ислам-Гирей «учинил роту» московскому великому князю. Список тех, кто присягнул Ивану Васильевичу, начинается с Куртка-сейида, а за ним идет имя Мусы-сейида. Далее перечислены уланы и князья [Щербатов, 1786, с.501–502]. Куртка-сейид, несомненно, является отмеченным в списке 1524 г. лицом – сыном сейида Салтан-Алия. Был ли он к началу 1530-х гг. главой духовенства ханства, не совсем ясно: этот период истории ханства характеризуется постоянными дворцовыми переворотами, что могло повлиять и на выбор верховного сейида в этом государстве [Малиновский, л. 205–212]. Все же при правлении хана Ислам-Гирея Куртка-сейид мог быть высшим духовным сановником в Крыму, тем более, что сейид Мансур, скорее всего, около 1531 г. оказался, как мне представляется, в Астраханском ханстве.

Итак, между 1508–1531 гг. в Крымском ханстве известны имена многих сейидов, некоторые из которых были высшими духовными лицами в государстве (Баубек-сейид – около 1508–1509 гг.; Газы-сейид – около 1519 г.; Мансур-сейид – около 1524 г.; Куртка-сейид – около 1531 г.).

Есть основания полагать, что институт сейидов в Крымском ханстве существовал с самого начала образования государства. На это, прежде всего, указывает одно место из послания султана Ахмат-Гирея (1518). Султан, сообщив о делах, связанных с уже знакомым нам Хозяка-сейидом, пишет: «...покойник Хозяк сейид от дедов и отцов наших наш пошлой богомолец» [Сборник РИО, 1895, с.511]. Так как Ахмат-Гирей приходился внуком хану Хаджи-Гирею, то факт присутствия сейидов в Крыму в первой половине XV в., даже если Хозяк(Хаджи-Ахмед)-сейид был большеордынским верховным сейидом, становится на историческую почву. Другие данные подкрепляют этот вывод. На мой взгляд, существование в Крыму института сейидов в середине XV в. подразумевается и в тарханном ярлыке Хаджи-Гирея 1453 г., в котором есть следующие строки: «Его высшим и знатным. Его

ученым и высшему духовенству (муфтиям)». В данном случае я пользовался переводом С.Е.Малова (см.: [Малов, 1953, с.187–189]). Даже если мы в лице этого текста имеем дело со списком ярлыка, там отчетливо прочитывается: «...садат үлвиләриңә [непонятное слово. – Д.И.], мөфти мөдәрисләреңә [,] кади-мөхтәсибләреңә [,] мәшаих-суфиларыңа...» Термин «садат» А.Н.Курат совершенно правильно перевел на турецкий язык как «сейид» [Курат, 1940, с.69]. Думаю, что начальная часть ярлыка содержит тот же оборот, что и использованный для обозначения сейидов в списке 1524 г. («а се величество учителей великих»). Но наиболее отчетливо о крымских сейидах говорится в ярлыке Хаджи-Гирея за 1459 г. Там сказано: «...сәйид-ес-садатларыңа, мөфти вә мөдәрисләреңә, казый [мөхтәсибләреңә], мәшаих-суфиларыңа...» (это место дается в прочтении М.А.Усманова, любезно предоставившего в мое распоряжение выписку из ярлыка, хранящегося в РО ИВ РАН (подробнее о ярлыке см.: [Усманов, 1979, с.212]).

В то же время в некоторых ярлыках крымских ханов XV в. обращение к сейидам отсутствует. Скажем, в ярлыке Менгли-Гирея (1467) говорится: «...муфти-мударисам, кази-мухтасибам, машаих-суфиям» (на языке оригинала: «мөфти мөдәрисләреңә, кази-мөхтәсибләреңә, мәшәих суфиларыңа») [Березин, 1872, с.1, 4] Близкая формула – «Кази-муфтиям, машаих-суфиям» (в оригинале: «кази мөфтиләреңә, мәшәех суфиларыңа») содержится в ярлыке того же хана 1468 г. [Там же, с.10–11]. И в начале XVI в. в одном из ханских ярлыков (Мухаммед-Гирея, 1517 г.) встречается точно такой же оборот: «кази-муфтиям, машаих-суфиям» [Там же, с.17]. Но сейиды в ханстве в это время все же имелись. Недаром вплоть до начала XVII в. они время от времени в ярлыках упоминаются. В частности, в ярлыке хана Саламат-Гирея (1608) есть обращение к «садатам (т.е. сейидам. – Д.И.), муфтиям, мударисам, кази-мухтасибам, машаих-суфиям» [Фиркович, 1890, с.57]. Автор работы термин «садатлар» совершенно правильно перевел как «сейиды». На языке оригинала это место выглядит так: «вә садатларыңа вә мөфти вә мөдәрисләренә вә кази мөхтәсибләреңә вә мәшәех суфиларыңа».

Имеются данные, хотя и скудные, о брачных связях крымских сеййидов. Эти сведения проливают дополнительный свет на место сеййидов среди крымской знати. В 1507 г. Бабака (Баубек)-сеййид называется зятем хана Менгли-Гирея [Kolodziejczyk, 2011, p.483]. Похоже, что, его сын был женат на дочери князя Магмедши, которого он в документе за 1509 г. называет князя своим сватом [Сборник РИО, 1895, с.79]. Отмеченный же князь принадлежал к клану Кыпчак [Сыроечковский, 1940, с.27; Сборник РИО, 1895, с.80], т.е. к одному из четырех кланов карача-беев в Крыму и являлся послом хана Менгли-Гирея (1508) [Малиновский, л.397]. Очевидно, указанная линия родственных связей крымских сеййидов была традиционной, т.к. сын князя Магмедши Салимша князь в 1515 г. писал, что он собирается выдать свою дочь замуж за сына Баба-шейха (Баубек-сеййида) [Сборник РИО, 1895, с.72]. Крымские сеййиды в ханстве роднились не только с определенными кланами карача-беев, но и как отмечалось, с самим правящим домом Гиреев. В частности, к 1518 г. относится сообщение о том, что султан Ахмад-Гирей взял в жены дочь сеййида Хозяка, т.е. Хаджи-Ахмеда, большеордынского верховного сеййида [Там же, с.511]. Приведенные материалы подтверждают высокий статус сеййидов в государстве. В такой ситуации не удивительно, что все мусульманское духовенство государства воспринималось как интегрированная часть правящей элиты.

Наконец, вопрос о смене термина «сеййид» в Крыму на понятие «муфтий». Судя по имеющимся документам, вплоть до 1530-х гг. в Крымском ханстве предпочитали пользоваться традиционным понятием «сеййид». Правда, ярлык хана Саадет-Гирея 1522–1523 гг., в котором есть обращение к «муфти-мударисам и кади-мухтасибам» [Григорьев, Ярцов, 1844, с.340], как будто бы противоречит этому выводу. Однако, во-первых, есть сомнения в подлинности этого ярлыка, во-вторых, в «шертной» грамоте того же хана 1525 г. имеется выражение «от сейтя в головах» [Малиновский, л.417], свидетельствующее о ведущей роли в государственной жизни именно этого обозначения. Из работы В.Д.Смирнова видно, что в конце

XVI – начале XVII в. в Крыму стали больше использовать термин «муфтий» [Смирнов, 1913, с.153–154], хотя в некоторых случаях косвенные формы старого понятия «сеййид» еще применялись (например, выражение «*садатларыңа*» в ярлыке Саламат-Гирея 1608 г.) [Фиркович, 1890, с.57]. Да и В.Д.Смирнов, перечисляющий имена нескольких человек из «династии шейхов» в Крыму, отмечает одного из них – Афиф-Эдина-эфенди (он жил после умершего в 1593 г. шейха Ибрагима), сын которого являлся муфтием в г. Кафе, но затем «предавался богомыслию в собственной киновии в деревне Сеййид-иле близ Кафы» [Смирнов, 1913, с.153]. Проживание отставного муфтия в деревне с характерным названием как раз свидетельствует о том, что крымские муфтии ранее именовались сейидами. Следовательно, переход к новому термину происходил в период со второй половины XVI – по начало XVII в. и был связан с усилением влияния Османской империи и последовавшей в итоге туркизации Крымского ханства. Действительно, после свержения с ханского престола Мухаммеда-Гирея II (1577–1584) и утверждения турецким султаном новым ханом Ислам-Гирея II (1584–1588), несколько лет жившего в Турции в дервишской обители, впервые статус правителя Оттоманского государства в Крыму был закреплен официально: имя турецкого султана стало произноситься в хутбе впереди имени крымского хана [Некрасов, 1999, с.55; Kolodziejczyk, 2011, p.106].

Как и в Казанском ханстве, сеййиды в Крыму принимали непосредственное участие в государственных делах, о чем можно узнать из «шертных» грамот. Наиболее ранняя из них, отмечающая присутствие при «шертовании» сеййидов, относится к 1508 г. В проекте грамоты, поступившей из Москвы, но составленной от имени хана Менгли-Гирея, написано: «... Ямгурча, Магмет-Гирей, Ахмет Гирей царевичи в головах и все царевичи роту и правду учинив, и все сейты и моллы и Баба-ших мой, останочный князь Сакал князь, Мамыш улан в головах, и уланы и князи, Мангыт Тевекель князь, Зизивут Мамыш князь, Коурат Сулейман князь в головах, Югона князь и воеводы князи Ширин Агиш князь, Барын

Девлет князь, Аргын Мардан князь, Кыпчак Махмуд князь, в головах, и воеводы князи и ички князей и мырз все бы роту и правду... на Куране... учинили» [Малиновский, л.185]. В другом проекте грамоты, за тот же год, но уже подготовленном от имени султана Мухаммед-Гирея, отмечается: «... шерть велел дати... первый Баубек сеййид, Газы-Махмед ших-зода, Довлет улан, Шимах улан, Муртоза улан, Баку улан, Девлет-Яр князь, Тювикел мырза, Кудояр князь, Удым мырза, Солтан Магмед мырза, Ахмед мырза, Берю мырза, Кучелек мырза, Магмутек аталык, Чибелек князь, Шигалак князь, Берючей князь, Темеш князь, Чюра аталык, Бегич аталык, Баубек дувон, Бек-Балак бакши, Мами князь, Ямгурчей аталык, Кобеч улан, Токуз улан, Тишкуват улан, Асан улан, Абдыла князь, Чюраш мырза, Черик богатырь, Улук-Берди мырза, Ойсул мырза, Мамыш богатырь, Ян-кара, Ак-Дербыш, Кабак печатник, Бурунтай, Кудай-берды мырза, Кудай-бакты богатырь, Бакты богатырь, Дуулат-суфи богатырь, Баба аталык, Адна аталык, Смердияр князь, Коказ богатырь, Ит-Бакмас богатырь» [Сборник РИО, 1895, с.33]. Факт шертования в 1508 г. подтверждается в послании Баба-шейха (сейида Баубека) великому князю Василию: «...шерт пили Магмед-Гирей в головах и все царевичи, и *мы в головах* (курсив наш. – Д.И.), и сеит, и молна, и все уланы, и князи, и четыре карача, и все знамые люди шерт дали...» [Там же, с.39]. В 1513 г. (датировка ошибочна, скорее всего, 1515 г.) перед русским посланником в Крыму О.Андреевым «шертовал» хан Мухаммед-Гирей. В «шерти» содержатся такие строки: «...ни силе, ни наступленью, ни грабежу, и нечести от меня от брата твоего от царя, и от моей братьи, и от моих детей, и от моих царевичев, и от сейтев и от уланов и от князей и от всех наших людей...» [Малиновский, л.406]. Процесс подготовки этого документа хорошо раскрывает состав будущих участников «шертования». 10–24 июня 1516 г. из Москвы в Крым был прислан проект документа, составленный на имя «Великие Орды Магмед-Гирея». В тексте говорилось: «...к нам (в Москву. – Д.И.) писал... грамоту еси шертную велел написати, да на той грамоте сам в головах почен и с своею братьею, и с своими детьми, и сеиты, и с

уланы, и со князми хотел еси нам (великому князю московскому. – Д.И.)... правду учинити» [Сборник РИО, 1895, с.317]. Надо полагать, что об этой же «шерти» речь идет и в «Памяти» (дата – 1 ноября 1515 г. – 26 января 1516 г.), данной русскому посланнику И.Мамонову в Москве. Там речь идет о том, что И.Мамонову поручалось говорить хану Мухаммед-Гирею следующее: «...и на той бы еси шертной грамоте перед нашим боярином... перед Иваном нам правду учинил с своею братьею и со своими детьми, и со всеми сеиты, и с уланы, и со князми...» [Там же, с.194]. Посланнику же указывалось, что вообще «на конце у тех грамот («шертных». – Д.И.) написано, что царь сам в головах с своею братьею и с своими детьми и Шырын и Барын и Аргын и Кыпчак имяны, а сеиты и уланы и князи все» [Там же, с.211]. В связи с тем, что проект этой «шерти» Москве чем-то не понравился и он не был подписан, из Москвы в Крым была отправлена «посылка» для хана Мухаммед-Гирея (31 августа – 16 сентября 1518 г.), в которой опять поднимается вопрос о грамоте: «...грамоту свою шертную велел написати... и нишаны бы еси свои и алые тамги к той грамоте велел прикласти и правду бы... на той... грамоте учинил почен сам собою в головах и с своим братом с Ахметом царевичем и с своими детми с Багатырем царевичем, и с Алпом царевичем, и с иною своею братьею, и с своими детми, и с сеиты, и с уланы и со князми» [Там же, с.532]. В окончательной форме эта грамота, при составлении которой были затрачены столь большие усилия, гласила: «...А дарагам и пошлинам даражским, и иным пошлинам не быти; ни силе, ни наступлению, ни грабежу и нечести от меня от брата твоего от царя, и от моей братии, и от моих детей, и от иных царевичев, и от Сеитевъ, и от уланов, и от князей, и от всех наших людей» [Собрание, 1894, с.81]. Как видим, во всех случаях сейиды фигурируют в договорных документах.

Подписание таких договоров в некоторых случаях приурочивалось к мусульманским праздникам: 9 декабря 1519 г. султаны, уланы, князья должны были собраться для «шерти» по случаю, когда «праздник Курман будет» [Сыроечковский, 1940, с.40].

Из этих документов ясно прослеживается неизменное участие сеййидов в делах, связанных с подписанием «шертных» грамот. Об этом можно судить и на основе «шертной» грамоты, с которой из Крыма в 1524 г. вернулся русский посланник О.Андреев. Список лиц, которые участвовали в процедуре «шертования», уже был процитирован мною – он начинался с сеййидов [Малиновский, л.241]. И позже общая формула, применяемая в документах во время этой процедуры, оставалась неизменной. Сеййиды обязательно указываются в числе участников присяги, причем «в головах». Приведу некоторые примеры на этот счет. После того, как хан Саадет-Гирей в 1524 г. был свергнут с престола Ислам-Гиреем и через год заново восстановлен на троне, он перед русским послом И. Колычевым был вынужден в 1525 г. дать новую «шерть». В грамоте, написанной по этому случаю, применена стандартная формула: «... силе и наступанью, и грабежу и нечести от меня от брата твоего от царя, и от моего калги салтана, и от моей братьи, и от детей, и от иных салтанов, и от сейтя в головах, и от уланов, и от князей, и от всех наших людей» [Там же, л.417]. Когда на короткое время произошло восстановление на престоле хана Ислам-Гирея (1531 или 1532 г.) [Щербатов, 1786, с.521], появилась очередная «шерть» хана и крымской знати Москве, гласившая: «Роту учинили: Куртка сейт, Муса сейт, Баши улан, Муртоза улан, Азикалиль улан, Кельдиш улан, Янчура улан, большой карачь наш Багырган князь, Барын Ян-Али князь, Аргын Махмуд князь, Барын Ян-Осман князь, Магмед улан, Ахмадулла князь, Абдыл-Ислам князь, Янбулат князь, Алтычь князь, Алдыяр князь, бакшей наш Дана афыз, Темеш князь, Нехош князь, Холон паш (а) афыз, Яиныш дуван, в головах и все уланы и князи... шерть дали...» [Там же, с.501–502]. 22 ноября 1531 г. аналогичную «шерть» дал Москве хан Саадет-Гирей. В грамоте, подготовленной по этому случаю, указывается: «А твой посол брата моего ко мне придет, и он прямо идет ко мне, а дарагам и пошлинам даражским и иным пошлинам ни которые ни как не быти, ни силе, ни наступанью, ни грабежу, и нечести от меня от брата от твоего от царя, и от моего калги от царевича и от моей братьи, и от моих

детей, и от моих салтанов, и от сейтя в головах, и от уланов, и от князей и от всех наших людей». Далее в документе еще раз повторялось: «... Яз, Саадет-Гирей царь собою почен и мой калга салтан Девлет-Гирей салтан, и иные салтаны-братья мои и дети мои, и наши сейти, и уланы, и князи, крепко есми шерть учинили» [Малиновский, л.259, 419].

Далеко не случайно, что крымские ханы Менгли-Гирей и наследовавший ему Мухаммед-Гирей старались вернуть под свое подчинение большеордынского сеййида (скорее всего, верховного) Хаджи-Ахмеда – тот явно был одним из важных элементов уничтоженной Крымским ханством государственности Большой Орды. Верховный сеййид в Крымском ханстве опирался на все духовное сословие, которое было достаточно многокомпонентным и интегрированным в государственный аппарат. В составе духовенства, возглавляемого одним из сеййидов, кроме других сеййидов имелись: шейхи во главе с «начальным шейхом», шейхзаде (шихзоде, шейх-зода), казии (кади), муллы, хафизы (афызы), хаджи (азеи), суфии [Малиновский, л.185, 397, 419; Сборник РИО, 1895, с.33, 39, 79, 161–162, 172, 280, 300, 412–415, 500, 511, 654, 655; Щербатов, 1786, с.501–502; ПСРЛ, 13, 1965, с.10; Григорьев, Ярцов, 1844, с.337–346; Березин, 1851]. О термине «кади» (кады), трудно сказать, употреблялся ли он в единственном или множественном числе. В ярлыках ханов Хаджи-Гирея и Менгли-Гирея упоминаются еще муфтии, мударисы и мухтасибы (1453, 1459, 1467 и 1468) [Березин, 1872, с.1, 11; Kurat, 1940, s.69]. Муфтии фигурируют и в ярлыках ханов Мухаммед-Гирея (около 1517 г.) и Саадет-Гирея (1522–1523) [Березин, 1872, с.17; Григорьев, Ярцов, 1844, с.341; Березин, 1851, с.21]. В последнем документе отмечаются и мударисы с мухтасибами [Григорьев, Ярцов, 1844, с.341; Березин, 1851, с.21]. Надо иметь в виду, что ярлык Саадет-Гирея возможно является более поздней копией. Но данный ярлык напоминает тарханский ярлык Хаджи-Гирея 1453 г. Из характерных для других ханств групп в Крыму пока не обнаружены лишь данные о дервишах. Хочу специально подчеркнуть, что перечень мусульманского духовенства, приводимый в работе И.Ф.Александрова, скорее всего, от-

ражает ситуацию XVIII в., а не более раннего периода.

Некоторые из ответвлений мусульманского духовенства существовали в ханстве со времени его образования. Это касается не только кадыев, мударисов и мухтасибов, но и, например, шейхов и суфиев. Как я уже показывал, шейхи (в форме «машаих»), наряду с суфиями, упоминаются в ханских ярлыках 1453, 1459, 1467, 1468 гг. Да и другие группы духовенства (муфтии, мударисы, казии, мухтасибы, мауляна, хафизы) в Крыму к XV в. уже явно существовали. В частности, мауляна (мулла) Байрамшах и хафиз Ахмад писали ярлык хана Менгли-Гирея в 1467 г. [Усманов, 1979, с.32–33].

Ряд религиозных деятелей занимал в ханстве государственные посты. Так, сын шейха Абдыл-Гаира Абдел-Авел-шейхзаде (затем шейх) вначале был «тетем» (1508–1509), а затем стал «большим царским послом» у хана Саадет-Гирея (1531) [ПСРЛ, 13, 1965, с.10; Малиновский, л.397, 419]. Дана-хафиз был бакшеем (1530-е гг.) [Щербатов, 1786, с.501–502]. Имер-хафиз являлся «мамичем» султана Ахмад-Гирея (1518 г.) [Сборник РИО, 1895, с.511].

О.Акчокраклы приводит сведения о двух шейхах, прибывших в Крым «из Бухары» и захороненных рядом с «часовней» мусульманского святого Гази-Мансура [Акчокраклы, 1928, с.170–172]. Что касается последнего, то не исключено, что имеется в виду сын Идегея Мансур, чьи потомки играли важную роль в Крымском ханстве [Сыроечковский, 1940, с.32–34]. Другие данные говорят о том, что в Крыму существовала «династия» шейхов, основанная «выходцами из Кыпчакской степи». Ее основатель жил в середине XVI в. [Смирнов, 1913, с.153]. Так как выше речь шла о шейхах и сеййидах, «вышедших» из «Бухары», не исключено, что под ними надо понимать представителей тариката Ясавийа. Относительно первоначального господства тариката Ясавийа в Крымском ханстве интересные данные имеются у османского историка Абд ал-Гаффара Кырими. В своем труде «Умдет ал-ахбар» (XVIII в.), обсуждая роль потомков Едигея в Крымском ханстве, он в качестве предка мангытского бия в шестом колене имя Баба-Туклеса. Далее, когда он излагает события,

связанные с принятием ханом Узбеком ислама, в числе четырех «святых», приведших хана «на трон ислама», он называет «шейха Мадж ад-Дина», «величайшего из них», являвшегося дедом/предком «знаменитого ученого, святого Сейида Яхьи», бывшего «из (потомков) святого Али», а также Баба-Туклеса-«шейха Наджиб ад-Дина», «шейха Ахмада, потомка Мухаммед-и Ханафия-и Алавия» и «шейха Хасана Курлани (Гуркани)» [De Weese, 1994, p.358–359]. Проанализировавший этот перечень Девин Де Виз отметил, что появление среди «святых» (*газизлар*) имени Сеййида Яхьи Ширвани (ум. в 1463 или 1465 г.), являвшегося важным звеном – основателем суфийского тариката Халвагия, действовавшем в XVII в. Османской Турции, сигнализирует о появлении этого тариката и в Крымском ханстве [Ibid., p.361–362]. Так как в этом сочинении еще явственно видны следы тариката Ясавийа (Баба-Туклес, шейх, сеййид Ахмед, т.е. Саййид-Ата), это свидетельствует о происходившей на рубеже XVI–XVII вв. смене в Крымском ханстве ведущего тариката. Не выясненным остается лишь вопрос, затронул ли этот процесс тех ногайцев, которые к XVII в. оказались в составе ханства.

Еще одним мусульманским институтом, функционировавшим в Крымском ханстве были кадылыки – судебные округа во главе с кадиями (казиями), которые, в свою очередь, подчинялись кадиаскеру, назначаемому османским султаном [Fisher, 1978, p.21]. Происхождение этого института не вполне ясно, но в свое время В.Е.Сыроечковский высказывал мнение, что главный сеййид Крымского ханства являлся и «кадыем большим» [Сыроечковский, 1940, с.38], что в принципе возможно, но для более позднего времени, в частности для XVIII в., кадиаскер и муфтий (последний есть трансформированный верховный сеййид ханства) – являлись разными должностями [Fisher, 1978, p.77, 96–97]. Возможно, их расхождение произошло в Крымском ханстве после 1475 г., после установления там османского протектората. Не исключено, тем не менее, что кадиаскеры в ханстве назначались также из представителей рода сеййидов, иначе вряд ли было бы возможно, чтобы после смерти в 1791 г. крымского муфтия на его место был

назначен священнослужителем, бывшей ранее кадиаскером [Ibid., p.96]. Относительно этого института сохранились лишь данные за 1783 г. о делении Крымского ханства на кадылыки, объединявшиеся в более крупные округа – каймаканства (видимо, турецкое влияние). По ним видно, что в Бахчисарайское каймаканство входило 6 кадылыков, в Акмечетское – 9, в Карасубазарское – 9, в Гезлевское – 5, в Кафинское – 7, в Перекопское – 5 [Бушаков, 2000, с.33–64; Лашков, 1886; Камеральное, 1889, с.25–45]. По ним видно, что каждый кадылык включал определенное, но не одинаковое число сельских поселений. Так как в каймаканствах отмечаются центральные кадылыки, чьи названия повторяют наименования каймаканств (например, в Бахчисарайском каймаканстве имелся Бахчисарайский кадылык, в Карасубазарском – Карасубазарский и т.д.), есть основания полагать, что первоначально центрами кадылыков были городские поселения (Бахчисарай, Акмечеть, Карасубазар, Гезлёв, Перекоп /Ор, Кафа). Не исключено, что в основе этих делений лежат старые деления на бейлики (княжества), ибо если исключить из перечня городов г. Кафу, принадлежавшего Оттоманам, как раз остаются 5 городских центров (4 старых бейликов + более поздний Мангытский юрт). Не случайно А.Фишер, обративший внимание на «теоретическую» подконтрольность кадыев кадиаскеру, отмечал, что «в реальности они исходили из требований и отвечали перед ханскими властями или клановыми вождями территорий». Поэтому, несмотря на то, что кандидатов на должность кадиев утверждал кадиаскер, их назначение исходило от хана или клановых вождей [Fisher, 1978, p.21]. Но в целом этот институт служил усилению влияния оттоманских султанов в Крымском ханстве. Любопытно, что трансформированная должность кадиаскера в крымскотатарском обществе дожила вплоть до конца XIX в. [Ibid., p.98].

Тюменское и Сибирское ханства. У историков существует мнение, что в пределах Шибанидского государства (так называемое «Государство кочевых узбеков»), существовавшего между 1428/29–1468/69 гг., сохранялись полусамостоятельные владения во главе с отдельными ветвями «дома

Шибанидов», одной из которых являлись потомки сибирского хана Хаджи-Мухаммеда, чье владение после 1446 г. имело политическим центром г. Чимги-Туру (Тюмень), до того бывший столицей всего Шибанидского государства. Распавшийся после смерти хана Абул-Хайра в 1468/69 г. Шибанидское государство затем было восстановлено как конгломерат шибанидских владений, действовавший во главе с верховным правителем, избираемым из числа «узбекских султанов» из рода Шибана. Столичные центры этого огромного «рассредоточенного» владения могли находиться в разных местах (в городах Балх, Бухара, Самарканд) в зависимости от того, кто из Шибанидов избирался очередным верховным правителем «узбеков». Постепенно центр власти в этом владении сдвинулся в г. Бухару – столицу Бухарского вилайета, особенно при ханах Искандере (1561–1583) и его сыне Абдулле (1570–1598).

Надо иметь в виду, что «узбеки», управляемые Шибанидами, даже в начале XVI в. вели еще кочевой образ жизни, уходя иногда в степи Дешт-и Кипчака, занимая в том числе территорию Приуральско-Западно-сибирского региона, откуда они кажется окончательно ушли лишь в 1505–1506 гг., возможно даже в 1511 г. [Кляшторный, Султанов, 2000, с.210–211]. Об этой особенности политической жизни Шибанидов приходится напоминать потому, что сибирская их ветвь была также «вписана» в отмеченные выше исторические реалии. Именно поэтому вопрос о мусульманских институтах в сибирских владениях Шибанидов должен рассматриваться в общем историко-культурном контексте функционирования аналогичных институтов в Шибанидском государстве хана Абул-Хайра и возникших после его распада среднеазиатских владениях Шибанидов, в первую очередь, в Бухарском и Хорезмском «вилайетах».

Шибанидское государство с самого начала формирования было мусульманским ханством, а верховный правитель кочевых «узбеков» Абул-Хайр хан был настоящим мусульманином: про него в «Шараф-намайи шахи» («Книга шахской славы») Хафиз-и Таныша (время написания – 1570/71–1588/89 гг.) сообщается, что он был предан

«истинной вере», т.е. исламу, и по «исключительной набожности относился «с глубокой искренностью... к улемам, муфтиям, отшельникам и благочестивым» [Хафиз-и Таныш, 1983, с.77]. Подтверждений существования института сеййидов в этих владениях в XVI–XVII вв. можно в большом числе обнаружить в историческом сочинении «Шараф-наме-йи шахи» и других источниках [Исхаков, 2011].

Сеййиды были «вписаны» в общую структуру религиозных деятелей владений Шибанидов. Правда, многие особенности иерархии мусульманских священнослужителей во владениях Шибанидов в Средней Азии из-за их неизученности, нам остаются неизвестными. Ясно только одно – сеййиды там имели высокое положение, в том числе и будучи «накибами». И в большинстве случаев они, как было показано, происходили из рода Саййида-Ата. Основные группы религиозных деятелей во владениях хана Абдуллы видны на следующем примере: когда хан Абдулла решил сделать обрезание своему сыну, на пиршество по этому случаю были приглашены: из числа ходжей – сын «ходжи мира», т.е. Мухаммада Ислама, Калан-ходжа махдум-заде, который затем стал «перстом цепи Ходжаган», от шейхов – «благородный шейх ул-ислам Хан-ходжа» [Хафиз-и Таныш, 1989, с.186]. Последний, скорее всего, был из сеййидов [Исхаков, 2011, с.155].

Аналогичное положение, видимо, наблюдалось и в Хивинском ханстве в XVII в. Например, согласно «Фирдаус-уль-икбал» Муниса (XIX в.), при правлении бухарского хана Абдул-Азиза (1645–1680) Арабшахид Абул-Гази-хан (1643–1663), завоевав Хиву, туда назначил на разные должности 360 «узбеков», из которых 36 – на должности около себя, в том числе: 2 шейх ул-ислама, 2 казыев, 1 реиса (верховного сеййида?) «из потомков святого Сеййид-ата», 1 накиба, 1 мутавелли [Материалы, 1938, с.327]. В данном случае хорошо видно, что в Хивинском ханстве «шейхи ул-ислама», «казыи» и «реис» с «накибом» – это разные должности. Хотя в этом ханстве «узбеки» при устройстве религиозных институтов, возможно, копировали Бухарское ханство, полной уверенности в этом нет. Тем не менее

в «Родословном древе тюрок» (*Шэжэргэи төрек*) Абул-Гази-хана (написано в 1664–1665 г.) помещен рассказ о «Назыйр ходже из рода Сеййида Ата», пребывавшем в районе «астаны Бакырган». Он являлся сеййидом, и его дочь была замужем за тогдашним правителем «Хивы» Ильбарс-султаном [Эбелгазый, 2007, 203–204 б.].

Но и в Бухарском ханстве, в отличие от Государства кочевых узбеков периода правления хана Абдул-Хайра, казии и «великие сеййиды» были уже явно разными должностями. Скорее всего, накибы там тоже выполняли самостоятельную роль, но являлись по происхождению сеййидами. Обычно термином «шейх ул-ислам» в Бухарском ханстве называли, похоже, руководителя тариката. Но иногда это мог быть и сеййид по происхождению (например, как в случае с Хан-ходжей). В частности, в «Убайдуллонаме» Мир Мухаммед Амин-и Бухари (первая половина XVIII в.), рассказывая о начале правления бухарского хана Убайдуллы, сообщает, что хан «великие дела, связанные с функцией накиба», предоставил Джа'фар ходже, который «среди ходжей Сеййид-атаи был выдающимся человеком» (он находился на этой должности и ранее) [Мир Мухаммед Амин-и Бухари, 1957, с.43]. Но «важное и священное достоинства дело главенствования в исламской религии» (т.е. должность шейх ул-ислама. – *Д.И.*) была поручена Мухаммед-ходже Джуйбари, а должность «судьи [столицы]» (верховного судьи – казия. – *Д.И.*) была пожалована эмиру Шихабуддину, бывшему «убежищем сеййидского происхождения» (его отец также занимал эту должность, источник называет его «имамом» соборной мечети столицы и «князем потомков Пророка») [Там же, с.44, 293]. Отмечается еще ряд должностей (судьи военной ставки; а'лима – старшего муфтия; военного муфтия; мударисов; раиса или «*мухим-и раясат ва ихтисаб*» – нечто вроде блюстителя нравов), свидетельствующих о сильной специализации к началу XVIII в. в Бухарском ханстве мусульманских священнослужителей. Но должность накиба, связанная с «домом» Саййида-Ата, сохранялась в ханстве и в начале XVIII в. Потомки Саййида-Ата в Бухарском ханстве занимали и другие должности (например, в XVIII в. известен

Ядгар-ходжа, «принадлежавший к сейидам, потомкам Саййид-Ата, но являвшийся «префектом дворца» [Там же, с.179]).

Таким образом, в среднеазиатских владениях Шибанидов был распространен суфийский ислам, в котором видную роль играли потомки Сеййида-Атаи. Это указывает на бывшее значение тут тариката Ясавийа, который, однако, в XVI в. уже начал замещаться тарикатом Накшбандийа, точнее, его предшественником Ходжаган. Существовавшее суфийское объединение Джахрийа, видимо, продолжавшее традиции тариката Ясавийа, в этот период постепенно «растворялось» в группе Ходжаган. Несомненно и присутствие в ряде районов господства Шибанидов тариката Кубравийа – именно с ним, скорее всего, и надо связывать очевидные алидские особенности среднеазиатского ислама, что исследователями было замечено довольно давно [Бартольд, 1963б, с.302–304; Сухарева, 1960, с.25–27; Гордлевский, 1960, с.270; Снесарев, 1969, с.52–66].

Хотя ислам в Шибанидском государстве и его наследниках был государственной религией и, как мы видели, обладал там необходимыми мусульманскими институтами, на некоторых его окраинных территориях, в частности, в Приуралье и в Западной Сибири, религиозная ситуация оставалась более сложной, о чем свидетельствуют отдельные исторические предания, сохранившиеся среди сибирских татар и башкир.

Одно из них, изложенное в двух рукописях на татарском языке, было обнаружено и опубликовано Н.Ф.Катановым [Катанов, 1904, с.3–28]. Затем А.К.Бустанов, переиздал этот текст на основе его оригинала [Бустанов, 2009, с.214–219]. Несмотря на то, что в этом предании имеются хронологические неувязки, основные события относятся, скорее всего, ко времени «хана Шейбана», под которым надо иметь в виду Мухаммеда Шейбани-хана – правителя кочевых «узбеков». В рукописях он предстает как хан «Средней Орды», чье название может отражать наименование названной выше у Утемиша-хаджи «Серой Орды». Основная канва событий в этом предании следующая.

В бассейне р. Иртыш имели «кочевья» три «народа»: «хотан» (у хантов – этноним сибирских татар, видимо, от «кидань»),

«ногай» и народ «кара-кыпчак» (на самом деле «народов» было пять – имелись еще «народ ичтяк» и «бунтовщики Тархан-хана», но они, бежав, первые – в лес, а вторые – в «Хытый», избежали исламизации и не стали «татарами»). Один из «ишанов» – основатель Накшбандийского ордена Багаутдин-ходжа (Баха-ул-хак уа-д-дин-шах Накшбанди. Жил в 1318–1389 гг. Полное имя: ходжа Мухаммад ибн Мухаммад ал-Бухари) – поручает 366 «конным» шейхам пойти к указанному выше «татарам», которые «не имели истинной веры и истинных понятий», т.к. они «поклонялись куклам», с предложением «пригласить их к исповеданию ислама». Далее говорится, что «ишан» дал указание шейхам – если они не примут приглашения, «то учините с ними великую войну за веру». Когда отмеченные шейхи прибыли к «хану Шейбану в степи Средней Орды», тот поддержал их и «вооружил 1700 своих героев и в целях большой войны за веру отправившись с ними на лошадях, спустился к... Иртышу и учинил там великое сражение за веру». К этому времени «некоторые представители из народов хотан, ногай и кара-кыпчак исповедали веру ислама». Под напором воителей, остальные «испугавшись тоже обратились к вере ислама». Во время битвы большинство шейхов и воинов «хана Шейбана» пали, сам хан ушел обратно к «народу Средней Орды», небольшое число шейхов осталось и «они стали обучать основам веры тех из народов ногай, хотан и кара-кыпчак, которые исповедовали ислам». Далее говорится об уходе большинства оставшихся в живых шейхов в «Священную Бухару» и приводится еще ряд данных относительно мусульманских святых в Западной Сибири. Этот сюжет имеет интересную параллель с рассказом о походе Мухаммеда Шайбани-хана против казахов зимой 1508–1509 гг. Накануне похода казахи, уже исповедавшие ислам, были обвинены в язычестве, одним из проявлений которого автор «Михман-наме-йи Бухара» Фазлаллах ибн Рузбихан называет сохранение «изображения идола, которому они (т.е. казахи. – Д.И.) земно кланяются» [Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани, 1976, с.105–106].

Несомненно, рассмотренный источник многослойный. Кроме прочего, об этом го-

ворит и тот факт, что в конце рассказа о шейхах среди тех, кто «остался... для обучения вере в числе первых шейхов», называется «почтенный Шерпяти», приходившийся младшим братом двум другим шейхам [Катанов, 1904, с.23]. Между тем уже установлено, что Шербети-шейх жил в Сибирском ханстве при хане Кучуме (первое упоминание шейха около 1572 г.) [Исхаков, 1997а, с.56 и след].

Однако есть еще один источник, который позволяет перепроверить материалы отмеченных выше исторических преданий сибирских татар. Речь идет о башкирских преданиях, связанных с племенем табын, записанных в XIX в. известным башкирским ученым М. Уметбаевым. Он сообщает, что бии этого племени – Асади и Шикарали, жившие в бассейне Иртыша и Ишима, бежали на запад от Урала тогда, когда боролись друг с другом два хана – «Ибак» и «Шибак» [Кузеев, 1974, с.282]. В первом из них узнается правитель Тюменского ханства хан Саййид-Ибрагим (умер в конце XV в.), а второй, скорее всего, это Мухаммед-хан Шейбани. Достоверность приведенного сообщения повышается тем, что имена Асади (*Асэт*)-бия и Шикарали-бия действительно упоминаются в родословных племени табын [Там же, с.271]. Кроме того, в родословной рода кара-табын также сообщается о переселении их предков со стороны Иртыша к р. Миассу, а затем к Чулману, т.е. Каме [Нэзерголов, 1985а, 77–87 б.; Нэзерголов, 1985б, 119–124 б.]. Это событие, как уже было установлено мною ранее, относится к последней четверти XV в. [Исхаков, 1998а, 89 б.] Самое интересное то, что Г.Чокрый, сам происходивший из рода кара-табын и записавший «историю» этой группы, обращаясь к ее прошлому, с удивлением замечает, что «религии (в данном случае ислама. – Д.И.) у них не заметно» (он пишет: «*Асыл бабам Тобол, Иртыш, / Кинаринда буллуб ирмеш. / Асылда эрми йэ чирмеш, / Беленмэй диннэре сарпай*»). Получается, что в опубликованных Н.Ф.Катановым преданиях есть доля истины – ко времени похода хана Мухаммада Шейбани против Тюменского ханства тюркская часть его населения была еще не полностью исламирована. Однако специально отмечу, что

к концу XV в. ислам в Тюменском ханстве частью населения уже исповедовался (см. выше формулу: «...*Некоторые из народов хотан, ногай и кара-кипчак исповедовали веру ислама*»). Об этом же может свидетельствовать еще одно историческое предание, сохранившееся среди сибирских татар. Это народно-краеведческое сочинение «Происхождение аула Сала», в котором про основателя деревни сказано, что его звали Сала, а его отцом был Сулейман-бай/баба (возможно, «бий»), который «пришел на эти земли из Бухары в составе людей Тайбуга-бия, сына Шах-Мурада. Вместе с Тайбугой прибыли на земли будущего Искра 500 человек, среди которых были муфтий и мударрис... Пришельцы основали город Искир» [Усманов, Шайхиев, 1979, с.91]. На самом деле это сочинение является частью другого, гораздо более обширного текста – «Родословия святых из страны Мавара’ннахр» (*Аш-шаджарат ал-авийа мин билад Мавара’ннахр*), недавно введенного в научный оборот А.К.Бустановым [Бустанов, 2009, с.197–207] и имеющего отношение к развернутому родословию хранителей могилы Бигач-Ата у д. Улуг Буран (Тюрметяки), о чем еще далее будет сказано. Так как г. Искер существовал уже до 1483 г., описываемое событие, возможно, относится к последней четверти XV в. Хотя, возможно, в тексте оригинала, из которого был заимствован кусок истории аула Сала, говорилось о том, что «Тайбуга-бий... первым основал в Искерском юрте ханство» [Бустанов, 2009, с.201]. Скорее всего, под «Тайбуга-бием» в данном случае имеется в виду не основатель рода «сибирских князей» Тайбугидов – Тайбуга из клана Буркут, живший в XIII в., а другой Тайбугид, живший гораздо позже (более детально о Тайбуге, бывшем темником у Шибана, см.: [Исхаков, 2009б, с.66–80]). В таком случае это предание также рассказывает о продолжающейся исламизации тюркского населения Искерского юрта до конца XV в. Наконец, как уже отмечалось, в послании тюменского хана Саййида-Ибрагима (Ибрагима/Ивака) московскому великому князю Ивану III (1489 г.), правитель Тюменского ханства определяет себя как мусульманина и заявляет: «Яз – бесерменский государь» [По-

сольские книги, 1995, с.19]. Естественно, Шибанид Саййид-Ибрагим, если иметь в виду общую ситуацию, связанную с господством ислама в основных – среднеазиатских владениях Шибанидов, не мог не принадлежать в эпоху своего правления к мусульманскому миру.

Следующий этап исламизации населения Искерского юрта/Сибирского ханства связан с периодом правления хана Кучума (с 1563 г.) и отражен в сибирско-татарских исторических преданиях. Именно в них и появились первые сведения о сейидах в этом северном владении Шибанидов, к рассмотрению которых мы сейчас и перейдем.

При изучении института сеййидов в Сибирском ханстве главным образом приходится опираться на исторические предания сибирских татар. Среди них два предания, содержащие важные сведения о духовенстве ханства в XVI в., в том числе и о сейидах, представляют особый интерес. В одном из них, озаглавленном В.В.Радловым «О том, что Ильяс мулла слышал от своего отца», говорится о «шейх уль-исламе Искерского юрта» (*Искер йортының шәех-ул-исламы*) [Образцы, 1872, с.212; Катанов, 1896, с.51]. В другом предании, названном «Родословное сейида» (*Сәетнең шәжәрәсе*), речь идет о восстановлении родословной записи живших в Сибири сеййидов, утерянной во время похода Ермака [Образцы, 1872, с.217; Катанов, 1896, с.56; Атласи, 1997, 75 б.]. Замечу, что А.К.Бустановым были введены в оборот еще 3 списка «Родословного сейида»/»Шаджара рисаласи» [Бустанов, 2009в]. Эти предания внутренне связаны: если в первом из них главным действующим лицом является «Ширбетъ шейх», то во втором рассказ ведется от его имени (он назван тут «Шербети шейхом»). Именно последнее предание относится ко времени после смерти Ермака (1584), когда многие участники описываемых событий были еще живы. В то же время рассказ муллы Ильяса был записан гораздо позже – в XIX в. [Образцы, 1872, с.217–220; Катанов, 1896, с.54–55; Атласи, 1997, 75–78б.]. Отсюда и некоторые разночтения между двумя источниками. Тем не менее, в основных чертах излагаемые в преданиях события совпадают.

Главная фабула рассказа муллы Ильяса следующая. Когда в Искерском юрте ханом был Ахмет-Гирей, умер шейх ул-ислам юрта. Хан обратился к «хану города Бухары» с просьбой прислать нового шейх ул-ислама. В ответ на эту просьбу бухарский хан написал письмо «хану Ургенча» с приказом отправить в Искерский юрт шейх ул-ислама. Тот снарядил в дорогу шейха Ширбети, который должен был в Искерском юрте стать шейх ул-исламом, придав ему еще муллу Якупа, сына своего «великого визиря» (*олы вәзир*) по имени мулла Муса, ахунов, мурз (мирз) и слуг – всего 500 человек. Вся группа вначале заехала в «священную Бухару», где их с большим почетом принял бухарский хан. Затем последний дал им еще людей и отряд, насчитывающий 1000 человек, выехал в Искерский юрт. По прибытии их встретил хан Ахмет-Гирей, «оказавший великие почести шейх ул-исламу, мулле Якупу и прочим муллам, давший каждому должность». Через год Ахмет-Гирей хан умер, ханом стал Кучум [Образцы, 1872, с.212–213; Катанов, 1896, с.51–52].

Во втором предании, известном как «Родословное сейида» (*Сәетнең шәжәрәсе*), сообщается, что утраченное во время Ермака родословие сеййидов было восстановлено со слов «Шербети шейха и стариков». Они рассказали о приходе «Хан сейида из Ургенча к Искерскому хану Кучуму для обучения Сибирского народа исламу». Ведущее место в рассказе Шербети шейха занимает происходивший от сеййидов Дин-Али ходжа. Отмечается, что «из его рода (были) имамы великих людей в Бухаре (и) Ургенче» [Образцы, 1872, с.217; Катанов, 1896, с.56, Атласи, 1997, 76 б.]. Как заявил Шербети-шейх, его и Дин-Али-ходжу в Сибирь послал бухарский хан Абдулла, придавший им старшего брата Кучум-хана султана Ахмет-Гирея [Образцы, 1872, с.217–218]. Н.Ф.Катановым это место переведено неправильно: он пишет, что Абдулла-хан прислал их к Ахмет-Гирею [Катанов, 1896, с.57]. Это событие, происходившее в 1572 г., целиком выглядело так.

Вначале в Бухару от хана Кучума прибыло посольство с просьбой прислать «еще одного шейха». Когда хан Абдулла принимал решение отправить ургенчскому «ха-

киму» письмо по этому вопросу, рядом с ним находился некий бухарский «хаким» по имени мулла Якуп, с которым хан советовался. Затем было подготовлено письмо ургенчскому «хакиму» Хан-сеййиду-ходже (Хан-сеййиду) с распоряжением отправить к Кучуму «сеитзоде Ярым сеййида и шейхзоде Шербети-шейха». С указанным письмом послы хана Кучума выехали в Ургенч и вручили его «хакиму» Хан-сеййиду. В письме говорилось: «...По указу муфтиев и (опираясь) на шариат..., передайте послу сибирского хана Кучума... Ярым сеййида и Шербети шейха..., с почетом и (обеспечив) дорожные расходы, придав им 10 добрых, средних лет попутчиков, отправьте их». Когда эта группа дошла до г. Искера, посол сообщил хану Кучуму о прибытии духовенства. Тот со своими нукерами переправился через р. Иртыш, чтобы приветствовать прибывших. После этого все переправились на другой берег, в г. Искер.

Хан Кучум поставил Ярым-сеййида «творить правосудие и выносить решения» (*хәкәм кылгалы*). А Шербети-шейх, по его собственным словам, занялся тем, что «сделал известными подножия (могил) святых (на) Тоболе». Эта фраза имеется только в варианте, использованном Х.Атласи. На татарском языке она выглядит так: «Без, Шәрбәти шәех, Тубылда яр газизләр яткан бусагаларны бәян иттек» [Атласи, 1997, 77 б.]. Этот факт находит подтверждения и у Г.Ф.Миллера, который пишет: «...один старый шейх... пришел во времена Кучума из Бухары в Сибирь..., чтобы ежегодно в их (святых. – Д.И.) память устраивали поминовения. Он ходил по всем мазаретам или кладбищам и в разных местах показал 7 таких святых, называя их по именам» [Миллер, 1999, с.13]. Через два года Ярым-сеййид умер и Шербети-шейх уехал в Ургенч. Однако от хана Кучума прибыл новый посол, через которого хан передал, что для «обучения шариату и отправления правосудия нет человека, пришлите опять одного сеййидзоде и шейха». История повторилась: Абдулла-хан рассмотрел дело и отдал распоряжение, а «хаким» Ургенча подготовил к отправке Дин-Али-ходжу, приходящегося племянником покойному Ярым-сеййиду (он был сыном его младшего брата) и уже знако-

мого нам Шербети-шейха. Эти двое выехали вначале в Бухару и попросили у хана Абдуллы послать вместе с ними дядю хана Кучума Ахмет-Кирея (Гирея), обосновав свою просьбу тем, что «дорога была опасна». Хан выполнил их просьбу и дал им еще 100 человек сопровождающих. Когда они приехали в Искер, хан Кучум уступил свой престол султану Ахмет-Гирею и тот правил четыре года, затем был убит «своим тестем – ханом чол-казахов Шыгаем». Кучум опять стал ханом и отдал свою дочь Лейлу (*Ләгыл*)-ханшу замуж за Дин-Али-ходжу. Некоторое время все они жили в г. Искере, затем «юрт пошел прахом» (*бозылды*), Кучум умер [Образцы, 1872, с.217–220; Катанов, 1896, с.55–61; Атласи, 1997, 75–78 б.]. От брака Дин-Али-ходжи с Лейла-ханшой родились сыновья Султан-Мухаммад, Сеййид-Мухаммад и Аксеййид, жившие в г. Таре, а от Сеййид-Мухаммада родился Миргали-сеййид (эти данные имеются только у Х. Атласи) [Атласи, 1997, 78 б.].

В целом, начальная часть родословной сибирских сеййидов выглядела так: Тобыщак (*Төпечак*)-сеййид – его сын Алау-дин (*Галгәветдин*)-сеййид – его сыновья Ярым-сеййид (старший) и Мырали (*Миргали*)-ходжа – сын последнего Дин-Али (*Дин-Гали*)-ходжа [Образцы, 1872, с.217; Катанов, 1896, с.55; Атласи, 1997, 75 б.]. У Х.Атласи к этой родословной есть такое дополнение – Тобыщак-сеййид был «сыном» «Сеййида-Ата» (*Сәет атаның улы Төпечак сәет*) [Атласи, 1997, 75 б.]. На самом деле имя Сайида-Ата содержалось в одном из списков «Родословного сеййидов»/«Шаджара рисаласи» (*Хаджаларных шәжәрәсе*), что видно из новой публикации А.К.Бустанова [Бустанов, 2009в, с.35, 45].

При анализе изложенных материалов важно установить хронологию событий, упоминаемых в преданиях, и по возможности, «вписать» их в исторический контекст. Одна дата содержится в рассказе о первом приходе сеййида Дин-Али-ходжи и шейха Шербети в Сибирское ханство – это произошло во время правления хана Кучума в 1572 г. Начало правления хана Кучума в Искерском юрте, как известно, датируется 1563 г. (см., например: [Скрынников, 1982, с.109; Валеев, 1993, с.19]), а к 1565 г. относится со-

общение, сохранившееся в ногайских делах, о женитьбе «царевича Алия», сына «Сибирского Кючюма царя», на дочери «ногайского князя Тин-Ахмета», подтверждающее, что хан Кучум к этому времени действительно правил в Сибирском ханстве [ПДРВ, 1801, с.195]. Практически одновременно с ханом Кучумом в Сибири оказался и средний сын хана Муртазы Ахмет-Гирей-султан: посольство от него, как от «царевича», прибыло из Сибири в Москву около 1563 г. [ПДРВ, 1795, с.322]. Согласно Г.Ф.Миллеру, Ахмет-Гирей был послан своим отцом ханом Муртазой с «войском» на помощь Кучуму и вместе с ним «прибыл и ахун, несколько мулл и абызов, чтобы провести дело обращения... с большей настойчивостью и успехом» [Миллер, 1999, с.199]. Несмотря на то, что Ахмет-Гирей в имеющихся документах фигурирует лишь как «царевич», т.е. султан, я не исключаю, что некоторое время он мог быть ханом Искерского юрта: если основываться на преданиях, его правление могло иметь место в 1574–1578 гг. Поэтому хронологическая канва событий, о которых идет речь в преданиях, представляется вполне достоверной.

Историчны и сведения о тесных связях Сибирского ханства с бухарским ханом Абдуллой. Р.Г.Скрынников даже высказывал мнение о том, что хан Кучум был вассалом правителя государства Шибанидов хана Абдуллы [Скрынников, 1982, с.109] (о некоторых нюансах политической ситуации этого времени см.: [Атласи, 1997, 78–79 б.; Зияев, 1983, с.19–20]). Последний уже в годы правления своего отца Искандера (1561–1583), оставаясь султаном, являлся реальным правителем Бухарского вилайета владений Шибанидов (с центром в Бухаре) [Абдураимов, 1966, с.57–59; История Узбекской ССР, 1967, с.51–519; История Бухары, 1976, с.111]. Иногда удивление вызывает возможность распоряжения ханом Абдуллой делами «Ургенча», т.е. Хорезмского вилайета, где правила самостоятельная ветвь Шибанидов, действительно, довольно часто имевших других сюзеренов – из Тимуридов, Сефевидов. Но так было далеко не всегда. В частности, еще хан Абул-Хайр дважды (в 1433, 1435 гг.) завоевал Ургенч [Ахмедов, 1965, с.124], затем Хорезмский вилайет неоднократно был в

XV в. объектом нападений Шибанидов, а с 1505 г. окончательно был ими захвачен и если не считать недолгого (в 1510–1512 гг.) правления здесь Сефевидов, это владение осталось под властью «узбеков» Шибанидов [Ахмедов, 1965, с.147]. Как известно, султан Абдулла еще в 1557 г. взял г. Бухару и в дальнейшем Бухарский вилайет был его личным уделом. Хотя он в 1561 г. посадил в Бухаре на ханский престол своего отца Искандера, реальным правителем «узбекских султанов» оставался сам [Хафиз-и Таныш, 1983, с.244.; Хафиз-и Таныш, 1989, с.213–214, 230, 241]. В литературе даже высказывалось мнение о том, что еще при жизни своего отца Абдулла в 1570 г. стал верховным правителем кочевых «узбеков» [Хафиз-и Таныш, 1989, с.7]. Даже если это и не так, в период прибытия в Сибирское ханство «из Ургенча» и «Бухары» группы религиозных деятелей по распоряжению хана Абдуллы, Хорезмский вилайет однозначно подчинялся правителю Бухары: по данным Хафиз-и Таныш Бухари, в ходе похода хана Абдуллы против Балхского вилайета в 980 г.х./1573 г. к нему на помощь пришли воины «из Хорезма». Эти прибывшие были «из султанов Хорезма султан Суюнч-Мухаммад, сын Хаджи-хана, правителя Хорезма и подвластных ему земель» [Там же, с.8, 147]. Следовательно, между историческими материалами и содержанием преданий особых противоречий нет. Об этом говорят и акты источники. Так, упоминаемый в конце XVI в. в русских источниках «тарский юртовский татарин сеййид Тенелей Берелеев» [Бахрушин, 1955, с.165] есть не кто иной, как сеййид Дин-Али, сын ходжи Миралия/Миргалия («Берелеев» – испорченное от «Мирали»). Информация о нем появляется и в переводе послания хана Абдуллы Кучум-хану, датированного В.В.Трепавловым серединой 1590-х гг. Там сказано: «...послали есмя Али (т.е. Дин-Али. – Д.И.) ходзю, он тебе (хану Кучуму. – Д.И.) зять, а мой богомolec и ты б ему веря подлинное свое раденье прислал...» [Зияев, 1983, с.22]. Еще один архивный документ датируемый 1596 г., приводимый Х.З.Зияевым, как я думаю, говорит также о сеййиде Дин-Али-ходже и шейхе Шербети при нем – речь идет о послании от имени «сибирцев», т.е. сибирских татар, в Москву

по поводу разрешения им продолжать торговые связи с «Бухарой» и «Ногаи». В конце этого документа содержалась просьба об освобождении московской стороной «шейха, муллы и... Бабузая» и «отправлении их в Бухару» [Там же, с.23]. Можно думать, что упоминаемый тут анонимный шейх – это Ширбети, а «Баба-ходжа», т.е. «старый, уважаемый ходжа», возможно, Дин-Али-сейид.

Отмеченные у С.В.Бахрушина на основе документов за 1672 г. «бухарские сеиты на Таре» Мирали Сеитов и Аксеит Сеитов [Бахрушин, 1959, с.208] являлись: первый – внуком Дин-Али-ходжи (отцом Мирали был Сейид Мухаммед), второй – дядей Мирали (см. выше родословную сейидов).

Да и содержание рассказа муллы Ильяса, относящегося к XIX в., позволяет установить связь между событиями XVI в. и реальными личностями, жившими в XIX в. В частности, мулла Ильяс в XIX в. в числе своих предков называл муллу Мусу и его сына муллу Якупа (XVI в.), представив В.В.Радлову свою непрерывную генеалогию, восходящую к ним [Образцы, 1872, с.215; Катанов, 1896, с.54–55]. А обнаруженный А.К.Бустановым в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН «Сеитовский список», где кроме «Шаджара рисаласи» имелась развернутая родословная сибирских татар Имьяминовых из д. Сеитово (*Ходжа аул*) Тарского района Омской области, доведенная до XIX в. и начинающаяся с Дин-Али-ходжи [Бустанов, Корусенко, 2010, с.104], подтверждает приход «богомольца» Абдуллы-хана Шибанида сейида Дин-Али в Сибирский юрт при хане Кучуме. Как и родословная тарских бухарцев Айтикиных, доходящая до Хайдара (Айтуки) Ярымова (1752–1808), но восходящая к Дин-Али-ходже и указывающая его предков-сейидов (Галялетдин → Тупучак → Сейид-Ата) [Валеев, 1993, с.102–103]. Такие же сведения имеются и по одному шейху, прибывшему при хане Кучуме в составе людей Дин-Али-ходжи в Сибирское ханство. Речь идет о 17-поколенной генеалогии из д. Турметяки (*Улуг-Буран, Турматак*) Омской области, переписанной имамом, представителем рода шейхов, Абд-ал-Гани сыном Му'мина (род. в 1857 г.), как сказано

в тексте, также «из шейхов». Данное родословное начинается с Абдал-шейха, про которого в рассказе (*ривайат*), помещенном в тексте источника, есть такие строки: «...прибыв из города (или «вилайета») Туркестан, Абдал-шейх стал зрителем (*муджавир*) в юрте Туртамак» [Бустанов, 2009, с.207–209]. Именно эта личность упоминается в «Шаджара рисаласи», как было отмечено А.К.Бустановым, в составе религиозных деятелей, направленных ханом Абдуллой по просьбе хана Кучума в Сибирское ханство. Источник гласит: «...Затем Ширбети шейх, и вместе [с ним] прибывший Баба Абдал, и старые люди [рассказали], как этот Дин-Али-ходжа прибыл из Ургенча и как Абдулла-хан [их] отправил...» [Бустанов, 2009в, с.43].

В связи с некоторыми личностями, участвовавшими в отправке по распоряжению хана Абдуллы религиозных деятелей в Искерский юрт, возникает вопрос об их реальном проживании в среднеазиатских «вилайетах», подчиненных Шибанидам. В частности, обращает на себя внимание имя «хакима» Ургенча ходжи Хан-сейида. Во-первых, как видно из «Родословного сейида», он был родственником как Ярым-сейиду, так и «хакиму» Бухары ходже Якупу [Там же, с.44], что говорит о том, что в лице всех этих трех лиц мы имеем дело с линией среднеазиатских сейидов. Во-вторых, как мне представляется, имя ходжи Хан-сейида фигурирует в сочинении Хафиз-и Таныш Бухари «Шараф-нама-йи шахи», где среди присутствовавших на пиру по случаю обрезания, сделанного сыну хана Абдуллы, называется «благородный шейх ул-ислам» по имени Хан-ходжа [Хафиз-и Таныш, 1989, с.186], как уже было сказано, имевший, скорее всего, сейидское происхождение. Хотя бухарского «хакима» Якупа пока не удалось идентифицировать с реальной исторической личностью, рассмотренный выше факт говорит о том, что в содержании анализируемого документа описаны события, действительно имевшие место. Все это говорит не только об историчности, но и о достоверности сведений, содержащихся в рассматриваемых преданиях.

Думаю, что нам известны имена по меньшей мере двух верховных сейидов Сибир-

ского ханства (Искерского юрта), являвшихся высшими духовными лицами в этом государстве: это Дин-Али(Гали)-сеййид (начиная примерно с 1574–1575 гг. и до завоевания ханства русскими), а до него – его дядя Ярым-сеййид (1572–1574). Не исключено, что и предки Ярым-сеййида, особенно его отец и дед, являлись верховными сеййидами в Искерском юрте.

Теперь остановлюсь на вопросе об особенностях инвентуры сеййидов в Сибирском ханстве. Как уже отмечалось, кандидатура главы мусульманского духовенства ханства подбиралась в Бухаре, во всяком случае, так обстояло дело во время правления хана Кучума, т.е. с 1563 г. Столь необычная процедура, скорее всего, была связана с окончательным перемещением с начала XVI в. политического центра Государства Шибанидов (кочевых узбеков) в Среднюю Азию. Именно с этим государством, как уже отмечалось, было тесно связано Сибирское (ранее – Тюменское) ханство – одно из владений Шибанидов. Особая роль Бухары, с начала XVI в. не раз являвшейся столицей Государства Шибанидов, а с периода правления ханов Искандера и Абдуллы окончательно ставшей ею, довольно ясно прослеживается и по отдельным историческим источникам. Например, в Есиповской летописи содержится известие о том, что в то время, когда Кучум «со многими воинскими людьми доиде до града Сибири (т.е. Искера. – *Д.И.*) и град взя», он «князей Етигера и Бекбулата уби» [ПСРЛ, 36, 1987, с.48]. Убитые, известные как «Сибирские князья», правили Искерским юртом до прихода Кучума. По Есиповской летописи, сын князя Бекбулата Сейдяк «от убиения царя Кучюма соблюден бысть и изведен в Бухарскую землю». Опираясь на устную традицию сибирских татар, Г.Ф.Миллер сам признается в этом [Миллер, 1999, с.196], этому же событию он дает более развернутую характеристику. Он пишет: «...Едигер... оставил после себя беременную жену. Знатные татары не хотели ждать, когда княгиня разрешится от бремени, так как между ними не было согласия относительно того, кому править в Сибири. Они отправили посольство к хану Большой Бухары Муртазе, прося его прислать в князья одного из своих сыновей. Муртаза

отпустил к ним в Сибирь своего среднего сына Кучума с многочисленной свитой. По прибытии он был всеми признан ханом. Любопытно, что отец Кучума Муртаза-хан назван в данном случае правителем «Большой Бухары». Понятие «Большая Бухара», согласно Н.А.Потанину, обозначало Западный Туркестан, включая города Ташкент, Туркестан, Инак. А вот «Малая Бухария» – это территории, подчиненные Джунгарии (Турфан, Яркенд, Кашгар и др.) [Потанин, 1868, с.24–25, 32].

Тем временем беременная вдова Едигера «бежала в Большую Бухару» [Миллер, 1999, с.196] (для более детального обсуждения этой проблемы см. работу А.Франка: [Frank, 1994, p.14–15]). Похожее сообщение имеется и в Есиповской летописи, где говорится о том, что после побед Ермака «князь Сейдяк Бекбулатов из Бухарские земли» пришел «с воинством многим» на Кучума [ПСРЛ, 36, 1983, с.59]. Да и в уже цитировавшемся рассказе об истории д. Сала основатели г. Искера пришли во главе с «Тайбугой бием», т.е. представителем клана Буркутов – «Сибирских князей», «из Бухары». Несмотря на то что отец Кучум-хана Муртаза вряд ли был ханом в Бухаре, я бы не спешил полностью отбрасывать сведения Г.Ф.Миллера о хане Муртазе как о правителе «Большой Бухары». Дело в том, что в 1550-х гг. в Бухаре происходили династические распри за владение городом и вилайетом, которые изучены недостаточно (см.: [История Бухары, 1976, с.111]). Муртаза, являвшийся Шибанидом, вполне мог участвовать в этих событиях. Из рассмотренных данных становится понятным, что в середине XVI в. между Сибирским ханством и Государством Шибанидов, точнее, Бухарским ханством, существовали не вполне ясные пока отношения политического характера, свидетельствующие о том, что верховным сюзереном сибирских Шибанидов были Шибаниды среднеазиатские.

Об этом прежде всего говорит сам факт обращения хана Кучума к верховному правителю кочевых «узбеков» Абдулле-хану с просьбой прислать высших духовных лиц. Обращение «знатных татар» к «хану Большой Бухары» Муртазе с просьбой прислать «в князья» одного из своих сыновей следует рассматривать в ряду аналогичных отноше-

ний. Далее, когда Абдулла хан перед второй отправкой духовенства в Искерский юрт (около 1574–1575 гг.) решает послать вместе с ними султана Ахмет-Гирея со 100 сопровождающими, в результате прибытия которых хан Кучум уступает трон своему дяде, это весьма напоминает выполнение вассалом распоряжения сюзерена. Одно место из «Родословного сейида» рисует аналогичную картину: когда хан Абдулла отправляет «хакиму» Ургенча письмо, в нем говорится о том, что в Искерский юрт сейид и шейх посылаются «по указу муфтиев и [опираясь] на шариат» («*мөфтиларнең фатвәсе менән, шәр'и-шәриф боерунца*»). Между тем, именно в Бухаре имелись 14 муфтиев, занимавшихся составлением юридических решений, основанных на шариате. Эти решения затем давались верховному судье (*кази алкузат*, т.е. казью), который выносил окончательное суждение по рассматриваемому делу [Абдураимов, 1966, с.89]. Обращает на себя внимание еще один момент, зафиксированный в преданиях сибирских татар: в них фигурирует некий ходжа (или мулла) Якуп, «бухарский хаким», подсказывающий хану Абдулле решение о том, кого конкретно послать из Ургенча в Искерский юрт. Затем именно он пишет письмо, в котором были приведенные выше строки об указе муфтиев. Похоже, что это было должностное лицо, имевшее отношение к духовным делам. И именно оно обладало правом определять конкретных духовных лиц, могущих возглавить духовенство Искерского юрта. Подозреваю, что указанный ходжа (мулла) Якуп имел отношение к ходжам Джуйбари, обладавшим огромной властью в Бухаре; из них тут выходили глава духовенства (*шейх ул-ислам*) и а'ламы. Любопытно то, что их духовная власть, согласно некоторым источникам, распространялась и на Сибирское ханство: по данным М.А.Абдураимова, ходжам Джуйбари «беспрекословно подчинялись... султаны Тура (т.е. Сибирского ханства. – Д.И.) и Дешти-Кипчака» [Там же, с.97]. Таким образом, последний факт еще раз подтверждает высказанный уже тезис об особых отношениях Искерского юрта/Сибирского ханства и Государства кочевых узбеков, особенно, Бухарского вилайета.

Достаточно уверенно можно говорить о том, что глава мусульманского духовенства Сибирского ханства был из сейидов и, скорее всего, носил тот же титул, что и глава духовенства Государства Шибанидов – «*шейх ул-ислам*», выполняя, как это было изначально при хане Абул-Хайре, функцию главного казия. Правда, смущает то, что в рассказе муллы Ильяса этот титул как будто бы приписывается шейху Шербети. Однако в данном случае мы имеем дело с поздней версией событий 1570-х гг., поэтому к ней надо подходить весьма осторожно. Тем не менее именно сейид Ярым занялся правосудием, что и соответствовало функции шейх ул-ислама, как на это указывал Ф.З.Яхин. В то же время и из раннего предания – «Родословного сейида» – отчетливо видно, что из двух прибывших в 1572 г. более значимой была фигура Ярым-сейида – именно его хан Кучум оставил около себя как должностное лицо. Об этом же говорит и предложение «хакимом» Бухары Якупом для отправки из Ургенча в Искерский юрт вначале сейида Ярыма, затем только кандидатуры шейха [Бустанов, 2009в, с.44]. По «Родословному сейида» видно, во время второго прихода духовенства из Бухары Дин-Али-ходжа, будучи сейидом, опять был поставлен выше – за него выдали дочь хана Кучума (надо полагать, что в предании XIX в. произошла некоторая путаница, но данный вопрос нуждается в дополнительном изучении).

Не исключено, что до прибытия в Искерский юрт кандидат в главы духовенства считался не сейидом, а всего лишь сейидзаде. Во всяком случае, в татарском варианте «Родословного сейида» есть место, где Ярым-сейид, находившийся в Ургенче, именуется «сейидзаде» [Образцы, 1872, с.218]. Но будущего сейида обязательно сопровождал шейх, который до прибытия в Искерский юрт, очевидно, также назывался еще не шейхом, а шейхзаде [Там же].

Функции этого шейха не совсем ясны. Если сейид был главой духовенства и занимался правосудием (*хәкәм кылгалы*) – у Х.Атласи это место передано детальнее: «*шәригать хәкәмен йөртәргә вә хәкәм әйләргә*» [Атласи, 1997, 77 б.] – то шейх предстает прежде всего неким «кодификатором» священных могил. Правда, он

или его приближенные могли заниматься и обучением основам ислама – по преданию видно, что мулла Якуп, прибывший в свите Шербети шейха, учил детей «грамоте, а народ – религии» [Образцы, 1872, с.213; Катанов, 1896, с.52]. Обучение шейхами «религии» видно и из опубликованного Н.Ф.Катановым на основе двух татарских рукописей сочинения, названного им «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири» [Катанов, 1904, с.19–22]. Содержание этого сочинения показывает, что «шейхи» действовали среди сибирских татар, причем основные события, скорее всего, как указывалось, относятся ко времени правления Мухаммад-хана Шейбани (ум. в 1510 г.), названного в источнике «ханом Шейбаном». В сочинении речь идет, как уже было сказано, о 366 «конных шейхах», трое из которых остались «в степях Средней Орды» и «стали обучать основам веры» [Там же]. Показательно, что в Искерском юрте шейхи имелись и до Шербети-шейха, что вытекает из ногайских дел, в которых есть информация о Мамин-шейхе (шихе) «из Сибири», находившемся в 1564 г. в Москве [ПДРВ, 1801, с.103]. Получается, что шейхи занимались и государственными делами. Но я согласен частично с тем возражением группы авторов против моей прежней формулировки относительно роли шейхов в Сибирском ханстве как «кодификаторов» священных могил – действительно, можно согласиться с А.Г.Селезневыми и И.В.Беличем в том, что шейхи «в системе народного ислама играли роль не меньшую, нежели «официальные» представители исламского «духовенства» [Селезнев и др., 2009, с.139, прим. 338]. Однако эта сама по себе плодотворная мысль явно нуждается в более детальной разработке, в том числе и потому, что шейхи, пришедшие в Сибирский юрт из среднеазиатских владений Шибанидов, на самом деле были «вписаны» именно в состав «официального» духовенства. Важнее поэтому другое – названные шейхи, прибывшие в Искерский юрт явно несколькими волнами, напрямую участвовали в «переформатировании» в исламское сообщество той тюрко-татарской общности, которая существовала в рамках этого северного владения Шибанидов. Так

как эти фундаментальные изменения происходили через механизмы суфийских тарикатов (Ясавийа, Накшбандийа), необходимо сделать некоторые пояснения на этот счет.

В общеметодологическом ключе для понимания этих механизмов весьма полезны общие выводы Девина Де Виза относительно роли Баба Туклеса в формировании ногайской этнополитической общности. Этот исследователь указывает, что Баба Туклес, зачастую трактуемый как суфий, как исламизатор, «сначала идентифицируемый (и почитаемый) как основоположник религиозной общины, затем приравняется к основателю/предку «племени» или «народа» [De Weese, 1994, p.492]. Он в конце концов превратился в «центральную фигуру в общинных легендах о происхождении» [Ibid., p.510]. И это было связано с тем, что для групп, принимающих ислам, «обращение» происходило и почти всегда понималось «в общинном контексте, с целой общинной группой, воображенной как принимающая новую религию, как группа под руководством героической фигуры, превращающейся в фигуру предка...» Наконец, как пишет этот автор, «нативизация носителя ислама показывает не только туземное «присвоение» ислама, но и принятие того ислама как краеугольного камня «священной истории» конкретного коллектива и, таким образом, определяющего элемента в пределах центральных социальных и общинных структур... общества» (в данном случае подразумевается степное общество. – *Д.И.*) [Ibid., p.516, 531]. Именно такой сценарий развития и обнаруживается в связи с деятельностью шейхов в Сибирском ханстве.

Когда в результате активности мусульманских миссионеров, в основном из Средней Азии, на территории Сибирского ханства в конце XV – XVI в. сформировался институт астаны (о нем подробнее см.: [Селезнев и др., 2009, с.126–152]), первыми смотрителями которых и были шейхи [Там же, с.138], эта своеобразная духовно-управленческая структура, ядро которой образовывало поклонение могилам святых (в ряде случаев – ложных) из суфийских тарикатов Ясавийа и Накшбандийа, начала довольно быстро развиваться территориально. Например, если при жизни Шербети-шейха (а это пос-

ледняя четверть XVI – начало XVII в.), согласно «Аш-шаджарат ал-авлия’ мин билад Мавера’аннахр», ему удалось «выявить» 12 могил «святых» [Бустанов, 2009, с.201] (как сказано в тексте источника, «в Тобольском юрте... Джа’фар-ишан нашел двадцать две [могилы] святых». Время жизни этого ишана неизвестно), то позже, видимо, в XVII в., это число уже достигло 22 [Там же], затем в XVIII в., увеличившись до 49 [Бустанов, 2011а, с.63–64], а к концу XIX – началу XX в. умножившись еще больше (по сведениям Р.Х.Рахимова, сейчас известно около 80 астана).

Институт астаны, соответственно почитание суфийских фигур из тариката Ясавийа, затем – из тариката Накшбандийа, вскоре стал частью культурно-религиозной жизни сибирских татар. Скажем, И.В.Белич и А.К.Бустанов на примере Варваринской астаны отмечают, что астана в лице похороненного там *авлия* стала даже выступать в роли третейского судьи в сфере обычного права, регулируемого *адатом*: информаторы из сибирских татар сообщали этим исследователям, что в случае, если у кого-то крали лошадь и пострадавший выдвигал обвинение против конкретного человека, посылая садака на астану, считалось, что если обвинение соответствовало действительности, то вор заболел, ибо его наказывал Бог, а если обвинение было ложным, то заболел сам обвиняющий [Белич, Бустанов, 2010, с.55]. В честь святых в ряде местных центров с астаной стали проводиться специальные поминальные обряды, в частности, *хатым* (*хатым хуца*, *хатым-и хваджаган*) [Бустанов, 2009а]. При этом поминали скорее не местных святых, а их великих учителей в лице представителей основных звеньев суфийских тарикатов Ясавийа и Накшбандийа. Так, при проведении такого обряда в д. Большие Туралы Тарского района Омской области один из организаторов сообщал, что «раньше шейх Баха ад-дин совершал этот обряд, а затем – его последователи (*машайхлар*)» [Селезнев и др., 2009, с.175]. Параллельно вокруг селений, где осели шейхи, возникли центры исламской учености и местные ответвления суфийских тарикатов во главе с собственными ишанами (об одном из них рассказывают И.В.Белич и

А.К.Бустанов, см.: [Белич, Бустанов, 2010, с.44–50]). В итоге фактически сложилась не только новая «сакральная топография», обнимающая десятки астана, но и произошел синтез старой тюрко-татарской культуры с новой исламской культурой. Вот хороший пример этому. Согласно рассказу зрителя Варваринской астаны, «...был пигамбар по имени Сулейман, он был человек-великан и воевал за ислам. В наши места когда пришел, он сел и из сапог вытряс землю, и получилось два холма. На этом месте и стала астана, где потом был похоронен авлия Азис Дауд-шайх, который пришел сюда с другими шайхами, 360 их было, из Бухары и Ташкента распространять мусульманскую религию» [Там же, с.54].

Закончилось это тем, что прежняя тюрко-татарская этнополитическая общность сибирских татар была полностью «перекроена» и она стала исламской общностью, базирующейся на локальных исламских центрах, и ведущей на народно-бытовом уровне начало своей истории от прихода мусульманских проповедников. О таком ходе событий свидетельствуют многие сохранившиеся среди сибирских татар аутентичные рукописные источники, о которых речь уже шла («Шаджара рисаласи», «Аш-шаджарат ал-авлия’ мин билад Мавера’аннахр», «Происхождение аула Сала»). Характерной чертой всех этих «историй» является то, что предки сибирских татар именно в результате деятельности шейхов (*авлия*, *яхшылар*) оказываются «вписанными» в исламский мир, а также в конкретную его часть – «Священную Бухару», при детальном анализе оказывающейся виртуальной суфийской сетью, восходящей к тарикатам Ясавийа и Накшбандийа. То же самое, как уже было продемонстрировано, может быть из-за недостатка конкретных данных не так полно, наблюдалось и на территориях других позднесолотоордынских тюрко-татарских государств.

Кроме сейида (сеййидов) и шейха (шейхов) в Сибирском ханстве имелись и другие группы духовенства. Прежде всего, это муллы. О них говорится в предании, рассказанном муллой Ильясом. Речь там идет о мулле Якупе, сопровождавшем шейх ул-ислама, и о «множестве мулл», выехавших с ними в Искерский юрт. Ахмет-Гирей-хан

всем муллам по их прибытии в ханство дал «места». Ветвью этих же мулл могли быть и «ахуны», фигурирующие в том же предании. Но с этим термином ситуация менее ясная, т.к. он несет отпечаток XIX в. (тогда ахуны у татар были хорошо известны). Какая группа духовенства в XVI в. скрывается под этим термином XIX в., не совсем понятно. Возможно, в некоторой степени ответ на этот вопрос можно получить при изучении уже рассмотренной рукописной истории под названием «Происхождение аула Сала», где в составе прибывших 500 человек названы «муфтий и мударрис» [Усманов, Шайхиев, 1979, с.91]. Хотя названные в источнике понятия «муфтий» и «мударис» могли быть позднейшей заменой более ранних терминов, я не исключаю их присутствия в рукописи в силу существования в ханстве реальных групп духовенства, имевших такие обозначения. Дело в том, что в Бухаре, о чьих связях с Искерским юртом уже было сказано достаточно, должность духовного лица, называвшегося «муфтием», существовала, о чем уже было сказано. В составе духовенства Сибирского ханства могли быть и хафизы (абызы): Г.Ф.Миллер отмечает (его сообщение перекликается с рассказом муллы Ильяса), что вместе с Ахмет-Гиреем в Сибирское ханство прибыли «ахун, несколько мулл и абызы». Кроме того, в ярлыке хана Абдуллы за 1595/96 г. хану Кучуму говорится об отправлении от имени первого послем в Сибирское ханство Шембердей-абыза (это был, судя по источнику, его не первый приезд в Сибирь) [Зияев, 1983, с.22]. В данном случае имеет значение и существование в конце XVIII в. в Эсколбинской волости наряду с деревней «Сеитовы» и населенного пункта «Абызовы» [Томилов, 1981, с.99]. Наконец, на то, что в 1572 г. кроме сейида и шейха в Искерский юрт пришли и другие представители духовенства, намекает и «Родословное сейида», рассказывающее о 10 лицах, сопровождавших сейида и шейха. На татарском языке они названы «яхшылар», что у сибирских татар обозначает «святых» и применяется больше к духовенству. В целом, в Искерском юрте можно выделить такие группы духовенства: сеййид (он же, скорее всего, шейх ул-ислам), шейхи, муллы, абызы, не исключено, муфтии и

мударисы. Более гипотетично присутствие в ханстве ахунов.

Обращает на себя внимание и то, что некоторые из сеййидов в ханстве имели еще титул «ходжа». Тут, видимо, можно согласиться с Ф.З.Яхиным в том, что термин «ходжа» являлся синонимом понятия «сеййид» [Яхин, 2005, с.195–197]. Следует также иметь в виду обращение хана Ахмет-Гирея в Бухару с просьбой прислать «старшего» (*өлкән*) шейх ул-ислама [Образцы, 1872, с.213]. Н.Ф.Катанов это место перевел словом «великий» [Катанов, 1896, с.51]. В данном случае термин «өлкән» имел какую-то смысловую нагрузку и, не исключено, прав Н.Ф.Катанов, ибо в Бухарском ханстве, как уже было показано, имелись «великие сеййиды». Не случайно, что в «Родословном сейида», говоря о знатности происхождения Дин-Али сеййидзаде, рассказчик подчеркивает, что «в Бухаре (и) Ургенче» из его рода были «имамы великих» (*олыларның имамнары*) [Образцы, 1872, с.217]. Несколько иную, кажется, искаженную трактовку этого места, находим у Х.Атласи, который пишет об «олуглар» [Атласи, 1997, 76 б.]. В итоге я не исключаю, что термины «өлкән ишәх ул-ислам», «олыларның имамнары» являются синонимами уже знакомых нам эпитетов «величество учителей великих» или «великие сеййиды».

Высокое положение сейида в Сибирском ханстве подтверждается несколькими фактами. Скажем, хан Кучум (в рассказе муллы Ильяса это хан Ахмет-Гирей, оказавший «шейх-ул-исламу... великие почести»), как говорится в «Родословном сейида», при прибытии Ярым-сейида лично переплыл р. Иртыш, чтобы приветствовать прибывших. Об особом положении сейида в ханстве говорит и женитьба сейида Дин-Али на дочери Кучум-хана. Не исключено, что такого рода матримониальные связи существовали и до начала правления Шибанида Кучум-хана между домом «Сибирских князей» Тайбугидов и высшими духовными лицами Искерского юрта. Недаром у Г.Ф.Миллера сохранилось татарское предание, о котором уже говорилось: беременная вдова князя Едигера, бежавшая в «Большую Бухару», нашла там «очень сочувственное отношение» со стороны одного «сеита»,

принявшего ее в свой дом и ставшего для родившегося от вдовы мальчика приемным отцом (именно в его честь он и был назван «Сейдяком», т.е. «маленьким сеййидом») [Миллер, 1999, с.196].

Несмотря на то что большинство источников рассказывает о приходе мусульманского духовенства в Сибирь из Средней Азии (упоминаются Бухара, Ургенч, Туркестан), нельзя сбрасывать со счетов и другие места появления духовенства в Искерском юрте. Так, ссылаясь на Ремезовскую летопись, Г.Ф.Миллер сообщал о том, что Кучум «привез много духовенства из Казани» [Там

же, с.199], Несмотря на некоторые анахронизмы – при правлении хана Кучума в Сибирском ханстве Казанского ханства уже не существовало – это сообщение может отражать какие-то реальные события, т.к. о миграции татарской знати, в том числе и сеййидов, из Казанского ханства в Тюменское в 1480-х гг. уже говорилось. А такие случаи могли происходить и позже [Там же, с.194]. Но это принципиально не меняет дела, т.к. в Поволжье в XV–XVI вв. господствовал тот же тарикат Ясавийа и сеййиды были теми же потомками Саййида-Ата.

§ 2. Особенности ислама у сибирских татар

Игорь Белич

Предваряя этот подраздел, отметим принципиальное методологическое положение: несмотря на превалирование духовного единства, мусульмане интегрировали и сохранили множество разных региональных элементов культуры. Подразумеваемая «варианты» ислама в регионах, в первую очередь нужно исходить из его универсального характера, отсутствия национальной замкнутости и жесткой привязанности к определенному периоду времени [Татары, 2001, с.423]. Отличия в культуре постзолотоордынских тюрко-татарских обществ обусловлены их этнической историей, спецификой этнокультурной традиции, влиянием соседних народов. Но наличие при этом единого тюрко-исламского культурного начала, сложившегося еще в эпоху Золотой Орды, стало инвариантом их культуры. Важно учесть разницу во времени и уровне исламизации. В Казанском ханстве ислам был унаследован как культурная традиция Волжской Булгарии и процесс исламизации был длительным и дискретным. У относительно поздно мусульманизированных ногайцев и сибирских татар религиозная ситуация была более сложной. Если исламизация населения Ногайской Орды и Астраханского ханства походила на положение дел в Среднем Поволжье, то в Сибирь ислам проникает позже и развивается в иных условиях [Ислам, 2001, с.65–74; Ислам, 2006, с.89–122; Исхаков, 2004б, с.82; Исхаков, 2006, с.84, 153–160; Измайлов, Усманов, 2009, с.616–617].

Ислам – суннизм ханафитского *мазхаба* распространился в Сибири главным образом в XV–XVI вв. При хане Кучуме (ум. в 1598) он стал официальной религией Сибирского ханства, формирующегося в его рамках ядра сибирско-татарской народности, исламизация отдельных групп которой длилась в XVII–XVIII вв. [Белич, 1988, с.100–106; Белич, 1997, с.93–98; Томилов, 1992, с.141–143; Валеев, 1993, с.170–171; Ислам, 2001, с.67–74; Исхаков, 2004б, с.82–84; Исхаков, 2006, с.90–93, 115–122; Исхаков, 2011, с.159–162; Селезнев, Селезнева, 2004, с.12–17; Соболев, 2008, с.287–291]. Заметную роль в продвижении ислама в широкие слои татар региона сыграл суфизм (*тасаввуф*). Суфийский путь внедрения ислама способствовал адаптации в нем разнообразных не-исламских верований и обрядов, в результате которой сформировался специфический мировоззренческий комплекс – народный ислам как региональный вариант религиозного синкретизма [Селезнев, Селезнева, 2004, с.11–49]. Однако считать местную специфику ислама сугубо «национальной» для данного народа или региона не следует, ибо «в любой культуре и в любом регионе всегда уживались самые разнообразные версии ислама» [Абашин, Бобровников, 2003, с.15].

Народный ислам в неодинаковой мере находит выражение в мифологии, семейной и календарной обрядности, народной медицине, суевериях. Наиболее емко он

проявляется в культе святых, который обеспечил органичное вхождение, сохранение и эффективность всевозможных местных и привнесенных в ходе исламизации неисламских элементов в религиозных взглядах сибирских татар. Потому мусульманизация культа происходит и в наши дни. Показателем выступают культовые места. В сравнении с 1970–1980 гг. активно идет пересмотр их значения до полной исламизации – ассоциации с могилами святых (*астана*) тех святых, которые ранее имели другой смысл. Этнозация *астана* в рамках сибирско-татарской идентичности; выдвижение их как главного символа региональной религиозной идентичности и «открытие» новых мест почитания «забытых» могил святых [Белич, 1987, с.40–41; Бустанов, Белич, 2013, с.14–22; Бустанов, 2011, с.147–149; Бустанов и др., 2011, с.120–124]. Поэтому, если говорить об особенностях ислама у татар Сибири, то в первую очередь стоит уделить внимание рассмотрению именно культа святых и *астана*.

Историко-этнографическому изучению этого явления сибирского ислама посвящено немало работ [Белич, 1998а, с.31–39; Белич, 2004, с.63–96; Белич, 2006, с.14–23; Белич, 2010а, с.32–34; Белич, Сладкова, 2006, с.23–25; Ислам, 2007, с.113–146, 248–251; Рахимов, 2006, с.4–62; Селезнев, Селезнева, 2005, с.85–108; Селезнев, Селезнева, 2006, с.100–107; Селезнев, Селезнева, 2009, с.338–359; Селезнев, Селезнева, 2012, с.216–229; Селезнев и др., 2009, с.17–155; Селезнев, 2013, с.111–119]. Археографические изыскания последних лет дали свежие, весьма интересные находки, позволяющие по-новому взглянуть и в итоге разобраться с письменными источниками, освещающими эту тему [Белич, Бустанов, 2010, с.39–58; Бустанов, 2009б, с.156–192; Бустанов, 2009, с.195–230; Бустанов, 2011а, с.33–78; 2013б; Бустанов, Белич, 2010, с.211–216; Бустанов, Белич, 2013, с.14–22; Рахимов, 2009, с.291–297]. С этого и начнем.

Корпус письменных источников, повествующих о начале ислама и культа святых – *авлия* в Сибирском /Искерском юрте, включает ряд текстов «родословных» – *шаджара*. Эти нарративы известны в двух версиях. Первую, представленную в списках: «Шаджарат ал-авлия’ мин билад

Мавара’аннахр» («Родословие святых из страны Мавераннахр»), «Та’рих» («История»), «Грамота хранителя Юрумской астаны», «Насаб-нама» и полнее отразившуюся в первом манускрипте, сложили в первой половине XVII в. в ауле Тюрметяк /*Оллы-бүрэн* (север Омской обл.) смотрители *астана* Бигач-ата. Вторую версию в составе «Карагайской рукописи», ее копии из собрания А.Ш.Алиева, а также списка Са’д Ваккаса в «Тобольской рукописи» составили к середине XVIII в. Ибн Йамин-ходжа из Тары и *кади* (судья) Тобольска ‘Абд ал-Карим. Причем авторы первой редакции были приверженцами суфийского братства (*тарикат*) Йасавия, второй – Накшбандийа, конкурировавшие между собой в XVI–XVII вв. [Белич, 1998а, с.31–39; Бустанов, 2009б, с.156–188; Бустанов, 2009, с.212–222; Бустанов, 2009г, с.45–61; Бустанов, 2011а, с.33–78; Бустанов, 2013, с.88–182; Белич, Бустанов, 2010, с.44–50].

Внешне рукопись представляет собой свиток, навитый на деревянный жезл и вложенный в кожаный или тряпичный футляр. Будучи вещью сакральной, *шаджара* наследовалась в роду смотрителя *астана* (*шық, астана қарауче*) в качестве его атрибута и применялась в ритуалах для рецитации имен *авлия*. По структуре текст состоит из введения, основной части – описание войны за веру, каталог святых и финала. Прежде отметим ряд моментов введения и прокомментируем их. Так, здесь даны разные даты: в «Шаджарат ал-авлия» указан 1130 г.х. /1718 г., в «Та’рих» – 950/1523 г. В *шаджара* поздней версии – 797/1394 г. Датировка в сакральных текстах условна и определена такой закономерностью: чем позже дата переписки текста, тем ниже хронологический рубеж. Эта датировка не может быть жестко привязана ни к историческим лицам, ни к истории событийной, ни к самим *астана* – «реальность» мира идей отлична от реального мира [Бустанов, 2009, с.203; Бустанов, 2011а, с.44; Белич, 2010а, с.33; Белич, Бустанов, 2010, с.50–55].

Вопрос с источниками, которые использовали составители *шаджара*, решается так: во второй ее версии есть отсылка на запись (*накил*) «великих людей и святых прошлого» [Бустанов, 2009, с.215], Н.Ф.Катанов перевел это слово как *предание* [Катанов,

1904, с.18]. В любом случае это важный довод и не только для поздней датировки второй редакции [Бустанов, 2011а, с.65], но уяснения сути ее источника. Это была первая ее версия – «древо святых из страны Мавара’аннахр», прототипом которой послужил список нарратива об Исхак Бабе – «Сечире... Мулла Бобаша в деревне Епанчинские юрты» от 970/1562 г., привезенный из Средней Азии мигрантами первой волны [Бустанов, 2013а, с.471–480]. Сколь достоверны *шаджара*? Специалисты полагают, что, являясь субъективным плодом коллективного творчества, они содержат как правдивые сведения, так и искажения. Было бы странно, если бы в них «отсутствовала фантазия, в т.ч. подмена фактов, явлений и контаминация между различными событиями» [Кузеев, 1960, с.18–21; Усманов, Шайхиев, 1979, с.103]. Но нужно учесть происхождение данных *шаджара* – это не генеалогия рода, но родословие святых.

Относительно числа *авлия*, где исходной задано 366 среднеазиатских подвижников ислама из Йасавийа и Накшбандийа, заметим: в основе сюжета их «канонизации» и числе положена суфийская доктрина святости (*вилайа*) и иерархия святых (*риджал ал-гайиб/*«сокровенные люди»), количество которых доходит до 500 [Белич, 2005, с.33–36]. С ним связан сюжет о двух «путях» обретения духовного знания – *сулук* и *джазба* в суфизме. В «Шаджарат» он передан яснее: «Бывают два вида святых: Первые – святые, держащиеся пути (*салук*), а другие – привлеченные божественным (*маджзуб*). Святые-салук те, кто, испросив помощь у пророков и получив ее, обрели путь к Господу... Святые-маджзуб те, кто, совершая распространение веры (*да’ва*), оказались близкими Господу...» Поздняя версия ширит его директивой «тайного поминания», т.е. тихого *зикра*, практиковавшегося основными группами Накшбандийа, в отличие от громкого – в Йасавийа [Бустанов, 2009, с.200, 220–221]. По мысли Бустанова [2011а, с.45], этот сюжет содержит главный посыл и концепт всего текста: «Весь его пафос направлен на презентацию и продолжение духовной связи (*ан-нисба ар-рухийа*) почивших праведников с действующими шейхами и через них – с неопитами». Значение *шаджара* и заклю-

чался в поддержании суфийской традиции локальной общины и ее связи с остальным исламским миром.

Еще один момент, который отметим и поясним, ибо он важен для уяснения основной части текста – сюжета религиозной войны. Его смысл раскрывает ее описание. В ранней версии говорится об обычной «войне» – *джанг*, ее ведут «святые-маджзуб» для «открытия ключа веры». Поздняя версия преобразует ее в «великую войну» – *ольт джанг*, которую учинили конные шейхи и воины, а «Карагайская рукопись» – в «Великую святую войну» [Селезнев и др., 2009, с.203]. И это не столько «война за веру», а военно-политическая экспансия, претворяемая ею. Появление светских правителей с их людьми, рознящихся именами и числом в обеих редакциях, было бы трудно объяснить без такого понимания развития сюжета. А это означает, что повествуемые события происходили в разное время, что будет видно из основной части текста, к рассмотрению которой и перейдем.

В ранней *шаджара* читаем: «в Досточтимой Бухаре... был святой ходжа Баха’аддин. Из разных городов собрали святых... отыскав, привели [к нему]... Святые явные и сокрытые... отправили 366 святых в юрт Ичтак для открытия ключа веры. Они спустились по р. Ишим... и учинили войну (*джанг*). Многие в земле Ичтак пали... и стали шахидами. 66 вернулись... Оставшиеся в юрте Ичтак [люди] огородили могилы святых... и стали *дивана* (юродивыми, слывущими святыми/суфиями. – *И.Б.*). Остальные ходили плача по всем сторонам Иртыша, став Хотан-Хытай. Прочие, покинув дома, ушли в верховья Иртыша. Там понемногу землю взяв, устроились. После создали Хытай-хат Хотан. Этот юрт [Ичтак] был безлюден» 9, то ли 90, 100 лет. «Затем, во времена Муратхана, был его сын Тайбуга-бий. [Он] первым основал в Искерском юрте ханство. И вместе с 500 человек прибыли ахун этого шаха (т.е. хана Бухары? – *И.Б.*), мирза, султан и имам. Все в этом Искерском юрте остались». Следом приводится список 20 могил святых с их именами и именем первого открывателя *астана* – «господин Джалал ад-дин-авлия» из Бухары. Завершается рассказ сюжетом об «Афтал-шайхе», открывшим *астана* «хаз-

рата Бигач-ата в юрте Турмадак» и ставшим ее первым зрителем (*муджавир*), и их родословной [Бустанов, 2009, с.200–201; Бустанов, 2011а, с.41–42; Дмитриева, Мура-тов, 1975, с.40–41].

В тексте речь явно идет о двух волнах исламизации, или прихода святых: первая состоялась «в юрте Ичтак», вторая – в «Искерском юрте». В изложении проступают два контекста истории: сакральный и событийный. Первый таков: «святые явные и сокрытые (*ал-гайиб*)» «из страны Мавара’аннахр» иницируют отправку «святых-маджзуб». Они, «распространяя веру» путем *джанг*, становятся таковыми (20 из них названы в списке святых). Ведомые их духом и делая явными могилы *авлия*, их почитатели обретают суфийскую инициацию, делаясь *дивана-суфи* и *муджавир*. Событийный контекст: приход правоверного владыки, воплощающего предка-основателя ханства и подвижника ислама – Тайбуга, создание государства и вероятных исламских институтов. Но отождествлять его с основателем династии Тайбугидов нет оснований, хотя эта возможность и не исключена [Бустанов, 2009, с.206; Бустанов, 2011а, с.48]. Есть здесь и этническая компонента: *хотан-хытай* – парный этноним от «ктай, кидань», обретшие *хытай-хат хотан* – «дом /юрт [народа] хотан-хытай» (от перс. *кат* ‘дом’) «в верховьях Иртыша»; народ *ичтак*, имевший юрт в районе устья Ишима и ниже по Иртышу.

Из поздней *шаджара* следует: «...по разрешению и указанию... ходжа Баха’ад-дин Накшбанди... 366 мушайхов, собравшись..., стали его учениками (*мюрид*)». Он «видел: повелитель Правоверных ‘Али открыл ислам в области Чин-Мачин... Но некоторые люди Хытая... бежали к берегам реки... Иртыш». Там кочевали «народ Хотан... Нугай и Кара-кыпчак. [Беглецы]... среди них остались жить. Это были татары, поклонявшиеся куклам». По приказу, «распространите среди них ислам..., учините великую войну (*ольт джанг*), 366... шейхов, прибыв в Средний йуз степи Дийар к Шибан-хану, стали гостями. Он, узнав положение и дав согласие, вооружив 1700 бахадуров, отправившись на лошадях..., спустившись в низовья (Иртыша), учинил великую войну». Там «было... народ Хутан, народ Нугай, Кара-Кыпчак..., бежавшие бунтовщики Тархан-

хана¹ (и) народ Ичтак... одной веры. Шайхи, соединив силы с Шибаном, ...сражались, без числа неверных и татар истребили. Но 300 мушайхов, пав..., стали шахидами. Беглецы Тархан-хана вернулись в Хытай. Народ Ичтак бежал в лес. Некоторые из народов Хутан, Нугай, Кара-Кыпчак исповедали веру..., а кто стал *дивана*. Ичтяки остались неверными... 1448 бахадуров Шибан-хана пали, став шахидами, 222 – ушли... внутрь народа Среднего жуза. Шибан стал именоваться Вали-хан, творив войну... со святыми. Из мушайхов 300 – стали шахидами. Из 66... трое, объясняя столпы веры [народам] Нугай, Хутан, Кара-Кыпчак, остались... Из их рода в Тоболе, Таре, Тюмени, Томске... ходжи и шейхи. 63 вернулись...». Далее идет список 30 *астана*, даны имена их первооткрывателя – «ишан ходжа Давлет-шах ибн шах ‘Абд ал-Ваххаб ал-Испичафи» из Бухары и тех, кто их «собрал в одно родословие» – «Ибн-Йамин-ходжа, вместе с ахуном Тобола и Томска ‘Абд ал-Каримом кади». В конце дана *силсила* зрителей *астана* «Кефеш-‘Али-шайха в ауле Көмешле» [Бустанов, 2009, с.215–219; Бустанов, 2011а, с.61–65; Катанов, 1904, с.18–28].

Разберем этот текст, сравнивая с предыдущим. Оба контекста истории почти слиты, т.к. источник – *накил* «великих людей и святых прошлого» сакрален. Сменилась позиция: вместо «святых явных и сокрытых» ходжа Баха’ад-дин иницирует «великую войну», что указывает на смену духовного лидера. Упоминание халифа Али и его меча, «открывшего ислам в области Чин-Мачин (название Китая у мусульманских народов Средневековья)», санкционирует ее продолжение. Война идет единожды, но мотив гостевания в «Среднем йузе» говорит, что ее /шейхов ход был длителен. Территория войны – низовья Иртыша; ранг – *ольт джанг*; состав зачинателей – конные шейхи и вооруженные воины. Итог – истребление массы «неверных и татар», лишь «некоторые» из которых приняли ислам; гибель 300 шейхов, ставших шахидами (30 их имен даны в списке *авлия*) и 1448 воинов-шахидов (не учтены в нем). Сюжет с Тархан / Турган-ханом пока отложим для анализа.

¹ В «Карагайской рукописи» он именуется «Турган-хан» [Селезнев и др., 2009, с.203].

Появление светского владыки: Шибан-хан легитимирует деяния суфиев, получая имя Вали-хан. Но видеть в нем конкретного правителя истории событийной – Шибан-хана или Шейбани-хана нельзя – это образ предка хана Шибанидов [Бустанов, 2009б, с.188; Бустанов, 2009, с.220; Бустанов, 2011а, с.66; Нестеров, 2002, с.206]. Хотя название «Средний жуз», прилагаемый восточными авторами XVI–XVII вв. для обозначения части казахского союза [Материалы, 1969, с.551; Юдин, 1992; Ускенбай, 2012, с.183–187], сводит его к Шейбани-хану [Белич, 1988, с.104–106; Исхаков, 2011, с.159]. Этническая компонента возросла вдвое и отвечает кочевым племенам узбеков и казахов середины XV – начала XVI в. [Султанов, 1982, с.8–51]. Событийный контекст констатирует наличие «святого семейства» в городах Сибири начала XVII в., начало которому положили трое из оставшихся здесь «ходжей и шейхов», один из них назван в списках святых обеих редакций *шаджара* – «Шербети-шайх».

Итак, несмотря на аллюзии к отдельным историческим лицам и фактам, анализ этих текстов показал, что их содержание имеет мало общего с реальным ходом исламизации и становлением культа святых, где *астана*, манифестируя этот процесс, служили маркерами исламской региональной идентичности, границы которой совпадали с ядром утраченной государственности. Перед нами – образ мысли или видение «открытия ислама» в регионе переселившимися в Сибирь среднеазиатскими *улемами* и их потомками, а не событийная история. С этой позиции и необходимо рассматривать такого рода источники, имеющие теологическую, сакральную природу происхождения [Белич, 1987, с.41; Бустанов, 2009г; Бустанов, 2010, с.33–35; Бустанов, 2011, с.147–149; Бустанов, 2013, с.73–74; Бустанов и др., 2011, с.122–123].

Динамика развития культа и его сакральной географии заметна по рукописям: если в первой версии легенды об исламизации находим «каталог» из 20 могил святых, то второй вариант презентует 30 погребений, большая часть которых совпадает со списками ранней версии [Бустанов, 2011а, с.67]. Причем, если в 17 эпизодах данные в *шад-*

жара сведения подтверждаются полевыми материалами 1970–1980 гг., а количество *астана* насчитывало тогда порядка 50–60 [Белич, 1997, с.94–95; Белич, 1998а, с.32], то с резкой актуализацией культа на рубеже XX–XXI вв. их число в регионе – большей частью на юге Тюменской и севере Омской областей – дошло до 80 [Ислам, 2004, с.47–50; Отчет, 2004, с.6] и продолжает расти. Говорить здесь о совпадении имен праведников с перечнем святых и/или их могил, содержащихся в *шаджара* двух редакций, конечно, не приходится. Поэтому ограничимся далее рассмотрением культа святых в контексте анализа нескольких наиболее известных сибирских *астана*, согласно верифицированным данным.

Через суфийскую агиографию в цепь *авлийа* Сибири попали исламские персонажи, тяготеющие к среднеазиатскому ареалу: Хызыр-Ильяс, Занги-ата, Сайид-ата, Хаким-ата, Амбар-ана, Хубби-ходжа. В легендах татар региона Хаким-ата возглавил 366 шейхов, а его образ близок фигуре суфийского шейха XII в. Сулеймана ал-Бакыргани. Знаменитый в крае мавзолей Хаким-ата, видимо, возникший в XVI в., находится на кладбище аула Баиш/Бакырган (Вагайский район Тюменской обл.). Это 6-угольный сруб (новодел 1990 г.) 1,2 м высотой (длина стенки 6 м). Предания помещают на кладбище и могилы его жены Амбар/*Кэмбэр-она*, сына Хубби-хужа и еще 7 *авлийа*, а весь некрополь считается *оллы астана*/«большая астана». *Баиш астана* упомянул Г.Ф.Миллер в 1734 г. [Сибирь, 1996, с.80]. На ее высокий статус указывает «Шаджарат ал-авлийа»: «Смотрители (*муджавир*) в Мекке говорили, если сделать обход (*таваф*) хазрату Хакиму, [обретешь благодать] мекканского обхода». 7-кратный визит к *астана* Хаким-ата приравнивается *хаджу* и ныне. Появление концепта Баиш астана – «вторая Мекка» может связано с прекращением *хаджа* сибирских мусульман после краха Сибирского ханства. Относительно сюжета Ремезовской летописи (ст. 112) о том, что тело Ермака татары «погребоша по своему закону на Баишевском кладбище», устроив тризну «по своему извычаю», заметим: это исключительный образец контаминации последнего приюта известного героя с культом прослав-

ленной *астана* [Белич, 1997а, с.53–73; Белич, 2002а, с.405–412; Белич, 2004, с.77–88; Бустанов, 2011а, с.41–42, 58].

В списке святых «Шаджарат ал-авлийа», у городища Искер упокоились «шайх Пири, шайх Назар, [их] младший брат Ширбатышайх... Трое были сыновьями одного отца, из потомков Санги-баба». В списке Са'д Ваккаса есть и четвертый: «В Искере Айкани-шайх-‘азиз... из потомства (*овлад*) Занги-ата». Там и тут Ширбаты-шейх, открыв 12 могил, «лег в ноги у братьев». Согласно «Шаджара рисаласи» («Трактат о генеалогии»), написанной тобольским ахуном Ходжам-Шукурмом б. Йусуфом во II–III четверти XVII в., и «Насаб-нама» это могло случиться в конце XVI – начале XVII в. [Белич, 1998а, с.36–39; Бустанов, 2009, с.209–212; 2009в; Исхаков, 2011, с.159–179]. Напомним и любопытный факт. Занги-ата входит в духовную цепь (*силсила*) Йасавийа: он являлся учеником (*мюрид*) Сулеймана Бакыргани, который был первым *мюридом* и третьим/четвертым заместителем (*халифа*) Ахмада ал-Йасави [Абашин, 2001, с.40–41; Девин ДиУис, 2003, с.8–12].

Этот туркестанский шейх упомянут в обеих редакциях: «В Кобяке – Касим-шайх, из потомков имама Ахмада». В легендах татар края Касим-шайх – младший брат Хаким-ата, братом которого считается Бигач-ата [Белич, 2004, с.80]. В общем, наличествуют несколько братьев Хаким-ата: 2 родных и 4 духовных по линии Занги-ата ← Хаким-ата ← ал-Йасави. Их могилы отмечают путь первых шейхов по Иртышу от устья Ишима до устья Тобола. Это видно из «Шаджарат»: «Переправившись через Ишим, [они] свернули, поэтому от Усть-Ишима до верхнего течения Иртыша (могил) святых нет. В низовье Иртыша они есть» [Бустанов, 2009, с.201]. Итак, первые *астана* обозначают зону начальной исламизации региона силами йасавийских шейхов и оформления культа святых. Ситуация гетерогенна культу так называемых «семи святых братьев» (*етты-огайни*), широко распространенному в разных версиях в Средней Азии, где система из 2, 3, 4, 5, 7 святых, чьи мазары находятся на некой территории, выполняет одну функцию – «сакральными средствами объединить эту землю» [Абашин, 2003, с.28].

Если *астана* Хаким-ата находится в середине пути первых миссионеров, то *астана* у городища Искер словно замыкает их ход. *Искер астана* в виде обновляемой «древней деревянной башни», отмеченная очевидцами конца XVII – XIX в. (Н.Спрафарий, И.Фальк, В.Дмитриев, П.Словцов, М.Знаменский), собирала паломников и жителей ближних аулов, видимо, с XVI в. Пока не погибла вместе с некрополем в пожаре 29 мая 1881 г., после чего традиция исчезает [Белич, 1997, с.96–97; Белич, 2006, с.20–22]. Судя по описаниям этих авторов, заметивших по одному эпизоду почитания некрополя, общие ритуалы совершались тут в разное время года: «май и сентябрь», «середина лета» и были сопряжены с разными, но взаимосвязанными явлениями в культе святых. В мае местные татары традиционно устраивали обряд поминания предков (*цым*). В сентябре, совпавший на момент фиксации с окончанием месяца *Рамадан*, праздновался *Ураза-айт*. А «середина лета» в календаре правоверных соответствует дате *хиджры* и, стало быть, *хаджу*. «Малое паломничество» к мавзолеям святых – пример *астана* Хаким-ата, присуще татарам региона. Поминание в эти даты усопших близких и *авлийа*, которое сводилось к посещению могил предков рода (*тугум*) и *астана*, чтению там надлежащих молитв и в XVIII–XIX вв. сопровождалось жертвоприношением телят – такой видится бывшая совокупность культа на *Искер астана*. Со временем само городище обернулось в объект почитания, что типично в верованиях сибирских татар, став местом «поминовения по Кучуму». Сюда раз «через 3 или 4 года» собирались тобольские юртовские татары или *шибанцы* – потомки военно-служилой знати Сибирского ханства, в отдельных семьях которых в XIX в. еще помнили, «что они ведут начало от рода Кучума» [Белич, 2002, с.180–184; Белич, 2006, с.19–50].

Около устья р. Ишим, откуда начали путь подвижники ислама в «низовья Иртыша», находится *астана* Бигач-ата. «Шаджарат ал-авлийа» гласит: «Бигач-ата-шайх из потомков господина (*мавла*) Джалал ад-дина». Кто этот персонаж, объясняет *силсила* смотрителей *астана*: «По священному разрешению (*рохсат*) моего брата муллы Джа-

лал ад-дин-шайха из Досточтимой Бухары я пришел в Сибирскую землю (*вилайат*)... В упомянутом юрте Турматак впервые лунчунку (*чирог*) зажег покоящемуся хазрату Бигач-Ата я, Афтал-шайх». Словом, Джалал ад-дин-шейх жил в Бухаре и был адептом *тариката* Йасавийа [Бустанов, 2009, с.202, 212]. Список Са'д Ваккаса добавляет трех «спутников» Бигач-ата, но всех относит к «потомству *мавлави* Джами». Н.Ф.Катанов соотнес его с поэтом-мистиком из Накшбандийа 'Абд ар-Рахманом Джами (ум. в 1492) [Катанов, 1904, с.24]. По мысли А.Бустанова, замена «имени наставника Бигач-ата» в поздней версии говорит о «смене йасавийского преобладания накшбандийским» [Бустанов, 2009, с.220; Бустанов, 2011а, с.67]. Однако неясно: то ли Джалал ад-дин отправил Афтал /Абдал-шейха в Сибирь, не то Бигач-ата был *мюридом* шейха Джалал ад-дина, что разнилось бы во времени. Впрочем, не будем забывать – перед нами сакральная история...

Если исходить из Сеитовского списка «Шаджара рисаласи», то Абдал-шейх/Баба-Абдал прибывает в Сибирь из Бухары в 1572 г. вместе с Ширбетти-шейхом и Дин-'Али-ходжой. Факт прихода из Ургенча в Искер сейида Дин-'Али подтверждается письмом бухарского хана Абдуллы к Кучумхану, датирующимся 1590-ми гг. [Бустанов, 2009г]. И в «Насаб-нама» говорится, что «в аулах Турматак и Таутамак были со времен Кучума наши предки», первый из них – «Абдал-шайх». Хотя тут сказано: «прибыв из города Туркестан, Абдал-шайх стал смотрителем в юрте Туртамак» [Бустанов, 2009, с.207, 209]. Вероятный протограф «Шаджарат» – *силсила* в «Грамоте хранителя Юрумской астаны» уточнит: «в юрте Улуг Буран почтенному Бигач-ата Туркестанской страны, из священной Бухары пришедший шаех Эфталъ лунчунку зажег» [Рахимов, 2006, с.19]. Похоже, Абдал-шейх мог прибыть в Сибирский *вилайет* при Кучуме. В цепи посвящений он не имел наставника. Но обрел суфийскую инициацию путем сновидений, став *увайси* [DeWeese, 1993, р.1–34], т.е. ведомым духом *авлийа* Бигач-ата, *муридом* коему был приписан, видимо, потомками Абдал-шейха (*шайх-заде*) через *рохсат* Джалал ад-дин. В «житии» Хаким-ата («Хаким-Ата китабы»), последний нашел

его могилу, став первым ее *муджавир*, получившим *рохсат* от самого Хаким-ата. По местной легенде, его могила находится на *Баши астана*. Поэтому Бигач-ата и слывет в народе «родным братом» Хаким-ата [Белич, 2004, с.79–87; Бустанов, 2009, с.221–214; Бустанов, 2011а, с.54].

Анализ «Насаб-нама», в том числе *муджавир силсила*, показал, что генеалогии восходят к XVI в., а «*астана* близ д. Тюрметяки возникла в конце XVI в.» [Бустанов, 2009, с.209, 212]. Вышеизложенный материал позволяет выправить датировку на последнюю четверть XVI в. Как «*астана*» этот мавзолей помечен между «*кладбищем Она царя*» и «*курганами*» на чертеже р. Ишим в «Хорографической чертежной книге» С.У.Ремезова конца XVII в. Известно, что в устье реки находился центр легендарного «*царства Она царя*», городище которого также отмечено [Хорографическая, 2011, л.107]. Мавзолей расположен на берегу старицы р. Ишим (*Астана-бурэн*) в ряду курганов на краю древнего некрополя. Ныне он представляет собой рядовую ограду из штакетника с намогильным столбом (2,5 м) внутри, но ранее явно имел срубную, скорее всего, шестиугольную конструкцию. Такие срубы стояли над могилами *авлийа* в этих местах еще в конце XIX в., а их высота была такой, что из-за сруба «выглядывали лишь кроны берез» [Белич, 2004а, с.485; Селезнев и др., 2009, с.109–113, 118–121]. Столбы (*орма*) с оформленным по половому признаку верхом – типичный элемент надмогильных сооружений курдакско-саргатских татар [Белич, 1998, с.55–57].

В паломничестве к данным *астана*, вероятно, существовал определенный цикл или система, последовательность которой неизвестна. Но их построение в «каталогах» святых и приуроченная к ним информация, наводит на мысль, что она начиналась с визита к *Бигач-ата астана*, затем – *Хаким-ата астана* и завершалась на *Искер астана*. Сведения П.А.Словцова о том, что «поминовения по Кучуму» совершались на Искере «через 3 или 4 года», несмотря на персонафикацию культа, позволяют допустить, что этот цикл, если он имел место, составлял несколько лет, по крайней мере, три года. На сегодня нет никакой информации, которая подтвердила бы этот тезис, равно как и

опровергла его. Но для правоверных минувших веков, полагаем, эта система могла бытовать. Как, например, в Средней Азии, где местами такая традиция дожила до наших дней [Абашин, 2008, с.5–23].

Ранняя *шаджара* район Иртыша в низовьях Ишима именуется «земля/юрт Ичтак». Сюда «спустились по реке Ишим» пришедшие «из страны Мавара’а-нахр 366 святых и учинили войну». Здесь, спустя 9–90 лет, «во времена Мурат-хана... его сын Тайбугабий... основал в Искерском юрте ханство». В поздней версии сюда, «к течению реки, известной у тюрков под именем Иртыш, а по-таджикски Аби-Джарус, и текущей на запад», но не «левый приток Оби», как думал Н.Ф.Катанов [Катанов, 1904, с.20], а левый приток Иртыша – р. Ишим, прибывают прежде шейхи и бахадурь Шибан-хана. Дословно тут сказано так: «...к берегам реки, текущей рядом с Кун-Батыш (Запада) и известной у тюрков под названием Иртыш-суй, а на языке таджиков... Аб-и Джарус» [Бустанов, 2009, с.216]. И затем, «спутившись в низовья Аб-и Джарус/Иртыша», они ведут «великую святую войну», доходя до Тобола.

Этот район населяли родоплеменные группы *курдак* и *саргат*. Курдаки, живя долгое время тесно с казахами (*аргыны*) Среднего жуза, имели с ними родство в происхождении. Аргыны кочевали в XIV–XVI вв. от Сырдарьи до устья Ишима и ниже по Иртышу. Часть курдаков, примкнув к узбекским племенам *локай*, причем к группе *эсанходжа*, ушла в Мавераннахр позже прочих узбекских племен, т.е. при Шейбани-хане [Кармышева, 1976, с.231–236]. В этих местах должно быть жили *кара-кыпчаки*, чье родовое имя сохранилось в наименовании аула Б.Карагай; *хотаны* (*ктани*, *катаи*), этноним которых отложился в названии аула Катангуй и урочища Катайские Елани (р. Оша); *ногаи* оставили свое имя в прозвании урочища Нугай (оз. Б.Уват). Пребывание *ичтак* помимо их этнонима в ониме юрт Истяцких сохранилось в генеалогических легендах саргатских татар [Томилов, 1981, с.119–134; Алишина, Ниязова, 2004, с.27, 31, 32]. Следовательно, этническая история этой территориальной группы сибирских татар в определенной мере подтверждает этнические реалии, отразившиеся в текстах *шаджара* двух редакций легенды об исламизации края. На этом

достоверность ее контекста событийной истории почти иссякает.

Но возникает вопрос в связи с реалиями культа святых, в частности, с *астана*: какова их достоверность? В контексте сакральной истории она несомненна, т.к. они являются ее символическим выражением, воплощая духовную связь естественно в объекте почитания – это «столпы» веры сибирских татар. Относительно исторической реальности вряд ли стоит ожидать однозначного и положительного ответа на этот вопрос. Анализ трех выше представленных *астана* показал, что это – мистификация [Белич, 2010а, с.32–34; Белич, Бустанов, 2010, с.50–55]. Но правоверным нет дела до того, находится ли мавзолей святого Хаким-ата близ аула Баиш в Сибири или у города Муйнак в Узбекистане. Главное – и тут и там они могут найти у него защиту и покровительство в дороге и на жизненном пути.

В заключение отметим, что вопрос о хронологии и механизме возникновения *астана* у сибирских татар изучен еще недостаточно. Развитие культа *авлия* шло за исламизацией региона, усилившейся во второй половине XVI в., где *астана* отражали его генезис. Этот процесс начался во время Кучума с прибытием из Средней Азии мусульманских теологов. В частности, Дин-‘Али-шейха в качестве сейида при хане и *шейх уль-ислама* Сибирского ханства, Ширбет-шейха как кодификатора могил святых и, видимо, первого транслятора легенды об исламизации Сибири, Абдал-шейха – смотрителя одного из ранних мавзолеев в крае. В XVII–XVIII вв. появились новые *астана*, приуроченные не только к именам 366 легендарных *авлия*, но и местных праведников. Однако исследования показали, что даже первые и значимые *астана* явились следствием мусульманизации прежних святилищ и отражением сакральной истории Сибири, в основе которой лежала идея «первопредка» – основателя государства и подвижника ислама, связанная с преданиями аристократических кланов местных сейидов, ходжей и шейхов (подробнее см.: [Бустанов, 2013а, с.471–533]). Главная особенность ислама в культе святых у татар Сибири, пожалуй, состоит в том, что исламизация здесь все еще продолжается.

ГЛАВА 4

Политико-правовая культура

§ 1. Культура государственной жизни

Дамир Исхаков

Одним из важных аспектов тюрко-татарской цивилизации XV–XVI вв. и несколько более позднего времени являлась традиция государственного существования, породившая целый пласт особой культуры государственной жизни. Это и культура дипломатики, придворного церемониала, а также система государственных символов (троны, короны, государственные печати, знамена, другие символы власти и т.д.). Несмотря на то, что информации по данной теме не так много, к тому же по разным государствам она представлена неравномерно, из разрозненных данных можно сделать определенные выводы о характере этого весьма своеобразного раздела культуры средневековых тюрко-татарских обществ интересующего нас хронологического отрезка. Изучение особенностей указанного пласта культуры позволяет поставить вопрос и о его истоках – он в большинстве своем явно восходит к золотоордынской цивилизации.

Несмотря на то, что в целом проблема культуры государственной жизни в тюрко-татарских обществах остается разработанной весьма слабо, отдельные ее стороны затрагивались еще в дореволюционных исследованиях [Березин, 1851, с.543–554; Вельяминов-Зернов, 1864, с.403; Смирнов, 1887, с.329–331]. Затем эта тема была продолжена в работах, изданных в 1920-х гг. [Вахидов, 1925, с.63]. В последние десятилетия интерес к данной проблеме явно усилился (см.: [Юзефович, 1988; Усманов, 1979; Исхаков, 1997а; Исхаков, 2006а; Исхаков, 2007; Исхаков, 2009в; Трепавлов, 2001; Зайцев, 2004; Kolodziejczyk, 2011]).

Культура дипломатики. Многие стороны дипломатики в Казанском ханстве прослеживаются на основе материалов его вза-

имоотношений с Московским государством. Например, известны переговоры 1497 г. о «наречении» на казанский престол султана Абул-Латыфа, в 1507 г. – переговоры с Москвой «о миру, о братстве и о дружбе» [Исхаков, 1997а, с.24–25]. Более развернутая картина переговорного процесса известна в 1516 г., когда из Казани в Москву прибыл посол Шаусейн(Шах-Хусейн)-сеййид с просьбой «учинить царем» на место больного хана Мухаммета-Амина его брата Абул-Латыфа. Посол имел полномочия на то, чтобы говорить от имени хана Мухаммет-Амина и «всей земли Казанской» относительно того, чтобы дать московскому великому князю «правду, какову князь великий захочет, что им без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакого не взяти». Он из Казани привез проект договора. Документ вначале был подписан ханом Мухаммет-Амином перед московским посланником И.А.Челядиновым, а затем тот вместе с казанским послом Шаусейн-сеййидом выехал в Москву. Очевидно, последний должен был получить под договором подпись великого князя Василия Ивановича. Будучи в Москве, казанский посол «написал своей рукою, на чем царю да и всей земле Казанской дати шерть». После этого Шаусейн-сеййид вместе с русскими послами выехал в Казань, где хан Мухаммет-Амин и «вся земля Казанская», согласно достигнутой ранее договоренности, «учинили правду». Затем русские послы поехали обратно в Москву, взяв с собой и Шаусейн-сеййида, который должен был говорить от имени Мухаммет-Амина «с великим молением», чтобы Василий Иванович «пожаловал» брата хана Абдул-Латыфа [ПСРЛ, 13, 1965, с.15, 25]. Те послы, которые от имени своих государей вели переговоры и давали определенные

обещания, несли ответственность за это. Так, Шаусеин-сеййид, подписавший документы о «взятии» на казанский престол после смерти хана Мухаммета-Амина Шах-Гали, после нарушения казанцами данного обещания, попал в опалу московских властей. Как видно из грамоты, данной в 1523 г. в Москве русскому посланнику О.Андрееву для вручения крымскому хану, русская сторона требовала «выдачи обретающегося в Крыме Казанского посла Шаусеин сеита, присягавшего великому князю от лица всего казанского народа, чтоб принять по смерти Магмет-Амина царем Шиг-Али, и в том изменившего». [Малиновский, л.239]. Правда, крымские власти опального сейида, к 1523 г. уже успевшего жениться в Крыму, не выдали. Но по сведениям русского посланника в Крымском ханстве Т.Губина (1524), Шаусеин-сеййиду «в Казань назад не бывать» [Исхаков, 1997а, с.26], т.е. за нарушение клятвы дипломат попадал в крайне тяжелое положение.

В 1546 г. из Казани в Москву вернулись русские послы, вместе с которыми находился и казанский посол Гаммет-шейх (ших), имевший на руках грамоту, написанную от имени трех знатных казанцев – Буюргана(Абеюргана)-сеййида, князя Кадыша и Чюры Нарыкова (последний также был князем – карача-беком – и принадлежал к клану Аргынов). В грамоте говорилось: «...сеить и уланы и князи и мырзы и шихы и шихзады и дольшманы и казаки и вся земля Казаньскаа биют челом..., чтобы их государь пожаловал... дал им на Казань царя Шигалея, а послал бы в Казань своего сына боярского привести сеита и уланов и князей и всю землю Казаньскую к правде». Сеййидом, от имени которого писалось данное письмо и которого совместно с остальной знатью ханства должны были привести к «правде», был Буюрган. В летописи сообщается: «...князь великий послал къ сему къ Буюргану и к Кадышу и къ Чюре... Остафия Андреева с своим жалованным словом и к правде их привести». Перед русским послом «сеит и уланы и князи и мырзы и вся земля Казаньская» великому князю московскому «правду учинила» в том, что «им от великого князя и от Шигалея-царя неотступными быти и до своих животов».

15 марта 1546 г. вместе с русским послом, принявшем присягу о верности у казанцев, в Москву прибыли и казанские послы князь Уразлый с хафизом (афызом) Андрычеем. Послам было предписано «бити челом» от имени «сеита и уланов и князей и всей земли Казаньской», чтобы «государь отпустил к ним Шигалея-царя не модчаа» [ПСРЛ, 13, 1965, с.148].

Показательно, что в решении вопроса о казанском хане, который очень часто приобретал внешнеполитический характер, постоянно участвовали сеййиды [Исхаков, 1997а, с.36]. Видная роль сеййидов во внешнеполитических делах является наследием золотоордынской эпохи периода после исламизации этого государства (см.: [Исхаков, 2011, с.72–73]). Значимой была роль сеййидов и в процедуре присяги – «шертования» (от «шартнаме»). Самой важной разновидностью шертования в Казанском ханстве являлась присяга на верность претенденту на трон, присылаемому, например, из Москвы. Так, при посажении Шах-Гали на казанский престол в 1519 г. вся знать и «все земские люди» были приведены к «шерти». Перечень присягавшей знати начинается с «сеита». В 1546 г., до того, как из Москвы в Казань был отпущен хан Шах-Гали, перед русскими послами «сеит и уланы и князи и мырзы и вся земля Казанская» также дали «правду» (см. выше). Лишь после этого кандидат в ханы был отправлен в Казань, но, по-видимому, процедура «шерти» в данном случае не успела состояться (из-за кратковременности пребывания хана в Казани). При посажении хана Шах-Гали в очередной раз на казанский престол в августе 1551 г., «шерть» была проведена по всей форме. Вначале дала «шерть» казанская знать (перечень ее начинается с муллы Кул-Шарифа и сеййида (Кул)- Мухаммета), а «царь (т.е. хан Шах-Гали. – Д.И.) ...шертные грамоты попечатал своими печатями, а Казаньския люди лутчие многие руки свои поприклали». Лишь после этого «все люди Казанские, по сту человек, и по двесте и по триста... к правде ходили три дни, а правду дали на том, на чем и болшие людие их правду дали».

Другим видом «шерти» были договора о взаимоотношениях Казанского ханства с Московским государством. В подготовке

их также участвовали сеййиды. Они были двух типов: а) договор о «мире, о братстве и дружбе»; б) договор о «невзятии» на казанский престол «царя и царевича» без «ведома» великого князя московского. Насчет особенностей содержания договоров первого типа в их варианте с признанием васалитета, можно узнать и из грамоты хана Кучума от 1570 г., когда правитель Сибирского ханства отправил послание в Москву, предлагая Ивану IV признать его «братом старейшим». При этом в рассматриваемом документе приводится и формула взаимоотношения сторон с точки зрения хана: «С кем отец чей был в недружбе, с тем и сын его в недружбе быть пригоже; Будет в дружбе бывал, ино в дружбе и быти, кого отец обрел себе дру[га] и брата, сыну с тем в недружбе быти ли?» [Собрание, 1819, с.123]. Как уже говорилось, в 1507 г. Бураш-сеййид приехал в Москву от имени хана Мухаммет-Амина «бити челом о миру, о братстве и о дружбе, как было... с великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси». Переговоры по этому вопросу велись уже раньше, поэтому приезд Бураш-сеййида в качестве ханского посла надо рассматривать как некоторый кульминационный момент переговорного процесса. Действительно, в итоге усилий Бураш-сеййида, Василий Иванович 8 сентября 1508 г. «с царем Магмед-Амином взял мир, братство и дружбу», отпустив в Казань его посланника – сеййида – в сопровождении своего посла. Так как последний вернулся в Москву в январе 1509 г., «да и грамоты шертные от царя Магмед-Аминя привезл..., да царь перед ним по той грамоте и шерт дал о дружбе и о братстве, как было... с Иваном Васильевичем», получается, что Бураш-сеййид ездил в Москву для подготовки проекта соглашения.

О практике предварительного согласования проекта договора между Казанью и Москвой ясно говорят и события 1512 г. Зимой того года в Москву приехал посол хана Мухаммет-Амина Шаусеин-сеййид с предложением, как уже отмечалось, «о крепком миру и о дружбе». В итоге его переговоров с боярами великого князя по вопросу о том, «на чем быти царю Магмед-Аминю с великим князем, в крепком миру и в докончании», сеййид написал «шертную грамоту» и

перед боярами «шерт дал на том, что царю Магмед-Аминю в Казани перед великого князя послом шерт дати, что по той грамоте царю правити великому князю и до своего живота». Как видим, речь опять идет о проекте договора. После согласования текста договора в Москве, казанский посол вместе с русским послом выехал в Казань, где хан Мухаммет-Амин «перед великого князя послы на той грамоте шерт дал, и мяшень (печать. – Д.И.) к ней приложил».

Второй тип договора был подписан в 1516 г., когда хан Мухаммет-Амин был серьезно болен. Казанские послы, прибывшие в Москву опять во главе с Шаусеин-сеййидом, сообщив о болезни хана, как уже указывалось, просили «учинить» ханом Абдул-Лагыфа, пообещав, что «Магмед-Эмин царь, да и вся земля Казанская дадут великому князю правду, какову великий князь похочет, что им без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакова не взяти». И Шаусеин-сеййид, как ханский посол, «записи на том... написал своею рукою, на чем царю да и всей земли Казаньской дати шерт». Это был проект соглашения, т.к. с «теми записями» московский великий князь вместе с сеййидом в Казань отправил своих послов, перед которыми «Магмед-Аминь царь и вся земля Казанская к великому князю на тех записях правду учинили» [Исхаков, 1997а, с.36–38].

Практика составления предварительных проектов договоров отмечается и применительно к другим синхронным татарским государствам – это видно из описания процедуры «шертования» Москве Сибирского князя Едигера Тайбугида между 1555–1558 гг. [ПСРЛ, 29, 1965, с.233, 251, 258; ПСРЛ, 13, 1965, с.248, 276, 286] и хана Кучума в 1571 г. [Собрание, 1819, с.63–65; Акты, 1841, с.340], из хода подготовки астраханско-литовского соглашения 1540 г. [Зайцев, 2004, с.131], а также из информации о московско-крымских соглашениях 1508, 1515–1518 гг. [Сборник РИО, 1895, с.194, 317, 532; Малиновский, л.132 об.], причем в последнем случае Иван III предложил крымскому хану к проекту соглашения «*нишаны* бы еси свои и *алые тамги* (выделено нами. – Д.И.) к той грамоте... прикласти...» Одновременно крымский хан должен был

на этом договоре «учинить правду... почен сам собою в головах и с своим братом с Ахматом царевичем и с своими детьми Багатырем царевичем, с Алпом царевичем и с иною своею братьею и с своими детьми и с сеиты и уланы и со князи». Как вытекает из процедуры подготовки соглашения 1508 г., «рота и правда» при этом «учинялась» на Коране. Так было и в 1670 г., когда крымские посланники Сафар-ага и Шахтемир-аталык после проведения переговоров в Москве о мире, на записи об этих переговорах на последней странице зафиксировали свою клятву, заканчивающуюся словами «Поклялись на Коране» (*Kuran üstünde şart qilduq*) [Kolodziejczyk, 2011, p.304]. Кстати, упоминаемая тут «рота», иногда в форме «пить роту» или «пить шерть», восходит к обычаю пить кровь друг друга после клятвы [Ibid., p.481]. Из приведенного выше описания «шертования» казанских людей в 1551 г. видно, что сеййиды, идущие в числе участников процедуры первыми, как бы благословляли ее. Не исключено, что в Казанском ханстве клятва на верность также произносилась на Коране, но прямых указаний на этот счет в источниках не сохранилось. В Крымском ханстве существовала даже особая «Шертная книга» – Коран, которую целовал крымский хан после дипломатической клятвы [Ibid., p.482]. Длительность процесса заключения договора («шерти») 1557 г. между Ногайской Ордой и Московским государством [Трепавлов, 2001, с.611–614] также предполагает подготовку предварительного текста соглашения. Сходную ситуацию можно увидеть и из процесса подготовки соглашения между Сибирским юртом и Московским государством в 1571 г. В проекте договора, привезенном в Москву из Сибирского ханства, сказано: «...а на утверждение сеи записи, яз Кучюм царь печать свою приложил, а лутчие Сибирские люди (возможно, карачибеки. – Д.И.) руки свои приложили». После завершения переговоров в Москве посол и гонец хана Кучума дали обещание: как «будет у государя у Кучюма царя» посланник Ивана IV, то «Кучюму царю и лутчим его людям, на сей шертной записи и на царе и великого князя жалованном ярлыке шерть учинить и печать своя к сей записи... Кучюму царю

приложить, и править... по тому, как в сей шертной записи писано». Получается, что представители хана Кучума вначале провели ратификацию договора, которую их государь должен был затем подтвердить перед лицом русского посланника.

Конечно, дипломатическая переписка и соглашения тюрко-татарских государств не сводились только к отношениям с Московским государством. Скажем, в устных преданиях сибирских татар сохранились интересные сведения об особенностях инвеституры верховного сеййида в Сибирском ханстве, когда глава мусульманского духовенства подбирался при хане Кучуме в Бухаре [Исхаков, 1997а, с.53–61]. В послании казанского хана Сахиб-Гирея королю Польско-Литовского государства Сигизмунду I, относящемуся к периоду от 1538 по 1545 гг. (точная дата не сохранилась) и имеющему внешнеполитический характер, отражены не только конкретные аспекты сотрудничества двух государств, но и знание казанской стороной тонкостей дипломатии (обозначение титулов Сигизмунда I, определение старшинства короля перед ханом и т.д.) [Мустафина, 1997, с.26–38]. Постоянные дипломатические контакты ханов Большой Орды и особенно Крымского ханства с Османским государством, хорошо известны [Зайцев, 2004, с.76]. Прямые контакты с Османской империей имело и Астраханское ханство [Там же, с.115–117]. В 1549–1551 гг. аналогичные связи с Оттоманами отмечены и у Ногайской Орды [Трепавлов, 2001, с.246–247]. Все это, естественно, требовало определенной дипломатической культуры.

Приведенные данные (на самом деле тут рассмотрена лишь часть имеющихся источников) неоспоримо свидетельствуют о том, что в позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах существовала развитая дипломатическая культура. Высказывания последнего верховного сеййида Казанского ханства Кул-Шарифа (Хаджитархани), на деле знавшего не только практику, но и теорию дипломатии, подтверждают этот вывод. Он следующим образом говорит о дипломатии своего времени: «В соответствии с необходимостью эпохи, в целях обеспечения богатства и благопо-

лучия страны, спокойствия и безопасности народа, для обеспечения мира правители прекрасного города Казани прикидывались друзьями, обменивались послами и государственными людьми». И тут же он приводит одну актуальную для Казани пословицу середины XVI в.: «Не будь рядом с плохим». Далее свои размышления он заканчивает таким стихом:

Спокойствие мира зиждется на понимании смысла этих двух слов:

Быть верным с друзьями и притворно равнодушными с врагами [Шерифи, 1995, с.87].

Печати. Еще одним элементом культуры государственного существования являлись официальные, т.е. государственные печати, упоминаемые в источниках практически во всех позднезолотоордынских государствах. Скажем, при посажении хана Шах-Гали на казанский престол в 1551 г. были составлены «шертные грамоты», которые хан «попечата л своими печатями» [ПСРЛ, 13, 1965, с.169]. По-видимому, речь идет о государственных печатях – изображение одной из них сохранилось на ярлыке 1523 г. казанского хана Сахиб-Гирея – оно алого цвета [Вахидов, 1925, с.63], а другого – синего цвета – на ярлыке казанского хана Ибрагима за 1479 г. [Усманов, 1979, с.34]. Обе они квадратной формы. В некоторых русских летописях под 1558 г. упоминается «шертная грамота» Сибирского князя Ядигера Тайбугида «со княжею печатью» [ПСРЛ, 13, 1965, с.258; ПСРЛ, 29, 1965, с.258]. В другой «шертной грамоте» – на этот раз хана Кучума (1571), приводится следующая запись: «...а на утверждение..., язъ Кучюмъ ц'ръ печать свою приложил...» [Собрание, 1819, с.64]. Исследование М.А.Усманова позволяет утверждать, что аналогичные печати двух форм – перстневые (миндалевидные) и квадратные, имелись и в Крымском ханстве, причем на ханских печатях – с гербом Гиреев [Усманов, 1979, с.140–166]. Они же упоминаются и в ходе московско-крымских переговоров 1515–1518 гг. (см. выражение «нишаны и алые тамги прикласти»). Квадратные печати в Крыму именовались тамгой. Еще с XIV в. у них имелось и параллельное наименование «нишан», от перс. «нишан» – знак). По-видимому, название

«тамга» связано с присутствием в центре квадратной печати уже у крымского хана Хаджи-Гирея «Тарак тамги», являвшейся фамильным знаком Гиреев [Kolodziejczyk, 2011, p.321–323]. Такая же квадратная тамга (печать) имелась и у хана Большой Орды Махмута, жившего в г. Астрахани (1466) [Усманов, 1979, с.144, 147]. В Астраханском ханстве печати тоже известны: когда астраханский хан Абд ар-Рахман в 1540 г. отправил в Москву своего «большого посла» для переговоров о «дружбе и братстве», Иван IV «цареву бакшею велел грамоту дружбебную написати», затем, после того, как послы хана «на той грамоте... правду великому князю дали», хан должен был «на той грамоте правду дати и печати свои (выделено нами. – Д.И.) ...прикласти» [Зайцев, 2004, с.131]. Как отмечает Д. Колодзейчик, квадратные печати в Крыму были «золотыми» (*алтун*), «голубыми» (*кук*) и «алыми» (*ал*). Первые две печати были более престижными, поэтому Иван IV своим послам в 1563 г. запретил принимать документы с «алым нишаном» [Kolodziejczyk, 2011, p.326]. Подписные печати (печати перстневые), возможно, были более личными. Но они фигурируют и в официальных посланиях. В частности, в послании крымского хана Саадет-Гирея в Кракот от 1523 г. упоминается «perstennyi nisan» [Ibid., p.327]. В крымско-польском соглашении 1667 г. присутствуют печать калги, еще две печати султанов-Гиреев [Ibid., p.311]. Еще одной разновидностью печатей, известных по материалам Крымского ханства с XVII в., были висячие печати – *baysa* (от монг. «пайцза»). Они появляются на документах, отправленных в Москву, представляя из себя печать из позолоченного серебра, прикрепленной к документу на серебряном шнурке. Например, крымский документ от 1624 г. удостоверялся так: «altum baysalu mühürümüzni salduq» [Ibid., p.337, 341]. Эти печати, являвшиеся наследием джучидской традиции, по своему содержанию (титулатура, имя владельца, герб) являлись элементом государственной власти, применяясь в целях официально-государственного удостоверения текстов [Усманов, 1979, с.152–182]. Так как Крымское ханство просуществовало дольше других тюрко-татарских государств, тут появились и некоторые нов-

шества, в частности, под явным влиянием оттоманской традиции накладывания на документы султанской тугры, в конце XVI – XVII вв. такая же тугра появилась и у крымских ханов. Этот знак заменил известное еще с золотоордынской эпохи начальное выражение ярлыков «sozüm» (мое слово). Действительно, в первой половине XVI в. в крымских ярлыках (как оригинальных, так и переводных), выражение «sozüm» встречается: «Великая Орда великого царя Мендли Киреево слово» (1507), «Ulu Ordanung ulu Hanı Deştı Qırcaq barça Mogul padişahı Muhamad Kerey han sözüm» [Kolodziejczyk, 2011, p.343, 345].

Атрибуты государственной власти. В русских дипломатических материалах сохранилось известие о том, что во время приема английского посольства Ер. Бауса (1583–1584) московский царь Иван IV сидел «имея возле себя три короны: Московскую, Казанскую и Астраханскую» [Чтения, 1885, с.98]. И.В.Зайцев относительно последней короны предположил, что она «была военным трофеем времен астраханского взятия или же произведением русских ювелиров, созданных в связи с присоединением города» [Зайцев, 2004, с.182]. Думается, что более правильной является первое утверждение. Дело в том, что в «Казанском летописце» о «Казанской короне» сохранилась любопытная информация, связанная с моментом раздела в Казани ханских сокровищ после взятия города. Приведем ее полностью: «...[Иван IV] ...повеле взяти в свою царскую ризницу... избранного оружия... и царских утварей... Сокровища же царская, иже в Казани взято быша *венець царский* (выделено нами. – Д.И.), и жезль, и знамя Казанскихъ царей и прочая царская орудия, в руце благочестивому царю Богом предана быша» [ПСРЛ, 19, 1903, с.467]. Как видно из этой летописи, в руки русских попала не только ханская корона (венец царский), но и другие государственные символы (жезл, знамя и еще какие-то атрибуты ханской власти – «прочая царская орудия»). Не исключено, что и «Сибирская корона» русских царей может быть принадлежностью Сибирского ханства. Косвенным свидетельством на этот счет является то, что «Казанская» и «Астраханская» короны сопрягаются с титулами

московских правителей «царь Казанский» и «царь Астраханский». Между тем прямым их аналогом является титул Бориса Годунова «царь Сибирский» [Успенский, 2000, с.49–50, 96] или «всея Сибирского земли и Северные страны повелитель» [Собрание, 1819, с.132]. Изучение данного вопроса показывает, что последняя часть титула существовала уже у Ивана IV (это видно из текста грамоты последнего, отправленной в г. Вильно 22 июля 1555 г., см.: [Исхаков, 2009в, с.86]), появившись явно после установления Сибирским князем Ядигером Тайбугидом вассальных отношений с Москвой. А вот понятие «царь Сибирский», сопрягаемое с другими аналогичными терминами, впервые появилось именно в титулатуре Бориса Годунова, видимо, в связи с окончательным покорением XVI в. Сибирского ханства. Тогда в руки русских войск могла попасть и «Сибирская корона» (о ней см.: [Файзрахманов, 2002, с.145]).

Напрашивается также вывод о существовании в позднезолотоордынских татарских государствах определенной государственной символики, что подтверждают крымские материалы. Согласно В.Д.Смирнову, среди крымских архивных дел находился документ – «Родословная царствовавших Кипчакские степи в Крымском государстве Алджингыз–хановых потомков Гирей ханов и султанов и их поколений», кроме прочего, в комментариях содержащий описание атрибутов власти, приписываемых Чингисхану, но в данном случае, скорее, характерных для самих Гиреев: Чингис-хан был «в могульской ханской короне, имеющей верх зеленый, обитой белою с золотом и жемчугом шалью, с пером наперед из перьев колпицы и дорогих камней с жемчужными подвесками»; далее говорится о «троне, покрытом разноцветным восточным дорогим ковром, с лежащими перед тронном в левой стороне на земле знаменами, литаврами, барабанами, бубнами, луками и стрелами, шашаками и панцырями»; наконец, «на троне на синих подушках лежат: на правой стороне закон..., а по левой... – тарак (т.е. тамга Гиреев. – Д.И.), принятый в символическую тамгу или герб» [Смирнов, 1887, с.329–331]. Некоторые из этих предметов были связаны с оттоманским протекторатом: соглас-

но «Тарихи Мухаммет-Гирею», крымскому хану Менгли-Гирею при утверждении его ханом оттоманским султаном были вручены «знамя, барабан и литавры» [Там же, с.297]. Очевидно, они являлись символами власти.

Что касается упоминаемого в «Родословной» трона, скорее всего, троны имелись и в других татарских ханствах. На существовании его в Касимовском ханстве намекает автор «Сборника летописей» Кадыр-Али бек. В рассказе о «поднятии» в 1600 г. четырехъя карача-беками на «золотой кошме» Ураз-Мухаммета он приводит изображение «престола» (*тахет*) в виде четырехугольника [Вельяминов-Зернов, 1864, с.403]. Правда, не исключено, что «престолом» тут названа сама кошма, но даже при этом присутствие термина «*тахет*» (трон) весьма показательно. А в «Казанском летописце» упоминается, что в момент взятия Казани русскими, хан Едигер-Мухаммет сидел «на земле, на ковре», а не на обычном «царском месте златом» [ПСРЛ, 19, 1903, с.163], – похоже, что в последнем случае также имеется в виду трон или тронное место.

Придворный церемониал и этикет.

Сохранилось описание церемонии провозглашения в 1600 г. султана Ураз-Мухаммета ханом при участии 4 князей – из кланов Аргын, Кыпчак, Джалаир и Мангыт в г. Касимове. Она была описана одним из карача-беков – Кадыр-Алием в его «Сборнике летописей», где есть даже такое примечание: «раньше по правую руку от хана находились кипчаки и аргыны, а по левую – выходцы из племени ширин и барын» [Исхаков, 1998, с.193, 195]. На церемонии кроме «Керманских беков и мирз» присутствовали и 200 человек из «черного народа», похоже – рядовых казаков. В тексте о церемонии сказано: «...внесли и разостлали золотую кошму... Буляк-сеид начал провозглашать хотбу. За тем четыре человека (карача-беки. – Д.И.), взявшись за четыре конца золотой кошмы, подняли на ней хана... все мусульмане... огласили мечеть радостными кликами. Потом карачии, аталыки и имильдаши осыпали хана деньгами, и все присутствовавшие принесли ему поздравления» [Березин, 1851, с.543–554; Вельяминов-Зернов, 1864, с.402–405]. Как видно, элементом этой церемонии было чтение «хотбы». По-

видимому, эта была общепринятая практика – в частности, в Ногайской Орде в честь новоизбранного бия также устраивался торжественный молебен [Трепавлов, 2001, с.566]. Информация о присутствии среди предводителей племен, провозгласивших в 1429 г. Шибанида Абулхаира ханом, кроме султана и огланов сеййидов Кул-Мухаммета и Кара Саида, также позволяет предположить сходный молебен в честь хана. В Крымском ханстве в конце XVI в. появилась еще одна разновидность хотбы – хан Ислам II-Гирей ввел обычай, согласно которому пятничная хотба начала предвлекаться именем турецкого султана [Kolodziejczyk, 2011, p.106].

Клятва на Коране при подписании договоров («шерть») тоже была характерна для тюрко-татарских обществ XV–XVI вв. Кроме Крымского ханства близкая церемония отмечена и в Ногайской Орде, когда по случаю шертвания ногайские мирзы со свитой «в шатре пели намаз» [Трепавлов, 2001, с.566]. Так же обстояло дело, надо думать, и во взаимоотношениях Сибирского юрта при хане Кучуме с Московским государством, о чем свидетельствует содержание проекта договора между ханом и Иваном IV от 1571 г. Из этого документа выясняется, что хан Кучум посылал в Москву посла и гонца, которые Ивану IV «роту крепкую и шерть дали на... записи». Указывается также, что посол хана и его гонец вначале «за государя своего и Кучюма царя, и за всех его лутчих людей, и за всю землю Сибирскую... шерть учинили» [Собрание, 1819, с.64–65]. Упомянутая тут «рота» (крепкая) есть клятва, скорее всего, произнесенная на Коране.

В особом отношении к сеййидам в татарских государствах, отмеченным в источниках, также надо видеть проявление этикета и церемониала того времени. В частности, С.Герберштейн при описании церемонии встречи в 1524 г. казанской знатью недалеко от г. Казани султана Сафа-Гирея, приглашенного на казанский трон, указывает, что встреча была обставлена «с пышностью и почетом, ибо в этой свите (казанских князей. – Д.И.) был и сеид, верховный жрец татар». Далее этот автор сообщает, что сеййид «пользуется у них такой властью и почетом, что при его приближении даже цари выходят ему навстречу, стоя предлагают

ему руку – а он сидит на лошади и, склонив голову, прикасаются (к его руке): это позволено только царям, герцоги же касаются не руки его, а колен, знатные люди – ступней, а простой народ – только его платья или лошадей» [Герберштейн, 1988, с.176]. То, что тут мы имеем дело не с выдумкой европейца, а с передачей реальной информации, видно и из данных, связанных с Сибирским ханством. В тексте, относящемся к концу XVI в., речь идет о подлинных событиях, записанных со слов участников посольства в Бухару, которые описывают встречу ханом Кучумом группы во главе с Ярым-сеййидом прибывшей по его приглашению в Искерский юрт из Бухарского ханства [Исхаков, 1997а, с.55]. Там отмечается, что после сообщения послом хану Кучуму о прибытии духовенства, тот со своими нукерами переправился через р. Иртыш, чтобы приветствовать прибывших.

Особое отношение к сейидам в позднезолотоордынских татарских государствах видно и в их титулах, в тех или иных формах отмеченных в ряде ханств: «*нэкийбел дшираф*» или «*судат гызам*», «*садати гозам*» («руководитель великих», «величество учителей великих»), переданных русскими и европейцами через понятия «великий бискуп», «великий анарый, або амир», «верховный жрец», «первосвященник» [Там же].

При дворах правителей тюрко-татарских государств имелся и свой порядок расположения знати на приемах. Так, русский посол В.Шадрин, бывший на приеме у крымского хана в 1518 г., отмечает: «...тут у него (хана. – Д.И.) сидел Агыш князь, Азика князь, Мансыр сеит, Апак, а на другой стороне (выделено нами. – Д.И.) сидели Халиль князь, Мамыш улан, да Мамыш Чечеут, да Абу-ла улан, да Японча князь, да Мемеш мурза» [Сборник РИО, 1895, с.500]. Если иметь в виду, что в перечне знати имеются карача-беки (Агыш – из Ширинов, Азика – из Мангытов, Мамыш – из Салджигутов, Халиль, видимо, из Кыпчаков), их нахождение по разные стороны от хана надо расценивать как элемент традиционного дворцового церемониала. Выше уже приводились данные по Касимовскому ханству о нахождении представителей кланов Кыпчак и Аргын «по правую руку» от хана, а «выходцев» из кланов Ширин и Ба-

рын – «по левую». Придворный церемониал в Государстве Шибанидов во время правления Шайбани-хана описан в «Михман – наме-йи Бухара» (1509). Рассказывая об «августейшем собрании» в местности Кан-и Гил недалеко от г. Самарканда, Фазлаллах б. Рузбихан сообщает, что при расположении в айване канигильского дворца, «правая сторона украсилась сидением улемов, а на левой стороне расположились... султаны... Великие эмиры и почитаемые благородные мирзы в августейшем кругу удостоились занять места *согласно своим степеням и чинам*» (выделено нами. – Д.И.) [Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани, 1976, с.153].

Некоторые элементы церемонии приема послов в Ногайской Орде сохранились в ногайских делах. В частности, русские послы жаловались, что у них «пошлинники трех орд и придверники, пошлин просили» [ПДРВ, 1791, с.238]. Иногда послами это воспринималось как «воля», которую ногайский князь дал «крачеям... в пошлинах грабить» [Там же, с.239]. Но на самом деле тут мы имеем дело со старинной традицией, по которой «12 князем в Орде (Ногайской. – Д.И.) всегда со всякого посла» было положено «имывати по шубе да по однорядке» [ПДРВ, 1793, с.264–265]. Обычай привозить подарки 12 ведущим агам и ведущим беям и мурзам затем закрепился в первой четверти XVII в. и в Крымском ханстве [Kolodziejczyk, 2011, p.136]. Не исключено однако, что он существовал там и раньше. В.В.Трепавлов отмечает, что в Посольском приказе в Москве послам специально указывали на необходимость не поддаваться на «бесчестные» для них обычаи, в числе которых была и плата «посошной пошлины»: перед входом в шатер бия Ногайской Орды стражники иногда бросали «батог» (посох) и чтобы через него переступить, следовало заплатить пошлины [Трепавлов, 2001, с.605]. На самом деле приведенные выше примеры как раз связаны с этим обычаем, являвшемся в действительности частью церемонии приема посла в Ногайской Орде. По всей видимости, аналогичные обычаи бытовали и в других синхронных татарских государствах. Во всяком случае, в московско-крымских соглашениях 1513, 1525, 1531 гг. есть фраза о том, что во время приезда московско-

го посла в Крым он прямо идет к хану, «а дарагам и пошлинникам даражским и иным пошлинники ни как не быти, ни сил, ни на-ступанью, ни грабежу и нечести» [Записки, 1863, с.406, 417, 419]. Эта старая формула из крымских актов известна еще с 1474 г.: «...посол идет прямо ко мне (хану. – Д.И.), а пошлинникам и даражским и иным пошлинники ни которым не быти» [Собрание, 1894, с.1]. Можно высказать предположение, что в данном случае мы также имеем дело с трансформировавшимися элементами придворного церемониала приема послов, в том

числе и представителей вассальных территорий, сохранившихся еще с периода Золотой Орды. В Крымском ханстве, например, послы при приеме давали подарки знати, которая рассматривала их как дань от вассалов. С другой стороны, хан одаривал послов почетной одеждой, что на самом деле подчеркивало суверенитет хана над государями этих посланников [Kolodziejczyk, 2011, р.481]. Все эти элементы, конечно, в рассматриваемое время являлись уже частью государственной культуры тюрко-татарских обществ XV–XVI вв.

§ 2. Правовая культура в тюрко-татарских государствах XV–XVIII вв.

Роман Почекаев

Под правовой культурой принято понимать общее состояние «юридических дел» в обществе – законодательства, суда и правосудия, правоохранительных органов, правосознания населения страны в целом, уровня правовых ценностей, их реализации на практике [Алексеев, 1999, с.51]. При этом особое внимание уделяется изучению совокупности текстов, отражающих правовую реальность, их созданию, хранению и трансляции [Поляков, 2004, с.469]. При классификации правовых культур исследователи вполне обоснованно говорят о восточном типе правовой культуры, выделяя в качестве его разновидностей мусульманскую, индийскую, дальневосточные (китайскую и японскую), а также африканскую [Давид, Жоффре-Спинози, 2003, с.308].

Отсутствие в основных историко-правовых классификациях правовой культуры тюркских и монгольских кочевых народов, по-видимому, связано с ее недостаточной изученностью. А между тем исследование права кочевых народов Евразии дает основание считать, что они обладали весьма самобытной и при этом высоко развитой правовой культурой. Наивысшего развития она достигла в могущественных «степных империях» – державе Чингис-хана и его преемников, империи Юань в Китае, государства ильханов в Иране, Золотой Орде. Отсутствие принципов и норм, регулировавших отдельные виды правоотношений, изначально не присущие кочевым обще-

ствам, правители-Чингизиды компенсировали инкорпорацией в свое имперское право норм оседлых государств, в первую очередь – Китая и мира ислама.

Таким образом, право (соответственно, и правовая культура) Монгольской империи и государств – ее преемников, государств имперского типа, представляло собой уникальное сочетание в рамках единой правовой системы ряда источников права: 1) норм имперского права (как результата правотворческой деятельности правителей); 2) обычного права кочевых племен и оседлых народов (включая адаты мусульманских подданных Чингизидов); 3) религиозного права (шариата в мире ислама и буддийских канонов в Китае, Монголии, Тибете); 4) права иностранных народов и государств, с которыми Монгольская империя и ее преемники постоянно взаимодействовали. Такое сложное, но при этом органичное сочетание разных, казалось бы, источников права, являлось юридической базой, на основе которой существовала Золотая Орда, отличавшаяся высочайшей для своего времени правовой культурой.

Однако в результате распада «степных империй», в том числе и Золотой Орды, разрушилась материальная составляющая, поддерживавшая уровень правовой культуры, и на смену единому государству со сложной, но органичной правовой системой пришел целый ряд государств – собственно тюрко-татарские государства, – в которых право и

правовая культура находились на совершенно ином уровне. Прежде всего, это проявилось в том, что в тюрко-татарских государствах прежние элементы единой правовой системы превратились в самостоятельные правовые системы, сосуществовавшие в рамках одного государства. Поэтому, давая характеристику правовой культуры тюрко-татарских государств XV–XVIII вв., следует рассматривать параллельное сосуществование в них таких самостоятельных правовых систем (и культур), как имперское правовое наследие державы Чингис-хана и Золотой Орды, обычное право кочевых и оседлых народов, населявших эти государства и религиозное право (шариат). В Золотой Орде конкуренция этих столь разных правовых систем сглаживалась авторитетом сильной центральной власти, заинтересованной, прежде всего, в защите своих интересов с помощью всех возможных правовых принципов и норм разного происхождения. В тюрко-татарских же государствах, пришедших на смену Золотой Орде эта конкуренция, более не сдерживаемая центральной властью (сильно ослабленной в результате распада Золотой Орды), проявлялась порой весьма ярко. Одной из особенностей правового развития наследников Золотой Орды стало то, что они пошли по разному пути. Одни, образовавшиеся в регионах, издавна (еще задолго до монгольского завоевания) имевших мусульманские традиции, превратились в государства с доминирующим положением шариата – это Казанское, Крымское, Астраханское ханства. Другие, представлявшие собой преимущественно кочевые государственные образования, в большей степени стали опираться на нормы обычного права – это государство Шибанидов, Ногайская Орда, Сибирское ханство [Почекаев, 2009б, с.43]¹. Однако какая бы система права ни доминировала в каждом из этих государств, в них всех сохранилось действие всех трех основных правовых систем (имперского

права, обычного права и шариата), причем если в одних случаях нормы одной системы подменяли или вытесняли нормы другой, то в других они дополняли или взаимозаменяли друг друга.

Сосуществование вышеназванных правовых систем в тюрко-татарских государствах XV–XVIII вв. позволяет считать их полноправными наследниками государственности и права Монгольской империи и Золотой Орды и отнести к тому же уникальному типу тюрко-монгольской кочевой правовой культуры.

Историография и источники по правовой культуре тюрко-татарских государств XV–XVIII вв. Исследователи неоднократно обращались к вопросам истории государства и права тюрко-татарских ханств. При этом большинство специалистов сосредотачивались, что вполне естественно, на истории конкретного государства, тогда как обобщение и сравнительный анализ политико-правовых аспектов истории тюрко-татарских государств представлен в единичных работах (см., например: [Зайцев, 2004а; Исхаков, Измайлов, 2007; Исхаков, 2009в]). Следует также отметить фундаментальное исследование М.А.Усманова по дипломатике тюрко-татарских государств XIV–XVI вв. [Усманов, 1979], а также оригинальное исследование Д.М.Исхакова о роли высшего мусульманского духовенства (в первую очередь – сеидов) в постордынских государствах [Исхаков, 1997а]. Представляет интерес и небольшая статья Т.К.Бейсембиева о политико-правовой идеологии пост-имперских чингизидских государств и ее восприятию в соседних странах [Бейсембиев, 1991].

Среди наиболее значимых работ, в которых большое внимание уделяется проблемам политико-правового развития Крымского ханства, можно назвать труды В.Д.Смирнова [Смирнов, 2005; Смирнов, 2005а], А.Л.Хорошкевич [Хорошкевич, 2001], О.Е.Гайворонского [Гайворонский, 2007; Гайворонский, 2009], а также серия работ французских исследователей Ш.Лемерсье-Келькеже, А.Беннигсена и Э.Беннигсен, Т.Гёкбилгина, Ж.Вайнштейна и др. [Восточная Европа, 2009]. Эти работы посвящены в большей степени политической

¹ Мы не рассматриваем в настоящем исследовании правовую культуру так называемой Большой Орды, разделяя точку зрения авторов (например, Ю.Шамильоглу), которые считают это государство поздней Золотой Ордой. Следовательно, ее правовая культура имеет те же особенности, что и золо-тоордынская.

истории Крымского ханства, однако авторы нередко заостряют внимание на ряде правовых аспектов и зачастую подробно анализируют юридические памятники (о них см. ниже). Также отдельные вопросы правового характера затрагиваются в исследованиях по истории крымско-московских отношений [Санин, 1987; Новосельский, 1994 и др.], крымско-турецким отношениям (см., например: [Орешкова, 1990], а также в работах по истории развития ислама в Крымском ханстве [Бойцова, 2004]). Собственно правовым аспектам истории Крымского ханства посвящены специальные исследования Ф.Ф.Лашкова по крымскому землевладению [Лашков, 1894–1896], Ф.А.Аметка по вопросам развития государства, права и суда в Крымском ханстве [Аметка, 2003; Аметка, 2004]; соотношение шариатского и обычного права в Крымском ханстве второй половины XVII в. кратко рассмотрено в статье Р.Ю.Почекаева [Почекаев, 2009в]. Кроме того, имеется ряд источниковедческих работ, в которых описываются и анализируются крымские правовые памятники, либо документы, имеющие юридическое значение – труды М.Н.Бережкова, Ф.Ф.Лашкова, О.Акчокраклы, И.В.Зайцева (см., например: [Бережков, 1894; Бережков, 1894а; Лашков, 1889; Лашков, 1890–1891; Акчокраклы, 1931; Зайцев, 2009а]).

Политико-правовые аспекты истории Казанского ханства освещены в монографиях М.Г.Худякова, Ш.Ф.Мухамедьярова, Д.М.Исхакова, А.Г.Бахтина [Худяков, 1996; Мухамедьяров, 1950; Исхаков, Измайлов, 2005, Бахтин, 2008]. Ряд вопросов правового характера затронут в работах Ш.Ф.Мухамедьярова (земельные правоотношения), Д.М.Исхакова (роль мусульманского духовенства в политико-правовой жизни общества), В.В.Трепавлова (оформление правоотношений с другими постордынскими государствами) [Мухамедьяров, 1958; Исхаков, 1997а; Трепавлов, 2007].

История Ногайской Орды подробно освещена в фундаментальном исследовании В.В.Трепавлова, уделившего значительное внимание политической жизни и правоотношениям в этом государстве [Трепавлов, 2001]. Отдельные аспекты политико-правовой истории Ногайской Орды, помимо

В.В.Трепавлова, являющегося также автором многочисленных статей по ногайской истории, освещали и другие авторы. Так, в работах Е.А.Поноженко освещены вопросы административного устройства, суда и судебного процесса у ногайцев [Поноженко, 1976; Поноженко, 1977]. В работах В.М.Викторина освещается роль обычного права в жизни ногайцев, а также особенности административного устройства Ногайской Орды [Викторин, 1985; Викторин, 1991; Викторин, 1999].

Специальных исследований по политико-правовому устройству Касимовского ханства, насколько нам известно, пока нет. Отдельные аспекты государственного устройства и правового развития этого государства затрагивались в общих работах по истории Касимовского ханства В.В.Вельяминова-Зернова, А.Г.Бахтина, С.Аджара, Б.Р.Рахимзянова [Вельяминов-Зернов, 1863–1868; Бахтин, 2008; Асар, 2008; Рахимзянов, 2009]. О роли мусульманского духовенства в законодательной деятельности и принятии политических решений в Касимовском ханстве пишет также Д.М.Исхаков [Исхаков, 1997а, с.14–22].

Политико-правовая история Сибирского ханства представлена в работах ряда современных исследователей. Общие вопросы политико-правового устройства отражены в работе Д.М.Исхакова [Исхаков, 2006]. Анализ правовых документов (посланий тюменских и сибирских правителей) проводят А.Г.Нестеров и А.К.Бустанов [Нестеров, 2004; Бустанов, 2007]. Д.Н.Маслюженко исследует вопросы статуса монархов и соправительства в Тюменском юрте/Сибирском ханстве [Маслюженко, 2007; Маслюженко, 2009]. В работах Д.М.Исхакова и З.А.Тычинских рассмотрены проблемы административно-политического и территориального устройства Сибирского ханства в XVI–XVII вв., а также статуса его беклярибеков [Исхаков, 2008; Тычинских, 2009; Тычинских, 2009а].

Политико-правовые аспекты истории государства Шибанидов (известного в историографии также как «государство кочевых узбеков») отражены лишь в общих работах, касающихся истории этого государства [Ахмедов, 1965, с.71–108; Исхаков, Измайлов,

2007, с.259–262; Маслюженко, 2008, с.72–90; Исахаков, 2009в, с.74–77]. Специальных исследований по проблемам государства и права Шибанидского юрта, насколько нам известно, не существует.

Государственные и правовые аспекты истории Астраханского ханства также весьма слабо отражены в историографии. Отдельные вопросы рассмотрены в фундаментальном труде И.В.Зайцева [Зайцев, 2004]. Влияние мусульманского духовенства на политико-правовую жизнь ханства исследовано Д.М.Исахаковым [Исахаков, 1997а, с.64–68].

Несомненно, столь существенные различия исследований различных тюрко-татарских государств по количеству, объему, уровню и затрагиваемым аспектам объясняются состоянием базы правовых памятников по каждому из этих государств.

Наибольшее количество источников имеется по истории государства и права (и, соответственно, правовой культуре) Крымского ханства, причем многие из них опубликованы и даже переведены на русский язык. Одним из ценнейших источников по истории государства и права ханского Крыма, несомненно, являются ярлыки крымских ханов, наиболее значительные публикации которых были осуществлены и зачастую снабжены подробными, комплексными исследованиями В.В.Григорьевым и Я.О.Ярцовым [Григорьев, Ярцов, 1844; Ярцов, 1848], И.Н.Березиным [Березин, 1872], З.А.Фирковичем [Фиркович, 1890], Ф.Ф.Лашковым [Лашков, 1895б], В.Д.Смирновым [Смирнов, 1913; Смирнов, 1917], С.Е.Маловым [Малов, 1953], А.Беннигсеном [Bennigsen, 1978]. Другой, не менее значимый источник – дипломатические документы по связям Польско-Литовского государства и России с Крымским ханством: посольские книги и статейные списки посольств, а также послания крымских ханов. Среди наиболее важных из публикаций можно назвать издания Н.М.Оболенского [Оболенский, 1838], Н.Мурзакевича [Статьный, 1850], В.В.Вельяминова-Зернова [Velyaminov-Zernov, 2010], В.Д.Смирнова [Смирнов, 1881], Г.Ф.Карпова [Памятники, 1884; Памятники, 1895], Ф.Ф.Лашкова [Лашков 1891; Лашков, 1892], А.И.Маркевича [Маркевич,

1895–1896], А.А.Сергеева [Сергеев, 1913], Б.Н.Флори [Флоря, 2001], С.Ф.Фаизова [Фаизов, 2003], И.А.Мустакимова [Документы, 2008]. К специфическим, но от этого не менее важным источникам по истории правовой культуры Крымского ханства можно отнести кадиаскерские книги (сакки), наиболее значительные публикации которых были осуществлены М.Биярслановым [Биярсланов, 1889–1890] и Ф.Ф.Лашковым [Лашков, 1896а].

Гораздо меньше юридических памятников сохранилось от Казанского ханства. Это, в первую очередь, немногочисленные ханские ярлыки и послания, публикации которых в разное время осуществляли и сопровождали исследованиями С.Г.Вахидов [Вахидов, 1925а], М.А.Усманов, Ш.Ф.Мухамедьяров и Р.Степанов [Госманов, 1965; Мухамедьяров, 1967], И.Вашари [Vásáry, Muhamedyarov, 1987], Д.А.Мустафина [Мустафина, 1997], С.Х.Алишев [Алишев, 2001]. Кроме того, ссылки на акты Казанского ханства имеются и в ряде документов более позднего времени (конец XVI – XVIII в.) – подтвердительных актов русских государей, выдававшихся уже тогда, когда Казанское ханство уже вошло в состав России (см., например: [Вельяминов-Зернов, 1864а]).

Значительное число документов сохранилось от Ногайской Орды – благодаря дошедшим до нас многочисленным посольским книгам по связям Московского царства с этим государством, в которых содержится немало число официальных актов (посланий) ногайских биев и мурз, а также адресованных им посланий и «ярлыков» московских правителей. История публикаций этих источников начинается с конца XVIII в. Наиболее значительные на сегодняшний день публикации посольских книг по связям России с Ногайской Ордой были осуществлены Н.Новиковым [Новиков, 1791–1801], Г.Ф.Карповым [Памятники, 1884], М.П.Лукичевым, Н.М.Рогожиным, Б.А.Кельдасовым и Е.Е.Лыковой [Посольская книга, 1984; Посольские книги, 1995], В.В.Трепавловым и Д.А.Мустафиной [Посольская книга, 2003; Посольские книги, 2006].

Весьма специфическая ситуация сложилась с правовыми памятниками Касимовского ханства. Ни одного юридического (как

и иного официального) документа этого государства до нашего времени не сохранилось. Однако имеется ряд договорных грамот московских государей, затрагивающих вопросы правового положения Касимовского ханства, а также иные акты материалы были осуществлены В.В.Вельяминовым-Зерновым [Вельяминов-Зернов, 1863–1868], Л.В.Черепнинным [Духовные, 1950], А.В.Антоновым [Антонов, 2001] и др. Важные сведения политико-правового характера содержит также сочинение Кадыр-Али-бия Джалаири «Сборник летописей», составленное при дворе касимовского хана Ураз-Мухаммада [Библиотека, 1854].

Весьма немногочисленны правовые памятники Тюменского юрта и Сибирского ханства. До нашего времени дошли лишь несколько дипломатических документов – грамот тюменских / сибирских ханов XV–XVI вв., нередко ошибочно именовавшихся ярлыками, а также посланий московских государей сибирским монархам. Эти источники неоднократно публиковались и цитировались в различных тематических сборниках и исследовательских трудах (см., например: [Собрание, 1819; Небольсин, 1849; Посольская книга, 1984; Посольские книги, 1995; Атласи, 2005; Исхаков, 2006]. Дополнительные сведения, касающиеся политико-правовых аспектов Сибирского ханства, содержатся в грамотах московских царей XVI–XVII вв., которые опубликованы в качестве приложения к фундаментальному труду Г.Ф.Миллера [Миллер, 1999; Миллер, 1941; Миллер, 2005], а также в документах по истории русско-монгольских дипломатических отношений середины XVII в. [Русско-монгольские, 1996].

Практически отсутствуют или не обнаружены на сегодняшний день правовые акты государства Шибанидов, о политико-правовом развитии которого можно делать самые общие выводы только на основе нарративных источников (см.: [Ахмедов, 1965, с.71–108; Исхаков, Измайлов, 2007, с.259–262; Исхаков, 2009в, с.74–77]).

Аналогичная ситуация складывается и в отношении Астраханского ханства: на сегодняшний день имеется, кажется, единственный официальный документ этого

государства – послание астраханского хана (даже имя которого не устанавливается на основании этого акта!) турецкому султану [Документы, 2008, с.65–68]. Общие же выводы о его политико-правовом устройстве исследователи также делают на основании нарративных источников или косвенных актов материалов (см.: [Зайцев, 2004]).

В результате большинство исследований правовой культуры тюрко-татарских государств представляют собой анализ основных источников по истории государства и права (юридических памятников) и реконструкцию на их основе государственно-административного устройства этих государств, т.е. в большей степени внимание уделяется политической и государственной, а не правовой составляющей. Правовой аспект затрагивается в гораздо меньшей степени, причем, что вполне объяснимо, исследователи наиболее подробно описывают мусульманский (шариатский) аспект тюрко-татарской правовой культуры – отмечая, впрочем, своеобразие «национального ислама» каждого из рассматриваемых государств, – а также отдельные аспекты обычного права.

Однако эволюция принципов и норм имперского («чингизидского») права в тюрко-татарских ханствах XV–XVIII вв. до сих пор так и не стала объектом глубокого исследования, а ведь именно наличие этой системы позволяет говорить об этих государствах как прямых и непосредственных наследниках Золотой Орды и ее государственно-правовых традиций. Соответственно, сосуществование в тюрко-татарских государствах нескольких правовых систем в рамках одного государства, выделенное нами как главная специфическая черта, особенность их правовой культуры, на сегодняшний день остается практически неисследованной¹.

¹ Единственное исследование, в котором достаточно подробно прослеживается влияние золотоордынских правовых традиций на право Крымского ханства, принадлежит Ф.Ф.Лашкову [Лашков, 1894; 1895; 1895а; 1896], однако исследователь ограничился преимущественно вопросами земельно-правовых отношений. Да и многие его выводы на сегодняшний день, с учетом вновь открытых источников и новейших исследований, нуждаются в пересмотре.

Имперское правовое наследие в тюрко-татарских ханствах. Сам факт того, что тюрко-татарские государства являлись политическими преемниками Золотой Орды, а также то, что в большинстве их (за исключением Ногайской Орды) правили прямые потомки Чингис-хана и золотоордынских ханов, обусловил применение в этих государствах источников, принципов и конкретных норм имперского права.

В первую очередь это было связано с сохранением самого института ханской власти, причем монополию на титул во всех тюрко-татарских государствах в течение всего рассматриваемого периода сохраняли потомки Чингис-хана (см.: [Бейсембиев, 1991, с.27]). Исключение составляли лишь правители Ногайской Орды, потомки Идигу, и сибирские Тайбугиды, однако и они в разное время возводили на трон марионеточных правителей – не случайно в русских летописных источниках неоднократно встречается, в частности, титул «ногайский хан» (см., например: [Сабитов, 2009]). Свою преемственность от Чингис-хана монархи постордынских государств подчеркивали и в официальных актах. Одним из ярких свидетельств того, что «харизма» рода Чингизидов продолжала оставаться актуальным источником верховной власти является апеллирование в ярлыках ханов XVI–XVII вв. к Тенгри – древнетюркскому божеству, которое, согласно официальной имперской идеологии даровало власть Чингис-хану и его потомкам. Примечательно, что даже крымские ханы середины XVII в. Мухаммад-Гирей IV и Ислам-Гирей III (которые были не только мусульманами, но, по некоторым сведениям, даже претендовали на титул халифа – повелителя всех правоверных) в своих посланиях апеллировали и к Тенгри, и к Аллаху [Фаизов, 2003, с.80, 87, 115, 123, 135, 142; см. также: Бойцова, 2004, с.87–88]¹.

¹ Эта традиция также берет начало из Золотой Орды, многие ханы которой даже после принятия ислама продолжали апеллировать к воле Тенгри в своих ярлыках и пайцзах (см., например: [Банзаров, 1850, с.8, 17]), что свидетельствовало не о том, что они были «плохими мусульманами», а лишь о том, что, помимо мусульманских факторов обоснования своей власти, они продолжали использовать также и имперские факторы легитимации, существовавшие еще с доисламских времен.

Унаследовав харизму Чингис-хана от своих прямых предшественников – золотоордынских ханов-Джучидов, монархи тюрко-татарских государств унаследовали также и их прерогативы в самых разных областях. Прежде всего это касалось их законодательной деятельности, которая нашла свое отражение преимущественно в изданиях указов – ханских ярлыков.

Некоторые виды ярлыков исчезли вследствие их не востребованности. Например, функции ярлыков-законов, существовавших в Золотой Орде и других государствах Чингизидов XIII–XV вв., в Крымском ханстве постепенно перешли к шариатскому законодательству. Так, основу права в Крыму составляли нормы шариата, а судебные решения принимались кадиями и фиксировались в специальных книгах – кадиаскерских сакках [Биярсланов, 1889–1890].

Кроме того, ханы тюрко-татарских государств утратили монополию на издание ярлыков. Так, турецкий автор XVII в. Хюсейн Хезарфенн сообщает, что не только крымские ханы, но и их соправители-наследники – калга-султан и нуреддин-султан – имели право издавать ярлыки [Орешкова, 1990, с.266]. И в самом деле, до нашего времени сохранился ряд ярлыков, выданных не только ханами, но и лицами носившими султанский титул – например, указы Мухаммад-Гирей-султана, Адиль-Гирей-султана, Фатх-Гирей-султана и даже одной ханской дочери, Мехри-султан-хани, являющиеся тарханскими и суюргальными ярлыками, т.е. жалованными грамотами [Усманов, 1979, с.21, 36, 43–45, 53, 55]. В.Д.Смирнов сообщает о любопытном с правовой точки зрения документе – грамоте (ярлыке?) Бахт-Гирей-султана, скрепленной печатью его отца, Бахадур-Гирей-хана [Смирнов, 2005, с.380]! Более того, в русских архивах содержатся сведения о том, что даже ногайские бии, не являвшиеся Чингизидами по происхождению, также выдавали «ерлыки» (см.: [Трепавлов, 2001, с.523]). В 1549 г. в Казани после смерти хана Сафа-Гирея состоялся курултай, на котором был принят документ, подписанный участниками (беклярибеком князем Мамаем, уланами, муллами, хафизами, князьями, сотниками и десятниками), который был направлен крымскому хану Сахиб-Гирею; документ

назван ярлыком, и это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что курултай 1549 г. принял на себя функции временного верховного правительства с правом издания соответствующих актов до вступления на престол нового хана (собственно, этот документ и содержит просьбу о присылке в Казань нового монарха) (см.: [Исхаков, 2010, с.140]).

Жалованные грамоты, как и в золотоордынское время, могли выдаваться и отдельным лицам, и целым селениям [Vásáry, 1982], а также представителям определенных конфессий – например, известны ярлыки крымских ханов караимам [Фиркович, 1890, с.55–105]. Впрочем, со временем крымские ханы стали практиковать выдачу ярлыков не с пожалованием тарханства, что было не слишком целесообразно с экономической точки зрения, а с правом получения из государственной казны определенного денежного пособия (см.: [Усманов, 1979, с.246]). Впрочем, тарханные ярлыки, пожалованные первыми крымскими ханами, впоследствии постоянно подтверждались их преемниками, а некоторые из них сохраняли свое действие вплоть до последних лет существования Крымского ханства и даже после его вхождения в состав Российской империи (см., например: [Смирнов, 1913, с.28–39]). Аналогичная ситуация сложилась и в Казанском ханстве: тарханные привилегии обладателей ярлыков сохранялись не только в течение всего времени существования этого государства, но и позднее – после присоединения его к России [Худяков, 1996, с.683; Vásáry, Muhamedyarov, 1987, p.190–206].

Достаточно подробно можно проследить судьбу ярлыков в Крымском ханстве, в меньшей степени – в Казанском и Сибирском ханствах, и совершенно нет сведений о ярлыках Астраханского ханства. На основании имеющихся сведений можно утверждать, что ярлыки в этих ханствах не только сохранились, но и активно использовались в законотворческой практике. Правда, если в Золотой Орде ярлыки нередко играли роль законодательных актов, имевших обязательное всеобщее действие, то в государствах – ее преемниках – они в большей степени являлись своего рода вспомогательным законодательством, возможно – традицией,

своего рода свидетельством преемственности местных правителей от Монгольской империи и Золотой Орды.

Наиболее значительное количество ярлыков сохранилось от Крымского ханства, и именно на основе крымских документов можно в наибольшей степени проследить эволюцию этого института в постордынских ханствах. Как показывает анализ сохранившихся документов, большинство ханских ярлыков представляли собой либо жалованные грамоты, либо послания иностранным государям, которых крымские ханы (имевшие претензию считать себя главными наследниками Золотой Орды) считали ниже себя по статусу (см., например: [Фиркович, 1890]). Весьма ценными представляются коллекции тарханных ярлыков, которые выдавались крымскими ханами представителям одного и того же семейства на протяжении длительного времени [Смирнов, 1913]. Это свидетельствует о сохранении золотоордынской (и вообще монгольской имперской) традиции, согласно которой каждый новый хан, вступая на трон, должен был подтверждать или отменять ярлыки своих предшественников. Впрочем, в XVII в. в Крыму стал применяться и другой способ подтверждения ханами воли своих предшественников: на ярлыках, выданных прежними ханами, их преемники проставляли свои именные печати, тем самым продлевая действие этих документов. Так, например, на ярлыке, содержащем решение хана Девлет-Гирея I об одном земельном споре, также присутствуют печати ханов Селим-Гирея I, Саламат-Гирея II и Менгли-Гирея II, т.е. ярлык действовал на протяжении 1570-х – 1740-х гг.; аналогичным образом, действие ярлыка Селим-Гирея II о пожаловании земельного владения подтверждено его преемниками Арслан-Гиреем и Халим-Гиреем [Лашков, 18956, с.89, 92].

Из нескольких сохранившихся до нашего времени официальных актов Казанского ханства только два являются ярлыками, причем оба – тарханными: хана Ибрагима и Сахиб-Гирея [Мухамедьяров, 1967; Усманов, 1979, с.34–37; Эхмэтжанов, 2009]. Несмотря на отсутствие значительного числа актов казанской ханской канцелярии, есть основание полагать, что именно в Казан-

ском ханстве могли в значительной степени сохраниться виды ярлыков, наиболее характерных для Золотой Орды. Это связано с тем, что за сравнительно короткое время своего существования Казанское ханство (1437/1445–1552) не успело ни забыть ордынские традиции, ни попасть под чужеземное влияние – в отличие, например, от Крымского ханства, уже к середине XVI в. оказавшегося под сильным влиянием османской государственной-правовой традиции.

Несмотря на то что в Казанском ханстве административный аппарат строился также на основе мусульманской чиновной иерархии, в нем сохранились и некоторые ордынские (т.е. фактически тюрко-монгольские) административные институты. Например, упоминаемые в источниках административные единицы «даруги»/«дороги», несомненно, сопоставимы с областями Золотой Орды, возглавлявшиеся ханскими наместниками – даругами. Эта параллель становится еще более очевидной, если принять во внимание, что эти «даруги», в свою очередь, делились, вероятно, на сотни и десятки, что также вполне соответствует золотоордынской административной системе [Исхаков, 2009в, с.60]. В связи с этим вполне логичным представляется, что назначения на должность правителей этих «даруг» также осуществлялось в порядке, принятом еще в Золотой Орде, т.е. путем выдачи соответствующих ханских ярлыков. Дошедшие до нас послания казанского хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду I и его сыну-соправителю Сигизмунду II Августу, датированные рубежом 1530–1540-х гг. [Мустафина, 1997], не являются ярлыками.

Не больше официальных актов сохранилось и от еще одного постордынского государства – Тюменского юрта, впоследствии трансформировавшегося в Сибирское ханство. Его история весьма слабо изучена из-за практически полного отсутствия собственно сибирских, аутентичных, источников (см., например: [Зайцев, 2009а, с.5–6]). Тем не менее существование в нем института ханских ярлыков представляется несомненным. Так, например, в послании тюменского хана Сайид-Ибрахима (Ибака) московскому великому князю Ивану III от 1489 г. присутствует фраза: «Чюмгур князь как дойдет, ярлык

увидев, твоему братству примета то будет» [Посольская книга, 1984, с.18]. Само послание ярлыком не является, поскольку адресовано равному по положению государю [Бустанов, 2007, с.93], однако упоминаемый в ней ярлык – это своего рода «верительная грамота», выданная ханскому посланцу как свидетельство наделения его дипломатическими полномочиями [Почекаев, 2009б, с.186]. Менее понятен статус еще одного документа – послания хана Кучума в Москву от 1570 г., которое в сохранившемся русском переводе именуется грамотой [Исхаков, 2006, с.179–180], но некоторые исследователи переводят слово «грамота» как «ярлык» (см., например: [Атласи, 2005, с.48–49]). Полагаем, что не следует считать этот документ ярлыком (как и вышеупомянутые казанские послания польским королям и знати), поскольку, во-первых, нет указаний на то, что Кучум ставил себя выше московского царя, во-вторых, текст грамоты завершается «поклоном», что также никак не характерно для ярлыков, направляя которые, ханы ставили себя выше своих адресатов.

Завершая обзор эволюции института ярлыков в постордынских тюрко-татарских государствах, следует сказать несколько слов еще об одной весьма интересной тенденции, связанной с этой эволюцией. Речь идет о фактах выдачи ярлыков самим ханам-Чингизидам и другим правителям постордынских государств (юртов) иностранными монархами, которые сами потомками Чингис-хана не являлись и, таким образом, формально не имели права издавать ярлыки. Тем не менее нам известно, как минимум шесть таких документов: ярлык турецкого султана Мехмеда II крымскому хану Менгли-Гирею 1473 г. [Гузев, 1972], ярлык Ивана Грозного сибирскому князю Едигеру 1556 г., и три ярлыка того же Ивана Грозного ногайским мирзам 1557–1561 гг. [Посольские книги, 2006, с.242–243, 334], а также ярлык Бориса Годунова 1600 г., которым казахский султан Ураз-Мухаммад назначался правителем Касимовского ханства (отметим, что тексты двух ярлыков – Ивана Грозного 1556 г. и Бориса Годунова 1600 г. – не сохранились, факты их выдачи лишь упоминаются в источниках) [Трепавлов, 2008]. Обратим внимание, что вообще-то в

законодательной и делопроизводственной практике и Османской империи Московского царства ярлыки не применялись: несомненно, издание указанных актов носило экстраординарный характер, отражавший особенности взаимодействия Османской империи и Московского царства с постордынскими государствами Чингизидов. М.В.Довнар-Запольский также сообщает о содержащихся в Литовской Метрике начала XVI в. «ярлыках» польского короля Крымскому хану Менгли-Гирею [Довнар-Запольский, 1897, с.18]. Однако в данном случае полагаем, что либо в источнике присутствует ошибка, либо ошибся сам исследователь: известно, что крымские ханы направляли ярлыки польско-литовским монархам, считавшимся вассалами Крыма в отношении южнорусских земель (см.: [Почекаев, 2006]), но о ярлыках польских королей крымским ханам другими сведениями, помимо сообщения М.В.Довнара-Запольского, мы не располагаем.

Весьма интересную информацию о международном правовом статусе тюркотатарских правителей постордынской эпохи содержат их дипломатические акты – послания иностранным монархам. Мы считаем возможным также отнести их к образцам имперского наследия Джучидов, поскольку их форма (протокол) и содержание во многом соответствовали золотоордынской правовой традиции. Так, крымские ханы, считавшиеся наиболее законными преемниками монархов Золотой Орды, в своих посланиях (в том числе и носивших статус ярлыка, т.е. адресованных низшим по статусу монархам) проставляли следующий титул: «Великой Орды и Великого царства, и Дешт-кипчака, и престольного Крыма, и всех татар, и многих ногаев, и татов с тавгачами, и живущих в горах черкесов великий падишах я, великий хан Мухаммед-Гирей» [Фаизов, 2003, с.115; см. также: Лашков, 18956, с.90]. Включение в титул хана элементов «Великой Орды» и «Дешт-кипчака» однозначно свидетельствует о претензиях крымских ханов на полноправное преемство от ханов Золотой Орды. Между тем на реальное преемство претендовали, кажется, только первые крымские ханы Менгли-Гирей I и Мухаммад-Гирей I, которые старались восстановить единство

прежней Золотой Орды, объединив Крым и ханства Поволжья. Однако сама титулатура, как видим, сохраняется и в середине XVII в., когда даже крымские ханы в значительной степени утратили свои великодержавные амбиции.

Но, что гораздо любопытнее, западные монархи воспринимали их в качестве таковых! В частности, литовские великие князья и польские короли продолжали признавать свой вассалитет от крымских ханов на южнорусские земли, получать от них ярлыки и выплачивать за них дань Крыму – несмотря на то, что московские государи еще на рубеже XV–XVI вв. отвоевали эти территории и не собирались уступать их ни крымским ханам, ни польско-литовским монархам (см. подробнее: [Почекаев, 2006, с.226–228; Почекаев, 2008, с.33–34]). В Литовской Метрике Менгли-Гирей I назван «великим царем татарским», т.е. правители Литвы признавали его в качестве правопреемника Золотой Орды [Довнар-Запольский, 1897, с.13]. Польский историк начала XVI в. Матвей Меховский называет крымского хана Мухаммад-Гирея «государем Перекопским» и «Крымским императором»; другой польско-литовский историк середины XVI в. Михалон Литвин также называет крымского хана caesar (цезарь, т.е. опять же – император) [Меховский, 1936, с.90; Литвин, 1994, с.64–65].

А каков был статус других ханств, образовавшихся после распада Золотой Орды, в глазах монархов Европы? Такие государства, как Астраханское или Сибирское ханство, похоже, вообще не имели контактов с европейскими государями, и потому их статус в глазах европейских монархов определить достаточно сложно. Впрочем, на основании сохранившегося послания сибирского хана Кучума московскому царю Ивану IV можно сделать вывод, что амбиции сибирского Шибанида были отнюдь не велики: он именуется «вольным (свободным) человеком» (см., например: [Атласи, 2005, с.48–49]), т.е. всего лишь отмечает, что никому не подчиняется; отсутствие у него каких-либо титулов, связанных с прежним наследием Золотой Орды, несомненно, свидетельствует о весьма скромных его притязаниях на былой Тюменский юрт Улуса Джучи. Более того,

в исследовательской литературе высказывались небезосновательные мнения о том, что сибирские ханы находились в вассальной зависимости от казанских [Трепавлов, 2007, с.101–102] или бухарских [Исхаков, 2006, с.149–152] правителей. В пользу последнего свидетельствует также сохранившийся ярлык бухарского хана Абдаллаха II сибирскому хану Кучуму, который, таким образом, предстает вассалом бухарского монарха [Материалы, 1932, с.296]. Небезынтересно, впрочем, отметить, что в одной из редакций Есиповской летописи Сибирское ханство эпохи Кучума называется Золотой Ордой [История Казахстана, 2005а, с.209].

Несколько больше информации имеется о статусе казанских ханов. Так, например, в вышеупомянутых посланиях казанского хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду и его сыну отсутствуют пышные титулы (в отличие от посланий его крымских родственников), свидетельствующие о претензиях на власть над обширными владениями Улуса Джучи. Более того, хан, наследник Золотой Орды, именуется польского короля даже не братом, а «отцом», т.е. признает его более высокий статус [Мустафина, 1997]. Отметим, что крымский хан польского короля в своих посланиях называл «братом», т.е. равным по статусу [История Казахстана, 2005, с.33]. В этом различии нет ничего удивительного, поскольку казанский хан приходился племянником крымскому хану и, следовательно, признавал себя подчиненным ему правителем – несмотря на то, что оба правителя носили ханский титул и издавали ярлыки, следовательно, являясь формально независимыми правителями! И это подчеркивает сам Сахиб-Гирей, который в ярлыке московскому великому князю Ивану IV от 1537 г. пишет: «Казанская земля мой юрт, а Сафа Гирей царь брат мне» [Флоря, 2001, с.237]. Как известно, казанский Сафа-Гирей приходился крымскому Сахиб-Гирею родным племянником в семейном отношении и вассалом в политическом. Тем не менее в послании к иностранному государю он именуется его «братом», т.е. равным себе. По-видимому, представители рода Джучидов (тем более такие близкие родственники, как члены одного семейства Гиреев) старались сохранять в глазах иностранных

государей впечатление единства рода и блюсти престиж не только свой, но и своих родичей, вполне логично полагая, что повышение престижа рода влечет и повышение их собственной репутации на международной арене. Называя казанского правителя – своего вассала – ханом и своим «братом», крымский хан намекал на собственное могущество: каким же он должен быть великим правителем, если в подчинении у него другие монархи с равным титулом!

Однако ярлыки и амбициозные (но в значительной степени декларативные, а не отражающие реальную ситуацию) послания иностранным монархам, в принципе и составляли основу «чингизидской» правовой системы в том виде, в каком она существовала в постордынских тюрко-татарских государствах. Другие источники права – и в первую очередь Яса Чингис-хана – прекратили свое действие, будучи вытеснены шариатскими принципами и нормами. Впрочем, невостребованность многих имперских правовых источников в тюрко-татарских ханствах во многом была связана с тем, что их правители уже не претендовали на имперское правовое наследие и, соответственно, не нуждались в законах, регулировавших правовые отношения на уровне сверхдержав (а ведь именно таковой являлась Яса; см. подробнее: [Почекаев 2009б, с.35–37]).

Поэтому другие элементы «чингизидского» (помимо ярлыков и тарханства) права проявлялись в тюрко-татарских государствах эпизодически и имели кратковременное действие. В качестве примера можно привести эпизод с восстановлением «тамгового налога» в Крымском ханстве в середине XVII.

Как известно, тамга (торговый налог) в Монгольской империи и Золотой Орде была одним из самых «прибыльных» государственных сборов и весьма активно применялась. Однако по мере усиления позиций мусульманского права он стал активно вытесняться, потому что по неизвестной причине именно он воспринимался как одно из самых негативных проявлений «чингизидского» правового наследия, враждебного шариату. Так, например, выдающийся среднеазиатский поэт Джами восхвалял своего современника Ходжу Ахрара – не менее

знаменитого религиозного и политического деятеля эпохи Тимуридов – за то, что «его усилия с подола веры правильным мнением клеймо тамги и грязь яргу смыли» (цит. по: [Болдырев, 1985, с.55]). По-видимому, аналогичное отношение к тамге сложилось и в мусульманском обществе Крымского ханства: если в ярлыках XVI – начала XVII в. она еще упоминается (см., напр.: [Смирнов, 1913, с.31–32]), то к середине XVII в. она была отменена. «Тамговый сбор» вновь установил в начале своего правления хан Бахадур-Гирей I (1637–1641) [Смирнов, 2005, с.380], что вызвало большое недовольство как его собственных подданных, так и турецкого сюзерена. Вероятно, несмотря на то, что хан, вводя этот налог, преследовал исключительно цели пополнения своей казны, в глазах османских властей этот шаг был воспринят как попытка проявления независимости, возвращения к «чингизидским», имперским устремлениям – тем более, что и другие действия Бахадур-Гирея I давали основания для подобных подозрений (см. подробнее: [Гайворонский, 2009, с.242–248]). В результате введение этого налога вызвало и давление со стороны Османов, и волнения среди населения самого Крымского ханства, и спустя около 20 лет Ислам-Гирею III, одному из ближайших преемников Бахадур-Гирея, пришлось отменить тамговый налог [Смирнов, 2005, с.386].

В ханствах, не испытавших столь заметного иностранного влияния, традиционная система налогов и сборов, существовавшая со времен Золотой Орды, сохранилась в большей степени. Так, в Казанском ханстве вплоть до его падения существовали традиционные золотоордынские налоги, в частности – «ясак» [Худяков, 1996, с.683]. Аналогичная ситуация была в Тюменском юрте и Сибирском ханстве, где фискальная система также строилась по золотоордынской схеме [Исхаков, 2009в, с.76, 85]. В Ногайской Орде право взимания тамги принадлежало не только верховным правителям, биям, но и отдельным мурзам [Посольская книга, 2003, с.55].

Претерпело значительные изменения и имперское правовое регулирование земельных правоотношений. Практически вышли из употребления формы землевладения, дей-

ствовавшие в чингизидских государствах в имперский период – икта, инджу, суюргал и пр. Их упразднение было обусловлено несколькими факторами. С одной стороны, на смену имперским земельным правоотношениям, имевшим тюрко-монгольское происхождение, пришли нормы шариата, в котором институты землевладения были четко регламентированы; в результате даже тюрко-монгольская землевладельческая терминология была заменена терминологией арабского происхождения: в частности, в Крымском ханстве стали употребляться понятия «мульк», «мевкуфе» и т.д. [Лашков, 1895, с.56–58]. С другой стороны, в постордынских государствах существенно возросла роль родоплеменной знати, которая изначально владела землями на основе инджу или суюргала, являвшихся условными держаниями, – земля находилась в распоряжении владельцев, пока они несли ханскую службу. Со временем же эти роды «пустили корни» в своих владениях и превратили их (в некоторых случаях официально, в некоторых – фактически) в свои родовые наследственные уделы. В результате прежние формы землевладения превратились в постордынских государствах в передаваемые по наследству бейлики [Лашков, 1895а, с.79–89; Худяков, 1996, с.682–683; Рахимзянов, 2009, с.83–84] или же пожалования мурзам, которые сохраняли статус служилых землевладельцев вплоть до падения Крымского ханства, а также и в других тюрко-татарских государствах – например в Касимовском ханстве [Лашков, 1895а, с.91–99; Лашков 1896, с.48–49; Рахимзянов, 2009, с.79–82]. Впрочем, порой ханы вспоминали о чингизидской правовой идеологии, согласно которой они являлись верховными собственниками и распорядителями земли в своих государствах, и могли лишить родоплеменную аристократию даже тех владений, которые та привыкла считать наследственными. Так, например, согласно Воскресенской летописи, казанский хан Сафа-Гирей в 1541 г. «у многих князей ясаки поотымаль да Крымцом подаваль» [ПСРЛ, 8, 2001, с.295; см. также: Худяков, 1996, с.683].

Однако подобные решительные действия могли позволить себе только очень властные и могущественные монархи. Те

же, у кого реальной власти в руках не было, рисковали вызвать недовольство знати, лишиться трона и даже, возможно, жизни. Не удивительно, что многие правители тюрко-татарских государств предпочитали не портить отношения со своими влиятельными подданными и забывать об имперских правовых нормах и принципах, смиряясь с более активным действием шариатской и обычно-правовой систем.

Обычное право в тюрко-татарских государствах и специфика его развития. В отличие от имперского права, так или иначе нашедшего отражение в официальных актах или сопутствующих источниках, обычно-правовые принципы и нормы, применявшиеся в тюрко-татарских государствах XV–XVIII вв. не были зафиксированы столь конкретно и однозначно. Это и понятно: ведь если бы они были записаны, их вряд ли можно было бы классифицировать как правовые обычаи, передающиеся из поколения в поколения преимущественно устным путем. В результате порой бывает довольно сложно отличить собственно обычное право тюрко-монгольских кочевых обществ от повседневных бытовых обычаев или институционализированного обычного права, т.е. вошедшего в состав писаных правовых актов. Так, например, бухарский автор начала XVI в. Ибн Рузбихан описывает пример судебного разбирательства о том, кто является наследником умершего – его второй сын или внук умершего старшего сына. Согласно шариату, приоритет отдавался сыну, но решение, вынесенное на основе шариата, не устроило Мухаммада Шайбани-хана, и он «велел поступать по установлению Чингиз-хана», по «ясе Чингизхановой», согласно которой преимущество имел внук, сын первенца, умершего ранее наследодателя [Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакани, 1976, с.59–60]¹. Сегодня очень трудно выяс-

нить, было ли такое положение изначально зафиксировано именно в Ясе Чингиз-хана или же это был кодифицированный правовой обычай, поскольку семейно-правовые и наследственные отношения обычно разрешились на основе древних обычаев.

Тем не менее определенная информация об обычном праве тюрко-татарских государств в нашем распоряжении имеется и даже позволяет сделать определенные выводы об эволюции правовых обычаев, их роли в тюрко-татарских обществах рассматриваемого периода, а также о степени влияния на формирование тюрко-татарской правовой культуры.

В чингизидских государствах власти традиционно не вмешивались в частноправовые отношения, причем пример тому демонстративно подавали сами ханы. Так, например, еще Рашид ад-Дин описывал решение хана Угедэя, сына и наследника Чингиз-хана, послужившее, видимо, прецедентом для всех последующих подобных случаев: «Вначале издали закон, чтобы никто не резал горла баранам и другим употребляемым в пищу животным, а, по их обычаю; рассекал бы [им] грудь и лопатку. Один мусульманин купил на базаре барана и увел [его] домой. Заперев двери, он внутри дома зарезал его, возгласив “бисмилла”. Какой-то кипчак увидел его на базаре. Выжидая, он пошел следом за ним и забрался на крышу. В то время, когда [мусульманин] вонзил нож в горло барана, он спрыгнул сверху, связал того мусульманина и потащил его во дворец каана. [Каан] выслал наибов расследовать дело. Когда они доложили обстоятельства дела и происшествие, [каан] сказал: “Этот бедняк соблюдал наш закон, а этот тюркок отрекся от него, так как забрался на его крышу”. Мусульманин остался цел и невредим, а кипчака казнили» [Рашид-ад-Дин, 1960, с.49–50]. Таким образом, формально нарушив даже предписания Великой Ясы Чингиз-хана, фактически Угедэй-хан продемонстрировал невмешательство государства в частную жизнь подданных. Несомненно, такое мудрое решение

¹ Несмотря на то что описанный случай относится к истории Бухарского ханства, не следует забывать, что сам Мухаммад Шайбани-хан являлся прямым потомком ханов Золотой Орды и, следовательно, носителем джучидских политико-правовых ценностей. Даже созданная им держава в Средней Азии строилась на принципах джучидской, а не чагатайской государственности (см. подробнее: [Почекаев, 2010]). Поэтому мы считаем, что есть все основания рассматривать политико-правовые

аспекты деятельности Мухаммада Шайбани в контексте джучидской правовой культуры – в отличие от деятельности его преемников, уже в гораздо большей степени испытавших влияние среднеазиатской государственности и права.

предотвратило конфликты между государственным, имперским правом (каковым являлись Великая Яса и ярлыки) и частным правом, основанным на древних обычаях многочисленных народов, вошедших в состав Монгольской империи и ее преемников. Не удивительно, что и последующие правители и Монгольской империи, и Золотой Орды также не старались регулировать частноправовые отношения своих подданных, основанных на древних правовых обычаях, которые в тюрко-монгольских обществах именовались «йосун/йусун», а в мусульманских регионах – «адат».

Соответственно, во всех чингизидских государствах (и в особенности в Золотой Орде) наряду с официальными государственными судами-дзаргу и приобретенными впоследствии статус также официальных государственных судов шариатскими судами кади существовали также суды по обычному праву, осуществляемые при разборе споров внутри отдельных родов и племен. Государство никак не поощряло деятельность этих судов, но и не препятствовало их функционированию, поскольку у них была собственная сфера деятельности, собственная компетенция, которая никоим образом не пересекалась с компетенцией судов дзаргу и кади (см.: [Почекаев, 2009в, с.176]).

Итак, государство не вторгалось в систему обычного права, однако, в конечном счете, сложилась обратная ситуация: обычное право вторглось в систему права государственного, имперского. Этот процесс начался еще в поздней Золотой Орде. По мере ослабления ханской власти и разрушения центрального аппарата управления в результате гражданских войн и нашествий Амира Тимура (1391, 1395) существенно снизилось количество официальных судов, и судебные полномочия стали постепенно, но неуклонно переходить в руки судей, выносивших решение на основе обычного права. В результате, итальянский дипломат И.Барбаро, посетивший в 1430-е гг. резиденцию хана Кичи-Мухаммада (прав. в 1428–1459 гг.) неподалеку от Хаджи-Тархана (современная Астрахань), сообщает: «Суд происходит во всем лагере, в любом месте и безо всякой подготовки. Поступают таким образом. Когда кто-то затевает с другим ссору... то оба,

– а если их было больше, то все, – поднимаются и идут на дорогу, куда им покажется лучше, и говорят первому встречному, если он человек с каким-нибудь положением: “Господин, рассуди нас, потому что мы поссорились”. Он же, сразу остановившись, выслушивает, что ему говорят, а затем решает, как ему покажется, без всякого записывания, и о том, что он решил, никто уже не рассуждает. В таких случаях собирается толпа людей, и он, выказав свое решение, говорит: “Вы будете свидетелями!” Подобные суды постоянно происходят по всему лагерю...» [Барбаро и Контарини, 1971, с.145–146]. Подчеркнем, что речь идет о ханской ставке – таким образом, суд по обычному праву действовал даже на территории, контролировавшейся непосредственно самими золотоордынскими ханами! Несомненно, такая же ситуация складывалась и в тюрко-татарских государствах – наследниках Золотой Орды. Правда, следует учитывать, что в них роль шариатского суда серьезно возросла, и поэтому вряд ли суды, действовавшие на основе обычного права, могли функционировать в столице, да и в регионах, которые в тюрко-татарских государствах были разбиты на кадилыки, т.е. судебные округа, подведомственные шариатским судам (см.: [Бойцова, 2004, с.44]). Скорее всего, такие суды действовали в отдельных племенах, кочевавших вдали от столицы или ханской ставки (см.: [Трепавлов, 2004, с.282]).

Статус судей, выносивших решения на основе обычного права, в источниках никак не зафиксирован. Однако нам хорошо известен статус таких судей в Казахском ханстве, где они именовались биями и пользовались большим уважением и влиянием не только внутри своих племен, но и нередко на государственном уровне. По-видимому, начало складывания статуса биев также относится к эпохе поздней Золотой Орды. Такой вывод можно сделать на основании сообщения того же И.Барбаро, который упоминает, что судебное решение мог выносить «первый встречный, если он человек с каким-нибудь положением». Возможно, венецианец, стремясь подчеркнуть «варварский характер» ордынского суда, несколько утрирует, говоря о том, что судьей мог стать «первый встречный». Несомненно, речь идет о тех,

кто пользовался большим уважением современников, считался безупречно честным и порядочным человеком и знатоком древних обычаев. Именно так характеризовали в казахском обществе биев – лиц, которые не занимали официальных должностей, но пользовались большим уважением соплеменников за свои личные заслуги и знание норм обычного права и имели репутацию людей законопослушных и справедливых.

Однако в тюрко-татарских государствах судебные решения на основе обычного права выносили судьи, не выбираемые столь демократично, как казахские бии. Не будем забывать, что в доимперскую эпоху в тюрко-монгольском обществе судебная деятельность была в компетенции лиц, именуемых «беки» – племенных старейшин и вождей. Именно они же сохранили право выносить судебные решения в подвластных им племенах в эпоху Монгольской империи и Золотой Орды. Таким образом, речь идет не о выборных судьях, а о потомственных племенных вождях или же о лицах, обладавших титулом (званием) бека в соответствии с занимаемой должностью. Так, например, исследователи связывают возникновение казахского суда биев с деятельностью некоего Майкы-бия (согласно преданиям, жил в 1105–1225 гг.) – современника и соратника Чингис-хана, который, считался создателем основных принципов суда биев и даже, якобы, управлял улусом во время отсутствия Чингис-хана (см.: [Зиманов, 2008, с.67–68; Казактын, 2004, с.167–208]). В официальных хрониках и сочинениях, составленных при дворах Чингизидов, имя Майкы-бия отсутствует, и поэтому, казалось бы, есть все основания признать его легендарным персонажем. Однако в татарском историческом сочинении XVII в. «Дэфтэрэ-Чынгызнамэ» (т.е. источнике, никак не связанном с казахскими народными преданиями) мы встречаем упоминание о Майкы-бие, что подтверждает реальность его существования. Отметим, что в данном произведении он фигурирует не как народный избранник-судья, а как вполне официальное лицо, бек, предводитель племени уйшин (хушин), действующий наравне с другими племенными вождями и восседающий по правую руку от Чингис-хана [Дэфтэре, 2000, 16–19 б.; см.

также: Исхаков, Измайлов, 2007, с.157–159]. Напомним, что племя уйшин и впоследствии играло значительную роль в истории Золотой Орды, что также косвенно может свидетельствовать о значительной роли Майкы-бия как официального представителя власти. Упоминается о нем, как об основателе ряда родов также в преданиях сибирских татар и башкирских шеджере [Исхаков, 2006, с.39, 110–111]. Беком в силу своего происхождения и по занимаемой должности являлся и другой знаменитый золотоордынский деятель – Идигу (1352–1419), родоначальник правителей Ногайской Орды, который в казахских преданиях также фигурирует как бий-судья [Казактын, 2004а, с.140–164]. Отметим, что Идигу представлен как справедливый судья и в татарском народном эпосе «Идегей» [Идегей, 1990, с.26–27, 29].

Все это, на наш взгляд, позволяет утверждать, что в тюрко-татарских государствах суд на основе обычного права являлся прерогативой представителей племенной знати, что отражало также и ее существенно возросшую роль в государственной и правовой жизни этих государств. Вместе с тем следует иметь в виду, что сфера деятельности судов по обычному праву осталась прежней: семейные и наследственные дела, имущественные споры, преступления, совершенные внутри одного рода или племени. Межплеменные конфликты, а также споры по другим видам правоотношений (земельные, политические и т.п.) разбирали уже либо судьи-кади, либо сами ханы и советы карачи-беков.

Тем не менее порой весьма трудно провести границу между компетенцией судов по обычному праву и официальных судебных институтов – ханских судов и судов кади. То же самое касалось и самой системы обычного права, в рамках которой в тюрко-татарских государствах XV–XVIII вв. происходили весьма специфические процессы, в результате которых правовые нормы и принципы, установленные государственной властью, трансформировались в общеправовые институты, а обычное право, напротив, ассоциировалось с законодательной деятельностью отдельных правителей. Собственно, первые признаки этого процесса стали проявляться еще в период Монголь-

ской империи эпохи ближайших преемников Чингис-хана и первых правителей Золотой Орды. Так, например, еще посланцы папы римского Иоанн де Плано Карпини и Бенедикт Поляк, посетившие владения хана Гуюка и золотоордынского правителя Бату, никак не могли отнести некоторые нормы к официально установленному законодательству или обычному праву и в результате охарактеризовали их как «закон или обычай». Чингис-хан же в их интерпретации представит «создателем религиозного права» Монгольской империи [Плано Карпини, 1997, с.42; История, 2002, с.116, 117; см. подробнее: Почекаев, 2007, с.143–144, 147]. Точно так же в сочинении Муин ад-Дина Натанзи, известном также как «Аноним Искандера», упоминается тура Бату, представленная как его законодательное уложение [Материалы, 1973, с.128]. В персидских источниках фигурирует термин «тора-чингизхана» [Doerfer, 1963, s.264, 265, 555], т.е. создание обычного права древних тюрков (унаследованного от них впоследствии монголами) торе приписывается основателю Монгольской империи. Разделяет эту позицию и знаменитый государственный деятель Бабур, основатель империи Великих Моголов, который в своих записках упоминает установления Чингис-хана («торе-и-Чингиз»), отличая их от Ясы Чингис-хана («йаса-и-Чингиз») [Vaber, 1826, p.202].

В XVI–XVII вв. такая трансформация в немалой степени стала политико-правовым средством, которое правители тюрко-татарских государств использовали в интересах своей международной политики. Так, например, ногайские правители XVI в. именовали Ивана Грозного, уже присоединившего к этому времени к Московскому государству Казанское и Астраханское ханства, Чингизидом и утверждали, что он, московский царь, так же как и они, поступает в соответствии с идеологическим наследием Джучидской державы, которое они называли «адат-и чингизийе». Подобная идеологическая конструкция позволяла ногайским правителям обосновать свое сотрудничество с христианским Московским царством, а не с единоверцами – Османской империей и подчиненным ей Крымским ханством, которые, по мнению ногайцев, не разделяли

эту «чингизидскую» идеологию [Беннигсен, Вайнштейн, 2009, с.363; Трепавлов, 2004, с.283]. Еще в конце XVIII в. русские исследователи отмечали, что астраханские татары исповедуют «мугаметанский закон», а «прочие же ногайцы утопают в невежестве и мешают потому в обряды веры своей многие языческие суеверия» [Георги, 1776, с.43–44]. Это позволяет предположить действие у них обычного права даже в столь поздние времена, когда шариат, казалось бы, окончательно вытеснил «языческие» традиции.

Таким образом, обычное право в тюрко-татарских государствах сохранялось и даже, как видим, развивалось, составив значительную часть системы (и правовой культуры) этих государств, порой даже подменяя собой имперское право. Власти постордынских государств никак не препятствовали его развитию, не видя в нем конкуренции другим правовым системам. Однако когда предпринимались попытки расширить действие обычного права, потеснив тем самым позиции имперского права или шариата, они встречали самое жесткое противодействие. Примером такого конфликта является попытка «судебной реформы» крымского хана Мурад-Гирея (1678–1683).

Вскоре после вступления на престол этот хан повелел решать дела в суде на основе «чингизской тӧрэ», а не шариата. Он даже упразднил должность кади-аскера, верховного судьи, заменив его тӧрэ-баши. Правда, эта реформа не получила развития: вскоре Мурад-Гирей прибыл в османский лагерь для участия в боевых действиях совместно с турками, и здесь некий Вани-эфенди сумел убедить хана в необходимости восстановить действие шариата, что и было сделано ханом [Смирнов, 2005, с.248]. Историки впоследствии постарались найти объяснение действиям хана, посчитав, что он тем самым попытался продемонстрировать независимость от Стамбула, однако анализ источников позволяет утверждать, что на самом деле «судебная реформа» была своеобразной популистской акцией, с помощью которой Мурад-Гирею удалось добиться популярности среди своих подданных и даже затмить знаменитого Селим-Гирея, своего предшественника. Поэтому, добившись своего, хан

быстро свернул преобразования (оказавшиеся, по-видимому, целиком декларативными) и восстановил главенство шариата в правовой системе Крымского ханства [Почекаев, 2009в, с.323–324]. Впрочем, сейчас нас интересуют не причины, а именно отношение к ханской инициативе со стороны различных групп. Так, османские власти никак не осудили Мурад-Гирея за его реформу, поскольку, с одной стороны, не имели оснований подозревать его в нелояльности, с другой – и в самой Османской империи широко применялось обычное право, нисколько не противоречившее писанному законодательству и шариату. Население Крыма, как уже отмечалось, было всецело на стороне своего хана, которого даже намеревалось поддержать силой оружия, когда пришло известие о его отстранении от власти [Смирнов, 2005, с.430]. Таким образом, единственными противниками оказались представители мусульманского духовенства, чьи позиции носителей правовых ценностей шариата как доминирующей правовой системы попытался поколебать Мурад-Гирей. Итог противостояния показывает, что ислам и мусульманское право в тюрко-татарских государствах играли куда более значительную роль, чем в истории Золотой Орды.

Мусульманское право в тюрко-татарских государствах: роль и особенности. Как уже отмечалось выше, в ряде областей, которые прежде входили в состав Золотой Орды, а потом составили основу тюрко-татарских государств XV–XVIII вв., ислам существовал задолго до того, как был официально установлен в Золотой Орде в качестве официальной государственной религии ханом Узбеком – и даже задолго до монгольского нашествия. Соответственно, мусульманское право отнюдь не являлось нововведением для тюрко-татарских государств XV–XVIII вв., а напротив – представляло собой органичную часть их правовой культуры.

Среди особенностей мусульманского права (шариата) в постордынских государствах, прежде всего, следует назвать его более значительную роль среди источников права по сравнению с самой Золотой Ордой. Как уже отмечалось выше, возрастание роли шариата во многом было связано с упадком

центральной власти и упадком системы имперского права, реализацию которого были в состоянии обеспечивать могущественные ханы Золотой Орды в XIV – начале XV в. Одновременно возрастала роль мусульманского духовенства, которое уже со времен хана Узбека было интегрировано в административную структуру Джучидской державы, а по мере ослабления имперских государственно-властных институтов лишь усиливало свои позиции.

Наконец, еще одной причиной возрастания роли мусульманского права стала необходимость поиска правителями тюрко-татарских государств новых средств легитимации власти. Дело в том, что в результате крушения чингизидских имперских образований (империя Юань в Китае, государство ильханов в Иране, Чагатайский улус, Золотая Орда) к концу XIV – началу XV в. происхождение от Чингис-хана перестало являться главным основанием для получения высшей власти в тюрко-монгольских государствах. В результате на троны различных государств на территории бывшей Монгольской империи стали претендовать не только Чингизиды, но и представители других родов, прежде считавшихся менее знатными по сравнению с потомками Чингис-хана. Так, уже во времена золотоордынской смуты 1360–1370-х гг. («великой замятни» русских летописей) несколько областных правителей попытались провозгласить себя самостоятельными государями в своих владениях. Позднее самостоятельными правителями стали ногайские бии – потомки Идигу («Едигея»), сибирские Тайбугиды, в Чагатайском улусе – Тимуриды и ряд менее знатных династий, в Кашгаре – род Дуглат и т.д.

Чингизиды продолжали считаться законными претендентами на власть в силу своего происхождения (В.В.Трепавлов удачно охарактеризовал это явление как «инерцию»; см.: [Трепавлов, 2009]), однако они теперь являлись всего лишь «старшими среди равных» претендентов на власть и трон. Харизме рода Чингис-хана были противопоставлены иные основания легитимации власти, главными из которых в условиях все большего распространения ислама в чингизидских государствах стали факторы религиозные. В изменившихся обстоятельствах

эти основания представлялись даже более убедительными, чем происхождение от Чингис-хана, поэтому не нужно удивляться тому, что и сами Чингизиды вскоре стали активно прибегать к религиозному обоснованию своих прав на власть и своих политических решений и действий. Апелляция к религиозным ценностям и авторитетам в рассматриваемый период осуществлялась в течение всего правления любого тюрко-татарского государя, начиная с его вступления на престол.

В результате на смену прежним основаниям права султанов-Чингизидов на трон и высшую власть в том или ином государстве (см. подробнее: [Султанов, 2001, с.57–65; Кюгельген, 2004, с.54–56]) пришло новое, более веское в изменившихся обстоятельствах, – воля Аллаха, отраженное в одном из стихов Корана: «Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимешь власть, от кого пожелаешь» [Коран, 1991, с.39: сура 3, стих 25/26]¹. Некоторые тюрко-татарские монархи заходили настолько далеко, что провозглашали себя халифами, т.е. повелителями всех мусульман мира! Например, такой титул принял Мухаммад Шайбани-хан, измысливший оригинальную концепцию о возможности сосуществования нескольких халифов в разных государствах – при условии непричинения ими вреда друг другу [Кюгельген, 2004, с.288–290]. А в середине XVII в. халифами, по некоторым данным, объявляли себя крымские ханы Мухаммад-Гирей IV и Ислам-Гирей III, которые формально должны были признавать халифом своего сюзерена – турецкого султана (см.: [Зайцев, 2009а, с.154–155]).

Поэтому не случайно, что уже в церемонии воцарения хана, проводившей в традиционной форме курултая, в постордынскую эпоху участвовали не только члены ханского рода, знать и военачальники, но и представители мусульманского духовенства. Помимо традиционной степной клятвы, вступавший на престол монарх клялся на Коране и

получал одобрение главы духовенства – такая практика имела место в Казани, Касимове и других тюрко-татарских ханствах (см., например: [Худяков, 1996, с.676; Исаков, 1997а, с.20, 27]).

В дальнейшем ханы и правители постоянно советовались с сеййидами и другими авторитетными представителями духовенства, которые нередко своим авторитетом скрепляли решения государей, обеспечивая эффективность их исполнения. Казанские сеййиды в последние годы существования ханства нередко являлись первыми советниками ханов, т.е. фактически – главами правительства ханства. Нам неизвестно, насколько была распространена в постордынских государствах практика оформления ханских решений путем издания местными богословами фетв – по крайней мере, в тюрко-монгольских государствах Средней Азии она использовалась весьма широко. Даже такой могущественный и властный правитель, как Мухаммад Шайбани-хан предпочитал оформлять свои властные решения не путем издания ярлыков, а через принятие фетв его придворными улемами. Сильные мусульманские традиции постордынских ханств – Казанского, Крымского, Касимовского и значительное влияние духовенства на политические дела этих ханств дают основание считать, что такой же линии придерживались и их монархи.

В Казанском и Касимовском ханствах роль сеййидов была столь велика, что они не только являлись духовными лидерами местного мусульманского населения, но и командовали войсками. Современные исследователи даже предполагают, что касимовский сеййид одновременно исполнял и функции беклярибека [Рахимзянов, 2009, с.71, 74–75]. В Крымском ханстве сеййиды исполняли роль главных кади, т.е. верховных судей по законам шариата. В ханских грамотах и посланиях их имена нередко ставились даже перед именами самих султанов из дома Гиреев [Исаков, 1997а, с.10, 43–44, 50]. Также известно о судебных функциях сеййидов и в Сибирском ханстве эпохи Кучума [Исаков, 2006, с.164; Исаков, 2009в, с.77].

Международные договоры постордынских государств также нередко заключались с учетом догматов ислама и мнения мусуль-

¹ Весьма любопытно, что на этот стих Корана ссылались и мусульманские придворные историографы первых монгольских ханов (не являвшихся мусульманами), стремившиеся обосновать легитимность их правления в мусульманских странах (см., например: [Juvaini, 1997, p.562]).

манского духовенства. Так, например, ногайские бии и мурзы XVI–XVII вв. в переговорах с московскими государями нередко апеллировали к своему мусульманскому вероисповеданию (правда, уподобляя, а не противопоставляя его христианству московских князей), а договоры с Москвой непременно скрепляли клятвой на Коране [Трепавлов, 2001, с.565; Посольская книга, 2003, с.36]. Казанские сеййиды в конце XV – середине XVI в. лично участвовали в переговорах с московскими властями и выработке условий международных договоров [Исхаков, 1997а, с.36]. Велика была также роль духовенства во внешней политике Крымского ханства: например, хан Мухаммад-Гирей IV в 1659 г. уведомлял царя Алексея Михайловича, что советовался со своими «учеными», которые «сказали, что договор нарушили московцы» (цит. по: [Сень, 2009, с.26]).

Впрочем, время от времени правители тюрко-татарских ханств пытались ограничить влияние духовенства и вступали в конфликт со своими мусульманскими советниками. Сами факты таких конфликтов свидетельствуют о значительном влиянии, которым обладало мусульманское духовенство, коль скоро его представители могли позволить себе конфронтацию с монархами. А исход таких противостояний бывал различным. Так, например, казанский хан Сафа-Гирей за время своего правления даже казнил двух сеййидов Казани, и одного – его преемника Шах-Али [Исхаков, 1997а, с.30–33]. А крымский хан Мурад-Гирей, пытавшийся, как уже упоминалось выше, провести судебную реформу и заменить шариатский суд кади судом по обычному тюрко-монгольскому праву торе, напротив, был вынужден уступить в споре видному представителю духовенства Вани-эфенди и отказаться от своего намерения [Смирнов, 2005, с.248; Почекаев, 2009в].

Формируя свой образ как защитников и распространителей веры, тюрко-татарские правители не только оказывали покровительство религиозным деятелям, строили богоугодные заведения и финансировали их деятельность, но и вели священные войны (газават). При этом «священной» могла быть объявлена война и против других мусульманских государств – лишь бы придворные

богословы признали, что враги являются отступниками от ислама и поэтому даже более опасными врагами, чем «неверные». Именно так Мухаммад Шайбани-хан обосновывал свои походы против таких же мусульман – казахов или сибирских Шибанидов [Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани, 1976, с.105–106; Катанов, 1904, с.18–28; Исхаков, 2002, с.178]. Точно так же борьба хана Кучума с сибирскими династиями Тайбугидами (по сути представляющая собой реставрацию законной династии на троне прежнего Тюменского юрта) была представлена как деятельность по распространению ислама в этом языческом регионе – при одобрении и активном содействии мусульманского духовенства из Бухары и Хорезма (см.: [Катанов, 1897, с.51–60; Бустанов, 2009г]). Аналогичным образом крымские ханы и султаны, обосновывая свои попытки восстановить Улус Джучи в прежних границах, отвоевав у Московского царства Казанское и Астраханское ханства, представляли свои действия как борьбу с врагами веры – равно как и свои боевые действия против персидских кызылбашей. Вассалитет по отношению к османским султанам, являвшихся также и халифами, и выполнение их воли являлись в полной мере достаточным обоснованием для объявления любых боевых действий с врагами турков газаватом (см.: [Документы, 2008, с.88, 104, 108]).

Естественно, подобная политика отнюдь не была изобретением потомков Чингисхана и их соперников – правителей тюрко-татарских государств из других династий; ее использовали мусульманские правители, начиная с первых веков исламской эры. Принятие же ее на вооружение Чингизидами лишь свидетельствует об их понимании изменившейся обстановки и практически полной интеграции тюрко-татарских государств в Мир ислама.

Особое место в правовой культуре тюрко-татарских государств занимала судебная деятельность, которая стала прерогативой преимущественно мусульманских правоведов. Как известно, шариатские суды действовали в Золотой Орде параллельно с имперскими судами-дзаргу в качестве официальной судебной инстанции еще с 1320-х гг., т.е. с того времени, как хан Узбек объявил

ислам официальной религией в подвластных ему владениях. Теперь же фактическое упразднение дзаргу привело к возрастанию роли судов кади, которые в постордынских государствах не просто сосуществовали с официальными ханскими судами, а просто-напросто вытеснили их, превратившись в основную судебную инстанцию.

Так, например, известно, что в Казанском ханстве практически вся судебная деятельность осуществлялась мусульманскими богословами (см.: [Усманов, 1985, с.182, 185; Худяков, 1996, с.689]). Косвенные сообщения источников позволяют говорить и о судебных прерогативах сеййидов в Касимовском ханстве [Исхаков, 1997а, с.21].

Наиболее подробные сведения сохранились о шариатских судах в Крымском ханстве – благодаря большому количеству как нарративных источников (хроник и исторических сочинений собственно крымского и османского происхождения), так и официальных актов (ханских ярлыков и кадиаскерских тетрадей – сакков). Анализ этих источников позволяет сделать вывод о весьма широкой компетенции мусульманских судей.

Согласно кадиаскерским сакам XVII в., в ведении шариатских судей находились земельные споры, семейные (брак и развод) и наследственные дела и споры, случаи приобретения и отпуска на волю рабов (крепостные акты), вопросы опеки и попечительства, оформление вакфов [Биярсланов, 1889, с.48, 50; Биярсланов, 1890а, с.74, 75–76]. Известно, что уже с XVI в. тексты ханских ярлыков стали вписывать в кадиаскерские сакки [Лашков, 1895б, с.111–112; Усманов, 1979, с.270], однако этим изменение ханских судебных и иных властных решений в связи с ростом значимости суда кади не ограничивалось. И если еще в начале XVII в. хан Саламат-Гирей I мог издавать ярлыки, в которых давал рекомендации кадиям (в том числе и кадиаскеру) [Биярсланов, 1890, с.68–69], то параллельно и в особенности позднее можно наблюдать обратную картину: ханские решения зависели от судей, выносивших решения на основе мусульманского права. Так, например, решение того же Саламат-Гирея об освобождении своего слуги нуждалось в официальной записи в кадиаскерском саке; аналогич-

ным образом прежние ханские решения по вопросам, находящимся в сфере действия шариата, сохраняли силу лишь после того, как подтверждались и фиксировались кадиаскерами [Биярсланов, 1890а, с.74–75, 77; Лашков, 1896а, с.77].

Любопытно, что в некоторых случаях ханы и кади находили общий язык в выработке решения, которое оказалось бы сходным при вынесении и по имперскому праву, и по шариату. Выше мы уже упоминали судебное решение Шайбани-хана по делу о наследстве, который повелел поступать по «установлению Чингис-хана», однако он не удовлетворился этим, приказав найти аналог и в шариатском праве. И его придворные правоведы не подвели хана: один из них «представил хану из какой-то выписки, с содержанием которой якобы согласен казий Шурайх... Его величество наместник всемилостивого... выразил радость по поводу совпадения мнений и суждений его величества и казия Шурайха и изволил сказать: “Нам подобает действовать по слову казия Шурайха и теперь будем поступать так”» [Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани, 1976, с.60]. Этот эпизод, на наш взгляд, весьма показателен: даже такой могущественный монарх, как Шайбани-хан, понимал, что в новых социально-политических условиях решения, принимаемые на основании исключительно имперского («чингизидского») права не будут достаточно убедительными для его подданных-мусульман и поэтому постарался продемонстрировать свое следование законам шариата.

Стоит отметить, что в тюрко-татарских государствах (в частности, в Крымском ханстве) судьи шариатских судов, по-видимому, получали жалованье от государства. В связи с этим не допускалось злоупотребление ими своими полномочиями в форме установления произвольной стоимости своих услуг. Так, при хане Джанибек-Гирее кадиаскер Мустафа установил фиксированные тарифы на услуги кадиев и хакимов [Бойцова, 2004, с.44, 54]. Таким образом, в тюрко-татарских государствах система шариатского правосудия была более упорядоченной, чем, например, в современных им среднеазиатских ханствах, где кади не получали жалованья и компенсировали его отсутствием поборами с

участников судебных разбирательств в виде штрафов, специальных сборов и т.п. (см.: [Лунев, 2004, с.102]).

Земельно-правовые отношения в тюрко-татарских государствах подверглись весьма значительной трансформации по сравнению с Золотой Ордой. Выше мы уже отмечали, что виды землевладения, характерные для тюрко-монгольских имперских государственных образований, в постордынских государствах оказались вытеснены традиционными мусульманскими земельно-правовыми институтами. Так, например, в Крыму выделялись ханские домены, находящиеся в частной собственности мульки, общинная собственность на землю, а также такие специфические владения как ходжалыки, т.е. владения ходжей [Лашков, 1895, с.56; Бойцова, 2004, с.48]. Наконец, весьма значительное место в земельно-правовых отношениях во всех тюрко-татарских государствах занимали вакуфные владения [Лашков, 1895, с.55; Худяков, 1996, с.681; Рахимзянов, 2009, с.76].

Не менее значительными оказались изменения в налоговом законодательстве тюрко-татарских государств. В результате монгольского завоевания в захваченных мусульманских странах к середине XIII в. был разрушен не только аппарат управления, но и налоговая система: мусульманские фискальные институты были вытеснены и заменены институтами позаимствованными монгольскими правителями из уйгурского и китайского правового опыта (см., например: [Туси, 1986, с.92]). Однако, по мере возвращения ислама на прежние доминирующие позиции, тюрко-татарские государи смогли найти определенные компромиссы, сохранив прежние налоги, но дав им новые названия в соответствии с их мусульманскими аналогами. Так, например, прежнему ясаку (калану), взимаемому в Золотой Орде, вполне соответствовал взимаемый в соответствии с шариатом харадж, а ушр, т.е. десятина, заменил соответствующий монгольский налог тагар и т.д. (ср.: [Керимов, 2007, с.235–236; Лунев, 2004, с.90–95]). Безусловно, далеко не по каждому налогу возможны были такие компромиссы. Например, закят, взимаемый в соответствии с законами шариата, аналогов в тюрко-монгольском имперском праве не

имел. Аналогичным образом противным законам шариата признавалось взимание тамги, о чем мы уже писали выше. Таким образом, и налоговая система в тюрко-татарских государствах является примером того, что мусульманское право стало в них доминирующей правовой системой, постепенно вытесняя институты как имперского права Чингизидов, так и обычного права тюрко-монгольских племен.

Иностранное влияние на формирование правовой культуры тюрко-татарских государств (общая характеристика). Несмотря на тесные контакты с иностранными государствами, а в некоторых случаях даже и зависимость от них, далеко не все тюрко-татарские государства XV–XVIII вв. испытали значительное влияние иностранного права. Так, например, Казанское и Астраханское ханства существовали слишком недолго, чтобы попасть под иностранное владычество, которое могло бы оставить существенный след в их правовой культуре¹. Именно поэтому официальные акты, сохранившиеся от этих ханств, свидетельствуют о сохранении в большей степени золотоордынской канцелярской традиции: для них характерен лаконизм, свойственный уйгурским официальным документам и резко отличающийся от восточной пышности, свойственной персидским, турецким, среднеазиатским актовым материалам (см.: [Абзалов, 2009, с.109–110]).

Ногайская Орда также выступала наследницей золотоордынских традиций законотворчества и делопроизводства – об этом свидетельствуют материалы московских посольских книг, содержащие значительное количество официальных документов ногайских биев и муруз. Несмотря на то что она просуществовала гораздо дольше, чем тюрко-татарские ханства Поволжья, она была слишком могущественным образованием, чтобы целиком подпасть под влияние какого-либо государства. Да и кочевой строй, мобильность правителей и население

¹ Вопрос о возможном вассалитете Казанского ханства от Османской империи в 1520-е гг. рассматривался И.В.Зайцевым, который, впрочем, и сам признает, что на основании сохранившихся источников окончательного вывода об этом вассалитете сделать нельзя [Зайцев, 2004а, с.121–130].

ния, способных в быстрые сроки кочевать от Казахстана до Бесарабии, не давал возможность установить над ней иностранный суверенитет.

Говорить об иностранном влиянии на правовую культуру Касимовского ханства также следует с большой осторожностью: как уже отмечалось, официальных актов от этого государства не сохранилось. Тем не менее есть основания полагать, что на раннем этапе своего существования оно являлось продолжателем законодательных и канцелярских традиций Золотой Орды – поскольку ее первые правители были выходцами из Казани и Крыма, еще не испытавшего к тому времени значительного османского влияния. На позднейшем же этапе своей истории Касимовское ханство, скорее всего, находилось в орбите действия права Московского государства и испытало его влияние. Впрочем, если такое влияние и было, вряд ли процесс трансформации правовой системы Касимовского ханства был искусственным и болезненным: в течение XVI–XVII вв. московские законодательные и делопроизводственные традиции сами во многом базировались на золотоордынском наследии и потому имели много общего с правовой культурой поздней Золотой Орды (см.: [Мажиденова, 2008, с.26–27; Почекаев, 2009б, с.204–210]).

Тюменский юрт также, по-видимому, сохранял традиции, присущие золотоордынской правовой культуре и канцелярии – судя по форме и содержанию посланий ханов Сайида-Ибрахима и Абулека, написанные в конце XV в. [Посольская книга, 1984, с.16, 33; Посольские книги, 1995, с.19, 32–33]. С его правопреемником, Сибирским ханством, ситуация несколько сложнее. Официально оно во второй половине XVI в., как уже отмечалось, находилось в вассальной зависимости от Бухарского ханства. Однако официальные документы переписки хана Кучума и его родственников с Московским государством демонстрируют по-прежнему ориентацию на золотоордынские правовые и дипломатические традиции, без следов какого-либо влияния среднеазиатской правовой культуры. Вероятно, протокол официальных актов, равно как и настойчивое позиционирование Кучумом себя как

«вольного человека», должно было подчеркнуть его независимость в глазах московских властей. Тем не менее во внутренней правовой политике дело обстояло несколько иначе, и бухарское правовое влияние, несомненно, было весьма значительным, причем оказывалось оно не властями Бухары, а бухарским духовенством. Как известно, с Кучумом и его семейством в Сибирь пришло значительное число мусульманских духовных лиц, представителей орденов Накшбандийа и Йасавийа, а позднее Кучум и его брат Ахмад-Гирей еще и направляли в Бухару послания, прося прислать новых представителей мусульманского духовенства [Исхаков, 2006, с.164–169]. Естественно, что в условиях разрушенной административной и правовой системы, постоянной нехватки квалифицированных управленцев и правоведов административную, судебную и правотворческую деятельность стали осуществлять наиболее компетентные представители ханского окружения – а это были именно образованные представители мусульманского духовенства. Одни из них становились судьями, другие – даже градоправителями. Соответственно, они привнесли в правовую культуру Сибирского ханства традиции среднеазиатского ислама.

Наиболее значительное иностранное влияние имело место в правовой культуре Крымского ханства, которое в течение нескольких веков находилось в официальной зависимости от Османской империи. Несмотря на довольно значительное число нарративных и актовых материалов, степень этого влияния до сих пор подробно не исследовалась, и специалисты придерживаются противоположных мнений относительно того, насколько глубоким оно оказалось. Так, В.Д.Смирнов в свое время писал о весьма значительном восприятии крымскими правителями и правоведами османских государственно-правовых и канцелярских традиций. М.А.Усманов, в свою очередь, утверждает, что оно было не столь заметным и даже не затронуло основ крымской правовой системы [Усманов, 1979, с.82–83].

Прежде всего отметим, что хотя политико-правовая идеология Османов являлась иностранной для Крымского ханства, не приходится говорить о ее полной чужерод-

ности – напротив, ее влияние на крымскую правовую культуру следует считать достаточно органичным. Дело в том, что Османская империя, как тюрко-татарские государства, в значительной степени являлась наследницей древних тюркских государственных и правовых традиций. Именно поэтому в Турции (как и в постордынских государствах) наряду с шариатским правом в течение долгого времени сохраняло значительную роль законодательство монархов, а также обычное право. Вследствие этого османские султаны в целом довольно лояльно относились к правовым реалиям Крыма и не ставили задачу полной реорганизации, «османизации» правовой культуры ханства.

Тем не менее, в отличие от Сибирского ханства, испытавшего влияние среднеазиатской правовой традиции через посредство представителей мусульманского духовенства, крымские ханы ориентировались не столько на исламские, сколько на монархические, имперские аспекты османского права. Это в значительной степени нашло отражение в трансформации законодательной и канцелярской традиции Крыма, в которой османское влияние постепенно все больше вытесняло элементы золотоордынского наследия.

Когда же начался этот процесс? Исследователи чаще всего связывают «османизацию» государства и права Крымского ханства с деятельностью ханов Саадат-Гирея I и Ислам-Гирея II – воспитанников и ставленников султанского двора (см., например: [Халим Гирай Султан, 2004, с.42; Зайцев, 2009а, с.150]). Однако, на наш взгляд, первые шаги на пути к сближению с османской традицией были сделаны уже вскоре после официального признания турецкого протектората Менгли-Гиреем. Так, уже его послание султану Баязиду II 1486 г. представляет собой образчик османской канцелярской стилистики – ханам приходилось писать своим сюзеренам в таком стиле, какой был принят при дворе последних (см., например: [Григорьев, 1987, с.128–129]). Постепенно этот стиль стал настолько распространен, что крымские ханы стали использовать его и во внутренней документации, и в дипломатической переписке с другими иностранными государями. Так, В.Д.Смирнов отмечает, что

изысканный слог посланий Ислам-Гирея III в Москву совершенно очевидно свидетельствует об османском влиянии [Смирнов, 2005, с.387]. Отметим, что Ислам-Гирей III был из тех ханов, которые старались проводить достаточно независимую от Стамбула политику... В XVII–XVIII вв. ханские ярлыки даже нередко именовались фирманами – как и аналогичные им указы османских султанов (см., например: [Лашков, 1895б, с.85, 113–114]).

Не следует забывать, что главным духовным авторитетом в Крымском ханстве являлся турецкий султан – правда, лишь после 1584 г., когда хан Ислам-Гирей II, ставленник Стамбула, воспитанный в турецких традициях, ввел в ханстве чтение хутбы на имя османского султана [Халим Гирай Султан, 2004, с.42; Зайцев, 2009а, с.150]. Примечательно, что даже после того, как Крымское ханство по итогам Кючук-Кайнарджийского мира (1774) получило независимость, ханы продолжали апеллировать к воле султана – как халифа, т.е. духовного главы мусульман. Правда, на самом деле, это была религиозно-идеологическая фикция, которой последние крымские ханы вуалировали соотношение своей политики со Стамбулом или даже отказывались воевать против Турции на стороне России (см.: [Смирнов, 2005, с.184–185; Зайцев, 2009а, с.155–156]). Тем не менее подобные взаимоотношения между турецкими султанами и крымскими ханами свидетельствуют о том, что османское влияние на развитие правовой системы Крымского ханства подкреплялось еще и духовным авторитетом султана – халифа.

Большую роль в продвижении османских правовых традиций в Крымском ханстве сыграли представители крымского духовенства – выпускники турецких учебных заведений. Естественно, добываясь значительных постов в административной и судебной сфере или же при ханском дворе (вплоть до шейх уль-исламов и кадиаскеров), они приносили влияние османского богословия и правоведения в крымскую правовую культуру (см.: [Бойцова, 2004, с.49]).

Наконец, еще одно направление влияния османской правовой традиции на крымскую реализовалось в форме непосредственного вмешательства турецких властей в правоот-

ношения в Крымском ханстве. Так, например, османские султаны неоднократно издавали указы, касающиеся представителей крымской аристократии – подданных ханов из дома Гиреев. Правда, в ряде таких указов (фирманов) упоминалось, что они принимаются по представлению самих ханов [Лашков, 1895в, с.118–120]. Однако, на наш взгляд, появление таких правовых актов свидетельствует о все большем росте влияния крымских аристократов, их независимости от ханской воли до такой степени, что они даже могли самостоятельно вступать в отношения с султанским двором в Стамбуле. Упоминание же ханов в качестве ходатаев, по всей видимости – всего лишь проявление вежливости к их статусу со стороны султанов. Также известен случай (он упомянут в хрониках крымских караимов), когда турецкий паша, посол султана в царствование неоднократно упоминавшегося хана Мурад-Гирея прибыл в Крым и попытался обложить население новым ежегодным налогом [Смирнов, 2005, с.425]. И хотя эта попытка провалилась, поскольку действиям паши воспротивились и хан, и его подданные, сам факт подобных действий султанского посла свидетельствует о том, что Османы числили Крым в сфере своей юрисдикции. Другой, не менее значительный пример вмешательства османских властей в политико-правовую жизнь Крымского ханства – выдача кафинским (т.е. османским) муфтием Мевляной Абд ар-Реззаком фетвы, в которой он решал спор о власти между Гази-Гиреем II и его братом Фатх-Гиреем I в пользу первого [Бойцова, 2004, с.49].

В заключение еще раз подчеркнем, что вряд ли влияние османских правовых традиций на правовую культуру Крымского ханства могло бы оказаться настолько значительным, если бы они не были близки по двум направлениям. Во-первых, как уже отмечалось, между ними было немало сходств, объяснявшихся общим происхождением от древнетюркской государственности и права. Во-вторых, мощнейшим интегратором турецкой и крымско-татарской правовых систем выступал шариат, игравший перво-степенную роль в обоих государствах.

Тюрко-татарская юриспруденция XV–XVIII вв. Свообразным подведением итогов всему вышесказанному должна стать общая оценка правового состояния тюрко-татарских государств – роли права в обществе, правовых взглядов (правосознания) населения, статуса законодателей и правоведов. Анализ этих аспектов позволяет судить о значительном развитии права в постордынских государствах и даже, можно сказать, о существовании в них особой юриспруденции (с учетом условности применения этого современного термина к правовым реалиям позднесредневекового времени).

В современной европоцентристской правовой науке утвердилось мнение о несовершенстве восточного («традиционного») типа правовой культуры, в рамках которой принципы и нормы права, религии и этики нередко практически неотделимы друг от друга. Анализ правового развития тюрко-татарских государств XV–XVIII вв. убеждает нас в ошибочности этого стереотипа. Близость и взаимопроникновение принципов и норм религии, права и этики – свидетельство не низкого уровня развития правовой культуры этих государств, а специфика мировоззрения и правосознания тюркских народов.

Еще в древности тюрки четко выделяли такую категорию как право (торе) и его признаки, имели представления о правовом поведении, законности, преступлении и наказании (см.: [Арсал, 2002, с.232–235; Почекаев, 2009]). По мере развития тюркской государственности, прихода на смену ранним «степным империям» сначала державы Чингис-хана, затем ее преемников (в частности, Золотой Орды) и, наконец, тюрко-татарских государств постордынского периода, тюркская правовая культура значительно усложнялась. Однако основные ее принципы оставались неизменными, в чем можно убедиться, сравнив правовые взгляды древних тюрков и тюрко-татарских народов XV–XVIII вв., отраженных в их литературных памятниках.

Так, в древнетюркских эпитафиях, сочинении Юсуфа Баласагуни «Кудатгу Билик», тюркском эпосе «Огуз-наме» «Китаб-и дэ-дэм Коркут» закон и право ассоциируются с деятельностью конкретных лиц – чаще

всего правителей и их советников, нарушение законов воспринимается не только как попрание воли правителя, но и как преступление против Неба и установленного им порядка. Идеальный монарх (или правитель более низкого ранга) – тот, кто сам соблюдает установленные им законы, справедливо судит своих подданных и не обременяет их чрезмерными поборами (см. подробнее: [Почекаев, 2009, с.299–302]). Аналогичная картина наблюдается и в сочинениях, созданных в тюрко-татарских государствах постордынского периода. Например, в поэзии татарского автора XVI в. Мухаммедьяра последовательно проводится идея справедливости и следования закону, высказываются мысли об идеальном монархе и т.д. [Мухаммедьяр, 2007, с.104, 137, 170; см. также: Амирханов, 2001, с.155 и след.]. В позднесредневековом татарском эпосе «Идегей» главный герой также представлен справедливым судьей, обеспечивающим торжество закона, установленного ханом. При этом он и сам – законопослушный подданный, не осмеливающийся претендовать на трон, поскольку не является членом ханского рода [Идегей, 1990, с.24–27, 29, 208]. Примечательно, что установление ислама в качестве государственной религии в тюрко-татарских ханствах эпохи позднего Средневековья никак не повлияло на эти базовые принципы тюркского правосознания: законность, законопослушание и справедливость в соответствии с шариатом являлись такими же достоинствами, как и в торе древних тюрков. Соответственно, правители в соответствии с мусульманской политико-правовой идеологией продолжали считаться законодателями как облеченные властью по воле Аллаха [Бойцова, 2004, с.43]. Преступления по шариату, как и в тюркском праве, считались нарушением божественных установлений, поскольку нарушение законов означало и нарушение предписаний Корана и Сунны [Бойцова, 2004, с.45; Керимов, 2007, с.189].

В Золотой Орде юридическая наука в ее мусульманском варианте получила значительное развитие. В течение всей истории существования этого государства происходил «научный обмен» между ним и соседними странами. Так, в самой Орде работали улемы из Ирана [Муминов, 2004], тогда как

правоведы золотоордынского происхождения – выходцы из Булгара, Крыма, присырдарьинских городов – преподавали право и осуществляли судебную деятельность не только в самой Джучидской державе, но также в Иране, Средней Азии и Египте (см., например, [Усманов, 2000, с.144]). Не удивительно, что о многих видных золотоордынских правоведах, их деятельности и научных трудах было хорошо известно арабским историкам, которые даже составляли их жизнеописания (см.: [История Казахстана, 2006]).

Столь подробных сведений о юридической науке и ее деятелях в постордынских государствах мы не имеем. Тем не менее нет никаких оснований считать, что с распадом державы Джучидов наступил и конец джучидской юриспруденции. Безусловно, представители духовенства, игравшие столь значительную роль в правовой политике тюрко-татарских государств, являлись продолжателями дела золотоордынских правоведов. Какие-либо значительные работы по теории мусульманского права, по-видимому, в это время созданы не были, однако активно переписывались и комментировались труды, составленные в Золотой Орде. До нашего времени сохранились копии арабских сочинений по фикху, переписанные в Крыму в XVI–XVIII вв. – правовая тематика являлась одним из основных направлений деятельности переписчиков [Зайцев, 2009а, с.33, 34, 43–45, 55]. Хорошо известно о богатой библиотеке казанских ханов XVI в., несомненно, содержавшей и копии трудов по мусульманскому праву [Зайцев, 2000; см. также: Трепавлов, 1999]. Сохранились также сведения о деятельности мусульманских правоведов (шейхов), преподававших фикх в Касимовском ханстве [Рахимзянов, 2009, с.76]. Большое значение в тюрко-татарской правовой культуре (в первую очередь, в Крымском ханстве) имели труды османских правоведов, которыми в XV–XVI вв. велась активная работа по кодификации и систематизации мусульманского права – особенно при султанах Мехмеде II Фатихе и Сулеймане I Кануни (см.: [Айдын, 2006, с.353–355]).

Таким образом, в постордынских государствах юридическая наука имела преимущественно практическую направленность:

правоведы не создавали новых трудов, но активно изучали, переписывали и применяли на практике классические работы по шариату и фикху. Этот факт отнюдь не означает, что уровень правовых знаний в постордынский период стал существенно ниже, чем раньше – просто большее внимание стало уделяться правоприменительным аспектам. И именно благодаря этому труды правоведов более раннего времени оставались востребованными и сохраняли актуальность в течение XV–XVIII вв.

Практическое развитие теоретических знаний в области мусульманской юриспруденции реализовывалось в работе кадиаскеров, муфтиев, улемов. Основными памятниками практической правовой мысли рассматриваемого периода стали неоднократно упоминавшиеся выше записи кадиаскерских сакков, а также многочисленные фетвы и рисале (послания, трактаты), содержавшие разъяснение правовых принципов применительно к конкретным действиям правителей (см., например: [Смирнов, 2005а, с.117]).

В исторических источниках – как нарративных, так и актовых – сохранились имена многих мусульманских правоведов-практиков. Так, например, благодаря кадиаскерским записям, известны имена крымских верховных судей – Мустафы при Джанибек-Гирее, Ибрагима при Селим-Гирее I и Девлет-Гирее II, Абдул-Латифа б. Омара при Саадат-Гирее II, Фейзуль-эфенди при Сахиб-Гирее II [Лашков, 1896а, с.72, 125, 133, 134]. Крымские источники содержат также сведения о противостоянии двух представителей противоборствующих течений в крымской юриспруденции начала XVIII в. – кадиаскера Абу-с-Самада и муфтия Абу-с-Сууда [Смирнов, 1913, с.15–17], что свидетельствует о том, что развитие правовой науки в тюрко-татарских ханствах происходило не без противоречий и споров. О представителях правовой науки в других тюрко-татарских ханствах известно гораздо меньше. Полагаем, к таковым следует отнести известных по историческим источникам сеййидов, многие из которых были верховными судьями в Казанском и Касимовском ханствах, а также являлись ханскими советниками в области политики и права (см. подробнее: [Исхаков, 1997а]).

Сохранение, применение и развитие правовых знаний в тюрко-татарских ханствах происходило не только в рамках шариатской системы права. В этих государствах имелись знатоки принципов и норм также в области имперского и обычного права, хотя, конечно, на сегодняшний день о них можно строить лишь обоснованные предположения.

Несомненно, к числу знатоков принципов и норм имперского, «чингизидского», права, следует отнести, в первую очередь, самих монархов и других членов правящего дома Джучидов. Являясь проводниками политики правопреемства от империи Чингис-хана и Золотой Орды, монархи являлись главными носителями их политико-правовой идеологии. Как мы помним, Шайбани-хан, принимая решение по вышеупомянутому спорному вопросу о наследовании, велел поступать по «установлению Чингизхана», т.е. предполагалось, что законы основателя Монгольской империи были хорошо известны. Ссылались на установления Чингис-хана также крымские и казанские ханы, ногайские бии (см., например: [Смирнов, 2005, с.248; Беннигсен, Вайнштейн, 2009, с.363]).

Другими носителями имперских политико-правовых ценностей являлись, как ни парадоксально, служители ханских канцелярий – парадоксально, потому что они в преобладающем большинстве были мусульманами и, казалось, должны были бы всячески отстаивать и проводить нормы и принципы шариата. Тем не менее во многом именно благодаря им в тюрко-татарских государствах сохранялись основные элементы формы и содержания ханских ярлыков и прочих официальных документов в том виде, в каком они существовали в Монгольской империи и Золотой Орде (эти вопросы подробно освещались исследователями; см.: [Özyetgin, 1996; Абзалов, 2009]).

Носителями ценностей обычного права тюрко-татарских народов выступали родоплеменные предводители и старейшины, передававшие из поколения в поколение правовые знания в своем роду. К сожалению, сведений источников о знатоках тюрко-татарского обычного права – в отличие, например, от казахских биев, о которых имеется немало преданий и сообщений письменных источников (см.: [Казактын, 2004а]). По-видимому, отсутствие сведений о знато-

ках обычного права в тюрко-татарских государствах объясняется тем, что их роль в правовой культуре была неизмеримо ниже, чем у биев в Казахстане – в связи с тем, что в тюрко-татарской традиции гораздо большее значение имели нормы шариата. Тем не менее на основании косвенных сведений источников можно утверждать, что такие знатоки имелись. Так, например, ногайские бии, а также тюркские и персидские историки XV–XVII вв. ссылались на традиционное обычное право (торе и адат), следовательно, были лица, сохранявшие знания о древнетюркском праве. При попытке провести реформу в Крымском ханстве по ограничению роли шариата в области суда, хан Мурад-Гирей назначил торе-баши, т.е. и в Крыму еще в конце XVII в. также имелись носители тюркских обычно-правовых ценностей. Напомним, что обычное право в Крыму никак не преследовалось османскими сюзеренами Крымского ханства – ведь и в самой Османской империи большую роль играло обычное право «орфи», органично сочетавшееся с результатами законодательной деятельности султанов («канун») и шариатом [Айдын, 2006, с.323–335; см. также: Орешкова, 1990].

§ 3. Структура власти в поздnezолотоордынских государствах

Структура государственного устройства. Хань. Государственное устройство татарских ханств базировалось на золотоордынских политических традициях. Верховная власть в ханствах принадлежала ханам-Чингизидам. Все ханы – потомки сына Чингис-хана Джучи (Джочи) – ханоснователя государства (Улус Джучи, или Улуг Улус), юридически считались коллективными собственниками всего Улуса, хотя фактически властью распоряжались ханы, сумевшие добиться лояльности своих родичей и наиболее влиятельных кругов знати и утвержденные на собрании наиболее знатных аристократов – курултае, ввиду сложной системы престолонаследования. С XIV в. они должны были быть мусульманами [Измайлов, Исхаков, 2009, с.310–320]. Это правило выполнялось строго даже в

Все вышесказанное позволяет утверждать, что правовая культура тюрко-татарских государств XV–XVIII вв. была сложной, многоуровневой и порой противоречивой системой. Возможно, она уступала по уровню правовой культуре Золотой Орды, что было связано, несомненно, с ослаблением центральной ханской власти и невозможностью обеспечить максимально эффективную реализацию норм имперского («чингизидского») права, являвшегося своеобразным интегратором различных правовых систем в рамках золотоордынского права. Тем не менее тюрко-татарская правовая культура была достаточно высоко развитой и имела собственную специфику, а ее уровень в целом не только соответствовал уровню развития права в европейских или восточных странах, но по некоторым направлениям даже и превосходил его.

Таким образом, правовая культура тюрко-татарских государств XV–XVIII вв. может с полным правом рассматриваться, с одной стороны, как значительный этап в развитии тюрко-монгольского типа правовой культуры, с другой – как важный и неотъемлемый элемент тюрко-татарской цивилизации.

Искандер Измайлов

Касимовском царстве, где султан, принявший православие, терял права на престол. После смуты 1359–1360-х гг. все Джучиды Ак-Орды погибли и власть от них перешла к ханам Кок-Орды (из рода Тука-Тимуридов). Престол Улуса и татарских ханств (XV–XVIII вв.) могли занимать только потомки рода Джучи, поэтому даже влиятельные, причем даже влиятельные улуг карачи-беки (беклярбеки) – всегда управляли страной от имени номинально правящих ханов. Все Джучиды Ак-Орды в качестве государственного использовали старотатарский язык (поволжский тюрки), который был единственным языком официального делопроизводства. Причем использовался он вплоть до XVIII в. и в официальной канцелярии Русского государства как язык дипломатического общения с восточными стра-

нами. После распада Улуса Джучи власть во вновь образованных ханствах захватили отдельные роды (кланы) потомков Джучи: Улугмухаммедида – в Казани, Гирей – в Крыму, Шибаниды в Сибирском и Узбекском ханствах и т.д.

Довольно рано, видимо, уже в XV в. после фактического распада Улуса Джучи возникла тенденция рассматривать возникшие ханства в качестве наследственных «юртов» различных династий Джучидов. Она зафиксирована, в частности, в одном документе из «Посольской книги по ногайским делам», относящемся к 1576 г., где среди земель, ранее выплачивавших жалованье ногайским биям, которые вошли в московское подданство и, соответственно, их обязательству регулярных выплат ногаям также перешли на Русское государство, упомянуты «царев Темир Кутлуев юрт Астарахань, и Алибаев, и Алтыб[ае] [юр]т, и Болгарской царев юрт, и Ардабаев с тридцатью Тюмени...» [Посольская книга, 2003, с.47]. По доказательному мнению В.В.Трепавлова, в этой ссылке речь идет о территории Астраханского ханства (Тимур-Кутлугов юрт), Кок-Орде (юрт Орды-эджена) и Казанского ханства (Алибаев и Алтынбаев Болгарский царев юрт) [Там же, с.81–84]. Эта традиция имела, несомненно, официальный дипломатический и историописательский, а не просто фольклорный характер [Измайлов, 2006, с.99–128]. Вне всякого сомнения, также в крымской историографии были закреплены права крымских Гиреев на свои владения [Зайцев, 2009а, с.63–134].

В Казанском ханстве до 1518 г. ханами были только потомки Улуг-Мухаммеда (исключение – в 1496 г. правил потомок Шибанидов), а позднее – из династии Тимур-Кутлуга (1518–1552 гг. с перерывами) и Гиреев (1521–1551 гг. с перерывами), а последним казанским ханом был Йадыгер Мухаммад, происходивший их рода большеордынских ханов, правивших в Астраханском ханстве и восходящих к Тимур-Кутлугу. Еще один хан, который был провозглашен частью непримиримых врагов Московского государства во главе с Мамич-Бердыем, также был, видимо, из рода Тимур-Кутлуга (см.: [Худяков, 1991, с.174–188; Исхаков, Измайлов, 2005, с.55–63]).

В Крымском ханстве правящая династия принадлежала роду Гиреев (Гераев) (1443–1783) и потомкам хана Хаджи-Гирея. По предположению некоторых историков [Усманов, 1972], наименование династии происходит от названия рода или племени Гирей (Кирей), которое широко известно у монголо- и тюркоязычных народов Центральной Азии. С конца XV в., когда в 1478 г. на крымский престол султан Мехмед II возвел сына Хаджи-Гирея Менгли-Гирея, Гирей являлись вассалами турецкого султана. Официально вассальные отношения были закреплены при хане Ислам-Гирее (1584–1588), после чего при чтении хутбы имя султана произносилось перед именем хана. Для усиления зависимости Гиреев от султана в Стамбуле, а позднее на о. Родос жили члены семьи Гиреев, которыми султан заменял неудобных ему крымских правителей. Гирей участвовали в войне Турции против Польши, Молдавии, Русского государства и Ирана, совершали набеги на русские, польско-литовские и другие земли. Члены семьи Гиреев входили в состав верховного органа власти – дивана Крымского ханства. После присоединения Крымского ханства к России (1783) последний его хан Шагин-Гирей отказался от прав на престол. Часть Гиреев перешла на службу Российскому государству, другая – переселилась в Турцию (см.: [Бахрушин, 1936, с.29–61; Fisher, 1978, p.17–69; Виноградов, 1999, с.58–69]).

Возникшие на месте Кок-Орды ханства были основаны потомками Джучидов Тука-Тимура и Шибана. Исключением был период 1495–1563 гг., когда страной правили местные аристократы-Тайбуги (Тайбугиды) [Frank, 1994].

Формально ханы являлись единовластными монархами, их имя называлось в ежедневных молитвах (хутбе), они скрепляли своей печатью все законы и выполняли другие представительские функции. В некоторых случаях они командовали войсками, хотя степень их реального влияния на ход боевых действий не совсем ясна. Исключение составляют, видимо, некоторые ханы Казанского, Сибирского и Крымского ханств. Вполне возможно, что доход от военной добычи в значительной степени шел хану, как его организатору и командующему.

Не исключено, что высокая военная активность некоторых ханов, объяснялась стремлением к военным трофеям. Намереваясь укрепить свою власть в своих странах, они не имели другого способа привлечь на свою сторону военно-служилую знать, кроме как через участие в дележе военной добычи, тогда как внутри страны средства и возможности хана были весьма ограничены.

В каждом ханстве были свои особенности распределения власти между ханом и аристократией. Обычно от имени хана выдавались либо подтверждались тарханный и сойургальные ярлыки, предоставлявшие тому или иному роду или конкретному лицу те или иные льготы за службу. Очевидно, ханы не только подтверждали традицию землепользования, но могли также перераспределять некий земельный фонд. Например, ханы Крымского ханства уже с 1530 г. могли передавать подконтрольные ему земли с пашнями, сенокосами, садами и т.д. с тем, чтобы новый владелец «...овладел названной землей, сеял и обрабатывал ее без всякого препятствия» (см.: [ИТУАК, 1895, с.85–87, 91]).

Право отдельных лиц на владение пожалованной землей по истечении определенного времени, судя по источникам, как и в других татарских ханствах, нуждалось в подтверждении со стороны ханов – верховных собственников земли. Обычно хан не препятствовал этому. Например, в Крымском ханстве хан Мухаммад-Гирей, как это видно из ярлыка, внял этой просьбе и после «подведения лошади» выдал ярлык с алой тамгой и синей печатью и повелел, чтобы «названные выше эмиры... вместе со своим родом владели пожалованной землей покойно и беспрепятственно» [Там же, с.88].

Все это не означало, что хан был абсолютным правителем. Наоборот, все, что мы знаем о татарских правителях, это то, что лишь единицы из них действительно пытались править самодержавно и самовластно. Как правило, это заканчивалось вооруженным выступлением татарской аристократии и свержением неугодного властителя. Особенно ярко это проявлялось в истории Казанского ханства, где вся территория ханства была разделена на даруги, и где реально правили карачи-беки. То есть хан

фактически был лишен главного достоинства любого средневекового владыки – свободных земель. Более того, казанская аристократия зорко следила, чтобы ни один хан не получал слишком большую свободу в перераспределении земельного фонда или права на сборы налогов и пошлин. Судя по источникам, любые попытки хана укрепить свою власть, т.е. получить возможность распоряжаться землей и финансами, вызывали яростное сопротивление клановой аристократии. Вспомним, что именно обвинения в попытках завладеть чужими сойургалами и землей были главными по отношению ко многим ханам, начиная от Мухаммад-Амина и вплоть до Шейх-Али. Так, в 1541 г. в письме к великому князю Московскому от имени улуг карачи-бека Булата «и всей земли Казанской», перечисляя обиды на хана Сафа-Гирея, знатные татары писали: «...от царя ныне Казанскимъ людемъ велми тяжко, у многих князей ясаки поотъймалъ да Крымцамъ подавалъ...» [ПСРЛ, 13, 2000, с.99]. Те же самые обвинения в адрес хана Сафа-Гирея сохранились в одной из дипломатических грамот: «...у кого отца не стало, он (т.е. хан. – *И.И.*) отцова дохода не давал; а у кого брата большого не стало, и он того доходу меньшему брату не давал» [ПДРВ, 1793, с.269–274.]. Скорее всего, в данном случае, бывшем далеко не первым и последним в коллизии по линии хан – клановая аристократия, мы имеем дело с правом хана утверждать тарханные и сойургальные ярлыки. Узурпируя это право, хан Сафа-Гирей передавал права на пошлины и сборы своим сторонникам, пытаясь тем самым расширить свою социальную опору. Но в результате он потерял всякую поддержку среди татарских кланов и был свергнут. Возвращение его связано уже с поддержкой ногаями, которым он дал место одного из карачи-беков (князь ногайский) и какие-то денежные и земельные пожалования, очевидно, отняв их у клановой аристократии. Но и на этом скрытая вражда хана с казанской знатью не прекратилась. Сам хан странным образом умер в своем дворце, а его наследники не продержались на троне и года. Другое дело, что новый хан Шейх-Али, умудренный опытом прежних правлений в Казани и опытом предшественников, продолжил полити-

ку своего предшественника. В результате стабильность и могущество ханства было окончательно погублены. Таким образом, можно сделать вывод, что хан, выдавая тарханские и сойургальные ярлыки (это было, очевидно, его право и прерогатива), не мог произвольно отнимать или передавать их своим сторонникам (права распоряжения землей, сборами и пошлинами являлись правом и прерогативой татарских кланов или сельских общин). Этот порядок не мог разрушить ни один хан, иначе он рисковал сам быть погребенным под обломками этой системы, как это и произошло в истории Казанского ханства. Вообще же представляется, что в Казанском ханстве, как и Улусе Джучи, перераспределение улусов носило чрезвычайный характер, тогда как обычной практикой «пожалований» было подтверждение прав владельцев, как «со времени покойного хана Узбека и по сей день...», «в ярлыках Чингиз-хана и последующих ханов», «мы пожаловали по прежнему обычаю» и т.д. Иными словами, здесь важно не только указание на традицию пожалования (без этого, похоже, не было самого основания пожалования), но и подтвердительный, а не жалованный характер ярлыков. Скорее всего, существовала детально разработанная система наследования любой земли и доходов, и произвольно получить какую-либо собственность или права на нее не мог никто, даже сам хан. Еще раз повторим – только если он не боялся настроить против себя всю родовую аристократию. Были, очевидно, некоторые возможности, которые пытались использовать ханы, например тот же Сафа-Гирей: искусственно не «жаловать» ярлык на выморочное владение или сойургал его наследникам, либо конфисковывать владения у нелояльных аристократов. Однако в любом случае для всех было очевидно, что эти ханские усилия незаконны и не могут стать «старинной».

В этом смысле думается, что историки, которые рассматривали структуру земельных отношений и права ханов, были в плену у западноевропейских аналогий и расхожих представлений о «самовластных» и самодержавных ханах. Характерен с этой точки зрения пассаж в целом весьма наблюдательного и скрупулезного историка

Ш.Ф.Мухамедьярова, который писал: «Хан, соединявший в своих руках политическую власть над населением Казанского ханства с властью над землей, выдавал своим вассалам сойургальную грамоту. Грамота Сахиб-Гирея признает за ним ряд привилегий, но не различает политических прав от чисто имущественных» [Мухамедьяров, 1958, с.16]. Примерно так же писал и С.Х.Алишев, считая, что доходы с общегосударственной земли и доходы с нее в виде ясака «пополняли ханскую казну», шли на содержание войска и чиновников [Алишев, 1990, с.40]. Проблема, думается, лежит несколько в другой плоскости. Вряд ли казной ханства распоряжался хан. Скорее всего, он, как и другие феодалы, получал определенные денежные средства от своих тарханских прав, а казной ханства распоряжался диван. В этом смысле действительно имущественные права казанских феодалов были не отделимы от их сословного (или политического) статуса, как, впрочем, и в других средневековых обществах.

При этом у самого хана были определенные земельные владения, свой улус. О существовании этого ханского «домена» можно судить по некоторым отрывочным сведениям, относящимся к более позднему времени. Так, в Писцовой книге 1565 г. отмечено: «...деревне в нурдулатове... имелась порожняя земля, что раньше была царевская Мухаммед Аминевская» [Список, 1910, с.104]. Историки подсчитали, что в Предволжье и Закавказье насчитывалось около 20 таких имений [История Татарской АССР, 1951, с.137]. То есть собственные владения у хана имелись, хотя они и были довольно чересполосными и, видимо, небольшими. Можно сделать вполне допустимое предположение, что эти имения были выделены хану при возведении его на трон. Остается только догадываться – были ли эти владения у ханов изначально еще со времен Улуг-Мухаммеда, или это то, что осталось от владений первоначально выделенных этому хану. Не исключено, что в ханский улус входили и городки. Вероятно, таковым могла быть крепость Иски-Казан (Камаевское городище), где содержался в заточении хан Джан-Али после свержения с трона. Некоторые археологические находки также

могут свидетельствовать, что там содержались также русские пленники. Как бы то ни было, ясно, что и в правовом и имущественном (земельном) отношении ханы зависели от татарской клановой знати, которая передавала им ханские владения в управление на время правления (своего рода сойургал на время ханства).

Структура ханской власти требовала консолидации. Поэтому в Крымском ханстве, хан с конца XV в. стремился заранее назначать своего наследника, поручая ему командование войсками и участие в дипломатических переговорах (подробнее см.: [Смирнов, 2011, с.265–273]).

Очевидно, в интронизации ханов в государстве ведущая роль принадлежала карача-бекам во главе с Ширинами (улул карачи-бекам), как и вообще в проведении государственной политики. По крайней мере, такова ситуация сложилась в Крымском и Казанском ханстве. В определенном смысле прав был карачи-бек клана Ширин Агыш, когда хвастался: «Разве у повозки не две оси? Правая ось – мой повелитель хан, а левая – я с моими братьями и детьми» [Сборник РИО, 1895, с.39–40]. Официальный статус кланов хорошо описан в официальных источниках. Можно сказать, что карачи-беки утверждали власть хана, а он подтверждал их властные полномочия. Есть прямые свидетельства, что они скрепляли своими клятвами договора с иностранными державами и с другими внутренними владельцами – ханскими братьями и сыновьями, религиозными властями и ханскими советниками [Там же, с.20, 211]. В Казанском ханстве в переговорах, которые велись от имени «всей земли Казанской» для приглашения ханов на престол, неизменно фигурируют карача-беки с такой формулой: «...от сеита, и от уланов, и от князей, и от карачей и от всеа Казанския земли» [ПСРЛ, 11–12, 2000, с.31–32, 56–57, 68, 81, 167]. Но сведений о самой церемонии посажения на престол хана в Казанском ханстве не сохранилось. Возможно, она была аналогичной тому, что происходило в Касимовском и Крымском ханствах.

Нет данных и о существовании официального наследника престола с особым титулом как в некоторых других позднезо-

лотоордынских государствах. Престол передавался от отца к сыну, хотя с конца XV в., да и раньше, наблюдались и случаи его перехода от брата к брату. При пресечении правящей династии, татарская аристократия приглашала на престол Чингизида, из наиболее близких родственников-Джучидов. Так, на казанском престоле под давлением московского великого князя появился Шейх-Али и ханы из рода Гиреев.

Непосредственно хана обслуживал особый штат придворных чиновников, из которых русские летописи упоминают дворецкого и конюшего. Известно, что в 1551 г. при Шейх-Али эти должности занимали соответственно бек Шах-Аббас сын Шаама и бек Батике.

К числу придворных также принадлежали *аталык* – воспитатель ханских детей и *имильдаш* (подробнее об этом термине см.: [Vasary, 1983]) – молочные братья ханов и их детей; русские документы передают эти термины как «дядька» и «мамич». Эти институты, несмотря на свою кажущуюся архаичность, играли важное значение в социальной структуре тюрко-татарских государств. По сути они являлись связующим звеном между ханами-Чингизидами и местной родовой знатью. Подобные отношения родства были выгодны обеим сторонам: татарская аристократия приближалась к трону, а ханы получали опору среди родовой знати, получая преданных слуг и надежную опору. Аталыки были не просто учителями-наставниками, но и главными советниками будущих ханов, которые, часто не занимая официально высоких постов, реально активно формировали политику своих воспитанников. Не говоря уже о том, что от личных качеств и авторитета аталыка и его клана во многом зависело, выберут его воспитанника ханом или нет. Точно так же выбор имильдашей связывал взаимными обязательствами султана и будущего хана с кланами своих «молочных братьев». Как вступление в брак, выбор «имильдашей» и «аталыка» являлся ответственной процедурой и важным институтом укрепления власти хана. Неудивительно, что часто аталыками становились выдающиеся личности. Например, аталык хана Сафа-Гирея Талыш был полководцем, участвовал в сражении на Итяковом поле

в 1524 г. и погиб во время войны 1530 г., а воспитатель детей Сафа-Гирея аталык Али-Шахкул упоминается в русских источниках как видный сановник, а одни из городских ворот в Казани имели название Аталыковых. Молочные братья пользовались среди татар большим уважением и считались близкими родственниками. Например, при взятии Казани два имильдаша хана Ядыгара сдались в плен вместе с ханом как члены ханской семьи. Не исключено, что знаменитый организатор борьбы с русскими завоевателями Мамич-Берды являлся имильдашем одного из казанских ханов, что делало его одним из самых знатных представителей оставшейся казанской знати.

Формой влияния военно-служилой знати и духовенства на государственные дела был сословно-представительный орган – *курултай*, решавший все важнейшие государственные дела в государстве (в том числе и формальные выборы и низложение хана, объявление войны и т.д.) [Худяков, 1991, с.194]. В русских источниках он обычно именовался термином «вся земля Казанская». По подсчетам М.Г.Худякова, в русских источниках «вся земля Казанская» упоминается 14 раз [Там же, с.191–195], хотя очевидно, что курултаи собирались чаще – по крайней мере 15 раз: при низложении хана (Мамука в 1496 г.; Сафа-Гирея в 1541 и 1546 гг., Джан-Али в 1535 г.), при возведении хана на трон (Шейх-Али в 1519 и 1551 гг.; Сафа-Гирея в 1535 и 1546 гг.), а также при подписании мирных и шертных договоров с Москвией (1516, 1518, 1524, 1530, 1531, 1546 и 1551 гг.). Судя по летописным источникам, само провозглашение хана было длительной процедурой. Основной частью этих переговоров было согласование шарт-наме, определявших права и обязанности сторон. После того, как все позиции были согласованы, уже на съезде происходило торжественное подписание, т.е. скрепление грамоты печатями. Вот как описывает это событие летописец в 1551 г.: «И царь Шигалеи и вся земля Казанская на том государю правду дали... И шертные грамоты царь попечал своими печатми, а Казанские люди лутчие многие руки свои прикладывали» [ПСРЛ, 29, 1965, с.65].

Несомненно, что курултаи собирались гораздо чаще, но не все сведения о них отложились в письменных источниках. Сведения о них в других татарских ханствах также отрывочны и требуют специального изучения. Вообще, курултай имеет древнюю тюрко-татарскую традицию [Худяков, 1991, с.191–192; Федоров-Давыдов, 1973, с.168–169; Pelenski, 1978] и в течение веков заметно менял свою форму – от народного собрания до совета высшей аристократии. Уже в период Улуса Джучи вопреки мнению Г.А.Федорова-Давыдова, это был не архаический институт, а форма сословного представительства высшей клановой аристократии. Формой институционализации ее власти и гарантией сохранения ее привилегий. В Казанском ханстве, где этот институт был унаследован из Улуса Джучи, он превратился в действенный инструмент сохранения и укоренения сословной власти высшей татарской аристократии. Самыми ближайшими историческими аналогиями курултаю Казанского ханства являются сеймы польско-литовской шляхты, которые также единственные выбирали короля, новгородское вече, выбиравшее князя, и съезды аристократии Священной Римской империи, также избиравшие императора. Иными словами, при таких аналогиях государственный строй Казанского ханства можно назвать аристократической республикой. В этой связи нет ничего удивительного, что отечественные историки, восхищаясь «демократизмом» новгородского вече, предпочитали не замечать, что у татар сложился свой вполне демократический институт власти, имевший глубокие исторические традиции и реальное влияние на дела государства, ведь тогда бы пришлось отказаться от такой важной мифологемы, как усиление самовластия под влиянием «татарщины», или признать, что казанские татары не представляли постоянной военной угрозы для Руси, поскольку сам хан просто не имел для этого военных сил, а казанская аристократия не имела никакого резона вести войны против Руси: успех был сомнителен, удержать завоеванное было невозможно, а кроме того, любая победа укрепляла авторитет и власть хана.

В период между курултаями реальная власть в Казанском ханстве принадлежала дивану (государственному совету), состоявшему из представителей высшей татарской знати (сеййиды, карачи-беки, огланы) [Худяков, 1991, с.191]. Они, можно сказать, были органом оперативного управления. Скорее всего, именно в руках дивана был весь государственный аппарат исполнительной власти. Очевидно, внутри дивана было какое-то разделение функций, (например, сеййид явно играл большую роль в международных делах), но это требует дополнительных исследований и сопоставлений.

Высшую административную и военную власть в Крымском ханстве также осуществлял улуг карачи-бек (в крымской традиции назывался «каймакан» или «ширин-бей»), который происходил из рода Ширин (известнейшие государственные деятели: Эменек – конец XV в. и Джан-Тимур-мурза – первая половина XVIII в.). Их резиденция располагалась в Солхате (Иски-Крым). Среди других важнейших должностей можно выделить также ор-бека, в обязанности которого входило поддержание внешней безопасности государства, а его резиденция располагалась в Перекопе. Финансовыми делами и налогами ведал хан-агасы (везир), а также различные чиновники – казандар-баши, актаци-баши, дефтердар-баши, килларджи-баши и др. Обычно эти должности распределялись между правящими кланами. После установления зависимости от Турецкой империи важную роль в жизни Крыма стал играть представитель султана.

Государственный аппарат различных ханств имел различия, вызванные местными традициями и влиянием иностранных держав. В Казани структура власти сохранила, очевидно, больше золотоордынских черт. Административно-фискальный аппарат состоял из многих категорий чиновников – в ярлыке хана Сахиб-Гирея, кроме эмиров и сеййида, отмечены: хаким, кази, мауали заавель-ихтирам, вокиль, макааман, ильчи, бакчачи, кшти-баанан, гузар-баанан, тутнагул, тамгачи [Худяков, 1991, с.206–210; Усманов, 1979, с.222–227]. Кроме того, известны такие государственные должности, как: «хранитель Казанский царев», т.е. главный казначей, дворецкий хана, коню-

ший, оружничий, бахши (писцы-секретари) [Алишев, 1990, с.51–52]. Целый ряд из этих категорий известен еще с периода Улуса Джучи. Духовные лица также участвовали в государственных делах, особенно в дипломатических миссиях [Исхаков, Измайлов, 2005, с.81–84].

В Крымском ханстве государственная система испытала определяющее влияние Оттоманской империи, хотя и сохранила некоторые традиционные элементы и структуры. Формой влияния аристократии на государственные дела был диван (государственный совет). В состав дивана входили калга, нураддин, ширин-бей, муфтий, представители высшей татарской знати, во главе с карачи-беками из четырех правящих родов, которые одновременно могли занимать государственные должности и другие высшие управленцы, а также серакесиры (правители) трех кочевых орд (Буджак, Едисан, Ногаи). Диван ведал всеми государственными делами, формально утверждал и решал сложные судебные дела, не подлежащие юрисдикции сословных и местных судов, в частности распределение расходов государства, в том числе и на содержание хана и его двора [Смирнов, 2011; Сыроечковский, 1940; Fisher, 1978].

Гораздо меньше сведений о государственном устройстве и управлении в Астраханском и Касимовском ханствах и Большой Орде, но и они в целом с определенными особенностями следовали более ранней державной традиции Улуса Джучи [Зайцев, 2004, с.203–226; Рахимзянов, 2009, с.65–77; Трепавлов, 2010, с.28–38]

Военно-служилая знать. Татарские правящие кланы. Фактически власть в татарских ханствах принадлежала военно-служилой знати, которую в русской традиции так и называли «служилыми татарами». Господствовавшая феодальная верхушка состояла из хана, членов его семьи и еще из четырех сословий: мусульманского духовенства, князей и мурз, казаков – дворных (*ички*) и задворных. Не исключено, однако, что *ички* имели более высокий статус и сами являлись беками [Исхаков, 1998, с.61–80].

Социальная организация знати в Казанском ханстве имела иерархическую систему, связанную с правами на землевладение

(или взимания определенного налога), как условное (сойургал), за которое он обязан был служить своему сюзерену или условно-безусловное (тархан) – освобождение от повинности (всех или части) в пользу хана. Высший слой знати составляли огланы, карачи и эмиры, далее шли мурзы, а слой рыцарства составляли багатуры и казаки. Основным занятием служилого сословия была война. Недаром на сохранившихся эпитафиях XVI в. можно довольно часто прочитать, что имярек «мученически пал от руки неверного» [Рахим, 1930, с.164, 169].

Интерес представляет термин «чура», который сохранился и в аутентичных письменных источниках, и в татарских преданиях. Выше уже говорилось, что этот термин не имеет ничего общего с наименованием «кол», а обозначал военных слуг, что отчетливо видно из эпоса «Чура-батыр» и «Казанской истории», описывающей бегство исторического Чуры Нарыкова. В принципе термин «чура» можно было бы совместить с широко известными восточными военными терминами, как «гулям» или «мамлюк». Гулямы и мамлюки – рабы, часто купленные на невольничьих рынках юноши, проходили военную подготовку в специальных военных лагерях, становясь профессиональными тяжеловооруженными воинами, способными сражаться с европейскими рыцарями, в социальном отношении они часто делали головокружительную карьеру, становясь правителями целых государств (например, государство мамлюков в Египте или Индии). Однако, скорее всего, под термином «чура» следует понимать общее наименование слоя военных слуг – рыцарей. Об этом свидетельствуют как указания источников (например то, что Идегей стал у хана Токтамышша «чурой» [Усманов, 1972, с.94]) и татарские предания о военных слугах – чурах, так и более ранняя тюркская традиция, которая восходит еще к эпохе Тюркских каганатов. Был он известен и в Поволжье, где фиксируется, по меньшей мере, со второй половины XII в. и широко использовался в титулатуре в XIII–XV вв., обозначая представителей военного сословия, рыцарство (см.: [Хакимзянов, 1978, с.80–82]). Позднее, после русского завоевания, этот термин был вытеснен из социальной практики другим

наименованием сословия воинов – «служилые татары». Вопреки мнению отдельных исследователей [Худяков, 1991, с.199–206], в ханстве помещиками, получавшими земли за службу, были, скорее всего, не представители высшей знати – они владели вотчинами – а низшей, т.е. казаки (рядовые, десятские и сотские). Возможно, им принадлежало до ¼ земельных угодий государства. Этот вывод вытекает из того факта, что в первые десятилетия после русского завоевания так называемые «служилые татары» были переписаны как группы, рассеянные по многим деревням в качестве помещиков (см.: [Писцовая книга, 1978]).

Социальная организация знати в Крымском ханстве также имела иерархическую систему, связанную с правами на землевладение (или взимания определенного налога), за которое владельцы были обязаны служить своему сюзерену. Высший слой знати составляли потомки Гиреев – калга, нураддин и другие султаны, а также мурзы и беки и мелкая служилая знать – эмельдяши и сирдаши.

Структура аристократии татарских ханств основывалась на поземельных отношениях. Военно-ленная система существовала в двух основных формах наследственного владения – условного (сойургал, суйургал) и условно-безусловного (тархан). Держатель их обязан был нести военную или иную службу своему сюзерену (обычно таковым считается хан, хотя, думается, что власть его была опосредована главами татарских кланов), а взамен получал наследственное держание (владение), определенный налоговый и административно-судебный иммунитет. Тем самым военная служба являлась основной и главнейшей обязанностью владельца сойургала, хотя порядок ее исполнения и продолжительность, диктовавшиеся, очевидно, обычаям, в деталях неизвестны. Иллюстрацией подобного сбора на войну может служить отрывок из «Казанской истории»: «И слышав Казанский царь Сапкирей великих воевод Московских в велицей силе идуща и посла во все улусы Казанские по князеи и мурзы, веля им в Казань собратися из отчин своих, приготовившимся сести в осаде, сказуя многу, необычну силу Русскую» [ПСРЛ, 19, 2000, с.252].

Вся сословная военно-служилая аристократия и, в значительной мере, духовенство в Казанском ханстве являлась представителями татарских родов и племен. Можно эту мысль сформулировать даже более четко – в Казани, как, впрочем, и во всем Улусе Джучи, не было иного военно-служилого сословия, кроме татарского, т.е. никто не мог быть включен в сословие знати, если он не принадлежал к какому-нибудь татарскому клану и, соответственно, все представители этого сословия в силу кровно-родственных и семейных связей принадлежали к тому или иному клану. Из всех родов (а их реестры, например, в государстве Шибанидов, насчитывали до ста названий) в татарских ханствах особой знатностью и могуществом выделялись четыре – Ширин, Аргын, Кыпчак и Барын. Это были те самые четыре правящих рода, традиция выделения которых (именно четырех, тогда, как название конкретных родов варьировалось от ханства к ханству) восходит еще к государственной структуре Улуса Джучи, а через него – к древнетюркским временам (см.: [Шамиль-оглу, 1993, с.44–60]).

Несмотря на обилие источников и даже вопреки им, некоторые историки склонны отрицать саму возможность существования данной системы, апеллируя то к отсутствию прямых указаний источников, то к общим соображениям. Вместе с тем источники разного характера от русских летописей до татарских литературных произведений прямо свидетельствуют о наличии и важной роли, которую играли эти четыре клана в истории татарских ханств, особенно Казанского, Крымского и Касимовского (см.: [Исхаков, 1995; Исхаков, 1998; Исхаков, Измайлов, 2005]). Можно процитировать строки договора между Москвой и Казанью, где прямо говорилось: «Также ми от вас татар не приимати, и вам от меня людей не приимать, опричь Ширинова роду и Баарынова и Аргынова и Кипчакова» [Собрание, 1819, №27, с.33].

В Крыму особой знатностью выделялись четыре правящих рода – Ширин, Аргын, Барын и Кыпчак (Яшлав) [Manz, 1978; Инальчик, 1995]. Позднее к ним присоединились ногайские кланы Мангыт (Мансур) и Сиджеут. Не исключено, что в XVI–XVIII вв.

происходила постоянная ротация среди кланов, когда Мангыты вытесняли клан Аргын, Кыпчак или Барын из структур власти. Позднее, в XVIII в. Мангыты потеснили с политической арены даже Ширинов, но полностью их влияние нейтрализовать так и не сумели. Члены этих кланов, особенно Ширин, пользовались влиянием, как посланники и заложники. Например, Литовское великое княжество обычно требовало в заложники именно представителей Ширинов, а однажды к ним еще и Барынов [Сборник РИО, 1895, с.613]. Кыпчак и Аргын в этой системе пользовались меньшим влиянием, что можно объяснить тем, что они ведали «русским» направлением политики. Правящие кланы пользовались привилегией вступать в браки с Гиреями – «хан отдает своих дочерей замуж только этим бекам и их сыновьям» [Инальчик, 1995, с.76], но наибольшим влиянием и тут пользовались Ширины и Мангыты [Сборник РИО, 1895, с.40, 401].

Огромная роль правящих кланов в политике татарских ханств объяснялась тем, что именно они составляли подавляющую часть войска. Например, по данным источников первой трети XVI в. одни Ширины могли выставить до 20 000 всадников, а во время похода против черкесов в 1543 г. Ширины выставили 5 тыс., Аргыны и Кыпчаки по 3 тыс., а Мангыты – 2 тыс. воинов [Инальчик, 1995, с.76]. Мощь кланов была такова, что ханы не имели собственных сил противостоять им. Характерный пример: когда в 1551 г. правящие кланы совместно выступили против хана Сахиб-Гирея, стремящегося построить свою власть по примеру турецких султанов и завести себе регулярное войско, он был смещен и на престол возведен Девлет-Гирей.

Таким образом, эти правящие кланы не просто существовали как некие этносоциальные объединения в Казани, Касимове и Крыму, но и являлись там ведущими, активно взаимодействуя между собой и давая приют своим родичам – изгнанникам. Все эти материалы не оставляют сомнений в том, что четыре правящих рода – это реальная властная сила в татарских ханствах Восточной Европы.

Карачи-беков из четырех правящих родов: Ширин, Аргын, Барын и Кыпчак, из которых (чаще всего из рода Ширин) выдвигался улуг карачи-бек (великий карачи-бек) – фактически глава правительства и главнокомандующий. Чаще всего им становился, как и в Крыму, представитель клана Ширин. Недаром именно из их рода выдвинулись два выдающихся государственных деятеля Казанского ханства, несколько десятилетий вершивших политику страны, – Булат Ширин и его сын Нур-Али Ширин.

Во главе татарских родов Сибирского ханства находились несколько другие кланы, что, очевидно, являлось особенностью его этносоциальной структуры. В ханствах Кок-Орды выделяются кланы Мангыт, Джалаир, Кунград, Салждиут, Найман и др. (см.: [Исхаков, 2006, с.94–114]).

Податное население. Основная масса населения состояла из податного сословия (*кара халык*): крестьяне, очевидно, платившие налоги и пошлины государству назывались лично свободные «люди» – *кешеләр*, а зависимые от феодала, «рабы» – *коллар*. Судя по более поздним источникам (русские писцовые книги, актовые материалы, которые, видимо, можно экстраполировать на более раннее время Казанского ханства), подавляющее большинство мусульманского населения являлось подданными государства и лишь небольшая часть – во владении татарской знати. Не исключено, что в последнюю категорию попадали и невольники, захваченные во время военных экспедиций.

В исторической литературе существует спор о терминах, обозначающих категорию лично зависимых крестьян – «куллар». Еще в 1920-е гг. Г.Губайдуллин, приняв на веру одно толкование слова «чура» в записках К.Насыри, записавшего народное предание, что у одного из знатных мурз было много «чура кол» [Насыри, 1977, с.50], стал также объединять эти два термина и даже изобрел термин «чуровладельцы» применительно к феодалам эпохи Казанского ханства [Губайдуллин, 1925, с.12, 47, 78]. Позднее в исторических работах этот термин либо употреблялся как синоним понятию «раб» и употреблялся наряду с термином «кол», либо игнорировался, хотя и без серьезного объяснения причин ошибки. Наконец, в ра-

боте о татарских исторических источниках М.А.Усманов дал обстоятельный анализ этого термина и отметил, что употребление его в отношении лиц заведомо знатного происхождения в аутентичных источниках не позволяет рассматривать его в качестве синонима термина «кол» [Усманов, 1972, с.93–95]. Казалось бы, вопрос ясен, но в последнее время в ряде работ С.Х.Алишева термин «кол-чура» или «кул-чуралар» был возрожден как «всецело зависимый от своего хозяина юридически бесправный человек». Далее он объясняет, что эти «кол-чуры» работали на полях или в имениях феодалов, но могли иметь свой дом и хозяйство [Алишев, 1990, с.43]. Собственно говоря, это последнее не основано ни на каком материале, даже на предании, записанном К.Насыри, поскольку в нем речь шла о вооруженных всадниках «слугах и джигитах», собранных по зову своего мурзы. Следует ли так понимать, что рабы в Казанском ханстве имели еще и коней и вооружение? Поскольку в обычное понятие «раб», как это принято в исторической науке, этот термин не укладывается, то определенно речь идет не о рабах, проливавших пот на земле, а о военных слугах, проливавших свою и чужую кровь на ратном поле.

Основным налогом в татарских ханствах был йасак (йасак-калан), кроме того, существовали другие виды поземельных и подоходных налогов и пошлин (салыг мусама, тамга-тартнак, харадж и др.), а также различные повинности, такие как поставки провианта в войска и властям (анбар-малы, улуга-сусун и др.), ямская (илчи-кунак) и др. Кроме того, был ряд налогов на мусульман (гошур и зякат) в пользу духовенства, а также ряд даней и налогов на зависимые немусульманские народы (джизья). Всего число налогов и повинностей доходило до 16, их сбором ведали свыше 10 категорий чиновников. Население зависимых областей также платило налоги (йасак) в пользу государства и отдельных феодалов, платили пошлины и выполняли повинности в пользу государства и сословия знати.

Основная масса населения Крымского ханства также состояла из податного сословия, платившего налоги государству или феодалу. Основным налогом были традицион-

ные для татарских государств йасак, а также другие налоги, сборы и повинности, такие как поставки провианта в войска и властям (анбар-малы, улуфа-сусун и др.), ямская (илчи-кунак) и др. Кроме того, был ряд налогов на мусульман (гошур и зякат) в пользу духовенства. Крупные поступления в казну Казанского ханства обеспечивали дотации от Турции, в частности, плата за участие воинских контингентов татар в походах султанов, денежная контрибуция от соседних стран Польши, России, выдаваемая, чтобы предотвратить набеги на свою территорию, а также военная добыча. Денежные выплаты Крымскому ханству из России (по русской терминологии «поминки») доходили до 12 тыс. рублей (в середине XVII в.) (см.: [Бахрушин, 1936]).

Таким образом, в татарских ханствах функционировала базировавшаяся на богатой традиции тюркских народов Евразии властная и сословно-клановая система. Власть принадлежала ханам из различных

колен рода Джучи. Но сами ханы не могли бы эффективно управлять своими странами, если бы не опирались на татарские кланы. Все они имели иерархическую систему и в конечном счете сводились к четырем правящим кланам (в самом раннем виде – Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак). Позже в их среде происходила определенная ротация, которая приводила к смене набора кланов и степени значимости их в управлении государством. Аппарат управления был довольно традиционным и также основывался на золотоордынских традициях. Но он постоянно трансформировался под влиянием внешних и внутренних условий. Например, в Крымском ханстве он в XVI–XVIII вв. во многом копировал турецкую систему, хотя и имел свои особенности. В целом, как видно из привлеченного здесь материала, Улус Джучи был сословно-представительной феодальной монархией с улусно-бекской системой управления и главенством четырехклановой системы властвования татарской элиты.

ГЛАВА 5

Духовная культура

§ 1. Духовная культура Казанского ханства

Гамирзан Давлетшин

Казанское ханство существовало недолго. Да и то время, что ему было отведено историей, большей частью ушло или на внутренние распри, или на борьбу с внешними захватчиками. Но, тем не менее, даже за такой короткий исторический период Казань сумела стать очагом культуры для районов Волги, Камы, Урала и Сибири, а Казанское ханство смогло подняться до уровня передовых стран Востока и Восточной Европы. Казанское ханство стало достойным преемником богатого культурного наследия Булгар, Золотой Орды.

Ислам и мусульманское богословие. Ислам в Казани еще более крепнет, развивается. В отличие от болгарского и золотоордынского обществ, в Казанском ханстве для болгаро-татарского населения проблема принятия и распространения ислама уже не присутствует. Ислам в Казанском ханстве уже стал многовековой традицией. Население в основном жило по канонам шариата. Ислам был действительно государственной религией. Престол мог занять только мусульманин.

Официальный характер ислама отражается и в государственных документах, в частности жалованных грамотах (ярлыках). Ханы обосновали в них свои слова и политические действия, упоминая имена Аллаха, пророка Мухаммада. Это наглядно видно и в ярлыке хана Сахиб-Гирея (1523) [Вахидов, 1925а]. В нем сразу после эмиров, хакимов (местная власть) делается обращение «великим сеййидам, кадиям». Как видно из текста, сеййид не был один. Все же в отдельных источниках он представляется как высший религиозный деятель («верховный жрец») страны, пользующийся очень большим авторитетом.

Государственный характер ислама отражается в участии в государственных делах мусульманских религиозных деятелей. Сеййиды обычно возглавляли посольства, выполняли важные поручения ханов. Русские правители, хорошо знавшие об авторитете и высоком положении сеййидов в Казанском ханстве, стремились их использовать в своих интересах. Ш.Марджани писал: «Русские князья при отправлении писем Казанским ханам через послов, лично для муллы Шарифкол (Кул-Шариф. – Г.Д.) прилагали отдельное письмо и подарки» [Марджани, 1989, 200 б.]. Здесь речь идет о знаменитом религиозном и общественном деятеле, последнем верховном сеййиде Казанского ханства Кул-Шарифе. Сеййидам в татарских ханствах посвящен специальный труд Д.М.Исхакова [Исхаков, 2011].

Развитие мусульманского богословия («илм») продолжается и в Казанском ханстве. Коран и в этот период для мусульман остается великой книгой мусульманского просвещения и педагогики. Назип-Накъкаш-Исмагиль на этих проблемах останавливается более подробно [Нэкъкаш, 1997].

Казанские просвещенные люди писали комментарий к этой Священной книге. Из них «Тафсир Корана», написанный в 1508 г., дошел до наших дней. А «Сборник хадисов», т.е. деяния, изречения пророка Мухаммада был составлен в 1552 г. Как и в прежние времена, ученые, поэты и вообще просвещенные люди свои мысли закрепили аятами из Корана, хадисами. Тех, кто знал Коран по памяти, называли хафизами. Этот термин встречается и на эпитафиях Казанского ханства [Юсупов, 1960, текст 8].

Кади, как и в Улусе Джучи, был одним из почитаемых в религиозной иерархии. В ярлыке Сахиб-Гирея 1523 г. они называются

сразу же после «великих сейидов». Кадии составили фатва [Мөхәммәт Әмин, 2004, 269 б.]. В «Казанской истории» среди религиозных деятелей называются «молны (муллы), и сеиты, и шии (шейхи), и шиизгады (шейхзаде), и молзады (муллазаде), имамы, тазеи (хажи?) и афазы (хафизы)...» [Казанская история, 1954].

И в этот период художественная литература остается самым результативным средством популяризации религиозной и вообще любой науки. Вводные части поэм Мухаммадьяра являются как бы своего рода краткой историей ислама. В поэмах приводятся краткие рассказы о пророках, первых праведных халифах и популярных личностях в исламском мире, сведения об астрономии, географии, медицине. И поэма Мухаммад-Амина «Могжизнаме» в целом посвящена пророку Мухаммаду, вернее, его художественно-литературному образу.

Произведения Мухаммадьяра и, в особенности, Кул-Шарифа насыщены суфийскими идеями. Например, герои произведения «Кыссаи Хобби Ходжа» – исторические личности: Ахмед Ясави, Хаким Сулейман и их близкие, описаны различные необычные случаи из их жизни [Кол Шәриф, 1997, 43–65 б.]. Одним из суфийских центров в Казанском ханстве является Челнинское феодальное владение (улус?) [Гариф, 2006, 82 б.]. Возможно, такие суфийские братства были и в других регионах страны.

Столица Казанского ханства была одним из основных центров распространения ислама среди народов Поволжья и Приуралья. Здесь готовились многочисленные проповедники ислама, строились большие соборные мечети, мавзолеи святых, ханов и их приближенных. Наличие «Тафсиров» (толкование Корана на татарском языке) показывает широкое распространение мусульманской пропаганды и миссионерства.

Таким образом, Казань, как и Болгар, продолжала традицию «самого северного форпоста» исламской религии. Продолжалась традиция веротерпимости, характерная всей истории тюрко-татар.

Наличие на далеком севере сильного центра ислама, удаленного от других центров мусульманского мира, продолжало удивлять ревнителей ислама. Посещение

этих северных исламских мест жителями из исламских центров, оказание помощи по вопросам религии своим далеким единоверцам считалось богоугодным делом, своего рода смелостью.

Традиция хоронить правителей страны – ханов – в самых престижных мечетях или во дворах этих мечетей продолжается и в период Казанского ханства [Древняя Казань, 1996, с.122]. В последние годы под руководством Ф.Ш.Хузина были комплексно исследованы остатки двух мавзолеев и высказана мысль о том, что в них, возможно, были похоронены ханы Махмуд и Мухаммад-Амин [Мавзолеи, 1997, с.15, 18, 28].

Как традиция и во времена Казанского ханства была создана специальная служба для встречи гостей: показывать им исторические священные места, рассказывать о выдающихся людях своего края и, покормив, напоив их, проводить. Исполнители этих священных обязанностей сами отождествлялись со святыми, назывались они муджавирами. В период Казанского ханства г. Болгар уже лежал в руинах. Но стал религиозным, культурно-просветительским центром, местом поклонения и паломничества мусульман Казанского ханства. Особенно много было посетителей возле могил у Малого минарета. Подобную почетную службу нес и великий поэт Казанского ханства Мухаммадьяр. Он был смотрителем усыпальницы хана Мухаммад-Амина [Мөхәммәдьяр, 1997, 175 б.].

Несмотря на официальный характер ислама в Казанском ханстве, в обществе нашлось место и другим религиям. Финно-угорские народы и отчасти башкиры в основном продолжали придерживаться прежних языческих верований. Среди отдельных групп оседлого финно-угорского и кочевого тюркоязычного населения на юго-востоке страны ислам распространился мирным путем.

Таким образом, продолжается тюрко-монгольская традиция – терпимое отношение к другим религиям.

Образование и воспитание. В период Казанского ханства педагогическая деятельность также возлагалась на представителей духовенства. Не было мусульманского села без мечети. При каждой мечети были мек-

тебе или медресе. Весь народ, можно сказать, тянулся к грамоте. Институт «учитель – ученик» продолжает свое существование и в этот период. Учительство, наставничество нередко переходило по наследству. Например, на надгробном камне, найденном в деревне Тимерче Высокогорского района, написано: «Учитель Шагимардан, сын учителя Миргали», умерший в 1534 г. [Юсупов, 1960].

Своего рода высшей степенью получения образования считалось обучение за пределами государства в научных и культурных центрах Востока. Особенно популярна была Бухара, сначала одна из культурных центров при Тимуридах, потом с 30-х гг. XVI в. центр государства узбекских Шейбанидов. Хан государства Шейбанидов Мухаммад (1451–1510) подарил Казанскому хану Мухаммад-Амину музыкантов, певцов, поэтов, художников, среди которых был и известный певец Гулям Шади Гуди.

Обычно образованные люди Казанского ханства знали несколько языков. Особенно широко использовались арабский и персидский языки. Интересно, что русские источники вместо перечисления народов Казанского ханства называют их языки. «...Бо кроме татарского языка, в том царстве пять различных языков: мордовский, черемесский, воитецкий, або арский, пятый башкирский...» – пишет А.М.Курбский [Древняя Казань, 1996, с.136]. Но татарский язык в государстве был и официальным, разговорным, литературным и, отчасти, международным языком. Татарский язык использовался и в делах дипломатии. Был слой татарских переводчиков, которые постоянно находились на русской службе в Москве [Усманов, 1979, с.125–129]. Видно, с того периода осталось известное выражение: «Татарам толмач не нужен».

Культурность и образованность жителей Казанского ханства отмечают и иностранцы. Посол Австрии, путешественник Сигизмунд Герберштейн, посетивший Казань в те времена, написал в своих путевых заметках: «Эти татары образованнее других, так как они возделывают поля и живут в домах и занимаются разнообразной торговлей» [Герберштейн, 1988, с.145, 157].

В Казанском ханстве, как и в других татарских позднесолотоордынских государствах, дети ханов, высших чиновников воспитывались умудренными жизненным опытом старцами. Их величали «молочными отцами (*сөт аталары*), аталыками». Это явление называлось аталычеством. Даже одно из ворот Казанского Кремля называлось Аталыкским. Термин «аталык», как воспитатель ханских детей, более подробно разработан И.Л.Измайловым [Исхаков, Измайлов, 2005, с.60]. Но необходимо помнить, что термин «ата», «аталык» в то время широко практикуется и как термин суфизма, означающий руководителей, муридов, наставников в суфийских братствах, особенно таких как Йасавийа, Накышбандия, которые были популярны в Казанском ханстве.

Такую роль выполняли и сеййиды. Нередко термины «сеййид» и «ата» употребляются вместе. Так воспринимаются следующие строки из «Зафер наме-и Вилайет-и Казан» Х.Шерифи: «А на других воротах крепости – внук Кутби-ль-актаба Сейид Ата из рода господина Пророка, сын покойного Сейида, Кул Мухаммед Сейид – да продолжится его добродетельность, – став во главе дервишеподобной молодежи и собрав подчиненных ему суфиев» [Шерифи, 1995, с.90].

И в Казанском ханстве художественные литературные произведения продолжают исполнять роль воспитания, педагогики.

В произведениях Мухаммадьяра поднимаются связанные с исламом проблемы нравственности, духовности, судьбы. Именно эти вечные проблемы были особенно актуальны для общества Казанского ханства того времени.

Мухаммадьяр структуру своей поэмы «Нуры содур» («Свет сердец») всецело подчинил вопросам важных человеческих качеств, вопросам морали, педагогики [Мөхәммәдьяр, 1997, 11, 247 б.].

Первый раздел посвящается справедливости, второй – милосердию, третий – щедрости, четвертый – стыдливости, пятый – газавату, шестой – терпеливости, седьмой – умению сдерживать слово, восьмой – преданности, девятый – умению сдерживать язык, десятый – прощению. Все же на первом плане справедливость, праведность, правда. Ради нее можно все вытерпеть. Вто-

рое – милосердие. Именно сочетание справедливости (справедливость, правда, может быть, и жестокая) и милосердия – главное в политике идеального правителя.

Чтобы было более доступно и действеннее читателю, эти важнейшие высокие человеческие качества в поэмах Мухаммадьра персонифицируются в широкоизвестных в мусульманском мире исторических образах Хатаме Тай, Харун ар-Рашид. Справедливость в образе Хосров I Ануширван (531–579). Щедрость в образе Хатем Тай. Героизм в образе Рустема. Справедливость в лице Харун ар-Рашида. Эти выдающиеся личности, достойные быть историческими ориентирами, как художественные образы были широко распространены в тюркской литературе золотоордынского периода. О них были написаны исторические сочинения, они передавались из уст в уста, стали устойчивыми образами фольклора. Были подчинены дидактической литературе, стали лишь нравственными символами. Поэтому нельзя утверждать, что только через них знали полнокровную, последовательную историю. Такими они проникают в духовный мир Казанского ханства.

В поэме «Тухфаи мардан» человеческие качества персонифицируются в основном в таких вымышленных образах, как Чынбил (справедливость, преданность, достижение правды), Тойгусун (коварство, жадность, бунтарь), Гульруй (символ внешней красоты), Хушхун, Хушнаве (символ внутренней красоты), Безбаз (символ грубости, возвеличивания себя). Или библейско-коранические образы: Карун (символ бесконечного богатства, жадности) и др. Важным является качество стыдливости. Оно тесно связано с верой (иман). В четвертой главе поэмы «Нуры содур», посвященной стыду, он прямо переводит хадис пророка Мухаммада на татарский язык в виде стихотворных строк [Там же, 258 б.]. То есть стыд будет только у человека с верой в Бога. Если Аллах подарил человеку веру, то этот человек в жизни сохранит стыд.

Об активной интеллектуальной жизни Казанского ханства отмечает и Ш.Марджани: «Галимнар, шул исәптән габбаси изгеләр вә галәви сәедләр күп иде» («Ученых, в том числе святых – аббасидов, великих сейи-

дов было множество») [Мәржани, 1989, 2 б.]. О многочисленности в Казанском ханстве образованных, просвещенных людей, ученых говорится и в татарских преданиях: «Голәмалары вә мөдәррисләре вә һәм көтөпханәләре күп иде вә талибләре күп иде» (Ученых и преподавателей, библиотек и учащихся было много) [Риваятьләр һәм легендалар, 1987, 55 б.].

Письменная культура. Написанные, прочитанные в Казанском ханстве и дошедшие до нас письменные памятники по своему естеству чрезвычайно разнообразны. Среди них мы можем встретить тексты на тюркском, арабском, персидском языках, литературные произведения, религиозные и научные книги, жалованные грамоты (ярлыки), эпитафии, переводные и оригинальные творения. Произведения Мухаммадьра сами являются выдающимися памятниками письменной культуры Казанского ханства. И в самих произведениях Мухаммадьра описываются явления, предметы, связанные с письменной культурой. Из его поэм предстает перед нами общество с высокоразвитой письменной культурой. Грамотность, умение читать у населения были в большом почете.

Для страны было характерно хорошо поставленное делопроизводство. У хана, например, была целая канцелярия, в штате которой находились секретари, переписчики, хранители печати, а также чиновники, отвечающие за финансовую деятельность двора. Делопроизводство и канцелярия были высокоразвитыми и продолжали традиции Улуса Джучи. Канцелярию хана возглавлял бахши. Все они в социальной иерархии стояли на высшей ступени, наряду с родовитыми беками, сейидами участвовали в составе посольств.

Наделяя своих подчиненных землей, ханы выдавали им ярлыки об освобождении от налогов; некоторые из них, например, ярлыки ханов Ибрагима, Сахиб-Гирея, дошли до наших дней. Это длинные свитки, оформленные профессиональными каллиграфами, их законность удостоверялась разноцветными печатями. До наших дней дошло около 60 экземпляров копий и подлинников таких документов – ярлыков, составленных в татарских ханствах.

И в период Казанского ханства продолжает существовать обычай украшать изысканную посуду арабским письмом приятного содержания.

Среди таких находок представляет интерес латунный кувшин для напитков, изготовленный на уровне мировых произведений искусства. Мастер-медник Насыри, работавший при дворе хана Мухаммад-Амина, оставил на нем прекрасные поэтические строки, выгравированные на латунном кувшине для напитков тонкой работы, относящемся к концу XV – началу XVI в. [Хэйри, 1994]. Придворный медник Насыри на симпатичном изящном кувшине сделал надпись с восвалением своего любимого военачальника хана Мухаммад-Амина Кубика, он написал даже стихотворные строки на тюркском языке, а добрые пожелания в адрес хана написаны на персидском языке, что позволяет заключить о распространении высокой грамотности и образованности среди высших слоев ремесленников.

Культура надписей на могильных плитах из времен Джучиева Улуса перекочевала и в Казанское ханство. В этот период их содержание и украшение были еще более изысканными. На некоторых надписях приводятся стихотворные строки арабского поэта Абу-ль-Аттахы: «Смерть – дверь, и все люди войдут в нее». И действительно, каменные памятники по своей форме напоминают двери величественных восточных зданий, заостренных кверху. Татары частенько древние кладбища называют «Основной дом». Интересно то, что на некоторых памятниках или плитах имеется даже схематичное изображение этого «вечного дома», украшенное изображением цветка. Эти узоры очень созвучны с тем, что сказано в Коране: люди, совершавшие при жизни богоугодные дела, после смерти будут жить в райском саду среди цветов.

Эти надписи прославляют Аллаха и человека. Призывают спешить делать хорошие добрые дела на этом свете. Они проникнуты глубоким уважением, почтением к своим предкам и истории. На некоторых плитах горечь смерти близкого человека выражена стихотворными строками. Эти каменные плиты и памятники с надписями бережно охранялись, как святыни. Примечательно,

чтобы быть более действенным, как и в древнетюркских эпитафиях, некролог звучит от имени умершего.

В произведении Мухаммад-Амина «Книга чудес» немало размышлений, сюжетов о смерти [Мөхәммәт Әмин, 2004, 209 б.], в которых смерть воспринимается как птица (душа), покинувшая клетку – бранный мир. После чтения их невольно вспоминаются знаменитые строки Г.Тукая: «*Очты дөнъя читлегеннән тарсынп кунчелем кошы...*» И на надгробном памятнике 1522 г. написаны такие слова: «Как будто соколом улетела...» На болгаро-татарских надгробных памятниках не только встречаются эти выражения, но и нарисована душа в виде птицы с распростертыми крыльями [Юсупов, 1960, табл. 6].

Эти печальные строки вышеприведенной эпитафии напоминают древнетюркский ритуальный плач и плач Сююмбике над могилой своего мужа Сафа-Гирея, переданные автором «Казанской истории». В нем слова «...царь мой милый, услышь горький мой плач, и открой темный свой гроб, и возьми меня, живую, к себе. И пусть будет нам гроб твой один на двоих – тебе и мне – царская наша спальня и палата!..» [Казанская история, 1954] созвучны со словами в вышеприведенной эпитафии «отними душу мою».

Установление межгосударственных отношений в форме клятвы, мудрого изречения идет с хуннских времен. На дошедших до наших дней древнерусских миниатюрах есть сюжеты с изображением сцены клятвы татарских послов в Москве [Арциховский, 1944]. На них отчетливо видны три атрибута: две или три пары сабель, кубки с каким-либо напитком и задерненный кусок земли. Возможно, такие обязательные атрибуты клятвы являются общими для всех татар, потому что на миниатюрах, изображающих послов из Крыма, видны те же атрибуты. Выражение «*жир кәсе*» (задерненная земля) до сих пор сохраняется в татарских поверьях и приметах [Әхмәтжанов, 1992]. Клянясь землей, говорят: «*жир йотсын*» (чтоб сквозь землю провалиться), «жир упсын» (чтоб земля разверзлась). Отправляясь в дальний путь, берут с собой горсть родной земли, чтобы к ней же вернуться живым и здоровым. Задерненная земля на древних

русских миниатюрах, видимо, тоже привезена из родных мест. Следовательно, эта очень серьезная клятва – клятва самым святым: родной землей, независимостью родины, она и составляет основу этой клятвы. Две или три пары сабель, возможно, обозначают число договаривающихся. Почитание оружия, клятва оружием – широко распространенное явление с древних времен. Особенно это касается сабель. В древнетюркских источниках сохранилась поговорка: «Пусть она войдет голубым, а выйдет красным (цветом)». Чтобы предотвратить нарушение клятвы так говорили при клятве на саблях [Кошгари, 1960, т.1, с.342].

Турко-татары также скрепляли важные переговоры выпивкой напитка из дорогой посуды. Здесь следует сказать о многочисленных кипчакских изваяниях, которые бережно держат в своих руках на уровне пояса нечто святое, какую-то чашу с клятвенным напитком («*ант эчу*», букв.: «выпить клятву»). Не зря до сих пор в татарском языке есть это выражение, зафиксированное еще в словаре «*Codex somanicus*» и в золотоордынских произведениях. В дастане «Идегей» тоже говорится о питье клятвенного напитка из «белого молока с каплей крови». Русские источники используют его в форме кальки с татарского «пили шерт» (см.: [Исхаков, 1997а, с.48]).

Научные знания. Научные знания в Казанском ханстве развивались в едином русле всего мусульманского Востока. Просвещенные казанцы были знакомы с трудами таких известных ученых Востока, как Абу Али Сина, Ибн Халдун, Омар Хаям, Газали, Бируни и т.д.

Математика. До наших дней дошел большой (243 листов) рукописный «Сборник правил науки арифметики» («*Мәжмәгыл қавағыйд гыйльме хисаб*») Мухийтдина Мухаммада ибн ал-Хаджи Атмаджи, составленный в 1542 г. [Беркутов, 1968]. В сборнике, состоящем из трех частей, дается объяснение целым, дробным числам, практическим примерам («Сбор таможенных пошлин», «Подсчет яиц в корзине», «О найме», «Дележ оставленной в наследство собственности, или доход с нее» и др.). Он состоит из трех разделов. Он использовался как учебник в казанских медресе того времени. Собрание

Древнерусская миниатюра [Арциховский, 1944]

правил свидетельствует о высоком развитии математического образования в Казанском ханстве. Даже более поздние математические произведения, распространенные среди татар, принципиально не изменились.

В приложении к учебнику даны способы решения двадцати арифметических задач-загадок, «большинство из которых редко встречаются в древних книгах» («Определение возраста», «Угадывание задуманного числа или суммы денег в кошельке», «Быстрый подсчет шахматных клеток», «Угадывание перстня» и т.д.) [Там же]. Здесь упоминается и о шахматах.

В произведениях художественной литературы Казанского ханства есть термины метрологии, используемые в то время (расстояние полета стрелы, длина «дерево») [Мөхәммәт Әмин, 2004, 146, 157 б.].

Изучение надгробных памятников этого времени может привести к некоторым выводам по метрологии и математическим знаниям того времени. Такие надгробные памятники при изготовлении измерялись и локтями и пядями. В русскую метрическую систему аршин проник от поволжских татар в XV–XVI вв. [Шанский и др., 1971, с.29].

География. Географические знания считаются плодами так называемого Восточ-

ного или Мусульманского Ренессанса. В них главенствовала так называемая «теория климатов (аклим)». Одновременно булгары-татары сами вносили определенную лепту в развитие географических знаний того времени. Они, например, лучше других знали территорию своего расположения – область «седьмого климата» – и все, что расположено за ней к северу, западу и востоку. Содержащаяся в средневековой мусульманской географической литературе сведения о различных народах и землях Севера, в какой-то мере Руси, Урала и Западной Сибири, в значительной степени являются булгаро-татарской информацией.

Традиционно «весь мир» означали два основных ориентира «восток – запад» («*мәширикъ* – мэгъриб») и «семь климатов» («*жэиде икклим*») [Мөхәммәдьяр, 1997, 126, 172 б.]. Это сведения о географическом расположении Булгарского вилайета на седьмом климате, что является мусульманской географической традицией.

Бытовало солидарное отношение мусульман всего мира, центров мусульман, что отчетливо выражается в сочинении Шерифи. Из-за того, что покровительницей Казани считалась Луна, небесное светило, превращенное в это время уже в символ ислама, в исламском мире Казань воспринималась почти как священный город. К казанским мусульманам в исламском мире относились с особым почтением из-за того, что «Казань..., находясь вдалеке от исламских вилайетов, границами соприкасается с государствами неверных». «Ей неоткуда ждать помощи и поддержки, кроме Господа миров и помощи ангелов» [Шерифи, 1995, с.87].

Интересно, что вопросы об определении географических областей (климатов) относились в это время к математике (риазият) [Там же, с.87, 400].

В период Казанского ханства интерес к мусульманским историко-географическим трактатам не угасает. В тот период в казанских библиотеках читалась книга арабско-персидского ученого Закарии Казвини «Гажэибел мэхлүкат вэ гараибел мэхжудаг» («Необычные существа и обычные чудеса»). В 1549 г. казанские беки направили к султану Сулейману I посольство с просьбой прислать на казанский трон султана Давлет-Гирея и

отправили при этом в качестве подарка оттоманскому султану книгу на персидском языке [Трепавлов, 2001, с.576], которая, как полагают исследователи, являлась трудом Закарии ал-Казвини (см.: [Исхаков, 2009в, с.96]). В послании крымского хана Саадат-Гирея московскому великому князю (1526) содержится просьба «об отпуске в Казань к Сафа Гирею Усеин сеита для взятия там некоторых книг». Из этих сообщений как бы Казань предстает одним из важных центров книгохранилищ в Восточной Европе. Вообще, о богатой библиотеке в Казани рассказывается даже в легендах [Риваятьләр һәм легендалар, 1987, 55 б.].

Астрономия. Традиционные космогонические представления показывают, что тюрко-татары хорошо знали небесный свод, расположенные на нем светила и их местонахождение. С.Герберштейн особо отмечает хорошую ориентировку татар по звездам [Герберштейн, 1988]. Тюрко-татары имели с древних времен хорошо разработанную терминологию звезд и созвездий, во многом одинаковую во всех тюркских языках. [Татары, 1967, с.315; Севортыан, 1974, с.631].

Названия небесных светил, их символы воспринимались как силы магического воздействия, они присутствовали в обрядах гадания, нашли отражение также в народных приметах, гаданиях, которые включали и знания, полученные с помощью астрономических приборов.

Астрономические сюжеты нашли место в произведениях художественной литературы. Знания о небе были не только уделом специалистов, но имели широкое распространение среди простого населения (вера в «звезду счастья», «звезду судьбы») [Мөхәммәдьяр, 1997, 132, 133 б.].

Один из нерешенных вопросов, идущий со времен Ибн Фадлана, был связан с краткостью ночи летом и дневного света зимой и, вследствие этого, с затруднительностью совершения положенных шариатом пяти намазов. Речь шла, в частности, о чтении пятого намаза – ясту. Несмотря на то, что он был во многом надуманным, спор не стихает спустя века и в Казанском ханстве [Шерифи, 1995, с.87]. Они уже решают эти вопросы на основе авторитетных мусульманских изданий. Звездочеты («*йолдызчы*») широко

применяли приспособления типа квадранта, секстанта.

Медицина. Как и в Болгаре и Золотой Орде, в Казанском ханстве лекарство называлось «*ут*», а лекарь «*утчы*» (досл.: «травник») [Мөхәммәдьяр, 1997, 71 б.].

Таким образом, как и в Болгаре и Улусе Джучи, так и в Казанском ханстве, лекарственные растения были самыми важными средствами лечения.

Исцеление царской семьи от смертельной болезни, потом принятие ислама семьей и подвластным народом и женитьба лекаря на дочери царя – древний фольклорный сюжет в тюрко-тагарском фольклоре [Дәүләтшин, 1999, 151–152 б.]. Подобный сюжет имеется и в поэме Мухаммадьяра. В ней говорится о том, что один человек по имени Загид сидит в тюрьме и ждет смертной казни. Но он исцеляет лекарством, полученным из травы, преподнесенной змеей, сына бека, которого до этого ни один лекарь не мог вылечить, и тем самым спасается от казни. Кроме того, в этом рассказе змея предстает как знаток лекарств, символ врачевания. Это татарский вариант змеевидного Асклепия – персонажа древнегреческой мифологии.

В Казанском ханстве были популярны книги под названием «Шифа» («Исцеление»). Комментарии к одному из них написал Мухаммад-Амин ал-Болгари. Древнюю книгу «Шифа», написанную в 1146 г. он сначала переписывает в 1468 г. в Болгаре, а потом в 1473 г. в Ираке.

Среди населения были распространены легенды и предания о великом медике мусульманского Востока – Ибн-Сине. Недаром произведение Ибн-Сины «Ал-канун-фи-т-тыйб» («Каноны врачебной науки») у татар переписывалось и издавалось многократно. Оно известно еще и под названием «Сборник народной медицины» [Хайруллин, 1980, с.77].

История. Генеалогические и этнологические легенды продолжают бытовать и в последующие времена. На первый план выходят талмудические, библейские, коранические персонажи.

Позже предание о сыновьях Яфета (сына Ноя) обновляется новыми звеньями – Алпом и его сыновьями Болгаром и Буртасом, которые якобы являются родоначальника-

ми болгар и буртас, строят одноименные города. Различные варианты этой легенды известны в источниках XII и XV вв. Некоторые из них через Улус Джучи и Казанское ханство дошли до наших дней.

Восточная, в том числе художественная литература Казанского ханства, была выигрышным средством распространения исторических знаний. В литературных произведениях часто обращаются к античности, Востоку, особенно к историческим личностям. Эти сведения, переходя из одного произведения в другое, освещали деятельность одних и тех же исторических личностей и связанные с ними исторические события. Типичные персонажи этих рассказов – Искандер (Александр Македонский – 356–323 г. до н.э.); Афлетун (Платон) – древнегреческий философ-идеалист, 428–348 г. до н.э., символ мудрости; Дионисий I Старший, тиран Сиракузы, 432–367 г. до н.э. – символ зла, жестокости; Ануширван – символ справедливого правления; Харун ар-Рашид – халиф происхождения из династии Аббасидов (766–809). Главная черта в них для Мухаммадьяра – справедливое правление [Мөхәммәдьяр, 1997].

По историческим книгам, распространенным в мусульманском мире, тюрко-татары были знакомы и с историей других народов и стран. Так же, как на мусульманском Востоке, основание и строительство крупных городов, сооружений, отдельные события связывались с именем Александра Македонского Строителя или Искандера – Зу-л-Карнайна. Этим подчеркивалась их древность. Эта традиция продолжалась и в Улусе Джучи, и в постзолотоордынских государствах. М.И.Ахметзянов пишет, что у правителей Улуса была заметна тенденция связывать свое государство с античной цивилизацией. В татарских родословных (шеджере) встречаются имена мудрецов (хакимов) Сократа, Искандера – Зу-л-Карнайна [Әхмәтжанов, 1995, 15, 24 б.]. Сюжеты об Зу-л-Карнайне продолжают бытовать в художественной литературе Казанского ханства.

До наших дней дошло поэтическое произведение Мухаммад-Амина, осуждающее самаркандского правителя, завоевателя золотоордынских городов Тимура «Гыйкаб» («Наказание»). Поэт и хан тяжело пережи-

вает о катастрофе, случившейся в прошлом с его страной. Он требует от Всевышнего виновнику этой трагедии беспощадной кары («*гыйкаб*»).

В произведениях Мухаммадьяра дается высокая оценка ученым. Отмечаются присущие им скромность, красноречие и высокие нравственные качества [Мөхәммәдьяр, 1997, 114 б.].

Как заметно из «Зафер наме-и Вилайет-и Казан» высокая степень мудрости, учености означал ум, мудрость таких античных представителей, как Аристотель и Платон [Шерифи, 1995, с.91].

И в Казанском ханстве ученые, поэты, писатели, певцы, музыканты, искусные умельцы и т.д. могли жить и творить только под покровительством хана или другого представителя высшего слоя общества. В истории Казанского государства одним из ханов, покровительствующих наукам и искусствам, был Мухаммад-Амин. Он сам был поэтом. В свой дворец приглашал лучших деятелей науки и искусства.

Таким образом, в Казанском ханстве не было противопоставления науки и знания, с одной стороны, и религии – с другой. Богословие и наука составили единое целое.

Традиционно-народная культура. Несмотря на непоколебимое положение ислама в Казанском ханстве, продолжает бытовать и традиционная народная культура – верования, представления, устное народное творчество. Данный феномен, который был характерным всем группам татар, исследователи трактуют как национальную особенность [Усманов, 1985, с.177–185; Исхаков, 2008, с.94]. Сохранение традиционных языческих верований ощущается и в сообщении неизвестного русского автора «Казанской истории», жившего в Казани в плену 20 лет и знавшего многие здешние исторические источники. Он пишет о том, что с древних болгарских времен на Чертовом городище близ Елабуги существует молбище. Это назначение оно выполняет и в Казанском ханстве. Даже хан отправляет туда самого сейида, чтобы узнать о будущей судьбе страны. Как пишет христианский автор, там обитает бес. Местное население ему приносит жертвы, поклоняясь ему, просит помощи в трудных делах, мир

и благополучие, счастье. Перед русским завоеванием бес заявляет, что скоро страна будет завоевана врагами, он их не может защитить и в облике крылатой змеи покидает страну [Казанская история, 1954, с.91, 92]. Понятно, этот отрывок в духе идеологии русской церкви.

К периоду Казанского ханства относятся и легенды о битве с драконами, страшными змеями, обитающими в тех местах, где начинается строительство стольных или больших городов.

В основе этих легенд лежит мысль о том, что города, игравшие важную роль в истории народа, не могут быть построены обычным путем. Эти города священны с самого начала – будущее место для них очищается от злой силы огнем. Иначе говоря, судьба города предопределяется в момент его основания.

Так и происходит при поиске места для постройки города Казани [Риваятьләр һәм легендалар, 1987, 48–55 б.]. Все это олицетворяет борьбу с хаосом (драконом), завоевание, освоение пространства, поэтому-то и производилось жертвоприношение.

Древнейший смысл этих обрядов – борьба с хаосом (дракон, змея), завоевание у него освященного, пригодного для жизни пространства, его усвоение, жертвоприношение с целью обеспечения благополучия будущего города.

С древнетюркских времен огонь у тюрков, хазар, азовских болгар был инструментом очищения, а не объектом поклонения как у ираноязычных племен (см.: [Дәүләтшин, 1999, 81–82 б.]). Вера в очистительную силу огня, как в средство очищения от злых духов продолжается и в период Казанского ханства. Место предстоящего города Казани очищается от злых сил, крылатых змей посредством огня. Крылатые змеи обитают в пещерах, последняя деталь намек на древность.

Ни одно государство не может существовать без праздников. Об одном таком повествует автор «Казанской истории». «Царь же и вельможи казанские жребца и юнца (быка) тучные приводяще, закалаху на жертву. Простая же чадь, убозии людие, овцы и куры птица приносяще закалаху. И радоваться и веселиться почаша, лики творяще, и прелестныя песни поющи, и плещущи ру-

ками, и скачущи, и пляшущи, и играющи в гусли своя, и в прегудница (кубыз?) ударяющим ...» [Казанская история, 1954, с.149].

Этот праздник массовым жертвоприношением животных можно было бы связать и с мусульманским Курбан-байрамом. Но, как следует из описания, это, главным образом, всеобщее веселье с танцами и песнями. Скорее всего, это похоже на Сабантуй.

Немало произведений болгарского фольклора были унаследованы населением Казанского ханства и через них дошли до наших дней. И в это время бытовали легенды, представления о северных народах, Искандере Зулкарнайне. Легендарные рассказы об Идегее начали распространяться, когда сам он был еще жив. В исторических сборниках «Дафтар-и Чингиз-наме», «Сборник летописей» Кадыр-Али-бека и т.д. содержится немало легенд и преданий, бытовавших еще в Казанском ханстве.

Мухаммадьяр в своих поэмах мастерски, умело использует фольклорные, мифологические сюжеты. Это легендарные рассказы, крылатые слова, афоризмы («От плохого выкупи свою шею», «Угостил хозяина, бросай его собаке кость», «Не корми щенка, все равно возвратится к своей сути», «Копал колодец – сам упал», «В берлоге волка заяц не живет», «Убил змею, не трогай змееныша», «На одно хорошее придет десять вознаграждений» и т.д.) слова, «оставшиеся от древности (*борынгыдан калган*)», фрагменты былых сказок [Мөхәммәдьяр, 1997, 118, 120, 125 б.].

«От древности басня (*мәсәл*) – слушай». Подобные строки встречаются довольно часто. В них Мухаммадьяр, действительно, ведет речь о баснях. Но в его поэмах дается только лишь их итог, назидание, суть. Это заключение само превратилось уже в пословицу, поговорку. В его произведениях особенно часто встречаются пословицы, поговорки [Там же, 118, 120, 121, 122, 125 б.]. Автор часто подчеркивает древность сказаний [Там же, 122, 145 б.]. Таким образом, заявляет их ценность. Это как бы наши сказки, начинающиеся со словами: «В давние-давние времена...»

Поэт, воспевая хана Сахиб-Гирея, заявляет, что «его меч уничтожит и дракона». И в «Книге чудес» Мухаммад-Амина присут-

ствуют сюжеты о борьбе с драконом. Перед нами встает батыр татарских сказок, по одному отрубающий головы многоголовых драконов.

Таким образом, данный мотив бытовал и в период Казанского ханства.

Почти во всех преданиях об основании г. Казани говорится о разрушении г. Болгара, о переселении населения на новое место и строительстве там Нового Болгара (*Болгар ал-Жәдид*). О преемственности Болгара и Казани подчеркивается и в других легендах, преданиях. Это предания о «Несгораемой девушке», болгарской царевне, Сююнбике.

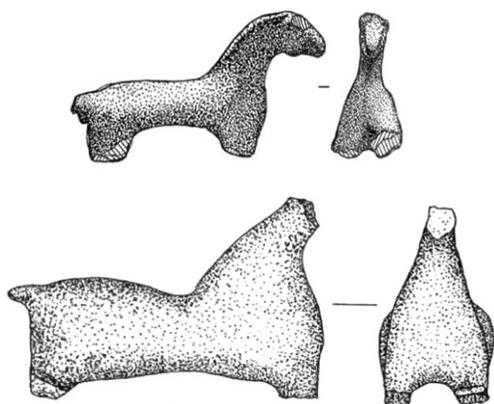
В книге есть упоминания и об обрядах, идущих по крайней мере с болгарских времен. «*Һәр яңгадан өстә кыйлдылар ниһяр*», т.е. каждого нового осыпали монетами [Мөхәммәт Әмин, 2004, 45 б.].

Этот обряд у предков татарского народа известен еще с болгарских времен. Вспомним встречу болгарскими багдадского посольства. Представителей его встречают на расстоянии двух фарсахов (10–12 км), осыпают их дирхемами. Здесь не только отработанный ритуал встречи высоких гостей, а налицо и более древнее мировоззрение, смысл которого, возможно, забыт. Встреча гостей на расстоянии с выездом им навстречу являлась признаком гостеприимства, в первоначальном значении означала стремление обезопасить людей, пришедших из далекой чужой страны, еще до прихода их в центр. Та же мысль лежит и в церемониях встречи невесты у татар при первом посещении ею жилища жениха.

В «Книге чудес» нашлось место таким сюжетам, как борьба с драконом. Они во многом созвучны с борьбой против драконов как самых страшных сил в татарских народных сказках [Там же, 67 б.].

В это время появились многие дастаны, легенды и предания, беиты, исторические песни, сказки, пословицы и поговорки, которые дошли до наших дней. Это многие легенды и предания о Болгаре и Казани, сказания об «Амате», Джикмерген, «Чура батыр», «Идегей», в которых повествуются о таких вечных и больших проблемах, как любовь к родине, ее защита, почитание истории.

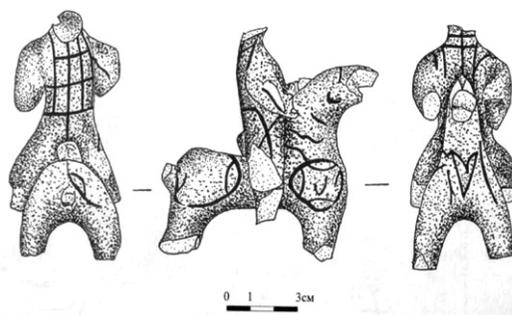
Среди археологических материалов Казанского Кремля ханской эпохи часто встре-

Глиняные игрушки в форме животных
[Ситдииков, 2006, рис.119-5, 79-7]

чаются детские глиняные игрушки в форме животных и всадников. В них отражаются мечты детей и их родителей.

И последнее, что хотелось сказать в данной статье. После распада Золотой Орды на ее развалинах образовалось не одно только

Глиняные игрушки в форме всадников
[Ситдииков, 2006, рис.79-10]

Казанское ханство, но и другие татарские государства. К сожалению, последние изучены слабо. Но даже беглый взгляд указывает на то, что государственное устройство, политическая и экономическая жизнь и т.д. в татарских ханствах были схожими. Это относится и к духовной жизни. Поэтому важен и сравнительно-генетический метод в исследовании культуры Казанского ханства.

§ 2. Язык

Энзе Кадирова

Эпоха Золотой Орды качественно изменила направление этнических и социальных процессов в регионе, которые обрели мощную инерцию развития, получившую продолжение в последующую эпоху. В первой половине XV в. Золотая Орда прекратила свое существование как единое целое и распалась на отдельные ханства, в которых утвердились свои ханские династии. Представляющее собой этнополитическую преемницу Золотой Орды, Казанское ханство стало очередной базой для развития социально-этнических процессов.

В период Казанского ханства многие народы региона переживают процесс этнического становления, в частности, в данный период формируется этнос (или субэтнос) казанские татары [Исхаков 2004б, с.130; Хамидуллин 2002, с.134]. Такие «тектонические» изменения, естественно, привели к новому этапу в развитии татарского общенародного и литературно-письменного языка.

Согласно общепринятой классификации средневековых тюркских литературных языков, примерно с XV–XVI вв. начинается

период бытования региональных тюркских литературных языков, таких как староузбекский, староазербайджанский, старотатарский и др. [Боровков, 1963, с.21; Татарская грамматика, 1993, с.34; Хисамова, 1990, с.60; Хаков, 2003, с.71]. Средневековые татары еще долгое время осознавали себя единым целым и продолжали использовать литературные традиции, заложенные в XIII–XIV вв. Однако политическая раздробленность, обширные географические расстояния и ряд других причин послужили некоторым языковым изменениям по принципу ханств. Например, крымскотатарский язык в течение веков (1475–1774) развивался под сильным влиянием анатолийского турецкого языка. Известно, что правитель-поэт Газый II Герейхан сочиняет свои стихотворения в двух вариантах – на кипчакском языке и на языке, перенесшем огузо-османское влияние [Усеинов, 1999, с.38].

Решение ряда вопросов, сопутствующих проблеме изучения литературного языка периода Казанского ханства, является важным направлением в исследованиях М.З.Закиева,

В.Х.Хакова, Ф.Ф.Фасеева, Ф.М.Хисамовой и др. Ученые, характеризуя данный период старотатарского языка, указывают, что вариант регионального литературного языка восходит к кипчакскому по своей основе литературному языку периода Золотой Орды и постепенно вбирает в себя элементы общенародного разговорного татарского языка, где традиционная часть представлена преимущественно уйгуро-караханидской и, в меньшей степени, – огузской традицией [Закиев, 1975, с.10; Хаков, 1989, с.14; Хисамова 1990, с.21].

До наших дней дошло не очень много письменных памятников периода Казанского ханства: произведения художественной литературы, ярлыки, эпиграфические памятники, научные труды и глоссарии XV–XVI вв. Лингвистические особенности данных памятников были рассмотрены в монографических исследованиях, отдельных статьях В.Х.Хакова, Ф.М.Хисамовой, Ф.С.Фасеева, А.Х.Нуриевой, Н.Б.Бургановой, Э.Х.Кадировой и др.

Концепция системного и комплексного анализа письменных памятников периода Золотой Орды, разработанная Ф.Ш.Нуриевой [Нуриева, 2004], является перспективной при анализе языковой ситуации периода Казанского ханства. Выделение базисных и периферийных языковых признаков дает возможность определить соотношение нормы и вариативности языка данного этапа. На наш взгляд, вариативность, будучи отражением процессов, происходящих в языке под влиянием различных факторов, имеет большое значение также для выяснения функционально-стилистической картины старотатарского письменно-литературного языка периода Казанского ханства. Анализ лингвистических источников исследуемого нами периода показывает, что их большинству присуща вариативность языковых элементов.

Графическое соответствие *алиф* и *алиф йай*. Как отмечается в энциклопедии «Русский язык», языковые варианты – это категория историческая и «некоторые грамматические варианты имеют вековую историю, тогда как для ряда фонематических вариантов характерно однолетнее существование, закрепленное на письме в вариантах написания

[Русский язык, 1997, с.62]. Для языка памятников золотоордынского периода «характерно вариативное написание, где историческое [*ä] и узкий нелабиализованный гласный переднего ряда [i] выступают параллельно [Нуриева 2004, с.316]. В поэмах Мухаммедьяра, произведениях Кул-Шарифа, Мухаммед-Амина, ярлыках, эпиграфических памятниках данного периода в анлауте наблюдается одновариантное написание слов с (алиф йай): *ايكي* [Зафер наме, с.63а; Юсупов, 1951, с.80] *ايلاجي* [Зафер наме, с.60а] *ايشك* [Нур-и содур, с.62б] *ايكاس* [Нур-и содур, с.62б]. В середине слова характерно вариативное написание, т.е. с йай *ى* и без него, с преимуществом второго варианта: *سنگا تيگانلرى نجه*. Например, местоимение 2 лица единственного числа *sän* «ты» – самое частотное местоимение в поэмах Мухаммедьяра. Оно зафиксировано 249 раз. В поэме «Нур-и содур» только в одном случае встречаем форму *sin* «ты»: *Gäffar wä ğofran irursän sän ğäfur Mağfirät camynu mäna sin ecur* [Нур-и содур, с.62б] (Всепрощающий ты, прощаешь всех; И мне дай напиток из чаши отпущения грехов). Интересен тот факт, что в поэмах Мухаммедьяра в большинстве случаев, в «Зафернамэи вилаяте Казан», в ярлыке хана Сахиб-Гирея глагол *kil-, kultur-* [Нур-и содур, с.49а; Нур-и содур, с.48б; Зафер наме, с.61б] передается через *i: كيل*.

В языке памятников губная гармония уже не образует единой строгой системы. В поэмах Мухаммедьяра сохраняется губная гармония (*kuñul, ukuş, oluğ, jörgüş'xod'*), зафиксированы также дублетные формы написания: *kunilik* (2 раза), *kunuluk* (1 раз), *moñlu* (3 раза), *moñly* (4 раза), *urun* (1 раз), *uryñ* (2 раза). Например, слово *jöz* 'лицо' : +e (2); +emne (1); +emgä (1); +en (2); +ene (2); +eneñ (1); +endä (1); +enä (1); +üm (1); +ümne (2); +ün (1); +üngä (1); +ündä (2); +üñ (4); +üñdin (1) [Кадилова, 2001, с.161]. Как видим, у поэта огубленный вариант употребляется в аффиксах принадлежности 1 и 2 лица единственного и множественного чисел. Данное явление присуще и другим памятникам этого периода. В оформлении родительного падежа огубленный вариант в памятниках данного периода встречается редко – *kukneñ, kuñulneñ* (1 раз), *kuñulnuñ* (1 раз). Огубленный вариант аффикса сказуе-

мости *-dur* характерен для поэм Мухамедьяра [Тухфа-и мардан], а в произведениях Кул-Шарифа, ярлыке Сахиб-Гирея он имеет форму *-dyr* [Кыйссаи, 1899, с.6; Зафер наме, с.3; Мустакимов, 2003].

Соответствие *z* и *j* характерно для произведений Мухаммедьяра: *iza* [Тухфа-и мардан, с.53б] ~ *iĵa* [Тухфа-и мардан, с.49а]; *aĵaq* ‘нога’ [Нур-и содур, с.55б] ~ *azaq* ‘нога’ [Нур-и содур, с.58б]; *qoĵuĝ* ‘колодец’ [Тухфа-и мардан, с.55б] ~ *qoziĝ* ‘колодец’ [Тухфа-и мардан, с.55б]; *qajĝur-* ‘горевать’ [Тухфа-и мардан, с.55б] ~ *qazĝur-* ‘горевать’ [Тухфа-и мардан, с.57а]. Следует подчеркнуть, что нормой является слова с *-j-*. В других памятниках *z*-варианты не зафиксированы (*iĵa* [Фасеев, 1982, с.148], *aĵyrlmaq* ‘разлучаться’ [Зафер наме, с.61б], лишь у Кул-Шарифа обнаруживаем слово *suzla-* [Кыйссаи, 1899, с.3].

Для исследуемых памятников свойственен анлаутный *j*: *jib* ‘сер’ ‘нити’, *jitmiš* ‘семьдесят’, *jig-* ‘собери’, *jir* ‘земля’, *jin* ‘рукав’, *jit-* ‘достигать’ и т.д. В памятнике «Зафернамеи вилаяте Казан» наблюдается вариативное написание заимствованного слова *jadra/cadra* ‘ядро’: *Tublarynuĵ harber utluĝ cadrase* [Зафер наме, с.62а]. Это – единственный пример на употребление *c* в начале слова.

По признаку анлаутного *d/t* поэмы Мухаммедьяра, произведения Кул-Шарифа, Мухаммед-Амина, ярлыки, т.е. все основные источники периода Казанского ханства, не образуют заметного диапазона варьирования, относятся к *t*-группе тюркских языков, однако произведения Умми Камала, Арабо-тюрко-татарский словарь, труд «Маджмаг ал-кавагъид», а также тефсир Корана (XVI в.) неизменно сохраняют *d*-признак.

В памятниках XV–XVI вв. доминирует озвончение глухих согласных в интервокальной позиции (*aĵaĝunu* [Зафер наме, с.61а], *oluĝlyĝunu* [Зафер наме, с.62б]), в тоже время достаточно примеров с *-q-*, *-k* (*sakez* ‘восемь’, *tuqiz* ‘девять’, *суqar* ‘выходить’ и т.д.). В поэме «Тухфа-и мардан» зафиксировано варьирование *q/ĝ* в одном слове: *saĝun-* [Тухфа-и мардан, с.50а] / *saĝun-* [Тухфа-и мардан, с.49б] ‘скучать’, в стихотворениях Кул-Шарифа оно употребляется в форме *saĝun-* [Бакырган, с.29].

Во всех памятниках периода Казанского ханства сохраняется древнетюркское сочетание *-lt-* и *-rt-*: *kaltur-* “kiter-” ‘неси’, *ultur-* “uter-” ‘убей’, *tultur-* “tutyр-” ‘заполняй’, *qortul-* “qotyl-” ‘избавиться’, *ultur-* “utyр-” ‘садись’. У Мухаммедьяра глагол *qortul-* ‘избавиться’ зафиксирован четыре раза. Только в одном случае он зарегистрирован в форме *qortul-*, а в других *qotul-*. Таким образом, в одной поэме смешиваются разные варианты, которые в семантическом отношении совпадают.

Сохранение *q/k* и *ĝ/g* в конце прилагательных. В произведениях Мухаммедьяра, Кул-Шарифа предпочтение отдается вышперечисленным формам с *q/k* и *ĝ/g* (*oluĝ* ‘старший, большой’, *kesik* ‘младший’, *tuluĝ* ‘полный’, *kurukluk* ‘красивый’, *qotluĝ* ‘счастливый’, *qoruĝ* ‘строгий’, *burcluĝ* ‘должный, имеющий долг’, *qatuĝ* ‘твердый’, *jaslig* ‘слезный’), однако у Мухаммедьяра имеет место и кипчакский вариант, т.е. *-ly*: *valsuqly* ‘грязный’, *tatly* ‘вкусный’, а также его губной вариант *-lu*: *torlu* [Тухфа-и мардан, с.59а] ‘разный’. В их употреблении строгой системы мы не обнаруживаем. В произведениях Умми Камала прилагательные образуются только при помощи суффикса *-ly*, *-ly*: *олу* и т.д. Употребление *ĝ/g* и *q/k* вместо губно-губного сонанта *w* встречается у Мухаммедьяра, у Кул-Шарифа не только в конце прилагательных, но и в середине, и в конце существительных: *jaĝmady* ‘не шел (о дожде)’, *taĝ* ‘гора’, *aĝyz* ‘рот’, *qoduq/qoĵuĝ* ‘колодец’, *syĝur* ‘корова’, *syĝdur-* ‘вмещать’. При написании числительного ‘пятьдесят’ Мухаммедьяр использует обе формы: *Iset any moĝtabar xanlar xany Sakez joz ille bis bait irur sany* [Нур-и содур, с.68а] ‘Послушай, и почтенный хан из ханов, число битов восемьсот пятьдесят пять будет’, а также *Biĝur irsaĵ oc joz illig meĵ jarmaqĝa* [Тухфа-и мардан, с.63б] ‘Если дашь мне денег на триста пятьдесят тысяч’.

Для морфологической стороны памятников также показательно смешение грамматических форм.

Склонение имен существительных, как именное, так и притяжательное, в поэмах Мухаммедьяра по своей основной системе является кипчакским. Имя существительное в дательном падеже оформляется аффиксами

-*ğä/-gä*, -*qa/-kä*. В некоторых случаях у Мухаммедьяра и в памятнике «Зафэрнамэи вилаяте Казан» после глухого согласного употребляется аффикс -*ğä*: *utğa* [Тухфа-и мардан, с.54 а] 'на огонь'; *jamanlyqğa* [Тухфа-и мардан, с.55 а]) 'на худо'; *jaxşylyqğa* [Тухфа-и мардан, с.55 б] 'на добро'; *utğa* [Зафер наме, с.54 а] 'на огонь'.

Употребление аффиксов двух типов наблюдается и в исходном падеже. Исходный падеж в языке поэм Мухаммедьяра оформляется вариантом уйгурского типа -*din*: *züräkledin* 'от чуткости' [Тухфа-и мардан, с.47 а], *işekdin* 'от двери' [Тухфа-и мардан, с.47 б], [Тухфа-и мардан, с.47 б]. Изредка выступает вариант на -*dan*, который графически передается в форме $\text{د}ن$: *tag+dan* [Нур-и содур, 63 б] 'с горы', *ber-beren+dän* [Тухфа-и мардан, с.56 а] 'друг у друга'; *köndän kön* [Тухфа-и мардан, с.62а] 'со дня на день', *borunğudan* [Тухфа-и мардан, с.43а] 'с древних времен'. В произведениях Кул-Шарифа, в стихотворении «Гыйкаб» Мухамед-Амина форма -*din* является единственным показателем исходного падежа. В поэзии Умми Камала исходный падеж имеет варьирующие формы -*dan* и -*din*, однако очевиден перевес -*dan* над -*din*. В языке ярлыка Ибрагим-хана зафиксирована один раз форма -*din*, а в ярлыке Сахиб-Гирей-хана – один раз -*dan*, два раза -*din*.

Дательный падеж 3 лица в языке памятников периода Казанского ханства представлен разными вариантами. Для того чтобы определить характер этого явления, были подсчитаны все падежные варианты. В поэмах «Тухфа-и мардан» и «Нур-и содур» в количественном отношении доминирует форматив -*yna/-enä*: *Kilde qojuğ başyna su barmu tib Jörür irde üzen ğajät susatyb* [Тухфа-и мардан, с. 55б] 'Подошел к колодезю узнать, есть ли вода, так как был измучен жаждой'; *Zahid jitte biçin bağyna tämam Bicin ğizzät ilä qyldy säläm* [Тухфа-и мардан, с.56а] 'Отшельник подошел к саду обезьяны, и обезьяна с уважением приветствовала его'. Встречается также и форма -*ynğa/-engä*: *Alyb any üze ewengä ilteb Quzy juq irde üzengä qyz iteb* [Тухфа-и мардан, с.52б] 'Он ее забрал к себе домой, у него не было дочери, и он удочерил ее'. Наряду с вышеуказанными вариантами, зафиксирована форма

-*yğa/-egä*: *Ewegä kilde äjde äj xäbibä Utünüem bar sükmä mäne äj zäğifä* [Тухфа-и мардан, с.62б] 'Пришел домой и говорит: «О любимая, есть у меня просьба, не ругай меня, о моя женщина». Из вышеуказанных примеров видно, что варианты -*ynğa/-engä* и -*yğa/-egä* могут употребляться в одном и том же слове, а именно – в слове *ew* 'дом': *ew-engä*, *ew-egä*. Данная форма зафиксирована и по одному разу в стихотворении Кул-Шарифа (*qujnuğa*), а в произведении «Зафэрнамэи вилаяте Казан» она является преобладающей: *atyğa atlan* [Зафер наме, с.62б], *ählegä* [Зафер наме, с.60б].

Весьма широко варьируют также окончания винительного падежа 3 лица -*n* и -*nu*. В притяжательном склонении 3 лица ед. ч. окончания -*yn/-en* и -*ynu/-ene* у Мухаммедьяра употребляются приблизительно в одинаковом количестве. В поэмах словоформы винительного падежа на -*n* и -*nu* могут параллельно употребляться в рамках одного бейта: *Con kitabym atyny aᅇladuᅇyz Şah doğasy süzlären tuᅇladuᅇyz* [Нур-и содур, с.42а] 'И вы поняли название моей книги, вы услышали слова молитвы шаха'. Возможно также употребление одних и тех же лексем с формативами -*nu* и -*n*: *Totub anyᅇ süzene şah cihan Ğadl qyly başlady Nawuşirwan* [Нур-и содур, с.44б] 'Внимая его словам, о царь Вселенной, начал справедливо действовать Науширван'. Подобное варьирование наблюдается в стихотворениях Кул-Шарифа -*en* (1 раз) и -*ene* (2 раза), в «Кыйссаи Хубби Ходжа» – 26/10, а в «Зафэрнамэи вилаяте Казан» -*yn/-en* встречается реже (*jiren* [Зафер наме, с.61б], *jortyn* [Зафер наме, с.61б]), наблюдается активное употребление -*ynu/-ene*: *jasaqyny* [Зафер наме, с.61б], *şirbätene* [Зафер наме, с.61б]. В произведении М.-Амина: *Zolymyny izhar qyldy här jirä*.

В склонении имен существительных с аффиксами принадлежности 1 лица ед. ч. в винительном падеже наблюдается параллельное употребление разных вариантов. При явном преобладании аффиксов -*ynny/-enne* и -*ynny/-enne*, в языке поэм встречается и форма -*y/-e* (в пяти случаях): *Anda äjdimsä süzümi almaduᅇ Nic fikr iteb qolaquᅇa salmaduᅇ* [Тухфа-и мардан, с.57а] 'Тогда я говорил, ты не принимал всерьез мои слова, не задумался, не прислушался'. Обращаясь

к функционированию данного варианта в этом случае, можно заметить, что винительный падеж *-y/-i* употребляется для измененных соотношений закрытых и открытых слогов: *sü-zü-me*, но: *sü-züm-ne*.

Опираясь на имеющиеся исследования, рассмотрим функционирование глагольных форм в памятниках XV–XVI вв.

Прошедшее время отличается от других времен многообразием форм. Прошедшее категорическое время на *-dy/-de*, *-ty/-te* является самым употребительным в языке источников данного периода. Эта форма – общетюркская и «выражает целостное, очевидное, однократное действие в прошлом» [Татарская грамматика 1993, с.106]. В написании рассматриваемой формы наблюдается разнობой, т.е. после основы с глухим согласным в некоторых случаях появляется звонкая пара. Например, в более позднем списке поэмы «Нур-и содур» после глухого звука в десятке случаев наблюдается глухое начало аффикса, если в списке В *qajt – dy*, то в списке Г *qajt-ty*; *tutdy – tutty* (в двух местах); *jatdy – jatty*; *isetde – isette*, *isetdelar – isettelar*; *es itdelar – es ittellar*. В памятниках в правописании окончаний 1 и 2 л. ед. и мн. ч. данной формы отмечено вариативное написание: *jör- 'идти, ходить'* *jör+dem* (2); *jökür- 'бегать'* *jökür+dünj* (1); *kür- 'видеть, смотреть'* *kür+dem* (5); *+dük* (1); *+dünj* (2); *+dünjez* (1); *tot- 'держат, хватать, зажимать'* *tot + + duj* (1); *+ dy* (4); *+ ty* (6); *+ tunjuz* (1) [Кадилова, 2001]; *tidiük, sojurğaduq* [Фасеев, 1982, с.148].

Прошедшее простое на *-mys* в исследуемых памятниках не имеет большого применения, оно представлено, главным образом, в форме 3 лица. Имеется лишь единственный пример у Мухаммедьяра, в котором оно употреблено в форме 2 лица ед. ч.

В тексте Мухаммедьяра прошедшее простое время на *-yb/-eb* представлено только во 2 и 3 лице ед. ч., а у Кул-Шарифа – и в 1 лице мн. ч.

Памятники периода Казанского ханства свидетельствуют об употреблении формы *-ğan/-gän*: *Nadanlyqdin üz başyna j itkänlär* [Тухфа-и мардан, с.606] «Из-за невежества погубили сами себя».

В лингвистических источниках XV–XVI вв. формы настоящего и будущего

времен глагола применяются не так активно, как формы прошедшего времени. В языке памятников представлена форма настоящего-будущего времени *-yr/-er*, *-ur/-ür*: *belürmän, belürsän, belür, belürsez*. В письменно-литературном языке на рубеже XV–XVI вв. происходит закрепление новых морфологических форм. Наряду с формантом настоящего-будущего времени *-yr/-er*, *-ur/-ür*, встречается аффикс *-a/-ä*. Однако он имеет в памятниках ограниченное применение: *Altun kömüš cüqa qandin* / «Откуда берутся золото и серебро»; *Täqsiren ütenämen sän bergä räxim äjläb bağyşlağyl män zäğifä* [Тухфа-и мардан, с.57a] «Прошу, проявив милосердие, его грехи посвятить мне». Зафиксированы случаи употребления формы *-adyr* с личными окончаниями всех трех лиц: *qyladyrmyn* [Тухфа-и мардан, с.546], *quladyrsän* [Тухфа-и мардан, с.54a]; *Forjad qylub jyğlajdyr* [Кыйссаи, 1899, с.6] «очень громко плачет».

В исследуемых текстах формы будущего времени довольно многочисленны, но имеет широкое применение аффикс *-ğaj/-gäj*: *Bu utny izeb ecerğäysej* [Тухфа-и мардан, с.576] «Ты дашь попить настой этой травы».

Неличные формы глагола в исследуемых текстах наиболее богаты по составу.

Имена действия в памятниках периода Казанского ханства представлены в огузской форме на *-maq/-mäk*, а форма *-u, -ü* имеет ограниченное употребление.

В памятниках периода Казанского ханства инфинитив представлен двумя формами. При передаче инфинитива произведения Мухаммедьяра демонстрируют устойчивости формы на *-mağa/-mägä*, а форма *-yrğa/-ergä* зафиксирована всего в трех примерах. У Кул-Шарифа второй вариант в единственном случае: *kürürgä* [Кыйссаи, 1899, с.8]. Не отразились эти формы и в языке ярлык хана Ибрагима и хана Сахиб-Гирея.

В источниках XV–XVI вв. употребляются три формы причастия, обычно соотносимые с прошедшим временем: *-ğan, -myš, -dyq*. Действительное внутрисистемное соотношение причастных форм в них неодинаково. Они отличаются неодинаковой частотой употребления. Если в поэмах Мухаммедьяра, в ярлыках хана Ибрагима и хана Сахиб-Гирея, в произведении «Зафар-наме», в произведе-

ниях Кул-Шарифа предикативной функции преобладала форма на *-muş*, то в причастном значении превалирует форма на *-ġan/-ġän*. В ярлыках первый тип не встречается, используется исключительно причастная форма на *-ġan*. Во всех памятниках в случаях субстантивного использования форма на *-ġan* принимает показатели принадлежности, падежа и множественности. Широко распространенным и полифункциональным является причастие на *-r/-yr*, употребляющееся в атрибутивной, предикативной, субстантивной функциях и обладающее способностью принимать аффиксы принадлежности, падежные аффиксы, сочетаться с послелогом. Отметим своеобразный грамматический оборот с соединением причастия данной формы с послеложным словом. В памятнике «Зафернаме-и Вилайети Казан» аффикс причастия будущего времени на *-mas* и послеложное слово *borun* ‘до того’, ‘прежде чем’ выражают время совершения процесса, определенного господствующим глаголом: *Äj Šäräfi, mustäġidd bulmaq käräk ülmäs borun* [Зафер наме, с.616] ‘Эй, Шерифи, до смертного часа надо вести подготовку’. По Л.Будагову, данная форма свойственна казанскому и киргизскому языкам [Будагов, 1869, с.278]. В других рассмотренных нами источниках периода Казанского ханства она не встречается. В ранних памятниках, в произведениях периода Золотой Орды употребляется в этом значении *-масдин борун* [Боровков, 1963, с.111; Фазылов, 1966, с.279].

Деепричастие в памятниках Казанского ханства представлено формами *-yb/-eb, -übän/- übän, -a/-ä, -u/-ju, -ġac/-gäc, -ġaly/-gäle, -ġanca/-gäncä, -maj/-maiyn*. Деепричастие на *-yb/-eb* имеет широкое применение, а остальные формы встречаются редко, как дань традиции.

В памятниках периода Казанского ханства часто встречаются сложные глаголы, которые передаются с помощью особой модальной конструкции ‘существительное (или прилагательное) + вспомогательный глагол *bul-*: *xasil bul-* ‘появляться’ [Тухфа-и мардан, с.47а], *azad bul-* ‘избавляться’ [Тухфа-и мардан, с.60а], *xajran bul-* ‘изумляться’ [Тухфа-и мардан, с.47б], *fida bul-* ‘жертвовать собой’ [Тухфа-и мардан, с.52б], *alcaq bul-* ‘быть приветливым’ [Нур-и содур,

с.45]. Наряду с *bul-* в этих условиях употребляется и форма *ul-*. Важно подчеркнуть, что огузский вариант вспомогательного *ul-* не очень характерен для памятников данного периода. Обращаясь к функционированию этого варианта, можно заметить, что в поэмах Мухаммедьяра *ul-* встречается только шесть раз, и то при сочетании с основами-заимствованиями, только в одном примере – с тюркским словом *iksük*.

Послелог *belän* ‘с’ в разных фонетических вариантах отмечается во всех памятниках данного периода. Учет их текстового распределения позволяет говорить о преимущественном употреблении в поэмах Мухаммедьяра варианта *berlä*, параллельно присутствуют *belä, ilä*, форма *belä* встречается более 30 раз, а *ilä* – 16 раз. Произведения Кул-Шарифа по этому поводу между собой отличаются, т.е. в стихотворениях зафиксирована форма *berlä*, в «Зафар-наме» – *berlä* (13 раз), в произведении «Кысса-и Хубби Ходжа» – *berän* (8 раз), лишь в одном случае вариант *menän*. В стихотворениях Умми Камала в целом доминирующим оказывается вариант *ilä*, хотя и форма *berlä* не чужда для его поэзии, у Мухаммед-Амина отмечен только вариант *ilä*. В казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея зафиксированы форма *belä*. По мнению некоторых исследователей, это – «результат среднеазиатско-тюркского влияния» [Мустакимов, 2013, с.33].

Большинство данных изменений в морфологическом строе свидетельствует о проникновении в письменно-литературный язык XV–XVI вв. народно-разговорных форм.

Объем лексического материала разных памятников периода Казанского ханства не тождествен. В них зафиксирован богатый тюрко-татарский лексический материал с синонимичными рядами, идиоматическими конструкциями, отражающими самые различные стороны социального, хозяйственного уклада и быта того времени, скотоводчества и земледелия, животного и растительного мира, анатомии человека и животных, ремесел и деятельности людей.

Сопоставительное исследование тюрко-татарской лексики памятников XV–XVI вв. с данными современного татарского языка показало полное сходство максимума

их лексического материала и современного татарского языка. Материал источников свидетельствует, что они состоят из тюркских слов, которые в той или иной мере характерны для древне- и среднетюркских письменных памятников, были также свойственны в какой-то степени и памятникам Средней Азии. Эти слова широко употреблялись в старотатарских произведениях и словарях XVII–XIX вв. В памятниках периода Казанского ханства арабские и персидские слова и выражения также занимают значительное место. Арабско-персидские основы часто выступают в качестве именной части составных глаголов: *qabul qyl-* [Нур-и содур, с.67а] ‘принимать’, *bajan qyl-* [Нур-и содур, с.46б] ‘повествовать’, *mobarak bul-* [Нур-и содур, с.67б] ‘благословить’, *andisa qyl-* [Тухфа-и мардан, с.46б] ‘беспокоиться’, *sarex it-* [Нур-и содур, с.60а] ‘объяснить’ и т.д. На основе арабско-персидских заимствований часто образуются новые слова с помощью тюркских аффиксов. При этом довольно продуктивным является аффикс *-lyq*: *ğajarlyq* [Тухфа-и мардан, с.46а] (*ğajar* ‘хитрый’ + *-lyq*) ‘хитрость’, *nadanlyq* [Тухфа-и мардан, с.60б] (перс. *nadan* ‘невежественный, невежда’ + *-lyq*) ‘неграмотность, непросвещенность’, *ğafillyq* [Тухфа-и мардан, с.65а] (араб. *ğafil* ‘невнимательный, небрежный’ + *-lyq*) ‘невежество, неведение’.

Старотатарский литературный язык XV–XVI вв. с современной точки зрения имел жанрово-стилистические варианты: художественный, научно-популярный, канцелярско-деловой. К числу наиболее ярких образцов художественного стиля относится поэзия Мухаммедьяра. Основное содержание поэм состоит в призыве руководителей на правильный путь и к благородным поступкам во имя народа и вообще людей с помощью слов и наставления. Поэт хорошо знает силу слова на пути назидания. И поэтому Мухаммедьяр всегда действует, продумав и выбрав каждое слово, каждое выражение, вкладывает основательный смысл в каждое из них. Интерес представляют обращения на *sän* ‘ты’ и *sez* ‘вы’. Мухаммедьяр обращается к Аллаху и его пророку Мухаммеду на *sän* ‘ты’. Это наблюдается и у Мухаммед-Амина. В общении между собой, носильщик, рыбак и дровосек, старик и молодой человек, муж

и жена, парень и молодая девушка обращаются друг к другу в поэмах Мухаммедьяра на *san* ‘ты’. Особый интерес представляет случай употребления местоимения *san* ‘ты’ при обращении простого араба к шаху. Особенностью является то, что в поэмах Мухаммедьяра при обращении к другому лицу используется местоимение *sez* ‘вы’. Такое обращение присуще лицам более высокого социального положения.

Исследователи поэзии XV–XVI вв. Ш.А.Абилов, В.Х.Хаков отмечали большое мастерство поэтов Мухаммедьяра, Кул-Шарифа в использовании фразеологического материала. Образность слова в их произведениях сочетается с активным использованием фразеологизмов. Предварительные наблюдения показывают, что основной корпус фразеологических единиц, употребляемый в языке этих поэтов, сохраняется в активном фонде современного татарского языка до настоящего времени. Они выступают чаще в нетрансформированном виде, т.е. общеязыковой фразеологизм используется автором без каких-либо структурно-семантических изменений. Например, в языке поэм Мухаммедьяра очень много фразеологических единиц самой частотной лексемой *suz* ‘слово’ (138 раз): *suzga keru* ‘начать беседу’ [Тухфа-и мардан, с.45а]; *suzne kacuru* ‘выносить слово’ [Тухфа-и мардан, с.49а]; *suz tiju* ‘задевать’ [Тухфа-и мардан, с.49б]; *suzne qua kilu* ‘сгущать слова’ [Тухфа-и мардан, с.50б]; *suzga baqmau* ‘не придавать значение’ [Тухфа-и мардан, с.56а]; *suzne alu* ‘слушаться’ [Тухфа-и мардан, с.57а]; *suzga qolaq totu, suzne qolaqqa salu* ‘придавать значение’ [Тухфа-и мардан, с.60а, 67б]; *suzdan cyqmau* ‘держат слово’. Например, *suzene kasu* ‘прервать разговор’: *Kasmaz irde sahy berla suzene* [Нур-и содур, с.53б] ‘Он не прерывал свой разговор с шахом’.

Высокочастотными в употреблении являются фразеологические единицы, включающие в свой состав лексемы *kuz* ‘глаз’, *bas* ‘голова’, *tel* ‘язык’: *kuz acyb jomğancy* ‘очень быстро’, *kuz tosu* ‘обратить внимание’: *Tutsa irde telene saxrada qaz Tutmaz irde ul dam ecrä any baz* [Нур-и содур, с.60а] ‘Если попридержит язык в степи гусь, не поймает в это время его ястреб’ и др.

Лексемы *jorak* ‘сердце’, *kunel* ‘душа’ в составе фразеологических единиц издавна широко использовались и используются современными писателями, поэтами для описания и изображения душевных переживаний: *kuñel bağlau* [Тухфа-и мардан, с.59a] ‘вложить душу’, *kuñel ozu* [Нур-и содур, с.60a] ‘разочароваться’, *kuñelen alu* [Тухфа-и мардан, с.60b] ‘изгнать из души’ и др.

В современном татарском языке эквивалентом фразеологизма *sofrasy qajnai* ‘затошнить’ является *sapyu kайнау*: *Bu garza suzlaren Xusxun isette, sofrasy qajnab jozidin ranğe kitte* [Тухфа-и мардан, с.48a] ‘Хушхун услышал слова прощения, его затошнило и он побледнел’.

Такие соматизмы, как *joz, iñ* ‘лицо’, *qulaq* ‘уши’, *qul* ‘рука’, *ajaq* ‘нога’, *qojruq* ‘хвост’ в составе фразеологических единиц встречаются реже: *Sana kilsa inlare sarğaryb San ajgył man iğorman asri tabib* [Тухфа-и мардан, с.57b] ‘Если к тебе придут обеспокоившись, ты скажи, что ты – целитель’; *Kem qulundin kilganca qyl jaxsylyuq* [Тухфа-и мардан, с.55a] ‘Ты делай добро по мере сил’.

Фразеологическое сочетание *qolaq sal-* ‘слушать’ автор в некоторых случаях заменяет синонимичным фразеологизмом *qolaq tot-* ‘придавать значение’: *Ber nasixat aįajem qolaq sal İjasen syjlasaņ etena sojak sal* [Тухфа-и мардан, с.49a] ‘Дам тебе совет, послушай, дай кость собаке, угощая ее хозяина’; *Bulmasy suzga qolaq totmaq karakmas* [Тухфа-и мардан, с.60a] ‘Ненужному слову придавать значение – не надо’. В структурном, а также семантическом отношении данные фразеологизмы мало отличаются.

Охарактеризовав, в целом, источники, следует отметить, что в их языке прослеживается письменная традиция. Однако по сравнению с золотоордынским периодом, все больше применяются формы, характерные поволжско-татарскому языку. Результаты исследований свидетельствуют о том, что старотатарский язык периода Казанского ханства являлся кипчакским, вбирающим в себя элементы общенародно-разговорного языка, испытавшим влияние караханидско-уйгурской литературной традиции с незначительными огузскими включениями.

§ 3. Литература в Крымском ханстве

Нариман Абдульвапов

Говоря о литературе Крымского ханства, как, впрочем, и всей средневековой крымскотатарской литературе, важно иметь в виду то обстоятельство, что перед нами, пожалуй, наименее изученный пласт мировой тюркологии в целом и литературы на тюркских языках в частности. Как в отношении количественного состава авторов и литературных памятников, так и в плане уровня художественного исполнения последних, эту литературу нужно признать наиболее динамично «открывающейся» среди всех современных литератур на тюркских языках. Не будет преувеличением сказать, что каждый месяц исследований истории крымской литературы анализируемого периода приносит все новые и новые имена – незаслуженно забытых и исключительно в силу этнической принадлежности находившихся под спудом неизвестности. В результате лишь за последние двадцать лет исследований стали

известны имена более ста крымских средневековых поэтов, историков, литераторов, богословов, и выявление новых все продолжается. Что же касается самой литературы, речь идет о достаточно художественных, глубоких, объемных, разнородных и разножанровых памятниках (поэзия, исторические хроники, занимательная и суфийская проза, трактаты по различным отраслям так называемых исламских наук и т.п.), изобилующих многочисленными примерами как богатства идейного содержания, глубины философско-эстетического осмысления и высокой техники художественного мастерства, так и чрезвычайного разнообразия литературно-исторических свидетельств, касающихся самых различных сторон политической, социальной, культурной и повседневной жизни крымского (и не только) общества того времени. Среди них уже сегодня присутствуют памятники, значимость

которых значительно превышает масштабы собственно крымской литературы.

Знакомясь с крымскотатарской средневековой литературой, необходимо иметь в виду и еще целый ряд обстоятельств. Во-первых, в результате многочисленных общественно-политических катаклизмов, имевших место в истории Крыма и крымских татар вплоть до настоящего времени, огромное количество литературных памятников считается утерянным. О существовании таковых, как и об их авторах, мы знаем из современных им историко-литературных источников, а также свидетельств более поздних авторов.

Во-вторых, большое количество сохранившихся литературных памятников, – а речь идет о сотнях произведений, в виде рукописей хранящихся в многочисленных книжных собраниях стран бывшего СССР, а также Турции, Германии, Австрии, Англии, Франции, Голландии и др. государств, – практически не исследованы, и зачастую, даже качественно не атрибутированы. В этой связи обращает внимание то, что обширное наследие авторов, по разным причинам покинувших Крым или же долгое время проживавших вне его, сохранилось значительно полнее, нежели наследие тех авторов, которые жили и творили исключительно в Крыму.

В-третьих, помимо тюркоязычной литературы, крымскими средневековыми авторами создано значительное количество религиозных и научных трактатов, а также художественных и исторических произведений на арабском и персидском языках. Естественно, что и эта литература является неотъемлемой частью культурного наследия крымских татар и должна быть объектом пристального внимания.

Наконец, нельзя не сказать и о том, что при знакомстве с крымскотатарской литературой Средневековья обращает на себя внимание весьма обширная география проживания и деятельности крымских авторов вне их исторической Родины. Среди городов и населенных пунктов, ставших местом их жизни, службы, научного и литературного творчества – крупнейшие религиозные, культурные и научные центры мусульманского мира: Каир, Дамаск, Мекка, Медина, Иерусалим, Стамбул, Бурса, Эдирне, Синоп,

Конья, Кастамону и др. Принимая во внимание, что все данные центры располагались в рамках османского региона, частью которого был и Крым, а также учитывая особенности литературного процесса того времени в целом, у нас нет оснований не считать их представителями крымской литературы, хотя в строгом смысле это и выглядит достаточно условным.

В этой связи важно иметь в виду, что, имея теснейшие контакты с литературой всего османского региона (помимо фактов, о которых шла речь чуть выше, это особенно наглядно видно на многочисленных примерах пребывания в Крыму османских авторов, в том числе достаточно известных), в Крыму имел распространение практически весь канон османской классики, ни в коем случае не воспринимавшейся в Крыму как чужеродный элемент литературного процесса. Это же можно сказать, собственно, и обо всей литературе на тюркских языках в целом. Литературное поле было едино, едины были и классики, как в отношении литературы персоязычной (Низами, Аттар, Руми, Саади, Хафиз), так и тюркоязычной: золотоордынской (Кутб, Бакыргани, Хюсам Кятиб, Сейф Сарайи, Махмуд Булгари, Хорезми и др.), среднеазиатской (Есеви, Джамии, Навои, Хаяли, Лютфи), азербайджанской (Несими, Фузули), сельджуко-османской (Юнус Эмре и последователи, Сулейман Челеби, Языджиоглу Мехмед, Баки, Нефи, Наби и др.). Конечно же, со временем и сама крымская литература начала рождать авторов, достойных подражания, как в рамках, непосредственно «узконациональных», так и в масштабах более значительных (Ашык Омер).

Исходя из вышеизложенного, представляется довольно затруднительным дать сколь-нибудь исчерпывающую характеристику средневековой крымскотатарской литературе в связной хронологии и преемственности, адекватно оценить ее идейно-эстетический потенциал, обозначить место в том же, общеосманском, или шире, общетюркском контексте, а также определить ее место и значимость в истории мировой литературы в целом. Несомненно лишь то, что перед нами литература, которую необходимо рассматривать как неотъемлемую и органичную часть всей средневековой тюр-

коязычной литературы, успешно воспринявшую традиции предшествующих эпох, в частности, литератур периодов Тюркского (VI–VIII вв.) и Уйгурского (VIII–IX вв.) каганатов, а также Государства Караханидов (IX – начало XIII в.), и активно участвовавшую в литературных процессах эпох последующих – в контексте литератур золотоордынской (XIII–XV вв.), чагатайской (XV–XVI вв.), сельджукской, азербайджанской и османской (XIII–XIX вв.). Это, в свою очередь, дает основания считать средневековую крымскотатарскую литературу одной из составляющих, причем достаточно ярких, всей литературы мусульманского Востока, представленной, помимо тюркоязычной, литературами персидской и арабской, и давно известной своим неповторимым величием.

Крымская литература периода Золотой Орды. В период Крымского ханства крымскотатарская литература вступила, имея позади более чем двухсотлетний период становления и развития. Несмотря на скудность сохранившихся источников, за этот период у нас имеются сведения о создании в Крыму, по меньшей мере трех весьма значительных поэтических памятников, которые могли бы составить золотой фонд не только, собственно, крымской и, шире, золотоордынской литературы, но и всей тюркоязычной литературы в целом.

Речь идет о двух поэмах на сюжет коранической легенды о Юсуфе и Зулейхе, принадлежащих перу крымских поэтов Махмуда Кырымлы (конец XII – начало XIII в. [?]) и Абдульмеджида Кырымлы (конец XIV – начало XV в.), а также 800-страничном поэтическом трактате на фарси – «Календернаме» Эбу-Бекра Календера (конец XIII – первая половина XIV в.). Из них первый памятник известен в настоящее время в двух списках перевода (судьба оригинала не ясна), второй пока не обнаружен, третий же только сейчас входит в широкий научный оборот.

О поэме Махмуда Кырымлы необходимо сказать особо. Как известно, оригинальный текст этого чрезвычайно значимого литературного памятника считается утерянным (по этому поводу, впрочем, существуют и другие мнения, см.: [ODKE, 2000, s.19–20]), однако сохранились два списка его перево-

да – по словам переводчика, с «крымского» («дештского») языка на «тюркский», осуществленного, как предполагается, младшим современником Махмуда Крымского – поэтом Халиль-оглу Али [Конурад, 1996]. Рядом турецких и крымскотатарских ученых была высказана мысль о том, что, во-первых, существует определенная связь между Халиль-оглу Али и широкоизвестным поэтом Кул Гали, и, во-вторых, что поэма Махмуда Кырымлы была написана значительно раньше, нежели считалось, а именно в самом начале XIII в. [Там же].

Увы, проблема эта пока еще не стала темой широкого научного обсуждения, думается, это дело недалекого будущего. Ясно одно: у поэмы Махмуда Кырымлы есть все шансы быть признанной наиболее ранним опытом поэтической обработки известной коранической легенды в истории всей тюркоязычной литературы. Собственно, мысль эта не нова [Ertaylan, 1960]. После Махмуда Кырымлы к сюжету о Юсуфе и Зелихе (Зулейхе) будут обращаться достаточно часто и весьма известные авторы. Всего же на тюркских языках на этот сюжет будет написано более восьмидесяти поэм, в том числе и еще одним крымским поэтом – Абдульмеджидом эль-Кырыми (вторая половина XIV – начало XV в.). Произведение последнего носит название «Мунис-уль-ушшак» («Друг влюбленных»), указание на него присутствует у Ибн Арабшаха [ас-Сахави, дж.5, с.77–78].

Говоря об Абдульмеджиде, добавим, что, помимо вышеуказанной поэмы, источники донесли до нас и одну из его газелей, сохранившуюся в рукописном томе известного тюркского перевода «Гулистана» Саади, заверщенного в 1392 г. в Египте выдающимся золотоордынским поэтом Сейфом Сарайи (рукопись в настоящее время находится в библиотеке Лейденского университета) [Gülistan, 1989, s.183].

Что же касается «Календернаме», единственно, надо полагать, из-за географии написания этого весьма значительного памятника, а написан он был, по свидетельству самого автора, в Крыму в период 1320–1340-х гг., он до сих пор не стал «открытием» в мировой науке. Хотя в момент обнаружения в 1966 г. в г. Намангане его рукопись и была охарактеризована сотруд-

никами Рукописного фонда Института Востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР (Ташкент) как «бесценная» и «уникальная» [Муниров, Жувонмардиев, 1966]. В настоящее время ведется работа по подготовке к публикации этого памятника. Предварительное же его исследование показало, что автор Эбу-Бекр Календер был, судя по всему, анатолийского происхождения – выходцем из Аксарая (в окрестностях Коньи), но провел жизнь и, возможно, упокоился в Крыму, о чем может косвенно служить отсутствие упоминаний о нем во всех известных ныне био-библиографических справочниках. Произведение написано, по словам самого автора, в форме ответа на знаменитое произведение выдающегося духовного наставника и гениального поэта Джеляледина Руми (Мевляна, 1207–1273) – «Месневи-и манави». К слову, автор пишет, что был знаком с сыном Руми – так же суфийским наставником и поэтом Султан Веледом [Каландар-наме, рукопись, с.201].

В продолжение темы крымской литературы периода Золотой Орды, помимо вышеуказанных авторов, имеются сведения по меньшей мере о двух десятках религиозных авторитетах и ученых – крымцах, получивших известность как у себя на родине, так и в различных центрах мусульманского мира того времени – Каире, Дамаске, Иерусалиме (Кудус), Бурсе, Эдирне и т.д. Эмир б. Осман Суфи (ум. 1329/30, Шам), Зияэддин б. Садуллах эл-Кырыми (ум. 1378/79, Каир), Мевляна Рукнеддин Ахмед б. Мухаммед (ум. 1382, Каир), Мевляна Реджеб б. Ибрахим (ум. 1392/93, Бурса), известный суфийский наставник Мухаммед эл-Кырыми (вторая половина XIV в., Кудус) – лишь несколько имен, известных нам из арабских и османских источников [Bursalı; ас-Сахави]. Обращает внимание, что некоторые из этих ученых отмечены как авторы религиозных трактатов, в том числе по суфизму, а также поэты [Şerafeddin, 1994, s.13].

Говоря об ученых-крымцах, нельзя не сказать о достаточно высоком уровне учености как в Крыму, так и в целом в Золотой Орде. В некогда столице Крымского улуса городе Кырыме (параллельное название Солхат, ныне Старый Крым) до настоящего времени сохраняются внушительных разме-

ров развалины медресе 1333 г., основанного Инджи-Бек Хатун (ум. 1371), по некоторым сведениям, матерью известного крымского улус-бея Кутлуг-Тимура [Крамаровский, 1997, с.36], что может свидетельствовать о достаточно высоком статусе просвещенной женщины-мусульманки в крымском обществе первой половины XIV в. Не может не обратить внимание и то, что именно в эти годы в Крыму создавал свое произведение Эбу-Бекр Календер (см. выше). Можно предположить, что поэт-суфий был приглашен в Крым самой основательницей медресе.

К слову, в том же 1333 г. Крым навещает Ибн Баттута, отмечая в столице Улуса целую кагорту местных религиозных авторитетов: шейхов Музаффереддина, Музхиреддина и Хорасанизаде, кадиев Шемседдина Саили и Хызыра, факихов Шерефеддина Мусу и Аляэддина, хатиба Эбу-Бекра, имама улус-бея Тёлек Тимура Садеддина и др. [Ibn Batuta, 1986, s.69–71].

Несколько позже, в середине столетия, в гг. Крым и Кафа проведет несколько лет известный ученый-факих Ахмед Ходженди (ум. 1400, Медина), источники отметят его тесное общение здесь с известным, судя по тону упоминания, духовным наставником Эбу-ль-Вефа Османом эл-Магриби эш-Шазели, о котором в настоящее время сведения, к сожалению, отсутствуют [ас-Сахави, дж.2, с.197]. В те же годы в Крыму находим следы пребывания еще одного в свое время известного ученого – Аляэддина Ахеда Сейраами (ум. 1388) [Тизенгаузен, 1884, с.463]. Еще позже, в начале XV в., Крым привлечет, пожалуй, наиболее именитого в этом ряду ученого – факиха Хафызуддина Мухаммеда Беззази (ум. 1424), который, как отмечают источники, найдет в Крыму достаточно компетентную в вопросах исламской науки среду и воспитает целый ряд известных учеников [IA, Özel(a)]. Наконец, в 1412 г. Крым посетит известный ученый, историк и поэт Ибн Арабшах (ум. 1450). В дальнейшем в одном из биографических трудов он отметит свои встречи с местными учеными и поэтами Ахмед Буйруком, Мевляна Шерефеддином, Мевляна Махмудом эл-Булгари и поэтом Абдульмеджидом [ас-Сахави, дж.2, с.127]. Все это лишний раз может свидетельствовать о том, что Крым,

даже находясь на окраине мусульманской цивилизации, в отношении культуры ни в коем случае не был заштатным провинциальным регионом.

Возвращаясь к литературе, добавим, что о развитии художественно-поэтического искусства в Крыму в соответствующий период могут свидетельствовать и данные крымской эпиграфики, а именно сохранившиеся до наших дней в городе Старый Крым образцы поэтических эпитафий на надмогильных памятниках XIII–XV вв. [Акчокраклы, 1927, с.3; Акчокраклы, 1929, с.7]. Причем речь идет о поэтических фрагментах, исполненных на местном, используя терминологию Халиль-оглу Али (см. выше), «крымском» или же «дештском» языке.

Необходимо отметить, что в это время в Крыму происходит смещение ряда литературных потоков. С одной стороны, Крым находится в ареале чрезвычайно насыщенных процессов, происходящих в рамках самой золотоордынской литературы. С другой – продолжает сохранять свое влияние среднеазиатская литература, распространившаяся в Крыму в период творчества авторов поэм о Юсуфе и Зулейхе – последователей, как принято считать, Ахмеда Ясави [Ауан, 2005], получившая особое развитие в период активного распространения ислама в Крыму во второй половине XIII в. [Абдульвапов, 2006, с.145]. Наконец, происходит активное проникновение в Крым и литературы анатolianской (сельджуко-османской) [Там же].

Помимо литературы на тюркских языках, несомненно, имеет распространение и литература на фарси, – этот язык, как известно, долгое время исполнял функции литературного языка среди тюркских народов, – а также литература арабская. Так, о практике исполнения религиозных поэтических текстов на арабском и фарси в непосредственной близости к Крыму – в Азаке пишет Ибн Баттута [Ibn Batuta, 1986, s.76]. О возможности написания в Крыму во второй половине XIII в. суфийского трактата на арабском языке пишут Я.Кемаль и А.Крымский [Кемаль, 1930].

Литература Крымского ханства: хронология, основные направления и представители. Начальный период истории Крымского ханства – с конца 1420-х гг. до

конца XV в. характеризуется сложными процессами становления молодого государства и весьма драматичной борьбой за наследие Золотой Орды. В 1475 г. происходит событие, которому суждено определить все последующее развитие Крыма. Турками-османами берутся под контроль все христианские колонии на территории полуострова: Княжество Феодоро с центром на Мангупе, генуэзские колонии в Кафе, Судак, Балаклаве и т.д. Начинается османская история Крыма и, в частности, история Кефинского эялета – административного образования под непосредственным стамбульским управлением, провинции, протянувшейся вдоль всего черноморского побережья от Херсонеса до Керчи, а также включающей в себя значительные территории Юго-Западного Крыма. Происходит значительная политическая и культурная переориентация Крыма – на Стамбул, влияние последнего на события в Крыму стремительно набирает силу.

Все эти события порождают крайне нестабильную общественно-политическую ситуацию в Крыму, характеризующуюся весьма драматичными отношениями его как с прежним сюзереном (Золотой Ордой), так и с будущим (Османской империей). В результате указанный период сохранил достаточно скромный ряд имен представителей крымской литературы и науки того времени. Причем лишь только у двух из них, крымского хана Менгли-Гирея I (ум. 1515) и известного ученого-мудерриса Сейид Ахмеда б. Абдуллах Кырыми (ум. 1474), отмечены художественные (поэтические) произведения, сохранившиеся до наших дней во фрагментах [Emiri, 1995]. Кризис не способствовал активному развитию литературного и научного творчества с одной стороны, с другой – делал весьма уязвимыми уже созданные памятники.

В результате, после чрезвычайно насыщенного двухвекового периода культурного подъема, в Крыму наблюдается определенный спад творческой активности. Последний не остался незамеченным и за пределами полуострова. Примечательно в этом отношении содержание диалога, имевшего место между османским султаном Мехмедом II Фатихом (1451–1481) и вышеупомянутым Сейид Ахмедом Крымским, и запечатлен-

ного в ряде османских источников. Ученик знаменитого богослова-правоведа Хафызудина Беззази – Сейид Ахмед б. Абдуллах (Мевляна Кырыми, ум. 1474, Стамбул) был известным крымским богословом, ученым-правоведом, филологом и поэтом. В период правления Мехмеда Фатиха он приехал в Стамбул и, добившись особого расположения султана, удостоился чести быть наставником его детей, а также преподавания в наиболее престижных османских медресе. В одной из бесед между крымским ученым, исполнявшим, к слову, и некоторые дипломатические обязанности, и Мехмедом Фатихом, на вопрос последнего о том, что же происходит в «Крымской стране, славящейся своей интеллектуальной жизнью и обилием ученых, являющейся родиной 600 религиозных авторитетов (*муфти*) и 300 литераторов (*мусанниф*)», Сейид Ахмед отвечал, что в его стране появился некий везир, который позволил себе «грубо обойтись с местными учеными». В результате этого, «люди науки стали покидать родные места, а поскольку ученые являются душой и сердцем государственного организма и проблемы их морального и интеллектуального здоровья передаются на все части этого организма, вследствие их исхода весь государственный механизм Крымской страны получил непоправимый урон» [Mecdi, 1989, s.101–102].

Данный диалог интересен тем, что, помимо указания на кризис, охвативший Золотую Орду в означенный период, – под «Крымской страной», судя по всему, подразумевался не только Крым, но и вся Золотая Орда в целом, – он свидетельствует о масштабе распространения исламской культуры в регионе, о внушительном количестве представителей ее науки, образования и литературы, а также о том значении, которое придавалось развитию исламской учености в Золотой Орде и особенном статусе ее представителей.

Показательно в этом отношении то, что, несмотря на кризис, ученые все равно продолжали творить. У того же Сейид Ахмеда источники отмечают целый ряд трактатов по различным отраслям исламских наук, логике, филологии и мистицизму [Bursalı, 1990, s.14]. Среди них необходимо особо выделить два труда по суфизму: «Шерх-и Гульшен-и

раз» – комментарий на фарси к известной поэтической поэме знаменитого суфийского шейха Махмуда Шебустари (ум. 1320) «Гульшен-и Раз» («Розовый цветник тайн») (по свидетельству Бурсалы, один экземпляр этого комментария хранился в библиотеке Айа-Софьи [Там же], а также «Шерх-и Мифтах-уль-гайб» – еще один комментарий на известное произведение ученика и приемного сына знаменитого теософа Ибн Араби, современника и последователя Джелаледдина Руми – шейха Садреддина Коневы (ум. 1274). Обращает внимание, что оба произведения имели особую популярность среди адептов суфийского братства мевлеви, в связи с чем начинают приобретать дополнительный вес имеющиеся сведения о принадлежности этому суфийскому братству и самого автора комментариев [Soysal, 1961b, s. 21].

Сейид Ахмед б. Абдуллах был далеко не единственным крымским ученым и поэтом, сведения о котором сохранили источники. По-прежнему наблюдается присутствие крымцев в Каире и других центрах исламского мира. Абдуллах б. Мухаммед эл-Кырыми, Али б. Мухаммед эл-Кырыми, Махмуд б. Омер эл-Кырыми, Юсуф б. Хусейн эл-Кырыми, Шерефеддин б. Кемаль эл-Кырыми (ум. 1443), Неджмеддин Исхак б. Исмаил эл-Кырыми (ум. 1475/76, Каир), Бурханеддин Ибрахим эл-Кырыми (ум. 1483/84, Каир) – лишь несколько имен известных крымских богословов, духовных наставников и ученых [Bursalı; Сахави].

Возвращаясь ко второй половине XV в., необходимо сказать и о значительно изменившемся статусе города Кефе (прежняя Кафа), ставшего второй культурной столицей Крыма. В связи с последним есть смысл коснуться и еще одной дискутируемой проблемы современного крымского литературоведения.

Помимо политического и торгового центра, город Кефе, как известно, превращается и в довольно значительный культурный, и, в частности, литературный центр. В настоящее время в нашем распоряжении имеются сведения о более восьмидесяти поэтах, ученых, богословах, историках, получивших известность под нисбой «Кефевии», и примерно столько же имен их коллег, не будучи

кефинцами в разное время живших и работавших здесь (среди них – ряд достаточно известных имен, см. ниже). И если вторые не вызывают вопросов, то этническое происхождение первых остается зачастую неясным, т.е. нельзя исключить того, что среди многочисленных лиц, известных ныне под нисбой «Кефеви», могут находиться этнически не крымские татары (если на то время это и имело какое-либо принципиальное значение). Впрочем, нет никаких сомнений и в том, что многие из «гостей», не будучи этническими крымскими татарами, оставались в Кефе и вливались в местную общину, со временем теряя свои прежние этнические характеристики.

Литература XVI в. Наступление XVI в., который принято называть «Золотым веком» тюрко-османской культуры, ознаменовался для Крыма становлением и развитием в качестве крупных культурных, политических и торговых центров практически всех современных крымских городов: Бахчисарая, возникшего вокруг построенного крымским ханом Сахиб-Гиреем I (1532–1551) нового Ханского дворца, Кефе, в силу активности общественно-политической и культурной жизни чуть позже названного «Малым Стамбулом» («Кучюк Истанбул»), Акмесджида (ныне Симферополь), получившего статус города-ставки ханского наместника – калги-султана, Кезлева (ныне Евпатория), который во второй половине столетия некоторое время даже претендовал на место новой столицы Ханства, и Карасу-базара (ныне Белогорск) – крупнейшего торгового центра полуострова. В этот период в Крыму складывается достаточно стройная система общественно-экономических отношений, создается обширная культурная и образовательная инфраструктура. В отношении последней, отметим, что первым годом XVI в. датируется открытие известного учебного заведения Крыма – «Зынджырлы медресе», на долгие столетия ставшего оплотом крымскотатарской учености и особо прославившегося в период просветительских реформ И.Гаспринского.

Источники свидетельствуют о бурном развитии в этот период в Крыму градостроительного искусства, архитектуры, науки (прежде всего, религиозных, так называемых

исламских наук, хотя имеются сведения о развитии и точных наук, астрономии, логики, этики и т.д.), литературы, искусства (каллиграфии, миниатюры, музыки). Духовную и творческую атмосферу в обществе во многом формирует суфизм – мистическое направление в исламе, проповедующее всеобъемлющую любовь к Богу, искренность в религиозном служении, абсолютную чистоту помыслов и поступков, непривязанность к мирскому, внимание к ближнему, духовное самосовершенствование и т.д.

XVI в. дал крымскотатарской литературе значительно больший, в сравнении с предыдущим, ряд имен, представляющих к тому же весьма широкий спектр общественного интереса к данному виду искусства. Среди лиц, оставивших свой след на литературном поприще, – представители правящей фамилии, религиозные авторитеты, ученые, суфийские шейхи, представители ученого сословия улема более низкого уровня, а также выходцы из народных низов. К сожалению, в основной своей массе на сегодня это – лишь имена с одинокими фрагментами литературного творчества. Впрочем, присутствуют среди авторов XVI в. и несколько имен, безусловно, ярчайшего дарования.

Все эти авторы представляют два разных направления крымской литературы того времени: дивана и религиозно-суфийской. В этой связи есть необходимость дать сведения об основных направлениях крымской литературы Ханского периода.

С точки зрения содержания и особенностей поэтики в крымскотатарской средневековой литературе обычно выделяют три направления. Первым из них является так называемая *литература дивана* (*диван эдебияты*, от араб. «диван» – в значении «собрание поэтических произведений одного автора»), под чем подразумевается, собственно, классическая литература того периода. В настоящее время понятие «литература дивана» имеет, по меньшей мере, три толкования: более расширенное, традиционное и узкое. В широком смысле под литературой дивана понимают всю письменную литературу мусульманского периода: и поэзию (метрическую – арузную) – как религиозного, так и светского содержания, и прозу – историческую, занимательную,

суфийскую, эпистолярную, научную и т.д. Традиционное понимание включает опять же и поэзию (метрическую) и прозу (художественную), однако, лишь светского содержания. Наконец, наиболее узкое понимание термина ограничивает сферу его применения лишь светской метрической поэзией. Именно светскую поэзию обычно называют классической, поскольку в период своего формирования она в значительной степени ориентировалась на образцы «классической» персидской поэзии.

Характеризуется литература дивана наиболее обширным жанровым диапазоном, весьма жесткими рамками поэтического этикета, а также исключительным богатством и утонченностью художественного языка. Основная масса крымскотатарских средневековых авторов являются представителями именно литературы дивана.

Вторым направлением является так называемая *литература суфийской обители* (*текке эдебияты*), представленная главным образом поэтическим творчеством многочисленных духовных наставников и рядовых членов различных суфийских братств – *тарикатов*. Художественный язык, символы и образы этой литературы, ее достаточно сложный и утонченный этикет имели огромное влияние на формирование и развитие не только собственно религиозной литературы, но и в значительной степени определили характер и эволюцию многих жанров литературы светской (прежде всего, поэзии дивана).

Наконец, третье направление – *ашыкская поэзия* (*ашык эдебияты*, от арабского «ашык» – влюбленный; поэт), представленная творчеством народных поэтов – ашыков (озанов, кедаев т.п.), и, наряду с фольклорными памятниками, составляющая основное содержание так называемой *народной литературы* (*халк эдебияты*). Представители этого направления сопровождали свои выступления игрой на музыкальном струнном инструменте сазе, отчего происходит и другое наименование этой поэзии – *поэзия саза*. Совмещая в одном лице таланты стихотворца, композитора, певца и музыканта-исполнителя, ашыки пользовались огромной популярностью в народе. Поэзия эта характеризуется, прежде всего, как поэзия

народная, однако в процессе своего развития ею были усвоены многие элементы классической поэзии дивана. Ашыкская поэзия дала Крыму, как и всей тюркоязычной литературе в целом, знаменитого автора – Ашык Омера (ум. 1708).

Возвратимся же к XVI в. Факты свидетельствуют о том, что Крым в это время находился под влиянием оживленных литературных процессов, охвативших значительные территории обширнейшего региона – Поволжья, Кавказа, Передней Азии, Анатолии, Ближнего Востока, Северной Африки и т.д. Более того, Крым исполняет во многом роль своего рода моста, связывающего литературные традиции обширного географического региона, и в том числе активно участвующего в оформлении границ и качества той литературы, которой отныне суждено стать центром литературных процессов в рамках всего тюрко-мусульманского мира – османской.

Нет никаких сомнений в широком распространении в эти годы в Крыму литературного наследия Золотой Орды. Как известно, Крымское ханство имело статус фактического наследника Улуса Джучи. Именно через Крым происходило знакомство с золотоордынскими литературными памятниками османами. Известно об оживленной переводческой деятельности при дворе крымского хана Сахиб-Гирея I (1532–1551), бывшего, к слову, в 1521–1524 гг. ханом в Казани. Одним из результатов этой работы был, в частности, османский перевод известного памятника золотоордынской литературы – «Хикает-и Джумджуме Султан» Хюсама Кятиба [Köprülü, 1981, s.176; Миннегулов, 1993, с.72]. Свидетельством того же служат сведения и одного из непосредственных участников этих событий – ханского астролога, лекаря, историка, поэта и переводчика Кайсуни-заде Нидаи Реммалы Ходжи, в известном труде об истории правления Сахиб-Гирея I отмечающего, что только ему ханом было поручено перевести на османский язык десять книг [Târih-i Sâhib, 1973, s.109].

То же самое можно сказать и о литературе чагатайской. В свое время была высказана мысль, что интерес к творчеству Навои и последователей в османском дворе

начала XVI в. культивировался во многом благодаря именно крымцам, в частности, обучавшимся в султанской придворной академии Эндерун будущим крымским правителям – поэтам Саадету I и Сахибу I Гиреям [Герайбай, 1995, с.16]. В этой связи, символичным представляется присутствие в обширной («неподдающейся счету», по Халим-Гирею) библиотечной коллекции крымского хана Саадет-Гирея I (1524–1532) тома «Пятерицы» («Хамсе») Алишера Навои с личной ханской подписью и печатью [Gülbin, 1990, s.36].

С другой стороны, происходят и обратные процессы: османская (анатолийская) литература мощным потоком вливается в литературную жизнь Крыма. В частности, именно в это время, судя по-всему, на территории Ханства получает распространение литература так называемого «мевлидского» канона, представленная известными поэмами о жизни Пророка Мухаммеда – «Мевлидом» Сулеймана Челеби (ум. 1422), «Мухаммедие» Языджиоглу Мехмеда (ум. 1451) и др., а также многочисленными религиозными поэмами (дестанами) назидательного характера – «Кесик баш» («Сказание об отсеченной голове»), «Гогерджин» («Голубь»), «Гейик» («Лань») и др.), и религиозными гимнами *ильяхи* легендарного анатолийского поэта Юнуса Эмре (ум. 1321 [?]) и его последователей. Впоследствии эта литература станет подлинно народной в Крыму, войдет в каждый дом и будет сопровождать практически всю жизнь крымского мусульманина [Чобан-заде, 2003, с.13–14, 72–73].

Говоря о представителях крымской литературы XVI столетия, отметим, что во главе списка известных на сегодня авторов идут члены правящей семьи Гиреев. Четыре наиболее известных крымских правителя этого столетия: Саадет I (ум. 1540), Сахиб I (уб. 1551), Девлет I (ум. 1577), Гази II (ум. 1608), не считая умершего в 1514 г. уже упоминавшегося Менгли I, в источниках предстают как личности, далеко не чуждые культу художественного слова и интереса к изящной словесности [Герайбай, 1995, с.10–16]. И если первых троих назвать крупными поэтами не представляется возможным (к тому же практически не сохранилось образцов их творчества), последний стал украшением не

только крымской поэзии, но и всей османской литературы в целом.

Гази-Гирей II (Бора) был сыном крымского хана Девлет-Гирея I (ум. 1577) и вошел в историю как выдающийся правитель, талантливый политик и незаурядный полководец. Отличался решительным характером и крайней независимостью суждений. Был человеком огромной эрудиции, имел обширные познания в самых различных областях религиозных и светских наук (в том числе точных), получил известность как талантливый поэт, искусный каллиграф, блестящий музыкант (исполнитель на танбуре – популярном струнно-щипковом инструменте) и композитор. О последнем необходимо сказать особо: Гази-Гирей признан ярчайшим представителем не только крымской, но и всей тюркской классической музыки в целом. Сохранилось более шестидесяти его музыкальных произведений, часть из них опубликована [Крымскотатарская, 2007].

Известно также, что Гази-Гирей был крупным меценатом, оказывавшим всяческую поддержку людям науки и искусства и, таким образом, способствовавшим развитию в государстве научного и художественного творчества.

Что касается литературного наследия, до наших дней сохранилась далеко не вся поэзия Газаи. Так, до сих пор не обнаружен его «Диван», упоминаемый в некоторых источниках [Ertaylan, 1958, s. 31]. В распоряжении исследователей имеется лишь малый диван (*диванче*), а также отдельные поэтические фрагменты в различных рукописных сборниках, находящихся в настоящее время в библиотечных собраниях Турции, России, Великобритании и других стран. В общей сложности в настоящее время известны тексты около пятидесяти газелей Газаи, двух его поэм-месневи («Долаб» («Мельничное колесо») и «Роза и соловей» («Гуль ве буль-буль»), еще одна, «Кофе и вино» («Кахве ве баде») остается найденной, а также ряда писем в стихах и художественной прозе [Там же].

В жанровом отношении, творчество Газаи весьма разнородно. Наряду с достаточно привычными образцами любовной, любовно-философской и военно-походной лирики, обращает на себя внимание образцы

сатиры – хиджвие. Последние особо интересны, в них запечатлена весьма неприглядная картина социально-политических взаимоотношений в современном поэту обществе, едко высмеяны многочисленные пороки, в первую очередь, султанского двора и османской государственной верхушки, погрязшей в интригах, лицемерии и взяточничестве [Там же, s.40–46]. Промимо османской элиты, достается от Газаи и представителям других общественных сословий, религиозных и образовательных институций того времени. Среди явлений, бичуемых поэтом, – невежество, чванство, глупость, корыстолюбие, взяточничество, духовная пустота, напускная религиозность, мошенничество и т.д. При этом сам автор в своих произведениях предстает как человек, призывающий правительственную элиту к ответственности перед Богом, государством и людьми. Сатиру Газаи следует признать весьма яркой страницей не только его личного творчества и крымской поэзии того времени, но всей османской литературы в целом.

Не многим уступают сатире Газаи и образцы его военно-походной лирики, воспевающие силу духа, мужество и бесстрашие, величие самоотверженного служения родине, описания сцен подготовки к сражениям и самих боев [Там же, s.36–40]. Последние фрагменты, к слову, не лишены и юмористических мотивов (*мизах*), касающихся некоторых сторон повседневной жизни крымскотатарско-османского войска.

Присутствует у Газаи и лирика религиозная – с мотивами философских размышлений о сути человеческого предназначения и взаимоотношений человека с Творцом, а также различных наставлений в исламском духе. Среди подобных произведений присутствует ряд газелей, а также поэма (месневи) «Долап» («Мельничное колесо») – на тему исламского понятия «кадер» («предопределение») [Там же, s.46–50]. Последнее исполнено в строгом шариатском духе, в отличие, например, от известного суфийского шедевра Юнуса Эмре.

Встречаем у Газаи и суфийские мотивы. На это указывает, в частности, И.Эртайлан, отмечая, что у Газаи присутствует суфийский символизм и восторженные мистические настроения, вызывающие на память

имена наиболее значительных суфийских подвижников – Мансура Халладжа и Имадеддина Несими (известный мистический поэт азербайджанского происхождения) [Там же, s.34]. Суфийские мотивы встречаем в целом ряде газелей Газаи. В одной из них он даже преподносит себя как человека, которому «явны смыслы всех имен» и которому «покорил вселенную, казнив коварного «врага» своего эго» [Там же]. Обращает внимание и упоминание в одной из газелей ордена Мевлеви [Там же, s.81]. Заметны в газелях Газаи и эпикурейские (ринтлик) мотивы [Там же, s.35–36].

Помимо газелей, под непосредственным влиянием суфийских идей, в частности, в отношении таких эстетических категорий как красота и любовь, исполнена и его поэма-месневи «Роза и соловей» («Гуль ве бульбуль»), представляющая собой образец аллегорического произведения о Любви и Красоте (земной и божественной), и во многом испытавшая, судя по всему, влияние творчества знаменитого персидского суфийского поэта Фаридуудина Атгара [Там же, s.50–53].

Говоря о Газаи, важно представлять его поэтическую культуру, проследить различные литературные влияния, сформировавшие его поэтический мир и особенности стиля. Поэт прекрасно знает литературную классику и современных поэтов. Прежде всего, это представители чагатайской поэзии, возглавляемые Алишером Навои: Джами, Лютфи, Хаяли и др. В некоторых своих строках Газаи взывает к этим выдающимся поэтам, как бы соотнося себя с признанными классиками [Там же, s.32].

Следующий пласт – литература османская: исследователи отмечают присутствие у Газаи многочисленных мотивов, роднящих его с наиболее известными представителями этой литературы – Зати, Баки, Хаяли и даже жившим несколько позже Нефи [Там же, s.32–33].

Наконец, еще один из наиболее важных элементов испытанного поэтом влияния – творчество Фузули. О пристальном внимании к последнему говорят как непосредственные подражания Газаи, в частности поэма-месневи «Роза и Соловей» («Гуль ве бульбуль») на «Ник у бед» Фузули, так

и многочисленные поэтические обороты в стиле гениального азербайджанского поэта, присутствующие в газелях крымского автора. И.Эртайлан отмечает, что в некоторых стихотворениях Газаи настолько проникается духом Фузули, что, будучи подписанными именем последнего, подобные стихи абсолютно не вызвали бы никаких сомнений в их принадлежности перу великого «багдадца» [Там же, s.33].

Все вышеперечисленные влияния выражаются непосредственно и в языке Газаи, одинаково успешно использующего языковой арсенал всех указанных литератур, не забывая при этом и о крымском варианте тюрки.

Газаи, несомненно, одаренный поэт, составляющий гордость крымской литературы ханского периода. Говоря о нем, нельзя не сказать и о той атмосфере, которая царила в Ханском дворце в годы его правления. Сын и внук поэта, Газаи привил любовь к поэтическому слову и стихотворству, по меньшей мере, двум своим сыновьям и дочери (см. ниже). Источники рисуют его как крупного мецената, оказывавшего поддержку многочисленным крымским и османским поэтам, литераторам, музыкантам, каллиграфам, миниатюристам. Среди его протеже видим, в частности, османских поэтов и музыкантов Абдудделиля Зихни (ум. 1591 или 1614) и Асафи Дал Мехмеда Челеби (ум. 1598?). Последний вместе с Газаи был участником одной из военных кампаний против персов в 1581–1582 гг., закончившейся для обоих драматическим пленением и долгими месяцами пребывания в иранском зиндане, что было впоследствии описано Асафи в поэтической поэме «Шеджаат-наме» («Сказание о доблести») [Там же, s.11–20].

Известна также переписка, в том числе в стихах на османском и по-арабски, Газаи с известными представителями османской культуры: шейх уль-исламом, мудеррисом и историком Ходжа Сааддедином (ум. 1599), ученым, поэтом и каллиграфом Гани-заде Мехмедом Надири (ум. 1627), кефинским ученым и поэтом Хусейином Кефеве (ум. 1601) [Там же, s.41–45, 57–61].

Последний автор, посвятивший, к слову, Газаи одно из наиболее известных своих прозаических произведений (см. ниже) и

*бывший, судя по всему, достаточно близким для него человеком, в свою очередь, возглавляет кагорту кефинских авторов столетия. Хусейин Кефеве был известным поэтом, литератором и ученым, прозванным современниками «Султаном авторов» («султан-уль-муэллифин») [Bursalı, 1990, s.15]. Среди его многочисленных научных и литературных трудов (богословие, занимательная проза и др.) имеется целый ряд, привлекающих особое внимание: два трактата, связанных с творчеством Хафыза, в том числе комментарий к его «Дивану» («Шерх-и Диван-ы Хафыз»), а также тюркский комментарий «Гулистана» Саади [А, Акринар, s.186–187]. Современники характеризуют Хусейина Кефеве как весьма искусного поэта, равно владевшего османлыджа, фарси и арабским и обращавшего особое внимание на отточенность и утонченность художественного языка. Был признанным мастером искусства поэтического подражания *назире* [Там же, s.186]. Фрагменты поэтического творчества Хусейина Кефеве сохранились и в настоящее время являются объектом исследований [А, Акринар].*

Обращает на себя внимание то, что помимо литературно-научной славы Хусейин Кефеве получил известность и как музыкант-композитор, что, к слову, также сближало его с Газаи. Сохранились сведения о том, что, будучи городским муллой, Хусейин Кефеве обучал музыкальной грамоте наиболее одаренных кефинских детей, используя при этом музыку собственного сочинения, написанную на собственные же слова [Там же, s.186].

Еще одним кефинским автором был поэт Талиби (ум. в период 1512–1520 гг.): в антологии Лятифи отмечается, что, практически не имея образования, он писал «в высшей степени» искусные стихи [Latifi, 1990, s.457–458].

Говоря о кефинцах, необходимо также упомянуть и имя талантливого поэта Энвери Челеби (ум. 1547, Стамбул). Последний большую часть жизни прожил в Стамбуле, содержа здесь небольшой магазин мелкой мануфактуры, а также получив известность как пиротехник [YUOA, Çakım]. Энвери является обладателем «Дивана», поэтом, несмотря на отсутствие образования, сла-

гавшим, как отмечали современники, «поразительные по красоте и поэтическому мастерству стихи», часто – экспромтом [Там же, s.412]. Энвери достоин особых слов: он был сторонником так называемого «упрощенного тюрки» («*тюрки-и басит*») – направления в поэзии, ратовавшего за упрощение языка в сторону его отуречивания, в противовес господствовавшему в поэзии дивана витиевату османлыджа. Это проявилось как в поэзии, так и в прозе Энвери (см. ниже), изобиловавшей элементами простого тюркского народного языка, яркими пословицами, поговорками, фразеологизмами [Там же, s.413].

Практически у всех вышеупомянутых авторов, бывших формально поэтами дивана, как мы видели, присутствуют религиозно-суфийские мотивы. Из авторов непосредственно «литературы текке» можно назвать Мустафу Мюдами (ум. 1540) – автора «Дивана» в суфийском духе, содержащего наряду с многочисленными образцами поэзии малых форм, и достаточно пространное агиографическое произведения (781 бейт) – «Предания об Эмире Бухарском» («Менакыб-ы Эмир Бухари»), посвященного жизни легендарного шейха святого Эмир Султана Бухарского (ум. 1429, Бурса). Мустафа Мюдами родился в Крыму, некоторое время жил в Кафе, далее, судя по всему, в Анатолии (возможно, в Бурсе), где прошел курс суфийской науки под руководством известных духовных наставников. Последующая жизнь и место упокоения неизвестны. Рукописи обоих произведений хранятся в стамбульских рукописных собраниях, несколько поэтических фрагментов были опубликованы [ODKE, 2000, s.32–37]. Среди них присутствуют яркие образцы поэтической молитвы мунаджат, а также панегирики в честь духовного наставника поэта (Шейха Сулеймана), пира братства (Шейха Синана) и святого Эмир Султана.

Еще одним представителем религиозно-суфийской поэзии периода был поэт Бакай (Абдульбаки Кефев, ум. 1591/92), о котором известно, что, будучи сыном кефинского кадия, он посетил практически все значительные центры Османской империи, в Каире познакомился и прошел курс суфийской науки у известного шейха, основателя ор-

дена Гульшение (ответвление Хальветийе) поэта Ибрахима Гульшени, позже исполнял функции месневихана (чтеца «Месневи») в одной из мевлевийских обителей Дамаска [Bursalı, 1990, s.31]. В распоряжении исследователей в настоящее время имеется текст одного из его стихотворений в форме *муседдес* – панегирик-*медхие* в честь Джелаледдина Руми [ODKE, 2000, s.38–40].

Говоря о религиозно-суфийской поэзии XVI в., нельзя не сказать и о вышеупомянутом поэте Энвери. Источники отмечают у него трактат (поэзия-проза) по хуруфизму – одному из мистических направлений в исламе, опиравшемуся на так называемый буквенный символизм (отчего и происходит его название), и имевшему определенные точки соприкосновения с суфизмом (вспомним гениального азербайджанского поэта Имадеддина Несими). Надо полагать, что и многие стихотворения «Дивана» Энвери также исполнены в суфийском духе.

К сожалению, пока не обнаружены образцы поэзии ряда крымских суфийских шейхов и ученых XVI столетия. В частности, «Татарского шейха» Ибрахима б. Ак-Мехмеда (ум. 1592/93, Стамбул) – известного шейха ордена Хальветийе, бывшего советником Крымского хана Девлета I и наставником его сына Гази II. Переселившись в Стамбул, Ибрахим-эфенди занял место шейха в обители мечети Кучук-Айасофья, получил известность как комментатор Корана, автор ряда трудов по суфизму и поэт (писал на арабском и тюркском языках) [Bursalı, 1990, s.9–10]. А также Махмуда б. Сулеймана (ум. 1582) – известного ученого (см. ниже), мюрида прославленного кефинского шейха Такыйуддина Эбу-Бекра (ум. 1562), мудерриса и кадия, также писавшего, по свидетельству источников, на тюркском и арабском языках [Bursalı, 1990, s.34]. Последнее, а именно двух- или трехязычие авторов, к слову, было своего рода нормой среди научной и литературной элиты средневекового Крыма.

Завершая речь о поэзии XVI в. и добавив к вышеперечисленным авторам имя еще одного ныне забытого поэта – Фенди (его хронограмму на одном из источников в Судак, датированную 956/1549 г., зафиксировал Эвлия Челеби [Эвлия Челеби,

2008, с.158]), обратим внимание, что все авторы представляют, главным образом, два основных направления: поэзию дивана и религиозно-суфийскую. Что касается ашыкской поэзии, до XVI в. сведения отсутствуют, хотя нет никаких сомнений, что и это направление имело в этот период в Крыму самое широкое распространение.

В литературе XVI столетия сохранились не только образцы поэзии. В настоящее время имеются примеры и художественной прозы, представленные, в частности, письмами Гази-Гирея и Хусейина Кефевии – яркими образцами эпистолярного жанра того времени. Образцами занимательной тюркской художественной прозы может служить ряд сборников рассказов Хусейина Кефевии в жанре «фал-наме», и в первую очередь, сборник «Раз-наме» («Книга тайн»), в котором собраны краткие истории (192 единицы), связанные с практикой литературных гаданий в интеллектуальной среде того времени – в данном случае, на основе наиболее часто использовавшихся для соответствующих целей Священного Корана, «Месневи» Руми, «Диванов» Хафиза и Джами [IA, Akınar, s.187]. О большой популярности сборника свидетельствуют многочисленные списки, находящиеся в настоящее время в рукописных собраниях Турции, России, Англии и др. [Там же]. Известно также, что первый вариант книги, имевший название «Севаниху`ттефе`ул» и содержащий 139 рассказов, был завершён в 1577 г. и преподнесён автором впоследствии крымскому хану – поэту Гази-Гирею II [Там же, s.186].

XVI же веком датируется и наиболее ранний из сохранившихся образцов крымской исторической прозы. Кайсуни-заде Нидаи, в Крыму известный как Реммаль Ходжа, был придворным советником, астрологом, лекарем, историком и поэтом при Сахиб-Гирее I (1532–1551). Его «История хана Сахиб-Гирея», написанная после смерти хана по заказу его дочери Нур-Султан Хани, содержит весьма ценные сведения, касающиеся политической и культурной жизни ханства соответствующего периода. Хроника сохранилась в ряде списков, была издана в 1973 г. в Анкаре О.Гёкбилгином в латинской графике совместно с французским переводом [Tarih-i Sahib, 1973]. Произведение является

одним из наиболее значительных образцов крымской историографии [Сейитягья, 2003; Зайцев, 2005].

Научная литература, охватывающая различные отрасли исламских наук – экзегетику, хадисоведение, исламское право (фикх), этику и суфизм, представлена произведениями «Татарского шейха» Ибрахима б. Ак-Мехмеда (ум. 1592/93), кефинских кадиев Махмуда б. Сулеймана (ум. 1582) и Хусейина Кефевии (ум. 1601), кефинского муфтия Баба Куши Абдурахмана (ум. 1575/76) и др. В этом ряду особо выделяется шейх Ибрахим б. Ак-Мехмед. М. Бурсалы приводит список из пяти его трактатов, по меньшей мере два из них суфийского содержания [Bursalı, 1990, s.9–10]. Отметим бы также Махмуда б. Сулеймана – с фундаментальным био-библиографическим трудом «Кетаибу а`лями`л-ахйар», своего рода энциклопедией, содержащей сведения о жизни и деятельности 809 известных исламских ученых-правоведов (главным образом, факихов ханефитского мазхаба), а также суфийских наставников и мусульманских святых [IA, Özel(a)]. Труд, пользующийся популярностью и активно используемый в научных кругах в настоящее время, сохранился в многочисленных списках в рукописных коллекциях Турции и Узбекистана. Особенностью его явился стиль, объединивший строгость научного изложения с элементами, свойственными образцам мусульманской агиографии *менақыбнаме* – вследствие включения в ткань повествования различных легенд и преданий, связанных с биографией того или иного лица [Там же, s.185].

Среди научных трудов встречаем и труды по этике (адаб). В частности, среди богословских сочинений известного османского ученого-лексикографа Мустафы Ахтери (ум. 1560), отмечен его комментарий на соответствующий трактат некоего кефинского автора первой половины столетия [IA, Koç].

Переводная литература. Из известного на сегодня переводного наследия можно выделить тюркский перевод (с комментарием) широкоизвестного «Гулистана» Саади, выполненный Хусейином Кефевии. Содержащий критические замечания в адрес более ранних османских комментаторов «Гулистана» – поэтов Сюрүри и Шем`и, и заслу-

живший в свое время похвалу известного османского био-библиографа Кятиба Челеби (Хаджи Хальфы) [Зайцев, 2005, с.51], труд был завершен в Мекке в год смерти автора (1601) и в нескольких списках сохранился до наших дней [IA, Akrınar, s.186–187].

Помимо этого, нет никаких оснований не предположить возможность крымского происхождения поэта Татар Али (или Шерифа Амиди, сокращенно «Шериф», ум. 1514) – автора наиболее полного (55 000 бейтов) тюркского перевода «Шехнаме» Фирдоуси, в 1511 г. преподнесенного египетскому султану Кансуху Гаври (1501–1516). Перевод был осуществлен на мамлюкско-кипчакский язык, списки его в настоящее время находятся в рукописных собраниях Стамбула, С.-Петербурга, Казани, Душанбе и др. [Миннегулов, 2003, с.216–217]. О работе с британскими списками пишет Гибб [Gibb, 1999, с.I, s.548–549]. Произведение было частично опубликовано в 1965 г. в Варшаве А.Зайончковским [Zajackowski, 1965]. Обращает внимание, что до настоящего времени не удается решить проблему этнического происхождения автора. Принимая же во внимание довольно заметное присутствие крымцев в соответствующие годы в Египте, предположение о возможном крымском происхождении поэта имеет полное право на существование.

Говоря о крымской литературе XVI в., необходимо сказать и о ряде османских авторов, принявших участие в литературных процессах в Крыму в соответствующий период. Выше уже был упомянут придворный историк и поэт Сахиба I – Реммаль Нидаи. Позже, при дворе Гази-Гирея II видим поэта Зихни (Абдууделиль, Неджефзаде, Зихни-икадим, ум. 1591 или 1614, Багдад), писавшего на трех языках: тюркском, арабском, фарси, как и Гази, музыканта и мастера каллиграфии, члена братства Мевлеви, в связи с чем на память приходят мевлевийские мотивы в творчестве и самого Гази [TDEA, с.8, s.656–657]. В одной из крымских хроник присутствуют сведения о том, что Зихни был удостоен собольей шубы с плеча Гази – за прочитанный бейт знаменитого Баки [Сейтяхья, 2004, №4, с.76]. Сохранилось и одно из произведений Зихни, имеющих к Гази непосредственное отношение – подражание

(назире) на известную газель Гази «Раете» [Emiri, 1995, s.13].

Особо заметно присутствие османских авторов в Кефе. Это и понятно, город – столица османского эялета, здесь располагается османский гарнизон, во главе и на ключевых административных постах находятся османские чиновники, торговые и культурные контакты со Стамбулом и в целом с Анатолией не прерываются ни на минуту. Поэтов видим как среди самих правителей эялета (бейлербеев): Шехзаде Сулейман, сын Султана Селима Явуза – впоследствии знаменитый Сулейман «Законник» («Кануни») (1495–1566, псевдоним «Мухибби», обладатель «Дивана»), Зейнель Паша (около 1527/28, псевдоним «Зейни»), «Асафи» Дал Мехмед Паша (около 1598), так и среди кефинских муфтиев: «Медхи» Махмуд (Кара, ум. 1597/98, обладатель «Дивана»), кефинских кадиев: Шемседдин Челеби (ум. 1520), Дервиш Мехмед Челеби (ум. 1531, писал на тюркском и фарси), Селики Ша`бан (ум. в последние годы правления Сулеймана I Кануни, 1520–1566), «Нейли» Мехмед (Кучук Лутфизаде, ум. 1592), и среди более мелких чиновников: Шевки Юсуф Челеби (ум. 1500-е гг.), Зихни Челеби (ум. 1510-е гг., также мастер прозы, стилист *мушии*), «Гариби» (XVI в., также мастер каллиграфии) [SO; TDEA; IA]. Помимо поэтов, встречаем и ученых, например, с 1558 по 1565 г. Муфтием Кефе был известный османский ученый, правовед и арабист-филолог Кемаледдин Ибрахим бин Бахши (Деде Джонги, ум. 1567) и т.д. [IA, Akgündüz].

Как видим, XVI в. характеризуется для Крыма достаточно насыщенной литературной атмосферой, охватывающей практически все слои современного общества. Обилие авторов, оживленные литературные контакты, различные литературные традиции, направления, языки... Как следствие – значительно возросший уровень поэтического мастерства крымских авторов, а также, при преобладании любовной, философской лирики и мистицизма, не чуждость общественных мотивов и критического реагирования на злободневные вызовы времени.

Литература XVII в. Значительно обширнее материалы, касающиеся литературы XVII в. В это столетие крымскотатарская

литература имеет ряд весьма ярких имен практически по всем литературным направлениям. Поэзия дивана и религиозно-суфийская дополняется мощным потоком поэзии ашыкской. Значительно богаче представлена историческая проза, а также проза суфийская и научно-религиозная.

Как и ранее, наиболее представительной является поэзия дивана – на сегодня известны имена, по меньшей мере, 35 ее представителей. Во главе вновь члены ханской семьи: девять поэтов, среди них четверо непосредственно ханы. Творчество не всех из них сохранилось. Известное же наследие вполне достаточно для того, чтобы свидетельствовать о высоком мастерстве авторов.

Из утерянных памятников особо указали бы на поэзию Джанибек-Гирея – Крымского хана в 1610–1623, 1624, 1628–1635 гг., отмеченную, в частности, у Халим Герая [Gülbin, 1990, s.77]. В Собрании рукописных и старопечатных книг в Бахчисарае вплоть до Второй мировой войны присутствовала рукопись со стихами некоего Джанибек-Гирей Султана [Инв. книга I, №370]. Возможно, речь идет об одном и том же авторе. К сожалению, в современной коллекции рукопись отсутствует, она могла исчезнуть или во время оккупации, или же в последепортационный период.

Также практически не сохранилась поэзия наследников Гази-Гирея II – сыновей Саадета и Хусам Гиреев (псевдонимы «Арифи» и «Сейфи», оба ум. в 1636 г.) [Öztuna, 1989, s.530], а также дочери, известной как Хан-заде-ханым [Семь планет, 1832, с.150–151].

Последняя была замужем за еще одним поэтом из правящей фамилии – Резми Бахадыром I, Крымским ханом в 1637–1641 гг. Поэзия последнего сохранилась, отдельные его газели опубликованы [ODKE, s.78–84].

Еще одной поэтессой, имевшей к тому же отношение к правящей династии, была внучка Гази и дочь его зятя Ширин Мустафы – «несравненная поэтесса» Хан-заде Етима [Сейитяхья, 2004, №4, с.79].

Взошедший на ханский престол вслед за Резми его младший брат Мехмед IV (1641–1644, 1654–1666, ум. 1674 [?]) также был достаточно плодовитым и талантливым поэтом. К сожалению, пока не обнаружен

его «Диван», о котором пишет Эвлия Челеби [Nalbandova, 2000, s.19]. Подписанный, по Челеби, псевдонимом «Хани», этот «Диван» вызывает особый интерес тем, что, в отличие от сохранившихся стихов Мехмеда, как, впрочем, практически всех, за исключением Гази, вышеуказанных авторов, был написан, по словам опять же Эвлия Челеби, не на османском языке, а на чагатайском, под чем подразумевался, возможно, не только, собственно, последний, но и местный крымский язык, тяготевший к языку наиболее известного представителя чагатайской поэзии – Алишера Навои. Слова Челеби, таким образом, могут свидетельствовать о том, что, несмотря на сильное влияние османского литературного языка, в Крыму продолжали развиваться более ранние поэтические традиции.

Из более поздних авторов особо необходимо отметить крымского хана Хаджи Селима-Гирея I (1671–1678, 1684–1691, 1692–1699, 1702–1704) – одного из наиболее колоритнейших персонажей не только крымской, но и всей османской истории в целом [Абдульваап, 1996]. Чрезвычайно одаренный правитель и яркий полководец, Селим является знаковой фигурой в истории культуры Крыма. Хаджи, хафиз и член братства Мевлеви, поэт, музыкант, композитор (сохранились образцы его поэзии и музыки), он получил известность и как крупнейший меценат, в связи с которым упоминаются имена десятков современных ему крымских и османских деятелей культуры, литературы и искусства [Сейитяхья, 2004, № 4, с.83]. Обращает внимание, что не будучи крупным поэтом, Селим вызвал к жизни длинный ряд литературных произведений, из которых можно составить целую антологию. Назым Яхйа (ум. 1727), Шахин Герай (ум. 1717), Мустафа Гевхери (ум. в первой половине XVIII в.) и многие другие крымские и османские авторы посвятили ему многочисленные произведения, среди последних особую известность получила поэма прославленного османского поэта Аляэддина Сабита (ум. 1712) – «Сказание о победе» («Зафер-наме») [Zafername, 1311].

Конец столетия ознаменовался появлением еще одного весьма талантливого поэта – Шахин-Гирей-султана, сына Токтамыш-

Гирей-хана (также поэта), бывшего в 1691/92 г. нуредином при хане Сафа-Гирее [Абдульваап, 2007а]. Шахин-Гирея можно назвать сегодня, пожалуй, наиболее известным в западном мире поэтом крымского дивана. Эту известность ему принесла виртуозно написанная газель – образец визуальной поэзии (циклическая ода в виде цветка) с элементами палиндрома, эта форма известна в восточной поэзии под названием «кальб» – от ар. «центр», «сердце». Уже в начале XVIII в. газель стала объектом подражаний в среде османских авторов, укажем, в частности, на тахмис Сакиба Деде (ум. 1735). Последнее стихотворение в 1856 г. было опубликовано в переводе на немецкий язык в известном труде по истории Крымского ханства Хаммер-Пурштала [Hammer-Purgstall, 1856, p.255–258]. Наконец, в 1861 г. газель была опубликована в переводе на английский язык (с комментариями) в лондонском «Журнале Королевского Азиатского Общества» [Redhouse, 1861]. Современный американский литературовед Дик Хиггенсон поместил изображение газели на обложке изданной им монографии по истории визуальной поэзии с античных времен по XVIII в. – как образец высочайшей техники стиха и эстетического его оформления [Окрушина, 2003, с.7].

Исследования творчества Шахин-Гирея выявили и другие образцы его искусного пера, в частности, стихотворение в жанре *мулемма* (в данном случае, на трех языках: тюркском, арабском, фарси), виртуозную хронограмму (тарих) на смерть османского поэта и каллиграфа Дервиша Фасиха (ум. 1699) и др. [Абдульваап, 2007а]. Известна также и одна из касыд поэта – в честь упоминавшегося выше Хаджи Селим Герая [Семь планет, 1832, с.205–207]. Автор «Семь планет» отмечает, что Шахин был большим любителем цветов, и превратив поселок, в котором жил, в подобие райского сада, даже распоряжения по поводу посадки цветов писал в стихах [Там же, с.208].

Говоря о поэтах не из ханской семьи, сталкиваемся с практически полным вакуумом сведений. Ярким тому примером могут служить поэты, упоминаемые Эвлия Челеби. В своей «Книге путешествия» он отмечает присутствие при ханском дворе в Бахчисарае

целой когорты придворных поэтов: Абдульмумина Кастамонийского (одновременно, каллиграф и миниатюрист), Фазли Челеби, Фейзи Челеби, Неджати Челеби (астролог), Недим, Лемъи, Эрани, Эмир Медхи Челеби, Хасан Кади Эфенди [Эвлия Челеби, 2008, с.111, 117–118]. Увы, на сегодня мы не располагаем никакой информацией ни о них самих, ни об их творчестве.

Еще целый ряд поэтов проходят в различных письменных источниках, в том числе у того же Эвлия Челеби, в связи с хронограммами (тарих) на различных крымских постройках (мечети, медресе, фонтаны, мосты и т.п.), или же, например, эпитафиями на ханском кладбище в Бахчисарае. Бахти, Дюрри, Селями, Кесби, Фейзи, Зихни, Фасли, Кадри, Фетхи, Наим, Ризаи и др. – имена из, своего рода, каменной антологии крымской средневековой поэзии, донесшей до нас отдельные короткие фрагменты творчества некогда, возможно, плодovitых поэтов [Бахчисарайские, 1848; Nalbandova, 2000]. Справедливости ради необходимо заметить, что между ними могут присутствовать и «го-сти», условно говоря «османские», авторы.

Впрочем, о ряде авторов краткие сведения все же имеются. Среди них – целый ряд кефинских поэтов. Талиби-и Кефеви известен как автор поэтической истории османской династии – «Тарих-и Ал-и Осман» [Ertaylan 1958, s.20]. Деб`и Хусейин Челеби Кефеви (ум. 1639) был из янычар, писал стихи и прозу [ODKE, 2000, s.11]. Сеййид Муса Келими (ум. 1644) был Кефинским муфтием, получил известность как богослов, поэт, литератор и историк. Как свидетельствуют источники, псевдоним «Келими» получил от самого Баки, оценившего поэтический талант юного поэта [Soysal, 1961a]. В современной Феодосии сохранилась прекрасная по своим архитектурным достоинствам мечеть, построенная в 1623 г. в бытность Сеййид Мусы кефинским Муфтием [Брун, 1877]. В известных на сегодня его стихотворениях господствуют религиозные мотивы [ODKE, 2000, s. 83–84]. Менее известен в настоящее время поэт Кефеви Сеййид Абдулькерим Шерифи – один из претендентов на статус поэтического наставника легендарного Ашык Омера [Ergun, 1936, s. 7].

В этом ряду значительно выделяется автор, которому суждено было стать одним из наиболее известных на сегодня крымских поэтов дивана: Джанмухаммед. Его перу принадлежит хорошо известный в научных кругах памятник крымскотатарской поэзии ханского периода – поэма, условно названная «Тогай-бек», и повествующая о событиях казацко-крымской войны против польской шляхты, в украинской историографии обычно именуемой Национально-освободительной войной украинского казачества под руководством гетмана Б.Хмельницкого против шляхетской Польши [Акчокраклы, 1930]. Ряд наиболее важных сражений этой войны (в частности, при Желтых Водах (Сары-Су) и Корсуне, как известно, были завершены победой союзнических войск именно благодаря присутствию знаменитой крымской конницы.

Поэма из семнадцати глав объемом в 946 двестишый была обнаружена известным крымскотатарским историком и литератором О.Акчокраклы в одном из прибрежных сел в Восточном Крыму во время историко-этнографической экспедиции Бахчисарайского Ханского дворца в 1925 г. Рукопись вызвала значительный интерес как в Крыму, так и в научных кругах Украины. О.Акчокраклы был приглашен для чтения докладов о своей находке в Харьков (в те годы столица Украинской ССР) и в Киев, в том числе в Академию Наук УССР [Шемьзаде, 1974, с.102]. В 1930 г. при содействии академика А. Крымского им была напечатана подробная статья в сборнике «Студії з Криму».

В довоенный период над поэмой работали, помимо О. Акчокраклы, ряд молодых ученых. Планировалось издание поэмы. Однако с началом Великой Отечественной войны все списки поэмы были утеряны, депортация же крымских татар не способствовала их экстренным поискам. В настоящее время в распоряжении специалистов имеются лишь около пятидесяти двестишый, опубликованных в статье А. Фетислямова в одном из довоенных крымскотатарских литературных журналов [Фетислямов, 1939].

Судя по сохранившимся фрагментам и описаниям работавших с поэмой ученых, она представляла собой образец поэти-

ческого произведения в форме месневи и жанре, особо популярном в те века, а именно – *газаватнаме* (от араб. *газа* – война за веру), что можно перевести как «сказание о походах». В поэме повествуется о событиях крымско-украинско-польской истории периода 1647–1651-х гг, описаны подготовка и ход ряда известных сражений, как то: под Желтыми водами (Сары-Су), Корсунем, Львовом и т.д. Героями событий являются выдающийся крымскотатарский военачальник Тогай-бек, гетман запорожских казаков Богдан Хмельницкий, Крымский хан Ислам-Гирей III (1644–1654), его калга Крым-Гирей и др. Завершается поэма смертью главного героя, к слову, родственника автора произведения.

Отсутствие полного текста поэмы затрудняет дать сколько-нибудь подробную характеристику произведению. Несомненно лишь то, что речь идет о весьма значительном историко-литературном памятнике эпохи Ханства. Добавим также, что события, ставшие темой для данной поэмы, вызвали к жизни целый ряд крымскотатарских литературных и фольклорных памятников, причем как в стихах, так и в прозе [Акчокраклы, 1930, с.170].

Из авторов, получивших известность в Стамбуле, особо отметили бы двух выходцев из Бахчисарая – поэтов Хасана Веджихи (ум. 1661) и Лутфуллаха Лутфи (ум. 1703). Первый из них, завершив образование в Стамбуле, со временем стал секретарем Государственного совета (Диван-ы Хумаюн). Является обладателем «Дивана», а также ценной исторической хроники [ОДКЕ, 2000, s.85–91]. Что же касается Лутфуллаха (Абдуллатифа) Лутфи (известен также как «Татар Лутфи»), он был муддерисом и кадием, в антологиях отмечается как талантливый поэт, проживший, однако, весьма короткую жизнь [ОДКЕ, 2000, s.127–132]. Фрагменты творчества того и другого опубликованы [Там же].

Помимо этого, ряд османских антологий содержат краткую информацию и образцы творчества еще одного в свое время достаточно известного крымского поэта – Алиджана (или Али Кырыми, ум. 1703). Некоторые из его стихотворений, представляющие собой образцы любовно-философской ли-

рики, в настоящее время также опубликованы [ОДКЕ, 2000, s.120–126].

Говоря о религиозно-суфийской лирике столетия, прежде всего отметим творчество ряда поэтов – суфийских шейхов. В начале века на этом поприще видим историка и поэта шейха Фейзи Кефинского (ум. 1645 [?]) – автора двух поэтических поэм в достаточно редком для поэзии жанре – «сорочка хадисов» («кырк хадис»): первой в форме сорочка четверостиший (кыта), и второй, в форме месневи под названием «Равзату`либад» [IA, Karahan, s.471]. Творчество еще двух поэтов-шейхов, отца и сына Афифи и Иззи, сохранил нам автор хроники «Семь планет». Афифеддин Абдуллах (псевдоним «Афифи», ум. 1640 [?]) был известным религиозным деятелем и ученым своего времени. Сын прославленного крымского шейха и поэта «Татарского шейха» Ибрахима, сына Ак-Мехмеда (ум. 1592/93), он совершенствовал образование в Стамбуле, там же некоторое время преподавал в ведущих османских медресе. Вернувшись в Крым, исполнял обязанности кадия в Судаке, Мангупе и Кефе. Позже был назначен на пост муфтия Кефе. После отставки поселился в селении Сейид-Эли в окрестностях Кафы, основал здесь суфийскую обитель и возглавлял ее до конца своей жизни [Семь планет, 1832, с.152–157]. Фрагменты его поэтического творчества, несколько газелей суфийского содержания, были записаны автором «Семь планет» и в последнее время неоднократно публиковались, в том числе в переводах на русский и украинский языки [ОДКЕ, 2000; Грезы; Окрушина, 2003].

Сын шейха Афифеддина – Абдульазиз (псевдоним «Иззи», 1611–1694/95 [?]) также стал известным суфийским шейхом и поэтом. По преданию, он решает пройти курс мистицизма у известных суфийских наставников. Отправляется в Стамбул, однако судьба забрасывает его в г. Синоп, где он проходит курс суфийской науки (тарикат) у местного шейха Ахмеда Синопского. Получив посвящение, некоторое время наставничает в Синопе, далее вновь возвращается в Крым и становится во главе отцовского текие. Шейх Абдульазиз пользовался у современников заслуженной славой. Об этом может свидетельствовать, в частности, и тот

факт, что Крымским ханом Хаджи-Гиреем (1683–1684) он был назначен на должность Крымского кадиаскера. Впрочем, особой склонности к подобному назначению шейх не испытывал и вскоре покинул должность. В конце жизни, предчувствуя приближение смерти, в окружении родственников, друзей и учеников шейх отправился в хадж в Мекку. Там же в Хиджазе он и умер [Там же, с.215–218].

Иззи прославился крайней набожностью и полным равнодушием к материальным благам. По преданию, из имущества он имел лишь овечью шкуру, восседая на которой предавался молитвам и медитации, а в свободное время сочинял стихи. Некоторые из его стихотворений, представляющие собой образцы суфийских *тевхидов* с мотивами божественной любви и духовного самосовершенствования, а также жанра *нутук* (от араб. «слово», «речь») – поэтические наставления шейха (муршид) вступившему на Путь ученику (салик), были записаны автором «Семь планет» и, как и стихи его отца Шейха Афифеддина, в последнее время неоднократно публиковались, в том числе и в переводах на русский и украинский языки [ОДКЕ, 2000; Грезы; Окрушина, 2003].

Еще одним представителем религиозно-суфийской поэзии этого периода был вышеупомянутый Крымский хан Мехмед-Гирей IV (ум. 1674). Произведениями именно религиозного содержания являются известные на сегодня его стихи, в отличие от необнаруженных, входивших в «Диван» [ОДКЕ, 2000, s.97–115]. Впрочем, не исключено, что и сам «Диван» не был выполнен в строгом ключе, согласно правилам составления подобных сборников, он состоял из произведений, главным образом, религиозного содержания.

Как отмечают источники, Мехмед IV был весьма религиозным человеком, членом суфийского братства Мевлеви, за что получил кличку «Софу» («Суфий»). Есть предположение, что сохранившиеся стихи были написаны в последний период жизни, проведенный отстраненным от престола ханом обычным дервишем в Дагестане. Стихи передают состояние неподдельной драмы, пережитой и переживаемой поэтом, его глубокого одиночества, бесконечной тоски и

усталости, пронизаны жалобами на жестокость судьбы, несовершенство человеческой природы, ее греховности, содержат мотивы искреннего покаяния и мольбы, взволнованного обращения к Творцу, как единому истинному источнику милости и сострадания. Не лишены данные стихи и мотивов назидания, призывов не доверять брэнному миру, пробудиться от «сна беспечности», очнуться от «небытия». Присутствуют в них также и непосредственно суфийские мотивы – благодарности Творцу за посвящение в тайны духовной науки *марифет*, рядом с которой ничто «все богатства Османов», за постижение в глубинах собственного бытия великой истины *хакикат* и т.п. [Tansel, 1967]. Подписаны эти стихи уже не псевдонимом «Хани», который, надо полагать, был использован автором ранее для стихов в манере дивана, а псевдонимом «Кямиль» («Совершенный»), весьма характерным для поэтов, склонных к суфизму.

Помимо этого, религиозно-суфийская поэзия представлена еще двумя кефинскими авторами, впрочем, больше известными за пределами Крыма. Первый из них, Сейид Дервиш Мехмед(-Деде) Кефеве (ум. 1671/72, Конья, псевдоним «Шефии»), был дервишем суфийского ордена Мевлеви, покинув родину, долгое время провел в Конье, в обители Руми, где и завершил жизнь. Образцы его творчества, в том числе фрагменты «Весенней» касыды, были опубликованы [ODKE, 2000, s.92–96].

Второй, Абдуллах б. Али Кефеве (или Дервиш Абди, ум. 1695, Бурса), поэтический псевдоним «Мути», был дервишем другого суфийского братства – Гульшение (ответвление Хальветийе). Долгие годы прожил в Бурсе. Помимо поэтического дара, получил известность как зикирбашы – рецитатор на суфийских радениях, а также композитор – автор религиозной музыки. Его стихотворения в популярном жанре иляхи встречаются в различных рукописных сборниках, «Диван» пока не обнаружен [А, Özcan].

Особая страница крымской литературы XVII в. – ашыкская поэзия, и в первую очередь, творчество легендарного поэта Ашык Омера – прославленного автора, считающегося в настоящее время наиболее именитым представителем не только крымскотатар-

ской поэзии саза, но и всей тюркоязычной ашыкской поэзии в целом.

Необходимо сразу отметить, что долгое время в среде турецких и русскоязычных исследователей имела место во многом искусственно привнесенная дискуссия по поводу вопроса происхождения автора: в ряде источников он был отмечен, в частности, как уроженец селения Гёзлеве под Коньей [Турецкая, 1983, с.189]. В настоящее время после известных публикаций крымскотатарского поэта и литературоведа Э.Шемьязаде [Шемьязаде, 1974], вопрос может считаться исчерпанным, о чем косвенно могут служить и последние публикации о поэте в Турции [YYOА, Güngör].

Родился и умер Ашык Омер в г. Кезлев (Гёзлеве, ныне Евпатория) в Крыму, но большую часть жизни провел вне родины – в бесконечных скитаниях по необъятным просторам Османской империи. В его стихотворениях мы встречаем десятки названий местечек и городов нынешних Украины, Турции, Польши, Болгарии, Румынии, Боснии, Греции, стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Среди сотен имен поэтов-ашыков имя Ашык Омера, как правило, называется в первом ряду наиболее искусных и любимых авторов. М.Ф.Копрюлю называет его наиболее прославленным поэтом саза за всю историю развития этой литературы [Köprülü, 1962, s.260], Ш.Эльчин высказывает мысль, что по популярности Ашык Омера можно сопоставить разве что с легендарным Юнусом Эмре [Eiçin, 1987, s.15]. По единодушному признанию многочисленных исследователей творчества поэта, влияние Ашык Омера на современников и поэтов-ашыков всех последующих поколений трудно переоценить [Ergun, 1936, s.81].

В историю ашыкской поэзии он вошел и как один из наиболее плодотворных ее представителей: в настоящее время ему приписывается авторство более 2000 стихотворений и поэм. Ашык Омер – поэт безграничного дарования и высокой профессиональной поэтической культуры, мастер, одинаково владевший обширным арсеналом форм и художественных средств как собственно народной поэзии, так и строго классической поэзии дивана. Не может не

поражать тематическое разнообразие его творчества, в котором, наряду с любовно-романтической, присутствует тематика социальная, философская, военно-походная, религиозно-мистическая (суфийская). Особую популярностьнискали его так называемые «чужбинные стихи», исполненные невыразимой тоски и печали.

В жанровом отношении творчество Ашык Омера может составить своего рода хрестоматию практически всех основных жанров (тюр) трех главных литературных направлений того времени. Среди его стихотворений мы встречаем прекрасные образцы любовной лирики, так называемые «чужбинные» стихи, описания природы (*бахарие, неврузие*), панегирики (*медхие*), эпитафии (*мерсие*), образцы военно-походной лирики (*газаватнаме*), описания городов (*шехренгиз* – Стамбул, Бурса, Варна, Синоп и др.), многочисленные примеры назидательной лирики (*насихатнаме, ибретнаме* и др.), критики социальных устоев и индивидуальных человеческих недостатков (*хиджвие*), образцы религиозно-суфийской лирики (*тевхид, мунаджат, нат, иляхи, рамазание, саят-наме, вуджуднаме, деврие, аетнаме*) и др. Присутствуют в творчестве поэта образцы и так называемых «технических» жанров, в частности, поэтических загадок *муамма и люгаз*, в том числе в форме акростиха. Среди народных поэм дастанов привлекают внимание произведения в жанре *текерлеме*, а также поэтического диспута *муназара* и т.п. Одним из наиболее значительных произведений поэта и, одновременно, наиболее ранним примером жанра в рамках ашыкской поэзии, является его «Сказание о поэтах» («Шаир-наме») – своего рода поэтическая антология, содержащая имена и краткие характеристики творчества около 170 поэтов прошлого и современности, и свидетельствующая о широчайшей литературной эрудиции автора [Ergun, 1936, s.431–434].

Таким же разнообразием отличается и использование Ашык Омером различных поэтических форм – как традиционной тюркской народной поэзии (кошма, семаи, дестан и др.), так и придворной поэзии дивана (газель, мурабба, мухаммес, муседдес, мустезад и др.) [Ergun, 1936].

Ашык Омер, вне всяких сомнений, великий поэт, воспевший в своем творчестве идеалы любви и человеческого достоинства, общественной морали и социальной справедливости, искренней религиозности и духовного совершенствования и т.д. Уже при жизни поэт был признан мастером (устад), лирика его на столетия стала объектом подражания [Там же, s.79–95]. Принимая во внимание поразительный диапазон жанрово-тематического разнообразия творчества поэта, его поэтическую универсальность, объединившую особенность всех основных литературных направлений того времени, доступность и простоту языка, при всей его неизменной художественности, Омера можно с полным правом назвать крупнейшим национальным поэтом, творчество которого было обращено к самым широким слоям общества.

Добавим, что Ашык Омер является одним из наиболее публикуемых поэтов. Его стихи были переведены на русский и украинский языки. Исследованию его творчества были посвящены работы наиболее известных крымскотатарских, турецких, азербайджанских и других литературоведов. Несмотря на это, имя его продолжает оставаться легендой и требует новых фундаментальных исследований.

Еще одним ашыком XVII в., часто упоминаемым в связи с Крымом, был Мустафа Джевхери (Гевхери, ум. в первой половине XVII в.) – легендарный поэт, имя которого, как правило, стоит рядом с именем Ашык Омера. Стойкая ашыкская традиция считает его уроженцем Крыма, однако рядом турецких исследователей высказывается мысль об анатолийском происхождении поэта [Elçin, 1984, s.12–13].

Если говорить о прозе XVII в., то она представлена, главным образом, образцами историографии. В настоящее время имеются сведения, по меньшей мере, о восьми хрониках. Сын османского наместника в Кефе Абдуллах Ридван-пашазаде (поэтический псевдоним «Абди», ум. в 1640-е гг. [?]) в «Летописи Кипчакской степи» («Теварих-и Дешт-и Кипчак») описал события, которые происходили в Крыму в период с Менгли I (1475) до эпохи султана Мурада IV (1623–1640) [Зайончковский, 1969]. Труд содержит

весьма ценные сведения, касающиеся, в частности, обстоятельств крымской смуты в начале XVII в. Был издан А.Зайончковским в Варшаве в 1966 г. [Zajackowski, 1966].

Вышеупомянутому Муфтию Кефе Сеййиду Мусе принадлежит труд по истории исламских государств под названием «Светило истории» («Шемсу`т-Теварих») [Bursalı, 1990, s.32]. Рукопись труда сохранилась, по меньшей мере, в двух списках, на предмет крымской истории произведение не исследовано [Öztürk, 1989, s. 39].

«История хана Ислам-Гирея III» стилиста (мунши) крымского Дивана и поэта Мехмеда Сенаи описывает события середины XVII в. – походы крымских войск совместно с запорожскими казаками под началом гетмана Б.Хмельницкого против Польши в 1648–1650 гг. Труд создавался по заказу известного крымского везира Сефер-Гази Ага. В предисловии автор пишет о своем намерении вписать имя Ислама III в «Книгу царей» – «Шахнаме» рода Чингизова [Сенаи, 1998, с.4]. Летопись была издана в Варшаве в 1971 г. З.Абрахамовичем [Senai, 1971]. Позже были осуществлены ее переводы на русский и украинский языки [Сенаи, 1998; Туранлы, 2000]. Крымскими литературоведами была высказана мысль о том, что автором мог быть вышеупомянутый поэт Джанмухаммед – автор поэмы «Тугай-бек» [Сенаи, 1998, с.3].

В «Истории Мухаммед-Гирея» Дервиш Мухаммеда, сына Мубарек-Гирея, описаны события крымской истории периода 1683–1703 гг. Единственный список хранится в Вене, до настоящего времени не опубликован [Сейитягья, 2003, с.15].

Из несохранившихся летописей отметим, прежде всего, труд Хайри-заде под названием «Таквим», а также два сборника: «Меджмуа» Абдульвели эфенди, использованный автором «Семи планет», и «Сборник событий» («Вакиат меджмуасы») Месуда Эфенди, бывшего, по свидетельству Смирнова, мушавиром (советником) принца Шехбаз-Гирей-султана, убитого черкесами в 1111 г. (1699/1700) [Там же, с.14].

Помимо хроник, написанных в Крыму и посвященных непосредственно истории Ханства, имеется летопись, написанная вне Крыма, однако содержащая весьма ценные

сведения в интересующем нас контексте. Это хроника вышеупомянутого поэта бахчисарайца Веджихи Хасана Челеби (ум. 1661, Стамбул), известная под различными названиями – «История покорения Багдада», «История Веджихи» и др. Спустя четырнадцать лет после смерти автора произведение было переведено на итальянский язык, однако не опубликовано. Списки хранятся в собраниях Стамбула, Лейдена и Вены [TDEA, с.8, s.522].

Говоря о крымской историографии XVII в. нельзя не упомянуть и труд, описанный у Эвлия Челеби и известный как «История Тохта-бая» («Теварих-и Тохта-бай») [Эвлия Челеби, 2008, с.230–237]. Благодаря путешественнику мы знаем краткое содержание этой утерянной летописи, о которой Эвлия Челеби сообщает, что она сохранялась в семье потомка автора, воспитателя ханских детей агалыка Имрама Коджи, была написана на чагатайском языке, охватывала события XIII–XIV вв., стиль ее был «изящным, ясным и красноречивым», чтение осуществлялось приемом декламации – тиявет [Сейитягья, 2003, с.14].

Помимо исторической, присутствуют образцы и суфийской прозы. В частности, у вышеупомянутого шейха Хайдер-заде Мухаммеда Фейзи (ум. 1645/46 [?]) отмечен ряд соответствующих трактатов, последние продолжают оставаться неисследованными [Bursalı, 1990, s.11].

Научные произведения, известные на сегодня, немногочисленны и представлены трактатами по различным отраслям исламских наук, принадлежащими перу крымских богословов того времени – Эбу-ль-Бека Мухибуддин Эййуба Кефеве (ум. 1684, Стамбул), Абдуннафи б. Абдульвели (ум. 1704, возможно, сын вышеупомянутого историка Абдульвели Эфенди) [Bursalı, 1990, s.20], Хусейина Кефеве («Татар Имам» (?-?)) и др. Из них Эбульбека Мухибуддину – сыну Кефинского муфтия, историка и поэта Сеййид Мусы-эфенди, и впоследствии также муфтию Кефе, суждено было стать одним из наиболее известных ученых в масштабе всей османской науки. И прежде всего, фундаментальным трудом под названием «Куллийат» – своего рода энциклопедией терминов, использовавшихся в религиозных (исламских)

науках, философии, логике, филологии и т.д. Признанный в свое время наиболее совершенным справочником в своей области, труд пользуется неизменной популярностью и поныне: начиная с 1837 г. неоднократно издавался в Стамбуле, Булаке (Египет), Бейруте, Тегеране, Дамаске [IA, Kılıç].

Завершая раздел, отметим присутствие в Крыму османских авторов. В начале столетия при ханском дворе видим выдающегося османского поэта-сатирика Омера Нефи (ум. 1635) – Мехмед Бега. Впоследствии крымские мотивы отразятся в творчестве Нефи: в форме далеко не лестных слов в адрес родителя в одной из его сатир, а также в виде двух од, посвященных личностям, сыгравшим в жизни поэта, напротив, положительную роль: Гиреям хану Джанибеку и Нуреддину Хусаму, сыну Гази II, [Karahana, 1992, s.3, 10–11]. При Резми Бахадыре ханским недимом был анкарский поэт-дервиш путешественник Лутфуллах Абди Челеби (Бейзаде, ум. 1646) [TDEA, с.6, s.106]. При Исламе III в Крыму видим поэта-мевлеви и каллиграфа Ибрахима Джеври (ум. 1654): в Гёзлеве Эвлия Челеби зафиксировал две его хронограммы – на постоялом дворе и фонтане, датированные 1062 (1651/52) и 1061 (1650/51) гг. [Эвлия Челеби, 2008, с.54, 56]. При Мехмеде IV, а именно в 1662/63–1664/65 гг., в Крыму будет находиться известный стамбульский суфийских шейх, обладатель «Дивана» – поэт-мевлеви Наджи Ахмеда Деде (около 1711) [SO, 1996, с.4, s.1219]. Обращает внимание, что Мехмед IV, также член братства Мевлеви, именно в эти годы будет открывать обитель в историческом пригороде Бахчисарае – Азизе [Gülbün, 1990, s.97]. Можно предположить, что шейх Наджи Ахмед Деде находился в Крыму именно в связи с этим событием.

Из поэтов, живших в Кефе, видим историка Хасанбейзаде Ахмеда Пашу (ум. 1636/37) [TDEA, с.4, s.129–130]. В начале 1690-х гг. два года в должности городского кадия в Кефе проведет Аляэддин Али Сабит (ум. 1712) – выдающийся османский поэт дивана [YYOA, Şentürk]. Годы пребывания в Кефе соответствуют периоду правления знаменитого Селим-Гирея, и именно ему Сабит чуть ранее посвятил поэму «Зафернаме» (другие названия «Селим-наме» и

«Газа-наме», 426 бейтов, изд. в Стамбуле в 1882 и 1893 гг.), повествующую о победах Селима I в сражении против русских войск под Перекопом в 1687 и австрийцев в 1690 гг. [Zafername, 1311]. Назначение кадием в Кефе, возможно, было наградой Сабиту за его литературный труд.

Еще одним поэтом – дервишем, во время своих длительных путешествий подолгу остававшимся в Крыму, был Мехмед Кырми (ум. 1708) [ODKE, s.168–170].

Говоря об османских авторах XVII в., оставивших свой след в истории литературы Крыма, невозможно не сказать и об Эвлия Челеби, который неоднократно бывал в Крыму и в своей знаменитой «Книге путешествия» зафиксировал ценнейшие подробности, касающиеся самых разнообразных сторон общественно-политической, культурной, религиозной и образовательной жизни Ханства того времени. Особая заслуга Эвлия Челеби состоит еще и в том, что он сохранил десятки имен поэтов и литераторов – участников литературной жизни Крыма того времени, оставил весьма ценные сведения об их жизни, а также некоторые фрагменты их творчества (см. выше). Помимо образцов поэзии, благодаря именно Челеби была сохранена так называемая «История Тохтабая», записанная путешественником в Бахчисарае (см. выше).

Литература XVIII в. Уже с конца XVII в., с известных походов графа Голицина (1687, 1689) и азовских Петра I (1695–1696), над Крымом нависла серьезнейшая угроза самому существованию государства. Особенно ярко это выразилось в походах на Крым Миниха и Ласси в 1736 и 1737 гг. – за пятьдесят лет до аннексии Крыма практически все города полуострова пережили трагедию разрушения и культурно-политического шока. Увы, горели и культурные памятники, в том числе и самые незащищенные носители духовной культуры – рукописи, а также официальные документы. Источники свидетельствуют о том, что трагическая участь не миновала и богатейшую коллекцию ханской дворцовой библиотеки в Бахчисарае [Inalcik, 1992, s.425].

Впрочем, несмотря на столь удручающую картину, интерес к литературному творчеству в Крыму отнюдь не остывает.

Десятки имен поэтов, историков и богословов, сохранившиеся рукописи их произведений, разнообразные сведения о несохранившихся трудах – яркое тому доказательство. Характерной особенностью художественно-литературного творчества этого периода является значительное увеличение мотивов, касающихся общественной и повседневной жизни крымского общества того времени.

По-прежнему, наиболее представительна поэзия дивана. Во главе списка поэтов столетия – представитель ханской фамилии. В начале века еще творит Шахин-Гирей-султан (см. выше). В это же время на поэтической сцене появляется будущий крымский хан Менгли-Гирей II (1724–1730, 1737–1739), известный особым расположением к историко-литературному труду [Сейтягъев, 2003б], а также суфизму [Абдульваап, 2008]. Отдельные образцы его творчества сохранились и были неоднократно опубликованы [ODKE, 2000, s.193–194].

Более благосклонно распорядилась судьба с поэтическим наследием Саид-Гирея, сына Крымского хана Саадета III, бывшего сераскиром Едисана (ум. после 1767/68). Рукопись его «Дивана» сохранилась в Турции, здесь же была опубликована в 2001 г. на латинской графике и в последние годы стала объектом исследований [Karaköse, 2001]. Работавший с «Диваном» О.Тавукчу отмечает незаурядный талант автора, представляющего направление так называемого «индийского стиля» – «себк-и хинди». По свидетельству исследователя, в «Диван» вошло более 200 произведений поэта, в том числе целый ряд образцов крупных жанров в форме месневи: тевхид (славословие Творцу, 68 бейтов), нат (ода Пророку Мухаммеду, 29 бейтов), ода четырем «праведным» халифам (26 бейтов), «Мираджие» (поэма о вознесении Пророка, 69 бейтов), еще один нат в жанре рамазание (60 бейтов), а также поэма, содержащая размышления автора об искусстве поэзии (89 бейтов), и др. Обращает внимание исследователь и на мотивы многочисленных лишений, перенесенных Саид-Гиреем, а также безграничной тоски по родине, присутствующие в его газелях [Tavukçu, 2009].

Есть сведения о поэтических опытах и последнего крымского хана – Шахин-Гирея (ум. 1787) [Muallim, 1986, s.323].

Помимо представителей ханской фамилии, история сохранила нам достаточно длинный список и прочих поэтов. В начале века приобретает большую известность карасубазарский поэт и ученый Хильми-эфенди [Сейитяхья, 2004, №4, с.84]. В распоряжении исследователей в настоящее время имеется его касыда в честь Крымского хана Девлет-Гирея II (1699–1702, 1709–1713), написанная по следам известного русско-турецкого противостояния на Пруте в 1711 г., едва не закончившегося бесславным пленением для еще одного из главных персонажей этих событий – Петра I [Там же, №5, с.88–89]. Любопытно, что к оде автором было написано своего рода приложение – поэтическая миниатюра на двенадцати (!) различных языках, содержащая нелестные пожелания в адрес «Белого царя».

Еще одним карасубазарским поэтом был известный историк и богослов Гафури Абдульгаффар бин Хасан Кырыми (ум. после 1744 г.) [Сейитяхья, 2004, №4, с.86]. Историк Саид-Гирей отмечает среди его поэтических произведений, в частности, «Историю Крыма» в стихах, пока, к сожалению, не обнаруженную [Там же]. В настоящее время поэтическое творчество Гафури считается утраченным, в нашем распоряжении имеется лишь небольшое стихотворение религиозного содержания с редифом «Я Рабб» («О Господь!») [Указатель, 2007, с.113].

Подобно Гафури и Саид-Гирею, поэтами были и другие крымские историографы столетия. Хурреми Челеби, более известный как автор так называемой «Краткой истории» [Смирнов], является автором двух поэтических «Диванов». И если один из них, находящийся ныне в рукописном собрании Ханского дворца в Бахчисарае, выполнен в традиционной манере с преобладанием любовной и философской лирики [Инв. книга II, № 783], то второй, из собрания Берлинской национальной библиотеки, представляет собой достаточно новое слово в истории крымской классической поэзии [Kellner-Heinkele, 1982]. «Диван» изобилует описаниями повседневной крымской жизни, в частности, городов Бахчисарая, Карасу, Акмесджита и т.п. Ряд стихотворений посвящен различным влиятельным крымским особам того времени, в частности, предста-

вителям глав аристократических семейств из среды крымских степняков – ногаев. Особо привлекают стихи с мотивами острой критики социальной морали, присутствующие, в частности, в поэме «Едисан-наме». В ряде газелей имеются фольклорные мотивы, например, искусство вписанные в ткань произведения названия известных народных дастанов («Деде Коркуд», «Адилъ Султан» и др.), традиционных инструментов, различных этнографических деталей и т.п. [Сейитяхья, 2004, №5, с.90–94].

Поэтическое творчество Ризаи (Сеййид Мухаммед Риза, автор широкоизвестной летописи «Семь планет» (см. ниже)) менее известно и в настоящее время, за отсутствием «Дивана», ограничивается отдельными поэтическими фрагментами, в том числе на фарси, украшающими его знаменитое произведение по истории Крыма.

Практически неисследованным остается также и творчество поэтов Эдиба, Дерди, Муджеми, Хыфзи, Пири, известных по одиночным эпитафиям с захоронений на территории Ханского кладбища в Бахчисарае [Бахчисарайские, 1848]. Ничего не известно и о поэте Шейхи – авторе искусной поэтической хронограммы на знаменитом «Фонтане слез» в Ханском дворце в Бахчисарае [Абдульваап, 2007в].

Помимо этого, хроника Саид-Гирея донесла нам имена еще целого ряда ныне забытых поэтов: Исмаила Мирзы (известного и как каллиграфа – *хаммата*), Мухаммеджана-эфенди (по словам Саид-Гирея – «наилучшего поэта Крыма»), Хамида-эфенди (с псевдонимом «Хамди», каллиграфа), Пир-Мехмеда (с псевдонимами «Пири» и «Куфри» – возможно, автора одной из эпитафий; см. выше), Османа-эфенди (происходившего из горной деревушки Кок-Козь, проповедника и мударриса), а также двух ученых и поэтов из Буджака – Дагыстани Мехмеда и Абдуррезака-эфенди [Сейитяхья, 2004, №4, с.85–86]. Добавим, что о некоем Медади – секретаре (кятиб) при дворе Саадет-Гирея IV и Менгли II пишет и О.Акчокраклы [Акчокраклы, 1930, с.165].

Более известно творчество крымских поэтов, оказавшихся волею судьбы в столице Османской Империи – Стамбуле. Рахметуллах Шериф (ум. после 1720 г.) получил об-

разование в Стамбуле, был кадием [ODKE, 2000, s.330–332]. Хафыз Мехмед Ляйых (ум. 1748, Стамбул) достиг высокой должности Анатолийского кадиаскера, получил известность и как искусный каллиграф [Там же, с.14]. Бахчисараец Рахми Мустафа (Кырыми или же «Татар», ум. 1751, Стамбул) стал официальным историографом (ваканювис) при османском дворе. Его «Диван» сохранился в ряде списков в различных рукописных собраниях Турции [Там же, с.195–196]. Как поэт вошел в кагорту признанных османских поэтов столетия, особую популярность приобрели его философские стихи. Являлся также общепризнанным мастером поэтической хронограммы *тарих*, его «Диван» содержит 117 образцов этого жанра [Horata, 2006, s.505–506]. Поэтическое творчество Рахми стало объектом исследований, некоторые стихотворения из его «Дивана» были опубликованы (одно из них представляет собой оду, посвященную Джеляледдину Руми) [ODKE, 2000, s.196–212]. Омер Бесим (ум. 1781) был чиновником, в одном из рукописных сборников стамбульской библиотеки Сулеймание присутствует подборка из его произведений, состоящая из 34 газелей, 18 кыта и 5 хронограмм. Две газели были опубликованы [Там же, с.277–279]. О Фуругъи Челеби известно, что он был искусным поэтом, писавшим на трех языках [Там же, с.15].

Религиозно-суфийская литература столетия представлена, в первую очередь, творчеством ряда суфийских шейхов. Мехмед Факри, сын Сеййид Хамида Крымского (ум. 1766 [?], Карасу-базар), был знаменитым шейхом братства Сезаи (ответвление Хальвети-Гульшени). В настоящее время известны около трех десятков его стихотворений, главным образом, в жанре *ильахи* – на темы божественной любви, славословий Пророку Мухаммеду, различных назиданий, исполненных в лучших традициях Юнуса Эмре и последователей [Абдульвапов, 2008].

Пока не обнаружены произведения шейха Шуайба Челеби, сына шейха Абду-с-Самеда (ум. 1766 [?], Стамбул) – наставника известной крымской суфийской обители в селении Коледж близ Кефе (братство накшбендийе) и отца известного шейха-поэта

Исмети (см. ниже). О.Мурасов пишет о нем как об авторе многочисленных поэтических произведений, в частности гимнов-иляхи [Abdülvaḥar, 1999, s.10].

И вновь более известно творчество крымских суфийских авторов, оказавшихся волею судьбы вне Крыма. Селим Баба Кырыми (или же Селим Диване, ум. 1756/57, Копрюлю) был весьма известным в свое время шейхом ордена Кадирийе, наставничал на Балканах, последние годы провел в обители в городке Копрюлю на территории нынешней Болгарии, там же и умер [Divane, 2004, s.11–20]. Прославился искренней религиозностью и частыми экстагическими состояниями, за что получил прозвище «Диване». Является автором ряда суфийских трактатов и обладателем «Дивана». Два его трактата были неоднократно опубликованы в последние годы в Турции, их темы – различные аспекты теории и практики суфизма [ODKE, 2000, s.214–268]. Что касается «Дивана», он пока не обнаружен, отдельные известные стихотворения, в том числе из вышеупомянутых трактатов, были опубликованы и представляют собой образцы суфийских тевхидов и гимнов-иляхи с мотивами искренней любви к Богу, тоски по Нему, страстного томления, готовности к самопожертвованию во имя воссоединения с Божеством, исполненных в лучших традициях романтической суфийской поэзии [Там же, s.268–276].

Еще целый ряд крымских шейхов получили известность в Стамбуле. Дервиш эфенди (ум. 1735) был шейхом братства Хальвети, наставничал в одной из стамбульских обителей, а также был проповедником в известной мечети Сулеймание. Источники пишут о нем как об авторе весьма популярных иляхи [SO, 1996, c.2, s.411]. «Татар» Ахмед (ум. 1743/44, Стамбул) был шейхом ордена Накшбендие, наставничал в известной стамбульской обители Эмира Бухари. Написал комментарий на произведение Садреддина Коневии «Мифтаху'л-гайб», судьба его пока не известна [Bursalı, 1990, s.11–12]. Хамид Би-нева (ум. 1771/72), из шейхов ордена Хальветийе, является автором трактата на турецком языке «Рисале-и Тевхид» – о теории «единства (целостности) бытия» («вахдет-и вуджут»), впоследствии опубликованном [Bursalı, 1990, s.11]. Помимо трак-

тата, источники пишут также и о 1000 иляхи его авторства [TDEA, c.4, s.86].

Историография столетия достаточно представительна и состоит из ряда весьма значительных образцов жанра. Секретарь дивана при крымском хане Фетх-Гирее II (1736–1737) Ибрахим бин Али Кефеви в первой трети столетия написал трактат под названием «Теварих-и Татар Хан ве Дагыстан ве Москов ве Дешт-и Кипчак улькелериндир», повествующий об истории западных татар, ногайцев, кубанских татар, казаков Украины, Московского и русского государств, Дагестана, а также Чингис-хана, Джучи и его наследников [Сейитягъя, 2003, с.15]. Сохранившийся в списке 1789 (1213) г., труд был издан в Пазарчике (Румыния) в 1933 г. [Tevârih-i Tatar Han, 1933].

Вышеупомянутым Абдульгаффаром Крымским, сыном Хасана, кадием и секретарем дивана, была написана весьма обстоятельная история под названием «Умдет-уттеварих ве-ль-ахбар», представляющая собой историю ислама, Золотой Орды и Крымского ханства – от сотворения мира до Селямет-Гирея II [Сейитягъя, 2003, с.15]. Была издана в Стамбуле в 1924/25 г. [Umdetü't-Tevârih, 1343]. Как было указано выше, этому же автору принадлежит и необнаруженная до сих пор «История Крыма» в стихах.

Сейид Мухаммед Риза (ум. 1756 [?]), из известной шейхской родословной Крыма, является автором, пожалуй, наиболее известного труда в области крымской историографии [Сейитягъяев, 2003]. Его книга «Семь планет в известиях о правителях татар», содержащая чрезвычайно подробные сведения об общественно-политической, религиозной и культурной жизни Ханства от его основания (и ранее) до времени правления Менгли-Гирея II (1724–1730, 1737–1740), стала настольной книгой по истории Крыма практически для всех отечественных и зарубежных исследователей. Хроника, сохранившаяся в ряде списков, была издана в Казани в 1832 г. под редакцией М.Казембека [Семь планет, 1832]. Особый интерес в летописи вызывают сведения о литературной жизни в Крыму. В книге присутствуют образцы творчества целого ряда крымских поэтов (Газаи, Резми, Кямиль, Аффифи, Иззи, Шахин и др.), некоторые из них сохранились исключительно благодаря Ризе.

Обработкой «Семи планет» долгое время считалась еще одна крымская хроника – «История Крыма» историка и поэта Хурреми Челеби Акая [Инв. книга II, №150]. Более серьезные исследования выявили наличие в нем и значительного объема оригинальных материалов [Смирнов, 1887, с.XIV–XVI]. Труд был одним из основных источников В.Д.Смирнова, проходит у него как «Краткая история». Известны списки в Санкт-Петербурге, Киеве, Египте и Бахчисарае.

Хроника Саид-Гирея, сына Крымского хана Саадета III, – «Саид-Гирей тарихы» была введена в активный научный оборот совсем недавно, после исследований известного немецкого тюрколога Барбары Келльнер-Хайнкеле [Kellner-Heinkele, 1975]. Содержит богатейший материал, касающийся жизни ханства, свидетелем которой был непосредственно автор – сераскир Эдисана. Особый интерес представляют подробности жизни ханской семьи, а также ногайских орд за пределами полуострова. Хроника содержит краткие характеристики более ста известных представителей крымских дворянских семейств и ученых улема, в том числе поэтов. Два известных на сегодня списка произведения хранятся в Национальной библиотеке в Берлине [Tarih-i Said, рук.] и Париже.

Из историков, получивших известность в Стамбуле, отметим Мустафу Рахми (или Татар Рахми, ум. 1751), ставшего, как было указано выше, официальным придворным историографом (ваканювис). Из его исторических трудов известно описание османской посольской миссии в Иран в 1747 г. под названием «Сефаретнаме-и Иран» [Крачковский, 1957, с.641]. Известно также о написании им труда по истории Крыма, однако судьба этого произведения остается неизвестной [Там же].

Говоря о хрониках, нельзя не отметить значительные литературно-художественные достоинства этих произведений [Сейтягъев, 2005]. Нельзя не сказать и о том, что в них, как правило, содержится много весьма ценной информации, касающейся литературы соответствующего периода. В этом отношении необходимо отметить труд Сейид Мухаммеда Ризы: из включенных им в текст исторического повествования поэтических

фрагментов (см. выше) можно составить целую антологию. В этом же отношении интересны и летописи Абдульгаффара Кырыми и Саид-Гирея.

Среди авторов научных трактатов (богословие, право, филология и т.д.) в настоящее время известны имена: Хильми (ум. в первой четверти XVIII в.), Абдуннафи б. Салим Кырыми (ум. после 1719 г.), Абдульгаффар б. Хасан Кырыми (ум. после 1744 г.), Мустафа Рахми (ум. 1751), Омер б. Салих (о. 1746/47), Мухаммед Кефевеи (ум. 1772/73 [?], Кудус), Аккирмани Мехмед б. Хаджи Хамид Мустафа Кефевеи (ум. 1760). Последние двое были особенно плодовитыми, источники отмечают, соответственно, по девять и восемнадцать их трактатов, ряд из них был опубликован [Bursalı, 1990, s.19; IA, Yıldız].

Из переводной литературы можно указать тюркский перевод с арабского языка известного суфийского трактата среднеазиатского духовного наставника и поэта Абдуллаха Ансари ал-Харави (ум. 1089) – «Меназили`с-саирин» («Стоянки на Пути», осуществленный шейхом-поэтом Мехмедом Факри и сохранившимся в стамбульских собраниях [Bursalı, 1990, с.10].

Как и в предыдущие периоды в XVIII в. наблюдаем присутствие в Крыму османских авторов. Из поэтов дивана отметим Османа Кюнхи (ум. 1716), который был чиновником в Кефе [TDEA, с.6, s.42]. Здесь же провел три года шейхом хальвети поэт-суфий, обладатель «Дивана» Абдуллах Сыдки (ум. в 1747) [TDEA, с.8, s.1]. Автор антологии и поэт Абдульфеттах Шефкат (около 1826/27), родом из Багдада, был секретарем при дворе последних крымских ханов. Его «Тезкире-и шуара» содержит сведения о 117 поэтах периода 1730–1814 гг. [TDEA, с.8, s.114–115]. Еще одним придворным секретарем в Бахчисарае был обладатель «Дивана» – поэт Еtimi (ум. 1753) [TDEA, с.8, s.592].

Помимо поэтов наблюдаем присутствие в Крыму и османских историков. Так, в период второго правления Менгли-Гирея II (1737–1740) в Кефе на должности воинского судьи (орду кадысы) пребывает Нуман Эбу Сехль Салихзаде (ум. после 1755 г.) – в дальнейшем он опишет свои крымские впечатления в историческом труде «Тедбират-ы песендиде» [Крачковский, 1957, с.641–642].

В период первого правления Селим Герая III (1765–1767) в Крыму будет находиться историк Сулейман Шамданизаде (Фындыклылы) (ум. 1779) – автор труда «Мюриу’т-Теварих» [TDEA, с.8, s.64].

Безусловно, вызывают интерес подробности пребывания всех этих авторов в Крыму, как и отражение крымских впечатлений в их творчестве. Последнее системному исследованию до настоящего времени не подвергалось.

«*Черное столетие*» (*Кара асыр*). На исходе Ханского времени на небосклоне крымской классической литературы вспыхнет звезда еще одного весьма яркого автора – историка и поэта Халим-Гирей-султана (1772–1823), обладателя «Дивана» и автора известного труда по истории ханской правящей династии – «Розовый куст ханов» («Гульбун-и ханан») [Divan-ı Halim, 1991; Gülbün, 1990]. Увы, большую часть своей жизни Халим проведет вне Крыма, как и его сын – также поэт Шахбаз-Гирей (ум. 1836) [Bursalı, 1990, s.320–321].

И тот и другой пополнят ряды крымской диаспоры, в короткий срок, в результате колоссальной эмиграции, оформившейся на территории Османской империи. Из среды эмигрантов выйдет значительное число весьма ярких личностей – известных государственных деятелей, представителей науки, образования, искусства, религиозных авторитетов, суфийских шейхов и т.д., которые составят гордость османской политической и культурной элиты конца XVIII – XIX в. [Абдульваап, 2004].

Среди них в нашем контексте обращает внимание целая плеяда поэтов, литераторов, прозаиков, авторов трактатов по различным отраслям религиозных наук и мистицизму: поэты Абдуллах Рамиз Паша (ум. 1813, об-

ладатель «Диванче», изд. в 1846/47 г.), Феррух Исмаил (ум. 1841) и его сын Зивер (ум. 1829), Мехмед Саид Пертев Паша (ум. 1837, обладатель «Дивана», изд. в 1840 г.), Эбубекир Рифат (ум. 1830, обладатель «Дивана»), Фазыл Мехмед Паша (ум. 1882, обладатель «Дивана»), Салих Несим (ум. 1842), Мехмед Нузет (ум. 1887), Рефахи Хаджи-Гирей (1815– ?), Зекерия Нигях (ум. 1819), Михраби (ум. 1920, из Гераев), авторы религиозных и суфийских трактатов Хиджаби Абдульбаки (ум. 1822/23), Кырымизаде Решид Ахмед (ум. 1863), Абдусеттар-эфенди (ум. 1887) и др.

Всех этих авторов необходимо рассматривать в контексте литературы дивана Ханского периода. В Крыму же эта литература прекратит свое существование практически полностью: исчезнут условия, которые способствовали ее формированию и развитию. На сегодня не известно ни одного (!) имени представителя литературы крымского дивана за XIX в. Как, впрочем, и представителей литературы религиозно-суфийской. Собственно, и народная поэзия на сегодня представлена лишь двумя-тремя именами. После пышности предыдущих столетий эта пустота особенно бросается в глаза. Крымскотатарская литература, как и вся культура крымских татар в целом, на своей исторической родине была ввергнута в шоковое состояние, кризис затянулся на многие десятилетия.

Завершился он ровно через сто лет после аннексии Крыма – с началом деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя, общественного деятеля, редактора, писателя, публициста И.Гаспринского (1851–1914). Его деятельность и, в частности, газета «Тарджеман», открыли новую страницу в истории крымскотатарской литературы.

§ 4. Средневековый татарский костюм

Михаил Горелик

Прежде, чем мы приступим к рассмотрению нашей темы, определимся с ее временными и этническими границами. Поскольку в предыдущих томах «Истории татар» подробно история костюма не рассматривалась (представлен костюм был лишь рядом ре-

конструкций автора этих строк), начинать рассмотрение следовало бы чуть ли не от древности. Но поскольку данный том как бы подводит итоги развития татарских этносов эпохи Средневековья, представляется целесообразным рассмотреть костюм основных

этносов, на базе которых сложились такие татарские этносы нового времени, как казанские, астраханские, сибирские и крымские татары, а также ногайские и «литовские» (липки).

Татарскому костюму посвящено не так много книг: в основном они вышли в 90-е гг. XX в. Они исключительно ценны обильным этнографическим материалом – музейным вещевым, фотографическим. Меньше привлекались изобразительные источники – только XVIII–XIX вв. И уж совсем единичны в них изобразительные памятники XVI–XVII вв. Отсутствие в этих изданиях более ранних памятников понятно: по советской традиции практически полностью проигнорирован золотоордынский период; предмонгольское время – XII – начало XIII в. почему-то, скорее всего, из-за сложности проблемы, не рассматривалось вообще, и только древнебулгарский костюм удостоился скольконнибудь пристального рассмотрения и даже реконструкций вследствие крайней выразительности и богатства археологических погребальных комплексов IX–X вв. Но заслуга здесь принадлежит археологам, а не историкам татарского костюма.

Представляется, что мы должны рассмотреть данные – археологические, изобразительные, письменные – по ранним булгарам и венграм VIII–IX вв., Волжской Булгарии XI–XIII вв., половцам XII–XIII вв., центральноазиатских татар и монголов X–XII вв., чингизидских государств XIII – начала XV в. и европейских реалистических изображений татар, этнографических описаний и других документов, а также подлинных вещей XVI – первой половины XVIII в.

Костюм древних булгар

Археологические материалы по костюму ранних булгар ограничиваются в основном металлическим убором. Для мужчин это – поясная гарнитура, для женщин – поясная гарнитура, металлические украшения платья и головных уборов, ювелирные украшения. Мужской костюм ранних булгар нашел отражение в изобразительных источниках. На византийской миниатюре рукописи «Менология» Василия II, созданной в 1017 г. и хранящейся в Библиотеке Марциана в Венеции, мы видим подробно изображенных

болгар/булгар, секущих мечами христиан. На них шапки с конической, округлой сверху тульей, с меховым околышем, штаны с узкими штанинами навыпуск. Особенно интересны кафтаны длиной несколько выше колен: это явно нераспашное одеяние с узким, в талию, верхом, с длинными узкими рукавами, с отрезным немного ниже талии подолом/юбкой. Юбка несколько расклешенная, а для еще большей свободы в верхней посадке в ней сделаны разрезы по бокам. Верхняя часть имеет V-образный ворот и прямой вертикальный осевой разрез на груди до линии отреза. Полы разреза соединяются навесными пуговицами и петлями с нашитыми петлицами. Ворот обрамлен мехом, причем концы шкурки не сходятся под горлом, а свободно свисают вниз. Меховой подбой виден и у края подола. Такой фасон кафтанов дунайских болгар находит яркое подтверждение в поволжской болгарской торевтике IX–XII вв. Более того, на кафтанах – длиной до середины голени – гравированных и чеканных мужских фигурах подчеркнута такая деталь, как соборенный подол/юбка. Эта деталь, популярная в костюме кочевников Центральной Азии – сначала в женских юбках саков IV–III вв. до н.э., позже – во II в. до н.э. – V в. н.э. – уже и в мужских распашных кафтанах хуннских и раннетюркских племен. В конце V в. булгары принесли нераспашное мужское короткое платье с отрезной юбкой, которая могла иметь сборки – по всей окружности или только на боках – в Восточную Европу. Этот фасон от болгар/булгар распространился среди народов Северного Кавказа и Закавказья, особенно в Грузии, а также далеко на запад Европы. В новых местах своего бытования болгарский кафтан стал популярнейшим одеянием высших слоев общества вплоть до XV в. Не менее популярен он был и у половцев XI–XIV вв. – как у кочевников южнорусских степей, так и у обитателей венгерских, трансильванских и болгарских кочевий. Только византийцы долго «брезговали» «варварским» одеянием врагов-булгар (его в Византии носили люди самой низкой профессии – артисты цирка, плясуны и музыканты), пока незадолго до падения империи ромеев не восприняли его... у венгерских и болгарских половцев/куманов/кунов.

Сапоги на болгарской торевтике показаны как с высокими узкими голенищами с боковыми швами. Но на одном памятнике узкие штанины изображены навыпуск, как на византийской миниатюре, с широкой каймой по краю. Это один из признаков, имеющих аналогию в костюме тюрок Аптая, отраженный в петроглифах этого региона. Прически на болгарских/болгарских мужах показаны на изобразительных памятниках двух разных типов. Это либо длинные пряди, свисающие набок с бритой головы (дунайская и частично Волжская Болгария), либо короткая стрижка (Волжская Болгария). Сейчас трудно сказать, связана ли эта разница с племенными различиями или с социальным статусом. Следует отметить, что болгарская прическа кардинально отличается от прически древних тюрок. У них всегда были очень длинные – до талии – волосы, которые самое высокопоставленное в данном месте и на данный момент лицо мужского пола носило распущенными и стянутыми лентой вокруг лба, а все остальные заплетали в несколько кос.

Как видим, мужской костюм ранних болгар во многом определил раннесредневековую моду Европы. При этом он не во всем совпадал с мужским костюмом древних тюрок.

Древнетюркский костюмный комплекс лучше всего известен по изображениям VIII–IV вв. – центральноазиатским каменным изваяниям и петроглифам, согдийской живописи и графике, китайскому изобразительному искусству. В последние годы в результате раскопок на севере КНР наука получила некоторое количество хорошо сохранившихся подлинных образцов текстильных одеяний. Судя по ним, а также по находкам отдельных образцов тканей, тюрки широко использовали дорогие узорчатые ткани, прежде всего шелка китайского, согдийского, изредка и иранского производства. Зато повсеместно, в том числе и на местах обитания древних болгар, находят предметы металлического убора ременных поясов и ремешков, стягивавших голенища сапог. Вообще, сапоги были как бы «брендом» болгар. Об этом свидетельствует пресловутое летописное баснословное сообщение в ПВЛ о том, как Киевский князь

Владимир Святославич, оглядывая на поле боя тела убитых болгарских воинов, отметил, что народ в сапогах полностью победить очень трудно и лучше с ним ладить и торговать.

Костюм венгров (мадьяр, мадзар, мишар-мещеры) в IX–X вв. также относился, скорее всего, к тюркскому комплексу. Это должно быть обусловлено давней и тесной связью их предков еще в южном Приуралье с предками болгар и хазар – огузами-огурами. Недаром предки венгров присвоили себе этникон *огуры* (др.-русс. *оугры*). Подтверждением этого положения служат древневенгерские изображения венгров, гравированные на серебряных чашах и блюдах, найденных на Урале. Там мы видим всадников в сравнительно длинных, ниже колена, кафтанах с ременным поясом и в сапогах с довольно высокими, расширяющимися кверху голенищами. Голенища сшиты с боковым швом, причем стыки вырезаны фигурными скобками.

Основное отличие древневенгерского костюма от древнеболгарского состояло в характере металлического убора. Дело в том, что древневенгерский костюм украшался пышным серебряным убором намного богаче, нежели костюм их степных современников. Вероятно, это было связано с сугубой сакрализацией серебра у угорских народов. Это особенно ярко проявилось в обилии серебряных изделий, в виде посвященных их богам сокровищ хранившихся и хранящихся в уральской тайге. Серебряные бляхи не только унизывали ремни поясов и сапожных ремешков: они покрывали верх союзок сапог и оторачивали край голенища, нашивались вдоль пол и подола кафтанов, окаймляли отвороты-лацканы. Головные уборы типа колпака могли снабжаться коническим серебряным навершием, отогнутые поля также по краю обшивались серебряными бляшками. Околыши женских шапок также обшивались фигурными серебряными пластинками. Надо отметить, что украшение бляхами одежды применялось, как правило, в женском костюме, тогда как головные уборы украшались навершиями у мужчин. К такому выводу можно прийти в связи с подобным навершием, найденным в шведской викингской Бирке. И хотя это на-

вершие выполнено в скандинавском стиле, украшено зернью, в отличие от венгерского, гравированного в чисто венгерском стиле, можно смело утверждать, что викинги-русы познакомились с таким украшением головного убора у венгров – на Волге или Днепре, где торговые пути руссов пересекались с многолетним путем венгров к «обретенной родине» за Карпатами. Повлияли древние венгры своей прической. Их мужчины брили бороду, оставляя усы, и голову, оставляя на макушке две длинные пряди, которые заплели в косички. Это прекрасно видно на древневенгерских изображениях. Но точно такая прическа описана у русского князя Святослава Игоревича византийским хронистом Львом Диаконом, что объясняется тесными его связями и военным союзом с венгерской элитой. Также тесными соседскими связями, хотя в основном и враждебными, можно объяснить аналогичную прическу, показанную на дунайских болгарях, изображенных на многочисленных граффити построек IX–X вв. в столичном Преславе. Отдельно стоит сказать о древневенгерском ювелирном уборе. Он включает как бронзовые предметы волжско-уральской финской традиции (коньковые и А-образные шумящие подвески), так и хазарские трехбусинные серьги, мониста из серебряных монет, массивные ажурные венгерские височные кольца из серебра. Важной деталью ношения этих колец было то, что они соединялись под подбородком. Эту особенность у венгров переняли днепровские русы и волжские болгары.

Мужской костюм Волжско-Камской Булгарии XII–XIII вв. можно «вычислить» из волжско-булгарского костюма, опираясь на предыдущую традицию и учитывая этнокультурную ситуацию в регионе за данный период. Можно предполагать, что в процессе седентаризации и урбанизации болгары дополнили свой текстильный репертуар, добавив к традиционным шерстяным тканям, войлокам, мехам и импортному шелку и хлопчато-бумажным тканям льняные и, вероятно, крапивные ткани. Соседство и тесные связи с местным финским населением должны были привести к заимствованиям в качестве, как техническим, так и орнаментальным. Вместе с тем высокая функ-

циональность, удобство и красота тюркского комплекса вряд ли позволили заимствованиям у соседей быть сколько-нибудь глубокими в силуэте и покрое. Гораздо более сильным должно было стать влияние южных мусульманских культур – в связи с принятием ислама в конце X в. и последовавшей в XI–XII вв. тотальной исламизацией булгарского общества, особенно городского, тесно связанного торговлей с мусульманским миром. Тем более, что именно в это время во всех близких и более отдаленных мусульманских государственных образованиях военно-политическая власть находилась в руках элит тюркского происхождения. Поэтому в Булгарии в качестве мужского исламского воспринимался комплекс сельджукидский, сложившийся в единое целое на основе взаимопроникновения элементов огузского и иранского костюмных комплексов. От собственно мусульманского арабского комплекса могла быть заимствована только чалма, и только для религиозных деятелей, которым полагался еще и тайласан – длинный широкий шарф-шалль. Чалму могли надевать и правители – только во время пятничной службы, когда они исполняли роль имама. Никак нельзя исключать и влияния костюмного комплекса Руси, что было обусловлено не только тесными торговыми связями, но и очень сходными природными условиями и, соответственно, хозяйственно-культурным типом. И в этот период Булгария славилась своими сапогами из знаменитой болгарской кожи, которая стала популярной на широких пространствах Евразии. Самой популярной и дорогой ее разновидностью была козлиная кожа (сафьян), поверхность которой была выделана зернистой и окрашена окисью меди в бирюзово-зеленый цвет. Для мужского костюма болгарских мужчин XI–XII вв. характерны пояса с металлическим набором. Более того, болгарские торевты были в XI – первой половине XIII в. в Восточной Европе и Западной Сибири практически монополистами в этой отрасли. Во всяком случае, именно образцы болгарского серебряного поясного убора находят на огромном пространстве от восточной Скандинавии до Западной Сибири. Не исключено, что для удовлетворения потребности в ремennom наборе малосостоятельной массы, бывшей не

в состоянии приобретать серебряную продукцию болгарских мастеров, болгарские купцы могли закупать дешевые железные и бронзовые (латунные) предметы поясной гарнитуры, производимые киргизскими мастерами. Невозможно представить себе, что болгары – и мастера, и торговцы пустят на свои рынки, где они давно уже были монополистами, купцов, а уж тем более мастеров из далекой Южной Сибири. Поэтому модные в последние годы рассуждения о чуть ли не прямом и постоянном присутствии киргизов – мастеров, торговцев, а то уже и воинов на территории Булгарии не могут иметь под собой оснований.

Что касается костюма болгарок XI – начала XIII в., то никаких изобразительных материалов, а также археологического текста, позволяющего судить о формах одежды пока не имеется. Лишь богатейший ювелирный убор из драгоценных металлов, иногда со вставками самоцветов и янтаря свидетельствует о подобном же богатстве костюма.

Костюм центральноазиатских татар

Впервые этноним *татары* (в словосочетании *отуз татар* т.е. девять {племен} татар) встречается в древнетюркской рунической надписи в честь Кюль-Тегина 732 г. [Кляшторный, Султанов, 2004, с.140–141]. Их изначальное местопребывание связано с территориями с северо-востоку от древнетюркской территории, с Западной Маньчжурией. Недаром именно там, вокруг озера Буир-нур располагался главный и самый многочисленный из шести татарских улусов. Интересно, что первая информация о, возможно, татарском костюме восходит именно к VIII в. Это китайская стенопись с изображением послов – инородцев в гробнице Танского кронпринца Цзанхуая (Ли Сяня) 706 г. Посол «северных варваров» – татар (или киданей) облачен в длинный распашной халат с круглым воротом и неглубоким запахом слева направо. По оси халата показан вертикальный шов – место соединения узких полотнищ ткани. Поверх халата на плечи наброшен большой кусок, видимо, плотной ткани, вроде индийского одеяла. На голове – шапка с четырехугольной тульей, плоским верхом, узким меховым козырь-

ком и широкими меховыми наушами. Подобные шапки, вообще-то, были популярны по XIII в. у киданей [Горелик, 2010, Табл. I, 4,10–12 26, 27], так что и самого персонажа вполне можно считать киданьским посланником, но в начале VIII в. она могла использоваться и татарами. Во всяком случае, одеялоподобная накидка больше ни у каких обитателей степно-таежной зоны не встречается. Уникальна обувь описываемого персонажа – сапоги с кожаными союзками и меховыми – мехом наружу – голенищами, такая обувь со всей выразительностью свидетельствует о месте обитания ее носителя – северная таежно-степная территория.

Уже в первой половине IX в. татары фиксируются у самой западной границы своего обитания – на территориях нынешних китайских провинций Синьцзян, Ганьсу и Цинхай [Кляшторный, Султанов, 2004, с.141–144]. Здесь они становятся настолько известны, что «бут-и татори» – «прекрасная, как буддийская статуя, татарка» появляется в качестве героини одного из самых лучших стихотворений великого персидско-таджикского поэта X в. Рудаки. Именно в это время – в X–XII вв. татары для Запада и Юга становятся символом могущества и богатства кочевой Центральной Азии. И именно к XI–XII вв. относятся уникальные археологические комплексы татарского костюма, совсем недавно представшие глазам ученых.

Культура центральноазиатских татар X – начала XIII в. до сих пор представляла собой сплошное белое пятно. Это было результатом того, что территории расселения татарских улусов, – а это гигантское пространство от западной Маньчжурии до востока Синьцзяна, примыкающее местами к Великой стене, – практически не раскопаны археологами, и не было материала для выделения элементов татарской культуры. И это несмотря на то, что «Их имя издревле было известно в мире. ...Места их кочевий, стоянок и юртов... вблизи границ Китая. ...при всей вражде и раздоре, кои царили в их среде, – они уже в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части племен и областей, (выдаваясь) своим величием, могуществом и полным почетом (от других)» [Рашид-ад-

Дин, 1952, с.101]. Великий историк и царедворец монгольских монархов Ирана отмечает также: «Тех татарских племен, что известны и славны и каждое в отдельности имеет войско и [своего] государя – шесть [Там же, с.103]. Главный и самый многочисленный и богатый юрт татар располагался на самом востоке, в Южной Маньчжурии, в районе озера Буир-Нур [Там же, с.101]. Западный же из шести татарских племенных юртов-улюсов, как показал С.Г.Кляшторный на разнообразных письменных памятниках, еще в X в. оказался в регионе, где ныне сходится территории таких провинций КНР, как Цинхай, запад Внутренней Монголии и Синьцзян [Кляшторный, Султанов, 2004, с.139–144].

Я потому так подробно остановился на территориальном размещении татарских племен, что в последние годы именно с территории провинции Цинхай и Синьцзян происходят великолепно сохранившиеся предметы костюма разных эпох и разных племен, о которых пойдет речь ниже.

Однако еще до появления основных находок, в 80-х гг. XX в., среди китайских изображений кочевников мною были выделены персонажи, которых я определил как татары [Горелик, 2010, с.37–40, табл.Х; табл.8]. Костюм этих персонажей показан на китайских картинах XI–XIII вв., состоящим из верхнего кафтана-халата с длинными узкими рукавами, круглым воротом и запахом слева направо. Поверх могут быть надеты безрукавные кафтаны с осевым разрезом. На поясице и бедрах – утеплитель из ткани, иногда на ляшках. На головах – войлочные шляпы с низкой округлой или сфероконической тульей, с полями или с козырьком и назатыльником. Часто шляпы опушены мехом, причем надо лбом опушка сужается. Однажды на предводителе показана «составная» шляпа: в тулью вшито высокое узкое увенчание, обрамленное перьями фазана. Обувью служат мягкие сапоги с расширяющимися сверху голенищами. Показаны также белые штаны с широкими штанинами. Колени утеплены круглыми наколениками с завязками.

Поэтому найденные китайскими археологами в могильнике Ганьши у пос. Арал в пров. Цинхай (КНР) халаты и «составной»

головной убор [Qi, Wang, p.42–43] были определены мной – ввиду очень близкой аналогии изобразительным источникам – как татарские одеяния XI–XII вв. [Горелик, 2010, табл.9].

Еще в 60-е гг. прошлого века в провинции Цинхай была обнаружена и опубликована в виде ч/б фото в листовке агентства Синьхуа прекрасно сохранившаяся мумия мужчины в полном костюме [Там же, табл.10]. На нем была соболиная доха, отороченная мехом тигра и горноста, шапка с меховой опушкой, схожая с найденной в Аларе, мягкие замшевые сапоги с мехом внутри. Особенно интересными мне представлялись матерчатые обшлаги дохи и утеплитель поясицы, сплошь расшитые богатейшим узором в виде стилизованных растений и особенно фигур животных, весьма напоминающих мотивы звериного стиля позднекарасукского и сакского времени Центральной Азии.

Поэтому, когда на антикварном рынке появились предметы прекрасной сохранности, покрытые вышивкой, узоры которой совершенно аналогичны старой цинхайской находке, у меня возникла гипотеза о существовании татаро-монгольского зверино-растительного стиля [Горелик, 2012а], с огромным восхищением описанного Рубрукком [Путешествия, 1957, с.91–92]. Основными мотивами вышивок на предметах костюма из Suleiman Collection являются фигуры птиц с распахнутыми крыльями, с двумя или одной головами, копытные и хищники, стоящие «на цыпочках», лежащие или «вывернутые». Они дополнены изображениями популярного у китайцев (а позже – в чингизидском декоре) мотива «китайской монеты» или «жемчужины» – круга с вписанным квадратом с вогнутыми сторонами. Фигуры животных и птиц выполнены жирным контуром с сплошным заполнением деталей – перьев, голов, ног. Плоскость туловища разделена линиями «ребер» на участки, зашитые разноцветными нитями. Стилистически большинство изображений восходит к памятникам позднекарасукской (первая четверть I тыс. до н.э.) и сакской (VIII–III вв. до н.э.) культур: «Оленным камням», петроглифам на скалах и камнях, на «ископаемых» памятниках из драгоценных металлов и органических материалов, на татуировках

Костюм знатного болгарина по византийской миниатюре X в. «Болгары избивают христиан» в рукописи «Менологий», созданной для императора Василия II Болгаробойцы. X в. Реконструкция и рисунок М.В.Горелика. 2011 г.

Комплекс костюма знатного татарина XI в., раскопанный в провинции Цинхай, КНР. Фонд Марджани, Москва и Музей исламского искусства, Доха, Катар. Реконструкция и рисунок М.В.Горелика. 2012 г.

Комплекс костюма знатного татарина из погребения XI в. у пос. Арал, Восточный Туркестан. Центральный музей истории КНР, Пекин. Реконструкция и рисунок М.В.Горелика. 2009 г.

Зимний комплекс костюма знатного татарина XI–XII вв., найденный на мумии, раскопанной в провинции Цинхай, КНР. Реконструкция и рисунок М.В.Горелика. 1991 г.

мумий. Ряд художественно-технических моментов вышивок связан также с «ископаемым» текстилем гуннского времени (III в. до н.э. – начало н.э.). Это обращение к «археологии» понятно. Когда выходцы из таежного Приамурья – татары и монголы вышли в IX в. в центральноазиатскую степь, место для себя совершенно новое, они стали обживать, осваивать это неизведанное пространство, где на них со всех скал, камней, стоящих древних стел смотрели духи этих мест, воплощенные в птицах и животных, которые были еще и предметами охоты. Личины человеческие они не заимствовали – это были духи умерших бывших хозяев степей. Чтобы ослабить силы их чар новые насельники степи разрушали и грабили погребения их владык, в которых лежало украшенное золото, дерево, текстиль, татуированные трупы. Древнее местное искусство послужило прекрасным материалом для вполне оригинального, изощренного «татаро-монгольского зверино-растительного стиля».

В Suleiman Collection представлены поясничный утеплитель, пояс с меховой оторочкой по нижнему краю, сумочка-кисет, поясная подвеска и замшевые мягкие сапоги. Покрывающие вышивки выполнены нитями золотистых, рыжих, синих и голубых оттенков по бежево-песочным небеленному шелку и замше. Такой же колорит и у китайского шелка, фигурно вырезанными кусками которого апплицированы сапоги. Песочно-синий колорит вышивок и китайских тканей наводит на мысль о том, что предметы одежды из Suleiman Collection составляют единый комплекс халатом, шапкой и «алтарным платом», приобретенными Музеем исламского искусства в Дохе, Катар. Предметы костюма из Дохи своей формой и покроем не вызывают сомнения в их татарском происхождении. Шелковая китайская ткань, из которой они сшиты, находит близкие параллели в ляской ткани киданьского кафтана из коллекции Му Веньтана (Гонг Конг), датируемого XI в. Так что весь рассматриваемый комплекс из коллекций Suleiman и музея в Дохе можно датировать XI в. Вероятно, к несколько более позднему времени – конец XI – XII в. – можно отнести «цинхайскую мумию».

Таким образом, сейчас мы имеем представление о костюме центральноазиатских татар, и на его примере можем судить об очень высоком уровне, богатстве, изысканности технического совершенстве раннего татарского прикладного искусства.

Костюм империи Чингизидов

Монгольский костюм является яркой страницей в культуре империи Чингизидов, охватившей в XIII–XIV вв. своей властью и своим влиянием огромную территорию Евразии от Дуная до Кореи и от Сибири до Индии. Его значение для мировой истории костюма также и в том, что он оказал сильное, подчас определяющее влияние на костюм большого числа народов Азии и Европы и в XV–XVIII вв., т.е. уже после распада единого имперского чингизидского культурного пространства. Чем был красивый престижный костюм для знатного монгола, говорят следующие высказывания Чингис-хана и его ближайшего окружения: «Однажды Чингиз-хан расположился на возвышенной местности, название которой Алтай, и, окинув взором [свои] орды, слуг и окружение, соизволил сказать: «Мои старания и намерения в отношении стрелков и стражей, чернеющих словно дремучий лес, супруг, невесток и дочерей, алеющих и сверкающих, словно огонь, таковы: усладить их уста сладостью сахара [своего] благоволения и *украсить их с головы до ног тканями золотом одеждami*...» [Рашид-ад-Дин, 1952, А 98б, с.251]; «Однажды Чингиз-хан спросил у Боорчи-нойона, бывшего главою эмиров, в чем заключается высшая радость и наслаждение для мужа. Боорчи сказал:» В том, чтобы мужчина взял своего сизого сокола..., сел на доброго мерина..., и стал охотиться в [пору] весенней зелени на сизоголовых птиц и чтобы он *носил добрые одежды*» [Там же, А 99а, с.252]. Как видим, красивая престижная одежда твердо стояла на втором месте среди жизненных ценностей монголов XIII в., их целей и наслаждений. И это у суровых мужей. Что же говорить о монгольских женщинах, особенно знатных, чье положение в обществе, кстати, практически не уступало мужскому.

Нельзя сказать, что тема монгольского костюма XIII–XIV вв. не занимала умы

ученых. Но обращение к ней было редким, спорадическим, и, в основном, в рамках этнографии, как к некоему «предисловию» к этнографическому монгольскому костюму. Это связано с тем, что до недавнего времени были известны лишь считанные единицы реальных предметов монгольского костюма XIII–XIV вв., происходившие из раскопок, к тому же известные, как правило, только археологам. Памятники же изобразительные не привлекали внимания, а письменные – давали слишком мало информации, так как не было понимания, прежде всего у переводчиков, того, что же конкретно описывают тексты. В конце 70-х гг. автор по материалам тебризских миниатюр вычленил монгольский мужской костюм и дал определение его основным элементам [Горелик, 1982]. В 80-е гг. прошлого века автор этих строк предпринял масштабную работу по анализу костюмов на памятниках искусства (китайская живопись и графика, иранской миниатюра и монгольская каменная скульптура), в едином контексте с письменными источниками (китайские реляции посланников и записки путешественников, европейские тексты тех же жанров, арабские и персидские исторические своды, драгоценные свидетельства «Тайной истории монголов») и редкими археологическими находками с территории СССР и КНР. Результатом явились две большие статьи, в первой из которых был дан подробный обзор и типология костюма монгольских киданей X–XII вв., центральноазиатских татар X–XII вв. и монголов X–XIV вв. Тема рассматривалась в контексте костюма Центральной Азии в целом, то есть в сравнении с костюмом уйгур, тангутов и чжурчженей, и сопровождалась большим количеством таблиц [Горелик, 2010]. Вторая статья рассматривала монгольский костюм XIII–XV вв. как явление имперской культуры, сложившейся в середине – второй половине XIII в. единой культуры империи Чингизидов, и его влияние на костюм других народов [Горелик, 2009б]. К сожалению, в силу разных обстоятельств эти статьи были опубликованы только сейчас. За прошедший с времени создания этих статей период – конец 80 гг. XX в. – первое десятилетие XXI в. – были сделаны сенсационные археологические на-

ходки подлинных чингизидских костюмов и их остатков, большая часть которых появилась на антикварном рынке и стала серьезной отраслью коллекционирования, в том числе самыми престижными собраниями восточного искусства. Надо отметить, что собрание Suleiman Collection обладает самой объемной и представительной коллекцией чингизидского костюма среди частных собраний. В ней представлены практически все виды женской, девичьей и мужской плечевой одежды, мужские и женские головные уборы, мужские драгоценные пояса, женские драгоценные украшения. Часть из предметов одежды находилась в знаменитой коллекции А. Leeper. Все образцы из собрания Suleiman Collection относятся в лучшем образце престижной культуры империи Чингизидов и являются произведениями высокого придворного искусства. Некоторые музеи КНР, Монголии, России (ГИМ, Саратовский краеведческий музей, Волгоградский краеведческий музей) также обладают великолепными целыми отдельными экземплярами предметов костюма или даже их полными комплексами. Заново открывшаяся миру красота и роскошь чингизидского костюма, который стали включать в неизменно вызывающие интерес самой широкой публики выставки искусства и культуры империи Чингиз-хана, его предшественников и наследников, обусловили обращение к монгольскому костюму XIII–XIV вв. (и киданьскому – также в связи с яркими находками роскошной одежды киданьской знати) [Власкин и др., 2006, с.184; Дондойн Баяр, 2000; Лантратова и др., 2002; Орфинская и др., 2006, с.169–171; Тишкин и др., 2002; Шелковый путь, 2007; Эрдэнэбат, 2006; Эрдэнэбат, Хурэлсух, 2007; A Journey, 1997, p.65–142; Allsen, 1997; Watt, Wardwell, 1998; Shang Gang, 1999; Zhao Feng, 2004, p.327–386; Genghis Khan, 2004; Style from the Steppes, 2004; Gold/Silk, 2005; Jia Xizeng, 2005 и др.]. За эти же четверть века автор этих строк продолжил занятия монгольским костюмом – и костюмом империи Чингизидов в целом, и костюмом отдельных улусов [Горелик, 2006, с.125–126; 2009, с.164–167; 2009а; 2010а], отразившимися в графических реконструкциях и соответствующих разделах таких монументальных изданий,

как «Атлас Tartarica» [Tartarica, 2005, с.256–257, 270–271, 284–285, 292], «Большой атлас истории и культуры Казахстана» [Атлас, 2008, с.210–211, 213, 216–218, 232–235, 252, 254–255, 267, 287–291], также в книге автора «Армии монголо-татар» [Горелик, 2002, с.14, 17].

Сейчас на основании сорокалетней работы над данной тематикой и учитывая резко расширившуюся базу данных, особенно вещевых, а также и изобразительных, мы можем воссоздать сравнительно полную картину генезиса и развития монгольского, и специально чингизидского, костюма.

Относительно собственно монгольского костюма можно сказать, что, судя по картине-горизонтальному свитку «Караван кочевников *фань-и*», датируемой по колофону эпохой V династий – X царств (начало X в.), хранящемуся в Национальном музее Гугун в Тайбэе, он в своих основных элементах возник вместе с появлением монголов на исторической арене, сразу, подобно Афине из головы Зевса. К сожалению, китайские изображения монголов становятся известны нам снова уже только с XIII в. Зато от XI–XIII вв. до нас дошли замечательные китайские картины, изображающие кочевников, которые по костюму, причёске и вооружению отличаются от киданей, чжурчжэней, тангутов и уйгуров, а также и от монголов, хотя ближе всего именно к ним. Судя по частоте изображений и близости к монголам, я пришел к выводу, что перед нами – изображения монголоязычных кочевников, живших ближе всех к Великой стене и вдоль всего ее протяжения. Ими были татары, самый известный в X–XII вв. кочевой народ Центральной Азии. Настолько известный, что монголов и в Европе, и в Китае называли татарами, несмотря на то, что монголы это очень не любили. Итак, к XIII в. костюм монгольских мужчин, как явствует из упомянутой выше картины, включал верхний халат-кафтан с косым запахом слева направо, иногда с отрезным подолом, иногда с прямым расширяющимся книзу силуэтом, иногда приталенным, что достигалось вырезным кроем. Нижний край такого кафтана достигал колен или немного ниже. Поверх всего надевали такого же кроя шубу мехом наружу – *доху*, которая была много

длиннее, имела длинные откидные рукава с прорезями в верхней части и высокие разрезы от подола по бокам. Плечи от холода защищала распашная округлого покроя пелерина из меха, а также пелерина – меховая или тканая, в виде четырехлопастной розетки, с отверстием для головы; с концов лопастей свисали ленты из сшитых лоскутов ткани. Шапки – низкие, круглые, с узким козырьком и более широким назатыльником. Над висками, в точке пришивания изнутри завязок, пришиты короткие ленты. Сапоги с расширяющимися кверху голенищами, сшитыми по бокам. Волосы заплетены в две косы, свернутые в кольца за ушами. Женский костюм представлен длинным до пят широким халатом с широкими рукавами и косым запахом слева направо. На голове – *бохтог* (о нем ниже). В связи с тем, что действие на картине происходит ветреной зимой, *бохтог* снабжен войлочным чехлом с козырьком. По той же причине подпоясан халат. Мужской костюм татар имеет элементы, как схожие с монгольскими – низкие округлые шапки с узким козырьком и более широким и длинным назатыльником (но без лент на висках), кафтаны-халаты с косым запахом слева направо, сапоги с боковыми швами на голенищах, пелерины в виде четырехлопастных розеток. Отличия состоят в преобладании халатов с округлым воротом и прямым разрезом на правой стороне груди, оторочки круглых шапок и остроконечных колпаков хвостами пушных зверей, сходящихся над лбом самыми узкими местами, сапог с очень широкими голенищами с центральным швом. Любимый центральноазиатскими кочевниками утеплитель пояса у татар, кроме обычного куска теплого материала шириной в локоть-полтора, мог представлять собой широкий – от верха бедер до солнечного сплетения – кусок ткани с завязками по оси и бретельками. Уникальны круглые стеганные наколенники и шапки с четырьмя лопастями, вроде современных шапок батыров. Особенно характерно украшение головных уборов плюмажами и единичными перьями – длинными и короткими. Прическа – две косички за ушами; лишь раз они показаны свернутыми в кольца. Женский костюм показан аналогичным мужскому.

К середине XIII в. монгольский костюм полностью сформировался, восприняв элементы костюма покоренных и поглощенных родственными монголам народов, прежде всего татар, а также тюркоязычных кочевников Европы – куман, кунов и сары (половцев). Татары привнесли в монгольский костюм перьевые украшения головного убора, описанную выше форму меховой оторочки шапки, добавили свой тип поясного утеплителя. Вклад куман, кунов и половцев состоял в том, что монголы, захватив в качестве добычи парадные одеяния побежденных и убитых половецких ханов и увидев на новых подданных – оставшихся в живых половецких ханах беспрецедентно роскошные парадные одеяния, которые мы теперь знаем по находкам в ханском кургане Чингул, выполненные из византийского шелка – алого и пурпурного, отделанные золотоканавыми лентами, вырезной узорной ажурной золоченой кожей и серебряными золочеными бляшками и пластинками с вставками цветных камней, вышитые золотой нитью и канителью, жемчугом, восприняли не столько эту отделку, сколько детали покроя, точно определенные монголами как признаки костюма высших социальных слоев Европы от Руси и Кавказа до самого запада континента. Таким признаком был прежде всего отрезной подол, который, будучи значительно шире верха, пришивался предварительно соборенным. Этот прием применялся к разным элементам кроя, в том числе и подола, у кочевников Центральной Азии в последние века н.э., гуннами был занесен на север Кавказа и в Центральную и Западную Европу. В Центральной Азии одежда с отрезным соборенным подолом до второй трети XIII в. встречалась крайне редко, зато на Западе она везде, кроме Византии, стала к началу II тыс. н.э. самым популярным покроем парадного платья высших социальных слоев, как мужского, так и женского. Вторым элементом были поперечные горизонтальные полосы поперек живота. В европейском платье, которое было нераспашным, «лишняя» в длину ткань верха, ниспадая на плотно сидящую на бедрах линию соединения со сборчатым низом, образовывала на животе множество поперечных складок. На распашных половецких

кафтанах складки иногда, как на одном из чингульских кафтанов, изображались золотыми лентами и тесьмой, нашитыми на линию стыка и над ней. Монголы выполняли эти линии нашитыми тесемками и шнурками, выдергиванием нитей и тканьем. Именно так к началу 30-х гг. XIII в. сложилось самое высокостатусное, имперское мужское одеяние. Значителен вклад и чжурчжэней – прежде всего орнаментальными мотивами и их размещением на одежде.

Завоевания монголов в Центральной и Средней Азии, Китае и Иране позволили им осуществить мечту Чингис-хана и всей монгольской знати, да и многих рядовых воинов – облачить своих женщин и самих себя в роскошные золотоканавые ткани. Почти маниакальная страсть монголов к золотым тканям, прежде всего шелкам, нашла широчайшее отражение в письменных источниках Востока и Запада, беспрестанно описывающих роскошные золотоканавые одежды, которые многими тысячами заготавливаются, складываются, жалуются по несколько раз в году на праздники и за заслуги сотням царевичей и хатуней, тысячам нойонам и бекам, десяткам тысяч гвардейцев, послам, в виде посольских подарков, ученым и т.п. Это явление лучше всех охарактеризовал Рашид ад-Дин, великий историк, но также великий вельможа Хулагуидов – династии монгольских владык Среднего и Ближнего Востока, когда рассматривал нехватку золота в его государстве: «Общеизвестно было так: в пору-де монголов много носят вышитой и затканной и тому подобной одежды, на которую растрачивается золото, оно же товар для Хиндустана, и [его] увозят туда, [а потому] золота стало мало! [Рашид-ад-Дин, 1952, с.646]. Как видим, именно пристрастие монголов к блещущим золотом одеяниям названо первой причиной нехватки золота в стране, только второй причиной – экспорт его в Индию. Кстати, этот же пассаж свидетельствует о том, что золотые ткани для монгольских одежд ткались в самой державе Хулагуидов. В последние годы, в связи с новыми находками подлинных чингизидских монгольских костюмов, аксессуаров из ткани и множества отдельных образцов текстиля, а также новых определений образцов текстиля из старых европейских и американских

собраний в России, Украине, Европе Америке появилось много интересных публикаций специально по чингизидскому текстилю.

Посмотрим же, как развивался монгольский костюм в эпоху империй Чингизидов. Прежде всего, мы наблюдаем сложение монгольской имперской культуры, охватывавшей прежде всего репрезентативную, статусную сторону культуры. Монгольской мы ее называем потому, что именно монгольская этническая культура, прежде всего ее внешние проявления – жилище, костюм, вооружение, конская снаряжение – легла в основу имперской культуры. И все заимствования в нее из культур покоренных народов – кыргызов, тангутов, киданей, джурджэней, китайцев, жителей Восточного Туркестана, Хорезма, Мавераннахра и Ирана, кыпчаков и половцев, болгар и русских, ясов и черкесов – проводились по инициативе, вкусу и выбору именно монгольской элиты. И здесь костюм оказывался главной составляющей, поскольку его элементы – платье, обувь, головной убор, аксессуары, прическа – издавна и сразу сообщали окружающим, какое положение занимает человек в чингизидском обществе.

Костюм по своим формам у монголов XIII–XIV вв. четко делился на мужской и женский. Костюм девушек совпадал с мужским, что специально подчеркивалось иностранцами-очевидцами. Только недавно нам удалось вычленить этот девичий костюм и выяснить его отличия от мужского, не замеченные иностранцами, но сразу различимые монголами. Главным наплечным мужским одеянием был халат *дегель*, с косым запахом, обычно слева направо, но нередко и справа налево, так что жестким этноопределителем направление запаха служить не может. Мужской (и девичий) *дегель* кроился в талию, причем талия получалась, прежде всего, за счет вырезного края, а уж потом подол расширялся при помощи надставок. Стан кроился из двух вертикальных полотнищ, сшитых по вертикальной оси спереди. Ворот и верхняя пола запаха обшивались довольно широким – в три пальца – полустоячим воротником. Рукава шились длинными, слегка сужающимися к запястью, с манжетами шириной немного больше воротника. Воротник и манжеты прошивались

параллельными линиями. Иногда рукава делались откидными, т.е. у подмышек делались прорезы для просовывания рук. Этот элемент монгольской моды стал чрезвычайно популярным в XV–XIX вв. на гигантских пространствах Евразии, но только монголы придумали пристегивать их к спине при помощи пуговички и петелек внизу рукавов. Рукава на мужских (и девичьих) *дегель*, кроме длинных, до запястья, могли быть длинной до локтя, а то и чуть прикрывать плечи. Мужские *дегель* имели боковые разрезы от края подола до пояса и в длину достигали колен, прикрывая их, либо середины голени. Девичьи *дегель* были длиннее, иногда до стоп, и не имели боковых разрезов. Кроме того, манжеты и воротники девичьих *дегель* обшивались тканями, контрастными основному цвету и тону халата, тогда как эти детали на мужской одежде были того же цвета и тона, что и весь халат. Под влиянием роскошных одеяний европейских куманов монголы внесли в свой самый парадный вариант *дегель* такую деталь покроя костюма высших слоев Европы и Кавказа, как отрезной сборчатый подол, расширяющий бедра и очень удобный при езде верхом. Также на Западе от платья (со сборчатым отрезным подолом), образующего мелкие поперечные складки на талии, они заимствовали такую деталь гала-халата, как горизонтальные полоски поперек живота и поясницы: они делались тканьем, мережкой, из нашитых тесемок и шнурков. Полы *дегель* соединялись по вершине вертикального края верхней полы при помощи нескольких пар тесемок или ленточек. Реже встречается застежка на пуговицы-узелки с навесными петлями. Еще одна точка закрепления – на противоположной запахи стороне груди, где на изнанке пришивалась пара тесемок. Ткани для халатов имперской знати были разработаны на основе китайской и иранской, мавераннахрской и анатолийской орнаментики в мастерских Восточного Туркестана и включали в себя излюбленные монголами мотивы копытных в рощах (заимствованных у джурджэней), птиц (заимствованных как из мусульманского текстиля, так и из джурджэньского), драконов, фениксов, *цилиней*, *чиндамани*, монет, пионов и гвоздик (из декора китайского текстиля).

Придворный в монгольском имперском костюме.
По иранским миниатюрам 1 трети XIV в.
Реконструкция и рисунок М.В.Горелика. 2004 г.

Золотоордынский чиновник в монгольском костюме, включающем нераспашное платье с откидными рукавами и оплечье-пелерину. По материалам находок в золотоордынском погребении начала XIV в. у хут. Тормосин в Волгоградской обл.
Реконструкция и рисунок М.В.Горелика. 2008 г.

Ткани на парадные одеяния ткались уйгурами, китайцами и мусульманами в Куче, Даду и Тебризе купонами, специально каждый халат. Часто вдоль плеч и рукавов ткалась узорная полоса с эпиграфическим или псевдоэпиграфическим узором «цветущим куфи», а также иногда с вереницей животных и растительными и геометрическими орнаментами. Этот элемент декора попал к монголам, видимо, от джурджэней, которые заимствовали его у мусульман, подражая их «тиразам» – тканям с вытканными надписями, несущими имя правителя и мусульманскими благопожеланиями. Такими тканями одарял подданных халиф, но также и другие мусульманские владыки. Другим элементом декора халата служила четырехлепестковая, фигурно вырезанная розетка, лежащая на

плечах, верхней части груди и спины. Она обозначала роскошно украшенную пелерину той же формы – традиционную деталь монгольской и татарской одежды. Заполненная различными орнаментальными мотивами, розетка выполнялась в технике тканья, вышивки, аппликации. В той же технике выполнялась и узорная горизонтальная полоса на подоле над коленями – элемент, также заимствованный у джурджэней. Чисто монгольскими были квадраты на груди и спине, заполненные изображениями зверей и птиц в рощах, или цветов (позднее в Китае, при династиях Мин и, особенно четко, Цин превратившиеся в знаки ранга – *буфаны*), круги на плечах, символизирующие солнце и луну, и трапеции, заполненные узором, также на плечах, иногда под кругами.

Вторым по частоте одеянием мужчин и девушек был кафтан *тэрлэг*, немного более короткий, нежели *дегель*. Китайские авторы описывали его как кафтан «с квадратной полой». В нем вырез ворота имел прямоугольную форму, разрез начинался от горла вниз до солнечного сплетения, оттуда под прямым или тупым углом заворачивал направо под мышку, оттуда опускался вниз либо сразу до края подола, либо до талии; в последнем случае он поворачивал до оси и уже тогда опускался до низа подола. Парадные *тэрлэг*, как и *дегель*, имели отрезной сборчатый подол. Девичьи кафтаны, как и халаты, отличались от мужских иногда значительно большей длиной, и всегда – окантовкой ворота и манжет тканью контрастной по цвету и, как правило, более темной по тону, нежели основная ткань одеяния. Девичьи *тэрлэг* показаны на юаньских фресках из Дуньхуана на изображениях знатных девиц-донаторш. В нашей экспозиции представлен именно такой парадный девичий *тэрлэг* из Suleiman Collection. Он сшит из золотистого шелка с мелким растительным узором, запах – слева направо, правая пола прямо от левого бока уходит вниз; подол – отрезной сборчатый; полы соединяются тремя парами лент-завязок. Правая – нижняя – пола выкроена с «приставным» прямоугольником на груди, т.е. вертикальная сторона прямоугольника в районе талии поворачивает направо до оси корпуса и оттуда спускается вертикально вниз, к краю подола. Правая пола с помощью пришитой ленты связывалась с пришитой на слева изнанке левой полы лентой, так что левый борт нижней полы не спадал вниз. Как и мужское, девичий *тэрлэг* имеет разрезы по бокам от талии до нижнего края подола. Девичий *тэрлэг* снабжен окантовками вокруг ворота и вдоль бортов вертикальной части разреза на груди, на манжетах – из контрастного по отношению к тону и цвету основной ткани шелка.

Третьим плечевым верхним одеянием мужчин и девушек был кафтан с подпрямоугольным воротом, прямым осевым разрезом от горла до подола. Он имел короткие широкие рукава «крылышки». В длину он доходил до колен. Кроился в талию вырезным кроем с расширяющимся подолом. Бока подола вместо разрезов имели сбор-

чатые вставки. Застегивался кафтан на навесные пуговицы металлические шарики или тканевые узелки – с навесными петлями от горла до талии. Места застежек отмечались рядами тесьмяных или шнуровых петличек на каждой доле.

Четвертым плечевым верхним одеянием мужчин (и девушек) было крайне редко встречающееся нераспашное с широким прямоугольным, V-образным и горизонтальным воротом. Парадный его вариант имел, как и другая верхняя плечевая одежда империи Чингизидов, отрезной сборчатый подол. Это платье было заимствовано монголами, вероятнее всего, у европейских кочевников – половцев, куманов, кунов. Оно имеет прямые аналогии с европейскими, в частности, с русскими одеяниями.

Зимой носили все описанные варианты плечевой, утепленные войлоком, мехом, мехом отороченные, с пришитыми меховыми воротниками. Особо теплым и престижным было одеяние, выкроенное как *дегель*, но покрытое мехом наружу, с подкладкой мехом внутрь. Оно называлось *доха*, *дога*. Ценность дохи была очень велика, особенно крытой соболем. Известна соболиная доха, которую Темуджин получил в приданое за Бортэ от ее отца Дай Сэчэна; дарением ее хану керейтов Тоорилу обеспечило будущему Чингис-хану многолетнюю поддержку со стороны могущественного Тоорила – Ван-хана.

Под верхней одеждой носили коротенькие, до пояса, распашные рубашки с длинными узкими рукавами. Штаны шились с длинными, неширокими, чуть сужающимися книзу штанинами, иногда со штрипками. На талии могли делать шлевки, куда продевался тканый пояс. Ткани для штанов употреблялись более скромные, но встречаются экземпляры и из роскошного узорного шелка. Зимой носили две пары штанов из шкур: нижние – мехом внутрь, верхние – мехом наружу.

Специфической частью монгольского мужского костюма являлся поясничный утеплитель. Это одеяние известно у всех кочевников Центральной Азии в Средние века. У уйгуров, киданей, тангутов и ранних монголов он представлял собой длинный прямоугольник или овал, обернутый сзади вокруг талии, не сходящийся спереди и держащий-

ся на корпусе при помощи пояса. Иногда от его концов спереди вниз отходили прикрывавшие бедра лопасти, а крестец согревала сзади более широкая и короткая лопасть. Концы лопастей часто были вырезными – в форме листа или трилистника. Татарский утеплитель представлял широкий длинный прямоугольник ткани, оборачивавшийся вокруг торса полностью, и тогда он застегивался спереди, либо в полтора оборота. На корпусе он держался не только с помощью пояса, но также с помощью боковых завязок и иногда тонких плечевых лямок. Имперский монгольский костюм включал в себя все разновидности поясных утеплителей, включая татарский. Утеплитель был важной знаковой частью мужского костюма и потому поверх войлочной ли суконной основы и меховой подкладки крылся и окаймлялся дорогими тканями, мехами, покрывался сложными вышивками.

Специальной девичьей верхней плечевой одеждой монголов была короткая распашная кофта с длинными или короткими рукавами, а то и вовсе без рукавов. Кофта эта шилась как с вертикальным осевым разрезом, так и с косым – левым или правым запахом. Она явно заимствованы в монгольский костюм из джурджэньского. И в эпоху Юань джурджэньские жены монгольской элиты изображены именно в этих кофтах. Парадные экземпляры шились из золотной шелковой парчи и украшались тканьем и вышивкой тем же декором, что и парадные мужские *дегель*.

Важнейшим статусным аксессуаром мужчины был его пояс. Вообще, как мы знаем из изобразительных и письменных источников, носился он далеко не всегда. Не носили пояс монголы в приватной обстановке и, прежде всего, во время ритуалов, когда устанавливалась мистическая связь с божествами. Тогда пояс демонстративно снимался и вешался через плечо или на шею. Также пояс, который всегда был портупеей, на которую также подвешивались сумки с необходимыми предметами, могли не надевать, когда не было нужды в оружии под рукой, а сумки подвешивались к опояске штанов сбоку, и были доступны благодаря боковым разрезам верхней длиннополой одежды. Основным видом статусного пояса

был ремень (на западе Империи он мог заменяться толстой шелковой лентой узорной лентой, сотканной на дощечках, и превосходящей по прочности кожаный ремень) с металлическим, костяным или каменным набором. Самым распространенным был набор для пояса-клинковой портупеи. Он включал рамчатую, с иглой, пряжку, концевую накладку, три несущих бляхи-пронизи с петлей внизу – две для крепления ножен, одна для крепления ножа и подвесной сумки, одной-двух обоймиц для продевания конца ремня, множества серповидных бляшек, покрывающих ремень вокруг талии, а чаще – свисающий конец ремня, а также разнообразной формы – круглых, квадратных, сердцевидных, в виде разного рода розеток и т.д. – рядовых бляшек. Как выяснилось из материалов советских раскопок в Приморье, этот тип набора сформировался в джурджэньском ремесле и целиком был заимствован монголами. В главном юрте Империи, включавшем Монголию с прилегающими областями и Китай, самым парадным был пояс с центральной бляхой в форме сложновырезного овала, фланкированного двумя серпообразными бляшками. Застежка здесь была «замком» или петлей и крючком: детали соединения имелись в центральной пластине и одной из фланкирующих пластин. Парадный пояс, изображавшийся на таляях юаньских вельмож на мраморных скульптурах, на гробничной стенописи и других изобразительных памятниках Юань, не были портупеями: к из несущим бляхам –пронизям подвешивались предметы сугубо мирные – ножики для еды и два, на обоих боках, кошеля – малый для огнива и монет, большой («портфолио») – для документов и бумажных денег. После середины XIV в. на западе Золотой Орды под влиянием малоазийской торевтики появляются пояса с набором нового типа, где несущие пронизи с петлями заменены кольцами. Необходимым аксессуаром монгола были подвесные сумки и кошельки, известные по тюркским названиям *калта*, *каптаргак*. Часто носили два кошеля, подвесив из с обоих боков. В маленьких тканевых кошельках-мешочках и коробочках на ленте, по которой вверх-вниз ходила крышка, хранили деньги и женские щипчики, иглы, наперстки, косметику. В

кожаных, покрытых узорным тиснением и металлическими накладками, либо дорогой тканью конвертах хранили приборы для разжигания огня, маленькие ножики, деньги и даже еду. Монгольские кошельки-конверты были столь популярны, что их копии изготавливались на Руси. Особенно много их найдено в Новгороде.

Головные уборы монгольских мужчин были весьма разнообразны. Условно их можно разделить на шляпы с полями или меховой оторочкой – *орбелгэ* и башлыкообразные шапки – *малгай*. *Орбелгэ* изготавливались из фетра, кожи, бумаги. Нередко они обтягивались более или менее богатыми тканями, околыши и отвороты полей опушались более или менее ценным мехом. Основным типом *орбелгэ* была низкая округлая шляпа с узким козырьком и широким назатыльником. Место крепления изнутри широких лент завязок снаружи отмечалось короткими отрезками этих лент, опускавшихся на стык козырька и назатыльника. Эту шляпу носили мужчины и девушки. Парадные ее варианты украшались навершиями из металла или золоченой ткани и дерева, цветными камнями и жемчугом. На навершиях устраивались гнезда для перьев. Хотя принцип перьевого наряда головного убора монголы заимствовали у татар, имперский монгольский перьевого наряд был весьма оригинален: в центре макушки возвышалось от одного до четырех перьев белой цапли, а по бокам тульи укреплялись пучки перьев филина. Последняя деталь была данью уважения мифическому филину-спасителю, о чем монголы всегда охотно рассказывали удивлявшимся этой детали иноземцам. Существовало еще несколько видов шляп с куполовидной тульей и полями разной ширины, цельными или разрезанными. У кыпчаков и половцев был заимствован остроконечный конический колпак из белого или цветного войлока. Половецкие вельможи венгерского двора XIV в. украшали их по-монгольски перьями цапли на макушке, а монголы с конца XIV в. – пучком перьев филина. Самым же парадным, императорским убором была фетровая белая шляпа с низкой шлемовидной тульей и горизонтальными полями шириной в ладонь. Часто такие шляпы имели большой трапециевидный назатыльник. У Чинги-

зидов и прочей высокой знати они увенчивались особенно богатыми навершиями из золота, нефрита, с вставками драгоценных камней и жемчуга, подвесками из жемчужных кистей и шариков из золота и драгоценностей. Даже подбородный шнурок унизывался жемчужинами и бусинами из цветных камней. В жарком Китае основа такой шляпы могла быть плетеной – из тонких бамбуковых дранок, потом обтянутых шелком. Вариантом данной шляпы была шляпа с широкими горизонтальными полями и очень низкой, чуть расширяющейся кверху тульей с плоским дном. Подобный убор делался из очень плотного фетра. Много позднее – и по наше время – тибетские светские и буддийские чиновники стали делать эту шляпу из меди или латуни. Монгольские войлочные колпаки шились из четырех секторов: каждый сектор вырезался в форме двух трапеций – низкой и резко суженной вверх (для полей), высокой и сужающейся не столь резко (для тульи), треугольника (для навершия). В сшитом виде убор напоминал ранние древнеегипетские пирамиды. Иногда верхушка делалась плоской – вместо треугольничка верх сектора делался ровным, вверху пришивалось квадратное донышко. Монгольские колпаки также были торжественным убором – нижних рангов в империи Юань, и вплоть до высших – в улусах Хулагу и Джучи. Парадные колпаки покрывались дорогими тканями – китайским шелком и бархатом, вышивками. Не только драгоценные навершия украшали парадные *орбелгэ* и колпаки: их тульи и отвороты полей также обшивали бляшками и пластинками из драгоценных металлов, иногда с вставками цветных камней (и стекла) и жемчуга. *Малгай*, в отличие от *орбелгэ*, статусным головным убором, скорее всего, не являлся. Он представлял собой башлык из мягкой ткани, тонкой однослойной лентой и толстой, с подкладками и прокладками – зимой. Монгольский чингизидский *малгай* связан с киданьскими и татарскими башлыками, но вполне самобытен. «Монгольскость» выражается прежде всего в низкой и круглой тулье, и лентах-завязках, пришитых не с изнанки, как в *орбелгэ*, а снаружи над висками, но не за верхние концы, а немного под ними, так, что верхние

концы лент свисают вниз, как на *орбелгэ*. В частном собрании Suleiman Collection в Москве хранится великолепно, в идеальном состоянии *малгай* классического монгольского – XIII–XIV вв. – покроя. К низкой круглой тулье пришит длинный широкий назатыльник, заостряющийся книзу, к которому пришиты на уши, прикрывающие уши и шею по бокам. Спереди часть кроя наушей округло вырезана над лбом, и туда шит козырек линзовидной формы кроя. Длинные и широкие ленты-завязки пришиты к шву на стыке тульи и назатыльника. Венчает шапку сложное навершие из ткани: четырехлепестковая розетка, в центре которой пришит объемный шарик с хвостиком на верхушке. *Малгай* имеет ватную подкладку, а крыт кусками от нескольких роскошных китайских шелков-лампасов. Науши могли откидываться назад, а назатыльник – кверху. В таком положении они закреплялись при помощи навесных петель на заостренных концах на пуговке-узелке, пришитой на затылке. Монгольские головные уборы менялись со временем. С последней трети XIV в. классические шляпы-*орбелге* выходят из употребления. Преобладающими становятся шапки с колоколовидной тулей, часто стеганной вертикальными дольками, с разрезными полями средней и малой ширины. Они увенчивались металлическими навершиями, иногда драгоценными, с вставками драгоценных камней и жемчуга, с плюмажами из перьев и конского волоса. В городах золотоордынской Булгарии раскопаны как сами навершия головных уборов, так и их массивные бронзовые матрицы, по которым ювелиры выколачивали навершия из драгоценных металлов. Особенно роскошно могли украшаться головные уборы знатных девиц. Куполообразные тульи их шапок, помимо навершия, несли не себе золотые и серебряные фигурные пластинки с вставками. Может быть, деталями декора девичьих шапочек были роскошные, в несколько слоев, нашивные золотые, из Семфинопольского клада и собрания Фонда Марджани в Москве, пластинки, имевшие по контуру форму лотоса или фигурной капли, состоящие сз сплошной основы, напаянноко на штырьках проволочной ажурной филигранной фигуры, покрытой зернью, с кастами для встав-

ки драгоценных камней и жемчуга. Чуть менее сложные в изготовлении, но отнюдь не менее изящные фигурные пластинки-нашивки нередко находят при раскопках золотоордынских городов Поволжья, Крыма, Хорезма и других регионов Улуса Джучи. И драгоценными пластинками, и вышивкой жемчугом, и бисером украшался и другой девичий головной убор – налобная повязка.

Популярным головным убором в Улусе Джучи была не слишком высокая коническая, с округлым верхом папаха. Во всяком случае, когда на иранских миниатюрах показаны персонажи из Улуса Джучи или когда действие происходит на его территории, все мужчины изображены в таких папахах. Правда, этот убор носили и в Джагатайском Улусе – испанский посол Рюи Гонсалес де Клавихо описывает такую папаху из смушки, украшенную рубином, на Тимуре (Тамерлане) во время вполне официального приема.

Важным свидетельством отражения в costume исламизации населения в западных улусах империи является ношение под головным убором маленькой шапочки-*такьи*, всегда белого цвета.

Нельзя не коснуться мужской и девичьей прически монголов, столь удивлявшей иноземцев. Мужчины брили макушку, отпуская волосы до бровей спереди и до низа лопаток сзади. Брили также виски перед ушами, так что спереди оставалась прядь шириной примерно в два пальца, которую иногда внизу раздваивали, подобно ласточкиному хвосту. Прядь эта по-монгольски называлась *хэхэл*, *хохол*. Длинные волосы сзади заплетались в две косы и завязывались в кольца за ушами. Знать носила по две-три пары косичек-колец. Иногда же – в приватной обстановке – монголы позволяли себе заплетать одну косу, свисающую между лопаток. Любопытно, что славяне нижнего Поднепровья, ставшие в будущем украинцами, заимствовали у переселенных сюда монгольскими ханами черкесов их прическу – бритую голову, слева от макушки которой вперед и вбок свисала длинная прядь. Украинцы называли ее *оселедец*, а москвиты – *хохол*, а самих днепровских славян – черкасами, т.е. черкесами. Слово же *хохол* превратилось у русских в этническое прозвище украинцев. Девичья

прическа от мужской только тем, что волосы на макушке и висках не брились, а просто разделялись на пробор. Иногда большая прядь на макушке связывалась в клубочек. Когда же девушка надевала головной убор, отличий от мужской прически практически не было.

Обувью монголам и монголкам служили кожаные сапоги. Крой их для мужчин и женщин был, в основном, одинаковым, но мужские имели более высокие голенища, часто закрывавшие колени, и могли спереди иметь очень толстую и твердую кожу, придававшую сапогам, видимо, специально боевым, роль своеобразных поножей-наголенников. Основным был покрой с боковыми швами на голенищах сверху донизу. Отдельно пришивались носок, пятка и подошва. Иногда по низу стопы нашивалась кожа другого цвета с цветной окантовкой, так что получалось как бы изображение калошки. Подошвы были как мягкими, так и из толстой твердой кожи. Верх голенища вырезался так, что спереди образовывался округлый выступ, более или менее высокий. Второй покрой отличался тем, что голенище имело только один разрез – спереди по вертикальной оси. В щель вставлялся вертикальный, расширяющийся книзу кусок кожи другого цвета, часто вырезанный по краям фестонами и переходящий в носок. Голенища таких сапог, также с округлым выступом на колене, под коленями стягивались узкими лентами, ткаными или кожаными. Данный покрой сохранился до сих пор в Тибете и регионах тибетской культуры. К обуви относятся оригинальные, чисто монгольские окантовки верха голенища, повторяющие его форму с выступом на колене. Их богатые археологические образцы часто покрыты гобеленной китайской шелковой тканью *кэсы* и окаймлены рельефной вышитой каймой. Подобная техника окаймления сохранилась в костюме ойратов и близким им культурно народом. В археологических комплексах их находят как в качестве окантовки обуви (или чулок), так и в качестве отдельных предметов. Это привело некоторых исследователей к мысли, что они являлись чем-то вроде прикрепленных к опояске штанов гамаш, перекрывавших стык между штанами и верхом голенища, или даже почему-то чехлов

(последнее абсурдно). На изобразительных памятниках окантовки эти показаны именно окантовками края сапог или чулок, выступающих на голенищем, как в этнографической монгольской обуви.

Обратимся к костюму монгольской матроны. Его верхняя плечевая составляющая – также называемая *дегель* – по покрою резко отличалась от такого же мужского одеяния. Вместо подчеркнутой талии они кроились очень широкими и расклешенными книзу. В длину женский *дегель* доходил спереди до ступней, а сзади даже доходил до земли. Парадные же *дегель* знатных монголов имели сзади настоящий шлейф, тем более длинный, чем знатнее была дама; такой шлейф за ней, по свидетельству иностранцев-очевидцев, несли несколько придворных девиц. Глубокий косой запах был направлен чаще слева направо, но нередко был и обратным. Там, под мышкой, полы соединялись при помощи обычно трех лент. Рукава были очень широкими у плеч, длинными и округлой линией резко сужались к запястью, хотя иногда проем для кисти мог быть и довольно широким. Манжеты и воротник с верхней косой частью полы всегда окаймлялись тканью, контрастной по цвету и тону основной ткани халата. Парадные имперские дамские халаты имели стандартную окантовку – из трех полос ткани (расположенных в обратном, нежели в девичьих одеяниях, порядке): внешняя – широкая, где на темном фоне вытканы золотистые цветы, следующая – узкая, с золотистыми цветами на голубом фоне, внутренняя – узкая, с золотистыми цветами на красном фоне. Так показано на известных портретах юаньских императриц, но и археологические платья не отрицают этого обычая, хотя, конечно, жизнь разнообразнее, в зависимости от статуса, территории и времени жизни хозяйки халата. Принцип многорядной окантовки, а также декор тканей, применявшихся для окантовок был заимствован монголами у китайцев. Характер тканей и система декора парадных женских халатов были аналогичны мужским. Парадные имперские женские *дегель* также изготавливались из купонов шелковой парчи с полосой псевдоэпиграфики вдоль плеч и рукавов, которые ткались разноэтничными коллективами мастеров а Пекине, Восточ-

Монгольский имперский костюм замужней дамы XIII–XIV вв. По материалам китайских и иранских изображений и археологических находок одеяний. Реконструкция и рисунок М.В.Горелика

Монгольский девичий костюм конца XIII – 1 пол. XIV вв. По материалам археологических находок в погребении монгольской девушки в восточном Приазовьи. Реконструкция и рисунок М.В.Горелика. 2008 г.

ном Туркестане и Тебризе (?), и в орнаментации которых китайские мотивы сочетались с ближневосточными. Suleiman Collection представляет парадный имперский дамский *дегель* именно из купонной парчи с чисто юаньскими мотивами – фигурами лежащего среди облаков *цилиндра* в листовидном, вырезанном фестонами картуше; фон заполнен изображениями «китайской монеты» – круга с вписанным в него квадратом с вогнутыми сторонами (элемент декора, крайне популярный у монголов). «Мусульманский» псевдоэпиграфический узор вдоль плеч и рукавов заменен местным геометрическим узором, параллельно которому тянется вереница животных – мотив по происхождению сельджукидский, но сами фигуры животных – совершенно китайские тигры, и они не идут друг за другом, а сопоставлены парами; между парами омещены китайские

же лотосы. *Дегель* окантован по полам, подолу и манжетам полосой соболиного меха. Наличие этого драгоценного меха в костюме не менее золотой парчи отражало высокий статус его носителя, а его обилие в казне свидетельствовало о богатстве монгольского государства [Рашид-ад-Дин, 1971, с.237]. Для парадных халатов монгольских дамских халатов использовались также китайские, красные с золотом шелка, а драгоценные *кэсы* использовались для окаймления и нашивок на предплечьях рукавов. Четырехлепестковые розетки («облачный узор» в китайской терминологии), круги и трапеции на плечах, квадраты в центре груди и спины ткались и вышивались на женских халатах, как и на мужских. В плохую погоду поверх парадного *дегеля* монгольские матроны надевали платье того же покроя, но сшитое из кожи, а также, вероятно, из меха, во всяком

случае, подбитое мехом. Кожаные *дегель* украшались аппликациями и вышивками. Женский силуэт кардинально отличался от мужского и девичьего тем, что дамский *дегель* практически никогда не подпоясывался, за редкими исключениями, связанными с экстремальной погодной ситуацией. Только золотоордынские черкешенки подпоясывали свои наряды, восходящие к монгольским девичьим одеяниям, поясами с металлическим набором на шелковой ленте.

Главным же символом монгольской матроны являлся ее головной убор – *бохтог*, *боктаг* (кит. *зугу*, *зугугуань*, европейск. *бокка*). Репрезентативная роль *бохтог* была очень высокой. Именно по нему издалека определялась монгольская дама, ее этническая, семейная, племенная принадлежность, социальный статус ее и ее мужа. *Бохтог* дарили женщине родственники и родственницы жениха-мужа сразу после свадьбы. И *бохтог* делал женщину монголкой. Так, когда найманский царевич Кучлук женился на дочери Кара-китайского гурхана, киданьская принцесса отказалась надеть *бохтог* [Рашид-ад-Дин, 1952, А 706, с.197]: ей, наследнице высшей знати старой знаменитой династии Ляо, некогда владевшей севером Китая и Монголией, было зазорно выглядеть, как какой-то представительнице одного из монгольских племен, пусть и крупных, то есть становиться монголкой в глазах окружающих. До сих пор, особенно в России, несмотря на то, что рассматриваемый головной убор теперь достаточно подробно известен по письменным и изобразительным источникам, по уже многочисленным находкам самого предмета, да еще нередко в хорошей сохранности, среди археологов идут споры об этнической принадлежности женщин, похороненных с *бохтог*. Споры связаны с тем, что в результате различий в обряде убор клали в могилу в разной комплектации, и особенно с тем, что археологи, как правило, мало сведущи в устройстве данного головного убора, путают его остатки с головными уборами других типов, и даже с другими предметами. При всем разнообразии деталей «классический» *бохтог* состоит из двух конструктивных деталей – маленькой округлой шапочки с назатыльником и круглым отверстием на макушке,

и поставленной на это отверстие круглой в сечении трубы, увенчанной раструбом с плоским дном сверху. Вариантов верхней части *бохтог* – трубы с раструбом достаточно много и по форме, и по величине. Судя по описаниям очевидцев и многочисленным изобразительным источникам, *бохтог* венчался прутиком, который обвивался тканью, бусами; сверху крепился пучок перьев – от перьев филина до перьев павлина или даже зимородка; с одной или обеим сторон донца свисали недлинные края обтягивавшей верх убора ткани, а слева – еще и низка жемчуга. Археологи обнаружили конструкции увенчаний *бохтог*: основа состояла из деревянной или костяной планки-распорки, или двух, крестообразно скрепленных планок-распорок; в середине планки или в центре крестовины вставлялась втулка из дерева или кости, обычно вырезавшаяся в форме цветка, в которую и вставлялся прут из дерева, кости, или, как сообщают источники, из металла, в том числе драгоценного. К нижней шапочке, пришитой к берестяному каркасу верхней части, за виски и назатыльник пришиты широкие черные ленты для удержания *бохтог* на голове. Судя по изображениям и археологическим находкам, ленты обшивались золотыми ромбическими бляхами с вставками жемчуга, или такой же формы кусочками ткани с сеткой из пришитых жемчужин. Поверх нижней шапочки основы надевался башлычок с наушами и назатыльником из максимально дорогой ткани. Сзади он имел сплошной вертикальный разрез и завязки или пуговицы с петельками. К наушам пришивались широкие ленты для завязывания на подбородке, либо на затылке. Довольно длинная – ок. 1 м, фата крепилась к нижнему краю колонны, либо к раструбу. Парадные имперские *бохтог* имели стандартный набор ювелирных украшений. Их полный набор, кроме ромбов на лентах, включал большую брошь на стыке трубы и раструба, цилиндрическую амулетницу под ней (иногда два цилиндрика), малую брошь либо ряд треугольничков на стыке колонны и шапочки, и, наконец, височные подвески каплевидной формы, с которых свисали жемчужные рясна. Труба могла расширяться вертикальной узорной полосой цветным бисером и жемчугом. Роскошные варианты

этих элементов делались из золота лучшей работы и щедро покрывались вставками из жемчуга, но иногда также и цветных камней. Под брошью цилиндрическая амулетница. Как показал У.Эрдэнэбат [Эрдэнэбат, 2006, с.118, Зураг 82], башлыки, надетые непосредственно на голову, без шапочки основы с верхней частью, служили траурными головными уборами дам. Может быть, они также назывались *бохтог*.

Женский костюм в империи Чингизидов обязательно дополнялся ювелирными деталями и украшениями. Самыми популярными были браслеты, украшенные по концам стилизованными тигриными головами, а по центру – «узлом счастья» с драконьими хвостами. Очень распространены были амулетницы/тумары – емкости для хранения оберегов. Это были и более или менее богато украшенные цилиндрики, подвешиваемые на шею или прикреплявшиеся к верху трубы *бохтог*, под раструбом. Были и коробочки в форме кошелька, прямоугольные или с фигурно вырезанным в виде сложного фестона нижним краем. Хорошо известны роскошные золотые образцы тумаров из золотой филигрании. Прототипами их были кожаные кошельки. В раннезолотоордынском погребении знатной монголки у г. Новопавловск на Ставрополье раскопано сразу серия кошельков, набитых шерстью, мелом, травами... прикрепленные к ленте, они могли носиться через плечо, тем самым будучи предтечей традиционного украшения женщин казанских татар – *хасите*. Носили и нашейные украшения, наиболее характерные представляли собой мелкие или крупные касты с плоской изнанкой, в которые вставлялись самоцветы и жемчужины.

Костюм насельников бывшего Улуса Джучи в XV в.

Материалов по костюму тюрко-монгольских насельников империи Улус Джучи времени его упадка и распада на несколько политических образований несравненно меньше, чем по костюму имперского периода. Это во многом объясняется тем, что массы населения исламизировались, а новая религия предписывала хоронить покойника только в саване. Однако, как мы знаем из материалов и поволжских погре-

бений, и, особенно, погребений представительниц высшей монгольской знати Средней Азии – амира/беклярибека Тимура Барласа и его внука Улуг-бека в мавзолее Гур-и мир в Самарканде, в некоторых погребениях мусульманских авторитетов XVI–XVII вв. в Средней Азии, в погребения покойники помещались в одеждах. К сожалению, погребенная одежда Тимура и Улуг-бека так и не подверглась должному исследованию и публикации, несмотря на исключительную важность этого материала. Поэтому основным источником нам могут служить только многочисленные, в основном, гератские, тебризские, ширазские и багдадские миниатюры, созданные в Китабханэ (ателье по созданию художественных книг) при дворах монголов-Тимуридов и правителей туркменских государств – Кара-Койунлу и сменившего его Ак-Койунлу. Все реалии на них, особенно костюм, переданы со скрупулезной точностью, во всех подробностях. Данные миниатюр дополняют и полностью подтверждают редкие образцы поясной гарнитуры и текстиля с территории Золотой Орды. Великолепным и абсолютно аутентичным источником по костюму данного периода являются сравнительно многочисленные рисунки-эскизы вышивок на халатах и кафтанах, сохранившиеся в «картинных галереях» правителей туркмен Ак-Койунлу – альбомах – *муракка*, оказавшихся добычей османского султана Мехмеда II Фатиха. Можно смело предполагать, что если мужской костюм монгольских наследников Улуса Джагатая (монгольско-тюркское население так и называло себя джагатаями, а свой тюркский язык джагатайским) и монгольских, туркменских и персидских наследников Улуса Хулагу унаследовал монгольскую традицию, то уж костюм монголо-тюркского (татарского) населения Золотой Орды, где правили монголы-чингизиды, а все практически все этнические проименования были названиями монгольских племен эту традицию должен был сохранять в еще большей мере. Тем более, что и местная, и интернационально-исламская традиции костюма здесь действовали неизмеримо слабее, нежели на Ближнем и Среднем Востоке. А судя по миниатюрам, мужской костюм светской знати здесь сохранял полностью

монгольский характер. Мужчины носили в качестве основной плечевой одежды длинный халат *дегель* с косым запахом слева направо и длинными узкими рукавами, либо очень короткими и широкими рукавами-«крылышками». Поверх *дегель* надевали немного более короткий кафтан с рукавами короткими, до середины предплечья, или «крылышками». Большее распространение получило нераспашное платье с круглым или V-образным воротом и вертикальными осевым разрезом до низа груди. Разрез застегивался навесными пуговками и петличками, либо соединялся завязками. Если платье было длинным, то от подола до колен спереди оно имело вертикальный разрез по оси. Любопытно, что на иранских миниатюрах XV в. практически не встречаются откидные рукава. Надо полагать, они были популярны в Золотой Орде, во всяком случае, на ее Причерноморских территориях. Ведь эти территории были напрямую связаны с Балканами, Малой Азией и Италией, где одеяния с откидными рукавами были, благодаря влиянию монгольского костюма, крайне популярны. В XV в. начинает распространяться манера заправлять длинную верхнюю одежду в штаны, в основном, на охоте и войне, а потом, изредка, и в обычное время. Для этого сама система набедренной одежды должна была измениться. Прежние, довольно тонкие штаны становятся нижними, в сущности, подштанниками, а верхние, в которые заправлялся халат/кафтан, надо было шить из плотной цветной ткани и делать более широкими в шаг, с низкой мотней, чтобы уместить туда низ халата. Зато подобное утепление таза резко сократило употребление утеплителя поясницы, который остался одеждой пастухов в холод и непогоду. Низ штанин заправлялся с напуском в голенища сапог, ставшие несколько короче и с гораздо большим раструбом. Сами сапоги, по-прежнему с боковыми швами на голенищах, стали снабжаться небольшими каблуками.

Система декора «монголо-татарского» мужского костюма XV в. оставалась вполне монгольской. Мы встречаем те же «прото-буфаны» квадратной, реже круглой формы на груди и спине, узорную горизонтальную полосу под коленями, четырехлепестковую розетку вокруг ворота. Круги

«луны» и «солнца» на плечах также остаются, хотя трепециевидные поля под ними – «национально-монгольский» признак – на миниатюрах не встречаются, хотя среди эскизов вышивок на реальных одеяниях они в альбомах представлены. Судя по этим эскизам, декораторы костюмов элиты были страстно увлечены китайскими сюжетами и стилистикой, с большей или меньшей точностью или свободой перенося в свои разработки китайские мотивы раннего этапа эпохи Мин. Драконы, фениксы, журавли, цветы, горные, болотные и лесные пейзажи, даже сражения «китаистых» воинов – все представлено на рисунках. Меньшую часть составляют эскизы, выполненные в ирано-мусульманской традиции, сложившейся на базе, разработанной в монгольской имперской культуре с большим участием китайского (включая чжурчжэньский и тангутский) наследия. Ярким образцом такого декора является роскошное, сплошь вышитое золотом четырехлепестковое оплечье кафтана с осевым разрезом с окантовкой борта и линии соединения в халате верха с отрезным подолом-юбком, хранящееся в Оружейной палате Московского Кремля. Его поверхность заполняют цветы и крылатые ангелы великолепной работы. В Оружейной палате оплечье хранится как образец иранского искусства XVI в., тогда как американские искусствоведы отнесли его к эпохе Тимуридов. Автор же этих строк склонен считать, что его изготовили в последней трети – конце XIV в. во владениях Тимура, а кафтан с этим украшением был царским подарком любимцам (временным) – хану Токтамышу или беклярибеку Эдигею. И далее, в качестве царского же подарка был преподнесен Великому князю Московскому. Где в походной казне Московских государей (ныне Оружейной палате), когда ткань кафтана обветшала, золотные его невредимые детали были спороты и хранятся как самостоятельное изделие.

Как и в прежние периоды, важным, статусным элементом мужского костюма был его пояс. Миниатюры фиксируют широкое распространение кушаков из скрученного отреза цветной узорной ткани. Но светская элита по-прежнему щеголяет в поясах с набором из ценного металла. Характерно при этом, что пояса типа монгольского парадно-

го не фиксируются ни на изображениях, ни археологически, оставаясь достоянием знати империи Мин. Старые и новые династы бывших Улусов Джучи, Джагатая и Хулагу, и их знатные подданные носят только портупейные пояса – клинковые и саадачные. Судя по миниатюрам, набор теперь состоит из рамчатой пряжки с иглой, концевой пластинки, двух-трех среднего размера круглых пронизей с петлями внизу, узких обоймиц и одной или нескольких очень крупных круглых пояса, которые и были главным украшением пояса, при том, что застегивался пояс на боку. Совершенно такие пояса были найдены у дер. Литва под Минском, и в крепости Мангуп в горном Крыму. Пояс из Белоруссии датируется первой половиной XV в., мангупский набор – рубежом XIV–XV вв.

Что касается женского костюма этого периода, то материалов по татарам Улуса Джучи практически нет. Есть прекрасные образцы одежды из Белореченских курганов, но, если для XIV в. они дают местный вариант Золотоордынской культуры, то в XV в. местные адыги, политически вышедшие из-под власти разваливающейся Золотой Орды, вырабатывают собственную культуру, пусть и восходящую своими корнями (далеко не всеми) к имперской культуре предыдущего периода, но принявшую в целом вполне самобытный облик. Тем не менее, стоит обратиться, хотя бы для сравнения, к материалам Западного Предкавказья. Та же ситуация с женским костюмом в иранской миниатюре XV в. Если мужской костюм светской элиты на них безусловно продолжает монгольскую традицию, то этого нельзя сказать о костюме замужних женщин. Хотя знатные девицы на гератских и багдадских миниатюрах и эскизах самого конца XIV – первой половины XV в. представлены в монгольских прическах и нарядах. Костюм же матрон явно отражает местный, иранский комплекс, каким он был выработан в местной среде, испытавшей тюрко-монгольское влияние. Теоретически, сравнивая эти два косвенных источника, мы можем (если получится) выделить нечто типологически общее, каковое и будет наследием общей для обоих регионов чингизидской имперской культуры. И это общее выделяется. Прежде всего, это верхний кафтан, распашной, с вертикальным осевым разрезом, полы соединяются

навесными пуговками с петельками и петличками. Кафтан шился разной длины – от середины бедра и до середины голени. Кроился он обычно в талию, рукава могли быть короткими – до середины предплечья, или длинными и узкими. Кафтан из Белоречья – отрезной, со сборчатым подолом и высоким воротником. Судя по иранским миниатюрам, парадные кафтаны шились из богатых цветных узорных тканей, украшались вышивкой, подобно мужским парадным верхним одеяниям. Только в вышивках на женских кафтанах отсутствуют квадратные и круглые поля на груди и спине – «протобуфаны», бывшие у монголов показателями статуса. Это и понятно: мусульманская женщина более не сидела на курултаях, праздничных пиршествах, подтверждая своим одеянием статус мужа, как это имело место с монгольскими дамами. Судя по всему, этот кафтан – прямое развитие традиции девичьего монгольского костюма, который был практически аналогичен мужскому. Из мужского костюма в женскую распашную пришли откидные рукава, длинные разрезы коих соединялись, как и полы, навесными пуговицами с петельками и петличками. Также из мужского костюма в женский проникли пояса с металлическим набором. Судя по находкам в поздних белореченских и ранних кабардинских курганах, женские пояса, да и часть мужских делались из толстой шелковой, тканой на дощечках, ленты. Женские пояса могли не иметь пряжки и просто завязывались узлом. Наряду с поясами с набором применялись и тканые кушаки. В холодное время кафтан мог дополняться или заменяться длинным, до ступней, распашным теплым халатом с длинными, ниже ладоней, узкими рукавами. Такие халаты имели меховую отделку – подбой, воротник, опушку пол. Несомненно, для утепления применялась простежка. Как видим, покрой верхнего длиннополого одеяния ничего общего не имеет с монгольским. Зато его декор был в целом наследием монгольской имперской традиции. Под кафтаном в XV в. стали носить длинное, до ступней, платье с узкими рукавами до запястий, или ниже ладоней. Платье имело круглый или V-образный ворот и могло быть как глухим, так и распашными, с вертикальным осевым разрезом. Что касается головного убора, то

на иранских миниатюрах это всегда ближне- и средневосточная шаль, повязанная по разному, но не скрывающая лица. Обычно верхние концы обматывают голову вокруг лба и образуют торчащие в стороны или назад концы, либо торчащий складчатый гребень. Остальная ткань фатой опускается ниже талии. Адыгские погребения содержат остатки высоких конических головных уборов с аппликациями, а также наверху из драгоценных или цветных металлов в виде конуса со шпилем, увенчанным полумесяцем рогами вверх, иногда мелкими подвесками на цепочках. К сожалению, нам неизвестны адыгские домонгольские женские головные уборы, но на половецкие они не похожи, а если и являются дериватами *бохтог*, то уж очень отдаленными. С определенной долей вероятности с чингизидской традицией можно связывать наверху с полумесяцем – полумесяц рогами вверх достоверно входил в состав монгольской имперской геральдики.

Таким образом, мы можем полагать, что в XV в. у татаро-монгольских народов мог сформироваться женский костюм в составе длинного платья, кафтана разной длины с короткими или длинными рукавами, который мог подпоясываться кушаком или наборным поясом, и верхнего утепленного халата с длинным подолом и руками. Головной убор состоял, судя разрозненным данным XV в. и по более поздним источникам, из шали и высокого конического убора с металлическим декором. Можно думать, что в обычное время шаль была достоянием женщин, а коническая шапочка – девушек, а начиная с торжественного свадебного обряда оба убора «на выходе» носились вместе. Женский костюм, согласно уровню благосостояния и статусу, дополнялся набором украшений – серег, колец, браслетов, ожерелий, наконечников и т.п.

Костюм татарских народов XVI–XVII вв.

XVI–XVII вв. несравненно богаче источниками по татарскому костюму, нежели предыдущее столетие. Правда, в подавляющем большинстве это источники изобразительные, и только единичные элементы дошли от реальных предметов костюма. Но

важно отметить, что изображения татар в XVI–XVII вв. делают европейские художники в реалистической ренессансной манере, подчас с поразительной этнографической точностью. Как правило, это графика отчетов о путешествиях, рисунки на картах, обозначающие тех или иные народы, на данных территориях обитающие. Но есть и живописные изображения, и даже портреты. Разумеется, эти изобразительные источники требуют чисто искусствоведческого анализа: ведь некоторые из изображений достаточно условны, их авторы никогда не видели самих татар и рисовали их по рассказам, либо руководствовались традицией или собственными представлениями, нередко вполне фантастическими. Кроме того, необходимо проследить всю цепочку воспроизведений изображения татарина или татарки: ведь первоначальное, сделанное с натуры изображение обычно воспроизводилось много лет другими художниками, обрастая постепенно изменениями, неточностями, придумками все новых исполнителей. Даже для второй половины XVIII в. можно привести такой пример, как с превосходной акватинты 1768 г. рокального француза Лепренса через четыре года была сделана довольно скованная гравюра на дереве Георги, а с нее – уже и более неуклюжие копии. Хотя костюм, типаж, и поза везде одни и те же, но пропадают подробности, пририсовывается фантастическая «ориентальная» сабля... Или несколько вариантов семейного портрета, который некоторые казанские исследователи, ничтоже сумняшеся, окрестили портретом ханши Сююмбике с царевичем Утямышем и присными, и возводят оригинал к XVI–XVII вв. Но на деле это исключено, т.к. совершенно европейский по сюжету и композиции групповой портрет, пусть и несколько архаичный и тяготеющий к парсунной живописи, не мог появиться в Казани ни в XVII, ни, тем более, в XVI в. А парсунная архаика характерна для русской портретной – непетербургской – живописи первой половины XVIII в. Так что перед нами провинциальный русский портрет богатого татарского семейства, либо даже попытка исторического портрета той же Сююмбике, только, разумеется, в этнографических реалиях XVIII в. Другое дело, что

какие-то из этих реалий могут восходить к более раннему времени, но исследованием этого никто не озаботился. Фантомы, подобные описанному выше, в последние голы возникают в некоторых головах. Обычно они связаны с вещами, важными и знакомыми, определяющими уровень развития искусства Казанского ханства. Трагедия народа и науки в том, что художественная культура Казанского, Астраханского и Сибирского ханств подверглась удивительно тщательному уничтожению. Похоже, все драгоценные украшения, оружие, посуда, утварь, одеяния – вся бесценная добыча, полученная при взятии Казани и Астрахани, была разворована, растащена, переделана, перелита в долгий период смуты всеми фигурантами процесса, особенно же, надо полагать, казаками. Рядовые же вещи просто пришли в негодность и были выброшены. А поскольку во время штурма Казани мирное население, оказывавшее бешеное сопротивление, было в массе своей истреблено, то в числе его были истреблены и лучшие, и рядовые мастера-художники, в состав этого населения входившие. Лишь провинциальные ремесленники продолжали традицию, но заказчик у них сменился: долгое время это были новые, русские помещики, а остатки своих старых заказчиков перешли на положение «сирот казанских», не имевших достаточных средств. Многочисленный же слой «служилых» татар также не мог сравняться по возможностям с ханским двором и огланами, чиновничеством, богатым многочисленным купечеством, духовенством Казанского (и Астраханского) ханства. Крошечное же Касимовское ханство было заказчиком слишком слабым, да и запросы его двора, судя по парадной архитектуре, во многом удовлетворялись русскими мастерами.

Именно такова безотрадная картина с художествами татарских ханств Поволжья. На этом фоне особенно сильно хочется подтверждений высоких достижений мастеров ханской Казани. И вот возникает «версия» о казанском, XVI–XVII вв., происхождении сканых поясных застежек из Оружейной палаты Московского Кремля. Но на деле это обычные для запада Османской империи, особенно Балкан, «пафти» XIX в. Самый же

серьезный фантом – это Казанская шапка Ивана IV, его корона, созданная по случаю обретения им Казанского стола, давшего ему право называться царем, придавшего легитимизацию этого титула для Великого князя Московского. Стойкая и распространенная в научной и околонучной общестственности Казани «версия» определяет Казанскую шапку как: 1 – изделие казанских ювелиров, и 2 – просто как корону последнего казанского хана Ядигара. Однако эта «версия» – совершеннейший миф, основанный на незнании и полном непонимании особенностей этого произведения ювелирного искусства. Никто из сторонников «версии» почему-то не обратил внимания на то, что шапка является, если убрать меховой околыш XVII в., колоколовидной тиарой с двумя ярусами сложновырезных зубчатых венцов. Такой короны нет и никогда не было у владык ни мусульманского Востока, ни христианского Запада. Зато такая тиара – с двумя, а позднее с тремя венцами – венчала голову папы Римского. И только одного владыки ислама – османского султана Сулеймана Кануни/Великолепного. На султана она показана на гравированном в Венеции в 1532 г. его профильном погрудном портрете и на зеркальной перегравировке этого портрета, выполненной в 1535 г. художником Агостино Венециано. На гравюре мы видим этот убор, представляющий популярный в Италии шлем типа *барбют* в его парадной разновидности *barbuto alla veneziana*, на который и надета тиара в форме сахарной головы, с четырьмя зубчатыми венцами, украшенными самым роскошным образом в стиле итальянского возрождения. Скрупулезно изображенный на гравюре убор из золота с отделкой драгоценными камнями и жемчугом был придуман и заказан султаном и изготовлен к 1532 г. в Венеции мастером Луиджи Каорлини. За работу ему из османской казны была уплачена гигантская сумма – более чем в 100 000 дукатов. Произвел оплату и привез шлем-корону в Стамбул великий везир Ибрагим-паша. Надевал корону султан только раз, когда принимал посольство Габсбургов – императоров Священной Римской империи. Собственно, для этого корона и заказывалась. Дело в том, что османский султан был владыкой Рума, как

называли на Востоке Малую Азию и часть Балканского полуострова, на которых располагалась Восточная Римская империя/Византия. Но султан хотел и считал себя в полном праве владеть всей Римской империей, включая ее Западную часть, священным центром которой был папский Рим, а светским – императорская Вена. Символика сооружения была ясна и прозрачна именно католикам (православные, кроме русских, и так были под властью султана): султан был одновременно и султаном (ханом, падишахом) – светским правителем, и халифом – духовным предстоятелем мусульман, наместником пророка. Первое символизировал шлем, второе – папская тиара, причем не с тремя, как у папы, венцами, а с четырьмя, указывающими на власть над четырьмя сторонами света. Как известно, Великий князь Московский Иван IV с молодых лет был страстным почитателем Сулеймана. Он и реформы свои проводил, приводя разные – финансовые, юридические, военные – институты Московии в соответствие с канонами Сулеймана Кануни. Несомненно, что Иван заказал итальянцам, сновавшим меж Московией и Италией, портрет своего кумира, и те легко добыли и доставили ему заказ. Понятно, что в момент высшего своего торжества, завладев престолом Чингизидов Казани, царь приказал изготовить символ своей славы на манер султанской короны. Но скромнее – лишь с двумя венцами. Мастерами могли оказаться и казанские ювелиры, но совсем необязательно. Ведь Московская художественная (и не только художественная) культура в XVI в. была достаточно ориентализирована, а точнее – татаризована. Отнесение же Казанской шапки к Казанскому ханству невозможно и потому, что в Казани навряд ли знали о католическом, европейском и для европейцев придуманном уборе, и потому, что никогда хан Казанского ханства не посмел бы иметь корону, равняющую его с Османским султаном – его, хана, имамом, халифом, т.е. духовным владыкой и хоть не прямым, но сюзереном.

Рассмотрев фантомы, обратимся к реальным свидетельствам. Все европейские источники доносят до нас элементы мужского костюма, характерные для основной массы татарских народов восточной Европы.

Самое реалистичное и самое раннее изображение татар мы видим на картине неизвестного немецкого (?) живописца «Битва под Оршей» в Музее Народоведения в Варшаве. Картина изображает разгром войска Великого княжества Московского войском Речи Посполитой в 1514 г., и явно написана вскоре после события, по живым его следам. Поражает точность и подробность передачи реалий и лиц, местами явно портретных. Для нас здесь важно изображение отряда литовских татар – липков. Рядовые воины облачены в длиннополые стеганные халаты, поверх которых надеты толстые простеганные кафтаны до колен, с широкими, очень короткими рукавами, со стоячими высокими – до ушей – воротниками, с прямым осевым разрезом. Эти кафтаны могли служить сравнительно серьезной защитой от чирок и даже сабли. На ногах – сапоги с загнутыми носами, на головах – очень высокие белые, цветом и формой напоминающие сахарную голову войлочные шапки, поля которых неглубоко разрезаны, носят опущенными книзу. Под шапкой может оказаться стальной напleshник. Прическа еще старая, восходящая к древней татарской: выбритая макушка и лоб, оставшиеся волосы собраны в две косицы, свисающие с висков. Командир же липков увенчан довольно объемной чалмой, намотанной на стеганную вертикальными дольками шапку. В отличие от рядовых бойцов, его стеганный кафтан-панцирь крыт роскошным узорным бархатом. Надо отметить, что внешне липки практически неотличимы от конных московитов, облаченных точно в такие же шапки (только отвернутые вверх поля их опушены мехом), стеганные халаты и кафтаны. Только кафтаны у всех московитов крыты узорной тканью, опушены по подолу мехом и являются не мягкими панцирями, а поддоспешниками под стальные панцири – бахтерцы. На этой картине со всей ясностью виден уровень влияния татарского облачения на московитов. На живописи XVII в. липки предстают в темных халатах, в малахаях с назатыльниками, отороченных мехом. На рисунках же европейских современников липки могут предстать одетыми в длинный, ниже колен, кафтан с осевым разрезом на груди, и в высокую шапку с назатыльником.

Вероятно, к липкам имеет отношение хранящийся в Музее Чарторыйских в Кракове боевой жупан гетмана Жолкевского XVII в. Это шелковый, стеганный на вате длиннополый, с длинными рукавами халат – *тэрлэг* (русск. *терлик*), только выступающий кроющий верх полы у него не прямоугольный, как положено у монголов, и каким его унаследовали московиты, а треугольный. На рисунке Т. Корциона 1660 г. костюм ротмистра липков состоит из короткого, до бедер, кафтана, и жилета до пояса, опущенного до вороту, подолу и проймам мехом. Широкие шаровары заправлены в короткие сапожки, на голове – шапка с тульей тыквообразной формы и меховым околышем. С макушки шапки свисает кисть, сбоку за опушку заткнуто перо. В целом данный комплекс представляется приближенным к казачьему, который, в свою очередь, был очень близок ногайскому.

Что касается крымцев, то по костюму их элиты источников до нас дошло сравнительно много: это и изображения – на турецких и персидских миниатюрах XVI в., на западноевропейских гравюрах, и очень редкие, уникальные образцы подлинных одеяний. Костюм крымской элиты – мужчин – мы можем разделить на степной, «татарский», и османский. Собственно, «османскость» мы наблюдаем в ханском костюме, в его верхней плечевой одежде, которая представляет собой парадный турецкий длиннополый кафтан с длинными откидными рукава и большим воротником, часто меховым. Кафтан застегивался драгоценными подвесными пуговицам на петельках. По турецкой моде, застежек было много, располагались они часто, и им соответствовало множество петличек. Носили их неподпоясанными. В XVI–XVII вв. турецкие кафтаны шили из узорного многоцветного бурского бархата и толстого плотного шелка-кемха, петлицы были из галуна или узорной тесьмы. В начале XVIII в., согласно турецкой моде, парадные султанские и, соответственно, ханские кафтаны шили из красного сукна; пуговиц и, соответственно, петлиц стало меньше, зато они стали крупней и густо унизывались алмазами. Большой отложной воротник, полы и разрезы на рукавах опушены дорогим мехом соболя или выдры. «Степной» вариант

представлял комплекс из нижнего кафтана с длинными узкими рукавами, и длиннополого верхнего кафтана с широкими рукавами до середины предплечья. Верхний кафтан, с косым монгольским, слева направо, запахом, или с осевым разрезом на груди, имел невысокий воротничок, который мог быть стоячим и отложным. Судя по письменным источникам, и зимой, и летом рядовые кочевники – крымцы носили недлинный кафтан из бараньих шкур, обычно мехом наружу. Во всех случаях крымская элита, включая ханов, на турецких и персидских изображениях XVI–XVII вв. показана в очень специфических шапках – с не очень высокой куполовидной тульей из гладкой или узорной ткани и с меховым околышем с треугольными клиньями, поднимающимися спереди и сзади. Шапка с таким околышем – древнее огузское наследие, очень популярная на сельджукидском Востоке в XII–XIII в., встречавшаяся в монгольскую эпоху, и, как видим, сохранившаяся в Крыму по XVII в. В начале XVIII в. парадный костюм крымского хана отличался от наряда султана именно головным убором: в противоположность огромной османской чалме на крымском хане – тоже огромная, но меховая шапка-папах, украшенная, как и султанская чалма, бриллиантовыми эгретами с павлиньими перьями. В конце XVII в., судя по прекрасной гравюре нюрнбергского художника Кристофа Вайгеля, опубликованной в 1703 г., крымский татарин (и, вероятно, западный ногаец) носит нижний длиннорукавный кафтан с косым, справа налево, на пуговицах, запахом (турецкий фасон), заправленным в широкие штаны со штанинами навывпуск. Эта манера – наследие «охотничьей» моды XV в. и предтеча «джигитского» костюма Средней Азии и Казахстана. Верхний кафтан с меховой опушкой носится как плащ, внакидку, и держится на полосе ткани, пришитой у ворота слева, пристегнутой к пуговице справа у ворота. Шапка – с объемной округлой тульей и нешироким меховым околышем. На персидском, XVI в., портрете хана подробно нарисована нижняя шапочка из желтой узорной ткани с белой тесьмой по краю. Надо полагать, что у крымцев уже в XVI в. стала популярна шапка с тыквообразной стеганой

Крымский татарин (или ногаец).
Гравюра 1703 г.

тульей, с горизонтально прошитым или меховым околышем. Все крымцы показаны в сапогах. Но можно уверенно полагать, что часто носилась пара – нижние мягкие ичиги с высокими голенищами и башмаки с жесткой подошвой и каблуком – кавуши. Ременные или из шелковой ленты пояса-портупей с богатым, частично массивным металлическим набором, остались лишь у элиты. В массах более популярен и повседневно стал матерчатый кушак. Портупея же стала скромной, из тонких ремешков с мелкой металлической фурнитурой.

Очень близким крымскому мог быть костюм ногайцев. Последний, надо полагать, был разнообразнее и «типичнее», так ногайцы были не только массивом Ногайской Орды, но и широко инкорпорированы в этнополитические структуры казанцев, астраханцев, крымцев, казахов и башкир. И костюм их интегрировал разнообразные традиции на базе основной «матрицы», о которой ниже.

Рассматривая персидский портрет XVI в. знатного крымца (см. на цв. вкл.), нельзя не

обратить внимания на его близость с большой серией портретов тюркской знати на тебризских миниатюрах XVI в. и их поле поздних копий. Этот «жанр» в Иране связан с победами Сефевидских шахов над узбеками и туркменами, которые и были увековечены не только изображениями битв на миниатюрах и стенописи, но и портретами плененных степных владык. Недаром на этих миниатюрах присутствует атрибут плена – колодка-рогатка, держащая голову и левую руку пленника. При этом они представлены в походном одеянии, иногда даже в панцирях-куяках, и с полным набором вооружения – саблей, саадаком, ножом на поясе, кинжалом за поясом, кольцом для стрельбы на большом пальце правой руки и кистенем с большим шаром в ней. Все персонажи облачены в длиннополые кафтаны: нижний, с длинными узкими рукавами, и верхний, обычно косозапахный, слева направо, с короткими широкими рукавами до середины предплечий. Много реже встречается верхний кафтан с осевым разрезом на пуговицах. На головах – колпак с разрезанными полями широкими или узкими. Тулья нередко стеганная вертикальными дольками. Колпаки из белого фетра или крыты цветными и узорными тканями. Реже показаны небольшие изящные смушковые папахи, еще реже – сравнительно объемная чалма. Колпаки и папахи украшены небольшими перьями в драгоценных эгретах, привязанных к тулье золотым шнуром или золотой цепочкой. На ногах – сапоги или ичиги с кавушами. Можно полагать, что здесь перед нами типичный костюм представителя тюркской элиты кочевых корней, бывший актуальным на территории от Средней Азии до Причерноморья, и, соответственно, для многоплеменной татарской знати. Собственно казанский (и, надо полагать, касимовский) татарский представитель воинского сословия (скорее оглан, чем казак, судя по контексту изображения) показан на известной гравюре середины XVI в., иллюстрирующей труд о Московии имперского посланника Герберштейна. Изображенный в ряду русской знати татарин в саадаке, с ножом на поясе и булавой за поясом одет в узкий сверху и расклешенный книзу кафтан до середины голени, с прямым осевым раз-

резом с пуговицами и петлицами почти до самого низа, с длинными узким рукавами, с меховым широким лежачим воротником. Шапка с тульей – высоким округлым сверху колпаком имеет околыш, опушенный широкой полосой рысьей шкуры. Шапка имеет широкие завязки. Штаны из ткани в горизонтальную полосу с широкими штанинами навыпуск. На талии – матерчатый кушак, на ногах – узкие мягкие сапожки. Подобный, но более обобщенный костюм показан на европейских картах Татарии». Как видим, «татарская матрица» в мужском костюме выработалась в XVI в. и продолжала жить в начале XVIII в.

Женский татарский костюм известен несравненно хуже, т.к. восточных изображений татарок нет, а европейские крайне редки и не подробны. Однако «татарская матрица» для женского костюма может быть обозначена для XVI – начала XVIII в. Татарский женский комплекс состоит из длинной нижней рубахис круглым воротом и разрезом до солнечного сплетения или пупка, туникообразное широкое, часто расклешенное книзу платье с длинными рукавами, узкими или широкими, даже расширяющимися книзу рукавами. Верхняя одежда представлена

приталенным, более коротким или длинным кафтаном с короткими рукавами, обычно с прямым осевым сплошным разрезом на пуговицах. Это была самая нарядная часть одежды, у состоятельных крытая парчой и привозными цветными и узорными тканями. Головной убор практически всегда показан в форме высокой объемной сахарной головы, иногда с назатыльником. Иногда он надет поверх шали, окутывающей голову и плечи, иногда – непосредственно на голову. Вероятно, первый вариант ношения предназначался замужним дамам, второй – девушкам. На ногах – башмаки и ичиги с кавушами. Обильный ювелирный убор состоял из нашивок, в основном монетных, на головной убор, из подбородных и шейных монист, девичьих накосников, браслетов, серег и колец. Целой коллекцией амулетниц различной формы являлась перевязь-*хасите*. Описанная «татарская матрица» женского костюма сформировалась в XVI в. и актуализируется в женском костюме многих, и не только татарских, народов от Кавказа до степей Средней Азии. Наиболее ярко она оказалась выраженной в ногайском, астраханском, казахском и северокавказском – западном и центральном – костюмах.

ГЛАВА 6

Архитектура и искусство

§ 1. Архитектура Казанского ханства

Нияз Халитов

Архитектура Казанского ханства, от которой не осталось ни наземных построек, ни достоверных описаний или изображений, является одним из самых малоисследованных явлений в истории татарской культуры. Средневековая Казань, представление о которой можно составить сегодня главным образом на основе исторических сведений и косвенных данных, пока еще не может стать предметом полноценного архитектуроведческого анализа на всех уровнях. Тем не менее по известным нам источникам она предстает перед нами как явление сложное, неоднозначное, и продукт высокоразвитой многовековой традиции. Уже к моменту возникновения Казанского государства, его архитектура прошла Приазовский Велико-Булгарский (VI–VII вв.) этап, предваривший камский Ранне-Булгарский (VIII–IX вв.) и камский Велико-Булгарский (X–XIII вв.), затем золотоордынский (XIII – первая половина XV в.) этапы. За это время в Поволжье были занесены тюркские и хазарские, кавказские и среднеазиатские, арабские и персидские, малоазиатские и многие другие черты развитых цивилизаций Востока, в том числе булгарами и при их посредстве.

Приход в середине XV столетия на казанский трон династии ханов-Чингизидов из центров Нижнего Поволжья и Причерноморья, несомненно, внес новые черты в архитектуру столицы. Золотоордынская знать, воспитанная в традициях столичной культуры одной из величайших империй мира, следуя также и привычным традициям Дешт-и Кипчак (Сарай, Крым), несомненно, ориентировалась в своей культурной политике на современные центры исламского мира, и, прежде всего, Османскую империю. Развитие городской, и особенно столичной, казанской архитектуры, поэтому, надо

рассматривать в общей связи с мировой культурой ислама. Народная же культура в меньшей степени зависела от политической конъюнктуры и была более устойчивой к нововведениям. Казань активно строилась, возводились новые крепостные сооружения и городские стены, дворцы и мечети, торговые каналы, речной порт. Археологически исследованы многочисленные остатки срубных построек, белокаменные и кирпичные фундаменты мавзолеев и мечетей того времени (в полуразрушенном и перестроенном виде некоторые из них просуществовали вплоть до второй трети XIX в.), найдены характерные изразцовые и гипсовые облицовочные детали. Рисунки средневековых художников, как русских, так и западных, дают сведения о своеобразной архитектуре Казани. На них можно увидеть многочисленные остроконечные башни-минареты, белокаменный укрепленный дворец хана, многокупольные каменные бани и др. (см.: [Халит, 1996]).

На границе лесостепной зоны со Степью и южнее, где размещались домонгольские центральнобулгарские и золотоордынские города, традиции зодчества сложились к XV в. на базе собственных традиций и в рамках имперской школы Золотой Орды. Можно отметить определенные принципы градостроительного мышления, выразившиеся как в пространственной композиции столичных городов, так и в соответствующих масштабах сооружений, размахе строительства. В культурном отношении ханство стало прямым преемником традиций Волжской Булгарии, что подтверждают, в частности, археологические [Смирнов, 1951], этнографические [Воробьев, 1953] и антропологические данные. Казанцы, воспринимая новые творческие концепции, широко применяли

характерные для болгарского зодчества тяжеловесные купольные и ярусные формы, скатные и многоскатные покрытия, сохранили своеобразный тип минарета [Халит, 1995]. Здесь строились крепости и замки, дворцы и бани, караван-сарай, мечети, медресе, дома и надгробные усыпальницы – словом, все то, что было присуще во все времена архитектуры мусульманского Востока.

Каменные и кирпичные сооружения оставили больше следов, и поэтому о них известно больше, чем о деревянных или земляных, не говоря уже о кочевых мобильных сооружениях. Каменная кладка, многочисленных образцов которой обнаружены на территории Казанского Кремля, была весьма разнообразна: от искусно уложенного плитняка до гладко отесанных блоков. Из камня строили оборонительные сооружения, бани, дворцовые палаты, мечети, усыпальницы. Их архитектура в своей основе была близка к унифицированным по своей планировке и строительным конструкциям решениям средневековых школ зодчества Закавказья, Крыма, Турции. Распространенный в XIV в. в Булгаре и Золотой Орде кирпич-плинфа в Казани практически не встречается, в то время как остатки кирпичных сооружений не оставляют сомнения в широком распространении здесь обычного на современный взгляд брускового кирпича, стереотипно всегда воспринимавшегося как «русский».

Основная масса застройки городов состояла из срубных деревянных домов с хозяйственными постройками. Иные, чем в Закамье, природно-географические условия, изобилие леса и окружение народов лесного края, обладавших высокой техникой обработки древесины наложили отпечаток на зодчество края. Дерево здесь стало играть ведущую роль, существенно потеснив камень даже в монументальном строительстве. Деревянные конструкции позволяли создавать богатые по силуэту венчающие элементы (башни, надстройки, шатры, шпили), а также живописные изломы и членения фасадов. Такие образные средства каменного зодчества, как купола, арки, выносные порталы и цилиндрические башни легко заменялись шатрами, навесами, многогранными формами. Сохранялись и формы мобильной архитектуры: шатры, юрты, кибитки.

Пути развития и характер волго-камской культуры на каждом этапе ее исторического пути можно правильно оценить лишь во взаимосвязи с ближайшими очагами исламской культуры: Закавказьем, Причерноморьем, Хорезмом, а также и более отдаленными: Ираном, Малой Азией, Ближним Востоком. Каждый из этих центров являл собою яркий образец регионального стиля в искусстве и архитектуре, опиравшегося на собственные, еще доисламские традиции. Культурная ось «Египет – Турция – Кавказ – Поволжье» явственно ощущается при сопоставлении архитектурных памятников этой эпохи. Несмотря на географическую удаленность, родственные по вере и крови народы исламского мира были тесно связаны между собою, и одним из подобных же центров, занимавших самую северную точку обширного исламского мира, было Казанское ханство. Казань активно сотрудничала в политическом и культурном отношении со многими из них – вплоть до непосредственного привлечения строительных бригад из одного региона в другой. Некоторые исторические данные свидетельствуют и о возможном участии итальянских архитекторов при возведении Ханского двора и его укреплений в конце XV в.; в документах упоминается имя крымского зодчего Якупа [Усманов, 1991].

Период становления и апогея развития средневековой казанской школы монументального зодчества (XV–XVI вв.) хронологически совпал с аналогичными этапами развития одной величайших школ исламского мира: османской, воздействие которой очевидно в архитектуре каменных памятников всех постзолотоордынских государств того времени. Сохранившиеся образцы декоративного средневекового искусства Поволжья и их отголоски в более поздних произведениях казанских татар (и не только) дают все основания считать османский стиль одним из исторических стилей татарской художественной культуры во всех его проявлениях: декоративно-прикладном, монументально-декоративном искусстве и в архитектуре. Средневековое искусство тюрок Волги, Урала и Сибири, частью которого являлось и архитектурно-декоративное искусство, использовало и местную тюрко-

финно-угорскую традицию, породив весьма своеобразные формы и проявления художественной культуры [Валеев, 1975].

Поселения и жилища

Типы жилища у татар могли быть разнообразными в зависимости от места проживания и примененных строительных материалов, их планировочные принципы строились на правилах шариата и региональных традициях, в той или иной степени сочетавшихся с пережитками кочевого жилища. Тип жилища зависел от материального положения хозяина: землянка, полужемлянка, саманная хата, срубный одно-трехэтажный дом с более или менее развитой структурой, каменная «палата» или различные комбинации срубных, кирпичных или каменных конструкций (Ханский дворец, усадьба Нур-Али, дом Кул-Шарифа в Казани). Каменные и деревянные здания в один-три этажа на высоком хозяйственном подклете под двух-четырёхскатной крышей, в целом, видимо, походили на более поздние традиционные дома, описанные этнографами XVIII в. Снаружи усадьба огораживалась бревенчатой стеной или тыном. Богатые двухэтажные дома могли иметь наружные балконы или галереи.

В этнографической литературе отмечалась характерная деталь: у народов с кочевым прошлым, в том числе и у татар, наряду с зимним существовало летнее жилище, порой в виде обычной юрты во дворе или за пределами оседлого поселения. Известно, к примеру, что ханы-Чингизиды порой предпочитали управлять государством из кочевой ставки, а не из столицы империи, а в оформлении ханских дворцов (к примеру, в г. Бахчисарае) очевидно присутствуют элементы кочевого стиля. Кочевому компоненту и его влиянию на развитие национальной традиции в татарской архитектуре до настоящего времени не уделялось никакого внимания, несмотря на прямые указания современников о существовании юрт «казахского образца» в татарском быту вплоть до конца XIX в. [Воробьев, 1953, с.158]. Отголоском этой традиции можно считать то, что вплоть до начала XX в. у казанских татар встречались два рядом стоящих дома: зимний и летний, соединенные навесным крытым переходом или галереей по второму этажу,

прототипом чему явно послужили названные комплексы [Халитов, 1989, с.75]. «Монгольский» тип жилища в виде центричного квадратного в плане строения имел распространение в Нижнем Поволжье в эпоху Золотой Орды и повлиял на архитектуру татарской мечети [Халит, 2012]. Булгарская и золотоордынская архитектуры, возникшие в средневековых государствах, где кочевой компонент играл существенную роль в экономике и культуре населяющих его народов, неизбежно складывались как продукт синтеза кочевой и оседлой культурных традиций, что отражалось на всех уровнях: градостроительном, объемно-композиционном, планировочном, художественно-образном, символическом, декоративном. И недооценивать его роль в этом процессе нельзя. Напротив, учитывая то, что кочевая традиция формировала сознание жителей Поволжья в течение тысячелетий и на момент перехода к оседлости была базовым стилем, следует учитывать ее параметры и увидеть ее отголоски в архитектурной традиции последующих эпох.

Анализ средневековых мусульманских миниатюр позволяет говорить о пяти видах кочевых сооружений: юрте, *шатре*, *палатке*, *кибитке* и *навесе*. Несомненно, все эти виды в той или иной форме существовали и в ранней архитектуре Казани как продукты средневековой тюркской городской культуры, сочетавшей в себе элементы кочевого и оседлого стиля.

Ансамбли и комплексы

Дворцовое строительство. Закономерности, прослеженные в планировках Ханских дворцов Казани и Бахчисарае (и, возможно, Хан-Кермана), в архитектуре которых можно усмотреть и черты сходства с султанским дворцом Топ-Капы в Стамбуле, говорят об общем планировочном принципе: продольно-осевой композиции комплекса вокруг протяженного майдана, где группировались жилая, представительская, культово-мемориальная и хозяйственная зоны. Характерным элементом дворца была высокая цилиндрическая башня, примыкавшая к жилым покоям хана. Все эти сооружения объединяет одно: они были выстроены ханами-Чингизидами, выходцами из Сарая, столицы Золотой Орды при основании но-

вых независимых татарских государств. Возможно, в основе их лежал один прототип – дворец хана Золотой Орды, родовая резиденция Чингизидов в Сарае [Халит, 2009а]. Дворец же в Стамбуле стал образцом стиля эпохи, примером для подражания.

Ансамбль Арка Казани. Арк (укрепленный двор Казанских ханов) представлял собой, подобно другим, универсальный комплекс жилых, административных, культовых и хозяйственных построек, ключевых в кольцо оборонительных сооружений. Наиболее приближается по своим стилевым качествам, строительной технике и культурной принадлежности к Казанскому Арку комплекс Дворца Ширваншахов в г. Баку (Азербайджан), сложившийся, в основном, в XV в. Его сооружения, наряду с крымско-татарскими, являются едва ли не ближайшими аналогиями казанским, что позволяет говорить о единых принципах зодчества, господствовавших в те времена в Волго-Камском, Южно-Кавказском и Причерноморском регионах. Другими близкими примерами подобного же комплекса видятся дворец Исхак-паши (цитадель г. Догубазит) в Турции, Хан-сарай в г. Бахчисарае. Масштабы, принципы пространственной организации и стилевые качества входящих в них сооружений вполне могут послужить аналогиями при восстановлении облика Казанского Арка XV–XVI вв. После расшифровки ряда документов XVI и XVII столетий, можно прийти к выводу, что это была каменная цитадель в виде неправильного четырехугольника зубчатых стен и башен, приблизительно ориентированного по сторонам света и пересеченного изнутри дополнительными укреплениями, в соответствии с условиями рельефа.

Главный въезд в Ханскую резиденцию, охранялся двухбашенными воротами, подобными главным воротам султанского дворца Топ-Капы в Стамбуле. Сохранилось несколько средневековых изображений этих ворот. Следующим рубежом обороны Арка была дополнительная стена с многобашенными воротами внутреннего двора, напоминавшая Ворота Наслаждения дворца Топ-Капы. Видимо, при реконструкции Арка архитектура этого дворца служила образцом для подражания.

Арк Казани, как и всякая резиденция крупного феодала, обладал рядом качеств, главными из которых должны были быть удобство и безопасность проживания, многофункциональность комплекса (жилищная, представительская, административная, оборонительная функции), возможность эвакуации в случае военных действий. Взаимное расположение построек должно было обеспечить оборонительные функции цитадели, т.е. с возможным примыканием их, расположением на различных уровнях. Территория двора должна была делиться на ряд замкнутых секций с перекрывающимися входами и выходами, и, возможно, с дополнительными внутренними стенами, создающими «коридоры смерти» для нападающих.

Центром композиции Ханского двора было главное трехчастное здание о трех этажах; к нему примыкали с разных сторон либо стояли на небольшом расстоянии кирпичные (каменные) и деревянные здания. Окружавшие здания, судя по средневековым рисункам, имели богатую объемную пластику фасадов и сложный абрис силуэта и как бы подводили к идее высотного объема с затейливым силуэтом, доминирующего в общей композиции дворца.

Функциональные группы зданий и помещений, входивших в состав дворцового комплекса как административного центра государства, места проживания ханской семьи и оборонительного сооружения, были следующими:

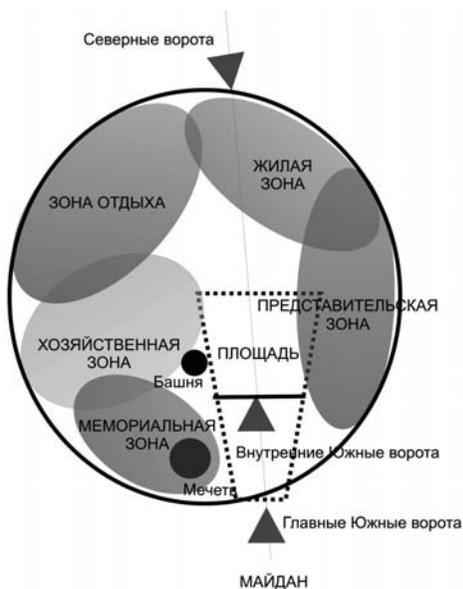
1. Административный блок: здания или помещения Государственного совета (Дивана); судилище (казият); парадная площадь перед дворцом; тюрьма (зиндан); казнохранилище; библиотека, архив; казармы ханской гвардии.

2. Жилой блок: Ханский дворец; здания для челяди и охраны; гостевой дом; сад.

3. Служебно-хозяйственный блок: кухни; баня; конюшни; кладовые; мастерские придворных ремесленников (меднолитейная, сапожная, швейная, кузнечная, ювелирная, оружейная и др.);

4. Культовый блок: мечеть; усыпальница ханов; возможно, усыпальница святого.

Предполагаемая площадь Ханского двора явно мала для размещения всех этих функций и бюрократических структур

Функциональная схема Казанского Арка. XI в.

управления весьма обширного государства, достигавшего тогда площади современной Франции. Не исключено поэтому, что Ханский Двор в Казани имел ограниченные функции чисто административного центра (или одного из них), наиболее укрепленного на случай критической ситуации, как это и случилось в 1552 г. Другим таким центром, по многим источникам, видимо, была загородная резиденция хана на озере Кабан (Кабанское городище), или, может быть, иные (военные ставки) – на случай захвата столицы врагом.

Из других дворцовых сооружений есть упоминания о дворце Нур-Али Ширина в северо-западной части Югары Кермана (подробнее об обосновании этого термина см.: [Халит, 1999, с.49, 50]) и дворцах арских «княжат и их вельможей», которые «зело прекрасны и воистину удивления достойны» [Подлинная, 1902, с.129].

Архитектура религиозных сооружений

К этой группе сооружений можно отнести мечети, медресе и дюрбе (надгробные усыпальницы).

По самым грубым подсчетам к середине XVI в. на территории ханства могло находиться около 1500 мечетей, однако сведений о них сохранилось очень мало. Часть этих сооружений располагались в городских центрах и играли роль кабир и джами, но подавляющую массу составляли, махалля-мечете. Возможно, вблизи крупных поселений находились и общегородские мусалла.

Обобщая все известные данные, можно говорить о **четырёх различных группах мечетей** в средневековой архитектуре Волго-Камья, каждая из которых выполняла свою функцию и предназначалась для вполне определенных целей или социального слоя жителей. Здания эти различались как масштабами, так и художественно-образным строем своей архитектуры: махалля-мечете; джами (некоторые из них выполняли роль поминальных, и, возможно, мемориальных); кабир; мусалла. Существовали также

Арка Казани. Реконструкция Н.Х.Халитова

мечети специализированного назначения: мечети-медресе, базарные, воинские, кладбищенские, мемориальные и др.

Средневековая архитектура Волго-Камья сформировала **пять планировочных типов мечетей:** дворовый; колонный; центрально-купольный; многозальный (многокупольный); однозальный (махалля-мэчете и юрта).

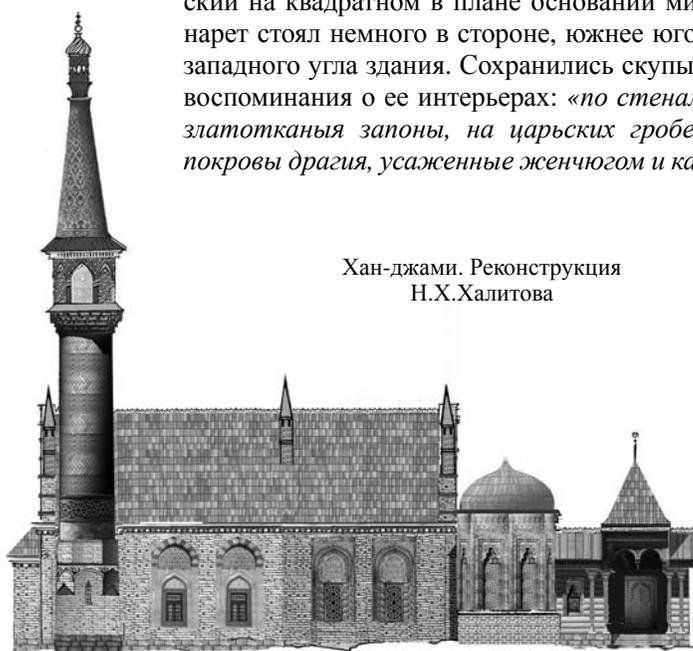
В объемно-пространственном отношении мечети имели несколько разновидностей, которые в целом соответствовали названным типам: многобашенная (дворовые и колонные); с одним-двумя примыкающими (встроенными) минаретами (купольная, многокупольная, многозальная); с минаретом на крыше (однозальная); безминаретная (юрта и др.).

Из конкретных сооружений этого времени имеются более или менее достоверные сведения о нескольких мечетях: Хан-джами, аль-Кабир, Кул-Шарифа Нур-Али и еще двух, пока безымянных, расположенных на территории Кермана близ ворот Тюмен и напротив Хан-Сарая. Кроме того, сохранилось описание средневековой деревянной мечети в Татарской слободе до ее сноса в 1742 г.

Аль-Кабир. Как и любой крупный мусульманский город, столица государства Казань имела главную, столичную мечеть аль-Кабир. Широко известны упоминание в одной из исторических работ Ш.Марджани о восьмибашенной мечети в Казани и гипотеза М.Худякова о воплощении ее образа в архитектуре храма-памятника в честь завоевания Казани Василия Блаженного (Покровского собора) в Москве. Эта идея получила популярность в советской и постсоветской исторической литературе и художественном творчестве. Подробно анализируя архитектуру Покровской и других мемориальных церквей, связанных с казанским походом Ивана Грозного, в его образе и конкретных формах можно увидеть множество отголосков татарской архитектуры, в том числе и принципиальную схему мечети-прототипа:

композицию с центральным купольным (а возможно и шатровым) объемом, окруженным четырьмя минаретами, т.е. мечеть османского типа. Вокруг основания купола возвышались небольшие башенки, сдерживавшие распор купола, минареты и прочие завершающие элементы здания могли иметь луковичные маковки разнообразной формы. Минареты мечети, в отличие от османских, могли иметь утяжеленные, «булгарские» пропорции, на что указывает, в частности, форма «столпов» Василия Блаженного, близких по своим пропорциям булгарским башням, но относящимся к типу мамлюкских минаретов.

Хан-джами. Известно, что в казанском Арке была «Царева» (Ханская) мечеть, служившая пантеоном казанских ханов (поминальная мечеть) [Сказание, 1959, с.179]. Под словом «мечеть» здесь подразумевалось не только здание, а весь культовый комплекс, включая некрополь с усыпальницей и внутренний двор, защищенный каменной стеной, поскольку упоминается о 1000 женщин, священнослужителей и приближенных хана, укрывшихся в нем во время штурма Казани русскими. Судя по летописным и другим изображениям, это было 1–2-этажное каменное здание, двусветный купольный зал его мог иметь балконы-галереи по второму ярусу вдоль стен. Высокий цилиндрический на квадратном в плане основании минарет стоял немного в стороне, южнее юго-западного угла здания. Сохранились скудные воспоминания о ее интерьерах: «*по стенам златотканья запыны, на царьских гробех покровы драгия, усаженные женчюгом и ка-*

Хан-джами. Реконструкция
Н.Х.Халитова

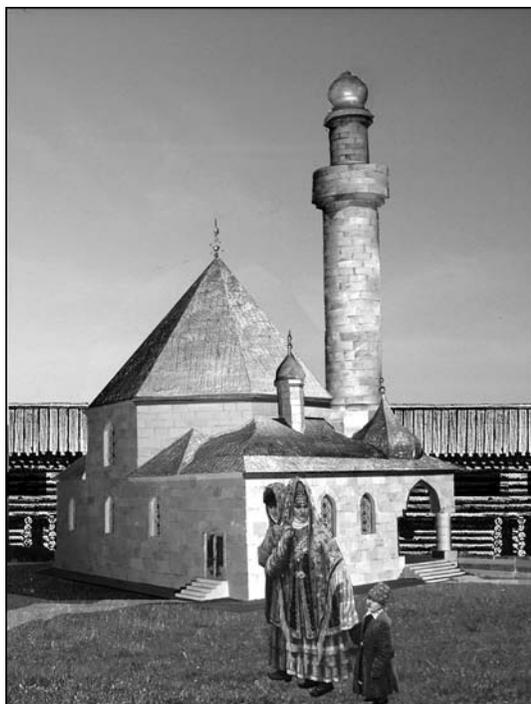
мением драгим» [Там же], из чего можно почерпнуть то, что над могилами стояли саркофаги ханов, покрытые тканями. Они были обнаружены во время археологических исследований у подножия башни Сююмбике в 1978 и 1998–2001 гг. [Мавзолеи, 1997]. Здесь же лежали остатки гипсовой облицовки, покрытой изящным выпуклым растительным орнаментом, и осколки надгробий.

Мечеть-медресе Кул-Шарифа. Рядом с Арком, за площадью, размещался религиозно-просветительский центр сеида Кул-Шарифа, частично исследованный археологами в 1997–1998 гг. Он был передан после завоевания Казани русскими под дворье казанского архиерея и в этом качестве сохранялся вплоть до сноса после пожара 1829 г. Сохранившиеся архивные планы позволяют составить представление об этом обширном комплексе каменных и деревянных строений. В его сохранившейся средневековой части можно выделить три функциональные группы: мечеть, медресе и жилой дом (Кул-Шарифа). Мечеть атрибутируется как центрально-купольная джами османского типа конца XV в.: квадратное в плане каменное сооружение, перекрытое куполом. К мечети примыкают два объема, которые можно определить как вестибюль и лестничную клетку с выходом на западный фасад. Двухэтажный объем вестибюля делился симметрично на две камеры, предпо-

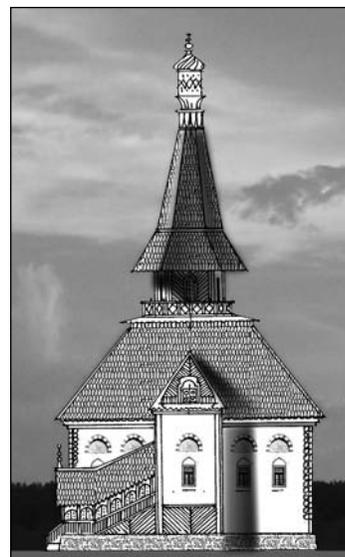
ложительно, перекрытых куполами, между которыми располагался минарет. К нему с запада примыкала каменная лестничная клетка. Предполагая более раннее появление здания мечети, можно реконструировать ее как достаточно типичную джами с композицией, симметричной относительно оси «восток – запад». Внешние формы и стилевые особенности мечети, исходя из общего стиля эпохи в период правления Сахиб-Гирея и Сафа-Гирея, можно реконструировать в формах крымско-османского стиля первой трети XVI столетия. Учитывая при этом, разумеется как минимум фактор более сурового климата, диктующего закрытые от холода входные узлы и галереи, более массивные стены и интенсивное отопление, защищенность внешних покрытий от агрессивной природной среды. Могли появиться на фасадах здания и чисто казанские мотивы, нигде более не встречающиеся.

На втором этапе развития планировки и архитектурной композиции этой мечети после строительства медресе, пристроенного к нему с западной стороны, возможно строительство восточного входного узла, одновременно расширившего фасад мечети по периметру майдана для массовых молений на открытом воздухе.

Мечеть Нур-Али. Входила в центральную группу каменных мечетей близ ханского двorca в Казани и стояла неподалеку от

Мечеть Нур-Али.
Реконструкция
Н.Х.Халитова

Мечеть у ворот
Тюмен.
Реконструкция
Н.Х.Халитова

«Муралеевой башни» Казанского Кермана. Представляла собой центричное сооружение композиции «восьмерик на четверике», увенчанное остроконечным куполом или криволинейным шатром. Можно предположительно говорить и о внешних формах этого достаточно типичного образца османского стиля XV–XVI вв. Вероятно, это было каменное здание простых форм с черепичным или деревянным покрытием, не слишком обильно отделанное резными деталями.

Мечеть близ ворот Тюмен. Находилась на месте более поздней церкви Киприяна и Устиньи и относилась к центричному золотоордынскому типу мечети-бурамы с минаретом в центре крыши.

Надгробные усыпальницы. Можно говорить о существовании как минимум двух типов мавзолеев, часть из которых сохранилась до наших дней в виде наземных сооружений.

1. **Дюрбе.** Этот тип надгробных сооружений представлен на городище Булгар одной из стандартных разновидностей «сельджукского стиля» (восьмерик на четверике с треугольными скосами, перекрытый куполом и внешним пирамидальным шатром, выполненным из местного известняка. В родственных культурах (Крым, Закавказье,

Турция) существовали и иные разновидности дюрбе: восьмигранные, многогранные и цилиндрические на квадратном основании и без, с внешним куполом или шатром и др. Любой из них теоретически мог появиться и в Казани. И действительно, на русских летописных миниатюрах XVI в. встречаются многогранные сооружения, с пирамидальными крышами, напоминающие традиционную болгарскую дюрбе.

2. **Палатка.** Сохранилось изображение усыпальницы Сафа-Гирея на миниатюре одного из лицевых списков «Казанского Летописца» [РГБ, рук. ф.178, №98], которое дает некоторые основания предполагать их полное сходство с касимовскими. Примером этого типа надгробного сооружения являются несколько памятников г. Хан-Керман (г. Касимов, Рязанская обл.), возведенных над могилами местной знати [Вельяминов-Зернов, 1863]. Касимовские текие Шах-Али хана согласно типологической классификации Д.В.Васильева [Васильев, 2003], относятся к группе Б1-1 золотоордынских мавзолеев (двухкамерные прямоугольные без портала) или Б2-1 (двухкамерные прямоугольные без портала с помещениями вдоль главного фасада).

3. **Чардуган.** Нельзя исключить в Казани существование чардугана – распространенного в Крыму и Турции и отмеченного в Золотой Орде способа выделения и ограждения знатных захоронений открытым сверху многогранным павильоном-аркадой.

Архитектурные формы и детали

Признаки османского стиля в татарской национальной традиции в Поволжье читаются, в основном, на предметах декоративно-прикладного искусства и каменной резьбе. Его отголоски нередки и в татарской архитектуре Казани и ее округи XVIII–XIX вв. Отчетливые признаки османского влияния можно наблюдать и в архитектуре русского узорочья XVII в., что наиболее логично отнести за счет традиций казанского стиля, освоенных русскими в процессе колонизации татарских земель и ассимиляции татарской диаспоры.

Изкорельная пластика стены, четкие членения, прекрасные пропорции, изысканные растительные орнаменты в различных техниках, вкомпонованные в не слишком насыщенные декором фасады и богатая полихромия интерьеров характеризуют этот стиль. Проемы, завершенные арками разнообразных конфигураций, иногда весьма затейливых, обрамляются нишами, резьбой или иным декором, наличниками и тимпанами с пышными гребенчатыми венцами в виде растительных мотивов. Гладь стены обогащается разнообразными декоративными нишами, порой затейливой формы, украшенными резными или расписными панно, как правило, с растительными мотивами. Проемы и ниши оформляются по углам изящными декоративными колонками своеобразной формы, широко применяются мукарнасы.

Своеобразный набор орнаментальных мотивов, отчасти продолжающих традиции сельджукского стиля, но во многом впервые введенных в оборот османами, существенно дополняет образ стиля. Османские орнаменты лишены жесткой регулярности арабской и сельджукской эпох, их мотивы менее стилизованы и приближены к формам живой природы. Османы вернулись к тюркскому кочевому видению мира в художественной культуре, создав поэтизированный образ декоративного стиля: многоцветного, бесконечно разнообразного и варибельного. Все это и многое другое является закономерностями стиля и сопровождает сооружения османского направления, где бы они ни находились, в том числе и в татарской архитектуре.

Научное изучение средневековых татарских архитектурных форм еще не закончено, однако краткий и далеко не полный перечень некоторых из них возможно представить.

В татарской средневековой архитектуре закрепились **композиция здания с угловыми башнями** контрфорсного или декоративного назначения. Она обрела здесь особый смысл и маркировала образ столичной мечети во все времена, вплоть до сегодняшнего дня [Халит, 2008]. Вариантом этой же композиции стали и небольшие башенки над углами четвериков минаретов.

Многобашенная композиция здания получила развитие в купольном варианте, окруженном башенками-пинаклями. Такие сюжеты нередки в летописных миниатюрах, изображающих Казань XV–XVI вв. Отголоски этой формы можно наблюдать в оформлении мемориальных храмов Московского государства, связанных с завоеванием Казани: Борисоглебского собора в Старице, Иоанно-Предтеченской церкви в Коломенском, храма Василия Блаженного в Москве и др. Есть достаточно оснований предполагать здесь заимствования из казанской архитектуры.

Формы арок были различными. В их числе простые (полукруглая, лучковая, стрельчатые различных конфигураций и килевидные), а также провисающие, имитирующие пологи кочевых шатров, которые стали развитием сельджукских реминисценций кочевого стиля. Этот элемент стал традиционным и в архитектуре поволжских татар, где встречался в городском и народном зодчестве вплоть до начала XX в.

Керамическая облицовка. Единичные вкрапления поливных изразцов в кирпичную и каменную кладку были широко распространены в сельджукскую эпоху. О присутствии такого приема декорировки в архитектуре Казанского ханства говорят поливные керамические прямоугольные изразцы синего и голубого цветов, явно предназначенные для компоновки узких полос и бордюров, и немногочисленные поливные кирпичи, явно не предназначенные для сплошной облицовки стены.

Обрамление проема с тимпаном. Распространенное решение, характерное для

османского стиля архитектуры. Тимпан над оконным или дверным проемом мог иметь самые разнообразные формы, начиная от простых прямоугольных, полукруглых и стрельчатых очертаний и до пышных развитых композиций, обильно покрытых орнаментом как внутри картуша, так и по его внешней кромке. Понятно, что мотивы каменной резьбы для надгробий специально не разрабатывались, а повторяли технику и формы архитектурного декора. Надо полагать, что архитектурные решения татарских надгробных стел, во многом выполнявшихся по мотивам, в частности, михрабов, воспроизводя как их образы, так и конкретные детали, сохранили в себе элементы оформления татарских входов в монументальные здания мечетей, медресе, дворцов. Если рассматривать подобные картуши как условные «врата в рай» (тем более, учитывая религиозное содержание надписей внутри них), то такое решение выглядит вполне логичным. Премущественно наблюдаются тимпаны с двускатным провисающим верхом, традиционно воспроизводящие формы кочевой архитектуры. Похожие тимпаны можно видеть и в русской архитектуре XVII – начала XVIII в., в том числе и в Казани. К примеру, на фасадах Дворцовой церкви в Кремле сочетаются как провисающие треугольные, так и килевидной формы, совершенно подобные по конфигурации османским. Это прямо указывает на вероятное их заимствование из средневековой татарской архитектуры.

Дверные полотнища, которых от османской эпохи сохранилось достаточно много, демонстрируют подлинные шедевры декоративно-прикладного искусства: резьбу, мозаику, росписи, ковку, чеканку, гравировку, литье. Это могли быть гладкие поверхности, покрытые единым рисунком, либо сложные композиции на основе филанчатой конструкции, сочетающие в себе все виды орнамента и технических приемов его воплощения. Подобные же двери, вывезенные из средневековой Казани, обнаружены недавно в одном из российских музеев, что позволяет судить о стиле и высоком качестве архитектуры Поволжья [Халит, Халитова, 2011].

О **татарских капителях** можно судить по их отголоскам в русской архитектуре XVI

– начала XVIII в., так или иначе связанным с татарской культурой. В их числе храм Василия Блаженного в Москве, где мы видим типичные для сельджукского и османского стилей приставные колонны у входов, напминающие тосканский ордер. Более сложные варианты той же приставной колонны находятся на фасадах башни Сююмбике и Дворцовой церкви в Казанском Кремле. На фасадах Губернаторского дворца в Кремле, возведенном в 1846 г. на месте Оберкомендантского дома, переделанного из Хан-сарая, были воспроизведены характерно османские капители с угловыми «капельками», хотя и в своеобразной трактовке. Очевидно, что архитектор (Ф.Петонди) перенес их с фасадов старого Хан-сарая, обозначив таким образом легенду художественного образа: преемственности татарского и русского дворцов, центров государственной власти.

Поробрик. Это обычная форма османского стиля, только у турков поробрик, в отличие от привычного нам кирпичного фасадного узора, выполнялся также и в мраморном варианте, причем как на фасадах, так и в интерьерах. Поробрик распространен в кирпичном декоре казанских русских зданий, причем особое внимание здесь следует обратить на отделку Спасской и Сююмбекиной башен Казанского Кремля, где были концептуально отражены формы татарской архитектуры [Халит, 2005, с.9]. Есть основания предполагать его существование и в татарской средневековой архитектуре.

Особую группу представляют *кирпичные мукарнас*, вариантом которых можно считать и русские «городки». Они могут быть выложены из обычного, либо специально обточенного кирпича и редко следуют классической схеме построения. Одной из характерных разновидностей этого типа османских мукарнас украшены фасады Спасской башни Казанского Кремля [Халит, 2005, с.9]. Их присутствие на этом объекте прямо указывает на существование татарских прототипов, еще, видимо, сохранявшихся в то время на территории Казани или других татарских поселений.

Оформление углов в татарской архитектуре в целом унаследовало приемы сельджукского стиля.

Маскировка углового шва приставной колонкой, утопленной в кладку на четверть. Этот прием употребляется обычно в многогранных (8 и более) объемах и обычен в архитектуре Крыма. Отголоски таких решений сохранились в русской казанской архитектуре с достаточно точным воспроизведением сельджукской или османской ротонды-дюрбе со всем присущими для этих стилей закономерностями. Надо полагать, соответствующие прототипы в казанской архитектуре имелись.

Вертикальный угол проема или ниши может быть оформлен колонкой, вставленной в специальный вырез, как правило, не доходящий до низа и верха проема. Такую колонку мы видим в остатках портала болгарской Кабир (XIV в.) и в Казанском Кремле (археологические исследования у башни Сююмбике, 2001 г.).

Срез или скругление угла до определенной высоты, где стык стен обретает прямоугольность. Переход может иметь вид косой треугольной консоли, гладкой или оформленной ячеистой структурой мукарнас или пальметтой. Этот прием, широко распространенный по всему мусульманскому миру, был хорошо знаком и татарам, которые часто применяли его в архитектуре жилого дома. Наиболее ранние примеры таких решений отмечены в Кремле (башня Сююмбике) и в Старотатарской слободе Казани в XIX в. Можно предположить его средневековое происхождение в Поволжье.

Орнаментальные мотивы

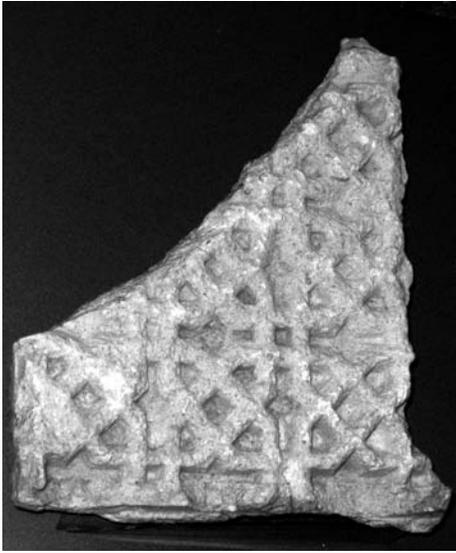
Стиль татарских орнаментов в том виде, каком мы сейчас их воспринимаем, в большой степени сложился под воздействием именно османской культуры, что однозначно говорит об общей культурной ориентации народа. Османские мотивы прослеживаются во всех областях художественной культуры уже начиная с XV–XVI вв. и их след читается даже в архитектуре XVIII – начала XX в. Из этого возможно сделать вывод, что османский стиль стал национальным в эпоху Казанского государства и воспринимался таковым и последующими поколениями казанцев, воспроизводившими его мотивы как элементы традиционной культуры.

Татарские архитектурные орнаменты того времени нам во многом известны. Это,

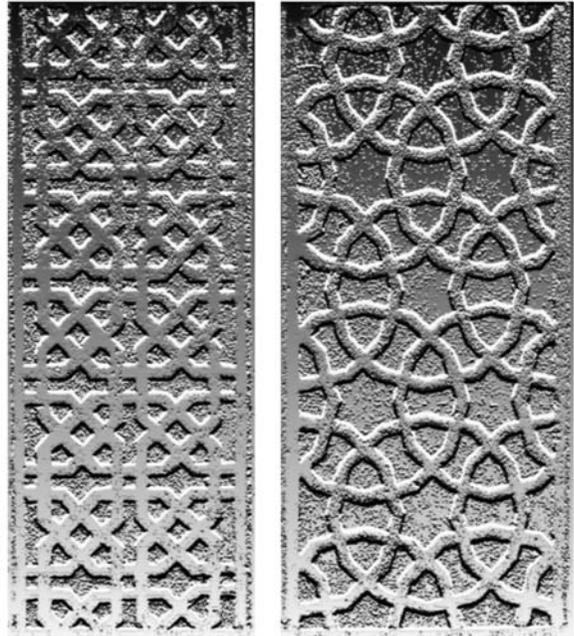
прежде всего, каменная резьба надгробий, сохранившая достаточно разнообразных образцов. Здесь много параллелей и буквальных клонов турецких мотивов, но есть и оригинальные, развивающие собственные традиции орнамента в русле османского стиля. Разумеется, никто не придумывал специальных орнаментов для надгробных камней: это были те же архитектурные детали, адаптированные под соответствующие объемы. Сопоставляя их с реальными образцами на стенах сохранившихся (к сожалению, не у нас) зданий, несложно представить их архитектурные прототипы в резьбе, росписи или изразцовой мозаике. Несомненно, подобные же узоры покрывали поверхности стен, архитектурных деталей или предметов интерьера. Каменная резьба донесла до нас лишь одну из многообразных техник исполнения, но по ним мы можем судить о стилевых качествах поволжского архитектурного орнамента и его своеобразии. Они могли быть геометрическими (волна, зигзаг, жгуты, веревки, меандры, розетки, гирехи и др.), растительными, эпиграфическими и, возможно, зооморфными. Техника исполнения могла быть пластической (резьба, литье, узорная кладка) или плоскостной (изразцы, росписи, мозаика), монохромной или многоцветной. Сам орнаментальный мотив или сюжет, запечатленный в каменной резьбе надгробия, таким образом, мог воплощаться в средневековых сооружениях в рамках стиля разнообразными способами и в различных элементах фасадного или интерьерного декора, наглядные примеры чему можно найти за пределами Татарстана. Сопоставляя орнаментальный мотив с примерами из османской архитектуры, есть реальная возможность выйти на обоснованные реконструкции средневековых архитектурных элементов и у татар Поволжья.

Некоторые геометрические орнаменты

Жгуты и веревки. Один из распространенных орнаментальных мотивов во все времена, в том числе и в османском стиле. У татар встречается в резьбе надгробий и деревянной резьбе в бордюрном оформлении ворот, наличников и т.п. [Халитов, 1976, с.123–125].

Орнаментальные мотивы

Зигзаг. Древнейший мотив, берущий начало как минимум в кочевом прошлом тюрков и широко освоенный в сельджуком стиле, в османскую эпоху получил широкое распространение как у татар, так и у турков. Узоры могли быть плоскими и рельефными.

Волна. Древний и органично вписавшийся в орнаментальную культуру тюрков мотив. В османском стиле волна обрела образ растительных побегов и в чистом виде встречается редко, хотя есть и такие примеры.

Меандр. Мотив, встречающийся практически у всех народов мира, занимает прочное место и в османском стиле и у татар. Чаще всего мы видим косой меандр, напоминающий традиционную кочевническую волну и бесконечную геометризованную растительную лозу.

Розетки. В искусстве татар можно обнаружить как традиционные разновидности розеток, так и характерно османские. Впрочем, они составляют относительно небольшой процент по сравнению с розетками древнего кочевого и сельджукского происхождения.

Звезды. В татарском искусстве и архитектуре распространен мотив шестиконечной звезды в форме двух пересекающихся треугольников. Его можно встретить в оформлении порталов, и тимпанов, в рисунке решеток и витражей.

Гирехи как одно из главных декоративных средств, просуществовали в архитектуре ислама более тысячи лет, почти не меняя формы, и практически в неизменном виде встречались в булгарской, золотоордынской и более поздней татарской архитектуре, воплощаясь в самых разных материалах и техниках. Они могли выполняться в технике резьбы, мозаики, выколотки (чеканки), литья и росписи и оформляли в основном плоские поверхности (ограждающие и оконные решетки, дверные полотнища, декоративные панели и т.п.), хотя порою применялись и на криволинейных поверхностях (купола, своды, стержни колонн, мукарнас и др.). Сопоставление немногочисленных находок архитектурных деталей, оформленных гирехами, на территории Татарстана и Казани с подобными же деталями всего сельджукского региона говорит об их идентичности и позволяет считать возможным появление любой из его разновидностей в казанской средневековой архитектуре. Остатки штампованных или резных гирехов (стенные панели) найдены на остатках неизвестного здания близ крыльца Благовещенского собора в 1861 г.

Некоторые растительные орнаменты

Татарские средневековые растительные орнаменты, которых сохранилось достаточно для некоторых обобщений, однозначно говорят об их принадлежности, с одной сто-

роны, к османскому стилю во многих жанрах (вышивке, ювелирном искусстве, каменной резьбе надгробий), с другой – о значительной консервативности некоторых мотивов. К примеру, стилизованные растительные побеги в резьбе татарских надгробий находят свое подобие среди бордюрных ленточных орнаментов турков-османов, но их трактовка у татар более абстрактная, условная. С точки зрения дизайна надгробия, выполняемого в каменной резьбе известняковой плиты, это оправданное решение.

Османский стиль выработал несколько типов геральдических венчающих орнаментов, один из которых прочно закрепился в резьбе татарских постзолотоордынских надгробий и представлен в достаточно большом числе интерпретаций. Растительные мотивы, применяемые там, идентичны турецким и позволяют говорить о других воплощениях в технике деревянной резьбы, росписях по дереву и штукатурке и т.п., не дошедших до нас в связи с исчезновением

татарского средневекового архитектурного наследия. Любопытной и характерной особенностью этого типа орнаментов является дополнительный абрис, очерчивающий всю композицию по ее верхнему периметру. В самой простой форме он имеет вид тюльпана, но часто значительно усложняется, образуя вычурный силуэт, порой сопоставимый с целым букетом цветов. В него вписываются самые разнообразные орнаментальные сюжеты.

Ваза с цветами. Такие орнаменты, причем в весьма изысканном исполнении, сохранились на средневековых татарских надгробиях. Отработанность сюжета и великолепное его техническое исполнение говорят о хорошем знакомстве мастеров с какими-то архитектурными прототипами. Логично предположить, что подобные мотивы присутствовали на каких-то монументальных зданиях или их остатках в пределах досягаемости, что и стало причиной появления их реминисценций на резьбе надгробий.

§ 2. Градостроительная культура Казанского и Касимовского ханств

Ханифа Надырова

1. Города Казанского ханства

В Казанском ханстве был один крупный город – это столица Казань. Основными типами поселений были города-крепости – центры даруг, военные крепости, укрепленные вотчинные поместья и селения. Возводились они из дерева, поэтому их архитектурно-планировочная структура может быть восстановлена только в результате археологических раскопок, которые до настоящего времени проводились в Казани и некоторых центрах даруг. Однако в народных преданиях населения северо-западной части ханства о поместьях говорится как об огромных, укрепленных тыном дворах с «двадцатью воротами», большим домом и многими постройками [Валеев, 1967, с.61].

Центры даруг представляли собой города с крепостью и открытыми посадками. Наиболее известными городами Казанского ханства являлись Иске-Казан (Старая Казань), Арча (Арск), Алат, Чаллы (Чаллынский городок), Зюри. Они были значительно меньше Казани (рис. 1). Практически все

они имели пространственную организацию секторного типа, обусловленную мысовым расположением в ландшафте [Губайдуллин, 2002, с.190, 192]. Это не было особенностью региона, а общим распространенным явлением в Восточной Европе.

В отличие от городов золотоордынского периода, города Казанского ханства имели оборонительные укрепления [Бурханов, Измайлов, 1999, с.135–138]. Средневековый г.Иске-Казан связывают с Камаевским (Иске-Казанским) городищем и Русско-Урматским селищем, расположенными у современной д. Камаево Высокогорского района Татарстана, в 40 км от устья Казанки вверх по реке.

Камаевское городище XIII–XVI вв. является остатками крепости площадью 7,2 га, Русско-Урматское селище – остатками ее основного торгово-ремесленного посада площадью 124 га. Камаевское кладбище было городским, а Русско-Урматское – посадским кладбищем Иске-Казани. Археологический материал, выявленный

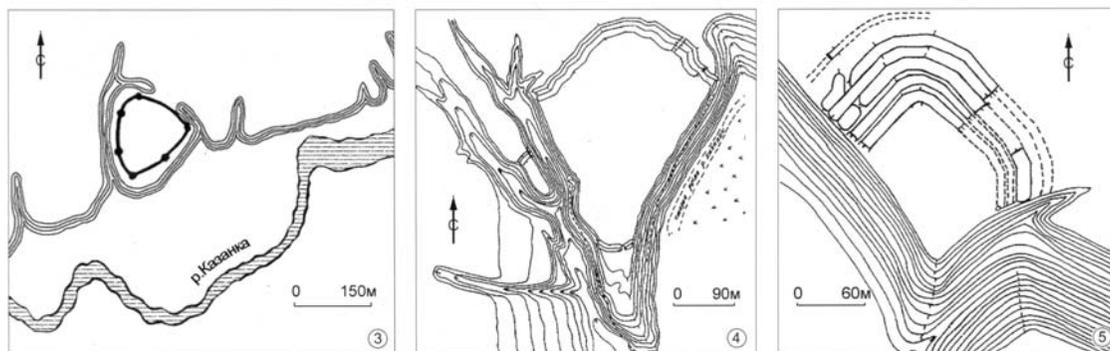

Рис. 1. Планировочные схемы укрепленных центров городов Казанского ханства 1-й половины XVI в.
3 – Арча, 4 – Иске-Казан, 5 – Чаллы

А.А.Бурхановым, позволяет ограничить основание и время существования Камаевского городища первой третью XV – серединой XVI в., т.е. оно функционировало в период Казанского ханства [Бурханов, 2002].

Пространственная организация Иске-Казани отличалась особенностями. Ее крепость, поставленная на каменистом мысу с крутыми склонами, была пространственно оторвана от посада, располагавшегося в пойме р. Казанки. Однако такое расположение позволяло крепости контролировать подходы к городу и обеспечивать защиту посада. Этот прием известен с булгарских времен, когда крупные торгово-ремесленные поселения защищались отдельно стоящими в устьях рек крепостями. Планировочная структура Иске Казани не выявлена. Застройка была преимущественно деревянной, хотя в процессе раскопок обнаружены фундаменты нескольких каменных построек небольших размеров.

Чаллы́нское городище – остатки небольшого города-крепости Чаллы, основанного еще в булгарское время и обнесенного тремя рядами валов. Располагался на ровной территории, примыкая одной стороной к р. Мёше. Региональные традиции просматриваются в устройстве тройной системы обороны крепости, к которой с севера и северо-востока примыкали обширные открытые посады.

Город Арча известен по русским летописным и другим историческим источникам, отразившим события по захвату Казани в 1552 г., как «град Арский» [Курбский, 2004,

с.262]. Возник в булгарский период и относился к мысовому типу городов с секторной пространственной структурой. На высоком мысу между р. Казанкой и глубоким оврагом возвышалась деревянная крепость, к которой с напольной стороны примыкал посад. Позднее на месте татарской была поставлена русская деревянная крепость треугольной формы в плане с четырехгранными башнями по углам. Возможно, такая форма крепости, наиболее приемлемая в этих ландшафтных условиях, была и в ханский период.

Пространственная структура города-крепости Зюри не установлена. Города Кашан и Кирменчуг в период ханства постепенно потеряли значение княжеских центров.

Булгар сохранял в ханский период значение мусульманского культового центра, где татарское население посещало развалины мечетей и сохранявшиеся мавзолеи знати и святых предков. В центре Булгарского городища выявлен небольшой культурный слой периода Казанского ханства, что свидетельствовало о сохранении части населения в полуразрушенном городе.

Спецификой обладали небольшие города и поселения Казанского ханства, восторженные описания которых оставил участник захвата Казани А. Курбский: «...Тако же и двory княжат их и вельможей зело прекрасны и воистину удивления достойны, и села часты...» [Курбский, 2000, с.262]. К сожалению, он не отметил, чем именно они прекрасны и удивительны.

2. Градостроительное развитие столицы Казанского ханства Казани

а) Ландшафтные условия развития города.

Ландшафтные условия, в которых развивалась Казань, определялись долинами рек Волги и Казанки с заливными лугами, среди которых возвышалась высокая гряда, перерезанная поперек с запада на восток несколькими глубокими оврагами, делившими ее на отдельные холмы (горы). Казанка петляла по плоской долине с северо-востока на запад, являясь естественной водной преградой на подступах к городу с севера. На противоположном от города северном берегу Казанки простирались болота и леса. Илистая протока Булак соединяла р. Казанку с оз. Нижний Кабан, лежащим в 2 км юго-западнее Кремля. Обилие озер, заливных лугов с пересыхающими летом речками, болотистая низменность предопределили пространственное развитие города между р. Казанкой и протокой Булак по холмам в южном и юго-восточном направлениях.

б) Пространственно-планировочная структура и архитектура Казани.

Археологические раскопки последнего десятилетия, многолетние историко-графические исследования историков архитектуры, применение различных аналитических методов позволили автору в общих чертах определить пространственно-планировочную структуру Кремля ханской Казани (рис. 2).

К началу монгольского нашествия Казань представляла собой небольшую, порядка 7 га, укрепленную крепость. Посад первоначально располагался с северо-восточной стороны, а затем стал развиваться в южном направлении.

Во второй половине XII – первой трети XIII в. на месте прежних деревянно-земляных укреплений древней Казани появились каменные стены с шириной основания 1,8–2,0 м, сложенные из необработанного известняка. В южной части оборонительной системы обнаружены остатки каменных ворот и мощенного камнем проезда шириной около 6 м [Ситдииков, 2000, с.23]. Разрушенные во время монгольского нашествия в 1236 г. эти укрепления были восстановлены во второй половине XIV в. и претерпев ряд реконструк-

ций продолжали функционировать в первой половине XV в. Каменные стены были установлены на земляной вал высотой 0,5–0,7 м и шириной в основании 12 м. После установки стены вал был насыпан еще на высоту 1 м. Грунт для вала взяли из расположенного рядом Тезицкого оврага, который стал служить рвом. По северному краю вала выявлены остатки деревянных конструкций в виде клетей, подпиравших насыпь вала от расползания [Там же]. С этой стороны вал имел почти отвесный склон. С развитием города и увеличением его территории в южном направлении эта стена осталась внутри города для защиты цитадели Кремля и существовала до 1552 г.

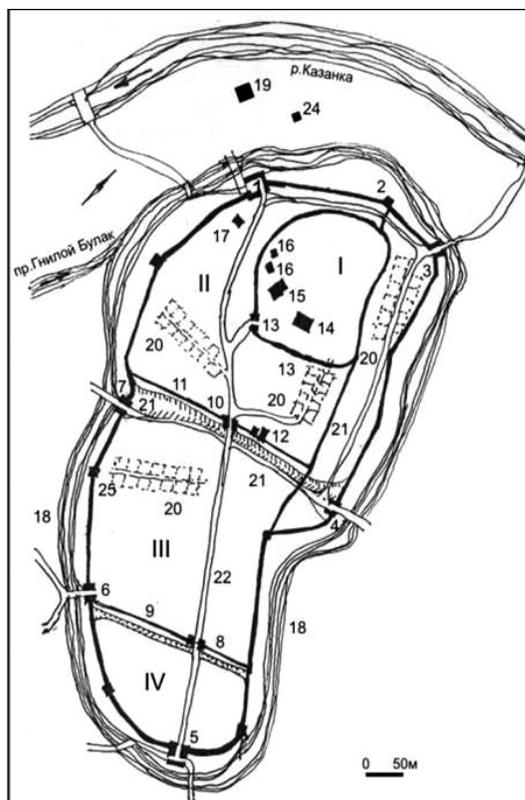
В первой половине XVI в. кирпично-каменная стена и башня вдоль Тезицкого рва были реконструированы с учетом передовых достижений европейской оборонительной архитектуры [Айдаров, 1990].

К середине XVI в. белокаменно-деревянные стены опоясывали территорию Кремля около 22,5 га, близкую по форме к вытянутому с севера на юг неправильному четырехугольнику. На восточной стороне стены спускались почти к подошве холма, где имела проездная Елбугина (Водяная) башня, выходящая к переправе через р. Казанку.

Во второй половине XIV в. часть башен Казанского кремля ханского времени продолжали использовать, на месте разрушенных построили новые башни с воротами. Так, Никольские (Тайницкие) ворота – это татарские ворота Нур-Али (Муралеевы), Воскресенские – Елбугины (Водяные), Преображенские (Сергиевы) – Тюменские, Дмитриевские – Сбойливые ворота ханского периода. Северная башня Казанского кремля возведена во второй половине XVI – начале XVII в. на месте квадратной в плане каменной башни ханского времени, от которой сохранились на высоту 4 м и толщиной 2,5–2,8 м фундаменты из крупных известняковых блоков [Губайдуллин, 2001, с.25]. Восточная башня была возведена вскоре после взятия Казани. Башни татарской Казани на ее месте не найдено [Старостин, 2001, с.29].

Южная часть обороны ханского Кремля предположительно состояла из трех рвов и тройного ряда стен, укрепленных высокими крепостными башнями и разделявших его

Рис. 2. Планировочная структура Кремля ханской Казани. Реконструкция по данным археологических раскопок и историко-графическим материалам: I – Ханский двор; II – Цитадель, укрепленная второй внутренней линией обороны по Тезицкому рву; III – Средняя часть между первой и второй внутренними линиями обороны; IV – южная часть Кремля; Башни: 1 – Нур-Али, 2 – Северная Ханская, 3 – Елбугина, 4 – Сбойливая, 5 – Ханская, 6 – Тюменская, 7 – Тезицкая; 8 – Большая проездная башня, 9 – первая внутренняя оборонительная стена со рвом, 10 – каменная проездная башня, 11 – вторая внутренняя оборонительная стена с Тезицким рвом, 12 – мечеть и медресе Кул-Шарифа, 13 – оборонительная стена Ханского двора с проездной башней, 14 – Ханский дворец, 15 – Ханская мечеть, 16 – Ханские мавзолеи, 17 – мечеть Нур-Али, 18 – ров вокруг Кремля, 19 – Тагирова (Даирова) баня, 20 – улицы татарского Кремля с деревянной застройкой и мостовыми, 21 – дорога вдоль Тезицкого рва, 22 – Большая дорога, 23 – мост через р.Казанка, 24 – Тайничный ключ

территорию на три части. Очевидно, Кремль русского периода почти точно повторил татарскую крепость, а его стены лишь выпрямили углы на его южной границе [Халитов, 1999а, с.52–53].

В ханском Кремле имелася цитадель, отделявшаяся от остальной территории Тезицким рвом и валом, на котором возвышалась вышеописанная белокаменная стена с проездной башней. В северо-восточной части цитадели находился Ханский двор, опоясанный каменной стеной. Под восточной частью стены были вбиты 4 ряда двухметровых дубовых свай. Этот прием восходил к болгаро-хазарским традициям укрепления слабых грунтов и применялся в регионе в болгарский и золотоордынский периоды. Поверх свай был устроен каменный цоколь шириной более 3 м. Стена могла быть высотой 6–8 м, т.к. раскопками были обнаружены остатки контрфорса 0,8х1,5 м в плане [Мухамадиев, 2001, с.72]. Конструкция оборонительной стены древней Казани представляла собой две стены из известняковых блоков, пространство между которыми было забутовано известковым раствором и мелкими камнями.

В Ханском дворе вокруг площади располагались Ханская мечеть, мавзолеи и Ханский дворец. Доминантой этого комплекса,

по некоторым данным, служила дозорная башня на въезде во двор с западной стороны. Одной из первых монументальных построек в ханской цитадели Казанского кремля в середине XV в. в правление Махмуд-хана была Ханская мечеть [Ситдииков, 2006, с.175]. Она представляла собой квадратную в плане белокаменную постройку 14х14 м, ориентированную продольной осью в юго-западном направлении на Мекку. В первой половине XVI в. за счет пристроенного по продольной оси нового кирпичного объема (9х9 м) Ханская мечеть была расширена. Общая длина сооружения составила 23 м. Возможно, к кирпично-каменному зданию примыкали деревянные пристройки и наружные лестницы.

Севернее Ханской мечети построен ханский мавзолей, где в начале 1460-х гг. был погребен Махмуд-хан. Вторая часть к нему, очевидно, была пристроена в начале XVI в., и в ней был похоронен в 1518 г. хан Мухаммед-Эмин. Это было белокаменное двухкамерное здание с габаритами 6х18 м. Наряду с однокамерными, многокамерные

мавзолеи были широко распространены в городах Золотой Орды. Продольные стены Ханской мечети и мавзолеев параллельны. Такое расположение мавзолеев свидетельствует о том, что их внутренние помещения могли использоваться для поминальных молитв [Мавзолеи, 1997].

В центре двора возвели белокаменный Ханский дворец (18x24 м). Объем дворца внутренними стенами толщиной до 2 м разделен на 6 неравных помещений. В восточной части второго этажа, очевидно, находился парадный зал [Халит, 2009, с.305–307].

Южнее Ханского двора в цитадели на рубеже XV–XVI вв. была построена мечеть Кул-Шарифа, имевшая, по татарским преданиям, восемь минаретов [Ситдииков, 2006, с.184]. С юга комплекс мечети Кул-Шарифа примыкал к белокаменной стене цитадели с проездной башней и мостом через Тезицкий ров.

Поскольку остатки всех мечетей выявлены на уровне фундаментов, то трудно судить об их планировке. Имели ли они, как в Биляре и Булгаре многоколонные залы, утверждать затруднительно. Возможно, они имели купольную систему перекрытий без колонн по аналогии с культовой архитектурой Османской Турции, с которой ханство поддерживало тесные связи через Крым. Архитектура сооружений ханской цитадели, вероятно, отражала региональные и золотоордынские традиции и влияния османской архитектуры того времени [Халит, 2009а, с.305–309].

С севера на юг Казанский Кремль пересекала дорога, связывавшая проездные башни Нур-Али и Ханская. Эта главная улица Кремля имела белокаменное мощение [Ситдииков, 2006, с.118]. При движении по ней с юга на север, на склоне спуска к башне Нур-Али, предположительно располагался дворцовый комплекс Нур-Али бия – одного из крупнейших вельмож ханского двора. Известно, что в этот комплекс входила мечеть Нур-Али. Следовательно, эта северная часть крепости была наиболее застроенной монументальными зданиями.

Жилая застройка в цитадели Кремля была деревянной. В основании склона северо-восточной части Кремля, недалеко от Елбугиной башни раскопками вскрыта

улица шириной 6 м с деревянными мостовыми, имевшая направление по линии СЗ-ЮВ. По обеим сторонам улицы плотно располагались небольшие усадьбы с жилыми и хозяйственными деревянными постройками. Усадьбы огораживались заборами-частоколами.

В северо-восточной части кремлевского холма, за Губернаторским дворцом XIX в., обнаружено несколько сооружений ханского периода, среди которых выделялись остатки трех построек с фрагментами конструкций стен, полов, лестниц, печей и следами перестроек. Вероятно, в этих зданиях жили люди, обслуживавшие Ханский двор.

С северной стороны Благовещенского собора (1560), вдоль южной ограды современного Президентского сада археологами был выявлен переулок ханского времени, ориентированный по региональному азимуту на Мекку (205–210 градусов), по сторонам которого располагались деревянные постройки [Ситдииков, 2001, с.10]. Направление переулочка шириной 2,0–2,5 м с деревянной мостовой, очевидно, связано с мечетью, упоминаемой в Писцовой книге 1565–1568 гг. напротив северного придела Благовещенского собора.

На территории бывшего Ханского двора, вблизи восточного фасада Благовещенского собора, археологами выявлена улица вдоль восточной каменной стены, которая шла к Елбугиным воротам на расстоянии 20 м от бровки склона холма [Ситдииков, 2002, с.177–178]. По сторонам улица была плотно застроена усадьбами с деревянными домами и хозяйственными постройками. Археологами были обнаружены деревянные мостовые и в других местах крепости. Ширина улиц ханской крепости составляла в среднем 3,5–4 м.

Южнее первой каменной оборонительной стены и Тезицкого рва остатки каменных построек археологами пока не обнаружены. Здесь выявлены мощеные деревянными плахами улицы шириной 3,5–4 м, по сторонам которых располагались деревянные жилые дома и хозяйственные постройки.

Большое значение для выявления пространственно-планировочной структуры города имели исследования Внешнего города (посада). Описание посада в Пис-

цовой книге Казани 1565–1568 гг. отображает его состояние через 15 лет после захвата Казани войсками Ивана Грозного [Из «Писцовых книг города Казани 1565–1568 годов», 1996]. Результатом анализа историографических [Егерев, 1956; Калинин, 1929] и археологических материалов стала реконструкция планировочной структуры ханской Казани (рис. 3).

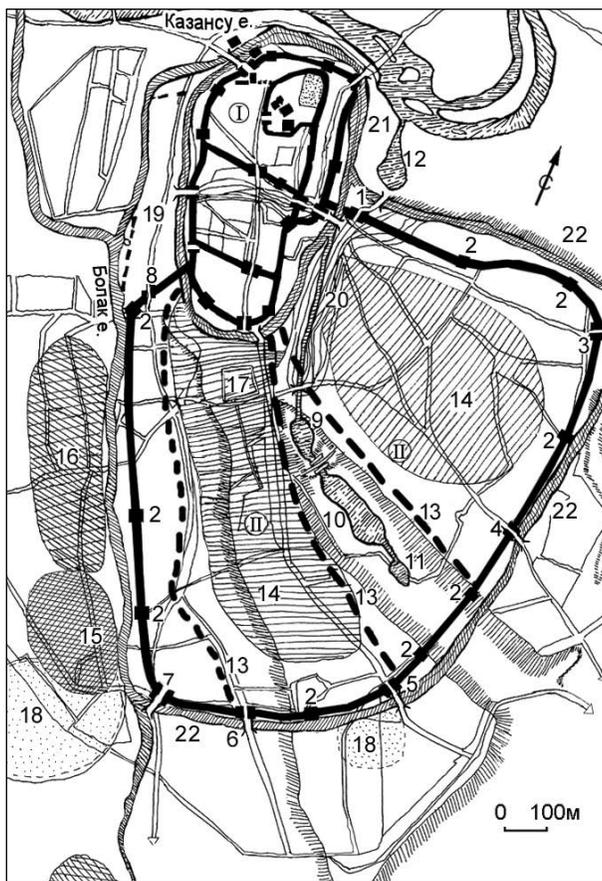
Русская администрация во второй половине XVI в. восстанавливала город в основном в прежних пределах. Незначительно расширили посад в западном и юго-западном направлениях за счет включения в состав города территории в средней части левобережья Булака, где в ханский период располагалась пригородная безымянная слобода. И это, скорее всего, было обусловлено стратегическими причинами обороны города во враждебном окружении, а не перенаселенностью посада.

Деревянные оборонительные стены, жилища и мечети на посаде погибли при штурме города 1552 г. Каменные здания могли быть использованы для различных нужд, в том числе и под церкви после обряда освящения. Возможность такого использования подтверждали каменные постройки ханского Кремля, использовавшиеся в русский период как склады или церкви.

Рис. 3. Планировочная структура ханской Казани середины XVI в. (на основе плана А.Сащперова начала XVIII в.). Экспликация: I – Кремль, укрепленный белокаменными стенами с башнями и рвом с водой; II – Внешний город (посад), обнесенный деревянными стенами с башнями: 1 – Проездная, 2 – безымянные непроездные башни, 3 – Кайбатская, 4 – Арская, 5 – Царская, 6 – Верхняя Ногайская, 7 – Нижняя Ногайская (Кураишева или Крымская), 8 – Аталыкова; Озёра: 9 – Банное (Верхнее Поганое), 10 – Черное, 11 – Белое, 12 – Нижнее Поганое; 13 – Возможное местоположение северо-западной части посадских стен, 14 – первоначальные посады, 15 – Кураишева слобода, 16 – Безымянная слобода, 17 – Ханский караван-сарай, 18 – Городское мусульманское кладбище, 19 – сезонная ярмарка «Таш-аяк», 20 – канал, соединявший озера с рвом и Казанкой, 21 – ров вокруг Кремля, 22 – ров вокруг Внешнего города (посада)

Ханский караван-сарай располагался на площади перед Ханскими воротами Кремля, где позднее разместили Гостиный двор русского времени. Тагирова (Даирова) каменная баня, использованная русскими войсками для устройства подкопа к месту взрыва стены и подземного хода к Тайничному ключу к северу от Кремля, сохранялась на берегу Казанки до XVII в. Три каменные бани на Булаке, баня на Поганом озере (позднее русское название) вблизи Елбугиных ворот, упоминаемые в Писцовой книге, а также бани на берегах озер Черноозерской впадины располагались у традиционных источников воды. Общественные бани, являвшиеся непременным атрибутом исламских городов, строились из камня и кирпича и относились к типу восточной бани-хаммам. Эти бани в кирпично-каменных конструкциях получили распространение в городах региона с X в. и имели многокупольные завершения.

Не было очевидной необходимости в изменении главных дорожных коммуникаций

города, связывавших Кремль, гостиный двор и важные места города с проездными башнями посада и выводящих к государственным дорогам: Ногайской, Крымской, Арской, Алатской, Галицкой и т.д. Предполагаемая площадь посада ханской Казани составляла порядка 80 га. Возможны два варианта существования посада в ханский период. При первом – посад Казани включал в свои стены Черноозерскую впадину с системой озер, территорию, где позднее возник Богородицкий монастырь (Старое городище) и прибулачную низменность. Протяженность его в юго-восточном направлении была около 800 м. и доходила до современной ул. Астрономической. Планировочная структура казанского посада имела радиально-веерную основу. С западной стороны посад ограничивался протокой Булак.

При втором варианте развития, город мог иметь несколько посадов. Один из них примыкал к крепости с юга и располагался по цепи холмов, составляющих ныне единое целое (при претворении плана перепланировки Казани XVIII в. овраги, разделявшие холмы, были засыпаны) вдоль протоки Булак. Стены этого посада шли с западной стороны холма чуть выше ул. Баумана, с восточной стороны холма – у его основания, вдоль Черноозерской впадины, где выявлены остатки крепостных стен. С юга посад ограничивался деревянной стеной и рвом вдоль современной ул. Астрономической, где также выявлены их археологические остатки. Ров этот наполнялся водами Булака и соединялся также протокой с цепью озер Черноозерской впадины [Мингазова, Котов, 1989, с.12].

Второй посад мог располагаться вдоль р. Казанки на так называемом Старом городище. В этом случае стены шли от крепости по бровке высокого левого берега реки Казанки, огибали территорию посада в районе северной стороны современной площади Свободы, и тянулись по другой стороне Черноозерской впадины до Кремля. Следовательно, Черноозерская впадина оставалась вне посадских стен, являясь внешней дополнительной преградой для наступавших из-за топкости болотистых берегов и системы озер, в которую входили: Банное, Черное, Белое и другие. В районе северной части

Черноозерской впадины стены двух посадов могли соединяться. В противном случае – они примыкали к кремлевским стенам.

Оборонительная система Казанского посада состояла из рва и вала, поверх которого шла стена в виде городней – деревянных срубов, заполненных землей и камнями. Наверху стены находилась площадка для воинов. В наиболее важных и опасных для обороны местах в стенах стояли башни, часть из которых имела проездные ворота. Проездных башен было, вероятно, восемь. С востока на запад по окружности посадская стена имела следующие башни с проездными воротами: Проездная (татарское название неизвестно), Кайбатские и Арские (выходили на Арскую дорогу), Ханские (Царские – находились на склоне холма в районе физфака КФУ), Верхние Ногайские (выходили на Ногайскую дорогу в районе улиц Баумана и Астрономической), Нижние Ногайские (Кураишевы или Крымские выходили на Булак и Кураишеву слободу), Аталыковы (выходили на протоку Гнилой Булак и рынок Ташаяк). Сколько было непроездных башен – неизвестно.

В эпоху Казанского ханства стены и башни посада, по данным русских летописей, неоднократно перестраивались и обновлялись в 1505, 1530, 1546, 1551 гг. Посадский ров был выкопан с использованием существовавших оврагов и связан с протокой Булак и р. Казанкой. Анализ природно-ландшафтных условий и материалы археологических наблюдений исторической части Казани показали, что Черноозерский овраг (впадина) имел для города важное жизненное значение и входил в пространственно-планировочную структуру города. Впадина, по сути, являлась главным источником водоснабжения города. На склонах и по дну этого глубокого оврага били ключи, которые подпитывали искусственно созданные системой шлюзов озера. Каналом, проложенным по дну одного из ответвлений оврага, эта система озер была связана с кремлевским рвом, Казанкой и Поганым озером, находившимся у подошвы кремлевского холма с северной стороны.

Главными осями пространственно-планировочной структуры посада ханского времени являлись три главные магистрали, сходящиеся своими северными концами

перед Ханской башней Кремля. Объединяющим началом для них служила расположенная перед южной стеной Кремля площадь торга, отделявшаяся от нее глубоким рвом. Центральная из трех дорог шла по гребню системы холмов к одноименным Ханским посадским воротам (направление современной ул. Кремлевской).

Вторая магистраль тянулась вдоль основания западного склона кремлевского холма. Предположительно, она начиналась на северо-западе от Аталыковых посадских ворот и, проходя через Нижние Ногайские (Крымские, Кураишевы) ворота посада, шла на юг в Ногайскую Орду и далее Крым. Был ли посад вдоль западного склона холма вблизи раздваивающегося устья Булака, пока окончательно не установлено. На этом месте располагался «нижний базар» и сезонная ярмарка «Таш аяк» («Каменная нога» – название связано с каменной чашей, в которую собирался торговый налог), функционировавшие в основном весной, когда во время разлива Волги и Казанки большие суда с товарами заходили непосредственно в протоку Булак.

Третья магистраль начиналась от Сбойливых ворот Кремля и выводила к Арским посадским воротам, уходя в Заказанье, к городу Арча. От торговой площади, где находился Ханский караван-сарай, на восток и запад по склонам холма и в основном по поперечным оврагам к магистралям спускались улицы и переулки, объединяя главные улицы посада в единую планировочную структуру.

Застройка посада была организована вокруг мечетей приходами-махаллями. Традиционно жилая застройка средневековых мусульманских городов формировалась по кланово-родственному принципу, когда отдельные части или кварталы городов заселялись семьями одного рода, племенной группы. При этом надо отметить важность этого принципа, определявшего социальную иерархию внутри частей и кварталов города. Кланово-родственный принцип расселения в Казани и других городах ханства находит косвенное подтверждение в том, что в татарских селениях XVII–XVIII вв., очевидно, и значительно раньше, сохранялись большие усадьбы, застроенные домами и

хозяйственными постройками родственников нескольких поколений и не разделенные заборами.

В начале XIX в. современник так объяснял эту особенность: «...Часто двор татарина со всем его хозяйством не примыкает к улице, обстроен бывает со всех сторон такими же дворами других хозяев и чтоб к нему добраться, нужно пройти через несколько других дворов. Таким образом сплочены только в родстве между собой состоящие семьи, посторонние же отделяются одни от других переулками и улицами. Это происходит от того, что, если например, в каком-нибудь хозяйстве кто-нибудь женится, его не выселяют на край деревни. Напротив, у родительского двора отделяют половину, которая тогда огораживается и нововодворенный обстраивается там отдельным домом и хозяйством» [Этнографическое описание, 1841, с.406–407]. В данном случае «огораживание» – более позднее явление, вызванное податными реформами XVIII в.

Дома-усадьбы формировали группы вокруг узких, полуобщественных переулков. Затем группы групп сформировали соседства (кластеры), группы соседств образовывали кварталы, группы кварталов формировали городскую застройку [Petruccioli Attilio, 2007, рис.123]. Этот процесс скопления застройки сделал этнические кварталы или соседства основой «свободной концентрации» родственного населения, в отличие от социально-экономического разделения городского населения на Западе [Abu-Lughod, 1993, p.23]. Кварталы Казани, как и городов исламского Востока, по сути, были аналогичны племенным деревням под патронажем местной элиты [Bianca Stefano, 2000, p.146]. Это также хорошо прослеживается в формах организации татарских селений позднефеодального периода и ханского времени. Формирование таких кластеров в мусульманских городах Востока напоминает процесс сложения гнезд усадеб в татарских селениях. Чужаку улицы и переулки города с мусульманским населением представлялись лабиринтом коридоров с глухими стенами. Однако в действительности они являлись закодированной и сложно-визуальной системой «порогов», переходных зон и буферных мест, которые действовали все вместе

как фильтры, чтобы сдерживать чужаков от проникновения вглубь.

На организацию жилой застройки посада ханской Казани, как и других городов селений ханства, оказывал влияние шариат. Существование принципов и приемов организации застройки городов и селений региона, обусловленных шариатом, по этнографическим данным, отмечалось в татарских слободах и селениях еще в конце XIX в. Так, ни одно окно дома, стоящего на границе с соседней усадьбой, не должно было выходить на ее сторону. Двор огораживался плотным высоким забором, чтобы посторонние не могли видеть находящихся в нем женщин и частную жизнь семьи. Многовековое расположение домов и хозяйственных построек внутри усадебных дворов, или отсутствие окон и дверей на уличных фасадах домов и других построек при их расположении на границах усадьбы свидетельствует, что древний принцип закрытости жилищ был закреплен требованиями шариата в городах и селениях татар в Новое время.

Жилые дома и хозяйственные постройки группировались на участке без видимого порядка, хотя внутренняя логика в этом непременно существовала. Наземные жилища были одно-, двух-, трехкамерные. Справа или слева от двери находилась глинобитная печь на срубе с вмазанным котлом, отапливаемая по-белому, напротив двери – лежанки-нары, сбитые из досок. Нары-суфы были характерны для золотоордынских жилищ. Однако нары жилищ Казанского ханства восходят к традиционному болгарскому жилищу, обогревавшемуся массивными печами, и не имели канов в своей толще, как золотоордынские суфы. В двухкамерном жилище к избе пристраивались дощатые сени или это был пятистенник. Трехкамерное жилище состояло из двух изб, соединенных по оси дощатыми сенями. Рядовое жилище как в городах, так и в сельских поселениях было однотипным. Жилища богатых горожан освещались «красными», а у социальных низов – волоковыми окнами. Региональные типы жилищ сельского и городского населения ханского периода восходят к традициям золотоордынского и болгарского периодов.

В Казани, а вернее в ее предместьях, должна была располагаться открытая обще-

городская мечеть-мусалла, предназначенная для молений всех горожан во время больших мусульманских праздников. Ее местонахождение пока не выявлено. Однако можно предположить, что она располагалась на Арском или Ханском поле. Из этих двух предполагаемых для размещения мечети-мусаллы мест предпочтение следует отдать Арскому полю, поскольку оно не затапливалось в половодье.

За Булаком, ближе к оз. Кабан находилась загородная Кураишева слобода с Отучевой мечетью. На левом берегу средней части Булака, северо-западнее Кураишевой слободы, на незатапливаемой в половодье возвышенности находилось поселение с неизвестным названием.

Населению других этносов и конфессий предписывались особые условия размещения в татарских городах жилых кварталов, культовых сооружений, кладбищ и правила поведения. В ханской Казани Армянская слобода располагалась южнее города за пределами стен посада в районе дореволюционной Суконной слободы. Так же как и в Булгаре, она имела свою церковь и кладбище.

По мусульманской традиции городские кладбища должны были выноситься за пределы стен городов. Городские кладбища находились за пределами южной посадской стены и рва и за Булаком в районе более поздней Сенной площади, вблизи Кураишевой слободы.

Только в ханской цитадели Кремля в комплексе с Ханской мечетью существовали мавзолеи для членов ханской семьи и высшей знати [Мавзолеи Казанского Кремля, 1997]. Кладбище для знати рангом ниже в Кремле располагалось в его юго-восточном углу между двумя оборонительными стенами.

Таким образом, ханская Казань обладала всеми признаками мусульманского города и типологией мусульманских культовых и общественных зданий.

3. Города Касимовского ханства

Касимовское ханство в отличие от Казанского ханства обладало значительно меньшей территорией. Столичным городом был Хан-Кермен (Касимов), основанный несколько выше по течению Оки вместо прежнего Городка Мещерского, разгромленного монголами в 1376 г. и входившего

в Наровчатский улус Золотой Орды. В составе Каимовского ханства формально находились мишарские бэйлики (княжества), сохранявшие определенную самостоятельность. Центрами этих бэйликов были города Кадом, Темников, Шацк, Енкай и некоторые другие, у которых средневековые пространственно-планировочные структуры в настоящее время неизвестны.

4. Градостроительное развитие столицы Каимовского ханства Хан-Кермена (Касимова)

а) Ландшафтные условия развития города.

Хан-Кермен располагался на высоком левом берегу р. Оки, разделявшемся оврагами на ряд холмистых мысов. По глубоким оврагам, где не было ручьев и ключей, проходили дороги, связывавшие верхнюю часть города с рекой, на узкой прибрежной полосе которой располагались редкие хозяйственные постройки.

б) Пространственно-планировочная структура и архитектура Хан-Кермена.

Планировочная структура средневекового Хан-Кермена определялась специфическими ландшафтными условиями. Ядром города служил опоясанный деревянными стенами Ханский кремль, который располагался на мысу между оврагами, называемыми в настоящее время Успенским и Полежаевым. Город рос, и жилищная застройка посада распространялась с мыса одного холма на другой. К XVII в. вокруг кремля вдоль берега Оки располагались посады, которые объединялись дорогой, ведущей в Казань (рис. 4). Дороги в Москву, Владимир, Муром отходили от главных ворот, располагавшихся в северо-западной части кремля, стены которого были типа городней или тарасов. На исторических панорамах Касимова XVII в. видны толь-

ко стены ханского двора в виде заплота, над которым возвышаются сохранившиеся в то время постройки. Узнаваем минарет Ханской мечети и высокая смотровая башня (возможно минарет Соборной мечети) без верхних ярусов (рис. 5). Левее цитадели просматриваются высокая деревянная крепостная башня и часть стены. Возможно, это остатки оборонительных стен кремля Хан-Кермена.

Застройка цитадели Хан-Кермена близка сооружениям Ханского двора Казанского Кремля. Тот же перечень построек вокруг внутренней площади двора имелся в Казани. Вдоль вымощенной белым камнем площади располагался Ханский дворец [Халитов, 2009; Халит, 2009а, с.314]. Напротив него в 1467 г. построили белокаменную Ханскую мечеть, от которой сохранился минарет, а разрушенное здание воссоздано в начале XIX в. (рис. 6).

Недалеко от Ханской мечети располагался мавзолей Шах-Али хана, построенный в 1555–1556 гг. (рис. 7). Белокаменное, двухкамерное сооружение (13,5x8, 5x5,0 м), не имеющее в настоящее время внешнего покрытия и входом на южной стороне. Большая камера являлась собственно усыпальницей, освещалась четырьмя небольшими арочными окнами и имела подземный склеп, в который можно спуститься по узкой каменной лестнице, расположенной снаружи

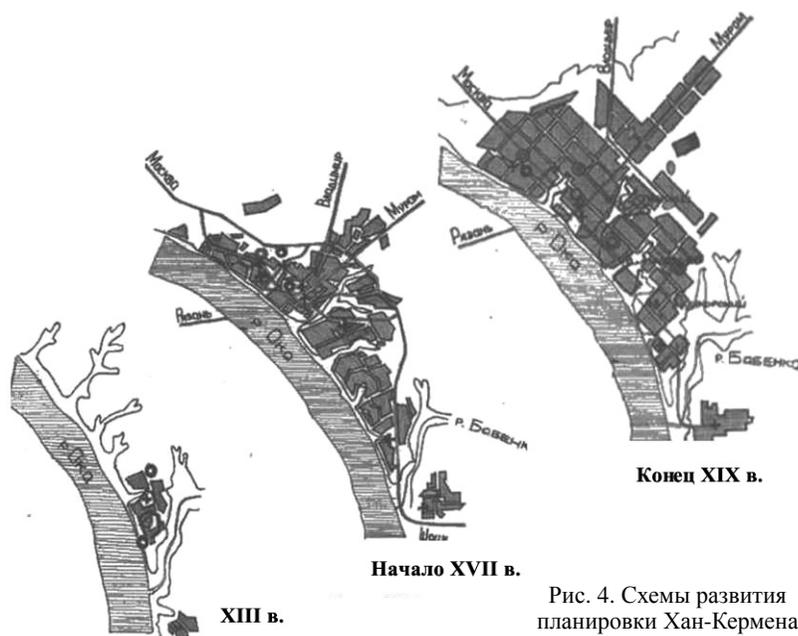

Рис. 4. Схемы развития планировки Хан-Кермена

Рис. 5. Гравюра панорамы Касимова из книги: Cornelis de Bruin. Reizen over Moskovie, door Perzië en Indië. Amsterdam, 1714 (Корнелий де Брюин. Путешествия по Московии, Персии и Индии. Амстердам, 1714). <http://www.etoretro.ru/pic42181.search.htm>

Рис. 6. Ханская мечеть Касимова. Минарет 1467 г.

Рис. 7. Мавзолей Шах-Али хана (Фото Е.Строевой)

справа от входа в мавзолей. На западном фасаде дверь ведет во второе помещение (зиарат-хана), предназначенное для чтения Корана. Оно освещалось одним окном и имело земляной пол. Каждая камера перекрывалась сомкнутым кирпичным сводом, скрытым на фасадах высоким парапетом. Форма первоначального покрытия не установлена. Поверх сводов насыпана земля. Осадки с крыши отводятся через каменные водометы, устроенные в парапете. Фасады выложены из хорошо отесанных прямоугольных известняковых блоков. Невысокий арочный дверной проем не имеет обрамления. Над входом в усыпальницу находится профилированная ниша, в которой арабской графикой в стиле «сульс» выбит текст «Строитель и владелец этого здания – Шах-Али, сын Шейх-Аулияр-Султана, двадцать первого дня месяца рамадан, девятьсот шестьдесят второго года» (по григорианскому календарю – 9 августа 1555 г.).

Над нишей выступают двускатные профилированные карнизы. Внутри усыпальницы были захоронения хана Шах-Али и восьми членов его семьи [Ахметзянов, 2006].

Усадьбы знати с деревянными постройками, вероятно, как и Казани, располагались в кремле за пределами Ханского двора.

Таким образом, градостроительная культура Казанского и Касимовского ханств обладала достаточно высоким уровнем и восходила к золотоордынским традициям. Сохранялась мусульманская типология и архитектура общественных и культовых зданий в городах Казанского и Касимовского ханств (мечети, медресе, мавзолеи, караван-сарай, бани-хаммам). Однако в градостроительной культуре Волго-Камья

в рамках Казанского ханства в сравнении с золотоордынским периодом происходят заметные преобразования. Исчезают открытые линейно-протяженные города, характерные для золотоордынского периода. В Казанском ханстве возрождается в новом качестве тип города с мысовым расположением в ландшафте и секторной пространственно-планировочной структурой, деревянно-земляными оборонительными сооружениями. В силуэтах городов обоих ханств преобладали купольные здания мечетей, бань-хаммам, мавзолеев, контрастно дополненные высокими минаретами. Застройка городов формировалась традиционными для региона типами усадеб и жилых домов в деревянных конструкциях.

§ 3. Искусство татарских ханств

Гузель Валеева-Сулейманова

Период после распада Золотой Орды знаменует собой новый этап в развитии культуры и искусства татар. Он является одним из важнейших, однако, по причине тотального разрушения памятников культуры, менее всего изучен. Значимость этого этапа заключается в том, что он был завершающим в развитии самостоятельной татарской феодальной культуры – культуры господствующих классов, связанной с наиболее выдающимися произведениями искусства и художественных ремесел. После падения татарских государств высокие формы искусства, получившие развитие под патронажем ханской власти, военной и дворянской знати, исчезают, многие городские ремесла и связанные с ними художественные традиции утрачиваются. Лишь спустя столетия они восстанавливаются в формах народного декоративно-прикладного искусства, вынужденно развивавшегося в сельских условиях и отчасти сохранившего достижения вытесненного на периферию городского ремесла.

Период существования татарских государств знаменателен также тем, что в нем наивысшего расцвета достигла мусульманская культура, в дальнейшем ставшая важнейшим фактором сохранения этнической идентичности татар Поволжья и Приура-

лья, Крыма, Западной Сибири. Общая направленность искусства была в русле эстетических канонов ислама, официально утвердившихся в золотоордынскую эпоху, в некоторых государствах, в частности в Казанском ханстве, преемственно развивавшихся с домонгольской эпохи в культуре Волжской Булгарии. Двести лет пребывания в составе Золотой Орды, безусловно, наложило свой отпечаток на образ жизни и культурный облик населения татарских ханств. И хотя каждое из них прошло свой исторический путь развития, объединялись они унаследованными высокими традициями золотоордынской мусульманской культуры.

Искусство татарских ханств изучалось не планомерно, в этом сказались следующие факторы. Во-первых, необъективное отношение российской официальной науки к истории Золотой Орды и татарских ханств ставило их за рамки серьезных исследовательских интересов. Во-вторых, сложившиеся отрицательные стереотипы повлияли на идеологическую позицию ученых, игнорировавших и даже отрицавших роль татарских государств в развитии русской культуры. Негативный образ татарских ханств способствовал преднамеренному забвению и разрушению их памятников искусства и архитектуры, большинство из которых ока-

залось для науки утерянным. Учитывая неполноценный характер исследовательской базы, к которой, помимо немногочисленных материальных памятников, можно отнести и документальные источники, надо признать, что наиболее изученным является искусство, в целом художественная культура, Казанского и Крымского ханств.

Архитектура и искусство Казанского ханства были впервые подвергнуты системному исследованию историком искусства Ф.Х.Валеевым, который сделал вывод о новом стилевом направлении развившемся, в отличие от золотоордынского периода, под влиянием «мусульманского» или «восточного» барокко [Валеев, 1967]. Для этого стиля характерны повышенная декоративность, преобладание цветочного репертуара в орнаменте, всеобъемлющая узорность. Был совершен поворот в сторону светской, не скованной религиозными канонами культуры, достигли расцвета высокие элитарные формы дворцового искусства, повлиявшие на развитие массового городского художественного ремесла.

В искусстве Казанского ханства, своеобразно преломились общеимперские черты золотоордынской культуры с этнорегиональными особенностями, сложившимися с эпохи домонгольской Волжской Булгарии. В отличие от Астраханского, Сибирского ханств, Ногайской и Большой Орды – государств кочевых и полукочевых тюрко-татарских племен, Казанское ханство было земледельческим, торговым государством с высокоразвитыми традициями в сфере монументальной архитектуры, декоративного искусства и получивших широкое развитие городских и сельских художественных ремесел. За сто с лишним лет поступательного развития данного государства произошел значительный подъем в культуре, который поставил его в один ряд с передовыми странами Востока, Восточной и Западной Европы.

В декоративном искусстве Казанского, как и других татарских ханств, имперские черты золотоордынской культуры были трансформированы в высокую культуру ханского двора, запросы которого удовлетворялись искусными местными и приглашенными мастерами: «И подела себе царь венцы драгие, и сосуды и блюда серебряные

и златия, и царьский наряд драгий устроя» [Казанская история, 1954, с.59]. Памятники декоративного искусства Казанского ханства раскрывают общность с синхронными по времени произведениями дворцовых мастерских правителей всего исламского мира, свидетельствуют о тесных взаимоотношениях ханства с рядом стран Среднего и Ближнего Востока, особенно с Османской Турцией (в основном через посредство Крымского ханства).

О высоком уровне развития в Казанском ханстве декоративного искусства, представленного в монументально-декоративных и декоративно-прикладных видах, свидетельствуют археологические раскопки в Казанском Кремле и на городище Иски (Старой) Казани (Н.Ф.Калинин, А.Х.Халиков, Р.Г.Фахрутдинов, А.Г.Ситдинов, Ф.Ш.Хузин и др.), находки как архитектурных фрагментов, бытовых предметов, деталей костюма, так и остатков их производства – ремесленных мастерских (гончарных, кожевенных, металлообрабатывающих и пр.), орудий труда, заготовок изделий. Среди фрагментов монументально-декоративного убранства – резные алебастровые плиты, украшенные арабесковым орнаментом, майоликовые изразцы с поливным растительным узором, архитектурные детали из резного камня. Произведения декоративно-прикладного искусства и художественного ремесла представлены археологическими находками изделий из гончарной и поливной керамики (амфоровидные хумы, корчаги, кувшины, чаши, тарелки, чернильницы и другие), украшенных резным орнаментом и подглазурной росписью. К ним же надо отнести гончарные кумганы с лепными зооморфными (голова петухов, баранов, коней) деталями, а также находки образцов кожаной обуви, декорированной фигурными нашивками, гвоздиками и рифлением, фрагменты кожаной обшивки ханского гроба с серебряными накладками, украшенного узорным шитьем кожаного колчана для стрел и др.

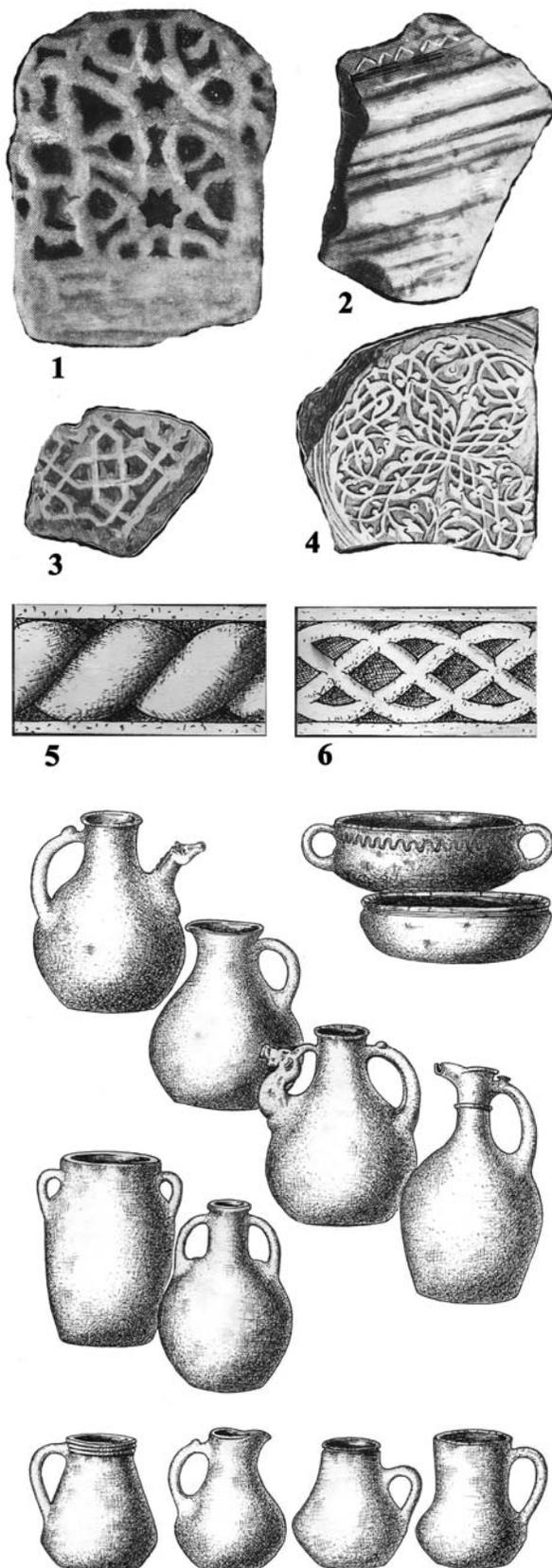
В музейных коллекциях (Оружейная палата Московского Кремля, Исторический музей в Москве, Национальный музей РТ, Российский этнографический музей в Санкт-Петербурге, Музей тысячелетия Казани и др.) представлены уникальные об-

Фрагменты узорных каменных (4–6) и гипсовых (1–3) архитектурных деталей из раскопок Казанского Кремля

разцы торевтики (винный кувшин, чаша, военные доспехи), ювелирного искусства (поясные застёжки, коранница, декоративные пуговицы), золотого шитья (образец покрывала) и уникальные роскошные предметы из обихода татарской знати, поступившие к ним из русской царской казны, а также в качестве частных приобретений, случайных находок.

К сохранившимся музейным образцам надо добавить летописные и другие документальные свидетельства, рисунки С.Герберштейна, сделанные им в 1556 г. [Герберштейн, 1908], раскрывающие богатство и мощь Казанского ханства. В русских летописях сообщается о вывозе из Казани «до угружения 12 людей великих, златом и серебром, и сосуды серебряными и златыми, и украшенными постелями, и многоразличными одеяни царьскими и воинскими оружьи всякими». «Взяша, же безчисленная множества злата, и серебра, и жемчюгу, и камни драгого, и светлых портищ златых, и красных поволоок драгих, и сосудов серебряных и златых, и всяцех, инемъ же несть числа» [Казанская история, 1954, с.156, с.98]. Летописи сообщают также о захвате государственных регалий, оружия, военных трофеев. В экспозиции Оружейной палаты среди них представлены такие шедевры ювелирного искусства, как «Шапка Казанская» и ханский трон (трон Ивана Грозного, позднее Михаила Федоровича Романова).

Искусство Казанского ханства стало предметом научного академического исследования в одноименной главе монографии, посвященной средневековой культуре татар [Валеев, 1987; Валеев, 2002]. Теоретические аспекты атрибуции произведений и методика изучения искусства Казанского ханства

Кувшины и бытовая посуда из керамики XV–XVI вв. Реконструкция Ф.Х.Валеева

рассматривались автором сего изложения в статье «Искусство Казанского ханства: ритеты и методика их изучения» [Валеева-Сулейманова, 2002]. В данной работе вводятся в научный оборот некоторые новые, не анализировавшиеся ранее памятники.

В первую очередь, следует обратиться к произведениям искусства, наиболее значимым с точки зрения развития духовной культуры. К ним относятся рукописные произведения, раскрывающие искусство каллиграфии. Оно является неотъемлемой частью мусульманской культуры и преемственно развивалось со времени принятия ислама в Волжской Булгарии [Валеева-Сулейманова, 2008]. Несмотря на редкость сохранившихся образцов, можно утверждать, что каллиграфия была представлена как вид религиозного (сохранился Тафсир Корана 1508 г.) и светского – придворного (ярлыки ханов) искусства. Расцвет каллиграфии был связан с развитием поэзии и других форм литературного творчества, процветавших в средневековой Казани. О многочисленных каллиграфах сообщает казанский поэт той эпохи – Мухаммедьяр в знаменитых поэмах «Тухва-и мардан» («Дар мужей»), «Нур-и Содур» («Свет сердец»). К этому можно добавить легендарные сведения о библиотеках в мечети Кул-Шариф и царицы Сююмбеки в Казанском Кремле, и в целом глубокие традиции книжной культуры татар.

Ярчайшими образцами искусства каллиграфии и печатной миниатюры являются ярлыки казанских и крымских ханов. Известны два ярлыка ханов Казани. Первый из них, ярлык хана Сахиб-Гирея (1523), исполненный в форме свитка, раскрывает художественные каноны рукописного письма и архитектонику его пространственной и цветовой композиции. Текст ярлыка написан черными чернилами почерками арабского письма «рикка» (был распространен в среде казанских хаттагов) с элементами дивани (преобладал у крымских писцов) [Вахидов, 1925а, с.37]. На ярлыке оттиснута красная квадратная печать – нишан (текст на ней исполнен почерком куфи), свидетельствующая о существовании в Казанском ханстве искусства печатной гравюры [Червонная 1987, с.159–160]. В центральной части печати помещен трезубец – герб крымских

ханов Гиреев. В другом ярлыке – казанского хана Ибрагима [Усманов, 1979, с.144], с синим оттиснутым нишаном и более скромной надписью, оставлено имя писца: «хафиз по имени Хаджи Курбан». Художественные особенности письма ярлыков, вместе со сравнительными материалами, касающимися текстологической и палеографической специфики, свидетельствуют в пользу местной казанско-татарской школы рукописного искусства.

Каллиграфия в форме эпитафических надписей и искусство резьбы по камню представлены в образцах каменных надгробий. Сохранившиеся до наших дней на кладбищах старинных татарских аулов каменные эпитафии XV–XVI вв. свидетельствуют о развитых традициях плоскорельефной резьбы по камню не только в таких центрах, как Казань и крупные поселения Заказанья, но и г. Касимов, крупные поселения Астраханской области и особенно Крыма.

Лицевые и нередко обратные стороны камней покрывает изысканный растительный орнамент и пышные надписи, которые выполнялись профессиональными резчиками-каллиграфами. Мастера, украшавшие эпитафии, прославляли благочестие и знатность их владельцев, содержание надписей часто лирическое, проникнутое грустью, в то время как в узорах выражено восхищение красотой и любовь к природе («Могила – есть один из садов рая...», «Из мира вечности в мир вечности лег» и др.). По форме и характеру орнаментального декора выделено два типа надгробий: 1) переходные от золотоордынских болгарских к надгробиям периода Казанского ханства (вторая половина XV – начало XVI в.); 2) надгробия первой половины XVI в. [Валеев, 1975, с.156–160].

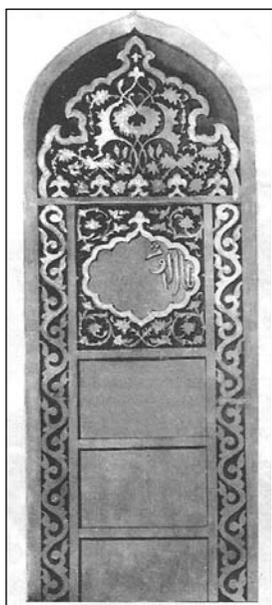
Мастерство резчиков по камню первой половины XVI в. значительно превосходит творчество камнерезчиков эпохи Золотой Орды. Надгробия отличаются значительно более крупными размерами (до 2,5 метра в высоту), богатством резного узора, оформляющего не только лицевую, но и обратную и даже боковые стороны камней. Появляются новые композиции узоров, вписанных в медальоны, цветочных букетов, прорастающих из вазонов. Ф.Х.Валеев исследовал над-

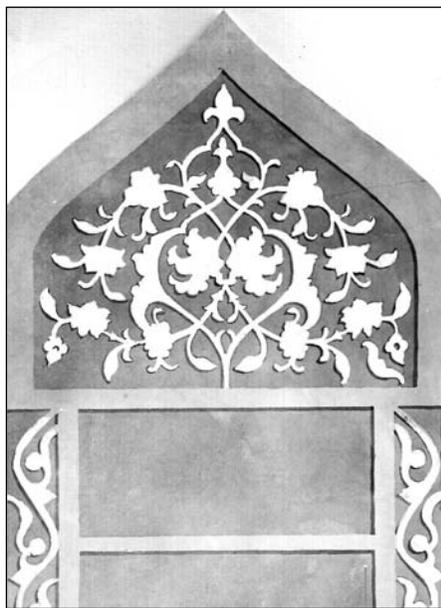
Старинное кладбище с сохранившимися
эпитафиями XVI в. Заказанье

Надгробие. Аул Молвино
Нурлатского района.
1528 г. (Юсупов Г.В. Введение
в болгаро-татарскую
эпиграфику. Табл.62)

1

2

1 – Лицевая сторона надгробия. Аул Старые Менгеры Высокогорского р-на. Графическая реконструкция Ф.Х.Валеева

2 – Надгробие. Аул Тямти Сабинского района. XVI–XVII вв. Реконструкция Ф.Х.Валеева

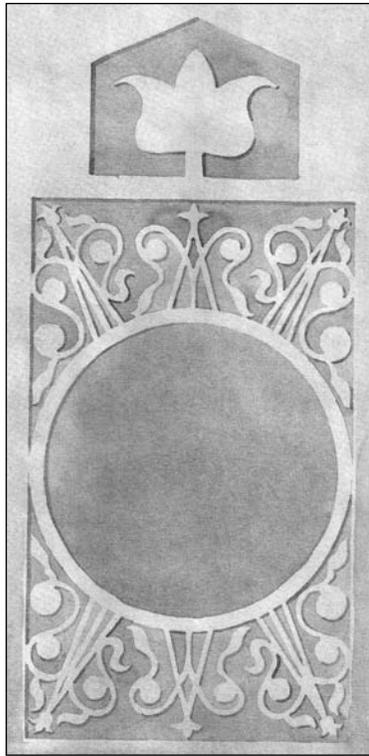
гробия как произведения искусства [Валеев, 1969, с.11–16, табл. 6; Валеев, 2002, с.10–14, табл. 7, приложение 12–24], систематизировал их с точки зрения формы и декора, развития орнаментального стиля и заложил основы типологии золотоордынских и Казанского ханства эпитафий [Валеев, 1987, с.121–124; Валеев, Валеева-Сулейманова,

2002, с.84–87]. В узорах надгробий XV–XVI вв. раскрывается влияние искусства Турции, Средней Азии, Кавказа, Ирана.

Резные каменные надгробия периода татарских ханств, привязанные к определенной территории и локальным очагам производства, позволяют, с одной стороны, раскрыть преемственность искусства резь-

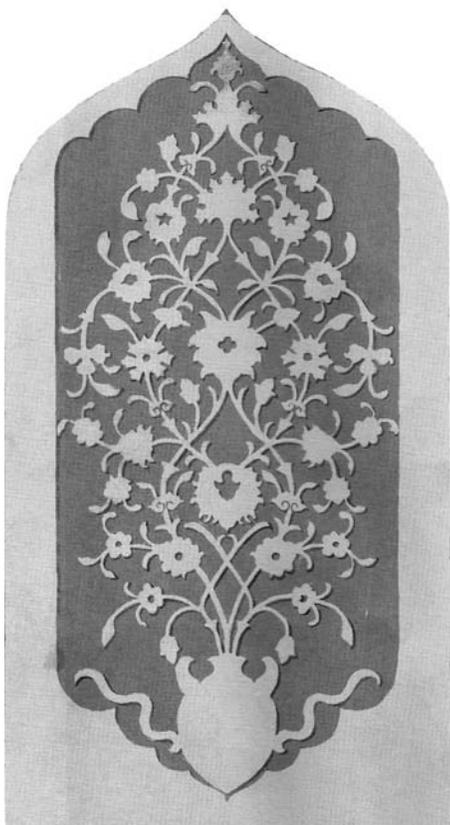
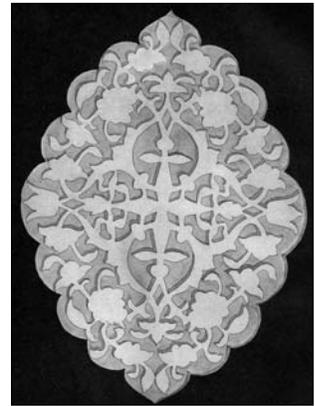
1

2

1 – Резной декор на оборотной стороне надгробия. Аул Ташлы Кавал Высокогорского р-на. 1 пол. XVI в. Реконструкция Ф.Х.Валеева

2 – Резной декор на оборотной стороне надгробия. Аул Старые Менгеры. 1 пол. XVI в. Реконструкция Ф.Х.Валеева

1

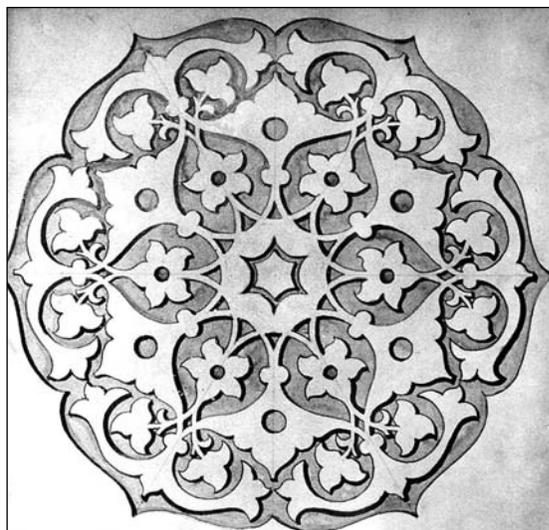
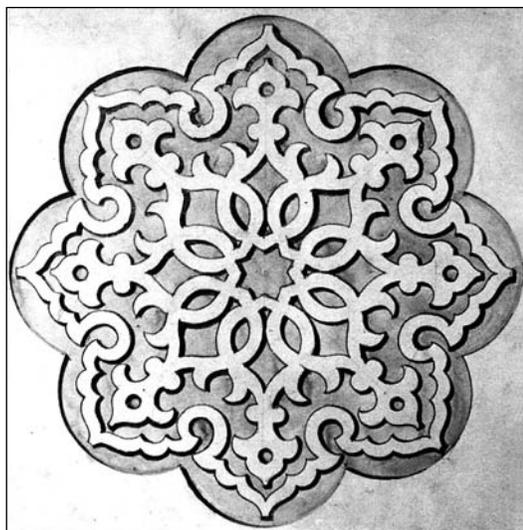

2

Фестончатые розетки на оборотной стороне надгробий. Аул Чыршы Высокогорского р-на. XVI в. Реконструкция Ф.Х.Валеева

1 – Узор оборотной стороны надгробия. С.Пановка Сабинского р-на
2 – Узор бокового бордюра. Аул Сулабаш Арского р-на. 1 пол. XVI в. Реконструкция Ф.Х.Валеева

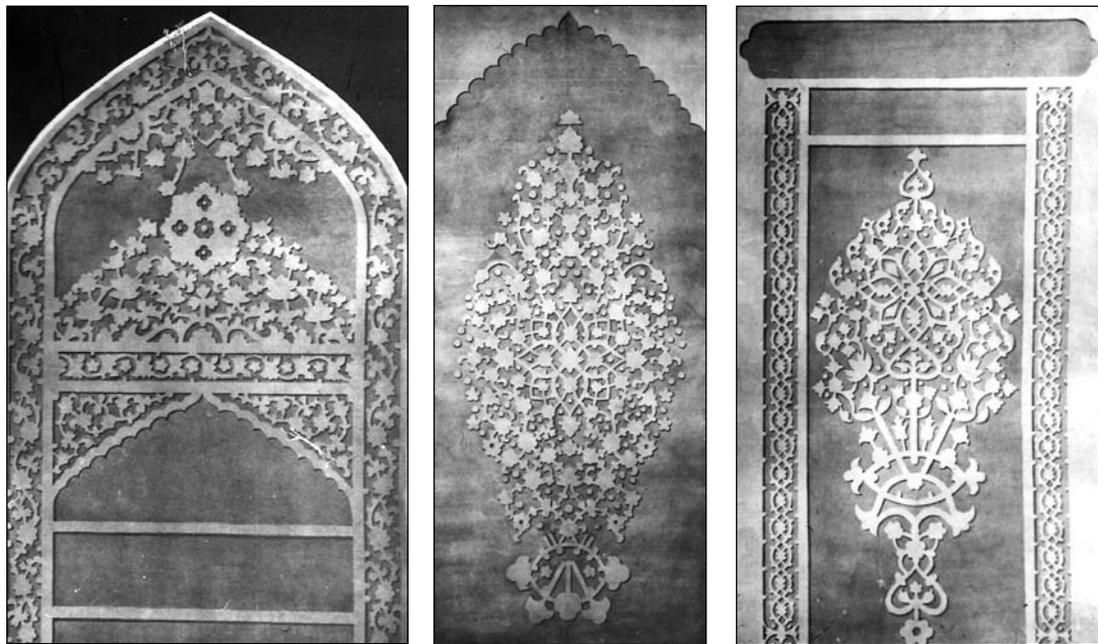
Резные розетки на оборотных сторонах надгробий. Середина XVI в. Аул Сулабаш Арского района.
Реконструкция Ф.Х.Валеева

бы по камню, начиная с золотоордынского времени, с другой – выявить специфику камнерезного искусства в художественных центрах. К наиболее крупным могут быть отнесены Казанское, Крымское и Касимовское ханства: в них исполнение надгробных камней достигло высокого художественного уровня и имело массовый характер. Надгробия, обладая элементами сходства, особенно в мотивах декора, в то же время различаются по элементам формы, композиционной и орнаментальной структуре, стилистике надписей, материалу изготовления и некоторым другим особенностям, позволяющим выделить региональные центры или школы камнерезного искусства [Валеева-Сулейманова, 2008, с.95–100].

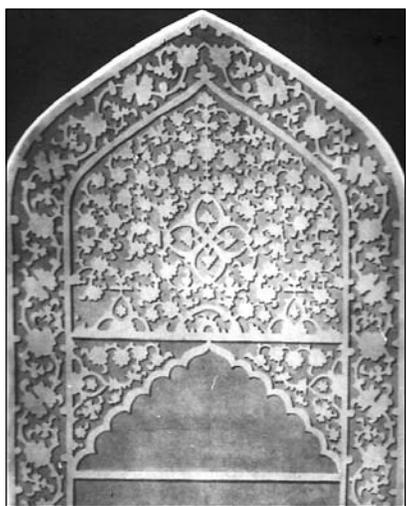
К примеру, резные каменные надгробия являются одними из уникальных свидетельств, дающих представление об искусстве Касимовского ханства. Речь идет о девяти известных эпитафиях, находящихся в Ханском мавзолее г. Касимова. Над входом в мавзолей размещена арабская надпись на каменной плите: «Строитель и собственник этого здания – Шах-Али хан, сын Шейх-Аулияр султана...», дата постройки – 9 августа 1555 г. Мавзолей является фамильным и все надгробные стелы датируются в нем второй половиной XVI в. В свое время надписи эпитафий были прочитаны Х.Фаизхановым и В.В.Вельяминовым-Зерновым. Надгробия

украшены растительным орнаментом, выполненным сложной резьбой в плоскорельефной технике. Она украшают лицевую и обратную стороны камней. Эстампы с них были сняты в 1960 и 1966 гг. Ф.Х.Валеевым. Им же были сделаны графические реконструкции.

По форме, размерам, технике резьбы надписей и узоров, орнаментальному оформлению касимовские надгробия обнаруживают определенное сходство с надгробиями казанских татар. Однако есть и существенные отличия. Все касимовские стелы имеют характерную композиционную схему построения декора по восьмилучевой сетке, образующей в центре цветочного характера розетку. Для них характерны более мелкие масштабы орнамента, придающие некоторую дробность, измельченность как формам мотивов, так и составленным из них узоров. Их композиции усиливаются изображениями мелких кружков, заполняющих свободное поле между растительными мотивами. Верхняя часть надгробий оформлена более богато и пышно. Узор условен, абстрактно отвлечен. Один и тот же репертуар цветочно-растительных мотивов (трилистники, тюльпаны, лотосные, многолепестковые розетки, полупальметты и др.) при составлении их в узорные композиции отличается художественным своеобразием, что позволяет прийти к выводу о собственной, различающейся от казанско-татарской, традиции.

Надгробия касимовских татар. XVI в. Реконструкция Ф.Х.Валеева по материалам экспедиции в г.Касимов 1960-х гг.

В целом для оформления касимовских надгробий первой половины XVI в., несмотря на некоторую неоднородность стилового решения, характерны нарядность, узорная насыщенность декора. Стилиевая трактовка узоров отличается и от более монументальных композиций в эпитафиях крымских татар и от более крупных по масштабам узоров в надгробиях астраханских татар, обнаруженных и скопированных Ф.Х.Валеевым в 1960–1970-е гг., во время поездок в Крым (гг. Солхат, Бахчисарай, Евпатория) и Астраханскую область. В г. Касимове ученому удалось также обнаружить

родословную – шеджере сеидов Шакуловых, относящуюся к XVIII в. [Ахметзянов, Шарифуллина, 2010, с.16].

До настоящего времени не выявлены произведения художественного творчества в других видах декоративного искусства Касимовского ханства, за исключением находящегося в Краеведческом музее г. Касимова (в помещении мечети) уникального экспоната – доспехов татарского воина, датированных по музейным архивам XVI в. В воинское снаряжение входят шлем, щит, кольчуга, один наруч и жезл, завершающийся отлитой головой быка. Судя по богатству и изысканности оформления, доспехи принадлежали одному представителей касимовской знати.

Шлем создан методомковки из цельного металлического листа, имеет коническую форму, завершающуюся высоким шпилем в виде объемной головы дикого гуся на длинной шее. На лицевой части выгравировано изображение солнца в виде лика. По нижнему краю шлема выгравирована арабская куфическая надпись, а его поверхность украшена арабского характера узором из растительных мотивов. Орнаментальный убор шлема позолочен и посеребрен.

К нижнему краю шлема прикреплена кольчужная сетка. В центре щита рельефно изображено солнце, также как и по четырем его сторонам. На железные пластины кольчуги узор нанесен гравировкой с позолотой, на серебряные – гравировкой и чернью. Шлем и щит, судя по стилистике оформления, изготовлены одним мастером, и в целом выдающийся экспонат требует тщательного изучения и атрибуции.

В крупных музейных собраниях хранятся уникальные золотые и серебряные изделия, принадлежавшие знати Казанского ханства. В Национальном музее Татарстана находится изящный по форме латунный кувшин – уникальный образец чеканенного изделия из ханского дворцового обихода (см. на цв. вкл.). Он был найден в начале 1970-х гг. во время разборки стены кирпичного дома в Казани и впервые был опубликован А.Хайруллиним [Хэйри, 1994]. По размерам и форме это питьевой кувшин, а не «кумган для ритуальных мусульманских омовений» [Червоная, 1987, с.154]. На его тулове выгравировано имя создателя: «сын медника Эмин хана – мастер Насыйр», работавшего при дворе казанского хана Мухаммед-Эмина [Валеева-Сулейманова, Шагеева, 1990, с.26]. Изящное по форме изделие украшено растительным узором в виде мотива побега («виноградная лоза») в сочетании с каллиграфическими надписями стихотворных миниатюр на татарском, арабском и персидском языках. Стихи любовного содержания гипотетически приписываются царице Сююмбике. В тексте надписей есть посвящение легендарному ханскому воину Кубику (Кебеку) – карачибеку, погибшему при взятии Казани: «От мастера Насыйра, живущему в ханском дворце, начальнику войска, безусловно, знаменитому и мужественному, по имени Кубик». Надписи нанесены гравировкой, в то время как живо исполненный орнамент прочеканен [Татарская энциклопедия, 2008, с.370].

Ювелирное искусство Казанского ханства представлено шедеврами мирового уровня. Уникальные сохранившиеся образцы драгоценных изделий, созданные при дворе татарских ханов, хранятся в Оружейной палате Московского Кремля. Среди них ханские регалии, ставшие инсигниями царя Ивана Грозного – бывшая корона татарских

ханов «Казанская шапка» и ханский трон (см. на цв. вкл.), доставшиеся в наследство от свергнутого с престола последнего казанского хана Едигера. Они являются ярчайшими образцами татарского дворцового искусства XV–XVI вв., на что впервые обратил внимание Ф.Х.Валеев. И трон и шапка созданы из золота, богато инкрустированы драгоценными камнями, декорированы пышным цветочно-растительным узором в стиле «мусульманского барокко».

О заимствовании и приспособлении ханских регалий для церемоний русского царского двора свидетельствуют внесенные в них позднейшие изменения. Например, в короне было добавлено новое завершение. Сначала ее увенчали красной китайской шпинелью (разновидность турмалина), которую в 1627 г. изыали для алмазного венца царя Ивана Алексеевича, затем украсили крупным желтым топазом, закрепленным между двумя жемчужинами [Древние государственные регалии, 1979]. Невысокий, восточного типа, трон был переделан для царя Михаила Романова в 1613 г. Его увеличили по высоте, удлинив ножки и спинку, а также придали форму кресла, изменив спинку и завершив ее изображением двуглавого орла [Шаһиева, 2005, с.127]. Воссозданная копия ханского трона, вместе с копией «Казанской шапки» представлена в экспозиции Музея тысячелетия Казани в Национально-культурном центре «Казань».

Впервые ханская корона была атрибутирована как произведение ювелирного искусства Казанского ханства Ф.Х.Валеевым [Валеев, 1969, с.91]. Сравнительный анализ формы короны, элементов ее декора и системы инкрустации самоцветами позволили отнести ее к рубежу XV–XVI вв. [Валеев, 1987, с.145–146]. Версия о создании «Казанской шапки» в мастерских Московского Кремля, увезенными в плен татарскими ювелирами [Грабарь, 1959, с.564], не получила документального подтверждения, и ханская корона, как и золотоордынская «Шапка Мономаха», вошла в реестр выдающихся произведений татарского ювелирного искусства [Татарская энциклопедия, 2006, с.65; Валева-Сулейманова, 2008, с.229].

В фондах Оружейной палаты автором данных строк удалось обнаружить драгоцен-

Бляха с изображением аждахи.
Графическая реконструкция Ф.Х.Валеева

ные поясные застёжки от костюма татарской знати, а также уникальную коранницу (см. на цв. вкл.), которые были атрибутированы ханским временем [Валеева-Сулейманова, Шагеева, 1990, с.84–87]. Подобной формы застёжки работы татарского и турецкого ювелиров еще ранее, в конце 1960-х гг., были обнаружены Ф.Х.Валеевым в фондах Российского этнографического музея [Валеев, 1969, с.90]. Впоследствии они были подробно изучены и результаты исследования опубликованы [Валеев, 1987, с.143–145; Валеева-Сулейманова, 1995, с.83–86]. Находки в фондах музеев схожих по форме и декору поясных застёжек, относящихся к ханской эпохе, свидетельствуют о достаточно широкой распространенности этого вида украшений, являвшихся престижным элементом в парадной одежде татарской знати. Законодательницей моды в этом виде ювелирных изделий, следует, по-видимому, считать Турцию. Например, на миниатюре 1588 г., изображающей Сулеймана Великолепного (Кануни) на охоте, в костюме османского султана просматривается поясная застёжка похожей формы и размера [Turkish arts, 1999, с.202]. Подобные застёжки были популярными и позднее, в костюме XVII–XVIII вв. в Турции, на Балканах (Македония, Болгария), в Крыму и на Северном Кавказе.

Сравнительный анализ татарских застёжек позволил выявить ряд характерных особенностей для ювелирного искусства эпохи Казанского ханства. Во-первых, это преемственность технологии филигранны от золотоордынской. Именно в последней широкое развитие получает накладная скань, особенно в орнаментации украшений, свя-

занных с убранством костюма (накладки, поясные застёжки, коранницы). Во-вторых, в ювелирном искусстве Казанского ханства появляются новые приемы, которые отсутствовали в золотоордынской филигранны, но обнаруживаются в изделиях турецких ювелиров, относящихся к османскому времени. Именно в изделиях турецкого и татарского ювелирного искусства присутствует общность в стиле, технологии и мотивах орнаментации, присущая эпохе XV–XVI вв. [Валеева-Сулейманова, 2010].

В застёжках важным элементом является форма блях, из которых они состоят. Для внешнего абриса характерен сложный криволинейный тип узора, созданный глубокими вырезами – полукружиями, придающими динамичность очертаниям. К данному типу узора относятся также розетки с фестончатыми краями, сердцевидные и листовидные мотивы. Данная форма блях характерна также для декора тульи «Казанской шапки», обрамлений татарских резных надгробий XVI–XVII вв., накладных бронзовых блях XIII–XV вв., в частности с изображением дракона-аждахи. Такие же формы криволинейных выкружек являются основными в декоре турецкого дворцового церемониального кувшина (матара) и султанского шлема из собрания дворца Топкапы в Стамбуле, относящихся ко второй половине XVI в. [Turkish arts, 1999, с.20]. Важно также обратить внимание на подобную систему инкрустации драгоценными камнями и самоцветами, характерную для инсигний, созданных при дворе турецких (матарас, шлем) и татарских (корона, трон) правителей (см. на цв. вкл.).

Ключевым моментом в атрибуции татарских застёжек является оригинальный метод закрепления скани в декоре. Он основан на припаивании миниатюрных прямоугольных брусочков в виде четырех- и пятигранных параллелепипедов, обеспечивающих прочность конструкции застёжек. Данный конструктивный прием орнаментации, используемый в сканых изделиях крупного размера, применяется и в ранее упоминаемой застёжке турецкого мастера из фондов Российского этнографического музея.

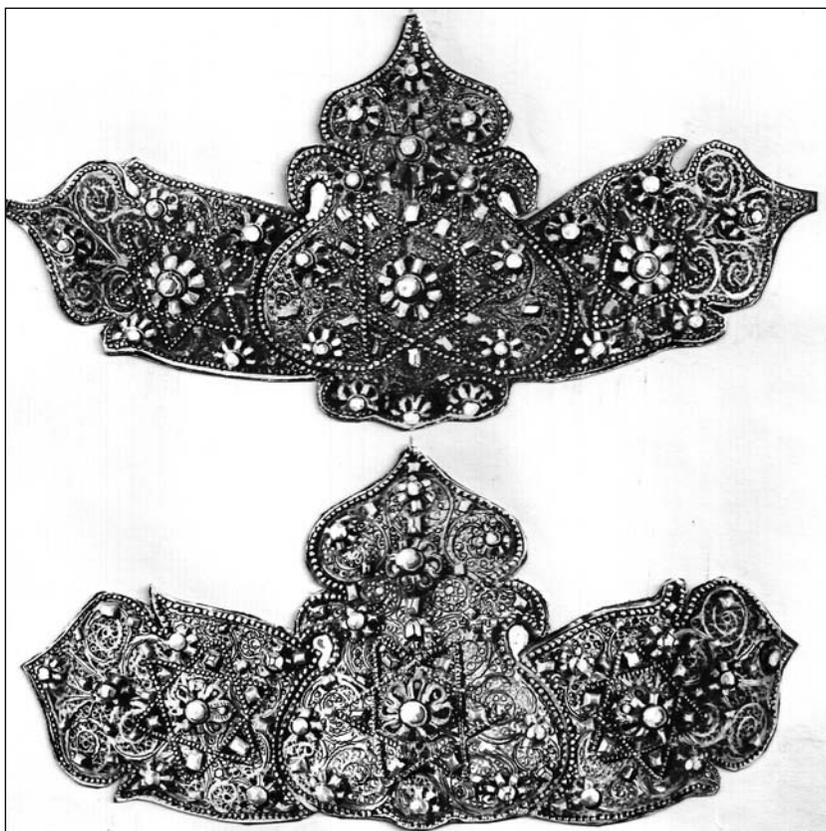
В фондах Оружейной палаты хранится также уникальный образец коранницы (см. на цв. вкл.), обнаруженный и впервые атрибу-

Поясные застёжки.
Золото, скань, зернь.
1 пол. XVI в.
Российский этногра-
фический музей

тированный автором как произведение периода Казанского ханства. Коранница создана из серебра, а ее крышка украшена накладной сканью с вкраплениями крупных горошин зерни, образующих цветочные мотивы. Она была украшена самоцветами в десяти глубоких гнездах, из них сохранились лишь голубая бирюза, темно-красный гранат, зеленый изумруд и синий сапфир [Валеева-Сулейманова, Шагеева, 1990, с.85; Валеева-Сулейманова, 1995, с.87].

К произведениям дворцового искусства или, по крайней мере, созданным в характерном для них стиле, следует отнести одну из уникальных находок – медную литую чашу, обнаруженную на дне озера Кабан в 2001 г. [Мингазова, Халиуллина, 2002, с.100–103]. Она хранится в Музее тысячелетия Казани, была обследована (в том числе методом химического анализа) междисциплинарной группой ученых, атрибутировавших ее как произведение татарской тореvтики XV в. Поверхность чаши орнаментирована гравированным узором, по ее ободку нанесена арабская надпись – стихи на персидском языке, приписываемые выдающемуся поэту XIII в. Саади.

В постоянной экспозиции данного музея представлена также реконструкция кожаного колчана для стрел (см. на цв. вкл.), обнаруженного при раскопках Казанского Кремля Н.Г.Набиуллиным [Набиуллин, 2002]. Колчан был декорирован вычурно переплетенным из сложных узловых мотивов узором, исполненным серебряным шитьем в технике прикрепа. Композиция орнамен-

та завершается полукружием (полумесяц) в центре которого расшито миниатюрное и сильно стилизованное изображение Зиланта. Это фантастическое полиморфное существо – аждаха-дракон было представлено и в предполагаемом гербе Казанского ханства [Валеев, 1987, с.150–153; Валеев, 2002, с.91–93; Татарская энциклопедия, 2005, с.476–477]. В правом верхнем углу вышит узор, напоминающий А-образную тамгу – мотив,

Эмблема
Казанского
царства из
Царского
титулярника
1672 г.

встречающийся на произведениях золотоордынского искусства (парадный топорик, браслеты) и в надгробиях Казанского ханства первой половины XVI в. [Валеев, 2002, рис.28, 38–1, 50–7]. Реконструкция шитья исполнена художником Н.Кумысниковой.

Арабескового характера узор на колчане продолжает традиции золотоордынского булгарского искусства, находя первоначальные аналоги в декоре парадных топориков, браслетов, зеркал. В то же время, по сравнению с более ранними изделиями, для орнамента на колчане характерны большая степень геометрической стилизации и абстрагирование мотивов, что было присуще тенденциям развития мусульманского искусства XV–XVI вв. Об этом свидетельствует и уникальная поясная застежка от парадного мужского костюма в экспозиции того же музея.

Произведения декоративного искусства Казанского и других татарских ханств раскрывают становление этнорегиональных художественных традиций, получивших развитие в культуре казанских, сибирских, астраханских, касимовских, крымских татар. В эпоху татарских ханств сложился общий слой традиций, сближающий их с культурой исламского мира, особенно Османской Турции, Крыма, Ирана, Средней Азии, Азербайджана.

Вместе с тем, искусство татарских ханств, особенно Казанского, послужило образцом для подражания в творчестве русских мастеров. Об этом свидетельствуют характерные для татарского искусства XV–XVI вв. мотивы и композиции орнамента (лотос, тюльпан, пальметты, цветочные букеты, розетки и вазоны), популярные в убранстве русской архитектуры, украшении тканей, ювелирных изделий, так называемые русские кумганы, копировавшие татарские образцы, а также предметы обихода царского двора, покрой и названия боярской одежды, головных уборов и обуви (казакин, бешмет, япанча; науруз, тафья, башлык; ичетыги, чоботы, башмаки) [Костомаров, 1860]. О приглашении татарских ханских мастеров, в частности зодчих, русскими князьями свидетельствует любопытная информация,

содержащаяся в письме крымского хана Менгли-Гирая московскому великому князю Василию III, датированном сентябрем 1509 г. В нем татарский хан просит отправить обратно в Крым своего «мастера-каменных дел» Якуба, ранее работавшего в Казани и на тот момент удерживаемого в Москве при дворе князя. Фрагмент текста письма, извлеченный М.А.Усмановым из книги «Памятники дипломатических отношений Древней Руси с державами иностранными» [Сборник РИО, 1895] приводится в его предисловии к репринту книги К.Фукса «Казанские татары» (1991). Не исключено, что Якуб и есть, известный по русским летописям, зодчий Яков по прозвищу Барма, автор известных построек в Казани и Москве. В письме крымский хан просит: «Якуб холоп мой надобный мне мастер каменщик, и ты бы... Якуба... конна и одена доспев ко мне к брату своему с тем нашим человеком с Юсуфом не оставляя к нам прислал...». В этом контексте прозвище Барма можно связать с татарским глаголом «барма» (с ударением на последний слог), т.е. в имени это прозвище может означать «не ушедший».

Произведения декоративно-прикладного искусства, созданные в дворцовых мастерских Казани, отличаются великолепием и изысканностью формы, пышностью декора, что позволяет говорить о характерных чертах казанско-татарского стиля в искусстве. Многие из них отнесены к шедеврам декоративного искусства и по праву занимают достойное место в сокровищнице мировой культуры.

После завоевания Казани высокие формы декоративного искусства татар, сложившиеся в городских ремесленных и ханских дворцовых мастерских, были разрушены. Исчезли такие виды профессионального искусства, как архитектура и ее декор, каллиграфия, керамика, горячая обработка металла, ворсовое ковроделие, золотое и серебряное шитье. Художественные традиции искусства Казанского ханства преемственно развивались в крупных селениях Заказанья, где сохранялись очаги татарской мусульманской цивилизации.

§ 4. Развитие казанско-татарской фортификации в XV – первой половине XVI в.

Алмаз Хабибуллин

Архитектура оборонительных сооружений Казанского юрта впитала в себя передовые технологии иранской, болгарской, китайской, арабской, кавказской, хазарской, сельджукской, золотоордынской, среднеазиатской и других культур. Она сложилась на основе ранней полевой или «кочевой» фортификации, появившейся в VIII–X вв. и развивавшейся на всем протяжении до XVIII в. Необходимо выделить три основных типа кочевых (полевых) временных станов (поселений) у татар: курень или таборный тип, кишлак (зимняя стоянка) или полукочевой тип и полуоседлый тип поселений [Хабибуллин, 2011, с.182–185].

Некоторые принципы кочевой архитектуры легли в основу последующего генезиса долговременной фортификации татар [Губайдуллин, 2002а, с.28]. Одними из первых стационарных типов укреплений татар принято считать крым (перекоп) или систему, состоящую из рва и вала. Кроме этого существовало богатое разнообразие видов рвов и валов начиная еще с болгарских времен¹. Склоны холмов, на которых были расположены крепости, часто эскарпировались. В валах прорывались норы из которых часто устраивались диверсионные кратковременные вылазки². Подходы к во-

ротам также усложнялись и устраивались так называемые «ловушки»³. В толще вала иногда сооружалась деревянная или каменная кладка для укрепления насыпи⁴. Широко применялись и гидрологические работы обеспечивающие труднодоступность продвижению врага к укрепленному пункту (заболочивание, искусственные каналы и т.д.).

В период существования постзолотоордынских юртов у татар развиваются следующие типы оборонительных сооружений: оборонительные (сторожевые) линии и укрепленные пункты (кирмяны (крепости) и временные укрепленные станы (кишлаки, ясачные кишлаки, курени, кочевые ставки и т.п.), кирмянчики (небольшие крепости), каравансарай и отдельностоящие дозорные пункты (сигнальные башни). Укрепленные пункты и татарские оборонительные линии состояли в системе военной оборонительной концепции государства.

Города в Казанском юрте, как правило, имели трех частную функциональную структуру: арк (цитадель), кирмян (кремль) и рабат (крым или посад). Арки кирмянов как правило были укреплены деревянными или каменными стенами, башнями и воротами⁵. Большое применение в татарской фортификации получили так называемые

¹ Отлогости валов иногда укреплялись глиняной обмазкой иногда с соломой, деревянной обкладкой, решеткой из деревянных слег, каменным щебнем или каменной обкладкой. Ядро валов усиливалось иногда срубными конструкциями. Рвы устраивались как треугольной так и трапециевидной формы. Есть образцы и подпрямоугольной формы рва. Иногда на дно рва или на его отлогость врывались заостренные бревна, препятствующие активному штурму крепости. Рвы, начиная с XIII в. начинают делать более шире и глубже против подкатки осадной техники. Часто при подходах крепости появляются дополнительные ряды рвов и валов. Эти конструкции продолжают функционировать и в XV–XVI вв.

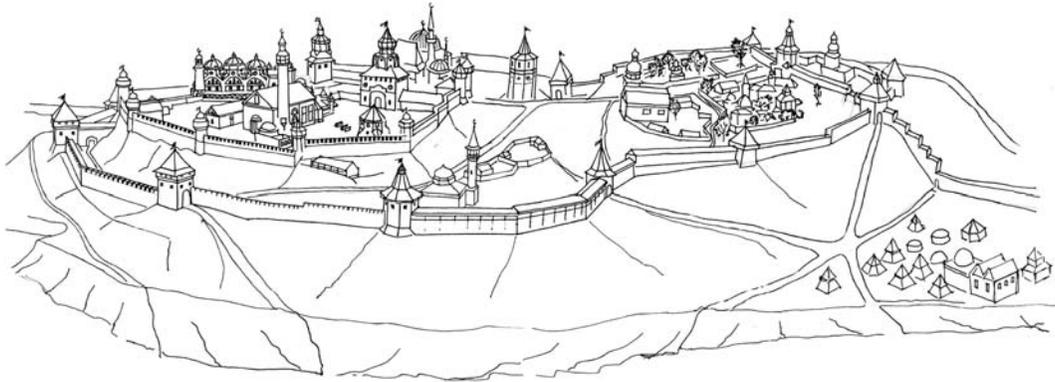
² Вот что говорит русская летопись о дополнительном укреплении ворот казанской крепости: «... были у них (татар) перед каждыми воротами поставлены огромные тарасы, заполненные землей; из под тех тарасов, из нор, каждую ночь выползали казанцы, словно змеи, и бились с нашими». Исходя из вышеизложенного можно сказать, что толще земли

перед тарасами в крепости Казани были прорыты норы, через которые татары делали кратковременные диверсионные вылазки. Эти же норы могли служить для тушения пожаров деревянных стен.

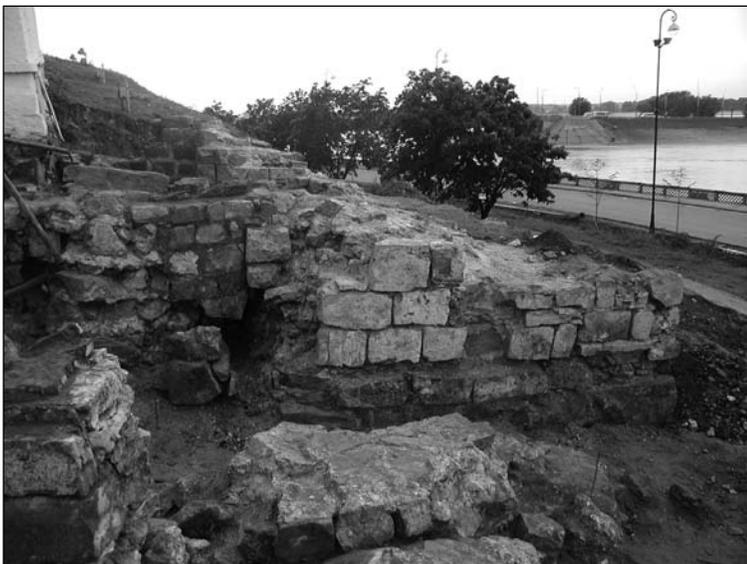
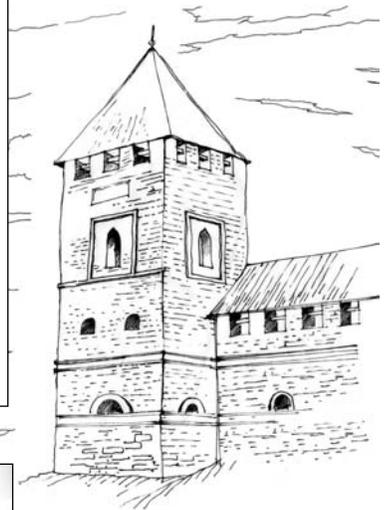
³ Подходы к воротам часто устраивались с правой стороны для того, чтобы противник, подходя к крепости, подставлял незащищенную щитом сторону.

⁴ Как, например, в Утерьянском городище.

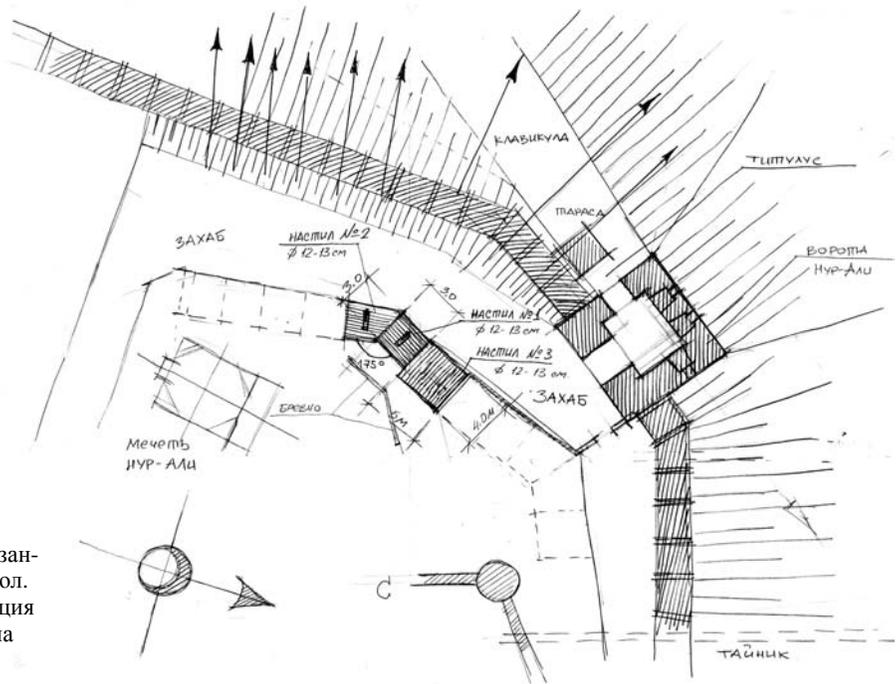
⁵ Иногда арками служили укрепленные ханы (каравансарай), находящиеся в черте города. Кирмяны городов в основном имели так называемую систему крым (ров и вал), оборонительные стены, башни и укрепленные ворота. Рабаты городов иногда обносились деревянными стенами или имели крым (земляные укрепления) и ограду из тына. В основном прилегающие к городу ремесленные слободы (оста бистялары) не имели укреплений, и население в военное время укрывалось в кирмянах, которые имели функцию убежищ.

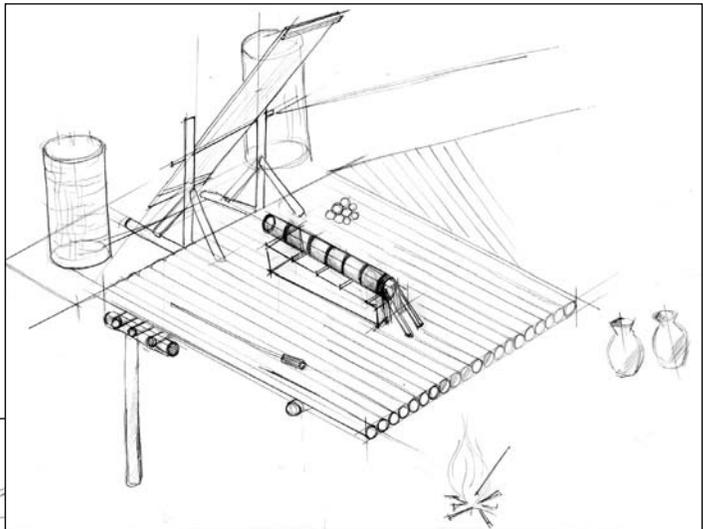
Казанская крепость первой половины XVI века. Реконструкция Н.Х.Халитова и А.Н.Хабибуллина

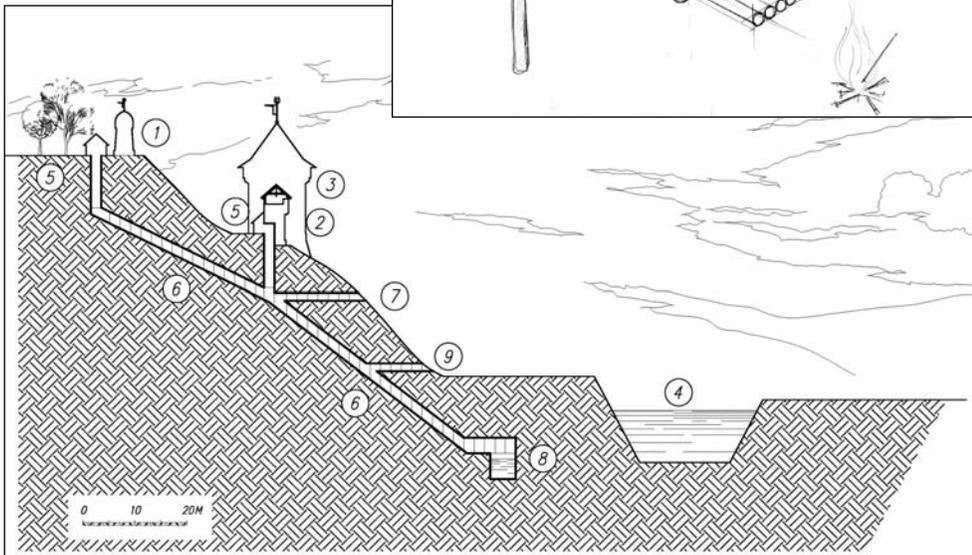
«Северная» башня татарской крепости первой половины XVI в. (реконструкция плана по археологическим данным, фотография с археологических раскопок, реконструкция башни А.Н.Хабибуллина)

Башня Нур-Али казанской крепости 1 пол. XVI в. Реконструкция А.Н.Хабибуллина

Кяриз-тайник и артиллерийский роскат казанской крепости середины XVI в. Реконструкция А.Н.Хабибуллина

крепости-убежища (Казан, Иске Казан)¹. Иногда в укрепленной крепости существовала резервная территория, которая была подготовлена для аварийного заселения людей из ближайших сел.

Ввиду того, что время существования постзолотоордынских государств совпало с началом и развитием на границе XIV–XVI вв. так называемой «пороховой революции», некоторые татарские крепости восприняли новшества обороны крепостей с применением огнестрельной артиллерии (расширение стен и башен, роскаты и т.д.).

Крепости у татар были как правильной (регулярной), так и ломаной конфигурации. Зачастую это зависело от ландшафтных особенностей местности и существующей гидрографии. На равнинных участках существовали крепости с правильной формой, традиция которых уходит корнями в булгарскую и хазарскую фортификацию. Регулярная планировочная система проявилась и в архитектуре укрепленных татарских караван-сараяв. На мысовых участках устраивались сложные крепости, подчиненные существующим географическим условиям.

В татарской фортификации выделяется следующая типология населенных пунктов по функции: столичный город, резиденции мурз и беков (стационарные и кочевые) и караван-сарай. Крепости на окраинах государства формировали сеть пограничных крепостей, которые объединялись в структуру круговой обороны столицы. Пограничные крепости обладали также функциями сигнальных точек для соседних укрепленных населенных пунктов. По функции также следует отметить города-таможни с военным флотом. Еще один тип – укрепленные замки феодалов получили широкое распространение в татарских ханствах с домонгольского периода.

Самым распространенным типом по строительному материалу были деревян-

ные крепости². Также следует выделить каркасно-глинобитные, деревоземляные и каменные виды оборонительных сооружений. В Волго-Камье, богатом лесной растительностью, татары возводили в основном деревоземляные крепости с деревянными стенами. Иногда сооружения были комбинированного или смешанного деревокаменного типа. Казанская крепость первой половины XVI в. находилась на стадии перехода от деревоземляной крепости к каменной. Известно также об аварийных бригадах строителей в Казанском юрте, которые ремонтировали образовавшиеся в процессе обстрелов и взрывов бреши в деревянных стенах и башнях, а также сооружали быстровозводимые укрепления из готовых элементов. Стоит также упомянуть о снежных и ледяных городках татар³.

В раннее и среднее Средневековье для защиты от набегов соседних кочевых племен широкое применение приобретают оборонительные линии. Засеки, состоящие из поваленных деревьев, льда и снега, применялись на заградительных линиях и речных засеках и ловушках.

В XIV–XV вв. стали появляться вороталовушки или так называемые «каменные мешки»⁴. Этот прием был характерен для фортификации булгар и хазар и применялся ими еще в деревоземляных крепостях [Губайдуллин, 2002а, с.43]. В градостроительных решениях ворота устанавливались на основных дорожных магистралях. Главные ворота крепостей, резиденций, караван-

² В качестве известного татарского острога Казанского юрта стоит упомянуть о крепости Арча кирмяне (Арск, Арский городок), который в 1552 г. служил стратегической крепостью татар. Стены городка состояли из городней, которые по традиции татар были забиты илом и камнями. Поверху городней был установлен заостренный полисад.

³ Наличие искусства строительства из снега и льда подтверждается примером строительства Улуг-Мухаммедом ледяных укреплений у г. Белева в XV веке (1438). Шереф ад-Дин Йезди при описании Хаджи-Тархана XIV в. сообщает, что жители строят стены из кусков льда, поливая их водой, а между стенами ставят ворота. Эти факты, возможно, подтверждают существование у тюрко-татар снежно-ледяных укрепленных поселений.

⁴ В военной инженерии этот прием получил название клавикула (лат. *clavicula*) и имел различные разновидности.

¹ У татар часто существовало два поселения, расположенных в непосредственной близости друг от друга. Одно было укреплено, а другое было без оборонительных сооружений. В момент наступления врага население быстро переходило в боевую готовность и пряталось в крепости. Примерами таких крепостей-убежищ можно назвать: Чуфут-Кале, Казан, Камаевское городище, Феррах-Керман и др.

сараев и пригородов имели часто символическое значение¹. Часто ворота украшались орнаментом и на них указывались родовые символы или указывались имена их строителей². На бойницы часто правители устанавливали бунчуки, хоругви и знамена подчеркивая статус данной крепости [Эвлия Челеби, 1996, с.71]. По форме в плане ворота и башни чаще всего выполнялись квадратными или прямоугольными³, круглыми и восьмигранными. Иногда ворота не выделялись отдельной башней, а встраивались в толщу стены. У татар существовали и двухбашенные ворота, широко применявшиеся в исламской и западноевропейской культурах. При подходе к воротам перед ними часто устраивались мосты или ворота с подъемными механизмами. Характерными для татарской фортификации были тарасы установленные перед воротами и предохранявшие их от перпендикулярного штурма [Богдановский, 1898, с.8]. Часто в арках проездов устанавливались несколько ворот и подъемных решеток.

Достаточно часто продолжались использоваться тонкие деревянные стены, сложенные из одного ряда бревен, которые применялись еще в болгарское время⁴. Наряду с примитивными конструкциями деревянных стен использовались и более усовершенствованные стены с более сложной конструкцией. Стоит отметить деревянные тарасы и городни которые также применялись у татар. Толща срубов этих элементов часто

засыпалась землей, илом и костями животных. Крепости с каменными стенами получили широкое применение в ханских укрепленных резиденциях и караван-сараях.

Шатры башен известные по иконографическим источникам были двухскатные, четырехскатные, вальмовые и шатровые. Иногда на крышах ворот устраивались дозорные вышки. Материалом кровель башен и ворот служила керамическая черепица или деревянный тес [Эвлия Челеби, 1996, с.56].

Часто татарские цитадели имели большие сигнальные башни. Эти башни служили для подачи системы сигналов при приближении врага или для подачи знаков для мобильных конных отрядов расположенных поблизости от крепости⁵.

Исходя из вышеизложенных суждений, можно сделать следующие выводы. Во время своего существования фортификация Казанского юрта имела достаточно передовое развитие. С развитием огнестрельной артиллерии крепости модифицируются и усовершенствуются. Наблюдается достаточно разнообразная типология оборонительных сооружений татар, как по функции так и по строительным материалам. Кроме общих характеристик, в татарской фортификации наблюдается и элементы присущие только татарам (норы, тарасы перед воротами). Фортификация татарских государств не только впитала в себя идеи передовых технологий, но и сама внесла большой вклад в развитие архитектуры оборонительных сооружений.

¹ В качестве примера аналогий стоит упомянуть об каирских воротах или воротах Коньи, которые имели также символическое значение.

² Возможно, они имели более крупные габариты по сравнению с остальными воротами.

³ Например, башни крепости Ор-Капусы были – квадратными;

⁴ В частности, столбовую конструкцию мы видим на гравюре с изображением цитадели Хан-Кирмана. По описаниям Блеза де Виженера в Киркее (Чуфут-Кале) замок был выстроен из дерева и дерна на вершине скалы. Высота таких стен была обычно 3–4 м.

⁵ По мнению А.Х.Халикова на месте нынешней башни Сююмбике XVII в. в XIII–XIV вв. располагалась каменная сторожевая башня, которая также имела проезд на нижнем ярусе. Возможно, эта башня и была той сигнальной башней. Сигнальные башни были характерны для татарских крепостей. При их отсутствии сигналы могли подаваться с высоких минаретов мечетей. Изображение возможно высокой башни есть на гравюре А.Олеария, изображающей Хан-Кирман XVII в. Сигнал или яск с башен подавался при помощи различных знамен. Возможно, также, что в ночное время знаки могли подаваться при помощи системы костров или огней.

§ 5. Архитектура и искусство Крымского ханства

Архитектура Крымского ханства

Владимир Кирилко

Основным препятствием на пути полноценного изучения архитектуры Крымского ханства является крайне неудовлетворительное состояние памятников и их слабая исследованность. Многие строения к настоящему времени безвозвратно утрачены либо разрушены настолько, что о них можно судить исключительно по беглым упоминаниям в документах или сообщениям нарративных источников, в лучшем случае, имеются фотоснимки и иконографический материал. Остальные сооружения в большинстве своем вследствие неоднократных ремонтов почти полностью изменили первоначальный вид и пока не поддаются достоверной реконструкции. Практически ничего не известно о мастерах и архитекторах. Археологически исследованные памятники исчисляются единицами, еще меньше объектов обеспеченных качественными обмерами. Все же получение общего представления о местной архитектуре, а также выделение ее характерных черт и стилевых особенностей в целом возможно.

Бесценным источником по строительной истории, прежде всего, начального этапа и времени становления Крымского ханства является «Книга путешествия» турецкого автора Эвлии Челеби, который в 1666–1667 гг. посетил полуостров и относительно подробно описал его основные населенные пункты, уделяя пристальное внимание их архитектуре [Книга путешествия, 1999].

Среди достопримечательностей региона Эвлия Челеби особо отметил целый ряд объектов, трактуемых им как сооружения «старой формы». К их числу путешественником отнесено и несколько мечетей, архитектура которых, безусловно, отражает наиболее ранние строительные традиции крымскотатарского государства.

Одну из них, возведенную Сахиб-Гирей-ханом (1532–1551), Эвлия Челеби увидел на территории крепости Ор: «В длину она составляет 150 аяков, а в ширину – 100 шагов. < ... > Слева от мечети находится минарет,

это красивый низкий минарет из белого камня. Сама же мечеть – это низкое, старой формы, крытое дерном место поклонения» [Там же, с.12].

О монументальном здании с грунтовой кровлей, которое согласно тариху возведено Хаджи- Гирей-ханом (1441–1466), Эвлия Челеби упоминает и при описании крепости Тамань: «Там есть соборная мечеть Касым-паши, прекрасная, полная света молельня, построенная в старой форме, крытая чистой, как амбра, землей» [Там же, с.106].

В архитектурном наследии крымских татар имеется, по крайней мере, еще одна подобная постройка – так называемая мечеть Узбека в бывшей столице улуса. Она была известна и Эвлии Челеби, который, правда, застал ее уже после капитального ремонта. Турецкий путешественник, описывая достопримечательности и строительные надписи городских сооружений древней крепости Эски Кырым, сообщает: «Лучший из них – тарих над дверью Улу-джами, написанный четким почерком: «Слава Богу, и да благословит Бог Мухаммеда, и творение, и Халифов! Построил это здание благословенной мечети в дни правления великого хана Мухаммеда Узбек Герай-хана». Над минбаром этой мечети читается другой тарих: «Приказал построить этот минбар благородный потомок султанов Менгли Герай-хан, сын Хаджи Герай-хана, да сделает вечным Бог его правление, год 918». Внутри этой благородной мечети установлены 4 высоких колонны, у нее разукрашенный потолок, она крыта черепицей, и у нее есть кыбловая дверь. От кыбловой двери до михраба в длину – 200 аяков, а в ширину – 150 аяков. Минбар ее старой формы и украшен так, что это явное волшебство» [Там же, с.83].

Старокрымская мечеть является показательным примером того, как происходило формирование традиций татарской архитектуры региона на начальном этапе. Судя по материалам археологических исследований, она была возведена на рубеже XV–XVI вв.

[Крамаровский, 2005, с.114]. Представление о ее первоначальном облике и ремонтных преобразованиях дало натурное изучение сооружения во время проведения реставрационных работ [Кирилко, 2009а].

Мечеть пристроена к зданию медресе 1332/33 гг. (733 г.х.) с севера, расположена на оси его боковых айванов (рис. 1). В плане она прямоугольная, ориентирована продольно. Ее размеры: ширина – 13,37–13,64 м (уменьшается к югу), длина – 17,90 м. Толщина стен – 0,82 м. Северо-восточный угол строения занят массивным основанием минарета. Вход в мечеть – один, с севера. Михраб расположен напротив двери, вторичного использования. Окна сохранились частично, только с южной и северной сторон здания. Они попарно обрамляли михраб и вход, освещение было одноярусным. Боковые фасады почти полностью утрачены, остальные существенно изменены последующими ремонтами. Реконструируемая высота здания составляла около 6,50 м.

Мечеть пристроили к упраздненному медресе. При ее возведении на участке, где сооружения между собой соединялись, почти полной разборке подверглась северная стена медресе, взамен которой появляется новая кладка – собственно, южная стена мечети (рис. 2). Она на 0,15 м толще первоначальной конструкции и составляет в сечении около 1 м. Данное утолщение было вызвано необходимостью введения в кладку стены резного каменного михраба XIV в., взятого из другого сооружения. К числу вторично использованных архитектурных деталей принадлежат также наличники проемов и частично минарет.

Минарет, запечатленный на фотографиях рубежа XIX–XX вв. (рис. 3, 4), относительно синхронен мечети. Однако, был ли он таким изначально, в настоящий момент однозначно судить сложно, поскольку у его подножия в верхней части отложений культурного слоя (скопление строительного мусора) при археологических раскопках и реставрационных работах в 80-х гг. прошлого века были найдены многочисленные детали от другого шерфе – остатки сталактитового карниза и резного парапета. Стилиевые характеристики обнаруженных фрагментов минарета и портала между собой соотносимы, следо-

вательно, ранее оба они вполне могли принадлежать собственно мечети Узбека 1314 г. Остается невыясненным, были ли использованы эти остатки минарета на новом месте при возведении данного здания или так и остались лежать у его стен нереализованным строительным припасом.

Подножие минарета снаружи выполнено из тщательно обработанных блоков известняка, тыльная сторона кладки бутовая с внешними деревянными поясами. На высоте около 6,80 м от уровня современной дневной поверхности основание завершалось немного выступавшим за плоскость стены пирамидальным объемом, срезанную вершину которого венчал круглый в сечении минарет. Вход устроен в скошенной части основания, со стороны помещения, в 6,45 м от пола.

Ствол минарета цилиндрический с винтовой лестницей внутри (рис. 5). В нижней и верхней части он опоясан полукруглыми в сечении декоративными валиками. Конструкция ствола выполнена из тщательно обработанных блоков и плит известняка, уложенных рядами высотой 0,20–0,40 м. Толщина стенок – 0,13 м. Между собой отдельные камни в горизонтальной плоскости соединены железными скрепами с заливкой гнезд свинцом. Площадка, башенка и парапет шерфе в плане круглые, расположены на высоте 14,25 м от уровня земли. Карниз, поддерживавший балкончик, массивный с криволинейным профилем и гладкой поверхностью. Он завершался плоским ободком, заподлицо с которым расположено ограждение. Выход из башенки прямоугольный с дуговидным верхом, ориентирован на юг. Основные диаметры сооружения: ствола – 1,56 м, шерфе – 2,75 м, башенки – 1,43 м. Общая реконструируемая высота минарета составляла около 23 м.

Достаточно большой представляется вероятность того, что кровля здания была земляной с уклоном поверхности равным 6° (рис. 6). Толщина грунтового покрытия составляла около 0,35 м. Равномерно понижаясь по направлению к боковым стенам, она примыкала к минарету практически на уровне входа и, следовательно, позволяла обеспечить относительно нормальный доступ к нему с крыши.

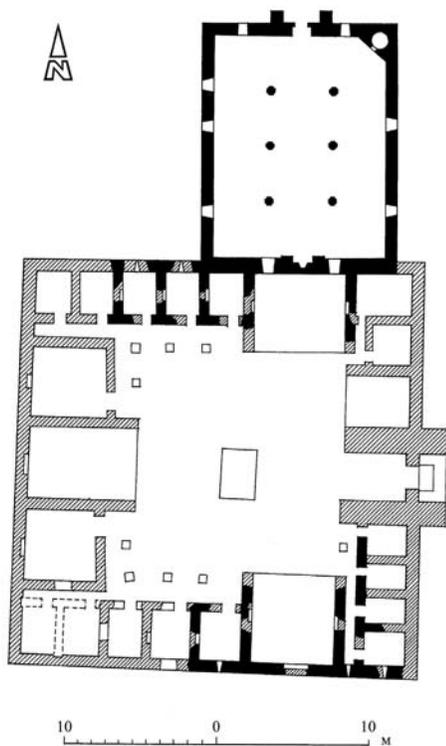

Рис. 1. План медресе и т.н. мечети Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым). Сплошной заливкой обозначены стены строений, сохранившиеся на всю высоту, штриховкой – нижние части кладок [Кирилко, 2008б, рис.1]

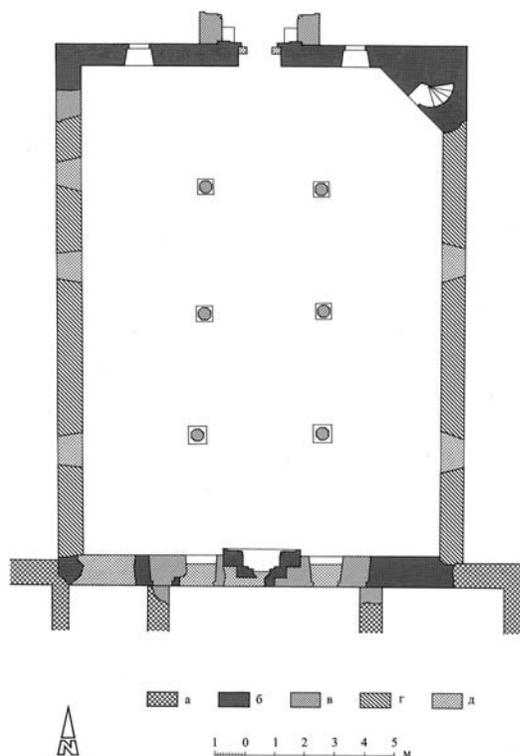

Рис. 2. План т.н. мечети Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым). Картограмма строительных периодов. Условные обозначения кладок: а – медресе, б – первого строительного периода, в – второго строительного периода, г – третьего строительного периода, д – современных ремонтных дополнений [Кирилко, 2008б, рис.14]

Рис. 3. Медресе и т.н. мечеть Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым). Общий вид с юго-востока. Фото из архива А.Л.Бертье-Делагарда. Около 1912 г. (Центральный музей Тавриды, Симферополь)

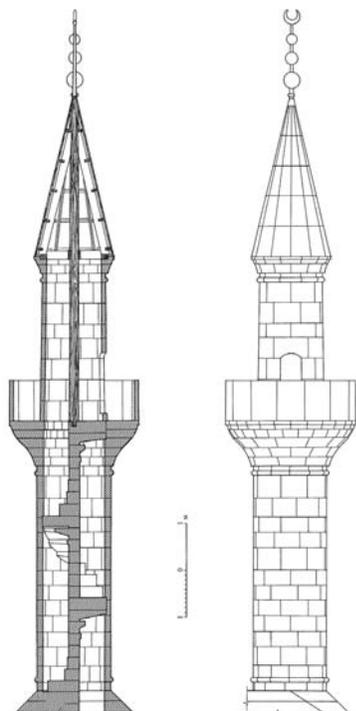

Рис. 5. Реконструкция минарета т.н. мечети Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым):
1 – разрез по оси С-Ю, 2 – южный фасад
[Кирилко, 2008б, рис.29]

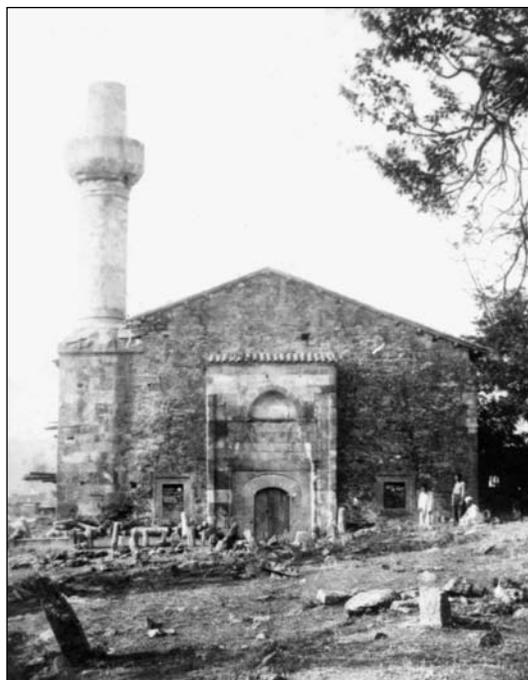

Рис. 4. Северный фасад т.н. мечети Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым). Общий вид с севера. Фото из архива А.Л.Бертье-Делагарда. Около 1912 г. (Центральный музей Тавриды, Симферополь)

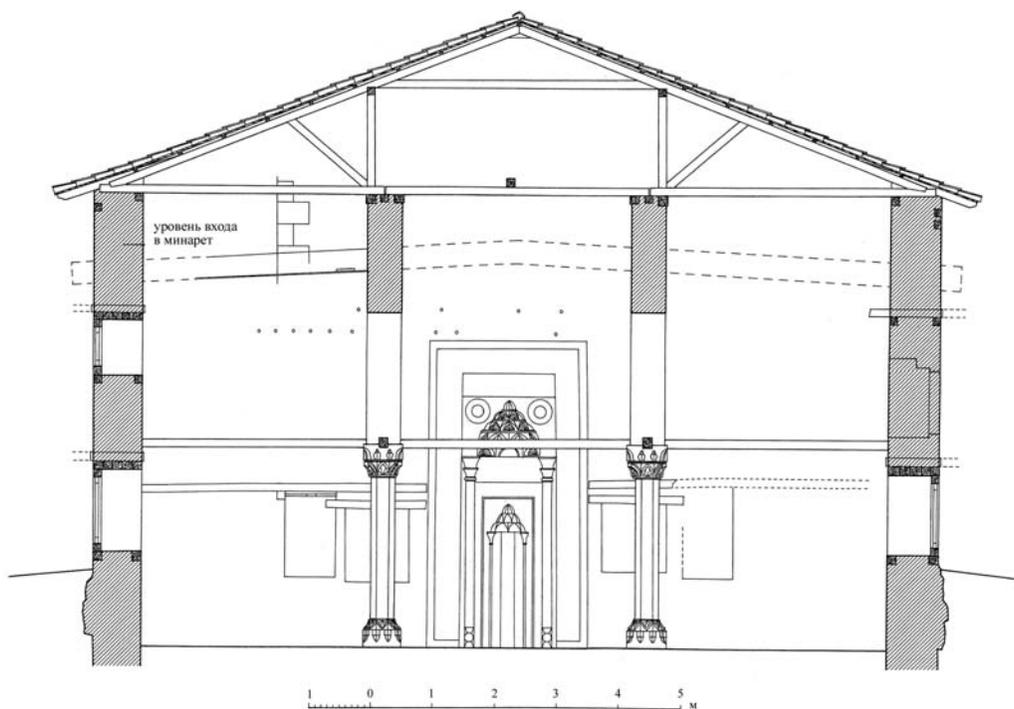

Рис. 6. Поперечный разрез т.н. мечети Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым). Вид с севера [Кирилко, 2008б, рис.18]

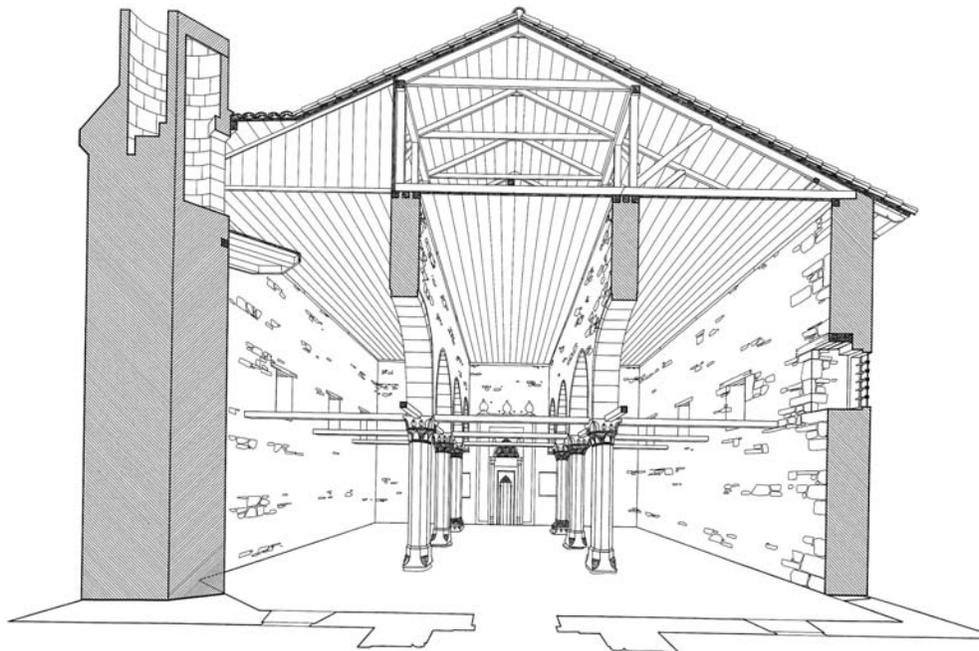

Рис. 7. Реконструкция внутреннего пространства т.н. мечети Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым). Второй строительный период [Кирилко, 2008б, рис.46]

После ремонта начала XVI в., результаты которого уже видел Эвлия Челеби, внешние очертания плана мечети остались прежними, внутри строение существенно изменилось (рис. 2, 6, 7).

Все стены здания подверглись капитальной реконструкции: боковые – были основательно обновлены, передняя и задняя – надстроены, получив завершение в виде щипцов. Высота фасадов увеличилась, соответственно, до 6,80 (достигла уровня карниза основания минарета) и 9,90 м (до конька). Толщина кладок особо не изменилась, но существенно улучшилось их качество, прежде всего, за счет состава раствора: первоначально – рыхлого, с повышенным содержанием суглинков, теперь – плотного и прочного известково-песчаного, затворенного растительным отваром.

Внутри мечети появились две одинаковые каменные аркады с четырьмя стрельчатыми пролетами, разделившие помещение на три продольных нефа (рис. 2). В качестве промежуточных опор вторично использованы восьмигранные в сечении колонны (по три в каждой) с кубовидными капителями и базами разной формы, украшенными ста-

лактитами. Пяты крайних арок на стыке со стеной поддерживались кронштейнами. Поверхность капителей и верх колонн дополнительно были декорированы растительным орнаментом, нанесенным на поверхность камня черным пигментом (рис. 8). Остатки подобной росписи отмечены местами также и на михрабе, что позволяет предполагать одновременность их появления.

В шельгах некоторых арок сохранились железные кольца для подвешивания светильников. Одна из таких ламп сирийского производства – стеклянная, украшенная цветными эмалями с преобладанием синего цвета – обнаружена при раскопках внутри строения [Крамаровский, 2005, с.113].

Одновременно с реконструкцией мечети происходит также и капитальный ремонт медресе, возможно, обусловленный приспособлением под текке. В частности, полностью восстанавливаются разрушенные в первом строительном периоде тыльные торцы боковых стен его северного айвана (рис. 2). Как следствие, первоначальные окна южного фасада мечети упраздняются и закладываются. Взамен рядом с ними (ближе к михрабу, непосредственно под кронштейна-

ми арок) появляются новые окна, которые теперь обращены уже вовнутрь айвана.

Вероятнее всего, боковые фасады мечети имели окна напротив каждого из пролетов аркады (рис. 7). Одно из них сохранилось почти полностью. Оно находится на высоте 3,40 м от уровня пола. Подобное расположение обуславливалось функциональной целесообразностью и, возможно, архитектурной модой. Во-первых, оно обеспечивало наиболее полноценное освещение соответствующей части внутреннего пространства мечети. Более того, высоко поднятый над полом проем позволял насытить верхним светом самые отдаленные места на противоположной стороне помещения. Во-вторых, окно находится практически на одном уровне с деревянными связями, соединявшими опоры аркад с кладкой стен, а, следовательно, иное его размещение просто невозможно. В-третьих, на архитектонике фасада не могли не сказаться стилевые особенности османского зодчества с характерными для эпохи симметричностью объемов и регулярным расположением проемов.

Северный фасад мечети также претерпел определенные изменения, самым значительным из которых стала пристройка к существующему входу монументального, богато декорированного резьбой портала (рис. 9). Портал был снят с разрушенной мечети Узбека, причем отдельные элементы сталактитового завершения к тому времени, по всей видимости, уже были утрачены безвозвратно. Как следствие, мастеру, восстанавливавшему его на новом месте, пришлось проявить немалую смекалку и тактичность, чтобы выполнить эту работу.

Возведение и ремонт здания приходится на начало османского периода мусульманской архитектуры Крыма. Несмотря на отдельные характерные черты сельджукского стиля, которые обусловлены, в частности, объемно-плановой структурой первоначального строения, а также использованием архитектурных спойлий (михраб, портал, опоры аркады) из более ранних золотоордынских построек города, мечеть в целом и некоторых деталях (арка портала, минарет) уже демонстрирует влияние новых архитектурных тенденций, хотя и представленных в несколько адаптированном виде.

Ближайшей аналогией данному строению, практически полностью изменившему после ремонта свой первоначальный вид, является мечеть Чуфут-Кале (рис. 10, 11). По свидетельству Эвлии Челеби, постройка представляла собой «соборную мечеть старинной архитектуры», которая согласно тариху над входом была построена в 859 г.х. (1454/55 г.) Гази эль-Хаджи Герай-ханом [Книга путешествия, 1999, с.37]. От «мечети Узбека» она отличалась расположением минарета (в северо-западном углу), устройством входа (сбоку), количеством опор (две пары) и меньшими размерами (внешние – 13,80×10,65 м, внутренние – 12,00×8,85 м, толщина стен – 0,65 м). По мнению О.Акчокраклы, мечеть не один раз перестраивалась и, судя по вторично использованному в кладке фрагменту надписи с датой 746 г.х. (1346), могла быть возведена во время правления золотоордынского хана Джанибека I (1341–1357) – т.е. во многом повторяет судьбу старокрымского строения [Акчокраклы, 1928, с.168]. На северной стене здания сохранились кронштейны и пятчатые камни арок с гнездами для деревянных связей. А.Л.Бертье-Делагард сообщает также о двух рядах колонн внутри строения, имевших сталактитовые капители [Бертье-Делагард, 1920, с.112]. У.А.Боданинский и Б.Н.Засыпкин предполагают, что в качестве опор вторично использовались впоследствии утраченные византийские мраморные колонны с перелицованными импостными капителями, а само строение могло завершаться куполом [Боданинский, Засыпкин, 1929, с.172–176]. В любом случае, данная постройка типологически и стилистически является самой близкой и относительно синхронной аналогией «мечети Узбека», наиболее показательны схожесть их архитектоники и активное использование спойлий.

Характерная особенность внешнего архитектурного убранства мечети Чуфут-Кале, если, конечно, она не выдумана исследователем при реконструкции плана (рис. 10), состоит в оформлении одного из углов, юго-западного, строения трехчетвертной колонкой – декоративный прием, который также применен в дюрбе Хаджи-Гирея 1501/02 г. (907 г.х.) на территории Салачика, а позднее получил широкое распространение в других монументальных сооружениях Бахчисарая.

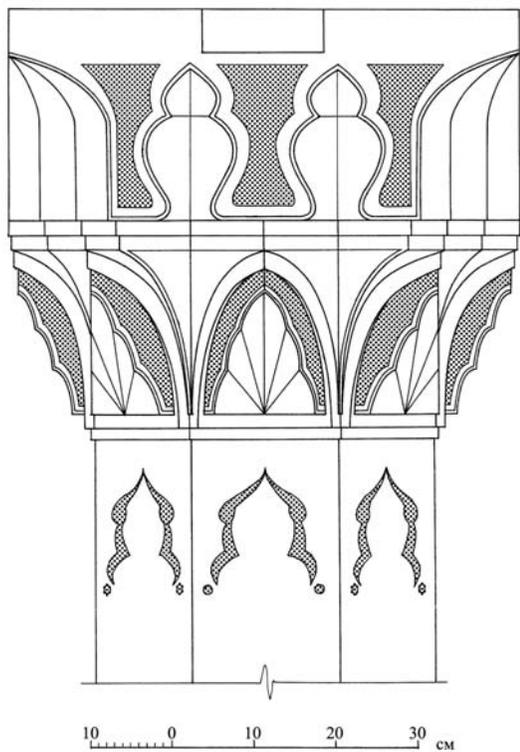

Рис. 8. Роспись капителей и верхней части колонн т.н. мечети Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым) [Кирилко, 2008б, рис.34]

Рис. 9. Портал т.н. мечети Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым). Общий вид с севера. Автор неизвестен. 1925 г. (БИКЗ, Бахчисарай)

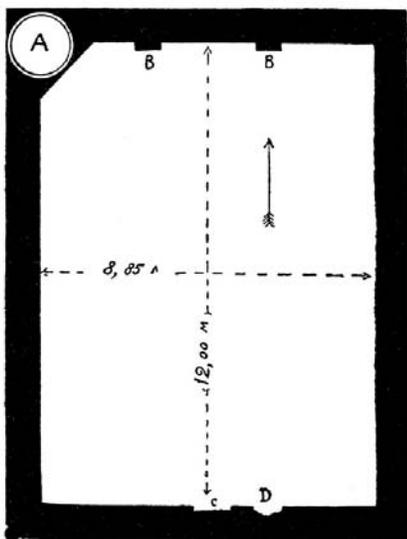

Рис. 10. План развалин мечети в Чуфут-Кале [Акчокраклы, 1928, рис.9]

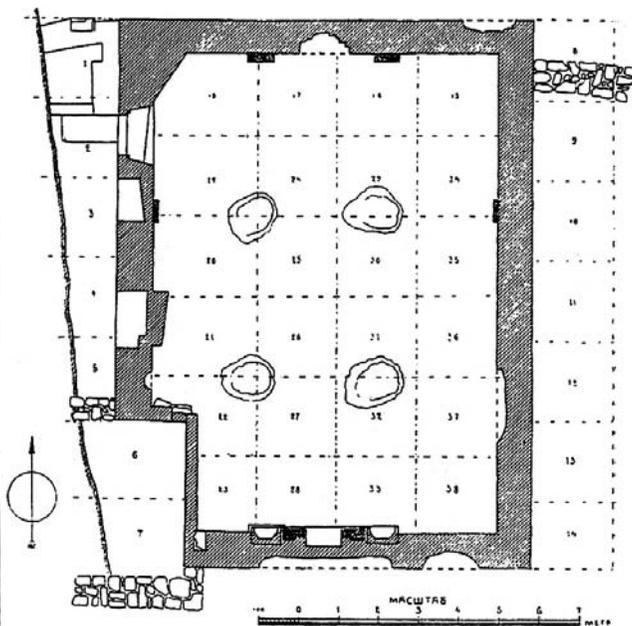

Рис. 11. План развалин мечети в Чуфут-Кале по раскопкам 1928–29 гг. [Боданинский, Засыпкин, 1929, рис.2]

Обе постройки принадлежат к базиличному типу мечетей. К их числу можно отнести еще несколько подобных, но более поздних по времени, сооружений, среди которых самой известной является Шор-Джами в Карасу-базаре (рис. 12). Согласно исследованиям Б.Н.Засыпкина, она представляла собой прямоугольное в плане здание, состоявшее из двух частей – притвора и трехнефного зала. Деревянное перекрытие строения поддерживалось шестью (по три в каждом ряду) арками килевидной формы, которые опирались на восьмигранные каменные колонны с «геометрически выраженными» капителями и базами. Между арок размещены круглые окна, происхождение которых соотносимо с османской архитектурой. В центре южной стены находился резной михраб, поверхность которого (подобно вторично использованному михрабу так называемой мечети Узбека в Старом Крыму) была раскрашена и позолочена. Хоры располагались частично над средним и боковыми нефами, отличались усложненной конфигурацией плана. Мечеть имела деревянный потолок и завершалась четырехскатной черепичной крышей.

В здание вели два входа – с севера, на продольной оси, и запада, у минарета, пристроенного к стене снаружи. Расположение окон двухъярусное, причем проемы боковых фасадов соотнесены с пролетами аркад. Нижние окна имели обрамление в виде плоского каменного наличника прямоугольной

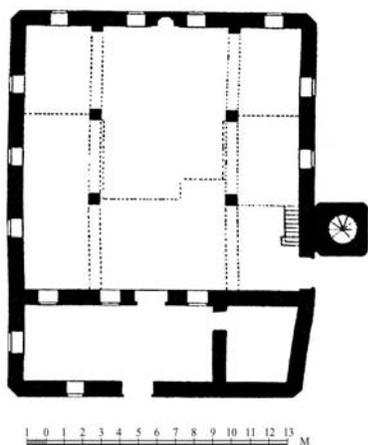

Рис. 12. План мечети Шор-Джами в Карасу-Базаре [Засыпкин, 1927, рис.11]

формы со стрельчатым тимпаном над ним и были забраны железными решетками с кулачками. Необычна форма внешних углов здания. Все они в нижней части скошены под 45° , а приблизительно на высоте человеческого роста посредством сталактитового перехода вновь становятся прямыми. Архитектурно-конструктивное решение, нередко применяемое для рационального использования наземного пространства на затесненных участках, в данном случае имеет исключительно декоративное предназначение и на других памятниках региона в таком виде пока не известно [Засыпкин, 1927, с.147–148, табл.V].

Несколько расширить представление о Шор-Джами и синхронной ей архитектуре Крымского ханства позволяет еще одна постройка города – Текие-Хан-Джами, также детально исследованная в свое время Б.Н.Засыпкиным. По свидетельству У.Э. Боданинского, она сооружена в 1140 г.х. (1727) шейхами – выходцами из Кони, основавшими в Карасу-Базаре суфийский монастырь [Там же, с.149–150].

Известно, как выглядело главное здание комплекса (рис. 13). Строение в плане прямоугольное удлинненной формы, состояло из двух основных частей – притвора и зала. Его стены выложены из бутового камня на глине с песком и саманом, снаружи и внутри были оштукатурены. Кровля черепичная. Вход один, расположен на продольной оси сооружения, с северной стороны. Двойное

крыльцо с площадкой, перекрытое односкатной крышей на четырех деревянных колонках, вело в притвор. Слева от двери находилось служебное помещение, справа – по проходу в виде коридора можно

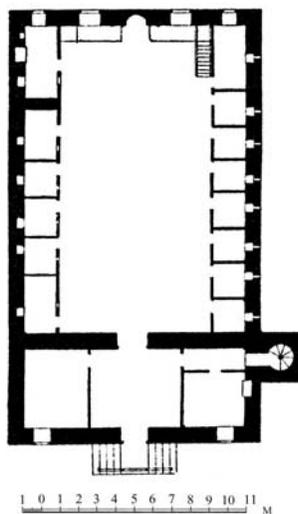

Рис. 13. План мечети Текие-Хан-Джами в Карасу-Базаре [Засыпкин, 1927, рис.12]

было попасть к основанию минарета, пристроенному к зданию снаружи, и в комнату с камином, служившую, очевидно, кухней. Вход в основную часть мечети, размеры которой составляли 8,10×14,50 м, расположен на главной оси строения. Внутри данного помещения, вдоль его боковых стен, размещены худжры (по восемь с каждой стороны), а над ними в качестве второго этажа оборудованы галереи, открытые в зал окнами с кафедами. Кельи выходят в мечеть маленькими дверками и освещаются с улицы небольшими окнами в виде бойниц, закрывавшихся изнутри волоковыми ставнями. Внутренние конструкции, перекрытие и потолок здания, а также расписные минбар и курсу выполнены из дерева [Там же, с.150].

Посередине южной стены основного помещения мечети находился резной ганчевый михраб в виде семигранной ниши, завершавшейся конхой из семи основных рядов разных рельефных арабесок. Низ сооружения выложен майоличными плитками «первоклассной работы» с изображением цветочного орнамента. По утверждению Б.Н.Засыпкина, за исключением данной декоративной детали во всем остальном михраб Текие-Хан-Джами представляет собой почти точную аналогию михраба Шор-Джами. Углы ниши украшены тонкими витыми трехчетвертными колонками с простыми коническими капителями, а сама она обрамлена прямоугольной рамкой. Тимпан имеет пять плоских розеток, две из которых рельефные. Характерной особенностью михраба является то, что он практически утратил архитектурное взаимоотношение своих отдельных частей и его декоративность подчеркивается в основном раскраской и обильной позолотой. Техника живописи и применение гипса роднит данное сооружение с подобными памятниками Средней Азии и Персии XVI–XVII вв. Очевидное тождество отделки интерьеров обеих мечетей позволило Б.Н.Засыпкину сделать предположение, что мастера по устройству михраба и росписям Текие-Хан-Джами работали также в Шор-Джами, а, следовательно, сами строения хронологически нужно считать одновременными [Там же, с.151].

Поздняя дата этих построек отчасти подтверждается тем, что они даже не упомяну-

ты Эвлией Челеби, который при описании достопримечательностей Карасу-базара, надо полагать, особо не впечатленный увиденным, указал только общее количество мечетей, ограничившись их беглыми характеристиками [Книга путешествий, 1999, с.72]. Не отметить необычные для региона михрабы, равно как, уникальный минарет Текие-Хан-Джами – единственный в мусульманской архитектуре полуострова с двойным шерфе [Засыпкин, 1927, с.155, табл. V], он, безусловно, не мог.

Наряду с базиличным типом мечетей в культовом строительстве Крымского ханства широкое распространение получили также купольные сооружения, архитектура которых связана с османским зодчеством. Показателен пример Гёзлёва, где находится одна из таких построек. Сам город занимал исключительное по важности место в регионе, будучи единственным татарским морским портом, куда приходили корабли из Малой Азии и Константинополя. Особую значимость ему придавало и то, что на протяжении многих лет, начиная с правления Гази-Гирея II (1588–1607/08), он был резиденцией крымских ханов и двора, а также центром серебряной монетной чеканки, предполагалось даже превращение его в столицу. Именно сюда из Стамбула прибывали татарские ханы, получившие от султана право на наследную власть. Объявление их вступления на престол происходило в мечети Джума-Джами [Якобсон, 1964, с.139; Кутайсов, Кутайсова, 2007, с.42, 44, 57].

Эвлия Челеби, посетив Гёзлёв, разумеется, никак не мог не воздать похвалу этой главной достопримечательности города, одной из наиболее совершенных купольных построек Крымского ханства: «А самой прекрасной, высокой и восхитительной является соборная мечеть Бехадыр Герай-хана. В длину и в ширину, от кыбловых дверей до михраба – 150 шагов. С левой стороны в этой мечети есть отстроенное место, где намаз совершают достопочтенные ханы. Там есть 2 высоких минарета. Один из них разрушен землетрясением. Но на сохранившийся минарет с правой стороны я, недостойный, поднимался. Я пятикратно осмотрел все строения города, их вид и конструкцию. Спускаясь с минарета я насчитал 105 шагов.

Действительно, это высокий, отстроенный минарет. Потому что это строение Коджа Мимар Синана-аги ибн Абд ал-Маннана, который построил в Исламбуле мечеть султана Сулеймана. Поистине, это строение привлекательное и радующее душу. Но [внешний] харам у этой мечети маленький, потому что она находится в многолюдном месте города, посреди базара. < ... > В этом городе нет другой такой мечети, крытой чистым свинцом, светлой, украшенной и благоустроенной. На целый фарсах сверкает свинец ее куполов» [Книга путешествия, 1999, с.21].

Архитектурный шедевр знаменитого турецкого зодчего, который в пресловутом списке его работ значится под номером 77 как «Мечеть Татар-хана в Гёзлөвэ», сохранился до настоящего времени и по-прежнему остается одной из главных достопримечательностей города. Строение может быть датировано 1552–1562 гг. [Засыпкин, 1927, с.140–143; Чепурина, 1927; Пономарьова, 1996а, с.198–204; Кутайсов, Кутайсова, 2007, с.61–91].

Мечеть представляет собой почти квадратное в плане монументальное здание с трехнефным залом и открытой галереей на входе (рис. 14). Ширина строения – 26,86 м, его длина – 26,11 м. Толщина стен – 1,20 м. Пролеты основного объема сооружения ориентированы продольно, между собой они разделены двухъярусными аркадами с массивными опорами восьмигранного сечения, по паре с каждой стороны. Средний неф выше и в два раза шире боковых. Четко выделяется центральная, квадратная в плане, часть мечети. Она самая высокая, завершается сферическим куполом на парусах, поддерживаемых мощными подпружными арками. Диаметр конструкции – 11,65 м. Высота внутреннего пространства – 22,40 м. Южная часть среднего нефа, занимающая оставшуюся треть пролета, более низкая и перекрыта полукуполом. Немного меньшую высоту имеют боковые двухъярусные нефы с хорами на втором этаже. Напротив каждого из проемов аркады они образуют квадратные в плане ячейки, которые между собой разделены пилястрами с подпружными арками и завершались маленькими куполами на парусах. Межэтажные перекрытия деревянные. Посредине продольных стен с

обеих сторон, рядом с пристроенными снаружи минаретами, размещены боковые входы в мечеть. У одного из них, восточного, внутри кладки скрыта лестница с балкончиком на площадке, которая вела на хоры и предназначалась для хана.

Михраб расположен на главной оси здания в южной стене, имеет вид пятигранной ниши с колонками на углах и коническим полукуполом из восьми рядов резных сталактитов. Он заключен в прямоугольную профилированную рамку из гипса, украшен геометрической и растительной орнаментальной росписью. Справа от михраба находится каменный мимбар с деревянной башенкой.

Самой низкой частью строения является открытая снаружи северная галерея, занимающая четверть площади всего сооружения. В отличие от остальных помещений мечети она разделена на пять ячеек, каждая из которых завершалась маленьким куполом. Спереди ее перекрытие поддерживалось стрельчатой аркадой с опорами в виде круглых мраморных колонн, имевших сталактитовые капители и кубической формы базы с угловыми срезами. Северный вход в мечеть главный, расположен строго на оси здания. По обе стороны от него в стене размещены внешние михрабы, украшенные плетенками и сталактитами. Они выполнены в характерном для сельджукских сооружений стиле, но имеют сильно упрощенные формы и декор. Дверь двустворчатая, с резным геометрическим орнаментом.

Внутренняя структура здания полностью отражена в его внешнем облике, образующем четкую пирамидальную композицию объемов. Доминирует центральная, кубовидная, часть сооружения. Ее размеры в плане – 13,00×13,90 м. Снаружи парусам соответствует двойной уступчатый срез углов, посредством которого осуществлен переход от четверика к октогональному основанию купола и его шестнадцатигранному барабану в виде усеченной пирамиды, формирующих нижнюю, внешнюю, половину сферической внутри конструкции. Завершение сооружения шарообразное, повторяет внутреннюю поверхность свода. Ребра барабана имеют форму плоских пилястр с уступами на краях, между ними на гранях размещены

Рис. 14. Мечеть Хан-Джами в Гёзлëве. Общий вид с юга. 2006 г. Фото С.В.Приднева

Рис. 15. Мечеть в селении Колець. Автор и дата фото неизвестны. Частная коллекция

арочные окна. Подпружные арки основного купола на фасадах обрамляют ниши, слегка заглубленные в плоскость стены. Южная выемка полностью закрыта конхой. Остальные ниши прорезаны окнами – тремя большими с арочным завершением, выше между ними двумя меньшими подобной формы и тремя круглыми. Таким образом сверху мечеть освещается 40 проемами, что придает необычайную легкость всей конструкции и напоминает купола константинопольских мечетей, особенно никем не превзойденную Ай-Софию. Фасады боковых нефов гладкие нерасчлененные, тыльная стена здания напротив аркад и михраба имеет плоские пиластры. Их окна расположены в два яруса: внизу – прямоугольные с плоским тимпаном стрельчатой формы, вверху – арочные. Михраб дополнительно был обрамлен двумя круглыми проемами. Барабаны малых куполов, венчавших боковые нефы и галерею – низкие, глухие, с восемью и шестью гранями. Реконструируемая высота минаретов – 38 м. Они расположены практически на одной оси с главным куполом мечети,

выразительно акцентируя тем самым основные векторы композиции.

Достаточно важными являются конструктивные характеристики здания. Глубина закладки фундамента составляет всего 0,90 м. Приблизительно на такое же расстояние он выступал за пределы стены наружу. Следовательно, ширина его подошвы была не менее 2,10 м и, при подобном расширении субструкции вовнутрь строения, вполне могла достигать 3 м. Фундамент имел ступенчатую форму и был сложен из трех рядов плотно пригнанных блоков известняка. Относительно слабые грунты основания обусловили усиление площадки мощными подпорными стенами (толщиной 1,40 м), которые располагались в непосредственной близости от строения. Само же здание, представляя собой систему взаимно уравновешенных сводов, позволило не только эффективно организовать внутреннее пространство мечети, но и рационально распределить нагрузки от купольного перекрытия центральной части сооружения на конструкции его внешнего периметра.

Гёзлёвская Джума-Джами является ярким произведением константинопольской архитектурной школы и, подобно своей знаменитой предшественнице, в зодчестве Крымского ханства осталась единственной в своем роде. На остальной части полуострова, тем не менее, она имела повторение – с ней во многом сходна мечеть султана Селима в османской Кефе, которую Б.Н.Засыпкин предположительно также соотносит с творчеством великого Ходжи Синана. По его мнению, именно эти две постройки повлияли на дальнейшее развитие купольных мечетей и основные зоны их распространения в регионе [Засыпкин, 1927, с.140–143].

Наиболее показательными примерами адаптации классических композиций и форм османского культового зодчества в ранней архитектуре Крымского ханства являются две мечети – в селениях Колечь и Карагёз, лучше всего сохранившиеся на момент исследований [Там же, с.144–146, табл.IV, V].

Одну из них видел Эвлия Челеби, но отметил ее мимоходом, в числе прочих сооружений, хотя, надо полагать, имел время для осмотра, поскольку делал остановку в Колеч-Саласы. Свое впечатление об архи-

тектуре селения он выразил крайне лаконично: «Там 200 татарских домов, соборная мечеть с высоким куполом и каменным минаретом, баня и строения, крытые свинцом» [Книга путешествия, 1999, с.105].

Колечьская мечеть представляет собой массивное кубовидное здание со сводчатой пристройкой, возможно, галереей на входе (рис. 15). Внутреннее пространство основного объема строения перекрыто куполом на парусах, который снаружи почти наполовину скрыт высоким и глухим восьмигранным барабаном. Внешние формы сооружения грузные с непропорционально мелкими проемами. Окна расположены парами в два яруса: нижние – прямоугольные со стрельчатым тимпаном, верхние – арочные и одно круглое между ними. Минарет пристроен снаружи, у северо-западного угла здания. Он имел двенадцатигранное сечение и стройные пропорции. Его шерфе поддерживалось трехъярусным сталактитовым карнизом.

Дверной проем мечети завершается перемычкой сельджукского типа и располагается в нише с ячеистым полукуполом. Тимпан и прямоугольное обрамление входа заполнены растительным орнаментом. Михраб представляет собой двойную нишу: внутренняя ее часть арочная, внешняя – перекрыта пятиярусной сталактитовой конхой. Традиционные для оформления подобных сооружений трехчетвертные колонки отсутствуют. Обрамление михраба богато украшено разнообразным геометрическим и растительным орнаментом, тяготеющим к искусству Средней Азии, Персии, Бруссы и Альгамбры. Судя по значительной насыщенности строения характерными архитектурными и декоративными деталями, соотносимыми с сельджукскими культурными традициями [Засыпкин 1927, с.144–146, табл.IV], настоящая мечеть, вероятнее всего, принадлежит к числу наиболее ранних османских купольных построек региона.

Мечеть селения Карагёз по общим своим формам и плану весьма близка к колечьской постройке. Основным ее отличием является конструкция барабана, фасадные грани которого расположены в одной плоскости с поверхностью стен основного объема. Минарет низкий каменный, с деревянной лестницей внутри – примыкает снаружи

к северо-западному углу здания. Михраб представляет собой гладкую полукруглую нишу, увенчанную коническим полукуполом. Сведений о декоративном убранстве интерьера нет [Там же, с.146, табл.V].

Характерной чертой обеих мечетей, которая особенно ярко выделяется в сопоставлении с синхронными им образцами классических композиций соседней Кефе, является отсутствие окон в барабанах – признак (насколько позволительно судить по единичным примерам), свойственный монументальным купольным сооружениям Крымского ханства. В этом плане показательны еще две, относительно хорошо сохранившиеся, довольно поздние постройки, также наглядно демонстрирующие особенности распространения традиций османского зодчества в регионе (в другой части полуострова – центральной и западной) и их интерпретацию на местах.

Одна из них – мечеть Эски-Сарая, которая, судя по материалам археологических исследований, была возведена не ранее начала XVIII в. Она находится в окрестностях Ак-Мечети, на землях калги-султана, и представляет собой монументальное сооружение с усложненной архитектурикой.

Здание состоит из двух разной величины квадратных в плане объемов с самостоятельными входами и общей стеной (рис. 16). Его размеры: ширина – 17,52 м, длина – 12,72 м. Толщина кладок – около 1,30 м. Основной объем – кубовидный, меньший – отличался несколько вытянутыми вверх пропорциями. Высота их стен равна, соответственно, 9,55 м и 7,38 м. Обе части строения были перекрыты куполами на парусах, снаружи имели низкие восьмигранные барабаны. Входы в мечеть ведут с севера. Минарет пристроен к северо-западному углу здания с внешней стороны, частично примыкал к боковой стене. Он имел массивное прямоугольное в плане подножие с цоколем и карнизом. Габариты основания: ширина – 2,85 м, длина – 2,75 м, общая высота – 6,50 м. Вход в минарет с востока, расположен снаружи. Размеры помещений равны 10,20×10,15 и 3,83×3,75 м, их высота составляет, соответственно, около 15,30 и 7,80 м. Оконные проемы основного объема расположены в трех уровнях: нижние – прямоугольные с тимпанами ки-

левидной формы, средние – арочные, верхние – круглые. Освещение придела было двухъярусным. Здание имело три михраба: один – снаружи, у северо-восточного угла главного фасада, два – внутри каждого из помещений на оси входа.

Возведение бокового придела мечети изначально не планировалось – архитектурный замысел изменился в процессе строительства, после того как стены главной части сооружения были подняты до уровня перекрытия окон первого яруса. В плане пристройка достаточно хорошо соотнесена с основным объемом строения. Ее входная сторона совпадает с поперечной осью мечети, а их тыльные стены выровнены по одной линии и образуют единую фасадную поверхность. По диагонали объемная композиция всего здания была эффективно уравновешена минаретом.

Главный михраб мечети представляет собой пятигранную в плане нишу с многоярусным ячеистым завершением (рис. 17). Поверхность конхи покрыта сплошным геометрическим узором из выемчатых треугольников и ромбов. Декоративная порезка имеется также в верхней части и на боковых гранях ниши. Его размеры: ширина – 1,20 м, глубина – 0,55 м, высота – 3,42 м.

Трансформация сечения ячеистого завершения михраба от выпуклого десятиугольника в нижней части до звездчатого двенадцатиугольника в верхней осуществлена посредством семи уступов. Характерной особенностью архитектурной конструкции является отсутствие какого-либо наличника, исключая, пожалуй, лишь контурное обрамление конхи и верхней части крайних граней узкой, слегка заглубленной в поверхность стены, плоской каемкой. Геометрический узор, полностью покрывавший ячеистое завершение ниши, создан ритмическим чередованием горизонтальных орнаментальных поясов, образованных выемчатыми треугольниками и ромбами. Причем углубленные части декора имели конструктивное начало, обеспечивая органичное сопряжение разных объемов и уступов, выпуклые – предназначались для заполнения фона и украшения поверхности. Хотя порезка дробит и несколько дематериализует сталактитовый каскад свода, применение

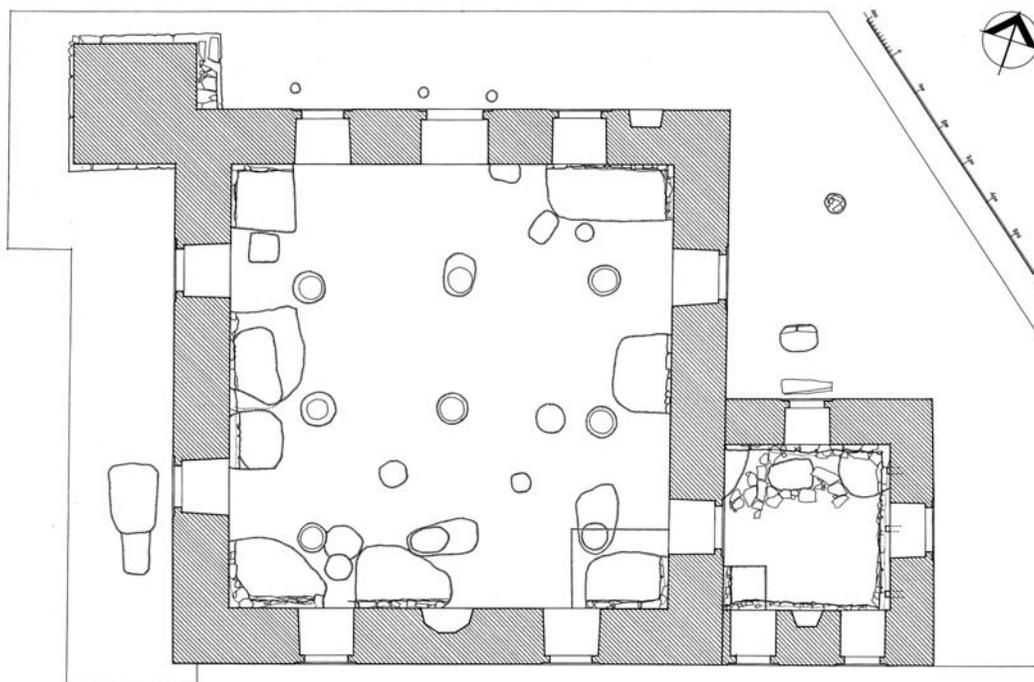

Рис. 16. План мечети в Эски-Сарае по результатам раскопок 1991 г. Чертеж В.П.Кирилко

одинаковых элементов орнамента, а также определенная повторяемость отдельных комбинаций из этих деталей придают всей композиции исключительную цельность и своеобразие.

Сложнопрофилированная поверхность завершения михрабной ниши по-своему уникальна и аналогий на других мусульманских памятниках региона не имеет, но, безусловно, сельджукские корни основных форм конструкции конхи очевидны. Использование же для ее декорирования техники выемчатых треугольников и ромбов в определенной мере соотносимо с традициями золотоордынской резьбы по кости, которая в свою очередь обнаруживает несомненное сходство с резными орнаментами русских деревянных изделий. Параллели прослеживаются также в архитектурном убранстве строений и прикладном искусстве многих народов Кавказа.

Четкая архитектоника здания, выверенные пропорции и резное убранство михраба демонстрируют высокий профессиональный уровень и мастерство строителей мечети Эски-Сарая, в определенной мере соотносимой с лучшими образцами османского зодчества классического периода. Со-

Рис. 17. Михраб мечети в Эски-Сарае. 2008 г. Фото В.П.Кирилко

вершено иной архитектурный образ создали творцы гёзлёвского текке, вне всякого сомнения, черпавшие свое вдохновение в местном шедевре великого Ходжи Синана.

Здание дервишской обители находится вне крепостных стен Гёзлёва, сразу за воротами Одун-базар капуси. Оно возведено во время правления последнего крымского хана Шагин- Гирея (1746–1787) рядом с обновленной тогда же мечетью Шукурла-эфенди, датируемой рубежом XVII–XVIII вв. Текке в плане имеет вид двойного коксального квадрата со скошенными внешними углами, по периметру которого расположены 19 сводчатых худжр (всего 26 комнат), полностью обрамляющих купольный зал (рис. 18). Вход в строение – один, с западной стороны. Все кельи сообщаются с центральным помещением низкими арочными проемами и освещаются снаружи маленькими щелевидными окошками. Сам зал в каждой из стен имел по два окна, которые располагались над четными входами в худжры и были одинаковой с ними формы. Размеры здания: общие – 17,50×17,26 м, основного объема – 11,85×11,80 м, главного помещения – 9,29×9,33 м, рядовых келий – 1,10×2,20 м, диаметр перекрытия – 9,08 м, высота подкупольного пространства и худжр – соответственно, 9,50 и 1,70–2,00 м. Толщина стен: центральной части сооружения – 1,20–1,26 м, внешнего периметра – 0,60–0,65 м. Облик строения формируют два объема: повышенный средний – зала и приземистый наружный – худжр, образующие пирамидальную композицию. С внешней стороны парусам соответствует двойной уступчатый срез углов, подобный тому, что применен в Джума-Джами. Восьмигранный барабан высокий и глухой, его фасадные грани находятся в одной плоскости с поверхностью стен. Он завершался низкой шатровой крышей с пологими скатами и, по сути, снаружи ничто не выказывает существование купола. Четкие геометрические формы отдельных объемов здания аскетичны, их несколько оживляют лишь оконные проемы да красная желобчатая черепица кровли худжр, всех уступов и купола [Кутайсов, Кутайсова, 2007, с.92–106].

Судя по описаниям Эвлии Челеби, в архитектуре Крымского ханства того времени

достаточно разносторонне представлены практически все основные виды строений, известные также и в других регионах мусульманского мира. Исключением являются, пожалуй, лишь крытые рынки для продажи и хранения особо ценных вещей – безистены (бедестаны), одно из самых характерных сооружений турецкой торговой среды и обычно важнейшая составляющая центрального городского ядра. Создается впечатление, что путешественнику на территории полуострова такое здание встретилось только однажды – в Бахчисарае, да и то оно было однокупольным. На отсутствие крытых рынков в населенных пунктах он указывает постоянно, по меньшей мере, четыре раза – при посещении внешнего пригорода крепости Ор, Гёзлёва, Карасу-Базара и даже османской Кефе: «Однако здесь нет безистана с куполами, выложенными из камня» [Книга путешествий, 1999, с.13, 24, 50, 74, 93]. При этом Эвлия Челеби сообщает о многочисленных лавках, перечисляет их достоинства и отмечает необычность некоторых из них: в Ак-Мечети – «особые лавки с дверями с двух сторон, подобные безестану» [Там же, с.69].

Особое место среди строений, удостоенных внимания Эвлии Челеби, занимают различного рода гостиницы и постоялые дворы – ханы, к оценке которых он, будучи сам путешественником, подходит со знанием дела. Показателен пример Карасу-базара, где в то время имелось восемь таких сооружений. Отметив в своем описании общее количество ханов, Эвлия Челеби дает им следующую характеристику:

«Лучший из них – хан великого везира Сефер Гази-аги, расположенный на рынке, в центре города. Он – как будто крепость города Карасу. Потому, что в этом городе крепости нет. По окружности это огромное представительство составляет 400 шагов. Это красивая крепость, сложенная из камня, по шаддадовски мощная и крепкая. Здесь есть двое железных ворот. Внутри имеется источник живой воды. Комнат внешних и внутренних в двух этажах насчитывается 120. Со всех четырех сторон имеются бойницы, а на четырех углах – большие башни, подобные караульным башням. В случае осады этот большой хан может оказаться

прочнее крепости. Однако вокруг него нет рва, потому, что он был построен в узком месте города, посреди рынка. < ... > В этом хане есть отстроенная и двухэтажная обитель без минарета. < ... > А над новыми железными воротами написан следующий тарих: «Мудрый, как Асаф, Сефер Гази-ага / Построил этот хан по законам геометрии, / Увидев завершение постройки этого хана, / Сказал Фетхи: пусть будет тарихом «Построил ага». / год 1065».

Недалеко от этого хана, в рядах сапожников, есть хан Ширин-бея, построенный как будто по чертежу хана Сефер Гази-аги, но маленький. Кроме этих двух, здесь нет больше ханов с железными воротами, подобных крепостям. Но и прочие ханы благоустроены» [Там же, с.73].

В настоящее время от здания, построенного Сефер Гази-агой, сохранились только руины, которые позволяют лишь немного дополнить описание Эвлии Челеби. Ворота расположены с западной стороны. Над аркой проезда, на уровне второго этажа находится прямоугольное окно с железной решеткой. Сверху и боков его наличник украшен резными розетками. Между проемами, посередине, установлена плита с почитательной надписью. Помещения были сводчатыми. Нижняя часть стены глухая, верхняя имела бойницы. Толщина кладки на уровне второго этажа достигает 1,50 м [Засыпкин, 1927, с.159].

Второй хан – Ширин-бея, который согласно наблюдению Эвлии Челеби был подобен предыдущему, построенному Сефер Гази-агой, сохранился лучше и восстанавливается подробнее. Здание в плане прямоугольное. Ворота находятся с северной стороны. Проем входа завершался аркой килевидной формы, над ним располагался впоследствии утраченный тарих, а чуть выше – на уровне второго этажа квадратное окно с железной решеткой. Остальные верхние помещения освещались бойницами: по шесть – в северной и восточной стенах, восемь – на западном фасаде. Исключением являются угловые части здания, где видны остатки башен – там оба яруса имели по одному зарешеченному окну размером 0,80×0,80 м. Помещения хана были сводчатыми. Они расположены в два этажа, обрам-

ляя по периметру обширный двор. Нижние из них предназначались для размещения животных и складирования товара, верхние были жилыми и имели камины – сообщение между ними происходило по крытой на деревянных столбах террасе. Кровля строения черепичная [Там же, с.159–160, табл.VII].

О ханах других населенных пунктов Крымского ханства, которые в отличие от строений Карасу-Базара не сохранились, сейчас можно судить исключительно по описаниям Эвлии Челеби. Примечательно, что с именем как самого Сефер Гази-аги, везиря крымских ханов Ислам-Гирея III (1644–1654) и Мухаммед-Гирея IV (1654–1666), так и его родственников, путешественник связывает еще несколько самых лучших гостиниц, причем построенных в разных местах полуострова – в Бахчисарае, Ак-Мечети и даже османской Кефе [Книга путешествия, 1999, с.49, 69, 93]. Надо полагать, что это не только дань гостеприимству их радушного хозяина, но, безусловно, констатация факта – положение и состояние первого лица в правительстве позволяло ему привлечь к возведению своих каравансараяв лучших мастеров того времени, которые, судя по содержанию тариха карасубазарского сооружения и впечатлениям Эвлии Челеби, владели тайнами геометрии и чертежным искусством.

Турецкий путешественник в своей книге по мере возможности постарался показать все своеобразие основных населенных пунктов Крымского ханства, относительно ёмкая характеристика которых позволяет получить также определенное представление об их планировочной структуре, благоустройстве и архитектурном облике.

Северные степные районы полуострова, откуда начал свой путь Эвлия Челеби, судя по содержанию его описания, в то время выглядели несколько пустынно и не отличались особой изысканностью застройки. В частности, при посещении крепости Ор и ее пригорода, где «совсем нет мостовых», он сообщает о домах «по большей частью одноэтажных, крытых дерном» и даже упоминает «украшенный дворец, крытый тростником». В селении Тузла путешественник также отметил строения с грунтовой кровлей, «стены которых сложены из досок и

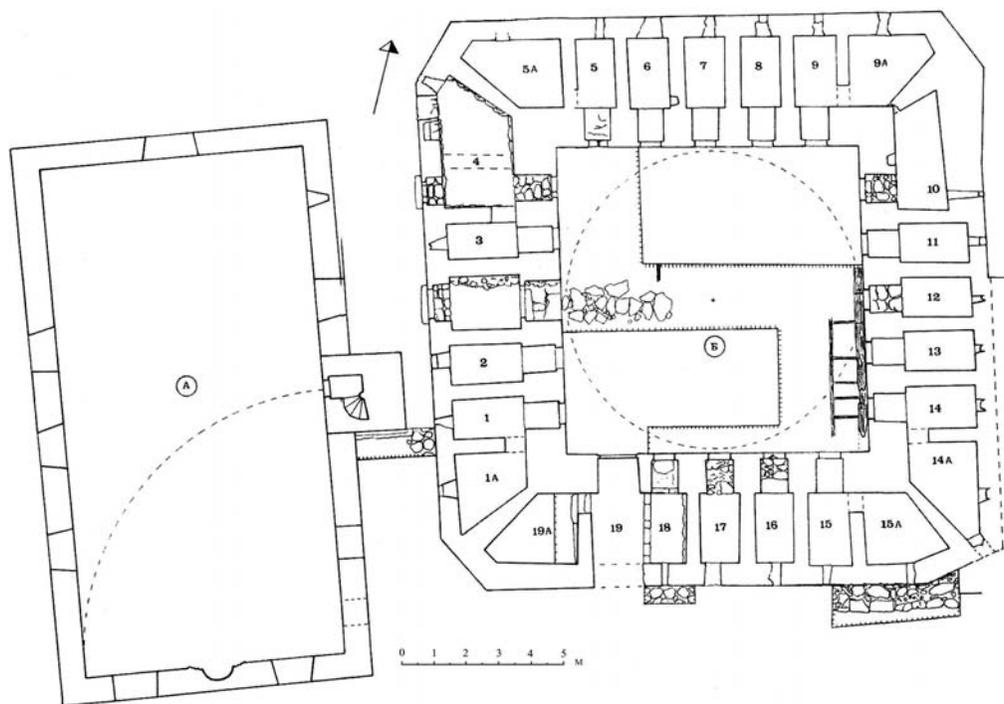

Рис. 18. План мечети Шукурла-эфенди и текке в Гёзлëвë [Кутайсов, Кутайсова, 2007, с.96]

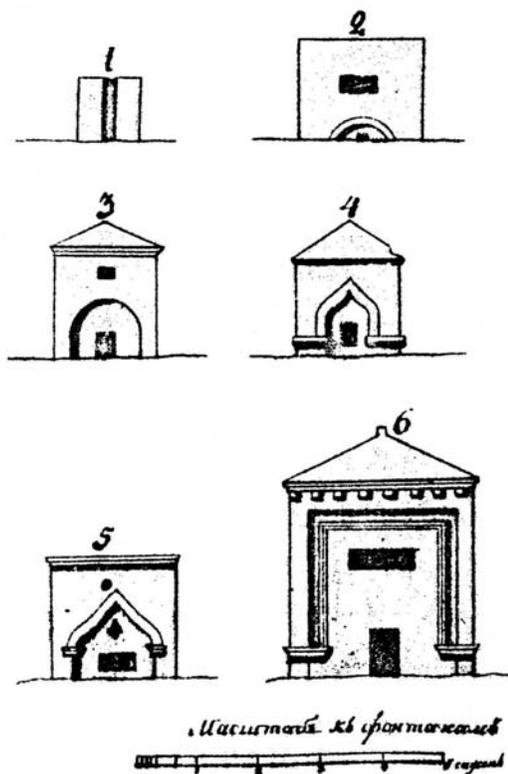

Рис. 19. Фонтаны Гёзлëвë. Чертеж поручика Жукова, конец XVIII в. [Приднëв, 2004, рис.9]

бычьего навоза». Не намного привлекательнее были и остальные степные поселки на его пути (Кышкара, Кенекес, Джелаярли, Коджамак) – «без деревьев, без садов и виноградников» с подобными сооружениями: «Все стены их домов сложены из земляного кирпича и из широкого кирпича из навоза. А украшением их является грязная солома». И только дальше, по мере продвижения на юг, в селениях обустроенных ханскими знаменосцами (Беш-Эвли, Элькесен, Коджалак, Буташ), он отмечает явные изменения в их облике – «Дома здесь крыты дерном, но стены их выложены из камня», а позднее, сделав остановку в Бузьяйши, дал вполне убедительное объяснение своему наблюдению: «Все их дома выстроены из камня, потому что это селение близко от каменистого места» [Там же, с.12, 13, 18, 19].

После продолжительного передвижения степью Гёзлëвë был воспринят Эвлией Челеби как настоящий город – с крепостью, портом, несколькими базарами и многочисленными красивыми строениями мечетей, ханов, бань, медресе, текке, школ для юношей, лавок, буза-хане и публичных домов. Сам топоним

путешественник попытался соотнести с архитектурными особенностями первых жилых зданий, которые якобы подобно кибитке имели отверстие для света наверху – будто были «с глазами» [Там же, с.19].

Больше всего Эвлию Челеби удивило одно из сооружений предместья – «на вершинах десяти каменных башен есть ветряные мельницы странного вида, похожие на водяные мельницы», подобных которым ему ранее не приходилось видеть ни в одной стране [Там же, с.21].

Не меньший интерес у него вызвала и хорошо продуманная система обеспечения Гёзлёва питьевой водой. В пределах городской территории он отметил всего семь оборудованных источников, лучшим из которых, по его мнению, был «большой источник под куполом» на центральном рынке, построенный Ислам-Гиреем в 1061 г.х. (1650/51). Эвлия Челеби сообщает: «Воды этих источников лошади вытягивают из колодцев, что находятся за 4 часа езды от ворот Ат-капу. Прекрасные мастера провели воду в город, и [воды] текут из вышеуказанных источников в ханы, мечети и бани < ... >. Эти удивительные и странные колодцы с водяными колесами – интересное зрелище. Благодаря крупным пожертвованиям все городские источники находятся под бдительным надзором, и нет возможности их порчи и ущерба» [Там же, с.23]. Впрочем, надежность системы водоснабжения города обеспечивал не только постоянный за ними уход, но придавали конструктивные особенности основных ее сооружений и, прежде всего, использование специальных подземных галерей, подобных иранским кязирам. Своеобразие гёзлёвских туннелей заключалось в размещении внутри их, под полом – в прямоугольных каналах с каменным перекрытием, керамического водопровода. Упомянутые путешественником источники в большинстве своем представляли собой обычные чешмэ разной формы, украшенные арочными нишами и различного рода карнизами (рис. 19) [Приднев, 2004, с.56–88].

Второй, не менее значимый, город Крымского ханства – Карасу-базар, где позднее также побывал Эвлия Челеби, от Гёзлёва отличается существенно, прежде всего, благоустройством и архитектурной средой,

что достаточно красноречиво отражено путешественником в описании увиденного: «По этому городу протекает река Карасу, по обоим ее берегам располагаются здания и постройки. < ... > Дворы домов огорожены деревьями. < ... > По всему городу журчат источники. < ... > В этом городе совсем нет строений, крытых свинцом. Все они крыты рубиново-красной черепицей и хорошо отстроены. < ... > Внутри этого города мало мощеных улиц. Зимой, когда в город приходит много сот тысяч татар верхом, от их движения городская пыль превращается в море, в котором тонут люди. Но на рынках, крытых деревьями, есть мощеные полы. Чтобы туда не заехали конные татары с улицы, от угла до угла там вбиты столбы. < ... > В этом городе редок дом без сада. < ... > Здесь много стройных и высоких тополей, подобных кипарисам» [Книга путешествия, 1999, с.72–75].

Эвлия Челеби сообщает также о большом количестве водяных мельниц на реке, о каменных мостах, снесенных до основания при разливе Карасу и сменивших их деревянных конструкциях, о многочисленных мечетях, из которых соборные «сложены из камня, крыты черепицей и имеют каменные минареты». Среди других построек путешественник отмечает медресе, текке, ханы, гостиницы для холостяков, школы для мальчиков, лавки, бани, кофейни и мей-хане. Своеобразие архитектурной среды Карасу-базара, возможно, обуславливалось культурными традициями основной части населения города – мощной армянской диаспоры и беженцев «от анатолийского гнета из Токата, Сиваса и Амасьи» [Там же, с.72, 74].

По сравнению с остальными степными районами полуострова, определенное отличие наблюдается и в жилой застройке города, которая, по свидетельству Эвлии Челеби, состоит преимущественно из «двухэтажных, крытых черепицей домов с садами и виноградниками» и только «местами встречаются дома, крытые дерном», но вместе с тем «много сот домов не имеют каменных стен, они построены из дерева» [Там же, с.72]. Этнографические материалы свидетельствуют о широком распространении в этой части региона турлучных сооружений, а также характерной конструкции крыши,

коньковая слега которой поддерживается толстыми деревянными столбами с развилками наверху либо применяются стропила в виде козел («макас») с опорой на горизонтально положенные на стены брусья [Курфин, 1925, с.28–31, табл. VI].

Наиболее благоустроенным, ухоженным и зеленым населенным пунктом Крымского ханства был столичный Бахчисарай. Эвлия Челеби не устаёт восхищаться почти райским видом города, полностью соответствующим его названию. Свой рассказ он начинает с описания сада Ашлама: «Все ханы, ханские сыновья и султаны, их жены и дочери развлекаются в этом саду. Это такой прекрасный сад, в котором, как в райском саду – гулистане из конца в конец протекает журчащая вода, задерживается у дворцов, которые расположены по углам сада. < ... > Каждый из высокочтимых ханов в различных частях сада построил разнообразные позолоченные и расписные превосходные дворцы и павильоны, беседки, как будто сделанные из китайского фарфора. И есть там различные бассейны, фонтаны и дворцы-хавернаки, такие, что если на них посмотрит обладатель познаний в архитектуре, он приложит палец к устам, и ум его поразится.

Различных плодовых деревьев, которые там растут, нет нигде больше не только в Крыму, но и в любой другой стране. < ... > Тысячи видов цветов с превосходным запахом, присланные в подарок ханам, наполняют дыхание ароматом. Особенно замечательны луковицы анатолийского бакыраза, подобные мускусу Рума, и саженьцы трабзонской гвоздики, истамбульский золотой тюльпан «Монла Челеби», тюльпан «Чили Хаджи», тюльпан «Кягытханэ», различные красные пионы, истанкойский гиацинт, и много сотен тысяч видов луковок цветов, приходящих в подарок, красуются в этом саду. Входящие в этот сад, думают, что попали в вечный Рай. Весной все деревья зацветают, цветут сливы, яблони, груши, черешни, вишни и другие деревья, распускаются прочие цветы. < ... > Под покровом тени различных высоких деревьев, между лужайками и цветниками журчат ручьи и источники-сельсibili, в многих сотнях мест выбрасывается из водометов чистая вода на листья и плоды, вода

из фонтанов стекает на деревья, как благовословенный дождь.

Замечательные мастера из многих стран и много тысяч пленников – обладателей джемшидовых искусств и обширных познаний – построили в этом саду здания различных архитектурных стилей. Действительно, строения, подобные тем, что в саду Ашлама, есть разве что в городе чудес, в Константинополе, то есть Исламбуле» [Книга путешествия, 1999, с.40–41].

Вполне возможно, что именно здесь – в райском саду Ашлама в свое время первоначально находился и изысканный портал «Демир-хапу», позднее перенесенный в ханский дворец Бахчисарая. Он представляет собой уникальное сооружение в духе италийского ренессанса с восточными мотивами, созданное известным мастером ломбардо-венецианской школы Алевизом Новым в 909 г.х. (1503) [Эрнст, 1928, с.39–54].

«Сад желаний» Ашлама располагался в широком ущелье на восточной окраине Бахчисарая, рядом с Эски-Саладжик – предшественником столицы, в бытность Эвлии Челеби уже наделенного соответствующей приставкой, указывающей на его возраст (рис. 20). Данное селение, имевшее некогда крепостные стены, путешественником определено как древний город с большим количеством домов, «крытых красной черепицей, с высокими трубами» и множеством «комнат в пещерах под скалами». Он сообщает: «Все здания каменной кладки, с каменными стенами, превосходные и украшенные, старой архитектуры». Всего им отмечено пять кварталов, в каждом из которых имелась собственная мечеть с минаретом «старой формы». По свидетельству Эвлии Челеби, о былом величии Эски-Саладжика напоминают лишь единичные сооружения – «большое медресе Менгли Герай-хана», «прекрасная светлая баня», «древний дворец Джучи Герай-хана», используемый в качестве оружейной «высокий дворец правосудия», а также «медресе Сахиб Герай-хана и тюрьме предшествующих ханов, полные света, в которых под остроконечными куполами находятся могилы падишахов» [Книга путешествия, 1999, с.38–40].

Эвлия Челеби дал характеристику только одному строению – дворцу Джучи-Гирей-

Рис. 20. Мусульманские мавзолеи в исторических районах Бахчисарая. Ситуационный план. Ханские мавзолеи: 1 – Хаджи-Герая (вторая половина XV – начало XVI в.), 2 – дюрбе Девлета Герая («северное») в Ханском дворце (XVI в.), 3 – дюрбе Мехмеда II Герая (вторая половина XVI – первая треть XVII* вв.), 4 – возможное место размещения дюрбе Селямета I Герая (начало XVII в.), 5 – дюрбе Исляма Герая («южное») в Ханском дворце (середина XVII в.). Прочие мавзолеи: I – дюрбе Джаньке-ханым (первая половина XV в.), II – дюрбе Бей-Юде-Султан (начало XV в.*), III – «дюрбе Ахмед-бея» (XIV–XV вв.*), IV – «дюрбе Мехмед-бея» (XVI в.*), V – дюрбе Дилиры-бикеч (вторая половина XVIII в.). * – датировки предположительные [Гайворонский, 2006, с.47]

хана: «Теперь этот дворец представляет собой каменное строение, маленькую крепостцу. Окружность его составляет 200 шагов. По сторонам 4 башни, на запад выходят железные ворота. Внутри есть мечеть с двумя низенькими минаретами. Так как эти минареты маленькие, туда не может пролезть человек, и эзан прочесть невозможно» [Там же, с.39]. Судя по описанию, внешне дворец практически ничем не отличался от обычного хана, а упоминаемые маленькие минареты, вероятнее всего, были декоративными архитектурными формами в виде пинаклей, позднее получившими широкое распространение в зодчестве Крымского ханства.

«Большое медресе Менгли Герая-хана», о котором сообщает Эвлия Челеби, построено в 906 г.х. (1500). Оно представляет собой квадратное в плане здание с прямоугольным внутренним двором, по периметру обрамленным открытой галереей (рис. 21). С трех его сторон, вдоль боковых и тыльной стен, расположены худжры и помещения для занятий. Вход в строение вел с юга. Дверной проем арочный, снаружи завершался подвешенной за концы и середину железной

цепью, которая заставляла каждого входившего в медресе почтительно склонять голову. Галерея была перекрыта куполами на парусах с подпружными арками стрельчатой формы, опиравшимися на квадратные столбы обрамления двора и стены. Худжры и помещения для занятий завершались сводами [Засыпкин, 1927, с.158, табл.VI; Якобсон, 1964, с.141, рис.46, табл.XXXVI; Ибрагимова, 2005а, с.145–151].

Неподалеку от медресе находится дюрбе первого правителя Крымского ханства Хаджи-Гирея, также построенное Менгли-Гиреем, его сыном. Оно датировано надписью над входом 907 г.х. (1501/02). Мавзолеем октогональным внутри и снаружи с монументальным порталом сельджукского типа. Здание перекрыто куполом на парусах, имело восьмигранный барабан. Вход в наземную часть строения вел с юга, доступ в усыпальницу осуществлялся с северо-восточной стороны. В отличие от совершенно аскетичного внешнего вида соседнего медресе, дюрбе снаружи богато декорировано. Вверх и низ стен основного объема отбиты карнизами, а его углы украшены трехчетвертными ко-

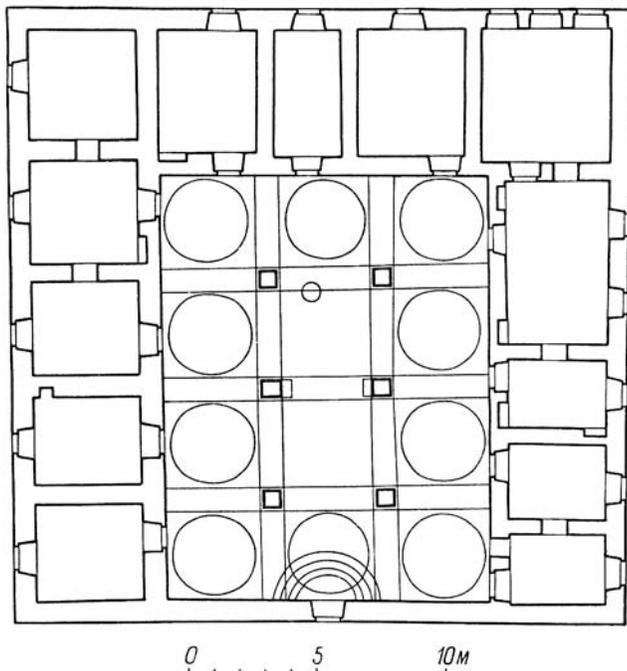

Рис. 21. Медресе Менгли Гирей-хана («Зинджирлы-медресе») в Эски Салачик [Якобсон, 1964, рис.46]

лонками с порезкой. Оконные проемы двух типов: прямоугольные – по одному, с боков и арочные – три, на задних гранях. Все они имели профилированные наличники. Основное убранство здания сосредоточено на входе. Главный фасад портала по внешнему периметру обрамлен рельефной «сельджукской цепью». Его проем завершался килевидной

аркой. Внутреннее пространство сооружения перекрыто сталактивным сомкнутым сводом сложной формы. Боковые ниши пилонов пятигранные с ячеистой конхой. Дверь помещена в рельефную рамку из плетеных лент. Все поверхности фона и отдельных деталей покрыты сплошным резным орнаментом. По мнению Б.Н.Засыпкина, данное дюрбе, имея определенные черты характерные для сельджукских сооружений, в общем уже находится под влиянием османского искусства и веяний Ренессанса, которые проявились в перенасыщенности его декором с частичной потерей чувства меры за счет умаления архитектурных форм и пропорций [Засыпкин, 1927, с.126–127, табл. III; Гаврилюк, Ибрагимова, 2010, с.29–65; Кирилко, 2012, с.214–217].

Представляя планировочную структуру Бахчисарая, Эвлия Челеби дважды отметил, причем достаточно беспристрастно, один существенный недостаток расположения столицы: «Так как вода реки Ашлама, протекающей по этому городу, и текущей из города Саладжика, сильно отработана, ее название Чурук-Су. Она вращает много мельниц и несет множество нечистот, течет на запад, и, пройдя через пороховые заводы и множество водяных мельниц, че-

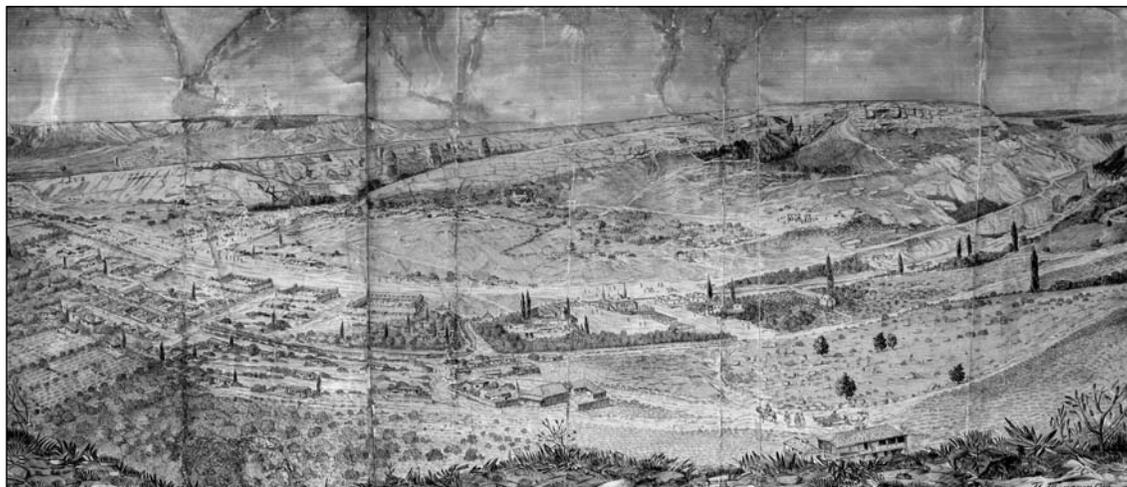

Рис. 22. Общий вид Бахчисарая с юга. Рисунок П.Туманского. 1933 г. Предположительно, копия гравюры рубежа XVI–XVII вв. (БИКЗ, Бахчисарай)

рез огороженные плетнями огороды, течет в Эски-Юрт. < ... > Это очень отработанная вода. Пить её нельзя. < ... > Через эту реку Чурук-Су в городе в 43 местах можно перейти по каменным и деревянным мостам. Слева и справа двухэтажные каменные дома, крытые рубиново-красной черепицей. Дома с садами и виноградниками идут до подножия холмов и скал» [Книга путешествия, 1999, с.39, 42–43].

Наземная часть традиционного бахчисарайского дома обычно была сложена из бута на глиняном растворе и усилена деревянными поясами, причем стена, выходящая на улицу, имела значительную толщину и продолжалась выше. Второй этаж делался из обмазанного глиной плетня или калыба. Каждый из уровней в простейшем случае состоял из одной комнаты, с небольшими сенями и кладовками. Нередко верхний этаж не соответствует нижнему по величине и форме, выступая над ним стороной или углом. Нависающая часть строения поддерживается деревянными гнутыми подпорками, упирающимися в кладку стены. Со двора устраивалась галерея. Многие жилища имели резные деревянные потолки, украшенные сплошным геометрическим орнаментом, с рельефной розеткой в центре. Яркая расцветка плафонов, декоративные росписи стен и деревянных конструкций, окна с витражами, арочная форма дверных проемов и такая же отделка камина особенно ясно обнаруживают в себе влияние османского художественного стиля [Куфтин, 1925, с.7–12, табл. I–III, XI–XIII, XV; Засыпкин, 1927, с.163–166].

Согласно книге турецкого путешественника, другие постройки Бахчисарая были представлены многочисленными мечетями, медресе, школами для мальчиков, текке, ханами, дворцами благородных людей, банями, безестаном, лавками, кофейнями, буза-хане, общежитиями ремесленников, зданиями для пропитания нищих странников и даже больницей «в пару комнат» (рис. 22). Между прочим упоминаются греческая и армянская церкви. Эвлия Челеби отмечает существование с двух сторон города большого количества «одиноких пещер» используемых путниками в качестве своеобразной гостиницы: «Это удивительный и странный каравансарай» [Книга путешествия, 1999, с.48–53].

Главным сооружением столицы был кёрюнюш – дворец и место заседаний Дивана, который находился на южном берегу Чурук-Су, у самой реки. По свидетельству Эвлии Челеби, он построен Сахиб-Гирей-ханом (1532–1551) в течение семи лет и, поскольку его отовсюду окружали «райские сады», назван Бахчисараем. Путешественник сообщает: «С четырех сторон этот дворец подобен крепости и окружен со всех сторон каменными стенами, подобными строениям Шаддада. Но у дворца нет зубцов и башен. Длина его по окружности составляет 560 шагов, в четырех местах есть мощные и прочные железные ворота. Те ворота, что обращены на север, ворота Зарб-хане-капу. В той стороне есть кей-кавусова кухня, подвал и комната чашнегиров и килерджиив, Другие ворота, с южной стороны, ворота Бахче-капу. Еще одни ворота, открывающиеся в сторону кыблы, ворота Эски-кёрюнюш-капу. И еще одни ворота, ворота Ени-кёрюнюш-капу, через них проходят в гарем. Там стоят черные аги и [охраняют] большие Гаремные ворота. За этими воротами 360 великолепных комнат, расположенных друг над другом, с нишами, и высокие дворцы с бесчисленными разнообразными росписями, подобными хамелеону. Каждое строение построено кем-нибудь из падишахов» [Там же, с.43].

В течение всего своего достаточно длительного существования дворцовый комплекс постоянно обновлялся и неоднократно перестраивался. В 1737 г. он был сожжен войсками фельдмаршала Миниха, а позднее основательно реконструирован и видоизменен, но в целом, несмотря на значительные утраты, сохранил первоначальную структуру и отдельные ранние сооружения (рис. 23). Композиционным ядром дворца является большой вытянутый продольно двор, простиравшийся с севера на юг. Спереди и боков его обрамляют группы построек, некоторые из них ограждены стенами и образуют самостоятельные ансамбли с собственными двориками. Территория дворца имела четкое зонирование – выделяются культовая, административная, жилая и несколько хозяйственных зон [Маркевич, 1895, с.130–176; Генгросс, 1912, с.3–32; Якобсон, 1964, с.142–146, рис.47, табл. XXXVIII–XLI; Пономарьова, 1996б, с.48–58; Ибрагимова, 2005, с.140–143].

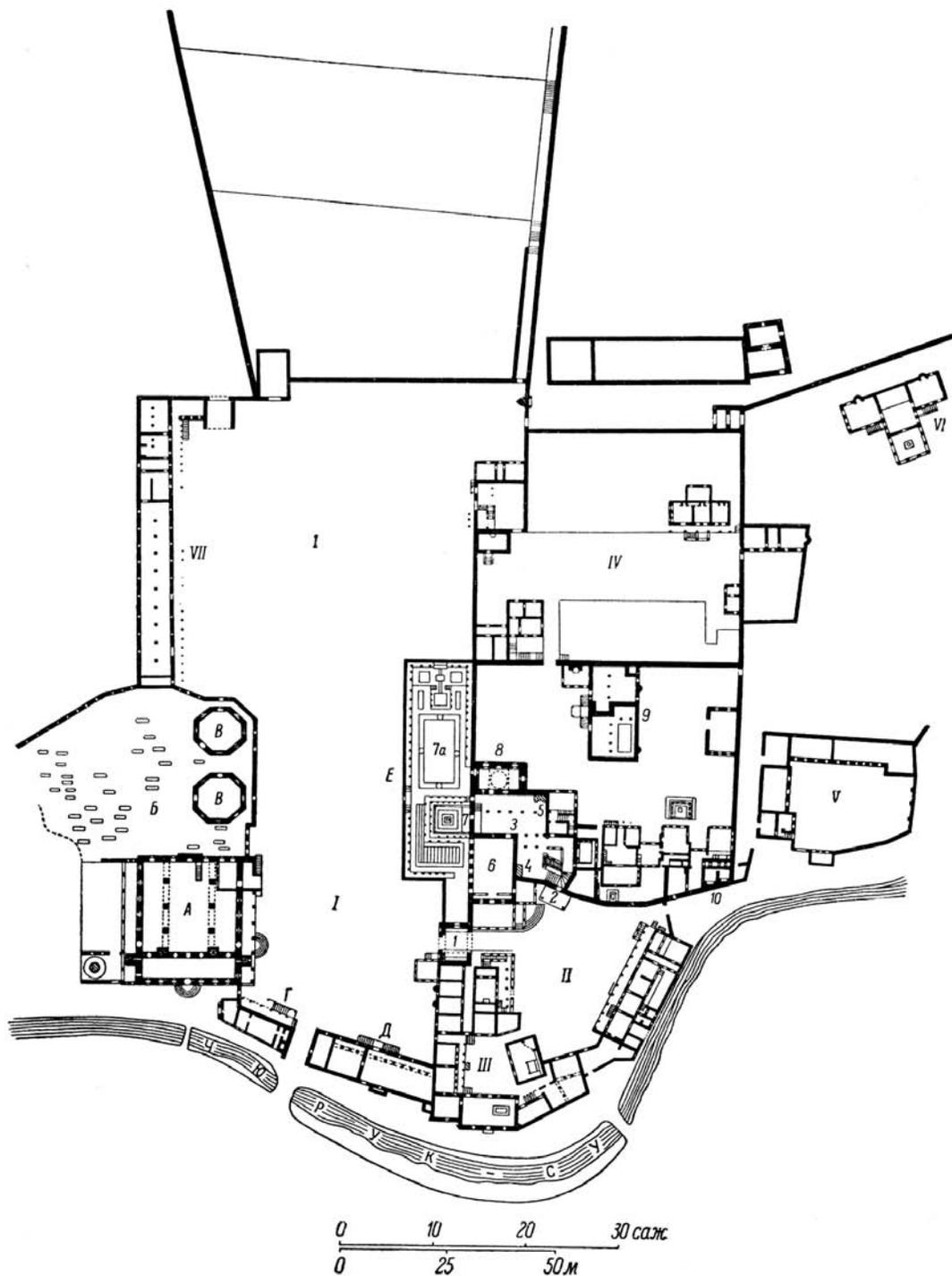

Рис. 23. План ханского дворца в Бахчисарае, составлен В.Гести в 1798 г.: I – большой двор; II – внутренний двор (Посольский); III – кухонный двор; IV – задний двор; V – пекарский двор; VI – старый дворец; VII – конюшня. А – мечеть 1740 г.; Б – ханское кладбище; В – дюрбе ханского кладбища; Г – свитский корпус; Д – комнаты для гостей; Е – главный корпус. 1 – ворота; 2 – «железные ворота», 1503 г.; 3 – фонтанный дворик; 4 – «фонтан слез», 1763 г.; 5 – «Золотой фонтан», 1733 г.; 6 – Диван (зал Совета и Суда); 7 – Золотой, или фруктовый, кабинет, 1764 г.; 7а – цветник с фонтаном и бассейном; 8 – мечеть 1741 г.; 9 – гарем; 10 – баня [Якобсон, 1964, рис.47]

У северных ворот дворца, с восточной стороны, в свое время Сахиб-Гирей-ханом (1532–1551) была возведена соборная мечеть. О том, как она выглядела в 60-х гг. XVII в., сообщает Эвлия Челеби: «Ее стены прочно сложены из камня. Это старой конструкции дом Божий с куполом, крытым дранкой [торчащей, как иглы] ежа. < ... > В этой древней мечети от кыбловых дверей до михраба в длину – 110 аяков, а в ширину она – 70 аяков. < ... > Внутри мечети на 20-ти высоких дубовых столбах – потолочная балка, а над ней – простой потолок, старой постройки. Справа находится место поклонения семьи достославных ханов. Над этим высоким местом висят разнообразные серебряные подсвечники и подвески. А [внешнего] харама у этой мечети нет, потому что перед кыбловыми дверями течет река Чурук-Су. В мечети есть кыбловые двери, ханские двери, один низкий, старой архитектуры, минарет, слева, справа и со стороны кыблы – окна, выходящие в сад Тюрбе» [Книга путешествия, 1999, с.48].

В 1740 г. мечеть была основательно перестроена Селямет-Гирей-ханом, после чего приобрела вид прямоугольного в плане монументального здания с трехнефным залом и притвором под четырехскатной черепичной крышей с большим свесом. Вдоль боковых стен строения снаружи расположены открытые галереи с аркадами на восьмигранных колоннах. Мечеть имеет три входа: северный – вел со стороны реки, с улицы, западный – с главного двора, восточный – из сада. С каждого бока здания, напротив южной части притвора, симметрично пристроено по одному двенадцатигранному в сечении минарету – стройных пропорций с изысканно декорированным резным шерфе. В юго-западном углу строения на уровне хор размещена богато украшенная росписью и изразцами ханская ложа из двух комнат с отдельным входом с внешней стороны (рис. 24).

К южной стене мечети примыкает небольшое кладбище – «сад Тюрбе», огражденное каменной стеной с двумя калитками. На его территории находятся три строения: два дюрбе – Девлет-Гирея (1512–1577) и Ислам-Гирея (1604–1654), а также ротонда с захоронением Менгли II Гирея (1678–1739) [Там же, с.48; Гайворонский, 2006, с.14–19].

Оба мавзолея имеют одинаковую объемную композицию и размеры, но несколько отличаются деталями. Они представляют собой октогональные внутри и снаружи купольные здания с восьмигранным барабаном, развернутым относительно оси на 45°. Окна располагались на двух уровнях: нижние – прямоугольные с железной решеткой, верхние – арочные. Вход в дюрбе Девлет-Гирея с боков фланкирован пятигранными нишами с ячеистыми конхами. Углы основного объема второго мавзолея украшены круглыми пилястрами. Ротонда – октогональная, соотносима с традициями суфийской мемориальной архитектуры.

К востоку от мечети находится баня Сары-Гюзель, также построенная Сахиб-Гирей-ханом, в 939 г.х. (1532/33) [Книга путешествия, 1999, с.51]. Она расположена несколько особняком – вне дворцового комплекса, хотя и в непосредственной близости от него, будучи, вероятно, с ним связана. Строение имеет сложную асимметричную планировку и состоит из трех купольных залов для мытья, нескольких вспомогательных помещений, галереи на входе. О самом

Рис. 24. Вход на ханскую ложу Большой дворцовой мечети Бахчисарая. Вид с северо-запада. 2006. Фото О.И.Сергеевой

сооружении Эвлия Челеби лишь упомянул, определив его как «место отдыха души» и указав содержание надписи «над высокой дверью». Подобным образом, используя соответствующие эпитеты, он обычно представляет и остальные бани Крымского ханства: крепость Ор – «маленькая светлая баня с приятным воздухом и водой», Гёзлөв – «их здания, воздух и вода очень приятны, это радующие сердце светлые бани», Карасу-Базар – «воздух и здание ее прелестны», «превосходная баня, примерно расписанная, как хамелеон», Саладжик – «прекрасная светлая баня, с отличным воздухом и зданием», Бахчисарай – «покрытая низким сводом старая темная баня» [Там же, с.12, 22, 39, 51, 74].

Исключением является лишь одна постройка, дагированная 1070 г.х. (1659/60) – «большая баня Мухаммед Герай-хана» в Бахчисарае, архитектуру которой путешественник описал относительно подробно: «Это прекрасная баня под куполом, крытым рубиново-красной черепицей. В Крымской стране нет больше такой, построенной на красивом месте, замечательной бани. Бесподобны и вода, и воздух, и здание, и планировка. < ... > Весь пол здесь покрыт разнообразным неполированным мрамором. В 6 мыльных кабинетах над ваннами из шлифованного позолоченного [мрамора] цвета оникса и ржавчины – краны, отделанные золотом, и точно такие же тазы, как будто покрытые чистым золотом. Центральное возвышение – небольшое и восьмигранное. Фонтаны, находящиеся посреди его, выбрызгивают [воду] до самого купола, крытого хрустально чистым стеклом. Это возвышение по-хамелеону расписано, а у фонтана – отличная чаша» [Там же, с.50].

Бани занимали одно из самых важных мест в жизни обитателей, следовательно, и зодчестве Крымского ханства. Судя по примерам, они соответствуют традициям османской архитектуры и возводились обычно по константинопольскому образцу [Засыпкин, 1927, с.160–163; Приднєв, 1997, с.129–136].

Среди построек ханского дворца Бахчисарая, появившихся после его капитальной реконструкции, своей неординарной архитектурной особенностью выделяется еще одна ме-

четь комплекса. Она находится в административной зоне, напротив здания Дивана, с которым связана двориком. Строение является единственным, из числа известных в регионе, мусульманским культовым сооружением с поперечно расположенным ритуальным залом. Его центральная часть была перекрыта куполом на парусах с подпружными арками, имела восьмигранный барабан. Роспись внутренних поверхностей стен имитирует облицовку мраморными плитами. Вход один, с севера. Портал мечети украшен рельефными орнаментами и розетками.

Дворик перед мечетью оформлен двумя разновременными источниками – «Золотым фонтаном» 1733 г. и «Фонтаном слез» 1763 г. – изысканными архитектурными сооружениями с резьбой в духе итальянского ренессанса и французского барокко.

Здание Дивана, построенное до 1736 г., представляло собой прямоугольный в плане большой двухсветный зал с хорами. Окна имели цветное остекление и ажурные решетки. Внутренние поверхности стен в свое время были покрыты изразцами. В центре помещения расположен белый мраморный фонтан, а по периметру стояли диваны с яркой обивкой. Рядом с ним, на втором этаже, находился зал для торжественных приемов – роскошная и богатая по убранству палата с двумя большими нишами, которые предназначались, соответственно, для хана и придворных музыкантов.

С восточной стороны дворика, между Диваном и мечетью, расположен «Золотой кабинет» Крым-Гирей-хана, построенный в 1764 г. – также двухсветный зал с 24 окнами. Тонкая резьба деревянного наборного потолка с красным фоном, малиновый бархат с золотыми узорами обивки мебели и голубые тона стенной росписи придавали помещению, с трех сторон залитого светом, особую нарядность.

Постройки дворцового комплекса, появившиеся на последнем этапе его существования, достаточно наглядно отражают те перемены, которые произошли в зодчестве Крымского ханства и, прежде всего, его столицы, наиболее сильно испытывавшей влияние константинопольской архитектурной моды – в то время представлявшей собой изысканную комбинацию восточных и западноевропейских культурных традиций.

Декоративная отделка внутреннего пространства помещений, наполненных красочными изображениями чаш с цветами и просто букетов, деревьев с птицами и различных плодов, пейзажами, в сочетании с мраморными фонтанами посреди залов аллегорично превращала их в своего рода продолжение того роскошного сада, что отовсюду окружал дворец. Убранство интерьеров органично дополнялось растительными орнаментами и каллиграфическими узорами фасадов. Судя по литографии Карло Боссоли, росписью диковинными цветами снаружи были покрыты даже стены ханских дюрбе.

Архитектурные и декоративные работы по украшению дворца, его главной мечети (рис. 25) и ряда домов во многом связаны с творчеством талантливого художника, зодчего и каллиграфа-поэта Омера. Им же в 1178 г.х. (1764) по желанию супруги Крым-Гирей-хана была построена в Бахчисарае одна из наиболее изящных и показательных для этого времени построек города – Ешильджами. Здание прямоугольное в плане под четырехскатной крышей с поливной зеленого цвета черепицей. Снаружи стены украшены пилястрами, завершались карнизом. Вход в мечеть расположен с западной стороны. Окна двухсветные с алебастровыми витражами, обрамлены наличниками и были забраны железными решетками. Минарет пристроен к восточной стене. Средняя часть помещения по периметру ограждена деревянной колоннадой с вычурными арками, с северной стороны к ней на уровне верхних окон примыкает мафиль, возможно, позднее дополнение. Михраб представляет собой пятигранную стрельчатую нишу со сталактитовой обработкой. Особую изысканность строению придают росписи, которые демонстрируют руку чуткого художника и первоклассного мастера. Стены были оштукатурены и покрыты приятным зеленым цветом, который лишь местами прерывался живописными филенками и каллиграфическими вставками. Коринфские капители колонок и детали арок вылеплены из алебаstra, а затем раскрашены. Изображения цветов на поверхности аркад выполнены в нежных розовато-палевых тонах, надписи на стенах наоборот нанесены контрастно – безукориз-

ненно черной краской по белому полю. По обе стороны от михраба орнаментальной вязью выведен силуэт какой-то мечети. Посредине помещения из небольшого расписного куполка в центре потолка спускалась люстра [Засыпкин, 1927, с.152–154, табл.VI].

Предположительно, Омером в 1763/64 г. был создан и один из наиболее изящных мавзолеев дворца – дюрбе Диляры-Бикеч, увековечивший память о самой прекрасной Розе из ханского сада (рис. 26:3). Строение октогональное в плане с восьмьгранным барабаном, развернутым вокруг оси на 45°. Внутреннее пространство перекрыто куполом на парусах. Объемная композиция здания является характерной для мемориальных сооружений дворца, но существенно отличается от них пластикой фасадов. Стены имели четко выделенные карнизами высокий цоколь и завершение в виде аттика. Углы обоих объемов на всю высоту оформлены плоскими каннелированными пилястрами с раскреповкой горизонтальных профилей. Плоскости стен и барабана украшены рядами декоративных арок разных очертаний, нижние средние из которых совмещены с наличниками окон и входа.

Отдельную группу мемориальных построек Бахчисарае образуют мавзолеи Эски-Юрта, западной окраины города, где в местности Азиз находилась одна из самых почитаемых в Крыму мусульманских святынь – зиарет Малик-Аштера [Там же, с.116–120]. Эвлия Челеби сообщает о трех дюрбе с «куполами, крытыми свинцом» [Книга путешествия, 1999, с.60]. Они расположены относительно компактно в окружении многочисленных захоронений (рис. 27). Наиболее монументальное из них сооружение – мавзолей Мехмед II Гирея (1532–1584), датируемый концом XVI – первой третью XVII вв. [Гайворонский, 2006, с.8–9]. Дюрбе представляет собой октогональное в плане здание с шестнадцатигранным барабаном (рис. 26:2). Внутреннее пространство строения перекрыто куполом на парусах, поддерживаемых стрельчатыми арками. Внешние углы основного объема оформлены круглыми пилястрами с раскреповкой на карнизе. Каждая из его граней снаружи украшена прямоугольной профилированной рамкой, внутри которой на двух уровнях расположе-

Рис. 25. Росписи тимпана окна западного фасада Большой дворцовой мечети Бахчисарая. 2008. Фото В.П.Кирилко

ны оконные проемы: внизу, в нишах – прямоугольные с железной решеткой, вверх – арочные с наличником. Вход – с северо-восточной стороны.

Два других мавзолея, упомянутые Эвлией Челеби, меньшего размера и менее представительные. Один из них, также восьмигранный в плане с купольным перекрытием, но без барабана (рис. 26:4). Его угловые пи-

ластры круглые с раскреповкой на карнизе, поверхности стен абсолютно гладкие, оживляемые лишь проемами трех окон и входа. Второе дюрбе – кубовидное, перекрыто куполом на парусах (рис. 26:5). Барабан образован посредством угловых уступов. Стены завершались карнизами. Точные даты обоих строений неизвестны.

В Эски-Юрте находится еще один мавзолей, который согласно надписи над входом был возведен неким Мухаммед-Шах-беем для своей матери Бей-Юде-султан. Строение представляет собой кубический объем с косо срезанными в верхней части углами, образующими переход к восьмигранному основанию купола (рис. 28–30). Внутри им соответствовали уплощенные паруса. Вход в дюрбе вел с юга, был украшен порталом сельджукского типа – с цоколем и нишами в пилонах, декорированного сталактитами, рельефными рамками и резными розетками. С боков строение освещалось прямоугольными окнами. Склеп мавзолея имел купольное перекрытие и отдельный вход, расположенный в центральной части восточной стены. Нумизматический материал из отложений строительного горизонта позволяет датировать усыпальницу последней четвертью XVIII в. (около 1778 г.) [Кирилко, 2009].

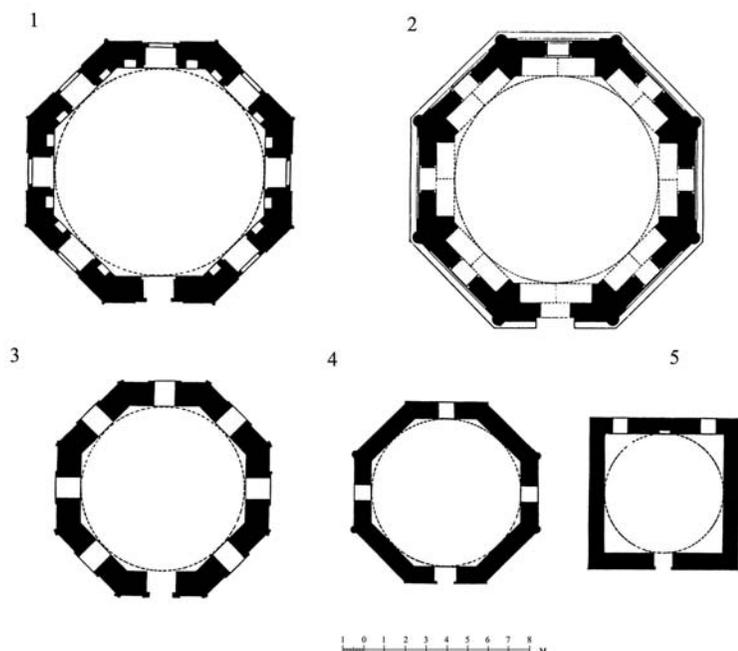

Рис. 26. Планы мусульманских мавзолеев Бахчисарая:

1 – дюрбе Исляма Герая (середина XVII в.); 2 – дюрбе Мехмеда II Герая (вторая половина XVI – первая треть XVII вв.); 3 – дюрбе Диляры-бикеч (вторая половина XVIII в.); 4 – дюрбе «Малый восьмигранник» (XVI в.), 5 – «дюрбе Ахмед-бея» (XIV–XV вв.) [Засыпкин, 1927, рис.2–4, 6, 7]

Рис. 27. Вид Эски-Юрта из альбома художника Г.Гейслера (Geijsler G. Voyages entrepris dans les gouvernemens méridionaux de l'empire de Russie, dans les années 1793 et 1794, par M. le professeur Pallas. Planches de l'imprimerie de Jacob. Paris, M.DCCL.V. T.2, Pl.3) (Центральный музей Тавриды, Симферополь)

Рис. 28. План дюрбе Мухаммед-Шах-бея в Эски-Юрте [Кирилко, 2008а, рис.14]

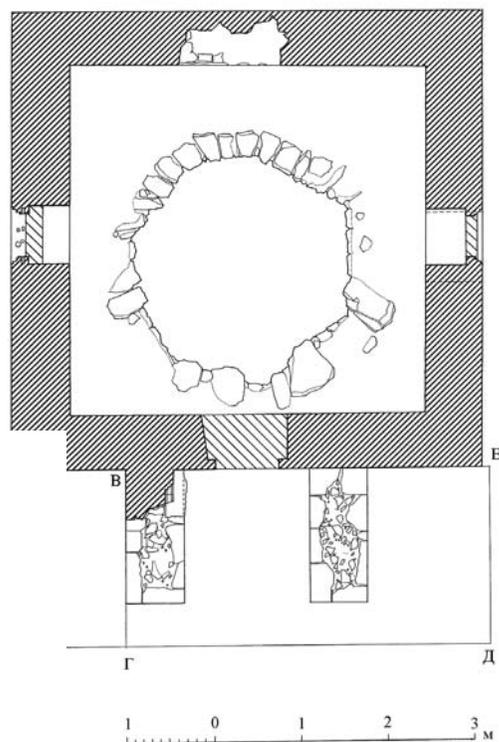
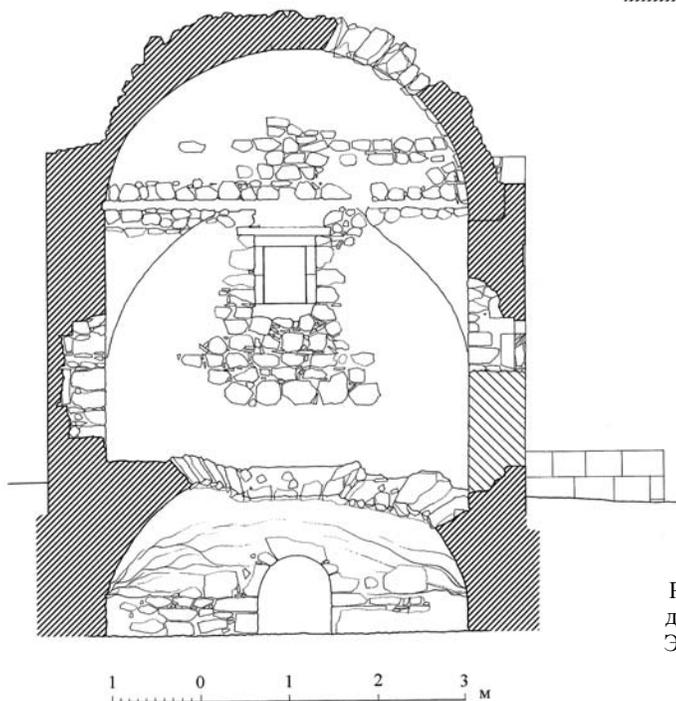

Рис. 29. Продольный разрез дюрбе Мухаммед-Шах-бея в Эски-Юрте [Кирилко, 2008а, рис.16]

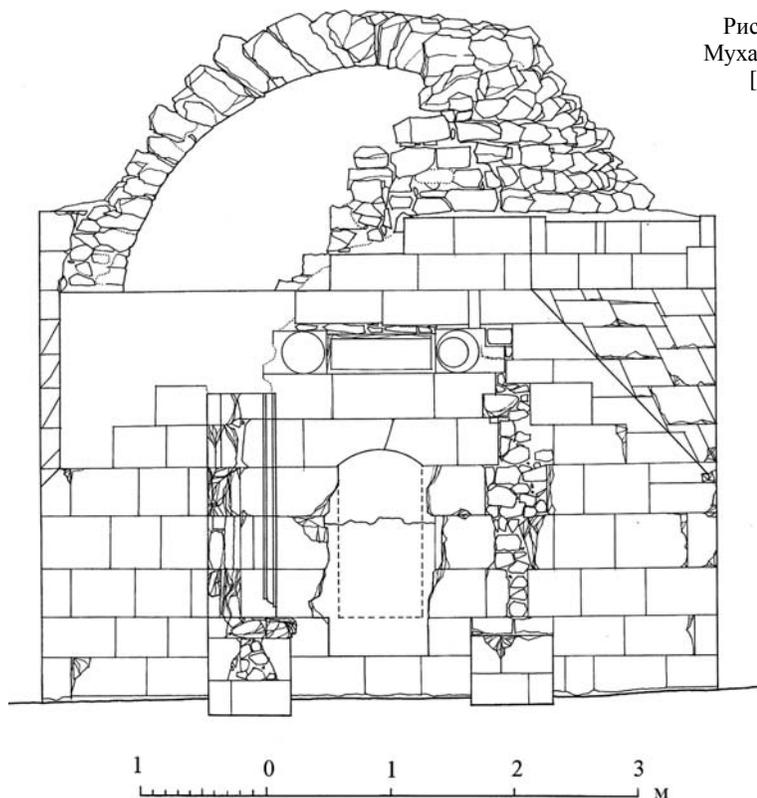

Рис. 30. Южный фасад дюрбе Мухаммед-Шах-бея в Эски-Юрте [Кирилко, 2008а, рис. 19]

Мавзолей Мухаммед-Шах-бея, будучи одним из наиболее поздних монументальных строений Крымского ханства, особо интересен своими архаичными формами и декором. Они, по сути, являются возвращением к истокам – малоазийскому зодчеству, которое дополненное османскими строительными традициями и обогащенное культурным наследием народов, населявших полуостров, на всем протяжении существования этого татарского государства определяло характер его архитектурной среды.

Искусство Крымского ханства*

Нурия Акчурина-Муфтиева

XV в. ознаменовался возникновением в Крыму и Причерноморье Крымского ханства. Крым выделяется в особое государство, в котором происходят изменения в культуре, искусстве, градостроительстве: появляются новые культурные центры, объекты культового и светского зодчества. Правителем независимого феодального государства, просуществовавшего 340 лет становится основатель династии Гиреев – внук Таш-Тимура, сын Гиас-ад-Дина Хаджи-Гирей, по отцовской линии и кровно связанный с родом Тохтамыша.

Искусство вступает в полосу высокой зрелости и блистательного расцвета, становится вполне сопоставимым с европейским Возрождением и по аналогии с ним нередко называемым «мусульманским Ренессансом». Его трудно вместить в краткий период существования независимого Крымского ханства.

Год «завоевания» Крыма Турцией (1475) не только не означал какого-либо болезненного перелома в общей истории и развитии крымскотатарской культуры, но скорее открыл перед ней более широкие горизонты общемусульманского развития, к которым она стремилась уже с начала XIII в.

Солхат (Старый Крым), как административный и культурный центр золотоордынского Крыма постепенно утрачивает свое значение. Новой резиденцией становится Чуфут-Кале, где укрепляется фортификация крепости Кырк-Ер, а в долине строится ханский дворец Ашлама-Сарай (или по названию села Салачик – Салачикский дворец).

Время, войны и пожары не оставили ничего от бывшего великолепия летней ханской резиденции. Дворцовый комплекс, вероятно, состоял из деревянных павильонов, сгруппированных в блоки и отдельно стоящих среди парка, прекрасно устроенного и ухоженного.

* Иллюстрации к статье см. на цв. вкл.

Делясь впечатлениями о посещении ханского сада и дворца Ашлама-Сарай, турецкий путешественник Эвлия Челеби сообщает, что в саду возвышались украшенные позолотой дома, а также небольшие дворцы, многочисленные беседки и павильоны, похожие на дворцы китайского царя. Остатки бассейнов с водой, фонтанов, колодцев и дворов, сооруженных различными ханами, напоминают замок Хавернак (в Иране).

В создании культуры ислама основными считаются три компонента: арабский, персидский и тюркский, хотя последний некоторыми исследователями оспаривается. Тем не менее, в золотоордынскую эпоху уже в начале XIII в. на территории Крыма этот компонент оставил значительный след в каменной архитектуре сохранившихся сооружений. К особенностям декора архитектуры можно отнести рельефную резьбу по камню, отличающуюся строгостью и ясностью композиции. В отличие от зодчества Ближнего и Среднего Востока XIII–XIV вв., которое характеризуется широким использованием полихромии и резьбы в декоре сооружений (например, сплошь облицованные майоликой и мозаикой архитектурные комплексы Самарканда, резные порталы мечетей Кони), в крымскотатарских культовых зданиях главным является лаконизм объемно-пространственных форм и резной орнаментации основных архитектурно-конструктивных частей (порталов и михрабов).

Новые черты в искусстве периода Крымского ханства появляются под влиянием господствовавших в исламском искусстве тенденций, их развитием в более светском направлении. Бахчисарай становится в Крыму центром мусульманской культуры, переживающей в XVII–XVIII вв. период своего наивысшего расцвета. Письменные источники сообщают о процветании религиозной, духовной и культурной жизни государства, развитии светского просвещения, высокой суфийской поэзии, монументальной архитектуры.

Формирование крупных городов (Бахчисарая, Карасубазара, Гезлева) в XVII в. привело к развитию городского ремесла, связанного с производством войлока, выделкой кож, сафьяна, седел, металлообработкой, ювелирным делом и др. «Вся эта

цеховая организация сложилась, несомненно, на основе местной, еще дотатарской, ремесленной традиции городов Крыма. Возможно, что определенное влияние в этом отношении оказала организация ремесла в малой Азии, с городами которой татары постоянно общались, а еще больше – цеховой строй в Стамбуле, где в XVII–XVIII вв. он был очень развит» [Якобсон, 1973, с.146].

Для изображений этого периода присущи обобщенность, узорочье, подчиненность композиционному ритму, условность построений; в орнаменте появляются мотивы отвлеченного содержания. Некоторые из них, например розетка, трилистник, полупальметта, становятся наиболее общим и абстрагированным выражением растительных форм.

Абстрагирование как форма художественного обобщения в мусульманском искусстве предполагало множественность содержания орнаментальных образов, что нашло отражение в крымскотатарском искусстве. Прежнее конкретное смысловое значение мотивов орнамента было заменено новым содержанием – их как элементов отвлеченного растительного узора, выражающего общее универсальное понятие мироздания.

Примечательно, что в искусстве мусульманских народов Средней Азии абстрагирование характерно для XIII–XIV вв., в то время как в крымскотатарском искусстве оно возникает в XV–XVI вв., поскольку в нем были сильны фольклорные основы, не связанные с религиозной идеологией. В то же время своеобразие стиливых признаков золотоордынского искусства и орнамента продолжают сохраняться в период Крымского ханства.

С турецким завоеванием Крыма в 1475 г. закончилось на полуострове генуэзское владычество, перестало существовать греческое Феодоро, все крупные центры перешли к Османской империи. Недавно созданное крымскотатарское государство тоже попало в вассальную зависимость от турок. Патрионаж Турции обусловил проникновение в Крым традиций османского искусства, которым отдавался приоритет. Если первые сельджукские султаны предпочитали скромный быт, то со временем огромные прибыли, получаемые от воинских походов, сформиро-

вали другое сознание. Стремление окружать себя богатством стало обычным для турецкой знати. Предметы роскоши проникают в быт, содействуя формированию рафинированного эстетического чувства.

Стремление к роскоши – подражание турецкой знати – становится характерным для быта правителей Крыма. Образуется новая столица ханства – Бахчисарай. Из искусства надолго исчезают изображения живых существ, зато пышно расцветают геометрический и растительный орнаменты. Ханы выписывают из Стамбула и художников-живописцев, и зодчих, причем не только для Бахчисарая. В Крыму в XVI в. работал знаменитый в свое время турецкий зодчий и инженер Ходжа Мимар Синан – строитель множества величественных мечетей в турецкой столице. На Крымском полуострове он в 1552 г. построил мечеть в Гезлеве, кстати, сохранившуюся до настоящего времени. Она повторяет в уменьшенном виде монументальные мечети Стамбула.

Черты мусульманской культуры в Крыму претерпевали качественные изменения. Из Турции и Персии поступали редкие книги и рукописи, ткани, ювелирные изделия, посуда. На изделиях крымскотатарского декоративно-прикладного искусства становятся популярными арабские надписи, цитаты из Корана. Они применяются как самостоятельный элемент в оформлении бытовых предметов, ювелирных украшений. Содержание арабских надписей имело религиозно-магическое значение, и предметы с надписями использовались как талисманы, отгоняющие «нечистую» силу, то есть выполняли функцию оберегов.

В Крым проникают и быстро распространяются новые художественные мотивы. Появляются орнаментальные композиции с реалистическими и слегка стилизованными изображениями цветов, листьев, букетов в вазах и даже деревьев. В некоторых случаях они включаются в декор вместе со старыми «сельджукскими» мотивами. Эти орнаменты используются в декоре архитектурных деталей (капителей, колонн, баз, орнаментированных плит, купелей) надгробных плит и армянских хачкаров, а также в вышивке и резьбе по дереву. На всей территории империи распространяется новый ху-

дожественный стиль, характеризующийся применением цветочного орнамента. Идея цветочного, иногда упрощенного, а порой довольно сложного по рисунку, листка или цветка в османском искусстве широко разрабатывалась, вероятно, не без влияния прикладного западноевропейского искусства, в частности ткани, итальянской майолики.

Новый стиль завоевал многие виды искусства, его мотивы стало использовать как мусульманское, так и христианское население. Эту популярность можно объяснить не только художественными достоинствами (тонкость и изящество рисунка, разнообразие, сочетаемость с лучшими мотивами старого стиля), но и отсутствием идейно-религиозной окраски, универсальностью и общедоступностью. В то же время стиль позволял создавать выразительные, даже пышные, праздничные композиции, и это хорошо соответствовало художественным вкусам XVI–XVIII вв.

Распространению нового стиля способствовали предметы прикладного искусства, в частности фаянс Изникского производства, который с XV в. в массовом количестве стал поступать в Крым [Миллер, 1972, с.132–136]. Турецкий фаянс был одновременно предметом быта и произведением искусства. Новый декоративный стиль появился в Крыму и в деревянной резьбе (полотно деревянной двери из армянского монастыря Сурб-Хач) [Домбровский, Сидоренко, 1978, с.104].

В ханском Бахчисарае появилось стремление подражать вкусам Стамбула. Здесь, как и в турецкой столице, начинают возводиться двухэтажные дома, с выступающими верхними этажами на деревянных, косо упирающихся в стену подпорках. Входят в моду черепичные крыши со свисающими широкими закругленными на углах навесами *сачакъ*, свесы, украшенные геометрическим орнаментом из тонких деревянных планок, призматические высокие трубы, двери с массивными металлическими кольцами, прикрепленными на резной бронзовой дощечке [Никольский, 1924, с.15]. Применяется планировка комнат, мебель и использование помещений по-константинопольски.

К упомянутому выше времени в различных районах Крыма уже сложились определенные типы народного жилища крымских

татар, в которых прослеживались традиции этносов, издревле населявших полуостров. Об этом можно судить по принятой в Крыму общесманской терминологии, в которой сохранились и иранские термины, такие как *дувар* (стена), *тахта* (доска), *дам* (потолок); и греческие – *кирамет* (черепичный покров), *къамере* (пристройка-ниша), *тереме* (выступающая часть верхнего этажа); и римские – *фурун* (куполообразная хлебная печь с отверстием на боку), а также другие. В происхождении некоторых частей жилища южнобережных татар и их словесном обозначении, таких, как *келер* (чулан, загороженный на веранде), *соба* (крытая комнатная печь), сказывалось готское влияние. Римским наследием явилась куполообразная хлебная печь, привнесенная в культуру Крыма греками и устраиваемая снаружи дома.

Традиционное жилище степной полосы (район Карасу-базара) в конструкции крыши имело элементы древнейшего равнинного жилища причерноморских степей. Плетневое жилище южнобережных татар в своих архаичных образцах выявляло первоначальные связи с Кавказом и Малой Азией. Тип татарского жилища в Бахчисарайском районе, со срубленными из дерева, скрепленными деревянными шипами стенами и двускатной крышей, сложился в результате готского влияния. На распространение у татар двухкамерного дома с очагом в передней повлиял альпийский тип строений.

Византийское наследие проявилось в выступании второго этажа над нижним и в свисающих балконах, черепичной кровле двускатных крыш [Куфтин, 1925, с.45], преобладающих в частных жилых комплексах типа «дом-двор». Такой жилой комплекс представлял собой окруженный высокой оградой двор, мощный каменными плитами, переходящими в пол кухни первого этажа, часто не отделенной от двора даже порогом. Кухня и двор составляли одно целое, так как в пределах двора находились летняя печь и колодец. Нижний этаж устраивался каменным, второй мог быть деревянным или саманным. Его окна и двери выходили на длинную широкую крытую галерею с наружной лестницей. Почти плоская четырехскатная крыша с высокой трубой покрывалась черепицей византийского образца,

называемой в Крыму «татаркой» [Возгрин, 1996, с.34].

Несмотря на разнообразие типов жилища крымских татар, состав помещений и их назначение во всех домах были однородными. Жилое пространство, как в одноэтажных, так и двухэтажных домах, состояло из двух-трех комнат. Основными были сени и кухня. Третье помещение служило гостиной, и, как правило, не отапливалось. Из размещенных в центре сеней одна или две двери вели в кухню и гостиную. В сенях размещался ручной станок для ткачества. Основным жилым помещением являлась кухня, в которой устраивался очаг, похожий на широкий камин с трубой и раструбом на высоте около метра от пола. Внутри очага на цепи висел котел. С боков у очага располагались железные треножки и кувшины либо огромный медный кувшин для согревания воды. У противоположной стены в старинных постройках находился каменный топчан, где устанавливалась домашняя утварь; около топчана помещалась большая овальная корзина для зерна. В более поздних постройках каменный топчана был заменен деревянной лавкой. С середины XVIII в. гончарная и медная посуда выставлялась на открытых деревянных полочках, устраиваемых по всему периметру комнаты под потолком.

Сложившийся характер быта выработал у народа устойчивые типы предметов, применение которых почти в каждом жилище было обязательно. Система планировки помещений в крымскотатарском доме, распределение и размещение в них предметов, утвари опирались в своей основе на традиции и представления мусульманской части населения, сформировавшиеся под влиянием кочевых тюрков. Все предметы были на виду и располагались в основном по периметру, оставляя середину помещения свободной. Днем здесь можно было, установив маленький столик, обедать всей семьей, а ночью, расстелив постели, спать.

Для интерьера крымскотатарского жилища характерно наличие внутри стен специальной ниши «къамере», в которой стоял сундук со сложенными стопкой одеялами и подушками. Вдоль остальных стен на низеньких глиняных возвышениях «сет» на полу расстилались матрасы и подушки для

сидения. В одном из углов комнаты огораживался маленький чуланчик для омовения.

Гостиная не имела очага. Полы застилались цветными и черными войлоками или коврами из овечьей шерсти. На перекладинах или балках, которые оставались открытыми ввиду отсутствия подшивного потолка, развешивалась праздничная одежда и расшитые полотенца. Жилые помещения украшались вышитыми изделиями.

В городских домах Бахчисарая стены комнаты внутри гладко обмазывались глиной и белились. К стене с входной дверью пристраивался очаг, имеющий форму каминна. Огонь разводился прямо на полу. Очаг заботливо украшался, часто расписывался краской, напоминая каминны в старых турецких домах Стамбула. По обе стороны очага помещались деревянные шкафчики для хранения посуды и для омовения.

У противоположной очагу стены возвышался деревянный невысокий помост длиной во всю стену и шириной около метра для складывания одеял и подушек на день. В каменных стенах устраивались ниши, служившие шкафчиками. Вдоль периметра стен устраивалось глиняное возвышение, на котором раскладывались матрацы для сиденья. Середина комнаты застилалась войлоком, а поверх них – коврами или килимами.

На стенах развешивались расшитые полотенца, каллиграфические надписи с изречениями из Корана или именами Магомета и халифов – Фатимы, Али, Асана и Гуссейна. Вдоль стен, выше окон, прибавались деревянные полки «раф», на которых размещалась разнообразная медная посуда. В состав мебели комнаты входили скамейки, зеркала, низенький четырехугольный (либо шести-, восьмигранный) столик, носящий арабское название «софра» (или турецкое – «курсю»), на который во время еды ставился поднос с яствами и, который в другое время стоял где-нибудь у стены.

Окна были небольшие, квадратные, защищенные железными или деревянными, вертикально установленными прутьями. Снаружи окна закрывались двухстворчатыми ставнями и, как правило, выходили во двор. Кроме того, проделывалось небольшое квадратное окно в задней стене, из которого можно было наблюдать все, что происходило на улице.

Османское же влияние в области крымского жилища захватило не только татарское, но и почти все остальное население полуострова. Оно сказалось в полной замене центрального очага камином у стены, в смене высокой мебели низкой, появлении богато орнаментированных ковров, ширм, сундуков, диванов, фонтанов внутри помещений. А в более богатых жилых домах над окнами, близ потолка, устраивались исключительно для украшения фигурные окошечки из цветного стекла, вставленного в узорно вылепленные из гипса рамы, подобные широко распространенным на Востоке: в Персии и Средней Азии. Такой тип окон сохранился в отдельных покоях бахчисарайского дворца и в некоторых мечетях. Вместе с дверками под полукруглыми арками и подобной отделкой каминна такие окна свидетельствуют о городских стилевых наслоениях, в которых особенно отчетливо ощущается влияние османского художественного стиля.

Все это говорит о значительном влиянии Стамбула на рост крымскотатарской городской культуры, влиянии, которое в большей или меньшей мере просачивалось в самые отдаленные уголки Крыма, определяя в целом внешний облик материальной культуры крымских татар.

Крым, находясь на стыке западного и восточного мира, ощущал также непосредственное влияние европейской культуры.

Итальянские мастера, представители искусства Возрождения, работали при дворе крымских ханов. У Менгли-Гирея во времена его владычества больше года работал Фрязин Алевиз Новый. Надо полагать, за год работы в Ашлама-Сарае Фрязин успел создать немало интересного, но сохранилась лишь Железная дверь (Демир-Капу), построенная в 1503 г., позже перенесенная в Бахчисарайский дворец и ныне именуемая там Порталом Алевиза [Эрнст, 1928, с.15–16]. Работая в традициях раннего ренессанса ломбардо-венецианской школы, мастер понимал, что его творение должно принадлежать мусульманскому Востоку, в связи с чем, использовал в украшении портала вырезанные в камне и позолоченные надписи с живописно-пластической и чисто литературной стилистикой, целиком выдержанные в духе именно мусульманского Ренессанса.

Силами итальянских зодчих в начале XVI в. строилась Перекопская крепость. По сохранившемуся рисунку 1637 г. можно судить, что там было возведено палаццо с порталами [Червоная, 1995, с.130], весьма близкими по характеру «Железной двери». Мастера итальянского Возрождения пришли ко двору крымских ханов. Это было не случайное стечение обстоятельств, а закономерное развитие и сближение восточной и европейских культур, для которых Крым был местом встречи – контактной зоной.

Продолжалось влияние Византии и на крымское мусульманское зодчество. Примеров много – от соборов Кафы до мечетей и дюрбе Бахчисарая. Так, например, Малая мечеть Бахчисарайского дворца XVI в. построена в византийских традициях. Прямоугольного плана здание с куполом на восьмигранном барабане ориентировано для мечети необычно: продольной осью в направлении восток – запад. Однако михраб устроен, как требует ислам: в южной продольной стене, а вход – в северной. К византийским традициям восходят и обнаруженные при реставрации на древней штукатурке граффити – процарапанные изображения всадников, лошадей и лодок с парусами. Полосатая роспись стен также, по-видимому, отчасти имитировала византийскую кладку из рядов камня и полос плинфы на цемяночном растворе.

Вместе с тем крымская феодальная знать и ханы в течение XVII и особенно XVIII в. все больше и больше вовлекались в сферу экономических интересов западноевропейских государств, преимущественно Франции. Чем дальше, тем сильнее это сказывалось и на придворном быте крымских ханов: из Италии и Франции они выписывали зеркала, дорогие узорчатые ткани и всячески насаждали у себя западноевропейское декоративное искусство. В этот позднейший период (XVIII в.) двойственный и эклектичный характер крымскотатарского искусства, слагавшегося из турецких и западноевропейских элементов, был лишь внешним отражением политической неустойчивости и несамостоятельности самих крымских ханов.

Скрещение разнообразных влияний не означало полной зависимости крымскотатарской национальной культуры от них.

Один из первых исследователей крымскотатарского искусства М.Я.Гинзбург, отмечая в нем «смесь самых разнообразных влияний и наслоений», писал: «Стамбул, данником которого стало татарское ханство со времени пленения Менгли-Гирей хана, был главным источником этих разнообразных влияний. Однако столь совершенные образцы татарского творчества, как ханская мечеть в Евпатории или надгробные сооружения Бахчисарая, объяснить одним влиянием Стамбула – значит не только недооценить их, но и в корне миновать их сущность. Связанный своими портами со всеми очагами мировой культуры, имея наследие художественных отложений целого ряда народностей и творческих эпох, – татарский художник мог выбирать все, что угодно из художественного багажа прошлого и, понятно, меньше всего он принимал готовую формулу из Стамбула. Конечно, из Стамбула и через него пришло многое, но, прежде всего потому, что это было необходимо татарскому художнику, отвечало его художественным запросам и легко претворялось в новые и ценные произведения искусства» [Гинзбург, 1992, с.210].

Не все традиционные ценности, копившиеся веками, уцелели в условиях урбанизации при Османской империи. Менялся строй художественных образов, эстетика форм раннего средневековья. С увеличением потока заказов на предметы быта, ювелирные изделия, одежду и другие виды потребительских товаров стал неизбежен эклектизм. Однако «это был не бесплодный эклектизм варваров, копивших без разбору любые сокровища. Для этого слишком мощным был в Крыму пласт собственной культуры, восходивший не прерванным в средние века стволom из великого прошлого. Поэтому собственные, традиционные эстетические принципы выразились уже в свободном выборе нового стиля, внутрижанровой тематики, наконец, в образном строе» [Возгрин, 1996, с.33].

Основное содержание декоративного искусства данного времени определяется по важным памятникам крымскотатарского художественного ремесла: вышитым и тканым изделиям, надгробиям, отдельным сохранившимся произведениям художественного металла.

Пожалуй, наиболее значимое место в бытовом ансамбле крымскотатарского жилища занимали вышитые изделия. Их старинные образцы отличаются богатством орнамента, безупречной техникой исполнения и свидетельствуют о мастерстве и исключительном художественном вкусе татарских мастериц.

Крымские татары вышивкой преимущественно украшали предметы бытового назначения. Большая часть этих вещей связана со своеобразным оформлением интерьера жилища. Характерный минимум мебели компенсировался большой долей в жилых помещениях тканевых изделий. Значительную роль в красочном оформлении дома играла вышивка, размещение которой имело свои традиции. Полочки для посуды, средняя часть стен и простенки между окнами украшались полотенцами. Накладки на детские колыбельки, сложенные горкой постели, подушки для обводных диванов, а также различные скатерки и полотенца на посуду украшались художественной вышивкой. Наиболее ценные из них годами хранились на дне сундуков, извлекаясь по случаю больших праздников. Особенно красочным становился дом во время свадебных торжеств, т.к. все в нем завешивалось вышитыми и ткаными изделиями, выполненными новобрачной. Вышитые изделия в качестве подарков раздавались на свадьбах, на похоронах – в качестве благодарности и платы тем, кто опускал покойника в могилу.

В костюмном комплексе крымских татар вышивка была привилегией женской одежды. Она исполнялась на платье, курточках, фартуках, нарукавниках, украшала различные типы головных уборов, обувь. В мужской одежде вышивка применялась реже. Расшивались узорами лишь фески, свадебные пояса, подвязки для носков, изредка свадебные рубахи.

Широко использовалась как двусторонняя вышивка (глухая гладь, счетная вышивка и шитье битью), при которой равнозначно декорировались лицевая и изнаночная стороны изделия, так и односторонняя (высокое шитье золотом, шнурками, тамбур, аппликация, шитье блестками, бисером, жемчугом и драгоценными камнями), украшавшая лишь внешнюю сторону расшиваемой поверхности.

У крымских татар тамбурная вышивка, которая была широко распространена по всему Дальнему, Среднему и Ближнему Востоку, в первую очередь – среди турецко-монгольских народностей, сохранялась только в подчиненном виде, уступая двусторонней глади.

Высокого совершенства крымские татарки достигли в вышивке двусторонней глади – «татр ишлеме», выполнявшейся шелковыми кручеными, хлопчатобумажными, а также золотыми и серебряными нитями на тонкой ткани без предварительного настила и включавшей до 60-ти различных типов швов. Мотивы формировались параллельными стежками различного направления: горизонтальными, вертикальными, наклонными (направо и налево). Ломаные зигзаги из параллельных линий, пересекаясь в различных направлениях, создавали сетчатые узоры различных форм (квадратные, ромбические и шестигранные). Практически каждый элемент орнамента, имел, как правило, отличную от других, структуру шва. Все комбинации стежков усложнялись внутренним разнообразием, образуя сложный ритм и наибольший эффект даже в однотонной вышивке. Полная двусторонность рисунка была обязательной. Эффект также подчеркивался контрастом фактуры основы (матовой бумажной или льняной ткани) с блестящими шелковыми и металлическими нитями. Такими сложными качествами обладали именно крымскотатарские вышивки. В турецких вышивках швы по типу «татар ишлеме» не встречаются.

Золотым шитьем во времена Крымского ханства расшивались чепраки для лошадей, походные палатки ханов, одежды хана и придворной знати, настенные коврики с изречением из Корана, большие пристенные подушки обводных диванов для ханского дворца. Исполнение таких громоздких предметов, требовавших силы и выносливости, возлагалось на мужчин-вышивальщиков, объединенных в специальные цеха.

Вышивки периода Крымского ханства отличаются высоким качеством домотканых легких тканей и материала, которым она выполнялась. Материя бралась тонкая и ровная, шелковые нитки плотные и крученые, не линяющие при стирке, золотые и

серебряные нити на шелковой основе, пластинки золота и серебра были выполнены основательно и не теряли блеска со временем. Техника и исполнение не позволяли отличить изнанку от лица.

Самыми распространенными после вышивки у крымских татар были художественная обработка металла и ювелирное дело. Уже в XV в. в Крыму в производстве оружия и бытовых изделий из меди и серебра применяли почти все способы художественной обработки металла: чеканку, гравировку, ажурную резьбу и пр.

Изделия из металла у крымских татар изготавливались как в ремесленных мастерских, так и кустарями-одиночками. В татарском войске в XV в. имелись кузнецы, оружейники [Барбаро и Контарини, 1971, с.57], изготавливавшие луки, сабли, очень ценившиеся кольчуги из колечек [Де Люк Жан, 1879, с.489].

За пределами Крыма среди художественных изделий из металла в XVI–XVII вв. особенно высоко ценилось оружие крымскотатарского производства. Различные виды холодного огнестрельного оружия (сабли, кинжалы, ружья, ножи, топоры и т.п.), изготавливаемые в крупнейших центрах этого вида ремесла Карасу-базаре и Бахчисарае, были одной из важных статей экспорта. Здесь работали мастера, изготавливавшие «богатые сабли с прекрасными клинками» [Паллас, 1999, с.178]; ружья, инкрустированные костью; ножи «из весьма прочной стали» [Муравьев-Апостол, 1823]; великолепную медную посуду – в ремесленных цехах оружейников, слесарей, медников и лудильщиков [Никольский, 1927, с.39].

Особой славой пользовались бахчисарайские ножевщики, производившие в XVIII в. ежегодно до 400 тыс. ножей, которые вывозились в Черкессию, Россию, Польшу, Молдавию, Валахию Турцию. В большом количестве изготавливались также ружья, высоко ценившиеся далеко за пределами Крыма.

Из металла – медно-чеканной и литой, выполнялась и бытовая утварь, характеризующаяся большим разнообразием форм и наименований. Украшали посуду двумя основными способами: орнаментацией растительным, геометрическим и эпиграфическим орнаментами в различных техниках

(гравировка, тиснение, чернь и т. п.) и способом насечки в сочетании с ажурной резьбой «чильтер». Более знатные особы татарского общества предпочитали изделия из серебра, привозимые из Турции, Ирана или изготавливаемые местными мастерами. Сквозная резьба, особенно нарядно просматривавшаяся на просвет, широко использовалась в декоре осветительных приборов (светильниках, подсвечниках, курильницах). Богато оформленная утварь служила украшением интерьера, являлась показателем состоятельности ее владельца.

Формирование ювелирного искусства Крымского ханства осуществлялось на основе активного развития, творческого усвоения и переработки лучших достижений мастеров-ювелиров других народов, обогащавших в целом ювелирное искусство крымских татар и, отвечавшим художественным и бытовым запросам времени. Это искусство было связано с созданием многообразного комплекса традиционных украшений, который находит выражение не только в преемственности разнообразных художественных и технических навыков, но и в устойчивом сохранении наиболее характерных форм, мотивов, узоров.

Во времена Крымского ханства возникли и существовали цеха ювелиров-филигранщиков, чеканщиков и литейщиков. Цеха обслуживали бытовые потребности татар на внутреннем крымском рынке, и только четвертая часть продукции вывозилась за пределы Крыма [Боданинский, 1930]. Однако наряду с цехами было много ювелиров кустарей-одиночек, также выполнявших свои изделия для потребностей внутреннего рынка. Мастерские ювелиров были распространены в Бахчисарае, Карасу-базаре и располагались на центральных улицах городов.

Ювелирные изделия были непременной составной частью народной женской и мужской одежды и свидетельствовали о социальной принадлежности их собственников. Богатые украшения из драгоценных металлов, самоцветов, жемчуга указывали на то, что они предназначались для состоятельных людей общества. Однако даже бедные слои населения, выдавая замуж дочь, обязательно дарили ей серебряный пояс и другие украшения.

Соприкосновение крымскотатарских ювелиров с разнообразными привозными украшениями из Турции, с Кавказа и других мест приводило к частичному подражанию. Отдельные формы, мотивы, узоры, импонировавшие татарским мастерам, трансформировались в их творчестве согласно их представлениям и местным художественным традициям. С середины XV и до конца XVIII в. в ювелирном производстве чувствуется сильное влияние турко-османов. Но одновременно с этим в поделках полностью сохраняются черты глубиной национальностью самобытности, своеобразия, сложившиеся в народном искусстве в течение многих столетий.

Крымскотатарские ювелиры обладали многими способами изготовления и ornamentации всевозможных украшений: художественным литьем, чеканкой, штамповкой, тиснением, гравировкой, зернением, филигранью (фоновой, накладной, ажурной), плоской сканью, чернением, эмалью, инкрустацией (самоцветами, золотом, серебром, перламутром). Все эти виды техники, используемые с древнейших времен, разнообразили и обогащали их художественное творчество.

Высокого совершенства достигли крымскотатарские мастера в изготовлении ювелирных изделий в технике филигрании. Самые ранние изделия в технике фоновой филигрании известны по найденным на территории Крыма изделиям Золотоордынского периода. Эту технику в сочетании с эмалью применяли в XV–первой половине XVII вв. Со второй половины XVII в. появляется ажурная филигрань.

Из письменных источников [Биярсланов, 1890а], относящихся к XV–XVI вв., известно, что глубоко традиционными считались серьги в виде луны, а также в виде монет или плоские и сканые с подвесками, украшенные драгоценными камнями. Подобные серьги бытовали и у казанских татар в период Казанского ханства.

Ювелирные изделия изготавливались не только для людей. Гарнитуры, состоящие из накладок и подвесок, украшали конское снаряжение еще со времен Золотой Орды. Как правило, они выполнялись из позолоченного серебра с тисненым, гравирован-

ым орнаментом. Реликты тотемистических культов тюркских племен, населявших когда-то полуостров, нашли отражение в их орнаменте.

Эпиграфические надписи присутствовали практически на всех видах ювелирных изделий как на металле, так и на камне, впечатляя совершенством арабского шрифта. Содержание надписей широко варьировалось от инициалов имени мастера, места изготовления (что является очень ценным источником) до всяческих пожеланий здоровья, благосостояния, стихов и традиционных формул Корана. В общую композицию узора включались медальоны разнообразных очертаний и геральдические знаки.

Пожалуй самой интересной, уникальной в своем разнообразии является каменная пластика Крыма XV–XVIII вв. (надгробия, фонтаны, архитектурные сооружения), по которой возможно проследить наиболее полную картину развития крымскотатарской орнаментики вышеозначенного периода.

К началу XV в. самым распространенным типом надгробий являлись тумбы и плоские камни с килевидным и стрельчатым верхом, именуемые «текиль-таш» или «мезарташ». Они устанавливались у изголовья погребения и имели круглую или граненую (шести-, восьмигранную) форму. Наверху, как правило, завершались полусферами гладкими или ребристыми [Акчокраклы, 1927]. Вертикальные надгробия (всегда мужские) укреплялись обычно прямо в земле между крупными камнями, но часто устанавливались в специальные плиты с выдолбленными отверстиями. Женские памятники в виде круглой или граненой орнаментированной тумбы укладывались горизонтально на плиту или цоколь с перевернутым П-образным профилем.

Тумбы, в виде длинного узкого ящика с двускатной высокой стрельчатой вершиной, покрытой рельефной надписью, к началу XV в. перерождаются в новый вид памятника – саркофаг. Он напоминал невысокий монолитный прямоугольный склеп с верхом наподобие двускатной или полукруглой крыши, заключенный с двух сторон выступами в виде утолщенных плоских плит с надписью или небольших столбиков, напоминающих архитектурную форму мавзолея дюрбе.

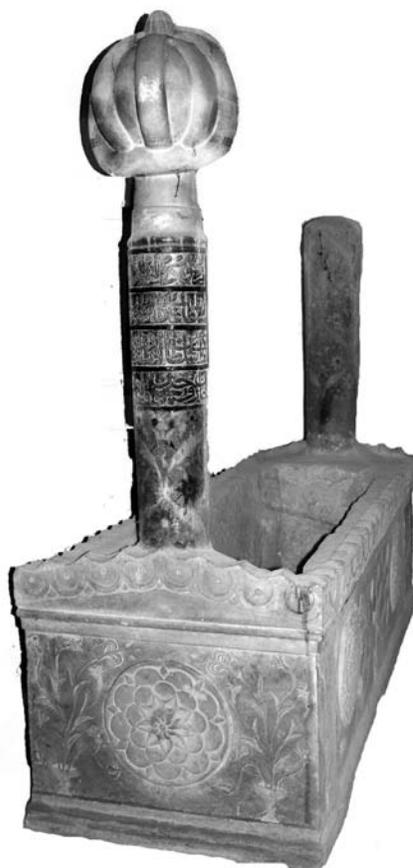
В XVI в. саркофаги значительно увеличиваются в размерах, как по высоте, так и по ширине, по форме напоминая временные деревянные надгробия типа «сандык», распространенных в мавзолеях Турции в XVI–XVII вв. [Акчурина-Муфтиева, 2008].

Каменные надгробия XVII – первой половины XVIII в., сохраняя форму и размеры, выполняются полами из цельнорубленного известняка (реже мрамора) или четырех плит с двумя вставленными внутрь стелами, для которых иногда устроены специальные гнезда. С середины XVIII вв. прямоугольные торцевые плиты саркофагов, увеличиваясь в высоту, трансформируются в стелу (столб) на мужских и плиту криволинейной конфигурации – на женских памятниках. Столб, завершающийся головным убором в виде чалмы или женской шапочки напоминает очертания «человеческой фигуры». Особенно широкое разнообразие в венчающих надгробные памятники фесках и чалмах наблюдается в XVIII в. Несмотря на то, что изменения в форме, орнаментике происходили достаточно медленно, все типы надгробий на протяжении длительного времени сосуществовали друг с другом.

В декоре происходит переход от геометрических розеток (XV–XVI вв.) к «цветочному стилю» (XVII–XVIII вв.). Практически все надгробия включают эпитафии, которые становятся выразительнее, содержат цитаты из Корана, информацию о погребенных, часто поражают своей поэтичностью, красноречием. Арабское письмо – священный символ ислама, становится важным художественным средством. Значение слова раскрывается в единстве архитектурной формы и резного декора. Мастера-резчики, вероятно, сами были авторами врезанных в камень текстов. И смысл этого текста, и форма его начертания играли первостепенную роль в общей образной выразительности памятника.

Надгробие Мухаммеда Кырыми.
1409 г.

Надгробие Девлет-Гирей-султана. 1631 г.

Надгробия XVII в. часто раскрашивались: выделялись розетки, отдельные цветочные мотивы, предметы, орнаменты на торцах и кромках, разделяющие надписи полосы, мелкий растительный узор на стелах, фон надписей. Использовались в основном малиновый и золотой, меньше – синий и зеленый цвета. Применение дополнительного цвета в крымскотатарских надгробиях сближают это искусство с кругом северокавказских (сохранившихся, в основном, от позднего времени) мусульманских памятников, в которых встречается очень яркая раскраска предметных изображений: оружия на мужских надгробиях и украшений, орудий домашнего труда – на женских [Червоная, 1997а, с.18]. Схожие примеры раскраски мраморных надгробий можно обнаружить и в османских памятниках, в частности в мечети Сулеймана-паши (1528) [Badr, 1996, рис.34].

Общая тенденция развития надгробных, да и других монументальных сооружений в XVIII в. идет по линии нарастания барочной пышности. В конце XVII и особенно в XVIII в. крымские ханы поддерживали экономические связи с западноевропейскими странами, и в особенности с Францией, всячески насаждая у себя западноевропейское декоративно-прикладное искусство. Сочетание турецких и западноевропейских элементов приводит к тому, что формы памятников становятся более сложными, затейливо-вычурными, перегруженными орнаментально-каллиграфическим декором.

В XVIII в. увеличивается количество памятников из мрамора. Они украшаются пышной резьбой цветочного орнамента. Встречаются изображения куста, букета или трансформированное изображение древа жизни в виде пальмы в вазе, розетки из цветов с изящно изогнутыми лепестками, кипарисы, орнаментальное плетение. Среди предметных изображений между цветочными розетками встречаются изображения оружия, ветвей пальмы.

Меняется и композиционное расположение орнамента. Вновь основным мотивом на боковой поверхности саркофагов становятся цветочные или геометрические розетки, между которыми располагаются пышные вазоны с цветами, заключенные, как правило,

в вытянутые вертикально медальоны. Эти же медальоны с розеткой посередине расположены на торцах саркофага. Аналогичные изображения вазонов встречаются в Турции на стенках водных источников и боковых поверхностях каменных минбаров в мечетях [Bariřta, 1993, рис.141; Bariřta 1998, рис.226, 227]. Сложным плетением орнаментируются плоскости плит по верхнему периметру памятника [Акчурина-Муфтиева, 2008].

Создавая каменные надгробия, крымскотатарские мастера оттачивались от слов Пророка: «Смерть есть чаша, которую должен каждый испить» (надпись на могиле Хасине-Хатун, 1397 г., а также на надгробии Селим II Гирей-хана, 1748 г.). Поэтому часто в верхней части надгробия высекали своеобразную чашу, которая наполнялась дождевой водой. Сочетание высаженной над могилой зелени с водой придавало сходство с декоративным оформлением каменных фонтанов, создание которых было широко распространено в Крыму.

В зависимости от места расположения устраивались фонтаны пристенные или отдельно стоящие. К традиционным и наиболее распространенным водным источникам относятся природные родники «чешме». Они зачастую являлись центром общественной жизни крымских деревень и устраивались не только внутри полуострова, но даже на Южном берегу – вдоль дороги с промежутком в несколько верст. Такие источники оформлялись предельно просто. Как правило, они состояли из вертикальной стелы высотой в 1,5–2 м со стрельчатой арочной нишей и щипцовым завершением. Перед нею устраивался небольшой водоем для накопления воды. Часто в верхней части над нишей укреплялась каменная плита, на которой арабской вязью высекалось имя создателя этого источника. Передняя стенка каменного водоема иногда украшалась резьбой в виде розеток с геометрическим или растительным орнаментом, аналогичным орнаменту надгробий соответствующих эпох. Два питьевых фонтана с килевидными арками-нишами, украшенные каменной резьбой в XVII–XVIII вв., были установлены в посольском двореке Бахчисарайского дворца. В центре ниши одного из них высечено дерево в виде пальмы. Из его основа-

ния истекает вода. Земля – передняя стенка каменного водоема, ожила и расцвела цветами и растительностью. Фонтан как бы иллюстрирует слова из Корана о том, что Аллах низвел людям воду, оживил землю, взрастил финики (пальму) [Священный Коран, 2004, с.3].

Дворцовые фонтаны Бахчисарая близки устраиваемым турецкой знатью (фонтан XVIII в. Ускундера III на площади Ахмета в Стамбуле) [Bariřta, 1993, ил.14, 73]. Однако их более сдержанный декор и меньший масштаб выражает смысл источника как символа, дающего жизнь всему живому, а не помпезного сооружения, восхваляющего своего создателя.

Другой распространенный тип фонтана возник в Крыму вместе с первыми постройками мусульманских культовых сооружений. Это фонтаны, предназначенные для ритуальных омовений «абдест», устраиваемые возле мечетей или святых мест. В основном они строились отдельно и имели круглую, часто восьми- или шестигранную форму водоема. Примером может служить такой фонтан, располагавшийся слева от мечети Хан-Джами в Бахчисарае. Небольшой (около 3 м в диаметре) бассейн, перекрытый куполом, размещался в квадратном, мощенном плитами дворике. Низ его был облицован резными плитами из белого мрамора с продетыми в них металлическими трубками, изливавшими чистую воду в мраморный круговой лоток.

Широкое применение внутри помещений и дворов во дворцах и домах богатых слоев населения приобрели фонтанные дворы или павильоны. Уютные источники – писал М.Гинзбург, – создают «вокруг живительных капель особую тенистую атмосферу, защищающую этот маленький оазис от яркого солнца, от шумных криков. Заходя прямо из сутолоки городских улиц в фонтанный дворик..., вы сначала ничего не можете разглядеть в этом прохладном полумраке. Вы ни в коем случае не получите сразу цельного общего впечатления. Постепенно, мгновенье за мгновеньем, вы начинаете разглядывать одну деталь за другой. Здесь все построено так, чтобы действовать на наши чувственные восприятия не столько внешними образами, сколько музыкально-

стью движения капель, очарованием самой прохлады, живописностью неясного мрака» [Гинзбург, 1992, с.216].

Все фонтаны выполнялись в основном из мрамора с использованием камнерезного орнамента, включающего бордюры с растительными мотивами. В начале XVIII в. основная центральная часть фонтанов выполнялась в виде кипариса, цветущего куста и т.п.

К XVIII столетию в крымскотатарском искусстве появляется новый тип фонтанов – «сабиль». В архитектуре арабских стран «сабиль» – это общественный источник, фонтан питьевой воды в виде отдельно стоящего или пристенного сооружения с одной или несколькими арочными нишами и чашами, из которых медленно стекает вода в раковину-бассейн.

В переводе с арабского это название означает колодец (источник), предназначенный для общего пользования. Происходит от глагола, означающего «жертвовать в благотворительных целях». Как правило, такие фонтаны, известные в мусульманском мире с XIV в., украшались орнаментальной резьбой по камню, облицовкой мрамором или керамической мозаикой, каллиграфическими надписями с призывом вознести молитву за устроителя с цитатами из Корана, изречениями или поэтическими двустушиями [Малиновская, 1993, с.175–176].

Типичным примером каскадных фонтанов типа «сабиль» может служить фонтан в Бассейном дворике Бахчисарайского дворца, состоящий из вмонтированной в южную стену резной мраморной плиты с 12 лотками. Фонтан состоит из вертикальной и горизонтальной плоскостей. Движение воды по ним символизирует рождение, бурную, но короткую жизнь, состоящую из раздвоений и обобщений, в контрасте с вечным покоем зеркальной глади бассейна, в которую по горизонтали ведет длинный канал, орнаментированный кипарисами – символами загробной жизни. Присутствует и улитка – знак вечности и сомнений. Возникает ассоциация с живой и мертвой водой. В конечном итоге из всего этого моделируется мир. Главным модулем всего произведения является струя воды, соразмерная человеку. К фонтану типа «сабиль» относится и знаменитый «Фонтан

Слез» в Бахчисарайском дворце. Крым – полуостров, волею создателя оказавшийся в морском пространстве со скудным запасом живой воды. Поэтому колодцам и фонтанам придавался образ одухотворенных светил.

Эпиграфика фонтанов несет в себе информацию двух уровней: фонтана как источника жизни и очищения, сакральный характер которого уходит вглубь архаики, к нижним пластам культурной традиции ислама, и фонтана-книги, понимаемого посвященными. Чисто внешний, целостный образ его воспринимается как страница Корана с «унваном», венчаемая «алемом». Кораническое письмо на фонтанах не только подчеркивает этот целостный образ книги, но и само несет его аналогично тому, как несли такие же надписи на зданиях, оружии, предметах быта. Надписи на фонтанах заканчиваются словом «сальсабиль», которое имеет несколько значений. В мусульманской мифологии оно означает название главного источника в раю (Коран, 76:18). В архитектуре Египта, Сирии, Палестины, Андалусии с XIII–XIV вв. – это система охлаждения интерьеров водой, основанная на принципе медленного стекания тонкого слоя воды по мраморной плите, вставленной в стену с наклоном 15–30°. Вода стекает в декоративные канавки, испаряясь в которых, охлаждает помещение. В переносном смысле «сальсабиль» означает райский напиток, нектар.

Сочетая в себе сакральную основу философии Корана, поэтическую эпитафию, исполненный из мрамора и испещренный резным декором орнамент, крымские фонтаны типа «сабиль» выполняют роль мемориала, напоминающего о быстротечных радостях жизни, о неизбежной разлуке, о райском блаженстве загробного существования душ праведников. В этом они сходны и духовно родственны с надгробными памятниками.

Каменная резьба, кроме камней-надгробий и фонтанов, украшала также, правда весьма ограниченно, отдельные объекты монументальной архитектуры XVII в. Имеются в виду эпиграфические надписи и орнаментация входных порталов мечетей и михрабных ниш, устройство сталактитов. В качестве украшений входных порталов и михрабов использовались резные круглые розетки с геометрическим и стилизованным

растительным орнаментом, часто встречающиеся на надгробиях. Розетки, обычно в количестве трех, располагались по бокам и в центре над килевидной аркой портала. При чем все они отличались рисунком. Круглые розетки были двух типов: накладные – выступающие от основного объема стены, и находящиеся в плоскости стены, узор которых создавался за счет вынимаемого объема фона. Встречаются орнаментальные мотивы в виде пяти- и шестиконечных звезд, луны, вазонов, концентрических кругов и др.

Тексты, выполненные на надгробных памятниках, фонтанах и культовых сооружениях становятся более сложными по сравнению с эпитафиями золотоордынского периода. Творчество «хаттатов» – мастеров, одновременно являвшихся и резчиками камня, и «писцами», отражено в декоре виртуозным исполнением каллиграфических надписей, выполненных золотоордынским и классическим «сулюсом».

У искусства возведения надгробий и фонтанов в Крыму была общая сакральная основа, опирающаяся на фундаментальные пласты философии ислама, общая концепция синтеза произведения искусства с окружающей природой. Прежде всего, это проявляется в религиозном восприятии священной могилы предков и водного источника жизни. Особенно ярко это выражено в художественной и эмоциональной форме фонтана слез, являющегося синкретическим соединением надгробия и фонтана.

Таким образом, крымскотатарский художник сочетал в одном лице архитектора, мастера ландшафтного дизайна, декоратора, живописца, поэта и выступал как автор архитектурно-пластических надгробий и сооружений над водными источниками, применяя в том и другом случае схожую систему обработки мрамора, резного декора, поэтических эпитафий, исполненных религиозной и мистической лирики. В известной мере это характерно для всех исторических периодов развития культуры Крымского ханства до конца XVIII в. включительно.

В сравнении с ближневосточным и среднеазиатским декором орнаментальные композиции в камнерезном искусстве характеризовались меньшей плотностью по построению и большей свободой интерпре-

тации, были контрастнее по формам и менее стилизованы, скованы изобразительными канонами и архаизирующими тенденциями. В них почти отсутствуют абстрактные геометрические элементы, но часто встречаются мотивы, приближенные к естественным формам растительности, цветов.

Подобная орнаментальная система была характерна и для таких видов декоративно-прикладного искусства, как художественный металл и вышивка. Художественный стиль произведений XVII – первой половины XVIII в. тяготел к пышности, цветовой и орнаментальной насыщенности. В его основе лежали эстетические критерии мусульманского искусства, для которого было свойственно развитие художественного языка от принципов изобразительности, присущих крымскому искусству домонгольского и раннего золотоордынского периодов, к орнаментальным принципам декоративности

в искусстве более поздних эпох. Мотивы языческой культуры и зооморфная тематика (ювелирные украшения, вышивка) с XIV – начала XV в. постепенно исчезают, уступая место цветочно-растительному и геометрическому орнаменту.

Значимость этого этапа для истории татарского искусства заключается в том, что он был завершающим в развитии крымско-татарской феодальной культуры – культуры господствующих классов, оставившей нам наиболее выдающиеся произведения художественного ремесла. Достижения культуры Крымского ханства сложились на основе наследия местных культур и новых форм в искусстве и архитектуре золотоордынского периода. В то же время происходит значительный по сравнению с предшествующим периодом скачок, связанный с расцветом светской культуры, развитием нового стиля в искусстве.

ГЛАВА 7

Военное дело и военная культура

§ 1. Татарское военное искусство

Искандер Измайлов

Общие тенденции развития военного дела татарских ханств XV–XVII вв.

Период позднего Средневековья и раннего Нового времени в Северной Евразии стал временем коренных перемен в мировой экономике, геополитике, вооружении и военном деле. В военно-политическом плане и геополитике его можно охарактеризовать окончательным распадом Улуса Джучи и возникновением на его обломках новых государств, которые вступали между собой в различные коалиции, стремясь сначала уничтожить последний имперский осколок империи Джучидов – Улуг Улус (Большую Орду), а затем вступивших между собой в борьбу за гегемонию. Хотя сражались между собой татарские ханства, но постепенно ведущие позиции среди них заняла Ногайская Орда. Именно ногаи являлись самой мощной военной силой Сибирского, Астраханского, а позднее в XVII в. и Крымского ханств, влияя на судьбу Казанского ханства и Большой Орды. Но едва Ногайская Орда достигла пика своего могущества, как природно-экологическая катастрофа и наступление джунгар поставили ее на грань гибели и распада на отдельные кланы, вошедшие в состав других татарских ханств.

Одновременно в геополитике Евразии наметились серьезные изменения, кардинально переменявшие военно-политическую обстановку. В Европе происходило становление абсолютистских государств. В Восточной Европе эта тенденция выразилась в появлении централизованных держав, связанных своим происхождением с Улусом Джучи – Россией и Литвой. На южных границах татарского мира появились новые империи – Оттоманская Турция и Сефевидский Иран, начавших оказывать военное давление. Это привело к вассалитету Крыма от турец-

ких султанов (1475) и падению Узбекского (Шейбанидского) ханства в Мавераннахре (1505). Несколько позднее на восточных границах тюрко-татарского мира началось движение джунгар, которые последовательно сокрушили ханства Кок-Орды и Ногайскую Орду, выйдя практически к границам Крыма и России. Только возникновение маньчжурской империи Цин в Китае и ее агрессия в Восточный Туркестан не дали состояться новому монгольскому нашествию на Европу. Следует особо подчеркнуть, что джунгары обладали многочисленной панцирной кавалерией и отрядами, вооруженными огнестрельным оружием – современным для того времени войском.

Другим фактором, внесшим коренные изменения в вооружение и военное дело татарских ханств, были изменения в экономическом положении региона. Великие географические открытия перенаправили торговые интересы Европы из Средиземноморья в Индийский и Атлантический океаны. Трансевразийские континентальные торговые пути пришли в запустение из-за политической нестабильности в Центральной Азии и открытия океанических путей в Индию и Китай вокруг Африки. Торговые прибыли от пролегания маршрутов Великого шелкового пути по территории Улуса Джучи перестали пополнять казну татарских ханов. Осложнилось положение и то, что торговля мехами и пушниной – традиционными поволжскими товарами, приносившая до 300% прибыли, – стала недоступна или менее доходна после завоевания Россией Северного Прикамья, Приуралья и Зауралья.

Сокращение спроса на качественное защитное вооружение привело к сворачиванию ремесленного производства и перемещение мастеров в крупные центры ору-

жейного производства – Оружейную Палату (Москва) и Топкапы (Стамбул). Специализировались на производстве вооружения для тюрко-татарских государств также черкесы и дагестанские мастерские. Причем оружие и снаряжение изготавливалось в них даже по государственному заказам. При этом в других центрах – Казани, Солхате производилось более простое и менее качественное вооружение. При этом огнестрельное оружие и порох, очевидно, в Казани изготавливались собственными ремесленниками.

Все эти военно-политические и геополитические факторы оказали серьезное влияние на военные возможности татарских ханств. Раздробление единого Улуса Джучи привело к резкому сокращению численности войск каждого из ханств. Если в 70-х гг. XV в. хан Большой Орды Ахмад на переговорах с Венецианской республикой гордо обещал в случае заключения договора поднять против Турции 200 тыс. всадников, то уже через сто лет в походе на Москву крымского хана Девлет-Гирея приняло участие не более 20 тыс. воинов. Разумеется, следует принимать во внимание относительность указаний на численность татарских войск, но эти сведения ясно показывают сокращение численности войска каждого из ханств. Нарастание численности войск могло происходить за счет призыва всех взрослых скотоводов, но только в ущерб качеству подготовки и вооруженности. Иногда крымское войско, собранное таким образом, как сообщают европейские источники XVII–XVIII вв., было практически ополчением невооруженных всадников.

Вместе с тем, соседи татарских ханств, особенно Россия, наращивали численность своих войск, часто используя служилых татар в качестве дополнительных профессиональных воинов, как это было в Московии и Литве. В Речи Посполитой служилые татары (липки) выставляли пять хоругвей хорошо вооруженной кавалерии, которая позднее стали основой для формирования полков улан.

Децентрализация империи Джучидов привела также к тому, что сократилась не просто численность войск, а высшей элиты – основы военной организации. Численность отдельных клановых ополчений, т.е.

профессиональных воинов – своеобразных татарских рыцарей, была небольшой и, очевидно, колебалась от 500 до 5 000 всадников. В зависимости от различных местных условий она могла колебаться, но, видимо, редко в татарских ханствах ополчение четырех правящих кланов превышало 20 тыс. кавалеристов.

Следует отметить, что относительно небольшая численность панцирной кавалерии в татарских ханствах не является показателем их ущербности и неразвитости. Вообще, для средневековых обществ рыцарская конница составляла от 5–10% от численности всего войска. Например, для Литовского войска численностью 18–20 тыс. воинов панцирная кавалерия могла составлять 2–2,5 тыс. всадников, но именно она играла решающую роль в победном наступлении и сокрушении русских войск большей численности, но традиционно имеющей более легкое вооружение. Поэтому само по себе небольшая численность тяжеловооруженной конницы не является признаком отсталости.

Сокращение ее количества и резкое уменьшение их доходов привели к качественным переменам в структуре военного сословия и военной организации. Поскольку именно высшая элита составляла основу панцирной кавалерии, то сокращение их числа неизбежно привело к снижению военной мощи татарских ханств. С течением времени стали действовать и другие факторы. Сокращение доходов сравнительно небольшой элиты ханств не могли обеспечивать содержание панцирной кавалерии на должном уровне постоянно. Поэтому к концу XVI в. качество и количество войска резко сократилось, а основная часть войска состояла не из тяжеловооруженных профессионалов, а из ополчений кланов с более легким снаряжением.

Огнестрельное оружие и артиллерия также требовали значительных государственных субсидий, пушечных дворов и профессиональных мастеров. На Руси это производство было организовано итальянскими и немецкими оружейниками. Неудивительно, что существование этих арсеналов могло быть только в богатых и крупных татарских городах, например, в Казани.

Вооружение и военное искусство татарских государств в середине XV – XVII вв. продолжало традиции Улуса Джучи, но уже в XVIII в. в Крымском ханстве развиваются новые тенденции в военном деле, связанные с использованием регулярных войск, вооруженных огнестрельным оружием.

Ядром войск татарских ханств в XV–XVI вв. были личные гвардии ханов. В разных ханствах в роли гвардии выступали татары из личного владения хана или представители одного из кланов. Другой основной частью войска было ополчение даруг (областей) во главе с огланами и карачи-беками. Они состояли из «татар», как военно-служилого сословия различных рангов от карачи-беков до бахадуров и казаков. Все они, как правило, имели земельные наделы (суйгургал) и были обязаны за это нести военную службу. Управители даруг командовали также отрядами поселенцев, набираемых по особой квоте с каждой военно-административной единицы податного населения, выставляя десятки, сотни и тысячи воинов, о чем свидетельствуют сохранившиеся в источниках указания на «сотни» и «тысячи».

В определенной степени можно сказать, что основная военная мощь татарских ханств была сосредоточена именно в руках клановых вождей. Особенно показательны это для Казанского, Крымского и Касимовского ханств.

Вооружение воинов было разнообразным и, судя по историческим, изобразительным и археологическим данным, различалось по сословиям. Знать и профессиональные воины имели более качественное, дорогое и специализированное оружие и снаряжение (стальные доспехи, кольчатые панцири и кольчуги, шлемы, сабли, пики, кинжалы, шестоперы, сложносоставные луки и т.д.), а простые ратники владели, как правило, универсальным оружием (топоры, копья, бердыши, луки, кожаные и стеганные хлопчатобумажные доспехи). Иногда отряды простых воинов или военных слуг вооружали ханы и знать из своих арсеналов. Отрядов единообразно снаряженных воинов в Казанском ханстве не было.

Татарские войска XV–XVI вв. имели в качестве основного рода войск: кавалерию –

панцирную и легковооруженную, а в Казанском ханстве также пехоту и флот, игравших вспомогательную роль. Панцирная конница комплектовалась из аристократии – профессиональных татарских воинов, конные лучники были из числа служилой знати или военных слуг. Судовая рать в основном состояла из пешего ополчения, но во время речных сражений и походов нередко пополнялась за счет служилой знати. Особенностью этого периода являлось постепенное сокращение числа тяжеловооруженных воинов и увеличение числа легковооруженных воинов. Определенно эти изменения были связаны с тем, что противоборствовать с войсками, вооруженными огнестрельным оружием, татарские всадники могли за счет скорости и мобильности.

Период XV–XVI вв. был временем изменений в военном деле в связи с освоением и активным применением огнестрельного оружия. Эти изменения частично затронули и татарские ханства. Постепенно шло оформление нового рода войск – артиллерии и пеших стрелков – «пищальников». В полевых сражениях они не играли ведущей роли в системе военного дела, но при осаде крепостей и обороне городов были уже незаменимы. Скорострельность пушек и пищалей была низкой, а меткость заметно уступала луку, но дальность стрельбы и мощь поражения превосходили их. Последствия применения носили чрезвычайно разрушительный характер. Именно это обстоятельство, по мере совершенствования этого оружия, кардинально изменило не только характер вооружения, но и всего военного искусства. Развитие огнестрельного оружия шло в направлении специализации и выделении городской (осадной) и полевой артиллерии. Сведения об активном применении артиллерии казанцами и крымцами сохранились как в русских, так и западноевропейских источниках.

Особо следует отметить, что весь этот период луки использовались наряду, а у ополченцев – основным видом оружия дистанционного боя. В тюрко-татарских государствах использовались луки двух типов – простые (деревянные) и качественные сложносоставные (из разных пород дерева, иногда снаряженные костяными деталями)

луки. Сложные луки в поволжскотюркской традиции именовались «адирновые» (*эдиране*). Они обладали повышенной дальностью стрельбы и мощностью.

Пищали, видимо, являлись прерогативой профессиональных воинов. Количество и способ их использования являются спорными вопросами. Есть основания полагать, что ими вооружалась не сама элита, а военные слуги – казаки. Соответственно их использование зависело от конкретных обстоятельств, но чаще применение огнестрельного оружия приходилось на начальную стадию боя, а конные пищальники использовались как своеобразные драгуны более позднего времени. После ряда залпов эти подразделения использовались как обычная конница.

Гораздо большее значение огнестрельное оружие играло при осаде и обороне городов. Недаром бургундский герцог Карл Смелый образно называл артиллерию «ключом от городов», явно имея в виду важнейшую роль этого новейшего оружия для штурма и защиты укреплений. Не удивительно, что ногаи практически никогда не умели брать крепости, а крымцы требовали участия в походе против Астрахани казанский флот с артиллерией или турецких янычар и артиллерии. Артиллерия играла важную роль при обороне татарских городов, что особенно хорошо прослеживается при обороне Казани.

Тактика полевого боя и оперативное искусство татар были довольно совершенными для своего времени, что неоднократно отмечали русские и европейские современники. Основу тактики боя составляло последовательное применение оружия дистанционного боя, затем удара копьями и в последней стадии – сражение всеми видами оружия ближнего боя. Каждая из таких стадий имела в зависимости от времени и обстоятельств свои особенности.

Как правило, первый этап полевого боя включал маневры легкой конницы, которая галопом пронеслась мимо рядов неприятеля, закручивая своеобразный круговорот (по словам С.Герберштейна «пляску» – хоровод), непрерывно обстреливая их из луков. Когда враг сам начинал атаковать, стрелки быстро отступали, стремясь измотать и расстроить его ряды, и подставить под разящий

удар панцирной кавалерии, наступавшей с копьями наперевес. В XII–XIV вв. для раннего удара использовались пики, служившие для однократного применения, но уже с XIV в. копьё начинают применяться многократно, а на смену специализированным пикам приходят удлиненные клиновидные и листовидные копья. В случае успеха удара панцирной кавалерии, который мог наступить после нескольких волн атак, бой переходил в следующую стадию. Обычно третий этап боя протекал с использованием всего набора боевых средств и распадался на ряд быстротечных схваток.

Татарские войска проводили весьма успешные наступательные операции. Обычно это были стремительные вторжения значительных сил конницы, организованных в тумены, тысячи и сотни. Тумены выступали в поход, как правило, отдельными колоннами, а впереди и на крыльях действовали подвижные отряды сторожей и разведчиков – ертоулы. Операции, как правило, имели целью разгром противника в полевом бою за счет фланговых охватов и тактических маневров, а также разорение окружи и нанесение ущерба противнику. Осад и длительных штурмов татарские войска обычно не предпринимали, а города захватывали исключительно за счет стремительных рейдов, которые не позволяли противнику организовать сопротивление, как например, взятие Москвы крымцами в 1571 г.

Успешные военные походы Крымского ханства XVII в. против Речи Посполитой и России были обеспечены активным участием турецких войск, в первую очередь янычар и артиллерии. В целом, можно сказать, что военное дело татар развивалось в сторону приспособления к действиям в условиях распространения огнестрельного оружия. Возрастало значение легковооруженной конницы. При этом широкое применение ручного огнестрельного оружия и пушек было только в Казанском ханстве. В Крымском ханстве роль пехоты, вооруженной ружьями и пушками, играли турецкие янычары. Сокращение числа тяжеловооруженной конницы в восточной части бывшего Улуса Джучи привело к тяжелым поражениям Тюменского, Узбекского и Казахского ханств от джунгар, широко применявших панцир-

ную кавалерию. Следует также отметить, что те же джунгары, встретившись с масшированным использованием огнестрельного оружия, стали быстро перенимать его и включать в свои войска подразделения, вооруженные мушкетами, а также огнестрельную артиллерию.

Вместе с тем военное дело татарских ханств оказало значительное влияние на развитие русского военного искусства. Западные современники часто указывали, что вооружение и тактика боя русских войск сходны с татарскими. В русской лексике сохранился большой пласт татарских слов, связанных с военным делом, например, *хоругвь* – знамя, *ертоул* и *караул* – сторожевые и охранительные отряды, *есаул* – воинское звание, виды доспехов – *мисюрка*, *юшман*, *тегиляй*, *байдана*, *тюфяк* – легкая пушка и др. Под влиянием татарской военной тактики сначала в

Польше и России, а затем и во всей Европе в конце XVII–XVIII в. появились *улары* – конные полки, вооруженные пиками.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что татары в XV–XVI вв. имели весьма развитый комплекс вооружения и воинского снаряжения. Весьма важно отметить, что и огнестрельное оружие – самое перспективное оружие того времени – довольно активно использовалось, например, казанцами. Однако постепенное ослабление экономической мощи татарских ханств, сокращение числа ремесленных центров привели к застою в развитии военного дела, что особенно заметно стало в XVII–XVIII вв. Все это предопределило военные поражения татар в войнах с джунгарами на востоке и с русскими на западе, постепенное завоевание татарских ханств или установление над ними иностранного протектората.

§ 2. Вооружение и военное дело Казанского ханства

Искандер Измайлов

Вооружение и военное искусство татар Казанского ханства унаследовало боевые традиции Улуса Джучи (Золотой Орды). К моменту завоевания Россией татары имели все виды холодного оружия, защитного снаряжения, имели свой военный флот, огнестрельную артиллерию и прекрасные крепости. После поражения татар и взятия Казани оригинальная татарская военная культура была разрушена. У тюрко-татарских народов, живших на землях бывшей Золотой Орды, традиции военного дела законсервировались и постепенно деградировали. Они были только тенью своих великих предков, в результате в европейской военной науке утвердилось мнение об ущербности, «примитивности» оружия и тактики татарского войска. Даже такой серьезный и вдумчивый историк, как М.Г.Худяков, писал: «В эпоху Казанского ханства военное искусство татар находилось в упадке» [Худяков, 1923, с.228]. Широко в исторической литературе распространены мифы о том, что татары не владели огнестрельным оружием, не имели речного флота и защитного вооружения (собрание подобных суждений см., например: [Бахтин, 2008, с.201–208]). Это мнение ти-

ражировалось и развивалось в работах последующих историков.

Для составления верного суждения о вооружении татар необходимо собрать и проанализировать комплекс вооружения. Первые подобные работы, в которой делались попытки описать предметы татарского вооружения по коллекции Московской Оружейной палаты, начали появляться еще в 20-е гг. XX в. [Успенский, 1927, с.1–14]. В настоящее время наряду с коллекциями из музеев Москвы и Казани, известны материалы из раскопок памятников эпохи Казанского ханства (Казань, Камаевское, Арское, Чаллыньское городище, Балынгузское селище и т.д.), что позволяет на более широком материале представить картину развития вооружения и военного дела в Казанском ханстве.

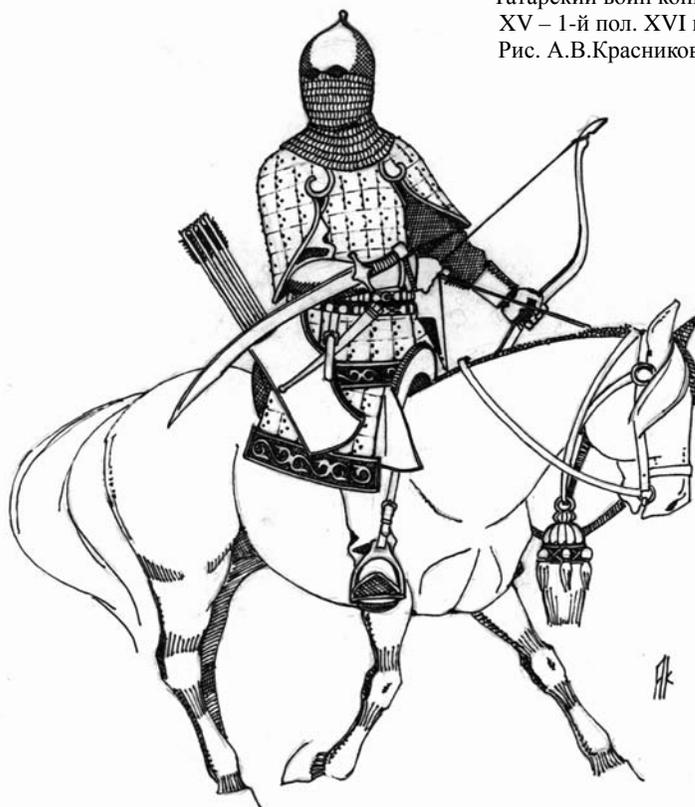
Сейчас накоплен значительный историко-археологический материал, позволяющий составить более полное представление о характере вооружения и тактике боя воинов Казанского ханства. В первую очередь, это новые археологические находки и анализ письменных материалов, которые вместе с изучением военной культуры тюркских народов Европы и Азии, заставляют пере-

смотреть прежние уничтожительные представления о характере татарского вооружения и военного дела [Измайлов, 1995, с.135–139; Измайлов, 1997, с.105–108; Измайлов, 2003, с.71–74; Измайлов, 2005, с.67–79].

Оружие ближнего боя казанских воинов включало разнообразный набор боевых средств позднего средневековья: сабли, копья, боевые топоры, булавы, ножи. Сабли были традиционным оружием тюрко-татар и получили распространение в Поволжье еще с VIII в. За это время они много раз видоизменялись и совершенствовались. С территории Казанского ханства из раскопок и музейных собраний известно, по крайней мере, две целых сабли и один обломок. Судя по этим находкам, в XV–XVI вв. татарские сабли обычно имели длину лезвия 0,9–1 м, на нем имелась овальная выемка – дол, а клинок заканчивался обоюдоострым расширением – елманью.

Эфес этих сабель был крестовидный с расширениями на концах, находки подобных гард известны из раскопок в Казанском Кремле и ряде других памятников периода Казанского ханства. На ряде сабель XIII–XIV вв. лезвие клинка у эфеса было оковано железной пластиной, чтобы избежать прорезания ножен. В отличие от более ранних, сабли XV–XVI вв. часто имели большую ширину и кривизну клинка. Они позволяли наносить мощный рубящий удар, а также колоть. Сабли обычно носили в кожаных ножнах с металлическими оковками краев. Богатые воины могли себе позволить ножны с серебряными и золотыми накладками и наверхиями, усыпанными драгоценными камнями. Вообще, сабли традиционно были оружием знати, знаком рыцарского достоинства батыра. Их ношение и использование было исполнено особым смыслом. Например, батыр не должен был в случае ссоры

Татарский воин конца XV – 1-й пол. XVI в.
Рис. А.В.Красникова

обнажать клинок более чем на треть, так как после этого он мог вложить его обратно, только «отмыв» в крови обидчика. Потерять или отдать саблю означало потерять честь. Обычно они передавались по наследству и хранились в домашних арсеналах. Этим объясняется редкость их находок среди археологических коллекций.

Универсальные боевые ножи были незаменимы в походе и быту, а в решающую минуту становились последней надеждой воина. Обычно хронисты Средневековья, чтобы показать жесточенность боя, писали, что дело дошло до ножей. Характерно, что на многих рисунках татары изображены именно с ножами. Судя по гравюре из издания С.Герберштейна, татары были вооружены узкими длинными ножами в кожаных ножнах и носились справа на поясе.

Копья были разнообразны по форме и области применения, хотя по количеству типов казанские копья уступали наборам предшествующего периода. В этот период происходит изменение в копейном наборе. Практически исчезают узкие, вытянутые,

часто четырехгранные наконечники, насаженные на длинные (до 3–4 м) древки – пики, с помощью которых отряд всадников с ходу, развернутым строем – лавой, врезался в ряды противника, стараясь пробить доспехи неприятельских воинов, свалить их с коней и, если удастся, обратить в бегство. Их место занимают удлинённые листовидные и клиновидные копья. Очевидно, что в этот период наряду с таранным ударом, копьё стали использоваться более разнообразными приемами. Следовательно, казанские конные воины вели многоактный бой с многократным применением копий в разных фазах сражения – от таранного удара до фехтовальных приемов. Не исключено применение казанцами и метательных копий – джерид (по-русски – сулиц). Известны они только по более поздним письменным источникам, но не по археологическим материалам.

Пехотинцы имели другие копья – с широкими лезвиями на двух-трехметровых древках. Они были незаменимы в полевых условиях при действиях против латной конницы и пехоты, а также при защите укреплений.

Боевое применение копий татарами, вопреки мнению ряда историков, подтверждается не только многочисленными археологическими находками, но и данными письменных источников. Характерно, что в «Казанской истории» упоминается «копейный бой» у татар, что, очевидно, подчеркивает регулярное, правильное использование копии строем воинов.

На вооружении татар состояли разнообразные виды боевых топоров. Явно выделялись две группы ударно-рубящих древковых орудий. Часть из них – широколезвийные топоры на длинных топорищах – это, несомненно, оружие пехоты. Другой группой являлись топоры с выступающим обухом – чеканы. Большая часть из них, сохранившаяся в музейных собраниях Казани (НМ РТ) и Москвы (ГИМ), покрыта по всей поверхности лезвия затейливым растительным орнаментом. Скорее всего, это было вооружение знатного воина.

Дополнительным вооружением рыцаря служили также булавы-шестоперы (железные или бронзовые навершия с шестью широкими боевыми лопастями) и боевые

клевы с узким клиновидным лезвием. По сравнению с XIII–XIV вв. навершия булав заметно потяжелели (до 0,6–0,8 кг). Они были незаменимы в ближнем бою и стремительных конных стычках, когда необходимо нанести сильный и неожиданный удар, способный пробить доспехи или оглушить противника. В этот период украшенные золотом, серебром и драгоценными камнями, булавы служили также знаками воинской власти. Образцы подобных булав XVI–XVII вв. представлены во многих музейных собраниях России (ОП МК) и Турции (Стамбула) [Аствацатурян, 2002, с.185–187]. Не исключено, что подобные навершия применялись и казанскими военачальниками.

Лук и стрелы были самым распространенным в XVI столетии оружием дистанционного боя. Судя по тому, что в памятниках периода Казанского ханства не обнаружены костяные детали луков, можно предположить, что татарские лучники имели на вооружение сложносоставные луки без костяных деталей. Такие луки использовались для стрельбы центральноазиатскими номадами в течение длительного исторического периода с хунно-сяньбийского времени. Подобные луки получили распространение в кочевом мире Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья [Худяков, 1991, с.99–100; Худяков, 1997, с.62]. Схожие по конструкции луки с большим количеством плечевых фронтальных накладок были на вооружении у кыштымов в Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья [Нечипоренко и др., 2004, с.133]. Вооружались ими также воины Сибирского ханства. В могильнике Абрамово-10 (Западная Сибирь) были найдены остатки сложносоставных луков, кибыть которых была изготовлена из деревянных деталей, без использования костяных накладок. Судя по сохранившимся деревянным частям, кибыть лука была двухслойной с деревянной фронтальной накладкой и деревянными концами. Она была обклеена берестой [Молодин и др., 1990, с.44–47]. Они сохранились в арсенале сибирских татар вплоть до этнографической современности. Один такой лук, опубликованный Р.Карутцем [Karutz, 1925, с.70], полностью изготовленный из дерева, имел выгнутую форму, утолщенную середину и плавно загнутые концы.

В эпоху позднего Средневековья в руках умелых, натренированных стрелков, какими были сибирские татарские воины, сложно-составные луки оставались привычным, удобным и достаточно эффективным оружием для стрельбы на короткие и средние дистанции. В источниках нет точных сведений о том, насколько дальнобойными были луки воинов Казанского ханства. Рекорд дальности стрельбы был зафиксирован в Турции, где на площади Ок-Мейдан (Площадь стрел) есть записи рекордов, там указано, что некоторые лучники пускали стрелы на 850–870 м [Маркевич, 1937, с.18–19], но обычная дальность стрельбы для евразийских лучников достигала 200–300 м. При этом считается, что дистанция прицельной стрельбы сибирских лучников состояла в пределах до 50 м [Худяков, 2000, с.73].

Очевидно, что убойная сила и скорострельность луков того времени была очень высока: хороший лучник мог в минуту выпустить около 10 стрел, каждая из которых на расстоянии 50–100 м убивала лошадь наповал или пробивала грудь воина, защищенного кольчугой, насквозь таким образом, что наконечник выходил из спины. В источниках XV–XVII вв. есть сведения об убойной силе луков. В послании 1493 г. Менгли-Гирея к Ивану III упоминается, что один из приближенных детей Ахмада был убит стрелой в борьбе с мещерскими служилыми татарами [Сборник РИО, 1884, с.175–176]. Другой случай был зафиксирован в 1616 г., когда некий служилый человек из Тулы Остафий Крюков подал челобитную о выдаче ему денег за лечение ран, полученных в бою с татарами под Дедиловым. Он написал, что был ранен из лука «в груди на обе стороны». Комиссия расследовала это прошение и пришла к выводу, что он действительно был «ранен из лука в грудь промеж титек, а стрела вышла в спину; рана зажила, а лечился собою» [Акты, 1890, с.138]. В этих прошениях первой трети XVII в. довольно часты указания на то, что боевые лошади служилых людей были убиты из лука: «...подо мною застрелили из лука коня наповал» [Там же, с.509, 511]. В 1634 г. болховский воевода князь Юрий Мещерский свидетельствовал, что Тимофей Дичков «с татарами бился явственно... а его Тимофея на том бою рани-

ли, застрелен из лука по левому боку, да под ним же убит конь наповал» [Там же, с.634]. Комиссия указывала после проверки, что «рана больна и ныне не зажила».

Особенно эффективно было использование луков большими маневренными массами всадников, буквально поливавших противника дождем стрел. Успешно применяли их также при осаде и обороне городов, во время речных сражений.

Лук был универсальным оружием как простых, так и знатных воинов. Различия касались лишь качества и совершенства конструкции лука и богатства отделки набора из колчана и кожаного чехла для лука – саадака. Сделанные из сафьяна, прошитые золотой и серебряной нитью, украшенные драгоценными камнями, они являлись признаком знатности и богатства. Один такой саадак – налучье – был найден при раскопках Казанского Кремля. Он был сшит из хорошо выделанной кожи с тесненным орнаментом. Лицевая его часть была украшена небольшим изображением в виде круга с драконом в нем. Некоторые подобные парадные саадаки XVI–XVII вв. украшают собрание ОП МК [Успенский, 1927, с.7–8].

Весьма разнообразно было и защитное снаряжение. Для XVI в. вообще было характерно использование стальных защитных пластин и кольчужного плетения в различных сочетаниях. Оружейники стремились добиться непроницаемости доспехов и максимально облегчить их в условиях быстрой маневренной борьбы больших масс кавалерии, стремительных набегов и стычек, которые все чаще входили в боевую практику (см. подробнее: [Денисова, 1953, с.59–70; Кирпичников, 1976, с.33–43; см. также: Успенский, 1927, с.1–6]).

Как и раньше, наиболее распространенными были тегиляи – легкие стеганые бумазейные халаты до колен, в подкладку которых вшивались кольчужные сетки или стальные бляхи и кольчуги (кёбе), собранные из десятков тысяч стальных колец (для XVI в. характерны новые типы плетения и формы колец, высокий стоячий воротник, простеганный кожаными ремнями, большой запах ворота и вес более 10 кг). Одним из видов кольчуги, известной по находкам археологов, была байдана – доспех в виде ши-

Татарский воин конца
XV – 1-й пол. XVI в.
Рис. А.В.Красникова

рокого длинного халата с разрезом спереди, собранного из широких шайб. Одевался он обычно на простую кольчугу или стеганый халат и, благодаря широкому запаху на груди, являлся довольно легким и надежным средством защиты. Остатки этих кольчатых доспехов известны из археологических находок из Казани и Камаевского городища. В фондах Национального музея Республики Татарстан есть также и целые кольчуги, которые относятся к XV–XVII вв.

Наибольшие изменения коснулись в XVI в. доспехов из стальных пластин (йарак). Именно в этот период наряду с традиционными куяками (доспех-безрукавка из крупных стальных пластин, крепившихся заклепками к кожаной основе, часто снабжаемый наплечниками, воротом забралом и разрезным подолом) появились юшманы – доспехи из кольчуги с вплетенными на груди и спине большими пластинами, колонтари – комбинированные доспехи без рукавов в виде горизонтально расположенных крупных пластин, скрепленных кольцами, и бехтерцы (от персидского «бехтер» – панцирь),

состоявшие из узких коротких стальных полос, располагавшихся вертикальными рядами на груди и спине. Все эти виды доспехов часто покрывались посеребренными изящными растительными узорами. Использовались также стальные наручи, защищавшие руки воина до локтя и поножи (бутурлык), прикрывавшие его голень.

Шлемы у казанцев также были нескольких видов. Большинство воинов защищали голову простеганной бумажной или кожаной шапкой, усиленной сеткой из стальных колец или полос. Использовались и стальные шлемы. Наиболее популярными были мисюрки (из Мисра, т.е. Египта) – стальные сферические шапочки с железными наушниками и длинной сеткой из стальных колец, защищавшей лицо и горло воина, и ерихонки – высокие конические наголовья с наушниками, назатыльником и козырьком со стреловидным наносником.

Тело казанского воина, скорее всего, защищал небольшой (около 50 см в диаметре) выпуклый круглый щит из кожи или тростника с железной бляхой в центре. К сожалению, детали их не сохранились, и об их конструкции можно судить по иллюстрациям и аналогиям – вооружению из музейных собраний Москвы (ОП МК) и Стамбула.

Разумеется, иметь полный набор защитного снаряжения, особенно металлические доспехи, могли только знатные воины. Судя по известиям русских летописей, «панцири и доспехи», «панцири и шлемы» постоянно отмечались как обычное оружие татарской аристократии. В набор знатного воина, как правило, входили сабля, булава или боевой топор-чекан, пика, лук со стрелами в дорогом саадаке и полный набор защитного снаряжения, включавший стальной шлем, один из видов панциря, щит и наручи. Лошади аристократии, судя по русским и крымским материалам, имели роскошные конские уборы из высоких седел – арчаков, драгоценной узды и чепраков, а иногда, видимо, и чалдар – доспехи из металлических блях, защищавшие грудь и бока боевого коня.

Именно тяжеловооруженные всадники составляли костяк войска казанских ханов. Формировались они из слоя татарской аристократии (огланы, эмиры, мурзы), мелкой служилой знати (казаки, батыры) и воен-

ных слуг. Их насчитывалось всего несколько тысяч человек, но решающая роль их в боевых действиях, не подлежит сомнению. Определенное число панцирной кавалерии и конных лучников вливалось в состав казанского войска благодаря союзам с Ногайской Ордой и Крымским ханством.

Воины-ополченцы, участвовавшие в походах в исключительных случаях, имели универсальное и сравнительно недорогое вооружение: широкие копья, широколезвийные топоры, луки и стрелы, а также кожаные и бумазейные доспехи. Их роль была довольно значительна только при осаде укреплений, в полевом же сражении они практически не имели сколько-нибудь самостоятельного значения. Пехота казанцев формировалась из ополчений административно-феодалных округов (друг) и союзников – «черемисов» (марийцев и чувашей).

Войсками Казанского ханства довольно широко применялось огнестрельное оружие. Мнение о том, что в Казани не умели им пользоваться, а со стен Казани стреляли русские артиллеристы, прикованные к пушкам, ложно и восходит к православным легендам позднего времени. Современные находки позволяют говорить о том, что пороховое оружие было известно в Поволжье еще с 70-х гг. XIV в. Из раскопок Казани известен один ствол огнестрельного ручного оружия (русское название пищаль), относящегося к XVI в. Часто встречаются в Казани и каменные ядра от пушек. В русских и европейских источниках сохранились сведения о пищалях и пушках, стреляющих со стен города: казанцы стреляли «з города из пушек и ис пищали и из луков» [ПСРЛ, 29, 1965, с.99] и бывших на вооружении казанцев во время боевых действий: во время атаки небольшого татарского укрепления на Булаке в 1530 г. русские войска «и пушки и пищали у них поимаша» [ПСРЛ, 8, 2001, с.273]. В полевом бою использование пушек и пищалей казанцами зафиксировано в 1551 г., когда большой отряд мятежных мурз из Горной стороны подступил к стенам Казани. Тогда «вышли к нимъ все Казанские люди, Крымцы и Казанцы, да с ними билися крепко и от обоих падоша. Казанъцы же вывезли на них из города пушки и пищали да учали

на них стреляти. И Горные люди, Чюваша и Черемиса, дрогнули и побежали...» [ПСРЛ, 29, 1965, с.62]. Судя по всему, в Казани применялся разнообразный набор огнестрельных орудий – от легких ручных и тяжелых станковых ружей до легких пушек (тюфенк), стрелявших картечью, и тяжелых полевых и крепостных пушек. Их эффективно использовали как в полевом бою, так и при осаде городов, где применяли тяжелые стенобитные орудия типа мортир, ведшие навесной огонь. Очевидно, что большинство этих орудий отливало самими казанцами, часть их была захвачена у русских во время неудачных походов (1506, 1524, 1530).

Есть сведения о существовании в цитадели Казани специального цейхгауза, где содержался порох и оружейный парк. При арсенале находились мастера-оружейники и опытные пушкари. Опытные пушкари были чрезвычайно ценными военными мастерами и их роль в военных действиях была довольно высокой (об артиллерии и пушках во второй половине XVI в. см.: [Немировский, 1982]). Доказывает это, например, и то, что после поражения русского войска под Казанью в 1506 г. великий князь Иван III больше негодовал не по поводу потерянных пушек, а из-за того, что чуть было не попал в плен к татарам один из опытных артиллеристов. Он говорил: «...не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними» [Герберштейн, 1988, с.172]. С.Герберштейн рассказывал о хорошей организации оружейного огня при обороне Казани в 1524 г. «единственным пушкарем», когда «осажденные защищались довольно решительно, также стреляя во врага из пушек» [Там же, с.178]. То, что стрельбу вели умелые и опытные стрелки, подтверждает и смерть от пущенного со стены пушечного ядра князя Дмитрия Микулинского – одного из руководителей штурма Казани в 1552 г.

Часто русская наука, говоря об ущербности вооружения Казанского ханства, ссылается на отсутствие постоянной армии – пехотных полков вооруженных пиками и ружьями. Однако следует сказать, что и в России такие стрелецкие войска стали создавать только в 1550 г. и первое боевое испытание они прошли во время осады Казани [Разин, 1957, с.330–338]. Такие же постоян-

ные пехотные войска начали создаваться в то же время во Франции, Швеции, Польши и Османской Турции [Введенский, 2003; Nicolle, 1983]. Можно сказать, что на пороге подобных военных реформ стояла и Казань, и только русское завоевание прервало этот закономерный процесс.

Особым средством ведения боевых действий был речной флот [Измайлов, 1994а, с.97–100]. Традиции торгового и военного судоходства на Волге уходят в глубь веков. В течение веков здесь существовал своеобразный паритет между Русью и Булгарим улусом Золотой Орды. Но ослабление центральной власти в Золотой Орде привело к расцвету речного пиратства и грабительских набегов московских флотов на поволжские города. Возникшему Казанскому ханству потребовался новый речной флот. Основой создания его стали торговые суда, совершавшие дальние плавания от Твери до Хаджи-Тархана (Астрахани) и до южных берегов Каспийского моря. Торговый флот давал основные кадры капитанов, моряков и лоцманов. Суда перевозили войска и могли служить после небольшой перестройки в качестве военных судов.

Флот казанцев состоял из судов различных типов. Среди них были беспалубные корабли типа ладей. Они имели различные размеры – от небольших лодок до больших судов, которые по-русски назывались ушкуй. У них был большой парус и весла, что делало их быстроходными и маневренными, а также удобными для подъема на берег. Средние лады могли разместить на борту 30–50 человек и несколько боевых лошадей. Обычно они использовались как вспомогательные или десантные суда, используемые для боевых действий на мелководье. Ушкуи были более крупными парусно-весельными судами и могли нести тяжелый груз и десант в 100–200 воинов. Не исключено, что в качестве боевых судов на Волге казанцы изредка использовали также палубные парусно-весельные суда, называемые насадами. Конструктивной особенностью этих самых крупных волжских кораблей, бороздивших волжские воды вплоть до XVII века, были высокие «насаженные» борта и палуба. Некоторые типы этих насад, очевидно, имели вид галер типа турецких кадырга или

баштарда. На них могли размещаться даже легкие пушки и большой экипаж и десант. Обычная грузоподъемность их достигала 2 тыс. тонн. Боевые суда, в отличие от торговых, как правило, несли над палубой боевые надстройки на носу и корме, где располагались стрелки и легкие пушки (тюфенк).

Все казанские суда строились на местных верфях, самая известная из которых располагалась в деревне Бишбалта (ныне Адмиралтейская слобода) [Султанов, 2004, с.164–166]. Жители ее строили не только суда, но и изготавливали все необходимые материалы – смолу, канаты, паруса. Здесь же жили судоводители моряки и лоцманы. Недаром, используя эти древние традиции, именно здесь были заложены по приказу Петра I стапели Казанского Адмиралтейства, с которых в XVIII в. сошло более ста судов для русского флота. Здесь же в устье реки Казанки и базировался казанский флот, насчитывавший в разные годы до 200 галер и ладей.

Тактика речных сражений заключалась в обстреле противника с целью нанесения ему повреждений или даже сожжения вражеских судов и уничтожения экипажей. Примером таких маневров может служить речной бой в 1469 г., когда казанский флот атаковал русские лады, после короткой перестрелки отступил, а потом вновь атаковал их, по словам русской летописи, «начав биться» и «обстреливать». Обычно все эти маневры заканчивались сближением судов и попыткой завязать рукопашный бой на палубе вражеского корабля и взять его на абордаж. Для этого на судах кроме команды размещались боевые десанты. В том же 1469 г. на казанских судах русский летописец упоминал «лучших князей и людей» [ПСРЛ, 25, 1949, с.282–283].

Один из самых ярких эпизодов речной войны между московским и казанским флотом произошел в 1469 г., когда отряд судов князя Ухтомского из города Устюга, двигаясь по рекам Вятка и Кама на соединение с русским флотом, был атакован близ Казани татарским флотом. Бой произошел по всем правилам. Сначала противники, сближаясь, обстреливали друг друга, а потом сошлись борт к борту в рукопашной схватке. В яростном сражении князь Ухтомский потерпел

полное поражение. Как пишет летопись, «татарове устюжан били, и дворян в плен брали»; тогда же убили Никиту Ярославского, а воеводу Юрия Плещеева и его товарищей пленили». Всего в том бою погибло около пятисот русских воинов и почти весь флот. Князю Ухтомскому удалось прорваться только с несколькими судами [Иоасафовская летопись, 1957, с.60; ПСРЛ, 30, 2009, с.136; ПСРЛ, 37, 1982, с.92].

Основная функция казанского флота заключалась в поддержании наступательно-оборонительных действий основного войска и защите речных подступов к Казани. Например, довольно успешно флот действовал при блокаде русской армии, осаждавшей Казань в 1524 г. Вместе с сухопутными войсками они разгромили флот князя Палецкого, который вез подкрепления, продовольствие и осадную артиллерию. В результате русские войска не только потеряли более девяноста судов и все пушки, но и были полностью окружены, что предопределило их полный разгром [Герберштейн, 1988, с.177–179].

Разумеется, не всегда действия казанского флота были успешными. Были случаи, когда он терпел поражения и неудачи, но при этом всегда демонстрировал высокие боевые качества и выучку, на равных сражаясь с русскими флотами. История, к сожалению, не сохранила до нас имен казанских флотоводцев, таких как бек Тулязий, но, несомненно, что их было достаточно и военное искусство их не уступало русским судоводителям. Упадок татарского боевого флота начинается в 1540-е гг., когда основная часть судов была уничтожена или передана Москве.

Военная организация татар была связана с предшествующими традициями Золотой Орды. Она включала ополчения от различных областей и городов, личные отряды знати, а также полки союзников – черемисов и ногаев.

Господствовавшая феодальная верхушка состояла из хана, членов его семьи и еще из четырех сословий: мусульманского духовенства, князей и мурз, казаков – дворных (ички) и задворных. Не исключено, однако, что ички имели более высокий статус и сами являлись беками [Исхаков, 1998, с.61–80].

Социальная организация знати в Казанском ханстве имела иерархическую систему, связанную с правами на землевладение (или взимания определенного налога), как условное (сойургал), за которое он обязан был служить своему сюзерену или условно-безусловное (тархан) – освобождение от повинности (всех или части) в пользу хана. Высший слой знати составляли огланы, карачи и эмиры, далее шли мурзы, а слой рыцарства составляли багатуры и казаки. Основным занятием служилого сословия была война. Недаром на сохранившихся эпитафиях XVI в. можно довольно часто прочитать, что имярек «мученически пал от руки неверного» (см.: [Рахим, 1930, с.164, 169]).

Интерес представляет термин «чура», который сохранился и в аутентичных письменных источниках, и в татарских преданиях. Выше уже говорилось, что этот термин не имеет ничего общего с наименованием «кол», он обозначал военных слуг, что отчетливо видно из эпоса «Чура-батыр» и «Казанской истории», описывающей бегство исторического Чуры Нарыкова. В принципе термин «чура» можно было бы совместить с широко известными восточными военными терминами, как «гулям» или «мамлюк». Гулямы и мамлюки – рабы, часто купленные на невольничьих рынках юноши, проходили военную подготовку в специальных военных лагерях, становясь профессиональными тяжеловооруженными воинами, способными сражаться с европейскими рыцарями, в социальном отношении они часто делали головокружительную карьеру, становясь правителями целых государств (например, государство мамлюков в Египте или Индии). Однако, скорее всего, под термином «чура» следует понимать общее наименование слоя военных слуг – рыцарей. Об этом свидетельствуют как указания источников (например, что Идегей стал у хана Токтамышша «чурой» [Усманов, 1972, с.94]) и татарские предания о военных слугах – чурах, так и более ранняя тюркская традиция, которая восходит еще к эпохе Тюркских каганатов. Был он известен и в Поволжье, где фиксируется, по меньшей мере, со второй половины XII в. и широко использовался в титулатуре в XIII–XV вв., обозначая представителей военного сословия, рыцарство

[Измайлов, 1997а, с.145]. В Поволжье он использовался в диалектной форме *йори/чури* (см.: [Хакимзянов, 1978, с.80–82]). Позднее, после русского завоевания, этот термин был вытеснен из социальной практики другим наименованием сословия воинов – «служилые татары».

Вопреки мнению отдельных исследователей [Худяков, 1990, с.201–203], в ханстве помещиками, получавшими земли за службу, были, скорее всего, представители не высшей знати – они владели вотчинами, – а низшей, т.е. казаки (рядовые, десятские и сотские). Возможно, им принадлежало до ¼ земельных угодий государства [Там же]. Этот вывод вытекает из того факта, что в первые десятилетия после русского завоевания так называемые «служилые татары» были переписаны как группы, рассеянные по многим деревням в качестве помещиков (см.: [Писцовая книга, 1978]).

Система земельных правоотношений в Казанском ханстве и основанная на ней структура военно-служилой знати получила детальное описание в трудах Ш.Ф.Мухамедьярова и Р.Н.Степанова (см.: [Мухамедьяров, 2012, с.93–142; Мухамедьяров, 1958; Степанов, 1966, с.94–110]). Изучение источников позволило им сделать вывод, что типичной формой земельных отношений в Казанском ханстве была военно-ленная система в виде наследственного владения (сойургал или тархан). Держатель подобного владения обязан был нести военную или иную службу своему сюзеру (обычно таковым считается хан, хотя, думается, что власть его была опосредована главами татарских кланов), а взамен получал наследственное держание (владение), определенный налоговый и административно-судебный иммунитет. Тем самым, военная служба являлась основной и главнейшей обязанностью владельца сойургала, хотя порядок ее исполнения и продолжительность, диктовавшиеся, очевидно, обычаем, в деталях неизвестны. Иллюстрацией подобного сбора на войну может служить отрывок из «Казанской истории»: «И слышав Казанский царь Сапкирей великих воевод Московских в велицей силе идуща и посла во все улусы Казанские по князеи и мурзы, веля им в Казань собратися из от-

чин своих, пригатовившимся сести в осаде, сказуя многу, необычну силу Русскую» [ПСРЛ, 19, 2000, с.252].

Вся сословная военно-служилая аристократия и в значительной мере духовенство в Казанском ханстве являлись представителями татарских родов и племен. Можно эту мысль сформулировать более четко: в Казани, как впрочем, и во всем Улусе Джучи, не было иного военно-служилого сословия, кроме татарского, то есть никто не мог быть включен в сословие знати, если он не принадлежал к какому-нибудь татарскому клану и, соответственно, все представители этого сословия в силу кровно-родственных и семейных связей принадлежали к тому или иному клану. Из всех родов (а их реестры, например, в государстве Шибанидов, насчитывали до ста названий) Казанского ханства особой знатностью и могуществом выделялись четыре – Ширин, Аргын, Кыпчак и Барын. Это были те самые четыре правящих рода, традиция выделения которых (именно четырех, тогда как название конкретных родов варьировалось от ханства к ханству) восходит еще к государственной структуре Улуса Джучи, а через него – к древнетюркским временам (см.: [Шамильоглу, 1993, с.44–60]).

Общее число воинов в Казанском ханстве, судя по численности всего населения, могло достигать 50 тыс. чел., но вряд ли превышало даже 20–30 тыс. во время серьезных боевых действий, что в какой-то мере сопоставимо с замечанием С.Герберштейна, что «царь этой земли (т.е. Казанской. – *И.И.*) может выставить войско в тридцать тысяч человек, преимущественно пехотинцев, среди которых черемисы и чуваша – весьма искусные стрелки». Однако численность тяжелооруженной кавалерии во всем ханстве (включая и отряды ногаев и крымцев), вряд ли превышала 5–10 тыс., а, скорее всего, была меньше, поскольку численность всего сословия феодалов составляла не более 10% всего населения. Поэтому ясно, что когда во время войн и смут 1546–1552 гг. погиб цвет татарской знати, то это явилось одной из причин поражения ханства.

Казанцы были весьма искусными воинами. Сама принадлежность к татарской клановой аристократии диктовала особые требования к чести, мужеству и отваге ее

представителей. Эти качества татарских воинов отмечались даже их врагами. Итальянский путешественник Иосафат Барбаро, побывавший в начале XV в. в Азове и Поволжье, оставил такое описание татарского войска: «Военные люди в высшей степени храбры и отважны, причем настолько, что некоторые из них, при особо выдающихся качествах, именуется «гази багатер», что значит «безумный храбрец»... Среди них есть много таких, которые в случаях военных схваток не ценят жизни, не страшатся опасности, избивают врагов, так что даже робкие при этом воодушевляются и превращаются в храбрецов» [Барбаро и Контарини, 1971, с.146]. У русских летописцев сложился уважительный образ храброго татарина – воина «в ратном деле очень свирепого и жестокого», не щадившего в бою ни своей, ни чужой жизни. Так, автор русской повести «Казанская история» с уважением писал об одном татарине, который вступил в бой с пятьюдесятью русских воинов [Казанская история, 1954, с.70].

Для управления в бою и ориентировки войск татарам служили знамена. Главный флаг хана (туг, элем) был также символом достоинства государства и обычно имел вид прямоугольника, прикрепленного длинной стороной к древку. Цвет таких знамен был в XV–XVI вв. голубым, зеленым или красным (или комбинацией этих цветов), с вышитыми золотом кораническими надписями или арабесковыми узорами (иногда на них, видимо, изображали тамгу Джучидов). Отдельные знатные люди и их полки имели большие (подтреугольные или прямоугольные) знамена (хорунга, еленге), а отдельные воины – небольшие флажки (жалау) на шлемах и древках копий. Часто в виде знамени военачальников использовались шесты с конскими хвостами, число которых указывало на ранг полководца.

Тактика полевого боя и оперативное искусство казанцев были довольно сложными – это не раз отмечали русские и европейские современники. Полевой бой включал маневры легкой конницы, которая галопом проносилась мимо рядов противника, закручивая своеобразный круговорот (по словам С.Герберштейна «пляску» – «хоровод» [Герберштейн, 1988, с.168]), непрерывно

обстреливая их из луков. Когда обороняющиеся отступали, то в бой вступала с пиками наперевес тяжелая кавалерия. В случае если неприятель атаковал сам, стрелки быстро отступали, стремясь измотать и расстроить его ряды, а потом подставить под разящий удар кавалерии. Обычно такой встречный бой распадался на ряд быстротечных схваток и маневров отрядов конницы.

В условиях многоэтапных боевых операций татары использовали различные театры военных действий, включая реки, применяя тактические и оперативные маневры и охваты. Наиболее показательна в этом смысле тактика обороны Казани. Не имея сил противостоять превосходящим русским силам, казанцы подпускали их под стены города, намереваясь окружить их и лишить подкреплений и подвоза продовольствия. Такая тактика активной обороны с опорой на мощную крепость, защищенную огнем артиллерии, позволяла измотать противника в локальных боях, обескровить его и окончательно разгромить. Наиболее успешными операциями такого рода явились войны 1467–1469, 1506–1507, 1524 и 1530, 1549 гг.

Обычно многотысячные русские войска (иногда по данным летописей составлявшие до 100 тыс. чел.) двигались двумя частями на Казань. Первая, высаживаясь с судов под Казанью, начинала осаду города, а вторая с основной частью войска и конницей выступала по правому берегу Волги позднее. Иногда коннице приходилось вступать в бой с татарской конницей, причем не всегда ей сопутствовала победа. Под Казанью, между тем, начиналась борьба за полевые укрепления, вынесенные казанцами за пределы стен. Смысл ее состоял в том, чтобы навязать наступающим русским войскам бой на открытой местности под прикрытием обстрела со стороны стен и башен города. Одновременно в тылу у осаждающих начинали концентрироваться конные полки и ополчение. Они согласовано с защитниками города нападали на русский лагерь и отдельные полки и нередко полностью перекрывали подвоз продовольствия и боеприпасов, как это было в 1524 г. В случае прямого штурма укреплений города казанцы отвечали контратаками и ударами конницы в тыл наступающим. Так во время осады 1487 г.

действовали отряды карачи-бека Али-Гази, а в 1552 г. мурзы Епанчи. Чаще всего такой двойной удар приводил к поражению и бегству осаждавших войск. Неоднократно применявшаяся тактика свидетельствует о высокой выучке и стойкости татар.

Удавались казанцам и наступательные операции – обычно по Волге на Нижний Новгород (1505, 1523, 1536) и лишь однажды на Москву – в 1521 г. (в союзе с Крымским ханством). Обычно подобные операции были ответом на враждебные действия со стороны Московской Руси и преследовали цель заставить ее заключить мирный договор.

Таким образом, казанские татары имели весьма развитое и разнообразное вооружение и снаряжение, ничем не уступавшее оружию соседей. Весьма важно, что и артиллерия – наиболее перспективное оружие того времени – довольно активно использовалась казанцами. Анализ вооружения и военного искусства татар позволяет уверенно отвергнуть имперский миф о «примитивной тактике набегов» и отсутствии способности бороться против России. Он показывает, что с 1487 г. Казань почти семь десятков лет успешно противоборствовала с Россией и не единожды наносила ее войскам жесточайшие поражения. Подобный успех был возможен только при наличии современных боевых средств и тактики обороны.

§ 3. Военное дело Крымского ханства в конце XV – начале XVII в.

Виталий Пенской

Распад Золотой Орды привел к коренному изменению политической обстановки и расстановки сил в Восточной и Юго-Восточной Европе. В борьбу за доминирование в Восточной Европе вступили Великое княжество Литовское и Московское государство, но они были не одиноки в этой борьбе. Свои претензии на наследие Золотой Орды заявили и владельцы сформировавшегося во второй половине XV в. Крымского ханства. Их претензии подкреплялись не только происхождением рода крымских ханов от самого Чингис-хана, но и сильным войском, этим «ultima ratio regis», который Гирей, не раздумывая долго, пускали в ход для решения внешнеполитических проблем после того, как дипломатия оказывалась бессильна.

Нельзя сказать, что проблема изучения особенностей становления и развития вооруженных сил Крымского ханства не интересовала отечественных и зарубежных исследователей (см., например: [Дмитриев, 2003; Ищенко, 1989; Остапчук, 2001; Collins, 1975; Inalchik, 1979–1980 и др.]). Однако изучение данной проблемы, как и в целом истории ханства, после долгого забвения находится в самом начале. В итоге, к сожалению, мы не имеем более или менее ясной картины о том, что представляло из себя крымское войско конца XV–XVII вв.

Бытующее же в литературе, особенно популярной, представление о нем как о «тьмочисленной» рати плохо вооруженных всадников, способных только на грабежи, избиение и захват в полон безоружных украинских и русских поселян, находится в явном противоречии с той важной ролью, которую играло ханство в истории Восточной и Юго-Восточной Европы позднего средневековья – раннего Нового времени. Особенно это противоречие заметно, если принять во внимание то обстоятельство, что в то время реальный политический вес государства в системе политических отношений напрямую зависел от размеров и степени совершенства его военной машины. И логичным было бы предположить, что раз уж на протяжении долгого времени крымские Гирей, неуклонно проводя агрессивную внешнюю политику (конечной целью которой было как минимум собирание под их властью возникших на руинах Золотой Орды татарских юртов), являлись опасным противником и московских Рюриковичей, и польско-литовских Ягеллонов, следовательно, они обладали достаточно эффективным и мощным инструментом «продолжения политических отношений другими средствами» [Клаузевиц, 2002, с.47]. Трех ханов можно смело назвать создателями

этого инструмента – Менгли-Гирея I, при котором были де-факто заложены основы крымской государственности, в том числе и вооруженных сил; его сына Сахиб-Гирея I, при котором крымское войско подверглось серьезнейшим реформам по османскому образцу; и внука Менгли-Гирея Девлет-Гирея I, во время долгого царствования которого армия Крыма и его военное дело достигло зенита своего развития.

Так каким же было войско Крымского ханства и в чем заключались характерные черты военного дела ханства при этих правителях? Попытаемся ответить на этот вопрос, исходя из тех немногочисленных свидетельств современников и немногих документов, имеющих в нашем распоряжении.

Американский исследователь С.Хантингтон, характеризуя военную мощь любого государства, писал, что последняя «имеет четыре измерения: количественное – количество людей, оружия, техники и ресурсов; технологическое – эффективность и степень совершенства вооружения и техники; организационное – слаженность, дисциплина, обученность и моральный дух войск, а также эффективность командования и управления; и общественное – способность и желание общества эффективно применять военную силу» [Хантингтон, 2003, с.126].

С попытки определить количественные параметры военного потенциала Крымского ханства мы и начнем. Едва ли не общим местом во многих исторических сочинениях (и в особенности в популярной литературе) стало приписывание крымским ханам способности в случае необходимости выставить в поле армию чуть ли не в 100 тыс., а то и 200 тыс. всадников (см., например: [Боплан, 2004, с.227; Горсей, 1990, с.56; Мадарьяга, 2007, с.364; 172; Флетчер, 1991, с.90; Яворницкий, 1991, с.320]). Однако, на наш взгляд, необходимо четко разделять такие понятия, как «мобилизационный потенциал» (тот людской ресурс, который мог быть использован Гиреями при условии, что на коня сядут все мало-мальски способные держать оружие) и «полевая армия» (реально выставившиеся в ту или иную кампанию силы).

Касаюсь мобилизационного потенциала кочевых сообществ, большинство современных специалистов сходятся на том, что

в случае тотальной мобилизации соотношение количества выставляемых воинов к общей численности населения у них составляло примерно 1:5 (см., например: [Крадин, 2002, с.71–72; Плетнева, 1990, с.9, 114 и др.]). Современные оценки численности населения Крымского ханства сильно расходятся – их разброс составляет от 250–300 тыс. до 600 тыс. (см., например: [Исхаков, 2004б, с.34–36; Рославцева, 2008, с.32 и др.]), и это при том, что, как справедливо отмечала А.Л.Хорошкевич, «абсолютные цифры населения Крымского ханства восстанавливаются с большим трудом» [Хорошкевич, 2001, с.92]. Поэтому встречающаяся в ряде источников цифра (и некритически воспринятая многими позднейшими авторами) в 100 или несколько более тысяч всадников, которые якобы мог двинуть на своих врагов крымский «царь», если и может быть принята, то только как очень приблизительная (sic!) и оптимистичная оценка именно мобилизационного потенциала Крымского ханства, и то в самые лучшие времена. При этом не вызывает сомнения тот факт, что такая численность подданных Гиреев была достигнута спустя много десятилетий после образования ханства, равно как и чисто техническая невозможность при тогдашнем уровне развития управленческого аппарата и соответствующей инфраструктуры собрать столь многочисленное воинство и управлять им, не говоря уже о его снабжении всем необходимым в ходе военной кампании.

«Тъмчисленными» крымскими ратями хорошо было, выдавая желаемое за действительное, пугать несговорчивых оппонентов по переговорам в Москве и Вильно (как это делал, к примеру, в 1538 г. Сахиб-Гирей, обращаясь к малолетнему Иван IV и окружавшим его боярам: «А более ста тысяч рати у меня есть и возму, шед, из твоей земли по одной голове, сколько твоей земле убытка будет и сколько моей казне прибытка будет, и сколько мне поминков посылаешь, смети того, убыток свои которой более будет, то ли что своею волею пошлеш казну и что сколько войною такою возмут, гораздо себе о том помысли. И только твою землю и твое государство возму, ино все мои люди сыти будут» [Флоря, 2001, с.238–239]). В реальности же ханы могли рассчитывать на много

меньшие силы. Так, побывавший в Северном Причерноморье на заре крымской государственности венецианский путешественник, предприниматель и дипломат И. Барбаро писал, что обитающие в степи на «острове Каффы» (sic!) татары при необходимости могут выставить от 3 до 4 тыс. всадников [Барбаро и Контарини, 1971, с.155]. Летом 1501 г. русский посол в Крыму И. Мамонов сообщил Ивану III, что «царевы рати нынеча смечают в полтретьяцать тысяч (25 тыс. – *В.Л.*)...» [Памятники, 1884, с.368]. Этот скачок объясняется не в последнюю очередь тем, что после того, как в упорной борьбе Менгли-Гирей нанес поражение хану Большой Орды Шейх-Ахмеду, к победителю откочевала б/ч улусов, ранее подчинявшаяся его противнику (см. например: [Зайцев, 2004а, с.100–105; Хорошкевич, 2001, с.92–93, 153–158, 162–163]).

Ногайский погром 1523 г. тяжело сказался на военном потенциале Крымского ханства. По сообщению московского посла в Крыму И. Колычева, после ухода ногаев в Крыму не осталось и 15 тыс. боеспособных людей, да и то лишь треть из них имела коней, а остальные могли рассчитывать лишь на кобыл и жеребят [Сыроечковский, 1940, с.58]. Последствия этой катастрофы ощущались еще два десятка лет спустя. В начале 40-х гг. XVI в., по мнению литовского публициста Венцеслава Миколаевича (больше известного как Михалон Литвин), хан мог рассчитывать лишь на 30 тыс. всадников, и то лишь при условии, что на конь сядут все, кто способен держаться в седле (в поход «должны [идти] все как один, кто только способен сесть на коня, и [даже] пастухи и не владеющие оружием») [Литвин, 1994, с.65–66].

Восстановить и даже превзойти былую мощь Крыму удалось лишь к середине XVI в., под занавес правления Сахиб-Гирея I и при его преемнике Девлет-Гирее I. В эти годы в случае необходимости в большой поход ханы выступила во главе войска, насчитывавшего до 40–50 тыс. чел. (вместе с ездящей пехотой и отрядами вассалов). Во всяком случае, в кампанию 1555 г. Девлет-Гирей выступил на Москву во главе примерно 30–40 тыс. воинов, а в 1571 г., по словам Ивана Грозного (а уж ему-то после

поражения его войска под стенами Москвы и сожжения столицы приуменьшать численность ханской рати было не с руки), хан пришел на Русскую землю с 40 тыс. всадников. Примерно столько же или несколько менее воинов, по свидетельству османского хрониста Ибрахима Печеви, привел с собой в османский лагерь в 1594 г. Гази-Гирей II. Но это были редкие большие походы, подлинные нашествия, столь впечатляюще описанные французом Г.-Л. де Бопланом и турком Эвлией Челеби [Боплан, 2004, с.231; Эвлия Челеби, 2008, с.43–44]. Обычно же крымское войско было меньшей численности. Так, в 1543 г. Сахиб-Гирей отправил на помощь турецкому султану в его экспедиции в Венгрию «избранных» своих воинов общим числом 15 тыс. всадников, а русский посол в Крыму Иван Судаков сообщал, что в феврале 1588 г. хан выступил в поход на Украину с войском общей численностью 18 тыс. всадников и 500 турецких янычар из Кафы [Литвин, 1994, с.65–66; Смирнов, 2005, с.333; Статейный, 1891, с.68; Толстой, 1848, с.298].

Теперь коснемся технологического аспекта военной мощи Крымского ханства. Конница была ударной силой крымского войска, с нее мы и начнем. Классическое описание среднестатистического крымского всадника начала XVI в. оставил имперский дипломат и мемуарист С. Герберштейн. «Их оружие (татар. – *В.Л.*) – лук и стрелы, копье у них редкость», – писал в начале XVI в. он, и далее подчеркивал, что татары уклоняются от ближнего боя, «так как не имеют ни щитов, ни копий, ни шлемов, чтобы противостоять врагу в правильной битве» [Герберштейн, 2008, с.400–401, 403]. Аналогичные по духу высказывания содержатся и в других, позднейших источниках (см., например: [Боплан, 2004, с.219–221; Литвин, 1994, с.66; Флетчер, 1991, с.91]).

Таким образом, все современники подчеркивали чрезвычайную легкость вооружения рядового татарского воина и вместе с тем стремление знатных и богатых крымских воинов следовать турецкой традиции в использовании доспехов (англичанин Дж. Флетчер: «мурзы, или дворяне, подражают туркам и в одежде, и в вооружении»). Очевидно, что крымские татары к XVI в.

практически отказались от прямого следования позднеордынской военной традиции и их комплекс защитного и наступательного вооружения целиком и полностью укладывался в сформировавшийся окончательно в первой четверти XVI в. единый западноазиатский (русско-мусульманский – по мнению Л.А.Боброва. Характеристику этого комплекса см., например: [Бобров, 2004; Бобров, 2003; Пинк, 2004 и др.]) комплекс вооружения с той лишь разницей, что у крымских татар доспешная конница отсутствовала в сколько-нибудь серьезных количествах и основу войска оставляла легкая конница стрелков из лука. Стандартный комплект вооружения рядового татарского конного воина в это время составляли, судя по всему, саадак (лук и колчан со стрелами), сабля и нож в качестве наступательного вооружения, а для защиты использовались, скорее всего, мягкие, стеганные доспехи типа хорошо известного русского тегилыя и подобные же защитные наголовья (не о них ли писал Михалон Литвин: «...их (татар. – *В.П.*) белые остроконечные войлочные шапки сделаны не для красоты; их высота и блеск придают толпам [татар] грозный вид...»? [Литвин, 1994, с.75]). Знать и отборные воины из ее свиты (о последних см., например: [Броневский, 1867, с.362, 367]) вооружались, как было отмечено выше, по типу турецких спахи, т.е. использованы самые разнообразные типы кольчато-пластинчатых доспехов, металлические шлемы турецкого и иранского производства, наручи, набедренники, наколенники и бутурлыки и имели более богатое наступательное вооружение, чем рядовые воины (о комплексе вооружения богатых татарских воинов см., например: [Там же, с.366]). Возможно, что в отдельных случаях знатные и богатые крымские воины могли использовать и конский доспех.

Облегченный (в сравнении даже с теми же турками, не говоря уже о среднеазиатских и центральноазиатских воинах) комплекс вооружения татарских воинов, очевидно, возник не случайно. На первых порах, когда крымско-татарское государство еще только складывалось, ханы и знать неизбежно должны были столкнуться с серьезной проблемой обеспечения основной массы рядовых воинов качественными и вместе с тем

Татарский воин
конца XV – 1-й
пол. XVI в. Рис.
А.В.Красникова

дешевыми доспехами и оружием. Разгром Золотой Орды Тимуром и последовавшая за этим деградация ее городской культуры привела к существенному сокращению производства оружия и доспехов собственно в Орде (косвенно об этом свидетельствует А.Контарини, характеризуя вооружение ордынских воинов в конце XV в. [Барбаро и Контарини, 1971, с.224]). Импорт оружия из-за рубежа носил, судя по всему, достаточно ограниченный характер. Процесс же завершения формирования Крымского ханства и формирования в нем собственной городской культуры с развитым ремеслом практически совпал по времени со стремительным развитием огнестрельного оружия и падением значения оборонительного доспеха. Это вело к его облегчению и полному исчезновению. Лучшей защитой от растущей огневой мощи главных противников татар, русских, поляков и литовцев, стала ставка на «малую войну» и подвижность крымских ратей, достигаемая всеми доступными средствами.

Свою роль в отказе от доспехов сыграли и физические качества татарских коней. Современники в один голос хвалили татарских коней за их выносливость, неприхотливость и приспособленность к местным условиям (см., например: [Герберштейн, 2008, с.401; Литвин, 1994, с.75]). Правда, достоинства татарских коней были обратной стороной их недостатков. От европейских они отличались более низким ростом (в среднем 131,9 см в холке, см.: [Кожевников, Гуревич, 1990, с.14–15]), и в силу этого были не способны нести на себе тяжеловооруженного, закованного в сплошные доспехи всадника. Хороших же, мощных коней у татар было немного. Так, в 1555 г. русские воины захватили ханский обоз-«кош» и 60 тыс. заводных коней, и всего лишь 200 аргамаков [ПСРЛ, 13, 2000, с.257]. Стоили же аргамаки, согласно сведениям из духовных грамот русских служилых людей первой половины XVI в., втрое-вчетверо дороже обычных коней (см., например: [Акты, 1975, с.8, 174–175, 198, 253–254]).

Огнестрельное оружие в рассматриваемый период не получило среди татар широкого распространения. Конечно, полагать, как это делает Дж.Горсей [Горсей, 1990, с.70–71], что татары совсем не знали его, было бы ошибочно. Сражаясь с русскими и литовцами и тесно контактируя с турками, крымцы были прекрасно осведомлены о том, что такое пушки, аркебузы и мушкеты и чем они могут быть полезны. Судя по всему, первые попытки обзавестись собственной артиллерией и пехотой, вооруженной огнестрельным оружием, были сделаны при Менгли-Гирее I. Еще зимой 1490/91 г. хан взял взаймы у султана Баязида II 1 тыс. янычар [Памятники, 1884, с.105]. Очевидно, что пехота входила в число тех ханских «людей», которые «стерegli» «збудованый» «на Товани» «Ислям городокъ» и на содержание которых Менгли-Гирей требовал с Сигизмунда I ежегод 4,5 тыс. золотых [Lietuvos, 2011, p.92]. Ханская артиллерия упоминается, к примеру, под 1502 г. Тогда, по сообщению русского посла И. Мамонова, снаряжаясь в поход против хана Большой Орды, Менгли-Гирей, помимо всего прочего, взял с собой и пушки [Памятники, 1884, с.378, 379, 417].

Ногайский погром 1523 г. ускорил преобразования в составе ханских ратей. Зная об огромной убыли в Крыму после него «в людех и конех», султан Сулейман I отправил на крымский стол своего ставленника Саадет-Гирея в сопровождение не только конных воинов, но и 500 «пищальников» «поберечи нового царя, доколе укрепится» [Дунаев, 1916, с.57]. И, надо полагать, вместе с «пищальниками» султан дал Саадет-Гирею еще и канониров вместе с пушками. Султанские «пищальники» и пушкари «з делами» (в 1532 г. хан располагал, по меньшей мере, 8 орудиями, стрелявшими «великими кулями») стали ударной силой хана, которую он, не раздумывая долго, пускал в ход против своих врагов как внутренних, так и внешних, как это было, к примеру, в 1531 или 1532 г. [Гайворонский, 2007, с.178–179; Малиновский, 1863, с.258; Острожский, 1951, с.239; Сыроечковский, 1940, с.59; Черкас, 2000, с.109; Bielski, 1856, p.1059; Inalchik, 1979–1980, p.454].

Опыт применения огнестрельного оружия и общения с турками, полученный в эти годы, был учтен в полной мере реформировавшим крымское войско Сахиб-Гиреем I. Опираясь на приданный ему султанский эскорт, состоявший из конницы и 1 тыс. янычар, новый хан не только сумел утвердиться на крымском престоле и прекратить, наконец, распри, бушевавшие в Крыму после убийства ногаями его отца Мухаммед-Гирея I. Он обзавелся аналогом султанских капыкулу, создав свой постоянный корпус наемной пехоты при своем дворе (любопытно, что Эвлия Челеби именует его ханкулу [Эвлия Челеби, 2008, с.101]). Придворный хронист Сахиб-Гирея, Реммаль-ходжа, сообщал, что этот корпус насчитывал по меньшей мере 1 тыс. чел. и состоял из трех компонентов – собственно османских янычар, тат-тюфенкджи (набиравшихся среди оседлого немусульманского населения южного берега Крыма – прежде всего греков и готов) и тюфенкджи-куллар (воинов-рабов, набираемых из абхазов, грузин и горцев Кавказа) [Ганина, 2011, с.95; Inalchik, 1979–1980, p.459]. Помимо этого, по османскому же образцу в эти годы складывается практика кратковременного набора наемных улюфели-тюфенкджи из числа «неверных

зиммиев» южного берега Крыма (с разрешения султана) [Документы, 2008, с.124; Inalchik, 1979–1980, р.460].

С этого времени пехота, вооруженная огнестрельным оружием, и артиллерия стала непременным компонентом крымских ратей, без которых ханы не выступали ни в одни большой поход (см., например: [Броневский, 1867, с.365, 367; ПСРЛ, 13, 2000, с.139, 257, 258; Остапчук, 2001, с.402–403; Смирнов, 2005, с.307, 313]). Любопытна фраза одного из черкесских князей, произнесенная им в 1551 г., когда он узнал о готовящемся походе Сахиб-Гирея: «Хан, говорят, идет грабить нас... **Он силен своими пушками** (выделено нами. – *В.Л.*), а мои пушки и пищали – крутые горы и быстрые кони...» (цит. по: [Некрасов, 1990, с.110]). Но что оставалось делать черкесам, не имевших возможности заполучить в свое распоряжение огнестрельное оружие? Ведь обладание им давало недюжинные преимущества крымским ханам над теми, у кого его не было. Так, тот же Сахиб-Гирей, используя своих тюфенкджи и артиллерию, разгромил астраханцев и взял Астрахань в 1546 г., а затем наголову разбил ногаев зимой 1548 г. Постоянно использовал артиллерию и пехоту Девлет-Гирей в его походах против русских – например, в 1552, 1555, 1565, 1569 и 1572 гг. Он же отправлял своих тюфенкджи и пушки в помощь астраханским ханам Ямгурчи и Дервиш-Али, когда те пытались отстоять свою независимость от Москвы [Зайцев, 2006, с.140; Некрасов, 1990, с.107; ПСРЛ, 13, 2000, с.399; Остапчук, 2001, с.406; Посольские книги, 2006, с.109].

Правда, широкого распространения в XVI и большей части следующего столетия огнестрельное оружие у крымцев не получило. Татары не любили его, более того, как писал Эвлия Челеби, «татарский народ не умеет стрелять из ружей. Ружей они боятся. Если где-нибудь есть ружья, они говорят: «Мылтык коп», и туда не идут...» [Эвлия Челеби, 2008, с.31]. Пушки и мушкеты считались, видимо, «подлым» оружием, недостойным настоящего татарина – не то, что традиционный лук, во владении которым крымцы не имели равных. Г.-Л. де Боплан, отмечая искусность татарских стрелков, писал, что они «...стреляют так метко из лука,

что на расстоянии 60–100 шагов не дают промаха по своей цели», а при навесной залповой стрельбе посылают свои стрелы на дистанцию, вдвое большую, чем досягаемость козачьих ружниц [Боплан, 2004, с.245, 251].

Проанализировав техническую сторону татарского военного дела, нельзя не остановиться и на его организационной составляющей. В конце концов, каким бы ни было совершенным оружие, сражаются и люди, и если они не готовы или не желают сражаться, если их командиры действуют неграмотно, то никакое самое совершенное вооружение не спасет самое блестящее внешне войско от сокрушительного поражения.

Структура крымского войска, судя по всему, оставалась вполне традиционной. Исходя из имеющихся сведений, армия Крымского ханства включала в себя несколько составных частей. Прежде всего, это ханский «двор» и его личная гвардия, хан-кулу; затем «дворы» «султанов», «уланов», «князей» и мурз; племенное ополчение, созываемое в случае большого похода из числа рядовых татар-мужчин в возрасте от 15 до 70 лет. О размерах последнего можно судить по сохранившимся сведениям, согласно которым сильнейший крымский род, Ширины, были способны выставить в поле 20 тыс. всадников, а в 1543 г. отборная конница 4 главнейших родов, Ширинов, Аргынов, Кыпчаков и Мангытов, составляла 10 тыс. воинов. К собственно татарскому войску добавлялись отряды, выставляемые вассалами хана, наемники, добровольцы-«охотники», снаряжавшиеся в поход за добычей в расчете поправить свои дела, а также вспомогательные турецкие контингенты [Броневский, 1867, с.365, 367; ПСРЛ, 13, 2000, с.138; Остапчук, 2001, с.402; Смирнов, 2005, с.307, 313, 345; Inalchik, 1979–1980, р.448]. Организация войска была основана, судя по всему, на десятичном принципе, при этом русские источники упоминают о делении крымского войска в походе и в битве на «полки» (см., например: [Боплан, 2004, с.223; ПСРЛ, 13, 2000, с.257]).

Какой была тактика крымских татар? Анализ доступных материалов показывает, что она была сложнее, чем обычно представляется, и в известной степени удали-

лась от прежней ордынской модели XIV – начала XV в. Поэтому фраза С.А.Ищенко о том, что крымские ханы сохранили почти без изменений ордынские традиции, связанные со спецификой военных действий [Ищенко, 1989, с.138], представляется не совсем корректной. Изменения были, и они носили порой весьма серьезный характер. И касались они прежде всего рисунка самого боя. Оттачивавшаяся веками традиционная схема действий кочевнической конницы на поле боя, включавшая в себя три основных фазы – лучный бой, шоковый удар тяжелой и средней конницы «в копыя» и добивание опрокинутого и бегущего в беспорядке противника холодным оружием (см., например: [Бобров, 2002, с.96; Горелик, 1995, с.381]), уже не работала, т.к. состав наступательного и оборонительного вооружения крымских татар изменился. В лучшем случае из трех фаз осталось только две – первая и последняя. Да и сама татарская конница, скорее всего, действовала на поле боя в смешанных боевых порядках – первую шеренгу боевого построения занимали лучше вооруженные и защищенные воины, а остальные татары строились за ними (ср. описание боевых порядков конницы восточноазиатских кочевников в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени: [Бобров, 2007, с.77–79]).

Вместе с тем под влиянием турок крымские татары во второй четверти XVI в. приняли на вооружение классический османский «Дестур-и-Руми» – боевой порядок, ядром которого был вагенбург-табор из повозок-«зарбузан арабалары», оснащенных легкой артиллерией (фальконетами-«зарбузан»), внутри которого находились стрелки-тюфенгчи [Остапчук, 2001, с.402–403, 405–406]. О размерах крымского обоза в больших походах дает представление следующая фраза из грамоты И.Мамонова о том, что, готовясь к походу против Большой Орды, Менгли-Гирей «...всем своим людям велел готовым быти,... и кони кормить, а у пяти б человек телега была, а по три кони у человека, а oprичь иного корму, было бы у пяти человек по два вола...» [Памятники, 1884, с.378].

Эти изменения привели к тому, что тактика крымских татар изменилась в сравнение

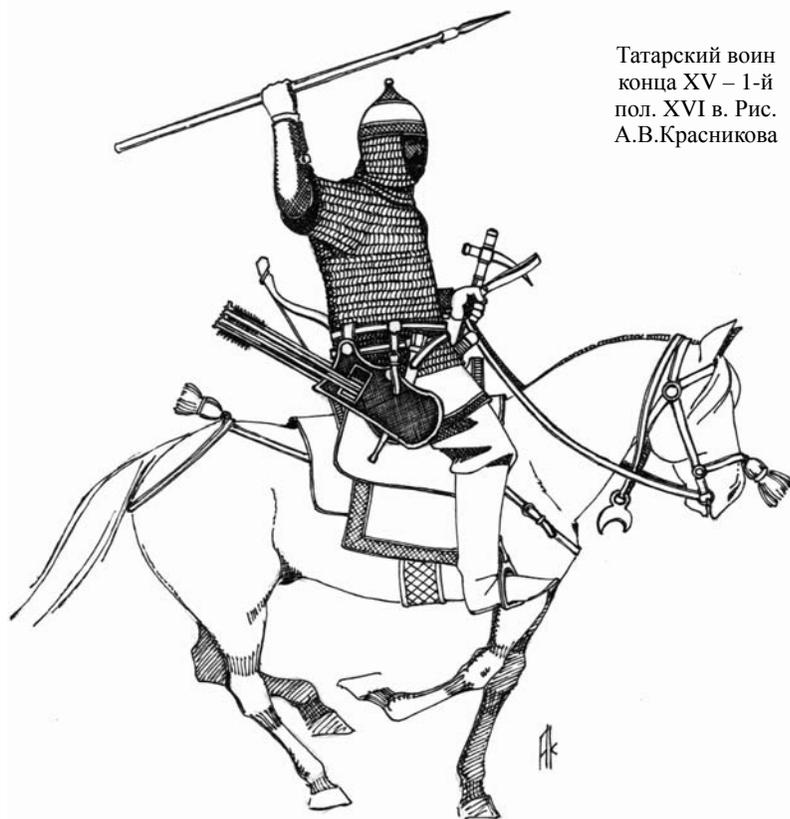
с классической ордынской моделью и варьировалась в зависимости от противника, с которым предстояло иметь дело, и от цели похода. «Дестур-и-Руми» в 40-х гг. XVI в. с успехом применялся тем же Сахиб-Гиреем против ногаев и черкесов. Вместе с тем в походах против русских, литовцев и поляков татары редко использовали пехоту и артиллерию, а если они и появлялась на поле битвы, то, как правило, терпели неудачу, как в 1541 и 1552 гг. [ПСРЛ, 13, 2000, с.138–139; 189–190]. В том же походе 1552 г., согласно русским документам, хан взял с собой 18 артиллерийских орудий, потерянных во время неудачной попытки взять Тулу [Акты, 2008, с.222–223]. Техническое и численное превосходство противников татар, опиравшихся на намного более развитую промышленность, делало для последних бессмысленным соревнование с русскими, поляками и литовцами в этих новых для них родах войск. Кроме того, османы привлекала татар со второй половины XVI в. к участию в проводимых ими кампаниях, отводили им роль легковооруженных всадников-акынджи, в задачи которых входили прежде всего разведка и опустошение неприятельских территорий. Для этого «Дестур-и-Руми» и большой обоз были не нужны. Видимо, не случайно в конце XVI в. ставка была окончательно сделана на скорость, маневр и изматывание противника при одновременном уклонении от рукопашной схватки до тех пор, пока неприятель не побежит.

Полагая главной своей целью опустошение неприятельских владений земель и захват ясыря и уклоняясь от прямого столкновения с врагом, татары большое внимание уделяли разведке – как предваряющей открытие кампании, так и во время самого похода (см., например: [Броневский, 1867, с.361–362, 363; Виженер де Блез, 1890, с.81–82]). Об организации и проведении типичного татарского похода за ясырем на «север», на Украину или на Русь, сохранилось немало свидетельств современников. Об этом писали, к примеру, М.Броневский и Г.Л. де Боплан (описание татарского похода, сделанное последним, стало классическим) [Броневский, 1867, с.362–363; Боплан, 2004, с.227–235].

Однако, если крымское военачальники чувствовали, что перевес на их стороне, местность благоприятствует действиям их легкой конницы и есть высокие шансы на победу (или же противник вынуждал принять татар бой), они решались на сражение. Однако и здесь они стремились действовать так, чтобы с наибольшей эффективностью использовать свои главные козыри – скорость, маневр и массированную стрельбу из луков. «Сражение с врагом они начинают издали и очень храбро, хотя долго его не выдерживают, а обращаются в притворное бегство. Когда враг на-

чинает их преследовать, то [при первой же возможности] татары пускают назад в них стрелы; затем, внезапно повернув лошадей, снова бросаются на расстроенные ряды врагов. Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага» [Герберштейн, 2008, с.401].

В этом отрывке прекрасно описаны главные и наиболее характерные тактические приемы татар. И если проанализировать свидетельства современников об организации походов и действиях татарских отрядов на поле боя, то от бытующего мнения о неорганизованности и беспорядочности татарского войска не остается и следа. Действительно, для того, чтобы маневрировать описанным выше способом на поле боя, своевременно атаковать, а затем откатываться назад, перестраиваться и снова атаковать и так несколько раз подряд – для этого необходимы незаурядная выучка и дисциплина

Татарский воин
конца XV – 1-й
пол. XVI в. Рис.
А.В.Красникова

как рядовых воинов, так и военачальников, начиная с десятников. Дисциплинированность татар и их готовность подчиняться приказам своих начальников подчеркивали многие современники [Броневский, 1867, с.366–367; Виженер де Блез, 1890, с.82].

Но не только железная дисциплина превращала татар в опасных противников. Они, кроме, быть может, тюфенкджи, не знали регулярного военного обучения и муштры, что в это время постепенно внедрялись в европейских армиях. Однако отсутствие последних более чем компенсировалось большим опытом совершения регулярных набегов и «втянутостью» как рядовых татарских воинов, так и командного состава, в войну. Об этом ярко и образно писал, к примеру, Г.Л. де Боплан, подчеркивая слаженность действий даже самых мелких отрядов татарских воинов [Боплан, 2004, с.245, 249, 251]. Именно эта «втянутость», «привычка» к войне, снижала опасное и снижающее боеспособность любого войска «общее трение», которое прусский военный теоретик К. фон Клаузевиц видел в несработанности

военной машины и ее отдельных элементов [Клаuzeвиц, 2002, с.116–117].

Привычка к войне и дисциплинированность, огромный опыт, готовность переносить все тяготы войны, отличное умение владеть главным своим оружием, луком, отменные навыки верховой езды и джигитовки делали татар чрезвычайно опасным противником. К этому стоит добавить также, что сами татары жили в природной крепости. Сотни километров безводной и безлюдной степи были намного лучшей защитой для крымчаков от русских, поляков и литовцев, нежели крепостные стены и валы. Долгое время татары, а не их противники, выбирали время и место для удара, татары, а не их враги, владели инициативой и навязывали свою волю и свой рисунок боя неприятелю. И если крымчаки не допускали ошибок в развертывании и во время военных действий, то бороться с ними было чрезвычайно сложно. Как метко заметил Г.Л. де Боплан, в войне с татарами побеждал более хитрый, а не более сильный, а соревноваться в хитрости и умении вести малую войну с татарами было трудно [Боплан, 2004, с.249].

И теперь о последнем, о способности и желании татарского общества эффективно применять военную силу. Воинственность татар, их желание и готовность воевать подчеркивалась всеми современниками. Так, Б. де Виженер писал, что «...они (т.е. татары. – П.В.) не признают иного занятия кроме войны, т. е. внезапных набегов, сопровождаемых убийствами и грабежами...» [Виженер де Блез, 1890, с.81]. Основанное саблей, Крымское ханство поддерживало свое существование саблей же. Однако была ли воинственность крымских татар их врожденным качеством или же необходимым условием существования их общества и государства? Интересные наблюдения, позволяющие дать ответ на этот вопрос, были сделаны Н.Н.Крадиным. Он писал, что «экологическая и экономическая адаптация номадизма являлась далеко не полной. С одной стороны, климатические стрессы, экстенсивность скотоводства, невозможность внедрения технологических инноваций и прочие причины... делали получаемый прибавочный продукт во много нестабильным. С другой стороны, перейдя к подвижному

скотоводству, номады тем не менее не утратили необходимости потребления растительной сельскохозяйственной пищи...» Кроме того, отмечал историк, хотя «само по себе кочевое скотоводство является достаточно независимым и сбалансированным типом адаптации в аридных зонах», тем не менее «...такая адаптация вынуждает от многого отказываться. Образ существования «чистых» кочевников всегда более скуден, чем бы номадов, использующих дополнительные источники существования...» Переход же к иным способам существования, прежде всего занятиям ремеслами и земледелием, представлял для кочевников серьезную проблему, ибо «...отказ от пасторального образа жизни рассматривался номадами как крайне нежелательная альтернатива...» [Крадин, 2002, с.95–96].

Зависимость номадов от земледельцев подчеркивал и ряд других специалистов, например, Т.Дж.Барфилд, А.М.Хазанов, Т.Д.Холл [Барфилд, 2006, с.429; Хазанов, 2006, с.470–472; Холл, 2006, с.451]. Между тем земледельческие общества, отличаясь от кочевых большей автаркичностью, самодостаточностью, не испытывали особого стремления вступать в экономические и иные контакты с миром номадов. Последние же, нуждаясь в земледельцах, рассматривали их попытки отгородиться от кочевого мира как стремление посягнуть на свою независимость, этническую и культурную самобытность. Учитывая же милитаризованный характер кочевых обществ и присущий им, как, впрочем, и многим другим народам на аналогичной, «варварской», стадии развития, характерный «варварский» этос (как писал Тацит, характеризуя отношение германцев к труду, «...гораздо труднее убедить их распахать поле и ждать целый год урожая, чем склонить сразиться с врагом и претерпеть раны; больше того, по их представлениям, потом добывать то, что может быть приобретено кровью, – лень и малодушие»), то предугадать поведение татар по отношению к соседям нетрудно. Набеги на последних, особенно северных, обеспечивали их тем, чего им не доставало, давали дополнительный доход, удовлетворяли их страсть к «хищничеству», способствовали выживанию татар в случае хозяйственного

кризиса. Отметим в этой связи, что, судя по всему, после того, как Сахиб-Гирей вынудил живших в Крыму татар перейти к полuosедлому и оседлому образу жизни (см., например: [Смирнов, 2005, с.312]), их боеспособность стала снижаться, и на первое место выдвинулись ногаи, в немалом количестве откочевавшие в таврические степи в начале XVI в. Они сохранили прежний образ жизни и славу самых свирепых татарских воинов [Флетчер, 1991, с.97]. Не случайно сын Девлет-Гирея, Мухаммед-Гирей II, узнав о гибели своего вассала, бия Малых Ногаев Гази, был чрезвычайно опечален, поскольку сам Гази «камена был стена Крымскому юрту и Азову», а «казыевы» воины – «на всякой войне первые люди» (цит. по: [Трепавлов, 2005, с.286–287]).

Касаясь идеологической составляющей войн, которые вело Крымское ханство, отметим также, что противостояние Крыма с Россией, Литвой или Польшей носило характер еще и религиозного противостояния. Все это придавало отношениям Крыма со своими северными соседями характер особо жестокой враждебности. Как отмечал видный русский военный теоретик и историк Н.П.Михневич, «войны однокультурных народов всегда более или менее нерешительны; войны разнокультурных – всегда роковые...» [Михневич, 1911, с.38].

Таковыми представляются нам основные и наиболее характерные черты развития военного дела в Крымском ханстве в конце

Средневековья – начале Нового времени. Характеризуя в целом же уровень развития военного дела Крымского ханства в XVI и отчасти XVII вв., можно только согласиться с мнением В.Остапчука, который высоко оценивал уровень развития военного дела в Крымском ханстве в рассматриваемый период [Остапчук, 2001, с.392]. И хотя описанный в общих чертах образ татарского воина и войска конца XV – начала XVII в. и отличается от общепринятого, тем не менее, на наш взгляд, он больше соответствует исторической действительности и позволяет более или менее удовлетворительно ответить на вопрос: «Почему крымские татары столь долго являлись серьезным противником для обладавших большими людскими, техническими и производственными ресурсами противников?». Крымским татарам как обществу, «организованному для войны» (по меткому выражению отечественного историка М.В.Нечитайлова, примененному им по отношению к средневековой Испании), удалось создать эффективную военную машину, которая вплоть до начала XVIII в. представляла серьезную угрозу для своих соседей. И только после того, как в результате военной революции в странах Европы появились массовые регулярные армии, прекрасно оснащенные модернизированным огнестрельным оружием и великолепно обученные, военная мощь Крымского ханства оказалась сломленной, а само ханство утратило свою независимость.

§ 4. Военное дело Астраханского ханства

Илья Зайцев

Судя по дошедшим до нас скудным данным, собственных вооруженных сил в распоряжении астраханских ханов было мало (а временами, скорее всего, не было вовсе). В крупных военных операциях астраханских ханов, мы всегда видим ногайцев в качестве ядра войска. Астраханские Чингизиды, с одной стороны, сами активно участвуют во внутриногайских распрях, а с другой – привлекаются противоборствующими сторонами в качестве союзника. Например, когда на астраханский престол в 1514 г. вступил Джанибек б. Махмуд, он, по словам некое-

го кыята Кара-Чуры, московскому дипломату В. Коробову: «...посылал... человека с грамотою к Чагир мырзе¹, да к Шийдяку, да к Мамаю, да к Келмамаю, чтоб пошли с ним воевати Шигим мурзу, и Чагир с братьею в Азторохань к нему пришли, а Занебек царь, да Мустофар царевич с детми, да Хозяк солтан², их не дожидаясь, шод, летось Шигим мурзу побили и улус у него взяли десять тысяч человек, а он у них утек

¹ Ногайский мирза Алчагир.

² Чингизид, брат Шейх-Ахмеда, сын Ахмеда.

сам-двадцать» [Сборник РИО, 1895, с.144]. По словам Кара-Чуры, оскорбленный мирза Чагир «с братьею» осадил Астрахань и предъявил Джанибеку требование отнять военную добычу у Мустофара «с детми» и «Хозяка солтана, да и отбей от себя прочь» [Там же]. Джанибек не согласился с требованием мирзы Чагира: не стал делиться добычей и выгонять из города Мустофара с Хозяком. Чагир «с братьею» отправился на Яик, куда к нему пришел разбитый Джанибеком Шигим. Шигим пытался примириться с Чагиром, но последний заковал его и посадил под арест в Сарайчике. По словам Кара-Чуры, узнавший об этих событиях мирза Мамай, с которым были 50 человек, отбил Шигима и выпустил его. Тем временем Хозяк и двое сыновей Мустофара «от царя (Джанибека. – *И.З.*) отступили» и покинули Астрахань, «взяв с собою ту десять тысяч человек, что взяли у Шигима, пошли на поле кочевать» [Там же, с.144–145]. Вскоре к ним присоединился сам Шигим. Хозяк, Шигим и сыновья Мустофара направились к Тюмени (Дагестан), где Муртаза (сын Ахмеда) и «тюменские салтаны» посадили на царство Хозяка, а Шигим стал его эмиром. Муртаза будто бы добровольно отказался от престола, ссылаясь на свою старость. Видимо, в Тюмени между детьми Мустофара и Шигимом и Хозяком произошел раскол. Хозяк и Шигим одного из сыновей Мустофара, «огравив, отбили прочь, а другого Мустофара сына Муселем-салтана поймал Шигим князь» [Там же, с.145].

В этих условиях Джанибек задумал нанести удар по коалиции Хозяка, Шигима и «тюменских салтанов». Он решает вновь обратиться к Чагир-мирзе. В конце зимы 1515 г. Чагир «с братьею, пришед под Асторохань по синему льду (т.е., видимо, накануне ледохода. – *И.З.*), да царю говорил: “Яз тебя для вдругие прихожу на своего брата, а ты доспей меня для, ограби Мустофара салтана с детми да отшли его от себя прочь”. И Зенебек их не послушал; и Чагир мурза с братьею со царем розбранив, да подступил под город, да стоял под городом день, да побився и пошли прочь в свои места к Яику». Осада Астрахани Чагиром закончилась неудачно: Джанибек произвел вылазку и пленил около 300 человек у отступающего Чагира.

После этого, по словам Кара-Чуры, «и Волга прошла» [Там же], т.е. начался ледоход.

Из этого сообщения видно, что осада Астрахани без поддержки с реки (без «судовой рати») была возможна для ногайцев (и не только для них) только зимой, да и то не всегда могла быть успешна (осажденные в крепости могли делать успешные вылазки).

Именно поэтому соперничавшие ногайские аристократы в своих планах по овладению городом часто выбирали зимнее время, когда замерзала река. Например, ногайский бий Сейид-Ахмед, планировал свой поход против города, где засели его враги – сыновья мирз Агиша и Алчагира, поздней осенью 1536 г., «как Волга станет» [Посольские книги, 1995, с.153].

Волга служила естественным рубежом обороны города и со стороны Крыма. В условиях крымской угрозы астраханские войска быстро уходили на левый берег реки. Например, летом 1515 г. (вероятно, в июне – июле) Мухаммед-Гирей организовал большой поход на ногаев и Астрахань. В письме от 3 августа он писал Василию III: «... сего году на своего недруга на Асторохань были есмя пошли... да сами есмя до Дону были дошли, и встретили нас люди, кони гонят, и те нам сказали, что деи послышев про нас весть, астороханский царь да Шыгим мурза на ту сторону Волги перелезли. И мы с уланы и со князми подумали, и уланы и князи говорили: ныне они хотя и полезли за Волгу, а на зиме на сей стороне будут, а у нас тогды кони тучны будут, а сами мы опочинем» [Сборник РИО, 1895, с.150]. Мухаммед-Гирей решает отложить поход до конца осени. Уже 30 августа в Москве получили новые письма из Крыма. Посол хана сообщал, что в результате похода ногаи ушли на другую сторону Волги (левую), но в доставленном тогда же письме Аппака, приближенного Мухаммед-Гирея, сообщалось, что «Шыгим на ону сторону перелез, и Асторохань на ону сторону перелезла...» [Там же, с.151, 169].

Впрочем, астраханские ханы не только иногда успешно противостояли агрессии извне, но и наносили чувствительные удары соперникам. Тактика противостояния астраханцев Крыму сводилась к тому, чтобы выждать, когда крымцы уйдут на Русь, а потом

напасть: трех месяцев отсутствия рати вполне хватало для того, чтобы, ограбив крымские улусы, спокойно удалиться. По словам крымской «царицы большой», «недрузи наши хастараканцы того и глядят», чтобы крымцы пошли походом за Перекоп, «а говорят: ведаем мы, крымцы ходят на Русь, а ходу их вперед и назад три месяца, а мы в те три месяца что учинив у себя будем. А уж нам сего лета хастороканцы явились, Асанмурзу¹ топтали и ограбили, толко что сам ушел» [Там же, с.364–365, 361]. Так и произошло в 1521 г., когда астраханцам хватило всего лишь 580 человек, чтобы в отсутствие основных военных сил Мухаммед-Гирея, занятого походом на Русь, произвести на полуострове погром. Был угнан крымский скот и захвачено множество пленных. Спасаясь от нашествия, крымцы бежали в Кафу под османскую защиту. 8 октября 1521 г. в Москву прибыли грамоты из Азова, в том числе и письмо московского дипломата Губина. Его информатор — турок Мустафа, прибывший из Кафы в Азов накануне Госпожина дня, сообщил Губину об астраханском походе и смерти астраханского хана². «А сказывает тот же турчанин, как пошел цар[ь] крымской из Крыма з брат[ь]ею и з детми и со всеми людми за месяц до оспожина дни. А в Крыме оставил Халиля князя да мурзу ногайского Кушмерденя. И после того пришли азтороканцы многие люди на крымского улусы и поймали улусы и полону имали много. А иные многие люди из улусов в Кафу прибежали» [РГАДА, ф.89, оп.1, ед.хр.1, л.191]. Несколько уточненные вести сообщал и азовский *бурган*: «И как, государь, на Рус[ь] пошел цар[ь] крымской, и после того, государь, пришло на Крым азтороканцов три станицы: в станице, государь, триста человек, а в другой станице двесте человек, а в трет[ь]ей — восемьдесят человек. И те, государь, астороканцы крымских улусов поймали есырь³ и верблюдов и иного животу несть числа» [РГАДА, ф.89, оп.1, ед.хр.1, л.192 об.].

¹ Сын Тимура, зять Мухаммед-Гирея.

² «Оспожин день» – 15 августа, день Успения Пресвятой Богородицы. Поскольку информатор Губина Мустафа прибыл в Азов накануне, то астраханский поход и смерть Джанибека следует датировать временем до 15 августа.

³ То есть пленных: «ясырь» – полон.

По возвращении из похода на Русь Мухаммед-Гирей решил отомстить Астрахани за причиненный ущерб. Однако, взять астраханскую крепость без поддержки артиллерии и речного флота было, видимо, нелегко. Еще в 1517 г. Мухаммед-Гирей разработал план широкой коалиции (Крым – Москва – Казань) против Астрахани, который рисует план взятия города одновременно с реки с помощью судовой рати: «Авляяр-мурзе с Москвы с великого князя ратью и с пушками и с пищальми в судех ийти под Астрахань. А Берючеку князю ийти было с Москвы в Казань ко царю, чтоб царь казаньской свою судовую рать послал на Асторокань, а Берючеку было с тою ратью с казанскою ийти в судех под Асторокань» [Сборник РИО, 1895, с.372]. Мухаммед-Гирей и в 1518 г. продолжал напрямую связывать успех «астраханского дела» с участием в нем Москвы. Илья Челищев в своем письме из Крыма (прибыло в столицу в марте 1519 г.) сообщал: «И говорил, государь, нам царь: брат мой князь великий дает мне помочь на Астарокань, и Асторокани от нас негде ся деть» [Там же, с.631].

Усилия Мухаммед-Гирея увенчались успехом: в результате похода 1523 г. он овладел Астраханью, однако вскоре был убит там, пав вместе с сыном от рук хаджитарханских мангытов. Естественно, что ногайцы стали основной силой, которая гнала крымские войска от города. Ситуация 1521 г., когда лишенный защиты полуостров подвергся ногайско-астраханскому разорению, повторилась с еще большим размахом. При отступлении от Астрахани крымцы несли жесточайшие потери. Московские казаки, ехавшие во второй половине июня 1523 г. в Москву из Азова от И.С. Морозова, стали свидетелями последствий крымского разгрома и небывалого бегства войск из-под Астрахани. Казаки видели, как «крымские татарове из Асторокани бегли от нагайских мырз и за Дон возились» и «на Дону топли» [РГАДА, ф.89, оп.1, ед.хр.1, л.194 об.; Дунаев, 1916, с.56; Сыроечковский, 1940, с.57]. Вероятно, они были свидетелями этого бегства еще весной. Московский посол в Турцию И.С. Морозов, прибывший в Азов 19 мая 1523 г., сообщал: «Да и мы, государь, видели по перевозом, к Азову идучи, днищ

за пять, и за шесть, и за десет¹, по которым местом крымцы Дон возились, ино, государь, лежит топных лошадей и верблюдов по берегу и по полю, и телег метано добре много. Да и татарове деи, государь, крымские по перевозом многие топли» [РГАДА, ф.89, оп.1, ед.хр.1, л.257 об.–258; Дунаев, 1916, с.56; Сыроечковский, 1940, с.57].

«Постниковский летописец» сообщает цифры потерь Мухаммед-Гирея: крымцы будто бы потеряли 130 000, «от двух тысяч ногай побежен бысть окаянный гордый мучитель» [ПСРЛ, 34, 1978, с.14].

Части крымских войск удалось добратся до Перекопа. По сообщению И. Колычева из Крыма (его письмо прибыло в Новгород Северский в марте 1524 г.), после того как ногаи форсировали Дон, «те перекопские татарове учали от нагай бежати от петрова... дни до Рождества Христова на всяк ден[ь] в Перекоп ехали, а иные пеши шли» [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.6, л.48], т.е. бегство крымцев продолжалось до конца 1523 г. Преследуя сыновей Мухаммед-Гирея, к Крыму двинулись ногаи и Шейх-Хайдар (сын Шейх-Ахмеда). В «четверг... на страстной неделе» Шейх-Хайдар с ногами подошел к Перекопу и, видимо, не встретив сопротивления, двинулся в глубь полуострова [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.6, л.3]. Азовский бек Мухаммед сообщал о трехдневном сражении Казы(Гази)-Гирея и Бибей-Гирея с ногами у Перекопа и победе, одержанной ногами [РГАДА, ф.89, оп.1, ед.хр.1, л.260]. Ногайско-астраханское войско разделилось надвое: одна часть осадила Кыркор (Чуфут-Кале, старую резиденцию ханов на плато под Бахчисараем), а вторая – опору Ширинов, город Крым (Солхат). По словам московского посла в Крым Ивана Колычева, ногаи «что было улусов и, став вокруг Крыму и Киркора, лошадиных и всякой животины, то все выпили и вывели» [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.6, л.3–3 об.].

Через неделю после Пасхи 1523 г. («в другую субботу после велика дни») от Астрахани к Перекопу пришли «Мемеш, Девлет Бахты² да Мамыш Зезевуды и иные князи

¹ То есть 10–14 мая [Сыроечковский, 1940, с.57].

² Князь Мемеш и Девлет-Бахты – два разных человека, а не один, как можно понять из текста.

и мырзы и чки³, двор царев тысяч з двеннатцат», т.е. остатки крымского войска, разбитого у Астрахани. По дороге к Крыму они разбили мирз Кушума⁴ и Удема⁵ (первый бежал, а второму отрубили голову). У Перекопа произошла битва между вернувшимся из-под Крыма Шейх-Хайдаром и крымскими князьями, в которой крымцы потерпели поражение [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.6, л.3 об.]. Шейх-Хайдар с ногами около двух недель простоял в 10 верстах от города, опустошая окрестности, угоняя людей и скот. Ногаям удалось захватить в плен четырех крымских царевичей: Ислама (сына Мухаммед-Гирея), Шах-Гирея и Шах-Ислама («Магметевы дети»⁶) и Мерет-Гирея «Бете-Киреева сына»⁷. Шах-Гирей и Шах-Ислам были убиты, Мерет-Гирей отпущен в Перекоп, а Ислам взят в заложники [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.6, л.4]. Шейх-Хайдар «с мангиты и с нагаи оттоле пошли к Дону».

Однако не только Крым, но и сама Астрахань часто подвергалась ногайской угрозе. Астраханская крепость была видимо, достаточно сильной, чтобы противостоять ногаям, у которых не было артиллерии. В марте 1524 г. московские казаки сообщали со слов крымского татарина, ушедшего в Астрахань вместе с царевичем Чобаном и вернувшегося за пять дней до их отъезда, что мирза Мамай семь дней осаждал город, «а с ним был Юсуп мырза, ходил опричным полком. А Кошум мырза с Мамаем под Азсторокан не пошел, с Мамаем в розни. И выходил из Азсторокани Чебан царевич крымской с астороканцы да Юсуп мырзу побил, да и самого... Юсупа убил. И Мамай мырза от Асторокани пошел проч[ь], а кочует... на сей стороне Волги» [РГАДА, ф.89, оп.1, ед.хр.1, л.270 об.]. В марте 1524 г. в Москву прибыли гонцы с письмами от И.Колычева из Крыма. Русский посол сообщал, что за пять дней до

См., например, письмо князя Абд ар-Рахмана Василию III [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.6, л.13]. Мемеш – Ширин, а Девлет-Бахты – Барын.

³ То есть *ички* – «внутренние» слуги.

⁴ То есть Кошум (Хаджи-Мухаммеда), одного из рядовых заволжских князей.

⁵ По Литовской метрике, это сын Тимура б. Мансура б. Эдиге.

⁶ Скорее всего также сыновья Мухаммед-Гирея.

⁷ Думаю, это сын Фетх-Гирея.

Рождества к Саадет-Гирею в Перекоп приехал «из Нагаи Тиниш мырза, а сказывал царю: Стояли, деи, нагаи под Асторокан[ь]ю семнатцат ден, да Азторокан не взяли, да пошли за Волгу» [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.6, л.49 об.]. Хотя в этих двух известиях указывается разное количество дней осады (17 и 7 дней соответственно), речь скорее всего идет об одном событии. Осада Астрахани Мамаем и Юсуфом состоялась осенью 1523 г. Решающим фактором в ногайских неудачах овладеть астраханской крепостью было отсутствие артиллерии. Именно необходимость артиллерии для взятия города объясняются неоднократные просьбы крымских ханов прислать пушки и пищали для борьбы с астраханцами. Например, в середине 30-х гг. XVI в. в «памяти» послу князю Василию Семеновичу Мезетцкому, посланному к Ислам-Гирею, читаем: «А взмолвит царь про Азторокан[ь], чтоб мне княз[ь] великий на Азторокан[ь] пособ учинил, дал бы мне пушки и пищали. И князю Василию говорити: “что, господине, со мною к моему государю накажеш[ь] и яз то до своего государя донесу”» [РГАДА, ф.123, оп.1, ед.хр.8, л.128 об., 131 об.].

Вероятнее всего, астраханские ханы могли сами распоряжаться каким-то количеством войска (скорее всего, ногайского) и даже оказывать военную помощь соседям, с которыми были связаны обязательствами. В письме казанского хана Сафа-Гирея польскому королю и литовскому великому князю Сигизмунду I Старому, написанном между 1539 и 1544 гг., упоминается о военной помощи, оказанной Абд ар-Рахманом казанскому хану Сафа-Гирею: «А поведаю те же вашей милости отцу своему, што же Мамай мурзин сын приехал до нас з десятии тысячами людей, хотячи мне послугу вчинити направитку неприятеля вашей милости московского, и очтарханский Аврагман царь прислал тысячу людей мне на помочь; тыи те же и вси люди теперь при нас есте... А и те [же] теперь рачи ваша милость так мыслити, яко бы добре было, а с пожиточным вашей милости отца моего, бо я теперь, сын вашей милости, млю все войско нагайское и оштарфанское у своей моцы, ваша милость рачи о том ведать» [Мустафина, 1997а, с.33–34]. Впрочем, учитывая, что Сафа был

изгнан из Казани в самом начале 1546 г., можно утверждать, что астраханским ханом, оказавшим ему военную помощь, был Аккубек. В 1551 г. об этом вспоминали сыновья ногайского мирзы Юсуфа – Юнус и Али: казанцы выбили из города крымцев, «а Сафа-Гирея царя с немногими людьми оставили. И в то время из Астарахани пришел Мансырь сеит. И после того не[с]колько ден спустя Сафа-Гирей царь с Мансырь сеитом побежал в Астарахан[ь], да у астраханского царя и у царевича силу взяв, пришед Казан облегал». После неудачной осады Сафа-Гирей вынужден был бежать к Юсуфу [РГАДА, ф.127, оп.1, ед.хр.4, л.43–43 об.].

В тех случаях, когда в 40-х – начале 50-х гг. XVI в. астраханской крепостью овладевали вражеские войска, чаще всего это было результатом подготовленных и хорошо организованных походов (крымских или московских). Например, в 1546 г. Астрахань была взята Сахиб-Гиреем. По Реммал-ходже, крымские войска в походе насчитывали от 200 до 1000 *тюфенкчи* (воины, вооруженные по османскому образцу ружьями — *тюфенк*), силы хана достигали 10 000 (включая подразделения беев), племенное ополчение насчитывало будто бы 250 000. После того как крымские войска в течение суток форсировали Дон, судьба города была решена. Астрахань была захвачена благодаря полевой артиллерии и отрядам *тюфенкчи*. Ямгурчи бежал, а часть его свиты и окружения была взята в плен и доставлена в Крым с обещанием, что им не будет причинен вред [Tarih-i Sahib, 1973, с.97–105; Остапчук, 2001, с.399–405].

Однако случалось и так, что город мог быть взят в результате внезапного стремительного нападения. Так, видимо, произошло в конце 1549 или начале 1550 г., когда на какое-то время город был захвачен московскими казаками [Зайцев, 2006]. Об астраханском гарнизоне в конце 40-х – начале 50-х гг. XVI в. у нас почти нет данных. Из грамоты ногайского мирзы Исмаила, которая была доставлена в Москву в конце мая 1552 г., становится ясно, что это могло быть несколько сот человек. В грамоте Исмаил просил отпустить из Москвы дочь Юсуфа, Сююн-бике, и между прочим писал: «Да из Астарахани люди выехали да приста-

ли х Казы-мирзе. И учинилось их четыреста человек. А того не ведаем, на вас ли будет пойдут, или на промежке гостей ли будет им стеречи. Волгу до Переволоки вы ловити, а ниже того мы и ловили» [РГАДА, ф.127, оп.1, ед.хр.4, л.103–103 об.].

Некоторые дополнительные данные об обороне крепости дают события первой половины 1550-х гг. В апреле 1554 г. в Астрахань из Москвы был послан Дервиш-Али, а с ним отправился воевода князь Юрий Иванович Пронский-Шемякин «с товарищи». Поход был организован традиционно: к городу шли три полка. Большим командовали сам Пронский и Михаил Петров сын Головин¹, передовым — постельничий Игнатий Михайлович Вешняков и Ширяй Васильев сын Кобяков, сторожевым полком — Стефан (Степан) Григорьев сын Сидоров и князь Андрей Булгак Григорьев сын Барятинской. Вместе с Ю.И.Пронским шли также вятчане с князем Александром Ивановичем Вяземским [ПСРЛ, 13, 1904, с.236; Разрядная книга, 1966, с.144].

Московское войско насчитывало около 30 000 воинов. Ю.И.Пронский первым отправился в Нижний Новгород, где все силы должны были собраться воедино. Оттуда воевода, «создався... со всеми людми», выступил во главе объединенного войска в Петров пост, т.е. до 29 июня – Петрова дня. 29 июня войска на судах подошли к району Переволоки – предположительной границе ханства. Вперед были посланы князь А.И.Вяземский, а также «Данила Чулков» с казачьими атаманами (вероятно, казаки присоединились к армии по дороге) «аз-стороханьских людей поискать и языков подобить» [ПСРЛ, 13, 1904, с.241]. Встреча А.И.Вяземского с первым астраханским отрядом произошла выше Черного острова (в районе современного Волгограда): астраханцы гребли в *ушкулех* (или *ушкирях*) «проведывати про рать царя и великого князя». Во главе отряда стоял Сакмак (в разночтениях – Сакман, Сакаман)². Астраханский

отряд был разбит, а его предводитель взят в плен. Пойманные языки сообщили, что Ямгурчи находится ниже города в 5 верстах, а все люди «сидят по островом по своим улусом». Воеводы оставляют большие суда и спускаются ниже на малых. Между тем информация языков подтверждается сведениями новых пленных (на Черном острове). Двигаясь далее, войска достигают «Больших Сараев, где была Большая Орда»; и там языки говорят то же [Там же]. Тогда решено было разделиться. К отряду А.И.Вяземского были прибавлены выбранные головы (командиры) – князь Давид Гундоров, князь Тимофей Кропоткин, Григорий Желобов, Данила Чулков, а с ними дворяне, царевы жильцы и дети боярские. Этот отряд был направлен непосредственно на лагерь Ямгурчи – «царев стан».

Оставшаяся часть войска двинулась к городу. Хаджи-Тархан был взят 2 июля без боя, «в городе в то время были люди немногие»: после того как воеводы пристали к берегу выше по реке, вышли из судов и направились к городу, жители из него бежали [Там же, с.242]. А.И.Вяземский, вероятно отпущенный чуть ранее основной части войска, прибыл в «царев стан» тогда же – 2 июля, однако Ямгурчи он там не нашел. Узнав о взятии города, хан бежал на конях, а цариц с детьми пустил на судах к морю. Спасаясь, астраханцы бегут от московской рати на судах и пешком.

Между тем Ямгурчи не смирился с потерей города. 13 апреля 1555 г. сын Дервиш-Али, Янтимер (т.е. Джан-Тимур, бывший скорее всего на первых порах калгой хана) присылает в Москву письмо со своим гонцом Тинбулатом (Дин-Булат). В послании сообщалось, что Ямгурчи приходил к городу с сыновьями мирзы Юсуфа – Юнусом, Алеем и Ак-мирзой, «да и вси те мырзы, которые выбиты из Нагай, да Казы мырза да Крымской царь прислали с ними вместе, Шигай Багатырь Айтубов, да с ним крымцы и янычяне; и приступали к городу, и Дербыш царь и все астороханьцы, наряд на горе исправя и казаков с пищальми царя и великого князя приговоря, с ними билися и побили у города многих ис пушек и ис пищалей и прогнали их». Дервиш послал вдогонку за бежавшим неприятелем самого Джан-Тимура, который

¹ В Разрядной книге 1550–1636 гг. его фамилия приводится неверно как «Половин» [Разрядная книга, 1975, с.35].

² В рукописи РГАДА его имя читается как Салман, что скорее всего и является верным [РГАДА, ф.187, оп.2, ед.хр. 124, л.6 об.].

и отправил своего человека в Москву «с погони» [ПСРЛ, 20, 1914, с.551; ПСРЛ, 30, 1965, с.45]. Несмотря на наличие в отряде Ямгурчи янычар (т.е. регулярного османского войска), отбить крепость ему не удалось. Причиной было, видимо, отсутствие у него артиллерии и, напротив, умелое ее использование Дервиш-Али («наряд на горе исправя»).

В мае 1555 г. П.Тургенев доносил из Астрахани о новом нападении Ямгурчи и детей Юсуфа на город. Дервиш-Али вошел в переговоры с Юсуфовыми сыновьями и сумел переманить их на свою сторону: они разбили Ямгурчи («и з братьею, Нагайлы царевича и брата его Крым-Гирей царевича побили»)¹, а Дервиш перевез их за это на левую сторону Волги [ПСРЛ, 20, 1914, с.560; ПСРЛ, 30, 1965, с.255]. Хан обладал плавательными средствами и контролировал волжские переправы. На левобережье сыновья Юсуфа напали на Исмаила. На короткое время братьям удалось захватить Сарайчик, а с ним и власть в Ногайской Орде.

Летом 1555 г. «по Исмаилеву челобитью» на Волгу был послан стрелецкий голова Григорий Кафтырев с отрядом стрельцов и казачий атаман Федор Павлов. В задачу группы входили контроль за волжскими переправами, охрана их от сыновей Юсуфа. Кафтырев должен был войти в контакт с Дервишем и в случае необходимости прийти к нему на помощь [ПСРЛ, 20, 1914, с.560]. В августе 1555 г. в Москве были получены новые известия из Астрахани: от Г.Кафтырева приехал гонец, его подчиненный стрелецкий сотник Степан Кобелев. Голова с П.Тургеневым и Ф.Павловым подошли к городу, но он вновь был пуст: жители и хан бежали, «потому солгали им, что на них царь и великий князь рать послал и побити их велел всех, и они от страха выбежали». Крымский хан посылает Дервишу трех царевичей, князя Чегилека «с пушками и пищали», вероятно для обороны города.

24 мая 1555 г. к Дервиш-Али был отправлен московский посол Леонтий Мансуров.

¹ Это, без сомнения, тот самый Крым-Гирей (сын Озтимура, внук Муртазы и племянник Аккубека), который хотел выехать с московским послом Севастьяном из Астрахани в 1552 г. служить великому князю. Из летописного сообщения узнаем имя его брата – Ногайлы, а также то, что оба султана не покинули Ямгурчи.

К периоду его пребывания на нижней Волге относится весьма любопытное известие Разрядной книги 1550–1636 гг. Согласно этому источнику, московские отряды столкнулись не с одним укреплением города, а с двумя: «А как государевы воеводы... на Астарахань приходили, и было в Астарахани два города плетены в комышу да насыпаны землею». Эти укрепления не пострадали в результате военных действий. После ухода основных московских сил в регионе произошло своего рода этнополитическое размежевание: Дервиш-Али со своими приверженцами стал жить в одном городе, московский представитель Леонтий Мансуров — в другом («И в одном городе учал жить царевич Дербыш с татары, а в другом городе сел Левонтей Мансуров з государевыми людьми» [Разрядная книга, 1975, с.36]).

Это свидетельство помогает разобраться в целом ряде проблем: прежде всего в сложном вопросе поисков дорусского города – Хаджи-Тархана XV–XVI вв. Теперь понятно, что укрепления подобного рода (камышовые плетни, засыпанные землей) просто не могли сохраниться до наших дней. Уничтожить такую степную крепость с помощью артиллерии и огня было очень легко. Ясно, почему астраханские «взятия» давались так легко подготовленным крымским войскам (Мухаммед-Гирей, Ислам-Гирей, Сахиб-Гирей), так и казакам и московским регулярным частям: часто никакой осады попросту не было, жители убегали, а завоеватели довольствовались оставленной добычей и выгодным стратегическим положением в дельте великой реки.

Астрахань, по меньшей мере в первой половине XVI в., вообще могла быть не одним городом, окруженным каменными стенами и рвами, а достаточно примитивной, ежегодно возобновляемой (причем не обязательно даже на одном и том же месте) крепостцой, служившей резиденцией хана зимой, а в другое время представлявшей собой рынок. Русская каменная крепость – Астраханский кремль – не имела в дельте предшественников подобного масштаба. В связи с этим уместно вспомнить сообщение П.Небольсина о существовании в окрестностях современного города ряда древних укреплений. Так, он писал о городке на правом берегу Волги,

«на седьмой версте выше селения Солянки, в том самом месте, где находится теперь так называемая Стрелецкая Ватага... Татарское название этого места – Куюк-Кала, что значит Горелый Городок¹. Говорят, что Ямгурчей имел здесь свое летнее пребывание» [Небольсин, 1852, с.58]. Весьма заманчиво было бы отождествить этот городок с тем, в котором поселился Л.Мансуров.

Фактическое двоевластие (Мансуров-Дервиш) в низовьях Волги, выраженное к тому же столь явно в существовании двух резиденций – двух астраханских городков – хана и московского наместника (в своем письме в Москву, привезенном 5 марта, он назвал эту крепостцу «Малым городом у Волги»; стало быть, «большой город», где сидел Дервиш, был не у Волги?), не могло не вылиться в открытое противостояние. Первые военные столкновения сторонников Дервиша и московских «государевых людей» произошли, согласно Разрядной книге, в том же, 1554 г., сразу после ухода основных московских сил. Однако скорее всего это ошибка, и события следует сдвинуть на год вперед. Осенью Дервиш-Али, «сослався с ногайскими людьми, чтоб им приступить к государевым людям, Левонтью Мансурову. И татаровя ногаи пришли к Астрахани все и повели гору поленну, и как ветер потянул на город, и татаровя подвезли под город нефти и гору зажгли. И государевы люди от дыму из города побежали к судом, и суды все просечены. А Левонтей ушел с семью человеки в плотке на верхней острог» [Разрядная книга, 1975, с.36]. Ногайская тактика весьма остроумна и, что самое главное, традиционна. Позднее, в 1587 г. посол ногайского князя Уруса в Османской империи, прося султана организовать поход на Астрахань, говорил: «...а мы все Нагайскою ордою станем приступить к Асторохани, лес и камыш станем возити». Не утвердилось ли за этим укреплением название «Горелый Городок» именно после осады в нем Л.Мансурова?

Помимо этого городка С.Гмелин, а за ним и П.Небольсин упоминают о существовании еще одного, который назывался Чунгур

и находился в полуверсте от селения Машаик, в 7 верстах от Астрахани, за Казачьим Бугром. Там также находили серебряные и золотые «татарские» монеты, украшения и др. [Небольсин, 1852, с.59]. Можно себе представить, какого размера была крепостца Л.Мансурова, если людей оттуда можно было просто выкурить дымом. Интересно упоминание еще одного укрепления в пределах завоеванного ханства – «верхнего острога». Вероятно, имеется в виду промежуточный плацдарм, созданный Пронским, например в районе Переволоки.

Таким образом, военная история Астрахани (как и политическая) теснейшим образом связана с ногайской военной историей и ногайским военным делом. Астраханско-ногайские войска неоднократно доходили до Крымского полуострова и грабили его, уводя в плен жителей и скот.

В целом, скудные данные источников дают нам некоторые основания говорить, что дорусская астраханская крепость могла выдержать короткие ногайские осады (например, мирзы Чагира зимой 1515 г. или Мамая и Юсуфя осенью 1523 г.), для которых ногайцы выбирали зимние месяцы, когда Волга замерзала, и город можно было полностью блокировать. Однако справиться с регулярным войском, снабженным артиллерией, крепость была не в состоянии. Особенно уязвима Астрахань становилась при использовании противником речного флота. Именно поэтому крымские ханы часто стремились заручиться поддержкой московской или казанской судовой рати в своих походах против Астрахани. Впрочем, успехом, как правило, увенчивались и крымские экспедиции, в которых суда, видимо, не принимали активного участия. Московские походы на город 1554 и 1556 гг., когда жители просто выбегали из крепости, говорят о том, что противостоять хорошо организованным осадам город не мог. Гарнизон Астраханской крепости можно примерно оценить в несколько сот человек. Можно также с большой долей уверенности предполагать наличие у астраханских ханов помимо многочисленных сухопутных сил, также и какого-то речного флота, состоявшего из парусно-гребных судов, аналогичных русским ушкуям.

¹ *Көек* действительно по-татарски означает «горелый», что в сочетании со словом *кала* — «крепость» значит «Горелый городок».

§ 5. Военное дело и военное искусство Ногайской Орды

Вадим Трепавлов

Ногаи интересовали соседей прежде всего как торговые партнеры и политическая сила, обладатели военной мощи, огромной кавалерии. Едва ли будет преувеличением утверждение об эталонности, образцовости ногаев в качестве конных воинов, типично кочевых бойцов в глазах оседлых соседей. Дж.Флетчер слышал в Московском государстве второй половины XVI в., будто они «почитаются лучшими воинами из всех татар, но еще более других дики и свирепы». Через полтора столетия аналогичное мнение высказывал российский фельдмаршал Б.К.Миних [Флетчер, 1905, с.83; Тунманн, 1991, с.47].

Большие походы ногайской конницы все не являлись хаотичным движением грабительских ватаг (так можно охарактеризовать лишь мелкие нападения кочевых удальцов на «украины»). Крупной кампании предшествовала соответствующая подготовка. Снаряжая ополчение против России в сентябре 1553 г., бий Юсуф выяснял у плененного московского гонца С. Тулусупова, «мочно ли ему (бию. – В.Т.) Оку перелезчи, под Москвою прокормитца». Тулусупов, желая разубедить ногайского владыку, рассказал, что ничего не получится, потому что по осени «хлебы все свозят в города, а сена пожгут» при подходе вражеских сил. Тогда Юсуф распорядился, чтобы воины «запасу с собою имали всякой человек по 3 овцы старых, да крупу (надо: *круту* – сухого сыра. – В.Т.) на всякую голову, как мочно человеку поднати» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.4, л.190 об.].

Во время похода весь быт непрехотливых кочевников подчинялся военной цели. Даже ночуя в степи, ногаи втыкали в землю копыя, к которым привязывали коней, а сами спали рядом, уткнувшись головой в эти копыя – «для того, – пишет Ж. де Люк, – чтобы в случае нападения быстрее вспрыгнуть на коня» [Де Люк Жан, 1879, с.486]. Как правило, каждый участник похода имел при себе заводную лошадь. Если война случалась зимой, то ополченцы были обязаны привести к месту сбора по два-три верблюда (бедняки – по одному верблюду на двоих) – «тово

для, что голод терпят и перед конми дорогу топчют» в снегу [РГАДА, ф.127, оп.1, д.4, л.190 об.].

Жители Ногайской Орды не имели навыков судовождения, и отсутствие у них кораблей не раз служило мирзам предлогом для отказа от участия в совместных с русскими предприятиях. Но со временем какие-то плавающие средства переправ у них появились, и Эвлия Челеби, описывая форсирование буджакцами Днестра в 1657 г., свидетельствует, что те плыли «на судах, плотках, бурдюках, надутых воздухом, с молниеносной быстротой» (в бурдюки складывали оружие и снаряжение) [Эвлия Челеби, 1961, с.52]. В целом же номады старались обходиться без кораблей, особенно при внезапных набегах.

Отряды состояли обычно из членов одного эля. Если же мирзы на съездах решали охранять границу силами всей Орды, то некоторые из них во главе своих элей назначались в охранное войско-*караул*, а в случае ожидания атаки противника образовывалось еще и авангардное войско-*чардаул* (*яртаул*).

Военные отряды делились на сотни (в документах упоминаются сотники) и, вероятно, десятки во главе с десятниками; юртовские татары под Астраханью разбивались на пятерки-табуны (от монг. *табан*, «пять»).

Знаком участия в походе служило знамя. В 1632 г. русские военачальники, посланные на войну с поляками, рапортовали государю, что мирзы «урядясь полком... пришли к нам... в передовой полк под знамя с своими знаменами» [РГАДА, 1632 г., д.1, л.197]. Их носили особые «знаменщики» (*байракчи? тугчи?*). Судя по эпосу, ногайские стяги были белого и желтого цветов [Сикалиев, 1994, с.125]. У крымских ногайцев XVIII в. на них изображался знак «первенствующей фамилии орды» [Фелицын, 1886, с.13], т.е., видимо, семейная тамга старшего мирзы. В виде особого расположения свое имперское знамя-*санджак* изредка присылали за Волгу османские султаны.

Комплекс вооружения у ногаев не отличался оригинальностью по сравнению с

прочими номадами средневековья. Путешественники фиксировали обычный набор оружия: «...Носят (при себе) мечи, колчаны, нагайки... ездят на лошадях, прицепив к поясу колчан и меч»; вооружены мечами, копьями, луками и стрелами [Английские путешественники, 1937, с.250; Эвлия Челеби, 1979, с.54]. С.Ш.Гаджиева, отмечая, что этнографические сведения по данному поводу очень скудны и недавни (конец XIX – начало XX в.), пишет, что в фольклоре фигурируют те же колчан, стрелы и большой кедровый лук [Гаджиева, 1976, с.162]. Основным источником и в этом случае являются законичные упоминания в грамотах и отписках.

Кроме того, исчерпывающее обобщение эпического вооружения ногайских богатырей предпринял А.И.-М.Сикалиев. По его данным, батыры орудовали широкими луками (*кен ай*) и булатными стрелами (*булат ок*); стрелы содержались в колчанах (*калшан*, *кандавыр*, *корамсак*), луки – в специальных футлярах (*садак*). Для каждого вида стрел полагались свои луки [Сикалиев, 1994, с.123, 124]. В Ногайских делах фигурируют такие категории последних, как крымский и ядринский («лук крымской, писан золотом», «в саадаке лук ядринской и тридцать стрел», «лук ядринской – кости буиволовы черны, кибить писана золотом») [РГАДА, ф.127, оп.1, 1616 г., д.2, л.4; 1628 г., д.3, л.68; 1641 г., д.4, л.121].

Интересным источником служат описи имущества, конфискованного в 1628 г. в московских теремах князей Василия Араслановича Урмаметева и Петра Канмурзича Урусова, обвиненных в намерении отъехать в Крым. Среди прочих предметов названы «палаш – огниво серебряно, а достальная оправа снята»; «саблишка людцкая»; «сабля оправная, полоса булатная»; 27 стрел – «перье орловое» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1628 г., д.3, л.68, 75, 76].

Эпические клинки подразделяются на кривую саблю (*кайкы кылыш*), острый меч (*откир алдаспан*), острый нож (*откир пышак*), кинжал (*кынжал*) и еще *балдак* – какая-то разновидность холодного оружия; все они хранились в ножнах (*кын*). Там же фигурируют стальная пика (*болат сюнги*), «копье, достающее облако» (*булытка эткен найза*), шест с крючком для стаскивания

вражеского всадника с седла (*сапалдас*); на их острия надевались предохранительные колпачки. Практиковалось и другое оружие ближнего боя – чеканы, укрюки и «топорки». Сказания упоминают месяцевидный топор с золотой ручкой (*алтын саплы ай балта*) и булаву (*сойыл*). Ногайские старики вспоминают, будто в старину в большом ходу были кривой меч и лунообразный топор.

Защитные доспехи легендарных батыров включали шлемы (*тувылга*); разного рода кольчуги с металлическими рукавами (*темир кон*, *кюбе*, *аймавыт*, *берен*, *савыт*) и без рукавов (*енсиз*); наплечники (*кюявке*); щиты (*калкан*); войлочные рубахи, одеваемые под кольчуги (*тегелей*, *тегелей кебенек*). Металлические доспехи изготовлялись из стали, реже из железа.

К этому перечню следует добавить панцири, которые, разумеется, были доступны только очень богатым мирзам. Среди конфискованного у Урмаметева и Урусова значились «пансырь черкасской да пансырь людцкой», «латишки попорчены», два шлема-шишака. Бию Ураз-Мухаммеду принадлежал и передавался в его роду по наследству «пансырь, иубатом зовут», а его племянник Карагёз-Мамай использовал в качестве посуды в переговорах с казыевцами «пансыл свои дорог, словет у них борле» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1628 г., д.1, л.90; 1630 г., д.3, л.7]. Аристократы обладали и прочими воинскими атрибутами, отличавшими их от простонародья. Так, «щит булатной» мирзы Ака б. Байтерека был «в ысподи товолга плетена с шолком, подложен бархатом черным» [РГАДА, ф.127, оп.1, 1641 г., д.4, л.121].

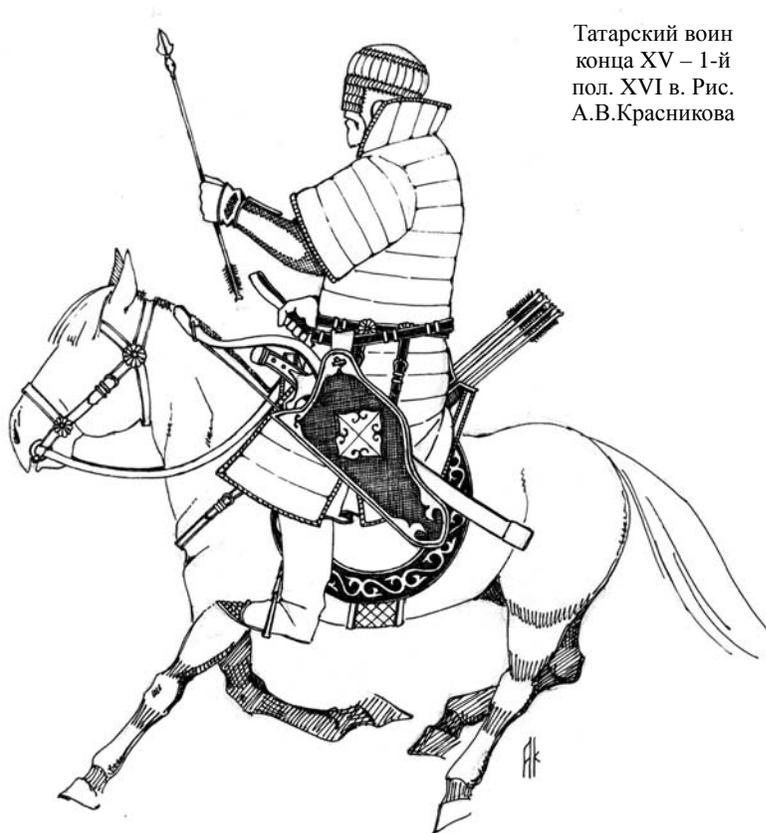
Из предметов повседневного кочевого обихода в военном деле использовались шестиобхватный волосяной аркан (*алты кулаш кыл аркан*), кожаные веревки для связывания ясыря и нагайка (*камыш*).

Доспехи и оружие, наравне с боевым конем, считались у эпических богатырей самым дорогим достоянием, иногда получаемым по наследству от отца. Хорошее оружие оценивалось высоко: за лук могли дать коня, за колчан с качественными стрелами – жеребенка. Почти никогда бойцы не занимались изготовлением амуниции сами, предпочитая покупать ее у специалистов – в частности, у изготовителей луков (*яйыш*) и стрел (*окиш*).

Огнестрельное оружие было мало знакомо ногаям. В XVI в. бии и мирзы неоднократно просили у османских султанов и московских царей пушек и пищалей вместе со стрельцами. Едва ли можно лишь Русскому государству приписывать славу знакомства ногаев с «вогненным боем», как это делают некоторые авторы. Еще до начала активной помощи Москвы Исмаилу под его началом находились «немногие пищалники» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.5, л.20 об.], прибывшие, очевидно, из мусульманских стран. Среди таковых можно предполагать как Турцию, так и Мавераннахр или Иран. – В Алтыульских улусах

1620-х гг. были десятки человек, вооруженных пищалями, что возможно объяснять активными связями Алтыулов с узбекскими ханствами. Но основная масса воинов принадлежала, конечно, к «людям лучного бою». Столь же незначительно было распространено огнестрельное оружие и у ногайцев XVIII в.

Ясно, что с подобным комплексом вооружения ногайская армия триумфально героизировала в степных баталиях, но бессильно останавливалась перед крепостными стенами. На это злорадно указал автор «Казанского летописца», описывая приход к Казани Сахиб-Гирея в сопровождении союзных ногайских войск в 1546 г.: «Токмо землю повоева и поплени, нимало не имущи у себя стенобитного наряду. Кто может таков град взять единою стрелою, без пушек, аще не господь предаст?!» [ПСРЛ, 19, 1903, с.50]. Ногаи, конечно, понимали это, и в 1551 г., в ответ на предложения Ивана IV участвовать в войнах с Астраханью, Исмаил откровенно заявлял: «Нам ее взять немочно: пушек и пищалей у нас нет, ни судов нет же» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.4, л.37 об.].

Татарский воин
конца XV – 1-й
пол. XVI в. Рис.
А.В.Красникова

У жителей Ногайской Орды начисто отсутствовали навыки градостроения. Сарайчик, как и почти все известные золотоордынские города, был построен в традициях среднеазиатской мусульманской архитектуры. Эти традиции были ногаями утрачены. Чужеземцы – «наймиты», что строили для них дворцы и мавзолеи, были приверженцами строительных канонов Хорезма и Мавераннахра. Когда же мирзы вознамеривались строить города сами, то просили не каменщиков из Ургенча, а «топорников», «мастеров и лесу соснового хоромы ставити» из России, желая возводить не глинобитные крепостные стены, а частоколы, не мраморные дворцы, а бревенчатые терема. Не дождавшись поставок, пытались городить укрепления по своему разумению – «плести... два плетенья, да межи того земля сыпать» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.2, л.223; д.5, л.4, 84 об.]. Исмаил откровенно сообщал царю, что «наши люди нагайские городского дела не знают» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.5, л.48].

Тем не менее, когда необходимость заставляла осаждать и штурмовать крепост-

ные сооружения, инженерная мысль степных стратегов находила выход. В 1554 г. «татаровя ногаи пришли к Астарахани все и повели гору поленну, и как ветер потянул на город, и татаровя подвезли под город нефти и город зажгли». Народ побежал из города «от дыму» [Разрядная книга, 1975, с.6]. Так что какие-то способы осады практиковались в Дешт-и Кипчаке, но специальных осадных приспособлений, не говоря уже о большом парке артиллерии, видимо, действительно не было. Определенные фортификационные ухищрения применялись и в чисто кочевых войнах, когда одна из сторон в виду превосходящего противника окружала свои позиции «городком тележным» – замкнутым кольцом из составленных впритык кибиток (так, например, поступили алтыульские мирзы в 1628 г., узнав о приближении к ним калмыцкой конницы).

Очень скудна информация о ходе боевых действий с участием ногаев. Сохранилось сравнительно подробное описание их конфликта с яйцкими казаками. Непосредственной причиной его был налет казаков в 1586 г. на кочевья в районе руин ногайской «столицы» Сарайчука на р. Яик (Урал), массовые убийства людей и угон скота; при нападении погибли два духовных иерарха-сеида, и угодила в плен сестра бия Уруса. Бий объявил о мобилизации всего ногайского ополчения, чтобы с максимальными силами обрушиться на врагов («станем вместе промышлять над казаки!»). Нурадин (наместник Поволжья) Саид-Ахмед, безотлагательно подчинившись, с войсками правого крыла двинулся с запада. С другой стороны планировался подход армии Уруса. До исхода кампании тот и другой задержали у себя московские посольства. Целью похода были не только разгром и уничтожение казаков, но и разрушение их Голубого городка. Нурадин пришел к Яику гораздо раньше Уруса. Вместе с сыновьями бия Ханом и Джан-Арсланом он восемь дней вступал в стычки с казаками, но, так и не дождавшись ополчения левого крыла, ушел обратно. Через некоторое время к Голубому городку подошел сам бий с большим войском. Островной городок был блокирован, но его обитатели не собирались сдаваться («а около их вода и суды, и лошади, и животина (скот. – *В.Т.*) у них есть», так

что голод им не грозил). Казаки успешно отбивались пальбой из деревянных, наскоро сделанных пушек, заряжая их камнями, костями и прочими тяжестями. Казацьи предания добавляют, что по ночам ногаи тщетно пытались подобраться к противнику на лодках. Увидев, что взять крепостцу измором не удастся, Урус распорядился городить «примет», при помощи которого собирался зажечь деревянные стены. Но хлынул ливень, и с этой затеей пришлось расстаться. Под дождем стало не до боя. Ногаи «омокли да почали были сушиться». В этот момент казаки сделали вылазку, «разделяся на шестеро», полностью разбили войско бия, да еще и отогнали в степь его табуны. Признав свое поражение, Урус отступил [РГАДА, ф.127, оп.1, 1585 г., д. 6/№, л.3; 1586 г., д.1, л.21, 22, 32; д.5, л.2, 3].

При сравнительных недостатках и объективной ограниченности комплекса вооружения и доспехов ногаи XV–XVI вв. на общемировом фоне развития военного дела выглядели в целом достойно. Их мобильная кавалерия, состоявшая из непревзойденных лучников, копейщиков и сабельных бойцов, представляла собой грозную силу. С ней считались и пытались ее использовать все окрестные правители. Яркий пример этого – настойчивые уговоры ногаев русским правительством принять участие в войнах с поляками и немцами.

Чаще всего отряды из Ногайской Орды отправлялись в Московское государство организованно, по решению бия, высших мирз или съезда знати. Инициатива неродовитых ногаев, изъявлявших желание воевать вместе с русскими ратями, была довольно редкой и обыкновенно исходила от ногайских послов. Послы «правили» свои дипломатические обязанности (вручали грамоты, ходили на аудиенции, вели переговоры), а после этого просились на войну в сопровождении десятков всадников своей свиты. Российская сторона не находила оснований возражать, хотя подобный поворот событий – «исчезновение» и запоздалое возвращение восвосяи посольских делегаций – вызывал раздражение при бийском дворе.

Вероятно, первая акция по массовому привлечению ногайской конницы к военным действиям в составе царских войск да-

тируется январем 1563 г., когда в большом походе на Полоцк (в ходе Ливонской войны) принимали участие послы бия Исмаила и «Уразлыевы дети» – четыре мирзы, внуки кековата Ураз-Али¹. До того российско-ногайское военное сотрудничество сводилось в основном к координации действий в борьбе против третьих стран – прежде всего Крымского и Астраханского ханств. Наиболее интенсивно ратники из заволжских степей использовались Москвой в 1560–1570-х гг. во время напряженного противостояния с Речью Посполитой. После вокняжения в 1578 г. бия Уруса отношения между Россией и ногаями резко охладели, и посылка последними войск к царю практически прекратилась. В первой трети XVII в., т.е. в период вассальной зависимости Орды от России, конницу биев иногда просили помочь в решении локальных политических задач – главным образом, на Северном Кавказе.

В процессе активного боевого сотрудничества в пору самой драматичной фазы Ливонской войны сформировался определенный протокольный порядок запроса русским правительством военной подмоги из Ногайской Орды. Указывалось желательное число воинов и срок, к которому им надлежало прибыть в Москву; определялся театр военных действий («Немцы, «литовского короля земля»», «свейского короля земля»); завершилось обращение стандартной формулой: «А как они из воины придут, и мы их, пожаловав, к вам отпустим» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.8, л.93, 93 об., 116–117, 293–294 и др.]. Чем хуже обстояли дела на литовском фронте, тем настоятельнее становились просьбы о присылке отрядов. Используя нарастающую усобицу в Орде «Больших Ногаев», Посольский приказ адресовался к самым влиятельным мирзам по отдельности. Запросы зачастую сопровождалась раскольнической, объективно подстрекательской оговоркой: «Хотя и... князь (т.е. бий. – *В.Т.*) не пришлет, а вы б своих люди прислали и без... князя» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.9, л.242, 252 и др.]. Теми же мотивами диктовалось и столь же частым было освобождение това-

ров, ввозимых ногайскими купцами, от всех торговых пошлин.

Русские обычно просили ногаев выставить две-три тысячи всадников, но ногайские власти никогда не направляли в Россию более двух тысяч человек за один раз. Самая большая цифра, встреченная мною в архивных документах, – 1957 человек «всех мурз и голов и казаков, и всяких воинских людей» [ПСРЛ, 14, 1910, с.391].

Впрочем, можно предполагать, что незначительные (на фоне огромного земского ополчения) ногайские отряды были призваны служить не столько военным, сколько моральным фактором на западных фронтах. Независимо от численности присылаемых воинов, заявлялось желательным, «толко чтоб конны были и молодцы добры – чтоб нашему (царскому. – *В.Т.*) имени и вашей Орде в непослушника нашего земле было явно» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.8, л.257 об.]. Факт участия кочевников в московской армии, как и слухи об этом, создавали психологический дискомфорт и сеяли смятение в рядах противника. Российская сторона усугубляла эффект от привлечения ногаев, в десятки раз завышая их численность при переговорах с западными партнерами. В мае 1566 г. дьякам было велено известить прибывшее литовское посольство о том, что мирзы «на государеву службу ходят, не отъезжая, тысяч по дватцати и по тритцати, и сколко коли государю нашему надобе». Через три года в «память» (инструкцию) послу, снаряжавшемуся к польско-литовскому королю Сигизмунду-Августу, была включена та же фраза, но с «уточнением»: «тысечь по сороку и по пятидесять»; то же повторилось в 1571 г. [Памятники, 1892, с.344, 470, 782].

Европейские наблюдатели обращали пристальное внимание на тюркский компонент московского воинства. Именно западные визитеры заметили принципиальную закономерность: заволжские батыры действовали, главным образом, «в Литве, Польше, Лифляндии и по границам Швеции», поскольку «русские власти используют... татар... против поляков и шведов, считая безумнейшею мерою употреблять их на противоположной границе» (т.е. на границе с татарскими юртами – с Крымом прежде

¹ Однако самым первым случаем участия ногаев в войне было, очевидно, удовлетворение Иваном IV просьбы Исмаилова посла Иштерека взять его в поход против Литвы в октябре 1562 г.

всего) [Флетчер, 1905, с.64; Штаден, 1925, с.61, 62, 116]. К подобным предосторожностям побуждала массовая миграция из Ногайской Орды в Крымское ханство. К концу XVI в. крымская конница уже в значительной степени состояла из ногаев. Сводить ногайские отряды на русской службе с их единоплеменниками из враждебного лагеря на поле брани казалось правительству и воеводам рискованным.

Перечисленные политические факторы и тактические соображения, равно как и чувственность мирз по отношению к русской знати, отражались на месте их в военной иерархии. В большинстве случаев мирзы со своими отрядами включались в состав действующей армии вне росписи полков. Имеются лишь единичные упоминания об участии ногаев в походах и боях в составе полков передового или ертоульного. В жесткой системе распределения армейских командных должностей по местническому принципу для ногайской знати пока не находилось места. Только крестившиеся и обретшие княжеское достоинство выходцы из ногайской среды (ко времени Ливонской войны – князья Канбаровы и Шейдяковы¹)

¹ Собственно, известен единственный представитель Канбаровых – соратник Ивана IV по Ливонской войне, который активно действовал во второй половине 50-х – начале 70-х гг. XVI в. Его ногайским именем было Ураз-Али, русским – Иван. С ним связан, пожалуй, первый случай местнических споров между исконно русской аристократией и выходцами из ногаев. В 1565/66 г. Иван IV разместил армию в Великих Луках и Торопце, готовясь к походу на Литву. В большой полк были назначены князья И.А.Шуйский, Г.Г.Колычев-Лошаков и «Иван Охметевич Канбаров». Воевода правой руки А.И.Шейн отказался подчиняться Канбарову, «списков не взял» и не поехал к нему на совещание, сочтя его недостаточно знатным. Пришлось князю Ивану самому отправиться к Шейну и уговаривать того разместиться в Торопце, по утвержденной дислокации [О службах, 1826, с.412].

Наиболее раннее упоминание о князе Петре Тутаевиче Шейдякове содержится в описании похода Ивана IV на Новгород в декабре 1571 г., в котором походную Думу царя составляли бояре и князья, «и знатнейший между ими Петр Тутаевич Шийдяков Ногайский» [Карамзин, 1989, с.112]. В той кампании Шейдяков возглавлял передовой полк; такую же воеводскую должность он занимал в прибалтийских экспедициях 1570-х гг. При взятии города Кеси в 1577 г. коллегой князя по командованию полком был Никита Романович Юрьев,

получали под свое начало крупные подразделения царской рати.

Интерес ногаев к военным мероприятиям государевых воевод объяснялся «правом повольного грабежа», возможностью разжиться трофеями и полоном, предоставлявшейся им русской администрацией. Меркантильные настроения усиливались по мере нарастания кризиса в Ногайской Орде, когда сокращались площадь кочевий и поголовье скота, пустели торговые магистрали. Все больше мирз беднело и оказывалось неспособным существовать в привычных условиях, за счет скотоводческой экономики. Конные рейды по польско-литовским владениям под формальным главенством царских военачальников давали мирзам шанс обогатиться и, следовательно, привлечь к себе подданных, «улусных людей». В период российско-ногайского политического сотрудничества бии не препятствовали таким устремлениям мирз и без возражений отпускали их в Россию, иногда сообщая царю истинную причину участия их в войне: «Тот Ахмет мирза убог, и потому у меня отпросился на твою воину» [РГАДА, ф.127, оп.1, д.6, л.219–219 об.].

родоначальник будущих монархов. В 1576 г. по возвращении из лифляндского похода царь Иван поставил П.Т.Шейдякова наместником в Пскове. Закончилась его карьера приблизительно в начале 1580-х гг.; в Разрядах сохранилась запись за 1580 г. о местничании с Шейдяковым князя М.П.Катырева по поводу воеводства в полку правой руки.

Другой знаменательный персонаж той эпохи – князь Афанасий Шейдяков. Как и у Петра Тутаевича, ногайское имя его неизвестно. Впервые он встречается в Разрядах под 1574 г., в качестве напарника Н.Р.Юрьева по воеводству в большом полку при походе на Лифляндию. Он участвовал в прибалтийских походах, а в 1577–1580 гг. был наместником г. Юрьева-Ливонского. В 1585 г. возглавлял полк левой руки в армии великого князя Симеона Бекбулатовича, посланной против Батория. Последнее упоминание о нем относится к 1598 г.: при выдвижении Б.Ф.Годунова к Серпухову для отражения набега крымского хана он находился в качестве головы «в государевом стану, у огней» [Разрядная книга, 1974, с.134; Разрядная книга, 1994, с.34].

§ 6. Военное дело и военная культура Сибирского ханства

Юлий Худяков

Военное дело воинов Сибирского татарского ханства в эпоху позднего Средневековья.

В эпоху позднего Средневековья значимая роль в военной и политической истории Западной Сибири принадлежала Сибирскому татарскому ханству. После распада Золотой Орды Сибирский юрт был самым обширным по территории татарским государством, которое охватывало степные и лесостепные районы Западной Сибири от Урала до Алтая. В вассальной зависимости от Сибирского ханства находились княжества обских угров и селькупов, население которых проживало в северных таежных районах Приобья и Притомья. По территории Сибирского ханства пролегали важные торговые пути из Восточной Европы, Средней и Центральной Азии. Ко времени образования Сибирского ханства сложились основные этнические группы сибирских татар. На территории Сибирского юрта существовали оседлые поселения и города, ставшие центрами ремесла и торговли. Среди сибирских татар получила распространение одна из мировых религий – ислам и арабская письменность. Правители Сибирского ханства поддерживали тесные контакты с правящей элитой Казанского ханства в Поволжье, правителями Ногайской Орды в степях Приуралья и Казахстана и родственной династией в Бухарском ханстве в Средней Азии. Они проводили активную внешнюю политику на западных границах своего государства. В определенный исторический период властители Сибирского ханства из рода Тайбугидов признавали себя вассалами московского царя и соглашались платить дань пушниной. Однако после возвращения престола ханом Кучумом из рода Шейбанидов выплата дани прекратилась, а военные отряды сибирских татар стали совершать походы через Уральские горы в окраины владений Московского царства. Из-за труднопроходимых дорог через Уральский горный хребет такие набеги не приводили к крупномасштабным военным столкновениям [Худяков, 2007, с.238–239]. Судя по

имеющимся материалам, в эпоху позднего Средневековья Сибирское ханство располагало определенными возможностями для своего поступательного развития, обладало значительными людскими и экономическими ресурсами, и серьезным военным потенциалом [Бобров и др., 2010, с.30–31].

Одним из важных условий, обеспечивающих существование Сибирского ханства, было достаточно развитое для эпохи позднего Средневековья военное дело. Сведения о военном деле воинов Сибирского ханства содержатся, преимущественно, в русских письменных исторических документах и изобразительных источниках, а также в материалах из раскопок памятников сибирских татар [Миллер, 1999, с.335–353; рис.8, 11–13; Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с.99, 124, 152, 157; Сибирские летописи, 2008, с.469, 471–474, 479, 492–505; Пигнатти, 2010, с.212; Молодин и др., 1990, с.43–78; Конииков, Худяков, 1981, с.184–188; Худяков, 2001, с.252–263].

Предпринятый ранее опыт анализа и систематизации находок предметов вооружения из археологических памятников, показал, что основную роль в комплексе вооружения сибирских татарских воинов играло оружие дистанционного боя – лук и стрелы [Там же, с.252–273]. Татарские воины были вооружены сложносоставными луками разных типов. Среди них были луки с одной срединной фронтальной веслообразной накладкой, характерные для монголов (рис. 1, 1, 10). Использовались ими луки с плечевыми и срединной фронтальной накладкой, известные у кочевников Южной Сибири. Помимо сложносоставных, сибирские татарские воины применяли полностью деревянные луки, склеенные из нескольких деталей, но не имевшие костяных и роговых накладок [Худяков, 2007, с.240]. Для поражения цели в боевых условиях татарские лучники использовали стрелы с железными или костяными наконечниками. Среди железных стрел сибирские татары предпочитали плоские наконечники асимметрично-ромбической формы с тупоу-

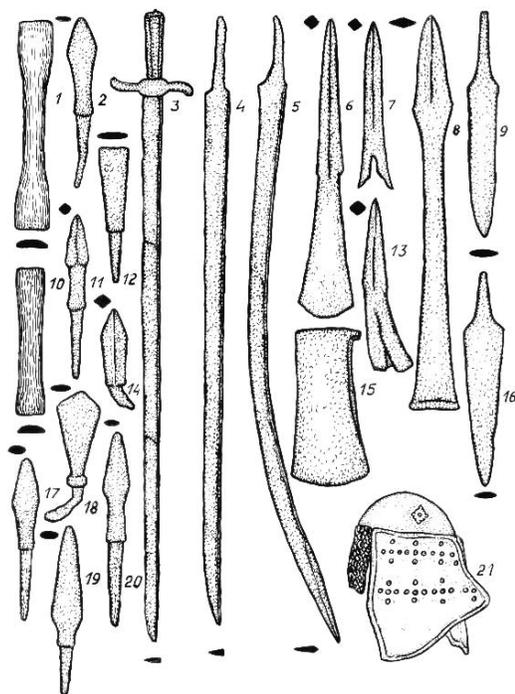

Рис. 1. Оружие сибирских татарских воинов:
1, 10 – срединные накладки луков; 2, 11, 12, 14,
17–20 – наконечники стрел; 3, 4 – палаши;
5 – сабля; 6–8, 13 – наконечники копий;
9, 16 – кинжалы; 15 – топор; 21 – шлем

гольным острием и боеголовковые стрелы с остроугольным острием, обособленной проникающей боевой головкой и удлиненной шейкой (рис. 1, 17–20). Такие стрелы были очень широко распространены во всем кочевом мире Степного пояса Евразии в периоды развитого и позднего Средневековья [Худяков, 2001, с.256–257]. Значительно реже применялись стрелы с плоскими железными наконечниками других форм: удлиненно-ромбические с остроугольным острием, вытянуто-прямоугольные с остроугольным острием и параллельными сторонами, секторные с округлым острием, вильчатые с двойным острием, томары с тупым острием. Эти наконечники были предназначены для нанесения широкой кровотокающей рваной раны, чтобы можно было быстро вывести врага из строя (рис. 1, 12). Для пробивания специальной металлической защиты, панцирей и кольчуг, татарские лучники применяли небольшие бронебойные наконечники ромбического сечения (рис. 1, 11, 14). Они имели перо вытянутой пятиугольной формы,

или обособленную боевую головку, или удлиненную шейку. Такие наконечники были предназначены для пробивания панцирей и кольчуг. Стрелы с линзовидным в сечении наконечниками различных форм могли использоваться универсально, как против защищенного металлическим доспехом, так и против легковооруженного противника [Худяков, 2007, с.242–244]. В археологических памятниках сибирских татар было найдено довольно много костяных наконечников стрел, которые считаются охотничьим оружием. Однако, нахождение подобных стрел в костных останках людей разных исторических эпох свидетельствуют, что такие стрелы могли использоваться как на войне, так и на охоте [Молодин и др., 1990, с.62]. По разнообразию форм набор железных наконечников стрел сибирских татар превосходил комплексы многих других кочевых народов, воевавших в период позднего Средневековья, уступая только монгольскому [Худяков, 2007, с.242]. В сибирском татарском комплексе количественно преобладают плоские наконечники небольших размеров. Они были привычным для татарских лучников и довольно эффективным оружием в боях с легковооруженными противниками. Однако в сражениях с хорошо оснаренным, защищенным доспехами и вооруженным огнестрельным оружием противником эффективность стрельбы подобными стрелами оказалось недостаточной для достижения побед на полях сражений. В русских источниках стрелы сибирских татар названы «тьмочисленными», т.е. весьма многочисленными [Скрынников, 1982, с.22]. Историк Г.Ф.Миллер, одним из первых изучивший эти источники, считал луки и стрелы наряду с копьями и саблями «обыкновенным оружием татар» [Миллер, 1999, с.225].

Сибирские татарские воины хранили и носили луки и стрелы в кожаных саадаках или колчанах дуговидной формы. Налучья и колчаны изготавливались из выделанной кожи. Внешняя поверхность этих чехлов богато украшалась металлическими бляшками и орнаментировалась. Луки помещались внутрь таких налучьев одним плечом, с надетой тетивой. Стрелы помещались наконечниками внутрь приемников колчанов, а оперением наружу. Саадаки или колчаны

подвешивались к поясу или одевались с помощью портупейного ремня через плечо.

Оружие ближнего боя в комплексе вооружения сибирских татар представлено копьями и саблями, боевыми топорами и кинжалами. Копья имели железные, четырехгранные и ромбические в сечении наконечники с вытянутым остроугольным острием, вытянуто-пятиугольным пером и короткой, разомкнутой втулкой (рис. 1, 6, 8). На миниатюрных изображениях Ремезовской летописи многие татарские воины воспроизведены с копьями в руках. К древкам отдельных копий крепились боевые знамена с одной или двумя косяцами [Там же, рис. 8, 13]. Крупные массивные наконечники использовались в качестве ударных копий. Небольшие копия могли служить для метания в качестве дротиков (рис. 1, 7, 13). В рукопашном бою татарские всадники могли наносить удары рубяще-колющим, клинковым оружием: палашами и саблями (рис. 1, 3–5). Палаши имели длинные прямые однолезвийные клинки и прямые рукояти с напускным фигурным перекрестьем с изогнутыми шипами и граненой обкладкой, или без перекрестья. У сабель были длинные, плавно изогнутые клинки с остроугольным острием и обоюдоострой елманью на конце, без перекрестья, с черном рукояти, отогнутым в сторону лезвия [Худяков, 2007, с.244–245]. На миниатюрах Ремезовской летописи некоторые татарские воины изображены с саблями в руках. У некоторых воинов сабли показаны в ножнах, подвешенными к поясу [Миллер, 1999, рис.8, 11, 13]. Судя по находкам клинкового оружия, сибирские татарские воины умели противостоять противнику в ближнем и рукопашном бою в конном и пешем строю.

В качестве рубящего оружия применялись проушные боевые топоры с низким обухом и расширенным к лезвию клином (рис. 1, 15). Вероятнее всего, подобные топоры могли быть заимствованы сибирскими татарами у русских в период освоения Сибири, поскольку они были характерны для русского населения. В археологических памятниках сибирских татар в Барабинской лесостепи найдены железные черешковые кинжалы с двулезвийным или однолезвийным клинком (рис. 1, 9, 16). В целом комплекс оружия ближнего и рукопашного боя у сибирских

татарских воинов был достаточно разнообразным и не уступал наборам вооружения других тюркских и монгольских народов [Бобров и др., 2010, с.43].

Сибирские татарские воины располагали средствами индивидуальной металлической защиты. В памятниках сибирских татар найдены железные панцирные пластины, прямоугольной формы, характерные для ламеллярных доспехов [Молодин и др., 1990, с.77]. На городище Искер был обнаружен фрагмент кольчуги [Бобров и др., 2010, с.43]. Татарские воины защищали тело кольчугами бухарского ремесленного изготовления, которые имели широкий ворот и коротким разрезом спереди, короткие рукава и подол. Для защиты головы татарские воины применяли сферические шлемы с бармицами, наушами и назатыльником (рис. 1, 21) [Бобров, 2009, с.251–254]. Для защиты корпуса воины использовали щиты, которые изображены на некоторых миниатюрах Ремезовской летописи [Миллер, 1999, рис.8]. На отдельных рисунках в руках у татарских воинов показаны овальные орудия с двумя ремешками и округлым снарядом, напоминающие пращи [Там же, рис.8, 13; Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, ил.182].

Помимо обычного, традиционного для кочевников холодного оружия, войско сибирского хана Кучума располагало двумя чугунными пушками, стрелявшими «сорокапудовыми» ядрами. Эти пушки были ранее привезены Кучумом из Казани. Однако, как показал опыт сражения на Чувашском Мысу, среди сибирских татарских воинов не оказалось хороших пушкарей. Татары не смогли ни разу выстрелить из этих пушек. Хан Кучум был вынужден сбросить свои пушки в р. Иртыш, чтобы они не достались казакам [Миллер, 1999, с.225]. Возможно, что пушки были и у мурзы Бегиша. В достоверности этого сообщения имеются сомнения [Там же, с.254]. Судя по этим сведениям, татарские военачальники и воины были знакомы с действием огнестрельного оружия и артиллерии, однако не сумели должным образом воспользоваться теми орудиями, которые были в их распоряжении.

Войско сибирского татарского ханства состояло из отрядов, возглавлявшихся военачальниками и татарскими мурзами

– правителями отдельных уделов. В состав войска Сибирского ханства, помимо татарских отрядов, входили ополчения из зависимых, вассальных угорских и селькупских княжеств. Вероятно, в Сибирском ханстве применялась азиатская десятичная система деления войска, поскольку в источниках упоминаются десятипятисотные отряды [Скрынников, 1982, с.159]. В правление хана Кучума наиболее боеспособную, ударную часть татарского войска составляла особо приближенная к хану ногайская гвардия, с помощью которой он смог вернуться на престол своих предков [Бобров и др., 2010, с.45].

Судя по набору оружия и описанию военных столкновений, сибирские татарские воины могли действовать на поле боя, используя характерные приемы тактики рассыпного строя. Легковооруженные всадники растягивались по фронту, стремились обойти построение противника с флангов и зайти с тыла. Они вели интенсивный обстрел вражеского войска из луков с дистанции полета стрелы.

Такая тактика, традиционная для многих кочевых народов, позволяла войскам сибирских татар добиваться успехов в военных столкновениях с отрядами тюркских кочевников, дружинами угорских и селькупских племен, обитавших в таежной зоне Западной Сибири. Однако она оказалась недостаточно эффективной в боях с отрядами хорошо защищенных доспехами и вооруженных огнестрельным оружием русских казаков и входивших в состав казачьего отряда европейских воинов, немцев и литовцев. Татарские лучники обладали сравнительно небольшим набором бронестрел, чтобы поражать защищенных доспехами противников с дистанции полета стрелы. Уступая казакам в средствах защиты, сибирские татарские воины сравнительно редко вступали с ними в ближний и рукопашный бой. В таких боях противники «крепко бились» врукопашную. Они наносили удары противнику копьями, палашами, саблями и боевыми топорами. В рукопашных схватках татарские воины уступали лучше вооруженным, защищенным и имевшим большой боевой опыт, русским казакам. Сибирские татарские воины умели вести бой в пешем

строю. На миниатюрах Ремезовской летописи воспроизведены бои, в которых русские и татарские воины сражаются в спешном положении. Татарские воины ведут обстрел противника из луков, атакуют врагов копьями и саблями [Миллер, 1999, рис.11, 13]. Решающую роль для достижения успехов в этих боях сыграло военное-техническое превосходство русских воинов, обладавших огнестрельным оружием.

В военном искусстве сибирских татар, в сложившихся условиях, большое значение получили приемы дезинформации и заманивания противника, и проведение внезапных нападений. Пользуясь хорошим знанием местности, татарские воины устраивали засады на пути продвижения казачьих отрядов, внезапно нападали под покровом ночи. Военные успехи татарских войск в войне с казаками были достигнуты за счет таких внезапных нападений. Широко использовалась дезинформация противника с целью пустить его по ложному следу, или заманить в западню. В результате подобной дезинформации татарам удалось заманить часть казаков во главе с самим атаманом Ермаком в засаду, в результате чего он и погиб [Там же, с.257–258].

Сибирские татарские воины умели вести военные действия, используя свое хорошее знание местности. Они устраивали засеки из поваленных деревьев, чтобы помешать продвижению противника. Воины Сибирского ханства умели держать оборону крепостных сооружений, укрепленные поселения, или городки, сооружались ими на естественно укрепленных местах, возвышенностях, обрывистых мысах по берегам рек. Они были укреплены по периметру, или с напольной стороны рвами, валами и деревянным частоколом. Оборонительные возможности таких крепостей во многом зависели от условий местности, в которой они были построены. Крепость Куллары на берегу Иртыша оказалась неприступной для казаков. Отряд Ермака штурмовал ее пять дней подряд, но так и не смог взять. В то же время столица ханства Кашлык или Искер была в панике оставлена самим ханом Кучумом, бежавшим в степь после поражения на Чувашском мысу, и была взята практически без боя [Там же, с.226–227].

Боеспособность сибирских татарских войск и их возможность успешно вести войну с русскими казаками были серьезно ослаблены непрочностью центральной власти и внутренними противоречиями и междоусобицами среди татарской знати Сибирского ханства. Хан Кучум смог устранить Тайбугидов и захватить власть в Сибирском ханстве при помощи правителей Бухарского ханства и Ногайской Орды. Он опирался на верную ему часть татарской знати, своих родственников и приближенных. Многие татарские мурзы и угорские князья были недовольны его правлением. После нескольких поражений и сдачи Кышлыка они перешли на сторону Ермака. В результате предательства татарского мурзы Сенбахта-тагина казакам удалось внезапно ночью напасть на стан отряда, который возглавлял лучший полководец Сибирского ханства, царевич Махметкул, уничтожить его воинов, а его самого взять в плен. сторожевая служба в отряде Махметкула оказалась на низком уровне. Вероятно, он не предполагал, что местоположение его отряда станет известно Ермаку. В ходе военных действий некоторые сибирские татары участвовали в составе казачьих отрядов в качестве проводников и переводчиков, а в дальнейшем стали приниматься в число служилых людей на российскую военную службу. Активно действовали против Кучума Сеид-хан, потомок прежнего правящего в Сибирском ханстве рода Тайбугидов, и мурза Карача [Там же, с.236].

Имея ряд важных преимуществ для ведения войны, обладая большим перевесом в численности войск, хорошо зная местность, в которой велись военные действия, располагая значительными людскими ресурсами, татарские полководцы не смогли ими воспользоваться в ходе военных действий с казачьим отрядом во главе с Ермаком. Они не смогли должным образом противостоять продвижению казаков по рекам на стругах и умению вести прицельный ружейный и артиллерийский огонь. Не сумели защитить себя от вражеских пуль панцирными и кольчужными доспехами.

Превосходство казаков в огнестрельном оружии, эффективных защитных средствах и средствах продвижения по рекам оказалось решающим для успешного ведения

войны. Казаки обладали большим боевым опытом и смогли успешно противостоять военной тактике, применяемой сибирскими татарскими воинами. В состав отряда Ермака купцы Строгановы включили «триста человек немцев и литвы» из числа военнопленных с Ливонской войны. Западноевропейские военные специалисты очень высоко ценились в этот период в Российском государстве и в последующие столетия широко привлекались на службу в Сибирь [Борисенко, Худяков, 2011, с.293–298].

Сибирские татарские воины и полководцы также имели некоторый опыт ведения войн с русскими. Некоторые татарские полководцы, попавшие в плен к Ермаку и отправленные в Москву, например царевич Махметкул, продолжили свою военную карьеру в Московском царстве, продолжали успешно служить московским царям. Военные отряды, составленные из сибирских татар и вогулов-манси, неоднократно совершали военные походы через Урал, в земли купцов Строгановых, из-за чего те и организовали поход отряда Ермака в Сибирь. Во время этого похода татарское войско во главе с сыном Кучума, Али, было в таком походе на Урале. Однако, эти походы преследовали цели захвата военной добычи. В военные столкновения татарские полководцы старались не вступать, крупных сражений не происходило. Они предпочитали разорять сельские неукрепленные поселения русских крестьян. Хан Кучум и его полководцы не смогли в должной мере извлечь опыт из понесенных в ходе первых лет военных действий поражений и что-либо противопоставить успешной военной тактике казаков. Эти поражения только вселили в них сомнения в своих силах и ослабили волю к продолжению борьбы.

Даже гибель Ермака после того, как его удалось заманить в засаду с небольшой группой воинов, и последующий уход его отряда за Урал не изменили положения. В течение последнего десятилетия XVI в. российские воеводы нанесли два крупных поражения войску хана Кучума. Несмотря на бедственное положение, он упорно отказывался подчиниться, пока не погиб. В те же годы были взяты в плен его противники среди сибирских татар Сеид-хан и мурза Карача.

В дальнейшем, хотя борьба за восстановление Сибирского ханства продолжалась до второй половины XVII в., переход части сибирской татарской знати в российское подданство решил ее исход. Сибирские татары принимались на российскую службу, включались в казацье сословие, несли охрану границ, участвовали в присоединении новых земель. Это обусловило необратимость присоединения районов расселения сибирских татар к Российскому государству.

В период существования Сибирского ханства уровень развития военного дела сибирских татар соответствовал военному делу других кочевых народов эпохи позднего Средневековья. По степени оснащенности средствами ведения дистанционного, ближнего боя и защиты сибирские татары практически не уступали кочевникам, жившим на сопредельных территориях Южной Сибири и Центральной Азии. Однако недостаточность средств, предназначенных для пробивания металлической защиты и борьбы с тяжеловооруженным противником в ближнем и рукопашном бою, существенно ограничивала тактические возможности татарских воинов. Освоение огнестрельного оружия находилась у сибирских татар на самой начальной стадии. На боеспособности сибирских татарских войск негативно отразился недостаток боевого опыта воинов и полководцев, оказавшихся не готовыми к ведению войн в новых условиях с широким применением огнестрельного оружия и новых приемов ведения боя.

Военное дело сибирских татар в период борьбы за восстановление Сибирского ханства (начало – третья четверть XVII в.)

Борьба за восстановление Сибирского ханства продолжалась потомками и сторонниками хана Кучума в течение многих десятилетий в течение XVII в. Изучение военного дела сибирских татарских воинов и событий военной истории на территории Западной Сибири в течение этого столетия, когда военным отрядам русских казаков и служилых людей противостояли силы наследников хана Кучума и поддерживавших их тюркских и монгольских кочевников, заслуживает внимания и изучения.

Гибель Кучума 1601 г. не привела к прекращению этой борьбы. [Скрынников, 1982, с.216–220]. Новым ханом был провозглашен старший сын Кучума, Али. Однако российские власти не признали его полноправным правителем – «царем». Его кочевая ставка располагалась первоначально на р. Ишим, а затем на р. Тобол. В распоряжении нового хана оказалось около 300 татарских воинов и некоторое количество башкир. Российские власти в Сибири предприняли попытки добиться признания вассального положения со стороны Али, однако они не удались [Трепавлов, 2011в, с.96–98]. После принятия титула хана, Али сам попытался договориться с российскими властями и отправил послов в Тобольск. Однако договориться не удалось. Приехавшие на переговоры братья хана Али, Ишим и Кубей Мурат, были отправлены в Москву. Вероятно, это событие было воспринято как пленение. В 1603 г. в ставку хана Али прибыл отряд ногайцев во главе с Урус-Мурзой, к нему присоединились татары и башкиры, что значительно увеличило воинские силы, находившиеся в распоряжении хана Али. В это время сибирские татары в союзе с ногайцами и башкирами строили планы возобновления военных действий. Однако эти планы так и не осуществились.

К этому времени в состав российских владений было включено Среднее Приобье. В 1604 г. российское подданство приняли эуштинские татары, на землях которых был основан Томский острог. Однако местное население, «остяки и татары», недовольные поборами и насилием со стороны томских воевод, подняли восстание [Миллер, 1999, с.309]. Вероятно, об этом стало известно наследникам Кучума. В 1607 г. татары во главе с сыновьями Кучума, Ишимом, Азимом и Канучваром, при поддержке джунгар совершили поход в Тюменский уезд и заняли Киньрский городок, населенный служилыми татарами. На их защиту из Тюмени был послан отряд служилых людей татарского головы Казария Изьетдинова, который разгромил ставку Али, освободил киньрских татар и пленил мать, жен, детей и братьев хана. Всех пленников отправили в Москву [Файзрахманов, 2002, с.209]. Судя по этим событиям, российские власти не просто

привлекали отдельные группы сибирских татар на воинскую службу, но и доверяли им огнестрельное оружие, а татарским командирам – руководство операциями против своих соплеменников и единоверцев. Военные походы и разгром ставки хана Али на р. Ишим лишили его возможности для продолжения борьбы за восстановление Сибирского ханства. После этого разгрома он бежал к ногайцам. Вероятно, в 1608 г. хан Али попал в плен и был увезен в европейскую часть Российского государства [Трепавлов, 2011в, с.99]. Это событие произошло в разгар смуты в Российском государстве, когда положение российских властей в Сибири было наиболее сложным. Однако они сумели не только сохранить, но и расширить российские владения, в то время как сторонники хана Кучума не смогли воспользоваться создавшимся положением. В начале XVII в. вассальную зависимость от российских властей, но без уплаты ясака, признал телеутский князь Абак. На поддержку со стороны России стали ориентироваться и некоторые джунгарские тайши [Миллер, 1999, с.310]. Эти события существенно сузили для наследников Кучума возможности опираться на помощь со стороны телеутов и джунгар.

По некоторым сведениям, после пленения Али, новым ханом был провозглашен один из сыновей хана Кучума, Ишим [Миллер, 2000, с.42]. В 1618 г. против ставки нового хана Ишима совершил поход российский военный отряд А.Вельяминова. Джунгары не смогли оказать Кучумовичам необходимой помощи, поэтому воины Ишима понесли тяжелые потери [Файзрахманов, 2002, с.210]. В этом же году отряд русских служилых людей О.Харламова и «татарского головы» О.Кокорева совершил поход в верховья Томи и основал Кузнецкий острог [Миллер, 1999, с.315]. Территория, где могли располагаться сторонники восстановления Сибирского ханства, неуклонно сокращалась. В течение последующего десятилетия Кучумовичи не предпринимали попыток нападать на российские владения в Западной Сибири.

Однако ситуация радикально изменилась в конце 20-х гг. XVII в. Усиление податного гнета и злоупотреблений со стороны сибирских воевод вызвало активное сопротивле-

ние среди сибирского татарского населения, что привело к активизации борьбы со стороны наследников хана Кучума.

В 1628 г. произошло восстание барабинских татар, возмущенных произволом и незаконными поборами. Восставшие уничтожили посланный против них казачий отряд, убили сборщиков ясака, сожгли одно из укрепленных, ограбили юртовских татар, сохранивших верность российским властям, и откочевали в земли телеутов в Верхнее Приобье [Уманский, 1995, с.20]. Вслед за барабинскими, в 1629 г. восстали тарские татары, которые разорили несколько русских деревень, захватили пленных, угнали скот и откочевали в Барабинскую лесостепь. Осознав опасность соединения сил повстанцев, российские власти в 1629 г. послали против них отряд служилых людей и юртовских татар, который разгромил тарских татар на оз. Чаны [Миллер, 2000, с.417–418]. Остатки разгромленных повстанцев «человек с полтораста» бежали к «барабинскому князю Когутайку» [Там же, с.418]. Эти возмущения произошли стихийно, но ими попытались воспользоваться наследники Кучума, среди которых выдвинулся в лидеры царевич Аблайкерим, сын Ишима и внук Кучума. В 1629 г. российскими властями «были получены известия, что Кучумовы царевичи и калмыки также ввязались в дело» [Там же, с.114]. Аблайкерим сумел привлечь на помощь джунгарских тайшей, пообещав им право сбора ясака с барабинских, юртовских и волостных татар [Там же, с.418]. В дальнейшем в число лидеров среди сторонников восстановления Сибирского ханства выдвинулся и царевич Давлет-Гирей, или Кирей, сын Чувка и двоюродный брат Аблайкерима. Восстания разных групп сибирских татар совпало с усилением джунгар, часть которых откочевала на р. Тобол к границам российских владений. Против них был послан российский военный отряд, который смог «отогнать калмыков от русских границ» [Там же, с.115]. В 1629 г. царевич Аблайкерим с отрядом «колмацких людей» совершил поход в Барабинскую лесостепь. Он «прошал» людей у местных князей и смог привлечь на свою сторону восставших барабинских и тарских татар [Уманский, 1995, с.14, 22]. Затем он перекочевал во вла-

дения телеутов. По сведениям, поступившим в Тобольск, от «татарского выходца» Кудайшугурка Сениткулова, Аблайкерим планировал просить дополнительной помощи у телеутов и коурчаков для похода «под Тарский город и на волости войною» [Миллер, 2000, с.418]. Вероятно, в планы царевича входило объединение против российских властей как можно большего количества тюркских этнических групп Западной Сибири. В августе 1629 г. царевич Аблайкерим во главе объединенного войска, в составе которого были барабинские, тарские, теренские татары, джунгары и коурчаки, совершил поход в Среднее Приобье, во владения чатских татар. Из Чатского городка он планировал «пойти войною» к «Томскому городу» [Там же, с.116, 419]. Привлечение на свою сторону чатского мурзы Тарлава способствовало расширению союзников Аблайкерима. Мурза Тарлав принял не только внука Кучума, но и восставших против российских властей эуштинских татар [Уманский, 1995, с.29]. Однако, сам Тарлав опасался открыто выступить против русских и присоединиться к походу объединенного татарского войска на Томск, поэтому войско Аблайкерима пошло назад в Барабинскую лесостепь [Миллер, 2000, с.420]. Воевода П.Пронский отправил против него отряд томских служилых людей и томских юртовских татар, который разгромил татарское войско на р. Шегарке, многих повстанцев захватил в плен [Там же, с.420–421]. По другим данным, войско Аблайкерима, в составе которого были барабинские, тарские и чатские татары, «обходными путями» совершило поход в земли остяков, вплоть до устья р. Томи, где образовало свою ставку [Уманский, 1995, с.30]. Из этой ставки они смогли захватить Мурзин и Нандрин городки и «побили» юртовских татар и остяков, сохранивших верность российским властям. После этого они совершили поход к Таре [Миллер, 2000, с.425]. После этих походов численность войска Аблайкерима существенно возросла. Под его началом собралось более двух тысяч воинов. Вероятно, главной целью этих походов было стремление Аблайкерима подчинить своей власти те группы татарского населения, которые ранее признали себя российскими подданны-

ми. Эти события сказались на отношении татар, живших в Тюменском и Туринском уездах, к российским властям. Среди них стали распространяться слухи о том, что скоро русские люди «все пропадут», а вместо них на этих землях поселятся джунгары. В одном из источников упоминается, что по Туринскому уезду разъезжал татарин с «широкой стрелой» без лука [Там же, с.126]. Возможно, что с помощью этой стрелы он пытался агитировать местное татарское население присоединиться к борьбе за восстановление Сибирского ханства. Со стороны некоторых татар в адрес русского населения стали раздаваться неприкрытые угрозы. В 1630 г. чатские татары во главе с мурзой Тарлавом, опасаясь репрессий со стороны томских воевод, откочевали по долине р. Оби на юг, во владения телеутов, и возвели на р. Чингизке укрепленный земляными валами «городок», который стал их новой резиденцией [Уманский, 1995, с.32]. Томские воеводы пытались путем уговоров вернуть бежавших ясачных татар на места их прежнего жительства, но это не принесло положительных результатов. В апреле 1630 г. войско, составленное из телеутов и чатских татар, во главе с князем Абаком и мурзой Тарлавом, спустилось вниз по Оби вплоть до Тоянова городка, находившегося неподалеку от Томского острога. Уведомленные об этом томские воеводы выслали навстречу отряд служилых людей, который занял Тоянов городок до прихода телеутов и чатских татар. Абак и Тарлав не решились вступить в открытый бой, а повернули на земли чатских татар, сохранивших верность российским властям. Они взяли и сожгли Бурлаков городок, сожгли хлеба, «побили» местных татар и «повоевали» Шегарскую ясачную волость [Миллер, 2000, с.430]. Томским воеводам стали известны планы телеутского князя Абака и чатского мурзы Тарлава заключить союз с царевичем Аблайкеримом, восставшими барабинскими татарами и «горными калмаками» – теленгитами, чтобы «идти войною» на Томский и Кузнецкий остроги. Вероятно, это был наиболее критический период для российских властей в Западной Сибири за весь период восстаний татарского населения и деятельности царевича Аблайкерима по восстановлению Си-

бирского ханства. Томский воевода П.Пронский решил атаковать восставших за пределами своих владений. Он отправил против восставших чатских татар отряд Г.Черницина, состоявший из русских служилых людей и чатских татар, которых возглавлял мурза Бурлак, оставшийся верным российским властям. Отряд Г. Черницина настиг восставших при переправе через р. Обь и разгромил их. В ходе этого боя погибли предводители восставших чатский мурза Казгул и «тулуманский лутчей человек Мурат», а вместе с ними и многие «Тарлавковы татары» [Там же, с.431]. В это время Аблайкерим попытался договориться с российскими властями. В мае 1630 г. в Тару приехал сын Тунусского князя Я.Мамет, который передал предложение Аблайкерима прислать послов для переговоров с ним. Ставка Аблайкерима в это время находилась на оз. Язымык в Приобье. С ним в этот период было около трех сотен воинов. Отдельно от него на оз.

Саргуль находилась ставка телеутов, чатских и барабинских татар, которых насчитывалось до семи сотен. Предложение Аблайкерима вступить в переговоры свидетельствует, что он пытался договориться с российскими властями, вероятно, осознавая недостаток своих военных сил для восстановления Сибирского ханства в прежних границах. После этой неудачной попытки он снова попытался организовать поход на Тару, который так и не состоялся из-за того, что его не поддержали другие участники восстания. Российские власти пытались вернуть в свои владения ушедшие группы татарского населения. В 1631 г. из Томска против чатского мурзы Тарлава, находившегося в Чингисовом городке, был послан отряд Я.Тухачевского, включавший три сотни

Реконструкция сибирских татарских воинов Л.А.Боброва

казаков и сотню чатских и томских татар мурзы Бурлака. Отряд был вооружен ружьями и походными пушками, передвигался на лыжах и нартах с большой скоростью, чтобы застать противника врасплох. Несмотря на скрытность похода чатский мурза Тарлав смог узнать о приближении этого отряда и обратился за помощью к телеутам, коурчакам и царевичу Аблайкериму. Однако помощь с их стороны запоздала. Русско-татарский отряд осадил Чингисов городок, а затем предпринял штурм. Я.Тухачевскому удалось взять городок и организовать оборону против подоспевших сторонников Кучумовичей, которые понесли большие потери, а мурза Тарлав погиб [Уманский, 1995, с.35]. Это сражение продемонстрировало лучшую оснащенность и воинское умение

российских войск по сравнению с их противниками. Поражение чатских татар, а затем объединенного войска повстанцев и их союзников показало бежавшим от российских властей татарским этническим группам, что ни Кучумовичи, ни телеуты, ни джунгары не смогут их надежно защитить. В результате телеуты были вынуждены выдать чатских беглецов, которые признали российскую власть и согласились платить ясак [Там же, с.6]. Сопrotивление разных этнических групп татар значительно ослабло, а численность повстанцев существенно сократилась. После этого поражения военные походы Кучумовичей фактически свелись к грабительским набегам на татарские поселения в российских владениях. В 1631 г. отряд Аблайкерима и Давлет-Гирея, насчитывавший 70 воинов, совершил поход на татарские поселения в Коурдакской и Тебендинской волостях, находившиеся пределах российских владений в Прииртышье. Поселения были разграблены, часть жителей уведена, другая часть бежала и обратилась за помощью к российским властям. В погоню за Кучумовичами был послан отряд Е.Заболоцкого, состоявший из «ратных людей литвы», казаков и юртовских татар [Миллер, 2000, с.446, 448]. Российские войска выступили в роли защитников татарского населения от Кучумовичей. Среди повстанцев возросло недовольство против Аблайкерима, поскольку он собирал с них большое подати в пользу джунгарских тайшей. Татарское население стало возвращаться в российские владения, что еще более ослабило Кучумовичей. Численность военных отрядов повстанцев значительно сократилась. Когда в 1633 г. Давлет-Гирей совершил набег на ясачных татар, живших на р. Исеть, с ним было только 60 воинов [Там же, с.474]. В это время против Кучумовичей выступили казахи, что еще более осложнило положение повстанцев. Несмотря на все неудачи, Аблайкерим упорно продолжал бороться за восстановление Сибирского ханства. В 1635 г. он с отрядом в 40 воинов совершил еще один поход на ясачных татар на р. Исеть [Там же, с.493]. Сокращение численности участников военных походов свидетельствует о дальнейшем ослаблении Кучумовичей. В этом же году

тарские и тюменские татары «с Ишмовыми детьми» напали и сожгли Чубарову слободу и селение на Артабановом мысу [Там же, с.499]. В 1636 г. был захвачен в плен царевич Аблайкерим. Через несколько лет он умер в тюрьме [Файзрахманов, 2002, с.211]. Во главе Кучумовичей оказался Давлет-Гирей, который попытался организовать вместе с джунгарами военный поход на сибирские города [Миллер, 2000, с.510–511]. Однако противоречия между джунгарами привели к междоусобицам, которые ослабили давление на российские владения. В 1637 г. Давлет-Гирей послал своего посланника Б.Бугонакова в Тару с известием о готовности признать российскую власть [Там же, с.518]. Однако договориться не удалось, поскольку российские власти к этим предложениям отнеслись с недоверием. Часть татар, не желавших участвовать в развернувшейся джунгарско-халхасской войне, ушла в российские владения. В 1641 г., по сведениям некоторых татарских беглецов, Давлет-Гирей с джунгарскими тайшами вновь планировал совершить поход «на сибирские города» [Там же, с.555, 559–560, 563]. Однако, эти замыслы так и не были реализованы. Через несколько лет этот «Кучумов внук» обратился за помощью к джунгарскому Мерген-тайше за военной помощью для похода на сибирские города [Там же, с.571–572]. Донесения о подобных намерениях относятся к 1644 и 1645 гг. По видимому эти угрозы были восприняты адекватно и в 1645 г. против Давлет-Гирея, тарских и тюменских татар, а также джунгар российскими властями был организован поход в степь. Отряд из детей боярских, стрельцов, казаков и юртовских служилых татар во главе с тюменским татарским головой И.Бакшеевым нанес поражение джунгарам и татарским повстанцам [Там же, с.578–579]. После этого поражения Давлет-Гирей со своими племянниками Бугаем и Кучуком снова попытался вступить в переговоры [Там же, с.591–592]. Однако, когда эти планы не осуществились, Бугай и Кучук попытались продолжить борьбу при поддержке джунгар [Там же, с.601–602, 613]. Опасность таких нападений сохранялась вплоть до 1660-х гг., о чем свидетельствует один из иностранных военных специалистов, при-

глашенных для организации полков нового строя. По его данным, татарский царевич, имя которого не названо, «который до сих пор объявляет себя врагом и ни под каким видом не хочет вступать в подданство русскому царю». Татарский царевич «имеет при себе немного людей», опирается на поддержку башкиров и «каждый год» в период жатвы совершает набеги на российские владения в Сибири и «уводит много людей и скота». [Алексеев, 1941, с.347–348].

О характере вооружения и военного искусства сибирских татарских воинов в период борьбы Кучумовичей за восстановление Сибирского ханства в XVII в. очень мало сведений. В русских письменных источниках говорится, что в результате боя между российским военным отрядом, состоявшим из русских служилых людей и юртовских татар, с отрядом сибирских татар, возглавляемых царевичем Аблайкеримом, на р. Шегарке в 1629 г., погибло много татарских воинов «в куюках и пансырех» [Миллер, 2000, с.420–421]. При описании боя за Чингисов городок в качестве основного оружия чатских татар, оборонявшихся от русских воинов, упомянуты стрелы [Уманский, 1995, с.23]. Судя по этим сведениям, среди сибирских татар, сторонников Кучумовичей, было немало тяжеловооруженных панцирных воинов, защищенных панцирными доспехами и кольчугами. На миниатюрах Ремезовской летописи, созданных в конце XVII в., когда опасность со стороны сторонников восстановления Сибирского ханства ушла в прошлое, татарские воины изображены в повседневной верхней одежде с разными видами оружия в руках или на поясе. Они показаны стреляющими из сложносоставных луков с настороженными, или летящими к цели стрелами. У татарских стрел выделены массивные наконечники с удлинненно-треугольным шипастым пером. У некоторых летящих или лежащих на земле стрел показаны древки с раздвоенным ушком и оперение, пятиугольной или овальной формы. На одном рисунке на поясе у воина, стреляющего из лука, изображен колчан, из приемника которого выступают древки стрел. К числу редких видов метательного оружия татарских воинов можно отнести пращи, которые изображены на не-

которых миниатюрах. Большая часть татарских воинов показана с копьями в руках. Копья изображены с удлинненно-ромбическими наконечниками на длинных древках. На отдельных миниатюрах воспроизведены татарские замена на длинных древках с массивными наконечниками, с прямоугольным полотнищем и двумя косицами. Некоторые татарские воины изображены с саблями в руках или на поясе в ножнах. Татарские воины изображены атакующими противника в пешем и конном строю [Миллер, 1999, рис.11, 13; Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, ил. 216]. Судя по имеющимся материалам, сибирские татарские воины в XVII в. были вооружены обычными видами холодного оружия дистанционного и ближнего боя. Они могли вести атаку противника в рассыпном строю, обстреливая его с дистанции полета стрелы, или наступать в ближнем бою, атакуя копьями и саблями [Худяков, 2007, с.247; Бобров и др., 2010, с.45]. Нет никаких свидетельств о попытках освоения ими огнестрельного оружия, хотя российские власти доверяли подобное оружие служилым татарам. Превосходство российских войск в обладании огнестрельным оружием над военными отрядами сибирских татарских воинов в этот период должно было возрасти, что сказалось на результатах военных столкновений [Зиннер, 1968, с.47; Словцов, 1995, с.88–89].

Стратегия борьбы за восстановление Сибирского ханства была продолжением той, которой руководствовался хан Кучум после потери столицы Сибирского ханства Искера. Кучумовичи старались располагать свои ставки в открытой степи, на некотором расстоянии от границ российских владений в Сибири. В определенных местах они сооружали стационарные укрепленные пункты – городки. Однако обезопасить себя от внезапных нападений российских военных отрядов за весь период противостояния в XVII в. так и не смогли. Вероятно, нести охрану, чтобы заблаговременно предупредить своих о приближении противника, они так и не сумели. В то же время, в период восстания они вели разведку и агитировали татарское население присоединиться к восставшим. Насколько можно судить по сведениям источников, основной целью потомков

и наследников хана Кучума было стремление подчинить своей власти ясажное татарское население, принявшее российское подданство, для чего переселить его в степи, подальше от российских владений.

Однако эти намерения наследников хана Кучума во многом не были реализованы из-за их недальновидной политики в отношении своих бывших подданных. Периодическим нападениям и разорению, податному гнету со стороны Кучумовичей и их союзников подвергалось в основном татарское население в составе российских владений. За весь многолетний период борьбы сторонниками восстановления Сибирского ханства не было предпринято ни одной реальной попытки осады российских острогов, а все ограничилось «враждебными намерениями». Реальная возможность для восстановления государственности появилась только во время восстания нескольких этнических групп татар в 1628–1631 гг., вызванного произволом со стороны российских властей. Это позволило Кучумовичам создать ши-

рокую коалицию тюркских и монгольских кочевых племен и могло привести к успеху восстания. Однако политика ограбления, захвата и угона татарского населения в степь, за пределы российских владений, а также усиления податного гнета в пользу джунгар, естественно, вызывала недовольство, которое стимулировало возвращение повстанцев в российские владения. Не располагая значительными военными силами, российские власти стремились вернуть бежавшее население с помощью переговоров, а когда это не удавалось, предпринимали военные походы. Показательно, что во всех этих походах принимали участие служилые татары, а иногда их даже возглавляли татарские командиры, находившиеся на службе у российских властей. Лояльность по отношению к российским властям среди части татарского населения и его правящей элиты и изменение военно-политической ситуации в степной зоне Западной Сибири определила исход борьбы за восстановление Сибирского ханства в пользу Российского государства.

Раздел IV

**Формирование
тюрко-татарских этносов**

ГЛАВА 1

Этнополитические и демографические процессы в XV–XVIII вв.

Дамир Исхаков

Взаимодействие татарских этнополитических общностей в XV–XVI вв.

К середине XV в. распад Улуса Джучи (Золотой Орды) на самостоятельные политические образования практически завершился, что очень точно отразил тюрко-татарский эпос «Идегей»:

Идел-йортны дау алды,
Яу өстенә яу килде,
Идегәй айткән көн килде,
.....

Кырым, Казан, Аждархан
Башлы-башлы ил булды,
Алтын Урда таралды [Идегәй, 1988, 244 б.].

Но постепенная кристаллизация на позднезолотоордынском политическом пространстве новых тюрко-татарских юртов еще не означала автоматического исчезновения сложившейся на предыдущем этапе истории этнической общности средневековых татар, продолжавшей сохраняться в виде локальных этносоциальных организаций (по старой терминологии – «народностей»), несмотря на существование в каждом из них своих этнических особенностей, связанных с различиями в клановом составе политической элиты, а также в этнических субстратах, имевших много общего.

Объяснялось это тем, что тюрко-татарские государства и их население продолжали сохранять между собой многочисленные этнокультурные и политические контакты, в том числе и основанные на определенных институциональных механизмах [Исхаков, 1995; 1998]. Для государств-наследников Золотой Орды в XV–XVI вв. была характерна сложная система взаимосвязей (см., например: [Базилевич, 1952]). Исключением не было даже постепенно усиливающееся Московское великое княжество. Среди борю-

щихся за наследие Золотой Орды татарских государств оно выглядело равноправной стороной, не в последнюю очередь благодаря существованию в его составе татарского «юрта» – Касимовского ханства. Взаимодействие сформировавшихся после распада Золотой Орды татарских этнополитических общностей происходило на основе институциональных механизмов, важнейшими из которых были: правление в тюрко-татарских юртах представителей дома Чингизидов; общность в них правящих феодальных кланов; родственные связи между высшими мусульманскими должностными лицами – сеййидами и единство тарикатов, распространенных в этих государствах. Наиболее интенсивными в XV–XVI вв. являлись контакты между тремя ханствами – Крымским, Казанским и Касимовским, что объясняется идентичностью их правящих клановых структур. Однако в эту систему была «вписана» и Ногайская Орда – как через мангытские «юрты», существовавшие практически во всех татарских ханствах, так и через собственные клановые образования (кыпчак, барын, возможно, и аргын), позволявшие вмешиваться в дела всех ханств.

Общий тезис о роли Чингизидов в татарских этнополитических объединениях требует своего уточнения. Прежде всего, три ханства (Крымское, Касимовское и Казанское) управлялись очень близкими родственниками: основатель династии Гиреев в Крыму Хаджи-Гирей и Улуг-Мухаммед и его дети были двоюродными братьями [Исхаков, 2002a]. После пресечения династии хана Улуг-Мухаммеда в Касимовском и Казанском ханствах, в них правили и Гирей. Последний правитель Казанского ханства – Едигер-Мухаммед – являлся астраханским султаном. Шибаниды, правившие в Тюменском ханстве, некоторое время правили и в

Казанском ханстве, причем имея определенные права на этот престол благодаря более ранним событиям. Достаточно красноречивым свидетельством матримональных связей между правящими домами разных ханств является информация автора «Казанской истории» о женах казанского хана Сафа-Гирея: старшая из них была дочерью сибирского хана, вторая – астраханского, третья – дочерью князя Ширинского из Крыма, четвертая – дочерью русского князя, пятая – ногайской княжной Сююмбике [Казанская история, 1954, с.83]. Ногайскими княжнами были и жены казанских ханов Халилия и Ибрагима (Нурсултан, впоследствии вышедшая замуж за крымского хана Менгли-Гирея), а также Мухаммет-Амина.

Представители правящих феодальных кланов обладали правом свободного передвижения между отдельными ханствами. Это касалось и Мещерского юрта. В частности, в договорных грамотах великих князей московского и рязанского от 1434 и 1447 гг. есть такая запись: «...А князи Мещерские не учнут мне (московскому великому князю. – *Д.И.*) правити, и тебе их не приимати, ни в вотчине своей не держати...» [Духовные, 1950, с.86–114]. Эта же формула была повторена и в договорной грамоте великих князей тех же княжеств от 1483 г.: «...А что наши князи Мещерские, которые живут в Мещере и у нас великих князей, и тебе их к себе не приимати; а побегат от нас, и тебе их, добывати нам без хитрости, а добыв ти их нам выдати» [Там же, с.127]. Последний документ показывает, что даже в 80-х гг. XV в. московским великим князьям приходилось бороться с правом ухода татарской знати из Касимовского ханства в другие тюрко-татарские государства, т.е. фактически с обычаем смены сюзерена. Но при сохранении независимых татарских государств это право полностью было невозможно ликвидировать. Например, в 1474 г. Иван III говорил о касимовском хане: «...а уланов, и князей, и казаков у него много: как к нему приезжают люди многие на службу, так от него отъезжают люди многие». Так, живший в Мещерском «юрте» князь Мардан затем выехал в Крым и это право на отъезд у крымского хана Менгли-Гирея не вызывало сомнений – в послании Ивану III он писал:

«похочет Мардан к тебе ехати, и мы его к тебе отпустим» (цит. по: [Сыроечковский, 1940, с.48]). Таким же образом в 1481 г. Иван III в своем послании к Менгли-Гирею, обращаясь через него к сыну князя Именека Ширинского Довлетек мурзе, пишет: «...а приедешь ко мне...а от нас куды всхочешь пойти, и ти наше жалованье выдав пойдешь добровольно, а нам тебя не держати» [Сборник РИО, 1895, с.28]. В «шерти» хана Абдыл-Латыфа московскому великому князю Василию Ивановичу (1508), говорится о такой же ситуации: «...А что у вас (т.е. у московского великого князя. – *Д.И.*) Янай царевич в городке в Мещерском, и Ших Авлияр царевич в Сурожике... у вас в вашей земле... Также ми от вас татар не приимати, а вам от меня людей не приимати, опричь Ширинова роду, и Баарынову, и Аргинова, и Кипчакова» [Там же, с.251]. В другой «шертной» грамоте этого же хана по случаю пожалования ему г. Юрьева (1508) он принимает на себя следующее обязательство: «...А что у вас Янай царевич в городке в Мещерском и Ших Авлияр царевич в Сурожике или иной царь или царевич будет... от них мне их уланов и князей и козаков всех не приимати; хотя которые уланы, и князи, и козаки от них отстанут, пойдут в Орду, и в Казань или и куда, а захотят ко мне..., их... к себе не приимати, ...а от меня им к себе моих уланов, и князей, и козаков всех не приимати. ...А вам от меня людей не приимати опричь Ширинова роду, и Барынова, и Аргинова, и Кипчакова, а в Казань и на Казанские места мне своих людей без вашего ведома не посылати...» [Малиновский, л.247]. Такие перемещения татарской знати со своими дружинами (ясачное – «черное» население не обладало таким правом), носившее институциональный характер – представители определенных кланов перебирались в «юрты» своих сородичей – отчетливо видно из эпоса «Чора-батыр». Согласно этому произведению, распространенному у кыпчакоязычных народов, его герой – Чора(Чура)-батыр и его родственники, бывшие из клана Аргын, переходили «из Казани» в «Крым» и обратно, оказываясь то «в Хаджи-Тархани» – «в районе Атиля», то в районе «Ак-кала» у Сыр-Дарьи или у «башкир и казахов» [Исхаков, 1997б, с.24–29]. В некоторых версиях дастана Чора-батыр, «по

пути в Казань», встречает «Кулунчак-батыра», с которым затем отправляется дальше [Образцы, 1896, с.183]. Между тем, князья Кулунчаковы в конце XVI – начале XVII в. известны на территории Мещерского «юрта» [Татары, 2001, с.4], что еще раз подтверждает включенность Касимовского ханства в эту систему институциональных перемещений представителей правящих кланов с их людьми (дружинами). Весьма красноречивые свидетельства на этот счет можно обнаружить в исторических источниках, например, в татарских дастанах и попавших в тюрко-татарские письменные источники исторических преданиях. Так, в дастане «Чура-батыр» его главный герой – Чура-бек, лицо безусловно реальное (был убит на территории Казанского ханства в 1546 г.), будучи карачи-беком из клана Аргын, прибывает в «Казань» из «Крыма» или в Крым попадает вначале из Казани, затем возвращается обратно, попутно побывав в «Дагестанском юрте» (так в дастане определяется, похоже, часть Ногайской Орды) и в «Хаджитархане», имея в то же время отношение и к владениям казахов, в составе которых оставались еще кочевые группы аргынов [Исхаков, 1998, с.71; 2002]. В татарской хронике «Фи бейан-и тарих», включавшей в свой состав исторические предания, сохранился сюжет о сыновьях правителя Булгара Абдуллы хана Алтун-беке и Али-беке, известных и из других источников, с примечанием, что «представители рода Алтун-бека [и] Али-бека есть и в Крыму.... [и] Когда нужен был хан для Казани, хана брали из Крыма» [Мустакимов, 2008, с.157]. Так как в реальности названные лица скорее всего принадлежали к знатному золотоордынскому клану Кийат [Исхаков, 2009], то в данном случае речь опять идет об институциональных связях между разными частями распавшейся некогда единого этносоциального организма средневековых татар. На самом деле единым в тюрко-татарских государствах оставался, несмотря на определенные региональные клановые различия, весь этнический суперстрат их государствообразующих этнических общностей в лице «татар», т.к. существовала система карача-беков, сложившаяся еще в рамках Улуса Джучи, которая позволяла знати с ее дружинами, зачастую

из сородичей из собственного клана, перебираться из одного татарского юрта в другой, особенно при наличии там княжеств, ранее возглавлявшихся представителем того или иного клана (примеры см.: [Исхаков, 1995, с.105–107; Исхаков, 1998]). Скажем, в некоторых татарских хрониках, рассказывающих о названных выше Алтун-беке и Алим-беке, безусловно, являвшихся историческими личностями, есть замечание о том, что когда первый из них «с остатком своего народа держал юрт в городе Казани», а второй «не возлюбив Казань, пришел в Тобол-Туру. Придя туда держал (там) юрт. Старая Тобол-Тура построена им» [Исхаков, 2002, с.14]. Это предание, во-первых, совпадает с указанием источников об уходе кийатов из Поволжья [Утемиш-хаджи, 1992, с.108], очевидно, начавшееся еще в период поражений Мамай-бека из этого клана, во-вторых, с данными о нахождении в Булгарском вилайете в первой трети XV в. Шибанидов [Исхаков, 2009, с.128], главные владения которых находились в Западной Сибири, частично – в Приуралье [Ахмедов, 1965]. Очевидно, претензии Шибанидов во второй половине XV в. на территорию Казанского ханства, как известно, в 1496 г. завершившиеся даже временной интронизацией в г. Казани шибанидского хана Мамука, восходят не только ко временам основателя Тюменского ханства Хаджи-Мухаммеда (1420/21–1428/29(30)) и правителя Государства кочевых узбеков хана Абул-Хайра (1428/29–1468/69), подчиненность которым Булгарского вилайета известна из источников [Исхаков, 2002, с.13], но к еще более ранним временам, когда родоначальник Шибанидов – Шибан – в составе монгольских войск участвовал в завоевании Волжской Булгарии и, очевидно, получил какие-то права на эту территорию [Исхаков, 2009, с.69]. И тут необходимо специально подчеркнуть, что территория как Улуса Джучи, так и позднезолотоордынских тюрко-татарских государств, Чингизидами рассматривалась как коллективное владение всего «Золотого рода» («Алтын урука») потомков Чингис-хана, поэтому на власть в любом из позднезолотоордынских юртов могли претендовать представители всех ветвей этого рода. Не случайно, поэтому, что мы имеем многочисленные случаи правления выход-

цев из конкретного ответвления Чингизидов вначале в одном ханстве, затем – в другом. Фактически это тоже было одним из институциональных механизмов поддержания этнического единства «татар» на позднесолотоордынском политическом пространстве, ибо приход правителя из одного юрта в другой всегда сопровождался и перемещением лиц из феодального, собственно татарского, сословия. Скажем, хорошо известны перемещения за Гиреями из Крыма татар в Касимовское и Казанское ханства [Исхаков, 1998]. Аналогично, известен уход из Казанского ханства целой группы татарской знати в Тюменское ханство после 1487 г. [Исхаков, 2002, с.37–38]. Наблюдалась и обратная миграция из Тюменского ханства в Казанское примерно в то же время [Там же, с.47–51].

Наконец, единство татарского мира на позднесолотоордынском политическом пространстве поддерживалось и общностью существовавшего во всех тюрко-татарских государствах института сеййидов, тесно связанного со времени исламизации Улуса Джучи при хане Узбеке с тарикатом Ясавийа [Исхаков, 2011]. Хотя вопрос о родственных связях верховных сеййидов в ханствах еще изучен недостаточно, обнаруженные к настоящему времени источники позволяют говорить об их существовании (детальнее см.: [Исхаков, 2011]). Особенно хорошо это видно из одной опубликованной версии родословной потомков касимовских сеййидов Шакуловых. Там, в частности, говорится: «...род сеида Шаббая пребывал в Булгарском вилайете, в Хан-Кирмане (т.е. в г. Касимове. – Д.И.), в Хаджи-Тархане и в Поволжье»; «род сеида Шаххана... в Крымском вилайете, на Кубане и в Дагестане». Одновременно в документе указывается, что эти два сеида были братьями [Әхмәтжанов, 1995]. Таким образом, получается, что мусульманские структуры ряда ханств контролировались выходцами из одной родственной линии, возводимой к пророку Мухаммеду. В свою очередь, эти исламские институты были связаны с конкретными тарикатами.

Сейчас обратимся к более детальному рассмотрению вопроса о контактах татарских этнополитических общностей в XV–XVI вв. Заранее оговоримся – несмотря на то, что эта проблема далее будет анали-

зироваться по отдельным ханствам, из-за теснейших связей последних излагаемый материал частично выходит за их рамки, отражая надгосударственный характер этнополитического взаимодействия указанных образований.

Казанское ханство. В 1494 г. московский великий князь Иван III получил послание от крымского хана Менгли-Гирея, в котором тот обсуждал возможность посажения на казанский престол султана Абдыл-Латифа. При этом хан писал: «...баарын Мамыша приставил бы еси к Абдыл-Летифу, доброму бы обычаю и пошлин учил» [Сборник РИО, 1884, с.211]. Речь в документе идет о перемещении из Крымского в Казанское ханство мурзы Мамыша из клана Барын. Вскоре Абдыл-Латиф оказался на казанском престоле, возможно, реализовав отмеченный выше пункт послания из Крыма. Во всяком случае, некоторые данные за 1516–1517 гг. говорят в пользу такого предположения. Так, в 1516 г. крымский хан обращается к Василию Ивановичу в Москву с тем, чтобы тот еще раз отпустил «царя Абдыл-Летифа в Казань к брату, страждущему сильным недугом, дабы казанцы по смерти его не приняли к себе на царство кого-либо из Астраханских царевичей» [Малиновский, л. 158]. В следующем послании крымского хана в Москву (1517), отправленном по этому же поводу, содержатся некоторые конкретные предложения, связанные с отправкой хана Абдыл-Латифа в Казань: «...толке будет на Казани (хан. – Д.И.), кутловать Барына или Кибчаку. Апак приказывал о Мемеш-мурзе, да Осан-мурзе, да о Авлеяр мурзе» [Сборник РИО, 1895, с.500]. Если иметь в виду, что князь Апак (Аппак) в Крыму принадлежал к клану Кыпчак [Татары, 2001, с.126], то нетрудно понять, что в документе опять раскрывается механизм институционального размещения в «юртах» – княжествах Казанского ханства выходцев из знати Крыма (Мемеш-мурза тут явно уже – отмеченный Мамыш из клана Барын).

Из Крыма внимательно следили за судьбой отдельных членов тех кланов, которые находились у власти в ханстве, даже после их ухода в другие государства. Например, когда Ширин Бегиш и его сын Утеш оказались после 1487 г. вне Казанского ханства

(об этом далее еще будет говориться), Иван III по просьбе своего ставленника казанского хана Мухаммет-Амина заманил их к себе [Сборник РИО, 1884, с.131]. Но даже спустя годы хан Мегли-Гирей в своем послании в Москву (1509), отмечал: «...Ширин Бигишев сын Утеш, мой брата твоего царев холоп карачь..., ты его велел поимати; ...И тебе... его пригоже пожаловати, будет ему там непригоже у тебе быти, а здеся мырзы у нас хотя и непригоже будет быти на болшом месте, ино наше жалованье ему будет, а улусы у него люди 5; а сын мой Бахтыяр-мырза (Ширин. – Д.И.) в головах и иные мырзы нам о нем бьют челом» [Там же, с.131; Сборник РИО, 1895, с.73].

С крымскими царевичами, севшими на казанский престол после пресечения династии Улу-Мухаммета, из Крыма перешло значительное число татарской знати. В 1521 г. из Азова московские наблюдатели сообщали: «...шли мимо нас казанские татарове ко царю (т.е. крымскому хану. – Д.И.) царевича на Казань просити, и царь им царевича дал на Казань (это был султан Сахиб-Гирей. – Д.И.)..., а с ним пошло 300 человек, а Меретяк мурза с ними же» [Там же, с.678]. О приходе вместе с Сахиб-Гиреем в Казань «многих крымских уланов, и князей, и мурз» сообщает и «Казанская история» [Казанская история, 1954, с.65]. Эти «крымцы» затем стали в Казанском ханстве постоянным фактором. Уже в 1531 г., когда казанский хан из династии Гиреев – Сафа-Гирей был «выслан из Казани», вместе с ним были частично изгнаны, а частично «побиты» «царевы советники крымцы и ногаи» [ПСРЛ, 13, 1965, с.57; Малиновский, л.206]. Но и после этого «крымцы» в ханстве сохранились, особенно укрепившись в годы следующих правлений Сафа-Гирея (1536–1546, 1546–1549). Описывая ситуацию, сложившуюся в Казанском ханстве после 1536 г., ногайская знать сообщала в Москву: «...а в то время Сафа Кирей царь пришел был с немногими людьми, и год другой спустя крымских голодных и нагих привел» [ПДРВ, 1793, с.269–274]. Эта информация подтверждается Патриаршей (Никоновской) летописью, в которой под 1541 г. говорится: «...от царя (Сафа-Гирея. – Д.И.) ...Казанским людям велми тяжело, у многих князей ясаки поотнимал, да крым-

цам подавал; а земским людям великая продажа: копит казну и в Крым посылает» [ПСРЛ, 13, 1965, с.134]. В той же летописи несколько позже (1546) указывается: «...Казанцы Сафа-Кирея царя ис Казани согнали, а Крымских людей многих побили» [Там же, с.447]. Но хан Сафа-Гирей в том же году опять вернул себе казанский престол, а «крымцы» в значительном числе снова оказались в ханстве: именно тогда в русских летописях появилось указание на то, что хан «побил» многих представителей знати и «стал владети Казанию съ Крымскими князьями» [Там же, с.149]. В 1549 г. сын беклерибека Ширина князя Булата Робей и некоторые другие князья в Казанском ханстве, заявили: «...мы с крымцы съединачилися, от крымцев нам отступити немочно» [ПДРВ, 1793, с.216]. Такая позиция части казанской знати объяснялась тем, что они были из кланов Ширин и Мангыт, т.е. из тех кланов, которые в это время были наиболее сильными и в Крымском ханстве. После смерти хана Сафа-Гирея (1549), на «царство Казанское» малолетнего хана Утемиш-Гирея опять-таки посадили «Казанцы и Крымцы» [ПСРЛ, 13, 1965, с.459]. Как пишет автор «Казанской истории», к крымскому султану, являвшемуся фаворитом регентши малолетнего хана, царицы Сююмбике, тогда «приложишася Крымцы и Нагаи» [Казанская история, 1954, с.91]. В 1551 г. между «казанцами» и «крымцами» началась «рознь» и на «Крымцев... приходили Чюваша Арьская с боем». Хотя «крымцы» в этом сражении победили, они решили уйти из Казани: «...крымцы... 300 человек, уланов, и князей, и азеев, и мурз, и казаков добрых, опричь их людей, а жены и детей пометав..., побежали» [ПСРЛ, 13, 1965, с.166]. Как видно из сообщения, крымцев было значительно больше 300 человек. Об их общей численности, включавшей и число их «людей», можно узнать из «Казанской истории», рассказывающей о побеге крымцев более детально: Кошак-углан был отпущен казанцами «честно» и когда он «собрався с крымскими варвары», их оказалось 5000 человек. Когда русские войска нагнав беглецов на переволоке между Волгой и Доном их «побили», то в плен попали 300 человек «добрых» (включая самого Кошак, 7 князей и 12 мурз) [Казанская история, 1954, с.93–94].

Вообще контакты между Казанским и Крымскими ханствами были весьма многосторонними. В источниках сохранились уникальные сведения на этот счет. В частности, крымский хан Менгли-Гирей в 1508 г. пишет в Москву, сообщая, что казанский хан Мухаммет-Амин прислал к нему «своего человека Абдылу, просит барса, да жил у нас за год, а в ту пору... барса не прилучило... ныне его опять ко царю Казанскому... послал, прикошевав к нему своего человека» [Сборник РИО, 1895, с.30]. В другом послании крымского хана Саадат-Гирея (1526) содержится просьба московскому великому князю «об отпуске в Казань к Сафа-Гирею Усеин сеита для взятия там некоторых книг» [Малиновский, л.196]. Упомянутый тут сеид, видимо, является тем Шаусеин-сейидом, который фигурирует в сообщении русского посланника из Крыма в 1524 г. Там говорится, что Шаусеин-сейид, нарушивший свою клятву перед Москвой, был вынужден бежать в Крым и «будто бы в Крыме женился» [Дунаев, 1916, с.62; Исхаков, 1997, с.26–27]. Выходцы из Казанского ханства в Крыму отмечаются и во второй половине XVI в.: во время «думы» знати Крымского ханства, состоявшейся в 1564 г., там участвовали и двое «казанцев» – Ямгурчи-Ази и Ахметулан [Новосельский, 1948, с.20].

Аналогичным образом происходили перемещения группы знати и их людей между Казанским и Касимовским ханствами. Уже во время первого правления касимовского царевича Шах-Гали в Казанском ханстве (1519–1521), с ним из Мещерского «юрта» прибыло много татар, так как при высылке его в 1521 г. из Казани, по данным «Казанской истории», с ним смогли уйти 300 «варвар, служащих ему», а 5000 были убиты [Казанская история, 1954, с.65]. Даже если принять во внимание, что последняя цифра могла быть преувеличена, тем не менее общая численность людей Шах-Гали, оказавшихся вместе с ним в Казанском ханстве, была, надо полагать, достаточно значительной. Следующее, краткосрочное пребывание хана Шах-Гали на казанском престоле в 1546 г., сопровождалось приходом с ним 100 его князей и мурз [Там же, с.64–65]. Накануне его последнего правления в Казанском ханстве (1551–1552), до

вхождения хана в Казань, туда были посланы люди Шах-Гали: дворецкий Шабас князь Шамов и конюший Битекей князь «съ всем своим кошем» [ПСРЛ, 13, 1965, с.168, 171]. Этот вывод подтверждается упоминанием в дальнейшем среди посланцев хана Шах-Гали в Москву (1552) «ясаула Городецкого Муралея мырзы» [Там же], что вместе с выражением «кош» говорит о военном отряде из казаков. Да и в сообщении о выезде хана Шах-Гали из г. Казани в том же году, вместе с ним отмечаются «многие князи и мырзы, Казанцы и Городецкие» [Там же, с.174]. В следующем году в Казани упоминается еще один «князь Городецкий» – Кутлубулат [ПДРВ, 1793, с.143].

Обратная миграция из Казани в Мещерский «юрт» тоже существовала. Характерным примером такого рода надо считать попытку ухода в 1546 г. к Шах-Гали – в Касимовское ханство – князя Чуры Нарыкова из клана Аргын (исторического прототипа Чура-батыра) с 1000 человек, 500 из которых были его «служащими рабами» [Казанская история, 1954, с.80–82]. Для периода внутренней борьбы в Казанском ханстве в 1540-х гг., когда многие знатные татары бежали от хана Сафа-Гирея, уход на территории, контролируемые Москвой, был весьма характерен: в этот период у Ивана IV находились до 300 «уланов, и князей, и мурз, и казаков» из Казани [ПСРЛ, 13, 1965, с.149, 172, 174, 450, 472, 474; ПДРВ, 1793, с.144–146, 162–164, 210, 214–215]. Многие из беглецов могли найти пристанище в Касимовском ханстве – недаром в отдельных документах на землях Мещерского «юрта» в этот период отмечаются представители казанской знати [например, «казанского князя Малиша сын», владевший одним из мордовских «беляков»] [Сафаргалиев, 1963, с.75].

Не подлежит сомнению, что взаимоотношения Казанского ханства с Ногайской Ордой строились на институциональной основе – на присутствии в этом ханстве представителей клана Мангыт, контролировавших имевшийся тут Мангытский «юрт» [Исхаков, 1998, с.16–31]. Уже в 1490 г. в рати казанского хана Мухаммет-Амина, посланной в союзе с Москвой против Большой Орды, фигурирует князь Канымет, Итяков брат, упоминающийся в 1496 г. среди «ка-

занских князей» [Сборник РИО, 1894, с.116; ПСРЛ, 11–12, 1965, с.248; ПСРЛ, 28, 1963, с.328]. Судя по ряду данных, князь Канымет (Калимет~Кулахмет) и его брат Итяк (Идяк) были детьми князя Ногайской Орды Мусы, умершего между 1502–1507 гг. [Исхаков, 1998, с.27–28]. В 1503 г. в летописях появляется имя «Мустафар Мангита», бывшего «своим князем» хана Мухаммет-Амина [Сборник РИО, 1884, с.504]. Нурсултан, последовательно выходящая замуж за казанских ханов Халиля (ум. в 1467 г.), его брата Ибрагима (ум. в 1479 г.) и крымского хана Менгли-Гирея, являлась дочерью князя Темира из клана Мангыт, бывшего беклярибеком в Большой Орде [Там же, с.54; Малиновский, л.53; Худяков, 1990, с.35]. Ее родной брат – князь Усеин, до 1515 г. находился в Крыму, затем перебравшись в Казанское ханство – во всяком случае, в 1538 г. там известен Усеин князь, названный «своим человеком» хана Сафа-Гирея [Сборник РИО, 1895, с.50; ПСРЛ, 13, 1965, с.122]. В 1553 г. в некоторых русских летописях упоминается сын этого князя, Камай мурза [Там же; Исхаков, 1998, с.28]. К 1549 г. относится летописное сообщение о «Бадраках, которые живут в Казани» [ПДРВ, 1793, с.146]. Между тем, в крымско-татарской версии эпоса «Эдиге» под этим термином были известны потомки Идегея, т.е. мангытская знать [Кърымтатар, 1991, с.43; Исхаков, 1998, с.28]. Не случайно правитель Ногайской Орды князь Юсуф в 1549 г. утверждал: «А нынеча в Казани дочь моя, и племя мне тамо есть» [ПДРВ, 1793, с.205]. В 1552 г. вместе с ханом Едигер-Мухамметом в Казанском ханстве находился «Зейнеш князь Ногайский», который со «всеми нагаи», численность которых доходила до 3000 человек [Худяков, 1990, с.150], участвовал в обороне города Казани [ПСРЛ, 13, 1965, с.202, 212, 498; Исхаков, 1998, с.21]. Скорее всего, именно с последней волной прихода ногайцев в Казанское ханство накануне его падения, были связаны обращенные к Ивану IV многочисленные просьбы ногайской знати в 1550–1560-х гг. о возвращении в Ногайскую Орду своих людей, оставшихся на завоеванных территориях ханства знать [Там же, с.28]. Все эти данные свидетельствуют о нахождении на территории Казан-

ского царства значительной группы мангытской знати и их людей.

Касимовское ханство. В XV в. наиболее раннее известие о приходе в Мещеру тюркской группы извне относится к сообщению о переселении султана Касима с его князьями и людьми (их могло быть до 500 человек – [Библиотека, 1836, с.106]). По-видимому, это была часть Орды хана Улу-Мухаммета, основная группа которой закрепилась в Казанском ханстве. Затем, в период правления Гиреев (1486–1512), Касимовское ханство интенсивно контактировало с Крымским ханством (см. выше). Кроме уже приведенных данных на этот счет имеются и другие материалы. Так, в 1483 г. в Касимовском ханстве умер князь Кара-Ходжа [Вельяминов-Зернов, 1863, с.89]. Это имя совпадает с именем главы клана Аргынов в Крымском ханстве [Исхаков, 1998, с.50]. Так же звали и одного из предков Чура батыра. В связи с тем, что у эпического Чуры(Чоры)-батыра были родственники и в Мещерском «юрте», учитывая совпадение имен и времени жизни предка Чоры и исторического Кара-Ходжи, в последнем следует видеть именно князя из клана Аргын, имевшего какое-то отношение и к Крымскому ханству. Со времени правления в Касимовском ханстве Гиреев оно знаять Крымского ханства вообще стало восприниматься как свой «юрт». К примеру, когда около 1512 г. или чуть раньше волею московского великого князя на касимовский трон был посажен выходец из Большой Орды султан Шейх-Авлияр, крымская знать выразила свое несогласие с этим актом. В послании Ширина Бахтияр мурзы в Москву (1515–1516), было сказано: «...сам знаешь (великий князь Василий. – Д.И.)..., Мещерский юрт государя моего царев... (его) Намоганского юрта (Большой Орды. – Д.И.) царевичу дал..., пригоже ли... так будет» [Сборник РИО, 1895, с.251]. Крымский хан Мухаммет-Гирей (1516) пишет о том же: «...нашего недруга Шиг-Авлияру царевичу Мещерский юрт дал еси» [Там же, с.296]. В том же году в послании в Москву он свое недовольство обосновывает значительно подробнее: «...князья..., а особливо Ширинские (в Касимовском ханстве Ширины тоже были беклярибеками. – Д.И.) и мурзы для того не соглашаются дать великому князю

присягу, что на Мещерский городок, принадлежавшем некогда Крыму, посажен был Ших-Али, единоплеменный Ордынским царям» [Малиновский, л.158]. Через два года (в 1518 г.) крымский хан опять пишет в Москву: «...царская фамилия не мало оскорбляется содержанием в России Ших-Алия, Ших-Авлярова сына, владеющего уделом и людьми, принадлежавшими прежде царю Нурдовлату» [Там же, л.164]. На перемещение населения между Крымом и Касимовским ханством в годы правления Гиреев в Мещерском «юрте» прямо указывается в послании Мухаммет-Гирея (1517): «...коли наш род был на Мещере, ...из Мещеры люди шли к нам служить, а от нас в Мещеру» [Сборник РИО, 1895, с.377–378]. Для такого утверждения оснований было более чем достаточно, о чем уже говорилось. Тем не менее, приведем и дополнительные сведения на этот счет. Иван III писал в Крым: «...сего лета присылал мне Азика князь (из клана Мангыт. – *Д.И.*) братанича своего Камбара Мамалаева сына» [Сборник РИО, 1884, с.385]. Этот мурза в 1506 г. находился уже вместе с «Городецкими татарами» [Вельяминов-Зернов, 1863, с.201]. В 1504 г. крымский хан Менгли-Гирей писал в Москву, чтобы «покойника Нурдовлата царя... большую жену, Коуратью Мадыкову дочь... послали бы еси» [Сборник РИО, 1884, с.544]. По-видимому, речь идет о дочери князя Емадыка из клана Конграт, т.к. из другого сообщения известно о нахождении его жены и детей «в Мещере» [Там же, с.529]. В 1502 г. крымский хан сообщал Ивану III, что «Мангыт Удемов мырзин сын в Городок (Мещерский. – *Д.И.*) поехал, а нынеча сюда ехати мыслит..., а Удем...у меня живет» [Там же, с.421]. В 1509 г. к московскому великому князю из Крыма обращались с просьбой, чтобы он «отпустил... ко царевичу в городок» некоего Казы-Мансыра [Сборник РИО, 1895, с.68]. На кладбище г. Касимова в 1600 г. был захоронен выехавший в 1590 г. из Крыма «в Россию» Джиханша-мурза Сулешев. На другом надгробном камне прочитывалось имя Хабита-мурзы Сулешева. Эти Сулешевы происходили от Ябак-бия Кудалака, «перекочевашего в Крым по указанию Ногая» [Исхаков, 1998, с.217]. Из документов видно, что даже в начале XVII в.

крымские послы могли хлопотать за отдельных представителей клана Ширинов, находившихся в Мещере [Там же, с.196]. Следовательно, контакты с Крымом еще сохранялись.

В Касимовское ханство проникали и выходцы из Ногайской Орды. Например, в послании князя Ногайской Орды Шейдяка Ивану III (не позднее 1505 г.) содержалось письмо Ураз-Бердия к своему сыну Есень-Бердию, жившему у князя Мунмышы в Мещере [Щербатов, 1786, с.488]. Спустя полвека другой ногайский князь – Исмагиль (1553), ссылается с Иваном IV по поводу «Елаира Кайбуллина княжего меньшого брата Кошкайдара» (т.е. о представителе клана Джалаир. – *Д.И.*), находившегося у хана Дервиша [ПДРВ, 1793а, с.113, 281, 287]. В 1556 г. ногайский князь опять обращается к Ивану IV с тем, чтобы тот отпустил к нему двух ногайских мурз из клана Катай (Китай) – Семена (Саина) и Чомаша, сына Кочман-мурзы. Первый из них точно находился в Мещере [ПСРЛ, 13, 1965, с.289]. В том же году Арслан-мурза из Ногайской Орды просит Ивана IV прислать к нему «Бахтеяра стара жонку, Девлет солтаном зовут», жившую в с. Азеево (недалеко от г. Касимова. – *Д.И.*), «да в Цареве городке у Янгувата обыза Устабегишева дочь Каракызом зовут» [ПДРВ, 1793а, с.295]. Очевидно, просимые женщины были нагаянками. В 1559 г. Иван IV писал пятерым ногайским мурзам, призывая их идти к нему на службу, обещая предоставить им «место на Украине на Мещере» [ПДРВ, 1795, с.49]. В 1562 г. ногайский князь Исмагиль пишет Ивану IV: «...у Бекбулата царевича (в Касимовском ханстве. – *Д.И.*) ныне паробок мой Каракизом зовут, Хозягулов сын». Далее он сообщает адресату, что к нему поехал Салтан-Газы сын Кошум мурзы и просит их обоих отправить в Ногайскую Орду [Там же, с.262, 268]. Он же в 1560 г. просил у Ивана IV отпустить к нему «Асанак мирзину жену», находившуюся у хана Шах-Гали [Там же, с.131]. В 1564 г. этот князь опять обращается к Ивану IV с тем, чтобы тот разрешил уйти в Ногайскую Орду «Худай Батешеву сыну Азию Утемишу, что у Шигалея царя» [ПДРВ, 1801, с.181]. В 1595 г. в Арзамасском уезде упоминается Айдес-мурза Салтаганов, отец

которого – Салтаган Мустафин, был явно в числе тех пяти мурз, которых призвал Иван IV [ПДРВ, 1795, с.99, 111, 156; Арзамаские, 1915, №442]. Вообще, во второй половине XVI в. сведений о приходе ногайских мурз на службу московскому государю значительно больше. Они по несколько раз возвращались обратно в Ногайскую Орду и опять шли на службу, сосредотачиваясь, скорее всего, у хана Шах-Гали, в Мещерском «юрте» [Там же, с.45–46, 49, 110,113, 156, 166, 177, 224, 227, 243, 255; ПДРВ, 1801, с.101, 145; Исхаков, 1998, с.217]. Не удивительно поэтому, что даже в первой четверти XVII в. касимовские татары имели родственников в г. Астрахани и его уезде. Так, в 1622 г. во дворце касимовского хана Араслана русскому воеводе показался подозрительным татарин, одетый в «ногайское платье». Из расспросов выяснилось, что он жил в г. Касимове во дворе мурзы Ян-Магмета Джанаева, дядя которого – ногайский мурза Абдул Теникеев жил также в г. Касимове. Указанный татарин, мать которого также жила в г. Касимове, получил от Ян-Магмета мурзы поручение ехать с его дядей в г. Астрахань, «к тетке царева», находившейся «в Астраханских юртах за мурзою» [Шишкин, 1891, с.62]. Этот факт вполне вписывается в общий круг информации, свидетельствующей о том, что многие владельцы Мещерского «юрта» были женаты на ногайских княжнах [ПДРВ, 1793а, с.166; ПДРВ, 1795, с.93, 279]. Отсюда и сосредоточение во дворе ханов и султанов Мещерского «юрта» выходцев из Ногайской Орды. Скажем, в грамоте Касай-мурзы из Ногайской Орды Ивану IV (1555), мурза пишет, чтобы московский государь отпустил в Орду «женку Сююмбику, Бозум княгиню, Акмагмет уланову жену, царицына слугу Султангула, ...нашего слугу Карадуванова сына Явгачты» [ПДРВ, 1793а, с.172].

Заслуживает внимания и грамота за 1539 г., в которой на территории Мещеры отмечаются «татары из тарханов и башкирцев». Под ними, скорее всего, надо видеть тюркские родо-племенные группы, подчиненные мангытской знати. В частности, в их составе прослеживаются проникшие из Западной Сибири табынцы (иректинцы), о которых еще пойдет речь [Татары, 2001, с.131]. В последней четверти XVI в. в Каси-

мовском ханстве оказались и знатные татары из Сибирского ханства: в 1582 г. близкий родственник хана Кучума – султан Маметкул – попал в плен к русским, оказавшись к 1586 г. в Касимовском ханстве. Известный как «Сибирский царевич» султан Маметкул умер в 1618 г. в г. Касимове [Вельяминов-Зернов, 1866, с.3, 47]. В 1588 г. вместе с «царевичем Казачьей Орды» – султаном Ураз-Мухамметом, в плен к русским в Сибирском ханстве попал «Карача думной», по имени Кадыр-Али бек. Он был из племени джалаир. С ними вместе был пленен и «Сибирский князь» Сейдяк. Все они были отправлены в Москву. То, что в 1600 г. Ураз-Мухаммет был посажен на ханский престол в г. Касимове, в том числе и с участием Кадыр-Али бека из клана Джалаир, показывает, что они осели в Мещерском «юрте» [ПСРЛ, 36, 1987, с.35, 59, 64; Вельяминов-Зернов, 1864, с.100]. В 1598 г. в плен к русским попал и внук хана Кучума – Арслан-султан, члены семьи Кучума, также отправленные в г. Касимов, где в 1614 г. Арслан стал правителем Мещерского городка [Вельяминов-Зернов, 1866, с.2–3, 14–16].

Астраханское ханство. До 1466 г. территория будущего Астраханского ханства еще не была полностью отделена от Большой Орды [Сафаргалиев, 1960, с.264–265]. Поэтому, наиболее ранние сведения о взаимоотношениях Казанского ханства с татарским населением Нижнего Поволжья, относящиеся к 1440-м гг., следует распространять на всю общность, входившую в Большую Орду, несмотря на отдельное упоминание г. Астрахани и его окрестностей. В данном случае имеются в виду фольклорные сведения, из которых вытекает, что третий сын хана Улуг-Мухаммеда – Якуб, после смерти отца «со своей Ордой» ушел «из Казани вниз по Волге», где присоединившись «к Астраханскому хану», стал жить «в Астрахани и ее окрестностях». Ушедшая с султаном Якубом группа, согласно преданиям, получила наименование «кара ногай» [Булатов, 1974, с.189]. Так как речь идет о юртовских татарах – их второе наименование «кариле нугайлары», – приведенные фольклорные данные заслуживают внимания. Прежде всего потому, что, несмотря на противоречивость информации о султанае Якубе (см.,

например: [Казанская история, 1954, с.53]), он при прибытии в 1446 г. в Мещеру вместе с султаном Касимом появился «из Черкас» [ПСРЛ, 13, 1965, с.72], т.е. из непосредственной близости от района Нижнего Поволжья. Кроме того, Якуб в дальнейшем в Касимовском ханстве не упоминается, что оставляет место для заключения о его обратном уходе в южные районы. Надо учесть и следующий момент: часть Орды хана Улуг-Мухаммеда еще в 1444 г. во главе с одним из его сыновей оставалась в степных районах. А сын этого хана – Муртаза, известный в 1472 г., появился на русской службе откуда-то с юга, возможно, из Астраханского ханства или Большой Орды. Кстати, и в Казанском ханстве была известна группа «алатских ногайцев», когда-то подчиненных султану Мустафе [Татары, 2001, с.132]. Вряд ли случайно и высказывание автора «Казанской истории» о сборе вокруг хана Улуг-Мухаммеда выходцев из разных «стран», в числе которых он называет и «Асторохань» [Казанская история, 1954, с.53].

После разгрома в 1502 г. Большой Орды, один из ордынских султанов – Шейх-Авлияр выехал на русскую службу. Но он прибыл «из Астрахани». Его сыновья (это Шах-Гали и Ян-Али) затем правили как в Касимовском, так и в Казанском ханствах [Вельяминов-Зернов, 1863, с.26]. Между правящими домами Казанского и Астраханского ханств имелись и матримональные связи – одна из жен казанского хана Сафа-Гирея, как уже отмечено, являлась астраханской царевной [Казанская история, 1954, с.83]. О контактах двух государств говорит и известное сообщение о сеййиде Мансуре, относящееся к 1545 г.: «...из Астрахани пришел (в Казань. – Д.И.) Мансыр сеит. И после того несколько дней спустя Сафагирей царь с... сеитом побегал в Астрахани. Да у Астраханского царя и у Царевича силу взяв, пришел Казань облесть» [ПДРВ, 1793, с.271–272].

В 1552 г. на казанский престол, как уже указывалось, был приглашен собственно астраханский царевич – Ядигер-Мухаммет. Похоже, что и ранее делались попытки посадить на казанский трон астраханских султанов (см. послание крымского хана Мухаммет-Гирея от 1516 г.). Султан Ядигер-Мухаммет накануне прибытия в Казань на-

ходил в Ногайской Орде [Худяков, 1990, с.113]. Вместе с ним в Казанском ханстве появились от 200 до 500 человек [ПДРВ, 1793а, с.33; ПСРЛ, 13, 1965, с.179]. Правда, «Казанская история», скорее преувеличивая, утверждает, что тогда «из Ногайской земли... прииде в Казань 10 000 варвар качевных» [Казанская история, 1954, с.112]. Но, как уже отмечалось, в этом сообщении есть и доля истины – вместе с султаном Ядигером-Мухамметом в Казанское ханство перебралось и довольно много ногайцев – их могло быть до 3000 человек [Исхаков, 1998, с.21–22, 26].

Тюменское (Сибирское) ханство. Этнополитические контакты между предшественником Казанского ханства – Булгарским вилайетом и предшественником Тюменского ханства – «вилайетом Чимги-Тура», существовали еще в первых десятилетиях XV в. О них, опираясь на труд историка XVI в. Утемиша-хаджи, пишет А.-З.Валиди Тоган. Согласно ему, основателю Тюменского ханства Хаджи-Мухаммету (правил с 1420/21 по 1428/29 или 1430 г.) наряду с прочими территориями подчинялись и «Алатырь, мокша и город Болгар с окрестностями» [Валиди, 1994, 24–26 б.]. Эта информация находит неожиданное подкрепление в других источниках, из которых явствует, что в начальный период правления хану Государства кочевых узбеков Абул-Хайру, покорившему и вилайет Чимги-Тура, подчинялись также земли «правобережья Волги от Булгара и Дербента». Поэтому в «Нусрат-наме» сообщается: «...жители Жанги (Чинги-Чимги) – Туры и Булгара... платили ханской казне ясак» [Ахмедов, 1965, с.71, 94].

В полуполюгендарной форме о контактах этого же периода говорят и сохранившиеся среди волго-уральских татар так называемые «летописи». В одном из их списков рассказывается о том, как «пришел Мир-Тимур (т.е. эмир Тимур. – Д.И.) и взяв город Болгар, разорил (его)». Тогда один из сыновей правителя Булгара, Абдуллы (Габдулы) хана – Алтун бик, «с остатком своего народа держал юрт в городе Казани». А вот его брат – Алим бик, «не возлюбив Казань, пришел в Тобол-Туру. Придя туда держал (там) юрт. Старая Тобол-Тура построена им» [Рахим, л.70].

Во второй половине XV в., особенно начиная с 1480-х гг., опять наблюдается активизация взаимодействия Тюменского и Казанского ханств. Существование торговых связей между ними подтверждают сообщения русских летописей. Под 1475 г. в Патриаршей (Никоновской) летописи сказано: «...Татарове Казаньстии побитои Устюжан в Каме 40 человек, едучи къ Тюмени торгом» [ПСРЛ, 11–12, 1965, с.158]. Через шесть лет (в 1481 г.) в русских летописях появляется сообщение о том, что устюжане, воевавшие под г. Чердынем, «на Каму шедши, да встретили гостей и Тюменских татар», которых «пограбили» или «посекли» [ПСРЛ, 37, 1982, с.95; Документы по истории Коми, 1958, с.263]. Очевидно, тут имеются в виду торговые татары, плывшие или из Тюменского в Казанское ханство, или наоборот. Заметим, что одна из восточных ворот г. Казани в период ханства именовалась «Тюменскими воротами», что также указывает на связи двух этнополитических образований.

Уместно думать, что для преданий сибирских татар были определенные основания. Действительно, Шибанид Ибрагим-хан в 1480-х – начале 1490-х гг. в Поволжье вел активные военные действия (в частности, хорошо известно его участие в разгроме Большой Орды в 1481 г.), в том числе и против Казанского ханства [Малиновский, л.223]. В свою очередь, усиление борьбы Шейбанидов в Поволжье не в последнюю очередь было связано с событиями 1487 г., когда при поддержке русских войск на казанский трон был посажен Мухаммет-Амин, а сторонники прежнего хана – «Алегамовы царевы люди» были вынуждены бежать в Ногайскую Орду. Оттуда часть из них выехала и в Тюменское ханство. О последних мурза Ямгурча из Ногайской Орды писал Ивану III (1491): «...Алгазыя просишь: Алгазыя яз не видал, с Ибрагимом царем к Тюмени поехал, ...у Ибрагима царя в Тюмени живет» [Сборник РИО, 1884, с.94]. Между тем князь Алгазый, которого знают и некоторые русские летописи (см.: [ПСРЛ, 37, 1982, с.50, 96]), был в Казанском ханстве достаточно крупной политической фигурой. Поэтому тюменский хан Ибрагим, пользуясь тем, что у него оказалась целая группа знатных казанцев, пытался вмешиваться в казанские

дела. Например, в 1489 г. он отправил послание Ивану III, в котором говорилось: «...Брат мой Алегам царь... в твоих руках стоит, ...брата моего ко мне отпусти. Ко мне его не въсхошь и ты его на ево вотчину отпустишь» [Посольские книги, 1995, с.19]. Такого же содержания послание от него в Москву поступило и в 1493 г. [Там же, с.47]. Из ответа Ивана III на первое послание (1489) видно, что у тюменского хана действительно находились казанцы: «...Алгазый да Тевеккель сеит, да Касим, да Бегиш с Утешем (последние двое были Ширинами. – Д.И.) и иные их товарищи, и тех людей Ивак царь..., мырзы у себя держат, ...землю Магмед-Аминову цареву и нашу воевали» [Сборник РИО, 1884, с.84]. Известно, что Шибанид Ибрагим-хан был очень тесно связан с Ногайской Ордой и после ряда их совместных нападений на Казанское ханство (в 1490 и 1491 гг.), он в 1493 г. вообще оказался «на отцове юрте, к Волзе». Оттуда он и послал грамоту Ивану III с тем, чтобы тот отпустил к нему бывшего казанского хана Ильгама (Алегама) [Посольские книги, 1995, с.46].

В конце концов, при поддержке ногайцев в 1496 г. на казанский престол был посажен Шибанид Мамук – брат тюменского хана Ибрагима [ПСРЛ, 13, 1965, с.242–243]. Просидев там совсем недолго, хан Мамук был вынужден уйти с территории Казанского ханства и по пути, кажется, умер. Но ушел он не один, а с группой казанской знати, что видно из сообщения казанского хана Абдыл-Латифа (1499). Тот отмечал, что «на него идет Агалак царевич, Мамуков брат, да Урак князь казанских князей» [ПСРЛ, 11–12, 1965, с.250]. Последний, являвшийся беклерибеком, упоминается в Казанском ханстве в 1489 и 1496 гг. [Там же, с.243; ПСРЛ, 37, 1982, с.50, 96]. Видимо, поход 1499 г. был совершен при участии ногайцев, так как через год русские летописи сообщают, что приходили «под Казань-город... Нагайския Татарове... со многими людьми» [ПСРЛ, 11–12, 1965, с.253]. Спустя несколько лет – в 1505 или 1506 г. «из Тюмени» войска сына хана Мамука, Кулук-султана, воевали у г. Чердыня, придя и в район р. Сылвы [ПСРЛ, 37, 1982, с.99; Документы по истории Коми, 1958, с.264]. Между тем район р. Сылвы являлся уже территорией Казанского ханства.

Но в последней четверти XV в. наблюдалось и обратное движение – из Тюменского в Казанское ханство. На основе достаточно документированных данных уже было показано, что в этот период в Северо-Западное Приуралье, а оттуда и в центральные районы Казанского ханства, проникла значительная группа представителей племени табын, после переселения получивших название иректинцев. Эта группа, до переселения находившаяся в бассейнах рек Тобола и Иртыша, впоследствии вошла в состав казанских татар и башкир [Татары, 2001, с.134].

Из работы Г.Ф. Миллера заслуживает внимания сюжет, связанный с ханом Кучумом. Он, ссылаясь на «Ремезовскую летопись», пишет о том, что хан Кучум через «два года после своего прибытия (в Сибирь. – Д.И.) ездил в Казань, женился там на дочери казанского хана Мурата и привез вместе с ней большое количество русских и чувашских пленных». Далее, опираясь на ту же летопись, он сообщает, что Кучум «привез в Сибирь много духовенства из Казани» [Миллер, 1999, с.197, 199]. Г.Ф.Миллер, имея в виду, что Кучум в Сибирском ханстве окончательно закрепился лишь в 1563 г., хотя и начал свои действия против Тайбугида князя Ядигера («Сибирского князя») еще в 1556–1557 гг., указывал на анахроничность приведенного сообщения: к 1563 г. в Казани ханов уже точно не было. Поэтому этот автор высказал предположение, что Мурат являлся лишь одним из претендентов на казанский престол [Там же, с.197]. Осмысливая данное место из «Ремезовской летописи», приходится отметить, что Кучум мог жениться еще до падения Казанского ханства, будучи султаном. Такая вероятность существует еще и потому, что старшая жена казанского хана Сафа-Гирея была дочерью сибирского хана [Казанская история, 1954, с.83]. Отсюда вывод: возможность прихода при Кучуме в Сибирское ханство людей из Казанского ханства, включая и мусульманское духовенство, представляется вполне вероятной. Тем более, что в одной из рукописных татарских «летописей» содержится указание на миграцию казанских татар после 1552 г. в направлении Казахстана: «чтобы спастись от рук русских, разбежались в разные стороны... Многие переселились

на реки Джим и Куан. Смешались с киргизами» [История Татарии, 1937, с.123]. Под «киргизами» тут скорее всего имеются в виду казахи. Косвенно об этом направлении миграции татар свидетельствует и послание Ивана IV князю Ногайской Орды Исмагилю (1556): «...А которые люди Казанские беглые к вам приедут или с какими речами... придут, и вы б... (их) велели побити, а живых не отпускали» [ПДРВ, 1793а, с.217]. Так как в Сибирском ханстве Кучум появился «ис Казачьи Орды» [ПСРЛ, 36, 1987, с.48], не исключено, что часть беглецов из Казанского ханства оказалась в числе подданных Кучума еще до прибытия в Сибирь. Во всяком случае, сведения о «чувашских пленных» у хана Кучума подтверждаются и информацией об обороне этого хана Кучума в местности «Чуваш-тура» [Там же, с.52–53]. Между тем во второй половине XVI в. «чувашами» в русских и источниках именовали часть казанских татар.

После падения Казанского ханства действия Сибирского ханства в Приуралье активизировались. Под 1573 г. в «Вычегодско-Вымской летописи» указывается, что «пришедшу ратью на Пермь Великую Маметкул сын Сибирского царя» [Документы по истории Коми, 1958, с.266]. Судя по другим сведениям, этот султан, воевавший в районе «Чусовских городков», оказался на бывшей территории Казанского ханства – в Сылвенско-Иренском междуречье [Летопись Сибирская, 1821, с.11]. Такие походы бывали и раньше. Строгановы, к примеру, обосновывая необходимость строительства Чусовского, Сылвинского и Яйвинского городков, уже в 1568–1570 гг. указывали, что это нужно для оберегания от «Сибирских и Нагайских людей» [Там же, с.6–7]. Известно, что в 1581 г. «пришедшу Сибирский царь (т.е. хан Кучум. – Д.И.) с вогуличи и югорцы на Пермь Великую на городки на Сылвенские и Чусовские, вотчины Строганова пограбил» [Документы по истории Коми, 1958, с.267]. Да и русские власти при обосновании перед ногайцами необходимости строительства в 1586 г. г.Уфы, выдвигали такой аргумент: «...беглый из Сибири Кучюм царь, пришед в государеву отчину в Казанский уезд в башкирцы (т.е. речь идет о бывшей территории Казанского ханства.

– Д.И.), учал кочевати и ясак... имати» [Пекарский, 1872, с.20]. Вряд ли походы войск Сибирского ханства оставались без последствий – именно там, где они происходили, в этническом составе тюркского населения имеются общины с сибирскими татарами компоненты [Татары, 2001, с.135].

Общность политически господствовавшего в тюрко-татарских юртах разветвленного феодального сословия «татар» ими самими осознавалась вполне отчетливо. Например, в грамоте князя Ногайской Орды Исмаиля Ивану IV от 1555 г., говорилось: «...Астрахани без царя и без татар быти нелзе, и ты (Иван IV. – Д.И.) Кайбуллу царевича царем учинив отпусти. А похочешь Татар, ино татар мы добудем. Татарове от нас буди» [ПДРВ, 1793а, с.209]. В данном случае, похоже, что правитель Ногайской Орды под «татарами» имеет ввиду военно-служилые группы из его государства [Татары, 2001, с.103]. Не следует также забывать, что у татар с клановым делением, являвшихся этническим продолжением золотоордынских татар, длительное время, фактически до начала XVI в., продолжало существовать «материнское» объединение – Большая Орда (*Олуг Урда*), известное как «*Тэхет йорты*», выступавшее в роли некоего этнического и политического «ядра» всех татарских общностей. Об этом свидетельствует, например, высказывание русского автора «Казанской истории» (1564–1565 гг.), долгие годы жившего в Казанском ханстве и хорошо разбиравшегося в реалиях того времени. Описывая события, связанные со стоянием в 1480 г. на Угре, когда союзные войска из Касимовского ханства вместе с русскими разоряли оставшуюся без защиты «Орду» хана Ахмата, т.е. именно Большую Орду, автор этого сочинения приводит следующее весьма показательное высказывание одного из уланов касимовского хана Нурдавлета из рода Гиреев: «...Что твориши, а царю, яко нелепо есть болшаго сего царства до конца разорити – от него же ты и сам родися, и мы все. И наша земля то есть и твой искони» [Казанская история, 1954, с.56]. Хотя мы в данном случае имеем дело с возникшей на русской почве относительно поздней реминисценцией по поводу действительно происходивших в 1480 г. событиях, в приведен-

ном отрывке явно присутствует отражение самосознания татар, осознававших свою этническую общность. В этом же плане следует трактовать и попытки возрождения Улуса Джучи в XVI в. через объединение распавшихся его частей. Скажем, после победы в 1502 г. крымского хана Менгли-Гирея над Большой ордой и присоединения основной части улусов этого государства к Крымскому ханству, он попытался объявить себя «великие Орды великим царем» (Улуг Орду/нын/ улуг хан/ы/~ хакан/ы/ [Усманов, 1979, с.62]). Ясно, что хан, стоявший во главе резко усиливавшегося в тот период в военном отношении государства, претендовал на центральное «общетатарское» положение Крымского ханства среди других тюрко-татарских этнополитических образований того времени. Еще более отчетливо это видно из других ярлыков его самого и его сына преемника, крымского хана Мухаммед-Гирея. Так, в ярлыке за 1514 г. хана Менгли-Гирея, сохранившемся на русинском, читаем: «...Мендли Къирей цар, божю милостью Великое Орды велики цар, всихъ Кипчаковъ, и Туркмения, и татарским господарь». Его сын – Мухаммед-Гирей, в ярлыке от 1520 г. именуется «*Ulu ordanung ulu hani Deşti Qırçaq barşa Mogul padişahı*» (на татарском) или «Божьею милостью... Цар Дешт-и Кипчакъ всем землям господар, татарским» (на русинском) [Kolodziejczyk, 2011, p.345, 350, 360]. Далеко не случайно, что в ходе переговоров польского посланника в Крымском ханстве в 1654 г. ему было показано послание татар из Казани и Астрахани, просивших крымского хана Ислама III Гирея «освободить их от царского (т.е. русского. – Д.И.) правления» [Kolodziejczyk, 2011, p.164]. Несомненно, это свидетельствует о продолжающемся сохранении у татар осознания их этнической общности. То же самое наблюдалось и в ходе усиления в XVI в. Ногайской Орды, чьи людские ресурсы (в лучшие времена – до 200 тыс. воинов) позволяли получать определенные выплаты из Казанского и Астраханского ханств и вмешиваться в дела практически всех позднезолотоордынских тюрко-татарских государств, используя, как уже отмечалось существовавшие в них так называемые «мангытские юрты», т.е. ногайские княже-

ства [Татары, 2001, с.102]. Причем население Ногайской Орды, следовательно, и существовавших в других тюрко-татарских государствах мангытских юртов-княжеств, рассматривалось именно как татарское. В частности, кроме уже приведенного выше высказывания ногайского правителя Исмаила об этнической маркировке ногайцев как «татар», можно указать и на послание в Москву другого ногайского князя – Уруса (1586), где сказано: «...Говорят у нас в татарах» [Пекарский, 1872, с.9].

Все это и свидетельствует о том, что несмотря на утверждение отдельных российских исследователей об отсутствии у татар единой «этнической основы», об их якобы окончательном распаде в результате деконсолидации Улуса Джучи (см.: [Гумилев, 1992, с.372]), на самом деле татарская этническая общность, хотя и превратившаяся в «созвездия» обособившихся локальных этносоциальных и этнополитических объединений, продолжала существовать и в XV–XVI вв., а также в форме некоторого суперэтнического формирования, обладавшего самосознанием принадлежности именно к «татарам», выраженном в широко известном во всем тогдашнем мире этнониме «татар» и позже. Правда, татарский вектор этнического самосознания сохранили не все исторические наследники золотоордынской этнополитической общности – в восточной части территории бывшего Улуса Джучи, в основном, в зоне Кок-Орды, с XV в. начали формироваться казахская, узбекская и, частично, ногайская этнические формирования, с течением времени утерявшие татарскую компоненту своего этнического самосознания.

Поэтому в конечном счете татарская суперэтническая общность, состоящая из ряда субэтнических групп (народностей), окончательно выкристаллизовалась главным образом в западной половине бывшего Улуса Джучи – в основном на территории Ак-Орды. Почему произошел такой раскол в некогда едином этническом образовании – вопрос для дальнейших исследований.

В целом позднезолотоордынский период татарской истории этногенетическим является лишь в той мере, в которой благодаря распаду более ранней золотоордынской эт-

нополитической общности произошло становление локальных татарских этнических общностей (народностей). Но в меньшей степени этот исторический отрезок может быть определен и как время продолжения этнической истории сложившейся ранее общности золотоордынских татар, по отношению к которой, как некоего суперэтнического образования, локальные этносоциальные образования, сформировавшиеся в тюрко-татарских государствах, выступали как субэтноты. Поэтому, у этого суперэтнического единства везде, как родовое, сохранялось наименование «татары». Именно эта общность, когда она подразделялась на субэтнические группы с целью уточнения местонахождения его локальных подразделений, маркировалась через формирования при делении на конкретные территориальные, через использование географическую номенклатуру, восходящую к названиям столиц тюрко-татарских юртов – татары крымские, казанские, мещерские, касимовские, астраханские, сибирские или напрямую через указания на регионы проживания (татары литовские/липка и буджакские).

Демографическое развитие

При изучении демографического развития населения тюрко-татарских государств, в том числе и собственно татарской его части, приходится оперировать косвенными данными, в основном, имеющими отношение к военному потенциалу этих юртов, так как ни по одному из них сколько-нибудь полные сведения демографического характера пока не обнаружены. Исключением является Крымское ханство, по которому известны данные о численности и этническом составе его населения, но лишь времени его присоединения (1783) к Российской империи.

Несмотря на ограниченность источников, практически по всем позднезолотоордынским тюрко-татарским государствам были предприняты те или иные реконструкции численности их населения, в том числе и татарского (см.: [Сафаргалиев, 1960; Халиков, 1978; Томилов, 1981; Кочекаев, 1982; Султанов, 1982; Алексеев, 1989; Ищенко, 1989; Возгрин, 1992; Исхаков, 1983; 1992; 1993; 2002; 2004; 2009; Ялбулганов, 1998; Нестеров, 1999; Кляшторный, Султанов,

2000; Тюркское население Крыма, 2003; Дмитриев, 2003; Исин, 2004; Зайцев, 2004; 2006; Исаков, Измайлов, 2007; Сызранов, 2009; Тычинских, 2010; Пенской, 2010; Матвеев, Татауров, 2012)].

Но эти реконструкции нуждаются в перепроверке, в том числе и опираясь на некоторые ранее не учтенные источники, а также используя несколько иные, чем это было до сих пор, методики подсчета численности татарского населения отдельных позднезолотоордынских государств. Ниже такой анализ будет предпринят по отдельным тюрко-татарским группам.

Казанское ханство. Для XV в. численность казанских татар восстановить пока не представляется возможным. Тем не менее уже можно сказать, что роль золотоордынского-татарского этнического компонента этой общности ранее явно недооценивалась [Исаков, 1998]. Судя по данным некоторых поздних источников, в период становления на месте Булгарского вилайята Казанского ханства собственно булгарские, точнее, этнически восходящие к ним, группы были относительно немногочисленными, о чем, например, может свидетельствовать высказывание автора «Казанской истории», сообщающего, что «худые болгары» были рады приходу хана Улуг-Мухаммеда [Казанская история, 1954, с.53]. Ясно, что использованное в этом источнике выражение «худые» может означать не только «слабые», но и иметь демографический смысл «малочисленные». Само завоевание этим ханом территории будущего ханства с войском 2,5–3 тыс. воинов [ПСРЛ, 11–12, 1965, с.64–65], некогда во всей его Орде могло быть где-то около 10–12 тыс. человек, скорее всего говорит о малом демографическом потенциале Булгарского вилайята к 1440-м гг. Хотя, конечно, нельзя исключать и того, что на данной территории по разным причинам Улуг-Мухаммеду просто не было оказано сопротивления [Исаков, 1993, с.8].

Относительно численности татарского населения Казанского ханства середины XVI в. в литературе представлена точка зрения А.Х.Халикова, полагавшего, что «тюркоязычная» часть населения этого государства имела численность от 0,5 до 1 млн чел. (последняя цифра, не исключено, отражает

численность всего населения ханства, но в работе этого исследователя такая оговорка не содержится) [Халиков, 1978, с.122]. А.Х.Халиков для своих подсчетов использовал выводы историка Е.И.Чернышева о численности населенных пунктов в Казанском ханстве ближе к середине XVI в., полагавшего, что сельских поселений там насчитывалось около 700 [Чернышев, 1971]. При этом в своих подсчетах он исходил из того, что в «средней деревне» ханства имелись 40–50 дворов, а людность каждого двора составляла 10 чел. Так как никаких специальных исследований относительно рассматриваемых показателей тогда не было (их нет и сейчас), им была произведена экстраполяция данных о людности татарских селений середины XIX в. на XVI в., что неприемлемо. Кроме того, А.Х.Халиковым совершенно произвольно была оценена численность городского населения в ханстве – он без всякого обоснования называл цифру в 100 тыс. чел. [Халиков, 1978, с.121]. Понятно, что этими выкладками пользоваться нельзя, нужна новая оценка численности татарского населения периода Казанского ханства. По нашему мнению, ее можно осуществить, используя несколько подходов.

Прежде всего, можно исходить из данных о численности войск ханства. Нам уже приходилось разбирать источники, позволяющие определить для XVI в. военно-демографический потенциал Казанского ханства – это работы иностранцев (М.Меховского, А.Кампензе, С.Герберштейна, Фр.Тьеполо) и немногочисленные русские письменные источники XVI в. [Исаков, 1993; 2002]. К этому перечню можно добавить и один документ XVII в., введенный в научный оборот турецким историком А.Н.Куратом [Kurat, 1966], на основе которого можно представить примерную численность ясачников на территории бывшего Казанского ханства на рубеже XVI–XVII вв., что позволяет использовать эти данные при определении демографических параметров казанских татар. Обзор названных источников показывает, что в целом содержащиеся в них сведения могут быть полезны лишь при использовании специальных методик, о которых уже писалось [Исаков, 2002]. Опираясь на них далее и предпримем ре-

конструкцию численности казанских татар середины XVI в.

Анализ сведений, содержащихся в работах иностранцев, позволяет высказать предположение, что все их оценки численности войск Казанского ханства, скорее всего, восходят к данным М.Меховского, полагавшего, что в ханстве насчитывалось 12 тыс. «бойцов», а в сложных ситуациях оно могло выставить до 30 тыс. воинов [Меховский, 1936, с.93]. Эти цифры близки к тем, которые приводятся в «Казанской истории». Ее автор указывает, что численность войск из собственно «казанцев» в этом государстве достигла 30–40 тыс. чел. [Казанская история, 1954, с.61–62, 70, 84, 126, 148. Эта цифра является результатом усреднения данных источника]. Можно думать, что в указанное число не включено конное войско из 20–30 тыс. всадников, состоявшее главным образом из ногайцев и крымцев (см.: [Казанская история, 1954, с.60, 67]). Кроме того, скорее всего, 40-тысячное войско собиралось за счет всего оседлого населения ханства, то есть в результате мобилизации воинов из числа всех народов, населявших государство, тогда как войско из 12 тыс. воинов, о котором говорит М.Меховский, было «племенным», состоявшем из одних служилых татар с клановым делением. В экстремальных случаях численность войск ханства могла быть значительно увеличена: при осаде Казани русскими в 1552 г., по данным «Казанской истории» и А.Курбского, в городе оборонялись от 30 до 50 тыс. воинов, а за пределами города находились еще 83 тыс. чел., включая и конное войско [Казанская история, 1954, с.132; Сказания, 1833, с.24].

На основе приведенных данных вначале определим общую численность населения Казанского ханства. Если полагать, что в чрезвычайных условиях в ряды воинов вставало все взрослое мужское население, то есть его $\frac{1}{4}$ часть, то общая численность оседлого населения ханства могла составлять от 200 тыс. (50 тыс. воинов \times 4) до 400 тыс. (50 тыс. + 83 тыс. = 133 тыс. – 30 тыс. всадников = \sim 90–100 тыс. \times 4) человек. Достоверна, по нашему мнению, последняя цифра, ибо численность войск Казанского ханства без всадников все же была около 100 тыс. Эти выкладки далее еще можно будет переписать на основе других методик.

По второму варианту исчислений вначале следует выяснить численность коренных народов Среднего Поволжья на самую раннюю дату, когда на этот счет есть массовые демографические источники. Такие данные имеются к началу XVIII в., когда численность названных народов равнялась 0,7 млн чел. [Брук, Кабузан, 1980]. Если учесть что в XVI – конце XVII в. в России наблюдалось удвоение численности населения [Водарский, 1973], то при принятии для народов Поволжья за указанный период такой же динамики, к середине XVI в. получаем их численность в 350 тыс. чел. Правда, в этом случае данная цифра оказывается «неочищенной» от результатов военных потерь периода завоевания ханства. По сведениям же автора «Казанской истории», потери казанцев в тот период составили 190 тыс. чел. [Казанская история, 1954, с.159]. В итоге получаем цифру общей численности оседлого населения Казанского ханства к середине XVI в. – около 540 тыс. чел. (350 тыс. + 190 тыс.). Можно, видимо, остановиться на цифре в 0,5 млн чел., что достаточно близко к выведенному выше показателю. Но в целом общая численность населения Казанского ханства в середине XVI в. оказывается где-то около 450 тыс.

Теперь попробуем определить численность собственно татарского населения Казанского ханства. Тут могут быть предложены несколько методик подсчетов.

Во-первых, возможны расчеты, основанные на определении доли татар в общей численности коренных народов Поволжья – к началу XVIII в. она равнялась 35% [Исхаков, 2002]. Если полагать, что для середины XVI в. это соотношение было примерно такое же, что численность татар Поволжья того времени окажется близкой к 140–170 тыс. чел. (медиана \sim 150 тыс.). Но у этих вычислений есть один недостаток – при таких подсчетах не принимается во внимание возможное уменьшение доли татар среди коренного населения региона в результате больших их людских потерь в середине XVI в. К тому же это будет общая численность татар Поволжья (т.е. не только казанских, но и мещерских). Тем не менее при учете того, что пропорции казанских и мещерских татар к началу XVIII в. были 3:1 [Исхаков, 1980], численность казанских татар можно для се-

редины XVI в. определить ближе к 100 тыс. чел. (без учета военных потерь).

Еще один вариант реконструкции численности татарского населения Казанского ханства может опираться на прямые демографические показатели начала XVIII в., когда в Волго-Уральском регионе насчитывалось 261 тыс. татар [Там же]. Исходя из указанной выше динамики населения России в XVI–XVII в., можно получить цифру возможной численности татар в Поволжье к середине XVI в. – 130 тыс., из них казанских окажется около 90 тыс.

А если исходить из данных о численности всех местных народов Поволжья (без татар) к началу XVIII в. – 440 тыс. чел. (сведения С.И.Брука и В.М.Кабузана), то для середины XVI в. их демографический потенциал мог составить около 220 тыс. чел. (440:2). Этот показатель можно перепроверить на основе документа первой трети XVII в., приводимого А.Н.Куратом [Kurat, 1966, s.058]. В данном источнике есть указание на следующую численность народов бывшего Казанского ханства: черемисов – 40 тыс., чувашей – 20 тыс., аров – 15 тыс., башкир (иштяков) – 10 тыс. «домов», т.е. всего 85 тыс. «домов». Так как не исключено, что эти сведения относятся к периоду Казанского ханства (они поступили к османам через Крымское ханство), их можно использовать для подсчета численности ясачников этого государства – их в таком случае окажется свыше 420 тыс. чел. (85 тыс. «домов» x 5). В таком случае приведенная выше цифра коренных народов Волго-Уральского региона к середине XVI в. окажется преуменьшенной, скорее всего, потому, что при этих подсчетах нами ранее не была учтена численность башкир [Исхаков, 1980]. Но с другой стороны, в рассматриваемом источнике в числе ясачников, особенно чувашей, могли быть учтены и представители ясачного сословия казанских татар. Но в целом группа ясачников в Казанском ханстве могла составлять около 300–350 тыс. чел. (медиана названных выше цифр). В итоге собственно казанских татар к середине XVI в. оказывается от 100 до 150 тыс. чел. (450 тыс. – 300~350 тыс.).

Последний вариант демографической реконструкции численности казанских татар следующий. Исходя из общей численно-

сти служилых татар – 48 тыс. чел. (12 тыс. x 4), опираясь на сведения о соотношении в Казанском ханстве ясачных и служилых татар – оно, по нашему мнению было 4:1 (см.: [Исхаков, 1993]), возможно получение цифры общей численности казанских татар к середине XVI в., до военно-демографических потерь – речь идет о численности около 200 тыс. чел. Но проблема в том, что легшая в основу этих подсчетов пропорция выведена из сведений второй половины XVI в., когда служило-татарское население Казанского края сильно сократилось в численности.

Заключая, следует сказать, что в Казанском ханстве в середине XVI в. могли проживать от 150 до 200 тыс. (медиана 170–180 тыс.) татар. Эта численность в результате демографических потерь 1540–1550-х гг. могла уменьшиться до 100–130 тыс. чел. [Исхаков, 2002].

Касимовское ханство. Даже в сводных работах по истории Касимовского ханства [Рахимзянов, 2009] сведения о численности тюрко-татарского населения этого юрта отсутствуют, что связано с состоянием источников. Тем не менее, опираясь на некоторые косвенные данные, можно предложить реконструкцию демографических параметров татарского населения Мещерского юрта в XVI в. Для XV в. есть только замечание А.Контарини о том, что в 1470-х гг. московский великий князь «содержал на жаловании с 500 всадниками одного татарина на татарской границе, для защиты Русской земли от нападений» [Путешествие, 1836, с.100] Очевидно, что тут речь идет о части Орды хана Улуг-Мухаммеда, оказавшегося в Мещерском юрте. Даже если названное число принять за общую численность воинов, пришедших с султаном Касимом в Мещерский юрт, имея в виду, что войско Касимовского ханства со второй половины XVI в. весьма деятельно участвовало в обороне рубежей формирующегося Московского государства [Рахимзянов, 2009; Исхаков, 1998], названная выше цифра представляет, даже с учетом возможной численности детей и женщин, скорее всего, достаточно сильно преуменьшенную численность (около 2 тыс. чел.) тюрко-татарского населения этого государства. Тем более, что нам неизвестны демографические показатели ясачного насе-

ления Мещерского юрта, в том числе имевшего и тюркское составное [Исхаков, 1998, с.218–223].

Но для середины XVI в. на основе выкладки из «Казанской истории» можно попытаться более точно определить численность тюрко-татарской части населения Касимовского ханства. Согласно данным автора этого исторического сочинения, в 1552 г. хан Ших-Али «из пределов своих, из Касимова» против Казанского ханства повел «силу варвар его» в 30 тыс. чел. [Казанская история, 1954, с.123]. Как видно из этого труда, по меньшей мере 10 тыс. чел. из них могли быть мордвой [Там же, с.124]. Хотя из оставшихся 20 тыс. воинов часть скорее всего была временно участвовавшими в походе ногайцами, учитывая значительную роль последних в этническом становлении мещерских (включая и собственно касимовских) татар, это число, как думается, можно было бы принять за численность всего взрослого татарского населения Мещерского юрта. В таком случае общая численность этой групп в Касимовском ханстве в середине XVI в. могла бы достигать 80 тыс. чел. (20 тыс. х 4). Но надо иметь в виду, что некоторые ногайские группы, участвовавшие в завоевании Казанского ханства в составе войск Ших-Али, затем могли уйти обратно в Ногайскую Орду. А это говорит о том, что реальная численность воинов у касимовских ханов в середине XVI в. была меньше. Проверку названного выше показателя можно провести на основе данных начала XVIII в., которые дают для мещерских татар середины XVI в. не более 35–40 тыс. чел. В итоге получается, что ближе к истине последняя цифра. Поэтому, для середины XVI в. численность татарского населения Мещерского юрта надо определить не в 70 тыс. чел., как нами предлагалось ранее [Исхаков, 2009, с.39], а значительно меньше – в районе 40 тыс. чел.

Большая Орда и Астраханское ханство. В связи с тем, что окончательное отделение Астраханского юрта от Большой Орды, скорее всего, произошло лишь в начале XVI в. [Зайцев, 2004, с.39–40, 52–53], демографические показатели по этим государствам отдельно могут рассматриваться только после 1502 г. [Исхаков, 2009, с.22–23].

Относительно численности «улусных людей» хана Большой Орды Кичи-Мухаммеда около 1438 г. известна оценка И.Барбаро, полагавшего, что в этом юрте насчитывалось до 300 тыс. чел. [Сафаргалиев, 1960, с.269]. Несколько позже, в 1460–1470-х гг., численность войск сына и преемника этого хана – Ахмеда, состояла, по разным данным, от 100 до 150 тыс. чел. [Алексеев, 1989, с.73; Трепавлов, 2010, с.89], хотя сам Ахмед называл в 1472 г., возможно, несколько преувеличивая, цифру в 200 тыс. чел. [Зайцев, 2004, с.89]. По мнению В.В.Трепавлова, эти данные для периода могущества Большой Орды в начале 1470-х гг. позволяют говорить о численности населения этого государства в 400–600 тыс. чел. [Трепавлов, 2010, с.19]. Но надо иметь в виду, что Большая орда контролировала и ряд этнических групп Северного Кавказа, поэтому в числе, отмеченном выше, может присутствовать и нетатарское население [Исхаков, 2009, с.43]. Но ближе к концу XV в. особенно, в начале XVI в., численность населения рассматриваемого домениального владения («Тахт эли») в результате экологических причин сильно сократилась – в источниках отмечаемое тогда число воинов из этого государства колеблется в районе 60–100 тыс. чел., а детей и женщин – в 100 тыс. чел. В целом это дает цифру татарского населения государства в 160–200 тыс. чел. [Трепавлов, 2010, с.19–20]. По всей видимости, такое уменьшение численности большеордынцев было связано как с политическим упадком Большой Орды, сопровождавшемся природными катаклизмами, переходом населения в Крымский юрт, так и отделением Астраханского ханства, в рамках которого сосредоточилась часть тюрко-татарских групп, ранее входивших в «Тахт эли».

Применительно к Астраханскому ханству относительно численности его населения имеются лишь некоторые приблизительные оценки периода покорения этого юрта. Собственно татарская его часть могла составлять от 10 до 25 тыс. «семей» или «луков» [Исхаков, 1992, с.22–23]. В общей сложности это дает не менее 40–100 тыс. чел. [Исхаков, 2009, с.45] или несколько больше. Фактически последняя цифра близка к численности населения Большой

Орды накануне ее падения. В реальности, однако большеордынцы после политического коллапса своего государства между 1502–1504 гг. оказались в основном в составе Крымского юрта и Ногайской Орды, а не в Астраханском ханстве [Трепавлов, 2010]. Поэтому 100-тысячное население последнего ханства надо оценивать как собственный демографический потенциал этого юрта. Но эта цифра могла колебаться в связи с перемещениями прежде всего ногайских групп, игравших в этом ханстве важную роль вплоть до ее падения [Исхаков, 1992; 2009, с.45; Сызранов, 2009]. Проблема, тем не менее, заключается в том, что после взятия Астраханского ханства русскими, к концу 1570-х гг., собственно астраханских татар (они позже были известны как «юртовые татары») в районе г. Астрахани насчитывалось всего 7 тыс. чел. [Английские путешественники, 1937, с.266]. Похоже, что основная часть тюрко-татарского населения Астраханского юрта, ещё бывшего кочевниками, в период его покорения ушла из Нижнего Поволжья и оказалась в составе Ногайской Орды, Казахского ханства, возможно и в государствах Шибанидов в Средней Азии. Во всяком случае, некоторые кланы, известные в Астраханском ханстве (алчын, конграт), затем фигурировали в составе ногайцев, казахов и узбеков.

Ногайская Орда. Несмотря на то, что о демографическом потенциале Ногайской Орды (Мангытского юрта) периода ее становления во время правления Идегея мало что известно, сохранилось известное высказывание Руи Гонсалеса де Клавихо о том, что у него было «более двухсот тысяч всадников» [Де Клавихо Руи Гонсалес, 1990, с.144]. Конечно, учитывая нахождение мангытского князя Идегея во главе всего левого крыла Улуса Джучи [Трепавлов, 2001, с.78–86], приведенную цифру можно рассматривать и как относящуюся к характеристике всего населения левого крыла Золотой Орды, однако, имея в виду, что близкие данные по численности жителей Ногайской Орды известны и в XVI в., нельзя исключать того, что названная выше цифра обладает определенной историчностью. Тем более, что у ногайцев в конце XVI – начале XVII в. существовало мнение, что их насчитывалось

«сорок санов» [Трепавлов, 2001, с.495–496]. Так как «сан» – это «тьма», т.е. 10-тысячное подразделение, речь идет о 400-тысячных ногаях, но не конца XVI в., а времен гораздо более ранних. Поэтому, можно думать, что уже в первой половине XV в., в Ногайской Орде насчитывалось от 400 до 800 тыс. чел.

Во время правления в Ногайской Орде князя Юсуфа в начале 1550-х гг. в источниках встречается показатель в 300 тыс. «рати писмянной» у данного правителя, да еще по 10 тыс. воинов у каждого из его 8 сыновей, т.е. всего 80 тыс. [ПДРВ, 1793, с.303]. Но учитывая, что у следующего ногайского князя – Исмаила, число воинов определяется в 200 тыс. [ПДРВ, 1793а, с.101, 110], выясняется, что цифра в 200–300 тыс. воинов скорее всего была реальной. Поэтому, в середине XVI в. населения в Ногайской Орде было не 300–350 тыс., как полагал Б.-А.Б.Кочекаев [Кочекаев, 1988, с.34], а значительно больше – от 700 тыс. до почти 1 млн чел. (см. подсчеты В.В.Трепавлова [Трепавлов, 2001, с.497]).

Но затем эта численность резко пошла на спад после военно-политических катаклизмов и экологических бедствий 1550-х гг. В результате к концу XVI в. Ногайская Орда могла выставить уже только от 80 до 100 тыс. воинов, что дает общую численность населения государства в 240–400 тыс. чел. (медиана – около 300 тыс. чел. [Трепавлов, 2001, с.498]).

К началу XVII в. демографическая ситуация в Ногайской Орде еще более ухудшилась и численность воинских людей в Большой Ногайской Орде упала до 40–60 тыс. чел. [Исин, 2004, с.27], т.е. в этой части государства ногайцев осталось не более 160–240 тыс. чел. (медиана – около 200 тыс. чел.). Перед окончательным распадом Ногайской Орды в 1630–1640-х гг. на ряд более мелких орд, ногайцы уже могли выставить не более 30–40 тыс. воинов (см.: [Ялбулганов, 1998, с.29–80]), что дает общую численность ногайцев в 120–160 тыс. чел. (медиана – менее 140 тыс. чел.). Другие исследователи называют еще меньшие цифры – в 100 или 80–120 тыс. чел. [Трепавлов, 2001, с.499]. Постепенное уменьшение численности тюрко-татарского населения Ногайской Орды во второй половине XVI – середине

XVII в. объяснялось отнюдь не только его массовой гибелью в ходе братоубийственных войн и экологических бедствий, но и уходом в Крымское, Казахское ханства и вглубь Средней Азии – во владения Шибанидов (в Хивинское и Бухарские ханства).

Тюменское и Сибирское ханства. К настоящему времени в литературе присутствуют несколько оценок численности сибирских татар, чьими этнополитическими образованиями являлись сибирские юрты – Тюменское и Сибирское ханства.

Н.А.Томилов полагал, что для конца XVI – первых десятилетий XVII в. сибирских татар могло насчитываться от 13 до 17,7 тыс. чел. [Томилов, 1981; Валеев, Томилов, 1996, с.17–18]. Нами для второй половины XVI в. предлагалась цифра в 10–12 тыс. чел. [Исхаков, 2009, с.52]. В обоих случаях в приведенных тут подсчетах не учтены демографические потери сибирских татар периода завоевания Сибирского ханства. А они могли быть значительными. Так, в наказе посольских дьяков за 1585 г. сообщается, что у племянника хана Кучума султана Мамет-Кула были «побиты» 2000 воинов [Скрынников, 1982, с.158; Трепавлов, 2012, с.14]. И это была далеко не единственная потеря татарской стороны. В частности, в другом наказе русскому послу за 1598 г. речь идет о том, что в ходе битвы с войсками хана Кучума русские «побили болши шти тысяч человек» [Тычинских, 2010, с.128]. Как видим, документы свидетельствуют, что в последней четверти XVI в. насчитывалось по меньшей мере 8 тыс. убитых сибирских татар, в основном, по-видимому, из числа военно-служилой группы. Хотя иногда высказывается мнение, что такие данные несколько преувеличены [Скрынников, 1982, с.158–159; Трепавлов, 2012, с.14], у нас нет оснований сомневаться в их достоверности. Поэтому можно согласиться с А.В.Матвеевым и С.Ф.Татауровым, когда они определяют число воинов у хана Кучума в 10–15 тыс. чел. [Матвеев, Татауров, 2012, с.162]. Тем более, что есть прямые указания источников на то, что племянник хана Кучума – султан Мамет-Кул, командовал отрядом в 10 000 воинов [Тре-

Черкесы (слева) и ногайцы (справа). Гравюра из книги А.Олеария «Описание путешествия в Московию...». 1630–1640-е гг.

павлов, 2012, с.14]. Скорее всего, это были не все войска Сибирского ханства [Матвеев, Татауров, 2012, с.160]. Другое дело, сколько из этих 10–15 тыс. воинов были татарами. Как полагают А.В.Матвеев и С.Ф.Татауров, их могло насчитываться от 5 до 7 тыс. [Там же, с.161–162].

В целом не исключено, что в 1560-х гг. общая численность населения Сибирского ханства могла составлять до 50 тыс. чел., после успешных походов хана Кучума к 1580-м гг. – до 100 тыс. чел. [Там же, с.92]. Иногда называются еще большие цифры – в 150–180 тыс. чел. [Нестеров, 1999], что основывается на данных о числе ясачного населения этого государства во второй половине XVI в. в 30–40 тыс. чел., по-видимому, мужчин [Томилов, 1981, с.42; Исхаков, 2009, с.52]. При этих выкладках названные числа умножаются на коэффициент 5, введенный в оборот в свое время Н.А.Томиловым. Но в данном случае следует помнить, что в указанных числах находятся и нетатарские группы населения.

Если исходить из приведенной выше оценки А.В.Матвеева и С.Ф.Татаурова, то до демографических потерь периода завоевания Сибирского ханства русскими, численность сибирских татар должна была быть никак не меньше 30 тыс. чел., из которых около 6 тысяч могли быть служилыми татарами. Фактически повторяющееся число «тюменских татар» в 10 тыс. чел. в XVI в. дает близкую цифру (если это число

взрослых мужчин, его умножаем на $4 = 40$ тыс.). Но когда Н.А.Томиловым для конца XVI – первой трети XVII в. для центральных районов бывшего Сибирского ханства называется цифра в 2 тыс. служилых татар [Томилов, 1981, с.42], он уже фиксирует иную демографическую ситуацию, сложившуюся после массовой гибели татарского населения, особенно, служилого, в ходе завоевания русскими этого государства.

Названные выше цифры численности сибирских татар в XVI – начале XVII в. имеют определенную корреляцию с высказыванием С.Герберштейна о численности «тюменских татар» в первой четверти XVI в. в 10 000 человек [Герберштейн, 2007, с.289]. Правда, несколько настораживает то, что эта цифра совпадает с данными о числе воинов в племенном ополчении у хана Шейбани в 1503 г. [Исхаков, 2006, с.136–137]. Но с другой стороны, из сочинения С.Герберштейна видно, что он «тюменских татар» не путал с «шейбанами».

Для более раннего времени – конца XV – начала XVI в. следует иметь в виду, что территория Тюменского ханства фактически входила в районы проживания тюркского населения Государства Шибанидов, которое отсюда окончательно ушло лишь в 1510–1511 гг. [Маслюженко, 2008, с.114]. Число ушедших тогда в Среднюю Азию кочевников оценивается в 240–360 тыс. чел. [Султанов, 1982, с.19–21]. Поэтому численность «тюменских татар», о которых сообщает С.Герберштейн, надо рассматривать как демографические показатели той группы населения Тюменского ханства, которая затем могла остаться в Западной Сибири после этой крупной волны миграции подданных Шибанидов в Среднюю Азию. Очевидно, остались те «тюменские татары», которые в Тюменском ханстве занимали земли будущего ядра Сибирского ханства еще со времен тюменского хана Ибрагима (именно у него в 1481 г. в ходе совместного похода с ногайцами против Большой Орды были отмечены 1 тыс. его «казаков» [Татары, 2001, с.123]).

Таким образом, численность собственно татарской части населения Сибирского юрта ближе к середине XVI в. могла быть около 30 тыс. чел., которая в результате военных потерь 1580–1590-х гг. и ухода татарского

населения в другие регионы [Трепавлов, 2012, с.23, 53–54], могла снизиться, по разным оценкам, до 17–18 тыс. или еще больше – до 12–13 тыс. чел.

Крымское ханство. В современной литературе, посвященной истории Крымского ханства, внимание обращается прежде всего на определение численности татарского населения этого государства на время его присоединения к Российской империи в 1783 г. Обычно называется цифра в 120 тыс. чел. [Тюркские народы, 2003, с.154] или 55 тыс. татар-мужчин [Лашиков, 1886, с.103]. Но к этому времени многие татары уже выехали из Крыма в Турцию. Число эмигрантов в разных источниках оценивается от 80 до 300 тыс. чел. [Тюркские народы, 2003, с.154]. Более точную цифру называет группа московских исследователей – около 200 тыс. чел. [Водарский и др., 2003, с.86]. Следовательно, перед присоединением Крымского ханства к России там проживало не менее 300–310 тыс. татар [55 тыс. \times 2 = 110 тыс. + 200 тыс.].

Некоторые авторы для 1760–1770-х гг. дают и показатель 411,5 тыс. чел. крымских татар [Там же, с.120], что вряд ли достоверно. В этой связи заметим, что в сочинении немецкого автора Тунманна, посвященного Крымскому ханству и изданного на немецком языке в 1774 г., приблизительная численность населения Крымского ханства определяется, правда без указания на источники, в 400 тыс. чел. [Тунманн, 1991, с.21], что позволяет говорить о демографических параметрах собственно татар (включая и ногайцев, уже ставших их этническим составным) в 350–360 тыс. чел. (методику см. ниже).

Но из-за отсутствия точных данных о числе крымских эмигрантов в Турцию в XVIII в., приведенные выше подсчеты являются приблизительными. Учитывая именно это обстоятельство нами ранее численность татарского населения Крымского ханства предлагалось оценивать накануне его присоединения к Российской империи в 160–180 тыс., а для середины XVIII – в 150–160 тыс. чел. [Исхаков, 1983, с.55–56]. Другие исследователи оценивали общую численность населения Крымского ханства в XVIII в. 200–300 тыс. чел. [Возгрин, 1992,

с.163], что позволяет при учете того, что в этом государстве татары составляли свыше 90% его населения [Водарский и др., 2003, с.85], определить число собственно татар в XVIII в. в 180–270 тыс. чел. (медиана – около 225 тыс.)

Похоже, что численность крымских татар во второй половине XVIII в. была все же выше, достигая 300–350 тыс. чел. Скорее всего, такую же приблизительно цифру позволяет получить и приводимый Тунманном со ссылкой на молдавского правителя Кантемира показатель в 70 тыс. «казанов», т.е. семейств или домовладений, в Крымском ханстве. [Тунманн, 1991, с.21], скорее всего относящийся к собственно татарам. Если принять в каждом семействе/домовладении в среднем по 5 человек, получаем 350 тыс., что совпадает с названной выше цифрой. Но когда мы ведем речь о таких демографических данных, необходимо помнить, что в это число входят и ногайцы, из-за продолжения частично полукочевого образа жизни могущих иногда покидать сферу влияния Крымского ханства.

Как указывает Тунманн, в Крымском ханстве кроме татар жили еще армяне, греки, итальянцы, грузины, валахи и караимы, а также цыгане [Там же, с.27]. На 1760–1770-е гг. их численность определяется – греков и итальянцев – в 18, 6 тыс., армян – в 13,6 тыс., грузин – 219 чел., валахов – 161 чел., караимов – 1,6 тыс. чел., цыган – 1,4 тыс. чел. (на 1795 г.) (см.: [Водарский и др., 2003, с.120–121]). Из них исповедовавшие христианство (т.е. кроме караимов), еще до падения Крымского ханства по их просьбе выселились в 1779 г. в Российскую империю – их численность тогда достигала 30–31 тыс. чел. [Там же, с.85–86, 195].

Более трудной задачей является анализ демографических данных по татарскому населению Крымского юрта XV–XVII вв., базирующихся в основном на показателях военного потенциала этого государства.

Проведенный нами анализ источников и литературы показывает, что в XVI в. Крымское ханство насчитывало от 15 до 100 тыс. воинов, в среднем число воинов составляло 50 тыс. Наибольшее число воинов ханства, зафиксированные источниками – 250 тыс. чел., но такое войско ханство смогло

выставить лишь после присоединения в начале XVI в. улусов побежденной Большой Орды. Имея в виду, что в крупных походах могут участвовать все мужчины старше 15 лет, численность крымских татар для начала XVI в. можно было бы определить в 300–350 тыс. чел. После победы ханства над Большой Ордой, эта численность временно могла достигать 500–600 тыс., впоследствии в том числе и за счет ногайцев, ставших во второй половине XVI – начале XVII в. частично подданными Крымского ханства [Исхаков, 2009, с.40–41].

В последнее время В.В.Пенской провел самостоятельный анализ демографических показателей татарского населения Крымского ханства [Пенской, 2010], заслуживающий внимания потому, что он синтезировал материалы о воинских силах этого ханства, содержащие и в других исследованиях [Ищенко, 1989; Дмитриев, 2003]. По мнению данного исследователя, во второй половине XVI – середине XVII в. войско крымских ханов насчитывало 40–60 тыс. человек [Пенской, 2010, с.210], что дает около 240–250 тыс. татарского населения Крымского ханства в этот период [Там же, с.208]. Поэтому, предложенная выше оценка численности крымских татар в начале XVI в. (до присоединения улусов Большой Орды), должна расцениваться как преувеличенная. Скорее всего, ближе к реальности будет цифра в 200 тыс. чел. [Пенской, 2010, с.209]. Для середины XVI–XVII в. численность татарского населения Крымского ханства, предложенная В.В.Пенским, по нашему мнению, преуменьшена – чтобы выставить 250-тысячное войско – а такое число в источниках иногда приводится – татарское население Крымского ханства должно было составлять не менее 500–600 тыс. чел. (в этой численности 100–120 тыс. могли составлять ногайцы), а то и больше.

Для XV в. следует исходить из того, что ядро крымских татар, в начальный период образования Крымского ханства состоявшие из 4 кланов (Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак), составляло 1 тумен, что при полном исчислении (10 000 x 4) на середину XV в. дает около 40 тыс. чел. [Исхаков, 2009, с.41]. Показательно однако, что И.Барбаро для 1430-х гг. группу татар, свя-

занную со степями «острова Каффы» склонен был исчислять лишь в 3–4 тыс. всадников [Барбаро и Контарини, 1971, с.55], что дает еще меньшую цифру – в 12–16 тыс. чел., в целом тем не менее, дающую как раз численность одного тумена. Учитывая, что «тумен» мог быть не всегда полновесным, в середине XV в. возможна названная выше численность крымских татар. Но с течением времени это число «коренных» крымских татар явно выросло. Например, в начале XVI в. одних представителей клана Ширин в ханстве уже насчитывалось 20 тыс. чел. [Исхаков, 2009, с.41].

Нетатарские группы населения (все они к XVIII в. были уже татароязычными) имелись в Крымском ханстве со времени его возникновения, сосредотачиваясь в городах (Гюзлеве, Карасу-базаре, Акмечети, Кафе, Бахчисарае и Чуфут-кале [Fisher, 1978, р.30–34]), а также в ряде сельских поселений [Водарский и др., 2003, с.86–87]. После успешных походов крымцев в 1510–1515 гг. против черкесов (адыгов), часть из них также вошла в состав Крымского ханства [Исхаков, 2009, с.40]. Однако для XVI–XVII вв. численность всех этих групп остается пока неизвестной.

* * *

Изучение демографических данных по позднезолотоордынским тюрко-татарским государствам позволяют говорить о том, что в XV–XVI вв. они обладали значитель-

ным людским потенциалом – от 1,5 до 1,8 млн чел. (конец XV в. – середина XVI в.). При этом, в Поволжье до конца XV в. доминировала обладавшая значительными людскими ресурсами Большая Орда, фактически занимавшая место правого крыла распавшейся Золотой Орды, а на востоке – Ногайская Орда, обладавшая не меньшим, а скорее большим демографическим потенциалом, позволяющим ей выполнять ту роль, которую в свое время реализовывали тюрко-татарские группы левого крыла Улуса Джучи. Однако после победы Крымского ханства над Большой Ордой в начале XVI в., на западе постзолотоордынского политического пространства доминирующее положение заняли крымцы, вскоре столкнувшиеся с Ногайской Ордой. В той или иной степени поочередное господство на этом пространстве разных тюрко-татарских юртов в XV–XVI вв. оказывало влияние и на этнический состав населения остальных татарских ханств (Казанского, Касимовского, Тюменско/Сибирского, Астраханского). Но к середине XVI в. ни одно из этих государств по отдельности уже не могло в демографическом отношении сравниться с формирующимся Московским государством, а совместные их действия, позволяющие объединить их демографический потенциал, оказались по ряду причин невозможными, что и предопределило их историческую судьбу.

ГЛАВА 2

Большеордынские татары и их наследники

Вадим Трепавлов

Принято считать, что общим названием тюркоязычных жителей Золотой Орды был этникон «татары». В правом крыле государства в XIV в. существовала развитая городская цивилизация, действовали оживленные межрегиональные связи, функционировали мощные очаги старой оседлой культуры (Волжская Булгария, Крым, Молдавия). Поэтому там происходило постепенное отмирание патриархальных племенных норм жизни. Явно наблюдалась этническая консолидация, формирование золотоордынской татарской народности. Однако сначала пандемия чумы в середине столетия, а затем войны и миграции кочевников с востока прервали этот процесс.

Эти пришлые носители архаичных социальных и культурных норм, ордынцы левого крыла, свято соблюдали племенной строй в своей среде, и социальные порядки в степях к востоку от Яика были гораздо более консервативными. Хотя для жителей восточных районов Золотой Орды XIV–XV вв. историки иногда употребляют условное общее наименование «кочевые узбеки», единого этноса там так и не сложилось.

Тем не менее зачатки общей идентичности – и как раз не татарской, а «узбекской» – порой можно зафиксировать для «постордынской» эпохи. Последний хан Большой Орды Шейх-Ахмед, отмечая сходство племенного состава кочевников Дешт-и Кипчака и мигрантов из Улуса Джучи в Великом княжестве Литовском в начале XVI в., говорил о «нашем узбекском народе» (*bizniñ özbaş ta'ifici*) [Утемиш-хаджи, 1992, с.96, 124, рис.XII]. Заметим, что этническая идентичность у жителей Дешта в те времена проявлялась прежде всего в осознании своей принадлежности к определенному племени (*эль*) и роду (*уруг*). Пребывание в составе более обширных общностей уже не предполагало рефлексии по поводу близости

сти по родству и происхождению. Такими общностями были кочевой образ жизни, подданство одному монарху и – позднее – мусульманское единоверие.

Поэтому не стоит буквально трактовать слова хана об узбекском народе как свидетельство сложившегося этноса. Слово *узбек* здесь могло иметь иное значение. В XVIII в. джунгарский хунтайджи заявил казахскому хану Абу-л-Хайру: «...перед оной вороной (российской императрицей. – *В.Т.*) мы не станем на колени, ибо де они (русские. – *В.Т.*) тележные, а мы узбеки (т.е. кочевники. – *В.Т.*)» [Казахско-русские, 1961, с.306].

Определить племенной состав Большой Орды можно только приблизительно, опираясь на отрывочные сведения источников. Ю.Шамильоглу считает, что основу населения ханства составляла конфедерация четырех племен: кияты, мангыты, салджиуты, кунграты [Shamiloglu, 1986, с.196, 203; История татар, 2009, с.690]. Кроме того, имеется информация и о некоторых других элях.

Мангыт. Мангыты занимали первое место по влиянию и, может быть, по численности. Ведущая роль мангытских беков была освящена традицией беклербекства их родоначальника Эдиге. Эта традиция по-разному трансформировалась в Казанском, Астраханском, Крымском юртах и в Большой Орде. В этих ханствах (возможно, за исключением Казани) присутствовали аристократические мангытские роды, которые в разной степени влияли на политику местных Чингисидов и на управление их владениями. Кажется, наибольшим влиянием соплеменники Эдиге пользовались именно в Тахт эли. Мангыты жили там со времен Эдиге и пытались обосноваться по возможности в ставке каждого хана, которому доставался трон. Ниже мы еще вернемся к мангытским бекам в Большой Орде.

Кият. Этот эль с начала XIV в. играл исключительную роль в истории Золотой Орды. Киятские беки принимали активное участие в политических событиях, связанных с воцарениями и свержениями ханов (особенно во время смуты – «замятни» 1360–1370-х гг.), участвовали в управлении государством, занимали высочайшие административные посты (см.: [Трепавлов, 2007а]). Самым известным из них является знаменитый Мамай. В Большой Орде кияты тоже присутствовали, но уже далеко не на первых ролях. Хотя хан Шейх-Ахмед и отзывался о них в превосходных выражениях: «...у мене нетути болшыхъ и лепшыхъ» слуг, чем кияты [Lietuvos, 1994, p.180]. В 1515 г. на Северском Донце русскому посольству встретился некий Карачура, который «родом сказывается (уже несуществующей. – В.Т.) Болшие Орды Кият» [Сборник РИО, 1895, с.144].

Кипчак. В упомянутой выше стычке Мухаммеда Шейбани с ратью хана Ахмеда со стороны последнего сражался тысячник Конуш-кипчак [Материалы, 1969, с.20, 101; Шейбаниада, 1849, с. LVII]. Возможно, что и возглавляемый им тысячный отряд состоял из его единоплеменников.

Китай. В разное время Шейх-Ахмед управлял с посольскими поручениями «Китай Баибосова сына Махаметь мурзу» и «Булгаирь-китаа»; упоминается перебежчик в Крым «Кирей Менглишиков сын китай», при котором был какой-то «Китай Киреев человек» [Сборник РИО, 1882, с.432; Сборник РИО, 1884, с.70, 323; Lietuvos, 1994, p.181].

Алчин. Приближенным Шейх-Ахмета был «Тахтамыш Алчин» [Сборник РИО, 1882, с.432].

Минг, сарай-минг. Возможно, племенное название «минг» зафиксировано в имени посла большеордынского посла в Литву «Минъ Булата богатыра» [Lietuvos, 1994, p.181]. В перечне людей, которых «перемали в Орде» в 1487 г., значится «Иким Субуев... Сарайские тысени роду» [Сборник РИО, 1884, с.70]. Полагаю, что «сарайская тысяча» – это искаженно переданное *сарай-минг*. Такое подразделение мингов существовало в Ногайской Орде и включало компоненты самостоятельных элей сарай и минг [Трепавлов, 2001, с.502].

Найман. Уйшун. Присутствие данных элей в Большой Орде выясняется из местного спора, который был затеян маршалком и писарем Ибрагимом Темирчицем в Великом княжестве Литовском. В 1517 г. Ибрагим бил челом королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду I о признании знатности его рода, ссылаясь на положение своих родичей в Крыму, а также при дворе большеордынского хана Шейх-Ахмеда, находившегося тогда в литовском плену; кроме того, род Ибрагима – «Тюменскимъ Уишенскимъ князем братья (в тексте: братья. – В.Т.) суть». Ибрагим представил какие-то подтверждающие документы, на основании которых Сигизмунд повелел Ибрагиму с его детьми и братьями «в той почетности быти, какъ есть выписано в тех листех братья наше, Менли Кгирея ц(а)ря перекопского и Шиг-Ахмата ц(а)ря заволского» [Lietuvos, 2003, p.369]. Таким образом, выясняется, что Ибрагим происходил из татарского эля уйшун.

В 1522 г. Ибрагиму был выдан специальный королевский указ-привилей. Там содержалась ссылка на ярлык Шейх-Ахмеда, в котором подтверждалось, во-первых, право Ибрагима быть на «местьце предков их кн(я)зеи Юшинских», во-вторых, «тое местьцо маеть имъ быти вышеи Наимановъ кн(я)зей Петровичовъ а Алчыновъ». Король пожаловал Ибрагиму с семьей право «тое местьцо предковъ своих вышеи Наимановъ а Алчыновъ мети, на том местьцы во чъти и въ ровъности седети по тому, какъ и предкове их кн(я)зи Юшеньский сеживали (в старину в Большой Орде. – В.Т.)» [Lietuvos, 2001, p.169].

Князя Петровичевы (найманского происхождения) возмутились и написали королю, что Ибрагим и хан Шейх-Ахмед ввели его в заблуждение: никогда уйшуну не сидели выше найманов. С этим делом пришлось разбираться панам рады Великого княжества Литовского на Берестейском сейме. Шейх-Ахмед признался, что неоправданно завысил ранг родни Ибрагима (о причинах, побудивших хана солгать королю, источники умалчивают). В 1525 г. Сигизмунд объявил, что «мы то вчинили в неведомости того», и привилей был отменен [Lietuvos, 2001, p.383].

В общем-то вся эта история разворачивалась в польско-литовских владениях, и татарская знать определяла свои позиции в местнической иерархии, исходя из реалий своей новой родины, а не татарских юртов. В частности, дискуссия о старшинстве между уйшунами и найманами велась по поводу их положения по отношению не друг к другу, а к Ассанчуковичам~Санчуковичам – единственному роду Джучидов в Литве, самому знатному среди литовских татар. Предком их был некий Хасанчук, осевший в Литве в первой половине XV в. Только Ассанчуковичи носили титул «улан» (от *оглан* – «царевич»), в то время как предводители остальных татарских родов довольствовались званием князей (*resp.* беков) [Sobczak, 1984, s.55, 75].

Но вместе с тем мы наблюдаем отголоски иерархии племен в Золотой Орде, в том числе в наследовавшем ей Тахт эли (не случайно в начале спора Ибрагим ссылался на порядки в Крымском ханстве и Большой Орде). Известно, что фигурирующие в местническом скандале эли найманов и уйшунов считались племенами правого крыла Джучиева Улуса (вместе с кунгратами и джалаирами) [Shajrat, 1838, p.238]. Однако об их взаимном ранжировании почти ничего не было известно. Следы этого явления обнаружались при неудачной попытке уйшуна Ибрагима занять неподобающе высокое место среди татарской знати Литвы.

Показательным признаком деградации государственности Золотой Орды и постепенного угасания государственного начала в Большой Орде было появление казачества. Во второй половине XV в. оно начинает фигурировать в источниках как заметный элемент социальной структуры и участник политических событий. Казаки того периода – это маргинальные группы степняков, которые, может быть, номинально и продолжали считаться ордынскими подданными, но вели себя все более независимо.

Сведения об их жизненном укладе свидетельствуют о кочевническом, т.е. татарском этнокультурном первоисточнике вольного казачества. В 1518 г. крымский бек Аппак сообщал великому князю Василию III об обращении к нему белгородских и азовских казаков. Они просили бека замолвить за них

слово перед Василием Ивановичем, чтобы тот разрешил им «с своими женами **прикочевав** жити у Путивля и слугами быти, а твоего бы им недруга короля воевати». Московский государь передал Аппаку свое согласие. Бек вызвал к себе в Крым мирзу азовских казаков Меретека и объявил ему, что «яз о вас у великого князя печалую, чтобы вам дал место **где летовати да где зимовати**»¹ – и сообщил о возможности переселиться к Путивлю [Сборник РИО, 1895, с.165, 613]. Следовательно, азовские казаки на Нижнем Дону вели кочевой (не бродячий!) образ жизни и имели начальников в ранге мирз.

То есть в те времена казачьи общины представляли собой обычные для кочевой степи мигрирующие сообщества. Разве что наряду со скотоводством (см. данные о сезонных перекочевках) их основным занятием стала война, и принадлежали казаки, очевидно, к разным элям, проживая при этом смешанно, в общих поселениях. Название «азовские» говорит о том, что выходцы из ордынских улусов держались около турецкого Азака~Азова (с 1471 г. бывшая Тана находилась под властью османов). Некоторые из них обосновались в самом городе. Но не заметно, чтобы они как-то зависели от султанского наместника. В 1515 г. московский посол попробовал найти там для себя провожатых в Стамбул, на что получил ответ: «Которые казаки азовские были у нас, и те ныне казаки пошли добываться; а в Азове ныне нет никакова человека и проводит их ныне некому» [Там же, с.142]. Оказалось, что все казачье население отправилось в набег за добычей. Думаю, что азовские казаки того времени – это в основной массе татары исчезнувшей Большой Орды, не пожелавшие подчиниться победителям-Гиреям.

К Азову стекались выходцы из Орды еще во время ее существования. Именно в разлагавшейся Орде формировался этот своеобразный социальный слой вольных степных удальцов, трудноуправляемых и малозависимых. Описания набегов на южное русское пограничье в конце XV в. не оставляют сомнений в этнической принадлежности казаков: «Приходили татарове, ордынские казаки и азовские», «приходиша

¹ Здесь и далее в цитатах выделено нами.

татарове ордынские казаки и азовские»; «приходиша татарове ординские, казаки, в головахъ приходиль Тимишомъ зовоуть, а с нимъ двѣсти и 20 казаковъ, въ Алексинъ» – и после боя с русскими «...иные ѣдучи татарове в Орду ранены на поуты изомроша» и т.п. [ПСРЛ, 6, 1853, с.44; ПСРЛ, 12, 2000, с.251; ПСРЛ, 24, 1921, с.210; ПСРЛ, 26, 1959, с.292]. По-видимому, участники набегов действовали самостоятельно, без ведома властей Тахт эли и Азака. Однако побитые казаки возвращались в Орду, т.е. наверняка домой. Не случайно в текстах того времени выражения «казаки заволжские» и «татары заволжские» часто употребляются как синонимы; разбойничают на торговых путях (т.е. занимаются типично казачьим «ремеслом») азовские и ордынские татары (см. например: [Сборник РИО, 1884, с.321, 322, 324, 349]).

Но в полном смысле ордынцами их все же нельзя считать из-за их полунезависимого положения. Уже в то время они представляли собой внушительную силу, которую старались использовать с своих интересах окрестные правители. В 1496 г. хан Шейх-Ахмед писал великому князю Александру Казимировичу, что Менгли-Гирей, находясь во враждебных отношениях с Великим княжеством Литовским и Большой Ордой, «до азовских казаковъ люди свои присла», и казаки устроили в степи нападения на литовское и большеордынское посольства [Lietuvos, 1994, p.119].

Подобный набег 1469 г. во главе с сыном хана «Заволжской Орды» описан у Яна Длугоша: «...множество татар, собранных из **беглецов, грабителей и изгоев**, которых они на своем языке называют козаками... вторглись... на землю Польского королевства» [Joannis Dlugosii, 2005, s.243–244 (frequens Tatarorum exercitus ex **fugitivis, predonibus et exulibus**, quos sua lingua Kozakos apellant... terras Regni Polonie... irrupit)]. Польский хронист ясно дает понять, что, во-первых, казаки – это, с его точки зрения, асоциальный сброд, люди вне пределов устойчивой

общественной иерархии, пусть даже ордынской; во-вторых, они участвуют в набегах как подданные Большой Орды, поскольку воюют под командованием царевича; в-третьих, само понятие «казак» было для Длугоша новым¹, и он уверенно приписывает ему татарское происхождение (в чем совершенно прав).

Ситуация 1460–1500-х гг., когда Золотая Орда окончательно развалилась, а вслед за ней неуклонно приближалась к коллапсу и Большая Орда, оказалась благоприятной для формирования в степях юга Восточной Европы вольных казачьих общин. В то время они состояли, вероятно, почти исключительно из татар, и прежде всего большеордынских («почти», т.к. нельзя исключить иноэтнические вкрапления – например, русских и черкесов). Как известно, впоследствии, в XVI в., в этот регион стали мигрировать выходцы из славянских стран. Поселяясь вместе с татарскими старожилками, они образовали общеизвестные объединения вольного казачества – будущие «войска» на Дону и в Запорожье.

В ходе ослабления Большой Орды и после разгрома ее крымцами ее территория была поделена между более удачливыми соперниками и соседями. Степи, примыкающие к Черному и Азовскому морям, отошли к Крымскому ханству; в Нижнем Поволжье образовалось самостоятельное Астраханское ханство; заволжские кочевья забрала себе Ногайская Орда; на бывшие пашенные угодья татар в Пятигорье распространился сюзеренитет кабардинских князей; на Северо-Восточном Кавказе удержался незначительный осколок Орды в виде Тюменского улуса; в укромных местностях по берегам Дона и Днепра обосновались общины вольных казаков. Соответственно татары Большой Орды расселились в пределах перечисленных владений, а также среди вольного казачества. Очевидно, большая часть бывших большеордынцев вошла в состав крымских и астраханских татар.

¹ Ян Длугош писал свою хронику в 1455–1480 гг.

ГЛАВА 3

Польско-литовские (белорусские) татары-липка в XIV–XIX вв.

Илья Зайцев

Появление первых татарских поселений в Литве обычно относят к началу XIV в., когда великий князь Гедимин (1305–1341), используя татар в борьбе с Тевтонским орденом, приглашал татарские дружины на свою службу. Вероятно, часть этих ордынцев могла оставаться в Литве на постоянное жительство. Массовое переселение татар в Литву начинается в период правления великого князя Витовта (Витольда, 1392–1430). Именно в это время в Литве возникло наибольшее количество татарских поселений. Поселявшиеся в Литве татары получали из рук великого князя налоговые льготы, а также земельные владения, за пользование которыми они были обязаны нести воинскую службу [Abrahamowicz, Reychman, 1983, с.765]. Татарские военные отряды в качестве отдельных воинских единиц принимали участие во всех войнах, которые вели Витовт и его преемники. Татарская знать, получив в качестве дворянских гербов родовые тамги, была приравнена к польской и литовской [Dziadulewicz, 1929]. Названия воинских знамен-подразделений польско-литовских татар позволяют сделать вывод об их клановой принадлежности, которую они сохранили, переселившись в литовские пределы: *найманы, джелаиры, барыны, кунграты*.

Основными занятиями недворянских татарских фамилий были торговля (преимущественно с Востоком), извоз, кожевенное ремесло. Часть литовских татар выполняла функции толмачей и переводчиков [Abrahamowicz, Reychman, 1983, с.765].

Литва в то время представляла собой одну из самых веротерпимых стран мира, где уживалось несколько десятков языков и религий. Татары-переселенцы пользовались всеми правами русско-литовских бояр, гарантированной свободой вероисповедания и

соблюдения обычаев. Это касалось, правда, только переселившихся добровольно: пленных татар крестили и нередко обращали в зависимость. В царствование Сигизмунда III, правда, это положение несколько пошатнулось, но в 1662 г. все преимущества были татарам возвращены. Все же прецеденты религиозной вражды имели место. В 1609 г. была разрушена мечеть в Троках (Тракай), а несколько татарских женщин, обвиненных в колдовстве, было сожжено. В 1616 г. каноник из Вильно Петр Чижевский публикует там свою знаменитую и впоследствии неоднократно переизданную антимусульманскую книгу «Настоящий татарский аль-Фуркан» («*Alfurkan tatarski prawdziwy: na czterdzieści części podzielony, który zamyka w sobie początki tatarskie u przyznanie ich do Wielkiego Księstwa Litewskiego*»), в которой оценивает политику властей Речи Посполитой в отношении мусульман резко критически и призывает лишить их привилегий и обратить в католицизм. Впрочем, этот памятник контрреформационной католической мысли был написан, вероятно, и под влиянием личных мотивов: в отместку за убитого литовским татаринцом отца автора.

Переселения татар в Литву имело место и много позже княжения Витовта, в частности в XV–XVI вв. Если основная часть ногаев и татар ушла после взятия Астрахани московскими войсками в Крым, то, вероятно, гораздо меньшая оказалась после бегства именно у границ Речи Посполитой на Волыни и Подолии [Baranowski, 1950, с.133; Borawski, 1977, с.300].

Прибывали в Литву и многочисленные ордынские царевичи и даже ханы [Думин, 1989]. Такова, например, история последнего золотоордынского хана Шейх-Ахмеда. Хан официально считался в Литве не пленником, а «гостем» короля. Этот статус не по-

зволял ему получать какие-либо земельные пожалования в Литве [Зайцев, 2003; Зайцев, 2004а].

В литературе о польско-литовских татарах утвердилось мнение об отождествлении их с упоминаемыми в разных источниках *липками*. Более 120 лет тому назад отечественный турколог В.Д.Смирнов в предисловии к изданию турецкой исторической рукописи о взаимоотношениях России, Турции и Крыма писал о липках: «... вопрос об этом народе остается пока открытым: может быть исследования на месте помогли бы его решению» [Сборник, 1881, с. XXXVIII].

Источники. До сих пор исследователи оперируют лишь одним татарским историческим текстом литовского происхождения, в котором рассказывается о происхождении и истории польско-литовских татар, – «Рисале-йи Татар-и Лех» («Трактат о польских татарах»)¹. Сочинение было будто бы написано в 1558 г. неизвестным татаринном во время хаджа для Рустем-паши – везира султана Сулеймана² и стамбульских вельмож, интересовавшихся положением единоверцев в Польше и Литве. Текст был введен в научный оборот профессором Санкт-Петербургского университета, вторым деканом Восточного факультета А.Мухлинским³. Оригинальный турецкий текст не сохранился, и судить о нем можно только по литографированному изданию (брошюрке в 23 страницы, выпущенной крайне малым тиражом в 1858 г.). Подлинность этого сочинения с самого начала его появления не вызвала у ученых никаких сомнений: без цитат из польского или рус-

ского перевода, выполненных самим проф. А.Мухлинским, до сих пор не обходится ни один труд по истории польско-литовских татар.

Только лишь В.Д.Смирнов осторожно отзывался о «Рисале»: «автор этого сочинения... истый мусульманин и татарский патриот, душевно скорбящий об утрате его соплеменниками чистоты своей веры и национальности». И далее: «Рисале написано на османском наречии, но слог речи обнаруживает в авторе человека, отвыкшего думать и выражаться чисто по-турецки: все сочинение сильно отзывается европейским образом мыслей и краткостью фраз, также более свойственной языкам европейским» [Смирнов, 2005, с.147, прим.1]. Впрочем, дальше этого замечания В.Д.Смирнов не пошел: он довольно много цитировал «Рисале» и, судя по всему, не считал его подделкой.

Совсем недавно подлинность сочинения была (также весьма осторожно) поставлена под сомнение Стефаном Роуэллом. Он не решился на утверждение, что Рисале – явная подделка, хотя и дал одному из разделов своей статьи провоцирующее название «“Рисале-и Татар-и Лех” или “Рисале-и профессор-и Лех”»⁴. Сомнения Роуэлла сводятся к следующему: «Рисале» – единственный не религиозный текст польско-литовских татар; стиль изложения не «азиатский», а европейский; все сведения Рисале имеют параллели либо в текстах Литовской Метрики, либо в хронике Ибрахима Печеви; наконец, в сочинении акцентируется Польша, хотя, в действительности, речь идет о Литве, к тому же странно, что патриотически настроенный по отношению к литовцам и Витовту автор не употребляет термин *липка*⁵; наконец, говоря о предках литовцев, автор косвенно указывает на сарматов, что вряд ли может отражать знания татарского автора середины XVI в. К соображениям С.Роуэлла можно добавить ряд замечаний.

Обстоятельства появления и исчезновения рукописи. Рукопись, переписанная в начале XVIII в. (она происходила, судя по печати, из собрания османского библи-

¹ См.: [Muchliński, 1858]. Несколько работ на русском языке того же автора [Мухлинский, 1857].

² Рустем-паша, хорват по национальности родом из Боснии (фамилия его была Опукевич; хотя иногда встречается мнение, что он был албанцем), известный и как автор исторического сочинения, посвященного османской династии, был везиром Сулеймана дважды: с 951 по 960 г.х. (1544–1553) и 962–968 (1555–1561). Умер 28 шаввала 968 г.х. (11 июля 1561). О нем см.: [Süreyya, 1996, с.1402; Babinger, 1927, с.81 и след.].

³ О нем см.: [Stanisz, 1935, с.302–326]. Я сознательно транскрибирую имя востоковеда как *Мухлинский* вместо состоявшегося русского написания *Мухлинский* как соответствующее нормам польского произношения.

⁴ То есть «“Трактат о польских татарах” или “Трактат польского профессора”». См.: [Rowell, 1998, с.123–137].

⁵ См. о нем подробно: [Зайцев, 2006, с.70–77].

офила Рагиба-паши, умершего в 1763 г.¹) почерком *талик* будто бы была прислана А.Мухлинскому через несколько лет после его путешествия на Восток (1834) неким книготорговцем Эмином-эфенди и тут же исчезла. Рукописей польско-литовских татар старше XVII в. ни в одном собрании мира нет (старейший датированный манускрипт 1631 г.) [Drozdz, Dziekan, Majda, 2000; Suter, 2004; Hofmann, 2005, с.357–359]². Более того, все сохранившиеся имеют ярко выраженный религиозный характер (это молитвы и так называемые тефиры – переводы-комментарии Корана). Исторических или хронологических текстов в этой традиции нет.

Язык сочинения. Добавить к приведенным словам В.Д.Смирнова и С.Роуэлла почти нечего. Действительно, язык сочинения мало схож с известными нам образцами османской или крымской (равно, как и постзолотоордынской) исторической прозы XVI в. Кроме того, форма некоторых топонимов, которые употребляет автор «Рисале», весьма нетипична. Например, Вильно называется «курси-и мемлекет» («престол государства»), Новогрудек представлен тюркской калькой «Йени шехир».

Текст. Близость текста Рисале и сочинения Ибрахима Печеви заслуживает пристального внимания. Рукопись «Истории» последнего была в библиотеке Мухлинского и цитаты из этого текста профессор приводил именно по ней [Мухлинский, 1857, с.55–56, 60–61]³.

Идейная направленность. Сомнения в подлинности «Рисале» возникают еще и потому, что идеи, выраженные в этом трак-

¹ Рагиб Мухаммад-паша б. Шавки Мухаммад-эфенди [1699–1763] – великий везир Османской империи при Махмуде I (1730–1754). О нем и библиотеке см.: [Babinger, 1927, с.288–290; Hammer, 1833, с.171, №22; Базили, 1836. Ч.1, с.144; Ч.2, с.221–224; Кауа, 2007, с.185–196]. Опись собрания напечатана в Османской империи во второй половине XIX в. [Рагиб, 1285]. Понятно, что в этом каталоге интересующей нас рукописи нет.

² В этих публикациях можно найти ссылки почти на всю имеющуюся литературу по вопросу. См. также: [Рукаписы, 2003].

³ В библиотеке СПбГУ ныне хранятся 18 арабских рукописей из коллекции Мухлинского. О них см.: [Дерягина, Фролова, 1997, с.45–51; Дерягина, Фролова, 1998].

Литовский татарин-липка. 1676 г. [Зайцев, 2003а]

тате, очень близки взглядам самого профессора. Основная идея трактата и исследований А.Мухлинского такова: «мудрая предусмотрительность Литовских государей наделяла Татар землями, покровительствовала их вере, и, в последствии времени, сравнила их с туземными дворянами, избавив от всех почти налогов. Для тогдашней современной эпохи это было дело большой смелости и ума высшего, крепкого». Татары же «со своей стороны, умели отплатить за эти благодеяния признательностью и верностью тому краю, в котором они были приняты не как пленные невольники, но как братья» [Там же, с.3–5].

Ревностный католик и ярый патриот Польши, Мухлинский много занимался проблемами национальных меньшинств в крае и писал об этом: в 1851, 1852 и 1856 гг. он по поручению правительства инспектирует еврейские школы в Минской, Виленской и Ковенской губерниях, в 1860 г. является членом государственной комиссии по делам караимов [Stanisz, 1935, с.315]. Не веривший в успех ассимиляционной политики Империи по отношению к евреям и предлагавший проект их религиозного образования, А.Мухлинский в своих трудах, посвященных татарам, постоянно подчеркивал их преданность Польше, утрату языка. Автор «Рисале» также касается еврейской темы, утверждая, что литовские татары беднеют, а евреи богатеют. К тому же трактат давал прекрасный материал для того, чтобы в сравнении с Московским государством по-

казать Польшу и Литву оплотом толерантности.

Таким образом, об истории татар Польши, Литвы и Белоруссии ныне мы можем судить в основном по источникам польско-литовским и русским, хотя этноним *липка* упоминается в ряде восточных сочинений. По мнению В.Д.Смирнова, отождествление липков с литовскими татарами вообще является ошибочным. Хотя сам ученый цитировал текст Статейного списка московских дипломатов стольника В.М.Тяпкина и дьяка Никиту Зотова (1681), который не оставляет сомнения в том, что отождествление польско-литовских татар с липками верно: «которые татаровя у Полше зовутца Липками» [Список, 1850, с.646].

Этимология слова *липка* наталкивается на ряд трудностей. Начальное *-л-* не характерно для тюркских языков (за исключением, разве, что чувашского), а слова с этим звуком в начале слова являются по происхождению в основном, персидскими или арабскими (а также, греческими, итальянскими, русскими и проч.¹). Таким образом, очевидно, что слово в тюркских языках должно быть заимствованием. Вероятнее всего, славянским². Существует мнение, что это слово происходит от старого крымско-татарского названия Литвы [Abrahamowicz, Reychman, 1983, с.765], однако написание слова Литва в арабской графике в титулатуре польских королей, так, как оно употребляется, например, в крымских или османских посланиях в Польшу совершенно отлично (لطوا), кроме того, созвучие первых слогов двух слов не отвечает на вопрос. Как сообщал В.Д.Смирнов, по мнению самих крымцев это слово обозначает «соблазненный», «прельщенный» [Смирнов, 2005, с.149]. Сами польско-литовские татарские авторы предлагали этимологию от польского *липка* – «маленькое лимонное дерево» [Tuhan-

Baranowski, 1932, с.96–98; Abrahamowicz, Reychman, 1983, с.765].

Однако несколько текстов восточного происхождения все же можно привлечь к теме. Условно я выделяю две традиции, в которых так или иначе отразилось существование некоего народа *липков*: иранско-среднеазиатскую (на фарси и тюрки) и крымско-османскую³.

Первая представлена несколькими текстами. «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» Муин ад-Дина Натанзи (так называемый «Аноним Искандера»; написано на персидском в Ширазе в 816/1413–1414 гг.). Согласно этому сочинению, после смерти Ногай Улус Джучи разделился на две части: правое крыло и «Кок-Орда утвердила за собой страну Урус, Черкес, Ас, Мхши, Булар, Маджар, Авкек, Башгырд, **Либкай** (ليبقا выделено мною. – И.З.), Хаджи-Тархан и Ак-Сарай, а другая область Дженда, Баркенда, Сыгнака и величала себя Сол-Кол и Ак-Орда» (т.е. Левая рука и Белая орда). В другом месте Натанзи пишет, что к правое крыло, к которому относились Ибир-Сибир, Рус, **Либка** (выделено мною. – И.З.), Укек, Маджар, Булгар, Башгырд и Сарай-Берке, назначили потомкам Токтая. На самом деле термин Кок-Орда прилагался к ставке Джучи в верховьях Иртыша, а позже стал применяться для обозначения владений потомков сына Джучи Орда-Эджена (от верховий Иртыша на запад к р. Или и Сырдарье). Джучиды Кок-Орды являлись царевичами левого крыла. Термин же Ак-Орда применялся для обозначения области владений потомков другого сына Джучи Шибана (между владениями Орда-Эджена и личным доменом первых золотоордынских ханов на Нижней Волге). Войско царевичей Ак-Орды входило

¹ Есть ряд и других этнонимов, в которых встречается начальная *-л-*. Например *лезги* [لڭکي] или *поляки* – *lex* [له].

² В.Д.Смирнов как-то походя предположил: «Нет ли чего-нибудь общего у слова «Липка» с польским *Lipsko*, географическим именем нескольких мест в старой Польше, где впервые могли показаться пришедшие татары?» [Смирнов, 2005, с.149, прим.8].

³ К восточным текстам о липках можно отнести и небольшой фрагмент о польских татарах в «Истории Астрахани» Джиханшаха б. Абд ал-Джаббара ал-Нижгарути ал-Хаджитархани [Хаджитархани, 1907, с.28–31]. По сути, это предельно популярное изложение географического положения Польши [پولشده], истории польских мусульман (со времен Витольда) и их современного положения (в основном с порицанием их недостаточной преданности исламу и службе в качестве чиновников). См. также: [Frank, 2001, с.305–306]. См. также мнение Дж.Валидова о польских татарах: [Самойлович, 1916, с.73].

в состав правого крыла армии Джучидов¹. Липка упоминается «Анонимом» и в рассказе о противостоянии Тимур-Кутлуга и Тохтамыша: последний бежал в эту область, а потом вернулся с войском [Тизенгаузен, 1941, с.238, 133]². «Аноним» в интересующей нас части послужил источником для «Списков строителя мира» Кази Ахмеда б. Мухаммада Гаффари Казвини, у которого встречаем этноним в форме (ليبقا) [Тизенгаузен, 1941, с.269, 211]. Еще В.В.Бартольдом было отмечено, что рассказы «Анонима» часто носят эпический характер и исходят, по видимому, из немусульманской среды, что скорее указывает на хронику, составленную уйгурскими писцами (тогда как для раннего периода монгольской истории он почти дословно переписывает Рашид-ад-Дина).

Видимо к этой традиции примыкает и довольно сбивчивый и темный текст эпического сочинения «Хан-наме» (рукопись конца 50-х начала 60-х гг. XVII в., созданная при джаниде 'Абд ал-Азизе). Как мне представляется, в нем также содержится смутное воспоминание о липках. В перечне туркменских родов упоминаются некие *Либне* (لبنه)³, в которых без труда можно распознать испорченное لبقه.

Крымско-османская традиция более богата данными по теме. В Сборнике документов, изданных В.Д.Смирновым, имеется целая главка о липках (لبقه или ليبقهلر).

¹ См.: [Кляшторный, Султанов, 1992, с.195; Тизенгаузен, 1941, с.232, 127].

² В этом случае обе рукописи так называемой первой редакции дают характерную опisku (?) لبتا. Не является ли она исходной формой от искаженного Литва? Еще одно возможное упоминание этнонима в обеих рукописях первой редакции в форме (لعه) сомнительно и исходя из орфографии источника и из географического контекста [Тизенгаузен, 1941, с.240, 136]. Возможно, что этот текст стал источником появления термина لبقه в рассказе о Тохтамыше у Мюннеджим-баши и Ахмеда Недима. Ахмед Недим перевел написанную по-арабски всеобщую историю «Джами ад-дувал» (доведенную до 1672 г.) известного турецкого историка Ахмеда бин Лютфуллаха (Мюннеджим-баши) (ум. в 1702 г.). Над этим переводом Недим трудился в течение 10 лет – с 1720 по 1730 г., назвав его «Сахаиф уль-ахбар» («Страницы известий») [Müneccimbaşı Sahaif ul-ahbar (صحایف الاخبار). Cild II. İstanbul, 1285/1868/69 (араб. шрифт), с.694].

³ Однажды даже *Ленбе* [Gökyay, 1968, с.300, 294].

«Изъяснение названия липка. Деревенские жители из татарских племен, издавна недовольные ханом и его мурзами, покидали свои места жительства и, забрав, вместе с большею частью имущества и скота, свои семьи и чад, вдруг садились на коня, ночью переходили в русские пределы и принимали подданство москова. Последний водворял этого рода беглецов на жительство в пустых разоренных землях своих; позволял им строить дома, мечети и соборы, с тем чтобы они платили по одному золотому в год (подати), и коли будут продавать что – масло ли топленое, скот ли, овощи ли, другое ли что, – продавали бы русским на ходячую в деревнях монету. В ту же деревню поселил он несколько русских и построил там церковь, чтобы ребятишки татар-мусульман смешивались (с детьми русских); глаз бы их привыкал к русским обычаям, и они бы оставляли свои нравы. Этой хитростью в короткое время он изменил дух их, так что от мусульманства осталась у них только одна претензия на таковое: от родителей они наследовали мусульманство, а от сверстников и соседей своих еще в детстве перенимали русские обычаи; в русской среде они были как русские, в мусульманской – как мусульмане. Вот таких-то и называют – липка» [Сборник, 1881, с. XXXV–XXXVI].

Османский историк Ибрахим Печеви (начало XVII в.) писал о литовских татарах: «Когда грозный Тимур пришел в Кипчак, многие из татар были им пленены и убиты; но несколько татарских племен бежало в Польшу, где и поселились, так что и ныне находятся там шестьдесят селений татарских». В каждом селении по Печеви, была *джами* (т.е. пятничная мечеть. – И.З.), «в которых читается хутба (проповедь. – И.З.) на имя короля. Эти селения очень многолюдны и зажиточны; но чтоб в каждом из них не было по несколько джами и мечетей, неверные не позволяют уже там оных строить». Татары, по Печеви, «королевству не платят податей, а только каждый год посылают из среды себя триста людей на царскую службу, также нужная переписка и письма королей чрез них отправляются и доставляются».

Османь считали себя естественными защитниками прав татар-мусульман, проживавших в христианских землях (далеко не

всегда в источниках они зовутся *липками*). В середине октября 1591 г. (первая декада мухаррама 100 г.х. – 19–28 октября 1591 г.) султан Мурад III из Стамбула сообщил Сигизмунду III, что вместе с королевским послом в османскую столицу прибыли два татарина-мусульманина. Они рассказали, что в Польше возле границы с Московской живет около 15 000 татар – правоверных суннитов, которые не имеют мечети (*джамии*) и не могут совершать праздничных и пятничных богослужений. Татары умоляли султана разрешить им отправлять эти службы. В письме королю султан просил его построить в определенном месте такую мечеть, а также не препятствовать татарам в осуществлении богослужений [Katalog, 1959, с.227; Abrahamowicz, Reychman, 1983, с.766].

Упомянул о липках и Эвлия Челеби. Согласно этому османскому путешественнику *липка*, как и многие другие народы, произошли от татар [Эвлия Челеби, 1983, с.48, 301]. При этом ссылаясь Эвлия в этом вопросе на авторитет Мухъя ад-Дина ал-Араби (1165–1240): будто бы тот в «Книге драгоценностей» причислил 70 разных народов, в том числе и «мусульманский народ» Липка (по порядку идет между «Москов, Лех» и «народом Мадьяр») [Эвлия Челеби, 1999, с.7–8]. По Эвлие, говорят липки на языке, близком к польскому (как и босняки, герцеговинцы, болгары, сербы, войнуки, словаки, рус, москвиты и др. славянские народы) [Эвлия Челеби, 1961, с.73]¹.

Имело место и обратное движение: польско-литовские татары переселялись в пределы Османской империи и, вероятно, Крыма. Во время событий на Украине во времена гетмана П.Дорошенко имел место бунт литовских татар и переход их на турецкую службу [Думин, Канапацкий, 1993, с.83; Гришин, 1995, с.29]. Согласно 1-й главе Бучачского мирного договора (подписан 25 джумада II – 18 октября 1672 г.), польской стороне запрещалось чинить какой-либо вред и ущерб семьям и имуществу татар-липков, которые перебежали на османскую

сторону и вступили в османскую армию, полякам нельзя было также ставить препятствий тем липкам, которые решили переселиться в земли ислама, а равно запрещать им брать с собой семьи и имущество [Katalog, 1959, с.358; Uzunçarşılı, 1988, с.185]². Это положение было повторено в *axd-наме*, посланном Мехмедом IV 23 октября 1672 г., и закреплено 17 октября 1676 г. польско-турецким договором в Журавне, а затем *axd-наме*, посланном Мехмедом IV в первой половине апреля 1678 г. [Kołodziejczyk, 2000, с.497, Fasc.XX, doc.51; с.502, Fasc.XXIIb, doc.52, первая строка; с.521–522, Fasc.XXII, doc.54; с.530, Fasc.XXIIIa, doc.55]. Любопытно, что в османском протоколе о разграничении (*мухафиза* Каменца Подольского Ахмеда-паши) от октября 1680 г. упоминаются мирзы липков вместе с некими местными агами (*yerlü agaları ve Lipka mirzaları*) [Kołodziejczyk, 2000, с.556, Fasc.XXIVa, doc.57]. Об этих *агах* и других титулах липков (например, *одабаши*) мы можем получить некоторое представление из дефтера Каменца Подольского (около 1681 г.) [Kołodziejczyk, 2004, с.204].

Часть липков в 1691 г. вернулась назад в пределы Речи Посполитой (Tyszkiewicz, 2002, с.20), но большая часть осталась на османских землях. Прямым подтверждением этому служат материалы дефтера Хотинской округи (*нахие*) 1715–1716 гг., записанные вскоре после того, как окрестности Хотина были после войны 1710–1711 гг. выделены из состава т.н. «Богдана» (т.е. Молдавского княжества) и закреплены за Хотинской крепостью. После заключения Прутского мира в 1711 г. несколько тысяч молдавских и украинских крестьян ушли с этих земель, переселившись на север вместе с русскими войсками. Многие деревни остались без жителей, и османское правительство стало предписывать хотинским властям настоя-

¹ Крымские татары до конца XIX в. называли татар, проживавших в западных русских губерниях, *липками* [Эвлия Челеби, 1961, с.254].

² И.Х.Узунчаршылы ошибочно датировал его 20 джумада I 1083 г.х. – 13 сентября 1672 г. Как известно, по его условиям, к Турции отходила Подолия, а Правобережная Украина переходила под власть гетмана Дорошенко, признавшего зависимость от султана. Речь Посполитая обязывалась уплатить выкуп за снятие турками осады Львова и выплачивать ежегодную дань. Однако польский сейм не признал мир и осенью 1673 г. война возобновилась.

чиво собирать бежавших (вернувшимся и вновь поселившимся предоставлялись даже налоговые льготы сроком на год). В то же время поощрялось и переселенческое движение *липков* на эти земли. Пустые деревни Лобатнешни, Моложина, Шерол, Истакани, Гремешты, Копожешты и Сербичены¹ были «вверены липкам, находящимся возле Белой мечети» 6 раби I 1128 г.х., т.е. 30 марта 1716 г. [Димитров, 1969, с.148].

Возможно, этот процесс отразился в тексте так называемой «Выписки истории Молдавской» (1809): «1716. В время Михайлы воды Раковицы отобрана еще часть места около Бесарабии и отдана татарам для пастьбы скота с письменным условием давать владельцам сел десятину – засева и по 10 пар от дома. Отобрано потом еще двенадцать сел и причислено ко крепости Бендерской и многие другие части, разделяя так бедное княжество» [Семенова, 1998, с.153]. В источнике 1740 г. говорится об этих липках так: «что касается липканов, то 6000 их эмигрировали когда-то из Польши в Хотин, где вступили на военную службу под начальством своих байрак-ага» (знаменосцев) [Губоглу, 1964]. Этот пассаж, кстати, свидетельствует и о том, что иногда в источниках слово липка появляется в форме персидского одушевленного множественного числа – *липкан*.

Эта форма отразилась и в топонимике. 29 джумада II 1237 г.х. (22 марта 1822 г.) было подписано *тезкере* дивана с предписанием командующему османской армией в Молдавии бейлербею (*миримирану*) Осману, чтобы его офицеры не трогали владений некоего Николая, а также его товарища Саввы из деревни под названием Либкан [Catalogul, 1965, с.449, док.1584]. Судя по именам, жители этой деревни были христианами.

Особенно много польско-литовских татар переселилось в пределы Османской империи после оставления турками Подолии. Правда, это движение встречало иногда противодействие с османской стороны.

Автор исторического произведения по истории Крымского ханства «Семь планет» Сейид-Мухаммед Риза, повествуя об осаде

и взятии турками Каменца, также пишет о липках: при начале войны между Польшей и османами они направили Селим-Гирею депутацию с просьбой переселиться в Буджак [Бессарабию]: «От татар-липков, принявших подданство земли гяуров-ляхов с условием платежа подати, но мусульман по природе, поелику некоторые обитаемые их родами места находились в соседстве с границами исламскими, пришла в те поры в Крым бумага, содержащая в себе просьбу спасти и освободить их от унижительного подданства и водворить в местностях буджакских. Проницательный хан воздержался дать им ответ сам от себя, а, посоветовавшись с мутесаррифом силистрийского губернаторства Халиль-пашою, согласно с ним сделал представление и заявление в Порог Счастья [Порту]. Но так как это было против расположения упомянутого паши, о чем и была секретно написана [им] записка, гласившая, что, мол, «приведение в исполнение этого дела сопряжено будет с неприятностями и затруднениями», то и последовало предписание верховного везира отложить это дело. Прибывшие [с бумагою] люди, получив такой отчаянный ответ, были возвращены восвояси» [Ассеб, 1832; Сборник, 1881, с.XXXVIII–XXXIX].

В Крыму очень хорошо знали, что липка являются мусульманами. Так, Селим-Гирей писал Петру и Иоанну Алексеевичам о том, что эстеки такие же мусульмане, как и липка, а Москва причиняет им насилие [Сборник, 1881, с.XL; Материалы, 1864, с.719–720].

Вхождение польских земель в состав Российской империи не ущемило имущественных прав польско-литовских татар. Указ Екатерины II гласил, что после приведения татар к присяге на верность престолу, следует «утвердить их в их собственности и преимуществах». Немало выходцев из среды польско-литовских татар потом верой и правдой служило Российскому государству. Можно вспомнить фамилии Базаревских, Соболевских, Кричинских, Халецких, Сулькевичей, Бугацких, Корицких, Беляков, Туган-Барановских, Янушевских, Юзефовичей, Адамовичей и др. Крещение представителей знатных татарских семей, а также смешанные браки между польско-литовскими татарами и окружавшими их христианами

¹ Дер. Сербичены Сокирянского района Черновицкой области Украины. Остальные деревни отождествляются предположительно.

не были редкостью уже в XVI в. То и другое способствовало их культурной ассимиляции с польско-белорусским большинством населения.

Татары Польши и Литвы достаточно рано утратили свой родной язык и перешли на белорусский и польский языки. Однако для записей текстов употребляли арабское письмо [Антонович, 1968].

Репертуар рукописей польско-литовских татар разделяется на несколько разновидностей¹: рукописные кораны², *тефсиры* (в некоторых районах *тапсир* в произношении)³,

¹ Терминология письменной культуры польско-литовских татар отличается как от общепринятой научной, так и от классической исламской. Однако, поскольку она является традиционной для польско-литовских и давно укоренилась в их среде, уместно поэтому пользоваться именно ей.

² Кораны были наиболее популярными рукописями (наряду с *хамалиями*) в среде польско-литовских татар. Чаще всего представляют собой довольно скупо иллюминированные книги формата 20x17 см, включающие, как правило, 200–300 листов. Текст мог делиться на два или несколько томов. Часто текст сопровождался дополнениями: популярными молитвами, объяснениями правил чтения Корана и отдельных его сур, интонаций и произношения (чаще всего отражающими османскую традицию), а также ритуалов этому сопутствующих. Во второй половине XIX в., помимо местных списков, получили распространение также османские рукописные Кораны, а также казанские печатные издания Священной книги мусульман и так называемые *хафтъяки* (седьмые части текста Корана для удобства чтения по дням недели). Старейший польско-татарский список Корана (1682) с комментариями на польском языке хранился в собрании Псковской библиотеки (происходит из библиотеки Псковской духовной семинарии, до этого принадлежала в частности псковскому епископу Симеону Тодорскому, профессору еврейского языка Киево-Могилянской академии) [Крачковский, 1924, с.165–168].

³ *Тэфсиры* (от араб. «комментарий, толкование»): книги, включающие полный текст Корана с междустрочным, написанным наискосок переводом текста на польский язык [во всех сохранившихся экземплярах текст перевода одинаков]. Перевод на польский [почти дословный с элементами толкования] был сделан с арабского оригинала с использованием турецкого перевода, вероятно, в конце XVI в., самое позднее в начале XVII в., и был, таким образом, одним из старейших переводов Корана на европейские языки. Старейшие сохранившиеся списки с польским текстом датированы 1723 и 1725 гг. Есть сведения об экземпляре *тефсира* из коллекции Библиотеки АН РБ, в котором суры 1–18 имеют турецкий перевод, оставшиеся – польский.

*китабы*⁴ и *хамаили*⁵, вспомогательная литература (*теджвиды*, *суфра* и словари), амулеты (так называемые *далявары*⁶, *грамотки* и *нуска*), а также разного рода таблицы. Особого рассмотрения заслуживают так называемые *мухир* (от араб. *мухр* – печать) – весьма оригинальные картины с каллиграфическими изречениями из Корана, изображениями Каабы, Мекки или Медины, местных татарских мечетей или видов Стамбула, которыми украшали убранства жилищ и мечетей – своеобразный синтез нескольких искусств – письменной культуры (каллиграфии), живописи и декоративно-прикладного искусства (ремесла). Абсолютно идентичных памятников письменности литовских татар (за исключением небольшого круга

Этот *тефсир* датирован 1658–1659 гг. (1069 г.х.). Старейший список с турецким подстрочником относится к концу XVI в. Как и рукописные Кораны, *тефсиры* включали в себя также молитвы и объяснения ритуалов, открывающих и завершающих чтение Святой книги. Чаще всего представляют собой книги объемом 400–500, формата 35x20 см.

⁴ *Китабы* (от араб. «книга»): основной вид польско-татарской письменности, своего рода религиозные энциклопедии, манускрипты в форме кодекса различного объема (от 150 до 300 листов или даже более, чаще встречается формат 35x20 см или 20x17 см – так называемый *полкитаб*) и разнородного, часто хаотичного содержания, которое зависело исключительно от вкусов составителя (переписчика). Как правило, *китабы* включали рассказы о пророках и исламских святых, рассказы из исламской истории, коранические и библейские сказания, апокрифы, эсхатологические видения, сочинения этического характера, поучения, *хадисы*, молитвы и посвящения, комментарии сур Корана и фрагменты его переводов, элементы мусульманского права, описания ритуалов и обрядов ислама, фрагменты полемических сочинений, магические тексты, нередко турецкие и арабские словарики и проч. В *китабах* также встречаются немногочисленные тексты нерелигиозного содержания (своего рода басни восточного или польского происхождения). *Китаб* как тип рукописной книги возник в XVII в. (что подтверждается и старейшими известными экземплярами).

⁵ *Хамаили* (от араб. «то, что носят при себе», «личный амулет»): вопреки этимологии, это молитвенники (такое определение по отношению к молитвеннику встречается исключительно у польско-литовских татар). Содержание *хамаила* – тексты молитв, сопровождавшие различные этапы жизни мусульманина, молитвы на все случаи жизни и проч.

⁶ Искаженное от турецкого *дуалар*, т.е. молитвы.

текстов, кочующих из рукописи в рукопись) выявить к настоящему времени не удалось.

Крупнейшие собрания рукописей польско-литовских татар находятся в Литве (национальный музей Литвы в Вильнюсе, библиотека Вильнюсского университета, библиотека Литовской АН), Польше (Исторический музей в Бялостоке, Библиотеки отделения тюркологии и иранистики, а также отделения арабистики и исламоведения Института востоковедения Варшавского университета, Гданьская библиотека ПАН), РФ (Библиотека Восточного факультета СПбГУ – коллекция А.Мухлиньского, библиотека Казанского университета, Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный

музей-заповедник¹), РБ (библиотека Академии Наук РБ, Белорусский Государственный музей истории религии в Гродно²) и Великобритании (Британская библиотека, Белорусская библиотека им. Франциска Скорины в Лондоне). Отдельные рукописи хранятся также на Украине (Государственная публичная библиотека во Львове), в Германии (Библиотека Лейпцигского университета).

В настоящее время рукописные книги в татарских семьях встречаются исключительно редко. Сейчас в Вильнюсе готовится к изданию сводный каталог татарских рукописей, хранящихся в рукописном отделе Литовского национального музея, а также в библиотеках Вильнюсского университета и Литовской АН.

¹ Сведения о хранившейся там до войны рукописи отсутствуют.

² До последнего времени было известно о трех польско-татарских рукописях из этого собрания. В 2003 г. коллекцию Белорусского государственного музея истории религии в Гродно дополнили новые письменные памятники. Это рукописный kitab объемом в 161 страницу, три молитвенника и рукописный Коран.

ГЛАВА 4

Становление сибирско-татарской этнической общности

Зайтуна Тыгинских

Этнополитическая общность, формировавшаяся в рамках Тюменского и Сибирского ханств в XVI в., обладала определенной целостностью, свидетельством чего является устойчивость наименований данного этнополитического объединения [Татары, 2001, с.124]. По русским источникам XVI–XVII вв. оно известно как «страна Сибирская», «Сибирская земля» или вся земля Сибирская («Сибирские земли»), «Сибирское царство», «царство бесерменское в Сибири», «Искер йорты». Ядром этого наименования является название столичного центра «царства» – «град Сибирь» (Искер). В большинстве источников государствообразующая, т.е. политически доминировавшая в данном ханстве этническая категория именуется «татарами». Иногда в русских документах она определяется как мусульмане: «босурмане», «окаянные бусорманы», «поганые», «нечестивые татары». Несмотря на неполное усвоение ислама некоторыми группами сибирских татар в ханское время, приведенные характеристики указывают в целом на исламский облик этого сообщества.

Существовавшая в Сибирском юрте система государственной организации была схожа в основных чертах с политическими структурами других постзолотоордынских государств – Казанского, Крымского ханств, Государства Шибанидов, Ногайской Орды. Сибирское ханство было одним из «осколков» Золотой Орды и, как другие татарские ханства, унаследовало основные черты административно-политического устройства золотоордынского государства, во главе которого стоял хан, которому принадлежала верховная власть в стране и суверенитет над ее территорией. Средневековая сибирско-татарская общность, также как население других татарских государств, состояла из

двух этносословных страт – ясачных и служилых.

Уже С.В.Бахрушин обратил внимание на деление населения Сибирского ханства на две страты. В составе ханства он называет «небольшую привилегированную группу «тарханов» – феодальную знать и плательщиков ясака, так называемых «черных людей» [Бахрушин, 1955, с.155]. Также на существование в Сибирском ханстве сословного деления на феодалов и ясачных людей указывала З.Я.Бояршинова, характеризую в целом социальные отношения в ханстве как патриархально-феодальные [Бояршинова, 1960]. По мнению Е.В.Вершинина, татарское население Сибири разделилось на две категории с началом присоединения к Русскому государству [Вершинин, 1998, с.61]. Но следует заметить, что в результате колонизации Сибири Русским государством происходит не разделение аборигенного населения на «две категории», а продолжает сохраняться, хотя и в несколько ином качестве, уже сложившаяся в Сибирском ханстве прежняя сословная стратификация на ясачное «черное» население и феодальную верхушку – «татар». Причем речь идет не столько о сословной, сколько об этносословной стратификации сибирско-татарского населения.

Видимо, в «ясачных татарах» Сибирского ханства следует видеть более раннее население тюркского и тюркизированного угорского происхождения («иштяки», «сыпыры»). Что касается служилой страты, то этот слой имел золотоордынское «татарское» происхождение [Исхаков, 2002а, с.8]. Несмотря на определенные различия по составу ведущих феодальных кланов Сибирского ханства от других татарских государств, его правящая страта также восходила к военно-феодальному «татарскому» сословию пери-

ода Золотой Орды. В состав татарской знати Сибирского ханства входили хан, султаны, беки, мурзы, есаулы, представители мусульманского духовенства (сеиды, шейхи, муллы, абызы и др.), сановники ханского двора – «думчий царев» – карача, «аталыки», карача-беки, а также рядовые воины-казаки. Все они и представляли «собственно «татарский» слой сибирско-татарской этнополитической общности» [Исхаков, 2006, с.66]. Существовала система карача-беев. Среди правящих кланов ханства известны Мангыты, Салджигуты, Джалаиры, Буркуты [Там же, с.134–135]. Не исключено присутствие клана Аргын.

Существование в Сибирском юрте карача-беев отложилось и в исторической памяти сибирских татар. Вплоть до второй половины XX в. у татар Тобольского и Вагайского районов Тюменской области сохранялся обычай поднимать над женихом кошму или покрывало четырьмя друзьями – нукерами во время свадьбы при проходах жениха к невесте. Собираательница сибирско-татарского фольклора Ф.В.Ахметова-Урманче считает, что данный обряд сохранился со времен Сибирского ханства, когда «карачи являлись держателями священной кошмы, когда на ней поднимали новоиспеченных ханов». Сама она наблюдала последний раз свадьбу с проведением подобного обряда в 1959 г. в ауле Кукранде (Чебурга) Тобольского района. По описаниям Ф.В.Ахметовой-Урманче, во время поднимания кошмы мощным мужским хором исполнялась обрядовая песня «Кияу типсэу» («Проводы жениха»), которая подразумевала проводы жениха в сопровождении пения под аккомпанемент средневековых конусообразных барабанов «тип» [Ахметова-Урманче, 2002, с.343].

Как и в других татарских государствах, в Сибирском ханстве существовал институт тарханства. Термин был достаточно распространен на территории Сибирского юрта и свидетельствует о существовании в государстве особых привилегированных людей «тарханов». Категория тарханов упоминается и в дастане «Ильдан и Гольдан»: «Ирешак убил поставивших Чангы бия тарханов и снова стал ханом в Кызыл Торе» [Илдан белэн Гөлдан, 2002, с.29]. До настоящего времени в топонимике сибирских татар со-

хранились названия Тархан-кала, д. Тарханы и др. По мнению С.В.Бахрушина, сибирско-татарское служилое сословие произошло от феодалов-«тарханов» [Бахрушин, 1955, с.163]. Существовала даже особая Тарханская волость. «Тарханские остяки уверяют, что их родоначальники произошли от татар. Их предки живут в Тобольске, один из них был в этих краях тарханом» [Атласи, 2005, с.67]. Видимо, название хантйской Тарханской волости свидетельствует о существовании «тарханых» отношений между татарским ханом и остяками князьками и указывает на северную границу распространения военно-политического влияния Сибирского ханства [Миллер, 1937, с.222; Мартынова, 1998, с.94].

Таким образом, основываясь на таких факторах, как единообразие использовавшегося по отношению к сибирским татарам этнонима, образование названия их государства по той же модели, что и в других татарских ханствах, признание этой общности мусульманской, можно определить, что в XVI в. сибирско-татарская народность уже реально существовала, несмотря на разнотничное происхождение двух страт сибирских татар, и то, что «она обладала определенными особенностями» [Исхаков, 2003, с.113–116].

Точных сведений о численности тюркского населения Сибири периода ранее середины XVI в. не известно. С определенной гипотетичностью можно принять численность жителей Сибирского ханства середины XVI в., которое называется в грамоте Едигера Ивану IV, где указана цифра – 30 700 (количество шкурок соболей, которое обязались уплачивать Тайбугиды Московскому государству). Исходя из того, что ясак обычно брался с мужчин старше 18 лет, относившихся к податной категории, можем предположить, что население Сибирского ханства составляло около 120–150 тыс. чел. (включая и нетюркское население).

В конце XVI – XVII в. татарское население Западной Сибири составляли такие категории, как служилые, ясачные и захребетные татары. Небольшую по составу группу представляло исламское духовенство. В основе деления на данные группы лежали социальные различия, выразившие-

ся в отношении указанных категорий к государственным повинностям. В то же время деление сибирско-татарской общности на социальные группы продолжало носить этносословный характер, унаследованный от прежней, сложившейся еще в составе Сибирского ханства, стратификации, которая в новой исторической ситуации трансформировалась в этносословные группы ясачных и служилых татар.

После завоевания Сибирского ханства Московским государством в конце XVI в. значительная часть оставшейся в живых татарской феодальной верхушки, также как и в других татарских ханствах, переходит на службу новому правительству в качестве служилого сословия «йомышлы», при этом, с одной стороны, не сливаясь с русским феодальным сословием, с другой стороны, не переходя в аборигенное ясачное сословие. В дальнейшем на протяжении длительного времени сохраняются особенности этой этносословной группы, обусловленные как внешними, так и внутренними факторами [Тычинских, 2010, с.44–45]. До присоединения Сибири они составляли военно-служилую элиту Сибирского ханства. Среди них известны князь Енбулат, служивший в Тобольске в 90-е гг. XVI в., его сын князь Кутук и внук Аллагур-мурза, мурза Кайдаул Байсеитов, его сыновья Мамет, Читей и Аиткул Кайдауловы, тарский князец Тынмамет Берделей-Мурзин, его сын Кучук Тынмаматов и внук Талайка Кучуков [Бахрушин, 1955, с.164–165]. Среди татарских мурз начала XVII в. – тюменский служилый татарин «князь Аткачарко Ахманаев» [Русская, 1875, с.349], тюменские «юртовские служивые татарове лучшие люди» Девей Иртышов, Буйдак Емачтаев, Тугока Келементеев, Моюмас Азехматов, Казад Енгильдеев, Устемир Канчюрин [Миллер, 1941, с.159] и др.

Звание служилого татарина в XVII в. становится наследственным. Так, в 1622 г. по ходатайству тобольских служилых татар царским указом было предписано «на... татарские выбылые места... верстать в нашу службу детей их и братью и племянников новишным окладом» [Бахрушин, 1955, с.165]. В 1629 г. тарские служилые татары добились даже того, что их сыновья и другие родственники были поверстаны сверх

оклада. Но обычно в связи с тем, что было установлено твердое число штатных окладов, молодежь версталась по мере освобождения мест.

В течение всего XVII в. состав татарского служилого сословия пополнялся, иногда и со стороны, благодаря наплыву знатных иноземцев. В тюменской окладной книге 1626–1627 гг. среди служилых татар упоминаются один табынец, один сарт и два бухарца. В Таре в 60-е гг. XVIII в. служил «выезжий юртовский служилый татарин Чолбар Кочашов, сын зайсана» (калмыцкого дворянина), а после него его сын Иткучук Чолбаров сын Зайсанов [Там же]. С середины XVII в. среди тюменских, а затем тобольских служилых татар появляется касимовский мурза Семеней Аганин. Число служилых татар, кроме того, пополняли и представители духовной знати, в том числе высшей, как, например, тарский юртовский татарин сеид Тенелей Берелеев, сын ходжи Миралия сеид Дин-Али. Иногда в служилые зачислялись и выходцы из Средней Азии, так называемые «бухарцы», число которых постепенно увеличивается в Западной Сибири благодаря протекционистской политике Москвы в отношении выходцев из Средней Азии.

В конце XVI в. из служилых татар были сформированы команды, сосредоточенные в Тобольске, Тюмени и Таре. Позже подобные подразделения появились в Томске, Кузнецке и Красноярске. Сумев привлечь на свою сторону татарскую аристократию, Москва получила в их лице профессионально подготовленный военный контингент, не требующий значительных затрат на обучение и вооружение, который играл важную роль в процессе дальнейшей колонизации Сибири. В XVII в. служилые татары успешно выполняли возложенные на них функции, связанные, прежде всего, с несением конной службы. Татарская военная знать, как отмечал С.В.Бахрушин, «безболезненно перешла на царскую службу, переменяв без резкого перерыва одного господина на другого» [Там же]. В конце XVI – начале XVII в. служилые татары сохраняют свои прежние привилегии, они считаются «лучшими людьми», за ними сохраняются их «вотчинные угодья». В XVII в. число служилых татар составляло в Тобольске около 250 чел., в Тюмени – 75, на Таре – 36 чел. [Там же, с.163].

Захребетные татары. Особую группу среди сибирского населения конца XVI – XVII в. составляли захребетники, или захребетные татары. Данная категория, наряду со служилыми татарами, была выделена из состава татарского населения Сибири после вхождения в Московское государство. В Русском государстве в XV–XVII вв. под захребетниками понимали феодально-зависимых людей, не имевших своего хозяйства, живших и работавших во дворах крестьян или посадских людей. Видимо, по аналогии с русскими феодально-зависимыми людьми, захребетниками стали называть зависимое от прежней феодальной знати Сибирского ханства население. Как считают исследователи, захребетные татары составляли единую этническую общность со служилыми татарами того уезда, к которому относились [Долгих, 1960, с.62].

Как и их сюзерены, служилые татары, захребетники не платили ясак, т.к. служилые татары добились освобождения от ясака, как для себя, так и для захребетников еще при правлении Б.Годунова. За это захребетники должны были выполнять некоторые повинности, возложенные на служилых татар. «Коли де им (служилым татарам) лучится быть на службе, и они де дворы их берегли» [Бахрушин, 1955, с.170–171]. По всей видимости, они работали на пашне служилых татар, поскольку те были отвлечены службой от своего хозяйства. Служилые татары переложили на захребетников и подводную повинность, которая до тех пор лежала на них самих.

В положение «захребетников» служилых татар попадали и обедневшие сородичи, которые по тем или иным причинам не вошли в разряд служилых. «Служили, государь, – заявляют Тюменского города юртовских служилых татар дети и братья и племянники, – царю Михаилу на Тюмени отцы наши и дядья тебе, государю, всякие службы..., а мы, сироты твои, после отцов своих остались малы, и скитаясь меж юрт... кормимся и по ся места черною работою». Кроме того, в состав захребетников вошла значительная масса чужеродцев, поселившихся в деревнях служилых татар. Ф.Т.Валеев приводит сведения о том, что в XVII в. среди захребетников сибирских служилых татар встречались поволжские татары, которые работали

на пашне у своих хозяев и исполняли подводную повинность [Валеев, 1993, с.154].

Первоначально выделялись отдельные волости захребетных татар, т.к. татарские волости были связаны с традиционными локальными группировками аборигенов. Как считает Б.О.Долгих, «тюркоязычное татарское население Тобольского уезда можно разделить на две большие части: на юртовских служилых татар с примыкающими к ним волостями их бывших захребетников, которые занимали южную часть уезда, и остальных татар, вероятно, отатарившихся вогулов и остяков, живших в северной части уезда по соседству с вогулами и остяками» [Долгих, 1960, с.58].

К волостям «захребетников» тобольских служилых татар относилась большую часть населения Тобольского уезда: волости Ашла (Лаймы), обе Бабасанские, Кречатников, Индерь, Уват и Супра. В начале XVII в. указанные «захребетные» волости были положены в ясак. Уделы, в которых сидели мурзы, после присоединения к России образовали некоторые из волостей Тобольского и соседних уездов. Во главе этих захребетных волостей стояли вассалы хана Кучума. Владения Бабасан-мурзы образовали Бабасанскую волость. По-видимому, такого же происхождения были и другие волости Тобольского уезда, во главе которых еще в XVII в. стоят мурзы и баи, например, волость Супра, в которой упоминается в 1629 г. мурза Гултаев Табер, в Тарском уезде волости Оялы, Тураш, Тереня, Кирпицкая, Барабинская, – все это бывшие составные части Сибирского ханства.

В конце XVI – XVII в. служилые татары и их захребетники проживали в Тобольском, Тюменском, Тарском и Томском уездах. Н.А.Томилов приводит сведения о численности служилых и захребетных татар в XVII в. по уездам. По Тобольскому уезду в конце XVI – начале XVII в. он называет следующие цифры: служилых татар здесь было 261 чел., захребетных – 200. На середину XVII в. (1650–1652) численность служилых составляла 250 чел., захребетных – 200 чел., к концу века (1697–1700) служилых татар было 263 чел., захребетных – 200 [Томилов, 1981, с.82–83]. Б.О.Долгих считал, что тобольские служилые татары – это «прямые потомки господствовавшего татарского ядра Сибир-

ского ханства», которые вместе со своими захребетниками представляли определенное этнографическое единство. Общая численность служилых и захребетных татар в начале XVII в. составляла 460 чел., а вместе с семьями их было 2350 чел. Численность служилых татар и захребетных татар к концу XVII в. почти не изменилась. Тобольские юртовские служилые татары и их захребетники были расселены в районе впадения Тобола в Иртыш и вверх по Иртышу до границ Тарского уезда [Долгих, 1960, с.61].

Среди тоболо-иртышских татар тюменские татары были одними из наиболее ранних тюркских насельников этих мест. С их именем связано наиболее раннее государственное образование сибирских татар – Тюменское ханство. Относительно обособленными они оставались и в составе Сибирского ханства [Томилов, 1981, с.17]. В начале XVII в. (1627) численность тюменских служилых татар составляла 117 чел., захребетных – 106. Кроме того, некоторое время у тюменских татар существовала категория гонимых татар. Таковых было 61 чел. В середине столетия (1644) служилых татар было 108 чел., захребетных – 105, в конце века (1699) – служилых 119, захребетных – 105 чел. [Там же, с.44].

Н.А.Томилов показывает, что тарские служилые татары и их захребетники имели свои собственные селения, которые располагались по Иртышу вверх и вниз от г. Тары. «При нанесении на карту юрт аялыньских татар сразу же бросалось в глаза, что между ними и саргатско-утузскими татарами в Прииртышье существовал небольшой территориальный разрыв, т. е. как бы имелось пустое, не занятое татарами место. Эта территория располагалась по Иртышу вверх и вниз от г. Тары. Но именно здесь-то как раз и жили служилые татары и их захребетники» [Там же, с.139]. В XVIII в., когда многие из них оказались в составе ясачных татар, здесь возникает отдельная Подгородная волость. В конце XVI в. тарских служилых татар насчитывается 57, захребетных татар – 60, на середину XVII в. (1645–1646) – служилых 45, захребетников – 45 и в конце XVII в. (1698) – 57 служилых и 61 захребетный татарин [Там же, с.147].

В первой половине XVIII в. все захребетные татары были переведены в разряд ясач-

ных татар. В последующий период данная группа практически не встречается, а в ряде документов появляются такие категории, как староясачные и новоясачные татары.

Ясачные татары. В конце XVI – XVII в. основную часть тюркоязычного населения Тоболо-Иртышья составляли ясачники – прежнее «черное» податное население Сибирского ханства. Д.М.Исхаков предлагает видеть в них более раннее население тюркского и тюркизированного угорского происхождения [Исхаков, 2002а, с.9–10].

Согласно архивным материалам (1598) при хане Кучуме существовали татарские волости: Курпицкая (Кирпицкая), Турашская, Любарская, Чойская, Куромская (Куррома), Барабинская (Бороба большая), Ялынская, Каурдатцкая, «Чатская» (Чаты) и «Колмакская» (Колмаки). Прежние волости и улусы бывшего Сибирского ханства вошли в состав новых административно-территориальных единиц – уездов в качестве ясачных волостей.

Ясачное население, как и в предшествующий период, облагалось податями – ясаком. В Сибири ясак взимался в XVII в. в основном пушниной, иногда хлебом, рыбой, изделиями из железа и т.д. Ясачное население приводилось к шерти, т.е. давало присягу в том, что не будут уклоняться от уплаты ясака. В качестве методов принуждения населения к уплате ясака использовалась система аманатства. Общине обычно приходилось платить ясак также за умерших, беглых, увечных.

Ясак назначался отдельно для каждой волости. Размеры ясака определялись обычно количеством соболиных шкурок – от 1–2 до 10 шкурок соболей в год. По мере истребления соболя ясак могли брать и другим зверем. Ясаком в XVII в. облагались мужчины от 18 до 50 лет. Ясак имел два вида – окладной и неокладной. Окладной ясак взимался с каждого ясачного человека, имя которого заносилось в ясачную книгу. Неокладной ясак был ненормированным, он взимался с кочевников. Постепенно плательщики неокладного ясака также перешли в категорию плательщиков окладного ясака. Для учета ясачного населения правительство проводило переписи. Земли и угодья ясачных татар, считались государственными, но предоставляемые в пользование инородцам за уплату ясака.

По подсчетам Б.О.Долгих, в начале XVII в. среди коренного населения Тобольского уезда было 872 плательщика ясака (м.п.). Общее же число ясачного татарского населения им определяется в 3500 человек. В конце XVII в. число ясачных татар составляло 1243 чел., а всего ясачного населения было 4970 чел. [Долгих, 1960, с.59].

Тарский уезд выделялся из других западносибирских уездов наибольшим количеством ясачного татарского населения. Как подчеркивают исследователи, отличительной чертой тарских татар является большее сохранение в их хозяйственной деятельности животноводства, поэтому есть основания полагать, что в период Сибирского ханства и позже эта группа еще вела полуоседлый образ жизни. Кроме того, родоплеменная номенклатура тарской группы (*коурдак*, *тав*, *карагай*, *аялы* и др.) показывает ее связь с кочевниками Дешт-и Кипчака (особенно этническая близость наблюдается с северо-восточными группами башкир – племенем *ай* и др.). Если среди ясачного татарского населения были группы иного (угорского, самодийского) происхождения, то к концу XVI – началу XVII в. они были, по всей видимости, полностью тюркизированы. Б.О.Долгих называет следующие цифры: на начало XVII в. плательщиков ясака Тарского уезда было 1262 чел., всего же ясачного населения было 5050 чел. К середине XVII в. численность плательщиков ясака составляла 762 чел., а вместе с семьями их было 3050 чел. К концу столетия насчитывается 985 плательщиков ясака. Общая численность ясачного населения волостей Саргач, Коурдак, Аялы, Бараба и «Калмыки» составляла 3940 чел. Следует заметить, что существенное сокращение численности ясачного населения Тарского уезда в середине XVII в., по сравнению с началом столетия, объясняется постоянным оттоком тарских татар к кучумовичам, результатами восстания тарских татар в 1628–1629 гг., постоянными военными стычками с калмыками, а также уходом части населения от обложения ясаком [Там же, с.49; Томилов, 1981, с.148–149].

По приводимым Б.О.Долгих данным, в 8 волостях Тюменского уезда (Кынырский городок, Бачкырская, Терсяцкая, Иленский городок, Шикчинская, Каскаринская,

Пышминская и Исетская), в начале XVII в. проживало 293 ясачных татарина, всего же ясачного населения в этот период было 1170 чел. Относительно численности населения Тюменского уезда в середине и конце XVII в. Б.О.Долгих приводит следующие данные: число плательщиков ясака по 9 волостям, включая, кроме вышеназванных, еще и Искинскую, составляло 389 чел., всего же ясачного населения вместе с семьями было 1550 чел. [Долгих, 1960, с.43].

Ведение полукочевого образа жизни военно-служилой стратой Сибирского юрта сказалось на непрочности внутрисоциальных отношений Сибирского юрта. Если в других татарских государствах социальная мощь феодальной знати была основана на землевладении и связанной с ним военной службе хану, в Сибирском юрте «землевладение» больше подразумевало под собой владение промысловыми угодьями и занятие военными набегами с целью обложения данью соседние племена. Поэтому в результате русской колонизации феодальная верхушка Сибирского ханства быстро утратила свою экономическую основу и превратилась в послушное орудие Московского государства. С другой стороны, благодаря этому, сибирские феодалы (в отличие от феодалов других завоеванных татарских ханств) избежали прямого экономического и конфессионального давления.

После потери государственной самостоятельности феодальное сословие перестало быть объединяющей политической силой. Ясачное население стало подчиняться непосредственно Русскому государству. Структура сибирско-татарской этнической общности, вместо вертикальной, основанной на этносословных стратах, стала горизонтальной, базирующейся на территориальных этнокультурных подразделениях. Разрушение вертикальной социальной структуры сибирско-татарского этноса положило начало процессу стирания граней между этими стратами.

Служилые татары сыграли интегрирующую роль в формировании сибирско-татарской этнической общности, именно вокруг центров расселения данной страты формируются впоследствии центры территориальных групп с самоназваниями «тоболык», «туманек», «тарлык». Наблю-

дается довольно высокая степень взаимосвязанности различных групп сибирских татар друг с другом, которая создавала возможность для развития консолидации этих групп. Однако значительная территориальная разобщенность сибирских татар не дала возможности для завершения данного процесса. Осложнялся процесс этнической консолидации и активной интеграцией в сибирско-татарскую общность на различных этапах значительного потока бухарского и поволжско-татарского компонентов.

Процесс по переводу бывших сибирских беков и мурз из военного в податное сословие в Сибири занял более длительный временной отрезок, чем в Поволжье, и номинально завершился упразднением в конце 60-х гг. XIX в. Тобольского татарского казачьего полка. Фактически же, несмотря на то, что бывшие сибирские мурзы долгое время оставались в военном сословии, уже с начала XVIII в. по своим правам и положению они мало отличались как от рядовых русских казаков, так и от ясачных татар. Единственным отличием от последних было то, что вместо уплаты ясака они несли военную службу.

Постепенная утрата служилыми татарами привилегированного положения, которым они первоначально обладали, привела к тому, что реальные социальные различия между служилыми и ясачными татарами оказались несущественными. Данное обстоятельство способствовало дальнейшей внутриэтнической консолидации сибирско-татарской общности.

Несмотря на сохранение вплоть до конца XIX в. у высшей татарской служилой части некоторых черт традиционной культуры, присущих общетатарской золотоордынской верхушке, основная часть служилых татар в этнокультурном плане нивелировалась с ясачными татарами, не различаясь особо ни в хозяйственном укладе, ни в образе жизни. Для ясачных и служилых татар была характерна общность хозяйственного уклада, доминирующие направления которой определялась не сословной принадлежностью, а прежде всего, естественно-географическими условиями бытования.

Анализ брачных связей тобольских и тюменских татар в XVIII в. показывает, что служилые и ясачные татары не были изо-

лированы внутри сословий, происходили интенсивные этнические или «интеграционные» процессы между служилыми, ясачными татарами и бухарцами. Довольно высокой была степень взаимосвязей между сословиями. При этом если внешние границы сословий были фиксированы, то внутренние – размыты. В связи с тем, что слой служилых татар был относительно немногочисленным, в этническом развитии этнической общности сибирских татар важную роль сыграло ясачное «черное» население – «кара халык» Сибирского юрта. В дальнейшем рост численности ясачного населения значительно превышал рост служилого сословия, который сдерживался внешними факторами: существовала фиксированная численность татарских казачьих команд.

Одним из важнейших факторов, определивших сохранение на протяжении длительного периода этносословной страты служилых татар, являлся конфессиональный фактор. Благодаря тому, что сибирские служилые татары оставались мусульманами, они смогли избежать слияния с русским казачеством, как это произошло с новокрещеными татарами, «литвой» и другими категориями служилых людей. Служилые татары играли лидирующую роль в отстаивании экономических, политических, духовных интересов татарского населения Сибири. Именно служилые татары возглавили в XVIII в. борьбу против насильственной христианизации. В целом, уже к XVIII в. можно говорить о конфессиональной однородности сибирских татар, которая определялась единым конфессионимом «моселман».

В целом, несмотря на ряд особенностей, можно определить, что схема развития сибирско-татарской этнической общности в общих чертах была схожа с аналогичными процессами этнических общностей других постзоотоордынских тюркских государств и этнических общностей татар. Причем не только в «ханский» период, но и в период российской колонизации. Московское государство явилось своеобразным катализатором этнических процессов. Как и в Поволжье, оно, в определенном смысле, стало для сибирско-татарской общности «формообразующим» началом.

ГЛАВА 5

Ногаи

Вадим Трепавлов

Разные исследователи видели предков ногаев в древних тюрках, огузах, печенегах, монголах...¹ Ныне в науке доминирует точка зрения на ногаев (и позднейших ногайцев) как на народ в первую очередь кипчакского происхождения. Главным и, бесспорно, наиболее веским аргументом в пользу этого служит ногайский язык, который (может быть, наряду с казахским) в наибольшей чистоте сохранил кипчакскую архаику (см.: [Баскаков, 1940, с.237, 250]). Кипчакской версии придерживаются многие современные историки и языковеды (см., например: [Калиновская, Марков, 1990, с.15; Калмыков и др., 1983, с.12; Кузеев, 1978, с.196; Трофимова, 1949, с.50; Усманов, 1982, с.59]), иногда справедливо уточняя: в большей степени *восточные* кипчаки сформировали население Ногайской Орды [Викторин, 1991б, с.11].

Вместе с тем стоит прислушаться к мнению Л.Н. Гумилева: рассматриваем ли мы ногаев, поволжских татар или казахов, «ни один из этих этносов не является прямым потомком половцев (т.е. кипчаков. – *В.Т.*), но в каждом из них есть половецкий субстрат» [Гумилев, 1976, с.37]. При этом сам Л.Н.Гумилев позже отказал ногаям в кипчакской первооснове, предполагая их основную генетическую связь с огузами. Единственным аргументом у него оказалось домонгольское заселение яйцких степей огузскими племенами и вражда ногаев с татарами – истинными, по «позднему» Л.Н.Гумилеву, потомками кипчаков [Гумилев, 1989, с.673; Гумилев, 1992, с.178].

В самом деле, участие огузов в этногенезе ногаев вполне допустимо; оно выводится и из присутствия огузских эпических традиций в ногайских дастанах (см.: [Сикалиев, 1994, с.174]), и из самого факта долгого кочевания огузов севернее Каспия в раннем

средневековье. Однако их политическое господство завершилось там в середине XI в. [Кригер, 1986, с.117], и ближе к истине, видимо, те исследователи, которые рассматривают огузское население края в XII и последующих столетиях как один из составных элементов кипчакского мира [Ахметзянов, 1991, с.82; Ахметзянов, 1994, с.40; История Каракалпакской АССР, 1974, с.98, 99].

Этноним мангыт (правящий эль Орды и иногда синоним всех ногаев) некоторые историки однозначно связали с монголами-мангутами, известными с XII в., и вывели отсюда тезис о монгольском компоненте в ногайском этносе. Общая схема рассуждений такова: мангуты переселились в Дешт-и Кипчак, отюречились (некоторые утверждают, будто это произошло в улусе Чингизида Ногая в конце XIII в.), затем сплотили вокруг себя кипчакские племена и вместе с ними стали называться ногаями, образовав одноименную Орду (см., например: [Бачинский, Добролюбовский, 1988, с.87; Гарданов, 1960, с.77; Керейтов, 1996, с.14; Очерки, 1967, с.142; Черенков, 1989, с.45]). На самом же деле ни малейшего следа присутствия монголов среди предков ногаев не зафиксировано какими-либо источниками. Какая-то часть мангутов действительно получила пастбища в Восточном Деште при Чингис-хане или вскоре после него, но она была численно ничтожна перед массой аборигенов-кипчаков; и мангыты – это те кипчаки, которые оказались на землях, выделенных мангутам, а вовсе не сами мангуты или их тюркизировавшиеся потомки (см.: [Трепавлов, 2001, гл.1]).

В любом случае истоки этнической истории населения Ногайской Орды следует искать в эпохе Золотой Орды. В XIII–XIV вв. степи между Волгой и Эмбой являлись местом, во-первых, периодических миграций различных групп кипчаков, в том числе

¹ Сводка мнений по этому вопросу составлена Б.-А.Б.Кочкаевым [Кочкаев, 1988, с.23, 24].

мангытов (см.: [Иванов, Кригер, 1988, с.58, 59; Кузеев, 1992, с.75]); во-вторых, давним юртом восточных кипчаков. Последние сохраняли свои особенности и в золотоордынский период. Позже на этой территории возник Мангытский юрт, который со временем раздвинул свои рубежи к юго-востоку, на традиционно огузские кочевья (см.: [Костюков, 1995, с.41–43; Федоров-Давыдов, 1973, с.61, 62]).

С XIII в. отсчитывают этническую историю ногаев и те историки, которые пытаются составить ее периодизацию. Самая детальная схема предложена, видимо, Е.П.Алексеевой. Кипчаки и мангыты (каковые, стало быть, с ее точки зрения, не являются кипчаками) в недрах распадавшейся Золотой Орды консолидировались к середине XV в. в народность; эта народность обладала единым языком и этнонимом, некоторой общностью материальной и духовной культуры, улусной системой – уже феодальной, а не родоплеменной. Данный этап Е.П.Алексеева обозначила как генезис «древней ногайской народности», которая и населяла Ногайскую Орду [Алексеева, 1971, с.20; Очерки, 1967, с.141–143; Очерки, 1986, с.117].

А.И.-М.Сикалиев, видя эпонима ногаев в Джучиде Ногае (подобно множеству других историков), считает начальным этапом становления ногайского этноса пребывание «разных племен» в его улусе на западе Золотой Орды. Подданные Ногае стали, дескать, ногайцами (ногайлы) и распространили это понятие на кочевников, живших как к западу, так и к востоку от Волги. К концу XIV в. первый этап этногенеза закончился и начался второй, связанный с именем Эдиге. Во второй половине XIV в. усилились «восточные ногайцы», и на следующей стадии этнической истории они в 1391 г. вышли из состава Золотой Орды, основав собственную державу [Сикалиев, 1994, с.30, 33, 34].

Обе эти теоретические конструкции не подкреплены исследованием средневековых документов. При дефиците сведений ученые (в том числе и автор этих строк) вынуждены базироваться или на умозрительных выводах, или на поздних (XIX–XX вв.) записях ногайского фольклора. Но представления ногайцев о начале их истории были очень

лаконичными и туманными. По преданиям, они явились в Дешт из Бухары (Страны узбеков) или из Индии [Бентковский, 1883, с.3; Корнис, 1836, с.5; Пашин, 1912, с.39; РГВИА, ф.405, оп.6, д.3076, л.30]. Тем не менее родство ногаев именно с узбеками ханства Абу-л-Хайра обнаруживается в названиях родоплеменных объединений-элей, а родство с казахами – в преданиях казахов и уральских казаков (см.: [Железнов, 1888, с.261; Шакарим, 1990, с.109]). Вместе с тем в тюркском фольклоре есть и свидетельства (прямые и косвенные) о происхождении ногаев от кипчаков. Крымские ногаи рассказывали о своей прапраматери Ток-Саба [Смирнов, 1887, с.77], омонимичной домонгольскому кипчакскому племени токсоба; в башкирском шежере повествуется, будто раньше «все ногайцы жили в стране Кипчак» и являлись потомками Ямгурчы-бия (ямгурчы-кипчаками) [Башкирские шежере, 1960, с.95].

Что же касается информации письменных памятников, то она совершенно ничтожна. Лишь изредка встречаются намеки на судьбу будущих элей Ногайской Орды в XIII–XIV вв. Например, у Махмуда б. Эмир Вали промелькнуло указание, что Бату выделил в подчинение своему брату Тукай-Тимуру в награду за героизм племени минг, тархан, ушун и ойрат [Кляшторный, Султанов, 1992, с.188]. Но и эти этнонимы не являлись монополией ногаев, поскольку были распространены у многих этносов Дешт-и Кипчака, от Сибири до Крыма.

Отдельные авторы не ограничивались рассуждениями об истоках этногенеза населения Ногайской Орды, но пытались детально определить ее родоплеменной состав. Полнота составленных ими перечней элей зависела от источников, которыми располагали исследователи. Так, М.П.Вяткин приводил названия: алач, алчин, аргын, канглы, кипчак, китай, конрат, мангыт, найман и тама [Вяткин, 1941, с.43]. П.Г.Бутков писал, что в Ногайской Орде имелось не менее тридцати восьми племен, из которых он упомянул, правда, лишь одних канглы [Бутков, 1824, с.291], поэтому неясно, из каких этнонимов известный кавказовед составил это число. В литературе сейчас наиболее распространена «калькуляция» М.Г.Сафаргалиева с во-

семнадцатью племенами: алчин, ас, байгур, боргасм (борган? борлак? – *В.Т.*), гублак (? – *В.Т.*), канглы, кенегес, керей, кипчак, китай, кият, колгин, кунграт, мангыт, найман, тайджут, тангучин, туркмен [Сафаргалиев, 1938, с.35; Сафаргалиев, 1960, с.230].

Ставропольские ногайцы в XIX в., рассказывая о своем легендарном исходе из «Бухарии», среди первых своих изначальных «многих родов» называли эли мангыт, кипчак и найман (Бентковский, 1883, с.3). Кроме того, в памяти населения Дешт-и Кипчака отложилось пребывание эля кият «на сеи (западной. – *В.Т.*) стороне Волги» еще до прихода «Чингиза царя» [РГБ, ф.256, д.349, л.280]. Караногайский дастан «Эдиге» называет среди подданных хана Тохтамыш (конец XIV в.) эли буйрабас, исун, канлы, кенегес, конырат, купшак, мангыт, мин, найман, хырюв, шырын и юз [Ногайдынь, 1991, с.24–26]. Эти эпизодические, случайные, отрывочные сведения ни в коей мере не могут создать исчерпывающую картину родоплеменного состава средневекового ногайского общества.

Для более полного описания следует учесть *все* упоминания об элях в переписке ногаев и астраханских воевод с Посольским приказом (см.: [Трепавлов, 2001, с.499–504]). Выясняется, что в составе Ногайской Орды прямо упомянуты шестьдесят шесть элей и присутствие еще по крайней мере четырех (кулачи, телеу, уйгур, чимбай) восстанавливается по косвенным данным. Вместе с их подразделениями для XVI–XVII вв. насчитывается 139 наименований. Сами ногаи в XVII в. называли себя народом 140 улусов, т.е. элей [РГАДА, ф.127, 1630 г., д.3, л.3]; османский автор Эвлия Челеби, говоря о временах, предшествовавших приходу в Поволжье калмыков, т.е. о XVI в., тоже упоминал «сто сорок племен ногайского народа» [Эвлия Челеби, 1979, с.162]. Вероятно, это и было изначальным количеством родоплеменных подразделений Орды, поскольку уже в начале XVII в. под началом большеногайского бия пребывало только четырнадцать элей (бурлак, кипчак, китай, кунграт, минг, найман, туркмен – и еще семь не названы в источнике) [Акты, 1914, с.179].

Самыми разветвленными в первой трети XVII в. у ногаев были родоплеменные объ-

единения аз, борлак, кипчак, минг, найман и уйшун. В то время уже произошли существенные изменения, которые демонстрировали ослабление стройной эль-улусной структуры ногайской кочевой империи. Эли стали сливаться и перемешиваться, элементы одного эля могли оказаться в составе другого и т.д. Так появились у позднейших ногайцев образования канглы-борлак, алчин-мин, канглы-мин, буйрабас-мин, сарай-мин, ябы-тама, канглы-юз.

Наиболее ранним свидетельством такого смешения стало, очевидно, объединение китаев и кипчаков. Впервые их пребывание в одних и тех же улусах замечено по документам конца XVI в., а калмыки уже воспринимали их как один народ (кстати, отличный от собственно ногаев) [Батмаев, 1993, с.34; РГАДА, ф.127, 1586 г., д.3, л.1; 1627 г., д.1, л.303]. С течением времени, в ходе многократных передвижений по южным степям, ногайцы еще больше перемешали исконные подразделения. Найманы стали иметь общую тамгу с частью буркутов, часть канглы – с мангытами, а другая часть – с некоторыми родами буркутов и т.д. (см.: [Яхтанигов, 1993, с.179–185]). Некоторые подразделения переместились из одного эля в другой (см. таблицу: [Там же]). С XVI–XVII в. до этнографической современности сохранились лишь единицы таких подразделений: кара-кипчак, буйрабас в составе мингов, возможно, багалы-уйсун.

Монополизирование мангытскими мирами управления всеми элями в начале 1520-х гг. стало, очевидно, последним шагом в формировании этноинтегрирующего сознания у жителей Ногайской Орды, превращения слова «ногай» из политонима в этноним. До того «Ногаи» являлись прежде всего географическим и политическим понятием, обозначением Орды. Правда, мы не имеем документальных подтверждений подобной трансформации, поскольку в нашем основном источнике – дипломатической переписке – задействованы, как правило, бии и мирзы, именовавшие себя и своих подданных мангытами, по названию собственного эля.

Косвенным подтверждением этнической сплоченности ногаев могут служить образы эпических героев из дастанов. Богатыри считают себя ногаями, хотя и не забывают о

своей принадлежности к отдельным ногайским племенам (см., например: [Сикалиев, 1980, с.15, 16; Сикалиев, 1994, с.34, 91]).

Жители же соседних стран и подавно воспринимали заволжских номадов как единый народ. Показательны уговоры астраханскими воеводами бия Каная и нурадина Кара Кель-Мухаммеда воздержаться от похода на врагов-Тинмаметевых: «Нурадыновы и братья ево и дети е улусные люди тех мурз (Тинмаметевых. – *В.Т.*) – одни люди, и меж себя в племяни, и ему (бию. – *В.Т.*) и тово надобно опасатца» [РГАДА, ф.127, 1628 г., д.2, л.108]. В оригинале «одни люди», вероятно, передано как «бир халк» (один народ). Урмаметевы и Тинмаметевы владели разными элями, которые в то же время являлись в глазах русских одним народом, «меж себя в племяни». Да и сами эти эли в сношениях с соседями выступали под общим именем «ногай».

Остается до конца не проясненным вопрос о соотношении ногаев с татарами. Воззрения авторов разнятся от противопоставления их (Л.Н.Гумилев, см. выше) до отождествления (см., например: [Арсланов, Викторин, 1995, с.339; Әхмәтжанов, 1993, с.157; Ахметзянов, 1994, с.32; Ахметзянов, 1995, с.51; Шенников, 1987, с.86, 87]). Такая широкая амплитуда суждений объясняется многозначностью понятия «татары» в XIII–XVII вв.

Казань находилась в отдалении от бурных событий, связанных с коллапсом «Престольной державы» (Большой Орды), и контакты ногаев с нею в первое время были не очень значительны. В литературе можно встретить сентенции о раннем, чуть ли не со времени основания ханства, влиянии и даже присутствии ногаев в Казани (см., например: [Бурганова, 1985, с.16]). Думается, предельно логично высказался по этому поводу М.Г. Сафаргалиев: «Когда ногайцы дали о себе знать своим западным соседям, формирование Казанского ханства было уже закончено. Отношения Улуг-Мухаммеда (первого из казанских ханов. – *В.Т.*) с детьми Едыгея после измены Новруза не могли быть дружественными. Новруз, будучи военачальником Улуг-Мухаммеда, изменил ему, перейдя на сторону Кичи-Мухаммеда, в результате чего

Улуг-Мухаммед был изгнан из своих владений и направился в Казань. Участие ногайцев в завоевании Казани Улуг-Мухаммедом при таком положении дел было исключено. При первых своих ханах Казанское ханство было еще достаточно сильным и не нуждалось в помощи соседей» [Сафаргалиев, 1938, с.126–127].

Степень проникновения ногаев на территорию Казанского ханства дискуссионна. Мы отмечали малую вероятность изначального присутствия их в Юрте, во времена Улуг-Мухаммеда. Вместе с тем едва ли можно сомневаться в наличии ногайского компонента среди населения государства. Во-первых, об этом свидетельствует топонимика: Ногайские ворота в столичной крепости, Ногайская даруга – одна из пяти провинций Юрта и проч. (см., например: [Гарипова, 1980, с.149; Гарипова, 1982, с.123–128; Заринский, 1884, с.74; История Татарской АССР, 1968, с.84, 85]). Во-вторых, приток переселенцев из Ногайской Орды фиксируется башкирскими и татарскими генеалогиями-шеджере (см.: [Ахметзянов, 1991а, с.51, 150; Ахметзянов, 1994, с.39; Соколов, 1898, с.51]).

Но по фольклорным источникам затруднительно судить о том, насколько фигурирующие там ногаи соответствовали ногаям историческим, выходцам из Ногайской Орды. Ни большее, по сравнению с окружающим населением, количество кипчакских элементов в языке, ни совпадения в названиях родов (элей) еще не позволяют отождествлять пришлых кипчаков с ногаями. Кипчакские миграции продолжались сотни лет, а ногаи консолидировались в Мангытском юрте лишь во второй половине XV в. и, хотя тоже были кипчакоязычными, не могут «нести ответственность» за все передвижения кипчакоговорящих жителей Восточной Европы. Другое дело, что время от времени ногайские войска прибывали на территорию ханства для решения политических задач и, случалось, надолго задерживались там. Допустим, известно, что при вторичном царствовании Мухаммед-Амина (1502–1518) в его владениях расположилась двадцатитысячная ногайская конница [Марджани, 1884, с.49, 57].

При этом близкое соседство, несомненно, способствовало проникновению кочевников Ногайской Орды на территорию Казанского юрта. Пространство к югу от Камы от ее впадения в Волгу до устья Белой представлено в «Казанском летописце» как территория Казанского ханства: «То бо бе прежде земля Болгарец малых за Камою промеж великия реки Волги и Белья Воложки, до Великия орды Нагайския» [ПСРЛ, 19, 1903, с.12]. Надо полагать, что между приказанскими летовьями ногаев и Ногайской Башкирией сохранялся «выступ» с казанским подчинением, населенный башкирами. Вместе с тем в 1552 г. Исмаил летовал «на Ике реке от Камы днищ с пять» [РГА-ДА, ф.127, д.4, л.137 об.], т.е. шел он на Ик все-таки от Камы. Кроме того, есть данные фольклора башкир-юрматы о прежнем проживании ногаев на реках Зай и Шешма – в междуречье Волги и Белой [Исхаков, 1985, с.45]. Представляется, что предположение Д.М.Исхакова о двойной, ногайско-казанской подчиненности этого края [Там же] полностью объясняет противоречия в источниках.

В результате драматических событий XVI–XVII вв. группы жителей Ногайской Орды расселились широко за пределы своей степной державы и вступили в активное этническое взаимодействие с окрестными народами. В фольклоре каракалпаков – народа, некогда вышедшего из Ногайской Орды, сохранились многочисленные воспоминания о пребывании их в составе страны Ногайлы; о ногайско-каракалпакской этноисторической общности свидетельствуют и близкие соответствия в названиях родоплеменных подразделений. Народ ногой фигурирует в героическом эпосе киргизов «Манас» как дружественный киргизам, составляющий с ними единое владение, улус; именно из ногоев происходил сам богатырь Манас.

В результате двух больших волн переселений XVI в. ногайский элемент закрепился и в составе казахского этноса. Особенно было заметно его присутствие на западе Казахстана, где до начала XX в. сохранялись группы ногай и мангытай. Несомненным стимулом для ассимиляции послужило и то, что казахский Младший жуз целиком расположился на бывшей территории Ногайской

Орды. Еще более были распространены группы с названием «ногай» среди башкир, особенно юго-восточных. Есть свидетельства о проживании ногаев на землях Сибирского юрта¹.

Инфильтрация ногаев повсеместно влекла за собой увеличение монголоидности в облике населения, количества кипчакских элементов в языке, кочевых черт в культуре. Таким образом, носители этнонима «ногай» проникли в состав почти всех окрестных народов. Не случайно соседи расценивали ногаев как полиэтническую общность, а этим этнонимом называли представителей разных этносов. Ногаями именовали северную группу крымских татар, населявшую степи вне полуострова; для казахов *нугай* – это башкиры и поволжские татары; для башкир и казахов в прошлом *ногай* – сибирские татары; для калмыков *иштиг мангад* (т.е. иштяки-мангыты) – башкиры, а *уулун мангад* (горные мангыты) – балкарцы и карачаевцы и т.п.

¹ О ногайском компоненте в этногенезе и этнической истории *казанских татар* см.: [Арсланов, 1993; Ахметзянов, 1991а, с.51; Әхмәтжанов, 1993, с.146, 153, 155; Ахметзянов, 1994, с.39; Бурганова, 1985, с.15, 16; Галлямов, 1994, с.175, 176; Исхаков, 1993; Махмутова, 1978, с.15; Уразманова, Шарифуллина, 1991]; *астраханских татар* – см.: [Арсланов, Викторин, 1988, с.13; Викторин, 1991, с.48, 49; Викторин, 1992, с.182; Ижбердеев, 1994, с.38; Исхаков, 1992, с.6–10, 27, 28; Мухаметшин, 1992, с.63; Садур, 1983, с.11]; *сибирских татар* – см.: [Валеев, Томилов, 1996, с.25, 30, 31; Катанаев, 1893, с.31; Кузеев, Моисеева, 1987, с.101; Кулешова, 1995, с.43; Селезнев, 1994, с.78–80; Томилов, 1995, с.31–34; Фролов, 1995, с.120]; *крымских татар* – см.: [Георги, 1799, с.36; Изиддинова, 1980, с.246]; *казахов* – см.: [Аджигалиев, 1994, с.30, 31, 96; Аманжолов, 1959, с.9; Аргынбаев, 1991, с.76, 79; Аристов, 1896, с.376, 380; Валиханов, 1986, с.233; Военно-статистическое обозрение, 1848, с.12; Востров, Муканов, 1968, с.98, 107, 108, 238, 246; Вяткин, 1941, с.43, 51, 52; Ерофеева, 1999, с.215; История Казахской ССР, 1979, с.250; Керейтов, 1993, с.23; Логутов, 1929, с.48; Масанов, 1993, с.108]; *башкир* – см.: [Башкирские шежере, 1960, с.174, 187; Кузеев, 1974, с.109, 111; Кузеев, 1978, с.180 (карта), 196; Кузеев, 1991; Кузеев, 1992, с.130 (карта); Рахматуллин, 1988, с.178; Трепавлов, 1997, с.5, 10–12]; *калмыков* – см.: [Авляев, 1984, с.381; Цюрюмов, 1991, с.34, 35]; *узбеков* – см.: [Аристов, 1896, с.422]; *донских и уральских казаков* – см.: [Авляев, 1984, с.382; Бекмаханова, 1993, с.86; Милых, 1940, с.35; Черницын, 1995, с.51, 52].

ГЛАВА 6

Астраханские татары

Илья Зайцев

Астраханские татары – обобщенный этноним, принятый ныне для обозначения татарского населения Астраханской области РФ (около 7% от численности современного населения)¹. Термин также употребляется как определение тюркоязычного населения Астраханского ханства (1502–1556). Многие исследователи (Д.М.Исхаков и др.) считают, что астраханские татары являются потомками золотоордынских и даже более ранних этнических групп, возможно хазарского и кыпчакского происхождения. В XV–XVII вв. они находились под сильным влиянием Ногайской Орды, в ряде случаев прямо включив в свой состав группы ногайского происхождения (например, карагаши)². По-видимому, в эпоху существования Астраханского ханства народностью астраханские татары так и не стали.

Большое количество тюркоязычного населения перемещается с Верхней Волги в ее низовья уже после падения Астраханского ханства. Особенно этот процесс усиливается в XVII–XVIII вв., что приводит к смешению астраханских татар с татарами Волго-Уральского региона. В XIX в. в Астрахани среди местных татар-переселенцев хорошо сохраняется память о переселении: например, переписанная в 1823 г. в городе рукопись поэмы «Юсуф и Зулейха» имеет в коллофоне указание, что переписка выполнена в «казанском квартале».

Среди астраханского тюркоязычного населения выделяются несколько групп, очевидно, связанных происхождением с ногайцами. Это, прежде всего, так называемые юртовские татары. Хотя существует точка зрения, согласно которой именно

юртовские татары являются потомками татар Астраханского ханства. С ногайцами связаны также карагаши (самоназвание – карагаш-ногайлар), впервые упоминающиеся во второй половине XVIII в. под названием кундровские татары. Сейчас собственно под кундровцами (как некой переходной группой между юртовцами и карагашами) астраханские этнографы понимают в основном жителей села Тулугановка Володарского района Астраханской области.

Особой группой астраханских мусульман (ныне не существующей) были так называемые агрыжанские татары – полутатары-полуиндийцы [Озерецковский, 1804, с.301; Шперк, 1898, №52³; Юхт, 1957, с.138; Зайцев, 2008, с.164–171]. Название происходит из татарского диалектного *эгрыш/эгдыш* (*эгрыж/эгдыж*). Будучи оформлено персидским показателем множественного числа на *-ан*, это слово стало источником этнического определения «агрыжанский» в русском языке. Слово *Игдиш* (*Игдич/Игдидж*) как обозначение потомства тюрка и индианки можно найти в словаре астраханского уроженца Л.З.Будагова: «турок, у которого мать была индианкой, рожденный от этих двух наций, помесь; ...говориться о животных непородистых, кладеных...» [Будагов, 1869, с.71].

Первое документальное упоминание агрыжан датировано 1661 г. Это указная память Астраханской приказной палаты (7 сентября 1661 г.) о выдаче некоему аманату Алядинку Аюпову поденного корма. Аманат назван в тексте «агрыженином», однако чтение этого слова в документе предположительное: текст, по замечанию издателей, «нечетко правленный». Однако уже в середине XVII в. есть бесспорное подтверждение существования слова в ономастике.

¹ Третья по величине этническая группа Астраханской области. По переписи 2002 г. – 70 590 (7%); 2010 г. – 60 523 (6,6%).

² О ногайской теме в Астрахани и ее изучении сегодня подробнее см.: [Викторин, 2014].

³ Есть и отдельный оттиск.

Ногайцы в Астрахани. Гравюра из книги А.Олеария «Описание путешествия в Московию...». 1630–1640-е гг.

Время появления Агрыжанской слободы или двора в Астрахани (не позднее 1710 г.) определяется на основе упоминания в сенатском деле 1745 г. об уравниении армянских, индийских и других восточных купцов в Астрахани в правах и повинностях с русскими купцами. В доношении Главного магистрата в Сенат указывалось: «А оных де дворов служителей с 710 года збирается в Астраханскую таможеню, сверх платежа пошлин, оброку – подымных денег, а имянно: з Бухарского – 100, з Гилянского – 14, с Агрыжанского – 20, итого – 134 рубли...» Агрыжанский двор (так же как и Гилянский с Бухарским) находился в татарской слободе, южнее русских слобод в юго-западной части Земляного города. По существу это были слободы, состоящие из отдельных дворов, окруженных общей оградой.

«Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской, сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым» (СПб., 1793), написанный в 1744–1746 гг., упоми-

нает о наличии в Астрахани Агрыжанской слободы: «**Агрыжанская слобода** и двор при Астрахани, в которой более живут индейцы магаметанского закона. Имя сие татарское, молодые, или недоростки, славенский юноша от того произошло. Как в 1667 году Разин бунтовщик, взяв Астрахань, всех иноземцов разграбил и многих побил, тогда индеи многие, спасая живот свой, отдався в защищение татаром, закон их приняли, и на дочерях их поженились, и остались в российском подданстве, но потом персияне, приходящие в подданство, к ним присовокупляются, и суть между татары лучче в Астрахани купцы» [Татищев, 1979, с.238–239]. В 1769 г. Самуил Георг Гмелин, посетивший Астрахань, почти повторяет В.Н.Татищева (хотя с его сочинением он вряд ли был знаком): «Потом следуют три татарские слободы, дворами называемые, из коих первый называется Агрыжанским. Агрыжан есть татарское слово и на российском языке значит выродка, то есть живут в оных такие татары, кои произошли от индейцев, потому эти индейцы, поселившись

в Астрахани, женились на татарках, прижили с ними детей, и сии так размножились, что ими настоящую слободу населить можно было; и так назван сей новый род татар от их смешанного происхождения агрыжанскими, да и жилища их названы по ним же, агрыжанам – Агрыжанским двором» [Самуил Георг Гмелин, 1936, с.304]. Слобода пополнилась и выходцами из других восточных стран. Среди обитателей Агрыжанского двора были и бухарцы.

Судя по именам, в первой трети XVIII в. далеко не все агрыжане были мусульманами. Но уже в середине XVIII в. агрыжанские жители исламизируются. Ведомость жителям Агрыжанского двора (1744) подтверждает, что многие его жители были женаты на татарках. Часть жителей двора сильно задолжала индийским предпринимателям и купцам, вместе с тем, агрыжане составляли довольно значительный и влиятельный класс астраханских купцов. В 1743 г. астраханский губернатор В.Н.Татищев доносил в Коммерц-коллегию: «...и в Астрахани значными товары весь в руках индейцов, армян и татар, яко гилянцов, агрыжанцов и бухар» [Татищев, 1990, с.365].

Данные о численности насельников двора впервые встречаем в сенатском деле 1745 г.: «А по указу де 738 года от 31 августа из бывшего Кабинета учинена в Астрахани перепись, по которой явилось... агрыжанцов – 49». В 1744 г. на Агрыжанском дворе жило 109 мужчин, из которых 53 человека были «индийской природы». Одни «имели купечество», другие «кормились работою» [Русско-индийские отношения, 1958, с.135;

Русско-индийские отношения, 1965, с.70, 77, 107, 201, 203, 208, 238–239, 249–250]. Несколько агрыжан жило на Бухарском дворе. Все жители слободы уже были мусульманами.

Тесная связь между жителями трех дворов признавалась и на официальном уровне. Некий татарин Абдул Абдулжалилов представлял татар Бухарского, Гилянского, Агрыжанского дворов как мусульманский депутат в Уложенной комиссии.

С 1799 г. татары бухарского, гилянского и агрыжанского дворов пользовались всеми правами российского купечества, но без записи в гильдии, а 1 марта 1835 г. был обнародован императорский именной указ, по которому упомянутых татар надлежало обложить сверх лежащих на них повинностей особым сбором в казну «впредь до уравнения с коренными Российскими подданными по пяти рублей с души», и, кроме того, «ввести в отправление рекрутской повинности натурою».

В результате этнического смешения, прежде всего с юртовскими татарами, агрыжане растворились в их составе. В середине 1850-х гг. ни двора, ни самих агрыжан в Астрахани уже вероятно не было, однако об их существовании еще помнили. Агрыжанская же мечеть сохранялась, более того в 1830 г. при ней было основано медресе, средства на содержание которого поступали от некоего татарина Султанова. Слушателей в нем было немного: на все восемь астраханских медресе (включая медресе при агрыжанской мечети) в 1843 г. приходилось 175 учащихся.

ГЛАВА 7

Крымские татары

Илья Зайцев

Крымские татары – тюркоязычный народ, сформировавшийся на территории Крымского полуострова на основе смешения местных тюркских западно-кыпчакских племен (половцев), остатков иных (в том числе тюркоязычных) кочевых групп, индоевропейского населения (аланы, греки, готы и др.), а также тюркских и монгольских племен, заселивших Крым после монгольского завоевания Восточной Европы. Формирование крымско-татарской этнической общности началось, видимо, в XIII в., когда большая часть полуострова (степной Крым и часть земель в горах) была включена в золотоордынские владения. Византийский историк Пахимер, повествуя о набеге на Крым Ногай в конце XIII в., пишет о населении завоеванных татарами (т.е. монголами) стран: «С течением времени, смешавшись с ними [татарами], народы, обитавшие внутри тех стран, я разумею: аланы, зикхи, и готы, и различные с ними народы, научаются их обычаям, вместе с обычаями усваивают язык и одежду и делаются их союзниками» (Цит. по: [Герцен, 2005, с.14]).

Вхождение крымских земель в состав золотоордынского государства привело к переделу степных владений на полуострове в пользу пришлых монгольских и тюркских кланов (ширин, бырын, аргын, седжиут, кыпчак и др.). Именно эти кланы составили ядро крымско-татарской родовой знати.

Ключевыми моментами в этногенезе крымских татар стали образование Крымского ханства (после 1441 г.), османское завоевание Южного берега полуострова (1475), а также утверждение ислама в качестве государственной религии. Образование ханства и исламизация стали двигателями в процессе этнического сплочения, в то время как существование османской административной единицы на Южном берегу (с преимущественно христианским населением и османскими военными гарнизонами в

крепостях), наоборот, отодвинуло ассимиляцию его жителей до XVIII в.

Скорее всего, вплоть до османского завоевания Южного берега Крыма в 1475 г. весьма значительное влияние на характер ислама в Крыму оказывали традиционные и новые городские центры Средней Азии, а также старые исламские города Малой Азии и Ближнего Востока. Это, в частности, проявлялось и в движении населения оттуда на полуостров. Эвлия Челеби зимой 1665–1666 гг. видел в Старом Крыму возле рынка квартальную мечеть, основанную в 1263 г. неким выходцем из Бухары. Нумизматические находки ясно демонстрируют нам, что в течение первой половины XIV в. между регионами Золотой Орды к западу от Волги и ее среднеазиатскими областями существовали тесные связи. За неимением обширной статистики находок памятников различных категорий нам трудно оценить масштаб этих отношений, но безусловно то, что связи эти имели не только торговый, но и миграционный характер. Это единое пространство помимо общности государственной территории связывается и исламской традицией: в частности, обращением общих ходовых религиозных текстов, а также миграцией религиозных авторитетов – шейхов в рамках единой страны (из Средней Азии) и из-за ее пределов (Малая Азия) в Крым и Среднее Поволжье. Прекрасная иллюстрация этого – география *нисб* погребенных на кладбищах Солхата и Отузов: Халеб, Токат, Тебриз, Конья, Сивас, Дженд, Ахлат, Кастамону, Барчкенд. Плита с датой 760 г.х. (1358) и надписью (вероятно, строительной – об устройстве колодца неким Идрисом б. Хаджи-Яхья б. Мухаммед Ираки), найденная О. Акчокраклы в Отузах, свидетельствует о том, что в Крым в XIV в. переселялись выходцы из таких исламских регионов, как Ирак. Из Отузов происходит и намогильный камень шейха Якуба Конийского (эль-

Крымские татары.
Гравюра. Франция,
1830-е гг.

Коневи), датированный 729/1328/29 г. Среди надгробий Эски-Юрта мы видим эпитафию 793/1390/91 г. мавляны Ахмада б. Махмуда, который, судя по его нисбе (Барджинлыгы), был связан происхождением с городом Барджинлык на Сырдарье. Возможно, что эти связи были следствием установившихся маршрутов хаджа: часть паломников из Средней Азии ходила в Мекку и обратно именно через Крым. Таким образом, связи Крыма со Средней Азией в это время, видимо, были достаточно тесными.

В начале XVI в. после разгрома Большой Орды ханом Менгли-Гиреем наблюдается значительный приток на полуостров золотоордынского населения.

Уже в конце XVI в. в европейской литературе («Описание Татари» Мартина Броневского) употребляется эпитет «крымский» по отношению к татарскому населению полуострова (по названию города Солхата-Крыма). Таким образом, мы можем говорить, что сложение крымско-татарского этноса следует отнести именно к XVI в. Проходит этот процесс в степной части полуострова на основе групп, говоривших на кипчакских диалектах. Вместе с тем, высокая культура ханства характеризуется распространением арабского и персидского языков как языков религии, науки и литературы, а также мощным влиянием староосманского (в литературе и языке канцелярии).

Крымские исторические сочинения и канцелярские документы этого времени применительно к населению ханства предпочитают использовать не этнические, а профессиональные определения (называя основную массу населения мусульманами), хотя уже в XVI в. мы встречаем в текстах определение «татарский» применительно к крымскому войску¹, Саадет-Гирей называет «татарами» свое крымское окружение (см.: [Зайцев, 2009а, с.20])².

В то же самое время, по данным османских переписей, Южный берег Крыма оставался в большей степени населенным христианами (потомками греков, итальянцев и армян, объединенных общим крымско-османским термином *tam*³). На этой территории до сих пор не обнаружено ранних исламских памятников, что говорит о христианской принадлежности большинства населения [Герцен, 2005, с.17]. Османское военное присутствие на Южном берегу (в виде крепостных гарнизонов) обусловило

¹ «История хана Сахиб-Гирея». Рукопись Восточного факультета СПбГУ (№ 488, с.3).

² Впрочем, не исключено, что в обоих случаях мы имеем не внутреннюю самоидентификацию, а взгляд на этническую картину в Крыму со стороны (в данном случае – османской).

³ Происхождение его уходит корнями еще в древнетюркское время: сам этноним упоминается в памятниках древнетюркской рунической письменности.

преобладание на этой территории огузского диалекта (т.е. фактически староосманского) как *lingua franca* его жителей.

Процесс этнической консолидации крымско-татарского народа продолжался вплоть до конца XVIII в., когда в его состав включаются ассимилированные группы населения Южного берега (после 1774 г.), разговорным языком которых был огузский диалект тюрки.

Наблюдения тюркологов-лингвистов (В.Радлова, А.Самойловича, Б.Чобан-заде) говорят о том, что с языковой точки зрения Крым оказался разделенным на три ареала: степной (фактически кипчакский), с южной границей по линии Евпатория, Бююк-Онлар (Октябрьское), Феодосия, Керченский полуостров; южный – фактически огузский (в прибрежной и горной полосе, примерно от Байдарских ворот до Феодосии), и средний, характеризующийся переплетением огузских и кипчакских черт с тяготением к юж-

ному диалекту [Севортян, 1966]. Средний диалект в силу своего компромиссного положения стал основой крымско-татарского литературного языка.

Эти лингвистические данные хорошо подкрепляются антропологическими: у прибрежных и горных татар преобладает южноевропеоидный компонент, а у степных отчетливо заметна монголоидная примесь [Хить, Долинова, 1995].

Пика численности крымские татары, видимо, достигают к середине XVIII в. Согласно Камеральному описанию Крыма, к 1784 г. число мужского населения полуострова «магометанского» вероисповедания (включая немногочисленных иудеев) немного превышало 55 тыс. чел. Дальнейшие волны эмиграции в малоазиатские и европейские провинции Османской империи заложили основы крымско-татарских общин в современной Турции, Румынии и Болгарии.

ГЛАВА 8

Казанские татары

Дамир Исхаков

Уже при подготовке фундаментального труда «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» (1967) видный казанский этнолог Н.И.Воробьев в разделе, посвященном истории формирования татарского народа, сформулировал вывод о том, что «казанские татары» постепенно консолидировались в «народ» в результате смешения булгар с «тюркоязычными переселенцами с золотоордынских земель», причем процесс «слияния» двух указанных этнических составных, по его мнению, продолжался еще и в составе Казанского ханства [Татары, 1967, с.9, 11, 13]. Но из-за доминирования в Татарстане в этот период болгарской теории происхождения прежде всего казанских татар, эта точка зрения не была принята другими татарстанскими исследователями.

В частности, известный татарский археолог А.Х.Халиков в специальной работе по этнической истории татар Волго-Уральского региона, изданной в 1978 г., продолжал утверждать, что «булгарская народность» сохранялась и после распада Золотой Орды, в рамках Казанского ханства сформировавшись в «народность» казанских татар [Халиков, 1978, с.106, 125]. Близкая позиция была и у других татарстанских исследователей [Алишев, 1985; 1990, с.55–56; 1995, с.26; Кәримуллин, 1991, 36–46 б.; Закиев, 1986, с.457–472]. Но по мере того, как начиная с 1990-х гг. в республике начали разворачиваться исследования по истории Улуса Джучи и его государствообразующего этноса, ранее находившиеся под запретом в СССР, относительно содержания этнических процессов в этой средневековой империи была выработана новая теория, согласно которой татарская этнополитическая общность сформировалась в составе этого государства, но после его распада пережила процесс деконсолидации [Татары, 2001, с.85–180; История татар, 2009, с.349–365].

Составной частью этой концепции было положение о социальной стратифицированности этнической общности средневековых татар, когда ее верхнюю – феодальную страту составляли собственно золотоордынские татары с клановым делением, а низы – ясачная страта – состояли из других этнических групп, в Среднем Поволжье, как полагают ряд исследователей, из сильно трансформированных потомков болгарского населения Булгарского вилайета Золотой Орды, продолжавших взаимодействие с «татарской» частью общества и в составе Казанского ханства [Исхаков, 1998; Татары, 2001, с.101–135; Әхмәтжанов, 2011, 219–221 б.]

Существование у казанских татар двух этносословных страт – «черни» (*кара халык*), именовавшейся в русскоязычных источниках XVI–XVII вв. «ясачными чувашами», и социальных верхов, являвшихся потомками золотоордынских татар с клановым делением и со второй половины XVI в. именовавшимися «служилыми татарами», является историческим фактом [Исхаков, 1980; 1988; 1995]. Поэтому завершение формирования казанско-татарской этнической общности в решающей мере зависело от уровня консолидации двух указанных этносословных групп, хотя, конечно, определить степень «завершенности» становления народности казанских татар в период Казанского ханства, в силу состояния источников, весьма непросто. Но в связи с тем, что для феодального времени вообще характерно существование сословных структур и отсутствие резко выраженных этнических границ, этническая ситуация XV–XVII вв. в Казанском ханстве и Казанском крае не является тут исключением. Тем не менее, несмотря на то, что вряд ли можно говорить о математически точном измерении консолидированности казанско-татарского этноса, сохранившиеся источники позволяют

выявить целый ряд достаточно объективных показателей, на основе которых можно говорить не только о хронологических рамках, но и об основных итогах процесса становления в Казанском ханстве отдельной казанско-татарской этнической общности (народности).

Для внешних наблюдателей складывание этнического субъекта, известного как «казанские татары» (казанцы), было заметно уже во второй половине XV в.: в русских летописях общность, именуемая «Татаровя Казанские», отмечается под 1468, 1469 и 1475 гг. [ПСРЛ, 12, 1965, с.118, 120, 122, 158; ПСРЛ, 27, 1962, с.128; ПСРЛ, 28, 1963, с.118, 142; ПСРЛ, 1982, с.46, 90]. В 1491 г. ее же имел в виду крымский хан Мухаммед-Гирей под названием «казанцы» [Малиновский, л.61 об]. А в первой половине XVI в. применительно к государствообразующему этносу Казанского ханства наименование «казанские татары» (казанцы) использовалось весьма широко. Это было характерно как для русских, так и для европейских источников. Причем термин «казанские татары» (казанцы) являлся центральным звеном довольно сложной этнонимической системы. В ее основе находилось часто употребляемое в русских летописях понятие «земля Казанская» или «вся земля Казанская» (см. под 1519, 1523, 1529, 1534, 1536, 1541 и 1546 гг. [ПСРЛ, 13, 1965, с.31, 44, 46, 81, 88, 99, 148.]). Оно же применялось и отдельными русскими авторами XVI в. [Казанская история, 1954, с.68; Из послания, 1914, с.72–73; Сочинения, 1914, с.220] синонимом данного выражения в Московской Руси выступал термин «царство Казанское» [ПСРЛ, 13, 1965, с.226; Из послания, 1914, с.72–73], употреблявшийся значительно реже. У европейских авторов преобладало последнее понятие, иногда замещавшееся словосочетанием «Орда Казанских татар» или «Казанская Орда» [Меховский, 1936, с.116; Герберштейн, 1908, с.145; Альберт Кампензе 1836, с.16; Виженер де Блез, 1890, с.83]. Многие факты говорят о том, что во всех этих случаях имелось в виду Казанское ханство.

Прежде всего, так обстояло дело с понятием «земля Казанская» («вся земля Казанская»). Например, при описании дискуссии, происходившей между казанской знатью и

русскими боярами по поводу отторжения в 1551 г. Нагорной части ханства, говорится, что татары тогда заявили: «...того им учинити не мощно, что **земля розделити**» [ПСРЛ, 13, 1965, с.430] (выделено мной. – Д.И.). Когда в послании Ивана IV ногайскому князю Исмагилю (1553) «Казанская земля» была определена в качестве «юрта», контролируемого Москвой [ПДРВ, 1793а, с.120], подразумевалось аналогичное понимание. Такой же смысл придавался этому словосочетанию и в сообщениях о сборе войск казанским ханом Ибрагимом в 1469 г., в котором говорится: «...дополна собрался... царь Казанский Обряим со всею землею своею» [ПСРЛ, 13, 1965, с.71].

Думаю, что термин «земля Казанская» в конечном итоге восходит к официальному названию Казанского ханства. Во всяком случае, в двух документах первой половины XVI в. содержатся сведения, позволяющие высказать такое мнение. В первом из них – ярлыке хана Сахиб-Гирея (1523) есть выражение «*гомум виляйяте Газан*» [Сэхип Гэрэй ярлыгы, 1936, 354 б.], т.е. «весь Казанский вилайет». Оно в источнике подразумевает Казанское ханство. В другом документе – послании хана Сахиб-Гирея польскому королю Сигизмунду I (датировка – от 1538 до 1545 гг.), сохранившемся только на польском языке, говорится о «земле Казанской» и «царстве Козанском» [Муштафина, 1997, с.32].

Под «Казанской Ордой» также имелось в виду Казанское ханство – европейские авторы обычно ордой считали государственно-организованный народ [Литвин, 1890, с.6; Павел Иовий Новокомский, 1836, с.24]. Да и в отмеченном выше послании хана Сахиб-Гирея польскому королю, хан пишет: «...наша Орда козанская присягнула ми» [Муштафина, 1997, с.34]. Поэтому термин «Орда Казанская» также может иметь татарское происхождение. Хотя нельзя исключить и того, что хан в данном случае употребил в послании королю более понятное «европейское» выражение, обозначающее Казанское ханство.

Очевидно, словесный ряд «Казанская земля», «Казанское царство», «Казанская Орда» имеет в основе название столицы – г. Казани. Европейские авторы на это указывали прямо

[Меховский, 1936, с.63, 92; Кампензе, 1836, с.16, 26.]. Да и в русских летописях встречается выражение «град и царство Казанское» [ПСРЛ, 13, 1965 с.55], а в отдельных источниках XVII в. г. Казань отождествляется с «царством Казанским» [Книга Большому Чертежу, 1950, с.137, 182, 184].

Производным от рассмотренных понятий был другой ряд: «Казанские люди» (Люди Казанские), «все Казанские земли люди», «все земские люди» (см.: [ПСРЛ, 13, 1965, с.31, 32, 44, 48, 55–57, 67–68, 81, 88, 166, 434, 439, 446, 458, 459, 468, 470]. Эта информация относится к 1519, 1523, 1529, 1530, 1531, 1532, 1533, 1534, 1541, 1542, 1545, 1548, 1549, 1551 гг). Сокращенным вариантом представленного ряда являлось понятие «казанцы» [Там же, с.116, 129, 166, 425, 446, 458, 459, 470, 472, 501, 504; Казанская история, 1954, с.66, 77, 80–81, 83, 89, 112; Сочинения, 1914, с.180, 226, 250]. Эта группа терминов обозначала все население государства. Но в некоторых случаях они использовались и по отношению к татарской части населения Казанского ханства [ПДРВ, 1793, с.215; Казанская история, 1954, с.78. Правда, в последнем случае это менее очевидно]. Термин «казанцы» поэтому был явным политонимом. Применение его в качестве этнонима, по-видимому, связано с тем, что татары, как политически доминировавший в государстве этнос, русскими и европейцами воспринимались как некоторый стержень «казанцев», что вполне соответствовало этнополитической ситуации времени ханства.

Собственно этнонимом, функционировавшим в этой этнонимической системе, было название «казанские татары» (Казанские Татаровя, Татаровя Казанские), на русской языковой почве употреблявшееся, как было отмечено, уже во второй половине XV в. [ПСРЛ, 13, 1965, с.90, 107, 113–114, 427–428, 440, 463, 490; ПСРЛ, 28, 1963, с.142; Сочинения, 1914, с.294; Сборник РИО, 1895, с.678.] Даже в тех случаях, когда использовалось просто понятие «татары» (татаровя), оно в данном контексте подразумевало именно казанских татар (см.: [ПСРЛ, 13, 1965, с.501, 404; Казанская история, 1954, с.58; Сочинения, 1914, с.181, 196, 199]). Европейцы, которые в первой поло-

вине XVI в. его тоже использовали [Меховский, 1936, с.116; Герберштейн, 1908, с.137, 157; Виженер де Блез, 1890, с.83], скорее всего, заимствовали этот термин из Русского государства. В Московской Руси понятие «казанские татары» в содержательном плане соответствовало конкретному «языку», т.е. этносу. Приведу два примера на этот счет. В Царственной книге под 1552 г. говорится о «поганных языкъ Крымскихъ и Казанскихъ Татаръ» [ПСРЛ, 13, 1965, с.83]. А Курбский пишет: «...кроме татарского языка в том (Казанском. – Д.И.) царстве пять различных языков: мордовский, чувашский, черемисский, вотяцкий (арский), башкирский» [ПСРЛ, 13, 1965, с.83].

Следует отметить, что русские стремились маркировать наименование «казанские татары» также через показ его отношения к мусульманской умме. Так, в Царственной книге говорится о «безбожных Казанскихъ Татарахъ» или «безбожных Казанскихъ Сарацынъ» (Срацын) [ПСРЛ, 13, 1965, с.162, 463]. В послании митрополита Макария Ивану IV (1552) речь идет о «поганных языкъ Крымскихъ и Казанскихъ Татаръ» [Там же, с.490]. В Патриаршей (Никоновской) летописи применительно к казанским татарам под 1553 г. используется выражение «татары поганые» [Там же, с.211, 218–219]. Еще в одном послании Ивана IV, адресованному А.Курбскому, говорится о «безбожном языкъ Казанскомъ» и о «бесерменском языке» [Из послания, 1914, с.64].

Рассмотренная выше вполне самостоятельная этнонимическая система была связана с господствовавшим в Казанском ханстве сословием «татар». Между тем этнословная стратифицированность казанско-татарского этноса допускает возможность функционирования на русской языковой почве еще одной этнонимической системы, построенной на этот раз на базе терминов, отражающих существование «черного» слоя казанских татар. Исследование этой проблемы привело к любопытному результату: такая система действительно бытовала, но она опиралась не на понятие «ясачные чувашши», а на этноним «болгары» или «болгары Поволжские». Во-первых, в «Никаноровской летописи», списки которой относятся к XVII в., в рассказе «О взятии града Каза-

ни и всеа земли по Волге реке и по Каме» о населении этой «земли» сказано: «...Болгары Поволжския нарицахуся». Далее оно же названо «Волжскими и Камскими Татарами и Болгарами» [ПСРЛ, 27, 1962, с.143]. В другом позднем источнике – «Повести о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси», посвященном также взятию русскими Казанского ханства, рассказывается о «нечистивы Болгары, иже близ Руси пребывающе, живуще по реце глаголемой Волзе». Автор «Повести», описывая поход на Казань в 1552 г., сообщает: «...пределы их Казанския вся поплени и многое множество нечестивых Болгар погуби». Затем в источнике речь идет о времени правления Федора Ивановича, когда «нечестивии... Болгары» восстали и против них по повелению Федора Ивановича, Борис Федоровича было велено послать «многое... воинство... в велицей силе, изооруживь, на Болгары... Воинство...»), которое «пришедше в Болгарския области... пленующе...» В итоге «вся страны Болгарския оказались «в рабском послушании» «и доселе пребывают», – добавляет автор [Повесть, 1910, с.3–4].

Конечно, эти поздние сообщения о булгарах в Казанском ханстве и Казанском крае во второй половине XVI – XVII вв. можно было бы отнести к категории книжной (летописной) традиции. В частности, автор источника XVI в. – «Казанской истории» при описании событий конца XIV – первой половины XV в. довольно ясно высказывает мысль о проживании в районе будущего Казанского ханства «болгарских князи и варвари», «языка лют и поган, болгарской черни со князи и со старейшины» [Казанская история, 1954, с.44, 48]. Эта же группа населения определяется им как «срачини» (т.е. сарацины) [Там же]. Наконец, он пишет о них и как о «худых болгары, казанцах» [Там же, с.53]. Но применительно ко второй половине XV – середине XVI в. автор «Казанской истории» предпочитает говорить о «казанцах», «казанских татарах». Поэтому русская летописно-книжная традиция, учитывавшая преемственность волжских булгар и казанских татар, должна быть принята во внимание. Кроме того, нельзя упускать из виду и специальное «препарирование» идеологами Московского государства русских летописей

в политических целях, используя «булгарский» фактор [Pelenski, 1974; Измайлов, 1992, с.52–62; Измайлов, 1997, с.33–34].

Однако дело не только в такой традиции и конъюнктурной обработке летописей. При учете всей совокупности летописных сообщений XV–XVI вв. и остальных документов XVI–XVII вв., спорадическое появление этнонима «булгары», понятий «Болгарския области», «страны Болгарския» применительно к населению Казанского ханства, Казанского края и к самому государству, краю, можно объяснить существованием в этом ареале до конца XV – начала XVII в. этнословословной общности, связанной по происхождению с волжскими булгарами, точнее, с тюркским ясачным населением Булгарского вилайета Золотой Орды. Об этом может свидетельствовать и самостоятельный характер этнонимической системы, использовавшейся в русскоязычных документах для обозначения этой этнословословной страты казанских татар в XV – начале XVII в.

Первый ряд указанной системы фиксировал религиозную принадлежность представителей рассматриваемой части казанских татар – «бесермены»~«бусормане» (XV в.), «варвары», «нечистивые», «язык поган», «сарацины» (XVI в.). Второй ее ряд был ближе к этнословословным определениям: «болгарская чернь», «худые болгары» (XVI в.). Третий структурный элемент – «ядровая» часть этнонимической системы, это собственно этноним «булгары». Последний имел внутреннюю связь с терминами первых двух групп. С одной стороны, наименование «булгары» всегда применялось с определением «нечистивые» или «поганные», означавшее в конкретном контексте мусульман. С другой стороны, использование в «Казанской истории» словосочетания «болгарская чернь», «худые болгары» показывает, что «булгары» рассматривались как «черное», т.е. ясачное население. Тем самым эти понятия оказываются синонимами термину «ясачные чувашы».

Тем не менее, следует обратить внимание на то, что в наименовании «булгары» (Болгары Поволжския) возможно видеть не только этноним, но и политоним типа «казанцы». На такую мысль наталкивают выражения «Болгарския области», «вся страны

Болгарския». В основе этих конструкций кроме этнонима «болгары» может лежать и название г. Булгара – центра Булгарского вилайета периода Золотой Орды. Последнее обстоятельство должно быть учтено по нескольким причинам. Во-первых, вплоть до середины XV в. на монетах, чеканеных с начала XV в. уже явно в г. Казани, место чеканки указывалось как «Булгар», в некоторых случаях – как «Булгар ал-Джадид». Причем под последним имелся в виду именно г. Казань [Мухаммадиев, 1972, с.117. Особенно см. комментарии этого автора к сообщению «Дафтар-и Чингиз-наме» по данному поводу]. Во-вторых, мне уже приходилось указывать на то, что некоторые из лиц, носивших еще в 1360–1370-х гг. титул «Болгарских князей», в конце XIV – начале XV вв. могли жить в г. Казани (подробнее см.: [Исхаков, 1995, 44–46 б]). В-третьих, на ряде европейских карт не только XV в., но и первой половины XVI в., отмечается г. Булгар и Булгарская «земля»: «Borgar Tartarorum» – у Альбертино де Вирджи (1411–1415), «Borgar» – у Фра-Маура (1459), «Borga» – у Мартина Валдсмюллера (1507), «Bulgaria Magna» – у него же на другой карте (1516), у Джона Шхунера (1523), у Оронса Фине (1531). Причем у М.Валдсмюллера и Джона Шхунера «Bulgaria Magna» фигурирует наряду с «Casana», «Casan». На некоторых других картах присутствует только последнее наименование: «Casanum tartarum» (у Батисты Агнея – 1525 г.), «Casana» (улучшенный вариант карты Оронса Фине – 1534 г.), «Kassanorda» (у Антония Вида – 1542 г.) (примеры взяты из: [Tardy, 1982, p.185, 190, 193–195, 197]). Таким образом получается, что «Болгарские области», «страны Болгарския» – это второе название Казанского ханства. Такой аутентичский источник, как «Зафарнамэ-и вилайте Казан» (1550), также свидетельствует об этом. Там Казанское ханство называется не только «Казан өлкәсе» или «Казан вилайте», но и «Болгар вилайте» или «имеющим Казань в качестве резиденции власти Булгарским вилайетом» («Болгар вилайтенең пайтахете булган Казан») [Зафарнамэ-и вилайте Казан, 1997, 77 б.]. По-видимому, обозначение «Казанского ханства» как «Булгарского вилайета» сохранилось со времени существования в со-

ставе Золотой Орды этой административно-политической единицы, возглавлявшейся «Булгарскими князьями». Похожие определения есть и в поэме «Нуры содур» (1542) казанского поэта Мухаммедьяра, писавшего о том, что это его произведение было завершено в «Болгар шәһре Казан дәруазәсендә» [Ibid.], что надо понимать как «Болгарның/Болгар иленең Казан шәһәре капкасында» [Яхин, 2009, 203 б.], т.е. «в воротах города Казани [страны] Булгар».

Но в целом обе этнонимические системы и их этнические «ядра» – понятия «казанские татары» и «болгары», к середине XVI в. фактически использовались для номинации одного и того же этноса. Об этом весьма красноречиво говорит идентичность эпитетов, которые применялись с названиями обеих групп: «безбожные», «безбожные сарацаны», «поганый язык», «безбожный язык», «бесермянский язык» (характеристика «казанских татар»); «варвари», «язык поган», «срачини», «нечистивые» (характеристика «болгар»). Что касается применения по отношению к одному и тому же этносу двух рядов номинаций в русскоязычных источниках, то оно вполне объяснимо. Этноним «татары», распространенный прежде всего среди феодалов, применялся тогда, когда большее внимание в русских источниках уделялось этому сословию или государственным делам, вершившимся господствующим слоем в лице «татар». Второе наименование, имевшее явный оттенок политонима, скорее всего бытовало среди простонародья и использовалось в тех случаях, когда подразумевались народные массы или регион (край). Это тем более так потому, что «татары» обладали правом перемещения из одного татарского ханства в другое, являясь в определенной мере экстерриториальной группой [Исхаков, 1995, с.105–107], а «черное» население было «привязано» к конкретной государственноорганизованной «земле». В условиях сохранения этнословной стратифицированности казанских татар социальное противостояние «верхов» и «низов» могло иметь и характер сословно-этнического разделения. К такому выводу подводит, в частности, следующее место из поэмы казанца Мухаммедьяра «Төхфәи мәрдән» (1539–1540) [Мөхәммәдьяр, 1997,

119–120 б.], где один из литературных персонажей произведения с целью уничтожения другого говорит:

(перевод на современный татарский язык)

Аллаһ-мәзһәбен белмәүче татар син,
Бу дөньяда һәм эттән дә начар син.
...И шөкәтсез, ди, татар,
Асрама эт баласын – асылына таргар.
Имансыз, шомлы язмыш бәдбәхете син,
Йөзең кара, жәһәннәмнең эте син.
.....
Әшәкесең, йөзең йәмьсез – карарга,
Эчең-тышың тулган гайбәт сатарга.

(подстрочный перевод на русский язык)

Ты татарин, не знающий своего Аллаха и мазхаба,

В этом мире ты хуже собаки.

....О безобразный, говорит, ты татарин,
Не воспитывай щенка – будет похож на твою сущность.

Ты без веры, ты – создание зловещей судьбы,

С черным лицом, ты собака преисподни.

.....

Ты грязный. Лицо твое противно, чтоб смотреть,

Все твое нутро полно сплетен.

Хотя некоторые исследователи и высказывали мнение, что приведенный отрывок служит показателем неприятия казанцами этнонима «татар» [Халиков, 1989, с.163], на самом деле он скорее свидетельствует об отношении простонародья к правившему в Казанском ханстве сословию феодалов. И.Л.Измайлов отмечает еще один аспект этой «злой инвективы» Мухамедьяра против «татар»: «...для праведного образованного горожанина... представители военно-служилого сословия» являлись «образцом варварства и дикости, но не потому, что

они «татары», а из-за того, что они – «плохие мусульмане» [Измайлов, 1997, с.38. См. также: Измайлов, 1996, с.76]. Такая трактовка возможна, хотя я бы не преувеличивал разрыва между «татарами» и оседло-земледельческим «черным» населением по уровню исламизированности. Скажем, в послании Шибанида хана Ибрагима (Ивака) Ивану III за 1489 г., т.е. тогда, когда Ибрагим правил в Ногайской Орде или был с ней тесно связан, говорится: «...Яз – бесерменский государь, а ты – христианский государь» [Посольские книги, 1984, с.19]. Как видно, хан Ибрагим ощущал себя мусульманским правителем. Да и в Казанском ханстве представители обеих сословных страт пользовались общим конфессионимом «мусульмане». Для «черного люда» ханства это хорошо прослеживается по русским летописям, зафиксировавшим, как я уже указывал, понятие «бесермены» как весьма распространенное. Однако это наименование явно было на ходу и среди татарских феодалов – недаром С.Герберштейн, имея в виду татар вообще, делает следующее заключение: «Название Бесермены (Besermeni) их (т.е. татар. – Д.И.) радует» [Герберштейн, 1908, с.141]. В «Зафэрнамэ-и вилайете Казан» также отчетливо предстает противопоставление мусульман вилайета как единого целого, «кяфирам» – русским [Зэфэрнамэи вилайете, 1997, 76–84 б.].

На основе имеющихся данных, таким образом, можно заключить, что в рамках Казанского ханства происходило становление феодальной народности казанских татар, вполне завершённое к середине XVI в. Наблюдаемая же для всего периода существования ханства этносословная стратифицированность казанско-татарского этноса на «верхи» и «низы» вряд ли выходила за рамки присущего народностям феодальной эпохи деления на «благородных» (*аксөяк*) и «чернь» (*кара халык*).

ГЛАВА 9

Мещерские татары

Дамир Исхаков

Относительно формирования тюрко-татарского населения Мещерского юрта – Касимовского ханства, между исследователями довольно долго сохранялись разногласия. Так, Ш.Ф.Мухамедьяров в докладе обобщающего характера, прочитанного на VIII МКАЭН в 1968 г., рассматривая проблему этногенеза и этнической истории «татарской народности», назвал татар-мишарей «другой из основных частей татар», указав, что формирование этой этнической группы (общности) происходило в иных условиях, чем в Казанском ханстве и при решающей роли в ее этногенезе кипчакских групп, однако не раскрыв до конца вопрос о содержании тех этнических процессов, которые привели к ее сложению [Мухамедьяров, 1968]. В 1970-х гг. А.Х.Халиков, согласно концепции которого до конца XIV – начала XV в. в Золотой Орде продолжала сохраняться «единая болгарская народность», высказав мнение, что именно после ее распада начинается процесс складывания мишарской народности, продолжавшийся вплоть до XVI в. По мнению этого исследователя, мишари все же «полностью оформиться в особую народность не смогли, хотя и выработали ряд ее признаков» [Халиков, 1978, с.106, 135–136, 146]. Касимовских татар, живших в окружении этнической группы мишарей, и тесно с ней взаимодействовавшей, он с последними не связывал, склоняясь к тому, что это самостоятельное этническое образования (статус его им не был определен), сложившееся из смешения разных этнических элементов, но преимущественно из казанских татар [Там же, с.106, 135–136, 146]. Р.Г.Кузеев также попытался определить своеобразие мишарской этнической общности. Согласно ему, если казанских татар периода Казанского ханства можно маркировать как «феодальную народность», мишарей того времени следует считать «раннефео-

дальной народностью» [Кузеев, 1987, с.130; 1992, с.315–321]. Похоже, что в данном случае этот автор следует А.Х.Халикову, отмечавшему, как было указано, определенную «недозрелость» мишарско-татарской общности. В дальнейшем в историографии закрепились точка зрения о том, что мишари в XV–XVI в. являлись, как и казанские татары, всего лишь «этнографической группой» татарской народности, в зависимости от общей исследовательской позиции по поводу формирования татарского этноса, в одном случае «булгаро-татарской народности» [Алишев, 1985, с.113–115], в другом – золоордынско-татарского этноса [Факрутдинов, 1985, с.102; Эхмэтжанов, 1993, с.157; Измайлов, 1993, с.27, 29]. На самом деле для решения весьма непростой проблемы становления этнической общности мещерских татар-мишарей необходимы как новый анализ источников, так и несколько иные концептуальные подходы, чем предлагалось до сих пор.

Что касается источников, то по населению Касимовского ханства основная их масса относится к XVI–XVII вв., по более раннему периоду источников база очень малочисленная детальнее (см.: [Исхаков, 1998; Рахимзянов, 2009]). Поэтому вначале обратимся к этнической ситуации в Мещерском юрте в XVI в.

В XVI в. тюркские группы, жившие в «Мещерском юрте», именовались по-разному. Наиболее употребительным был этноним «татары», который в московских деловых бумагах чаще всего применялся в форме «Городецкие татары», обычно расшифровываясь так: царь (царевичи), уланы, князья, мурзы и казаки [Вельяминов-Зернов, 1863, с.197, 201, 286, 405, 410, 421, 458; ч.II, 1864, с.13, 50, 81, 86, 94; Розряды (1576 г., 1578 г.), 1790, с.292–324, 351–353]. Иногда вместо «казаков» писалось: «и все

мещерские люди» [Вельяминов-Зернов, 1864, с.405]. Общая закономерность развития данной формулы следующая – до середины XVI в. она использовалась для обозначения всех «татар» Мещеры, а со второй половины XVI в. под «Городецкими татарами» начинают подразумеваться служилые татары г. Касимова и уезда [Там же, с.50, 81, 94; с.199]. Надо сказать, что впервые отличная от «Городецких татар» группа «Темниковых татар» (в формуле: «Еникей князь со всеми Темниковские татары и мордовою») выделяется в 1552 г. Затем уже остальные группы получили номинацию по тем уездам, в которых они жили. Это явно было связано с процессом «расщепления» единой территории Мещерского «юрта» на отдельные уезды. Изредка московские чиновники в XVI в. использовали и выражение «Мещерские татары» [ПСРЛ, 13, 1965, с.38].

Крымские татары и ногайцы в XVI в. предпочитали несколько другие названия. Согласно данным начала XVI в., в Крыму жителей Мещеры называли «мещеринами» (ед. ч. – «мещерин»), «людьми Мещерскими» или «Мещерской бессерменьей». Использовали и такие формулы, как: «люди в Мещере бесерменьи», «бесерменья в Мещере». [Сборник РИО, 1895, с.11, 209, 378]. Ногайцы употребляли близкую форму: «Мещеряне», «Мещерские люди» [ПДРВ, 1793, с.249; ПДРВ 1793а, с.33–34, 50], хотя в некоторых случаях они писали и о «казаках Мещерских» [Щербатов, 1786, с.487], или даже о «Городецких татарах» [ПДРВ, 1791, с.240]. Из одного сообщения за 1514–1516 гг. из Азова видно, что «азовские татары» называли тюркское население Мещеры «мордовскими татарами», считая их «украинскими татарами», живущими «на Мещерской Украине» [Сборник РИО, 1895, с.224, 231, 292]. Впрочем, термин «мордовские татары» является всего лишь разновидностью наименования «Городецкие татары», ибо в данном случае родовое понятие – «татары» [Исхаков, 1998, с.190–192].

Да и между понятиями «Городецкие татары» и «мещерины»~«мещеряне» имеется внутренняя связь, так как первый термин может расшифровываться и в форме «Мещерские татары» («Городок» – это не только г. Касимов, но и «Мещерский городок»). Но

знак равенства между ними все же ставить нельзя. Такой вывод можно извлечь из содержания грамоты, данной в 1539 г. князю Еникею. В грамоте говорится: «...татар из тарханов и башкирцев и можерянов, которые живут в Темникове, судить и ведать их по старине, по тому же, как наперед сего судил и ведал отец Тениш» [Копия с грамоты..., 1889, с.31]. Как, видно из грамоты, «татары», находившиеся в ведомстве г. Темникова в конце XV – начале XVI в., подразделялись на «тархан», «башкирцев» и «можерян». В лице «можерян» мы, скорее всего, имеем дело с «черными людьми» Мещеры, т.к. в грамоте от 1483 г. среди «черных людей, которые ясак дают царевичу» Данияру, указываются: «бесерменин, ...Мордвин, ...Мачярин» [Духовные, 1909, с.140]. По-видимому, «мачярин» (множественное число – «мачярене»~«мачяряне»~ «можеряне») договорной грамоты 1483 г. является представителем той социально-этнической группы, которая в 1539 г. именуется «можерянами». Судя по определению «татары», – а оно относится и к «можерянам», – они к началу XVI в. были тюрками.

Одинаковый социальный статус – вхождение в группу ясачников позволяет поставить вопрос о возможном тождестве «буртасов – посопных татар» источников XVII в. (о них см.: [Исхаков, 1998, с.213–214]) и «татар из можерян» (мещерян) документов 1480–1530-х годов. Однако, чтобы сделать такой вывод, необходимо разобраться с этнической принадлежностью «татар из тарханов и башкирцев», которых П.Н.Черменский, например, считал одной и той же народностью с буртасами [Черменский, 1970, с.90]. Кроме того, в договорной грамоте от 1483 г. в одном ряду с представителями двух самостоятельных этнических групп – мордвой и можерянами (мачерянами), отмечается еще и «бесерменин». Был ли этот «бесерменин» просто мусульманином или появление его в тексте грамоты связано с присутствием в Мещере еще одной этнической группы, фиксируемой, как известно, на территории Булгарского вилайета Золотой Орды? Этот вопрос также нуждается в ответе.

Существование в Мещере «тарханов» подтверждается топонимическим материалом: по данным XVIII в. в Шацком уезде

Мещерячки. Гравюра Н.Томаса из атласа к французскому изданию «Путешествия по разным провинциям Российского государства» П.С.Палласа. 1794 г.

(в бассейне р. Цна) имелись селения Сют-Тархан и Тархан (последняя была населена татарами), а в Темниковском уезде – д. Тарханы (жители – мурзы и татары) [Ведомость, 1895, с.104–117]. В последнем уезде в 1683 г. «тарханцы» отмечены наряду с мурзами в д. Атановы как социальная группа [ДМ, 1950, с.429]. В 1732 г. в д. Тарханы Темниковского уезда фиксируется князь Кудашев [Опись, 1893, с.32]. Родословная же Кудашевых восходит к Бехану [Материалы, 1904, с.271; Сафаргалиев, 1963, с.69], следовательно, они были родственниками князя Тениша, известного из грамоты за 1539 г. Другие данные также говорят о связи топонимов «Тархан» бассейна р. Цны и Темниковского уезда. Известно, что владения князя Тениша в 1529 г. находились именно в бассейне р. Цны – в Подлесной волости [Опись, 1889, с.30–32]. Лишь позже князь Тениш оказался в г. Темникове. Но именно в бассейне р. Цна, в том числе и в д. Тархан Шацкого уезда, наблюдается концентрация ногайских языковых явлений.

Прояснению вопроса о «тарханах» может способствовать установление связи этой группы с «башкирами», которые в Мещере фиксируются не только в грамоте за 1539 г. По данным конца XVII в., в Шацком уезде имела «Башкирская гора» [Смирнов, 1892, с.313]. Кроме того, в «Мансыровом стане» Кадомского уезда одно из селений,

выселившееся во второй половине XVII в. «из приходу погосту Мансырева угла», называлось «Башкирцы» [Книга, 1897, с.221]. Заслуживают внимания и названия двух «беляков», отмечаемых на территории Мещеры – «Ирехтинский (Ерехтинский)» и «Керешинский» беляки [Герасимов, 1927, с.105; Сафаргалиев, 1963, с.71]. В первом из них находились владения князя Акчуры, а во втором – князя Тениша [Герасимов, 1927, с.105–106]. Названия этих мордовских «беляков» совпадают с наименованиями двух башкирских племен – иректе и каршин. Связь «тархан» и «башкир» грамоты за 1539 г. можно обосновать и на основе данных по Казанскому ханству, из которых вытекает, что термин «тарханы» в этом государстве не только был тесно связан с понятием «башкиры», но и являлся его синонимом [Исхаков, 1998, с.113–114].

Имеющиеся материалы позволяют высказать гипотезу о том, что в «татарах» из «тарханов и башкирцев» следует видеть тюркские родо-племенные группы, подчиненные мангытской (ногайской) знати. В составе этих групп могли быть и части племен иректе, т.е. группы табын (о ней см.: [Исхаков, 1998, с.129–131]), а также каршин. О включении ирехтинцев в среду тюркских групп Мещеры говорит и такой факт. Из переписной книги г. Касимова 1646 г. в городе известен Уразамет-мурза Нурушев

сын князя МаксUTOва [Вельяминов-Зернов, 1866, с.455]. В то же время «Нуруш бий» фигурирует в родословной, связанной с мещарями и начинающейся с «Байкы-Майкы бия» [Ахметзянов, 1991, с.42–43; Сборник РИО, 1884, с.81; Гераклитов, 1927, с.105]. По шеджере «Байкы бия» сыном Нурыш-бия был Рамазан (вариант Ш.Марджани). Некий «князь Ромодан» известен в 1489 г. недалеко от «кирданской мордвы» и «Саконь». Упомянутые в документе «Кирданская мордва» и «Саконь» находились в районе р. Теши, к юго-востоку от Арзамаса. В таком случае «князь Ромодан» жил достаточно близко от Мещеры, если не в самой Мещере (но наиболее вероятным местом проживания этого князя является район г. Сараклыча). В то же время известно, что Майкы-би считался также родоначальником иректинцев (табынцев) [Исхаков, 1998, с.129].

Появление ногайской знати с подчиненными ей группами в «Мещерском юрте» можно скорее всего датировать концом XV – началом XVI вв. [Сборник РИО, 1884, с.385, 421; Малиновский, л.183; Исхаков, 1998, с.216–217]. Но и позже ногайцы продолжали различными путями проникать в Мещеру, что подтверждается целым рядом данных. Рассмотрим их. В послании ногайского князя Шейдяка Ивану III (не позднее 1505 г.) содержалось письмо Ураз-Бердия к своему сыну Есень Бердиню, который жил у Мунмыш князя в Мещере [Щербатов, 1786, с.488]. Другой ногайский князь – Исмагиль в 1553 г. переписывается с Иваном IV по поводу «Елаира (джалаира. – Д.И.) Кайбуллина княжего меншого брата Кошкайдара», находившегося у «царя» (хана) Дервиша; Исмагиль ставит вопрос о его возвращении в Ногайскую Орду [ПДРВ, 1793а, с.113]. В 1556 г. Исмагиль опять обратился к Ивану IV с тем, чтобы тот отпустил к нему двух ногайских мурз – китая (катая) Семена(Саина)-мурзу и Чомаш-мурзу сына Кочман-мурзы [Там же, с.281, 287]. Первый из них точно находился в Мещере [ПСРЛ, 13, 1965, с.289]. В том же году Арслан-мурза из Ногайской Орды просил у Ивана IV, чтобы тот «пожаловал» его и прислал «Бахтеяра стару жонку, Девлет Салтаном зовут», живущую в с. Азеево (оно находилось в Мещере), «да в Цареве городке у Янгувата

абыза Устабегишева дочь Каракизом зовут» [Там же, с.295]. Очевидно, что эти женщины были нагаянками, т.к. в другом случае речь бы шла о покупке этих женщин [ПДРВ, 1801, с.52]. В 1562 г. ногайский князь Исмагиль сообщает Ивану IV, что «у Бекбулата царевича (т.е. в Мещере. – Д.И.) ныне паробок мой Каракизом зовут Хозягулов сын». Далее он отмечает, что к Ивану IV поехал сын Кошум-мурзы Салтан-Гази и просит их обоих отправить в Ногайскую Орду [ПДРВ, 1795, с.262, 268]. Тот же Исмагиль в 1560 г. пишет Ивану IV и просит его отпустить к себе «Асанак мирзину жену», которая находилась у царя Шах-Гали [Там же, с.131]. В 1564 г. он опять обращается к Ивану IV с тем, чтобы тот разрешил уйти в Ногайскую Орду «Худай Батешеву сыну Азию Утемишу, что у Шигалея царя» [ПДРВ, 1801, с.181]. Во второй половине XVI в. известно о приходе на службу к Московскому государю многих ногайских мурз, которые по несколько раз возвращались в Ногайскую Орду и обратно шли на службу [ПДРВ, 1795, с.45–46, 110, 113, 156, 166, 177, 224, 227, 243, 255; ПДРВ, 1801, с.101, 145]. Очевидно, они в основном сосредоточивались в Мещерском «юрте» у хана Шах-Гали [ПСРЛ, 13, 1965, с.289]. Об этом, например, свидетельствует нахождение в 1562 г. среди этих мурз кията Семен-мурзы, который служил у царя Шах-Гали. Известно также, что Иван IV в 1559 г. писал пятерым ногайским мурзам, призывая их идти на службу к нему, обещая им «место на Украине на Мещере» [ПДРВ, 1795, с.49]. Об оседании ногайцев в Мещере и по соседству с ее территорией свидетельствуют предания и результаты научных исследований. Так, в народной памяти основание г. Пензы и Черкасской слободы связывалось с походом Ивана IV на Казань, который якобы «... на пустынном месте... где находится Пенза, нашел пикет кубанских татар, с женами и детьми, которые в числе 30 человек были пойманы, ...крещены и поселены здесь яском» [Хохряков, 1903, с.19]. В конце XIX в. татары д. Митрялы Темниковского уезда Тамбовской губернии считали себя потомками трех князей – Урусова, Илышева и Нураева [Исхаков, 1993, с.98]. Первый из них явно происходит от ногайского мурзы Уруса (жил в 1530–1590-х гг.) [Вельяминов-

Зернов, 1864, с.469; ПДРВ, 1791, с.316; ПДРВ, 1801, с.225]. Урусовы до сих пор известны в некоторых татарских селениях бассейна р. Цна [Исхаков, 1993, с.148]. В 1595 г. в Арзамасском уезде упоминается Айдес мурза Салтаганов, отцом которого был Салтаган Мустафин, основавший там д. Салтаган [Арзамасские, 1915, №442]. В то же время в 1559 г. среди ногайских мурз, которых Иван IV призвал к себе на службу, находился и Салтанга мурза. Судя по документам, он был внуком ногайского князя Шейдяка [ПДРВ, ч. X, 1795, с.99, 111, 156].

Ногайский компонент достаточно отчетливо прослеживается и у касимовских татар [Шарифуллина, 1994, с.71–72, 78–80; Ахметзянов, Шарифуллина, 2010, с.172–211]. Мангытская знать до начала XVII в. продолжала жить в г. Касимове. Например, на кладбище этого города в 1600 г. был захоронен выехавший «в Россию» из Крыма в 1590 г. Джиханша- мурза сын Сулешбика. На другом надгробном камне прочитывалось имя Хабит-мурзы Сулешева [Вельяминов-Зернов, 1864, с.489–492; Лашков, 1884, с.73]. Эти Сулешевы происходили от Ябак-бия «Кудалака», который «перекочевал в Крым по указанию Ногай» [Там же]. Захороненный в 1610 г. на этом же кладбище Ваиль-мурза сын Юсуф- бика [Вельяминов-Зернов, 1864, с.496; ПДРВ, 1801, с.101], очевидно, был из рода ногайского князя Юсуфа. В 1622 г. во дворе царя Араслана в г. Касимове воеводе показался подозрительным татарин, одетый в «ногайское платье». Из расспросов его выяснилось, что он в городе жил во дворе мурзы Ян-Мамет Джанаева. Дядя последнего – ногайский мурза Абдул Теникеев, жил также в г. Касимове. Ян-Мамет-мурза велел этому татарину, мать которого была жительницей г. Касимова, ехать со своим дядей в г. Астрахань, к «тетке царева», которая находилась «в Астраханских юртах за мирзою» [Шишкин, 1891, с.62]. А т.к. многие владельцы Мещерского городка были женаты на ногайских княжнах [ПДРВ, 1793а, с.166, 172, 193; ПДРВ, 1795, с.93, 279; Духовные, 1909, с.127], этот факт не удивителен.

Итак, одним из компонентов тюркского населения Мещерского «юрта» конца XV – XVII в. являлись выходцы из Ногайской

Орды. В некоторых документах первой половины XVI в. они именовались «тарханами и башкирцами», но в целом считались «татарами».

Следующий аспект проблемы тюркского населения Мещеры связан с «бесерменами». Из-за того, что представитель этой группы упоминается лишь в договорной грамоте 1483 г., важен общий контекст этого документа и в особенности того ряда, в котором термин «бесерменин» в источнике был употреблен. В частности, в грамоте сказано: «А ясачных людей от Царевича Данияра или кто будет на том месте инои царевичь, и от их Князей тебе, великому князю Ивану и твоим бояром и твоим людям не приимати. А которые люди вышли на Резань от Царевича и от его Князей после живота деда твоего великого князя Ивана Федоровича бесерменин, или Мордвин, или Мачярин, черные люди, которые ясак царевичю дают: и тебе... тех людей отпустить добровольно на их места, где кто жил; а кто не захочет на свои места пойти, ино их в силу не вывести, и им Царевичю давати его оброки и пошлины» [Духовные, 1909, с.127]. Из перечня ясачных людей Данияра двое – «мордвин» и «мачярин», явно представляли членов этнических групп. Это доказывается и написанием данных понятий с большой буквы – согласно правилам правописания, так оформлялись этнонимы. А вот термин «бесерменин», написанный с маленькой буквы, из указанного ряда выпадает. Чтобы разобраться с этим наименованием, рассмотрим случаи употребления его в разных формах применительно к территории Мещеры. Один случай относится к 1517 г., когда крымский хан Мухаммед-Гирей, противившийся передаче трона в Мещерском «юрте» Шах-Гали, отправил грамоту в Москву, в которой было отмечено: «...люди в Мещере бесермени нет никого, ино не у кого жити... Слыхано ли, что бесерменину бесерменина... в полон взяти, ино наши люди и бесерменью в полон поимали в Мещере, а того у нас и в писанье нет, что бесермена продали, а наши люди мещерскую бесерменью и попродали...» [Сборник РИО, 1895, с.378]. В приведенном отрывке из послания понятия «бесермена»~«мещерская бесерменья» обозначают вообще мусульман, а

не этническую группу. Таким же образом, в грамоте Ивана IV турецкому султану Селиму от 1570 г., речь идет о том, что «...в Кадомском уезде... многие приказные люди мусульманского закона и в тех мещерских городах, мусульманские люди... мизгиты (мечети) и кошени (кладбища) держат» [Дубасов, 1887, с.95; Соловьев, 1989, с.586]. Тут тюркское население Мещеры прямо названо мусульманами (мусульманскими людьми). Поэтому термин «бесерменин» договорной грамоты 1483 г., скорее всего, следует понимать как обозначение мусульманина. Однако в таком случае не совсем понятно его противопоставление (через союз «или») «мачярину» (мордва были язычниками и по отношению к ним конструкция предложения правомерна). В конфессиональном отношении «татары из можерянов» в массе не могли отличаться от остальных тюркских групп «Мещерского юрта», исповедуя ислам. Но в то же время некоторая их часть, возможно, была христианизирована одновременно с князем Беклемишем, т.к. в родословной Бахмета Ширина сказано, что с собой Беклемиш крестил «многих людей» [Смирнов, 1904, с.170]. Если люди Беклемиша не были ассимилированы к концу XV в. русскими – что вполне возможно, так как в «Десятне» 1590 г. по Мещере у многих «мещерян» с русско-христианскими именами фамилии еще были тюркскими – то становится понятным, почему среди ясачного населения кроме «мачярина» оказался и «бесерменин»: некоторые «можеряне» не являясь мусульманами, явно не укладывались в рамки понятия «бесермены». Тем не менее нельзя полностью исключать и другое объяснение присутствия «бесерменина» в тексте договора – это мог быть представитель самостоятельной этнической группы, основная часть которой была локализована в районе Булгарского вилайета [Исхаков, 1993, с.84; Исхаков, 1998, с.95–96]. Имея в виду родственные связи между правящими домами Казанского ханства и Мещерского «юрта» до начала 1480-х гг., а также участие царевича Касима в походе 1468 г. на Казань, такое предположение не представляется невероятным. При принятии любой из этих двух гипотез нет оснований видеть в «бесерменах» буртас.

В итоге единственной этнической группой, которую в конце XV – начале XVI в. можно отождествить в Мещере с буртасами, оказываются «можеряне». Такое мнение в ряде исследований уже высказывалось [Васильев, 1960; Черменский, 1970]. Но невыясненной остается причина того, почему одна и та же этническая группа называлась в русскоязычных источниках XV–XVI вв. «можерянами» (мачяренами), а с начала XVII в. – «буртасами». Предлагались разные варианты решения данной проблемы. Ф.Ф.Чекалин полагал, что у этого «племени» самоназвание было мещера или можар, а буртасами их именовали кочевые соседи – хазары [Чекалин, 1892, с.70; Чекалин, 1897, с.23]. Б.А.Васильев придерживаясь в целом близкой гипотезы, несколько ее развил. Он считал, что этнонимы «буртасы» и «мещера» вплоть до XVI в. употреблялись на Руси параллельно. Но первый из этих этнонимов являлся более ранним и был восточного происхождения, а второй возник несколько позже на русской языковой почве на основе самоназвания народности «мяшар»~«мишар»~«можеряне» [Васильев, 1960, с.205–206, 208]. Как видим, речь идет об эндоэтнониме (мишар – можар – мещера) и экзоэтнониме (буртасы). Иную позицию заняли П.Н.Черменский и А.И.Попов. Основная идея П.Н.Черменского заключается в том, что мещеры как особой народности, не существовало уже к началу XII в. – она была ассимилирована славянами и приняла русский язык [Черменский, 1962, с.47]. А буртасы, как и башкиры, в Мещеру прибыли «из-за Волги» в «составе ногайских князей и мурз» [Там же, с.50]. А.И.Попов лишь присоединился к этому мнению, заметив, что «довольно многочисленные там (в Мещере. – Д.И.) географические имена Буртас, Буртасы и т.п. возникли не ранее XVI–XVII столетий» из-за того, что буртасы, как «чуждые пришельцы», выделялись из общей массы коренного населения (мордвы и мещеры) [Попов, 1973, с.118–119].

Точка зрения последних двух исследователей обоснована явно недостаточно. Во-первых, группа населения под названием «мещерян», известная вплоть до конца XVI в., даже при наличии русско-христианских имен весьма часто имела

тюркские фамилии. Кроме того, в источниках «мещерянами» (можерянами) называли и явно тюркскую общность (см. формулу «татары из можерян»). Во-вторых, нет ни одного источника, который бы доказывал прибытие бургасов в Мещеру с ногайской знатью. Поэтому на сегодня более приемлемой является гипотеза Ф.Ф.Чекалина и Б.А.Васильева о том, что этноним «мещера» имеет в основе самоназвание определенной этнической общности («племени» – по Ф.Ф.Чекалину и «народности» – по Б.А.Васильеву).

Предлагаемый тут подход к решению этой проблемы имеет одну принципиальную разницу по сравнению со взглядами отмеченных выше исследователей. Думаю, что мишарскую этническую общность надо рассматривать не как прямое продолжение «можерян» (бургасов), а как результат взаимодействия нескольких этнических компонентов, среди которых «можеряне» являлись хотя и весьма важной, но далеко не единственной составной. Многокомпонентность тюркского населения Касимовского ханства достаточно хорошо прослеживается и при анализе традиционной культуры касимовских татар и мишарей – прямых наследников тюркских групп Мещерского «юрта» XV–XVI вв. На основе собранного в рамках подготовки «Историко-географического атласа татарского народа» обширного комплекса данных удалось установить, что на территории бывшего Касимовского ханства имелись три основных этнокультурных ареала (района): касимовский, северный и южный [Исхаков, 1993, гл.2, §2, 3; Этно-территориальные группы, 2002, с.110–131]. Если первый из них связан с субэтносом касимовских татар, то два последних ареала отражают существование в составе мишарей двух генетических этнографических групп – северной или сергачской и южной или темниковской, причем в формировании северной группы мишарей был выше удельный вес «можерянского» (бургасского), а южной – золотоордынско-тюркского (кыпчакско-ногайского) компонентов. Получается, что касимовские татары и мишари сложились из одних и тех же компонентов, но при разном их соотношении. У касимовских татар налицо оба указанных

выше составных, но именно для них, в силу их этнического оформления в зоне столичного «округа», была характерна особая концентрация золотоордынско-тюркского («татарского») слагаемого. Поэтому они и образовали самостоятельную от мишарей этнокультурную общность.

После установления факта функционирования в XV–XVI вв. применительно к тюркской части населения Мещерского «юрта» двух основных наименований – «можерян» (мещерян) и «татар», при определении уровня консолидированности тюркской этнической общности в Касимовском ханстве ключевым оказывается вопрос о том, являлось ли в XV–XVI вв. первое из этих двух названий этнонимом или оно уже стало (или становилось) этниконом, политономом. Обращаясь к этому вопросу, полезно вспомнить небольшую дискуссию, которая состоялась в начале XX в. между Г.Н.Ахмаровым и Б.А.Куфтиным. Г.Н.Ахмаров полагал, что древнее название г. Касимова – «Мещера», «Мещерский городок», вначале «перешло на народ в нем и в области его», а затем казанскими татарами было «присвоено... без различия всем татарам Поволжья, говорящим одним общим (т.е. мишарским. – Д.И.) наречием» [Ахмаров, 1903, с.73]. Как видим, Г.Н.Ахмаров склонялся к тому, что наименование «*мишэр*» надо рассматривать как этникон или политоном. Но Б.А.Куфтин ему возражал, указав на то, что если бы это наименование являлось по характеру «географическим», то оно «вряд ли могло бы получить сколько-нибудь обидный характер, как это местами замечается» [Куфтин, 1929, с.138; Исхаков, 1993, с.48–50, 99–103]. Недавно точку зрения Г.Н.Ахмарова поддержал И.Вашари, высказав мнение, что татары-мишари свое наименование получили от названия территории – Мещеры [Vasary, 1976, p.40]. Для разрешения этого спора и ответа на поставленный вопрос обратимся к документам.

Уже отмечалось, что наиболее ранней формой названия «можеряне» (мещеряне) является «Мещера». С точки зрения специфики древнерусской этнонимии это понятие, известное по русским источникам, может считаться этнонимом, относящемся к отдельной группе собирательных этно-

нимов, образуемых с помощью флексии *-a* (*-'a*) [Ковалев, 1982, с.25]. По мнению некоторых лингвистов, в русской летописной традиции этнонимы использовались только с предлогом *на*, а предлоги *из*, *в* употреблялись с названиями территорий (топонимами) [Ковалев, 1982, с.27]. С этой точки зрения, в документах XV в. по отношению к «Мещере» можно обнаружить применение как предлога *на* [Сборник РИО, 1884, с.87 (1489)], так и в [Духовные, 1909, с.162, 330, 346; Духовные, 1909, с.127 (документы за 1449, 1483, 1494, 1499 гг.)]. В XVI в. ситуация остается такой же [Сборник РИО, 1895, с.378; Описание, 1889, с.32; ПСРЛ, 13, 1965, с.88, 105; Рязанские достопамятности, 1889, с.40; ПДРВ, 1795, с.49; Жалованная грамота, 1897, с.147; Готье, 1910, с.2, 25]. Отсюда вывод: если для XIV в. форму «Мещера» еще можно считать этнонимом [Духовные, 1909, с.17, 20, 33; Любавский, 1929, с.50; Отводная грамота, 1854, с.40], то в XV в. она обозначала уже не только этноним, но и этникон, а то и политоним (до середины XV в. – название княжества, потом Мещерского «юрта» – ханства).

Еще одна форма, известная с 1483 г., – это «мачяряне» (ед. ч. «мачярин») или «можеряны» (1539). Суффикс *-яне* (*-ане~яны*) в принципе выражал в этнонимах мн. ч. Но применение в данном случае ед. ч. – «мачярин»~ «можерин» в качестве корня предполагает уже не форму типа «Мещеры» – явно более старую, а относительно развитый тип этнонима с отчетливо выраженным оформлением категории мн. ч. через суффикс *-ане* (*-яне*), т.е. «можеряне». Но именно последний тип мог быть одновременно как этниконом, так и политонимом [Ковалев, 1982, с.27, 40, 66, 69]. Поэтому такое производное от корня «мещер» (от мещеря~мещера), как «мещеряк» (известен в XVII в.), с суффиксом *-як* (*-ак*), употреблявшимся в эпоху Московской Руси для образования некоторых этнонимов (например, «остяк», «вотяк»~«отяк») [Там же, с.67], также может считаться этниконом, каковым на деле оно и являлось (известны «мещеряки» из мордвы, тюрков, русских). Следовательно, и два других наименования, применявшиеся для обозначения части тюркского населения Мещерского «юрта» – «можеряне» (XV–XVI вв.) и «ме-

щеряки» (XVII в.), не могут считаться чистыми этнонимами. Хотя следует признать, что первое из них в большей мере напоминает этноним (особенно в словосочетании «татары из можерянов»). Поэтому несмотря на то, что в последнее время И.Вашари поставил под сомнение возможность идентификации этнонимов «можар» (*mozars*) и «мещер» (*mers* ~ *milyers*) [Vasary, 1976, р.38], имея в виду существование, с одной стороны, такого варианта, как «мачяр» (корень от «мачярин»), а с другой – фиксацию в источниках таких написаний, как «Мещора» (конец XVI в.), «Мещорка» (конец XV – начало XVI в.) [Готье, 1910, с.25; Отводная грамота, 1854, с.40], являющихся промежуточными, считаю возможным видеть в форме «можеряне»~«мачяряне» результат развития более старого этнонимического образования «Мещера» (Мещора) на русской языковой почве.

Весь комплекс имеющихся источников позволяет сделать вывод о том, что формировавшаяся в XV–XVI вв. в границах Мещерского «юрта» тюркская этническая общность до рубежа XVI–XVII вв. состояла из двух этносословных страт: «черных людей» (ясачного населения) – в основном из «можерян»~«мещерян» (они же буртасы, посопные татары) и социальных верхов из «татар» (включая и казаков), т.е. кыпчакско-ногайских групп с клановым делением [Сборник РИО, 1884, с.529, 544; Малиновский, л.132 об., 258]. Родо-племенная номенклатура татарского населения Мещерского «юрта» нуждается в дальнейшем изучении (детальнее см.: [Исхаков, 1998]).

Первый – можерянско-буртасский слой восходит еще к домонгольскому периоду и был явно весьма близок этнически к булгарам [Алихова, 1949, с.48; Полесских, 1971; Полесских 1977, гл.5; Халиков, 1978, с.74, 78; Халиков, 1989, с.104–105; Белорыбкин, 1986, с.89–97]. Его этносоциальная трансформация в золотоордынский период была идентична развитию булгар: смысл понятий «черные люди» и «посопные татары» (буртасы), применявшихся по отношению к «можерянам», тот же, что и у термина «ясачные чуваша». Политические процессы в двух ареалах были также сходны. Если Казанское ханство в значительной мере возник-

ло на основе Булгарского вилайета Золотой Орды, то непосредственным предшественником Касимовского ханства был, надо полагать, Наровчатовский (Мокшинский) улус [Коротков, 1928, с.77; Сафаргалиев, 1963, с.70, 71; Лебедев, 1958, с.8, 15, 35; Егоров, 1985, с.107; Мухамадиев, 1983, с.19; Малов, 1885, с.20; Полесских, 1977, с.76; Исхаков, 1993, с.97–98].

Второй этнический компонент тюркской общности, складывавшийся в Мещере, – суперстрат золотоордынского происхождения, вплоть до начала XVI в. сохранял еще свою самостоятельность. Индикатором незавершенности к этому времени консолидации в Касимовском ханстве двух этносословных страт в единую этническую общность является использование в источниках по отношению к тюркскому населению «юрта» нескольких этнонимов кроме «татар» (таких наименований, как «можеряне», «буртасы» и «башкиры»), а также некоторая обособленность касимовских татар – тюркского населения столицы Касимовского ханства и ее ближайшей округи, сохранившаяся и позже. Тем не менее в XVI – начале XVII в. для обозначения всех тюркских групп Мещеры начинает все чаще применяться как наиболее интегральное название этно-

ним «татары» [Исхаков, 1998, с.212]. Этот факт и говорит о качественно новом уровне консолидации тюркских компонентов в рамках территории Мещерского «юрта» к концу XVI – началу XVII в. Поэтому думается, что А.Х.Халиков был не вполне прав и сложение мишарского этноса, сохранившего, правда, внутриэтнические деления – особенно большая обособленность была характерна для небольшой группы «столчных» татар, живших в г. Касимове и его окрестностях – состоялось на рубеже XVI–XVII вв. Группа касимовских татар до середины XVII в. продолжала пополняться выходцами из Ногайской Орды, казахских ханств и Сибири, поэтому полной их интеграции в состав мишарей не произошло.

Как фиксация реальных этнических процессов среди волго-уральских татар, для второй половины XVI в. появляется достаточно четкое противопоставление «татар» «Казанских» и «Городецких» [Вельяминов-Зернов, 1863, с.450]. В то же время эти две этнические общности были очень близки между собой. Недаром автор «Казанской истории», говоря о Шах-Гали хане, подчеркивал, что у него с «казанцами» «род бе... един, варварский, и язык един, и вера еди-на» [Казанская история, 1954, 66].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ильнур Миргалеев

К большому сожалению, полноценное научное исследование истории татарских государств до сих пор не проведено. Однако с изданием этого тома впервые данный период рассмотрен так подробно и в одном издании. В целом у читателя представление о татарских ханствах будет на достаточно серьезном научном уровне. Исследователям же становится понятно, на какие темы нужно будет обратить внимание в первую очередь.

В последнее время по татарским ханствам изданы неплохие работы. Среди них можно назвать работы В.В.Трепавлова, И.В.Зайцева, Д.М.Исхакова, И.Л.Измайлова, А.В.Белякова, Б.Р.Рахимзянова, А.В.Матвеева, Д.Н.Маслюженко и др. Однако не все аспекты еще раскрыты. Об этом пишут и многие авторы представленного тома. Проблема наличия источников и отсутствие специалистов не позволили в этой работе нам охватить и осветить должным образом некоторые темы и сюжеты. Однако они поставлены как научные проблемы.

Татарские ханства, особенно в XV в. неоднократно делали попытку объединения своих усилий за сохранение единого государства. Это и Улуг-Мухаммед, Ахмад-хан, Шибаниды и Гирейды. По сути, татарскими ханствами управляла единая династия. Идея главного государства – Тахт эли (Тронное владение) продолжала существовать. До 1502 г. на эту роль претендовала Большая Орда (Астраханское ханство стало прямым продолжением Большой Орды). Казанью управляли потомки последнего хана единой Золотой Орды Улуг-Мухаммеда, которые также считали себя продолжателями золотоордынского государства. Затем эту роль пыталось выполнять Крымское ханство, ставшее в свою очередь сателлитом Османской империи. Поэтому, особенно в XVI в. татарские ханства также делали попытки проследовать в лагерь османского величия, прежде всего это Казань и Астрахань. Даже при наличии сильных внешних факторов

в лице Османской империи и Московского царства период раздробленности был бы преодолен и татарские ханства (или часть их), возможно, были бы объединены в одно государство, возможно, под главенством Гирейдов. Однако в скором времени Московия приступает к завоеванию татарских ханств, включая и само Крымское ханство.

Вторая половина XVI в. – это период уничтожения большей части татарских ханств: Казани, Астрахани, Сибири. После того как были завоеваны основные территории Сибирского ханства, вплоть до XVIII в., шло постепенное покорение остатков Сибирского ханства и ногаев, «освоение дикого поля» – остатки территории Большой Орды, ликвидация Касимовского ханства. Наконец, в 1783 г. и Крымское ханство потеряло свою независимость. Все татарские государства были завоеваны Москвой, так же одним из осколков золотоордынского государства, которая волею судеб стала политической наследницей Золотой Орды, собирательницей ее земель. Татары становились среди активных, хотя и вынужденных помощников строительства Российского государства, т.к. оно уже имело совершенно другую идеологию, основанную на православии и византийской «философии», нацеленной на создание мировой империи.

По ряду факторов татарские государства начали ослабевать, сказывались политическая раздробленность и династийные кризисы, особенно в Казани и Сибири. Появление сильных внешних факторов, особенно быстрый рост Московского государства также сыграл свою роль. Безусловно, элиты татарских государств искали пути по усилению своих государств. Часть элит начиная с XVI в. начала опираться на внешний фактор. Сибирские правители были связаны со среднеазиатскими правителями, Крым с Османским государством. Казань и Астрахань пытались вести нейтральную линию, однако им приходилось выбирать. Османское направление хотя и было предпочти-

тельнее, и элиты этих двух ханств много делали для сближения с Крымом и Османами, однако желаемого результата не было. Приход к власти в Казани представителей Гирейдов привело к долгим кровопролитным сражениям с Москвой. Отсутствие активной помощи со стороны самого Османского государства, близость и агрессивность Москвы привели к тому, что элиты Казани пытались умерить притязания Москвы. Поэтому на троне Казани оказались в короткое время как Гирейды, так и представители Касимовского юрта, по сути, ставленники Москвы. Однако договориться с Москвой не удалось, т.к. последняя была нацелена на полное уничтожение Казанского ханства. Все это привело к страшной катастрофе, уничтожению как государства, так и огромного количества жителей ханства. Вскоре было завоевано и Астраханское ханство, полностью изменена роль Касимовского ханства. Началось долгое и планомерное за-

воевание Сибирского ханства, войны с Крымом. Многие татары, особенно Чингизиды и представители татарских элит, оказались вовлечены уже с XVI в. в московскую политическую систему. Многие татарские роды стали основателями известных русских дворянских фамилий. Татарский фактор в русской политической истории был составной частью Московского государства вплоть до реформ Петра I. Но это уже история последующего, 5-го тома «Истории татар».

Яркий, интереснейший период в татарской истории – это период существования татарских ханств, осколков Золотой Орды. Издание 3-го тома «Истории татар», посвященного золотоордынскому периоду, и издание 4-го тома «Истории татар», посвященного периоду татарских ханств, позволит целиком «увидеть» средневековый татарский мир, проследить его политическую и этническую историю.

Приложения

Таблица

Татарские государства XV–XVIII вв.

Татарские государства	Время существования	Столица	Правитель, династия	Правящие кланы	Деление улуса	Аристократия – податное сословие
Улуг Улус (Большая Орда)	1440–е–1502	Сарай (совр. Волгоград)	Хан, Джучиды: Тука-Тимуриды	Кийат, Кыпчак, Алчин, Найман + Мангыт	Два крыла?	Татары – мусульмане
Сибирское (Тюменское) ханство	1420–1598	Чимги-Тура, Искер совр. Тюмень)	Хан, Джучиды: Шибаниды	Джалаир, Кунграт, Сиджеут, Найман	Два крыла	Татары – ясачные татары
Казанское ханство	1437/45–1556	Казань (совр. Казань)	Хан, Джучиды: Тука-Тимуриды, Шибаниды, Гирейды	Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак	Четыре даруги + «Мангытское место»	Татары – мусульмане = ясачные татары (и/или посешная чуваша)
Касимовское царство (ханство)	1450-е – 1681	Царев городок, Хан-Кермен (совр. Касимов)	Хан (Царевич), Джучиды	Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак	Два крыла	Служилые татары – мусульмане
Астраханское ханство	1459/1502–1556	Хаджи-Тархан (совр. Астрахань)	Хан, Джучиды: Тука-Тимуриды	Хатай, Кунграт, Мангыт, Алчын	Два крыла	Татары – мусульмане
Казахское ханство	1469–1718	–	Хан, Джучиды: Урусханиды	Минг, Йуз, Кырк, Джалаир	Три жуза	Казакы – сарты
Узбекское ханство (Государство кочевых узбеков)	1469–1510	Ургенч (совр. Куня-Ургенч); Бухара (совр. Бухара)	Хан, Джучиды: Шибаниды	Минг (Мангыт), Кунграт, Джалаир, Алчин и др.	Два крыла (правое и левое место от хана)	Узбеки (Татары) – сарты, тазики (таджики)
Ногайская Орда	1480–1613	Сарайчик	Бий, Идегейды	Мангыт	Два крыла	Татары (ногаи) – кочевые тюрко-татарские племена
Крымское ханство	1441–1783	Бахчисарай (совр. Бахчисарай)	Хан, Гирей	Ширин, Аргын, Барын, Селджеут (Яшлав); позднее Ногаи	Две части – степная и прибрежная, четыре улуса	Татары, караимы – татары-мусульмане, греки и т.д.

Источники по истории средневековых татарских государств

1. Иосафат Барбаро. «Путешествие в Тану»

Текст воспроизведен по изданию: Барбаро и Контарини о России. М.: Наука, 1971.

«[...] § 4. В 1436 году я предпринял свое путешествие в Тану, где год за годом и оставался в течение целых шестнадцати лет. Я объездил те области, как по морю, так и по суше, старательно и с любопытством.

§ 5. Равнина Татарии¹ представляется человеку, стоящему посредине, в таких границах: с востока она имеет реку Ледиль²; с запада и северо-запада – Польшу; с севера – Россию; с юга, там, где земли обращены к Великому морю³, – Аланию⁴, Куманию⁵, Газарию⁶; последние страны все граничат с Забакским морем⁷. Итак, равнина эта лежит между названными пределами.

§ 6. Для того чтобы меня лучше поняли, я поведам рассказ, двигаясь вдоль Великого моря, частью по его побережью, частью же по более глубоко расположенным землям, вплоть до реки Эличе⁸, которая находится уже за Каффою⁹, примерно в сорока милях от нее. Перейдя эту реку, идут по направлению к Монкастро¹⁰. Там находится Данубий¹¹, река знаменитейшая. О местах еще дальше отсюда я уже не скажу ничего, так как они хорошо знакомы.

§ 7. Название Алания произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются «Ас». Они – христиане и были изгнаны и разорены татарами. Страна лежит на горах, на побережьях, на равнинах; там есть множество курганов, насыпанных руками человека; они возведены как знаки погребений. Каждый имеет на вершине большой камень с отверстием, куда втыкают крест, сделанный из другого, цельного камня. Эти курганы бесчисленны; в одном-то из них, как мы узнали, и был спрятан большой клад.

§ 8. В те времена, когда консулом в Тане был мессер¹² Пьетро Ландо, приехал из Каира один человек по имени Гульбедин¹³. Он рассказал, что в бытность свою в Каире слышал от какой-то женщины-татарки, что в одном из подобных курганов, называемом Контебе¹⁴. Аланы спрятали большое сокровище. Эта самая женщина даже сообщила ему некоторые признаки как холма, так и местности. Гульбедин принялся раскапывать курган; он проделал несколько колодцев, то в одном месте, то в другом. Так он продолжал копать в течение двух лет, после чего

¹ Имеются в виду степные пространства, то, что в персидских и арабских источниках называются как Дашт-и Кыпчак.

² Т.е. Итиль, Эдиль – тюркское название р. Волги.

³ Итальянское наименование Черного моря. Великое море – средневековое наименование Средиземного моря, частью которого считалось и Черное море.

⁴ Территория восточного побережья Азовского и Черного морей до Кавказских гор. Крымская Алания располагалась на западе полуострова.

⁵ Северное побережье Азовского моря.

⁶ Т.е. восточная часть Крымского полуострова, название происходит от имени народа хазар. На Аланию, Куманию и Газарию распространялась власть татарских ханов.

⁷ Т.е. Азовское море. Вероятно, название происходит от татарского слова чабак – лещ, плотва.

⁸ Т.е. Днепр.

⁹ Кафа (Каффа, совр. Феодосия), город на южном побережье Крымского полуострова. С 1260-х – до 1475 г. центр генуэзских колоний в Крыму. Платила дань татарским ханам.

¹⁰ Монкастро – итальянское название Ак-Кермана (совр. Белгород-Днестровский), города на правом берегу Днестровского лимана. В городе в XIII–XV вв. существовала генуэзская колония. Через город проходил торговый путь от кавказского и малоазийского побережья в Польшу, Германию и Италию. Название Ак-Керман с тюрк. означает «Белая крепость».

¹¹ Т.е. Дунай.

¹² Мессер – обращение к именитому гражданину в средневековой Италии. Так именовали церковных иерархов, рыцарей, судей, докторов медицины и юриспруденции.

¹³ Вторая часть имени «един» намекает на мусульманское происхождение имени (ад-Дин).

¹⁴ Возможно, речь идет о Кобяковом городище, где было одно из придонских поселений античной эпохи с негреческим, скифо-сарматским населением, занимавшимся земледелием и рыболовством.

умер. Люди пришли к заключению, что он только по неспособности не сумел отыскать тот клад¹. [...]

§ 13. Магометанская вера стала обычным явлением среди татар уже около ста десяти лет тому назад². Правда, раньше только немногие из них были магометанами, а вообще каждый мог свободно придерживаться той веры, которая ему нравилась. Поэтому были и такие, которые поклонялись деревянным или тряпочным истуканам и возили их на своих телегах. Принуждение же принять магометанскую веру относится ко времени Едигея³, военачальника татарского хана, которого звали Сидахамет-хан⁴. Этот Едигей был отцом Науруза; о нем-то и пойдет речь теперь.

§ 14. В степях Татарии в 1438 г. правил хан по имени Улумахмет-хан⁵, что значит великий Магомет император. Правил он много лет. Когда со своей ордой, т.е. со своим народом, он находился в степях, лежащих в сторону России, а военачальником у него был этот Науруз, сын Едигея, при котором Татария обратилась в магометанскую веру, возникло между Наурузом и его императором некоторое разногласие. Вследствие этого Науруз отделился от императора и ушел от него с тем войском, которое захотело за ним [Наурузом] следовать. Он направился к реке Ледиль, где стоял некий Кезимахмет⁶, что значит малый Магомет, происходивший из рода рода татарских императоров. Оба они объединили как свои замыслы, так и военные силы и решили вместе идти против того Улумахмета.

§ 15. Пройдя около Астрахани, они пришли в Таманские степи; затем, обогнув Черкесию, они направились по пути к реке Дону и к заливу Забакского моря⁷; и море и река Дон были покрыты льдом. Ввиду того, что и народу было много и животных было немалое число, им пришлось двигаться широким фронтом, чтобы идущие впереди не уничтожили всю солому и другую пищу, нужную для тех, которые шли сзади. Поэтому один головной отряд этого племени со стадами дошел до места, называемого Паластра⁸, а другой – до реки Дона в том месте, которое называется Бозагаз; это слово значит «серое дерево». Промежуток между этими местами составляет сто двадцать миль; на такое расстояние растянулся этот движущийся народ, хотя не все эти места были удобны для прохождения.

§ 16. За четыре месяца до прихода [татар] к Тане мы уже знали об этом; за месяц же до появления упомянутого царевича [Кезимахмета] начали приближаться к Тане отдельные сторожевые разъезды⁹; разъезд состоял из трех или четырех юношей на конях, причем каждый [всадник] имел еще одну лошадь на поводу.

Тех из них, которые заезжали в Тану, приглашали к консулу; им оказывался ласковый прием, и подносились подарки. На вопрос, куда они едут и что собираются делать, они говорили, что это все молодежь и что ездят они просто для своего удовольствия. Ни о чем другом не удавалось заставить их говорить. Они задерживались не более одного-двух часов и уезжали. Ежедневно повторялось одно и то же, кроме только того, что с каждым разом число их становилось несколько больше. Когда царевич приблизился к Тане на расстояние пяти-шести дней пути, они стали появляться в числе от двадцати пяти до пятидесяти человек, в полном вооружении; когда же он подошел еще ближе, они насчитывались уже сотнями.

¹ Далее опущено описание раскопок этого кургана.

² Исламизация населения Золотой Орды шла постепенно. Необходимо учитывать, что некоторые области (например, Хорезм и Среднее Поволжье) еще до монгольского завоевания были населены мусульманами. Первым из золотоордынских правителей ислам принял Берке (около 1257–1266). Как отмечают исследователи, новый импульс исламизации дало правление хана Узбека (1312–1342).

³ Идигей, несмотря на то, что не являлся потомком Джучи, был фактически полновластным правителем Золотой Орды в течение 1395–1419 гг. Формально в это время в стране правили Джучиды, ставленники Идигея: Тимур-Кутлуг (1395–1399), Шадибек (1399–1407), Булат (1407–1410), Тимур (1410–1412), Чекре (1414–1416), Дервиш (1417–1419).

⁴ Хан Сайид-Ахмад начал свое правление лишь в 1432/33 г., т.е. значительно позже после гибели Идигея (1419).

⁵ Улуг-Мухаммад – золотоордынский хан (1419–1436, с перерывами), казанский хан (1438–1445).

⁶ Кичи-Мухаммад – золотоордынский хан (1428–1459, с перерывами).

⁷ Речь идет о современном Таганрогском заливе.

⁸ Паластра – селение на северном побережье Азовского моря, отмечавшееся на европейских портоланах (например, на портолане Бенинказы 1474 г.) около Бердянского залива.

⁹ Речь идет об авангардном сторожевом отряде – карауле.

§ 17. Наконец, царевич¹ прибыл и расположился около Таны на расстоянии выстрела из лука, в старой мечети. Консул немедленно решил отправить ему подарки и послал одну новенну ему, другую – его матери, третью – Наурузу, его военачальнику. Новенной называется дар, состоящий из девяти различных предметов, например шелковой ткани, scarлатового сукна и других вещей, числом до девяти: таков обычай при подношениях правителям в этих областях.

Случилось, что именно я должен был отправиться с подарками; мы повезли ему хлеб, медовое вино, бузу – иначе пиво – и другие вещи, числом до девяти. Войдя в мечеть, мы застали царевича возлежащим на ковре и опирающимся на военачальника Науруза. Царевичу было года двадцать два, а Наурузу лет двадцать пять.

Поднеся ему все привезенные подарки, я препоручил [его защите] город вместе с населением, сказав, что оно пребывает в его власти. Он отвечал мне самой вежливой речью, но затем, глядя на нас, принялся хохотать и бить в ладони, говоря: «Посмотри, что это за город, где на троих людей приходится только три глаза!». Это было действительно так: Буран Тайяпэтра², наш переводчик, имел всего один глаз; некий Дзуан, грек, консульский жезлоносец, – также только один; и человек, который нес медовое вино, равным образом был одноглазый.

Получив от царевича разрешение удалиться, мы вернулись в город.

§ 18. Если бы кто-нибудь попал в эти места, ему могло бы показаться мало разумным, что упомянутые сторожевые отряды ездят группами по четыре, по десять, по двадцать и тридцать человек по этим равнинам, оставаясь вдали от своих людей на расстоянии добрых десяти, шестнадцати, а то и двадцати дней пути; и он мог бы спросить, чем же они питаются. Я отвечаю ему, что каждый из этих [наездников], когда он отделяется от своего народа, берет с собой небольшой мешок из шкуры козленка, наполненный мукой из проса, размятой в тесто с небольшим количеством меда. У них всегда есть с собой несколько деревянных мисок. Если у них не хватает дичины, – а ее много в этих степях, и они прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки, – то они пользуются этой мукой, приготовляя из нее, с небольшим количеством воды, род питья³; этим они и обходятся.

Когда я спросил одного из них, что же едят они в степи, он тут же задал мне встречный вопрос: «А разве кто-нибудь умирает от того, что не ест?», – как будто бы говоря: «Иметь бы мне лишь столько, сколько нужно, чтобы слегка поддержать жизнь, а об остальном я не забочусь». Они ведь довольствуются травами, кореньями и всем, чем только возможно, лишь бы была у них соль. Если они не имеют соли, то рот их покрывается нарывами и гноится; от этого заболевания некоторые даже умирают; случается у них и понос⁴.

§ 19. Но вернемся к тому, на чем мы остановились. После отъезда царевича начал подходить народ со стадами. Сначала шли табуны лошадей по шестьдесят, сто, двести и более голов в табуне; потом появились верблюды и волы, а позади них стада мелкого скота. Это длилось в течение шести дней, когда в продолжение целого дня – насколько мог видеть глаз – со всех сторон степь была полна людьми и животными: одни проходили мимо, другие прибывали. И это были только головные отряды; отсюда легко представить себе, насколько значительна была численность [людей и животных] в середине [войска].

¹ Называя Кизиахмета царевичем, а не императором, как это было принято, Иосафат Барбаро показывает свое отношение к противнику Улумахмета.

² Неясно, что в данном случае обозначает слово «тайяпэтра», – скульптора (или просто каменотеса) или же фамилию. Скорее всего, Буран был каменотесом.

³ Абд-ар-Раззак Самарканди (1413–1482) в своем сочинении «Место восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей» сообщает, что в 1391 г. перед тем, как войско Тимура должно было выступить в поход против Золотой Орды, был издан приказ, «чтобы, когда выступят из Ташкента, всякий съедал в месяц 1 ман амбарного веса муки и чтобы никто не пек ни хлеба, ни лепешек, ни лапши, а довольствовался бы похлебкой» (СМИЗО. Т. II. С. 192). Иосафат Барбаро в письме к епископу падуанскому Пьеро Бароччи от 23 февраля 1491 г. пишет, что татары, отправляющиеся в далекий путь по пустынным степям, выбирают время, когда вырастает трава «балтракан», которой можно хорошо поддерживать силы людей, настолько она питательна.

⁴ Ионы хлора (поступающие в организм человека, как правило, благодаря поваренной соли) необходимы для выработки соляной кислоты – важного компонента желудочного сока. Их недостаток приводит к налету на языке и потрескиванию губ. Признаком недостатка натрия (составной части поваренной соли) в организме особенно в период голодания может быть диарея.

Мы все время стояли на стенах¹ (ворота мы держали запертыми) и к вечеру просто уставали смотреть. Поперечник равнины, занятой массами этих людей и скота, равнялся 120 милям; все это походило на некую паганею.

Это греческое слово, которое я впервые узнал, будучи в Морее², на охоте у одного князька. Он привел с собой сто вилланов³; каждый из них держал в руках дубину. Они были размещены на расстоянии десяти шагов один от другого и подвигались вперед, ударяя дубинами в землю и выкрикивая какие-то слова, чтобы заставить зверей выбежать [из лесу]. Охотники же, кто верхом, а кто пеший, с птицами и собаками, расстановивались по местам, где им заблагорассудится. Когда наступал подходящий момент, они бросали [в воздух] птиц и спускали собак.

§ 20. Среди другой дичи, которую этот народ [татары] гнал перед собой, были куропатки и еще один вид птиц, который у нас называют индейками⁴: у них короткий хвост, подобный куриному, а когда они стоят, то голову держат прямо, как петухи; по величине они почти равны павлинам, на которых похожи и своей окраской, но не хвостами.

Тана лежит среди многих земляных валов и рвов, тянущихся на пространстве примерно десяти миль (там, где некогда была древняя Тана)⁵, и большое количество птиц обычно скрывается в этих заброшенных валах и рвах. Одним словом, вокруг стен Таны и внутри рвов было столько куропаток и дроф, что все эти места казались [птичьими] дворами каких-нибудь добрых фермеров. Местные мальчишки ловили этих птиц и продавали их по аспру⁶ за пару, что по-нашему равно восьми багатами⁷ за одну птицу.

В то время жил в Танае некий брат Термо, францисканец. При помощи сети он устроил из двух обручей один большой обруч и укрепил в земле за городской стеной изогнутый кол. Таким образом, он ловил от десяти до двадцати птиц сразу. От их продажи он набрал столько денег, что купил на них черкесского мальчика, которому дал прозвище «Куропатка» и сделал его монахом. Кроме того, если в городе ночью оставляли окна открытыми, а внутри был свет, то иногда птицы влетали даже в дома.

Что же касается оленей и других диких животных, то можно представить себе, сколь много их было, но они не подходили близко к Танае, оставаясь на равнине, где обитали татары.

§ 21. Если попытаться установить приблизительно общую численность [татар, пришедших тогда к Танае], то окажется, что их было весьма много. Так, в одном только месте, называемом Бозагаз, где была одна моя тоня [произошло следующее]. После того как сошел лед, я отправился туда на лодке, а это место расположено примерно в сорока милях от Таны. Тамошние рыбаки рассказали, что за зиму они наловили и засолили много морены и заготовили много икры; когда же этот народ частично побывал там, то оказалось, что взята вся рыба – как соленая, так и несоленая (там были и такие сорта, которые у нас не употребляются в пищу), вплоть до голов, и похищена вся икра, и начисто забрана вся соль (она здесь крупная, как соль с Ивисы)⁸ – до того, что, что, ко всеобщему удивлению, не осталось на месте ни крупницы. Они унесли доски от бочек, ве-

¹ Эти стены Таны были возведены после 1395 г., когда Тимур разрушил Азак (Тану).

² Иосафат Барбаро узнал Морее, когда был проведитором в Албании в 1465 г. по организации сопротивления туркам.

³ Вилланы – в средневековой Италии лично свободные крестьяне, несущие повинности за предоставленные им феодалом земельные участки.

⁴ Буквально слово «galinaccia» (правильно – «gallinaccia») значит крупная или старая, плохая курица. Иосафат Барбаро либо не знал местного названия этой степной птицы, либо не стал транскрибировать его в итальянском тексте. Скорее всего, речь идет о дрофе.

⁵ С III–II вв. до н.э. по IV в. н.э. на правом берегу Дона располагался античный Танаис, наиболее удаленный к северу город Боспорского царства. Итальянская колония Тана располагалась на левом берегу Дона. Следы защитных сооружений, заброшенных и заплывших землей, относились к валам и рвам не античного Танаиса, а Таны XIV в., которая занимала более обширную территорию и была целиком разрушена войсками Тимура в 1395 г. Новые укрепления, выросшие после погрома Тимура вокруг Таны охватывали уже меньшую территорию; город сузился, и остатки разрушенных прежних укреплений оказались вне его стен.

⁶ Аспра – серебряная монета итальянских колоний Северного Причерноморья и Трапезунда. В Кафе аспры чеканились с XIV в. по 1475 г.

⁷ Багаттин – в Венеции народное название малого денария, мелкой серебряной монеты.

⁸ Ивиса (Ибица) – один из Баларских островов в Средиземном море, известный в Средневековье добычей соли.

роятно для того, чтобы приспособить их к своим телегам. Они разломали три мельницы для размола соли, так как в них внутри имелись железные стерженьки, которые они взяли.

То же самое, что причинили мне, постигло решительно всех, даже Дзуана да Балле, который, как и я, имел тоню. Узнав, что приближается тот самый царевич, он велел вырыть большую яму и сложить туда до тридцати тачек икры; затем приказал забросать яму землей, а сверху – чтобы не было заметно – поджечь дрова. Однако они [татары] обнаружили маскировку и не оставили ему ровно ничего.

§ 22. У этого народа в употреблении бесчисленные повозки на двух колесах, повыше наших. Они устланы [сверху] камышовыми циновками и покрыты одни войлоком, другие сукнами, если принадлежат именитым людям. На некоторых повозках помещаются дома, которые они строят следующим образом: берут деревянный обруч, диаметром в полтора шага, и на нем устанавливают несколько полуобручей, пересекающихся в центре; промежутки застилают камышовыми циновками, которые покрывают либо войлоком, либо сукнами, в зависимости от достатка. Когда они хотят остановиться на привал, они снимают эти дома с повозок и живут в них.

§ 23. Спустя два дня после того, как царевич удалился, явились ко мне несколько жителей Таны и сказали, чтобы я шел на стену, что там какой-то татарин желает говорить со мной. Я отправился туда, и он сообщил мне, что тут поблизости находится некто Эдельмуг, родственник царевича, и что он – если это будет мне угодно – охотно вошел бы в город и стал бы моим кунаком, иначе – гостем. Я спросил разрешения на это у консула и, получив его, пошел к воротам и провел его внутрь вместе с троими его спутниками [ворота все еще держали на запоре]. Я привел его к себе в дом и всячески оказал ему честь, особенно вином, которое ему очень понравилось. Одним словом, он пробыл у меня два дня. Собираясь уходить, он сказал, что желал бы, чтобы я отправился вместе с ним, что он стал моим братом и что везде, где он будет рядом, я смогу путешествовать в полной безопасности. Он сказал еще кое-что об этом купцам, из которых не было ни одного, кто бы не подивился его словам.

Я же решил пойти с ним и взял двоих татар из местных городских; они пошли пешком, а я – верхом на лошади. Мы выехали из города в три часа дня; он был мертвецки пьян, потому что пил до того, что кровь хлынула у него из носа. Когда я говорил ему, чтобы он так не напивался, он делал какие-то обезьяньи жесты, приговаривая: «Дай же мне напиться, где я еще смогу это добыть!».

Когда мы спустились на лед, чтобы перейти реку, то я старался ехать там, где лежал снег, но он, одолеваемый вином, ехал туда, куда шла его лошадь, и попал на место без снега. Там его лошадь не могла устоять на ногах, так как их лошади не имеют подков, и упала; он принялся хлестать ее плетью (ведь они не носят шпор), и лошадь то поднималась, то снова падала. Вся эта штука длилась, быть может, до трети часа. Наконец мы переправились через реку, подъехали к следующему руслу и перешли его также с огромными затруднениями, все по той же причине. Он до того устал, что обратился к каким-то людям, которые уже остановились здесь на отдых, и тут-то мы приютились на ночь среди всевозможных неудобств, как легко себе представить.

На следующее утро мы вновь пустились в путь, однако уже без той удали, какую проявили накануне. Перейдя еще одно русло реки, мы следовали все время по той дороге, по которой двигался народ, а он напоминал настоящих муравьев. Проскакав еще два дня, мы подошли к месту, где находился царевич. Здесь [Эдельмугу] было оказано всеми много почета; ему дали всего, что только там было: и мяса, и хлеба, и молока, и много других вещей, так что у нас ни в чем не было недостатка.

§ 24. На другой день – так как мне хотелось посмотреть верховую езду этого народа и каких обычаев они придерживаются в своем быту – я увидел столько поразительных вещей, что, полагаю, получился бы целый большой том, если бы я захотел и сумел, шаг за шагом, описать [все виденное].

Мы отправились к ставке царевича, которого нашли под шатром и в окружении бесчисленных людей. Те, которые стремились получить аудиенцию, стояли на коленях, каждый в отдалении от другого; свое оружие они складывали вдалеке от царевича, на расстоянии брошенного камня. Каждому, к кому царевич обращался со словами, спрашивая, чего он хочет, он неизменно делал знак рукой, чтобы тот поднялся. Тогда [проситель] вставал с колен и продвигался вперед, однако на расстояние не менее восьми шагов от царевича, и снова падал на колени и просил о том, чего хотел. Так продолжалось все время, пока длился прием.

§ 25. Суд происходит во всем лагере, в любом месте и без всякой подготовки. Поступают таким образом. Когда кто-то затевает с другим ссору, причем оба обмениваются бранными словами (однако не совсем так, как это бывает у нас, а без особенной оскорбительности), то оба, – а если их было больше, то все, – поднимаются и идут на дорогу, куда им покажется лучше, и говорят первому встречному, если он человек с каким-нибудь положением: «Господин, рассуди нас, потому что мы поссорились». Он же, сразу остановившись, выслушивает, что ему говорят, и затем решает, как ему покажется, без всякого записывания, и о том, что он решил, никто уже не рассуждает. В таких случаях собирается толпа людей, и он, высказав свое решение, говорит: «Вы будете свидетелями!». Подобные суды постоянно происходят по всему лагерю, если же какая-либо распря случится в походе, то они соблюдают то же самое, приглашая быть судьей всякого встречного и заставляя его судить.

§ 26. Однажды, находясь в орде, я увидел на земле опрокинутую деревянную миску. Я подошел и, подняв ее, обнаружил, что под ней было вареное просо. Я обратился к одному татарину и спросил, что это такое. Он мне ответил, что это положено «hibuth peres», т.е. язычниками. Я спросил: «А разве есть язычники среди этого народа?». Он же ответил: «Хо, хо! их много, но они скрываются»¹.

§ 27. Начну с численности этого народа и скажу [о ней] предположительно – потому что пересчитать его нет возможности, – приводя [цифру] ни больше, ни меньше, чем я думаю. Я уверен и твердо этого держусь, что их было триста тысяч душ во всей орде, когда она собрана воедино. Делаю такое замечание потому, что частью орды владел Улумахумет, как я уже сказал выше².

§ 28. Военные люди в высшей степени храбры и отважны, причем настолько, что некоторые из них, при особо выдающихся качествах, именуется «талубагатер», что значит безумный храбрец. Такое прозвище рождается в народе, подобно тому как у нас «мудрый» или же «красивый», отчего и говорят – Петр такой-то, по прозвищу «Мудрец», или Павел такой-то, по прозвищу «Красавец». Эти богатыри имеют одно преимущество: все, что бы они ни совершали, даже если это в известной мере выходит за пределы здравого смысла, считается правильным, потому что раз это делается по причине отваги, то всем кажется, что богатыри просто занимаются своим ремеслом. Среди них есть много таких, которые в случаях военных схваток не ценят жизни, не страшатся опасности, но мчатся вперед и, не раздумывая, избивают врагов, так что даже робкие при этом воодушевляются и превращаются в храбрецов. Прозвище их кажется мне весьма подходящим, потому что я не представляю себе отважного человека, который не был бы безумцем. Разве, по-вашему, это не безумство, когда один отваживается биться против четверых? Разве не сумасшествие, когда кто-нибудь с одним ножом готов сражаться с многими, да еще вооруженными саблями?

§ 29. По этому поводу расскажу, что однажды случилось при мне, когда я был в Тане. Стоял я как-то на площади; пришли в город татары и сообщили, что в роще, мили за три отсюда, спрятались черкесы-наездники, числом около сотни, которые задумали совершить набег под самый город, как это было у них в обычае. Я сидел в лавке мастера по выделке стрел; там же был еще один купец-татарин, пришедший туда с цитварным семенем³. Узнав о черкесах, он встал и сказал: «Почему бы нам не отправиться захватить их? сколько там этих всадников?». Я ответил ему: «Сто человек». – «Вот и хорошо», – сказал он, – «нас пятеро, а у вас сколько найдется всадников?». Я ответил: «Сорок». А он сказал: «Черкесы не мужчины, а бабы. Идем, схватим их!». Услышав все это, я пошел искать мессера Франческо и рассказал ему об этих речах, он же со смехом спросил меня, хватит ли у меня духу пуститься туда. Я ответил, что хватит.

И вот мы сели на лошадей, приказали нашим людям прибыть по воде и к полудню налетели на этих черкесов. Они стояли в тени, некоторые из них спали, но, к несчастью, случилось так, что немного раньше, чем мы достигли их, наш трубач затрубил. Поэтому многие успели бе-

¹ Существование в Татарии язычников подтверждается сообщением арабского писателя Ибн Арабшаха (ум. в 1450 г.), бывшего в Астрахани, Сарае, в Крыму и в Средней Азии: «Некоторые из них [местных людей] до сих пор еще поклоняются идолам» (СМИЗО Т. I. С. 457).

² См. § 14.

³ Цитварное семя, широко употреблявшееся в Средневековье глистогонное средство, привозилось, как товар во все крупные города Леванта и Западной Европы из причерноморских и приазовских степей. Цитварное семя получалась не из семян, а из соцветий цитварной полыни, содержащих сантонин.

жать; тем не менее и убитыми, и пленными нам досталось около 40 человек. Но вся красота этого дела относится к тому, что говорилось о «безумных храбрецах». Тот татарин, который предлагал ехать хватать черкесов, не удовольствовался добычей, но в одиночку бросился в погоню за беглецами, хотя мы все кричали ему: «Ты же не вернешься, никогда ты не вернешься!». Он возвратился спустя почти целый час и, присоединившись к нам, жаловался, говоря: «Горе мне, не смог я поймать ни одного!» – и сильно сокрушался. Судите сами, каково было его безумство, – ведь если бы хоть четверо из черкесов обернулись против него, они изрубили бы его на мелкие куски. Более того, когда мы упрекали его, он все обращал в шутку.

§ 30. Сторожевые отряды (я говорил о них выше)¹, которые подходили к Тане раньше, чем пришло все войско, двигались впереди него по восьми разным направлениям, чтобы со всех сторон разузнавать о возможной опасности, находясь в отдалении от него на много дней пути и действуя соответственно его нуждам.

Лишь только правитель остановился, они сразу же раскидывают базары, оставляя широкие дороги. Если это происходит зимой, то от множества ног животных образуется величайшая грязь; если же летом, то величайшая пыль. Тут же, немедленно после того, как поставлены базары, они устраивают свои очаги, жарят и варят мясо и приготавливают свои кушанья из молока, масла, сыра. У них всегда бывает дичина, особенно же олени.

В их войске есть ремесленники – ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла.

Если бы ты спросил меня: «Они, значит, бродят, как цыгане?» – я отвечу отрицательно, так как – за исключением того, что их станы не окружены стенами, – они представляются [нам] огромнейшими и красивейшими городами. В связи с этим [скажу следующее]: однажды, когда я находился в Тане, где над воротами была очень красивая башня, около меня стоял один купец-татарин, рассматривавший эту башню; я спросил его: «Не кажется ли тебе эта вещь замечательной?». Он же, взглянув на меня и усмехнувшись, сказал: «Ба! кто боится, тот и строит башни!». В этом, мне думается, он был прав.

§ 31. Упомянув о купцах, но, возвращаясь к нашему предмету, а именно к татарскому войску, скажу, что при нем всегда находятся купцы; одни различными путями привозят сюда товары, другие же лишь проходят через орду с намерением идти в иные страны.

§ 32. Татары прекрасные охотники с соколами, и у них много кречетов; они ловят птиц на репейник² (что у нас не применяется), ходят на оленей и на другого крупного зверя. Кречетов они носят на кулаке одной руки, а в другой держат посошок; когда устанут, потому что ведь [эти птицы] вдвое больше орлов, они подставляют посошок под руку. Временами над их войском проносится стая гусей; тогда люди из лагеря пускают стрелы толщиной в палец, изогнутые и без оперения. Стрелы летят прямо, затем повертываются и летят наперерез птицам, раздробляя – когда достигнут их – то шею, то ноги, то крылья. Иногда кажется, что этими гусями полон воздух; от крика людей они, оглушенные, пугаются и падают на землю.

§ 33. Расскажу, раз уж мы заговорили о птицах, об одном случае, который показался мне примечательным. Проезжая верхом по орде, я оказался на берегу маленькой речки, где повстречал одного человека, знатного, судя по его виду. Он стоял и разговаривал со своими слугами, затем окликнул меня, предложив сойти с лошади и приблизиться к нему, и стал спрашивать, по какому делу я еду. Я ответил, что еду по своей надобности, и, обернувшись, увидел около него четыре или пять кустов ворсянки; на них сидело несколько щеглов. Он велел одному из слуг поймать щегла; тот взял два конских волоса, сделал силок, накиннул его на ворсянку и, поймав одну птицу, поднес ее своему господину. Тот сказал ему: «Поди, зажарь это». Слуга быстро ошпал [щегла], сделал деревянный вертел, зажарил [птицу] и поднес [хозяину], который взял ее и, поглядев на меня, промолвил: «Мы не в таком месте, где я мог бы оказать тебе честь и [проявить] обходительность, которых ты заслуживаешь, но удовольствуемся тем, что я имею, и что даровал мне господь бог». Тут он разодрал щегла на три части: из них одну дал мне, другую съел сам, а третью, совсем крошечную, отдал тому, кто поймал птицу.

¹ См. § 16.

² Растение своими шипами, прикрепившись к перьям, мешают птицам улететь.

§ 34. Что же рассказать о великом, даже бесчисленном множестве животных в этой орде¹? Поверят ли мне? Это как угодно, но я все же решусь сказать, сколько их там.

Начну с лошадей. Среди этого народа есть торговцы лошадьми; они выводят лошадей из орды и гонят их в различные места. В одном караване, пришедшем в Персию еще до того, как я оттуда уехал, их было четыре тысячи голов. Не удивляйтесь этому: действительно, если бы вы пожелали за один день купить в орде сразу тысячу или даже две тысячи лошадей, вы нашли бы их там, потому что лошади ходят табунами, как скот. Обычно отправляются в табун и говорят продавцу, что желательно достать сотню таких-то коней. У него есть дубинка с арканом на верхнем конце, и он настолько привычен к своему делу, что едва лишь покупатель укажет ему – «слови, мол, мне этого коня или слови того», – как он уже накинул петлю коню на голову, вытащил его из среды других и поставил в стороне. Таким способом он вылавливает столько коней, сколько требуется покупателю, и тех именно, каких тот желает. Мне случалось встречать в пути купцов, гнавших лошадей в таком количестве, что они покрывали пространство целых степей.

Но вот что удивительно: страна эта не производит очень породистых лошадей; они низкорослы, с большим брюхом и не едят овса. Когда их гонят в Персию, то наибольшее достоинство, которое можно за ними признать, состоит в том, что они едят овес, потому что если бы они его не ели, то не могли бы, в случае надобности, переносить усталость.

Второй вид животных, которых имеет этот народ, – прекрасные крупные быки, причем в таком количестве, что их вполне хватает даже на итальянские бойни. Их гонят в Польшу, а некоторую часть направляют через Валахию в Трансильванию; кроме того – в Германию, а оттуда уже ведут в Италию. В тех местах [в степях] быки носят поклажу и вьюки, когда это требуется.

Третий вид животных, которых держит этот народ, – высокие мохнатые двугорбые верблюды. Их гонят в Персию и продают там по двадцать пять дукатов² за каждого. Верблюды с востока имеют один горб и малы ростом; их продают по десять дукатов за каждого.

Четвертый вид животных, которых разводит этот народ, – огромнейшие бараны на высоких ногах, с длинной шерстью и с такими хвостами, что некоторые весят до двенадцати фунтов каждый. Я видел подобных баранов, которые тащили за собой колесо, а к нему был привязан их хвост. Салом из этих хвостов [татары] заправляют свою пищу; оно служит им вместо масла и не застывает во рту.

§ 35. Не знаю, кто, кроме очевидца, мог бы рассказать о том, о чем я сейчас сообщу. Ведь вы могли бы спросить: «Чем же питается такое количество народа, если он находится в пути целыми днями? Откуда берется хлеб, который они едят? Где они находят его?». Я, сам видевший все это, так отвечаю вам.

Около февральского новолуния устраивается клич по всей орде, чтобы каждый, желающий сеять, приготовил себе все необходимое, потому что в мартовское новолуние будет происходить сев в таком-то месте, и что в такой-то день такого-то новолуния все отправятся в путь. После этого те, кто намерен сеять сам или поручить сев другим, готовятся и уговариваются между собой, нагружают телеги семенами, приводят нужных им животных и вместе с женами и детьми – или же с частью семьи – направляются к назначенному месту, обычно расположенному на расстоянии двух дней пути от того места, где в момент клича о севе стояла орда. Там они пашут, сеют и живут до тех пор, пока не выполнят всего, что хотели сделать. Затем они возвращаются в орду.

Хан поступает со своей ордой так же, как мать, пославшая детей на прогулку и не спускающая с них глаз. Поэтому он объезжает эти посева – сегодня здесь, завтра там, не удаляясь [от своих людей] больше чем на четыре дня пути. Так продолжается, пока хлеба не созреют. Когда же они созреют, то он не передвигается туда со всей ордой, но уходят туда лишь те, кто сеял, и те, кто хочет закупить пшеницу. Едут с телегами, волами и верблюдами и со всем необходимым, как при переезде в свои поместья.

Земли там плодородны и приносят урожай пшеницы сам-пятьдесят – причем она высотой равна падуанской пшенице, – а урожай проса сам-сто. Иногда получают урожай настолько обильный, что оставляют его в степи.

¹ Ибн Арабшах, подтверждая слова Иосафата Барбаро, пишет: «Это область исключительно татарская, переполненная разными животными и тюркскими племенами» (СМИЗО Т. I. С. 459).

² Дукат – венецианская золотая монета.

§ 36. Расскажу здесь кстати и о следующем. Был тут сын одного из сыновей Улумахумета¹; он правил несколько лет и все опасался, как бы один его двоюродный брат, находившийся по ту сторону реки Ледиль, не лишил его той части его народа², которая обычно уходила туда на посевы и потому подвергалась особенной опасности. Одиннадцать лет подряд не разрешал он сеять, и в течение этого времени все они питались только мясом, молоком и подобными вещами; на базаре все же бывало немного муки и проса, но по дорогой цене. Когда я их спрашивал, как же они обходятся, они лишь усмехались, говоря, что у них есть мясо. Тем не менее, упомянутый [царевич] был все же изгнан этим своим двоюродным братом.

В конце концов Улумахумет (о котором мы говорили выше)³, – после того как в пределы его владений пришел Кезимахумет, – видя, что не сможет ему сопротивляться, покинул орду и бежал вместе со своими сыновьями и другими своими людьми. А Кезимахумет объявил себя ханом всего того народа⁴.

§ 37. Он пришел к Дону в июне месяце и переправлялся через реку в течение почти двух дней со своим многочисленным народом, с телегами, со скотом и со всем имуществом. Поверить этому удивительно, но еще более удивительно самому видеть это! Они переправлялись без всякого шума, с такой уверенностью, будто шли по земле. Способ переправы таков: начальники посылают своих людей вперед и приказывают им сделать плоты из сухого леса, которого очень много вдоль рек. Затем им велют делать связки из камыша, которые прилаживают под плоты и под телеги. Таким образом, они и переправляются, причем лошади плывут, таща за собой эти плоты и телеги, а обнаженные люди помогают лошадям.

Спустя месяц [после виденной мною переправы] я отправился по реке на тони и встретил такое количество брошенных плотов и фашин, которые плыли по течению, что мы едва смогли пробиться. По берегам в этих местах я видел, кроме того, также огромное множество плотов и фашин и был просто поражен. Когда мы прибыли на тони, то обнаружили, что здесь был нанесен вред гораздо больший, чем тот, о котором я уже писал выше⁵.

§ 38. Тогда же (приведу этот случай, чтобы не забывать о своих друзьях) родич хана, Эдельмуг, вернувшийся для переправы через реку (о чем я рассказал выше), приехал в Тану. Он привел ко мне одного из своих сыновей и, бросившись меня обнимать, сказал: «Я привез тебе моего сына и хочу, чтобы он стал твоим». Тут же он стащил со спины этого сына кафтан и надел его на меня. Кроме того, он подарил мне восемь рабов, русских по национальности, говоря: «Это часть добычи, которую я забрал в России». Он прожил у меня два дня и в свою очередь получил от меня соответствующие подарки.

§ 39. Бывают иногда люди, которые, расставаясь с другими и не предполагая возвращаться в те края, легко забывают о дружбе, думая, что больше никогда уже не увидятся. Отсюда происходит то, что часто они поступают не так, как должны были бы поступать. Они, конечно, делают неправильно; ведь есть поговорка, что гора с горой не сходится, а человек с человеком сойтись может.

Случилось так, что при возвращении моем из Персии вместе с посланцем Ассамбека я хотел проехать через Татарию и через Польшу и таким образом попасть в Венецию. Впоследствии я не проделал этого пути. Тогда в нашей компании было много купцов из татар. Я спросил их, что случилось с Эдельмугом, и они сказали мне, что он умер и оставил сына по имени Ахмет. При этом они описали признаки его лица, так что и по имени, и по внешним чертам я узнал в нем именно того человека, которого его отец когда-то отдал мне в сыновья. Как говорили те татары, он занимал высокое положение при хане, и, если бы мы проезжали тем путем, мы без сомнения попали бы в его руки. Я уверен, что имел бы у него наилучший прием, потому что сам

¹ Известны следующие внуки Улуг-Мухаммада: Муртаза (ранее 1444 – после 1475, сын Мустафы), Халиль (ранее 1460–1467, сын Махмуда), Ибрахим (ранее 1465–1479, сын Махмуда), Данияр (ранее 1469–1486, сын Касима). Возможно, сыном Улуг-Мухаммада был также, упоминаемый в русских летописях, Аслам Бахметьев (т.е. Аслан сын Махмета).

² Татарским предводителям важным было защитить не столько свою территорию, на которой они кочевали, сколько своих подчиненных им людей.

³ См. §§ 14, 27, 36.

⁴ Вероятно, речь идет о событиях 1436 г.

⁵ См. § 21.

всегда хорошо принимал и его отца, и его самого. А кто подумал бы, что спустя тридцать пять лет¹, при крайней отдаленности друг от друга обеих стран, встретятся татарин с венецианцем?

§ 40. Я добавлю к этому еще один рассказ (хотя событие относится к другому времени), потому что он касается того же, о чем я только что говорил. В 1455 г., будучи на складе одного вино-торговца на Риальто² и расхаживая по помещению, я вдруг заметил за бочками, в конце склада, двух закованных в цепи людей. По внешнему виду я узнал в них татар и спросил, кто они такие. Они ответили мне, что были в рабстве у каталонцев³, что потом бежали на лодке, но в море были захвачены здешним купцом. Тогда я сразу же пошел к начальникам ночной стражи⁴ и подал им жалобу по поводу этого дела. Те немедленно прислали несколько служащих, которые привели татар в контору и в присутствии того купца их освободили, а его осудили.

Я взял этих татар, привел их к себе в дом и расспросил, кто они такие и из какой страны. Один из них сказал, что он из Таны и что был слугой Коцадахута. Последнего я когда-то знал, потому что он был коммеркиарием⁵ хана, который через него сдирал пошлину с товаров, ввозимых в Тану. Вглядевшись в лицо татарина, я как будто узнал его, потому что он много раз бывал в моем доме. Тогда я спросил, как его зовут, и он сказал мне, что его имя Кебекчи, что на нашем языке означает «отделяющий отруби, высевки» или же «просеивающий муку». Я посмотрел на него и сказал: «А меня-то ты узнаешь?». Он ответил: «Нет». Но лишь только я упомянул о Тане и об Юсуфе (так меня называли в тех краях), как он бросился к моим ногам и хотел их облобызать, говоря: «Ты дважды спас мне жизнь, один раз теперь, потому что, оказавшись в рабстве, я считал себя умершим; в другой же раз, когда горела Тана; ты тогда пробил пролом в стене, через который выбралось наружу много людей и в их числе мой хозяин и я». Это действительно так и было. Когда случился в Тане тот пожар, я сделал пробоину в стене против одного пустыря, где скопилось много народу; через пролом вышло наружу до сорока человек и между ними этот самый татарин и Коцадахут.

Я продержал обоих [татар] у себя в доме почти два месяца, а когда отплывали корабли в Тану, я отправил их домой.

Итак, расставаясь с кем-либо в предположении никогда больше не возвращаться в те края, никто не должен забывать о дружбе, как будто никогда уже не придется свидеться. Может случиться тысяча вещей так, что снова придется повстречаться и, быть может, тот, кто более силен, будет нуждаться в том, кто менее силен.

§ 41. Возвращаясь к рассказу о Тане, я пройду по западному побережью, следуя вдоль Забакского моря, а после выхода из него поверну налево; затем пройду немного по Великому морю вплоть до провинции, называемой Мингрелия.

§ 42. Если ехать из Таны вдоль берега упомянутого моря, то через три дня пути вглубь от побережья встретится область, называемая Кремук⁶. Правитель ее носит имя Биберди, что значит «богом данный». Он был сыном Кертибея, что значит «истинный господин». Под его властью много селений, которые по мере надобности могут поставить две тысячи конников. Там прекрасные степи, много хороших лесов, много рек. Знатные люди этой области живут тем, что разъезжают по степи и грабят, особенно [купеческие] караваны, проходящие с места на место. У [здешних жителей] превосходные лошади; сами они крепки телом и коварны нравом; лицом они схожи с нашими соотечественниками. Хлеба в той стране много, а также мяса и меда, но нет вина.

Дальше за этим народом лежат области, населенные племенами с различными языками, однако они не слишком удалены друг от друга. Это племена Кипке, Татаркосия, Собаи, Кевертеи,

¹ Первый рассказ о сыне Эдельмуга относится к 1442 г.

² Риальто – торговый квартал в Венеции.

³ Вероятно, татары попали в рабство каталонских пиратов, которые оспаривали в XIV в. Средиземное море у генуэзцев.

⁴ Речь идет о существовавшей с XIII века коллегии из шести членов, каждый из них надзирал за порядком в одном из шести районов Венеции. В ночное время в городе охранялась общественная безопасность, производились аресты всяких преступников и нарушителей порядка.

⁵ Коммеркиарий, таможенный чиновник. Очевидно, подразумевается тамгачи – сборщик торговой пошлины в виде процента с купеческих операций.

⁶ Возможно, речь идет о Прикубанье.

Ас, т.е. Аланы, о которых мы говорили выше¹. Они следуют одно за другим вплоть до Менгрелии, на пространстве двенадцати дней пути². [...]

§ 45. Возвращаясь еще раз в Тану [как в исходное место], я перехожу реку, где раньше была Алания, как я сказал об этом выше³, и двигаюсь направо вдоль берега Забакского моря, идя вперед вплоть до «острова Каффы»⁴; здесь я нахожу полосу земли, которая тянется между [этим] «островом» и материком, вроде перешейка в Морее, называющегося Цукала⁵. Там [около перешейка к «острову Каффы»] находятся огромнейшие соляные озера, которые непосредственно тут же на месте и застывают. Следуя по упомянутому «острову», раньше всего на побережье Забакского моря находится Кумания, население которой получило свое имя от племени Куманов⁶. Затем – край «острова», где расположена Каффа; там была Газария; ведь до нынешнего дня «пико»⁷, т.е. локоть, которым меряют [ткани] в Тане, по всем этим местам называется «газарским локтем».

§ 46. Степь на «острове Каффы» подвластна татарам⁸. Их правителем является Улуби⁹, сын сын Азихарей. Татар очень много, и при надобности они могли бы поставить от трех до четырех тысяч конников. У них есть два поселения, обнесенные стенами, но не представляющие собой крепостей. Одно – это Солхат¹⁰, который они называют Инкремин, что значит «крепость», другое – Керкиарде¹¹, что на их наречии означает «сорок селений».

На этом «острове» при устье¹² Забакского моря находится, прежде всего поселение, именуемое Керчь; у нас она называется Босфором Киммерийским. Далее лежит Каффа, за ней – Солдайя¹³, Грузуи¹⁴, Чимбало¹⁵, Сарсона¹⁶ и Каламита¹⁷. Все эти места в настоящее время подвластны турецкому султану. О них я больше ничего не скажу, так как все они достаточно известны.

§ 47. Однако я хотел бы только рассказать о гибели Каффы, именно то, что я узнал от одного генуэзца, Антонио да Гваско, который там находился, затем бежал по морю в Грузию, а оттуда пришел в Персию как раз в то время, когда я там был. Послушайте, каким образом этот город достался в руки туркам.

Тогда правителем в том месте, а именно – в степях, был один татарин по имени Эминакби¹⁸. Он ежегодно брал с каффинцев определенную дань, что было обычным явлением в тех краях. Случились между ним и каффинцами некоторые разногласия, по поводу которых консул Каф-

¹ См. § 7.

² Далее идет описание Менгрелии.

³ См. §§ 5 и 7.

⁴ Так итальянцы определяли Крымский полуостров; иногда так называли только его восточную часть, где находилась Кафа.

⁵ «Остров Каффы» соединялся с материком, с суши, посредством перешейка.

⁶ Куманы (команы), византийское и западноевропейское наименование кыпчаков – тюркоязычного народа, проживавшего в XI–XV вв. на территории евразийских степей от Подунавья до Прииртышья.

⁷ Т.е. мера длины тканей. Пиками мерили главным образом шерстяные ткани, но также и льняные, некоторые шелковые и даже парусину в следующих городах: в Тане, в Кафе, в Константинополе, в Тебризе. В Тане, кроме пикко, пользовались также мерой brazo, «локоть», braccio.

⁸ Т.е. непосредственно управлялись татарскими ханами. Генуэзские же колонии платили им дань.

⁹ Это имя крымского хана Хаджи-Гирея не встречается в других источниках.

¹⁰ Солхат (Солхад) – итальянское название города Крыма (Эски Крым), древности которого находятся на месте современного города Старый Крым. В золотоордынскую эпоху был центром Крымского улуса Улуса Джучи. Татарское название города – Крым известно по письменным источникам и чеканившимся в нем монетам.

¹¹ Имеется в виду Кырк-Йер (Чуфуткале), город неподалеку от Бахчисарая, резиденция первых крымских ханов.

¹² Устье Забакского моря – Керченский пролив.

¹³ Т.е. Судак – золотоордынский город в Крыму, на берегу Черного моря. Был важным центром торговли. В XIII–XV вв. в городе существовала венецианская, а затем генуэзская колония.

¹⁴ Гурзуф – город на южном побережье Крыма, где существовала генуэзская колония.

¹⁵ Чембало – генуэзская крепость в Крыму, ныне на территории г. Балаклавы.

¹⁶ Херсон (Херсонес, Керсона, Корсунь) – город на юго-западе Крыма, современный Севастополь.

¹⁷ Инкерман – город на юго-западе Крыма, порт княжества Феодоро.

¹⁸ Эминакби (Эминак-бей или бег), крымский карачи-бек из клана Ширин. Стремился узурпировать власть в Крымском ханстве, вступил в открытый конфликт с ханом Менгли-Гиреем.

фы – это был тогда генуэзец – решил обратиться к хану¹, чтобы призвать [правителем] кого-либо из родичей этого Эминакби. При его содействии и при помощи его сторонников консул намеревался изгнать Эминакби. Поэтому он послал [из Каффы] корабль в Тану². На корабле был посол от консула, который и отправился в орду, где находился хан. Когда там был найден какой-то родич Эминакби, по имени Менглиери, посол, получив разрешение, отвез его в Каффу через Тану. Эминакби, узнав об этом, пытался установить мир с каффинцами путем договора, по которому они должны были отослать Менглигирея³ обратно. Но каффинцы не согласились на подобный договор; тогда Эминакби, опасаясь за свое дело, отправил посла к Оттоману⁴, обещая ему (если он пошлет свой флот для осады Каффы с моря) осадить город с суши и таким образом отдать ему Каффу, которой тот хотел овладеть.

Оттоман, который весьма желал этого, послал флот и в короткое время взял город; Менглигирей был захвачен и отослан к Оттоману, у которого оставался в тюрьме многие годы⁵.

§ 48. Некоторое время спустя Эминакби из-за дурного отношения к себе со стороны турок начал жалеть, что отдал город Оттоману, и перестал допускать туда ввоз какого-либо продовольствия. Поэтому там начал [ощущаться] большой недостаток хлеба и мяса, так что город находился как был в осаде. Тогда Оттоману напомнили, что если бы он послал Менглигирея в Каффу и держал его внутри города под домашней охраной, в городе наступило бы изобилие [питания], потому что этот самый Менглигирей пользовался большой любовью у окрестного населения. Оттоман, рассудив, что такое напоминание полезно, отослал Менглигирея [в Каффу]. Лишь только стало известно, что он вернулся, тотчас же в городе наступило великое изобилие, потому что Менглигирея любило также и городское население. Он содержался под нестрогой охраной и мог ходить повсюду в пределах города. Тогда-то однажды и были устроены состязания по стрельбе из лука.

В этих местах состязания происходят следующим образом. К деревянной балке, положенной горизонтально на два деревянные столба (это устройство похоже на виселицу), привешивают на тонкой бечевке серебряную чашу. Состязающиеся на приз стрелки имеют стрелы⁶ с железной частью в виде полумесяца с острыми краями. Всадники скачут с луками на своих конях под эту виселицу и, едва только минуют ее, – причем лошадь продолжает нестись в том же направлении, – оборачиваются назад и стреляют в бечевку; тот, кто, срезав ее, сбросит чашу, выигрывает приз.

И вот Менглигирей, воспользовавшись случаем, когда происходили эти игры, устроил так, что согнал всадников из татар, с которыми он сговорился, спрятались в одной долинке неподалеку за городом. Он сделал вид, что также хочет состязаться в стрельбе, поскакал во весь опор и скрылся бегством среди своих сообщников. Немедленно же, лишь только узнали об этом событии, множество людей из населения «острова» последовало за Менглигиреем. Вместе с ними, в полном порядке, он ушел к Солхату – этот город отстоит от Каффы на шесть миль – и захватил его⁷. Убив Эминакби, Менглигирей стал правителем тех мест.

§ 49. На следующий год он решил пойти к Астрахани, которая находится в шестнадцати днях пути от Каффы; она была тогда подвластна Мордасса-хану⁸. Последний в это время находился вместе с ордой на реке Ледиль. Менглигирей вступил с ним в сражение, взял его в

¹ Ханом Большой Орды был тогда (незадолго до падения Каффы, произошедшего 6 июня 1475 г.) Ахмад.

² Тана по своему географическому положению была ближе всего к территории Большой Орды (приазовские степи, Нижнее Поволжье), и потому генуэзцы, сносясь с татарами, посылали свои корабли в Тану, чтобы затем попасть в ставку хана.

³ Менгли-Гирей – крымский хан (1467–1515 гг., с перерывами).

⁴ Т.е. к турецкому султану Мехмеду II Фатиху (Завоевателю) (1444–1446, 1451–1481).

⁵ Менгли-Гирей в плену пробыл чуть менее трех лет, до весны 1478 г.

⁶ В сочинении Иосафата Барбаро говорится о стрелах трех видов: 1) стрелы для лука, самого распространенного оружия у татар (§ 29); 2) стрелы, которыми убивают летящих гусей (§ 32); эти стрелы короткие и искривленные, без оперения; в полете они изменяют свое направление; 3) стрелы для состязаний в стрельбе из лука; они имеют на конце металлический полумесяц, предназначенный для перерезывания веревки, на которой подвешена серебряная чашка (§ 48).

⁷ В этом месте издателем Рамузио сделал вставку: «Нарастало количество народа, готового ему подчиниться, и тогда он пошел в Кырк-иер (Cherchiarde) и взял его».

⁸ Очевидно, речь идет о Муртазе – сыне хана Ахмада.

плен и забрал себе его народ, большую часть которого послал на «остров Каффы», а сам остался зимовать на упомянутой реке. В нескольких днях пути оттуда стоял другой татарский правитель, который узнав, что Менглигирей зимует в том месте, – а река уже замерзла, – решил сделать на него неожиданное нападение, одолел его и освободил Мордасса-хана, которого Менглигирей держал в заключении.

Потерпевший поражение Менглигирей вернулся с расстроеным войском в Каффу.

На следующую весну Мордасса с ордой пошел на него прямо к Каффе, сделал несколько набегов и причинил вред внутренним частям «острова». Однако, не располагая достаточными силами, чтобы подчинить своей власти эти земли, он повернул обратно. Тем не менее, как мне говорили¹, он снова собирает войско с намерением вернуться на «остров» и изгнать Менглигирея.

§ 50. Все это само по себе достоверно, но в то же время послужило поводом к вымыслу, а именно: люди, которые не понимают, почему ведутся войны между этими двумя правителями, и не представляют себе разницы между великим ханом и Мордасса-ханом, но слышали, что Мордасса-хан собирает новое войско с намерением вернуться на «остров», говорят и распространяют известие, что сам великий хан идет на Каффу вместо Оттомана и собирается двинуться дальше по пути на Монкастро, в Валахию и Венгрию, и вообще всюду, куда ни захочет Оттоман². Все это – ложные сведения, хотя они и получают через письма из Константинополя.

§ 51. Далее за Каффой, по изгибу берега на Великом море, находится Готия, за ней – Алания, которая тянется по «острову» в направлении к Монкастро, как мы уже сказали выше.

Готы говорят по-немецки³. Я знаю это потому, что со мной был мой слуга-немец; они с ним ним говорили, и [обе стороны] вполне понимали друг друга подобно тому, как поняли бы один другого фулланец и флорентиец⁴. Я думаю, что благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и [как бы] смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами. И те, и другие следуют обрядам греческой церкви, также и черкесы.

§ 52. Мы упомянули о Тамани и об Астрахани⁵ и поэтому не хотим обойти молчанием эти места и предметы, достойные внимания. Скажем следующее: если идти с Тамани на восток в течение семи дней, то встретится река Ледиль, на которой стоит Астрахань. Теперь это почти разрушенный городишко, но в прошлом это был большой и знаменитый город. Ведь до того, как он был разрушен Тамерланом⁶, все специи и шелк шли в Астрахань, а из Астрахани – в Тану (теперь они идут в Сирию)⁷. Только из одной Венеции в Тану посылали шесть-семь больших галей⁸, чтобы забирать эти специи и шелк. И в те времена ни венецианцы, ни представители других заморских наций не торговали в Сирии.

§ 53. Эдиль – многоводная и необычайно широкая река; она впадает в Бакинское море⁹, которое находится на расстоянии около двадцати пяти миль от Астрахани. В реке, как и в море, неисчислимое количество рыбы; в море добывается много соли.

¹ Иосафат Барбаро, будучи уже в Венеции, продолжал интересоваться ситуацией в Приазовье и Северном Причерноморье (в 80-х годах XV в.) и отметил, что сведения, которые он записал, были ему кем-то.

² Вероятно, под великим ханом следует понимать Шейх-Ахмада, сына Ахмада. Шейх-Ахмад после гибели отца в 1481 г. развернул борьбу за власть в Большой Орде против своих братьев.

³ Крымские готы – германоязычный народ, проживавший в Крыму до конца XVIII столетия.

⁴ Из рассказа Иосафата Барбаро следует, что он посетил места расселения готов в Крыму. Сам не знавший немецкого языка, Барбаро был свидетелем беседы на этом языке, которую вел с готами его слуга, немец по происхождению; категорическое заявление Иосафата Барбаро о том, что «готы говорят по-немецки», основано на собственном наблюдении. Иосафат Барбаро заметил, однако, разницу в говорах слуги-немца и крымских готов и вместе с тем близость между этими говорами. Для наглядности он сопоставил два разных, но обоюдопонятных итальянских наречия: флорентийский правильный язык и наречие из области Фриуль, лежащей к северу от Венеции.

⁵ Об Астрахани и Тамани говорилось в § 15.

⁶ Имеются в виду последствия похода Тимура 1395–1396 гг.

⁷ Иосафат Барбаро констатирует перемещение торговых путей, после разгромных походов Тимура путь специй и шелка стал выходить к Средиземноморью не через Тану, а через Сирию.

⁸ Галея – парусно-гребное судно шириной до 10 м, длиной до 50 м.

⁹ Т.е. Каспийское море.

Вверх по течению по этой реке можно почти доплыть до Москвы, города в России: останется лишь три дня пути¹. Ежегодно люди из Москвы плывут на своих судах в Астрахань за солью².

На реке [Эдиль] много островов и лесов; некоторые острова имеют в окружности до тридцати миль. В лесах попадаются такие липы, что из одного выдолбленного ствола делают лодки, вмещающие восемь-десять лошадей и столько же людей.

§ 54. Если плыть по этой реке и направляться на северо-восток и на восток, следуя пути в Москву, то в продолжение пятнадцати дней вдоль берегов будут встречаться бесчисленные племена Тартарии³. [...]

§ 57. Сейчас прошло, вероятно, лет двадцать пять с тех пор, как русские платили за плавание [по Волге] дань татарскому хану⁴. В настоящее время они подчинили себе город, который называется Казань⁵. На нашем языке это значит «котел». [Город] находится на берегу реки Ледиль по левую руку, если плыть к Бакинскому морю; он удален от Москвы на пять дней пути. Это – торговый город; оттуда вывозят громадное количество мехов, которые идут в Москву, в Польшу, в Пруссию и во Фландрию. Меха получают с севера и северо-востока, из областей Дзагатаев⁶ и из Мордовии.

Этими северными странами владели татары⁷, которые в большинстве своем язычники, так же как и мордовцы.

§ 58. Я обладаю хорошей осведомленностью относительно мордвы и потому расскажу все, что знаю, об их верованиях и образе жизни.

В известное время года они берут лошадь, которую они приобретают сообща, и привязывают ей все четыре ноги к четырем кольям, а голову – к отдельному колу. Все эти колья вбиты в землю. Затем приходит человек с луком и стрелами, становится на соответственном расстоянии и стреляет в сердце до тех пор, пока не убьет лошадь. Потом ее обдирают, из шкуры делают мешок, над мясом совершают какие-то свои обряды и съедают его; шкуру туго набивают соломой и зашивают ее так искусно, что она кажется цельной; вместо каждой из ног подставляют прямой брусок дерева – так, чтобы лошадь могла стоять, будто живая, на ногах. Наконец, они идут к какому-нибудь большому дереву, обрубают соответственным образом сучья и прилаживают сверху помост, на который и помещают эту лошадь стоймя. В таком виде они ей поклоняются и приносят в дар соболей, горностаев, белок, лисиц и другие меха. Все это они навешивают на дерево, подобно тому, как мы ставим свечи [в церкви]. Таким образом, получается, что эти деревья сплошь заполнены мехами.

Народ питается больше всего мясом, преимущественно диких животных, и рыбой, которую ловят в здешних реках. Это все, что мы могли рассказать о мордовцах.

§ 59. О татарах же нечего сказать другого, кроме разве того, что те из них, которые остались язычниками, поклоняются истуканам, возя их с собой на своих телегах; однако среди них есть и такие, которые имеют обычай поклоняться каждый день какому-нибудь животному, встреченному ими при первом выходе из дома. [...]

¹ В условиях XV века было практически невозможно в течение трех дней (из Астрахани?) достичь Москвы. Ср. с информацией § 57 о расстоянии между Казанью и Москвой.

² Издатель Рамузио здесь добавляет: «Это легкий путь, потому что река Москва впадает в другую реку, называемую Ока, которая спускается в реку Эрдиль». Рядом с Астраханью находится озеро Баскунчак – главное месторождение соли в современной России.

³ Далее идет описание русских земель.

⁴ Неясно, от какого времени считал Иосафат Барбаро указанный им примерный срок в 25 лет. Судя по тому, что непосредственно за этим повествуется о взятии Казани русскими (в 1487 г.), его воспоминание о плате за проходящие по Волге суда относилось к Казани.

⁵ Казань была взята воеводами Ивана III после осады, продолжавшейся с 18 мая по 9 июля 1487 г. Казанский хан Ильхам (Али-хан) был взят в плен, на его место посажен Мухаммад-Амин. Казанское ханство стало зависимым от Москвы. С вестью о подчинении Казани было отправлено посольство, которое должно было посетить Рим, Венецию и Милан. Московские послы были приняты венецианским сенатом 6 сентября 1488 г. На торжественном заседании сената они объявили об этом успехе московского государства. Через это посольство Барбаро мог узнать о взятии Казани; он тогда и внес эту последнюю новость в свое сочинение.

⁶ Под областью Дзагатаев следует понимать территорию Большой Орды.

⁷ Т.е. находящиеся к северу от Таны.

§ 63. Вот и все, что я мог рассказать о моем путешествии в Тану и в окружающие страны, а также о вещах достойных памяти [и виденных мною] в тех местах».

2. Матвей Меховский. «Трактат о двух Сарматиях»

Текст воспроизведен по изданию: Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Книга первая Трактат первый. О Сарматии Азиатской.

Глава первая. О том, что есть две Сарматии

Древние различали две Сарматии, соседние и смежные друг с другом, одну – в Европе, другую в Азии.

В Европейской есть области: руссов или рутенов¹, литовцев, москов² и другие, прилегающие к ним, между рекой Вислой на западе и Танаисом³ на востоке, население которых некогда называлось гетами⁴.

В Азиатской же Сарматии, на пространстве от реки Дона или Танаиса на западе до Каспийского моря на востоке, ныне живет много татарских племен.

О их государственном строе, происхождении, вере и обычаях, обширности земель, о реках и о соседних областях будет сказано в нижеследующем. [...]

Глава шестая. Об обычаях татар и о находящемся в их землях

Татары чаще всего люди среднего роста, широкоплечие, с широкой грудью и некрасивые⁵. Лица у них широкие с плоским носом, цвет кожи темный. Они сильны, смелы и легко переносят голод, холод и жару.

Верховой езде и стрельбе из лука они предаются с раннего возраста. Все свое возят с собой и, кочуя с места на место, живут в полях с женами, детьми и скотом. У них нет ни городов, ни сел, ни домов.

Насмехаясь над христианами, они говорят между собой: «Не сиди на месте, чтобы не быть в грязи, как христианин, и не гадить под себя».

Перед началом зимы, спасаясь от холода, они уходят к Каспийскому морю, где влияние моря умеряет температуру, а к лету возвращаются в свою область.

Некоторые из них распахивают и засевают просом одну две или три полосы длиною в три-четыре югера⁶ и больше. Из проса они готовят кушанья и баирам (baïram), то есть тесто. У них нет пшеницы, нет и никаких овощей, но много мелкого и крупного скота, а в особенности коней и кобылиц, служащих им и для езды и для пропитания. Они делают лошадиам надрезы и раны, а кровь употребляют в пищу вместе с просом или отдельно. Мясо крупного и мелкого скота и конину они едят в полусыром виде. Лошадей, издохших накануне, просто или даже от болезни, они охотно употребляют в пищу, вырезав только зараженное место. Пьют воду, молоко и пиво, сваренное из проса. Воду турки и татары называют *су*: иногда татары говорят *суга* (suha), и это значит вода. Пиво же просяное или сделанное из проса они зовут *буза* (buza), а русские – *брага* (braha). Особенно они ценят молоко *комиз* (komiz)⁷, то есть кислое, потому что что оно будто бы и укрепляет желудок и действует, как слабительное. На пирах и принимая

¹ Рутены – латинское наименование русских.

² Моски – жители Московии.

³ Танаис – греческое наименование реки Дон.

⁴ Геты – древние племена, проживавшие до нашей эры на территории от Балкан до Дуная.

⁵ Понятие красоты было различным у представителей различных культур и цивилизаций. Например, Вильгельм де Рубрук отмечает, что среди татар та девушка, «у которой нос меньше других, считается более красивой», см.: Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Глава VIII. О бритве мужчин и наряде женщин. – М., 1997. – С.100.

⁶ Югер – древнеримская мера площади. 1 югер = 2518,2 кв.м.

⁷ Речь идет о кумысе.

гостей они пьют *араку* (araka), то есть перебродившее молоко, удивительно и быстро опьяняющее.

Они не воруют и не терпят воров в своей среде, но жить грабежом, разоряя соседей, для них – величайшее удовольствие и доблесть. Они не знают ни ремесл, ни денег, а меняют вещи одни на другие. Впрочем, в Заволжской орде¹ стали теперь входит в оборот аспры² – серебряные турецкие оболы³, а в Перекопской орде⁴ принимаются дукаты⁵. В Ногайской орде обменивают ют вещи на вещи.

Татары хитры и вероломны с чужими, но между собой и со своими весьма честны.

Одежду они носят обычно из войлока и белой шерсти, грубо и просто сделанную. Больше всего они любят опончи, а в произношении этого слова в начале ставят *и*, говоря *иопончи*, а не *опончи*⁶. Это – плотный белый несшивной плащ, очень удобный для дождей и на реке.

Страна их – равнина, без гор и деревьев, изобилующая лишь травой. Дорог у них нет, нет и лодок, а путь свой они считают днями. Так, земля заволжских татар, от реки Волги до Каспийского моря, простирается приблизительно на 30 дней самой быстрой верховой езды.

Верхом они проезжают в день 20 больших германских миль⁷, а пешком не ходят и не путешествуют.

Звери, встречающиеся у них, это – олени, лани, козы и свак. Свак – это животное величиной с овцу, не попадающееся в других странах, с серой шерстью и двумя небольшими рогами, очень быстрое на бегу. Мясо его очень вкусно⁸. Когда стадо сваков замечено где-нибудь в траве в поле, хан или император татарский скачет туда верхом со множеством конных и они со всех сторон окружают скрывающихся в высокой траве животных. Начинают бить в бубны, тогда испуганные сваки выбегают с разных сторон и всё мечутся от одного края облавы к другому, пока не обессилеют от усталости. Тут татары с криком бросаются на них и убивают.

Глава седьмая. О границах владений заволжских татар

Земля хана и заволжских татар ограничена с востока Каспийским или Гирканским морем, с севера – степями, тянущимися на большое расстояние вширь и вдаль; с запада – реками Танаисом и Волгой; с юга – частью морем Эвксинским или Понтом⁹, частью высочайшими горами Иберии¹⁰ и Альбании¹¹.

Каспийское море русские зовут *Хваленское море* (Chwalenskie morze). Образовано оно не океаном, а реками, в него текущими. Многочисленные крупные реки стремительно вливаются в бассейн этого моря и, как бы прыгая с высоких берегов в середину его, оставляют под собой проход для едущих у берега. Поэтому летом персы и мидяне¹² ищут там прохлады, а зимой, вследствие испарения, климат там более умеренный. У этого моря и дальше к востоку, по словам русских, живут длинноволосые татары. Другие татары называют их *калмуками*¹³ или язычниками, так как они не соблюдают обряда магометова и не бреют головы, как все татары, у которых только юноши не выбривают головы до конца, оставляя две пряди волос, спускающиеся от правого и от левого уха к плечу, как признак неженатого или девственника.

¹ Литовское наименование Большой Орды.

² Аспра – серебряная монета итальянских колоний Северного Причерноморья и Трапезунда. В Кафе аспры чеканились с XIV в. по 1475 г.

³ Обол – древнегреческая серебряная монета.

⁴ Литовское наименование Крымского ханства. Происходит от Перекопа – оборонительного рва на Крымском перешейке, давший затем название и городу Ор-Капи или Ферх-Кермен, как называли его турки.

⁵ Дукат – венецианская золотая монета.

⁶ Вероятно, речь идет о чапане.

⁷ Немецкая миля составляла более 7 км.

⁸ Очевидно, речь идет о сайгаке.

⁹ Т.е. Черным морем.

¹⁰ Т.е. Восточной Грузии.

¹¹ Т.е. Кавказской Албании, территорией современного Азербайджана.

¹² Мидяне (мидийцы), ираноязычные жители Мидийского царства (670 до н.э. – 550 до н.э.), подчинившие своей власти и политическому влиянию обширные области от Малой Азии до границ Индии.

¹³ Очевидно, под калмуками (от тюрк. «оставшиеся») Матвея Меховского следует понимать не предков современных калмыков, проживавших в XVI веке между Алтаем и Тянь-Шанем и между степью Гоби и оз. Балхашем, а степных жителей, сохранявших языческую веру и неперешедших в ислам.

С запада находятся реки Танаис и Волга. Танаис татары называют Дон. Он берет начало из княжества Рязанского (Rzesensko, Rzessensi), занятого князем Московии¹, и сначала течет на север, потом поворачивает к югу и тремя устьями впадает в Меотидские болота² или вернее образует их. Около Танаиса есть уже деревья, есть яблоки и другие плоды, есть кое-где пчелиные улья на дубах, а также, но реже, – на соснах. Оттого татары и называют Дон святым, что близ него они находят готовую пищу: плоды, мед и рыбу.

Река Волга, по татарски называемая Эдель, течет из Московии. Истоки ее лежат дальше к северо-западу, чем у Танаиса. Сначала она течет на север, огибая Танаис на большом от него расстоянии, затем сворачивает к востоку и югу и наконец, двадцатью пятью устьями или рукавами впадает в Эвксинское море³.

Расстояние между Танаисом и Волгой равно пятинедельному или, при быстрой скачке, по крайней мере, трехнедельному пути. Волга втрое больше Дона, а двадцать пять ее рукавов сами являются большими реками, и даже меньшие из них по величине равны римскому Тибру или Висле за Краковом. Эти реки весьма богаты рыбой, так что татары и другие проезжающие могут, стоя на берегу, зацепить саблей и выгачить рыбу, плывущую по течению.

Близ этих рек, Танаиса и Волги, в большом количестве встречается *air* (air)⁴, то есть пахучий тростник, называемый также *бросворце* (brostworce). Там же растет ревеня, который татары называют *чиниревент*⁵ (czyńirewent) (слово это персидское), а также *кучилабука* (kuczylabuka) или, по иному произношению, *кыльчабуга* (kylczabuga), что значит вороний глаз; это – сильное жарчительное средство⁶.

Об истоках рек Дона и Эдель я скажу подробнее в трактате о Московии.

Всякий раз как заволжские татары отправляются за добычей в наши страны, они переправляются и через эти и через другие реки без лодок: привязывают ношу сверху, жен и детей сажают на спины коней, а сами держатся за конские хвосты. Так они переплывают и идут грабить и творить всякие злодеяния.

К югу, по направлению к Каспийскому морю лежат горы Иберии и Альбании, которые у русских называются по имени народа *Пятигорские Чиркасы* (Pietihorscij czyrkaczu), то есть приблизительно *Чиркасы пяти гор* (Quinquemontani)⁷. Среди этих же гор живут газарские племена, которые, по словам вашей моравской легенды, обращены были в веру христову святыми братьями Кириллом и Мефодием, посланными императором Константинопольским Михаилом.

Газары и до сих пор следуют греческой вере и обрядности. Это – воинственные люди, имеющие связи по всей Азии и в Египте; у них заволжские татары приобретают оружие. В наше время греки называют эти племена абгазары и абгазели⁸.

По соседству с ними находятся племена черкесов (Circassi) и менгреллов⁹ (Mengrelli). Все это – христиане греческого обряда, обращенные св. Кириллом¹⁰. [...]

Из гор черкесов пятигорских течет большая река, называемая по татарски Терек (Tirk). У нее такое быстрое течение, что уносит с собой камни и много рыбы. Впадает она в Каспийское море. За ней из тех же гор выходит река Кубань (Coban), меньшая, чем Терек, и также впадает в Каспийское море¹¹.

¹ Рязанское княжество с середины XV века находилось под контролем московских великих князей, однако присоединено оно было только в 1521 году.

² Меотида – греческое наименование Азовского моря.

³ Эвксинское море – греческое наименование Черного моря. Волга впадает в Каспийское море.

⁴ *Air* (асогус саламус), пахучий тростник; в корневище эфирное масло и горечь; желудочное лекарственное средство, имеет и другие применения.

⁵ *Чиниревент* – состоит из двух персидских слов: *чини* значит *китайский* и *ревенд* – *ревеня*.

⁶ *Кучилабука*, возможно, состоит из двух слов: *кучалак* (чагат.), т.е. коршун, и *буг'а*, *бог'а* (осм., куман.) значит *бык*. Значение *oculus cornicis*, т.е. вороний глаз, осталось неясным.

⁷ Черкесы (самоназвание адзыхи – «люди»), племена, проживавшие в XV–XVI вв. в Прикубанье и ущельях Северного Кавказа.

⁸ Возможно, Матвей Меховский имеет в виду абхазов.

⁹ Мегрелы – племя в Западной Грузии.

¹⁰ Черкесы до перехода в XVI в. в ислам исповедовали христианство.

¹¹ Кубань впадает в Черное море.

Глава восьмая. О генеалогии императоров, живущих за Волгой

Татарских орд четыре и столько же их императоров. Это именно: орда заволжских татар, орда перекопских, орда козанских (Cosanensium) и четвертая орда ногайских. Добавляют еще и пятую, не имеющую императора, и называют ее казакской (Kazacka). О них будет сказано ниже. Орда по-татарски означает толпу, множество. Первая из всех по значению это – орда чагадаев или заволжских, называющая себя *Так кси*¹, то есть главной ордой или людьми первенствующими и свободными, отчасти потому, что сама она никому не подчинена, отчасти потому, что от нее пошли и другие орды. Поэтому же и москвиты называют заволжскую орду Большой ордой. Оттого также и император их, на их языке называется *Ир тли кси*², что значит свободный человек. Называется он и *Улухан* (Vlucham), то есть *великий господин* или *великий император*, при чем *улу* значит *великий*, а *хан* (cham) *господин* или *император*. Кое-кто, неправильно толкуя, называли его *большой собакой* (magnum canem), тогда, как *улухан* вовсе не значит *большая собака*: *хан* с придыханием по-татарски означает *господин* или *император*, а *кан* (sam) без придыхания – *кровь*, но ни в каком случае не *собака*.

По татарским преданиям и рассказам³, некая вдова зачала и родила сына по имени Цингис⁴, а когда другие сыновья хотели убить ее, как прелюбодейку, она придумала в извинение себе, что зачала не от человека, а от солнечных лучей. Сыновья поверили этой выдумке и отпустили мать на свободу. Сын ее Цингос или Цингис, родившись для жалкой участи, вырос великим и смелым человеком и был первым родоначальником императоров чагадайских или заволжских. Сыном его был Иокухан (Iocucham)⁵, еще вполне язычник. Иокухан родил Заинхана (Zaincham), третьего императора, которого во всем мире, а преимущественно в Польше, Венгрии и России называют Батый. Он разорил Готтию⁶ и Россию и опустошил Польшу, Силезию, Моравию и Венгрию, как было сказано в начале. Этот Батый сперва был язычником, но впоследствии, вместе со всеми татарами, принял магометову веру⁷, которой они придерживаются и по сей день. Четвертым императором был сын Батыя Темир-Кутлу⁸, в переводе с татарского – *счастливое железо* (*темир* – счастливый и *кутлу* – железо⁹). Он был счастлив и любил войну. Это и есть прославленный в истории Темерлан, опустошивший всю Азию и дошедший до Египта. Он прежде всего столкнулся с Баязетом (Pesaitem), императором турок, взял его в плен и заковал в золотые цепи, но потом вскоре отпустил. Войска у него было миллион двести тысяч человек.

Был в то время и другой татарский государь – Аксак-Кутлу, что значит *хромой* или *хромое железо*¹⁰: он был хром, но жесток. Он счастливо вел много войн, взял приступом большой город в земле чагадаев, т.е. заволжских татар, по имени Кумумедцар, разорил его и обратил в пустыню. Теперь стоят заброшенными каменные дома в этом городе, а триста церквей, принадлежавших готтам, превращены в лишенные жителей мечети магометовой веры. В замке этого города погребают заволжских императоров.

Пятым императором был сын Темир-Кутлу, Темир царь¹¹. Он, как рассказывают, вызван был Витольдом, князем Литовским, и Владиславом, королем Польским, на помощь против прусских крестоносцев и, храбро сражаясь, погиб в бою¹.

¹ Вероятно, это искажение татарского словосочетания *Тэхет кешесе*, т.е. «человек престола». В XV столетии оставшаяся часть Золотой Орды (Большая Орда) имела татарское наименование *Тэхет иле*.

² Возможно, искажение татарского словосочетания *ирекле кеше* – дословно «свободный человек», т.е. «государь».

³ Дальнейший рассказ истории Азиатской Сарматии до XVI столетия, как пишет сам Матвей Меховский, основан на устных татарских легендах, повествование обилует историческими неточностями.

⁴ Речь идет о Чингиз-хане.

⁵ Здесь у Матвея из Мехова в одном имени слились две исторические личности – приемник Чингиз-хана Угэдэй и отец Бату Джучи.

⁶ Т.е. Крымский полуостров. Название происходит от германских племен готов проживавших в Крыму в Средневековье.

⁷ Первым из правителей Улуса Джучи ислам принял Берке (1257–1266)

⁸ В данном отрывке смешаны золотоордынский хан Тимур-Кутлуг (1395–1399) и среднеазиатский правитель Тимур (1370–1404).

⁹ Должно быть наоборот: *темир* – железо, а *кутлу* – счастливый.

¹⁰ В переводе слова *кутлу* тут та же ошибка, что выше.

¹¹ Тимур – золотоордынский хан (1410–1412).

Шестым императором был сын Темир царя, Махмет царь². От него родился Ахмет³ царь, седьмой император, а Ахмет на татарском языке значит сговорчивый⁴. Ахмет родил Шиахмета, восьмого императора. Шиахмет значит приблизительно – богобоязненный Ахмет, а татары прозвали его Сахмет, то есть замученный Ахмет, потому что он взят был в плен литовцами и содержится в тюрьме в Ковно⁵.

Он был вызван королем Польским Альбертом⁶ и Александром, великим князем Литовским⁷, на помощь против Мендлигера, императора перекопских татар⁸, и в 1500 году к началу зимы пришел с 60 000 бойцов; женщин же и детей с ним было свыше ста тысяч. Была суровая и очень холодная зима. Жена его, не вытерпев холода и голода, по тайному зову императора Перекопского, бежала в Перекоп от мужа своего Шиахмета с большей частью войска. Эта убыль бойцов, сильнейший холод, наступательные действия Мендлигера перекопского – привели к тому, что войско Шиахмета было рассеяно, он был разбит и с тремя стами коней бежал к Баязету, императору турок. Когда он прибыл в Бялыгород у Понтийского моря, что значит *белый замок*⁹, он узнал, что по приказу императора Баязета его должны взять в плен. Тогда он стремглав бежал назад с пятидесятью конями и вышел на поля близ Киева. Правитель киевский, узнав о нем через разведчиков, окружил его, захватил и отправил в Вильну к литовцам. Оттуда он несколько раз бежал, его догоняли, схватывали и приводили обратно.

Когда Александр, король Польский и великий князь Литвы, вел генеральный сейм русских в Бресте¹⁰, по его предложению прибыл туда из Вильны Шиахмет и был торжественно принят королем Александром, вышедшим навстречу ему на милю от города. Затем в Радоме поляки решили отправить его обратно в Татарию за Волгу с несколькими тысячами легковооруженных, а чтобы возвращение его было удобнее и более приемлемо для его соотечественников, послали вперед Казака Солтана, брата Шиахмета¹¹. Он прибыл за Волгу и вместе с Альбугеримом¹² царем, дядей Шиахмета, стал ждать в родной им земле Чагадайской.

Между тем Шиахмет, идя в Литву для отправки воинов, был снова схвачен литовцами, по наущению Мендлигера, императора Перекопского, и заключен в Ковно, крепости близ Балтийского моря. По справедливости Шиахмет прозван у своих мучеником.

Глава девятая. О том, что народы Скифии беспокойны и всегда склонны к грабежу

Татары не могут жить в покое, не делая набегов и нападений на соседей, не унося добычи, не угоняя пленных и скота. Это одинаково свойственно всем татарским ордам, с самого их появления и до сего дня.

[...] Татары никогда не живут без грабежа и тревожат нападениями соседние народы. Так и в наше время перекопские татары часто бросаются на Валахию, Руссию, Литву и Московию. Ногайские и козанские татары вторгаются в Московию, предавая ее убийствам и разграблению.

¹ В войнах против крестоносцев участвовал сын хана Токтамышша Джелал ад-Дин.

² Кичи-Мухаммад – золотоордынский хан в 1430–1450-х гг.

³ Ахмад (Ахмат, Ахмед) – хан Большой Орды с 1460-х до 1481 г.

⁴ Ахмад (Ахмед, Ахмет, Ахмат) с арабского означает «тот, кто постоянно благодарит Бога», «более достойный одобрения».

⁵ Речь идет о последнем хане Большой Орды Шейх-Ахмаде (1481–1502).

⁶ Имеется в виду Ян I Ольбрахт (1492–1501).

⁷ Александр Ягеллон правил в Литве в 1492–1506 гг.

⁸ Речь идет о крымском хане Менгли-Гирее (1467, 1469–1475, 1478–1515).

⁹ Ак-Керман (ныне Белгород-Днестровский), город на правом берегу Днестровского лимана. В городе в XIII–XV вв. существовала генуэзская колония. Название с татарского означает «Белая крепость».

¹⁰ С 8 февраля по 15 марта 1505 г.

¹¹ Т.е. Куджака – брата Шейх-Ахмада.

¹² Абд ал-Карим (Абдул-Керим) приходился отцу Шейх-Ахмада Ахмаду (Ахмету) двоюродным братом.

Трактат второй

Глава первая. Какие племена и какой народ живет в Скифии, называемой Татарией

Так как татары пришли и заняли Азиатскую Сарматию или Скифию 306 лет тому назад¹, может явиться вопрос, что за народ населял вышеназванную Сарматию Азиатскую, ныне, как и в старину, называемую Скифией. [...]

Трактат третий

О последовательном распространении татар по родам

[...]

Глава вторая. О роде татар уланов или перекопских

Другая отрасль и родовая ветвь, идущая от заволжских татар, это – татары уланы, называемые так по Улану, завоевателю Таврического острова².

Улан значит девушка или девственница, и назван он был так потому, что рожден был девушкой вне законного брака. Это имя он передал и своим потомкам на Херсонесе Таврическом³.

У магометан не диво для девушки зачатие и беременность без брака: это часто бывает и не запрещается⁴.

Таврический остров находится среди Меотидских болот. Длинной он в 24 мили, а шириной в 15 миль. Он имеет три города: Солат⁵, Киркель⁶ и Каффу⁷, и два замка – Манкуп⁸ и Азов⁹.

Солат у татар называется Крымом, почему и государя Перекопского они называют Крымским императором.

Дома в этом городе убогие, а в большей части он покинут.

Другой, меньший город – Киркель. Над ним, на высокой скале, выстроен замок из бревен и глины.

Рассказывают, что в этой скале жил дракон, убивавший людей и скот, так что жители соседних мест бежали, бросив дома пустыми.

Греки и итальянцы, жившие на острове, молились преславной Марии, матери божьей, чтобы она избавила их от дракона. И вот, по прошествии времени, они увидели, что внутри скалы горит свеча. Они вырезали и высекли в скале ступени для подъема, добрались до горящей свечи и увидели образ пресвятой богородицы, перед ним горящий свет, а внизу дракона, разорванного пополам.

Они вознесли благодарность за это чудесное избавление, а дракона, разрубив на куски, сбросили со скалы.

Так как жители, славя святую деву, стали ходить к ее образу на поклонение, то, по их приему, и государь Перекопский Ацигери¹⁰, воевавший со своими братьями, стал просить святую деву Марию помочь ему и дал обет отблагодарить благословенную деву.

¹ Таким образом, первое появление татар Матвей Меховский относит к 1211 г.

² Матвей Меховский полагает, что Крым является островом.

³ Улан, оглан значит ребенок, дитя. В Золотой Орде огланами назывались потенциальные кандидаты на ханской престол.

⁴ Это заявление Матвея Меховского не соответствует мусульманским представлениям о браке, см., например: Коран, XXIV, 2.

⁵ Имеется в виду Крым (Солхад, Солхат, Эски Крым), город, древности которого находятся на месте современного города Старый Крым. В золотоордынскую эпоху был центром Крымского улуса. Татарское название города – Крым известно по письменным источникам и чеканившимся в нем монетам. Генуэзцы называли город Солхат.

⁶ Имеется в виду Кырк-Йер (Чуфуткале), город неподалеку от Бахчисарая.

⁷ Кафа (Каффа, Феодосия), город на южном побережье Крымского полуострова. Во второй половине XIII в. здесь было основано поселение Кафа – центр генуэзских колоний в Крыму. В 1475 г. был завоеван турками-османами.

⁸ Мангуп – город на юге Крыма, столица княжества Феодоро, с 1475 по 1774 г. под властью османских султанов.

⁹ Имеется в виду Азак – крупный город на южном рукаве дельты Дона. В итальянских источниках имело название Тана.

¹⁰ Имеется в виду основатель и первый хан Крымского ханства Хаджи-Гирей (1441–1466).

Надо сказать, что магометане чтут святую Марию и признают, что она – дева, без брака зачала и родила великого и благословенного пророка Иисуса¹.

Когда, с ее помощью, Ацигери победил соперников, то, продав двух лучших, какие у него были, коней и купив воску, он сделал две громадных свечи и приказал, чтобы они из года в год горели перед образом, что и до сего дня соблюдается всеми последующими императорами.

Третий город, Феодосия, ныне называемый Каффой, был взят приступом у генуэзцев Магометом II, императором турок².

Завладев также замком Манкуп к западу от Каффы, вышеназванный турок Магомет убил мечом двух братьев князей, государей замка Манкуп и, как говорят, последних представителей готтов³.

Он укрепил также замок Азов близ устьев реки Танаиса, которым и ныне владеют турки.

Татары уланы, со времени их прихода на остров, живут в луговых его частях по своей исконной привычке, а вне острова владеют такими же луговыми пространствами Сарматии Европейской близ Меотидских болот и Понтийского моря вплоть до Белого Замка.

Они устроили переход и открыли доступ на остров с запада, настлавши земляную насыпь, длинной в милю, в виде моста, но грубо и несовершенно, так что в некоторых местах морские волны переливаются через насыпь.

В древности остров назывался Таврическим, а теперь называется Перекопом, что значит ров, потому что вода окружает его со всех сторон и защищает, как ров, полный воды, защищает город.

Но довольно об этом. Посмотрим теперь их генеалогию.

После Улана в Таврике царствовал царь (czar) Тахтамыс, который, вместе с князем Литовским Витольдом, воевал против своего брата царя Темир-Кутлу, императора Заволжского, и был побежден⁴.

Вслед за Тахтамысом собирался царствовать сын его Шидахмет⁵ царь, но Адзикерей царь его изгнал и царствовал вместо него.

Шидахмет направился в Литву за помощью, но был взят в плен литовцами вместе с женой и детьми и заключен в замке Ковно, где и умер с женой и детьми⁶ в дни Казимира III, короля Польского и великого князя литовского⁷.

Когда умер Адзикерей царь, остались по нем семь сыновей и старший из них, по имени Гайдер, взял власть, Мендлигер же, один из младших сыновей, бежал к турецкому императору и, получив от турка помощь и жену, разбил и низверг Гайдера и Ямурци с другими братьями. Они бежали к Ивану Васильевичу (Vasilowicz), князю Московии, который принял их и дал им княжество Козанское⁸.

У Мендлигера царя было девять сыновей: первый Махмет Керей, второй Ахмет Керей, третий Махмут Керей, четвертый Бети Керей – он утонул, везя добычу по реке в Валахии, в 1510 году; пятый – Бурнас Керей, шестой Мубарек Керей, седьмой Садах Керей; имен восьмого и девятого не знаю. Ныне царствует на месте отца Махмет Керей царь⁹.

Заметим, что хотя перекопские татары должны были бы стать более культурны и не так суровы под действием шестого климата, в котором они живут, однако они не потеряли прежней

¹ Коран, III, 59; XIX, 23–26.

² Османский султан Мехмед II Завоеватель (Фатих) правил в 1444–1446 и в 1451–1481 гг.

³ Крымские готы – германоязычный народ, проживавший в Крыму до конца XVIII столетия.

⁴ В 1395 г. разгромленный среднеазиатским правителем Тимуром золотордынский хан Токтамыш бежал в Литву. При помощи великого князя литовского Витовта он попытался вернуть свою власть в Золотой Орде, но потерпел поражение от Тимур-Кутлуга и Идигея в битве на реке Ворскла 12 августа 1399 года.

⁵ Шейх-Ахмад жил значительно позже и никак не мог быть сыном Токтамыша.

⁶ Шейх-Ахмад скончался около 1528 г.

⁷ Казимир III правил в Польше в 1333–1370 гг. Возможно, подразумевается Казимир IV, который правил в Польше-Литве в 1440 (1447) – 1492 гг.

⁸ Представителями Крымской династии в Касимове были Нур-Девлет (1486–1490), Сатылган (1490–1506) и Джанай (1506–1512).

⁹ Мухаммад-Гирей правил в 1515–1523 гг.

своей хищности и дикой жестокости, присущей скорее зверям, живущим в полях и лесах, чем жителям городов и сел¹.

В иные годы они делают нападения, опустошают и грабят Руссию, Литву, Валахию, Польшу, а по временам и Московию.

Глава третья. О татарах козанских и татарах ногайских

Третья орда – козанских татар – названа так по замку Козан², стоящему над рекой Волгой у границ Московии, где они живут.

Они произошли от главной татарской орды, а именно от чагадайских или заволжских татар, как и все другие татары.

Эта Козанская орда имеет около 12 тысяч бойцов, а при необходимости, когда они созывают и других татар, они могут выставить до 30 тысяч воинов.

Об их государях, деяниях и генеалогии не пишут, так как они – данники князя Московии и зависят от воли его и в мирной жизни, и на войне, и в деле избрания себе вождей³.

Поэтому к ним можно будет отнести то, что будет сказано о государе москов.

Четвертая орда, молодая и недавно существующая, позднее других возникшая, как ветвь заволжских татар, это оккасы или нагайские татары.

После того как Оккасс, выдающийся слуга и воин великого хана, имевший 30 сыновей, был убит, сыновья его отделились от главной Заволжской орды и поселились около замка Сарай, примерно, лет за 70 или немного меньше до нынешнего 1517 года. Вскоре они до чрезвычайности разрослись, так что в наше время стали уже наиболее многочисленной и самой крупной ордой.

Они ближе всех других татар к холодному северу и примыкают к восточному краю Московии, которая часто подвергается их набегам и грабегам.

Правят у них сыновья и внуки Оккасса. Ни денег, ни монеты там нет, а продают они вещи за вещи, то есть за рабов, детей, скот и вьючных животных.

Книга вторая

Трактат первый. Об описании верхней Европейской Сарматии

[...]

Глава вторая. О Литве и Самагиттии⁴

[...] Установив мир кругом, он [Витольд] проник на восток, напал на татарскую орду, пригнал в Литву массу татар и расселил там в определенной местности, где они остались и до сего дня⁵.

Собрав затем сильное войско, он вновь направился в Татарию, перешел реки и 14 августа достиг широко открытой равнины близ реки Ворсклы. Там его встретил, с громадным, бесчисленным множеством татар Заволжский император Темир-Кутлу, которого писатели называют Темерланом. Начались с обеих сторон переговоры о перемирии и мире, но соглашение никак не принималось татарами. Поэтому Витольд, по совету своих, отошел в тыл со своими телохранителями и бежал в Литву, а войско его, подавленное бесчисленной массой татар, было совершенно уничтожено. [...]

¹ Согласно средневековым представлениям семь климатов находятся в связи с семью небесами; каждому принадлежит одна из семи планет, народы же, живущие в этих поясах, по характеру соответствуют характерам планет. Шестой климат Матвея Меховского принадлежит Гермесу; люди, находящиеся под его влиянием, склонны к интеллектуальным интересам. Эти люди проживают на побережье Черного и Каспийского морей.

² Т.е. Казань.

³ С 1487 по 1521 год (с небольшими перерывами) Казанское ханство находилось в зависимости от московских великих князей в вопросах внешней политики и назначении нового хана.

⁴ Т.е. Жмудь (Жямайтия), историческая область на северо-западе современной Литвы. Название происходит от литовского племени жямайтов.

⁵ Далее идет описание битвы на р. Ворскла.

Глава третья. Об обширности великого княжества Литовского и о находящемся там

[...] Кроме того в княжестве Литовском около Вильны есть и татары. У них есть свои деревни, они возделывают поля, как и мы; занимаются ремеслами и возят товары; по приказу великого князя Литовского все идут на войну; говорят по-татарски и чтут Магомета, так как принадлежат к сарацинской вере.

[...] Когда знатные и богатые начинают пировать, то сидят с полудня до полуночи, непрерывно наполняя брюхо пищей и питьем; встают из-за стола, когда велит природа, чтобы облегчиться, и затем снова и снова жрут до рвоты, до потери рассудка и чувства, когда уже не могут отличить голову от зада.

Таков гибельный обычай в Литве и Московии, а еще более бесстыдно существует он в Татарии.

Есть еще в тех странах – в Литве, Московии и Татарии – исконный обычай продавать людей: рабы продаются господами, как скот, и дети их и жены; мало того, бедные люди, родившиеся свободными, не имея пропитания, продают своих сыновей и дочерей, а иногда и сами себя, чтобы найти у хозяев какую-нибудь, хоть грубую пищу.

Трактат второй

Глава первая. О Московии

[...] В Московии много княжеств. [...]

Княжество Суздальское и многие соседние с ним опустошены и разорены татарами.

Есть там и татарская земля, подвластная московскому государю, по имени Козанская орда, выставляющая 30 тысяч бойцов. Находится она в степях, близ замка Козан, который принадлежит князю Московии и омывается большой рекой Волгой. [...]

Они [русские] придерживаются одной веры и религии по образцу греческой. [...]

Исключение представляют козанские татары. Признавая князя Московии, они, вместе с сарацинами, почитают Магомета и говорят на татарском языке [...].

3. Сигизмунд фон Герберштейн. Из «Записок о Московии»

Текст воспроизведен по изданию: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988.

«[...] Иоанн [III] ставил также по своей воле царей в Казани, иногда брал их в плен, хотя под старость и потерпел от них весьма сильное поражение¹. [...] Впрочем, как он ни был могуществен, а все же вынужден был повиноваться татарам. Когда прибывали татарские послы, он выходил к ним за город навстречу и стоя выслушивал их сидящих. Его гречанка-супруга² так негодовала на это, что повторяла ежедневно, что вышла замуж за раба татар, а потому, чтобы оставить когда-нибудь этот рабский обычай, она уговорила мужа притворяться при прибытии татар больным. В крепости Москвы был дом, в котором жили татары, чтобы знать все, что делалось [в Москве]. Не будучи в состоянии вынести и это, жена Иоанна, назначив послов, отправил их с богатыми дарами к царице татар, моля ее уступить и подарить ей этот дом, так как-де она по указанию божественного видения собирается воздвигнуть на его месте храм; татарам же она обещала назначить другой дом. Царица согласилась на это, дом разрушили, а на

¹ После захвата в 1487 г. Казани Ивану III удавалось оказывать решающее влияние в вопросе престолонаследия в ханстве. Под поражением, возможно, подразумеваются события 1505 г., когда казанские и ногайские войска осадили Нижний Новгород.

² Т.е. Софья (Зоя) Палеолог (ум. 5.IV.1503), супруга Ивана III (с 1472). Мать двенадцати детей, в том числе Василия, будущего великого князя московского (1505–1533).

его месте устроили храм. Изгнанные таким образом из крепости татары не смогли получить другого дома [ни при жизни княжеского семейства, ни даже по смерти их]¹.

[...] В это же время москвит ходил и на Казанское царство как с судовою, так и с конною ратью, но вернулся оттуда безуспешно, потеряв очень много воинов². [...]

Каждые два или три года государь [производит набор по областям и] переписывает детей боярских с целью узнать их число и сколько у каждого лошадей и слуг. Затем, как сказано выше, он определяет каждому (способному служить) жалованье. Те же, кто может по своему имущественному достатку, служат без жалованья. Отдых дается им редко, ибо государь ведет войны то с литовцами, то с ливонцами, то со шведами, то с [казанскими] татарами, или даже если он не ведет никакой войны, то все же ежегодно по обычаю ставит караулы [в местностях около Танаиса³ и Оки] числом в двадцать тысяч для обуздания набегов и грабежей со стороны перекопских татар⁴. [...]

Но когда перекопский царь⁵ поставил на Казанское царство (отторгнутое им от Московии) племянника⁶ и на обратном пути раскинул лагерь в **тринадцати** (двух) милях⁷ от Москвы, нынешний государь Василий⁸ на следующий год расположился лагерем около реки Оки и впервые пустил тогда в дело (наряду с конницей) пехоту и пушки, – может быть, для того, чтобы похвастать своей силой и смыть позор, испытанный им в предыдущем году во время постыднейшего бегства, когда, как говорят, он несколько дней прятался в стогу сена, или, наконец, чтобы отвратить от своих пределов царя, который, как он предполагал, снова нападет на его владения⁹. [...]

Великое несходство и разнообразие существуют между людьми как в других делах, так и в (способах) боя. Например, москвит, как только пускается в бегство, не помышляет уже ни о каком ином спасении, кроме как бегством; настигнутый и пойманный врагом, он и не защищается, и не просит пощады.

Татарин же, сброшенный с лошади, лишившись всякого оружия, даже тяжело раненный, как правило, отбивается руками, ногами, зубами, вообще пока и как может до последнего вздоха.

[...]

О монете

[...] В Татарию вывозятся седла, уздечки, одежда, кожи; оружие и железо вывозятся только тайком или с особого позволения начальников. [...]

Лисьи меха, в особенности черные, из которых по большей части делают шапки, ценятся очень дорого, они продаются за десять, а иногда и за пятнадцать золотых. Беличьи шкурки доставляются тоже из разных мест, наиболее широкие из Сибири (Sibir), а те, что благороднее всех прочих, – из Чувашии (Schuwaji), недалеко от Казани, а кроме того, из Перми, Вятки, Устюга и Вологды (Wolochda), откуда они привозятся всегда связанные пучками по десяти штук. В каждом пучке две самые лучшие называются личными (litzschna), три, несколько похуже, именуются красными (crasna), четыре – подкрасными (rocrasna), одна, последняя, называется молочной (moloischna), она самая дешевая из всех. Каждую из них можно купить за одну или две деньги¹⁰. [Лучшие и отборные из них купцы с большой для себя выгодой вывозят в Германию и другие страны].

¹ В XVII в. была молва будто на месте ордынского подворья в Кремле (где располагался двор с конюшнями) между 1473 и 1477 г. был воздвигнут Николо-Гостунский собор.

² Возможно, речь идет о походе 1520 г., когда в «судах» двигался на Казань отряд А.И.Булгакова, а сушей – И.Ушатого.

³ Танаис – древнегреческое наименование Дона.

⁴ Т.е. крымских татар.

⁵ Очевидно, речь идет о крымском хане Сахиб-Гирее (1532–1551), правившем до этого в Казани (1521–1524).

⁶ Т.е. Сафа-Гирея, который царствовал в Казани в 1524 – 1531, 1536 – 1546, 1546 – 1549 гг.

⁷ Немецкая миля составляла более 7 км.

⁸ Неисправленная при окончательном редактировании обмолвка показывает, что текст был написан до 1533 г.

⁹ Речь идет о совместном крымско-казанском походе на Москву 1521 г.

¹⁰ Разницу в цене можно объяснить тем, что в 1530-е гг. в Великом княжестве Московском имели хождение две деньги: новгородская (новгородка, копейка, 1/100 рубля) и московская (московка, саблиница, 1/200 рубля).

[...]

Теперь я приступлю к хорографии государства (principatus) и владычества (dominium) (княжеств и владычеств (Herrschaften)) великого князя московского, начав с главного города Москвы. Выйдя из нее, я буду описывать прилегающие к ней и только знаменитые княжества, ибо я не мог с точностью разузнать имена всех областей на таком огромном пространстве. Поэтому пусть читатель удовольствуется именами (только) замечательных городов, рек, гор и некоторых местностей

[...] Нижний Новгород (Nowogardia inferior, Niderneugarten) – большой деревянный город с крепостью, которую нынешний монарх Василий построил из камня на холме при слиянии рек Волги и Оки¹. Говорят, он отстоит на сорок немецких миль на восток от Муром; если так, то Новгород будет отстоять от Москвы на сто миль. По своему плодородию и всяческому изобилию страна эта не уступает Владимиру. Здесь находится восточная граница (распространения) христианской религии. Ибо хотя государь Московии и имеет за этим Новгородом крепость, называемую Сурой (Sura)², однако живущий здесь народ, зовущийся черемисами (Czeremissae), (Czeremissae), который занимает значительную часть страны по сю сторону Волги до Суры, следует не христианской, а магометанской вере³. Черемисы же живут за Волгой на север; для различения от них живущие около Новгорода называются черемисами верхними или горными, не от гор, которых там нет, а скорее от холмов, которые они населяют.

Река Сура разделяет владения царей московского и казанского⁴; она течет с юга и, повернувшись в двадцати восьми милях ниже Новгорода на восток, впадает в Волгу. При слиянии Волги и Суры на одном из берегов государь воздвиг крепость и назвал ее по своему имени Василёвгородом (Basilowgorod); впоследствии эта крепость явилась источником многих бедствий⁵. Недалеко оттуда есть река Мокша (Moscha), она течет с юга и впадает в Оку выше Муром, недалеко от города Касимова (Cassimowgorod), который москвит уступил татарам для жителя⁶. Их женщины с известным искусством окрашивают для красоты ногти в черный цвет и все время ходят с открытой головой и распущенными волосами⁷. К востоку и югу от реки Мокши тянутся огромные леса, в которых обитает народ мордва (Mordwa), имеющий особый язык и подчиняющийся государю московскому. По одним сведениям, они идолопоклонники, по другим, – магометане⁸. Они живут в селах, разбросанных там и сям, возделывают поля, питаются мясом зверей и медом, богаты драгоценными мехами. Это очень сильные люди, ибо зачастую храбро отражают даже набеги татар; почти все они пехотинцы, отличаются длинными луками и опытною в стрельбе. [...]

Из Московии вплоть до этой крепости [Рязани⁹], а от нее на расстоянии почти двадцати четырех немецких миль течет Танаис по местности, которая зовется Донко (Donco)¹⁰; здесь купцы, отправляющиеся в Азов (и через Меотийские болота¹¹ в), Каффу и Константинополь, гру-

¹ Строительство каменного Нижегородского кремля при участии итальянского архитектора Пьетро Франческо (Петра Фрязина) было завершено в 1515 г.

² Город, основанный в 1523 г. как форпост в борьбе против Казанского ханства, впоследствии получил название Васильсурск.

³ Многие современные татарские населенные пункты имеют в своих названиях финскую этимологию.

⁴ Впервые Василий III назван царем в договоре 1514 г. с императором Священной Римской империи Максимилианом I. Сигизмунд фон Герберштейн был непоследователен в употреблении титулатуры Василия III.

⁵ Казанцы дважды в 1536 и 1539 гг. пытались вернуть свои земли и захватить город.

⁶ Речь идет о Касимовском ханстве (Касимовском царстве, 1445(1452)–1681 гг.), основанном сыном Улуг-Мухаммада Касимом.

⁷ Очевидно, речь идет о росписи по телу хной, которую могли себе позволить состоятельные татарки. С эпохи Золотой Орды татарки-мусульманки не скрывали своего лица (см.: СМЗО-I. – С. 290–295).

⁸ В мордовских землях жили предки современных татар-мишарей, исповедовавших ислам.

⁹ Точнее – Переяславль-Рязанский.

¹⁰ Возможно, речь идет о Данкове, городе на Дону у впадения в него р. Вязовки, в современной Липецкой области.

¹¹ Меотийские болота – Азовское море. Меотида – название Азовского моря у древних греков и римлян, начиная с VII в. до н.э. возводивших его к наименованию местных племен – меотов.

зят свои корабли, что по большей части происходит осенью, в дождливую пору года, поскольку Танаис в том месте в другие времена года не настолько полноводен, чтобы по нему с удобством могли ходить груженные корабли¹. [...]

Знаменитейшая река Танаис, отделяющая Европу от Азии, начинается приблизительно в восьми милях к югу от Тулы [...]. [Танаис же сперва течет прямо на восток и между царствами Казанским и Астраханским проходит в шести или семи немецких милях от реки Волги. Затем, поворотив к югу, он образует болота, которые зовутся Меотийскими]. Самый ближний город к его истокам – **Тула** (Упа), а приблизительно в трех милях выше устья находится город Азов, прежде называвшийся Танаис². [На расстоянии четырех дней пути] выше его находится город Ахас (Achas)³, расположенный на той же реке, которую русские называют Доном (Don). Они не могут нахвалиться на эту реку за исключительное обилие в ней самых лучших рыб, а также за приятность ее берегов, которые оба, будто они с особым усердием возделаны наподобие сада, усеяны различными травами и весьма сладкими кореньями, а сверх того множеством разнообразных плодовых деревьев. И звери, подстрелить которых из лука не представляет особого труда, водятся там в таком изобилии, что путешествующие по тем местам не нуждаются для поддержания жизни ни в чем, кроме огня и соли⁴. Дороги в тех краях измеряются не (верстами или) милями, а днями пути. Насколько я смог предположительно рассчитать, от истоков Танаиса до его устья приблизительно восемьдесят немецких миль, если идти напрямик сухопутной дорогой. От Донка, где, как я сказал, Танаис впервые становится судоходным, едва через двадцать дней плавания можно добраться до Азова, города, платящего дань туркам⁵. Азов, как утверждают, отстоит на пять дней пути от Истма Таврического, иначе именуемого Перекопом⁶. пом⁶. В этом городе находится знаменитое торжище многих народов из разных стран мира. С одной стороны, сюда открыт свободный доступ всем, к какому бы народу они ни принадлежали, и всякому предоставлено полное право продавать и покупать (лишь бы он вел себя мирно), а с другой – по выходе из города всем можно безнаказанно делать, что угодно (и каждый предоставлен самому себе). Что же касается жертвенников Александра [и Цезаря], о существовании которых в этих местах упоминают очень многие писатели, то я не мог узнать ничего наверняка ни про них, ни про развалины как от туземцев, так и от прочих, кто весьма часто бывал в тех местах. И воины, которых государь, по обычаю, каждый год держит там на карауле с целью разведки и обороны от татарских набегов, на мой вопрос об этих жертвенниках тоже отвечали, что никогда не видали и не слыхали ничего подобного⁷. Однако они не отрицали, что видели близ устьев Малого Танаиса (minor Tanais, clain Tanais)⁸ в четырех днях пути от Азова, возле места Великий Перевоз (Velikiprewos)⁹, у С(вятых) гор (S. montes, heilige Berge), какие-то то мраморные и каменные статуи и изваяния¹⁰. [...]

¹ По сведениям русских источников такие плавания предпринимались по вешней воде.

² С III–II вв. до н.э. по IV в. н.э. на правом берегу Дона располагался античный Танаис, наиболее удаленный к северу город Боспорского царства. Итальянская колония Тана располагалась на левом берегу Дона.

³ Местоположение г. Ахаса точно неизвестно, возможно, он находился на месте современной Старочеркасской станицы или же около Старозолотовского хутора Ростовской области.

⁴ Ср. с информацией русских источников: Бакланова Н.А. Описание русской природы в Хождении митрополита Пимена в Царьград в 1389 г. и отображение этого описания в миниатюрах Лицевого свода XVI в. // ТОДРЛ. – 1969. – Т. XXIV. – С. 124–125.

⁵ Турки-османы установили свой контроль над городом в 1471 г.

⁶ Перекоп – ров на Крымском перешейке, давший затем название и городу Ор-Капи или Ферх-Кермен, как называли его турки.

⁷ Легенды о жертвенниках (каменных сооружений, на которых приносились жертвы) Александра Македонского и Юлия Цезаря в Средневековье подкреплялись авторитетом «Руководства по географии» Клавдия Птолемея (Книга третья. Глава V. Положение Европейской Сарматии. § 26).

⁸ Т.е. Северского Донца.

⁹ Великий Перевоз был расположен на р. Донец к югу от устья р. Торопец.

¹⁰ Очевидно, имеются в виду каменные кыпчакские балбалы («бабы»).

Мценск (Msceneck) – болотистая местность, где некогда была крепость, следы которой существуют и поныне¹. Около этого места до сих пор еще некоторое (количество народу) живет в шалашах, в случае необходимости убегая в болота, как в крепость² [...].

Город Калуга на реке Оке отстоит на тридцать шесть миль от Москвы [...]. Государь обычно располагает там ежегодно свои караулы против набегов татар.

[...] Княжество Воротынское (Worotin) носит одно имя с городом и крепостью, расположенной в трех милях выше Калуги недалеко от берега Оки. Этой областью владел князь (knes) Иоанн, по прозвищу Воротынский, муж воинственный и отличавшийся опытностью во многих делах; под его предводительством (войска) государя Василия часто одерживали над врагами славные победы. Но в 1521 году, когда царь Тавриды переправился через Оку и, как сказано выше, с большим войском напал на Московию, то, чтобы отбить и отразить его, государем был послан с войском молодой человек, князь (knes) Димитрий Бельский. Пренебрегши мудрыми советами Иоанна Воротынского и других, он, завидев врага (уже по сю сторону реки), обратился в позорное бегство. Когда после ухода татар государь повел тщательное расследование о виновниках бегства, то Андрей, брат государев³, который в действительности и был этим виновником, и другие были оправданы, а Иоанн Воротынский не только навлек на себя великий гнев государя, но был взят под стражу и лишен своего княжества. Под конец он, правда, был отпущен из-под стражи, но с тем условием, чтобы никогда не выезжать из Москвы. Мы тоже видели его при дворе государя среди первых мужей Московии⁴.

Севера (Sewera) – великое княжество, крепость которого Новгород (Nowogrodek) не так давно была столицей северских князей, до тех пор, пока они не были лишены княжества Василием⁵. [...] Народ, постоянно сражающийся с татарами, весьма воинственен. Но Василий Иоаннович подчинил себе это княжество подобно большинству других следующим образом. Было два Василия, двое его племянников, детей братьев. Один из них, по прозвищу Шемячич, занимал крепость Новгород, а другой – город Стародуб. Путивлем же владел некий государь Димитрий⁶. Василий Шемячич, человек храбрый на войне и гроза татар, возымел столь сильное желание властвовать, что стал один домогаться княжества, и не успокоился до тех пор, пока не довел Василия Стародубского до последней крайности, а после его изгнания занял его области. По низвержении его (Василия) он взялся за Димитрия, но другим путем: донес на него государю, что тот-де намерен отложиться от государя. Государь, встревоженный этим, поручил Василию каким бы то ни было способом схватить Димитрия и отправить его к нему в Москву. Димитрия коварно схватили на охоте, ибо Василий заранее послал несколько всадников к воротам его (Димитрия) крепости перехватить его, если он попытается спастись бегством. Будучи ими схвачен, Димитрий был отвезен в Москву и ввергнут в оковы. Единственный сын его Димитрий был столь возмущен этой несправедливостью, что тотчас же убежал к татарам и, чтобы скорее и крепче отомстить за отцову обиду, отрекся от христианской веры и принял обрезание по закону магометан. Меж тем во время своего пребывания у татар он случайно влюбился в одну прекрасную девушку; так как он не мог завладеть ею другим путем, то тайно увез ее против воли родителей. Рабы, которые были обрезаны вместе с ним, тайком донесли об этом родным девушки; те однажды ночью застигли его врасплох и вместе с девушкой расстреляли из луков. Государь Василий, узнав о бегстве сына Димитрия к татарам, приказал заключить

¹ Мценск – город на севере современной Орловской области, как крепость возник в XVI в.

² Очевидно, от нападений крымских татар.

³ Андрей Иванович Старицкий во время похода Мухаммад-Гирея в 1521 г. вместе с Василием III бежал из Москвы в Волоколамск. В 1522 г. находился в Коломне.

⁴ Иван Михайлович Воротынский (Перемышльский) – князь Воротынского княжества, активный участник военных действий Руси: в 1507 г. оборонял Белев, в 1508 г. оказывал помощь Глинскому, в 1512 г. поддерживал поход на Смоленск, в 1513 и 1514 гг. защищал Тулу и Мстиславль, в 1517 г. держал охрану у Алексина, в 1521 г. в Тарусе, но не выступал против крымцев во время нашествия Мухаммад-Гирея. 17 января 1522 г. арестован, в феврале 1525 г. принес присягу Василию III, в 1531 и 1532 гг. снова военачальник.

⁵ В 1523 г.

⁶ До 1500 г. Путивль входил в состав Великого княжества Литовского, его наместником был князь Богдан Федорович Бельский, с 1500 г. город был присоединен к Великому княжеству Московскому. Возможно, старший из Дмитриев был сыном Юрия Путятича, женатого на родной сестре Василия Ивановича Шемячича.

старика в еще более тяжкие оковы. Немного спустя этот последний, услышав про смерть сына у татар, удрученный неволей и скорбью, скончался в том же году, то есть в 1519 году по рождестве Христовом. И все это совершилось по вине Василия Шемячича, по наущению которого государь еще раньше схватил каширского князя (*dominus, Herr*), а также своего родного брата и уморил их в темнице. Но, как часто бывает, те, кто строят козни другим, в конце концов сами становятся их жертвой; то же случилось и с этим Шемячичем: он сам был обвинен пред государем в измене. По этому делу он был вызван в Москву, но наотрез отказывался ехать туда, если ему прежде не будет прислана официальная (*publicus*) охранная грамота, скрепленная клятвой государя и митрополита. Желаемая грамота была ему прислана; получив ее 18 апреля 1523 года, он явился в Москву и с почетом и даже с подарками был принят государем, но через несколько дней схвачен и брошен в тюрьму, где содержался и тогда (когда я был в Москве). Говорят, причина его поимания была следующая: он написал письмо польскому королю, что хочет предаться ему, и послал это письмо киевскому наместнику. Тот распечатал письмо и, узнав оттуда об его злом умысле против своего (Шемячича) государя, немедленно переслал письмо государю московскому. Другие же приводят более вероятную причину. Во всей державе московита из владевших крепостями и княжествами оставался один только Шемячич, и вот, чтобы тем легче изгнать его и безопаснее править, и было выдуманно обвинение в вероломстве, посредством которого можно было бы устранить его. Намекая на это, некий юродивый (*morio, Schalchsnarr*) во время въезда Шемячича в Москву носил повсюду (с собой) метлы и лопату¹. Когда его спрашивали, зачем они ему, он отвечал, что держава государя еще не совсем очищена, а теперь настает удобное время вымести и выбросить всякую нечисть. Эту область первым присоединил к своей державе Иоанн Васильевич, разбив при реке Ведроши войско великого князя литовского Александра. Северские князья ведут свой род от Димитрия, великого князя московского. У Димитрия было три сына: Василий, Андрей и Георгий. Из них Василий, как старший, по отечественным законам наследовал отцу в царстве. От двух других, Андрея и Георгия, и повели свой род северские князья.

[...] На пути из Путивля в Тавриду в степи встретишь реки Сну (?) (*Sna, Sva*)², Самару (*Samara*) и Орель (*Ariel*)³, из них две последние шире и глубже остальных; так как при переправе через них путники задерживаются иногда слишком долго, то их часто окружают татары и берут в плен. После этих рек встретишь еще две: Конские Воды (*Koinskawoda*) и Молочную (*Moloscha*)⁴, через которые существует своеобразный способ переправы, а именно: нарубают кустарник, связывают его пучками, садятся на них сами, кладут имущество и таким образом, гребя вниз по реке, относятся к другому берегу. Иные привязывают такие связки к хвостам лошадей, которые, подгоняемые ударами, плывут к другому берегу, тащат за собой людей и таким образом они переправляются. [...]

Возвращаюсь к княжествам Московии

[...] Вятская область за рекой Камой (*Kama*) отстоит от Москвы почти на сто пятьдесят миль к северо-востоку [...]. Некогда она была владением татар⁵, так что еще и поныне по ту и по эту сторону Вятки, в особенности близ ее устья, где она впадает в реку Каму, властвуют татары⁶. Дороги исчисляются там в чункасах (*czunkhas*)⁷, а чункас составляет пять верст (т.е. примерно равен немецкой миле). Река Кама впадает в Волгу в двенадцати милях ниже Казани. К этой реке прилегает область Сибирь.

[...] Область Сибирь граничит с Пермией и Вяткой; не знаю достоверно, есть ли там какие-либо крепости и города. В ней начинается река Яик (*Iaick*), которая впадает в Каспийское (по-латыни, а по-русски Хвалынское) море. **Говорят, эта страна пустынна вследствие близости татар, а если где и обитаема (*colitur*), то там правит татарин Ших-мамай (*Schichmamai*)**

¹ Образ «выметания» врагов и недругов из страны традиционно возник и в период опричнины.

² Возможно, Сосна, хотя она течет значительно восточнее.

³ Река Орель течет в современных Харьковской, Полтавской и Днепропетровской областях Украины.

⁴ Река Молочная протекает в современной Киевской области Украины.

⁵ Вятская земля находилась в зависимости от казанских ханов в конце 1460 – 1480-х гг.

⁶ Владения казанских ханов простирались до устья Чепцы, крупнейшего левого притока р. Вятки.

⁷ Чункас – мера длины, сохранившаяся в Перми до XIX в. Заимствован из угро-финского, от глагола «останавливаться».

(Эта страна предоставлена грабежам татар и других, в особенности же татарина Ших-мамая.)¹. У тамошних жителей свой язык; промышляют они преимущественно беличьими мехами, которые превосходят белок из других мест величиной и красотой; [однако] в нашу бытность в Московии **мы не видели их в сколько-нибудь значительном количестве** (в первый раз мы встречали их, потом же – ни разу.).

Народ черемисов живет в лесах под Нижним Новгородом. У них свой язык, и следуют они учению Магомета. Ныне они подвластны царю казанскому, хотя большинство их некогда платили дань князю московскому; поэтому и до сих пор их причисляют еще к подданным Московии (потому-то я говорю о них здесь). Многих из них государь вывел оттуда в Московию по подозрению в преступной измене; мы видели их (как мужчин, так и женщин) там (в свой второй приезд²). Но когда они были посланы на литовскую границу, то **в конце концов рассеялись в разные стороны** (многие из них убежали в Литву). [Этот] народ населяет обширные пространства от Вятки и Вологды до реки Камы, но не (пользуясь) какими бы то ни было жилищами. Все, как мужчины, так и женщины, очень проворны в беге; кроме того, они весьма опытные лучники, причем лука никогда не выпускают из рук; они находят в нем такое удовольствие, что даже не дают есть (достаточно взрослым) сыновьям, если те предварительно не пронзят стрелой намеченную цель (Женщины носят на голове (уборы), вырезанные из древесной коры, вроде диадем, как они изображаются у святых, и заправленные в круглый обруч, покрывая их платком. Когда я спросил их, как они в столь высоких (уборах) пробираются между деревьев и кустарников, что им приходится делать часто, они отвечали: «А как проходит олень, у которого (рога) на голове еще выше?»).

В двух милях от Нижнего Новгорода было большое скопление домов вроде города или поселка (орpidum, Dorff), где вываривалась соль³. [Несколько лет назад] он был выжжен татарами ми и восстановлен [по приказу государя].

Народ мордва живет у Волги, ниже Нижнего Новгорода, на южном берегу. Они во всем похожи на черемисов, за исключением того что **дома встречаются у них чаще** (живут они в домах). И здесь да будет конец [нашего экскурса и] Московской державы.

Теперь присовокупим кое-какие [достоверные сведения] о соседях и смежных народах, **сохраняя тот же порядок на восток, в котором я вышел из Москвы. Первыми в этой стороне будут казанские татары; прежде чем перейти к (описанию) их особенностей, следует дать некоторые общие (сведения)** (начиная также с востока, затем перейдя к югу и так по кругу).

О татарах

О татарах и их происхождении, помимо того что содержится в польских анналах и в **двух книжках о** (книжке о двух) Сарматиях⁴, многие писали много и повсеместно; повторять это здесь было бы скорее скучно, чем полезно. Но я счел необходимым вкратце написать о том, что я сам узнал из русских летописей и из рассказов многих людей⁵. Говорят, что моавитские народы⁶, ды⁶, которые впоследствии были названы татарами, – люди, разнящиеся своим языком, обычаями ми и одеянием от обрядов и привычек остальных людей, – пришли к реке Калке (Calka). Никто не знал, откуда они пришли и какой они веры. Впрочем, иные называли их таврименами (Taurimeni), другие – печенегами, третьи – другими именами. Мефодий⁷, епископ патарский (Patanczki) (якобы) говорит, что они вышли с северо-востока, из пустыни Етравской (Jeutriskie)⁸,

¹ Ших-Мамай (Мамай-мурза) – ногайский мурза, в 1516 г. находился в Крыму, некоторое время правил в Ногайской Орде.

² Т.е. в 1526 г.

³ Возможно, речь идет о Балахне, сожженной в 1521 г. во время похода казанского хана Сахиб-Гирея.

⁴ Речь идет о работе Матвея Меховского «Трактат о двух Сарматиях» (1517).

⁵ Далее идет краткое описание татарской истории XIII–XV вв. (битва на Калке, легендарные сведения о происхождении татар, о Бату, политической истории Золотой Орды) очевидно заимствованные из Ермолинской летописи.

⁶ Моавитяне – жители древнего государства Моав, возникшего, предположительно, во второй половине II тыс. до н.э. на восточном берегу р.Иордан и побережье Мертвого моря. Согласно Библии, моавитяне потомки племянника Авраама, Лота и старшей дочери последнего.

⁷ Мефодий Патарский (Олимпийский) (около 260–312) – христианский богослов.

⁸ Етравская пустыня располагалась к северо-востоку от Палестины, нередко под ней понимают Сирийскую пустыню.

а причину переселения приводит следующую. В свое время некто Геден, высокоименитый муж, внушил им страх, говоря, что предстоит близкий конец мира. Под воздействием его речей они, чтобы обширнейшие богатства мира не погибли вместе с ним, в бесчисленных количествах вышли грабить земли и подвергли жестокому разграблению все, что лежит от Востока до Евфрата и Персидского залива. Опустошив таким образом все земли, они разбили в 6533 году от сотворения мира¹ при реке Калке племена половцев (и русских), которые одни только и дерзнули выступить им навстречу [присоединив к себе вспомогательные войска русских]. Очевидно, составитель книжки о двух Сарматиях ошибся в этом месте насчет народа половцев, имя которых он переводит как «охотники». Слово «половцы» значит «полевые» (*campestres*) («те, кто живет в поле», а не в домах), ибо *polle* – это «поле» (*campus*, *Veld*), а охотники (по-славянски) – *lowatz* и *lowtzi*. От присоединения же слога *tzi* или *ksi* (*так!*) значение не меняется, **ибо значение надо выводить не из последних, а из первых слогов. А так как к подобным русским речениям часто присоединяется общий слог *ski*², то это и обмануло писателя; таким образом, слово «половцы» следует переводить как «полевые», а не как «охотники»** (там почти все имена господ или владений, (производимые) от городов, замков или земель, содержат такое добавление). Русские утврждают, будто половцы – это готы, но я не разделяю этого мнения. Если кто пожелает описать татар, тому придется описать **множество племен** (обычаи, образ жизни и устройство земли многих народов), ибо это (общее) имя они носят только по их вере, сами же суть различные племена, далеко отстоящие друг от друга (принявшие все одно имя татар, так же как и имя «Россия» объединило множество земель). Но вернемся к начатому. Татарский царь Батый (*Bathi*), выступивший с большим войском с юга к северу, занял Булгарию, лежащую на Волге ниже Казани. Затем, в следующем 6745³ году повторив победу, он дошел до самой Москвы и после непродолжительной осады взял, наконец, царствующий град, сдавшийся (ему); при этом он не исполнил своего обещания и перебил всех, затем пошел далее и выжег соседние области: Владимир, Переяславль, Ростов, Суздаль и очень много крепостей и городов, а жителей перебил или увел в рабство; разбил и убил великого князя Георгия⁴, вышедшего ему навстречу с военным отрядом; Батый увел с собой в плен Василия Константиновича и убил его⁵. Все это, как я сказал выше, случилось в 6745 году от сотворения мира. С этого времени [почти] все государи Руси были поставляемы (и сменяемы) татарами и повиновались им вплоть до Витольда, великого князя литовского⁶, который храбро защитил от татарских войск [свои] земли [и то], что занял в Руси; он был грозой для всех соседей. Но великие князья владимирские и московские, вплоть до нынешнего князя Василия (сына Иоаннова, к которому я был послан), всегда пребывали в верности и повиновении, однажды обещанных татарским [государям]. Как повествуют летописи, этот Батый был убит в Венгрии венгерским королем Влаславом (*Wlaslaw*), который после крещения получил имя Владислава и был причислен к лику святых. Именно после того как Батый увел с собой сестру короля, случайно захваченную им во время нападения на королевство, король, движимый любовью к сестре и негодованием, пустился в погоню за Батыем; однако, когда Владислав напал на Батыя, сестра схватила оружие и явилась на помощь прелюбодею против брата. Тогда король в гневе убил сестру вместе с прелюбодеем Батыем. [Это случилось в 6745 году от сотворения мира⁷.]

¹ Т.е. в 1024 г. по юлианскому календарю. Возможно, это описка, т.к. русские летописи датируют битву на реке Калке 1224 годом.

² Суффикс -ск- характерен для антропонимов Белоруссии и Польши, а не Руси.

³ Т.е. в 1236 г. по юлианскому календарю.

⁴ Великий князь владимирский Юрий Всеволодович погиб 4 марта 1238 г. в столкновении с монголо-татарами на реке Сити.

⁵ Ростовский князь Василько Константинович был пленен 4 марта 1238 г., а затем казнен.

⁶ Речь идет о Витовте, правившем в 1392–1430 гг.

⁷ Легенда об убиении Батыя занесена в русские летописи во второй половине XV в.: в Московский свод 1479 г. под 6755 (1246) г. и в кратком виде в Ермолинскую и сходные под 6754 (1245) г. Ошибочная дата Сигизмунда фон Герберштейна возникла в результате перестановки буквенных цифр даты 6754 в летописи типа Ермолинской.

Батью наследовал в правлении Узбек (Asbeck), умерший в 6834 году¹ [от сотворения мира]. Его сменил сын его Джанибек (Zanabek), который [желая царствовать один и без всякого опасения] перебил своих братьев; умер он в 6865² (6868³) году. Ему наследовал Бердибек (Verdebeck), также убивший двенадцать братьев и сам скончавшийся в 6867 году⁴. После него не более месяца правил Кульпа (Alculpa), убитый сразу же по восшествии на престол вместе с детьми неким **царьком (regulus)** (князем) Наврусом (Naruss, Narusch). [Когда он овладел царством] все русские князья собрались к нему и, испросив каждый право властвовать в своей области, удалились обратно. Наврус был убит в 6868 году. Царскую власть после него наследовал Хидырь (Chidir), который был убит сыном Темир-Ходжой (Themirhoscha, Themirorsa). Этот последний [приобретя царство путем злодейства] владел им едва семь дней, ибо был согнан темником (temnick) Мамаем, и, убежав за Волгу, был (настигнут и) убит в 6869 году [преследовавшими его воинами]. После них власть получил в 6890 году⁵ от сотворения мира Токтамыш (Thachamisch), выступивший 26 августа с войском и опустошивший Москву огнем и мечом⁶. Разбитый Темир-Кутлугом (Themirkuth, Themickuten), он бежал к [великому князю] литовскому Витольду. После этого в 6906⁷ году от сотворения мира Темир-Кутлуг стал во главе Сарайского (Sarai) царства и умер в 6909⁸ году. Ему наследовал в правлении сын его Шадибек (Schatibeck). После него Темир-Аксак (Themirassak) двинул для опустошения Московии огромное войско на Рязань, внушив государям [Московии] столь великий страх, что [отчаявшись в победе и] бросив оружие, они прибегли единственно к божественной помощи: тотчас послали во Владимир за неким образом пресвятой девы Марии, который был прославлен многими явлениями там (от него) чудесами. Когда его везли в Москву, то навстречу ему в знак почтения вышел государь со всем населением. Нижайше помолившись сперва об отвращении врага, (государь) проводил образ в город с величайшим благоговением и поклонением. Говорят, такой набожностью они добились того, что татары не пошли дальше Рязани. В вечное воспоминание об этом событии на том месте, где ожидали образ и где он был встречен, выстроили храм, и этот день, который русские именуют «сретение» (sretenne, stretenne), т.е. «день встречи», ежегодно торжественно празднуется 26 августа. А это случилось в 6903⁹ году.

Русские рассказывают, что этот Темир-Аксак человек темного происхождения, достиг такого высокого положения разбоем и в юности был выдающимся вором; тут-то он и получил свое имя. Именно, однажды он украл овцу и был пойман хозяином овцы (или пастухом), причем сильный удар камнем перебил ему голень; **он укрепил ее железом** (поэтому он вынужден был постоянно пользоваться железом), и из-за хромоты и железа ему и дали имя, ибо слово themir означает «железо», а assak – «хромой». Во время тяжелой осады Константинополя турками он послал туда своего сына со вспомогательным войском. Тот разбил турок, снял осаду и вернулся к отцу победителем [в 6909¹⁰ году].

Татары **разделяются на орды (hordae)** (называют свою страну или царство ордой), первое место среди которых и славой и многочисленностью заняла Заволжская (Sawolhensis, Sawolskhi) орда, так как говорят, что все остальные орды получили начало от нее¹¹. [«Орда» же на их языке значит «собрание» или «множество»¹². Впрочем, всякая орда имеет свое название, а именно: Заволжская, Перекопская (Praecopensium), Ногайская (Nahaisensium) и многие другие, которые] все исповедуют магометанскую веру; однако, если их называют турками

¹ Т.е. в 1325 г. Узбек умер в 1341/42 г.

² Т.е. в 1356 г.

³ Т.е. в 1359 г. Джанибек скончался в 1357 г.

⁴ Т.е. в 1358 г. Бердибек скончался в 1359 г.

⁵ Т.е. в 1381 г.

⁶ Осада Москвы длилась с 23 по 26 августа 1382 г.

⁷ Т.е. в 1397 г.

⁸ Т.е. 1400 г. Тимур-Кутлуг скончался в 1399 г.

⁹ В 1394 г.

¹⁰ В 1400 г.

¹¹ Сигизмунд фон Герберштейн использует литовское наименование Большой Орды. Татары не делали различий между Золотой Ордой и Большой Ордой, ее ханы считали себя верховными правителями всего Улуса Джучи.

¹² Излагаемая этимология тюркского слова «Орда» верна; в русском же языке оно означало сначала «шатер», «ставка хана», «центр улуса», а затем центр всего государства.

(Turcae), они бывают недовольны, почитая это за бесчестье¹. Название же «бесермены» (Besermeni)² их радует, а этим именем любят себя называть и турки. Поскольку татары населяют разные и далеко и широко раскинувшиеся земли, то они не совсем походят (друг на друга) своими обычаями и образом жизни. (Ближайшие (к нам) перекопские –) Это люди среднего роста, с широким мясистым (будто опухшим) лицом, с **косящими** (маленькими) впальми глазами; волосы они отпускают только **на бороде** (в виде усов (der ober Khneberpart)), а остальное (даже и на голове) бреют. Только более именитые (insigniores, Obristen) носят **за** (над) ушами (длинные) косы (crines contorti, eingedraet), и [притом очень] черные; телом они сильны, духом смелы, падки на лобострастие, причем извращенное, **с удовольствием едят (мясо) лошадей и других животных, не разбирая рода их смерти** (едят павших лошадей и скот)³, за исключением свиней [от которых воздерживаются по закону]. Относительно голода и (недостатка) сна (говорят) они до такой степени выносливы, что иногда выдерживают это (лишение) целых четыре дня, предаваясь тем не менее необходимым трудам. И наоборот, добыв что-нибудь съедобное, они пресыщаются сверх меры [и этим обжорством как бы вознаграждают себя за прежнюю голодовку, так что не оставляют ничего. Обремененные, таким образом, пищей и усталые они] спят по три-четыре дня подряд. **В то время как они спят таким глубоким сном, литовцы и русские, в земля которых они (татары) совершают внезапные набеги, угоняя оттуда добычу, пускаются за ними в погоню и, откинув всякий страх, повсюду поражают их, забывших об осторожности и (как бы) мертвых (sepulti) от еды и сна, без караулов и в беспорядке** (Поэтому, когда, совершив набег на Литву или Руссию, они бывают усталы и обременены добычей, их преследуют, и преследователи, зная приблизительно, какое место удобно для их (татар) стоянки, не разводят в эту ночь в своем лагере огня, чтобы татары полагали себя в безопасности. Те разбирают лагерь, режут скот и наедаются, отпускают лошадей пастись и засыпают. В таком положении они весьма часто подвергаются нападению и бывают разбиты.). Если во время разъездов их мучит голод и жажда, они обычно подрезают жилы у тех лошадей, на которых едут, и, выпив крови, утоляют голод; кроме того, они думают, что это полезно и для животных (У них нет путей для перегонов скота (Tribnerweg) и дорог.). Так как почти все они кочуют, не имея определенных жилищ, то обычно движутся по звездам, главным образом [северному] полюсу, который [на своем языке] называют Selesni koll, т.е. «железный кол» (ferreus clavus, eisner Nagl)⁴. Особенное наслаждение доставляет им кобылье молоко, ибо они верят, что люди делаются от него храбрее и тучнее. Питаются они также очень многими травами [в особенности растущими близ Танаиса]; соль употребляют весьма немногие. Всякий раз как [их цари] распределяют **своим подданным** (добычу или другое) продовольствие, они, как правило, дают на сорок человек одну корову или лошадь. [Когда их зарежут] внутренности получают только более знатные (praestantiores, die ansehenlichern) и **делят их между собой**. **Затем они пожирают их, разогрев на огне настолько, чтобы можно было страхнуть и обтереть приставший навоз** (надевают рубец, сердце, легкие, печень и т. д. на небольшие вертела над огнем, (держат их) до тех пор, пока не смогут палочками слегка очистить (их) от навоза, и едят.). Они с удовольствием облизывают и обсасывают не только пальцы [измазанные жиром], но и [нож или] палочку (ставшую жирной и мокрой), которой обтирали навоз. Лошадиные головы считаются, как у нас кабаньи, лакомством [и подаются только более знатным]. У них в изобилии имеются лошади, (хотя) с низкой холкой и малорослые, но крепкие (и выносливые), [одинаково] хорошо переносящие голод [и работу] и питающиеся (листьями) ветками и корой деревьев, а также корнями трав, которые они выкапывают и вырывают из земли **копытами** (даже из-под снега, если нет травы.). [Столь выносливыми лошадьми татары весьма умело управляют] московиты уверяют, будто эти лошади под татарами быстрее, чем под другими (– это известно им по опыту.). Эта [порода] лошадей называется «бахмат» (Pachmat) (у них, как правило, толстые хвосты⁵). Седла и стремена у них деревянные, за исключением тех, которые

¹ Нежелание именоваться турками могло быть связано с претензиями и попытками османских султанов подчинить себе земли Причерноморья и Прикаспия.

² Т.е. мусульмане.

³ Мусульманам запрещено есть мертвечину: Коран, V, 3.

⁴ «Железный кол» – калька тюркского «тимир казык» – обычного у тюркских народов наименования Полярной звезды.

⁵ Бахмат – порода длинногривых твердокопытных лошадей.

они отняли или купили у **соседей-христиан** (в других местах.). Чтобы седла не натирали спину лошадей, они подкладывают под них траву или листья деревьев. (На лошадях) они переплывают реки, и если убоятся силы нападающих врагов, то [в бегстве] бросают седла, одежду [и всякую другую поклажу и] оставив только оружие [мчатся во весь опор]. Их оружие – лук и стрелы; сабля у них редка. Сражение с врагом они начинают издали и **очень храбро, хотя долго его не выдерживают, а** (пуская стрелы, а затем) обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то [при первой возможности] татары пускают назад в них стрелы; **затем, внезапно повернув лошадей, снова бросаются на расстроенные ряды врагов** (причиняя этим большой урон; если преследование ведется беспорядочно, они скоро разворачиваются (снова).). Когда им приходится сражаться на открытой равнине, **а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда, для этого у них есть опытные в сих делах вожатые (ductores), за которыми они следуют. Но если эти (вожатые) или падут от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага. Такой способ боя из-за сходства называют «пляской» (chogea) (с большим войском, то они заводят «пляску» (Tantz), как называют ее москвиты; командир или вожатый (Weiser oder Fuerer) приближается со своим отрядом к вражескому войску и, пустив стрелы, отъезжает; за ним – другой отряд, и таким образом один отряд за другим, пока первый снова не вернется вслед за последним. Если они сумеют устроить дело так, то преимущество на их стороне, но если командиры (Weisl), едущие впереди отрядов, погибнут или оробеют, то они быстро приходят в замешательство.). Если же им приходится сражаться на узком пространстве, то такой способ боя уже неприменим, и поэтому они пускаются в бегство (и дело доходит до ближнего или рукопашного боя, они быстро бывают разбиты), так как не имеют ни щитов, ни копий, ни **шлемов, чтобы противостоять врагу в правильной (statarus) битве** (ни клинков (seiten Wehr)). В седле они имеют обыкновение сидеть, поджав ноги, чтобы иметь возможность (при стрельбе) легче поворачиваться в ту и другую сторону (и даже назад); если они случайно что-либо уронят [и им нужно будет поднять это с земли, то, не вынимая ног из стремян], они поднимают (вещь) без труда. [В этом они столь проворны, что] могут сделать то же самое на полном скаку. Если в них бросаешь копьё, они **уклоняются от удара, внезапно соскользнув на один бок и держась за лошадь только одной рукой и ногой. При набегах на соседние области** (они делают вид, будто падают с лошади, но когда копьё пролетит, они снова в седле, причем, одна нога все время у седла, а рукой они держатся за гриву коня) каждый ведет **с собой, смотря по достатку** (рядом с лошадью, на которой едет), двух или трех лошадей, чтобы, когда устанет одна, пересест на другую и третью; усталых же лошадей они в это время ведут на поводу. Уздечки у них **самые легкие** (совсем плохие), а вместо шпор они пользуются плеткой. Лошадей они употребляют только холощеных, потому что таковые, по их мнению, лучше переносят труды и голод. Одежда у них одна и та же как для мужчин, так и для женщин [да и вообще эти последние несколько не отличаются от мужчин по своему платью], за исключением того, что покрывают голову полотняным покрывалом и носят полотняные же штаны (caligae – *так!*, Nosen), вроде (тех, какие носят) моряки. Их царицы, являясь перед народом, обыкновенно закрывают лицо. **Остальной народ, обитающий в рассеянии по степи** (Простонародье (die gmain Leuet)), носит одежду, сшитую из овечьих (или иных) шкур, и меняет ее только тогда, когда от долгого употребления она станет совершенно потертой и рваной. Они [не остаются долго на одном и том же месте и] считают большим несчастьем длительное пребывание в одном месте. Поэтому иногда, рассердившись на детей [и призывая на них тяжкое несчастье], они **обычно** (якобы) говорят им: «Чтоб тебе как христианину **все время сидеть на месте и наслаждаться собственным зловонием!**» (жрать собственное дерьмо.) Поэтому, стравив пастбища в одном месте, они со стадами, женами и детьми, которых везут с собой на повозках, переселяются в другое. Впрочем, **живущие в городках и городах следуют другому образу жизни** (есть и другие, живущие в городах и деревнях; это старики либо купцы, которые не ездят вместе с воинами.). Если они**

начинают **какую-нибудь тяжелую войну** (какой-нибудь набег), то (более знатные) помещают жен, детей [и стариков] в более безопасные места. Правосудия у них нет никакого¹, ибо если кому понадобится какая-либо вещь, то он может безнаказанно украсть ее у другого. Если же кто-нибудь станет жаловаться пред **судьей** (начальником) на насилие и нанесенную (ему) обиду, то виновный не отпирается, а говорит, что не мог обойтись без этой вещи. Тогда судья обычно произносит такой приговор: «Если и ты в свою очередь будешь нуждаться в какой-либо вещи, то кради у других». Некоторые уверяют, будто татары не воруют. Воруют они или нет, об этом пусть судят другие, но, во всяком случае, это люди весьма хищные и, конечно, очень бедные, так как всегда зарятся на чужое, **угоняют чужой скот** (а ближайšie (к нам) татары), грабят и уводят (в плен) людей, которых или продают туркам [и любому другому], или возвращают за выкуп, оставляя у себя только девушек. Они редко осаждают крепости и города [а сжигают селения и деревни] и бывают так довольны причиненным ими разорением, будто, по их мнению, чем больше они опустошат земель, тем обширнее делается их царство. [И хотя они совершенно не выносят спокойной жизни, однако] не убивают друг друга, разве что их цари поссорятся между собой. Если [во время ссоры] кого-нибудь убьют и виновники преступления будут пойманы, то их отпускают, отняв у них только лошадей, оружие и одежду, [и человекоубийца, получив плохую лошадь и лук] отпускается судьей со следующими словами: «Ступай и займись своим делом». Золота и серебра они, кроме купцов, почти не употребляют, а практикуют только обмен вещами. Поэтому если [их соседи] выручат сколько-нибудь денег [от продажи], то платье и другое необходимое для жизни покупают на них в Московии (или еще где-либо). Границ между собой – я говорю о степных татарах – у них нет никаких. Однажды москвиты взяли в плен одного жирного татарина, и на вопрос москвиты: «Откуда у тебя, собака, столько жиру, если тебе есть нечего?» – татарин ответил: «Почему мне нечего есть, если я владею такой огромной землей от востока до запада? Неужели я не смогу достаточно накормиться от нее? Я думаю, что не хватать еды должно как раз у тебя, владеющего такой ничтожной частью света, да и за ту ты ежедневно воюешь».

(Орда или) Царство (-, Reich) Казанское, город и крепость того же имени расположены на Волге, на **дальнем** (северном) берегу реки, почти в семидесяти немецких милях ниже Нижнего Новгорода; **с востока и юга по Волге** (вниз по Волге) это царство ограничено пустынными степями; с северо-востока с ними граничат татары, зовущиеся шейбанскими (Schibanski) и кайсацкими (Kosatzki)². Царь этой земли может выставить войско в тридцать тысяч человек, преимущественно пехотинцев, среди которых черемисы и чуваша (Czubashi, Zuwaschi) – весьма искусные стрелки. Чуваша отличаются также и знанием судоходства. Город Казань отстоит от государственной крепости Вятки на шестьдесят немецких миль. Слово «казань» по-татарски значит «кипящий [медный] котел»³. Эти татары – культурнее других, так как они и возделывают поля, и живут в домах, и занимаются разнообразной торговлей (и редко воюют.). [Государь Московии] Василий довел их до того, что они подчинились ему и стали принимать царей по его усмотрению⁴; сделать это было тем легче, что сообщение по рекам, впадающим из Московии в Волгу, удобно и **они не могут обойтись без** (оба государя получают большой доход от) взаимной торговли. В свое время в Казани правил царь Халилек (Chelealeck)⁵. Но он умер бездетным, а на вдове его Нур-Султан (Nursultan)⁶ женился некий Абрамин (Abrahemin)¹ [завладев

¹ Очевидно, что Сигизмунду фон Герберштейну рассказывали о правопорядках кочевой, мало затронутой исламом части татарского населения, среди которой была известна практика «барымты» (баранты), т.е. захвата, угона скота как возмездия за обиду, за материальный ущерб, в чем своеобразно выражался «узаконенный» самосуд в форме экономического мести.

² Шейбанские и кайсацкие татары – тюркоязычное население западной части Средней Азии (в государстве Шейбанидов) и казахских орде.

³ В объяснении этимологии слова «Казань» Сигизмунд фон Герберштейн следует татарскому народному преданию.

⁴ Московскими ставленниками в Казанском ханстве во время правления Василия III были: Шейх(Шах)-Али (1519–1521) и Джан-Али (1532–1535).

⁵ Халиль – казанский хан (около 1465–1467), сын хана Махмуда.

⁶ Нур-Султан (Нурсалтан) (около 1451 – ум. 1519/20) – дочь беклярибека большеордынского хана Ахмада. В 1466 г. вышла замуж за хана Халиля, после его смерти стала женой его младшего брата Ибрахима, родила от него двух сыновей – будущих казанских ханов Мухаммад-Амина (1487–1496, 1502–1517)

тем самым и царством]. От Нур-Султан у Абраэмина было двое сыновей: Мухаммед-Амин и Абдул-Латиф (Abdelatiw)², а от первой жены [по имени Батмасса-Султан (Batmassa soltan)³] – сын Ильгам (Alegam)⁴. Будучи старшим, он наследовал царство по смерти отца. **Но так как он не во всем был послушен приказам москвитя, то** (Он во всем был послушен москвитю.) советники последнего, **приставленные к царю, чтобы следить за его намерениями** (которые постоянно там пребывают), однажды (ночью) на пиру напоили его и, усадив в сани с тем, чтобы-де отвезти его домой, той же ночью отправили его в Москву. Задержав его на некоторое время (под стражей), государь отослал его потом в Вологду, где Ильгам и провел остаток жизни. **Мать** (Мачеха) же его и братья Абдул-Латиф и Мухаммед-Амин были удалены на Белоозеро⁵. Один из братьев Ильгама [Худайкул (Codaiculu)] крестился, приняв имя Петра; за него [нынешний государь] Василий выдал [затем] свою сестру⁶. Другой брат Ильгама, Мениктаир (Meniktair)⁷, до конца жизни сохранял свою веру; у него было множество детей, но все они [вместе с матерью] крестились после смерти отца и скончались (христианами (*немецкий текст в данном месте – den Tauff angenumen und darin gestorben – двусмыслен и наряду с указанным допускает и такое понимание: скончались во время крещения*)), **за исключением одного Феодора (Theodor), который в нашу бытность в Москве был еще жив** (Только Дитрих, которого на своем языке они называют Феодором, не крестился; я его еще застал там.). На место увезенного в Москву Ильгама был поставлен **Абдул-Латиф, которого государь сместил с престола по той же причине, что и Ильгама, заменив его Мухаммед-Амином, отпущенным с Белоозера** (Мухаммед-Амин). Он правил царством до 1518 года. Нур-Султан, бывшая, как уже сказано, супруга царей Халилека и Абраэмина, после смерти Ильгама вышла замуж за перекопского (Praescopiensis, zu Precop) царя Менгли-Гирея (Mendligerus, Mendligeri)⁸. У нее не было детей от Менгли-Гирея и, тоскуя по своим сыновьям от первого брака, она приехала в Москву к Абдул-Латифу. **Отсюда она в 1504 году отправилась к другому сыну – Мухаммед-Амину, царствовавшему в Казани. Казанцы отложились от москвитя**⁹. Следствием этого были многие войны, ведшиеся с обеих сторон государями, в них участвовавшими, долго и с переменным успехом. **Так как война эта продолжается и до сих пор, то уместно рассказать о ней поподробнее** (а потом к другому сыну Мухаммед-Амину. Казанцы и до той поры не соблюдали верности москвитю, а в 1504 году отложились. Это породило множество великих войн, в которых участвовало много (государей), как я скажу о том ниже.). Узнав об отпадении казанцев, московский государь Василий [возмутившись и горя жаждой мести] двинул против них (по рекам) огромное войско с (большими) пушками. Казанцы, которым предстояло биться с москвитями за свою жизнь и свободу, проведая об устрашающих приготовлениях великого князя, решили перехитрить врага, поскольку знали, что не смогут состязаться с ним в правильной битве. Они разбили лагерь (со множеством шатров и палаток.) на виду у врага, **тогда как лучшая часть войска была скрыта в месте, удобном для засады. Затем, будто пораженные**

и Абдул-Латифа (1497–1502) и дочь – Гаухаршад. После смерти Ибрахима в конце 1487 г. вступила в брак с крымским ханом Менгли-Гиреем I. В 1494/95 г. совершила хадж.

¹ Т.е. Ибрахим – казанский хан (1467–1478).

² Абдул-Латиф (ум. 1517 г.) – казанский хан (1496–1502).

³ Очевидно, речь идет о Фатима-Султан. Произношение арабского по происхождению имени Фатима в виде Патима, Батима, Батма имело место быть среди татар, поэтому можно допустить, что информаторами Сигизмунда фон Герберштейна были татары, находившиеся в Москве.

⁴ Ильхам – казанский хан (1479–1487), старший сын Ибрахима, в июле 1487 г. после захвата Казани русскими войсками Ивана III был свергнут с престола и пленен, содержался в Вологде, где и умер.

⁵ На Белоозеро в Карголом были сосланы мать, братья и сестры Ильхама. Абдул-Латиф в это время был в Крыму, а Мухаммед-Амин стал ханом в Казани.

⁶ Худай-Кул (ум. 1523) находился в Карголоме в ссылке, в 1505 г., согласившись принять православие, в декабре был доставлен в Москву, крещен, получил новое имя – Петр Ибрагимович, после чего за него выдали замуж младшую сестру Василия III Евдокию. В 1521 г. возглавлял оборону Москвы от крымских и казанских татар. Похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля.

⁷ Очевидно, речь идет о Малик-Тахире, который в отличие от брата отказался перейти в православие, однако были крещены его два сына, получившие новые имена: Василий и Федор. Более того, Федор был причислен к лику святых русской православной церкви.

⁸ Менгли-Гирей – крымский хан (1467, 1469–1475, 1478–1515).

⁹ Речь идет о событиях 1505 г.

страхом, они вдруг бросились вон из лагеря и пустились в бегство. Московиты, которые находились не столь далеко, увидели бегство татар и, позабыв о строе, стремительно ринулись на лагерь неприятеля. Пока они, полагая себя в безопасности, были заняты грабежом лагеря (Зная приблизительно, когда враг собирался на них напасть, они в урочное время тайком покинули лагерь и укрылись в засаде. Не видя никого в лагере, московиты решили, что татары в страхе бежали, и в беспорядке и без всякой опаски напали на лагерь, принявшись грабить шатры. Тем временем), татары вместе с лучниками-черемисами выступили из засады и устроили такое побоище, что московиты вынуждены были бежать, бросив орудия (tormenta) и пушки. Вместе с прочими бежали, оставив орудия, и два пушкаря. Когда они вернулись в Москву, государь принял их милостиво. Одного из них, Варфоломея, по происхождению итальянца, принявшего, однако, позже русскую веру [и уже тогда бывшего в большой силе и чести у государя], он щедро наградил (С ним мне довелось беседовать)¹. Третий пушкарь (bombardarius) после этого поражения вернулся с порученным ему орудием в надежде заслужить у государя великую и вечную милость за свое рвение по сбережению орудия. Но государь встретил его упреками: «Подвергнув себя и меня такой опасности, ты, вероятно, собирался [или бежать или] сдать врагам вместе с пушкой; к чему это нелепое старание сохранить орудие? Не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними» (итак, он не получил ни милости, ни похвалы (Ergoetzligkhait)). После смерти царя Мухаммед-Амина [при котором отложились казанцы] на вдове его женился Ших-Али (Scheale)² и с помощью государя московского [и брата жены]³ завладел царством, но правил всего четыре года. Глубокая ненависть, которую испытывали к нему подданные, усугублялась его безобразным хилым телосложением: у него было огромное брюхо, редкая бородка и женоподобное лицо (на уши свисали две длинные черные пряди) – свидетельство того, что он совершенно не способен воевать. Кроме того, не заботясь о расположении к себе подданных, он был более, чем нужно, предан московскому государю и доверял иноземцам больше, чем своим. Это заставило казанцев вручить царство одному из царей **Тавриды** (на Перекопе) – Сагиб-Гирею (Sargirei)⁴, сыну Менгли-Гирея. При его приближении **Ших-Али велели оставить престол, и он, видя, что его силы недостаточны, а подданные ему враждебны, счел за лучшее покориться судьбе и** (Ших-Али) с женами, наложницами [и всем добром] вернулся в Москву [откуда и прибыл]. Это произошло в 1521 году. После бегства Ших-Али царь **Тавриды** (на Перекопе) Мухаммед-Гирей⁵ с большим войском привел в Казань брата Сагиб-Гирея. [Заручившись расположением казанцев к брату] он на обратном пути в Тавриду перешел Танаис и устремился к Москве. Тем временем Василий [будучи вполне уверен в своей безопасности] не ждал ничего подобного; услышав о приближении татар, он наскоро собрал войско, поручил его водительству (dux) (князя (Khnes)) Димитрия Бельского, и послал его к реке Оке, чтобы не дать татарам переправиться (Князь был молод, пренебрегал стариками, которых это оскорбляло: они в стольких войнах были начальниками, теперь же оказались не у дел. Как обычно бывает при подобных раздорах, обе партии вели себя не лучшим образом.). Мухаммед-Гирей [располагавший превосходящими силами] быстро переправился через Оку и [жестоко грабя окрестности] разбил лагерь [в поле] у неких прудов в тринадцати верстах от самой Москвы. Сделав оттуда вылазку, он грабил и жег все на своем пути. Приблизительно в это же время из Казани выступил с войском и (его брат) Сагиб-Гирей, опустошивший Владимир и Нижний Новгород. Затем оба брата[царя], подойдя к городу Коломне, объединили свои силы. Василий, понимая, что он не в состоянии отразить столь многочисленного врага, оставил в крепости с гарнизоном своего зятя (sorogius, Schwager) Петра, **происходившего из татарских царей** (того самого, который крепился)⁶, и некоторых других **вельмож** (советников) и бежал из Москвы; [он был до того напуган, что] в отчаянии некоторое время прятался [как говорят] под стогом сена. **29** (20) июля

¹ Варфоломей – итальянский архитектор и артиллерист на русской службе. В 1509 г. строил деревянную крепость в Дорогобуже.

² Шейх(Шах)-Али – правитель Касимовского ханства (1516–1519, 1537–1566), казанский хан (1519–1521, 1546, 1551–1552).

³ Латинский текст fratris uxoris auxilio допускает и другое понимание: жены брата.

⁴ Сахиб-Гирей – казанский (1521–1524) и крымский (1532–1551) хан. Основал г.Бахчисарай.

⁵ Мухаммед-Гирей – сын Менгли-Гирея, родной брат Сахиб-Гирея, крымский хан (1515–1523).

⁶ Т.е. Петра Ибрагимовича (Худай-Кула).

татары [двинулись дальше, сжигая все вокруг, и] навели такой ужас на московитов, что [даже в городе и крепости те не чувствовали себя в достаточной безопасности. Во время этой паники] женщины, дети [и все, кто не мог сражаться] сбегались в крепость [с телегами, повозками и всем скарбом, и в воротах] возникла такая давка, что [чрезмерно суетясь] они мешали друг другу и топтали друг друга. От множества народу в крепости стояло такое зловоние, что, пробудь враг под городом три или четыре дня, осажденные погибли бы от заразы, поскольку в такой тесноте каждый должен был отдавать дань природе там же, где стоял. В то время в Москве находились литовские послы¹ [оседлав коней, они пустились в бегство]. Не видя вокруг ничего, кроме дыма пожарищ, [и полагая, что окружены татарами] они [выказали такую резвость, что] в один день добрались до Твери, находящейся (за Волгой) в 36 немецких милях от Москвы (и только там они были в безопасности.). **Весьма достохвально проявили себя тогда немецкие пушкарни, особенно Николай, родившийся на Рейне недалеко от немецкого имперского города Шпайера. Начальник² и прочие советники, пребывавшие в совершенной почти растерянности от чрезвычайного страха, наговорив много ласковых слов, поручили ему защищать город. Они просили подвезти к воротам крепости пушки побольше, служащие для разрушения стен, и отбивать оттуда татар. Пушки же эти были столь огромны, что перевезти их туда едва ли возможно было и в три дня, да и бывшего наготове пороху не хватило бы и на один выстрел из крупной пушки: таков неизменный обычай московитов – держать все под спудом и ничего не приготавливать заранее, но если приступит нужда, тогда только делают все впопыхах. Поэтому Николай решил побыстрее на людских плечах стащить к центру крепости пушки, попрыганные вдали от нее. За этим занятием горожан застала внезапная весть о приближении татар; это привело их в такой ужас, что, побросав пушки на улицах, они позабыли даже о защите стен. И если бы тогда сотня вражеских всадников напала на город, она смогла бы без всякого сопротивления сжечь его до основания** (Одного немецкого пушкаря Никласа пригласил к себе казначей (Schatzmeister) и весьма ласково просил его подкатить к воротам огромную старую железяку (Eisner Stuckh), много лет простоявшую на одном месте без дела. Пушкарь рассмеялся, а оскорбленный казначей спросил, не над ним ли тот смеется. «Если даже я и подкачу дня за три это орудие к воротам, – ответил пушкарь, – то им все равно невозможно будет воспользоваться, потому что оно разнесет ворота». «Что же делать?» – спросил казначей. – «Я думал, что чем больше, тем лучше». Тогда только принялись искать маленькие пушки (спрятанные) вдалеке от крепости, и крестьяне носили фальконеты (Falkhanetlen) прямо на спине без всяких приспособлений (on alle gefaess). Вдруг раздались крики: «Татары, татары!» Все тут же побросали пушки и побежали в крепость, так что орудия длинной вереницей лежали вдоль улицы. Всего несколько всадников легко могли бы сжечь город. Пороху было не более центнера (em Senth), и первым делом надо было натолочь пороху. Пушек, по приказу князя, отлито было множество, но не было при этом ничего, что является принадлежностью цейхгаузов. Все лежало взперти, и если возникла в чем-либо нужда, приходилось готовить все в спешке.). **В таком смятении наместник и другие защитники города (Советники) сочли за лучшее умиловить царя Мухаммед-Гирея (Менгли-Гирея), послав ему обильные дары, в особенности же мед, чтобы побудить его снять осаду** (чтобы он не двинулся дальше и не причинил еще большего ущерба). Приняв дары, **Мухаммед-Гирей** (он) обещал снять осаду и покинуть страну, если Василий грамотой обяжется быть вечным данником царя, какими были его отец и предки. Получив составленную согласно его желанию грамоту, **Мухаммед-Гирей** (Менгли-Гирей) отвел войско к Рязани, где московитам было позволено выкупать и обменивать пленных; прочую же добычу он выставил на продажу. В татарском лагере находился тогда Евстахий [по прозвищу] Дашкович (Taskowitz)³, подданный польского короля, пришедший к **Мухаммед-Гирею** (татарам) с вспо-

¹ Литовское посольство во главе с Богущом Войтковым находилось в Москве с 29 августа по 4 сентября 1521 г.

² Латинский и немецкий тексты содержат разноречивые сведения: в первом говорится о «начальнике», т.е., видимо, царевиче Петре, во втором – о казначее Юрие Дмитриевиче Траханиоте (Малом).

³ Евстахий Дашкович (Евстафий, Остафий, Остап Дашкевич) (около 1470 – до 25.XI.1536) – кричевский староста, в 1504 г. поступил на службу к Ивану III, наместник каневский и черкасский после возвращения в Великое княжество Литовское в 1508 г. Укреплял южные рубежи Великого княжества Литовского, вел переговоры с Крымским ханством в 1521 г. накануне похода Мухаммад-Гирея на Московскую Русь.

могательным войском (несколькими сотнями всадников), так как между польским королем и московским князем не было тогда **никакого** (ни мира, ни) перемирия. Он все время выставлял на продажу кое-что из добычи под стенами крепости, намереваясь [при удобном случае] ворваться в ворота [вслед за русскими покупателями и, выбив оттуда стражу, захватить крепость]. Царь хотел помочь его предприятию, также пустив в ход хитрость. Он послал одного из своих (людей) [человека верного] к начальнику крепости, которому приказывал, как рабу своего данника, доставить ему **все, что он требовал** (провиант и все прочее необходимое), а также явиться к царю лично. Начальником же был Иван Хабар (Kowar)¹, человек, искушенный в военном деле и такого рода уловках [так что его никоим образом нельзя было выманить из крепости]; он попросту ответил, что ничего не знает о том, что его государь – данник и раб татар, если же его известят об этом, то уж он знает, как тогда поступить. Ему тотчас же предъявили грамоту его государя, **подтверждавшую обязательства последнего перед царем. Меж тем как начальник пребывал в тревоге из-за этой грамоты** (над которой многие из них плакали), Евстахий [делал свое дело и] каждый раз располагался все ближе к крепости. **Чтобы лучше скрыть свой умысел, татары за определенный денежный выкуп освободили знатного человека (homo primarius) князя (knes) Федора Лопату (Lopata)² и весьма многих других русских, захваченных при набеге на Москву; более того, пленников стерегли столь небрежно, как бы специально давая им возможность бежать, что большинство из них действительно убежало в крепость** (Князя Федора Лопату, знатного человека, попавшего среди прочих во время этого наезда в плен и бежавшего, а также многих других из хитрости отпущенных татарами и бежавших в крепость, татары требовали вернуть.). Тогда татары огромной толпой подошли к крепости и стали требовать вернуть беглецов. Хотя перепуганные русские **вернули их, однако татары не только не отступали от крепости, но за счет множества новоприбывших их число даже возросло. Грозившая опасность повергла русских в великий страх и** (хотели было выдать их и пребывали) в совершенном отчаянии [они не находили удовлетворительного выхода]. Тогда пушкарь Иоанн Иордан (Jordan) [по происхождению] немец, уроженец долины (Халя (Haal) в долине) Инна (Oenus, Inn), **быстрее москвитов оценив опасность, выстрелил на свой страх и риск по татарам и литовцам из выстроенных в ряд орудий** (на родине бывший оружейником (Kuglschmid), обнаружил их замысел, когда они уже вплотную приблизились (к стенам), так что из большого орудия им нельзя было причинить уже никакого вреда. Он доложил об этом начальству и хотел стрелять, но те не согласились на это из страха. Он все-таки выстрелил один раз в толпу неподалеку от царя), чем привел их в такой ужас, что они разбежались прочь от крепости. Через Евстахия [зачинщика этой затеи] царь потребовал от начальника (крепости) объяснений; тот отвечал, что в нанесенной царю обиде повинен пушкарь, стрелявший **без его ведома и приказа, возложив таким образом на пушкаря всю ответственность** (против его приказа.). Царь немедленно потребовал выдать его, и большинство, как это чаще всего и бывает в отчаянном положении, решило подчиниться [чтобы тем самым отвести от себя ярость врага]. Воспротивился этому только начальник Иван Хабар [и лишь благодаря его покровительству немец был тогда спасен]. Царь же, либо не вынося промедления, либо потому что его воины были обременены добычей, [под давлением собственных обстоятельств] вдруг снялся с лагеря и ушел в Тавриду, забыв даже в крепости грамоту московского государя с обязательством быть ему вечным данником. Взятый им в Московии полон был столь велик, что может показаться невероятным: говорят, что пленников было более восьмисот тысяч. Частью они были проданы туркам в Каффе, частью перебиты, так как старики и немощные [за которых невозможно выручить больших денег] отдаются татарами молодежи, как зайцы щенкам, для первых военных опытов; их либо побивают камнями, либо сбрасывают в море (или с высоты), либо убивают каким-либо иным способом. Проданные же (либо

¹ Имеется в виду Иван Васильевич Образцов Хабар-Симский (около 1465 – после января 1533) – руководитель обороны Нижнего Новгорода в 1505 г. от казанских татар, воевода в походах на Литву в 1507 и 1508 гг., окольничий с 1509 г., в 1514, 1519, 1517 гг. оборонял западные и юго-западные границы, с 1519/20 г. – наместник в Перевитске и затем в Рязани, в 1522 и 1523 гг. – воевода на южных границах, в 1523–1524 гг. участвовал в походе на Казанское ханство. В декабре 1525 – феврале 1527 г. был наместником в Новгороде, в 1528 г. впервые упоминается в чине боярина.

² Имеется в виду Федор Васильевич Большой Телепнев Оболенский (ум. 1530) – князь, воевода, участвовал в обороне от крымских татар южных границ Московской Руси, погиб в походе на Казань.

оставленные) пребывают рабами полных шесть лет, после чего они хотя и становятся свободными, но не имеют права покидать страну (и должны служить или иным каким способом добывать себе пропитание.). Казанский царь Сагиб-Гирей всех захваченных им в Московии пленников продал татарам на рынке в Астрахани, **расположенной** (еще одном царстве) близ устья Волги. Когда татарские цари покинули таким образом Московию, государь Василий снова вернулся в Москву. [...] Затем в начале лета Василий, желая отомстить за нанесенное татарами поражение [и смыть позор, испытанный им, когда он во время бегства прятался в сене], собрал огромное войско, снабдил его большим количеством пушек [и орудий], которых русские никогда ранее не употребляли в войнах, двинулся из Москвы и расположился со всем войском на реке Оке близ города Коломны¹. Отсюда он отправил [в Тавриду] к **Мухаммед-Гирею** (Менгли-Гирею) гонцов (caduceatores), вызывая его на битву, потому что в прошлом году он (Василий) подвергся нападению без объявления войны, из засады, по обычаю [воров и] разбойников. Царь ответил на это, что для нападения на Московию ему известно достаточно дорог и **что войны решаются оружием столько же, сколько и обстоятельствами, поэтому он привык вести их по своему усмотрению, а не по чужому** (удобное время; он не намерен устраивать походов по чужому желанию.). Рассерженный этим ответом Василий [горя жаждой мести] снялся с лагеря и в 1523 году двинулся в Новгород, а именно в Нижний, чтобы оттуда разорить и занять Казанское царство. Отсюда он направился к реке Суре [что в казанских пределах], построил там (на границе) крепость, которую назвал своим именем (Василевгородом)², но [в тот раз не двинулся далее, а] отвел назад свое войско. На следующий же год он послал одного из своих [главных] советников – Михаила **Георгиевича** (Григорьевича)³ с еще большими, чем прежде, полчищами для покорения царства Казанского. Казанский царь Сагиб-Гирей, утраченный столь ужасными приготовлениями, призвал к себе племянника **со стороны брата, царя Тавриды**⁴, **юношу тринадцати лет** (одного из младших сыновей брата), чтобы тот [временно] стал во главе царства, а сам бежал к турецкому [императору] молить его о помощи и поддержке. [Повинуясь призыву дяди] юноша пустился в путь. Когда он прибыл к Гостиновозеру (Gostinowosero), **т.е. острову, который называется Купеческим**⁵ и **расположен среди рукавов Волги** (острову или отмели (Weerd) посреди Волги) недалеко от казанской крепости, его встретили **князья (principes) этого царства** (жители) с пышностью и почетом, ибо в этой свите был и сеид (Seyd), верховный жрец татар⁶. Он пользуется у них такой властью и почетом, что при его приближении даже цари выходят ему навстречу, стоя предлагают ему руку – а он сидит на лошади – и, склонив голову, прикасаются (к его руке); это позволено только царям, герцоги же (и начальники) касаются не руки его, а колен, знатные люди – ступней, а простой народ (plebeii, der gmain Man) – только его платья или лошади. Этот сеид тайно симпатизировал Василию и держал его сторону, поэтому он старался захватить юношу и отправить его [связанным] в Москву, но был в этом уличен, схвачен и всенародно зарезан ножом. Меж тем предводитель (dux, Veldhauptman) войска Михаил собрал [в Нижнем Новгороде] суда для доставки орудий и провианта; число этих судов было так велико, что река, пусть и широкая, повсюду казалась покрытой множеством кораблей. Он спешил с войском к Казани и, добравшись до [острова купцов] Гостиновозера и расположившись лагерем 7 июля, медлил там двадцать дней, поджидая **конницу** (свои русские полки (Volckh)). Между тем несколько московитских шпионов подожгли казанскую крепость, построенную из дерева, и она совершенно сгорела на глазах русского войска. По страху и малодушию воевода пренебрег таким случаем захватить крепость и не только не повел воинов на штурм крепостного холма, но даже не воспрепятствовал татарам снова строить ее. Вместо этого 28 числа того же месяца он переправил-

¹ Речь идет о походе 1524 г. на Казанское ханство.

² Речь идет о построении в устье р. Суры Васильева Новгорода или Васильгорода, впоследствии названного Васильсурском.

³ Имеется в виду Михаил Юрьевич Захарьин (ум. 1538) – окольничий, затем боярин. В 1519 г. был направлен в Казань вместе с Шейх(Шах)-Али – ставленником Василия III.

⁴ Т.е. Сафа-Гирея.

⁵ Из-за изменения русла Волги и в особенности строительства Куйбышевского водохранилища остров ушел под воду. Возможно, частью Гостиного острова является современный остров Маркиз.

⁶ Сеид (сайид) – потомки пророка Мухаммада от Хусейна, сына Али и Фатимы, дочери Мухаммада. Сеидов считались главами мусульманской общины в татарских ханствах.

ся через Волгу на тот берег, где была крепость, и расположился [с войском] при реке Казанке (Cazanca), двадцать дней выжидая случая, чтобы начать дело. Пока он там медлил, невдалеке от него разбил лагерь и **казанский царек (regulus)** (юноша) и, высылая черемисских [пехотинцев], постоянно, хотя и безуспешно, тревожил русских. (Изгнанный) Царь Ших-Али, также прибывший на (нескольких) судах [на эту войну], письмом увещевал его отступить от своего наследственного царства, на что тот отвечал кратко: «Если ты добываешься моего царства, давай решим (дело) оружием: пусть владеет им тот, кому оно будет даровано судьбой». В то время как русские предавались напрасному промедлению, они истратили продовольствие, которое привезли с собой, и начали страдать от голода, ибо подвезти ничего было нельзя, потому что черемисы опустошили все окрестности и следили за движением врага так тщательно, что государь не мог ничего узнать о нужде, от которой страдало его войско [да и они сами не могли подать ему никакой вести]. Вследствие этого Василий назначил двоих: одного, князя (knes) Иоанна Палецкого (Paliczki)¹, грузить в (Нижнем) Новгороде суда продовольствием, плыть оттуда вниз по реке к войску и, оставив там продовольствие и узнав истинное положение дел, поскорее вернуться к нему; другого с той же целью он послал с пятьюстами всадниками сухим путем, но и он (начальник), и его (войско) были перебиты черемисами [на которых они наткнулись], и только девятерым удалось в суматохе спастись бегством. Тяжело раненный начальник умер в руках врагов на третий день. Когда молва об этом поражении дошла до войска, то в лагере настало сильное замешательство, усугубившееся вдруг пронесшимся пустым слухом о полном истреблении всей конницы, так что никто не помышлял ни о чем, кроме бегства. Хотя в этом все были согласны, но все еще не знали, возвращаться ли им вверх по реке, что было всего труднее, или спуститься вниз, пока не доберутся до других рек, из которых потом можно будет вернуться **посуху длинным кружным путем** (не подвергаясь опасности со стороны врага.). В то время как они предавались таким размышлениям, будучи сверх всякой меры мучимы голодом, вдруг явились те девять человек, которые, как я сказал, спаслись после поражения пятисот, и сообщили, что должен прибыть Иоанн Палецкий с припасами. [Хотя он и торопился, но] по несчастному стечению обстоятельств потерял большую часть своих судов и явился в лагерь лишь с немногими. Именно когда он, утомившись от продолжительных трудов, однажды ночью **высадился для отдыха на берег** (отдыхал в корабле у берега) Волги, немедленно прибежали черемисы и, громко крича, стали выпытывать, кто это проплывает. Слуги Палецкого, думая, что это **рабы плывших на судах (nautae)** (корабельщики), осыпали их бранью и пригрозили высечь их плетью на следующий день, если те несносными воплями будут тревожить сон и покой их господина. Черемисы ответили на это: «Завтра у нас с вами будет другой разговор, ибо мы всех вас отведем связанными в Казань». И вот рано утром, когда солнце еще не взошло и весь берег был окутан густейшим туманом, черемисы внезапно напали на корабли и навели на русских такой ужас, что начальник флота Палецкий, оставив в руках врагов девятносто крупных судов, на каждом из которых было по тридцати человек, отчалил от берега на своем корабле, поплыл по середине Волги и под покровом тумана почти нагишом добрался до войска. Вернувшись затем оттуда в сопровождении многих судов, он испытал ту же участь и вторично попал в засаду черемисов. Потеряв шедшие с ним корабли, он едва ушел целым сам с немногими людьми. Пока таким образом голод и враг терзали русских, посланная Василием конница, переправившись через реку Свягу (Wiega), которая впадает в Волгу с юга и отстоит на восемь миль **от** (ниже) Казани, направилась к войску, но дважды была встречена татарами [и черемисами]. После столкновения, в котором обе стороны понесли большие потери, татары отступили, и конница соединилась с остальным войском. [После того как конница таким образом усилила войско] 15 августа началась осада казанской крепости. Узнав об этом, **царек** (юноша) тоже расположился станом с другой стороны города, на виду у врагов, и, часто высылая конницу, велел ей разезжать вокруг вражеского лагеря и тревожить их, что приводило к постоянным схваткам. Участники этой войны, люди, достойные доверия, рассказывали нам, что однажды шестеро татар выехали на поле к войску москвиты, и царь Ших-Али хотел напасть на них со ста пятьюдесятью татарскими всадниками, но начальник войска запретил ему это, выставил перед ним две тысячи всадников [лишив Ших-Али удобного случая отличиться]. Они хотели окружить татар [как бы кольцом], чтобы те не спаслись бегством, но татары [рас-

¹ Имеется в виду Иван Федорович Палецкий Щереда (ум. 1531/32) – окольничий (с 1524).

строили этот план (прибегнув) к такой хитрости], когда москвиты наседали на них, они мало-помалу отступали и, отъехав немного дальше, останавливались. Так как москвиты делали то же самое, то татары заметили их робость и, взявшись за луки, принялись пускать в них стрелы; когда те обратились в бегство, они преследовали их и ранили очень многих. Когда же москвиты снова обратились против них, они стали понемногу отступать, снова останавливались, разыгрывая перед врагом притворное бегство. В это время две татарские лошади были убиты пушечным выстрелом, но всадников не задело, и остальные четверо вернули их к своим целыми и невредимыми на глазах двух тысяч москвитов.

Пока конница обеих сторон забавлялась таким образом, к крепости были придвинуты пушки, и она подверглась сильному обстрелу. Но и осажденные защищались довольно решительно, также стреляя во врага из пушек. В этом бою единственный находившийся в крепости пушкарь был убит пушечным ядром из русского стана. Узнав об этом, наемные воины (*mercenarii, besoele Diener oder Khnecht*) из немцев и **литовцев** (и другие) возымели твердую надежду захватить крепость; если бы таковы были и намерения начальника, то они, без сомнения, в тот же день овладели бы крепостью. Но он, видя, что его люди страдают от голода, который со дня на день становился все сильнее, не одобрил плана воинов, желая сначала через гонцов тайно снестись с татарами о заключении перемирия. Более того, он **в гневе (приказал) схватить их и грозил побоями** (отчитал их) за то, что те осмелились идти на крепость без его ведома и согласия. Он полагал, что при таком недостатке припасов соблюдет выгоду своего государя, если заключит с врагом любое перемирие и приведет назад в сохранности войско и орудия. А татары, узнав о планах начальника, воспрянули духом и охотно приняли предложенные им условия, а именно отправить послов в Москву и договориться с государем о мире. Устроив все таким образом, начальник Палецкий [снял осаду и] вернулся **с войском** (с конницей) в Москву. Ходил слух, что он снял осаду, будучи подкуплен татарами. Этот слух усугубился после того, как один уроженец Савойи (*Sabaudiensis, Sophoier*), который хотел было предаться врагу вместе с вверенной ему пушкой, по дороге был пойман и после весьма сурового допроса признался в своем намерении перейти (на сторону татар) и утверждал, что получил **от врага серебряную монету и татарские кубки** (дары), чтобы склонить к измене еще многих. Начальник же отнюдь не подверг его какому-либо особому наказанию, хотя тот и был уличен в столь очевидном преступлении. По возвращении войска, численность которого, говорят, достигала ста восьмидесяти тысяч¹, к Василию являются послы казанского царя для заключения мира. В нашу бытность там (во второй раз) они все еще находились в Москве, но и тогда не было никакой надежды на (заключение) в будущем мира между ними. Ведь даже ярмарку, которая обычно устраивалась близ Казани на острове купцов, Василий в обиду казанцам перенес в (Нижний) Новгород, пригрозив тяжелой карой всякому из своих (подданных), кто отправится впредь торговать на остров. Он рассчитывал, что перенесение ярмарки нанесет большой урон казанцам и что их можно будет даже заставить сдаться [лишив (возможности) покупать соль, которую в большом количестве татары получали только на этой ярмарке от русских купцов]. Но от такого перенесения ярмарки Московия претерпела ущерб не меньший, чем казанцы, так как следствием этого явились дороговизна и недостаток очень многих товаров, которые привозились по Волге от Каспийского моря с астраханского рынка, а также из Персии и Армении, в особенности же превосходной рыбы, в том числе белуги, которую ловят в Волге выше и ниже Казани (Во время моей второй поездки (в Москву) я не мог раздобыть ни одной.).

Но достаточно о войне, ведшейся государем московским против казанских татар. Вернемся теперь к прерванному рассказу о татарах.

За казанскими татарами прежде всего встречаем татар, зовущихся ногаями (*Nagai*) (В произношении это имя звучит «нахаи» (*Nahai*)). Они живут за Волгой, около Каспийского моря, по реке Яику, вытекающему из области Сибирской. У них нет царей, а только князья (-, *Hertzogen oder Fuersten*). В наше время этими княжествами владели трое [братьев], разделивши области поровну между собой. Первый из них, Шидак (*Schidack*)², владел городом Сарайчиком

¹ Число участников битв с казанцами, равно как и пленных (800 тысяч, 180 тысяч), явное преувеличение. Общая численность населения Русского государства, по подсчетам историков, не превышала в середине XVI в. 6,5 млн. человек.

² Шидак (Шайдак, Шейдак, Шыйдак) – ногайский мурза, бек.

(Scharaitzick), что за рекой Ра¹ на восток, и страной, прилегающей к реке Яику; другой, Коссум (Cossum)², – всем, что находится между реками Камой, Яиком и Ра; третий [из братьев], Ших-Мамай (Schichmamai), обладал частью Сибирской области и всей окрест лежащей страной. «Ших-Мамай» значит «святой» или «могущественный»³. И эти страны почти целиком покрыты лесом, за исключением той, которая простирается вокруг Сарайчика: она **степная** (несколько более голая.).

Между реками Волгой и Яиком, около Каспийского моря, жили некогда (знаменитые) заволжские **цари, о которых (скажу) после. Димитрий Данилович⁴, муж важный и достойный всяческого доверия, насколько это возможно у варваров** (татары – могучее царство. Один достойный доверия москвитин), рассказывал **нам про удивительную и едва ли возможную вещь, (встречающуюся) у этих татар** (мне и другим, что). Его отец некогда был послан [московским государем] к **заволжскому царю** (одному из заволжских царей); во время этого посольства он видел [на том острове] некое семя, в общем очень похожее на семя дыни, только немного **крупнее** (мельче) и круглее. Если его зарыть в землю, то из него вырастает нечто, весьма подходящее на ягненка, в пять пядей высотой; на их языке это называется «баранец» (Boranetz), что значит «ягненок», ибо у него **голова, глаза, уши и все прочее** (все члены), как у новорожденного ягненка, а кроме того, еще нежнейшая шкурка, которую очень часто в тех краях употребляют на подкладки для шапок; многие утверждали в нашем присутствии, что выдывали такие **шкурки** (колпаки). Он рассказывал также, что у этого растения, если только можно назвать его растением, есть и кровь, но мяса нет, а вместо мяса какое-то вещество, весьма напоминающее мясо раков. Далее, копыта у него не из рога, **как у ягненка, а покрыты чем-то вроде волос и похожи на роговые** (а только из волос или шерсти.). Корень находится у него около пупка, т.е. посредине живота. Живет оно до тех пор, пока не съест вокруг себя траву [после чего корень засыхает от недостатка корма]. Это растение на удивление сладко, почему за ним охотятся волки и **прочие хищные звери** ((хищные) птицы)⁵.

Хотя этот (рассказ) о семени и растении я считаю вымыслом, однако и прежде пересказывал его, как слышал от людей отнюдь не пустых, и ныне пересказываю тем охотнее, что (Позже, в Германии,) многоученный муж Вильгельм Постелл (Guilhelmus Postellus)⁶ рассказывал мне, что (он наводил справки относительно моего латинского рассказа о ягненке и вот что) он слышал от некоего Михаила, [государственного (publicus)] толмача с турецкого и арабского языков в Венецианской республике. Этот Михаил (побывавший в очень многих дальних странах) видел, **как из пределов татарского города Самарканда (Samarcanda)⁷ и прочих стран, которые прилегают с северо-востока к Каспийскому морю до самой Хали-**

¹ Ра – древнегреческое наименование р. Волги.

² В русских источниках: Кошум.

³ Ших-Мамай – ногайский мурза. Говоря о семантике этого имени, Сигизмунд фон Герберштейн раскрывает содержание его первого компонента – «шейх (шайх)», который в быту означает также: старец, уважаемый человек, наставник суфиев, глава дервишского ордена.

⁴ Имеется в виду Дмитрий Данилович Иванов Слепой (ум. 1543) – окольный на службе у Ивана III, Василия III и Ивана IV.

⁵ Очевидно, что здесь дано сумбурное описание арбуза, дыни, каракулевых барашков и их шкурок-мерлушек. Во время массового заготовления каракулевых шкурок и мерлушек тушки только что рожденных или же преждевременно добытых из утробы овцы барашков выбрасывали (кочевники-тюрки не употребляли в пищу мясо недоношенных и неподросших животных), что и привлекало диких хищников. Смешению способствовало, вероятно, сходство терминов для обозначения арбуза и шкурки. «Баранец» служит обозначением и молодого барана (и в русском, и в словацком), и растений (плауна, чабреца, богородской травы). Возможно, в начале XVI в. и арбуз носил название «баранца».

⁶ Имеется в виду Гийом Постель (1510–1581) – французский философ-мистик. В 1535–1537 гг. находился в составе французского посольства в Османской империи. В 1554 г. вторично посетил Турцию. В 1554–1555 гг. находился в Вене. Около этого времени, вероятно, произошло его знакомство с Сигизмундом фон Герберштейном.

⁷ Самарканд – город, расположенный в долине р. Зеравшан в Средней Азии. Известен с 329 г. до н.э. под названием Мараканда. В 1370–1499 гг. столица государства Тимуридов. В 1500 г. завоеван узбеками во главе с Шейбани-ханом, до 1530-х гг. – столица государства Шейбанидов.

бонтиды (Chalibontis)¹, привозятся (в татарском городе Самарканде, который с окрестными землями прилежит к Каспийскому морю и странам, о которых я веду речь,) некие нежнейшие шкурки одного растения, растущего в тех краях. У некоторых из мусульман есть обычай подшивать их внутрь шапок, чтобы согреть свои бритые головы, а также прикладывать к голой груди. Однако Михаил не видел самого растения и не знает его имени, знает только, что оно зовется там самаркандским и происходит от животного, растущего из земли наподобие растения. **«Так как это не противоречит рассказам других, – говорил Постелл, – то к вящей славе творца, для которого все возможно, я почти убежден в том, что это не просто выдумка»** (Я пишу так, как они рассказывали, как бы там ни было на самом деле, и пусть каждый сам добирается до истины.).

На расстоянии двадцати дней пути от [государя] Шидака к востоку встречаем народы, которых москвиты называют юргенцами (Iurgenci)²; правит ими Барак-Султан (Barack Soltan)³, брат **великого хана** (magnus Cham) (великого князя хана) или царя катаяского. От [господина] Барак-Султана десять дней пути до Бебеид-Хана (Bebeid Chan). Это и есть великий хан катаяский⁴.

Астрахань, богатый город и великий татарский рынок (emporium), от которого получила имя вся окрестная страна, лежит в десяти днях пути ниже Казани на ближнем берегу Волги (к югу), почти у ее устьев. Некоторые говорят, что она расположена не при устьях Волги, а в нескольких днях пути оттуда. Я же полагаю, что Астрахань расположена в том месте, где река Волга разделяется на множество рукавов, число которых, говорят, равно семидесяти, образуя еще большее количество островов, и [почти] столькими же устьями вливается в Каспийское море с таким обилием воды, что смотрящим издали она представляется морем. Некоторые называют этот город Цитраханью (Citrachan)⁵.

За Вяткой и Казанью, в соседстве с Пермией, живут татары, зовущиеся тюменскими (Tumenskij), шейбанскими и кайсацкими. Из них тюменские живут в лесах, и число их не превышает десяти тысяч. Кроме того, другие татары живут за рекой Ра; [так как] только они (среди татар) отращивают волосы, их называют калмуками (Kalmuchi)⁶. А у Каспийского моря (по эту сторону Волги) (лежит город) Шемаха (Schamachia) [от которого получила имя и страна]; так же зовутся и люди, искусные ткачи шелковых одежд; их город отстоит на шесть дней пути от Астрахани. Говорят, не так давно персидский царь захватил его вместе со страной⁷.

Город Азов лежит на Танаисе, о котором сказано выше, в семи днях пути от Астрахани. От Азова же на пять дней пути отстоит [Херсонес Таврический (Taurica Chersonesus)⁸, а прежде всего] город Перекоп. А между Казанью и Астраханью на обширных просторах вдоль Волги (по обоим ее берегам) и до самого Борисфена⁹ тянутся **пустынные степи (самри), в которых живут татары, не имеющие никаких постоянных поселений** (невозделанные земли, в которых, однако, обитает многочисленный народ), кроме городов Азова и Ахаса, который расположен на Танаисе в двенадцати милях выше Азова, и кроме приседящих к Малому Танаису (minor Tanais, clain Tanais), возделывающих землю и имеющих постоянные поселения. От Азова до Шемахи двенадцать дней пути.

¹ Халибонтида – местность, населенная халибами, древними племенами, обитавшими на побережье Черного моря у границ Армении и Месопотамии.

² Т.е. жители Ургенча, главного города Хорезма.

³ Барак-хан (ум. 1556) – шейбанидский султан, известный также как хан Науруз-Ахмад, бухарский хан (1551–1556).

⁴ Бебеид-хан по другим источникам неизвестен.

⁵ Цитрахань – искаженное от татарского топонима Хаджитархан, первоначального названия современного города Астрахани.

⁶ Очевидно, под калмуками (от тюрк. «оставшиеся») Сигизмунда фон Герберштейна следует понимать не предков современных калмыков, проживавших в XVI веке между Алтаем и Тянь-Шанем и между степью Гоби и оз. Балхашем, а степных жителей, сохранявших языческую веру и неперешедших в ислам.

⁷ Шемаха – город в Азербайджане, резиденция ширван-шахов (1027–1382 гг. – династия Кесранидов; 1382–1538 гг. – династия Дербенди), в 1538 г. включен в состав Сефевидского Ирана. Сообщение об этом занесено в «Записки» в 40-е годы.

⁸ Херсонес (Херсон, Керсона, Корсунь) – город на юго-западе Крыма, современный Севастополь.

⁹ Борисфен – древнегреческое наименование реки Днепр.

Если повернуть с востока к югу, то около Меотийских болот и Понта¹ при реке Кубани (Сура), впадающей в болота, живет народ абхазы (Aphgasi)². В этих местах до самой реки Merula³, вливающейся в Понт (или Черное море – итальянцы называют его Великим (gross) морем –), находятся горы, в которых обитают черкесы (Circassi) или цики (Ciki)⁴. Полагаясь на неприступность гор, они не подчиняются ни туркам, ни татарам. Однако русские свидетельствуют, что они христиане [живут по своим законам], согласны с греками в вере и обрядах и совершают богослужение на славянском языке, который у них в употреблении⁵. Это крайне дерзкие морские разбойники, ибо по (многочисленным) рекам, стекающим с гор, они спускаются на судах в море и грабят **всех, кого могут, в особенности** (купцов) плывущих из Каффы в Константинополь. [...]

Болота Херсонеса Таврического (Море или Меотийские болота), простирающиеся, по рассказам, на триста итальянских миль в длину от устьев Танаиса, у мыса [Глава] святого Иоанна (caput S. Ioannis), где они суживаются⁶, насчитывают только две итальянские мили (после чего соединяются с морем. Страна Перекоп, как она называется сейчас, а по-латыни Херсонес Таврический, одним краем прилежит к Меотийским болотам, а большей частью – к морю. Когда въезжаешь туда с материка, то от моря до болот не более тысячи двухсот шагов.). Здесь находится (крепость и) город Крым (Krijm, Крум)⁷, некогда резиденция царей Тавриды, отчего они и назывались крымскими (Krijmskij, Круmski). **После того как через весь Истм (Isthmus)⁸ (Isthmus)⁸ на расстоянии тысячи двухсот шагов был прорыт ров, (так что получился) как как бы остров, цари получили имя не крымских, а перекопских, т.е. по названию этого рва, ибо ргесор на славянском языке означает «ров»** (Один из них пожелал соединить воды, перерыв полоску земли, чтобы вышел остров. Ров был проделан, хотя лишь отчасти, и не такой глубокий, как предполагалось и требовалось от подобного рва. Когда близ этого рва был построен город, то и город, и страна получили имя «Перекоп», так как корат по-славянски значит «рыть». Теперь и тамошние цари зовутся поэтому перекопскими.). Отсюда видно, как ошибся писатель, сообщавший, будто (во времени императора Максимилиана) там царствовал некий Прокопий (или будто по ту сторону Волги (в стране), по-славянски зовущейся Заволжской, правил Заволгий (Sawolhius).)⁹. Весь Херсонес посредине пересекается лесом, и та часть, что обращена к Понту, в которой находится знаменитый город Каффа, некогда называвшийся Феодосией (Theodosia), колония генуэзцев, состоит под властью турок. Отнял же Каффу у генуэзцев (турецкий император) Мухаммед (Mahumetes) [который, завоевав Константинополь, разрушил Греческую империю]¹⁰. Другой частью полуострова (прилегающей к перешейку, по сю сторону леса) владеют татары. Все татары [цари Тавриды] ведут свое происхождение от заволжских [царей]: некоторые из них, будучи во время внутренних раздоров прогнаны [из царства и не сумев закрепиться нигде по соседству], заняли эту часть Европы¹¹. Не забывая о старой обиде, они долго боролись с заволжцами, пока в правление в Польше (короля) Александра,

¹ Т.е. Черного моря.

² Aphgasi – предки современных абазин и абхазов. Ошибка в названии реки объясняется, вероятно, близостью истоков Кубани и Кубы, притока Терека.

³ Мерула – вероятно, р. Меркула, впадающая в Черное море в 50 км южнее Сухуми.

⁴ Адзыхи означает «люди». Речь идет об адыгских племенах, предках современных адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов.

⁵ В XVI в. начался активный переход адыгов из христианства в ислам.

⁶ Речь идет о Керченском проливе.

⁷ Крым (Солхад, Солхат, Эски Крым) – город, древности которого находятся на месте современного города Старый Крым. В золотоордынскую эпоху был центром Крымского улуса, первая столица Крымского ханства. Татарское название города – Крым известно по письменным источникам и чеканившимся в нем монетам. Генуэзцы называли город Солхат.

⁸ Истм – дренегреческое название Перекопского перешейка.

⁹ Сигизмунд фон Герберштейн полемизирует с Матвеем Меховским.

¹⁰ Имеется в виду османский султан Мехмед II Завоеватель (Фатих) (прав. 1444–1446, 1451–1481). Каффа была взята в 1475 г., а Константинополь – 29 мая 1453 г. Столица Византийской империи, получив новое наименование Стамбул, стала столицей Османского империи.

¹¹ Далее, подобно Матвею Меховскому, Сигизмунд фон Герберштейн перелагает рассказ Шейх-Ахмада о последних годах существования Большой Орды.

великого князя литовского, на (нашей) памяти [наших отцов] заволжский царь Ших-Ахмет¹ (Scheachmet) не явился (с женой и народом) в литовские страны, чтобы заключить союз с королем Александром и соединенными силами изгнать царя Тавриды [Мухаммед-Гирея]². Хотя оба государя согласились в этом, однако литовцы [по своему обыкновению] дольше положенного тянули с войной, так что супруга (зимовавшего в домах) заволжского царя и его войско, находившиеся в степи (в снегу), не вынеся промедления, а сверх того еще и стужи, настойчиво просили своего царя, жившего в городах, оставить польского короля и своевременно позаботиться о своих делах. Так как они не смогли убедить его, то жена покинула мужа и с частью войска перешла к царю перекопскому Мухаммед-Гирею. По ее внушению перекопский (царь) посылает войско, чтобы рассеять остатки войск заволжского (царя). Когда они были разбиты (непривычной стужи, поскольку в тех краях, откуда они явились, не бывает таких снегов, пришли в раздражение и поедали послов к перекопскому царю с тем, чтобы, если тот возьмет ее (жену Ших-Ахмета) в жены, явиться к нему со всем народом. Это предложение было принято, и перекопский (царь) отправил подкрепления, чтобы разбить остаток войска, пребывавшего с Ших-Ахметом), заволжский царь Ших-Ахмет, видя свою неудачу (и не доверяя большому литовцам), в сопровождении приблизительно шестисот³ всадников бежал жал в Альбу (называемую Монкастро), расположенную на реке (Днестре, по-латыни) Тирасе, в надежде вымолить помощь у турок⁴. Заметив, что в этом городе на него устроена засада, он изменил маршрут и (Но так как он вступил в союз с христианами против врагов их (христиан) веры, то турок приказал схватить его. Узнав об этом, он едва с половиной всадников (снова) прибыл в Киев. Здесь он (расположился в степи, но) был окружен и захвачен литовцами, а затем [по приказу польского короля] отвезен в Вильну. Там король встретил его, принял с почетом (ободрив, сопровождал в резиденцию) и повел с собой на польский сейм (conventus, Zusammenkunfft)⁵; на этом сейме было решено начать войну против Менгли-Гирея. Но пока поляки долее, чем следовало бы, тянули с собиранием войска, татарский царь, сильно оскорбившись (Когда дело затянулось, татарин, зная, что решение о войне уже принято, спросил, что же собираются делать теперь? Ему ответили: собирать и отправлять войско. На это он сказал: «А сами вы (die Herrn) разве не отправитесь в поход?» – так как считал, что без них ничего путного из войны не получится, и), стал снова помышлять о бегстве, но при этом был пойман и доставлен в крепость Троки (Troki)⁶ в четырех милях от Вильны; там я его видел⁷ и вместе с ним обедал (где содержался в почете. Тамошний трокайский воевода⁸ (Waivoda) приглашал меня в гости; за столом сидел и царь. Потом он хотя и был освобожден, но вскоре убит⁹). Это стало концом владычества заволжских царей, вместе с которыми погибли и цари астраханские, ведшие свой род также от этих царей¹⁰. [Когда они таким образом были унижены и уничтожены] могущество царей Тавриды возросло еще более, и они стали грозой для соседних народов, так что принудили и короля польского платить им (ежегодно) определенную сумму¹¹ с условием, что в случае крайней нужды он сможет воспользоваться их (татар) содействием (как утверждают поляки, жалованье (diennstgelt), чтобы на службу к королю при всякой нужде присылалось (татарское) войско, хотя это похоже и на дань.). Мало того, подарки ему часто посылал и государь Московии, стараясь склонить его на свою сторону. Причина заключается в том, что оба они, постоянно воюя друг с другом, надеются с помощью татарского оружия потеснить врага. Хорошо понимая это, он (татарский царь), получая подарки, подавал

¹ Шейх-Ахмад – сын Ахмада, последний хан Большой Орды (1481–1502).

² Шейх-Ахмад вел борьбу с отцом Мухаммад-Гирея – Менгли-Гиреем.

³ Так дано в немецкой редакции; в латинском тексте неясное sexingentis.

⁴ Имеется в виду Ак-Керман (ныне Белгород-Днестровский) – город на правом берегу Днестровского лимана. Название с татарского означает «Белая крепость».

⁵ Речь идет о Брестском сейме, где Александр находился с 8 февраля по 15 марта 1505 г.

⁶ Троки (ныне Тракай) – один из центров татарской общины в Литве.

⁷ 30 декабря 1517 г.

⁸ Трокским воеводой в 1510–1518 гг. был Григорий Остик (ум. 1518/19).

⁹ Шейх-Ахмад был освобожден из литовского плена в 1527 г. В конце своей жизни проживал в Нижнем Поволжье, скончался около 1528 г.

¹⁰ Астраханское ханство просуществовало до 1556 г. Последний астраханский хан Дервиш-Али был внуком Шейх-Ахмада.

¹¹ Эти выплаты получили название – серебщины.

каждому из них пустые надежды. Это стало ясно, к примеру, когда я от имени **цесаря Максимилиана** (в первый раз) вел переговоры с государем Московии о заключении мира с польским королем. Именно, так как государь Московии никак не желал идти на справедливые условия мира (или перемирия)¹, король польский **подкупил перекопского царя с тем, чтобы тот вторгся с одной стороны с войском в Московию, (собираясь) и сам напасть на владения москвиты с другой стороны, в направлении Опочки. Польский король надеялся таким маневром заставить москвиту (пойти) на сносные условия мира. Проведав об этом, москвит сделал ответный ход (suum egit negotium), отправив в свою очередь послов к татарину, чтобы тот повернул свои силы против Литвы, которая, по его словам, ничего не опасалась и была беззащитна** (подстрекал татарина против москвиты, и тот дал согласие. Но когда польский король вступил в пределы москвиты под Опочкой, москвит сам повел переговоры с татарами, говоря, что так как король увел свое войско из страны, то внезапное (нападение) татар сделает их хозяевами Польши.). Татарин [руководствуясь исключительно своей выгодой] последовал его совету. [Когда из-за такого рода раздоров между (обоими) государями его могущество неумеренно возросло, охваченный страстным желанием расширить свою державу и не вынося покоя, он стал помышлять о большем] взяв себе в союзники Мамаю (Mamai)², (Mamai)², князя ногайского; в 1524 году по рождестве Христове [в январе месяце] он (Менгли-Гирей (так!)³) выступил с войском из Тавриды и напал на царя астраханского. После того как тот в страхе бежал из города, он осадил и захватил его (город) и победителем расположился под кровом тамошних жилищ (проведя там несколько дней). Между тем Агиш (Agis)⁴, также князь ногайский, стал укорять своего брата Мамаю за то, что тот **помогает своими войсками столь могущественному соседу. Кроме того, предостерегал он, следует с опаской относиться к со дня на день возраставшей власти царя Мухаммед-Гирея, ибо, при его безумном нраве, может статься, он повернет оружие против него и брата, стонит их с царства и либо убьет, либо обратит в рабство** (на общую беду привел туда столь могущественного (царя), который захочет стать и их господином.). Под воздействием таких слов Мамай шлет послов к брату, убеждая его поспешить к нему с возможно большим войском: ведь теперь, когда Мухаммед-Гирей, опьяненный великим успехом, ведет себя слишком беспечно, им обидно можно избавиться от угрозы (в его лице). Следуя советам брата, Агиш твердо обещал явиться к назначенному времени с войском [которое он собрал еще раньше для защиты пределов своего царства среди стольких войн]. Узнав об этом, Мамай тут же подает совет **Мухаммед-Гирею** (царю) не держать воинов в домах, чтобы они не развратились из-за отсутствия (войсковой) дисциплины, а лучше оставить город и жить по обычаю в степи. Согласившись с этим советом, царь выводит своих воинов в лагерь. Быстро подходит с войском Агиш и присоединяется к брату; немного спустя они неожиданно нападают на ничего не подозревавшего царя Мухаммед-Гирея, пировавшего со своим двадцатипятилетним сыном Батыр-[Султаном] (Bathir Soltan), убивают его (их обоих)⁵, разбивают большую часть его войска, а остальных обращают в бегство; преследуя их, они рубят и гонят их за Танаис до самой Тавриды. [Затем] они осаждают город Перекоп, который, как я сказал, находится при входе в Херсонес. Испробовав все (средства) и не видя возможности ни взять его штурмом, ни (заставить) сдаться, они снимают осаду и возвращаются домой. Таким образом, при их содействии царь астраханский вторично овладел своим царством, а царство Таврида [с падением храбрейшего и удачливейшего царя Мухаммед-Гирея, некоторое время бывшего сильным владыкой] утратило свое могущество. После убийства Мухаммед-Гирея брат его, Садах-Гирей (Sadachgirei), с помощью императора турок, которому он тогда служил, занял перекопский престол⁶. Преданный турецким обычаям, Садах-Гирей вопреки нравам татар очень редко появлялся на людях и не показывался своим подданным. Поэтому он был изгнан татарами [которые не могли стерпеть такого нарушения обычаев их государем]; на его месте поставили племянника, сына (его) брата. Попав в плен к

¹ Имеется в виду отказ Василия III вернуть Литве Смоленск.

² Мамай – сын бия Ногайской Орды Мусы.

³ Следует иметь в виду Мухаммад-Гирея.

⁴ Агиш, сын бия Ногайской Орды Ямгурчи, двоюродный брат Мамаю. В 1524 г. Агиш потерпел поражение от Сахиб-Гирея, после чего сведения о нем в источниках отсутствуют.

⁵ Батыр-султан (Батыр-Гирей) и Мухаммад-Гирей были убиты весной 1523 г.

⁶ Перед занятием крымского трона Саадат-Гиреем ханом в 1523–1524 гг. был Газы-Гирей.

племяннику, Садах-Гирей униженно просил, чтобы тот не подвергал его жестокой казни, а воздержался от пролития его крови, сжалился над его старостью и позволил ему провести остаток жизни в какой-нибудь крепости частным лицом, отказавшимся от всякого управления государством в пользу племянника и удержав одно только имя царское. Эти просьбы его были исполнены¹.

Титулы (*nomina dignitatum*, *Namen der Wirdighaiten*) у татар примерно такие. Хан (*Chan*), как сказано выше, – царь, султан (*Soltan*) – сын царя, бей (*Bij*, *By*) – герцог, мурза (*Mursa*) – сын герцога, олбод (*Olboud*) – знатный или советник, олбоадулу (*Olboadulu*) – сын знатного, сеид – верховный жрец, частный же человек (*privatus, gemainer man*) – кси (*Ksi*). Из должностных лиц второе по царю достоинство имеет улан (*Ulan*). У татарских царей есть четыре советника, к которым в важных делах они прибегают прежде всего. Первый из них называется ширни (*Schirni*), второй – барни (*barni*), третий – гаргни (*gargni*), четвертый – ципзан (*tziptzan*)². О татарах довольно [...].

О Литве

Ближе всего к Московии Литва. Я имею в виду здесь не одну (собственно литовскую) область, но и прилегающие к ней страны, которые разумеются под общим именем Литвы (Великое княжество Литовское с принадлежащими ему княжествами граничит с землями московитов.). Она тянется длинной полосой от города Черкассы, расположенного у Борисфена (ниже Киева), до самой Ливонии (которая начинается у Дюнабурга на Дюне, именуемой русскими Двиной.). Живущие по Борисфену Черкассы (*Circassi*)³ – русские и отличны от тех, про которых выше я сказал, что они живут в горах у Понта. В наше время над ними начальствовал Евстахий Дашкевич [который, как я упоминал, ходил в Московию вместе с царем Мухаммед-Гиреем]⁴, муж весьма опытный в военном деле и исключительной хитрости. Хотя он неоднократно вступал в сношения с татарами, но еще чаще бивал их; **мало того, он не раз представлял из себя изрядную опасность и для самого московита, у которого некогда был в плену** (здесь не совсем ясная фраза, опускаемая во всех современных переводах: *So ist er auch bey dem Moscowiter gewesen, die alle auch seinen herrn Khuenig offt uberfueert*; *понять ее можно приблизительно так*: так он вел себя и с московитом (или, может быть: он бывал также и у московита), который, в свою очередь, часто обманывал его короля (т.е. имеется в виду следующий рассказ о коварстве Дашковича)). В тот год, когда мы были в Москве, он [нанес московитам поражение при помощи необыкновенной уловки. Эта история, мне кажется, достойна того, чтобы привести ее здесь. Он] провел в Московию неких татар, одетых в литовское платье, будучи уверен, что московиты без страха нападут на них, приняв за литовцев. Сам же он устроил засаду в удобном месте, поджидая мести московитов. Опустошив часть Северной области, татары направляются к Литве. Когда до московитов дошло, что те свернули и двинулись к Литве, то они подумали, что это литовцы, и вскоре, горя жаждой мщения, стремительно вторглись в Литву. Когда, пововав ее, они возвращались обремененные добычей, Евстахий, (выйдя) из засады, окружил их и перебил всех до единого. Узнав об этом, московит отправил послов к польскому королю с жалобой на нанесенную ему (несмотря на перемирие) обиду. Король ответил им, что его (подданные) не наносили обиды, а (напротив) мстили за обиду. Таким образом московит, дважды осмеянный, вынужден был снести и ущерб, и бесчестье.

¹ Борьба Саадат-Гирея со своим племянником Ислам-Гиреем длилась до мая 1532 г., когда Саадат-Гирей отказался от крымского престола и уехал в Стамбул, где и умер в 1538 г.

² Сигизмунд фон Герберштейн передает общие сведения о социальных прослойках общества татарских государств. Фонетическое оформление некоторых терминов, особенностей содержания их свидетельствуют о том, что Сигизмунд фон Герберштейн пользовался устными сообщениями тех информаторов-татар, которые жили в Москве. Номенклатура нуждается в некоторых фонетических уточнениях, например, вместо «кси» следует читать «кши», человек («кшилар» – люди, «кшиларимиз» – наши люди, наши слуги). Говоря о «четырех лицах» – советниках, следует иметь в виду четырех карачи, главных советников татарских ханов, которые представляли четыре рода-клана, а именно: Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак.

³ Черкассы – татарское, а затем и русское наименование украинских казаков.

⁴ Нападение Евстафия Дашковича на Чернигов, Стародуб и Новгород-Северский был предпринят в марте 1515 г совместно с крымским царевичем Мухаммад-Гиреем и киевским воеводой Андреем Немиром.

Ниже (русских) Черкас нет никаких христианских поселений. При устье Борисфена, в со- рока милях от Черкас (на берегу, ближнем к Валахии), находится крепость и город Очаков, которым владел царь Тавриды, отняв его не так давно у **польского короля** (Великого княжества Литовского.)¹. Ныне им владеют турки. [...] Там существует также закон, по которому имущество иноземных купцов, если им случится там умереть, переходит к **королю или к его наместнику** (властям *Herrschaften*)); то же соблюдается у татар и турок по отношению к умершим у них киевлянам². [...]

Этот народ [литовцы] носит длинное платье; вооружены они луками, как татары³, и копьем (*hasta, Spiess oder Corien*) со щитом (а также саблей), как венгры. Лошади у них хорошие, причем холощенные, и без железных подков; уздечка легкая. [...]

В наше время у литовцев особенно знамениты были [воинской славой] два мужа: Константин, князь (Кнес) Острожский⁴ (который хотя и был однажды разбит и пленен москвитями, но и до, и после того бывал весьма удачлив, одержав не одну победу над москвитями, турками и татарами. Мне не посчастливилось повидать его, несмотря на то что я часто бывал в Литве, когда он был еще жив.) и князь Михаил Глинский⁵. Константин множество раз разбивал татар; при этом он не выступал им] навстречу, когда они ватагой шли грабить, а преследовал обремененных добычей. Когда они добирались до места, в котором, как они полагали, можно, ничего не опасаясь за дальностью расстояния, перевести дух и отдохнуть, – а это место бывало ему известно, – он решал напасть на них и приказывал своим воинам заготовить для себя пищу этой ночью, ибо на следующую он не позволит им разводиться больших огней. Итак, проведя в пути весь следующий день, Константин, когда татары, не видя ночью никаких огней и полагая, что враги или повернули назад или разошлись, отпускали лошадей пастись, резали (скот) и пировали, а затем предавались сну, с первыми лучами солнца напал на них и учинил им полный разгром. [...]

Плавание по Ледовитому (или Замерзшему) морю

[...] Говорят, что близ устья реки Печоры [находящегося правее устья Двины] в океане водятся [различные большие животные, а между ними] некое животное, величиной с быка, называемое тамошними жителями «морж». Ноги у него короткие [как у бобров, грудь по сравнению с размерами остального туловища несколько выше и шире], а два верхних зуба выдаются в длину. Это животное вместе с сородичами ради размножения и отдыха покидает океан и стадами выбирается на скалы. Здесь [прежде чем предаться сну, который у них более крепок, нежели (это было бы) естественно] оно выбирает из сородичей сторожа [как это делают журавли]. Если этот (сторож) заснет [или будет убит охотником], то тогда можно легко захватить и остальных животных; если же он, как обычно, подает сигнал ревом, то остальное стадо тотчас пробуждается и, положив задние ноги на клыки, с величайшей скоростью, как на полозьях, скатывается со скал, устремляясь в океан, где они также имеют обыкновение время от времени отдыхать на плавающих на поверхности льдинах. Охотники добывают этих животных только из-за клыков, из которых москвиты, татары [а главным образом] турки искусно изготовляют рукоятки мечей и кинжалов (особенно коротких, какие у нас носят в качестве охотничьих (?) (Hessen)), пользуясь ими скорее как украшением, а не для нанесения особенно тяжелого удара,

¹ Очаков до 1502 г. был в составе Крымского ханства, затем перешел под власть османских султанов. Первоначальное татарское название города Кара-Керман (букв. Черный город), затем – Озо, турецкое – Ози. Последние наименования связаны тюркским обозначением Днепра – Узи, Юзи, Ози, Озю.

² Обычай отумерщины вызывал неоднократные протесты со стороны русских купцов, посещавших Стамбул.

³ Сопоставление литовского вооружения с татарским тем более обосновано, что в Великом княжестве Литовском с конца XIV в. стали возникать поселения ордынцев, сначала в окрестностях Вильно и Троках по р. Ваке, позднее и на белорусских землях (под Гродно, Новогрудком, Ошмянной, Лидой, Оршей, Минском, Клецкой), под Смоленском и на Волыни.

⁴ Имеется в виду Константин Иванович Острожский (1460–1530) – полководец Великого княжества Литовского, великий гетман литовский (1497–1500, 1507–1530).

⁵ Имеется в виду Михаил Львович Глинский (1470–1534) – князь, полководец. Одержал победу над крымскими татарами в Клецкой битве (6.VIII.1506). Инициатор перехода рода Глинских из Литвы на службу к Василию III. В 1530 г. участвовал в походе на Казанское ханство.

как выдумывал некто. [У турок, московитов и татар] эти клыки продаются на вес и называются рыбьим зубом. [...]

(Мое первое) **Возвращение** (из Москвы)

[...] (От Смоленска и до границы в течение двух дневных переходов меня с почетом провожало двести всадников. Мы провели эти) две ночи под открытым небом среди глубоких снегов, **а мои провожатые почтили меня щедрым угощением** (и в лютый мороз. В первый день вечером я был приглашен на ужин.). Накидав длинные и довольно высокие (кучи) сена, положив на них древесную кору и постлав скатерти, мы сидели за столом (на земле) с поджатыми ногами, вроде турок или татар, **вкушая таким манером пищу и затягивая ужин несколько чрезмерными возлияниями** (угощали меня изрядно, а пить заставляли более, чем мне того хотелось.). [...]

После отъезда короля в **Польшу** (Краков)¹ я задержался там на несколько дней, ожидая возвращения через Ливонию из Новгорода слуг с моими лошадьми. [Встретив их] я затем (30 декабря)² свернул на четыре мили с дороги в Троки (– это два замка, обнесенных стеной), чтобы посмотреть там на заключенных за оградой в саду [бизонов, которых иные называют буйволами, а немцы–] аугохн. Хотя воевода (воевода господин Григорий Радзивилл (Radovil)³ был несколько задет моим неожиданным и нечаянным прибытием, однако пригласил меня к обеду, на котором [...] присутствовал татарин, заволжский царь Ших-Ахмет. Его с почетом содержали там, как бы под домашним арестом [в двух замках, обнесенных стенами и выстроенных промеж озер]. За обедом он толковал со мной через толмача о всевозможных делах, именуя цесаря своим братом и говоря, что все государи и цари – братья между собой. [...]».

4. Перевод

Условия е.м. крымского хана Махмет Гирея, направленные п. Яскульским е. к. м. года божьего 1654

Текст воспроизведен по изданию: Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. – Киев: Наукова Думка, 1965.

Вознесши бесконечную благодарность повелителю народов всевышнему богу за его особое милосердие и попечение над творением своим, низко поклонившись его великим пророкам Махмету и Мустафе, – да почивают они в вечном мире, – и всем прочим небесным духам, через которых всевышний, управляющий миром, которому подчиняется все сотворенное, который из ничего сделал все, одел меня в одеяние величия и украсил венцом славы и почета, наконец посадил на высоком престоле великого государства и монархии, сделал государем и монархом великих орд и великих государств, владений кибдяцких и столицы крымской, неисчислимого множества татар, диких ногаев, вплоть до самого Черкесского края, мы, великий кесарь, светлейший и непобедимый государь и монарх, великий хан Махмет Гирей, – да продлит господь его счастливое и плодотворное царствование, – великому монарху и королю великих государств и монархий русских, прусских, мазовецких, польских, литовских, черниговских и всего назарейского племени, нашему светлейшему брату Яну Казимиру, непобедимому из непобедимых королей, искренне желаем бесчисленно количество раз, чтобы господь бог продлил его жизнь и ниспослал всем успех, а также желаем доброго здоровья, счастливое царствования и благоволения судьбы и заявляем вам от имени нашего ханского величества, что достойной памяти брат наш хан Ислам Гирей, – да будет господь бог милостив к его душе, – направил к вам одного из своих слуг Сулеймана агу, который нам и сообщил о том, что вы с этого времени обещали дружбу и братство крымским ханам, обещали быть другом друзьям крымских ханом и наоборот – врагом врагам и рассчитывали со своей стороны на помощь наших войск против ваших врагов.

¹ Сигизмунд I находился в Кракове с 25 апреля 1518 г. Его пребывание в Вильно документировано 4 декабря 1518 г.

² 1518 г.

³ Очевидно, имеется в виду Николай Николаевич (Миколай Миколаевич) Радзивилл (ум. 1521) – виленский воевода (с 1510), великий канцлер литовский (с 1510). Участник Клецкой битвы (5.VIII/1506).

Ввиду того, что ваш враг есть наш и общий враг всех крымских ханов, направляем немедленно войска, требуя взаимно подкреплений, чтобы и вы к нашему народу направляли наши войска. И так вовеки будет продолжаться между нами дружба и братство, если не будете отрываться от крымских ханов. Так как вы поклялись за себя и за ваших приемников и [покаялась] Речь Посполитая в дружбе и братстве с нами, а прежде всего и верности союзу против Москвы, мы, сделав тоже самое, верим, что если когда-нибудь господь бог сжалится над нами и даст нам овладеть их землей и мы будем владеть астраханскими, казанскими, бергитварскими провинциями и всеми государствами, в которых живут татары и ногайский люд, – любой из этих земель ни вы, брат наш, и никто из польской шляхты не должны касаться. Они будут принадлежать только нам. Что же касается обычных давних подарков нам, то они ежегодно должны отправляться для нас в Каменец, куда за нами будут приезжать от нас люди.

Никогда не сомневайтесь в дружбе и братстве крымцев, если только будете сами искренне соблюдать то, в чем вы, наш брат, сами с сенаторами и шляхтой поклялись в присутствии Сулеймана аги и согласно этой клятве написали священный договор, направив его в наш Крымский край с послом Марком Станиславом Яскульским. После того, как по божьему приговору наш брат Ислам Гирей предстал перед судом господним и престол нашего отца с воли божьей перешел ко мне, мы, исполняя клятву, задумали написать согласно ей настоящий договор и нашей ханской властью отослать вам в позолоченном футляре.

Мы с благодарностью приняли все, о чем нам устно доложил посол от вашего имени.

Вы, со своей стороны, придерживаясь своего договора и клятвы, не миритесь вовеки с московским царем, а наоборот, не переставайте его терзать своими войсками. Когда же с помощью всевышнего со временем овладеете его землей, не касайтесь, однако, ни вы, брат наш, и никто из польской шляхты не трогайте находящихся там народов мусульманских астраханского, казанского и бергитварского и других народов, татар и ногайцев. Это мы для себя отговариваем.

А если бы где-либо объявился наш враг, вы со своими войсками должны нам помогать против него, что и мы должны со своей стороны делать в таком же случае.

Одним словом, каждый друг будет нашим общим другом, и каждый враг будет нашим общим врагом.

Также купцам как вашим, приезжающим к нам, так и нашим к вам...

5. Абдулгаффар Кырыми. «Умдет ал-ахбар»

Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 1 /Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. редактор И.М.Миргалеев. – Казань, 2014.

II. ИЗ ИСТОРИИ КРЫМСКИХ ХАНОВ

(Правление Хаджи Гирая, Менгли Гирая, Мухаммед Гирая I и Саадет Гирая I)

[278]

В изложении о наследниках Баш-Тимура

Ичкили Хасан, отец Улуг Мухаммед-хана, является старшим сыном Джагай-оглана, о котором было рассказано ранее. Другого его сына звали Баш-Тимур-оглан¹. У него было два сына по имени Гыяседдин и Девлет-Берди. От Гыяседдина потомства нет. Девлет-Берди во время [правления] сына своего дяди, Улуг Мухаммед-хана, в окружении только своих нукеров проживал в Крыму. Будучи разиней, он не вмешивался ни в какие дела. Сам он умер в Крыму. Его могила находится в Крыму в месте, называемом Салачик. У него было два сына по имени Хаджи Гирай и Джихан Гирай.

Затем: Улуг Мухаммед, спасаясь бегством от Конграт Хайдара, отправился в Казань и остался [там]. На трон взошел Ахмед-хан, сын Джеляледдин-хана. Поскольку он вознамерился

¹ «Оглан» – в Золотой Орде титул, обозначающий принца крови.

казнить упомянутых Хаджи Гирая и Джихан Гирая, они бежали и во время их скитаний Сейид Ахмед-хан

[278 об.]

назначил людей для убийства этих упомянутых [Хаджи Гирая и Джихан Гирая]. В то время ставка Хайдар-бека находилась в местности знаменитого Колая, расположенного между реками Эрель и Самар, которую называют Кара-Агач. Передают, что упомянутые Хаджи Гирай [с братом] скитались между стойбищами крупного рогатого скота и овец в долинах [речек] Тур и Бёрекли, вытекающих из Бузука. Услышав, что для их [убийства] назначены люди, они спасаются бегством. А так как их мать была дочерью бека племени¹ адеми из кемеркуевских черкесов, они, возжелав [отправиться в] Черкесию, бегут в сторону Тена². И поскольку преследователи достигают их когда они находились вблизи реки, эти [двое], бросив колчаны и луки, только с конями бросились в воду. У них был надежный нукер. Он тоже бросился вместе с ними. В них выстрелили множеством стрел. По предопределению Аллаха в коня Хаджи Гирая попала стрела. Тот его надежный [нукер], отдал ему своего коня, а сам остался, взяв раненого коня. И сказал: «Если Аллах Всевышний даст тебе благополучие и богатство, не забудь моих сирот», – и с этими словами утонул в реке.

Затем два брата вышли на берег. Но будучи голодными и раздетыми, они, подумав, нет ли там рассеянно скитающихся обществ из эдильского народа³, с тысячами трудностей, питаюсь травой, в конце концов достигли до целой группы [таких] обществ. Говорят, что их главу называли Девлет-Кельди Хафиз. Явившись к нему, они сказали: «Мы были купцами. Нас ограбили разбойники», – и с тем стали ему поденщиками, присматривающими за овцами и коровами. Но по манере себя держать и по поведению мулла⁴ конечно же подозревал, что они должны быть детьми знатного человека, и наставлял жену, чтобы она относилась к ним с уважением. Однако у его жены был скверный характер и она причиняла им страдания.

Когда правление Сейид Ахмед-хана⁵ достигло трех с половиной лет они, кочуя в окрестностях крепости московов⁶ Манкерман⁷, известной в долине реки Озю⁸, став врагами племени [живущих там] неверных, совершали набеги на его окрестности. По прошествии времени между ними был заключен мир и они возвратили пленных. Но так как в головах неверных указанная холодность [отношений] сохранилась, однажды ночью, когда Ахмед-хан пребывал в беспечности, они напали на его ставку и убили его. Это известие распространилось по свету и Хаджи Гирай, едва услышал [об этом], прибыв, объявился среди своего народа [и] стал ханом.

Мелек⁹ Хаджи Гирай, сын Девлет-Берди-хана

Этот Мелек Хаджи Гирай стал прославленным ханом. Но будучи достаточно жестоким, он намеревался казнить братьев и, возможно, сыновей и [поэтому] братья ненавидели его. Он

¹ В оригинале: «кабак».

² Крымскотатарское название реки Дон.

³ «Эдильский народ» или «народ Эдила» – речь идет о тюркском населении Поволжья; Эдиль – крымскотатарское название Волги. В научной литературе более принято название «Идиль», однако ниже в тексте оригинала, на л. 279 об., это слово написано с соответствующей огласовкой.

⁴ То есть Девлет-Кельди Хафиз; «хафиз» – титул человека, знающего наизусть Коран.

⁵ Выделенные жирным шрифтом слова в представленном тексте в оригинале выделены красными чернилами.

⁶ «Московы» – в крымскотатарских письменных источниках обозначение жителей Московского княжества, Московского царства и, по традиции, Российской империи.

⁷ Крымскотатарское название Киева.

⁸ Крымскотатарское название реки Днепр.

⁹ Данное слово в тексте оригинала может быть прочитано и в форме «мелик», т.е. «царь». Мы использовали в переводе форму «мелек» («ангел»), следуя разъяснению, данному в «Гульбюн-и ханан» Халим Гирая о красивом лице Хаджи Гирая, ставшем причиной упоминания его среди народа под именем «Мелек Хаджигирай» (Стамбул, 1287/1870, с. 6). Вместе с тем, содержащееся у Абдулгаффара Кырими указание на жестокость Хаджи Гирая, на наш взгляд, в данном случае больше соответствует значению «царь», чем «ангел».

умер после пребывания 18 лет ханом. Его тело привезли и похоронили в Старом Крыму¹. Так как он никого из братьев или сыновей не назначил наследником своего престола, среди них начались сражения. Когда в восьмьсот семидесятом году Хиджры² имели место эти периоды, сын Хаджи Гирая по имени Менгли Гирай,

[Приписка на полях:]

На прошлой странице были вкратце упомянуты Эджерхан³ и Казан⁴. Большинство народа Татаристана – это народ огузов, который находится в стороне Хытая. Сельджукиды и семейство Османа – оттуда. И после этого пользуются уважением племена кыят и кайы. И после них – племена хырхыр, кыргыз, д-рих, кимак, н-джтак-н, м-х-рка и саклаб, которых на татарском языке называют кара-калмук⁵. После этого пользуются уважением племена чагатай, тангут и с-рка. И когда френки захватили степи Дешт-и Кыпчака, они назвали их Сармасия⁶. Место [жизни] племен, называемых «куманы», «полозы», находится здесь. И знаменитое озеро, называемое Кытайским озером – его называют [также] Харезмское море – является родиной казаков и каракалпаков. И Дальний Север, который называют «девятью широтой» – за ней сыны человеческие жить не смогут из-за чрезмерного холода. Там есть племя, называемое «булгар», которое является одним из разрядов татар. Это племя во времена Аббасидов приняло ислам. И их край стал в крайней степени благоустроенным. Во время самого длинного из дней, то есть во время пребывания созвездия Рака⁷ в тех широтах⁸, до десяти дней в их краю времени ночной молитвы не бывает. Например, прежде чем исчезнет вечерняя заря, начинается утренняя заря, вследствие чего, испытывая затруднение по поводу того, можно ли возмещать ночную молитву [как пропущенную], они, отправив в область Харезма

[279]

спасаясь бегством, явился в крепость по имени Мангуб, которая находится в Крымском крае, в области Балыклагы⁹. Она известна своей неприступностью. Говорят, что ее комендант был представителем правителя Богдана¹⁰ из числа христианских правителей. И так как там было некоторое число татарского племени, называемого «ас», он, присоединившись к ним, стал гостем коменданта неверных.

Бывший в то время правителем из династии Османов – гордость династии Османов, отец победы и сражений за веру, завоеватель Стамбула¹¹, султан Мехмед-хан, захватив Стамбул, сделал его себе местом трона. Поскольку он приблизился к окрестностям [владений] чингизидов, вызывавших большое беспокойство, и поскольку для его падишахского усердия было потребностью укрепить Крымский остров как следует, он, узнав, что среди детей Хаджи Гирая великое расстройство, отправил морем своего визиря по имени Гедик Ахмед-паша вместе с флотом. Силою рук тот забрал у неверных Кафу¹² и Сугдак. И завоевав у христианских неверных Мангуб, по притворному неведению забрал и увез с собой Менгли Гирай-султана¹³, включив его в число попавших ему в руки пленных. Передают, что по прибытии к султану Мехмеду тот оказал Ахмед-паше большую благосклонность. И сказал: «Ахмед! Это мое почтение тебе не за то, что ты захватил Кафу. Ты передал мне в руки узды

¹ В оригинале: «Эски Крым» – современное крымскотатарское название этого города в Крыму.

² 1465/66 г.

³ Астрахань.

⁴ Казань.

⁵ «Кара-калмук» – чёрные калмыки.

⁶ «Сармасия» – очевидное искажение от «Сарматия». Данное замечание, а также последующее упоминание команов и половцев свидетельствуют о знакомстве Абдулгаффара Кырыми с европейской историографией.

⁷ В оригинале: «Сертан».

⁸ В оригинале: «в тех градусах».

⁹ Балаклава.

¹⁰ Молдавия.

¹¹ В оригинале везде «Истанбул».

¹² В оригинале везде использовано крымскотатарское название города: «Кефе».

¹³ В Крымском ханстве, в отличие от среднеазиатских государств и Османской Турции, титул «султан» обозначал не правителя, а принца крови, т.е. члена правящего рода, не находящегося при власти.

[управления] сильным врагом из потомства древних царей, принадлежащих к числу обладателей ислама. Эта твоя служба является наипервейшей».

После этого он воспитал Менгли Гирай-султана в осчастливленном гареме вместе с прочими [своими] царевичами. Однако расстройство в области Дешт-и Кыпчака достигло своей наивысшей степени. Бывший в то время главным эмиром¹ ширинским Эменек-бек, сын Мамак-бека, сына Тегене-бека, сына Руктемур-бека, будучи главным карачи², некоторое время проявлял усердие по поддержанию порядка в области. Но так как это было за пределами возможного он, рассудив: «Опираясь на Высокое Государство³ я прекращу это расстройство», – отправился на корабле в Стамбул. И подав прошение, представился и попросил [выдачи] ханского сына. Затем падишах, покровитель мира, будучи очень довольным, почтил указанного эмира шахской благосклонностью. И назначив Менгли Гирая ханом, заставил его принести присягу своему государству. И путем [заключения] различных договоров завоевал [его] доверие. И также назначил ему летние и зимние жилища, арпалыки⁴ и хассы⁵. И повелел записать в реестр султанских владений в качестве руководства к действию, что ни под каким предлогом его [т.е. Менгли Гирая] просьба не должна быть отклонена. И Эменек-беку также даровал безграничные почести, пожалования, благосклонность, бунчук и ханский⁶ военный оркестр⁷. Сев на галерею⁸, они прибыли в Кафу и сошли [на берег]. 890 [год]⁹.

Менгли Гирай-хан, сын Хаджи Гирай-хана

В столице, Старом Крыму, он был славным ханом. Посредством прекрасных мер он устранил всех смутьянов и притеснителей. И каждый год совершая священную войну против москотов, опирался на фундамент достоинства блеска пребывания в джихаде и газавате. Он умер в девятьсот двадцатом году Хиджры¹⁰.

[Приписка на полях:]

Харезма, то есть в Хиву, человека, попросили фетву у имама Баккали¹¹, бывшего имамом своего времени. А имам дали [фетву] об отсутствии [необходимости] восполнения. Когда об этом известии была испрошена фетва почтенного Шамсу-ль-аймма¹² аль-Хальвани¹³, они дали

¹ «Мир-и миран», т.е. эмир эмиров.

² По поводу этимологии и значения этого титула существуют разные гипотезы. Мы полностью разделяем мнение Л.Будагова о происхождении этого титула от корня глагола «карамак» («смотреть», «присматривать») с прибавлением суффикса имени деятеля -чи. Таким образом, слово «карачи» соответствует арабскому «назыр» и означает «наблюдатель», «министр», «слуга, присматривающий за чем либо» (Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т.2, с.45).

³ То есть на Османское государство.

⁴ Земля для получения добавочной прибыли в оплату за управление областью.

⁵ Земля, выдаваемая в Османском государстве высшим государственным чинам с годовой прибылью более 100 000 акче.

⁶ То есть равный ханскому.

⁷ В оригинале: «мехтер».

⁸ В оригинале: «кадырга».

⁹ 1485/86.

¹⁰ 1514/15.

¹¹ Мухаммад, сын Абу-ль-Касыма Баджука, аль-Баккали аль-Харезми ан-Нахви. Факих и муфассир ханафитской правовой школы. Его кунья Абу-ль-Фадль, прозвище – Зайну-ль-Машайих («украшение шейхов»). Прозвище аль-Баккали получил за занятие торговлей («баккал» – «бакалейщик»). Умер в Харезме в 523 г. Хиджры (1129) (Muhammed Bin Ebi'l-Kasım Bacuk El-Bakkali Hayati Hakkinda Bilgi [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mumsema.com/arak-islam-alimleri/195934-muhammed-bin-ebil-kasim-bacuk-el-bakkali-hayati-hakkinda-bilgi.html>. – 19.10.2014).

¹² То есть «светоча имамов».

¹³ Вариант «Хульвани» («производитель сладостей»). Шейх аль-Хальвани (Хульвани) или Абд аль-Азиз, сын Ахмеда, сына Насра, аль-Хульвани аль-Бухари, известный по кунье Абу Мухаммад и по прозвищу Шамс ад-дин или Шамс аль-аймма, умер в 456 г. Хиджры (1064) в Бухаре. Является одним из великих ученых-факихов ханафитской правовой школы (Şems-ül-eimme Hulvânî hayati hakkinda bilgi

фетву о [необходимости] восполнения. Два муджтахиды¹ вступили в тяжбу [между собой]. Но поскольку их области были далеки [одна от другой] и они не могли встретиться друг с другом, в конце концов Шамсу-ль-аймма, отправив одного своего ученика в Харезм, дал ему наставление, говоря: «Не открывай себя и попроси фетву – скажешь ему: «Разве не станет некто неверным, если отбросит одно из пяти времен [молитвы], которое Аллах предписал в качестве обязательного?» Ученик прибывает в Харезм. Приходит в собрание, когда имам Баккали излагает урок и спрашивает фетву. Баккали тотчас все понимает [и] дает вежливый ответ: «О, мулла, если у кого-то ноги отрезаны, начиная от лодыжек, сколько предписаний омовения будет в его отношении?» На это тот отвечает: «Останется три [предписания], поскольку для четвертого нет места». На это Баккали отвечает и одерживает победу в тяжбе, сказав: «Если нет времени намаза, то оно аналогичное [этому]». И Шамсу-ль-аймма также одобрил и признал [эту фетву]. Это записано в «Равзат аль-муаттар»².

И племена, называемые «башкурт» и «тюмен», многочисленны. Они покорны хану хытаев. И их сторона – та же самая. И они мусульмане. Воюют с калмуками. Также они воюют с неверными татарами, живущими на горе Ималус. Это записано в «Джихан-ньюма».

[279об.]

(Тема: Мухаммед Гирай-хан Старший)

В указанную дату³ его старший сын Мухаммед Гирай, став ханом, находился на войне за веру против московов. Когда он оседлал коня с намерением вывести сынов Орак Мамайя и достиг стороны Эдила⁴ ногайцы⁵ нарушили свои договоры. Произошла битва. Хан принял [в ней] мученическую смерть. Срок его правления двадцать три года.

[После смерти Мухаммед Гирай-хана] хотели сделать ханом пребывавшего в его окружении его брата Гази Гирая, [бывшего тогда] маленьким ребенком, но посчитали, что он не сможет управлять Татаристаном, и в девятьсот сорок третьем (943)⁶ году ханом был назначен **Саадет Гирай, сын Менгли Гирая**. Он отправил своего брата по имени Сахиб Гирай заложником к Высокому Порогу. Это было время султана Селима, сына султана Байезида. То что отправка заложников берет начало с султана Селима передает, уточнив, Али-эфенди в своей [книге] «Кюнх аль-ахбар».

Затем: в то время, как Саадет Гирай правил по чести и справедливости, его брат, которого звали Ислам Гирай, восстал. И татарские воины разделились на два лагеря. Со стороны Высокого Государства на помощь Саадет Гираю были назначены ферманом кафинский бек Балы-бек и азакский бек Шахин-бек. Произошла битва с дурномыслящим Ислам Гираем в области Азака вблизи реки Тен. Кафинский бек и еще множество молодцев приняли [в ней] смерть мучеников за веру. Саадет Гирай, вернувшись побежденным, еще много дней провел в непрерывных сражениях. В итоге, Ислам Гирай силой стал называться ханом. А Саадет Гирай отправился к Порогу⁷. Там султан Селим пожаловал ему обильные годовые доходы⁸. И говорят, что даже повез его с собой в персидский поход⁹. После этого он умер в Стамбуле. Срок его правления составил четырнадцать лет.

Отрывки перевел *Нариман Сейтягъев*

[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mumsema.com/arap-islam-alimleri/195298-sems-ul-eimme-hulvani-hayati-hakkinda-bilgi.html>. – 19.10.2014).

¹ Имамы, достигшие высшей степени знаний в юридически-богословских науках и имеющие право самостоятельного вынесения решений по вопросам мусульманского права на основе исследования его источников.

² Авторство сочинения нами не установлено

³ То есть в 920 г. Хиджры (1514/1515).

⁴ В данном месте текста название «Эдил» прочитано в соответствии с огласовкой первой буквы.

⁵ В оригинале: «ногайлылар» – «жители Ногай».

⁶ 1536/37.

⁷ То есть ко двору турецкого султана (в Порту).

⁸ «Салйане», форма содержания высших чиновников в Османском государстве.

⁹ В оригинале: «Аджем сефери», то есть «аджемский поход».

6. Абд ар-Раззак Самарканди. «Места восхода двух счастливых звезд и места слияния двух морей (Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн)»

По изданию: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, том II. Извлечение из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

ХП

События 834 г. (= 19 IX 1430 – 8 IX 1431)... Вдруг из Хорезмской области прибыл гонец и доложил, что войско узбекское прахом вероломства посыпало темя судьбы своей и подняло пыль смуты, что многочисленная рать сразу вторглась в Хорезм, что эмир Ибрахим, сын эмира Шахмелика, не имея силы устоять, ушел в Кят и Хиву, что везир ходжа Асиль-ад-дин приготовил средства для сидения в осаде и поднял знамя отпора и сражения, но в конце концов изнемог и был убит, что войско узбекское, взяв Хорезм, произвело большое опустошение и, производя крайнее разорение и опустошение, опять ушло в Дешт. Выслушивание этих известий оказалось тяжелым и трудным для солидного ума (Шахруха). Он назначил в тот край несколько эмиров, и (эти) именитые эмиры, выказав признаки храбрости и смелости, напали на народ и улус узбекский, уничтожили и рассеяли всех этих наглецов...

События 839 г. (= 27 VII 1435 – 15 VIII 1436). Рассказ о зимовке победоносного хакана (Шахруха) в Карабаге Арранском... В это время из страны Хорезмской прибыл посол и доложил, что Абульхайр-оглан внезапно прибыл из Дешта в окрестности Хорезма, что мирза Султан-Ибрахим, сын эмира Шахмелика, не имея возможности бороться, [199] обратился в бегство, что подданные, изнемогши, сдали город, и что эти безжалостные наглецы, поставив вверх дном всю область и город. Хорезм, опять ушли по неезженным путям и степным дорогам.

События 844 г. (= 2 VI 1440 – 21 V 1441)... В этом году из Астрабада с быстротою ветра прибыл гонец и доложил, что из Дешта пришло в то государство узбекское войско и что эмир Хаджи-Юсуф-Джалиль убит. Объяснение этих слов таково: временами некоторые из войска узбекского, сделавшись казаками, приходили в Мазандеран и, устроив везде грабеж, опять уходили (назад). Счастливый хакан (Шахрух) приказал, чтобы ежегодно несколько эмиров-темников отправлялись в Мазандеран, следили за теми-пределами и зимовали в той области. Несколько раз мирза Байсунгар, а после него мирза Ала-ад-доуле зимовали там. В этом году эмир Хаджи-Юсуф-Джалиль и брат его эмир Шейх-Хаджи и несколько других эмиров-темников были назначены для управления теми окраинами, и эмиры, приведя туда каждый свой туман войска, и день и ночь проводили в полной осторожности. Вдруг войско узбекское нагрянуло на эмиров таким образом, что расстроило все (их) войско; эмир Хаджи-Юсуф-Джалиль твердо стоял на месте, протянул руку храбрости из рукава отваги, сделал геройские нападения и совершил смелые подвиги, но так как людей у него было очень мало, все его усилия ни к чему не привели. Во время борьбы стрела из колчана лука судьбы пришла, чтобы убить его, и он получил счастье мученичества. Брат его, эмир Мубариз-ад-дин Шейх-Хаджи, на быстром, как ветер, коне, долго гнался за неприятелем, но не мог настичь его.

События 851 г. (= 19 III 1447 – 6 III 1448 г.)... Счастливым хаканом (Шахрухом) было дано высочайшее повеление, чтобы ежегодно несколько эмиров-темников зимовали в Джурджанской области и наблюдали за действиями войска дешт-и-кипчацкого и казаков узбекских...

События 855 г. (= 3 II 1451 – 22 I 1452 г.)... В это время один приближенный из слуг придворных сообщил, что царь узбекский Абульхайр-хан уже некоторое время идет исключительно по пути чистосердечия, считает себя включенным в ряд друзей и ожидает, что как только его величество (Султан-Абу-Са'ид) соизволит, то хан, сопровождаемый счастьем и благодеянием, о двуконь отправится рядом с победоносным стременем (Абу-Са'ида). Слова эти понравились государю, он отправил одного из приближенных в орду хана и выразил ему согласие на его просьбу. Абульхайр-хан воспользовался вниманием его величества, с величайшей поспешностью отправился в путь и присоединился к высочайшей орде. Мирза Султан-Абу-Са'ид соблюдал условия почтения и обычаи чествования, занялся устройством дел и приведением в порядок нужд народных и вместе с Абульхайр-ханом сделал приготовления к завоеванию Самарканда. Из пределов города Ясы они пришли в область Ташкента и Ходженда. Узнав об этом, мирза Султан-Абдаллах с огромным войском двинулся на войну (с ними).

События 864 г. (= 28 X 1459 – 16 X 1460)... В начале месяца реби I (= 26 XII 1459 – 29 I 1460) прибыли великие послы из земли Калмыцкой и Дешт-и-Кипчака, при посредстве великих эмиров удостоились чести целования ноги его величества (Абу-Са'ида) и поручение свое доложили (ему). Раздав им подарки и подношения и оказав им царские милости, он всех их обладал... (Абу-Са'ид), выказав полнейшее внимание к послам калмыцким и посланникам царей Дешт-и-Кипчака и Мухаммед-Халиля и написав любезные письма, всем дозволил вернуться...

События 869 г. (= 31 X 1464 – 23 VIII 1465)... В середине джумади II (= 29 I – 26 II 1465 г.) из высочайшей орды прибыл царский указ о том, чтобы Сейид-Йеке-султана, брата Абулхайр-хана узбекского, который был взят в плен эмирами в окрестностях Хорезма и несколько времени находился в заключении в Герате, прислать в высочайшую орду. Это был юноша прекрасного характера и чистой веры, постоянно занятый чтением Корана, и в то время, когда был освобожден из заключения, он находился некоторое время при людях божьих и просил помощи у расточающего милости внутреннего их мира. Эмиры и чиновники дивана отправили его, снабдив всеми царскими принадлежностями. Когда он прибыл в высочайшую орду, то мирза Султан-Абу-Са'ид почтил его разными милостями, пожаловал ему коня, золото, шапку и пояс и отправил его, благодарного и довольного, в область Узбекскую.

7. Ма'суд бен Османи Кухистани. «История Абу-л-Хайр хана (Та'рих-и Абу-л-Хайр хани)»

По изданию: Сочинения Ма'суда бен Османи Кухистани «Тарихи Абулхайр-хани» // Известия АН Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1958. № 3(8).

Когда Абулхайр-хан, хан высокопоставленный и падишах знаменитый, достиг совершеннолетия, на челе его благословенном засияло сияние повелителя вселенной. [В то время Абулхайр-хан] по закону родства и родственному согласию, подчиняясь Джамадук-хану, который был из падишахов-шейбанидов, славных, занялся снаряжением войска и устройством дел государства...

Его величество Абулхайр-хан, хан высокопоставленный [и] повелитель, уничтожающий мятежников, защитник верующих родился в 816 году, соответствующем году луй, т.е. в году крокодила...

В дни правления и во времена султанства Джамадук-хана Газий-бий-мангыт, который был из сыновей Идику-бия по завещанию отца своего сделался предводителем народа и племени, овладел и подчинил силой аймак и племена. Когда он [Газибий] утвердился на троне могущества и престоле верховенства, протянул руку угнетения и насилия и ступил из круга справедливости сошел с широкой дороги милосердия...

... Когда эмиры и вожди Дешти-Кыпчака вышли из терпения от зла Гази-бия и возопили от его насилия и угнетения и когда счастье и благоденствие отвернули от него лицо, они [эмиры и вожди] сговорившись, умертвили его. И отвратили зло его от голов обитателей этой страны. [После чего] радостные [они] направились к трону Джамадук-хана. Достигнув орды Джамадук-хана, [они] удостоились чести находиться [у него] на службе и утвердились в ряду эмиров великих и слуг хана высокоместного. Однако та надежда на помощь и милость Джамадук-хана, на которую они уповали, не оправдалась, [и] выше упомянутый хан от крайней степени падишахского высокомерия и гордости верховной власти не обратил внимания на положение тех людей. Когда эмиры [в получении] благоволения и милости от хана пришли в отчаяние, они единодушно бежали из орды хана и, прибыв в местность Джаитар-Джалкин, соединились с эмирами и предводителями войск, такими, как Кибек-ходжа-бий-мангыт, Омар-бий-буркут, Мута-ходжа, [87] Турди-ходжа-мангыт, Джатан-Мадр-Нукус, Бай-ходжа-бахадур, Сарыг-Шиман-мангыт, которые опоясались поясом вражды и противления Джамадук-хану.

Когда Джамадук узнал об уходе эмиров и войска, издал приказ о сборе войска [своего]. Левое крыло армии украсилось блеском внушительности и стремительности – Абулхайр-ханом, а правое крыло украсилось величием храбрости Ходжа-огланом и другими багадурами. [После этого] Джамадук-хан отправился позади войска в Джантар-Джалкин.

Когда эмиры и предводители войск противника узнали о прибытии хана-владельца с семьюдесятью тысячами снаряженных людей, со всей решимостью и не думая о последствиях, устроив средства сражения привели в порядок дела битвы и средства битвы,

Когда по приказу государя [Джамадук-хана, войско его] достигло местности Джайтар-Джалкин, оба войска расположились друг против друга.

Как только внезапно появился утра верный знак – рассвет – на поле сражения, и небо освободилось от изображения неподвижных звезд и планет, на небе засиял венец солнца; ночь темная скрылась от появляющегося, веселящего сердце, солнца, и луч солнца золотой появился из вершины горы, оба мореподобных войска пришли в движение. Багалуры славные и витязи меченосцы по приказу государя могущественного лицо смелости обратили на поле сражения. Поле сражения украсилось храбрыми людьми и героями битв. Оба войска взволновались, и вожди армии воспламенились гневом.

Байходжа-багадур, который был из удалцов и багадуров противника, взяв в руки кистень, ломавший гранит и человека сбивавший с ног, обратился лицом отваги в сторону войска Са'ат-Хаджи-оглана и ударом кистеня спешил его с лошади жизни и сбросил его в прах смерти. [После этого] в сторону прочих огланов и предводителей [войска] направившись, большую часть богатырей и испытанных бойцов из поиска Джамадук-хана сбросил на землю. Один из эмиров старших [из рода] Кушчи рассказывал, что в этот день Байходжа-багадур отправил двенадцать огланов из тленного мира в жилище вечности.

Воины его [Байходжи-багадура], когда увидели следы мужества, его, развернули руку храбрости и стремительно последовали за ним, ударом меча, закаленного и сверкающего подобно молнии, и копьем мести разгромили войско Джамадук-хана и воинов его прогнали и рассеяли. В этой битве и сражении, по предопределению госиода, погиб Джамадук-хан.

В это время Абулхаир-хан, которому было 16 лет, по предопределению щедрого подателя, был взят в плен Сарыг-Шиман-мангытом. Так как милости безграничные Бога Всевышнего и Всесвятого [в отношении] положения такого царевича были подобны морю, Сарыг-Шиман узнав Его Величество Абулхаира взял [его] под [свою] защиту и охрану и проявил много старания в деле прислуживания.

После некоторого времени [Сарыг-Шиман], снабдив Абулхаира лошадьми добрыми и вооружением соответствующим, разрешил ему возвратиться [домой].

Когда Абулхаир, султан мудростью [своей], подобный Сулейману, с помощью Господа Бога освободился из рук врагов и прибыл на место, он воздал благодарение Всевышнему Творцу. В то время, когда солнце спорило со своими лучами, т.е. султан четвертого икlima и государь пятого икlima расположился на равнине зимы, одетый по обычаю зимовья и отстранив силой произрастания вмешательство о природу, а ветви деревьев подобно голому виночерпию, без одежды и без голоса оставшись, ожидали новогоднего халата, Абулхаир, султан, обладатель ангельских качеств, в надежде на благополучие и счастье остановился в лагере Алаш-багадура, старшего бека аймака главного. Алаш-багадур и другие вожди могущественные великих племен того султана могущественного почитали и уважали и, опоясавшись поясом искренней дружбы и служения, с утра до вечера беспрекословно исполняли службу. Ту зиму Его величество Абулхаир-султан с помощью поддержки и милости божественной провел там.

Когда солнце, освещающее мир, с помощью Бога – щедрого подателя, выйдя из дома зимы, переместилось в дом Овна, место которого есть Восток, Абулхаир, султан величием, как небесный трон, освещенный солнцем, с помощью Бога всемогущего собрав войско, свиту, приверженцев и слуг из тех людей направил повода [своего] коня, с помощью могущественного Творца, «да велик он и славен», в сторону Хесиля, своей свиты, народа и улуса.

Все войско и окрестные жители той местности от прибытия шаха, прибежища [88] мира, обрели новую жизнь и безграничную радость.

Все эмиры, вожди и другие славные из сеидов великих, высокоместных и прочих предводителей, пользующиеся доброй славой, как-то потомства: Кыл-Мухаммед-сейид, Кара-Сеид-султан, «да освяти бог их тайну»; Бузунджар-бий-кият, Вакас-бий-мангыт, Шейх-Суфи-оглан, Хасан-оглан-чимбай, Ташбект-оглан-ииджан, Шад-бехт-оглан, Тимур-оглан сатуг-бай, Суюнич-бай Даулет-Суфи-оглан, Барак-оглан-каан-байлы, Марат-Суфи-оглан-табгут, Махмуд-бек-конрат, Мане-оглан-табгут, Хазрет-шейх-оглан-ииджан-бий, Якуб-дурман, Каракедей-дурман, Тули-хаджи-бий-кушчи, Марат-Суфия-утарчи, Даулет-ходжа-диван кушчи, Шейх-Суфи-найман, Ак-Суфи-найман. Кара-гусман-найман, Сарыг-гусман-найман, Юсуф-ходжа-укриш-найман, Абубекр-укриш-найман, Кудай-берди-тархан, Мумын-дервиш-тупай, Герей-ходжа-багадур-таймас, Суфи-бек-джат, Хаджи-Мырза-дажат, Джамадук-багадур-тубай, Сабир-шейх-тубай,

Ядыгар-багадур-тубай, Кунгур-бай-кучши, Абке-багаду-хытай, Кебек-бий-кушчи, Ходжа-багадур-барак, Тирчик-бий-дурман, Булакдак-багадур-хытай, Кебек-бий-кушчи, Ходжа-багадур-уйгур, Ички-биагу-диван-уйгур, Бай-шейх-уйгур, Абдалмалик-карлук, Тунгачук-Тулуходжа-найман, Хаким-шейх-кушчи, Акчеурус-кушчи, Тимур-багадур-кенегес, Курагай-генан-багадур-уйсун, Кылыч-бай-багадур-уйсун, Тулкуджи-бий-тубай, Сарых-Шиман-мангыт, Кылыч-бука-тархан, Баглы-ходжа-конрат, Ходжалак-курлеут, Шейх-Мухаммед-багадур-уйсун, Бирим-ходжа-багадур-уйгур, Бахты-ходжа-уйгур, Суфи-ходжа-ички, Ходжа-амин-ички-мангыт, Тангри-Берди-туман, Аникей-ходжа-дурман, Тулун-ходжа-туман-минг, Урус-конрат, Омар-найман, Тулун-ходжа-найман, Даулет-ходжа-юрчи-кара и другие великие подобно счастью и благоденствию, придя ко двору повелителя могущественного, расположились в ряду воинов победоносных и слуг счастливых.

В возрасте 17 лет, в 833 г. х. соответствующему году биджин, т.е. в году обезьяны, [Абулхаир] в благополучии и счастии утвердился на троне государя и на престоле владетеля государства. [После чего] Абулхаир-хан, благодаря изобилию щедрости Божьей и поддержке небесной, приготовил орудие завоевания и покорения мира, и султан высокопоставленный, положением своим равный Юпитеру, войска ислама снарядив и с надеждой на Бога подняв знамя победы и одолевания, обратил поводыя завоевателя вселенной в сторону города Тара.

Когда знамена победы бросили тень прибытия над головами жителей города Ададбек-буркут, который был хакимом города Тара и Кебек-ходжа-бий-буркут го всеми эмирами, вождями, начальниками войск в полном согласии пройдя через двери содействия и подчинения, стали мулязимами повелителя мира. [И] другие [89] владетели меча и пера, слуги и приближенные из властителей могущественных и эмиров высокопоставленных [также] поспешили ко двору государя [т.е. Абулхаир-хана].

Когда небесный голос счастья известил мирян о победе и одолении, тогда с помощью божественной и всевышней все противники и упорствовавшие, обратившись к порогу султанскому, превратились в блистательную и многочисленную свиту.

Когда доблестное знамя солнцеподобное над городом Тара, который стал местопребыванием трона государства и столицей, начало дуть ветерком благополучия и счастья из места желанья и до слуха народа донесло аромат победы и триумфа, заря, указывающая на скорое счастье и величие, появилась на небосклоне славы. Благословением августейшим эта линия, увеличивающаяся с каждым днем, украсила корону и трон монарха, и вознаграждение Бога и Владыки вселенной украсило его Величество [Абулхаир-хана], особу благословенную благостью господней и милостью божественной, подобно благополучию небесному непрерывному. Астроном с помощью небесной поддержки из строки листа благосклонной милости составил календарь халифского достоинства и Его Величество хакана, правящего всем миром.

Абулхаир-хан по обычаю государей великих и правилу могущественных хаканов по милости Творца единственного, Феридуну подобно, утвердился на троне хана и престоле правящего всем миром. Султаны могущественные, эмиры великие и сейиды, предводители высокопоставленные родов великих склонили голову повиновения и служения перед фирманом его, и все вместе, преклонив колени, совершили приветствие и пожелание всякого благополучия. Абулхаир-хан исполнил обычай и адат, который при восшествии султанов правоверных на трон ханствования и престол правящего всем миром был известен среди них. Абулхаир-хан отличил царскими милостями и дарами Сарык-Шиман-мангыта, который до такой степени исполнял обязанность служения [ему] и шел путем доброжелательства и [поэтому Абулхаир] так возвысил его в степенях высоких и сановных, что [он] стал предметом зависти эмиров великих и султанов могущественных. [А] Алаш-багадур и аймак его, оказавших ему искреннюю дружбу, [а также] проявивших услужение и усердное моление, одарил халатами дорогими и милостью царственной такой, что невозможно представить больше этого. [Наряду с этим Абулхаир-хан] оставил в его могущественной руке владение [его] и имущество.

Абулхаир-хан этими поступками проявил [знание] обычаев, которые для султана, подобно небесной силе всеведущего, являются средством могущества и бесконечного благополучия.

Когда [он] одарил и обласкал победоносное войско, разрешил багадурам и воинам возвратиться в места своих жилищ.

Предводители войска и [багадуры] отважные со свитой отправившись каждый в сторону табунов и челяди своей и избавившись от трудностей походов и тяжестей сражении, войн и битв, занялись весельем, вином и охотой.

Рассказ о битве и сражении хана, равного своим положением Юпитеру, с Махмуд-ходжа-ханом и о убиении его по предопределению божественному.

Когда воины победоносные Абулхаир-хана некоторое время провели в веселии и достигли своих желаний, у хана миропокоряющего появилось желание завоевать другие земли и обитателей их... Когда Творцом и Всевышним одаренный величием и довольствием, [он] пожелал завоеваний и побед и войска, осененные могуществом в изобилии и совершенстве Богом Всевышним и Всесвятым. собрались при дворе, подобном небу, в количестве, подобно счастью вечному, таком, что, соединив между собой поясницу усилия и стремления, [они] были способны отправить противника с лица земли под низ, [его], вожди войск из предводителей великих и высоких, султанов славных и эмиров известных сказали: «Все приказы, изданные ханом победоносным, будут исполнены, жизнь ему доверим и служением своим преподношения даров [его] удостоимся.»

Когда содержание их речей дошло до слуха августейшего [Абулхаир-хана] и [у него] укрепилось намерение падишахское, равнозначное судьбе и року, сопутствующему завоеваниям и победам, он приказал, чтобы эмиры славные и багадуры испытанные в боях, такие, как Омарбий-буркут, Махмуд-бек-конрат, Баглы-ходжа-конрат, Урус-конрат, Суфи-бек-найман, Кара-Гусман-найман, Омар, Абубекр-найман, Кара-Гусман-найман, Тули-ходжа-кушчи, Даулет-ходжа-диван-кушчи, Кунгур-бай-кушчи, Хаким-шейх-багадур, Акча-урус, Сарык-Шиманмангыт, Ходжа-багазур-барак, Ташбект-оглан-ииджан, Шейх-Мухаммед-багадур-уйсун, [90] Кылыч-бай-багадур-уйсун, Хызр-шейх-багадур-ииджан, украсиз [своим присутствием] левое крыло войска, направились на битву и сражение. Султан сейидов, источник могущества и счастья, Кыл-Мухаммед-сеид, Кара-сеид, Якуб-дурман, Каракедей-дурман, Дулятак-бий-дурман, Аникей-ходжа-дурман, Кара-гирчик-дурман, Мумын-дервиш-багадур-тубай, Хусейн-оглан-чимбай, Даулет-суфи-оглан-каан-байли, Сабир-шейх-багадур-уйгур, Ядыгар-багадур-уйгур и другие витязи и славные воины, украсив и укрепив [своим присутствием] правое крыло, направили поводья решимости в намерении сразиться с Махмуд-ходжа-ханом, который был одним из выдающихся государей своего времени.

Как только приказ хакана победоносного был издан, Бахтияр-султан с отрядом багадуров, уповая на Бога, отправился впереди победоносного войска. С таким величием и блеском [Абулхаир-хан] хакан правоверный и падишах всей земли, с войском, численность которого была такова, что даже человек не мог представить в мыслях своих, а художник был не в силах изобразить тьму войска, отправился на сражение и битву с Махмуд-ходжа-ханом.

Вышеупомянутый хан [Махмуд-ходжа-хан], который некоторое время находился в силе и в могуществе, а также на троне владычества, когда узнал о прибытии войска, приюта победы, занялся сбором войска своего и пошел со всеми войнами и славными бойцами и огланами потомства Джучи на битву.

Когда войны противников сблизились друг с другом на берегу реки Тобола, государь соборания звезд важно выступил из дворца, блестевшего особенно от небосклона заката, и прелесть мира, освещавшая небосклон сумрачный и вечерний, скрылась, а площадь, подобно хризолиту желто-зеленому, осветилась сиянием звезд, и оба войска спешили друг против друга и от обеих войск выставили караул и крики «Бодрствуй!», «Смотри!», поднялись к вращающемуся небесному своду.

[А как только] рассвета луч золотой появился из ножен Востока, и повелитель звезд с коронной, украшенной жемчугами, стал видным из гористой местности, оба войска, придя в движение, выстроили ряды воинов. Оружие битвы и сражения приведя в порядок, воины отважно обратились к месту сражения.

Звуки барабанов, труб и литавр, раздавшиеся с обеих сторон, достигали до высшей небесной точки. Огонь войны и сражений и пламя брани и битв воспламенился, Орел – смерти птица – похитил души противников когтями насилия. От страха за жизнь сердце в теле [человека] робкого задрожало, подобно ветвям ивы под порывом резкого ветра. От молнии обнаженных мечей отважных [воинов] протекли дожди кровопролития, а цвет кинжала закаленного сделался красным, как рубин, от крови храбрых [воинов].

Абулхаир-хан, покоритель мира и могущественный повелитель, войско победоносное с божьей помощью и милостью божьей направил на врагов. Воины его ринулись на врага стремительно, как небесный рок, чтобы драгоценную сталь кинжала окрасить кровью врагов благородных. От языка копья возглас «Берегись удара, о Боже, повелителя!» до слуха противника достиг, и воины Абулхаир-хана изгнали, подобно праху, водою меча огневище снеси и высокомерия из головы врагов.

Храбрейшие из храбрых, воины, опытные в сражениях и испытанные в битвах, напали на врага с левого и правого флангов и, подобно львам воинственным, сцепились между собой и покрыли прах поля брани кровью врагов.

Махмуд-ходжа-хан, который мечтал о господствовании и жаждал падишахства, когда воочию увидел храбрость войска победоносного [Абулхаир-хана], отнял сердце от трона и престола, от имущества и царства и, обессилев от сражения, обратился в бегство. Махмуд-ходжа-хан хотел с помощью лошади быстроходной унести с поля брани и сражения в здравии душу свою. Однако, по предопределению Бога Всевышнего, отважные воины и витязи, сбивающие человека с ног, преградив [ему] дорогу с помощью божественной и небесной, захватили его в плен [и] по приказу [Абулхаир-хана] хакана светлейшего отправили [его] из городских укреплений бытия в жилище вечности.

Хаким-шейх-багадур-кушчи, которому Абулхаир-хан, убежище величия, доверил должность аталыка, произведя нападение вместе с Кунгурбаем-кушчи, который был одним из самых приближенных и ичкианов, предали смерти Махмуд-Гази-султана и Судаяш-султана.

[Таким образом, воины Абулхаир-хана], с милостью божественной и всевышней, разбили и рассеяли все войско противника. Большая часть их стала пленниками войска, приюта победы. А жену Махмуд-ходжа-хана, по имени Аганак-Бегим-Бике, которая [по красоте своей] спорила с луной, Абулхаир-хан по мусульманскому обычаю взял в жены и стал счастливым и веселым. [91]

После победы и одоления [Абулхаир-хан] направил поводуя коня счастливого в сторону орды [своей] августейшей.

Предводители войска и вельможи двора, приюта халифства, придя к трону [Абулхаир-хана], убежища халифского достоинства, преподнесли ему поздравление с победой.

[Абулхаир-хан] хан, море благодетелей и с характером Феридуна, бросив взор милосердия и ласки на состояние войска [своего], приказал, чтобы устроили пир радости и веселья и приготовили все предметы веселья и счастья, какие только они [воины] пожелают.

Богатство и военная добыча, которая досталась [в руки] воинов [Абулхаир-хана] от войска противника, [начиная] от невольниц розовощеких, лошадей быстроногих, верблюдов, шатров, кольчуг, оружия разного рода [и кончая] панцырями для лошадей – все собрали к порогу [шатра Абулхаир-хана], убежища властителей. Все это он соизволил пожаловать, эмирам и воинам... Всех султанов высокопоставленных и эмиров славных он отличил и возвысил вещами, поясом и высокими должностями.

Когда большая часть Дешти-Кыпчака, с помощью и милостью хранителя Творца, пришла под власть повелителя горизонта [Абулхаир-хана] и мысль лучезарного хакана, странопокорителя, освободилась от завоевания иля [Дешти-Кыпчака], улуса, аймака и племен, шахин-шах Абулхаир-хан, убежище величия, глава великих ханов, [хан] победоносный приказал, чтобы все воины [войска его] отправились в жилища и местопребывания свои и занялись весельем.

[Абулхаир-хан] по обычаю государя, заботящегося о благе своих подданных и распространяющего справедливость рукой, ласкающей друга и уничтожающей врага, с величием и гордостью проявил с приближенными и слугами владетельными своими старание великое и день и ночь проводил во дворце всевышнего и всесвятого [т.е. в мечети] в молении и служении.

Рассказ об отправлении [Абулхаир-ханом] войска в сторону Хорезма

Когда [Абулхаир-хан] хан, равный славой Феридуну, и эмиры знатные, с помощью Всевышнего бога и [по] милости Господа Всевышнего и Всесвятого, провели некоторое время в веселии и радости, [Абулхаир-хан] покоритель мира, мудрый и великий государь, подобный солнечному освещению, пожелал, с помощью Бога Всемогущего, привести другую область под обладание и взятие [своего] и очистить от праха противника и от зла врагов территорию государства и все дороги и пути.

[Абулхаир-хан], собрав вождей войска и отважных [предводителей] победоносного войска, сливки предводителей славных [как-то]: Кыл-Мухаммед-сейида, Кара-сеида, Бахтияр-султана,

Ададбек-буркута, Кебек-ходжа-бий-буркута, Бузунджар-бий-кията, Мухаммед-бек-конрата, Хаким-шейх-багадур-кушчия, Кунгур-бай-багадур-куш-чия, Тули-ходжа-бий-кушчи, Даулет-ходжа-диван-кушчия, Акче-урус-кушчия, Кылыч-бай-багадур-уйгура, Суфи-бек-наймана, Карра-гусман-наймана, Ходжалак-курлеута, Баглы-ходжа-конрата, Яхши-бек-тархана, Кутлуг-Бука-тархана, Ханклы-наймана и других предводителей войска победоносного и путем совета и совещания объявил, [что он] укрепился в желании завоевать Хорезм и хочет, приведя в порядок войско, приют победы, отправиться на жестокую битву с хакимом Хорезма.

Эмиры вышеупомянутые и предводители войска победоносного и прочие столпы государства, владетели богатств и народа, удостоились чести доложить падишаху, приюту ислама: «В какой бы мысли, украшающей мир, облегчающей затруднения [Абулхаир-хан] не утвердился, на основании хадиса «столпы государства внушенные богом...» в этом будет правота веры, благополучие державы и польза государству и народу». Однако [Абулхаир-хану], падишаху справедливому и могущественному, хакану высокопоставленному и приюту вселенной, в сердце, освещенном лучами солнечными, всевидящими, было ясно и очевидно, что молва о владычестве и величии Шахрух-султана, наследника государя Тимура-Гургана и обладателя трона Самарканды и Хорасана, распространилась из конца в конец мира, и все земли от границ Рума до дальних стран Хинда, персидский и арабский Ирак, Азербайджан, Хорасан, Мавераннахр, Туркестан, [а также] до пределов Кашгара и Бадахшана находятся во владении наместников этого падишаха высокопоставленного, [а] Хорезм [также] относился [к] дивану этого шаха, средоточия справедливости, [поэтому] «это [надо] было бы лучше обдумать и [все] взвесить».

В виду того, что [у] Его Величества [Абулхаир-хана] хакана было высокое намерение, он не обратил внимания на разговоры эмиров и объявил: «Поскольку государство является достоянием Господа Бога. «все, что он пожелает, он получит», – победа и помощь в милости Бога, а не в многочисленности войска. [Поэтому] решение, на котором мы утвердились, мы хотим довести до конца в надежде на милость Творца в том, что завоевание этой области и обитателей возможно». [Абулхаир-хан] обратился высоким помыслом к смыслу слов ходжи Абдал-Ансари, примера для подражания всем святым, место явления могущества Творца, «да освятится его имя высокое.» «Если ты решился не давать, то не давай» [т.е. если решил, что-либо сделать, выполни его] и отправился в битву гневную и [на] завоевание Хорезма.

[Абулхаир-хан], смело решившись на завоевание Хорезма, и выступив по обычаю хаканов завоевателей мира и [92] властителей государств, привел в готовность [войско] покорения, Бахтияр-султана, который был крокодилем моря храбрости, назначил во главе авангарда. Эмиры великие и предводители высокопоставленные, чьим присутствием был украшен и прославлен мир и жители мира, как-то; сливки сеидов – источник славы и счастья – Кыл-Мухаммед-сеид и Карасеид, Вакас-бий-мангыт, Бузунджар-бий-кият и все эмиры, витязи и багадуры, божьей помощи [и] доблестных деяний, приведя в порядок войско, отправились в сторону Хорезма.

[Абулхаир-хан] хан победоносный, при покровительстве Господа Бога, щедрого подателя, окончательно решившись на битву с хакимом Хорезма и украсив центр армии царственным блеском и великолепием достойным хакана, направился в Хорезм. После ряда переходов и остановок Абулхаир-хан избрал окрестности Хорезма местом привала войска, приюта победы.

Хаким Хорезма, который был потомком Шах-Мелик-Билькута, занялся приведением в порядок цитадели и укреплением башен и стен [его]. Однако людям умным и знающим было ясно, что куропатка беспомощна, [не может равняться] с орлом охотничьим.

На другой день, как только наступило утро, Абулхаир-хан, завоеватель мира, испросив победу и помощь у бога, приказал, чтобы багадуры, бойцы и прочие воины приведя в порядок орудия войны и убиения, направились мужественно и храбро в сторону цитадели [и] зажгли огонь войны и убиения. Когда хаким цитадели увидел такое положение, [то] от внушительного вида и дел воинов тех обуяло его смятение ужаса и страха.

Знатные люди города из старейшин шейхов известных, ученых высокой степени, владетелей воздержания и набожничества, обладателей знаний и фетв, открыв язык к убеждению и совету, сказали хакиму цитадели: «С этим падишахом, обладателем могущества, ханом, великолепием [своим] подобным Феридуну, спорить и бороться бесполезно. Если он возьмет крепость войной, битвой, сражением и силой, [то] жены, и дети [наши], [мы] сами, родственники, имущество, народ, их жены, дети и слуги мусульман станут добычей и пленниками [их], после этого будет поздно раскаиваться и сожалеть». Когда хаким цитадели услышал эту речь от бла-

городных и знатных [людей Хорезма], у него не осталось надежды на жителей города и защитников цитадели...

Сеиды, ученые, судьи, владетели и другие жители города Хорезма, придя с подарками и подношениями ко двору Абулхаир-хана, убежища государства, и принеся лицо истинной дружбы ко двору прибежища мира, вручили наместнику двора [Абулхаир-хана] ключи от города и казнохранилища.

[Таким образом], с помощью Божественной [Абулхаир-хан] покорил легко [город]. После этого Абулхаир-хан, подобный небесной силе, одев на жителей города Хорезма почетный халат помилования и спокойствия, предоставил им место под тенью милосердия и справедливости [своей].

[Абулхаир-хан], убежище веры, когда с помощью и по милости всевышнего и Всесвятого, утвердился на троне владычествования и распространяющего справедливость, раскрыл двери древних кладов [и] начал раздавать деньги войску [своему]. Суюнич-ходжа-хан, из ханского сада местопребывания, мне, записавшему это услышанное, рассказал: «Мой отец после покорения Хорезма приказал открыть казну, которую прежние правители собрали с таким трудом и заботами, и отдал распоряжение двум эмирам, из числа великих, чтобы они сели у дверей казнохранилища, а все командиры, люди из свиты хана и простые солдаты по двое входили бы в нее, брали бы там то количество, которое они без труда могли бы взять, и выходили обратно. Сообразно этому ханскому распоряжению, все военные входили [по двое] в сокровищницу, каждый брал столько, сколько мог [без напряжения] унести и выходили оттуда. Вследствие этого по милости хана войско обогатилось золотом и драгоценными камнями».

[После этого], когда воины собрались вместе, [Абулхаир-хан], хан моря благодетель, [хан] распространяющий правосудие, и государь, заботящийся о своих подданных, проявив внимание [к жителям города], издал повеление, обязывающее [всех] повиноваться, так что никакое сотворенное существо не могло сделать повреждения имуществу жителей Хорезма и мусульман...

Рассказ о причине возвращения Абулхаир-хана, подобного Юпитеру, из города Хорезма [в Дешти-Кыпчак].

Когда жители города Хорезма и окрестностей этого вилайета провели некоторое время [под защитой] моря справедливости и благодетель [Абулхаир-хана], [мудростью своей] подобного Сулейману, в Хорезме, по предопределению Божественному и судьбы небесной появилась чума. [В виду этого] знатные люди войска [Абулхаир-хана] и витязи славные, привыкшие к прелестному воздуху Дешти-Кыпчака от гнилости воздуха Хорезма пришли в расстройство, и все предводители войска вместе довели до слуха хана, небесного дворца, что поведья решимости надо направить в сторону Дешти-Кыпчака, чтобы войско избавить от ужаса чумы и бедствий жары». [93]

На основании [этой] усиленной просьбы эмиров и благожелателей [Абулхаир-хан], хан высокопоставленный, решив возвратиться, направился в сторону орды [своей]. Когда [Абулхаир-хан], с помощью Всевышнего Бога, возвратился в орду [свою], жители со всех сторон и краев Дешти-Кыпчака, придя [к нему], удостоились чести целования ковра хаканского, расположения и милости монаршей...

Рассказ о битве и сражении [Абулхаир-хана] с Махмуд-ханом и Ахмед-ханом и о разгроме их в [местности] Икри-Туп.

Махмуд-хан и Ахмед-хан, которые были из падишахов потомства Джучи, не пошли ногою, совершающей повиновение и послушание [к Абулхаир-хану], и подняв знамя мятежа и бунта, встали на путь непокорности и непослушания.

По этой причине [Абулхаир-хан], созвав к себе сеидов, место высоких знаний и султанов с пышной свитой, [подобно] звездам, эмиров и багадуров славных, языком великодушного изъяснения сказал: «Махмуд-хан и Ахмед-хан встали на путь непослушания и вражды и, выйдя ногою [неповиновения] из места согласия [со мною], вступили на путь мятежа». Когда [Абулхаир-хан] хан, убежище мира, изложил речь свою, сливки потомства Его величества сеида Ал-Мурсалина, – «Да благословит его господь, да ниспошлет ему мир!» – Кара-сеид сказал: «Бог праведный и всевышний одарил [Абулхаир-хана], хакана щедрого, славой, величием и талантом падишаха и военачальника и войско собирается ко дворцу [его] и [поэтому], уповая на Аллаха [и] приведя в порядок войско, следует двинуться на головы их [Махмуд-хана и Ахмед-хана]». Когда эта речь

дошла до слуха хакана, у него взыграла государева ретивость и царственная ревность, и он тотчас же приказал, чтобы «победоносные воины, убежище побед достойных, приготовились на битву с Махмуд-ханом и Ахмед-ханом и тотчас явились во дворец [его]».

Когда войско, приют божьей помощи, собралось ко дворцу хакана, подобного Феридуна. [Абулхаир-хан] после совета [с эмирами и предводителями войска] направил поведья решимости в сторону Икри-Тупа, которая была ордой противника [Махмуд-хана и Ахмед-хана] в той стороне; Бахтияр султана с некоторыми эмирами известными назначил в авангард...

Вакас-бий-мангыт, Адад-бек-буркут, Бузунджар-бий-кият, Иаглы-ходжа-контрат, Тимур-оглан-Суюнич-кылый, Дайлет-суфи-оглан-каан-байлы, Иарек-оглан-каан-байлы, Мане-оглан-тангут, Тули-ходжа-кушчи, Кунгур-бай-кушчи, Даулет-ходжа-диван-кушчи, Хаким-шейх-кушчи, Кичик-бий-уйгур, Хасан-бий-уйгур, Иабагу-диван-уйгур, Хасан-оглан-чимбай, Кутлуг-бука-тархан, Якуб-дурман-кушчи, Шейх-Мухаммед-багадур-уйсун, Кылыч-бай-багадур-уйсун, Сарык-гусман-укриш-найман, Абубекр-укриш-найман, Тимур-шейх-багадур-кенегес и другие эмиры и прочие предводители войска украсили [своим присутствием] левое и правое крыло и подняв знамена божьей помощи направились в Икри-Туп.

[Абулхаир-хан], с блеском Феридуна и с счастливейшим предзнаменованием, с помощью и по милости Бога расположился в центре войска и, подобно Наудару и Искандеру, рассекающему ряды вражеского войска, выступил [против Махмуд-хана и Ахмед-хана].

Когда Махмуд-хан и Ахмед-хан получили известие о прибытии войска [Абулхаир-хана], завоевателя мира, со всей серьезностью и старанием принялись собирать войско. Они послали гонцов во все свои подвластные владения, в степи и, потребовав от них помощи, приготовились к сражению [с Абулхаир-ханом].

Когда войско противника [Махмуд-хана и Ахмед-хана] встретились лицом к лицу с войском правосудия [Абулхаир-хана], могуществом своим подобного небесной силе, он приказал, чтобы ядечианы, бросив в воду камни яда, занялись делом известным яду.

Когда ядечианы по приказу и указу [Абулхаир-хана] хана, коего приказания [все] исполняют, занялись усилием и рвением делом своим, всемогуществом господя Бога бесподобного. Всевышнего и Всесвятого, черной тучи завеса черная появилась в просторе мира и одела навес синий на лицо яркого солнца [и] слонов быстроходных облаков отправила по площади небесной друг за другом [и] волны громадные подняла с синего моря, [Абулхаир-хан], лицо войска, помощи приют, уповавший на господя Бога, направил в сторону врага, [и] голос лошадей и крик воинов оглушил уши неба, [а] от черной тучи, ветра [и] молнии падишаха лица земли ослепил глаза противника, посеял страх и ужас дня страшного суда на лицах их. Ветер победы и божьей помощи повеял со стороны [Абулхаира] [94] хана великого и мудрого государя. Ночь вражды поднялась охотиться за птицами духа врагов и в то же время светлый день народа заблуждающегося стал подобно ночи темной.

[Войны Абулхаир-хана] большинство отважных предводителей войска противника бросили в могилу презрения и позора и площадь битвы от тел убитых и крови героев стала краснобагровой, подобно рубинам Бадахшана.

Махмуд-хан и Ахмед-хан, когда увидели собственными глазами такое положение, [то тотчас] отказались от [дальнейшего] сражения и, бросив [всякое] притязание на верховную власть и государство, обратились в бегство от войска [Абулхаир-хана], убежища божьей помощи.

[Войны Абулхаир-хана] многих тех воинов и предводителей войска [Махмуд-хана и Ахмед-хана], которые в мыслях [своих] имели ветер высокомерия, власти [и] желания управлять, бросили в могилу презрения.

В этой битве багадуры войска Абулхаир-хана, опытные бойцы сражения и герои битвы проявили мужество, искусство храбрости и самоотверженность и поверхность поля брани сделали алой от крови врагов. В особенности Шейх-Тимур-багадур, переправившись через воду, копьем своим проявил такие знаки героизма и смелости, что послышались голоса похвалы и одобрения с обеих сторон. Кунгур-бай-кушчи, [также] через воду переправившись, мечом закаленным пламенем, пустив дым из нутра врагов, сделал такое количество ударов, что поломал два меча. Большинство же плененных врагов [Абулхаир-хан], хан небесного престола, казнил.

Отважные [воины] войска победоносного [Абулхаир-хана], отправившись за беглецами и захватив богатство беспредельное и имущество многочисленное, возвратились [к Абулхаир-хану] веселыми и радостными.

Когда [воины Абулхаир-хана] с помощью беспредельной Бога Всевышнего и Всевятого, разбили и рассеяли врагов, [Абулхайр-хан], преклонив колени перед падишахом падишахов [Богом], челом искренности и послушания, совершающим благодарность [за] победу, произнес благодарение и хвалу, посильную роду человеческому.

[Абулхаир-хан], хан победоносный и достигающий своих желаний, после совершения благодарения и хвалы, направился в сторону орды августейшей и Орду-Базар, который был столицей Дешти-Кыпчака и славой султанов [всего] света, вошел в обладание наместников двора хана, убежища мира. Здесь [прочли] хутбу [на имя Абулхаир-хана] и украсили чекань [монеты] именем славным и титулом благородным Его Величества [Абулхаир-хана]. [И после этого], когда трон Сайн-хана [Батыя] украсился присутствием влиятельного хана, убежища мира, мулязими двора по приказу хакана, убежища мира, приступили к устройству падишахского праздника и торжества.

В этом жилище рая монарх лица земли [Абулхайр-хан] предался веселью и наслаждению. [Абулхайр-хан] удостоил халатами падишахскими и подарками царственными багадуров и воинов известных, которые в той битве [с Махмуд-ханом и Ахмед-ханом] проявили настойчивость и показали знаки отваги и храбрости, [а также] соизволил наградить всех воинов имуществом и лошадьми противника, вереницей верблюдов, палатками и шатрами на повозках и оружием. [Абулхайр-хан], предоставив населению Орду-Базара место под тенью покровительства и различных милостей и справедливостей своих, укоротил руки насилия владетелей тиранства и притеснения.

Подданные и воины [Абулхаир-хана], обратившись ко двору падишаха падишахов [Бога] и распростершись на земле с мольбой и подняв руки мольбы к небу, просили у Бога, внимающего молитвам и удовлетворяющего нужды всех тварей, умножения счастья и вечности жизни правителю и величию падишаха, убежища ислама, и проводили время в полном покое под тенью покровительства того праведного государя [Абулхаир-хана].

Рассказ о воине [Абулхаир-хана] с Мустафой-ханом и о разгроме его с помощью Бога, просимого о помощи, об измене Вакас-бия-мангыта хану небесному. Всевидящему (Абулхаир-хану), и о соединении [Вакас-бия] с Мустафой-ханом.

В то время года, когда художеством весны рисунки чудесные были нарисованы во всех стонах степи, и ветер весенний поднял покрывало с лица напившихся досыта бутонов [роз], и колючки зеленые покрыли лица роз, порыв утреннего ветра резкий освободил пространство пестрое цветника от огорчения, Абулхаир-хан, хан могущественного двора, что был весенним цветником государства и полновластия и кипарисом сада халифского достоинства и монаршества, восседал в величии на лугу, который претендовал красой на равенство с райским садом и соперничал с садом рая, оживляющим жизнь, караульные [его] войска победы, прийдя [к нему], удостоились чести доложить, что Мустафа-хан с многочисленным и огромным войском и с старанием Вакас-бия, войско [свое] приведя в порядок и подняв знамена вражды, выступает [в поход], чтобы сразиться с войском победоносным [Абулхаир-хана]. [Абулхаир-хан] хан, море благоденствий, опираясь на милость Бога Всевышнего, приказал с достоинством полным [соответствующим такому хану], чтобы войско небесного великолепия собралось [у дворца его] и, приведя в порядок оружие, приготовилось к сражению.

Бахтияр-султан и эмиры великие и багадуры известные, как-то: Бузунджар-бий-кият, Хашникда-оглан-ииджан, Тули-ходжа-бий-кушчи, Кунгур-бай-кушчи, Хаким-шейх-кушчи, Махмуд-бек-кунрат, Кылыч-бай-багадур-уйшун, Мурат-суфи-утарчи, Сарык-Гусман-укриш-найман, Суфи-бек-джат, Кебек-бий-кушчи, Ходжа-мырза-джат, Хасан-оглан-чимбай, Шадбехт-балх, Кутлуг-бука-тархан, Абд-ал-Малик-карлук и другие известные [багадуры] и предводители войска приготовились [к сражению] и выстроив правое и левое крыло войска, направились к месту сражения.

Бахтияр-султан, согласно приказу [Абулхаир-хана] подобного небу, с отрядом из храбрцев и багадуров отправился в авангарде, остальные багадуры и эмиры левого и правого крыла войска [Абулхаир-хана] отправились своим порядком.

Когда оба войска по предопределению Всевышнего сблизились друг с другом, солнце меч [свой] блестящий вложило в ножны ножи, и шах полного света протянул завесу войска черного над миром. Оба войска сошлись друг против друга, [Абулхаир-хан], подобный небесной силе, приказал, чтобы могучие воины бесчисленные, подобные охотничьему леву, в ужасе перед

мечом сверкающим которых огонь в теле камня и железа становился текучей водой, преградили со всех сторон и краев дорогу врагу и, исполняя условия осторожности, засели в засаде ненависти.

[Абулхаир-хан] хакан бесподобный, в ту ночь войско привел в порядок, центр и оба крыла войска украсив храбрцами отважными и багадурами славными, по обычаю достойному царей одел ногу твердого решения в стремя покорителя мира и с надеждой на Бога направил поводья коня норовистого завоевателя мира в сторону реки Ат-Басар.

От многочисленности войска пыль поднялась до небесного свода и от пыли поднятой войском победоносным [Абулхаир-хана] над полем битвы образовался мрачный круг – образ другой земли.

Мустафа-хан с войском многочисленным выступил навстречу [войску Абулхаир-хана] без страха и боязни.

Звуки труб и литавр обеих войск начали достигать до небесного свода. Оба войска кровавадных, подобно огню и воде, пришли в движение, и земля на поле битвы от крови храбрцов стала [красной], подобно тюльпану, и начал гореть огонь битвы и убиения.

Когда войска обеих сторон смешались друг с другом, багадуры-меченосцы и витязи храбрые [Абулхаир-хана], выйдя из засады ненависти, нахмурили брови храбрости и, вынув мечи ненависти, ударили [по войску Мустафы-хана], подобно небесному року. Противники схватились [друг с другом] и по повелению Бога Всевышнего зажгли огонь войны и сражения.

Люди непокорности и мятежа [т.е. воины Мустафы-хана], когда увидели, что море войска [Абулхаир-хана], завоевателя мира, их окружает, подобно рыбе на суше пришли в смятение и на лица их пал ужас дня страшного суда и страх самый великий им открылся и, выпустив из рук поводья воли, [они] обратились в бегство. Мустафа-хан, выбросив из мысли своей сильную страсть предводительствования и падишахства, обратился вслед за беглецами в бегство. Войско, приют победы [Абулхаир-хана], с помощью Аллаха меч кровопролития обратило на них и было убито так много людей из войска противника, что счетовод разума и тот не смог бы сосчитать.

Мустафа-хан, по необходимости отказавшись сердцем от имущества, государства и семьи, с помощью норовистого коня переправил душу в здравии на противоположный берег сей кровавой реки и большинство слуг и челяди, и имущества, и сокровищ его перешла в руки воинов [Абулхаир-хана] хана, знамени победы. Говорят, что в той битве будто бы было убито около 4,5 тысяч врагов.

У столпов государства и владетелей высокого положения и могущества принято говорить, что из тысячи убитых по предопределению Аллаха один остается живым. [Однако] эти слова разумных мудрецов, проницательных ученых тайн, весьма странно и удивительно на этот раз не подтвердились. Словом, Мустафа-хан во время бегства от крайней степени поспешности и волнения не отличал поводья от стремени, а спуска – от подъема.

После разгрома и бегства Мустафы-хана [Абулхаир-хан], хан, убежище справедливости и хакан мудростью своей подобный Сулейману, вознес хвалу и благодарение Богу Всевышнему и Всесвятому, писцы которого по приказу его начертали «Царь дает кому хочет и отнимает у кого хочет и унижает кого хочет», по милости Всевышнего Творца, возвратился победоносным и могущественным на место жилища своего.

[Абулхаир-хан] все богатство и военную добычу, которая досталась от войска противника, приказал раздать султанам, эмирам и войнам в зависимости от их положения. [96]

Рассказ о походе хана, [властителя] горизонтов, ради завоевания города Сыгнака.

Когда [Абулхаир-хан] хан победоносный, с помощью Бога, помощи которого ищут, из сражения с Мустафой-ханом победоносным и могущественным возвратился, было. время года, когда солнце, освещающее мир, вошло в созвездие Весов, а от вращения небесного свода природа мира нашла равновесие и от прибытия владыки осени сады и бахчи рассыпали золото, [тогда он] хан, подобный небу, с помощью хранителя для лучшей зимовки решил отправиться на завоевание города Сыгнака и приказал, чтобы, султаны, эмиры и предводители войска, как-то: Бахтияр-султан, Пишинда-оглан-ииджан, Вакас-бии-мангыт, Мане-оглан-тангут, Хасан-оглан-чимбай, Бузунджар-бий-кият, Даулет-ходжа-диван-кушчи, Акче-урус-кушчи, Шейх-суфи-найман, Кылыч-бай-багадур-уйсун, Махмуд-бек-конрат, Абубекр-укриш-найман, Ходжалак-курлеут, Кичик-бий-уйгур, Хасан-бий-уйгур с отрядом витязей и багадуrows отправились вперед быстрым маршем. Эмиры и предводители незамедлительно спешно и быстро достигли крепости Сыгнака.

Хаким города [Сыгнака], когда увидел многочисленность и величественность войска [Абулхаир-хана], хакана, выйдя к нему с повиновением и послушанием, вручил город эмирам и слугам [Абулхайр-хана] хакана, подобного Юпитеру, и Ак-Курган, и Аркук, и Сузак, и Узгенд также вошли в обладание власти и завоевания наместников [его].

[Абулхаир-хан] хан, могуществом своим (подобный) небесному трону Джемшида, город Сузак пожаловал султану султанов Бахтияр-султану, управление Сыгнака вручил Манедан-оглану, а Узгенд – Вакас-бий-мангыту.

[Абулхаир-хан] хан несравненной славы по милости и благосклонности Всевышнего и наимудрейшего, в счастья и благоденствии устроив зимовье, провел зиму в довольстве, охотясь, веселясь и радуясь.

Когда солнце, освещающее мир, переместилось в созвездие Овна, местом которого является Восток, мир и жители его избавились от суровостей и жестокостей морозов, и просторы садов и полей по милости султана весны надели одеяние разноцветное, подобное семицветной парче, и вся степь стала предметом ревности китайской картинной галереи и девятого неба [и когда] его Величество [Абулхаир-хан], хан, подобный Юпитеру, решил направить знамена победы в сторону Илака, [тогда] пришло известие, что падишах, убежище справедливости, мирза Шах-рух-багадур рай вечный предпочел миру; непостоянному... и владетель могущественный, достигающий своих желаний, Улугбек-Гуреган направился с многочисленным и беспредельным войском в Хорасан. [Абулхаир-хан] хан высокопоставленный, проверив точность этих известий, собрал предводителей войска и сказал, что город Самарканд пуст, а мирза Улугбек направился в Хорасан и Ирак, и я хочу обратить поводья решимости в сторону города Самарканда. Эмиры и султаны слова [Абулхаир-хана] хана, могуществом своим подобного Джемшиду, с честью приняли к сведению, так что согласно приказу воины в свите [Абулхаир-хана] хана, подобного Феридуну, отправились в путь.

Всюду, куда бы войско [Абулхайр-хана], защита ислама, не приходило, аймаки и племена, земледельцы и кочевники из таджиков и тюрков преподносили им подарки и подношения, проявляли послушание и сделались повинующимися приказаниям [их] и тем [самым] проявили знаки служения и пожелания всякого благополучия.

Когда войска [Абулхайр-хана], хана высокопоставленного, к селению Ширази подошли [и] со славой [здесь] остановились был издан приказ, которому следует источник величия, благосклонности и милости, как-то: «Чтобы войны укоротили руку захвата от имущества земледельца и кочевников и не приносили ущерба и беспокойства посевам и постройкам жителей вилайета, и всякого человека, нарушившего этот приказ, наказанием доведут [до конца] тленного времени».

Когда глашатай этот [приказ] довел до слуха жителей вилайета, [они] принесли лицо искренности ко двору падишаха, величием своим подобного Джемшиду.

Эмир Джалал ад-дин Баязид, который был хакимом города Самарканда, совместно с вельможами, знатными людьми, владетелями [богатств и высокого положения и градоправителем, послав к [Абулхаир-хану] людей достойных доверия из великих [того] времени и эмиров и, сделав подношения, проявил усиленную просьбу о мире и сказал: «Султан Улугбек в доброжелательности в расположении не сотворил еще никакой вины по отношению к [Абулхаир-хану] наместнику небесного дворца и [всегда] исполнял условия одной стороны и повиновение, и если хан, завоеватель мира величием своим подобный небесному трону, распространит благосклонность, [97] проявленную имуществу земледельцев, на всех подданных [и] направит знамена возврата в сторону орды августейшей [то это] соответствовало бы обладателю двух миров [настоящего и будущего мира].»...

Рассказ о первоначальных делах султана Абусаида и о бегстве его с помощью падишаха Преславного [Бога] в Дешти-Кыпчак во дворец [Абулхаир-хана] хана, могущественного, подобно небу.

В последние дни правления султана Абд-ал-Латиф мирзы султан Абусаид, ясное чело которого по милости Аллаха было озарено блеском султанства и падишахства, бежал в сторону прославленной Бухары. Подобно молодому месяцу, он пролил свет счастья в укромные уголки Бухары. [Однако] некоторые из бухарских вельмож, вроде гордости ученых и сливок чистоты Мауляна-Шемс ад-дина Мухаммед-ордукучи, и другие из великих знатного потомства взяли царевича под свою защиту.

В это же время внезапно султан Абд ал-Латиф проявил желание уйти из мира тленного в вечный рай. В этот же день султан Абусейд, восстав, поднял знамена неповиновения, [но] кази, даруга и предводители войска, бывшие в Бухаре, в страхе перед царевичем Абд ал-Латиф-султаном, схватили царевича Абусаида и держали под арестом в комнате, которая, подобно душе грешника, была узкой и темной. Некоторые близорукие люди составили против царевича Абусаида заговор и хотели ветром несправедливости потушить светильник, зажженный по милости Божественной и Всевышней полным великолепия и довольствия. [Но] некоторые из вельмож воспротивились.

На следующий день [в Бухару] пришло известие, что птица души мирзы Абд-ал-Латифа, покинув клетку тела, улетела из бездны мира в положение высочайшее. Когда подтвердилась весть об убиении султана Абд ал-Латифа, тогда все общество, которое [ранее] было в жилище вражды по отношению к султану Абусаиду, [придя к нему] ногами уважения и служения, посадили султана Абусаида, место возврата султанства, в союзе с вельможами, знатными людьми и жителями того вилайета [Бухары] на трон управления [государством] и издающего приказы. Все воины и даруги города и окрестностей, опоясавшись поясом повиновения и согласия, остановились в жилище служения и слуг [султана Абусаида]. Когда город преславный, священная Бухара вошла в обладание султана Абусаида, тогда открылись ворота справедливости и милости для жителей того вилайета. [Султан Абусаид] укоротил руку людей жестокости, вражды и других владетелей непокорности и непослушания от имущества мусульман.

Когда войско Бухарское с помощью Господа Бога, достигающего своих желаний, собиралось во дворце султана [Абусаида] славного и с помощью Господа Бога, достигающего своих желаний, тогда [он] выразил неудовлетворение первоначальным положением [своим] и отсутствием независимости в качестве владетеля верховной власти в Бухаре и [поэтому], с целью высокого намерения, решил покорить Самарканд, город небесной красоты. Хотя некоторые вельможи и эмиры говорили, что «мирза Абдулла имеет казну изобильную и войско, хорошо снаряженное, [и] нет смысла воевать с этими возможностями и с этим войском», но султан Абусаид заявил: «Решение такое в мысли [моей] утвердилось [и мы] его исполним». [После этого] султан Абусаид-мирза с твердым намерением сразиться с Абдуллой направился из Бухары в Самарканд. Когда это известие достигло слуха царевича Абдуллы, он собрал многочисленное войско и, украсив правое и левое крыло храбрцами мужественными и багадурами известными, отправился на сражение.

Когда войска противников встретились и звуки труб и литавр достигли высшей точки неба, расписанного золотом, витязи обоих войск напали друг на друга. Вращением небесного свода [т.е. судьбы] и [по] предопределению Всевышнего Творца [поражение пало] на сторону [войска] султана Абусаида. По этой причине [султан Абусаид] бежал с поля сражения и с божьей помощью направился в сторону Туркестана. Царевич Абдулла победоносным и счастливым, радостным и веселым возвратился в свою столицу.

Султан Абусаид в надежде на то, что рука августейшая бросит в дело сокола государства скитался в Туркестанских краях, подобно весеннему ветру блуждающему, чтобы с помощью счастья захватить крепость Яссу, которая является одной из важнейших крепостей Туркестана.

Когда слава величия и покорителя земель, слава завоевателя мира и правящего всем миром, хакана Абулхаир-хана, по милости Божьей подобно солнцу, освещающему и согревающему мир, распространилась на Восток и Запад вселенной, царевич счастливый [и] храбрый султан Абусаид, который из-за притеснения братьев и несправедливости судьбы днем и ночью блуждал подобно ветру весеннему, после трудностей многочисленных и бедствий бесчисленных, с помощью Творца Всевышнего, предопределением небесного свода взял город Яссу под свое обладание. После завоевания города Яссы [султан Абусаид] по внушению и вдохновению Бога направился ко дворцу [Абулхаир-хана], убежища султанов, его величества хакана, могуществом своим подобного небу.

После ряда остановок и переходов [султан Абусаид], когда достиг орды августейшей [Абулхаир-хана], то удостоился чести находится в свите [Абулхаир-хана] хана высокопоставленного. Ввиду того, что такова была милость всеобщая падишахская и благосклонность высокая царская [к 98] султану Абусаиду, Абулхаир-хана, проявив уважение и почтение прибытию этого царевича, отличил его различными почестями высокими и приказал, чтобы для него поставили шатер царский и ограду и крытый двор для аудиенции.

[Абулхаир-хан] некоторых людей из эмиров почтенных и бывалых, на ум превосходных и советам которых доверялся, определил в общество и свиту падишаха вышеупомянутого [Абу-саида] и приказал, чтобы они следили за его тайными и открытыми действиями и речами и обо всем [ему] докладывали. [Абулхаир-хан], мудростью подобный Сулейману, призвал эмиров, знатных людей, султанов, полководцев и [устроив] совещание по совету столпов государства и [с] одобрения государственных мужей, твердо решив завоевать Самарканд, приказал, чтобы войско, приют победы, собралось у двора убежища вселенной.

После того, как войско победы [Абулхаир-хана] хана, обладающего даром Феридуна, собралось, [он] устроил пир в честь султана Абусаида и пожаловал дарами падишахскими, халатом царским и прочими предметами роскоши и блеска, т.е. превосходными лошадьми, караванами верблюдов, палатками и шатрами на колесах, завесой и царским шатром. [Абулхаир-хан] эмиров и предводителей войска его также возвеличив дарами хаканскими, языком великодушного изъяснения обратился к султану Абусаиду и соизволил сказать: «С помощью Аллаха Всевышнего и Всесвятого со всем войском, слугами и приближенными хочу направиться в сторону Самарканда и когда (та область) с помощью Бога, – «Да будет он велик и превознесен!» – силою будет захвачена моим войском победоносным и будут сокрушены и разбиты противники веры, государства и народа, тогда пожалую тебе трон и правление Самарканда, [после чего] вернусь в свою столицу...

...Когда по милости Творца войско, отличающееся помощью божьей, было приведено в порядок и устроено, [Абулхаир-хан] хан, величием подобный небу и падишам мудростью своей, подобный Джемшиду, приказал, чтобы слава султанов Бахтияр-султан, который храбростью и отвагой [своей] был подобен третьему мощнотелому и Асфендияру меднотелому, отправился в авангарде войска победоносного, и чтобы эмиры славные и отважные [того] времени, как-то: Бурунджар-бии-кият, Мухаммед-бек-контрат, Тули-ходжа-кушчи, Даулет-ходжа-диван-кушчи, Кунгур-бай-кушчи, Акче-урус-кушчи, Пишкенди-оглан-иджан, Суюнич-Кутлы-Тимур-оглан, Барак-оглан, Шейх-Махмуд-багадур-уйсун, Тимур-шейх-багадур-кенегес, Кылыч-бай-багадур-уйсун, Иахши-бектархан, Иабагу-бек-масит, Кутлуг-бука-тархан, Иаглы-ход-жа-контрат, Урус-контрат, Якуб-бек-дурман, Каракедей-дурман, Дулатак-бий-дурман, Аникей-ходжа-дурман, Кара-тирчик, Кудай-бий, Ходжалак-курлеут, Джамадук-бий-тупай, Ядыгар-багадур-тупай и другие воины, украсили своим присутствием левое крыло победоносной армии и отправились на сражение, и чтобы Сарыг Шиман-мангыт, Тимур-ходжа-мангыт, Суфи-бек, Кара-гусман-найман, Бирим-ходжа-багадур-уйгур, Ябагу-багадур-уйгур, Бахти-ходжа, Шади-бек-малик, Хасан-оглан-бийчимбай, Бай-шейх-уйгур, Абд ал-малик-уйгур, Тимур-шейх-багадур-кенегес, Гусман-багадур-кудагай, Аюке-багадур-кенегес, Тулу-ходжа-найман и другие багадуры и витязи войска победоносного также украсили своим присутствием правое крыло и, подняв знамена одоления и победы, направились в сторону города Самарканда.

Когда войско, приют помощи божьей, с помощью Аллаха было доведено до совершенства и приведено в порядок, [Абулхаир-хан] хан могуществом, подобный Сулейману, и хакан, убежище мира, украсил центр армии славой царственной и величием завоевателя вселенной...

В то время, когда хан и султан девятого неба, царь четырех климатов, падишах собрания звезд, подобно кочевьям, поднял знамя султанства на северных «домах» своих, было очень жарко и воздух был накален до крайней степени, тогда [Абулхаир-хан] хакан небесной силы приказал, чтобы ядечинаны занялись делом яда так, чтобы войска, приют победы, прошли без препятствия через степь, и когда те люди занялись действием яда и пустили в дело камни [яда], [и] по приказу владыки вселенной и всемогущественного Бога облако голубое летом, подобно тучам [в месяц] Нисан, начало поливать дождем, и жемчуга драгоценные из шкатулки небесно-голубого цвета полились на ковер зеленый и цветущий, тогда воздух благодаря дождю от праха пыли очистился. [И в результате этого] войны [Абулхаир-хана]. приют божьей помощи и победы, с легкостью прошли через адскую пустыню.

Царевич Абдулла сын Ибрагим-султана, который было падишахом Самарканда, Туркестана и всех городов Мавереннахра, Кабула и Бадахшана, когда узнал о движении войска победоносного [99] [Абулхаир-хана], то приказал, чтобы все предводители войска прибыли ко двору. Когда войска собрались во дворце, [царевич Абдулла] приказал, чтобы открыли двери сокровищниц Тимура-Гурегана, которые были собраны со всех стран мира, и лучшие [драгоценные] чаши и весы подарили воинам [Таким образом царевич Абдулла] войско [свое] так украсил, что

[даже] тысячи небесных глаз редко видели войско такое пышное и украшенное. [Войско это Абдулла] из города вывел и направился на сражение [с Абулхаир-ханом и Абусаид-султаном].

По прошествии нескольких дней и ночей войска сблизились. В округе Шираз, в степи Кейван, на берегу реки Булангур оба моря войска заволновались. Севернее реки от конца в конец [берега ее] выстроились ряды войска Его Величества [Абулхаир-хана] хана, подобного Фериду, а южнее вышеупомянутой реки, выстроив колонны свои, остановилось войско шаха Абдуллы.

Симург солнца по приказу Властелина властелинов спрятался на западе за гору Каф в страхе от внушительного вида [этих] войск, непрестанно нападающих и отступающих, и снова день беловато-серебристого цвета скрылся в убежище темноты, [и] ожерелье плеяд с высшей сферы неба в виде расколотых обломков показалось на лугу, усеянном тюльпанами. Солнце скрыло лицо [свое] в место уединения и поместило ноги [свои] в спальне заката, а Бахрам – кровопийца – вынул меч окровавленный из ножен. Судья небесный расположился на четырех подушках серебрянного неба. Индус седьмого замка появился в углу крыши неба. И эти две армии бесчисленных и воинственных храбрецов спешили друг против друга... Караульные и часовые, выделенные от каждого войска, взялись за охрану [их и стояли] до тех пор, пока снова солнце крылья [свои], распространяющие свет, не протянуло во все стороны вселенной, и от появления знамени шаха перевернулась совокупность знамен счастливого султана Зенгибара.

[С наступлением утра] войны противников стали лицом к лицу. С каждой стороны ударили в литавры, в барабаны, заиграли в трубы и рожки и звуки [их] доходили до небесного свода, и от ржания лошадей, крика пехлеванов небесный свод задрожал.

[Абулхаир-хан] хан, завоеватель мира. хакан, мудростью подобный Соломону, трон падишаха небесных слуг, [хакан] рассекающий ряды противника, обладающий небесным величием меднотелого, вложил ногу твердого решения в стремя коня покорителя мира и руками надежды, взяв поводья коня завоевателя мира, подобно Искандеру расположился в центре [армии], на правом и левом крыле встали султаны известные и эмиры высокопоставленные...

Царевич Абдулла, который значительное время воспитывался в цветнике роз султанов и халифского достоинства, когда войско многочисленное искателей великолепия битв [Абулхаир-хана] рассмотрел, [то] правое и левое крыло войска своего, подобно железной горе устроив, составил из храбрецов и воинов улуса Чагатая, которые долгое время занимались завоеванием мира и стран. От блеска пик, мечей, шлемов, щитов и знамен их разноцветных степное поле стало подобно небу украшенному. В таком порядке и с таким величием [Абдулла] выступил на сражение с войском победоносным [Абулхаир-хана] и, украсив ряды войска воинами мужественными и храбрецами знаменитыми, а также приведя в порядок оружие для битвы и воспламенив огонь войны и вражды, двинулся вперед. Как рассказывают, оба войска воинственные встретили друг друга и, подобно двум огненным горам, пришли в страшное возбуждение. Поле битвы, [покрытое] латниками и воинами в кольчуге, сделалось подобно железной горе, воздух над полем битвы от блеска и ударов мечей стал огненным. От стараний и усердия воинов храбрых и витязей отважных головы борцов, подобно шару, катались на поле, кольчуги на теле противников разорвались, как бумага на фонаре. И от столкновения и атак багадуров и храбрецов обоих войск небесный лев дрожал, подобно тростнику в воде. В это время Бахтияр-султан, который был крокодилем моря обмана и барсом горы хитрости, с мечом, проливавшим кровь смертельную, бросился, подобно льву разъяренному, на противника и лицо земли от крови противника сделал подобным морю крови. С другой стороны султан Абусаид и другие известные и опытные в военном деле всадники громадные, как рок судьбы небесной, по предопределению. Божественному ринулись [100] в степь сражения и от блеска копий, мечей и ударов пик и секир день врага потемнел, подобно ночи смерти.

Храбрецы и предводители войска царевича Абдуллы также прилагали старание в атаках и сражении, чтобы удостоиться падишахской награды. Когда воины [обеих сторон], подобные львам, в битве сошлись [друг с другом, они] использовали [все] возможности, которые здесь были [для проявления] храбрости и мужества, но воины [Абулхаир-хана] хана, мудростью своей подобного Сулейману, бросились в атаку и большинство багадуров и храбрецов войска противника сбросили в могилу ничтожества и презрения.

Степное поле битвы от трупов убитых и крови противника приняло багровый цвет и от степного побоища и места сражения ручьи крови подобно синему морю вспенились. Небесный свод от отражения крови стал разноцветным и [отражение] небесной луны плавало в море крови.

Царевич Абдулла, который не был похож на Рустама отважного и Асфендиара меднотелого, и хотел в день битвы померяться силами с падишахом львоподобным [Абулхаир-ханом], ослабели, подобно лисе укоротив руку от битвы и сражения, обратился в бегство.

Храбрецы войска, приюта победы, [Абулхаир-хана] по предопределению Бога, догнав царевича Абдулла, который хотел с помощью коня быстрого душу [из поля битвы] унести в здравии, взяли его в плен [и] по приказу издающего указы трона и престола [Абулхаир-хана] отправили из городских укреплений бытия в мир вечности. Молодой отросток из счастливого сада Тимура-Гургана и куст розы со свежестью цветника роз Ибрагим-султан от сильного ветра предопределения божественного упал в могилу презрения. Убиение царевича Абдулла случилось 10 джумади ул-Уля 855 г. [июль 1451 г.], большинство витязей и пехлеванов улуса чагатай стали пленниками слуг и челяди [Абулхаир-хана] хана небесного. От [количества тел] раненых и убитых степное поле битвы и место сражения уподобилось горам и холмам.

[После окончания сражения Абулхаир-хан] хан, завоеватель мира, приказал, чтобы багадурь, храбрецы и прочие войска по случаю победы освободили пленных и убрали руку обладания и захвата от имущества подданных.

Когда шах планет из сферы небесной, победоносный и полновластный, гордо вступил в горизонт заката, [Абулхаир-хан] падишах, мудростью своей подобный Сулейману, и самодержец по милости Бога направил поведья норовистого коня намерения в сторону орды августейшей.

Когда падишах вышеупомянутый [Абусайд] с помощью Божественной и [с] благословения хаканского [Абулхаир-хана] утвердился на троне управления [Самаркандом] и могущества, в согласии со столпами государства и правителями войска и народа, «колыбель величайшую и покрывало высочайшее, славу женщин», дочь султана мученика и хакана блаженного Улуг-Бек-Гургана, – «да озарит господь его гробницу!» – Рабигу-султан-Бегим с роскошью и великолепием [полным], по обычаю султанов правоверных, отдал в жены [Абулхаир-хану] хану, могуществом [своим] подобного Сулейману.

Рассказ о битве хакана небесного с падишахом калмыков

Когда [Абулхаир-хан] хан своего времени, победоносный и счастливый, с султанами славными и войском, охотников на врагов, с помощью и при поддержке Творца Всевышнего был в Дешти-Кыпчак, он занялся делом ласки, справедливости и милости по отношению к кочевникам и [также] весельем и радостью.

В это время у Уз-Тимур-Тайши, падишаха калмыков, когда [он о] величии и могуществе [Абулхаир-хана] хана высокопоставленного услышал, запыхал огонь зависти в его груди полнотой ненависти. Уз-Тимур-Тайша собрал эмиров, багадулов и предводителей войска своего и сказал: «Абулхаир-хан собрал богатство большое и оружие многочисленное и предался веселью в летовье своем. Надо неожиданно для него собрать войска победоносные и совершить нападение». Начальник войска и вожди войска этого заблудшего [хана] сказали, что в словах падишаха, убежища мира, есть смысл.

Уз-Тимур-тайша приказал, чтобы воины оружие [свое] привели в порядок и явились ко двору [его]. На другой день все нечестивые воины бесчисленное оружие свое привели в порядок и, согласно приказу хана [Уз-Тимур-Тайши], с женами и домочадцами отправились [в поход]. Когда [они] достигли берегов реки Чу, [то] оставили здесь жен и домочадцев и обозы и отправились далее [налегке] в набег.

[Таким образом] хан калмыков с таким бесчисленным войском, от пыли лошадей которых зеркало небесное сделалось подобно могиле сырой и мрачной, [а] математик разума от счета обессилел [бы], путешественник разума ширину и длину этого войска на большой дороге с трудом прошел [бы], направился на битву и сражение.

[Абулхаир-хан], положением своим равный Феридуну, после того, как удостоверился [о верности известия] о походе на него Уз-Тимур-тайши, приказал, чтобы султаны знаменитые Бахтияр-султан и Ахмед-султан с некоторыми из султанов славных, эмиров, несущих месть, и багадулов победоносных отправились впереди войска... Кыл-Мухаммед-сейд, Кара-Сейд, Бузунджар-бий-кият, Хасан-оглан-чимбай, Пишин-где-оглан-ийджан, Мустафа-оглан-балгыджар, Тимур-оглан-суюннич-кылый, Мухаммед-бек-конрат, Даулет-ходжа-диван-кушчи, Тули-

ходжа-бий-кушчи, Кунгурбай-кушчи, Кибек-бий-кушчи, Сарыг-Шиман-мангыт, Абубекр-найман, Якуб-бий-дурман и другие багадуры и воины, обратив лицо на врага, отправились к местности Кук-Кашане...

[Таким образом Абулхаир-хан] хан, завоеватель мира, с багадурами, разбивающими мечи, и воинами, разбивающими войско и подобными морю бурлящему, отправился [на сражение с калмыками]...

... Когда [воины Абулхаир-хана] достигли местности Кук-Кашане, [то] воины войска противника показались [им] подобными железной горе.

Когда оба войска, по предопределению Творца Всевышнего, достигли друг друга, звуки литавр и труб, [исходившие от] каждого войска, достигали до небесного свода и местопребывания луны и плеяд.

Хан калмыков, несмотря на многочисленность [своего] войска, послал одного из известных воинов своих, чтобы [он], выйдя на середину поля битвы, сообщил падишаху убежища ислама послание мира и согласия. Посланник, достигнув середины поля битвы, громко объявил: «Пусть пот не выступит из рубашек, пусть кровь не выступит из тела героев». [Однако] Бахтияр-султан и другие известные [багадуры], вопреки содержанию стиха: «Мир лучше [всякой] неосторожности», проявили беспечность этому миру, [а] когда перо предопределения божественного предначертало этим двум султанам [Бахтияр-султану и Ахмед-султану] правоверным и багадурам славным мученическую смерть за веру, они не вняли словами мира и согласия, слухам разума. От крайней степени храбрости и отваги [они] не приняли во внимание многочисленность войска противника и подняли в воздух огонь нападения битвы и сражения.

Пыль от поля битвы достигла небесного свода и кровожадные воины врага, кровопийцы, льющие злость, произвели атаку [и] подобно львам битв и леопардам гор усилил удары стрел, секир и мечей. Поле битвы от крови [раненых и убитых] сделалось цвета красного дерева.

Бахтияр-султан и Ахмед-султан, которые [сперва], подобно львам разъяренным и слонам могучим, напали на врагов и в каждой атаке сбивали с ног целые группы воинов, [но] в конце концов обессилели, и противники, подобно мрачной судьбе, окружили [этих] двух султанов славных и предали [их] мученической смерти за веру. [Абулхаир-хан] хан, подобный Бахраму в сражении, Юпитеру [в] гневе, об этом положении узнал. Храбрецы обоих войск воинственных напали друг на друга [и] мечи и кинжалы на головы друг друга обрушили.

Воздух над полем битвы от шума кольчуг и лат воинов шумел, словно море кипящее. Ветер победы со стороны противника подул.

[Абулхаир-хан], приняв руку от битвы и сражения, направился в сторону города Сыгнака. [Абулхаир-хан] хан небесный прибыл в город Сыгнак, [а] войско противника [тем временем] занялось грабежом и разорением населения. Когда [Абулхаир-хан] хан небесный укрепился в городе Сыгнаке, падишах калмыков еще раз послал [к нему] человека с предложением о мире и согласии [и] в результате заключил договор [с] Абулхайр-ханом. Но воины хана калмыков еще раньше до [заключения] мира и согласия разграбили окраины Туркестана, Шахрухии и жителей окрестностей Ташкента. После заключения мира Уз-Тимур-Тайша направил спешно поводом решимости и могущества через Сайрам в сторону реки Чу, где находились его обоз и домоладцы. Оттуда со всем [своим] войском направился в сторону Калмыкии, которая являлась наследственным уделом его.

Абулхаир-хан после ухода Уз-Тимур-Тайши [к себе] оставил город Сыгнак [и], собрав народ и улус, занялся делами государства и подданных, приведением в порядок войска, приюта победы. В короткое время, благодаря благодати, справедливости и милости Всевышней, Дешти-Кыпчак стал предметом зависти девятой высшей небесной сферы.

Когда все слуги и кочевники Дешти-Кыпчака от края и до края вошли под управление Абулхаир-хана, хана, повеления коего исполняют, он победой и счастьем по милости и щедрости божественной утвердился на троне миродержца и на престоле мирозавоевателя.

Царевич Мухаммед-Джуки, который был сыном Абд ал-Латифа, через некоторое время направился с помощью проводника, ведущего к счастью, правильным путем, в сторону орды августейшей, приюта халифского достоинства, Абулхаир-хана, который был кыблой султанов [своего] времени и Каабой хаканов высоких достоинств. Когда он достиг порога царского, то удостоился чести целования руки хаканской. [Абулхаир-хан] хан, море благоденствия, который

был местом правления всемогущества Всевышнего, предоставил ему [102] место под покровительством милости своей...

Шахиня мать, королева Барди и Билкис [своего] времени, Рабига-Султан-Бегим, которая была почитаемой женой [Абулхаир-хана] хана небесного и теткой по отцу царевичу, устроила для племянника различные развлечения и милости.

Мухаммед-Джуки-мирза со спокойной душой и наслаждающийся покоем занимался молитвой в доме хана, подобного Сулейману.

Через некоторое время, когда султан Абусаид-мирза был занят завоеванием Хорасана, Мазандерана и других областей Ирана, Мухаммед-Джуки-мирза, имевший притязание на управление Самаркандом и государством, унаследованным от отца, испросил у Абулхаир-хана, хана подобного Феридуну, помощи войском, чтобы с по мощью Всевышнего и [с] благословения [Абулхаир-хана] привести государство и Самарканд под трон своего обладания. Его величество [Абулхаир-хан] согласился отправить вместе с Мухаммедом-Джуки султана Пишкендиоглана с группой эмиров и багадуров в сторону Самарканда.

Когда Дешти-Кыпчак, который отличается от других вилайетов прелестью воды и воздуха, от края и до края, [включая] и [местопребывание] трона Сайн-хана, вошел под трон обладания слуг [Абулхаир-хана], подобного Сатурну, от правосудия и милости падишаха небесного великолепия [Абулхаир-хана] утвердился мир имуществу народа. Слава врожденных свойств царских, справедливости и доброты [Абулхаир-хана] распространилась во все стороны мира.

Предметы величия и покорения мира, дела управления и царствования [Абулхаир-хана] с помощью и по милости Бога Всевышнего и Всесвятого достигли высочайшей степени совершенства и наивысшей степени могущества.

В 57 лет в 874 г. х., соответствующей году мыши, [Абулхаир-хан], услышав призыв сокола высококовитающего, духа, исполненного милостью – «О, душа успокоенная, вернись к твоему господу, он обойдется с тобой милостиво» – проявил желание в сторону высшей обители – рай и, оставив государство свое по воле бесподобной сыновьям славным и счастливым, предпочел рай вечный миру тленному.

8. Сибирская летопись (краткая Абрамовская редакция Есиповской летописи, XVII век)

Опубликовано: Дворецкая Н.А., Медведев П.А. Новый список Сибирской летописи Абрамовского вида // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986.

Сия убо Сибирская полуношная страна от России великого царствующаго града Москвы многое разстояние, яко бысть до двою тысящю поприщ. Меж сих царств, Росискаго и Сибирского, земли облежашь Камень з[е]ло превысокий, яко досязати инем холмом до облак небесных, тако божими судбами устроишася, яко стена граду утвержена. На сем же Камени ростяху древеся различные: кедери и иние разние прочие. А в них жителствует зверие различные, овии подо[б]ни суть на снадение православи[ы]м христианом, овии же на украшение и на одяние риз; сии убо зверие, еже есть: елень, лось, заяц, коза, дикия свинии; а иния на украшение разное: лисица, соболь, бобр, розсомака, рысь, белка, горностаи, выдра и ина подобна сим. Многия же и сладкопеснивыя разныя птицы, паче же и многоразличныя травныя птицы. Из сего Камени многие реки истекша: овии поидоша к Росискому царству, овии же в Сибирскую страну дивну, убо есть, како божими судбами река тамо бысть, камень тверд разкопа, и бысть реки пространны и прекрасны зело, в них же воды сладчайшия и здравыя, и риба различныя множество; на изходящих сих рек дебр плодовита на жатву и скотом питаные места и пространны зело.

Первая же река изыде ис Камени в Сибирскую страну глаголемая Тура. По сей же реке жителство имеют людие иноземцы рекомыми вагулича, говорят своим ясыком, а поклоняютца идолом. В сие же реку Туру пала река Тагил, другая река Ница, и совокупишася три реки во едино совокопление, а Тура именуется ради старейшинства. Оттоле же Тура река идет внутрь Сибирская страны; по ней же жителствуют людие зовоми татаровя. Река же Тура вниде в реку

Тобол, Тобол же река вниде в Ыртыш в реку, сия же река Иртыш вниде своим устьем в великую реку Обь. По сих же реках жителствуют мнози ясыцы: татаровя и калмыки, мунгалы и Пегаея орда, остяки и самоедь и протчая языцы. Татаровя держатца маметева закону, калмыки же которой закон или от отец своих предание держат, не ведомо и, потому что писма о нем не обретохом, ни испастахом. Пегаея же орда, остяки и самоедь закона не имеют, идолом поклоняютца и жертву приносят яко богу, волшебною хитростию правящее дома своя всеу, понеже приносят дары кумиром своим, яко подаст им дары кумиры, многая дары в дома их. Сие людие скотом уподобишася, скот бо и безсловесен: что бог не повелел ясти, и не яст – звери или птицы, или траву селну. Сии человецы не уподобишася сим, понеже бога они на небесех не ведающе, не закона его, сыроядцы, зверска и гадкая мяса снедающе, и кровь зверскую пияху от животных, и траву и корение ядыху. Они же, остяки, одежду имеют от рыбы. Самиядь же ядят алени и всякой зверь и гад, имянуютца сыроядцы же. Остяки ездят на псях, впряжени бывают в нарты, на далное разтояние; самоедь же ездят на оленях, впряжени бывают в санки, а санки делают, как человеку мочно сесть, от земли вышиною в полчеловека.

А великая река Обь вниде своим устьем в губу морскую. Путь бывает через ту губу в реку Тажу, и в Мангазею; а та морская губа двема устьи вниде в море акиян прямо к северу. В тех устьях лед искони состарейшася и николи таяща от солнечнаго зноя, и в ту страну никому не проходимо, место неснаемое.

О Сибирских царех и князех.

В Сибирской стране, едучи вверх по Иртышу реке, есть река зовома Ишим, пала устьем своим в реку Иртышу. И на той реке Ишиме бе царь маметева закону – имя ему Он. И воста на него его же державы от простых людей именем Чингий, и шед на него, Она царя, яко разбойник с протчими своими людми, и уби царя Она, и царство сам Чингин взя. И некто от слуг царя Она соблюде сына Онова, ему же имя Таибуга. По неколицех же летех уведано бысть царю Чингину про Таибуга, что сын есть царя Она; и приемлет его и великою честию почте его, дарует же ему княжение и власть. Владех по сем князь Таибуга, прося от царя Чингина отпущения, идеже хошет. Царь же Чингин, собрав воинство много и вооружено, и отпущте Таибугу по реке Иртышу, идеше живяху Чють. Князь же Таибуга с воинством своим многие царю Чингину покори, покори по реке Иртышу и по великой Оби живущих там, и оттоле князь Таибуга возвратися во своя с радостию. Царь же Чинги слыша от Таибугии, что покори много и подручны сотвори, Чинги же наипаче честь ему дарует. Таибуга же, прося от царя Чингина отпущение, идеже хошет, тамо да пребывают. И отиде Таибуга от него со всем домом своим и с людми на реку Туру и тамь созда град и нарече имя ему Чингиден, ныне же на том месте град просва Тюмень. Живяше же Таибуга во граде Чингине много лет и умре. И после его, Таибуги, в том граде сын ево, имя ему Ходжа. После Ходжы княжили Мар, Моровы дети Абалак да Одер. Князь же Марман женат был на сестре казанскаго царя Упака. Сей же казанской царь Упак зятя своего Мару убил и град взял и владелство имел много лет. Марамовы же дети Абалак и Отдер умре в то время своею смертию. После того владил градом сын его Одеров Мамет, и казанскаго царя убил Упака, и град свой Чингиден разби, и отиде оттуду в Сибирские земли, и постави себе град на реке Иртыше и назва его град Сибирь, а по их иноземскому языку зван началны град, и живяше в нем царем лета многа и ту умре, и оттоле прозвася царство Сибирь.

О Сибирь, чего ради Сибирь наречеся.

Да егда убо Идеров сын Мамет казанскаго царя Упака победи и повеле поставити град на Сибирской стране того ради, что царя Упака победи и храбрость свою показуя, и повеле звати ево началным градом Сибирью, ини же гради сибирския именуеми кождо их по прилучаю и по размотрению и по древньому именованию, обще же и Сибирь именуется, такожде и Римская страна Италия нарицается от Италиба некоего, обладавшего странами вечерними, яко же свидетелствует кроника латинская, а Римские страны разнство имеют, обще же Италия нарицается. Преже сего како нарицашеся не ведомо, отнеле же град Сибирь создан лет испитати невозмохох, преже бо живяше Чють по всей Сибирской земли, а как нарицашеся, и того в память никому не внидет, не писания обретох. По княжении Маметева княжил в Сибири Абалоков сын Агиш, после Агаша Маметев сын Касын, после Казына дети ево Итигарь, Убук, Булат, Сейдак.

О царе Кучюме.

Прииде степью Казачей орды царь Кучюм Муртазеев сын с многим воинством своим Казачьи орды и дойде ж града Сибири и вся князей и татара и Бебкулата уби, и сяде ту, и прозвася сибирски царь Кючюм, и круг области своей многия ясыки повинны себе сотвори. И превознесся мыслию своею и сего ради погибе по глаголющему пророку: господь гордым противитца, смиренным же дает благодать. Царь же Кючюм царства в Сибири лета доволна во обилии и радости и веселии, и дани и оброки со многих ясык имяше до лета и до повеления господня, внял же бог, восхоте царство ево раззорити, искоренити и предати православным христианом в покорение.

О вере царя Кучяма.

Таков закон царя Кучюма, иже под его областию быша мааметева закону проклятого, иже кумиром поклоняютца и жруще и жертву кумиром.

Святии апостоли написавше в правилех своих и всей вселенне предаша, еже бе: аще кто предлежит маметевым законом и заповедем его и внемлет учение его – анафема, сиречь да будет проклят; паче же идолопоклонник правило предлежит: проклятию сподобленыи, исправлению в царех и нестроению в воинстве его же, во всех же людей пря и мятеж, много есть рати воздвижение, чад наследие безднами и напастми скорбят. Мню же, яко сего ради бог посла на них гнев свой, на сего царя Кучюма и иже кто под его областию быша, понеже закона божия не ведуше и поклоняющесе идолом и жруще бесом, а не богу богом, же не ведуше, яко древле при Моисею законудавце сотвориша израилтейкии людие телец и вместо бога поклоняшася ему и рекоша: «Сеи боги твои, Израилю». И сего ради бог посла на них гнев свой: змием повеле поядьти их. Киждо, кого уязвляху змием, от них умаряху; и господь милосердова о них и вложи в сердце Моисею; он же, божим повелением, сотвори змию медяну и превознесе ю на трость, прообразуй Христово распятие, уязвляеми же от змия, повеле же им не вместо бога имети, они же и сию обложиса и начата яко бога хвалити. И сего ради тмами казнися, гладом и язвами, пленом и ратию и различными раззорении, яко же той Моисей и вперед возвешая глаголя некоторым людем: «В будущее время будет озлобление». И виде господь разгневался ради сынов их, дщери, имеяху бесом пожрети, и рече бог: «Отвращу лице свое от них, прогневаша мя во идолех своих». И отче божие попечение, иже о нас печетца и покрывает, яко птица птенца своя, такожде и от сих идолопоклоник отврати бог лице свое идол ради и жертв их кровных и казни их ни гладом же, ни мором, ни огнем жегий, ни камением побивая, на сопротивных посла меч свой обоюдоустр, поядая и побивая и искореняя и тли предавая безо всякого идоложертвеннаго их, которые служили и поклонялись идолом.

О пришествии в Сибирь Ермака з дружиною его.

Посла бог очистити место святое и победити бусорманского царя Кучума и раззорити богомерское их и нечестивая капища. И избра бог не от славных мужей, ни царского повеления воевод, и вооружи бог славою и ратобойством атамана Ермака и с ними пять сот сорок человек, и славу и смерть в живот преложиша, и восприм щыт истинныя веры, утвердившесе мужественно и показавшее храбрость пред нечестивыми, не поскорбеша о суетных пищах сладкое и покоишное житие; дело, оружие и щиты возлюбиша и не даша покоя своим крациям, ни зеницам дремание, дондеже божию помощь приятна на безбожных бусорьман; неоскудно бо излитие крови своя и пост прияша, учашаеми ранами от стрелных вержении от окаянных агарян вдаша плещи своя на раны; они бо окаянии яростию претяше им паче, но храними божима дланма. Писано есть: не обoitесь исполин, ни зверя устрашица, ниже вострепещет, ни коркодил уст, имать бо поборьника всякого камени и твердости. Такоже и воины возложиша упование на господя бога твердо и вси глаголюще: «Достоини умерети за Христа своего и за истинную православную христианскую веру и пострадати и благочестивому дарю нашему послужити». Не от многих бо воии такова победа бывает, но от бога свыше. Истинна убо воистинну словеса сия: не многими воии победита шатание поганых и брови их извергоша превысочайшия и гордыя смириша, и по всей Сибирской земли ликоваху стопами свободными, ни от кого же возбраняеми. И от сих поставися град и святыя божия церкви воздвигоша, аще издревле Сибирская земля идоложертвием помрачиша, в ныне же благочестием отпаде сия бесовская служба и требища идолская сокрушишася, богоуведения всадися Троица единосущная и не созданное божество прославляетца по глаголющему пророку: во вся землю

изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их; божественным апостолом речено, аще и благоволи бог произходити сия страны, на проповеди их повсюду изыдоша.

Лета 7089-го году в державе благочестиваго государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа России самодержца, сии приидоша воины с Волги реки в Сибирь; идоша же им в Сибирь Чюсовою рекою и приидоша на реку Тагил и плыша по Тагилу и Турою рекою и доидоша до реки Тавды. На устье же тоя реки всяша татарина именем Таиузака, царевича Кучюмова двора, сказаша же им все про царя Кучюма. Слышав же царь Кучюм пришествие русских воин и мушество и храбрость их и о сем оскорбися зело и паки мысль свою прелагает, и вскоре посылает во всю свою державу, дабы ехали к нему воинские люди во град Сибирь, против войска русских людей ополчися бо. В мале же времени собрашася к нему множество татар и остяков и вогулич и протчии инии языцы, иже под его властью быша. Посла царь сына своего Маметкула со множеством воинством и повеле мужески ополчатися противу нашедших; сам же царь Кучюм повеле засеку учинить подле реку Иртишу под Чювашевым и засыпать землю и многими крепосми утвержати повеле. Маметкул же с войским своим доиде некоего урочища, именуется Бабасаны. Ермак же с казаки, видяща таково собранных поганий, не мало устрашася, и бысть с погаными брань велия и бой и побита поганий множество, и на бегство поганы устремишася. И того ж числа казаки, собрався во своя ни вреждены, поплыша в стругах своих по Тоболу реке. Татаровя же начата стрелети на казаков из города на струги их, и то место они, казаки, проплыша ничим божию помощию не вредими.

О Карачине улусе.

Ермак же с казаки поидоша по реке Тоболу и доидоша до Карачина улуса; в том же улусе татарин думной ево царя Кучюма именем Карача. Учিনিша же казаки с Карачею бой и улус ево Карачинской взяша и множество богатства преобретоша и царева меду в струги своя наполниша. Казаки же от того улуса доплыша до реки Иртиша и сташа у Княжей речки; погании же вышед на берег, а инии на конях, инии же пеши. Казаки же из струг взыдоша и мужески наступиша на поганий, и в то время бысть поражение поганий, и вдашася поганы невозвратному бегству. Царь же Кучюм, виде падение людей своих, изыде со многими людьми стояше. Казаки же поидоша по Иртишу реке вверх и всяша городок именем Атик мурзы и сташа в нем. Ноци же пришедшу и быша в размышлении вси, видевше токовое собрание поганий, едину битись з десятию или з дватцатию человеки. Убояшася казаки и ужаснии быша и восхотеша бешати от них, а инии же не восхотеша, но уповаша на господу бога своего, сотворшаго небо и землю. Утвердишася вси заутра, да идут противу поганий, упование возложиша на бога, и пришед под Чювашев к засеке царя Кучюма вооружени.

О приступе казаков на бой.

Месяца октябрю в 23 день вси российский казаки у засеки стоя, проглаголаше вкупе возвышающим гласом: «С нами бог! Разумейте, языцы, яко з нами бог». Ноипаки приложиша к тому: «Боже наш, помози нам, рабом своим». И начаша приступати к засеке и учиниша бой велик с погаными. Они же злораднии убиение и дерзость свиреподушную показоваху, яко копие имеюще во устех своих, ибо вооружихася собою крепцех и вси дышающе гневом своим и яростию; одеяние у них железное и меднощитцы и копейшики и железострелцы, поставляху же бой с обеих стран. Поганы же пустиша из засеки с многочисленно стрел, казаки же противу их удариша из оружия огнем, и бысть сеча велия, ибо и за руки друг друга емлюще. И божию помощию погании начаша умяляться от огненнаго бою и вси в боязнь вдашася и побежаша. Казаки же их погнаша, вслед побивающе, и много валяющиеся и попирающе, и обагряшеся кровми поля и постилаша трупием мертвых. И собрашася от поганий казаки у Троинского град близ Комаздры реки пленующе Акилесу. Тако помощию великого бога победиша окаянных бусорман, божий бо гнев прииде на них за беззаконие их и кумиропокланение, яко видяше бога сотворшаго. Царевича же Маметкула уязвиша от русского войска, и в той же бы время пойман был, но свои его увезоша за реку Иртышю.

Царь же Кучюм стояще на горех Чювашевы и повеле абызом своим кликати северную молитву и призывать на помощь северныя своя боги, и не бысть им от них помощи, ни поспешения. В то же время князи остяцкие поидоша от царя Кучюма из засеки, кождо во своя. Царь же Кучюм, видя царство свое лишению вдашася, и рече сущим своим: «Отселе побегим немедленно. Сами мы видехом, всего лишаемся, силнии изнемогоша, крепцы избииени быша. О, горе нам! О люте мне! Увы, увы! Что сотворили нам? Како бежу! Покры срамота

лице мое. Кто мя победи и напрасно мя из царства изгна? От простых людей Ермак не со многим войским пришед и толика мне зла сотвори, воя моя вся изби и из царствия изгна, а меня царя посрамиша». А того он беззаконниче не ведает, что и чада родителей своих страшут овии гладом и наготою, овии пожаром и от сверей снедаемы. А он беззаконны, сиверная ево молитва, хотяше ратися, болезнь чюжая на главу его, неправда сниде на него. Да и сам он, царь Кучюм, на себе рек к сему: «Аз победих во граде Сибири князей Итигирия и Бекбулата и многое богатство в Сибирском царстве преобретох, приидох и победих, ни от кого же посла, корысть ради и величия». И в то же время прибеже царь Кучюм тайно во град Сибирь и нечто вся от сокровиш своих, сколко возможно и вдашася из града Сибири невозвратному бегству со всем войским своим и оставиша град Сибирь пуст.

О пришествии Ермакове с товарищи во град Сибирь.

Како убо под Чювашавым у засеки бой был, казаки же утрудилася, уже ноши пришедши отидоша оттуду, начюваша ту и стражи утверди крепкие от поганых, яко змии ухапят окаяннии. На утри же вси казаки восташа и на господа бога упование возложиша и поидоша во град Сибирь и приидоша Ермак с товаришы своими во град Сибирь в 7089 году октября в 26 день, на память святаго мученика Димитрия Селунского, прославиша бога, давшаго им такоюпобеду на окаянных бусорман и идолопоклонник и радостию велиею радуюшеся. Воистинну достойно воспомянути сию победу и в предидущая лета, яко немногим войским такова царства взяша помощию всесилнаго бога и угодником его страсотерпцем Димитрием.

По взятии же града Сибири в 4 день приидоша во град Сибирь остяцкой князец имянем Бояр со многими остяки, принесоша же Ермаку и казаком многие дары и запасы, что им на потребу. По нему же, князе, начата приходити татаровя мнози з женами идетми и начата жити во граде Сибири в первых своих домех. Видявше же православное воинство, бог повеле покорити их татар под высокую государскую руку и всем православным христианом в покорение.

Того ж месяца декабря в 5 день Ермаковым казаком идущим без опасения с промыслу рыбной ловли, и быта на Абалаке и поставиша стан свой и уснуша без стражей своих. Царевич же Маметкул пришед на них казаков тайно внезапно со многими людми и побита их на стану. И уведавше Ермак, что казаков ево убили, погна вслед с казаки своими на поганых и достигоша близ поля, и бысть с погаными бой великий на мног час; у царевича же Маметкула побита множество татар, и устремися царевич Маметкул на бегство. Ермак же в целости с казаки своими ничим не вредим возвратишася во град Сибирь.

О послании к великому государю к Москве сонучаком царевичем.

Како изволил бог православным христианом Сибирское царство всяти, и по всяти того ж лета Ермак с казаки своими послаша к великому государю к Москве соньучака с атаманом казачым и писаша об нем к благочестивому государю царю и великому князю Ивану Василевичю, всеа Росии самодержцу, что изволением божим и всемилостиваго в Троице славимаго бога и пречистья его богоматере и святых великих всеа Росии чудотворцев молитвами и его, государя царя и великого князя Ивана Василевича, всеа Росии самодержца, праведною молитвою ко всещедрому богу и его щастием царство Сибирское взяша и царя Кучюмя и з войским ево побита и под его царскую высокую руку подведоша многих живущих в том Сибирском царстве татар и остяков и вагулич и протчих языков, иже под его властию быша, и к шерсти их, татар, приведоша по их иноземской вере многих, что быть под его государскую царскую высокую руку до скончание века, покамест бог изволит, а великого государя язак им, иноземцом, давать всегда по вся лета безпереводно, а на православных христиан никаково не мыслить. А которые иноземцы похочет в его государскую службу, служить и радеть и прямить, ево государевых недругов не спутает, елико бог помощи подаст, и самим им государю служить и не изменять и к царю Кучюму и в ьные орды и улусы не отъехать и зла на православных христиан никакова не мыслить и во всем правом постоянстве, на чем они по своей вере шерсть дали, стоять неподвижно.

Атаман же и казаки к великому государю к Москве приехав, поведано ж бысть о приезде их. Благочестивы государь царь и великий князь Иван Васильевич, всеа Росии самодержец, слыша и повеле отписку у атамана принять и вычесть вслух пред своим царским лицом. И егда услыша государь, что помощию божию и силою, что снабдить государство и пространство дарует и покарят и непокоривыя, повинны творит враги его и подручны сопостаты, тогда же прослави бога и пречистую его богаматерь, иже такову яви свою пребогатую и великую

милость в жителство християном: не от многово воинства таковае побеждение на поганых бысть. Ермак же заочным государьским словом пожалован; атамана ж и казаков великий государь царь Иван Василевич, всеа Росии самодержец, пожаловал своим царским жалованем, денгами и сукнами добрыми. И потом государь приказал их казаков отпущать в Сибирь к Ермаку и послать свое государево жаловане многое за их к нему великому государю службу и за пролитие крови их.

О всятии Сибирского царевича Маметкула от русских казаков.

Во время некое прииде во град Сибирь к Ермаку татарин имя ему Сенбахта и поведа Ермаку, что де царевич Маметкул Кучюма царя сын стоит на реке Вагайе, от града же Сибирь будет со сто попрыш. Ермак же слыша про Маметкула и посла некоторых от своего войска ради товариства своего младых и искусных людей ратному делу вооруженных. И за помощью божию поидоша сии людие и дошедше на стан их падоша на них, им же спящим, а иним же не спешим, и в то время поганых побита и до царевича щатра доидоша и обыдоша его кругом и его, царевича Маметкула, взяша жива со всем богатством ево и привезоша его во град Сибирь к Ермаку с товарищи. Ермак же принял ево с радостию и скажет ему великого государя жаловане и ублажает его ласкочердием. Царь же Кучюм ожидая сына своего царевича Маметкула к себе с людьми своими многое время. Приехав с же к нему вестницы и сказаша ему царю, что сын его Маметкул взят в полон и отвезен в Сибирь к Ермаку. Царь же Кучюм слыша велми болезнова о сине своем и много в болезни плакася горко.

Приидоша же к царю Кучюму из степи вестницы и сказаша ему, что идет на него Кучюма со многим воинством из Бугарские земли князь Сейдак Бекбулатов сын. Царь же Кучюм, слыша от поведающих словеса сия, и убоися страхом великим зело и от убиения крыяся. Князь же Сейдак, вспомняв отечество свое и наследие, и отмстих кровь отца своего Бесбулата хочет. По сем же царя Кучюма думной ево Карача, которой у думы ево Кучюмовы был, с своими людьми оттыде от царя Кучюма и не возхотеша бысти в повиновении пред им. Слышав же сия, царь Кучюм зело возплакася плачем и воплем великим и рече: «В себе его бог не помилует, и думни мой и друзи меня оставляют». И бысть яко враги отступиша от него. Карача же прииде к Юлминскому озеру, иде же вверх по Иртышу реки меж реки Тары и реки Оми и тут пребываше.

Ермак же с воинством своим храброваше по всей Сибирской земли свободными стопами, ни от кого утрашашеся, страх бо божий на всех живущих тамо, яко мец обоюдоостр иды пред лицом русского полку. И страша и посекаяя многия городки и поганых улусы по реке Иртышу, и по великой реке же Оби Казымской большой городок славной их взяша и князей с всеми их богатством. И возвратишася Ермак оттуду с вои своими во град Сибирь с радостию и с користию и князей привезоша во град Сибирь. <...>

О послании из Сибири града к великому государю к Москве царевича Кучюмова сына Маметкула.

Послаша из Сибири в царствующи град Москву царевича Маметкула со многими воинскими людьми. И как ево, царевича Маметкула, к Москве привезли, и в то время, изволившу богу, благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич, всеа Роси самодержец, ко господу отыде в вечны покой. По своем же преставлении на свой царской престол повеле возвести сына своего благочестиваго государя царя и великаго князя Феодора Ивановича, всеа Росии самодержца. И по повелению ево, великого государя царя и великого князя Феодора Ивановича вса Росии, указал ево, царевича Кучюмова сына Маметкула, стретить честно, и на приезде ево великий государь пожаловал своим царским жалованем, потом же и служилых людей, которые ево Маметкула взяли и провожали из Сибири к Москве выход, денгами и сукнами и кормом довольно.

О убиении Ермаковых казаков от Кучюмова думного Карачи окаяннаго.

В том же 7091 году после отпуску царевича Маметкула к Москве приидоша во град Сибирь к Ермаку от думного Карачи послы и просиша у Ермака людей от обороны их от Казачы орды. Ермак же, слыша словеса их, и велел тем посланцом на правде шерсть дать, что никакова зла и дурна на государских казаков не мыслить, и в том шерсть и дали. Ермак же с товарищи своими учиниша совет и по совету повериша их безбожному и лукавому проклятому шерстованию. Выбрав из войска своего лутчих людей храбрых, атамана Ивана Кольцово, а с ним сорок человек казаков вооруженных, и отпустиша с посланцы к думному Караче. И как приидоша атаман с

казаки к нещестивому и безбожному Караче и в то время внезапно от нещестиваго Карачи божим попушением всех казаков побиша невозвратно. И по неколицем дни послыша Ермак, что думной Карача проклятой атамана и казаков побил а, зело плакаху на мног час, аки о чадах своих. Учинись же про то казачье убиение ведомость во уши поганым, что атамана и казаков побита, и начата в многих местех во области по волостям и по городкам казаков побивать.

О приходе думного Карачи на град Сибирь.

В том же 7091-м году заговев великого поста прииде на град Сибирь из степи думной Карача со многими воинскими людьми и обыдоша град обозами и табары поставиша. Сам же Карача в некоем месте, зовому Сайускан, от града Сибири верст с семь, многу же жесточь и тесноту гражданам творяше, и тако стояху до пролиту крови. И того ж году в месяце июле изыдоша людие и всье войское из града и на табары и на станы и на обозы их нападаша ноцию, иным же спящим без опасения, и побиша множество нещестивых татар и прогнаша в Саускан. И в то время двух сынов думного Карачи на том бою убиша, и всии погании в бегство вдашася безвратно; думной же Карача и с ним немнози погании убегоша. Инии же прибегоша во град Сибирь и сказаша всем бывьшее, и слыша во граде градский людие и татаровя, что стояху погании во отступлении града и прибегоша в Саускан, и говоря, что будет на казаков победа и смерть, и чаяхом преданы смерти. Казаки же от поганых кряхуся и надеяся на помощь божию, и по малу времени выхождаху казаки из града на поганых и бишася крепце, и бысть у них бой до полуднии и преста. Татара вяша же поганы отступиша от казаков, казаки же возвратишася во град Сибирь радуяшася, ничем не вредими. Видявше ж Карача и рече: «Не со многими не возможно казаков одолети, се бо бог помогает им». И отыдоша погании в дальные своя жилища с срамом. И живяше казаки во граде Сибирь, славяще господа бога и стастотерпца Христова Димитрия.

О убиении атамана Ермака и казаков от поганых татар.

Лета 7092-го году изволением божим уготовася час волии божи, прииде на казаков смертной час. Приидоша весницы в Сибирь град к Ермаку и сказаша ему, что царь Кучюм не пропустит в Сибирь торговых бухарцов. Ермак же слыша о том и не со многими людьми воинскими поиде на встречу их по реке Иртышу в стругах. И дошед до реки Вагаю, бухарцов никого не обретоша и оттуду пошед по Вагаю реке вверх до Атбашского стану, и тут не обретоша никого же и оттуду возвратишася назад. И дошедши до перекопи, казаки же утрудилася от многого пути и поставиша станы и сторожу крепкую утвердиша и обначевашему и размышлея и ослабеша умы своими, что приходит смертной час. Царь же Кучюм, подсмотря тою ноци, что казаки стали на стан свой, повеле людям своим по многим местам розослать. Тоя же ноци приидоша на стан казаков множество поганых татар, казакком же спящам безо всякого опасения, и нападаша на них незапной и побиша всех, толко один от них казак убежал. Ермак же виде в страхе своем, что казаков погании побиша, и ни от кого же не видя помощи своему и побеже в струги своя и не може дойти, потому что одеяны железом и струги отплыша от берегу, и не дошед до стругов, волею божию утопе в реку Иртышу. И приидоша на Ермака и на казаков смерть, и живота своего гонзньуша, убиение же их месяца августа в 5 день на предпразднество владычнаго преображения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа.

Слышав же сия убиение казаков во граде Сибири, оставшая казаки, что атаман Ермак утопе, а казаки от поганых побиты, плакахуся же плачем велим зело на многое время и видявше, что у них казаков во граде Сибири наставника не стало, и з прочими казаки убояшася жити во граде и изыдоша из града Сибири, и сяде в струги своя, поплыша вниз по Иртышу реке и великой реке Оби и Обию рекою через Камень бежаша, град же Сибирь оставиша пуст.

Уведав же о том царевич Алей Кучюмов сын, что казаки побегоша из града Сибири, прииде с людьми своими и вниде во град Сибирь и водворися ту. Слышав же сия князь Сейдак Бекбулатов, что атаман Ермак и казаки на перекопе убиены бысть, а инии же бежаша из града, и собращася Сейдак с войским и прииде ко граду Сибири, и град взя и облада, царевича же Алея Кучюмова и прочих победы, и владея отчиною отца своего Бекбулата, и така пребыша Сейдак и з домом своим.

Во второе лето по Ермакове убиении послан с Москвы от великого государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа России самодержца во град Сибирь воевода Иван Мансуров с воинскими людьми и доплывша Тоболом рекою до реки Иртышу. Тартара же поганых множество собращася в уреченное место у реки Иртышу на берегу. Воевода же виде

такое собрание поганых и послыша, что казаки из града Сибири побегоша через Камень, и убося и не приста ко берегу, поплыша вниз по Иртышу с воинскими людьми и доплыша до великой реки Оби. Бе бо тогда прилучися осень, и лед в реках смеряется. Воевода же Иван Мансуров, виде, что наставаша зима, и повеле казаком поставить городок над рекою против устья Иртышного, и сяде в том городке с воинскими людьми, и тут начаша зимовати.

По неколицех же днех придоша под городок множество остяков, живущих по великой реке Оби и по Иртышу, начаша же к городу приступам со всех стран. Воински же русские люди из городка противляхуся и тако бишась день до вечера; и пришедши нощи, погании же отступиша от городка.

На утри же придоша поганы под городок со многими же людьми и принесоша кумир, его же они чтаху вместо бога. Поставиша же сего кумира под деревом и начаша жрети пред ним, и чаяху они от него, кумира, себе помощи, чтоб взяти православных и христиан в порабощение, а иных смерти предати. В то же время, егда жруще погании, из городка ис пушки стрелиша и помощью божию древо они и под ним кумира разбита на многие жребай. И сего погании устрашишася, не ведуще, что есть сие над ним, кумиром, и чаяху, из лука хто стрелил, и реша друг ко другу: «Силнии /л. 140/ убо сии из сего городка стреляют, дивно – таково древо разбиша и кумира победы нашего». И от того часа вси отыдоша от городка каждо во своя улусы срамом, а помощи себе от своего кумира не обретоша. Воевода же Иван Мансуров дождав же полой воды и собрався в струги своя со всеми воинскими людьми, и уплыша по реке Оби через Камень к Русе, а городок свой сожгоша. <...>

О поставлении града Тоболска.

По неколицех же днех изыде князь Сейдак из града Сибири, с ним же вышел царевич Казачей орды Салтан да царя Кучюма думной Карача, с ними же вышли из горада воинских людей пятьсот человек. И доидоша до место, иже имянуетца Княжей Луг, и начата пускати ястрепов за птицами. И увидявше их из града Тоболска воевода Данило Чюлов и воинские русские люди, пососоветова, отпустиша ко князю Сейдяку посланников и повеле им говорити князю Сейдяку, чтобы он Сейдяк приехал во град Тоболск советовати о мирном поставлении, еще бо ему дыхающу яко ехидне змие на православных христиан и не покаряющеся, но яко зми похапять хотят. Посланники же пришед же во град возвестиша сия воеводе, что было поведенное им изречци. Князь же Сейдяк, слыша от них сия словеса, совет сотвориша с царевичем Салтаном и Карачею, и бывшу совету поиде Сейдак во град Тоболск к воеводе к Данилу Чулкову и с ним царевич Салтан и думной Карача, да с ними же воинских людей для бережения сто человек, а иных оставиша за градом. Приидоша же к воеводе в горницу поздравляя, сяде за стол по обычаю. И учиниша про них воевода ясти и говоря с ними много о мирном поставлении. Князь же Сейдяк седыши задумался, ни пия, ни брашна ядыше. Видяв же сие воевода и рече князю Сейдяку: «Князь же Сейдяк, что еси зло мыслиши, ни брашна вкушаше». Рече же воеводе князь Сейдяк: «Аз не мыслю на вас никакова зла». Воевода же Данило Чулков взял чашу и налив пития и рече: «Князь Сейдяк, аще ты не мыслиши зла на христиан, и ти выпей сию заздравную чашу». Прим же чашу, князь Сейдяк и начаша пити и поперхнув ему в гортани. По сем же прим у воеводы чашу с питием царевич Салтан и нача пити, такожде поперхнув ему. Карача же думной прим чашу и нача пити, також попернув, богу бо видявшу и обличающе их неправду. Видяв же сие воевода и пред ними предстоящий, что они, Сейдяк на государя и на христиан зло мысляше, князь же Сейдяк и царевич Салтан и думной Карача мысля, христиан хотя смерти предать, и виде воевода лукавство и неправду их, в окно своим воинским людем помахав из руки своей платом, и воинские русские люди начаша поганых сетчи и бити. Князь же Сейдяк, увиде сечю, кинувся в окно, за ним же кинулся царевич Салтан и думной их Карача, и в тот час воинские люди их нечестивых и безбожных врагов схваташа и вязаша, а иных ближних людей вскоре побита, а иние мнози погании в бегство устремишася и побеждении быша, и ништо же ошашася во граде Сибири.

И по неколицем же времени воевода Данило Чулков послаша князя Сейдяка и царевича Салтана и думново Карачю с ними же к великому государю в царствующи град Москву с выборными воинскими людьми.

Когда же побежден бысть царь Кучюм и збежа из царства своего в степь, и обрете себе место и ста ту со оставшими людьми своими, и многожды покушашеся итти в Сибирь и пленити град Сибирский и место отвратить у православных христиан, но страхом одержим бысть, бояся

прежнего побеждения. Некогда ж покусися царь Кучюм итти из улусу своего и собрав людей оставшая, сколко есть, и поидоша в Сибирь. И дошед до реки Иртышу, не близ града Тоболска, и нападе на него страх и трепет и ужас, и поиде ко граду Тоболску, но немногие веси победы и поплени и бежавше вспять, идеже пребываше. И познаваше в граде Тоболску, что царь Кучюм попленил татарские волости и убежав, и в то время собращася руские воинские люди и погнашася за царем Кучюмом вслед его не мешкая, и постигоша его близ поля, и нападоша на них воинские люди, и божиею помощию и великого государя счастием воинство царя Кучюма побита и его царя Кучюма и с ним две царицы жены ево и сына его царевича взяша и множество богатство преобретоша, и возвратишася воинские людие во град. И в то время небрежением стражей своих от цариц царь Кучюм убежа не со многими людми и добежав до улусу своего и взяв оставшая люди своя, и отиде из улусу своего в степь в Калмыцкую землю. И бывшу в Калмыцких улусах, подсмотривши стада конские и начаша их отгоняти. И познавша его калмыцкие люди и погнашася вслед его, и постигоша и царевых людей многих побиша и коней своих взяша. А царь же Кучюм убежал в Нагайскую землю и тамо убиен бысть от нагайских людей, и тако скончася житие его. <...>

9. Грамота Ивану IV от Кучум хана (1570, русский канцелярский перевод XVI века)

Опубликовано: Собрание государственных грамот и договоров. Ч.2. М., 1819. С.52.

Волной человекъ Кочюмъ Царь, Великий Князь Белой Царь. Слыхали есмя ... еси и справедливъ, мы и весь народъ земли, воюютца; а не учнуть воеватца, и они мирятца. С нашимъ отцомъ твой о[тец] гораздо помирился, и гости на обе стороны ход ... по тому, что твоя земля блиска, люди наши в упокое были, а межи ихъ лиха не было, а люд[и] в упокое в добре жили, и ныне при нашемъ и при твоёмъ времени люди черные не в упокое. А по ся места грамоты к тебе не посылаь есми по тому, что не с которымъ намъ война была, и мы тогу недруга своего взяли; и ныне похощь миру и мы помиримся, а похощь воеватися, и мы воюемся, пяти шти человекъ в поиманье держать, земле в томъ что? Язь пошлю посла и гостей, да гораздо помиримся, толко похощь с нами миру, и ты ис техъ людей одного, которые в поиманье сидять, отпусти и своего человека с ними к намъ пришли гонцомъ. С кемъ отецъ чей былъ въ недружбе, с темъ и сын его в недружбежъ быти пригоже; будеть в дружбе бываль, ино в дружбе и быти, кого отецъ обрелъ себе дру[га] и брата, сыну с темъ в недружбе быти ли? И ныне ... помиримся братомъ старейшимъ [...] чимъ учинимся в отечестве [и брат]стве учинимся, только похощь миру, и ты наборзе къ намъ гонца пришли. Молвя, с поклономъ грамоту послалъ.

10. Переписка Ивана IV и Кучум хана (1569–1571, русский канцелярский перевод и пересказ XVI века)

Опубликовано: Собрание государственных грамот и договоров. Ч.2. М., 1819. С.63–65.

Начало посолству Сибирского Кучюма Царя со Царемъ и Великимъ Княземъ.

А се въ грамоте начало писано, какову Царь и Великий Князь послалъ х Кучюму Царю съ его человекомъ с Аисою, по ихъ челобитью:

Божиею милостию, от Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси, Владимирского, Московского, Ноугородцкого, Царя Казанского, Царя Астороханского, Господаря Псковского, Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорьского, Пермьского, Вятцкого, Болгарьского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Резаньского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорьского, Кондинского и иныхъ, и всее Сибирские земли и Северные страны Повелителя, и Господаря земли Вифлянские и иныхъ, Кучюму Царю Сибирскому слово наше то: прежь сего Сибирской Едигерь Князь на насъ смотрилъ, и зъ Сибирские земли со всее, на всякъ годъ, дань к намъ присылалъ.

А на свершенъе в грамоте: писано въ Государстве нашего дворе, града Москвы, лета 1571 Марта месяца.

А се начало въ грамоте: писано от Кучюма Царя Сибирского ко Царю и Великому Князю с посломъ его с Томасомъ, да з гонцомъ Аисою 1571 году:

Крестьянскому Белому Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Руси. Да на поле написано: Кучюмъ богатырь Царь, слово наше, да послалъ о томъ, чтобъ его Царь и Великий Князь взял въ свои руки, а дань со всея Сибирские земли ималь по прежнему обычаю.

А на свершенъ у грамоты написано, писано с нишаномъ, а лета не написано.

И Царь и Великий Князь Сибирского Царя грамотъ и его челобитъе выслушалъ, и подь свою руку его и во обереганъе принялъ, и дань на него положилъ, на годъ по тысячю соболей, да посланнику Государьскому, которой по дань приедетъ, тысячю белокъ, да и грамоты, и записи тому пописаны; а х Кучюму Царю, с жаловалную грамотою, послалъ Государь своего сына боярского Третьяка Чабукова и записи какову написали посоль Таимасъ, да гонецъ Аиса и шертъ по ней учинили, подкрепити, да и дань у Кучюма Царя взяти.

А се начало писано въ Государеве грамоте жаловалной, которая послана х Кучюму Царю с Третьякомъ с Чабуковымъ, съ Государевою золотою печатью:

Всемогушаго безначалного Бога неизреченнымъ милосердиемъ, Крестьянского закона единъ правый Царь и Великий Князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси, Владимирский, Московский, Ноугородцкый, Царь Казанский, Царь Астороханьский, Господарь Псковский, Великий Князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вягцкый, Болгарский и иныхъ, Царь и Великий Князь Новгорода Низовские земли, Черниговский, Резанский, Полотцкый, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и всея Сибирские земли и Северные страны Повелитель, и Господарь земли Вифлянские и иныхъ, Сибирские Началнику Кучюму Царю милостивое слово, любовнымъ жалованьемъ и доброю мыслью великое защищенъе, и Богособные нашии власти, всего твоего улуса людемъ, безстрашное пребывание и крепкое слово то.

А въ свершение писано: и того для къ сему ярлыку на большое укрепленъе золотую свою печать есми приложилъ, от создания Адамля лета 1571, октября. Писанъ въ Государстве нашего дворе, града Москвы, а вашего лета <...>

А се начало в записи шертной писано, которою написали Сибирской посоль Тамасть, да гонецъ Аиса, да и къ шерти на той записи приведены:

Божиемъ изволениемъ, и Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси жалованьемъ, язъ Кучюмъ Царь Сибирский посыласть есми ко Царю и Великому Князю своего посла Таимаса и гонца своего Аиса, бьючи челомъ по прежнимъ обычаемъ, да и с Сибирские земли тысячю соболей послалъ есми; и Царь и Великий Князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси, Казанский, и Астороханский и иныхъ многихъ Государь насъ пожаловалъ, и землю Сибирскую въ своемъ жалованъе учинилъ, и дань на Сибирскую землю положилъ всего на годъ по тысячю соболей, да посланниковы пошлины всего по тысяче белокъ, по прежнему своему жалованью. И посоль нашъ Таимасъ и гонецъ Аиса, благодаря Бога и Царя и Великого Князя жалованъе нашуе душею, и всехъ нашихъ добрыхъ людей душею, и всехъ черныхъ людей душею, Царю и Великому Князю роту крепкую и шертъ дали на сей записи, что намъ.

А свершение в записи: а на утвержденье сей записи, язъ Кучюмъ Царь печать свою приложилъ, а лутчие Сибирские люди руки свои приложили; а сю шертную запись писалъ Магмедъ Бакъ, Хозесеиповъ сынъ.

А в приписи у записи писано: а на томъ на всемъ, какъ в сей шертной записи писано, язъ посоль Таимосъ, да гонецъ Аиса за Государя своего Кучюма Царя, и за всехъ его лутчихъ людей, и за всю землю Сибирскую, на сей шертной записи, Государю Царю и Великому Князю крепко есмя шертъ учинили на томъ: какъ будет у Государя нашего у Кучюма Царя, Государевъ Царевъ и Великого Князя посланникъ Третьякъ Чабуковъ, и Государю нашему Кучюму Царю и лутчимъ его людемъ, на сей шертной записи и на Цареве и Великого Князя жаловалномъ ярлыке шертъ учинити, и печать своя к сей записи Государю нашему Кучюму Царю приложить, и правити Государю нашему Кучюму Царю о всемъ по тому, какъ в сей шертной записи писано; а печатей нашихъ мое Таймусины и мое Аисины и рукъ нашихъ у сей шертной записи нетъ по тому, что грамоте и писати не умеемъ.

А в речи Третьяку велено от Государя Кучюму Царю поклонъ правити и речь говорити по наказу.

11. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири

Опубликовано: Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского Губернского музея. 1904. Вып. XIV. Тобольск, 1904. С.18–28.

По мусульманскому летоисчислению 797 г.х. (27 октября 1394 – 15 октября 1395) был годом, исполненным истинной дружбой с исламом. В Священной Бухаре во времена хана Абуль-Лейси с высочайшего указания и соизволения дервишского ордена Накшбандия господина имама Хаджи Багауль-Хаккочад-Дина 366 шейхов, собравшись из всякого рода городов восточных и западных стран света, стали после его чудес и бесед искренними его последователями. Но эти святые жили, распавшись в разные годы на 3 части:

Одна часть находилась при шейхах и занималась тайнами божественного.

Другая часть в районе Бухары и по селениям ее обучала людей науке.

Третья часть вела борьбу с язычниками за веру.

Когда наступило время войны за веру, последователи собрались пред светлые очи преподобного шейха Багауддина и стали ожидать, в какую сторону последует указание. Ходжа после утренней молитвы, обративши к шейхам свое благословенное лицо, сказал: «В больших исторических книгах я видел так: «В то время, когда повелитель правоверных Али, отправившись и проникши через Индостан, насадил ислам в странах Чин и Мачин, половину Китая обратил в веру, а на другую наложил дань. Но некоторое количество непокорных возмутилось, бежало из страны Тарлай-хана и спаслось от меча повелителя правоверных господина Али, прибежало к течению реки, известной у тюрков под именем Иртыш, а по-таджикски Аби-Джаруль и текущей на запад. Там жили кочевые:

1. народ Хотань (именем «хотань» у иртышских остяков именуется вообще татары);
2. народы Ногай (племена между Эмбой и Уралом и приведенные Ногаем, внуком Тавала, внука Чингисхана; в настоящее время киргиз-кайсаки ногаями зовут всех татар-мусульман);
3. Кара-Кыпчак (как самостоятельная народность исчезли и вошли в состав узбеков и киргиз-кайсаков).

Войдя в среду их, бежавшие из Китая от меча халифа Алиа остановились и стали жить с ними, но не имели истинной веры и истинных понятий – все это были татары, поклоняющиеся куклам-идолам».

Теперь вам мое приказание: приглашайте к исповеданию ислама; если они вашего приглашения не примут, то учините с ними великую войну за веру». Когда последовало высокое указание, упомянутые 366 шейхов пришли к хану Шейбани в степях Мреднец Орды и стали у него гостями. Он, узнавши про обстоятельства жизни святых и выразивши свое единомыслие, вооружил 1700 своих героев и в целях большой войны, отправившись вместе с ними на конях, спустился к реке Иртышу и учинил там великое сражение за веру. В то время у Иртыша было 3 разных народа: хотань, ногаи, кара-кыпчаки, а потом явились и другие – бежавшие бунтовщики Тархан-хана – и стали жить с ними; кеты – остяцкий народ – также помогали им, участвуя в сражении, потому что были с ними одной веры. Упомянутые тут шейхи, соединив с Шейбани свои силы, сражались как истинные храбрецы.

Язычников и татар они истребили великое множество, сражаясь так, что по берегам Иртыша не осталось ни ручейка, ни речки, где бы они не бились, и не дали тем язычникам возможности бежать, но из них самих 300 шейхов стяжали мученический венец, павши кто на суше, кто на воде, кто на болоте. Беглецы Тархана вернулись в Китай. Остяцкий народ бежал в лес, некоторые из народов хотань, ногаи и кара-кыпчак исповедовали веру ислама, а некоторые, хотя и спаслись, здравы и невредимы, все же, натолкнувшись на гнев шейхов, отчасти ослабли, отчасти обезумели и, испугавшись, тоже обратились к вере ислама и бежать дальше не могли. Остяки впоследствии стали язычниками и лишились веры. Герои хана Шейбани в количестве 1448 человек пали и стяжали мученический венец. Хан Шейбани отправился с оставшимися 252 героями к народу Средней Орды в степных местах, стал именоваться Вали-ханом, т.е. святым ханом, т.к. купно со святыми вел борьбу за веру, а из числа шейхов 300 всадников стяжали степень мученичества. Из 66 всадников трое остались здесь и стали обучать основам веры тех из народов ногаи, хотань, кара-

кыпчак, которые исповедовали ислам. К их потомству принадлежат в Тобольске, Тюмени, Таре и Томске ходжи и шейхи. 63 всадника отправились в священную Бухару и господину Багауддину доложили о своих делах. С тех пор открылась здесь вера исламская и открылись пути, так что стали вдоль Иртыша проходить караваны и наезжать сюда для обучения вере разные ходжи, имамы; большая часть их были люди, которые могли творить чудеса. Кроме того, из священной Бухары через этот край проехал господин Имам-Девлет-хан-Ходжа, сын Шаха Абду-Валгаба из Астечана. Он посетил калмыцкие кочевья и калмыцкого хана Хуптайчжа привел к вере исламской, также распорядился на берегу Иртыша открыть 18 мавзолеев. Многие верующие люди обратились к нему, стали исправными его последователями. Потом из Хорезма прибыл шейх Искандер из Минляна и открыл 9 мавзолеев. Один из оставшихся здесь для обучения вере в числе первых шейхов был почтенный шейх Шерпети – младший брат шейха Назара и шейха Бирия. Открыв 12 мавзолеев, он лег у ног своих братьев старших. Из упомянутых в этой родословной 39 мавзолеев 30 над мужчинами, женщинами и девушками описывается в этом родословном письме вместе с их именами. И с названиями тех мест, где они почивают.

1. Из почивающих на берегу Иртыша святых – в Искере почтенный шейх Айкани.
2. Там же перед Искером шейх Бирий.
3. Шейх Назар.
4. Шейх Шерпети (все трое были родные братья из внуков Зенги-Бабы, который жил в области Шаш, умер в 658 = 1258 г.).
5. Шейх Муса в Куча-Яман, был из детей имама Малика (Абу-Абдилла Малик бен Акас жил в 712 (1315) – 795 (1394) г., он учредил маликатское законоведение).
6. На холмах есть господин шейх Юсуф, был из внуков имама Абу-Юсуфа (Абу-Юсуф Якуб аль Апсары умер в 798 г., юрист, ученик известного Абу-Канафы, носящего у татар и других мусульман имя Имам-Азам – «величайший имам»).
7. На Баште господин Хаким-шейх был из детей имама Шафни (Абу Абдила Мухаммед Али Шафни жил в 797–820 г., юрист, основатель шафнитского законоведения).
8. Внутри Вагая (Вагаем названа степь, орошаемая Вагаем, левым притоком Иртыша, берущим начало из Ялutorовского уезда. В старину Вагайская степь была густо заселена разными инородческими племенами) есть почтенный Хаким-шейх. Был из детей имама Ахмеда (Абу Абдилла Ахмед ибн Хамбаль умер в 855 г., хамбалистское законоведение).
9. На Собре, с правой стороны Иртышп, шейх Ахмед-Али.
10. С левой стороны Иртыша шейх Дервиш Али.
11. В Увате шейх Турази-Али.
12. У реки Вагая на Юрули шейх Девлет-Али (Ахмед-Али, Дервиш-Али, Турсун-Али). Все четверо – сыновья одного отца из внуков Абу-ль Хасана Харимаки (925–1033).
13. В Тебенде шейх Анджетань был из внуков шейха Ба-Мачин.
14. У устья Ишима именно в селении Большой Бургань, мавзолеей шейха Бинель-Ата, он был внук Джаллила (Нур Эд-Дин Абду-р-Рахман Джаллил – 1492 г.), Основателя ордена Мевлеви, спутники его с 3 камнями лежали на берегу озера.
15. В Вагае почтенный старец шейх Байрам.
16. На берегу Вагая почтенный шейх Назар, они родные братья были из внуков Сеид-Аты (Ходжа Сеид Ахмет Ата умер в 710 г.х. = 1310 г.).
17. В Бикатуне шейх Мур-Кемаль.
18. В Карагае Ходжат-Шейх, они родные братья из детей Бахши-Ата.
19. У озера Мочюк почтенный Нацфь.
20. В Атьяне почтенный Аляфь, они родные братья из детей султана Баязида (Баязид-Тайфури Бастами Ходжа жил в 774–845 г.х.)
21. В Бурбаре Дауд из Кандагара (ум. в 765 г.х.), по мнению татар, все оракулы ведут от этой особы (Сарын).
22. В селении Кать шейх Абдул-Азиз.
23. В Кань-Шубари (Кашгари) шейх Абул-Меласр, оба родные братья из детей мудрого Сулеймана (Ходжа-Хаким-Ата (ум. в 582 = 1186 г.), последователь мистика Ходжи-Ахмеда Ясави, умершего в 1166 г.).
24. В Эрум-Джин почтенный шейх Дауд из внуков имама Гусейна (внук Мухаммеда, умер в 670 г.)

25. В Карбине шейх Омар-Али.
 26. На возвышении встарого селения Карагай, у Красного Яра, на местности. Оба – Бактари в селении Кюнешли шейх Кепеш-Аги, оба – родные братья, были из детей Омар-Аль-Фарука (второй халиф, вступил на престол в 634 г.).
 27. В Иль-Ташале – Акыль-Биби.
 28. В Юруше – Хадиджа-биби.
 29. Шейх Муслиху-д-Дин из Кермана с 2 дочерьми, он участвовал в войне за веру. Старшая – Салиха-биби – пала в овраге, называемом Чарбый (Джарбый) у селения Саургач и легла.
 30. Младшая Афиша-биби, она пала в овраге Апуть, выходящем из Вагая, и легла.
- Сам господин Шейх, покончивши со всеми неверными, отправился в Кызым и был там правителем Ак-Гисара. Жены этих самых упомянутых шейхов, у некоторых дочери, а у некоторых сыновья, находились в сражении за веру вместе. Вот почему в тех местах над женщинами, девушками, мальчиками находятся мавзолеи; тут, говорят, нет ничего удивительного, ибо они – матери и дети – все были вместе, и все были святые. Перечисленные в этой таблице 30 благочестивых мавзолеев собрал в одной таблице судья Абдул-Керим, ахун Тобольска и Томска и один из ханских потомков Харши Лебив-Яшин.

О 9 мавзолеех, которые открыл здесь господин шейх Искандер, из жителей Мелмена в ведомстве города Хорезма, и о мавзолеех, которые открыли упомянутые выше 2 преподобных, здесь не говорится, так как о них есть специальные таблицы. Сведения о тех девяти собрал в этой таблице и прислал шейх Искандер из Туркестана, прислал при посредстве покойного соседа султана, т.е. Багауддина, Ходжа Мир-Шерифа к тобольским ахунам, и еще говорят, что из города Сайрама господин почтенный имам шейх Юсуф с проявлением чудес посещал берега Иртыша и Сибирь, открыл 10 мавзолеев. Собрав их в генеалогии, послал и вручил своему брату, шейху Алину. Все это стало тайною, известной только ахунам города Тары. Открыто 49 мавзолеев, и кроме того, по берегам этого Иртыша остаются необнаруженными остатки еще 251 человека. Затем упоминается 300 преподобных: господин Имам Ходжа Девлет, господин Имам Искандер, хорезмиец из Мелкиша. Открытые ими 39 мавзолеев отправили в священную Бухару (в описании) с просьбой об опубликовании преподобных священной Бухары, относясь с благоволением, как к тайнам божественного откровения, поверили настолько, что даже подтвердили и удостоверили и каждому оказали возможное благословение и также завещали: «Покорнейше просим, чтобы святые могилы оберегались неукоснительно, будь они на речках, впадающих в Иртыш, будь по берегам Иртыша самого или на болотах. 251 человек, не объявившись, остались сокрытыми. Благочестивые мужчины, женщины, девицы, если кто-нибудь в тайных отношениях к Господу Всевышнему получит указания его относительно сокрытых мужей или если эти мужи о себе дадут какие-либо намеки, то да не будут нерадивы относительно объявления могил и построения мавзолеев, для того, чтобы шейхи не разгневались на них и чтобы не осрамили ни их, ни потомства их».

Сделав такое завещание, приложив печати у мавзолеем, открытым всеми троими, и приложив руки, прислали в сочувствии оказать этим высокое одолжение и милость. В Тобольском уезде на берегу Иртыша, на возвышенной стороне местности Карагай, в селении Кюмюнли, на холме аба Бакыр на мавзолее шейха Кефиш Али. Имя ближайшего к нему шейха Бурай, его сын шейх Сафар, его сыновья шейх Урас и шейх Ир-Сетет. Сын шейха Ураса шейх Рамазан, его сын шейх Абуль Хасан, его сын шейх Мухаммед Шериф.

Писал это предание Сад Вакас Реджебов Мемет Алакулов.

12. Документы о русско-сибирских отношениях 1597–1598 гг.

Опубликовано: Собрание государственных грамот и договоров. Ч.2. М., 1819. С.129, 131–134; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1. 1334–1598. СПб., 1841. С.1–5, 6–8.

1. Грамота (в переводе) к Государю Царю Федору Иоанновичу от Сибирского Байсента Мурзы (1597)

Великому Князю Белому Царю, Сибирские земли все от мала до велика холопы твои челоюм бьютъ. Мы по своей правде воеводамъ послушны, а Тюменские люди отложились, и мы

того не ведаемъ, от кого учинилось, неведамо от воеводъ, неведамо съ кого, что ни учинишь, ведаеть Богъ да ты. Да ныне к намъ в Сибирь гости и торговые люди ниоткуда не ходять, и мы всемъ скудны; а толкубъ торговые люди приходили, и мыбъ всемъ пополнились и сытибъ были. А воеводы здешние, безъ твоего Великого Князя Белого Царя веленья, пословъ послать не смеють, и ты бь, Государь, по ... в Бухары и въ Нагаи пословъ посылати, чтобъ земле была прибыль, о томъ холопи твои Сибирцы все от мала и до велика челомъ бьемъ. Да какъ ты, Государь, меня холопа своего Байсеита отпустил в Сибирь, и пожаловал еси, Государь, меня своимъ жалованьемъ денежнымъ по десяти рублевъ, а ныне мне дали шесть рублевъ, в томъ твоя воля; да начальные люди Авбасты, да Келдиуразъ, старые люди и добры, юрть они и берегутъ, и твое жалованье имъ не доходить, и тыбъ ихъ пожаловал своимъ жалованьемъ, о томъ мы все холопи твои, все от мала до велика челомъ бьемъ; и послали к тебе ко Государю бити челомъ Кызылбая ясаула, и тыбъ, Государь, пожаловал велель намъ дать свою Государеву жаловальную грамоту. Да бьемъ челомъ тебе Государю, язъ Байсеитъ мирза и все твои холопи от мала до велика, чтобъ еси Шиха, да Моллу, да Бабуазея, трехъ ихъ велель отпустить въ ихъ землю, в Бухарь; а твоему юрту от нихъ прибыли нетъ, развее всегда плачють, и тебе бь Белому Царю в томъ греха не было, и мы все обь нихъ печалимся и бьемъ челомъ, чтобъ еси пожаловал велель ихъ отпустить.

2. Письмо Сибирского Царя Кучюма к воеводам города Тары (1597 г., русский канцелярский перевод)

Богъ богатъ.

От волного человека отъ Царя бояром поклонъ, а слово то: что есте хотели со мною поговорити, и вамъ отъ Государя своего отъ Белово Князя о томъ указъ есть ли? И будетъ указъ есть, и мы поговоримъ и его слово приятно учинимъ, а онъ бы наше челобитье приятно учинилъ; а мое челобитье то: прошу у Великого Князя, у Белово Царя, Иртишского берегу, да и у васъ у воеводъ бью челомъ, тогожъ прошу; да т [...] вещей у васъ прошу, и вы ис техъ вещей хоти и одну дадите, и ваше слово будетъ истинно; а будетъ не дадите, и слово ваше ложно; а челобитье мое то: прошу Шаину, а те оба гости, которыхъ взяли, ехали ко мне в послехъ, и ихъ вамъ Богъ судилъ, и язъ тое посолские рухледи одного юка конского прошу, очи у меня были больны и с теми послы были зелья, да и роспись темъ зельямъ с нимижъ была, и язъ того прошу, и только те три вещи мне дадите, и слово ваше истинно, и будетъ со мною похотите поговорити, и вы ко мне пришлите толмача Богдана. А Сююндюкъ приехалъ, Великого Князя Белово Царя очи видель, и язъ бы изъ его усть указъ его услышелъ, и выбъ его прислали; и будетъ те дела правда, и выбъ прислали Бахтыураза, которой ныне приехалъ. А от Ермакова приходу и по ся места пытался есмя встречно стояти; а Сибирь не язъ отдалъ, сами естя взяли. И ныне попытаемъ миритца, любо будетъ на конце лутче; а с Нагаи есмя в соединенье, и только с обеихъ сторонъ станемъ, и Княжая казна шатнетца, и язъ хочю правдою помиритца, а для миру на всякое дело сходительство учиню.

3. Грамота Царевича Абу-л-Хайра к отцу своему Сибирскому Царю Кучуму (1597).

Цареву Величеству, холопъ вашъ Абдюль Хаиръ Царевичъ множеством много челомъ бьетъ. Прежъ сего присылали есте к Великому Государю Царю и Великому Князю Федо[ру] Ивановичю всеа Русии Самодержцу, къ его Царскому Величеству человека своего Магметя з грамотою, [...] [в гра]моте своей к Царьскому Величеству писали есте, чтобъ Великий Государь Царь и Великий Князь Федоръ Ивановичъ Самодержецъ тебя пожаловали юрты [...] отдати велели, и брата нашего Магметъ Кула к тебе отпустить велель; а язъ вте поры былъ у Царя [...] Величества в опале, и били есмя челомъ Вели[кому] Царю и Великому Князю Федору Ивановичю всеа Русии Самодержцу, чтобъ Великий Государь меня пожаловал, поволить мне написати к тебе грамоту, а ты вины свои покроешъ, ученился подъ его Царскою рукою, и сына своего царевича къ его Царьскому Величеству пришлешъ; и Великий Государь Царь и Великий Князь Федоръ Ивановичъ всеа Русии Самодержецъ, не помятуя передь своимъ Царьским Величествомъ винъ нашихъ, поволит мне от себя написати к тебе грамоту, и ты по той м[...] грамоте ничего не учинилъ, к Великому Государю Царю и Великому Князю Федору Ивановичю всеа [Русии] Самодержцу, къ его Царьскому величеству [...] Царевича не прислать. И ныне Великий Государь Царь и Великий Князь Федоръ Ивановичъ Всеа Русии Самодержецъ милостивый истинный Великий Царь Кре-

стьянский Государь, не смотря на наши грубости и неправды, меня пожаловалъ, казнь смертную отдать, и пожаловалъ меня [...] и волостями, з братомъ с моимъ с Магметъ К[улом] Царевчемъ вместе; а про ваше Царево Величество слухъ доходить, что пребыванье твое нужно, и скудость великая, и братья наши Царевчи Канаи, да Иделинь со многими людьми пошли отъ тебя прочь, а с вашимъ Царевымъ Величествомъ немногие люди остались. И мы з братомъ своимъ с Магметъ Куломъ Царевчемъ били челомъ Великому Государю Царю и Великому Князю Федор Ивановичу всеа Русии Самодержцу, его Царьскому Величеству, чтобъ насъ Царьское Величество пожаловалъ, поволить намъ написати к тебе грамоту, а ваше, чаемъ, Царево Величество ныне похочеть быть подь Великого Государя, его Царьского Величества рукою; и Великий Государь Царь и Великий Князь Ф[едор] Иванович всеа Русии Самодержецъ ... поволить, а приказалъ намъ написат[и] грамоту; и выбъ Царево Величест[во] к Великому Государю Царю и Великому К[нязю] Ф[е]дору Ивановичу всеа Русии Самодержцу. А то намъ Царского Величества отъ печатн[ика] и посолского диака Василья Яковли [...] калова ведомо есть: будетъ похочешь быти при Царскомъ Величестве, при его пресветлыхъ очехъ, и Великий Государь Царь и Великий Князь Федоръ Иванович всеа Русии тебя пожалуетъ своимъ Царскимъ жалованьемъ, города и волостями, и денежнымъ жалованьемъ, по твоему достоинству; а у Великого Государя Царя и Великого Князя Федора Ивановича всеа Русии Самодержца, у его Царского Величества служатъ многие Цари и Царевичи, и в[ое]водичи Волоские и Мутьянские, и изо м[ногих] Государствъ Государские дети и те все въ жалованье живутъ без оскуденья; а буд [...] у Царского Величества похочешь бы [...] юрте в Сибири, и Царское Величество [...] своимъ Царскимъ жалованьемъ пожалует, [Сиб]ирской земле Царемъ велить быти.

4. Жалованная грамота царя Федора Иоанновича Сибирскому царю Кучуму (1597).

...[Ве]ликого Государя царя и Великого князя Ф[едора Иоанно]вича всеа Русии самодержца, Вла[димирского], Московского, Новгородского, Царя Казанского, царя Астраханского, Господаря Псковского и Великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятского, Болгарского и иных, Государя и Великого князя Новгорода Низовские земли, Черниговского, Рязанского, Полотцакого, Ростовского, Ярославского, Белозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея Сибирские земли и Северные страны Повелителя и Государя Иверские земли, Грузинских царей и Кабардинские земли, Черкасских и Горских князей, и иных многихъ государствъ Государя и обладателя, нашего царского Величества милостивое слово, с великимъ жалованьемъ повеленье Кучюму царю. Из давныхъ лет Сибирское Государство была вотчина прародителей нашихъ, блаженные памяти Великих государей русскихъ царей, как еще на Сибирскомъ государстве былъ дедъ твой Ибакъ царь, и з Сибирские земли всякую дань давали нашимъ прародителемъ Великимъ государемъ царем; а после деда твоего Ибака царя, были на Сибирскомъ Государств[е] князи Таибугина роду Магмет [князь], [по]сле его Казы князь, а после Казыя Едигеръ князь, и те все князи деду нашему, блаженные памяти, Великому государю царю и Великому князю Василью Ивановичу всеа Русии, и отцу нашему, блаженные памяти, Великому государю царю и Великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии, с Сибирские земли дань давали.

А как ты, Кучюмъ царь, учинился в Сибирской земле царемъ, и ты отцу нашему[...] Ивану Васильевичу всеа Русии послушен былъ, и дань с Сибирские земли присылалъ; а отецъ нашъ[...], тебя в своемъ царскомъ жалованье держалъ подь своею царскою высо[кою] рукою; а после того ты, Кучюмъ царь, от отца нашего[...] и отъ его царского жалованья отсталъ[...], непослушникомъ учинился еси, и дани давати не почаль еси, и сына боярского Третьяка Чебукова, который былъ посланъ для дани, убилъ еси, и на наши украинные места в Пермскую землю войною многижда приходил еси. [...] А какъ, по нашего царского Величества повеленью, наши люди пришедъ в Сибирь тебя с царства согнали и Сибирскую землю взяли, а ты пошелъ в казакахъ кочевати и во многие времена, будучи еси на поле, нашему Царскому Величеству грубости и непослу[шание] у[чинил] еси, мимо наше царское жалованье самъ ты, Кучюмъ царь, на Сибирские во[ло]сти приходи[л]; а с тобою б[ыл] [плем]янный твой Магметъ Кул царевичъ, да сынъ твой Абдюль Хаир царевичъ, и те оба царевичи нашимъ людямъ в руки попались [...] не смотря на твои грубости и неправды, племяннику твоему Магмет Кулу царевичу и сыну твоему Абдюль Хаиру царевичу казнь им смертную отдали, и пожаловали в нашемъ государстве устроить велели своимъ царскимъ жалованьемъ, города и волостями и деньгами устрой[ти][...] А ныне [...] в нашей отчине в Сибир[ской] земле города поставлены, и в техъ городахъ осадные

люди с вогненным боемъ устроены; а большие своей рати в Сибирскую землю на тебя, на Кучюма царя, послати есмя не велели для того, что ожидали от тебя, от Кучюма царя, [...] что ты, узнавъ свои вины и неправды, нашему Царскому Величеству добыешь челом...

[...] [П]реж сего, тому четвертой годъ, присылал еси нашему царскому Величест[ву] человека своего Магметя с грамотою[...], писалъ еси с [...] прошенъем, чтобъ[...] тебя пожал[овати], юрть твой тебе отдати и племянника твоего отпустить к тебе, а ты в нашемъ царском жалованье будешь подь нашу царскою высокою рукою. И мы [...] хотели тебя пожаловати устроити на Сибирской земле царемъ, какъ было тебе быти в нашемъ царскомъ жалованье впередь крепку и неподвижну; а племянникъ твой Магметъ Куль царевичъ ныне устроены в нашемъ государстве, и пожалованъ города и волостями[...], служить нашему Царскому Величеству; и после того приехалъ к нашему Царскому Величеству в службу ис твоего улусу Чинь мурза, Иль мурзин сынъ, Исуповъ, с своимъ улусо[м] и наше Царское Величество Чинь мурзу пожеловали и волостями и деньгами [] а [...] кове мере казакомъ кочюешъ на поле не со мно[огими] своими людьми, то [...] [ве]домо. А которые Нагайские улусы Тайбугинь юрть, которые кочевали вместе с тобою, от тебя отстали, на которыхъ людей была тебе большая надежда; а Чинь мурза отъехалъ к нашему Царскому Величеству [...], а достальные твои люди от тебя пошли прочь с царевича с Канаемъ да с Ыделинемъ, а иные пошли в Бухары и в Нагаи и в Казацкую Орду, а тобою ныне люди немногие [] наше Царское жалованое и милостивое слово тебе объявляемъ, чтобы ты, Кучюмъ царь, ехалъ к нашему Царскому Величеству [...] и мы тебя пожалуемъ [...], устроити велимъ города и волостями и денежнымъ жалованьем, [...] похочешъ быти на пр[еж]немъ своемъ юрте в Сибири[...], пожалуемъ на Сибирской з[емле] царемъ, и в нашемъ Царскомъ жалованье уч[нем] тебя держати милостиво.

5. Отписка царю Тарского воеводы Андрея Воейкова (4 сентября 1598 г.)

Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси холопъ твой Ондрюшка Воейковъ челомъ бьетъ. Прошлого, Государь, 106-го году Августа въ первый день привезъ къ намъ, на Тару, твою Государеву Цареву и Великого князя Бориса Федоровича всеа Руси грамоту Тарской атаманъ Елистратъ Никитинъ, а въ твоей Государеве Цареве и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси грамоте написано: велено мне холопу твоему итти, съ Тары, въ походъ на Кучюма царя, и волости воевать, которые тебе Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси непослушны и ясаку на Тару не даютъ, и обо всехъ о тамошнихъ делахъ къ тебе Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси велено мне холопу твоему подлинно писать: И по твоей Государеве Цареве и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси грамоте, я, холопъ твой, пошоль съ Тары, на Кучюма царя Августа въ 4 день; а со мною холопомъ твоимъ пошло твоей Государевы Царевы и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси рати: три сына боярскихъ, да два атамана, да Тарскихъ служивыхъ людей, Литвы и казаковъ, сто человекъ, да юртовскихъ служивыхъ Тотаръ тридцать человекъ; да волостныхъ ясачныхъ людей шестдесятъ человекъ, да Тоболскихъ служивыхъ людей [...] голова Татарская да атаманъ, да Литвы и казаковъ пятьдесятъ три человека, да юртовскихъ Тоболскихъ Тотаръ сто человекъ, да Тюменскихъ служивыхъ людей, Литвы и казаковъ, четырнадцать человекъ, да юртовскихъ [...] Тотаръ десять человекъ; [...] было въ походе твоей [...] Царевы и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси рати: три сына боярскихъ, да голова Татарская, да три атаманы, да четыреста безъ трехъ человекъ, Литвы, и казаковъ, и юртовскихъ и волостныхъ Тотаръ. И Августа, Государь, въ 10 день, посылалъ я холопъ твой въ посылку сына боярского Илью Беклемишева да голову Татарскую Черкаса Олександрова въ волости, для языковъ, которые волости отъ тебя отъ Государя Царя и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси отвель Кучюмъ царь въ 106 году въ Турашскую и въ Любарскую волость. И Августа въ 10 день, привели ко мне, изъ посылки, сынъ боярской Илья Беклемишевъ да голова Татарская Черкасъ Олександровъ, Турашского лутчего человека Куздемыша Махлеева да Акбулата Чемычакова; а въ роспросе мне холопу твоему Куздемышъ да Акбулатъ сказали: велель деи имъ Кучюмъ царь всемъ волостнымъ лутчимъ людемъ, Курпицкимъ и Турашскимъ и Любарскимъ [...] и Чойскимъ и Куромскимъ, жить на Уби [...] Кучюмъ царь кочюеть [...] Чорныхъ водахъ, а въ собранье деи съ Кучюмомъ его людей пятьсотъ человекъ да Бухарскихъ торговыхъ людей пятьдесятъ человекъ. И я холопъ твой по темъ вестямъ, пришоль на Убъ озеро Августа въ 15 день, и на Уби озере лутчихъ волостныхъ людей поималъ, которыхъ отвель отъ тебя Государя Царя и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси Ку-

чюмъ царь въ прошломъ въ 106 году, Кирпицкие волости Чадышаю Саула, да Турашские волости Иткурюка съ товарищи, и всех семи волостей лутчихъ людей, которыхъ Кучюмъ отвелъ отъ тебя Государя Царя и Великого Князя Бориса Федоровича всея Руси. И въ роспросе мне холопу твоему лутчие люди сказали про Кучюма царя: пошоль деи Кучюмъ царь, съ Черныхъ водъ, на Обь реку, съ детми и со всеми своими людьми, где у него хлебъ сеень, а имъ деи велел жити всемъ на Уби озере, а ясаку деи тебе Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси имъ давати не велель, а приказать де ихъ беречь своей волости Барабинскому лутчему человеку Еснигилдею Турундаеву. И я холопъ твой лутчихъ волостныхъ людей поималъ [...] Чадыша да Иткурюка съ товарищи; а ясачнымъ всемъ людемъ сказать твое Государево Царево и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси жалованное слово, чтобы они были впередъ под твоею Государевою Царскою высокою рукою безстрашно, и ясак бы тебе Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси платили. И велель я холопъ твой имъ идти по своимъ старымъ юртомъ; а въ Барабинскую, Государь, волость я холопъ твой послалъ сына боярского Илью Беклемишева да атамана Казарина Волнина. И августа, Государь, въ 16 день, привели ко мне, изъ Барабинские волости, сынъ боярской Илья Беклемишевъ да атаманъ Казаринъ Волнинъ, Кучюмовыхъ трехъ человекъ, Барсанду съ товарищи да Барабинского лутчего человека Еснигилдея Турундаева съ двема сыны, да съ Еснигилдеевой волости ясачныхъ людей пятнадцать человекъ. И въ роспросе мне холопу твоему и съ пытки, Кучюмовы люди, Барсанда съ товарищи, сказали: Кучюмъ деи царь кочюеть на Оби на реке, где у него хлебъ сеень, а въ собранье деи съ Кучюмомъ царемъ его людей пятьсот человекъ, а хочеть деи шти Кучюмъ подъ твой Государевъ Царевъ и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси городъ подъ Тару и на Япынскую и на Каурдацкую волость войною вскоре, да Кучюмовыхъ же деи людей живеть на Икъ озере семей съ тридцать, не доходя Кучюмова кочевья четыре днища. И я холопъ твой, по темъ вестямъ, послалъ, на Икъ озеро детей боярскихъ Мосея Глебова да Федора Лопухина, да Татарскую голову Черкаса Александра, а съ ними Тарскихъ конныхъ казаковъ сорокъ человек, да Тоболскихъ юрговскихъ Тотаръ шестдесдтъ человекъ. И Мосей, Государь, Глебовъ, да Федор Лапухинъ, да Черкасъ Олександровъ, Кучюмовыхъ людей на Икъ озере сошли и побили, а живыхъ привели ко мне пять человекъ, и въ роспросе и съ, пытки языки мне холопу твоему сказали: Кучюмъ деи царь кочюеть на Оби реке, а по нихъ деи присылалъ, чтобы они шли къ нему въ собранье, а хочет, деи Кучюмъ царь итти подъ городъ Тару и на Ялынскую и на Каурдацкую волость войною вскоре, а иные деи Кучюмовы люди кочюють отъ Кучюмова кочевья, во днище и въ дву днищахъ семей съ двадцать. И я холопъ твой послалъ детей боярскихъ Мосея Глебова да Федора Лопухина, да съ ними Тарскихъ конныхъ казаковъ [...] человекъ, да Тарскихъ юрговскихъ Тотаръ тридцать человекъ, а велел имъ на Кучюмовы люди приходити ночью, чтобы ихъ съ вестью къ Кучюму царю не упустили. И Мосей Глебовъ и Федоръ Лопухинъ Кучюмовыхъ людей, которые кочевали отъ Кучюмова во днище въ дву днищахъ, побили на голову, ни одного человека къ Кучюму съ вестью не упустили. А самъ я холопъ твой, покиня кошъ на Икъ озере, и пошоль на Кучюма царя, насলেখъ, и день и ночь, и сшоль Кучюма царя на Оби на реке, выше Чать три днища, на лугу на Ормени, отъ Калмаковъ въ дву днищахъ. И пришелъ, Государь, я холопъ твой на Кучюма царя Августа въ 20 день, на солнчномъ восходе, и бился съ Кучюмомъ царемъ до полдень; и Божиимъ милосердиемъ и твоимъ Государевымъ Царевымъ и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси счастьеемъ, Кучюма царя побилъ, и детей его царевичевъ и царицъ его поималъ, и брата Кучюмова Илитень царевича, да сына Кучюмова Каная царевича, да дву царевичевъ, Алей царевича детей, на бою убили, да живыхъ взяли Кучюмовыхъ детей, пять царевичевъ Асманака, Шаима, Бибадша, Моллу, Кумыша, да восьмъ царицъ Кучюмовыхъ жонъ, восьмъ царевыхъ дочерей, да Осмей царевича [...] съ сыномъ да съ дочерью, да Чюрай царевича [...] Уруса князя Нагайского дочь, съ двема дочерми, да лутчихъ людей Кучюмовыхъ взяли на бою, князей и мурзь пять человекъ, Байтерякъ мурзу съ товарищи, да убили на бою шесть князей, князя Моймурата съ товарищи, да десять мурзь, Ахита мурзу съ товарищи, да пять аталыковъ, Чегей аталыка, Кучюмова тестя, съ товарищи, да полтораства человекъ служивыхъ людей; да со сто, Государь, человекъ потопло на Оби на реке какъ они поплыли за Обь реку, и твои Государевы Царевы и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси люди ихъ побивали, съ берегу, изъ пищалей и изъ луковъ; да съ пятьдесятъ, Государь, человекъ служивыхъ людей взяли живыхъ, и я холопъ твой велель ихъ побить, а иныхъ перевешать. А про Кучюма, Государь, царя языки многие сказываютъ что Кучюмъ въ Оби реке утопъ, а иные языки сказываютъ, что Кучюмъ въ судне утекъ за Обь реку; и я холопъ твой пла-

валь на плотехъ за Обь реку, со всею твоею Государевою Царевою и Великого Князя Бориса Федоровича веса Руси ратью, и Кучюма царя, за Обью рекою, по лесомъ въ крепяхъ, и по островомъ на Оби реке, искаль и нигде его не нашоль. И я холопъ твой привель къ шерти Кучюмова Туль-Маметь сеита, и послалъ Кучюма царя сыскивать въ Чаты и въ Колмаки, и где онъ Кучюма царя найдетъ, и я холопъ твой приказалъ ему говорить Кучюму царю, чтобъ Кучюмъ царь ехалъ служити къ тебе Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу веса Руси, а ты Государь Царь и Великий Князь Борисъ Федоровичъ всеа Руси его пожалуешь своимъ Царскимъ жалованьемъ. И Сентября, Государь, по четвертое число, Туль-Маметь сеить ко мне холопу твоему не бывалъ. А которые, Государь, Кучюмовы люди конные, человекъ съ пятьдесятъ, поутекали съ бою, по Оби реке внизъ, и я холопъ твой послалъ сына боярского Мосея Глебова да атамана Третьяка Жареново, да съ ними Тарскихъ конныхъ казаковъ сорокъ человекъ, Да пешихъ тридцать человекъ; и Мосей да Третьякъ угоняли ихъ, не допуская до Чать, за два днища, и угонивъ ихъ всехъ побили. А шоль, сударь, я холопъ твой, отъ, города отъ Тары до Кучюма, скорымъ походомъ, шестнадцать дней; а въ Чаты, Государь, я холопъ твой воевать не пошоль, потому что Чатцкие [...] летнимъ походомъ, до заморозовъ, извоевати ихъ не мочно; а приказалъ я холопъ твой, съ Кучюмовымъ Туль-Маметемъ сеитомъ, къ Чатцкимъ къ лутчимъ людемъ, чтобы все они шли лутчие люди въ твой Государевъ Царевъ и Великого Князя Бориса Федоровича веса Руси городъ на Тару; и Сентября, Государь, по четвертое число, изъ Чать ко мне холопу твоему вестъ де бывала. А которые, Государь, волости живутъ на сей стороне Оби реки, а тебе Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси не послушны и ясаку на Тару не даютъ, волость Бороба большая, волость Тереня, половина Кирпицово, половина Куромы волости, половина [...] волости, которые тебе Государю царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси прежь сего на Тару ясаку не давали, и я холопъ твой въ те волости посылки посылалъ, детей боярскихъ съ сотнями, и голову Татарскую, и атамановъ, и изъ техъ изо всехъ волостей лутчихъ людей поймали; а которые, Государь, волости отвель отъ тебя Государя Царя и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси Кучюмъ царь въ 106 году, и я холопъ твой техъ волостей всехъ ясачныхъ людей посажалъ по старымъ юртомъ, и велель имъ ясакъ платить тебе Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси по прежнему; а которые волости привель я холопъ твой подь твою Государеву Царскую высокую руку, и я холопъ твой на нихъ ясаку положити не успель, потому что стоять на Кучюмове кочевье долго не смель: Колмаки отъ Кучюмова кочевья въ дву днищахъ, а собираетца, Государь, Колмаковъ воинскихъ людей пять тысячъ; и я холопъ твой пошоль на Тару съ Оби реки, съ Кучюмова кочевья, Августа въ 27 день, и царевичевъ Кучюмовыхъ детей и царицъ всехъ веду на Тару съ собою, и Кучюмовыхъ лутчихъ людей и волостныхъ ясачныхъ лутчихъ людей веду на Тару съ собою жъ. А какъ я холопъ твой приду на Тару, и царевичевъ и царицъ отпущу тотчасъ къ тебе ко Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси, и про новые волости къ тебе ко Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси подлинно отпишу, и сколько на нихъ ясаку положю. А съ сею грамотою послалъ я холопъ твой къ тебе ко Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси сына боярского Мосея Глебова да голову Татарскую Черкаса Олександрова, Сентября въ 4 день, съ Оми реки, не доходя до города до Тары за шесть днищъ, и роспись послужную всемъ твоимъ Государевымъ Царевымъ и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси служивымъ людемъ послалъ къ тебе ко Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси съ ними жъ.

6. Поименная роспись взятымъ в плен, Кучюмову семейству, и Сибирскимъ князьям, мурзам, аталыкам и служилымъ людям (4 сентября 1598 г.)

Взято Кучюмовыхъ дътей 5 царевичовъ: Асманакъ тридцати летъ, Шаимъ двадцати летъ, Бибадша двундцати летъ, Молла пяти летъ, Кумышь шти летъ; Алей царевичъ съ бою утекъ. Да 8 царицъ Кучюмовыхъ жонъ, да 8 царевыхъ дочерей, да Алей царевича царица съ сыномъ да съ дочерью, да Конай царевича царица, Уруса князя Нагайскаго дочь съ двумя дочерми. Да лутчихъ людей Кучюмовыхъ взято на бою, князей и мурзь 5 человекъ, Байтеракъ мурза съ товарищи; да убито 6 князей, князя Моймурата съ товарищи, да 10 мурзь, [...] мурза съ товарищи, да 5 аталыковъ, Чегей аталыкъ, Кучюмовъ тестъ, съ товарищи, да полтораства человекъ служивыхъ людей; да сто человекъ потопили на Оби на реку, какъ они, поплыли за Обь реку; да съ пятьдесятъ человекъ служивыхъ людей взяли живыхъ, и ихъ побили, а иныхъ перевешали; убили Кучюмова брата Илитень царевича, да Кучюмова сына [...] царевича.

7. Отписка царю тарских воевод Степана Козмина, Андрея Воейкова и Петра Пивова (17 октября 1598 г.)

Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси холопи твои Степанко Кузминь, Ондрюшка Воейков, Петрушка Пивовъ челомъ бьютъ. Прошлого, Государь, сто шестаго году августа въ двадесять третей день, посылашь я холопъ твой Ондрюшка, съ Кучюмова побую, Сибирека Кучюмова сеита Туль-Маметь въ Чаты, проводывать про Кучюма царя, живь ли онъ или утопъ; и будетъ онъ сеить Кучюма същеть, и я холопъ твой съ нимъ приказать, велель говорить Кучюму царю, чтобы онъ къ тебе къ Государю ехаль служите, а ты Государь его пожалуешь своимъ Царскимъ жалованьемъ, и детей его и жонъ пожалуешь велишь ему отдати. Да съ сеитомъ же я холопъ твой приказаль въ Чаты, къ лутчимъ къ Чатцкимъ людемъ, къ князькомъ и къ мурзамъ, къ Куземенкею князю да къ Токкашу да къ Кожбахтыю мурзе съ товарыщи, чтобы оне все Чатцкие люди были подь твоею Царскою високою рукою, и лутчие бы люди приехали въ новой городъ на Тару, и ясакъ бы тебе Государю со все свое волости давали, и во всемъ бы тебе Государю служили и прямили; а будетъ Кучюмъ царь у нихъ въ Чатахъ, и они бы его изымали и къ тебе къ Государю прислали, а ты ихъ, Государь, пожалуешь своимъ Царскимъ жалованьемъ и оберегать ихъ велишь своею Государевою ратью ото всехъ ордь; а будетъ не похотять, Чатцкие люди быть подь твоею Царскою високою рукою, и я холопъ твой приказаль, велель сеиту говорить Чатцкимъ людемъ, что велель ты Государь мне холопу своему Ондрюшке итти, со всею своею Сибирскою ратью, ихъ волости воевати. И нынешнего, Государь, сто седмаго году октября въ пятый день, пришоль на Тару, изъ Чатъ, сеить Туль-Маметь, а принесь отъ Чатцкихъ мурзь ярлыкъ, да намъ холопемъ твоимъ отъ Чатцких мурзь принесь поминка сорокъ соболей, а въ роспросе намъ холопемъ твоимъ сказаль про Кучюма царя: сшоль деи онъ Кучюма царя за Обью рекою, на лесу, вниз по Оби реке, отъ Кучюмова побую въ дву днищах, а съ Кучюмомъ вси, детей его три сына да людей его человекъ съ тридцать, а утекъ деи Кучюмъ съ бою, въ судне, въ низъ по Оби реке, самъ-третей, въ кою пору дети его и люди бились со мною холопемъ твоимъ; и онъ де сеить Кучюму царю отъ меня говорил, чтобъ Кучюмъ царь ехаль къ тебе къ Государю служити, а ты Государь его пожалуешь своимъ Царскимъ жалованьемъ и детей и жонъ его пожалуешь велишь ему отдати. И Кучюмъ деи съ нимъ съ сеитомъ приказаль къ намъ холопемъ твоимъ; не поехалъ деи я къ Государю, по Государеве грамоте, своею волею, въ кою деи пору я былъ совсемъ цель, а за саблю деи мне къ Государю ехать не по что, а нынча деи я сталъ глухъ, и слепъ, и безо всего живота: взяли деи у меня промышленника, сына моего, Асманакъ царевича; хотя бы деи у меня всехъ детей поймали, а одинъ бы деи у меня остался Асманакъ, и язъ бы деи объ немъ ещо прожилъ; а нынеча деи я иду въ Нагаи, а сына деи я своего посылаю въ Бухары. И водиль деи его сеита Кучюмъ съ собою по побоищу два дни, хоронилъ побитыхъ; а въ Чаты деи при немъ при сейте посылашь Кучюмъ людей своихъ, дву человекъ, къ Кожбахтыю мурзе, просиль лошадей и платья, на чомъ бы ему мочно поднятца, и Кожбахтый деи мурза присаль къ нему конь да шубу; а самъ деи Кожбохтый приехалъ после присылки своей на другой день, и сталъ за Обью рекою противъ Кучюма царя, и хотелъ деи съ Кучюмомъ вдетца, а Кучюмъ деи поблюдясъ Кожбахгья, не дождався его, побежалъ съ кочевья своего, въ верхъ по Оби реке, а его деи сеита отпустилъ въ Чаты. А въ Чатахъ деи онъ сеить Чатцкимъ лутчимъ людемъ говорил, чтобы они все Чатцкие люди были подь твоею Царскою високою рукою, и лутчие бь люди приехали въ новой города на Тару, и ясакъ тебъ Государю со всей своей волости давали, и во всемъ бы тебе Государю служили и прямили. И чатцкие деи люди, съ нимъ съ сеитомъ, къ намъ холопемъ твоимъ приказывали: по ся деи места мы Государю не служили и ясаку не давали, блюлись Кучюма царя; а былъ деи у насъ Кучюмъ близко и владель всеми нашими волостями; а нынеча деи Кучюма Государевы люди добили, и Кучюмъ деи отъ насъ пошоль прочь, и мы все Государю служити ради головами своими и ясакъ съ своихъ волостей давати; а нынеча деи намъ на Тару съ тобою итти нельзя, потому что Колмаки деи намъ недруги, блюдемся отъ нихъ войны въ борзе; а какъ деи будетъ пора ясакъ имать, и съ Тары бы деи до ясакъ прислали тебя жъ сеита, а съ тобою бь деи прислали ясатчиковъ, Рускихъ людей, юртовскихъ Татарь, и мы деи Государю съ своихъ волостей ясакъ дадимъ и лутчихъ людей на Тару пришлемъ. И мы холопи твои послали въ Чаты по ясакъ сеита Туль-Маметь, а съ, нимъ Русскихъ людей, дву человекъ, Литвина Мартина Федорова да конного казака Поспела Голубина, да Тарского юртовского Татарина Акманая Обучева октебря въ 17 день; а велели имъ въ Чатахъ говорить лутчимъ лю-

демь, чтобы они тебе Государю со всех своих волостей ясакъ дали и лутчихъ людей съ ясакомъ на Тару прислали. А Чатцкихъ мурзь ярлыкъ переведчи мы холопи твои послали къ тебе къ Государю, съ сею грамотою вместе, октября въ 17 день, съ коннымъ казакомъ съ Тимохою съ Дрожделовым, а сеита Туль-Мамета мы холопи твои не послали къ тебе къ Государю, потому что писали объ немъ къ намъ холопемъ Чатцкие люди, чтобы намъ прислати къ нимъ въ Чаты, по твой Государевъ ясакъ, съ ясатчики его сеита.

13. Сообщение «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о хане Абу-л-Хайре

Опубликовано по: Таварих-и гузида – Нусрат-наме. Ташкент, 1967. С.264, 266–267 араб. паг.

...Абу-л-Хайр-хан... совершив походы, дважды отнимал престол Саин-хана у потомков Тимур-Кутлуга Махмуд[-хана] и Ахмед-хана и, восседая на [этом] престоле, много пировал [и] сделал много пожалований своим бекам и слугам. От него осталось¹ много хороших установлений... Сорок лет он был ханом в Дешт-и Кипчаке. // Подчинив народы р.ст.м туалас, чимги башгырт, буляр и булгар, он летовал [в их землях], со справедливостью собирая с этих народов ясак. Прикочевывая на зимовку в Туркестан, он со справедливостью взимал десятину. Купцы Ирана и Турана безопасно занимались торговлей, свободно перемещаясь [по владениям Абу-л-Хайр-хана], и никто [из них] не страдал². Весь улус в его век достиг своих желаний, [и его] прозвали «святым³ Джани[беком], приносящим народу удачу⁴».

В его время из потомков⁵ Кышлыка⁶ разили мечом⁷ Йахшибек-бахадур [и] Кутлук-Буга-бахадур. Других самоотверженно разивших мечом на службе хана беков звали *Йа'куб Карагида-бек из дюрменов, Шейх-Суфи из найманов.

Рассказ о пожаловании [им Абу-л-Хайр-ханом] должности даруг Чимги-Туры

Он⁸ пожаловал им⁹ должность даруг Чимги-Туры. *Кирли Таричак-бахадур из дюрменов, *Илин-Ходжа [и] Суфрачи-Эдже из [племени] ички во время казачества [Абу-л-Хайр-хана] разили мечом и стали причиной [его] могущества. А имена беков [того времени], когда установилось [уже его] могущество, [таковы:] Буданджар-бек из рода кията Астай-бека, Мухаммед-бек из рода кунграта 'Али-бека, Тенгрибирди-бек из тюменей, из мангытов – внук Эдигу-бека Ваккас-бек. Этот бек стал причиной [того, что] хан дважды овладевал тронем Саина. Много разя мечом, он снискал [хану] славу. Этот улус в век Бахтийар-султана [и] Ваккас-бека стал обустроенным; улус процветал и называл [их] «благодетелями». Еще разили мечом во время казачества [Абу-л-Хайр-хана] Йа'куб-Ходжасы-Ходжа, Йусуф-Ходжа, Кырыкмыш-Бахрам-Ходжа, Тункачук-Кулун-Ходжа; *Кылычбай-бахадур [и] Йырчи Кара-Даулат-Ходжа // бахадур из тысячников [племени] тюмень, из уйгуров Йабагу Бахти-Ходжа, *из дюрменов Анка-Ходжа, Йумадук [из племени] тубай, тюмень Дервиш-бахадур; Шейх-Мухаммед-бахадур [и] Кудагай 'Усман-бахадур из ушунов, Инак Йаглы-Ходжа [и] его младший брат Урус-бахадур. Кроме этих вышеперечисленных пришло [к хану] много людей, когда [он] достиг могущества.

¹ Букв. «произошло».

² Очевидно, имеется в виду безопасность для купцов, установленная в своих владениях Абу-л-Хайром.

³ Слово 'aziz в средневековых тюрко-мусульманских текстах имеет также значение «покойный».

⁴ Явный намек на золотоордынского хана Джанибека, время правления которого (1342–1357/58) в позднезолотоордынских источниках представляется эрой всеобщего благоденствия.

⁵ Букв. «сыновей».

⁶ Кышлык – табунщик Екэ-Чэрэна, одного из старших эмиров Онг-хана. Предупредил Чингиз-хана о заговоре Онг-хана и его сына Сангуна, за что Чингиз-хан сделал его тарханом и старшим эмиром; этими привилегиями пользовались и его потомки.

⁷ Т.е. служили хану.

⁸ Т.е. Абу-л-Хайр-хан.

⁹ Т.е. перечисленным выше бекам.

Из этих пришедших: Мерет-Суфи-бек из омака утарчи¹, Хаджи-Суфи-бек из омака чат, Йабагу-гу-бек [и] Гарай-Ходжа-бек из омака месит, ‘Умар-бахадур, Абакир и ‘Усман-бахадур из найманов. Также из кююнов: Мерет-Суфи-оглан *из танккутов, Шейх-Суфи-оглан *из боалов, Хасан-оглан из чимтаев, *Идель-оглан из сунгаров, а также Балх-оглан *из шахбахтов, Бишкенд-оглан [и] его младший брат Хизр-Шейх-оглан из иджанликов – *все они в эпоху [Абу-л-Хайр]-хана были жалуемы.

14. Перевод фрагмента хроники «Хикайат» об истории возникновения Казани

Источник: Санкт-Петербургский институт восточных рукописей РАН, В 4070, л.38а.

Одним словом, когда жители Старого Булгара избавились от резни, [учиненной] хазрат Аксак-Тимуром, оставшиеся из них собрались. В начале Черная Идиль протекала близ Старого Булгара. Когда прошло великое побоище (*мока́тале*)², увидели, что Черная Идиль отошла [от города] на расстояние трех миль на запад. Поэтому они (жители Старого Булгара. – *И.М.*) сочли нецелесообразным восстанавливать [город]. Посоветовавшись, они построили новый город (*кал’а*) в стороне летнего заката [солнца]³, близ [реки] Черная Идиль (*Идил-и сийа́х*)⁴, на берегу реки Газāн. [Новому городу] дали название Газāн. Он прозывался также «Новым Булгаром» (*Булгар-и джадй*). В том месте они прекрасно, под знаменем ислама жили некоторое время. Во всех случаях они согласно священному шариату прибегали к [суду] мусульманских кадиев и великих сеидов. Они (кадии и сеиды. – *И.М.*) также, следуя сунне Пророка, занимались прекращением распрей и пресечением вражды. В этом городе прошло царствование шестнадцати ханов. Когда для Старого Булгара (*Булгар-и кадй*) наступили тяжелые времена, его ханом был Габдулла. В то время (букв.: в тот день. – *И.М.*) он стал шахидом. У него осталось два сына: один – Алтун-бик, другой – Галим-бик. Чтобы не допустить пресечения их рода, их увезли в лес и [там] спрятали. Поэтому они спаслись. Когда построили город (букв.: крепость. – *И.М.*) Газāн, по давнему правилу (*ка́нун*) первым ханом стал Алтун-бик. Таким [же] образом вторым [ханом] стал Галим-бик, третьим – Мухаммед, четвертым – Мамтяк, пятым – Халиль, шестым – Ибрахим, седьмым – Ильхам, восьмым – Мухаммед-Амин, девятым – Мамук, десятым – Габдул-Латиф, одиннадцатым – Сахиб-Гарай, двенадцатым – Сафа-Гарай, тринадцатым – Гали, четырнадцатым – Утяш, пятнадцатым – Ядигар. Во время [правления] Ядигар-хана, в девятьсот пятидесятом году, произошло затмение солнца. Шестнадцатым [ханом был] Шагали-хан.

Перевел *Ильяс Мустакимов*

15. «Фи бейан-и тарих»

Источник: Отдел рукописей, научный и архивный фонд ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, ф.18, оп.1, д.6, л.64–66.

В изложении истории. Было даты в 693⁵, было в год коровы, Мир-Тимур⁶ со своим войском осадил город Балгар⁷; до семи лет лежали, окружив [его] кольцом. Еще, было даты в 700 году, месяца зуль-хиджди двадцатого, [он] взял город Болгар. [Там] были 124 великих, знатных князей, и все они погибли. У каждого из них жены были подобны нанизанному жемчугу, [и] всех их взял в плен Мир-Тимур. Между теми князьями были четыре великих князя, благородные царевичи: имя одного [было] Икбаль-бик, имя другого – Кол-Али-бик, еще одного зва-

¹ В ориг.: утачи.

² В оригинале: мока́бале.

³ Т.е. на северо-запад от Булгара.

⁴ Персидский перевод татарского гидронима «Кара Идел» – обозначение Волги выше впадения в нее Камы (Ак Идел).

⁵ 693 г. лунной хиджры приходился на 2.12.1293 – 20.11.1294 г. по юлианскому календарю.

⁶ Сокращенное «эмир Тимур».

⁷ Обращает на себя внимание начертание через «а» – Балгар вместе обычного Болгар.

ли Хуаши-бик, [а] еще одного – Кашы-бик. Город превратился в развалину; много народу погибло. Абдулла-хан сам скончался. Двух сыновей хана сокрыли под лесом¹. Одному из них было девять лет, а другому – семь лет; имя одного было Алтун-бик, а имя другого – Алим-бик. [Их] хорошо воспитали. Алтун-бика четырнадцати лет возвели на престол. Над Казанкой-рекой воздвигли крепость. 104 года жили там; [потом] оттуда выселились. Город построили на устье реки Казанки. 158 лет пробыли там. Когда же род ханов пресекался и не стало [хана], привели Шах-Али-хана, [который] был пленником в руках русских. 33 года ханствовал [он]. После того, совершив измену, произвел насилие. Много народу [при этом] погибло. Пришел русский хан; [то] было двумя годами раньше (?). Было даты в 959 году, в год мыши, был второй день Скорпиона², русский царь взял город Казань; был воскресный день. Даты в 963, в год барса, в шаввале месяце Шах-Али-хан скончался³, [а] бог более знающ! У Алтун-бика, говорят, тамга была этакая × ; называли ее тамгой-воробой. Вышедши⁴ из Золотого трона, пришли в Иске-Казан⁵. Золотым тронem называли город Болгар. После того как пришел Мир-Тимур и, взяв город Болгар разорил [его], этот Алтун-бик с остатком своего народа держал юрт⁶ в городе Казани. Когда юрт был в той⁷ Казани, Алтун-бик, Алим-бик будто сказал (?).⁸ Алим-бик, не возлюбив Ка-Казань, ушел в Тобол-Туру. Придя туда, держал [там] юрт. Старая Тобол-Тура построена им⁹. Алтун-бик же пришел в новую Казань. После него Махмуд-хан; [о нем] упомянуто выше. Говорят, что предстатели рода Алтун-бика [и]¹⁰ Алим-бика есть и в Крыму. По той причине всегда, когда нужен бывал хан для Казани, хана брали из Крыма. Кончилось.

Перевел Али (Гали) Рахим (1892–1943)

16. Письмо крымского хана Мухаммед-Гирея I османскому султану Сулейману I с объяснением причин невозможности осуществления похода крымских войск на Польшу. [1521 г., март-апрель]

TSMA, E. 1308/2

Перевод

Его правосудному халифскому величеству – да усилит его Аллах – Владыка Вспомоществующий!

Повергаемое к праху счастливой государевой Порты – да укрепит ее Аллах – Владыка Вседарящий! – Вашего покорнейшего, подобного рабу слуги таково.

Недавно посредством одного из султанских слуг, образца равных себе по имени Хусейн бек, к нам прибыл обязывающий к повиновению падишахский указ, из славного содержания которого мы узнали, что Ваша августейшая особа с благим предзнаменованием и войском, подобным морю, изволит направиться с великой священной войной на проклятых венгров – да ослабит их Аллах – Владыка Вспомоществующий! Мы просим Бога Всемиловитейшего и Всещедрого – да возвысится Его слава, а Его милости изольются на все Его создания! – чтобы Вам [было предначертано] вернуться на трон халифата в добром здравии, отяготившись добычей, с победой и одолением. Вашему же преданному рабу было приказано выступить против короля Польши.

¹ Т.е. в лесу.

² 2 день нахождения Солнца в созвездии Скорпиона 959 г. х. соответствует 2 октября 1552 г.

³ 963 г.[х.] = 1555 г. [по юлианскому календарю]; Шах-Али умер в 974 г.[х.] (1567 [г. по юлианскому календарю]) (прим. автора). Шавваль 963 г. лунной хиджры приходился на 8 августа – 5 сентября 1556 г. по юлианскому календарю.

⁴ В оригинале: вышедши.

⁵ Старая Казань (прим. автора).

⁶ В смысле: поселился (прим. автора).

⁷ Т.е. в старой (прим. автора).

⁸ Смысл этой фразы неясен (прим. автора).

⁹ Речь идет о древней татарской крепости на р. Тоболе (прим. автора).

¹⁰ В документе союз «и» отсутствует.

Этот [Ваш] покорный слуга, его сыновья, младшие и старшие, все помощники и сподвижники – все мы являемся искренними и преданными слугами [нашего] господина, падишаха обитаемой четверти мира. И [наша] страна, и [наш] народ принадлежат [Вашей] августейшей особе, находящейся под счастливым сочетанием звезд.

Наши обстоятельства и положение таковы, как они будут изложены [ниже].

Некоторое время назад польский король направил к этому [Вашему] покорнейшему слуге посла и, чтобы эта страна не подвергалась набегам, обязался ежегодно выплачивать джизью размером пятнадцать тысяч флоринов¹, на чем мы утвердили клятву и помирились. Этот [Ваш] [Ваш] слуга, по их² просьбе, чтобы они [нам] доверяли, всегда оставляю ему в качестве заложника одного из беев и мирз из племени (ایل), известного под названием ширин, а его³ человек постоянно находится при нас. И они⁴ ежегодно выплачивают нам установленный харадж. Сейчас один из вышеупомянутых мирз⁵, сын Девлетек бека, мирза по имени Эвлия, находится там в заложниках, и пока другой бек или мирза из них⁶ не заменит его, он не может вернуться [в Крым]. Если же, нарушая договор, мы нападём на них⁷, этого мирзу они навсегда заключат в в тюрьму или же убьют, и тогда все племя (قوم) ширин, и его беки, и его мирзы *восстанут против нас⁸. Порядок в стране будет нарушен, и страна устремится к гибели.

[Кроме того,] наш старый притеснитель и кровный враг, хан *Престольной державы⁹ Шейх-Шейх-Ахмед хан, удерживается [польским] королем. Если они [поляки] увидят с нашей стороны проявления враждебности, они его освободят, и порядок в стране будет нарушен.

Ханом страны, известной под названием Казань¹⁰, был наш брат Мухаммед-Эмин хан. В связи с тем, что после его кончины беки и мирзы [Казани] направили к нам пятнадцать надежных людей и попросили этого [Вашего] раба [дать им нового] хана, я отправил [туда] моего младшего брата Сахиб-Гирея в сопровождении нескольких людей. До его прибытия [в Казань] московский князь изгнал кади города Казани и для управления делами мусульман назначил [христианских] священников и построил церкви. Когда он [таким образом] силой заставлял мусульман соблюдать церемонии неверных и, действуя противно шариату, навлек на мусульман печаль, мой вышеупомянутый брат вступил в город и стал ханом.

Узнав об этом, московский князь послал большое войско, приказав [ему] сторожить переправы, чтобы полностью прервать сообщение [между Крымом и Казанью]. Из-за этого мой брат, говорят, находится в весьма затруднительном положении. Узнав о положении [в Казани] из письма, которое смог тайно доставить приехавший [оттуда] человек, мы решили оказать помощь и поддержку моему брату. Для прекращения смут, чинимых этими идолопоклонниками, ожесточенными против ислама, мы сели на коней с намерением идти на них, и надеемся на победу и одоление. *Прошло три месяца с тех пор, как войску нашей страны был дан приказ отправляться [в поход]¹¹. Половина войска [состоящая из людей] племени ширин [уже] миновала местность под названием Инджике (?) и ожидает Вашего слугу в месте, известном [под названием] Сют¹². После того, как наше войско решит отправиться [в поход] на

¹ Флорин (цехин) – европейская золотая монета.

² Т.е. поляков.

³ Т.е. польского короля.

⁴ Т.е. поляки.

⁵ Т.е. мирз, принадлежащих клану ширин.

⁶ Т.е. клана ширин.

⁷ Т.е. поляков.

⁸ Букв.: 'отвернут от нас лицо' (بزدن بوز دندردلر).

⁹ *تخت مملکتی*. Наряду с *تخت ایل* и *ولایت تخت* являлось тюрко-татарским наименованием «Большой Орды» русских источников.

¹⁰ В тексте: *غازان* «Газан».

¹¹ *اوج آی مقداری وارد که مملکتتمزک عسکرنه چیقوک دیو تنبیه اولونمشدر*. Это предложение в публикациях Ш.Лемерсье-Келькеже не переведено, на что обратил внимание В.Остапчук (Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapı Sarayı: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations // *Turcica. Revue d'études turques.* – 1987. – Т. 19. – P. 262).

¹² Ш.Лемерсье-Келькеже предположила, что это может быть местностью, известной в русских источниках под названием Молочные Воды (Lemercier-Quellejeay Ch. Les khanats de Kazan et de Crimée face à

какую-либо страну, его уже невозможно вернуть, поскольку [воины] не являются нашими наемными слугами. Они – кочевники, люди степей. Даже те воины, которые находятся здесь¹, следуя за ними [в поход], сами выбирают себе командующим какого-либо бека.

Ранее завоеванную нами землю, населенную племенем ногаев, заселило *многочисленное племя, известное под названием казахов (قزاق)², прикочевавшее под предводительством своего хана. Теперь они внимательно наблюдают за нами. Если даже нам представится возможность, и мы предпримем поход на страну короля³, они, объединившись с нашим давним недругом, ханом Хаджи-Тархана, придут и разорят [нашу] страну. В этом году все наши враги находятся в седле.

Этот [Ваш] преданный раб также намеревался подняться в седло и направиться в поход, когда прибыл этот [Ваш] указ, коему подчиняется [весь] мир. Действительное положение таково, как оно изложено [выше]. Нам же остается лишь подчиниться указам, исходящим от Порты, являющейся прибежищем Вселенной.

Да продлится [простирающаяся над Вами] сень могущества и тень счастья с помощью Божией *на сто тридцать лет⁴!

Слабейший из рабов Божиих, бедный Мухаммед-Гирей.

На обороте с левой стороны внизу оттиск круглой печати с легендой:

(в верхней части) محمد كراى خان بن «Мухаммед-Гирей хан б.»; (в нижней части) خان منگلى كراى خان «Менгли-Гирей хан»; (в центре) изображение тамги Гиреев.

Сведения о внешних признаках документа см. также: Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapı Sarayı: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations // *Turcica. Revue d'études turques*. – 1987. – Т.19. – P.269.

Опубликовано: Lemerrier-Quelquejau Ch. Les khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521, d'après un document inédit des Archives du Musée du palais de Topkapı // *CMRS*. – 1971. – Т.12. – № 4. – P.480–490; КСАМРТ. – P.110–117.

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

17. Список послания астраханского хана (Касима II? Аккубека?) османскому султану Сулейману I. (938 г. = Не ранее 1531 г., августа 15 – не позднее 1532 г., августа 2)

T SMA, E. 5292

Перевод

Он, Укрепляющий!

Его величеству султану Сулейману – достигшему высшего счастья олицетворению султанства, славному происхождением, отмеченному справедливостью, осуществителю халифской

la Moscovie en 1521, d'après un document inédit des Archives du Musée du palais de Topkapı // *CMRS*. – 1971. – Т. 12. – № 4. – P. 485).

¹ Т.е. в Крыму.

² Ш.Лемерсье-Келькеже предположила, что здесь идет речь о донских казаках и предложила следующий перевод: «многочисленная банда, известная под названием казаков» (Lemerrier-Quelquejau Ch. Les khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521, d'après un document inédit des Archives du Musée du palais de Topkapı // *CMRS*. – 1971. – Т. 12. – № 4. – P.484, 488–489). Интерпретация французской исследовательницы подверглась критике ряда отечественных исследователей (Исин А. Взаимоотношения между Казахским ханством и Ногайской ордой в XVI в. (АКД). – Алма-Ата, 1988. – С. 18; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2001. – С. 160, примеч. 20; Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М., 2004. – С. 83).

³ Т.е. Польшу.

⁴ В тексте بالصاد و النون. Числовое значение арабской буквы «нун» по абджаду – 40, буквы «сад» – 90.

власти, славе государей эпохи, опоре рабов Божиих, украшению всего сущего, укрепителю державы, веры, халифата и мира, солнцу ислама и мусульман, отмеченному милостью Господа Всещедрого моему брату – да продлит Аллах век его до скончания времен!

По вознесении молитв и хвалы [Богу], передаче Вам многих поклонов и изъявлении желания [Вас] лицезреть, слово [наше] то: мы пребываем в добром здравии и мире, являемся обитателями области благополучия. Дай *Бог Всевышний¹ и Вам пребывать под покровительством Господа, будучи отмеченным великолепием, благоденствием и величием, обусловленным счастливым сочетанием звезд.

Во-вторых, [наше] почтительное [к Вам] представление заключается в следующем. Раб Божий способен распоряжаться лишь тем, что отмерено ему Всесовершенным Творцом. Как же может пасть на наше доброе имя тень от деяний дорожных разбойников и грабителей, управлять которыми невозможно? Отныне, стремясь уважить Вас, мы будем удерживать [от враждебных действий] тех, кто зависит от нас и жить в мире с теми, кто зависит от Вас.

Кроме того, с давних времен между Вашими и нашими предками существовали тесные дружеские связи. Хорошо зная этот прежний обычай, как же нам не соблюдать его, оповещая друг друга о своем здоровье в соответствии с поговоркой «Переписка словно беседа» и не пересылаясь уважительными посланиями, содержащими листы извещений и дары оповещений, в соответствии с высказыванием «Поддерживайте между собой общение при помощи писем»?

Говоря так, я послал [к Вам] преданного человека, надежнейшего из вельмож, нашего хаджи Таки с двумя его слугами. А в том, какие через него передать [нам] слова – воля Ваша.

Так написано [наше] письмо.

Год 938.

Помета:

На обороте не совсем грамотная запись тем же почерком, которым выполнен основной текст: «Копия письма хана Хаджи-Тархана».

Опубликовано: КСАМРТ. – Р. 118–120.

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

18. Письмо-донесение хана Сахиб-Гирея османскому султану Сулейману I с изложением ситуации в Крымском ханстве ([940 г.,] джумада I не ранее 11 – не позднее 30 = 1533 г., ноября не ранее 28 – декабря не позднее 17)

T SMA, E. 5434

Перевод

Его величеству обладателю могущества, счастья и великолепия, его присутствию моему государю, чьи желания достигнуты, а намерения исполнены – да не престанет он пребывать в здравии и невредимости до Дня Воскресения!

По исполнении правила вознесения обязательных молитв – да не престанут они быть благосклонно принимаемыми [Всевышним]! – за того, который является образцом деятельного разума, воплощением благоденствия и [объектом] глубочайшего почтения, да будет объято и постигнуто [падишахским разумом] следующее.

Если [Вашим величеством] будет изволено осведомиться о делах [нашей] страны, то, как ранее [нами] было доложено, из-за того, что Ислам² накладывал руку на дары, присылаемые сему немощному рабу из областей неверных, Сафа-Гирей султан оскорбился и уехал в Казанскую землю. Ныне, в середине сего месяца джемазиель-эввель, прибыл его посланник³ с его письмами, который сообщил, что [Сафа-Гирей] благополучно достиг вышеупомянутого вилай-

¹ В тексте эти слова вынесены на поля.

² Имеется в виду Ислам-Гирей – калга и соперник хана Сахиб-Гирея I.

³ КСАМРТ. – Р.126: «гонец» (messenger).

ета¹ и, в соответствии со своим желанием, стал [там] ханом, а знатные и простолюдины той страны, ввиду искреннего [ему] повиновения, убили своего прежнего хана² и разослали известия о восшествии вышеозначенного [Сафа-Гирея] на ханство. Сейчас, когда по отъезде вышеуказанного хана большинство находившихся при Исламе огланов и беков со многими извинениями пришли к этому чистому сердцем рабу и изъявили свое повиновение и покорность, вышеуказанный Ислам стал слаб и бессилён, и он не смог ничего сделать, кроме как умолять и упрашивать [своих сторонников].

Единственное³ всеобъемлющее желание и высокая мечта, обращаемая [нами] к высокому Божескому чертогу, заключается в том, чтобы [их султанское величество] не переставали быть свидетелями того, как слыша о восседании и местопребывании их священного бытия и благой сущности в своей священной резиденции и благородной обители в здравии и благополучии, сердца их подданных наполняются радостью, восторгом и ликованием.

Да будет [Вам] с Божьей помощью суждено счастье двух миров и осуществление [всех] желаний в двух обителях!

На обороте в правом нижнем углу оттиск печати слегка миндалевидной формы с легендой: (в верхней части) *صاحب کرای خان بن* «Сахиб-Гирей хан б.»; (в центре) *ای خان* [тамга Гиреев]; *منکلی کر* «Менгли-Гирей хан»; (в нижней части) *بن حاجی کرای خان* «б. Хаджи-Гирей хан».

Сведения о внешних признаках документа см. также: Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapı Sarayı: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations // *Turcica. Revue d'études turques*. – 1987. – Т.19. – P.269–270.

Опубликовано: КСАМРТ. – P.124–127.

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

19. Письмо принца Ислам-Гирея османскому султану Сулейману I Кануни с просьбой пожаловать ему крымский престол либо заменить хана Сахиб-Гирея на прежнего крымского хана Саадет-Гирея. (Не ранее 1533 г. – не позднее 1537 г.).

TSMA, E. 2365

Перевод

Порогу – прибежищу справедливости и Двору – пространству благоденствия – да не престанет он быть великим и одолевающим невзгоды времени! – донесение слабейшего из рабов Божиих состоит в следующем.

Прошло много времени с тех пор, как скончался мой отец, покойный Мухаммед-Гирей хан – да будет над ним милость [Божия]! – и мой дядя (*اغام*), его величество Саадет-Гирей хан, с Вашим священным указом и знаменем прибыл [в Крым] и стал ханом. Все это время сей раб не переставал болеть за страну. Иногда подстрекательства смутьянов, иногда двуличие, многочисленные интриги и угрозы нынешнего хана Сахиб-Гирея, бывшего тогда султаном, непрерывно ввергали страну в потрясения. Страна не находила защиты, а подданные – покоя. Тогда Высокая Порта назначила вышеозначенного Сахиб-Гирей хана ханом и прислала его [в Крым]. С того времени он не совершил ни одного правого дела и не сказал ни одного правдивого слова. Истинное же и подробное изложение обстоятельств многократно было докладываемо [нами] Вашей⁴ Высокой Порте. Если Его величество счастливый падишах – прибежище мира – да пребудет он во здравии! – пожалует мне, своему слуге, ханство, я по мере всех своих сил покажу такую службу, которая станет образцом для всего мира. Будет ли [мне] пожаловано хан-

¹ Т.е. Казанского государства.

² Имеется в виду убийство хана Джан-Али (правил в Казани в 1531–1533 гг.).

³ Букв. «то же» (*همان*).

⁴ В тексте *اول*. Букв. «той».

ство, или не будет – [в любом случае,] я¹ [останусь] преданным и послушным слугой счастливого падишаха.

Уже столько лет *я кажусь² причиной междоусобицы и нестроения в нашей стране. Моя³ просьба к Вашему [Высокому] Порогу и надежда всех подданных и вельмож заключаются в том, чтобы ханом [вновь] был назначен и прислан [в Крым] бывший ранее ханом мой дядя Саадет-Гирей хан. [Ибо даже] если последует приказ нам вновь примириться с Сахиб-Гирей ханом, это будет невозможно. Собственно, причины этого [нами] неоднократно докладывались Вашей⁴ Высокой Порте. Это невозможно, [даже] если *два мира⁵ станут одним. Если ханство будет пожаловано моему дяде Саадет-Гирею, я, твой слуга, больше не останусь в этой стране, не буду надеяться на [получение] ханства в этой стране, оставлю [свои] упования и отброшу все [свои] интриги. Если воспоследует священный указ счастливого падишаха и им будет оказана милость, с его знаменем *и с помощью хана⁶ я пойду на Астрахань, стану [там] ханом, прочту хутбу на [имя] падишаха и сделаю ту страну обустроенной. И если будет повелено враждовать с племенем кызылбашей или другими врагами веры и государевой державы, пусть будет засвидетельствована моя доблестная служба! [И] так будет.

Если же я не уеду, еще раз проявив неповиновение и приведя [какие-либо] отговорки, пусть больше не будет доверия ни одному моему слову, а сам я – упаси Бог! – пусть буду считаться восставшим против Аллаха и Его посланника. И пусть тогда меня постигнет [Ваша] кара! Если в качестве хана будет прислан Саадет-Гирей хан, то – свидетельствую перед Аллахом и Его посланником – я не отрекусь от своего слова и обещания. Ведь [эта] страна полностью принадлежит счастливому падишаху; *к стране может присоединиться другая страна⁷. Но куда здесь находится Сахиб-Гирей хан, учитывая его прежние интриги и нашу с ним вражду, сей ничтожный, пока он жив, никуда не уедет. Надеемся, что счастливый падишах изъяснит свое милосердие в отношении подданных [нашей] страны. Некоторые наши слова относительно вышеизложенного доверено доложить [Высокой Порте] направленному к Вашему⁸ Высокому Порогу нашему послу, Вашему покорному слуге, шейх-заде Ша'бану. Об этом пусть будет расспрошено у него.

А право приказа принадлежит Высокой Порте.

Пометы:

На обороте вверху приведен адрес отличным от основного почерком: استانه دولته «Порогу Счастья»⁹.

Под адресом – оттиск круглой печати с легендой: (в верхней части) اسلام كراى سلطان «Ислам-Гирей султан»; (в центре) بن «б.»; (в нижней части) محمد كراى خان «Мухаммед-Гирей хан».

Сведения о внешних признаках документа см. также: Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapı Sarayı: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations // *Turcica. Revue d'études turques.* – 1987. – Т. 19. – P. 270.

Опубликовано: Gökbilgin Ö. Quelques sources manuscrites sur l'époque de Sahib Giray Ier, khan de Crimée (1532–1551) a Istanbul, Paris et Leningrad // *CMRS.* – 1970. – Т. 11. – № 3. – P. 462–469; Gökbilgin Ö. 1532–1577 Yılları Arasında Kırım Hanlığı'nın Siyasi Durumu. – Ankara, 1973. – S. 57–

¹ В тексте «мы».

² В тексте «мы кажемся».

³ В тексте «наша».

⁴ В тексте اول . Букв. «той».

⁵ Имеются в виду миры этот и загробный.

⁶ В тексте و خان معرفتيله . Букв. «и при посредстве хана». В публикации О.Гёкбилгина и в КСАМРТ эта фраза не переведена.

⁷ В тексте مملكته دخى قاتله مملكت . Смысл этой фразы не совсем понятен.

⁸ В тексте اول . Букв. «тому».

⁹ Приводится по: Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapı Sarayı: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations // *Turcica. Revue d'études turques.* – 1987. – Т. 19. – P. 270.

58, 76; Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 a 1551). Ed. crit., trad., notes et glossaire par Ö. Gökbilgin. – Ankara, 1973. – S. 295–297; КСАМРТ. – P. 127–129.

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

20. Отпуск послания османского султана Сулеймана I крымскому хану Девлет-Гирею I о действиях, которые необходимо предпринять в Западном Дешт-и Кипчаке. (959 г., сафара 19 = 1552 г., февраля 15)

TSM, K. 888, f. 74a

Перевод

Указ Девлет-Гирей хану.

Ныне один из ногайских беев Исмаил мирза прислал к моему Счастливому Порогу своего посла по имени Кувандык. [Через него] он попросил [направить ему мое] августейшее знамя, некоторое число аркебузирова и [разрешить] чтение в его владениях хутбы на [мое] высочайшее имя. [Посол также сообщил о том, что] будто бы в то время, как вышеупомянутый Исмаил мирза [со своими людьми] совершал набег на Московию, один из слуг Ягмурджа хана – его мирза, смутьян по имени Карагалпак – совершил набег [на владения Исмаил мирзы] и, ограбив и уведя в полон часть его подданных, посадил их на землю (?)¹. Для прекращения [этих бесчинств] он² испрашивает моего высочайшего указа.

Поскольку область ногаев находится на дальнем расстоянии [от нашей Порты] и вам известны все дела, связанные с теми землями, [решение] этого вопроса³ препоручается вам. Действуйте так, как сочтете наиболее целесообразным, руководствуясь тем, что является самым полезным и предпочтительным.

Помета:

Над текстом документа справа: «Переписано [набело]».

Опубликовано: Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. La Grand Horde Nogay et le probleme des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // Turcica. Revue d'etudes turques. – P.; Strasbourg, 1976. – Т. 8. – № 2. – P. 203–236.

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

21. Отпуск послания османского султана Сулеймана I крымскому хану Девлет-Гирею I о действиях, которые необходимо предпринять в Западном Дешт-и Кипчаке. (959 г., реби I 4 = 1552 г., февраля 29)

TSM, K. 888, f. 98b

Перевод

Бею его высочества хана⁴.

[К нам] прибыло Ваше исполненное преданности письмо, [в котором] Вы извещаете [нас] о [делах, связанных с] Астраханью и Московией, оповещаете о купцах, прибывших из Шемахи в Астрахань, и сообщаете о делах ногаев. Кроме того, вы отослали прибывшие к вам из Астраха-

¹ В тексте قوناقتدرر ايمش. В современном турецком языке есть слово *konaklatmak* «располагать на ночлег; расквартировывать, размещать [по квартирам]». Возможно, здесь имелось в виду, что захваченных в плен подданных Исмаила астраханский мирза Карагалпак посадил на землю в своих владениях, т.е. заставил вести оседлый образ жизни.

² Т.е. Исмаил.

³ Т.е. обращения Исмаила.

⁴ См. введение, с. 36.

ни и Московии письма. Все, что вы сообщили, было подробнейшим образом охвачено нашим благородным познанием.

Поскольку вы обладаете разнообразными сведениями и познаниями обо всех делах, касающихся этих областей – как Астрахани, так и ногаев и Московии, все связанные с этими землями дела препоручены [нами] вашему ясному разумению. Действуйте, руководствуясь тем, что является [наиболее] целесообразным для веры и державы. Да будут приложены ваши прекрасные усилия к защите и охране областей ислама и одолению нечестивых неверных и прочих упорствующих в пороке!

Направление донесения нашему Порогу Счастья об астраханских и иных подобных им делах и [ожидание] прибытия ответа требуют много времени, что привело бы к отсрочке и промедлению в решении [этих] вопросов. При возникновении подобных вопросов, не ожидая [нашего] ответа на ваше донесение, незамедлительно принимайте все те меры, которые сочтете целесообразными, а затем извещайте нас о принятых мерах.

[У нас] имеется намерение, если поспешествует Господь Всеславный и Всевышний, [предпринять] императорский поход, сопутствуемый добрыми предзнаменованиями и славой и сопровождаемый благополучием и счастьем, [о чем] вам было направлено высочайшее послание. Пребывайте в готовности согласно присущей вам чрезвычайной преданности и прекрасной приверженности к нашему Высочайшему Порогу. В случае необходимости да будут явлены Ваше многое мужество и доблесть [в отражении неприятелей] как со стороны неверных Московии, так и с любой другой стороны за веру и в делах, относящихся к моей августейшей державе. Да удостоит [нас] Господь Всеславный и Всевышний [своих] благодеяний, и просимое [нами] от чудес господина – Главы Посланников то, чтобы воины ислама всегда были побеждающими и одолевающими, [а] враги веры – побеждаемыми и покоряемыми.

Примите все необходимые меры, касающиеся дел в Астрахани, [дабы] враги веры не познали победы, и [эта область] была охраняема и защищаема от презренных неверных.

Помета:

Над текстом документа справа: «Переписано [набело]».

Опубликовано: Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. La Grand Horde Nogay et le probleme des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // Turcica. Revue d'etudes turques. – P.; Strasbourg, 1976. – Т. 8. – № 2. – P. 203–236.

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

**22. Отпуск послания османского султана Селима II крымскому хану
Девлет-Гирею I о подготовке к походу на Астрахань.
(975 г., не позднее ша'бана 10 = 1568 г., не позднее 9 февраля)**

BOA, Mühimme Defteri № 7, s. 984, hüküm 2722. Подлинник
НА РТ, ф. 169, оп. 1, д. 36, л. 91. Ксерокопия

Перевод

Список послания татарскому хану.

Наша столица – вечно счастливая обитель благоденствия и наш Порог – средоточие могущества и великолепия, являются прибежищем могущественных хаканов и величественных ханов. В связи с этим из Самарканда и Бухары, в частности от его высочества хана области Хорезма Хаджи-Мухаммед хана, прибыли послания, содержащие искренние изъявления приязни. В них говорится о [необходимости] завоевания Эждерхана и открытия пути для паломников – обладателей радости, направляющихся оттуда¹ для обхождения священного дома Аллаха² и посещения пресветлой усыпальницы господина Предводителя рода человеческого –

¹ Т.е. из Средней Азии.

² Т.е. Кааба.

да пребудет над ним лучшая из молитв и мир! –, а также всех торговцев – приобретателей выгоды, дабы они совершали путешествие в спокойствии и беспечальности. Область Казань и Эждерхан (ولایت قزان و اژدرهان) издавна находилась в руках ногаев. У меня имеются подробные сведения о причине попадания [этой области] в руки презренных неверных, о татарских мирзах, оставшихся на завоеванных землях и вне их и о том, когда и по какой причине [эти земли] были утеряны. В связи с тем, что завоевание этой области является важнейшим из дел, моя государева мысль также утвердилась в необходимости, с помощью Господа Всевышнего, ее завоевания.

Поэтому, в соответствии с Вашей давней прямоотой и преданностью к нашему могущественному Порогу и свойственной вам мудростью и прозорливостью, озаботьтесь вопросом завоевания вышеозначенной области и подробнейшим образом докладывайте нам о мерах и приготовлениях, предпринимаемых вами для этого с тем, чтобы по наступлении [подходящего] времени, с помощью Аллаха Всевышнего, удалось ее завоевание.

Опубликовано: Kurat A.N. Türkiye ve İdil Boyu (1569 Astarhan Seferi, Ten – İdil Kanalı ve XVI – XVII Yüzyıl Münasebetleri). – Ankara, 1966. – S. 05; Bennigsen A. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 d'après les Registres des «Affaires importantes» des Archives ottomans // CMRS. – 1967. – Т. 8. – № 3. – P. 427–446; 7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Tıpkıbasım. [С.] II. – Ankara, 1997. – S. 984 (факсим.); 7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Özet – Transkripsiyon – İndeks. – [С.] III. – Ankara, 1999. – S. 374–375 (транскр.); ОБК. – S. 5 (транскр.); 235 (факсим.); Мөстәкыймов И.А. Идел буе өчен көрәш тарихына караган берничә документ // Казань в Средние века и раннее Новое время. – Казань, 2006. – С. 99–108.

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

**23. Донесение бейлербея Кафы Касим паши
в Высокую Порту о ходе крымско-османского похода на Астрахань.
(1569 г., августа не ранее 19 – сентября не позднее 16)**

T SMA, E. 1247

Перевод

Он!

Донесение ничтожного раба, повергаемое к праху Высокого Порога и Высочайшего Двора – да не прервется его величие до дня Страшного Суда! – состоит в следующем. Ныне этому их¹ слуге одним из чавушей Высокого Порога чавушем Ахмедом был доставлен высочайший указ, коему подчиняется [весь] мир. В нем они² изволили известить, что «его эмирское высочество Девлет-Гирей-хан – да будут вечными его благородные качества! – направил письмо к моему Порогу Счастья, в котором сообщает о том, что слышал о прибытии в Бендер сипахи, определенных для похода на Эждерхан», и что он «направил человека, сообщившего [мне], * что Эждерхан может быть достигнут за 80 [однодневных] переходов»³. [Хан также сообщил Вам,] что кумыкский шамхал направил ему письмо о своей верности и повиновении [Порте]. [В высочайшем указе также говорилось] о милости, проявленной в отношении ничтожного⁴, которого они⁵ назначили главнокомандующим. [В указе было также сказано,] что [Его Величество] изволили направить августейшее послание вышеуказанному шамхалу, и побудить Его высочество хана к постройке новой крепости на месте Эски Эждерхана с тем, чтобы по наступлении благоприятного момента направиться на Эждерхан и с помощью Аллаха Всевышнего завладеть им. В соответствии с

¹ Имеется в виду османский султан.

² Т.е. османский султан.

³ В тексте: *سسکسان قوناقدہ اژدرخانه وارلمق مقرر اولدوغین*. Букв. «что решено дойти до Эждерхана за 80 [однодневных] переходов».

⁴ Т.е. Касим паши.

⁵ Т.е. османский султан.

[Этим же (?)] высочайшим фирманом, «если после возведения новой крепости на месте Эски Эждерхан¹ из-за приближающейся зимы окажется невозможным захватить крепость, являющуюся основной целью [похода], ты лично зимуй в упомянутой крепости вместе с тем количеством янычар, капуданов, азабов и ногайских мирз, которое его высочество хан сочтет подходящим и надлежащим». [В фирмане также предписывалось:] «Ты лично зимуй в упомянутой крепости вместе с тем количеством янычар, капуданов, азебов и ногайских мирз, которое его величество хан сочтет подходящим и надлежащим; *в случае необходимости оставь при себе загарджи-баши² и, не пренебрегая [опасностью, исходящей] со стороны неприятеля, прилагай усилия и являй образец бдительности на страже [крепости]. Набери и включи в реестр необходимое для [охраны] этой крепости [количество] бешлю эри и хисар эри. Пусть они получают жалование из имеющейся при тебе казны *в кафинских акча³. Часть приданных [тебе] сипахи размести на зимовку в Кафе, [другую] часть – в Азаке [с тем, чтобы] весной, если будет угодно Аллаху Всевышнему, соединившись с [войском] Его высочества хана, *при удобном случае, сообразно с требованиями обстоятельств, завершить [начатое] дело, для чего приложи усилия и старания»⁴, – было сказано в фирмане.

Ранее отряд [Ваших] слуг сипахи, выступив из Бендера⁵ в добром здравии и благополучии, *перешел по переправе Хошгечид⁶ и в крепости Азак достиг этого [Вашего] слуги. В Азаке мы как следует подготовились, затем императорский флот поднялся по реке Дон, а мусульманское войско прошло по берегу реки, не останавливаясь на привал в одном месте [дольше, чем] на два дня. С помощью Аллаха Благословенного и Всевышнего, на стоянках и переходах мы не испытали никаких затруднений, никто не был одолен болезнями. Благополучно прибыв пятого дня месяца реби уль-эввель⁷ к месту, называемому Эрдильме⁸, мы встретились с подданными Его высочества хана. На следующий [день] они храбро и счастливо изволили направиться в сторону [реки] Идиль, дабы воспрепятствовать ничтожным неверным, внезапно [напав], нанеся урон мусульманскому войску и причинить ущерб, поджегши [степь, являющуюся] пастбищем [для] нашей скотины. Мы, Ваши слуги, заняты перетягиванием судов из Эрдильме в Идиль, да поможет [нам] Господь Преславный и Всевышний!

Благодатью и милостью Господа Всемогущего, заступничеством Предводителя всего сущего⁹ – да будут над ним лучшие из молитв! – и высочайшим благоволением Его пади-

¹ Эски Эждерхан (рус. «Старая Астрахань») – бывшая столица Астраханского ханства на правом берегу Волги в 8 километрах от нового русского города Астрахань, расположенного на левом берегу (Gökbilgin T. L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569 // CMRS. – 1970. – Т. 11. – № 1. – Р. 122, note 8).

² لازم اولورسه يانكده زغر جي باشي اليقويوب. Этот фрагмент в публикации Т. Гекбильгина и в КСАМРТ не переведен.

³ В тексте: كفوي حسايي اوزره. В. Остапчук отмечает, что здесь подразумеваются выдача жалования в акча, чеканенных в Кафе. Три кафинских акча равнялись одному стамбульскому (Ostapchuk V. Op. cit. – P. 263).

⁴ محل اقتضا ايلدوكنه كوره فرصت نوجهله ال ويورسه اتمام مصلحت ايتمك باننده مجد و ساعي اولاسن. Этот фрагмент в публикации Т. Гекбильгина не переведен. На это обратил внимание В. Остапчук (Ostapchuk V. Op. cit. – P. 263).

⁵ Под «Бендером» здесь, очевидно, следует понимать город Бендеры в современной Молдавии, с 1538 г. являвшийся центром санджака (Sezen T. Osmanlı Yer Adları (Alfabetik Sırayla). – Ankara, 2006. – S. 74). Того же мнения придерживается первый публикатор документа Т. Гекбильгин (Gökbilgin T. L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569 // CMRS. – 1970. – Т. 11. – № 1. – Р. 122, note 5).

⁶ В тексте: خوش كجيد نام كجيدده كلوب. Букв. «прибыв к переправе под названием Хошгечид». Переправа Хошгечид находилась на Днепре (см. отпуск августейшего послания хану Девлет-Гирею от 10 зилькада 975 / 7 мая 1568 г. (7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Özet-transkripsiyon-indeks. – [С.] III. – Ankara, 1999. – S. 387; 7 Numaralı Mühimme Defteri (975–976/1567–1569): Tıpkıbasım. – [С.] II. – Ankara 1997. – S. 994)). По-видимому, здесь речь идет о *сипахи*, направленных в астраханский поход из европейских санджаков империи (см.: Kurat A.N. Türkiye ve İdil Boyu (1569 Astarhan Seferi, Ten – İdil Kanalı ve XVI–XVII Yüzyıl Münasebetleri). – Ankara, 1966. – S. 117).

⁷ 5 реби I 977 г. лунной хиджры соответствует 18 августа 1569 г.

⁸ В тексте اردلمه. Вероятно, соответствует месту, которое в русских источниках известно как «Перволока», в излучине Дона, у современной станицы Качалинская. В этом месте Дон и Волга больше всего приближаются друг к другу (Gökbilgin T. L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569 // CMRS. – 1970. – Т. 11. – № 1. – Р. 123).

⁹ Т.е. пророка Мухаммеда.

шахского величества, державного и счастливого прибежища мира – да будет увековечено его халифство! – ни из [матросов] императорского флота, ни из [солдат] мусульманского войска никто не был пленен или ранен, никому из его слуг не был причинен вред. Напротив, в счастливые дни [Вашего] падишахства [Ваши] слуги – многие газы и витязи как из войска Его высочества хана, так и из победоносного [османского] войска, истребив множество презренных неверных и захватив многих [в плен], многожды проявили доблесть и геройство. [Кроме того,] от кумыкского шамхала прибыли письма и посланники [через которых] он выразил свою преданность и повиновение [падишаху]; он сообщил, что готов служить государю, и что [он и его народ] являются другом друзей падишаха и недругом его недругов. Поэтому мы ожидаем от них значительную помощь и содействие.

Что касается вопросов возведения крепости, личного зимования там Вашего раба, зимования приданных [ему] воинов, подбора бешлю эри и хисар эри, то [заниматься решением этих вопросов в настоящее время] несвоевременно. Поскольку в настоящее время [мы] заняты в Эрдильме, [мы об этом ни с кем] не совещались. [Нами] об этом не было объявлено Вашим слугам командующим и остальному войску, дабы это не послужило поводом к распространению [дурных] слухов и толков и не стало бы препятствием для наших дел. *Если будет воля Аллаха Всемилосердного, то, как только представится [подходящее] время, этот высочайший указ Вашего величества также будет исполнен, чтобы [Ваш] первый высочайший фирман был выполнен надлежащим образом¹, а во всем остальном – воля Высокой Порты.

Ничтожный раб Касим

Пометы:

1. На обороте сверху: كفه بکلربکسنک عرضی در «Донесение бейлербея Кафы»²;
2. На обороте в правом нижнем углу: تلخیص اولوب علی العجله یو جانیه کوندریله «Пусть будет составлено резюме и срочно направлено сюда (?)»³;

На обороте с правой стороны стоит оттиск круглой печати с легендой:

(в верхней части) الوائق بالملک الاله «Уповающий на Господа Бога»; (в нижней части) الفقیر قاسم بن عبدالله «бедняк Касим б. Абдуллах»; (в центре) من صبر ظفر «Терпеливый побеждает»⁴.

Дополнительные сведения о внешнем виде документа см.: Ostapchuk, V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapı Sarayı: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations // *Turcica. Revue d'études turques.* – 1987. – Т. 19. – P. 270.

Опубликовано: Gökbilgin T. L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569 // *CMRS.* – 1970. – Т. 11. – № 1. – P. 118–123; *КСАМРТ.* – P. 134–138.

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

¹ В тексте: ان شا الله الرحمن زماني اولبیجا اول امر شریف داخی اجرا اولنوب اولکی فرمان عالیشانلریدر ال ویردوکی اوزره تدارک اولنه. У Т. Гёкбилгина и в *КСАМРТ.*: «Если будет воля Аллаха, то в надлежащее время приказ высокого фермана Вашего Величества будет исполнен. Его выполнят как можно лучше» (Si Dieu le veut, en temps utile, l'ordre du sublime *firman* de Votre Majeste sera execute. On l'accomplira au mieux) (Gökbilgin T. L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569 // *CMRS.* – 1970. – Т. 11. – № 1. – P. 123; *КСАМРТ.* – P. 135).

² Чтение надписи В.Остапчука (Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapı Sarayı: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations // *Turcica. Revue d'études turques.* – 1987. – Т. 19. – P. 270).

³ Чтение надписи В.Остапчука (Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapı Sarayı: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations // *Turcica. Revue d'études turques.* – 1987. – Т. 19. – P. 270).

⁴ Чтение В.Остапчука: الوائق بالملک پ قاسم پ الفقیر «Уповающий на Бога... Касим... бедняк» (Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapı Sarayı: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations // *Turcica. Revue d'études turques.* – 1987. – Т. 19. – P. 270).

**24. Отпуск послания османского султана Селима II царю Ивану IV
о необходимости передачи Астрахани султану, Казани – крымскому хану.
(979 г., джумада I 17 = 1571 г., октября 7)**

ВОА, Mühimme Defteri № 16, s. 2–3, hüküm 3. Подлинник
НА РТ, ф. 169, оп. 1, д. 36, л. 93–94. Ксерокопия

Перевод

Московскому королю пусть будет написано [нижеследующее] августейшее послание.

К нашему высокому Двору – прибежищу мира и высочайшему Порогу – обиталищу счастья, являющимся резиденцией славных султанов и местопребыванием высокостепенных хаканов, с Вашим послом Андреем Кузьминским прибыло Ваше послание, исполненное [изъявленный] дружбы. [В нем] Вы сообщаете о том, что в соответствии с [требованиями, изложенными в] нашем [ранее направленном] августейшем послании относительно разрушения построенной ранее по просьбе князя области Кабарда и подвластных ему [людей] крепости, вышеуказанная крепость была разрушена, находившиеся в ней люди переведены в Астраханскую крепость, правителю вышеназванной крепости был дан строгий наказ относительно недопущения нанесения вреда путникам, следующим из Самарканда и Бухары в наши пределы, ворами и разбойниками, а также о Вашем искреннем и прямодушном нахождении в [отношениях] подчинения и дружбы с нашей могущественной Портой.

[Это] и все остальное, о чем написано [в вашем послании], было подробным образом доложено и представлено к подножию нашего счастливого трона, [после чего] было объято и охвачено моим благородным миробъемлющим императорским познанием. Слава Аллаху Всевышнему, я восседаю на троне господства и миродержавия и на престоле халифата и благоденствия, пребывая в радости и благости. Для повержения находящихся в разных сторонах и концах врагов [я], уповая на высочайшую милость Господа Бога – да славится Он и да возвысится! – прибегая к помощи многожды благословенных чудес главы всего сущего и гордости [всех] созданий – да будет над ним лучшая из молитв и мир! – и испрашивая помощи у священных душ досточтимых угодников, поставил во главе войск мусульман и ратей единопольников достойных командующих и направил их в разные стороны. Каждый из них, достигнув презренных врагов, милостью Аллаха Всевышнего нанес им поражения и захватил находящиеся в их областях крепости. [Таким образом, Богом] нам были дарованы различные победы и одоления. В частности, милостью Аллаха Всевышнего, согласно нашему высочайшему желанию, нашей сокрушающей императорской мощью мы смогли завоевать один из больших островов Кипр, до недавнего времени принадлежавший Венеции, чего не удавалось многим могущественным султанам, прилагавшим для [этого] много сил и стараний. Ныне [же] он стал одним из наших Богохранимых владений. Несомненно, что нам предначертаны и многие другие великие победы. Надеемся, что Господь Всевышний предопределил это наилучшим образом.

Наша счастливая Порта постоянно открыта, и нет никаких препятствий для приходящих ни с дружбой, ни с враждой. Поскольку крепости Эджерхан и Казань издревле являлись местом обитания приверженцев ислама, то для того, чтобы они по прежнему были местопребыванием мусульман, [нами] сочтена уместной передача [Вами] крепости Эджерхан нашему Порогу Счастья, а крепости Казань – находящемуся в [отношениях] большой преданности, чрезвычайной приверженности и дружбы к нашему счастливому Порогу, его эмирскому высочеству, опоре наместничества Девлет-Гирей-хану – да будут вечными его благородные качества! Таким образом, если Вы желаете со всей преданностью быть в подчинении к нашему счастливому Порогу, не полагайте, что отсрочка и нерадение в деле передачи вышеназванных крепостей вышеописанным образом являются подобающими. Поскольку до настоящего времени [все] те, кто искренне и твердо следует путем подчинения нашей счастливой Порте, вкушают радости нашего покровительства и благоволения и облагодетельствованы под нашей счастливой сенью, а жители их областей и стран полностью защищены от притесняющей длани недругов, правители многих стран, приложив много стараний и усердия, желая дружбы нашего Порога Счастья, отказались от [владения] многими крепостями и землями, находившимися в подвластных им странах и областях, и не преступают пределов покорности и повиновения.

Если Вашим заветным желанием также является пребывание в покорности и повиновении к нашей могущественной Порте, необходимо, чтобы по получении нашего августейшего послания Вы не колеблясь приложили старания для передачи нам вышеназванных крепостей, дабы прочности здания [нашей] дружбы не было нанесено ущерба и ни у кого не было возможности действовать вопреки [нашим] дружественным отношениям. Поэтому [мы ожидаем, что] с Вашей стороны условия дружбы также будут выполняться, и Вы не преминете извещать наш Порог Счастья о предметах, о которых необходимо извещать и уведомлять.

Пометы:

1. Над текстом документа справа: «Переписано [набело]».
2. Над текстом документа в центре: «[Оригинал послания] передан господину паше *17 джумада II 979 года¹».

Опубликовано: Kurat A.N. Türkiye ve İdil Boyu (1569 Astarhan Seferi, Ten – İdil Kanalı ve XVI – XVII Yüzyıl Münasebetleri). – Ankara, 1966. – S. 049-050; Bennigsen A. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 d'après les Registres des «Affaires importantes» des Archives ottomans // CMRS. – 1967. – Т. 8. – № 3. – P. 427–446; Усманов М. Два послания султана Селима II в Москву и Бахчисарай // Гасырлар авазы – Эхо веков. – Май 1995. – С. 93–101; ОБК. – С. 8–10 (транскрипция на совр. тур. алфавит), 239–240 (факсимиле); Мөстәкыймов И.А. Идел буе өчен көрәш тарихына караган берничә документ // Казань в Средние века и раннее Новое время. – Казань, 2006. – С. 99–108.

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

25. Отпуск султанского указа азовскому санджакбею об изучении вопроса о возможности оказания помощи ногайскому мирзе Урусу. (982 г., не позднее реби I 28 = 1574 г., не позднее июля 18)

BOA, Mühimme Defteri № 26, hüküm 241

Перевод

Указ бею² Азака³ Мухаммед-бею.

Моего слуха достигло то, что от одного из ногайских мирз⁴ [по имени] Рус – да будет вечной его слава! – к тебе прибыл посланник, чтобы испросить помощь моего Порога Счастья⁵. Посему повелеваю:

по прибытии [моего указа, сообщи.] действительно ли к тебе прибыл посланник от вышеозначенного⁶? Если это так, обсуди этот вопрос⁷ с его эмирским высочеством Девлет-Гирей-ханом⁸ – да будут вечными его благородные качества! Если они⁹ не будут возражать [против

¹ В тексте: ۹۷۹ ج سنه ۱۷ فی ۱۷. 17 джумада II 979 г. х. соответствует 6 ноября 1571 г. Возможно, это описка, и следует читать ۹۷۹ ج سنه ۱۷ فی ۱۷. «17 джумада I 979 года» (соответствует 7 октября 1571 г.).

² Бей (санджакбей) – правитель провинции (санджака) с обязанностями обеспечения внутреннего порядка и безопасности, контроля над сбором налогов, командования войсками. В XVI в. Азакский округ был одним из 28 европейских санджаков Османской империи.

³ Крепость Азак (Азов) на Дону с 1471 г. находилась под властью турок, в 1552/1553 г. стала центром самого северного османского санджака. Во второй половине XVI в. в Азове жили в основном татары, турки и греки; степи вокруг города служили кочевьем крымским татарам и ногаям. Азов был важнейшим центром международной торговли в Северном Причерноморье.

⁴ Мирза (сокр. эмир-заде) – титул татарской и ногайской аристократии, не принадлежавшей к ханской династии. В Ногайской Орде мирзами становились только потомки мангытского бека Эдиге. В 1570-х годах их насчитывалось около или более 200 человек

⁵ Порог Счастья – метафорическое обозначение дворца османских султанов.

⁶ Т.е. мирзы Уруса.

⁷ Т.е. просьбу мирзы Уруса.

⁸ Девлет-Гирей I – крымский хан в 1551–1577 гг.

⁹ Т.е. хан.

оказания помощи], подробно в письменном виде доложи моему Порогу Счастья, какую помощь они³ сочтут целесообразной, дабы с этой стороны были приняты соответствующие меры.

Помета:

Перпендикулярно тексту документа: «Дано его¹ кетхуде² Насуху. 28 реби I 982 года».

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

26. Отпуск султанского указа азовскому санджакбею о решении ряда вопросов, относящихся к Азовскому санджаку. (984 г., не позднее реджеба 9 = 1576 г., не позднее октября 2)

BOA, Mühimme Defteri № 28, hüküm 579

Перевод

Указ санджакбею Азака.

Ты прислал письмо, в котором ты сообщаешь [о следующем]. «Поскольку [та] область³ находится в покое, а донские русы⁴ непрерывно поставляют множество дерева, Азак больше не испытывает недостатка в дровах. Кроме того, ногайское племя сеет хлеб близ Азака, и [хлеб] хорошо родится. Когда жители Азака нуждаются в зерне, они сеют и собирают много хлеба. Неимущие же [из них] сеют [хлеб] вместе с ногайским племенем. При этом они⁵ не только снабжают зерном Азовский вилайет⁶, но уже года два обеспечивают [зерном] вилайеты Кафа⁷ и Крым».

[Также ты сообщил, что] «зимой кочующие⁸ близ Эждерхана⁹ ногаи¹⁰, переправившись по льду реки Адиль¹¹, подходят близко к ногаям¹² и пребывают (?) в местностях, находящихся на расстоянии трех-четырех дней пути от Азака. Затем по льду реки Адиль они переправляются на противоположный берег. Этой зимой ногайское племя осталось (?) на берегу (?) реки Тен¹³, разрушило селения (?)¹⁴ некоторых русов и вышло оттуда, не оставив близ Азака мест, где могли бы укрыться донские русы». [Кроме того, ты известил, что] «есть одно-два места, в которых могла бы быть построена крепостца¹⁵, и в этом случае ногайское племя было бы в без-

¹ Т.е. азовского бея.

² Кетхуда – административный ранг в Османской империи. В обоих публикуемых документах упомянут *капу кетхудасы* – представитель азовского санджакбея при Высокой Порте. В функции *капу кетхудасы* бейлербеев и санджакбеев входило осуществление связи между своими руководителями и центральным правительством.

³ Т.е. Азов с окрестностями.

⁴ Под донскими русами подразумеваются донские казаки.

⁵ Очевидно, имеются в виду жители Азова и ногаи.

⁶ Вилайет – управляемый округ, область.

⁷ Кафа (совр. Феодосия) – город на южном берегу Крыма, с 1475 г. входил в состав Османской империи, в XVI в. являлся центром особого санджака.

⁸ Букв. «находящиеся».

⁹ Эждерхан – в 1576 г. русская крепость Астрахань, которая была основана воеводами в 1558 г. на противоположном (левом) берегу Волги от прежнего города (Хаджи-Тархан, Аштархан, Эждерхан) – столицы татарского юрта, завоеванного войском Ивана IV в 1556 г.

¹⁰ Имеются в виду ногаи Большой Ногайской Орды.

¹¹ Река Адиль – Волга. Во второй половине XVI в. Большие Ногаи осваивали кочевья на волжском правобережье, ежегодно переходя туда со стадами с левого берега «по первому льду» – осеннему и возвращаясь обратно «по последнему (или: синему) льду» – весеннему.

¹² Очевидно, имеются в виду ногаи, кочующие близ Азова.

¹³ Река Тен – Дон.

¹⁴ Непонятное слово: *اصطبور لرین*. Может быть, имеются в виду селения (станции) донских казаков? Тогда фраза *ба'зы русун [истабур]ларын* «селения некоторых русов (~казаков)» должна была бы быть написана следующим образом: *русун ба'зы [истабур]ларын* «некоторые казачьи селения».

¹⁵ *پلانقه*.

опасности¹, летом и зимою пребывая на берегу (?) реки Тен. [В этом случае] донские русы не смогут подходить к Азаку и будут вынуждены покинуть реку Тен».

[Еще ты сообщил, что] «поскольку чавуш², направленный для [организации] починки [крепости Азак] задержался, а времени оставалось мало, необходимые места были [нами] починены до его прибытия. Он прибыл и [ныне] занимается ремонтом некоторых участков [крепости]. [Нами] жжется известь и подвозится камень. Однако, как [мною] докладывалось ранее, в текущем году [завершить] ремонт не удастся, будет починено лишь самое необходимое. Если будет угодно Аллаху, строевая древесина, необходимая этой зимой, будет заготовлена ближе к зиме, а починка необходимых мест будет завершена весной».

[Кроме того,] ты сообщил, что «руссы, переправившись от Астрахани по Каспийскому морю, приступили к восстановлению³ крепости *на берегу реки Бююк, впадающей в реку Терек⁴». [Это,] и все остальное, о чем ты сообщил, было подробным образом [мне] доложено и охвачено моим священным познанием. Повелеваю:

по прибытии [сего указа] должным образом занимайся вопросами обеспечения безопасности того [вилайета]⁵ и починкой крепости Азак. Постоянно пребывай в добром согласии и хороших отношениях с ногайскими мирзами. Не допускай оседания русов на берегах реки Тен и их входа в крепость под предлогом поставки дров. Проявляй совершенную бдительность и принимай необходимые меры таким образом, как тобой было доложено. Не допускай, чтобы русы селились поблизости от Азака и принимай необходимые меры для обеспечения безопасности вилайета. Не преминь и впредь сообщать ставшие тебе известными достоверные сведения, связанные с действиями неприятеля, либо относящиеся к делам [той] области.

Помета:

Над текстом документа: «Дано кетхуде бея Насуху. 9 реджеба 984 года».

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

**27. Отпуск султанского указа правителю (бию) Большой Ногайской Орды
Урсу о подготовке похода на Астрахань.
(995 г., не позднее зиль-ка‘да 22 = 1587 г., не позднее октября 14)**

BOA, Mühimme Defteri № 62, s. 105, hüküm 231

Перевод

Гордости славнейших и благороднейших, средоточию похвальных и доблестных деяний Рус бею мирзе из мирз страны Больших Ногаев – да умножится его слава! Когда придет [сей] высокий августейший указ, да будет ведомо [следующее].

К нашему высокому Двору – прибежищу мира и высочайшему Порогу – обителищу счастья, являющимся резиденцией великих султанов и местопребыванием благородных хаканов, прибыло послание от являющегося ныне ханом Бухары его высокопревосходительного высокостепенства Абдуллах хана – да будут вечными его благородные качества! – доставленное доверенным посланником. [В нем] он сообщил о том, что касается похода на Эджерхан. В связи с тем, что он попросил у нашего Высочайшего Порога помощи и содействия в этом деле, благословенной весной, если будет угодно Аллаху Всевышнему, препоручив себя милости Господа Преславного и Превысокого и прибегнув к чудесам Предводителя всего сущего – да пребудет над ним лучшая из молитв и полнейшее из приветствий! – для завоевания

¹ Букв. «наслаждалось бы покоем».

² Чавуш – служащий из различных дворцовых служб. Чавуши обычно исполняли обязанности гонцов и курьеров султана или великого везира.

³ В тексте: تعمیر. Другие значения этого слова: «починка; постройка».

⁴ Перевод предположительный. В тексте: ترک صوبی بیوک صو اوزرنده. По всей видимости, речь идет о неизвестной из других источников попытке астраханских воевод восстановить крепость при впадении р.Сунжи в Терек – Сунженский городок. Он был основан русскими в 1567 г., по требованию Порты и крымцев ими же снесен в 1571 г. и вновь отстроен в 1578 г.

⁵ Т.е. Азова и его окрестностей.

Эждерхана лично [направится] являющийся крымским ханом его эмирское высочество Ислам-Гирей хан – да будут вечными его благородные качества! Командующим победоносными войсками, которые будут направлены от моего Порога Счастья, назначен вернувшийся из Бухары эмир из благородных эмиров Пияле – да будет вечным его благоденствие! *[В настоящее время] он занят подготовкой необходимого провианта, пушек, ружей и прочего вооружения и снаряжения. Поскольку в этом походе необходимым и важным во всех отношениях является и Ваше участие¹, [к Вам] направлен один из чавушей моей Высокой Порты Сулейман чавуш – да умножится его значимость! Повелеваю:

по его прибытии с моим высочайшим указом будь готовым к названному делу вместе с находящимися под твоим началом стремительными как ветер татарскими воинами в соответствии с присущей твоей натуре и характеру многому мужеству и доблести и чрезвычайной пронизательности и прозорливости с тем, чтобы по наступлении [подходящего] времени, если будет угодно Аллаху, по прибытии победоносных войск Вы, находясь в добром единении и согласии [с османским сердаром и крымским ханом], единодушно, в зависимости от требования обстоятельств, явили для блага нашего Величества многие доблести в завоевании вышеупомянутой крепости и отражении презренных врагов, приложив [для этого] изобильные усилия и многие старания. Если будет угодно Аллаху, в вознаграждение за явленную Вами в этом деле добрую службу воистину вы будете выделены и отличены моей высокой государевой благосклонностью. Будьте в ожидаемом [нами] добром согласии и единении с крымским ханом Ислам-Гирей ханом и командующим моими победоносными войсками Пияле пашой – да будет вечным его благоденствие! – и явите многое прекрасное усердие в свершении [этого] дела. Подробно описав, какие для [осуществления] этого дела принимаются меры и что надлежит сделать, представьте [это донесение] нашей Высокой Порте через моего вышеупомянутого чавуша.

Пометы:

1. Под текстом документа перечислены 12 ногайских мирз, которым также были направлены такие же указы: «Один список – Сеййид-Ахмед мирзе, один список – [Бек(?)] мирзе, один список – Ур-Мухаммед мирзе, один список – Аманлык мирзе, один список – [Бик(?)] мирзе, один список – Кючук мирзе, один список – [Чин(?)-] Мухаммед мирзе, один список – Хан мирзе, один список – Джан-Арслан мирзе, один список – [Бай(?)] мирзе, один список – [Хафиз(?)] мирзе, один список – [Иштерек(?)] мирзе».

2. Над текстом документа по центру: «Все [грамоты] переданы господину эфенди² 22 зилька⁴ да [9]95 года».

3. Над текстом документа слева: «[Указ составлен] по проекту³ господина эфенди. *Даль*⁴».

Опубликовано: Kurat A.N. Türkiye ve İdil Boyu (1569 Astarhan Seferi, Ten – İdil Kanalı ve XVI–XVII Yüzyıl Münasebetleri). – Ankara, 1966. – S. 055–056; Bennigsen A. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 d'après les Registres des «Affaires importantes» des Archives ottomans // CMRS. – 1967. – Т. 8. – № 3. – P. 427–446; Bennigsen A., Berindei M. Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587–1588) // HUS. – 1980. – Vol. 3/4. – Pt. 1. – P. 71–91.

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Третьяков*

28. Сообщение сейида Мухаммед-Ризы о событиях в Дешт-и Кипчаке после прекращения власти хана Токтамышша

Когда истекло время правления принадлежащих к Синему шатру, то есть причисляемых к потомкам Бату, великих представителей рода Джучи – ханов [по имени] Токтимур и его брата Токтамышша, являющихся связующим звеном между родом правящих до настоящего времени

¹ Приписано на полях.

² Очевидно, в этом и следующем документе под «господином эфенди» подразумевается реис-уль-кютаб.

³ Здесь и в следующем документе под проектом подразумевается черновой список указа.

⁴ 2.

крымских ханов и Джучи – одним из эмиров Джучиева Улуса, узурпатором¹ из племени мангуд по имени Идику, [который был] зачинщиком смут и мятежей, на престол [поочередно] были возведены [такие] его протеже из Чингизидов, [как] Кутлуг-Тимур, Шадибек и другой Тимур. Затем на [этот] клонящийся к упадку престол были возводимы – кто споспешествующей силою своего счастья, а кто – силой и старанием сыновей² Идику – султаны по имени Джалал ад-Дин, Худа-Берди, Кучук-Мухаммед, Барак, Улуг-Мухаммед, Чекре, Джаббар-Берди и Дервиш. В это время, когда большинство татарских племен были переселены из Дешт-и Кипчака в пределы Крыма, в упомянутом Деште³ и болгарских землях ханы по имени Хызр, Махмуд-Ходжа, Абул-Хайр, Шейх-Хайдар, Баян-Ходжа, Ядгар и Эменек из рода Шибана. Затем власть над теми землями перешла к потомкам Рус-хана. Шейбек из потомков Абул-Хайра в Мавераннахре, Ильбарс из потомков Ядгара в Хорезме, потомки Хаджи-Мухаммеда в области Сибирь стали независимыми [правителями]. Когда в области Крым [правом] приказа и повеления [еще] был отмечен один из внуков противоборствовавшего с Тимурленк-гурганом Токтамыш-хана [по имени] *Ахмед Кучук Мухаммед-хан⁴, а Гравер судьбы и предопределения [уже] вырезал печать правления на имя Хаджи-Гирея, в Мавераннахре, Хорезме и Сибири стали правителями три султана-джучида из Шибанидов, в Булгаре – один султан-джучид из Рус[хан]идов, в Дешт-и Итиле, Казани и Крыму – по одному султану-джучиду из рода Токтамыша⁵.

29. Сообщение Хюрреми-челеби Акай-эфенди о событиях в Дешт-и Кипчаке после прекращения власти хана Токтамыша

По прекращении владычества Тохтамышева возвысился над ханами, по причине многочисленности народа своего и поколения, Идику, один из князей улуса Джуджиева и могущественнейших членов поколения Мангут. Одного после другого сажал он на ханство Тимур-Кутлуга, Шадибека и Тимура. Затем ханствовали друг за другом Джелал-ед-Дин, Керим-Бирди, Кбпек, Чегре, Джеббар-Бирди, Сейид-Ахмед, Дервиш, Хюда-Бирди, Кючук-Мухаммед, Барак и Улуг-Мухаммед, добывая престол кто при помощи детей Идику, кто собственными силами. Ханы эти большую часть татарских поколений, выведя из Дешт-Кипчака, поселили в пределах Крыма; в Деште же и Булгаре остались властвовать из рода Шейбанова ханы Махмуд-Ходжа, Хизр, Абул-Хайр, Шейх-Гайдер, Баян-Ходжа, Ядигяр и Эминек. После того владычество над помянутыми странами перешло к потомству Рус-хана; сын Абул-Хайров, Шайбек, утвердился в Маверауннагре; сын Ядигяров, Ильбарс – в Хорезме, а сыновья Хаджи-Мухаммед-хана – в Сибири. В Крыму, во время ханствования потомков Тохтамышевых *Сейид-Ахмед-Кючука и Махмуд-хана⁶, престол утвердился за Хаджи-Гераем. Гераем. В Маверауннагре, Хорезме и Сибири властвовали в это время из рода Шейбанова три хана; в Булгаре, из рода Рус-ханова, один; да в Волжской степи и Казани – по одному из рода Тохтамышева, так что из колена Джуджиева было семь (?) ханов в одно время⁷.

¹ Букв. «одним из узурпаторов».

² Или «потомков» (أولاد).

³ Имеется в виду Дешт-и Кипчак.

⁴ Очевидно, здесь произошла контаминация имен двух разных ханов, правивших в одно время: Сейид-Ахмеда и Кучук-Мухаммеда (см. также: Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. – Тула, 2010. – С. 50).

⁵ Сейд Мухаммед Риза. Семь планет. – Казань, 1832. – С. 67–68.

⁶ Очевидно, следует согласиться с замечанием В.В.Трепавлова о том, что в текст хроники или при его переводе вкралась ошибка и данное сочетание имен должно выглядеть так: «Сейид-Ахмеда и Кучук-Мухаммед-хана» (Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. – Тула, 2010. – С. 50). При этом потомком Токтамыша являлся только Сейид-Ахмед.

⁷ Негри А. Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса: в городской типографии, 1844. – Т. 1. – С. 380–381.

**30. Перевод списка ярлыка, выданного ханом Ибрагимом группе феодалов, осуществленный абызом Артыком Иманаевым.
(Не ранее 1682 г. июня – не позднее 1685 г. января 19¹).**

РГАДА, ф. 1173, оп. 1, д. 196, л. 2. Подлинник.

Перевод ярлыка

(1) Мы, Ибрагим-хан.

(2) Мое жалованное слово [таково]. Во имя благоволения Бога [и] во имя милости Мухаммеда – посланника Божия *сих сирых отроков²

(3–4) [и] вдову пожаловали в тарханство. Сих пожалованных³ имена⁴: Гульбустан-хатун в головах, ее сын[овья Мухаммед-‘Али и] Мухаммед-‘Азиз, [происходящие] из рода ханов, из рода шахов, [из рода] Джанеке-султан, – эти поименованные [нами] пожалованы⁵.

(5–6) Вместе с ними мы пожаловали [тарханством] и слугу ее (?) по имени Хушкильди. [Вдобавок к тарханству] пожаловав эти две тамги Иректинского леса, что [ранее] были пожалованы отцу Мухаммед-‘Али [и] Мухаммед-‘Азиза, мы пожаловали [их] в числе [прочих] вельмож.

(7) Без ведома вышеозначенных пусть никто в их лес да не ходит; если займутся⁶ хлебопашеством, амбарную пошлину с них

(8) да не взимают. К вышеозначенным гостей на постой силой да не ставят; тарханы и гонцы подвод у них да не берут;

(9) ни с какой стороны пусть не чинят им насилия. Так сказав, сих пожалованных⁷ Хайдар-‘Али-султаном Гульбустан-

(10) хатун, ее сыновей⁸ Мухаммед-‘Али [и Мухаммед-]‘Азиза, [происходящих] из рода ханов, из рода шахов, [из рода] Джанеке-султан, а также ее слугу по имени Хушкильди [пожаловал].

(11) Этим вышеозначенным выдан сей ярлык с нишаном. Писано даты в восемьсот⁹ ... [год], в начале месяца рамазан.

(12) Писал Хаджи-Курбан-хафиз.

Перевод нишана¹⁰

* Нет Бога кроме Аллаха, Мухаммад – Пророк Аллаха¹¹.

Государь величайший, слава [мира и веры] Ибра[гим] хан – да увековечит Аллах державу его и да укрепит власть его!

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

¹ За нижнюю дату документа принято восшествие на царский престол Ивана и Петра Алексеевичей, за верхнюю дату – день рассмотрения челобитной Кутлу-Мухаммеда Кутлугушева уфимским воеводой.

² В тексте: сего сирого отрока.

³ Букв.: отпущенных свободными [от налогов и повинностей].

⁴ В тексте: имя.

⁵ Букв.: отпущены свободными [от налогов и повинностей].

⁶ В тексте: займется.

⁷ Букв.: отпущенных свободными [от налогов и повинностей].

⁸ В тексте: сына.

⁹ После слова «восемьсот» пропущены слова, обозначающие десятилетия.

¹⁰ Нишан (также тамга) – большая квадратная печать, в чингизидских актах имевшая удостоверительную функцию.

¹¹ Формула повторена дважды.

31. Тарханый подтвердительный ярлык, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем группе лиц (929 г., сафара 13 = 1523 г., января 1)

НМ РТ, редкий фонд, № 5757. Подлинник.

Перевод

- [1] ...воителя Сахиб-Гирей [хана слово]
 [2] наместникам (*вали*), губернаторам (*хаким*), великим сул[танам, мусульманским кадиям],
 [3] почтенным муллам, старейшинам, градоначальникам, представителям [на местах], гонцам, смотрителям ямов,
 [4] досмотрщикам судов, стражникам на дорогах, сборщикам дорожной пошлыны, сборщикам тамги, всем жителям и всем обитателям
 [5] *казанских вилайетов¹ и богохранимых пределов – да будут они хранимы от бед и несчастий! – этот указ,
 [6] когда дойдет, слово [наше] таково: этот Шейх-Ахмед сын Мухаммеда, и сын Шейх-Ахмеда Абдал, младший брат Сейид-Ахмеда² Махмутек, его сын Муса,
 [7] сын Сейида Якуб, его младший брат Буланс³, его [же] младший брат Нур-Сейид, – эти семеро, явившись к нам, били челом
 [8] [в том, что они] являются людьми, которые произведены в тарханы нашими старшими братьями ханами. Мы, также пожаловав,
 [9] дабы доволен был Господь Всевышний и еще ради заступничества Мухаммада – Посланника Аллаха, этих вышеназванных лиц
 [10] произвели⁴ в тарханы. Отныне сим вышеозначенным на дорогах и тропах,
 [11] в пути и на месте пребывания, при нахождении их [где-либо] и при отбытии, слугам их
 [12] и рабам их, поклажам их и скоту их никто и никоим образом
 [13] вмешательства и притеснений пусть не чинит, ясака, калана и *подушного налога⁵ пусть не накладывают,
 [14] запросы, пошлыны и сборы на издержки пусть не требуют, скот их и подводы, воды и земли [по реке] Ик⁶ (?)
 [15] захватывать пусть не покушаются, силой в дома их посланников и гонцов на постой пусть не ставят,
 [16] сельский налог, земельные ссуды (?), подымный налог пусть не берут, провизии и фуража [при постоях] пусть не требуют;
 [17] пусть им ни с чьей стороны не причиняется вред и ущерб. Пребывая в покое,
 [18] вечером и утром, на рассвете и на закате нам и нашему роду молитвы и благословения
 [19] пусть воссылают. И пусть не причиняют [им] никаких насилий и обид. После
 [20] вышесказанного тем, кто, не внимая ярлыку, причинит [им] насилия и обиды,
 [21] самим ничего хорошего не будет. О том выдан ярлык с красной печатью
 [22] в год девятьсот двадцать девятый тринадцатого дня благословенного месяца сафара
 [23] [это] было.

Нишан

Внешний квадрат:

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ (Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного)
 لا اله الا الله محمد رسول الله (Нет Бога кроме Аллаха, Мухаммад – Пророк Аллаха) (трижды)

¹ Возможно, ошибка или описка, и вместо ولايات غزان «казанских вилайетов» должно быть ولايت غزان «Казанского вилайета» (здесь: «Казанской страны», «Казанского государства»).

² Должно быть: Шейх-Ахмеда (?).

³ Должно быть: Буляк (?).

⁴ В тексте: произвел.

⁵ *Салыг месэмма*. Букв. 'именуемое «салыг»'.

⁶ Слово «Ик» (?) вписано другими чернилами и другой рукой.

Внутренний квадрат:

السلطان الاعظم عز الدنيا و الدين ابو المظفر صاحب كراى بهادر خان خلد الله مملكته و ايد سلطنته (Государь величайший, слава мира и веры, победоносный Сахиб-Гирей бахадур хан – да увековечит Аллах державу его и да укрепит власть его!)

Перевел и подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

32. Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с предложением военного союза против Москвы. (1514, ноября 18)

РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 577 (578)–579 (580).

228. – 1514. Лист короля Жигимонта Казанскому царю Магмету-Аминю с сообщением о действиях войск царя против великого князя Московского, напавшего на землю короля, и с просьбой быть на великого князя Московского заодно. 291–292. (л. 577 (578)) От Жигимонта, Бож(ь)ю м(и)л(о)стью короля польского, великого кн(я)зя литовского, русского и кн(я)жати пруского, жомойтского и иных, брату нашему Магъметъ Аминю ц(а)рю казаньскому. Поведаетъ тебе, брату нашему, иж какъ сели есмо на отчине нашои стольцохъ отца нашого на Коруне Полскои и на Великомъ кн(я)зьстве Литовскомъ, великии кн(я)зь Василеи Ивановичъ московский безъотповедне и безъ всякое причины вси свои люди въслалъ у отчизну нашу Великое кн(я)зьство Литовское шкоды намъ чинити. И мы его люди зъ Бож(ь)ею помощю зъ земли наше выгнали. А потомъ онъ з нами ся мириль увечисты миръ и присягами твердыми и записы // (л. 578 (579)) меж собою есмо на обе стороны утвердилися. И он, запамятавши Б(о)га и ч(е)сти и души своее, ту свою присягу твердую и записы зламалъ, без всякое прычины неотповедне со всеми своими людми, нас обезъпечивши, кинулься на отчизну нашу Великое кн(я)зьство Литовское и замъки наши отчизны льстивостью своею несправедливе былъ поселъ. Мы люди наши напротивку его людеи послали. Наши люди на неколку мечьцахъ многих людеи его побивали и многих людеи знаменитыхъ поимали. И онъ таки въ своеи неправде не хотель ся взнати. Мы, воземъши Б(о)га на помочь, сами с нимъ великии ступньни бои мели и зъ Божее помочи воиско его все на голову поразили и замки наши з ласки IX Божее за ся есмо к нашои руже взяли, и воеводы и кн(я)зи и панове его радны многи намъ в руки впали. И што есмо до тебе передь симъ посла нашого посылали, тотъ поселъ нашъ тамъ згибъ. Мы того сердечне жалумъ, иж нам от тебе отказу никоторого не было. Про то навпоминаемъ тебе, брата нашего, абы ся еси с тымъ неприятелемъ нашимъ московскимъ не мириль, а нам // (л. 579 (580)) бы еси былъ приятелемъ и посполу с нами на того неприятеля нашего былъ заодинъ. А мы тебе, брату нашему, поведаетъ, иж мы вземши Б(о)га на помочь отсель не переставаемъ, хочомъ дела нашо с нимъ делати и обиды наше ему мстити сколько нам Богъ поможетъ. И ты бы, братъ нашъ, с тое стороны о томъ чуль. И если бы онъ потягнуль напротивку насъ, и ты бы въ его землю тягнуль и шкоды ему чиниль што наболеи могучи. А такеж чуиности о томъ будемъ мети. И если бы онъ хотель потягнути на тебе, брата нашего, и мы такеж наши воиска вси въ его землю обернемъ и шкоды делати. И то тебе даемъ ведати через сеи наш листъ, иж хочемъ с тобою быти у братъстве и в приязни. А напротивку того неприятеля нашего московского хочемъ быти с тобою заодинъ. П(и)сан у Вилни нояб(ря) 18 д(е)нь, инди(кт) 3¹.

Подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

¹ Данный индикт соответствует периоду с 1 сентября 1514 г. по 31 августа 1515 г.

33. Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с описанием победы над войском Василия III и с предложением военного союза против Москвы. (1516, июня 18)

РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 661 (662)–667 (668).

242. – 1516. Лист короля Жигимонта Казанскому царю Магмету Аминю с просьбой быть с королем в братстве и приязни, с сообщением о победах войска короля над великим князем Московским, с просьбой напасть на землю последнего, с обещанием помочь царю войском в случае нападения на его землю великого князя Московского, с просьбой принести присягу перед толмачом и с обещанием принести присягу перед человеком, которого пришлет царь. (л. 661 (662)) Тотъ листь посланъ до ц(а)ря казаньского толмачомъ Макарьцомъ м(еся)ца июня 18 ден(ь), индикъ(т) 4¹. От Жигимоньта Бож(ь)ю м(и)л(о)стью короля полскогоX и великого кн(я)зя XI литовского, руского, кн(я)жати пруского, жомоитьского и иных брату нашому милому Магметъ Аминю ц(а)рю козаньскому поклонъ. Што еси, братъ нашъ, перво того невъсколького годехъ присылалъ к намъ ч(е)л(о)в(е)ка своего Акимбердея здоров(ь)я нашего наведаячи а свое намъ поведаю // (л. 662 (663)) а припоминаючи иж при великомъ кн(я)зи Витовте продку нашомъ твои предки гости в Литве и братъство и приязнь о нихъ часовъ межи собою мели, нежли далекости дороги не ссылалися. А какъ ты, братъ нашъ, насель на своемъ ц(а)рьстве, был еси з великимъ кн(я)земъ Иваномъ московскимъ у братъстве и въ присязе. А какъ почаль вышеи меры противку тебе чинити, и ты, того не теръпивши, не дался ему в обиду. А потомъ нинешний кн(я)зь великийи Василей сынъ его пустил был на тебе войско свое великое водою и сухомъ. И ты з Бож(ь)ею помощью оба тыи во[и]ска поразил². Мы, то услышавши, вродовалися тому и того ж часу послали есмо к тебе с тым твоимъ слугою дворянина нашего Сороку твоего здоровья и правде межи нами умовяючи и потвердяючи. И тот нашъ XII дворянинъ тамъ в Козани вмеръ а к намъ не приехалъ. А потомъ и иныхъ пословъ к тебе, брату нашому, посылали есмо, которыхъ ижъ черезъ проеханья презпечного не могли мети. А тымъ нечастымъ // (л. 663 (664)) обьсыланьемъ братъство и приязнь межи нами ся омешкивала. Какъ же мы нине, упомнявши деди нашего великого кн(я)зя Витовьта приязнь с твоимъ предькомъ, послали есмо твоего здоровья отведываючи а с своего нам поведаючи толмача нашего Макаряца легьким поминькомъ а с тяжкимъ поклономъ³, напоминаючи тебе, брата нашего, иж быти упомятавши предьковъ своих и нашихъ с нами у братстве и в приязни быть, приятелю быхмо з obu сторонъ приятелемъ были, а неприятелю неприятелемъ. И што ся дотычетъ неприятеля твоего и нашего московского ведомо тебе, брату нашому, што ж Иванъ кн(я)зь великийи московскийи за брата нашего Александра короля дочку свою давши⁴ и кровнымъ ся звизаньемъ ем обезавши и присягами своими его обезъпечивши, немало отчизны нашея городовъ и волостей и земли подъ нимъ был забралъ. А потомъ сынъ его кн(я)зь Василей, с нами присягу учинивши и намъ зменивши, вальку напротивку намъ почаль. Мы, Б(о)га Сотворителя оземъши на помощь а свою справедливость, пошли есмо напротивку ему. И такъ // (л. 664 (665)) два годы будутъ у в осень приду чую Богъ нам помочь войско его осмьдесятъ тысячъ наголову побити и воевод его колько десятъ а к тому многихъ кн(я)зей и бояр и людей его живыхъ поимати, которыхъ ж тепере в нашихъ рукахъ в нятстве седятъ. Какъ же завьжды без отпочинут на войско на-

¹ Данный индикт соответствует периоду с 1 сентября 1515 г. по 31 августа 1516 г.

² Фрагмент грамоты от слов «при великомъ кн(я)зи Витовте» до «оба тыи во[и]ска поразил» является пересказом несохранившегося послания Мухаммед-Амина королю.

³ Чтобы расположить к себе адресата, Сигизмунд (от его лица канцелярия Великого княжества Литовского) прибегает к стилизации, употребляя оборот, традиционный для татарской дипломатической практики и присутствующий, в частности, в первом письме Мухаммед-Амина (Lietuvos Metrika. Knyga 8 (1499–1514) // Parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. – Vilnius, 1994. – P. 57). Выражение «[с] легьким поминькомъ а с тяжкимъ поклономъ» является повторением тюркской формулы «ağır selâm yingil bölek» (см., например: Özyetgin A. M. Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına ait Yarlık ve Bitiklerin Dil ve Üslûp İncelemesi. – Ankara, 1996. – S.110, 111).

⁴ В 1495 г. великий князь литовский Александр Казимирович женился на дочери Ивана III Елене. В 1501 г. он стал одновременно и польским королем.

шо в его землю ходять и воюют. Богъ намъ такую ласку свою извитеженъ надъ нимъ даль не рекучи абы люди его бои противъ нашихъ людеи поставили, але услышавши нашихъ людеи назад втекають.

Боже даи абы намъ от Б(о)га тое щастье надъ нимъ было на долгие час. Также поведаемъ тебе, брату нашему, иж тыхъ часовъ з братомъ нашимъ царемъ Магъметъ Кгириемъ вступили есмо в братство и в вечную приязнь, потому как зо отцемъ царе[м] Мендли Кгирием, содиначивъшия с нимъ и с ынъшими приятельми нашими, Б(о)га оземъши на помочь, воиски нашими XIV в землю того нашего неприятеля нинешнего лета аж до зимы потягнули есмо, хотячи ему брата нашего Александра короля и наше обиды мстити и землю его воевати // (л. 665 (666)) колко Богъ милый поможетъ. А про то напоминаемъ и жадаемъ тебе, брата нашего, аж бы еси з другое стороны з воискомъ своимъ в землю того нашего неприятеля и своего к Нижнему Новгороду потягнуль и землю его воеваль и посполу с нами дела своего доводилъ, бо лепшого часу надъ тымъ неприятелемъ своимъ не можеш на долги час мети, как тепере. А коли нам Богъ поможетъ над тымъ нашимъ неприятелемъ а тебе дастъ Богъ Нижнего Новгорода добыти и иншии замки и волости и земли отчизну свою къ своимъ рукамъ привернути, тогды и дань свою будеш з не(го) по давному мети. А намъ бы Богъ такъ же дал наши замки отчизны и который он несправедливе поселъ подъ нимъ добыти. Тогды бы вже тотъ неприятель нашъ таковое мощи смелости напротивьку намъ не мелъ и руки свои на нас не подносилъ, бо он ничимъ ся былъ неподнеслъ, только забранъемъ твоихъ и нашихъ замков. А естли бы он через то хотилъ ся на тебе, брата нашего, кинути и воискомъ своимъ на тебе потягнути, мы, скоро услышавши, в тот же часъ хочомъ тебе, брату нашему, в помочь воиско нашо з наше стороны в его землю послати. // (л. 666 (667)) И ты бы, братъ нашъ, такъ же намъ к у помочи свои стороны воиско свое великое въ его землю воевати послалъ.

Естли бы ся такъ же хотилъ насъ кинути и воиско свое в нашу землю послати, а с тою згодою нашою с тобою, братомъ нашимъ, з Бож(ь)ю помочью с того неприятеля нашего кожного дела нашего можемъ собе довести. Пакъ ли ж бы ты, брат нашъ, маючи с нимъ тыхъ часовъ мир або перемир(ь)е в нинешнии такъ потребны час свои, для того не хотилъ воискомъ своимъ з другое стороны въ его землю потягнути. Ино ведаешъ самъ, предъкове его и о(те)ць и он самъ николи не став в прислузе не бывали XV але убачивши свои часъ, присягу свою изменивши несправедливе и отповедне, безъ каждое XVI причины с кождымъ суседомъ своимъ вальку починали а кровь проливали. Чого ж Бог милый им не перепускаетъ. Какъ же внимами иж предкомъ твоимъ и тебе, брату нашему, от нихъ через присяги их несправедливые многии ся неприязни оказали. И ты бы, брат наш, упомятавши их неприязни и бачачи нинешнии час, посполу с нами нинешнего лета и осени з другое стороны въ его землю потягнуль а тым намъ братство и приязнь оказалъ. А коли // (л. 667 (668)) тебе, брату нашему, такъ же потреба вкажетъ, мы такъ же в тот час хочомъ тебе помочьни быти и воиско з наше стороны в его землю послати. А естли ты, братъ нашъ, с нами в томъ братстве и в приязни хочешъ стояти и заодно с нами на того нашего неприятеля быти, и ты бы, брат нашъ, передъ тымъ нашимъ тольмачомъ присегу нам вчинивши и о всякихъ делехъ через него к намъ усказавши, приставивши к нему своего човека, к намъ без мешьканья отпустилъ. А мы такъ же перед тым твоимъ ч(е)л(о)в(е)комъ хочемъ тебе правду нашу вчинити, бо мы на чомъ тебе передъ тымъ слово наше мовили и правду вчинили, и в тои правде и тепер(ь) твердо стоимъ. Такъ ведаите и тому справедливе вер(ь)те.

Подготовил к публикации *Вадим Трепавлов*

34. Сафакгири¹ царь. Слово. Божью милостью королю польскому, великому князю литовскому рускому прускому жомойтскому² мазовецкому³ иных, отцу моему великому королю Жикгимонту⁴

Даю вашей милости знати через сей мой лист⁵, што милость рачил⁶, наречи мене сыном, еще кдым⁷ был ув Орде Перекопской⁸ на месцы отца своего царевичом⁹; ваша милость прирек-ли¹⁰ мене за сына своего мети¹¹, а я вашу милость за отца. А так же я, будучи сын вашей милости, в долгу приреченья слова своего сполням: естем приятелю вашей милости приятелем, а неприятелю – неприятелем вашей милости и нашего московского¹². Землю московского звое-

вал и спустошил сам своею головою: зо всем своим войском был и замки есми иншии¹³ побрал, а иншии попалил, и со всем войском своим был есми за Окою рекою далеко в земли неприятельской.

А даю те же вашей милости знати отцу своему великому королю, кдым приехал на царство Казимирское¹⁴, а тогды мя вси мурзы и вланы и вся рада тое земли козанской мене, сына вашей милости, согбе вдячнне¹⁵ государем приняли; еся те же сын вашей милости зо всеми князьми мурзы и вланы земли Козанской в одно слово змовившися¹⁶ и того есмь царя, которого московский был прислал на царство Козанское, згубили¹⁷. Послов есми московских казал поимати и до казни посажати, а инших велел есми потратить¹⁸. И землю есми его взял. Которую землю его взял у свою мощь, и дань ми теперь с тое земли идет, которая земля есть Накратская¹⁹, с тое земли предком нашим царем козанским дань хаживала. Ино, кды Казань была зашла за московского, московский тую землю к себе привлащил²⁰ и дань, которая хаживала предком нашим, на себе брал. Ино и теперь до нас присылали старший тое земли Но-кратской, хотячи в доле стародавнего обычая мне служити и дань давати тую, которую давали предком нашим царем козанским. А так я, сын вашей милости, в долгу приречья слова своего хочу полнять: приятелю вашей милости приятелем быти, а неприятелю вашей милости неприязнья хочу саблею // [л.2] своею доводит.

А штом я²¹ посылал до вашей милости первеи сего гонца своего на имя Гамзу, о здоровьи вашей милости отца своего навежаючи²², и о том те же вашей милости отцу своему поведаячи, што же отсель есми на том царстве мрем на Казани посылалом до земли неприятеля вашей милости московского воевати сорок тысяч людей, а над тыми людьми старшим был Козучак улан. И оный Кузучак улан был за Окою рекою со всеми тыми людьми и выжог место и замок на имя Борсуму²³. И шкоды не вымовне великий починили²⁴ в земли неприятеля вашей милости и пришли вси в целости со всем пожитком зася назад. Ина потом я, сын вашей милости, хотячи лепшую²⁵ и поволнеишую послугу вашей милости отцу своему вчинити²⁶, послалом в землю неприятеля вашей милости московского воевати Ямурч аталыка²⁷ и далом ему в мощь семьдесят тысяч людей. И он те же, втягнувши²⁸ в земли неприятельскую с тыми людьми всеми, воевал и пустошил и был зо всеми с тыми людьми оли же²⁹ за Кирмянчиком под Боркаучом³⁰, выпустошивши³¹ и выпаливши землю неприятельскую, зася в целости пришли до нас государя своего. Ина потом, по их приходу, посылалом слуг своих десять тысяч людей в землю неприятельскую. И оный слуги наши, вшедши в землю неприятельскую, воевали и пустошили и сожгли место на имя Балаханю³² и зася до нас в целости пришли со всем своим пожиточным. И те же ваша милость отец мои рачил вырозумети с того писанья листу моего, который до вашей милости писал через служебника моего Гамзу.

И прислали ваша милость отец мои до мене, сына своего, слугу своего толмача³³ татарского Афендея з листы своими, а быху я был приятелю вашей милости приятелем, а неприятеля вашей милости московского быху землю пустошил. Кды же оной посланец вашей милости Афендеи толмач пришел з листы вашей милости, а те же вырозумел з листов вашей милости отца моего. Послалом в землю неприятеля вашей милости московского воевати десять тысяч людей. И оны люди наши, вшедши // [л.3] в землю неприятельскую, землю его пустошили и воевали и замок касымовского царевича сожгли на имя Намрлын³⁴ и зася в целости до нас пришли. Я, сын вашей милости, будучи хотячи лепшую послугу вашей милости отцу своему вчинити, и послалом в землю неприятеля вашей милости Ахмагма улана з сорокма ти-сячьми людьми. И он вшол в землю московского и воевал и пустошил и зася в целости до мене пришел.

А на потом я, сын вашей милости, хотячи мети лепшую а верхнейшую послугу вашей милости вчинити, хотячи еще землю неприятельскую пустошити, и потягнулом³⁵ сам своею головою со всем своим войском в землю неприятельскую и взялom з собою весь поллок того посланца вашей милости толмача Афендея, абы он тую послугу нашу видел и перед вашей милостью отцем моим поведал. И утягнувши³⁶ в землю неприятельскую с тыми своими людьми со всеми, и землю есми его пустошил и брал и замок есми его спалил на имя Бором³⁷. И тое войско нашо, которое ходило у загон, дошло оли же под Володимер и выпустошивши землю неприятельскую. И оная десять тысяч людей были аж под Кострамою и, пустошивши землю его, зася пришли в целости до нас.

И который князи мурзы и вланы козанские есть под моею мощью, тыи вси видячи по мне же: я, сын вашей милости, естем добрым приятелем вашей милости. И они ту же мне государю

своему присягу на том вчинили, иже мают приятно вашей милости быти приятельми, а неприятно неприятельми. А который есми послуги вашей милости чинили в земли неприятеля вашей милости московского, ваша милость рачьте пытати у толмача своего Афендея, тот тое послуги нашої сведом.

А поведаю³⁸ те же вашей милости отцу своему, што же Мамай мурзын сын³⁹ приехал до нас з десяти тысячами людей, хотячи мне послугу вчинити напративку неприятеля вашей милости московского, и очтарханский Аврагман царь⁴⁰ прислал тысячу людей мне на помощь; тыи те же и вси люди теперь при нас есте. А поведаю те же вашей [милости] отцу своему, што же князь великий московский присылал до нас // [л.4] послов и гонцов своих, просячи и же-даючи мене, а быху з ним валки не мел и мир быху з ним принял. И я того не хотел и миру з ним не принял.

И теперь тоя земля так есть пуста, до которое земли люди есми свои сылал и те же сам своею головою был и от Володимера до Борома итня м, а восху Костроме Юнкчеюч⁴¹ Беле-хана до самого Кирменчика и оттоль зася до Студеного моря⁴² Касым олтанов городок⁴³ и иншии многий земли и города неприятеля вашей милости московского пусты есми вчинил. А тому есть всему сведетель – толмач вашей милости. Ино, хвала милостивому богу, теперь неприятель вашей милости и наш те же московский упад⁴⁴ немалый принял от нас. У панстве своем вашей милости панства отца моего и наши те же немало ся повышили⁴⁵. А и те [же] теперь рачи ваша милость так мыслити, яко бы добре было, а с пожиточным вашей милости отца моего, бо я теперь, сын вашей милости, млю все войско нагаиское и оштарфанское⁴⁶ у своей моцы, ваша милость рачи о том ведать. И к тому те же наша орда козанская присягнула ми на том, иже млют мне верне а справедливе служити.

А послалом до вашей милости с тым моим листом присяжным подскарбего своего Богуша⁴⁷. А што буде вашей милости отцу моему он мовити, ваша милость рачием верити, бо то есть наша речь. И те же рачил бы ваша⁴⁸ милость до мене прислати посла своего, которого доброго человека, и неомешкиваючи⁴⁹, абы приятель вашей милости и наш, слышачи межи нас таковую ходу, быти тому велел, а неприятельское бы сердце ныло.

Лист писан у Казани. От Сапкирея царя⁵⁰.

35. От Сапкирея царя. Слово. Божью милостью королю польскому великому князю литовскому рускому прускому и далее, отцу моему⁵¹ великому королю Жикгимонту

Поведаю вашей милости отцу моему, што же есми для послуги // [л.5] вашей милости хотячи землю неприятеля вашей милости московского⁵², поднял есми нагаиское мурзы сына Мамай мурзина Алей мурзы, с ним было людей десять тысячей. А к тому те же царь арштафанский⁵³ прислал было мне тысячу людей, и те же тым своим князем мурзам вланом давалом им всем, хотячи послугу вашей милости вчинити. А за то вашей милости отца моего покорне прошу, абы ваша милость рачил ласку свою вчинити, а мне, сыну своему, прислати тысячу золотых⁵⁴, чим быху мел тых князей мурз вланов от вашей милости обделити, абы они на потом те же были, к помузе вашей милости охотней шли. А то бы ваша милость отец мои рачил для моее прозбы сына своего вчинити. А ест ли бы была ласка ваша милость и ваша милость тую тысячу золотых мне послати, ваша бы милость рачили их тому посланцу моему Богушу дата.

Писан у Казани⁵⁵.

36. Сапкирея царя⁵⁶ слово. Божью милостью королю польскому и далее, отцу моему великому королю польскому Жикгимонту

Ваша милость своего прошу, што первеи сего у панстве вашей милости поймано было дву служебников моих. Одному имя Кугурча, то есть у пана Юрья старосты городенского, а другому имя Хусейн, то есть у вашей милости отца моего. За то вашей милости отца моего покорне прошу, абы ваша милость рачил та на мою прозбу вчинити и тых двух служебников моих до

мене, сына своего, прислати тым моим подскарбим Богушом, которого м послал до вашей милости⁵⁷.

Примечания

¹ Сафагирей царь, Сафа-Гирей (1510–1549) – крымский царевич, казанский хан (не ранее 10 мая 1524 – не позднее мая 1532, сентябрь 1535 – январь 1546, март 1546 – март 1549). Сын Махмуд-Гирея султана, а не Фатых-Гирея, как ошибочно полагал М.Худяков и вслед за ним ряд современных авторов, внук Менгли-Гирея. Стал не только преемником на казанском престоле своего дяди Сахиб-Гирея, родного брата отца, но и проявил себя верным его союзником и единомышленником в период царствования Сахиб-Гирея в Крыму. (См.: ПСРЛ. – Т. 13. – 4.1. – С.44, 46, 47, 53–57, 70, 88, 91, 99, 100, 106, 116, 121–125, 135, 142–143, 148–149, 157; 4.2.- С.424–425, 440, 446–448, 457–459; Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И.Малеина и А.В.Назаренко. Вступительная статья А.Л.Хорошкевич. Под ред. В.Л.Янина. – М., 1988. – С.319, примеч.323; Марджани Ш. Мустафаад аль-ахбар фи ахвали Казань ва Булгар: Источники по истории Казани и Булгара. – Казань, 1989. – С.170 (на тат. яз.); Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. – Репр. изд. – Казань, 1990. – С.87, 90; Фахретдин Р. Казанские ханы. – Казань, 1995. – С.96, 107 (на тат. яз.); Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. – Т.2. Документы по истории XV–XVII вв. – М., 1955. – С.61–63, 86; Inalcik H. Giray // *Islam ansiklopedisi*. – Istanbul, 1945. – С.4. – S.783–789).

² Жомоитский – жемайтский или жмудский. Такая номинация в титуле литовских правителей происходит от названия западной части Литвы – Жемайтии, Жмудской земли или Жмуди, расположенной между низовьями Немана и Виндавы. Утратила свою самостоятельность при Миндовге, но с его смертью вновь обособилась. Столкнулась с притязаниями немецких рыцарей и литовцев. Была присоединена к Литве при Гедимине, передавшем ее своему сыну Кейстуту. Правда, Ягайло и Витовт, соответственно в 1382 и 1387 годах, были вынуждены уступить Жемайтию Тевтонскому ордену. По условиям договора (Торунский мир 1411 года) после знаменитой Грюнвальдской битвы 1410 года была возвращена Литве обратно. В латинских источниках называется Самогитией. (См.: Сборник РИО. – Т.35. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. – 4.1. Памятники дипломатический сношений Московского государства с Польско-Литовским (с 1487 по 1533 г.) – Спб., 1882. – С.500, 563, 624, 637, 674, 700; Любавский М.К. Очерк истории... – С.14, 15, 43, 165–167, 171 и т.д.; Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское население и исторические судьбы восточного славянства. – М., 1982. – С.54–150).

³ Мазовецкии – данное определение в титуле польского короля Сигизмунда I появилось в 1526 году после присоединения к Польше исторического района по среднему течению Вислы и нижнему течению Нарева и Буга – Мазовецкой земли, Мазовии или Мазовше. Мазовия с 1168 года (по другим сведениям с 1207 года) являлась самостоятельным герцогством и после инкорпорации в ВКЛ сохранила особое положение и особенности управления (см.: Сборник РИО. – Т.35. – С.714, 732, 744, 774; Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовского-Русского государства ко времени издания Первого литовского статута. – М., 1892. – С.201–209).

⁴ Жикгимонт или Сигизмунд I Старый Казимирович (1467–1548) – король польский (6 декабря 1506–1545) и великий князь литовский (20 октября 1506–1544) из династии Ягеллонов. Безуспешно стремился укрепить центральную власть путем реформ в финансовой и военной сферах, неудачно пытался вернуть короне оказавшиеся у магнатов земли. Еще при жизни в октябре 1544 года с согласия Берестейского сейма допустил к управлению ВКЛ сына – Сигизмунда II Августа. Во внешней политике склонялся к союзу с Крымским и Казанским ханствами. Воевал с Россией (1507–1508, 1512–1514, 1517–1518) и Тевтонским орденом (1519–1521). (См.: Любавский М.К. Очерк истории... С.197, 217–224, 239; Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. – М., 1961; Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII вв. – М., 1963. – С.83–87; История Литовской ССР с древнейших времен до наших дней. – Вильнюс, 1978; Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. – М., 1979. – С.62–70, 135–158).

⁵ Лист – письмо, послание; в современном польском языке употребляется в значении «письмо».

⁶ Милость рачил – в данном контексте «оказал милость». (О различных значениях слова «рачить» см.: Срезневский И.И. Материалы для терминологического словаря древнерусского языка. – Т.3. – 4.1. – М., 1958. – Стлб. 111–112).

⁷ кдым – буквально означает «когда я есть»; окончание «м» указывает на 1 лицо прошедшего времени подразумеваемого глагола «быть» (польск. «вус»).

⁸ Орда Перекопская – наименование Крымского ханства, распространенное в ВКЛ. Понятие «орда» (тюркск.) означало первоначально «шатер», «ставка хана», «центр улуса», впоследствии – государство в целом; термин «перекоп» – ров на Крымском перешейке, соединяющем полуостров с ма-

териком. Это феодальное государство являлось одним из наследников Золотой Орды, выделившимся из ее состава в 1426–1428 годах. Занимало Крымский полуостров и прилегающие к нему северо-восточные и западные степи до Днепра и Дона. Первой столицей был г.Солхат (Старый Крым), второй – г.Бахчисарай. Первым независимым крымским ханом и основателем династии Гиреев стал Хаджи-Девлет хан, присоединивший к своему имени приставку «Гирей» (ок.1428–1466). Постепенно превратилось в вассала Турции. В 1783 году присоединено к Российской империи, (см.: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. – Спб., 1887. – 772 с.; Герберштейн С. Записки... – С.167; Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. – М., 1994. – СИЗ, примеч. 39, 41–46; Сборник РИО. – Т.59. Спб., 1887. – С.450–463; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевая орда в улусе Джучи // Вести. Моск. ун-та. – Сер.9. История. – 1970. – № 5. – С.75–86; Кузнецов А.Б. Россия и политика Крыма в Восточной Европе в первой трети XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. – М., 1979. – С.62–70.

⁹ был... на месцы отца своего царевичем – выражение означает «был на отчей земле царевичем» (атам уиренд'). Слово «месцы» (место) употреблено в значении «земля, область, государство». (См.: Срезневский И.И. Материалы... – Т.2. – 4.1. – Стлб. 245–247).

¹⁰ прирекли – назвали, объявили.

¹¹ мети – имети.

¹² московский – это определение применялось к московским великим князьям (Василию III и Ивану IV) в период с 1526 по 1547 гг.

¹³ иншии – иные, некоторые. (См.: Польско-русский словарь. – М., 1960. – С.168).

¹⁴ По-видимому, здесь допущена описка. Следует читать «Казанское».

¹⁵ Согбе вдячне – в данном контексте «с нижайшей благодарностью». Слово «согбе» – производное от глагола «сгибать», «вдячне» – искаженное от польского «wdziecznie» «вдзечне» – с благодарностью). (См.: Польско-русский словарь. – М., 1960. – С.678).

¹⁶ ...в одно слово змовившись – сговорившись, т.е. придя к единому слову, решению.

¹⁷ царя... згубили. Здесь речь идет о казанском хане Джан-Али, убитом 25 сентября 1535 года. Сын царевича Шейх-Аулиара, внука Кичи-Мухаммеда, брат Шах-Али. Был назначен «владельческим государем» касимовского удела в 1518 году, двух лет от роду. После низложения в результате заговора хана Сафа-Гирея, 29 июня 1532 года, был возведен на казанский престол временным правительством во главе с царевной Гаухаршад, родной сестрой Мухаммед-Амина и Абдул-Лагифа. (См.: ПСРЛ. – Т.13. – 4.1. – С.57, 88–89, 100, 106; Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – 4.1. – Пг., 1863. – С.269, 271; Флхретдин Р. Казанские ханы. – С.113–117; Худяков М.Г. Очерки по истории... – Репр.воспр. – Казань, 1990. – С.76–77, 95–96, 98–99).

¹⁸ потратить – истребить, уничтожить. (См.: Срезневский И.И. Материалы... – Т.2. – 4.2. – Стлб. 1295).

¹⁹ Нократская земля – Вятская земля. Присоединена к Московскому княжеству в 1489 году при Иване III (1462–1505).

²⁰ привлачил – притянул, прибил, привлек. (См.: Срезневский И.И. Материалы... – Т.2. – 4.2. – Стлб.1384–1385).

²¹ В рукописи слова «а штом я» переданы дважды.

²² навежаючи – буквально означает «навещающая» (См.: Срезневский И.И. Материалы... – Т.2. – 4.1. – Стлб.273).

²³ Топоним явно искажен. По всей видимости это Муром. г.Муром имел большое военное значение. Являлся одним из укрепленных звеньев на линии пограничной черты Нижний Новгород – Муром. Был пунктом сбора ратных сил Замосковья – дворянской конницы и посоха; именно поэтому казанские ханы совершали набеги на этот город. В 1552 году стал центром воеводства,

²⁴ И шкоды не вымовне великий починили – неисчислимо (непроизносимо) большой убыток причинили. (См.: Срезневский И.И. Материалы... – Т.1. 4.1. – Стлб.446; Т.3. – 4.2. – Стлб. 1596–1597).

²⁵ Лепшая – хорошая, благовидная, лучшая, знатная (см.: Срезневский И.И. Материалы... – Т.2. – 4.1. – Стлб.75).

²⁶ вчинити – учинить (см.: Срезневский И.И. Материалы... – Т.1. – 4.1. – Стлб.436).

²⁷ Аталык – слово употреблялось в двух значениях: 1) воспитатель ханских детей (дядька); 2) «предводитель, воевода. Здесь более уместно исходить из последнего толкования. О содержании этого термина см.: Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования // Летопись занятий Археографической комиссии. – Вып. 16. – Спб., 1905. – С.288, примеч.6.

²⁸ втягнувши – вступив, подавшись.

²⁹ оли же – почти, вплоть (см.: Срезневский И.И. Материалы... – Т.2. – 4.1. – Стлб.465).

³⁰ Под Кирменчиком подразумевается Ханкирман – ханский городок, крепость в совр. Рязанской области. Больше известен под наименованием «Городец старый» или «Мещерский городок». Был пожалован Василием II Темным выехавшему на Русь в 1446 году царевичу Касиму, сыну Улуг-Мухаммада и по его имени стал называться Касимовым. Стал центром удела, предоставляемого московскими князьями поступающим к ним на «службу» крымским, казанским и астраханским царевичам. Касимовское царство было ликвидировано в 1681 году. (См.: Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... – 4.1. – С.13–43; Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. – Рязань, 1891; Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних // ИЗ. – 1952. – Кн.40; Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. – М., 1962; Марджани Ш. Мустафад аль-ахбар... – С.177–187; Худяков М.Г. Очерки по истории... – С.31, 35–37).

³¹ В рукописи «вивьпуставши».

³² Это Балахна.

³³ Толмач – толкователь, переводчик с языка на язык.

³⁴ Топоним «Намрлын» идентифицировать не удалось.

³⁵ потягнулом – направился.

³⁶ утягнувши – вступив.

³⁷ Это Муром.

³⁸ Буква «п» в слове «поведаю» исправлена по ранее написанному.

³⁹ Мамай мурзын сын – имеется в виду Алей мурза, брат первой жены Сафа-Гирея, сын Шайх-Мамай (Ших-Мамай). С 1516 года ногайский мурза Шайх-Мамай, брат Юсуфа и Исмагила, находился в Крыму, совершал походы на Астрахань в 1523 году (совместно с крымским ханом Мухаммад-Гиреем), в 1524 году (с Юсуфом, отцом Сююмбике) и в 1538 году. Лишил жизни (вместе с мурзой Агишем) крымского хана Мухаммад-Гирея. Умер в 1549 году. Имел 4 сыновей и дочь. (См.: ПСРЛ. – Т.13. – 4.1. – С.43; Герберштейн С. Записки... – С.337, примеч.587; Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI вв. – М., 1877. – С. 134; Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань, 1972. – С.83; Атласи Х. Сююмбике. – Репр. изд. – Казань, 1992. – С.6 (на тат яз.).

⁴⁰ очтарханский Аврагман царь (Абдыл-Рагман, Абдул-Рахман, Габдеррахман, Абдуррахман) – занял астраханский престол в августе 1533 года, сместив хана Аккубека. В октябре 1537 года вследствие похода ногайского мурзы Шайх-Мамай был вынужден уступить власть Дербьш-Алею. В сентябре 1539 года воцарился вторично. В декабре 1542 года на незначительный период был изгнан шейхом Хайдаром, но сумел и в третий раз захватить власть, удерживал ее до 1545 года (по другим сведениям до 1551 года) до смещения ханом Ямгурчеем (Ягмурчы). (См.: ПСРЛ. – Т.13. – 4.1. – С.61, 72, 120, 132, 133, 137, 143–144, 170, 177; 4.2. – С.441 (и др.); Т.20. – 4.1. – С.413, 418; Марджани Ш. Мустафад аль-ахбар... С.175).

⁴¹ восху... Юнкчеюч – возможно иное прочтение.

⁴² Это Северное море.

⁴³ Это Касимов.

⁴⁴ упад – разрушения, гибель.

⁴⁵ ся повышили – повысились, возвысились.

⁴⁶ это искаженное тюркское «астраханское».

⁴⁷ подскарбего своего Богуша. Термин «подскарбий» произошел от слова «скарб» – казна, имущество. В ВКЛ подскарбий земский – это должностное лицо, возглавлявшее государственную казну или учреждение, куда поступали всевозможные доходы – серебщина, таможенные и судебные пошлины, доходы с домен, от продажи хлеба. В нем хранились также великокняжеские регалии, документы и книги, огнестрельное оружие и боевые припасы. Помощником подскарбего земского был подскарбий губной. Вызывает любопытство имя подскарбего. Русские летописи знают казанского посла к московскому великому князю Бауша и Богуша Болховитинова, литовского посла в Москву. (См.: Любавский М.К. Очерк истории... – С.175–178; ПСРЛ. – Т.13. – 4.1. – С.45, 54.)

⁴⁸ В рукописи «твоя».

⁴⁹ неомешкиваючи – не мешкая, не задерживаясь.

⁵⁰ Далее в рукописи оставлена без записи одна строка.

⁵¹ В рукописи «моиему». При этом буквы «ие» исправлены по ранее написанному.

⁵² Далее в слове, состоящем из 6–7 букв, бесспорному прочтению поддаются лишь расположенные в середине три буквы: «...ази».

⁵³ арштафанский – астраханский.

⁵⁴ золотых – по всей видимости, запрошены были венгерские золотые.

⁵⁵ Далее в рукописи оставлена без записи одна строка.

⁵⁶ Последние буквы в словах «Сапкгирея царя» исправлены по ранее написанному.

⁵⁷ Далее в рукописи оставлены без записи две строки.

Материал к публикации подготовила *Дина Мустафина*

37. «Казанское взятие» по данным русских летописей

Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – Т. XIII. – Ч.1. – СПб.: Типография И.Н.Скорородова, 1904. – 302 с.

Клосс Б.М. Никоновская летопись // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XIV–XVI в. – Ч.2. Л-Я. – Л., 1989. – С. 50–51.

Ниже представлены материалы из так называемой Никоновской летописи, которая является крупнейшим памятником русского летописания XVI в. Летопись получила свое название по одному из списков, принадлежавшему патриарху Никону. В научный оборот была введена В.Н.Татищевым, ошибочно предположившим, что летопись создана при участии патриарха Никона. Первоначальная редакция Никоновской летописи доводила изложение до 1520 г. и была составлена при московской митрополичьей кафедре в конце 20-х гг. XVI в.

Исторический материал подвергся в Никоновской летописи существенной литературной и идеологической обработке. Изучение стилистических особенностей редакторских вставок в тексте Никоновской летописи убеждает в том, что редактором-составителем летописного свода являлся митрополит Даниил (1522–1539 гг.). Во второй половине 50-х гг. XVI в. летописный свод митрополита Даниила был соединен с материалами официальной историографии. С митрополичьего летописца была снята копия и дополнена по Летописи Воскресенской и Летописцу начала царства редакции 1556 г. – так образовался Патриарший список. Оригинал же летописного свода митрополита Даниила остался в Казенном приказе и был дополнен по тем же источникам, которые были использованы в Патриаршем списке: по Воскресенской летописи (но в другом объеме) и Летописцу начала царства. Несколько позже к нему была присоединена еще одна часть с изложением событий 1556–1558 гг. – так образовался список Оболенского. Существует предположение, что именно над этой рукописью работал в 1560 г., во время пребывания в Ливонии, известный государственный деятель периода «избранной рады» А.Ф.Адашев.

Источник цитируется по изданию: Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – Т. XIII. – Ч. 1. – СПб.: Типография И.Н.Скорородова, 1904. – С. 146–283.

«[...]

Приход государев в Свиязский град [...] И поезде государь на луг и ста в шатрех на лузех под Свиязским городом. И велел у себя быти царю Шигалею, и съветует государь с князем Володимиром Андреевичем и с царем Шигалеем и з бояры и с воеводами, как ему, государю, своим делом промышляти. И приговорил государь итти к городу к Казани, не мешкаа, а к ним послати грамоты: похотят без крови государю бити челом, и государь их пожалует. Государю же нашему смирение показующу, ведый бо, яко Господь гордым противитца, а смиренным благодать дает, и велит царю Шигалею от себя послать царю Едигерю-Магметю грамоту, понеже бо от его роду есть, чтобы ему в том поверил, от государя нашего не блюлся, поехал из города к государю нашему, государь его пожалует. А царь благочестивый посылает грамоты к Кульшериф-молне и ко всей земли Казаньской, чтобы государю били челом, а хто лихое дело почал и землю возмудил и на государя и бояр его лихое дело възвели, за тех бы не стояли, и государь их пожалует. И отпустил государь тезика Казаньского Августа 15 [1552 г.]. Августа 16 велел государь возитися за реку против Свиязскаго города, а ставится на лузех на Казанькой стороне, яртоулом и передовому полку, правой руке, болшему полку. Августа 18, в четверток, прииде государь в соборную церковь Рожества Пречистые и, молебнаа пев, припадает к образу Пречистые и к чудотворному образу Сергия чудотворца, с многими слезами молящася на много время, тайно молитвы възсылающе, Тому единому ведушу, и благословляется от протопопа и от всего священнаго чину, иже ту [201] пребывающии. И поезде государь за реку за Волгу, а сторожевому полку и левой руке велел возитися выше себя, а царя Шигалея отпустил в судех

на Гостин остров; также и с нарядом государь отпустил в судех боярина своего Михаила Яковлича и диака своего Ивана Выродкова, и башни и тарасы рубленные велел привести, яже уготовлены против Казани поставити. И тут государь дневал, а ждал, как все полкы перевезутся; и посылает на Казань на реку, а велел многие мосты мостить, бе бо тогда время дождиво и воды в реках великы. – *Поиде государь на Казань-реку* Того же месяца 20, в субботу, поиде государь за Казань-реку; и тут прислал царь Едигер-Магмет к царю Шигалею з грамотою полоняника, а пишет гордые и скверные слова, веру православную и царя благочестиваго поносит и укоряет, также и Шигалея похуляет и себя на брань готова взвещает. Царь же благочестивый, слыша поношение от нечестивых на веру христианскую, у Бога милости просит, а сам за веру страдати тщится. И стал на Терень-узак, полки же все сташа по Цареву лугу и вниз по Волзе. И повеле государь наряд из судов вынимати и устраивати как ему итти к городу. В неделю и в понедельник государь тут стоял. И тут приехал к государю служить Камай-мурза, князь Усеинов сын, а с ним 7 казаков; а сказывал государю, што было их поехало человек з двесте к государю служить и, сведав, Казанцы иных переимали. А про Казань государю сказывал: в городе царь Едигер-Магмет съветом злым с Казанцы утвердилися, а государю бить человеком не хотят; а единомышленников его Кульшериф, молна и кады, да Зейнешь князь Нагайской, да изменники государевы Чапкун-князь – тот аталык у него – да Ислам-князь, Аликей Нарыков, Кебек князь Тюменской, Дербышь-князь: те всю землю на лихо наводят; и запасы в граде многие; «а съвет их: послали на Арьскую засеку твоих же государевых изменников Япанчу-князя да Чапкунова племлника Шунак-мурзу да Арьскаго князя Явуша, а велел к засеке всех людей собрати, которые не в городе, и приходити на государевы люди и за засеку б воинских людей на Арьское не пропустить». И Камая-мурзу государь пожаловал с товарищи великим своим жалованием. – *О разрядстве воевод стати у города.* И призывает государь к себе брата своего князя Владимира Андреевича и царя Шигалея и бояр и воевод, и сказал Камаяв приезд и что Камай государю сказал. И съветовал государь, как поити к городу, и приговорил: стати самому государю и князю Володимиру Андреевичю на Цареве лугу близко Отучевы мизгити, а царю Шигалею за Булаком под кладбищем, а итти царю в болшем полку; а на Арском стати болшему полку да передовому да княже Володимерову Андреевича боярину и воеводе князю Юрью; а правой руке за Казанию за рекою, да казаком с ними многим; а сторожевому полку на усть-Булака, а левой руке выше его. И приказал государь дворовым воеводам и в все полкы послати велел, чтобы в всей рати приготовили на 10 человек по туру да всяк человек бревно на тын уготовал, да опъступя, даст Бог, город [202] и укрепят турами и тыном. Да приказывает государь всем бояром и воеводам, и головам и детям боярским приказывает и в все полкы: без его царского веления и в полкх без воеводскаго веления ништо бы не ездил травится к городу, дондеже время приспеет; и завещает государь сиа великим словом грозным, да не дрзько сътворят дело, дондеже утвердит крепости около града. – *Августа 23 поиде государь к городу Казани.* Пошел государь с Терен-узэка, урядя полкы, к городу, а велел итти ертоулу князю Юрью Шемякину да князю Феодору Троекурову, а с ним стрелцы и казаки пеши перед полкы; также пред всеми полкы головы стрелетцкие, а с ними их сотцкие, всякой своим стом идет, и атаманы с сотьцкими и с казаки, разделяся по чину; также передовому полку и болшему полку царю Шигалею и воеводам на Арьское поле вверх Булака у Кубана-озера, а правой руке велел ниже города за Казань-реку, а левой руке и сторожевому полку велел стати против города за Булаком. А сам государь пошел за большим полком, а за собою велел итти наряду и сторожевому полку и левой руке. И как государь вышел на луг против города, и велел государь херугви христианьские розвертити. сиречь знамя, на их образ Господа нашего Иисуса Христа Нерукотворенный, и наверх водружен животворящий крест, иже бе у прародителя его, государя нашего, достохвалнаго великаго князя Дмитрия на Дону, и велел начати молебная; а сам государь и князь Владимир Андреевич и все бояре и воеводы сошли с коней; и нача молебны пети пречистому образу Спасову и честному кресту на исхожение ратным. – *Речь царская ко князю Владимиру.* Царю же благочестивому взирающу на знамя, на нем же образ Създателей и животворящий крест, непрестанно слезы лиющие и молитвы Богу непрестанно възъсылающу, по скончании же молебнов призва государь к себе князя Владимира Андреевича и бояр своих и воевод, всех своих въинов, кои с ним в полку, и учал говорить умилно: «Приспе, князь Володимер Андреевич и все бояре и воеводы, время нашему подвигу еже за благочестие побарати подщитесь, пожалуйте, единодушно пострадати за благочестие, за

святыя церкви и за нашу православную христианскую веру, призывающе милосердаго Бога на помощь, не сумняся ничтоже, за едиnorodную нашу братию православныя христиане, еже напрасно от многих лет плененых и зле страждущих от безбожных сих Казанцов. Въспомянем Христово слово: ничтоже сего болши еже душа полагаги за други своя; припадем чистыми сердци к Създателю нашему Христу, попросим у него избаву бедным христианом, да нас не предаст в руки врагом нашим и не порадуются врази наши погибели нашей. Да и нам послужите, сколко вам Бог поможет, не пощадите голов своих за благочестие, несть бо си смерть, но животе; аще не ныне умрем. всяко умрем, и от сих безбожных как впред будем? Аз же сам с вами на се приидох, лутче собе избрах зде умерети, неже жити и видети имам за грехи свои Христа хулима и порученныя [203] мне от Бога христиане зле мучимых от безбожных Казанцов. А нечто нам милосердый Бог милость свою пошлет, видев вашу неотложную веру, поборающе по благодати, подаст помощь, якоже Его воля и яз вас рад жаловати великим жалованием, своею любовию, и всех вас недостаточная наполнити и всяко пожаловать, сколко милосердый Бог поможет: а кому от нас лучится пострадати, и аз рад жены их и дети до века жаловати». – *Ответ к царю*. Князь же Владимир Андреевич и вси бояре и воеводы единомысленно государю отвещаша со слезами и многим плачем: «видим тобя, государя, тверда во истинном законе и за православие не щадя себя и нас на то утвержающа, должни есмя вси единодушно помрети з безбожными сими Агаряны; дръзай, царю, на неже еси пришел, да збудетса на тебе, государе нашем, Христово слово: всяк просяй приемлет, толкущему отвергается». Слышит же благочестивый государь, еже не инако отвещают, но единомысленно с ним побарают за благочестие пострадати, и воспоминает, иже единомысленныя Господь вселяет в дом свой, и възрев на Создателев образ, еже всем слышати: «о Владыко! о твоём имени движемса и есмы; ты, Владыко, пособствуй нам силою крестною и укрепи нас силою честнаго креста и благодатию Святаго Духа!». На мног же час прослевишася вси полцы, видяще образ Христов и помощи просяще. И приходит к отцу своему духовному Андрею протопопу, и благословляет его протопоп крестом животворящим и глаголет ему: «дерзай, слуго Божий, ибо Той победит врагы, яко человеколюбец, человеколюбив бо владыка наш Христос!» Крестом его ограждает, и царь же крестом благословляется, а на враги ополчается. Повеле же государь всем полком крестом огражаться, възходит на аргумак, и радуются зело государем духовною радостию вси его воины, избрав лутше смерть, неже живот тленной, хотяще венчатися за Христа, и охрабрившеся вси благодатию Святаго Духа. И урядя полки поеде прямо к городу, я приидоша яртоулы государевы х Казани вверх Булака у Кабана-озера, и вылезли Казанцы из города и пришли встречу государевым полком; государева же заповедь, без веления да ништо не дерзнет на бой. Казанцы же, приехав, начаша стреляти на полк, а стрелцы государя нашего из пищалей на них стреляют; и Казанцы конные на пешие стрелцы приехаша, и князю Юрью Ивановичю Шемякину и князю Феодору велел ис своего детем боярьским пособити стрелцом. И сразившеся обоим, Руси и Татаром, и Богу помагающе православным, погнаша Казанцов и к самым врагам градцкым и Татар побиша, а иных уязвиша; и воеводы съехаша к городу и отселаха всех детей боярьских в полк. Государевы же все съхранены Богом быша, немногие ранены от них; из ыных же полков ни един человек не поехал: не повелено; и вси зряще и дивляхуся царьскому урядству и повелению. Царь же Шигалей и воеводы прешедше Булаку и став на Арьском поле, аможе повеле государь. – *Приход царьской х Казани* Государь же приехал на урочное место, где его царскому стану быти, в вторник 23. И повеле церкви поставити полотняные: Архистратига Михаила [204], другую Екатерину Христову мученицу, третью преподобнаго отца Сергия чудотворца, к немуже и по вся дни государь хождаше; и потом велел ставити шатры свои царьские. И устроя стан и сниде государь с коня и прииде к чудотворцу Сергию и молебнаа съвршив и в шатер вниде свой и приказывает воеводам, да хранят опасно порученное им от государя; и вси полкы стали по царьскому повелению. Назавтрие, в среду, повеле государь сторожевому полку воеводам, боярину князю Василию Семеновичу Серебряному да воеводе Семену Василиевичю Шереметеву, да левой руке воеводам, князю Дмитрию Ивановичю Миккулинскому да Дмитрию Михайловичю Плещееву, туры ставити по Булаку вверх от Казани от реки. И пришли воеводы против пятницы в ночи и туры поставили, дал Бог, без бою здорово; и стрелцы по воеводцкому повельнию на другой стороне Булака, к городу, закопалися во рвы, и не даде из города Татаром вылазити. И баня каменная, Даирова зовома, под городьскою стеною, и в бане стали казаки воеводскою посылкою. И пушкы к турам, и которым у тех тур быти,

привезли. – *Ертоулу бой был с Казанцы.* Того же месяца 25, в четверток, повеле государь за Казань итти яртоулу с верх-Казани с Арского поля, а правой руке ниже Казани за Казань же за реку, и стати против города. И вылазили на ертоула ис Казани-города многие люди Казаньские, и билися стрелами на обе стороны на много время, и сразившимся обоим и пособил ертоулу передово полку другой воевода князь Дмитрий Иванович Хилков з детми боярьскими и, Богу православным пособствующе, и потопташа Казанцов по самой город, иных от них убиша, а многих уязвиша, православнии же Богом съхранены бысть; ранены же быша и воеводы князь Юрьи. – *И в среду вечере бысть буря велика.* И того же дни бысть буря велика, и шатром царским и по многим полком падшесе, а на Волзе в острове многие суды порозбило, царьские запасы и всего воинства. И о сем бяше скорбь в людех; государь же посылает, а велит из Свиязьского города многие запасы привести, и недостаточным повелеше давати, а к Москве государь посылает, а велит к себе спешити с многою казною и з запасы многими, и зазимовати хотяше тут. – *Царь разсмотряет мест градских.* А сам государь едзяще не во многих людех круг града в все дни и в нощи и разсмотряючи мест, по коим местом крепости делати. И в пятницу, того же месяца в 26, повеле государь болшую крепость делати против Царевых ворот и Арьских и Аталыковых и Тюменских. И повеле из большого полку другому воеводе слуге князю Михаилу Ивановичу Воротыньскому своим полком соити с коней, итти пешему к городу и туры катити, болшему воеводе боярину князю Ивану Федоровичю своим полком быти на конех; а ис своего государь полку посылает головы на конех выборные з детми боярьскими, а велел государь того беречи: вылезут люди конные на князя Михаила, и князю Ивану делать, сколко Бог поможет; да из своего же государь полку послал детей боярьских [205] выбрав дородных, искусных ратному обычаю, а им розделя боярьских людей всякому сыну боярскому по сту человек, а велел им быти у князя Михаила пешим. – *О поставлении туров у града Казани.* Того же дни в вечернюю годину по государеву наказу поиде князь Михайло к городу и по государеву наказу устроя люди: наперед велел итти к городу стрелетцкым головам Ивану Черемисинову, Григорию Желобову, Федору Дурасову, диаку Ржевскому со их со всеми стрелцы, да отоманом казачьим многым с казаки да головам з боярьскими людьми, и туры велел покатити на уреченое место, а сам з детми боярьскими поиде пешь за ними. – *О вылазке из города Казаньских людей.* И как пошли к городу, и Казанцы вылезли многие люди конные и пешие, и обоим, христианом и Татаром, биущесе крепце на много время, и из пушек по граду и по воротам безпрестани биуще и стрелцы из пищалей, такоже и з города ис пушек и из пищалей стреляху, и бысть сеча велиа и приужастна, от пушечного бою и от пищалного грому и от гласов и вопу и кричания от обоих людей и от трескоты оружий и не бысть слышати друг друга глаголаннаго, бысть яко гром велий и блистание от множества огня пушечнаго и пищалнаго стреляния и дымного курения. И Богу помогающе православным, одолеваху безбожных и множество побиха Татар и в град вбиха их, и мосты градцкие наполнилися мертвых. И стаха головы стрелетцкие, стрелцы и головы з боярьскими людьми и казаки по рву града и стреляхуся из пищалей и ис луков; а князь Михайло Иванович утвердиша туры и землю насыпаша за 50 сажен от города, от реки от Булака и по ворота, против всего города с приступных мест, и велит головам всех людей отвести к турам и перед турами веляше стрелцом и казаком против города закопаться во рвы. А из города же вылазя, биущесе, и до полунощи приходяши х турам и биущесе и за руки имаюся, и Божиим поспешеством побиваху поганых православнии и во град вбиваху их; тако и чрез всю ночь биущесе безпрестани приходяши х турам и биущесе и за руки имающесе, ни мало сна приемлющи, и Божиею помощию побиваху поганых. Государь же благочестивый безпрестани велит в церквах молебная съврешати, и посылает государь по часом бояр своих, да утверждаются и не ослабевают биущесе. И на том бою Божиею помощию множество побита Казанцов, убили князя Ислама Нарыкова, Башканду Бранцова и Сюнчелея-багатыря, и многих князей и мурз побили. Православнии же по Божией благодати немногие падоша, от выборных голов з боярьскими людьми сын боярьской Левонтей Борисов сын Шюшерин, а многие быша ранены да Божиею благодатию вставающе; и о сем государь благодарение Богу въздает и впрел делом пространяет. – *Наряд болшей к городу прикачен.* И в субботу, 27 Августа повеле государь боярину своему Михаилу Яковлевичю Морозову наряд болшей прикатити [206] к турам; и посылает государь околничего своего Петра Василиевича Морозова, а велит у тех же тур быти, которые князь Михайло ставит. И боярин Михайло Яковличь прикатиша наряд и устроиша, как ему быти по местом; и начаша безпрестани по граду бити стено-

битным боем и верхними пушками огненными, побиваху многих людей из наряду; также и стрелцы пред турами в закопех не даваше на стенах людем быти и из ворот вылазити. многих побиваша. Того же дни послал государь околичего своего Ивана Михайловича Воронцова мест смотрити, где стояти болшему полку. А в то время вылазил из Крымских ворот Карамышь-улан, Кудайгу-уланов сын, те же бе ему ворота приказаны, хотяше добыти языка близ княже Иванова полку Мстиславского, полку же не собрану; и поскорившу князю Ивану Феодоровичю приити на них, и побиша их, Карамыша-улана жива изымавше; самово же князя Ивана уязвиша двумя стрелами, прочии же все здравы бысть христиане. И князь Иван Феодорович Карамышь-улана послал к государю царю великому князю, царь же веляше его крепко пытати. И сказывал Карамышь, что люди в городе в пятницу многие побиты, а царь Казаньской Едигер-Магмет и вся земля Казанская на смерть в городе затворилися и не хотя государю бити челом, Бог бо ожесточи сердца их, якоже и фараонови, да прославитца имя Его святое в нас. – *Приход Казаньских людей на передовой полк.* И в неделю, 28 Августа, приидоша с лесу многие люди Казанцы на Арьское поле и нападоша внезапно на передовой полк и поставленаго голову на сторожах от лесу Третиака Лошакова убиша. Воевода же князь Дмитрий Иванович Хилков поскориша приити на них, на станы бо его приидоша, и храбрствовавшу мужествене на них, крепце биющеся с ними, также приспевшу боярину князю Ивану Ивановичю Проньскому, помале из большево полку приспевшу боярину князю Ивану Феодоровичю Мстиславскому и княже Володимерову боярину Андреевича князю Юрию Оболенскому. Государю вестно воеводы учиниша, и государь вскоре повелел дворовым воеводам головы послати, и сам государь хотяше поспешити к своему делу. А онем же бившемся, и потопташа воеводы Татар по лес и рыздошася, живых от них изымаша Мырзу Шабологова сына княжево с товарищи; и на том бою от обоих же падоша и многим язвленным быша. Языки же государю сказывали, что проходили Япанча-князь да Евушь-князь из острогу от Арска, и мысль их в все места приходити х полком царьским, да где пакость сътворят. И в понедельник, 29 Августа, повеле государь правой руке, боярину князю Петру Михайловичю Щенятеву да воеводе князю Андрею Михайловичю Курбьскому, да ертоулом, князю Юрию Ивановичю Проньскому да князю Феодору Ивановичю Троекурову, за Казанию по берегу Казани-реки против города туры ставити. И [207] урядиша воеводы по государеву наказу по предиреченному, стрелецкого голову Ивана Ершова с стрелцы и многих атаманов напред послаша, и стали стрелцы и казаки по берегу и закопалися во рвы; из города же стреляюще ис пушек и из пищалей и из луков, а стрелцы на них стреляше из пищалей и казаки из луков Воеводы же туры поставили мужественно и землю укрепили и сами под турами стали, под цареву повелению, правая рука, а ертоул поиде на Арьское поле. Татарове же с леса выехав на поле Арьское конные многие и пешие и стаща близко лесу, а иным в лесу; государь же повеле своим полком брежно стояти, а с ними не битися, и заповедаша ни единому человеку не ехати травитца. Полцы же большей полк и передовой полк, болшие воеводы и княже Володимеров Андреевича боярин князь Юрий Оболенской, и головы с людьми царьского полку стояше через весь день. А государь велел в той день туры ставити с Арскаго поля против города, а послал от себя боярина князя Дмитрия Феодоровича Палецкого да Алексея Адашева, да другим воеводам передового полку и ертоулу, да со князем Дмитрием послал своего полку головы многие з боярьскими людьми, стрелецкого голову Якова Бундова. И поставиша туры от болших туров, что князь Михайло ставил, по Казань по реку против Кабатьцких ворот да Збойливых ворот да и Крымских ворот и Елбугиных ворот без бою: Казанцы не вылазили, толко стрельба была з города из пушек и из пищалей, из луков, а стрелцы и боярьские люди на них стреляше. И где нелзе турам быти, и государь, пересмотря место, повеле диаку своему Ивану Выродкову промежь тур тын ставити. И утвердиша государь град Казаньской своими крепостьми: ни в город, ни из города весть не проидет; и приказал государь боярину своему Михаилу Ияковличю Морозову круг всего города наряд поставити и бити безпрестани по граду. – *О побиинии Татар на Арском поле.* Того же месяца Августа 30, в вторник, умыслил государь послати на тех людей, которые с лесу на полкы приходят на царские и на кормовщиков. И послал государь боярина своего и воеводу князя Александра Борисовича Горбатого да боярина князя Петра Семеновича Серебреннаго, а с ними головы своего полку царьского з детьми боярьскими, и стрелецкие головы с стрельцы, и дети боярьские головы многие з боярьскими людьми, и велел князю Александру на них прямо с Арьского поля приити; а князю Юрию Ивановичю Шемякину з детьми боярьскими своим пол-

ком, да пешие же стрелцы и боярьские люди и Мордва, – тем государь велел итти от Казани-реки: как им князь Александр Борисович по времени весть подаст, так князю Юрию напустити. И как князь Александр Борисович вышел с всеми людьми, а пеших всех от Кобанозера послал лесом, Татарове же увидев князя Александра, вышли многие люди из лесу конные и пешие, и веляше князь Александр к ним немногим приблизитися. Татарове же вси устремившася на бои, и призвав православнии Бога на помощь, и напустил на них наперед с леса князь Юрьи Шемякин, а князь Александр Борисович уповаю на Бога и велегласно рече: «напустим. [208] время! Бог нас, то хто на ны?» и напустил с всеми людьми. Благовернии же вся устремившася на поганых и всесилного Бога помощию побили Татар вскоре на голову и 15 верст гнаша и биша их. И ста боярин князь Александр Борисович с товарищи на Килири-речке и веле трубити и съзывать ратных, по всем бо странам разгнашася на многие версты. И събра воя поиде назад по всему лесу зане всеми людьми, понеже многих Татар с коней позбили и они на лес валялися и пеши Татарове многие были по лесу разбежалися; и князь Александр поиде к полю лесом, и пешие стрелцы и боярьские люди от поля вси бяше на лесу, ищущи поганых и биюще их. Множество поганых на лесу побили, крыющася по лесу на дрове, а живых поймали и к государю привели 340 человек. И прислал князь Александр Борисович к государю Божиа щедроты возвестить голову его царьского полку князя Ивана Ивановича Кашина.

И слыша государь Божию милость на себе, царе православнем, и на всем православии и победу на нечестивых, и притече в церковь чудотворца Сергия з благодарными слезами и хвалу о сем милосердому Богу въздает и впред милости и помощи просит. Воеводы к государю приехали того же дни с всеми детми боярьскими, и государь их жалует великим жалованием и любовными словесы увещает и храбрство их похваляет и впредь жаловати их обещаетца. – *О послании в град Казань*. В град же благочестивый царь посылает единого от приведенных Татар з грамотою, а пишет к ним, чтобы государю царю великому князю били челом, и государь всех пожалует, а не учнут бити челом, и государь тех живых, кои пойманы живы, велит побити. Граждане же не учиниша ответу, и царь их, пред градом приведчи, велел всех побити. – *О подкове*. Того же месяца Августа 31, в среду призывает государь к собе немчина, именуема Размысла, хитра, навычна градскому разорению. и приказывает ему подкоп под град учинити. И нача подкоп творити от Булака-реки у околничево у Петровых тур Морозова промежь Талыковых ворот и Тюменских. – *Вспросе царской о воде*. И призывает государь к собе Кама-е-мырзу нововыежево из Казани, и роспрашивает, отколе воду емлют в городе. Казань бо реку уже от них отняли; такожде и полонеников, которые в те дни выбегали к государю. И сказывали государю, что есть у них тайник от Казани от реки, у Муралеевых ворот, ключь в берегу, а ходят к нему по подземелию. Государь же повеле сторожевому полку воеводам боярину князю Василию Семеновичю и Семену Васильевичю, да как възмогут испорухить путь их к воде; они же много покушашася, но не возмогша, твердо бо землею путь их к воде утвержен. И воеводы государю възвестили, что путь их близко той бани каменной, в которой бани казаки государевы от них стоят, и с той бани мочно подкопатися под тайник. – *О порушении тайника*. И государь послал к воеводам Алексиа Адашева, а с ним Размысла, а велел тот тайник Казаньской подкопывати; а велел ему на [209] то дело учеников отставити, а самому болшого дела беречи; и как изготовят подкопы и государь собе възвестити велел. И боярин князь Василей Семеновичь, прося у Бога милости прилежно о сем, по царьскому повелению пострадав о том в день и в ночь, и в десять день подкопался под мост. куды с водою ходят; и сам князь Василей с товарищи извесно видев и гласы Татарьские услышав, что с водою уже через них ходят. и възвестил государю.

Лета 7061 [1552]. Септевриа месяца 4 повеле государь боярину и воеводам князю Василию Семеновичю Серебреному и Семену Васильевичю и Алексию под тайник зелиа подставити 11 бочек. И в неделю, на ранней зоре, взорвало тайник и с людьми Казаньскими, которые по воду ходили, и стена городная оплела и обрушилася, и множество в граде Казанцов побилло камением и бревны, с высоты великие падающе, еже зелием взорвало. И люди в граде от страха помертвеша и много розни в граде сотвориша: овии хотеаху за неизможение бити челом государю нашему; инии изменьники воду начаша копати и не обретоша, но токмо мал поток докопашася смраден, и до взятia взимаху воду с нужею, от тое же воды болезнь бяше в них, пухли и умираху с нее. Царь же благочестивый по вся дни и по вся ноци призывает Бога в помощь и ездит по полком, такожде круг города и по всем туром, и велит крепити воеводам, да со опасе-

нием брегут дела его государева, и всех жалует и утверждает и труды их похваляет и жаловати их обещается; сия же по многы дни и нощи творяше. И по граду ис пушек беспрестани биюще, и Арьские ворота до основания збиша, и обламки збили, и множество людей побиваху, и верхними бои, огненными ядры и каменьями, чрез вся нощи сшреляше, да не опочивают поганиии. – *Поход воевод на Арьское место.* Того же месяца 6, в вторник, отпустил государь на Арьское место и на острог воевод своих на три полкы: в болшем полку боярин и воевода князь Александр Борисович Горбатой, боярин и воевода Захария Петрович Яковля; в передовом полку боярин и воевода князь Семен Иванович Микулинской да боярин и дворецкой Данило Романович; в сторожевом полку воевода князь Петр Аньдреевич Булгаков да князь Давид Феодорович Палецкой. Да у бояр же велел быти головам своего царьского полку з детми боярьскими, да с ними стрелецкым головам с стрелцы, да отоманом многим с казаки, да сеит Городецкой с всеми Городецкими Татары, да Еникей-князь с Мордвою Темниковскою, да горние люди многие, те и в вожах были. И пошли воеводы, напред полкы пошли у воевод пеши стрельцы и казаки, и как пришли на высокую гору к острогу а острог бе их рублен городнями и землею насыпан, а и в ыном месте многыми засеками засечено, а зделан промеж непроходимых болот, – *о взятии острога*, – и воеводы начаша говорити царевою речию детем [210] боярьским: «подщитесь послужить Богу и государю, все устремитесь на поганых!» Князь Семен Иванович и Данило Романович приближишася к вратом острога и повелеша детем боярским пешим пойти к острогу; головы же царева полку и сами с коней соидоша и поидоша ко острогу. И начаша приступати к острогу, стрелцы же изо множества пищалей стреляху, такоже из луков христианом и Татаром, и бе яко дождевая туча сильная частым краплям землю омочаху, такоже и ото обоих стрелам летаху и грому зучну бяху от пищалей. Онем же биующимся в воротех, а князь Александр Борисович и Захария Петрович, болшим полком направо пошедши да пришед к другому месту, такоже к острогу, такоже пешим повеле приити, понеже бо конми непроходимо: великие крепости у них поделаны и в лесу чашча великая. Православнии же призвав Бога на помощь и вкупе устремитася на сопротивных, поганиии же побежаша, Богу помагаючи, и одолеша царевы православнии вьеводы, взяша острог и Татар многое множество побили и живых двесте человек изымали. И пошли, воюючи и села жгучи, к Арьскому городищу; и пришедши на Арское городище, и бояре и воеводы послали головы царева полку, а сами на городище стояли два дни и пошли другою дорогою х Казани. И повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, а жены их и дети в полон поимали и много множество христианского полону свободили. Война их была на полтораста верст поперег, а в долину и по Каму: села повыжгли и скот их побили и безчисленное множество скота с собою х Казани в полкы пригонили. И съшлися к воеводам головы все из загонов дал Бог здорово. – *О пришествии воевод к государю.* И пошли воеводы к государю, а наперед послали известити государю неизреченное смотрение Божие и милость благочестивому царю и к всем христианом голову его царьского полку Семена Василиевича Яковля. Государь же Богом избранный прииде в церковь, много молитвенная со слезами изрече втайне и явствене възвещает: «что Ти въздам, Владыко, противу твоему благодарению, но токмо слезы и сердце сокрушенно? милостивый Владыко Христе подай съвршенную избаву бедному христианству: не нам, Господи, не нам, но имени твоему дажь славу». Воевод же своих любезно обиемлет и целование руки своей подает и жаловальными словесы великими увещает, храбрство и мужество их чествует; такоже и всех по чину воинов своих государь жалует. – Того же месяца повеле царь диаку своему Ивану Выродкову башту поставити у княже Михайловых тур Воротыньского против Казани Царевых ворот. И поставиша башту шти сажен вверх и взнесли на нее много наряду, полуторные пищали и затинные; и стрелцы с пищалми многие стали и стреляли в город по улицам и по стенам градным и побивая многи же люди. Поганиии же крыющеся в ямы и рвы копающе под врата градцкые и под стену рыюще норы под тарасы, – бе бо у них у всяких ворот за рвом тарасы великие, землею насыпаны, – из-за тарасов биющеся по вся дни и из нор, якоже змеи, [211] вылазя биющеся беспрестани день и нощь. – *О подвигании тур ко рву.* Государь царь благочестивый и великий князь повеле князю Михайлу Воротыньскому подвинуту тур к их рву против башты Арьские и Арьских ворот к тарасом против Царевых ворот. И князь Михайло не по един день подвигая туры и близая к рову, прося у Бога милости, великим смыслом и храбростию; Татарове же жестоко биющеся, не хотяше дати приблизитися православным; вьеводы же царевы, уповая на Бога, по государеву велению приближишася ко рву. В неделю повеле государь князю

Михайлу стати у тур у рву и у тарасов против Царевых, Арских ворот; и по государеву велению приидоша стрелцы и казаки и головы з боярьскими людми и ста по рву и биющесе велми, и ото обоих падоша; и князь Михайло туры по рву поставил, а до тарасов не придвинул: стрелцы и казаки многие поранены и послабели; и веле утвердiti, и за турами детей боярьских и стрелцов и казаков поставиша. Татарове же видят, что по Божию милосердию стали христиане на рвех у поганых, и промеж стены градцкие и тур царьских един ров трех сажен поперег, а глубина рву семи сажен, и биющесе беспрестани, ис пушек, ис пищалей и из луков стреляше и камением множество меташе. И в время обеда Руси многие разыдошася ясти, а им зряше, что не много людей у тур, вылезли изо рву, изо всех нор, из-за тарасов, и внезапно нападоша на туры; христианом же дрогнувшим, и бежаше от тур. – *О прогнании поганых и о укреплении тур.* Воеводы же царевы мужеством охрабрившесе и крепце нападоша на Татар; и видеви вси христиане, яко воеводы их биются с Татары, и вси устремишася на Татар. Изо всех мест поспешившим и Богу поспешествующе, православнии одолеваху, и вметахуся погании во рвы своя, воины же царевы и во рвех их побиваху, а они же норами своими в град утекаху. И тако сташа православнии и туры своя укрепиша. На том бою падоша от обоих, а сами воеводы многие уязвлены: князь Михайло Иванович многими оружии язвлен, но крепце доспех на нем прибываху, в лице же немного ранен; околничей и воевода Петр Морозов уязвлен, ранен болно в лице, отнесоша его з бою, да после оздраве; воевода князь Юрьи Иванович Кашин в перси ранен; такожде и головы стрелецкие и дети боярьские многи ранены. Да в тоже время Зейнешь-князь с всеми Нагаи и с многими Казанцы вылезли из Збойливых ворот на туры передовово полку и ертоула; но те туры не близ города, воеводам же зряше, и припустиша их близко тур, и удариша на них стрелцы ис пищалей, такожде и воеводы нападоша на них, и побиша их и гнаша их по рвы градцкие и побиша их многих; православнии вси Богом съхранены бысть.

Царь же благочестивый посла князю Михайлу в помощь околничего своего Алексиа Даниловича Плещеева, а на [212] Петрово место казначея Фому Петрова, такожде и головы в помощь посылая своего полку царьского з детьми боярьскими и многие головы з боярьскими людми. Царь же благочестивый ездя по полком круг города и к турам приходя, утвержая всех, да не ослабеют в бранех, дондеже Христос милость свою пошлет, и раненых воевод навещая и жалую; и вси видя государя благоразумна и мужествена в храбрых, въоружешесе храбростию на брань. И разсмотря государь и злонырство их и тарасы, что многие за тарасы гражане крыющесе, и повеле их подкопати. Того же месяца Септевриа 30, в пяток, велел государь под тарасы зелие подставити; как взорвет тарасы, и туры велел по рву против их Царевых, Арских ворот подставити, и по государеву велению уготуются на брань тех полков воеводы, которые были у тех тур; по иным же полком заповеда царь никакоже не приступати к городу. И зажгоша зелие, и взорвало тарасы и с людми Казаньскими на высоту великую, и с высоты бревна падоша в город и побиша множество Татар; гражаном же страху и ужасу наполнишася, на мног час стрелы от них налетаху. – *О поставлении тур.* Воеводы же став по рву против Царевых ворот и Арских, и Аталыковых такожде и Тюменских, по всему рву, и туры утвердиша: граждане же стекшесе со всех мест и вылесши из всех ворот и биющесе зле; воины же царевы жестоко приступивше к граду. Царь же благочестивый сам выеде к граду, и видеви воины царя своего и вскоре вси устремишася на град и мужествене бравшесе с неверными на мостех градных и воротех и такожде и о стенах; ис пушек же и стенобитиих и верхними ядры огненными и каменными беспрестани стреляху, и из пищалей стрелцы; воины же биющесе копии и саблями, за руки имаяся. И бысть сеча зла и ужасна, и грому силну бывшу от пушечного бою и от звуку и вопу от обоих людей и от трескот оружии, и от множества огня и дымнаго курения и згустившуся дыму, и покръ дым град и люди. Богу поспешествующе христианом, беша христиания на стенах градных и ворот града и в башне града от Арьскаго поля. Царь благочестивый видя воины своя на стенах и в граде биющесе, и князь Михайло Воротынской приказывает к государю, что в городе Казани, дал Бог, христиане многих Татар побили, да повелит царь с всех сторон приступити, войско же по иным полком не уготовлено х тому дни, – и повеле царь воеводам, такожде и ясоулов посылает многих, а велит из города и из стен люди высылати. Воином же не хотяше отоити от поганых, но с нуждею отсылаше их; стену же градную и ворота и мосты зажгоша, а в башни утвердишася и на стенах градцких и у Арьских ворот. – *Взятие Казанское.* Воеводы же князь Михайло Иванович и Алексей Данилович на стенах градцких и во граде в башни повеле крепкими щиты заставитися и туры засыпати землею, и сидяще на граде два дни и две нощи, ожидая приступу; Татарове же ставя трубы про-

тив тех ворот и пробитых мест и землею насыпаху. – *О горении мостов.* [213] Мосты же у Царевых ворот и у Аталыковых и у Нагайских – и чрез всю ночь горело – и стена городная обгоре и земля из города сыпаса, и бе бо весь град насыпан землею и хрящем. – *О готовлении ко очищению.* Царь же благочестивый повеле во всех полцех уготовитися х приступу к неделе, и очистятца вси и у отцов духовных исповедаютца, достойны же благодати сподобятся, приближи бо ся день, въонже пити общая чаша всем. – *О наполении ровов и мостов.* Месяца Октомвриа 1, в субботу, на Покров святяя Богородици, повеле государь рвы наполняти лесом и землею и многие мосты устроити да из болшого наряду безпрестани бити; и биша чрез весь день и збиша до основания стену градскую. – *О послании во град Казань.* Государь же христианский царь благочестивый, не хотяше крови челоуечская зрети, посылает ко граду Камаея-мурзу Казанца и горних людей, чтобы государю били челом, а видят милосердие Божие, люди царевы в городе: почнут бити челом и учинятца в воли его царьской и изменников отдадут, и государь им гнев свой отдаст и некоторого им лиха не учинит. Казанцы же в граде единым гласом реша: «не бием челом! на стенах и в башне Русь, и мы иную стену поставим, да все помрем или отседимся». Якоже юроди несмысленнии отвещаша, Бог бо ослепи злобы их, еже не замети царева пред собою исправления. Царь же православный рече: «премилостивый царю Боже! зри сердце наю якоже с всеми покорением посылах к ним, они же избравше кровь ниже покою, и обратися болезнь их на главу их и буди кровь на них и на чадах их». – *О розрядстве воеводском, как приступати ко граду.* И посем благочестивый царь повеле всем людем готовым быти в полцех, хотя приступати ко граду, и отобра множество воинства своего и повеле боярьским людем всем по предиреченному головы устроити, выборных детей боярьских и наученых ратному делу, всякому сыну боярьскому по сту челоуек. И напред велел приступати со всех сторон атаманом с казаки и головам з боярьскими людами да головам с стрелцы; и как, даст Бог, люди у города будут и на стенах, государь велел помогати другим воеводам изо всех полков з детьми боярьскими; также учреди всякому сту сынов боярьских царьского полку выборная голова; последи же повеле и болшим воеводам ис полков пособляти со всеми людами. Царю благочестивому и брату его с ним князю Владимиру Андреевичю с своими полки стати против Царевых ворот на посаде от кладбища и помогати на все стороны, как Бог устроит. А от сторон государь с лесов велел беречи полков, и для сильной вылазки из города и пробивания на лесы, на Арьском поле и на дорогах на Арских и на Чювашьских велел государь быти царю Шигалею, а с ним все князи и мурзы Городецкие, да боярину и воеводе князю Ивану [214] Феодоровичю Мстиславскому своим полком, да горним людем велел с ними же быти. А на Нагайской дороге велел быти боярину княже Владимирову Андреевича князю Юрию Оболеньскому с полком да голове з дворяны своего царьского полку князю Григорию Феодоровичю Мещерьскому. А на Галицкой дороге за Казанию-рекою велел государь быти воеводе своему князю Ивану Ромодановскому с людами, близко Бежеболды, да княже Володимирову Андреевича воеводе Ивану Угрюмову Заболотцкому; да за Казанию же рекою велел быти голове з дворяны же своего царьского полку Михаилу Ивановичю Вороному; а вверх по Казани у Старово городища голову Михаила Петрова Головина. Того же дни розрядя государь по местом, где кому быти, и отпустил, да всяк готовится и строит, где кому повелено быти. – *О поможении воеводам друг другу.* А воеводам гасударь велел приступати, как, еже даст Бог, взорвет подкоп; из башни и в пролом пойти по времени, как государь приказал, слуге князю Михаилу Ивановичю Воротыньскому да околничему Алексею Даниловичю Басманову; да и в пробитые в все места велел им устроити и послати головы по царьскому розряду; а в другой пролом за Аталыковыми вороты велел от князя Михаила же казначею Ивану Фоме Петровичю; а помагати им царю и великому князю своим полком. А в Кабатцкие ворота воеводам передовово полку; наперед князю Дмитрию Ивановичю Хилкову, а помогати ему боярину князю Ивану Ивановичю Проньскому. А в Збойливые ворота яртоулу: наперед князю Феодору, а помогати князю Юрию Ивановичю Шемякину. А в Елбугины ворота от Казани-реки воеводе князю Андрию Михайловичю Курбьскому, а помогати боярину князю Петру Михайловичю Щенятеву. А в Муралеевы ворота воеводе Семену Василиевичю Шереметеву, а помогати боярину князю Ваеилию Семеновичю Серебряному. А в Тюменьские ворота воеводе Дмитрию Михайловичю Плещееву, а помоати воеводе князю Дмитрию Ивановичю Микулиньскому. И всем государь приказал готовится х третьему часу дни въскресения. – *О бытии царском наедине со отцом духовным и о въоружании.* И в субботы на неделю в ноци той был государь наедине с отцом своим духовным Андреем протопопом; и нача въоружатися, юмшан на себя класти, и слышит звоны многие и ближним своим говорит: «звоны де слышно, как бы Симо-

нова монастыря звон». И внят царь в сердцы своем, яко быти благодати Божии на нем, и иде государь в церковь и нача заутреню пети. – *О подставлении зелиа под город.* И прислал к государю князь Михайло Воротынской: «Размысл деи зелие под город подставил, а з города деи его видели, и невозможно деи до третиаго часу мешкати». Царь же благочестивый посылает по всем полком възвестити, да вскоре вси уготовятся на брань. – *Иде государь в церковь.* Сам же государь иде в церковь и повеле [215] правило поскорю совершити, а самому государю многиа слезы от очию своею испущающи и у Бога милости просяще; свету же приближившуся, и отпустил царь воевод своего полку царьскаго боярина князя Володимера Ивановича да боярина Ивана Васильевича Шеремьтева и всех полков, а велел на урочном месте стати у города, а своего царьскаго приходу ожидати. – *О слушании божественна литоргии.* А сам царь литоргию велел начати, хотяше бо святыни коснутися и, съвръша литоргию, отдати Божиа Богови и поехать в свой полк. Литоргию же наченшу, страшно же убо и умилению достойно в то время благочестиваго царя видети в церкви въоружена стояща. доспеху убо на нем ничимъже прикрыту, но тако и всем сущим с ним въоруженным и тщасимся к смертному часу за благочестие [...]

О взрвании подкопа. И се прииде время литоргии чести святое Евангелие, солнцу уже възходящу, и егда кончавше диакон и възгласи последнюю строку в Евангелии: «и будет едино стадо и един пастырь», – и абие якоже сильный гром грянул и велми земля дрогну и потрясеся. Благочестивый же царь из церковных дверей мало поступи и виде градскую стену подкопом вырвану, и страшна убо. зрением земля, яко тма, являшеся и на великую высоту възходяще и многие бревна и людей на высоту възметающе поганых. Царю же благоверному на молитву уклонившуся, и се внезапно второй подкоп градскую стену грознее перваго сътвори, и множество граждан на высоте являшеся, овем на полы прерванным, а иным же нозе и руце оторвани, и с великой высоты бревна падаше в град и множество нечестивых побиша. – *И поиде воинство царское с всех стран на град.* И вси воины православнии, Бога на помощь призвавше и кликнувше: [216] «Бог с нами», а овем же «с нами Бог», и со всех сторон вскоре устремишася на поганых. Татарове же в граде сквернаго своего Магмета лживаго и съветников его призывают к собе на помощь и говорят: «вси помрем за юрт». И биующимся обоим в воротех и на стенах крепце, царь же благочестивый стоя в церкви и моля Създателя Бога, также и вси людие с великим вопом и плачем и стенанием сердечным призывая Бога на помощь, и се прииде некий ближний царев, глагола ему: «се, государь, время тебе ехать, яко бо убо биующимся твоим с неверными, а многи полкы тебя ожидают». Царь же отвеща ему: «аще до конца пенна дождем да съвръшеную милость от Христа получим». И се вторая весть прииде от града: великое время царю ехать, да укрепятця воины, видев царя. Царь же въздохнув из глубины сердца своего и слезы многи пролия и рече: «не остави мене, Господи Боже мой, и не отступи от мене, вонми в помощь мою». И прииде ко образу чюдотворца Сергия и приложися к нему и любезно целова образ и рече: «угодниче Христов, помогай, помогай нам молитвами твоими!» И причастися святая воды и доры вкусив, тако и богородична хлеба, и литоргии скончанне бывши, и благословляет его отец его духовный и зрядный Андрей протопоп животворящим крестом. – *Поиде царь в полк свой.* Исходит царь из церкви, молитвою въоружен, и обращься к своим богомолцем, рек: «меня благословите и простите, а вы безпрестанно Бога молитесь, а нам молитвою помогайте». И вступает государь в бранное стремя и восходит на конь свой и поскорю поиде к полку своему к граду. И виде государь знамена христианские уже на стенах градных, и приехал самодржец в полк свой и по всем странам посылает, утвержая воины. И видев вси люди, яко государь приближился к ним и мужествене храбрствует с ними, и в той час от всех стран, якоже на крылех, на стены градские възлетели, такоже и с стен в град, биющеся в всех местех жестоко. – *Бысть сеча в граде Казани.* К государю же от князя Михаила Воротынского говорят, что Божиим милосердием люди царевы в граде биются с неверными, а государь бы им помогал. Царь же посылает головы из своего царьскаго полку, а велит пешим спешить и помогати своим, на конех бо невъзможно: теснота в граде великаа в хоромех, такоже и от множества людей. Головы же царьские з детми боярьскими мужествене нападают на иноверных, и биющеся царевы воины во всех местех от всех ворот мужествене, за руки имаяся, копии и саблями, в теснотах ножи режуще; во многих улицах с обох сторон христианом и Татарам ударившеся во многи копиа и на мног час стояще на копиах, ни единым поступившим. – *Божиею помощию одолеши православнии Татар.* Богу же помогающе православным, поверх хором ходящим христианом сверху побивающе Татар, к государю же из всех мест воеводы прикавывают: «воины твои крепце биются и Бог помогает по тебе, царе благочестивом, но многи слабые емлют

съкровища Казанские, и ты, царю помогай нам». Царь же посылает бояр [217] своих и многих ближних забивати тех, да не падают на съкровищех, такожде и помогают своим; и головы своего царьского полку посылает с людьми в все места помагати. И приближа христиане к мечите х Кулшерифу х Тезитьскому врагу, и тут с Кулшерифом-молною многие неверные совокупившеся и зле биющеся, – *убиша Кулшерифа с его полком* – и Божиим милосердием одолеваху православнии Кулшерифа, со всеми его побиша. Татарове же побегоша вси на царев двор, воины же православнии приближшеся х цареву двору и сечаху нещадно нечестивых, мужей и жен, по удолием крови течаху. И Татаром събравшимся на цареве дворе, и видеша свою конечную погибель и реша друг к другу: бежим убо из города скоро от них, яко Бог поборает с ними, множество наших умроша». И побегоша все к Елбугиным воротам, и нача с града метатца и в ворота пробиватца, и многие к лесу на бегство устремишася. И в той час поведаша благочестивому царю, что з города многие люди сметалися и за Казань на бежание устремилися. И в том месте были воеводы боярин князь Петр Михайлович Щенятев, и напустил на них полком своим, и многих у них убиша; а воевода князь Андрей Михайлович Курьбской выеде из города и вседе на конь и гна по них, и приехав в всех в них; они же его с коня збив и его секоша множество и преидоша по нем замертво многие, но Божиим милосердием последи оздравеле. Татарове же побужаша на рознь к лесу. Царь же благочестивый послал к Бежьболде боярина князя Семена Ивановича Микулинского да оружничево Лва Андреевича Салтыкова, а за Казань боярина князя Михаила Василиевича Глиньского да боярина дворовово воеводу Ивана Василиевича Шереметева; и там за Казанию были голова царского полку Михайло Вороной да княже Владимиров Андреевича воевода Иван Угримов. Бояре же и воеводы Божиим милосердием побили множество поганых, и тамо они толико множество побили: от реки от Казани и до леса и в лесе многие мертвии лежаше, и немногие утекли, многими ранами ранены. – *О избииении поганых*. И уже помощию всесилаго Господа нашего Иисуса Христа, молитвами нашея Владычицы и Богородицы, и пособлением и заступлением великого Архистратига Михаила и прочих сил бесплотных, и великих чудотворцов молитвами и сродников царя нашего православнаго и всех святых молитвами – *одоление царское над враги* – благочестивый и Богом венчаный наш царь православний и великий князь Иван Василиевич самодержец всеа Русии брався с нечестивыми, и одоле их до конца, и царя Казаньского Едигер-Магметя изыма, и знамена их взяша, и царство и град многолюдной Казаньской въсприят. В полон же повеле царь имати жены и дети малые, а ратных за их измены избити всех, и стол множество взяша полону Татарьского, якоже [218] всем полком Рускым наполнитися: у всякого человека Рускаго полон Татарьской бысть; христианьского же полону множество тысящ душъ свободы. А побито их в граде толико множество лежаша, яко по всему граду не бе где ступати не на мертвых; за царевым же двором, где на бегство предалися ис стен градских, и по улицам костры мертвых лежаше с стенами градными ровню; рвы же на той стороне града полны мертвых лежаше; и по Казань по реку и в реке и за рекою по всему лугу мертвии погании лежаша. *Царь хвалу Богу въздает* Видев же благочестивый царь и великий князь Иван Василиевич всея Русии таково милосердие Божие на себе и на всем своем христоролюбивом воинстве, и руце возведе ко Господу, благодарныя молитвы приношаше [...] *Здравствуют царю государю на царстве Казаньском*. И тут князь Владимир Андреевич и вси бояре и воеводы здравствовали государю: «радуйся, царю православный, Божиюю благодатию победивый сопостаты! буди государь, здрав на многие лета на Богом дарованном тебе царстве Казаньском! ты еси во-истинну по Бозе наш заступник от безбожных Агарян, тобою ныне бедные христиане свобожаются на веки и нечестивое место благодатию освящается; и вперед у Бога милости просим умножити лета живота твоего, и покорить всех съпостат твоих под нозе твои и даст ти сынове наследники царству твоему, да и мы в тишине и покои поживем». – *Ответ царьской*. Государь же им со умилением отвеща: «Бог сия содеял твоим, брата моего попечением и всего нашего воинства [219] страданием и всенародною молитвою; буди Господня воля!». – *Царю и государю здравствует царь Шигалей*. Такожде, приехав, и царь Шигалей здравствует государю: «буди, государь, здрав, победив съпостаты и на своей вотчине на Казани в веки». – *Ответ царьской к царю Шигалею*. Государь же ему благочестивый отвеща: «царь господине, тебе, брату нашему, ведомо: много есми к ним посылал, чтобы похотели покою; и тебе жестость их ведома, каким злым ухищрением в многие лета лгали и сколко крови христианские проливали; и Бог милосердый праведный суд показал нам, милосердие свое, а им мстил кровь христианскую». – *О въезде царьском в град*. И повеле государь едину улицу очистити к цареву двору, от Муралеевых ворот, мертвых понести; и едва очистили,

и государь въехал в град. Пред ним ехали воеводы и дворяне многие да з животворящим крестом Андрей протопоп, а за государем ехал князь Владимир Андриевич и царь Шигалей. И приехал государь на царев двор; воеводы же и вси людие православнии здравствоваша государю, и великим гласом кликнуша люди: «многа лета царю благочестивому победителю варварьскому! буди, государь, здрав на Богом дарованней тебе вотчине в веки!» И видеша православнии людие животворящий крест и царя благочестиваго в запустенной мерзости Казаньской. Преже на том дворе нечестивые цари водворялися и многая кровь христианская в много лет проливалася и много бед христиане принимали, ныне же всиа на нем праведное солнце, самое древо животворящее, животворящий крест, и образ Владыкы нашего Христа и пречистыя Его Богоматере и великих чудотворцов. И православный благочестивый царь, добрый страдалец, з братом своим князем Владимиром Андреевичем и со всем христианьским воинством и вси людие благодарение Богу воздаша и рекоша: «Благодарим Тя Владыку Христа, иже в нынешнем роде последнем сиа чудесная соделавша, в темном месте, в запустенной мерзости свету твоему истинному всиавшу, вместо сквернаго Магмета и его прелестников крест свой животворящий и образ свой пречюдный нам грешным покававшу, и иноплеменный род с царями их безвести сътворивше в един час. Слава Тобе, Царю Владыка наш Христе, в Троицы славимый, давший нам такова государя христианом царя в последнее время, якоже прежних царей благочестивых, храбра и мужествена и в заповедех твоих живуща и благоразсудна, милостива и длъготръпелива съгрешающим и от врагов нас избавляюша». Царь же благоверный въздав хвалу Богу и приказал в град воеводам, велел огни гасити и многая сокровища Казаньская велел всему своему воинству имати; на себя же государь не велел имати ни единыя медницы, ни плену, токмо единого царя Едигер-Магмета и знамена царьские да пушки градские; вся же сокровища Казаньская и жены их и дети велел всему своему воинству имати. А сам государь поехал на свой двор за город, где преже стоял, и прииде в церковь Сергия чудотворца, много слез изливая [220] и Богу благодарная възсылая и с всем воинством. И поиде государь к столу, и вся своя воя благодарными словесы утешая, и всех жаловати обещаваеця, и раненых воевод и всех воинов всякими доволы учреждает. – *О послании к Москве.* И посылает государь к Москве, Божиа величия чудесная дела възвестити, к своей царице Анастасии и ко отцу своему и богомолцу Макарию митрополиту и к брату своему князю Юрию Василиевичю боярина своего и дворецкого Данила Романовича Юрьева. – *О посылке по улусом.* А сам государь послал по всем улусом черным людем ясачным жаловалные грамоты опасные, чтобы шли к государю, не бояся ничего; а хто лихо чинил, тем Бог мстил; а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним Казаньским царем. – *Арьские люди прислали к царю государю бити челом.* И прислали к государю Арьские люди бити челом казаков Шемая да Кубиша з грамотою, чтобы государь их черных людей пожаловал, гнев свой отдал и велел ясаки имати, как и прежние цари, и прислал бы к ним сына боярьского, хто бы им сказал цареву жалованое слово, а их събрал, понеже он с страху разбежался, и они бы, учиня государю правду, дав шерть, поехали к государю. И царь и великий кязь послал к ним сына боярьскаго Микиту Казаринова да Камай-мурзу Казаньского. А с Луговой стороны такоже Черемиса приехала к государю бити челом, и государь их пожаловал. – *О священи града.* Того же лета, Октября 4, город Казаньской вычистили от множества трупия мертвыхъ, и государь поехал в град и избрал место среди града и въдрузил на нем крест своима рукама царьскыма и обложил на том месте храм во имя пречистыя Владычицы нашиа Богородицы честнаго Ея Благовещения. И пел молебн протопоп Андрей с игумены и священники и свята воды; и поиде государь царь с кресты по стенамъградским и освятя град во имя святаго и живоначалныя Троица, Отца и Сына и Святаго Духа, и пречистыя Его Богоматери и великих чудотворцов. – *О освящени церкви* Того же месяца б свещал государь церковь съборную Благовещение Пречистыя, а свещал Андрей протопоп да с Свиаги Рождественьской протопоп Офонасей с игумены и священники. – Того же дни выбрал царь и государь въевод, кого ему оставити после себя в Казани, болшого боярина и воеводу князя Александра Борисовича Горбатого – тому в цареву место управляти велел – да боярина и воеводу князя Василиа Семеновича Серебренного и иных воевод многих, да с ними оставил дворян своих болших и детей боярьских многих и стрелцов и казаков. – *Государю били челом Арьские люди.* Того же месяца 10 приехал Никита Казаринов да Камай-мурза, а с ними многие Арьские люди, и царю государю били челом, чтобы им государь милость показал, а они всею землею государю бьют челом и ясаки дают. И царь государь черных людей и Арьских пожаловал, ясаки на них [221] велел имати прямые, как было при Магмеделиме царе, и приказал боярину своему князю

Александрю Борисовичю, а велел их к шерти привести и ясаки на них имати и во всем их управливати. – *Государю били челом луговые люди*. Того же дни луговые люди из Як и изо многих мест к государю приехали, а бьют челом государю ото всех луговых людей, тако же, как и Арские, хотят государева жалования. И царь и государь их пожаловал по тому же, приказал боярину своему их к шерти приводить и управу чинить; и того дни правду ото всех черных людей дали. – Того же месяца 11 приговорил государь з братом своим со князем Владимиром Андреевичем и с всеми боляры итти к Москве: самому государю итти Волгою в судех, а в конной отпустил слугу и воеводу князя Михаила Ивановича Воротыньского с товарищи и итти им на Василь-город берегом. – *О походе ис Казани*. И того дни царь и государь слушав молебна у Благовещения Пречистые и положила всю надежу на милосердаго Бога и пречистую Его Богоматерь и великих чудотворцов и рек: «Ты, Владыко наш Христе, сиа съделал, Ты соблюди во имя свое град и люди!» И приказал боярину своему и воеводе князю Александру Борисовичю с товарищи все творити по своему царьскому наказу и поиде к Волге и того дни начевал на берегу у Волги. А назавтрее сел государь и з братом своим в ушкулы и погреб вверх Волгою и пригреб того дни в Свиазьский город и тут начевал. И приказывал боярину и воеводе князю Петру Ивановичю горних людей управливати и ясаки имати, и в всем их беречи велел, и горним людем всякую управу велел чинити в Свиазском городе, а луговым и Арским велел управу в Казани чинити, а о смесных делех горним с Казаньскими государь велел ссылатися воеводам Казаньским с Свиазьскими и Свиазьским с Казаньскими [...] [222]»

38. Документы Астраханской губернской канцелярии о миграции казанских татар из Российской империи в Крымское ханство 1754–1755 гг.

В публикации представлены документы, отражающие миграцию казанских татар и представителей других тюркоязычных народов Поволжья из России на территорию Крымского ханства, их нахождение в столице Османской империи с целью получения турецко-крымского подданства, а также противодействующие этому меры, предпринятые российскими центральными и региональными властями в 1754–1755 гг. Кроме освещения данных аспектов, публикуемые источники содержат уникальный случай фиксации автоэтнонима *булгар*, заявленного мигрантами.

Данные документы отложились в фонде № 394 Государственного архива Астраханской области (ГАО), содержащем остатки архива Астраханской губернской канцелярии (1717–1786), в двух делах по описи № 1: деле № 1812, с заголовком: «Указ Правительствующего Сената из Государственной военной коллегии о расследовании массового побега магометан в Татарскую орду», 11 листов, и деле № 1757 – «Дело о борьбе с бегством татар казанских в Крым», 27 листов. Документы представляют собой оригиналы, имеющие четкую делопроизводственную нумерацию и находящиеся в хорошей сохранности.

Выборка документов для публикации производилась по критерию максимальной информативности в отношении причин, направлений, количественных показателей, обстоятельств данной миграции. Документы переданы во фрагментах, в экстрактном изложении. Текст воспроизведен средствами современного русского алфавита и правописания.

№ 1

1755 г., января 26. – Императорский указ из Правительствующего Сената Астраханской губернской канцелярии о секретном расследовании обстоятельств тайной миграции казанских татар и принятии мер по предотвращению таковой. Фрагмент

1 18 января Государственная коллегия иностранных дел представила в Сенат сообщение от российского резидента в Стамбуле А.М.Обрескова, написанное 1 ноября 1754 г.¹, «о маго-

¹ Рассмотрение этого сообщения на заседании Сената отражено в публикации: Сенатский архив. Т. 9: Протоколы Правительствующаго Сената. 1753–1757. СПб, 1901. С. 311. 19 ноября 1754 г., т.е. еще до представления Государственной коллегией иностранных дел сообщения А. М. Обрескова, Киевская губернская канцелярия направила ордер в Запорожскую Сечь о тайной посылке казаков в Крым для разведывания «о бежавших из России, Казанской губернии, подданных магометан семидесяти душ в Ак-Керман... где они селение свое начали иметь». Дважды отправляемые для дознания запорожцы не смогли

метанах из Российской империи в Белгородскую орду¹ в семидесяти человеках бежавших... В конце сентября пришел туда, [в Константинополь], десять человек ис числа тех семидесят, бежавших из империи ЕИВ* в Акирман или Белгородскую татарскую орду магометан, подданных ЕИВ. Называя себя болгарами, [они] принесли Порте жалобу о чинимых им в империи ЕИВ огненными и другими разными мучениями, ко оставлению магометанской их веры принуждениях, и просили о дозволении им в Турецком государстве места, куды нация их, состоящая около тритцати тысяч душ, переселится могла. На что тем пришедшим (кроме вновь приходящих) и дозволено. [Порта приказала], чтоб хан крымской отвел им // **1 об.**, по благоизобретению его, пристойное место, с чем оные в самой тайности в Крым и отправлены, не быв там более, как только дни с четыре, да и то весьма скрытно. И он, резидент, о звании тех урочищ, откуда оные вышли, и о именах их, по додержимой ими осторожности невозможши получить удовлетвительного, старался достать поданную ими верховному визирю челобитную, и хотя оную и достал, но також нужного [в ней] не объясняется, потому что ни мест, откуда они вышли, ни о званиях их не означено. А простое имянование быть болгар толь наивящую темность наносит, потому что оная нация вся исповедует православную христианскую веру, и разве казанские татары в тех местах, где болгары наперед сего жителство имели, поселили[сь] и звание их приняли. Но как сие ему, резиденту, неизвествно, то и ниже требование ево на добром основании утвердить мог, потому пристойнее признал воздержатца, во ожидании, не соизволит ли ЕИВ, высочайше повелев, в Казанской и протчих губерниях, где магометане живут, справится, ис которого места оные семдесят душ отбыли, а по такому нарочитому числу оставшие не неведомы быть не могут». *На это представление Сенат постановил: в Казанскую, Нижегородскую, Воронежскую, Астраханскую, Оренбургскую и Сибирскую губернские канцелярии послать указ о секретном исследовании дела о побеге.*

Помета: получен 26 февраля 1755 года.

ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1812, л. 1–1 об.

№ 2

1755 г., августа 31. – Императорский указ из Государственной коллегии иностранных дел астраханскому губернатору генерал-майору А.С.Жилину о выявлении казанских татар и башкир, едущих с тайными письмами в Османскую империю. Фрагмент

11 «...Понеже некоторые из башкирцов отважились ныне на противности², и хотя к усмирению их надлежащие учреждения учинены, однако ж, ежели бы иногда беспокойство там продолжилось, то не без сумнения есть, чтоб те противники не послали от себя кого и к Порте Оттоманской, а особливо в Крым и на Кубань для какого соглашения или требования помощи. Того ради имеете вы во всех вашего ведомства местах и фарпостах приказать, не объявляя о противностях башкирских, предостерегать и прилежно осматривать, не явится ли кто из башкирцов или из ближних к ним казанских татар, за границу едущей с какими писмами или со словесными приказами, каковых и других от них посланных, ежели где окажутся, велеть ло-

выяснить их местоположение (Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. Т. 4. К., 2006. С. 55, 57).

¹ Белгородская или Буджацкая орда. Сформировалась на рубеже XVI–XVII вв. в Северо-Западном Причерноморье в результате миграции ногаев из Волго-Уральского региона, образовавших локальную группу – *аккермен ногайлар* (название происходит от турецкой крепости Аккермен – современный Белгород-Днестровский, Одесская обл., Украина); находилась в составе Крымского ханства.

* Здесь и далее представленный в оригинале титул «ея императорское величество», написанный заглавными буквами, передается в аббревиатуре.

² Речь идет о восстании башкир мая 1755 – лета 1756 гг., духовным лидером которого был Батырша Галиев (см.: Худайгулов Т.С. Батырша Галиев – идеолог башкирского восстания 1755–1756 гг. // История науки и техники. Специальный выпуск № 5. Уфа, 2008. С. 47–50). Миграцию казанских татар, которая произошла накануне этого восстания, следует рассматривать в общем контексте недовольства мусульманского населения Волго-Уральского региона усилением централизаторской политики российских властей (включая и насильственную христианизацию) в первой половине XVIII в. (см.: Байдакова Н.Н. Политика российских властей по отношению к нехристианскому населению и новокрещенам в XVI – начале XX вв. Дис. ... к.и.н. М., 2006. С. 86–97).

вить, и, отобрав, буде у них будут писма, оные присылать немедленно в Коллегию иностранных дел, а самих держать // **11 об.** под крепким караулом. А сей указ для лутчаго секрета содержать вам у себя, не отдавая в канцелярию, и по сему делу кроме Коллегии иностранных дел никуда не писать. О сем же указы отправлены и генерал-маиору Ефремову, к бригадиру Сомову и к полковнику Спицыну...»

Помета: получен 21 сентября 1755 г.

ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1812, л. 11–11 об.

№ 3

1755 г., июля 23. – Императорский указ из Правительствующего Сената Астраханской губернской канцелярии, излагающий известие о выявлении мигрировавшего в Крым казанского татарина, получении от него сведений о подготовке массового переселения казанских татар за границу и содержащий приказ о мерах по предотвращению такового. Фрагмент

*1 21 июля 1755 г. Государственная коллегия иностранных дел представила в Сенат экстракт, присланный киевским вице-губернатором И. И. Костюриным 8 мая 1755 г., который сообщил: «мая 5 числа отправленной от него к хану крымскому с писмами киевского гарнизона прапорщик Климовской из Запорожской Сечи репортовал, что де он, в бытность ево в Бакцысарае, уведомился, что в Крыму, городе Карасеве¹, живет Казанской губернии беглою татарин, и некоторым открылся, что он зашел туда ис Казанской губернии не один, но и протчих де уже немалое число для разведывания в тамошних крымских местах порозжей к поселению земли тамо имеется, объявляя причину, что якобы почти все их татар в той Казанской губернии перебрали в солдат и силуют де креститца, а в Крыму де жить им поволнее, да и вера де у них такая ж. И для того де до дватцати человек, бывшия в нынешнем 1754-м году в крымской стороне, возвратились оттуда во оную Казанскую губернию, в дома свои, для объявления другим и для забраня жен и детей и именей своих, и намерены де ис той Казанской губернии бежать в Крымскую сторону степью мимо Царицына и Черного Яру. А перевозитца де будут чрез море на Ениколе², а при переходе ис Казанской губернии в Крымскую сторону убирали они жен своих в мужское платье и называли их работниками, а детей своих – якобы для обучения купеческого промыслу, и переходили в Царицын. // **1 об.** По указу ЕИВ Правительствующи Сенат приказали в Казанскую губернскую канцелярию послать указ с нарочным, велеть наисекретнейшим образом о таком оных татар намеренном побеге чрез надежных людей разведывать и как при даче указных пашпортов, требующих для работ и купеческих промыслов, так и в жилищах их, где оные таким образом з женами и з детьми, как во оном экстракте показано, и приходу мимо Царицына и Черного Яру убираются, под рукою, не давая никакого виду, усматривать. И ежели где такая з женами и з детьми, наряжая жен в мужское платье, к такому побегу совершенно подозрительными окажутца, таковых взяв под караул секретно спрашивать и следоват и что по следствию окажется, тамож и не явитца в жилищах их чрез такой таинный побег опустелых домов и знатной убыли, чога по тому ж наисекретнейше, не подавая в их иноверческих жилищах никакой конфузии и без явного на них подозрения, усматриват же обстоятельно, о всем в Правительствующи Сенат писат. Тамож близ Саратова и Царицына таких перебежиков, обретающимся тамо командам велеть смотрет и по явному к тому побегу подозрению оказавших ловит же и теми пойманными следоват и репортоват, и о том в Саратов к полковнику Казаринову и в Астраханскую губернскую канцелярию из Сената, а к командиру на Царицынской линии из военной коллегии послать секретные ж указы, и Астраханской губернской канцелярии о том ведать, и учинить по сему ЕИВ указу. А в помянут[ые] те места указы посланы...»*

ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1757, л. 1–1 об.

¹ Карасубазар, современный г. Белогорск, Автономная Республика Крым, Украина.

² Ени-Кале («новая крепость») – турецкая крепость, построенная к 1706 г. на берегу Керченского пролива для прикрытия переправы из Крыма на Таманский полуостров; сейчас – в составе г. Керчь, Автономная Республика Крым, Украина.

№ 4

1755 г., после августа 26. – Решение Астраханской губернской канцелярии о мерах по предотвращению миграции мусульманского населения за границу. Фрагмент

2 Астраханская губернская канцелярия, во исполнение императорского указа от 23 июля 1755 г. «о наисекретнейшем деле», полученного 26 августа 1755 г. и в тот же день слушанного, решила: // 2 об. «...В верховые Астраханской губернии города, яко то в Саратов, в Дмитриевск¹, в Царицын, в Черный Яр и в Енотаевскую крепость и на учрежденные от Астрахани до Царицына по Волге реке фарпосты с прочетом послать секретные указы, велеть при переправах чрез Волгу накрепко смотреть, и ежели где такие татары, а особливо з женами и з детми, наряжая жен своих в мужское платье, на нагорную сторону чрез Волгу переправляются будут, таковых, не упуская из них ни одного человека, ловить и присылать под караулом в Астраханскую губернскую канцелярию секретно, и о том Правительствующему Сенату во известие донести».

ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1757, л. 2–2 об.

№ 5

1755 г., марта 15. – Рапорт служащего в Конторе татарских и калмыцких дел² Кологривова в Астраханскую губернскую канцелярию о состоянии миграции мусульманского населения за границу и сложности ее выявления. Фрагмент

19 «...По ... разведывании явилось с [1]740 г[о] года астраханские татары и их служители в бегах имеютца, а кто имяны и в котором году бежал, о том с подписанием об них учиненного в силу вышеписанного указа разведания и справок канторы татарских и калмыцких дел, что из них о которых в губернскую // 19 об. канцелярию репортовано, а о других сего рода не репортовано, при сем репорте приложен реэстр. Сверх же сего с того [1]740 г[ода] и прежде ... из юртовских татар некоторые бежали, а сколько числом и кто имяны, куда и каким путем бежали о том из татар сказать никто не упомнит. Ныне между магометанами к такому побегу тайных предприятий и зборищ из за границы к ним подсылак не оказалось, токьмо из них недавно слышали чрез подвластных калмыцких татар, которые бывали на Кубане, что некоторые из тех беглых астраханских татар охоту имеют прийти по прежнему в Астрахань».

Материал к публикации подготовил *Владислав Грибовский*

39. Х.Шерифи. «Зафер наме-и Вилайет-и Казан»

Текст воспроизведен по изданию: Публикация А.Мелек Узйетгин – Х.Шерифи «Зафер наме-и вилайет-и Казан» // Гасырлар авазы – Эхо веков. №1. 1995.

Для прозорливых с искренней, правдивой душой и достопочтимых с чистыми правдивыми мыслями неоспоримо, неопровержимо и очевидно то, что Булгарский вилайет на седьмом климате из имеющихся семи. Относится к Луне, то есть под покровительством Луны. И, как отмечено в математических книгах, этот Булгарский вилайет, из-за чересчур близости к Северному полюсу, в конце мая и начале апреля не имеет времени одного намаза из пяти, то есть намаза ясту. Потому что заря неподобна зареву в присутствии двух имамов. Так же, как указано в книгах «Эл-Кенз», «Эл-Вафи» и «Эл-Кафи», чуть раньше перед ее [зари] исчезновением в это указанное время настает время утреннего намаза, то есть истинного утра. По этой причине для этого народа намаз ясту необязателен.

И также столица Булгарского вилайета, прекрасный и благостный город – один из великих городов исламского мира – Казань есть явление времени и, находясь вдалеке от исламских вилайетов, границами соприкасается с государствами неверных.

¹ Современный г. Камышин, Волгоградская область, РФ.

² Учреждена в 1724 г. для общего надзора и рассмотрения споров между кочевым населением Астраханской губернии; находилась в подчинении Астраханской губернской канцелярии, ликвидирована в 1771 г.

Поговорка: *«Не будь рядом с плохим».*

Ей неоткуда ждать помощи и поддержки, кроме покровительства Господа миров и помощи ангелов. В соответствии с необходимостью эпохи, в целях обеспечения богатства и благополучия страны, спокойствия и безопасности народа, для обеспечения мира правители прекрасного города Казани прикидывались друзьями, обменивались послами и государственными людьми.

Стих:

*«Спокойствие мира зиждется на понимании смысла этих двух слов:
Быть верным с друзьями и притворно радушным с врагами».*

Обладатель сабли и пера, источник благородства и щедрости, удостоенный милости Аллаха и прощенный им Абул-Гази Сафа-Гирей Бахадир-хан, когда вторично стал правителем Казанского вилайета, из-за различия религии с неверными в этом мире и пристанища в потустороннем мире, придерживаясь указания Аяти Керима: *«Хорошие непременно в раю, плохие же – в аду»* (Коран, LXXXII, 14), *«Воюй против всех многобожцев»* (Коран, IX, 36), *«И по пути Аллаха жизнью, богатством будут воевать»* (Коран, IX, 20), внимая словам Пророка: *«В войне из двух прекрасных вещей будет одно – или победа и трофей, или же смерть за веру и рай»* и смысла этого хадиса, душой доволен.

Бейт:

*«Семье борцов за веру в мире одно прекрасное есть,
Победит – трофеи, если же погибнет, рай есть».*

И повеселел от смысла слов Мухаммеда-избранника: *«Кто пустит одну стрелу на пути Аллаха, будет считаться достигшим цели, будет наравне в благодати и тот, кто дал ему стрелу».*

Кыйтга:

*«Кто пустит стрелу в многобожцев за веру,
На пути Всевышнего освобождению раба равноценно.
Каждый, кто с надеждой о священной войне пустит стрелу,
Иль саблей взмахнет, в благодати один к другому
равноценен».*

И также размышлял над смыслом хадиса Пророка: *«Выжидание врага в течение дня и ночи на передовой полезнее месячного поста».*

Кыйтга:

*«Привязать коня и днем, и ночью с надеждой о газавате
Лучше месячного поста и вечернего намаза.
Если будет пропитание и воздаяние, это то, что
поставится в могилу,
Если не будет, станет местом укрытия от мятежа Дежжала».*

Ожидая прекрасную награду и множества благодеяний от Аллаха Всевышнего, заложив основы здания вражды и разрезав нить дружбы между ними, открыв ворота противоречий и заперев ворота связей, говоря: *«Если не отомщу угнетателям, сам стану угнетателем»*, оседлав коней священной войны и распространив исламскую веру, пристегнул к поясу блестящую, убивающую неверных благословенную саблю.

Стих:

*«Каждая птица из богатств моря его сабли
В день сраженья поймает сто крокодилов».*

Взяв в руки бразды выражения: *«Боритесь своими имуществом и душами на пути Аллаха»* (Коран, IX, 41) и сунув ноги в стремя храбрости и желания, и обнадежившись надеждой степени *«усердствующим Аллах дал преимущество перед сидящими»* (Коран, IV, 95), получил различные радости и тысячу одно благородство и спокойствие от благостного содержания аята: *«И никак не считай тех, которые убиты на пути Аллаха, мертвыми. Нет, живые! Они у своего Господа получают удел»* (Коран, III, 169). На ниве *«Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимешь власть, от кого пожелаешь»* (Коран, III, 26) возвысив знание Аяти-и Керима тем, что *«ведь Аллах подкрепляет Своей помощью, кого пожелает»* (Коран, III, 13), говоря: *«Сколь-*

ко небольших отрядов победило отряд многочисленный с дозволения Аллаха!» (Коран, II, 249), взяв счастливых воинов Ислама, так как приверженцы плохой религии и с извращенными понятиями есть нечестивцы – «Эти в явном заблуждении» (Коран, XXXIX, 22) – пойдя к ним, их убив, уничтожив, приводили бесчисленных пленных и несметные богатства.

Так прошло много времени. Случайно высказывание глашатая судьбы: «Где бы вы ни были, захватит вас смерть, если бы вы были даже в воздвигнутых башнях» (Коран, IV, 78) дошли до благословенных ушей ханского высочества, да услышал то, что «Скажи: смерть, от которой вы убегае, – она встретит вас обязательно» (Коран, LXII, 8), хан тотчас, вручив свою жизнь в руки судьбы, ожидая от Всевышнего милосердия и прощения, говоря: «Поистине, мы принадлежим Аллаху, и к нему мы возвращаемся!» (Коран, II, 156), вникая в слова аята: «Когда придет их придел, что они не замедлят ни на час и не ускорят» (Коран, VII, 34), отрекшись от существования и желая надежды достижения оживления, на застолье «всякий, кто на ней, исчезнет» (Коран, III, 185) вылил из рук виночерпия – «Напоил их Господь» (Коран, EVI, 21) напиток – «Всякая душа вкусит смерть» (Коран, LV, 26), переселяясь из дома высокомерия в дворец радости: «Это – установление великого, мудрого!» (Коран, VI, 96).

Газель:

*«Ах, жаль! Душа, что в теле, от смерти задрожит,
Разлука с душой есть горе, молва, тело задрожит.
Смерть эта окутала душу горестью и тревогой,
От страха смерти источник вод бессмертия задрожит.
От удара смерти на земле среди людей
Звезды и солнце светящее на небе задрожат.
То, почернев лицом, то покраснев, пожелтев,
То становясь невидимым, даже яркая луна задрожит.
Отдав богатства, собрав войско, смерть нельзя обмануть,
Оттого и представив это, хан или султан задрожит.
Из-за неожиданного появления на душе смерти страха
Затрясется земля, множество гор и полей задрожит.
Эй, Шерифи, до смертного часа надо вести подготовку,
Не то, что за польза от того, говоря, «то там, то
здесь задрожит»».*

Неверные, довольствуясь событиями судьбы и радуясь происходящему в этом подлом мире, он неверный да чванливый и задравший нос, и он многобожец и пораженец эпохи, и смутьян золотом порожденного мира, один из двух чертей, предводитель окаянного войска, безбожник Иван, со своим видом фараона и Немрута, желая сам встать во главе, собрал солидное, многочисленное войско и мерзких воинов, приблизительно с 800-тысячным войском с пушками и ружьями, но говорят: «А те, которые нарушают завет с Аллахом после обещания верности, и разрезают то, чем повелел Аллах, и сеют смуту на земле, на самом деле они приносящие вред» (Коран, XII, 25). Придя, окружив великий город Казань, организовали осаду.

Вражеское войско было многочисленным, как полчища муравьев и племя Яджужа, а не людей.

Газель:

*«Диво! Место увеселенья в мире этот город Казань,
В мире нет больше такого города, дающего кров.
В мире нет нигде такого цветущего города, как Казань,
В Казани еду-питье найдут всегда, таков он город
Вселенной!
От пращур-хана осталась нам наша власть,
Это место – на земле есть всегда ханский город,
место ханского сына.
Продав свою землю и дом, не оплатит отцовский налог,
Почему же здесь этот злодей, это не город Ивана!
Шерифи, не покидай ее, коль веришь в газават,
Пусть скажут с этого дня, это он хозяин Казани».*

На одних воротах крепости, собрав молодежь, стоял опора этого государства и указатель пути этим людям, сын покойного Полат-бика Мамай-бик с Нургали-мирзой – да возвысится их значимость, – опытный в военных делах, победивший храбрецов, уничтожавший таких, как Дара и Искандер.

Стих:

*«Водрузив на головы венец превосходства,
Воины стоят рядами бок о бок.
Каждый из них на поле как лев -
Всегда убьет врага саблей».*

А у Ханских ворот – преданный друг поля отваги, лев искусства храбрости Козыджаку-улан – да увеличит Аллах могущество его.

Стих:

*«Каждый во время битвы с врагом,
Ощутит в себе веру в саблю ислама.
Это же всего раз в жизни человека:
«Муж мужей есть Али, самый острый из сабель есть
Зульфикар».*

Он, мастер своего дела, взял к себе молодежь и истинных храбрецов.

А на других воротах крепости – глава группы отважных, Искандер поля храбрости Ак Мухаммед-улан – да продлится жизнь его.

Бейт:

*«На встрече – Искандер, на битве он – Рустем,
Пусть не укоротится и тень его на этой земле».*

Стих:

*«Эй, синий колокольчик на шее его коня -
Звон колокольчика схож иногда с солнцем.
Каждый, коль пустит стрелу в мир воинов неверных,
Пусть не скажут, что это стрела, а скажут – ружье».*

А на других воротах крепости – внук Кутби-ль-актаба Сейид Ата из рода господина Пророка, сын покойного Сейида, Кул Мухаммед Сейид – да продолжится его добродетельность, – став во главе дервишеподобной молодежи и собрав подчиненных ему суфиев. Воодушевившись значением Аяти Керима: «Скажи: Поистине, Господь вывел меня на прямой путь, как прямую веру, в общину Ибрахима, ханифа» (Коран, VI, 161) и Аяти Шерифа: «Поистине, религия перед Аллахом – ислам» (Коран, III, 19), прибегнув к защите текке Пророка и Всевышнего, под предводительством духа Пророка Мухаммеда, прося помощи у духов всех пророков, духа отца своего, Сейид-Ата – да освятит Аллах тайны его – выполнив то, что «в любом деле, не зная, что делать дальше, просите помощи у тех, которые в могиле» и, спросив помощи, оседлав коня священной войны, да приготовившись к сражению, были внимательны и готовы выйти на встречу неверным.

А на других воротах крепости – Барболсун Аталык, – который словно со знаменем Дара и такой же ловкий, как Искандер, образец Рустема и похожий на Бахрама.

Стих:

*«Пусть живет он в божественном мире,
И завоевания спутником его будут всегда.
Отвага будет, и недостатка нет,
Сегодня умрет за вас – и скорби нет».*

Он был вместе с теми, кто у него служил.

А на других воротах крепости – городской бек, правитель Булгарского вилайета, «фаворит султанов, мощи перламутра и уважения жемчужина, управитель делами областей султана, завоеватель (ключник (?)) – Ф.Х.) ханской казны, из рода эмиров» Байбарс-бик – да увеличится сила его, – умножая усердие отваги, проявляя храбрость (доел.: сердце храбрости), всегда говорил:

Кыйтга:

*«Я не тот, который повернувшись спиной уйдет с поля битвы,
Голова, что в крови и пыли, это есть моя голова».*

*Любой, начиная сраженьё, играет со своей кровью,
Кто убежит в день битвы, играет всего войска кровью».*

Некоторые известные храбрецы и счастливые богатыри – Нарихибик, Ай Килди-бик и Ак Матай-бик и хаджиев общество – да поможет им Аллах, – устремившись в любое место, где атаковали нечестивые разрушители, не щадя себя оказав помощь, вступив в схватку с грешными неверными, уничтожив их, сломав свои копыя, удостаиваясь чести борцов за веру, были уважаемы.

Короче, два войска стояли один против другого для того, чтобы сразиться, бороться и воевать друг с другом.

Месневи:

*«Встали в ряд среди рядов,
Выстроили войско от рыб до луны.
Группами стоит войско в виде гор,
Словно волны морские.
С ног до головы в кольчугах Рустем и с копьем,
С ног до головы утонули в железе.
Повсюду видны воины-львы,
Со своими стрелами и луками».*

По слухам, и что было установлено, доказано и подтверждено, в войске неверных было 11 огнестрельных пушек. Перебежал и один хороший пушкарь. Каждый снаряд этих пушек на казанских весах весил примерно 1 батман (32 кг – Ф.Х.). Величиной с лошадиную кормушку. Внутри снаряда различные заклинания и множество разнообразных вещей, на что удивился бы и ум Аристотеля и значение «Аристо» было бы как *«растерявшийся и ошалевший»*. Эти снаряды снаружи опоясаны железом, внутри ковanej меди положены белая нефть и сера, соединены и укреплены малюсенькие ружья, приведенные в готовность положенной дробью из 4–5 свинцов, и ими стреляли темной ночью словно *«как дождевая туча с неба. В ней – мрак, гром и молния»* (Коран, II, 19). И искры в воздухе, что вылетали по ночам из огненного снаряда, можно было бы сравнить с упавшими разом звездами и планетами.

Эти огромные снаряды по ночам падали везде во внутрь города и ни у кого не было возможности подойти к ним и потушить их.

Бейт:

*«Правда, можно подойти к каждому огню и потушить ее водой,
Такой огонь же не потушишь даже водой».*

Лишь некоторые отважные молодые и смелые храбрецы, помятуя, что *«человек взлетит за счет своего усердия»*, словно саламандра бросались к этим огням, при помощи ангела Юдже и работы ума тушили этот дом так, что не оставляли ни следов, ни признаков.

Стих:

*«В воде, рыбе-огню саламандра нужна,
А для работы нужен храбрец.
Мужчина, коль усердие помощником будет ему,
То достигнет он желаемого в итоге».*

Было еще 4–5 воздушных пушек. Каждое каменное ядро было наподобие куска горы. Каждый раз, когда эти пушки стреляли, эти каменные ядра, приводимые в движение при помощи выталкивающей силы, вылетев словно птица – *«птица летит при помощи крыльев»*, – поднимались в воздух. *«И ты увидишь, что горы, которые ты считал неподвижными, – вот они идут, как идет облако по деянию Аллаха»* (Коран, XXVII, 88). Показавшись в пространстве неба, как точка в воздухе, то есть двигаясь в пустоте неба, после угасания выталкивающей силы, по естественной траектории оно падало вниз. Падало вниз мощнее сильного урагана, быстрее стрелы судьбы.

Стих:

*«При послании судьбой злого рока
Все ученые станут слепыми, немymi».*

Куда только ни упадет, как в выражении «Он (Аллах) посылает молнии и поражает ими тех, кого пожелает» (Коран, XIII, 13), испортив землю, повалив, проходил через семь пластов земли.

Стих:

*«Упал один камень вниз с небес,
Гора и земля издали рык львиный».*

Бейт:

*«Словно свалились на землю, на голову рыбы,
Нельзя сказать, что это 1001 его свойство».*

Нельзя было сосчитать ударявших вещей и ружей по крепости. Люди, испугавшись пушечных раскатов, идущих с небес и подавляющих другие звуки, не узнавали друг друга – «И увидишь ты людей пьяными, но они не пьяны. Но наказание Аллаха – сильно» (Коран, XXII, 2). «И тот день будет занят своим страданием» (Коран, LXIX, 37). Мы были поражены, что Господь Праведный и Всевышний тем ли оказал любезность рабу своему, что отдал этим жестоким неверующим и чванливым, зазнавшимся многобожцам подобный показ, это войско и воинов, эту внушительность и царствование!..

Стих:

*«То, что он него другие удивились, – прощаю я Аллаха,
Ведь умом и знанием не постичь совершенств Аллаха».*

Стих:

*«Господь мой, ты так великодушен, когда из хранилища вины
Огнепоклонники и христианин получали доли свои.
Господь мой, лишишь ли ты друзей своих
Дождя милосердия и благодетелей?»*

Короче, два войска, утонув в железе, одинаково дрались и воевали один против другого.

Бейт:

*«Как железо прочно расстояние меж двух стен,
Точь-в-точь как улица незримого города – знай.
Два войска пришли в движение,
От этого развлечения мир стало сотрясаться
От грохота и стонов Карная (?)
Дрожь пошла по рукам и ногам».*

Так сражение, словно хашир, продолжалось десять дней.

Мысра:

*«Это было такое сражение – будто судный день,
Мир заполнился звуками кинжалов,
В городе Казани кровь текла рекой».*

Помощь и милость Аллаха да будет хвалой и приветствием Пророку. По мощь Аллаха, милость творца миров Всевышнего близки, и при помощи ангелов звуки Аяти Керима: «Поистине, где бы вы не были, Аллах сведущ в том, что вы делаете» (Коран, III, 160), удлинявший жизнь, дошли до ушей мусульман и возникло значение Аяти Керима: «Если Аллах поможет вам, больше никто вас не победит» (Коран, IX, 25). Нечестивцев с плохой религией и с извращенными понятиями так истребляли, что даже их следы и признаки были вырваны из страниц Времени. «И усечен был последний из тех людей, которые были неправедны. И хвала Аллаху, Господу миров!» (Коран, VI, 45). Грешные неверные, погибнув таким образом, на двух равнинах крепости лежали пищей для собак, куском для волков и гиен. Не было места, куда можно было бы ступить ногой.

Стих:

*«Словно навьючены на спину дрова, без стрижки
Головы людей лежали на этой широкой и открытой площади».*

Короче, сражения, подобные этому, продолжались без перерыва в течение 16 ночей. На 15-й день уничтожающий неверный в развешанном, отозванном, выгнанном и разгромленном виде повернул обратно. «Хвала Аллаху, помогающему рабу своему, ценящему войско свое и врага повергнувшего поражению».

Бейт:

*«Благополучие и судьба не от знания дела,
Это ничто без помощи Всевышнего».*

Кыйтга:

*«Если вечный Аллах защитит кого-то от врагов,
Ему не нужны броня и высокая крепость.
Если не спасут, от этих вещей же пользы нет,
Если даже спасут, не срежешь и волоска Зулфикара».*

Просьба и великодушие исследователей, надежда доброжелательности комментаторов есть то, если это «Зафер Наме» повсюду попадет на глаза этих благодушных, бедный (Шерифи), согласившись со своими недостатками и виной, признает их. Горечь и погрешности от него самого и он почитает Праведного, для его защиты, грешного и возмущенного, пусть чисто сердечно прочтут одну суру «Фатиха».

Это событие произошло в месяце мухаррем 957 года. Автор этого ценного писания и испачкавший эти белые листы самый бедный из рабов Шериф Хаджи Тархани.

Перевел с турецкого *Фарид Хахимзянов*

40. Из сборника XVII века

РГАДА. Ф.181. Д.591. Л.787–789.

В лето 708 седмаго¹ казанские князи Мамай князь в головах и уланы, и молны, и афизы, и азеи, и все князи, и сотенные князи, и десятники, чор-ные люди, и арские князи все² боговенчанному царю государю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси самодержцу изменили да послали в Крым бити челом крымскому царю³, чтоб им дал Довлет Кирея царевича⁴ на Козанское царство. Да крымскому царю послали с теми своими послы книгу в поминки. А та книга писана персунским языком, а имя ей «Язаиб ельмалукъкат», по руски «Всего мира мудрость», по их бусурманской ереси. И тех послов и тотар казанских царя великого князя люди Урак с то-варыщи побили в поли да ту книгу у них взяли и ярлыки, да прислали к Москвѣ того ж лета 708 седмаго мая в 1 день. А ерлыки четыре написаны. И в первом ерлыке пишет сиче⁵. – Высочайшего порога великому государю великую власть держащего и справедливого повелителю и победителю цареву величеству Козанския земли Момаи князь в головах и [у]ланы, и молны, афизы и азеи, и все князи, и все сетенные (сотенные -В.Т.) князи, и десятники, и все чорные люди, и арские князи, и все люди о твоём жалованьи челом бьют. А челобитье то. От государя своего от упокоиника от Сафа Гирея царя и до своей смерти отступити есмя не хотели и при ево счастливом времени тех русских людей воевати и сечи, и осилети уклонились были есмя, или паки те врази наши на войне нас победят. И мы тем раю достойны были. С такою надежею жили есмя. Истина то, Бога судьбами как достали есмя его. И нынеча на твоё имя многолетное поем и [о] твоём счастье Бога молим. И ныне, государь, толко похочешь, чтоб тот Юрт от тебя не отшел и иному бы не достался, и как сиею нашею челобитного грамотою холопи твои Янбарс да Сялкиш доедут, и ты б, государь наш, его, Довлет Кирея царевича, отпустил

¹ 7087 год от сотворения мира с учетом упоминаемой ниже даты 1 мая соответствует 1579 году. Однако судя по фигурирующим в тексте именам, события разворачивались ровно на тридцать лет раньше – в 1549 году. Вероятно, в источнике описка, и следует читать 7057 год.

² Имеются в виду огланы, муллы, хафизы, хаджи, беки – различные категории аристократии и духовенства.

³ Подразумевается Сахиб-Гирей б. Менгли-Гирей – крымский хан в 1532–1551 гг.

⁴ Девлет-Гирей б. Мубарек-Гирей – крымский хан в 1551–1577 гг. Узнав о приглашении казанцами на трон царевича (какое-то их посольство, следовательно, все-таки прорвалось сквозь степи на юг), султан Сулейман I направил Девлет-Гирея якобы в Казань. На самом деле это было уловкой с целью усыпить бдительность Сахиб-Гирея, которым падишах был недоволен. По прибытии в Крым Девлет-Гирей возглавил заговор против хана, и вскоре тот был убит. Девлет-Гирей воцарился в Бахчисарае, а казанцы, не дожидаясь царевича Гирея, возвели на престол малолетнего Утемиш-Гирея б. Сафа-Гирея.

⁵ Текст документа до этого места опубликован А.Д.Седельниковым, следующий ниже перевод письма казанцев Сахиб-Гирею до слов «и спасение себе примешь» – М.Н.Тихомировым.

из сей земли. Люди масулмане о тебе станут Бога молить, и спасение себе приимешь. И как те люди то тебя доедут, и ты толко не пришьлешь, и Юрт достанется иному. И ты б масулман-ских грехов на себя не взял. Коли упокоинок Махмет царь на Божию волю отшел, а от роду от него не осталось¹, и потому тот Юрт достался иному². И ныне как пожалуешь, о сей земле и о людех порадеешь, чтоб Юрт иному не достался. И о том как помыслишь, сам ведаешь. Всей земли челобитье то, чтоб еси пожаловал, поскорил и наборзе прислал [Девлет-Гирея], да с ним Янгурчя князя да Чалогозиню князя³ вместе бы прислал еси. Земля – твоя, и люди – твои. Как пожалуешь – ты ведаешь. Молвя, грамоту челобитную послали есмь⁴.

К публикации подготовил *Вадим Трепавлов*

41. Отрывок сообщения продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах

Перевод

Л. 72а. Этот раздел

Л. 72б расскажет о роде Бек Конды. Алтунай Султан, его отец Кучум хан, его отец Муртаза, его отец Айбак, его отец Мухаммад, его отец Бек Конды, его отец Мелик Тимур, его отец Батавул, его отец Джуджи Буга, его отец Калбак Буга, его отец Бахадир, его отец Шибан-хан, его отец Йуджи, его отец Чингиз-хан, да будет доволен ими Аллах. Приступаем к рассказу о Шибан-хане. У Шибан-хана было три сына. Одного звали Шагбан, следующего Шеввал и еще одного Бахадир и его (Бахадира) сын Калбак Буга, его сын Джуджи Буга, его сын Батавул, его сын Мелик Тимур и от Мелик Тимура родились несколько царевичей. Имена такие: старший сын Илик, младше его Пусат, Джанта, Сивинч Бей и Бек Конды. У упомянутого Пусата было два сына. Один Араб, другой Айба. Из рода Айба – Абулхаер-хан, из рода Араба – знаменитый хан Йадигар. И из рода Бек Конды – Айбак хан, который был знаменитым ханом и правил объединив страны Кыргыз и Казань. Также известно

Л. 73а. сын оглана Илика Кан Бай и его сын Махмудек Ходжа. Упомянутый Абулхаер-хан, его отец Туглы Шейх, его отец Ибрахим, его отец Пусат и покойный, да простит Аллах его грехи и возьмет его в рай, Абулхаер-хан, да будет доволен им Аллах, от него родился оглан Шах Будаг-султан, он был его сыном. Заменитый шахид (*погибший за веру*) Шахи-бек и еще один сын Шах Будага Махмуд-султан был его сыном, справедливый и совершенный в вере Габдуллах Бахадир-хан. Отец упомянутого Йадигар-хана был Темир Шейх-оглан. И его отец Хаджи Туглы-оглан, говорили, его отец Араб-оглан. Он был человеком имеющим много имущества. Отец последнего Кыдыра – Ибрахим и Хызыр-оглан Бахтийар-султан, сын Хамза Султана, сын Мехди Султана, после него ханом стал Хаджи Мухаммад-хан. Контролировал Башкорт, Алатырь, Мокшы и захватил находившийся в стороне Шехр-и Болгара знаменитый названием Шехр-и Тура территории мангытов и был великим падишахом. И еще о сыновьях Гали, сына известного Бек Конды. У этого хана

Л. 73б. есть три сына. Акы, Шайбак и Махмуд. Также у Шайбака было три сына. Имя одного Ак Курт, и Бобей и еще одного Ак Мухаммад и еще у Мухаммада было четыре сына. Имена – Айбак, Акы, Мамук и Муса Чалуш. У этого упомянутого Айбака было два сына. Три царевича у них было. Имена огланов Сары султан и Муртаза султан, они наконец став взрослыми подчинили себе весь Мавераннахр, между (рек) Инрек и Сувнак Дерйа-и Тур в домах Элифа (?) стал ханом. У этого Муртаза-хана родились три сына. Одного звали Ахмед Гирей, еще одного говорят Кучум-хан. И этот (Кучум-хан) говорят был умным и совершенным. И Чайлу-султан также является сыном Муртаза-хана и до сих пор в Казахских юртах (Казак йуртларында) у

¹ Очевидно, речь идет о казанском хане Мухаммед-Амине (правил в 1478–1496 и 1502–1518 гг.), со смертью которого пресеклась династия основателя Казанского ханства Улуг-Мухаммеда.

² Имеется в виду воцарение в Казани в 1519 г. Шах-Али б. Шейх-Аулиара – российского ставленника, представителя династии хана Большой Орды Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда (1465–1481).

³ Бек Ямгурчи – один из ближайших соратников Сафа-Гирея во время жизни того в Крыму (консультация А.М.Некрасова). Кто такой бек «Чалогозиня», выяснить не удалось.

⁴ Тексты остальных трех «ерлыков» в источнике не приводятся.

него говорят есть сын. Кучум-хан также воевал в Туркестане в стороне Отрара и со всей страной казахов (Казак мәмләкәти) противостоял и воевал. Всевышний дал ему силы и помощь и он захватил их и раздал их имущество народу и стал великим ханом юрта Тау Буга Ишдеге (?) (Тау Буга йурты Ишдеге). Имена сыновей (потомков) Кучум-хана возникла из-за этого. Гали-хан, Таш султан, Кытай

Л. 74а. султан, Мухаммад Кул султан, Чавак султан, Хаджим султан, Ишим султан и Алтун Тай султан и еще был один султан, но умер в младенчестве. Это было известно его карачам и распространено в народе, также у него было девять дочерей. Упомянутые здесь и во времена его старшего сына Гали-хана их государство (йуртлары) растроилось и распалось и некоторые территории Башкурта, Алатыра и Мокшы были захвачены русскими кяфирами (Урус күффар) и до сегодняшнего дня остается под упомянутыми кяфирами. Для сбора войска (*или для объединения войск*) Гали-хан пришел к известному Иштирак беку. Однако и тот сказав, что сын моего брата (иним углы?) не может меня привязать к себе, не помог ему и забрав деньги, которые остались от его великого отца, потеряв надежду и положив тело умершего своего сына на спину своей лошади перешел через знаменитый переход Джан Себук реки Яик (Дерйа-и Джыйк) и похоронили его в крепости Уфи, которая расположена на берегу Белой”.

Перевел со старотатарского *Ильнур Миргалеев*

Опубликовано: Миргалеев И.М. Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) / отв. ред. Д.Н.Маслюженко, С.Ф.Татауров. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 64–66.

42. Предание «Татарская лопатка»

Предание сохранилось в семье древнего татарского рода Агишевых. И.М.Миргалееву оно было передано их представителем Равилем Агишем, который живет в Турции. Равиль Агиш рассказал, что это предание с незапамятных времен передавалось в их роду. Татарский баскак, сборщик ясака сидел в повозке на троне, а русский князь со своими вельможами стоял перед ним. После объявления о том, что от имени хана будет собираться ясак, за какой год и его сумма; сборщики налога, не слезая с телеги «арба», протягивали большую специальную «лопату», на которую русские сыпали монеты. Сборщики ясака, не дотрагиваясь до монет, опустошали содержимое «лопаты» в сундук, который находился в специальной телеге.

Предание имеет отношение не только к начальному периоду Казанского ханства, когда к казанским ханам перешла часть так называемого ордынского выхода (да и в дальнейшем до конца своего существования, Казанское ханство получало харадж, хотя и завуалированный московскими великими князьями под название «поминки»).

Перевод

«Среди наших прадедов было распространено предание, дошедшее до наших дней и сохранившееся еще со времен Казанского ханства. В давние времена ханство собирало подать с Великого Московского княжества и русского населения. А так как русские были неверными и тела их считались нечистыми, то и ясак – налог с них собирали с помощью лопат. Для того, чтобы очистить собранные от налога деньги, их даже мыли. По этой причине в русском языке сохранилось выражение «татарская лопатка».

Перевел с татарского *Ильнур Миргалеев*

Опубликовано: Миргалеев И.М. Предание «Татарская лопатка» // Золотоордынская цивилизация. 2014. №. 7. С. 18–20.

43. Документы Российского государства об основании и первых годах существования г. Тары

1593–1594 г. – Наказ князю Андрею Елецкому с товарищами, отправленным в Сибирь для построения города на реке Таре, с приложением описи посланного с ними.

...итти города ставить вверх Иртыша, на Тару реку, где бы государю было впредь прибыльная, чтоб пашню завести, и Кучюма царя истеснить, и соль устроить, и тех бы волостей, которые бол... по сю сторону Тобольскаго и Тобольскаго уезду отвести оку... и привести к государю и укрепить и р... как приговорит князь Андрей со князем Федором, но тому и итти, чтоб пр[итти] на то место, и судовой и копной р[ати], чтоб, город заняв на Таре реке, город zde[лать], высмотри место, ниже ли того, выше ли того, где пригоже, чтоб город зделать и укрепить. А запасы хлебные, и деньги на запас, и всякой наряд вести в судах. А наперед себя послать из Тобольскаго детей боярских, и татар, и казаков по воло[стем], которые по Иртышу, ясашных т[атар] собрать конных по росписи, какова с ни[м] роспись послана, которые ясашные живут по Иртышу вверх, и приказывать к ним государево жалованное слово, что государь их пожалует и в ясаках полегчит. А ныне б они, собрався все, шли конные и пешие с государевыми воеводами на Кучюма царя и на государевых изменников на мурзу и на нагайских людей. И которые государю ясашные люди ясаков не дают, и... о[строг] ставити им всем вместе, чтоб и[м] и вперед государевым ясашным людям жить по Иртышу от Кучюма царя и от нагайских людей безстрашно. А идучи из Тобольскаго, воеводе князю Андрею с товарищи про Кучюма царя и про нагайских людей проведывать, где /л. 152 об./ ныне Кучюм царь [кочует], и сторожи наперед себя конные по[сылать], чтоб Кучюм царь, собрався с нагайскими людьми, пришед над воеводами и над хлебными запасы безвесно порухи никоторой не учинил. А конным людям по тому ж итти бережно, чтоб им от Кучюма царя итти с великим береженьем, и от него беречись, чтоб на них не пришел. А буде[т] ясашные люди и князьки, которые живут по Иртышу, с воеводою со князем [Ондреем] на Кучюма царя и на нагайских людей [и город] ставить не пойдут и не послушают, и во[еводе] князю Андрею Васильевичю, идучи Иртышем, те волости воевать, и посылки конные на них посылать, и изменников сыскивать, винных казнить, а черных людей к [шерти] приводить, а у иных заклады пои[мать], и ясак и прошлой и нынешней сполн[а с] волостей збирать, которые не почнут слуша[ться]. А которые волости сберутся вскоре, и будут послушны, и пойдут вскоре, собрався со князем Ондреем, и на тех ныне имать легкой ясак; а с которых будет и не взять, и то, посмотря по тамошнему делу, промышлять, как бы государеву делу было прибыльнее. А тех бы, кто не почнет слуш[ать], тех и извоевать, и привести во всем в государеву волю, и заклады у них поимати. И что будет ходу от Тобольскаго города до Тары, и что будет от Тары до Тобольскаю города, и что будет полем от новаго города от Тарскаго на Уфу... чтоб и вперед от них было безстрашно. А пришед на Тару реку, присмотреть под город место, где пригоже быти новому, городу, туто и место очистить и город поставить. А делать город и лес возить всюю ратью, всеми людьми и конными и пешими, и зделать бы /л. 153/ город во всех стенах, и в башнях и в городи... сажен около в полтретьяста или в [три]ста, то по месту смотря, да острог де[лати] сажен в 300, и в 400, и..., смотря по людям, и до 500 сажен... острог, то посмотря по людем, по там[ошнему делу]. А в городе быти самому князю Андрею, да Бо[рису д]а Григорью, тому и у казны, и у збору, и у житниц быть, а хлебу быть в житницах в городе» ... да попам, да пушкарям, да стрельцам, утех быв городе дворцы были. А в остроге места нагороды дать и где им в лете есть варить; а опроче воеводы да голо[в] ести ни у кого не варить; а воеводе и го[ловам] поварни в земле зделать, как бы бере... а в остроге казаком конным и татарам служилим Тобольским и тутошним и Тюменским, чтоб быть безстрашным. А подлинно то в росп[иси] написано, которым людем с которого числа быти отпущеным и которым зимовать, и на те лошади сена изготовить. А отпущать конных, посмотри по Кучюме царю: будет царь не побежит и добывать челом не почнет, и людей с коньми больше оставить к зиме, а будет добьет челом и договор станет, и сына царевича даст в заклад, и отпустит ко государю к Москве, ино [тех] конных поменьше оставить к зиме. А [как] пойдет князь Андрей из Тобольска и вм[есте] судовая рать с конной ратью пойдет, и о том к государю отписать, и как на новое место придет и город зделает и укрепит, и о том к государю подлинно отписать. И городовые места, и город, и острог на чертеж начертить, и всякие крепости выписать /л. 153 об./, где ст[анет] город, да с тем отписать ко государю подлинно, чтоб государю о

всем было известно. А вск[инуть] город делать на всю рать: на детей боярских, и на литву, и на казаков на Тобольских и на Тюменских, и на новоприборных на жилецких людей, [и] на татар. А лес на город велети ронить легкой, чтоб вскоре город зделать. И житницы на государев запас велети поставить, и государев запас ве[сь] в житницах устроить. А делати город всеми ратными людьми и татары тутошними волостями, сколько тутошних людей зберется к городовому делу, которые туто близко подошли. А сперва их б[ере]чь, велети и лес ронить и привозить под город; а стояли бы под городом, а в город их не пушать, покаместа город укрепится, чтоб и[м] людей государевых не смечать. А которые не учнут слушать и лесу к городовому [делу] возить, и их велеть воеваг и пой[мав] укро[щать]. А устроая город и наряд по горо[ду], всякие пушечные запасы устроить в казне по росписи, какова роспись послана. И быти в новом городе по сему государеву наказу. И государев запас в житницах держать за своею печатью. А при[го]род строить и быть в городничих и у вся[кого дела] и у житниц Григорью Елизарову [да ему] же со князем Ондреем и с Борисом во всяких делех быть и писать то[варищем], и ведать всякой збор и ясашн[ых] ведать ему ж. А велети жит[нищ] делать плотником в ту ж пору, то[лько] как город почнут делать. А Кучюму царю сперва приказывать глад... и его оплашивать, покаместа [го]род укрепится; а приказывать, [буд]то что государь Кучюма царя хочет держать под своею /л. 154/ царскою рукою, и сына к нему Облагаира и людей [его], вперед пожаловав своим царским жалованьем, отпустит; а ныне бы жил вверх нового города, в которых городкех пригоже, чтоб ему не приходит тех волостей, которые за новым городом будут к Тобольскому городу. А прислал Кучюм царь сына своего... царевича, чт[об] было не безчестно царю прислать к государю сына своего и с ним лутчих людей дву-трех, а государь царь и великий кпязь тотчас пришлет ко царю к Кучюму сына его царевича Облагаира и людей его с ним, которого из Тобольскаго прислали. А промышлять князю Ондрею, чтоб Кучюм царь прислал к государю... ших царевичей лутчего, которой бы... человечнее. А котораго человека от царевича пошлет государь, и о том подлинно ко [князю] Ондрею отпишет государь, как ему быть вмесно. А будет оплоша мочно над царем промышлять, и посылка больш[ая] с татарскими людьми послати, чтоб над Кучюмом и над его женами и над детьми промыслить и извоевати их накрепко. А береженье накрепко от Кучюма паря держати. А которые ево волости по Иртышу про[меж] Тобольского и меж нового города, [и в те] бы он волости царь однолично не вступался, и их от Кучюма царя беречи накрепко. А будет Кучюм царь учнет приходит, собрався со многими людьми, на государевых воевод и города ставить не даст, и учнет тесноту чинить, [и вое]воде князю Ондрею Васильевичу с товарищи от Кучюма царя беречись, чтоб пришед Кучюм царь которые порухи не учинил. И город однолично присмотреть на Таре реке и поставить ранее, в котором месте пригоже. А в кою пору /л. 154 об./ учнут город делать и лес на город возить, и в то бы время было береженье от Кучюма царя великое, и быть в городе с великим береженьем и над Кучюмом царем промышлять. А как город поукрепят, и князю Ондрею с товарищи над Кучюмом царем промышлять большими посылками, чтоб над ним поиск учинить, а себя от него уберечь. И проведав про него подлинно, послать на него посылку большую конных Казанских всех и из Тобол[ьск]а с вогне[нным] боем: Тобольских и Тюменских литв[у], и атаманов, и казаков, и служивых татар, и башкирцов, и тутошних ясашных татар, перебрав лутчих; Мамлея Мальцева с Казанскими людьми, а с Тобольскими и с Тюменскими голову Своитина Рупосова и атамана Черкаса и всяких лутчих людей. А будет над Кучюмом промыслу не начаят, а люди будет от него не поедут на государево имя, и над Кучюмом царем посылки большой, не розведав накрепко, вскоре не посылать, и к нему приказывать, и его оплашивать, и житье ему ослободжать в верхних городех. А промьгшляти над нагайским мурзою над Алеем, чтоб над тем [про]мыслить большою посылкою. А от Кучюма царя лутчих людей отговаривать, чтоб ехали к государю служить; а ссылались бы с ними Тобольские служивые татарове. А которые от царя придут, и тех жаловать, и сукна давать, и хлеба н[еве]лика давать. А лутчих самых два[-три] к государю отпустить, а государево им жалованье великое будет. А как над Кучюмом царем промыслят и его извоуют, и их изтеснят, и воеводе князю Ондрею с товарищи отпустить Казанских и Свяжских и башкирцов назад /л. 155/ к себе, чтоб им поспеть к себе до заморозов и с голоду б им не помереть; а Тобольских людей в Тобольской, а Тюменских в Тюмень, а с собою в новом городе оставить людей по росписи, смотря по делу. А будет только ныне летом над Кучюмом царем промысл не иметь, и помыслить над ним будет не мочно, а правды в нем вперед не почаят, и воеводе князю Ондрею Васильевичу промыш-

лять над ними с Тобольскими и с Тюменскими людьми зимним путем, где учнет кочевать, чтоб над ними промыслить и его извовать. А будет у Тобольских и у Тюменских казаков и у Московских стрельцов запасу годо[вого] не станет и будут добре запасом нужны, и воеводе князю Ондрею Васильевичю им для их нужи из государева запасу, которой с ним послал на запас, по осмине [муки] человеку, а иным по полуосмине, да по четверику круп, по четверику толокна, смотря по их нуже, как что пригоже, чтоб их с голоду не поморить. А как воевода князь Ондрей с товарищи пришед город поставят и как над Кучюмом промыслят, и им отписати к государю к Москве подлинно в приказ к дьяку к Ондрею Щелкалову, чтоб было государю ведомо. А волости все, которые пошли по Иртышу в верхнюю землю, вывести в тот в новой город, и ясак с них имати, и велети приходит к [ним] и ясак платить по прежнему, почему они платили в Тобольской город. А ясашные книги тем всем волостям взяти в Тобольске у воеводы князя Федора Лобанова, по чему с них ясаку в Тобольской имано. И береженье к тем волостям держать /л. 155 об./ великое, о всем ссылался со князем Федором с Лобановым. А собрав ясак, посылать... на Тобольской город. А что к государю пошлет какого ясаку, и в Тобольской про то вес[т]ь посылать, чтоб князю Федору было в ведомо, чтоб князю Федору с тех волостей с верховых в другой ряд не имать, с которых волостей князь Ондрей возьмет. А что с тех волостей в тот в новой город ясаку соберется, и сколько с которой волости и с кого именем ясаков взято будет, и тот ясак записывать к книги однолично порознь по статьям, и держать тот ясашной збор в государевой казне за своею печатью. А взяти воеводе князю Ондрею с собою в повой город для письма подьячего Крянка Иванова, которой с ним с Москвы послан; а хлебнова ему жалованья дать 4 четверти муки, осмину круп, осмину толокна; и велеть ему быть у государевых у всяких дел в подьячих, и государевы всякие дела писать. А которые не почнут слушать и в город [при]ходить, и на те волости посылать во[йною] воевать [и] их голов и князьков их побивать, а животы их в роздел им: лошади, и животину, и всякую рухлядь имать в роздел ратным людем, а соболи и лисицы черные все на государя, а куница, и белка, и лисицы красные и бобры, то ратным людем в роздел. Да память воеводе князю Ондрею Васильевичю Елецкому с товарищи. По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу, послано к вам с Москвы с Микитою с Ушаковым 700 рублей, да с Уланом с Оничковым послано к вам в новой город на Иртиш 35 котлов /л. 156/ медяных, а в них весу 9 пуд с четвертью, да в новой город вверх по Оби послано 356 котлов, а в них 9 пуд с четвертью ж. И как Микита и Улан с деньгами и с котлами на Лозву придут, и воеводе князю Ондрею Васильевичю с товарищи те деньги у Микиты Ушакова и котлы у Улана взять сполна, и дати из тех денег на Лозве: в Пелымской город Василью Толстому служивым людем на жалованье 100 рублей, в Березов город Офонасью Благому 200 рублей, в Сургут Володимеру Оничкову 100 рублей, в Тюмень князю Петру Борятинскому 100 рублей, а к ним о тех деньгах от государя писано. Да с собою взять в новой город на Иртиш 200 рублей на запас. Да Володимеру ж Оничкову дати половину 35 котлов, а другую половину взяти с собою на Иртиш, и променити тамошним людем на соболи и на лисицы черные и на шубы на соболя, гривенку по 2 гривны, а пуд променити в 8 рублей; а что на те котлы соболей и лисиц и шуб соболях выменити, и в колько пуд по цене променити, и воеводе князю Ондрею Васильевичю с товарищи держать тое рухлядь в государеве казне у Григорья Елизарова за своею печатью и прислать к государю к Москве с ясашною казною вместе; да о том отписать к государю подлинно в приказ к дьяку к Ондрею Щелкалову. Роспись, что послано с воеводою со князем Ондреем Васильевичем с Елецким с товарищи в новой город на Тар реку ратных людей, и хлебных запасов, и наряду, и зелья, и свинцу /л. 156 об./. С сотником стрелецким с Самойлом с Лодыженским Московских стрельцов 100 человек; с другим сотником с Замятнею Шокуровым 47 человек; и обоего с двема сотниками послано Московских стрельцов 147 человек; а хлебное жалованье дано стрельцам на 102-й год сполна, да им же дано в дорогу по четверти сухарей человеку, а деньги им даны большое жалованье; да в Перми, взяв с Пермские земли, дать им по четверти муки человеку; а как придут в новой город на Тар реку, и им дати из запаснова хлеба по четверти муки человеку, да по осмине круп, по полуосмине толокна человеку, итого 147 четвертей муки ржаной, 73 четверти круп, 37 четвертей без полуосмины толокна. Да из Казани и с Уфы послано полем в Тобольской город, а из Тобольского города итти им с воеводою с князем Ондреем с Васильевичем с товарищи для Кучюма царя с головою с Мамлеем с Мальцовым татар Казанских и Свияжских 100 человек, башкирцов 300 человек, да к ним 4 человека детей боярских, ко сту по человеку.

Да с сотником из Казани 50 человек стрельцов конных, да из Лаишева с тем же сотником 50 человек с пищальми полонеников, да из Тетюш с сотником с Микитою с Корякиным 50 человек казаков польских; и всего из понизовых городов велено послать с Мамлеем 554 человека конных. Да из тобольского города взять в тот в новой город выбрав литвы, и черкас, и казаков добрых конных с вогненным боем с головою с Своитином с Рупосовым 100 человек /л. 157/ да татар Тобольских служивых конных с атаманом с Черкасом с Александровым да с головами с Баисеитом да с Байбахтою 100 человек, а быти литве и казакам конным и татарам с головою с Своитином с Рупосовым и с Черкасом вместе; и обоего из Тобольского велено послать конных 200 человек. Да к тому собрати из волостей, которые волости пошли вверх по Иртышу, татар ясашных добрых конных 300 человек, а быти им с головами с татарскими. Да пеших татар прибрать в судех с пищальми 150 человек, а суды под них со князем Андреем готовы, а быти им вместе с стрельцы с Московскими. Да из Тюмени велено послать выбрав литвы, и черкас, и казаков конных 40 человек; да татар Тюменских, Верхотурских, Одреевских, и беляковцов, и зырянцов, у которых заклады пойманы в Тобольской и в Тюмень и измены от них не почаеть, выбрать велено добрых 50 человек конных; а государева им жалованья послало но 2 рубли человеку, итого 100 рублей; и обоего из Тюмени велено послать 90 человек конных. Да из Таборов князю Ондрею взять 30 человек татар конных, да из Кошуков взять 20 человек конных; и обоего с Таборов и с Кошуков 50 человек. Да пермичь плотников взять из Тобольскаго 30 человек пеших, да в новой город со князем Федором с Борятинским послать пермичь 20 человек /л. 157 об./ плотников, а велено им послать с Перми хлеба по 3 четверти муки человеку, по осмине круп, по осмине толокна да по 3 рубли денег человеку. И всего в новой город велено послати с воеводою со князем Андреем Елецким с товарищи всяких служивых людей конных из Понизовных городов, и из Тобольскаго, и из Тюмени, и из волостей из Тобольских и из Тюменских конных 1194 человека, а пеших 347 человек; и обоего 1641 человек конных и пеших ратных людей. А как город укрепят и поставят, и отпустить воеводе князю Андрею Васильевичю с товарищи Казанских конных с детьми боярскими 550 человек. А после того к зиме отпустить конных татар Тобольских с Баисеитом 50 человек. А оставить с Байбахтою лутчих к зиме 50 человек. Да отпустить по волостям 300 человек конных да пеших отпустить 150 человек. А но вестям смотря, опять их конных собрать 300 человек. Да Тюменских татар копыых отпустить к [зиме] 50 человек. А оставить зимовать с собою князю Ондрею с товарищи стрельцов Московских 100 человек. А отпустить в Тобольской к женам зимовать 47 человек; а от того 100 человек отпустить, укрепя город, до 10 человек для береженья, любо им с ними жити, или в новой город с ними приехати, как вместно будет, по тому и привести жены их и дети к зиме или на весне к лету. А стрельцы бы себе избы полепили /л. 158/. Да с собою ж оставить в новом городе зимовать конных 100 человек литвы и казаков Тобольских. Да Тюменских литвы и казаков конных оставить 40 человек. А Тоборинских и Кошуцких татар 50 человек конных отпустить к себе. Да с собою ж оставить 30 человек плотников. А по вестям смотря, будет к зиме надобна прибавка, и из Тобольскаго бы ко князю Ондрею князю Федору послать 50 человек татар конных, переменя жалованных. И из Тюмени татар конных переменя ж 50 человек. А хлеба в тот в новой город взять с Лозвы из Устюжскаго запаса 500 четвертей муки ржаной, 100 четвертей круп, 100 четвертей толокна. Да денег на запас послано 200 рублей. Да на расход на татарской два постава настрафильных, да 10 половинок ярославских, и из того числа дать Володимеру Оничкову 3 половинки в новой город. А наряду в тот в новой город послано с Москвы с воеводами: пищаль в 4 гривенки ядро, а к ней 200 ядер железных; пищаль деветипядная, 2 гривенки ядро, а к ней 200 ядер железных; 10 пищалей затинных, а к ним по 200 ядер к пищади, итого 2000 ядер; 10 пищалей долгих, а к ним по 200 ядер свинчатых, итого 2000 ядер. Да с Пельми взяти у князя Петра Горчакова пищаль девятипядная, а к ней 200 ядр /л. 158 об./. Да в тот же в новой город послано 50 пуд зелья, 50 пуд свинцу. Да в тот же в новой город взять с Лозвы у Ивана Нагово 10 пуд железа для городского дела. Да с Лозвы ж взять на расход розным людем 70 пуд соли, и к тому в прибавку послать из нового города татар и стрельцов на озеро на Ямыш, и велети соли привести в стругах, и давать в расход служивым людем. А от Тобольского города пошли волости вверх по Иртышу в верхнюю землю к тому к новому городу ко Ялом, где поставлен будет город государев на Тар реке: волость Курдак, а в ней князь Канкул, а в пей 350 человек, по Иртышу езду от Тобольского города 4 дни; волость Соргач, а в ней князь Янбыш, а людей в ней 80 человек, от Тобольскаго 8 днищ; волость Отуз, а людей в пей

15 человек, ходу до нее 2 днища; волость Таву, а в вей лутчей человек Ангильдей, а людей у него 10 человек, ходу до тое волости 2 днища; волость Урус, а людей в ней 6 человек; волость Токуз, а в ней лутчей человек Баишеп, а в ней 3 человека; волость Супра; волость Аялы, а в ней ясаул Мамык, а другой Ямдильдей, а людей у них 500 человек, а от Тобольскаго города до той волости в судех вверх Иртышом ходу 15 дниш /л. 159/. А ясак с тех волостей дают половину на государя, а другую половину дают царю Кучюму, блюдяся от него войны. И только в той в волосте во Ялах станет город государев, ино с тех волостей ясак учнет сходитца сполна. И Мерзлой городок, и Тураш, и Кирпики, и Малогородцы, что ныне за нагайским мурзою за Алем, все будут к тому городу. А мочно из того из нового города полем и в Пегую орду по ясак посылать, и посылки конные и пешие для войны. А которые будет волости и городки есть, а туто не написаны, и про тех сыскать и с них ясак имати, а об них об новых ко государю отписать.

Архив Акад. Наук. ф. 21, оп. 4, № 15, лл.152–159, № № 66 и 67.

Примечание (от авт. публ.): В тарском архиве Г.Ф.Миллер начал работать еще в 1734 г. и тогда же отметил, что архив сохранился довольно хорошо, но отложил серьезную работу в нем до посещения города на обратном пути. Позднее (в 1753 г.) Г.Ф.Миллер объяснял некоторое небрежение, в начале путешествия, архивными занятиями тем, что еще недостаточно владел старинным русским языком, почему с трудом разбирался в архивных столбцах и книгах. Но на обратном пути Г.Ф.Миллер в Тару не попал, а потому весь его запас тарских копий ограничился немногими номерами, которые были сняты в 1734 г. Они хранятся в Архиве Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 15, лл. 138–148: «выписки из реестра архивных документов Тарской канцелярии» и лл. 149–189 – самые копии в количестве 24 номеров, из которых большая часть относится к общерусской истории, а к истории Тары и Тарского уезда, в сущности, только четыре номера. Наказ князю Андрею Елецкому (№ 1 тарских копий – прилож. № 13) в изд. 1750 г. напечатан по списку, сделанному студентом И.Яхонтовым, «сколько прочитать можно было». Но в этом документе многие несохранившиеся места легко могут быть восстановлены по смыслу и по аналогии с другими подобными наказами; все такие дополнения отмечены в ломаных скобках; в виду отсутствия указания в копии о количестве пропущенных строк или занимаемом пропуском месте, в нашем издании все не восстановленные пропуски отмечены тремя точками.

1595 г. февраля 10. – Наказ князю Федору Елецкому и голове Василию Хлопову, назначенным в город Тару.

Лета 7103-го году февраля в 10 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руссии велел воеводе князю Федору Борисовичю Елецкому да голове Василию Михайловичю Хлопову быти на своей государеве службе в Сибири в новом городе на Таре на княж Ондреево место Елецкого, а тамо готовы головы Борис Доможиров да Григорей Елизаров, а князя Ондрея Елецкого из Сибири из нового города Тары отпустить ко государю к Москве. А что с ним послано с Москвы в новой город на Тару детей боярских и пушкарей, и зелья и свинцу, и что взяти с Лозвы служивым людем на жалованье государевых хлебных (л. 3 об.) запасов и денег, и что велено под те государевы хлебные запасы и под казну взяти судов на Лозве, и тому всему послана с ним роспись подлинная за приписью дяка Василья Шелкалова. И воеводе князю Федору и голове Василию, взяв под зелье и под свинец и под собя подводы по подорожной, ехати с Москвы в новой город на Лозву. А пришед на Лозву, взяти у воеводы у Ивана Васильевича с товарищи в новой город на Тару служивым людем на жалованье государевы хлебные запасы и деньги по росписи, и под те государевы хлебные запасы и под собя взяти суды, как мочно в тех судех государевы хлебные запасы устроить. А у воеводы у Ивана Васильевича с товарищи в государеве наказе и в росписи написано 7 ж подлинно, сколько им в новой город на Тару государевых хлебных (л. 4) запасов с Лозвы отпустить и что под те запасы судов дати. А как, даст Бог, на весне лед вскроетца, и воеводе князю Федору да голове Василию, устроя государевы хлебные запасы и деньги в суды, итти с Лозвы в Сибирь, в новой город на Тару. А взятти с Лозвы на те суды для провожанья Лозвинских стрельцов до Пелыми, сколько пригоже, как мочно государевы запасы до Пелыми допровадити. А пришед на Пельми, взяти у воевод

потому ж Пелымских стрельцов для провожання до Тобольского города, сколько пригоже, а Лозвинских стрельцов отпустить назад на Лозву. А пришед з государевыми с хлебными запасы в Тобольской город, взяти из Тобольского города у воевод у князя Меркурья Олександровича с товарищи потому ж стрельцов и казаков, кому те государевы запасы допроводить до нового города до Тары (л. 4 об.). А пришед в новой город на Тару, устроить государевы хлебные запасы из судов в государевы житницы, а деньги поставить в государеву казну, и держать за своими печатями; а Тобольских казаков и стрельцов отпустить назад в Гобольской город. А устроив государевы запасы и деньги, взяти у воеводы у князя Ондreja Елецкого государев подлинной наказ и государевы грамоты о всяких государевых и о земских делех, и городовые и острожные ключи, и город и острог, и на городе и на остроги наряд, и в казне зелье и свинец и всякие пушечные запасы, и в житницах хлеб, и книги приход и розход деньгам и хлебу, и служивых людей по росписи, пересмотря на лицо, и ясашные книги, по чему з городков и с волостей с ясашных людей со князьков и с татар, ко(л. 5)торые городки и волости пошли от Тобольского города вверх по Иртишу к новому городу к Таре и которые волости пошли выше новаго города Тары, ясаков збираетца. А взяв государев подлинной наказ и государевы грамоты о всяких государевых делех, да по тому воеводе князю Федору и голове Василью с товарищи государевы дела делать и смотря по тамошному делу, как будет пригоже и государю прибыльнее, и роспрося про всякия про тамошние про государевы и про земские дела подлинно воеводы князя Ондreja Васильевича Елецкого, и вычитая государев подлинной наказ, по тому и делать. А служивым людям быти с ними по росписи, какова роспись с ними послана за приписью дьяка Василья Шелкалова. И с ясашных людей со всех городков и с волостей, которые городки и волости близко подошли от Тобольского (л. 5 об.) города к новому городу к Таре, и которые волости пошли выше нового города вверх по Иртишу, по ясачным книгам государев ясак збирати по государеву указу. А что с которого городка и с волостей и; с кого имя нем государева ясаку возьмут, соболей, и лисиц, и шуб собольих и белых, и бобров, и то все велети записывати в книги подлинно порознь по статьям. А имати вь ясак на государя соболи и бобры добрые и лисицы черные, а худых соболей, и лисиц, и бобров вь ясак не имати. А что ясачные люди принесут сверх ясаку, государю челом ударят, или воеводам что принесут в поминках, и то все по тому ж велети записывати в книги подлинно порознь по статьям; и держать ясашную казну за своими печатями. А которые князьки и остяки учнут ослушаться, и государева ясаку (л. 6) не учнут платити, и в государев город не учнут приходити, и на те волости посылать посылки з головами: литву, и черкас, и казаков конных, а велети их повоевати, и заклады у них поимати в новой город, и их поострастити и укрепити, чтоб их привести под государеву руку и ясаки с них собрати. А которые князьки и татарове государю служат, и в город к воеводам прихоят, и ясаки платят, и про всякие вести: про Кучюма царя и про его умышление и про нагаи учнут прихода сказывати, и воеводе князю Федору и голове Василью тех татар поить и кормить государевым запасом, и береженье к ним и ласку держать великую и отпускати их к себе не задерживая. И жити в новом городе с великим береженьем, и к служивым людям, и к отаманом, и к казаком, и к стрельцом, и ко всяким (л. 6 об.) жилецким людям по тому ж береженье держать великое, чтоб им в таком в дальном месте нужи и тесноты некоторые не было. А государев денежное и хлебное жалованье служивым людям роздати по росписи, какова роспись с ними послана за приписью дьяка Василья Щелкалова; а дати деньги и хлеб не вдруг, на два срока, по полугоду, чтоб без запасного хлеба в государевых житницах не было для осаднова времени. А воеводу князя Ондreja Елецкова из Сибири из нового города отпустить ко государю к Москве. А что у него государева ясаку собрано, соболей, и лисиц, и шуб собольих, и всякие мяхкие рухляди, и тое ясашную казну все отпустить с ним ко государю к Москве, а для береженья за казноу отпустить про водить казаков и стрельцов (л. 7) сколько пригоже, смотря по тамошному делу, чтоб государева казна довести бережно. А самому воеводе князю Федору и голове Василью после князя Ондreja Елецкого быти в новом городе на Таре с великим береженьем, чтоб на городе и на остроге по сторожам и по караулам были сторожи крепкие казаки и стрельцы, по переменам пешие. А в отъезде станицы посылать для вестей, и про Кучюма царя, и про нагайских людей проводывати литву, черкасов и казаков конных Тобольских и Тюменских, которые будут оставлены конные в новом городе для проезжих станиц, чтоб без вести Кучюм царь, собрався, пришед, над городом какие порухи не учинил и волостей государевых ясашных пришед не извоевал. А только будет у воеводы у князя Ондreja у Васильевича Елец-

кого с товарищи сее зимы над Кучюмом и нагайского Алея мурзы над волостями (л. 7 об.), которыми ВОлостями Сибирскими вверх по Иртишу выше новаго города владеют, промыслу и войны над ними не было, и воеводе князю Федору Борисовичю и голове Василью ссылатися в Тобольской и в Тюменской город с воеводами, чтоб людей, литву, и казаков, и служивых юртовских конных татар, прислали, и проведав про Кучюма царя, над ним промыслить, и волости, которые государю непослушны, повоевати, сколько Бог помочи подаст, чтоб над ними промысл учинити. А посылати в войну в волости на Кучюма царя голов Василья Хлопова да Бориса Доможирова, а с ними посылать литву и казаков и конных, пеших выбрав лутчих, чтоб Кучюма извоевати и поиск над ним учинити, а себя от него уберечи. И обо всяких о тамошних вестех и про Кучюма царя и (л. 8) про его умышленье и про нагайских людей отписывати в Тоболеск и в Тюмень к воеводам, чтоб им всякие вести про Кучюма царя и про нагайских людей были ведомы. А которые торговые люди учнут приезжать в новой город на Тару из Бухар и из Нагай со всякими товары и с лошедьми и з животиною, и у тех у торговых людей велети служивым людям всякие товары и лошади и животиною покупати, и береженье к торговым людям, к бухарцом и к нагаем, держати, чтоб их впредь приучити; а как они исторгуютца, и их отпускае не издержав. А которые будет торговые люди похотят итти мимо новой город в Сибирские города, в Тобольской или в Тюмень, торговати всякими товары или с лошедьми и з животиною, и их потому ж пропускати и береженье к ним держати. А только будут бухарцы учнут приезжати из Бухар о которых о государевых и о земских о тамошних делех, и воеводе князю Федору и голове Василью о том отписывати к государю (л. 8 об.), а их отпускае, не задержав, и государь велит указ свой учинити. А что у воеводы у князя Ондreja Елецкого государевых хлебных запасов, и денег, и наряду и всяких пушечных запасов возьмут, и воеводе князю Федору с товары щи о том о всем отписати и роспись прислати ко государю к Москве в Посольской в четвертной приказ к дьяку к Василью Шелкалову, чтоб про то государю было ведомо.

Да память воеводе ж князю Федору Борисовичю Елецкому. Писал ко государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси из Тобольсково воевода князь Федор Лобанов Ростовской с товарищи, чтоб прислать в Сибирь 5 скорострельных пищалей, чем промышлять над Кучюмом царем, как царь будет в городех; и ныне послано до Лозвы с Прокофьем да с Иваном с Воейковыми 5 скорострельных пищалей, а к ним по штисот ядер железных и со всякими пищальными запасы. И воеводе князю Федору Борисовичю, приехав на Лозву, взяти у Прокофья да у Ивана (л. 163) у Воейковых тот государев наряд и всякие пушечные запасы, и пушкарей, и зелье и свинец по росписи, и устроить в судех и отвести с собою в новой город на Тару и, пришел на Тару, держать тот наряд в государеве казне для походу на Кучюма царя.

Да память воеводе ж князю Федору Борисовичю. Приехав им в новой город на Тару, пересмотреть и переискати у князя Ондreja у Елецкого, и у голов у Бориса у Доможирова и у Григорья у Елизарова, и у сотников стрелецких, и у всех детей боярских на их дворех Сибирские мяхкие всякие рухляди, приносных и поминочных и купленых соболей, и лисиц черных, и шуб собольих и белых и горностальных, и бобров; а у ково что найдут, и тое все, рухляди переписати имянно, у ково что найдут, и запечатать своими печатями. Да и служилыми и торговыми людьми всякими про то сыскать накрепко, у ково они какие рухляди купили, и сколько они мяхкие рухляди из Сибири живучи посылали к себе, и с кем имянем, и в котором году послали, да тот весь сыск и тое все рухлядь и той рухляди роспись прислали ко государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси к Москве с государевою казною вместе в Посольской в четвертной приказ к дьяку Василью Шелкалову.

ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. № 11, лл. 3-8 об. Список XVII в. – Отсутствующие в нем «памяти» печатаются по списку XVII в. в Архиве Акад. Наук, ф.21, оп. 4, № 15, л. 163, №68.

Подготовил к публикации *Сергей Татауров*

44. Грамота хана Большой Орды Шейх-Ахмеда великому князю литовскому Александру (1492, 20 июля – 1494)

Брату нашему, великому князю Алексьандру, от Ши Ахъмата цара поклон.

После поклона слово то есть.

Мы с вами еще от великого цара Батья в братстве и в приязни живемъ. Ино тое братство з вашимъ отцомъ, Казимерем королемъ, нащ отец, Ахъмат царь, межи собою поновили и добрыми послы межи собою сослали ся, и роки межи собою положили. На Ивана гневаючи ся, царь нашъ всел на конь, а вашъ отец, король, на тот рок не пошел. Ино наши вланы и князи отцу нашему мовили: «Иванъ твой холопъ и королевъ есть, ино король на тот рокъ не пошел с тобою, и ты верни ся». И възяли отца моего за повод и верънули. А потом на отца нашего божея се воля стала. И мы со старшим братом нашимъ, Сид Ихматомъ царем, покочевали к Днепру. А в то пору Довълеш солтан к нам пришел и, нас воземъши, на Мендли Кгирея, цара перекопъского, пошел, и мы несколько вланов его повоевали. А потомъ Сид Ихматъ цар на божею волю пошел, а я сам не моцонъ был, а въ том Довлешъ солтаново дело стало ся. Ино вы, жалованье свое делаючи для Здемира солтана, што быхмо, шедши на Мендли Кгирея, валчили, и до мене есте всказали. И я рад вельми со всею волею своею, только по вас року жадаю, на которьи быхмо рокъ потягнули, на весну ль, чи ль на осень. Ино мне ся видит такъ: потягнути бы на них от очин, какъ они будутъ житя свои жати, а налепеи вы ведаете, как ся вам увидит. Сии слова упевниваючи, справедливе, твердо вмовляючи, своего любовного слугу, князя Обьдулу Богатыра, к вамъ послали есмо, ино божим жалованьемъ нашо полное здоровье вашей светлой ясности узьявити, а ваше полное здоровье намъ отказать и въ томъ насъ узвеселити, какъ и перьво межи вашими и нашими отцы правъда и приязнь и братство бывало, а в томъ приятель бы радовал ся, а неприятель бы боял ся. На то з легьким поминькомъ а с тяжьким поклономъ съ синимъ нишаном листъ писали есмо.

Великому князю Алексьандру от Ши Ахъмата цара поклон.

Ино наши предки з вашими предки братство и приязнь мевали и полного здоровья межи собою отъведывали. И мы по тому жъ противъ приятеля вашего хочемъ приятелем быти, а против неприятеля неприятелем, нехай бы то приятель, слышавъши, радовал ся, а неприятель боял се. А послал есми до вашей милости у гоньцох слугу своего и дьяка на имя князя Дану, ваше полное здоровье отъведывая. И ваша милость жалованье свое вделаєте, бордзеи к нам его отпустите. На то с синим нышаномъ листъ послали есмо.

Великому князю Алексьандру от Ши Ахъмата цара поклон.

Што до насъ еси листъ свои прислал, и мы вси вланы и князи к себе собрали и межи собою радили, первое о братство вспомяная, противко неприятеля неприятелем. И рекъли мне: «Только рокъ уведоме положите межи собою». Ино вы жалованье свое вделаите Аздемиру солтану, несколько людеи своих даите, а сами на краине блиско стоите. А мы хочем через Дон со всею ордою своею переити, а хочем на конь въсести, и на рокъ тамъ же быти. Тые дела вси отъведывая, князя Асакимъ заду а князя Дану, а князя Абьдулу тых у головах, добрых людеи пословъ своихъ, послали есмо. З листомъ симъ я своего слугу и твоего Кулака послал еси, бо он межи нами много потрудил ся, ездил, я его за то пожаловалъ, а ты его за то пожалуй тамъ.

РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 6, л. 75–76.

Опубликовано: Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1 (6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягелончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики. Сост., коммент., воспом. указ. М.Е.Бычковой, О.И.Хоруженко, А.В.Виноградова. Отв. ред. С.М.Каштанов. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 53–54.

45. Грамота царя Ивана IV ногайскому мирзе Урус (1576, не ранее 14 сентября)

А се такова грамота послана к Урус мирзе з Борисом з Доможировым.

Божиею милостию от царя и [ве]ликого князя Ивана Васильевича всеа Руси Урус мирзе слово наше то. [Пос]лал еси к нам послов своих Келдеураза да Курмана с своими грамотами. А в грамотах своих к нам писал еси: толко мы тебя прямым другом назовем, пожалуйем, и что

жаловал отцу твоему Нурадину мирзе Темир Кутлуу царь по сороку тысяч алтын – сполна б нам пожаловать. А будет одна денга не сполна, и мы тебя непрямым другом назовем. И только наше жалованье к тебе скудно будет, и мы тебя и к шерти [на] што велели приводить? А Сафа Кирей царь отцу т[вое]му Исмаилу князю по сороку тысяч алтын из Казани жаловал. И царев Темир Кутлуев юрт Астарахань, и Алибаев, и Алтыб[ае]в [юр]т, и Болгарской царев юрт, и Ардабаев с тридцатью тюмени со всем в наших руках стоит. А от отца нашего юр[та]... часть в наших же руках стоит. Прежним отцом твоим жалованье было, и мы то ведаем. И те юрты и жалованье мало не все у нас же в руках. А отец твой Идиги князь отцу нашему и деду нашему служивали и жалованье имывали. А отец твой Нурадин мирза Темир Кутлую царю служивал и жалованье имывал. А отец твой Исмаиль князь Сафа Кирею царю служивал и жалованье имывал. А отец наш в братстве на том и жалованье. А ты нам роту и шерть учинил недруга нашего стрелюю стрелять и саблюю учнешь сечь, а на всякого друга нашего другом быти [д]а на недруга нашего недругом быти. И только мы тебе что отец твой [имы]вал ис тех из двух юртов два сорок тысяч алтын дават[и], а ты только о том учнешь писати, и наша б рота и шерть на твоей шее была. А только мы из тех из двух юртов двух сорок тысяч алтын не пожалуем – то мы ведаем. А пожаловати б нам – из сорока тысяч алтын за двадцать тысяч алтын шуб и однокордобрых из своей казны дати, а пять тысяч алтын денег казначею имелдешу твоему Курману пожаловати бы нам дати. А пятнадцать тысяч алтын из казны б нам прислати. Да челобитье твое то. Которые летось послы твои ехали Волгою, и из Кунгуля встретили их стрелцы и казаки да из пищали убили Хан ми[рзи]на посла Актугана. И которые его убили, и тех двух человек сотник стрелецкой Дружина Ковардицк[ои] [в] Кунгул привез. И нам б их велети тебе отдати или велети за Актугана то ж дати, что и за Булаксуфу заплатили. Да Ямгурчей улановы две жены да дочь есть, да три головы полонянки, да Алмагмет, да Ичкара – два человека твои паробки кашевары. И нам бы пожаловати – их отдати. Да летось посол твой Янтемир купил в Касимове две души полону и в Касимове Ярлагамышем зовут одного человека продал был, да подговорил его опять и оставил у себя. И нам бы пожаловати – его отдати. Да прошлой зимы с астраханскими людьми посылал еси на казаков, которые суды громят [и] [св]оих лутчих сорок пять человек. И они на них ходили и неколко лю[деи] у них побили, а ис твоих людей одново доброво человека убили. А у него остались многие племянники, и ныне челом бьешь, чтоб нам достальную братью пожаловати. Да к нам еси прислал брата его, а зовут его Теребердеем, и нам бы его пожаловати. Да того меж нас с тобою друзей и недругов много, и только нам на тебя учнут сорити или хулити братья твои большие и меньшие, да и сына твоего Хан мирзу, хто на него учнет сорити или хулити, и нам бы самого тебя и сына твоего Хан мирзу, око на око не сведчи ине сыскав, одно[лично не?] верити. Да пожаловати б нам т... Кунгуля зимнее платье и зимней запас велети дати, что тебе зиме самому носить: ш[уб]у кунью добрую под сукном да шапку [ч]ерну горлатну, да что зиме пить пятнадцать батманов меду, да пятнадцать батманов круп, да пятнадцать возов рыбы з учюгов. Да пожаловати б нам казначею твоему Курману – ослободити на тебя полонянок и полоняников купити. И казначея бы твоего Курмана, пожаловав, наборзе к тебе отпустить. Да пожаловати б нам кашевара твоего Абаша и жену его Исеня к тебе отпустить. Да которой мирза умер у Тугаша [князя], и его б куны нам пожалова[ти] – [ве]лети отдати. Да в Кунгуле одиннадцать человек людей твоих ес[ть] беглых, в головах один – зовут Иваном, а другово Ивашком. И нам бы к воеводам в Кунгул отписати, а велети их отдати. Да племянника твоего Сеидахмет мирзина имелдеша, родом хат, Баичюрин сын Козелеи ходил на воину с Маитамал агою, и его взяли. И ты пожаловал б – велел его отдати. Да поехал к Москве паробок твой, родом найман, Ишмамет, и нам бы пожаловати – тамги с него имать не велети. Да пожаловал бы нам Асу [ми]рзу и Арыслан мирзу, и Каплана мирзу и къ [и]х [сыно]вем и к дочерем жалованье при[слат]и. Да пожаловати бы нам пле[мянни]ка твоего Кучок мирзину жен[у] да сына, да [д]очь... что у тебя сестра Каратат..., а даешь ее замуж. И нам бы ей пожаловати – прислати шуба бархат з золотом на соболех да шубу камчату на кунцах, да шапку лисью черну. Да Булат мирзу да Асанак мирзу, да Тиналеи мирзу, да Акбаеи мирзу, да Акбулат мирзу, да Аи мирзу Шигимовых детеи гараздо б нам пожаловати. Да Акбаеи мирзину жену Шеидякову княжюю дочь – и ее б пожаловати. Да Улуканы мирз[е] да Арыслан мирзе, да Али мирз[ина] сына Ишали мирзу пожаловати...

жалованье к [ни]м присла[ти]. [Ко]торой полон пойма[л] Сабак мирза – двенатцать душ, а нам бы пожаловати – велети их отдати. Да что на тебя с тое стороны воины есть, и нам бы пожаловати – прислати к тебе из Кунгуля сто пятьдесят человек конных стрелцов. И мы грамоты твои, выслушав, вразумели гараздо. И что еси писал к нам, что жаловал отцу твоему Нурадину мирзе Темир Кутлуи царь по сороку тысяч алтын, и нам б тебе то ж пожаловати – посылати... тех бы сорок тысяч алтын, пожало[вати] нам – за половину за дват[цать] тысяч алтын прислати шубами и однорядками. И мы к тебе свое жалованье – шуб [и] однорядок послали с своим сыном боярским з Борисом з Доможировым. А с твоим послом послали есмя к тебе сто дватцать рублев денег. А вперед бы еси таких запросов не писал, чего отец твои не писывал, а держал бы еси перед нами правду, на чем еси нам правду и шertz дал. А...[наше?] жалованье к тебе и вперед будет без оскуденья, смотря по правде по твоеи. А что еси писал к нам: которые послы были на Москве и ехали Вол[гою] [к] Астарахани, и встрет...[или их?] стрелцы и казаки, да ис пищали уб[ил]и Хан мирзина [пос]ла Актугана. И что за Булаксуфу летось заплачено, а за Актугана б нам пожаловати – то ж заплатити. И писали к нам из Астарахани воеводы и дияки: шел из Астарахани на судне с рыбою свияжской жилец Митка Слинков, и как пришел по конец Змеевых гор, и пришли на него нагаиские люди, которые летось шли с Москвы полем и конми, и взяли у него бечевщиков двенатцать человек. ...Куземку Балахонца с товарищи, да шти человек ранили, и ис тех три человеки умерли. И оде... досталь нашими казаки судно... и как будут в Девьих горах... верху на нагаиские по[слы?], которые летось у нас [бы]ли, и поворотили к его судну, и он учел к л...ти и их спрашивати, что залюди, и они ему по руски, ни по татарски ответу не дали и учили спешити к его судну. И он, Митка, увидя их, что с ними русских людей и толмачей нет, да почал стрелять из пищалеи. И нагаиские послы от его судна отворотили. И он у них в своем судне убежал. А опосле нагаиских послов шел в стругу сотник стрелецкой Дружина Ковардицкой, которой послов провожал в Астарахань из Казани. И нагаиские послы тому сотн[и]ку сказали, что у них человека убили. И сотник Дружина убитово человека у н[их?]... Дружина Митку Слинкова тут... в Астарахань к [вое]водам. И мы для т[воего] прошенья за Хан мирзина посла за Актугана велели на том на свияжском жилце на Митке на Слинкове взяти пятьдесят рублев и отдать велели твоим послом. А которых его казаков нагаиские послы поймали, и ты б тех казаков велел сыскати, а сыскав, отослали их в Астарахань к нашим воеводам. А сотника Дружину, которой нагаиских послов провожал, велели есмя его в Казани бить кнутом: зачем он оставаетца и не в одном месте с послы ехал, и того не уберег. А что еси писал к нам: Ямгурчеи улан[овы две жены] да дочь есть, да три голо[вы] [полон]янки, да Алмагметь да Ичк[а]ра [тво]и паробки кашевары. И нам бы их пожаловати – отдати. И ты б к нам о том отписал [по]длинно, где те Ямгурчевы жены и дети, и полон, и где паробки твои Алмагметь да Ичкара взяты, или собою приехали, и в котором году. И мы их вперед велим сыскати да о том к тебе велим отписати. А что еси писал к нам, что посол твои Янтемирь купил в Касимове две души полону, и в Касимове Ярлагамышем зовут одного человека продал был да опять его подговорил, и нам бы пожаловати – его отдати. И мы того посылали сыскивати, да вскоре сыск не нял. А вперед... [бр?]ати. А сыскав, толко его добудут и... [ва?]м отдати. А что еси писал к нам... [чтоб] на[м] тебя пожаловати – велети дати из Астарахани зим[не]е платье, что тебе зиме носити, и запасу – меду и круп, и рыбы, и мы прошенья твоего не оставили есмя: в Астарахань к воеводам писали, а велели тебе из Астарахани дати шубу под сукном на куницах да кафтан камчат, да шапку черну, да запасу – пятнатцать пуд меду да пятнатцать четвертеи круп, да пять четвертеи толокна, да воз рыбы. А что еси писал к нам пожаловати – казначею твоему Курману ослободити на тебя добрых [полонян]ок и полоняников купити, и...[казначей] твоего Курмана нам, [по]жал[ов]а[в], [к] тебе отпустити. И мы казна[чей] [т]воего Курмана, не задержав, к тебе отпустили и полоня[нок] и полоняников ослободили есмя казначею твоему Курману на тебя купити. А что еси писал к нам, чтоб нам кашевара твоего Абаша и жену его Исеня к тебе отпустити, и мы про него сыскивали, и про него нигде ведома нет. И ты б к нам о том подлинно отписал, где он взят, или сам въехал, и мы вперед про него велим сыскати. А что еси писал к нам о мирзе, которой умер у Тогуша князя, чтоб нам пожаловати – куны его велети отдати, и тебе о том и писа...[ли] ж: которые воры ходили... Казань в лешие места на Луговую

сто[ро]ну и луговых людеи от нас отводили, и на всякое... наводили... захотели луговые люди, которые воровать не захотели, поймав, привести в Казань к нашим воеводам, и они побежали. И их дошел свияжской князь Тугуш, нам прямечи. И их побил князь Тугуш, а у князя Тугуша на том деле племянника убили. И таких дел и поминать не пригодитца, соромитца вперед таких дел пригоже. Вор воровал, потому над таким и стало. А на обе стороны бои был. Что то и сыскивать? А что еси писал к нам о полону, что в Кунгуле одиннатцать человек людеи твоих... [б]еглых, в головах одного зовут Ив[аном], [дру]гово Ивашком, и нам бы...[к воеводам в Кунгул отпис]ати, а велети их...[отдати]. И писали к н[ам] и астараканские воеводы, что они того твоего полону и... [И]вашка не сыскали. А которой полон сыска[н], и тот полон к вам и отослан тогды ж. А вперед которой полон учнет у вас бегати не наши веры, немецкой и лятцкой полон – не токмо в Астарахань, хоти и в Казань, и мы в Астарахань к воеводам писали, а велели тот полон, сыскивая, вам отдавати. А которой полон выбежит в Астарахань наши веры хрестьянской, нам того полону своее веры вам отдавати не пригож. А вперед бы есте велели полон беречи накрепко, чтоб от вас полон не бегал, чтоб в том полону ссоры не было. А что еси писал к нам, что ездил и... улуса на воину племянника твоего...[Саидахмет мирз]ы имелдеш, родом хат...[Баичюрин] сын Козел[еи] имелде[ш] Маита[мал]... и его взяли. [И нам] бы его пожаловати – велети сыскати. [И] таково человека ныне нет. А которых в языцех приводят, которые крымские люди и азовские приходят на наши украины воюют, и тех побивают. И ты б теми малыми делы своеи правды не рушил. А о азовских людех по нынешней твоеи правде, что еси перед нами учинил, вперед и писать не пригодитца. Пригоже тебе от таких дел удалятца. Маитамал... нашим и с царевичи же... наши украины а сеи... ближней его человек с ним... по какая и вперед про... писал к нам... воем... что он пошел к нам с торгом... пожаловати тамги... для твоего прошенья велели. А ч[то] [еси] писал к нам об Аисе мирзе и о Арыслан мирзе, да о Каплан мирзе, чтоб нам их пожаловати. И преж сего к ним нашего жалованья не было. А ныне для твоего прошенья к Аисе мирзе и к Арыслан мирзе, и х Каплан мирзе свое легкое жалованье послали есмя. А что еси писал нам о Кучюк мирзиных Магметев[ых]... чтоб нам с ним св[ое] [жалованье] прислати, и мы... и детем с своим ж[алованьем]... еси писал о сеи... что даешь... лести... з золот[ом]... да... горностаех... куница, да шапку лисью черну... братье твоеи свое жалованье – шубу з бархатом да шапку послали. А что еси писал к нам, чтоб нам пожаловати Булат мирзу да Асаснак мирзу, да Акбулат мирзу, да Ак мирзу, да Аи мирзу Шигимо[вых]... а велети... азенному... а как... государя к Урусову сыну Хан мирзе... И Борису дати Семену из своеи ста[ницы] для государева дела служилого татарина.

РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Новгород), д. 137, л. 383а–393.

Опубликовано: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). Подгот. к печати, введ., коммент. В.В.Трепавлова. М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. С. 47–56.

46. Грамота царя Ивана IV ногайскому бию Юсуфу (1553, не позднее января 30)

А се грамота к Юсуфу князю с Тафкеем Тимеевым с товарищи.

Божиею милостию царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси володимерского, московского, новгородского, казанского, псковского, смоленского, тверского, югорского, пермьского, вятцкого, болгарского и иных слово Юсуфу князю. Слово наше то. Прислал еси к нам своего человека Енебека з грамотою. А в грамоте в своеи к нам писал еси, чтобы нам дочь твоя к тебе отпустить. И мы твоеи для дружбы дочь твою у себя жаловали, в доброй чти держали и, являя к тебе свою дружбу, дали ее за Шигалея царя з добрым своим жалованьем. И к тебе есмя прежде сего послали тот сеунчь сказати своего доброво казака Сююндюка Тулусупова. А после тово, как есмя дочь твою ис Казани к себе взяли, и казанцы нам опять изменили: а взяли к себе на царство Едигеря царя. И мы сего лета за ту их измену на них сами ходили. И Бог нам милосердые свое учинил, Казань со всеми людьми в наши руки дал. А которые люди в городе в Казани нам грубили, и те все от наши сабли померли. А жены их и дети наши люди

в полон взяли. А Едигерю царю милость есмя показали вас для: смерти ему не учинили. И Едигерь царь ныне у нас на Москве, и нам бил челом, наши опалы отпрашивал. И мы ево пожаловали жалованье, есмя ему свое добро учинили. Так бы еси ведал. А ис Казани послал был есми х тебе казанской сеунчь сказати своего казака Тафкея Тимеева. И Тафкея на дорозе ограбили ваши люди, до тебя его не допустили. И ты бы тех людей сыскал, которые Тафкея грабили, и их бы еси велел казнити, чтобы меж нас вперед людем нашим дороги не мешали. Да били нам челом ваши послы, похотели у нас зимовати, и мы им волю дали. А как похотели ити к себе, и мы их отпустили к вам по их воле. И с вашими послы вместе послали есмя к тебе своего казака, Тафкея Тимеева с таварищи. И как доидет до тебя Тафкеи с сею нашею грамотою, и ты бы наших казаков Сююндюка и Тафкея с таварищи, не издержав, к нам отпустил. И с нашими казаки вместе прислал бы еси к нам своих болших послов. И приказал бы еси к нам с ними о всех своих делех, как меж нас вперед доброму делу быти. А которые твои гости и иных земель гости похотят ити с торгом в Казань, и ты бы им велел ходити без боязни. И мы боярину своему и наместнику казанскому князю Александру Борисовичю суздальскому велел их беречи ото всяких обид. А которые наши казаки были на Волге, и мы, вас для, тех всех своих казаков велели с Волги свести, чтобы вашим послом и людем и улусом лиха никоторого не делали. А что еси у нас // (л. 159об.) просил, что тебе надобе, и что у нас лучилось, и мы то тебе послали с своим казаком с Тафкеем.

Писана на Москве.

Лета 7061-го генваря месяца.

РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 157об.–159об.

Опубликовано: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Сост. Д.А.Мустафина, В.В.Трепавлов. Казань: Татарское кн. изд-во, 2006. С. 111–112.

47. Грамота ногайского бия Исмаила царю Ивану IV (1557, не позднее июля 26)

А се грамота Исмаилева с его послом Таузаром.

Силы находца Исмаилево княжое слово. Белому царю поклон. Многом много поклон молвя, слово то. Ещо слово то. Мы на той правде, на чом есмя с тобою молвили. А и ты ту правду не моги порушити, чтобы на меж себя ложно не говорити. Говорити бы правдою было нам с тобою слово, что было нам с тобою Крым воевати. А племянники мои, которые от нас отстали, а ныне за Волгою с нами завоевалися. А приложились х крымскому царю. Да племянники же мои от нас отстали ныне за Яиком. А приложились х казацкому царю со мною завоевалися же да надо мною времени ищут. Сего году Крыма воевати нам недоволь пришил. Коней и запасу у нас нет, оголодали есмя. Коево дни нам время будет весть тебе от нас будет о крымской войне. Так бы еси ведал. Только ты не солжешь, мы не солжем. Бог един – слово одно. Иван Черемисинов улусы воевал и в полон поимал, просили есмя, и он не отдал. А которые на переволоке Ляпун да Исуп те улусы повоевали же, сто душ полону взяли. Просили есмя и ни не отдали. И ты бы на них огрозился крепкою грозюю и полон, взяв, нам отдал. И только тот полон до наших рук не доидет, ино твоя правда порушилась. Брата моего старшего Юсуфовы княжие дети обои те от меня не отстанут, и из моего слова не выступят. А брата моего Шихмамаевых мирзинных детей позову к себе, придут – и яз их приму. А не придут, и ях стану воевати и тех мирз, которые за Волгою, позову к себе. Придут, и яз их приму, а не придут – и яз их учну воевати. Так бы еси ведал. Твоему недругу мне было недругом быти. А моему недругу тебе было недругом быти. И ныне мне воевати те улусы, что за Волгою, которые от нас отстали, и им бежати х Крыму. А ты Доном пошли многую рать. И толко они их за Дон не перепустят, и яз их до Крыма не допущу, поемлю, оже Бог даст. Так бы еси ведал. А что еси ныне прислал боярина, оже он легкой человек. И ныне пришли ко мне имянново человека. А пашню сараичиковскую вода взяла, а улусы наши животиною обмерли и голодни есмя. И ты бы к нам писал на семена судно хлеба да запасу хлебново. И меду пришли к нам четыре суды. А что еси прислал ко мне рухляди и яз то роздавал племянником своим и детям и слугам своим. И ты бы ныне прислал мне платье зимовные и женам моим платье зимовные. А нам ити на воину, и ты бы мне прислал

ратную приправу: пансырь, тегиляи, шолом со всем полным доспехом да два седла. Да что самому вздевати пришли мне шубу зимовную и с поволокою и шапку опроче пришли. Да хотел еси мне дати дватцать сот рублей, и ты того не дал. И ты бы те денги прислал. Да пришли десть юфтеи рольдуги. Юнус мирзин посол да Кадыш, ехав-деи тебе сказали про меня, что буд-тося яз княжене здал Юнус мирзе. А сам будто иду к Меке. И ты бы тех лживцов казнил, тол-ко меня собе братом назовешь. И ты Кадыша не пощади, добро потом меж нас людем не лгати. А посла бы моего сего судном наборзе отпустил еси. а что ни есть речи моих, и яз с Тавбузаром князем приказал с слугою своим. Да пришли мне шатер. Толко будет тебе мне прислати пансырь, и ты возьми Едигерев царев пансырь да пришли мне, то был пансырь мои. Толко тебе быти с нами в братстве, и ты слуг моих Якшилыкова сына Епчюры князя да Ишмагметя князя да Янбахты князя да Тобутая князя гораздо почтил. Грамоты их принял меня для. А они добро-хоты мои и преже ближние мои люди. Так бы ведомо было. А Якшилыковы княжие грамоты и тогды ты принимал, коли яз в мирзах был. Так бы ведал еси. Да просим у тебя Тахтамыша царевича, чтобы еси его с Ываном с Черемисиновым скошевал. А он ис твоего слова не выступил. А из нашего слова не выступит же, добро тебе и Крыма воевати, а астараканским людем чер-ным о нем держатися будет добро. Толко ныне царевича отпустишь. И ты Китаи Семена мирзу назад отпусти. А Семен бы мирза пансырь с собою свои привез.

РГАДА, ф. 127, оп. 1., д. 6, л. 32–35.

Опубликовано: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Сост. Д.А.Мустафина, В.В.Трепавлов. Казань: Татарское кн. изд-во, 2006. С. 252–254.

48. Доезд пристава Захария Шишкина с докладом о встрече послов царевича Девлет-Гирея в Белоозере с царевичем Аблаем (1639 г. не ранее марта 17)

Лета 147-го году марта в [...] день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу Захарей Григорьевич Шишкин да уфинец Федор Тарбеев, приехав на Белоозеро с калмытцкими Девлет Гирея царевича с послы с Копландою да с Ышеем и взяв у воеводы у Микиты Ласкирева пристава, ходили к Абыле царевичю, где он сидит. А пришед, Абле царевичю толмачи говорили. Прислали к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси самодержьцу брат твой Девлет Гирей царевич да жена твоя Чигиндар княиня послов своих Копланду да Ишсея. И те послы били челом царскому величеству, чтоб им видетца с вами, Аблю царевичем и Тевкою царевичем. И царское величество пожаловал, велел им с вами видетца. А изговоря, послов к царевичю пустили. И послы Копланда да Ишей, пришед к Абле царевичю, говорили: «Прислал нас брат твой Девлет Гирей царевич да жена твоя Чигиндар княиня проведать про вас, в животе ль вы». И царевич послом сказал: «Дал Бог жив. А живу при государевой царевице и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси милости. А поехали де вы сюда и у меня в хоромах были ли? И мать моя Керехтел да и Девлет Гирей царевич и брат мой Ислам и жена моя и дети здорово ли?» И послы сказали: «Дал Бог здорово. А мы де в хоромах твоих были и служили жене твоей и детям беспрестанно». И царевич говорил: «На том вам спасибо. А мне как же быть? А я де ныне радею о государьской милости, а тово не ведаю, что надо мною будет».

И послы ему говорили: «Молися де Богу да бей челом государю. А Девлет Гирей царевич и жена твоя и мы, холопи ваши, вас не покиням. А Девлет Гирею царевичю что приказываешь?». И царевич им сказал: «Веден де Бог, Девлет Гирей, я де ему указать не умею. А к жене своей приказывою, чтоб она шла под царьскую высокую руку и ко мне тотчас, не мешкав. А Девлет Гирею скажите, чтоб ее отпустил и з детми моими, не задержав». Царевич же Абла говорил послом: «Великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси вас жаловал ли?» И послы ему сказали: «Великова государя к нам жалованье было». «Да государево де жалованья хто вам сказывал?». И послы говорили: «Сказывал де нам государево жалованья думной дияк Федор Лихачов».

Посол Копланда говорил: «Ныне мы тебя увидели в животе и скажем брату твоему Девлет Гирею царевичу и жене твоей. И жена де твоя будет тотчас к тебе. А Девлет Гирей царевич ее отпускает». И царевич Абла им, послом, приказал, чтоб Девлет Гирей и сам совсем под царскую высокую руку был тотчас и жены б де моей не задержал.

Да государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси Абла царевич бил челом, чтобы государь пожаловал, послов наших велел отпустить, не задержав; да жены б моей государь пожаловал, велел послать уфинца Федора Тарбеева да уфинца толмача Василья Киржатцкова, а я де их службу к великому государю видел. Послы говорили: «Прислоны де мы к вам не для торговли – проведать вашева здоровья». Да поднесли царевичу кушак кизылбашской дорогилной да рубашку безинную да шапку бархотную таусинную с лисьим передом. «А слыша де про вас милость ваша и брат Девлет Гирей царевич и жена твоя и дети, что вы в животе, и нас к вам прислали. А хотят де все милость ваша и Девлет Гирей великого государя милости. А не станут, ни часа не мешкая, будут тотчас под государскую высокую руку. А мы холопи ваши, а четыре лета и четыре зимы про вас, государей, не слыхали. А ныне вас мы увидели. А ныне во всем воля великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси. А толко услышат про вас мать ваша и Девлет Гирей царевич и жена твоя и дети, и оне часу не станут мешкать, будут тотчас под государскую высокую руку».

Послы ж говорили: «Приезжал де твой тесть Чентуй Чечейн калмык, а говорил дочери своей, а твоей жене: будет де Абла царевич жив, и ты де к нему поедь ране и спеши день и ночь к царскому великому государю жялованью. А по вас де и мы будем по ево царскую высокую руку».

Да по государеву указу велел говорить Захарей Шишкин толмачом. И толмачи говорили, чтоб он писал к брату своему Девлет Гирею царевичу или жене своей или приказал накрепко: толко Девлет Гирей царевич и жена твоя похотят тебя, Аблу, свободна учинить, и брат бы твой Девлет Гирей царевич под царскую высокую руку был тотчас, где ему царское величество укажет. А жена б твоя з детми ехала к тебе тотчас. А толко они тово не учинят, и тебе, Абле, будет болшое утеснение. И то тебе будет от них терпеть.

И царевич Абла сказал: «Грамоте де я не умею, а приказывою речью послом своим накрепко, чтобы Девлет Гирей с матерью моею и братом Сламом был под государскую высокую руку и жену б мою, не замешкав, отпустил ко мне з детми тотчас. А им де поверят. А люди ко мне что присланы от Девлет Гирея – Копланда человек верной и Ишим мои человек верной».

А послы сказали: «Мы де для тово прислоны и нашему слову Девлет Гирей царевич и жена ево поверят». Послы ж говорили царевичу Абле: «Прошлого де году прислал ты г Девлет Гирею царевичу и к матери своей и к жене своей косу свою. И оне тому не поверили да выбирали, ково послать к вам, много и выбрав, послали.

И царевич Абла, встав, послом поклонился, а говорил: «Спасибо вам, что вы меня не покинули и приехали к царскому величеству и били челом великому государю, чтоб с нами свидетца». И учал плакать. И приказал им, чтоб Девлет Гирей совсем был под великово государя руку тотчас и жену б мою з детми, не задержав, отпустил ко мне. Да снем с себя зипун дорогилной ал поношен и дал послу Колпланде да написал своею рукою пятно: «В нашей де земле это пятно во всем крепко, это де у нас слово тамга. И то б пятно государь пожаловал, велел отослать к матери моей да к Девлет Гирею да к жене моей». А то пятно подклеено под семи речьми. Да бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси Абла царевич, чтоб государь пожаловал, велел мне быть где в ызбе, а не в тюрьме, и по ево б великово государя милости мошно мне выйти куды погулять. Да послы говорили Абле царевичу: «Брату своему Тевке что приказываешь?». И Абла царевич им сказал, чтоб де был в крепости.

А Девлет Гирея царевича Абла царевич называет дядею. И в том ево допрашивали толмачи, что брат ли или дядя ему Девлет Гирей царевич. И царевич Абла сказал: «Мне де Девлет Гирей царевич ныне дядя».

Марта во 8 день, приехав в Каргополь и взяв у воеводы у Александра Аничкова пристава, ходили к царевичу Тевке, где он сидит. А пришед к царевичу Тевке, толмач говорил: «Прислали к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси самодержцу брат твои Девлет Гирей царевич да Аблы царевича жена Чигиндар княиня послов своих Копланду да Ишея. И те послы били челом царскому величеству, чтоб им видетца с вами, Тевкою царевичем и с Аблюю царевичем. И царское величество пожаловал, велел им с вами

видетца. И с Аблюю царевичем на Белеозере они уж виделись». А изговоря, послов к царевичю Тевке пустили.

И послы, пришед к царевичю Тевке, учели говорить: «Мать твоя Керехтел да брат Девлет Гирей царевич велели тебе челом ударить. Да приказывой де к матери своей и к роду, што мне скозати». И царевич Тевка им скозал: «Матери моей и брату моему великоя челобитья».

Посол же Копланда говорил: «Под царскую руку брату твоему быть ли?».

И царевич им скозал: «К брату моему к Абле будет жена и дети, и государь ево пожалует. А у меня де жены и детей нет, и ко мне бы были мать моя да брат Девлет Гирей под государскую высокую руку, и по них государь меня так же пожалует».

И послы поднесли царевичю: Копланда поднес фережи червчяты кутняные и Ишей поднес рубашку безинную да порты да кушак шелковой кизылбашской. Да говорили ему: «Приказывой к матери своей и к брату, чтоб были (Л. 41) под государскую высокую руку. А оне де тебя послушают. А ты де у матери своей любимой сын, милее тебя нет». И царевич им скозал: «Добро де, я тому рад, штоб меня не покинули».

Да государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси царевич Тевка бил челом, чтоб государь пожаловал, послов наших не велел задержать.

А приказывал с послы людям своим Саре Мергеню да Козяшю по челобитью: «А как дя я был в своей земле, и вы люди были мои, служили мне. И вы ныне за что меня покинули, на государское царевое имя за что не едетя ко мне? И вам бы ко мне быть и брата моего Девлет Гирея царевича и мать мою нагавариволи, чтоб ехоли под царскую высокую руку».

Да государю бил челом царевич Тевка, чтоб государь пожаловал, отпустить велел к матери моей и к брату моему Девлет Гирею уфинца Федора Тарбеева да уфинца ж толмача Василия Киржатцкова. А послом своим приказал, чтоб мать моя и брат тех государевых послов слушали и ни в чем их не ослушались и были б под государскую высокую руку.

И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу Захарей Шишкин велел толмачом говорить. И толмачи говорили царевичю Тевке, чтоб он отписал к матери своей и к брату своему и к Аблине жене или словом приказал накрепко: толко они похотят ево, Тевку, свободна учинить, и брат бы ево под царскую высокую руку был тотчас, где ему царское величество быть укажет. А Аблина жена з детми ехола к мужю своему к Абле царевичю тотчас. А толко они тово не учинят, и ему, Тевке, будет большое утеснение. И то ему будет от них терпеть.

И царевич Тевка приказал послом, чтоб мать моя и брат и невестька были тотчас под царскую высокую руку без ослушания и меня не покинули. Да отрезал у себя волосов и велел отвести к матери своей и к брату. А послу Копланде дал с себя кофтан зендениной кирпичной цвет. Да говорил ему: «Приказывой тебе, Копланда, накрепко, чтоб мать моя и брат были тотчас без ослушанья под царскую высокую руку. А невестька Чигиндар княиня ехола к мужю своему к Абыле царевичю тотчас. А болши де тово мне говорить нечево». Да написал своею рукою, а скозал: «В нашей де земле его пятно во всей, а слово томга. И то б отослать велел государь к матери моей да к брату моему Девлет Гирею».

А царевича Девлет Гирея Абла царевич называл дядею, и в том допросили толмачи царевича Тевки, что брат им Девлет Гирей царевич или дядя. И Тевка царевич скозал: «Нам Девлет Гирей царевич брат, а Обьяла де потому ево называл дядею, что мать нашу он, Девлет Гирей, взял за себя».

РГАДА, ф. 119, оп. 1, 1639 г., д. 2, л. 36–42.

Опубликовано: Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. С. 172–177.

Источники и литература

Неопубликованные источники

Архивные дела

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

АВПРИ, ф.89 (Сношения России с Турцией), оп.8, 1777 г., д.1991.

Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН

Архив СПбИИ РАН, ф.178 (Астраханская приказная палата), оп.1, д.12348, 12366, 12449, 12450, 12348.

ГАОО – Государственный архив Астраханской области

ГАОО, ф. 394, оп. 1, д. д. 1757; 1812.

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан

НА РТ, ф.169 (Татарика), оп.1, д.36.

НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан

НМ РТ. Редкий фонд, № 5757.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГАДА, ф.89 (Сношения России с Турцией – коллекция из фондов Боярской Думы, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг.), оп. 1, ед.хр.1; кн.1; д.2.

РГАДА, ф.119 (Калмыцкие дела – коллекция из фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии), оп. 1, 1697 г., д.9.

РГАДА, ф.123 (Сношения России с Крымом – коллекция из фондов Боярской Думы, Посольского приказа и Посольской канцелярии), оп.1, д.12, кн.6, 7, 8, 9; ед.хр.6, 8.

РГАДА, ф.127 (Сношения России с ногайскими татарами – коллекция из фондов Боярской Думы и Посольского приказа), оп.1, 1585 г., д.1; 1586 г., д.1, 3, 9; 1613 г., д.5; 1616 г., д.1; 1616 г., д.2; 1617 г., д.1; 1617 г., д.3; 1619 г., д.1; 1619 г., д.2; 1620 г., д.1; 1626 г., д.2; 1627 г., д.1; 1628 г., д.1, 2, 3; 1629 г., д.1; 1630 г., д.3; 1634 г., д.3; 1639 г., д.2; 1641 г., д.4, 5; 1644 г., д.2; оп.1, д.2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, ед.хр.4; оп.2, д.32.

РГАДА, ф.147.

РГАДА, ф.181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД), оп.1, ед.хр.49.

РГАДА, ф.187 (Рукописное собрание ЦГАЛИ), оп.2, ед.хр.124.

РГАДА, ф.201 (Рукописное собрание М.А.Оболенского), №42.

РГАДА, ф.210 (Столбцы Белгородского стола), стлб. 1406.

РГАДА, ф.281 (Грамоты Коллегии Экономии), №7738.

РГАДА, ф.389 (Литовская метрика), оп.1, д.6, 7; Кн.7.

РГАДА, ф.1173 (Уфимская приказная изба (Съезжие дворы), оп.1, д.196.

РГАДА, ф.1261 (Воронцовы), оп.1, д.2789.

РГАДА, ф.1274 (Панины-Блудовы), оп.1, 1626 г., д.1; 1628 г., д.4; 1634 г., д.1; д.3; д.6; 1635 г., д.2; д.4.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГВИА, ф. 405 (Департамент военных поселений), оп.6, д.3076.

РГВИА, ф.846 (Формулярные списки), оп.16, д.1852.

РГВИА, ф.271, оп.1, д.19.

ЦГИАУК – Центральный государственный исторический архив Украины

ЦГИАУК, ф.229, оп.1, д.251, 252, 257, 321.

Archiwum główny akt dawnych, f. Metrika Litewska, sygn.191d, l. 18.

Başbakanlık Osmanlı Arşivi, Mühimme Defteri, № 7; № 16; 26; 28; 62.

Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi (TSMA), E. 1247; E. 1308/2; E. 2365; E. 5292; E. 5434; № 10202.

Magyar Országos Levéltár, Diplomatikai Levéltár: 100.445

Рукописи

Али-эфенди – افندی فصول حل عقد اوصول خرج نقد
 Рукопись Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, MS 454.

Аноним – Без названия (Chronologie des Khans de la Crimée eu Tatare تواریخ قریم خانلری). Институт восточных рукописей РАН. Рукопись С 861 (П. 640).

Зафер наме – рукопись «Зафер наме-и Вилает-и Казан». Фонд библиотеки Зейтиногулары ильчи Таушанлы, №2348 60а–64б.

Каландар-наме – Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Рукописный фонд Института Востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР (Ташкент), инв. №11668.

Краткая – Краткая история Крымских ханов. Рукопись Института рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского, Киев, Украина. Рукопись №3805.

Нур-и содур – рукопись поэмы «Нур-и содур». Рукописная коллекция ИВР РАН. Фонд тюркских рукописей. Рукопись В 4417.

Рахим – Рахим А. Новые списки татарских летописей // Архив ИЯЛИ АН РТ, ф.18, оп.1, ед.хр.6.

Тухфа-и мардан – рукопись поэмы «Тухфа-и мардан». Рукописная коллекция ИВР РАН. Фонд тюркских рукописей. Рукопись В 50.

Хезарфенн – Хюсейн Хезарфенн. Тенких-и теварих-и мулюк («Исправление истории царей»). Рукопись МГИМО (у) МИД (№257).

Шакаиик – Ташкёпрюзде Ахмед б. Мустафа. Шакаиик ун-Нуманийе фи улемаи-д-девлет иль-Османийе. Рукопись Национальной библиотеки Республики Беларусь. Рукопись 091/187(н).

Tarih-i Said – [Said Giray b. Saadet Giray Han.] Tarih-i Said Giray. – Staatsbibliothek zu Berlin. Preussischer Kulturbesitz. Türkische Handschriften. Hs. or. oct. 923, Teil 3. Blatt 87a–135a.

Архив востоковедов. Институт восточных рукописей РАН. – Ф. 50 (Василий Дмитриевич Смирнов). Оп.1. ед.хр.114. Повествование о событиях царствования Сахиб-Гирея, хана крымского. Сочинение Раммаль-Ходжи-Кедаи-Кайсуни.

Восточный факультет СПбГУ. История хана Сахиб-Гирея. Рукопись № 488.

Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, Киев (Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського, Київ), ф.V (Одесское общество истории и древностей). Рукописи №3780, 3804.

Отдел рукописей, научный и архивный фонд ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, ф.39, ед.хр. 6403; ф.18, оп.1, д.6.

Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф.178 (Музейное собрание), №98.

Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф.236. Попова А.Н. (Музейный), №6 (2399), Хронограф XVII в.

Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф.256 (Собрание Н.П.Румянцева), д.349.

Санкт-Петербургский институт восточных рукописей РАН. Хикайат. Рукопись В 4070.

Неопубликованные материалы

Инв. книга I – Инвентарная книга Государственного дворца и музея Тюрко-Татарской культуры. Фонды БГИКЗ.

Инв. книга II – Инвентарная книга Основного фонда. Группа старопечатных и рукописных изданий. Фонды БГИКЗ.

Малиновский – Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год // Архив Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН, ф.36, оп.1, ед.хр.83.

Матвеев – Матвеев А.В. Отчет о разведочных работах в исторической части г. Тюмени в 2005 г. // Архив ИГИ ТюмГУ, 1–40.

Пономарев, 2013 – Пономарев А.Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты в счетах генуэзского казначейства Каффы, 1420–1428 гг. Неопубликованный доклад на Международной научной конференции «Расцвет Золотой Орды: правление Узбек-хана» (Казань, 19 марта 2013 г.).

Рябичкин, 1999 – Рябичкин Д.В. Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1999 г. // Архив АГОИАМЗ, №НВ 15499.

Собрание Погодина – Собрание Погодина. Сборник // ГПБ (г. Санкт-Петербург). №1490.

Шнайдиттейн, 1978 – Шнайдиттейн Е.В. Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1978 г. // Архив ИА РАН, Р-1, №7255.

Литература на русском языке

Абашин, 2001 – Абашин С.Н. Занги-ата // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь. Вып. 3. М., 2001.

Абашин, 2003 – Абашин С.Н. «Семь святых братьев» (вместо предисловия) // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003.

Абашин, Бобровников, 2003 – Абашин С.Н., Бобровников В.О. Соблазны культа святых // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003.

Абашин, 2008 – Абашин С.Н. Мазар Бобоиоб: о типичности и нетипичности святых мест Средней Азии // Рахмат-наме: Сборник статей к 70-летию Р.Р. Рахимова. СПб., 2008.

Абдиоров, 1993 – Абдиоров М.Ж. Хан Кучум // Простор. 1993. № 9.

Абдульваап, 1996 – Абдульваап Н.Р. «Всё – сердца труд, молитва до рассвета»: штрихи к творческому портрету крымского хана Хаджи Селим Герая // Qasevet. 1996. № 1 (25).

Абдульваап, 2001 – Абдульваап Н.Р. Крымские татары в составе политической и культурной элиты Османской империи на рубеже XVIII и XIX веков // Материалы Международной научной конференции «Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-полити-

ческих деятелей, подвижников науки и культуры». (28–29 мая 1999 г.). Симферополь, 2001.

Абдульвапов, 2005 – Абдульвапов Н.Р. Художественные произведения религиозно-суфийского содержания в Собрании рукописных и старопечатных книг Ханского дворца-музея в Бахчисарае // *Культура народов Причерноморья*. 2005. № 57. Т. 2.

Абдульвапов, 2006 – Абдульвапов Н.Р. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // *Культура народов Причерноморья*. 2006. № 79.

Абдульваап, 2007 – Абдульваап Н.Р. Предисловие // *Крымскотатарская инструментальная музыка Ханского периода*. Симферополь, 2007.

Абдульваап, 2007 – Абдульваап Н. Поэтическая загадка «Фонтана слёз» // *Qasevet*. 2007. № 32.

Абдураимов, 1966 – Абдураимов М.А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI – первой половине XIX века. Т. 1. Ташкент, 1966.

Абзалов, 2009 – Абзалов Л.Ф. Официальный письменный язык и канцелярская культура Улуса Джучи: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009.

Абилов, 1979 – Абилов Ш.Ш. Идеи социальной утопии в наследии татарских мыслителей периода средневековья // *Из истории татарской общественной мысли*. Казань, 1979.

Абрамов, 1861 – Абрамов Н.А. Курганы и городища в Тюменском, Ялуторовском и Курганском уездах Тобольской губернии // *Известия Императорского Археологического общества*. 1861. Т. 2. Вып. 4.

Абрамов, 1998 – Абрамов Н.А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998.

Абуль-Гази, 1906 – Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906.

Абусеитова, 1985 – Абусеитова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985.

Аверьянов, 2001 – Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001.

Авляев, 1984 – Авляев Г.О. О монголо-тюркских этнических связях и взаимодействиях в XIII–XIV вв. и некоторых аспектах проблемы этногенеза ойратов и калмыков // *Фольклор, литература и история Востока*. Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 1984.

Авраменко, 2013 – Авраменко В.В. О месте чеканки генуэзско-татарских аспров с большой буквой Т // *Восточная нумизматика в Украине*. Часть III. Киев, 2013.

Авхадиев, 1965 – Авхадиев И.Ш. Арабско-тюркский словарь XVI века // *Вопросы татарского языкознания*. Кн. 2. Казань, 1965.

Адамов, 1995 – Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995.

Адамов, 1998 – Адамов А.А. Позднесредневековые тюркские памятники Прииртышья // *Сибирские татары: Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»* (14–18 декабря 1998 г.). Тобольск, 1998.

Адамов, 2000 – Адамов А.А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск; Омск, 2000.

Адамов и др., 2008 – Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008.

Аджи, 1994 – Аджи М. Польша половецкого поля. М., 1994.

Адджигалиев, 1994 – Адджигалиев С.И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана (на основе исследования малых форм). Алматы, 1994.

Айдаров, 1990 – Айдаров С.С. Монументальные каменные сооружения и комплексы Волжской Булгарии и Казанского ханства (опыт реконструкции и генетико-стилистические особенности): дис. ... доктора архитектуры. М., 1990.

Айдарова-Волкова, 1997 – Айдарова-Волкова Г.Н. Архитектурная культура Среднего Поволжья XVI – XIX веков. Казань, 1997.

Айдын, 2006 – Айдын М.А. Право в Османском государстве // *История Османского государства, общества и цивилизации*. Т. I. М., 2006.

Айплатов, 1967 – Айплатов Г.Н. Навеки с тобой, Россия. О присоединении Марийского края к Русскому государству. Йошкар-Ола, 1967.

Акты, 1836 – Акты археографической экспедиции. Т. 1. СПб., 1836.

Акты, 1836а – Акты археографической экспедиции. Т. 2. СПб., 1836.

Акты, 1838 – Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

Акты, 1841 – Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. Т. I. СПб., 1841.

Акты, 1841а – Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. Т. II. М., 1841.

Акты, 1846 – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею. Т. I. 1340–1506. СПб., 1846.

- Акты, 1848* – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 2. 1506–1544. СПб., 1848.
- Акты, 1848а* – Акты Нижегородских монастырей: Печерского и Благовещенского // Нижегородские губернские ведомости. 1848. № 5. № 15.
- Акты, 1890* – Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т. 1. СПб., 1890.
- Акты, 1897* – Акты Литовской Метрики. Собраны Ф. Леонтовичем. Т. 1. Вып. 2. 1499–1507 гг. Варшава, 1897.
- Акты, 1914* – Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606–1610). М., 1914.
- Акты, 1918* – Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.). М., 1918.
- Акты, 1958* – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, 1958.
- Акты, 1975* – Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.
- Акты, 2008* – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII вв. Т. 4. М., 2008.
- Акты, 2012* – Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1 (6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика. 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики. М.; СПб., 2012.
- Акчокраклы, 1927* – Акчокраклы О. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. 1927. Т. I (58).
- Акчокраклы, 1928* – Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОИАЭ. 1928. Т. II (59).
- Акчокраклы, 1929* – Акчокраклы О. Старо-крымские надписи (по раскопкам 1928 г.) // ИТОИАЭ. 1929. Т. III (60).
- Акчокраклы, 1931* – Акчокраклы О. Татарские документы XV – XIX вв., хранящиеся в Центральном архивном управлении Крымской АССР. 1931. № 3.
- Акчокраклы, 2006* – Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // Акчокраклы О. Эсерлер топلامы. Акъмесджит, 2006.
- Акчурин, 2013* – Акчурин М.М. Легенда о шиинском князе Бахмете Усейнове // Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная истории тюркских народов и государств. М., 2013.
- Акчурина-Муфтиева, 2008* – Акчурина-Муфтиева Н.М. Декоративно-прикладное искусство крымских татар XV – первой половины XX вв. Симферополь, 2008.
- Александр Гваньини, 1997* – Александр Гваньини. Описание Московии. М., 1997.
- Александров, 1914* – Александров И.Ф. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России // ИТУАК. 1914. № 51.
- Алексеев, 1941* – Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. Иркутск, 1941.
- Алексеев, 1989* – Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.
- Алексеев, 1999* – Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
- Алексеев, 2006* – Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Гимуридов. По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асар. СПб., 2006.
- Алексеев, 2007* – Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007.
- Алексеева, 1971* – Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (вопросы этнического и социально-экономического развития). М., 1971.
- Алихова, 1949* – Алихова А.Е. К вопросу о буртасах // Советская этнография. 1949. № 1.
- Алишев, 1985* – Алишев С.Х. К вопросу об образовании болгаро-татарской народности // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1985.
- Алишев, 1990* – Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX вв. М., 1990.
- Алишев, 1995* – Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995.
- Алишев, 2001* – Алишев С.Х. Источники и историография города Казани. Казань, 2001.
- Алишина, Ниязова, 2004* – Алишина Х.Ч., Ниязова Г.М. Названия селений сибирских татар (на материале Тюменской области). Тюмень, 2004.
- Алишина, 2010* – Алишина Х.Ч. Искер – Сибирь – Кашлык // Искер – столица Сибирского ханства. Казань, 2010.
- Аль-Газали, 2004* – Абу Хамид аль-Газали. Наставление правителям и другие сочинения. М., 2004.
- Альберт Кампензе, 1836* – Альберт Кампензе. Письмо Альберта Кампензе к его святейшеству папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836.
- Альшиц, 1947* – Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. Т. 23. М., 1947.
- Аманжолов, 1959* – Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. 1. Алма-Ата, 1959.

- Амелькин, 1992* – Амелькин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV – первой половины XVI вв. (по материалам агиографических сказаний и памятников фольклора): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Аметка, 2004* – Аметка Ф.А. Судебная власть в Крымском ханстве в конце XV – середине XVIII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной конференции (12–16 сентября 2004 г.). Ч. II. Киев; Судак, 2004.
- Амирханов, 1993* – Амирханов Р.М. Татарская социально-философская мысль средневековья (XIII – середина XVI вв.). Кн. 2. Казань, 1993.
- Амирханов, 2001* – Амирханов Р.М. Тюрко-татарская философская мысль средневековья (XIII–XVI вв.). Казань, 2001.
- Амирханов, 2010* – Амирханов Х. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники). М., 2010.
- Ананьев, 1900* – Ананьев Г. Караногайские исторические преданья // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. Тифлис, 1900.
- Английские путешественники, 1937* – Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937.
- Андреев, 1997* – Андреев И.Л. О бедном дворянстве замолвите слово... // Родина. 1997. № 9.
- Антонов, 2001* – Антонов А.В. Акты служилых татар 1525–1609 годов // Русский дипломатический. Вып. 7. М., 2001.
- Антонович, 1968* – Антонович А.К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968.
- Апушкин, 1901* – Апушкин В. Рукописный сборник первой четверти XIX века, составленный солигаличским обывателем Ф.И. Нащокиным и помещенная в нем летопись Солигаличского Воскресенского монастыря // Костромская старина. Вып. 5. Кострома, 1901.
- Арапов, 2000* – Арапов Д.Ю. В.Н. Татищев о Коране // Сборник Русского исторического общества. Т. 3 (151). М., 2000.
- Аргентовский, 1912* – Аргентовский Ю.А. Археологические находки в дюнах близ деревни Могилевой Кондинской волости Шадринского уезда // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XXXI. Вып. 1. Екатеринбург, 1912.
- Аргынбаев, 1991* – Аргынбаев Х. Образование казахов жузов и их дальнейшая этнополитическая судьба // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 3. М., 1991.
- Арзамасские, 1915* – Арзамасские помещенные акты. (1578–1618 гг.). М., 1915.
- Аристов, 1896* – Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. 3–4.
- Арсал, 2002* – Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. Казань, 2002.
- Арсланов, Викторин, 1988* – Арсланов Л.Ш., Викторин В.М. Кто такие астраханские ногайцы? // Политическая агитация. 1988. № 20.
- Арсланов, 1993* – Арсланов Л.Ш. О ногайско-татарском языковом взаимодействии // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993.
- Арсланов, Викторин, 1995* – Арсланов Л.Ш., Викторин В.М. Астраханские татары. История и этнический состав населения Астраханской области // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.
- Археологическая карта, 1981* – Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. М., 1981.
- Археологические открытия, 2001* – Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. Казань, 2001.
- Археологические открытия, 2002* – Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. Казань, 2002.
- Археологическое изучение, 1999* – Археологическое изучение булгарских городов. Казань, 1999.
- Археологическое наследие, 1995* – Археологическое наследие Тюменской области. Памятники лесостепи и подтаежной полосы. Новосибирск, 1995.
- Архив, 1869* – Архив Государственного Совета. Т. I. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796 г.). СПб., 1869.
- Архипов, 1866* – Архипов А. По поводу заметки о развалинах древних городов Итиля и Баланджара, находившихся близ г. Астрахани // Астраханский справочный листок. № 131. Астрахань, 1866.
- Арциховский, 1944* – Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
- Асеев, 1832* – Асеев о-ссейяр или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, т.е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы. Казань, 1832.
- Аствацатурян, 2002* – Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. СПб., 2002.
- Астраханский сборник, 1896* – Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Вып. 1. Астрахань, 1896.

- Атлас, 1745* – Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями. СПб., 1745.
- Атлас, 2008* – Большой атлас истории и культуры Казахстана. Алматы, 2008.
- Атласи, 2005* – Атласи Х. История Сибири. Казань, 2005.
- Ахмаров, 1903* – Ахмаров Г.Н. О языке и народности мишарей. Казань, 1903.
- Ахмедов, 1965* – Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
- Ахмедов, 1992* – Ахмедов Б.А. От ответственного редактора // Утемиш-хаджи. Чингизнаме. Алма-Ата, 1992.
- Ахмедова, Муртузалиев, 2001* – Ахмедова А.О., Муртузалиев С.И. Миграции тюркских племен и демографические процессы в болгарских землях (середина XIII – начало XVII века) // Славяне и их соседи. Вып.10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001.
- Ахметзянов, 1991* – Ахметзянов М.И. Между Волгой и Уралом // Идель. 1991. № 10–11.
- Ахметзянов, 1991а* – Ахметзянов М. Татарские шеджере. (Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.). Казань, 1991.
- Ахметзянов, 1994* – Ахметзянов М.И. Ногайская Орда и ее роль в этнической истории татар // Идель. 1994. № 3–4.
- Ахметзянов, 1995* – Ахметзянов М.И. Уральские татары: кто они? // Идель. 1995. № 11–12.
- Ахметзянов, 2006* – Ахметзянов М.И. Татарские мавзолеи (дюрбе) в г. Касимове // ТА. 2006. № 1–2.
- Ахметзянов, Шарифуллина, 2010* – Ахметзянов М.И., Шарифуллина Ф.А. Касимовские татары (по генеалогическим и этнографическим материалам). Казань, 2010.
- Ахметова-Урманче, 2002* – Ахметова-Урманче Ф.В. Звучание дастанов В.В. Радлова // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г.). Тобольск; Омск, 2002.
- Бабер-намэ, 1857* – Бабер-намэ или Записки султана Бабера / Изд. в подлинном тексте Н.И[льминским]. Казань, 1857.
- Баbur-наме, 1958* – Баbur-наме. Записки Бабура / Пер. М.А.Салье. Ташкент, 1958.
- Баbur-наме, 1993* – Баbur-наме. Записки Бабура / Пер. М.Салье. Ташкент, 1993.
- Багров, 2004* – Багров Л.С. История картографии. М., 2004.
- Багров, 2005* – Багров Л.С. История русской картографии. М., 2005.
- Багров, 1912* – Багров Л.С. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. СПб, 1912.
- Баженов, 1847* – Баженов Н.К. Казанская история. Ч. 3. Казанская губерния. Казань, 1847.
- Базилевич, 1952* – Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.
- Базилевич, 2001* – Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 2001.
- Базили, 1836* – Базили К.М. Босфор и новые очерки Константинополя. Ч.1–2. СПб., 1836.
- Банзаров, 1850* – Банзаров Д. Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов // Записки Санкт-Петербургского Археологического Научного Общества. Т. II. СПб., 1850.
- Барбаро и Контарини, 1971* – Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.
- Барбашев, 1891* – Барбашев А.И. Витовт. Последние двадцать лет княжения (1410–1430). СПб., 1891.
- Бартольд, 1963* – Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч.1. М., 1963.
- Бартольд, 1963а* – Бартольд В.В. Отец Едигея // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
- Бартольд, 1963б* – Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. Т. I. М., 1963.
- Бартольд, 2002* – Бартольд В.В. Бахчисарай // Бартольд В.В. Работы по исторической географии. М., 2002.
- Барфилд, 2006* – Барфилд Т.Дж. Мир кочевников-скотоводов // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.
- Баскаков, 1940* – Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. Грамматика, тексты и словарь. М.; Л., 1940.
- Батмаев, 1993* – Батмаев М.М. Калмыки в XVII – XVIII вв. События, люди, быт. Элиста, 1993.
- Бахрушин 1935* – Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI – XVII вв. Л., 1935.
- Бахрушин, 1936* – Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. 1936. № 3.
- Бахрушин, 1955* – Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955.
- Бахрушин, 1959* – Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV. Очерки по истории Красноярского

уезда XVII в.; Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. М., 1959.

Бахтин, 2008 – Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2008.

Бахчисарайские, 1848 – Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД. 1848. Т. II.

Бачинский, Добролюбский, 1988 – Бачинский А.Д., Добролюбский А.О. Буджакская Орда в XVI–XVII вв. (историко-археологический очерк) // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев, 1988.

Башкирские шежере, 1960 – Башкирские шежере. Уфа, 1960.

Бейсембиев, 1991 – Бейсембиев Т.К. Чингизово право на Востоке и политико-правовые учения в соседних регионах (на примере сарматизма в Речи Посполитой XVI–XVIII вв.) // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. Алма-Ата, 1991. № 4.

Бекмаханова, 1993 – Бекмаханова Н.Е. К вопросу об этническом составе и политической истории Ногайской Орды и Казахстана в XVI–XVII вв. // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993.

Белич, 1987 – Белич И.В. Культурные места сибирских татар как историко-этнографический источник // Роль Тобольска в освоении Сибири. Тобольск, 1987.

Белич, 1988 – Белич И.В. О начале исламизации сибирских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры: история, краеведение и музееведение Западной Сибири. Омск, 1988.

Белич, 1997 – Белич И.В. Мавзолеи мусульманских святых в районе Искера // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997.

Белич, 1997a – Белич И.В. Ханское кладбище // Сибирская столица. Тобольск, 1997. № 1.

Белич, 1998 – Белич И.В. К семантике надмогильных столбов тоболо-иртышских татар // Музей и общество на пороге XXI века. Омск, 1998.

Белич, 1998a – Белич И.В. Культ «святых» и астана сибирских татар в истории Сибири // Влияние ислама на культуру народов Сибири. Тюмень, 1998.

Белич, 2002 – Белич И.В. Искер: из сакральной истории памятника сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002.

Белич, 2002a – Белич И.В. Легенда о Хаким-Ата // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г.). Тобольск; Омск, 2002.

Белич, 2004 – Белич И.В. «Всемирная сказка» в фольклоре сибирских татар (опыт историко-этнографического анализа) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 8. Омск, 2004.

Белич, 2004a – Белич И.В. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (к 100-летию публикации Н.Ф.Катановым рукописей Тобольского музея) // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сб. статей. Казань, 2004.

Белич, 2005 – Белич И.В. О 366 «друзьях Аллаха» // «Сулеймановские чтения – 2005»: Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции. Тюмень, 2005.

Белич, 2006 – Белич И.В. Астана сибирских татар /// Исламская цивилизация в Сибири: история, традиция, современность. Тобольск, 2006.

Белич, Сладкова, 2006 – Белич И.В., Сладкова Л.Н. Сакральное пространство аула Кускургуль // «Сулеймановские чтения – 2006»: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, Тюмень, 2006.

Белич, 2009 – Белич И.В. Чертеж г. Тюмени рубежа XVII – XVIII вв. и топография «Царева городища» (Чимги/Цымги-Туры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 11. Тюмень, 2009.

Белич, 2010 – Белич И.В. К историографии городища Искер // Искер – столица Сибирского ханства. Казань, 2010.

Белич, 2010a – Белич И.В. К проблеме изучения астана сибирских татар // «Сулеймановские чтения – 2010»: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2010.

Белич, 2010b – Белич И.В. К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири: чертеж «Кучумово Городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С.У.Ремезова // Искер – столица Сибирского ханства. Казань, 2010.

Белич, Бустанов, 2010 – Белич И.В., Бустанов А.К. Заметки о суфийских традициях в Западной Сибири // Pax Islamica. М., 2010. № 2 (5).

Белорыбкин, 1986 – Белорыбкин Г.Н. Путь из Булгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Булгария и Русь (К 1000-ю русско-булгарского договора). Казань, 1986.

Беляков, 2011 – Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков. просопографическое исследование. Рязань, 2011.

Белянский и др., 1997 – Белянский И.Л., Лезина И.Н., Суперанская А.В. Крым. Географические названия: Краткий словарь. Симферополь, 1997.

- Беннигсен, 1970* – Беннигсен А. Россия XVIII века в архивах Оттоманской империи // Франко-русские экономические связи. М., 1970.
- Беннигсен, Вайнштейн, 2009* – Беннигсен А., Вайнштейн Ж. Большая Ногайская Орда и торговля в Причерноморских степях (конец XV в. – 1560-е гг.) // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009.
- Бентковский, 1883* – Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ч.1. Ногайцы. Ставрополь, 1883.
- Бережков, 1894* – Бережков М.Н. Древнейшая книга Крымских посольских дел (1474–1505 гг.) // ИТУАК. 1894. № 21.
- Бережков, 1894а* – Бережков М.Н. Крымские шертные грамоты // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Кн. 8. Киев, 1894.
- Березин, 1851* – Березин И.Н. Татарский летописец. Современник Бориса Федоровича Годунова // Московитянин. 1851. № 24. Кн. 2.
- Березин, 1851а* – Березин И.Н. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея. Казань, 1851.
- Березин, 1853* – Березин И.Н. Булгар на Волге. Казань, 1853.
- Березин, 1872* – Березин И.Н. Тарханные ярлыки крымских ханов // ЗООИД. 1872. Т. 8.
- Березин, 1872а* – Березин И.Н. Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея // ЗООИД. 1872. Т. 8.
- Бертъе-Делагард, 1920* – Бертъе-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57.
- Библиотека, 1836* – Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836.
- Библиотека, 1849* – Библиотека восточных историков, издаваемая И.Н. Березиным. Т. I. Шейбаниада. История монголо-тюрков. Казань, 1849.
- Библиотека, 1854* – Библиотека восточных историков, издаваемая И.Н. Березиным. Т. II. Ч.1. Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием. Казань, 1854.
- Бирюков, 1926* – Бирюков В.П. Природа и население Шадринского округа. Шадринск, 1926.
- Биярсланов, 1889* – Биярсланов М. Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 (1608/9–1614 хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления хиджры // ИТУАК. 1889. № 8.
- Биярсланов, 1890* – Биярсланов М. Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 (1608/9–1614 хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления хиджры // ИТУАК. 1890. № 9.
- Биярсланов, 1890а* – Биярсланов М. Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 гг. (1608/9–1614 гг.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления хиджры // ИТУАК. 1890. Вып. 10.
- Блез де Виженер, 1890* – Блез де Виженер. Описание Польского королевства // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1. Киев, 1890.
- Бобров, 2002* – Бобров Л.А. Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего средневековья // Para-Bellum. 2001. № 13.
- Бобров, 2003* – Бобров Л.А. Железные ястребы Маверанахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV – XVII вв.) // Para Bellum. 2003. № 1 (17); № 2 (18).
- Бобров, 2004* – Бобров Л.А. «Ответный удар» (этапы «вестернизации» доспеца Передней и Центральной Азии в эпоху позднего средневековья и нового времени) // Para Bellum. 2004. № 2 (22).
- Бобров, 2007* – Бобров Л.А. Тяжеловооруженная конница номадов Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и нового времени (XV – первая половина XVIII вв.) // Para Bellum. 2007. № 27.
- Бобров, 2009* – Бобров Л.А. «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3.
- Бобров и др., 2010* – Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимовлияние тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2010.
- Богатырев, 1989* – Богатырев П.И. Московская старина: Серпуховская застава // Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989.
- Богданов, 1990* – Богданов А.П. Источники «Скифской истории» // Андрей Лызлов. Скифская история. М., 1990.
- Богдановский, 1898* – Богдановский М. Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060–7061 г.г. (1552). СПб., 1898.
- Боданинский, 1927* – Боданинский У.А. Татарские «дурбе» – мавзолей в Крыму (из истории искусства крымских татар) // ИТОИАЭ. 1927. Т. I (58).
- Боданинский, Засыпкин, 1929* – Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н. Чуфут-Кале (По материалам раскопок 1928–29 г.г.) // ИТОИАЭ. 1929. Т. III (60).

- Боданинский, 1930* – Боданинский У.А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. Оттиск из сборника Крымплана «Реконструкция народного хозяйства в Крыму». Вып. 2. Симферополь, 1930.
- Бойцова, 2004* – Бойцова Е.Е. Ислам в Крымском ханстве. Севастополь, 2004.
- Болдырев, 1985* – Болдырев А.Н. Еще раз к вопросу о Ходже Ахраре // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.
- Боплан, 2004* – Боплан Г.-Л. де. Описание Украины. М., 2004.
- Борзенко, 1850* – Борзенко А.А., Негри А.Ф. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД. 1850. Т. 2.
- Борисенко, Худяков, 2011* – Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Европейцы на военной службе в Сибири в конце XVI – первой половине XVII века (по изобразительным источникам) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып 7.
- Боровков, 1963* – Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тевфира XII–XIII вв. М., 1963.
- Боровой, 1941* – Боровой С.Я. Давид Лехно и его история Крымского ханства // Исторические записки. 1941. Т. 10.
- Бочаров, 2009* – Бочаров С.Г. Предварительные итоги археологического изучения средневекового укрепления Учансу-Исар // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье. Симферополь, 2009.
- Бояршинова, 1960* – Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.
- Бояршинова, Степанов, 1964* – Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. Западная Сибирь в XIV–XVI вв. // Материалы по истории Сибири. Улан-Удэ, 1964.
- Броневский, 1867* – Броневский М. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // ЗООИД. 1867. Т. VI.
- Брун, 1877* – Брун Ф.К. Арабская надпись Феодосийского музея // ЗООИД. 1877. Т. X.
- Буганов, 1962* – Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962.
- Будагов, 1869* – Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Т. I. СПб., 1869.
- Булатов, 1974* – Булатов А.Б. Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом // Материалы по татарской диалектологии. Т. 3. Казань, 1974.
- Бурганова, 1980* – Бурганова Н.Б. Система глагола поэмы Мухамедьяра «Техфеи мэрдан» (XVI в.) // Исследование языка древнеписьменных памятников. Казань, 1980.
- Бурганова, 1985* – Бурганова Н.Б. О формировании татарских говоров Закавказья // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985.
- Бурдей, 1954* – Бурдей Г.Д. Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье в XVI веке // Преподавание истории в школе. 1954. № 5.
- Бурдей, 1956* – Бурдей Г.Д. Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40–50-х годах XVI века // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1956. Т. XLVII.
- Бурханов, Измайлов, 1999* – Бурханов А.А., Измайлов И.Л. Новые данные по фортификации Казанского ханства // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999.
- Бурханов, 2002* – Бурханов А.А. Памятники Иске-Казанского комплекса: к проблеме изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия и роли географического положения и природно-экологических особенностей в заповедных зонах // Материалы и исследования по археологии Золотой Орды и Казанского ханства. Вып. 2. Казань, 2002.
- Бустанов, 2007* – Бустанов А.К. Послание сибирского хана Сайид Ибрагима в Москву 1489 г.: опыт анализа переводного документа // Культурология традиционных сообществ: Материалы II Всероссийской научной конференции молодых ученых (8–9 ноября 2007 г.). Омск, 2007.
- Бустанов, 2009* – Бустанов А.К. Манускрипты суфийских шайхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. XI. Омск, 2009.
- Бустанов, 2009а* – Бустанов А.К. Накшбандийский обряд хатм-и Хваджаган в Сибири // Рамазановские чтения. Четвертый ежегодный научно-богословский сборник статей и лекций. М.; Н.Новгород, 2009.
- Бустанов, 2009б* – Бустанов А.К. Рукопись в контексте сибирского ислама // Селезнев А.Г. и др., Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009.
- Бустанов, 2009в* – Бустанов А.К. Сочинение «Шаджара рисаласи» и его списки // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 1. Казань, 2009.
- Бустанов, 2009г* – Бустанов А.К. Семейная хроника сибирских сайидов: «Шаджара Рисаласи» // Ислам в современном мире. 2009. № 1–2.

- Бустанов, 2010* – Бустанов А.К. Тайбугиды, Кучум и среднеазиатские улемы в сакральных текстах сибирских мусульман // Мир ислама: история, общество, культура. М., 2010.
- Бустанов, Белич, 2010* – Бустанов А.К., Белич И.В. К наследию сибирских суфиев // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2010.
- Бустанов, Корусенко, 2010* – Бустанов А.К., Корусенко С.Н. Родословные сибирских бухарцев: Имьяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. Вып. 2 (42).
- Бустанов, 2011* – Бустанов А.К. Ре-исламизация и этнизация культовых мест сибирских мусульман // Проблемы историко-культурной идентичности в полиэтнических обществах: тезисы докладов Всероссийской научной школы (6–8 сентября 2011 г.). Омск, 2011.
- Бустанов, 2011a* – Бустанов А.К. Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сборник. 2009–2010. М., 2011.
- Бустанов и др., 2011* – Бустанов А.К., Белич И.В., Гумеров И.Г. Прошлое и настоящее в рукописях сибирских мусульман: отчет об археографических работах в 2011 г. // Тобольск научный – 2011: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск, 2011.
- Бустанов, 2013* – Бустанов А.К. Книжная культура сибирских мусульман. М., 2013.
- Бустанов, 2013a* – Бустанов А.К. Рассказ об Исхак Бабе и наследие святых семейств в Западной Сибири: предварительное обсуждение // Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: Наследие Исхак Баба в нарративной и генеалогической традициях. Т. 1. Открытие пути для ислама: рассказ об Исхак Бабе, XIV–XIX вв. Алматы; Блумингтон, 2013.
- Бустанов, Белич, 2013* – Бустанов А.К., Белич И.В. Новые исследования рукописного наследия и традиций суфизма сибирских мусульман // «Achievement of High School – 2013». Т. 17. София, 2013.
- Бутков, 1824* – Бутков П.Г. О Ногае и всех прочих монгольских ханах Дашт-Кипчака // Северный архив. 1824. Ч. 10. № 12.
- Буцинский, 1999* – Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах: Т. 1. Заселение Сибири и быт первых её насельников. Тюмень, 1999.
- Валеев, 1967* – Валеев Ф.Х. К истории архитектуры казанских татар XV – первой половины XVI веков // Вопросы истории, филологии и педагогики. Вып. 2. Казань, 1967.
- Валеев, 1969* – Валеев Ф.Х. Орнамент казанских татар. Казань, 1969.
- Валеев, 1975* – Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.
- Валеев, 1978* – Валеев Ф.Т. Об этнокультурных связях западносибирских татар с другими народами во второй половине XIX – начале XX века (по данным одежды тарских, тобольских и тюменских татар) // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978.
- Валеев, 1993* – Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993.
- Валеев, 1995* – Валеев Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. Казань, 1995.
- Валеев, 2002* – Валеев Ф.Х. Татарский народный орнамент. Казань, 2002.
- Валеев, 2007* – Валеев Р.М. Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX – начало XV вв.). Казань, 2007.
- Валеев, 2012* – Валеев Р.М. Развитие торговли Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья. (Основные тенденции и закономерности торговли и денежно-весовые системы Волжской Булгарии и Золотой Орды). Саарбрюкен, 2012.
- Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987* – Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. Казань, 1987.
- Валеев, Валеева-Сулейманова, 2002* – Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарстана. Казань, 2002.
- Валеев, Томилов, 1996* – Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996.
- Валеева, 1983* – Валеева Д.К. Искусство волжских булгар (X – начало XIII вв.). Казань, 1983.
- Валеева-Сулейманова, 1995* – Валеева-Сулейманова Г.Ф. Татарская филигрань в контексте генезиса и развития ювелирного искусства // Из истории татарского народного искусства. Казань, 1995.
- Валеева-Сулейманова, 2002* – Валеева-Сулейманова Г.Ф. Искусство Казанского ханства: раритеты и методики их изучения // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань, 2002.
- Валеева-Сулейманова, 2008* – Валеева-Сулейманова Г.Ф. Мусульманское искусство в Волго-Уральском регионе. Казань, 2008.
- Валеева-Сулейманова, 2010* – Валеева-Сулейманова Г.Ф. Сопоставительная атрибуция произведений турецкого и татарского дворцового искусства // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010.
- Валеева-Сулейманова, Прудникова, 2008* – Валеева-Сулейманова Г.Ф., Прудникова А.Н. Мотивы декора надгробий XIII–XIV вв. с территории Волжской Булгарии и Крыма // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. Казань, 2008.

- Валева-Сулейманова, Шагеева, 1990* – Валева-Сулейманова Г.Ф., Шагеева Р.Г. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. М., 1990.
- Валиулина, 2004* – Валиулина С.И. Исследования Бальнгузского (Торецкого) III селища // Археологические открытия 2003 года. М., 2004.
- Валиулина, 2009* – Валиулина С.И. Миграционные процессы в лесостепной зоне Западного Закамья в XIII–XIV вв. (на примере памятников округа Билярского городища) // Форум «Идель-Алтай». Казань, 2009.
- Валиханов, 1986* – Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. М., 1986.
- Валишевский, 1989* – Валишевский К.Ф. Иван Грозный. М., 1989.
- Варваровский, Евстигнеев, 1998* – Варваровский Ю.Е., Евстигнеев И.В. О тождественности передачи Ф.Ф. Чекалиным карты Фра-Мауро 1459 г. // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград, 1998.
- Варнавинская старина, 1993* – Варнавинская старина. Очерки истории Поветлужья. Варнавин; Н. Новгород, 1993.
- Васильев, 1960* – Васильев Б.А. Проблема буртасов и мордва // Труды института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 13. М., 1960.
- Васильев, 1998* – Васильев Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград, 1998.
- Васильев, 2001* – Васильев Д.В. Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001.
- Васильев, 2003* – Васильев Д.В. Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации // Ученые записки Астраханского государственного университета. Астрахань, 2003.
- Васильев, 2012* – Васильев Д.В. Где находилась и как называлась татарская Астрахань? (О фальсификациях истории происхождения города) // Гуманитарные исследования. 2012. №4 (44).
- Васильева, 1993* – Васильева О.В. Крымско-татарские рукописные материалы в Отделе рукописей // Российская национальная библиотека. Восточный сборник. Вып. 5. СПб., 1993.
- Вахидов, 1925* – Вахидов С.Г. Исследование ярлыка Сахиб-Гирей хана // ИОАИЭ. 1925. Т. 33. Вып. 1.
- Вахидов, 1925а* – Вахидов С.Г. Ярлык хана Сахиб-Гирей // Вестник научного общества тароведения. 1925. № 1–2.
- Введенский, 2003* – Введенский Г.Э. Янычары. История, символика, оружие. СПб., 2003.
- Ведомость, 1895* – Ведомость Тамбовского уезда по новому разделению // ИТУАК. 1895. Вып.40.
- Вейси, 1976* – Вейси. Хаб-наме («Книга сновидений»). М., 1976.
- Вельяминов-Зернов, 1863* – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863.
- Вельяминов-Зернов, 1864* – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864.
- Вельяминов-Зернов, 1864а* – Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями // Записки Императорской Академии наук. Т. IV. Приложение № 6. СПб., 1864.
- Вельяминов-Зернов, 1866* – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб., 1866.
- Вельяминов-Зернов, 1868* – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 4. СПб., 1868.
- Верещагин, 1905* – Верещагин А.С. Повести о Великорецкой иконе Святителя Николая // Труды Вятской учёной архивной комиссии. 1905. Вып. 4. Отд. 2.
- Вернадский, 1927* – Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Т.1. Прага, 1927.
- Вершинин, 1998* – Вершинин Е.В. Неверность «бродячих царевичей» // Родина. 1998. №1.
- Верюжский, 1880* – Верюжский И.П. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. Вологда, 1880.
- Верюжский, 1993* – Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых подвизавшихся в Вологодской епархии прославляемых всею церковью и местно чтимых. М., 1993.
- Веселовский, 1889* – Веселовский Н.И. [Рец. на:] Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887 // ЖМНП. 1889. Ч. 261. Январь, отд.2.
- Виженер де Блез, 1890* – Виженер де Блез. Извлечение из сочинения «Описание Посольского королевства и порубежных с ним стран» (1573) // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1. (XVI ст.). Киев, 1890.
- Викторин, 1985* – Викторин В.М. Социальная организация и обычное право ногайцев Нижнего Поволжья (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
- Викторин, 1991* – Викторин В.М. Интерстадиал (к перерыву постепенности этнического развития при присоединении Нижнего Поволжья к Российскому государству) // Материалы

IV краеведческой конференции. Ч. 1. Астрахань, 1991.

Викторин 1991a – Викторин В.М. Правое и левое крыло Ногайской Орды в истории взаимоотношений западных и восточных групп ногайцев // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. М., 1991.

Викторин, 1992 – Викторин В.М. [Рец. на:] Астраханские татары. Казань, 1992 // Этнографическое обозрение. 1994. № 5.

Викторин, 1999 – Викторин В.М. Обычное право в истории кочевой жизни ногайцев // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов-на-Дону, 1999.

Викторин, 2014 – Викторин В.М. Ногайцы Астраханского края – ситуация в начале XXI века и исследователи – об их этноистории и субэтнокультурах (новейшее изучение: традиции и разрыв таковых) // Астраханские краеведческие чтения. Сборник статей. Вып. VI. Астрахань, 2014.

Виноградов, 1999 – Виноградов А.В. Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. №2.

Власкин и др., 2006 – Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала: материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI. М., 2006.

Водарский, 1973 – Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М., 1973.

Водарский и др., 2003 – Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение, этнический состав). М., 2003.

Военно-статистическое обозрение, 1848 – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 14. Земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букевской) и Зауральской (Малой) Орды Оренбургского ведомства. СПб., 1848.

Возгрин, 1992 – Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992.

Возгрин, 1996 – Возгрин В.Е. Сицилия и Крым – два очага предвозрождения // Qasevet. 1996. № 1.

Волков, 1872 – Волков М. Четыре года города Кафы (1453, 1454, 1455 и 1456) // ЗООИД. 1872. Т. VIII.

Волков, 2003 – Волков И.В. О месте чеканки генуэзско-татарских монет с большой «Т» на аверсе // Древности Кубани. Вып. 19. Краснодар, 2003.

Волков, 2011 – Волков И.В. Клад русских и золотоордынских монет первой четверти XV в. из Чувашии // Государственный исторический

музей. Нумизматические чтения – 2011. Памяти Алексея Владимировича Фомина (21–22 ноября 2011 г.). М., 2011.

Воробьев, 1953 – Воробьев Н.И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1953.

Воскресенский, 1967 – Воскресенский А.С. Полухромные майолики золотоордынского Поволжья // Советская археология. 1967. № 2.

Восстание, 1959 – Восстание И.Болотникова: документы и материалы. М., 1959.

Восточная Европа, 2009 – Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009.

Востров, Муканов, 1968 – Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата, 1968.

Временник, 1851 – Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 10. М., 1851.

Высочайшие рескрипты, 1872 – Высочайшие рескрипты императрицы Екатерины II и министерская переписка по делам крымским из семейного архива графа В.Н. Панина. Т. I. М., 1872.

Вычегодско-Вымская, 1958 – Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихийская) летопись // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958.

Вяткин, 1941 – Вяткин М.П. К вопросу об образовании казахского государства // Большевик Казахстана. 1941. № 2.

Гаврилюк, Ибрагимова, 2010 – Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев; Запорожье, 2010.

Гаджиева, 1976 – Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. М., 1976.

Гаев, 1999 – Гаев А.Г. Монеты золотоордынского хана Махмуда (1445–1461) // Тезисы докладов и сообщений VII ВНК в г. Ярославле. М., 1999.

Гаев, 1999a – Гаев А.Г. Монеты золотоордынского хана Махмуда (1445–1461) // Тезисы докладов научной конференции «Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья». К 100-летию А.П. Смирнова. Болгар. 1999.

Гаев, 2002 – Гаев А.Г. Геналогия и хронология джучидов // Древности Поволжья и других регионов. Вып. 4. Т. 3. Н. Новгород. 2002.

Гайворонский, 2003 – Гайворонский О. Созвездие Гераев. Краткие биографии крымских ханов. Симферополь, 2003.

- Гайворонский, 2006* – Гайворонский О. Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце. Симферополь, 2006.
- Гайворонский, 2007* – Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. I. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай, 2007.
- Гайворонский, 2009* – Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. II. Крымские ханы первой половины XVII столетия в борьбе за самостоятельность и единовластие. Киев; Бахчисарай, 2009.
- Галенко, 1998* – Галенко А.И. Амир Темура в украинской историографии // Сходознавство. № 5. Київ, 1998.
- Ганина, 2011* – Ганина Н.А. Крымско-готский язык. СПб., 2011.
- Гарданов, 1960* – Гарданов Б.А. Исторический очерк // Народы Кавказа. Т. I. М., 1960.
- Гарипова, 1980* – Гарипова Ф.Г. Некоторые источники для раскрытия ногайского (кыпчакского) пласта в топонимии Татарской АССР // Исследования по источниковедению истории Татарии. Казань, 1980.
- Гарипова, 1982* – Гарипова Ф.Г. Данные топонимии о ногайском компоненте в этногенезе казанских татар // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. Казань, 1982.
- Гаркави, 1870* – Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870.
- Гаркави, 1884* – Гаркави А.Я. Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчёт императорской Публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884.
- Гарькавий, 1998* – Гарькавий И.В. «Измаильтяне» или «нечистые человеки»? (Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции (4–6 февраля 1998 г.). М., 1998.
- Гафуров, 1987* – Гафуров А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М., 1987.
- Генгросс, 1912* – Генгросс В. Ханский дворец в Бахчисарае // Старые годы. 1912. № 4.
- Какаш и Тектандер, 1896* – Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Москву 1602–1603 гг. М., 1896.
- Георги, 1776* – Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч.2: О народах татарского племени. СПб., 1776.
- Георги, 1799* – Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2: О народах татарского племени. 2-е изд. СПб., 1799.
- Гераклитов, 1927* – Гераклитов А.А. Мордовский «беляк» // Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. Т. II. Саратов, 1927.
- Герберштейн, 1866* – Герберштейн С. Записки о Москве. СПб., 1866.
- Герберштейн, 1908* – Герберштейн С. Записки о московских делах. СПб., 1908.
- Герберштейн, 1988* – Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
- Герберштейн, 2007* – Герберштейн С. Московия. М., 2007.
- Герберштейн, 2008* – Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008.
- Герцен, Могаричев, 1993* – Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. Симферополь, 1993.
- Герцен, 2005* – Герцен А.Г. Крымские татары // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильского населения Крыма. Ч. 1. Мусульмане. Крымские татары. Крымские цыгане. Симферополь, 2005.
- Гершензон, 1908* – Гершензон М.О. П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб., 1908.
- Гибшман, 2011* – Гибшман Г.Э. Замечания к плану города Астрахани 1636 г., опубликованному в сочинении Адама Олеария во время его путешествия в Персию в 1636–1638 гг. // Астраханские краеведческие чтения. Вып. 3. Астрахань, 2011.
- Гийом Левассер де Боплан, 2004* – Гийом Левассер де Боплан. Описание Украины. М., 2004.
- Гинзбург, 1992* – Гинзбург М.Я. Омер – придворный живописец и декоратор крымских ханов Селямет и Крым-Гиреев // Забвению не подлежит. (Из истории крымско-татарской государственности и Крыма). Казань, 1992.
- Гинзбург, 1992а* – Гинзбург М.Я. Татарское искусство в Крыму // Забвению не подлежит. (Из истории крымско-татарской государственности и Крыма). Казань, 1992.
- Гмелин, 1777* – Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. 2. СПб., 1777.
- Голицын, 1877–1878* – Голицын Н.С. Русская военная история: В 5 т. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1877–1878.
- Гончаров, 2000* – Гончаров Е.Ю. Медные джучидские монеты XV в. // Тезисы докладов и сообщений VIII ВНК. М., 2000.

- Гончаров, 2005* – Гончаров Е.Ю. Монетное обращение города Сарайчук в средние века // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV веков». М., 2005.
- Гончаров, 2005a* – Гончаров Е.Ю. Монетные дворы улуса Джучидов // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII – XV веков». М., 2005.
- Гончаров, 2011* – Гончаров Е.Ю. Новооткрытые типы монет Хорезма XIV – XV вв. // Эпиграфика Востока. Вып. XXIX. М., 2011.
- Гончаров, Алексеенко, 1998* – Гончаров Е.Ю., Алексеенко Н.А. Балаклавский клад джучидских монет начала XV в. // Тезисы докладов и сообщений VI ВНК. СПб., 1998.
- Гончаров, Тростьянский, 2004* – Гончаров Е.Ю., Тростьянский О.В. Монетный комплекс XV в. из села Рождествено // Тезисы докладов и сообщений XII ВНК. М., 2004.
- Гончаров, Тростьянский, 2004a* – Гончаров Е.Ю., Тростьянский О.В. Хан Махмуд, Булгар, 812–813 г.х. // Нумизматика. 2004. № 1.
- Гордлевский, 1960* – Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960.
- Гордлевский, 1962* – Гордлевский В.А. Ходжа Ахмед Ясави // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. 3. М., 1962.
- Горелик, 1982* – Горелик М.В. Монголы и огузы в тебризской миниатюре XIV–XV вв. // *Mittelalterliche Malerei im Orient. Halle(Saale)*, 1982.
- Горелик, 1995* – Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1995.
- Горелик, 2002* – Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002.
- Горелик, 2006* – Горелик М.В. Монгольский женский костюм X–XIV вв. // Город и степь в контактной евроазиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). Тезисы докладов. М., 2006.
- Горелик, 2009a* – Горелик М.В. Погребение знатного половца – золотоордынского латника // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 10. Армавир, 2009.
- Горелик, 2009b* – Горелик М.В. Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV веках: традиции имперской культуры // Золотоордынское наследие. Вып. 1. Казань, 2009.
- Горелик, 2010* – Горелик М.В. Введение в раннюю историю монгольского костюма (XIV вв., по изобразительным источникам) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. №1. М., 2010.
- Горелик, 2010a* – Горелик М.В. Золотоордынский костюм Кавказа (вторая половина XIII – XIV вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 11. Армавир, 2010.
- Горелик, 2011* – Горелик М.В. Комплексы монгольского женского костюма XIII–XIV вв. в погребениях // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 12. Армавир, 2011.
- Горелик, 2012* – Горелик М.В. Декор монгольского костюма XII–XIV вв. // История и культура средневековых народов Евразии. Материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, 2012.
- Горелик, 2012a* – Горелик М.В. Татаро-монгольский зверино-растительный стиль XI–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 13. Армавир, 2012.
- Горсей, 1990* – Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990.
- Горский, 2000* – Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000.
- Горский, 2004* – Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
- Горский, 2010* – Горский А.А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII – XV вв. М., 2010.
- Горский, 2012* – Горский А.А. Ярлык Ахмата Ивану III // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48).
- Горский, 2014* – Горский А.А. О названии «Большая Орда» // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1 (3).
- Государственный архив, 1978* – Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. Т. 1–3. М., 1978.
- Готье, 1906* – Готье Ю.В. Материалы по исторической географии Московской Руси. М., 1906.
- Готье, 1910* – Готье Ю.В. Десятни по Владимиру и Мещере 1590–1615 гг. М., 1910.
- Готье, 1937* – Готье Ю.В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937.
- Грабарь, 1959* – Грабарь И.Э. История русского искусства. Т. 4. М., 1959.
- Градовский, 1868* – Градовский А.Д. История местного управления в России. Т. 1. СПб., 1868.
- Грамоты, 1949* – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Грёзы, 1999 – Грёзы розового сада. (Из средневековой крымскотатарской классической поэзии). Симферополь, 1999.

Грёзы, 2003 – Грёзы любви. Поэзия крымских ханов и поэтов их круга. Симферополь, 2003.

Греков, Якубовский, 1950 – Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Греков, Якубовский, 1998 – Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998.

Гречкина, Шнайдиттейн, 2001 – Гречкина Т.Ю., Шнайдиттейн Е.В. Археология Астраханского края на рубеже тысячелетий // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань, 2001.

Грибов, 2006 – Грибов Н.Н. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 10. Н. Новгород, 2006.

Грибов, 2007 – Грибов Н.Н. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII – XIV вв. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 1. М., 2007.

Грибов, Ахметгалин, 2010 – Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А. Русско-болгарское пограничье на Волге в эпоху Золотой Орды // Научный Татарстан. 2010. № 4.

Грибовский, 2008 – Грибовский В.В. «Ногайский вопрос» в период «независимости» Крымского ханства. 1774–1783 гг. // Кавказский сборник. Т. 5 (37). М., 2008.

Грибовский, 2009 – Грибовский В.В. Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII века) // Тюркологический сборник. 2007–2008. М., 2009.

Григорьев, 1864 – Григорьев В.В. Несколько новых видов и вариантов джучидских монет // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Т. VIII. 1864.

Григорьев, 1979 – Григорьев А.П. Дата выдачи ярлыка Тохтамыша // Востокведение. Вып. 6. Филологические исследования. Л., 1979.

Григорьев, 1983 – Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 7. Л., 1983.

Григорьев, 1987 – Григорьев А.П. Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486) // Ученые за-

писки ЛГУ № 419. Серия востоковедческих наук. Вып. 29. Востокведение. Вып. 13. Л., 1987.

Григорьев, 1987a – Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. Л., 1987.

Григорьев, 2006 – Григорьев А.П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой Степи. М., 2006.

Григорьев, 2007 – Григорьев А.П. Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007.

Григорьев, Ярцов, 1844 – Григорьев В.В., Ярцов Я.О. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея // ЗООИД. Т. 1. Одесса, 1844.

Григорьев, Фролова, 1999 – Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 18. СПб., 1999.

Григорьев, Фролова, 2002 – Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

Григорьевы, 2002 – Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. Источниковедческое исследование. СПб., 2002.

Гришин, 1995 – Гришин Я.Я. Польско-литовские татары (наследники Золотой Орды). Казань, 1995.

Губайдуллин, 1925 – Губайдуллин Г.С. Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. Вып. 2. Казань, 1925.

Губайдуллин, 2001 – Губайдуллин А.М. Археологические исследования Северной башни Казанского Кремля // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. Казань, 2001.

Губайдуллин, 2002 – Губайдуллин А.М. Археологические исследования в северной части Казанского кремля (раскоп XLIII) // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. Казань, 2002.

Губайдуллин, 2002a – Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань, 2002.

Губоглу, 1964 – Губоглу М. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.

Гузев, 1972 – Гузев В.Г. О ярлыке Мехмеда II // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972.

- Гузейров, 2004* – Гузейров Р.А. Золотоордынский город Хаджи Тархан и его округа: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.
- Гузейров, 2004а* – Гузейров Р.А. Золотоордынский город Хаджи Тархан и его округа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.
- Гулевич, 2013* – Гулевич В.П. Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. и возникновение Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1.
- Гумилев, 1976* – Гумилев Л.Н. Половцы и их соседи // Всесоюзная тюркологическая конференция Секция 3. Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Алмата, 1976.
- Гумилев, 1989* – Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.
- Гумилев, 1992а* – Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.
- Гумилев, 1992б* – Гумилев Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992.
- Гумилев, 2004* – Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. М., 2004.
- Давид, Жоффре-Спинози, 2003* – Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 2003.
- Даниил Принц, 1877* – Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. М., 1877.
- Данченко, 2008* – Данченко Е.М. К изучению Кизыл-Туры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2008.
- Данченко, Грачев, 2003* – Данченко Е.М., Грачев М.А. К вопросу о локализации Кызыл-Туры // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск, 2003.
- Духовные, 1950* – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950.
- Де ла Невилль, 1996* – Де ла Невилль. Записки о Московии. М., 1996.
- Де Клавихо Руи Гонсалес, 1990* – Де Клавихо Руи Гонсалес. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М., 1990.
- Де Люк Жан, 1879* – Де Люк Жан. Описание Перекопских и Ногайских татар, черкесов, менгрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена (1625 г.) // ЗООИД. 1879. Т. 11.
- Дементьев, 1892* – Дементьев Д.П. Краткие исторические сведения о Кажировской пустыни // Костромская старина. Известия КГУАК. Вып. 2. Кострома, 1892.
- Дементьев, 1894* – Дементьев Д.П. Краткий исторический очерк Шангского городища // Костромская старина. Известия КГУАК. Вып. 6. Кострома, 1894.
- Денисова, 1948* – Денисова М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Труды Государственного исторического музея. Вып. 20. М., 1948.
- Денисова, 1953* – Денисова М.М. Оборонительное вооружение // Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н. Русское оружие XI–XIX вв. М., 1953.
- Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006* – Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Ремезовская летопись. История Сибирская. Летопись Сибирская краткая кунгурская. Исследование. Текст и перевод. Тобольск, 2006.
- Дерягина, Фролова, 1998* – Дерягина Т.П., Фролова О.Б. Арабские рукописи из коллекции Антония Мухлинского в библиотеке Санкт-Петербургского университета // Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. Вып. 3. СПб., 1998.
- Джайлс Флетчер, 2002* – Джайлс Флетчер. О государстве русском. Пер. кн. М.А. Оболенского. М., 2002.
- Джанов, 2006* – Джанов А.В. Судакская крепость. Двести лет исследований // Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. Сборник работ и материалов. Киев; Судак; СПб., 2006.
- Джекинсон, 1937* – Джекинсон А. Путешествие в Среднюю Азию. 1558–1560 // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937.
- Джером Горсей, 1990* – Джером Горсей. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990.
- Ал-Джаннаби, 1884* – Абу Мухаммад Мустафа ал-Джаннаби. Тухфат ал-ариб ва хадиййат ал-адиб // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Джумагулов, 1987* – Джумагулов Ч.Д. Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. Фрунзе, 1987.
- Девин ДиУис, 2003* – Девин ДиУис. Ахмад Йасави // Ислам на территории бывшей Российской империи. Вып. 4. М., 2003.
- Димитриев, 1959* – Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959.
- Димитриев, 1983* – Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Ч. 1. Чебоксары, 1983.
- Димитриев, 1986* – Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары, 1986.
- Димитров, 1969* – Димитров С.А. Турецкие документы о состоянии Хотинской округи (нахия) в первой половине XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. М., 1969.
- Дмитриев и др., 1994* – Дмитриев М.В., Старостина И.П., Хорощкевич А.Л. Михалон Лит-

вин и его трактат // Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.

Дмитриев, 2003 – Дмитриев С.В. Крымское ханство в военном отношении (XVI–XVIII вв.) // Тюркологический сборник. 2002. Россия и тюркский мир. М., 2003.

Дмитриев, 2012 – Дмитриев М.В. Московская Русь и мусульмане в XVII веке: почему не велась миссионерская политика? // Православный собеседник. Выпуск 1 (23). Казань, 2012.

Дмитриева, Муратов, 1975 – Дмитриева Л.В., Муратов С.Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Ч. 2. М., 1975.

Дмитриева, 2002 – Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М., 2002.

Довнар-Запольский, 1897 – Довнар-Запольский М.В. Заметка о крымских делах в Метрике Литовской // ИТУАК. 1897. № 26.

Документы, 1916 – Документы архива министерства иностранных дел в Москве. Из книги «Турецкие дела № 1» // Дунаев Б.И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916.

Документы, 1950 – Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Ч. 2. Саранск, 1950.

Документы, 1953 – Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 3. Ч. 2. Саранск, 1953.

Документы, 2008 – Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов. Казань, 2008.

Документы по истории Коми, 1958 – Документы по истории Коми. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958.

Документы по истории Удмуртии, 1958 – Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. Ижевск, 1958.

Долгих, 1960 – Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 55. М., 1960.

Домбровский, Сидоренко, 1978 – Домбровский О.И., Сидоренко В.А. Солхат и Сурб-Хач. Симферополь, 1978.

Дополнения, 1846 – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археологической комиссией. Т. 1. СПб., 1846.

Дополнения, 1862 – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археологической комиссией. Т. 2. СПб., 1862.

Дополнения, 1862a – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археологической комиссией. Т. 8. СПб., 1862.

Дополнения, 1865 – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археологической комиссией. Т. 9. СПб., 1865.

Древние государственные регалии, 1979 – Древние государственные регалии. Оружейная палата. М., 1979.

ДРВ, 1790 – ДРВ. Ч. 14. М., 1790.

ДРВ, 1791 – ДРВ. Ч. 17. М., 1791.

ДРВ, 1791a – ДРВ. Ч. 18. М., 1791.

Древняя Казань, 1996 – Древняя Казань глазами современников и историков. Казань, 1996.

Дружинин, 1889 – Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889.

Дружинина, 1955 – Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955.

Дубасов, 1887 – Дубасов И.И. Очерки истории Тамбовского края. Вып. 4. Тамбов, 1887.

Дубинская, 1966 – Дубинская Л.Г. Города Мещерского края во второй половине XVII в. // Города феодальной России: Сборник статей. М., 1966.

Дубровин, 1885 – Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. СПб., 1885.

Дубровина, 1980 – Дубровина Л.А. Первая крестьянская война в Марийском крае // Из истории крестьянства Марийского края. Йошкар-Ола, 1980.

Дульзон, 1953 – Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Т. 10. Томск, 1953.

Дульский, 1929 – Дульский П.М. Несколько слов по поводу орнаментики татарских памятников XVI–XVII вв. // Материалы по охране, реставрации и ремонту памятников ТССР. Вып. 3. Казань, 1929.

Дульский, 1943 – Дульский П.М. Казань XVI–XVII–XVIII столетий. Казань, 1943.

Думин, 1989 – Думин С.В. Татарские царицы в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989.

Дунаев, 1916 – Дунаев Б.И. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. Историческое исследование с приложением текстов дипломатических сношений России с Турцией в начале XVI ст. М., 1916.

Духовные, 1909 – Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных / Под ред. С.В.Бахрушина. М., 1909.

- Духовные, 1950* – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- Евстратов, 2003* – Евстратов И.В. Гийас ад-Дин Сар (?) хан – новый золотоордынский эмитент XV в. // Тезисы докладов и сообщений XI ВНК. СПб., 2003.
- Егерев, 1928* – Егерев В.В. Измерение наклона Сююмбекиной башни // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. 2. Казань, 1928.
- Егерев, 1956* – Егерев В.В. Возникновение и развитие планировки г. Казани // Научные труды КИИСНП (КИИКС). 1956. Вып. 4.
- Егоров, 1974* – Егоров В.Л. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // Вопросы истории. 1974. №8.
- Егоров, 1980* – Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.
- Егоров, 1985* – Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Елисеева, 2005* – Елисеева О.И. Григорий Потемкин. М., 2005.
- Ермолаев, 1982* – Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.
- Ермушев, 1997* – Ермушев А.М. Военная и дипломатическая борьба России за безопасность восточных границ в 1538–1545 гг. // История, образование и культура народов Среднего Поволжья. Саранск, 1997.
- Ерофеев, 1908* – Ерофеев И. Крым в мало-русской народной поэзии XVI – XVII вв., преимущественно в думах (Памяти В.Б. Антоновича) // ИТУАК. 1908. №42.
- Ерофеева, 1999* – Ерофеева И.В. Хан Абул-хаир: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999.
- Ефимов, Белоглазов, 2002* – Ефимов А.В., Белоглазов Р.Н. «Изыскать пути к парализованно...». Документы карательных органов Вооруженных сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923) // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. Вып. 4. М., 2002.
- Жак Маржерет, 2007* – Жак Маржерет. Состояние Российской империи. М., 2007.
- Жалованная грамота, 1897* – Жалованная грамота князю Янгличу 1539 г. // ИТУАК. Вып. 41. Тамбов, 1897.
- Железнов, 1888* – Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Т. 2. СПб., 1888.
- Жиленков, 1883* – Жиленков А.В. Первые годы нашего господства в Крыму. Записки // Кондраки В.Х. В память столетия Крыма. М., 1883.
- Жирмунский, 1974* – Жирмунский В.М. Избранные труды. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
- Жития русских святых, 1993* – Жития русских святых. Кн. 2. Коломна, 1993.
- Жолкевский, 1871* – Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные Павлом Алексан. Мухановым. СПб., 1871.
- Жуков, 1988* – Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988.
- Заатов, 2011* – Заатов И.А. Чокан Валиханов и Крым // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы КИПУ. Т. 1. Симферополь, 2011.
- Загоскин, 1891* – Загоскин Н.П. Казанские мятежи в первые пять лет после покорения Казани русской державе // Казанские вести. 1891. № 77.
- Загоскин, 1895* – Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Казань, 1895.
- Зайончковский, 1969* – Зайончковский А. «Летопись Кипчакской степи» («Теварих-и Дешт-и Кипчак») как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. М., 1969.
- Зайнуллин, 1999* – Зайнуллин Г.Г. Татарская богословская литература XVIII – начала XX веков и ее стиле-языковые особенности: дис. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. Казань, 1999.
- Зайцев, 1999* – Зайцев И.В. Разгром «Большой Орды» в 1502 г. // Пусковые механизмы долговременных процессов в природе и обществе. М., 1999.
- Зайцев, 2000* – Зайцев И.В. К истории книжной культуры в Джучидских государствах // Восточный Архив. 2000. № 4–5.
- Зайцев, 2003* – Зайцев И.В. Шейх-Ахмад – последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и Польско-Литовское государство в начале XVI в.) // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М., 2003.
- Зайцев, 2003а* – Зайцев И.В. Крымские ханы: портреты и сюжеты // Восточная коллекция. Весна 2003.
- Зайцев, 2004* – Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004.
- Зайцев, 2004а* – Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М., 2004.
- Зайцев, 2005* – Зайцев И.В. Ad Fontes: Крымская историография эпохи Средневековья

и Нового времени // Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.

Зайцев, 2006 – Зайцев И.В. Астраханское ханство. 2-е изд., исправленное. М., 2006.

Зайцев, 2006а – Зайцев И.В. К истории дипломатических связей Крымского ханства и доосманского Египта (вторая половина XV – начало XVI века) // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века. Третья международная научная конференция цикла «Иноземцы в Московском государстве», посвященная 200-летию Музеев Московского Кремля. (19–21 октября 2006 г.) Тезисы докладов. М., 2006.

Зайцев, 2006б – Зайцев И.В. Липка в восточных источниках // Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (17–19 апреля 2006 г.). М., 2006.

Зайцев, 2006в – Зайцев В.В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев, 2006.

Зайцев, 2007 – Зайцев И.В. Антоний Мухлинский и «Рисале-йи Татар-и Лех» («Трактат о польских татарах» или «Трактат польского профессора»?) // Фальсификации источников и национальные истории. Материалы круглого стола. М., 2007.

Зайцев, 2007а – Зайцев И.В. Семья Хаджи-Гирея // *Altaica* XII. М., 2007.

Зайцев, 2008 – Зайцев И.В. Агрыжанские татары: к истории индийской колонии в Астрахани // В Индию духа.... Сборник статей, посвященный 70-летию Ростислава Борисовича Рыбакова. М., 2008.

Зайцев, 2009 – Зайцев И.В. Арабские, персидские и тюркские рукописи в Хаджи-Тархане / Астрахани. Русская Астрахань как центр переписки рукописей // Мир Ислама – *Rah Islamica*. № 2 (3). 2009.

Зайцев, 2009а – Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития: рукописи, тексты и источники. М., 2009.

Зайцев, 2010 – Зайцев И.В. Крымское ханство: вассалитет или независимость? // Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910–1973). М., 2010.

Зайцев, 2013 – Зайцев И.В. Кырк-Йер/Кырккор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М., 2013.

Зайцев, 2013а – Зайцев И.В. Хроника Давида б. Элиэзера Лехно из Карасубазара и ее источники // Мир Бекира Чобан-Заде. Сборник материалов I Крымской международной тюркологической конференции. Белогорск (Карасубазар), 23–25 мая 2012 г. Симферополь, 2013.

Закиев, 1986 – Закиев М.З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986.

Закиев, 2008 – Закиев М.З. История татарского народа (Этнические корни, формирование, развитие). М., 2008.

Закиров, 1966 – Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.

Записки, 1863 – Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863.

Записки, 2004 – Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776. М., 2004.

Заринский, 1884 – Заринский П.Г. Топография города Казани в 1552 году, во время осады его русскими войсками // Труды IV Археологического съезда в России. Т. 1. Казань, 1884.

Засыпкин, 1927 – Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. №2(4).

Заходер, 1955 – Заходер Б.Н. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. К вопросу о русских экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Передним Востоком // Краткие сообщения Института Востоковедения АН СССР. Вып. 14. М., 1955.

Заходер, 1967 – Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967.

Заходер, 1967а – Заходер Б.Н. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. // Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967.

Зверев, 2006 – Зверев С.В. Клад золотоордынских и крымских монет XIII–XV вв. из Московского Кремля // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). М., 2006.

Зиманов, 2008 – Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы, 2008.

Зимин, 1950 – Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. 5. М.; Л., 1950.

Зимин, 1972 – Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

- Зимин, 1991* – Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991.
- Зиннер, 1968* – Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.
- Зироевич, 1990* – Зироевич О. Охрана Дуная. К вопросу об использовании османскими властями местного населения для пограничной службы // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.
- Зияев, 1968* – Зияев Х.З. Узбеки в Сибири (XVII – XIX вв.). Ташкент, 1968.
- Зияев, 1983* – Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент, 1983.
- Зорин, 2001* – Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции второй половины XVI – начала XX вв. Казань, 2001.
- Зыков, 1998* – Зыков А.П. Городище Искер: исторические мифы и археологические реалии // Сибирские татары: Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск, 1998.
- Зыков, 2010* – Зыков А.П. Городище Искер – остатки города Сибирь // Искер – столица Сибирского ханства. Казань, 2010.
- Ибрагимов, 1956* – Ибрагимов С.К. Некоторые данные к истории казахов XV–XVI веков // Известия АН Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. № 3. Алма-Ата, 1956.
- Ибрагимова, 2005* – Ибрагимова А.М. Архитектурно-археологические исследования в 2003–2004 гг. // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Запоріжжя, 2005.
- Ибрагимова, 2005a* – Ибрагимова А.М. Архитектурно-археологические исследования Зынджирлы-медресе // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Запоріжжя, 2005.
- Иванич, 2006* – Иванич М. Удостоверительные знаки крымских ярлыков XVII в. // Источники и исследования по истории татарского народа. Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. Казань, 2006.
- Иванич, 2012* – Иванич М. Рассуждения о династическом имени Гиреев // *Moștenirea istorică a Tătarilor*. II. București, 2012.
- Иванов, 1982* – Иванов Е.П. Меткое московское слово. М., 1982.
- Иванов, Кригер, 1988* – Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988.
- Иванов, Топоров, 1979* – Иванов В.В., Топоров В.Н. К вопросу о происхождении этнонима «валахи» // Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979.
- Игнатъев, 1883* – Игнатъев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883.
- Идегей, 1990* – Идегей. Татарский народный эпос / Пер. С. Липкина. Казань, 1990.
- Иероним, 1889* – Иероним. Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом с примечаниями Добролюбова. Рязань, 1889.
- Иероним Мегизер, 2012* – Иероним Мегизер. Основы тюркского языка. Казань, 2012.
- Ижбердеев, 1994* – Ижбердеев Р.И. Существуют ли «астраханские татары»? // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994.
- Из дел Московского отделения, 1914* – Из дел Московского отделения Общего архива Главного штаба. Письма кн. В.М. Долгорукова-Крымского кн. Г.А. Потемкину и др. / Сост. Н.П. Поликарпов // ИТУАК. Симферополь, 1914. № 51.
- Из «Писцовых книг города Казани 1565–1568 годов», 1996* – Из «Писцовых книг города Казани 1565–1568 годов» // Древняя Казань глазами современников и историков. Казань, 1996.
- Из послания, 1914* – Из послания Ивана Васильевича к князю Курбскому // Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914.
- Из рассказов дон Хуана Персидского, 1899* – Из рассказов дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию, от Астрахани до Архангельска, 1599–1600 гг. // Чтения МОИДР. Кн. 1 (188). М., 1899.
- Из татарской летописи, 1937* – Из татарской летописи, переписанной Нурмухаметом, сыном Ахмедяна // История Татарии в материалах и документах. М., 1937.
- Изиддинова, 1980* – Изиддинова С.Р. Место крымско-татарского языка среди тюркских языков Причерноморья // Языкознание. Ташкент, 1980.
- Измайлов, 1992* – Измайлов И.Л. Идегей: жизнь, ставшая легендой // Татарстан. 1992. № 1, 2.
- Измайлов, 1992a* – Измайлов И.Л. «Казанское взятие» и имперские притязания Москвы (очерк истории становления имперской идеологии) // Мирас. 1992. № 10.
- Измайлов, 1993* – Измайлов И.Л. Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания населения Золотой Орды в XIII–XV вв. // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.

- Измайлов, 1994* – Измайлов И.Л. Битва на Ворскле. 1399. Звездный час эмира Идегея // Цейхгауз. 1994. № 1 (3).
- Измайлов, 1995* – Измайлов И.Л. Вооружение Казанского ханства (XV–XVI вв.): к постановке проблемы // Заказанье: проблемы истории и культуры. Тезисы докладов и материалы I Региональной научно-практической конференции. Казань, 1995.
- Измайлов, 1996* – Измайлов И.Л. Мозаика из осколков истории // Татарстан. 1996. № 12.
- Измайлов, 1997* – Измайлов И.Л. В блеске мисюрок и бехтерцов // Родина. 1997. № 3/4.
- Измайлов, 1997a* – Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань; Магадан, 1997.
- Измайлов, 1997b* – Измайлов И.Л. Лукавое обаяние дилентатизма // Татарстан. 1997. № 12.
- Измайлов, 2003* – Измайлов И.Л. Военная организация Казанского ханства (некоторые выводы и проблемы исследования) // Гыйльми язмарал / Ученые записки ТГГИ. 2003. № 11.
- Измайлов, 2005* – Измайлов И.Л. Социальная структура ханства // Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань, 2005.
- Измайлов, 2006* – Измайлов И.Л. Нашествие Аксак-Тимура на Болгар: мнимая реальность и татарская историческая традиция // Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. Казань, 2006.
- Измайлов, Исхаков, 2009* – Измайлов И.Л., Исхаков Д.М. Хан и аристократия: структура власти и управления // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009.
- Измайлов, Усманов, 2009* – Измайлов И.Л., Усманов М.А. Ислам в Улусе Джучи // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань, 2009.
- Измер, Молявина, 2005* – Измер Т.С., Молявина Е.Ю. К вопросу о перспективности археологического изучения городища Чимги-Тура // Словоцкие чтения–2005: Материалы XVII Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. Тюмень, 2005.
- Ильин, 1924* – Ильин А.А. Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924.
- Инальчик, 1995* – Инальчик Х. Хан и племенная аристократия: Крымское ханство под управлением Сахиб Гирея // Панорама-Форум. 1995. № 3.
- Иовий Павел, 1836* – Иовий Павел Новокомский. Посольство от Василия Иоанновича, Великого князя Московского, к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836.
- Иовий Павел, 1997* – Иовий Павел. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII. Описания прославленных мужей // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997.
- Иоганн Тунманн, 1991* – Иоганн Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1991.
- Иоасафовская летопись, 1957* – Иоасафовская летопись. М.; Л., 1957.
- Исаак Масса, 1937* – Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVIII века. М., 1937.
- Исаак Масса, 1997* – Исаак Масса. О начале войн и смут в Московии. М., 1997.
- Исин, 2004* – Исин А.И. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV – XVI вв. Алматы, 2004.
- Искер, 2010* – Искер – столица Сибирского ханства. Казань, 2010.
- Ислам, 1986* – Ислам. Краткий справочник. М., 1986.
- Ислам, 2001* – Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань, 2001.
- Ислам, 2004* – Ислам в истории и культуре Тюменской области (в документах и материалах). Тюмень, 2004.
- Ислам, 2006* – Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань, 2006.
- Ислам, 2007* – Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Т. 1. Источники и историография. Тюмень, 2007.
- Исламские монеты, 2006* – Исламские монеты VII–XVI вв. Екатеринбург, 2006.
- Исследование, 1857* – Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. СПб., 1857.
- История, 1896* – История Хотинского похода Якова Собеского. 1621 г. // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 2. Киев, 1896.
- История, 1903* – История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903.
- История, 2002* – «История Тартар» брата Ц. де Бридия // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». СПб., 2002.
- История Бухары, 1976* – История Бухары с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976.
- История Венгрии, 1971* – История Венгрии. Т. I. М., 1971.
- История Казани, 1988* – История Казани. Первая книга. Казань, 1988.
- История Казахской ССР, 1979* – История Казахской ССР. Т. 2. Алма-Ата, 1979.

- История Казахстана, 1993* – История Казахстана. Очерк. Алматы, 1993.
- История Казахстана, 2005* – История Казахстана в русских источниках. Т. I: Посольские материалы русского государства (XV–XVII вв.). Алматы, 2005.
- История Казахстана, 2005a* – История Казахстана в русских источниках. Т. II: Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII веков о народах Казахстана. Алматы, 2005.
- История Казахстана, 2006* – История Казахстана в арабских источниках. Т. III: Извлечения из сочинений XII–XVI веков. Алматы, 2006.
- История Казахстана, 2006* – История Казахстана в персидских источниках. Т. III. Му'изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии). Алматы, 2006.
- История Каракалпакской АССР, 1974* – История Каракалпакской АССР. Т. 1. Ташкент, 1974.
- История СССР, 1966* – История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М., 1966.
- История татар, 2006* – История татар. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.
- История татар, 2009* – История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009.
- История Татарии, 1937* – История Татарии в документах и материалах. М., 1937.
- История Татарской АССР, 1951* – История Татарской АССР. Т. 1. Казань, 1951.
- История Татарской АССР, 1968* – История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Казань, 1968.
- История Татарстана, 2001* – История Татарстана: Учебное пособие для основной школы. Казань, 2001.
- История Узбекской ССР, 1967* – История Узбекской ССР. Т. 1. Ташкент, 1967.
- История Хотинского похода, 1896* – История Хотинского похода Якова Собеского. 1621 г. // Мемуары относящиеся к истории Южной Руси. Вып. II. Киев, 1896.
- Источниковедение, 1981* – Источниковедение истории СССР. М., 1981.
- Исфакхани, 1976* – Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976.
- Исхаков, 1980* – Исхаков Д.М. Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия болгарского и золотоордынского-тюркских этносов // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980.
- Исхаков, 1985* – Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985.
- Исхаков, 1988* – Исхаков Д.М. Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. (критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) // Советская этнография. 1988. №5.
- Исхаков, 1992* – Исхаков Д.М. Астраханские татары: этнический состав, расселение и динамика численности в XVIII – начале XX вв. // Астраханские татары. Казань, 1992.
- Исхаков, 1993* – Исхаков Д.М. Введение в историческую демографию волго-уральских татар. Казань, 1993.
- Исхаков, 1993a* – Исхаков Д.М. Историческая демография татарского народа (XVIII – начало XX вв.). Казань, 1993.
- Исхаков, 1993б* – Исхаков Д.М. О роли ногайского компонента в формировании татар Волго-Уральского региона // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.
- Исхаков, 1993в* – Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). Казань, 1993.
- Исхаков, 1995* – Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – середины XVI вв.) // Панорама-Форум. 1995. № 3.
- Исхаков, 1997* – Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997.
- Исхаков, 1997a* – Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. Казань, 1997.
- Исхаков, 1997б* – Исхаков Д.М. Чорабатыр: кто он? // Татарстан. 1997. № 12.
- Исхаков, 1998* – Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998.
- Исхаков, 1999* – Исхаков Д.М. О так называемых «остяках» Среднего Приуралья и их этнических связях с населением Западной Сибири // Обские угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (Тобольск, 12–16 декабря 1999 г.). Тобольск; Омск, 1999.
- Исхаков, 1999a* – Исхаков Д.М. Руководитель великих. Воин, поэт и мыслитель Кол Шериф // Казань. 1999. № 5/6.
- Исхаков, 2000* – Исхаков Д.М. Некоторые данные о средневековой этнической ситуации в юго-восточных районах Татарстана (XIV–

XVI вв.) // Проблемы изучения истории заселения и образования населенных пунктов Альметьевского региона. Казань, 2000.

Исхаков, 2001 – Исхаков Д.М. О сибирских татарах // Соседи. 2001. № 6–7 (май-июнь).

Исхаков, 2001a – Исхаков Д.М. Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи и татарских ханств // Материалы Международного научного семинара «Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556» (23–26 июня 1998 г.). Казань, 2001.

Исхаков, 2001b – Исхаков Д.М. Этнополитические и демографические процессы в XV–XX веках // Татары. М., 2001.

Исхаков, 2002 – Исхаков Д.М. К проблеме этнических и политических связей тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (Тобольск, 9–11 декабря 2002 г.). Тобольск; Омск, 2002.

Исхаков, 2002a – Исхаков Д.М. О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско-татарской этнической общности // Сибирские татары. Казань, 2002.

Исхаков, 2002b – Исхаков Д.М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник- 2001. Золотая Орда и её наследие. М., 2002.

Исхаков, 2002в – Исхаков Д. М. Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи и татарских ханств // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Исхаков, 2003 – Исхаков Д.М. Некоторые итоги исследования этнополитической истории Сибирского ханства в XV – XVI вв. // Сулеймановские чтения–2002. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 2003.

Исхаков, 2004 – Исхаков Д.М. Введение в этнополитическую историю сибирских татар // Сулеймановские чтения–2004. Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции. Тюмень, 2004.

Исхаков, 2004a – Исхаков Д.М. Особенности исламизации восточных групп татар в XV–XVI вв. (Приуралье и Западная Сибирь) // Доклады международной конференции «Исламская культура в Волго-Уральском регионе» (Казань, 8–11 июня 2001 г). Istanbul, 2004.

Исхаков, 2004b – Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2004.

Исхаков, 2006 – Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006.

Исхаков, 2006a – Исхаков Д.М. О культуре государственной жизни в Сибирском юрте в XV–XVI вв. // Сулеймановские чтения–2006. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 18–19 мая 2006 г.). Тюмень, 2006.

Исхаков, 2007 – Исхаков Д.М. «Быть верным с друзьями и притворно-равнодушным с врагами» (Культура государственной жизни в тюрко-татарских обществах XV–XVI вв.) // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2007. № 1.

Исхаков, 2008 – Исхаков Д.М. Институт сибирских князей: генезис, клановые основы и место в социально-политической структуре Сибирского юрта // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2008. № 2.

Исхаков, 2009 – Исхаков Д.М. Булгарский вилайет накануне образования Казанского ханства: новый взгляд на известные проблемы // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2009. № 2.

Исхаков, 2009a – Исхаков Д.М. Исторические очерки. Казань, 2009.

Исхаков, 2009b – Исхаков Д.М. О клановом составе первоначального удела Шибана // Исхаков Д.М. Исторические очерки. Казань, 2009.

Исхаков, 2009в – Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009.

Исхаков, 2010 – Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010.

Исхаков, 2010a – Исхаков Д.М. Введение в этнополитическую историю сибирских татар // Искер – столица Сибирского ханства. Казань, 2010.

Исхаков, 2011 – Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и поздnezолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань, 2011.

Исхаков, Измайлов, 2005 – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань, 2005.

Исхаков, Измайлов, 2007 – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань, 2007.

ИТУАК, 1895 – Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1895. № 22.

Ищенко, 1989 – Ищенко С.А. Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989.

К 350-летию покорения Казани, 1902 – К 350-летию покорения Казани. 1552–1902. Подлинная о Казанском походе запись Царственной

книги 1552 года и Сказания князя Курбского о покорении Казани. М., 1902.

Кавагучи, Нагаминэ, 2010 – Кавагучи Т., Нагаминэ Х. Некоторые новые данные о «Чингиз-нама» Утемиша-хаджи: в системе историографии в Дашт-и Кипчаке // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 3. Казань, 2010.

Кадирова, 2001 – Кадирова Э.Х. Поэмы Мухаммедаря «Тухфа-и мардан» и «Нур-и содур»: лексика. Казань, 2001.

Кадирова, 2012 – Кадирова Э.Х. Из наблюдений над лексикой Арабско-тюрко-татарского словаря XVI в. // В.В. Радлов и духовная культура тюркских народов. Сборник трудов международной интернет-конференции (Казань, 21 марта 2012 г.). Казань, 2012.

Казакова, 1979 – Казакова Н.А. «Татарским землям имена» // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. Т. XXXIV. Л., 1979.

Казанская история, 1847 – Казанская история Николая Баженова. Казанская губерния. Ч. 3. Казань, 1847.

Казанская история, 1954 – Казанская история. М.; Л., 1954.

Казанская история, 2001 – Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб., 2001.

Казаров, Горлов, 2011 – Казаров А.А., Горлов А.В. Два новых типа монет золотоордынского хана Тимура: к вопросу о перемещении штемпелей между монетными дворами // Тезисы докладов XVI ВНК (Санкт-Петербург, 18–23 апреля 2011 г.). СПб., 2011.

Казаров и др., 2013 – Казаров А.А., Студицкий Я.В., Рева Р.Ю. Монеты хана Муртазы, сына Ахмада (80–90-е годы XV в.) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М., 2013.

Казаров и др., 2013a – Казаров А.А., Студицкий Я.В., Рева Р.Ю. Монеты Муртазы, сына Ахмада – финальный этап денежного дела Золотой Орды // Расмир: Восточная нумизматика. Сборник трудов I Международной научной конференции (Одесса, 29–31 июля 2011 г.). Киев, 2013.

Казахско-русские, 1961 – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1961.

Какаш, Тектандер, 1896 – Какаш С., Тектандер П. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603. М., 1896.

Калинин, 1927a – Калинин Н.Ф. Археологические наблюдения на улицах Казани // ИОАИЭ. 1927. Т. XXXIII. Вып. 4.

Калинин, 1927b – Калинин Н.Ф. Где был дворец казанских ханов? // Вестник научного общества татароведения. 1927. № 6.

Калинин, 1929 – Калинин Н.Ф. Казань 18 века (По неизданным артографическим и иконографическим материалам) // ИОАИЭ. Т. XXXIV (XXXIII). Вып. 3–4. Казань, 1929.

Калинин, 1954 – Калинин Н.Ф. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань, 1954.

Калиновская, Марков, 1990 – Калиновская К.П., Марков Г.Е. Ногайцы – проблемы национальных отношений и культура // Советская этнография. 1990. № 2.

Калмыков и др, 1988 – Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы: историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988.

Камеральное, 1889 – Камеральное описание Крыма 1784 г. // ИТУАК. 1889. № 7.

Кампензе, 1836 – Кампензе А. Письмо к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836.

Кангиева, 2007 – Кангиева Э.М. Крымоведение на страницах тюркоязычных периодических изданий крымскотатарской диаспоры. Киев; Симферополь, 2007.

Карамзин, 1819 – Карамзин Н.М. История государства российского. Т. 5. СПб., 1819.

Карамзин, 1846 – Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 6. М., 1846.

Карамзин, 1989 – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 9. М., 1989.

Карамзин, 1989a – Карамзин М.Н. История государства Российского. Кн. 2. Т. 8. М., 1989.

Карамзин, 1993 – Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 5. М., 1993.

Карамзин, 1994 – Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 7–9. Ростов-на-Дону, 1994.

Карамзин, 1998 – Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 6. М., 1998.

Караулов, 1883 – Караулов Г.З. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. Т. 13. 1883.

Каргалов, 1974 – Каргалов В.В. На степной границе: Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974.

Кармышева, 1976 – Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976.

Карпов, 1911 – Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч. 1. Уральск, 1911.

Карпов, 1990 – Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.

- Карпов, 2011* – Карпов С.П. Причерноморье. Перекресток цивилизаций: публичная лекция. <http://webcache.googleusercontent.com> (дата обращения 15.06.2011)
- Карпов, 2011a* – Карпов А.Ю. Батый. М., 2011.
- Кастрен, 1860* – Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 // *Магазин землеведения и путешествий*. Географический сборник. Т. 6. Ч. 2. М., 1860.
- Кастрен, 1999* – Кастрен М.А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999.
- Катанаев, 1893* – Катанаев Г.Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях // *Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества*. Кн. XIV. Вып. 1. Омск, 1893.
- Катанов, 1896* – Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // *Ежегодник Тобольского губернского музея*. Тобольск, 1896. Вып. 5.
- Катанов, 1897* – Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // *Ежегодник Тобольского губернского музея*. Тобольск, 1897. Вып. 7.
- Катанов, 1904* – Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // *Ежегодник Тобольского губернского музея*. Тобольск, 1904. Вып. 14.
- Катанов, 1921* – Катанов Н.Ф. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // *Казанский музейный вестник*. 1921. № 1–2.
- Катанов, Покровский, 1905* – Катанов Н.Ф., Покровский И.М. Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве // *ИОАИЭ*. Т. XXI. Вып. 4. Казань, 1905.
- Каховский, 1980* – Каховский В.Ф. О западных пределах Волжской Болгарии // *Вопросы древней и средневековой истории Чувашии*. Чебоксары, 1980.
- Каштанов, 1967* – Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI вв. М., 1967.
- Каштанов, 1970* – Каштанов С.М. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в. // *Из истории Татарии*. Ученые записки КГПИ. Вып. 80. Сборник 4. Казань, 1970.
- Кемпер, 2008* – Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань, 2008.
- Кеппен, 1837* – Кеппен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
- Керейтов, 1993* – Керейтов Р.Х. Ногайская Орда и вопросы ее этнического состава // *Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды*. Махачкала, 1993.
- Керейтов, 1996* – Керейтов Р.Х. Орда пашно пахала на Куме (очерки из истории и этнографии кумских ногайцев). Минеральные Воды, 1996.
- Керейтов, Червонная, 2002–2003* – Керейтов Р.Х., Червонная С.М. Эпиграфика Ногайской степи // *Татарская археология*. 2002–2003 г. № 1–2 (10–11).
- Керимов, 2007* – Керимов Г.М. Шариат. Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. М.; СПб., 2007.
- Кидырниязов, 1988* – Кидырниязов Д.С. Русско-ногайские отношения в XVIII веке: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1988.
- Кинан, 1995* – Кинан Э. Москва и Казань: модель степной дипломатии // *Панорама-Форум*. 1995. № 1.
- Кирилко, 1999* – Кирилко В.П. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации // *Stratum Plus*. 1999. № 6.
- Кирилко, 2009* – Кирилко В.П. Археологическое исследование мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // *Stratum plus*. 2005–2009. № 6.
- Кирилко, 2009a* – Кирилко В.П. Строительная история крымской мечети Узбека (по материалам реставрационных исследований) // *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы IV международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (30 сентября – 3 октября 2008 г.). (Донские древности. Вып. 10). Азов, 2009.
- Кирилко, 2012* – Кирилко В.П. [Рецензия на кн.]: Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе Хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев; Запорожье, 2010 // *Российская археология*. 2012. № 3.
- Кирпичников, 1976* – Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII – XV вв. Л., 1976.
- Кирпичников, 2001* – Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // *Материалы круглого стола «Великий Волжский путь» и международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути»* (Казань, 28–29 августа 2000 г.). Казань, 2001.
- Клаузевиц, 2002* – Клаузевиц К. фон. О войне. Т. 1. М.; СПб., 2002.
- Клоков, Лебедев, 2002* – Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного

городища (Золотая Орда, город Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Нумизматический сборник. Вып. IV. Т. 3. Н. Новгород, 2002.

Кляшторный, Султанов, 1992 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

Кляшторный, Султанов, 2000 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье – СПб., 2000.

Кляшторный, Султанов, 2004 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб, 2004.

Книга Большому Чертежу, 1950 – Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950.

Книга окладная, 1897 – Книга окладная Шацкого города и Кадома и всея Шатския и Кадомския десятины дозору и окладу 184г. // ИТУАК. Вып.42. Тамбов, 1897.

Книга путешествия, 1999 – Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). Симферополь, 1999.

Ковалев, 1982 – Ковалев Г.Ф. История русских этнических названий. Воронеж, 1982.

Ковалевский, 1956 – Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Коваль, 2001 – Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. 2001. № 1.

Коваль, 2006 – Коваль В.Ю. Восточная поливная керамика из раскопок Казани // Казань в средние века и раннее новое время. Материалы всероссийской научной конференции (Казань, 24–25 мая 2005 г.). Казань, 2006.

Ковин, 1995 – Ковин В.Н. Истоки развития России по имперскому пути: восточный вопрос во внешней политике Русского государства в конце XV – XVI вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. Челябинск, 1995.

Кожевников, Гуревич, 1990 – Кожевников Е.В., Гуревич Д.Я. Отечественное коневодство: история, современность, проблемы. М., 1990.

Козубовский, 2006 – Козубовский Г.А. Об одной группе аспров // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Т. 2. Киев; Судак, 2006.

Кокорина, 1995 – Кокорина Н.А. Керамика Камаевского городища (культурно-хронологическое соотношение) // Закавказье: проблемы истории и культуры. Казань, 1995.

Кокорина, 1999 – Кокорина Н.А. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // ТА. 1999. № 1–2.

Кокорина, Фахрутдинов, 1999 – Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарный комплекс

золотоордынского периода из Иски Казани // ТА. 1999. № 1–2.

Колли, 1913 – Колли Л.П. Хаджи-Гирей хан и его политика (по геноузским источникам). Взгляд на политические сношения Каффы с татарами в XV в. // ИТУАК. № 50. Симферополь, 1913.

Колли, 1918 – Колли Л.П. Падение Каффы // ИТУАК. № 54. Симферополь, 1918.

Корнис, 1836 – Корнис В. Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп. 1836. Ч. 33.

Королюк, 1979 – Королюк В.Д. Термин «Волошская земля» в раннесредневековых письменных источниках // Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979.

Костюков, 1995 – Костюков В.П. Этническая ситуация в Южном Зауралье в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 5. Кн. 2. Челябинск, 1995.

Колызин, 2003 – Колызин А.М. Клад монет Золотой Орды XV в. // Тезисы докладов XI ВНК (Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.). СПб., 2003.

Комиссаренко, Моисеев, 2004 – Комиссаренко А.И., Моисеев М.В. Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551–1556 гг. // Исторический архив. 2004. № 2.

Конилов, Худяков, 1981 – Конилов Б.А., Худяков Ю.С. Наконечники стрел из Искера // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.

Кононов, 1958 – Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М; Л., 1958.

Конурат, 1996 – Конурат К. К истокам крымскотатарской литературы // Qasevet. 1996. № 1 (25).

Копия с грамоты князю Еникею, 1889 – Копия с грамоты князю Еникею 1539 г. // ИТУАК. Вып.23. Тамбов, 1889.

Коран, 1991 – Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1991.

Корб, 1906 – Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906.

Кордт, 1899 – Кордт В.В. Материалы по истории русской картографии. Вып. 1. Карты всей России и Южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1899.

Кордт, 1906 – Кордт В.В. Материалы по истории русской картографии. Карты всей России, Северных ее областей и Сибири. Вторая серия. Вып. 1. Киев, 1906.

- Коркунов, 1837* – Коркунов М. [Рецензия на]: Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических, сочинение Петра Кеппена. СПб., 1837 // ЖМНП. 1837. Ч. 14. Отд. 5.
- Корнилов, 1929* – Корнилов П.Е. К орнаментике булгаро-татарского резного камня // Материалы по охране, реставрации и ремонту памятников ТССР. Вып. 3. Казань, 1929.
- Коробов, 1957* – Коробов С.А. Прошлое майрийского народа. Йошкар-Ола, 1957.
- Корогодина, 2013* – Корогодина М.В. Принятие в православие в XIV–XV вв.: письменная традиция и практика // Древняя Русь. 2013. № 1(51).
- Королев, 2002* – Королев В.Н. Босфорская война. Ростов на-Дону, 2002.
- Короленко, 1900* – Короленко П.П. Некрасовские казаки // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 2. Екатеринодар, 1900.
- Королюк, 1979* – Королюк В.Д. Термин «Волошская земля» в раннесредневековых письменных источниках // Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979.
- Коротков, 1928* – Коротков А.А. К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. № 5. Баку, 1928.
- Корусенко, 2003* – Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв. по археологическим и этнографическим материалам (опыт анализа структуры и содержания). Новосибирск, 2003.
- Костомаров, 1860* – Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860.
- Костюков, 2010* – Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань, 2010.
- Котляров, 1999* – Котляров Д.А. Московское государство и народы Поволжья в XV–XVI вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.
- Котляров, 2005* – Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. Ижевск, 2005.
- Котошихин, 1906* – Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.
- Коцебу, 1835* – Коцебу А. Свитригайло, великий князь Литовский. СПб., 1835.
- Кочкаев, 1988* – Кочкаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988.
- Кочкаев, 1988a* – Кочкаев Б.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1988.
- Крадин, 2002* – Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2002.
- Крадин, Скрынникова, 2006* – Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006.
- Крамаровский, 1997* – Крамаровский М.Г. Гуланшаро и Солхат. Население золотоордынского города по результатам раскопок 1994–1996 гг. и кладовым материалам // Отчетная археологическая сессия за 1996 год (Государственный Эрмитаж). Тезисы докладов. СПб., 1997.
- Крамаровский, 2005* – Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005.
- Краснов, 1987* – Краснов Ю.А. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округа // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.
- Краткая, 1962* – Краткая литературная энциклопедия Т. 1. М., 1962.
- Краткая сибирская летопись, 1880* – Краткая сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб., 1880.
- Крачковский, 1924* – Крачковский И.Ю. Рукопись Корана в Пскове // Доклады РАН. Л., 1924.
- Крачковский, 1957* – Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. IV. М.; Л., 1957.
- Крачковский, 2004* – Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. 2-е изд. М., 2004.
- Крепость, 2009* – Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу. Астрахань, 2009.
- Кригер, 1986* – Кригер В.А. Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.
- Крымский, 1916* – Крымский А.Е. История Турции и ее литературы. М., 1916.
- Крымскотатарская инструментальная музыка, 2007* – Крымскотатарская инструментальная музыка Ханского периода. Симферополь, 2007.
- Крючков, 2006* – Крючков А.В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство (последняя треть XVIII – начало XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006.
- Кудрявцев, 2003* – Кудрявцев О.Ф. Великая Русь рыцаря де Ланноа. Первое западное описание Руси // Родина. 2003. № 12.
- Кузеев, 1960* – Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960.

Кузеев, 1974 – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.

Кузеев, 1978 – Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.

Кузеев, 1987 – Кузеев Р.Г. Этнические процессы и ступени консолидации тюркских и финно-угорских народов Волго-Уральского региона (эпохи феодализма и капитализма). Уфа, 1987.

Кузеев, 1991 – Кузеев Р.Г. Башкиры и ногайцы: этнические взаимосвязи // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1991.

Кузеев, 1992 – Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

Кузеев, Моисеева, 1987 – Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Н. Об этнических связях тюркских народов севера евразийских степей в эпоху средневековья и в новое время по данным родоплеменной этнонимии // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987.

Кузьмин, 2002 – Кузьмин А.В. Крещеные татары на службе в Москве: к истории Телебугиных и Мячковых в XIV – первой половине XV века // Древняя Русь. 2002. № 3 (9).

Кулешова, 1995 – Кулешова Н.В. О чем рассказывают генеалогии барабинских татар // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Кн. 1. Томск, 1995.

Кульпин, 1998 – Кульпин Э.С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. М., 1998.

Кумеков, 1972 – Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

Кунцевич, 1905 – Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905.

Курбский, 1914 – Курбский А.М. История о великом князе Московском // Сочинения князя Курбского. Т. 1. СПб., 1914.

Курбский, 2000 – Курбский А.М. О завоевании Казани в 1552 г. // Из глубины столетий. Казань, 2000.

Кутайсов, Кутайсова, 2007 – Кутайсов В.А., Кутайсова М.В. Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. Киев, 2007.

Куфтин, 1925 – Куфтин Б.А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова (материалы и вопросы). М., 1925.

Куфтин, 1929 – Куфтин Б.А. Татары касимовские и татары центрально-промышленной области // Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., 1929.

Кухистани, 1969 – Масуд б. Усман Кухистани. Тарих-и Абу-л-Хайр-хани // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. Алма-ата, 1969.

Куц, 2009 – Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009.

Кучкин, 1980 – Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.

Кызласов, 1992 – Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992.

Кызласов, 1999 – Кызласов Л.Р. Первогорода древней Сибири (в бронзовом и раннем железном веках) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. № 3. 1999.

Кырыми, 2014 – Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Казань, 2014.

Кюгельген, 2004 – Кюгельген А. фон. Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы, 2004.

Лантратова и др., 2002 – Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л. Исследование уникальных археологических памятников из собрания Государственного исторического музея – комплексов одежд XIII–XIV вв. М., 2002.

Лашков, 1886 – Лашков Ф.Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 г. // ЗООИД. 1886. Т. 14.

Лашков, 1886а – Лашков Ф.Ф. Шагин-Гирей, последний крымский хан // Киевская старина. 1886. № 9.

Лашков, 1889 – Лашков Ф.Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. IV. Одесса, 1889.

Лашков, 1890–1891 – Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства иностранных дел // ИТУАК. 1890. № 9; 1890. № 10; 1891. № 11; 1891. № 12.

Лашков, 1891 – Лашков Ф.Ф. Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 гг. // ИТУАК. 1891. № 14.

Лашков, 1892 – Лашков Ф.Ф. Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 году // ИТУАК. 1892. № 15.

Лашков, 1894 – Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1894. № 21.

Лашков, 1895 – Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1895. № 22.

Лашков, 1895a – Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1895. № 23.

Лашков, 1895b – Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1895. № 22.

Лашков, 1895в – Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1895. № 23.

Лашков, 1896 – Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1896. № 24.

Лашков, 1896a – [Лашков Ф.Ф.] Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1896. № 24.

Лашков, 1897 – Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897.

Лебедев, 1958 – Лебедев В.И. Загадочный город Мохши. Пенза, 1958.

Лебедев, 1990 – Лебедев В.П. Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990.

Лебедев, 2000 – Лебедев В.П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII – начало XV вв.) Ч. I. Монеты XIII в. // Нумизматика и фалеристика. № 1. Киев, 2000.

Лебедев, 2000a – Лебедев В.П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII – начало XV вв.) Ч. II. Анонимный чекан рубежа XIII–XIV вв. и монеты Узбека (1312–1339) // Нумизматика и фалеристика. № 2. Киев, 2000.

Лебедев, 2000b – Лебедев В.П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII – начало XV вв.) Ч. III. Монеты времени Токтамыша, его соперников и преемников (1375–1430) // Нумизматика и фалеристика. № 3. Киев, 2000.

Лебедев, 2000в – Лебедев В.П. Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (издание 2-е, дополненное) // Вестник Одесского музея нумизматики. Вып. 2. Одесса, 2000.

Лебедев, 2002 – Лебедев В.П. К нумизматике Крыма золотоордынского периода. 5. «Да сохранится Крым от бедствий» (монеты конца XIV – начала XV вв.) // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. Вып. 9. М., 2002.

Лебедев, 2007 – Лебедев В.П. Поштемпельный анализ Новобулгарского чекана Шадибека и Пулада (1400–1411 гг.) // Нумизматика. 2007. № 14 (июль).

Лебедев и др., 2011 – Лебедев В.П., Рева Р.Ю., Воробьев Б.С. Клад джучидских монет первой четверти XV в. из села Лебяжье (Ульяновская область) // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1. Казань, 2011.

Лебедев, Клоков, 2001 – Лебедев В.П., Клоков В.Б. Монеты с юго-восточных окраин Сарая // Татарская археология. № 1–2 (8–9). Казань, 2001.

Лебедев, Клоков, 2004 – Лебедев В.П., Клоков В.Б. Денежное обращение Сарая и его округи после 1395 г. // Древности Поволжья и других регионов. Нумизматический сборник. Вып. V. Т. 4. Н. Новгород, 2004.

Лебедев, Клоков, 2012 – Лебедев В.П., Клоков В.Б. Монетный клад конца XV в. с селища Каменный Бугор близ развалин средневекового Сарая // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. Казань, 2012.

Лебедев, Мухаметшин, 1997 – Лебедев В.П., Мухаметшин Д.Г. Небольшой монетный комплекс с Именьковского городища в Татарстане // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. II. Н. Новгород. Т. 1. 1997.

Лебедев, Ситник, 2012 – Лебедев В.П., Ситник В.Г. Комплекс серебряных джучидских монет из Нижнего Джулата (Кабардино-Балкария) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 13. Армавир; Краснодар, 2012.

Лебедев, Тростянский, 1997 – Лебедев В.П., Тростянский О.В. Небольшой клад джучидских монет XIV–XV вв. из-под Саратова // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. II. Нумизматический сборник. Н. Новгород. Т. 1. 1997.

Левашова, 1928 – Левашова В.П. Вознесенское городище // Известия Государственного Западно-Сибирского музея. 1928. № 1.

Левшин, 1824 – Левшин А.И. Известия о древнем татарском городе Сарайчике // Северный архив. 1824. Ч. 9. № 4.

Лексикон, 1793 – Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. Ч. 1, 3. М., 1793.

Лемерсье-Келькеже, 2009 – Лемерсье-Келькеже Ш. Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. по неопубликованному источнику из архива Музея дворца «Топкапы» // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009.

Лепехин, 1814 – Лепехин И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина, академика и медицины доктора, вольного экономического в Санкт-Петербурге друзей природы испытателей в Берлине и Гессенгомбургского патриотического общества члена по разным

провинциям Российского государства в 1771 году. Ч.3. СПб., 1814.

Лесков, 1957 – Лесков Н.С. Собрание сочинений Т. 4. М., 1957.

Летописец, 1819 – Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 года. М., 1819.

Летописец русский, 1895 – Летописец русский (Московская летопись) // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. Кн.3. М., 1895.

Летопись Сибирская, 1821 – Летопись Сибирская. Издана с рукописи XVII века. СПб., 1821.

Летопись, 1913 – Летопись Солигаличского Воскресенского монастыря // Древности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества. Т. 3. М., 1913.

Лисейцев, 2006 – Лисейцев Д.В. Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник–2005. Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006.

Литвин, 1890 – Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1. (XVI ст.). Киев, 1890.

Литвин, 1994 – Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.

Литовская метрика, 1910 – Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей. Т. 1. // Русская историческая библиотека. Т. 27. СПб., 1910.

Логутов, 1929 – Логутов Н.А. Очерк родового быта казаков и распределение основных казакских родов на территории бывшей Семипалатинской губернии // Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана. Т. 1. Вып. 18. Семипалатинск, 1929.

Лопарев, 1892 – Лопарев Х. Житие преподобного Стефана Комельского // Памятники древней письменности. Т. 85. СПб., 1892.

Лунев, 2004 – Лунев Ю.Ф. Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. М., 2004.

Лызлов, 1776 – Лызлов А.И. Скифская история. Ч. 1. СПб., 1776.

Лызлов, 1990 – Лызлов А.И. Скифская история. М., 1990.

Любавский, 1900 – Любавский М.К. Литовско-русский сейм. М., 1900.

Любавский, 1929 – Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.

Люк, 1879 – Люк Ж. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, менгрелов и гру-

зин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // ЗООИД. 1879. Т. 11.

Мавзолеи, 1997 – Мавзолеи Казанского Кремля (опыт историко-антропологического анализа). Казань, 1997.

Мадарьяга, 2007 – Мадарьяга И. де. Иван Грозный. М., 2007.

Мажиденова, 2008 – Мажиденова Д.М. История дипломатической службы с древнейших времен до Венского конгресса: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Алматы, 2008.

Майко, 2003 – Майко В.В. Кырк-Ерский клад XV в. // Тезисы докладов XI ВНК (Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.). СПб., 2003.

Майко, 2007 – Майко В.В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кале в юго-западном Крыму. Киев, 2007.

Макаров, 1959 – Макаров Д.М. Из истории мари. Первобытный строй – период феодализма до конца XVII века. Йошкар-Ола, 1959.

Малиновский, 1892 – Малиновский К.Н. О задачах исследования Петровского общества исследователей Астраханского края // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1892.

Малиновский, 1863 – Малиновский А.Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год // ЗООИД. 1863. Т. 5.

Малиновский, 1901 – Малиновский И.А. Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901.

Малиновская, 1993 – Малиновская Л.Н. Семантическое поле бахчисарайского фонтана («слез») в контексте исламской традиции // История и археология юго-западного Крыма. Симферополь, 1993.

Малов, 1885 – Малов Е.А. Сведения о мишарях. Этнографический очерк. Казань, 1885.

Малов, 1953 – Малов С.Е. Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. Сборник статей. М., 1953.

Мальшев, 2000 – Мальшев А.Б. Христианство в истории Золотой Орды. Саратов, 2000.

Маргулан, 1950 – Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

Марджани, 1884 – Марджани Ш. Очерк истории Болгарского и Казанского царств // Труды IV Археологического съезда. Т. 1. Казань, 1884.

Марджани, 2005 – Марджани Шихабутдин. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара. Ч. 1. Казань, 2005.

- Маркевич, 1895–1896* – [Маркевич А.И.] Список со статейного списка подьячего Василия Айтемирева, посланного в Крым с предложением мирных договоров // ЗООИД. 1895. Т. XVIII; 1896. Т. XIX.
- Маркевич, 1895* – Маркевич А.И. К истории ханского Бахчисарайского дворца // ИТУАК. №23. Симферополь, 1895.
- Маркевич, 1937* – Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. Т. I. Л., 1937.
- Марков, 1896* – Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896; Дополнение первое. СПб., 1898; Дополнение второе. СПб., 1901; Дополнение третье. СПб., 1904; Дополнение четвертое. СПб., 1906.
- Маркон, 1910* – Маркон И.Ю. Давид Лехно // Еврейская старина. Трехмесячник еврейского историко-этнографического общества. Год 2-й. Вып. III. СПб., 1910.
- Маркон, 1916* – Маркон И.Ю. Давид Лехно и его хроника истории Крыма Дебар Сефатаим // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. 1916. Т. 23.
- Мартынова, 1998 – Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998.
- Масанов, 1993* – Масанов Н.Э. Казахи в XX столетии: этническое развитие и исторические судьбы // Расы и народы. Вып. 22. М., 1993.
- Маслюженко, 2007* – Маслюженко Д.Н. Сибирские Шибаниды в середине XVI в.: проблемы сопоставления на раннем этапе функционирования Сибирского ханства // Сулеймановские чтения. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2007.
- Маслюженко, 2008* – Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008.
- Маслюженко, 2009* – Маслюженко Д.Н. Легитимизация Тюменского ханства во внешнеполитической деятельности Ибрагим-хана (вторая половина XV в.) // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009.
- Маслюженко, 2011* – Маслюженко Д.Н. Некоторые замечания о механизмах и принципах наследования ханской власти среди сибирских Шибанидов // Сулеймановские чтения. Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 13–14 мая 2011 г.). Тюмень, 2011.
- Маслюженко, 2011* – Маслюженко Д.Н. Политическая деятельность сибирских Шибанидов в первой четверти XVI века (по переписке Ак-Курга с Москвой) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган, 2011.
- Маслюженко, 2012* – Маслюженко Д.Н. Установление власти Абу-л-Хайр-хана на юге Западной Сибири (1429–1431 гг.) // Сулеймановские чтения. Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 17–18 мая 2012 г.). Тюмень, 2012.
- Масса, 1937* – Масса Иссака. Краткое известие о Московии в начале XVIII века. М., 1937.
- Матвеев, 2014* – Матвеев А.В. Город Тара и тарские служилые люди на защите рубежей Российского государства в XVII–XVIII вв. // Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша: Монография. Омск, 2014.
- Матвеев, Татауров, 2008* – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Проблемы культурно-хронологической интерпретации памятников XIV–XVI вв. в Среднем Прииртышье // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2008.
- Матвеев, Татауров, 2011* – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство во второй половине XVI в. (некоторые аспекты политической истории) // Научный Татарстан. 2011. № 2.
- Матвеев, Татауров, 2011a* – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Карта Сибирского ханства: политическое, экономическое и этническое наполнение // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2011.
- Матвеев, Татауров, 2012* – Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань, 2012.
- Матвеев, Трофимов, 2006* – Матвеев А.В., Трофимов Ю.В. Исследования городища позднего средневековья Кошкуль IV в Тарском Прииртышье в 2003–2004 гг. // Труды по археологии и этнографии Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2006.
- Матвеева и др., 1994* – Матвеева Н.П., Матвеев А.В., Зах В.А. Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. Тюмень, 1994.
- Материалы, 1904* – Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства. Т. I. // ИТУАК. Вып. 47. Тамбов, 1904.
- Материалы, 1932* – Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVIII вв. // Труды историко-археологического института и института Востоковедения. Материалы по истории СССР. Вып. 3. Л., 1932.

- Материалы, 1938* – Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. М.; Л., 1938.
- Материалы, 1969* – Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алмата, 1969.
- Материалы, 1973* – Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973.
- Материалы, 1999* – Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (Тобольск, 12–16 декабря 1999 г.). Тобольск; Омск, 1999.
- Маханова, 2008* – Маханова Р.Р. Творчество Суфи Аллаяра и его традиции в татарской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008.
- Махмуд ал-Кашгари, 2005* – Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005.
- Махмуд ал-Кашгари, 2010* – Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Т. 1. М., 2010.
- Махмутова, 1978* – Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978.
- Мейер, 1991* – Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.
- Меховский, 1936* – Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.
- Миллер, 1750* – Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена. Кн. 1. СПб., 1750.
- Миллер, 1937* – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937.
- Миллер, 1941* – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941.
- Миллер, 1972* – Миллер Ю.А. Художественная керамика Турции. Л., 1972.
- Миллер, 1999* – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999.
- Миллер, 2000* – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000.
- Миллер, 2005* – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005.
- Милых, 1940* – Милых М.К. О ногайском говоре Татарской слободки под Новочеркасском // Ученые записки факультета языка и литературы Ростовского педагогического института. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1940.
- Милуков, 1901* – Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901.
- Мингазова, Котов, 1989* – Мингазова Н.М., Котов Ю.С. Казанские озера (исторический обзор). Казань, 1989.
- Мингазова, Халиуллина, 2002* – Мингазова И.З., Халиуллина Р.И. Знак власти и благополучия. Редкостная находка со дна озера Кабан // Казань. 2002. №11–12.
- Минеи-Четьи, 1875* – Минеи-Четьи. Июль. М., 1875.
- Мининков, 1998* – Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов на-Дону, 1998.
- Миннегулов, 1993* – Миннегулов Х.Ю. Татарская литература и восточная классика (Вопросы взаимосвязей и поэтики). Казань, 1993.
- Миннегулов, 2010* – Миннегулов Х.Ю. Записи разных лет (Татарская литература: история, поэтика и взаимосвязи). Казань, 2010.
- Мир Мухаммед Амин-и Бухари, 1957* – Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Ташкент, 1957.
- Миргалеев, 2003* – Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003.
- Миргалеев, 2011* – Миргалеев И.М. «Чингизнаме» Утемиша-хаджи: перспективы изучения // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 4. Казань, 2011.
- Миргалеев, 2014* – Миргалеев И.М. Сообщение продолжателя «Чингизнаме» Утемиша-хаджи о хане Кучуме и его потомках // Материалы II Всероссийской научной конференции «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири». – Курган, 2014.
- Михалон, 1994* – Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.
- Михеева, 2007* – Михеева А.И. Керамика поселенческих памятников Марийского Поволжья XIII–XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. IV Халиковские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию МАЭ (Юрино, 5–10 августа 2006 г.). Йошкар-Ола, 2007.
- Михневич, 1911* – Михневич Н.П. Стратегия. Кн. 1. СПб., 1911.
- Могильников, 1965* – Могильников В.А. Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы // СА. 1965. № 1.
- Могильников, 2001* – Могильников В.А. О локализации Кизил-Туры // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 2001.
- Молодин и др., 1990* – Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990.
- Молькеевские крышени, 1993* – Молькеевские крышени. Казань, 1993.
- Мордкович и др., 1997* – Мордкович В.Г., Гиляров А.М., Тишков А.А., Баландин С.А. Судьба степей. Новосибирск, 1997.

Московский свод, 1949 – Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949.

Муизз, 2006 – Му'изз ал-ансаб (Прославляющие генеалогии). Алматы, 2006.

Мукминов, 2001 – Мукминов А.К. Родословное древо Мухтара Ауэзова. Алматы, 2011.

Муминов, 2012 – Муминов А. Суфизм в древних рукописях // Казахстанская правда. 9 ноября 2012 г. <http://www.kazpravda.kz/archives/view/152405> (дата обращения 11.11.2014).

Муниров, Жувонмардиев, 1966 – Муниров К., Жувонмардиев А. Бебахо хисса // Общественные науки в Узбекистане. 1966. № 11.

Муравьев-Апостол, 1823 – Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823.

Муралевич, 1928 – Муралевич В.С. К нумизматике Гиреев: заметка о монетах Девлет-Гирея I, Мухаммед-Гирея IV и Адиль-Гирея из Феодосийского археологического музея // ИТОИАЭ. 1928. Т. II.

Мурзакевич, 1850 – Мурзакевич Н. Бахчесарайские, арабские и турецкие надписи // ЗОО-ИД. Т. 2. Отделение второе и третье. Одесса, 1850.

Муркос, 1898 – Муркос Г.А. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 3 (189). М., 1898.

Мустакимов, 2007 – Мустакимов И.А. В архивах Турции // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2007. №2.

Мустакимов, 2008 – Мустакимов И.А. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографичных источников (к вопросу о статусе г.Булгара на ордынском и постордынском пространстве) // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2008. №1.

Мустакимов, 2008a – Мустакимов И.А. Введение // Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции. Казань, 2008.

Мустакимов, 2009 – Мустакимов И.А. Владения Шибана и Абу-л-Хайр-хана по данным «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань, 2009.

Мустакимов, 2009a – Мустакимов И.А. К вопросу об истории ногайского присутствия в Казанском юрте // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань, 2009.

Мустакимов, 2009b – Мустакимов И.А. Об одном списке «Дафтар-и Чингиз-наме» // Сред-

невековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 1. Казань, 2009.

Мустакимов, 2010 – Мустакимов И.А. Владения Шибана и Шибанидов в XIII–XV вв. по данным некоторых арабографичных источников // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 2. Казань, 2010.

Мустакимов, 2010a – Мустакимов И.А. Некоторые замечания к чтению и интерпретации ярлыка хана Ибрагима // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа. Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А.Усманова. Казань, 2010.

Мустакимов, 2011 – Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011.

Мустакимов, 2013a – Мустакимов И.А. Джучи и Джучиды в «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (некоторые проблемы перевода и интерпретации хроники) // Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013.

Мустакимов, 2013b – Мустакимов И.А. Еще раз о Казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историографии истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань, 2013.

Мустакимов, Сень, 2010 – Мустакимов И.А., Сень Д.В. Три османских документа XVI в. о ранней истории донских казаков // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. Київ, 2010.

Мустафина, 1997 – Мустафина Д.А. Письмо хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду I // Гасырлар авазы / Эхо веков. 1997. № 1–2.

Мустафина, 1997a – Мустафина Д.А. Послание царя Казанского // Эхо веков / Гасырлар авазы. 1997. № 1/2.

Мухамадиев, 1964 – Мухамадиев А.Г. Семёновский клад золотоордынских монет XV века // Сборник студенческих работ историко-филологического факультета Казанского государственного университета. Вып. 1. Казань, 1964.

Мухамадиев, 1966 – Мухамадиев А.Г. Два клада татарских монет XV века // СА. 1966. № 2.

Мухамадиев, 1983 – Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983.

Мухамадиев, 1990 – Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань, 1990.

Мухамадиев, 1995 – Мухамадиев А.Г. Золотая Орда // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.

Мухамадиев, 2001 – Мухамадиев А.Г. Раскопки в Казанском Кремле // Поволжье в средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). Н.Новгород, 2001.

Мухамадиев, 2005 – Мухамадиев А.Г. Древние монеты Казани. Казань, 2005.

Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1972 – Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая // Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А.В. Арциховского. М., 1972.

Мухаммедьяр, 2007 – Мухаммедьяр. Произведения. М., 2007.

Мухамедьяров, 1950 – Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1950.

Мухамедьяров, 1955 – Мухамедьяров Ш.Ф. Народы Среднего Поволжья // Очерки истории СССР. Период феодализма (конец XV в. – начало XVII в.). М., 1955.

Мухамедьяров, 1958 – Мухамедьяров Ш.Ф. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958.

Мухамедьяров, 1967 – Мухамедьяров Ш.Ф. Тарханный ярлык Казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967.

Мухамедьяров, 1968 – Мухамедьяров Ш.Ф. Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности // VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Т. 2. Этнология. Токио; Киото, 1968.

Мухамедьяров, 2012 – Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань, 2012.

Мухамедьяров, Хамидуллин, 2010 – Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л. «Казанское взятие»: взгляд из XXI в. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сборник статей. Вып. 1. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья в XVI–XIX вв.», посвященной 80-летию юбилею доктора исторических наук С.Х. Алишева (Казань, 24 марта 2009 г.). Казань, 2010.

Мухаметшин, 1992 – Мухаметшин Ю.Г. Этнографический обзор поселений, усадеб и построек татар Астраханской области // Астраханские татары. Казань, 1992.

Мухаметшин, 1999 – Мухаметшин Д.Г. Болгарский монетный двор во второй половине XIV – начале XV вв. // Тезисы докладов VII ВНК (Ярославль, 19–23 апреля 1999г.). М., 1999.

Мухаметшин, 2008 – Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Серия «Археология евразийских степей». Вып. 6. Казань, 2008.

Мухаметшин, 2010 – Мухаметшин Д.Г. Два монетных клада из Казанского Кремля // Проблемы археологии и истории Татарстана. Сборник статей. Вып. 2. Казань, 2010.

Мухаметшин, 2011 – Мухаметшин Д.Г. Монеты с Торецкого поселения. К вопросу о денежном обращении в Булгарском Улусе конца XIV – начала XV вв. // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1. Казань, 2011.

Мухаметшин, Ситдиков, 2001 – Мухаметшин Д.Г., Ситдиков А.Г. Клад монет, зарытый в 1552 году в Казанском Кремле // Великий Волжский путь. Казань, 2001.

Мухлинский, 1857 – Мухлинский А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. СПб., 1857.

Мыц, 2009 – Мыц В.Л. Армянские источники о завоевании Каффы турками-османами в 1475 г. // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье. Симферополь, 2009.

Набиуллин, 2002 – Набиуллин Н.Г. Охранно-спасательные работы на территории бывшего Ханского двора (раскоп XLVIII) // Археологические открытия в Татарстане. 2001 год. Казань, 2002.

Набиуллин, 2002a – Набиуллин Н.Г. Новые данные по археологии средневековой Казани (обзор материалов некоторых охранно-спасательных раскопов) // ТА. 2002/2003. № 1–2.

Назаров, 1983 – Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.

Насонов, 1940 – Насонов А.Н. Монголы и Русь (Очерки татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.

Насонов, 1962 – Насонов А.Н. Новые источники по истории «Казанского взятия» // Археологический ежегодник за 1960 год. М., 1962.

Настич, 2000 – Настич В.Н. Клад серебряных монет первой четверти XV в. из Туркмении // Тезисы докладов VIII ВНК. (Москва, 17–21 апреля 2000 г.). М., 2000.

Настич, 2002 – Настич В.Н. Новые данные о кладе серебрянных монет первой четверти XV в. из Туркмении // Тезисы докладов X ВНК (Псков, 15–20 апреля 2002 г.). М., 2002.

Насыри, 1977 – Насыри К. Избранные произведения. Казань, 1977.

Наякшин, 1951 – Наякшин К.Н. К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России // Вопросы истории. 1951. № 9.

Небольсин, 1849 – Небольсин П.И. Покорение Сибири. СПб., 1849.

Небольсин, 1852 – Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1852. Ч. 38. № 4–6.

Невоструев, 1871 – Невоструев К.И. О городищах Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды I Археологического съезда. Т. 2. М., 1871.

Негри, 1844 – Негри А.Ф. Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю Крымских ханов // ЗООИД. Т. I. Одесса, 1844.

Недашковский, 2000 – Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Некрасов, 1990 – Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990.

Некрасов, 1997 – Некрасов А.М. О перспективах создания базы данных по генеалогии крымской аристократии XV–XVI вв. // Базы данных по истории Евразии в Средние века. Вып. 4–5. М., 1997.

Некрасов, 1999 – Некрасов А.М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // Отечественная история. 1999. № 2.

Немет, 1963 – Немет Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. 1963. № 6.

Немировский, 1982 – Немировский Е.Л. Андрей Чохов (около 1545–1629). М., 1982.

Нестеров, 1987 – Нестеров Ф.Ф. Связь времён. Опыт исторической публицистики. М., 1987.

Нестеров, 1990 – Нестеров А.Г. Монеты Ибрахим хана // Уральский следопыт. 1990. № 12.

Нестеров, 1999 – Нестеров А.Г. Формирование государственности у народов Урала и Западной Сибири: Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 1999.

Нестеров, 2001 – Нестеров А.Г. Монеты Сибирских Шейбанидов // Восток – Запад: диалог культур Евразии. Вып. 2. Казань, 2001.

Нестеров, 2002 – Нестеров А.Г. Династия Сибирских Шейбанидов // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири. Тобольск; Омск, 2002.

Нестеров, 2003 – Нестеров А.Г. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV–XVI вв. // Дешт-и Кыпчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003.

Нестеров, 2004 – Нестеров А.Г. Документы сибирских Шейбанидов XV–XVI вв. // Культурные традиции Евразии. Вып. 4. Казань, 2004.

Нестеров, 2010 – Нестеров А.Г. Распад державы Абу-л-Хайр Убайдаллах хана в середине XV века // Сулеймановские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 18–19 мая 2010 г.). Тюмень, 2010.

Нестеров, 2011 – Нестеров А.Г. От Шибанидов к Тайбугидам: Сибирский юрт на рубеже XV–XVI вв. // XIV Сулеймановские чтения. Тюмень, 2011.

Нестеров, 2011a – Нестеров А.Г. Али ибн Кучум, последний хан Сибири: между Бухарой и Москвой // Бюллетень Центральноазиатского научно-исследовательского центра УрГУ. Вып. 1. Екатеринбург, 2011.

Нефедов, 2007 – Нефедов С.А. А было ли это? URL: <http://www.lants.tellur.ru> (дата обращения 5.06.2007)

Нечипоренко и др., 2004 – Нечипоренко В.Н., Панькин С.В., Скобелев С.Г. Поздние луки среднего Енисея // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск, 2004.

Никитина, Михеева, 2006 – Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнер: мифы и реальность. Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа. Йошкар-Ола, 2006.

Никольский, 1924 – Никольский П.В. Бахчисарай. Культурно-исторические экскурсии. Симферополь, 1924.

Никольский, 1927 – Никольский П.В. Бахчисарай и его окрестности: Историко-этнографические экскурсии. Симферополь, 1927.

Новгородская первая летопись, 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Новиков, 1791–1801 – Новиков Н. Продолжение Древней Российской Вивлиофики. Ч. VII. СПб., 1791; Ч. VIII. СПб., 1793; Ч. IX. СПб., 1793; Ч. X. СПб., 1795; Ч. XI. СПб., 1801.

Новосельский, 1948 – Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.

Новосельский, 1994 – Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994.

- Новый летописец, 1853* – Новый летописец // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 17. М., 1853.
- Нуриева, 2004* – Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань, 2004.
- О развалинах, 1867* – О развалинах татарского города Сарайль-Джадита // Уральские войсковые ведомости. 1867. № 30.
- О службах, 1826* – О службах и походах боярских // Отечественные записки. 1826. Сентябрь. № 77.
- Оболенский, 1838* – Оболенский М.А. Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506 // Сборник князя Оболенского. Т. I. М., 1838.
- Образцы, 1872* – Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872.
- Озерецковский, 1804* – Озерецковский Н. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804.
- Олеарий, 1906* – Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
- Олеарий, 2003* – Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003.
- Олесницкий, 1910* – Олесницкий А. Песни Крымских турок (текст, перевод и музыка). М., 1910 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом Восточных языков. Вып. XXXII).
- Описание, 1879* – Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, менгрелов и грузин Жана де Люка // ЗООИД. Т. 11. Одесса, 1879.
- Описи царского архива, 1960* – Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960.
- Опись, 1889* – Опись делам Шацкого архива, составленная П.И.Пискаревым. Приложение к описи. Приложение I // ИТУАК. Вып. 24. Тамбов, 1889.
- Опись, 1890* – Опись делам исторического архива, оставленная П.И.Пискаревым // ИТУАК. Вып. 28. Тамбов, 1890.
- Опись, 1892* – Опись делам // ИТУАК. Вып. 34. Тамбов, 1892.
- Опись, 1893* – Опись делам 1732 г. // ИТУАК. Вып. 37. Тамбов, 1893.
- Орешкова, 1990* – Орешкова С.Ф. Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.
- Орешкова, 2008* – Орешкова С.Ф. Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. // Вопросы истории. 2008. № 7.
- Орешников, 1908* – Орешников А.В. Окуловский клад русских денег // Известия Императорской археологической комиссии. 1908. Вып. 27.
- Орфинская и др., 2006* – Орфинская О.В., Голиков В.П., Лантратова О.Б., Рудаков В.Г. Исследование нескольких деталей женского костюма из захоронения золотоордынского периода на могильнике Маячный бугор–1 // Город и степь в Евро-Азиатской контактной зоне. Материалы III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000). М., 2006.
- Османов, 1883* – Османов М. Ногайские и кумыкские тексты. СПб., 1883.
- Останчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001.*
- Острожский, 1951* – Острожский летописец / Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М.-Л., 1951.
- Отводная грамота, 1854* – Отводная грамота на спорные земли в Гороховском уезде (сообщил Д. Беляев) // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 18. Отд. III. М., 1854.
- Отписка, 1842* – Отписка царю Тарского воеводы Воейкова 1598 г. // Акты исторические. Т. 2. СПб., 1842. № 1.
- Отчет, 1895* – Отчет о поездке члена Археологической комиссии А.А. Спицына летом 1893 года на Жареный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города // Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1893 год. СПб., 1895.
- Отчет, 2004* – Отчет о проведении исследования священных мест сибирских мусульман – Астана. Тюмень, 2004.
- Очеретин, 1994* – Очеретин И.А. Средневековая крепость Курмыш (по итогам исследования 1991 года) // Уваровские чтения–II (Муром, 21–23 апреля 1993 г.). Муром, 1994.
- Очерки, 1955* – Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII вв. М., 1955.
- Очерки, 1956* – Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956.
- Очерки, 1967* – Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. Ставрополь, 1967.

Очерки, 1986 – Очерки истории Ставропольского края. Т. 1. Ставрополь, 1986.

Очерки, 1996 – Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996.

Очерки, 2000 – Очерки истории татарской общественной мысли. Казань, 2000.

Очерки, 2003 – Очерки Марджани о восточных народах. Казань, 2003.

Очерки, 2010 – Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010.

Павел Иовий Новокомский, 1908 – Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве // Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908.

Павленко, 2001 – Павленко Ю.А. К вопросу о распространении суфизма в Нижнем Поволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань, 2001.

Паламарчук, 2008 – Паламарчук С.В. Забытая земля: историческая область Бессарабия. Одесса, 2008.

Паллас, 1999 – Паллас Петр Симон. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999.

Палицын, 1955 – Палицын А. Сказание. М.; Л., 1955.

Памятники, 1884 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Часть 1-ая (годы с 1474 по 1505). Т. III // Сборник РИО. Вып. 41. СПб., 1884.

Памятники, 1895 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. Часть 2-ая (годы с 1508 по 1521) // Сборник РИО. Вып. 95. СПб., 1895.

Памятники, 1890 – Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890.

Памятники, 1892 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3. СПб. 1892.

Памятники, 1890 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Часть 3-ая (годы с 1560 по 1570) // Сборник РИО. Вып. 71. СПб., 1890.

Памятники, 1982 – Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982.

Памятники, 1985 – Памятники литературы Древней Руси. Середина 16 века. М., 1985.

Памятники, 1986 – Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.

Панин, 2008 – Панин Е.В. Новый тип данга Хаджи-Тархана с именем Пулад-хана и датировка анонимного пула этого же двора // Труды IV (Болгар, 2005) и V (Волгоград, 2006) Международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». М., 2008.

Панова, Пежемский, 2004 – Панова Т.Д., Пежемский Д. Отравили! Жизнь и смерть Елены Глинской: историко-антропологическое исследование // Родина. 2004. № 12.

Панова, Самойлова, 2004 – Самойлова Т.Е., Панова Т.Д. Усыпальница царя Ивана Грозного. М., 2004.

Пантелеев, 2010 – Пантелеев С.А. Об археологических исследованиях на грунтовом могильнике городища Мошаик // Научный Татарстан. 2010. №4.

Паркер, 2003 – Паркер Э.Х. Тысяча лет из истории татар. Казань, 2003.

Пачкалов, 2000 – Пачкалов А.В. Небольшой клад серебряных золотоордынских монет начала XV в. с Селитренного городища // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник. Том 2. Н. Новгород, 2000.

Пачкалов, 2002 – Пачкалов А.В. Новые клады монет Золотой Орды // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Том 3. Н. Новгород, 2002.

Пачкалов, 2004 – Пачкалов А.В. Новая находка восточных монет в Херсонской области: к вопросу о месте чеканки монет Орда-Базара // Тезисы докладов XII ВНК. М., 2004.

Пачкалов, 2004a – Пачкалов А.В. Новые находки кладов золотоордынских монет // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.; Н. Новгород, 2004.

Пачкалов, 2005 – Пачкалов А.В. Тимур Бик-Базар – монетный двор XV в. // Тезисы докладов XIII ВНК (Москва, 11–15 апреля 2005 г.). М., 2005.

Пачкалов, 2005a – Пачкалов А.В. О монетном обращении в Казани в XIII–XV вв. // Труды МНК «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв.». М., 2005.

Пачкалов, 2007 – Пачкалов А.В. Сведения о золотоордынском населенном пункте, располагавшемся в пос. Комсомольский (Аксарайский) Астраханской области // Перекрестки истории: актуальные проблемы исторической науки. Материалы Всероссийской научной конференции (Астрахань, 11 апреля 2007 г.). Астрахань, 2007.

- Пачкалов, 2008* – Пачкалов А.В. Города Нижнего Поволжья в XV в. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. Казань, 2008.
- Пачкалов, 2010* – Пачкалов А.В. Свод монетных находок на территории Волгоградской области // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2010. № 1.
- Пачкалов, 2012* – Пачкалов А.В. Новые материалы по денежному обращению Крыма и Кавказа в средние века: находки монет Джучидов и Гиреев // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. Казань, 2012.
- Пашин, 1912* – Пашин П. Из поездки к ногайцам с антропологической целью // Русский антропологический журнал. 1912. № 1.
- ПДРВ, 1791* – ПДРВ. Ч. 7. СПб., 1791.
- ПДРВ, 1793* – ПДРВ. Ч. 8. СПб., 1793.
- ПДРВ, 1793a* – ПДРВ. Ч. 9. СПб., 1793.
- ПДРВ, 1795* – ПДРВ. Ч. 10. СПб., 1795.
- ПДРВ, 1801* – ПДРВ. Ч. 11. СПб., 1801.
- Пейссонель, 2009* – Пейссонель Шарль де. Записка о Малой Татарии. Днепропетровск, 2009.
- Пекарский, 1872* – Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 10. № 5. СПб., 1872.
- Пенской, 2010* – Пенской В.В. Вооруженные силы Крымского ханства в конце XV – начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010.
- Первое, 2010* – Первое тюрко-татарское печатное издание в России: манифест Петра I 1722 года. Казань, 2010.
- Переписка, 1979* – Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.
- Перетяткович, 1877* – Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI вв. (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.
- Петрей, 1865* – Петрей П. История о Великом княжестве Московском // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 4. М., 1865.
- Петренко, 1988* – Петренко А.Г. Osteологические остатки животных из Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Петров, 1874* – Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 гг. Т. III. СПб., 1874.
- Петров, 1995* – Петров А.М. Великий шелковый путь. О самом простом, но мало известном. М., 1995.
- Петров, 2005* – Петров П.Н. Болгар – 2005. IV ВНК «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв.» // Нумизматика. 2005. № 9.
- Петухов, 2003* – Петухов А.В. Восточная политика России в середине XVI в. в англо-американской историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003.
- Петухов, 2003b* – Петухов А.В. Восточная политика России в середине XVI в. в англо-американской историографии: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2003.
- Пиворович, 2008* – Пиворович В.Б. Групповые находки монет Крымского ханства на Херсонщине // Труды МНК «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв.». М., 2008.
- Пигарев, 1998* – Пигарев Е.М. Археолого-этнографические исследования в Астраханской области в 1994 г. // Вопросы краеведения. Материалы VI и VII краеведческих чтений. Вып. 4–5. Волгоград, 1998.
- Пигнатти, 1915* – Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Т. XXV. Тобольск, 1915.
- Пигнатти, 2010* – Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Искер – столица Сибирского ханства. Казань, 2010.
- Пинк, 2004* – Пинк И.Б. Осада Тулы крымским ханом Девлет-Гиреем в 1552 г. // Para Bellum. 2004. № 2 (22).
- Пипериди, 2005* – Пипериди К.Л. Две неизданные монеты Азака XV века из случайных находок на территории Солхата // Труды III МНК «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков» (Старый Крым, 2004). М., 2005.
- Пипериди, 2008* – Пипериди К.Л. Средневековые клады Старого Крыма и его округа // Труды IV (Болгар, 2005) и V (Волгоград, 2006) Международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». М., 2008.
- Письмо, 1996* – Письмо Улуг-Мухаммеда (1428) // Гасырлар Авазы / Эхо Веков. 1996. № 1/2.
- Писцовая книга, 1978* – Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Казань, 1978.
- Плано Карпини, 1957* – Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Плано Карпини, 1997* – Плано Карпини И. де. История монгалов // Путешествия в восточные страны. М., 1997.
- Плетнева, 1976* – Плетнева Л.М. Тоянов городок (по раскопкам М.П. Грязнова в 1924 г.) // Из истории Сибири. Вып. 19. Томск, 1976.
- Плетнева, 1990* – Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.

Плюханова, 1995 – Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.

Подлинная, 1902 – Подлинная о казанском походе запись Царственной книги 1552 г. и сказание Князя Курбского о покорении Казани. М., 1902.

Полное собрание, 1830 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXI. СПб., 1830.

Полесских, 1971 – Полесских М.Р. Исследование памятников типа Золотаревского городища // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Казань, 1971.

Полесских, 1977 – Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Археологические очерки. Пенза, 1977.

Полубояринова, 1993 – Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993.

Поляков, 2004 – Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. Курс лекций. СПб., 2004.

Поноженко, 1976 – Поноженко Е.А. Маслагатный суд и судебный процесс у ногайцев в XVIII–XIX вв. // Вестник МГУ. Серия право. 1976. № 3.

Поноженко, 1977 – Поноженко Е.А. Общественно-политический строй Ногайской Орды в XV – середине XVII вв.: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1977.

Попов, 1973 – Попов А.И. Названия народов СССР. Введение в этнонимистику. Л., 1973.

Послания, 1951 – Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951.

Послание царя, 1997 – Послание царя Казанского (Письмо хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду I) // Гасырлар авазы / Эхо веков. 1997. 1/2.

Пословицы, 1915 – Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные г.г. А.А. Боданинским, Мартино и О. Мурасовым (Под ред. А.Н. Самойловича и П.А. Фалева) // ИТУАК. Симферополь, 1915. № 52.

Посольская книга, 1984 – Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. М., 1984.

Посольская книга, 2003 – Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003.

Посольские книги, 1995 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.

Посольские книги, 2006 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006.

Потанин, 1868 – Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII

столетии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 2 (апрель-июнь). М., 1868.

Похлебкин, 2000 – Похлебкин В.В. Татары и Русь: Справочник. М., 2000.

Почекаев, 2006 – Почекаев Р.Ю. Русские земли в татарско-литовских отношениях и Москва (по данным ханских ярлыков конца XIV – начала XVI вв.) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Т. I. Материалы международной научной конференции «Иван III и проблемы российской государственности: к 500-летию со дня смерти Ивана III (1505–2005)». СПб., 2006.

Почекаев, 2007 – Почекаев Р.Ю. «Закон», «обычай», «традиция» средневековых монголов в «Книге о тартарах» Иоанна де Плано Карпини // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 2.

Почекаев, 2008 – Почекаев Р.Ю. Статус ханов Золотой Орды и их преемников во взаимоотношениях с государствами Европы (по официальным актам и свидетельствам современников) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. Казань, 2008.

Почекаев, 2009 – Почекаев Р.Ю. Особенности формирования правовых воззрений кочевников Центральной Азии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. III. Барнаул, 2009.

Почекаев, 2009a – Почекаев Р.Ю. От золотоордынского суда по обычному праву к казахскому суду биев // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 1.

Почекаев 2009b – Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.

Почекаев, 2009в – Почекаев Р.Ю. «Судебная реформа» крымского хана Мурад-Гирея // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009.

Почекаев, 2010 – Почекаев Р.Ю. Держава Шайбани-хана – джучидское государство в Чагатаевом улусе? // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Сборник материалов Международной научной конференции (Алматы, 23–24 апреля 2009 г.). Алматы, 2010.

Почекаев, 2011 – Почекаев Р.Ю. К вопросу об административном устройстве Золотой Орды и постордынских государств: особенности управления оседлым и кочевым населением // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011.

Почекаев, 2011a – Почекаев Р.Ю. Сибирские Шибаниды XVII века: претензии, статус, при-

знание // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2011. С. 100 – 104.

Почекаев, 2012 – Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2012.

Привалова, 1947 – Привалова Н.И. Торги гор. Касимова в середине XVII // Исторические записки. Т. 21. М., 1947.

Приднев, 1997 – Приднев С.В. Турецкие бани в Евпатории // Археология Крыма. Т. 1. Симферополь, 1997.

Приднев, 2004 – Приднев С.В. Водоснабжение Гезлева // Археология Северо-Западного Крыма. Симферополь, 2004.

Приселков, 1950 – Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

Присоединение Крыма, 1885 – Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. 1. 1775–1777 гг. СПб., 1885.

Протоколы, 1913 – Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. № 49. Симферополь, 1913.

Прохоров, 1999 – Прохоров Д.А. К проблеме изучения истории Крымского ханства в отечественной историографии в 1920–30-х гг. // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Сборник научных трудов. Симферополь, 1999.

Псковские летописи, 1941 – Псковские летописи. М.; Л., 1941.

ПСРЛ, 1, 1997 – ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. М., 1997.

ПСРЛ, 3, 1841 – ПСРЛ. Т. 3. Новгородские летописи. СПб., 1841.

ПСРЛ, 4, 1848 – ПСРЛ. Т. 4. Новгородская и Псковская летописи. СПб., 1848.

ПСРЛ, 4, 1915 – ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. СПб., 1915.

ПСРЛ, 4, 1925 – ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. Л., 1925.

ПСРЛ, 5, 1851 – ПСРЛ. Т. 5. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851.

ПСРЛ, 6, 1853 – ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853.

ПСРЛ, 6, 2001 – ПСРЛ. Т. 6. Софийская вторая летопись. Вып. 2. М., 2001.

ПСРЛ, 8, 1859 – ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.

ПСРЛ, 8, 2001 – ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001.

ПСРЛ, 9, 1965 – ПСРЛ. Т. 9. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965.

ПСРЛ, 10, 1965 – ПСРЛ. Т. 10. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965.

ПСРЛ, 11, 1965 – ПСРЛ. Т. 11. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965.

ПСРЛ, 11, 2000 – ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ, 12, 1901 – ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1901.

ПСРЛ, 12, 1965 – ПСРЛ. Т. 12. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965.

ПСРЛ, 12, 2000 – ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ, 13–1, 1904 – ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. Половина 1-ая. СПб., 1904.

ПСРЛ, 13–2, 1906 – ПСРЛ. Т. 13. Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. Половина 2-я. СПб., 1906.

ПСРЛ, 13, 1957 – ПСРЛ. Т. 13. Патриаршая, или Никоновская летопись. М., 1957.

ПСРЛ, 13, 1965 – ПСРЛ. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965.

ПСРЛ, 13, 2000 – ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ, 14, 1910 – ПСРЛ. Т. 14. Дополнения к Никоновской летописи. Половина 1-я. СПб., 1910.

ПСРЛ, 15, 1863 – ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.

ПСРЛ, 15, 1922 – ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Пг., 1922.

ПСРЛ, 18, 1913 – ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913.

ПСРЛ, 18, 2007 – ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007.

ПСРЛ, 19, 1903 – ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский Летописец). СПб., 1903.

ПСРЛ, 19, 2000 – ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве. М., 2000.

ПСРЛ, 20, 1910 – ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910.

ПСРЛ, 20, 1914 – ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. Ч. 2. СПб., 1914.

ПСРЛ, 20, 2004 – ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. М., 2004.

ПСРЛ, 21, 1908 – ПСРЛ. Т. 21. Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908.

ПСРЛ, 21, 1913 – ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. Книга степенная царского родословия. СПб., 1913.

ПСРЛ, 22, 1911 – ПСРЛ. Т. 22. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911.

ПСРЛ, 23, 1910 – ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910.

- ПСРЛ, 23, 2004* – ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. М., 2004.
- ПСРЛ, 24, 1921* – ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921.
- ПСРЛ, 24, 2000* – ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М., 2000.
- ПСРЛ, 25, 1949* – ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.
- ПСРЛ, 26, 1959* – ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.
- ПСРЛ, 27, 1962* – ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л., 1962.
- ПСРЛ, 28, 1963* – ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. М.; Л., 1963.
- ПСРЛ, 29, 1965* – ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965.
- ПСРЛ, 30, 1965* – ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская II (Архивская летопись). М., 1965.
- ПСРЛ, 30, 2009* – ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. М., 2009.
- ПСРЛ, 31, 1968* – ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.
- ПСРЛ, 32, 1975* – ПСРЛ. Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М., 1975.
- ПСРЛ, 33, 1977* – ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977.
- ПСРЛ, 34, 1978* – ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978.
- ПСРЛ, 36, 1987* – ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Часть 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987.
- ПСРЛ, 37, 1982* – ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.
- ПСРЛ, 39, 1994* – ПСРЛ. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И.Н.Царского. М., 1994.
- ПСРЛ, 42, 2002* – ПСРЛ. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.
- ПСРЛ, 43, 2004* – ПСРЛ. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М., 2004.
- Путешествие, 1802* – Путешествие в полуденную Россию, в письмах, изданных Владимиром Измайловым. Ч.1. М., 1802.
- Путешествие, 1836* – Путешествие А. Контарини, посла светлейшей венецианской республики, к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 г. // Библиотека иностранных писателей о России. Т.1. СПб., 1836.
- Путешествия, 1867* – Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 г. по 1427 г. Пер. с нем. Ф.Брун // Записки Императорского Новороссийского университета. 1867. Т. 1. Вып. 1/2.
- Путешествие Гильберта де-Ланноа, 1873* – Путешествие Гильберта де-Ланноа в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах // Киевские университетские известия. 1873. № 8. Отд.2.
- Путешествия, 1954* – Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954.
- Путешествия, 1957* – Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Путешествия, 1997* – Путешествия в восточные страны. М., 1997.
- Пушкин, 1969* – Пушкин А.С. Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. М., 1969.
- Радлов, 1872* – Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872.
- Радлов, 1877* – Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Т. IV. СПб., 1877.
- Радлов, 1896* – Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В.В.Радловым. Ч. VII. Наречия Крымского полуострова. СПб., 1896.
- Разин, 1957* – Разин Е.А. История военного искусства. Т. 2. М., 1957.
- Разрядная книга, 1966* – Разрядная книга. 1475–1598 гг. М., 1966.
- Разрядная книга, 1974* – Разрядная книга. 1559–1605 гг. М., 1974.
- Разрядная книга, 1975* – Разрядная книга. 1550–1636 гг. Т. 1. М., 1975.
- Разрядная книга, 1977* – Разрядная книга. 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977.
- Разрядная книга, 1977а* – Разрядная книга. 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977.
- Разрядная книга, 1978* – Разрядная книга. 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. М., 1978.
- Разрядная книга, 1994* – Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. М., 1994.
- Рассуждение о делах московских, 1940* – Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо // Исторический архив. Т. III. М.; Л., 1940.
- Рафаэль Барберини, 1842* – Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын отечества. 1842. № 7.
- Рафикова, 2010* – Рафикова Т.Н. К вопросу об этногенезе сибирских татар (по материалам Царева городища) // Сулеймановские чтения. Материалы Всероссийской научно-практиче-

ской конференции (Тюмень, 18–19 мая 2010 г.). Тюмень, 2010.

Рафикова, 2011 – Рафикова Т.Н. Результаты изучения Царева городища (2007–2009 гг.) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган, 2011.

Рахим, 1930 – Рахим А. Татарские эпиграфические памятники XVI века // Труды общества изучения Татарстана. Т.1. Казань, 1930.

Рахимзянов, 2000 – Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство в Смутное время // Точка зрения: Сборник научно-исследовательских статей. Вып. 3. Казань, 2000.

Рахимзянов, 2001 – Рахимзянов Б.Р. Касимовское царство: социально-политическое развитие (1445–1552): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань: 2001.

Рахимзянов, 2005 – Rahimzjanov, Bulat R. Наследие Золотой Орды в формировании Российского государства // *Cahiers du Monde russe*. 2005. №46/1–2. Janvier-juin.

Рахимзянов, 2009 – Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009.

Рахим, 2008 – Рахим А. Новые списки татарских летописей // Гали Рәхим: тарихи-документаль, әдәби һәм биографик жьентык. Казан, 2008.

Рахимов, 2006 – Рахимов Р.Х. Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия, Тюмень, 2006.

Рахимов, 2009 – Рахимов Р.Х. Новые документальные источники по истории ислама в Сибири // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань, 2009.

Рахматуллин, 1988 – Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988.

Рашид-ад-Дин, 1952 – Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952.

Рашид-ад-Дин, 1952 – Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952.

Рашид-ад-Дин, 1960 – Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960.

Рашид-ад-Дин, 1971 – Рашид-ад-Дин. Переписка. М., 1971.

Рева, 2005 – Рева Р.Ю. Монеты хана Дервиша // Труды I (Саратов, 2001) и II (Муром, 2003) Международных нумизматических конференций. М., 2005.

Рева, 2008 – Рева Р.Ю. Булгарский чекан хана Кибак // Труды IV (Болгар, 2005) и V (Волгоград, 2006) Международных нумизматических конференций «Монеты и денежное об-

ращение в монгольских государствах XIII–XV веков». М., 2008.

Рева, 2013 – Рева Р.Ю. Монеты Шибанидов XV в. // Тезисы докладов и сообщений XVII ВНК (Москва, Пушкино, 22–26 апреля 2013 г.). М., 2013.

Рева и др., 2009 – Рева Р.Ю., Казаров А.А., Клоков В.Б. Новые нумизматические данные для реконструкции истории Золотой Орды в 817–819 гг.х. // Тезисы докладов и сообщений XV ВНК (Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009 г.). М., 2009.

Рева, Казаров, 2013 – Рева Р.Ю., Казаров А.А. Улус Джучи в 817–819 гг.х. Реконструкция событий с учетом новых нумизматических данных // Восточная нумизматика в Украине. Ч. III. Киев, 2013.

Рева, Шарафеев, 2004 – Рева Р.Ю., Шарафеев Н.М. Монеты Карим-Берди (по материалам Рыбнослободского клада) // Тезисы докладов XII ВНК (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004.

Рева, Шарафеев, 2005 – Рева Р.Ю., Шарафеев Н.М. Неизвестный Сайид-Ахмад // Тезисы докладов и сообщений XIII ВНК (Москва, 11–15 апреля 2005 г.). М., 2005.

Рейнгольд Гейденштейн, 1889 – Рейнгольд Гейденштейн. Записки о Московской войне. СПб., 1889.

Ремезов, 1989 – Ремезов С.У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1989.

Ремезовская летопись, 1907 – Ремезовская летопись по Мировичеву списку // Сибирские летописи. СПб., 1907.

Ретовский, 1893 – Ретовский О.Ф. К нумизматике Гиреев // ИТУАК. Т. 18. Симферополь, 1893.

Ретовский, 1906 – Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 18. СПб., 1906.

Ретовский, 1914 – Ретовский О.Ф. Новые генуэзско-татарские монеты // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 51. Петроград, 1914.

Ровинский, 1809 – Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию. СПб., 1809.

Родословная книга, 1787 – Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. М., 1787.

Розряды, 1790 – Розряды // ДРВ. Ч. XIV. М., 1790.

Рославцева, 2008 – Рославцева Л.И. Крымские татары. Историко-этнографическое исследование. М., 2008.

Россия, 1997 – Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997.

Россия и Европа, 2007 – Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята – Дон Жуана Персидского. СПб., 2007.

Россия. Полное географическое описание, 1902 – Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Том II. Средне-русская черноземная область. М., 1902

Рудаков, 1998 – Рудаков В.Н. Сыновья великого князя во время осады Владимира: к проблеме восприятия борьбы с монголо-татарами в летописании // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции (Москва, 4–6 февраля 1998 г.). М., 1998.

Руденко, 2004 – Руденко К.А. Материалы к археологической карте Казанского ханства (по итогам работ в Западном Предкамье в 1995–1997 гг.) // Татарская археология Казанское и другие татарские ханства: археология, эпиграфика и искусство. 2002–2003 г. № 1–2 (10–11). Казань, 2004.

Рузбехан, 1976 – Фазлаллах ибн Рузбехан Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976.

Русина, 2001 – Русина Е.Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001.

Русская, 1875 – Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археологической комиссией. Т. 2. СПб., 1875.

РИБ, 1872–1926 – Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археологической комиссией. Т. 1–3, 9–11, 13, 21–23, 38. СПб., 1872–1926.

Русский, 1986 – Русский феодальный архив XIV первой трети XVI вв. Вып. I. М., 1986.

Русский, 2008 – Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI вв. М., 2008.

Русско-индийские, 1958 – Русско-индийские отношения в XVII веке. Сборник документов. М., 1958.

Русско-индийские, 1965 – Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. М., 1965.

Русско-монгольские, 1996 – Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сборник документов. М., 1996.

Рыбаков, 1974 – Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI вв. М., 1974.

Рычков, 1767 – Рычков П.И. Опыт казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767.

Рычков, 2001 – Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001.

Рязанские достопамятности, 1889 – Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом (с примечаниями И.В. Добролюбова). Рязань, 1889.

Сабирзянов, 1993 – Сабирзянов Г.С. Поволжские татары и русские в зеркале симпатий и антипатий. Казань, 1993.

Сабитов, 2009 – Сабитов Ж.М. Хань Ногайской Орды // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009.

Савельев, 1857 – Савельев П.С. Монеты Джучидские, Джагатаидские, Джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамышша. Вып. 1. СПб., 1857.

Савельев, 1858 – Савельев П.С. Монеты Джучидские, Джагатаидские, Джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамышша. Вып. 2. СПб., 1858.

Савинов, 1979 – Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.

Садур, 1983 – Садур В.Г. Межэтнические контакты и этническая неоднородность татарского населения СССР // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983.

Салахетдинова, 1965 – Салахетдинова М.А. Об одном неизвестном персидском сочинении по истории народов Поволжья // Страны и народы Востока. Вып. IV. География, этнография, история. М., 1965.

Сальников, 1952 – Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952.

Самашев и др., 2006 – Самашев З., Бурнаешва Р., Базылхан Н., Плахов В. Монеты Сарайчика. Алматы, 2006.

Самашев и др., 2008 – Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. Керамика Сарайчика. Алматы, 2008.

Самойлова, Панова, 2004 – Самойлова Т.Е., Панова Т.Д. Усыпальница царя Ивана Грозного. М., 2004.

Самойлович, 1913 – Самойлович А.Н. Предварительное сообщение о новом списке сокращения «Семи планет» Мухаммеда Ризы // ИТУАК. 1913. № 49.

Самойлович, 1916 – Самойлович А. Татарин о татарах // Восточный сборник. Т. II. Издание общества русских ориенталистов. Пг., 1916.

Самойлович, 2002 – Самойлович А.Н. Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка. Репринтное издание 1925 г. с дополнением и исправлениями. М., 2002.

Самуил Георг Гмелин, 1936 – Самуил Георг Гмелин. Путешествие по России // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешествен-

ников по Волге в XV–XVIII вв. Сталинград, 1936.

Саначин, 2002 – Саначин С. Возраст Сююмбекиной башни. Иконография и планы Казанского Кремля о возрасте одного из символов Казани // Казань. 2002. № 9.

Санин, 1987 – Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.

Санин, 1999 – Санин Г.А. Проблема Черноморских проливов во внешней политике России XVIII в. // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999.

Санин, 1993 – Санин О.Г. Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние на русско-крымские отношения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III. Симферополь, 1993.

Саргсян, 2004 – Саргсян Т.Э. Армянские памятные записи XIV века о политической жизни в Крыму и строительной деятельности крымских армян // Историческое наследие Крыма. 2004. № 8.

Саргсян, 2010 – Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). Составление, русский перевод, введение и примечания Т.Э.Саргсян. Симферополь, 2010.

Сафаргалиев, 1938 – Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда в середине XVI в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1938.

Сафаргалиев, 1952 – Сафаргалиев М.Г. Заметки об Астраханском ханстве // Мордовский государственный педагогический институт им. Полежаева. Сборник статей преподавателей института. Саранск, 1952.

Сафаргалиев, 1960 – Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Сафаргалиев, 1963 – Сафаргалиев М.Г. К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях) // Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Серия историческая. Вып. 24. Саранск, 1963.

Сафаргалиев, 1996 – Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М., 1996.

Сахаров, 1965 – Сахаров А.М. Крымское ханство // Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965.

Сборник, 1838 – Сборник князя Оболенского. М., 1838.

Сборник, 1854 – Сборник летописей. Казань, 1854. (Библиотека восточных историков, изд. И.Н.Березиным, т. 2, ч. 1)

Сборник, 1856 – Сборник Муханова. СПб., 1856.

Сборник, 1866 – Сборник Муханова. СПб., 1866.

Сборник, 1881 – Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. Издал с приложениями В.Д. Смирнов. СПб., 1881.

Сборник, 1884 – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

Сборник, 1941 – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений. М.; Л., 1941.

Сборник РИО, 1882 – Сборник РИО. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 1. СПб., 1882.

Сборник РИО, 1884 – Сборник РИО. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией. Ч. 1. СПб., 1884.

Сборник РИО, 1887 – Сборник РИО. Т. 59. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 2. СПб., 1887.

Сборник РИО, 1890 – Сборник РИО. Т. 71. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 3. СПб., 1890.

Сборник РИО, 1895 – Сборник РИО. Т. 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Ч. 2. СПб., 1895.

Сборник РИО, 1896 – Сборник РИО. Т. 97. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II за 1769–1771 гг. Ч. 6. СПб., 1896.

Сванидзе, 1987 – Сванидзе А.А. Генезис феодального города в раннесредневековой Европе: проблемы и типологии // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987.

Священный Коран, 2004 – Священный Коран. Страницы вечных мыслей. Поэтический перевод с арабского Т.А. Шумовского. М.; СПб., 2004.

СГД, 1813–1894 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1–5. М., 1813–1894.

Северова, 1994 – Северова М.Б. Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822 и 823 гг. хиджры (1419, 1420 гг. н.э.) // Тезисы докладов II ВНК (Санкт-Петербург, 6–8 апреля 1994 г.). СПб., 1994.

Севортян, 1966 – Севортян Э.В. Крымско-татарский язык // Тюркские языки. Т. 2. Языки народов СССР. М., 1966.

Севортян, 1974 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

Севортян, 1980 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980.

Сеид Мухаммед Риза, 1832 – Сеид Мухаммед Риза. Асеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I до Менгли-Гирей хана II. Казань, 1832.

Сейтягъев, 2003 – Сейтягъев Н.С. «Тарих», «Теварих»... Краткий обзор истории изучения крымскотатарских исторических сочинений // *Qasevet*. 2003. № 2 (30).

Сейтягъев, 2003 – Сейтягъев Н.С. Происхождение Сейида Мухаммеда Ризы (к вопросу о месте его «Семи планет» среди произведений крымской исторической прозы XVIII века) // *Культура народов Причерноморья*. 2003. № 44 (ноябрь).

Сейтягъев, 2005 – Сейтягъев Н.С. Художественный мир произведений крымскотатарской исторической прозы XV–XVIII вв. // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология»*. Т. 18 (57). № 3 Симферополь, 2005.

Селезнев, 1994 – Селезнев А.Г. Барабинские татары. Истоки этноса и культуры. Новосибирск, 1994.

Селезнев, 2013 – Селезнев А.Г. Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень, 2013. № 2 (21).

Селезнев и др., 2009 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009.

Селезнев, Селезнева, 2004 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск, 2004.

Селезнев, Селезнева, 2005 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Культ святых в сибирском исламе // *Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание*. Омск, 2005.

Селезнев, Селезнева, 2006 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Подвижники, смотрители, манускрипты (проблема комплексного изучения культа святых в сибирском исламе) // *Сулеймановские чтения–2006. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 18–19 мая 2006 г.)*. Тюмень, 2006.

Селезнев, Селезнева, 2009 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Концепт астана и культ святых

в исламе // *Тюркологический сборник*. 2007–2008. М., 2009.

Селезнев, Селезнева, 2012 – Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Исламские сакральные комплексы астана в Сибири: социальные и символические функции // *Религиозная жизнь народов Центральной Евразии*. М., 2012.

Семенов, 1836 – Семенов В. Библиотека иностранных писателей о России. Том. I. СПб., 1836.

Семенова, 1998 – Семенова Л.Е. Валахия и Молдавия в системе Османской империи (к истории происхождения текстов «капитуляций») // *Славяне и их соседи*. Вып. 8. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1998.

Семь планет, 1832 – Риза, Сейид Мухаммед. Асеб о-ссейяр или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана. Казань, 1832.

Семыкин, 2006 – Семыкин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное дело // *История татар*. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.

Сенаи, 1998 – Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов. История хана Ислям Гирая Третьего. Симферополь, 1998.

Сень, 2002 – Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002.

Сень, 2008 – Сень Д.В. Начальный этап адаптации донских казаков на территории Крымского ханства (1708–1712 гг.) // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки»*. Ростов-на-Дону, 2008. №4.

Сень, 2009 – Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII вв.). Ростов-на-Дону, 2009.

Сень, 2009a – Сень Д.В. Отношения булавинцев с Крымским ханством и кубанскими казаками. XVII–XVIII вв. // *Вопросы истории*. 2009. №4.

Сень, 2010 – Сень Д.В. Кубанское (ханское) казачье войско. Актуальные проблемы истории казачества на территории Крымского ханства (XVIII в.) // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Сборник статей. Вып. 2. Казань, 2010.

Сень, 2010a – Сень Д.В. Религиозная жизнь казаков Крымского ханства и положение Кубани в системе старообрядческих центров (XVIII в.) // *Липоване. История и культура русских-старообрядцев*. Вып. VII. Одесса, 2010.

- Сень, 2011* – Сень Д.В. Из «вольных» казаков – в подданные крымских ханов: казаки сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII вв. // Восток (Oriens). 2011. № 5.
- Сень, 2011a* – Сень Д.В. Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011.
- Сень, 2012* – Сень Д.В. Верность, вера и война: начало жизни и служения казачьих некрасовцев на Кубани // Казарла. Этнический казачий журнал. 2012. № 4 (17), август.
- Сень, 2012a* – Сень Д.В. Управленческие практики Российской империи в Северном Причерноморье и судьба Крымского ханства: проблемы историографии // Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы. Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 27–28 сентября 2012 г.). Ростов-на-Дону, 2012.
- Сень, 2013* – Сень Д.В. Дипломатические отношения Крымского ханства и Войска Донского: переписка Гиреев с атаманом С.Т. Разным // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 5. Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань, 2013.
- Сергеев, 1913* – Сергеев А.А. Уход Таврических ногайцев в Турцию в 1860 г. // ИТУАК. 1913. № 49.
- Сергеев, 1913a* – [Сергеев А.А.] Наказ, данный направленным в Крым Амвросию Лодыженскому и подьячему Петру Данилову, с объявлением об избрании на Российское царство государя Михаила Федоровича. С отписками их и статейным списком бытности их в Крыму // ИТУАК. 1913. № 50.
- Серебрянников, Гаджиева, 1979* – Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
- Сибирские летописи, 1907* – Сибирские летописи. Издание Императорской археологической комиссии. СПб., 1907.
- Сибирские летописи, 2008* – Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008.
- Сибирь, 1996* – Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф.Миллера. Новосибирск, 1996.
- Сигизмунд фон Герберштейн, 1988* – Сигизмунд фон Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988.
- Сигизмунд фон Герберштейн, 2008* – Сигизмунд фон Герберштейн. Записки о Московии. В 2 т. М., 2008.
- Сикалиев, 1980* – Сикалиев А.И.-М. Общество и герой в ногайском героическом эпосе // Традиции и современность (фольклор и литература народов Карачаево-Черкесии). Черкесск, 1980.
- Сикалиев, 1994* – Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.
- Сингатуллина, 2006* – Сингатуллина А.З. Светинский клад джучидских монет конца XIV – начала XV вв. // Город и степь в контактной евроазиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). Тезисы докладов. М., 2006.
- Сингатуллина, 2009* – Сингатуллина А.З. Дежное обращение и финансовая система // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009.
- Синодик, 1986* – Синодик по убиенных во брани // Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI веке. М., 1986.
- Ситдииков, 1999* – Ситдииков А.Г. А.Х. Халиков – исследователь средневековой Казани (материалы к творческой биографии ученого) // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.
- Ситдииков, 1999a* – Ситдииков А.Г. К вопросу об укреплении посада Казани 1552 г. // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Казань, 1999.
- Ситдииков, 1999b* – Ситдииков А.Г. Калинин Н.Ф. – исследователь средневековой Казани // Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999.
- Ситдииков, 2000* – Ситдииков А.Г. Оборонительные укрепления древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции (Казань, 1–3 июня 1999 г.). Казань, 2000.
- Ситдииков, 2001* – Ситдииков А.Г. Археологические исследования в центральной части Президентского сада // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. Казань, 2001.
- Ситдииков, 2002* – Ситдииков А.Г. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара (Казань, 5 февраля 2002 г.). Казань, 2002.
- Ситдииков, 2006* – Ситдииков А.Г. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006.
- Ситдииков, 2013* – Ситдииков А.Г. Средневековая Казань: историко-археологическое исследование.

дование (XI – первая половина XVI в.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Казань, 2013.

Ситдигов, Ахметгалин, 2009 – Ситдигов А.Г., Ахметгалин Ф.А. Материальная культура населения Волго-Окского междуречья в эпоху средневековья // Фаизхановские чтения. Сборник материалов ежегодной научно-практической конференции. М.; Н. Новгород, 2009.

Ситдигов и др., 2010 – Ситдигов А.Г., Шакиров З.Г., Булыгин А.И. Клады Казанского Кремля ханского времени // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010.

Сказание, 1959 – Сказание о царстве Казанском. М., 1959.

Сказания, 1833 – Сказания князя Курбского. Ч.1. СПб., 1833.

Скрынников, 1982 – Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.

Скрынников, 1983 – Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1983.

Славяно-молдавские летописи, 1976 – Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М., 1976.

Словарь, 1988 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1. М., 1988.

Словцов, 1995 – Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995.

Смирнов, 1881 – Смирнов В.Д. Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1881.

Смирнов, 1887 – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

Смирнов, 1889 – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России // ЗООИД. Т. 15. Одесса, 1889.

Смирнов, 1892 – Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. 1892. Т. 10. Вып. 3.

Смирнов, 1894 – Смирнов В.Д. Записки Мухаммеда-Наджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1894. Март – май.

Смирнов, 1904 – Смирнов М.И. О князьях мещерских XIII–XV вв. // Труды РУАК за 1903 г. Т.18. Вып. 2. Рязань, 1904.

Смирнов, 1913 – Смирнов В.Д. Крымско-ханские грамоты // ИТУАК. 1913. № 50.

Смирнов, 1918 – Смирнов В.Д. Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. 1918. № 54.

Смирнов, 1917–1919 – Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 1–2. Киев, 1917–1919.

Смирнов, 1948 – Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. Т. 27. М., 1948.

Смирнов, 1951 – Смирнов А.П. Волжские булгары // Труды государственного исторического музея. Вып. 19. М., 1951.

Смирнов, 1976 – Смирнов А.П. Среднеазиатские элементы в строительном деле волжских булгар // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.

Смирнов, 2005 – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в. Т. 1. М., 2005.

Смирнов, 2005a – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской порты в XVIII в. до присоединения его к России. Т. 2. М., 2005.

Смирнов, 2011 – Смирнов В.Д. Крымское ханство XIII–XV вв. М., 2011.

Смолин, 1926 – Смолин В.Ф. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926.

Снесарев, 1969 – Снесарев Г.П. Реликты до-мусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

Сно, 1904 – Сно Е.Э. Потомки Золотой Орды. Татары. СПб., 1904.

Собеский, 1896 – Собеский Я. История Хотинского похода Якова Собеского. 1621 г. // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 2. Киев, 1896.

Соболев, 2008 – Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 10. Новосибирск, 2008.

Собрание, 1813 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813.

Собрание, 1819 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М., 1819.

Собрание, 1822 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. М., 1822.

Собрание, 1894 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 5. М., 1894.

Соколов, 1898 – Соколов Д.Н. Опыт разбора одной башкирской летописи // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 4. Оренбург, 1898.

- Сокровенное сказание, 1941* – Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol-un nigusa tobciyan*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. М.; Л., 1941.
- Соловьев, 1987* – Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987.
- Соловьев, 1988* – Соловьев С.М. Сочинения. В 18-ти книгах. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 3–4. М., 1988.
- Соловьев, 1989* – Соловьев С.М. Сочинения. В 18-ти книгах. Кн. 3: История России с древнейших времен. Т. 5–6. М., 1989.
- Соловьев, 1989а* – Соловьев С.М. Сочинения. В 18-ти книгах. Кн. 4: История России с древнейших времен. Т. 7–8. М., 1989.
- Соловьев, 1988–1991* – Соловьев С.М. Сочинения. В 18-ти книгах. Кн. 2–7. История России с древнейших времен. Т. 3–14. М., 1988–1991.
- Солодкин, 2001* – Солодкин Я.Г. Татары в изображении автора «Казанской истории» // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001.
- Сорина, 1978* – Сорина Х.Д. Роль Верхневолжья в образовании и развитии русского централизованного государства в XV – XVII вв. Калинин, 1978.
- Сочинения, 1914* – Сочинения князя Курбского. Т. 1 // Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914.
- Сочинения, 1956* – Сочинения И.С. Пересветова. М.; Л., 1956.
- Спасский, 1818* – Спасский Г.И. Картина Сибири // Сибирский вестник, 1818. Ч. 1.
- Список, 1850* – Список со статейного списка великого государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника Переяславского В.М. Тяпкина, дьяка Никиты Зотова (1681 г.) // ЗООИД. Т.П. Одесса, 1850 [отдельное издание: Статьиный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году для заключения Бакчисарайского договора. – Одесса, 1850].
- Список, 1896* – Список отводной записи 1596 г. // ИТУАК. Вып. 28. Тамбов, 1896.
- Список, 1910* – Список с писцовой и межевой книги города Свяжска с уездом. Казань, 1910.
- Спицын, 1883* – Спицын А.А. Свод летописных известий о Вятском крае // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1884 г. Вятка, 1883.
- Спицын, 1895* – Спицын А.А. Отчет о поезде члена Археологической комиссии А.А. Спицына летом 1893 года на Жареный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города // Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1893 год. СПб., 1895.
- Средневековая, 1999* – Средневековая татарская литература (VIII–XVIII вв). Казань, 1999.
- Срезневский, 1893* – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893.
- Станислав Жолкевский, 1871* – Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные Павлом Алексан. Мухановым. 2-е изд. СПб., 1871.
- Старинные, 1899* – Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Собрал и приготовил к печати П. Симони. Вып. первый. I–II. СПб., 1899.
- Старостин, 2001* – Старостин П.Н. Итоги исследований юго-восточной башни Казанского Кремля в 2000 г. // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. Казань, 2001.
- Старостин, 2002* – Старостин П.Н. Итоги исследований у Северо-Восточной башни Казанского кремля (раскоп XXXVI) // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. Казань, 2002.
- Старотатарская, 1982* – Старотатарская деловая письменность XVIII века. Казань, 1982.
- Статейный, 1850* – Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым 1680 году, для заключения Бакчисарайского договора. Одесса, 1850.
- Статейный, 1891* – Статейный список московского посланника в Крыму Ивана Судакова в 1587–1588 году // ИТУАК. Т. 14. Симферополь, 1891.
- Степанов, 1964* – Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ КГУ: Право. История. Филология. – Казань, 1964.
- Степанов, 1966* – Степанов Р.Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Сборник научных работ. Общественные и гуманитарные науки. II научная конференция молодых ученых г. Казани (Казань, 27–28 марта 1964 г.). Казань, 1966.
- Судьба, 1997* – Мордкович В.Г., Гиляров А.М., Тишков А.А., Баландин С.А. Судьба степей. Новосибирск, 1997.
- Султанов, 1975* – Султанов Т.И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975.
- Султанов, 1978* – Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.
- Султанов, 1982* – Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982.

- Султанов, 2001* – Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001.
- Султанов, 2004* – Султанов Р.И. Окрестные сельские поселения ханской Казани // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань, 2004.
- Султанов, 2005* – Султанов Т.И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.
- Султанов, 2006* – Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.
- Сумбатзаде, 1990* – Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. Баку, 1990.
- Сухарева, 1960* – Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960.
- Сухоруков, 2001* – Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001.
- Сыздыкова, 1989* – Сыздыкова Р.Г. Язык «Жами ат-таварих» Жалаири. Алма-Ата, 1989.
- Сызранов, 2009* – Сызранов А.В. Тюркские народы Нижнего Поволжья во второй половине XVI – начале XX вв. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 3. К 80-летию со дня рождения С.Г. Агаджанова. М., 2009.
- Сыроечковский, 1940* – Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Ученые записки МГУ. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940.
- Таварих, 1967* – Таварих-и гузида-йи нусратнаме. Ташкент, 1967.
- Таварих, 1969* – Таварих-и гузида-йи нусратнаме // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
- Тагиров, 2000* – Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2000.
- Тарих-и Абу-л-Хайр-хани, 1969* – Тарих-и Абу-л-Хайр-хани // Материалы по истории казахских ханств в XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
- Татарская грамматика, 1993* – Татарская грамматика. В 3 томах. Т. 1. Казань, 1993.
- Татарская энциклопедия, 2005* – Татарская энциклопедия. В 6 томах. Т. 2. Казань, 2005.
- Татарская энциклопедия, 2006* – Татарская энциклопедия. В 6 томах. Т. 3. Казань, 2006.
- Татарская энциклопедия, 2008* – Татарская энциклопедия. В 6 томах. Т. 4. Казань, 2008.
- Татарские сказания, 2009* – Татарские сказания // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009.
- Татары, 1967* – Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.
- Татары, 2001* – Татары. М., 2001.
- Татауров, 2005* – Татауров С.Ф. Тунус – последний городок Сибирского ханства // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005.
- Татищев, 1966* – Татищев В.Н. История Российская. Т. 6. М.; Л., 1966.
- Татищев, 1979* – Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979.
- Татищев, 1990* – Татищев В.Н. Записки, письма. 1717–1750 гг. // Научное наследство. Т. 14. М., 1990.
- Татищев, 1996* – Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. VI. История Российская. Ч. 4. М., 1996.
- Татищев, 2003* – Татищев В.Н. История Российская. Часть 4. М., 2003.
- Таубе, 1898* – Таубе М.А. Международный конгресс на Вольни в XV столетии // Русский Вестник. 1898. № 5.
- Тизенгаузен, 1884* – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Тизенгаузен, 1941* – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений. М.; Л., 1941.
- Титов, 1903* – Титов А.А. Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку XIII–XX вв. М., 1903.
- Тихомиров, 1930* – Тихомиров М.Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Московский край в его прошлом. Ч. 2. М., 1930.
- Тихомиров, 1962* – Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. 584 с.
- Тихомиров, 1973* – Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973.
- Тишкин и др., 2002* – Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул, 2002.
- Толстой, 1848* – Толстой Д. Речь царя и великого князя Ивана Васильевича к панам радам королевства Польского и Великого княжества Литовского, чрез их посла переданная // Чтения в Императорском обществе истории древностей Российских при Московском университете. М., 1847. Кн. 9; 1848. IV. Смесь.

Томилов, 1978 – Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск, 1978.

Томилов, 1981 – Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск, 1981.

Томилов, 1992 – Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск, 1992.

Томилов, 1995 – Томилов Н.А. Сибирские татары – кто они? // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Кн. 1. Томск, 1995.

Томилов, 1996 – Томилов Н.А. Поселения тарских татар бассейна Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 1. Культура тарских татар. Новосибирск, 1996.

Трепавлов, 1997 – Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997.

Трепавлов, 1999 – Трепавлов В.В. Приключения «Чудес творений»: из ханской библиотеки Казани в «Либерию» Ивана Грозного // Гасырлар авызы / Эхо веков. 1999. № 3/4.

Трепавлов, 2001 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов, 2003 – Трепавлов В.В. Три столетия колониального расширения России // Отечественная история. 2003. № 2.

Трепавлов, 2004 – Трепавлов В.В. Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблема адаптации) // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Herausgegeben von Andreas Kappeler. Wiesbaden, 2004.

Трепавлов, 2005 – Трепавлов В.В. Малая Ногайска Орда. Очерк истории // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.

Трепавлов, 2007 – Трепавлов В.В. Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта // Сулеймановские чтения. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. (Тюмень, 18–19 мая 2007 г.). Тюмень, 2007.

Трепавлов, 2007a – Трепавлов В.В. Предки «Мамаея-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007.

Трепавлов, 2008 – Трепавлов В.В. Царские ярлыки. Наследие монгольской государственности в Московской Руси // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции (Алматы, 21–23 ноября 2007 г.). Алматы, 2008.

Трепавлов, 2009 – Трепавлов В.В. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». (Казань, 17 марта 2009 г.). Вып. 1. Казань, 2009.

Трепавлов, 2009a – Трепавлов В.В. Родоначалники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009.

Трепавлов, 2009b – Трепавлов В.В. Тюркские народы Евразии и Османская империя в XVI в. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Сборник статей. Казань, 2009.

Трепавлов, 2010 – Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010.

Трепавлов, 2010a – Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010.

Трепавлов, 2011 – Трепавлов В.В. Золотая Орда после распада: воспоминания о единстве // ТС 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011

Трепавлов, 2011a – Трепавлов В.В. Малая Ногайская Орда. Очерк истории // Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань, 2011.

Трепавлов, 2011b – Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань, 2011.

Трепавлов, 2011в – Трепавлов В.В. Сибирский хан (?) Али // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган, 2011.

Трепавлов, 2012 – Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.

Трепавлов, 2013 – Трепавлов В.В. «Орда самовольная». Кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М., 2013.

Тропин, 2006 – Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Елец, 2006.

Тростьянский, 2005 – Тростьянский О.В. Клад золотоордынских монет XV века с территории Татарстана // Труды III МНК «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков» (Старый Крым, 2004). М., 2005.

Трофимова, 1949 – Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.; Л., 1949.

Тукай, 1975 – Тукай Г. Избранное. М., 1975.

Тунманн, 1991 – Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1991.

Турецкая, 1983 – Турецкая ашыкская поэзия. М., 1983.

Туси, 1986 – Насир ад-Дин Туси. Трактат о государственных финансах // Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад, 1986.

Тычинских, 2009 – Тычинских З.А. К вопросу об административно-политическом и территориальном устройстве сибирских татар в XVI–XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009.

Тычинских, 2009a – Тычинских З.А. О беклярибеке в Сибирском ханстве (к вопросу о трансформации системы традиционного управления в XVII–XVIII вв.) // Форум «Идель – Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тезисы докладов. Казань, 2009.

Тычинских, 2010 – Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань, 2010.

Тычинских, 2010a – Тычинских З.А. К вопросу о материальной культуре сибирских татар периода Сибирского ханства // Искер – столица Сибирского ханства. Казань, 2010.

Тюмень, 1903 – Тюмень в XVII столетии: собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей прив.-доц. П.М.Головачева «Экономический быт Тюмени в XVII в.», с прил. плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начала XVIII в. М., 1903.

Тюркские народы, 2003 – Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Серия «Народы и культуры». М., 2003.

Указатель, 2007 – Указатель рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. (Бахчисарайская книжная коллекция в Российской национальной библиотеке). Симферополь, 2007.

Уляницкий, 1887 – Уляницкий В.А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI вв. М., 1887.

Уманский, 1995 – Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Ч. 2. Барнаул, 1995.

Уразманова, Шарифуллина, 1991 – Уразманова Р.К., Шарифуллина Ф.Л. Роль ногайского компонента в этнической истории западных

групп татарского народа // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. М., 1991.

Усеинов, 2005 – Усеинов Т.Б. Размышления о поэзии Крымского ханства (Сборник статей). Симферополь, 2005.

Усенко, 2000 – Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков. Сборник научных статей. Вып. 2. Тверь, 2000.

Ускенбай, 2002 – Ускенбай К. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII–XIV вв. Из истории Ак-Орды // Вопросы истории Казахстана. Исследования молодых ученых. Вып. 3. Алматы, 2002.

Ускенбай, 2012 – Ускенбай К. К проблеме аутентичного наименования Казахского ханства (на примере Михман-наме-йи Бухара Фазлаллаха Ибн Рузбихани Исфакхани) // «История Отечества». Материалы Международной научно-практической конференции. Алматы, 2012.

Усманов, 1972 – Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.

Усманов, 1979 – Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

Усманов, Шайхиев, 1979 – Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археология и этнонововедение. Новосибирск, 1979.

Усманов, 1982 – Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.

Усманов, 1985 – Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI вв. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.

Усманов, 1988 – Усманов М.А. К истории Джучидо-Османской дипломатической документации // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., 1988.

Усманов, 1991 – Усманов М.А. Несколько слов об историко-этнографических трудах Карла Фукса // Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Краткая история города Казани. [Репринтное воспроизведение]. Казань, 1991.

Усманов, 1997 – Усманов М.А. Соседи называли их «татарами» // Родина. 1997. № 3–4.

Усманов, 2000 – Усманов М.А. Новые письменные источники по истории Поволжья (предварительное сообщение) // Средневековая Казань: возникновение и развитие: Материалы Международной научной конференции (Казань, 1–3 июня 1999 г.). Казань, 2000.

- Успенский, 1927* – Успенский А. Памятники древнетатарского военного искусства в Московской Оружейной Палате // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1927. Т. XXXIII. Вып. 4.
- Успенский, 2000* – Успенский Б.А. Царь император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.
- Устрялов, 1859* – Устрялов Н. Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1859.
- Устюжский, 1950* – Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950.
- Утемиш-хаджи, 1992* – Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992.
- Ушницкий, 2011* – Ушницкий В.В. Исторический диспут об этнической принадлежности найманов и керитов // Проблемы востоковедения. 2011. № 2 (52).
- Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани, 1976* – Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани. Михманнаме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976.
- Фаизов, 2003* – Фаизов С.Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658 // Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постпереевляславского времени. М., 2003.
- Фаизов, 2005* – Фаизов С.Ф. Первый крымско-запорожский военный союз в статейном списке русских посланников Осипа Прончищева и Рахманина Болдырева (1625 г.) // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 5. Київ, 2005.
- Файзрахманов, 2002* – Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002.
- Файзрахманов, 2004* – Файзрахманов Г.Л. Тайбугиды и шибаниды в Западной Сибири. Из истории взаимоотношений Казанского, Тюменского ханств и Ногайской Орды в XV веке // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань, 2004.
- Фалев, 1925* – Фалев П. Старо-османский перевод «крымской» поэмы // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН. Т. 1. Л., 1925.
- Фальк, 1824* – Фальк И.П. Записки путешествия от С-Петербурга до Томска // Полное собрание ученых путешествий по России... СПб., 1824. Т. 6.
- Фахрутдинов, 1973* – Фахрутдинов Р.Г. Задачи археологического изучения Казанского ханства // СА. 1973. № 4.
- Фахрутдинов, 1975* – Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.
- Фахрутдинов, 1984* – Фахрутдинов Р.Г. Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов) // СА. 1984. № 4.
- Фахрутдинов, 1984a* – Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.
- Фахрутдинов, 1995* – Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. Ч. 1. Казань, 1995.
- Фахрутдинов, 1998* – Фахрутдинов Р.Г. Проблемы формирования татарской народности в современной исторической науке // Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире. М., 1998.
- Федоров-Давыдов, 1960* – Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. Т. I. М., 1960.
- Федоров-Давыдов, 1963* – Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ. Т. IV. М., 1963.
- Федоров-Давыдов, 1965* – Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // НЭ. Т. V. М., 1965.
- Федоров-Давыдов, 1973* – Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Федоров-Давыдов, 1974* – Федоров-Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- Федоров-Давыдов, 1990* – Федоров-Давыдов Г.А. Клады монет XIV–XV вв. из Хорезма // Тезисы докладов. Археология Средней Азии. Ташкентский государственный университет им. В.И. Ленина. Исторический факультет. Ташкент, 1990.
- Федоров-Давыдов, 1994* – Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Федоров-Давыдов, 2001* – Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М., 2001.
- Федоров-Давыдов, 2003* – Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.
- Федоров-Давыдов, Фомичев, 2004* – Федоров-Давыдов Г.А., Фомичев Н.М. Клад дирхемов конца XIV – первой четверти XV вв. из Рогожкино // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып. 19. Азов, 2004.
- Федулов, 2009* – Федулов М.И. Средневековые памятники Чувашского Присурья // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Чебоксары, 2009.
- Фелицын, 1886* – Фелицын Е.Д. Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии, по

Пейсонелю. Материалы для истории западно-кавказских горцев. Екатеринодар, 1886.

Фелицын, 1904 – Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Т.1. Екатеринодар, 1904.

Фехнер, 1956 – Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956.

Фиркович, 1890 – Фиркович З.А. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караймов. СПб., 1890.

Фирсов, 1866 – Фирсов Н.А. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.

Флетчер, 1905 – Флетчер Дж. О государстве Русском: Сочинение Флетчера. СПб., 1905.

Флетчер, 1991 – Флетчер Дж. О государстве русском // Проезжая по Московии. (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.

Флоринский, 1894 – Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Ч. 1 // Известия Императорского Томского университета. Отд. II. Кн. 7. Томск, 1894.

Фролов, 1995 – Фролов Н.К. Этнонимы тюркского происхождения в русской топонимии Тюменского Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 4. Челябинск, 1995.

Флоря, 1995 – Флоря Б.Н. Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1. М., 1995.

Флоря, 1999 – Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999.

Флоря, 2001 – Флоря Б.Н. Две грамоты хана Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001.

Флоря, 2001a – Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001.

Фоменко, 2006 – Фоменко И.К. Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах. Казань; М., 2006.

Фоменко, 2007 – Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. М., 2007.

Фоменко, 2010 – Фоменко И.К. Новое описание северных регионов, включая Московию ..., Ян и Лукас Дутекумы (1562–1572). М., 2010.

Фоменко, 2011 – Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII вв. Издание второе. М., 2011.

Фомин, 2012 – Фомин А.В. Донской клад джучидских монет начала XV в. // Нумизматический сборник ГИМ. Том XIX. Труды ГИМ. Вып. 192. М., 2012.

Фомичев, 1999 – Фомичев Н.М. Клад джучидских монет из Рогожкино // Тезисы докладов и сообщений VII ВНК (Ярославль, 19–23 апреля 1999 г.). М., 1999.

Франк, 2008 – Франк А.Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. Казань, 2008.

Франческо да Колло, 1996 – Франческо да Колло. Доношение о Московии. М., 1996.

Франческо Тьеполо, 1940 – Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо // Исторический архив. Т. III. М.; Л., 1940.

Френ, 1832 – Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухамеданских династий в прибавлении. СПб., 1832.

Фролова, Дерягина – Фролова О.Б., Дерягина Т.П. Между Невой и Нилом (о загадке одной арабской рукописи в библиотеке Санкт-Петербургского университета) [<http://www.orient.pu.ru/old/africa3.htm#4>].

Фукс, 1844 – Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844.

Фукс, 1991 – Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Краткая история города Казани. [Репринтное воспроизведение]. Казань, 1991. Репринт. Казань, 1991.

Хабенская, 2002 – Хабенская Е.О. Татары о татарском. М., 2002.

Хабibuллин, 2011 – Хабибуллин А.Н. «Кочевая» фортификация тюрко-татар (к вопросу о мобильной фортификации кочевников) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (Уфа, 20 октября 2011 г.). Уфа, 2011.

Хаджитархани, 1995 – Шерифи Х. Зафер наме-и вилайет-и Казан // Гасырлар авазы / Эхо веков. 1995. Май.

Хазанов, 2006 – Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.

Хайдарлы, 2003–2004 – Хайдарлы Д.И. Молдавия и Крымское ханство (1718–1774 гг.) // *Stratum plus*. 2003–2004. № 6.

Хайретдинов, 2002 – Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Н. Новгород, 2002.

Хайруллин, 1980 – Хайруллин А.Н. Влияние трудов Ибн Сина на развитие медицинских знаний в Татарстане. Ташкент, 1980.

- Хайруллина, 1996* – Хайруллина А.Г. Формирование и развитие математических терминов в татарском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Казань, 1996.
- Хакимзянов, 1978* – Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978.
- Хаков, 1989* – Хаков В.Х. Функционально-стилистическое обособление и развитие норм татарского литературного языка XV–XVI вв. // Формирование татарского литературного языка. Казань, 1989.
- Халиков, 1976* – Халиков А.Х. О времени, месте возникновения и названии города Казани // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976.
- Халиков, 1978* – Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978.
- Халиков, 1981* – Халиков Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX – начала XX вв.: Историко-этнографические исследования. М., 1981.
- Халиков, 1983* – Халиков А.Х. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983.
- Халиков, 1983a* – Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989.
- Халиков, 1992* – Халиков А.Х. Что, башня, в имени твоём? // Татарстан. 1992. № 11–12.
- Халиков, 2001* – Халиков Н.А. Сельские поселения и жилища // Татары. М., 2001.
- Халиков, 2006* – Халиков Н.А. Сельское хозяйство, промыслы // История татар. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006.
- Халиков, Шарифуллин, 1979* – Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.
- Халикова, 1986* – Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань, 1986.
- Халим Гирай Султан, 2004* – Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов, или история Крыма. Симферополь, 2004.
- Халим Гирай Султан, 2008* – Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов, или история Крыма. Изд-е 2-е. Симферополь, 2008.
- Халитов, 1976* – Халитов Н.Х. Традиционные черты и основные композиционные акценты в оформлении фасада татарского народного жилища Арского района ТАССР // Материалы IV научной конференции молодых научных работников. Казань, 1976.
- Халитов, 1989* – Халитов Н.Х. Памятники архитектуры Казани XVIII – начала XIX вв. М., 1989.
- Халитов, 1991* – Халитов Н.Х. Архитектура мечетей Казани. Казань, 1991.
- Халит, 1995* – Халит Н.Х. Загадки болгарских минаретов // Татарстан. 1995. № 3–4.
- Халит, 1996* – Халит Н.Х. Мечеть Кул-Шариф в Казанской крепости. Гипотезы. Факты. Размышления. Казань, 1996.
- Халит, 1999* – Халит Н.Х. Очерки по архитектуре ханской Казани. Гипотезы. Факты. Размышления. Казань, 1999.
- Халитов, 1999a* – Халитов Н.Х. «Тверд паче меры...» Черты древней цитадели // Казань. 1999. № 5–6.
- Халитов, 2001* – Халитов Н.Х. Прошлое и настоящее архитектуры татарского народа // Очерки по истории татарского народа. Казань, 2001.
- Халит, 2004* – Халит Н.Х. Казанский Кремль. Мультимедийное издание к 1000-летию города Казани. Казань, 2004.
- Халит, 2005* – Халит Н.Х. Казань – Милле ниум. Интерактивная мультимедийная энциклопедия. Казань, 2005.
- Халит, 2008* – Халит Н.Х. Традиция многобашенной мечети в архитектуре Поволжья // Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов. Казань, 2008.
- Халитов, 2009* – Халитов Н.Х. К реконструкции архитектуры дворца в Хан-Кермене // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009.
- Халит, 2009a* – Халит Н.Х. Татарские дворцовые комплексы XV–XVI вв.: некоторые закономерности архитектуры // Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения педагога-просветителя, художника Ш.А. Тагирова (Казань, 17–18 апреля 2008 г.). Казань, 2009.
- Халит, 2011* – Халит Н.Х. Мечети средневековой Казани. Казань, 2011.
- Халитов, 2011* – Халитов Н.Х. К реконструкции средневековой мечети-медресе Кул-Шарифа в Казанском Кремле // Известия КГАСУ. 2011. № 4.
- Халит, 2012* – Халит Н.Х. Татарская мечеть и ее архитектура: историко-архитектурное исследование. Казань, 2012.
- Халит, Халитова, 2011* – Халит Н.Х., Халитова Н.Н. К атрибуции татарской двери из исторического музея Ярославля // Известия КГАСУ. 2011. № 3 (17). Казань, 2011.
- Хамидуллин, 2002* – Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань, 2002.
- Хамидуллин и др., 2012* – Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л., Измайлов Б.И. История Казань

ского ханства в трудах отечественных историков (1920–1950-е гг.) // Научный Татарстан. 2012. № 3.

Хантингтон, 2003 – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

Хартахай, 1866 – Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар (статья вторая) // Вестник Европы. СПб., 1866. Т. II (июнь).

Хасанов, 1977 – Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977.

Хартахай, 2003 – Хартахай Ф. Христианство в Крыму. М., 2003.

Хафиз-и Таныш, 1983 – Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Ч. 1. М., 1983.

Хафиз-и Таныш, 1989 – Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Ч. 2. М., 1989.

Хвольсон, 1869 – Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. В первый раз издал, перевел и объяснил Д.А. Хвольсон. СПб., 1869.

Хилков, 1879 – Хилков Г. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

Хисамова, 2012 – Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX вв.). Казань, 2012.

Хить, 1995 – Хить Г.Л., Долинова Н.А. Дерматоглифика татар Евразии // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995.

Хлебникова, 1967 – Хлебникова Т.А. Археологические памятники XIII–XIV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (Йошкар-Ола, 23–25 декабря 1965 г.). Йошкар-Ола, 1967.

Хлебникова, 1978 – Хлебникова Т.А. О третьем слое и поздней керамике городища Великие Болгары // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

Хлебникова, 1988 – Хлебникова Т.А. Кожевенное дело // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

Хлебникова, 1988 – Хлебникова Т.А. Неполная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

Хованская, 1958 – Хованская О.С. Нагрудное украшение из болгарского города Джукетау // СА. 1958. №1.

Хождение, 1948 – Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.; Л., 1948.

Хождение, 1958 – Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958.

Хождение, 1986 – Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986.

Хозяйственное, 1809 – Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809.

Холл, 2006 – Холл Т.Д. Монголы в мир-системной истории // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.

Хорографическая, 2011 – Хорографическая чертежная книга Сибири. Факсимиле. Тобольск, 2011.

Хорошкевич, 2001 – Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001.

Хохряков, 1903 – Хохряков В. Материалы для истории города Пензы // Труды Пензенской УАК. Кн. 1. Пенза, 1903.

Хромов, 1997 – Хромов К.К. Медные монеты Ходжи Гирея // Нумизматика и Фалеристика. 1997. № 2.

Хромов, 1997а – Хромов К.К. Несколько неописанных монет династии Гиреев // Нумизматика и Фалеристика. 1997. № 3.

Хромов, 2002 – Хромов К.К. О правлении джучидских ханов в Крыму в 1419–1422 гг. по нумизматическим данным // Тезисы докладов X ВНК (Псков, 15–20 апреля 2002 г.). М., 2002.

Хромов, 2004 – Хромов К.К. Монетный двор второй четверти XV века «Орда Базар» в Нижнеднепровском регионе // Восточная нумизматика в Украине. Киев, 2004.

Хромов, 2005 – Хромов К.К. Новое в изучении медных генуэзско-татарских монет города Каффы XV века // Труды III МНК «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв.» (Старый Крым, 2004). М., 2005.

Хромов, 2013 – Хромов К.К. О хронологии правления Давлат Берди хана в Крымском улусе по нумизматическим данным (последние джучидские серебряные монеты Крыма) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию М.Г. Крамаровского. М., 2013.

Хроника, 1966 – Хроника Быховца. М., 1966.

Худяков, 1923 – Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.

Худяков, 1990 – Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства [Репринтное воспроизведение 1923 г.]. Казань, 1990.

Худяков, 1991 – Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.

Худяков, 1991а – Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.

Худяков, 1996 – Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке конти-

нентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М., 1996.

Худяков, 1997 – Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997.

Худяков, 2000 – Худяков Ю.С. Хан Кучум и его войны // Родина. 2000. № 5.

Худяков, 2001 – Худяков Ю.С. Лук и стрелы сибирских татар // Восток – Запад: диалог культур Евразии. Проблемы истории и археологии. Вып. 2. Казань, 2001.

Худяков, 2007 – Худяков Ю.С. Военное дело Сибирского ханства в позднем средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». Новосибирск, 2007. Т. 6. Вып. 3. Археология и этнография.

Худяков, 2011 – Худяков Ю.С. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2011.

Хузин и др., 1995 – Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф., Хлебникова Т.А., Набиуллин Н.Г., Ситдииков А.Г. Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований. Казань, 1995.

Хузин, Ситдииков, 2002 – Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. Средневековая Казань. Краткий библиографический указатель. Казань, 2002.

Хукхэм, 1995 – Хукхэм Х. Властитель семи созвездий. Ташкент, 1995.

Хюсейн, 1961 – Хюсейн. Беда 'и' ул-века'и' (Удивительные события). Ч.1. М., 1961.

Цалкин, 1967 – Цалкин В.И. Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1967. Т. LXXII. Вып. 1.

Царственная книга, 1769 – Царственная книга, то есть летописец царствования царя Иоанна Васильевича от 7042 г. до 7061 г. СПб., 1769.

Цветков, 1912 – Цветков П. Джихад в Коране и в жизни // Миссионерское обозрение. 1912. № 9.

Цыбин, 2004 – Цыбин М.В. К изучению русско-золотоордынского пограничья в Среднем Подонье // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Тезисы докладов I Международной Нижневолжской археологической конференции. Волгоград, 2004.

Цюрюмов, 1991 – Цюрюмов А.В. Калмыцко-ногайские отношения в XVII – 20-е годы XVIII века // Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции «Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды». М., 1991.

Чагаева, 1966 – Чагаева А.С. Памятники эпохи железа в Среднем Прииртышье (по материалам раскопок 1962–1963 гг.) // Из истории города Омска и Омской области: к 250-летию Омска. Ученые записки Омского государственного педагогического института. Вып. 23. Омск, 1966.

Чекалин, 1890 – Чекалин Ф.Ф. Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра-Мауро // Труды СУАК. 1890. Т. 2. Вып. 2.

Чекалин, 1892 – Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892.

Чекалин, 1897 – Чекалин Ф.Ф. Мещера и бургасы по сохранившимся о них памятникам // Труды VIII археологического съезда в Москве в 1890 году. Т. 3. М., 1897.

Чепурина, 1927 – Чепурина П. Евпаторийская ханская мечеть Джума-Джами. Евпатория, 1927.

Червоная, 1987 – Червоная С.М. Искусство Татари. История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. М., 1987.

Червоная, 1995 – Червоная С.М. Искусство татарского Крыма. М., 1995.

Червоная, 1997 – Червоная С.М. Мусульманская эпиграфика (резные надгробные камни) в Крыму // ТА. 1997. № 1.

Червоная, 1997a – Червоная С. М. Мусульманская эпиграфика (резные надгробные камни) в Крыму. К вопросу об эстетике сунитского Ислама в искусстве крымских татар. М., 1997.

Черенков, 1989 – Черенков Л.Н. Таврические ногайцы (последний кочевой народ Причерноморской этноконтактной зоны) // Этноконтактные зоны в европейской части СССР (география, динамика, методы изучения). М., 1989.

Черепнин, 1948 – Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948.

Черменский, 1962 – Черменский П.Н. Материалы по исторической географии Мещеры // Археграфический ежегодник за 1960 год. М., 1962.

Черменский, 1970 – Черменский П.Н. Народ бургасы по известиям восточных писателей и данным топонимики // Историческая география России. Сб. 83. М., 1970.

Черницын, 1995 – Черницын С.В. Этнокультурные процессы в Войске Донском XVII–XIX вв. // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Ростов-на-Дону, 1995.

Чернышев, 1971 – Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюр-

коязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

Чертежная, 2003 – Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели. В 2-х томах. М., 2003.

Чечулин, 1889 – Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.

Чешихин, 1887 – Чешихин Е.В. История Ливонии с древнейших времен. Т. III. Рига, 1887.

Чиперис, 1960 – Чиперис А.М. Борьба народов юго-востока Крыма против экспансии султанской Турции в 50–70-х годах XV века // Ученые записки Туркменского государственного университета. Вып. 17. Ашхабад, 1960.

Чобан-заде, 2003 – Чобан-заде Б. Крымско-татарская литература новейшего периода. (Доклад профессора Б. Чобан-заде). Симферополь, 2003.

Чтения, 1885 – Чтения ОИДР. 1884. Октябрь-ноябрь. Кн. IV. М., 1885.

Шавахин, 1988 – Шавахин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1988.

Шакарим, 1990 – Шакарим Кудайбердылы. Родословная тюрков, казахов, киргизов и ханских династий. Алма-Ата, 1990.

Шакиров, 2011 – Шакиров З.Г. Русские клады с арабскими надписями из кладов Казанского Кремля // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1. Казань, 2011.

Шамильоглу, 1993 – Шамильоглу Ю. «Карачи беи» поздней Золотой Орды: заметки по организации монгольской мировой империи // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.

Шамильоглу, 2002 – Шамильоглу Ю. Направления в исследовании Золотой Орды // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Шанский и др., 1971 – Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

Шарафеев, 2008 – Шарафеев Н.М. Монетный двор Золотой Орды «Иль-Уй» Му`аззам или Орду Му`аззам? // Труды IV МНК «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв.» (Болгар, 6–11 сентября, 2005 г.). М., 2008.

Шарифуллин, 1984 – Шарифуллин Р.Ф. Исследования IV Билярского могильника в 1979 году // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984.

Шарифуллина, 1991 – Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Казань, 1991.

Шейбаниада, 1849 – Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с переводом, примечаниями и приложениями, изданная И. Березиным. Казань, 1849.

Шелковый путь, 2007 – Шелковый путь. 5000 лет искусства шелка. Каталог выставки. Road of silk. 5000 Years of the Art of Silk. СПб., 2007.

Шемьи-заде, 1974 – Шемьи-заде Э. Шаир Ашъкъ Умер ве онынъ классик эдебиятымыздаки ери // Омюр ве яратыджылыкъ (Эдебий макъалелер). Ташкент, 1974.

Шенников, 1987 – Шенников А.А. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987.

Шерифи, 1995 – Шерифи Х. «Зафер наме-и Вилайет-и Казан» // Гасырлар авазы / Эхо веков. 1995. Май.

Шильтбергер, 1984 – Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Баку, 1984.

Шиманский, 1911 – Шиманский М. Рязанский уезд в конце XVI – начале XVII вв. по писцовым книгам. Рязань, 1911.

Шихсаидов, 1984 – Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984.

Шишкин, 1891 – Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1891.

Шишонко, 1881 – Шишонко В.Н. Пермская летопись. Т. 1. Пермь, 1881.

Шмидт, 1951 – Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т. 7. М., 1951.

Шмидт, 1954 – Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы Казанской войны (1545–1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 6. М., 1954.

Шмидт, 1977 – Шмидт С.О. Восточная политика Российского государства в середине XVI в. и «Казанская война» // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Труды ЧувНИИ. Вып. 71. Чебоксары, 1977.

Шмидт, 1984 – Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984.

Шнайдитейн, 1989 – Шнайдитейн Е.В. О происхождении астраханских татар // Материалы Второй краеведческой конференции. Астрахань, 1989.

Шнайдитейн, 1992 – Шнайдитейн Е.В. Средневековый Мошаик // Материалы IV краеведческой конференции. Ч. II. Астрахань, 1992.

Шперк, 1898 – Шперк Ф.Ф. Индусы в Астрахани // Астраханский листок. 1898. № 52.

- Шпилевский, 1877* – Шпилевский С.М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.
- Штаден, 1925* – Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925.
- Шунков, 1956* – Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956.
- Щербатов, 1786* – Щербатов М. История Российская с древнейших времен. Т. 5. Ч. 1. СПб., 1786.
- Щербатов, 1789* – Щербатов М. История Российская с древнейших времен. Т. 5. Ч. 4. СПб., 1789.
- Эварницкий, 1903* – Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских козаков. Т. II. Владимир, 1903.
- Эвлия Челеби, 1961* – Челеби Эвлия. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Вып. 1. М., 1961.
- Эвлия Челеби, 1979* – Эвлия Челеби. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2. М., 1979.
- Эвлия Челеби, 1983* – Эвлия Челеби. Книга Путешествия. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. Вып. 3. М., 1983.
- Эвлия Челеби, 1996* – Эвлия Челеби. Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.). Симферополь, 1996
- Эвлия Челеби, 1999* – Эвлия Челеби. Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). Симферополь, 1999.
- Эвлия Челеби, 2007* – Эвлия Челеби. Книга путешествий (сейяхатнаме). Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Т. 2 [<http://www.kants.tellur.ru> (дата обращения 5.06.2007)].
- Эвлия Челеби, 2008* – Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Симферополь, 2008.
- Энтони Дженкинсон, 1937* – Энтони Дженкинсон. Путешествие из Лондона в Москву. 1557–1558 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.
- Эрнст, 1928* – Эрнст Н.Л. Бахчисарайский ханский дворец и архитектор великого князя Ивана III Фрязин Алевиз Новый // ИТОИАЭ. Симферополь, 1928. Т. 2.
- Этническая история, 1979* – Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979.
- Этнографическое описание, 1841* – Этнографическое описание Казанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1841. Ч. XXXIV. № 3.
- Этнотерриториальные группы, 2002* – Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2002.
- Юдин, 1969* – Юдин В.П. [Введение к публикации отрывков из «Тарих-и Абу-л-Хайрхани»] // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1969.
- Юдин, 1969a* – Юдин В.П. [Введение к публикации отрывков из «Фатх-наме» Шади] // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1969.
- Юдин, 1969b* – Юдин В.П. [Введение к публикации отрывков из «Шайбани-наме» Камал ад-Дина Али Бинаи] // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1969.
- Юдин, 1992* – Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингизнаме. Алма-Ата, 1992. www.vostlit.info/Texts/rus6/Chengiz-name/frameved3.htm (дата обращения: 05.09.2014).
- Юдин, 2001* – Юдин В.П. Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV–XVIII веков // Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001.
- Юзефович, 1988* – Юзефович Л.А. Как в польских обычаях ведется... М., 1988.
- Юргевич, 1894* – [Юргевич В.]. Письмо настоятеля церкви в Alba-lulia Доминика, протонотария папского, с донесением в 1475 году, что Каффа взята турками и воеводы Стефан Молдавский и Божорад Валахский принесли присягу на верность королю Венгерскому. Сообщил В. Юргевич // ЗООИД. 1894. Т. XVII.
- Юсупов, 1951* – Юсупов Г.В. Татарские эпиграфические памятники XV в. (К вопросу о происхождении казанских татар) // Эпиграфика Востока. 1951. Вып. 5.
- Юсупов, 1960* – Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960.
- Юсупов, 1963* – Юсупов Г.В. Новые находки эпитафий периода Казанского ханства // Эпиграфика Востока. 1963. Вып. 16.
- Юхт, 1957* – Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. № 3.
- Яворницкий, 1990* – Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. Киев, 1990.
- Якобсон, 1964* – Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964.
- Якобсон, 1973* – Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973.
- Яковлев, 2009* – Яковлев Я.А. Могильник Тоянов городок: каталог коллекции Ф.Р. Мар-

тина 1891 г. из фондов Государственного Исторического музея (г. Стокгольм). Томск; Сургут, 2009.

Якубовский, 1929 – Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака (Сугнака) // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. 2. Л., 1929.

Якубовский, 1931 – Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. 8. Вып. 2–3. Л., 1931.

Якубовский, 1947 – Якубовский А.Ю. Из истории падения Золотой Орды // Вопросы истории. 1947. № 2.

Ялбулганов, 1998 – Ялбулганов А.А. Очерки военной истории ногайцев. М., 1998.

Янина, 1962 – Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. № 111.

Ярцов, 1848 – Ярцов Я.О. Ярлыки крымских ханов // ЗООИД. 1848. Т. II. Отд. 1.

Ярцов, 1849 – Ярцов Я.О. Татарские и турецкие акты, найденные в Крыму // ЖМНП. 1849. Ч. 21. Отд. VII.

Яхин, 2005 – Яхин Ф.З. Отражение истории древнего Тобольска в «Генеалогическом древе Сибирского ханства» // Сулеймановские чтения–2005. Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции (Тобольск, 12–13 мая 2005 г.). Тюмень, 2005.

Яхонтов, 1891 – Яхонтов С.Д. Переписная книга по городу Касимову за 1646 (7154) г. // Труды РУАК. Т. 6. № 1. Рязань, 1891.

Яхтанигов, 1993 – Яхтанигов Х.Х. Северокавказские тамги. Нальчик, 1993.

Литература на татарском языке

Атласи, 1997 – Атласи Н. Себер тарихы. Сөөнбикә. Казан ханлыгы. Казан, 1997.

Әбелгазый, 2007 – Әбелгазый Баһадир хан. Шәжәрәи төрек. Казан, 2007.

Әмирхан, 1883 – Әмирхан углы Хөсәен. Төварихы Болгария, өнтөхибә минәт-төварихил-мөтәгәддидә вә минәр-рисалятил-мөтәгәддидә. Казан, 1883.

Әхмәтҗанов, 1992 – Әхмәтҗанов М.И. Нәрсә ул «жир кәсе»? // Татарстан. 1992. №7–8.

Әхмәтҗанов, 1993 – Әхмәтҗанов М.И. Нугай урдасы һәм аның татар этник тарихына мөнәсәбәте // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.

Әхмәтҗанов, 1995 – Әхмәтҗанов М.И. Татар шәжәрәләре (Беренче китап). Казан, 1995.

Әхмәтҗанов, 1995а – Әхмәтҗанов М.И. Казан вилаятенәң жинүе // Идел. 1995. №1.

Әхмәтҗанов, 1995б – Әхмәтҗанов М.И. Сәйед Шакуловлар шәжәрәсе // Мәдәни җомга. 6.10.1995.

Әхмәтҗанов, 2000 – Әхмәтҗанов М.И. Үлгәннәрнең кадрен бел. Казан, 2000.

Әхмәтҗанов, 2002 – Әхмәтҗанов М.И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан, 2002.

Әхмәтҗанов, 2002–2003 – Әхмәтҗанов М.И. Татар дөрбәләре тарихына // Татарская археология Казанское и другие татарские ханства: археология, эпиграфика и искусство. 2002–2003 г. № 1–2 (10–11).

Әхмәтҗанов, 2008 – Әхмәтҗанов М.И. Касыйм шәйех-газиз. Казан, 2008.

Әхмәтҗанов, 2009 – Әхмәтҗанов М.И. Ибраһим хан ярлыгы һәм Манаш тархан нәсел шәжәрәсе // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009.

Әхмәтҗанов, 2009а – Әхмәтҗанов М.И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Икенче китап. Казан, 2009.

Әхмәтҗанов, 2011 – Әхмәтҗанов М.И. Чуаш атамасы татар тарихында // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Вып. II. Казань, 2011.

Әхмәтҗанов, 2011а – Әхмәтҗанов М.И. XVII–XVIII гасыр татар ташбилгеләре. Казан, 2011.

Әхмәтҗанов, 2011б – Әхмәтҗанов М.И. Ташбилгеләргә язылган татар әдәбияты үрнәкләре. Казан, 2011.

Әхмәтҗанов, 2011в – Әхмәтҗанов М.И. Татар шәжәрәләре. 1 том. Казан, 2011.

Әхмәтҗанов, 2012 – Әхмәтҗанов М.И. Татар шәжәрәләре. 1 том. Казан, 2012.

Бакырған – بقرعان كتابی – Казан, 1894.

Баттал, 1996 – Баттал Г. Казан төркіләре. Казан, 1996.

Беркутов, 1968 – Беркутов В. Борынгы кулъязма // Совет мәктәбе. 1968. № 9.

Борынгы, 1963 – Борынгы татар әдәбияты. Казан, 1963.

Борынгы, 1981 – Борынгы төрки һәм татар әдәбиятының чыганақлары. Казан, 1981.

Гали, 1941 – Гали М. Өмми Камал китабы // Совет әдәбияты. 1941. №5.

Галлямов, 1994 – Галләмов Р.Ф. Казан арты тарихында нугайлар // Казан утлары. 1994. № 9.

Гариф, 2006 – Гариф Н.Г. Казан ханлыгы: оешу тарихы, идарә системасы, административ бүленеше һәм феодал вассаллык мөнәсәбәтләре. Чаллы олысы мисалында. Казан, 2006.

Гариф, 2010 – Гариф Н.Г. Казан ханлыгы чоры ташъязмалары. Казан, 2010.

- Гарифуллин, 2012* – Гарифуллин Д. Тажеддин Ялчыгол кайчан һәм кайда туган? // Мәдәни жомга. 30.11.2012.
- Госманов, 1965* – Госманов М., Мөхәммәдьяров Ш., Степанов Р. Яңа ярлык // Казан утары. 1965. №8.
- Дәфтәре, 2000* – Дәфтәре Чынгыз-намә. Казан, 2000.
- Зәкиев, 1998* – Зәкиев М.З. Төрки-татар этногенезы. М., 1998.
- Идегәй, 1988* – Идегәй. Татар халык дастаны. Казан, 1988.
- Измайлов, 1994а* – Измайлов И.Л. Казан ханлыгы флоты // Мирас. 1994. № 9.
- Илдан белән Гөлдан, 2002* – Илдан белән Гөлдан (дастан) // Мирас. 2002. № 8.
- Исәнбәт, 1967* – Исәнбәт Н.С. Татар халык мәкальләре. Т. 3. Казан, 1967.
- Исхаков, 1993г* – Исхаков Д.М. Казан ханлыгы тарихының билгесез битләре // Мирас. 1993. № 10.
- Исхаков, 1998а* – Исхаков Д.М. Идел – Урал буе һәм Себер татарларының этник тарихларындагы уртаклыклар (Болгар, Алтын Урда һәм Татар ханлыклары чорлары) // Мирас. 1998. № 3.
- Исхаков, 1998б* – Исхаков Д.М. Кол-Шәриф // Идел. 1998. №10.
- Кадыйрова, 2003* – Кадыйрова Э.Х. XVI гасыр гарәпчә-төрки-татарча сүзлекнең лексикасы // Актуальные вопросы татарского языкознания. Вып. 2. Казань, 2003.
- Кадыйрова, 2012* – Кадыйрова Э.Х. XVI гасыр истәлеге – Корьән тәфсире хакында // Тюркоязычная книга: наследие веков. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной истории тюркоязычной книги (Казань, 17–18 октября 2012 г.). Казань, 2012.
- Кәлилә, 1996* – Кәлилә вә Димнә. Казан, 1996.
- Кәримуллин, 1991* – Кәримуллин Ә.Г. Татарлар: исемебез һәм жисемебез. Казан, 1991.
- Кол Шәриф, 1997* – Кол Шәриф. И, күнел, бу дөньядыр... Казан, 1997.
- Кол Шәриф, 2005* – Кол Шәриф һәм аның заманы / Кул Шариф и его время. Казань, 2005.
- Кыйссаи* – قصه حبیبی خواجہ – Казан, 1899.
- Мәжмугыл-хикәят, 1994* – Мәжмугыл-хикәят. Казан, 1994.
- Мәңгелеккә аяк басканда, 2006* – Мәңгелеккә аяк басканда: Сәйед Кол Шәриф. Казан, 2006.
- Мәрданов, Гадиев, 2008* – Мәрданов Р., Гадиев И. Әгерже төбәгенең ташъязма истәлекләре. Казан, 2008.
- Мәржани, 1885* – Мәржани Ш. Мөстафадел-эхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Т. 1. Казан, 1885.
- Мәржани, 1989* – Мәржани Ш. Мөстафадел-эхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан, 1989.
- Миңнегулов, 1988* – Миңнегулов Х.Й. Шәрык һәм татар әдәбиятында кысалы кыйссалар. Казан, 1988.
- Миңнегулов, 2010* – Миңнегулов Х.Ю. Гасырлар арасында уйланулар. Казан, 2010.
- Миңнегулов, Садретдинов, 2011* – Миңнегулов Х.Й., Садретдинов Ш. Әдәбият. 9 сыйныф өчен дәреслек. Казан, 2011.
- Мирастан биш сәхифә, 2011* – Мирастан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре. Казан, 2011.
- Мөстәкыймов, 2003* – Мөстәкыймов И. Сахиб-Гәрәй хан ярлыгы // Гасырлар авазы. 2003. № 3–4.
- Мөхәммәдьяр, 1997* – Мөхәммәдьяр. Нуры содур. Поэмалар, шигырьләр. Казан, 1997.
- Мөхәммәт Әмин, 2004* – Мөхәммәт Әмин. Могжизнамә. Казан, 2004.
- Насыйри, 1881* – Насыйри Г.-К. Шәжәрә-и Рәззакыйя. Казан, 1881.
- Нәкькаш, 1997* – Нәкькаш-Исмәгыйл Нәжип. Мөхәммәдьяр ижатында Корьән һәм хәдисләр // Мирас. 1997. № 8.
- Рәхим, 2008* – Гали Рәхим: тарихи-документаль, әдәби һәм биографик жыентык. Казан, 2008.
- Риваятьләр һәм легендалар, 1987* – Татар халык ижаты: Риваятьләр һәм легендалар. Казан, 1987.
- Сәхип Гәрәй ярлыгы, 1936* – Сәхип Гәрәй ярлыгы // Борынгы татар әдәбияты. Казан, 1936.
- Тажеддин Ялчыгол, 2001* – Тажеддин Ялчыгол. Рисаләи Газизә. Казан, 2001.
- Татар әдәбияты, 1984* – Татар әдәбияты тарихы. 6 томда. Т. 1. Казан, 1984.
- Татар энциклопедиясе, 2010* – Татар энциклопедиясе. 6 томда. Т. 2. Казан, 2010.
- Утыз Имәни, 1986* – Габдерәхим Утыз Имәни әл-Болгари. Шигырьләр, поэмалар. Казан, 1986.
- Үзйәтгин, 2013* – Үзйәтгин М. Әстерханлы Шәрифинең 1550 елда язган «Зафәрнамә»се // Чын Мирас. 2013. № 5.
- Хажитархани, 1997* – Хажитархани Ш. Зафәрнамәи вилаяте Казан // Кол Шәриф. И күнел, бу дөньядыр... Казан, 1997.
- Хаков, 1992* – Хаков В.Х. XVI гасыр иске татар әдәби телен өйрәнү өчен язма чыганаclar // Язык, духовная культура и история тюрков: традиции и современность (Труды международной конференции в 3-х томах). Т. 1. Казань, 1992.
- Хаков, 1993* – Хаков В.Х. Казан ханлыгы чорында әдәби тел // Мирас. 1993. № 8.

Халиди, 2005 – Фатих Халиди. Мең дә бер сәхәр. Казан, 2005.

Хэйри, 1994 – Хэйри Ә. Жиз савытка язылган борыңгы язу // Мирас. 1994. № 11–12.

Хәкимжәнов, 1995 – Хәкимжәнов Ф.Х. Шерефи. «Зафер наме-и Вилайет-и Казан» // Эхо веков / Гасырлар авазы. 1995 №1.

Чингизхан, 1819 – Чингизхан вә Аксак Тимер вә тәварихләрә махсус бәгъзе кыйсым – кыйтгалар эмин вә телемизләр мәслихәт өчен жәмигъ лөгәтьләрене хорүф һижа үзрә тәртиб әйләйүб. Казан, 1819.

Шарафутдинов, 1906 – [Шарафутдинов С.]. Шеджере-и Чингизийе. Казан, 1906.

Шаһиева, 2005 – Шаһиева Р. Казан тәхете // Кул Шариф и его время. Казань, 2005.

Шәриф, 1995 – Шәриф Хажитархани. Казан вилаятенәң жиңүе // Идел. 1995. № 1.

Яхин, 2009 – Яхин Ф.З. Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология. Казан, 2009.

Литература на иностранных языках

A Journey, 1997 – A Journey into China's Antiquity. National Museum of Chinese History. Vol. 4. Beijing, 1997.

Abdülvahap, 1999 – Abdülvahap N. Osman Murasov: Şair İsmetiy ve «Özü Vaqıası Destanı» eseri // Günsel. 1999. № 3.

Aboul-Ghazi, 1871 – Aboul-Ghazi Behadour Khan. Histoire des Mogols et des Tatares. T. I. Texte. St.-Petersbourg, 1871.

Aboul-Ghazi, 1874 – Histoire des Mongols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan. T. II. Traduction. St.-Petersbourg, 1874.

Abrahamowicz, 1986 – Abrahamowicz Z. Lipka // The Encyclopaedia of Islam, 2nd edition. Vol. 5. Leiden, 1986.

Abrahamowicz, Reychman, 1983 – Abrahamowicz Z., Reychman J. Lipka // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. 5. Leiden, 1983.

Abrahamus Ortelius, 1964 – Abrahamus Ortelius. Theatrum Orbis Terrarum. Lausanne, 1964.

Abu-Lughod, 1993 – Abu-Lughod J. The Islamic City: Historic Myth, Islamic Essence, and Contemporary Relevance // Urban Development in the Muslim World. Ed. Hooshang Amirahmadi and Salah S. El-Shakhs, 1993.

Acar, 2008 – Acar, S. Kasım Hanlığı (1445–1681). İstanbul, 2008.

Acar, 2013a – Acar, S. Kazan Hanlığı – Moskova Knezliği Siyasi İlişkileri (1437–1552). Ankara, 2013.

Acar, 2013b – Acar, S. Kazan Hanlığı (1437–1552) // Doğu Avrupa Türk Tarihi. İstanbul, 2013.

Acar, 2013c – Acar, S. Kâsım Hanlığı (1445–1681) // Doğu Avrupa Türk Tarihi. İstanbul, 2013.

Acar, 2013d – Acar, S. Astarhan Hanlığı (1502–1556) // Doğu Avrupa Türk Tarihi. İstanbul, 2013.

Acar, 2013e – Acar, S. Sibir Hanlığı (1464–1589) // Doğu Avrupa Türk Tarihi. İstanbul, 2013.

Acar, 2013f – Acar, S. Kırım Hanı Devlet Giray'ın 1571 Rusya Seferi ve Moskova Yangını // Karadeniz Araştırmaları Dergisi. Sayı: 39. 2013.

Agoston, 1995 – Agoston G. Karamania, the Anti-Ottoman Christian Diplomacy and the Non-Existing Hungarian-Karamanid Diplomatic Relations of 1428 // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Tomus XLVIII. Fasc. 3. Budapest, 1995.

Ahmet, 1940 – Ahmet Cevdet Paşa. Kırım ve Kafkas Tarihçesi. İstanbul, 1940.

Aleksandr Sereda, 2009 – Aleksandr Sereda. Silistrensko-Ochakovskijat ejalet prez XVIII – nach.na XIX v. Sofia, 2009.

Alexandru Gonța, 1983 – Alexandru Gonța. Româniî și Hoarda de Aur. 1241–1502. München, 1983.

Allsen, 1997 – Allsen T.T. Commodity and exchange in the Mongol empire. A cultural history of Islamic textiles. Cambridge, 1997.

Almagià, 1944 – Almagià R. Monumenta cartographica Vaticana. Città del Vaticano. T. 1. 1944.

Alpargu, 1996 – Alpargu M. XVI yüzyılın ortasında Nogay Türkleri ve ordaları // Emel. Sayı: 215. Ankara, 1996.

Arslangiray, 1959 – Arslangiray A.S. Kırım Hanlığı: Menşei-Kuruluşu ve Osmanlı İmparatorluğuna Bağlanması. İstanbul, 1959.

Atlas, 1789 – Atlas Géographique et Universel, par et Guil. Delisle Phil. Buaché Premiers Géographes de l'Académie des Sciences. Et par Dezauche Ingénieur Géographe, et Successeur des S-rs Delisle et Buaché. A Paris chez Dezauche rue des Noyers. Avec Privilège d'Auteur. Paris, 1789.

Augustiewicz, 2009 – Augustiewicz S. Dwa poselstwa Mariusza Stanisława Jaskólskiego na Krym w 1654 roku // Staropolski ogląd świata. Rzeczpospolita między okcydentalizacją a orientalizacją. Vol. 1. Przestrzeń kontaktów. Toruń, 2009.

Aurel Decei, 1945 – Aurel Decei. Dobruca. İslam Ansiklopedisi. Cilt 3. İstanbul, 1945.

Aurel Decei, 1978 – Aurel Decei. Problema colonizării turcilor selgiucizi în Dobrogea secolului al XIII-lea. Relații româno-orientale. Culegere de studii. București, 1978.

Ayan, 2005 – Ayan Gönül. Kırım'lı Mahmud'un Yusuf u Züleyha Mesnevisi / TİKA I. Uluslararası Türkoloji Sempozyumu Bildirileri (Kırım-Ukrayna, 31 Mayıs–04 Haziran 2004). Simferopol, 2005.

- Aziz, 1938* – Aziz, Ö. Kırım hakkında coğrafi, iktisadi, siyasi malumat // Kırım Mecmuası. Sayı: 2. 1938.
- Abber, 1826* – Memoirs of Zehir-ed-Din Baber, emperor of Hindustan, written by himself in the Jagatai Turki. London, 1826.
- Babinger, 1927* – Babinger Fr. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Lpz., 1927.
- Badr, 1996* – Badr, H.A. A. Styles of Tombs and Mausoleums in Ottoman Cairo, Cimetieres Et Traditions Funeraires Dans Le Monde Islamique II, Uluslararası Kollokyumun Bildileri Kitabı. (İstanbul, 28–30 Eylül 1991). Ankara, 1996.
- Bagrow, 1975* – Bagrow L. A history of cartography of Russia up to 1600. Ontario. V. 1. 1975.
- Banarlı, 1987–1989* – Banarlı, Nihad Sâmî. Resimli Türk Edebiyatı Tarihi. C. I–II. İstanbul, 1987–1989.
- Baranowski, 1948* – Baranowski B. Geneza sojuszu kozacko-tatarskiego z 1648 r. // Przegląd Historyczny. T. 37. 1948.
- Baranowski, 1948a* – Baranowski B. Polska a Tatarszczyzna w latach 1624–1629. Łódź, 1948.
- Baranowski, 1949* – Baranowski B. Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632–1648. Łódź, 1949.
- Baranowski, 1950* – Baranowski B. Znajomość Wschodu w Dawnej Polsce do XVIII wieku. Łódź, 1950.
- Baranowski, 1957* – Baranowski B. Tatarszczyzna wobec wojny polsko-szwedzkiej w latach 1655–1660 // Polska w okresie drugiej wojny północnej 1655–1660. Vol. 1: Rozprawy. Warszawa, 1957.
- Barkan, 1979* – Barkan Ö.L. İstanbul Saraylarına ait Muhasebe Defterleri // Belgeler. Cilt IX. Sayı 13 (1979). Ankara, 1979.
- Barişta, 1993* – Barişta H. Örcün. İstanbul Çeşmeleri. Kabataş Hekimoğlu Ali Paşa Veydan Çeşmesi – Acar Matbaacılık A.Ş. İstanbul, 1993.
- Barişta, 1998* – Barişta H. Örcün. Türk el sanatları / H. Örcün Barişta. İlaveli 2. bsk. Ankara, 1998.
- Bartoszewicz, 1860* – Bartoszewicz J. Pogląd na stosunki Polski z Turcją i Tatarami. Warszawa, 1860.
- Baski, 1986* – Baski I. A Preliminary Index to Rásonyi's Onomasticon Turcicum. Budapest, 1986 (Debter – Deb-Ther – Debtelin. Materials for Central Asiatic and Altaic Studies, 6).
- Battal, 1966* – Battal Taymas. A. Kazan Türkleri: Türk Tarihinin Hazin Yaprakları. Ankara, 1966.
- Battal, 1988* – Battal Taymas. A. Kazan Türkleri: Türk Tarihinin Hazin Yaprakları. Ankara, 1988.
- Battuta, 1962* – The Travels of Ibn Battuta A.D. 1325–1354. Vol. II. Cambridge, 1962.
- Beldiceanu et I. Beldiceanu-Steinherr, 1986* – N. Beldiceanu et I. Beldiceanu-Steinherr. Notes sur le «bir», les esclaves tatars et quelques charges dans les Pays Roumains // Journal of Turkish Studies. 1986. 10.
- Bennigsen, 1967* – Bennigsen A. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 // CMRS. Vol. VIII. № 3. Paris, 1967.
- Bennigsen, 1978* – [Bennigsen A.] Le khanate de Crimée dans les archives du Musée du Palais de Topkapı. Paris, 1978.
- Bennigsen, Lemercier-Quelquejay, 1976* – Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. La Grande Horde Nogay et le problème des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // Turcica. Revue d'études turques. 1976. T. 8. № 2.
- Bianca Stefano, 2000* – Bianca Stefano. The Deep Structure of the Traditional Urban Fabric // Urban Form in the Arab World–Past and Present. London, 2000.
- Bielski, 1856* – Bielski M. Kronika Marcina Bielskiego. T. II. Sanok, 1856.
- Biographisches, 1981* – Biographisches Lexikon zur Geschichte Südosteuropas. Bd. IV. München, 1981.
- Borawski, 1977* – Borawski P. Z Dziejów Kolonizacji Tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim i w Polsce (XIV–XVII w.) // Przegląd Orientalistyczny. № 4 (104). Warszawa, 1977.
- Borawski, 1986* – Borawski P. Tatarzy w dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1986.
- Borawski, 1996* – Borawski P. Tatarzy-kozacy w Wielkim Księstwie Litewskim // Acta Baltico-Slavica. 23. 1996.
- Borawski, Dubiński, 1986* – Borawski P., Dubiński A. Tatarzy polscy. Dzieje, obrzędy, tradycje. Warszawa, 1986.
- Borawski, Sienkiewicz, 1986* – Borawski P., Sienkiewicz W. Kilka uwag o książce Jacka Sobczaka pt. Położenie prawne ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim, «Kwartalnik Historyczny». XCIII. 1986. № 1.
- Borawski, Sienkiewicz, Wasilewski, 1991* – Borawski P., Sienkiewicz W., Wasilewski T. Rewizja dóbr tatarskich 1631 r. – sumariusz i wypisy // Acta Baltico-Slavica. 20. 1991.
- Broniowski, 1595* – Martini Broniovii de Biezdzfedeia bis in Tartariam nomine Stephani primi Poloniae regis legati Tartariae descriptio. Cologne, 1595.
- Brückner, 1896* – Brückner A. Geschichte Rußlands bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Bd. 1. Überblick der Entwicklung bis zum Tode Peters des Großen. Gotha, 1896.
- Bursali, 1990* – Bursali, Mehmet Tahir. Osmanlılar Zamanında Yetişen Kırım Mü'ellifleri. Ankara, 1990.

- YYOA Çakım* – Çakım, Burhanettin. Enveri (Mehmed) // YYOA. C. 1. İstanbul, 1999.
- Călători, 1971* – Călători străini despre țările române. Vol. III. București, 1971.
- Călători, 1976* – Călători străini despre țările române. Vol. VI. București, 1976.
- Cartografia, 2000* – Cartografia Mallorquina. Barcelona, 2000.
- Catalogul, 1965* – Catalogul Documentelor Turcești. Vol. II (1455–1829) / Întocmit de Mihail Guboglu. București, 1965.
- Ch.de Peyssonel, 1787* – Ch.de Peyssonel. Traité sur le commerce de la Mer Noire. Vol. 2. Paris, 1787.
- Cihan, Yılmaz, 2004* – Cihan, A., Yılmaz, F. Kırım Kadı Sicilleri // Islam Aratmalar Dergisi. 2004. Say 11.
- Collins, 1975* – Collins L. The military organization and tactics of the Crimean Tatars during the sixteenth and seventeenth centuries // War, technology and society in the Middle East. London, 1975.
- Collins, 1991* – Collins L. On the Alleged «Destruction» of the Great Horde in 1502 // Manzikert to Lepanto: The Byzantine World and the Turks, 1071–1571. Amsterdam, 1991.
- Costăchescu, 1932* – N.Costăchescu. Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare II. Iași, 1932.
- Cronici, 1966* – Cronici turcești privind țările române. Extrase. Sec. XV – mijlocul sec. XVII. București, 1966.
- Croskey, 1984* – Croskey R. The Diplomatic Forms of Ivan III's Relationship with the Crimean Khan // Slavic Review. 1984. Vol. 43. Nr 2.
- Croskey, 1987* – Croskey R. Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. New York; L., 1987. VIII.
- Curtin, 1908* – Curtin J. The Mongols in Russia, by Jeremiah Curtin... Boston, Little Brown, 1908. XX.
- Czacki, 1845* – Czacki T. O Tatarach // Dzieła Tadeusza Czackiego. T. III. Poznań, 1845.
- Dan Ion Haidarlî, 2003* – Dan Ion Haidarlî. Relațiile Moldovei cu Hanatul din Crimeea și nogaii în anii 1699–1783 (Rebeliunea nogailor din Bugeac în anii 1727–1728). Tătarii în istorie și în lume. București, 2003.
- Darrag, 1961* – Darrag Ahmad. L'Égypte sous le Règne de Barsbay. 825–841/1422–1438. Damas, 1961.
- Das osmanische, 1984* – Das osmanische «Registerbuch der Beschwerden» (Şikâyet Defteri) vom Jahre 1675. Band I. Wien, 1984.
- Davies, 2007* – Davies Brian L. Warfare, State and Societe on the Black Sea Steppe, 1500–1700. L.; New York, 2007.
- Decei, 1950–1955* – Decei A. Etablissement de Aktav de la Horde d'Or dans l'Empire Ottoman, au temps de Yıldırım Bayezid // 60. Doğum Yılı Münasebetiyle Zeki Velidi Toğan'a Armağan. Symbolae in Honorem Z.V. Togan. İstanbul, 1950–1955.
- Ders, 1855* – Ders. Krim-Girai, ein Bundesgenosse Friedrichs des Großen: ein Vorspiel der russisch-türkischen Kämpfe. B., 1855.
- Ders, 1913* – Ders. Die ersten Einfälle der Krymtataren in Südrussland // ZoG. B., 1913.
- Ders, 1943* – Ders. Die Goldene Horde: die Mongolen in Rußland. 1223–1502. Lpz., 1943.
- Deryagina, Frolova, 1997* – Deryagina T., Frolova O. Antoni Muchlinski and His Collection of Arabic Manuscripts in the St. Petersburg University Library // Manuscripta Orientalia. 1997. Vol. 3. No 4.
- DeWeese, 1993* – DeWeese D. An 'Uvaysī' Sufi in Timurid Mawarannah: notes on hagiography and the taxonomy of sanctity in the religious history of Central Asia // Papers on Inner Asia. No. 22. Bloomington, Indiana, 1993.
- DeWeese, 1994* – De Weese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, 1994.
- DeWeese, 1996* – De Weese D. Jasavi sayhs in the Timurid era: Notes on social-political role of communal sufi affiliations in the 14th and 15th centuries // Oriento moderno / Nuovo serie. Anno XV (LXXVI). 2–1996.
- Die Russisch-Orthodoxe, 1954* – Die Russisch-Orthodoxe Heidenmission seit Peter dem Grossen. Ein missiongeschichtlicher Versuch nach russischen Quellen und Darstellungen von P.Dr.Jozef Glazik. Münster Westfalen, 1954.
- Dimitrie Cantemir, 1876* – Dimitrie Cantemir. Istoria Imperiului ottoman. București, 1876.
- Ditten, 1968* – Ditten H. Der Russland-Exkurs des Laonikos Chalkokondyles. Berlin, 1968.
- Divane, 2004* – Kırmırlı Selim Divane. Ariflerin Delili. Müşkillerin Anahtarı. Ankara, 2004.
- Divan-ı Halim, 1991* – Divan-ı Halim Giray. Erzurum, 1991.
- Dmitriev, 2007* – Dmitriev M. Vivre la différence dans l'Empire orthodoxe des premiers tsars: musulmans, païens et tolérance à la moscovite, 1550–1700 // Vivre dans la différence, hier et aujourd'hui. Actes du colloque. (Nîmes, 24–25 novembre, 2006). Avignon, 2007.
- Documenta, 1977* – 22 Documenta Romaniae Historica. D. I. Nr. 49. București, 1977.
- Doerfer, 1963* – Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. B. I. Wiesbaden, 1963.
- Drozd, Dziekan, Majda, 2000* – Drozd A., Dziekan M., Majda T. Piśmiennictwo i Muhiry

- Tatarów Polsko-Litewskich. (Katalog Zabytków Tatarskich. T. III). Warszawa, 2000.
- Dziadulewicz, 1929* – Dziadulewicz S. Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. Wilno, 1929.
- Elçin, 1987* – Elçin Şükrü. Aşık Ömer. Ankara, 1987.
- Emiri, 1995* – Emiri, Ali. Kırım Edebiyatı ve Fatih Sultan Mehmed Han Hazretleriyle Vükelâ ve Vüzerâ ve Ulemâ ve Şuarâsının Mevlâna-yı Kırımı Hazretleriyle Müşaareleri // Emel (Kasım-Aralık). Sayı: 211. 1995.
- Ergun, 1936* – Ergun S.N. Aşık Ömer. Hayatı ve Şiirleri. İstanbul, 1936.
- Ernest Oberlander-Târnoeanu, 1997* – Ernest Oberlander-Târnoeanu. Inceputurile prezenței tătarilor în zona gurilor Dunării în lumina documentelor numismatice. Originea Tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă. București, 1997.
- Ernst, 1911* – Ernst N.K. Die Beziehungen Moskaus zu den Tataren der Krym unter Iwan III und Vasilij III. 1474–1519. B., 1911.
- Ernst, 1913* – Ernst N.K. Die ersten Einfälle der Krymtataren in Südrussland // ZoG. B., 1913.
- Ertaylan, 1958* – Ertaylan, İ.H. Gazi Geray Han Hayatı ve Eserleri. İstanbul, 1958.
- Ertaylan, 1960* – Ertaylan İ.H. Türk Dilinde Yazılan “İlk Yusuf ve Züleyha / Kırımlı. Yusuf ile Züleyha. İstanbul, 1960.
- Eugen Nicolae, 1995* – Eugen Nicolae. Quelques considérations sur les monnaies tatars de «la Ville Neuve» (Yangı-şehr/Şehr al-cedid). Studii și Cercetări de Numismatică. 1995.τ Vol. XI.
- Feridun Bey, 1275/1858* – Feridun Bey Ahmed. Münşaat-us Selatin. Cilt I. İstanbul, 1275/1858.
- Fındıklılı, 1928* – Silâhdâr Fındıklılı Mehmed Ağa. Silâhdâr Tarihi. Cild I–II. İstanbul, 1928.
- Fisher, 1970* – Fisher A. The Russian Annexation of the Crimea. 1772–1783. Cambridge, 1970.
- Fisher, 1978* – Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, 1978.
- Fisher, 1978a* – Fisher A. Ottoman Sources for a Study of Kefe Vilayet: The Malyeden Müdevver Fond in the Başbakanlık Arşivi in İstanbul // CMRS. 1978. Vol. XIX (1–2).
- Fisher, 1981–1982* – Fisher A. The Ottoman Criema in the Sixteenth Centuty // Harvard Ukranian Studies. 5. (1981–1982).
- Fisher, 1987* – Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, California, 1987.
- Fontes, 1975* – Fontes Historiae Daco-Romanae. III. București, 1975.
- Frabetti, 1978* – Frabetti P. Carte nautiche italiane ad XIV al XVII secolo conservate in Emilia. Firenze, 1978.
- Fraehn, 1816* – Fraehn Ch.M. Biilariae urlis orig atgue jata Fatarlice ef latine // Fundgruben des Orients. V b. Wien, 1816.
- Fraehn, 1826* – Fraehn Ch.M. Recensio numorum muhammedonorum Academiae Imp. Scientiarum Petropolitanae. Petropoli, 1826.
- Frank, 1994* – Frank Allen. The Siberian Chronicles and the Taibughid Biys of Sibir’. Bloomington, Indiana, 1994.
- Frank, 2000* – Frank Allen. Varieties of islamization in Inner Asia. The case of the Baraba Tatars, 1740–1917 / Cabiers du monde Russe. 41/2–3. En islam Siberian, Avril-Septembre 2000.
- Frank, 2001* – Frank Allen. Muslim Sacred History and the 1905 Revolution in a Sufi History of Astrakhan // Studies on Honor of Yuri Bregel. Ed. by Devin DeWeese. Bloomington, 2001.
- Frederick De Jong, 1986* – Frederick De Jong. The Turks and Tatars in Romania / Turcica. 18. 1986.
- Gabriel Andreescu, 2005* – Gabriel Andreescu, Ernest Oberlander-Târnoeanu, Volker Adam. Tartars in Romania. Problems of identity. Bucharest, 2005.
- Genghis Khan, 2004* – Genghis Khan – the Ancient Nomadic Culture of the Northern China. Beijing, 2004.
- Gevheri, 1984* – Gevheri Divanı. Inceleme-Metin-Dizin-Bibliografya. Ankara, 1984.
- Gheorghe Postică, 2006* – Gheorghe Postică, Orheiul Vechi. Cercetări arheologice 1996–2001. Iași, 2006.
- Gibb, 1999* – Gibb E.J.W. Osmanlı Şiir Tarihi. C. I–II. Ankara, 1999.
- Giuseppe Cossuto, 2001* – Giuseppe Cossuto. Storia dei Turchi di Dobrugia. İstanbul, 2001.
- Gökbilgin, 1973* – Gökbilgin, Ö. 1532–1577 yılları arasında Kırım Hanlığının siyasi durumu. Ankara, 1973.
- Gökyay, 1968* – Gökyay O.Ş. Hannâme // Necati Lugal Armağanı. Ankara, 1968.
- Gold/ Silk/..., 2005* – Gold/ Silk/ Blue and White Porcelain. Fascinating Art of Marco Polo Era. Catalogue of Exhibition. Hangzhou, 2005.
- Gözaydın, 1948* – Gözaydın, E.F. Kırım Türklerinin Yerleşme ve Göçmeleri. İstanbul, 1948.
- Grecov, 1953* – B.D. Grecov și A.I. Iacobovschi. Hoarda de Aur și decăderea ei. București, 1953.
- Gülbün, 1990* – Halim Giray Sultan. Gülbün-i Hanan. Erzurum, 1990.
- Gülistan, 1989* – Seyf-i Sarâyi. Gülistan Ter-cümesi (Kitab Gülistan bi`-Türki). Ankara, 1989.
- YYOA Güngör – Güngör, Şeyma. Ömer (Aşık) // YYOA. C. II. İstanbul, 1999.
- Hadzy, 1971* – Hadzy Mehmed Senai z Krymu Historia Chana Islam Gereja III. Tekst turecki

wydał, przełożył i opracował Z. Abrahamowicz. Warszawa, 1971.

جهانشاه بن عبد الجبار النيز – ۱۹۰۷ خادجيتارخاني [Астрахань, غاروطى شويبلى ثم الحاجتر خانى . تاريخ استرخان. ۱۹۰۷]

Halasi Kun, 1942 – Halasi Kun T. Monumentes de la langue tatare de Kazan // *Analecta Orientalia memoriae Alexandri Csoma de Kőrös dicata* (Bibliotheca Orientalis Hungarica V). Vol. I. Budapestini, 1942.

Halasi Kun, 1949 – Halasi Kun T. Philologica III. Kazan Türkçesine ait Dil Yadigarları // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi VII. 4. 1949.

Halim-Geray, 1909 – Halim-Geray Sultan. Gülbün-i Hanan yahud Kırım tarihi. İstanbul, 1327/1909.

Halim Giray, 2013 – Halim Giray Sultan. Gülbün-i Hanan (Kırım Hanları Tarihi). İstanbul, 2013.

Hamm, 1952 – Hamm J. Altpolnisches aus kroatischen Archiven // *Wiener slavistisches Jahrbuch*. Bd. II. Wien, 1952.

Hammer, 1827 – Hammer J. von Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd.1. Pest, 1827.

Hammer, 1833 – Hammer J. von. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 9. Pest, 1833.

Hammer-Purgstall, 1840 – Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pest, 1840.

Hammer-Purgstall, 1856 – Hammer-Purgstall. Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft. Wien, 1856.

Handbuch, 1982 – Handbuch der Geschichte Russlands. Hrsg. von M.Hellmann, K.Zernack, G.Schramm. Bd. 1. Stuttgart, 1982.

Hasan, 1932 – Hasan A. Ceneviz menbalarna göre XV. asır Kırım Hanlığı // *Azerbaycan Yurt Bilgisi*. Cilt X, XI. İstanbul, 1932.

Hazai, 2001 – *Hazai G.* A document Ottoman de la fin du 15ème siècle: un rapport du commandant Süleyman à la Porte // *Archiv Orientální*. Vol.69. № 2. May. 2001.

Hezarfen, 1998 – Hezarfen, Hüseyin Efendi. Telhisü'l-beyan fi kavanin-i Al-i Osman. Ankara, 1998.

Historie, 1969 – *Historie von Zartum Kasan* (Kasaner Chronist). Graz, 1969.

Hitchins, 1967 – Hitchins K. Ottoman Domination of Moldavia and Wallachia in the Sixteenth Century // *Asian Studies*. Vol. I. New York, 1967.

Hofmann, 2005 – Hofmann M.W. Review of Suter P. Alfurkan Tatarski – Der Litauisch-tatarische Koran-Tefsir. Köln, 2004 // *Journal of Islamic Studies*. Vol. 16 [3]. 2005.

Horata, 2006 – Horata, Osman. Klassik zevkte hikmet ufukları: Hikemi söylem veya Nabi takipçileri // *Türk Edebiyatı Tarihi*. Ankara, 2006.

Howorth, 1970 – Howorth Henry H. History of the Mongols: from the 9th to the 19th century. Taipei: Ch'eng Wen Pub. Co., 1970. 4 v. in 5.

IA – Islam Ansiklopedisi / Türkiye Diyanet Vakfı. İstanbul; Ankara, 1988 (devam etmekte).

IA, Akgündüz – Akgündüz, Ahmet. Dede Cöngü // *Islam Ansiklopedisi*. C. 9. İstanbul, 1994.

IA, Akpınar – Akpınar, Cemil. Kefevi Hüseyin Efendi // *Islam Ansiklopedisi*. C. 25. Ankara, 2002.

IA, Karahan – Karahan, Abdülkadir. Kırk hadis // *Islam Ansiklopedisi*. C. 25. Ankara, 2002.

IA, Çiçekler – Çiçekler, Mustafa. Nazire // *Islam Ansiklopedisi*. C. 32. İstanbul, 2006.

IA, Kılıç – Kılıç, Hulusi. Ebü'l-Bekâ el-Kefevi // *Islam Ansiklopedisi*. C. 10. İstanbul, 1994.

IA, İzgi – İzgi, Cevat. Numan Efendi, Eğinli // *Islam Ansiklopedisi*. C. 33. İstanbul, 2007.

IA, Özcan – Özcan, Nuri. Derviş Abdi, Kefeli // *Islam Ansiklopedisi*. C. 9. İstanbul, 1994.

IA, Özel (a) – Özel, Ahmet (a). Bezzazi // *Islam Ansiklopedisi*. C. 6. İstanbul, 1992.

IA, Özel (b) – Özel, Ahmet (b). Kefevi Mahmud b. Süleyman // *Islam Ansiklopedisi*. C. 25. Ankara, 2002.

IA, Yıldız – Yıldız, Sakib. Akkırmani // *Islam Ansiklopedisi*. C. 2. İstanbul, 1989.

IA, Yuvalı – Yuvalı, Abdülkadir. İbn Arabşah, Şehabeddin // *Islam Ansiklopedisi*. C. 19. İstanbul, 1999.

Ibn Batuta, 1986 – İbn Batuta «Seyahatnamesi»nden Seçmeler. İstanbul, 1986.

Ibn Batuta, 2005 – İbn Battuta Seyahatnamesi, çeviri ve kısa notlar A.Sait Aykut, YKY. İstanbul, 2005.

Inalcık, 1944 – Halil İnalçık. Yeni Vesikalara Göre Kırım Hanlığının Osmanlı Tabiliğine Girmesi ve Ahidname Meselesi // *Türk Tarih Kurumu*. Belleten. Cilt VIII. Sayı 30. Ankara, 1944.

Inalcık, 1948 – Halil İnalçık. Osmanlı-Rus Rekabetinin Menşei ve Don-Volga Kanalı Teşebbüsü (1569) // *Türk Tarih Kurumu*. Belleten. Ankara, 1948.

Inalcık, 1948a – Halil İnalçık. Giray // *İslâm Ansiklopedisi*. C. 38. İstanbul, 1948.

Inalcık, 1960 – Halil İnalçık. Boghdan. The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. I. Leiden-E.J.Brill, 1960.

Inalcık, 1980 – Halil İnalçık. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. III–IV. Part I. 1979–1980.

Inalcık, 1985 – Halil İnalçık. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray // *Studies in Ottoman Social and Economic History*. L., 1985.

- Inalcık, 1986* – Halil Inalçık. Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulatur // *Passe Turco-tatar, present sovietique. Etudes offertes a Alexandre Bennigsen = Turco-Tatar Past, Soviet Present. Studies Presented to Alexandre Bennigsen.* P., 1986.
- Inalcık, 1986a* – Halil Inalçık. Budjak; Dobrudja // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition. I–II.* E.J.Brill-Leiden, 1986.
- Inalcık, 1992* – Halil Inalçık. Kırım Hanlığı / Türk Dünyası El Kitabı. C. I. Coğrafya-Tarih. Ankara, 1992.
- Inalcık, 1996* – Halil Inalçık. Sources and Studies on the Ottoman Black Sea. Vol. I: The Customs Register of Caffa, 1487–1490. Cambridge, 1996.
- Iorga, 1899* – N.Iorga. Studii istorice privind Chilia și Cetatea Albă. București, 1899.
- Iorga, 1904* – N.Iorga. Studii și documente cu privire la istoria românilor. VI–2. București, 1904.
- Iorga, 1909* – N.Iorga. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd.2 (bis 1538). Gotha, 1909.
- Iorga, 1937* – N.Iorga. Histoire des Roumains et de la romanité orientale, III. București, 1937.
- Ismail Hakki, 1954* – Ismail Hakki Uzunçarşılı. Osmanlı Tarihi. III–2. Ankara, 1954.
- Ivanics, Usmanov, 2002* – Ivanics M., Usmanov M. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiz-nämä). Szeged, 2002.
- Jankowski, 2003* – Jankowski H. Polish-Lithuanian-Belarusian Tatar Documents / *Materialia Turcica.* 2003. 24.
- Jia Xizeng, 2005* – Jia Xizeng. Silk Road and Mongol-Yuan Art. Hangzhou, 2005.
- Jireček, 1918* – Jireček K. Geschichte der Serben. Zweiter Band, Erste Hälfte (1371–1537). Gotha, 1918.
- Joannis Dlugosii, 2005* – Joannis Dlugosii annals seu cronicae incliti Regni Poloniae. Liber duodecimus. 1462–1480. Cracoviae, 2005.
- Juvaini, 1997* – Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror. Manchester, 1997.
- Kabaklı, 1990* – Kabaklı, Ahmet. Türk Edebiyatı. C. I–V. İstanbul, 1989–94.
- Kalmykov, 1988* – Kalmykov I.Kh., Kereitov R.Kh., Sikaliyev A.I.-M. Nogai. Historical and ethnographic essay. Cherkessk, 1988.
- Kämpfer, 1969* – Kämpfer F. Die Eroberung von Kasan 1552 als Gegenstand der zeitgenössischen russischen Historiographie // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* Bd. 14. B., 1969.
- Kara Mustafa, 1973* – Kara Mustafa pod Wiedniem. Źródła muzulmańskie do dziejów wyprawy wiedeńskiej 1683 roku. Z tureckiego przełożył i opracował Zygmunt Abrahamowicz. Kraków, 1973.
- Karahan, 1992* – Karahan A. Nefi Divânından Seçmeler. Ankara, 1992.
- Karaköse, 2001* – Karaköse, Saadet. Sa'id Giray Divanı. Denizli, 2001.
- Karutz, 1925* – Karutz R. Die Volker Nord- und Mittelasiens. Stuttgart, 1925.
- Katalog, 1959* – Katalog dokumentow tureckich. Dokumenty do dziejow Polski i krajow osiennych w latach 1455–1672. Warszawa, 1959.
- Katona, 1790* – Katona S. Historia critica regum Hungariae. Tomulus V. Ordine XII. Buda, 1790.
- Kaya, 2007* – Kaya Nevzat. Rāgib Mehmed Paşa and His Library // *Theoretical Approaches to the Transmission and Edition of Oriental Manuscripts. Proceedings of a symposium held in Istanbul, March 28–30, 2001.* Beirut, 2007 (Beiruter texte und studien. Herausgegeben vom Orient-Institut Beirut. Band 111).
- Keenan, 1964–1968* – Keenan E. Coming to Grips with the Kazanskaya Istoriya: Some Observations on Old Answers and New Questions' // *The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States.* 1964–1968. Vol. 9. Nos 1–2 [31–32].
- Keenan, 1965* – Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: a study in steppe politics / Ph.D. dissertation by Edward Louis Keenan, Jr. Harvard, 1965. 7. XIII. 429 leaves.
- Keenan, 1967* – Keenan E. Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // *Slavic Review.* 1967. Vol. 26. N. 4.
- Keenan, 1967a* – Keenan E. The Paradoxes of the Kazanskaya Istoriya // *The Annals of the Ukrainian Academy of Science in the US.* Vol. XXXI–XXXII. New York, 1967.
- Keenan, 1969* – Keenan E. The Yarlyk of Akhmad-xan to Ivan III: A New Reading // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics.* 1969. Vol. 12.
- Keenan, 1986* – Keenan E. Muscovite Political Folkways // *Russian Review.* 1986. Vol. 45.
- Kennedy, 1994* – Kennedy C. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries / Ph.D. dissertation by Craig Gayen Kennedy. Harvard, 1994. 238 leaves.
- Kennedy, 1995* – Kennedy C. Fathers, Sons, and Brothers: Ties of Metaphorical Kinship Between the Muscovite Grand Princes and the Tatar Elite // *Harvard Ukrainian Studies.* 1995. Vol. 19.
- Kellner-Heinkele, 1975* – Kellner-Heinkele, Barbara. Aus den Aufzeichnungen des Sa'id Giray Sultan. Eine zeitgenössische Quelle zur Geschichte

des Chanats der Krim um die Mitte des 18. Jahrhunderts. Hamburg, 1975.

Kellner-Heinkele, 1982 – Kellner-Heinkele, Barbara. 18 Yüzyılda Nogayların Durumu ile ilgili bir Kırım Tatar Kaynağı / Türkçeye çeviren E.Özbilen // Emel. Sayı: 132 (Eylül-Ekim 1982).

Karpat, 2003 – Kemal H.Karpat. Urbanismul otoman: Emigrația din Crimeea spre Dobrogea și întemeierea orașului Medgidia (1856–1878). Tătarii în istorie și în lume. București, 2003.

Kırımlı, 1960 – Kırımlı. Yusuf ile Züleyha. İstanbul, 1960.

Kizilov, 2005 – Kizilov M.B. The Black Sea and the Slave Trade: The Role of the Crimean Maritime Towns in the Trade in Slaves and Captives in the Fifteenth to Eighteenth Centuries // International Journal of Maritime History. XVII. № 1 (June 2005).

Koç, 2012 – Koç, D. Aşağı İdil boyunda hâkimiyet mücadelesi üçadelesi ve Astarhan (Hacı Tarhan) Hanlığı // Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi / Journal of Turkish World Studies. 2012. Cilt: XII. Sayı: 1.

Kolankowski, 1930 – Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonyw. Warszawa, 1930.

Kolankowski, 1935 – Kolankowski L. Problem Krymu w dziejach jagiellońskich // Kwartalnik Historyczny. Vol. 49. Warszawa, 1935.

Kołodziejczyk, 2000 – Kołodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th century). An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents. Leiden–Boston–Köln, 2000.

Kołodziejczyk, 2004 – Kołodziejczyk D. The Ottoman Survey Register of Podolia [ca. 1681]. Defter-i Mufassal-i Eyalet-i Kamanıçe. Part One: Text, Translation, and Commentary. Kyiv-Cambridge, 2004.

Kołodziejczyk, 2006 – Kołodziejczyk D. La Res Publica polono-lituanienne était-elle le vassal de l'Empire ottoman? // Studies in Oriental Art and Culture in Honour of Professor Tadeusz Majda. Warsaw, 2006.

Kołodziejczyk, 2011 – Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston, 2011.

Konopacki, 2010 – Konopacki A. Życie religijne Tatarów na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI–XIX wieku. Warszawa, 2010.

Köprülü, 1962 – Köprülü F. Türk Saz Şairleri. II. Aşık Ömer. Ankara, 1962.

Köprülü, 1981 – Köprülü F. Türk Edebiyatında İlk Mutasavvıflar. Ankara, 1981.

Köprülü, 2006 – Köprülü F. XVII. Asır Saz Şairlerimizden Kâmil Kırım Hanı IV. Mehmed

Giray // Emelimiz Kırım. Sayı: 54 (Ocak-Şubat-Mart 2006).

Kortepeter, 1972 – Kortepeter C.M. Ottoman Imperialism during the Reformation. Europe and the Caucasus. New York; L., 1972.

Kretschmer, 1968 – Kretschmer K. Die Katalanische Weltkarte der Bibliotheca Estense zu Modena // Acta Cartographica. V. II. Amst., 1968.

Khodarkovsky, 1999 – Khodarkovsky M. Taming the 'Wild Steppe': Muscovy's Southern Frontier, 1480–1600 // Russian History / Histoire Russe. 1999. Vol. 26. Issue 3.

Khodarkovsky, 2002 – Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier: the making of a colonial empire, 1500–1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002. XII.

Kronika, 1846 – Kronika polska, litewska, żmódzka i wszytjéj Rusi Macieja Strykowskiego. Warszawa, 1846.

Kroniki, 1874 – Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochoniec kantora katedr. Krakowskiego. Część Ostatnia. Czasy podługoszowskie obejmująca (1480–1535). (Scriptores Rerum Polonicarum. Tomus II). Krakow, 1874.

Kryczyński, 1938 – Kryczyński S. Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej. «Rocznik Tatarski». III. 1938.

Kuczyński, 1935 – Kuczyński S. Sine Wody. Warszawa, 1935.

Kuczyński, 1936 – Kuczyński S. Ziemie Czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936.

Kuczyński, 1965 – Kuczyński S. Jahóldaj i Jahóldajewicze, lenni książęta Litwy // Kuczyński S.M. Studia z dziejów Europy Wschodniej X–XVII w. Warszawa, 1965.

Kurat, 1937 – Kurat A.N. Kazan Hanlığını Kuran Uluğ Muhammet Hanın Yarlığı // Edirne ve Yöresi Eski Eserleri Sevenler Kurumu Yayınlarından. Cilt 2. İstanbul, 1937.

Kurat, 1940 – Kurat A.N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait Yarlık ve Bitikler. İstanbul, 1940.

Kurat, 1954 – Kurat A.N. Kazan Hanlığı // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1954. Cilt: 12. Sayı: 3–4.

Kurat, 1966 – Kurat A.N. Türkiye ve İdil Boyu. 1569 Astrahan Seferi, Ten-İdil Kanalı ve XVI–XVIII. Yüzyıl Osmanlı-Rus Münasebetleri. Ankara, 1966.

Kurat, 1972 – Kurat A.N. IV–XVIII Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara, 1972.

Kurat, 1976 – Kurat A.N. Sibir Hanlığı // Türk Dünyası El Kitabı. Ankara, 1976.

Kurdoğlu, 1937 – Kurdoğlu F. İlk Kırım Hanlarının mektupları // Türk Tarih Kurumu. Belleten. 1937. Cilt 1. Sayı 3–4.

- Lane-Pool, 1881* – Lane-Pool S. Catalogue of Oriental coins in the British Museum. Vol. VI. Coins of the Mongols. P. LXIV. L., 1881.
- Langles, 1802* – Langles L. Notice chronologique des khans de Crimée // Forster G. Voyage du Bengale á Pétersbourg. T. 3. P., 1802.
- Laonic Chalcocondil, 1958* – Laonic Chalcocondil. Expuneri istorice..., ed. Vasile Grecu, Editura Academiei, 1958.
- Łapicz, 1986* – Łapicz C. Kitab Tatarów litewsko polskich. Paleografia. Grafia. Język. Toruń, 1986.
- Łapicz, Jankowski, 2000* – Łapicz C., Jankowski H. Klucz do raju. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku. Warszawa, 2000.
- Latifi, 1990* – Latifi Tezkiresi. Ankara, 1990.
- Le khanat, 1978* – Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. P., 1978.
- Lemercier-Quelquejay, 1971* – Lemercier-Quelquejay Ch. Les Khanats de Kazan et de Crimée face a la Moscovie en 1521 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Vol. XII. № 4. Paris – La Haye, 1971.
- Lewis, 1962* – Lewis G.L. The Utility of Ottoman Fethnāmes // Historians of the Middle East. Oxford, 1962.
- Lietuvos, 1994* – Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5 (1427–1506). Parengė E.Banionis. Vilnius, 1994.
- Lietuvos, 1995* – Lietuvos Metrika. Knyga Nr 8 (1499–1514). Parengė E.Baliulis, A.Firkovičius, D.Antanavičius. Vilnius, 1995.
- Lietuvos, 2001* – Lietuvos Metrika. Knyga Nr 12 (1522–1529). Parengė D.Antanavičius, E.Baliulis. Vilnius, 2001.
- Lietuvos, 2003* – Lietuvos Metrika. Knyga Nr 9 (1511–1518). Parengė K.Pietkiewicz. Vilnius, 2003.
- Lietuvos, 2004* – Lietuvos Metrika. Knyga Nr 4 (1479–1491). Parengė L.Anyžytė. Vilnius, 2004.
- Lietuvos, 2007* – Lietuvos Metrika. Knyga Nr 6 (1494–1506). Parengė A.Baliulis. Vilnius, 2007.
- Lietuvos, 2011* – Lietuvos Metrika. Knyga Nr 15 (1506–1539). Vilnius, 2011.
- Lithuania, 2002* – Lithuania on the Map. Comp. Bieliūnienė A., Kulnytė B., Subatniekienė R. National Museum of Lithuania, 2002.
- Mamut Enver, 1964* – Mamut Enver. Nogaii dobrogeni și dialectul lor. Analele Universității București. Seria Științe Sociale. Filologie, an. XIII. 1964.
- Manz, 1978* – Manz B.F. The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532 // Harvard Ukrainian Studies. 1978. № 2.
- Markon, 1938* – Markon I. Die Chronik der Krim'schen Chane von David Lechno «Debar Sephatajim» // 19 Congresso internazionale degli orientalisti (1935): Atti. Roma, 1938.
- Martin, 1983* – Martin J. Muscovite Relations with the Khanates of Kazan' and the Crimea (1460s to 1521) // Canadian-American Slavic Studies. 1983. Vol. 17. N 4.
- Martin, 1992* – Martin J. Muscovite Frontier Policy: the Case of the Khanate of Kasimov // Russian History/Histoire Russe. 1992. Vol. 19. Nos. 1–4.
- Martin, 1995* – Martin J. Medieval Russia, 980–1584. Cambridge, 1995. XXV.
- Matei, 1972* – Matei I. Quelques Problèmes concernant le Régime de la Domination Ottomane dans les Pays Roumains (concernant particulièrement la Valachie) // Revue des Études Sud-Est Européennes. Tome X. № 1. 1972.
- Matei, 1973* – Matei I. Quelques Problèmes concernant le Régime de la Domination Ottomane dans les Pays Roumains. II // Revue des Études Sud-Est Européennes. Tome XI. № 1. 1973.
- Materiały, 1966* – Materiały do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486–1516 (Kodeks Zagrzebski). Opracował J.Garbacik. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966.
- Материалы, 1864* – Matériaux pour servir a l'histoire du Khanate de Crimée... Par V. Véliaminof-Zernof. قريم يازو دابر گه لار. S.-Pb., 1864.
- Mecdi, 1989* – Mecdi Mehmed. Hadaiku'ş-Şakaik / Şakaik-ı Nu'mâniye ve Zeyilleri. Abdülkadir Özcan. C. I. İstanbul, 1989.
- Mihordea, 1979* – Mihordea V. Raporturile Moldovei și Țării Românești cu Tătarii în secolele XVI–XVIII. Revista de istorie. Tom. 32. Nr. 6. 1979.
- Moniuszko, 2009* – Moniuszko A. Changes in the legal culture of Lithuanian Tatars from the Sixteenth to the Eighteenth century, [in] Crossing legal cultures. München, 2009.
- Muallim, 1986* – Muallim Naci. Osmanlı Şairleri. Ankara, 1986.
- Muchliński, 1858* – Muchliński A. Zdanie sprawy o Tatarach Litewskich // Teka Wilenska. № 4–6. Wilno, 1858.
- Müstecib Ülküsal, 1966* – Müstecib Ülküsal. Dobruca ve Türkler. Ankara, 1966.
- Muhammedi, 1999* – Muhammedi E. Altın Ordu, Osmanlı İmparatorluğu ve Mısır Arasındaki Üçlü İttifak // XIII. Türk Tarih Kongresi. Bildiri Özetleri. Ankara, 1999.
- Mundt, 1855* – Mundt T. Der Kampf um das Schwarze Meer. Historische Darstellungen aus der Geschichte Russlands. Braunschweig, 1855.
- Mundt, 1855a* – Mundt T. Krim-Girai, ein Bundesgenosse Friedrichs des Großen: ein Vorspiel der russisch-türkischen Kämpfe. Braunschweig, 1855.
- Müneccimbaşı, 1285/1868–69* – Müneccimbaşı Sahaif ul-ahbar (صحایف الاخبار). Cild II. İstanbul, 1285/1868–69.

- Mustafa A. Mehmet, 1986* – Mustafa A. Mehmet. Documente turcești privind istoria României. Vol. III. Editura Academiei. București, 1986.
- Nalbandova, 2000* – Nalbandova G. Evliya Çelebinin “Seyahatname”sinde qırımtatar divan edebiyatına dair bilgiler // Günsel. 1999. № 7 (İyül-Ağustos 2000).
- Nemeth, 1965* – Nemeth J. Kereit, Kerey, Giray // UAJ. Vol. 36. 1965.
- Nicolle, 1983* – Nicolle D. Armies of the Ottoman Turks 1300–1774. L., 1983.
- Nogay, 1997* – Nogay S. Nogay Türkleri. [S.l.] 1997.
- Nordenskiöld, MDCCCLXXXIX., Tab. XXXII* – Nordenskiöld A.E. Facsimile-Atlas to the early history of cartography with reproductions of the most important maps printed in the XV and XVI centuries. Stockholm. MDCCCLXXXIX. Tab. XXXII.
- ODKE, 2000* – Osmanlı Dönemi Kırım Edebiyatı. Ankara, 2000.
- Oeuvres, 1949* – Oeuvres Posthumes de Paul Pelliot. II. Notes sur l’Histoire de la Horde d’Or. Paris, 1949.
- Ortekin, 1938* – Ortekin H. Kırım Hanlarının Şeceresi. İstanbul, 1938.
- Orudj bin Adil, 1925* – Orudj bin Adil. Tevarih-i al-i Osman, ed. Franz Babinger. Hannover, 1925.
- Osmanlı, 1487–1490* – Osmanlı Karadeniz’i üzerinde kaynaklar ve araştırmalar. 1. Cilt: Kefe gümrük beđiāyā defteri, 1487–1490.
- Ostapchuk, 1987* – Ostapchuk V. The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı. The Documentary Legacy of Crimean-Ottoman Relations // Turcica. Revue d’etudes turques 19. 1987.
- Ostrowski, 1990* – Ostrowski D. The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions // Slavic Review. 1990. Vol. 49. № 4.
- Ostrowski, 1998* – Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, 1998. XVI.
- Ötāmiş, 2008* – Ötāmiş Hājī. Čingīz-Nāma / Introduction, annotated translation, transcription and critical text by Takushi Kawaguchi, Hiroyuki Nagamine. Tokyo, 2008.
- Ötemiş, 2009* – Ötemiş Hacı. Çengiz-Name. Ankara, 2009.
- Ottoman, 1996* – Ottoman Garrisons on the Middle Danube. Based on Austrian National Library MS MXT 562 of 956/1549–1550. Transcribed into regular Arabic script and translated by A. Velkov and E. Radushev. Budapest, 1996.
- Özcan, 2006* – Özcan K. Kırım Hanlığı’nın kuruluş süreci: Yarımada Tatar hakimiyetinin tesisi // Emelimiz Kırım. 2006. Sayı 15 (57).
- Öztuna, 1964* – Öztuna T.Y. Türkiye Tarihi. Cilt 3. İstanbul, 1964.
- Öztürk, 1989* – Öztürk N. XVII. Yüzyıl Osmanlı Tarihçileri ve Eserleri. II // Türk Dünyası Tarih Dergisi. 1989. № 33. (Eylül).
- Öztürk, 2000* – Öztürk Y. Osmanlı hakimiyetinde Kefe: 1475–1600. Ankara, 2000.
- Özyetgin Melek, 1993* – Melek Ozyetgin A. Astrahanlı Şerifi’nin 1550 Tarihli Zafer-name’si // Türkoloji Dergisi. XI. Cilt. 1. Sayı. Ankara, 1993.
- Özyetgin Melek, 1996* – Melek Ozyetgin A. Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yarlık ve bitiklerin dil ve usulü incelemesi. Ankara, 1996.
- Pakalın, 1947* – Pakalın M.Z. Osmanlı deyimleri ve terimleri sözlüğü. Cilt 1. fasikül III. İstanbul, 1947.
- Pariado, 1905* – C.D.Pariado. Dobrogea și dobrogenii. Constanța, 1905.
- Pelenski, 1967* – Pelenski J. Muscovite Imperial Claims to the Kazan Khanate // Slavic Review. 1967. Vol. 26. N 4.
- Pelenski, 1974* – Pelenski J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560). The Hague. Paris, 1974.
- Pelenski, 1978* – Pelenski J. State and Society in Muscovite Russia and the Mongol-Turkic system in the sixteenth century // Brooklyn College CU. 1978. № 9.
- Petruccioli Attilio, 2007* – Petruccioli Attilio. After amnesia. Learning from the Islamic Mediterranean urban fabric. Icar, 2007.
- Peyssonel, 1787* – Ch.de Peyssonel. Traité sur le commerce de la Mer Noire. Vol. 2. Paris, 1787.
- Portolani, 1994* – Portolani e Carte Nautiche XIV–XVIII secolo dalle collezioni del Museo Correr Venezia e Museo del Topcapi-İstanbul. İstanbul, 1994.
- Précis, 1833* – Précis de l’Histoire des Khans de Crimée depuis l’an 880 jusqu’a l’an 1198 de l’hégire (traduit du turc par M.M. Kazimirski, revu par Am. Jaubert) // Nouveau Journal Asiatique. T.XII. Paris, 1833.
- Pritsak, 1967* – Pritsak O. Moscow, the Golden Horde, and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View // Slavic Review. 1967. Vol. 26. N 4.
- Prlender, 1992* – Prlender I. Sporazum u Tati 1426. godine i Zigmundovi obrambeni sustavi // Historijski zbornik. Godina 44 (1). 1991. Zagreb, 1992.
- Publiés, 2007* – Publiés par G. Audisio et Fr. Pugnère. Avignon, 2007.
- Pułaski, 1881* – Pułaski K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469–1515). Kraków; Warszawa, 1881.
- Pułaski, 1911* – Pułaski K. Trzy poselstwa Piaseczyńskiego do Kazi Gireja, hana Tatarów perekopskich (1601–1603). Szkiec historyczny // Przewodnik Naukowy i Literacki. 1911. Vol. 39.

- Qi, Wang* – Qi Hiajshan, Wang bo. The Ancient Culture in Xinjiang along the Silk Road. Б.м., б.г.
- Pazuḅ, 1285* – [Istanbul], جود اولان كتب شريفناك، جود اولان كتيخانهسنده مو دفتريندر Takvimhane-i Amire, 1285–1868/9.
- Ramstedt, 1991* – Cumucica & Nogaica. G.J. Ramstedt's Kumyk materials edited and translated by E. Gürsoy-Naskali & G.J. Ramstedts nogajische Materialien bearbeitet und übersetzt von H. Halén. Helsinki, 1991.
- Redhouse, 1861* – Redhouse J.W. A Turkish Circle Ode by Shahin-Ghiray, Khan of the Crimea // Journal of the Royal Asiatic Society. 1861. № 18.
- Retowski, 1905* – Retowski O. Die Münzen der Girei. Moskau, 1905.
- Roncière, 1925* – Roncière De La C. La découverte de l' Afrique au Moyen age. Cartographes et explorateurs. Le Caire. 1925. N. 1–2.
- Rorlich, 1986* – Rorlich A. The Volga Tatars: A Profile in National Resilience. Stanford, 1986.
- Rowell, 1998* – Rowell Stephen C. Lietuva, tėvyne mūsų? Tam tikrų XVI a. LDK raštijų pavyzdžiai // Senosios raštijos ir tautosakos sąveika: kultūrinė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės patirtis (Senoji Lietuvos literatūra. Knyga 6). Vilnius, 1998.
- Russiae, 1638* – Russiae tabula Authore Isaaco Massa // Atlas Gerard Mercator, Henrich Hondius. T. I. Amsterdam. 1638.
- Sabit, 1934* – Sabit, B. Kırım'ın Osmanlı İmparatorluğu'na Eklenmesi Meselesi. İstanbul, 1934.
- Sarkissjanz, 1961* – Sarkissjanz E. Geschichte der orientalischen Völker Russlands bis 1917. Eine Ergänzung zur ostslawischen Geschichte Russlands. München, 1961.
- Schiltberger J. Reisebuch, 1858* – Schiltberger J. Reisebuch. Tübingen, 1858.
- Schmidt, 1991* – Schmidt J. Pure Water for Thirsty Muslims. A Study of Mustafa Ali's of Gallipoli's Kühül-Ahbar. Leiden, 1991.
- Schuselka, 1854* – Schuselka F. Russland im Joche der Tataren, im Kampf gegen und um die Krim in Demüthigung und Übermuth gegen die Türkei. Dresden, 1854.
- Senai, 1971* – Hadży Mehmed Senai. Historia chana Islam Gereja III. Warszawa, 1971.
- Şerafeddin, 1994* – Şerafeddin. Kırımdan yetişen türk alimleri // Emel. Sayı: 203. 1994 (Temmuz-Ağustos).
- Sereda, Silistrensko, 2009* – Aleksandr Sereda. Silistrensko-Ochakovskijat ejalet prez XVIII – nach.na XIX v. Sofia, 2009.
- Sevcenco, 1967* – Sevcenco I. Moscow's Conquest of Kazan: Two Views Reconciled // Slavic Review. 1967. Vol. 26. N 4.
- Seydi, 1313* – Seydi Reis. Mir'atü'l-Memalik. Der-i Saadet, 1313/1895–1896.
- Seydi, 1999* – Seydi Ali Reis. Mir'atü'l-Memalik / İnceleme-Metin-İndeks / Dr. Mehmet Kiremit. Ankara, 1999.
- Shajrat, 1838* – Shajrat ul Atrak or Genealogical Tree of the Turks and Tatars. L., 1838.
- Shamiloglu, 1986* – Shamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Doctoral dissertation. Columbia university, 1986.
- Shamiloglu, 1991* – Shamiloglu U. The End of Volga Bulgarian // Varia Eurasistica. Festschrift für Professor Andras Rona-Tas. Szeged, 1991.
- Shang Gang, 1999* – Shang Gang. History of the Decorative and Applied Art of the Yuan Epoch. Shenian, 1999.
- Silberschmidt, 1923* – Silberschmidt M. Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des Türkischen Reiches nach venezianischen Quellen. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Venedigs zu Sultan Bajazid I, zu Byzanz, Ungarn und Genua and zum Reiche von Kiptschak (1391–1400). Leipzig-Berlin, 1923.
- Skorupa, 2004* – Skorupa D. Stosunki polskotatarskie 1595–1623. Warszawa, 2004.
- SNAT, XVa* – SNAT. XVa. Buḫārā / Samarqand. XVa Mittelasien / Central Asia I. Berlin. 2008. № 368. 1159.
- Spinei, 1982* – Victor Spinei. Moldova în secolele XI–XIV. Bucureşti, 1982.
- SO, 1996* – Süreyya, Mehmed. Sicill-i Osmani. Osmanlı Ünlüleri. C. I–VI / Yayına hazırlayan: Nuri Akbayar; Eski Yazıdan Aktaran: Seyit Ali Kahraman. İstanbul, 1996.
- Sobczak, 1984* – Sobczak J. Położenie prawne ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim. Warszawa; Poznań, 1984.
- Sobczak, 1987* – Sobczak J. W sprawie położenia prawnego ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim // Kwartalnik Historyczny. XCIV. 1987. № 2.
- Soysal, 1961a* – Soysal A.Z. Kırımda Yetişen Büyükler. Seyyid Musa Efendi Kefevi // Emel. Sayı: 2 (Ocak 1961).
- Soysal, 1961 b* – Soysal A.Z. Kırımda Yetişen Büyükler. Seydahmet bin Abdullah Efendi (Kırımı) // Emel. Sayı: 6 (Eylül 1961).
- Soysal, 1964* – Soysal A.Z. Kırımda Yetişen Büyükler. Kırımı İbrahim Efendi // Emel. Sayı: 23 (Temmuz-Ağustos 1964).
- Spuler, 1939* – Spuler B. Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit, 1220–1350. Leipzig, 1939.
- Spuler, 1942* – Spuler B. Idel-Ural. Völker und Staaten zwischen Wolga und Ural. B., 1942.

- Spuler, 1943* – Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland (1223–1502). Leipzig, 1943.
- Spuler, 1965* – Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland (1223–1502). Wiesbaden, 1965.
- Spuler, 1966* – Spuler B. Geschichte Mittelasiens seit dem Auftreten der Türken // Geschichte Mittelasiens. Leiden-Köln, 1966.
- Sroeckovsky, 1979* – Sroeckovsky V.E. Muhammed Geray Han ve vasalları. Kırım Tarihi. İstanbul, 1979.
- Stanisz, 1935* – Stanisz T. Antoni Muchliński, orjentalista polski, 1808–1877 // Rocznik Tatarski. T. II. Zamość, 1935.
- Stojkov, 1970* – Stojkov R. La division administrative de l'eyalet de Roumélie pendant les années soixante du XVIIe siècle selon un registre turc-ottoman de 1668–1669 // Recherches de Géographie Historique. I. Sofia, 1970.
- Stromer von Reichenbach, 1972* – Stromer von Reichenbach W.F. König Siegmunds Gesandte in den Orient // Festschrift für Hermann Heimpel. Zum 70 Geburtstag. Zweiter Band. Göttingen, 1972.
- Style from the Steppes, 2004* – Style from the Steppes. Rossi & Rossi. London, 2004.
- Süreyya, 1996* – Mehmed Süreyya. Sicill-i Osmanî. Osmanlı Ünlüleri (Eski Yazıdan Yeni Yazıya). Cilt 5. İstanbul, 1996.
- Suter, 2004* – Suter P. Alfurkan Tatarski – Der Litauisch-tatarische Koran-Tefsir. Köln, 2004.
- Taghri Birdi, 1954* – [Taghri Birdi] History of Egypt 1382–1469. Part 1. 1382–1399 A.D. Translated from the Arabic Annals of Abu l-Mahasin ibn Taghri Birdi by William Popper. Berkley-Los Angeles, 1954 (University of California Publications in Semitic Philology. Vol. 13).
- Tahsin Gemil, 1979* – Tahsin Gemil. Țările Române în contextul politic internațional (1621–1672). Editura Academiei. București, 1979.
- Tahsin Gemil, 1983* – Tahsin Gemil. Quelques observations concernant la conclusion de paix entre la Moldavie et l'Empire Ottoman (1486) et la délimitation de leur frontier. Revue Roumaine d'Histoire. Nr. 3. 1983.
- Tahsin Gemil, 1984* – Tahsin Gemil. Relațiile Țărilor Române cu Poarta otomană în documente turcești (1601–1712). București, 1984.
- Tahsin Gemil, 1996* – Tahsin Gemil. L'évolution des limites de l'habitat des Tatars Nogai au sud-est de la Moldavie. Revue Roumaine d'Histoire. T. XXXV. Nr. 3–4. 1996.
- Tahsin Gemil, 2004* – Tahsin Gemil. Regimul timariot și aplicarea lui în ținuturile românești administrate de Poarta otomană. Constanța, 2004.
- Tahsin Gemil, 2008* – Tahsin Gemil. Relații comerciale moldo-tătare în secolul al XVIII-lea, Români în Europa medievală (Intre Orientul bizantin și Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei. Brăila, 2008.
- Tahsin Gemil, 2009* – Tahsin Gemil. Relațiile româno-otomano-tătare și problema «Hotarului lui Halil Paşa». Politică, diplomație și război. Profesorului Gheorghe Buzatu la 70 de ani, coord. S.Damean, M.Cîrstea. Craiova, 2009.
- Tahsin Gemil, 2010* – Tahsin Gemil. Peste un mileniu de existență a populației turco-tătare pe teritoriul României. Moștenirea istorică a tătarilor. Vol. I. București, 2010.
- Tansel, 1967* – Tansel F.A. Kırım Hanı Mehmed Giray IV.'ın Kâmili Takma Adı ile Yazmış Olduğu Koşma ve Türküler // Türk Tarihi Kurumu Belleteni. C. XXXI/124 (Ekim 1967).
- Tardy, 1978* – Tardy L. Beyond the Ottoman Empire. 14th–16th century Hungarian Diplomacy in the East. (Studia Uralo-Altaiica Vol.13). Szeged, 1978.
- Tardy, 1982* – Tardy J. A contribution to the Cartography of the Central and Lower Volga Region // Chuvash studies. Budapest, 1982.
- Tarih-i Sahib, 1973* – Tarih-i Sahib Giray Han. Ankara, 1973.
- Tayyib Gökbilgin, 1957* – M.Tayyib Gökbilgin, Rumeli'de Yürükler. Tatarlar ve Evlâd-i Fâtihân. İstanbul, 1957.
- Tavukçu, 2009* – Tavukçu, Kemal. XVIII. Yüzyıl Sebki-hindi şairlerinden Sa'îd Giray'ın üslup özellikleri // II. Türkoloji Kongresi «Kırım Tatarlarının Dünü-Bugünü-Yarını» (Kırım Mühendislik ve Pedagoji Üniversitesi, 22–24 Mayıs 2008). Simferopol, 2009.
- TDEA* – Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi: Devirler. İsimler. Eserler. Terimler. C. I–VIII. İstanbul, 1977–1998.
- Tevârih-i Tatar Han, 1933* – İbrahim bin Ali Kefevi. Tevârih-i Tatar Han ve Dağıstan ve Moskov ve Deşt-i Kıpçak Ülkelerindedir. Pazarcık, 1933.
- The History, 1978* – The History of Mehmed the Conqueror by Tursun Beg (Text published in facsimile with English translation by H. Inalcik and R. Murphey). Minneapolis-Chicago, 1978.
- Tietze, 1979* – Tietze A. Mustafa Ali's Counsel for Sultans of 1581. Edition, Translation, Notes. I. Wien, 1979.
- Togan, 1965* – Togan Z.V. Kazan Hanlığında İslam Türk Kültürü // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1965. C. III. Sayı 3/4.
- Togan, 1981a* – Togan Z.V. Bugünkü Türkili (Türkistan) ve Yakın Tarihi. Cilt I: Batı ve Kuzey Türkistan. İstanbul, 1981.

- Togan, 1981b* – Togan Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild I: En eski devirlerden 16. asra kadar. İstanbul, 1981.
- Togan, 1999* – Togan İ. Altınordu Çözülürken: Kırım'a Giden Yol // Türk-Rus İlişkilerinde 500 Yıl (1491–1992). Ankara, 1999.
- Topkapı Sarayı, 1390–1391* – Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi. İstanbul, 1390/91, y. 234.
- Topkapı, 2002* – Topkapı Sarayı Arşivi H. 951–952 Tarihli ve E-12321 Numaralı Mühimme Defteri. İstanbul, 2002.
- Topsakal, 2011* – Topsakal İ. Batı ve Orta Sibirya'nın Ruslar Tarafından İşgali // Türk Dünyası Araştırmaları Dergisi. İstanbul, 2011.
- Tuhan-Baranowski, 1932* – Tuhan-Baranowski S. Skąd powstała nazwa Lipków // Wschód. Vol. III. 1932.
- Turan, 1984* – Turan O. İstanbul'un Fethinden Önce Yazılmış Tarihî Takvimler: 2. Baskı. Ankara, 1984.
- Turkish arts, 1999* – Turkish arts. Edited by Mehmet Ozel. The Republic of Turkey: Ministry of Culture, 1999.
- Tyszkiewicz, 1987* – Tyszkiewicz J. Pismo sultana Murada III do Zygmunta III z roku 1591 w sprawie Tatarów litewskich, «Studia Źródłoznawcze» XXX. 1987.
- Tyszkiewicz, 1989* – Tyszkiewicz J. Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa, 1989.
- Tyszkiewicz, 2002* – Tyszkiewicz J. Z Historii Tatarów Polskich. 1794–1944. Pułtusk, 2002.
- YYOA Şentürk* – Şentürk, Atilla. Sabit // YYOA. C. II. İstanbul, 1999.
- YYOA Koç* – Koç, Mustafa. Mustafa Karahisari (Ahteri) // YYOA. C. II. İstanbul, 1999.
- Umdetü't-Tevârih, 1343* – Abdülgaffar Kırımı. Umdetü't-Tevârih / Neşr.: Necib Asım // Türk Tarih Encumeni Mecmuası ilavesi. İstanbul, 1343.
- Uzunçarşılı, 1988* – Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihî XVI. Yüzyıllarından XVII. Yüzyıl Sonunda Kadar. Ankara, 1988.
- Ülküsal, 1970* – Ülküsal M. Dobruca'daki Kırım Türklerinde Atasözleri ve Deyimler. Ankara, Ankara Üniversitesi Basımevi, 1970. (TDK Yayınları 306).
- Ülküsal, 1980* – Ülküsal M. Kırım Türk-Tatarları. İstanbul, 1980.
- Ürekli, 1989* – Ürekli M. Kırım Hanlığının Kuruluşu ve Osmanlı Himayesinde Yükselişi. Ankara, 1989.
- Valeriu Veliman, 1984* – Valeriu Veliman. Relațiile româno-otomane (1711–1821). Documente turcești. București, 1984.
- Vásáry, 1976* – Vásáry I. The Hungarians or Mohars and Mečsers/Mišers of the Middle Volga region. Lisse, 1976.
- Vásáry, 1982* – Vásáry I. A contract of Crimean Khan Mangli Giray and the inhabitants of Qırq-yer from 1478/79 // Central Asiatic Journal (Wiesbaden). 1982. 26.
- Vásáry, 1983* – Vásáry I. The institution of foster-brothers (emildas and kokaldas) in the Chingisid states // Acta Orientalia. T. XXXVI. Fasc. 1–3. Budapest, 1983.
- Vásáry, 2008* – Vásáry I. The Tatar Ruling Houses in Russian Genealogical Sources // AO. 2008. Vol. 61 (3).
- Vásáry, 2012* – Vásáry I. The Crimean Khanate and the Great Horde (1440s–1500s). A Fight for Primacy // The Crimean Khanate between East and West (15th–18th Century). Wiesbaden, 2012.
- Vásáry, Muhamedyarov, 1987* – Vásáry I., Muhamedyarov Sh. Two Kazan Tatar edicts (Ibrahim's and Sahib Girey's yarliks) // Between the Danube and Caucasus: A collection of papers concerning oriental sources on the history of the peoples of Central and South Eastern Europe. Budapest, 1987.
- Vasmer, 1935* – Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen. B., 1935.
- Velidi Togan, 1966* – Velidi Togan Z. Kazan Hanlığında İslam Türk Kültürü (Kanuni zamanında 1550 de Kazandan gönderilen bir rapor) // İslam Teskikleri Enstitüsü Dergisi. III. 1966.
- Velyaminov-Zernov, 2010* – Velyaminov-Zernov V.V. Kırım Yurtına ve Ol Tarafına Dair Bolgan Yarlıklar ve Hatlar. Kırım Hanlığı Tarihine Dair Kaynaklar. İstanbul; Ankara, 2010.
- Veszprémy, 2010* – Veszprémy L. The state and military affairs in east-central Europe, 1380–1520 // European Warfare, 1350–1750. Cambridge, 2010.
- Watt, Wardwell, 1998* – J.C.Y.Watt, A.E.Wardwell. When Silk was Gold. Central Asian and Chinese Textiles. New York, 1998.
- Wigal, 2000* – Wigal D. Historic maritime maps used for historic explorations 1290–1699. New York, 2000. Map № 26.
- Williams, 2001* – Williams Brian Glyn. The Crimean Tatars: the Diaspora Experience and the Forging of a Nation. Leiden-Boston-Köln, 2001.
- Wójcik, 1966* – Wójcik Z. Some problems of Polish-Tatar relations in the seventeenth century. The financial aspects of the Polish-Tatar alliance in the years 1654–1666 // Acta Poloniae Historica. 1966. Vol. 13.
- Yücel, 1986* – Yücel Y. XVII. Yüzyıl Edebî Metinlere Göre Osmanlı Devlet Yapısı ve Toplum Düzenine Ait Görüş ve Bilgiler. Ankara, 1986.
- YYOA* – Yaşamaları ve Yapılarıyla Osmanlılar Ansiklopedisi. C. I-II. İstanbul: Yapı Kredi Kültür Sanat Yayıncılık, 1999.

Zafernâme, 1311 – Zafernâme-i Sabit. Selim Giray'ın bir gazâsınadır. İstanbul, 1311.

Zajackowski, 1965 – Zajackowski A. Turecka wersja Şah-name z Egiptu Mameluckiego. Warszawa, 1965.

Zajączkowski, 1948 – Zajączkowski A. Dypłomatyka Złotej Hordy i Krymu z XV w. // Przegląd Historyczny. T. XXXVII. Warszawa, 1948.

Zajaczkowski, 1966 – Zajaczkowski, A. La Chronique des Steppes Kiptchak Tevarih-i Deşt-i Qırcaq du XVIIe siècle. Warszawa, 1966.

Zaytsev, 1999 – Zaytsev I. Osmanlı İmparatorluğu ve Taht Eli: Siyasi Münasebetler (XV–XVI Yüzyıllar) // «OSMANLI». Cilt 1. Bölüm 3. Ankara, 1999.

Zaytsev, 2006 – Zaytsev I. The Structure of the Giray Dynasty (15th–16th centuries): Matrimonial and Kinship Relations of the Crimean Khans // Kinship in the Altaic World. Proceedings of the 48th Permanent International Altaistic Conference. (Moscow, 10–15 July, 2005). Wiesbaden, 2006.

Zaytsev, 2009 – Zaytsev I. Astarhan Hanlığı'nın Sınırları // Tarih İncelemeleri Dergisi. Cilt/Volume XXIV, Sayı/Number 2. Aralık / December 2009, İzmir.

Zaytsev, 2010 – Zaytsev I. Astrakhan // The Encyclopaedia of Islam Three. L.-Boston, 2010.

Zaytsev, 2010a – Zaytsev I. The Crimean Khanate between Empires: Independence or Submission // Empires and Peninsulas. Southeastern Europe between Karlowitz and the Peace of Adrianople, 1699–1829. Münster, 2010.

Zaytsev, 2011 – Zaytsev İ. Orta Çağ Kaynaklarında Astarhan Şehrinin Adlandırılması Sorununa Dair // Tarih İncelemeleri Dergisi. Cilt/Volume XXVI, Sayı/Number 2. Aralık/ December 2011, İzmir.

Абдульваап, 2004 – Абдульваап Н.Р. Кримські татари у суспільно-політичному і культурному житті Османської імперії / Україна – Туреччина: минуле, сучасне та майбутнє // Збірник наукових праць / Упорядник: Туранли Ф.Г. Київ, 2004.

Абдульваап, 2007 – Абдульваап Н.Р. Шахин Герай ве кьальп шеклиндеки гъазели // Ыылдыз. 2007. № 1.

Абдульвапов, 2008 – Абдульвапов Н. XVIII асыр мешур Къырым шейхлеринден Мехмед Факъри (о. 1764 [?]) ве иляхилери // Ыылдыз. 2008. № 3.

Акчокраклы, 1930 – Татарська поема Джан-Мухамедова про похід Іслям-Гірея II (III) спільно з Богданом Хмельницьким на Польщу 1648–1649 рр. // Східний Світ. 1930. № 12 (3).

Акчокраклы, 2006 – Акчокраклы О. Эсерлер топламы. Акъмесджит, 2006.

Аметка, 2003 – Аметка Ф.А. Кримське ханство: становлення і розвиток державності та права (перша половина XV – друга половина XVIII ст.): автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2003.

Ас-Сахави – ас-Сахави, Мухаммад. Дав` аллями`. Дж. I–XII. Каире, 1353–1355.

Баяр, 2000 – Баяр Д. Алтан ургийн язгууртны нэгэн булшиг судалсан нь. Улаанбаатар хот, 2000.

Бевзо, 1971 – Бевзо О.А. Львівський літопис і Острозький літописець. Джерелознавче дослідження. Київ, 1971.

Брехуненко, 1998 – Брехуненко В.А. Стоунки українського козацтва з Доном у XVI – середині XVII ст. Київ; Запоріжжя, 1998.

Брехуненко, 2011 – Брехуненко В.А. Козаки на Степовому Кордоні Європи. Київ, 2011.

Бушаков, 2000 – Бушаков В. Кадилики і кайманства в Кримському ханстві (XVIII ст.). // Східний світ. The world of the orient. 1998. № 1–2. Київ, 2000.

Вәлиди, 1994 – Вәлиди Т. Ә.-З. Башкорттарзың тарихы: Төрк һәм татар тарихы. Өфө, 1994.

Галенко, 2005 – Галенко О. Золота Орда у битві біля Синіх вод 1362 р. // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. Київ, 2005.

Гваньїні, 2009 – Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії. Київ, 2009.

Герайбай, 1995 – Герайбай А. Къырым эдебиятына бир бакъыш // Ыылдыз. 1995. № 3.

Горобець, 2008 – Горобець В. Гадацька угода 1658 року у структурі міжнародних взаємин Центрально-Східної Європи // Гадацька унія 1658 року. Київ, 2008.

Грибовський, 2001 – Грибовський В.В. Процес міграції ногайців до території Кримського ханства у I половині XVIII ст. // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. Т. 6. Київ, 2001.

Грибовський, 2002 – Грибовський В.В. Ногайське козацьке військо: передумови і процес формування // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII–XIX ст. Вип. 6. Запоріжжя, 2002.

Грушевський, 1995 – Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. VII. Київ, 1995.

Джурова, Димитров, 1978 – Джурова А., Димитров Б. Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от Ватиканска библиотека и секретния архив на Ватикана (IX–XVII вв.). София. 1978.

Динић, 1978 – Динић М. Српске земље у средњем веку: историјско-географске студије. Београд, 1978.

- Думін, Канапацкі, 1993* – Думін С.У., Канапацкі І.Б. Беларуска татары: Мінулае і сучаснасць. Мінск, 1993.
- Историја, 1982* – Историја Српског народа. Кн. II. Београд, 1982.
- Иналджик, 1995* – Иналджик Г. Боротьба за Східно-Європейську імперію, 1400–1700 рр. Кримський ханат, Османи та піднесення Російської імперії // Кримські татари: історія і сучасність (до 50-річчя депортації кримськотатарського народу). Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, 13–14 травня 1994 р.). Київ, 1995.
- Казактын, 2004a* – Казактын ата зандары. Древний мир права казахов. Т. I. Алматы, 2004.
- Казактын, 2004b* – Казактын ата зандары. Древний мир права казахов. Т. III. Алматы, 2004.
- Кемаль, 1930* – Кемаль Я. Арабський суфійський рукопис XIII віку, в Криму знайдений і чи не в Криму й писаний // Студії з Криму. I–IX. Київ, 1930.
- Колодзейчик, 2008* – Колодзейчик Д. Tertium non datur? Турецька альтернатива в зовнішній політиці козацької держави // Гадяцька унія 1658 року. Київ, 2008.
- Кордт, 1931* – Кордт В.В. Матеріяли до історії картографії України. Ч. 1. Київ, 1931.
- Кравець, 1991* – Кравець М.В. Невідомий лист кримського хана Адиль-Гірея до Степана Разіна // Дослідження з історії Придніпров'я: соціальні відносини та суспільна думка: Зб. наук. праць. Дніпропетровськ, 1991.
- Кримський, 1930* – Кримський А.Е. Література кримських татар // Студії з Криму. Київ, 1930.
- Кърымтатар, 1991* – Кърымтатар халкъ агъыз яратыджылыгы. Хрестоматия. Ташкент, 1991.
- Кырыми, 1343/1924–1925* – ал-Хаджж Абд ал-Гаффар Кырыми. Умдат ат-таварих. Стамбул, 1343/1924–1925.
- Кятиб, 1141* – Кятиб Челеби. Тухфат ал-кибар фи асфар ал-бихар. Стамбул, 1141/1729.
- Кятиб, 1145* – Кятиб Челеби. Джихан-нюма. Стамбул, 1145/1732.
- Қадырғали, 1997* – Қадырғали Жалаир. Шежірелер жинағы. Алматы, 1997.
- Қазақстан, 2005* – Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. Т. I. Өтеміс қажы. Шыңғыс-наме. Алматы, 2005.
- Літопис, 1971* – Літопис Самовидця. Київ, 1971.
- Мільчев, 2006* – Мільчев В. Військо Запорозьке Низове під кримською протекцією // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах. Т. I. Київ, 2006.
- Мавріна, 2002* – Мавріна О. Проблема виникнення кримського ханату в історіографії XIX ст. // VI Сходознавчі читання А.Кримського. Тези доповідей міжнароднои науковои конференції. Київ, 2002.
- Мирошниченко, 2002* – Мирошниченко М.М. З поезії Ханської доби // Східний світ. 2002. №2.
- Нәзерголов, 1985a* – Нәзерголов М.Х. Каратабын ырыу шәжәрәсе // Башкирские шежере (филологические исследования и публикации). Уфа, 1985.
- Нәзерголов, 1985b* – Нәзерголов М.Х. Кимәтле комыртка // Агидел. 1985. № 11.
- Ногайдынъ, 1991* – Ногайдынъ кырк бабтыри. Ногай халк дестанлары. Махачкала, 1991.
- Окрушина сонця, 2003* – Окрушина сонця. Антологія кримськотатарської поезії XIII–XX століть. Київ, 2003.
- Петрунь, 1928* – Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну) // Східний світ. 1928. № 2.
- Пономарьова, 1996a* – Пономарьова Л. Мечеть Джума-Джамі в Євпаторії // З історії Української реставрації. Київ, 1996.
- Пономарьова, 1996b* – Пономарьова Л. Реставрація Бахчисарайського палацу // З історії української реставрації. Київ, 1996.
- Радонић, 1905* – Радонић J. Западна Европа и Балкански народи према турцима у првој половини XV века. Нови Сад, 1905.
- Рукапісы, 2003* – Рукапісы беларускіх татараў канца XVII – пачатку XX стагоддзя. З калекцыі Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Мінск, 2003.
- Русина, 1998* – Русина О.В. Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998.
- Сейитяхья, 2004* – Сейитяхья Н.С. Кырым диван эдебиятыннынъ муэллифлери ве эсас хусусиетлери: умумий бакъыш // Ыылдыз. 2004. № 4, № 5.
- Сейтягьяев, 2011* – Сейтягьяев Н.С. В. Вернадский адына миллий ильмий китапханенинъ эльязма болюгинде булунган кырымтатар ве тюрк тарихлары, тиллери ве эдебиятлары боюнджа мальземелер // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы Крымского инженерно-педагогического университета. Т. 1. Симферополь, 2011.
- Спреміћ, 1994* – Спреміћ М. Деспот Ђураћ Бранковић и његово доба. Београд, 1994.
- Станіславський, 2006* – Станіславський В.В. Запорозька Січ у другий половині XVII – на початку XVIII ст. // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах. Т. I. Київ, 2006.
- Сыздықова, Қойгелдиев, 1991* – Сыздықова Р., Қойгелдиев М. Қадырғали би Қосымұлы және оның жылнамалар жинағы. Алматы, 1991.

Туган, 1994 – Туған Ә.В. Башкорттардың тарихы. Өфө, 1994.

Туранли, 2000 – Туранли Ф. Літописні твори М. Сенаї та Г. Султана як історичні джерела. Київ, 2000.

Туранли, 2010 – Туранли Ф. Тюркські джерела до історії України. Київ, 2010.

Тирковић, 1968 – Тирковић С. Голубац у средњем веку. Пожаревац, 1968.

Торовић, 1993 – Торовић В. Историја Срба. Београд, 1993.

Усеинов, 1999 – Усеинов Т.Б. Къырымтатар эдебиятынынъ орта асырлар девири. Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 1999.

Ўтамиш Хожи, 2009 – Ўтамиш Хожи ибн Мухаммад Дустий. Ўтамиш Хожи тарихи (XVI асрга оид тўркий тилда езилган тарихий манба). Тошкент, 2009.

Фетислямов, 1939 – Фетислямов А. Тогъайбейнинъ Богдан Хмельницкийнен бирликде Польшагъа походы хусусындаки поэма акъкъында // Эдебият ве культура. 1939. № 6 (27).

Халим-Гирай, 1287/1870 – Халим-Гирай Султан. Гулбун-и ханан, йахуд Кырым тарихи. Стамбул, 1287/1870.

Халим-Гирай, 1327/1909 – Халим-Гирай Султан. Гулбун-и ханан, йахуд Кырым тарихи. Стамбул, 1327/1909.

Черкас, 2000 – Черкас Б.В. Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гірея за владу в 20–30-х роках XVI ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). 2000. № 1.

Черкас, 2006 – Черкас Б.В. Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540). Київ, 2006.

Чухліб, 2010 – Чухліб Т. Козаки та яничари. Україна у християнсько-мусульманських війнах 1500–1700 рр. Київ, 2010.

Шабульдо, 2002 – Шабульдо Ф. Чи був ярлик Мамає на українські землі? (до постановки проблеми) // Записки наукового товариства імені Шевченка. 2002. Т. 243.

Шабульдо, 2005 – Шабульдо Ф. Чи існував ярлик Мамає на українські землі? (до постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. Київ, 2005.

Шарифи, 1390 – Шариф ад-Дин Хусайн Шарифи. Джаддат ал-ашикин (Аз Ма-вара-аннахр та Харамайн-и Шарифайн). Гузариш-и сафар-и хаджж-и шайх Хусайн-и Хваризми. Сал-и 956–958 к[амари] / Би-кушиш-и Расул Джа'фарийан // Пайам-и Бахарестан. Осень 1390/2011 г. (на перс. яз.). <http://archive.ical.ir/files/payam/p13-0002.pdf> (дата обращения 07.09.2013).

Эрдэнэбат, 2006 – У. Эрдэнэбат. Монгол эхнэрийн богтаг малгай. Улаанбаатар, 2006.

Эрдэнэбат, Хурэлсух, 2007 – Эрдэнэбат У., Хурэлсух С. Нартын хадны оршуулга // Studia Arshaeologica. Tom (IV) XXIV. Fasc.23. Улаанбаатар, 2007.

Яковенко, 1993 – Яковенко Н.М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993.

Список сокращений

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
 АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник
 АКД – автореферат кандидатской диссертации
 АМГ – Акты Московского государства
 АН СССР – Академия наук СССР
 АНТ (АН РТ) – Академия наук Татарстана (Академия наук Республики Татарстан)
 АОТ – Археологические открытия в Татарстане (Казань)
 БГИКЗ (БИКЗ) – Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник
 ВИ – Вопросы истории (Москва)
 ВКЛ – Великое княжество Литовское
 ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция
 ВНОТ – Вестник научного общества татароведения (Казань)
 ВНПК – Всероссийская научно-практическая конференция
 ГААО – Государственный архив Астраханской области
 ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова
 ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
 ГПБ – Государственная публичная библиотека (Санкт-Петербург)
 ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией
 ДДГ – Духовные и договорные грамоты
 ДПДР – Древности Поволжья и других регионов
 ДРВ – Древняя российская вивлиофика
 ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел (Санкт-Петербург)
 ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения (Санкт-Петербург)
 ЗВОИАО – Записки Восточного отделения Императорского археологического общества
 ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
 ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей (Одесса)
 ЗРАО – Записки Российского археологического общества
 ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
 ИВ РАН – Институт востоковедения Российской Академии наук
 ИВР РАН – Институт восточных рукописей Российской Академии наук
 ИГИ ТюмГУ – Институт гуманитарных исследований Тюменского государственного университета
 ИЗ – Исторические записки (Москва)
 ИИАК – Известия Императорской археологической комиссии
 ИИИСАА – Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки (Ленинград)
 ИНК – Историческое наследие Крыма (Симферополь)
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии (Казань)
 ИОАИЭКУ – Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 ИРАО – Императорское Русское археологическое общество
 ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (Симферополь)
 ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии (Симферополь)
 ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусств им. Г.Ибрагимова
 КГАСУ – Казанский государственный архитектурно-строительный университет
 КГПИ – Казанский государственный педагогический институт
 КГУ – Казанский государственный университет им. В.И.Ленина
 КГУАК – Костромская губернская ученая архивная комиссия
 КИИКС – Казанский институт инженеров коммунального строительства
 КИИСНП – Казанский институт инженеров-строителей нефтяной промышленности
 КИПУ – Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь)
 КНР – Китайская Народная Республика
 КФАН – Казанский филиал Академии наук СССР
 КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет
 М. – Москва
 МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской Академии наук
 МГИМО (У) МИД – Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
 МГУ – Московский государственный университет им. М.И.Ломоносова
 МИД – Министерство иностранных дел
 МНК – Международная нумизматическая конференция
 МНО – Московское нумизматическое общество
 МОИДР – Московское общество истории и древностей Российских

- НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
 НИИ – Научно-исследовательский институт
 НИЦ – Научно-исследовательский центр
 НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
 НФ – Нумизматика и фалеристика (Киев)
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика (Москва)
 ОГИК музеев – Омский государственный историко-краеведческий музей
 ОИ – Отечественная история (Москва)
 ОП МК – Оружейная палата Московского Кремля
 ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
 ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
 ОРНАФ – Отдел рукописей, научный и архивный фонд ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова
 ОРРК – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета
 ОУАК – Оренбургская ученая архивная комиссия
 Пг. – Петроград
 ПДРВ – Продолжение древней российской вивлиофики
 ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РА – Российская археология (Москва)
 РБ – Республика Башкортостан
 РАН – Российская академия наук
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов
 РГБ – Российская государственная библиотека
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
 РГИА – Российский государственный исторический архив
 РГО – Русское географическое общество
 РИБ – Русская историческая библиотека
 РИО – Русское историческое общество
 РО ИВ РАН – Рукописный отдел Института востоковедения Российской академии наук
 РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 РТ – Республика Татарстан
 РУАК – Рязанская ученая архивная комиссия
 РФ – Российская Федерация
 РФА – Русский феодальный архив
 СА – Советская археология (Москва)
 СВ – Советское востоковедение (Москва)
 СГГД – Собрание государственных грамот и договоров
 СИЭ – Советская историческая энциклопедия
 СМИЗО – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды
 СПб. – Санкт-Петербург
 СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
 СПбИИ РАН – Санкт-Петербургский Институт истории РАН
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик
 ССР – Советская Социалистическая республика
 СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия
 ТА – Татарская археология (Казань)
 ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
 ТВО РАО – Труды восточного отделения Российского археологического общества
 ТГГИ – Татарский государственный гуманитарный институт
 ТГГПУ – Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет
 ТГИМ – Труды Государственного исторического музея
 ТМНК – Труды Международной нумизматической конференции
 ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
 ТС – Тюркологический сборник (Москва)
 ТУАК – Таврическая ученая архивная комиссия
 УЗ – Ученые записки
 ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства (Санкт-Петербург)
 ЦГИАУК – Центральный государственный исторический архив Украины
 ЦК – Царственная книга
 ЧОИДР – Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских
 ЧувНИИ – Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
 ЭВ – Эпиграфика Востока (Москва; Санкт-Петербург)
- AGAD – Archiwum główny akt dawnych (Warszawa)
 BOA – Başbakanlık Osmanlı Arşivi
 CAJ – Central Asiatic Journal (Wiesbaden)
 CMRS – Cahiers du Monde russe et soviétique (Paris; La Haye)
 IA – Islam Ansiklopedisi
 KСAMPT – Le Khanat de Crimee dans les Archives du Musee du Palais de Topkapı
 Lpz. – Leipzig
 NY – New York
 ODKE – Osmanlı Dönemi Kırım Edebiyatı
 SNAT – Sylloge Numorum Arabicorum Tübingen
 SO – Sicill-i Osmani
 TDEA – Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi
 TSMA – Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi
 UAJ – Ural-Altäische Jahrbücher (Wiesbaden)
 YΥOA – Yaşamaları ve Yapılarıyla Osmanlılar Ansiklopedisi

Указатель именной

- Абак – 729, 730
 Абашин – 480, 485, 487
 Аббасиды – 535, 539
 Абд ал-Азиз – 767
 Абд ал-Гани – 474
 Абд ал-Карим – 254, 481, 483
 Абд ал-Фатх – 8, 174
 Абд ар-Раззак – 518
 Абд ар-Рахман (Абд ар-Рахман б. ‘Абд ал-Керим) – 197, 201, 492, 712, 713
 Абд ар-Рахман б. ‘Абд ал-Керим – 197, 201
 Абдаллах II (Абдаллах-хан II, Абдулла II) – 11, 128, 203, 204, 205, 206, 207, 209, 210, 505
 Абдал-шейх – 474, 486, 487
 Абдиров – 218
 Абдудделиль Зихни – 559, 562, 564
 Абдул Абдулжалилов – 786
 Абдул Теникеев – 744, 800
 Абдул-Азиз – 468
 Абдулла (Абдулла-хан) – 132, 191, 468, 471–476, 486, 738, 745
 Абдул-Латиф (Абд ал-Латиф-хан, Абдул-Латыф, Абдыл-Латиф, Абдыл-Латыф, Абд ал-Латиф, Абд ал-Латыф, Абд-ал-Латыф) – 160, 161, 175, 176, 252, 257, 298, 300, 366, 459, 488, 490, 737, 739, 746
 Абдул-Латиф б.Омар – 520
 Абдуллах б. Мухаммед эл-Кырыми – 554
 Абдуллах б. Ризван (Абдулла б. Ризван, Абдуллах Ридван-пашазаде) – 11, 17, 35, 136, 252, 253, 568
 Абдуллах Рамиз Паша – 575
 Абдуллах Сыдки – 574
 Абдул-Меджид – 286
 Абдул-Рахман – 316
 Абдул-Хамид I – 273
 Абдульвапов (Абдульваап, Abdülvahap) – 4, 549, 553, 563, 564, 571, 572, 573, 575
 Абдульвели-эфенди – 569
 Абдульгаффар Кырыми (Абд ал-Гаффар Кырыми, Абдульгаффар Крымский, Абдульгаффар бин Хасан Кырыми) – 13, 18, 466, 571, 573, 574
 Абдульмежид Кырымлы (Абдульмежид эль-Кырыми) – 551
 Абдульмумин Кастамонийский – 564
 Абдульфеттах Шефкат – 574
 Абдураимов – 473, 476
 Абдуррезак-эфенди – 572
 Абдусеттар-эфенди – 575
 Абзалов – 4, 28, 515, 520
 Абилов – 320, 548
 Аблайкерим (Аблай Карим-султан) – 211, 729, 730, 731, 732, 733
 Аблез-бакши – 201
 Абрамов – 396, 398
 Абрахамович (Abrahamowicz) – 110, 569, 763, 766, 768
 Абу Али Сина – 537
 Абу Бекр – 225, 453
 Абу Саид – 15, 122, 124, 126, 135
 Абу-л-Гази (Абул-Гази-хан, Абуль-Гази, Абул-гази) – 5, 13, 116, 126, 136, 138, 139, 158, 164, 170, 203, 390, 391, 468
 Абулек – 516
 Абулхаир – 391, 395, 494
 Абу-л-Хайр (Абул-Хайр, Абдул-Хайр, Абул-Хайр, Абдулхаир) – 6, 8, 11, 12, 14, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 157, 158, 159, 161, 163, 164, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 182, 183, 189, 391, 395, 467, 468, 473, 476, 494, 738, 745, 780
 Абу-ль-Аттах – 536
 Абызова – 2, 4
 Аваз-Мухаммед ‘Аттар Хуканди – 457
 Авляев – 783
 Агалак (Агалак б. Махмудек, Агалак-хан, Агалак-султан) – 161, 170, 175, 176, 213, 214, 746
 Агиш – 175, 300, 304, 308, 463, 710
 Агиш-моллазаде – 444
 Агостино Венециано – 599
 Агыш – 461, 495, 525
 Адамов – 51, 394, 395
 Адамовичи – 769
 Аджар (Асар) – 74, 498, 769
 Аджигалиев – 783
 Адиль-Гирей (Адиль-Гирей-султан) – 264, 501
 Ази-Баба (Хаджи-Баба) – 258
 Ази-Гирей (Хаджи-Гирей, Ажи Кгирей, Хаджи-Герай, Хаджи-Гирей б. Гийас ад-Дин) – 6, 14, 84, 110, 130, 134, 135, 138, 139, 140, 141, 144, 145, 252, 253, 254, 256, 257, 258, 259, 361, 438, 449, 522, 566, 644, 649, 663, 672, 736
 Азика (Хаджике, Азикалиль улан) – 103, 185, 460, 461, 465, 495, 743
 Азим – 728
 Айдаров – 618
 Айдес-мурза Салтаганов – 743, 800
 Айдын – 519, 521
 Айплатов – 305, 322, 339, 350
 Аиткул Кайдаулов – 774
 Аккубек (Аккубек б. Муртаза) – 15, 197, 713, 715
 Акмагмет – 744
 Ак-молла (Ахмолна) – 201
 Акрамов – 11
 Ак-сейид – 447, 448
 Ак-Сейт – 332, 351, 448
 Аксеит Сейтов – 474
 Актау – 283

- Акчокраклы – 131, 141, 143, 144, 145, 466, 498, 553, 565, 572, 649, 650, 680, 787
Акчура – 798
Акчурин – 136, 257
Акчурина-Муфтиева – 672, 681, 682
Алау-дин (Галәветдин)-сеййид – 472
Алачей – 301
Алгази (Алгазый) – 160, 746
Ал-Джаннаби – 17
Алевиз Новый (Фрязин Алевиз Новый) – 662, 676
Алекей Нарыков – 330
Александр Македонский – 539
Александр Ягеллон (Александр Казимирович) – 6, 9, 32, 101, 103, 107, 108, 111, 130, 133, 136, 184, 192, 194, 195, 196, 364, 762
Александров – 459, 465
Алексеев – 496, 723, 725, 733, 749, 753
Алексеева – 780
Алексей Михайлович – 513
Алепский – 17, 95
Али – 41, 92, 298, 676, 728, 729
Али б. Юсуф – 354
Али Кырыми – 565
Али Мухаммад ал-Куми – 13
Али Шакуров – 310
Али-Акрам – 354
Али-Арслан – 448
Али-бек – 738
Али-Гази – 700
Алиева – 481
Алим бик – 745
Алимердень – 444
Али-паша – 272
Али-султан – 209, 211
Алихова – 803
Алишев – 305, 318, 320, 330, 332, 369, 406, 499, 524, 527, 530, 790, 796
Алишина – 393, 487
Аллагур-мурза – 774
ал-Мукаддаси – 428
Алп – 491, 539
Алп-Арслан – 447
Алтун бик – 738, 745
Алтыш – 354
ал-Харави – 574
Алчагир – 709
Алчыновъ – 760
Альбертино де Вирджи – 794
Аляэддин Ахмед Сейрами – 552, 570
Аляэддин Сабит – 563
Аманжолов – 783
Амбар-ана – 484
Аметка – 498
Амир Тимур – 508
Амирханов – 16, 17, 318, 519
Амурат султан – 372
Ананьев – 453
Ангильдей – 444
Андреев – 353, 464, 465, 489
Андреева – 489
Антоний Вид – 392, 794
Антонов – 500
Антонович – 770
Апак (Аппак) – 366, 495, 739, 761
Арай – 351
Аргын – 529, 530, 698, 737, 738, 742, 757, 773
Аргынбаев – 783
Аристов – 783
Аристотель – 539
Арифи – 563
Арсал – 518
Арслан – 800
Арслан (Арслан-хан) – 373–375, 448, 744
Арслан-Ата – 445
Арслан-Гирей – 438, 502
Арслан-мурза – 743, 799
Арсланов – 782, 783
Арслан-султан – 744
Архипов – 385
Арциховский – 536
Асан – 676
Асанак – 799
Асафи Дал Мехмед Челеби – 559, 562
Асклепий – 539
Асманак-султан – 210
Ассанчукович (Санчукович) – 761
ас-Сахави – 551, 552
Астайкин – 4
Аствацатурян – 692
Атласи – 397, 398, 471–473, 476, 479, 500, 503, 504, 773
Аттар – 32, 550, 558
Афина – 584
Афифеддин Абдуллах – 565
Афифи – 566, 573
Афиф-Эддин-эфенди – 463
Афлетун – 539
Афтал (Абдал) – 482, 486
Ах-Кург – 363
Ахмад (Ахмат) – 19, 20, 44, 45, 83, 84, 85, 102, 104, 108, 163, 190, 193, 303, 360, 437, 449, 491, 687, 693, 748
Ахмад б. Махмуд – 788
Ахмад Гирей-султан – 203, 204, 214, 216, 231
Ахмад шейх – 466
Ахмад-Гирей – 364, 365, 516
Ахмад-хан – 3, 120, 124, 125, 126, 163, 168, 170–173, 805
Ахманаев – 774
Ахмаров – 802
Ахмат-Гирей (Ахмед Гирей) – 8, 163, 257, 449, 460, 462, 463, 466, 471–473, 478, 479
Ахмед – 709, 710, 753, 760
Ахмед Буйрук – 552
Ахмед Гедик-паша – 255

- Ахмед Синопский – 566
 Ахмед Ходженди – 552
 Ахмед-бей – 663, 670
 Ахмедов – 473, 498, 500
 Ахмед-паша – 768
 Ахмед-хан – 109, 163, 192, 193
 Ахмет I (султан) – 284
 Ахмет мирза – 722
 Ахмет Ургенджи – 32
 Ахметзянов (Әхмәтжанов) – 4, 14, 445–447, 626, 634, 739, 779, 782, 783, 790, 796, 799, 800
 Ахметова-Урманче – 773
 Ахполбей – 353–355
 Ашык Омер – 550, 554, 556, 567
 Аюпов – 784
 Баба-Абдал – 486
 Баба-Али – 201
 Бабасан-мурза – 775
 Баба-Гуклес (Баба-Тохты Чачли Азиз) – 453, 457, 466, 477
 Бабур – 13, 510
 Багров – 55, 60, 390
 Баженов – 414
 Базаревский – 769
 Базилевич – 154, 182, 290, 292, 736
 Базили – 765
 Байбек Танчурин – 374
 Бай-Гельди – 254
 Байкы бий – 799
 Байрамшах мулла – 466
 Баки – 197, 550, 558, 562, 564
 Бакыргани Сулейман – 445, 484, 550
 Балюнов – 395
 Барак – 9, 42, 126, 187–189
 Барбаро – 24, 143, 144, 151, 181, 182, 186–190, 380, 383, 387, 408, 409, 411–413, 419, 424, 425, 430, 508, 679, 699, 702, 703, 753, 757, 758
 Бартольд – 11, 34, 82, 145, 385, 438, 469, 767
 Барфилд – 708
 Баскаков – 351, 779
 Басманов – 339
 Батист Агней – 794
 Батмаев – 781
 Бату – 5, 8, 20, 59, 86, 116, 123, 131, 136–138, 142, 158, 163, 164, 361, 432, 510, 780
 Батыр – 304
 Бахадур-Гирей – 10, 501, 506
 Бахмет Усеинов – 363
 Бахмет Ширин – 801
 Бахрушин – 207, 447, 473, 474, 522, 530, 772, 773, 774, 775
 Бахт-Гирей-султан – 501
 Бахтеяр Зюзин – 325
 Бахтин – 4, 130, 147–149, 289, 291, 498, 564, 690
 Бахтияр – 363, 365, 740, 742
 Бахты-Гирей – 280
 Бачинский – 779
 Баязид – 253, 283, 517
 Бегиш – 725, 746
 Беззубцев – 295, 296
 Безсонов – 339
 Бейсембиев – 497, 501
 Бей-Юде-Султан – 663, 670
 Бекбулат – 799
 Беклемиш – 801
 Бекмаханова – 783
 Белемишев – 258
 Белич – 2, 394, 396, 477, 478, 480–482, 484–487
 Белорыбкин – 803
 Бельский Иван – 307, 309, 320
 Беляков – 370, 372–376, 769, 805
 Беннигсен – 30, 75, 262, 430, 497, 499, 510
 Бентковский – 780, 781
 Бережкова – 498
 Березин – 12, 14, 15, 28, 37, 46, 66, 448, 462, 465, 488, 494, 499
 Берке – 8, 138, 201, 282
 Бертье-Делагард – 646, 647, 649
 Бехадыр Герай-хан – 652
 Бехан – 798
 Бибад Шах-султан – 210
 Бибей-Гирей – 712
 Бигач-ага – 485, 486
 Бируни – 537
 Биярсланов – 499, 501, 514, 680
 Благов Борис – 372
 Блез де Виженер – 25, 26, 108, 643, 706, 707, 708, 791, 792
 Бобров – 703, 706, 723, 725, 726, 733
 Бобровников – 480
 Богатырев – 385
 Богдановский – 643
 Боданинский – 649, 651, 679
 Бойцова – 498, 501, 508, 514, 515, 517, 518, 520
 Болотников Иван – 372
 Боровков – 542, 547
 Бортэ – 588
 Бояршинова – 772
 Брехуненко – 261
 Броневский – 703, 705, 706, 707
 Брук – 751, 752
 Бугай – 732
 Бугацкие – 769
 Бугонаков – 732
 Будагов – 547, 784
 Булавин – 265
 Булатов – 744
 Булгаков – 334
 Булюк – 323
 Буляк-сейид – 447, 494
 Бураш-сейид (Бораш) – 257, 443, 444, 490
 Бурганова – 543, 782, 783
 Бурдей – 305, 339, 454
 Бурлак – 731
 Бурханеддин Ибрахим эл-Кырыми – 554

- Бурханов – 616, 617
Бустанов – 469, 470, 471, 472, 474, 476, 478, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 498, 503, 513
Бутаков – 394
Бутков – 780
Бушаков – 467
Буюрган-сеид (Абеюрган) – 442, 443, 489
Буян-Бий – 398
Вайнштейн – 497, 510, 520
Ваккас – 8, 121, 122, 157, 158, 168, 169, 192, 227, 481, 485, 486
Валеев – 2, 406, 407, 409, 411, 419, 425, 426, 431, 439, 472, 474, 480, 606, 616, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 755, 783
Валеева-Сулейманова – 416, 630, 631, 633, 635, 636, 637
Валиев – 417
Валиулина – 378
Валиханов – 783
Вани-эфенди – 513
Ван-хан – 588
Варваровский – 390
Василий I – 83
Василий II – 147, 150–153, 155, 189, 291, 292, 359, 435, 576
Василий III – 21, 260, 300, 306, 308, 310–311, 317, 363, 364, 365, 366, 368, 422, 435, 437, 761
Василий Иванович – 153, 368, 460, 461, 464, 488, 490, 638, 737, 739, 761
Василий Шуйский – 208, 372, 373
Васильев – 383, 385, 386, 611, 714, 801, 802
Васильева – 29
Вахидов – 441, 446, 488, 492, 499, 532, 630
Вашари (Vásáry) – 2, 28, 137, 140, 144, 256, 499, 502, 525, 802, 803
Введенский – 696
Веджихи Хасан Челеби – 569
Вельяминов-Зернов – 17, 30, 37, 146, 148, 208, 365, 371, 372, 374–376, 447, 448, 488, 494, 498–500, 611, 633, 729, 742–745, 796, 797, 799, 800, 804
Верейский – 6
Вершинин – 221, 772
Верюжский – 313
Веселицкий – 269
Виженер де Блез – 25, 26, 108, 643, 706–708, 791, 792
Викторин – 779, 782, 783, 784
Викторина – 498
Виноградов – 257, 258, 522
Витовт – 6, 82, 83, 98, 99, 110, 128, 129, 133, 137, 140, 145, 150, 763, 764
Витольд – 76, 763, 766
Владимир Святославович – 577
Владислав – 20, 96, 98, 194, 247, 373
Власкин – 583
Водарский – 751, 756–758
Воейков Андрей – 210, 221, 411
Возгрин – 266, 274, 675, 677, 749, 756
Вокшерин – 349
Воробьев – 45, 604, 606, 790
Воскресенский – 384
Востров – 783
Выговский – 263
Выродков Иван – 235
Вяземский – 714
Вяткин – 780, 783
Габсбурги – 599
Гаврилюк – 253, 664
Гаджиев – 718
Газай – 558, 559, 562, 573
Газали – 537
Гази-Гирей – 518, 557, 560, 561, 562, 649
Гази-Гирей II – 702
Гази-Мансур – 466
Газы-сеййид – 462
Гайворонский – 5, 134, 188, 196, 254, 497, 663, 667, 669, 704
Галлямов – 783
Галялетдин – 474
Гаммет-шейх – 489
Гани-заде Мехмед Надири – 559
Ганина – 704
Гарданов – 779
Гарипова – 782
Гариф – 40, 47, 533
Гаркави – 135, 145, 254, 428
Гаспринский – 555, 575
Гатин – 4, 20, 71
Гаухаршад (Ковгоршад) – 252, 257, 310, 366
Гафури – 571
Гедимин – 763
Гейслер – 671
Гекбильгин – 17, 497, 561
Генгросс – 665
Генинг – 400
Георги – 510, 783
Гераклитов – 798, 799
Герберштейн – 21, 22, 24, 53, 56, 57, 71, 107, 299, 302, 304, 305, 307, 308, 317, 422, 423, 439, 441, 444, 494, 495, 534, 538, 602, 629, 689, 691, 695, 697, 698, 702, 707, 750, 756, 791, 792, 795
Герцен – 141, 143, 145, 146, 787, 788
Гести – 666
Гиас-ад-Дин – 672
Гибб (Gibb) – 562
Гибшман – 388
Гийом Левассер де Боплан – 26, 27, 701, 702, 705–708
Гинзбург – 677, 683
Гирей (Гирейды) – 3, 7–9, 35, 133–139, 185, 190, 229, 242, 253, 257, 264, 279, 363, 493, 522, 700, 736, 761, 805, 806
Глинский – 309

- Гмелин – 385, 452, 716, 785, 786
Годунов Борис – 14, 208, 246, 372, 493, 503, 722, 775
Головачев – 396
Горбатый – 333, 334, 339
Гордиенко – 264
Гордлевский – 469
Горелик – 2, 575, 579–581, 583, 584, 587, 593, 706
Горсей – 27, 701, 704
Горский – 2, 4, 7, 19, 81–86, 187, 191, 192, 195
Готье – 57, 803
Грабарь – 635
Грачев – 392
Греков – 78, 110, 129, 409
Гречкина – 384
Грибов – 378
Грибовский – 266, 267, 277, 281
Григорьев – 42, 81, 106, 109, 131, 132, 136, 138, 139, 146, 190, 254, 463, 465, 499, 714
Гришин – 768
Грязнов – 399, 400
Губайдуллин – 47, 50, 530, 616, 618, 639
Губоглу – 769
Гузейров – 51, 387
Гултаев Табер – 775
Гулям Шади – 12, 534
Гумилев – 148, 779, 782
Гуревич – 704
Гурий – 352
Гуюк – 510
Давид Жоффре-Спинози – 496
Давид-Лехно – 254
Давлет-Бирди – 384, 436
Давлет-Гирей (Девлет-Гирей) – 20, 40, 113, 134, 145, 199, 206, 211, 235, 262, 264, 272, 273, 280, 332, 345, 348, 353, 438, 502, 520, 529, 538, 557, 560, 571, 663, 667, 687, 701, 705, 729, 732, 743
Давлетшин (Дәүләтшин) – 532, 539, 540
Давлетъяр – 254, 261
Данилов – 395
Данияр – 360, 361, 797, 800
Данияр султан – 447
Данченко – 392, 400
Де Клавихо Руи Гонсалес – 453, 591, 754
Де Люк Жан – 429, 679, 717
Девей Иртышов – 774
Девин Де Виз (DeWeese Devin) – 145, 445, 456, 466, 477, 485
Девлет-Бахты – 712
Денисова – 429, 693
Дербыш-Али хан – 450, 451, 452
Дергачева-Скоп – 723, 725, 733
Дерди – 572
Дердменд – 33
Дерягина – 765
Джалаир – 530, 743, 744
Джалаиры – 206, 214, 773
Джамал ад-дин-шейх – 486
Джами – 654
Джан-Али – 310, 311, 312, 365, 367–370, 455, 526
Джанет Мартин – 69, 366
Джанибек – 5, 10, 17, 80, 254, 256, 259, 279, 389, 390, 709, 710
Джанибек-Гирей – 224, 514, 520, 563, 570, 649
Джан-Магмед – 331
Джан-Мамбет-бий – 267, 268, 271
Джан-Мухаммед – 250, 565
Джан-Тимур-мурза – 527
Дженкинсон – 450, 454
Джикмерген – 541
Джиханша-мурза Сулешев – 743
Джон (Ианн) Султаныйский – 424
Джон Шхунер – 794
Джуманов – 385
Джучи Герай-хан – 662
Джучиды – 5, 8, 10, 11, 53, 69, 78, 82, 91, 95, 120, 126, 133, 137, 138, 158, 163, 164, 168, 172, 197, 225, 228, 361, 365–367, 384, 390, 501, 504, 519–522, 525, 686, 687, 699, 761, 767, 780
Диляра-бикеч – 663, 670
Димитриев – 322, 327, 338, 339, 343
Димитров – 769
Дин-Али сейид (Дин-Али) – 452, 454, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 479, 486, 487, 774
Дин-Ахмед – 237, 238, 245
Дионисий – 539
Длугош (Joannis Dlugosii) – 762, 763
Дмитриев – 91, 113, 322, 398, 485, 700, 750, 757
Дмитриева – 48, 91, 483, 485
Дмитрий Жилка – 301
Дмитрий Иванович – 372
Дмитрий Шемяка – 359
Добролюбовский – 779
Довлетек мурза – 737
Долгих – 204, 218, 775, 776, 777
Долгоруков – 268, 270, 272
Долинова – 789
Домбровский – 674
Доможиров Борис – 220, 221
Дон Хуан Персидский – 453
Донвар-Запольский – 503
Дондойн Баяр – 583
Дорошенко – 263, 768
Дубасов – 801
Дуглат – 511
Дульзон – 399, 400
Думин – 763, 768
Дунаев – 712
Дусмамбет – 32
Дюрри – 564
Евлуш Хасруллоев – 311
Евстегнеев – 390

- Егерев – 621
Егоров – 78, 81, 143, 163, 389, 407, 804
Едигер – 205, 216, 257, 353, 475, 479, 490, 503, 635, 773
Едигер-Магмед – 331, 336, 344
Едигер-Мухаммед (Йадыгер-Мухаммед) – 446, 475, 494, 522, 736, 742
Екатерина II – 267, 268, 269–271, 274, 276, 769
Елаир Кайбуллин – 743, 799
Елецкий Андрей – 220
Емадык – 743
Емачтаев Буйдак – 774
Енбулат – 774
Еникей – 797
Епанчи – 700
Ермак – 206–209, 215–219, 225, 239, 392, 393, 396, 471, 475, 484, 726, 727
Ерофеева – 783
Есень Бердий – 799
Ж. де Бай – 399
Железнов – 780
Желобов Григорий – 714
Желябужский – 250
Жижемский – 339
Жирмунский – 162, 354, 389, 453, 454
Жихарев – 398
Жолкевский – 372, 373, 601
Жувонмардиев – 552
Жукова – 660
Заболотский – 339
Заболоцкий – 732
Загит – 539
Загоскин – 346
Зайончковский (Zajączkowski) – 17, 28, 45, 93, 163, 252, 253, 562, 568, 569
Зайсанов – 774
Зайцев (Zaitsev) – 2, 4, 5, 16–19, 35, 47, 64, 67, 86, 93, 101, 109, 111, 128, 130, 135, 136, 144, 146, 163, 176, 177, 178, 182, 190, 197, 201, 202, 252, 255–259, 385, 412, 423, 424, 430, 431, 433, 437, 446, 449, 450–453, 488, 490–493, 497–500, 503, 512, 515, 517, 519, 522, 527, 561, 562, 702, 705, 709, 713, 750, 753, 763–765, 784, 787, 788, 805
Зайцева – 400
Закария Казвини – 35, 538
Закиев – 542, 543, 790
Замыцкий Василий – 311
Занги-Ата – 445, 446, 457, 484, 485
Заринский – 782
Засекин-Пестрый – 312
Засыпкин – 140, 145, 649, 650, 651, 653, 655, 659, 663, 664, 665, 668, 669, 670
Заходер – 13, 18, 384, 424
Звенигородской – 339
Зеди-салтан – 6, 18
Зейнель Паша – 562
Зейнеш – 331, 336, 742
Зейни – 562
Зекерия Нигях – 575
Зиманов – 509
Зимин – 99, 101, 146, 307, 310, 328, 337
Зиннер – 733
Зияев – 210, 473, 479
Зияэддин б. Садуллах эл-Кырыми – 552
Знаменский – 394, 485
Зорин – 305
Зотов – 766
Зыков – 394–395, 402, 403
Йадигар-бек – 203, 204, 213–215
Йамгурчи – 253
Йани Киди-хан – 254
Ибак – 396
Ибн Арабшах – 552
Ибн Батгута (Ibn Batuta) – 176, 282, 552, 553
Ибн Йамин-ходжа – 481
Ибн Фадлан – 409, 538
Ибн Халдун – 53
Ибн-Арабшах – 383
Ибн-Русте – 409
Ибн-Сина – 539
Ибрагим – 8, 18, 46, 293, 294, 296, 297, 298, 310, 391, 492, 502, 520, 535, 545, 546, 560, 599, 737, 742, 746, 756, 795
Ибрагим Темирчич – 760, 761
Ибрагим шейх – 463
Ибрагим-Ата – 446
Ибрагимов – 12, 15, 18, 146
Ибрагимова – 663, 664, 665
Ибрагим-хаджи – 446
Ибрахим б. Ак-Мехмед – 561, 566
Ибрахим бин Бахши – 562
Ибрахим Гульшени – 560
Ибрахим Джеври – 570
Ибрахим Печеви – 764, 765, 767
Иван III – 6, 7, 8, 10, 19, 20, 32, 69, 83, 84, 85, 89, 104, 105, 106, 130, 148, 149, 153, 154, 155, 171, 178, 181, 182, 184, 186, 191, 194, 195, 196, 215, 227, 256, 259, 260, 261, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 301, 360–361, 362, 435, 437, 364, 440, 470, 490, 503, 693, 702, 737, 739, 740, 743, 746, 795, 799
Иван IV (Иван Грозный) – 9, 20, 32, 33, 34, 57, 81, 149, 198, 200, 203–205, 207, 214–215, 223–225, 231, 233, 236, 306, 311, 318–322, 324, 325, 327, 329–333, 335–337, 339, 340, 344, 345, 347, 348, 353, 356, 370, 371, 385, 436, 438, 440, 441, 443, 451, 454, 490, 491, 492, 493, 494, 503, 510, 599, 609, 621, 635, 701, 702, 719, 742, 743, 744, 747, 748, 773, 791, 792, 799, 800, 801
Иван Алексеевич – 635
Иван Васильевич – 451, 462, 490
Иван Калита – 290
Иван Федоров – 373
Иван Федорович – 800

- Иванич – 15, 28, 134, 135, 154, 157
Иванов – 780
Игичей Алачев – 209
Игнатъев – 351
Идегей (Едигей, Эдиге) – 7, 14, 19, 82, 83, 156, 157, 159, 161, 183, 187, 197, 200, 224–226, 230, 233, 234, 277, 353, 389, 392, 453, 454, 509, 511, 519, 528, 537, 541, 596, 635, 697, 742, 754, 759, 773, 780–782
Ижбердеев – 783
Изиддинов – 783
Измайлов – 4, 78, 82, 205, 224, 269, 332, 393, 395, 480, 497, 498, 500, 509, 521, 522, 527, 529, 534, 616, 691, 696, 698, 750, 793, 795, 796, 805
Измер – 396, 397
Иким Субуев – 760
Илитен-султан – 210
Ильшев – 799
Ильбарс-султан – 468
Ильгам (Алегам) – 746
Ильин – 434
Ильяс – 471, 474, 476, 478, 479
Имадеддин Несими – 558, 560
Именек Ширин – 737
Имер-хафиз – 466
Инальджик (Инальчик, Inalchik) – 2, 529, 700, 704, 705
Иоанн Алексеевич – 769
Иовий Павел (Павел Иовий Новокомский) – 21, 304, 429, 791
Иоганн Шильтбергер – 392
Иртышак (Иртышак) – 391, 392, 773
Исаак Масса – 28, 431
Исин – 750, 754
Искандер – 15, 473, 475, 510, 539, 541
Искиндер Сака – 305
Ислам II Гирей хан – 494
Ислам-Гирей – 267, 452, 462, 463, 465, 501, 506, 512, 517, 522, 565, 569, 571, 667, 713, 715, 663, 670, 748
Ислам-Гирей III – 263, 280, 659
Исмагиль – 451, 454, 743, 747, 791, 799
Исмагиль-Ата – 446
Исмаил – 9, 15, 63, 136, 198, 200, 223, 230–238, 240–242, 249, 344–346, 348, 349, 353, 389, 422, 451, 572, 713, 715, 719, 721, 748, 754, 783
Исхаков – 2, 4, 10, 46, 78, 106, 131, 137–139, 174, 180, 184, 292, 370, 392, 393, 395, 396, 411, 413, 421, 423, 424, 440–449, 451, 456–458, 468, 470, 480, 484, 485, 488–491, 493–495, 497–500, 502, 503, 505, 509, 512–515, 520–522, 527, 529, 530, 532, 534, 537, 538, 540, 542, 697, 701, 736, 738, 739, 742, 744, 749–758, 772, 773, 776, 783, 784, 790, 794, 796–805
Ишим – 728, 729
Иштерек – 247, 248, 249
Иштерек бий – 225, 226, 246
Иштерек князь – 454, 455, 456
Ищенко – 700, 749, 757
К. фон Клаузевиц – 707
Кабузан – 751, 752
Кадилова – 46, 48, 542, 543, 546
Кадыр Али-бек – 5, 14, 15, 16, 135, 157, 158, 175, 188, 204, 206, 208, 209, 214, 227, 448, 494, 500, 541, 744
Казаринов Никита – 338, 342
Казембек – 18, 35, 573
Казимир – 254, 255
Калинин – 621, 628
Калинина – 416
Калиновская – 779
Калмыков – 779
Камай – 335, 337, 342, 742
Камал ад-Дин Бинаи – 12, 35, 125
Камбар Мамалаев – 743
Кампензе Альберт (Пигиус Альберт) – 21, 750, 791, 792
Канай – 249, 251, 782
Канай-султан – 211, 226
Канапацкий – 768
Канбаров – 722
Кантемир – 278, 279, 284, 285, 757
Канучвар – 728
Канымет (Калимет-Кулахмет) – 742
Каплан-Гирей II – 267, 268
Кара Кель-Мухаммед – 249, 782
Кара Саид – 494
Карагёз-Мамай – 718
Каракыз – 743, 799
Карамзин – 66, 99, 146, 171, 351, 365, 722
Карамышев Исинеи – 373
Карачура – 760, 710
Карл IV – 93
Карл IX – 26
Карл XII – 264
Кармышева – 487
Карпов – 303, 312, 362, 424, 499
Карун – 353
Карутце – 692
Касим – 5, 127, 128, 228, 230, 231, 293, 294, 296, 359–361, 389, 390, 447, 454, 745, 746, 752, 801
Кастрен – 391
Касым – 19, 190, 260, 364, 444, 644
Катанаев – 783
Катанов – 37, 52, 326, 440, 469–472, 474, 477, 479, 481, 486, 487, 513
Катырев – 722
Кафтырев – 715
Кашгари – 145, 537
Кашка (Кашкей) – 447, 448
Кашлык – 396
Келдиш – 253
Келмамай – 709
Кельдасов – 499

- Кемаль – 553
Кемпер – 16
Кеннеди (Kennedy) – 69, 152, 371
Керейтов – 779, 783
Керимов – 515, 519
Кефеве – 35, 559, 560, 561, 564, 567, 569, 573, 574
Кәримуллин – 790
Кинан (Keenan) – 67–70, 87, 362, 365
Кирилко – 645, 647, 648, 657, 664, 670, 671, 672
Кирпичников – 421, 693
Кичи-Мухаммед – 508, 753, 782
Клавихо – 453
Клаузевиц – 700, 708
Климент VIII – 21
Клодт – 398
Клоков – 384, 438
Кляшторный – 467, 579, 580, 749, 767, 780
Ковалев – 803
Ковалевский – 409
Кожевников – 704
Койгелдиев – 15
Кокорев – 729
Кокорина – 378
Колодзейчик (Kołodziejczyk) – 2, 4, 28, 93, 110–115, 128, 129, 491–496, 768
Колычев – 465, 702, 712
Колычев-Лошаков – 722
Конграт – 743
Коников – 400, 723
Кононенко – 385
Контарини – 24, 181, 182, 186–190, 361, 387, 408, 409, 411, 412, 419, 424, 430, 508, 679, 699, 702, 703, 752, 758
Корнис – 780
Королев – 262
Короленко – 266
Коротков – 804
Корусенко – 474
Корзон – 601
Костомаров – 638
Костюков – 780
Котляров – 305
Котов – 622
Кочекаев – 271, 281, 290, 454, 455, 457, 749, 754, 779
Кочман-мурза – 743, 799
Крадин – 425, 701, 708
Крамаровский – 552, 645, 648
Красников – 691, 694, 719
Краснов – 410
Крачковский – 17, 574, 770
Кригер – 779, 780
Кристоф Вайгель – 601
Крым-Гирей – 281, 565, 668, 669, 715
Крымский – 98, 553
Крюков Остафий – 693
Кубенский – 201
Кудабердей – 332
Кудашев – 798
Кузеев – 470, 482, 779, 780, 783, 796
Кузнецов – 399
Кул Гали – 551
Кул Шариф (Кул Шариф, Кул Шериф, Шариф-кол) – 14, 33, 51, 336, 379, 440–447, 489, 491, 532, 533, 543–546, 606, 610, 629
Кул-Дербыш – 444
Кулешова – 783
Кул-Мухаммед-сеид – 442, 443, 445, 494
Кульпин – 78
Кумыш-султан – 210
Кунцевич – 303, 311, 313, 315
Курат (Kurat) – 14, 28, 30, 74, 75, 93, 94, 96, 97, 100, 130, 141, 181, 188, 284, 462, 465, 750, 752
Курбский – 215, 325, 328, 332–334, 337, 341, 344–348, 353, 356, 409, 412, 441, 442, 444, 534, 617, 751, 792
Курлятев – 311
Кутайсов – 653, 658, 660
Кутайсова – 653, 658, 660
Кутб – 550
Кутлук-хан – 213, 214, 253
Куфтин – 662, 665, 675, 802
Кучкин – 81
Кучлук – 594, 732, 733, 734
Кучук Лутфизаде – 562
Кучук Тынмаматов – 774
Кучук-Мухаммед – 6, 100, 151, 180, 182, 183, 186, 187, 188, 197, 254, 433
Кучум – 203–211, 213–221, 231, 239, 372, 373, 391, 393, 397, 402, 411, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 479, 480, 486, 490, 491, 494, 495, 503, 504, 512, 513, 516, 723, 725, 726, 727, 728, 729, 744, 747, 755, 775, 776
Кучумовичи – 8, 17, 163, 729, 732, 733, 734
Кушелев – 349
Кызласов – 391, 395, 404
Кырымизаде Решид Ахмед – 575
Кюгельген – 512
Кюль-Тегин – 579
Кятиб Челеби – 562
Ланратова – 583
Лашков – 136, 255, 270, 274, 276, 467, 498–500, 502, 504, 506, 514, 515, 517, 518, 520, 756, 800
Лебедев – 384, 438, 804
Левашев – 398, 399
Левашева – 400
Левшин – 390
Лемерсье-Келькеже – 75, 112, 497
Лепренс – 598
Лжедмитрий II – 247, 372, 373
Литвин – 21, 504, 702, 703, 791
Лихорев – 342
Логутов – 783
Лопарев – 317
Луиджи Каорлини – 599

- Лунев – 515
 Лыков – 499
 Львов – 248
 Любавский – 803
 Мавля Кулый – 33
 Мавроени – 268
 Магмед-Гирей I – 302, 304
 Мадарьяга – 701
 Маджиденов – 516
 Маджлиси – 32
 Майкы-бий – 509, 799
 Макаренко – 385
 Максутов – 799
 Малиновская – 683
 Малиновский – 108, 257, 385, 409, 452, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 489, 490, 704, 737, 739, 740, 742, 743, 746, 791, 799, 803
 Малов – 462, 499, 804
 Малышев – 383, 387
 Мальцев – 235
 Мамай – 81, 228, 229, 248, 304, 501, 709, 712, 713, 716, 738, 760
 Мамак – 258
 Мамеев – 394
 Мамет Кайдулов – 774
 Маметкул – 215, 217–219, 744, 747, 755
 Мамич-Берды (Мамич-Бердей) – 351, 353–356, 522, 526
 Мамонов – 450, 460, 464, 702, 704, 706
 Мамук – 300, 526, 738
 Мамыш (Мамышак) – 256, 257, 495, 739
 Мангыт (Мансур) – 529, 530, 742, 743, 745
 Мангыт Удемов – 743
 Мандельштам – 387
 Мансур Халладж – 558
 Мансуров – 209, 385, 715, 716
 Мансур-сейид – 452, 460, 461, 462, 466
 Марджани (Мәржани) – 37, 257, 387, 441, 442, 444, 445, 532, 535, 581, 591, 609, 782, 799
 Маркевич – 499, 665, 693
 Марко Бандини – 284
 Марков – 42, 44, 172, 385, 779
 Марсигли – 285
 Мартин Броневский – 113, 278, 411, 705–707, 788
 Мартин Валдемюллер (Валдсмюллер, Вальдземюллер) – 55, 794
 Мартынова – 773
 Масанов – 783
 Масложенко – 168, 170, 175, 498, 499, 756, 805
 Матвеев – 2, 4, 49, 51, 215, 220, 221, 391, 395–397, 400, 402, 750, 755, 805
 Матвеева – 395, 396
 Махметкул – 727
 Махмуд – 359, 433, 436, 449, 533, 560, 561, 619, 765
 Махмуд (Мухаммад) – 445
 Махмуд б. Эмир Вали – 780
 Махмуд Булгари – 550, 552
 Махмуд Кыргызлы – 551, 554
 Махмуд Шебустари – 554
 Махмутек – 289, 292, 293
 Махмутова – 783
 Махсуд Усман Кухистани – 12
 Мевлеви – 558
 Мезецкий Василий Семенович – 713
 Мелик-Тагир – 302
 Мелик-Тагир – 366
 Мемеш мурза – 495
 Менгли-Гирей (Менгли-Гирей I, Менгли Герайхан, Мингли-Гирей) – 5, 6, 8, 9, 10, 18, 227, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 266, 277, 283, 284, 302, 362, 364–366, 384, 409, 438, 440, 444, 449, 450, 459, 460–463, 465, 466, 494, 503, 504, 517, 522, 553, 557, 568, 571, 638, 644, 662–664, 676, 677, 693, 700, 701, 702, 704, 737, 739, 740, 742, 743, 748, 760, 762, 788
 Менгли-Гирей II (Менгли II Гирей) – 18, 280, 287, 288, 502, 573, 574, 667, 669
 Меншик Полев – 312
 Мерген-тайша – 732
 Меретек – 761
 Мехмед – 563, 566, 570
 Мехмед I – 283
 Мехмед II Герай – 663, 667, 670
 Мехмед II Фатих – 449, 503, 519, 553, 554
 Мехмед IV – 768
 Мехмед Бухари Сары Салтык-султан – 453
 Мехмед Саид Пертев Паша – 575
 Мехмед Факри – 572, 574
 Мехмед Фындыклы – 18
 Мехмед-бей – 663
 Мехмед-Гирей – 278, 298
 Меховский Матвей – 20, 21, 53, 107, 157, 158, 182, 454, 504, 751, 791, 792
 Мехри-султан-хани – 501
 Микулинский – 331, 334
 Миллер – 166, 203, 205, 212, 215, 217–218, 391, 392, 394–398, 404, 472, 473, 475, 479, 480, 484, 500, 674, 723–726, 728–730, 732, 733, 747, 773, 774
 Милых – 783
 Милоков – 365
 Мин – 587, 596, 597
 Мингазова – 622, 637
 Мининков – 263, 264
 Миних – 570, 665
 Миннегулов – 4, 31
 Мир Мухаммед Амин и Бухари – 468
 Миралий – 774
 Миргалеев – 2, 3, 4, 11, 12, 156, 805
 Миргали-сейид – 472, 473
 Мите Иванову – 363, 367
 Михаил Клепик – 300, 301
 Михаил Романов (Михаил Федорович) – 455, 635, 775
 Михневич – 709

- Михраби – 575
Могильников – 392
Моисеева – 783
Молодин – 399, 692, 723, 724, 725
Молявина – 396
Моматов Еналей – 350, 355
Мордкович – 78
Морозов – 355, 711
Моюмас Азехматов – 774
Мстиславский – 336
Мубарек – 323
Муджеми – 572
Муин ад-Дин Натанзи – 510, 766
Муканов – 783
Муминов – 13, 519
Муниров – 552
Мунмыш – 743, 799
Муравьев-Апостол – 679
Мурад III – 768
Мурад IV – 279
Мурад-Гирей – 241, 242, 510, 511, 513, 518, 568
Мурасов – 573
Мурат – 747
Муратов – 483
Мурат-хан – 482
Мурзакевич – 499
Муртаз ходжа – 456, 473, 475
Муртаза – 710, 745
Муртаза-султан – 203
Муртаза-хан – 283
Муса – 742, 471, 474
Муса-сеййид – 462, 465
Муселем-салтан – 710
Мустакимов – 4, 11, 12, 16, 499, 544, 547
Мустафа – 436, 520, 711, 745
Мустафа Абдуллах Кятиб-Челеби – 17
Мустафа ал-Дженнаби – 306
Мустафа Гевхери – 563, 568
Мустафа Мюдами – 560
Мустафа-Али – 372
Мустафар Мангит – 742
Мустафина – 4, 39, 491, 499, 503, 713, 791
Мухамадиев – 42, 51, 81, 384, 431, 432, 434, 619, 794, 804
Мухамедьяров – 426, 434, 498, 499, 502, 524, 698, 796
Мухаметшин – 437, 446, 783
Мухаммад (Мухаммед) – 442, 447, 453, 456, 532, 535, 644
Мухаммад Кули-султан – 206, 208, 210
Мухаммад Шейбани-хан б. Шах Будагсултан б. Абу-л-Хайр Убайдаллах-хан – 127, 203, 507, 512, 513, 514, 534
Мухаммад-Амин (Мухаммед-Амин, Мухаммет-Амин, Мухаммед-Эмин) – 8, 10, 12, 13, 31, 298–300, 338, 362, 365, 366, 396, 459, 488–490, 523, 533, 534, 536, 539, 540, 541, 543, 544, 545, 548, 619, 635, 737, 740, 742, 746, 782
Мухаммад-бек – 212–214
Мухаммад-Гирей (Мухаммед-Гирей, Мухаммед Гирай-хан, Мухаммет-Гирей) – 5, 9, 10, 17, 260, 262, 263, 268, 363, 364, 366, 367, 375, 376, 438, 447, 452, 460–465, 501, 504, 512, 513, 523, 569, 668, 704, 710–712, 715, 742, 743, 745, 748, 791, 800
Мухаммед (Мухаммад) – 391, 396, 437
Мухаммед IV (султан) – 263
Мухаммед Шейбани – 11, 12, 13, 469, 470, 477, 760
Мухаммед-Гирей IV – 659, 661
Мухаммед-Риза – 11, 13, 18
Мухаммед-Шах-бей – 670, 671, 672
Мухаммедьяр (Мөхәммәдъяр) – 31, 32, 318, 445, 519, 533–535, 538–541, 543–545, 548, 629, 794, 795
Мухлинский (Muchlinski) – 75, 76, 764, 765, 771
Мухья ад-Дина ал-Араби – 768
Набиуллин – 637
Навои – 550, 557, 558, 563
Наджи Ахмед Деде – 571
Назаров – 412
Назерголов – 470
Назым Яхья – 563
Накшбанди – 469, 483, 516, 534
Насыри – 530, 536
Небольсин – 204, 385, 386, 454, 500, 715, 716
Негри – 18, 254
Недашковский – 131, 378
Неджати Челеби – 564
Недим – 564, 767
Некрасов – 66, 133, 138, 139, 252, 253, 265, 458, 463, 705
Немировский – 695
Несими – 550, 558, 560
Нестеров – 2, 4, 45, 116, 117, 120, 125, 126, 162, 203, 205, 210, 211, 337, 432, 433, 484, 498, 749, 755
Нефедов – 412
Нефи – 550, 558, 570
Нечипоренко – 692
Нечитайлов – 709
Низаметдинова – 385
Низами – 550
Никитин Афанасий – 387
Никитина – 378
Никольский – 674, 679
Ниязов – 487
Новиков – 499
Новосельский – 427, 429, 498
Новосильцев – 371
Ногай – 766, 779, 780, 787, 800
Ногайдынь – 781
Ногайлы – 715
Ной – 539
Нурадин – 720
Нурадиновы – 782

- Нураев – 799
Нур-Али Ширин – 330, 530, 606, 608
Нурдаulet (Нурдеulet, Нурдовлат, Нур–Даulet,
Нур-Даulet) – 9, 254, 255, 256, 257, 361, 362,
458, 743, 748
Нуреддин Хусам – 570
Нуретдин – 453
Нуриева – 543
Нур-Султан – 9, 298, 302, 365, 561, 737, 742
Нуруш (Нурыш) бий – 799
Нэкъкаш – 532
Оболенский – 499
Овчинникова – 394
Озерецковский – 784
Озйетгин (Özyetgin) – 14, 93, 520
Олеарий – 380, 388, 389, 643, 755, 785
Омар Хаям – 537
Омер – 669
Опукович – 764
Орду-ичен – 5, 766
Орешков – 274
Орешкова – 18, 498, 501, 521
Орлик – 264
Оронс Фин – 794
Орфинская – 583
Османов – 390
Остапчук – 28, 458, 700, 704–706, 709, 713
Острожский – 704
Очергин – 378
Павленко – 384
Палашенков – 394
Палецкий – 306, 307
Палицын – 372
Паллас – 679, 798
Панин – 267
Пантелеев – 386
Пахимер – 787
Пачкалов – 44, 45, 383, 384, 387, 436–438
Пашин – 780
Пекарский – 748, 749
Пенской – 750, 757
Пересветов – 337, 409
Перетяtkович – 289, 389, 422
Петр I – 438, 570, 696, 806
Петр Алексеевич – 769
Петр Буцинский – 220
Петр Чижевский – 763
Петровичовъ/Петровичевы – 760
Пиворович – 439
Пигарев – 384
Пигнатти – 391, 394, 723
Пинк – 703
Пипериди – 439
Пири – 572
Пицигани – 390
Плано Карпини – 55, 391, 510
Платон – 539, 540
Плахов – 387
Плетнева – 399, 701
Погодина – 451
Покровский – 325, 440
Полесских – 803, 804
Полубояринова – 434
Поляков – 496
Поноженко – 498
Пономарьова – 653, 665
Попов – 801
Потанин – 475
Потемкин – 276
Почекаев – 4, 125, 131, 211, 496–498, 503–505,
507, 508, 510, 511, 513, 516, 518, 519
Приднeв – 654, 661, 668
Прицак – 365
Прозоровский – 275
Пронский – 714, 730, 731
Пугачев – 272
Радлов – 28, 37, 205, 471, 474, 789
Разин – 264, 695, 785
Рафикова – 397
Рахим – 16, 528, 697, 745
Рахимзянов – 4, 67, 84, 146, 150, 359–361, 370,
376, 423, 498, 506, 512, 515, 527, 752, 796,
805
Рахимов – 478, 481
Рахматуллин – 783
Рахметуллах Шериф – 572
Рахми Мустафа – 572
Рашид-ад-Дин – 5, 14, 201, 392, 507, 579, 582,
585, 593, 767
Реджеб б. Ибрахим – 552
Резми – 563, 573
Ремезов – 213, 391–394, 486
Реммал Ходжа (Реммаль-ходжа) – 16, 305, 458
Реммаль Нидаи – 562
Рефахи Хаджи-Гирей – 575
Ризаи – 564, 572
Рогожин – 499
Романов – 248
Рославцева – 701
Рубрук – 5, 130
Рудаки – 579
Рудно – 296
Рукнедин Ахмед б. Мухаммед – 552
Руми – 550, 554, 561, 572
Румянцев – 272
Русина – 100
Рустем-паша – 764
Рюриковичи – 361, 700
Рябичкин – 386
Саадет-Гирей – 8, 283, 304, 311, 463, 465, 466,
492, 517, 520, 538, 556, 563, 572, 704, 713,
788
Саади – 32, 550, 551, 637
Сабитов – 501
Сабуров – 312
Савва – 769
Садреддин Коневы – 554
Садур – 783

- Саид-Ахмад (Саид-Ахмед) – 449, 720
Саид-Гирай – 572
Саидет-Гиреем – 461
Сайид-Ибрагим (Сайид-Ибрахим (Ибак)) – 203, 212–214, 432, 440, 470, 471, 503, 516
Саййид Ахмад – 203, 207, 209, 215, 223, 225, 228–230
Саййид-Ата – 457
Саин хан – 8, 445
Саин-Булат – 371, 372, 375
Сайф ад-Дин – 455, 456
Саиф Сарай – 32
Сайяди – 32
Салаган Мустафин – 744
Саламат-Гирей – 462, 463, 502, 514
Салахетдинов – 15
Салджигуты – 773
Салим-шага – 260
Салих Несим – 575
Салихзаде – 574
Салтаган Мустафин – 800
Салтанга мурза – 800
Салтан-Гази – 743, 799
Салтыков – 355
Салтыков-Морозов – 341, 343, 344, 348, 351
Салтыков-Травин Иван – 215
Самойлович – 766, 789
Самуил Георг Гмелин – 385, 785, 786
Санин – 498
Сап-Гирей – 443
Саргачик – 391
Саргсян – 252
Сафа-Гирей – 15, 292, 305, 306, 308–324, 367–369, 442, 443, 452, 494, 501, 503, 506, 513, 523–526, 536, 538, 564, 610, 611, 713, 737, 740, 742, 745, 747
Сафар-ага – 491
Сафаргалиев – 82, 383, 385, 389, 392, 438, 744, 749, 753, 780, 781, 782, 798, 804
Сахиб султан – 365
Сахиб-Гирей (Герай) – 16, 32, 269, 271–273, 284, 302–306, 311, 313, 314, 366, 367, 406, 438, 441, 442, 446, 458, 491, 492, 501, 502, 520, 524, 527, 528, 530, 532, 535, 541, 544, 545, 547, 555–557, 561, 562, 610, 630, 662, 665, 667, 701, 702, 704–706, 709, 713, 715, 719, 740, 788, 791
Сахиб-Гирей I – 262, 701
Сахиб-Гирей II – 270
Сахибкеран – 424
Сацыперов – 621
Сванидзе – 408
Святослав Игоревич – 578
Севортян – 538, 789
Сезаи – 572
Сейдяк – 217, 219, 744
Сейид Ата – 445, 474, 484, 534
Сейид Ахмед б. Абдуллах Кырьми – 553, 554
Сейид Кул-Мухаммед – 442, 444
Сейид Муса – 564, 569
Сейид Мухаммед Риза – 573
Сейид Хамид – 572
Сейид-Ахмед – 710
Сейид-Мухаммед Риза – 769
Сеййид Ахмед б. Абдуллах – 554
Сеййид-Ахмед-сеййид – 447
Сеййид-Мухаммад – 472, 474
Сейитяхья – 562, 563, 573
Сеит-Бурхан – 374, 375
Сейтягьяев – 4, 253, 571, 573
Сейф Сарай – 550
Сейфи – 563
Сейфи Челеби – 17
Селезнев – 477, 478, 480, 481, 482, 486, 783
Селики Ша'бан – 562
Селим – 655, 801
Селим II (Селим II Гирей-хан) – 17, 262, 682
Селим-Гирей I – 264, 268, 502, 510, 520, 563, 570, 769
Селим-Гирей III – 268
Селямет I Герай – 663, 667
Селямет-Гирей – 573
Селями – 564
Семен (Саин) – 448, 743, 799
Семен Гундоров – 311
Семеней Аганин – 774
Семенов – 383
Семенова – 769
Семеон Тодорский – 770
Семькин – 414
Сенбахт-тагин – 727
Сергеев – 499
Сергеева – 667
Серебряный – 326, 333, 339
Сефер Гази-ага – 569, 658, 659
Сигизмунд – 8, 20, 373
Сигизмунд I – 292, 316, 491, 503, 713, 760, 791
Сигизмунд II Август – 503
Сигизмунд III – 763, 768
Сигизмунд Казимирович – 363
Сигизмунд-Август – 721
Сиджеут – 529
Сиди Али-реис – 17
Сидоренко – 674
Сикалиев – 456, 717, 718, 779, 780, 782
Сингатуллина – 431
Ситдииков – 49–52, 378, 416, 436, 542, 618, 619, 620, 628
Скрынников – 391, 397, 472, 473, 724, 726, 755
Скуратов – 342
Сладкова – 480
Словцов – 394, 485, 486, 733
Смирнов – 18, 252, 273, 290, 305, 417, 463, 466, 488, 492, 497, 499, 501, 502, 506, 513, 516, 517, 520, 527, 569, 574, 604, 702, 704, 709, 764, 765, 766, 767, 780, 798, 801
Снесарев – 469
Соболев – 391, 393, 395, 399–401, 402, 432, 480

- Соболевские – 769
Собчак (Sobczak) – 76, 761
Совлук Турпеев – 351
Соколов – 782
Соловьев – 91, 92, 146, 353, 372, 801
Сорина – 371
Сорока – 302
Софи – 566
Спасский – 394, 395
Спафарий – 394
Спицын – 315, 317, 386
Спрафарий – 485
Старицкий – 344
Старков – 259
Степанов – 499, 698
Стефан Роуэлл – 764, 765
Стрига-Оболенский – 294
Строганов(ы) – 207, 727
Строевая – 626
Судаков Иван – 702
Сулейман I (Кануни) – 445, 519, 538, 562, 599, 636, 702
Сулейман II – 316
Сулейман Челеби – 550, 557
Сулейман Шамданизаде – 575
Сулейманова – 637
Сулешевы – 800
Султан Велед – 552
Султан Хубби – 445
Султан-Али – 459, 462
Султангул – 744
Султан-Мухаммад – 472
Султанов – 17, 207, 467, 484, 512, 579, 696, 749, 756, 767, 780, 786
Сулькевичи – 769
Суфи Мухаммед Данишменд – 446
Сухарева – 469
Суюнч-Мухаммад – 473
Сыздыкова – 15
Сызранов – 750, 754
Сыроечковский – 106, 145, 411, 423, 452, 459, 460, 463, 464, 466, 527, 702, 704, 712, 737
Сююмбике (Сююнбике) – 310, 311, 324, 329, 354, 443, 444, 598, 630, 713, 737, 740, 744
Таваккул-хан – 207, 209
Тагиров – 621
Таджетдин Ялчигул – 16
Тайбуга – 395
Тайбуг-бий – 470, 482
Тайбугиды – 203, 204, 207–217, 219, 391, 396, 501, 511, 513, 522, 723, 727, 747, 773
Такыйуддин Эбу-Бекр – 560
Талайка Кучуков – 774
Талиби – 559
Тальш – 309, 525
Тамерлан (Мир-Тимур, Аксак Тимур) – 32, 54, 82, 95, 110, 156, 293, 383, 385, 408, 591, 745
Тарлав – 730, 731
Тархан-хан (Турган) – 483
Тасин Джамиль (Tahsin Gemil) – 2, 4, 282–288
Татауров – 49, 51, 215, 220, 391, 397, 400, 402, 405, 750, 755
Татищев – 65, 293–298, 300–305, 307–312, 317–319, 324, 325, 328, 330, 333, 335, 336, 348, 349, 353–355, 384, 388, 785, 786
Тахтамыш Алчин – 760
Таш-Тимур – 672
Тевкаль хан – 372
Тёлек Тимур Садеддин – 552
Темеш (Тимиш) – 259, 762
Темир – 742
Темкин-Ростовский – 311
Темуджин – 588
Тенелей Берелеев – 774
Тениш – 797, 798
Тенишев – 351
Тизенгаузен – 17, 95, 98, 130, 132, 136, 140, 383, 453, 552, 767
Тимофей Дичков – 693
Тимофей Кропоткин – 714
Тимур – 202, 283, 383, 385, 387, 389, 408, 446, 453, 591, 703, 767
Тимур Барлас – 595
Тимуриды – 13, 506, 511, 534
Тимур-Кутлуг – 9, 14, 254, 385, 522, 767
Тинбайсейид – 455, 457
Тинбулат (Дин-Булат) – 714
Тинибек – 5
Тинмаметевы – 248, 782
Тихомиров – 307, 331
Тишкин – 583
Тобыцак-сейид (Топечак) – 472
Тогай-бек – 565
Тоган (Ахмет-Заки Валиди, Заки Валиди Тоган) – 12, 13, 14, 74, 74, 163, 445, 745
Тойгусун – 535
Токмаков-Ноздреватый – 351
Ток-Саба – 780
Токта – 390
Токтай – 766
Токтамыш – 6, 9, 13, 14, 15, 81, 283, 395, 453, 458, 672, 767, 781
Токтамыш-Гирей-хан – 563
Голстой – 702
Томас – 25, 798
Томилов – 219, 222, 400, 479, 480, 487, 749, 755, 756, 775, 776, 777, 783
Тоорилу – 588
Трепавлов – 2, 4, 67, 70, 75, 78, 84, 127, 131–133, 136, 145, 156, 180, 189, 211, 223, 254, 257, 277, 278, 354, 389, 390, 409, 422, 426, 429, 430, 436, 447, 449, 450, 454–456, 473, 488, 491, 494, 495, 498, 499, 501, 503–505, 508, 510, 511, 513, 519, 522, 527, 538, 709, 717, 728, 729, 753–756, 759, 760, 779, 781, 783, 805
Третьяк Чубуков – 206
Троекуров – 353

- Троицкая – 399, 402
Тропин – 378
Тростьянский – 43, 45, 434
Трофимов – 220
Трофимова – 779
Трубецкой – 250, 251
Туган-Барановские – 769
Тугока Келементеев – 774
Тукай – 89, 536
Тукай-Тимур (Тука-Тимур) – 126, 133, 137, 138, 177, 361, 367, 522, 780
Тулусупов – 331, 349, 717
Тулязий – 697
Туманский – 664
Тунманн – 717, 756, 757
Туси – 515
Тухачевский – 731
Тынмамат Берделей-Мурзин – 774
Тычинских – 217, 395, 397, 398, 498, 750, 755, 772, 774
Тышкевич (Tyszkiewicz) – 76, 768
Тьеполо – 750
Тяпкин – 766
Убайдулла хан – 468
Узбек – 8, 80, 466, 511, 513, 524, 644, 655, 739
Узбек Сайида-Атахан – 445
Уз-Тимур – 15, 253
Узунчаршылы (Uzunçarşılı) – 97, 768
Уишенский – 760
Улуг Улус – 686
Улуг-бек – 595
Улуг-Мухаммад (Улу Мухаммад) – 3, 6, 13, 14, 19, 83, 257, 292, 293, 359, 361, 362, 366, 437, 438, 522, 642, 736, 740, 744, 745, 750, 752, 782, 805
Уманский – 729, 730, 731, 733
Умми Камал – 33, 544
Ураз-Али – 721
Ураз-Берди – 743, 799
Уразлый – 489
Уразмамат-мурза Нурушев – 798
Уразманова – 783
Ураз-Мухаммад – 14, 15, 208, 209, 238, 246, 249, 372–374, 448, 494, 500, 503, 744
Урмаметевы – 248, 782
Урус – 9, 14, 126, 177, 223, 224, 226, 233, 237–246, 290, 455, 716, 720, 721, 728, 749, 799
Урусовы – 237, 245, 246, 799, 800
Усеин (Усеин-сеид) – 343, 344, 347, 442, 538, 742
Усеинов – 542
Ускенбай – 484
Усманов (Госманов, Usmanov) – 4, 15, 16, 30, 78, 462, 466, 470, 479, 480, 482, 488, 492, 497, 499, 501, 502, 514, 516, 519, 522, 527, 528, 530, 534, 540, 605, 630, 638, 697, 748, 779
Успенский – 493, 690, 693
Устемир Канчорин – 774
Устрялов – 372
Утемиш-Гирей (Утемыш-Гирей) – 324, 329, 344, 443, 444
Утемиш-хаджи (Утемиш-хаджи мавлан Мухаммед-Дости) – 5, 12, 13, 18, 201, 389, 450, 738, 745, 759
Утеш – 739, 740, 746
Ухтомский – 696, 697
Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакани – 200, 202, 412, 427, 450, 469, 495, 507, 513, 514
Фазли Челеби – 564
Фазыл Мехмед Паша – 575
Фазылов – 547
Фаизов – 499, 501, 504
Файзрахманов – 212, 391, 395, 411, 413, 493, 728, 729, 732
Фаизханов – 66, 633
Фальк – 392, 394, 398, 485
Фасеев – 47, 543, 547
Фатх-Гирей – 501, 518
Фахретдинов – 446
Фахрутдинов – 81, 330, 378, 437, 628, 796
Федор Елецкий – 210
Федор Иванович – 372, 793
Федоров-Давыдов – 78, 80, 384, 389, 408, 431, 433, 436, 526, 780
Федот Котов – 388
Федулов – 378
Фейзи Челеби – 564, 564, 566, 569
Фейзула-эфенди – 520
Фелицын – 717
Феодор I – 213
Феррух Исмаил – 575
Фетислямова – 565
Фетх-Гирей – 572, 712
Фетхи – 564, 659
Фехнер – 427
Фирдоуси – 33, 201, 562
Фиркович – 462, 463, 499, 502
Фирсов – 289
Флетчер – 701, 702, 709, 717
Флоринский – 398
Флоря – 101, 137, 187, 263, 330, 499, 505, 701
Фоменко – 4, 388
Франк – 14, 15, 16, 475
Франциск Скорина – 771
Фролов – 783
Фролова – 131, 765
Фрязин Алевиз Новый – 676
Фузули – 550, 558
Фукс – 66, 90, 638
Хабар-Симский – 301, 307
Хабибуллин – 639–641
Хабит-мурза Сулешев – 743, 800
Хаджи Мухаммед – 395, 467
Хаджи Нияз – 201
Хаджи Нияз – 201, 450
Хаджи Селим Герай – 564

- Хаджи-Ахмед сеййид (Хозяк)– 449, 462, 463, 465
 Хаджи-Гирей (Хаджи-Герай) – 6, 14, 252, 253, 254, 256, 257, 258, 361, 362, 438, 458, 462, 492, 522, 566, 644, 649, 663, 672, 736
 Хаджим-султан – 15
 Хаджи-Мухаммед (Хаджи-Мухаммет) – 230, 738, 745
 Хаджи-Тархан – 714, 715
 Хаджи-хан – 473
 Хади Атласи – 397
 Хадырсеит – 461
 Хазанов – 708
 Хайдар (Айтуки) Ярымова – 474
 Хайризаде – 569
 Хайруллин – 539, 635
 Хаким Сулейман – 533
 Хаким-Ата – 445, 457, 484–487
 Хакимзянов – 14, 33, 528, 698
 Хакк-Назар – 6, 206, 220, 230, 231
 Хаков – 542, 543, 548
 Халецкие – 769
 Халиков – 49, 410, 416, 418, 628, 643, 749, 750, 790, 795, 796, 803, 804
 Халикова – 39
 Халил (Халиль) – 293, 360, 495, 711, 737, 742
 Халиль-оглу Али – 551, 553
 Халиль-паша – 769
 Халим-Гирей (Халим Герай) – 19, 252, 502, 517, 557, 563, 575
 Халитов (Халит) – 418, 604, 609, 613, 619, 620, 625, 640
 Хамидуллин – 146, 289, 542
 Хамид-эфенди – 572
 Хаммер-Пуршталь – 564
 Хан Токте (Тохте) – 5, 80
 Хантингтон – 701
 Харламов – 729
 Харун ар-Рашид – 535, 539
 Хасан Кади Эфенди – 564
 Хасан Кайгы – 32
 Хасанбейзаде Ахмед Паша – 570
 Хасанчук – 761
 Хасине-Хатун – 682
 Хагама Тай – 535
 Хафиз – 550, 561
 Хафиз Ахмад – 466
 Хафиз-и-Таныш Бухари – 125, 169, 467, 468, 473, 474
 Хаяли – 550, 558
 Хвольсон – 409
 Хворостинин – 247
 Хезарфенн – 18
 Хиджаби Абдульбаки – 575
 Хилков – 372, 373
 Химмет-Гирей – 283
 Хирон-Яковлев – 351
 Хисамова – 46, 47, 542, 543
 Хисамутдин Муслими – 16
 Хить – 789
 Хлебникова – 50, 416, 417
 Хмельницкий – 263, 280, 565, 569
 Хованская – 417
 Хованский – 248
 Ходжа Ахрар – 505
 Ходжа Мимар Синан (Ходжи Синан) – 655, 658, 674
 Ходжа Саадеддин – 559
 Ходжа-Ахмед Баба-Туклес – 225, 226
 Ходжа-Кокос – 258
 Хозяк – 709, 710
 Холл – 708
 Холмский – 295
 Хорасанизаде – 552
 Хорезми – 550
 Хоршкевич – 67, 101, 103, 104, 111, 195, 260, 362, 497, 701, 702
 Хохряков – 799
 Хочахмат-Бабатуклы – 453
 Хромов – 43–45, 133, 438
 Хубби-ходжа – 484
 Худай Батешев сын Азий Утемиш – 743, 799
 Худайкул – 302, 366
 Худяков – 4, 9, 47, 146, 148, 152, 160, 211, 289, 292, 298, 306, 343, 354, 369, 370, 407, 414, 421, 422, 498, 502, 506, 512, 514, 515, 522, 526, 527, 528, 609, 690, 692, 693, 698, 723–725, 727, 733, 742, 745
 Хузин – 50, 533, 628
 Хулагу – 201
 Хулагуиды – 5, 585, 597
 Хурреми Челеби – 571, 574
 Хусайн Хорезми – 13
 Хусайн Шарифи – 13
 Хусам Гирай – 563
 Хусейн Кефеве – 559, 561
 Хусейн – 8, 304
 Хушнаве – 535
 Хызыр-Ильяс – 484
 Хыфзи – 572
 Хюсам Кятиб – 550, 556
 Хюсейн Хезарфенн – 18, 136, 139, 252, 253, 501
 Цалкин – 412
 Цебриков – 276
 Цзанхуай – 579
 Цурюмов – 783
 Цыбин – 378
 Чагаева – 220
 Чагир – 709, 710
 Чагир мырза – 709
 Чалгиз Жырау – 32
 Чангы бий – 773
 Чекалин – 390, 801, 802
 Чекре султан (Чингис-оглан) – 453
 Челищева – 366
 Челябинов – 488
 Чепурина – 653
 Червонная – 415, 416, 629, 635, 677, 682

- Черенков – 779
Черепнин – 500
Черкас – 112, 704
Черкашенин – 262
Черкес – 266
Черменский – 797, 801
Чернецов – 400
Черницин – 731
Черницын – 783
Чернышев – 50, 750
Чигасов Еналей – 350, 355
Чингизиды (Чингисиды) – 7, 81, 84, 91, 101, 106, 110, 138, 144, 146, 154, 157, 158, 177, 213, 225, 226, 229, 231, 254, 257, 354, 361, 362, 365–368, 372–374, 376, 496, 501, 503, 504, 509–513, 515, 521, 525, 582, 583, 586, 588, 590, 595, 600, 604, 606, 607, 709, 736, 738, 739, 759, 779, 806
Чингиз-хан (Чингизхан, Чингис-хан) – 4, 5, 7, 15, 64, 82, 117, 123, 126, 134, 137, 142, 163, 201, 212, 213, 222, 225, 229, 354, 365, 368, 373, 392, 395, 453, 493, 496, 497, 501, 503, 505, 507, 509–514, 518, 520, 521, 524, 573, 582, 583, 585, 588, 700, 738, 779
Читей Кайдулов – 774
Чобан-заде – 789
Чокрый Гали – 470
Чолбар Кочашов – 774
Чомаш – 743, 799
Чугунов – 399
Чулков – 209, 219, 714
Чюра (Чура) Нарыков – 315, 320, 321, 489, 528, 737, 738, 742
Шабаз – 311
Шабалат – 311
Шавохин – 50, 416
Шагеева – 416, 635, 636, 367
Шагин-Гирей – 263, 266, 268, 269, 270, 272–276, 278, 281
Шагхана сеййид – 447
Шадибек – 385, 432
Шадрин – 367, 460, 495
Шайбани-хан – 495
Шайтерек – 247, 248
Шайх Мухаммад-султан – 210
Шайхиев – 470, 479, 482
Шакарим – 780
Шакулов – 447, 448, 634, 739
Шамильоглу Юлай – 2, 497, 529, 698, 759
Шамсад-Дин Мухаммад – 13, 384, 424
Шамседдин Заки – 33
Шанский – 537
Шариф ад-Дин Хусайн Шарифи – 13, 32, 33
Шариф Хаджитархани (Хаджи-Тархани) – 14, 32, 33, 445, 446
Шарифуллина – 447, 634, 783, 800
Шаусеин (Шах-Хусейн) сеййид – 488, 489, 490
Шах-Кули сеййид – 447
Шах-Аббас – 524
Шах-Али (Шах-Гали, Шейх-Али, Ших-Али, Шигалей) – 9, 303, 305, 310, 311, 320, 323–327, 329–333, 336, 363, 365–367, 369–371, 440, 442–444, 446, 448, 489, 492, 513, 523, 526, 625–627, 633, 743–745, 753, 799, 800, 804
Шахбаз-Гирей-султан – 575
Шахбай – 447, 739
Шахин – 573
Шахин Герай – 563, 564, 571
Шаххан – 739
Шевки Юсуф Челеби – 562
Шейбани – 483, 484, 487, 756
Шейбаниды (Шибаниды) – 56, 60, 116–119, 122, 124–126, 128, 162–164, 167–175, 203, 204, 206–211, 212–215, 217, 219, 391–393, 395, 396, 534, 723
Шейдяк – 743, 799, 800
Шейдяков – 722
Шеин – 722
Шейх-Авлияр – 365, 626, 633, 742, 745
Шейх-Ахмад (Шейх-Ахмед) – 449, 450, 702, 709, 759, 760, 762, 763
Шейх-Мамай – 230–236, 239
Шейх-Хайдар – 712
Шемседдин Саили – 552
Шемседдин Челеби – 562
Шенников – 782
Шереметев – 346
Шереф ад-Дин Йезди – 642
Шерефеддин б. Кемаль эл-Кырыми – 554
Шерефеддин Муса – 552
Шериф Амиди – 562
Шерифи – 14, 306, 316, 318, 325, 492, 534, 538
Шехбаз-Гирей-султан – 569
Шибан – 766
Шибан хан – 483, 484, 487
Шибаниды – 11, 12, 116, 136, 161, 163, 168, 372, 374, 446, 467–469, 471, 473–477, 484, 494, 495, 497, 498, 500, 513, 522, 529, 698, 733, 736, 738, 746, 754–756, 772, 795, 805
Шиг-Ахмат – 760
Шигим – 710
Шигим мурза – 709
Шиг-Овлияр – 365
Шийдяк – 709
Шильтбергером – 448, 449, 453
Ширбети-шейх – 470, 471, 472, 474, 477, 484, 485, 486, 487
Ширин – 268, 443, 527, 529, 530, 563, 698, 742, 743, 746, 757, 758
Ширин Бегиш – 739, 740
Ширин Булат – 310
Ширин-бей – 659
Ширинов – 737
Ширинский – 737
Ших Авлияр – 737
Шихабуддин – 468
Ших-Мамай – 454

- Шишкин – 327, 360, 370, 374–376, 448, 744, 800
 Шмидт – 304, 305, 307, 308, 311, 313, 315–317, 323–325, 339, 341, 406
 Шнайдштейн – 384, 386, 388
 Шперк – 784
 Штаден – 337, 350, 351, 722
 Шуайб Челеби – 572
 Шуйский – 25, 114, 208, 247, 339, 372, 373, 722
 Шунков – 411
 Щербатов – 345, 462, 465, 466, 743, 797, 799
 Щербинин – 271
 Эбубекир Рифат – 575
 Эбу-Бекр Календер – 551
 Эбу-ль-Вефа Осман ал-Магриби эш-Шазели – 552
 Эвлия Челеби – 17, 36, 109, 279, 284, 285, 412, 436, 452, 453, 560, 563, 564, 569, 570, 643, 644, 648, 649, 652, 655, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 667, 668, 669, 670, 673, 702, 704, 705, 717, 718, 768, 781, 787
 Эдиб – 572
 Эльчин (Elçin) – 567, 568
 Эменек – 527
 Эминек бей Ширин – 458
 Эмин-эфенди – 765
 Эмир б. Осман Суфи – 552
 Эмир Медхи Челеби – 564
 Эмир Султан – 560
 Энвери – 560
 Энвери Челеби – 559
 Эррани – 564
 Эрдэнэбат – 583, 595
 Эрнст (Ernst) – 72, 662, 676
 Эртайлан – 558, 559
 Юдин – 11, 12, 484
 Юзефович – 488, 769
 Юнус – 713
 Юнус Эмре – 550, 557, 558, 567, 572
 Юрий Мещерский – 693
 Юрий Плещеев – 697
 Юрьев – 722
 Юсупов – 49, 52, 532, 532, 534, 536, 543, 631
 Юсуф – 234–236, 331, 345, 346, 353–354, 440, 454, 712, 713, 715, 716, 717, 742, 754, 800
 Юсуф б. Хусейн эл-Кырыми – 554
 Юсуф Баласагуни – 518
 Юхт – 784
 Ябак-бий Кудалак – 743, 800
 Яворницкий – 701
 Ядигер (Ядыгар, Ядгар-Мухаммед, Ядигер-Мухаммет) – 9, 14, 492, 493, 526, 747, 745
 Языджиаде Али – 282
 Языджиюглу Мехмед – 550, 557
 Якобсон – 652, 663–666, 673
 Яков – 638
 Яковлев – 399
 Якуб – 359, 360, 447, 448, 471, 472, 474, 476–478, 638, 744
 Якуб Конийский (эль-Коневи) – 787, 788
 Якубовский – 78, 82, 110, 119, 129, 409
 Ялбулганов – 749, 754
 Ямгурчи (Ямгурчей) – 15, 257, 385, 450–452, 714–716, 780
 Янай – 737
 Янгуват Устабегишев – 743, 799
 Янина – 432
 Ян-Магмет (Ян-Мамет) Джанаев – 744, 800
 Янтимер (Джан-Тимур) – 714
 Янушевские – 769
 Япончи – 332
 Ярославский – 697
 Ярцов – 28, 463, 465, 499
 Ярымов – 474
 Ярым-сеййид – 471, 472, 474, 475, 476, 479, 495
 Ясави (Ахмад, Ахмед) – 445, 446, 453, 457, 533, 485, 550, 533, 553
 Яфет – 539
 Яхин – 476, 479, 794
 Яхтанигов – 781
 Яхъя Ширвани – 466
 Babinger – 764, 765
 Badr – 682
 Baranowski – 114, 115, 763
 Barišta – 682, 683
 Bielski – 108, 704
 Borawski – 76, 108, 763
 Collins – 69, 700
 Drozd – 75, 76, 765
 Dziadulewicz – 75, 763
 Dziekan – 76, 765
 Fisher – 130, 274, 275, 276, 279, 286, 458, 466, 467, 522, 527, 758
 Frank – 14, 15, 16, 201, 475, 522, 766
 Gökyay – 767
 Hammer – 71, 72, 94, 564, 765
 Hofmann – 765
 Karutz – 692
 Kaya – 765
 Majda – 76, 765
 Nicolle – 696
 Reychman – 763, 766, 768
 Rowell – 75, 764
 Shajrat – 761
 Stanisz – 764, 765
 Süreyya – 764
 Suter – 765
 Tuhan-Baranowski – 766, 769

Указатель политико-географический

- Абалак – 208
Австрия – 550
Агыш – 524
Азак (Азов) – 24, 42, 43, 53, 131, 182, 201, 202, 255, 262–264, 279, 412, 427, 429, 433, 553, 711, 740, 761, 762, 797
Азеево – 799
Азербайджан – 201, 607, 638
Азия – 381, 422
Азовское море – 262, 267, 278, 762
Аккерман – 107, 256, 283–285, 287
Ак-Койунлу – 595
Акмечеть – 423, 467, 571, 758
Ак-Сарай (Аксарай) – 384, 552, 766
Аламнер – 307
Алат – 616
Алибаев юрт – 9, 522
Алтай – 406, 723
Алтыбаев юрт – 9, 522
Алушта – 255, 272
Альгамбра – 655
Анатолия – 262, 266, 283, 429, 556, 560, 562
Англия – 550, 557, 561
Андалусия – 684
Анкара – 95, 561
Аральское море – 223
Арзамас – 799
Арихерейская заимка – 400
Армения – 308, 424, 430
Арск – 332, 334, 346, 355, 379, 381, 382, 407, 616, 617, 623, 642
Арская земля – 369, 382
Арский городок – 642
Арский район – 632, 633
Арское городище – 382, 417, 426, 690
Арское поле – 332, 333
Арское селище – 382
Астрахань – 5, 7, 10, 13, 14–16, 19–21, 23, 24, 27, 51, 55–57, 62, 64, 65, 67, 70, 113, 148, 154, 162, 176–178, 196–202, 226, 231, 234, 242, 247–249, 250, 251, 257, 258, 264, 278, 303, 316, 320, 355, 357, 370, 371, 374, 375, 383, 385–389, 408, 423, 424, 429, 436, 438, 442, 446, 450, 450–455, 492, 522, 599, 689, 710, 713–716, 719, 720, 754, 763, 766, 784–786, 800, 805
Атиль – 737
Атлантический океан – 686
Атырау – 389
Афганистан – 13, 206
Африка – 686
Ахтуба – 383, 384
Ашит – 355
Ашла (Лайма) – 775
Ашлама – 664
Аялы – 777
Баба-Даг – 282
Бабасанская – 775
Баеш – 398
Баку – 202, 607
Балаклав – 553
Балахна – 312
Балканы – 282, 596, 599, 636
Балх – 467
Балхское ханство – 203
Балыклы – 458
Балынгузское селище – 690
Бараба – 204, 205, 218, 221, 397, 398, 405, 413, 777
Барабинская (Бороба большая) – 775, 776
Барджинлык – 788
Барчкенд – 766
Басандайка – 400
Бахчисарай – 235, 256, 261, 263–268, 271–273, 278, 280, 281, 285, 422, 555, 564, 570, 574, 606, 634, 649, 650, 658, 659, 662, 664, 665–669, 673–677, 679, 683, 758
Башгырд – 766
Башкирия – 223, 231, 240, 344, 352
Бейрут – 570
Белая р. – 295, 783
Белев – 642
Белогорск – 555
Белоречье – 597
Белоруссия – 597, 766
Берлин – 574
Бессарабия – 278, 516, 769
Беш-Эвли – 660
Биляр – 378, 383, 446, 620
Билляр-Торецкое – 378
Бичек-Тура – 398
Ближний Восток – 556, 567, 595, 628, 673, 678, 787
Болгар (Булгар) – 378, 383, 396, 422, 432, 438, 533, 539, 541, 794
Болгария – 272, 282, 428, 567, 636, 789
Большая Орда – 3, 5, 8–10, 13, 19, 29, 31, 53, 69, 75, 84–86, 101–104, 111, 120, 126, 145, 148, 154, 155, 158, 159, 162, 168, 170–173, 177, 178, 180–187, 189–196, 198, 101, 251, 254, 258, 259, 277, 278, 291, 292, 297, 360, 362, 363, 365, 396, 408, 409, 411, 412, 421, 424, 428, 432, 438, 444, 449, 450, 458, 465, 491, 492, 527, 628, 686, 687, 704, 753, 756–762, 782, 788, 805
Босния – 567, 764
Брусский вилайет – 281
Бруссы – 655
Буг – 281
Будгарский вилайет – 449
Буджак – 262, 279, 281, 282, 283, 284, 288, 527, 572, 769

- Буджацкая орда – 279, 280
Бужинское селище – 382
Бузьяйши – 660
Буир-Нур – 579, 580
Булак – 333, 570, 618, 621, 622, 624
Булар – 766
Булгар ал-Джадид – 794
Булгария – 10, 8, 60, 69, 80, 81, 425
Булгария (Булгар) – 446, 604, 605, 617, 620, 624, 738, 766, 794
Булгарский вилайет – 538, 738, 739, 790, 793, 794, 797, 801, 804
Бураково – 437
Бурлаков городок – 730
Бурса – 550, 552, 560, 568
Буташ – 660
Бухара – 203, 219, 231, 424, 429, 442, 467, 469–476, 478, 479, 480, 482, 483, 486, 491, 513, 516, 534, 780, 787
Бухарест – 286
Бухарское ханство – 380, 425, 468, 475, 479, 495, 723, 727, 755
Бююк-Онлар (Октябрьское) – 789
Бялосток – 771
Вагай – 217, 219, 411
Вагайский район – 484, 773
Валахия – 262, 283, 285, 286, 288
Варваринская астана – 478
Варна – 568
Варшава – 26, 75, 562
Великобритания – 771
Великое княжество Литовское – 21, 29, 82, 90, 108, 110, 128, 129, 150, 151, 181, 187, 700, 759, 760, 762
Вена – 569, 600
Венгрия – 288
Венеция – 425, 576, 599
Верхнее Прикамье – 380
Верхнее Приобье – 729
Верхняя Волга – 784
Византия – 576, 677
Виленская губерния – 765
Вильно – 258, 701, 763, 765
Вильнюс – 771
Владимир – 293, 317, 351, 625
Вознесенское городище – 405
Войкино – 437
Волга – 5, 6, 11, 14, 17, 27, 38, 40, 41, 51, 52, 54, 55, 56, 58–62, 64, 78, 107, 111, 120, 131, 147, 153, 155–157, 159–161, 176–178, 180, 181, 183, 185–187, 196, 202, 223, 228, 230–233, 245, 247, 248, 250, 279, 281, 283, 293, 295, 308, 312, 318, 319, 325, 332, 345, 367, 369, 380, 385, 388, 389, 408, 413, 422, 423, 455, 532, 578, 605, 618, 623, 696, 700, 710, 716, 717, 740, 779, 780, 781, 783, 784, 787, 793, 801
Волго-Вятский регион – 381
Волго-Камский регион – 381
Волго-Камье – 379, 627, 642
Волго-Уральский регион – 752, 784, 790
Волжская Булгария – 291, 381, 382, 407, 408, 413, 419, 421, 433, 480, 576, 577, 578, 604, 628, 629, 738, 759, 784
Воложки – 783
Вольнь – 763
Вольский – 317
Воронежская область – 378
Воскресенское городище – 399, 400, 403
Восток – 36, 48, 53, 59, 72, 79, 91, 201, 417, 421, 423, 425, 532, 534, 537, 539, 628, 676, 763, 765
Восточная Европа – 258, 277, 302, 310, 362, 365, 380, 381, 421, 497, 529, 532, 576, 578, 616, 628, 686, 700, 723, 762, 782, 787
Восточный Дешт – 779
Восточный Туркестан – 207, 586, 593, 686
Высокогорский район – 534, 632
Вятка – 292, 295, 297, 298, 300, 311, 318, 325, 345, 346, 355, 381, 408, 413, 696
Вятские земли – 382
Касимов (Мещерский городок) – 208, 360, 361, 363–365, 367–376, 378, 422, 447, 448, 512, 516, 519, 524, 527, 599, 624–627, 630, 633, 634, 753, 797, 798, 800, 802, 804
Кеси – 722
Галич – 294
Ганьсу – 579
Гезлёв (Гюзлев) – 467, 567, 652, 658, 660, 661, 668, 673, 674, 758
Генуя – 425
Германия – 550, 771
Голландия – 550
Городище Крапивка II – 402
Городище Большой Лог – 401
Городище Екатерининское V (Ананьинское) – 401
Городище Кипо-Кулары – 401
Городище Кошкуль IV – 401, 403, 404
Городище Кучум-гора – 401
Городище Надеждинка – 400–401, 404
Государство Шибанидов – 11, 446, 452, 467, 468, 469, 471, 473–477, 475, 476, 495, 497, 498, 500, 529, 698, 754, 756, 772
Греция – 567
Гродно – 771
Грузия – 576
Дагестан – 447, 573, 739
Дагестанский юрт – 738
Дальний Восток – 678
Дамаск – 260, 453, 550, 552, 560, 570
Дашт-и Кыпчак (Дешт-и Кыпчак, Дешт-и Кипчак, Дешти Кипчак, Дешт-Кыпчак) – 4–6, 8, 11, 12, 17, 35, 78, 79, 117, 118, 126, 127, 134, 146, 159, 165, 186, 189, 193, 200, 223, 226,

- 228, 233, 236, 248, 362, 365, 370, 407, 467,
604, 720, 759, 777, 779–781
- Дедилов – 693
- Демьянка – 208
- Дербент – 390, 424
- Дербышки – 446
- Дешт – 383, 412, 759, 780
- Джалаирский улус – 204, 209
- Джеляирли – 660
- Джембуйлуцкая орда – 281
- Дженд – 766
- Джукетау – 378
- Джунгария – 268
- Джучидское государство (Джучидская держава)
– 206, 213, 511, 513, 687
- Днепр – 243, 254, 277, 281, 578, 762
- Днестр – 281–284, 287
- Добруджа – 281–287
- Дон – 201, 243, 263, 265, 278, 279, 283, 711, 740,
762
- Доха – 581
- Дубоссаны – 283, 287
- Дунай – 277, 283, 284, 286, 582
- Душанбе – 562
- Евпатория – 555, 567, 634, 677, 789
- Евразия – 406–408, 420, 422, 428, 429, 432, 496,
578, 582, 686, 724
- Европа – 381, 413, 423, 504, 576, 577, 582, 585,
586, 686, 690, 709
- Египет – 25, 33, 93, 94, 95, 98, 132, 259, 260, 428,
519, 528, 574, 605, 684, 694, 697
- Едисан – 527
- Едисанская орда – 268, 281
- Едичкульская орда – 272
- Елабуга (Алабуга) – 383, 540
- Елатомский уезд – 374, 375
- Елатьма – 447
- Енкай – 625
- Ешиль-Джами – 669
- Жанги Тура – 396
- Заволжская Орда – 762
- Зай – 783
- Закавказье – 381, 576, 605, 611
- Заказанье – 524, 623, 631
- Закубанье – 266
- Запад – 417, 421, 423
- Западная Европа – 408, 425, 428, 628
- Западная Сибирь – 206–215, 218–222, 391, 441,
453, 469, 477, 538, 578, 627, 692, 723, 726,
728–730, 734, 756, 773, 774
- Западное Предкавказье – 597
- Западный Туркестан – 475
- Запорожье – 762
- Зауралье – 207, 209
- Звенигород – 368
- Золотая Орда – 3–5, 7–11, 18, 20, 21, 23, 30–34,
39, 40, 42, 51, 52, 54, 64, 65, 68–71, 73, 75,
78–80, 82, 91, 93, 95, 106, 110, 127, 129–131,
136, 143, 146, 148, 150–152, 154–157, 159,
172, 176, 177, 180, 183, 184, 189, 190, 200,
223, 225–227, 258, 259, 282, 283, 289, 291,
358, 368, 370, 376, 379–381, 383, 384, 386,
389, 407–409, 413, 419, 421, 425, 428, 432,
433, 447, 453, 480, 496, 497, 500–503, 505,
507–511, 515, 516, 519–521, 539, 542, 543,
552–554, 556, 589, 595, 604, 606, 607, 620,
625, 627, 630, 690, 696, 697, 700, 703, 723,
736, 738, 739, 754, 758–762, 772, 773, 779,
780, 787, 790, 793, 794, 796, 797, 804–806
- Зубар-Тура – 398
- Зюри – 616, 617
- Идигетау – 226
- Иерусалим – 550, 552
- Иленский городок – 777
- Империя Великих Моголов – 510
- Оттоманская Турция – 686
- Сефевидский Иран – 686
- Цин – 686
- Юань – 511
- Инак – 475
- Индерь – 775
- Индийский океан – 686
- Индия – 13, 57, 59, 202, 428, 430, 528, 582, 626,
686, 697, 780
- Инкирман – 458
- Ирак – 539, 787
- Иран – 5, 27, 73, 94, 120, 122, 200, 202, 206, 408,
420, 423, 424, 427, 428, 430, 496, 511, 519,
522, 574, 575, 586, 602, 605, 631, 638, 673,
679, 719
- Ирень – 441
- Иртыш – 209, 212, 219–222, 230, 392, 395, 398,
408, 411, 413, 423, 469, 470, 472, 479, 482,
483, 485, 487, 495, 725, 726, 766, 776
- Исакча – 282
- Исетская волость – 777
- Исеть – 732
- Искер – 204–209, 212–219, 391–393, 395, 398,
400, 403, 405, 470, 472, 475, 485, 486, 725,
726, 733
- Искерский юрт – 471, 472, 473, 474, 475, 476,
477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 487, 495
- Искерское княжество – 212, 214
- Искинская волость – 777
- Испания – 408, 709
- Истакани – 769
- Италия – 383, 408, 424, 596, 677
- Ичтак – 482, 483
- Ишим – 205, 209, 212, 219, 221, 239, 391, 411,
470, 482, 483, 486, 487, 728, 729
- Ишимское ханство – 212, 391
- Кабан – 608, 618, 624
- Кавказ – 264, 265, 277, 280, 420, 428, 556, 585,
603, 605, 631, 675, 680
- Кадам – 379, 625
- Кадомский уезд – 798, 801

- Казанка – 336, 380–382, 617, 618, 622, 623, 696
Казанская губерния – 39, 434
Казанская земля – 791
Казанская орда – 58, 60, 791
Казанский вилайет – 791, 794
Казанский край – 357, 752, 790, 793
Казанский уезд – 39
Казанский юрт – 9, 15, 149, 161, 639, 642, 759, 783
Казанское ханство – 3, 7, 9, 10, 16, 19, 20, 31–34, 39, 46–51, 57, 64, 68, 69, 71, 73, 74, 83, 85, 93, 98, 100, 101, 111, 135, 136, 146, 148–155, 159–162, 174, 180, 197, 213, 217, 227, 258, 270, 289, 290, 293–300, 308, 310, 331, 337, 340, 343, 344, 358–360, 362, 365–371, 376, 378, 381, 383, 405, 406, 409–410, 412, 418–422, 425, 427–430, 434, 438–442, 444–446, 448, 449, 454, 456, 458, 463, 480, 488, 491, 497–499, 503, 510, 513, 515, 522–526, 529–535, 537, 539–542, 599, 600, 604, 616–618, 627–629, 633, 636–638, 686, 688, 690–693, 695–698, 736, 738, 739, 751–753, 758, 772, 782, 783, 790–796, 798, 801, 803, 806
Казанское царство – 59, 61, 62, 63, 64, 791, 792
Казань – 3, 4, 7–10, 13, 15, 16, 18, 20, 21, 23, 24, 27, 31–33, 35, 37, 38, 42, 46, 48–52, 56, 60, 64, 66, 67, 68, 70, 82–85, 87, 88, 101, 110, 113, 136, 137, 146–155, 159–161, 173, 175–178, 189, 195, 198, 200–202, 214, 218, 231–232, 258, 290–300, 308, 310, 311, 314, 316, 318–320, 323–326, 328, 329, 331–334, 337, 343, 351–352, 354–356, 358–371, 375–376, 378–382, 406, 409, 411, 417, 420–423, 426, 428, 432, 434, 436, 440–446, 448, 452, 488, 489, 490, 492, 493, 501, 512, 513, 516, 522, 524, 526, 529, 532–534, 538, 539, 556, 562, 573, 599, 604, 606, 607, 611, 612, 615–619, 621, 622, 624, 628–629, 635, 638, 641, 642, 687, 689, 692, 694–698, 700, 711, 713, 725, 737–740, 751, 759, 782, 791–794, 799, 801, 805, 806
Казахское ханство – 7, 9, 12, 117, 123, 126–128, 159, 162, 175, 181, 206, 207, 209, 214, 215, 218, 220, 228, 229, 231, 689, 698, 754, 755, 804
Казахстан – 12, 116, 117, 118, 122, 127, 156, 163–165, 167, 168, 173, 203, 206, 221, 230, 505, 516, 519, 723, 783
Каир – 550, 552, 554, 560
Калмыцкое ханство – 269
Калуга – 373
Кама – 292, 294, 295, 297, 318, 319, 345, 346, 408, 423, 470, 532, 696, 783, 793
Камаевское городище – 382, 417, 426, 642, 690, 694
Каменец Подольский – 768, 769
Каменный бугор – 384
Камень – 215–216
Кара-Атау – 398
Карагай – 487
Карагёз – 655
Кара-Койунлу – 595
Каракум – 429
Карасу – 571, 658, 661
Карасу-базар – 423, 467, 555, 651, 652, 658, 659, 661, 668, 673, 679, 758
Касимовский юрт – 806
Касимовское ханство – 7, 29–31, 39, 47, 52, 67–69, 84, 129, 150, 155, 156, 211, 223, 359, 361–365, 368, 370–372, 374–376, 378, 409, 410, 412, 419, 447, 448, 458, 494, 495, 498, 499, 688, 736–739, 752, 753, 758, 796, 802, 804–806
Касимовское царство – 7, 17, 31, 359
Каскаринская волость – 777
Каспийское море – 27, 55, 57, 59, 78, 108, 127, 178, 188, 196, 202, 308, 406, 408, 413, 423, 696, 779
Кастамон – 550
Катар – 581
Каурдакская волость – 217, 776
Каушан – 283
Кафа (Кефе, Каффа) – 17, 42, 43, 202, 254, 255, 258–260, 262, 268, 269, 275, 303, 361, 429, 433, 440, 458, 463, 467, 552–554, 560, 566, 570, 658, 659, 677, 702, 711, 758
Кашан – 617
Кашгар – 475, 511
Кашир – 368
Кашлык – 212, 213, 391–393, 726
Кезлев – 555
Кенекес – 660
Керенский уезд – 375
Кермин – 446
Керченский полуостров – 789
Керченский пролив – 267
Керчь – 255, 411, 553
Кечкене – 398
Киев – 574
Кизыл-Тура – 391–393, 398, 400, 403, 405
Киньыр – 397
Киньырский городок – 728
Киркей – 643
Кирменчук – 617
Китай – 408, 420, 428, 483, 496, 511, 579, 585, 590, 686, 760
Ковенская губерния – 765
Коджамак – 660
Кокийский вилайет – 281
Кок-Коз – 572
Кок-Орда – 521, 522, 530, 686, 766
Колеч-Саласы – 655
Коллар (Куллар) – 398, 405
Колмакская волость – 776
Комсомольское (Аксарайское) городище – 384
Константинополь – 25, 134, 143, 213, 372, 408

- Конья – 550, 552, 567, 643, 651, 673
Копожешты – 769
Корея – 582
Корсунь – 565
Коурдак – 777
Коурдакская волость – 331
Краков – 258, 492
Красноярск – 774
Красноярское городище – 392
Крым – 5, 9, 10, 13, 15–19, 24, 25, 33, 78, 80, 82, 84–88, 101, 102, 106–110, 112, 113, 130, 132, 133, 135–148, 152–162, 202, 207, 214, 228, 231, 232, 241, 300, 302, 304, 306, 308, 311, 316, 320, 323, 357, 359, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 370, 387, 388, 406–409, 411, 413, 420, 427, 428, 492, 433, 443, 447, 450, 452, 458–466, 489, 496, 499, 501, 503, 511, 516, 517, 519, 520, 522, 527, 536, 550, 551–557, 561, 565, 567, 573, 574, 591, 597, 605, 611, 623, 627, 630, 634, 636, 638, 649, 662, 669, 672–674, 676, 677, 679, 680, 682, 686, 702, 704, 705, 709–712, 737, 738, 739, 740, 756, 759, 760, 761, 763, 764, 768–780, 787, 788, 797, 800, 805, 806
Крымский вилайет – 449, 739
Крымский полуостров – 268, 277, 279, 674, 787
Крымский юрт – 15, 753, 754, 757, 759
Крымское ханство – 3, 7, 9, 10, 13, 16–20, 23, 24, 29–36, 39, 74, 85, 101–104, 106, 108, 109, 114, 115, 130, 132, 134, 135, 142, 155, 171, 175, 197, 223, 229, 251–259, 261–272, 274, 275, 277–281, 283–291, 298, 345, 362, 375, 380, 386, 406, 408–412, 419, 421, 423, 427, 428, 430, 432, 439, 447, 452, 457–463, 465–467, 489, 491–494, 496, 497, 499, 501, 505, 506, 510, 511, 514, 516–518, 522, 524, 529, 530, 531, 551, 556, 628, 633, 644, 651, 652, 659, 662, 663, 668, 672, 673, 678, 679, 684–686, 688, 689, 695, 700, 701, 705, 709, 721, 722, 736, 739, 752, 755–758, 761, 762, 769, 772, 787, 805
Кубанская орда – 278
Кубань – 264, 265, 266, 268, 272, 273, 275, 277, 278, 280, 281, 447, 739
Кузнецк – 379, 774
Кузнецкий острог – 730
Кукранда (Чебурга) – 773
Куллары – 726
Кумлы-кала – 390
Кунда – 398
Курмыш – 378
Куромская (Курома) – 776
Курпицкая (Кирпицкая) – 775, 776
Кусь – 312
Кутум – 386
Кучугур – 384
Кучумово городище – 394
Куюк-Кала (Горелый Городок) – 385, 716
Кызыл Тор – 773
Кызыл-тура – 212, 398
Кынырский городок – 777
Кырк-Ер – 252, 256, 672
Кышкара – 660
Кышлык – 727
Лаишево – 379
Ларга – 267
Левант – 408
Лейден – 569
Липецкая область – 378
Литва – 25, 82, 83, 85, 86, 99–113, 115, 129, 139, 140, 150, 183–185, 194, 195, 198, 252, 253, 291, 302, 312, 316, 351, 362, 363, 383, 597, 686, 687, 709, 721, 760, 761, 763, 764, 766, 767, 770, 771
Лиуба – 398
Лифляндия – 721
Лобатнешни – 769
Лобото – 398
Лондон – 771
Львов – 565, 768, 771
Любарская волость – 776
Мавераннахр – 11, 12, 429, 430, 586, 686, 719
Маджар – 766
Македония – 636
Малая Азия – 281, 596, 600, 605, 675, 787
Мангуп – 255, 597
Мангытский юрт – 467, 754, 780, 782
Мансыров стан – 798
Маньчжурия – 579, 580
Мачиг – 282
Медведица – 264, 265
Медина – 550, 552, 770
Мекка – 450, 458, 459, 484, 550, 566, 620, 770, 788
Менкупе – 458
Меша – 344, 346, 355, 382, 617
Мещера – 8, 363, 364, 365, 368, 797–804
Мещерский городок – 624, 797, 800, 802
Мещерский край – 379
Мещерский юрт – 363, 365, 737, 738, 752, 753, 796, 797, 799–804
Миассу – 470
Минск – 597
Минская губерния – 765
Мисюрь – 260
Митрялы – 799
Младший жуз – 251
Моголистан – 228
Можайск – 365
Можайское княжество – 434, 435
Молвино – 631
Молдавия – 10, 17, 25, 98, 100, 113, 114, 190, 191, 262, 267, 282, 283, 285–288, 522, 679, 759, 769
Молога – 422
Моложина – 769

- Молома – 297
Монголия – 580, 583
Монгольская империя – 432, 496, 497, 505, 508, 510, 511, 520
Мордовия – 380
Москва – 3, 7–9, 19–21, 23–25, 27, 28, 34, 36, 43, 46, 57, 62, 64, 68, 69, 70, 81–86, 89, 91, 94, 102, 104, 106, 108, 111–114, 130, 136, 137, 144, 149, 150–156, 160, 161, 173, 177, 178, 181, 182, 191–196, 198, 199, 201, 203–206, 208–211, 214, 215, 219, 224, 226–230, 232, 233, 238, 248, 249, 251, 253, 256, 258–261, 263, 266, 290, 292, 294, 300, 302, 304, 308, 311, 314, 323–325, 327, 329, 332, 336, 337, 340, 341, 351–353, 355–357, 359, 361–366, 368–376, 380, 387, 391, 412, 417, 427, 428, 430, 435, 443–445, 450, 451, 454, 457–460, 463–465, 473, 477, 488–495, 512, 517, 534, 581, 591, 625, 628, 687, 689, 692, 694, 697, 700–702, 711, 713–715, 721, 727, 728, 739, 740, 769, 774, 791, 800, 805, 806
Московия – 21, 22, 24, 25, 27, 28, 53, 55–61, 67–71, 113, 626, 755, 768, 785, 805
Московская Русь – 21, 74, 155, 366, 380, 424, 432, 700–792, 803
Московское великое княжество – 19, 82, 84, 85, 98, 101, 150, 151, 154, 155, 160, 197, 198, 736
Московское государство – 3, 17, 20, 21, 29, 39, 51, 57, 67, 69, 70, 82–85, 129, 137, 155, 156, 163, 170, 173, 174, 176, 187, 191, 195, 200, 202, 216–218, 221, 222, 241, 259, 262, 291, 355, 358, 359, 365, 366, 367, 380, 406, 412, 418, 422, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 436, 439, 447, 454, 458, 459, 488, 489, 491, 494, 700, 752, 758, 765, 773–775, 777, 778, 793, 805, 806
Московское царство – 23, 24, 27, 61, 62, 91, 358, 391, 499, 500, 504, 510, 513, 516, 522, 523, 526, 573, 723, 727, 805
Мохша – 80
Мошаик – 385, 386, 716
Мурзин городок – 730
Мурзиц – 378
Муром – 294, 295, 301, 315, 317, 422, 429, 625
Наманган – 551
Нандрин городок – 730
Наровчат – 378
Наровчатовский (Мокшинский) улус – 624, 804
Нарым – 398
Нижнее Поволжье – 201, 384, 386–388, 406, 412, 426, 433, 437, 438, 754, 762
Нижний Дон – 761
Нижний Иртыш – 208
Нижний Новгород – 295, 296, 297, 301, 311, 312, 317, 331, 340, 422, 429, 700, 722
Нижний Тобол – 204
Нижняя Волга – 201, 202, 355, 766
Нижняя Обь – 208
Ницца – 397
Новая Астрахань – 385
Новгород – 356, 357, 371, 435, 436
Новгородское княжество – 434
Новогрудек – 765
Новопавловск – 595
Новый Болгар – 440, 541
Ногайская Башкирия – 783
Ногайская даруга – 782
Ногайская Орда – 5, 7, 16, 20, 31, 203, 214, 215, 218, 223–231, 234, 236, 248, 251, 277, 278, 290, 298–300, 308, 311, 320, 329, 331, 344, 345, 346, 348, 349, 354, 357, 380, 383, 389, 390, 408–412, 419, 421–423, 425, 427–429, 432, 438–440, 442, 451–457, 491, 494, 495, 497–499, 501, 506, 509, 515, 527, 623, 628, 686, 695, 717, 719–723, 727, 736, 738, 753–754, 758, 760, 762, 772, 779–784, 795, 799, 800, 804
Нура – 223
Нурлатский район – 631
Обь – 219, 221, 391, 411, 413, 730, 731
Ока – 359, 360, 625
Олешковская сечь – 264
Омская область – 219, 220, 392, 484
Омь – 219–221
Ор – 658, 659, 668
Орда-Базар – 436, 439
Орша – 600
Османская империя (государство) – 16, 202, 255, 261, 262, 264, 265, 267, 269–273, 276, 278, 280, 283, 285–288, 371, 376, 432, 463, 491, 504, 510, 515, 517, 553, 572, 620, 628, 638, 673, 765, 768, 769, 789, 805, 806
Османская (Оттоманская) Турция – 380, 466, 696
Оттоманское государство – 463, 467, 491
Очаковская орда – 279
Оялы – 775
Палестина – 25, 684
Пановка – 632
Париж – 284, 574
Пекин – 581, 592
Пелым – 207–209, 214
Пенза – 799
Перекоп – 527
Перекопская степь – 268, 278, 281
Пермское Приуралье – 441
Пермь – 207, 209, 292, 298
Персия – 23, 24, 27, 57, 187, 270, 308, 380, 381, 388, 626, 652, 655, 674, 676
Поволжье – 14, 32, 33, 78, 81, 214, 217, 233, 241, 277, 283, 291, 293, 296, 304, 356, 357, 358, 378, 425, 439, 447, 450, 480, 504, 533, 556, 591, 599, 606, 627, 691, 695, 697, 698, 723, 738, 739, 751, 752, 758, 778, 781, 802
Подгорная волость – 776
Подлесная волость – 798

- Поднепровье – 591
Подолия – 763, 768, 769
Подонье – 265
Польско-литовское государство – 491, 499
Польша – 25, 26, 29, 59, 72, 96, 103, 108–115, 187, 255, 283–285, 288, 357, 380, 522, 530, 565, 567, 569, 679, 690, 696, 709, 721, 764–771
Польское королевство – 762
Порта – 232
Посурье – 378
Правобережная Украина – 768
Предволжье – 524
Преслав – 578
Приазовье – 281, 593
Приамурье – 582
Прибалтика – 358
Прииртышье – 218–221, 404, 731, 776
Прикамье – 218, 380, 409, 425, 439
Прикаспий – 265, 406
Примокшанье – 379
Приобье – 723, 731
Притоболье – 216, 395
Притомье – 397, 723
Приуралье – 32, 33, 207, 296, 408, 425, 433, 441, 469, 533, 627, 723, 790
Приуральско-Западносибирский регион – 467
Причерноморье – 223, 263, 424, 602, 605
Прут – 282, 283
Псков – 436, 722
Путивль – 761
Пышма – 411
Пышминская волость – 777
Пьяна – 448
Пятигорье – 762
Рачу – 398
Татарстан – 38, 39, 48, 74, 433, 434, 614–616, 635, 694, 790
Речь Посполитая – 23, 27, 75, 76, 113–115, 262, 270, 277, 280, 373, 721, 763, 768
Рим – 260, 600
Родос – 522
Романов – 371
Российская империя (Россия) – 3, 26, 29, 36, 39, 62, 115, 128, 267–274, 277, 280, 281, 285, 286, 288, 289, 292, 420, 756, 757, 769
Российская Федерация – 29, 74, 771, 784
Российское государство – 302, 728, 729, 734, 769, 798, 805
Россия – 3, 14, 17, 20, 22–24, 26–28, 38, 53–55, 57, 60–75, 85–87, 91, 114, 115, 148, 150, 160, 161, 175, 181, 205, 209, 211, 214, 215, 221, 222, 227, 231, 232, 234, 236, 238, 301, 303, 304, 309, 311, 316, 320, 323, 328, 329, 352, 353, 356–359, 361, 364, 370, 372, 375, 382, 383, 499, 530, 557, 561, 583, 586, 679, 686, 687, 690, 692, 700, 709, 721, 729, 751, 752, 756, 764, 775, 800
Ростовское княжество – 434
Рум – 599
Румелия – 266, 283
Румыния – 282, 286, 567, 789
Русское государство – 204–209, 211, 214, 311, 316, 324, 358, 362, 365–368, 370, 376, 521, 522, 772, 775, 777, 792
Русско-Урматское селище – 382, 407, 616
Русь – 6, 19–22, 24, 25, 64, 65, 67, 70, 73, 81, 82, 84, 86, 88, 91, 92, 100, 149, 151–155, 160, 181, 187, 191, 195, 232, 237, 240, 301, 315, 316, 318, 361, 371, 373–376, 412, 413, 422, 425, 429, 451, 526, 538, 585, 696, 710, 711, 793
Рыбная Слобода – 437
Рязанское княжество – 260, 434
Рязань – 360, 367, 435, 800
Красный Яр – 453
Сабинский район – 631, 632
Салачик (Саладжик) – 252, 649, 664, 668, 672
Салтаган – 800
Салымская волость – 217
Самара – 241, 247, 378, 398
Самарканд – 467, 495, 595, 673
Санкт-Петербург – 268, 269, 270, 272, 274, 280, 281, 562, 574, 628
Сарай – 13, 362, 365, 370, 383, 384, 389, 433, 449, 606, 607
Сарай аль-Махруса – 437
Сарай-Берке – 766
Сарайчик (Сарайчук) – 8, 13, 224, 227, 228, 233, 234, 236, 241, 354, 389, 390, 433, 436, 439, 720
Сараклыч – 799
Саратов – 241, 247
Саргатский улус – 205
Саргач – 777
Саргуль – 731
Сарысу – 223, 565
Свияга – 319, 326
Свияжск – 331, 342, 343, 369, 379, 444
Свияжская крепость – 444, 446
Римская империя – 526
Северная Африка – 408, 556, 567
Северная Евразия – 686
Северная Европа – 425, 428
Северное Зауралье – 686
Северное Прикамье – 686
Северное Причерноморье – 277, 278, 281, 702
Северный Кавказ – 223, 230, 265, 273, 412, 576, 636, 721, 753
Северный Прикаспий – 383
Северный Урал – 214
Северо-Восточный Кавказ – 762
Селитренное городище – 384, 387
Семиречье – 228
Серпухов – 292, 722

- Серпуховское княжество – 434
Сибирка – 394, 395
Сибирская земля – 772
Сибирская орда – 58, 60
Сибирский юрт – 7, 11, 118, 119, 121, 162–169, 171, 172, 173, 176, 391, 474, 477, 481, 491, 723, 756, 772, 773, 777, 778, 783
Сибирское ханство – 3, 10, 17, 29, 31, 39, 49, 51, 52, 85, 117, 126, 128, 154, 162, 163, 164, 167, 203–222, 225, 227, 231, 239, 289, 290, 291, 299, 353, 357, 380, 391, 393, 394, 395, 397, 398, 399, 400, 402–405, 408, 410, 411, 413, 421, 425, 426, 428, 429, 432, 433, 441, 452, 467, 470–480, 485–487, 490, 491, 493, 495, 497, 498, 500, 504, 506, 516, 517, 522, 530, 628, 686, 692, 723, 726–730, 733, 734, 755, 756, 758, 772–777, 805, 806
Сибирское царство – 61, 63, 772
Сибирь – 40, 47, 55, 61–63, 80, 91, 110, 116–118, 120, 157, 162–166, 168, 173–176, 204–216, 221, 239, 300, 370, 391, 392, 393, 406, 425, 453, 471, 473, 475, 477, 479–481, 484, 486, 487, 516, 532, 582, 605, 725, 727, 729, 733, 772–778, 780, 804, 805
Сивас – 661
Силистрия – 272, 278, 284, 285
Симферополь – 555, 646, 671
Синоп – 550, 568
Синьцзян – 579, 580
Сирия – 25, 141, 149, 260, 383, 408, 684
Скандинавия – 578
Словения – 21
Смоленск – 365, 373
Солигалич – 356
Солхат (Старый Крым) – 527, 552, 634, 646, 647, 648, 650, 651, 672, 687, 787, 788
Средиземноморье – 686
Среднее Поволжье – 241, 327, 339, 340, 341, 344, 345, 350, 353, 355, 356, 378, 408, 412, 433, 437, 751, 787, 790
Среднее Прииртышье – 391, 397, 403, 404
Среднее Приобье – 728, 730
Среднее Приуралье – 441
Средний Восток – 595, 628, 673
Средняя Азия – 5, 13, 27, 48, 65, 73, 79, 168, 169, 199–203, 206, 213, 215–216, 218, 230, 282, 383, 405, 408, 418, 420, 423, 427, 428, 446, 454, 468, 475, 477, 480, 482, 485, 487, 519, 548, 585, 601–603, 631, 638, 652, 655, 673, 676, 723, 754, 755, 756, 774, 787, 788
Средняя Волга – 409
Ставрида – 671
Стамбул (Иstanbul) – 255, 261, 263, 272, 273, 279, 280, 284, 285, 306, 429, 510, 517, 518, 522, 550, 553–555, 559, 560, 562, 565, 566, 568–570, 572–574, 606, 607, 653, 662, 673, 674, 676, 677, 683, 694, 761, 768, 770
Старая Тобол-Тура – 738
Старые Менгеры – 632
Судак – 255, 553, 560, 566
Суздаль – 291
Суздальско-Нижегородское княжество – 434
Сулабаш – 632, 633
Супра – 775
Сура – 332
Сурожик – 737
Сусган – 398
Сыгнак – 5, 7, 207, 396, 412, 424, 427, 766
Сылвы – 441, 746
Сырдарья – 223, 230, 244, 737, 766, 788
Сырлы-Кала – 390
Сюп-Тархан – 798
Таборинская волость – 214
Табура – 397
Тавда – 397
Таврида – 646
Тайбугидское государство – 203, 204, 209, 214, 215
Тайда – 398
Тамань – 255, 272, 458
Тамбовская губерния – 799
Тана – 387, 408, 761
Тара – 220, 222, 730, 731, 774, 776
Таре – 472, 481
Тарский уезд – 775, 776, 777
Тархан – 798
Тархан-кала – 397, 773
Тарханская волость – 773
Тарханы – 773, 798
Татарстан – 615, 635, 790
Таш-аткан – 398
Ташкент – 475, 478
Ташлы Кавал – 632
Тверь – 417, 426, 435, 696
Тебендинская волость – 731
Тебриз – 593
Тегеран – 570
Темирово городище – 390
Темников – 379, 625, 797, 798
Темниковский уезд – 798, 799
Тендыкское городище – 390
Терек – 242
Терсяцкая волость – 777
Тетюши – 379
Теша – 799
Тибенде – 398
Тибет – 496
Тимерче – 534
Тобол – 209, 215, 223, 393, 397, 398, 411, 413, 423, 483, 485, 728, 729, 776
Старая Тобол-Тура – 738
Тобольск – 205, 209, 217, 219–220, 393, 410, 411, 481, 730, 773, 774
Тобольский район – 773
Тобольский уезд – 775, 777
Тобольский юрт – 478

- Токат – 661
Томск – 483, 731, 774
Томский острог – 730
Томский уезд – 775
Томь – 411, 729, 730
Тон-Тура – 398–400, 403, 405
Тормосин – 587
Торопец – 722
Тоянов городок – 399, 400, 730
Троки (Тракай) – 763
Тузла – 659
Тула – 247, 332, 693
Тулугановка – 784
Тулча – 282
Тульская область – 378
Тунис – 260
Тунус – 210, 220, 221, 398, 404
Тура – 204, 215, 216, 395, 397, 411
Тураш – 775
Турашская волость – 776
Турунський уезд – 730
Туркестан – 211, 474, 475, 480, 486
Турметяк (Улуг-Баран, Турматак) – 474, 481, 486
Тургас – 398
Турфан – 475
Турция – 12, 14, 19, 29, 30, 36, 46, 63, 75, 76, 96, 98, 100, 106, 141, 199, 214, 224, 232, 254, 267, 268, 271, 280, 286, 291, 345, 357, 370, 383, 424, 427, 445, 463, 517, 522, 530, 557, 561, 567, 572, 573, 605, 611, 631, 636, 672–674, 679, 680, 682, 687, 692, 693, 719, 756, 764, 768, 789
Тюменская область – 484, 773
Тюменский уезд – 728, 730, 777
Тюменский улус – 762
Тюменский юрт – 500, 504, 513
Тюменское ханство – 212, 395, 440, 467, 470, 480, 689, 736, 738, 739, 755, 756, 758, 772, 776
Тюмень – 213, 391, 392, 395, 396, 522, 710, 728, 774, 775
Тюркский каганат – 550, 697
Тянь-Шань – 406
Уват – 775
Угра – 362
Узбекистан – 12, 561
Узбекское ханство – 223, 522, 689
Уйгурский каганат – 550
Укек (Увек) – 131, 178, 189, 241, 378, 413, 766
Украина – 17, 25, 263, 264, 271, 280, 282, 565, 567, 573, 586, 768, 771, 799
Улус Джучи (Джучиев Улус) см. *Золотая Орда* – 4, 5, 10, 11, 13, 78, 79, 81, 82, 383, 407, 417, 428, 431–433, 440, 442, 446, 504, 522, 526, 527, 529, 530, 532, 535, 538, 539, 556, 591, 597, 754, 758, 759, 761, 766, 790
Улугтау – 226
Урал – 206, 281, 283, 370, 470, 532, 538, 577, 605, 723, 727
Уральские горы – 205, 215, 406, 723
Уральский горный хребет – 723
Ургенч – 15, 205, 389, 390, 424, 472, 476, 480, 486
Уржумка – 355
Устюг – 696
Устюжский уезд – 292
Устюрта – 201
Утускун – 392
Уфа – 241
Феодосия – 564, 789
Феррах-Керман – 642
Фландрия – 380
Франция – 550, 677, 696, 788
Хаджи-Тархан (Хаджитархан) – 7, 201, 202, 233, 256, 383–386, 433, 436, 442, 447, 449, 450, 453, 508, 643, 696, 738, 739, 766
Хазарский каганат – 409
Хан-Керман (Хан-Кирман, Хан-Кирмен) – 447, 611, 625, 643, 739
Ханкишла – 279
Херсонес – 553
Хивинское ханство – 7, 13, 425, 468, 755
Хиджаз – 566
Хиндустан – 585
Хлынов – 295
Ходжент – 206
Хорасан – 11, 12, 59, 121, 124, 190, 207
Хорезм – 12, 39, 42, 43, 79–81, 117, 120–124, 138, 157, 158, 201, 202, 210, 384, 387, 408, 413, 433, 445, 446, 467, 473, 513, 586, 591, 605
Хотин – 768, 769
Хотинская крепость – 768
Хотинская округа – 768
Хытай – 483
Царевичев городок – 7
Царев городок – 799
Царево городище – 396
Центральная Азия – 203, 204, 214, 576, 579, 585, 588, 686, 692, 723, 728
Центральный Казахстан – 226
Цинхай – 579, 580, 581
Цитрахань (Астрахань) – 383
Цна – 797, 800
Чагатайский улус – 511
Чаллы – 616
Чаллыньское городище – 690
Чалымское городище – 382
Чаны – 729
Чатская (Чаты) – 776
Чатский городок – 730
Чебоксары – 356
Чепцы – 381
Чердынь – 208
Черемис – 695

- Черкессия – 679
Черное море – 267, 286, 406, 408, 413, 425, 762
Черноозерская впадина – 621
Чертово городище – 383, 540
Чимги-Тура – 12, 204, 209, 213, 400
Чингизка – 730
Чингисов городок – 731, 733
Чинги-Тура (Тюмень) – 7, 391, 395–396, 397
Чин-Мачин – 483
Чойская – 776
Чубарова слобода – 732
Чубар-Тура – 397
Чувашская дорога – 336
Чувашский мыс – 217, 218, 398, 725
Чунгур – 385, 716
Чурук-Су – 664, 665, 667
Чуфут-Кале – 256, 642, 643, 649, 650, 672, 758
Чыршы – 632
Шабан-тюбе – 385
Шам – 260
городище Шареный Бугор – 385, 386
Шацк – 625
Шацкий уезд – 797, 798
Швеция – 207, 371, 696, 721
Шегарка – 730, 733
Шейбанидское ханство – 686
Шемаха – 42, 202, 390, 430
Шерол – 769
Шешма – 783
Шибанидский юрт – 499
Шикчинская волость – 777
Шираз – 766
Эдирне – 550, 552
Элкесен – 660
Эмба – 779
Эски-Саладжик – 662, 664
Эски-Юрт – 665, 670, 671, 672
Эскобинская волость – 479
Эстония – 371
Юго-Восточная Европа – 700
Южная Сибирь – 579, 692, 723, 728
Южный Казахстан – 203
Южный Урал – 380
Юрта – 782
Юрьев – 371, 737
Юрьев-Польский – 368
Ябалак – 398
Явлу-Тура – 398
Язымык – 731
Яик – 244, 250, 277, 283, 389, 390, 455, 710, 720, 759, 783
Ялым – 398
Ялынская – 776
Япанчин – 397
Япония – 12
Яркенд – 475
Ярославское княжество – 435

Список иллюстраций, карто-схем и таблиц

Карта России Сигизмунда фон Герберштейна из латинского издания «Записок о Московии». Базель, 1549 г.	22	Сражение под стенами Казани. 1552 г. Миниатюра. Лицевой летописный свод. Конец XVI в.	333
Титульный лист сочинения Михалона Литвина. 1615 г.	22	Сражение под стенами Казани. 1552 г. Миниатюра. Лицевой летописный свод. Конец XVI в.	334
Титульный лист сочинения Сигизмунда фон Герберштейна. 1549 г.	22	Осада Казани войсками Ивана Грозного [Голицын, 1877–1878]	335
Портрет Адама Олеария из 3-го издания его сочинения (1663 г.)	23	Мечеть в г. Касимов [Россия. Полное географическое описание, 1902]	367
Титульный лист сочинения Адама Олеария. Третье издание. 1663 г.	24	Мавзолей Шах-Али в г. Касимов	371
Портрет Станислава Жолковского. Неизвестный автор	25	Казань. Гравюра из книги А.Олеария «Описание путешествия в Московию...». 1630–1640-е гг.	380
Портрет Блеза де Виженера. Художник Томас де Лю	25	Астрахань. Гравюра из книги А.Олеария «Описание путешествия в Московию...». 1630–1640-е гг.	389
Титульный лист Описания Польского королевства Блеза де Виженера. 1573 г.	26	Кизыл-Тура на рисунке С.У.Ремезова	393
Титульный лист сочинения Джэйлса Флетчера «История России». 1643 г.	26	Искер	393
Портрет Исаака Массы. Художник Франс Халс. 1626 г.	28	Кизыл-Тура. Городище Красноярка II	393
Менгли-Гирей	109	Чертеж «Кучумово городище» С.У.Ремезова (по [Белич, 2009, с.93])	394
Бой литовцев с татарами. Миниатюра польской хроники. XVI–XVII вв.	111	Схема укреплений Чинги-Туры с плана г. Тюмени 1766 г. (по [Матвеева и др., 1994, с.168])	395
Казанское ханство. Автор карты И.Л.Измайлов	149	Тон-тура. Вознесенское городище (по [Левашова, 1928, с.40])	399
Астраханское ханство. Автор карты И.Л.Измайлов	177	Городище Тон-Тура. Реконструкция (по [Троицкая, Соболев, 1996, с.101])	399
Таблица. Последовательность правлений ханов Астраханского ханства	197	Городище Надеждинка VII (городок Тунус)	401
Сибирское ханство. Автор карты И.Л.Измайлов	205	Городище Кипо-Кулары (Кип IV)	401
Поход Ермака в Сибирь. Литография [Краткая сибирская летопись, 1880]	216	Городище Большой Лог	401
Бой на Чувашском мысу. Рис. Л.А.Боброва	218	Городище Кучум-гора	401
Татары находят тело Ермака. 13 августа 1584 г. Литография [Краткая сибирская летопись, 1880]	219	Городище Кошкуль IV	401
Ногайская Орда. Автор карты И.Л.Измайлов	224	Городище Крапивка II	402
Татарин (ногаец). Немецкая гравюра. XVII в.	249	Городище Екатеринбургское V (Ананьинское) ...	402
Карта Крыма. Западная Европа. XVI–XVII вв.	258	Схема городища Большая пристань I	403
Крымское ханство. Автор карты И.Л.Измайлов	262	Древнерусская миниатюра [Арциховский, 1944]	537
Лист из рукописного документа «Ал-сукук аш-шарийят ва с-сиджият аль-марийят» 1750–1751 гг. Т.72 (Крымскотатарская библиотека им. Исмаила Гаспринского, сектор рукописных и архивных материалов)	269	Глиняные игрушки в форме животных [Ситдииков, 2006, рис.119-5, 79-7])	542
Татарская мечеть в Констанце, Румыния	284	Глиняные игрушки в форме всадников [Ситдииков, 2006, рис.79-10]	542
Татарская деревня в Добрудже. Гравюра 1853 г. (J.Laurens «Village tatar». Paris, 1853)	286	Костюм знатного болгарина по византийской миниатюре X в. «Болгары избивают христиан» в рукописи «Менологий», созданной для императора Василия II Болгаробойцы. X в. Реконструкция и рисунок М.В.Горелика. 2011 г.	581
Казанский хан Махмутек. Реконструкция Т.С.Балуевой. 1994 г.	291	Комплекс костюма знатного татарина XI в., раскопанный в провинции Цинхай, КНР. Фонд Марджани, Москва и Музей исламского искусства, Доха, Катар. Реконструкция и рисунок М.В.Горелика. 2012 г.	581
Казанский хан Мухаммед-Эмин. Реконструкция Т.С.Балуевой. 1995 г.	298	Комплекс костюма знатного татарина из погребения XI в. у пос. Арал, Восточный Туркестан. Центральный музей истории КНР, Пекин. Реконструкция и рисунок М.В.Горелика. 2009 г.	581
		Зимний комплекс костюма знатного татарина XI–XII вв., найденный на мумии, раскопанной в	

- провинции Цинхай, КНР. Реконструкция и рисунок М.В.Горелика. 1991 г. 581
- Придворный в монгольском имперском костюме. По иранским миниатюрам 1 трети XIV в. Реконструкция и рисунок М.В.Горелика. 2004 г. 587
- Золотоордынский чиновник в монгольском костюме, включающем нераспашное платье с откидными рукавами и оплечье-пелерину. По материалам находок в золотоордынском погребении начала XIV в. у хут. Тормосин в Волгоградской обл. Реконструкция и рисунок М.В.Горелика. 2008 г. 587
- Монгольский имперский костюм замужней дамы XIII–XIV вв. По материалам китайских и иранских изображений и археологических находок одеяний. Реконструкция и рисунок М.В.Горелика 593
- Монгольский девичий костюм конца XIII – 1 пол. XIV вв. По материалам археологических находок в погребении монгольской девушки в восточном Приазовье. Реконструкция и рисунок М.В.Горелика. 2008 г. 593
- Крымский татарин (или ногаец). Гравюра 1703 г. 602
- Функциональная схема Казанского Арка. XI в. 608
- Арка Казани. Реконструкция Н.Х.Халитова.... 608
- Хан-джами. Реконструкция Н.Х.Халитова 609
- План-схема предполагаемого комплекса мечети-медресе Кул-Шарифа в Казанском Кремле 610
- Мечеть Нур-Али. Реконструкция Н.Х.Халитова 611
- Мечеть у ворот Тюмен. Реконструкция Н.Х.Халитова 611
- Орнаментальные мотивы 615
- Планировочные схемы укрепленных центров городов Казанского ханства 1-й половины XVI в. 617
- Планировочная структура Кремля ханской Казани. Реконструкция по данным археологических раскопок и историко-графическим материалам 619
- Планировочная структура ханской Казани середины XVI в. (на основе плана А.Сацыперова начала XVIII в.) 621
- Схемы развития планировки Хан-Кермена 625
- Гравюра панорамы Касимова из книги: Cornelis de Bruin. Reizen over Moskovie, door Perzië en Indië. Amsterdam, 1714 (Корнелий де Брюин. Путешествия по Московии, Персии и Индии. Амстердам, 1714). <http://www.etoretro.ru/pic42181.search.htm> 626
- Ханская мечеть Касимова. Минарет 1467 г. 626
- Мавзолей Шах-Али хана (Фото Е.Строевой) ... 626
- Фрагменты узорных каменных и гипсовых архитектурных деталей из раскопок Казанского Кремля 629
- Кувшины и бытовая посуда из керамики XV–XVI вв. Реконструкция Ф.Х.Валеева ... 629
- Старинное кладбище с сохранившимися эпитафиями XVI в. Заказанье 631
- Надгробие. Аул Молвино Нурлатского района. 1528 г. (Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. Табл.62) 631
- Лицевая сторона надгробия. Аул Старые Менгеры Высокогорского р-на. Графическая реконструкция Ф.Х.Валеева 631
- Надгробие. Аул Тямти Сабинского района. XVI–XVII вв. Реконструкция Ф.Х.Валеева 631
- Резной декор на оборотной стороне надгробия. Аул Ташлы Кавал Высокогорского р-на. 1 пол. XVI в. Реконструкция Ф.Х.Валеева . 632
- Резной декор на оборотной стороне надгробия. Аул Старые Менгеры. 1 пол. XVI в. Реконструкция Ф.Х.Валеева 632
- Фестончатые розетки на оборотной стороне надгробий. Аул Чыршы Высокогорского р-на. XVI в. Реконструкция Ф.Х.Валеева 632
- Узор оборотной стороны надгробия. С.Пановка Сабинского р-на 632
- Узор бокового бордюра. Аул Сулабаш Арского р-на. 1 пол. XVI в. Реконструкция Ф.Х.Валеева 632
- Резные розетки на оборотных сторонах надгробий. Середина XVI в. Аул Сулабаш Арского района. Реконструкция Ф.Х.Валеева 633
- Надгробия касимовских татар. XVI в. Реконструкция Ф.Х.Валеева по материалам экспедиции в г.Касимов 1960-х гг. 634
- Бляха с изображением аждаха. Графическая реконструкция Ф.Х.Валеева 636
- Поясные застежки. Золото, скань, зернь. 1 пол. XVI в. Российский этнографический музей 637
- Эмблема Казанского царства из Царского титулярника 1672 г. 637
- Казанская крепость первой половины XVI века. Реконструкция Н.Х.Халитова и А.Н.Хабибуллина 640
- «Северная» башня татарской крепости первой половины XVI в. (реконструкция плана по археологическим данным, фотография с археологических раскопок, реконструкция башни А.Н.Хабибуллина) 640
- Башня Нур-Али казанской крепости 1 пол. XVI в. Реконструкция А.Н.Хабибуллина 641
- Кязиз-тайник и артиллерийский роскат казанской крепости середины XVI в. Реконструкция А.Н.Хабибуллина 641
- План медресе и т.н. мечети Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым). Сплошной заливкой обозначены стены строения, сохранившиеся на всю высоту, штриховкой – нижние части кладок [Кирилко, 2008б, рис.1] 646
- План т.н. мечети Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым). Картограмма строительных периодов [Кирилко, 2008б, рис.14] 646
- Медресе и т.н. мечеть Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым). Общий вид с юго-востока. Фото из архива А.Л.Бертгье-Делагарда. Около 1912 г. (Центральный музей Тавриды, Симферополь) 646

Реконструкция минарета т.н. мечети Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым) [Кирилко, 2008б, рис.29]	647	План ханского дворца в Бахчисарае, составлен В.Гести в 1798 г. [Якобсон, 1964, рис.47] ...	666
Северный фасад т.н. мечети Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым). Общий вид с севера. Фото из архива А.Л.Бертъе-Делагарда. Около 1912 г. (Центральный музей Тавриды, Симферополь)	647	Вход на ханскую ложу Большой дворцовой мечети Бахчисарая. Вид с северо-запада. 2006. Фото О.И.Сергеевой	667
Поперечный разрез т.н. мечети Узбека в Эски- Кырым (совр. г. Старый Крым). Вид с севера [Кирилко, 2008б, рис.18]	647	Росписи тимпана окна западного фасада Большой дворцовой мечети Бахчисарая. 2008. Фото В.П.Кирилко	670
Реконструкция внутреннего пространства т.н. мечети Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым). Второй строительный период [Кирилко, 2008б, рис.46]	648	Планы мусульманских мавзолеев Бахчисарая [Засыпкин, 1927, рис.2–4, 6, 7]	670
Роспись капителей и верхней части колонн т.н. мечети Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым) [Кирилко, 2008б, рис.34]	650	Вид Эски-Юрта из альбома художника Г.Гейслера (Geijsler G. Voyages entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'empire de Russie, dans les années 1793 et 1794, par M. le professeur Pallas. Planches de l'imprimerie de Jacob. Paris, M.DCCL.V. T.2, Pl.3) (Центральный музей Тавриды, Симферополь)	671
Портал т.н. мечети Узбека в Эски-Кырым (совр. г. Старый Крым). Общий вид с севера. Автор неизвестен. 1925 г. (БИКЗ, Бахчисарай)	650	План дюрбе Мухаммед-Шах-бея в Эски-Юрте [Кирилко, 2008а, рис.14]	671
План развалин мечети в Чуфут-Кале [Акчокраклы, 1928, рис.9]	650	Продольный разрез дюрбе Мухаммед-Шах-бея в Эски-Юрте [Кирилко, 2008а, рис.16]	671
План развалин мечети в Чуфут-Кале по раскопкам 1928–29 гг. [Боданинский, Засыпкин, 1929, рис.2]	650	Южный фасад дюрбе Мухаммед-Шах-бея в Эски-Юрте [Кирилко, 2008а, рис.19]	672
План мечети Шор-Джами в Карасу-Базаре [Засыпкин, 1927, рис.11]	651	Надгробие Мухаммеда Кырыми. 1409 г.	681
План мечети Текне-Хан-Джами в Карасу-Базаре [Засыпкин, 1927, рис.12]	651	Надгробие Девлет-Гирей-султана. 1631 г.	681
Мечеть Хан-Джами в Гёзлёве. Общий вид с юга. 2006 г. Фото С.В.Приднева	654	Татарский воин конца XV – 1-й пол. XVI в. Рис. А.В.Красникова	691
Мечеть в селении Колечь. Автор и дата фото неизвестны. Частная коллекция	654	Татарский воин конца XV – 1-й пол. XVI в. Рис. А.В.Красникова	694
План мечети в Эски-Сарае по результатам раскопок 1991 г. Чертеж В.П.Кирилко	657	Татарский воин конца XV – 1-й пол. XVI в. Рис. А.В.Красникова	703
Михраб мечети в Эски-Сарае. 2008 г. Фото В.П.Кирилко	657	Татарский воин конца XV – 1-й пол. XVI в. Рис. А.В.Красникова	707
План мечети Шукурла-эфенди и текке в Гёзлёве [Кутайсов, Кутайсова, 2007, с.96]	660	Татарский воин конца XV – 1-й пол. XVI в. Рис. А.В.Красникова	719
Фонтаны Гёзлёва. Чертеж поручика Жукова, конец XVIII в. [Приднев, 2004, рис.9]	660	Оружие сибирских татарских воинов	724
Мусульманские мавзолеи в исторических районах Бахчисарая. Ситуационный план. Ханские и прочие мавзолеи [Гайворонский, 2006, с.47]	663	Реконструкция сибирских татарских воинов Л.А.Боброва	731
Медресе Менгли Гирей-хана («Зинджирлы-медресе») в Эски Салачик [Якобсон, 1964, рис.46]	664	Черкесы (слева) и ногайцы (справа). Гравюра из книги А.Олеария «Описание путешествия в Московию...». 1630–1640-е гг.	755
Общий вид Бахчисарая с юга. Рисунок П.Туманского. 1933 г. Предположительно, копия гравюры рубежа XVI–XVII вв. (БИКЗ, Бахчисарай)	664	Литовский татарин-липка. 1676 г. [Зайцев, 2003а]	765
		Ногайцы в Астрахани. Гравюра из книги А.Олеария «Описание путешествия в Московию...». 1630–1640-е гг.	785
		Крымские татары. Гравюра. Франция, 1830-е гг.	788
		Мешерячки. Гравюра Н.Томаса из атласа к французскому изданию «Путешествия по разным провинциям Российского государ- ства» П.С.Палласа. 1794 г.	798
		Таблица. Татарские государства XV–XVIII вв. Составитель И.Л.Измайлов	808

На обложке: графическая прорисовка серебряной монеты Хаджи Гирейя, чеканенной в Кырк-Ере (1454 г.). В центре – тамга, которую Хаджи Гирей ввел как новую государственную символику.

Сведения об авторах

- Абдульвапов Нариман Ремзиевич** – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры крымскотатарской и турецкой филологии Крымского инженерно-педагогического университета (Симферополь)
- Абзалов Ленар Фиргатович** – кандидат исторических наук, старший преподаватель Буинского филиала Академии социального образования (Буинск, РТ)
- Аксанов Анвар Васильевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и политических наук Тюменского государственного университета (Тюмень)
- Акчурин-Муфтиева Нурия Мунировна** – доктор искусствоведения, профессор Крымского инженерно-педагогического университета (Симферополь)
- Астайкин Андрей Анатольевич** – главный редактор исторической редакции ООО «Феория» (Москва)
- Ахметзянов Марсель Ибрагимович** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ (Казань)
- Бахтин Александр Геннадьевич** – доктор исторических наук, профессор Марийского государственного университета (Йошкар-Ола)
- Белич Игорь Владимирович** – научный сотрудник Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН (Тюмень)
- Валеев Рафаэль Миргасимович** – доктор исторических наук, проректор Казанского государственного университета культуры и искусств (Казань)
- Валеева-Сулейманова Гузель Фуадовна** – доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань)
- Гатин Марат Салаватович** – кандидат исторических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань)
- Горелик Михаил Викторович** – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)
- Горский Антон Анатольевич** – доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- Грибовский Владислав Владимирович** – кандидат исторических наук, докторант Института украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского Национальной Академии наук Украины (Киев, Украина)
- Давлетшин Гамирзан Миргазиевич** – доктор исторических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань)
- Джамиль Тасин** – академик Академии наук Румынии, профессор, доктор исторических наук, Университет Бабеш-Большая (Бухарест, Румыния)
- Васильев Дмитрий Викторович** – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории России Астраханского государственного университета (Астрахань)
- Зайцев Илья Владимирович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, зам. генерального директора по науке Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (Москва, Бахчисарай)
- Закжевски Анджей** – профессор, Академия им. Яна Длугоша (Ченстохова, Польша)
- Измайлов Искандер Лерунович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (Казань)
- Исхаков Дамир Мавляевевич** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань)
- Кадилова Энзе Ханафиевна** – кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань)
- Кирилко Владимир Петрович** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры основ архитектуры и изобразительного искусства Академии строительства и архитектуры Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)
- Колодзейчик Дариуш** – Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

- Матвеев Алексей Викторович** – кандидат исторических наук, заместитель директора по развитию основной деятельности Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А.Врубеля (Омск)
- Миннегулов Хатип Юсупович** – доктор филологических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань)
- Миргалеев Ильнур Мидхатович** – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А.Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань)
- Мустакимов Ильяс Альфредович** – кандидат исторических наук, заведующий сектором научного использования архивных документов и международных связей Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ (Казань)
- Мустафина Дина Абдулбаровна** – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой документоведения Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань)
- Надырова Ханифа Габидулловна** – кандидат архитектуры, доцент Казанского государственного архитектурно-строительного университета (Казань)
- Нестеров Александр Геннадьевич** – доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н.Ельцина (Екатеринбург)
- Пенской Виталий Викторович** – доктор исторических наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород)
- Петров Павел Николаевич** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (Н.Новгород, Казань)
- Почекаев Роман Юлианович** – кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)
- Рахимзянов Булат Раимович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань)
- Рева Роман Юрьевич** – нумизмат-ориенталист, соискатель Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Новосибирск)
- Сейтягъев Нариман Сеитаметович** – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения им. А.Е. Крымского Национальной Академии наук Украины (Киев, Украина)
- Сень Дмитрий Владимирович** – доктор исторических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)
- Ситдииков Айрат Габитович** – доктор исторических наук, директор Института археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (Казань)
- Татауров Сергей Филиппович** – кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии, Омский филиал Института Археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск)
- Трепавлов Вадим Винцерович** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- Тычинских Зайтуна Аптрашитовна** – кандидат исторических наук, доцент Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И.Менделеева (Тобольск)
- Фоменко Игорь Константинович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела картографии Государственного исторического музея (Москва)
- Хабибуллин Алмаз Наилевич** – соискатель Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань)
- Халитов Нияз Хаджиевич** – доктор архитектуры, главный научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань)
- Хамидуллин Булат Лиронович** – кандидат исторических наук, главный редактор издательства «Фэн» АН РТ (Казань)
- Худяков Юлий Сергеевич** – доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

Содержание

Предисловие (<i>Ильнур Миргалеев</i>)	3
Вводный раздел. Обзор источников и литературы	
Глава 1. Общая характеристика позднезолотоордынского периода (<i>Вадим Трепавлов</i>)	4
Глава 2. Источники по истории татарских государств XV–XVIII вв.	10
§ 1. Письменные источники	10
1. Нарративные источники	10
Арабиграфичные источники (<i>Ильяс Мустакимов</i>)	10
Русские нарративные источники XV–XVI вв. по истории поздней Орды и государств, сложившихся после ее распада (<i>Антон Горский</i>)	19
Западноевропейские источники (<i>Марат Гатин</i>)	20
2. Арабиграфичные документальные источники (<i>Ленар Абзалов, Ильяс Мустакимов</i>)	28
3. Художественные произведения (<i>Хатип Миннегулов</i>)	31
4. Татарские родословные (шеджере) (<i>Марсель Ахметзянов</i>)	36
5. Татарские эпитафийные памятники (<i>Марсель Ахметзянов</i>)	39
6. Джучидская нумизматика XV в. (<i>Павел Петров, Роман Рева</i>)	41
§ 2. Лингвистические источники (<i>Энзе Кадирова</i>)	46
§ 3. Вещественные источники (<i>Айрат Ситдиков</i>)	49
§ 4. Татарские государства в европейской картографии XV–XVIII вв. (<i>Игорь Фоменко</i>)	53
Глава 3. Историография татарских государств XV–XVIII вв.	64
§ 1. Отечественная историография (<i>Илья Зайцев</i>)	64
§ 2. Зарубежная историография	67
Англо-американская историография тюрко-татарских государств XV–XVIII вв. (<i>Булат Рахимзянов</i>)	67
Немецкая историография (<i>Марат Гатин</i>)	71
Турецкая историография (<i>Ильяс Мустакимов</i>)	74
Польские исследования польско-литовских татар (<i>Анджеей Закжевски</i>)	75
Раздел I. Формирование позднезолотоордынских государств	
Глава 1. Борьба за передел золотоордынского политического наследия	78
§ 1. Предпосылки и особенности дезинтеграции Улуса Джучи (<i>Искандер Измайлов, Дамир Исаков, Вадим Трепавлов</i>)	78
§ 2. Татаро-русские отношения	82
Орда и Русь в XV столетии (<i>Антон Горский</i>)	82
Татаро-русские отношения (XVI–XVIII вв.) (<i>Илья Зайцев</i>)	86
§ 3. Татарские юрты и Османская империя (<i>Илья Зайцев</i>)	93
§ 4. Отношения татарских государств с Польшей-Литвой (<i>Дариуш Колодзейчик</i>)	110
Глава 2. Образование позднезолотоордынских государств	116
§ 1. Шибанидское (Шейбанидское) Узбекское ханство – государство кочевых узбеков (<i>Александр Нестеров</i>)	116
Казахское ханство (<i>Александр Нестеров</i>)	126
§ 2. Татарские политические образования на территории Великого княжества Литовского (<i>Яголдаева «тэма»</i>) (<i>Илья Зайцев</i>)	128
§ 3. Образование Крымского ханства (<i>Илья Зайцев</i>)	130
§ 4. Казанское ханство (<i>Анвар Аксанов</i>)	146
§ 5. Касимовское ханство (<i>Булат Рахимзянов</i>)	150
§ 6. Ногайская Орда (<i>Вадим Трепавлов</i>)	156
§ 7. Тюменское и Сибирское ханства в XV веке (<i>Александр Нестеров</i>)	162
§ 8. Возникновение Астраханского ханства (<i>Илья Зайцев</i>)	176
Раздел II. Политическое развитие татарских государств в XV–XVIII вв.	
Глава 1. Большая Орда (<i>Вадим Трепавлов</i>)	180
Глава 2. Астраханское ханство (<i>Илья Зайцев</i>)	197

Глава 3. Сибирское ханство	203
§ 1. Сибирское ханство в составе Шейбанидского государства (вторая половина XVI в.) (<i>Александр Нестеров</i>)	203
§ 2. Сибирское ханство в конце XVI – начале XVII вв. (<i>Алексей Матвеев, Сергей Татауров</i>)	215
Глава 4. Ногайская Орда (<i>Вадим Трепавлов</i>)	223
Глава 5. Крымское ханство	252
§ 1. Крымское ханство (<i>Илья Зайцев</i>)	252
§ 2. Казачество во внешней и внутренней политике Крымского ханства (<i>Дмитрий Сень</i>)	261
§ 3. Крымское ханство в период 1772–1783 гг. и судьба крымско-татарской государственности (<i>Владислав Грибовский, Дмитрий Сень</i>)	266
§ 4. Причерноморские ногаи (<i>Владислав Грибовский</i>)	277
§ 5. Буджакские и добруджинские татары (<i>Тасин Джамиль</i>)	282
Глава 6. Политическая история Казанского ханства (<i>Александр Бахтин, Булат Хамидуллин</i>)	289
Глава 7. Политическое развитие Касимовского ханства (<i>Булат Рахимзянов</i>)	359
Раздел III. Татарский мир в XV–XVIII вв.	
Глава 1. Населенные пункты	378
§ 1. Поселения Казанского ханства (<i>Айрат Ситдиков</i>)	378
§ 2. Населенные пункты Северного Прикаспия XV – начала XVII в. (<i>Дмитрий Васильев</i>)	383
§ 3. Города и городки Сибирского ханства (<i>Алексей Матвеев, Сергей Татауров</i>)	391
Глава 2. Экономика в татарских государствах (<i>Рафаэль Валеев</i>)	406
§ 1. Земледелие, скотоводство, ремесла и промыслы	409
§ 2. Торговля в татарских государствах	419
§ 3. Монетное обращение и денежно-весовая система	431
Глава 3. Ислам на постордынском пространстве	440
§ 1. Исламские институты в татарских государствах (<i>Дамир Исхаков</i>)	440
§ 2. Особенности ислама у сибирских татар (<i>Игорь Белич</i>)	480
Глава 4. Политико-правовая культура	488
§ 1. Культура государственной жизни (<i>Дамир Исхаков</i>)	488
§ 2. Правовая культура в тюрко-татарских государствах XV–XVIII вв. (<i>Роман Почекаев</i>)	496
§ 3. Структура власти в позднезолотоордынских государствах (<i>Искандер Измайлов</i>)	521
Глава 5. Духовная культура	532
§ 1. Духовная культура Казанского ханства (<i>Гамирзан Давлетишин</i>)	532
§ 2. Язык (<i>Энзе Кадилова</i>)	542
§ 3. Литература в Крымском ханстве (<i>Нариман Абдульвапов</i>)	549
§ 4. Средневековый татарский костюм (<i>Михаил Горелик</i>)	575
Глава 6. Архитектура и искусство	604
§ 1. Архитектура Казанского ханства (<i>Нияз Халитов</i>)	604
§ 2. Градостроительная культура Казанского и Касимовского ханств (<i>Ханифа Надырова</i>)	616
§ 3. Искусство татарских ханств (<i>Гузель Валеева-Сулейманова</i>)	627
§ 4. Развитие казанско-татарской фортификации в XV – первой половине XVI в. (<i>Алмаз Хабибуллин</i>)	639
§ 5. Архитектура и искусство Крымского ханства	644
Архитектура Крымского ханства (<i>Владимир Кирилко</i>)	644
Искусство Крымского ханства (<i>Нурия Акчурина-Муфтиева</i>)	672
Глава 7. Военное дело и военная культура	686
§ 1. Татарское военное искусство (<i>Искандер Измайлов</i>)	686
§ 2. Вооружение и военное дело Казанского ханства (<i>Искандер Измайлов</i>)	690

§ 3. Военное дело Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. (<i>Виталий Пенской</i>)	700
§ 4. Военное дело Астраханского ханства (<i>Илья Зайцев</i>)	709
§ 5. Военное дело и военное искусство Ногайской Орды (<i>Вадим Трепавлов</i>)	717
§ 6. Военное дело и военная культура Сибирского ханства (<i>Юлий Худяков</i>)	723

Раздел IV. Формирование тюрко-татарских этносов

Глава 1. Этнополитические и демографические процессы в XV–XVIII вв. (<i>Дамир Исхаков</i>)	736
Глава 2. Большеордынские татары и их наследники (<i>Вадим Трепавлов</i>)	759
Глава 3. Польско-литовские (белорусские) татары-липка в XIV–XIX вв. (<i>Илья Зайцев</i>)	763
Глава 4. Становление сибирско-татарской этнической общности (<i>Зайтуна Тычинских</i>)	772
Глава 5. Ногаи (<i>Вадим Трепавлов</i>)	779
Глава 6. Астраханские татары (<i>Илья Зайцев</i>)	784
Глава 7. Крымские татары (<i>Илья Зайцев</i>)	787
Глава 8. Казанские татары (<i>Дамир Исхаков</i>)	790
Глава 9. Мещерские татары (<i>Дамир Исхаков</i>)	796
Заключение (<i>Ильнур Миргалеев</i>)	805

Приложения

Таблица. Татарские государства XV–XVIII вв.	808
--	-----

Источники по истории средневековых татарских государств

1. Иосафат Барбаро. «Путешествие в Тану»	809
2. Матвей Меховский. «Трактат о двух Сарматиях»	823
3. Сигизмунд фон Герберштейн. Из «Записок о Московии»	831
4. Перевод. Условия е. м. крымского хана Махмет Гирея, направленные п. Яскульским е. к. м. года божьего 1654	857
5. Абдулгаффар Кырыми. «Умдет ал-ахбар»	858
6. Абд ар-Раззак Самарканди. «Места восхода двух счастливых звезд и места слияния двух морей (Матла' ас-са' дайн ва маджма' ал-бахрайн)»	863
7. Ма' суд бен Османи Кухистани. «История Абу-л-Хайр хана (Та'рих-и Абу-л-Хайр хани)»	864
8. Сибирская летопись (краткая Абрамовская редакция Есиповской летописи, XVII век)	880
9. Грамота Ивану IV от Кучум хана (1570, русский канцелярский перевод XVI века)	888
10. Переписка Ивана IV и Кучум хана (1569–1571, русский канцелярский перевод и пересказ XVI века)	888
11. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири	890
12. Документы о русско-сибирских отношениях 1597–1598 гг.	892
13. Сообщение «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о хане Абу-л-Хайре	899
14. Перевод фрагмента хроники «Хикайат» об истории возникновения Казани	900
15. «Фи бейан-и тарих»	900
16. Письмо крымского хана Мухаммед-Гирея I османскому султану Сулейману I с объяснением причин невозможности осуществления похода крымских войск на Польшу [1521 г., март-апрель]	901
17. Список послания астраханского хана (Касима II? Аккубека?) османскому султану Сулейману I. (938 г. = не ранее 1531 г., августа 15 – не позднее 1532 г., августа 2)	903
18. Письмо-донесение хана Сахиб-Гирея османскому султану Сулейману I с изложением ситуации в Крымском ханстве ([940 г.,] джумада I не ранее 11 – не позднее 30 = 1533 г., ноября не ранее 28 – декабря не позднее 17)	904
19. Письмо принца Ислам-Гирея османскому султану Сулейману I Кануни с просьбой пожаловать ему крымский престол либо заменить хана Сахиб-Гирея на прежнего крымского хана Саадет-Гирея. (Не ранее 1533 г. – не позднее 1537 г.)	905

20. Отпуск послания османского султана Сулеймана I крымскому хану Девлет-Гирею I о действиях, которые необходимо предпринять в Западном Дешт-и Кипчаке. (959 г., сафара 19 = 1552 г., февраля 15)	907
21. Отпуск послания османского султана Сулеймана I крымскому хану Девлет-Гирею I о действиях, которые необходимо предпринять в Западном Дешт-и Кипчаке. (959 г., реби I 4 = 1552 г., февраля 29)	907
22. Отпуск послания османского султана Селима II крымскому хану Девлет-Гирею I о подготовке к походу на Астрахань. (975 г., не позднее ша'бана 10 = 1568 г., не позднее 9 февраля)	908
23. Донесение бейлербея Кафы Касим паши в Высокую Порту о ходе крымско-османского похода на Астрахань. (1569 г., августа не ранее 19 – сентября не позднее 16)	909
24. Отпуск послания османского султана Селима II царю Ивану IV о необходимости передачи Астрахани султану, Казани – крымскому хану. (979 г., джумада I 17 = 1571 г., октября 7)	912
25. Отпуск султанского указа азовскому санджакбею об изучении вопроса о возможности оказания помощи ногайскому мирзе Урусу. (982 г., не позднее реби I 28 = 1574 г., не позднее июля 18)	913
26. Отпуск султанского указа азовскому санджакбею о решении ряда вопросов, относящихся к Азовскому санджаку. (984 г., не позднее реджеба 9 = 1576 г., не позднее октября 2)	914
27. Отпуск султанского указа правителю (бию) Большой Ногайской Орды Урусу о подготовке похода на Астрахань. (995 г., не позднее зиль-ка'да 22 = 1587 г., не позднее октября 14)	915
28. Сообщение сейида Мухаммед-Ризы о событиях в Дешт-и Кипчаке после прекращения власти хана Токтамышша	916
29. Сообщение Хюрреми-челеби Акай-эфенди о событиях в Дешт-и Кипчаке после прекращения власти хана Токтамышша	917
30. Перевод списка ярлыка, выданного ханом Ибрагимом группе феодалов, осуществленный абызом Артыком Иманаевым. (Не ранее 1682 г. июня – не позднее 1685 г. января 19)	918
31. Тарханный подтвдательный ярлык, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем группе лиц (929 г., сафара 13 = 1523 г., января 1)	919
32. Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с предложением военного союза против Москвы (1514, ноября 18)	920
33. Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с описанием победы над войском Василия III и с предложением военного союза против Москвы. (1516, июня 18)	921
34. Сафакгирии царь. Слово. Божью милостью королю польскому, великому князю литовскому рускому прускому жомоитскому мазовецкому иных, отцу моему великому королю Жикгимнту	922
35. От Сапкгирея царя. Слово. Божью милостью королю польскому великому князю литовскому рускому прускому и далее, отцу моему великому королю Жикгимнту	924
36. Сапкгирея царя слово. Божью милостью королю польскому и далее, отцу моему великому королю польскому Жикгимнту	924
37. «Казанское взятие» по данным русских летописей	928
38. Документы Астраханской губернской канцелярии о миграции казанских татар из Российской империи в Крымское ханство 1754–1755 гг.	940
39. Х.Шерифи. «Зафер наме-и Вилайет-и Казан»	943
40. Из сборника XVII века	949
41. Отрывок сообщения продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах	950
42. Предание «Татарская лопатка»	951
43. Документы Российского государства об основании и первых годах существования г. Тары	952

44. Грамота хана Большой Орды Шейх-Ахмеда великому князю литовскому Александру (1492, 20 июля – 1494)	959
45. Грамота царя Ивана IV ногайскому мирзе Урусу (1576, не ранее 14 сентября)	959
46. Грамота царя Ивана IV ногайскому бию Юсуфу (1553, не позднее января 30)	962
47. Грамота ногайского бия Исмаила царю Ивану IV (1557, не позднее июля 26)	963
48. Доезд пристава Захария Шишкина с докладом о встрече послов царевича Девлет-Гирея в Белоозере с царевичем Аблаем (1639 г. не ранее марта 17)	964

Источники и литература

Неопубликованные источники	967
Литература на русском языке	968
Литература на татарском языке	1025
Литература на иностранных языках	1027
Список сокращений	1042
Указатель именной	1044
Указатель политико-географический	1061
Список иллюстраций, карто-схем и таблиц	1071
Сведения об авторах	1074

ИСТОРИЯ ТАТАР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

в семи томах

том IV

Татарские государства XV–XVIII вв.

Компьютерная верстка – *Л.М.Зигангареева*

Техническое редактирование – *Р.Р.Абызова*

Корректор – *Т.Г.Цветкова*

Подписано в печать 23.12.2014 г.

Формат 84x108/16 Бумага ВХИ. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Печатных листов 67,5+2,0 цв.вкл. Тираж 2000 экз. Зак.

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Фолиант»

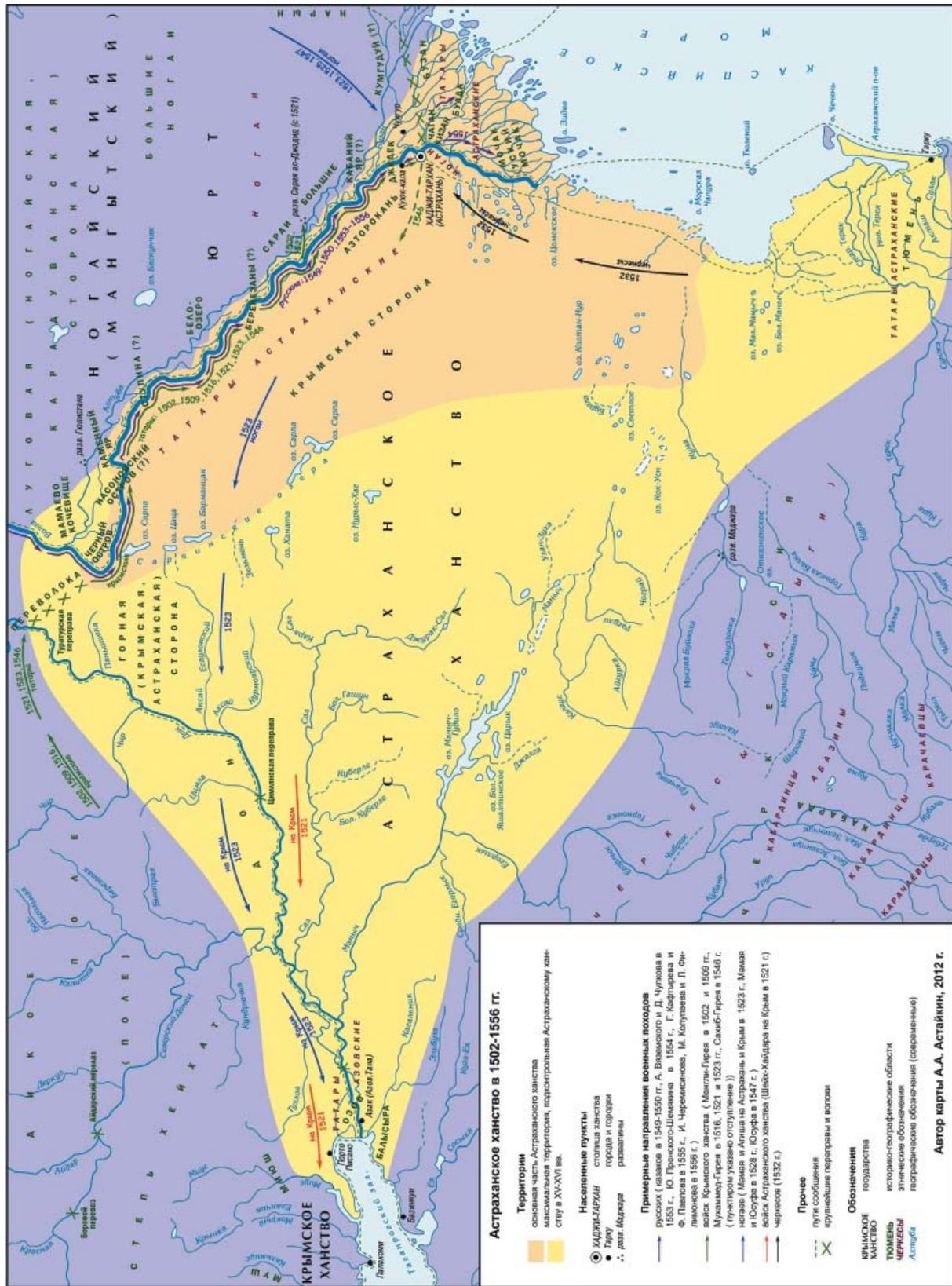
420111, Казань, ул. Профсоюзная, 17В

Карта Энтони
Дженкинсона
«Описание Московии,
России и Тартарии».
Лондон, 1562 г.

Карта Московии Энтони Дженкинсона. 1593 г.

Казанское ханство в 1445-1552 гг.

Территории

- центральная часть Казанского ханства
- максимальная территория, подконтрольная Казанскому ханству в XV-XVI вв.

Административные области (даруги)

- 1 Галицкая (Ямбская)
- 2 Апатская
- 3 Арская
- 4 Чувашская (Зорейская)
- 5 Ногайская
- 6 Крымская или Бургацкая (?)
- 7 Очерская
- 8 Атыская

Населенные пункты

- столица ханства
- крупнейшие населенные пункты (города и городища) с датами основания или временем существования
- ▲ села, селитца и заставы
- ▲ монастыри
- ⋮ развалины

События военной истории

- ✕ победы войск Казанского ханства
- ✕ поражения войск Казанского ханства

Прочее

- - пути сообщения
- ✕ крупнейшие переправы и волоки

Обозначения

- НОГАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВО
- ЛУГОВЫЕ историко-географические области
- МОРВА этнические обозначения географические обозначения (современные)

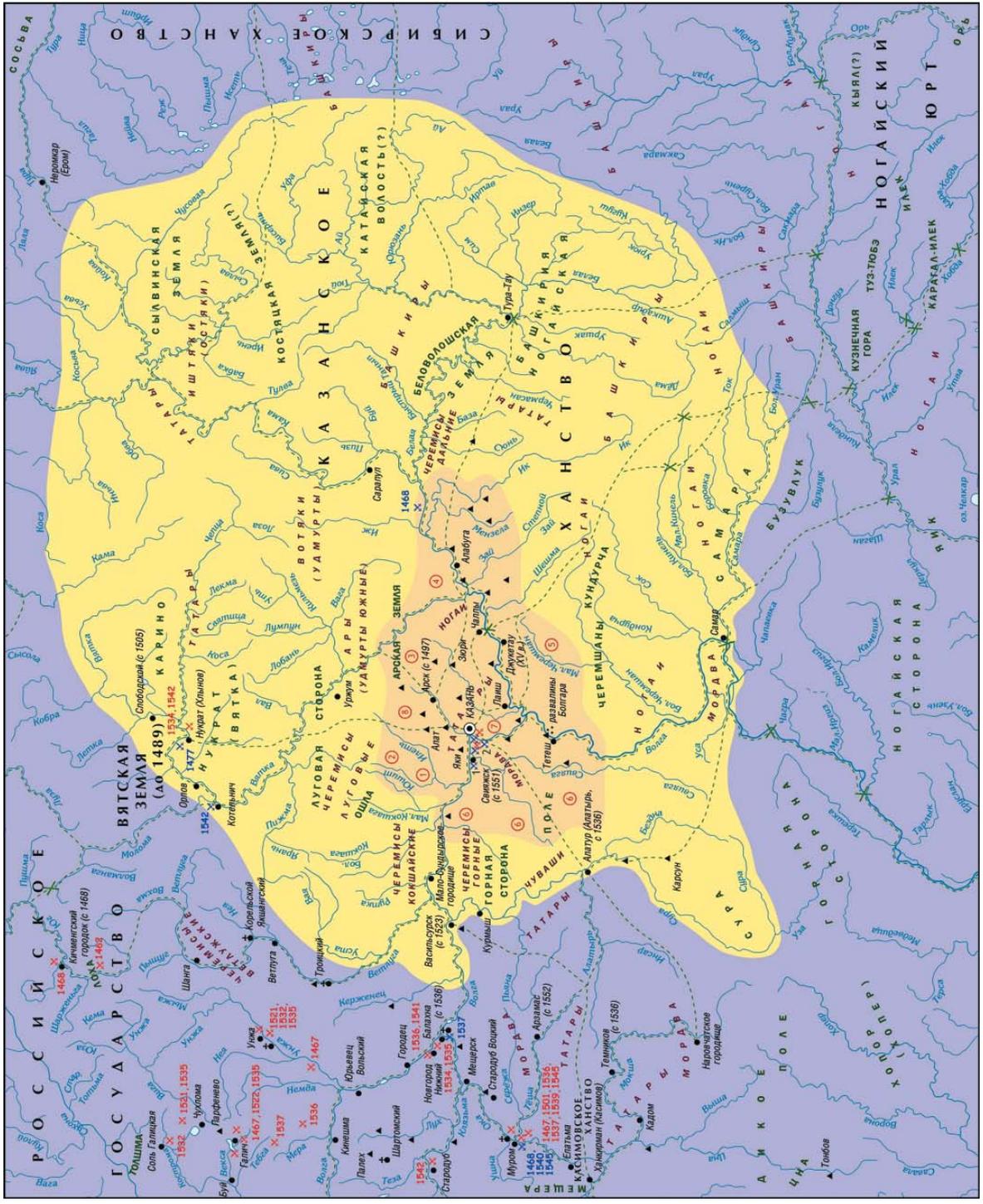
Цифрами обозначены области

- 1 Итково поле
- 2 Звенин Бор

Победы и поражения войск Казанского ханства в районе Саянги и Казани

- ✕ 1469(трижды), 1506, 1548, 1550, 1551, 1552 (трижды)
- ✕ 1468, 1487(дважды), 1506, 1524, 1530, 1551, 1552

Автор карты А.А. Астаikin, 2012 г.

Касимовское ханство (Мещерский юрт) в 1445 г. - сер. XVII в.

Территории

- Касимовское ханство в 1445 - 1510-е гг. (предположительно)
- Касимовское ханство в 1520 - 1550-е гг. (предположительно)
- Касимовское ханство в XVII в.

Отдельные владения

- 1 личный удел хана ("царев двор")
- 2 владения Бекларбека ("сеитов полк")

Населенные пункты

- ГОРОДЕЦ МЕЩЕРСКИЙ
- Кадом
- ▲ крупнейшие населенные пункты (города, крепости, городища)
- ▲ села и селения
- ▲ монастыри
- ▲ развалины

События военной истории

- 07-08.1552 поход войск Ивана IV на Казань в 1552 г. 1 - полк. левой руки, царская дружина 2 - передний полк. Большой полк, полк правой руки

Прочие

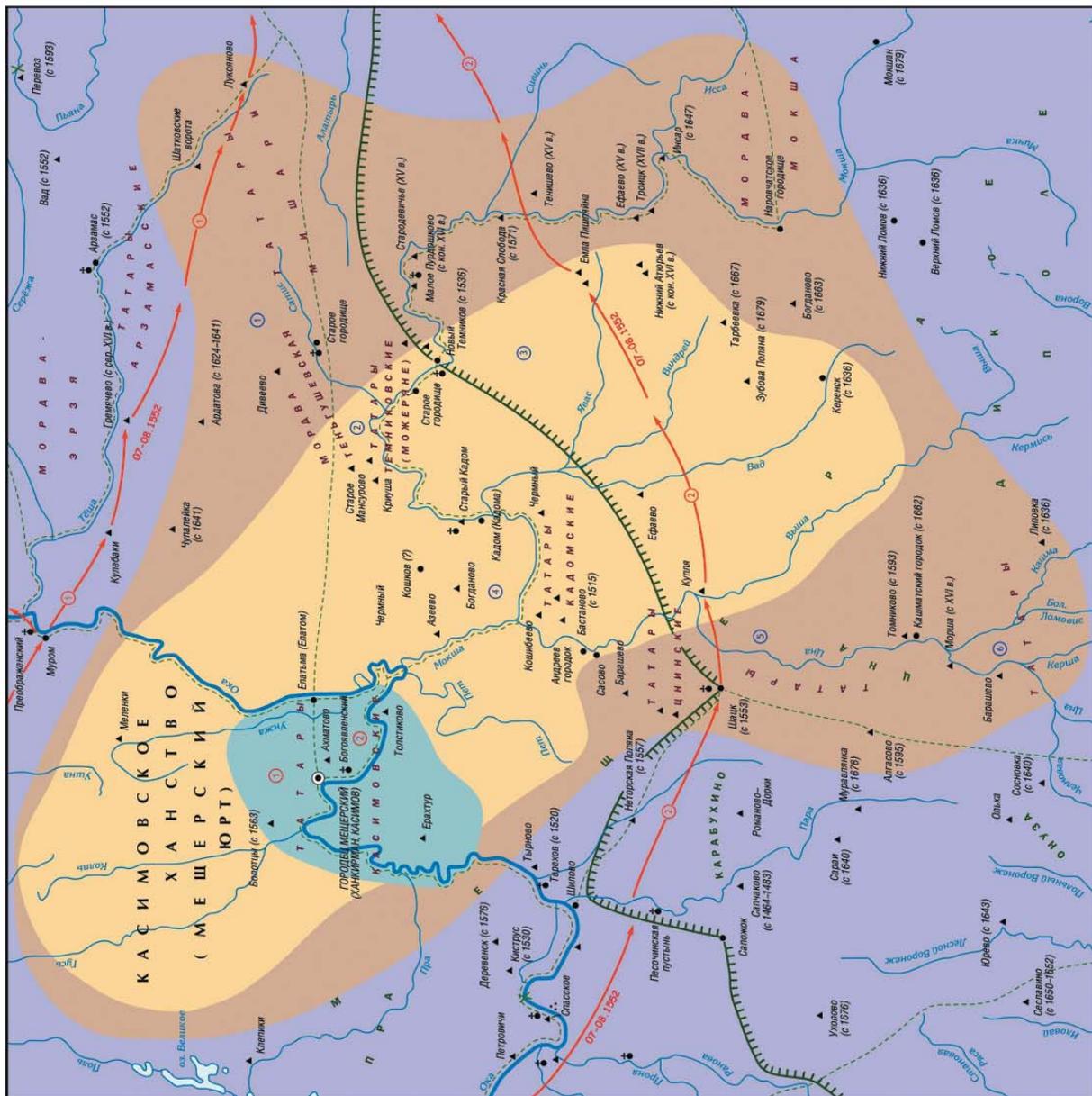
- "Большая Засечная черта" (к 1566 г.)
- пути сообщения
- крупнейшие переправы и волоки

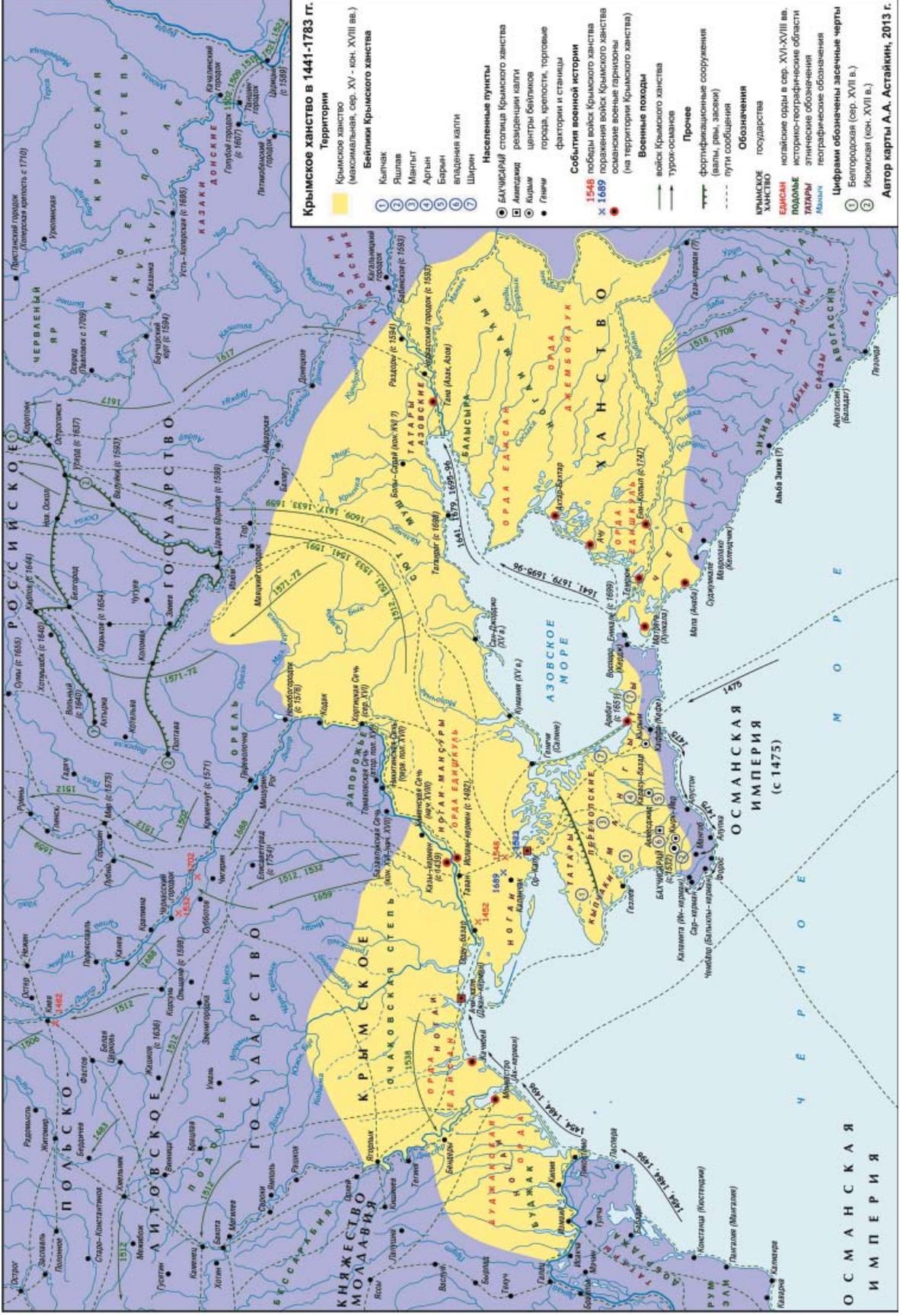
Обозначения

- КАСИМОВСКОЕ ХАНСТВО
- МАРБУХИНО ГОСУДАРСТВО
- историко-географические области
- этнические обозначения
- географические обозначения (современные)

Цифрами обозначены владения татарских удельных князей в нач. XVI в.

- 1 Кирдяновский Белаяк
- 2 Черный Белаяк
- 3 владения Топей Мураза Асбердинова
- 4 Тядемский Белаяк
- 5 Коряльский Белаяк
- 6 Керашинский Белаяк

Крымское ханство в 1441-1783 гг.

Территория

- Крымское ханство (максимальная, сер. XV - кон. XVIII вв.)
- Бейлики Крымского ханства

- 1 Келчак
- 2 Яштар
- 3 Мангыт
- 4 Ардын
- 5 Барын
- 6 владения калги
- 7 Ширин

Населенные пункты

- БИХИРСКИЙ столица Крымского ханства
- Амирская резиденция калги
- Лямы центры бейликов
- Города, крепости, торговые фактории и станицы

События военной истории

- 1546 победы войск Крымского ханства
- 1689 поражение войск Крымского ханства
- 1689 османские военные гарнизоны (на территории Крымского ханства)

Военные походы

- войск Крымского ханства
- Турко-османов
- Прочие
- фортификационные сооружения (валы, рвы, засеки)
- пути сообщения

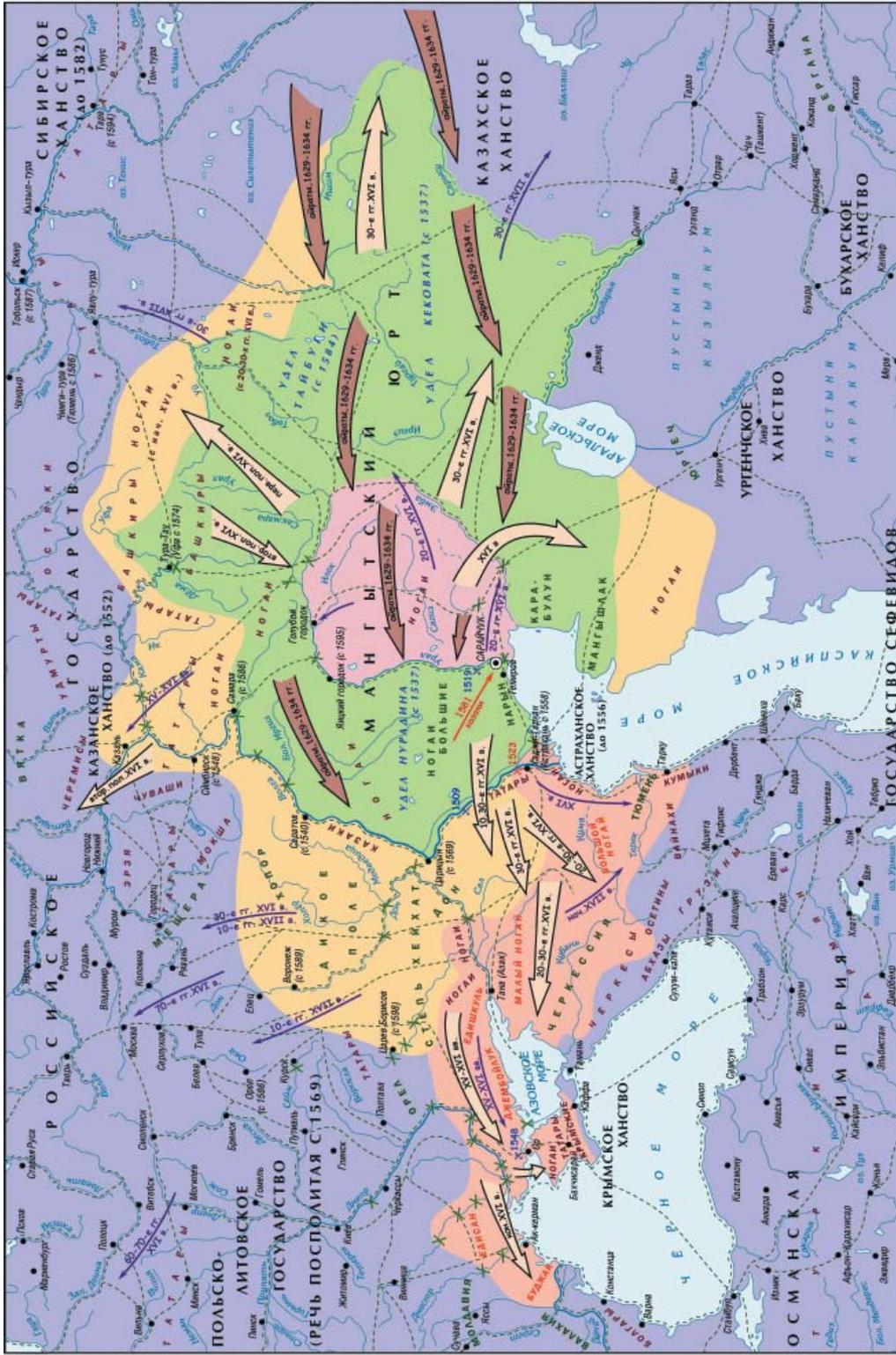
Облачения

- Крымское ханство
- Османская империя
- Молдавское княжество
- Татары
- Маныч

Цифрами обозначены засечные черты

- 1 Белгородская (сер. XVII в.)
- 2 Изюмская (кон. XVII в.)

Автор карты А.А. Астайкин, 2013 г.

Мангытский юрт (Ногайская орда) в XV - конце XVI в. Ногаи в XVII - XVIII вв.

Территории	Населенные пункты	События военной истории	Направления массовых переселений	Обозначения
<ul style="list-style-type: none"> Мангытский юрт в пер. пол. XV в. максимальная территория (Мангытская юрта (30 - 40-е гг. XVI в.)) сфера влияния мангытов (ногаев) в XV - XVI в. расселение ногаев в XVII - XVIII вв. 	<ul style="list-style-type: none"> Сарайчук столица Мангытского юрта Тамаш города 	<ul style="list-style-type: none"> 1523 1548 поражение мангытов основные направления военных походов и набегов мангытов поход волжских казаков на Сарайчук в 1581 г. 	<ul style="list-style-type: none"> ногаев в XV - XVI в. оиратов в нач. XVII в. Прочие пути сообщения крупнейшие переправы, броды и волоки 	<ul style="list-style-type: none"> ОСМАНСКОЕ ЦАРСТВО УАЛА ЗЫБЭТЛИ ЕДИСНИ ОРЕД НОГАИ Булак государств отдельные владения Мангытского юрта ногайские орды в кон. XVII-XVIII вв. историко-географические области этнические обозначения географические обозначения (современные)

Автор карты А.А. Астажин, 2012 г.

Татары на территории Великого княжества Литовского, втор. пол. XIII - нач. XVII в.

**Томенское (1468-1495 гг.) и
Сибирское (1495-1582 гг.)
ханства**

Территории

Томенское ханство

Сибирское ханство при Кучуме

территории, зависящие от
Сибирского ханства (кон. XVI в.)

Населенные пункты

столицы государств

города и городища

Прочее

пути сообщения

Обозначения

ТОМНСКОЕ
ХАНСТВО

КУНОВАТ

ТУНГУСЫ

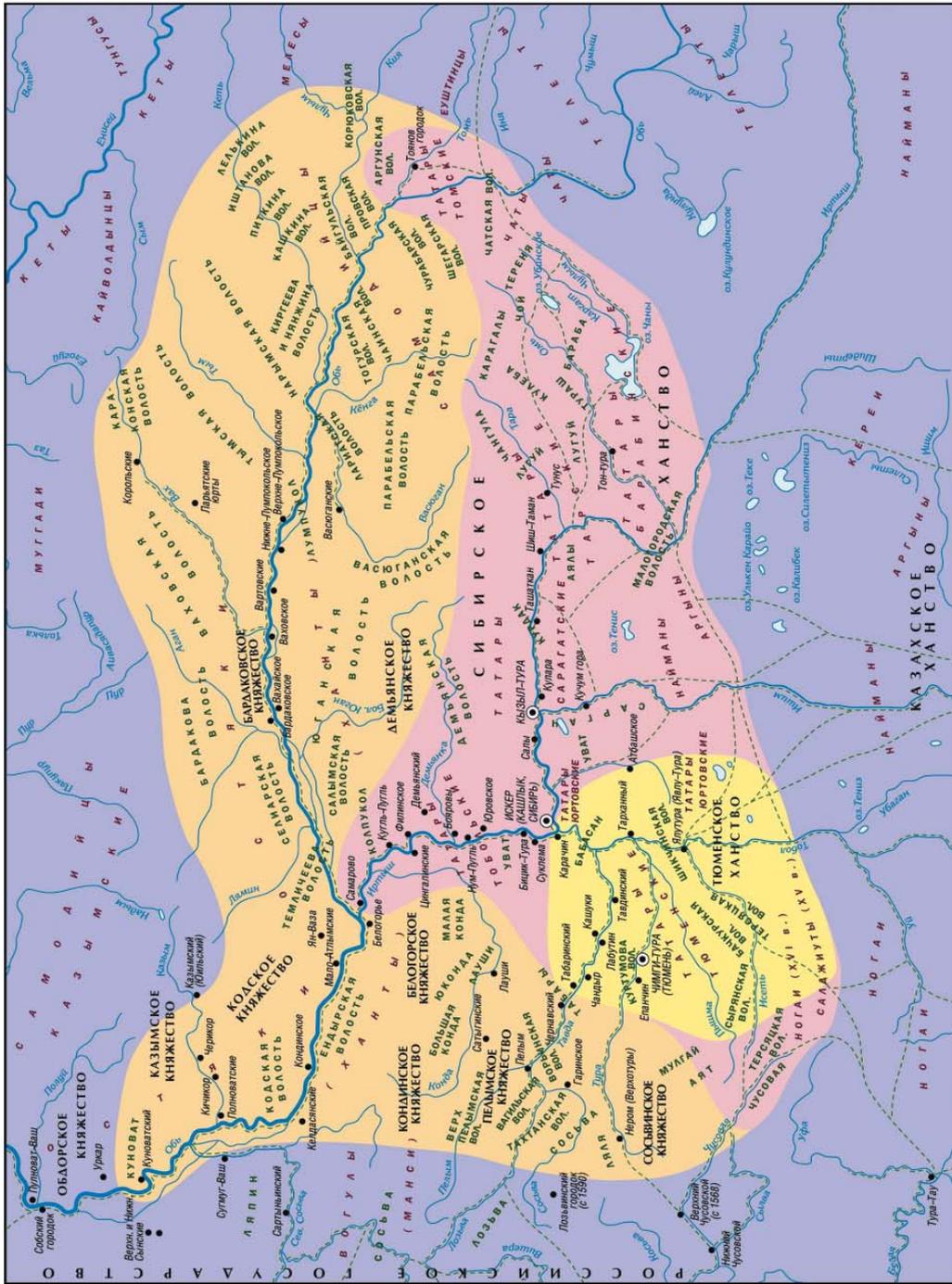
Иртыш

государства

сибирские и уральские волости

этнические обозначения

географические обозначения
(современные)

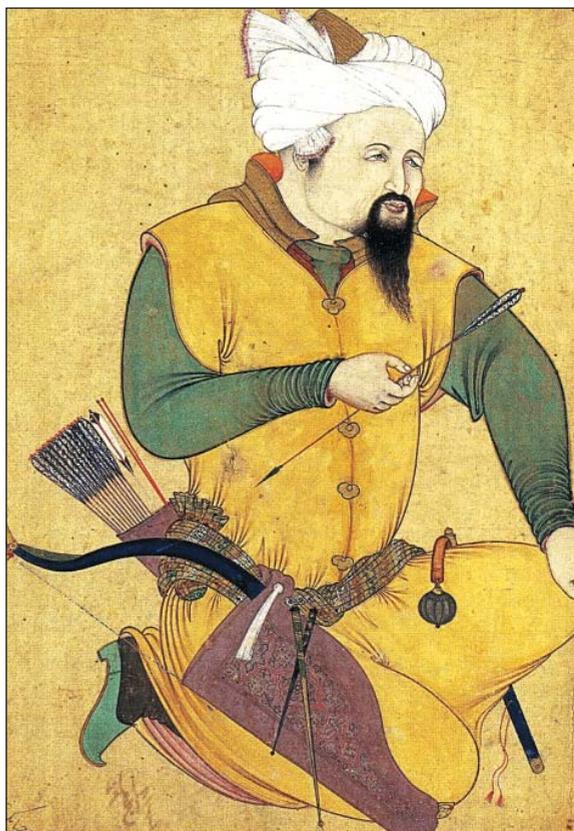

Вышитый утеплитель поясицы и бедер, шелк, из погребения знатного татарина XI в.
КНР, провинция Цинхай. Фонд Марджани, Москва

Крымский хан. Иранская миниатюра XVI в.

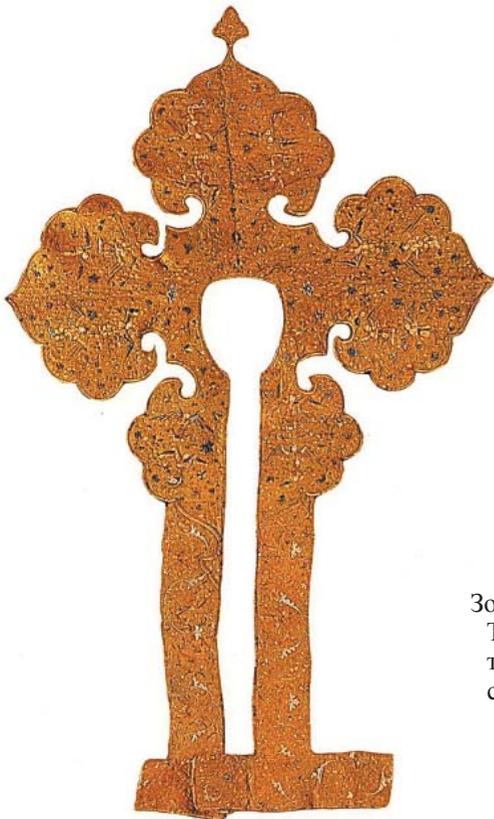
Тюркский хан или бек. Иранская миниатюра XVI в.

Парадные монгольские имперские одеяния золотоордынского хана и главной хатун. 1 пол. XIV в.
Реконструкция и рисунок М.В.Горелика

Тюркский хан. Индийская копия иранской миниатюры. XVI в.

Золотный вышитый декор ханского халата. Государство Тимура, Средняя Азия, поздний XIV в. Предположительно халат был подарен Тимуром кому-то из своих ставленников в Золотой Орде – хану Токтамышу или беклярибеку Идиге. Позже был подарен великому князю Московскому. Ныне хранится в Оружейной палате Московского Кремля

Сельджукидский кафтан/халат.
XII–XIII вв. Шелк.
Частное собрание

Костюм исламизированной татаро-монгольской знати
1 пол. XV в. Миниатюра из рукописи поэмы Фирдауси «Шах-намэ», выполненной в Герате для Байсункура-мирзы, внука амира Тимура.
1429/30 г. Дворец-музей Голестан, Тегеран

Фото: Максим Гайдученко

Ханский дворец. Бахчисарай.
XVI–XVIII вв. (<http://bikz.org>)

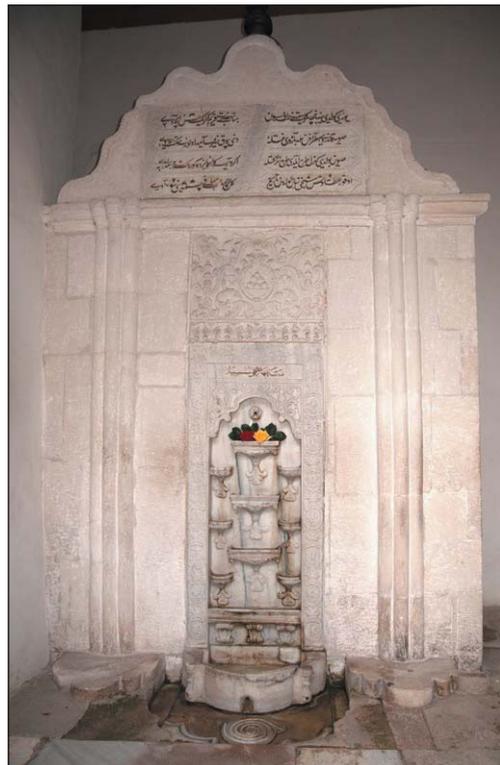

Главные ворота
Ханского дворца.
Бахчисарай.
XVI–XVIII вв.

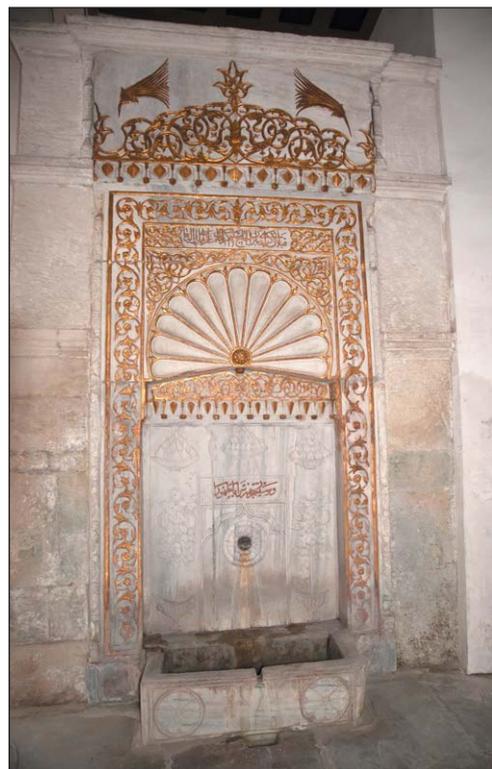

Фонтан Ханского дворца. Бахчисарай. XVI–XVIII вв.

Фонтан слез

Золотой фонтан. 1733 г.

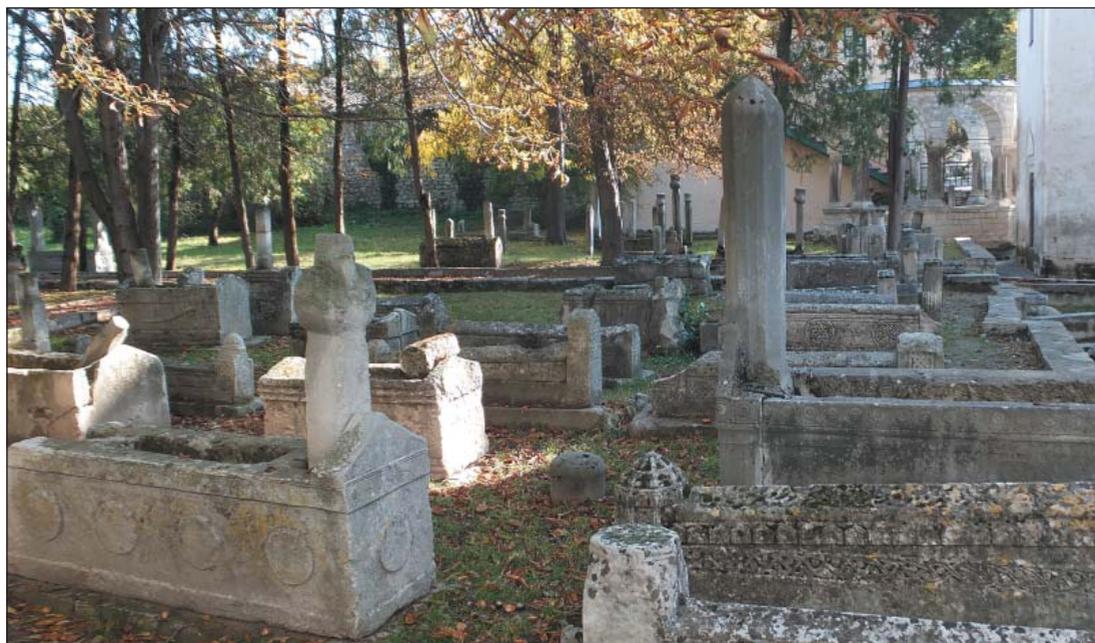
Ханский дворец.
Бахчисарай

Жилая комната гарема
Ханского дворца.
Бахчисарай

Летняя беседка
Ханского дворца.
Бахчисарай

Ханский некрополь (мазарлык). Бахчисарай. Фото И.Л.Измайлова

Молитвенный коврик XVIII в.

Надгробие хана из рода Гиреев.
Бахчисарай. XVI–XVIII вв.

Историко-архитектурный комплекс Зынджирлы-медресе (<http://bikz.org>)

Мавзолей (дюрбе)
Хаджи-Гирея и
Менгли-Гирея.
Бахчисарай. 1501 г.

Деталь резьбы дюрбе
Хаджи-Гирея и Менгли-
Гирея. Бахчисарай

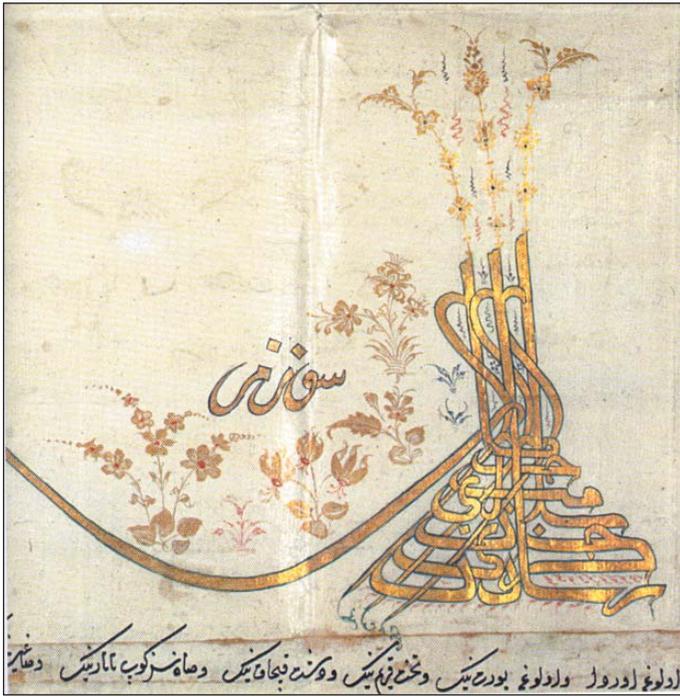
Мавзолей дочери Токтамыш-хана
Джанике-ханым. Кырык-Ер

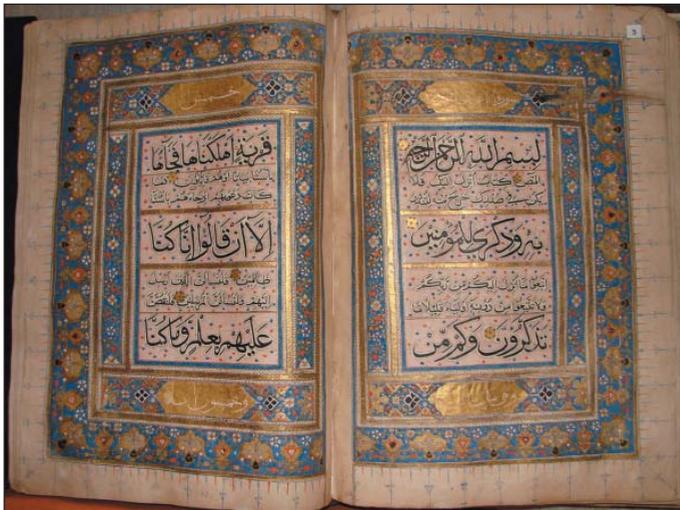
Деталь архитектурного декора.
Солхат (Старый Крым). XV в.

Мечеть Узбека. Солхат
(Старый Крым). XIV в.

Тугра Богадыр-Гирея. 1637 г.

Рукописный Коран из коллекции Бахчисарайского историко-культурного заповедника (<http://bikz.org>)

Шерт-наме Джанибек-Гирея II.
1630 г.

Фонтан типа сабиль. Фонтанный дворик Ханского дворца. Бахчисарай. XVIII в.

Пристенный питьевой фонтан XVII–XVIII вв. Ханский дворец. Бахчисарай

Свес крыши – сачах

Учкур – мужской свадебный пояс.
Двусторонняя гладь

Мечеть в Гезлеве (г.Евпатория). Интерьер.
Турецкий зодчий Синан. 1552 г.

Фрагмент интерьера
жилого помещения.
Ханский дворец.
Бахчисарай

Йипишли кушак – женский пояс.
Ажурная филигрань

Посуда. Ханский дворец.
Бахчисарай

Эвджияр – тканое полотенце
в технике кыбырыз

Мечеть Хан-Джами
в Гёзлёве. Общий вид
с юга. 2006 г. Фото
С.В. Приднева

Мавзолей хана Шах-Али.
г.Касимов. 1505 г.

Общий вид мече-
ти в Хан-Кирмени.
г.Касимов. 1469 г.

Фрагмент мавзолея хана Шах-Али.

Внутренний интерьер
мавзолея Шах-Али

Мавзолей Авган-
Мухаммед султана.
г.Касимов. XVII в.
Фото Вадима
Агеева.
[https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:
Текие_Афган-
Мухаммед_
султана.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Текие_Афган-Мухаммед_султана.jpg)

Фундамент комплекса ханского дворца. Казанский Кремль.
Раскопки Ф.Ш.Хузина и Н.Г.Набиуллина

Ярлык хана
Сахиб-Гирея.
1523 г.
Национальный
музей РТ

Колчан. Кожа, серебряное шитье. 1 пол. XVI в.
Реконструкция по образцу из раскопок Казанского
Кремля художника Н.Х.Кумысниковой. 2006 г.

Ханские дюрбе.
Казанский Кремль.
Раскопки Ф.Ш.Хузина
и А.Г.Ситдикова

Могилы казанских ханов
в Казанском Кремле.
Фото 2009 г.

Пуговица.
Бронза. Казан-
ское ханство.
XV–XVI вв.

Надгробия Петра Ибрагимовича (Худайкула) (1) и Александра Сафагиреевича (Утямыш-Гирея) (2).
Архангельский собор Московского Кремля

Аспер Хаджи-Гирея. 1460-е гг.

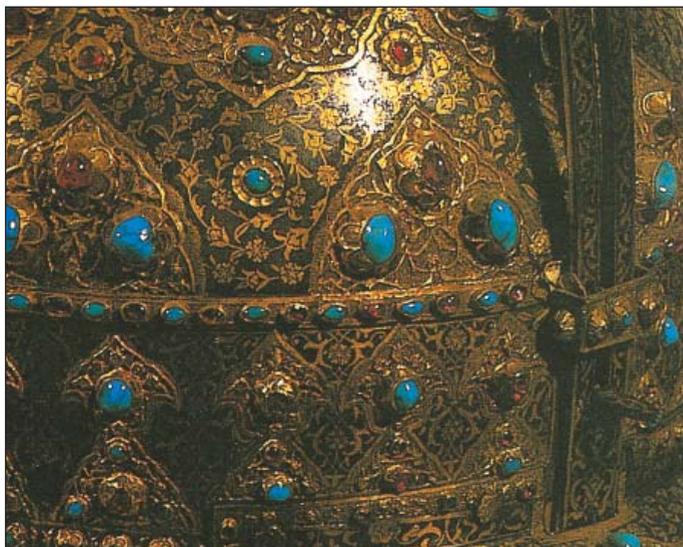
Крымская Орда. Менгли Гирей. 888 г.х.(?)

Акче. Девлет Берди,
Хаджи Тархан

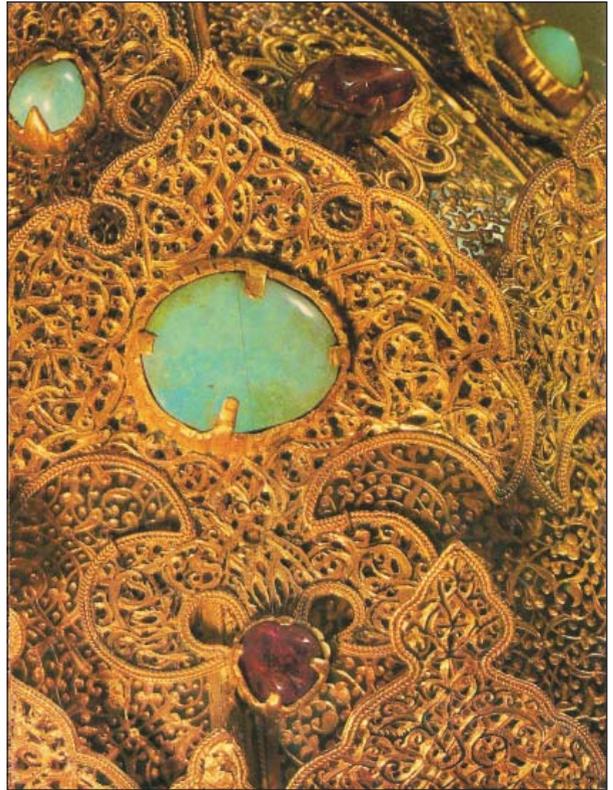
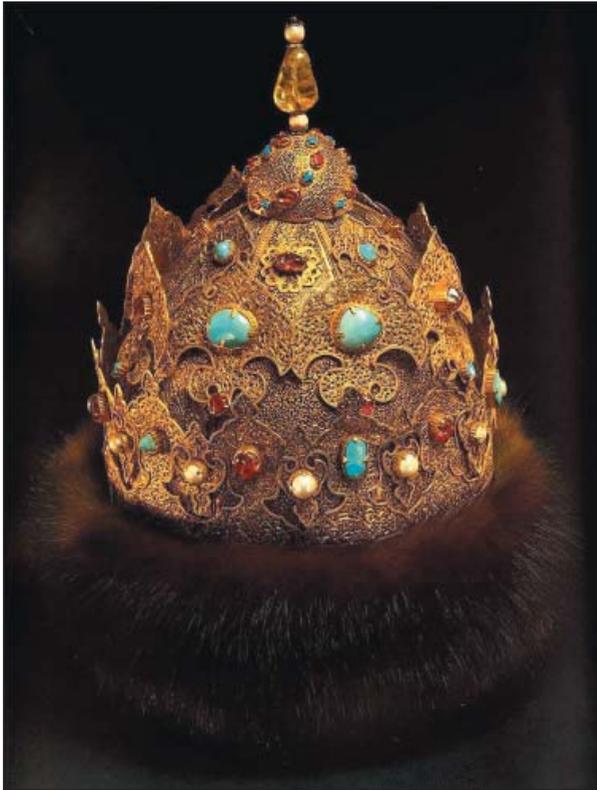

Винный кувшин и его фрагмент.
Латунь, чеканка, гравировка,
литье. 1 пол. XVI в.
Национальный музей РТ

Трон казанских ханов.
Золотые пластины, драгоценные
камни. 1 пол. XVI в. Оружейная
палата Московского Кремля

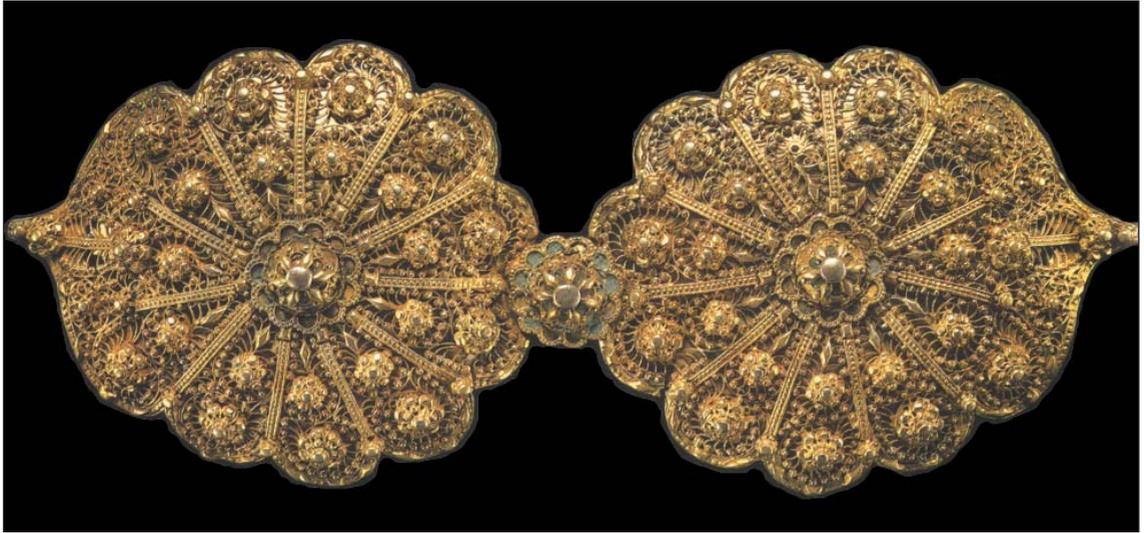
Фрагмент церемониального шлема.
Железо, драгоценные камни, позолота,
золотая насечка, чернь, эмаль. Середина
XVI в. Дворец-музей Топкапы

«Казанская шапка» (ханская корона) и ее фрагмент. Золото, драгоценные камни, пропиловка, чернь. 1 пол. XVI в. Оружейная палата Московского Кремля

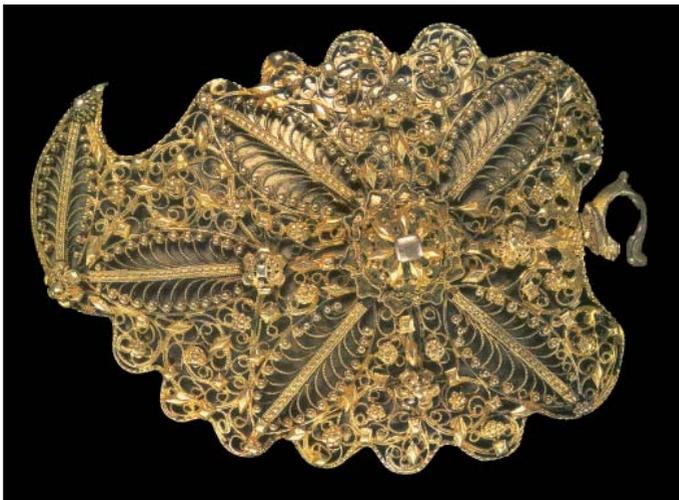
Церемониальный сосуд. Золото, драгоценные камни. 2 пол. XVI в. Дворец-музей Топкапы в Стамбуле

Поясная застёжка от костюма татарской знати. Золото, эмаль, скань, зернь.
1 пол. XVI в. Оружейная палата Московского Кремля

Крышка кораницы. Серебро, драгоценные камни, скань. Зернь.
1 пол. XVI в. Оружейная палата Московского Кремля

Пряжки от поясных застёжек. Золото, скань, зернь. 1 пол. XVI в. Оружейная палата Московского Кремля

Литовский татарин липка. XVII в.
Реконструкция М.В.Горелика. 1997 г.

Ногайские конники.
2 пол. XVI –
XVII в. Реконструкция
М.В.Горелика

Конный латник-улан.
1 пол. XVI в. Реконструкция
М.В.Горелика. 2004 г.

Надгробие. Евпатория. Крым. Фото И.Л.Измайлова

Портрет Сююмбике с сыном Утямыш-Гиреем. Неизвестный автор. XVI в.

Синий нишан (личная печать)
Сахиба I Гирея, 1549–1550 гг.
В центре – тамга, символ
рода Гиреев

Сабля. XV–XVI вв.
Национальный музей РТ